ЖУРНАЛЫ
Издательства Коммунистической Академии
(Москва, ГСП 19, Волхонка, 14)
На 1930 год

[illegible] журнал
ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Условия подписки:
На год—14 р., на 6 м.—7 р. 50 к.

[illegible] журнал
НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ
[illegible]
Условия подписки:
[illegible]

[illegible] журнал
МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
Условия подписки:
На 1 год с I прил. — 20 р.
» 1 » с II прил. — 25 р.
» 1 » с I и II прил. — 30 р.
» 1 » без прил. — 15 р.
» 6 мес. без прил. — 8 р.

Новый [illegible] журнал
СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА
[illegible]
Условия подписки:
[illegible]

Двухмесячный журнал
ИСТОРИК-МАРКСИСТ
Орган Всесоюзного О-ва историков-марксистов при Комакадемии.
Условия подписки:
На 1 год с I прил. — 15 р.
» 1 » с II прил. — 24 р.
» 1 » с I и II прил. — 27 р.
» 1 » без прил. — 12 р.
» 6 мес. без прил. — 6 р. 50 к.

[illegible] журнал
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ
[illegible]
Условия подписки:
На 1 год с прил. — 24 р.
» 1 » без прил. — 12 р.
» 6 мес. без прил. — 6 р. 50 к.

Трехмесячный журнал
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МАРКСИЗМ
Орган Секции естественных и точных наук Комакадемии.
Условия подписки:
На 1 год — 7 р. 50 к.
» 6 мес. — 4 р.

Трехмесячный журнал
ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ
[illegible]
Условия подписки:
На 1 год — 10 р.
» 6 мес. — 5 р. 50 к.

ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСТОРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА СССР
Орган Секции по изучению истории пролетариата СССР Института Истории Коммунистической Академии.
Условия подписки на 1 год—10 р., на 6 мес.—5 р. 50 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

БОЛЬШЕВИК

№ 1 15 ЯНВАРЯ № 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.
Передовая.—По ленинскому пути. 3
Сталин. И.—О правых фракционерах в американской компартии . . 8
Куусинен, О. — Сталин и большевизация компартий 27
Горин, П.—О роли пролетариата в революционном движении Украины 43
Коррюшин, Ф.—Проблема мяса . 53
Сафаров, Г.—Кризис „организованного капитализма“ 60

Критика и библиография.

Розенталь, К.—Леонтьев, А. „Закон трудовых затрат“ 74
Бухарцев. Дм.—Проблема войн и „ди лектические“ потуги профес. Свечина 35

1930
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
518263 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1931 L

Главлит № А—54631 Тираж 150.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

По ленинскому пути.

В истории борьбы за социализм можно встретить не мало политических деятелей, не мало ярких фигур, которые при жизни играли значительную роль в работе той или иной партии рабочего класса. Но вряд ли можно встретить после имен Маркса и Энгельса еще какое-нибудь имя, с которым рабочее движение было бы так крепко связано в наши дни, как с именем В. И. Ленина.

Годы проверки, в условиях самой ожесточенной борьбы, теории Ленина и ленинского плана социалистического строительства все ярче и ярче подтверждают гениальность предвидения Ленина, правильность его линии. Шестая годовщина смерти Ленина еще более ярко это подчеркивает, когда партия, основанная Лениным, имеет возможность сказать, что в советском государстве создана уже материальная база для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов. Если в 1917 году и в последующие годы речь шла об уничтожении эксплоататорских классов, господствовавших в дооктябрьской России, класса помещиков и капиталистов,—то через 6 лет после смерти Ленина речь идет уже о ликвидации кулачества как класса. Партия считает, что у рабочего класса и трудовых масс крестьянства имеется «полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». (Постановление ЦК ВКП(б)). Таким образом, мы подошли к новому этапу на ленинском пути—этапу выкорчевывания последних корней капитализма в нашей стране, ибо переход миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств к обобществленному крупному производству при гигантском темпе развертывания крупной промышленности СССР, тракторостроения, строения сложных сельскохозяйственных машин, комбайнов означает возможность в ближайшие же годы ликвидировать в основном индивидуальное крестьянское хозяйство.

Конечно, этот переход к новому этапу связан был с величайшими трудностями. Эти трудности кое-кого испугали, часть членов нашей партии качнулась вправо, в поисках более легкого пути. Правые пытались изобразить путь Ленина как путь, неизбежно ведущий к смягчению классовой борьбы, требующий смягчения класовой борьбы. Правые изображали учение Ленина как учение, замалчивающее, что десятки миллионов мелко-товарных крестьянских хозяйств составляют почву, на которой ежедневно и ежечасно вырастают новые капиталисты и капиталистики, с которыми неизбежна беспощадная борьба. Ведь уже после того, как в основном были выкорчеваны классы помещиков и капиталистов, осенью 1921 года Ленин в речи на II Всероссийском с'езде политпросветов говорил, что вся теперешняя борьба сводится к вопросу: «Кто победит, кто скорее воспользуется: капиталист, которого мы уже пускаем в дверь, или даже в несколько дверей и во много таких дверей, которых мы сами не знаем и которые открываются помимо нас и против нас, или пролетарская государственная власть». (Ленин, том XVIII, ч. I, стр. 374).

С этим капиталистом, который проникал в первые годы нэпа «в дверь, или даже в несколько дверей», в щели и поры хозяйственной жизни, мы ведем борьбу, которая подводит нас вплотную к полному вытеснению частного капитала не только из промышленности, но и торговли. Однако, до тех пор, покуда существует мелко-товарное хозяйство, остается почва, на которой снова и снова будет вырастать кулак, этот капиталист, эксплоатирующий труд крестьянской бедноты, труд батрака, эксплоатирующий рабочего путем спекулятивных цен на сельскохозяйственные продукты, эксплоатирующий кустаря. Чем больше вытесняется частник из области торговли и промышленности, тем более цепко пытается удержаться кулак на территории, все более и более суживающейся под напором наступающего социализма. Поэтому понятны вопли кулака и тех прослоек, на которые кулак имеет еще влияние, о непосильных темпах индустриализации, об опасности форсирования коллективизации деревни, о необходимости сократить программу крупного машиностроения для большего развития легкой индустрии. Но ленинский путь — испытанный путь и новый этап этого пути еще больше подтверждает его правильность. Огромный рост индустриализации, гигантский размах машиностроения, в особенности тракторостроения, дает рабочему классу новые крепкие опорные пункты, усиливающие его ведущую роль. Это уже не тот рабочий, который в годы разрухи, в годы военного коммунизма, сражаясь полураздетый, полуразутый, полуголодный на фронте, должен был в тылу, в самой нищенской обстановке чинить негодные паровозы, который делал зажигалки и сковородки, чтобы питаться, — это рабочий, который строит гигантские Днепрострои и Тракторострои, это рабочий, который организует уже сегодня сотни машинно-тракторных станций, который посылает 25 тысяч передовых организаторов-бригадиров для того, чтобы двинуть вперед дело социалистической организации коллективного хозяйства, это рабочий, который от коммунистических субботников, направленных к восстановлению разрушенного хозяйства, перешел к ударным бригадам, ударным цехам и ударным предприятиям социалистической фабрики, гигантов-заводов, который вызвал на социалистическое соревнование деревню, который свой энтузиазм передал миллионам трудовых масс деревни.

Ленин видел этот путь, когда развертывал план электрификации и крупного машиностроения, когда он предсказывал гигантское ускорение всего нашего движения на пути к социализму, если нам удастся сомкнуться с широкой массой крестьянства, когда он говорил о смычке нашей социалистической промышленности с крестьянским хозяйством.

Упорно, настойчиво партия шла по этому пути, несмотря на все трудности, которые она встречала. Троцкисты упрекали партию за ее медлительность, когда нужно было терпеливо работать над укреплением этих связей рабочего класса с основной массой крестьянства; они не прочь были «временно» поссориться с середняком, подвергая тем самым риску самый союз рабочего класса с крестьянством. Партия Ленина доказала, что и эта «новая» оппозиция по сути дела является лишь отголоском мелкобуржуазных настроений мелкобуржуазных прослоек. На крики о термидоре, о сползании с пролетарской линии она ответила усилением социалистического строительства, усилением наступления на кулака, ведя одновременно борьбу как против правых оппортунистов, так и против левых фразеров и всех, кто проповедывал примиренческую позицию по отношению к правым и по отношению к троцкистам.

И это надо особенно подчеркнуть, что успехи партии на ленинском пути достигнуты именно благодаря этой идеологической непримиримой борьбе против уклонов от ленинской линии. Именно благодаря этой непримиримой борьбе основные кадры оппозиции и «слева» и справа должны были признать свою неправоту, свои ошибки, а те, кто этих ошибок не признает, те, кто вздумал бы продолжать борьбу против ленинской линии, против линии ВКП(б), безжалостно будут отброшены партией, отброшены от политической жизни рабочим классом.

Глубочайшие изменения произошли во всей народно-хозяйственной жизни за эти шесть лет. Десятилетний план электрификации, намеченный при жизни Ленина, выполнен почти полностью. К десятилетию со времени утверждения этого плана он будет значительно превзойден. Вырастают гигантские зерновые фабрики, являющиеся вместе с машинно-тракторными станциями опорными пунктами социалистической переделки крестьянского хозяйства, агитирующие показом, примером, производящие революцию в сельском хозяйстве. Пролетариат имеет гораздо более прочную основу для переустройства всего народного хозяйства на социалистических началах. Нет такой области этого хозяйства, где бы пролетариат не переходил ко все более и более плановому вмешательству, плановому руководству. Необходимо в особенности помнить, что ленинский путь это есть путь, когда рабочие сохраняют свое руководство над крестьянством, когда они завоевывают доверие крестьян по отношению к себе, когда пролетариат достигает полного осуществления руководства всеми трудящимися эксплоатируемыми. К этому моменту мы подходим вплотную, ибо только теперь и создается почва, на которой пролетариат может руководить в самом доподлинном смысле социалистической переделкой крестьянского хозяйства, когда он может направить творческую энергию трудовых крестьянских масс по ленинскому пути в русло коллективистического кооперативного строительства, когда он может отразить силами этих масс всякие попытки кулачества помешать строительству социализма.

Само собой разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что нынешний этап этого строительства означает обострение классовой борьбы внутри СССР. Однако, это обострение происходит в такой обстановке, когда все шансы победы на стороне пролетариата в союзе с переходящими на рельсы коллективизма трудовыми массами крестьянства. Здесь всякие колебания, всякая уступчивость остаткам капиталистических слоев могли бы привести только к болезненной затяжке этой борьбы. Партия Ленина считает, что в пределах ближайшего 1930/31 года может быть решена задача коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств, завершена сплошная коллективизация таких важнейших зерновых районов как Нижняя Волга, Средняя Волга, Северный Кавказ, что не позже весны 1932 года может быть в основном закончена коллективизация остальных зерновых районов. Проведение этого плана, составляющего часть ленинского плана социалистического переустройства, потребует от всей партии, от всего рабочего класса, от передовых крестьян, бедняков, батраков гигантского напряжения, преодоления больших трудностей. Но это единственно правильный путь к социализму. Вряд ли кто-нибудь теперь найдет серьезную поддержку среди трудящихся в своих призывах их на иной путь. Даже наши враги в странах капитализма вынуждены признать громадное значение этих успехов, гигантские последствия этих наших побед. И именно поэтому так ожесточенно борются против этого плана все наши классовые враги—кулаки, нэпманы, попы, специалисты-вредители, все обломки прежних господствующих классов, все остатки паразитов внутри СССР и их вдохновители за границей, ибо они знают: выполнение этого плана вколачивает осиновый кол в могилу капитализма не только в нашей стране. Гигантские успехи дела Ленина в СССР все больше и больше вдохновляют на борьбу рабочих капиталистических стран, трудовые массы колоний и полуколоний.

План Ленина, воплощенный в пятилетку, становится орудием борьбы за социализм, за коммунизм во всех капиталистических странах. При том обострении классовой борьбы, которое мы наблюдаем всюду, при тех обострениях социальных противоречий, какие мы видим в капиталистических странах, знамя Ленина становится все больше и больше знаменем десятков миллионов рабочих, сотен миллионов угнетенных во всех странах. Если коммунистам-ленинцам в СССР удалось, несмотря на неслыханные трудности достигнуть беспримерных темпов в деле расцвета социалистической промышленности и социалистического земледелия, то капиталистический мир переживает в шестую годовщину смерти Ленина острые социально-экономические потрясения, чреватые новыми войнами и революциями.

Снова в бою рабочие капиталистических стран, рабочие и крестьяне Китая, Индии. Снова классовые бои разгораются в странах, где фашизм, казалось, придушил революционную волю и энергию рабочего класса как в Италии, Румынии, Болгарии. Как никогда происходит большевизация компартий. Теоретические споры о стабилизации капитализма разрушаются быстро в свете переживаемого этими странами кризиса. Влияние учения Ленина на широкие массы трудящихся во всех странах усилилось, как никогда. Оно усилилось благодаря тому, что ленинизм получил такую глубокую проверку. Трудящиеся массы все больше убеждаются в том, что нет иного пути, кроме ленинского, для разрешения тех глубоких противоречий, какие порождает ежедневно, ежечасно капитализм. Иного выхода, как в социалистической революции, иного выхода, как на пути, указанном Марксом-Лениным, нет. Все видят, как на этом пути страна, самая отсталая, нищенская, некультурная, страна, разоренная войной — империалистической и гражданской — достигает светлых вершин социализма.

Она тем успешнее и быстрее достигнет этих вершин, чем последовательней и тверже партия Ленина будет с ленинской непримиримостью отстаивать принципиальные путеводные линии, которые в основном были намечены при жизни Ленина. Партия Ленина отстояла этот путь. Она беспощадно боролась и будет бороться со всеми уклонами от этого ленинского пути.

И. Сталин.

О правых фракционерах в американской компартии.

1. Речь в американской комиссии президиума ИККИ.

(6 мая 1929 г.)[1].

Товарищи, так как здесь речей сказано немало и политическая позиция обеих групп компартии Соединенных Штатов Америки выяснена в достаточной мере, то я не буду долго распространяться. Я не буду касаться политической позиции руководителей большинства и меньшинства. Не буду касаться, так как обе группы, как это выяснено здесь в ходе прений, допускают основную ошибку насчет преувеличения специфических черт американского капитализма. Вы знаете, что это преувеличение является базой всех и всяких оппортунистических ошибок, как группы большинства, так и группы меньшинства. Было бы неправильно не учитывать специфических особенностей американского капитализма. Компартия должна их учитывать в своей работе. Но было бы еще более неправильно базировать деятельность компартии на этих специфических чертах, ибо основой деятельности всякой компартии, в том числе и американской, на которой она должна базироваться, являются общие черты капитализма, одинаковые в основном для всех стран, а не специфические его черты в данной стране. На этом и зиждется интернационализм компартий. Специфические черты являются лишь дополнением к общим чертам. Ошибка обеих групп состоит в том, что они преувеличивают значение специфических черт американского капитализма и забывают, тем самым, об основных чертах американского капитализма, присущих всему мировому капитализму. Вот почему, когда руководители большинства и меньшинства обвиняют друг друга в наличии элементов правого уклона, то в этом, несомненно, имеется доля правды. Нельзя отрицать, что американская действительность представляет благоприятную среду для того, чтобы компартия могла впасть в заблуждение и преувеличить силу и прочность американского капитализма. Она, эта обстановка, и толкает наших товарищей из Америки, как из большинства, так и из меньшинства, на ошибки типа правого уклона. Эта обстановка и является источником того, что то одна, то другая часть компартии Америки не замечает в той или иной мере реформизма в Америке, недооценивает полевение рабочего класса и вообще склонна рассматривать американский капитализм как нечто, стоящее вне и над мировым капитализмом. В этом основа принципиальной невыдержанности как одной, так и другой части американской компартии.

После этих общих замечаний перейдем к практически-политическим вопросам.

В чем состоят основные недостатки в практике руководителей большинства и меньшинства?

В том, во-первых, что они, и прежде всего руководители большинства, в своей повседневной работе руководствуются соображениями беспринципной фракционности и интересы своей фракции ставят выше интересов партии.

В том, во-вторых, что обе группы, особенно же группа большинства, до того заражены фракционной болезнью, что в основу своих отношений к Коминтерну ставят не принцип доверия, а политику гнилой дипломатии, политику дипломатической игры.

Возьмем несколько примеров. Я беру такой простой факт, как спекуляция на разногласиях в ВКП, практикуемая как руководителями большинства, так и руководителями меньшинства. Вы знаете, что как одна, так и другая часть компартии Америки вперебежку друг с другом, перегоняя друг друга, как на скачках, усиленно стараются спекулировать существующими и несуществующими разногласиями в ВКП. Для чего они это делают? Может быть, этого требуют интересы партии в Америке? Нет. Конечно, нет! Они делают это для того, чтобы доставить выгоду своей фракции и нанести вред другой фракции. Фостер и Биттельман не видят ничего предосудительного в том, чтобы об'явить себя «сталинцами», демонстрируя этим свою верность ВКП. Но это же прямое неприличие, дорогие товарищи! Разве вам не известно, что нет и не должно быть никаких «сталинцев»? Для чего допускается это неприличие со стороны меньшинства? Для того, чтобы ущемить группу большинства, группу тов. Ловстона, для того, чтобы показать, что группа Ловстона против ВКП и, стало быть, против основного ядра Коминтерна. Это, конечно, неверно и несерьезно. Но меньшинству нет дела до этого, — главная цель его состоит в том, чтобы ущемить, дискредитировать большинство в интересах фракции меньшинства.

А как поступает, в связи с этим, группа Ловстона? Может быть, она ведет себя приличнее, чем группа меньшинства? К сожалению, нет. К сожалению, она ведет себя еще более неприлично, чем группа меньшинства. Судите сами. Группа Фостера демонстрирует свою близость к ВКП, об'являя себя «сталинцами». Ловстон видит, что от этого кое-что теряет его собственная фракция. Поэтому, чтобы не остаться в долгу, она, группа Ловстона, делает вдруг «головокружительный» скачок и проводит на с'езде американской компартии решение о снятии тов. Бухарина с Коминтерна. Получается игра вперегонки по принципу: кто кого перещеголяет. Вместо принципиальной борьбы получается, таким образом, беспринципнейшая спекуляция на разногласиях в ВКП.

Вот вам результаты политики, ставящей интересы фракции выше интересов партии.

---

[1] Публикуется впервые.

Другой пример. Я имею в виду дело тов. Пеппера. С историей этого дела вы все более или менее знакомы. Коминтерн требовал дважды отзыва тов. Пеппера в Москву. ЦК американской компартии сопротивлялся и по сути дела нарушил ряд постановлений ИККИ насчет Пеппера. Большинство американской компартии тем самым демонстрировало свою близость к Пепперу, оппортунистические колебания которого известны всем. Наконец, приезжает делегация ИККИ на с'езд компартии Америки, требуя вновь от имени ИККИ немедленного отзыва тов. Пеппера. Большинство во главе с Ловстоном и Гитлоу вновь сопротивляется, не считая нужным провести в жизнь решение ИККИ. Группа Фостера использует это дело против группы Ловстона, утверждая, что большинство американской компартии идет против Коминтерна. Группа Ловстона смекает, наконец, что она может проиграть на этом, с точки зрения интересов своей фракции, если она окажется в оппозиции к Коминтерну, поэтому группа Ловстона делает еще один «головокружительный» скачок и исключает из партии т. Пеппера, того самого Пеппера, которого вчера еще отстаивала она против КИ. Опять борьба наперегонки, — кто кого переплюнет. Чем об'ясняется, что большинство сопротивлялось и не проводило решения Коминтерна насчет Пеппера? Конечно, не интересами партии. Об'ясняется это исключительно интересами фракции большинства. Чем об'ясняется, что большинство вдруг перевернулось и неожиданно исключило из партии Пеппера? Может быть, интересами партии? Конечно, нет. Об'ясняется это лишь интересами фракции Ловстона, не желавшей дать лишний козырь своему противнику в лице фракционной группы Фостера и Биттельмана. Интересы фракции превыше всего!

Группа Фостера желает демонстрировать свою верность ВКП и об'являет себя «сталинцами»? Очень хорошо. Мы, ловстоновцы, пойдем дальше группы Фостера и потребуем снятия тов. Бухарина с Коминтерна. Пусть попробуют догнать нас фостеровцы! Пусть знают там, в Москве, как мы, американцы, умеем играть на бирже!

Группа Фостера желает демонстрировать свою близость к Коминтерну и добивается исполнения решения Коминтерна насчет отзыва Пеппера? Очень хорошо. Мы, ловстоновцы, пойдем дальше и исключим т. Пеппера из партии. Пусть-ка попробуют догнать нас фостеровцы. Пусть знают там, в Москве, как мы, американцы, умеем играть на бирже.

Вот вам плоды фракционности большинства и меньшинства.

Но, товарищи, Коминтерн ведь не биржа. Коминтерн есть святая святых рабочего класса. Нельзя поэтому смешивать Коминтерн с биржей. *Либо* мы — ленинцы и наши отношения друг к другу, также как и отношения секций к Коминтерну и обратно, должны строиться на взаимном доверии, должны быть чисты и прозрачны, как кристалл, — и тогда не должно быть места в наших рядах гнилой дипломатической игре. *Либо* мы — не ленинцы, — и тогда гнилая дипломатия и беспринципная фракционная борьба получают в наших отношениях полный простор. Одно из двух. Тут надо выбирать товарищи.

Для характеристики того, как чистые коммунистические нравы извращаются и покрываются грязью в ходе фракционной борьбы, можно было бы еще сослаться на такой факт, как, скажем, моя беседа с тт. Фостером и Ловстоном. Я говорю о беседе, имевшей место во время VI конгресса. Характерно, что в переписке со своими друзьями тов. Фостер изображает эту беседу как нечто таинственное, о чем не следует говорить вслух. Характерно также, что тов. Ловстон, пред'являя обвинительный акт тов. Фостеру, в связи с этой беседой, ссылается на свою беседу со мной и хвастает здесь, что он, тов. Ловстон, не в пример Фостеру, умеет держать тайну и ни в коем случае не согласен разглашать содержание его беседы со мной. Откуда эта мистика и для чего она нужна, дорогие товарищи? Что же таинственного могло быть в моей беседе с тт. Фостером и Ловстоном? Слушая этих товарищей, можно подумать, что я говорил с ними о вещах, о которых здесь стыдно рассказывать. Но это же нелепо, товарищи. И для чего эта игра в мистику? Разве трудно понять, что мне нечего скрывать от товарищей? Разве трудно понять, что я всегда готов в любой момент рассказать товарищам с начала и до конца о содержании моей беседы с Фостером и Ловстоном? Что станется тогда с пресловутой мистикой, усердно распространяемой здесь Фостером и Ловстоном?

О чем говорил со мной тов. Фостер? Он жаловался на фракционность и беспринципность группы тов. Ловстона. Что я ему ответил? Я признал наличие этих грехов за группой тов. Ловстона, но там же добавил, что эти же грехи присущи и группе тов. Фостера. Тов. Фостер делает на этом основании странный вывод о том, что я сочувствую группе меньшинства. Спрашивается — на каком основании? Где те основания, в силу которых Фостеру угодно думать, что я не вижу недостатков группы меньшинства и даже сочувствую этой группе? Разве не ясно, что *желаемое* представляется тов. Фостеру как *действительное*?

О чем говорил со мной т. Ловстон? О негодности группы т. Фостера и Биттельмана. Что же я ему ответил на это? Я ему ответил, что обе группы страдают существенными недостатками и посоветовал ему принять меры к ликвидации фракционности. Вот и все.

Что же тут таинственного, о чем будто бы не следует говорить вслух? Не странно ли, что из этих простых и ясных фактов товарищи из группы большинства и меньшинства делают тайну, могущую вызвать лишь смех у серьезных людей? Не ясно ли, что этой мистификации не было бы здесь, если бы мы не имели фракционной атмосферы, отравляющей жизнь компартии Америки и грязнещей простые и чистые коммунистические нравы?

Или, например, взять другой факт. Я говорю о беседе с тов. Ловстоном, имевшей место *на-днях*. Характерно, что тов. Ловстон и об этой моей беседе с ним распространяет нелепые слухи, делая из нее тайну. Какое-то непонятное для меня пристрастие к «таинственному»... О чем он говорил на-днях со мной? О том, чтобы президиум ИККИ отменил решение об его отзыве из Америки. О том, что он, Ловстон, берется проводить в жизнь предполагаемое решение президиума ИККИ, если оно не будет заострено против руководителей большинства компартии Америки. О том, что он обещается быть верным солдатом Коминтерна и показать это на деле, если Коминтерн даст ему соответствующее поручение. О том, что он не добивается никаких высоких постов в американской компартии, что он просит только о том, чтобы его испытали и дали ему, тов. Ловстону, показать свою верность Коминтерну. Что же я ему ответил на это? Я ответил, что опыты с проверкой верности тов. Ловстона Коминтерну проделываются вот уже три года, но из этого ничего хорошего не получилось. Я ответил, что выгоднее будет, и для компартии Америки, и для Коминтерна, оставить на время тт. Ловстона и Биттельмана в Москве. Я ответил, что такой способ действий со стороны Коминтерна является одним из вернейших средств излечить компартию Америки от фракционности и спасти ее от разложения. Я ответил, что, несмотря на такое мое мнение, я согласен передать предложение тов. Ловстона на рассмотрение русских товарищей и обязуюсь сообщить ему мнение русских товарищей.

Кажется, ясно. А между тем, тов. Ловстон вновь пытается сделать из этих ясных вещей тайну, распространяя всякие нелепые слухи о беседе с ним.

Ясно, что этой мистификации не было бы и простые вещи не превращались бы в таинственные легенды, если бы не было политики, ставящей интересы фракции выше интересов партии, интересы дипломатической игры выше интересов Коминтерна.

Чтобы ликвидировать все эти безобразия и поставить американскую компартию на рельсы ленинской политики, надо, прежде всего, покончить с фракционностью в этой партии.

Вот к какому выводу приводят изложенные выше факты.

Где выход?

Тов. Фостер наметил один из выходов. Из его предложения выходит, что нужно передать руководство меньшинству. Можно ли принять этот выход? Нет, нельзя принять. Делегация ИККИ допустила ошибку, когда она, резко отмежевавшись от большинства, не отмежевалась вместе с тем *столь же резко* и от меньшинства. Было бы печально, если бы комиссия президиума повторила эту ошибку делегации ИККИ. Я думаю, что комиссия президиума ИККИ должна отмежеваться в своем проекте как от ошибок большинства, так и от ошибок меньшинства. И именно потому, что она должна отмежеваться и от тех и от других, она не может предлагать передачу руководства меньшинству. Следовательно, предложение тов. Фостера со всеми вытекающими из него последствиями отпадает само собой.

Американская делегация предложила другой выход, прямо противоположный предложению тов. Фостера. Предложение американской делегации, как известно, состоит из десяти пунктов. Содержание этого предложения сводится к тому, чтобы полностью реабилитировать руководителей большинства, признать фракционную работу большинства правильной, отменить постановление президиума ИККИ об отзыве тов. Ловстона и подтвердить, таким образом, практику удушения меньшинства. Можно ли принять этот выход? Нет, нельзя. Нельзя, так как такой выход означал бы не ликвидацию фракционности, а возведение ее в принцип.

Где же выход?

Выход в следующем:

1) нужно одобрить в основном деятельность и предложения делегации ИККИ, исключив из этих предложений те пункты, которые приближаются к предложениям тов. Фостера;

2) надо послать от имени ИККИ открытое письмо к членам американской компартии с изложением ошибок обеих частей партии и с заострением вопроса на том, чтобы ликвидировать корни всякой фракционности;

3) нужно осудить деятельность руководителей большинства на с'езде компартии Америки и, в частности, по вопросу о Пеппере;

4) нужно ликвидировать нынешнее положение компартии Америки, когда вопросы положительной работы, вопросы борьбы рабочего класса с классом капиталистов, вопросы о зарплате, о рабочем дне, о работе в профсоюзах, о борьбе с реформизмом, о борьбе с правым уклоном, — когда все эти вопросы остаются в тени и подменяются ничтожными вопросами фракционной борьбы между группой Ловстона и группой Фостера;

5) нужно обновить секретариат ЦК американской компартии и включить туда таких работников, которые способны, кроме борьбы фракционной, признавать еще борьбу класса рабочих с классом капиталистов, которые способны интересы партии и ее единства ставить выше интересов отдельных групп и их лидеров;

6) нужно отозвать тт. Ловстона и Биттельмана в распоряжение Коминтерна для того, чтобы работники компартии Америки поняли, наконец, что Коминтерн берется вести борьбу против фракционности со всей серьезностью.

Таков, по-моему, выход.

Два слова о задачах и миссии американской компартии. Я думаю, товарищи, что американская компартия является одной из тех немногих компартий в мире, на которую возложила история решающего характера задачи с точки зрения мирового революционного движения. Сила и мощь американского капитализма вам хорошо известны. Многим кажется теперь, что общий кризис мирового капитализма не коснется Америки. Это, конечно, неверно. Совершенно неверно, товарищи. Кризис мирового капитализма развивается усиленным темпом и он не может не коснуться американского капитализма. 3 миллиона безработных, имеющихся теперь в Америке, — это первая ласточка, говорящая о том, что кризис назревает и в Америке. Обострение антагонизма между Америкой и Англией, борьба за рынки и сырье, наконец, колоссальный рост вооружений, — вот вам второй признак, говорящий о надвигающемся кризисе. Я думаю, что не далек тот момент, когда революционный кризис развернется в Америке. И когда революционный кризис развернется в Америке, это будет началом конца всего мирового капитализма. Необходимо, чтобы американская компартия была способна во всеоружии встретить этот исторический момент и возглавить грядущие классовые бои в Америке. К этому надо готовиться, товарищи, всеми силами, всеми средствами. Для этого надо улучшать и большевизировать американскую компартию. Для этого надо работать над ликвидацией всякой фракционности и всяких уклонов в этой партии. Для этого надо работать над воссозданием единства компартии Америки. Для этого надо работать над выковкой действительно революционных кадров и действительно революционных руководителей пролетариата, способных вести многомиллионный американский рабочий класс к классовым революционным боям. Для этого надо отбросить все и всякие личные моменты и фракционные соображения, поставив во главу угла революционное воспитание рабочего класса Америки.

Вот почему я думаю, что нужно отнестись, товарищи, со всей серьезностью к тем предложениям комиссии президиума ИККИ, которые вносятся сюда на ваше усмотрение, ибо они, эти предложения, направлены на то, чтобы оздоровить компартию Америки, уничтожить там фракционность, создать единство, укрепить партию и обольшевизировать ее.

2. Первая речь в президиуме ИККИ по американскому вопросу.

(14 мая 1929 г.)[1].

Товарищи, мы стоим сейчас перед исключительным фактом, на который следовало бы обратить серьезнейшее внимание. Вот уже месяц, как американская делегация приехала в Москву. Проходит месяц, как мы занимаемся с нею, обсуждаем наболевшие вопросы американской компартии и намечаем пути выхода из создавшегося положения. Каждый член делегации имел возможность использовать свое право высказаться и критиковать не согласных с ним товарищей. Вы знаете, что это их право было ими использовано здесь полностью, без каких бы то ни было препятствий со стороны ИККИ. Вы знаете, что тов. Ловстон требовал, чтобы обязательно высказались русские товарищи. Вы знаете, что русские товарищи уже высказались по существу вопроса. Стало быть, комиссия выполнила все условия, необходимые для того, чтобы найти выход и довести дело до конца.

И что же? Вместо вдумчивого отношения к делу и готовности ликвидировать, наконец, фракционность, мы имеем новый взрыв фракционности среди членов американской делегации, новые попытки сорвать дело единства американской компартии. Несколько дней назад у нас не было еще проекта решения Коминтерна по американскому вопросу. У нас была тогда лишь наметка общих основ решения вопроса, наметка, рассчитанная на ликвидацию фракционности. И вот, вместо того, чтобы дождаться момента появления проекта решения, американская делегация без лишних слов разразилась декларацией от 9 мая, декларацией архифракционной, декларацией антипартийной. Вы знаете, до чего враждебно встретили эту декларацию члены комиссии президиума ИККИ. Вы знаете, что комиссия не оставила камня на камне от этой декларации. Можно было подумать, что американская делегация одумается и исправит свои ошибки. На деле, однако, получилось нечто прямо противоположное. Стоило появиться проекту предложения комиссии, розданному теперь всем членам президиума ИККИ и американской делегации, чтобы американская делегация разразилась новой декларацией от 14 мая, декларацией еще более фракционной и антипартийной, чем декларация от 9 мая. Она, эта декларация, вам известна, конечно. Ее зачитал здесь в своей речи тов. Гитлоу. Основная черта этой декларации состоит в том, что она провозглашает тезис неподчинения решениям президиума ИККИ. Это значит, что крайняя фракционность руководителей большинства толкнула их на путь неподчинения, стало быть, — на путь борьбы с Коминтерном.

---

[1] Публикуется впервые.

Нельзя отрицать, что товарищи американцы, как и все коммунисты, имеют полное право не соглашаться с проектом решения комиссии, имеют право бороться с ним. И пока они ограничиваются использованием этого своего права, в этом нет и не может быть ничего плохого. Но беда состоит в том, что декларация от 14 мая на этом не останавливается. Она идет дальше и считает, что борьба должна быть продолжена и после того, когда проект станет решением президиума ИККИ. Поэтому мы должны членам американской делегации поставить ребром вопрос: считают ли они для себя допустимым после того, как проект примет силу обязательного решения Коминтерна, не подчиняться этому решению? Мы вели прения в комиссии в продолжение целого месяца, мы имели ряд дискуссий, мы потратили на это дело уйму времени, при чем время это могло быть потрачено на более полезные вещи, мы пришли, наконец, к тому, что период дискуссии исчерпан и стоим накануне принятия решения, которое должно быть обязательным для всех членов Коминтерна. И вот вопрос: считают ли члены американской делегации, как коммунисты, как ленинцы, допустимым неподчинение решению президиума ИККИ по американскому вопросу?

В этом теперь все дело, товарищи.

Позвольте теперь перейти к разбору самой декларации по существу.

Она, эта декларация от 14 мая, составлена довольно хитро. Я не сомневаюсь, что эту декларацию писал какой-нибудь хитроумный юрист, какой-нибудь адвокат-крючкотворец. Судите сами. С одной стороны, в декларации говорится о полной лойяльности в отношении Коминтерна, о нерушимой верности авторов декларации Коммунистическому Интернационалу не только в прошлом и не только в настоящем, но и в будущем, Это, конечно, хорошо, если это не есть пустое обещание. С другой стороны, в декларации говорится, что авторы ее не могут взять на себя ответственности за проведение в жизнь решения президиума Исполкома Коминтерна. Там прямо сказано:

> «Есть весьма веские причины, в силу которых мы не можем принять этот новый проект письма и взять на себя ответственность за выполнение этого письма перед членскими массами, одобрить тот неминуемый, непоправимый вред, который не сможет не принести нашей партии принятие этого нового проекта».

Не угодно ли: с одной стороны—полная лойяльность, с другой стороны—отказ проводить в жизнь решение Коминтерна. И все это называется верностью Коминтерну! Вот это действительно адвокатское крючкотворство! Разве можно представить, чтобы коммунист, не бумажный, а настоящий коммунист, говорил о лойяльности к Коминтерну и, вместе с тем, отказывался брать на себя ответственность за проведение в жизнь решений Коминтерна? Какая же это лойяльность, дорогие товарищи? Что же называется тогда нелойяльностью? Для чего понадобилась эта фальшь, это фарисейство? Не ясно ли, что громкие слова о лойяльности и верности Коминтерну понадобились тов. Ловстону для того, чтобы обмануть «членские массы»?

Невольно вспоминаешь незабвенного Чемберлена, который, с одной стороны, стоит за мир, за сокращение вооружений, а, с другой стороны, принимает все меры к тому, чтобы вооружения росли и подготовка войны шла полным ходом. Чемберлену нужна шумиха о мире для того, чтобы прикрыть ею подготовку к новой войне. Тов. Ловстону нужны громкие фразы о лойяльности и верности Коминтерну для того, чтобы прикрыть ими подготовку борьбы против решений Коминтерна. Тов. Ловстон, конечно, не Чемберлен. Здесь нет и не может быть между ними никакой аналогии. Но тот факт, что его «маневры» напоминают «маневры» Чемберлена, это должно служить ему достаточным предостережением.

Но декларация на этом не останавливается. Она идет дальше и, переходя от обороны к нападению, провозглашает необходимость борьбы с решениями президиума Исполкома Коминтерна, как с решениями, идущими будто бы в разрез с линией VI конгресса КИ. Она прямо говорит, что проект решения, проект открытого письма Коминтерна, который встречает здесь, в президиуме, всеобщее одобрение и который по всем данным будет одобрен президиумом ИККИ, — она прямо говорит, что этот проект «противоречит букве и духу линии VI конгресса КИ». Декларация прямо говорит, что «проект дает работе нашей партии (т.-е. компартии Америки) и ее руководству такую оценку, которая идет по важнейшим вопросам в разрез с линией и решениями VI всемирного конгресса».

Я не буду доказывать, что эти утверждения декларации являются мелкой и недостойной клеветой на Коминтерн и его исполнительные органы. Не стоит также доказывать, что не кто иной, как нынешние руководители большинства компартии Америки нарушали и нарушают основные постановления конгрессов Коминтерна и его исполнительных органов по вопросу о ликвидации фракционности в американской компартии. Тов. Куусинен вполне доказал в своей речи, что обе фракции американской компартии, особенно же фракция большинства, систематически нарушали основные решения конгрессов Коминтерна о ликвидации фракционности и восстановлении единства, начиная с 1925 года. Стоит познакомиться с резолюциями конгрессов Коминтерна, чтобы убедиться в том, что в лице руководителей нынешнего большинства мы имеем неисправимых нарушителей духа и буквы решений Коминтерна.

Что касается VI конгресса Коминтерна, то он прямо говорит в своем решении об американской компартии, что «важнейшая задача партии состоит в том, чтобы положить конец фракционной борьбе, которая не опирается на сколько бы то ни было серьезные принципиальные разногласия». Что сделано группой тов. Ловстона для того, чтобы провести в жизнь это решение

VI конгресса? Вы сами видите, товарищи, что ею ничего для этого не сделано пока что. Но зато ею сделано и делается все для того, чтобы превратить это решение VI конгресса в пустую бумажку.

Таковы факты.

И если, несмотря на все эти факты, декларация все же обвиняет президиум ИККИ в нарушении «духа и буквы линии VI конгресса», то что это значит? Это значит, что авторы декларации хотят противопоставить решениям президиума ИККИ линию VI конгресса, которую сами же они нарушали и продолжают нарушать. А для чего они это делают? Для того, чтобы, фарисейски прикрывшись флагом VI конгресса, повести борьбу с решениями президиума ИККИ. Поступая так, авторы декларации как бы говорят: мы, группа Ловстона, за VI конгресс, но проект открытого письма президиума ИККИ противоречит линии VI конгресса, поэтому мы должны и будем бороться с решениями президиума ИККИ.

Авторы декларации думают, должно быть, что они этим фальшивым «маневром» делают что-то новое и что мы не расшифруем внутреннего смысла их «маневров». Но это неверно, товарищи. Они ошибаются в своих расчетах. История Коминтерна говорит, что товарищи, отходившие от Коминтерна, начинали дело всегда с таких именно «маневров». Когда Зиновьев отходил от Коминтерна, он начинал свое дело с противопоставления линии Коминтерна решениям Исполкома Коминтерна. И он это делал для того, чтобы прикрыть свою борьбу против Исполкома Коминтерна разговорами о линии Коминтерна. То же самое было с Троцким, который начинал свой отход от Коминтерна с противопоставления линии Коминтерна решениям Исполкома и президиума Исполкома Коминтерна. Это есть старая проторенная дорога оппортунизма, которая также стара, как мир. Печально, что авторов декларации потянуло на эту именно дорогу.

Противопоставляя Коминтерн Исполкому Коминтерна, авторы декларации думают, так же, как думали раньше Зиновьев и Троцкий, — отделить Исполком Коминтерна от Коминтерна. Смешная и глупая надежда! Авторы декларации забывают, очевидно, что истолкователем решений конгрессов Коминтерна является лишь Исполком и его президиум, а не они. Авторы декларации ошибаются, если они думают, что их комментариям американские рабочие поверят больше, чем комментариям президиума Исполкома Коминтерна.

Такова сущность декларации американской делегации.

Декларация американской делегации есть, таким образом, платформа борьбы с линией Коминтерна во имя оппортунистических шатаний, во имя беспринципной фракционности, во имя нарушения единства американской компартии.

Перейдем к проекту комиссии.

На чем строится проект комиссии, предлагаемый ныне вниманию президиума ИККИ? На идее отстаивания линии Коминтерна в рядах компартии Америки, на идее большевизации американской компартии, на идее борьбы с уклонами от марксистской линии, и, прежде всего, с правым уклоном, на идее ленинского единства партии, наконец, и *прежде всего*, на идее ликвидации всякой фракционности. Ибо надо, наконец, признать, товарищи, что фракционность есть *основное зло* американской компартии.

В истории революционного движения рабочего класса нам, большевикам, нередко приходилось вести фракционную борьбу против оппортунизма. Это было в то время, когда большевики и меньшевики находились в *одной общей партии*, когда большевики были обязаны организоваться во фракции, для того, чтобы подорвать авторитет социал-демократов, организовать раскол против социал-демократии и создать *свою собственную* коммунистическую партию. Тогда фракционность была полезна и необходима. А теперь? Теперь—другое дело. Теперь обстановка изменилась в корне. Теперь мы имеем свои собственные *монолитные* коммунистические партии, секции Коммунистического Интернационала. Теперь фракционность опасна и вредна, ибо она ослабляет коммунизм, ослабляет силу натиска коммунизма против реформизма, подрывает борьбу коммунизма против социал-демократизма в рабочем движении. Этой *коренной* разницы между прошлым и настоящим не понимают, очевидно, наши американские товарищи.

В чем состоит вред фракционности в *рядах компартий*?

Прежде всего в том, что фракционность ослабляет чувство партийности, притупляет революционное чутье и ослепляет деятелей партии до того, что они вынуждены в своем фракционном увлечении ставить интересы фракции выше интересов партии, выше интересов Коминтерна, выше интересов рабочего класса. Она, фракционность, нередко доводит дело до того, что деятели партии, ослепленные фракционной борьбой, склонны расценивать все факты, все события в жизни партии не с точки зрения интересов партии и рабочего класса, а с точки зрения интересов своей фракционной колокольни, с точки зрения интересов своей фракционной кухни.

Разве тов. Ловстон и его друзья не знали, что надо держаться в стороне от Пеппера, что надо отмежеваться от него для того, чтобы не компрометировать себя, как революционеров? Почему же они от него не отмежевались в свое время, несмотря на ряд предупреждений со стороны Коминтерна? Потому, что они действовали, прежде всего, как фракционеры. Потому, что для фракционной борьбы дорога каждая щепка, каждая веревка, каждый, даже плохой, солдат, каждый, даже плохой, офицер. Потому, что для фракционной борьбы могут пригодиться даже такие люди, как Пеппер. Потому, что фракционное ослепление заставляло их ставить интересы своей фракции выше интересов партии.

Разве тов. Фостер не знал, что надо держаться в стороне от скрытых троцкистов, имевшихся у него в группе? Почему же он не отмежевался от них своевременно, несмотря на ряд предупреждений? Потому, что он вел себя, прежде всего, как фракционер. Потому, что для фракционной борьбы против группы Ловстона ему могли пригодиться и скрытые троцкисты. Потому, что фракционное ослепление притупляет у людей чувство партийности и делает их неразборчивыми в средствах. Правда, такая политика вредна и не совместима с интересами партии. Но фракционеры склонны обычно забывать об интересах партии, — они видят лишь свою собственную фракционную колокольню.

Во-вторых, в том, что фракционность мешает воспитывать партию в духе принципиальной политики, она мешает воспитывать кадры в духе честной, пролетарской, неподкупной революционности, свободной от гнилой дипломатии и беспринципного комбинаторства. Ленинизм говорит, что принципиальная политика есть единственно правильная политика. Фракционность, наоборот, думает, что фракционная дипломатия и беспринципное фракционное комбинаторство есть единственно правильная политика. Этим, собственно, и об'ясняется, что атмосфера фракционной борьбы культивирует не принципиальных политиков, а ловких фракционных гешефтмахеров, опытных жуликов и меньшевиков, умеющих обжулить «противника» и прятать концы в воду. Правда, подобная «воспитательная» работа фракционеров противоречит коренным интересам партии и рабочего класса. Но фракционерам нет дела до этого, — они признают лишь свою фракционную дипломатическую кухню и ее кухонные интересы. Неудивительно поэтому, что принципиальные политики и честные пролетарские революционеры не встречают сочувствия у фракционеров. Зато у них в большом почете фракционные ловкачи и гешефтмахеры, беспринципные комбинаторы и закулисных дел мастера по организации беспринципных блоков.

В-третьих, в том, что фракционность, ослабляя волю партии к единству и подрывая железную дисциплину партии, создает в партии такой специфический фракционный режим, при котором вся внутренняя жизнь в партии оказывается деконспирированной перед лицом классовых врагов, а сама партия становится перед опасностью быть превращенной в игрушку в руках агентов буржуазии. Происходит это, обычно, таким образом. Скажем, решается какой-либо вопрос в Политбюро ЦК. В Политбюро имеются меньшинство и большинство, рассматривающее каждое решение со своей, фракционной, точки зрения. Если в партии царит фракционный режим, то гешефтмахеры обеих фракций моментально оповещают свою периферию о таком-то решении Политбюро, пытаясь ее подготовить в свою пользу и накачать ее соответственным образом. Такой порядок оповещения повторяется обычно систематически. А повторяется он систематически потому, что каждая фракция считает своим долгом по-своему оповещать свою периферию и держать ее в мобилизационной готовности для драчки с фракционным противником. В результате важные секретные решения партии становятся достоянием улицы. А так как улица сливается с окружающей средой, то агенты буржуазии получают доступ к секретным решениям партии и облегчают себе возможность использовать данные о внутренней жизни партии против интеерсов партии. Правда, такой режим угрожает партии полной деморализацией ее рядов. Но фракционерам нет дела до этого, ибо они ставят превыше всего интересы своей группы.

Наконец, вред фракционности состоит в том, что она, фракционность, подрывает в корне всякую положительную работу в партии, отбивает у партийных работников охоту заниматься вопросами повседневных нужд рабочего класса (заработная плата, рабочий день, улучшение материального положения рабочего класса и т. д.), ослабляет работу партии по подготовке рабочего класса к классовым битвам с буржуазией и создает, таким образом, такую обстановку, при которой авторитет партии должен неминуемо падать в глазах рабочих, а рабочие, вместо того, чтобы вливаться в партию целыми отрядами, — вынуждены покидать ряды партии. Это именно и наблюдается теперь в американской компартии. Чем, главным образом, занимались последнее время фракционные руководители большинства и меньшинства? Фракционной склокой, всякими фракционными мелочами, составлением никчемных платформ и платформишек, составлением десятков и сотен поправок и поправочек к этим платформам. Недели и месяцы тратятся на то, чтобы поймать фракционного противника, изловить его, выкопать что-нибудь из личной жизни своего фракционного противника, а если нет возможности выкопать, — то сочинить какую-либо небылицу. Ясно, что в такой атмосфере положительная работа должна страдать, жизнь партии должна измельчать, авторитет партии должен падать, а рабочие, лучшие и революционно-настроенные рабочие, требующие дела, а не склоки,—должны уходить от партии.

Вот в чем выражается, в основном, вред фракционности в рядах коммунистических партий.

Поэтому, важнейшая задача американской компартии состоит в том, чтобы ликвидировать фракционность и излечить себя, наконец, от этой болезни.

На этом именно и базируется предлагаемый вашему вниманию проект комиссии.

Несколько слов о хвастливой манере группы тов. Ловстона говорить и выступать здесь от имени всей партии, от имени 99% компартии Америки. Они иначе не выступают, как от имени 99% партии. Можно подумать, что у них в кармане сидят эти 99%. Это плохая манера, товарищи из американской делегации. Напомню вам, что Зиновьев и Троцкий тоже козыряли одно время процентами, уверяя всех, что они добились или, во всяком случае, добьются 99% большинства в рядах ВКП. Вы знаете, товарищи, каким фарсом кончилось это хвастовство Троцкого и Зиновьева. Не советовал бы вам поэтому козырять процентами. Вы уверяете, что у вас имеется обеспеченное большинство в компартии Америки, что это большинство останется за вами при всяких условиях. Это неверно, товарищи из американской делегации, совершенно неверно. Вы имели большинство потому, что в вашем лице американская компартия видела до сих пор решительных сторонников Коммунистического Интернационала. И именно потому, что она видела в вашем лице друзей Коминтерна, вы имели большинство в рядах американской компартии. Но как будет обстоять дело, если американские рабочие узнают, что вы намерены ломать единство рядов Коминтерна и думаете вести борьбу против его исполнительных органов, — вот в чем вопрос, дорогие товарищи. Думаете ли вы, что американские рабочие пойдут за вами против Коминтерна, что они предпочтут интересы вашей фракционной группы интересам Коминтерна? История Коминтерна знает целый ряд случаев, когда популярнейшие руководители, более авторитетные, чем вы, оказывались изолированными, как только они поднимали знамя борьбы против Коминтерна. Думаете ли вы, что вам повезет больше, чем этим руководителям? Плохая надежда, товарищи! Сейчас у вас есть еще формальное большинство. Но завтра не будет никакого большинства и вы окажетесь полностью изолированными, если вы попытаетесь повести борьбу против решений президиума Исполкома Коминтерна. В этом вы можете быть уверены, дорогие товарищи.

О тов. Ловстоне говорят, как о талантливом руководителе, как о создателе компартии Америки. Говорят, что компартия Америки не может обойтись без тов. Ловстона, что снятие тов. Ловстона может загубить партию. Это неверно, товарищи. Более того, это не искренно. Плоха была бы партия, которая не могла бы обойтись без того или иного руководителя. Компартия Америки не так уже слаба, как думают некоторые товарищи. Во всяком случае, она много сильнее, чем ее изображают. Партия создается рабочим классом, а не отдельными руководителями. Смешно было бы утверждать обратное. К тому же тов. Ловстон не такой уж большой руководитель. Он, конечно, способный и талантливый товарищ. Но на что ушли его способности? На фракционную склоку, на фракционные комбинации. Тов. Ловстон бесспорно ловкий и талантливый фракционный гешефтмахер. В этом ему нельзя отказать. Но нельзя смешивать фракционное руководство с партийным руководством. Руководитель партии — это одно. Руководитель фракции — это нечто совершенно другое. Не всякому руководителю фракции дано быть руководителем партии. Я очень сомневаюсь, чтобы тов. Ловстон мог быть на данной стадии руководителем партии.

Так обстоит дело, товарищи.

А выход какой, спросите вы. Выход, по-моему, состоит в том, чтобы принять проект комиссии, отвергнуть декларацию американской делегации и обязать всех членов компартии Америки беспрекословно проводить решения президиума. Либо американские товарищи будут без колебаний подчиняться решениям ИККИ и будут их активно проводить, — и это будет серьезный шаг в сторону уничтожения фракционности, в сторону мира в партии. Либо они останутся при своей декларации и откажутся подчиняться решениям ИККИ. Но это будет означать не мир, а войну против Коминтерна, войну в рядах американской компартии. Мы предлагаем мир и единство. Примут наши предложения товарищи из американской делегации, — хорошо, не примут, — тем хуже для них. Коминтерн возьмет свое при всяких условиях. В этом вы можете быть уверены, дорогие товарищи.

Наконец, два слова о новых процессах большевизации секций Коминтерна, происходящих в данный момент.

Тов. Ловстон на-днях, в беседе со мной, говорил, что у него сорвалась как-то фраза насчет «раковой опухоли» в аппарате Коминтерна. Он уверял, что эта фраза у него случайная, не имеющая никакой связи с вопросом об его отношениях к Коминтерну. Я ему ответил, что если фраза сорвалась у него действительно случайно, то не стоит на нее обращать внимания, хотя фраза сама по себе безусловно неправильна и ошибочна. Однако, спустя некоторое время после этого я ознакомился с докладом тов. Ловстона на VI с'езде американской компартии, где он говорит о той же «раковой опухоли», но уже не в отношении аппарата Коминтерна, а в отношении мирового капитализма. Видимо, фраза о «раковой опухоли» не совсем случайна у тов. Ловстона. «Раковая опухоль» в отношении мирового капитализма означает, надо полагать, кризис мирового капитализма, процесс его разложения. А что должна означать в устах тов. Ловстона «раковая опухоль» в аппарате Коминтерна? Видимо тот же кризис и разложение в аппарате Коминтерна. Что же еще иное может означать эта фраза? Что могло заставить тов. Ловстона говорить о «раковой опухоли» или о кризисе в аппарате Коминтерна? Должно быть, то же самое, что заставляет правых уклонистов в рядах ВКП говорить о кризисе и разложении Коминтерна. Говоря о разложении Коминтерна, правые уклонисты обычно ссылаются на такие факты, как изгнание правых из германской компартии, разгром правых в чехо-словацкой компартии, изоляция правых во французской компартии, борьба за изоляцию неисправимых фракционеров в американской компартии и т. д. и т. п. Что же, может быть, эти факты в самом деле представляют признак серьезной болезни в Коминтерне, признак его разложения, признак «раковой опухоли» в Коминтерне? Конечно, нет, товарищи. Так могут думать лишь партийные филистеры и обыватели. На самом деле это есть благодетельный процесс очищения секций Коминтерна от правых и примиренцев, благодетельный процесс очищения Коминтерна от оппортунистических и колеблющихся элементов. Партии большевизируются и укрепляются тем, что очищают себя от скверны. Вот в чем смысл последних событий в германской, чехо-словацкой, американской, французской и других партиях. Партийным филистерам кажется все это признаком разложения Коминтерна, потому что они ничего дальше своего носа не видят. Революционные же марксисты знают, что это есть благодетельный процесс большевизации наших братских партий, что без этого благодетельного процесса невозможно подготовить партии и пролетариат к грядущим классовым битвам.

Многие думают, что в международной обстановке, за последнее время, ничего не изменилось, что все осталось по-старому. Это неверно, товарищи. На самом деле мы имеем обострение классовой борьбы во всех капиталистических странах, рост революционного кризиса в Европе, нарастание условий нового революционного под'ема. Вчера об этом сигнализировала нам общая забастовка в Лодзи. Недавно мы имели еще сигнал в Берлине. Завтра пойдут новые сигналы во Франции, в Англии, в Чехо-Словакии, в Америке, в Индии, в Китае. Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма. Задача компартий состоит в том, чтобы начать теперь же и развить массовую подготовительную работу к грядущим классовым битвам, чтобы готовить рабочий класс и эксплоатируемые массы к новым революционным боям. Надо усилить борьбу с реформизмом, с социал-демократизмом. Надо усилить борьбу за завоевание миллионных масс рабочего класса на сторону коммунизма. Надо усилить борьбу за выковку действительно революционных кадров партии и за отбор действительно революционных лидеров в партии, людей, способных итти в бой и вести за собой пролетариат, людей, которые не сдрейфят перед бурей и не будут метаться в панике, а пойдут навстречу буре. Но чтобы выполнить эти задачи, нужно теперь же, не теряя ни одной минуты, — ибо время не ждет, — заняться очищением компартий от правых и примиренческих элементов, представляющих об'ективно агентуру социал-демократии в рядах компартий. И заняться надо этим делом не в обычном темпе, а в темпе ускоренном, ибо, повторяю, время не ждет и мы не можем допустить, чтобы события застали нас врасплох. Можно было бы не спешить с этим делом года два назад, рассчитывая на то, что молекулярный процесс большевизации компартий постепенно откинет прочь правые и колеблющиеся элементы, всех этих Брандлеров и Тальгеймеров, всех и всяких фракционных гешефтмахеров и т. д. и т. п. Можно было бы не спешить, так как не было опасности опоздать. Но теперь — другое дело. Теперь медлить значит опоздать, а опоздать значит быть застигнутым врасплох грядущим революционным кризисом. Поэтому происходящий теперь процесс очищения компартий от неустойчивых элементов есть благодетельный процесс укрепления Коминтерна и его секций. Филистеры боятся этого благодетельного процесса и сперепугу болтают о разложении Коминтерна, потому что они есть филистеры. Революционеры, наоборот, всегда будут приветствовать этот благодетельный процесс, потому что он есть вместе с тем составная часть того великого дела подготовки рабочего класса к грядущим классовым битвам, которое составляет теперь основную задачу компартий всего мира.

Достоинство проекта комиссии состоит, между прочим, в том, что он облегчает компартии Америки выполнение этой основной задачи.

3. Вторая речь в президиуме ИККИ по американскому вопросу.

(14 мая 1929 г.)[1].

Мне кажется, товарищи, что некоторые американские делегаты не уясняют себе того положения, которое создалось у нас теперь, после принятия президиумом проекта комиссии. Видимо, товарищи не вполне отдают себе отчет в том, что отстаивать свои убеждения, пока еще не принято решение, — это одно, а подчиниться воле Коминтерна, после того, как принято решение, — это другое. Можно и нужно было критиковать и бороться с проектом комиссии, поскольку члены делегации считают его неправильным. Но теперь, когда проект комиссии стал решением президиума, американские делегаты должны найти в себе мужество для того, чтобы подчиниться воле коллектива, воле Коминтерна и взять на себя ответственность за проведение решения Коминтерна.

---

[1] Публикуется впервые.

Нужно уметь ценить ту стойкость и то упорство, которое проявляют здесь 8 товарищей из 10 американских делегатов в своей борьбе против проекта комиссии. Но нельзя одобрить того, что эти 8 товарищей отказываются подчинить свою волю воле высшего коллектива, воле президиума ИККИ, после того как их взгляды потерпели здесь полное поражение. Настоящее мужество состоит не в том, чтобы поставить свою индивидуальную волю выше воли коллектива, выше воли Коминтерна. Настоящее мужество состоит в том, чтобы найти в себе силы, перебороть себя, преодолеть себя и подчинить свою волю воле коллектива, воле высшей партийной инстанции. Без этого нет коллектива. Без этого нет и не может быть никакого коллективного руководства.

Я думаю, что вы не будете отказывать русским большевикам в мужестве, в твердости, в умении отстаивать свои убеждения. Как поступала обычно та или иная группа русских большевиков, когда она оказывалась в меньшинстве? Не желая ломать железную дисциплину партии, меньшинство обычно подчинялось воле большинства. В истории нашей партии бывали десятки и сотни случаев, когда одна часть большевиков, будучи убеждена в том, что ЦК партии большевиков принял неправильное решение, — все же после дискуссии, после жарких споров, после отстаивания своих убеждений, об'являла о своей полной готовности подчиниться решениям высшего руководящего коллектива и проводить их в жизнь. Я мог бы сослаться хотя бы на такой факт, как случай в 1907 г., когда одна часть большевиков стояла за бойкот Думы, а большая часть большевиков за поворот в политике в пользу участия в Думе и когда меньшинство беспрекословно подчинилось воле большинства. Русские большевики погубили бы дело русской революции, если бы они не умели подчинять волю отдельных товарищей воле большинства, если бы они не умели действовать коллективно. Так воспитывались мы, русские большевики, те самые большевики, которые свергли буржуазию, установили Советскую власть и теперь потрясают основы мирового империализма. Умение действовать коллективно, готовность подчинять волю отдельных товарищей воле коллектива, это именно и называется у нас настоящим большевистским мужеством. Потому что без такого мужества, без умения преодолеть, если хотите, свое самолюбие и подчинить свою волю воле коллектива,—без этих качеств — нет коллектива, нет коллективного руководства, нет коммунизма. И это верно не только в отношении отдельных партий и их центральных комитетов. Это особенно верно в отношении Коминтерна и его руководящих органов, об'единяющих все партии коммунистов во всем мире.

Товарищи Гитлоу и Ловстон с апломбом заявляли здесь, что их совесть, их убеждения не позволяют им подчиняться решениям президиума и проводить их в жизнь. То же самое говорила здесь и т. Влор. У них выходило так, что если они не согласны с решением президиума, то они не могут подчиняться этому решению и проводить его в жизнь. Но так могут говорить лишь

анархисты, индивидуалисты, а не большевики, а не ленинцы, которые обязаны ставить волю коллектива выше своей индивидуальной воли. Они говорят о своей совести и о своих убеждениях. Но члены президиума ИККИ тоже ведь имеют свою совесть, свои убеждения. Как быть, если совесть и убеждения президиума ИККИ сталкиваются с совестью и убеждениями отдельных членов американской делегации? Как быть, если американская делегация получила в президиуме за свою декларацию лишь один голос, голос тов. Гитлоу, а остальные члены президиума единогласно высказались против декларации американской делегации и за проект комиссии? Думаете ли вы, товарищи из американской делегации, что совесть и убеждения тов. Гитлоу стоят выше совести и убеждений подавляющего большинства президиума ИККИ? Начинаете ли вы понимать, что если каждый из нас начнет действовать по своей воле, не желая считаться с волей коллектива, то у нас никогда не будет никакого решения, никакой коллективной воли, никакого руководства?

Возьмем какую-либо фабрику или завод. Допустим, что большинство рабочих данной фабрики проявляет склонность бастовать, а меньшинство, ссылаясь на свои убеждения, высказывается против забастовки. Начинается борьба мнений, собираются митинги, в конце концов громадное большинство фабрики решает бастовать. Чтобы вы сказали о тех 10 или 20 рабочих, представляющих меньшинство фабрики, которые заявили бы, что они не могут подчиниться решению большинства рабочих, так как они не согласны с этим решением? Как бы вы их назвали, дорогие товарищи? Вы знаете, что таких рабочих обычно именуют штрейкбрехерами. Не ясно ли, что забастовки, демонстрации и другие коллективные действия масс были бы совершенно невозможны, если бы меньшинство не подчинялось большинству? Не ясно ли, что мы не имели бы никогда никакого решения и никакой коллективной воли, ни в отдельных партиях, ни в Коминтерне, если бы отдельные лица и вообще меньшинство не подчинялось воле большинства, воле высшего коллектива? Вот как оборачивается дело, товарищи из американской делегации.

Наконец, два слова о судьбах американской компартии в связи с принятием решения президиума ИККИ. Товарищи из американской делегации представляют дело слишком трагически. Они уверяют, что после принятия проекта комиссии американская компартия либо погибнет, либо, во всяком случае, окажется на краю пропасти. Это неверно, товарищи. Более того, это прямо смехотворно. Американская компартия живет и будет жить вопреки пророчествам товарищей из американской делегации. Более того, американская партия будет расти и процветать, если она изгонит из своей среды беспринципную фракционность. Значение принятого президиумом решения в том именно и состоит, что оно облегчает американской компартии ликвидировать беспринципную фракционность, установить единство в партии и выйти, наконец, на широкую дорогу массовой политической работы. Нет, товарищи, американская компартия не погибнет. Она будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса. Погибнет лишь одна маленькая фракционная группа, если она будет и впредь упорствовать, если она не будет подчиняться воле Коминтерна, если она будет и впредь настаивать на своих ошибках. Но судьбу одной маленькой фракционной группы ни в коем случае нельзя отождествлять с судьбой американской компартии. Из того, что одна маленькая фракционная группа может погибнуть политически, вовсе не следует, что должна погибнуть американская компартия. И если этой маленькой фракционной группе суждено погибнуть, пусть гибнет на здоровье, — лишь бы здравствовала и развивалась американская компартия. Вы слишком пессимистически смотрите на дело, дорогие товарищи из американской делегации. Я смотрю на дело более оптимистически.

О. В. Куусинен.

Сталин и большевизация компартий.

Коммунистический Интернационал в последние годы, как известно, провел решительный поворот в своем политическом курсе в соответствии с наступлением нового этапа в развитии международного положения. Это изменение курса, — имевшее решающее значение для всей политики Коминтерна, — произошло под руководством т. Сталина, и в дальнейшем мы поставим себе задачей охарактеризовать процесс осуществления этого поворота, особо учитывая при этом руководящую роль т. Сталина.

Первые признаки изменения курса наметились еще в 1926 г., с одной стороны, в связи с английской всеобщей стачкой (открытое письмо ВЦСПС и тезисы ИККИ об уроках английской всеобщей стачки), с другой стороны, в связи с китайской революцией (речь т. Сталина в китайской комиссии VII пленума ИККИ 30 ноября 1926 г. и резолюция этого пленума по китайскому вопросу). С той поры наступило значительное обострение противоречий мирового империализма; в особенности противоречий между английским империализмом и СССР, так что уже на VIII пленуме ИККИ, в мае 1927 г., пришлось конкретно поставить вопрос о борьбе против опасности войны. На ряду с этим появился целый ряд предвестников нового революционного под'ема и к концу того же года—на XV с'езде ВКП(б) — тов. Сталин в своем анализе мирового положения уже был в состоянии наметить контуры начавшегося (а кой-где еще только намечающегося) нового периода, который с момента VI всемирного конгресса мы привыкли называть «третьим периодом» всеобщего кризиса послевоенного капитализма.

Этим новым анализом мирового положения собственно и было положено начало крупному повороту в ориентировке Коминтерна.

При перечислении в хронологической последовательности основных этапов, пройденных в процессе изменения курса Коминтерном, в соответствии с новым периодом, можно отметить следующие вехи:

1. Новая оценка мирового положения в отчете ЦК на XV с'езде ВКП(б) в декабре 1927 г.
2. IX пленум ИККИ в феврале 1928 г. (резолюции по английскому, французскому и китайскому вопросам, а также соглашение по германскому вопросу).
3. IV конгресс Красного Профинтерна в марте 1928 г.
4. VI всемирный конгресс Коминтерна июль — сентябрь 1928 г.
5. Борьба с правыми в германском вопросе осенью 1928 г. (ликвидация «дворцового переворота», произведенного примиренцами и правыми в ЦК партии и бунта брандлеровцев, схватки с Эмбер-Дро, Серра и Бухариным).

6. Борьба с правым уклоном в ВКП(б), в частности на апрельском пленуме ЦК и ЦКК.

7. Обсуждение вопросов американской компартии в мае 1929 г.

8. X пленум ИККИ (тезисы по вопросу о международном положении и очередных задачах Коммунистического Интернационала, тезисы об экономической борьбе и резолюция о т. Бухарине).

В дальнейшем мы не можем точно придерживаться этой хронологической последовательности во избежание излишних длиннот и повторений. Мы об'единим важнейшие моменты в две основные группы, поскольку они касаются: 1) оценки экономического и политического положения и 2) введения новой тактики в политическую практику Коммунистического Интернационала.

I. Оценка нового периода.

Отмечая в отчете ЦК на XV с'езде ВКП(б) факт достижения и превышения довоенного уровня в производстве и торговле капиталистических стран, а также технический прогресс капиталистической промышленности, т. Сталин ставит вопрос: Означает ли все это, что тем самым стабилизация капитализма стала прочной, устойчивой? И отвечает: «Конечно, нет».

> «Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, переделы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,—именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации».

Одновременно с этим т. Сталин подчеркнул сугубое значение «неравномерного развития производства и торговли мирового капитализма»,— т.-е. того обстоятельства, что это развитие совершается «путем вытеснения и упадка одних стран, путем выдвижения и под'ема других стран, в порядке смертельной борьбы континентов и стран за первенство на рынке».

Вопрос, действительно ли новый период ведет к дальнейшему расшатыванию стабилизации, к усилению кризиса капитализма, который «разваливает стабилизацию», как утверждал т. Сталин, или к укреплению капиталистической стабилизации, как говорили правые,—имел решающее значение для всего Коммунистического Интернационала и фактически играл крупную роль в борьбе, которая происходила внутри Коминтерна в 1928 — 29 г.

Проект тезисов т. Бухарина к VI всемирному конгрессу «О международном положении и задачах Коммунистического Интернационала», опубликованный без предварительного просмотра его делегацией ВКП(б), не содержал прямой и ясной позиции по этому кардинальному вопросу. Но из данной в этом проекте тезисов характеристики мирового положения вытекало, что ничего нового, расшатывающего капиталистическую стабилизацию, не происходит в данный момент, что, наоборот, капитализм реконструируется и держится в основном более или менее прочно. Указывая на этот решающий дефект бухаринского проекта на апрельском пленуме ЦК в 1929 г., т. Сталин заявил:

> «Ясно, что с такой характеристикой так называемого третьего периода, т.-е. того периода, который мы теперь переживаем, делегация ВКП не могла согласиться. Она не могла согласиться с этим, так как сохранение такой характеристики третьего периода могло бы дать пищу нашим критикам говорить о том, что мы становимся на точку зрения так наз. «оздоровления» капитализма, т.-е. на точку зрения Гильфердинга, на точку зрения, на которой мы, коммунисты, не можем стоять. В виду этого делегация ВКП внесла поправку, из которой видно, что капиталистическая стабилизация непрочна, и не может быть прочной, что она расшатывается и будет расшатываться ходом событий, ввиду обострения кризиса мирового капитализма».

Соответствующая поправка, внесенная в текст тезисов, принятых конгрессом, гласит:

> «Обостряя все международные противоречия (противоречия между капиталистическими странами и СССР, военная оккупация Северного Китая, как начало раздела Китая и борьбы между империалистами и т. д.), обостряя внутренние противоречия в капиталистических странах (процесс полевания масс рабочего класса, обострение классовой борьбы), развязывая колониальное движения (Китай, Индия, Египет, Сирия),—этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

Разумеется, это—не единственная существенная поправка, внесенная в проект тезисов, представленный т. Бухариным, но это, несомненно, важнейшая. Можно ли считать ошибку т. Бухарина в этом пункте только случайным упущением? Против этого предположения говорит не только вся установка в проекте т. Бухарина, но и три следующих важных момента:

1) В заключительном слове по первому пункту порядка дня на VI конгрессе т. Бухарин, на основе своей односторонней оценки капиталистической стабилизации, делал соответствующий ошибочный политический вывод, отодвинув на задний план внутренние противоречия в капиталистических странах по сравнению с противоречиями международными—опасностью войны. Вместо того, чтобы попытаться охватить в едином комплексе обострение внешних и внутренних противоречий, в соответствии с конкретной действительностью, тов. Бухарин упорно настаивал на ошибочном противопоставлении тех и других. В случае войны, — говорил он, — революционная ситуация абсолютно неизбежна; она возможна и без войны, «но степень вероятности революции — поскольку мы говорим вообще—в том и в другом случае неодинакова».

Это ошибочное противопоставление, в основе которого лежит правая недооценка обострения внутренних противоречий, в том числе и классовых противоречий отдельных капиталистических стран, было впоследствии окончательно отвергнуто X пленумом ИККИ. При этом, разумеется, не было сделано ни малейшей уступки в сторону недооценки опасности войны или пренебрежения задачей борьбы с этой опасностью. В этом вопросе точка зрения Коминтерна была сформулирована X пленумом не менее четко, чем VI конгрессом. Как известно, именно X пленум ИККИ положил начало практике революционных массовых выступлений против опасности войны в международном масштабе (Красный день).

2) После VI конгресса т. Бухарин в целом ряде статей старался экономически, теоретически, обосновать свою одностороннюю политическую установку, попытавшись с этой целью омолодить свою старую антимарксистскую теорию «замирания конкуренции внутри капиталистической страны» и докатившись до теории «организованного капитализма». Это было симптомом весьма опасным, так как т. Бухарину было известно, что эта теория решительно отвергнута еще т. Лениным: когда т. Бухарин, например, при выра-

ботке тезисов к I конгрессу Коминтерна внес формулировку, гласившую: «Место бешеной анархии заступает организация», тов. Ленин предложил вычеркнуть это утверждение. Известно также, что в заметках на книге Бухарина «Экономика переходного периода», в том месте, где говорится: «финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран», Ленин перечеркнул слово «уничтожил» и написал на полях: «не уничтожил».

В резолюции X пленума ИККИ теория т. Бухарина, «служащая идейной базой для всех правых элементов в Коминтерне», получила такую оценку:

> «Представление примиренцев о притуплении внутренних противоречий в капиталистических странах и о возможности организации внутреннего рынка при сохранении анархии исключ~~ение~~ительно на мировом рынке опровергается всем развитием капитализма на протяжении последних лет и на деле означает капитуляцию перед реформистской идеологией.»

3) Когда т. Эмбер-Дро — в заседании политсекретариата ИККИ 4/XII 1928 г., нападая на линию КПГ, — исказил в грубо оппортунистическом духе линию VI всемирного конгресса, т. Бухарин (сам уже не являвшийся тогда на заседания Коминтерна) разослал эту речь Эмбер-Дро членам делегации ВКП(б) при ИККИ, ни единым словом не отмежевываясь от нее. Сущность этой речи заключалась в защите германских примиренцев — Эверта, Герхарда и других, которые в своем декабрьском меморандуме возвещали «экономическое усиление нынешней основы относительной стабилизации, а стало быть и политической власти буржуазии». Рядом с т. Эмбер Дро в ту пору боролся в политсекретариате и президиуме ИККИ один из итальянских правых — Серра, исключенный осенью 1929 г. итальянской компартией из ее рядов. Еще в феврале 1929 г. он в своем докладе упорно настаивал на наличии «некоторого укрепления капиталистической стабилизации», раз'ясняя, что еще при обсуждении директив для итальянской делегации на VI всемирный конгресс, он «подчеркивал относительное укрепление буржуазии в национальном масштабе».

В заседаниях президиума ИККИ 19 декабря 1928 г. Сталин, выступая против этих оппортунистов, сказал между прочим следующее:

> «... Коминтерн исходит из того, что нынешняя капиталистическая стабилизация есть стабилизация временная, непрочная, шаткая, гнилая, которая будет все более расшатываться в ходе дальнейшего развития капиталистического кризиса. Это нисколько не противоречит тому общеизвестному факту, что капиталистическая техника и рационализация растут. Более того, именно на базе этого роста развертывается внутренняя гнилость и несостоятельность стабилизации»... Далее. Ленин говорил, что развитие капитализма в условиях империализма представляет двухсторонний процесс в некоторых странах, с одной стороны, загнивание капитализма в других странах — с другой стороны. Правилен ли этот тезис Ленина? И если он правилен, не ясно ли, что капиталистическая стабилизаиця не может не быть гнилой?»

Таким образом, здесь мы видим ту же «диалектику развития капитализма», вскрытую т. Сталиным еще за год до того.

Как на XV с'езде ВКП(б), так и на всем протяжении борьбы с попытками протащить в Коминтерн оппортунистическую точку зрения на капиталистическую стабилизацию, т. Сталин обосновывал свою оценку, на конкретном анализе, на наличии целого ряда предвестников нового революционного под'ема. Сюда были отнесены троякого рода показатели:

1) Рост революционного движения в Китае, Индонезии и Индии. «Тот факт, — говорил тов. Сталин, — что китайская революция не привела еще к прямой победе над империализмом, этот факт не может иметь решающего значения в смысле перспектив революции. Великие народные революции никогда вообще не побеждают до конца в первом туре своих выступлений. Они растут и укрепляются в порядке приливов и отливов. Так было везде, в том числе и в России».

2) В рабочем движении Европы — явные признаки полевения рабочих низов и революционного оживления: «Такие факты, как английская общая и угольная забастовка, революционное выступление рабочих в Вене, революционные демонстрации во Франции и Германии в связи с убийством Сакко и Ванцетти, избирательные успехи германской и польской компартий, явная диференциация рабочего движения в Англии, в силу которой рабочие идут влево, а вожди вправо, в лоно явного социал-империализма, вырождение II Интернационала в прямой придаток империалистической Лиги Наций, падение авторитета социал-демократических партий в широких массах рабочего класса, повсеместный рост влияния и авторитета Коминтерна и его секций среди пролетариев всех стран, рост авторитета СССР среди угнетенных классов всего мира, конгресс «друзей СССР» и т. д., — все эти факты с несомненностью говорят о том, что Европа вступает в новую полосу революционного под'ема».

3) Рост и развитие Советского Союза именно как страны строящегося социализма. «Самое существование СССР, как страны строящегося социализма, является одним из величайших факторов разложения мирового империализма и подрыва его устойчивости как в Европе, так и в колониях. СССР явным образом становится знаменем рабочего класса Европы и угнетенных народов колоний».

Полтора года спустя, в мае 1929 г., при обсуждении американского вопроса в президиуме ИККИ, т. Сталин имеет возможность отметить новые факты революционного под'ема, не только подтверждающие прежнюю оценку, но и свидетельствующие о том, что прогноз дальнейшего революционного развития был сделан на XV с'езде правильно и своевременно.

> «Многие думают, что в международной обстановке за последнее время ничего не изменилось, что все осталось по-старому. Это неверно, товарищи. На самом деле мы имеем обострение классовой борьбы во всех капиталистических странах, рост революционного кризиса в Европе, нарастание условий нового революционного под'ема. Вчера об этом сигнализировала нам всеобщая забастовка в Лодзи. Недавно мы имели еще сигнал в Берлине. Завтра пойдут новые сигналы во Франции, в Англии, Чехо-Словакии, в Америке, в Индии, в Китае. Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма».

Мы привели столь подробные цитаты из речей т. Сталина, чтобы наглядно показать читателю корни тезисов X пленума ИККИ, которые, на ряду с тезисами VI всемирного конгресса, образуют в данный период твердую основу политики Коминтерна. Решающее место резолюции X пленума, относящееся к оценке нынешнего периода, гласит:

> «Вопреки пророчествам социал-демократии и вторившим ей правым и примиренческим элементам, стабилизация капитализма не только не стала прочной, а, наоборот, все более и более расшатывается. Все более наглядно подтверждается правильность данной VI конгрессом оценки теперешнего, третьего периода послевоенного капитализма как периода нарастания его общего кризиса, ускорящего обострения основных внешних и внутренних противоречий империализма, ведущих с неизбежностью к империалистиче-

> ским войнам, величайшим классовым конфликтам, к полосе развертывания нового революционного под'ема в основных капиталистических странах, к великим антиимпериалистическим революциям в колониальных странах».

Основная мысль этого тезиса была в кратком сжатом виде выражена т. Сталиным уже на XV с'езде в следующих словах:

> «Мы живем накануне нового революционного под'ема как в колониях, так и в метрополиях».
>
> «Из стабилизации вырастет новый революционный под'ем».

Разумеется, в момент X пленума ИККИ (июль 1929 г.) можно было в известной степени конкретизировать характеристику нового периода, данную т. Сталиным в конце 1927 г., напр., в той ее части, где речь идет о «постепенной фашизации политики буржуазных правительств», «о повсеместном наступлении буржуазии на пролетариат», о процессе фашизации реформистской профсоюзной бюрократии и соц.-демократической партии («социал-фашизм»), а также о дальнейшем развитии наступательного характера массовых боев пролетариата. На последнем, имеющем важное значение факторе мы остановимся в следующей главе.

В одном основном пункте X пленуму ИККИ пришлось существенно дополнить оценку нового периода, данную т. Сталиным на XV с'езде ВКП(б), не в том смысле, что эту оценку пришлось изменить или урезать, а в том, что явилась возможность на основе новых исключительной важности фактов еще сильнее ее развить, при чем в том направлении, которое указывал и предсказывал т. Сталин. Речь идет о роли СССР—в тесной связи с огромным усилением и размахом социалистического строительства в СССР в год «великого перелома».

X пленум ИККИ, констатировавший победоносное наступление на капиталистические элементы города и деревни, могучий размах коллективизации сельского хозяйства на основе его технического под'ема,—бурный рост социалистической индустрии, энтузиазм пролетариата, строящего социализм,—тот энтузиазм, который теперь находит все более могучее выражение в развертывающемся социалистическом соревновании, подчеркнул, в частности, что «пятилетний план социалистического строительства... является величайшим достижением не только трудящихся масс СССР, но и всего международного пролетариата».

> Начатое уже успешное осуществление этого великого плана»—говорится в тезисах X пленума ИККИ—«укрепляет социалистические основы пролетарской диктатуры, повышает ее обороноспособность и, следовательно, укрепляет боевые позиции мирового пролетарского революционного движения. Успешное продвижение СССР по пути социализма является важнейшим фактором подрыва капиталистической стабилизации и обострения общего кризиса капитализма».

II. Подготовка рабочего класса к грядущим классовым боям.

1. Отчетливее и резче выявлять самостоятельную линию компартии, обострять борьбу против социал-демократии.

Нынешний период нарастания нового революционного под'ема товарищ Сталин иногда одновременно определяет, как «период подготовки рабочего класса к грядущим классовым боям». В этой последней формулировке уже совершенно ясно выражена основная цель революционной стратегии этого периода,—актуальная, непосредственно вытекающая из описанного выше характера этого периода основная задача Коминтерна: «Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма. Задача компартии состоит в том, чтобы начать теперь же развивать массовую подготовительную работу к грядущим классовым битвам, чтобы готовить рабочий класс и эксплоатируемые массы к новым революционным боям».

Революционная подготовка широких масс, прежде всего, совершается путем накопления их боевого опыта, опыта классовых боев нынешнего периода, под руководством коммунистических партий.

Великий революционный опыт китайского рабоче-крестьянского движения эпохи революционного под'ема 1925—27 г.г. подытожен тов. Сталиным в его отчете на XV с'езде в следующих сжатых словах:

> «Самым важным результатом китайской революции является тот факт, что она разбудила от вековой спячки и привела в движение сотни миллионов эксплоатируемых и угнетенных, разоблачила вконец контрреволюционность генеральских клик, сорвала маску с гоминдановских прислужников контрреволюции, укрепила авторитет коммунистической партии среди народных низов, подняла движение в целом на высшую стадию, на стадию организации советов и пробудила новые надежды среди миллионов угнетенных классов Индии, Индонезии и т. д.».

Хотя история китайской революции 1926—27 г.г. не имеет прямого отношения к нашей теме, а лишь к «предистории» характеризуемого здесь поворота в курсе Коминтерна—все же уместно отметить, что руководство Коминтерна при этом в течение долгого времени вело упорную, хотя—по ряду причин — и не вполне успешную борьбу против оппортунистических ошибок и колебаний коммунистической партии Китая. «Китайская компартия сможет выполнить лежащие на ней задачи», говорил ИККИ, «поскольку она сама, как авангард рабочего класса, будет иметь свое собственное лицо, отличное от политического лица даже самых левых мелкобуржуазных революционеров». Уже в речи тов. Сталина в китайской комиссии ИККИ от 30 ноября 1926 г. имеются указания на роковую опасность недооценки роли пролетариата и самостоятельности рабочего движения в Китае, на необходимость систематической работы в армии, решительного развязывания крестьянской революции, чтобы таким путем предупредить перерождение революции в контрреволюцию. Впоследствии ИККИ не раз обращал внимание китайской компартии на то, что она «не обнаруживала достаточную твердость в критике лидеров гоминдана»; что в партии наблюдалась «известная боязнь перед развертыванием массового движения, в первую очередь, движения среди крестьян в пользу захвата земель, изгнания джентри и помещиков»; далее, что партия не поняла перехода одного этапа революции в другой и необходимости своевременно готовиться к отпору и т. д. Правильное и своевременное разрешение этих крупных, действительно трудных задач, поставленных революцией перед молодой, малоопытной китайской компартией, в обстановке концентрированного нападения мирового империализма и всех его китайских агентов, оказалось выше ее сил.

Уроки китайской революции были в полном об'еме учтены в тезисах VI всемирного конгресса по колониальному вопросу, на основе которых теперь идет работа Коминтерна в колониальных и полуколониальных странах. При этом, VI конгресс, как известно, ликвидировал колебания и в направлении социал-демократической теории деколонизации.

Из компартий империалистических стран, прежде всего, следует упомянуть о четырех, которые со своей стороны приступили к осуществлению поворота в своей политике и к переустановке ее на рельсы нового периода еще до VI конгресса. Это были коммунистические партии Германии, Польши, Англии и Франции.

Германская компартия после банкротства брандлеровского ЦК в 1923 году и фишер-масловского руководства в 1925 году многому научилась в борьбе против правого и «левого» оппортунизма. Она имела возможность с полным правом указать на Эссенском с'езде (февраль 1927 г.) на значительные успехи в области большевизации партии со времени открытого письма ИККИ (1925 г.). Эссенский с'езд констатировал начинающийся процесс полевения германского рабочего класса и немедленно извлек отсюда правильный политический вывод: «Самая ожесточенная борьба против социал-демократической партии!» Он охарактеризовал «левых» вождей социал-демократии, как опаснейших врагов, которых коммунисты должны в первую очередь разоблачать и «беспощадно бить, чтобы освободить большинство германского рабочего класса из-под ига реформистского влияния». Для того времени это было немало. Новый период тогда еще не начинался, происходил лишь переходный процесс. Эссен еще не мог быть выражением законченного курса нового периода (как Веддингский с'езд в марте 1929 года). Но он был значительным шагом вперед и имел основание говорить о себе:

> «XI (Эссенский) с'езд образует переход от партийных дискуссий прошлого к усиленной революционной массовой работе, к организации приближающихся массовых битв, в которых коммунистическая партия Германии должна будет выдержать проверку, как фактор взрыва капиталистической стабилизации, как авангард германского рабочего класса, как будущий вождь пролетарской диктатуры».

Польская компартия, которая на ряду с КПГ считалась самой опытной коммунистической партией в капиталистических странах, также проделала как правый, так и ультра-левый кризис и несмотря на это впала — в связи с фашистским переворотом в мае 1926 г.—в величайшую оппортунистическую ошибку. Однако, партия, опираясь на открытое письмо ИККИ, подвергла эту ошибку серьезнейшей самокритике и вполне исправила ее на своем IV с'езде (1927 г.). Партия взяла установку «не на автоматический крах фашистской диктатуры и возвращение к буржуазной демократии, а на свержение этой диктатуры путем пролетарской революции, путем вооруженного восстания». В ближайшей перспективе IV с'езд партии предвидел рост внутренних противоречий капиталистической стабилизации, ускорение темпа развития классовой борьбы, созревание революционного сознания и активности трудящихся масс города и деревни. «От степени большевистской зрелости КПП, от полного преодоления ею всех остатков правых и ультра-левых уклонов зависит использование этих противоречий для углубления борьбы, преодоление наступления фашизма, срыв капиталистической стабилизации». Правый уклон был охарактеризован партией как «опаснейший для данного момента».

Английская компартия во время всеобщей стачки (май 1926 г.) в общем и целом выполнила свой долг, но для нее оказалось трудным немедленно и улубоко усвоить уроки стачки; она испугалась за существование англо-русского профсоюзного комитета, когда ВЦСПС немедленно и открыто, без всяких прикрас, осудил предательство стачки генеральным советом английских профсоюзов. Исполком Коминтерна в то время подчеркнул, как важнейший урок стачки, необходимость беспощадной критики и беспощадного разоблачения не только правых предателей, но и «левых» капитулянтов из генсовета. «Без сокрушения оппортунизма в рабочем движении нельзя сокрушить и капиталистический режим».

Но оказалось, что партруководство КПА еще в начале 1928 г. не сумело извлечь политических выводов из факта полевения рабочих масс и неуклонного обострения классовой борьбы, которая сопровождалась все более тесным сближением реформистских лидеров с буржуазией для борьбы против революции. IX пленум ИККИ указал КПА со всей решительностью на необходимость поворота курса партии, в частности на «повелительную необходимость выступать со все более отчетливой и резкой тактикой борьбы против лейбор-партии и лидеров профсоюзов, все отчетливее и резче выявлять свою особую политическую линию, коренным образом отличающуюся от линии реформистов, как во всех общих политических вопросах, так и в вопросах повседневной борьбы рабочего класса». Необходимо также начать решительную борьбу против дисциплины, навязываемой рабочему движению бюрократией лейбор-партии, вырождающейся все больше в обычную с.-д. партию. В парламентских выборах КПА предлагалось выступать в качестве самостоятельной партии и заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства. Этот поворот оказался для английской партии очень трудным делом. Даже после 9-го пленума ИККИ, после формального согласия на поворот, английская партия выдвинула — в качестве центрального лозунга — лозунг «рабочего правительства под контролем исполкома лейбор-партии, что было отменено ИККИ и осуждено 6-м конгрессом Коминтерна.

Французская компартия при поддержке ИККИ положила начало в конце 1927 г. и в начале 1928 г. коренному повороту в своей тактике, решительного проведения, которого еще раз настойчиво потребовал IX пленум ИККИ. В своей критике Коминтерн осудил прежде всего позицию КПФ по отношению к социалистической партии и в особенности к т. н. «левому» крылу этой партии, (которое она рассматривала не как преграду, мешающую социалистическим рабочим притти к коммунизму, а как коммунистическую группу, способную привлечь рабочих на сторону компартии), отсутствие достаточной инициативы в борьбе против социалистической партии для разоблачения ее роли как агента империализма и опоры реакции; непроведение достаточно четкой грани между социалистической и коммунистической партиями (тактика выставления совместных кандидатских списков, переговоры о единстве и т. д.). КПФ должна была изменить свою тактику, усилить борьбу с социалистической партией и реформистской ВКП и более отчетливо выявить свое самостоятельное революционное лицо.

Хотя и не без трудностей и не без противодействия в собственных рядах КПФ все же в общем и целом провела этот курс уже на парламентских выборах весною 1928 г. под общим лозунгом «класс против класса».

Подводя итоги опыту первых шагов проведения новой тактики, политическая резолюция VI конгресса Коминтерна, между прочим, указывает, что «в связи с новой насквозь буржуазной и активной империалистической идеологией соц.-демократии должна быть обострена борьба с этой «буржуазной рабочей партией». Обострение этой борьбы вытекает из изменившегося соотношения сил и изменившейся позиции социал-демократии, вступившей в более «зрелый», с точки зрения империализма, период своего развития».

При этом VI конгресс обратил особое внимание на возможное усиление, так наз. «левого» крыла социал-демократии (австро-марксизм, транмелизм и т. д.), «которое обманывает рабочие массы методами более тонкими и поэтому более опасными для дела пролетарской революции». Об этом, как отметил т. Сталин на апрельском пленуме ЦК 1929 года, ничего не было сказано в проекте тезисов т. Бухарина, а между тем, в Германии, например, соответствующая формулировка Эссенского с'езда уже больше года была предметом спора между партией и правыми. Вставки, принятые VI конгрессом в этом пункте, вполне подтвердили точку зрения Эссенского с'езда КПГ, напр., в § 23 тезисов конгресса:

> «Учитывая процесс полевения рабочих и внутри социал-демократии, стараясь оказывать на них возрастающее влияние, коммунисты должны самым решительным образом разоблачать «левых» социал-демократических вождей, как наиболее опасных проводников буржуазной политики в рабочем классе, отвоевывая неизбежно отходящую от них рабочую массу».

2. Большевистское руководство экономическими и политическими частичными боями.

Практическое применение нового курса скоро приобрело важнейшее значение, при этом не столько в области парламентской борьбы, сколько в области экономических частичных боев. IX пленум ИККИ и IV конгресс Красного Профинтерна (март 1928 г.) уже поставили в этой области первые новые задачи — прежде всего задачу самостоятельного руководства стачками («помимо и против воли реформистских руководителей») и осуществления «единого фронта снизу» непосредственно на предприятиях.

Но международная волна стачек высоко поднялась только после IV конгресса Профинтерна — вспомним хотя бы борьбу на Руре и бои металлистов в Германии, лодзинскую всеобщую забастовку в Польше, бои текстильщиков во Франции, Польше, Чехо-Словакии и Бомбее и целый ряд других массовых экономических боев. Эмбер-Дро, Серра, германские примиренцы не увидели в этих боях ничего нового. По их мнению, эти стихийные бои рабочего класса с капиталистами по сути своей имели только оборонительный характер. «Правильно ли это? — спрашивал т. Сталин на заседании президиума ИККИ 19 декабря 1928 г. и отвечал: «Нет, не правильно. Утверждать это — значит тащиться в хвосте за событиями».

> «Тов. Эмбер-Дро забывает, что борьба рабочего класса происходит теперь на базе расшатывающейся стабилизации, что бои рабочего класса носят нередко характер встречных боев, контрнаступления и прямого наступления на капиталистов».

Стачечное движение выявило активную роль в этих массовых боях неорганизованных масс, которые по своему революционному настроению нередко оказывались впереди организованных в реформистских профсоюзных рабочих. Это было установлено, например, для рурских боев. Но тов. Эмбер-Дро отказывался признать эти факты, утверждая, что этого быть не могло. Против такого утверждения решительно выступил т. Сталин.

> «Странное дело!», сказал тов. Сталин. «Почему не могло быть? В Руре имеется около миллиона рабочих. Из них организовано в профсоюзы около двухсот тысяч. Профсоюзами руководят бюрократы-реформисты, связанные всеми нитями с классом капиталистов Что же тут удивительного, если неорганизованные рабочие оказались революционнее организованных? Да разве могло быть иначе? Я мог бы рассказать вам из истории революционного движения в России факты, более «удивительные». У нас нередко бывало, что массы оказывались революционнее своих (некоторых) коммунистических вождей. Это хорошо известно всем русским большевикам Из этого именно исходил Ленин, когда он говорил, что нужно не только учить массы, но и учиться у масс».

Чем наглее, с одной стороны, сросшаяся с капитализмом реформистская профбюрократия сопротивляется всякому стачечному движению и чем решительнее, с другой стороны, рабочие массы рвутся в борьбу, тем неизбежнее в практике коммунистов вырастала задача брать инициативу и руководство стачками в свои руки. Этого, разумеется, невозможно добиться без прорыва профсоюзного легализма, без «известной ломки существующих реформистских рамок профсоюзов». Но такая ломка не нравится правым и примиренцам, Эмбер-Дро, Серра и др. И Серра критикует германских коммунистов за то, что они в борьбе за организацию локаутированных металлистов расшатали рамки реформистских профсоюзов. Он требует, чтобы коммунисты работали только внутри существующих профсоюзов. Возражая ему, тов. Сталин показывает, куда ведет такой гнилой оппортунизм:

> «Говорить так — это значит похоронить идею руководящей роли компартии в рабочем движении. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они не дали себя запугать болтовней о «профсоюзных рамках» и перешагнули через эти рамки, организуя борьбу неорганизованных против воли профбюрократов. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они искали и нащупали новые формы и организации неорганизованных рабочих».

Речь, разумеется, идет не о прекращении нашей работы в реформистских профсоюзах. Нет, эта работа по революционизированию и завоеванию массы должна попрежнему со всей энергией вестись внутри реформистских профсоюзов везде, где только они являются массовыми организациями. Необходимо даже в тех странах, где нет революционных профсоюзов, привлекать в эти реформистские профсоюзы новых членов из неорганизованных — на основе платформы революционной оппозиции. Но, подчеркивает тов. Сталин, из этого вовсе не следует, что мы должны ограничивать свою массовую работу работой в реформистских профсоюзах, что мы должны стать рабами норм и требований этих союзов. На основании опыта частичных экономических боев уже осуществляется ряд новых целесообразных форм забастовочной борьбы и организации: забастовочные комитеты, революционные уполномоченные, делегатские конференции рабочих от предприятий, выставление самостоятельных списков при выборах в фабзавкомы, систематическая работа по превращению фабзавкомов в органы подлинной классовой борьбы, различные формы сплочения и укрепления борющейся в рядах реформистских профсоюзов революционной оппозиции и т. д., и т. п. И, как заметил тов. Сталин в своей речи, на которую я уже здесь несколько раз ссылался, — «вполне представима такая обстановка, при которой может оказаться необходимым создание параллельных массовых об'единений рабочего класса, вопреки воле продавшихся капиталистам профсоюзных бонз. Мы имеем уже такую обстановку в Америке. Вполне возможно, что к этому же пойдет дело и в Германии».

X пленум ИККИ потом конкретно указал, при каких условиях необходимо и возможно создание коммунистами новых профсоюзов.

Борьба рабочего класса за повышение уровня жизни в нынешний период неизбежно перерастает в борьбу против основ капиталистической системы и против буржуазного государства. В условиях чрезвычайного обострения классовых противоречий, даже стачки, возникающие на чисто экономической почве, приобретают важное политическое значение и даже непосредственно перерастают в классовые политические забастовки. Применение зверских фашистских репрессий против бастующих еще больше усиливает глубокое возмущение широких рабочих масс и тем самым увеличивает возможность быстрого распространения политической массовой забастовки, высшей формой которой является революционная всеобщая забастовка. X пленум ИККИ особенно подчеркивал решающее значение проблемы политической массовой забастовки для ближайшего периода. Умелое применение этого орудия «поможет компартиям вносить больше единства в распыленные экономические выступления рабочего класса, проводить широкую мобилизацию пролетарских масс и всемерно увеличивать их политический опыт, подводя их к непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата».

3. Борьба с правой опасностью, как главной опасностью.

Отставляется ли борьба за массы новой тактикой Коминтерна? Конечно, нет. Напротив, эта задача «еще более становится в центре всей работы Коммунистического Интернационала» (VI конгресс). «Надо усилить борьбу за завоевание миллионных масс рабочего класса на сторону коммунизма» (тов. Сталин, 14 мая 1929 г.). «В условиях нарастающего нового под'ема революционного рабочего движения завоевание большинства рабочего класса есть центральная задача компартии» (X пленум ИККИ).

Коминтерн не делает никаких уступок троцкизму или какому бы то ни было «левому» уклону, который мог бы повести к изолированию компартий от массы пролетариата. Во всех случаях, когда «левые» загибы затрудняют коммунистическим организациям доступ к массам, ИККИ помогает коммунистам преодолевать эти внутренние препятствия. Можно было бы привести ряд примеров этому хотя бы из последнего периода (известные важные решения КИМ'а, австрийской компартии, чехо-словацкой компартии). Но главная опасность находится не «слева», а справа.

Именно с точки зрения завоевания широких рабочих масс на сторону пролетарской революции, борьба компартий в собственных рядах против правого ликвидаторства и примиренческого отношения к нему в собственных рядах приобретает величайшее значение. «Ослаблением борьбы против социал-демократии, переоценкой ее сил и принижением роли компартии эти элементы срывают борьбу партии за завоевание большинства рабочего класса, мешают рабочим, находящимся на пути от социал-демократии к коммунистическому движению, сделать последний шаг в сторону коммунизма» (X пленум ИККИ). Таким образом, они об'ективно играют такую же роль, как «левые» социал-демократические вожди. Германские правые, например, во время рурских боев своим саботажем линии компартии играли прямо штрейкбрехерскую роль. Правая полу-социал-демократическая профсоюзная политика может привести только к неизменной капитуляции перед реформистски-фашистской профбюрократией.

«Массовая политика», правда, была знаменем всех правых ренегатов в их борьбе против линии Коминтерна, но факт тот, что все они остались без масс. Задача завоевания масс в нынешний новый период требует, прежде всего, чтобы мы шли во главе боевых выступлений рабочих масс. Она требует завоевания руководства экономическими стачками, фабзавкомами, уличными демонстрациями и т. д. Только этим путем может быть ускорен и процесс революционизирования рабочего класса, его подготовка к решающим классовым боям; только этим путем может быть обеспечена руководящая роль коммунистических партий в этих грядущих боях. Отставание компартии от темпа массового революционного движения, пассивность, половинчатость, политика правых шатаний и капитулянтства перед классовым врагом и его агентами в рабочем движении — это в настоящий период величайшая опасность.

Против этой опасности со времени VI конгресса сосредоточивается главный огонь.

Тов. Сталин неоднократно призывал коммунистические партии не тащиться в хвосте движения, не допускать, чтобы события их застигали врасполох. Он не раз предупреждал тех, которые привыкли смотреть назад, а не вперед и не видеть нового в событиях. Это приводит,—говорил он,—к отказу компартии от руководящей роли в рабочем движении. «На этом именно и срезалось руководство германской компартии во время революции в 1923 г. Поэтому, кто не хочет повторять ошибок 1923 г., тот должен будить мысль коммунистов и звать их вперед, тот должен готовиться к надвигающимся боям, тот должен принять меры к тому, чтобы коммунистические партии не оказались в хвосте событий и рабочий класс не был застигнут врасплох».

Главные бои против правых и примиренцев велись в ВКП(б), в германской компартии, в чехо-словацкой, американской и шведской компартиях; очень важна эта борьба была и во французской, польской, английской компартиях и т. д. В рамках данной статьи мы не можем, разумеется, останавливаться на многочисленных случаях этой внутренней борьбы, которые впрочем более или менее общеизвестны. Лишь некоторые важные моменты из борьбы против правого уклона в ВКП(б) и КПГ необходимо здесь выделить.

Борьба ВКП(б) против правой опасности имела важнейшее значение для Коммунистического Интернационала не только в силу руководящего положения ВКП(б) в Коминтерне (и особенно ответственного положения тов. Бухарина в ИККИ), но и в силу международного значения тех вопросов социалистического строительства в СССР, разрешение которых в том или ином направлении было предметом этой борьбы. Можно себе теперь представить, каковы были бы результаты, если бы хозяйственное развитие СССР хотя бы только в истекшем году шло по линии тов. Бухарина; вместо твердого овладения и планового руководства экономическим развитием СССР—опасный рост хаотической стихийной силы свободного рынка; вместо успешного наступления на капиталистические элементы в городе и деревне—усиление кулака и его влияние на середняка; вместо великого перелома в деле под'ема производительности труда на фронте социалистического строительства, в ускорении темпа индустриализации и разрешения гигантской задачи коллективизации и технической перестройки сельского хозяйства, вместо всего этого продвижения вперед к социализму—безусловно шаг назад. И так далее. Ясно, что означало бы такое развитие для перспектив СССР! Поэтому победа партии в борьбе против правого уклона имеет величайшее значение для пролетариата не только СССР, но и всего мира.

Мы уже упоминали раньше о правых ошибках тов. Бухарина в оценке капиталистической стабилизации и внутренних противоречий капиталистических стран. На VI всемирном конгрессе по предложению германской и русской делегации к проекту тезисов тов. Бухарина (§ 59) была принята поправка, в которой подчеркивалось, что правые уклоны «являются особенно опасными и борьба с ними должна быть поставлена на первый план, что предполагает и систематическую борьбу с примиренческим отношением к правым течениям внутри компартии». Тов. Бухарин на конгрессе заявил о своем согласии с этой поправкой. Но как он вел после конгресса борьбу против правых и примиренцев в германской компартии? Когда примиренцы и правые в КПГ в сентябре 1927 г. организовали свой внезапный наскок на революционное крыло в ЦК, чтобы устранить, прежде всего, тов. Тельмана, тов. Бухарин предложил, чтобы ИККИ санкционировал этот неслыханный переворот. И когда брандлеровцы со всей безоглядностью повели свою ликвидаторскую фракционную борьбу (издание фракционной газеты, призыв к организации восстать против всех решений ЦК и т. д.), и перед партией встала задача—разгромить фракцию брандлеровцев, тов. Бухарин, как рассказал тов. Сталин на апрельском пленуме ЦК ВКП(б), все время уклонялся от участия в решении этого вопроса.

Коминтерн вынужден был, как в Германии, так и в некоторых других странах, очистить свои ряды от неисправимых правых фракционеров. Эта чистка была изображена тов. Бухариным, как «разложение Коминтерна». Некоторые германские примиренцы, противясь исключению правых, ссылались даже на речь тов. Сталина на ноябрьском пленуме (1928 г.) ЦК ВКП(б), в которой он указал, что на данной стадии развития борьбы против правой опасности внутри ВКП(б) основным методом является идеологическая борьба. Тов. Сталин в ответ на эту нелепую ссылку указал на существование большой разницы в условиях борьбы с правой опасностью в ВКП(б) и в КПГ. Во-первых, в Германии правые уже перешли к фракционным методам борьбы и к систематическому нарушению решений партруководства. Во-вторых, в Германии «возле компартии существует более сильная и довольно крепко организованная социал-демократическая партия, питающая правый уклон в германской компартии и превращающая его об'ективно в свою агентуру». В-третьих—и это особенно важно— ВКП выросла и окрепла в жесточайших боях с меньшевиками, при чем бои эти имели в продолжение нескольких лет форму прямой гражданской войны с ними. «Этим, между прочим, и об'ясняется, что нигде, ни в одной компартии в мире, традиции против открытого оппортунизма не сильны в такой степени, как в ВКП». — «Можно ли тоже самое сказать и о германской компартии?»—спросил т. Сталин.— «Вы наверно согласитесь со мной, что, к сожалению, нельзя этого сказать. Более того, мы не можем отрицать, что компартия Германии далеко еще не освободилась от социал-демократических традиций, питающих правую опасность в КПГ».

При обсуждении вопросов американской компартии (оппозиция Ловстона) на президиуме ИККИ 14 мая 1929 г., тов. Сталин в самой острой форме поставил вопрос о необходимости для секций Коминтерна очистить себя от оппортунистических элементов, без чего невозможна и подготовка к надвигающимся классовым битвам.

> «Партии большевизируются и укрепляются тем, что очищают себя от скверны. Вот в чем смысл последних событий в германской, чехо-словацкой, американской, французской и других партиях. Партийным филистерам кажется все это признаком разложения Коминтерна, потому что они ничего дальше своего носа не видят. Революционные же марксисты знают, что это есть благодетельный процесс большевизации наших братских партий, что без этого благодетельного процесса невозможно подготовить партии и пролетариат к грядущим классовым битвам».

Именно задачи надвигающейся решительной борьбы заставляют заняться делом очищения рядов не в обычном темпе, а в темпе ускоренном. «Можно было бы,—сказал тов. Сталин,—не спешить с этим делом года два назад, рассчитывая на то, что молекулярный процесс большевизации компартий постепенно откинет прочь правые или колеблющиеся элементы, всех этих Брандлеров или Тальгеймеров, всех и всяких фракционных гешефтмахеров и т. д. и т. п. Можно было не спешить, так как не было опасности опоздать. Но теперь—другое дело. Теперь медлить значит опоздать, а опоздать—значит быть застигнутым врасплох грядущим революционным кризисом».

4. Железная когорта пролетарской революции.

Невозможно вести решительной борьбы против правого уклона, не поставив совершенно строго и четко вопроса о железной партийной дисциплине. По этому вопросу VI конгресс принял следующее дополнение к проекту тезисов тов. Бухарина в том § (§ 61), где идет речь об идеологической борьбе с уклонами от ленинской линии.

> «Это не только не исключает, но предполагает всемерное укрепление железной и внутри-партийной дисциплины, безусловное подчинение меньшинства большинству, безусловное подчинение нижестоящих органов, а равно и других партийных организаций (фракции в парламенте, фракции в профсоюзах, пресса и т. д.), руководящим партийным центрам и всех секций Коминтерна его Исполнительному Комитету».

Систематический подрыв партдисциплины в практике Коминтерна совершался как благодаря правой и «левой» фракционности, так и отчасти благодаря беспринципной фракционной борьбе. От этого зла часто страдало развитие наших компартий, например, польской, югославской, и, в особенности, американской. При обсуждении последнего фазиса фракционной борьбы в рядах американской КП тов. Сталин подробно раз'яснял, в чем состоит вред фракционности в рядах компартии. Напомним его основные положения. «Франкционность ослабляет чувство партийности, притупляет революционное чутье и ослепляет деятелей партии до того, что они вынуждены в своем фракционном увлечении ставить интересы фракции выше интересов партии»... «Она мешает воспитывать партию в духе принципиальной политики»... «Подрывая железную дисциплину партии, она создает в партии такой специфический фракционный режим, при котором вся внутренняя жизнь в партии оказывается деконспирированной перед лицом классовых врагов, а сама партия становится перед опасностью быть превращенной в игрушку в руках агентов буржуазии».. «Наконец, фракционность подрывает в корне всякую положительную работу в партии... создает, таким образом, такую обстановку, при которой авторитет партии, должен неминуемо падать в глазах рабочих».

Полное преодоление фракционности—одна из необходимых предпосылок большевизации компартий. В то же время необходимо систематически воспитывать подлинный партийный коллективизм. «Умение действовать коллективно,—говорил тов. Сталин американским коммунистам,—готовность подчинять волю отдельных товарищей воле коллектива, это именно и называется у нас настоящим большевистским мужеством».

Революционный авторитет партии укрепляется путем большевистской активности, путем стойкого, непоколебимого участия в классовых боях пролетариата и правильного руководства этими боями. С этой целью наши партии во всех капиталистических странах должны особенно серьезно сосредоточить внимание на дальнейшей большевизации своих кадров». «Надо» произвести отбор лучших элементов из старых кадров, пополнить их новыми силами, выдвигающимися в процессе классовых боев снизу, из массы, планомерно и систематически развертывать самокритику, являющуюся важнейшим орудием революционного перевоспитания и большевистской закалки партийных кадров». (X пленум ИККИ). Ту же самую задачу тов. Сталин следующими словами выразил во время прений по американскому вопросу:

> «Надо усилить борьбу за выковку действительно революционных кадров партии и за отбор действительно революционных лидеров партии, людей, способных итти в бой, вести за собой пролетариат, людей, которые не сдрейфят перед бурей и не будут метаться в панике, а пойдут навстречу буре».

Таким образом уже на основании революционной практики коммунистического движения со времени VI всемирного конгресса, можно видеть, из каких основных элементов складывался новый курс Коммунистического Интернационала, соответствующий условиям и требованиям настоящего нового периода. Сюда относится: отчетливое и резкое выявление компартиями собственного революционного лица, обостренная борьба против буржуазии и социал-демократии, в особенности против ее «левого» крыла; большевистское руководство экономическими и политическими частичными боями пролетариата; борьба против правой опасности, как основной опасности внутри партии; выковка партийной организации в железную когорту пролетарской революции.

Вот важнейшие составные части того «великого дела подготовки рабочего класса к грядущим классовым битвам, которое составляет теперь основную задачу кампартий всего мира» (Сталин).

П. Горин

О роли пролетариата в революционном движении Украины.

(К предстоящей украинской конференции историков-марксистов).

Оценка роли пролетариата в классовой борьбе XX века неслучайно за последнее время стала предметом дискуссии среди украинских историков-марксистов. Это действительно альфа и омега историка новейшего времени, задача которого состоит в том, чтобы проследить, как пролетариат Украины, ведущий в настоящее время борьбу за социализм, постепенно осуществлял роль гегемона в революционном движении XIX и XX в. Напомнив при этом неоднократно повторяемое М. Н. Покровским положение, что история—это политика, опрокинутая в прошлое, мы поймем, какая большая политическая ответственность лежит перед каждым историком. Неслучайно борьба вокруг схемы истории Украины среди украинских историков приняла острые формы. Борьба за марксистскую схему Украины новейшего времени — это, в основном, борьба за правильную оценку исторической роли пролетариата Украины.

«Признание» пролетариата в украинской историографии весьма интересный момент, вполне могущий быть темой специального исследования. Напомним только, что если в работах реакционных украинских историков Липинского, Дорошенко и других пролетариат Украины замалчивается или изображается случайным лицом в истории, то уже в работах мелкобуржуазных историков, например, Грушевского или Винниченко, пролетариат Украины обращает их внимание, но, конечно, не как претендент на современное руководство государством. Когда же этот «непрошенный гость» в 1917 году попытался помешать господам Грушевским и Винниченко установить национально-буржуазную республику, то Грушевский не нашел ничего остроумнее, как об'явить пролетариат Украины чужеродным телом, представителем не украинской демократии»[1]. Следует однако отметить, что, к сожалению, иллюзии реакционных, мелкобуржуазных историков Грушевского, Винниченко, Гермайзе и др. не нашли еще достаточного разоблачения со стороны наших историков-марксистов Украины. Только этим в первую очередь и возможно об'яснить, почему ряд ошибок, защищаемых представителями украинской реакционной, мелкобуржуазной литературы, попадается и в работах украинских историков-марксистов. В значительной мере это обстоятельство об'ясняет такое обилие ошибок и в работах М. Яворского[2]. Их грубая политическая ошибочность, конечно, отнюдь не должна умаляться, если даже автор искренне желает притти к марксизму.

---

[1] См. его работу «Улюстрирована історія України». Кіев. 1918 г. Сч. соотв. места о Центр. Раде.

[2] Нельзя не отметить, что только в последнее время тов. Яворский вступил на путь частичного признания своих ошибок. До последнего времени он их горячо защищал.

Мы упомянули только М. Яворского, хотя он не одинок в своих ошибках и находит поддержку среди ряда других украинских историков. Можно сослаться, напр., на статью М. Свідзінского «Селянські спілки на Україні в революції 1905 року» («Летопись революции» за 1928 г., № 6). Однако среди ряда других украинских историков М. Яворский заслуживает особого внимания: по его учебникам, рекомендованным Наркомпросом Украины, учатся сотни тысяч школьников. М. Яворского мы видим в качестве руководителя двух основных научных учреждений: кафедр истории Украины при Украинском институте марксизма и Украинской Академии Наук.

М. Яворский имеет ряд работ и учебников по истории Украины, которые, как мы увидим, поражают обилием ошибочных положений. Знакомясь с ними, невольно приходится удивляться, с какой легкостью М. Яворский может отказываться от своих положений, развиваемых в ранее вышедших работах, чтобы сделать ряд новых ошибок в последующих изданиях. Солидаризация его в ряде основных моментов истории XX в., с положениями защищаемыми также представителями украинских мелкобуржуазных историков, позволяет многим историкам-коммунистам рассматривать работы М. Яворского, как попытку приспособления схемы Грушевского и Винниченко к марксистской схеме истории Украины. Действительно в работах М. Яворского мы находим столь грубые методологические ошибки, что марксистская ценность их весьма сомнительна.

В наш период бурных успехов марксизма-ленинизма, являющегося единственным методом научного изучения, вообще говоря, нередки попытки кастрировать марксизм, сводя его только к признанию экономического фактора и признания классовой борьбы. Само собой разумеется, такое толкование марксизма недостаточно, и характерно для меньшевистской трактовки. Напомним хорошо известное ленинское понимание вопроса, данное им в «Государстве и Революции».

> «Главное в учении Маркса,—пишет он,—есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма»[1].

Это ленинское положение, определяющее революционного марксиста, абсолютно бесспорно и для историков, изучающих XX в., задача которых показать, как шло формирование рабочего класса, как пролетариат превращался в гегемона революции, как он осуществлял руководство борьбой широчайших крестьянских середняцко-бедняцких масс, чтобы вместе с ними завершить задачи Октябрьской революции. С этой точки зрения работы тов. Яворского по истории революции на Украине содержат в себе ряд грубейших ошибок.

И, действительно, основной вопрос истории, роль пролетариата Украины в XX в. в работах М. Яворского не получил своего разрешения. Умаление роли пролетариата Украины в революционном движении XX века

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 323. (Разрядка Ленина. *П. Г.*).

М. Яворским достигается очень «оригинальным» приемом—преувеличением революционной роли буржуазии и зажиточного крестьянства.

Как известно русская и украинская буржуазия в революциях 1905 года и 1917 года была контрреволюционной силой, выступавшей против рабочего класса и крестьянства. Контрреволюционность буржуазии ярко выявлена Лениным, тем не менее М. Яворский утверждает о революционной роли буржуазии, которая по его словам,

> «В 1904 году кричала на все стороны о революционном переустройстве России и о создании республики»[1].

Что это не случайная ошибка М. Яворского можно судить хотя бы по тому, что и в другой его работе мы находил утверждение, что

> «в 1905 году против правительства открыто выступает уже и буржуазия, требуя созыва Всероссийского Учредительного собрания, которое должно было бы выработать конституцию для России. Правительство должно было уступить и в августе 1905 года об'явило созыв «Государственной Думы»[2].

И в той же книге мы находим поразительную по незнакомству с фактами оценку роли буржуазии в Февральской революции:

> «и вот, чтобы предупредить революцию рабочих и крестьян,— пишет М. Яворский — буржуазия сама в марте 1917 года, по-новому стилю произвела революцию».

Но было бы наивно об'яснять после работ Ленина это положение Яворского только невежеством автора. Подчеркиванием революционной роли буржуазии М. Яворский одновременно умаляет роль пролетариата, как гегемона революции. Оставляя однако в стороне разбор этого столь очевидно всем ошибочного положения М. Яворского (кстати сказать не разделяемой даже гг. Винниченко и пр.), посмотрим, как М. Яворский разрешает проблему участия в революции рабочих и крестьянских масс, как им показана гегемония пролетариата в революционном движении на Украине в XX веке.

Подчас ловко используя моменты особенностей исторического развития Украины в XX в., М. Яворский хочет показать особенность расстановки классовых сил на Украине, в смысле революционности украинского кулачества Этим самым естественно удельный вес украинского пролетариата принижается, так что даже Октябрьская революция на Украине в изображении М. Яворского выглядит не как результат классового соотношения сил борющихся на Украине, а как нашествие русского пролетариата на Украину. Было бы, конечно, смешно отрицать особенности исторического развития Украины. Наоборот украинские историки-марксисты должны конкретно выявить специфические моменты в развитии Украины. Однако специфичность исторического процесса на Украине ни в какой мере не исключает в основном однородности классовых процессов происходивших в XX в. на Украине и в России[3]. Украинский пролетариат совместно с русским вели долгую и упорную борьбу с царизмом, на своих плечах они вынесли борьбу с белогвардейщиной и дружными усилиями ведут борьбу за социалистическое строительство. Игнорирование этого не только ошибочно, но и политически вредно. Также совместно украинские и русские кулаки пополняли ряды контрреволюции, чтобы разгромить республику Советов. М. Яворский однако с этим не согласен. Отдавая в лагерь контрреволюции русского кулака, он всемерно не только обеляет украинское кулачество, но делает его руководителем всего крестьянского движения. Это утверждение М. Яворский стремится достигнуть защитой теории «двокуркульства», т.-е. защитой положения о наличии двух типов кулака на Украине: феодального и фермерского. Эта теория им обстоятельно изложена в его последней работе «Історія України в стисломунарисі» и специальной статье «Проблема українськоі націонал-демократичної революції у 1917 року [1]). Так характеризуя движущие силы буржуазно-демократической революции на Украине М. Яворский пишет:

---

[1] М. Яворский. Історія України в стислому нарисі. Держ. вид. України 1928 г., стр. 257.

[2] М. Яворский. Краткая история Украины. Харьков, 1926 г.

[3] См. Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 48, 50, 221 и др.

> «Это были те силы, что раньше развивались на двух путях проблемы капитализации украинского земледелия,— то был с одной стороны феодальный кулак, что стремился через голову помещика врасти в капитализм и добиться в нем собственной гегемонии, то был с другой стороны, мелкий украинский-буржуа, мечтавший о национализации (земли) и «самостоятельной свободной крестьянской Украине, стране высоко развитого интенсивного фермерского сельского хозяйства». Это была, наконец, сзади этого националистического авангарда, вся серая и голодная до земли крестьянская масса, жадно протягивавшая руки к землям казны и помещиков» [2]).

Кроме того оказывается, что украинский кулак-фермер был не только революционной силой, но и руководителем всего крестьянского движения.

> «Это не удивительно — пишет М. Яворский,— что народившийся и рождающийся сельский буржуа, новой и чистой породы, фактически был у нас движущей силой в сельских выступлениях. Хотя не всюду и не везде он выступал впереди, хотя чаще он шел позади массы жаждущей земли, но на деле он был мозгом и нервом и на деле был автором крестьянских чаяний об уничтожении частных собственников и обыкновенно был автором крестьянских дум о национальной независимости в будущей республике» [3]).

Теория «двоекулачества» в русской литературе не нова. Она вытащена из архива борьбы Ленина с реакционным народничеством. Еще в «Развитии капитализма» Ленин решительно разделался с этими реакционными предрассудками.

> «Обычное народническое воззрение, по которому «кулак» и «хозяйственный мужик» представляют из себя не две формы одного и того же экономического явления, а ничем между собою не связанные и противоположные типы явлений,— это воззрение решительно ни на чем не обосновано. Это — один из тех предрассудков народничества, которое даже никто и не пытался никогда доказать анализом точных данных. Данные говорят обратное [4]).

Невольно напрашивается вопрос, зачем же М. Яворскому понадобилось вытаскивать этот народнический хлам и обстоятельно обновлять его в наши дни? Прав т. Рубач, рассматривающий эту вылазку М. Яворского как ревизию большевизма [5]). Эта ревизия М. Яворскому понадобилась для того, чтобы опровергнуть ленинское положение, что пролетариат в XX в., 1905 и 1917 годах был гегемоном революции и руководителем движения широких середняцко-бедняцких масс. Так продолжая дальше свои рассуждения, М. Яворский пишет:

> «А. между этими тремя силами (т.-е. кулак, фермер и бедняк. *П. Г.)* в качестве идеологического цемента разливалась украинская интеллигенция со своим лозунгом политической свободы, политического самоопределения. Пролетарские массы Украины за небольшим исключением, оставались в стороне от этой чарующей музыки национального экстаза. Аграрный вопрос большей частью их не интересовал в разрезе крестьянских требований» [6]).

---

[1]) См. журнал «Червоний Шлях», 1927 г., № 1—4. Изд. Харьков.

[2]) Журнал «Червоний Шлях», № 4, стр. 96, 1927 г. (Перевод здесь в дальнейшем наш. *П. Г.)*.

[3]) М. Яворський. Історія України в стисломy нарисі. Стр. 257.

[4]) Ленин. Собр. соч., т. III, стр. 139. По этому вопросу см. также т. IX, стр. 349, 599 и т. д.

[5]) См. ст. М. Рубач. «Ревізія більшовицкоі схеми рухомих сил», в «Більшовик України», 1929 г., № 17—18.

[6]) Журн. «Червоний Шлях», № 4, стр. 96, 1927 г.

С подобными искажениями роли пролетариата, как гегемона крестьянской борьбы за ликвидацию крепостнических отношений, свидетельствующими о полном непонимании М. Яворским ленинского положения о разграничении движущих сил и характера революции, мы еще встретимся неоднократно. Сейчас хотелось бы только отметить, что утверждением «двокуркульства» и признанием украинского кулака движущей силой и и руководителем революционного крестьянского движения М. Яворский искажает подлинную борьбу крестьянства в революциях 1905 и 1917 года, и в этой части скатывается к позиции националистической мелкобуржуазной историографии. Чтобы не быть голословным приведем цитату из книги Винниченко «Возрождение нации», в которой он утверждает, что

> «нашей главной силой было крестьянство, но не деревенская беднота, а по большей степени зажиточное крестьянство, как более развитое и национально сознательное» [1]).

В концепции В. Винниченко такое утверждение, конечно, вполне логично. Он сам же признает, что он и его последователи «в своей деятельности были только республиканцами и демократами, а не социалистами». История, как известно, зло посмеялась над «республиканцами и демократами» типа г. Винниченко и мысли о наступлении в 1917 году эры буржуазной демократии быстро отцвели, не успев и расцвести. В революцию 1917 г. бедняцко-середняцкий массив деревни приобрел решающее значение в крестьянской борьбе и под руководством пролетариата принял активное участие в Октябрьской революции. Само собою разумеется, насколько политически реакционно искажение классовой борьбы в деревне, допущенное М. Яворским, кстати сказать признающего себя первым марксистским историком Украины [2]) В действительности же защита М. Яворским теории «двокуркульства» и признание украинского кулака-фермера главной движущей силой и гегемоном крестьянской революции, это давно отжившие бредни реакционного народничества и открытие М. Яворского не более как повторение задов гг. Н.—она, Винниченко и др. Реставрирование же народнических ошибок, сданных историей в архив, понадобилось автору для определенных целей—опровергнуть, что пролетариат был гегемоном революционной борьбы в XX в.,—о чем М. Яворский говорит довольно определенно. Так в ответ на утверждение его критиков, что на Украине, как и в России пролетариат был гегемоном революции, М. Яворский, нисколько не смущаясь, это основное ленинское положение об'являет... троцкизмом [3]). Насколько М. Яворский искажает основные положения марксизма доказывать, повидимому, не приходиться. Напомним М. Яворскому, что еще задолго до революции 1905 года положение, что среди двух основных движущих сил революции—пролетариата и крестьянства — гегемония принадлежит пролетариату, было краеугольным камнем большевизма. Еще, напр., в 1902 году Ленин в критике народничества в статье «Революционный авантюризм» ясно заявлял, что

> «весь современный социализм, начиная с «Коммунистического манифеста», покоится на той несомненной истине, что единственным действительно (курсив Ленина *Г. П.*) революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционными, лишь отчасти и лишь при известных условиях» [4]).

---

[1]) В. Винниченко. «Відрождения нації», гл. IV, стр. 96.

[2]) «Мой почин,— пишет М. Яворский,— стал на Украине первым опытом (разрядка самого Яворского. *П. Г.)* марксистской концепции украинского исторического процесса» (газ. «Коммунист», от 5 сентября 1929 г.).

[3]) См. его последние статьи «Донкихотство и руссотяпство» в журн. «Прапор. Марксизму», 1929 г., № 2, стр. 211.

[4]) Ленин. Собран. соч., т. V, 2 изд., стр. 153.

Ход исторических событий революции 1905 и 1917 года целиком подтвердили это ленинское положение в XX в. Мы видим, что пролетариат бывш. царской России является главной революционной силой и гегемоном революционного движения середняцко-бедняцких масс деревни. И силой этого союза определился и успех Октябрьской революции. М. Яворский фактически пытается оспаривать это положение для Украины. Убедительных доводов этого положения он, однако, не приводит.

Напрасно М. Яворский жалуется, что до него не было марксистских работ по истории Украины. Если бы он прочитал статьи Ленина, касающиеся революционной борьбы на Украине, то это в значительной мере дало бы ему канву и для конкретно-исторического изучения Украины XX в. У Ленина действительно мы не находим специальных исследований по истории рабочего движения на Украине: об'ясняется это преимущественно тем, что движение пролетариата Украины было органически связано с общероссийским рабочим движением. Но это обстоятельство никак не должно умалять удельного веса пролетариата Украины. Разве слабостью пролетариата Украины можно об'яснить его борьбу на протяжении десятилетий, имевшую огромное значение для общероссийского революционного движения. Достаточно, например, будет напомнить те оценки, которые давались Лениным первомайской харьковской демонстрации 1900 г., всеобщей стачке на Украине и Кавказе в 1903 г., событиям 1905 г., и не говоря уже о позднейших датах, чтобы убедиться в нелепости утверждения, будто пролетариат Украины не был гегемоном в революционном движении. Исторические факты никак не могут подтвердить положение М. Яворского о пролетариате Украины, как «рабочей силе» революции, не имевшей своей политически-принципиальной линии, и какой фальшью звучит его утверждение, будто в 1905 году «сам пролетариат наш стал колебаться в своей боевой готовности, стал колебаться вокруг того, за какую революцию ему бороться, за кем итти, кого поддерживать, чего добиваться [1]).

Умаляя роль пролетариата, Яворский в то же самое время непомерно раздувает удельный вес мелкого буржуа-фермера. И в статье, помещенной в «Черновом Шляхе», М. Яворский даже фактически договаривается до признания гегемонии в революции мелкой буржуазии.

> «Украинский мелкий буржуа... пишет он — в распоряжении которого была вся крестьянская масса, часть рабочих и даже войска» [2]).

Основное положение М. Яворского, что в революционном движении пролетариат и крестьянство—две самостоятельные силы, красной нитью проходят через все его работы. На первый взгляд, как будто правильно отмечая, что несоединение пролетарской и крестьянской революции было причиной поражения в 1905 году, М. Яворский в это положение, однако, вкладывает не ленинское понимание. Когда большевики говорят, что крестьянство отстало от рабочей революции, то они говорят о тактическом разрыве, об опоздалости выступления. М. Яворский же утверждает о двух самостоятельных революционных силах: пролетариат с одной стороны, крестьянство с другой, и они не смогли об'единиться. Иными словами он пытается протащить положение ничего общего не имеющее с ленинской концепцией.

Это искажение роли пролетариата в историческом процессе в XX в., и логически приводят его и к другим многочисленным ошибкам. Так, непонимание роли пролетариата не случайно привело М. Яворского и к неверному изложению зарождения большевизма на Украине. До сих пор марксистская историческая наука считала основоположниками марксизма группу «Освобождение Труда». По М. Яворскому же основоположником

---

[1]) М. Яворьский. Історія України в стислому нарисі. 1928 г., стр. 262.

[2]) Журн. «Червоний Шлях», № 4, стр. 109.

марксизма не только на Украине, но и во всем общероссийском движении были Зибер и Подолинский. Это выдвижение Зибера и Подолинского [1]) неслучайно, так как обнаруживает непонимание автором сущности революционного марксизма и его беспомощность разграничить революционный марксизм 70—80 гг. от эволюционистского понимания классовой борьбы. В этом отношении М. Яворский также возвращается к прошлым иллюзиям о Зибере, вскрытым П. Орловским в книге «К истории марксизма в России» и др. [2]). Идеализация М. Зибера повидимому понадобилась М. Яворскому, как прикрытие для реабилитации Драгоманова, учение которого якобы было синтезом революционного народничества и начального марксизма, т.-е. другими словами одним из марксистских учений 70 г.г. Исторически это не верно. Ошибочность этой точки зрения М. Яворского была уже в свое время вскрыта историком коммунистической партии Украины Н. Н. Поповым, который категорически заявляет, что, когда

> «Драгоманова изображают в качестве моста между народничеством и марксизмом, то впадают в большую ошибку... (Драгомановщина) это была эволюция от народничества к демократическому либерализму, а ни в коем случае не к марксизму» [3]).

Но эта ошибка М. Яворского, в определении драгомановщины, кстати сказать, защищаемая также и О. Гермайзе [4]), не случайна. Повторяем она целиком покоится на непонимании сущности революционного марксизма, на непонимании основ ленинизма и потому неоднократно проявляется, когда автор переходит к оценкам РУП (революционная украинская партия—мелко-буржуазная партия. *П. Г.)*, как рабочей партии. Оказывается к 1903 г.

> «РУП стала теперь рабочей партией, стала партией, которая ставит своей задачей пропагандировать марксизм среди сельского населения, так и среди городского пролетариата» [5]).

Насколько РУП, была революционной марксистской организацией можно судить по тому, что на своем 2-м с'езде РУП приняла эрфуртскую программу германской с.-д., в которой, как известно, отсутствует положение о диктатуре пролетариата. Как правильно отмечает Н. Попов, «проявленная здесь своеобразная западная ориентация дала очень скверные плоды».

Мы уже не говорим, что со стороны этой партии пользовались полной поддержкой национал-оппортунистические взгляды Бунда.

Само собой очевидно, что изображение РУП, как украинской рабочей организации, предшественницы КП(б)У, исторически абсолютно неверно (в особенности это выявляется, поскольку М. Яворским работа РСДРП(б) на Украине смазывается). Мы хотели бы при этом обратить внимание на политический вред исторического искажения большевизма. В наших условиях, когда изучение истории большевизма имеет не только академическое, но и актуально-политическое значение, подобная фальсификация истории абсолютно нетерпима [6]). Она не только принижает подлинную борьбу большевизма, но извращает его, превращая большевизм фактически из революционного учения в приглаженный реформизм. И в этой фальсификации истории М. Яворский—не одинок. Его намеки о большевизме крестьянского союза в 1917 году нашли, например, полное сочувствие его ученика М. Свидзинского, который в ряде своих статей о крестьянских союзах в 1905 году, помещенных в «Летописях Революции», открыто договаривается, что это были настоящие большевистские организации. Несмотря на богато использованный им архивный материал, автор оказался совершенно беспомощным уловить характерную черту в жизни крестьянского союза, что, по мере обострения классовой борьбы, крестьянский союз, как общекрестьянская организация, распадался на свои составные части. Это было вполне естественно в условиях обострения классовой борьбы в деревне. Также не случайно идея крестьянского союза, как общекрестьянской организации, потерпела полное поражение и в 1917 г. Идеализируя мелкобуржуазные организации М. Яворский, повидимому, не по странной случайности, забывает о роли в развитии большевизма на Украине, например, о Южной конференции 1904 г. (созванной бюро комитета большинства), которая в праве, как это отмечает т. Н. Попов, может считаться первой большевистской конференцией на Украине. Насколько не случайна ошибка М. Яворского, в игнорировании преемственности КП(б)У и ранее существовавших на Украине большевистских организаций, можно судить хотя бы по тому, что он решительно заявляет, что «не годится забывать факт основания КП(б)У, не годится ставить знак равенства в организационном смысле между КП(б)У и ранними большевистскими комитетами на Украине. Забывать это—значит ничегошеньки не понимать в истории революции и партии большевиков на Украине» [1]). Оказывается, вот почему забыты и деятельность социал-демократических кружков 90 гг. Киева, Харькова, Екатеринослава и др. Весьма странное впечатление производит и скромная роль (в изображении М. Яворского о роли даже трудно говорить), какая выпала на долю Донбасса—сердца Украины — в деле пропаганды марксизма и борьбе за гегемонию пролетариата.

---

[1]) См. М. Яворьский. Нарисі з історії революційної боротьби на Україні, том II, ч. 1, 1928 г., стр. 80, 81, 82, 89, 90.

[2]) См. также Ленин. Собр. соч., том. II, стр. 652. Примечание тов. И. Товстухи.

[3]) Н. Н. Попов. Очерк истории К. Партии (б) Украины. Изд. «Пролетарий», стр. 22, 1929 г.

[4]) О. Гермайзе. Нариси з історії революц. руху на Україні.

[5]) М. Яворьский. Історія України в стислому нарисі. 1928 г., стр. 246.

[6]) Кстати сказать, подобное замазывание ошибок различных мелкобуржуазных организаций Бунда, Паолей-Цион, Белорус. Соц. Громада и т. п., и подчас даже попытки изображения их как национал-большевистские организации, мы встречаем в исторической литературе, выходящей в Белоруссии. Само собой разумеется, что задача историков-марксистов беспощадно вскрывать эти фальсификации истории.

Как видим, непонимание и недооценка роли пролетариата Украины в свою очередь привели М. Яворского к искажению истории большевизма и не могли не привести его к непониманию национального момента в истории революционного движения.

Основное ленинское положение, что национальный вопрос не является внеклассовым фактором, М. Яворским не понято. Не понято требование Ленина, что «мы не хотим приспособлять социализм к национализму». Национальный же фактор в работах Яворского, наоборот, часто приобретает внеклассовое значение. Эта попытка изобразить национальный момент внеклассовым фактором, как известно, широко использовалась и используется буржуазией. В 1913 году Ленин предостерегал рабочий класс, что:

> «поднимает голову буржуазный национализм (наряду с великодержавным. *П. Г.*) других наций (польской, еврейской, украинской, грузинской и т. п.), стараясь отвлечь рабочий класс национальной борьбой за национальную культуру от его великих мировых задач. Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих... Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичем, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение и неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами» [2]).

Насколько прав был Ленин, можно судить хотя бы потому, что великорусская, украинская и проч. буржуазия в 1917 — 1921 гг. широко использовала националистические лозунги для развращения пролетариата и для затушевывания подлинных целей рабочего класса в революции. В этом откровенно сознается и сам Винниченко, когда говорит, что они в Центральной Раде в 1917 году:

> «сознательно откладывали надолго разрешение остро-социальных вопросов, потому что боялись, что недостаточно укрепленное установленное национальное единство, может встретиться и разбиться от неполадок в области социальных отношений» [1]).

В анализе классовой природы Центральной Рады, историка-марксиста не должен смущать ряд «дружелюбных» актов Центральной Рады, в отношении рабочих масс (см. закон о 8-часовом рабочем дне). Эти «дружеские» акты Центральной Рады в отношении к пролетариату отнюдь не были продиктованы желанием признать гегемонию пролетариата, а являлись лишь тактическим маневром с целью использовать рабочий класс для осуществления задач Центральной Рады. Только этими соображениями можно об'яснить, почему Центральная Рада, незадолго до Октября заигрывавшая с пролетариатом и даже праздновавшая Октябрьскую революцию в Ленинграде, вдруг выступает таким решительным противником Советской власти на Украине и становится организатором контрреволюционных сил. Кокетничанье Центральной Рады с пролетариатом до Октябрьских дней, как известно, еще в 1917 году, не помешало тт. Ленину и Сталину дать должную оценку классового лица Центральной Рады. «Мы за украинскую республику,— писал тов. Сталин,— но мы против того, чтобы под флагом республики прикрывали врагов народа, монархистов, Каледина и Родзянко» и дальше тов. Сталин блестяще вскрыл задачи, которые ставила себе Центральная Рада. «Генеральный секретариат Рады,—писал он,—поставил себе целью осуществить программу Корнилова и Каледина, Алексеева и Родзянко о разоружении советов» [2]).

Казалось бы, имея ясный, установленный взгляд на Центральную Раду, М. Яворскому необходимо было, иллюстрируя конкретным материалом, вскрыть классовое лицо Центральной Рады, показать, как, спекулируя на национальном моменте, Центральная Рада являлась организацией национальной буржуазии, выяснить причины подлинной неспособности Центральной Рады осуществить освобождение украинских трудящихся масс не только от социального, но и политического гнета. То положение, что пролетариат Украины был единственным классом, который в союзе с широкими бедняцко-середняцкими массами мог на деле реализовать подлинно-демократическую, т.-е. Украинскую Советскую республику, М. Яворскому не понятно.

Роль пролетариата, как единственно революционного класса, способного уничтожить национальный гнет, у М. Яворского смазана.

Ошибка М. Яворского в данном случае заключается не в незнании им материалов, а в непонимании и недооценке контрреволюционной роли мелкобуржуазных украинских партий и их неспособности ликвидировать национальный гнет.

Неправильный, неленинский подход к изучению национального момента в истории революции на Украине не позволил ему вскрыть их подлинное классовое лицо, как это не удалось сделать Яворскому, в частности в оценке украинских меньшевиков [3]). Недаром тов. Сухино-Хоменко указал т. Яворскому, что «нельзя в истории классовой борьбы говорить, что исходным пунктом ее является национальная проблема, что она имеет основное исходное значение»... 1).

---

[1] Журн. «Прапор Марксизму», № 2, 1929 г., стр. 209.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 28. Ст. «Рабочий класс и национальный вопрос» (курсив Ленина).

[1] Винниченко. Відродження нації. Київ, відень 1920 г., ч. 1.

[2] Из письма т. Сталина к украинцам тыла и фронта, опубликованного в журн. «Летопись Революции», № 2, за 1925 г. О деятельности Ц. Р. см. также ценную статью тов. В. Манилова «Из истории взаимоотношений Ц. Р. с Времен. правит.», опубл. в журн. «Летопись Революции», за 1927 г. в № 24—27.

[3] См. М. Яворський. Історія України в стислому нарисі, стр. 296, 300 и др

М. Яворский оказался не в состоянии оценить и огромную помощь, которую оказали в борьбе с украинской буржуазией русские рабочие и крестьяне. Местами революция на Украине смахивает у него на революционную оккупацию. Это достигается часто даже помимо воли самого автора, поскольку общий ход изложения революционной борьбы на Украине автор пытается дать вне связи с русским революционным движением. Проблема интернационального воспитания украинских масс вообще выпала из поля внимания автора. Само собой разумеется, что искусственное разграничение украинского и русского рабочего движения, искажающее таким образом прошлую историческую действительность, окажет сомнительную пользу украинскому пролетариату. Историк-марксист Украины не может исходить из положения, что все, что не «чисто» украинское, то не имеет отношения к большевизму Украины. Нельзя ни на одну минуту забывать ясных слов Ленина, бичующих и великодержавный шовинизм и украинский национализм.

> «Если украинский марксист, — писал он, — даст себя увлечь вполне законной и естественной ненавистью к великоруссам-угнетателям до того, что он перенесет, хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно также и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но черносотенного, если он забудеть хоть на минуту требования полного равноправия украинцев и их право на образование самостоятельного государства» 2).

Подведем некоторый итог. В настоящей статье мы, конечно, ни в какой мере не претендовали на освещение всех ошибок М. Яворского в изучении XX в. Мы только старались показать, что непонимание роли пролетариата Украины, как гегемона революции, неизбежно приводит и к ошибкам в изложении истории большевизма на Украине, и не может не сказаться и при рассмотрении истории и роли национального вопроса на Украине в этой истории. Дискуссия, бывшая в среде историков-марксистов Харькова, весной текущего года, правильно разоблачила грубейшие ошибки М. Яворского и нужно совершенно четко признать, что схема М. Яворского—это попытка примирить большевизм с мелкобуржуазным украинским национализмом. И эта попытка должна быть разоблачена беспощадно.

[Мы уже отмечали, что т. Яворский не хочет признавать последовательно и до конца своих ошибок. Это не случайно. Смешно было бы допустить, что М. Яворский мог забыть о главном брошенном ему обвинении—в фактическом непризнании гегемонии пролетариата в революции на Украине, которое он обходит молчанием. Все это говорит за то, что в украинской исторической науке борьба по разоблачению мелкобуржуазных, националистических ошибок, привнесенных извне в украинскую марксистскую историческую литературу, еще недостаточно закончена. Весенняя дискуссия показала, что на Украине мы имеем очень сильную группу подлинно-революционных, воинствующих историков-марксистов. Мы уверены, что задача дать подлинно-марксистскую историю Украины будет в таких условиях разрешена. Не думаем, что бы тяжелая борьба украинских товарищей, отягченная вдобавок еще сильными пережитками великодержавного и местного национализма, сбила их с верного ленинского пути. Украинская же конференция историков-марксистов должна действительно явиться крупным этапом в жизни украинской исторической науки, чтобы, покончив с ошибками, наметить вехи ленинской истории Украины.]

---

1) В. Сухино-Хоменко. На маркиситському історичному фронті, журн. «Більшовик України», № 19, за 1929 г.

2) Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 51. (Курсив Ленина. *П. Г.*).

Ф. Корнюшин.

Проблема мяса.

По количеству голов мясного скота Советский Союз занимает первое место в мире и вместе с тем наша страна сейчас переживает острый недостаток в мясе и мясопродуктах. Основной причиной переживаемых мясных затруднений является чрезмерное отставание крестьянского животноводства от общего темпа строительства социализма, его раздробленность, примитивность, а отсюда и низкая его товарность.

К настоящему времени мы не только восстановили довоенные размеры стада, но даже несколько их превысили. По крупному рогатому скоту это превышение составляет примерно 10—13%. Но одновременно в еще большем размере по сравнению с довоенным временем возросло потребление мяса основными массами трудящихся. Особенно возросло потребление мяса сельским населением. Так, например, в 1928/29 году оно превышало свой довоенный уровень на 51%. Потребление городского населения за это время возросло, примерно, на 15—18%. Следует помнить, что, несмотря на такой большой относительный рост, абсолютный рост потребления мяса и мясных продуктов в стране все еще находится на весьма низком уровне.

Развертывающееся социалистическое строительство, рост индустриального населения, рост материального благосостояния основных классов нашей страны пред'являет все новые растущие требования на повышение уровня потребления мяса и мясных продуктов. Здесь характерно отметить, что потребление мяса в царской России систематически снижалось, даже в Москве это снижение в 1913 г. составляло 8% по отношению к предыдущему — 1912 году. Рост потребностей на мясо и мясопродукты в условиях ограниченных производственных возможностей раздробленного бедняцко-середняцкого индивидуального хозяйства по выращиванию скота, с одной стороны, и при почти полном отсутствии крупного государственного и общественного животноводства (в 1928/29 г. этот сектор составлял только 1% во всей товарной мясной массе),— с другой, является основой переживаемых страной мясных затруднений. Между тем, мясо составляет после хлеба самый ценный и необходимый предмет питания рабочего класса, а расходы на мясо и мясные продукты занимают первое место (30%) во всех расходах рабочей семьи на питание. Это обстоятельство ставит вопросы мяса во главу угла всей продовольственной работы партии и Советской власти.

> «После зерновой проблемы, на пути решения которой партия добилась первых серьезных успехов, мясная проблема является важнейшей задачей экономической политики партии и Советской власти, без разрешения которой не могут быть устранены затруднения в деле снабжения рабочего класса». (Разрядка наша. *Ф. К.*).

Так формулирует эту задачу Центральный Комитет нашей партии в своем специальном декабрьском постановлении о мероприятиях по разрешению мясной проблемы. Это решение ЦК есть документ крупнейшей политической и хозяйственной важности. Он имеет крупнейшее историческое значение, так как впервые ставит вопрос не только социальной, но и технической (качественной) реконструкции всего нашего животноводства в масштабах, которых не знала история животноводства в России. Решение ЦК ставит, как боевую задачу перед партией и рабочим классом, в кратчайший срок перестроить все мясное дело страны на основе новейших достижений советской и иностранной науки и техники, обеспечив одновременно решающий перевес социалистическому сектору в этой важнейшей части народного хозяйства.

Изживание текущих мясных затруднений возможно только на путях разрешения мясной проблемы в целом. Этого нельзя ни на минуту забывать. Именно так ставит вопрос постановление Центрального Комитета партии. Разрешение же мясной проблемы лежит только на пути усиленного строительства крупных животноводческих государственных и общественных хозяйств. Мы должны немедленно по-революционному, большевистскими темпами развернуть усиленное строительство животноводческих совхозов и колхозов. Темп этого строительства должен быть таков, чтобы уже в 1929/30 хозяйственном году поднять удельный вес социалистического сектора в товарном мясном скоте до 35—40%, вместо 1% в 1928/29 г. На пути социалистической реконструкции животноводства, мы неизбежно встретимся с еще большим сопротивлением, чем это было в зерновой проблеме, разных «ученых авторитетов» и правых уклонистов на практике, которые будут всячески тормозить выполнение этой крупнейшей работы. Не следует забывать, что тут мы встретимся не только с носителями кулацкого развития животноводства, но и носителями старых, дореволюционных традиций в сельском хозяйстве царской России в отношении развития животноводства вообще. Несмотря на то, что по абсолютному количеству стада мы занимаем первое место среди главнейших стран мира, в отношении же плотности мясного скота на душу населения и на гектар посева, мы занимаем самое последнее место среди этих стран. Этот факт помимо прочих, исторических, причин является результатом так называемого одностороннего зернового развития сельского хозяйства в дореволюционной России, когда животноводство систематически отодвигалось на второй план, вследствие чего плотность стада на душу населения из года в год систематически падала, а качество скота в лучшем случае было стабильным. Носители традиций такого направления в развитии сельского хозяйства перешли отчасти в наследство и в наш советский аппарат.

Превзойдя намного свои довоенные размеры и перегруппировавшись в социальном отношении, наше стадо мясного скота почти не претерпело по сравнению с дореволюционным временем никаких изменений в отношении плотности. Тенденция падения плотности скота сохранилась еще и в нашем животноводстве. То обстоятельство, что до самого последнего времени у нас чрезвычайно мало уделялось внимания животноводству и совершенно не отводилось специального внимания мясному животноводству и тот факт, что и партия и Советская власть должны были отдать сперва максимум внимания разрешению зерновой проблемы,— все это способствовало укреплению указанных выше взглядов на односторонность нашего сельскохозяйственного развития в практике работы нашего аппарата, работающего по сельскому хозяйству. Опыт показывает, что такого рода настроения не редки даже в совхозной и колхозной работе, они всячески противодействуют бурному развертыванию животноводства в социалистическом секторе. Прикрываясь зерновой проблемой, эти люди фактически игнорируют животноводческую проблему как самостоятельную крупную хозяйственную задачу, то-есть, оказываются в об'ятиях официальных традиций старого проклято

времени в отношении животноводства. Сломать, уничтожить эти традиции есть одна из важнейших задач работы на мясном фронте. Они по существу тот же правый уклон, только наизнанку. С такого рода настроениями и практикой должна вестись самая жестокая борьба. *Без решительного разоблачения такого рода настроений и беспощадной борьбы с ними мясную проблему разрешить нельзя.*

За дело разрешения мясной проблемы должна взяться сама партия точно так же, как она это сделала в отношении зерновой проблемы. К активной борьбе за мясо, должны быть широко привлечены силы и опыт миллионных масс рабочих, колхозников, бедняцко-середняцких масс, точно так же, как они привлекались к борьбе за хлеб. Всемерное развитие и укрепление социалистического сектора в мясном деле, во всех его стадиях, вытеснение, выкорчевывание капиталистических элементов из этой области должно быть основной руководящей идеей в этой ответственной работе. Мясное дело более сложное дело, нежели хлебное, необходимо, чтобы партия, комсомольцы, передовые рабочие и колхозники немедленно начали учиться искусству борьбы за крупное государственное и общественное социалистическое животноводство, за крупную государственную социалистическую мясную промышленность.

Первое, с чего надо начать,— это увеличить количество скота в стране, повысить его плотность на гектар земли и на душу населения. Развернуть усиленным темпом строительство крупных животноводческих колхозов и совхозов, максимально поднять животноводство в старых совхозах и колхозах, специализировать каждое государственное и общественное животноводческое хозяйство на определенном виде скота: *Обобществление стада, его максимальное увеличение должно составить одну из центральных задач во всей нашей работе по коллективизации сельского хозяйства.* Необходимость добиться гигантского под'ема животноводства социалистического сектора со всей остротой ставит проблему комплектования стада. Социалистическое животноводство, должно развернуться в самостоятельную крупнейшую отрасль хозяйства, развивающегося на базе современной науки и техники. К этому должны быть приложены все усилия партии и рабочего класса. Мы не можем ждать, пока наличное стадо совхозов разовьется, так сказать, самотеком до желательных размеров, ибо в таком случае нам пришлось бы долго ждать того момента, когда социалистический сектор смог бы дать такое количество голов скота, которое от него требуется уже в 1929/30 году.

Уже в 1929/30 г. совхозы и колхозы по заданию правительства и партии должны сдать пролетарскому государству шесть с половиной миллионов голов мясного скота, что составит, примерно, пять-шесть миллионов центнеров мяса. Чтобы составить представление о размерах этого задания, следует помнить, что в истекшем 1928/29 году совхозы и колхозы отпустили только пятьдесят тысяч центнеров мяса. Совершенно очевидно, что выполнить эту задачу можно будет только при гигантском развороте совхозного и колхозного животноводства, усиленного строительства новых крупных животноводческих совхозов и колхозов. Отсюда во весь рост встает проблема комплектования мясного стада этого сектора путем максимальной коллективизации животноводства и усиленного пополнения наличного стада совхозов и колхозов. Быстрое решение этой задачи требует исключительного внимания к приплоду и молодняку всех видов скота. Ежегодно в стране убивается, примерно, свыше десяти миллионов телят, 12—13 млн. поросят и пятнадцать—двадцать млн. ягнят. Такое явление нельзя назвать иначе как хищническим истреблением скота. Сохранить от убоя этот контингент скота, сделать его резервом для укомплектования стада социалистического животноводческого сектора — это значит уже в этом году заложить прочные основы для решения мясной проблемы. *Все местные партийные и советские органы должны отдать исключительное внимание делу комплектования стада, делу сохранения и превращения молодняка в мощный резерв этого комплектования.* Убой молодняка-скота должен быть прекращен. Борьба за социалистическое животноводство на данном этапе его развития предполагает и борьбу за животноводческий приплод и молодняк.

Наряду с увеличением поголовья мясного скота и социалистической его организацией не меньшее внимание должно быть уделено и технической (качественной) реконструкции мясного стада. Здесь, как и в промышленности, должна быть поставлена и в максимально короткий срок решена задача «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны.

Здесь должно быть прежде всего уделено внимание усиленному разведению скороспелых видов мясных животных (свиньи, овцы, кролики и др.), так как в этом отношении мы далеко отстали от стран капитализма.

Процент убойного контингента в стаде рогатого скота САСШ составляет 25%, у нас — он только 17%, это при хищническом уничтожении приплода, которого не знает Америка. Еще хуже обстоит дело со средним убойным весом туши. В САСШ средний убойный вес туши в 1927 г. был равен 222 килограммам, у нас этот вес в 1927/28 году составлял только 70 килограммов. Низкое качество скота, отсутствие одновременно скороспелых пород скота, почти полное отсутствие организованности стада—резко снижают мясной эффект нашего животноводческого поголовья по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Особенно ярко это видно на примере общего выхода мяса. Северо-Американские Соединенные Штаты, располагая в 1927 году стадом крупного рогатого скота в количестве 57 млн. голов, получили в том же году от этого стада 3 с лишним млн. тонн мяса. Советский же Союз, располагая в 1927/28 году поголовьем крупного рогатого скота в количестве 67 млн. голов, получил за этот же год от этого стада один миллион с небольшим тонн мяса, т.-е. располагая поголовьем крупного рогатого скота большим, чем САСШ, на 18%, мы получили от этого поголовья в три раза меньше (кругло) мяса, нежели САСШ получили от своего стада. Налицо огромнейшие народнохозяйственные потери. Эти потери равны по нашим современным ценам на мясо одному миллиарду двустам млн. рублей в год. Отвоевать эту колоссальную потерю у нашей животноводческой отсталости, у проклятого старого рутинного царского наследия есть крупнейшая революционная задача.

Понятно, что победа на этом участке будет обеспечена только тогда, когда вся партия, рабочий класс, все трудящиеся массы страны отдадут этому делу максимум сил и внимания. При этом условии задача может быть решена успешно в течение первых пяти лет. *Только социалистическая реконструкция советского животноводства позволит ликвидировать мясные затруднения и обеспечит полное и планомерное мясное снабжение рабочего класса и трудящихся.* Только это позволит догнать и перегнать передовые страны капитализма. Этой основной задаче должна быть подчинена и вся текущая работа по преодолению текущих мясных затруднений.

В связи с этим основным условием проведения всех вопросов мясного снабжения страны должно быть не только сохранение нормального прироста стада в стране, но возможно большее увеличение его.

Решить эту задачу можно только при широкой постановке работы по откорму и нагулу мясного скота, при решительном прекращении убоя молодняка. Для этой цели должны быть использованы все кормовые средства, имеющиеся в государственных и общественных организациях, не занимающихся животноводством. Отходы пищевой промышленности (сахарная, мельничная, маслодельная, винокуренная и др.) и общественного питания могут составить серьезную основу для крупнейшей производственно-хозяйственной работы по откорму скота, что даст возможность при одном и том же поголовьи получить крупнейший привес мяса. По плану Наркомторга откормочные и нагульные операции скота должны дать в 1928/29 году привес на заготовленное поголовье 500 тысяч тонн мяса. В настоящее время эти кормовые отходы фактически не используются. Так, например, в настоящее время Сахаротрест почти все отходы своего производства, так называемого «жома», составляющего прекрасное кормовое средство для скота, раздает плантаторам или им откармливают собственный скот служащие и рабочие сахарных заводов. Количество отходов жома ежегодно составляет, примерно, 25—30 млн. центнеров. Еще хуже обстоит дело с отходами других видов пищевой промышленности и особенно с отходами общественного питания, которые просто выбрасываются. Запроектированный Наркомторгом привес скота реален, но для его осуществления необходимо вынести задачу откорма, особенно свиней, из рамок ведомств и сделать ее важнейшей политической и хозяйственной задачей широчайших рабочих, партийных и комсомольских масс. Пятьсот тысяч тонн мяса — это по нашим ценам 300 миллионов рублей. В поход за это дело должны быть направлены ударные бригады рабочих, работниц, комсомольцев, колхозников. Руководство этим важнейшим делом должны взять на себя партийные организации.

Успешное выполнение всех мероприятий по мясному снабжению страны в 1929/30 г. требует полного вытеснения частника с заготовительного мясного рынка. Частник ведет рваческую работу в мясном деле, ведущую к хищническому уничтожению стада. Между тем в 1928/29 году удельный вес частников в мясозаготовках страны в среднем составлял 33—35%, доходя в ряде районов до решающего перевеса над социалистическим сектором.

Реконструкция животноводства требует неотложного строительства крупной мясной промышленности, организованной на базе достижений современной техники и науки. В настоящее время эта промышленность находится в кустарном состоянии, в результате чего убой скота в стране носит примитивный, граничащий с хищничеством, характер, при котором отходы убоя фактически не используются, а обработка мясной продукции такова, что ценность ее теряется в значительной степени. Все это влечет, конечно, колоссальные потери средств и валюты на возможностях экспорта переработанных отходов убоя.

Развитие крупной мясной промышленности есть важнейшая гарантия успешной и скорой социалистической реконструкции всего мясного дела страны. Решение ЦК уделяет этому вопросу исключительное внимание. Строительство мясных комбинатов, боен, холодильников, консервных, колбасных, утилизационных и прочих заводов мясной промышленности должно развернуться в крупнейшую народно-хозяйственную работу. В текущем году в мясное дело страны должно быть вложено около 300-х миллионов рублей. Сумма этих вложений будет, несомненно, возрастать из года в год. Делу строительства предприятий мясной промышленности, откормочных и приемочных пунктов и скотных мясопромышленных баз партийные и советские организации должны отдать такое же внимание, как и делу животноводства и взять это дело под свое непосредственное руководство. Мы должны в текущем году вложить в новое строительство мясной промышленности около ста миллионов рублей, тогда как в прошлом году это вложение едва превысило десять млн. рублей. Все это требует от нас особого внимания к этой отрасли работы. Нам необходимо в минимальный срок создать социалистическую мясную промышленность, догнать, а потом и перегнать передовую в этом отношении капиталистическую страну Америку, использовать в этом деле достижения американской и европейской техники.

Одновременно с новым строительством необходимо решительно взяться за реконструкцию существующих боенских и других мясных предприятий, за рационализацию мясной промышленности, решительно и смело изгоняя из этого производства еще глубоко коренящиеся в нем традиции примитивности, рутинности, традиции отживших дедовских порядков. Реконструкция мясной промышленности требует и соответствующей перестройки работы транспорта. Решение ЦК требует ограничения перевозки скота в живом виде двухдневным пребыванием в пути. В настоящее время скот в пути при перевозках по железной дороге находится от 5 до 16 дней, вследствие чего теряет в весе от 5 до 20%, не говоря уже о нерациональном использовании габарита, вагонов и пр. Переход снабжения основных потребляющих районов на мороженое мясо вызовет не только массовое строительство холодильников и мясных комбинатов, но и потребует соответствующей реконструкции транспорта, как-то: усиленного строительства изотермических вагонов, пароходов-рефрижераторов, организации ледохранилищ, создания изотермического автотранспорта, увеличения скорости перевозок скота в живом виде и др. Все эти мероприятия должны быть осуществлены в кратчайший срок. Проблема мяса, поставленная Центральным Комитетом партии может быть в целом решена только при условии создания соответствующего кадра работников мясного дела. Для этой цели партийные организации должны выделить на мясную работу лучших проверенных на боевой работе людей. Одновременно необходимо широко развернуть работу по подготовке и переподготовке кадров работников мясной промышленности. Организация специальных курсов, конференций, посылка за границу на практику для использования и перенесения на советскую почву лучших образцов западно-европейской и американской техники в мясном деле, привлечение лучших иностранных инженеров и техников как для постоянной работы, так и для консультации, — все это должно быть широко развернуто в практике решения мясной проблемы. Вместе с тем необходимо организовать новые и реорганизовать существующие высшие и средние учебные заведения по подготовке квалифицированных работников мясного дела применительно к новым задачам в этой отрасли хозяйства, поставленным решением ЦК партии от 20/XII 1929 г.

В настоящее время проблема кадров мясного хозяйства приобретает особое значение. Подбору, воспитанию, подготовке и организации людей, которые должны будут практически на деле решать задачу, поставленную ЦК, местные организации в животноводческих и мясопромышленных районах должны отдать свои лучшие силы. Это есть одно из серьезнейших условий, при котором проблема мяса будет решена полностью и в кратчайший срок.

Для успешного разрешения мясной проблемы ЦК партии и СТО постановили предоставить Наркомторгу СССР права общесоюзного наркомата и организовать специальное государственное всесоюзное мясопромышленное об'единение — «Союзмясо», которое концентрирует в своих руках распоряжение всем заготовленным товарным мясным скотом, всеми плановыми мясными ресурсами, весь промышленный убой скота, переработку отходов убоя и мяса и все снабжение мясом и мясопродуктами основных плановых потребителей.

Создание такой мощной организации, как единого хозяйственного мясного центра и признание мяса и мясопродуктов продуктом общесоюзного

значения (на ряду с организацией крупного государственного и общественного мясного животноводства), подводит крепкую базу под мясное дело Союза и, несомненно, ускорит разрешение мясной проблемы, как этого требует решение ЦК. Местные партийные, советские, профессиональные и пр. организации должны приложить максимум усилий к тому, чтобы обеспечить выполнение в срок и полностью этого решения. Необходимо решительно бороться с местническими и ведомственными тенденциями, глубоко сидящими в мясном деле в силу его кричащей отсталости, распыленности, кустарности с тем, чтобы ускорить организацию намеченных ЦК мясопромышленных и животноводческих об'единений.

Сельскохозяйственная и потребительская системы кооперации, как пайщики государственного мясопромышленного об'единения, должны ускорить передачу своих мясопромышленных предприятий в «Союзмясо» с тем, чтобы центр своей работы перенести: с.-хоз. кооперации — на выращивание скота, а потребительской — на розничное распределение мяса и мясопродуктов и обеим системам — на заготовку мясного скота непосредственно в своих первичных звеньях, вытесняя частника с мясозаготовительного рынка. Решение Центрального Комитета ставит и требует решения мясной проблемы по-новому. Оно требует иного, совершенно нового разделения труда государственных и кооперативных организаций. Вытекающую из этого постановления перестройку работы и разделение труда необходимо как можно скорее осуществить. Мясная проблема поставлена ЦК нашей партии в центре внимания всей продовольственной работы партии, с тем, чтобы в течение пятилетия поднять мясное дело страны на уровень техники передовых капиталистических стран Европы и Америки, ликвидировать частнокапиталистический сектор и организовать все мясное дело страны на социалистической основе.

Среди крупных частей народного хозяйства мясное дело есть самая отсталая часть, решение ЦК включает и в него трансмиссию социалистической стройки.

Решение Центрального Комитета партии впервые открывает в таких грандиозных размерах совершенно новую страницу во всей истории нашего животноводства, во всем мясном деле.

Задача сейчас заключается не только в том, чтобы политически понять этот вопрос, но так же и в том, чтобы повседневной практической работой претворить это решение ЦК в жизнь. Для победы на мясном фронте должны быть брошены лучшие силы партии и рабочего класса. Мясной проблеме должно быть отдано заслуживающее всеобщее внимание. Только при этом условии будет обеспечена победа на этом важнейшем участке фронта. Для организации этой победы партийные организации должны изучить мясное дело так же, как они изучили хлебное дело, они должны отдать мясной проблеме максимум сил, как они отдают их для хлебного фронта.

Г. Сафаров.

Кризис „организованного капитализма“.

I. Биржевой крах и финансовая олигархия.

Экономический кризис в Соединенных Штатах стал фактом. Процветание, «просперити», лопнуло, как мыльный пузырь. Уже сколачиваются рекламные миллиарды для спасения «процветания», так «неожиданно» потерпевшего крушение.

В Соединенных Штатах скопилось до $^1/_3$ десятимиллиардного мирового золотого запаса, американские капиталы, вложенные за границей, достигают суммы 15 миллиардов, Америка дала пять с половиной миллиардов на стабилизацию капиталистической Европы, в руках Америки — одна шестая часть всей мировой торговли. С этой высоты катится теперь под гору американский капитализм, увлекая в своем падении младших братьев. Сказочные миллиарды не спасли от кризиса, империалистическая мощь не смогла предотвратить катастрофы!

Американское «процветание» было главным — материальным и идеологическим — оплотом прочности капиталистической стабилизации. В долларе, — с точки зрения всей мировой буржуазии и всего мирового социал-фашизма, — сосредоточилась животворная сила современного капитализма. На доллар молился весь капиталистический мир. Гильфердинговская теория «организованного капитализма», рабски перенятая и правыми оппортунистами, опиралась на американское «процветание», как на свою исходную предпосылку. Убеждение в непреоборимой силе доллара было до сих пор так широко распространено, что первые известия о биржевой катастрофе в Нью-Йорке даже некоторыми коммунистами были встречены с недоверчивым сомнением: очевидно это — только драматический эпизод на бирже, но отнюдь не предвестник надвигающегося кризиса. Еще четверть века назад Соединенные Штаты прославлялись Зомбартами и К°, как страна «без социализма и классовой борьбы». В послеоктябрьский период всемирной истории социальная гармония в Северной Америке стала символом веры всех контрреволюционных буржуа и мещан. Жалкий ренегат коммунизма, Ловстон, в своей социал-демократической теории исключительности, провозгласил «неприкосновенность» американского капитализма для классовой борьбы: если есть развитие классовых противоречий, то только не под сенью доллара; если есть борьба классов, то только не у Гувера; если есть фашистско-реформистское развращение рабочего класса, то только не в стране «цветущего» капитализма. Теория американской «исключительности» стала ходячей монетой практического и теоретического одурачивания масс.

Бесплодная немецкая буржуазная социология доставила не мало комических примеров «путешествий в Америку» [1]). Убеждение в том, что «пе-

---

[1]) «Взять хотя бы, вышедшую совсем недавно книжку Шарлотти Люткенс «Общество и государство в Соединенных Штатах». Рьяная Шарлотта с редким

редовой» капитализм может вывести все свои противоречия за ворота, на внешнюю арену, и таким образом, обезопасить борьбу классов внутри, легло в основу право-оппортунистической теории.

Кризис в Соединенных Штатах, одновременно, и—кризис «организованного капитализма», новая полоса в развитии противоречий третьего периода, вводная глава к общему кризису капиталистической стабилизации.

Известный отчет гуверовской комиссии о «последних экономических изменениях в Соединенных Штатах» дал своеобразную философию процветания. Это был «научный» подарок на зубок новорожденному президенту. Увы! Не прошло и пары—другой месяцев, как все «философски-незыблемые» положения полетели к чорту, и многие авторы гуверовского отчета спешат убраться в кусты. Они уже не верят в успех гуверовских рецептов спасения «просперити».

> «Нам не следует ждать чудес от вашингтонских и гуверовских совещаний с главарями американского делового мира», вздыхает Лео Вольман.— Конечно, надо вернуть веру в себя американскому капиталу, но «каждый за себя, а бог за всех»: сомнительно, чтобы какой-нибудь высший Экономический Совет или американизированный госплан, при современном состоянии наших знаний (!), могли бы выдвинуть более удовлетворительную программу и достичь большего» [1]).

Создать настоящий капиталистический госплан, как увенчание «организованного капитализма»,—такова была «мечта» участников гуверовской комиссии. Кризис заставил их впасть в агностицизм.—Мы не знаем, что будет, мы не можем знать. Госплан? Такие вещи удаются только бесстрашным большевикам. Ведь этим ниспровергателям не приходится бояться за падение курса акций на бирже.—Вольманы, Митчелли и другие сподвижники гуверовского отчета буквально не говорят этого, но они уже ханжески поджали губы, они уже не верят, что американскому капитализму под силу такая же экономическая «организованность», как и большевикам. С обесцененными акциями приходится выметать в мусорный ящик и разбитые иллюзии.

Мы вправе записать это в счет наших достижений. Мы шагаем через целые исторические формации, шагаем через годы в будущее, а они боятся заглянуть на несколько месяцев вперед! У них—огромные богатства и технические возможности, доставшиеся им благодаря грабежу.

> «На каждом долларе,—писал тов. Ленин американским рабочим,—ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся первыми из душителей слабых народов всего мира» [2])

К этим гневным строкам 1918 года можно добавить: на каждом долларе—кровь и грязь 11 последующих лет, кровь венгерской коммуны и китайской революции, грязь планов Дауэса и Юнга, кровь и грязь клубка событий, приведших мир от Версальского «мира» к стабилизации с Муссо-

---

усердием доказывает, что, несмотря на высокий уровень технических достижений американского капитализма, последний все еще невинен, как годовалый младенец и не ведает иной диференциации, кроме... разделения города и деревни. (Немецк. изд. 1929 г.) Однако стоит ли удивляться немецким старым девам, если идея «несоответствия» технического прогресса и классового расслоения нашла свое отражение и в бухаринской теории «организованного капитализма».

[1]) «Nation». II. XII—1929.

[2]) Ленин. Т. XXIII. Изд. Инст. Ленина

лини, Цергибелями, Шоберами и т. д. Из этой крови и грязи выросло американское «просперити». Его апостолы, познавшие теперь классовую меру сил своих, публично признают это, сожалея, что уже нельзя превращать оторванные руки и ноги в мясные консервы, в corned beef.

> «Правительство, в настоящее время,— горюет Лео Вольман,— «не может действовать как правительства времен войны и создавать быстро расширяющийся рынок для всех товаров и всякого рода услуг...» [1]).

Правда, Гувер стремится гарантировать свободу мировой спекуляции продовольствием в период будущей мировой бойни. Суда свиных и пшеничных королей должны быть приравнены к красному кресту! Однако гарантии на будущее еще далеки от текущего момента. А сейчас американскому капитализму приходится плохо. Для нас американский кризис представляет огромный интерес и с точки зрения общих исторических судеб капитализма, и с точки зрения особого третьего этапа развития послевоенного капитализма. Одно нельзя отделить от другого. Американский кризис—звено, отрезок нисходящей линии развития мирового капитализма. Без этого он не может быть понят. Но, с другой стороны, этот кризис—«нормальный» кризис перепроизводства в условиях третьего периода. Он соединяет в себе черты «нормально» повторяющихся экономических кризисов с особенностями, привнесенными монополистическим капитализмом, и — притом — монополистическим капитализмом 1929 — 30 г.

Конечно, биржевой кризис возможен и без промышленного кризиса. Он может быть и не связан с ним. Однако в эпоху финансового капитала нельзя ограничиваться одним этим общим положением. В эту эпоху кредит и фиктивный капитал приобретают гораздо большее значение, чем в прежнее время. Уже в III томе «Капитала» Маркс подчеркивал способность кредитной системы «развивать двигательную силу капиталистического производства, обогащение эксплоатацией чужого труда, до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества» [2]). Само собой понятно, что рост финансовой олигархии раздувает это стремление до крайних пределов.

> «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала, есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой мощью из всех остальных» [3]).

Развитие обогащения эксплоатацией чужого труда до «колоссальнейшей системы азарта и мошенничества» требует колоссального многообразия способов привлечения денежных средств в спекуляцию. Связи этого рода, широкие пути, обходные колеи и потайные тропинки охватывают весь земной шар, простираются до последней прадедовской шкатулки в каком-нибудь штате Тенесси. Зато и потрясение этих связей вызывает огромные и неожиданные последствия, миллиарды, хотя и фиктивных ценностей, перестают повиноваться. За биржевыми судорогами вскрываются промышленная заминка, а затем и приближение кризиса; происходит моментальное превращение всевластия финансовой олигархии в бессилие жалких мародеров.

---

[1]) «Nation», II. XII—1929.

[2]) Том III, ч. I, стр. 427.

[3]) Ленин. т. XIX. Изд. Инст. Ленина, стр. 118.

Они не могут спасти процветание и, потому, торопятся обобрать финансовую «демократию», те самые раздутые «17 миллионов акционеров», которыми так хвастался гуверовский отчет.

Нельзя отделить финансовую олигархию от спекуляции [1]). Нельзя отделить биржевой крах и начало промышленного кризиса в Соединенных Штатах от рантьерского загнивания американского капитализма, от того, что его «процветание» явилось продуктом финансового закабаления целых народов.

Биржевой крах, с отвлеченно-теоретической точки зрения,—только апельсинная корка. Однако именно на этой апельсинной корке скорее всего должен был поскользнуться американский «финансовый цезаризм», как он еще недавно величал себя [2]).

II. Перепроизводство товаров при „организованном капитализме“.

Не кто-нибудь, а председатель торговой палаты Соединенных Штатов Юлиус Бэрнс (Barnes) жалобно констатирует, что

> «Первоначальным стремлением американского делового мира никогда не было перепроизводство, он стремился лишь к поддержанию покупательной способности, которая образует рынок для продуктов промышленности. В этом—проблема сегодняшнего дня. Мы не хотим перерыва в превращении этих продуктов в предмет потребления» [3]).

Бэрнс хочет подкупить своей наивностью. Он, видите ли, только теперь столкнулся с капиталистическим перепроизводством и ему кажется, что это перепроизводство абсолютное. Однако ведь превращение продуктов промышленности в предмет потребления требует платежеспособного спроса. Таким образом, Бэрнс только притворяется: как председатель торговой палаты он должен особенно хорошо различать платежеспособный спрос от необоснованных притязаний! При капитализме, по словам Маркса,

> «границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления» [4]).

Однако это расширение границ имеет свои пределы, когда напряжение сменяется сокращением производства, кризисов.

Американский капитализм, как типичная форма монополистического капитализма, оживляет кое у кого в голове старую заезженную туган-барановщину. Технологическая или структурная безработица, вообще развитие постоянной безработицы во всех капиталистических странах, естественно, наталкивает на такое «оправдание капитализма»: машина, мол, заменяет рабочего не только в качестве рабочей силы, но и в качестве потребителя. Машина позволяет не особенно смущаться низким заработком рабочих и не бояться кризисов.

---

[1]) «Уорльд Туморро», разумеется, лишь по невежеству «об'ясняет» приостановку строительства спекуляцией. Признаки «утомления» в промышленном темпе, выразившиеся в числе прочего и в приостановке строительства, должны были раздуть спекуляцию до катастрофических границ, ибо из всех видов «помещения» капитала, строительное дело — самое прибыльное.

[2]) Недаром же обнаружила роковые колебания такая показательная статья, как расходы американских туристов во Франции: они упали с 200 миллионов долларов в прошлом году, до 160 миллионов в этом году,— на одну пятую!

[3]) «Financial Chronicle», 23 XI.

[4]) К. Маркс. «Капитал». Т. III, ч. 2, стр. 21.

Нет нужды повторять старые доводы против туган-барановщины. Даже Юлиус Бэрнс понимает, что машина не уничтожает «проблематику рынка». В известных рамках общественное производство может обгонять общественное потребление. Однако, в конечном счете это несоответствие, как и неравномерное развитие отраслей дают знать о себе, со всей резкостью, и тогда Бэрнсы начинают клясться, что в их намерения не входило перепроизводство. Более быстрая амортизация основного капитала в результате технического прогресса делает более частыми подземные толчки кризисов, а вовсе не заменяет их нежными прикосновениями легкого ветерка в жаркий день, как склонны думать даже иные горе-коммунисты.

В самые блестящие времена «процветания» американский капитализм не мог вывести из полузастойного состояния ни свою хлопчатобумажную промышленность, все больше терпевшую от конкуренции искусственного шелка, ни свою угольную промышленность, теснимую нефтью и белым углем. Развитие производства средств производства, с одной стороны, приводит к монополиям, а с другой—усиливает неравномерность всего хода хозяйственной жизни, его неустойчивость. На первый план выдвигается тяжелая индустрия, которая с помощью всякого рода трестов собирает дань с других отраслей хозяйства, и, прежде всего, с земледелия. Недаром Нурс, в гуверовском отчете, без всяких обиняков, заявляет:

> «Страна в целом (!) выиграла от цен на сельскохозяйственные продукты, слишком низких, чтобы вознаградить как следует производителя» [1]).

Подводя общий итог, там же Митчель отмечает:

> «отчет полон резких контрастов. Потребление в целом возросло, но потребление ряда массовых товаров сократилось. Хотя в широком смысле торговля процветала, известные отрасли были вялы, именно кораблестроение, производство железнодорожных материалов, сельское хозяйство; в несколько меньшей мере — текстиль, уголь и обувная промышленность. Заработок на заводах увеличился, но число занятых рабочих уменьшилось. Прибыли были велики, но был и ряд банкротств. Огромные массы золота притекали в страну, но оптовые цены сильно снижались за этот период. Доходы в целом росли, но важные части страны, мало выиграли от этого, а ряд профессий терпел и убытки» [2]).

Эта пестрота процветания отражает его условный характер: «процветание» не устранило, но развило все противоречия капитализма.

> «Увеличение рискованности [3]) связано в конце концов с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льется через край, течет заграницу и т. д. А вместе с тем усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов» [4]).

Это не подлежит никакому сомнению. Энгельс пророчески указывал на это:

> «Ежедневно увеличивающейся быстроте, с какой ныне во всех отраслях крупной промышленности растет производство, противопоставлена постоянно увеличивающаяся медленность расширения рынка для этих умножившихся продуктов. Что промышленность создает в месяцы, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика охранительных пошлин, при помощи которых каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других и в особенности от Англии и еще искусственно повышает естественное производство. Следствием этого является общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль»... [1]).

---

[1]) Recent Economic Changes. Volume. II. p. 601.

[2]) Там же, стр. 841.

[3]) В приложении капитала.

[4]) **Ленин.** т. XIX, стр. 92.

Американские капиталисты ревниво следят за всеми источниками получения сверхприбыли, предоставляя другим испытывать неприятности от «исчезающей прибыли». Но снижающиеся цены характерны для всего мирового капитализма в послевоенный период и даже американское процветание не могло прорвать этого заколдованного круга.

Вот индексы оптовых цен (в золоте):

	Соединенные Штаты (1926 = 100)	Великобритания (1913 = 100)	Япония (1913 = 100)	Канада (1926 = 100)	Индия (июль 1914 = 100)	Польша (янв. 1914 = 100)	Чехо-Словак. (июль 1914 = 100)	Германия (1913 = 100)
1926 г. . . .	100	148	169	100	168	105	139	134
1927 „ . . .	95	141	162	98	165	119	143	138
1928 „ . . .	98	140	159	97	163	120	143	140
1929 г.:								
Январь . .	97	138	157	95	166	116	139	139
Февраль . .	97	138	155	96	168	117	139	139
Март . . .	98	140	153	96	165	117	141	140
Апрель . .	97	139	152	94	161	116	141	137
Май	96	136	151	92	157	113	137	136
Июнь . . .	96	136	148	93	—	113	134	135
Июль . . .	96	137	—	—	—	—	—	138 [2])

Американская буржуазия взяла себе за правило говорить громкие фразы о «новой промышленной революции», поддевая на них г.г. Ловстонов и правых оппортунистов. Но именно технические достижения загоняют капитализм в тупик, лишают его равновесия, бросают в об'ятия кризисов, вырывая, в то же время, все более и более глубокую пропасть между классами, между эксплоататорами и эксплоатируемыми. «Конфликт между расширением производства и увеличением стоимости» растет неудержимо. Дело не только в том, что капитализм послевоенного времени «воспроизводится» на основе нищенского уровня жизни рабочего класса и при постоянной безработице (в С.-А. С. Ш. в «нормальное» время до 3 миллионов безработных) дело также в том, что прогресс производства все сильнее увеличивает разрыв между расширением производства и платежеспособным спросом, ограниченным классовым пайком и неравномерностью между различными отраслями. Приближение промышленного кризиса всегда делает тайное явным.

Приведем данные «Анналиста».

	Октябрь 1928 г.	Сентябрь 1929 г.	Октябрь 1929 г.	Ноябрь 1929 г.
Производство чугуна	111,2	119,7	112,9	103,7
„ стали	112,7	117,1	104,5	89,1
„ электроэнергии	103,1	102	102,8	—
„ угля	92,9	96	93,5	91,4
„ автомобилей	122,1	128,7	115,5	78,8
Потребление хлопка	106	103,6	108,7	90,7
„ шерсти	100,1	114,6	117,8	—
Производство сапог	100	110.1	110,1	—
„ цинка	96,7	103,7	94,2	87,8
Комбинированный индекс	103,6	105,8	103,5	93,5 [3])

---

[1]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 423.

[2]) Vierteljahrshefte zur Konjunkturfozschung. 4 Jahrgang. Heft 2. Teil 8. Berlin. 1929.

[3]) № от 18 декабря.

Цены на литую сталь (за тонну) в ноябре 1928 г. были 17,16 доллара, в сентябре этого года—18,06, в октябре—17,25, в ноября 15,93 [1]. К 26 октября стальная промышленность была загружена на 80%, к 7 декабря на 67%. Производство автомобилей упало с 429.514 штук в сентябре до 394.465 в октябре и 214.400 в ноября [2].

Сокращение доходов железных дорог шло следующим образом:

			%
4-я неделя	сентябрь	(7 дорог)	9,10
1-я „	октябрь	(8 „)	16,53
2-я „	„	(8 „)	15,58
3-я „	„	(7 „)	12,41
4-я „	„	(8 „)	19,56
1-я „	ноябрь	(7 „)	12,53
2 я „	„	(8 „)	23,18
3-я „	„	(7 „)	18,11
4-я „	„	(5 „)	24,38 [3]

Оптовый индекс цен упал с 146,2 (15 октября) до 140,9. Добыча нефти сократилась до 60%. Если, в среднем, за октябрь, по данным совершенно неудовлетворительной американской статистики труда, число работающих уменьшилось на 1,2%, то в декабре печать уже открыто заговорила о массовых сокращениях об увеличении армии безработных на 400 тысяч человек и т. д. «Hand to mouth buging», покупки на скорую руку, избавляют американский капитал от перепроизводства товаров. Производство работает на непосредственный спрос.—Так гласит одно из «открытий» гуверовского отчета. Стыдно сказать, а грех утаить находятся экономисты—марксисты и даже коммунисты, которые видят в этом «модификацию» кризисов при монополистическом капитализме. По их мнению, не происходит перепроизводства товаров, а происходит лишь перепроизводство... основного капитала. Как будто капитал в Америке работает только на заказчика, игнорируя обширные размеры внутреннего рынка и, еще более значительные, рамки мирового рынка! Как будто ему не грозит перепроизводство также и оборотного капитала, как будто американский капиталист покупает уголь с барки, а нефть в соседней нефтелавке!

Если бы было так, то цены товаров, колебания в загрузке предприятий, доходы железных дорог, и т. д. не обнаруживали бы таких скачков. Не было бы того «полета пятами вверх», который совершает на глазах у всех американское «процветание». Концентрация капитала позволяет верхушкам финансовой олигархии на известное время загонять болезнь внутрь, перекладывать на плечи рабочих и более обделенных отраслей накладные расходы, проистекающие от рассрочки кризиса. Но какое бы перераспределение производительных сил между разными отраслями ни происходило, как бы капитал ни пытался вытянуть восходящую линию кон'юнктуры путем развития особо привилегированных отраслей, в конце концов все же приходит расплата по счетам. Нельзя поймать собственную тень, нельзя капитализму уйти от присущих ему противоречий, которые во время кризисов только выступают наружу в более концентрированном виде. И характерная вещь: стремительно скатываются под гору как раз те отрасли, которые перед тем испытывали особенно бурный рост; конкретно в Соединенных Штатах такими отраслями оказались железоделательная, сталелитейная и автомобильная промышленность. Своеобразные особенности нынешнего перепроизводства товаров сказались, между прочим, и в том, что

---

[1] «Анналист», от 13 декабря.
[2] «Анналист», от 6 декабря.
[3] «Анналист», №№ от 6 и 13 декабря.

«предложение подержанных автомобилей сразу скакнуло вперед» [1]. Отягчающим товарным запасом оказалось то, что вчера еще составляло лишь предмет личного потребления.

Понять своеобразие американского кризиса необходимо для того, чтобы не скатиться в болото теорий «организованного капитализма»; для того, чтобы правильно определить тенденции развития классов и классовой борьбы в международном масштабе. Понять это своеобразие можно только с точки зрения ленинской теории,—ленинской теории империализма, в первую очередь:

> «...Монополии,—учил Владимир Ильич,—вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю» [2].

Международное революционное значение американского кризиса вытекает уже из одного того, что это—кризис в цитадели мирового капитализма, что этот кризис—продукт неравномерности и противоречий послевоенного развития капитализма. Монополистический характер американского капитализма накладывает отпечаток на подготовительную ступень и ход этого кризиса во многих отношениях. Глашатаи теории «организованного капитализма» отделяют организационную форму,—монополистический учет производства товаров, регулирование рынка и кредита трестами и банковскими верхушками,—от частнособственнической основы этого учета и регулирования. Вот почему классовый анализ у них автоматически подменяется адвокатской защитой капитализма. В действительности, растущее обобществление производства в результате концентрации капитала не служит гарантией устойчивости буржуазного общества но, наоборот, является источником более частых и глубоких кризисов. Понижательная тенденция цен, постоянная армия безработных, увеличиваемая «технологической» безработицей, ожесточенная конкуренция, несмотря на монополию, конкуренция, принимающая характер прямой борьбы отраслей и районов народного хозяйства друг с другом, обострение борьбы на мировой арене,—все это показатели скрыто существующего хронического перепроизводства, все это доказательства легкости перехода от этого скрытого перепроизводства к явному кризису. Спекуляция ценными бумагами, в этой связи, оказывается средством обхода закона тенденции нормы прибыли к понижению. На ряду с вывозом капитала, это самовозрастание фиктивного капитала становится равноправным источником получения сверхприбылей. В этом находит свое выражение загнивание капитализма.

Второй Интернационал еще и по сию пору славословит американский капитализм, как капитализм, развивающийся по восходящей линии. Правые уклонисты подражают ему. Если взвешивать исторические факты только с точки зрения поверхностных явлений, такой взгляд еще недавно мог претендовать на некоторую убедительность. Но теперь даже и с этой точки зрения он теряет почву под ногами. При кризисах, как известно,

> «часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение доли будущей прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается тотчас же за уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал» [3].

---

[1] Wirtschaftsdienst, Heft 49, 6 Dezember. 1929.
[2] Ленин, т. XIX, стр. 142.
[3] К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. I, стр. 235.

Американская кредитная система еще не лопнула. Американский капитал накопил достаточно внушительное количество миллиардов, чтобы обанкротиться с первого удара. Но отлив золота в Европу происходит.

> «Потеря пол-биллиона золота, безусловно, в пределах возможного; может уйти и больше». Таково мнение «Анналиста».—За неделю до 21 ноября включительно произошло 292 банкротства, каждое на сумму свыше 5.000 долл. В прошлом году к этому же времени было 270 банкротств. Соответствующие данные для Канады на те же сроки — 31 банкротство в 1929 г., 19 — в прошлом [1]).

Крах американского «процветания» очень чувствительно ударил по Южной Америке, где американский капитал играет весьма внушительную роль. Аргентина прекратила платежи золотом, в несомненной связи с тем, что Соединенные Штаты проявили желание репатриировать часть своего золота из Аргентины. «Таймс» старается быть спокойным: английскому капиталу есть что терять в Аргентине!—«Аргентина—богатая страна, и хотя сельскохозяйственные округа пострадали от засухи и господствуют низкие цены, нет оснований для беспокойства» [2]). Однако уже через один номер «Таймс» сообщает о падении аргентинских железнодорожных акций. Падение цен на хлеб, добивающее американского фермера, вносит крайнюю неустойчивость во всю хозяйственную жизнь Канады, Аргентины и Австралии. Сельскохозяйственный кризис громко стучится в ворота.

Европейские буржуа пытались сделать хорошую мину в плохой игре. Понижение ссудного процента должно, мол, оживить промышленную деятельность. Американские миллиарды снова оплодотворят недужную стабилизацию. Они как будто забыли о скрытом хроническом перепроизводстве товаров, об обострении конкуренции в результате большой «заинтересованности» американского капитала в европейских делах, о сплетении хозяйственной жизни Европы с делами американских трестов и банковских концернов. В Германии цены промышленных товаров (1913 г. = 100) снизились с 159,9 в ноябре 1928 г. до 156,5 в ноябре 1929 г., число безработных в профсоюзах в октябре этого года было 10,9%, в ноябре 13,8% [3]). В Англии, которая все топчется у довоенного уровня, не будучи в силах перешагнуть его, число безработных с 9,9% в июле дошло до 11% в ноябре,—при содействии Томаса и К°. Кризис в Польше ни для кого не составляет тайны. Столь же не блестящи дела у Муссолини. В Японии все признаки назревающего кризиса. Этот список можно было бы продолжить довольно долго, его можно было бы дополнить обстоятельным описанием развития кон'юнктуры, но это не входит в нашу задачу. Барометр мирового капиталистического хозяйства показывает дурную погоду, которая еще более резко ухудшится как только «исполнятся сроки» и влияние американского кризиса скажется с полной силой.

«Die Erde ist rund». Земля кругла. Массы прибылей со всех концов земного шара родили американские просперити и, вместе с тем, сделали неизбежным его крах. Крах просперити волнами разойдется по всей земле и действие внутренних сил сольется с потрясением мирового рынка. Недооценка международного значения американского кризиса равносильна недооценке империалистической природы американского капитализма.

---

[1]) № от 29 ноября.

[2]) «Таймс», от 18 декабря.

[3]) «Der Deutsche Oekonomist», 23. XII. 1929. Последние газетные известия говорят о массовых увольнениях рабочих.

III. Гуверовский фашистско-империалистский „национальный трест"

> «Совещание стального треста Соединенных Штатов и Вифлеемской стальной компании, Форда и Дженераль Моторс, Стандарт Ойль и Дюпона с целью делового обсуждения рыночных перспектив,— восторгалась недавно газета «Чикаго Трибюн», — новое событие в истории Соединенных Штатов. Собираться при участии президента, окруженного руководителями ведомств, намечать широкую программу, опирающуюся на поддержку организма, не являющегося ни законодательным органом, ни об'единением частной инициативы, брать на себя публичное обязательство руководиться его указаниями при ведении дел, все это — вещь, доселе неизвестная в американской экономической жизни. Этот организм, представляющий своего рода экономический трест Соединенных Штатов, имеет власть только в силу экономической необходимости... Президент в качестве вождя страны — с помощью министерств торговли, финансов, труда, губернаторов и Федерального банка — взялся влиять на народное хозяйство, если не прямо руководить им. Он не может осуществить этого иначе, как с помощью руководителей крупных предприятий; а последние, до сих пор враждебные всякому вмешательству Вашингтона, сейчас берутся сообща работать в Белом Доме. В качестве экономического треста комитет Гувера представляет, в конечном счете, самую могучую экономическую и финансовую силу мира. Рационализация, до сих пор находившая применение в пределах различных отраслей, сейчас распространяется на народное хозяйство в целом. Возможность расширять рынки сбыта и увеличивать емкость рынка в период процветания, ресурсы, доставляемые этим организмом в период напряжения, может быть, заставят руководителей предприятий позаботиться о постоянном сохранении связей, создаваемых сейчас. Меры этого рода сейчас уже принимаются».

Гувер спасает «процветание». До сих пор было «процветание» от избытка. Теперь будет «процветание»... по нужде. «Процветание» должно быть увековечено: рекламной шумихой по поводу гуверовских проектов полна вся американская общественная жизнь. Нью-йоркский «Уорльд» (World) перечисляет гуверовские достижения и миллиарды пляшут как марионетки.

> «1. В ближайшее время обеспечено снижение налогов на 160 миллионов долларов.
>
> 2. Федеральная резервная система снизила учетный процент, облегчив тем самым условия кредита и приток капитала в производительные предприятия.
>
> 3. Правления железных дорог, говоря, видимо, от имени всей страны, намерены осуществить программу улучшений, сопряженную с тратой не менее 670 миллионов в ближайшие 6 месяцев [1]).
>
> 4. Руководители национальной промышленности согласились предпринять максимум строительных работ, общая сумма расходов на которые должна быть тотчас же определена после того, как будет подсчитано.
>
> 5. Группа предприятий общественного пользования заверила президента в своей готовности сотрудничать с ним, взяв на себя соответствующую долю для улучшения общего положения; контракты на сооружение предприятий общественного пользования в 37 штатах дали за 1928 год 1.337.931.000.
>
> 6. Американская телефонная и телеграфная компания известила президента, что в 1930 г. она намерена затратить на улучшения 700 миллионов.
>
> 7. Сталепромышленники также сообщили о предполагающихся новых сооружениях на 300 миллионов.
>
> 8 Правительственные органы ускоряют выпуск займа для нужд судостроения и предоставление почтовой субсидии, предполагающих постройку новых судов на 200 миллионов, тогда как казначейство добавляет 175 миллионов к программе общественных сооружений, доводя ее до 423 миллионов.
>
> 9. Президент обращает специальное внимание на проекты модернизации жилищно-бытовых условий. Он полагает, что работы по переделке и улучшению могут уже в ближайший год захватить миллион домов, с общей суммой расходов на 2 миллиарда долларов.
>
> 10. Представители труда договорились с руководителями промышленности об отказе от требований увеличения зарплаты, промышленники же,

---

[1]) До сих пор железнодорожные правления известили лишь о том, что в этом году они сокращают вдвое свои капитальные вложения и закупку материалов.

> в свою очередь, согласились не сокращать зарплату, а Генри Форд об'явил об увеличении зарплаты на своих предприятиях в интересах стимулирования покупательной способности»[1].

Американский капитализм издавна славится своим умением пользоваться рекламой. В приведенных широковещательных заявлениях явно пробивается беспокойство американского капитала за будущее. Только совсем уж безнадежные рыцари «организованного капитализма» могут брать всерьез эту американскую рекламу, которая нужна Гуверам, Рокфеллерам, Фордам и К° для того, чтобы вернуть себе уверенность в своих силах.

Трезвый «Анналист» просто бесцеремонно одергивает Гувера, провозглашающего новую эру государственного капитализма во спасение «просперити». Капиталистические дельцы знают цену гуверовским рекламным миллиардам.

> «Группа руководителей делового мира может согласиться с идеей желательности политики сотрудничества, тем не менее каждому лично приходится развязываться с вполне определенными и не терпящими отлагательства денежными условиями; в подавляющем большинстве случаев каждому приходится больше подчиняться этим условиям, чем считаться с тем соображением, что эта политика была бы желательна для общества, если бы ее можно было применять в каждом данном случае. Что участниками президентских совещаний были сделаны про себя соответствующие оговорки, это — факт,— выплывший на свет в форме интервью и заявлений. Вряд ли и могло быть иначе в отношении интересов промышленности целой страны, когда у каждой отрасли промышленности свои особые проблемы и условия, которые нельзя стричь под одну гребенку. Конечно, следует избегать пораженческого отношения, но каждый делец, в отдельности, как показывает повседневный опыт, знает, что он далеко не уйдет на одних надеждах,— еще будет хуже, если он допустит улучшение общего положения за счет потери своего предприятия»[2].

Реклама для увековечения «просперити» хороша для народа. Но капитал не хочет жить иллюзиями тем более за счет «священного принципа» частной собственности. Однако мы ошиблись бы, если бы ограничились только издевкой над несбыточностью гуверовских проектов увековечения «процветания» и просмотрели бы реальное содержание этих организованных попыток. «Анналист», споря с Гувером, лишь предостерегает капиталистов от самообмана. С гуверовским обманом масс он целиком солидарен. Американский капитал по существу дела не тешит себя мыслью, что ему удастся отвести кризис. Он стремится «рационализировать» последствия кризиса. В каком смысле? В том смысле, что весь аппарат финансового капитала, вся собирательная сила Гуверов, Морганов, Рокфеллеров и Фордов должны быть мобилизованы для того, чтобы переложить последствия кризиса на плечи угнетенных классов и менее счастливых конкурентов. (Последние понятно в свою очередь попытаются переложить на плечи рабочего класса).

Если предстоит 10 крупных банкротств, пусть лучше 5 из них произойдет в Лондоне, Берлине и Буэнос-Айресе и только 5 в Нью-Йорке. Если приходится терпеть от снижения цен, пусть максимум убытков от этого падет на плечи менее удачливых конкурентов Америки. Американские товары должны вытолкнуть их с рынка. Тяжелая индустрия находится под ударом? Пусть разорение сотен тысяч и миллионов фермеров несколько облегчит ее положение! Но, в первую очередь, расплачиваться за кризис должен, разумеется, рабочий класс Соединенных Штатов и всех стран, подвластных американской финансовой олигархии. Американский капитализм может и хочет проявить свою организованность в борьбе с рабочим классом, в экспроприации фермерства (а вслед за ним, и отсталого европейского сельского хозяйства), в империалистическом соперничестве. Фашистское и империалистическое нутро капиталистических монополий выступает наружу как раз сейчас. Капитализм не в силах победить неравномерность своего развития, диспропорцию во всех частях хозяйственного организма как внутри каждой отдельной страны, так и в рамках мирового хозяйства. Величайшая наивность думать, будто американский кризис «восстанавливает» единство мирового хозяйства—на депрессионной основе. Монополистический капитализм не может стремиться к преодолению нераьномерности и диспропорции в мировом разделении труда. Он сам—продукт этой неравномерности и диспропорции. Он живет ими, развивается и, в то же время, загнивает на этой основе. Но если он не может сгладить противоречия своего развития, то это вовсе не значит, что он не может ухватиться за неравномерность и диспропорциональность как за свое оружие. Наоборот, в условиях развертывающегося кризиса он по необходимости вступает на этот путь. Быстрое увеличение армии безработных,—неизбежное следствие неравномерности и противоречивости капиталистического процесса воспроизводства,—в руках фашизирующегося капитала окажется тараном против организованности и сознательности рабочих масс. Используя гнетущее давление резервной армии труда, опираясь на фабричный и полицейский террор, капитал будет пытаться подавить все проявления классовой борьбы и самостоятельного рабочего движения.

Фашизм становится твердой ногой на американской почве. Еще недавно рабовладельцы Гастонии встречали насмешки даже в буржуазной печати, как «отсталые капиталисты, не понимающие своей пользы». Теперь именно они будут задавать тон, будут учителями,—кризис расширяет—в сотни и тысяч раз расширяет—фундамент классовой борьбы, обостряет ее, обусловливает ее быстрое превращение в открытую борьбу класса против класса. Фашизм, в таких условиях, оказывается формой самозащиты капиталистических монополий. Фашизация всех методов борьбы с рабочим классом ведет с другой стороны массовое разорение мелкого фермерства, которое уже унавозило почву для «просперити». Стихийное возмущение этих масс, только что павших под ножом капиталистической гильотины,—Гуверы и К° будут стараться направлять против пролетариата, как класса бунтовщиков, мешающего делать хорошие дела. Но продукты американских тракторов и комбайнов будут так же разорять европейское крестьянское хозяйство. Они будут загонять его в гроб, работая рука об руку с европейскими капиталистическими трестовиками и банкирами, которые в свою очередь будут перекладывать тяжесть перепроизводства товаров на мужицкие плечи. Таким образом, американский кризис внесет свою долю в фашизацию буржуазной Европы. С этим процессом фашизации всех форм буржуазного господства неразрывно связано усиление процесса фашизации социал-демократии и желтых профсоюзов. Теперь он, несомненно, усилится и обострится, Английский и немецкий примеры свидетельствуют, что борьба с безработными, подавление экономической борьбы рабочих с помощью арбитража, но еще больше с помощью полиции и армии, живодерская «рационализация» рабочего движения и уровня жизни рабочего класса составляют главное призвание социал-фашизма. В Соединенных Штатах Грины из Американской Федерации Труда открыто вступают в фашистско-империалистический гуверовский «национальный трест». Хилквиты, Томасы и Тостейты—их легкая кавалерия. Капитализм будет искать выхода из положения с помощью нового рационализаторского похода на рабочий класс, он будет стремиться привести издержки производства в «соответствие» с низкими ценами. В основных, ключевых отраслях промышленности (железо, уголь, текстиль, судостроение и т. д.), в тех отраслях, которые буквально не выходят из критического состояния, эта новая волна рационализации будет настоящей попыткой подтягивания английских, немецких и др. рабочих к колониальному уровню. Социал-фашизм, следовательно, будет все плотнее и плотнее, примыкать к фашизму, все тверже и очевиднее равняться по хозяину.

---

[1] Literary Digest, 7. XII—1929. Перед этим Форд рассчитал 30.000 рабочих.

[2] № от 29 ноября.

Кустарный фашизм итальянского парвеню Муссолини побледнеет перед новым американским стандартом, перед фашизмом американского финансового капитала. Цергибелям и Реннерам, Макдональдам и Тома еще придется учиться у Гринов.

Мы не увлекаемся пророчествами. Нам нет надобности в этом, ибо простое сопоставление фактов подтверждает и правоту Коминтерна, правильность его оценки «третьего периода», расползающейся стабилизации, правильность тактики — класс против класса.

Крах процветания ставит на очередь дня величайшее обострение империалистического соперничества. Гуверы так громко и демонстративно толкуют о своей «самоуглубленности», о своих заботах поднять покупательную способность американского населения, чтобы отвести глаза от своих действительных планов. Империалистическая конкуренция будет решать, кто и сколько заплатит за крах американского процветания. Небольшой, но положительный факт: 9 декабря в Брюсселе собрались представители почти всех европейских автомобильных фирм для обсуждения мер борьбы с американским автомобильным нашествием на Европу.

> «Говорят»,— лениво роняет «Нью-Йорк-Таймс»,— «движение инспирировано Немецкой автомобильной торговой палатой, во главе которой стоит Вильгельм Шобер. 1929 год даст снова рекордную цифру сбыта американских легковых машин и грузовиков в Европе,— максимум сбыта приходится на Германию, Голландию, Бельгию, Испанию и Швейцарию» 1).

Вот вам и «расширение социального об'ема мирового капитализма»: нехватает места одновременно для американских и европейских автомобилей.

Американский капитал вывозит в Европу и другие части света не только товары, но и фабрики и заводы.

«Анналист», констатируя, что «этот год был годом большого процветания британской (!) электропромышленности», неподражаемо добавляет: «без сомнения, в нее вложена хорошая доля американского капитала» 2). Индекс цен «Экономиста» (1913 г. = 100) за ноябрь месяц—126,9, хотя еще месяц назад он был 129,6, а год назад 136,9.

Американский финансовый капитал заставит своих данников расплачиваться за крах процветания!

Естественно, что таким путем угроза новой империалистической войны надвигается еще ближе и непосредственнее.

Фашистское наступление на рабочий класс, фермерство и крестьянские массы, империалистическое наступление на Европу 3), таковы два устоя деловой программы Гувера и К°.

Наступление на колонии и усиление борьбы против СССР — третий устой этой программы. Гаити и нота Стимсона о К.-В. ж. д. только первые ласточки.

Сейчас американский империализм—больше и острее, чем когда-либо раньше—чувствует, что СССР... его компрометирует.

---

1) 10 XII.

2) 29. XI

3) А также и Южную Америку, Канаду, Австралию.

> «В самом деле,— жалуется он устами «Анналиста»,— мало было в мировой истории экспериментов, вызывавших интерес равный пятилетке. Неужели не располагая иностранными кредитами, возможно накопить необходимые внутренние ресурсы для этой грандиозной программы? Неужели в 1933 году, мы увидим Россию промышленно-независимой страной?.. Возможности, создаваемые централизацией всех форм капитала, об'единением всех видов экономической деятельности страны, рационализацией и стандартизацией в небывалых размерах,— как это предположено пятилетним планом,—очевидны» 1)

Да, нашей социалистической пятилеткой мы бьем их «просперити», их стабилизацию, которая этим просперити подпиралась. Даже лондонский «Экономист» удивленно разводить руками по поводу успехов сплошной коллективизации 2).

Чем больше американский и мировой капитализм будет испытывать на себе тяжелые последствия кризиса, чем больше американский кризис будет перерастать в мировой кризис, тем сильнее будет расти враждебность к стране строящегося социализма, своим примером зовущей на последний и решительный бой против капитала.

Индия и Китай раскачиваются на волнах революционного под'ема. Кризис Британской империи становится все более острым и безысходным.

Было бы ошибкой думать, что фашистско-империалистический трест Гувера—уже готовое оружие борьбы капитала, что он—выкован из одного куска. Как монополистический капитализм в целом и во всех своих деталях, он также является смесью свободной конкуренции и монополии.

Гуверовский империалистско-фашистский трест поднимает борьбу финансового капитала против рабочего класса и крестьянских масс, против колоний и против общепризнанного вождя всех угнетенных—СССР, на новую ступень.

Чем меньше у этого «треста» шансов регулировать самое течение кризиса,—а мы убедились, что их немного,—тем больше должна выпирать его фашистская и империалистическая стороны, тем больше он должен разоблачать себя попытками фашистской и империалистической перестраховки финансовой олигархии.

Открывается новая полоса открытой борьбы классов за или против капиталистической стабилизации.

Миллионы неорганизованных и безработных должны быть подняты на борьбу, должны найти своего вождя в организованном коммунистическом авангарде, рассылающем свои отряды во все стороны и со всех сторон атакующем врага, всегда готовом вывести массы на улицу, на открытую схватку. Капиталистическая стабилизация еще не кончилась. Она еще живуча. Чтобы продлить свое существование она готовит голод и смерть сотням тысяч и миллионам. Но она уже не только зашаталась, она подорвана в самом ее центре—в С.-А. С. Ш. Мертвенные тени легли на ее лицо. Американский кризис—серьезнейший удар по ней. У нее может сломиться хребет от этого подземного толчка.

Поэтому надо бить и добивать капиталистическую стабилизацию.

---

1) 29 ноября.

2) 21 декабря.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. ЛЕОНТЬЕВ.—«Закон трудовых затрат». (К анализу теоретических корней правого уклона). «Московский Рабочий», 1929 г. Стр. 101, цена 25 коп.

Рецензируемая брошюра тов. Леонтьева посвящена критике «закона трудовых затрат»,— развитого т. Бухариным в его статьях — «К вопросу о закономерностях переходного периода». Своевременность появления такой работы не вызывает сомнений. Претендуя дать ответ на вопрос о «закономерностях переходного периода» статьи тов. Бухарина, наряду с совершенно бесспорными положениями, содержат и ряд глубоко ошибочных утверждений.

Между тем, до сих пор в сколько-нибудь развернутой форме, критическому обстрелу эти ошибочные положения бухаринской концепции «закона трудовых затрат» — подвергнуты не были. Более того, как это совершенно справедливо указывает тов. Леонтьев, именно в некритически воспринятом виде эта концепция «закона трудовых затрат на много ладов излагалась и популяризировалась целым рядом экономистов».

Таким образом, если говорить о положительных заслугах т. Леонтьева в этом вопросе, то заслуга эта заключается уже хотя бы в том, что он заострил внимание на «законе пропорциональности трудовых затрат», дав первую попытку его, более или менее, развернутой критики. К сожалению, в этих критических замечаниях тов. Леонтьев сам допустил ряд серьезнейших ошибок, которые лишают возможности его критику признать за критику ортодоксальную [1].

Но, прежде всего, в чем заключаются ошибки т. Бухарина в этом вопросе?

Совершенно бесспорно и до сих пор ни у кого из марксистов не вызывало сомнения то положение Маркса, (блестяще развитое в его письме к Кугельману), что

> «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,— эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов».

Именно это положение Маркса т. Бухарин и сделал отправным пунктом в своем изложении «закона пропорциональности трудовых затрат», закона надисторического, закона, который «не может быть уничтожен определенной формой общественного производства», закона, охватывающего и действительного для всех общественно-экономических формаций, в которых, в той или иной степени существует разделение общественного труда.

В дальнейшем мы остановимся на вопросе: можно или нельзя эту безусловную обязательность распределения общественного труда в определенных пропорциях, назвать «законом». Пока же мы только подчеркнем, что известная пропорциональность в распределении трудовых затрат, это — условие существования и развития любой хозяйственной системы, это обязательное условие процессов производства и воспроизводства любой хозяйственной структуры. Без того и вне этого никакая хозяйственная система ни существовать, ни развиваться не может [1]).

---

[1] В основу брошюры т. Леонтьева положена статья, присланная им в редакцию «Большевика», но редакцией к печатанию не принятая.

Однако, являясь высшей ступенью абстракции, такой абстракции, в которой теряется то особенное, что отличает одну общественно-экономическую систему от другой, констатация необходимости распределения общественного труда в определенных пропорциях явно недостаточна и ничего не говорит, когда мы переходим к исследованию отдельных общественно-экономических систем и специфических законов их развития. Являясь общей для всех форм общественного производства, «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях», в различных общественно-экономических системах проявляется в различной форме, в различном количестве и качестве этих пропорций. Иначе говоря, как это совершенно правильно писали т.т. Дукор и Капитонов:

> «историческая форма осуществления пропорциональности распределения общественного труда неизбежно трансформирует как самое природу этой пропорциональности, так и конкретное количественное выражение» [2]).

Между тем, именно здесь (а это является важнейшим в понимании замечаний Маркса в его письме к Кугельману), у тов. Бухарина нет ясной и четкой постановки вопроса, именно здесь он допускает ряд прямо противоположных утверждений, делая грубейшие ошибки.

«Правильным является общее положение о том,— писал т. Бухарин,— что при капитализме пропорции были бы иные», чем у нас. И дальше: «Разве в самом деле, в различных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и соотношений такие же? Наконец, что означает громаднейшее различие в темпе развития? [3]). Таким образом, тов. Бухарин как-будто бы совершенно ясно и недвусмысленно указывает на необходимость изменения количественного выражения пропорций в различных общественно-экономических системах. Однако, в этой же своей работе, несколько дальше, тов. Бухарин, забывая о том, что он говорил несколькими страницами раньше, делает совершенно неожиданный «курбет».

> «Процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат находит свое выражение в том,— пишет тов. Бухарин,— что в порядке плана «цены в своей полуфиктивной функции... складываются сознательно иначе, чем они складывались бы стихийно».
>
> «Но это не в малой степени не значит, что здесь есть нечто противоречащее закону пропорциональности трудовых затрат. Наоборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании установилось бы post festum (стр. 52).

Прежде всего несколько слов относительно того во что перерастает закон ценности.

> «Закон ценности,— пишет тов. Бухарин,— не может перерастать ни во что иное, как в закон пропорциональности трудовых затрат» и «иное» перерастание» является вопиющей чепухой (стр. 38). И дальше: «Процесс победы

---

[1] Надо отметить, что, несмотря на всю свою очевидность и бесспорность, это положение марксизма иногда пытаются «оспорить». Такую попытку, в частности, сделал и т. Рокох своей статьей в «Торгово-Промышленной Газете», отрицающий необходимость соблюдения пропорциональности трудовых затрат в советском хозяйстве на том основании, что советская система хозяйства не является «органически единой системой». Но это уже относится к области «скверных анекдотов».

[2] «Большевик» — № 13—14, за 1929 г., стр. 92. Курсив авторов.—К. Р.

[3] Н. Бухарин. «К вопросу о закономерн. переход. периода», стр. 44 и 45.

> социалистических, плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат» (стр. 39).

Это утверждение тов. Бухарина несомненно ошибочно. Между тем, и оно, в частности, целым рядом экономистов было воспринято недостаточно критически.

Ошибочность подобного утверждения совершенно очевидна. Необходимость разделение общественного труда в качественно определенных пропорциях—не что иное, как содержание регулятора хозяйственной жизни, принимающего, с изменением определенности пропорций, различную форму в различных общественно-экономических системах. Каким же образом, — резонно спрашивает т. Леонтьев в рецензируемой работе, — «может закон ценности перерастать... в свое собственное материальное содержание?» «Перерастание закона ценности не во что иное, как в закон трудовых затрат, представляется не совсем логичным даже с точки зрения самой концепции закона трудовых затрат».

Форма, в которой осуществляется «необходимость распределения труда в определенной пропорции» общественный механизм, которым опосредствуется эта необходимость, может сменяться другой формой, но никак не перерастать в его содержание.

И, соответственно, меновая стоимость—форма проявления «закона пропорциональности трудовых затрат», может перерастать только в другую форму его проявления и всякое иное перерастание—перерастание «закона стоимости в закон трудовых затрат» — «является вопиющей чепухой».

Во что-же в таком случае «перерастает» закон стоимости? Следуя ряду других экономистов, тов. Леонтьев пишет: «длительный процесс замены стихии плановым началом — вот что характеризует переходный период».

Необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях будет осуществляться не стихийно, не через посредство рынка, не в форме меновой стоимости, а сознательной волей людей организованного общества, через план и в форме плана».

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о качестве этих пропорций, и количественном их выражении. Как мы видим, именно здесь позиция тов. Бухарина отличается вопиющей непоследовательностью. С одной стороны, он утверждает необходимость количественного изменения пропорций, в которых распределяется общественный труд в различных общественно-экономических системах, с другой же стороны, он утверждает, что при переходе от неорганизованного хозяйства к организованному, от капитализма к социализму, происходит лишь «предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании установилось бы post festum». Иначе говоря, вся «мудрость» планового регулирования заключается в том, что оно сознательно устанавливает ту пропорциональность в распределении общественного труда, которая при отсутствии планового регулирования, установилась бы стихийно. План только «предвосхищает» то, что должно было бы и без плана установиться стихийно.

Вопиющая ошибочность этого утверждения бросается в глаза.

В чем же основной порок этой концепции? Да в том, что, отрывая форму от содержания регулятора—определенности пропорций, в которых распределяется общественный труд,—эта концепция ведет нас со всей неизбежностью в болото чистейшего идеализма.

Позиция, которую в этом вопросе занял тов. Леонтьев в рецензируемой нами работе — «Закон трудовых затрат», существенно отличается от его прежней позиции.

> «С точки зрения марксизма... совершенно ясно, — пищет т. Леонтьев,— что само это распределение общественного труда в определенных пропорциях представляет собою процесс, который не только по своей форме (тем

> более по своей форме проявления), но и по своему материальному содержанию чрезвычайно различен при различных общественно-исторических формациях» (стр. 28).

И дальше:

> «Мы не только иными методами устанавливаем хозяйственные пропорции, но устанавливаем притом пропорции, которые по своему материальному содержанию существенно отличаются от тех соотношений, которые диктовались бы законом ценности». (Реценз. работа, стр. 48).

Это положение совершенно верно, и здесь тов. Леонтьев, совершенно правильно указывает, в чем суть ошибки тов. Бухарина.

И дело здесь не только в какой-то «абстрактной», «отвлеченной», теоретической ошибке. Логическое развитие этого теоретического положения (как впрочем и всякого ошибочного теоретического положения), ведет к тягчайшим политическим ошибкам, к тягчайшим ошибкам в области революционной практики. И тов. Леонтьев бесспорно прав, когда пишет, что

> «Бухаринская теория закона трудовых затрат является, на наш взгляд, неот'емлемой частью и обще-теоретической базой того понимания советской экономики и протекающих в ней процессов, на котором построены современные политические выводы тов. Бухарина и руководимой им школы молодых экономистов, выступающих теоретическими оруженосцами и политическими пропагандистами правого оппортунистического уклона».

В самом деле, отличаясь от капитализма принципиально иным строем производственных отношений, социализм должен отличаться от капитализма и иными пропорциями в распределении общественного труда. Но эти новые пропорции не падают готовыми с неба, а устанавливаются, завоевываются в ожесточенной борьбе с капитализмом. С этой точки зрения переходный период от капитализма к социализму является периодом ломки старых пропорций в распределении общественного труда, пропорций, присущих и свойственных капитализму и установления количественно и качественно иных пропорций. И опять-таки с этой точки зрения борьба плана со стихией является не чем иным, как выражением борьбы, за установление принципиально иных пропорций, между капитализмом и социализмом.

Утверждение тов. Бухарина, что план есть не что иное, как «предварительная антиципация (предвосхищение), что при стихийном регулировании установилось бы post festum не может означать ничего иного, как ограничения задач планового регулирования установлением тех пропорций, которые были свойственны и присущи капитализму. Ибо стихийное регулирование, «предвосхищать» которое должен план, является выражением товарно-капиталистических отношений, а следовательно, и товарно-капиталистических пропорций в распределении общественного труда.

Эту ошибку тов. Бухарин усугубляет и развивает в следующем критическом замечании по адресу тов. Преображенского:

> «Тов. Преображенский никак не может понять,--пишет тов. Бухарин,—что в данном случае речь не может итти об антагонизме по существу материального содержания закона, а что речь может итти лишь об антагонизме общественной формы. Нельзя себе представить дело таким образом, чтобы было два регулятора, антагонистических по материальному существу».

Этот отрыв формы и содержания являются нагляднейшим примером и доказательством механистичности концепции тов. Бухарина.

> Ленин писал, что «Гегель требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием». (Ленинский сборник, X, стр. 39).

Общественные формы проявления закона антагонистичны,—утверждает тов. Бухарин, — а содержание этого закона по своему материальному существу—не антагонистично. Но ведь определенная форма является формой определенного содержания и, следовательно, антагонизм общественных форм регулятора не может не означать антагонизма и в содержании единого регулятора. Форма материальна, содержание качественно определенно.

Что это значит? Материальным содержанием регулятора является общественный труд, распределяемый в определенных пропорциях. Но эта определенность пропорций распределения труда, равно как и форма, в которой эти пропорции осуществляются, и общественный механизм, которым они опосредствуются, различны для различных общественно-экономических систем. И содержание переходного от капитализма к социализму периода как раз и заключается в борьбе за материальное содержание регулятора, в борьбе за те пропорции, в которых распределяется общественный труд. Общественной формой проявления этой борьбы за материальное содержание регулятора является борьба социалистического плана с рыночной стихией.

Свое политическое завершение эта теоретическая концепция т. Бухарина нашла в его статье «Заметки экономиста». Указав, что наше хозяйственное развитие сопровождается «кризисами, которые «как будто «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма», тов. Бухарин переходит к выяснению причин этих «кризисов».

Капиталистические кризисы, — пишет т. Бухарин, — Маркс «выводил из общей бесплановости («анархии») капиталистического производства, из невозможности при капитализме правильных пропорций между различными элементами процесса воспроизводства», «из невозможности для капитализма «сбалансировать» различные элементы производства». Эта же причина — отсутствие «правильных пропорций»—лежат в основе и наших «кризисов», с той лишь разницей, что «характер «кризисов» определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством».

И отсюда, как вывод: мы можем и должны «построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», «схемы воспроизводства», т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия».

Тов. Бухарин решительно не понимает, что именно по аналогии со вторым томом «Капитала» мы не можем строить «схем воспроизводства», что эти «схемы» отнюдь не имеют «надисторического» характера, что эти схемы — схемы воспроизводства капиталистического хозяйства. А это, в свою очередь означает, что мы должны следовать не капиталистическому «сочетанию различных сфер производства и потребления, а создавать иное их сочетание, которое обеспечивало бы вытеснение элементов капиталистических, переделку простого товарного хозяйства и быстрый, абсолютный и относительный, рост элементов социалистических.

Если мы хотим построить социализм, то мы должны создавать иные пропорции в распределении общественного труда, должны по-иному сочетать и различные сферы производства между собой и соотношение в производстве и потреблении. Если же требовать, чтобы «схемы воспроизводства» советского, переходного хозяйства строились аналогично «схемам воспроизводства» капиталистическим, если требовать, чтобы сочетание «различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой» было аналогично — капиталистическому, если считать, что материальное содержание регулятора в советской системе хозяйства ничем не отличается от капиталистического, а меняется лишь форма его проявления («антиципация»), то ни о каком социализме не могло бы быть и речи. Капиталистическому «содержанию» может соответствовать только и капиталистическая же «форма»!

Ошибочность всей этой концепции с неизбежностью ведет и к тягчайшим политическим ошибкам. Если у нас «правильные» («правильные с точки зрения капитализма!) пропорции нарушены, если у нас нарушено «равновесие» в хозяйственной жизни (опять-таки с точки зрения капиталистической!), то эти «правильные» пропорции, это «равновесие» должно быть во что бы то ни стало восстановлено, путем «баланса», путем восстановления «нормальной» расстановки, «правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства», путем приспособления к требованиям и разуму рынка, сиречь к требованиям закона ценности и соответствующих ему пропорций в распределении общественного труда.

Именно из всей этой концепции, — как совершенно справедливо пишет т. Леонтьев, — следует «вывод о том, что современные нарушения равновесий в хозяйстве вызваны исключительно неправильным установлением хозяйственных пропорций вследствие черезчур быстрого темпа индустриализации страны и наступления на капиталистические элементы» «Принцип равновесия об'является высшим критерием в деле планирования. Равнение на узкие места выставляется в качестве высшей мудрости хозяйственной политики».

Но к сожалению на своих правильных позициях по вопросу о необходимости изменения пропорций распределения общественного труда т. Леонтьев не удерживается и последующими «замечаниями», «дополнениями» и «раз'яснениями» смазывает свою критику бухаринской концепции. Категоричность утверждения необходимости изменения пропорций ослабляется и превращается в «возможность». А «возможность», как известно, альтернативна — может быть, а может и не быть.

Всего лишь несколькими строчками ниже, вслед за утверждением необходимости изменения пропорции, тов. Леонтьев пишет:

> «Если наши пропорции по своему материальному содержанию могут (!?) существенно отличаться от пропорций, устанавливаемых законом ценности, то это отнюдь не означает, что они должны всегда противоречить и представлять собою полную противоположность последних. Такое представление было бы лишь неудачной карикатурой» (с. 48. Курсив мой. *К. Р*).

Итак наши пропорции по своему содержанию только могут, но отнюдь не должны отличаться от пропорций, «устанавливаемых законом ценности, сиречь закона развития товарно-капиталистического хозяйства.

Еще дальше (стр. 49), тов. Леонтьев дает еще более ошибочную формулировку:

> «Совершенно очевидно, что советская экономическая система, благодаря особенностям своей классовой структуры, благодаря изменившемуся типу связи с внешним миром, благодаря изменившемуся характеру производственных отношений таит в себе возможности установления иных по своему материальному содержанию пропорций в хозяйственной жизни, нежели пропорции, устанавливаемые в «обычном» хозяйстве товарно-капиталистического типа». (Курсив мой. *К. Р.*).

«Таит... возможность»!? Только... «таит»!? Совершенно очевидно, конечно, что если советская система хозяйства только таит возможности изменения пропорций, но эту возможность не реализовали, не претворили в жизнь, то это не может означать ничего иного, как утверждение, что на практике, в действительности, пропорции в распределении общественного труда остались неизменными, т.-е. такими, какими они были и при капитализме. И не менее очевидно, что это находится в вопиющем противоречии с действительным положением вещей.

В самом деле, если уровень производительных сил другой, если производственные отношения иные, если расстановка классов иная, если норма прибавочного продукта — другая, если сочетание различных сфер производства и потребления — иные, если темп накопления другой и т. д., и т. п., то как можно утверждать, что пропорции только могут изменяться, что советская экономическая система только «таит возможности» установления иных пропорций?

Корень этой ошибки в том неправильном понимании соотношения формы и содержания, которая была допущена тт. Леонтьевым и Хмельницкой в работе «Очерки переходной экономики» и которую т. Леонтьев, видимо, не преодолел полностью и до сих пор.

Как мы уже указывали, глубокой ошибкой было бы думать, что изменение содержания регулятора хозяйства — пропорций, в которых распределяется общественный труд, — происходит механически, т.-е. одно качество пропорций механически сменяет другое. Процесс качественного перерождения материального содержания регулятора происходит путем борьбы противоположных тенденций внутри этого единого регулятора. Материальное содержание регулятора хозяйственной жизни в переходный от капитализма к социализму уже отлично от материального содержания регулятора капиталистического хозяйства, но еще не достигло качества социалистического общества. Иначе говоря, качественная определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд, уже отлична от капиталистической, но еще не стала социалистической. В каждый момент определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд в переходном хозяйстве, представляет собой некую результанту борьбы капитализма и социализма за качество пропорций, в которых распределяется общественный труд. При чем эта результанта, по мере роста социалистических элементов в народном хозяйстве и вытеснения товарно-капиталистических, устанавливается каждый раз на иной основе. Определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд, становится все меньше похожа на определенность капиталистических пропорций и все больше приближается к определенности пропорций, свойственных социалистическому хозяйству. Содержание единого регулятора трансформируется, все больше приобретая качества социалистического регулятора.

Соответственно трансформации содержания регулятора трансформируется и его форма проявления. Стоимость, представляющая собой форму проявления содержания регулятора товарно-капиталистического хозяйства, трансформируется в социалистический план—форму проявления содержания регулятора социалистического общества. Но в такой же мере, как мы имеем в переходном хозяйстве для каждого данного момента единый по своему содержанию регулятор (определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд), в такой же мере едина и форма проявления этого регулятора, — принимающая форму народно-хозяйственнного плана. И так же как определенность пропорций в каждый момент складывается в результате борьбы различных хозяйственных систем за качество пропорций, в такой же мере и народно-хозяйственный план — как форма является результатом борьбы этих же двух начал. Иначе говоря, народно-хозяйственный план, как форма проявления единого по своему материальному существу регулятора, является результатом борьбы планового и стихийного начала в экономике страны, включая в себя как моменты директивы, так и моменты предвидения, предвосхищения.

С этой точки зрения глубоко ошибочным является утверждение некоторых товарищей, что «перед законом ценности здесь (в несоциалистическом секторе советской системы хозяйства. *К. Р.*) в общем и целом открывается такое же поле деятельности, как и во всякой несоциалистической хозяйственной системе; мы бы сказали, что принципиально (курсив автора. *К. Р.*) дело не меняется, изменения заключаются лишь в том, что соседство социалистического сектора весьма существенно суживает те пространственные, если можно так выразиться, рамки, в пределах которых проявляется суверенное действие закона ценности».

Глубоко ошибочно, во-первых, потому, что такое вульгарно-механистическое «пространственное» разграничение «суверенного» действия закона ценности и, очевидно, такого же «суверенного» социалистического плана, буквально вопиет к небу. Глубоко ошибочно, во-вторых, потому, что ведет к утверждению двух регуляторов в советской системе хозяйства, что, опят-таки, вопиет к небу. Глубоко ошибочно, наконец, потому, что закон ценности существует в советской системе отнюдь не как «суверенный» владелец несоциалистического сектора, а лишь в качестве одного из противоположных «элементов» единого регулятора—народно-хозяйственного плана. Являясь «единством противоположностей», народно-хозяйственный план включает в себя и еще действующий закон ценности и уже действующий, в качестве формы проявления единого регулятора — план. Но это ничего общего не имеет с «пространственным» разграничением сферы действия «суверенных» форм регулятора — закона ценности и плана. Народно-хозяйственный план включает не «суверенно» действующий «закон ценности», а «закон ценности», урезанный, ограниченный в своем действии под влиянием методов планового регулирования. То же самое относится и к плану. Действие и возможности планового регулирования ограничиваются наличием урезанных, но не уничтоженных стихийных закономерностей.

Каким же образом будет происходить процесс «перерастания» «стихийно-рыночных законов товарно-капиталистического хозяйства, основу которых составляет закон ценности, в сознательно планомерный способ общественного управления производством?» В процессе роста социалистического сектора, переделки простого, товарного хозяйства и вытеснения элементов капиталистических содержание регулятора, — определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд, — будет систематически изменяться, «перерастая» в определенность пропорций социалистического хозяйства. Это же «перерастание» мы будем иметь и в форме проявления этого единого (но постоянно изменяющегося) по своей материальной сущности регулятора. Закон ценности все больше будет ограничиваться в своем действии, по мере замещения простых товарных и товарно-капиталистических элементов элементами социалистическими, «перерастая» в рамках народно-хозяйственного плана в план социалистический[1]).

> «Основоположники научного коммунизма,— пишет тов. Леонтьев,— не раз заявляли с достаточной ясностью и определенностью, что переход от капитализма к социализму связан с «перерастанием» (вернее было бы сказать — заменой) стихийно-рыночных законов» «в сознательно-планомерный способ общественного управления производством».

Нам думается, что и в этом случае не стоит «заменять» формулировки «основоположников научного коммунизма». Именно слово «перерастание» характеризует суть происходящего процесса.

Особое место в брошюре т. Леонтьева занимает вопрос, как следует понимать «необходимость пропорционального распределения общественного труда» и можно ли назвать эту необходимость «законом»?

«В своем письме Маркс, — пишет т. Леонтьев, — совершенно ясно говорит о «законах природы». В данном контексте Маркс понимает под «законом природы» «необходимость пропорционального распределения общественного труда». Эта необходимость, как и необходимость труда вообще, является для общества внешней в этом смысле она может быть названа «законом природы» (с. 12). И сам же тов. Леонтьев несколькими страницами дальше указывает, что «марксисты обычно предпочитали цитировать известные слова Гете: «Нет ничего чисто-внешнего и чисто-внутреннего, потому что во вне проявляется то, что есть внутри». Следуя «обычаям» марксистов, тов. Леонтьев хотя и приводит «известные слова Гете», но смысла их так и не понял, когда «необходимость труда вообще» признал для общества внешней».

---

[1]) Тов. Леонтьеву не нравится слово «перерастание».

Надо сказать, что такой смысл, хотя в этом и старается уверить читателя т. Леонтьев, никак не вытекает из контекста письма Маркса. В самом деле, что пишет Маркс? «Необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства». «Измениться в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются». В товарно-капиталистическом обществе — «эта форма и есть меновая стоимость». Таким образом, если следовать логике т. Леонтьева и его пониманию выражения Маркса — «закон природы» — меновая стоимость историческая форма закона природы — внешнего для общества. С чем мы и поздравляем тов. Леонтьева!

Совершенно понятно, конечно, что говоря о «законе природы» Маркс говорил о той «естественной необходимости разделения общественного труда в определенных пропорциях», без соблюдения которой ни одна хозяйственная система существовать не может, вне зависимости от исторических форм общественного производства. А тов. Леонтьев превратил эту «естественную» необходимость в закон природы «внешний» для общества, а не закон (существования и развития) самого общества, попал в весьма незавидное и весьма конфузное положение. «Внешний» для общества закон природы принял форму... регулятора исторически-ограниченной системы хозяйства — форму закона стоимости. Законом природы «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях» является лишь в том смысле, что эта «необходимость» не может быть уничтожена определенной, формой общественного производства», что соблюдение этого закона — условие существования и развития всех хозяйственных систем, в которых существует разделение труда. Эти «естественные законы человеческого общества не могут быть уничтожены со сменой «исторических условий». Изменяется форма их проявления. И в данном случае со сменой определенных форм общественного производства «необходимость разделения труда в определенных пропорциях» не уничтожается, хотя определенность пропорций, их количественное выражение и меняется.

Можно ли после этого говорить о «законе пропорционального распределения труда»? Тов. Леонтьев отвечает на этот вопрос так:

> «Самый факт необходимости пропорционального распределения труда абсолютно ясен и бесспорен. Эта необходимость действует, сохраняет свою силу, независимо от исторической общественной формы. Признание этого факта, понимание этой необходимости представляет собой абсолютно необходимое звено на определенной ступени теоретического анализа»...
>
> Но... «законом» этот факт никак нельзя назвать.

Во-первых, потому, что его «познавательная ценность» не выше того, что нам дают классические примеры тривиальных утверждений. «Волга течет в Каспийское море; лошади едят овес». (Как же быть тогда с утверждением, что это положение «абсолютно необходимое звено» в цепи теоретического анализа?).

Во-вторых, потому, что этот «факт» есть простейшая категория, а «по совершенно недвусмысленному замечанию Маркса простейшие категории не имеют самостоятельного существования, независимо от категорий более конкретных». Так «излагает» т. Леонтьев слова Маркса о том, что «простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной». Едва ли читатель научится марксизму в этакой интерпретации Маркса. Нельзя ли, тов. Леонтьев, поосторожнее обращаться с Марксом, и не приписывать своих утверждений, да еще в корне противоречащих Марксу — самому Марксу.

В-третьих, потому, продолжает неутомимый т. Леонтьев, что этот факт — «закон природы»; а законы природы, они, как известно, какие же «законы».

В-четвертых, какой же это «закон», ежели меняется со сменой хозяйственных систем не только его форма проявления, но и его материальное содержание. Но чего же, меняется материальное содержание. Чего же меняется форма проявления. «Факта» — ответствует тов. Леонтьев в одном случае, «закона природы»,— притом «внешнего» для общества,— ответствует тов. Леонтьев в другом случае.

Очень хорошо! Соответственно этим авторитетным раз'яснениям в наших школах политграмоты, совпартшколах и вузах отныне, в учебники обществоведения, политграмоты и политэкономии будут введены следующие определения:

«Меновая стоимость есть форма проявления факта необходимости распределения труда в определенных пропорциях»...

Или:

«Меновая стоимость есть форма проявления «внешнего» для общества — «закона природы».

После столь «богатой» и «всесторонней» аргументации тов. Леонтьева — почему именно необходимость пропорционального распределения труда нельзя назвать «законом», — ни у кого, натурально, нехватит решимости позволить себе считать эту необходимость за закон. Тем более, что как авторитетно раз'ясняет тов. Леонтьев, кто позволяет называть «законом» существования и развития общества эту «необходимость распределения труда в определенных пропорциях», необходимость, которая, по словам тов. Леонтьева, «абсолютно ясна и бесспорна», необходимость, которая, по словам того же тов. Леонтьева, «сохраняет свою силу, независимо от исторической общественной формы», — тот — правый оппортунист.

Нельзя ли, полегче на поворотах.

Можно спорить о том, назвать ли эту «необходимость» законом или нет, но отсюда еще не следуют те выводы, которые делает тов. Леонтьев.

Теоретические корни правого оппортунизма заключаются в таком понимании «необходимости распределения общественного труда в определенных пропорциях», при которых признается качественная и количественная неизменность пропорций в распределении общественного труда при смене одной хозяйственной системы другой. В таком понимании взаимоотношения формы и содержания, при котором качественно неизменное содержание на различных этапах своего количественного бытия принимает качественно различную форму. И ошибка тов. Бухарина именно в этом и заключается. Эклектизм бухаринской концепции в том и состоит, что в одном месте признает необходимость количественного изменения пропорций при смене хозяйственных систем, в другом месте т. Бухарин утверждает, что план только «предвосхищает» то, что все равно установилось бы при стихийном регулировании, т.-е. утверждает неизменность пропорций при смене хозяйственных систем. Именно из этого последнего логически и вытекает та политическая позиция, которая была занята т. Бухариным и которая нашла свое выражение в ряде право-оппортунистических статей, речей и документов.

В заключение несколько слов об оценке тов. Леонтьева письма Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 года.

«В письме к своему ганноверскому другу-гинекологу (читателю, конечно, весьма важно знать, что Кугельман был именно гинеколом, а не часовых дел мастером или портным! *К. Р.*) Маркс, как без сомнения заметил внимательный читатель,— пишет тов. Леонтьев,— направляет свои замечания по адресу лиц, о которых он отзывается с величайшим презрением: это — «полнейшие невежды», «болтуны», «несчастные». И Маркс сообщает этим «несчастным» такие вещи, относительно которых он утверждает, что их знает «всякий ребенок». Первый законный вопрос, который в этой связи возникает, заключается в следующем: неужели ключ к полному пониманию сложных проблем переходной экономики Маркс дал как раз в тех своих замечаниях, которые адресованы исключительно невеждам и содержание которых, по словам Маркса, должно быть известно всякому ребенку».

Но «отныне» эта цитата «знаменита», сообщает тов. Леонтьев, ибо то «употребление», которое из нее сделали, то значение, которое ей придали, (а какое может быть значение письма, адресованного «болтунам» и «невеждам»!), свидетельствует, что еще не перевелись эти «болтуны» и «невежды».

Мы не будем «полемизировать» с т. Леонтьевым по этому вопросу, ограничившись оценкой значения этого письма Лениным. В предисловии к русскому переводу брошюры: «К. Маркс. Письма к Кугельману» Ленин писал:

> «Выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма представляет письмо от 11 июля 1868 г. Маркс излагает здесь в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов чрезвычайно отчетливо свое понимание т. наз. «трудовой» теории стоимости. Именно те возражения против теории стоимости Маркса, которые всего естественнее возникают у наименее подготовленных читателей «Капитала» и которые всего усерднее подхватываются поэтому дюжинными представителями «профессорской», буржуазной «науки»,—разобраны здесь Марксом коротко, просто, замечательно ясно. Маркс показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо итти к об'яснению закона стоимости. Он учит, на примере самых обыденных возражений своему методу»... «Остается пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал названное нами письмо вместе со штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала»[1]).

Пусть делает читатель вывод о том, кто же оказался «несчастным» в этакой оценке письма Маркса к Кугельману!

Брошюра т. Леонтьева, как мы уже указывали, принесет пользу хотя бы тем, что заострит внимание на ошибках т. Бухарина в его концепции «закона пропорциональности трудовых затрат». Но эта положительная сторона брошюры весьма страдает от того, что до конца ортодоксальной критики концепции тов. Бухарина в этом вопросе она не дает[2]).

Наконец, весьма неприятно поражает тот факт, что т. Леонтьев совершенно обходит свои собственные ошибки, допущенные им в этом вопросе. («Очерки переходной экономике»). Между тем многие из теперешних его ошибок своими корнями уходят в эти прошлые ошибки.

К. Розенталь.

---

[1]) Ленин, т. VIII, стр. 190—191.

[2]) Сложность вопроса о регуляторе советского хозяйства «смутила», очевидно, редакцию газеты «За индустриализацию». Редакция этой газеты поместила в № 10 «раз'яснение» на правильную рецензию тов. Д. Меерзон, помещенную в № 301 той же газеты. Редакция не поняла, что необходимость изменения пропорций в распределении общественного труда тов. Леонтьев очень часто выводит, как это видно и из приведенной самой редакцией цитаты, не из характера производственных отношений и классовой структуры общества, а из задач социалистического строительства, противопоставляемых, таким образом, фактически классовой структуре. На самом же деле именно эта структура обуславливает необходимость изменения пропорций и диктует определенные задачи социалистического строительства.

Проблема войн и „диалектические“ потуги проф. Свечина.

(О книге т. М. Рубинштейна «Империалистические войны будущего» и неверной рецензии на нее).

Можно с уверенностью сказать, что в немногих областях экономики, науки, политики мы наблюдаем за последние годы такой темп развития материального и теоретического, как в военном деле.

Дело не только в грубо-материальных достижениях в области технической подготовки войны: росте военной промышленности, ее огосударствлении, моторизации армии, экстенсивном и интенсивном росте военной авиации, химизации и т. д., но и в научно-теоретических обобщениях этих достижений.

Буржуазия не ограничивается тем, что она увеличивает потенциальные возможности своей военной промышленности, не успокаивается на том, что мобилизует сотни и тысячи инженеров, химиков, бактериологов и т. д. в явные и тайные лаборатории на предмет усовершенствования старых и изобретения новых средств уничтожения. Она мобилизует своих военных теоретиков для обобщения отдельных достижений в области методов и средств ведения войны.

И это вполне естественно. Капиталистическое государство самым энергичным образом готовится к новой войне, размеры и об'ективное значение которой будет превосходить все старые войны. Победа или поражение в этой войне (особенно поскольку она неизбежно либо начнется с войны империалистов против Советского Союза, либо переключится в нее)—будет иметь огромное значение для судьбы мирового капитализма.

Отсюда и нервность темпов и напряженность подготовки. Отсюда и стремление, как можно полнее и глубже теоретически обобщить повседневную эмпирику для лучшего предвидения.

В тесной связи с этим стоит тот огромный интерес к изучению опыта последней империалистической войны, который наблюдается за последние годы на Западе. В капиталистических государствах выпускают за последние годы немало книг, посвященных войне 1914—18 гг. Значительная часть этих книг посвящена учету стратегического опыта последней войны. Операция у Танненберга, битва на Марне, у Вердена и т. д. освещены в весьма обширной литературе. Совершенно очевидно, что здесь речь идет не об академическом интересе отдельных историков, а об учете прошлого для подготовки нового. На базе учета опыта последней войны обильно растут теории, характеризующие будущие формы войны, отображенные в обширной литературе (работы Зольдана, Фуллера, Бернет-Стюарта и т. д.).

Вполне естественно, что и у нас, в СССР, к проблемам новой войны имеется большой, вполне законный интерес. Для нас вопрос о характере новой войны, о ее формах, размерах, тактике и т. д. интересен в первую очередь в аспекте готовящейся против СССР интервенции буржуазных государств.

Несомненно, что война буржуазии с СССР будет являтся войною sui generis, что отразится и на тактике обеих сторон. Советско-китайский конфликт и басмаческие налеты на афганской границе чуть-чуть приоткрывают занавес над одной из форм такой войны или, по крайней мере, ее первой стадии.

Для того, чтобы во всей широте и полноте понять возможный размах и формы войны против СССР, надо внимательнейшим образом изучить подготовку буржуазии к новой империалистической войне вообще, к войне со своими империалистическими конкурентами. Несмотря на несомненное своеобразие форм и методов войны буржуазии против СССР, последняя будет иметь больше общего с войной 1914—18 гг., чем с нашей гражданской войной 1918—20 гг.

Приходится, к сожалению, констатировать, что, несмотря на огромную важность нового в области военной науки, изучение военных проблем остается у нас в СССР в значительной мере еще уделом лишь военных товарищей. Так называемые «гражданские товарищи»—вчерашние участники гражданской войны и завтрашние командиры и политработники в большинстве не знакомы или слабо ознакомлены не только с заграничной, но и с нашей советской военно-научной мыслью.

Дискуссии, которые время от времени разворачиваются на страницах нашей военной печати по генеральным или специальным военным вопросам, остаются неизвестными для значительной прослойки этих товарищей. Образование в последнее время военной секции при Коммунистической академии должно помочь делу приближения «гражданских товарищей» к основным, по крайней мере, проблемам современной военно-научной мысли.

Было бы однако совершенно неверно изучать военные проблемы изолированно, не связывая их с основными проблемами нашей экономики и политики. В наше время военный вопрос теснейшим образом связан со всеми проблемами народного хозяйства. Задачей нашей пятилетки является индустриализация страны, увеличение в ней абсолютного и относительного значения обобществленного сектора и т. д. Но совершенно очевидно, что все эти задачи переплетаются с проблемой увеличения обороноспособности Союза. Азбучной истиной является тот факт, что каждый наш хозяйственный работник крепит по существу оборону страны, но далеко не каждый хозяйственник представляет себе ясно и отчетливо ту роль, которую будет играть промышленность или даже та конкретная отрасль, в которой он работает, в условиях новой войны.

Характер, формы и продолжительность новой войны будут определяться рядом показателей, но несомненно, проблема экономической подготовки войны и оружия будут играть здесь решающую роль. И потому нашим товарищам, в первую очередь хозяйственникам, надо основательно подковаться, хотя бы по части изучения экономической подготовки войны у нас и за границей.

А для всестороннего изучения и осознания характера экономической подготовки необходимо иметь хотя бы общее представление об основных положениях современной тактики.

⁂

Некоторым подспорьем в деле изучения экономической стороны подготовки новой войны и тех материально-технических размеров, которые она может принять, является книга тов. Модеста Рубинштейна «Империалистические войны будущего» [1].

Основное внимание этой книги посвящено оружию будущих войн и их экономической подготовке. Автор не останавливается на конкретных формах новой войны и комбинации сил в пределах воюющих коалиций. В предисловии тов. Рубиштейн указывает, что

> «Праздными являются попытки ответить на вопрос, что придет раньше—вооруженное нападение на СССР или военное столкновение империалистов между собой. Это такое же гадание на кофейной гуще, попытка разрешить уравнение с многими неизвестными, как попытки точно определить в настоящее время комбинации разных капиталистических стран в пределах воюющих коалиций. Кроме того, вероятно, по всем признакам неизбежным будет то или иное сочетание обоих конфликтов, перерастание одного в другой. Так или иначе, главным, основным противоречием современности является противоречие империалистического мира и Советского Союза. Главной военной опасностью—опасность нападения на СССР» (стр. 7).

Тов. Рубинштейн совершенно прав, говоря, что главная опасность новой войны сейчас лежит по линии нападения на СССР. Но это отнюдь не освобождает нас от серьезного анализа существующих капиталистических противоречий и учета на

---

[1] Изд. Комакадемии. 1929. Цена 1 рубль. Стр. 192.

основании генеральных движущих сил возможных комбинаций в случае новой войны. Конечно, не может быть речи о точном определении предстоящих комбинаций. Таких гарантий ни один исследователь и даже самый информированный контрразведчик не мог бы дать. Но мы всегда имеем возможность на основании об'ективных экономических, политических и стратегических показателей делать известные предположения, строить, так сказать, рабочие гипотезы. Это необходимо делать, ибо проблема комбинации сил в новой войне имеет для СССР чрезвычайно важное значение. Конечно, тут нужно соблюсти чувство меры, не впадать в гадание на кофейной гуще, и не уподобляться достопочтенному полковнику Физл Бангспарку—герою одного из памфлетов американского юмориста и профессора политэкономии (у американцев такое совместительство возможно) Стифен Ликока. В этом памфлете Бангспарк выступает виртуозом предсказывания нелепейших комбинаций сил в новой войне.

Тов. Рубинштейн ограничивается лишь самой общей характеристикой важнейших конфликтов, определяющих географию предстоящих войн. Эта характеристика носит весьма конспективный характер и естественно не дает исчерпывающего ответа на эту весьма интересную проблему.

Автор рецензируемой книги не является военным специалистом. Он подходит к трактуемым вопросам в первую очередь, как политик-экономист. Это отражается на отдельных военных и технических деталях, но отнюдь не уменьшает интереса и полезности книги.

Первые главы книги носят вступительный характер. В них говорится об основных узлах империалистических противоречий и дается общая характеристика военной подготовки на Западе. Опираясь на Энгельса тов. Рубинштейн совершенно правильно связывает формы войны и ее подготовку с состоянием производительных сил и уровнем технического развития.

Эту абсолютно марксистскую истину в последнее время пытался оспаривать проф. Свечин в «Красной Звезде» в своей статье «У истоков оперативной мысли». В этой статье проф. Свечин, несмотря на все свои «диалектические» потуги», явно не понимает глубочайшую взаимную зависимость, существующую между производительными силами, экономической структурой общества и надстройками, в том числе и военной [1].

Тов. Рубинштейн, повидимому, не совсем в курсе тех споров, которые происходят в рядах наших военных работников, когда пишет в своей книге о том, что положение Энгельса не вызывает по существу «никаких споров и возражений даже со стороны военных специалистов, никак не могущих быть заподозренным в приверженности к марксизму» (стр. 31).

Нередко, даже в наших советских условиях и даже авторы, называющие себя марксистами, подменяют в этой области военной науки диалектику эклектикой чистейшей воды. Тот же проф. Свечин под флагом «диалектики» пытается построить эклектическую теорию, согласно которой уровень производительных сил играет некоторую роль в войне «крупных» империалистических государств, но теряет свою силу тогда, когда война происходит между «малыми» государствами.

Тов. Рубинштейн останавливается в своей работе на появившихся в последнее время теориях замены массовых армий небольшими прекрасно вооруженными полуфашистскими или фашистскими кадрами (так наз. фуллеризм). Он разбивает эту теорию рядом достаточно убедительных доводов. По существу, вся его книга посвящена доказательству неизбежности применения в новой войне массовых армий. Всеоб'емлемость будущих войн характеризуется еще и тем, что в новой войне гражданское население становится непосредственно об'ектом военных действий.

---

[1] Ко взглядам проф. Свечина мы еще вернемся ниже в связи с его рецензией на книгу т. М. Рубинштейна в «Торгово-Промышленной Газете».

В своей книге тов. Рубинштейн исходит из вполне правильной предпосылки, что для того, чтобы правильно наметить задачи революционного рабочего движения в борьбе против империалистических войн необходимо знать хотя бы в основных чертах важнейшие виды оружия будущих войн, тенденции их развития и возможность использования. С этой задачей автор в общем не плохо справляется. Он использует иностранную и русскую литературу по современной военной технике как периодическую, так и непериодическую и дает читателю довольно полное представление не только о настоящем положении военной техники но и о ее потенциальных возможностях.

Тов. Рубинштейн подробно останавливается на тех видоизменениях, которые претерпело огнестрельное оружие, в частности, пулеметы и артиллерия после мировой войны. Он сравнивает максимальную силу пулеметно-оружейного огня и боевую насыщенность фронта пулеметами к концу войны 1914—18 г.г. с теми возможностями, которые открываются в будущую войну.

Значительным сдвигом в деле военной тактики является моторизация армии. Это относится как к автотранспорту, дающему возможность производить массовые переброски армейских частей, так и к различным механизированным соединениям, в первую очередь, к танкам. Автор довольно подробно останавливается на оперативном значении танков и их совершенствовании из года в год.

Особенное внимание уделяет автор войне в воздухе. Эта часть книги им разработана особенно детально. Здесь дается подробное описание послевоенных достижений авиации как в области быстроты полетов, так и грузопод'емности самолетов. Достижения авиации значительно меняет характер новой войны, ибо вводит военную авиацию, как активный фактор крупнейших операций. Автор останавливается на перспективах военной авиации и методах борьбы с ней.

Последняя война вызвала известную переоценку роли морских вооружений. Флот в наше время приобретает несколько иной характер, чем он имел до войны. Увеличивается значение подводного флота, как весьма сильного средства в деле осуществления так называемой «широкой блокады». Автор полемизирует с «фуллеристами от авиации», которые отрицают вообще какую бы то ни было крупную роль флота в будущих войнах.

Понятно, что наибольший интерес вызывает та таинственная подготовка, которую ведут буржуазные государства для использования химии в новой войне. В прошлой войне немцы впервые стали применять газы. С тех пор методы химической войны воспроизвелись на расширенной основе. Общий рост химической промышленности вообще неразрывно связан с изготовлением отравляющих веществ, могущих быть использованы в новой войне. На методах и аппарате химической войны тов. Рубинштейн останавливается самым тщательным образом, полемизируя со сторонниками «гуманных» ядовитых газов.

Книга тов. Рубинштейна, как он указывает в своем предисловии, предназначена, в первую очередь, для рабочих капиталистических стран. Несмотря на то, что книга сейчас лишь переводится за границей, ее материалы были широко использованы накануне 1 августа рядом заграничных коммунистических газет. Давая свое описание оружия, которое подготовляет буржуазия для новой войны, автор имеет в виду, в первую очередь, показать рабочим Запада «тайну, в которой рождается война». Но все же нам представляется, что автор местами излишне увлекается военно-техническими достижениями буржуазии. Показывая ряд несомненных крупных технических достижений, в области эволюции средств нападения, автор не всегда вскрывает неизбежно параллельно растущие противодвижущие силы, диалектически заключенные подчас в самих новых средствах уничтожения или выражающихся в развитии средств защиты.

Тов. Рубинштейн останавливается на методах противовоздушной обороны, но описание этих методов получается у него куда бледнее, чем описание послевоенных достижений авиации. Между тем и в области противовоздушной обороны имеются огромные достижения, хотя бы в такой стране как Япония.

Тов. Рубинштейн вскользь останавливается на весьма серьезных формах химической войны — бактериологической войне. Он указывает, что в тиши лаборатории и научно-исследовательских институтов империалистических государств идет в настоящее время работа по изучению и подготовке нового оружия будущих войн—распространение вызывающих эпидемию бактерий. Дальше, автор полагает, что «границы военных действий этого рода совершенно неопределимы. Распространение чумы, холеры, тифа, гриппа, столбняка, желтой лихорадки и т. п., может легко оказаться обоюдноострым оружием, расширяя свое действие по обе стороны фронта». (Стр. 115). Меры же борьбы против бактерий, как-то фильтрация и хлорирование воды, тов. Рубинштейн считает несерьезным и легко преодолимым противником.

Тут совершенно очевидно, что тов. Рубинштейн сильно переоценивает роль бактериологической войны. Во-первых, пользование заразными бациллами чумы, холеры и тифа, является для противника, уже по одному тому опасным, что как при позиционных войнах, так тем более при маневренных операциях бактериологическая война может стать обоюдоострым оружием. Противник, применивший бациллы, может стать перед опасностью распространения эпидемии в своих же войсках. Тов. Рубинштейн указывал на обоюдную опасность применения этого оружия, не делает из этого, однако, соответствующих выводов.

Автор выдвигает возможность, использования авиации для бактериологической войны в глубоком тылу. Но и этот вопрос у тов. Рубинштейна не разработан. Как раз в одном из номеров немецкого журнала «Милитер Вохенблатт» (№ 9—1929) имеется статья, посвященная бактериологической войне. В этой статье указывается на то, что научное исследование вопроса об эпидемиях пришло к заключению, что как бы та или иная страна не думала вести бактериологическую войну, она бы своей цели не достигла. Применение снарядов и авиабомб, как средств распространения бацилл, привело бы, благодаря развитию при разрыве невероятно высоких температур, к умерщвлению самих бацилл. Дальше выясняется, что в распространении эпидемии бацилла не играет главной роли. Эпидемические болезни не обладают свойством распространяться в любом месте. Так, например, в 1832, 1848, 1859 и 1892 гг. в Гамбурге свирепствовала холера, а в Бремене, и в Бременском порту ее не было. Чума, напр., является бичом в Бомбее, а в Мадриде она бессильна. Затем эпидемии зависят от времени года, так, напр., дезинтерия, обычно появляется летом, брюшной тиф — осенью и т. д.

Можно не соглашаться с тем, что опасность бактериологической войны, вообще исключена, но было бы неверно освещать характер подготовки новой войны лишь в аспекте «ужасов» грядущей войны.

В своей статье «О лозунге разоружения» Ленин писал:

> «Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние».

Тов. Рубинштейн правильно делает, что он показывает все ухищрения буржуазии в деле изобретения новых средств уничтожения, но было бы не вредно, если бы во втором издании своей книги он более подробно разработал те противомеры, которые не менее энергично разрабатываются буржуазией.

⁂

Однако, ошибка тов. Рубинштейна не так опасна, как те в корне неправильные выводы, которые пытается сделать проф. Свечин из факта одновременного роста средств нападения и средств защиты.

Проф. Свечин полагает, что поскольку параллельно с развитием средств уничтожения идет развитие и противомер—все остается на старом месте. В своей рецензии на книжку тов. Рубинштейна проф. Свечин указывает, что новый крупно-калиберный пулемет Виккерса пробивает щиты из лучшей стали. «Но ведь этот пулемет,—восклицает проф. Свечин,—как раз и кладет предел танковому ужасу—два технических военных действия вместе взятые аннулируют друг друга»[1]). А это в свою очередь вдохновляет проф. Свечина и на следующий, еще более неверный, вывод, когда он утверждает: «Не значит ли это, что по существу здесь все осталось на старом месте?».

Это, конечно, недиалектическая постановка вопроса. Параллельный рост двух технических военных действий, особенно сейчас в процессе подготовки войны отнюдь не аннулирует друг друга, а лишь стимулирует и дальнейшее соревнование и этим самым общее развитие военной техники. Теория о том, что рост наступательной мощи парализуется развитием орудий обороны и следовательно «война теряет смысл» является премудростью весьма распространенной в империалистических военных кругах, и там это является лишь голой фразеологией на предмет успокоения боящегося «ужасов» войны мелкого буржуа.

Много внимания уделяет тов. Рубинштейн в своей книге проблеме экономической подготовки войны. Основное достоинство этой части книги заключается в том, что автор непосредственно связывает проблемы военной техники с общим развитием техники и промышленности.

> «Все эти сдвиги военной техники вызываются общими изменениями техники и организации производства, хотя в ряде случаев они их как бы опережают и во всяком случае становятся их наиболее ярким и законченным воплощением» (стр. 173).

Автор подробно освещает подготовку в ряде стран переоборудования промышленности для нужд войны, вскрывая общие тенденции военно-промышленной подготовки. Автор останавливается на своеобразной «плановости» военного хозяйства вообще и в частности в Германии. Он совершенно правильно указывает на то, что:

> «Планирование не могло и не хотело подавить или даже привести в организованные рамки стремления к максимальной прибыли отдельных капиталистических групп, дикий разгул спекуляции широчайшего слоя «шиберов» и других военных «пенкоснимателей» (169).

В свете современных дискуссий об «организованном капитализме» критика тов. Рубинштейна так называемого планового военного хозяйства является особенно интересной. Заключительная глава книги посвящена борьбе рабочего класса против империалистической войны. Эту главу можно было бы сделать несколько полнее, особенно в части учета опыта разложения старых армий, но все же у автора имеются здесь довольно интересные мысли о связи технических усовершенствований с характерами и составом новых армий.

> «Армия прошлых войн,—пишет тов. Р.,—были в основе крестьянскими армиями. Массовые армии будущих войн в основных империалистических государствах будут (кроме колониальных войск) по преимуществу городскими армиями, их основу составит промышленный пролетариат».

Таким образом, несмотря на отдельные дефекты, книга тов. Рубинштейна, несомненно, представляет собой ценный вклад в нашу военную литературу, особенно предназначенную для широкого читателя. Но это «вторжение» «штатского» человека в «святое святых» военной науки вызвало довольно резкую реакцию со стороны одного из крупных военных теоретиков Красной армии проф. А. Свечина. Профессор А. Свечин в «сокрушительном» порядке разразился на страницах «Торгово-Промышленной Газеты» весьма едкой рецензией по поводу книги тов. Рубинштейна.

В своей рецензии А. Свечин обвиняет автора в том, что последний преувеличивает значение военно-технических изобретений и, оперируя рекордами, смазывает «действительные отношения».

«Особенно вредным,—считает проф. Свечин,—пренебрежительное отношение автора к армии». «Война представляется автору исключительно, как состязание тылов». И, наконец, последнее обвинение, которое проф. Свечин бросает тов. Рубинштейну, это—недооценка возможности перепроизводства во время войны оружия, снарядов и т. д.

Проф. Свечин пишет:

> «Не может быть перепроизводства оружия, снарядов и всякого снаряжения—это основной тезис автора. А не показывает ли конец мировой войны, когда Германия располагала десятком тысяч новых орудий на складах и десятками миллионов снарядов к ним, бесчисленным количеством пулеметов и прочего добра, но не имела больше людей, желавших пользоваться на фронте этими припасами, что перепроизводство на войне имеет также место. И мы думаем, что в обстановке напряженной классовой борьбы в будущем такие случаи нередко будут иметь место, потребителей военная промышленность далеко не всегда сможет себе подыскать».

Мы считаем небесполезным остановиться на этих обвинениях, пред'являемых проф. Свечиным тов. Рубинштейну. Эти обвинения не выдуманы ad. hoc под впечатлением прочитанной книги, они логически вытекают из всей эклектической военной концепции, исповедуемой проф. Свечиным, в частности, в вопросах соотношения живой силы и техники.

Основная ошибка проф. Свечина заключается в том, что он «абстрагируется» от тех достижений военной техники, которые наблюдаются после войны в буржуазных государствах и пытается решать оперативные уравнения, игнорируя ряд весьма существенных данных из области технико-материального снабжения армии.

Свое грехопадение в области недооценки техники проф. Свечин логически продолжает и в вопросах организации современных армий. А это уже в совокупности определяет принципиально неверную установку проф. Свечина в основных вопросах современного оперативного искусства.

Только на базе полного игнорирования современных достижений военной техники (мы не рискуем сказать—незнания их) могла у проф. Свечина родиться весьма «своеобразная» теория «режима экономии» в военном промысле. В упомянутой уже выше статье в «Красной Звезде» проф. Свечин занимается арифметическими подсчетами преимущества ближнего боя над дальним. Он пишет:

> «Человекоубийственная промышленность, организованная средствами дальнего боя, обходится примерно в 20 раз дороже и требует в 20 раз больше по весу огнеприпасов, чем тот же промысел, организованный средствами ближнего боя. Дешевле всего застрелить человека из револьвера с расстояния в 10 метров; это стоит только 8 копеек и требует доставки только одного патрона весом в 20 грамм. При обработке артиллерийским огнем с 4—5 км. батальона, окопавшегося и замаскировавшегося на площади одного квадратного километра, приходится расходовать десяток тысяч снарядов, и издержки на каждого из 300—400 подстреленных бойцов достигнут 2—3 тысячи рублей; вес снарядов, приходящихся на одного выведенного из боя неприятеля, достигнет 300 кг., что почти поглощает грузопод'емность парной повозки.
>
> Конечно, тактика не может обходиться ни без дорогих и громоздких методов дальнего боя, ни без дешевых, но встречающих крупные затруднения методов ближнего боя; однако упор может делаться на артиллерию в большей или меньшей степени. Если мы потребуем от артиллерии законченной на 70 проц. работы и оставим пехоте доделать только 30 проц., то

---

[1]) По этой аристотелевой логике — пуля и убитый ею солдат тоже «анулируют» друг друга.

> мы переходим к системе военных действий, по крайней мере, в три раза более дорогой и громоздкой, чем в том случае, когда артиллерия будет выполнять только 30 проц. работы, а остальное делать пехота. Соответственно мы будем иметь дело или с артиллерийской операцией или с пехотной операцией. Главным родом войск будет являться или артиллерия или пехота».

Вся эта, с позволения сказать, философия не имеет, естественно, ничего общего с марксистскими методами анализа военных проблем.

Проф. Свечин выступает здесь не как стратег, а как бухгалтер бэконного завода, подсчитывающий, каким способом будет дешевле «обработать» свиную тушу. Подсчитывая «производственные затраты» на убийство одного человека, проф. Свечин пытается, повидимому, открыть новую область применения «закона трудовой стоимости». Но за всем этим жонглированием, терминами и механистическим перенесением методов политэкономии в военный промысел таится ярко враждебное всей нашей военной теории и практике концепция. Der kurze Sinn der langen Rede (короткий смысл длинной речи) проф. Свечина сводится по существу к тому, что танки и артиллерия суть буржуазные предрассудки только потому, что они дороже револьвера, и что работать дорогими и громоздкими средствами дальнего боя смогут лишь армии капиталистических государств Запада. Нам же, повидимому, остается пользоваться дешевой пехотой.

И прав поэтому тов. В. Триандофилов, когда он, полемизируя в «Красной Звезде» с проф. Свечиным («Барабан» и «Артиллерийский таран» (об истоках оперативной мысли) пишет:

> «Если человеческие жизни на войне ничего не стоят, если бойцы, повисшие на проволоке противника, стоят государству меньше, чем несколько тысяч снарядов или десятков других танков, если время, темп развития боевых действий, быстрота выполнения задачи на войне ничего не стоят, то тогда тов. Свечин прав».

Вся философия проф. Свечина, несмотря на его потрясение «диалектической шпагой, является рецидивом старой тактики поистине «очаковских времен». Проф. Свечин во втором томе своей «Эволюции военного искусства» (стр. 452) пишет, что в период турецкой войны «мы (кто это мы?!) *Дм. Б.)* стремились к большой дешевой армии».

Царская Россия пыталась компенсировать свою промышленную, а следовательно и военно-промышленную отсталость избытком дешевого пушечного мяса. И сейчас эти, по существу, реакционные взгляды проф. Свечин пытается протащить под прикрытием механистически-материальных анализов военных проблем, всячески отрицая значение артиллерийского тарана и высказываясь против «благотворительного подхода к пехоте».

Словом, как в старом вдохновении «патриотической» музы Глинки:

Ура... на трех ударим разом!
Не даром же трехгранный штык!
Ура отгрянет над Кавказом,
В Европу грянет тот же клик!

Не говоря уже о совершенно неприемлемой для нас социальной установке проф. Свечина в вопросе о «дешевизне пехоты», свечинская «экономия» не выдерживает критики и в чисто-военном аспекте. Если та или иная операция не подготовлена предварительно соответствующими средствами «дальнего боя», если благодаря этому пехотные части понесут огромные потери, то вряд ли это поднимет боеспособность и моральное настроение армии. Совершенно верно, что пехота представляет собой ядро армии, но при всех своих «диалектических» потугах проф. Свечин не понимает, что в новой войне пехота без современного технического вооружения будет представлять собой quantite negligeable [1]), каким бы энтузиазмом и героизмом не была бы эта пехота проникнута.

---

[1]) Незначительную величину.

Отрицая или по крайней мере смазывая роль техники, проф. Свечин невольно повторяет основную ошибку известного интерпретатора оперативного искусства Мольтке—немца Шлихтинга. Шлихтинг ухитрился не заметить тех новых изобретений, которые значительно изменили обстановку, характерную для эпохи Мольтке, и этим самым превратили искусство Мольтке в мертвую докторину.

Обвинение проф Свечина, брошенное им тов. Рубинштейну в том, что последний преувеличивает значение военно-технических изобретений и, оперируя рекордами, смазывает «действительные отношения»,—это обвинение ни на чем не основано. Наоборот, «действительные отношения» смазывает сам проф. Свечин, механически противопоставляя массовую армию технике.

По проф. Свечину выходит, что в грядущей интервенции империалистов против СССР возможны два варианта организации буржуазных армий. Капиталисты выставят против нас либо небольшую механизированную и моторизированную «фуллеровскую» когорту; либо массовую, но политически неустойчивую, расползающуюся по всем швам, армию. Подход проф. Свечина, мягко выражаясь, явно метафизический.

Верно, что те миллионные армии, которые буржуазия попытается бросить против Советского Союза, будут включать в себе серьезнейшие бациллы разложения, которые, однако, не обязательно должны проявиться на первых же порах военной кампании. Было бы опасным недооценивать полицейские, пропагандистские и проч. средства буржуазии, при помощи которых она будет стремиться поддерживать дисциплину, по крайней мере, в первый год войны. Нельзя, наконец, забывать о весьма серьезном оружии в агитпроповском арсенале буржуазии—о социал-фашизме, который еще ведет за собой весьма значительные массы рабочих. Мы бы совершили политическое преступление, если, ориентируясь на немедленное разложение буржуазных армий, ослабляли темп нашей военно-технической подготовки. Стать на точку зрения проф. Свечина,—означало бы, по существу, поддерживать те легкомысленные элементы в Красной армии, пытающиеся «шапками закидать» весьма серьезного противника.

Столь же безосновательно обвинение проф. Свечиным тов. Рубинштейна в том, что он, мол, пренебрежительно относится к армии, а войну представляет лишь как «состязание тылов».

Уважение к армии определяется отнюдь не барабанным боем в честь пехоты и превращением ее в пушечное мясо «буржуазной артиллерии». Проблему поднятия боеспособности армии нельзя отрывать от проблемы ее технического вооружения, а последнее, в свою очередь, тесно связано с развитием техники вообще, с экономическим развитием страны.

В своей статье в «Красной Звезде» проф. Свечин уверяет, что

> «развитие производительных сил, оставаясь глубинным источником прогресса военного искусства, действовало далеко не равномерно, толчками, порой тормозило и дергало эволюцию его назад *(?! Дм. Б.)*. Поэтому практически одно развитие производительных сил различных государств отнюдь не дает еще ключа к уразумению современных стратегических и оперативных доктрин».

Это положение проф. Свечина лишний раз иллюстрирует его непонимание глубочайшей связи, имеющейся между современными техническими сдвигами, развитием массового производства и военными проблемами.

Можно привести огромное количество цитат из Энгельса, на которые так часто любит ссылаться проф. Свечин для опровержения установки последнего. В своей статье «Перспектива войны Франции против священного союза» Энгельс указывает, что:

> «Предпосылкой наполеоновского ведения войны были выросшие производительные силы. Предпосылкой каждого нового усовершенствования в ведении войны должны быть также новые производительные силы».

Кто этого не понимает и вместо конкретного уяснения связи между техническими усовершенствованиями в военном промысле и производительными силами издевается над «войной тылов», тот не способен осознать подлинного характера новой войны. Вопросы тыла, и в частности материально-технического обеспечения армии, представляют собою задачу не менее, если не более, важную в подготовке обороны страны, чем подготовка армии.

В «Эволюции военного искусства» сам же проф. Свечин пишет: «Пока тыл работает исправно, современные армии проявляют удивительную живучесть» (т. II, стр. 544).

Совершенно прав тов. Ворошилов, когда он в своем выступлении на IV Всесоюзном с'езде советов говорил:

> «В особенности подготовка промышленности к обороне должна стоять перед нами, как актуальнейшая задача сегодняшнего дня, без разрешения которой все разговоры относительно обороны нашего государства будут в значительной своей части разговорами мало реальными».

Проф. Свечин в своей рецензии обвиняет тов. Рубинштейна в том, что:

> «Современная подготовка бойца рисуется ему, как маленькое натаскивание и успех подготовки в каком-нибудь фашистском союзе отнюдь не меньше, чем в постоянной армии».

В этом тоже проф. Свечин видит «оскорбление мундира» армии и переоценку тыла. Но сам же проф. Свечин в выше цитированной книге указывает, что: «существующая в мирное время армия обращается лишь в авангард собирающегося выступить вооруженного народа». Ведь неоспоримым фактом является развертывание во время войны 3½ миллионов американской армии при предварительном наличии 68.000 организованных офицерских резервов.

В новой войне понятие фронта и тыла будет устранено. Прошли времена, когда противопоставлялись тыл—фронту и наоборот. Это только войны 18 столетия характеризовались тем, что «мирный горожанин не должен даже замечать, что нация сражается» (Фридрих). Клаузевиц писал о войнах 18 столетия: «Война не только по своим средствам, но и по своей цели касалась только одного войска». Эти веселые дни Аранжуэца канули в Лету и не к чему проф. Свечину их воскрешать в теоретических изысканиях.

И, наконец, последнее обвинение проф. Свечина—о недооценке тов. Рубинштейном возможности перепроизводства оружия и снарядов во время войны. Этот вопрос по существу не имеет прямого отношения к тому кругу проблем, которые мы затрагиваем в настоящей статье. Мы останавливаемся на этом лишь постольку, поскольку этим обвинением проф. Свечин в лишний раз демонстрирует свое непонимание характера и значения экономической подготовки новой войны.

Возможно ли перепроизводство оружия и снарядов на войне и не грозит ли опасность военной промышленности, что она не найдет себе «потребителя»? Не говоря уже о том, что термин «потребителя» военной промышленности у проф. Свечина весьма неточен, ибо непосредственным потребителем снаряда являются те солдаты, в которых он попадет, сама постановка вопроса сугубо схоластична.

Надо различать два этапа военно-промышленной подготовки. Первый этап—это подготовка до войны, когда буржуазия испытывает образцы, с[illegible] предприятия, подготавливает общепромышленную базу для массового производства во время войны. Здесь, главным образом, речь идет о создании потенциальных возможностей, о подготовке мобилизации промышленности и, следовательно, о специфически военном перепроизводстве не может быть и речи.

Второй этап—это развертывание промышленности во время войны. Здесь основная задача заключается в максимальном развитии продукции даже за счет подрыва производительных сил. Буржуазия не может рассчитать, сколько времени продлится война, и она, не считаясь ни с чем, выбрасывает на «рынок» все новые и новые массы средств уничтожения. При этом буржуазия ничем не рискует, потому что расплачивается за эту продукцию в конечном свете все народное хозяйство. Во время войны буржуазия весьма мало интересуется тем: не останутся ли к концу войны нерасстрелянные снаряды?

До такого «организованного капитализма» в деле планирования производства средств уничтожения во время войны буржуазия не дошла и вряд ли дойдет. Было бы в корне неверным представлять себе войну, как некоторое нормальное продолжение мирного процесса производства.

Для значительных кругов буржуазии сама война является добавочным рынком, куда она выбрасывает свою продукцию. И эту часть буржуазии, интересует сама война как процесс поглощения производимой продукции.

Проф. Свечину понадобилось вытянуть на свет проблему перепроизводства оружия лишь для того, чтобы в лишний раз посрамить сторонников необходимости технического вооружения армии. Но и эта попытка явно неудачна.

Мы не брали на себя задачу разобрать в данной статье всю концепцию проф. Свечина в военных вопросах. Этим делом должны были бы заняться наши военные товарищи.

Мы привели здесь лишь часть той философии, которую развернул проф. Свечин в своей статье и которую он в конденсированном виде продолжает и в своей рецензии на книгу тов. Рубинштейна.

Было бы чрезвычайно опасным в наше время, когда мы посвящаем все наши силы укреплению боеспособности Красной армии, мобилизуем вокруг этого внимание широчайших слоев нашей общественности, недооценивать или обходить молчанием взгляды проф. Свечина.

Надо признать, что статья проф. Свечина в «Красной Звезде «У истоков оперативной мысли» не получила должного отпора не только в нашей общей печати, но и в военной. Мы можем и должны ценить проф. Свечина как блестящего военного эрудита, талантливого военного историка. Но это отнюдь не должно нас останавливать от самой решительной критики его отдельных ошибок, особенно, если они перерастают в систему взглядов чрезвычайно опасную для дела укрепления Красной армии. Между тем в полемике с проф. Свечиным подлинная критика часто подменялась субординацией.

В своем примечании к статье проф. Свечина редакция «Красной Звезды» писала:

> «Помещая интересную и ценную теоретическую статью т. Свечина, приветствуя его попытку дать марксистский анализ основных проблем военного дела, редакция со своей стороны считает, что эта попытка в общем не удалась, так как автор не овладел еще методом диалектического материализма» (разрядка наша. *Дм. Б.*).

Интеллигентно, но отнюдь не вразумительно...

Дело не в том, что проф. Свечин еще не овладел методом диалектического материализма, а в классово-враждебной нам системе идей, которую вольно или невольно пытается пропагандировать упомянутый профессор. Метод «диалектики» равно, как и «ультра-революционные» гипотезы о быстром разложении неприятельских армий являются лишь дымовой завесой, за которой проф. Свечин разворачивает колонны старых избитых доводов о том, что «русскому солдату» техника не нужна, что «для российского солдата пули, бомбы—ничего».

Никаких Америк здесь Свечин не открывает: он просто перепевает, чуть-чуть подновляя довольно известные мотивы.

В 1898 году появилась об'емистая работа И. С. Блиоха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Четвертый том и несколько отделов второго тома этой работы посвящены, примерно, тем же вопросам, по которым выступает проф. Свечин. И как это ни странно, «добрые духи» как будто разных эпох мирно совпадают.

Основная идея Блиоха заключается в том, что чем слабее развито народное хозяйство страны, тем выше ее оборонительные силы. «С этой точки зрения, даже низкий уровень, на котором стоит развитие в России земледелия, увеличивает ее оборонительную силу» («Будущая война», том IV, стр. 6).

Блиох считает, что особенно тяжелые экономические затруднения вызовет война в странах с сильно развитой промышленностью и торговлей. Словом, чем выше развиты производительные силы страны, тем труднее ей воевать.

Характерно, что в своем стремлении оправдать малое значение техники для армии Блиох, как и проф. Свечин, пытается сослаться на «разложение военного аппарата». Совпадение взглядов Блиоха и Свечина наблюдается и еще в одном доводе. Блиох считает, что русская армия может сражаться чуть ли не без ружей и без пушек, ибо «Россию невозможно, как все другие государства Европы, сокрушить одним ударом, как громадны бы ни были вступившие в нее полчища противников, в силу ее территориальных размеров. Примерно в таких же тонах пишет и Свечин в рецензии на книгу Рубинштейна:

> «Несмотря ни на какие рекорды перелетов в 11 тысяч миль без посадки, центры Урала все же менее доступны в бомбардировке, чем пограничные железнодорожные узлы и благодаря нашей необ'ятной территории эффективность бомбардировки для советского тыла остается все же в 10 раз меньше, чем возможность авиационной угрозы с материка для Англии».

Все эти доводы должны обосновать, по мнению Свечина, его концепцию игнорирования техники. Но не стоило бы тратить времени и места для полемики со взглядами, которые были блестяще опровержены уже прошлой войной, если бы не попытка Свечина подновить их всяческими «диалектическими» фортелями.

Грядущая война с буржуазией будет войной не легкой. Можно вести сколько угодно академических споров о «большой» или «малой» войне на нашем западном театре военных действий, но совершенно очевидно, что во всех случаях Красная армия сможет победить отнюдь не только беззаветным героизмом, но и хорошей техникой.

Голое противопоставление «красного духа» артиллерийскому тарану является по существу предательством Красной армии. Между тем у нас имеется еще немало этаких коммунистических попов, которые полагают, что в новой войне империалистические армии распадутся на другой же день, как стены Иерихона от трубных звуков. Это ребячество, даже не левое и не правое, а просто бессмысленное. Проф. же Свечин своими сугубо-учеными изысканиями подводит «научный» базис под эти бессмыслицы и тогда глупость превращает их в социально-опасное явление.

Установка проф. Свечина в наших условиях является чрезвычайно опасной. Принять ее означало бы разоружение Красной армии в ее подготовке к грядущим боям. И наиболее странным является то, что рецензия проф. Свечина, явно смазывающая проблемы экономической подготовки обороноспособности Красной армии, печатается без примечаний в боевом органе индустриализации—«Торгово-Промышленной Газете».

Дм. Бухарцев.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

[illegible]няйтесь!

[illegible]

№ 2 31 ЯНВАРЯ № 2

1929
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
„ПРОБЛЕМЫ
МАРКСИЗМА“
ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Журнал выходит под редакцией: [illegible]

„ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА“ ставят своей задачей отстаивание и дальнейшее развитие ортодоксального марксистско-ленинского мировоззрения.

„ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА“ будут бороться со всякими попытками извращения марксистско-ленинского мировоззрения, против всяких видов идеализма, эмпиризма и механистического извращения диалектического материализма.

ЖУРНАЛ ИМЕЕТ ЦЕЛЬЮ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКУЮ РАЗРАБОТКУ общественных и естественных наук и теоретическое освещение практических вопросов социалистического строительства.

Кроме того, журнал будет помещать критику, библиографию, систематические указатели выходящей литературы, сообщения о работе Ленинградского отделения Коммунистической академии.

Являясь органом боевой марксистско-ленинской теоретической мысли, журнал рассчитан на широкие кадры научных работников, партийного актива и учащихся вузов и втузов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА ЖУРНАЛ на 1930 год в 6 выпусках—8 руб.
На 6 месяцев 3 выпуска—4 руб.
Цена отдельного номера в продаже—1 р. 60

Подписку направлять в ЛЕНОТГИЗ (Ленинград, Просп. 25 Октября, д. 28, Дом Книги; Москва, Центр, Ильинка, № 3, ПЕРИОДСЕКТОР ГОСИЗДАТА, а также во все отделения, магазины и киоски Госиздата и почтово-телеграфные предприятия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)
Год издания VI

Издательство „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-80

№ 2 — 31 ЯНВАРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. О новой политике в деревне. Молотов, В. На два фронта (стр. 7). Карев, Ник. К вопросу о теоретических корнях правого уклона (стр. 27). Милютин, В. и Борилин, Б. К разногласиям в политической экономии (стр. 48) Дзенис, О. Диктатура пролетариата в районах сплошной коллективизации (стр. 64). Мадьяр, Л. Пролетарская победа на Дальнем Востоке (стр. 76). ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ: Адоратский, В. О занятиях Ленина философией (стр. 88). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Кругликов, С. К вопросу о критике теории империализма тов. Бухарина (стр. 101).

О новой политике в деревне.

Мы вступили в новую полосу, новый этап переходного, от капитализма к социализму, периода. Мощное развитие индустрии, усиление **производственных** форм связи между городом и деревней, радикальная реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства создали все необходимые условия и предпосылки для коренной и в массовом масштабе ломки и переделки «старого общественно-экономического уклада» деревни. Рушатся прежние привычные и традиционные формы и методы хозяйствования. А с ними уходят с исторической сцены и представляющие их классы. «Колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей антикулацкой лавины сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне» (Сталин).

Те общественные отношения, которые характеризовали **первый** этап новой экономической политики, начинают решительно преодолеваться, поскольку начинают **преодолеваться** индивидуальные формы хозяйства в земледелии, поскольку мелкие и мельчайшие товаропроизводители, на практике убедившиеся в преимуществах крупного хозяйства в земледелии, широкой и все нарастающей лавиной двинулись в колхозы. Иначе говоря, начинает преодолеваться та система общественных отношений, где еще существовали классы, где существовала противоположность между городом и деревней и где наличие мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства являлось той базой, которая питала капиталистические элементы деревни и города.

Не имея достаточной материальной технической базы для того, чтобы приступить к разрешению задачи широкой социалистической реконструкции сельского хозяйства, широкому развертыванию колхозного строительства, ломке «старого общественного экономического уклада» и переделке простых товаропроизводителей в производителей социалистических,—политика пролетарского государства сводилась на первом этапе нэпа к тому, чтобы *оживляя и стимулируя* развитие индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства, в то же время *ограничивать* развитие кулацко-капиталистических элементов деревни, что означало «вытеснение и преодоление *отдельных отрядов* кулачества, не выдержавших налогового нажима, не выдержавших системы ограничительных мер советской власти».

Положение коренным образом изменилось, когда на базе мощного развития индустрии начали создаваться материально-технические предпосылки для социалистической реконструкции сельского хозяйства. Революционизирующее влияние социалистической индустриализации нашло свое выражение в бурной тяге основных бедняцко-середняцких масс крестьянства к коллективным формам земледелия. Развиваясь вширь и вглубь, приводя к созданию районов сплошной коллективизации, колхозное движение в той стадии, в которую оно вступило, не может означать ничего другого, как начало того великого процесса, который ведет к *преодолению* бедняцко-середняцкого крестьянства как *класса*, ведет к уничтожению противоположности между городом и деревней, ведет к установлению *бесклассового* общества.

С другой стороны, с переделкой простых товаропроизводителей в производителей социалистических, с начавшимся процессом преодоления индивидуального крестьянского хозяйства, окончательно *подрезаются корни, питающие капиталистические элементы города и деревни. Капитализм лишается питающей его базы. С коллективизацией деревни выкорчевываются последние корни капитализма в нашей стране*. И именно отсюда растет то бешеное отчаянное сопротивление, которое оказывают капиталистические элементы колхозному движению. Капитализм не может не понимать, что именно сейчас и идет тот «последний и решительный бой», который окончательно решит его судьбу, его существование.

До сих пор, зажатый в тиски всем законодательством и всей политикой пролетарского государства, ограничиваемый и вытесняемый, капитализм все же существовал, все свои взоры и надежды обращая на мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, ожидая оттуда себе помощи и поддержки в своей борьбе с наступающим социализмом. Бурные темпы коллективизации показали для него всю безнадежность этих его надежд. В то же время с ростом колхозного и совхозного строительства оказалась исчерпанной и роль кулака как производителя хлеба. Производством колхозов и совхозов было полностью перекрыто производство кулацких хозяйств. И перед пролетарским государством встал вопрос уже не об ограничении эксплоататорских тенденций кулака, не о вытеснении отдельных его отрядов, а о ликвидации его как класса.

Таким образом задача ликвидации кулачества как класса явилась прямым результатом всего прошлого нашего развития. Начавшаяся реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства, переход от индивидуальных форм хозяйства к коллективным, создание районов сплошной коллективизации, замена производства капиталистических групп деревни производством колхозов и совхозов вплотную поставили вопрос о полной ликвидации кулачества как класса. В борьбе за бесклассовое общество, в борьбе за *переделку* мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, в борьбе за уничтожение противоположности между городом и деревней, создание районов сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса, а не отдельных групп кулачества, — являются *сторонами одного и того же процесса*. И с этой точки зрения не могло бы быть ничего более ошибочного, как противопоставлять дело коллективизации — раскулачиванию, ликвидации кулачества, как класса. Между тем именно такое положение вещей наблюдается в ряде мест, где: либо, забросив дело коллективизации, все усилия сосредотачивают на раскулачивании, либо, создавая районы сплошной коллективизации, обходят вопрос о кулаке, забывая, что не может быть полностью разрешена задача социалистического переустройства деревни, пока окончательно не будет ликвидировано кулачество, как класс.

Должно быть совершенно ясно, что задача ликвидации кулачества как класса, не может ставиться *вне* связи с ростом колхозного строительства, частью которого она является, ибо, как это подчеркнул тов. Сталин в своем ответе на вопросы свердловцев: «Основным методом осуществления ликвидации кулачества, как класса, является метод коллективизации. Все остальные меры должны быть приспособлены к этому основному методу. Все, что противоречит этому методу или ослабляет его значение, должно быть отброшено». И поэтому в тех районах и областях, где *слабо* развито колхозное движение, где еще не пришли в движение массы бедняцко-середняцкого крестьянства, там должен быть сохранен лозунг ограничения и вытеснения кулацко-капиталистических элементов деревни, но как «лозунг *подсобный*», «лозунг вспомогательный в отношении главного лозунга», ликвидации кулачества, как класса.

Особенно это относится к нашим *окраинам*, где влияние социалистической индустриализации сказывается слабее всего, где меньше влияние пролетариата и где процессы коллективизации еще не нарастают столь бурными темпами, чтобы в порядок дня становился вопрос о создании районов сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Здесь на окраинах, где сложные национальные вопросы переплетаются с не менее сложными социальными отношениями, где роль и влияние кулачества на бедняцкие и середняцкие слои еще, сравнительно, велики, основной задачей остается вовлекать бедняцко-середняцкое хозяйство в колхозное строительство, ограничивая и вытесняя кулацко-капиталистические элементы деревни и, тем самым, подрезая и уменьшая его влияние на бедняцко-середняцкие массы деревни. И здесь, как и в других районах и областях нашего Союза, ликвидация кулачества как класса, должна явиться результатом мощного развития колхозного движения, вплотную подводящая к созданию районов сплошной коллективизации.

С другой стороны там, где мы уже добились решающих успехов в области коллективизации — в районах сплошной коллективизации— во весь свой рост, во всем своем об'еме должна быть поставлена задача ликвидации кулачества как класса. Правооппортунистическим кретинизмом было бы думать, что в районах сплошной коллективизации, кулацкая опасность не сильна, что кулаку все равно некуда податься и что он будет врастать в социализм через колхозную систему. *Классовый враг остается классовым врагом и не прекратит своей борьбы до тех пор, пока не будет полностью и окончательно ликвидирован.* И в этой своей борьбе, отчаянной и беспощадной, он будет искать поддержки у зажиточных слоев середняцких хозяйств, пытаясь их перетащить на свою сторону. Отмена в районах сплошной коллективизации права применения в индивидуальных хозяйствах наемного труда и права аренды земли—в корне подсекают прямую эксплоататорскую деятельность кулака. Но у кулака еще остаются косвенные возможности для того, чтобы эксплоатировать бедноту и неимущие элементы деревни. В то же время кулацкие земли деревни неизменно будут делать отчаянные попытки для того, чтобы повредить, помешать и сорвать дело колхозного строительства. Все это требует, чтобы в тех районах и областях, где колхозное строительство получило мощное развитие, где развертывается сплошная коллективизация, где производством колхозов и совхозов может быть замещено производство кулацких хозяйств,—ограничение и вытеснение кулацко-капиталистических элементов было заменено политикой *прямой ликвидации* кулачества как класса.

Неизбежно связанное с этой *новой* политикой в отношении кулачества обострение сопротивления кулачества и ожесточение классовой борьбы не должно застать нас врасплох. Мы вступили в последний и решительный бой с внутренним капитализмом и должны довести его до конца, не останавливаясь *ни перед чем.* Кулачество, как класс, не уйдет с исторической сцены без ожесточеннейшего сопротивления, без попыток воздействовать на бедняцко-середняцкие массы, без попыток вырвать эти массы из-под влияния рабочего класса. И этим попыткам кулачества мы должны противопоставить большую организованность и дисциплинированность борющихся против него сил. Под углом зрения разрешения этой задачи—ликвидации кулачества как класса—*должна быть пересмотрена и вся*

практика работы местных организаций: кооперации, кредитной системы и т. д.

Там, где налицо имеются все необходимые предпосылки, мы должны развернутым фронтом повести такое наступление на кулачество, итогом которого должна будет явиться полная ликвидация кулачества как класса. Там же, где колхозное строительство не получило того мощного развития, которое позволило бы заменить производство кулацких хозяйств производством колхозов и совхозов, — центр тяжести должен быть перенесен на развертывание колхозного строительства, по мере роста которого будет в дальнейшем меняться политика и в отношении кулака: от ограничения и вытеснения кулацко-капиталистических элементов, к их полной ликвидации как класса. Одновременно с этим самая решительная борьба должна быть об'явлена попыткам самоликвидации кулачества путем распродажи инвентаря, убоя и распродажи скота, уничтожения зерна и т. д. «Но из этого вопроса не следует,—говорил тов. Сталин,—что мы должны допустить раскулачивание не как часть дела коллективизации, а как самостоятельное дело, проводимое до и без коллективизации. Допустить это значило бы подменить политику *обобществления* в колхозах конфискованного кулацкого имущества политикой дележки этого имущества для личного обогащения отдельных крестьян. Такая подмена была бы шагом назад, а не вперед. Против «растранжирования» кулацкого имущества есть только одно средство — усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации».

Ликвидация кулачества как класса с особой силой выдвигает требование организации бедноты, ибо только в самом тесном союзе рабочего класса с беднотой может быть разрешена эта историческая задача. Класс против класса в его открытой, беспощадной, жестокой борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть одного из них — так должен быть *сейчас* поставлен вопрос, когда в районах сплошной коллективизации от лозунга ограничения и вытеснения кулачества мы перешли к его полной ликвидации. И здесь *величайшая задача стоит перед теми десятками тысяч рабочих, которые двинулись из городов в деревни на помощь социалистически преобразующейся деревне,* на помощь бедняцко-середняцким массам деревни в их борьбе с кулаком. Без этой помощи и поддержки рабочего класса задача социалистического переустройства деревни и ликвидация кулачества была бы неразрешима. Гегемон социалистической революции, пролетариат, будя ярость батрацко-бедняцких элементов деревни, ведет их на штурм последних твердынь капитализма, увлекая за собой и середняцкие слои деревни.

Пробил час экспроприации деревенских экспроприаторов, и беднота деревень в праве требовать, чтобы имущество ее угнетателей и эксплоататоров было использовано в интересах социалистического переустройства сельского хозяйства.

Мы вступили в полосу жесточайших боев с последними остатками капитализма в нашей стране и это требует особой четкости, особой выдержанности и твердости в работе органов пролетарской диктатуры. И с этой точки зрения, не может быть ничего вредного и ошибочного как демобилизационные, своей псевдореволюционностью покрывающие оппортунистическое содержание — лозунги о ликвидации советов и снятии вопроса «кто кого?». В обстановке обостреннейшей битвы классов, когда вплотную ставится вопрос о ликвидации класса эксплоататоров, когда десятки тысяч лучших пролетариев пошли на помощь бедноте деревень в ее борьбе за социализм и против кулака, когда для разрешения этой же задачи партия бросает на фронт борьбы за социализм и за ликвидацию кулачества как класса, тысячи испытанных и преданных делу коммунистов, — такие лозунги не могут принести ничего другого, кроме вреда. Не ликвидация советов — этих низовых органов пролетарской диктатуры, — а всяческое их укрепление в борьбе с кулачеством, в борьбе за ликвидацию его, как класса.

Не ликвидация советов, а всемерное укрепление и усиление их влияния на коллективизирующуюся деревню. Именно перед ними стоит величайшая задача по повышению уровня коллективизации, именно они должны выступить в роли организатора наиболее передовых и революционных элементов в колхозах, именно под их руководством должна проходить классовая борьба, элементы которой остались в колхозах. В борьбе классов вопрос: «кто кого?» будет решен окончательно и бесповоротно только тогда, когда один из классов будет окончательно уничтожен. До тех пор с его стороны неизбежны будут реставрационные попытки, попытки завоевать себе былое положение и былую хозяйственную и политическую мощь.

И именно в этот период, когда сопротивление ликвидируемых классов достигает особого напряжения и упорства, особого ожесточения, необходима величайшая организованность пролетариата, максимальная организованность батрачества и бедноты деревень, особая четкость в работе всех органов пролетарской диктатуры, величайшая энергия и дисциплинированность всех звеньев партийного, советского, профессионального и хозяйственного аппаратов.

В. Молотов.

На два фронта [*]).

После того, как тов. Рыков огласил документ тройки [1]), документ заранее заготовленный, заблаговременно написанный,— по хорошо всем присутствующим здесь известному примеру некоторых пленумов прошлого периода,— после этого нельзя не говорить прежде всего по основному вопросу, по вопросу о линии партии.

Документ тт. Рыкова, Бухарина и Томского начинается с повторения того, о чем тов. Рыков заявлял в последней своей речи, сказанной также по поручению трех, на апрельском пленуме ЦК. Он начинается с двусмысленного указания на якобы «неполноправное положение» тройки в партии и в ЦК.

Читаю начало документа:

> «Предыдущий пленум ЦК (апрель 1929 г.) по отношению к нам (Бухарину, Рыкову и Томскому) вынес решение, обвинившее нас в правом уклоне и поставившее нас в неполноправное положение в составе партии и ее руководящих органов». (Курсив мой.— *В. М.*).

О каком же в конце-концов «неравноправном положении» говорят эти товарищи? Что за «неравноправное положение» у тт. Рыкова, Бухарина и Томского создалось после решения апрельского пленума ЦК, осудившего их правоуклонистскую позицию?

Если бы эти товарищи сколько-нибудь дорожили принципиальной стороной своей позиции, они, по крайней мере, должны были бы членораздельно сказать, в чем заключается их «неполноправие» в партии и в ЦК. Но ни на апрельском пленуме, ни в прочитанном вчера документе они не расшифровали указанную двусмысленность. Между тем ясно, что двусмысленные заявления о неравноправии группы цекистов можно понять только исходя из того, что эта группа считает себя в составе ЦК стороной, противопоставляя себя Центральному Комитету: «мы» и ЦК. Тройка скатилась на деле к отрицанию единого ЦК. Защищая свою линию, свою политику, свою группу, Бухарин, Рыков и Томский противопоставляют себя Центральному Комитету. Только исходя из этого противопоставления, можно было договориться до декларации об их неравноправии в партии и в ЦК. Они, оставаясь группой, добиваются для себя в ЦК, видите ли, полноправия, «равенства», — они выдвигают требование паритетности. Нечего доказывать, что такое требование не имеет ничего общего с большевизмом. Двусмысленные декларации о «неравноправном положении» являются одним из характернейших отражений всей беспринципности, всей безыдейности авторов прочитанного здесь т. Рыковым документа, документа насквозь фальшивого, насквозь лицемерного, насквозь двурушнического.

---

[*]) Настоящая статья представляет собой речь тов. Молотова, произнесенную 13 ноября 1929 года на пленуме ЦК ВКП(б). Речь печатается с некоторыми сокращениями.

[1]) «Документ тройки», т.-е. письменное заявление трех товарищей, Бухарина, Рыкова и Томского, оглашенное т. Рыковым, 12 ноября на пленуме ЦК.—*В. М.*

Но пленум должен, наконец, иметь ясный ответ насчет того, о каком «неравноправии», о каком «неравенстве» говорят здесь три члена Политбюро? На что они, собственно, претендуют, чего они хотят от Центрального Комитета и от партии?

Если это «неравноправие» заключается в том, что их взгляды осуждены партией и охарактеризованы апрельским пленумом ЦК, как взгляды правоуклонистские то, не говоря уже о том, что это сделано по полному праву и притом признано всей партией и Коммунистическим Интернационалом,— не говоря уже обо всем этом, мы должны напомнить трем товарищам, что с таким же основанием о своем «неравноправии» в партии и в ЦК мог в свое время говорить Троцкий, когда его взгляды были признаны антиленинскими, враждебными большевизму. Повторяю, в такой же мере Троцкий и его группа могли в свое время говорить о неравноправии, когда эта группа пыталась тащить партию с ленинского пути и за это была сурово осуждена партией.

После этого, как бы торжественно группа Бухарина ни об'являла в своем «манифесте» о том, что «разногласия сняты», никто из большевиков этому поверить не может. Нет, из их выпадов против ЦК насчет «неравенства» мы видим, что группа Бухарина рассматривает себя, как оппозицию внутри партии. Одной из самых характерных черт каждой оппозиции является положение — «мы» и партия. Вот о чем говорят двусмысленные фразы о «неполноправии» в документе тройки. Тот, кто хочет проводить политику партии и дружно работать в ЦК на основе этой политики, тот не будет говорить о «неполноправном положении» и о «неравенстве». Трое членов Политбюро подходят к делу иначе. Как показывает их же собственный документ, они рассматривают себя как оппозицию партии, как лидеров этой оппозиции в ЦК. Тем самым они стали на путь фракционности. Мы вынуждены сейчас исходить из этого факта.

1. В. А. Базаров как союзник правых.

В документе тов. Рыкова и других говорится о том, что при наличии единой генеральной линии, тройка стояла и стоит за другой, чем у партии, метод проведения этой линии. Они изображают дело таким образом: будто линия у партии и у группы Бухарина — одна, но есть разница в «конкретных методах проведения генеральной линии».

Тройка, дальше, признает, что «и на рельсах принятого партией конкретного метода проведения генеральной линии» «были достигнуты в общем большие положительные результаты». Поэтому тройка, констатируя «несомненные успехи партии», заявляет: «Мы считаем, что разногласия между нами и большинством ЦК снимаются». Итак, продолжая упорно твердить, что

«при намечавшихся нами (т.-е. тройкой. *В. М.*) на апрельском пленуме методах проведения генеральной линии партии, мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем...», тт. Бухарин, Рыков и Томский вынуждены признать успехи партии и даже пытаются, не отказавшись от своих коренных оппортунистических ошибок, спрятаться пока за формулу: «разногласия снимаются».

Дальше я еще остановлюсь на том, что представляет собой особый «конкретный метод» проведения политики партии у группы Бухарина. Но уже и из сказанного видно, что декламация о «снятии разногласий» — сплошная фальшь.

Трое лидеров правых теперь никак не могут отрицать успехов партии. Да и как это можно отрицать, когда каждый гражданин Советской республики знает, что первый год пятилетки пройден, и притом с большим успехом, когда впервые мы уже в основном закончили хлебозаготовительную кампанию и имеем 90-миллионный неприкосновенный хлебный фонд, когда рабочий класс и широчайшие массы деревни все более охватываются энтузиазмом строительства социализма. Любопытно было бы посмотреть на тех людей среди нас, которые попытались бы отрицать эти достижения рабочего класса. Еще бы Рыков, Бухарин и Томский не признали этих элементарных фактов! Но если и после этого они заявляют, что они стоят за другой, чем у партии, «метод» проведения генеральной линии, если и теперь они заявляют, что их «метод» дал бы желательные результаты «менее болезненным путем», — то разве мы не видим, что в этих декламациях лидеры правых продолжают противопоставлять не просто один конкретный метод другому конкретному методу, а в действительности — противопоставлять одну политику другой политике, одну линию — другой линии. Фальшивые, пропитанные двусмысленностью фразы о двух конкретных методах не замажут факта: противопоставления позиции партии — позиции правого уклона. Отделить проведение политики в жизнь («конкретный метод») от самой политики («генеральная линия») нельзя. Мы твердо знаем, что политика ВКП(б) без тех практических мер, которые мы проводили в этом году,— и прежде всего без всей системы мер наступления на капиталистические элементы — не существует. Никакими словесными вывертами этого не замажешь.

Насчет заявлений о согласии с генеральной линией партии нам приходится сейчас быть сугубо осторожными. От коммуниста таких заявлений даже нельзя и требовать. Какой же это член партии, который не согласен с ее генеральной линией? При заявлении о таком несогласии любая организация укажет такому «коммунисту» дверь. Теперь такое время, когда и не имеющие ничего общего с партией и явно чуждые ей элементы иной раз декламируют о «согласии» с генеральной линией большевиков.

Последнее иллюстрирую одним документом.

Вчера на пленуме тов. Кржижановский передал мне один документ, излагающий взгляды на политику партии известного В. А. Базарова. Последний уже давно работает в Госплане и на-днях, по просьбе члена президиума Госплана тов. Черных, изложил свою нынешнюю политическую позицию. Тов. Черных записал сказанное В. Базаровым. В этой записи есть немало любопытного не только для позиции Базарова, бывшего большевика, потом полуменьшевика, а за последние годы типичного буржуазного либерала.

Как же он относится к линии партии?

Вот что записал т. Черных 6 ноября после разговора с В. А. Базаровым:

> «Он (Базаров) может твердо заявить, что *во всяком случае* находится по нашу сторону баррикады. *Принципиальных разногласий в вопросе о линии развития у него с партией нет*»[1]).

Даже сей буржуазный либерал, оставаясь и теперь таковым, заявляет, что «принципиальных разногласий в вопросе о линии развития у него с партией нет». Разве это заявление не заставляет нас насторожиться? Конечно, заставляет.

Мы помним, что в начале нэпа и Устрялов провозглашал, что в основном «согласен» с политикой Ленина. Устрялов только думал, что нэп в конце-концов выведет Россию на буржуазный путь, и, исходя из своей концепции, он «одобрял» политику ленинской партии. Ленин тогда же предал широкой гласности заявление Устрялова и предостерег партию и всех рабочих насчет непрошенного «союзника». Это указание Ленина способствовало тому, чтобы партия сознательно относилась к сменовеховским настроениям, чтобы она усилила борьбу с контрреволюционными сменовеховцами. И эта борьба действительно укрепила большевистскую закалку партии.

Теперь у нас другой период. Мы так много говорим теперь о реконструктивном периоде, что повторяться на этот счет нет нужды.

Да, мы успешно приступили к выполнению задач реконструкции, и, вопреки всем и всяким буржуазным либералам и реакционерам, идем вперед. Тот, кто не целиком живет настроениями звериной буржуазной ненависти к советскому строю, тот не может не признавать, по крайней мере, некоторых бесспорных успехов пролетариата. Когда мы с огромным успехом начали развертывать дело социалистической реконструкции и начали победоносно выкорчевывать капитализм из последнего его убежища, из сельского хозяйства, — тогда и кой-каким буржуазным либералам приходится итти напопятную. В заявлении В. А. Базарова об отсутствии принципиальных разногласий с политикой партии мы не можем не видеть такого отступления со стороны одного из видных представителей буржуазного либерализма.

А вот что говорит Базаров о нашей промышленности:

> «Базаров не удивится, если будущий год (1930—31) даст еще более высокие показатели для индустрии...».
>
> «Базаров признает, что *действительность опровергает его теорию «затухающей кривой»*.

А ведь всего года два тому назад Базаров выпустил ученую книгу с большим количеством таблиц и диаграмм, доказывающую противоположное. Теперь ему приходится от своих «ученых трудов» открещиваться. Оказывается, и здесь «разногласия сняты»!

---

[1]) Курсив в выдержках о Базарове здесь и дальше мой. *В. М.*

Дальше я прочитаю то, что говорит Базаров об основных трудностях нашего развития. Вы увидите, что он идет как будто по стопам решений партии, по стопам прошлых пленумов ЦК. А высказываемые им сомнения идут как раз по той же линии, что и у Бухарина. Вот мнение Базарова:

> «Основные трудности нашего развития Базаров видит в сельском хозяйстве. Он считает, вообще говоря, правильной политику коллективизации и наступления в деревне, но думает, что *партия взяла слишком стремительный темп для наступления*».

Вы видите, что свои разногласия он проводит как раз там же, где идут разногласия между партией и правыми.

А вот, что говорит Базаров после только что приведенного места:

> «По мнению Базарова, *мы лишаем крестьянство стимула к развитию производительных сил и создаем излишние трудности в* вопросах снабжения...».

Чем же это заявление Базарова, и в частности, заявление об «излишних трудностях», которые мы «создаем», чем это заявление отличается от того, что говорится в документе Рыкова, Бухарина и Томского насчет возможности достижения желательных результатов «менее болезненным путем»? В конце-концов в позиции Базарова нет никакой разницы с позицией тт. Бухарина, Рыкова и Томского. И беспартийный Базаров, и трое цекистов сходятся на том, что «генеральная линия» обеспечила известные успехи. Но все они, в один голос, заявляют о том, что темп наступления рабочего класса создает «излишние трудности», является «болезненным путем» и поэтому, очевидно, подлежит изменению. В немножко разных выражениях, но по существу совершенно одно и то же, заявляют и Базаров, и тройка лидеров правоуклонистов. Нельзя не признать, что это весьма поучительно.

Процитирую еще несколько выдержек, излагающих взгляды Базарова. Вот, например, следующее место:

> «Положение нужно признать очень трудным, и *шансов на неудачу нашей политики* (заметьте: «*нашей политики*»! *В. М.*) *больше, чем на удачу*. Однако, из такой оценки не следует делать вывода, что он, Базаров, стоит за отступление».

Как видите, Базаров говорит о политике ВКП(б), как о «*нашей политике*».

Как истый либерал, как настоящий буржуа он не верит в успех революции. По его мнению, «шансов на неудачу нашей политики больше, чем на удачу». Но даже этот прокисший либерал не стоит за отступление. Набирая воздух в легкие и отодвигаясь еще дальше за спину рабочих, он «храбро» заявляет:

> «При данных условиях нельзя итти ни на развязывание рынка (чего Бухарин не понимал в апреле месяце! — *В. М.*), ни на повышение с.-х. цен (чего Бухарин также не понимал!—*В. М.*). *Как ни невелики шансы на успех, но сейчас можно итти только вперед*».

Базаров, как видите, почти что понял, что от стремительного темпа наступления большевиков деваться некуда, и он «храбро» заявляет, что «сейчас можно итти только вперед». Вот как мы крепко прижали господ либералов. Даже они договариваются до заявлений: «итти только вперед».

Наконец, Базаров, заявляет, что «к нему, как к беспартийному, не могут быть пред'явлены требования о стопроцентной уверенности». На этот раз, по моему, он прав. Где же от Базарова требовать «стопроцентной уверенности» в победе революции! И большевикам полагается проверять свою политику фактами, черпать из практики новый материал для улучшения своей работы, не говоря уже о том, что даже в лучшей практической работе бывают и отдельные ошибки. Мы знаем, что линия у ленинской партии правильная, марксистская. Но и партии приходится исправлять отдельные элементы своей работы и систематически следить за тем, что нового подсказывает практика. Однако, в оговорке Базарова о том, что с него, как с беспартийного, нельзя требовать стопроцентной уверенности, ясно торчит хвостик буржуазного либерала, не верящего в пролетарскую революцию. Поэтому и его заявлению насчет согласия с линией партии грош цена.

С другой стороны, мы видим, что в основном заявление Базарова, по своей политической позиции, ничем не отличается от того, что сказано в документе Томского, Рыкова и Бухарина. Но, товарищи правоуклонисты, если вы получаете себе такого нового союзника, как Базаров, или по крайней мере политически приближаетесь к этому буржуазному либералу, то никак нельзя вас поздравить с этим. Невелика в этом честь для большевика! И вы еще думаете добиваться «равноправия» вашей точки зрения с точкой зрения партии! Лучше откажитесь, ничего из этого не выйдет.

Я цитировал заявление Базарова об успехах нашей политики. Как-никак, это все же бывший большевик, бывший марксист, а в настоящее время советский работник. А теперь ведь не только бывшие революционеры и нынешние работники соваппарата признают успехи советской власти. Всем известно, что об этих успехах пишет в «Берлинер Тагеблатт» даже господин Шеффер, что в «Дейли Геральд» о том же пишет г-н Фарбман. И немало других корреспондентов буржуазных газет вынуждены в своих писаниях признавать крупные успехи советской власти в деле поднятия индустрии, в деле под'ема сельского хозяйства, в осуществлении коллективизации и т. п. А кто же не знает, что все эти Шефферы и Фарбманы — наши враги, враги ярые, враги до конца?

Поэтому расписаться в признании некоторых успехов партии и советской власти совсем недостаточно для тех, которые известны в качестве лидеров правого уклона и до сих пор от своих ошибок не отказались. Чего стоят такие признания успехов и заявления о снятии разногласий, если это делается без открытого осуждения своих правоуклонистских шатаний? Такое отношение к принципиальным вопросам может свидетельствовать лишь об отсутствии всякой принципиальности и о прямой безыдейности. Партия не может ограничиться констатированием успехов. Она должна знать и знает, какой политикой, какой работой и при каких условиях и, вместе с тем, против кого, против чьего сопротивления, против чьей борьбы и замаскированного саботажа работы партии достигнуты эти успехи.

В своем документе Рыков, Бухарин и Томский неоднократно заявляют: мы—не правые. На первой же странице этого документа говорится о «неправильности и политической вредности всяких попыток повернуть партию «назад к XIV с'езду». В этих словах авторы заявления нашли уместным, так сказать, отмежеваться от Фрумкина. Через полтора года после выступления тов. Фрумкина они—и то в завуалированном виде—отмежевываются от него. Но от кого вы, товарищи, отмежевываетесь? Вы же пошли дальше Фрумкина в десять раз!

Разве тов. Фрумкин говорил что-либо подобное насчет политики партии в деревне, насчет борьбы с бюрократизмом, насчет положения в Коминтерне, насчет военно-феодальной эксплоатации крестьянства? Разве что-нибудь подобное говорил Фрумкин? Вы пошли в десять раз дальше Фрумкина вправо и после этого нашли удобным «отмежеваться» от Фрумкина. Разве это достойно политических руководителей? Ведь вы обобщили и довели до конца ошибки Фрумкина. Вы сделались настоящим рупором тех настроений, которые в сравнительно слабой форме выразил в прошлом году тов. Фрумкин. И теперь вы бьете по тому же Фрумкину. И таким отношением к своим сторонникам и полусторонникам вы думаете завоевать у кого-либо доверие? Нет, это ничего не имеет общего с принципиальностью, с идейностью. Больше того. Я не знаю теперешней позиции тов. Фрумкина, но не исключаю того, что он теперь ближе к линии партии, чем вы, тройка, так как итти дальше вас вправо, кажется, уже некуда.

Трое в своем документе заявляют: мы—не примиренцы. Видно, что в нашей партии не популярны ни правые, ни примиренцы к правым. Это вы доказали своими заявлениями.

Но кто же вы? «Левые», что ли? Не похоже. Не поверит никто, что вы левые Ну, скажем, Шацкин—«левый», Ломинадзе—«левый», по крайней мере недавно был «левым», теперь он признает свои «левые» ошибки. Но вы то—«левые»? Даже не похоже на это, во всяком случае никто этому не поверит. Кто же вы такие, если вы тем не менее не согласны с ЦК и с партией?

Если вспомнить или перечитать то, что вы наговорили за последнее время, или то, что вы говорите теперь, то как это назвать? Во всяком случае то, что вы проповедуете, это — явный оппортунизм, это и есть взгляды правого уклона. Быть может, эти взгляды иногда похожи на «трусливый оппортунизм», но во всяком случае это оппортунизм откровенный, оппортунизм правого толка. Партия второй год ведет усиленную борьбу именно против правого уклона. И поэтому теперь уже нельзя прятаться даже под маской примиренчества. Примиренцы к правому уклону—это и есть теперь откровенные оппортунисты, настоящие правые. Других примиренцев теперь не существует.

2. Борьба с правыми и маневры правых.

Перехожу к основному вопросу, как тройка определяет свои разногласия с ЦК и партией.

Вот что об этом говорят авторы документа:

> «Опасаясь того, что *применение чрезвычайных мер, как длительной системы*, неизбежно затрагивает и значительные слои середнячества, мы на прошлом (апрель 1929 г.) пленуме ЦК были против их применения. Именно *в этом заключались наши разногласия с большинством ЦК и ПБ*». (Курсив в обоих случаях мой.—*В. М.*).

Но каждому ясно, что это сплошная фальшь. Белыми нитками шита эта попытка смазать принципиальную сторону дела. Но смазать этого не удастся. Не удастся уже потому, что остались документы, остались речи, статьи и декларации лидеров правых. Куда же вы можете деться от ваших речей, от ваших собственных деклараций? Куда, например, вы денетесь от взятых на прокат из милюковской газеты обвинений партии в политике «военно-феодальной эксплоатации крестьянства»? Неужели вы думаете, что, не признавши безусловную ошибочность и антипартийность этих и подобных заявлений, вы можете всерьез декламировать о «снятии разногласий»?

Около года тому назад Бухарин, поддерживаемый Рыковым и Томским, заявлял следующее:

> «Что определяло фактически дальнейшую политику? То, что упоминается в «документе», а именно—речь тов. Сталина о *дани*. На XIV партс'езде тов. Сталин бил изо всех сил Преображенского за колонии и эксплоатацию крестьянства. А на июльском пленуме он провозгласил *лозунг дани*, т.-е. *военно-феодальной эксплоатации крестьянства*». (Курсив в конце мой. *В. М.*).

В этих заявлениях, как каждому ясно, вы под видом нападок на тов. Сталина нападали не только на ЦК, но и на всю партию. Вы же говорите не о чем-нибудь, а *о политике, которая проводилась «фактически»*, т.-е. о том, что делала вся партия. Вы бросили в лицо партии эти нападки, вы от них не отказались—и теперь думаете, что кто-нибудь поверит вам, что «разногласия снимаются»?!

Из только-что цитированного документа т. Бухарина, с которым солидаризировались т.т. Рыков и Томский, приведу еще одно место. Вот то, что было написано и от чего до сих пор тройка не отреклась, в документе тов. Бухарина от 30 января:

> «Вся страна («Вся страна»!—пожалуй, можно подумать, что в том числе и кулаки, и нэпманы!—*В. М.*) мучится над вопросами хлеба и снабжения, а конференции пролетарской господствующей партии—молчат. Вся страна чувствует, что с крестьянством неладно. А конференции пролетарской партии, *нашей* партии, молчат. Вся страна видит и чувствует перемены в международном положении. А конференции пролетарской партии молчат. Зато град резолюций об уклонах (в одних и тех же словах)».

И теперь вы думаете отмолчаться, даже двумя словами не заявив об отказе от этих воплей, достойных растерявшихся мещан?! Не оставляете ли вы эти записанные в ваших документах нападки на партию прозапас, для будущего, на подходящий случай? Мало ли у нас еще серьезнейших трудностей впереди!

А куда вы денетесь от ваших выпадов против Коммунистического Интернационала? Как же так: «разногласия снимаются», а вы даже словом не обмолвились о том, остаются ли в силе ваши типично-либеральные выпады насчет «отколов и расколов» и насчет «разложения» в Коминтерне? И вы не считаете нужным по поводу этих недавних ваших выходок против Коминтерна ничего сказать, даже после того, как несмотря на ваши вопли выгнаны, наконец, из Коминтерна такие прохвосты, как Ловстон в Америке, такие типичные социал-реформисты, как Илек в Чехо-Словакии, такие ренегаты, как Серра в Италии, как Чильбум в Швеции? Ведь, если принимать всерьез бухаринскую истерику насчет отсутствия «консолидации» в Коминтерне, то всех этих мелкобуржуазных попутчиков и проходимцев мы должны были бы еще терпеть в рядах III Интернационала. И это в такой момент, когда зреет революционный под'ем в капиталистических странах, когда этот революционный под'ем приобретает все более международный характер. Кстати, и об этом вы до сих пор не удосужились сказать, хотя бы слово. Как видно, очки оппортунистов мешают вам видеть назревание нового могучего под'ема международной пролетарской революции.

Неужели после всего того, что вы наговорили и написали, после всего этого, вы думаете, что можно забиться в нору и отмолчаться? Нельзя, не выйдет это.

Трое лидеров правоуклонистов пришли сюда и заявили, что их главное разногласие — применение чрезвычайных мер, как системы. Будто бы все остальное не имеет большого значения. Присмотримся к этому ближе.

Разногласия с правыми касались ряда важнейших вопросов.

Прежде всего, спор шел о темпах развертывания индустрии. Обеспечение быстрого темпа индустриализации не могло не быть важнейшим пунктом из всех конкретных разногласий с правыми. Спорили также по такому вопросу, как развертывание совхозов и колхозов, что неразрывно связано со всей политикой усиленного наступления на кулака. Известно, что правые относились к этому с явным недоверием и своим обстрелом политики партии пытались сбить ее со взятого курса. Спорили также по вопросу о борьбе с бюрократизмом, о проведении внутрипартийной демократии, о политике Коминтерна.

Но в конце концов в *основе спора* лежала и лежит разная оценка *классовых* сил, разное отношение к *классовой* борьбе, разное понимание *классовых* задач. В этом корень вопроса. Вопрос всех вопросов заключается в том, как мобилизовать рабочий класс для развернутого наступления на капиталистические элементы в СССР и для революционной борьбы за свержение капитализма во всем мире. Ясно поставить этот вопрос лидеры правых и сейчас не хотят. Они жульнически смазывают основной вопрос и пытаются лицемерными рассуждениями о разногласиях по вопросу применения «чрезвычайных мер, как системы», прикрыть основные разногласия.

На деле, когда они выдвигают свои возражения против «чрезвычайных мер», они выступают не просто против «чрезвычайных мер, как системы», а *против политики* развернутого *наступления* на капиталистические элементы, против политики усиленного наступления на кулака. Так называемые «чрезвычайные меры» в обстановке последнего года это лишь составной элемент политики развернутого по всему фронту наступления пролетариата на кулака и нэпмана. Известно, какие разнообразные меры мы принимали и принимаем для того, чтобы организованно повести усиленное наступление на капиталистические элементы. Сами чрезвычайные меры приняли другой характер. Прикрываясь теперь разногласиями, якобы, только по вопросу о чрезвычайных мерах, лидеры правых пытаются окольным путем обстрелять нашу политику наступления на капиталистические элементы. Между тем на отношении к проводившимся партией «чрезвычайным мерам» и проверялась политика. С отношением к этим мерам был неразрывно связан ответ на основной вопрос: итти ли в наступление против капиталистических элементов, не отказываясь в нужном случае от применения некоторых чрезвычайных мер, или итти назад. Вопрос стоял так: либо наступать на капиталистические элементы, либо отступить перед ними и спрятать голову в песок. Если свести все конкретные пункты разногласий с правыми в один вопрос, то он будет заключаться в следующем: итти ли по всему фронту в наступление на капиталистические элементы, не останавливаясь в необходимых случаях,—ради получения хлеба для рабочих и Красной армии, ради проведения в жизнь пятилетки и ради укрепления всего дела пролетарской революции,—перед применением чрезвычайных мер, или не итти на это наступление и оппортунистически свернуть свою линию под озлобленными контратаками классового врага. Тот, кто в этом дрейфил, тот дрейфил так же, как в Октябрьские дни, отступая перед признанием необходимости вооруженного восстания, сдрейфили Каменев, Зиновьев и др.

Таким образом, своим документом лидеры правых разоблачили себя, они действительно сдрейфили в основном вопросе—в проведении политики наступления на капиталистические элементы. Политику наступления они пытались подменить политикой отступления. В этом наши действительные разногласия.

Даже Базаров понял, что теперь назад хода нет, что теперь для рабочего класса СССР есть путь только вперед. А ведь он вынужден это говорить, несмотря на то, что не верит в успех революции. С его стороны, по крайней мере, честно то, что о своем неверии в революцию он говорит прямо.

Важно еще остановиться на отношении лидеров правых к вопросу о так называемых «нормальных» рыночных отношениях в теперешний период. Идеолог правых тов. Бухарин на апрельском пленуме ЦК противопоставил политике партии политику «развертывания товарооборота», политику восстановления «нормальных» рыночных отношений. В этом была вся соль речи Бухарина. К «нормализации» на буржуазный лад и в связи с этим к «развертыванию товарооборота» взывал тов. Бухарин на апрельском пленуме. Кто с этим не соглашался, того Бухарин без дальних околичностей называл троцкистом.

Что же вы видите в новом документе лидеров оппозиции? Легко убедиться, что и в данном вопросе почтенные лидеры отступают, бросая по дороге бухаринский идейный багаж. Правда, и это они делают трусливо, не по-честному.

В документе тройки говорится, что массовое колхозное движение и широкое развитие практики контрактации «ставят, при снятии системы чрезвычайных мер, вопрос о рыночных отношениях по-новому». Слово — «по-новому» авторы документа подчеркивают. Это значит, что они вынуждены отступать от откровенной правооппортунистической линии Бухарина. Но отступают не так, как полагается людям, дорожащим принципиальной честностью в политике.

И тут они еще раз повторяют выдумки на партию, якобы применяющую чрезвычайные меры, как «систему». И тут они бросают тень на партию своим обвинением в том, будто бы она проводит строительство социализма политикой чрезвычайных мер, т.-е. политикой административных репрессий. С другой стороны, вынужденные признать необходимость своего отступления в ставке на «развертывание» рыночных отношений, они пытаются прикрыть провал бухаринской политики оговоркой, что вопрос о рыночных отношениях станет по-новому «при снятии системы чрезвычайных мер» (курсив мой. *В. М.*). Оказывается, партия должна прежде «снять» не существующую «систему» чрезвычайных мер, а после этого лидеры правых согласятся «по-новому» поставить вопрос о рыночных отношениях. Ну, не позорно ли для большевиков такое отношение к принципиальным вопросам, к вопросам идейной борьбы? Еще раз приходится сказать, что тт. Бухарин, Рыков и Томский только на словах стоят за нашу политику наступления на кулака. На деле под всякими оговорками они тянут в другую сторону.

Наша политика—наступать на кулачество, пока мы его не доканаем, пока мы его не добьем, как классовую силу. И это наступление на капиталистические элементы обеспечивается всем тем, что делается нами для развертывания индустрии, для поддержки совхозов, для укрепления колхозного движения, для организации бедноты, для нажима на капиталистические элементы по линии налогов, по линии борьбы со всевозможными влияниями кулаков, нэпманов и вредителей в нашем госаппарате и т. д., и т. п. Авторы документа пытаются протащить в замаскированном виде другую линию. Вместо политики наступления они тянут к политике капитуляции перед капиталистическими элементами. Что бы после этого не говорилось о «снятии разногласий», мы должны усилить разоблачение правоуклонистской политики капитуляции перед кулаком и нэпманом.

Итак, правые боролись против партии, которая развертывала наступление на капиталистические элементы. В своем документе вы на словах тоже высказываетесь за политику наступления. Но разве с вашими политическими настроениями можно итти в наступление, разве вы можете быть при таком отношении к политике партии хорошими союзниками наступающей армии? Даже нельзя сказать, что вы наступаете в обозе армии. Обоз тоже нужен, но дезорганизаторы в армии не нужны, особенно они не нужны в штабе армии.

Из сказанного видно, что разногласия с правыми весьма серьезны. Разногласия здесь коренные. Между политикой партии и политикой правых нельзя искать—да и не найдешь—средней линии. Линия партии и линия правых—непримиримы.

Поэтому авторы документа должны додумать свои позиции до конца: либо они должны признать свои ошибки и на деле порвать с правоуклонистской идеологией — либо они покатятся в лагерь врагов партии. Правый уклон ведет в лагерь буржуазного либерализма. Здесь и находятся его корни. Понятно, что партия ведет и будет вести с этим уклоном непримиримую борьбу.

Сравним теперешний пленум с апрельским.

Лидеры правых, как каждому ясно, сделали довольно неуклюжий поворот. Чего только не наговорили Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и др. на апрельском пленуме. Сколько тогда мы наслушались от них либеральных фраз. Сколько в их речах было потакания кулаку. Сколько было у них недопустимых выпадов против партии, и как беспомощно ведут они себя сейчас.

Вот пара иллюстраций.

Приведу одно из характерных мест в речи Бухарина на апрельском пленуме ЦК. Тогда он пытался чуть не каждого из нас грешных особенно старательно обмазать грязью, а затем «привести к одному знаменателю». И у него получился такой итог:

> «Итак, то, что проповедывал *тов. Пятаков и вся троцкистская оппозиция*, то, что тов. Микоян критиковал, как ставку на *термидорианство*, то, что он называл установкой на *капиталистическое* развитие, теперь в еще более острой форме проповедуется тов. Сталиным, особенно гениально углублено тов. Куйбышевым и целым рядом других товарищей. А что есть все это с точки зрения нашей борьбы с троцкизмом? *Это есть полная идейная капитуляция* перед троцкизмом». (Подчеркнуто везде самим тов. Бухариным. *В. М.*).

После этой «замечательной» оценки наиболее «талантливый» и уже во всяком случае наиболее упорный из бухаринцев тов. Розит заметил с места—«правильно».

Следовательно, идеолог правых, тов. Бухарин, на апрельском пленуме не нашел ничего лучшего, как обвинить ЦК в «*полной идейной капитуляции перед троцкистами*». И вот оказывается: после того, как ЦК полностью «капитулировал» перед троцкистами, лидеры правых нам заявляют теперь: «разногласия снимаются». Значит, и Бухарин с друзьями намереваются скатиться в лоно троцкизма.

Если же вы, авторы вчерашнего документа, хоть сколько-нибудь серьезно заявляете о том, что «разногласия снимаются», то не потрудитесь ли сделать из этих заявлений хоть самых элементарных выводов? Тогда вам придется зачеркнуть речи на апрельском пленуме, и не только эти речи. Тогда вам придется зачеркнуть ваши либеральные декларации и неудачные документы. При таком честном признании своих ошибок вы сможете работать в партии не хуже многих из нас. Подойдите же принципиально, по-большевистски к основным проблемам политики партии и откажитесь от того, что вы наговорили полулиберального, полутроцкистского, правоуклонистского, взятого на прокат из чуждого идейного багажа. И тогда действительно разногласия будут сняты, и все мы будет работать на одной позиции.

На том же апрельском пленуме тов. Угланов выступал с речами, которых лучше бы ему не говорить. Надо же было ему договориться до того, «что у нас качка, а не линия в законодательстве и директивах». А теперь как? Тоже «разногласия снимаются»?

Пока он ясно не признает своих ошибок, в частности, на апрельском пленуме ЦК, у нас не будет ясности в основном вопросе — остается ли он на прежней ошибочной позиции, или не остается. Чем больше ясности в таких вопросах, тем лучше, так как это вопрос не личный,—а принципиальный, не пустяковый, а основной. Мы должны добиваться в таких вопросах полной ясности.

Лидерам правых мы должны сказать об одном их важнейшем грехе. Этот грех свойственен всякой оппозиции, противопоставлявшей себя большевистской партии. Этот грех заключается в *неверии в силы пролетариата*. В своем последнем документе вы расписались в этом. Вы говорите:

> «У нас была известная ошибочная недооценка тех могучих рычагов воздействия на деревню, которые, в конечном счете, начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер».

Вы вынуждены признать, что «недооценили» силы рабочего класса. Это и называется—на любом языке—неверием в силы пролетариата, неверием в силы революции.

Выступая против лидеров правого уклона на апрельском пленуме, мы всячески старались убедить их в том, что рабочий класс имеет большие возможности для решительного наступления на капиталистические элементы и должен его дружно развернуть. Главными аргументами против правых были аргументы о происшедших классовых сдвигах в стране, об изменившемся соотношении классовых сил и о необходимости в связи с этим покрепче нажать на кулака, усилить организацию бедноты, сплотить бедняцко-середняцкие массы вокруг партии и советов, на основе укрепления производственной смычки с рабочим классом. Рыков, Бухарин и Томский противопоставили этому защиту другой линии. Наше особое преимущество теперь заключается в том, что линия бухаринской оппозиции бита фактами, посрамлена жизнью.

В документе трех сделана попытка обвинить нашу печать в неправильной характеристике взглядов правоуклонистов. Конечно, ошибки бывали. Без этого в практической работе не обходится. Тов. Рыков даже счел удобным прочитать в своей декларации следующее место:

> «Мы не можем не заявить, что система взглядов, развиваемая в газетах и журналах (берутся «газеты и журналы» чуть ли не в мировом масштабе! *В. М.*), как система, якобы разделяемая нами, ни-

чего общего с нашими действительными взглядами не имеет». (Курсив подлинника. *В. М.*).

Если поверить злополучному документу, то оказывается, все газеты и журналы, критиковавшие правоуклонистов, были неправы. Но зато уверены в себе, в своей невинности Рыков, Бухарин и Томский. Ведь это же смехотворная вещь!

Ну, а как быть с решением апрельского пленума ЦК? Существует ли это решение, или это тоже всего лишь одна из статей в указанных «газетах и журналах»?

А как быть с постановлением пленума ИККИ о тов. Бухарине? Нельзя же отнести и это постановление к числу статей « в газетах и журналах»? Разве что на том основании, что постановление ИККИ было опубликовано в газетах!

Мне остается напомнить, что пленум ИККИ единогласно принял решение о тов. Бухарине и что Центральные Комитеты всех компартий единодушно поддержали это решение. Значит, правоуклонистские лидеры — непонятые гении. Можно, конечно, этим утешаться, но кто же этому поверит? Нам не приведено каких-либо оснований, чтобы сомневаться в том, что газеты и журналы в основном выполнили свою обязанность раз'яснения чуждой большевизму идеологии правого уклона.

Теперь придется напомнить и о том, что сказал пленум ИККИ в своей основной резолюции по вопросу о правых и примиренцах. Помнят ли товарищи следующее место из постановления X пленума ИККИ? Прочитаю его:

> «Пленум ИККИ считает несовместимым с принадлежностью к компартии защиту отдельными ее членами взглядов правого уклона, осужденного Коминтерном, как течение антипартийного и глубоко враждебного интересам пролетарского революционного движения.
>
> В то же время пленум констатирует, что примиренчество, выступавшее как трусливый оппортунизм, прикрывающее открытое ликвидаторство, скатилось за последнее время по всем основным вопросам коммунистического движения на правые позиции и внутри Коминтерна взяло на себя роль правых. После исключения правых ликвидаторов оно стало центром притяжения всех правых элементов в рядах компартий, рупором всех пораженческих настроений и оппортунистических взглядов. В виду этого пленум ИККИ требует: а) чтобы примиренцы открыто и решительно отмежевались от правых уклонистов; б) чтобы они вели активную борьбу не на словах, а на деле против правого уклона; в) чтобы они беспрекословно подчинялись всем решениям Коминтерна и его секций и активно проводили их в жизнь. Невыполнение одного из этих условий поставит всякого, нарушившего их, вне рядов Коминтерна».

Пусть повнимательнее отнесутся лидеры правых к тому, что сказал пленум ИККИ относительно правых и примиренцев.

Настоящий пленум работает спустя полгода после решения апрельского пленума, осудившего взгляды тт. Бухарина, Рыкова и Томского. Он работает и после решения X пленума ИККИ, снявшего тов. Бухарина из

президиума ИККИ и также осудившего его правоуклонистские взгляды. Несмотря на это, лидеры правых до сих пор—мягко выражаясь—плохо усвоили и явно недооценили эти решения. Такое отношение к высшим органам коммунистического движения совершенно недопустимо.

Надо сказать, что и в практической работе ЦК вопрос о правых приобрел острое значение. Так, например, для ряда практических задач ЦК не мог в последнее время использовать тех товарищей, которые плелись по дорожке правого уклона.

Поставьте перед собой такой вопрос: могли ли мы в течение последних месяцев, самых трудных месяцев заготовок, послать на место кого-либо из правых уклонистов в качестве уполномоченного ЦК по хлебозаготовкам? Не могли. Политбюро этого и не делало. ЦК не мог оказать честь такого поручения правоуклонистам. ЦК не мог доверить правоуклонистам выполнение ответственнейшего поручения по хлебозаготовкам, учитывая, что они не захотят, не сумеют и не проведут то, что партии нужно, и именно так, как этого требуют интересы дела. Поэтому мы не могли итти на посылку представителями ЦК по хлебозаготовкам кого-либо из правых уклонистов. Они и сами не просились. Однако, я вспоминаю, что в начале прошлого года тов. Угланов не плохо заготовлял на Волге. Тогда он не сбился еще на бухаринскую позицию. В этом же году, поскольку он от этой позиции не отмежевался, у нас и не возникало вопроса о командировке тов. Угланова на хлебозаготовки. Думаю, что никто, скажем, из украинцев, уральцев или сибиряков не признал бы посылку правоуклониста в качестве представителя ЦК по хлебозаготовкам за действительную помощь.

Другой пример.

В коминтерновских вопросах лидеры правых не раз играли на руку оппортунистам и ренегатам в иностранных компартиях. Группа Бухарина дала некоторым случайным попутчикам коммунистического движения за границей достаточный повод к надежде на ее помощь в этом отношении. Наглость выступлений против Коминтерна со стороны правых ренегатов в Германии, в Чехо-Словакии, в САСШ, в Швеции и в др. партиях не в малой мере питалась борьбой бухаринской группы против нашей партии. Идеологически же эти элементы питались из мутного источника теории об «организованном» капитализме,— теории, к разновидностям которой относятся и взгляды Бухарина на «организованную бесхозяйственность» в капиталистических странах.

Таковы факты.

О правых пока довольно.

Перейду к «левым».

3. Борьба с „левыми“ и их махинации за спиной партии.

Есть новые документы троцкистов, которые получены ЦК только в конце октября. Из этих документов тт. Шацкин, Костров, Авербах и др. могли бы увидеть, между прочим, что Троцкий придавал особое значение вопросу о влиянии на молодежь и на организации комсомола. В числе директив Троцкого есть специальная директива такого рода:

> «Исключительно важно быть в курсе всего, что делается среди комсомола, в частности в его аппарате, в редакции «Комсомольской Правды» и пр. Необходимо выделить для этой работы хорошую группу...» и т. д.

Из этого видно, как нужно внимательно прощупать нам аппарат таких органов, как «Комсомольская Правда». При всем том, что «Комсомольская Правда», несмотря на ряд промахов и грубых ошибок, в некоторых случаях великолепно помогала делу развертывания самокритики, — при всем этом мы должны серьезно учесть наличие директивы Троцкого о посылке «группы» для работы в организациях комсомола. Мы должны очистить все наши организации, и, в частности, комсомольские, от всяких остатков этих контрреволюционных «групп».

Но особенно важен тот документ, в котором фигурирует Каменев. Я говорю о документе с записью разговора Каменева с двумя троцкистами (под инициалами «К» и «П» [1]). Этот разговор был 22 сентября 1928 г., т.-е. уже после того, как Каменев был принят в партию и успел поговорить «по душам» с Бухариным.

Вот как излагается в указанной «записи» беседа троцкистов К. и П. с тов. Каменевым:

> «В 1½-часовой речи Л. Б. (Каменев) путем ответов на поставленные вопросы и раз'яснения по вопросам дал следующее определение положения в стране: страна экономически растущая, после 4 урожая вступает в более *острый экономический кризис*. Состояние хлебозаготовок служит показателем, что *мероприятиями предпринятыми кризисного положения не изжить*» [2].

Такова была общая оценка экономического положения, по Каменеву, в сентябре прошлого года.

Дальше излагается мнение Каменева о чрезвычайных мерах. Вы думаете, он — за чрезвычайные меры? Он — против. Каменев заявляет:

> «Чрезвычайные меры истекшего года, проведенные по-дурацки, захватили значительную часть середняцких элементов и даже бедняцких...»
>
> «Если бы правительству и партии пришлось бы поставить вопрос о применении вновь чрезвычайных мер, то с уверенностью можно сказать, что *эти меры бедняцкой частью деревни поддержаны не были бы*».

Видно, что Каменев бедноту замечательно знает!

После этого Каменев подходит, так сказать, к самому существу дела. Он провозглашает:

> «Руководство довело страну до такого положения, когда *мер хозяйственного порядка, способных вывести страну из кризиса*, и своими собственными средствами *уже нет*. Применение снова чрезвычайных мер в данное время было бы величайшей ошибкой (а мы-то, не зная заклинаний Каменева, сколько наделали еще таких «величайших ошибок» *В. М.*), создало бы положение, при котором крестьянское население может перейти к нежелательным методам борьбы за хлеб».

Мы знаем теперь хорошо и об этих «нежелательных методах борьбы за хлеб». Как будто теперь уже никто не может отрицать факта массовой коллективизации.

Но дочитаю до конца отрывок, характеризующий суть каменевской политической «установки». Вот основные выводы Каменева:

> «*Единственно возможными мерами* в данный момент *являются меры политического порядка*, т.-е. *смена руководства*, выпрямление линии в направлении большей классовой четкости, с разработкой ряда мер с длительными сроками проведения, политической мобилизации масс, активизации их».

Конечно, вся приведенная мною в конце цитаты словесность насчет «мобилизации масс», «активизации их» и т. п., все это здесь только «для красного словца». На деле существо взглядов тов. Каменева в сентябре прошлого года из этого отрывка выглядит весьма тускло — тускло, как у настоящего буржуазного либерала. В его декламации насчет необходимости новых мер «политического порядка» нельзя не услышать призыва к срыву большевистской политики и замаскированных тенденций к буржуазной демократии.

После этого понятно, и то, что говорится в цитируемой «записи» об отношении Каменева к Троцкому. В документе об этом сказано буквально следующее:

> «Дальше Л. Б. (Каменев) заявил, что *оценка июльского пленума ЦК, данная Л. Д. Троцким, абсолютно верна*».

Значит, войдя вторично в большевистскую партию, тов. Каменев рассуждал как троцкист, а не как большевик. Здесь с места говорят: «как «молодой» член партии»! Да, как — молодой член партии, если считать «по новому стилю».

Придется читать еще кое-что из этого любопытного документа. Как не прочитать, например, того, что, по словам К. и П., тов. Каменев считал выходом из создавшегося положения. Об этом в «записи» говорится следующее:

> «*Выходом* из этого положения Л. Б. (*Каменев*) *считает вхождение в партию, постепенное занятие ответственных советских и профессиональных должностей*».

Написано, по-моему, ясно, комментариев к этому не требуется.

---

[1] Теперь стало точно известно, что эти «К» и «П» никто иные, как первый («К») — недавно вновь принятый в партию бывш. троцкист Каплинский, а второй («П») — Переверзев, до сих пор остающийся в троцкистском лагере. — *В. М.*

[2] Курсив в этой и следующих дальше выдержках из «записи» мой. — *В. М.*

Судя по тому, что сказано в «записи», у Каменева и после возвращения в партию остается камень за пазухой. В «записи» сказано дальше буквально следующее:

> «Кризис зреет, и когда он дойдет до известного предела, мы об этом скажем, заявим партии и рабочему классу. В настоящее же время надо принять меры к тому, чтобы работать вместе».

Из последующей записи разговора видно, что Каменев не имел намерения рвать с троцкистами.

Находившийся же при разговоре тов. Шаров (тоже бывший троцкист из ленинградцев) не нашел ничего лучшего, как подбодрить троцкистов:

> «Присутствующий Шаров заметил, что уже имеются случаи, где ихних единомышленников проводят даже в бюро ячеек, что доказывает жизненность наших взглядов в партии».

Пожалуй, это кое-что доказывает, но совсем не то, что думал Шаров. Это доказывает излишнюю доверчивость к бывшим троцкистам у некоторых наших организаций.

О Троцком Каменев наговорил 22 сентября совсем уж неумные вещи. В «записи» сказано так:

> «Дальше Каменев говорит, что Л. Д. (Троцкому) следовало бы теперь подать документ, в котором надо сказать: зовите, мол, нас, вместе будем работать».
>
> «Но Л. Д. (Троцкий) человек упорный, он не сделает этого и будет сидеть в Алма-Ата до тех пор, пока за ним не пришлют экстренный поезд, но ведь, когда этот поезд пошлют, положение в стране будет таким, что на пороге будет стоять Керенский»!

Прочитаю дальше мнение Каменева о троцкистской оппозиции. Каменев заявил пришедшим к нему троцкистам:

> «Приходится сожалеть, что произошел разрыв. Жизнь подтвердила все положения оппозиции. Диагноз, поставленный оппозицией, абсолютно верен».

Следовательно, Каменев и после обратного прихода в большевистскую партию остался троцкистом. Во всяком случае, об этом говорит вся его беседа с троцкистами в сентябре прошлого года.

«Запись» кончается следующей фразой:

> «Уходя от Каменева, товарищи получили приглашение заглядывать на огонек»!

Вот для кого «огонек» у Каменева.

Я не читал всего документа, но и прочитанного достаточно. Тов. Бухарин, как известно, бегал к тов. Каменеву, но из его блока с Каменевым ничего не вышло. Каменев остался Каменевым, и после возвращения в партию он тянулся к Троцкому. Это — нам урок. Я думаю, что руководящие органы и вся партия не могут пройти мимо этого документа.

В конце концов, в партии могут быть отдельные разногласия, которые нужно изживать, но прочитанный документ говорит не об отдельных разногласиях, а о прямой поддержке борьбы троцкистов против партии. Иначе, как поддержкой врагов партии, эти переговоры Каменева с троцкистами назвать нельзя. Это — троцкистские махинации за спиной партии.

Но помимо этого надо внимательнее всмотреться в сущность политических взглядов Каменева, как они изложены в этой «записи». Характерно заявление т. Каменева о том, что, в виду создавшегося кризиса, экономические мероприятия недостаточны, что выход в «мерах политического порядка». Так и торчат из этих слов уши «неонэпа», уши глашатая «политического нэпа», уши пророка буржуазной демократии, уши буржуазного либерала! Смысл рассуждений Каменева ясен: смять политику развернутого наступления на капиталистические элементы — вот их подлинный смысл. Но, ведь, это только и снится всем и всяким либеральным буржуа.

⁂

Мы должны теперь сделать еще один общий вывод. Этот вывод касается правых и «левых» вместе. И те, и другие, в конце концов, тянут к одному и тому же. В условиях обостренной классовой борьбы, когда рабочий класс приступил к коренной переделке экономики страны, выкорчевывая корни капитализма в самом глубоком его убежище — в деревне, — в этих условиях как правые, так и «левые» шатания, как те, так и другие оппортунистические колебания в проведении генеральной большевистской линии ведут к одному и тому же: эти колебания ведут к срыву наступления и на практике означают капитуляцию перед усилившимися контратаками классового врага. К заявлениям о согласии с генеральной линией партии, исходят ли они от Бухарина и его сторонников или от Каменева и его политических друзей, мы должны отнестись с одинаковым недоверием, если это согласие не подкреплено безоговорочной поддержкой политики партии на деле, на практике.

Сейчас мы переживаем один из самых важных, из самых ответственных периодов революции. Наметился перелом в решающем деле, в социалистической перестройке крестьянского хозяйства. В колхозное движение вовлечена значительная часть бедноты. С каждым днем мы видим в этом отношении новые и новые успехи. Но особенно важно сейчас отметить тот факт, который очень ярко подчеркнул тов. Сталин в «Правде» в статье к 12-й Октябрьской годовщине. Этот факт заключается в том, что середняк двинулся в колхозы. Это один из важнейших итогов последнего периода.

С тех пор, как середняцкая масса повернула в русло колхозного движения, начался новый период нашей революции, период огромного международного значения. Этот перелом в настроениях середняка означает многое. Этот перелом означает, что мы получаем теперь у широких крестьянских масс доверие не только к элементарным основам советской политики вообще, как политики защиты интересов трудящихся масс, но именно к советской политике, как политике социализма. В переломе настроений в середняцкой массе сказывается перелом в отношении середняка к социализму, к перестройке деревни на социалистический лад. Отныне идеи социализма начинают захватывать и подлинные бедняцко-середняцкие массы деревни. Сознательность в борьбе за социализм уже в первые годы советской власти глубоко проникла в рабочие массы. Теперь эта сознательность начинает овладевать на деле массами деревни. Как ни много трудностей придется нам еще преодолевать на этом пути, как ни длительна наша работа по раз'яснению задач строительства социализма в деревне (да еще и в самом городе), — мы уже вышли на широкую дорогу социалистической переделки всего хозяйства, на широкую дорогу социалистического производства не только в городе, но и в деревне.

Мы и раньше знали, что при всех колебаниях доверие широких крестьянских масс к основам советской политики было огромным, но эти основы советской политики до последнего времени не были еще по-настоящему раскрыты для миллионов трудящихся деревни. Теперь в этом отношении наступил перелом, и это — величайшая победа рабочего класса и партии. Этот перелом в крестьянских массах имеет решающее значение для дела упрочения фундамента социализма в нашей стране. Тем самым с огромной силой будет расти международное значение СССР и его роль в революционном свержении мирового капитализма.

В этих условиях оппортунистические шатания должны встретить особенно дружный отпор. Партия всегда давала этот отпор, а теперь с особой сокрушительной силой дает этот отпор оппортунистам, правым и «левым».

Лидеры правых представили нам документ, о котором здесь уже сказано достаточно. Это — документ фальши, лицемерия и двурушничества. Никого в партии он удовлетворить не может. Это не документ о прекращении борьбы против партии, а документ для продолжения этой борьбы. Пленум должен из этого сделать свои выводы.

Апрельский пленум не только осудил взгляды правоуклонистских лидеров, но и сделал им предупреждение. После этого сказал свое слово ИККИ. Теперь мы должны провести необходимые меры организационного порядка для того, чтобы освободить штаб партии от неисправимых правоуклонистов. Это необходимо в интересах революционного дела, в интересах партии. Тем, кто признавал свои принципиальные ошибки, партия всегда давала возможность участвовать в общей работе с полной активностью, тем же, кто запутался в основных вопросах политики и продолжает путаться в ногах рабочего класса, идущего во главе развернутого наступления на классовых врагов, тем Центральный Комитет должен указать их место.

Партия равняется не по гнилым оппортунистическим элементам, а по сплоченным рядам бойцов пролетарской революции.

Ник. Карев.

К вопросу о теоретических корнях правого уклона.

Статья первая.

Во время дискуссии о профсоюзах в брошюре, направленной против ошибок Троцкого и тов. Бухарина, тов. Ленин писал:

> «К числу многочисленных ценнейших качеств тов. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»[1].

Это замечание Ленина как нельзя более своевременно вспомнить теперь. В своих оппортунистических выступлениях тов. Бухарин, несомненно, исходил из определенных, сознательно им принимаемых, теоретических положений. И если верно, что всякая политическая ошибка имеет некоторые теоретические основания у того, кто делает ее, исходя из тех или других сознательно им принимаемых положений, то тем более мы должны искать таких оснований в том случае, если налицо есть особая ошибочная политическая линия.

То обстоятельство, что лично тов. Бухарин признал ряд своих ошибок, не должно помешать их теоретическому разбору. Тот факт, что защитник тех или иных неправильных взглядов отказывается от них, не исключает необходимости бороться против самих этих взглядов. Правый уклон и его идеология для настоящего времени остаются основной опасностью в нашей партии. Изучение и критика теоретических корней политической линии, развивавшейся идеологами правого уклона, представляет одно из существеннейших средств преодоления этой линии и теоретического воспитания партийных кадров.

Там, где налицо ошибочная линия, мы вправе поставить своей задачей попытаться вскрыть логику ошибок этой линии, отделить то, что является случайным отступлением от правильной позиции, от того, что обусловлено недостатками самой политической методологии данного политика или теоретика. Политическая же методология непосредственно смыкается с общетеоретическими, т.-е., в конечном счете, с философскими воззрениями.

В отношении тов. Бухарина это тем более необходимо, что он сам дал систематическое изложение своих общетеоретических воззрений. В первую очередь мы имеем в виду его «Теорию исторического материализма».

1. Материалистическая диалектика и теория равновесия тов. Бухарина

Марксизм Маркса, Энгельса и Ленина есть целостное мировоззрение, охватывающее собой все более и более всю совокупность человеческого знания. Решающее в марксизме, стальной стержень его образует марксистский метод — материалистическая диалектика.

---

[1] Н. Ленин, Сочин., т. XVIII, ч. 1, стр. 56.

В статье, посвященной переписке между Марксом и Энгельсом, Ленин, характеризуя самое существенное в марксизме, писал:

> «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1]).

«Только философский материализм Маркса, — писал в другом месте Ленин, — указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы» [2]). Ленин неоднократно утверждал, что правильное понимание тех или других стратегических и тактических проблем, стоящих перед партией рабочего класса, возможно только с точки зрения «философии и политики марксизма» [3]).

Естественно поэтому, что и рассмотрение теоретических воззрений тов. Бухарина мы должны начать с его философских, общеметодологических положений с тем, чтобы затем перейти к его теории классов и учению о классовой борьбе в переходный период.

Прежде всего следует отметить некоторую неточность уже в том, как тов. Бухарин определяет самую сущность марксизма, его основу. В статье, посвященной Ленину как марксисту, тов. Бухарин, характеризуя Маркса, писал:

> «Ведь недаром на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал, вопреки очень многим, — когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами, — Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к диктатуре пролетариата» [4]).

Верно, что «душу» теории классовой борьбы Маркса представляет учение о диктатуре пролетариата. Тот, кто не приемлет его — не марксист. Но одного указания на учение о диктатуре пролетариата недостаточно для определения «души» марксовского учения в целом. Ведь марксизм представляет собою целостное мировоззрение, дающее не только методологию изучения общественных отношений, но и методологию изучения природы. Он находит себе применение не только при изучении капиталистического общества. Поэтому, характеризуя сущность марксизма ни в коем случае нельзя отвлечься от его философских основ, чтобы не открыть двери всевозможным с.-д. путаникам, которые стремятся истолковать марксизм как только общественно-историческую теорию и сочетать его со всевозможными видами буржуазной философии от Канта до Маха.

Во-вторых, давая развернутую характеристику учения Маркса о классовой борьбе, нельзя ограничить его установлением необходимости диктатуры пролетариата. Маркс в письме Вейдемейеру писал:

> «Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба

---

[1]) Ленин. Маркс, Энгельс, марксизм. Гиз, 1925 г., стр. 89—90.

[2]) Там же, стр. 45.

[3]) Ленин. Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 382.

[4]) Н. Бухарин. Атака. Гиз, стр. 245.

> неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» [1]).

Таким образом, Маркс говорит, что то новое, что он внес в учение о классовой борьбе состоит не только в доказательстве неизбежности диктатуры пролетариата, но и в том, что сама эта диктатура составляет лишь переход к уничтожению всяких классов. Учение о диктатуре пролетариата, как орудии уничтожения классов вообще — вот действительная «душа» теории классовой борьбы Маркса.

В «Теории исторического материализма» тов. Бухарин называет «основой основ» марксистской теории исторический материализм. Но это также не точно, как и его характеристика «души» марксовского учения. «Основу основ» марксистского учения представляет диалектический материализм или современный материализм Маркса, как его иногда называет Ленин. Материалистическое понимание истории есть, по Ленину, лишь «последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений» [2]). Диалектический материализм есть не одна из глав исторического материализма, не частный вопрос его, а как раз действительная «основа основ» марксистской теории.

Там, где речь заходит о марксистской философии, тов. Бухарин неизменно обнаруживает нерешительность в характеристике ее задач. На ряду с удачной защитой материализма в ряде своих работ (напр., в «Енчмениаде») в то же время тов. Бухарин никак не может уловить ее предмета, как науки [3]). То она должна быть «наукой наук», «об'единять науку, разобранную (?) на множество специальностей», то она должна «пытаться» «свести концы с концами» (!!), быть скрепой (??) всего, что известно, быть фундаментом «общего взгляда на мир (так называемого «мировоззрения»)» [4]), то она должна брать вопросы, которые в специальных науках «не очень-то (!!) разбираются» (стр. 198—199), то она призвана на ряду с религией быть «условием равновесия» между науками, «скрепой всех «знаний» и «ошибок» (стр. 185).

Но все это — «наука наук», «скрепа» между науками, «условие равновесия» всех «знаний» и «ошибок» (??!!) — бьет мимо цели, не выражает того, что столь ясно формулировали Энгельс и Ленин, как задачу философии — быть учением о мышлении, включающем формальную логику и диалектику. Понятно, речь идет здесь не о «критике чистого разума» в духе Канта, а о методологии, логике познания, включающей в себя и то, «что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» [5]).

Философия — не «наука наук» и не внешняя «скрепа» их результатов. Современная наука сама, частью сознательно, частью еще стихийно-диалектически, преодолевает все более и более обособленные свои специальности и устанавливает связь, единство между ними. Философия — не условие равновесия знаний и ошибок (?), так как наука постоянно движется вперед и материалистическая диалектика является именно орудием ее теоретической самокритики, преодоления в ней религиозных, идеалистических, механистических и проч. предрассудков. Это — метод, практически подтверждаемый и проверяемый каждым шагом научного исследования и классовой борьбы.

---

[1]) Исторический материализм. Сб., составленный Адоратским и А. Удальцовым, 1924 г., стр. 89.

[2]) Ленин. Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 15.

[3]) Мы не касаемся здесь тех странных характеристик, которые раздает тов. Бухарин в своем очерке истории философии. Отметим только его характеристику греческой философии начиная с Гераклита как «оторванного от жизни умствования», бесплодного «философского высасывания из пальца» («Теория исторического материализма», Гиз, 1929 г., стр. 201, 210) — это той самой философии, которую Энгельс и Ленин призывали неустанно изучать, как важнейшую ступень в развитии науки и человеческой мысли вообще.

[4]) Почему «так называемого», и почему «мировоззрения» взято в кавычки — остается неясным.

[5]) Ленин. Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 13.

Он предполагает определенный ответ на вопрос о соотношении мышления и бытия, на вопрос о познаваемости мира,—философский материализм, и в своем практическом применении постоянно подтверждает его.

Именно поэтому диалектика и есть фокус, центральный пункт, как говорит Ленин, марксизма.

Неправильно оценив значение материалистической диалектики, тов. Бухарин и пришел к той гибельной для себя ошибке, что можно оставаться последовательным, «наиболее (?!) ортодоксальным» [1]) марксистом, «отступив от обычной (т.-е. марксовской. *Н. К.)* трактовки вопроса» именно в этом пункте.

Два «новшества» хочет ввести тов. Бухарин в этом отношении: во-первых, заменить материалистическую диалектику теорией равновесия и, во-вторых, отождествить механическое с органическим в нашем миропонимании. К разбору этих «новшеств» мы сейчас и перейдем.

* * *

Обоснование своей попытки истолковать и исправить материалистическую диалектику в духе «теории равновесия» тов. Бухарин дает в статье «К постановке проблем теории исторического материализма» [2]). Что побудило вступить его на этот столь зыбкий путь?

Тов. Бухарин исходит из самых лучших — для марксиста — побуждений. Идеалисты и ревизионисты всех мастей, во главе с растленным «австромарксизмом», пытаются оторвать марксистскую диалектику от реальности, превратить ее в чисто мыслительную конструкцию, ничему не соответствующую в материальном мире. Совершенно очевидно, что в противовес им нужно вскрывать «материальный корень диалектики». Однако, на этом и заканчивается положительная сторона добрых намерений тов. Бухарина. А как известно, и по отношению к философии действительна старая поговорка, что добрыми намерениями часто бывает вымощена дорога в обитель идеализма и метафизики.

Мало сказать, что надо «вскрыть материальный корень диалектики». Надо выяснить, как это делать. И с этого, именно, пункта начинаются злоключения тов. Бухарина.

Вскрывать материальный «корень» диалектики по тов. Бухарину значит находить в формах движущейся материи то, чему «соответствует» «диалектическая формула Гегеля». Что же ей соответствует, согласно тов. Бухарину?

> «Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение, — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д., — вот что реально соответствует гегелевской триединой формуле. Что «нового» вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на материальный процесс и на движение материальной формы. Другими словами, здесь — диалектика материального становления, идеально выражаемая гегелевской триадой» [3]).

---

[1]) См. Н. Бухарин. Теория исторического материализма, изд. 7-е, стереотипное. Гиз, 1929 г., стр. 6. В дальнейшем мы, цитируя это издание, будем сокращенно писать: «Т. и. м.».

[2]) См. Н. Бухарин. Атака. Гиз, 1924 г., стр. 116—118.

[3]) Н. Бухарин. Атака, стр. 117.

Какие же преимущества дает такое истолкование материалистической диалектики? Как относится оно к тому, как «вскрывали материальный корень диалектики» ее основоположники Маркс и Энгельс?

На этот вопрос тов. Бухарин дает хотя и не совсем прямой, но все же, в конечном счете, не допускающий никаких сомнений, ответ.

> «Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее идеалистической шелухи в действии (подчеркнуто тов. Бухариным *Н. К.*)... при исследовании различных областей природы и общества». Сейчас же «речь идет о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его такого же теоретического обоснования (курсив наш. *Н. К.*). Это и дается теорией равновесия».

И далее тов. Бухарин добавляет:

> «Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на саморазвитии «духа». Вместо эволюции (развития) и только эволюции, она позволяет видеть также случаи разрушения материальных форм. Тем самым она является и более общей и очищенной от идеалистических элементов формулировкой законов движущихся материальных систем» [1]).

Итак, дело ясное. Маркс и Энгельс не дали теории и обоснования диалектики. Они освободили ее от идеалистической шелухи только «в действии», в своих работах, касающихся конкретного исследования различных областей природы и общества. С «гегелевской формулировкой» диалектики, которой в общетеоретическом, а не прикладном разрезе, очевидно, не были чужды Маркс и Энгельс, неизбежно связан «телеологический привкус». Преодолеть его и должна теория равновесия.

Если развернуть то, что заключено в этих формулировках в зародыше, в неразвитом виде — речь идет, само собой разумеется, о логике точки зрения, а не о суб'ективных намерениях тов. Бухарина, — то можно сделать следующий вывод: Маркс и Энгельс не преодолели окончательно гегелевского идеализма. Отсюда телеологический привкус в ряде их формулировок. Они не обосновали материалистически диалектику, не раскрыли в общетеоретической постановке проблемы ее материальных корней. Сделать это только и может теория равновесия.

Таким образом, скажем еще резче, Маркс и Энгельс, «упустив из виду живой, реальный смысл диалектики, потеряли возможность об'яснить» отдельные ее законы теоретически-систематически. А последнее есть слово в слово заявление настоящего творца теории равновесия... А. А. Богданова [2]).

В «новизне» тов. Бухарина давно известная старина слышится — «оригинальная попытка преодоления философии» [3]) А. А. Богданова. Богданов ведь тоже пытался критиковать Энгельса с якобы реалистической точки зрения.

Правильно будет сказать, что тов. Бухарин находит в Богданове своего Гегеля. «Тектология» заменяет ему «Науку логики». Диалектику он принимает и понимает так же, как ее принимает и понимает в своей «организационной диалектике» А. Богданов. Разница заключается в том, что Богданов прямо выступает против Маркса и Энгельса, стремясь дать свое «об'яснение» их методу, в то время как тов. Бухарин хочет по-богдановски «обосновать» его. Разница заключается и в том, что в то время как Богданов хочет преодолеть своей теорией равновесия и идеализм, и материализм (на деле являясь идеалистом чистейшей воды), тов. Бухарин хочет соединить материализм и богдановскую теорию равновесия, становясь независимо от своей воли на эклектическую позицию.

---

[1]) Атака, стр. 118.

[2]) Ср. А. Богданов. Философия живого опыта, изд. 3, стр. 248.

[3]) Так тов. Бухарин характеризует в «Т. и. м.» «Тектологию» Богданова, не находя для нее ни слова критики (стр. 85).

Что же обещает дать теория равновесия?

Каковы ее основные положения?

По видимости она дает простое и якобы реалистическое понимание мира, его противоречий и движения. Мы вскоре, однако, убедимся в том, что это только по видимости.

Из приведенного уже ранее «обоснования» тов. Бухариным «гегелевской триединой формулы» мы знаем, в чем он видит сущность теории равновесия.

Весь мир есть арена столкновения различно действующих, направленных друг против друга сил. В определенные моменты они уравновешивают друг друга на некоторое время. Таким образом, возникают всевозможные системы их равновесия. Но стоит только одной из сил измениться, как сейчас же обнаруживается различная направленность этих сил друг в отношении друга; равновесие нарушается для того, чтобы смениться новым равновесием при другом их сочетании. «Что же отсюда следует? Отсюда и следует, что «противоречия» (кавычки тов. Бухарина), т.-е. антагонизм различно направленных сил и обуславливают движение» [1].

Ритм этого движения, как мы видим, таков: равновесие — нарушение его — равновесие на новой основе. Тезис — антитезис — синтез. По тов. Бухарину, именно «этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу (триаду) Гегеля и назвал диалектическим» [2].

Заслугу теории равновесия тов. Бухарин видит в том, что она делает возможным «переложить «мистический», как Маркс его назвал, язык гегелевской диалектики на язык современной механики» (Курсив наш. *Н. К.*).

Естественно, что с этой точки зрения для тов. Бухарина должно исчезнуть различие между механическим и органическим.

Одним из своих «новшеств» в теории исторического материализма тов. Бухарин считает устранение противопоставления понятий органического и механического [3]. Тов. Бухарин подчеркивает при этом, что он имеет в виду современную механику. Однако, и в этом «новшестве» он не оригинален. Все тот же Богданов отожествлял также свою «организационную» точку зрения с механистической, и даже не в смысле только точки зрения современной механики, а в смысле научного познания строения различных «систем» в современных физике и химии вообще [4]. Но тов. Бухарин, конечно, совершенно прав, что теория равновесия исключает различие между органическим и механическим.

Если нашим исходным пунктом в рассмотрении явлений и предметов природы является некоторое «первоначальное состояние равновесия» различно направленных сил, то отсюда необходимо следует, что изменение состояния равновесия «системы» может быть лишь результатом воздействия на нее извне. «Внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. Отношение между системой и средой есть решающая величина». «Внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего

---

[1] «Т. и. м.», стр. 75.

[2] Там же, стр. 76.

[3] Атака, стр. 116—117.

[4] А. Богданов. Очерки всеобщей организационной науки, стр. 52.

равновесия)» [1]. «Соотношение между системой и средой есть величина, определяющаяся в конечном счете движением любой системы» [2].

Речь всюду здесь идет о величинах, т.-е. о чисто-количественном учете всех изменений системы. Развитие есть налицо для тов. Бухарина, когда «противоречие между средой и системой количественно (курсив мой. *Н. К.*) стало другим» [3].

К какому же подходу в изучении предмета обязывает такое миропонимание?

Раз всякий предмет мы рассматриваем, как «систему подвижного равновесия», то каждый раз, когда мы приступаем к его изучению, мы должны спросить себя, как возможно это равновесие? Каковы его условия? Отыскание условий возможности равновесия предмета и есть задача науки. Отсюда государство для т. Бухарина есть условие равновесия между классами («Тим», стр. 163), философия и религия, как мы видели,— условие равновесия между науками и т. п. Почти каждую свою теоретическую работу тов. Бухарин начинает с вопроса, — как возможно данное равновесие в данных условиях, и затем ищет, чем нарушается это равновесие со стороны той среды, в которой оно осуществляется.

Дело другое, что тов. Бухарин не замечает, что его метод подыскивания условий для обоснования возможности существования данного предмета есть кантовский метод. Именно, Кант, этот величайший философ прусского мещанства, обосновывая свой идеализм в учении о познании, исходил из того, что даны математика и естествознание, как науки о природе, — как они возможны. Гениальный шаг вперед, сделанный Гегелем в истории человеческой мысли, и заключался как раз в том, что он попытался, хотя и недостаточно последовательно, перейти от данного — к истории.

Но что историзм Гегеля, когда есть Богданов!..

Итак, мы изложили основные положения теории равновесия в изложении тов. Бухарина. На первый взгляд они подкупают своей стройностью, доступностью и «реалистичностью». Это не сложные, исчерченные переплетающимися узорами, готические постройки Гегеля, охватывающие в своем единстве бесконечное многообразие явлений и переходов. Здесь все заключено в первом же слове — равновесии и не представляет никаких затруднений для усвоения его при помощи «здравого смысла», этого, по словам Гегеля, вместилища всех предрассудков своего времени.

Внушает лишь некоторое беспокойство родословная теория равновесия. Сколь ни близок механистам и теории равновесия Кант, со своим лозунгом «во всякой науке столько науки, сколько математики», но все же это — эклектик и, в конечном счете, идеалист. Как ни упрекает Энгельса Богданов за пережитки гегелевской схоластики и идеализма, но все же — идеалист-то сам Богданов. Ведь и печальной памяти (для пролетариата) Э. Бернштейн, тоже в качестве одного из основных своих упреков направлял против революционной точки зрения Маркса и Энгельса то, что они не преодолели окончательно Гегеля.

Осуществим ли принципиально замысел тов. Бухарина — материализовать богдановскую «организационную науку», стержень которой представляет теория равновесия?

В «Экономике переходного периода» тов. Бухарин писал, что он принимает богдановскую терминологию, на что Ленин ответил, что на деле-то получается подражание вовсе не богдановским терминам, а философским ошибкам [1]).

---

[1] «Т. и. м.», стр. 80—81.

[2] Атака, стр. 119.

[3] «Т. и. м.», стр. 78.

Но, как ни плоха родословная теории, окончательную оценку ей должно дать рассмотрение самих ее основных положений, выводов, из них необходимо следующих, практическая проверка теории.

* * *

Начнем с рассмотрения того, в чем видит тов. Бухарин сущность диалектики, обосновывая теорию равновесия. Для того, чтобы дать теоретическое обоснование диалектике, надо твердо уяснить себе, что такое диалектика. К сожалению, однако, из того, что мы уже приводили раньше, видно, что тов. Бухарин понимает диалектический метод совершенно превратно. Сущность гегелевской диалектики он видит в «триединой формуле»: «тэзис—антитезис—синтез». Но, даже по отношению к идеалистической диалектике Гегеля, это схематическое, формальное, пустое, скажем резче — схоластическое ее понимание. Гегель (не говоря уже о Марксе, Энгельсе и Ленине) никогда не видел сущности диалектики в триаде. В своей «Феноменологии духа» Гегель писал, что тройственная схема, которую применял уже и Кант, есть сама по себе — нечто безжизненное и не научное. В «Науке логики» Гегель писал, что «вся форма метода — троичность (курсив Гегеля) — есть лишь совершенно поверхностная внешняя форма способа познания» (курсив мой. Ленин в своем конспекте Гегеля выписывает это место и ставит nota bene против него. *Н. К.*).

Видеть в «триаде» суть диалектики это значит отказаться от диалектики. Ибо суть диалектики, живой нерв ее составляют отрицание всякого схематизма, конкретно-историческая точка зрения. «Триада» может быть лишь результатом исследования, а не схемой, под которую подгоняется оно. Поэтому же на полях «Экономики переходного периода», там, где Бухарин говорит о «диалектическом отрицании», Ленин замечает: «Автор злоупотребляет словом «диалектическое отрицание; нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами, осторожно» [2]). А триада и есть «отрицание отрицания». «Диалектическое отрицание» должно быть вскрыто при помощи диалектического метода в изучении самого предмета. Оно должно быть раскрыто, как момент его реального движения. Законы диалектики — не нами привносимые схемы и не потусторонние «сущности», которые наподобие магического философского камня все могут сами собой об'яснить,—и то, и другое схоластика!—а отражения в нашем сознании различных форм движения материи, позволяющие нам познавать ее в ее всевозможных изменениях и всесторонней связи.

> «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности,—при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [3]).

Раскрывая это, не имеющее себе равного по глубине и точности определение диалектики, Ленин указывает, что она обязывает нас при изучении всех предметов и явлений мира ставить два основных требования—показать:

---

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 356, 401.

[2]) XI Ленинский сборник, стр. 378.

[3]) IX Ленинский сборник, стр. 69.

1. Необходимую связь, об'ективную связь всех форм, сил, тенденций и т. д. данной области явлений.
2. «Имманентное происхождение различий» — об'ективную, внутреннюю логику развития предмета, различий, полярности в нем [1]).

Можно ли материалистически «обосновать» эти требования, это понимание диалектики с точки зрения тов. Бухарина?

Ответ на этот вопрос и есть «решающий опыт» для всей его теории.

Прежде всего диалектика иначе понимает соотношение между покоем, равновесием и движением, чем теория равновесия.

Тов. Бухарин не мог знать ленинских конспектов «Науки логики» Гегеля, когда писал свою «Теорию исторического материализма» [2]), но он знал, конечно, «Анти-Дюринга» Энгельса. А уже в «Анти-Дюринге» Энгельс дал исчерпывающий ответ на общий вопрос о соотношении равновесия и движения. «Покой и равновесие, — писал Энгельс, — там, где они имеют место, являются результатами ограниченного движения». «Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл только по отношению к той или другой форме движения» [3]). Если первая половина этого положения Энгельса может быть принята и тов. Бухариным, поскольку и он признает относительность всякого равновесия, то вторая половина бьет прямо по нему.

Движение абсолютно, вечно, присуще всякой материи, равновесие есть лишь результат ограниченного движения, — вот точка зрения Энгельса. Поэтому, с точки зрения Маркса, Энгельса и Ленина изучение предмета есть не изучение условий равновесия предмета, а изучение закона его движения, по отношению к которому равновесие есть лишь момент в нем.

Поэтому для Маркса задачей политической экономии в отношении капиталистического общества является изучение его производственных отношений «в их возникновении, развитии и гибели». Для тов. Бухарина основная задача теоретической экономии формулируется иначе:

> «Нам дано, как об'ект исследования, анархически построенное общество товаропроизводителей, растущее и развивающееся, т.-е. дана определенная бессуб'ектная система, находящаяся в условиях динамического равновесия. Спрашивается, как возможно при таких условиях это равновесие? Ответ дается трудовой теорией ценности» [4]).

Было бы совершенно неправильно отрицать, что Маркс ставит своей задачей изучение условий равновесия, лучше сказать — функционирования капиталистического способа производства. Но само это равновесие он понимает, как момент движения, воспроизводства и развития противоречий капитализма. Именно, поэтому «Капитал», развитие его категорий имеют не только логическое, но и историческое значение. Эти категории являются выражением исторически развивающихся, противоречивых и сменяющихся отношений.

Поэтому Маркс устанавливает в теоретической экономии не только закон обмена, но и закон воспроизводства капитализма, по отношению к которому обмен является необходимой его формой [5]). Нет поэтому ничего более странного, как утверждение тов. Бухарина, что при капиталистическом способе производства «анархия производства *дополняется* (курсив наш *Н. К.*), противоречием между классами» [1]. Противоречие между классами при капитализме и анархия производства не дополняющие друг друга вещи, а различные выражения одного и того же основного противоречия капиталистического общества между общественным характером производства и частным характером присвоения.

---

[1]) IX Ленинский сборник, стр. 49.

[2]) Впрочем, последнее издание ее (1929 г.) вышло после появления Ленинского сборника IX и, само собой разумеется, после появления в 1925 г. первой части конспекта Гегеля с цитированными нами определениями.

[3]) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, изд. 3, стр. 71, 74.

[4]) Н. Бухарин. Политическая экономия рантье, стр 183

[5]) Необходимо отметить, что т. Бухарин страницей раньше цитированного места в «Политической экономии рантье» ни словом не оговаривает в приведенной им в качестве правильной цитате Гильфердинга то место, в котором Гильфердинг утверждает, что «задача теоретической экономии заключается в том, чтобы найти закон обмена» в товаро-производящем обществе.

Итак, диалектика и теория равновесия противостоят друг другу не как дополнение друг к другу, а как враги. Или равновесие есть момент движения, — и это диалектика. Или движение есть момент в чередовании состояний равновесия, — и это теория равновесия. Равновесие или движение — исходный пункт, — «вот в чем вопрос».

Поэтому Ленин там, где тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» говорит о «точке зрения равновесия», замечает: «Не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «*точке зрения* равновесия? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону *от* материализма к идеализму» [2]. «Необходимость известной пропорциональности», именно, выражает лучше, вернее, *об'ективнее* то, что она есть *момент развития*, *точка же зрения* равновесия затушевывает его и отдает *суб'ективизмом*.

Таким образом, Ленин вовсе не собирается отрицать значение в экономике понятия равновесия *вообще*, хотя он указывает, что более удачно выражение «необходимость известной пропорциональности», но на протяжении всей критики «Экономики переходного периода», он неизменно подчеркивает моменть *перехода* и относительности в равновесии [3].

Если теория равновесия неправильно разрешает вопрос о соотношении равновесия и движения вообще, то уже совсем бессильной она оказывается в отношении понимания *самодвижения*, «имманентного происхождения различий». А между тем признание идеи *самодвижения* есть важнейшее отличие диалектико-материалистического миропонимания.

Диалектический материализм учит, что материи необходимо присуще движение *во всех ее формах* и что познание окружающего нас мира есть именно познание различных форм его движения. Если бы материи не было свойственно самодвижение, то мы, отыскивая причины смены ее форм, необходимо пришли бы в конце концов к богу, к идее, к первому двигателю, к дьяволу или к кому-либо еще. Ибо все эти персонажи в конце концов скрывают одно и то же, под разными масками. Поэтому же механистическое миропонимание, об'яснявшее всякое движение лишь как результат *внешнего толчка*, *внешнего воздействия*, часто приходило к учению о сотворении мира богом. Величайшая и диалектическая в своей основе идея Спинозы (и вслед за ним и большинства французских материалистов) заключалась в том, чтобы провозгласить природу причиной самой себя (causa sui), *об'яснить ее из самое себя*. Именно благодаря этому было *теоретически* окончательно разбито богословие. Но как об'яснить само «самодвижение» материи, где искать источника его? В ответ на этот вопрос в своих заметках «К вопросу о диалектике» Ленин писал:

> «Условие познания всех процессов мира в их «*самодвижении*», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).
>
> «Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.
>
> «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.
>
> «При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, суб'ект, etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «*само*»-движения» [1'].

---

[1] Атака, стр. 286.

[2] XI Ленинский сборник, стр. 384—385.

[3] Ср. там же, стр. 387—388.

Спрашивается теперь — можно ли об'яснить самодвижение в смысле «имманентного происхождения различий», *источника* его, с точки зрения теории равновесия? Будучи достаточно последовательным, его ни «об'яснить», ни «обосновать» с помощью теории равновесия нельзя. Мы уже видели, что с точки зрения теории равновесия нарушение равновесия приходит *только извне* и иначе и быть не может, так как «силы», действующие в данной системе, берутся, как *данные*, *качественно неизменные*. Они, строго говоря, могут лишь перегруппироваться, но не изменяться. Именно поэтому для тов. Бухарина так труден анализ всякого *переходного* явления. «Силы» эти могут перетасовываться, как карты в колоде, но нельзя теоретически об'яснить себе, как они могут качественно преобразовываться, исчезать и возникать в *новой* качественно форме.

Проблема возникновения *нового*, важнейшая проблема диалектики, неразрешима с механистической, чисто количественной точки зрения теории равновесия. Поэтому и законы для нее — законы равновесия, а не законы *становления*, — возникновения, функционирования и уничтожения.

Здесь же лежит корень эклектизма и суб'ективизма, необходимо связанных с теорией равновесия.

Если в изучаемых нами «системах» мы не можем констатировать никакого внутренне присущего им движения, если они представляют собой лишь совокупности механически направленных друг против друга сил, то к их равновесию мы можем с одинаковым успехом подходить с самых различных сторон. Определение их будет в большей степени зависеть от нашей «*точки зрения*», чем от развития самого предмета. Гегель как-то говорил, что самое легкое «обсуждать» предмет, выискивая те или другие стороны у него, которых может быть чрезвычайно много, труднее — *понять* предмет, и самое трудное, что *об'единяет* оба предыдущих момента, — *воспроизвести дело*. Но последнее возможно только в том случае, если взять предмет не только в совокупности различных его сторон и связей, а и в его *самодвижении*.

Как раз *по этому пункту*, во время дискуссии о профсоюзах, Ленин подверг критике теоретические воззрения тов. Бухарина.

О чем *методологически* шел спор тогда между Лениным и Бухариным?

Речь шла об определении задач профсоюзов в переходный период. Тов. Бухарин утверждал, что, «с одной стороны, они (профсоюзы) — школа коммунизма..., с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще»... Тех, кто отрицал это положение, тов. Бухарин сравнивал

[1'] Н. *Ленин*. Соч. т. XIII, изд. 3, стр. 301 — 302.

с людьми, которые, увидев стакан на кафедре, стали бы спорить—стеклянный это цилиндр или инструмент для питья, и по этому поводу взаимно предавать друг друга анафеме.

На это казалось бы столь простое и убедительное доказательство, Ленин и отвечал, что «вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка тов. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем)» [1]. Тов. Бухарин, утверждал Ленин, стоит в этом вопросе «на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской».

Бесспорно, всякий предмет, в том числе и стакан, и профсоюзы, имеет много различных сторон. Стакан и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья, может служить и пресс-папье, и художественным произведением. Формальная логика ограничивается тем, что дает определение наиболее бросающимся в глаза данным его признакам и затем чисто эклектически соединяет их. С одной стороны, с другой стороны, с третьей стороны и т. д.

Чем же отличается диалектическая логика?

> «Логика диалектическая,— пишет Ленин,— требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это, во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорил иногда Гегель), изменении... В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов» [2].

Это определение вполне совпадает с приведенными нами ранее положениями из IX Ленинского сборника.

Чтобы действительно знать предмет, нельзя брать его с одной только какой-либо стороны. Надо стараться всесторонне изучить его, взять его во всей совокупности его сторон, тенденций, связей и т. д. Но и на требовании всесторонности изучения предмета нельзя остановиться. Надо выделить вслед за тем то, что обуславливает развитие предметов, его «самодвижение». Надо само это «самодвижение» взять в данных конкретных условиях. И надо, наконец, по указанию Ленина, чтобы в полное «определение» предмета вошла человеческая практика, и как критерий истины, и для указания связи предмета с тем, что нужно человеку.

Именно, указание наличия об'ективного источника «самодвижения» предмета, основного движущего его противоречия отличает диалектику от эклектики, софистики, релятивизма. Именно, поэтому, исследуя те противоречия, в которых осуществляется политика партии, Ленин никогда не останавливается на эклектическом «с одной стороны — с другой стороны», а указывал решающее звено всей цепи работы партии. Как мы видим, характернейшая черта ленинского гения, заключавшаяся в его изумительном умении выделять основные определяющие моменты в политической борьбе и выражать их в лозунгах, рассчитанных на миллионы, находит себе глубокое основание в исходных положениях его мировоззрения.

Естественно поэтому, что Ленин, как диалектик, подходил к каждому теоретическому и политическому вопросу не с точки зрения подыскивания условий равновесия, благодаря которым сохраняется данная цепь явлений, а под углом зрения ее развития, откуда и куда она растет, где движущее ее основное противоречие, как наша практическая деятельность должна быть включена в него так, чтобы обеспечить успех нужной нам тенденции.

Ленин не только всесторонне учитывает все стороны дела, но и умеет выделить в них главное, то, что обусловливает собой для данного конкретного времени все остальное. Это можно было бы проследить на рождении каждого ленинского очередного звена борьбы, каждого лозунга. А для того, чтобы повлиять на большие исторические ряды явлений, надо думать прежде всего о том, как включить в них миллионы; поэтому настоящая политика для Ленина начинается там, где считают миллионами. Все остальное в политике, — лишь вспомогательные средства. Поэтому лозунг должен быть доступен, должен выразить правильно и отчетливо то, что смутно сознают гигантские пласты народа. Поэтому каждое положение Ленина скрывает за собой грандиозную работу диалектически и материалистически развивающейся мысли.

Различие в подходе к изучению предмета с точки зрения тов. Бухарина и с точки зрения материалистической диалектики особенно разительно поэтому в переходные моменты развития нашей революции (1918, 1921, 1928—29 гг.).

Если вы подходите к делу с точки зрения подыскивания условий равновесия данной системы, вы неизбежно должны подменить закон борьбы, изменения, перехода в другую форму—схемой рядом друг с другом существующих сил и элементов.

Мертвый схематизм представляет характернейшую отличительную черту теории равновесия.

Как мы видели, Ленин учил о том, что мы должны всесторонне изучать предмет. Но по Ленину это должно было служить средством предохранить себя от ошибок и омертвения. Это значит, что учитывая все стороны и связи предмета, мы должны видеть, как они сочетаются, взаимодействуют с решающим звеном цепи, не упустить того момента, когда оно уже недостаточно для изменившихся условий. В самом предмете мы должны постоянно следить за происходящими в нем изменениями, никогда не забывать, что данное есть лишь момент истории, перехода к чему-то иному. Поэтому Ленин всегда указывал по отношению к какому конкретному моменту развития, к какой его ступени и к каким условиям относится тот или иной лозунг. Одни лозунги имеют более длинную, другие более короткую историю, в зависимости от того, как скоро мы проходим ту или другую ступень развития в отношении того или другого предмета. Поэтому так глубоко враждебно методу Ленина переносить, скажем, те или другие его положения, относящиеся к началу нэпа, когда мы имели подорванную войной индустрию, недавний голод, широкое осереднячение деревни, — к периоду восстановленной и быстро движущейся вперед промышленности, способной производственно воздействовать на отстающее от нее сельское хозяйство, к периоду обострения классовой борьбы в деревне. Это все равно, как если бы мы только что перенесшего тиф человека заставили носить пятерники с мукой, а здорового, растущего юношу, вступающего в решительную борьбу, кормили овсяной кашей.

Прекрасный пример конкретного политического анализа Ленин дает в своем «Послесловии к тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» 21 — 24 января 1918 г. [1].

---

[1] Н. Ленин. Соч., т. XVIII. ч. 1, стр. 59

[2] Там же. стр. 60.

[1] XI Ленинский сборник, стр. 47.

Ленин видит основную ошибку выступавших против его точки зрения товарищей в том, что они «исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дают увлечь себя «ярким лозунгом», не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий, требующего быстрого, крутого изменения тактики, и весь мой спор... приходится сосредоточить на выяснении того, что марксизм требует учета об'ективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям». И далее Ленин продолжает: «Я стою на старой позиции Ленина»—воскликнул один из молодых москвичей... В том-то и беда, что москвичи хотят стоять на старой тактической позиции, упорно не желая видеть, как изменялась, как создалась новая, об'ективная позиция» (курсив всюду Ленина).

Все это рассуждение дает блестящую характеристику существа ленинской тактики.

Нет ничего более чуждого духу и существу ленинской диалектики, как абстрактная схема и шаблон.

Но как раз, исходя из своего метода, теория равновесия и приходит необходимо к схеме и шаблону.

«Системы» и явления рассматриваются ею с точки зрения сохранения данных соотношений, а не под углом зрения их постоянного преобразования. Отсюда «растут» и многие недостатки политической методологии тов. Бухарина. Характерным для многих его выступлений и теорий оказывается превращение отличительных особенностей определенных, ограниченных во времени условий, задач и методов работы в постоянную, общую закономерность целой исторической эпохи.

Так родилась «Экономика переходного периода» в период военного коммунизма. Так лозунги и установки восстановительного периода нэпа в известной части автоматически были перенесены им на период реконструктивный.

Здесь—«теоретический корень» и правых и «левых» ошибок тов. Бухарина. Поэтому проявляются они резче всего именно в переломные моменты и именно поэтому, отказавшись от одной крайности, он иногда почти немедленно впадает в другую. Характер этих ошибок зависит, конечно, целиком от конкретной обстановки, данного соотношения классов в стране.

В замечаниях на «Экономику переходного периода» тов. Ленин неоднократно предупреждает против схематизма. Он подвергает резкой критике представление тов. Бухарина о мировом хозяйстве То, что в мировом хозяйстве выступает как тенденция, осуществляющаяся в противоречивом развитии—тов. Бухариным, ищущим законченной схемы, принимается за закончившийся процесс. Он ищет чистых типов вместо изучения законов, тенденций развития реальных отношений. Поэтому для его «чистой теории» совершенно безразлично, напр., насколько велик об'ем данного общественного хозяйства[1]). Но ведь совершенно очевидно, что, проходя через определенную количественную грань, оно необходимо и качественно изменяется. Для «абстрактной теории» тов. Бухарина сравнительно второстепенен вопрос о том, что выступает в качестве суб'екта отдельного хозяйства. Но он не может быть второстепенным для теории, дающей метод изучения действительно существующих хозяйственных систем. Для тов. Бухарина современный капитализм есть «капитализм мировой», капиталистические производственные отношения уже господствуют во всем мире. Но Ленин, исходя из конкретно-исторической точки зрения, сейчас же на это замечает: «Не во

---

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 349.

всем»[1]). Для тов. Бухарина, строящего голую схему равновесия данного типа хозяйства, финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран. Для Ленина — «не уничтожил» и в качестве «суб'ектов» капиталистического хозяйства выступают не только «государственно-капиталистические тресты». Тенденцию Бухарин, повинуясь логике своей схемы, принимает за факт, забывает поэтому о противоречиях, в условиях которых только и существует эта тенденция, приходит к неправильному, политически опаснейшему представлению об империализме. Капиталистическое «народное (не мировое. *Н. К.*) хозяйство» для тов. Бухарина «превратилось уже из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект»[2]).

Для механистической методологии тов. Бухрарина очень характерно, как он разрешает противоречие между конкуренцией и монополией при империализме. Он их пространственно отделяет одну от другой. Монополия господствует внутри страны, конкуренция между странами. На самом же деле положение значительно сложнее. Реально существующая монополистическая тенденция внутри страны осуществляется и в конкурентной борьбе внутри страны, и в необходимо дополняющей ее борьбе за монополию на мировом рынке, в колониях и других странах. Действительность оказывается бесконечно сложнее и противоречивее механистической схемы.

Этот же схематизм методологически лежит в основании и решении тов. Бухариным проблемы национальных движений. «Так называемое» «национальное государство» уже в довоенный период было, согласно тов. Бухарину, чистейшей фикцией. На это Ленин замечает, что оно является «не чистейшей фикцией, а нечистой формой. Нарушение «диалектического материализма состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий». «Автор (Бухарин) забыл, что 1) наимпериалистические государства выросли из национальных; 2) что «национальные» государства в колониях формируются»[3]).

Таким образом нарушение диалектического материализма, методологическая ошибка т. Бухарина заключается по Ленину в данном случае именно в забвении переходов, подмене конкретного рассмотрения ступеней развития чисто логической схемой. Он отвлекается от того, откуда растет данный тип явлений, так как в данной системе равновесия погашается целиком ее прошлое. Диалектика же требует исторического рассмотрения предмета и, только уяснив его в целом, мы действительно можем познать данный предмет.

Отсюда же вытекает и формализм теории равновесия.

Так как все элементы системы качественно неизменны, движение их есть только извне обусловленное движение, то все различия между системами сводятся к чисто внешним различиям.

Поэтому и получается так, что тов. Бухарин подчас отождествляет качественно совершенно различные вещи, ограничиваясь указанием на их формальное сходство. Недаром там, где тов. Бухарин дает оправдание применению термина «социализация», и по отношению к процессам обобществления, совершающимся еще при капитализме, и по отношению к обобществлению средств производства в эпоху пролетарской диктатуры, Ленин иронически замечает: «Оправдал» смешение «процесса» рождения человека с «процессом» смерти»[4]).

---

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 349.
[2]) Там же, стр. 350.
[3]) Там же, стр. 399.
[4]) Там же, стр. 380. Ср. стр. 369.

Естественно, что абстрактный схематизм и формализм теории равновесия приводит тов. Бухарина к фактическому отрицанию возможности качественного изменения явлений в природе. Наиболее резкое выражение эта сторона теории равновесия находит в отрицании различия между механическим и органическим. Однако, аргументы, приводимые тов. Бухариным по этому поводу, не выдерживают даже самой легкой критики.

Прежде всего неправильно противопоставлять механическое только органическому. Механическое движение противостоит не только органическому, но и физическому, и общественно-историческому. Если и Маркс, и Энгельс, и Ленин говорят по отношению к общественным явлениям об органических связях, организмах и т. д., то лишь для того, чтобы подчеркнуть качественное своеобразие и надмеханический характер движения в них, а не для того, как правильно замечает сам же тов. Бухарин, чтобы солидаризироваться с предрассудками «органической школы» в социологии.

Далее тов. Бухарин совершенно напрасно представляет дело так, что Маркс и Ленин протестовали против механистического миропонимания лишь для того, чтобы преодолеть «робинзонады» 1) в общественных науках, представление об изолированных «человеках», подобных неделимым, изолированным атомам старой механики. Во-первых, классики марксизма возражали против механистического миропонимания вообще. Во-вторых, классики марксизма возражали против механистической точки зрения на общество потому, что оно приводило к забвению качественного своеобразия общественных явлений, возникающих в результате взаимодействий между людьми. Именно в признании качественного своеобразия общественных явлений и заключалось преодоление «робинзонад». Ибо если в результате взаимодействия между людьми в воспроизводстве их материальной жизни возникает нечто такое, что невыводимо из рассмотрения отдельного биологического индивида, если закономерность целого есть не только нечто отличное от закономерностей отдельных частиц, входящих в его состав, а, наоборот, целиком обуславливает жизнь и каждого отдельного человека, то недействительны и все «робинзонады».

Тов. Бухарин ссылается на то, что современное естествознание уничтожило представление об изолированном атоме, и поэтому противопоставление механистического и органического стало бесссмысленным. Но и старая механика вовсе не рассматривала движущиеся тела, как абсолютно изолированные.

Недостаток механической точки зрения заключается в том, что само движение она рассматривает лишь как перемещение в пространстве качественно неизменных частиц и их сочетаний. Поэтому и современная физика не удовлетворяется, вопреки тов. Бухарину, механическим миропониманием. В доказательстве этого положения заключалась одна из главных идей «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Из роста витализма и идеализма в современной буржуазной философии мы вовсе не должны в пику ей называть белое черным. Последнее было бы как раз на руку виталистам и идеалистам.

Основное несчастье тов. Бухарина с его теорией равновесия в том, что он движение мыслит только в качестве механического движения. Защищая теорию равновесия, тов. Бухарин пишет:

> «Нельзя современную механику противопоставлять диалектике. Если механика не диалектична, т.-е. недиалектично и все движение, то что же останется от диалектики» 2).

---

1) От имени «Робинзона», героя романа Дефо, попавшего на необитаемый остров.

2) Атака, 117.

Но если последовательно стоять на этой точке зрения, то и законы общественной жизни должны быть сведены в конечном счете к законам современной механики. Однако последнее было бы грубейшим извращением марксизма. С точки зрения классиков марксизма движение есть не только перемещение в пространстве, но и изменение вообще, включающее все многообразие качественных переходов в природе и общественной жизни.

Очень показателен для того, к чему приводит чисто количественная, механистическая точка зрения один пример в «Т. и. м.» тов. Бухарина. На стр. 98 он солидаризируется с утверждением немецкого социолога и философа Зиммеля, утверждающего, что «чем уже круг взаимодействующих людей, тем вообще говоря, теснее связи между ними». Это—чисто количественная, механистическая точка зрения. У Зиммеля она имеет явно реакционный характер. Зиммель противопоставляет «одиночество» и «заброшенность» индивида,—интеллигента и буржуа, в капиталистическом обществе, в котором «человек человеку—волк»,—прочности и интимности патриархальных и феодальных отношений. Приведем простейший пример, чтобы увидеть всю вздорность общего «социологического закона» Зиммеля, с которым соглашается тов. Бухарин. Сравните степень взаимной связи между людьми в деревне из 50 дворов и в современном промышленном тресте или рабочем поселке из 1.000 человек, чтобы сразу убедиться, что «закон» Зиммеля есть лишь выражение положения отдельных, мелкобуржуазных слоев населения при капиталистическом способе производства и отражение их реакционных чаяний. Тов. же Бухарин, следуя своей количественной, механистической точке зрения, попадается на удочку Зиммеля и повторяет вслед за ним его благоглупости.

С механистическим характером теории равновесия неразрывно связано понимание ею самого противоречия. Противоречие для тов. Бухарина сводится к антагонизму направленных друг против друга сил. Не трудно, однако, убедиться, что это понимание единства противоположностей, их борьбы, противоречий действительности не способно ни в коей мере дать нам настоящего выяснения «материального корня» диалектики. Оно до крайности вульгаризирует и суживает его.

В самом деле. Ленин говорил, что в каждом явлении действительности, в каждом акте суждения дано единство противоположностей.

Но можно ли всех их свести к антагонизму направленных друг против друга сил? Одним из примеров единства противоположностей является, по Ленину, суждение: Иван—человек, так как посредством него мы утверждаем, что Иван—отдельный, особый человек, в то же самое время—человек, нечто такое, что обще целому ряду лиц. «Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует только в отдельном, через отдельное» 1). Человеческий род существует только как совокупность отдельных людей, а отдельные люди—лишь как обусловленные жизнью и развитием рода в целом. Можно ли понять это единство противоположностей, единство общего и отдельного, как особое проявление антагонизма противоположно направленных, механически движущихся сил? Конечно, нет. Соответствует ли оно реальным связям, реальным соотношениям в природе? Безусловно соответствует. Первого же испытания практикой познания теория равновесия не выдерживает.

Возьмем другой пример. Пусть нам дан товар, как «самое простое, обычное, основное, самое массовидное», по определению Ленина, отношение товарного общества. Ленин пишет, что анализ Маркса должен вскрыть

---

1) Н. Ленин. Соч., изд. 3, т. XIII, стр. 303.

в этом простейшем явлении, в этой «клеточке» буржуазного общества *зародыш всех противоречий* капиталистического способа производства. Так вот,—противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, потребительной и меновой стоимостью, абстрактным и конкретным трудом и т. п.,—можно ли все эти противоречия выразить в виде антагонизма противоположно-направленных сил? Конечно, нет. Соответствуют они каким-либо *реальным* сторонам действительности товарного общества? Безусловно. Они необходимо связаны *с антагонизмом классов*. Но этот антагонизм — по типу своему, по своей структуре вовсе не тождественен антагонизму противоположно направленных сил *в механике*. Результат борьбы классов вовсе не есть их равнодействующая в результате простого *сложения, параллелограмма* сил, как в механике. Можно сказать, что механистическое истолкование антагонизма классов *переходит непосредственно в оппортунизм*.

Антагонизм является вообще таким типом противоречия, *когда противоположные его стороны совершенно обособились друг от друга* и внешне противостоят друг другу. Это—лишь *один из случаев*, одна из ступеней развития диалектического единства противоположностей.

Поэтому там, где в «Экономике переходного периода» тов. Бухарин пишет, что «капитализм есть антагонистическая, противоречивая система», Ленин замечает: «Архи-неточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется и при социализме»¹). Практический пример этому, — *конкуренция и соревнование*. Конкуренция есть борьба внешне противостоящих друг другу на рынке товаропроизводителей. Это — антагонистическая форма борьбы, которая исчезнет окончательно при социализме. Соревнование есть тоже форма борьбы, противоречия, в котором, однако, соревнующиеся не внешне противостоят друг другу, стремясь к взаимному уничтожению, а где само противоречие есть форма и движущее начало *товарищеского сотрудничества*.

Таким образом свести диалектику к антагонизму внешне направленных друг против друга сил, — значит лишить себя действительных богатств ее содержания.

К этому надо добавить, что теоретически не выдерживает критики и само понятие «силы», как первоосновы всего сущего, всех действительных вещей и явлений природы. Еще Энгельс указывал, что понятие «силы» большей частью применяется там, где мы не в состоянии указать, какую *форму движения* в данном случае мы имеем.

Поверив Богданову в том, что действительность можно рассматривать, как совокупность различно направленных сил, тов. Бухарин, вопреки своему намерению материалистически «обосновать» диалектику, на деле приходит *к богдановскому идеализму*.

Что значит для Богданова, что мир представляет собой совокупность различно направленных сил, создающих некоторые относительные состояния равновесия? Это значит, что *первооснову* мира представляет «хаос», изначала данных качественно-неизменных «элементов», которые в результате внешних воздействий на них комбинируются в «системы» различной ступени организованности.

Эти «элементы» есть по своему типу *махистские*, чисто идеалистические «элементы опыта», организуемые нами с различных «точек зрения».

---

¹) XI, Ленинский сборник, 357.

Вот где истинный «корень» «Тектологии» Богданова. Не увидеть его,— значит не понять «основы основ» теории равновесия. Поэтому, поверив Богданову, и тов. Бухарин необходимо впадает в суб'ективизм и идеализм.

Отсюда у тов. Бухарина отмеченные Лениным в «Экономике переходного периода» формулировки, в которых метод Маркса определяется только как «познавательное» орудие, а не как *отражающий* об'ективный мир. Ленин называет одну такую формулировку тов. Бухарина «стыдливым»... агностицизмом ¹).

Итак, действительный, об'ективный смысл теории равновесия прямо противоположен тому, каким хочет его видеть тов. Бухарин. На деле она дает не материалистическое, «теоретико-систематическое» обоснование диалектики, а схоластическое, механистическое ее искажение, имеющее в своем фундаменте чисто-идеалистические предпосылки ²).

Прежде чем перейти к рассмотрению теории классовой борьбы тов. Бухарина в связи с его общефилософскими воззрениями, мы должны привести еще одну иллюстрацию того, как опасно последовательное проведение механистической методологии теории равновесия в применении к политическим вопросам сегодняшнего дня.

Общеизвестно то огромное значение, которое имеет правильная политика пролетариата по отношению к крестьянству в наших условиях. Для того, чтобы вести правильную политику, необходимо правильно оценить, понять действительное положение крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата и характер его развития.

Диалектика, как мы видели, требует для этого, чтобы мы взяли крестьянское хозяйство, во-первых, во всей совокупности связей и взаимоотношений, в которых оно находится в условиях обобществленной индустрии и сосредоточения политической власти в руках рабочего класса. Во-вторых, мы должны взять его в его *самодвижении*, имманентном происхождении в нем различий. Мы должны уяснить себе *конкретные* условия этого самодвижения и рассмотреть, как включается в них наша *практическая* деятельность.

Сторонник теории равновесия будет исходить из того, что есть налицо некая система равновесия между крестьянским хозяйством и условиями пролетарской диктатуры, сменившая систему равновесия, существовавшую до ее установления. Движение крестьянского хозяйства целиком обусловлено теми *внешними* условиями, в которых оно находится. Поэтому, если при капитализме оно необходимо порождало внутри себя капиталистические отношения, то в таких условиях, когда командные высоты в народном хозяйстве принадлежат пролетариату, столь же необходимо оно должно «врастать» в социализм, независимо от того, какой тип крестьянского хозяйства мы имеем. Ведь при всех условиях—«внутреннее равновесие» есть «функция» «внешнего равновесия». Поэтому и кулацким хозяйствам все равно будет *некуда* податься, и кулацкие кооперативные гнезда необходимо врастут в систему пролетарских хозяйственных *организаций*.

В основе ошибки сторонника теории равновесия в данном случае лежит неправильная оценка двух вещей — характера мелкого, распыленного крестьянского хозяйства, наличия различных прослоек внутри крестьянства, и соотношения его со «средой».

Чрезвычайно поучительно сопоставить методолотически в этом пункте большевистскую точку зрения с правой и троцкистской установкой.

---

¹) XI Ленинский сборник, стр. 348.

²) Подробное рассмотрение идеалистических основ теории равновесия Богданова см. в нашей статье «Тектология или диалектика», «Под Знаменем Марксизма» за 1926 г.

Тов. Бухарин, применяя в данном случае в своем политическом анализе теорию равновесия, неправильно оценивает характер крестьянского хозяйства. Соответствующую, центральную его ошибку в этом пункте Ленин отметил еще в заметках на «Экономику переходного периода». Там, где тов. Бухарин писал, что «диктатура пролетариата неизбежно сопровождается скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства», Ленин замечает: «Надо было сказать: между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово «организующей» есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану» [1]).

Верно, что пролетариат после своей победы выступает как организатор обобществленного хозяйства и борется с анархическими тенденциями крестьянства. Но это только сторона дела, не выражающая центральной проблемы. Организационная работа пролетариата есть лишь выражение его социалистической тенденции, товарно-анархическая же тенденция крестьянства есть товарно-капиталистическая его тенденция и в условиях диктатуры пролетариата. Почему? Потому что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [2]).

Такова тенденция, необходимо присущая самодвижению мелкого производства в условиях наличия рыночных, товарных отношений.

Но изменой марксизму является остановиться только на констатировании этой тенденции развития мелкого производства, необходимо ему присущей. Надо взять эту тенденцию в конкретных условиях ее реализации, во всей совокупности ее связей и опосредствований. В забвении этого второго требования ленинской диалектики — «корень» методологии троцкизма.

Если правые отвлекаются от товарно-капиталистической тенденции развития мелкого производства, то троцкисты забывают о качественном различии условий развития крестьянского хозяйства при капитализме и в переходный период. Это—два уродства, взаимно друг друга дополняющие. Троцкисты «забывают» то обстоятельство, что если при капитализме переход от мелкого производства к крупному в сельском хозяйстве возможен только в капиталистической форме, то при диктатуре пролетариата, благодаря помощи и воздействию обобществленной промышленности и пролетарского государства, благодаря руководству пролетариата, переход этот возможен по иному, социалистическому пути.

Марксизм-ленинизм одинаково далек в своей методологии и от Троцкого и от Богданова. Надо добавить, что Троцкий в свою очередь в этом пункте непосредственно соприкасается со всем международным меньшевизмом.

Диалектика учит, что в изучении движения предмета мы должны учесть и присущую ему тенденцию самодвижения, и всю совокупность связей его с окружающей средой в данных конкретных условиях, и то, как вплетается в него наша практическая деятельность. Вообще говоря, чем ниже форма движения, тем более определяющим для нее является воздействие среды.

---

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 368.

[2]) Ленин. Соч., т. XVII, стр. 118.

Поэтому опираясь на обобществленную, быстро развивающуюся индустрию и силу государственной власти, пролетариат может способствовать переходу мелкобуржуазного, распыленного крестьянского хозяйства через кооперацию и колхозы к крупному сельскому хозяйству социалистического типа.

Эта возможность обуславливается не только воздействием извне на крестьянское хозяйство, но и тем, как реализуется само «самодвижение» крестьянского хозяйства. Крестьянин выступает не только как покупатель средств потребления, но и как покупатель средств производства. Без последних не может существовать и развиваться крестьянское хозяйство. Получить же их у нас оно может только из рук пролетарского государства. Именно производственые формы смычки оказываются решающими в деле переделки крестьянского хозяйства, направления его развития не по капиталистическому, а по социалистическому пути. Поэтому, в меру усиления производственных возможностей восстановленной и развивающейся индустрии, дается все необходимое для переделки мелкого крестьянского хозяйства в крупное обобществленное. Само «самодвижение» крестьянского хозяйства оказывается возможным только в этой форме. Вся совокупность экономических, маневренных, политических и идеологических орудий пролетарской диктатуры оказывается колоссальным усилителем и ускорителем реализации этой возможности.

Так обстоит дело с теорией равновесия тов. Бухарина.

Какие же результаты дает она в применении к изучению общественно-исторического процесса в целом? Для выяснения этого необходимо перейти к рассмотрению трактовки т. Бухариным важнейших положений исторического материализма и его теории классов.

В. Милютин и Б. Борилин.

К разногласиям в политической экономии*).

Революционные процессы социальной и технической реконструкции, идущие вглубь и вширь всех сторон общественной жизни, бурные темпы коллективизации, социалистическое соревнование,—весь этот процесс создания нового общественного строя выдвигает на каждом шагу новые проблемы, новые жгучие вопросы, правильное разрешение которых требует углубленной теоретической работы.

Между тем нигде не наблюдается такое сильное отставание от темпов жизни, как в области теоретической работы над вопросами социалистического строительства и современного империализма. И это как раз тогда, когда теория, опираясь на практику, обязана идти впереди нее, намечая новые пути, открывая новые возможности, давая четкие марксистско-ленинские обобщения. Тов. Сталин, выступая на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, правильно и своевременно указал ряд вопросов, в которых теоретики-аграрники отстают от действительности. Указания тов. Сталина относятся не только к аграрным проблемам, но и ко всем остальным областям нашей экономики и культуры.

Необходимо в значительно большей степени, чем до сих пор, заняться теоретическим изучением процессов нашего развития. СССР идет к завершению переходного периода и близится к построению социалистического общества в обозримые сроки, вопреки паникерству правых оппортунистов. Наша практика разоблачает все еще живучую в мелкобуржуазных слоях троцкистскую теорию об отсутствии в нашей стране источников и сил для построения социализма. Наша плановая работа перерастает за рамки пятилетнего плана и на очередь дня выдвигается составление генерального плана—плана построения социализма. В связи с предстоящей работой над генеральным планом встает ряд проблем, требующих углубленной теоретической разработки. Необходимо осмыслить те новые общественные отношения, которые должны сложиться в процессе осуществления этого плана. Следует осознать и теоретически осмыслить характер новых производственных отношений. В новом свете выплывает вопрос о взаимоотношении между производительными силами и производственными отношениями.

Генеральный план для своего осуществления требует изучения отдельных этапов и освещения конкретных путей нашего развития к социализму. Как будут протекать процессы новой организации труда, реконструкции техники, развития новых классовых отношений, изменения форм хозяйства в условиях сплошной коллективизации? Какова роль совхозов и колхозов в новых условиях? Как будет изменяться роль и значение предприятий последовательно-социалистического типа в нашем хозяйстве? Как видоизменяется значение денежной формы и реконструируется финансовая система? Как будет вместе с рыночными отношениями отмирать и денежная форма? Как видоизменяется структура потребления? Как будет происходить уничтожение противоположности между городом и деревней и в частности уничтожение «ножниц»? Как разрешить проблему социалистических городов? Как должны складываться наши экономические отношения с капиталистическим миром в условиях растущей экономической независимости СССР? Каковы законы расширенного воспроизводства в условиях переходной экономики и продвижения к коммунизму?

Указанные вопросы и целый ряд других властно требуют ответа и нуждаются в углубленной теоретической разработке. Вопреки актуальным требованиям жизни двухлетняя дискуссия по вопросам политической экономии, углубившая постановку ряда важнейших вопросов и вскрывшая механистические и идеалистические тенденции в политической экономии, отвлекла огромное количество квалифицированных партийных сил от насущных теоретических проблем социалистичского строительства. При всей важности разработки общеметодологических проблем политической экономии, необходимо напомнить, что всякая добродетель, продолженная дальше определенного предела, превращается в свою противоположность.

Дискуссия обнаружила тенденцию замкнуться в рамках одной только абстрактной теории и общей методологии, не подходя вплотную к крайне сложным вопросам социалистического строительства, где острая борьба классовых интересов делает теоретическое исследование особенно трудным и политически ответственным. Более того, среди некоторых экономистов подчас наблюдается прямо пренебрежительное отношение к проблемам советского хозяйства, как к «низкой» эмпирии, как к вопросам узкого практицизма; упускают из виду, что здесь-то и открывается обширное поле для творчества в области теории.

Характерным показателем отрыва дискуссии от актуальных политических и экономических проблем социалистического строительства является тот факт, что дискуссия прошла мимо такого извращения теоретических основ марксизма-ленинизма, как троцкизм.

В то время как троцкизм полностью и целиком разоблачил себя, как одна из форм мелкобуржуазного влияния на пролетариат, в то время как троцкизм, перейдя все грани, превратился в контрреволюционную мелкобуржуазную разношерстную группировку, в то время как партия Ленина нанесла троцкизму сокрушительный удар,—спорящие стороны не уделили внимания дальнейшей критике теоретических корней этой формы фальсификации учения Маркса-Ленина.

Дискуссия не разоблачала и не вскрывала антидиалектической, антимарксистской сущности троцкизма с характерным для последнего немарксистским пониманием законов классовой борьбы и связанным с этим антиленинским представлением об отношении рабочего класса к крестьянству, с его немарксистским пониманием сущности диктатуры пролетариата, основных характерных черт империализма, закона неравномерного развития капитализма в империалистическую эпоху и вытекающей отсюда возможности победоносного строительства социализма в нашей стране.

Для ленинца тем более невозможно игнорирование задачи разоблачения антидиалектических, немарксистских корней троцкистской идеологии, что рецидивы последней имеют место и в настоящее время, несмотря на то, что переживаемый этап нашего развития наглядно демонстрирует полнейшее банкротство троцкизма.

Задачи по разоблачению антидиалектической концепции Бухарина ни в коей мере не снимают необходимости решительного и углубленного разоблачения основных теоретических и методологических установок троцкизма в целях противодействия проникновению его в каких бы то ни было формах в ряды рабочего класса.

---

*) Примечание редакции см. на 61 стр.

Нет сомнения, что *правильное* разрешение поставленных в дискуссии методологических проблем безусловно необходимо для плодотворной коллективной работы экономистов-коммунистов над вопросами теории советского хозяйства и современного империализма. Но не следует забывать, что только на основе работ над этим кругом проблем метод диалектического материализма может быть обогащен и развит далее. К сожалению, забвением этого бесспорного положения страдает происходящая дискуссия в теоретической экономии. Тем самым многоречивые рассуждения о методе остаются бесплодными. Оторванные от действительности, они превращаются *в пустышку*, вырождаются *в схоластику*. Такой «метод» перестает быть отражением об'ективной закономерности развития. С этой точки зрения настоятельно необходимо переключить силы экономистов-коммунистов на разработку актуальных теоретических вопросов социалистического строительства. Это необходимо тем более, что в этой области до сих пор сильны враждебные делу социалистического строительства буржуазные и мелкобуржуазные теории.

Существенные ошибки, допущенные в этой дискуссии, приобрели тем более опасный характер, что в *современных условиях* ошибки в методе особенно быстро перерастают *в ошибочные установки, ведущие ко всякого рода оппортунистическим извращениям политической линии партии.*

Решительно борясь с ревизией марксистско-ленинского учения, следует иметь в виду, что в эпоху диктатуры пролетариата выступления против марксизма сплошь и рядом облекаются в форму «нового понимания» и толкования теории Маркса-Ленина. Открытый ревизионизм и присоединение к буржуазной науке на манер Бернштейна и К-о в условиях диктатуры пролетариата не имеет шансов на успех. Господство марксизма в общественных науках заставляет ревизионистские выступления рядиться в одежды ортодоксии. Буржуазная и мелкобуржуазная, особенно *социал-демократическая*, идеология зарождается у нас и проникает к нам с Запада сплошь и рядом под оболочкой марксистских фраз. Тем больше опасность проникновения ревизионистских взглядов в среду коммунистов и тем больше необходимость четкой, ясной, непримиримой линии ленинцев, сплоченной борьбы коммунистов со всеми извращениями теории и метода Маркса-Ленина.

Необходимо ни на минуту не упускать из виду, «что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами». (Сталин).

Гибнущий класс, капиталистические элементы в нашей стране сопротивляются всеми мерами и способами политического, экономического и идеологического характера. В области экономической теории это выражается конкретно в том, что буржуазные неонароднические меньшевистские представления о законах экономического развития при капитализме шаблонно и в то же время в завуалированном советской фразеологией виде переносятся в условия переходной экономики и кладутся в качестве обоснования определенных программ практических мероприятий (Кондратьев, Громан, Базаров и др.). Поворот к ликвидации кулачества как класса требует решительного преодоления и этих остатков старых представлений и теорий, являющихся идеологическим заслоном капиталистических элементов в стране.

Только последовательное проведение диалектического материализма может обеспечить твердую научную базу для практической деятельности ленинской партии.

За последние десятилетия буржуазная наука, атакуя марксизм, изображала метод Маркса двойственным. Эту «двойственность» усматривали «критики» в мнимом соединении противоположных натуралистических и «социологических» тенденций в системе Маркса. Характерной чертой буржуазной критики является здесь отождествление материального с вещественным, социального с идеальным (Струве, Петри, Финн-Енотаевский и др.). Именно на этом основании буржуазные ученые об'являют общественную жизнь царством свободной воли и «телеологии».

В борьбе с суб'ективизмом народников Ленин показал, что общественное развитие подчинено об'ективной закономерности, прокладывающей себе дорогу через сознательные действия людей. Маркс и Ленин смотрели на развитие общественно-экономической формации, как на «естественно-исторический процесс»[1]. Но необходимость и закономерность общественного развития есть, по Марксу и Ленину, необходимость действия людей, *общественных классов*. Материалист-диалектик в отличие от «об'ективиста» и вульгарного материалиста «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость*[2]. Материализм «*включает в себя... партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы*»[3]).

Непонимание метода диалектического материализма связано обычно с недооценкой или с отрицанием роли революционной теории Маркса-Ленина, как руководства к действию для рабочего класса. На этой основе растут двоякого рода ревизионистские течения. Одни из них идут по линии превращения марксизма в натуралистическую систему, другие превращают учение Маркса в безобидную «социологическую» игру понятий.

Причудливо сплетаясь в некоторых пунктах, оба вида извращений диалектического материализма, хотя и не в одинаковой степени, представлены в политической экономии. Корни этих ревизионистских течений лежат в философском агностицизме (Юм, Кант), и в «социологическом» извращении метода Маркса, которое давно было начато австро-марксистской школой и, в частности, Гильфердингом. Механистическое направление в политической экономии ближайшим образом исходит из натуралистически-механистических взглядов Богданова.

Одной из основ богдановской политической экономии является механистическое сведение общественных законов к законам природы. Богданов пытается вывести общественные противоречия и борьбу классов из нарушения равновесия между обществом и средой (богдановский «энергетический баланс»). Воспринятая целиком тов. Бухариным в его «Теории исторического материализма» «теория энергетического баланса» получила известное распространение в политической экономии.

Прямым продолжением той же механистической концепции является подмен закона данной общественной формации общими надисторическими законами. Теория надисторичности экономических категорий, распространение категории абстрактного труда на все общественные формации лежит в основе богдановско-бухаринского «закона трудовых затрат». Исходя из нее, т. Бухарин делает вывод, что с устранением «костюма» товарного хозяйства законы общественного развития выступят в «голом» виде. В социалистическом обществе, по мнению т. Бухарина, неизменный закон трудовых затрат будет регулировать движение производительных сил *непосредственно*. Сами производительные силы, вопреки критике Ленина, зачастую отождествляются т. Бухариным с техникой и вообще берутся вне их специфической общественной формы. Производственные отношения изображаются просто как «размещение людей в пространстве», как чисто техническая связь.

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. I, стр. 57.

[2] Там же, стр. 276.

[3] Там же.

Из такой установки растет недиалектическое представление о развитии производительных сил в переходный период, не учитывающее специфически общественные особенности каждого этапа развития. Рост производительных сил в условиях диктатуры пролетариата изображается метафизически, как рост богатства вообще, народного дохода вообще, сельского хозяйства вообще. Социальная форма этого развития в различных секторах и его противоречия игнорируются. Необходимость роста производительных сил именно в социалистических формах смазывается. Борьба с капиталистическими тенденциями за развитие социалистических форм противопоставляется в конечном счете росту производительных сил в нашей стране.

Смешение технических отношений с общественным строем производства ведет далее механистов (т. Бухарин и его школа) к отождествлению процесса капиталистического производства с процессом непосредственно-общественного труда. Механисты упускают из виду, что обобществление труда капиталом усиливает, а не устраняет противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Говоря об обобществлении труда, они не видят ограниченной формы этого обобществления, происходящего под командой капитала. Механисты полагают, что капитализм развивается по направлению к сознательно «организованному хозяйству», «к дефетишизации» производственных отношений. Отсюда иллюзия тов. Бухарина, что монополии устраняют конкуренцию, анархию капитализма. Он строит на этом свою теорию «организованного капитализма», устраняющего будто бы конкуренцию внутри отдельных капиталистических стран. Тов. Бухарин не понимает, что «эта монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой» [1]).

Тов. Бухарин не видит того, что «монополии», выростая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» [2]).

Механисты изображают процесс воспроизводства как механическое движение вещественных и личных элементов производства. Тов. Бухарин и его сторонники совершенно упускают из виду качественную определенность воспроизводства и его пропорциональности и потому не понимают процесса изменения количественных пропорций с изменением характера общественного воспроизводства.

Механисты изображают общественное воспроизводство в виде колебательных движений «отклонений» от извне данного, самостоятельно движущегося уровня равновесия. Равновесие из момента движения, определяемого характером и формой последнего, превращается у механистов в исходный пункт как теоретического исследования в целом, так и действительного движения. Экономические законы формулируются ими как законы равновесия и противопоставляются законам движения. Отсюда противопоставление законов существования капитализма законам его гибели.

Теория равновесия «не имеет ничего общего с ленинизмом» (Сталин). Она вооружает теоретическими аргументами враждебные рабочему классу элементы против политики индустриализации, проводимой партией. Она служит в руках буржуазных и мелкобуржуазных экономистов для теоретической защиты индивидуального крестьянского хозяйства против коллективизации, для укрепления позиций частного капитала, вытесняемого развитием социалистической промышленности и кооперации. Несмотря на всю очевидность своего антиленинского существа, теория «подвижного равновесия» чрезвычайно широко распространена. Даже политические противники и критики взглядов т. Бухарина полностью не разделались с нею до сих пор и что лишний раз свидетельствует о живучести механистических тенденций в политической экономии.

Тов. Бухарин, будучи целиком подчинен своей механистической методологии и последовательно развивая теорию равновесия в теорию «балансирования», приходит к неизбежному выводу, что для каждого данного момента возможна только одна схема чисто количественных соотношений между элементами народного хозяйства. В переводе на язык экономической политики это влечет за собой требование равнения по «узким» местам. Тов. Бухарин не понимает, что дело не в одной только различной количественной характеристике элементов пропорциональности, но и в качественной их определенности, ибо от социальной формы воспроизводства зависит ход последнего и развитие свойственных ему противоречий.

Очевидна несостоятельность утопического стремления тов. Бухарина отвлечься от противоречий классовых интересов в переходный период путем создания гладких схем воспроизводства.

Тип воспроизводства в советском хозяйстве качественно иной, чем при капитализме, подчинен другому строю общественного производства, другим законам движения.

Наконец, должно быть особенно подчеркнуто, что, исходя из механистической концепции, нельзя правильно понять условия развития классовой борьбы в СССР, активную роль пролетариата в деле создания социалистической формы производства и значение этой последней для развития производительных сил нашего хозяйства. Отсюда проистекает недооценка т. Бухариным наших возможностей, его неверие в высокие темпы индустриализации, невиданные при капитализме.

Непонимание основ диалектического материализма нашло свое выражение у тов. Бухарина в его немарксистском понимании предмета политической экономии. Когда тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода», что «теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.-е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве...» Ленин на полях замечает: «Две неверности: 1) определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть тоже «организованное» хозяйство». Когда тов. Бухарин пишет, что «политическая экономия изучает товарное хозяйство», Ленин замечает «не только»! А на утверждение тов. Бухарина, что «конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии» Ленин заявляет «неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение I $v+m$ к II c? и накопление»?

Из бухаринского понимания предмета политической экономии логически вытекает непонимание необходимости как теории советского хозяйства, ошибочно-оправдываемой лишь в меру наличия стихийных «неорганизованных» рыночных отношений в нашем хозяйстве, так и теоретического изучения производственных отошений социалистического общества. Марксистская политическая экономия изучает «общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения, как форму развития производительных сил данной общественной формации. Тем самым она исследует экономическую структуру, как естественно исторический процесс, познает об'ективную закономерность возникновения, развития и упадка данных производственных отношений, т.-е. экономический закон движения общества. «Исследование производственных отношений данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса». (Ленин).

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 314, изд. 1924 г.

[2]) Там же, стр. 305.

Методологические установки тов. Бухарина были непосредственно восприняты тт. Коном, Бессоновым и другими. Выступая на борьбу с антимарксистскими неокантианскими взглядами И. И. Рубина, они, вместо преодоления идеалистического ревизионизма в политической экономии, на деле лишь усугубляли и поддерживали механистическое направление в этой области и тем самым фактически способствовали укреплению и дальнейшему развитию идеалистических тенденций. Система ошибочных положений, выставленных этими товарищами, является прямым продолжением механистической, антидиалектической концепции т. Бухарина. Тт. Кон, Бессонов и другие оказались фактическими защитниками теоретических основ правого уклона, несмотря на то, что они защищают генеральную линию партии и не разделяют политических взглядов т. Бухарина.

Главнейшими из механистических ошибок тт. Кона и Бессонова являются:

1) Утверждение о надисторичности категории абстрактного труда, связанное с физиологически-энергетическим пониманием его. 2) Непонимание роли обмена в товарно-капиталистическом обществе, связанное с вульгаризацией теории товарного фетишизма Маркса. 3) Отождествление производительных сил с техникой и с процессом труда «как таковым». 4) Механистическое сведение производственных отношений непосредственно к производительным силам. Отсюда вытекает вульгарное понимание материальности производственных отношений и непосредственная характеристика специфичности различных типов производственных отношений уровнем развития техники. 5) Смешение политической экономии с технологией. 6) Богдановская теория «энергетического баланса» (т. Кон). 7) Теория равновесия и бухаринский «закон трудовых затрат». 8) Тезис о «дефетишизации» производственных отношений по мере развития капитализма, логически ведущий к положению о мирном врастании капитализма в социализм (т. Бессонов). 9) Ряд коренных ошибок в теории империализма, воспроизводящих бухаринскую концепцию (т. Кон). 10) Немарксистское представление об общественных науках (право, история и проч.), которые якобы не занимаются вопросами социальной революции (т. Бессонов). 11) Отождествление формы и содержания, проникающее все перечисленные выше ошибки, и ряд других ошибок.

Вытекающее отсюда смешение предмета технологии с предметом политической экономии ярко выступает в следующем положении т. Бессонова: «производительные силы в действии, процесс труда «как таковой» составляет такую же неот'емлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса» [1]). Тов. Бессонов выставил в свое время вульгарно-механистический тезис, что производительные силы и производственные отношения «равноправно» входят в об'ект политической экономии. После решительного отпора со стороны подавляющего большинства экономистов-коммунистов т. Бессонов от этого тезиса отказался, но лишь формально.

Тов. Кон в своей последней статье пишет: «Технология и экономические науки изучают одно и то же материальное производство, однако, угол зрения, аспект этих двух наук на единый об'ект совершенно различны. Грань между политической экономией и технологией, стирать которую было бы преступлением, заключается в различии их точек зрения на материальное производство, в том, что первая (?) из них изучает материальный процесс производства с точки зрения эффективности воздействия человека на природу, вторая же изучает материальное производство с точки зрения его определенной общественной формы» [1]).

Суб'ективистская установка т. Кона бросается в глаза. Марксизм различает технологический процесс и экономическое развитие как две об'ективно существующие формы движения. Тов. Кон в зависимости от избираемой им точки зрения «видит» то одну, то другую сторону единого об'екта. Т. Кон делает ошибку, аналогичную ошибке т. Бессонова, смешивая исходный пункт политической экономии «общественно-обусловленное производство индивидов» (Маркс) с естественно обусловленным процессом труда (технология).

По поводу такого оперирования «точками зрения» Ленин в своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина замечает: «Суб'ективизм, солипсизм». Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания» [2]).

Дискуссия отчетливо обнаружила всю несостоятельность и механистический характер положений, выдвинутых тт. Коном и Бессоновым и др. Непримиримая критика их механистических взглядов совершенно необходима, так как допущенная ими система ошибок непосредственно смыкается с антидиалектической концепцией т. Бухарина.

Эти ошибки тем более опасны, что мы имеем за последнее время попытки возрождения явной богдановщины (после Дашковского и Шабса—Кожанов и Финн-Енотаевский).

Заявления тт. Бессонова и Кона [3]), каковы бы ни были их желания, отнюдь не могут быть признаны достаточными. Заявляя теперь о своей борьбе на два фронта, эти товарищи до сих пор не поняли, что их ошибки и есть механистические ошибки и что в своих взглядах они примыкают к механистическому фронту. Они до сих пор не видят механистических тенденций в политической экономии.

Об этом свидетельствует выпущенный ими в самое последнее время сборник «Рубинщина или марксизм», не только повторяющий основные ошибки тт. Кона и Бессонова, но в ряде случаев усугубляющий их.

Решительный отказ названных товарищей от всех допущенных ими ошибок и вскрытие методологических основ этих ошибок настоятельно необходимы для преодоления механистического направления в политической экономии.

Вульгарно-механистические извращения Маркса-Ленина т. Бухариным и его учениками (Марецкий, Айхенвальд и др.) представляют из себя серьезнейшую опасность в теоретической экономии, ибо они неизбежно ведут к правооппортунистическим выводам в области политики и теории советского хозяйства — главной опасности в рядах нашей партии.

Разоблачение антидиалектической концепции т. Бухарина отнюдь не может считаться законченным. Больше того, в ряде случаев это разоблачение только начинается (философские работы и работы по теоретической экономии). Отсюда вытекает настойчивая необходимость со всей энергией продолжать критику механистической теории и борьбу с оппортунистическими ошибками тов. Бухарина в вопросах советского хозяйства и совре-

---

[1]) «Проблемы экономики», № 4—5, стр. 210.

---

[1]) «Проблемы экономики», № 6, стр. 94.

[2]) XI Ленинский сборник, стр. 385.

[3]) См. «Проблемы экономики», № 10—11.

менного империализма. Не менее решительно должны разоблачаться и прикрытие этих ошибок т. Бухарина и примиренческое к ним отношение.

Признание рядом товарищей генеральной линии партии и активная ее защита от правооппортунистических извращений на ряду с допущенной ими системой механистических ошибок (Кон, Бессонов и др.) не может рассматриваться иначе, как величайшая непоследовательность.

Однако, грубейшей ошибкой было бы думать, что ревизия основ марксистско-ленинского учения идет только по линии их извращения со стороны механистов. В условиях обостренной классовой борьбы, выкорчевывания корней капитализма, бурной социалистической переделки всего общественного строя страны, в условиях капиталистического окружения и дальнейшего развития кризиса мирового капитализма, социально чуждые и враждебные делу пролетариата элементы в стране питают как механистическую, так и прямо идеалистическую ревизию учения Маркса-Ленина. Поэтому борьба с механистической опасностью никоим образом не должна ослабить борьбу с опасностью откровенных идеалистических извращений марксизма. И было бы грубейшей ошибкой в какой бы то ни было мере забывать марксистам-ленинцам эту первейшую обязанность борьбы с теорией идеализма во всех ее проявлениях и направлениях.

Решительная борьба с последними тем более необходима, что они возведены в систему идеологами мировой социал-демократии (К. Каутский, М. Адлер, К. Реннер, Р. Гильфердинг, Отто Бауэр и др.) и способствуют успеху непримиримых врагов марксизма, теоретиков буржуазной «социальной школы», выросшей на основе неокантианского идеализма (Аммон, Штольцман, Петри).

Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И. И. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И. И. Рубин ставит выше об'ективного научного анализа классиков политической экономии. Он считает «социальное направление» «многообещающим», находит в нем идейное «теоретическое» сродство с марксизмом, приветствует то, что теоретики социальной школы ищут «новых путей» для экономической науки, сочувствует их стремлениям, выражает им свою «признательность», считает работу Штольцмана, Аммона, Петри «плодотворной» [1].

Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И. И. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И. И. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И. И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И. И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям, лишь прикрывает марксистской терминологией их антимарксистское, антиреволюционное, неокантианское содержание. Работы И. И. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики (социалистическое строительство) и противоречий мирового империализма (проблемы мировой революции). Не может быть ортодоксальной разработки общих теоретических проблем при антиреволюционной общеполитической линии [2].

---

[1] И. И. Рубин. Современные экономисты на Западе. (Предисловие).

[2] В этой связи следует считать совершенно правильным решение экономического отделения ИКП, Ин-та Экономики об И. И. Рубине (см. «Правда», от 2 февраля 1930 года).

Превосходство Маркса над классиками И. И. Рубин видит не в том, что «Маркс применил диалектику Гегеля в ее развитой форме (т.-е. материалистическую диалектику—*В. М.* и *Б. Б.*) к политической экономии» (Ленин), а в анализе капиталистического хозяйства с новой «социологической точки зрения». Важнейший результат исследования Маркса: вскрытие за вещными категориями, экономическими формами вещей производственных отношений людей и классовых противоположностей — остается поэтому фактически вне поля зрения И. И. Рубина. Он не видит, что сущность метода Маркса при изучении капитализма заключается в рассмотрении капиталистической формации, как естественно-исторического процесса. И. И. Рубин не понимает каким образом Маркс выводит экономические формы вещей из специфически-общественного строя производства, из таких производственных отношений, существование которых не только «не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит» [1]).

Не случайно Рубин отрицает материальность абстрактного труда. «Абстрактный труд, образующий стоимость, — говорит он, — должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи» [2]). Это понимание социального показывает антимарксистский, антидиалектический характер всей концепции И. И. Рубина. По Марксу, абстрактный труд существует лишь в товарном хозяйстве, в котором равенство труда, как затрат одной и той же физиологически однородной человеческой рабочей силы, выступает, как специфически общественная форма труда. Лишь в товарном хозяйстве это равенство труда становится общественной формой труда, т.-е. абстрактным трудом. По И. И. Рубину, абстрактный труд есть не действительное, об'ективное равенство труда, а лишь вещное выражение равенства товаропроизводителей как автономных суб'ектов хозяйства [3]).

Именно здесь коренится отрыв формы от содержания, который характерен для И. И. Рубина и который находится в непримиримом противоречии с методом Маркса-Ленина. Стремясь скрыть это противоречие и примирить свою теорию с Марксом, И. И. Рубин об'являет содержание стоимости то историческим, то неисторическим в зависимости от подхода, от точки зрения: с «точки зрения» анализа содержанием стоимости об'является общечеловеческий труд надисторическая материальная категория, с «точки зрения» синтеза абстрактный труд — историческая социальная категория. Рубин разрывает таким образом единство диалектического метода Маркса. Крайне характерно, что именно в этом вопросе с И. И. Рубиным солидаризируется тов. Кон. Идеалистические тенденции Рубина неизбежно влекут за собой отказ от марксовой диалектики, несмотря на словесное признание ее.

Вопреки И. И. Рубину и тов. Кону никакого разрыва у Маркса между анализом и синтезом нет. Конечный пункт анализа Маркса и исходный пункт его синтеза один и тот же. Отрыв синтеза от анализа свойственен кантианцам, а не диалектическому материализму. Анализ и синтез взаимно предполагают друг друга. Диалектический метод «на каждом шагу своего движения действует одновременно и аналитически и синтетически». Эта характеристика Гегеля одобрена Лениным заметкой: «Великолепно» (XI Ленинский сборник, стр. 307).

Противоречие между формой и содержанием, являющееся движущей пружиной развития, не отрицает, а предполагает их единство: никакого отрыва формы от содержания марксизм не допускает. Содержание не бесформенно, — это оформленная материя. Форма содержательна [1]).

---

[1] См. В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 2-е, стр. 59.

[2] См. И. И. Рубин, «Очерки», III изд., стр. 149—150.

[3] «Очерки», изд. 3-е, стр. 98 и 111.

И форма и содержание историчны. Форма активна. Приоритет содержания ограничивает активность каждой данной формы определенной исторической ступенью развития содержания. По мере этого развития противоречие между формой и содержанием растет. Из условия развития форма превращается в его оковы и «отвергается» содержанием. Лишь новая форма, возникающая на основе изменения самого характера содержания, создает условия для его дальнейшего развития. Только на этой основе можно понять диалектику производительных сил и производственных отношений, рост противоречий между ними, ведущий в классовом обществе к социальной революции. Никакой другой «точки зрения» диалектический материализм не знает.

Отрывая содержание от формы, И. И. Рубин уничтожает возможность материалистического их понимания, ставя форму над содержанием. Он выводит характеристику производственных отношений из особенностей правовой организации, относя право непосредственно к характеристике экономической структуры. «Отсутствие внеэкономического принуждения, организация трудовой деятельности отдельных лиц не на началах публичного права, а на началах права частного и, так называемого, свободного договора есть характернейшая черта экономической структуры современного общества. Отсюда и основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами, форма обмена, приравнивания обмениваемых стоимостей» [2]). Итак, по мнению И. И. Рубина, не экономическая структура общества определяет и характеризует его право, а право определяет («отсюда») и характеризирует экономическую структуру. Он рассматривает капиталистическое производство, как бесформенный процесс, к которому форма присоединяется извне, из процесса обмена [3]).

И. И. Рубин видит внутри отдельного предприятия, в процессе непосредственного производства только технические «организованные» отношения (см. 2-ю главу «Очерков»). Общественные производственные отношения, характеризующие капиталистический способ производства как специфическую общественно-экономическую формацию, он переносит в сферу рыночных отношений между предприятиями, в сферу обращения. В результате производственные отношения, отождествляемые И. И. Рубиным с отношениями купли и продажи, выступают только как отношения «владельцев вещей», как отношения равноправных суб'ектов хозяйства, а «не как» отношения товаропроизводителей [4]). На основе этого противопоставления отношений обмена отношениями производства затушевываются далее отношения самого процесса капиталистического производства, отношения эксплоатации. Недаром И. И. Рубин берет термин классовые при характеристике производственных отношений в кавычки [5]).

И. И. Рубин грубо извращает соотношение производства и обмена в экономической системе Маркса. Он игнорирует бесспорное марксистское положение, что экономическая структура определяется отношениями людей в процессе производства, и заявляет, что «предмет марксовой теории стоимости» составляет «исследование процесса обмена его общественной формы и его

---

[1]) Форма «содержит внутри себя устойчивое существование, или материю, как одно из своих определений. Таким образом (как внутреннее строение.—*В. М. и Б. Б.*) форма есть содержание, а в своей развитой определенности она есть закон явления». (Гегель, соч., т. I, стр. 223).

[2]) «Очерки», изд. 3, с. 98. (Выделено нами. *В. М. и Б. Б.*).

[3]) «Очерки», изд. 3, с. 18.

[4]) «Очерки», изд. 3, с. 16, 30 и др.

[5]) **И. И. Рубин.** Современные экономисты на Западе, с. 188—189.

связи с производством товарного общества» [1]). На самом деле, форма производства определяет форму обмена. Процесс товарного производства включает в себя необходимость частного обмена для движения общественного воспроизводства. Капиталистическое воспроизводство сверх того включает и необходимость купли-продажи рабочей силы. Это моменты самого процесса производства.

Ошибочная трактовка И. И. Рубиным проблемы производительного труда представляет собой явную ревизию учения Маркса. Отход от марксизма в этом вопросе широко открывает двери всякого рода современным буржуазным теориям распределения, исходящим из признания производительными всех видов «труда», выполняемого буржуазией и ее помощниками в деле присвоения прибавочной стоимости. В применении к советской экономике антимарксистская трактовка проблем производительного труда служит базой для ряда враждебных нашей партии теоретических концепций, совершенно извращающих характер, перспективы и задачи нашего хозяйственного строительства.

Своими комментариями, смазывая качественное различие между простым товарным хозяйством и капитализмом, И. И. Рубин извращает отношение между развитием экономических категорий в системе Маркса и действительным историческим развитием. Простое товарное хозяйство об'является только надуманной логической схемой, только абстракцией капитализма и перестает быть для И. И. Рубина исторической ступенью в развитии капитализма, его первой эмбриональной, зародышевой формой Отрыв логического хода исследования от исторического хода развития явно противоречит многочисленным высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина. Этот отрыв смазывает момент возникновения капитализма и его гибели, ведет к вытравливанию из марксистской теории ее революционно преобразующего смысла.

Вся концепция И. И. Рубина отличается тем, что у него социальное общественное не берется, как классовое. Концепция Рубина, в которой выхолощено боевое революционное классовое содержание, не может не служить на деле интересам чуждых и враждебных пролетариату слоев. В этом— антимарксизм и антиреволюционность И. И. Рубина.

Центральный орган партии «Правда» своевременно и правильно выдвинул задачу борьбы на два фронта (см. «Правда», № 234, от 10 октября 1929 г.).

Борясь против механизма, нельзя забывать «рубинизма». Смазывать актуальность критики ревизионистской концепции И. Рубина было бы глубочайшей ошибкой. Не следует упускать из виду нить, связывающую взгляды И. И. Рубина с австро-марксистами, с теорией социализации через обращение. По этой линии концепция И. И. Рубина представляет богатый питательный источник для меньшевизма. Извращения марксизма не являются и не могут быть «нейтральными». Из них могут и должны неизбежно вытекать антиреволюционные, меньшевистские тенденции.

Партия развернула невиданную активность в среде пролетариата, на основе нового способа производства, нового отношения рабочих «к дисциплине труда» (Ленин), на основе их отношения к средствам производства, как к достоянию всего рабочего класса. Новые производственные отношения на предприятиях социалистического типа в городе и деревне ускорили развитие производительных сил нашей страны. Активность производственных отношений доказана на практике невиданными при капитализме темпами роста нашего хозяйства. В итоге вслед за полным разоблачением авантюризма троцкистской политики сверхиндустриализации и троцкистской теории, утверждающей невозможность построения социализма в нашей стране, бит жизнью правый уклон и окончательно добиты троцкистско-меньшевистские теоретические построения.

---

[1]) См. «Очерки», стр. 96.

Для коммунистов-экономистов должен быть ясен ревизионистский, меньшевистский характер взглядов И. И. Рубина, его неспособность стать на путь классового анализа экономических отношений, антимарксистский характер его учения. Решительная борьба со взглядами И. И. Рубина является настоятельно необходимой, ибо они закрывают путь к марксистско-ленинскому пониманию нашего развития. Защита же их в какой бы то ни было форме со стороны коммунистов есть полный разрыв с марксизмом.

Игнорировать меньшевистскую опасность на том основании, что в партии выступает ревизионизм преимущественно механистического порядка, значит выпускать из поля зрения страну в целом, в которой меньшевизм представляет силу, враждебную марксизму. Недооценка идеалистической меньшевистской опасности характерная в дискуссии для ряда товарищей свидетельствует о том, что они не сумели занять правильную позицию борьбы на два фронта. Односторонняя борьба против механистических тенденций («антибухаринизм»), или односторонняя борьба против рубинщины («антирубинизм»), явно не достигает цели. Глубоко ошибочно изображать И. И. Рубина борцом за ортодоксальный марксизм против ревизионизма механистов и против «социального направления», принимать некритически с ничтожными оговорками ряд его теоретических положений, как строго марксистские. (См. сборник «Против механистических тенденций» и т. д., под редакцией тт. Борилина и Леонтьева, статьи тт. Греблиса, Коровая, Степанова и Г. Деборина).

Группа товарищей (Борилин, Леонтьев и др.) правильно выступила против механистической опасности, что следует поставить им в бесспорную заслугу. Однако, не поняв антимарксистского, антидиалектического, антиреволюционного характера работ И. И. Рубина, эти товарищи давали в корне ошибочную положительную оценку его работ (см. ряд мест в «Сборнике против механистических тенденций», стр. 9, 10, 57, 129) и тем самым стали на ошибочную, эклектическую позицию, об'ективно способствуя распространению теоретических взглядов И. И. Рубина, затрудняя борьбу на два фронта, которую правильно вел ряд товарищей.

В односторонней борьбе против механистов некоторые товарищи разделяли ряд немарксистских положений И. И. Рубина об абстрактном труде, об отношении производства и обмена, его определение предмета политической экономии, отождествление производительных сил с материально-технической стороной производства, с технологическим процессом. В последнее время эти товарищи под напором критики начали отходить от неправильной позиции, признав у И. И. Рубина систему идеалистических ошибок, однако, это сочеталось у них с утверждением, что для И. И. Рубина характерны не извращения марксизма, а в основном правильная интерпретация Маркса-Энгельса. Тем самым эти товарищи впадали в явную непоследовательность и эклектизм.

Единство взглядов экономистов-коммунистов может быть выработано только в борьбе на два фронта, исключающей примиренческое отношение к механистическим и идеалистическим—меньшевистским—тенденциям в политической экономии. Всякие попытки выработки положительных взглядов на затронутые в дискуссии вопросы вне такой борьбы осуждены на неудачу и ведут к эклектизму.

Только на этой основе, но никак не на основе беспринципного сговора по лозунгу «единство ради единства», консолидация партийных сил в области политической экономии пойдет быстрым темпом и непроизводительные издержки дискуссии будут сведены к минимуму. Следует положить конец теоретическому разброду. Коммунистическая академия должна стать действительным центром, собирающим партийные силы для теоретической разработки современных экономических проблем. Экономисты-коммунисты должны помочь как плановым органам в деле поднятия плановой работы на должную научную высоту, так и нашим руководящим хозяйственным органам (ВСНХ, НКЗ, НКПС, НКТорг и др.), в деле разрешения стоящих перед нами задач социалистического строительства. Научное обоснование социалистического строительства, планирования и практического его осуществления должно иметь в своей основе правильно понятую марксистско-ленинскую теорию общественного развития.

Экономисты-коммунисты должны преодолеть вредную тенденцию отрыва теории от практики. Проблема советской экономики должна стать во главу угла дальнейшей работы теоретической экономии. Вместе с этим необходимо углубить теоретическую разработку проблем послевоенного империализма. Следует радикально изменить то положение, при котором теоретическая работа сильно отстает от всего нашего строительства. Лишь в этом случае политическая экономия останется той «действительной теорией», которая, по словам тов. Сталина, «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция «Большевика» считает правильным основные положения статьи тт. Милютина и Борилина.

Редакция считает нужным особо подчеркнуть неотложную, настойчивую необходимость перенесения центра тяжести теоретической работы на изучение проблем социалистического строительства и современного империализма. Коренным недостатком дискуссии в политической экономии является ее оторванность от практики, от живой действительности. Это обстоятельство не только снижает уровень и результаты дискуссии, но и заводит ее в тупик, превращает ее, в значительной степени, в бесплодные, схоластические споры, ведет к разрыву с марксистско-ленинским методом.

Борьба за марксистско-ленинскую теорию и метод Маркса и Ленина возможны лишь в процессе изучения советской экономики и современного этапа развития мирового капитализма. Между тем, именно к этим вопросам не было внимания со стороны наших теоретиков экономистов. Проходившая же дискуссия еще больше отвлекла силы и внимание экономистов от этих актуальнейших вопросов современности, направив их по пути голой абстракции и чистой схоластики. И в значительной степени в силу этого образовался тот «разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли», который отмечал тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов.

Поэтому, теоретическая мысль наших экономистов вместо того, чтобы давать «практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», в значительной степени плелась в хвосте событий, не всегда даже регистрируя факты прошлого.

Отмечая, что значительная часть экономистов - коммунистов не сумела правильно поставить вопрос борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами в теоретической экономии, редакция считает, что как механистическая, так и идеалистическая концепция в вопросах теоретической экономии, несмотря на свою кажущуюся противоположность, питаются из одного источника. Обе уходят своими корнями в неокантианство—официальную идеологию международного меньшевизма; обе одинаково враждебны марксизму. И потому ни чем иным, как политическим и теоретическим недомыслием следует считать попытки ставить вопрос: какая из этих теорий «хуже».

Поэтому, необходимо вести решительную борьбу как с механистической концепцией в вопросах теоретической экономии, так и с непосредственно идеалистической меньшевистской ревизией марксизма, носителем и выразителем которой является И. Рубин.

Механистическая ревизия экономического учения Маркса-Ленина своими корнями уходит в богдановщину. Наиболее ярким представителем этой ревизии является внутри партии т. Бухарин и его школа (Айхенвальд, Марецкий и др.), которые на механистической основе формировали идеологию правого уклона. Систематически допускавшиеся рядом товарищей (Бессонов, Кон и др.) ошибки механистического порядка смыкаются с теоретическими ошибками правых оппортунистов, — хотя часть экономистов-коммунистов, стоящих на механистических позициях в теории, активно выступает за политическую линию партии и активно борется против правого уклона. Однако, отделять политику от теории в такой «партийной науке, как политическая экономия» (Ленин), — величайшая непоследовательность. Механисты в политической экономии обнаружили, что антиленинская сущность их методологии логически ведет к оппортунистическим политическим выводам.

Редакция отмечает, что тт. Бессонов и Кон в специальном заявлении в «Большевик» заявили о полном признании допущенных ими в борьбе против Рубина механистических ошибок и заявили также, что они в основном присоединяются к статье тт. Милютина и Борилина.

Теоретические работы И. Рубина, — отражая меньшевистскую концепцию их автора, — выхолащивают революционное содержание марксизма и диалектический материализм Маркса и Ленина подменяют мешаниной из откровенно идеалистических и механистических настроений. Занимая определенную антиреволюционную политическую позицию, И. Рубин уклоняется от исследования проблем советского хозяйства и изучения современного империализма, «эмигрируя» от живой действительности, практики социалистического строительства и революционной борьбы мирового пролетариата в область абстракции и схоластики.

И несомненно, большую ошибку делают те товарищи (Борилин, Леонтьев и др.), которые, в основном правильно нащупав механистическую опасность в политической экономии, не сумели правильно нащупать опасность антимарксистских построений И. Рубина. Оказавшись в плену у рубинщины, они выдавали антимарксистские взгляды И. Рубина, как «углубляющие наше понимание марксистской политической экономии» (Борилин), как «развивающие и углубляющие» марксову политическую экономию (тт. Коровай, Греблис и др.), как базирующиеся «на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина» (Леонтьев), как «строго марксистскую» и т. д. Таким образом, вместо разоблачения антимарксистских взглядов И. Рубина, они выступили фактически их защитниками, способствуя их распространению. Признание сперва «отдельных неточностей» и «спорных» формулировок у И. Рубина, а затем наличия «системы идеалистических ошибок», на ряду с оценкой его работ, как «строго марксистских», не может быть характеризовано иначе, как непоследовательность, как эклектизм.

В связи с этим, редакция отмечает ошибочность позиции, занятой журналом «Под Знаменем Марксизма», который печатал как статьи И. Рубина так и статьи его защитников в редакционном, а не дискуссионном порядке, и тем самым взял на себя ответственность за взгляды, развиваемые и защищаемые И. Рубиным.

Одновременно должны быть отмечены и ошибки, допущенные журналом «Проблемы экономики», печатавшем в редакционном порядке отдельные статьи («Неск. замечаний о теории орг. капитализма»), хотя и направленные против теоретических взглядов представителей правого уклона, но фактически критиковавшие их с бухаринских же позиций.

Оторванность дискуссии по вопросам теоретической экономии от практики и живой действительности находит свое выражение, наконец, в том факте, что из поля зрения дискутирующих сторон выпал троцкизм, меньшевистская концепция которого представляет одну из серьезнейших опасностей, как в деле социалистического строительства, так и во всей революционной борьбе мирового пролетариата.

Редакция констатирует, что, к сожалению, Коммунистическая академия до настоящего времени оказалась в стороне от дискуссии, не руководила ею, и в этом отношении не выполнила своей роли руководящего теоретического центра, на обязанности которого лежит в первую очередь разработка теоретических проблем экономики, особенно советской экономики. Между тем, именно в этой дискуссии руководство со стороны Коммунистической академии было особенно необходимо. Надо надеяться, что Коммунистическая академия сделает все нужное, чтобы усилить и направить теоретическую работу в политической экономии в соответствии с задачами и интересами международной социалистической революции.

Редакция считает, что печатаемой статьей тт. Милютина и Борилина дискуссия должна быть закончена и призывает экономистов-коммунистов переключиться на изучение вопросов социалистического строительства и империализма; такая теоретическая работа имеет огромное значение для строительства и социализма в нашей стране и для всего дела мирового коммунизма.

Диктатура пролетариата в районах сплошной коллективизации.

В августе — сентябре истекшего года в «Известиях ЦИК» появился ряд статей, в которых проводилась точка зрения, что процесс коллективизации неизбежно ведет к отпадению необходимости в существовании самостоятельных низовых советских органов в лице сельских советов и даже райисполкомов. Исходя из того, что в сёлах, в которых проводится сплошная коллективизация, функция хозяйственного строительства почти полностью переходит к колхозам, ряд тт. ставил под сомнение целесообразность существования в упомянутых местностях советов, утверждая, что «остающиеся» функции последних можно передать правлениям колхозов. Так, например, тов. А. Львов в своей статье [1]) предлагал, исходя из того, что «за сельсоветом остаются функции чисто административные, ради которых нет смысла даже иметь какой-либо специальный орган, функции сельсовета передать колхозу». (Курсив наш. *О. Дз.*). Тов. Б. Каврайский это же предлагал в отношении с-х коммун [2]):

> «Надо предоставить окружным исполкомам (или крайисполкомам) право распространять на советы крупных коммун (свыше 300 душ населения) положение о сельсовете в такой части, в которой оно, вообще говоря, может иметь отношение к коммуне».

Немного позже в статье Ряхова [3]) дана эта же установка в более развернутом виде. Он пишет:

> «Мы видим, как сращиваются функции колхоза с функциями сельсовета, как колхоз подчиняет аппарат совета, как круг деятельности сельсовета все суживается и сводится исключительно к администрированию» (курсив наш. *О. Дз.*).

Вывод из этого лишь один — необходимо уничтожить сельсовет, передав «остатки» его функций правлению колхоза. Но порочная постановка вопроса неизбежно толкает автора дальше — к своему логическому продолжению. Он вынужден констатировать, что в связи с развертывающейся коллективизацией целых районов «и в районе налицо переплетение функций колхозного об'единения и РИК'а. Это факт несомненный». Правда, тов. Ряхов предлагает пока ограничиться лишь пересмотром функций РИК'а, но совершенно ясно, что логическая последовательность должна привести такую постановку вопроса к предложению и об уничтожении районных звеньев советской системы, оставив на их месте лишь уполномоченных высшего звена советской системы. Надо учесть, что разбираемая нами постановка нашла место еще до осенней посевной кампании, которая показала еще больший размах коллективизации, поставив на очередь дня сплошную коллективизацию уже целых округов и областей. А ныне партия уже взяла твердую установку на завершение задачи охвата сплошной коллективизацией всего Союза не в 5, а в 2 — 3 года. Логически продолжая точку зрения тов. Ряхова и его единомышленников, мы таким образом должны были бы притти неизбежно к выводу о перспективе ликвидации в ближайшее же время не только окружных исполкомов, но даже краевых-областных, а к концу охвата сплошной коллективизацией всей страны — года через 3 — мы стояли бы перед проблемой целесообразности дальнейшего существования ЦИК и Совнаркома, функции которых по схеме защитников ликвидации низовых звеньев советской системы ведь также, якобы, должны свестись к «простому администрированию». Логически продолженная концепция сторонников уничтожения низовых органов пролетарского государства ярко вскрывает всю свою нелепость: она ведет к ликвидации Советского государства [1]).

---

[1]) «Известия ЦИК», № 200, от 31/VIII—29 г.

[2]) Там же.

[3]) «Известия ЦИК», № 209, от 11/IX—29 г.

В чем же основные причины ошибок «противников советской власти», как в шутку себя именовали в Воловском районе защитники ликвидации сельских советов? Несомненно ошибки коренятся в полнейшем непонимании сущности переходного периода, непонимании сложности процесса переделки общества на новый — социалистический — лад, непонимании сложности и многообразия классовой борьбы в переходный период, классовой борьбы вокруг колхоза и элементов классовой борьбы в самом колхозе. Всё это приводит защитников упомянутых взглядов к оппортунистическому ликвидаторству, как бы революционными им самим нередко не казались их собственные взгляды.

«Ликвидаторы» исходят из того основного положения, что в колхозе и районе сплошной коллективизации уже сняты все классовые противоречия, что процесс сплошной коллективизации сам по себе сразу создает бесклассовое общество. Тов. Ряхов это положение пытается теоретически обосновать ссылкой на Энгельса, говоря:

> «Не является ли село - колхоз, ряд сельколхозов, входящих в один сельсовет, зародышем того общества, про которое Энгельс говорил: «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место»?.. Не является ли колхоз-село началом отмирания отдельных звеньев государственности в нашем Советском Союзе, строющем социализм?».

Сказанное недвусмысленно говорит о том, что автор отождествил колхоз с «свободной ассоциацией производителей», т.-е. с организацией производства на той стадии развития общества, когда все средства производства уже обобществлены, когда исчезают последние пережитки классового общества, а вместе с ними отмирает и государство. После тов. Ряхова оценка колхоза как «свободной ассоциации производителей» повторялась не одним автором. В частности такая же точка зрения отстаивалась в «Рабочей Москве» в статье Доценко (от 19-го сентября 1929 года); в последнем номере органа ВУЦИК «Радяньска Украина» предложение расформировать сельсоветы в «селах-коммунах» отстаивает Я. Малакишер; ряд статей этого же направления остался ненапечатанным в редакциях; эти же взгляды высказывались в устных дискуссиях не одним только оратором. А в Сибири и на Кубани были отмечены даже отдельные случаи применения уже на практике шагов к фактической ликвидации низовых звеньев советской системы в деревне.

---

[1]) Кстати, следует указать на недостаточную решительность редакции «Известий ЦИК» по этому вопросу. Печатая ст. тов. Ряхова, редакция дала в этом же номере от себя ст. тов. А. А. «Коллективизация и низовой советский аппарат», в которой по поводу предложений ликвидации сельсоветов и передачи их функций колхозам говорится: «Мы располагаем еще очень небольшим количеством материалов, чтобы судить, насколько это мероприятие является правильным». Между тем для критики принципиально ошибочной общей установки тов. Ряхова и др. его единомышленников, не требовалось никакого обилия фактических материалов. Лишь спустя некоторое время в газете появились статьи, серьезно критикующие выдвинутые тов. Ряховым предложения.

Взгляд «ликвидаторов» низовых звеньев советского государственного аппарата выявляет совершенное непонимание ленинского учения об отмирании государства. Ряхов в колхозе-селе ищет «начало отмирания отдельных звеньев государственности». Эта постановка выявляет чисто механистическое понимание процесса отмирания государства, идущее вразрез с ленинским учением о государстве диктатуры пролетариата. По Ленину, государство начинает отмирать с самого момента перехода власти к пролетариату. «Пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.-е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать» [1]).

Приобщение масс трудящихся к делу управления государством, подавление эксплоататоров самой вооруженной массой трудящихся — большинством населения, уничтожение классов при помощи государства, как «дубинки» в руках пролетариата — вот реальный процесс постепенного отмирания государства. Ленинское понимание процесса отмирания государства в корне расходится как с оппортунистическим пониманием плавного, спокойного засыпания государства, так и с не менее оппортунистическим взглядом отмирания его путем механического отпадания отдельных звеньев государственной системы.

Пролетарское государство есть орган насилия в руках пролетариата для подавления эксплоататоров. Но подавление, осуществляемое пролетарским государством, принципиально отлично от подавления при господстве любого другого класса тем, что в то время как все прежние типы государств осуществляли подазление большинства меньшинством, в пролетарском государстве мы имеем «уже подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых» [2]). Поэтому государство переходного периода «уже не государство в собственном смысле». Именно в приобщении масс к государственному управлению, в организации подавления эксплоататоров самой массой, все более и более организующейся и приобщающейся к демократии, и следует искать отмирание государства. При этом Ленин никогда не ищет механического определения сроков отмирания, подчеркивая, что «оно представляет из себя заведомо процесс длительный» [3]).

Авторы ликвидаторских тенденций явно забыли ленинскую установку в понимании роли и задач пролетарского государства. Оно нужно пролетариату для того, чтобы «подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплоатируемые массы. Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения,—крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалиситческого хозяйства» [4]). Таким образом две задачи стоят перед государством переходного периода: 1) насильственное подавление эксплоататоров и 2) руководство трудящимися в деле строительства социалистического хозяйства. Говорить о ликвидации государственного аппарата можно лишь при осуществлении обеих этих задач, что означает полную ликвидацию классового деления общества, включая и его пережитки, и переход к коммунизму. «Только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять, «некого» в смысле класса» [5]).

---

[1]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 315.
[2]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 370.
[3]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 365.
[4]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 317.
[5]) **Ленин, XIV, часть 2, стр. 371.**

Именно последнего условия — необходимости ликвидации в стране классов, как таковых, для возможности отмирания государства — не видят ликвидаторы низовых советов. Изменение классовой дифференциации в данном районе в связи с об'единением бедняцкого и середняцкого крестьянства в колхозы они принимают уже за завершение ликвидации классов и превращение крестьянства в свободно ассоциированных производителей, не понимая, что процесс ликвидации классов связан не только с экспроприацией капиталистов, но и с полным уничтожением противоположности между городом и деревней, что он может быть решен лишь в рамках всей социалистической страны в целом. При этом совершенно выпадают из кругозора как элементы классовой борьбы внутри колхоза, так и классовая борьба вокруг него, борьба ожесточенная, принимающая острые формы вследствие зверского сопротивления кулачества процессу ликвидации его как класса, теснейшим образом связанного с осуществлением коллективизации. Примеры кулацкого вредительства колхозам извне, либо путем нанесения им прямого материального вреда или физической расправы с колхозниками, либо путем влияния на членов колхоза с целью разложения последнего, дает почти ежедневно вся наша печать, особенно в последний год. Перед строящим социализм пролетариатом стоит задача не только обуздания кулачества, но и полного уничтожения его как класса, без чего не может быть налажено социалистическое переустройство деревни и достигнута коренная переделка самих мелких товаропроизводителей в действительных членов социалистического общества. Только завершение ликвадиции буржуазии как класса обеспечивает успех переделки мелкой буржуазии.

Выпадает из круга внимания «ликвидаторов» также классовая дифференциация в самом колхозе. Совершенно упускается из виду, что внутри колхоза не изжита классовая дифференциация крестьянства. С.-х. коммуны—высшая форма колхоза, в которых все средства производства обобществлены—составляют незначительный процент в колхозной системе. До сих пор большинство колхозов составляло низшую форму — товарищества по совместной обработке земли, в которых средства производства еще продолжают оставаться в частной собственности, а значит сохраняется и почти полностью прежняя дифференциация членов колхоза по их отношению к средствам производства, т.-е. их классовая дифференциация.

> «Сохранение частной собственности на орудия производства предопределило возможность использования накопления, получающегося в результате общественного труда, для роста частной собственности и личного обогащения отдельных хозяев» (Яковлев, Я. А.).

В настоящее время мы при активнейшем участии бедноты и поддержке широких масс середняка прилагаем усилия к переходу колхозов на более высокую ступень — к обобществлению средств производства. Но совершенно ясно, что этот процесс обобществления не может протекать без сопротивления со стороны укрывшихся, особенно в колхозах первичной формы, кулаков и зажиточных. Они не только сами сопротивляются переводу колхозов на более высокие формы, но и оказывают дезорганизующее влияние на состоящих в колхозе середняков, далеко еще не изживших психологии частного собственника. Такое же дезорганизующее влияние на членов существующих колхозов оказывают кулацкие элементы и извне, влияя «через различные звенья — родственные, соседские» (Каганович), стараясь дезорганизовать работу колхоза изнутри через отдельных его членов. Для обуздания этого многообразного, явного и скрытого, прямого и косвенного сопротивления классовых врагов пролетариата колхозному строительству нужен орган диктатуры пролетариата — совет, могущий авторитетом пролетарского государства обеспечить социалистическое переустройство деревни от дезорганизующего вмешательства классовых врагов пролетариата, в каком виде бы оно не происходило.

Классовая борьба в колхозах отличается от классовой борьбы вне колхозов. Не замечать этого — было бы грубейшей и вредной ошибкой. Эта ошибка представляет теперь «характерную черту всех наших «левых» крикунов» (Сталин). Но приходить к выводу о полном исчезновении классовой борьбы в колхозах является на данном этапе самым зловреднейшим уклоном, мешающим рабочему классу преодолеть скрытое и явное сопротивление класса эксплоататоров.

Насколько выдвинутые «ликвидаторами» идеи действительно близки кулаку, насколько они отражают его идеологию, могут ярко свидетельствовать такие факты, как выдвижение в отдельных районах сплошной коллективизации (например Ирбит, Байкаловский район) кулаками лозунгов — «Долой советы», «Колхозы без советов», «За колхозы, но без руководства коммунистов» и т. п. Кулацкая линия почти полностью совпала с теоретизированием «ликвидаторов», показав, что последние являются лишь рупором кулацких настроений.

Утверждения о сведении функций советов к «простому» администрированию», при котором возможна сдача государства в музей истории, вскрывает отождествление авторами «ликвидаторских» проектов переживаемой нами стадии с первой фазой коммунистического общества, когда уже все средства производства обобществлены, все члены общества превратились в служащих по найму государства, когда налажен полнейший учет и контроль, ставший всенародным, всеобщим, когда от него нельзя уже уклониться, когда «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» [1]). Но эта стадия наступит лишь тогда, когда уже обобществлены все средства производства, ликвидирован класс эксплоататоров, «когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством» [2]). Именно об этой стадии Ленин говорил как о ступени, на которой общественные функции из политических превращаются в простые административные, когда государство можно назвать неполитическим государством [3]). «Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету, контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» [4]). Вступили ли мы уже в ту стадию отмирания классового общества, когда можно говорить о неполитическом государстве, об отпадении необходимости в политической власти, в управлении? Ответ может быть один — мы к ней идем, но мы к ней еще не пришли. Существование классов и существование политической власти находится в теснейшей связи. Отмирание классов связано и с исчезновением политической власти. Но до тех пор, пока будут существовать классы или хотя бы даже пережитки классовых различий, неизбежно и существование политической власти.

Экспроприация капиталистов еще не может повлечь за собой исчезновение политической борьбы и отпадение необходимости в политической власти. Нельзя забывать о наличии капиталистического окружения, побуждающего экспроприированных капиталистов надеяться на возможность восстановления капитализма и протягивать руку за помощью к иностранным капиталистам .«Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации» [5]). Нет ни малейшего сомнения в том, что каждый шаг роста эконо-

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 379—80.
[2]) Там же, стр. 380.
[3]) Там же, стр. 347.
[4]) Там же, стр. 380.
[5]) Ленин, XV, 467.

мической и политической мощи Советского Союза вызывает и будет вызывать озлобление всего капиталистического мира и обострять желание империалистов уничтожить Союз путем военного нападения. Неизбежно будут учащаться попытки дезорганизовать наше хозяйство извне и изнутри, попытки прямого и скрытого вредительства. Все это будет поддерживать в экспроприированных эксплоататорах надежды реставрации капитализма, поддерживать в них враждебное отношение к пролетариату и побуждать к борьбе против него.

Поэтому представление о возможности ликвидации государственного аппарата, политической власти в районах сплошной коллективизации является полнейший иллюзией. Это механистическое представление о начале отмирания государства путем ликвидации всех низовых звеньев советского аппарата теснейшим образом увязывается с механистическим представлением об отмирании классов и классовых противоречий вообще.

Отмирание государства есть отмирание демократии. Государство отмирает с исчезновением необходимости в противопоставлении понятий принуждения и свободы. Этот процесс развертывается постепенно. По мере наиболее полного и последовательного проведения пролетарской демократии государство превращается «в нечто такое, что уже не есть собственно государство». Чтобы могли отмирать государство и демократия, нужна реализация основного условия — ликвидации классов и поголовного вовлечения всех трудящихся в дело управления государством. До сих пор мы еще далеко не осуществили этой задачи, многократно подчеркнутой Лениным: «Переход через советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения всё большего числа граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» [1]). Государство начинает постепенно терять черты особой силы для подавления определенного класса именно потому, что само большинство народа подавляет своих угнетателей. «Чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится необходимости в этой власти» [2]). Вовлечение же всех трудящихся в дело управления государством всегда связывалось Лениным с ходом процесса организации и перевоспитания широчайших масс трудящихся. Одно теснейшим образом связано с другим. Сужение функций принуждения возможно лишь по мере расширения реальной демократии путем наиболее полной организации масс, самопеределки и самодисциплинирования их.

Рассматриваемые с точки зрения этой основной переделки самих трудящихся в сознательных строителей социализма, массовые организации трудящихся, к каковым относятся и колхозы, представляют собой мощные средства для вовлечения всех трудящихся к активной политической жизни, к активному участию в демократии. Они под руководством пролетариата перевоспитывают широчайшие массы, создают в них новую дисциплину, соответствующую новому социалистическому способу производства. «Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они... составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма» [3]).

Но перевоспитание мелкобуржуазного по своей классовой природе крестьянства в строителей социализма возможно лишь при одном условии — непосредственном руководстве пролетариата.

Пролетариат должен сам перевоспитаться и перевоспитать широкие массы трудящихся — городской и деревенской мелкой буржуазии. Это перевоспитание широких масс может быть проделано лишь на практике самого дела управления государством и производством. Поэтому основной задачей пролетариата является как собственное поголовное участие в «деле управления государством и создания всего государственного порядка», так и вовлечение в него всех трудящихся. Перед пролетариатом стоит задача «двинуть... миллионы и десятки миллионов трудящихся от одной деятельности, более простой к более высокой... воспитывать, таким образом, более и более широкую массу управлению государством» [1]. Эта задача стоит перед пролетариатом как в городе, так и в деревне [2]. «Только тогда демократия начнет отмирать»... когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» [3]. Поэтому, когда Ленин говорит о необходимости ставить конкретно вопрос о нашем пути к социализму, он в первую очередь подчеркивает задачу организации масс, связывая ее теснейшим образом с задачей перевоспитания масс. В этом он и видит исключительную роль пролетарского государства. Ленин не однократно подчеркивает исключительную трудность этой задачи. «Путь организации — путь длинный и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму» [4]. Нет в данном случае необходимости остановиться на вопросе о понимании Лениным «поколений», но важно подчеркнуть, что этот переход к социализму связан с громадными усилиями не только по преодолению прямого сопротивления классовых врагов, но и по преодолению пережитков классового общества, неорганизованности и культурной отсталости широких масс трудящихся. Организация этих усилий под руководством пролетариата — сознательного и твердого строителя социализма — и обеспечивается пролетарским государством [5]. Лишь тогда, когда вся масса трудящихся будет перевоспитана, государство может отмереть.

---

[1]) Ленин, том XV, стр. 162, «Черновой набросок проекта программы».
[2]) Ленин, том XIV, часть 2, стр. 330.
[3]) Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов, 27 дек. 1929 г., раздел 5.

Процесс отмирания государства таким образом связан у Ленина не с механической отменой целых его звеньев, а с потерей государственными органами характера органов принуждения. По Ленину процесс отмирания государства теснейшим образом связан с тем, что массовые организации увязывают свою деятельность с пролетарским государством, в частности, перенимают на себя ряд его функций. Но это возможно лишь благодаря тому, что многие функции государственного аппарата теряют свой характер насилия. Само насилие меняет свой характер, ибо оно осуществляется при активном содействии всех массовых, негосударственных организаций—всей организованной массой трудящихся. В этом процессе постепенно стирается грань между государственными и негосударственными организациями.

Каутский, перенося на пролетарское государство принципы буржуазного государства, противопоставляет государственные органы массовым организациям. Именно поэтому он и утверждает, что советы не должны были стать государственной организацией. Ленин же многократно подчеркивает, что именно потому, что советы являются наиболее массовой организацией—общей организацией рабочего класса и идущих под его руководством прочих трудящихся, они должны были стать и стали органами государственной

---

[1] Ленин, том XVI, стр. 25.

[2] Ленин, том XV, стр. 86.

[3] Ленин, том XIV, стр. 369—70.

[4] Ленин, том XIV, стр. 240. «Доклад об очередных задачах советской власти».

[5] «Ликвидаторы» не додумываются до того, чтобы без низовых звеньев советской системы, вообще не возможно вовлечение широких масс трудящихся в дело управления государством.

власти. Советы—массовая организация трудящихся наряду с целым рядом других массовых организаций. Отличается от прочих она именно своей всеобщностью и поэтому наиболее приспособлена для осуществления господства пролетариата—борьбы с его классовыми врагами и руководства его колеблющимися мелкобуржуазными союзниками. Советы в своей работе опираются на всю систему массовых организаций, об'единяясь с ними в общую систему средств борьбы и руководства, используемых пролетариатом в деле переделки общества на новый—социалистический — лад. Противопоставление государства пролетарской диктатуры и массовых организаций пролетариата и его союзников поэтому чуждо марксизму-ленинизму. Но если чуждым марксизму-ленинизму является противопоставление советского государства прочим массовым организациям, забвение или невидение их тесной связи, то не менее антимарксистской и антиленинской является и радикально противоположная точка зрения, не видящая почти никакой разницы между советами как государственными органами пролетариата и прочими массовыми организациями при диктатуре пролетариата.

Такую неправильную установку развивал в частности в одной из своих давних работ тов. Бухарин, отождествляя в условиях диктатуры пролетариата все рабочие организации с аппаратом государственной власти. «Все рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Все рабочие организации становятся правящими организациями» [1],—так понимал взаимосвязь государства и массовых организаций трудящихся тов. Бухарин. Налицо полнейшее оттождествление государственной организации—органов диктатуры пролетариата со всеми прочими органами трудящихся. Стерта полностью основная разница между государственными организациями, как органами насилия и принуждения, и негосударственными организациями. В таком взгляде заложен путь к двоякого рода принципиальным ошибкам: либо к забвению особой роли государства среди классовых организаций пролетариата и его ослаблению, либо к подмену государством прочих массовых организаций и пренебрежению к их основным функциям—реализации пролетарской демократии. Во время профсоюзной дискуссии в 1921 году, соглашаясь с троцкистской идеей огосударствления профсоюзов, Бухарин совершил именно эту второго рода ошибку. В 1925 г. же, выдвигая теорию постепенного затухания классовой борьбы, он отдавал дань теоретическим основам первого рода ошибок. На основе бухаринской теории затухания классовой борьбы и выросли ликвидаторские идеи уничтожения советов в районах сплошной коллективизации.

В последнее время и в частности в «дискуссии» о низовых советах в районах сплошной коллективизации мы имели в своеобразных формах отражение тех же отклонений от ленинской линии партии, которые имели место в профсоюзной дискуссии 1921 г. Если в профсоюзной дискуссии с одной стороны имелось предложение «огосударствить союзы» (точка зрения Троцкого), сводившееся к игнорированию внутреннего процесса организации и дисциплинирования масс и переоценке роли государственного принуждения в отношении отдельных частей рабочего класса, то в последнее время подобный уклон нашел место в виде попыток отдельных звеньев советского аппарата подменить процесс воспитания широких масс бедняцкого и середняцкого крестьянства и их добровольной организации в колхозах под руководством рабочего класса простым декретированием колхозного движения и подмены в нем пролетарского руководства простым командованием. Эти тенденции игнорирования самоорганизации, внутренней дисциплины и инициативы широких масс трудящихся представляют собою проявление своего рода модернизированного троцкизма. Но особенную остроту в последнее время и особенно в «дискуссии» по советскому строительству приобрел противоположный уклон, сводившийся к игнорированию значения государственного принуждения, смазыванию классовых противоречий. Если в профсоюзной дискуссии этот уклон сводился к тенденциям «осоюзить государство» (позиция Шляпникова), передать функции государственного управления профсоюзам, то в «дискуссии» 1929 г. он нашел место в предложениях ликвидации государственного аппарата в районах сплошной коллективизации и передачи его функций колхозам, т.-е. негосударственным организациям. Этот уклон представляет собою явное игнорирование значения государственного принуждения в деле уничтожения классов, в деле переделки пролетариатом многомиллионных масс мелкобуржуазных слоев трудящихся, в деле их приспособления к новым производственным отношениям. Эта ошибка, правда, не получила столь глубокого заострения, как ошибка «рабочей оппозиции» в 1921 г., но по существу она родственна ей и не менее глубока, чем та.

---

[1] Сборн. ст. «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Москва, 1919 г., стр. 20. Ст. Н. И. Бухарина «Теория пролетарской диктатуры».

Переход к коммунизму связан с отмиранием элементов насилия и воспитанием в массах сознательной общественной дисциплины. Государство лишь руководит этим делом воспитания самодисциплины, но происходит этот процесс во всей системе массовых организаций. Производительно-потребительские коммуны являются лишь наиболее высокой формой этих массовых организаций, где особенно четко выпячены моменты добровольной социалистической дисциплины, учитывающей интересы всего общества в целом. Наиболее широкое развитие этих коммун и является необходимым условием наступления последней стадии государственной организации. «Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможность понижать рабочий день до 7, до 6 часов в сутки и еще менее» [1].

Являются ли наши колхозы уже этими производительно-потребительскими организациями, обладающими всей совокупностью перечисленных Лениным признаков? Понятно—нет. Колхозы находятся на пути к таким производительно-потребительским коммунам, но они к ним не пришли. Вполне понятно, что поэтому и нелепым является распространение на них сказанного Энгельсом о последней стадии существования государственной организации.

Роль государства в деле организации масс сводится к общему руководству, но мы уже подчеркивали, что момент принуждения неизбежно является составной частью этого руководства. Ленин всегда подчеркивал наличие этого момента принуждения в руководстве об'единением широких масс в условиях пролетарской диктатуры. «Резолюция последнего Московского с'езда советов выдвигает как первейшую задачу момента—создание «стройной организации» и повышения дисциплины. Такого рода резолюции теперь все охотно «голосуют» и «подписывают». но о том, что проведение их в жизнь требует принуждения—и принуждения именно в форме диктатуры, — в это обычно не вдумываются. А между тем было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму» [2].

Активная роль государства в деле всесторонней организации трудящихся, в деле их перевоспитания, в деле создания новой дисциплины, нового человека—при активной роли самих массовых организаций в определении деятельности самого государства пролетарской диктатуры — такова диалектическая связь государства с массовыми организациями в период диктатуры пролетариата. Принуждение со стороны государства в деле организации трудящихся масс, при определении самой деятельности государства массами и проведении самого принуждения при помощи масс—такова диалектика переходного периода—периода смены принудительной организации сознательной организацией.

Игнорирование задачи создания самодисциплины масс при активном участии государства Ленин характеризует как извращенное понимание деклассированной мелкобуржуазной интеллигенцией сущности диктатуры пролетариата. Бухарин в 1918 г. поместил в «левокоммунистическом» журнале «Коммунист» восторженную рецензию по поводу «Государства и революции», но, излагая сущность учения Ленина о государстве диктатуры пролетариата, он проглядел постоянно подчеркиваемую Лениным мысль о необходимости создания новой дисциплины масс, о перевоспитании трудящихся, как задаче, выдвигающейся на первую очередь в период диктатуры пролетариата. Это игнорирование основной труднейшей задачи диктатуры пролетариата имеет своим основанием ошибочное представление Бухариным вообще диктатуры пролетариата, как периода механического роста социализма и уничтожения капитализма. В основе этого механистического взгляда лежит представление о классовой борьбе в переходный период как о процессе постепенного затухания классовых противоречий. По всей концепции Бухарина этот процесс уже механически обеспечен одним фактом политического господства пролетариата. Поэтому для него воспитание масс, их переделка под руководством пролетариата не представляет формы классовой борьбы. Между тем по взглядам Ленина без этой переделки масс вообще невозможна победа социализма; именно поэтому эта задача и выдвигается в качестве одной из важнейших задач диктатуры пролетариата, а значит и прямых задач пролетарского государства. Ленин [1], критикуя Бухарина, указывает, что Бухарин не видел этой основной задачи диктатуры пролетариата — необходимости создания учета, контроля, дисциплины. Бухарин видит лишь то, «что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелкобуржуазного революционера» [2]. «До чего, однако, умоначертание этих людей, их психология совпадает с настроениями мелкой буржуазии: «богатого нужно скинуть, но контроля не надо». Это их и отделяет от сознательного пролетария; а то, что отделяет сознательного пролетария от мелкой буржуазии, даже крайне революционных ее элементов, это лозунг пролетария: организуемся и подтянемся... только в организации и самодисциплине—сила нашей советской власти, рабочей диктатуры, нашего пролетарского авторитета» [3]. При этом имеется в виду как организация пролетариата в советах, в своей классовой государственной организации, так и самая широкая организация трудящихся в разных массовых организациях. «Ликвидаторы» советов не понимают, что «до тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социализм требует строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства» [4].

Ленин подчеркивает правильность мысли, что принуждение «в переходный период—в других формах (по сравнению с принуждением по отношению к ранее господствовавшим классам. *О. Дз.*)—переносится и на са-

---

[1] Ленин, том XV, стр. 206 «Очередные задачи советской власти».

[2] Там же, стр. 213.

---

[1] Ленин, том XV, стр. 242—244 «Доклад об очередных задачах» и там же «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности».

[2] Там же, стр. 278—280.

[3] Там же, стр. 242.

[4] Там же, стр. 243.

мих трудящихся и на *сам правящий класс»*[1]). Если в отношении ранее господствовавших классов принуждение сводится в первую очередь к их подавлению, насильственному их из'ятию из старой системы производственных связей—вместе с разрушением последней, то в отношении самого пролетариата это принуждение в первую очередь проявляется в известном давлении на последних, в целях их побуждения к внутренней организации и созданию ими внутренней дисциплины. В отношении пролетариата принуждение пролетарского государства сводится к борьбе с отсталыми настроениями и тенденциями, препятствующими повышению организации и дисциплины его. Другими словами, принуждение выступает здесь в роли повивальной бабки, помогающей родам и укреплению внутренней дисциплины нового господствующего класса. В отношении прочих трудящихся, мелкобуржуазных союзников пролетариата, принуждение пролетарского государства также играет отличную роль. Государство, с одной стороны, ставит препятствия развитию анархических собственнических тенденций мелкой буржуазии, иногда прибегая к прямому их подавлению (к подавлению спекулянтской души мелкого буржуа), с другой стороны — активно поддерживает мелкого производителя, как трудящегося, эксплоатируемого, заинтересованного в уничтожении капиталистических производственных отношений (поддерживает его душу труженика), активно помогает ему переделаться, перевоспитаться для новых — социалистических — производственных отношений.

Организованное в колхозы середняцкое крестьянство продолжает еще носить в себе мелкобуржуазную психологию, оно не потеряло еще своей второй души, влекущей его к *частному* накоплению, к обособлению своих индивидуальных интересов и противопоставлению их общему интересу коллектива, к колебаниям в сторону противников социализма. Особенно трудна именно задача перевоспитания пролетариатом этой многомиллионной массы мелких буржуа. «Ведь тут перед нами та мелкобуржуазная стихия, которая в числе десятков миллионов нас окружает; нас меньше, нас очень мало по сравнению с этой мелкобуржуазной массой. Мы должны воспитывать эту массу, подготовлять ее...»[2]). Государственное принуждение борется с теми тенденциями, индивидуалистическими настроениями, которые тянут мелкого буржуа обратно к капитализму, и способствует тенденциям, ведущим его к организации для движения к социализму. Но так как мелкий буржуа, вследствие двойственности своей социальной «души» не способен формулировать цели движения и точно наметить пути»[3]) его, т.-е. осуществлять самостоятельное движение к социализму, государственное принуждение обеспечивает возможность руководства всей массой трудящихся со стороны твердого защитника социализма — пролетариата. Оно обеспечивает организацию трудящихся именно *под руководством пролетариата*.

Отсюда следует и определенный вывод в отношении отмирания государства. Государственное принуждение нужно не только для подавления и уничтожения враждебных нам классов, но и для активной переделки мелкобуржуазного класса — крестьянства, а также для перевоспитания самого пролетариата. Оно необходимо постольку и до тех пор, поскольку и покуда еще не завершен процесс внутренней переделки всей массы трудящихся, внутреннего их перевоспитания. Только с завершением этого процесса отпадут классовые различия, а значит отпадет и необходимость в государственном принуждении.

На советы, как органы пролетарской диктатуры, в районах сплошной коллективизации ложатся исключительно ответственные задачи. В деле ликвидации кулачества как класса советы должны быть твердым орудием в руках пролетариата для подавления всех попыток как прямого, так и скрытого сопротивления кулаков мероприятиям пролетарского государства. В деле коллективизации бедняцкого и середняцкого крестьянства они должны осуществлять пролетарское руководство переделкой всего хозяйства на социалистический лад, максимальной организацией всех трудящихся, и воспитанием в них новой сознательной дисциплины. Это возможно лишь путем развертывания исключительной самодеятельности масс, привлечения их к действительно реальному участию в деле управления государством и производством. Опору пролетарского государства в этом сложном деле представляет бедняцко-батрацкая масса деревни, которая и должна быть теснейшим образом сплочена вокруг советов.

Новый этап нэпа — этап решительного выкорчевывания корней капитализма, связанный с неизбежным бешеным сопротивлением всех капиталистических элементов и с колебанием мелкобуржуазной массы трудящихся — выдвигает перед советами новые задачи—еще более сложные, более ответственные, чем на предыдущем этапе. *Не ликвидировать низовые органы пролетарской диктатуры в деревне, а поднять их работу на высокую ступень, повернуть их лицом к коллективизации деревни, к ее социалистической переделке, превратить советы в основные звенья пролетарского руководства этим процессом переделки — такова наша задача.*

---

[1]) *Ленин*, Заметки на «Экономику переходного периода» Бухарина, Ленинский сборник, XI, стр. 393.

[2]) *Ленин*, том XVIII, ч. 2 стр. 200. «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии».

[3]) *Бухарин*, Экономика переходного периода. Ленинск. сборник, XI, стр. 394.

Л. Мадьяр.

Пролетарская победа на Дальнем Востоке.

Конфликт на К.-В. ж. д. был генеральной репетицией грядущей войны. Эта генеральная репетиция окончилась решительной победой СССР, решительным поражением империализма, китайской контрреволюции и II Интернационала. Конфликт на К.-В. ж. д не был конфликтом между СССР и Мукденом и Нанкином. За спиной Мукдена и Нанкина стоял империализм; Мукден и Нанкин не были даже инициаторами конфликта. Они выступили и действовали по указке империализма. Международная социал-демократия—правая, а в особенности—«левая»,—немедленно же развила злостную кампанию за империализм, за китайскую контрреволюцию и против СССР; ренегаты коммунизма немедленно же выступили против СССР. В то же время международный рабочий класс, а в особенности передовые, революционные рабочие выступили против империализма, против китайской контрреволюции и в защиту СССР. Огромное значение имеет с этой точки зрения, что китайский пролетариат во главе с коммунистической партией без колебания занял позицию против своего правительства и за СССР. Национал-реформисты в различных колониальных и полуколониальных странах определили свою буржуазную позицию в зависимости от кон'юнктурного состояния сделки национал-реформизма с империализмом в данной стране. Индийский национал-реформизм не осмеливался выступать с совершенно открытым забралом против СССР, но он не скрывал своих симпатий к контрреволюционному чанкайшийскому Китаю. Он дал понять английскому империализму, что отношение к СССР является предметом торга. В Египте национал-реформисты в соответствии с предстоящим заключением англо-египетского договора открыли свои симпатии к Нанкину и дали свободный ход своим антибольшевистским чувствам. В Корее национал-реформистская буржуазия не уставая вторила социал-демократические сказки о красном империализме, о революционных качествах Нанкина и т. д. и т. п.

Конфликт на К.-В. ж. д. создал ту расстановку классовых сил в международном масштабе, которая должна будет характеризовать грядущую войну. Мы видели весь механизм империалистической дипломатии в действии. Мы видели, как империализм вызвал, спровоцировал конфликт, в то же время прикрываясь пацифистскими маневрами. Мы видели пакт Келлога в действии, и могли убедиться в том, как знаменитый пакт об отказе от войны как от средства национальной политики служит целям империалистической интервенции. Мы видели Лигу Наций, как организацию борьбы против СССР.

Мы видели, как конфликт на К.-В. ж. д. превратился с первого момента своего возникновения в борьбу между двумя мировыми системами, в борьбу между революцией и контрреволюцией. Только такая постановка вопроса дает ключ к пониманию возникновения, хода и разрешения конфликта.

Но именно такая постановка вопроса обязывает нас вскрывать причины победы пролетарской политики. Как это могло случиться, что уже на данном этапе развития, при данном соотношении сил в международном масштабе, СССР и международная революция могли одержать победу над об'единенными силами империализма, колониальной контрреволюции и II Интернационала.

Ответ на этот вопрос имеет большое значение в смысле оценки перспектив будущей войны.

⁂

Империализм подстрекал к конфликту, вызвал его для того, чтобы перерешить вопрос о К.-В. ж. д., чтобы превратить К.-В. ж. д. из совместного коммерческого предприятия СССР и Китая в собственность международного финансового капитала, в орудие империалистического внедрения, в плацдарм подготовки войны против СССР на Дальнем Востоке. Теперь уже совершенно ясно, что для осуществления этого общего плана существовали разные варианты, которые в общем и целом можно свести к следующим: 1) переход дороги в руки американского капитала; 2) переход дороги в руки французского капитала; 3) переход дороги в руки международного концерна; 4) переход дороги в руки японского капитала.

Эти четыре варианта являлись выражением общей борьбы в лагере империализма за колониальные рынки, источники сырья, сферы приложения капитала вообще и за Китай в особенности. Ведь, К.-В. ж. д. в руках финансового капитала представляла бы собой важнейшую экономическую командную высоту в Северной Манчжурии. А Северная Манчжурия представляет собой важнейшую колонизационную область всего Северного Китая. Общая площадь Северной Манчжурии по весьма приблизительным данным выражается в 862.760 кв. км., лесная площадь—в 212.320 кв. км., посевная площадь—в 82.320 кв. км., колонизационный фонд при данном уровне техники 188.220 кв. км. Население края составляет около 7,5—8 млн. человек. Природные богатства края еще вообще не исследованы, но уголь, железная руда, цветные металлы по всем данным имеются в избытке, а весьма вероятно, что край богат и золотом. Посевная площадь расширялась не только быстрым, но все ускоряющимся темпом, точно также все ускоряющимся темпом возрастает и население края. Разорение Северного Китая ускоряет процесс колонизации в Северной Манчжурии. Словом, Северная Манчжурия сама по себе представляет весьма жирный кусок с точки зрения империалистической эксплоатации, и японский капитал делает все, чтобы прибрать его в свои руки. При этом следует иметь в виду, что сельское хозяйство Северной Манчжурии является в высокой степени товарно-денежным хозяйством и, например, из 11.073 тыс. тонн общей продукции зерна на внедеревенский рынок поступает 4.210 тыс. тонн. Северная Манчжурия является все еще главнейшей поставщицей на мировой рынок ценнейших масличных семян, соевых бобов. А соевые бобы составляют 20 — 23% всего вывоза Китая. Та империалистическая держава, которая держит в своих руках Северную Манчжурию, имеет огромное влияние во всей Манчжурии и тем самым на всем Северном Китае. А с точки зрения грядущей войны на Тихом океане Манчжурия имеет не только колоссальное военно-стратегическое значение, но точно также представляет важнейший источник сырья (уголь, железо) и продовольствия для японского империализма. Вопрос о К.-В. ж. д. был вопросом о Манчжурии, а вопрос о Манчжурии является весьма существенной частью всей тихоокеанской проблемы, включая сюда, разумеется, не только борьбу между империалистами, но также проблему подготовки войны против СССР.

Отсюда вытекает попытка империализма поставить вопрос о К.-В. ж. д Однако, отсюда же вытекает, что каждая империалистическая держава поставила вопрос по-своему.

В полном соответствии со всей международной обстановкой, в полном соответствии с изменениями в соотношении сил между различными империалистическими державами наиболее активно, наиболее агрессивно выступил жадный американский империализм. Теперь уже не подлежит ни малейшему сомнению, что инициатором, вдохновителем конфликта выступили С.-А. С. Ш. Дипломатия доллара вдохновляла Нанкин, толкала на конфликт с явной целью забрать К.-В. ж. д. в руки американского капитала. В этом заключалась программа максимум американского империализма. С.-А. С. Ш. попытались превращать Китай в целом из полуколонии трех—четырех империалистических держав в полуколонию американского империализма. Захват К.-В. ж. д. американским капиталом являлся частью этого общего плана.

Вся международная обстановка была благоприятна для осуществления этого плана. Главный противник американского империализма на международной арене, Англия вела и ведет отчаянную борьбу, чтобы отстаивать и даже отвоевать обратно свои утерянные позиции в собственном Китае. Но английский империализм имеет свои основные позиции на юге Китая и в долине Янцзы, а его непосредственная заинтересованность в Манчжурии относительно небольшая. Английский империализм, представляемый во время конфликта третьей партией империалистической буржуазии, «Рабочей» партии был заинтересован в том, чтобы по вопросу о К.-В. ж. д. обострились противоречия между СССР и С.-А. С. Ш. с одной стороны, и между С.-А. С. Ш. и Японией—с другой. При этом следует учесть, что конфликт на К.-В. ж. д. в смысле времени совпадал с попыткой сговора между Англией и С.-А. С. Ш. по вопросу о морском вооружении. Интересам этого далеко идущего маневра, истинный смысл которого в смысле подготовки новой мировой войны становится все яснее перед массами, английский империализм подчинил свои второстепенные интересы в Северной Манчжурии. Отсюда вытекает, что британскиий империализм пытаясь укреплять и расширять свои позиции в долине Янцзы и сорвать в Нанкине преобладающее влияние С.-А. С. Ш., по вопросу о К.-В. ж. д., шел параллельно с американским империализмом, поддерживал интервенционистские выступления С.-А. С. Ш., помогал дипломатии доллара использовать пакт Келлога, как орудие борьбы против СССР и китайской революции.

В этом отношении огромный интерес представляет с точки зрения изучения динамики империалистической дипломатии роль пакта Келлога и роль Лиги Наций во время конфликта. Лига Наций является в основном орудием английского империализма. Именно поэтому бойкотируют САСШ Лигу Наций. Именно поэтому был создан пакт Келлога как система, долженствующая обеспечить гегемонию С.-А. С. Ш. в лагере международного империализма. Пакт Келлога направлен своим острием не только против СССР, революционного рабочего движения и колониальных революций, но он воплощает в себе стремление американского империализма к гегемонии в лагере империализма. В этом смысле пакт Келлога является конкурентом Лиги Наций так же, как американский империализм является главным конкурентом английского империализма. Лондонская конференция по морскому «разоружению», борьба по вопросу о том, должны ли решения лондонской конференции обсуждаться также на конференции, созванной Лигой Наций по морскому «разоружению», дадут дальнейшее развертывание этой борьбы между двумя системами в лагере империализма.

Поскольку по вопросу о К.-В. ж. д. наиболее активно и агрессивно выступили С.-А. С. Ш., поскольку английский империализм свои, по сути дела, второстепенные интересы в Северной Манчжурии подчинил более общим и важным интересам, в данном случае в борьбе против СССР и китайской революции,—выдвинулся пакт Келлога. В начале конфликта и непосредственно перед окончанием конфликта С.-А. С. Ш. двигают весь механизм пакта Келлога против СССР. Лига Наций в соответствии с интересами английского империализма играет второстепенную роль. Лига Наций официально не вмешивается в конфликт. Она организует антисоветокие демонстрации, она предоставляет свою трибуну представителю Нанкина для выступления против СССР. В конечном итоге даже Нанкин не обратился официально к Лиге, ибо не желал в интересах американского империализма повышение роли и удельного веса Лиги в противовес системе пакта Келлога. Поэтому во время конфликта мы видели на первом плане борьбы против СССР, систему пакта Келлога, причем Лига Наций играла скорей подчиненно-вспомогательную роль.

Международная обстановка была благоприятна с точки зрения С.-А. С. Ш. и потому, что французский империализм выступил единым фронтом с американским. Программа максимум французского империализма заключалась в захвате дороги для французского капитала. Закулисная история возникновения и хода конфликта с полной ясностью обнаружила, что в Мукдене целая группа политиков и политиканов теснейшим образом связана с французским капиталом, что эта группа во главе с У-Цзы толкала Мукден на конфликт в интересах французского капитала, что эта группа вызвала конфликт с целью перехода К.-В. ж. д. в руки французского капитала. Русская белогвардейщина в Париже и в Манчжурии, а в особенности, главари бывшего Русско-Азиатского банка оказывали этим стремлениям посильную «патриотическую» помощь. Однако, французский империализм был бы готов в порядке осуществления программы минимум пойти на дележ с американским в виде французско-американского или международного концерна. Отсюда дружное совместное выступление Бриана в начале конфликта вместе с правительством С.-А. С. Ш., отсюда чрезмерные усилия французского империализма непосредственно перед окончанием конфликта. Как известно, французский посол Эрбет попытался даже выступить от имени румынского правительства, получив за это вполне заслуженный отпор со стороны тов. Литвинова.

Однако, наряду с этими благоприятными с точки зрения американского империализма обстоятельствами, возникновение и ход конфликта обнаружили и обострили противоречия в лагере империализма. В Манчжурии все же главной империалистической державой выступает Япония: В ее руках находятся главные экономические командные высоты: банки, металлургия, угольная промышленность, значительная часть легкой и обрабатывающей индустрии, главные позиции в области внешней торговли, в Южной Манчжурии, главные магистрали железно-дорожного транспорта, судоходство. Военно-стратегические позиции японского империализма в Манчжурии несравненно сильнее, чем позиции какой бы то ни было империалистической державы. А японский империализм не был бы империализмом, если бы он допустил внедрение американского империализма в Северной Манчжурии. Поэтому японский империализм решительно выступил против перехода К.-В. ж. д. в руки американского или французского капитала, или же в руки международного концерна. Внедрение С.-А. С. Ш. в Северной Манчжурии изменило бы в корне соотношение сил на случай войны на Тихом океане. Японский империализм сам хочет подчинить себе хозяйство Северной Манчжурии. Японский империализм ведет отчаянную борьбу против попыток американского капитала превращать весь Китай в полуколонию С.-А. С. Ш. Для японского империализма вопрос о Китае вообще и о Манчжурии в частности является вопросом жизни и смерти. Отсюда прежде всего, решительная борьба Японии против попыток к захвату К.-В. ж. д. со стороны американского капитала в какой бы то ни было форме, отказ Японии участвовать в выступлениях на основании пакта Келлога, обострение борьбы во время конфликта между империалистами, развал единого фронта империалистов.

СССР, окруженный симпатиями и поддержкой передовых рабочих, твердо защитил мир, интересы международной и китайской революции. А единый фронт империалистов развалился.

В этом одна из причин победы пролетарской политики.

* * *

Империализм, а в первую очередь американский империализм пытался противопоставить СССР в качестве своей агентуры единый фронт китайской буржуазно-помещичьей контрреволюции. Надо сказать, что положение было с точки зрения империализма и китайской контрреволюции более или менее благоприятным. Нанкин как раз к моменту начала конфликта успешно закончил поход против гуансийской группы, и хотя весьма относительно и условно, но распространял свою власть на ряд провинций Китая. Мукден и тем самым более или менее вся Манчжурия, хотя и формально признали авторитет Нанкина. В торге с Японией Мукден охотно пользовался Нанкином в качестве ширмы и прикрытия, отсылая японский империализм с его требованиями, и вымогательствами к «центральному» правительству. Хотя конфликт с Фын Юй-сяном и с реорганизационистами назревал уже, но еще не разразился. Еще не рухнули надежды на американскую помощь и Мантель, Кэммэрер и прочие американские советники еще работали в Китае. 1928 год был годом относительно хорошей кон'юнктуры для промышленности в Китае и ухудшение кон'юнктуры в начале 1929 года только началось. Сокращение милитаристских армий, создание единого бюджета, упорядочение налогового и валютного дела, подчинение генералов центральному правительству, разумеется, не удалось, но по этим вопросам, крупная буржуазия, в том числе и компрадорская, оказывали поддержку Нанкину. Выступление против СССР было рассчитано на то, чтобы завоевать еще больше доверия империалистов к гоминдановской контрреволюции, чтобы сплачивать вокруг Гоминдана отошедшие уже в оппозицию мелкобуржуазные массы, чтобы затруднять врагам Нанкина выступления против Нанкина. Не без помощи империализма Нанкин пытался создать хотя бы видимость единого фронта китайской контрреволюции против СССР.

А во время конфликта в Китае разразился общенациональный кризис. Неразрешенные вопросы революции вызвали всеобщий кризис контрреволюции. Капитуляция перед империализмом не принесла китайской буржуазии давно жданную «скорую помощь». Американский капитал не устремился в Китай. Мировой кредитный кризис, борьба империалистов за китайскую полуколонию, резкое сокращение вывоза капиталов из всех решающих империалистических стран, недоверие империалистов к устойчивости нанкинской власти делали невозможным «скорую помощь» в виде притока иностранного, а в первую голову, американского капитала. Иностранный капитал овладел новыми позициями в экономике страны, скупая ряд китайских предприятий, но не ускорил темп индустриализации созданием новых предприятий. Разразился кризис текстильной, шелковой, табачной, мукомольной, маслобойной, промышленности. Катастрофическое падение цен на серебро обесценивало основную валюту и сокровищницу страны. Китайская валюта — серебро в течение нескольких месяцев обесценилась по отношению к золоту на 25%. Резко сокращается импорт. В Шанхае лопаются даже крупные иностранные фирмы, не говоря уже о китайских. Падение цен на с.-х. продукты и шелк оказалось более резким, чем падение цен на промышленные изделия. А главное: кризис сельского хозяйства все более и более углубляется. Даже благоприличные американские джентльмены признают, что только в одной провинции Шеньси умерло с голоду за 1928—29 г. два млн. человек. В 1927 г. голодало 9 млн., в 1928 г.—57 млн., а в 1929 г. снова 37 млн. человек. Такую катастрофу не знает история человечества. Империалистическая, помещичья, налоговая, торгово-ростовщическая эксплоатация привели страну к краю гибели. Как картонный домик рухнули надежды на то, что за капитуляцияю и подавление революции империализм платит чистоганом хотя бы частичных уступок. Разлетелись иллюзии, что Нанкину удастся осуществить требования хотя бы крупной буржуазии, как-то: сокращения генеральских армий, создание бюджета, единой налоговой и финансовой системы. Суживается внутренний рынок и усиливается иностранная конкуренция. Нанкину к тому же еще не удалось уничтожение революционного движения рабочих и усмирение деревни. И когда пленум ЦК гоминдана возвещал миру и стране, что Китай об'единен, разразилась новая гражданская война. Гоминдан раскололся и реорганизационалисты во главе с Ван Тин-веем выступили вооруженным восстанием, опираясь на штыки Чан Фа-гуя. Началась война между Нанкином и Фын Юй-сяном. Эта война еще не закончилась, когда восстал Тан Шен-чжи против Нанкина. После Тан Шен-чжи выступил Ши Юй-ян и т. д. и т. д. «Об'единенный» Китай раздирается милитаристскими войнами. Растут, умножаются, учащаются бунты в милитаристских войсках. Генеральские войны разрывают торговые пути. Резко снижается экспорт. В городах растут рабочие стачки: рабочий класс выступает с демонстрациями. В Кантоне, Цзиндао уличные бои. В Шанхае рабочие громят помещение гоминдана. В деревнях нарастает волна крестьянских восстаний и усиливается партизанское движение под руководством коммунистов.

В общих рамках нового развала и раздробления страны происходит борьба между Нанкином и Мукденом. Нанкин пытается овладеть К.-В. ж. д. и министр путей сообщения Сун-Фо и американский советник Мантель весьма усердно стараются прибрать дорогу к рукам Нанкина для того, чтобы таким образом продать дорогу американскому капиталу. Мукден не может равнодушно отнестись к этим попыткам. Продать дорогу иностранному капиталу сумел бы сам Мукден. Но кроме того: основную тяжесть конфликта должен выдерживать все же Мукден. Прекращение закупок чая и деятельности советских хозяйственных организаций сильно ударили по Шанхаю и гильдия торговцев чаем неоднократно обращается с просьбой к Нанкину ликвидировать конфликт, ибо уход СССР с китайского чайного рынка при перепроизводстве чая в Индии, Цейлоне и на Яве, при резком падении цен на чай разоряет до тла и без того находящиеся в состоянии разорения чаекультуры. Но для Северной Манчжурии закрытие границ СССР равносильно параличу всякой деловой жизни. Ведь, Владивосток является важнейшим портом для экспорта из Северной Манчжурии. Ведь, только на ст. Пограничная направлялось за 1928 г.—1.415.437 тонн хлебных грузов. Грузооборот К.-В. ж. д. за 1926/27 г. составлял 4.967.476 тонн, а конфликт обозначал собой дезорганизацию дороги. При этом конфликт начался в июле. А июль—октябрь представляют «мертвый сезон». Перевозка хлебных грузов составляла за 1925 г. за месяцы июль—октябрь 47—132 тыс. тонн; за 1926 г.—122—170 тыс. тонн, за 1927 г.—116—165 тыс. тонн. А перевозки за ноябрь и декабрь показывают следующие скачки вверх: за 1925 г.—376 и 462 тыс. тонн; за 1926 г.—379 и 462 тыс. тонн; за 1927 г.—307 и 515 тыс. тонн. В ноябре начинается уборка и вывоз соевых бобов. А если Владивосток закрыт, то задыхается Северная Манчжурия. Отсюда же падение местной валюты, дезорганизация хозяйственной жизни по мере того, как удлиняется конфликт. Отсюда же обострение между Нанкином и Мукденом по мере приближения экспортной кампании.

Однако, было бы величайшей ошибкой свести причины роста «миролюбивых» настроений Мукдена только к стремлению его обеспечить вывоз соевых бобов. Вопрос в конечном итоге решался Красной армией. Империализм и тем более китайская контрреволюция рассчитывали на то, что нажим империализма, классовая борьба в стране, экономические затруднения могут вызвать колебания в рядах Красной армии. Они рассчитывали также на то, что в тылу сибирский кулак тоже выступит против советской власти. Мы не виноваты в том, что империализм и китайская контрреволюция поверили своим нелепым выдумкам и в расчете на них прощупали силу сопротивления красных войск. Они на своем же горьком опыте убедились в том, что наша Красная армия представляет из себя такую военно-политическую силу, которая одним контрударом уничтожит все мечты и надежды империализма, китайской контрреволюции и русской белогвардейщины, да, кроме того, еще несколько враждебных дивизий.

Одна из главных причин пролетарской победы на Дальнем Востоке заключается в том, что плоть от плоти, кровь от крови трудящихся СССР, ОДВА одержала решающую победу. Международная контрреволюция на своем опыте узнала, что Красная армия со времени гражданской войны ничего не забыла, а очень многому еще научилась.

Когда в СССР рабочий класс и основные массы крестьянства как один человек сплачивались вокруг советской власти, когда передовые рабочие всего мира окружили СССР своей симпатией и поддержкой, развалился единый фронт империалистов и развалился единый фронт буржуазно-помещичьей контрреволюции в Китае.

* * *

Конфликт на Дальнем Востоке был поводом для внешнего оформления политики II Интернационала по отношению к СССР. Исполком II Интернационала вынес решение, осуждающее политику СССР, поддерживающее Нанкин и в полном соответствии с политикой империализма требовал арбитража, т.-е. решения вопроса трибуналом империалистов. «Рабочее» правительство Англии поддерживало все шаги американского империализма. Даже формально, даже на словах не говорится больше о защите СССР. В этом смысле и только в этом смысле конфликт на К.-В. ж. д. послужил толчком к полному внешнему оформлению международной контрреволюционной политики социал-фашизма.

Как и следовало ожидать, *наиболее активно и наиболее враждебно по отношению к СССР выступили как раз «левые»* социал-фашисты. Не стоит тратить бумагу на цитаты из сочинений этих «социалистов», но для характеристики все же приводим рассуждение архилевого немецкого социал-фашистского органа «Дер Классенкампф» (№ 15, август 1929 г.). Этот орган отражает взгляды группы бывшего коммуниста, Павла Леви.

> «СССР точно также сохраняет свои военные позиции на К.-В. ж. д., как царизм. Рабочий класс не даст вывести себя из терпения потому, что Россия проводит в Азии империалистическую политику и при этом наталкивается на затруднения, чего мы желаем каждой империалистической стране. С конфликтом на К.-В. ж. д. рабочий класс не имеет абсолютно ничего общего».

Читатель вовсе не должен думать, что эта гнусность представляет собой исключение в социал-фашистской печати. Нет, *вся социал-демократическая печать была выдержана в этих тонах.*

Такую позицию заняли, «левые» социал-фашисты. Тем более занятно, что русский меньшевик Ф. Дан чрезвычайно недоволен «левыми» социал-фашистами, считая, что они недостаточно враждебно относились к СССР.

«Должна ли была российская социал-демократия, согласно решениям брюссельского конгресса II Интернационала призвать русские народные массы к революционному восстанию против большевистского правительства?» — спрашивает себя Дан в январском номере «Дер Кампф».

Значит, брюссельское решение II Интернационала о борьбе против военной опасности означает, что меньшевики должны призвать к контрреволюционному восстанию против советской власти. Против буржуазных правительств международный меньшевизм еще никогда не призывал к восстанию. А против пролетарской диктатуры допускается такая возможность. Но по поводу конфликта на К.-В. ж. д. Дан все же архиснисходителен к советской власти. Он отвечает на собственный вопрос следующим образом:

> «При данной исторической обстановке такой призыв к восстанию был бы несомненно тяжелой ошибкой. Было ли однако правильно, что как раз левая социал-демократическая печать почти ничего не делала, чтобы раз'яснить рабочим классам с точки зрения предотвращения войны роковую роль большевистской политики во время конфликта с Китаем, это—другой вопрос. Факт остается фактом, что эта печать оказалась несостоятельной, хотя решение Исполкома II Интернационала, принятое в Цюрихе, дало необходимое направление для оценки советско-китайского конфликта».

Мы можем заявить господину Дану, что его позиция весьма прозрачна. Меньшевики все же знают, что восстание есть последний акт борьбы. Поэтому в начале конфликта надо было подготовлять его, щупать возможности к такому действию. Во-вторых, на первом этапе основная задача II Интернационала во время данного конфликта, состояла в том, чтобы использовать конфликт для подрыва влияния СССР в массах. А вот так «левые» социал-демократы, которым в этом деле выпадает главная роль, недостаточно состоятельно выполняли эти задачи. Мы можем предоставить социал-фашистской партии буржуазии разрешить свои внутренние споры о методах наиболее умелой и состоятельной контрреволюционной политики, но нам все же кажется, что Дан напрасно обвиняет «левых» социал-фашистов в том, что они были несостоятельны. Это не их вина, а их беда — они делали против СССР все от них зависящее.

По своему удельному весу и политическому влиянию ренегаты коммунизма справа и «слева» навряд ли заслуживают, чтобы мы о них особо упомянули. Все же следует вкратце остановиться на поведении этих групп и группочек, ибо вопрос об отношении к СССР есть коренной вопрос пролетарской революции, на этом вопросе проверяются все течения в рабочем вопросе.

Ренегаты коммунизма справа в Германии — группа Брандлера — заняли весьма осторожную позицию. Они на словах высказались даже за защиту СССР. Очевидно, в Германии нельзя выступить открыто против СССР, если кто-нибудь хочет обмануть революционно-настроенных рабочих. Однако, «защита» СССР правыми ренегатами проводилась таким образом, что *защита была хуже, чем нападение.* Германская компартия, напрягая все свои силы, мобилизовала массы для защиты СССР, а правые ренегаты пытались развенчать каждый шаг партии.

«Спец» правых ренегатов по восточным делам г. Рой дал идеологическое обоснование политике «защиты» СССР таким образом:

> «Под контролем одной из империалистических держав, как Япония, Америка или Англия, которые направляют свои взоры на дорогу, К.-В. ж. д. становилась бы постоянной тяжелой угрозой для рабочего государства. Важный порт Владивосток можно бы было отрезать из тыла и богатые равнины Сибири были бы открыты для оккупации враждебными державами. При данных условиях Китай не мог бы предотвратить использование дороги для столь враждебных целей. Поэтому СССР был вынужден участвовать в управлении дорогой, заявляя, что он готов отдать незамедлительно дорогу под чисто китайский контроль, как только это будет возможно без вышеуказанных опасностей» («Геген ден Штром», специальное приложение № 8. Июль 1929 г.).

Откуда взял г. Рой, что буржуазно-помещичий Китай «не может» предотвратить при данных условиях использование дороги империалистами. А разве буржуазно-помещичий Китай хочет предотвратить подобное использование дороги? А когда г. Рой говорит о том, как будто СССР заявил, что отдаст дорогу обратно, как только минуют эти опасности, то он совершает фальсификацию. СССР никогда не делал подобного заявления. Очевидно, г. Рой собирается специализироваться на тонкой фальсификации.

Более откровенные в этом смысле, более гнусные контрреволюционные выходки против СССР появились в органах троцкистов. Журнальчик, называющий себя «Фане дес Коммунизмус», просто об'явил в связи с конфликтом, что «СССР не пролетарское государство» («Фане дес Коммунизмус» № 31, стр. 246). Но в то же время СССР и не буржуазное государство, а представляет собой третий тип, который может существовать лишь недолго, на короткий срок. Что это за третий тип? Этот третий тип есть переход от пролетарского государства к буржуазному. Само собой разумеется, что защищать такое государство малопочтенное занятие для троцкистов.

«Вождь» бельгийских троцкистов, мелкобуржуазный пошляк, Оверстратен рассуждает таким образом:

> «Пролетарский характер государства, к сожалению, не предотвращает, чтобы отдельные действия этого государства не носили империалистические черты. А именно такой случай мы имеем по моему, в поведении советского правительства по поводу К.-В. ж. д... А кроме того, нельзя упускать из виду империалистическое вырождение советской политики, которое обнаруживалось как раз во время этого конфликта» («Фане дес Коммунизмус» № 40, стр. 315).

Подобных «жемчужин» можно найти в органах троцкистов сколько угодно. Сам исполком Ленин-Бунда торжественно заявляет, в своей резолюции: «Это исключает безоговорочную и безусловную защиту СССР».

Что именно исключает безоговорочную и безусловную защиту СССР? А именно то, что «сталинский центризм в СССР опирается на среднее крестьянство, что он не представляет пролетариат, а обслуживает на самом деле капиталистических кулаков и нэпманов» («Фане дес Коммунизмус», № 39, стр. 305). «Сталинский центризм» поставил вопрос о ликвидации кулачества как класса, ВКП(б) осуществляет эту задачу, а тупоумные идиоты или полицейские агенты принимают решение о том, что власть в СССР обслуживает интересы кулаков и нэпманов. А как Троцкий относится к этим «спасителям» коммунизма? Весьма и весьма благосклонно. И Троцкий тоже «защищает» СССР, но защищает по-своему. Вот, как он защитил, популяризовал СССР по поводу двенадцатой годовщины Октября.

> «Одна из причин противоречий заключается в ложной политике руководства, которое находится под влиянием мелкой буржуазии».

Не правда ли,— хорошо сказано; партия ликвидирует кулачество как класс, тем самым ликвидируя капитализм; партия выкорчевывает корни капитализма, партия осуществляет социалистическую переделку сельского хозяйства, но все это делается «под мелкобуржуазным влиянием». «Под влиянием мелкой буржуазии» осуществляется сплошная коллективизация и индустриализация?!

Троцкий возмущается тем, что в Китае идет партизанская война в тылу у Чан Кай-ши под руководством коммунистов, и гневно требует об'яснения.

> «Может быть это восстание возникло стихийно? Предположим, что это так. Но что обозначает собой в таком случае коммунистическое знамя? Как относится официальная китайская коммунистическая партия к этому восстанию? Какова позиция Коминтерна? Что происходит в Китае?». («Фане дес Коммунизмус» № 42, стр. 331).

Мы до сих пор думали, что коммунисты обязаны возглавлять стихийные крестьянские восстания, руководить ими, очищать их от реакционных примесей и ввести их в русло общереволюционной классовой борьбы.

Так учил Ленин. А Троцкий возмущен, что партизанская война, которая, кстати, длится уже больше года, и о которой немало писалось, продолжается и во время советско-китайского конфликта. Странная «защита» СССР.

Во время конфликта на КВЖД китайская компартия заняла без колебаний и с полной решительностью ленинскую позицию: за СССР, против своей буржуазии. Только бывший лидер партии, заядлый оппортунист, Чен Ду-сю высказался против этой политики, за что ЦК ККП исключил его из партии. А что делает Троцкий? Он констатирует, что Чен Ду-сю был оппортунистом, но теперь как будто приближается к позиции Троцкого и за это следует его приветствовать. Троцкий приветствует Чен Ду-сю. Так «защищает» Троцкий СССР.

* * *

Пролетарская политика одержала блестящую победу на Дальнем Востоке над об'единенными силами контрреволюции. Международное положение СССР несомненно улучшилось в связи с этой победой. Советская внешняя политика показала и доказала на деле, что она является политикой мира. СССР доказал, что он умеет на деле защищать и отвоевывать мир.

Пролетарская политика одержала на Дальнем Востоке блестящую победу, ибо она была выдержанной, большевистской, правильной политикой. Противоречия между империалистами, конечно, существуют, но надо уметь их использовать. А наша политика во время конфликта на К.-В. ж. д. учитывала эти противоречия и сумела их использовать. Американский империализм и китайская контрреволюця рассчитывала на то, что малейший неосторожный шаг со стороны СССР, столкнет лбом пролетарское государство с японским империализмом на полях Манчжурии. Но такие расчеты американского империализма и китайской контрреволюции были разбиты вдребезги. В действительности вышло таким образом, что японский империализм столкнулся с империализмом САСШ; в действительности вышло таким образом, что умело проведенная политика пролетарского государства привела к взрыву единого империалистического фронта. В этом отношении огромное значение имел такой фактор международной политики, как время. Время работало на нас. Твердость советской политики привела к тому, что во время конфликта и в ходе конфликта, вызревали и обнаруживались противоречия между империалистами. Единого фронта не было с самого начала и его не удалось создать и во время конфликта. Это так, поскольку не удалось в него вовлечь Японию и некоторые другие государства. Нанкин и частично и Мукден, выступили под лозунгами защиты «национальных» интересов, чтобы привлечь националистически настроенные мелкобуржуазные массы на свою сторону, чтобы предотвратить кризис в лагере контрреволюции лозунгами «защиты отечества» против «красного империализма». Терпеливая, выдержанная, но по-пролетарски твердая политика советской власти разоблачила до конца обманный маневр китайской контрреволюции. Во время конфликта и в ходе конфликта обнаружилось с полной ясностью и очевидностью, что Нанкин и Мукден выступили для того, чтобы продать дорогу, передать дорогу империалистам. Во время конфликта выявилось с полной ясностью и очевидностью, что СССР защищает национальные интересы Китая. Нанкину не удалось сколотить вокруг себя широкие мелкобуржуазные массы, создать единый национальный фронт; и назревшие уже до конфликта противоречия в лагере гоминдановской контрреволюции, имеющие свои глубокие внутренние причины взорвались и привели к новой серии гражданских войн. Наша политика разоблачила гоминдановскую контрреволюцию, как агентуру империализма даже перед китайскими мелкобуржуазными массами. То обстоятельство, что после победы пролетарской политики СССР ни на иоту не изменил условий ликвидации конфликта, разбило вдребезги все сказки о «красном империализме». Наша политика предоставила возможность китайским массам убедиться на собственном опыте в том, что Нанкин и Мукден обслуживают империализм, а СССР защищает интересы китайских трудящихся против новых захватов со стороны империализма.

Зависимость всей экономики Северной Манчжурии от нормальных хозяйственных связей с СССР, зависимость отдельных отраслей производства всего Китая от СССР является об'ективным фактом. Однако, только наша выдержанно-большевистская политика привела к тому, что этот об'ективный фактор действовал в пользу СССР.

Неверный шаг со стороны СССР, мог бы облегчить исключительно яростную антисоветскую кампанию II Интернационала и затруднять борьбу революционных рабочих за СССР. Однако, наша выдержанно-большевистская политика разоблачила до конца все сказки социал-фашистов о «красном империализме» и придала величайший размах борьбе революционных рабочих за СССР. Рабочие массы убедились во время конфликта в том, что СССР проводит подлинно пролетарскую политику. Неслучайно, что после ликвидации конфликта вся социал-фашистская и ренегатская печать набрали в рот воды. Слишком уж очевидно было, что пролетарская политика победила и что победа СССР знаменует собой победу китайского народа над захватническим империализмом.

Мы одержали блестящую победу на Дальнем Востоке потому, что наша политика была подлинно-пролетарской, подлинно-большевистской. При этом не обошлось без известных колебаний даже в рядах нашей партии. Раздавались голоса о том, что К.-В. ж. д. принадлежит нам, что К.-В. ж. д. была построена на русские народные деньги, и т. д. И из этих якобы пролетарских, а по существу националистических разговоров делался «левый» вывод о необходимости ввести Красную армию в Харбин. Партия отвергла эту установку. Раздавались еще больше голоса о том, что надо отказаться от К.-В. ж. д., что дорога причиняет нам только лишние «неприятности» и затруднения и т. д. Эта установка вытекала также из неверных предпосылок. Она не учитывала мелочи, а именно, что передача дороги Нанкину или Мукдену была бы уступкой империализму, равносильной передаче дороги империалистам. Партия отвергла и эту установку. И политика партии привела к победе. Нам удалось отразить покушение империализма на интересы СССР и Китая. Нам удалось разоблачить политику империализма, прикрытую пацифистскими фразами и авантюру китайской контрреволюции, прикрытую националистическими фразами. При этом наша политика привела к скандальному провалу дипломатической интервенции САСШ. Опоздалое выступление САСШ непосредственно перед окончанием конфликта и провал этого выступления является крупнейшим поражением, постигшим политику САСШ за последнее десятилетие.

Выразители и тех и других настроений не поняли, что конфликт на К.-В. ж. д. был нападением империализма на СССР (и на трудящихся Китая), что вопрос о К.-В. ж. д. был вопросом борьбы пролетарских интересов с интересами империализма, что борьба за К.-В. ж. д. была борьбой пролетарской политики против политики империализма.

Однако, было бы величайшей ошибкой рассматривать победоносное окончание конфликта на КВЖД, как финал, как заключительный аккорд. Этот конфликт не был финалом, а скорей увертюрой. Начавшийся экономический кризис в капиталистическом мире и гигантский темп социалистического строительства в СССР не могут не обострить противоречия между двумя мировыми системами, между капитализмом и социализмом. Под'ем новой революционной волны на Западе и под'ем национально-освободительной борьбы на Востоке неразрывно связаны с укреплением и ростом СССР и империализм в поисках выхода из кризиса, несомненно, усилит свое наступление не только на революционное рабочее движение, не только на национально-революционное движение, но также на СССР.

Мексика отозвала своего посланника из Москвы и мелкобуржуазные контрреволюционеры, проделавшие в Мексике путь гоминдана и в смысле капитуляции перед империализмом и в смысле подавления рабочего и крестьянского движения, несомненно, действовали по указке Соединенных Штатов. Навряд ли можно понять этот эпизод вне связи с конфликтом на К.-В. ж. д., вне связи с общими атаками империализма на страну советов. В Германии социал-демократы организуют кампанию травли советских учреждений и обострение классовой борьбы внутри страны толкает в антисоветский лагерь даже те слои буржуазии, которые до сих пор по тем или иным соображениям не участвовали обычно в подобных кампаниях.

Во Франции оправдание белогвардейских подделывателей червонцев и неслыханно гнусная кампания по поводу «исчезновения» белогвардейца Кутепова, сочетается с докладами Милюкова и Керенского о предстоящем падении советской власти. Мелкобуржуазные радикал-социалисты и французские социал-фашисты устраивают своего рода контрреволюционное соревнование в травле СССР.

В Англии «рабочее» правительство пытается возводить в принцип международной политики социал-фашизма, известную басню контрреволюции об ответственности советского правительства за Коминтерн, а Гендерсон делает официальное выступление перед полпредом СССР по поводу воззвания Коминтерна, опубликованного в органе английских коммунистов.

В Румынии командующий войсками в Кишиневе бряцает оружием.

В Польше увеличивается военный бюджет.

Китай устами У Ча-Чжао пытается привлечь Соединенные Штаты в качестве беспристрастного свидетеля к переговорам с СССР о К.-В. ж. д.

Наша победа на Дальнем Востоке не обозначает собой финал, а наоборот, лишь преддверие новых, крупных конфликтов между СССР и империализмом.

Империализм лихорадит в судорогах кризиса. В СССР идет невиданным темпом строительство социализма. В капиталистических странах идут классовые бои, насыщенные элементами грядущей гражданской войны. В СССР ликвидируется кулачество как класс. В колониях подымаются миллионные массы на борьбу против империализма. В СССР подымаются новые миллионные массы на строительство социализма.

Отсюда же — обострение борьбы империализма против СССР.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

В. Адоратский.

О занятиях Ленина философией.

(По поводу XII Ленинского сборника) *).

I.

В вышедшем в свет в январе 1929 г. IX «Ленинском сборнике», в котором были напечатаны три тетради Ленина, содержащие конспект «Науки Логики» Гегеля,— была начата публикация так называемых «философских тетрадей» Ленина. XII сборник содержит в себе все остальные материалы подобного рода, из числа тех, которые находятся в архиве Института Ленина. Таким образом, этим сборником завершается публикация философских заметок Ленина. Все хранившиеся в Институте тетради с заметками, выписками, конспектами Ленина по вопросам философии становятся теперь доступны изучению каждого, кто интересуется вопросами теории марксизма.

Значение этих материалов в этом отношении громадно. По богатству содержания «философские тетради» стоят многих томов. В них даются извлечения из произведений таких представителей философии как Гераклит, Аристотель, Лейбниц, Гегель, Фейербах, Маркс. В общей сложности прочитанные Лениным книги, по поводу которых написаны все эти заметки, обнимают не менее 8.000 страниц. Но особый интерес и ценность тетрадей в мыслях Ленина, которые он записывал при чтении всех этих книг. В отдельных заметках, иногда кратких, иногда более подробных Ленин развивал свою точку зрения, ставил вопросы, намечал задачи дальнейшего исследования, указывал пути дальнейшего развития мысли, темы дальнейшей научной работы.

В состав XII Ленинского сборника входят следующие рукописные конспекты Ленина:

Наиболее ранний конспект относится к 1895 г., конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство». Подробный, тщательно составленный, конспект этой знаменитой книги 1845 г.— периода, когда Маркс становится уже на почву диалектического материализма, показывает образец того, как внимательно изучал Ленин произведения Маркса и Энгельса. В статье — некрологе «Фридрих Энгельс» (осень 1895 г.) Ленин упоминает о «Святом семействе» и говорит, что там уже «заложены основы революционно-материалистического социализма». (Соч., т. I, стр. 437).

Затем, следуя хронологическому порядку, идут выписки из книги Паульсена «Введение в философию» и заметки по поводу нее, сделанные около 1904 г. Далее замечания на статью А. М. Деборина «Диалектический материализм», относящиеся к 1909 г.; возможно, что к тому же времени относится подробный конспект лекций Фейербаха «О сущности религии».

Остальные тетради—это результат работ по философии в годы войны—начиная с осени 1914 г. и до 1916 г. включительно. По богатству своего содержания, по гениальности мыслей, собранных в этих тетрадях — они представляют собой исключительную ценность для теории марксизма. В этих тетрадях разрабатывается особая, новая тема — именно вопрос о диалектике. Этой теме посвящены выписки и заметки на книгу Фейербаха о Лейбнице (стр. 127). Конспект «Философии истории» Гегеля, в особенности же ценный обстоятельный конспект двух первых томов «Истории философии» Гегеля, являющейся, по словам Энгельса, одним из гениальнейших произведений и дающей массу материала к вопросу об истории диалектики (стр. 171). Важны точно так же заметки по поводу метафизики Аристотеля (стр. 329) и книги Лассаля о Гераклите (стр. 295). Сюда же относится и ряд более мелких заметок, относящихся тоже к вопросу о диалектике, о Гегеле, как главном представителе диалектического мышления в немецкой классической философии.

Ленин заботливо собирал материал по интересовавшему его вопросу и всегда умело очищал мысли философов идеалистов от идеалистической шелухи, гениально использовал их материалистически для выяснения и изучения отдельных сторон, особенностей, существа материалистической диалектики.

Было бы большой ошибкой думать, что Ленин стал особенно интересоваться вопросами философии только в это время или с 1908 г., а до того времени был якобы «равнодушен» к вопросам теории вообще, в частности философии. Это, конечно, совершенно неверно.

Правда, в письмах к Богданову 1906 г. Ленин назвал себя «рядовым марксистом» в вопросах философии. Эти письма, к сожалению, до сих пор не найденные, в которых Ленин критиковал богдановскую философию, он собирался даже издать под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии».

Но, если бы кто-нибудь склонен был истолковать это название в том смысле, что у Ленина тогда было какое-то «рядовое», «среднее», «дюжинное» понимание вопросов философии, то это было бы грубейшей ошибкой. Дело в том, что Ленин, как известно, отличался исключительной научной добросовестностью. Став марксистом, он все внимание обратил на подробнейшее изучение экономического строя России, русского капитализма, на изучение классов русского общества, а затем на выработку программы, организации и политики революционной марксистской рабочей партии. В этих областях Ленин изучал с исчерпывающей полнотой все относящиеся сюда вопросы. Вся сколько-нибудь заслуживающая внимания литература в этих областях была Лениным изучена. С такой полнотой Ленин в 1906 году специально философскую литературу не прорабатывал и потому счел необходимым назвать себя «рядовым» марксистом в этой области. Но та блестящая характеристика диалектического материализма, которая дана была Лениным уже 1894 г. в его ранних работах, и то гениальное мастерство, с каким он владел методом марксизма, лучше всего свидетельствуют о том, что им уже в молодые годы были прочитаны, изучены и усвоены все основные произведения Маркса и Энгельса.

В наступившей революции 1905 г. Ленин показал себя лучшим материалистом-диалектиком, чем другие марксисты, успевшие прочитать к тому времени большее количество специальной философской литературы, как, например, Плеханов.

Это, конечно, ни в коей мере не должно было означать, что Ленину нечего было дальше беспокоиться и утруждать себя дальнейшим изучением философской литературы. Как раз наоборот: то обстоятельство, что Ленин овладел существом материалистической диалектики как никто другой из марксистов, как раз это обстоятельство делало дальнейшее изучение Лениным вопросов философии особенно плодотворными. Два года спустя, в 1908 г., он написал философскую работу, которую и сам не счел уже необходимым называть работой рядового марксиста и которая знаменовала значительный шаг вперед в деле разработки философии диалектического материализма.

---

*) Настоящая статья есть перепечатка с небольшими изменениями предисловия к XII Ленинскому сборнику, который выходит из печати в ближайшие дни.

Во всех областях марксистской теории Ленин умел двинуть далеко вперед теоретическую мысль. Он сумел это сделать и в области философии. Потому-то такую огромную ценность представляют заметки Ленина по философии.

К сожалению, в распоряжении Института Ленина имеется далеко не все, что вообще было написано Лениным по вопросам философии. Отсутствуют письма к Ленгнику (1899 г.), посвященные критике кантианства. Отсутствуют три тетради «Заметок рядового марксиста о философии» (1906 г.) с критикой философии Богданова. Отсутствуют материалы, относящиеся к работе над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.) Наконец, нет вовсе конспектов раннего времени, когда Ленин начал изучать основные произведения марксизма — «Капитал», «Анти-Дюринг» и другие произведения философского характера. Принимая во внимание, с одной стороны, трудность в те времена добыть такие книги (экземпляр «Анти-Дюринга» был, например, в конце 80-х — начале 90-х годов большой редкостью в России), с другой стороны, принимая в расчет обычный характер чтения Ленина, делавшего заметки и выписки из книг, которые он читал, можно с уверенностью предполагать, что подобные тетради и выписки существовали, но они утеряны безвозвратно. Единственным исключением является сохранившийся конспект «Святого семейства», написанный, как уже сказано, по всем вероятиям, летом 1895 г., когда Ленин был за границей, где ему, видимо, удалось достать эту редкую книгу, тогда еще не переизданную. Ленин читал ее по изданию 1845 г.

По тем документальным данным, которые находятся в нашем распоряжении, занятия Ленина философией делятся между тремя периодами.

Первый — период кануна буржуазной революции в России. Сюда относится начало литературной деятельности Ленина, время ссылки и первой эмиграции.

Второй период — это период первой революции и временной победы контрреволюции. К этому периоду относится большая философская работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Наконец, третий период, обнимающий приблизительно около трех лет (1914 — 16), охарактеризованный самим Лениным как период кануна социалистической революции, был последним периодом, в течение которого Ленину удалось много поработать над вопросами философии (особенно в начале империалистической войны).

Начиная с 1917 г., в особенности с конца этого года, наступило время, когда Ленин уделять много времени специально теоретической, научной работе почти совсем не мог. Последние записи философских тетрадей относятся к 1915 — 16 гг. Но это ни в коем случае не означало, что Ленин не возвращался к вопросам философии и позднее, в советский период. Несмотря на крайнюю занятость, на необходимость все внимание и все силы отдавать практическим вопросам, Ленин продолжал интересоваться вопросами философии. Это видно и из его чтения. Например, 30 ноября 1920 г. Ленин заказывал книги А. Лабриола «Исторический материализм» и «О философии». 24 июня 1921 г. просил достать ему русский перевод Гегеля «Логики» и «Феноменологии духа» (см. «Записки Института Ленина», т. III, стр. 94—95). Приблизительно около того же времени Ленин интересовался книгой Ильина о Гегеле и т. д. Но Ленин не только читал, а и писал в то время по вопросам философии. $^{9}/_{10}$ заметок на книгу Бухарина «Экономика переходного периода»

относится к вопросу о методе. Несмотря на краткость этих замечаний, они дают бесконечно много, вскрывают слабости и недостатки богдановского эклектизма и идеализма и ошибки, совершаемые Бухариным от неуменья овладеть материалистической диалектикой. Разбор и оценка полностью всех этих мест и их теоретического значения требуют особой специальной обширной работы.

Наконец, здесь необходимо упомянуть о замечательном письме Ленина в журнал «Под Знаменем Марксизма», о котором мы скажем подробнее ниже. Все это показывает, что внимание Ленина к философии не ослабевало до конца его жизни. Начал же заниматься вопросами философии Ленин очень рано.

II.

Документальным доказательством ранних занятий Ленина вопросами философии являются две большие работы, относящиеся к 1894 г.— «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Уж в этих ранних работах Ленин выступил совершенно зрелым материалистом-диалектиком.

Сущность метода Маркса Лениным была самостоятельно продумана, и он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики. Всякий, кто прочтет указанные работы, убедится, что в 1894 г. Ленин овладел диалектическим материализмом вполне. Ленин прекрасно отдавал себе отчет в том, какое значение для марксизма имеет материализм, и вполне ясно понимал уже тогда особенности диалектического метода Маркса. В «Что такое «друзья народа» он отмечает гениальность самой идеи материализма в общественной науке (Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 60). Он подчеркивает, что материализм Маркса — диалектический (т. I, стр. 84, 100, 105, 121 и др.). Ранние работы Ленина проникнуты революционной диалектикой. Теория марксизма по характеристике Ленина соединяет «строгую и высшую научность» с революционностью — не случайно, а «внутренне и неразрывно» (т. I, стр. 225), не потому, что таковы были индивидуальные особенности Маркса, сочетавшего в себе качества ученого и революционера, а потому, что, как выразился Ленин позднее, в 1923 г., революционная диалектика — это «решающее в марксизме».

Характеризуя диалектический материализм, Ленин отмечает, что в противоположность метафизическому методу, который смотрит на общественные отношения, «как на простой механический аггрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений», диалектический материализм ставит своей задачей понять и изобразить общественный строй в его целом «как живой организм в его функционировании и развитии» (т. I, стр. 105). Основную мысль «Капитала» Маркса Ленин видел в том положении, которое Маркс выдвинул в своем предисловии к первому изданию первого тома: смотреть «на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс». В этой сжатой формулировке, чрезвычайно богатой мыслями, отмечается и об'ективная закономерность процесса, который не определяется сознанием людей, а, наоборот, — сам определяет это сознание, и понимание Марксом своеобразной закономерности каждой особой «экономической общественной формации», которую надо изучать в ее особенности и развитии. Тут же подчеркнуто требование диалектического метода выделить особо самое существенное и на изучение его обратить особое внимание, не упуская из виду всю совокупность целого (т. I, стр. 124). Впоследствии Ленин, постоянно возвращаясь к этой мысли, говорит об «основном звене, ухватившись за которое можно овладеть всей цепью. Таким звеном для того, чтобы овладеть пониманием общественного процесса, является изучение строя экономических отношений. Особенным достоинством изложения Лениным исторической теории Маркса, которое необходимо отметить, является подчеркивание значения понятия «экономической общественной формации».

С чрезвычайной ясностью формулирована у Ленина «теория отражения»: «идеальное есть только отражение материального».

И Ленин мастерски применяет ее. В соответствии с материалистическим характером теории Ленин указывает на ее задачу: «точно изобразить действительный исторический процесс» и ничего более. Критерием теории является «верность ее с действительностью» (т. I, стр. 110), а вовсе критерий этот не в абстрактных схемах. В ранних работах Ленина отмечается также важнейшее значение противоречий — наличие их свидетельствует об особой силе и жизненности явления (т. I, стр. 171), и Ленин, изучая «русскую историю и действительность», всюду вскрывает имеющиеся налицо противоречия классов и классовую борьбу. Он дает гениальное материалистическое освещение экономической истории России (т. I, стр. 73 — 74 и др.), вскрывает особенности русского капитализма (например, вся III часть «Друзей народа» и ряд других произведений, не говоря уже о «Развитии капитализма»), дает необычайно яркое и сильное изображение экономики русской деревни (т. I, стр. 142 — 144) и т. д., и все это изложение он неизменно ставит в связь с практическими задачами рабочего класса, последовательно и систематически изучает, вскрывает, об'ясняет об'ективную диалектику капиталистической общественной формации и все особенности ее конкретных проявлений в развитии русского капитализма и вырастающей на этой почве классовой борьбы и руководящей роли в этой борьбе российского пролетариата. И делается это для того, чтобы пролетариат «как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплоатацией» (т. I, стр. 225).

Неизменная верность этим основным принципам научной работы, последовательное проведение их является характерной особенностью метода Маркса, а также и Ленина, начиная с самых ранних его (известных нам) работ. Никто из других марксистов не был в этом так последователен и так верен марксистскому методу, как именно Ленин. И особенно характерно, как это отмечалось уже неоднократно в нашей литературе, умение Ленина учесть и изучить конкретные особенности данного явления, не ограничиваясь рассуждениями вообще. В разнообразных спорах, которые приходилось вести Ленину, нужно отметить (оставляя в стороне классовую основу существа разногласий, а рассматривая лишь разницу в методе), что противники Ленина не умели понять существа конкретных особенностей рассматриваемого предмета. Примеров этому можно было бы привести без конца. Укажем хотя бы на споры о программе в начале 900-х годов (Соч., т. V), споры с меньшевиками («Две тактики», т. VIII), споры по национальному вопросу в 1913—16 гг. (т. XVII, XIX) и т. д.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» — так писал Ленин в 1914 г. в споре с Р. Люксембург по национальному вопросу (Ленин, соч., т. XVII, стр. 431—432).

Здесь нет места останавливаться во всех подробностях на всем богатстве теоретического содержания первых работ Ленина и совершенстве их метода. То немногое, что указано здесь нами, дает понятие о громадной их ценности. Было бы очень интересной задачей проследить, как целый ряд

мыслей, имеющихся в зародыше или в сжатой формулировке в этих ранних работах, нашли себе впоследствии дальнейшее развитие и широкое применение, были подтверждены в дальнейшем ходе борьбы рабочего класса и развития революции и в 1905 и в 1917 гг.

Таков был первый период занятий Ленина вопросами общей теории, философией марксизма. Вполне овладев основами диалектического материализма, изучив и продумав до конца, до полной ясности все выводы из основных работ Маркса и Энгельса, уясняя себе в общем все стороны марксизма, Ленин все свои силы стал посвящать теоретическому и практическому руководству борьбой рабочего класса. И тут не индивидуальные желания и вкусы, а об'ективные условия выдвигали вперед то одну, то другую сторону марксизма, заставляя ей заниматься преимущественно. Как впоследствии Ленин отметил сам, в рассматриваемый нами период «выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности» («Наши упразднители». Соч., т. XV, стр. 88). Но и в этот период особенно в ссылке (1898—1899 гг.) Ленин известную часть своего времени уделял изучению вопросов философии. Он знал, конечно, хорошо все произведения Плеханова, читал сочинения Спинозы («Этика»; «Теологически-политический трактат»; «Усовершенствование человеческого рассудка»), отдельные произведения французских материалистов XVIII в. (Гельвеция «О духе», его же «О человеке»), Юма «О человеческом познании» и представителей немецкой классической философии — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, т.-е. основательно изучал предшествующее марксизму развитие философии. Специальной философской работы Ленин в этот период не написал, но в ряде своих произведений он отводил не мало места вопросу о методе: в полемических работах против народничества, против ревизионизма «легальных марксистов» (работы 1894—1899 гг.) против экономистов («Что делать?», 1902 г.), против меньшевиков («Шаг вперед, два шага назад», 1904 г.).

III.

Период под'ема революции 1905 г. был, конечно, временем мало подходящим для специально философских занятий. Но в это время теоретическая мысль Ленина непрерывно и напряженно работала. Время революции было временем обучения у жизни, обучения на практике, временем проверки теоретического оружия марксизма. Ленин в 1905 г. очень много раз возвращался к изучению ряда произведений Маркса.

Вслед за спадом революционной волны создалась такая обстановка, в которой для марксиста-теоретика, вождя революционной марксистской рабочей партии, необходимость борьбы на почве философии выступила на первый план. Увлечение идеализмом и религией, распространившееся среди буржуазии после революции 1905 г., было явлением далеко не случайным. Это увлечение захватило и некоторые неустойчивые элементы из среды марксистских литераторов, даже партийных. Религия сложилась давно, и ее старые формы, грубо-наивные, перестали удовлетворять, отталкивали от религии. Религиозная идеология, приспособленная к феодально-крепостническим отношениям, все более и более переставала оказывать влияние. Для того, чтобы после опыта пережитой революции держать массы в повиновении, недостаточно было одного физического принуждения. Потребовался «духовный», «моральный» кнут, каким является религия, и потребовалась выработка более утонченных ее форм, приспособленных к потребностям, созданным новыми отношениями. Борьба против религии и против идеализма, являющегося утонченной защитой веры в бога, стала особенно необходимой, приобрела особое значение как борьба против буржуазных влияний на пролетариат и на массы трудящихся. Борьбу против махизма и против поповщины вел и Плеханов, но вел ее так, что это не удовлетворяло Ленина. Во-первых, Плеханов недостатонно раз'яснял данные вопросы разногласий с махистами, вопросы теории познания. Ленин в Письме к Горькому в марте 1908 г. говорит, что Плеханов по существу прав против Богданова и других махистов, «только не умеет или не хочет, или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто без излишнего запугивания публики философскими тонкостями». Во-вторых, Плеханов использовал свою полемику с махистами во фракционных целях против большевизма, что по существу с философскими разногласиями нисколько не было связано и к делу не относилось.

В том же упомянутом выше письме к Горькому Ленин сообщал, что он непременно напишет критический разбор махистской философии «по-своему». Ленин это и сделал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» и сделал это действительно по-марксистски. После «Анти-Дюринга» Энгельса эта книга является самым крупным философским произведением марксизма. Появление этого главного произведения второго периода было выдающимся событием в области теории марксизма. Помимо того, что книгой этой был нанесен махистам сокрушительный удар, она дала чрезвычайно много нового для теории марксизма.

В этой книге впервые в марксистской литературе с такой полнотой были раз'яснены основы теории познания диалектического материализма. По каждому вопросу: о материи и опыте, об ощущении и познании, об об'ективности пространства и времени, о причинности, об абсолютной и относительной истине, с полнейшей ясностью были показаны две линии в философии.

Энгельс сделал это в полемике с Дюрингом в 70-х годах XIX в., Ленину же пришлось сделать это в новой обстановке, более 30 лет спустя, в полемике с другими противниками — махистами. За эти десятилетия в естествознании произошел целый переворот и надо было овладеть совершенно новым материалом. Ленину пришлось рассматривать и разрешать ряд новых вопросов. Совершенно новой задачей в марксистской литературе был подробный разбор и раз'яснение кризиса современного естествознания. Представители естествознания, как правило, не обладающие философской выучкой, не умели мыслить диалектически. Научное исследование стихийно влечет их к материализму, классовая же их позиция и их неумение владеть диалектическим методом ведет к путанице, заставляет их скатываться к релятивизму и идеализму. Вывод, к которому приходит Ленин в конце V главы о том, что «современная физика рождает диалектический материализм», сохраняет свое значение спустя более 20 лет после того, как он был высказан. Благодаря своему гениальному умению владеть материалистической диалектикой, Ленин и в области методологии естествознания сумел сказать свое новое слово и сказать его не вообще, а давая точные указания, в чем состоят ошибки и отступления «стихийных материалистов естественников» от диалектического материализма. Ленин критиковал их теории диалектически, поправляя ошибки и выделяя правильное. Такая критика и должна быть признана образцовой.

Необходимо отметить, что, несмотря на строгую научность содержания книги, все изложение ее вполне понятно. Все вопросы нисколько не упрощались. Ясность изложения об'ясняется ясностью мысли и определенностью того, что Ленин собирался сказать по вопросам философских споров. Когда он писал эту свою философскую книгу, он точно так же ни на минуту не забывал, что и эта работа пишется для того, чтобы помочь пролетариату, «как можно скорее покончить со всякой эксплоатацией».

В этот период Ленин далеко опередил всех марксистов, занимавшихся после Маркса и Энгельса разработкой вопросов философии. Первый из всех виднейших теоретиков марксизма (мы не говорим об Энгельсе) Ленин занялся вопросами естествознания, самостоятельно их разрешил и наметил пути, каким образом марксизм должен обеспечить себе влияние и в этой области. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что появление книги «Материализм и эмпириокритицизм» ознаменовало новый этап в развитии теории марксизма.

Основной темой в этот период была — борьба за материализм. Но, к сожалению, от этого периода никаких неопубликованных материалов не сохранилось. Ни рукописи книги «Материализм и эмпириокритизм», ни каких-либо заметок и материалов у нас не имеется. Ни на одной из сохранившихся тетрадей Ленина нет прямых указаний на то, что которая-нибудь из них относится к этому периоду. Ближе всего по содержанию может подходить конспект лекций Фейербаха «О сущности религии». Он может относиться к несколько более позднему периоду (к 1909 г.?). Все остальные записи кроме этих относятся к третьему периоду, где преобладающий интерес вызывала к себе тема о диалектике.

IV.

В третий из указанных нами периодов, несмотря на относительную краткость того времени, когда Ленин мог заняться целиком научной работой, он проделал громаднейшую работу теоретического характера. Достаточно указать, что в течение 2 — 3 лет им были проработаны такие большие и сложные вопросы, как вопрос об империализме и о государстве. То, что нам сейчас кажется понятным само собой, после того, как мы все изучили книги Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма» и «Государство и революция», что теперь вошло уже в сознание широких кругов рабочего класса, изучающих идеи этих книг в марксистских кружках и в школах политграмоты, то тогда, в 1913—16 гг. представляло собой целый лабиринт сложных и запутанных вопросов, и путаница эта была создана не только трудами буржуазных теоретиков, но она была в работах марксистов-теоретиков II Интернационала — Каутского, Гильфердинга, Плеханова и ряда других. Ленину удалось разрешить, распутать эти сложные вопросы благодаря тому, что он твердо стоял на почве диалектического материализма, гениально умел владеть диалектическим методом и неразрывно был связан с тем классом, интересами которого он жил — с пролетариатом. Изучая капитализм мировой и борясь с буржуазными влияниями на пролетариат в лице новейших оппортунистов — социал-империалистов, каутскианцев и т. д. — Ленин подошел к вопросам точно так же, как он это делал в 90-х годах, когда изучал русский капитализм и боролся с буржуазным влиянием на пролетариат в лице русских народников и русских ревизионистов 90-х и начала 900-х годов. Было бы весьма поучительной задачей сравнить во всех подробностях метод ранних работ Ленина с методом его работ 1915 — 16 гг. Если бы такая работа была проделана, ясно обнаружились бы и высота теоретического уровня ранних работ Ленина и тот же неизменно революционный характер его метода 20 и более лет спустя. От революционной диалектики марксизма Ленин ни в чем ни отступал. Не обнаружилось бы разницы в применении диалектики. Но нечто новое в отношении Ленина к вопросам диалектики в этот период появилось. Он занялся этим вопросом специально, собирал все данные, относящиеся к истории диалектического мышления, все характеристики, отмечающие различные моменты диалектики, и отличительные черты, различные оттенки, об'ясняющие самое существо диалектического мышления, существо материалистической диалектики. Этот теоретический интерес является в области философии преобладающим в этот период и не ослабевает и в дальнейшем.

Причина этого вполне понятна. Мы видели, что уже в ранних работах у Ленина отмечено решающее значение диалектики. В статье о переписке Маркса и Энгельса, в 1913 г., Ленин говорит, что наиболее существенным, наиболее новым, «гениальным шагом вперед в истории революционной мысли» было то, что Маркс и Энгельс применили материалистическую диалектику ко всем областям знания — к переработке политической экономии, к философии, к естествознанию, к политике и тактике рабочего класса.

Революционная материалистическая диалектика — решающее в марксизме,— «живая душа марксизма», его «коренное теоретическое основание». Естественно было заняться специально изучением этого, столь важного оружия, особенно в тот период, когда, благодаря наступающей социалистической революции, особенно важным сделалось практическое значение этого оружия. В теоретических битвах по вопросам текущей политики приходилось особенно часто иметь дело со стремлением противников извратить диалектику, подменить ее софистикой, и такими противниками все чаще начали становиться бывшие союзники, из сторонников пролетариата, превращающиеся во врагов его движения, перешедшие на сторону буржуазии, как это сделал ряд выдающихся теоретиков II Интернационала, особенно с началом империалистической войны. В борьбе против оппортунизма неизбежной была борьба за диалектику против эклектики. В революционную эпоху диалектический характер движения, единство противоположностей, движение в противоречиях особенно резко выступает наружу, становится особенно наглядным, как это отметил еще Энгельс. Ускоренный темп движения, разнообразие, и, если так можно выразиться, сконцентрированность событий расширяет кругозор и дает богатейший материал для теоретической мысли. Пробуждение к сознательной жизни новых и новых масс неизбежно вносит небывалое оживление в развитие теоретической мысли и в частности философии.

В эпоху буржуазных революций в Европе Гегель, идеолог буржуазии (тогда еще в общем и целом революционной), явился крупнейшим представителем диалектики, «дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм движения» (Маркс). Первые вожди и теоретики нового революционного класса — пролетариата, Маркс и Энгельс, восприняли это теоретическое завоевание, «спасли диалектику от разгрома идеализма» и, соединив с материализмом, плодотворно применили ее к научному исследованию. Гениальный вождь и теоретик пролетариата — Ленин в эпоху кануна социалистической революции сделал дальнейшие шаги в направлении углубления теоретического изучения этого революционного метода, прозеренного и испытанного в ряде революций и в последней, незадолго перед этим происшедшей, крупнейшей русской революции 1905 г. И не случайно, что именно в стране первой социалистической революции впервые Лениным была поставлена задача специального изучения диалектики и приступлено к ее разрешению.

Из всех европейских стран именно в России в конце XIX — начале XX века, сложилась наиболее революционная обстановка. Революционная почва России явилась предпосылкой того, что теоретическое сознание русских революционеров-марксистов было выше чем где бы то ни было в других капиталистических странах. Доказательство этого — борьба Плеханова против кантианства, начиная с 90-х годов, борьба Ленина против махизма в 1908 г. за материализм и за революционную материалистическую диалектику и тогда и позднее, против софистики и извращения этого важнейшего теоретического оружия пролетариата бывшими союзниками по борьбе за революционный марксизм — Бернштейном, а потом и Плехановым, Каутским и другими.

Из тетрадей, относящихся к теме о диалектике, на первом плане надо, конечно, поставить три тетради с конспектом «Науки Логики» Гегеля (IX «Ленинский сборник»). К этому непосредственно примыкают печатающиеся в XII сборнике конспекты гегелевской «Истории философии», в которых Ленин заботливо собрал все, что имеет отношение к диалектике. Замечания по поводу лассалевского «Гераклита» и «Метафизики» Аристотеля содержат в этом отношении точно так же необычайно много ценного. После заметок о «Гераклите» Ленин, в большом отрывке о диалектике, дает, в противовес неправильному пониманию диалектики Гегеля Лассалем, свое понимание диалектики. В этом отрывке и в ряде других замечаний («элементы диалектики» в конце конспекта «Науки логики», заметки, помещенные в XII сборнике на стр. 290—292) собраны и сведены воедино основные мысли Ленина о диалектике, вырисовываются общие контуры той теоретической работы о диалектике, как она намечалась Лениным.

К тому же циклу относится и конспект книги Фейербаха о Лейбнице. Если при чтении фейербаховских лекций «О сущности религии» Ленин обращает главным образом внимание на противопоставление материализма идеализму, то здесь, в конспекте книги о Лейбнице уже виден преобладающий интерес к вопросу о диалектике. Преобладание того же интереса бросается в глаза и в тетради с выписками из книги Клаузевица «О войне». Читая ее, Ленин интересовался двумя темами и собрал с исчерпывающей полнотой относящиеся сюда места. Одной из этих тем было: «о применении диалектики к вопросу о войне», другая же тема: «вопрос о связи между политикой и войной».

Остальные заметки меньшего об'ема примыкают к этим основным работам, содержащим главный материал. Сюда относятся некоторые материалы к вопросу истории науки и техники, тесно связанному с материалистическим изучением диалектики. Ленин приступил к собиранию такого материала, но успел сделать лишь немного, остановившись в самом начале работы. Сюда же относится собранная Лениным библиография работ о Гегеле.

Если Ленин собирался написать работу о диалектике, то материал для этой задачи был им собран богатейший, а в отдельных частях (специально по вопросу «Гегель о диалектике») — прямо-таки исчерпывающий. Чтобы написать о диалектике специальную работу, у Ленина, как и у Маркса, времени не нашлось. Но во всех статьях после 1914 г. Ленин начинает отводить место раз'яснению сущности диалектики, замечаниям обобщающего характера. Ленин прямо занимается пропагандой диалектики. Например, в статье «Крах II Интернационала» он показывает разницу между диалектикой и софистикой. В статьях «Итоги дискуссии о самоопределении», «О брошюре Юниуса», «Письма о тактике» отмечаются различные моменты, особенности диалектического мышления. Наконец, в 1920 — 21 гг. в статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» Ленин дает ставшее широко известным популярное раз'яснение сущности диалектической логики в отличие ее от эклектизма. Все эти замечания опираются на ту работу по изучению диалектики, которую Ленин проделал в особенности в начале империалистической войны.

Бросается в глаза, что понимание диалектики у Ленина отличается особенной ясностью и глубиной. Вырабатывая это понимание совершенно самостоятельно, Ленин сходится с той характеристикой диалектики, какую дает Энгельс, который, как и Маркс, превосходно изучил Гегеля и проделал самостоятельную работу по превращению идеалистической диалектики Гегеля в материалистическую. Такую работу проделал и Ленин и вслед за ним должен проделать всякий марксист-теоретик. По Ленину самое существо диалектики наиболее удачно выражает формула «единство противоположностей». Согласно выражению Ленина эта формула удачно схватывает «ядро диалектики». Раздвоение единого, противоречивость его частей является внутренним источником всякой деятельности, внутренним импульсом (побудительной силой) развития. Об'ективный мир, находящийся в непрерывном движении, являющийся бесконечно сложным и разнообразным, в то же время является единым (это единство мира, как говорит Энгельс, состоит в его материальности). Все грани в этом об'ективном материальном мире относительны и условны, все в нем изменяется и превращается в другое. И наше сознание, отражающее в общем правильно этот об'ективный мир, отражающее абсолютную истину об'ективного существования, в то же время относительно. Оно приближается к точному отражению движения об'ективного мира, никогда его не исчерпывая полностью, потому что это движение, развитие, изменение никогда не останавливается, не прекращается.

Как на основной недостаток метафизического материализма Ленин указывает на его неумение применить диалектику к процессу развития познания. «Подход ума (человека), пишет Ленин при чтении «Метафизики» Аристотеля, к отдельной вещи, снятие слепка или (что то же) понятия с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни, мало того, возможность превращения (и при том незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете в бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей «идее» («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии» (см. стр. 339, XII сборника). Материалистическая диалектика, применяемая к нашему познанию об'ективно, т.-е. памятуя о том, что сознание наше определенно независимо от него происходящим процессом, является лучшей гарантией против таких превращений, лучшим оружием против поповщины, окостенения мысли, против подмена живой работы ума мертвой абстракцией, ведущей к умственному застою.

Для ленинского понимания очень характерна его программа изучения и изложения диалектики. И в этом отношении громадная заслуга Ленина состоит в том, что он спасает диалектику от упрощения, от опошления, от превращения ее в софистику, как это происходит у ренегатов II Интернационала Каутского, Вандервельде, Отто Бауэра и др., и восстановляет ее в том виде, как она имеется у Маркса.

Ленин указывает, что в самом простейшем явлении, в любом предложении необходимо вскрыть зачатки всех элементов диалектики. В этом вскрывании особой диалектики каждой отдельной области, подлежащей исследованию, и состоит диалектический метод. Таким именно образом надо диалектику и излагать и изучать.

Ленин ставит знак равенства между диалектикой и теорией познания и указывает на то, что Плеханов не обратил на это должного внимания, а это суть дела.

В рассматриваемом нами третьем периоде Ленин систематически обращает внимание на недостатки плехановской диалектики и критикует их. Подмен Плехановым диалектики софистикой отмечен Лениным еще в 1904 г. В статьях периода войны это делается систематически. Рассматривая ошибки Плеханова, отделявшие его от диалектического материализма и приближавшие его к вульгарному материализму, Ленин отмечает, что плехановская критика кантианцев и юмистов была недостаточной потому, что Плеханов просто отвергал их рассуждения, а не исправлял, как это делал, например, Гегель, критикуя Канта.

Мы выше уже указывали, что критика Лениным махистов, данная в «Материализме и эмпириокритицизме», как раз свободна от этого недостатка. Такая критика, исправляющая, обобщающая, показывающая связь и переходы всех понятий, вообще была свойственна Ленину. Особенно же блестящие образцы такой критики находим мы в произведениях Ленина, начиная с рассматриваемого нами периода. Достаточно указать на такие произведения, как «Государство и революция», «Детская болезнь левизны в коммунизме» и др., Ленин, везде показывая материальные корни тех или иных явлений в области теории, неизменно вскрывает методологические ошибки противника и показывает, как надо их исправлять.

Придавая такое огромное значение изучению диалектики, Ленин, как уже сказано, наметил программу работ для того, чтобы поставить это изучение систематически. В конспекте «Науки логики» Ленин неоднократно высказывает мысль, что продолжение дела Гегеля и Маркса состоит «в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (IX «Ленинский сборник», стр. 138). Это, так сказать, общая установка, говорящая о том, что материалистическую историю философии, историю развития человеческой мысли нельзя отрывать от истории материального процесса производства. Но далее имеются более детальные указания, в которых дается целая программа изучения. Среди заметок при чтении лассалевского «Гераклита» Ленин перечисляет: «история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка + психология + физиология органов чувств. Следовательно, короче, история познания вообще. Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (см. стр. 315, XII сборника). Вот целая программа работ по изучению диалектики.

В своем известном письме в журнал «Под Знаменем Марксизма» в 1922 г. Ленин оставил как бы завещание, как надо работать в дальнейшем в области изучения диалектики.

Ленин прежде всего указывает на необходимость борьбы за материализм против «философской реакции» и «философских предрассудков» так называемого «образованного общества», т.-е. против идеализма, против поповщины. Ленин приглашает «неуклонно разоблачать и преследовать всех современных «дипломированных лакеев поповщины», представителей реакционной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии,—вести атеистическую пропаганду. Ленин указывает на необходимость союза со всеми последовательными материалистами и «с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма».

Ленин напоминает, что из той крутой ломки, которую переживает современное естествознание, «сплошь да рядом родятся реакционные философские школы и школки, направленья и направленьица». И для того, чтобы справиться со всеми сложными и трудными вопросами, возникающими в связи с этим, не дать сбить себя с пути научного исследования, необходимо, как говорит Ленин «быть сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. ...быть диалектическим материалистом». И Ленин, обращаясь к сотрудникам журнала «Под Знаменем Марксизма», говорит дальше, что надо делать, как работать, чтобы овладеть материалистической диалектикой.

«Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т.-е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай) — т.-е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов, все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть на мой взгляд своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае». (Собр. соч., т. XX, ч. II, стр. 497 — 498).

К тому что говорит здесь Ленин о необходимости изучения образцов диалектики у Маркса, следует добавить, что столь же важно изучать и ту материалистическую диалектику, которая имеется во всех произведениях Ленина. Это важно особенно потому, что в его работах, речах, выступлениях дается материалистическое освещение и об'яснение явлений и событий новейшей истории: первой всемирной империалистической войны и пролетарской революции. В философских же тетрадях Ленина (IX и XII Лен. сборники) дана исчерпывающая характеристика материалистической диалектики и содержится много ценнейших указаний, как ее изучать.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

К вопросу о критике теории империализма т. Бухарина.

Борьба с правыми ошибками т. Бухарина помогает партийным кадрам глубже продумать основы ленинизма, его теории, стратегии и тактики, т. к. речь идет не только о преодолении политических ошибок, но и о вскрытии теоретических, методологических корней, из которых эти ошибки проистекают. Последнее тем более важно, что теоретические и методологические ошибки т. Бухарина имеют более широкое распространение и присущи целому ряду таких товарищей, которые политически с ним не согласны.

Основная задача должна заключаться в том, чтобы выяснить правильные ленинские положения и на их основе преодолевать ошибки т. Бухарина.

С этой точки зрения не может удовлетворить та критика бухаринских ошибок в теории империализма, какая дана на страницах № 9 «Проблем экономики» [1]).

Тов. А. Кон в своей статье «Несколько замечаний о теории «организованного капитализма» критикует ошибки тов. Бухарина в теории империализма.

Первая часть статьи посвящена ленинскому пониманию соотношения конкуренции и монополии в эпоху империализма. С этой точки зрения автор делает ряд замечаний об ошибках т. Бухарина. Казалось бы, что достаточно развить высказанные в первой части положения, чтобы продемонстрировать методологические ошибки Бухарина в теории империализма. Однако, во второй части статьи автор отклонился от этого пути, пустился в «оригинальное» углубление и наделал ворох ошибок, сводящих на-нет все его критическое выступление. Приведем центральные положения тов. Кона:

> «В возникновении капиталистических об'единений и монополии важна не организация капиталистического общества, но концентрации эксплотации. Именно в концентрации насилия, в концентрации эксплоатации—наиболее существенная сторона монополитической тенденции империализма. Об'единение капиталистов, есть об'единение насилия по отношению к другим классам.
>
> «...Если подходить к оценке империализма не с точки зрения характера отношений обмена, но с точки зрения классовых отношений, станет ясным, что отличительной чертой империализма по сравнению со старым капитализмом является отнюдь не рост организованности сам по себе, отнюдь не замена рыночных отношений организованными, но специфические отношения эксплоатации. В эпоху старого «свободного» капитализма источником капиталистического дохода является прибавочная стоимость, выколачиваемая из наемного рабочего. Образование же капиталистических монополий ведет к тому, что к обычной прибыли капиталистов присоединяется монополистическая сверхприбыль, добываемая путем эксплоатации потребителя и «независимого» мелкого производителя. Иначе говоря, эксплоатация крестьянства как капиталистических стран, так и стран колониальных, эксплоатация промежуточных слоев населения становится необходимой чертой империалистической системы. Одновременно процесс образования монополией ведет к усилению эксплоатации рабочего. Во все большем количестве отраслей производства рабочему классу противостоит теперь монополистический наниматель, навязывающий рабочему классу заработную плату, путем прямого давления, прямого насилия. Правда, получение сверх

---

[1]) Общая рецензия на журнал будет дана в одном из следующих номеров «Большевика».

> прибыли путем эксплоатации колониального крестьянства и колониальны рабочих позволяет монополистам обратить часть своих доходов на прямо подкуп верхушки рабочего класса в метрополиях. Однако, тем ожесточеннее оказывается эксплоатация других непривиллегированных слоев рабочего класса. Именно в этом росте эксплоатации, именно в этом росте насилия именно в распространении капиталистической эксплоатации на промежуточные слои населения и на крестьянство в первую голову и состоит характерная черта монополистического капитализма-империализма, мимо которой проходит т. Бухарин.

Мы извиняемся перед читателем за столь длинные выписки. Но мы свободны теперь от обвинения, что вырвали фразу, недоцитировали и т. п. С другой стороны, читатель имеет возможность разбирать мысль во всей ее полноте.

Начнем разбор с последнего положения. Сущность, характерная черта монополистического капитализма, заключается, в понимании т. Кона, в распространении капиталистической эксплоатации на крестьянство и другие промежуточные, живущие на основах докапиталистического производства, слои населения. Именно это, по мнению т. Кона, отличает империализм от старого «свободного» капитализма, когда источником дохода являлась только прибавочная стоимость, производимая наемным рабочим. Все это понимание прежде всего исторически неверно. И в эпоху «свободного» капитализма и в эпоху империализма основное и решающее, что лежит в основе системы, что характеризует ее — это производство прибавочной стоимости наемным рабочим. И нет никаких оснований утверждать, что производство прибавочной стоимости играет теперь меньшую роль. С другой стороны и старый капитализм и империализм разоряет массу мелких производителей и внутри страны и в отсталых, колониальных странах, высасывает их экономические соки на всем протяжении своей истории. Так что говорить о том, что это новый характерный только для империализма процесс,—не приходится. Вследствие господства монополий колоссально возрос, приобрел ряд новых форм этот процесс эксплоатации «промежуточных слоев». Но считать, что эксплоатация некапиталистических производителей это то новое, что характеризует империализм в отличие от старого капитализма, это значит теоретически сползать с ленинской на каутскианскую позицию, сочетая ее с некоторыми положениями Розы Люксембург. Никто иной как Каутский видел особенность империализма в угнетении аграрных стран передовыми, и ни кто иной как Ленин именно за это разоблачал Каутского, подчеркивая, что империализм стремится захватить и эксплоатировать не только отсталые, но и пеердовые страны.

Далее, именно Роза Люксембург считала, что капитализм вообще, а особенно империализм, может «развиваться» лишь в меру «поедания» промежуточных слоев, особенно крестьянства и внутри страны и в колониях. Некоторый вариант этих положений мы находим в последних высказываниях т. Кона. Он забыл здесь, что говорил сам же в начале статьи, что главное в империализме—господство монополий.

У т. Кона, далее, получается, что наиболее существенная сторона в империализме это «концентрация насилия». Выставляя концентрацию насилия, как наиболее существенную сторону, т. Кон берет это положение в весьма странном противопоставлении: важна не «организация» капиталистического общества, но «концентрация насилия».

Прежде всего, Ленин нигде и никогда не ставит вопроса об «организованности самой по себе». Ленин всегда и всюду говорит только о капиталистических монополиях. Их историческую роль он видит отнюдь не в бесформенном, неопределенном «росте организованности», а в том, что они подняли на более высокую ступень тот процесс обобществления производства в антагонистической форме, тот процесс подготовки материальных предпосылок социализма, который составляет историческую миссию капитализма. О росте «организованности капитализма вообще» благодаря монополиям Ленин нигде не говорит. Наоборот он подчеркивает всюду развитие противоречий капитализма на новой основе, углуб- ение этих противоречий. Неверно поэтому ставить так вопрос: «Подходя к во- росам «организации» капиталистического общества, Ленин всегда подчеркивал, то главным (!!) здесь является не организация сама по себе, но принуждение подчинению союзам монополистов» (55).

В подтверждение этого идут у Кона две цитаты из Ленина, которые сви- етельствуют о том, что главного-то у Ленина Кон и не понял. Для Ленина так азываемый вопрос о росте организованности не является ни главным, ни второ- тепенным, ни десятистепенным в вопросе о монополии. Ленин отвергает буржуазную болтовню о росте организованности, противопоставляет ей анализ капи- алистического существа монополий, не снимающих, а лишь углубляющих все противоречия капитализма. При чем для Ленина вопрос вовсе не сводился к росту и концентрации насилия. Это у т. Бухарина вопрос о концентрации насилия поставлен в качестве основного определения империализма. И тов. Кон, выпячивая это положение, лишь повторяет ошибку т. Бухарина:

> «Вертикальной и сложной конкуренции сопутствуют методы непосредственного (силового) давления. Поэтому система мирового финансового капитала неизбежно влечет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов. Здесь и лежит основной корень империализма» («Экономика переходного периода», стр. 15).

Вопрос о насилии, как центральный для империализма, как основной корень его—все это бессознательно заимствовано т. Коном у Бухарина, повторена полностью и целиком ошибка последнего. Как бы специально на сей случай в приведенном месте сделаны Лениным подчеркивания (Лен. сборник, XI, стр. 350—351). А против слов «поэтому» и «здесь» написано:

«не «поэтому» и не «здесь». Колонии были и до империализма и даже до промышленного капитализма».

Здесь дан ответ на оба ошибочных положения тов. Кона:

1) о том, что «в концентрации насилия наиболее существенная сторона монополистической тенденции империализма».

и 2) что—«в распространении капиталистической эксплоатации на промежуточные слои населения и состоит характерная черта монополистического капитализма».

Пытаясь критиковать ошибки т. Бухарина, т. Кон наделал в свою очередь, ряд грубых ошибок, частью бессознательно повторив бухаринские. Такая критика запутывает вопрос, мешает преодолеть бухаринские ошибки и глубже продумать основы ленинской теории империализма. Основная ошибка т. Бухарина вовсе не в том, что он не видит «концентрации насилия». Наоборот это «силовое давление» заслонило от его взора то, что составляет существо: рост и углубление всех противоречий капиталистической системы вследствие роста монополий, вследствие сосуществования монополии и конкуренции.

Из выпячивания этой «концентрации насилия», из непонимания вопроса о росте капиталистических противоречий, вытекает совершенно ошибочное понимание т. Коном вопроса о невозможности ультраимпериализма:

«Именно обострение классовых противоречий делает невозможным завершение монополистических тенденций империализма» (56). Это положение т. Кон в разной связи повторяет не однажды, преподнося его как ленинское понимание вопроса. Для выяснения сути дела сравним положения на сей счет у Ленина и Бухарина:

Бухарин.	Ленин.
«Рассуждая абстрактно - теоретически, такой трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картеллирования. Но эта абстракция, экономически возможная,	«Спрашивается, «мыслимо» ли предположить при условии сохранения капитализма, (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были некратковременными? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?

отнюдь не означает, однако, ее реальной вероятности. Тот же Гильфердинг с полным правом пишет в другом месте: «экономически был бы возможен всеобщий картель, который руководил бы всем производством и, таким образом, устранил бы кризисы; он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом неосуществимым, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы его к крушению».

Однако, на самом деле, социально-политические антагонизмы не могли бы допустить даже образование такого всеохватывающего треста» (Мировое хозяйство и империализм. Стр. 131—132. «Моск. Рабочий». 1927 г.).

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колонии и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А силы изменяются не одинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных преприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже—Япония по сравнению с Россией. Через десяток—другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо» (т. XIX. 2-е изд. стр. 167—168).

И т. Бухарин и Гильфердинг не видят экономических причин невозможности ультраимпериализма. Невозможность заключается, по их мнению, лишь в причинах социальных и политических. При этом Гильфердинг считает, что эти причины взорвут всемирный трест, если он образуется, т. Бухарин считает, что эти причины не допустят даже образования. Но невозможность ультраимпериализма лежит только в социально-политическом антагонизме, который взорвет капитализм еще до образования всемирного треста. Как мы видели, т. Кон целиком повторяет эту точку зрения. И у него мы не находим понимания экономических причин невозможности ультраимпериализма.

Ленин же видел первую, исходную так сказать, причину во всей сумме противоречий капитализма, в неравномерности его развития. Вопрос о классах и обострении классовой борьбы был неразрывно связан у Ленина со всей системой противоречий экономики капитализма включался важнейшим звеном в эту систему противоречий, характеризующих самое существо экономической структуры, монополистического капитализма. Поэтому Ленин считал невозможным ультраимпериализм не только по причинам социальным и политическим, но прежде всего в силу неизбывной внутренней противоречивости всей экономики капитализма и в его монополистической стадии развития.

Непонимание этой стороны вопроса вытекает у тов. Бухарина из всей его ошибочной методологии в теории империализма, из рассмотрения всех тенденций в «чистом» виде. Здесь лежит корень ошибки в понимании вопроса об ультраимпериализме. Поэтому замечания тов. Кона бьют целиком мимо цели, т. к. тов. Кон сам стоит в этом вопросе на точке зрения т. Бухарина. Ошибка т. Кона в этой части должна быть отмечена тем более резко, что он повторяет ее во всех трех изданиях своего «Финансового капитала», начиная с 1925 г. В издании, вышедшем в самом конце прошлого 1928 г., мы читаем:

> «Если бы каждая страна была автаркией (т.-е. самостоятельно, без помощи других стран, удовлетворяла свои потребности), если бы она была изолированной и не была связана нитями международной торговли со всем остальным миром, монополия капиталистических организаций на национальных рынках была бы абсолютной. Конкуренция, и даже меновые отношения со всеми свойственными им атрибутами: ценами стоимости и пр., были бы окончательно вытеснены из современного общества. Современное хозяйство перестало бы быть капиталистическим и превратилось бы в организованное классовое общество (подобие хозяйства рабовладельческого). Однако, международные связи мощно и стремительно развиваются из года в год».

> «Современное хозяйство, по существу своему, является хозяйством мировым. Поэтому распространение власти финансово-капиталистических об'единений на целые страны не устраняет конкуренции из системы современного капитализма. Напротив того, по мере усиления мощи отдельных капиталистических организаций, по мере расширения их влияния, конкуренция на мировом рынке приобретает все более ожесточенный и разрушительный характер».

(А. Кон. — Финансовый капитал и империализм, 1929 г., стр. 104).

Теория «организованного капитализма» преподнесена здесь в грубо-упрощенной форме. Эти высказывания свидетельствуют, во всяком случае, о том, что понимания экономической невозможности единого треста тов. Кону недостает. Своей последней статьей против т. Бухарина он лишь подтверждает это.

В общем итоге, необходимо признать, что т. Кон, пытаясь критиковать ошибки тов. Бухарина, сам в ряде решающих пунктов остается стоять на точке зрения Бухарина. Нет ничего удивительного в том, что статья не может послужить преодолению этих ошибок и популяризации основ ленинской теории империализма.

Мы не имеем возможности остановиться на разборе ряда других ошибок, имеющих косвенное отношение к настоящей теме. Возьмем лишь одну. В приведенной цитате у т. Кона фигурирует «точка зрения» обмена и противопоставляющаяся ей «точка зрения» классовых отношений («не с точки зрения характера обмена, но с точки зрения классовых отношений»). С коих это пор марксисты стали заниматься такими противопоставлениями?! Ведь в «Капитале» достаточно отчетливо выяснено, что именно из развития законов товарного производства, на основе обмена рождается капиталистическая эксплоатация. С коих это пор обмен стал бесклассовой категорией?!

Имея благое намерение критиковать теорию империализма тов. Бухарина, тов. Кон не в состоянии, однако, это выполнить. Ему мешают его ошибки, его механистическая методология. Но освободившись до конца от всего этого механистического груза, нельзя правильно понять ленинской теории империализма, нельзя преодолеть ошибочной бухаринской теории, в основе которой лежит та же механистическая методология.

В этом же номере напечатана и статья тов. Бессонова «Понятие мирового хозяйства в концепции тов. Бухарина», ставящая своей задачей выяснить, что «основные исходные теоретические позиции тов. Бухарина» ошибочны, что неверен «исходный пункт представлений тов. Бухарина».

В самом деле, приступая к исследованию империализма, тов. Бухарин пишет, что «Вопрос об империализме, его экономической характеристике и его будущности превращается в вопрос об оценке тенденций развития мирового хозяйства». Если к этому добавить, что под мировым хозяйством тов. Бухарин подразумевает «один из видов социального хозяйства вообще», то нельзя не признать, что тов. Бухарин стоит на позициях принципиально отличных от ленинских.

«У Ленина, — как это правильно отмечает тов. Бессонов, — возникновение империалистических отношений «произведено не чем иным, как непосредственным развитием, расширением, продолжением самых глубоких и коренных тенденций капитализма и товарного производства вообще» (XVIII, 354).

Таким образом, в то время как у Ленина империализм является развитием тенденций капитализма, у тов. Бухарина он является развитием тенденций мирового хозяйства, являющегося «одним из видов социального хозяйства вообще». Иначе говоря, у тов. Бухарина теряется и исчезает как раз то особенное, что характерно для империализма, как «надстройки над старым капитализмом».

С этой точки зрения критику тов. Бессонова надо считать интересной и нужной, поскольку она по-новому, с новой стороны подходит к исходным положениям бухаринской теории империализма. Однако, на ряду с этим, тов. Бессонов допустил и ряд ошибочных положений, которые не позволяют полностью принять его критику исходных пунктов теории империализма тов. Бухарина. Прежде всего о самом термине: «мировое хозяйство». Тов. Бессонов пишет:

> «Термин «мирового хозяйства»—недостаточно определенный термин. Дело, конечно, не в том, или, вернее—не только в том,—что он рожден буржуазной наукой и применяется главным образом ею. Особенность этого термина в том, что он характеризует об'ем явлений, а не их социально-классовое содержание. В этом смысле термин «мировое хозяйство» стоит в том же ряду, что и термин «народное» или «национальное хозяйство», над которыми так жестоко издевался Маркс и неправильность которого в других местах признавал и сам т. Бухарин (Экономика переходного периода, 8)» (36).

Итак, по Бессонову, термин «мировое хозяйство»—понятие, фигурирующее в буржуазной науке, что термин этот немарксистский. Тов. Бессонов ставит своей задачей обнаружить «познавательную бесплодность» понятия «мирового хозяйства».

Но напрасно т. Бессонов начинает со спора о терминах. Схоластическое это занятие. Наконец, всей своей постановкой вопроса тов. Бессонов вносит путаницу. Если он настаивает на своем положении, то нужно быть последовательным и обосновать исключение этого термина и из программы Коминтерна, т.-е. это название фигурирует там далеко не случайно.

Мы со своей стороны считаем, что развитие в империалистическую эпоху дает все основания говорить о мировом хозяйстве, наполняя это понятие определенным экономическим содержанием, охватывающим особенности империализма.

Наконец, тем, что тов. Бессонов перенес вопрос в дебри схоластических рассуждений о пространственно-об'емных связях, он упустил основное, за что нужно критиковать тов. Бухарина. Верно указание тов. Бессонова, что у Бухарина имеется стремление вывести империализм из мирового хозяйства, а не капитализма. Но не только в этом исходное и главное у Бухарина. У последнего хозяйство выступает как сплошной, законченный монополистический капитализм и весь анализ в его работе «Мировое хозяйство и империализм» построен именно на этой схеме чистого, «цельного» империализма. Отсюда у тов. Бухарина получается затушевание противоречий капитализма, смазывается вместе с тем и вопрос об обострении классовой борьбы. Весь вопрос о классах поставлен столь же мертво, схематично, предельно.

Монополии и финансовый капитал являются ведущей силой современной экономики. Но все мировое хозяйство представляет собой сложную хозяйственную мозаику. Монополии и империализм покоятся на базе старого капитализма, и то и другое переплетается и ведет за собой огромный мелкотоварный массив. Ничего этого в бухаринском мировом хозяйстве нет. У него «цельный» империализм, механически перенесенные законы капитализма, которые облачены лишь в другую одежду. Поэтому нельзя найти, например, анализа того, как на известном уровне развития закон концентрации создает новое явление — монополии и приводит к укреплению их господства, воспроизводя на более высоком уровне и в некотором отношении в видоизмененной форме все основные противоречия капитализма. Вместо этого—схема государственно-капиталистических трестов. Не найдем мы поэтому и анализа тех превращений форм конкуренции, что характеризует империализм, перерождение старых форм конкуренции в новые формы экономической борьбы, их переплетение и срастание с методами насильственного воздействия, широкого привлечения государственной мощи. Одновременно с этим сохранение ряда старых форм конкуренции. Вместо этого у тов. Бухарина механическая замена конкуренции посредством дешевых цен конкуренцией методами «силового давления». Все эти ошибки отражают непонимание марксистской диалектики. Обо всем этом надо прежде всего говорить, т. к. здесь центр тяжести ошибок.

Чтобы покончить с об'емно-пространственными вопросами, обратимся к выяснению последнего положения на сей счет.

Тов. Бессонов считает, что «в известных пределах и для известных целей» рассмотрение в «пространственном разрезе» допустимо. Это допустимо в конкретном исследовании, но не в чистой теории. В последнем случае безразлично, «рассматриваем ли мы его (капитализм) в национальном или интернациональном разрезе». Здесь т. Бессонов солидаризируется целиком и полностью со следующим положением из «Экономики переходного периода»:

«Совершенно безразличным является для чистой теории, насколько велик об'ем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйств».

Позволим себе продолжить цитату:

«Как раз поэтому Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которую облюбовали патриотические немецкие профессора. Точно также сравнительно второстепенным для абстрактной теории является вопрос о том, что выступает в качестве суб'екта отдельного хозяйства... (стр. 8). Все подчеркивания принадлежат здесь Ленину (см. Лен. сборник XI, стр. 349) и вместе с Бухариным они бьют и Бессонова. Положение о том, что в чистой теории безразличен об'ем хозяйства, представлялось Ленину ошибочным.

Ведь как раз из этого положения, что для чистой теории не важен об'ем, вытекает положение Бухарина, которое непосредственно следует в «Экономике переходного периода» за приведенными рассуждениями об об'еме и суб'екте:

> «Современный капитализм есть капитализм мировой. Это значтит, что капиталистические производственные отношения господствуют во всем мире».

Дважды подчеркнув последние слова, Ленин пишет на полях: «Не во всем».

Раз для чистой теории не важно «в национальном или интернациональном разрезе» рассматривать капитализм, то совершенно законно, констатируя мировой характер современного капитализма, распространить капиталистические отношения на весь мир. Но именно из такой методологической ошибки вытекает то, что т. Бухарин рассматривает мировое хозяйство, как «цельный» империализм, беря все процессы в их «предельном» развитии.

Основная ошибка Бухарина именно в том и заключается, что весь вопрос остается только и исключительно в «чистой», а я бы сказал в «чистейшей» теории. Весь анализ империализма, как особой фазы в развитии капитализма, потоплен в общих схемах и крайних, «предельных» абстракциях. И именно здесь корень методологических ошибок.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тт. Лукша (Бердичев), Евсееву (Вольск), Щукину (ст. Обозерская. Сев. ж. д.), Чекалину (Коломна), Синеву (Аленевка, Р.-У. ж. д.) и Котову (г. Пугачев).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ.

Товарищи, присылающие в редакцию журнала «Большевик» статьи, написанные без предварительной договоренности с редакцией, должны одновременно указывать свою партийность, выполняемую работу и точный адрес.

По поводу статей, присланных без указания этих необходимых сведений, редакция ни в какие переговоры или переписку с авторами вступать не будет.

Редакция «БОЛЬШЕВИКА».

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1930 г.

на журнал

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“

4-й год издания. **(Выходит 24 номера в год).**

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“

Журнал актива строителей социалистической культуры. Передовой рабочий, активист колхоза, партиец, комсомолец, вузовец, научный работник, организаторы культуры в городе и селе—на эти категории читателей рассчитан журнал.

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“

Ведет теоретическую разработку проблем культурной революции с точки зрения марксизма-ленинизма. Дает четкую классовую линию в культурном строительстве.

Ведет неустанную борьбу со всеми реакционными, мелкобуржуазными и буржуазными идеологическими течениями.

Обогащает практический опыт культурного строительства, подымая его на принципиальную высоту.

Организует строителей социалистической культуры вокруг очередных культурно-политических задач.

Подписная цена на 1930 год СНИЖЕНА:
на 1 мес. — 60 к.; на 6 мес. — 3 р. 60 к.;
на 3 мес. — 1 р. 80 к.; на 12 мес.—7 р. 20 к.

Цена отдельного номера СНИЖЕНА до 40 коп.

ПОДПИШИТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ — 11-й ГОД ИЗДАНИЯ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — боевой орган Исполкома Коммунистического Интернационала, отражающий идеологическую и тактическую линию Исполкома и весь опыт международного коммунизма.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» ведет в первую очередь непримиримую борьбу с оппортунизмом в рядах рабочего класса.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» является мощным оружием большевизац. Коминтерна, оружием борьбы против всякого рода шатаний, скептицизма и пессимизма в большевистских рядах.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» уделяет особое внимание национально-освободительной борьбе угнетенных народов.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» беспощадно разоблачает империализм и его социал-демократических агентов.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» собирает весь опыт мирового пролетарского движения и пятидесяти секций Коминтерна, привлекая к активному участию в журнале все лучшие силы международного коммунизма.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» в 1930 г. дает своим подписчикам 36 номеров журнала в увеличенном об'еме, не менее 60 страниц в каждом номере.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 месяц — 90 к., на 3 мес. — 2 р. 70 к., на 6 мес. — 5 р. 40 к., на 12 мес. — 10 р. 80 к.

Цена отдельного номера 35 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯЙТЕ: в Главную Контору Изд-ва «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), в местные отделения «Правды», в почтовые конторы и письмоносцам.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе издательства ЦК ВКП(б) „Правда“ (Москва, 9, Тверская, 48), в местных отделениях „Правды“, почтовых конторах, письмоносцами и во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати.

Главлит № А—54671 Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48. Тираж 165.000 экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-99

№ 3—4 — 28 ФЕВРАЛЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ Передовая. Навстречу новым пополнениям. **Мингулин**, И. На под'еме мирового революционного движения (стр. 15). **Мехлис**, Л. Вопросы теории зарплаты в СССР (стр. 32). **Савчук**, П. Роль МТС в социалистическом переустройстве деревни (стр 48). **Смолянский**, Г. Экономическое положение пролетариата в странах капитализма (стр. 59). **Сенченко**, А. Против правооппортунистической ревизии программы Коминтерна (стр. 75). **Минц**, И. Год великого перелома и русская эмиграция (стр. 89). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: **Козлов**, К. „Академический" Маркс (стр. 106). С. А.—Леонтьев, А. Экономическая теория правого уклона (стр. 102). КОНСУЛЬТАЦИЯ: **Мельбард**, Н. Еще раз к вопросам теории империализма (стр. 109). ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ: **Теодорович**, Ив. Надо рассеять недоразумение (стр. 116). **Ярославский**, Ем. Недоразумение ли? (Ответ т. Теодоровичу, стр. 123). ИЗВЕЩЕНИЯ (стр. 127).

Навстречу новым пополнениям.

Второй год пятилетки с самого начала ознаменован целым рядом таких явлений, которые свидетельствуют о глубочайшем революционном, поистине коммунистическом, под'еме широчайших рабочих масс. Этот под'ем захватывает с каждым днем все большие массы крестьян, батраков, бедняков и середняков, которые под руководством рабочего класса, под руководством авангарда пролетариата, ленинской партии, переходят на громадных пространствах Советского Союза к социалистической перестройке сельского хозяйства.

Было бы неправильно, оценивая этот под'ем, забывать о том, что он подготовлен всей предыдущей политической работой партии в городских и деревенских массах. Вся работа партии была направлена с первых дней Октябрьской революции на то, чтобы, как говорил Ленин, опытом миллионов проверить правильность нашей программы. В необычайно трудных, порой мучительных условиях проходила эта проверка. Надо было преодолевать неверие, пессимизм не только в отсталых массах пролетариата, в колеблющихся мелкобуржуазных массах крестьянства, — надо было преодолевать неверие в собственных рядах, бороться с мелкобуржуазной «революционностью», с анархо-синдикалистскими уклонами, с полуменьшевистской критикой нашей генеральной линии; надо было преодолеть правый оппортунизм. Надо было развить в рабочем классе такую гигантскую энергию, которая могла бы преодолеть эти препятствия, несмотря на все эти трудности, и, несмотря на то, что в недрах хозяйственного аппарата от прошлого остались в наследство вредители, засевшие во всех важнейших головных пунктах, чтобы взрывать изнутри нашу работу. Каждое смелое, новое мероприятие в этой обстановке встречалось с недоверием нашими «критиками». Даже такое мероприятие, как введение семичасового рабочего дня к десятилетней годовщине Октябрьской революции, было встречено недоверием так называемой об'единенной оппозиции. Темпы, намеченные пятилеткой, вызвали прямое сопротивление даже у отдельных групп партийцев, которые считали самой мудрой политикой равняться на так называемые «узкие места», равняться по мелкобуржуазному уровню, по недовольству кулаков, проповедуя, как самую мудрую политику и как-будто даже ленинскую политику, теорию непрерывных уступок. Именно в борьбе со всеми этими уклонами, непролетарскими, нереволюционными настроениями, партия воспитывала массы, закаляла их, учила преодолевать трудности, воспитывала героическое упорство в достижении намеченной цели. Только благодаря этому мы получили такие неопровержимые, такие убеждающие и побеждающие успехи первого года пятилетки.

Рабочий класс показал, как много он может сделать на путях социалистического соревнования. Социалистическое соревнование, как метод коммунистической работы, захватил не только фабрики и заводы, он—передался в деревню, он захватил широкие массы крестьян, которые в порядке социалистического соревнования усилили темп колхозного строительства. Еще год тому назад и даже полгода тому назад имевшие место споры о роли колхозов и крупных совхозов кажутся теперь такими далекими, такими странными, чтобы не сказать больше.

Рабочий класс выдвинул ударные бригады. Эти ударные бригады, работая по-новому, поставили перед собой задачу «уничтожить прогулы и простои, уплотнить свою работу, увеличить выработку продукции, дать работу лучшего качества, удешевить себестоимость, уменьшить сроки выработки продукции, ликвидировать или свести до минимума брак, отходы, угары и т. п. Решительно бороться с потерями сырья, материалов, энергии, стать активными участниками рационализации производства, активно участвовать в производственных совещаниях и во всей общественно-политической жизни завода» [1].

Ударные бригады достигли в этом отношении значительных, иногда поразительных результатов. Они проявили величайший героизм, дали беспримерные образцы революционной активности, преданности пролетарскому делу. Недавно на Днепрострое надо было срочно исправить трещину на одном из участников работы. По расчетам техперсонала строительства, эту трещину можно было заделать в 15 дней. И вот ударная бригада в двое суток выполнила задание. Рабочие, входившие в эту бригаду, не ложились спать в течение этих двух суток, — работали без перерыва. Разве это не пример величайшего героизма?! Рабочие этой ударной бригады держали себя так, как держат себя в опасном бою самые храбрые, самые передовые бойцы, — победить или умереть. Вот почему движение ударных бригад все шире захватывает массы. Вот почему от ударных бригад, которые охватывают сейчас уже сотни тысяч пролетариев, перешли к ударным цехам и к ударным заводам. Призыв профсоюзов и комсомола мобилизовать новых 500 тысяч ударников, это — боевой приказ, который пролетарской армией выполнен в краткий срок. Уже в настоящее время число ударников вдвое превысило намеченную профсоюзами цифру.

Обращение ко всем пролетариям Союза ВЦСПС и ЦК комсомола правильно оценивает значение этого призыва.

«В историю борьбы рабочего класса за социализм 1929 год войдет не только как первый год великой пятилетки, но и как год массового развертывания социалистического соревнования. Идея Ленина об организации соревнования на социалистических началах быстро овладевает массами и становится гигантской силой. Социалистическое соревнование—подлинно «коммунистический» метод строительства социализма». Соревнование ударило по прогулам, подняло кривую производительности, ликвидировало прорывы первых двух кварталов прошлого хозяйственного года и сделало реальным лозунг, под знаком которого прошел первый с'езд ударников,—«пятилетку в четыре года».

«Социалистическое соревнование обозначило крупнейшие политические сдвиги в сознании трудящихся, оно вызвало мощное движение ударных бригад, оно подняло на небывалую высоту творческую инициативу масс».

«Пролетариат нашей страны, штурмующий под знаменем социалистического соревнования рабские темпы работы, расхлябанность и разгильдяйство, под руководством партии в борьбе с правыми оппортунистами, с паникерами и дезертирами социалистического строительства, наметил еще более высокие и напряженные темпы строительства на второй год пятилетки».

Можно привести сотни сообщений отовсюду, об этом боевом пролетарском под'еме. Сообщения эти свидетельствуют о том, что это не временный, не мимолетный под'ем, что это могучее движение, захватывающее все большие и большие массы. Вот Харьковский электрозавод—ГЭЗ. За одну неделю он дал 1.100 рабочих, об'явивших себя ударниками. Там же, до об'явления ленинского призыва на Канатке было около 2,5 тысяч работниц, принимавших участие в социалистическом соревновании, а на 29 января имелось уже более 4 тысяч, или 85% всех работниц вошли в ударные бригады. Такие же сведения идут с заводов Урала, с заводов Сибири и других районов. К ленинским дням все цеха Чусовского завода перешли на ударный устав работы. Ударный устав охватил 3.500 рабочих. К 6-й годовщине смерти

---

[1] Из обращения московских ударников ленинского призыва.

Вл. Ильича, Лысьвенский завод целиком перешел на ударный устав работы и заверяет Центральный и Уральский Областной комитеты ВКП(б), что «ударный Лысьвенский завод уже работой второго квартала покроет основную часть своей задолженности за первый квартал, а к концу хозяйственного года даст все 100% выполнения производственного задания второго года пятилетки по заводу». В Твери все отделы и цеха завода «Красный Октябрь» перешли на ударную работу. Бакинские рабочие «Ленинской промысловой площадки» заявляют о том, что они приложат все усилия к тому, чтобы выполнить пятилетку по нефти в 2½ года. Чтобы выполнить производственную программу в этом году с превышением, Ленинский райотдел союза горнорабочих заявляет, что весь район об'являет себя ударным по выполнении генеральной линии партии и дает обязательство окончательно изжить имеющиеся в районе недостатки. Но это — заявление не одного только района. Все бакинские рабочие втягиваются в эту ударную работу.

Все, кто наблюдал в эти дни работу в ударных цехах, в ударных отделах заводов, отмечают небывалый производственный под'ем. Так, из Харькова товарищи сообщают о работе тракторного цеха: «На заводе в буквальном смысле слова ночуют у станка».

На ряду с этим мы видим, как могучим потоком разливается одно из новых явлений в рабочем классе — образование ударных производственных коммун, коммунистических цехов, коммунистических заводов. Это образование ударных производственных коммун идет наряду с массовыми вступлениями в ВКП(б). 5 февраля рабочие гвоздильного цеха завода «Красная Этна» в Ниж.-Новгороде постановили об'явить свой цех ударной коммуной. Они обязуются увеличить производительность труда на 13,4%, снизить себестоимость на 12,67%, ликвидировать прогулы по неуважительным причинам до 0, по уважительным — на 50%, снизить брак до 0,02%, бережно относиться к оборудованию и инструменту, приходить на работу за 15 минут до гудка, чтобы приводить в порядок станки, устранять обнаруженные дефекты. Цех делится на три бригады-коммуны: гвоздильщики, полировщики, слесаря. Вся сумма заработной платы, получаемая по группам, делится пропорционально между членами бригады-коммуны соответственно проработанных часов.

Переходя на устав коммуны рабочие, вместе с тем, подают коллективное заявление о приеме рабочих-гвоздильщиков в ряды ВКП(б). Они заявляют: «Это будет лучшим ответом на попытки мировой буржуазии сорвать пятилетку, лучшей поддержкой мирового пролетариата, идущего к решительным боям за диктатуру пролетариата. Эта надежная гарантия того, что промфинплан и пятилетка будут выполнены полностью и прежде срока».

На Златоустовском заводе рабочие, кажется, раньше других перешли к этому опыту. Работа перераспределена между членами коммуны. Заработная плата получается по одной расчетной книжке и делится между всеми поровну. Производительность труда и заработная плата в результате этого поднялись на 15 и больше процентов. На заводе существует около 200 таких коллективов. Рабочие, основываясь на этом удавшемся опыте, переходят к внедрению коммунистических элементов в свой быт. В Златоусте создан громадный дом-коммуна, в котором будет перестроен быт коммунаров. Завод, который недавно еще отличался прогулами,—этот завод стал одним из ударных заводов, одним из передовых. Примерно, по этому же типу строится производственная коммуна на Киевском Краснознаменном заводе, на механическом заводе № 13 в Брянске. Там, где каждый до сих пор работал, руководствуясь в значительной степени индивидуалистическими интересами, там сейчас мощно прививается коллективное настроение, коллективный производственный под'ем.

Социалистическое соревнование ударило по цеховым индивидуалистическим навыкам. Ударные бригады об'единили рабочих одной целью. Производственные коммуны—это новая высокая форма коммунистической организации труда, там каждый следит за другим, чтобы все одинаково работали. Лозунг их—один за всех и все за одного. На заводе «Серп и молот» весь литейный цех об'явил себя ударным коммунистическим цехом и вызвал другие цеха на соревнование в этом. На Коломенском заводе, который почти полностью перешел на ударную работу, где подавляющая масса цехов подала заявление о вступлении в партию, также образовалась производственная коммуна.

Этот рост производственных коммун за последнее время захватывает целые заводы. На фабрике «Буревестник» в коммунистических цехах производительность труда поднялась на 10—15%. На Златоустовском заводе в отдельных цехах имеется увеличение до 200%. В большинстве производственных коммун достигнуто улучшение организации труда, использования оборудования, имеются большие достижения в уменьшении брака, простоев, прогулов. По-новому совершенно ставится вопрос о производственных коммунах, о подготовке кадров; заинтересованные в скорейшей переподготовке, переквалификации низкоразрядников коммунары стараются более быстро обучить и квалифицировать их. На механическом заводе в Уфе в коллективах и коммунах в январе уже было около 2.000 человек. Во всем Златоустовском округе имеется свыше 1.000 производственных коллективов и коммун на фабриках и заводах.

Это движение рабочих захватывает и лучшую часть инженерно-технического персонала. Это особенно характерно для переживаемого момента, именно потому, что во всех важнейших отраслях промышленности, именно среди старого инженерно-технического персонала обнаружились элементы активного и сознательного вредительства. Образовалась первая коммуна инженеров и техников КОФОК на следующих началах. Весь заработок идет по общей расчетной книжке, вся оплачиваемая лекционная и литературная работа отдельных коммунаров идет в общий котел, премирование за изобретение, предложение и т. д. в общий фонд. Коммуна обязуется обучить не менее 50 человек рабочих, углубить их технические знания. Коммунары обязуются выпустить серию популярных брошюр. Все члены коммуны помогают друг другу в своей работе и обязуются принимать самое активное участие в общественной и профессиональной работе. Коммунары обязуются из общего котла выделить средства для повышения своей квалификации, приобретать литературу, устраивать производственные экскурсии и т. д. Они призывают последовать их примеру инженеров и техников всей фабрики, а также и других фабрик. Имена организаторов первой коммуны инженеров и техников: Рудштейн, Белостоцкий, Соломонов, Марченко, Полыновский.

Ленин в «Великом почине» отмечал гигантское значение именно такого коммунистического труда, именно таких форм коммунистической организации труда, повышающих производительность. Это новое движение, несомненно, будет развиваться по мере накопления опыта, по мере улучшения организации труда в этих производственных коммунах и по мере возможности реализовать ту перестройку быта членов коммуны, которая требует соответственного жилищного строительства и других материальных условий. Если проведение в жизнь этой формы производственного кооперирования встречает еще значительные препятствия, то в новых предприятиях, вокруг которых будут вырастать социалистические города, где можно предусмотреть условия, благоприятствующие развитию коммунистических форм быта, производственные коммуны, несомненно, будут развиваться в еще большей степени.

К сожалению, этот опыт нового в рабочем классе недостаточно еще изучается, к нему не привлекали достаточно внимания партийных и профессиональных организаций. Несомненно, в этом движении на первых порах будет не мало ошибок, но именно поэтому необходимо усилить внимание ко всем этим новым формам развития самодеятельности, проявления революционной энергии и классовой сознательности рабочих.

Конечно, весь этот под'ем стал возможным благодаря тому, что мы развили в наших партийных, профессиональных и других организациях пролетарскую самокритику. Без пролетарской самокритики, без возможности для пролетарского класса вскрывать недостатки и недочеты работы, без привлечения самих рабочих к устранению этих недостатков и недочетов мы не получили бы того гигантского производственного под'ема, того огромного политического сдвига, такого политического воспитания масс, какие мы имеем. И в этом отношении

участие рабочих в чистке партии и совавппарата имело, конечно, громадное воспитательное значение. Беспартийные рабочие почувствовали, что это—их классовое, кровное дело. Они увидели необходимость стать еще ближе к своей партии. Они увидели, что, благодаря их критике, партия выбрасывает из своих рядов шкурнические, чуждые, примазывавшиеся, обюрократившиеся, разложившиеся элементы. Благодаря этому в огромный степени выросло доверие рабочих к партии. Наряду с этим десятки тысяч рабочих были выдвинуты за последнее время в госаппарат, в профсоюзы, в кооперацию, к управлению предприятиями.

Почин ГЭЗ и завода № 24 в шефстве над государственными учреждениями показал, что мы можем выполнить гигантскую работу государственного значения, привлекая инициативные группы рабочих к проверке деятельности наших государственных учреждений,—чистить их, исправить недочеты их работы и злоупотребления. Из этого почина на наших глазах развивается могучее движение шефства над предприятиями и важнейшими государственными учреждениями. Несколько десятков тысяч рабочих уже участвуют в этом шефстве. Достаточно сказать, что, благодаря деятельности этих рабочих, государство собрало несколько десятков миллионов недоимок. Мы должны внимательнейшим образом изучать этот опыт, устранять наблюдающееся кое-где формальное, бюрократическое отношение к этому мероприятию.

Гигантские производственные задачи, которые стоят перед рабочим классом, могут быть выполнены, если мы обеспечим подготовку новых кадров. Решение партии и проводимые партией мероприятия означают сильный, небывалый рост этих кадров из среды пролетарских масс. Внимание этой задаче есть одно из необходимых условий выполнения грандиозного пятилетнего плана; более того, только на основе успешного проведения этой меры, подготовки новых кадров, мы подготовляем возможность провести новую пятилетку социалистического строительства, еще более грандиозную, еще более решающую.

⁂

Несомненно, в огромном под'еме политической и производственной активности рабочего класса сыграла крупнейшую роль массовая коллективизация деревни. Посылка 25.000 рабочих в деревню для руководства этой коллективизацией еще более усилила этот наметившийся перелом. Письма, поступающие с мест от бригадиров, единодушно говорят об этом под'еме, идущем теперь уже от коллективизирующейся деревни. Правда, на первых порах еще много всякого рода непорядков и в использовании самих бригад. Есть факты преступного, пренебрежительного отношения к посылаемым в деревню рабочим. Факты прямо «вредительского использования» специалистов-рабочих. Но основной тон дают не эти дурные примеры. Некоторые из уехавших в деревню говорят о таком под'еме, какой они переживали только в моменты каких-нибудь особенно героических схваток, в боях в период гражданской войны. Но это ведь тоже бой за социализм, бой, который ведут теперь миллионные массы против самого страшного врага, против власти мелкого товарного индивидуалистического хозяйства. Именно в том, что сейчас к коллективизации приходят массы крестьянских хозяйств, с которыми связаны были рабочие, в значительной степени решает вопрос о настроении этих рабочих. Возьмите тот же Коломенский завод. Там 70% рабочих связаны с деревней, а за последние месяцы прошла широкая волна коллективизации в Коломенском районе. Коломенский район коллективизировался больше, чем на 90%. В 26 ближайших от Коломны селах проживает больше 2.000 рабочих. Они вошли в колхозы: конечно, не так легко было всем им решиться на переход в колхозы. Сделать после этого заявление о вступлении в партию для этих рабочих естественный шаг, вытекающий из вступления в колхозы. Они так и отвечают на вопрос о причине вступления в партию: «Ну, что же, раз пошли в колхоз, значит, нужно итти в партию». Это явление, как отмечал ряд товарищей на совещании в ЦК, характерно не только для Коломны, но и для Подольска и для ряда других заводов, которые имеют значительное число рабочих, связанных с крестьянским хозяйством. Вот почему иногда те заводы, которые вовсе не являлись до сих пор передовыми, но в районе которых проходит сплошная коллективизация, теперь являются ударными заводами в смысле массового вступления в партию.

Прав тов. Молотов, что под влиянием всей нашей предыдущей работы, под влиянием пролетарского авангарда «крестьянин повернулся к коммунизму»,—и этот поворот крестьянина к коммунизму в значительной степени повернул массу колебавшихся до сих пор рабочих.

Необходимо еще отметить, что в числе причин, способствовавших росту политического сознания рабочих масс, и усиливших поток заявлений о желании вступить в партию, значительную роль сыграла наша борьба с уклонистами «левыми» и правыми, разгром децистов,—удар, который нанесен был партией правым оппортунистам и примиренцам. На опыте этой борьбы массы закалялись, убеждаясь в правильности генеральной линии партии, полной несостоятельности жалких прогнозов, которые ставили и «левые» и правые. Массы видели, как банкротятся одна за другой оппозиционные группировки, как разбиваются в прах самой жизнью их предсказания. Массы сами принимали участие в этом разгроме оппозиции, и это сблизило их еще более с партией, еще более сроднило. Они дрались и дерутся буквально «как черти» за генеральную линию партии. Для иностранных, для буржуазных журналистов, для буржуазных политиков это отношение рабочих масс до сих пор не понятно. Иностранные журналисты поехали на Коломенский завод, чтобы там узнать, в чем же дело. Снабжение недостаточно, нехватает целого ряда продуктов, недостатков в стране—хоть отбавляй, а рабочие идут в партию, идут в ударные бригады; и на вопрос, почему же старики идут в партию, эти старики отвечали: «А вот для того и идем, чтобы все было, чтобы помочь партии преодолеть эти трудности».

Курс на ликвидацию кулачества как класса, это—уже не мероприятие только партии, это — мероприятие, которое сейчас подхватывается миллионами, которое понято миллионами, как необходимая и совершенно неизбежная мера, связанная с проведением сплошной коллективизации сельско-хозяйственных районов.

Все лозунги партии последнего времени, воспринятые рабочими массами, привели к сегодняшнему под'ему. Не последнюю роль сыграла в этом культурная революция в массах, которая произошла и происходит за эти годы. Значительно продвинулась ликвидация неграмотности; несомненно, имела свое значение и антирелигиозная пропаганда. На том же, напр., Коломенском заводе антирелигиозная кампания за закрытие церквей и снятие колоколов на нужды промышленности прошла не только безболезненно, но коломенские рабочие проявили почин, об'явивши Коломенский завод и всю Коломну безбожниками. По этой линии идет глубокая ломка быта, рабочие создают безрелигиозный быт. Введение непрерывки здесь сыграло определенную роль. Именно благодаря массовости этого антирелигиозного движения, мы видим огромное влияние его на деревню. Движение это стало подлинным массовым движением, захватывая самих крестьян, оно идет теперь с низов. Сообщения об этом идут из Горловки, Сталино, Артемовска и др. районов Донбасса, из Твери и иных фабрично-заводских районов, с Урала и Сибири, Украины и Закавказья. Движение захватывает кое-где и коллективизированные деревни. Идет на этой почве широкое движение за снятие колоколов, за закрытие церквей, за создание вместо них культурных очагов. И здесь также мы должны пойти навстречу этому потоку, всемерно помогая ему устранить лишний формализм, тормозы в дальнейшем проведении мероприятий, намеченных самими массами снизу. Надо углубить этот переход от религиозности к безрелигиозному быту, помогая выработке глубоко атеистического, материалистического мировоззрения. Пусть беспокоится папа римский, пусть Керенский делает доклады в Оксфорде перед ханжами и лицемерами, пусть раввины шлют проклятия: ни папа, ни Керенский, ни раввины не смогут уже остановить это начавшееся массовое движение, это поистине небывалое в истории освобождение от векового религиозного обмана.

Нельзя также забывать о том, что факты международного значения предопределяют в значительной степени настроение рабочих и крестьян. Исход конфликта на КВЖД, исход переговоров с Англией, нарастание революционного под'ема в Германии, Франции и других странах, вновь поднимающееся движение в Китае, и особенно в Индии,—вот что также определило тот под'ем в рабочем классе, который мы сейчас наблюдаем.

Но, конечно, из всех этих фактов на первом месте стоит успех сплошной коллективизации сельского хозяйства и решение партии о раскулачивании. Здесь действительно решается вопрос, «кто—кого». Здесь массы рабочих и крестьян видят действительно переход к социализму, к уничтожению классов. Тов. Сталин на вопрос свердловцев, как должна партия изменить на ближайшем этапе ленинский лозунг «уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедняка», — вполне своевременно отметил, что «по мере охвата коллективами большинства районов СССР, кулачество будет ликвидироваться. И стало быть будет отпадать эта часть формулы Ильича. Что касается середняка и бедняка в колхозах, то по мере машинизации и тракторизации в колхозах, они будут сливаться в единый отряд рабочих коллективизированной деревни. Сообразно с этим должны будут исчезнуть в будущем времени понятия «середняк, бедняк».

Рабочие видят в этих мероприятиях уже не далекий переход к социализму, как к какой-то мечте. Нет, они чувствуют, как они сами делают этот переход, укорачивают его, приближают полную победу социализма. Рабочего, связанного с деревней, увлекает массовый характер движения, организованность его, целеустремленность, сознательность; его еще больше сближает с партией то, что это движение руководится коммунистической партией. И именно потому, что в этом движении принимают участие почти поголовно все пролетарские массы, весь рабочий класс, именно потому, что это движение возглавляется коммунистической партией, оно является глубоко коммунистическим.

* * *

Вот откуда массовый поток рабочих в партию. За время после ноябрьской конференции 1928 г. до конца 1929 г. в партию вступило около 200.000 рабочих. После 1 января 1930 г. за короткий срок мы имеем уже заявления около 200.000 рабочих о желании вступить в партию. За один только год процент рабочих занятых в производстве, вырос на 4,5% по отношению к общему составу партии. Мы можем к XVI с'езду партии выполнить полностью директиву ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК—довести состав рабочих, занятых в производстве, членов партии до 50% общего состава. Мы будем иметь, вместе с новыми кандидатами в партию, более 2 млн. членов и кандидатов к XVI партийному с'езду. Кое у кого коллективная подача заявлений может спутать ясное, отчетливое разграничение, которое мы, большевики, проводим всегда между партией и классом. Некоторые думают, что

если идет коллективная подача заявлений, то прием должен быть коллективный. Мы должны помнить решения Коминтерна, принятые на II конгрессе по предложению Вл. Ильича о роли коммунистической партии в пролетарской революции, где подчеркивается, что «коммунистическая партия есть часть рабочего класса, именно его наиболее передовая, наиболее сознательная, а поэтому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия есть тот организационный политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляется и направляет пути всей массы пролетариата и полупролетариата». В этой резолюции подчеркивается, что «лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и т. п., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех—в ряды коммунистической партии начнут входить все, или почти все рабочие».

Мы приближаемся к тому моменту, когда во многих местах коммунисты на предприятиях будут уже составлять большинство на предприятии, когда положение коммунистической партии значительно изменится в том отношении, что на фабриках и заводах она имеет вокруг себя близкие, сочувствующие партии элементы, что рабочий класс будет окружен во многих местах не морем мелкобуржуазной стихии, а сплошными районами коллективизированного сельского хозяйства, когда в этих колхозах будут все глубже и глубже укореняться формы коммунистических производственных организаций и коммунистического быта. Но на ближайший период мы все еще не подошли к такому моменту, когда мы можем поголовно включить в состав партии рабочий класс. Поэтому директива партии вполне соответствует только что приведенному решению Коммунистического Интернационала. «ЦК считает, что активная подача заявлений не только не исключает, а наоборот предполагает прием в партию в строго индивидуальном порядке. Поэтому индивидуальный подход должен быть сохранен, как единственно правильный метод. Важнейшим показателем в приеме в партию нужно считать активное участие рабочих в ударных бригадах и в социалистическом соревновании». Вместе с тем ЦК считает возможным, учитывая определенный перелом в основной части советской интеллигенции «принять в партию ее лучшие элементы, доказавших свою преданность пролетарской революции и проверенных на активной общественной работе под руководством партии». Точно так же партия считает необходимым «расширение рядов деревенских организаций за счет сельско-хозяйственных рабочих,

рабочих совхозов и батраков и более решительного вовлечения в партию передовых колхозников, особенно из бедняков».

Мы должны несколько остановиться на вопросе об этом приеме. Кто идет в партию? Судя по крупнейшим предприятиям Москвы, Ленинграда, Харькова, Донбасса, Урала и других районов, в партию идут, главным образом, политически зрелые, взрослые рабочие, даже старики, имеющие производственный стаж в 25—40 лет. Так на Харьковском паровозном заводе из 312, подавших заявление, 117 рабочих на производстве с дореволюционного времени. На Подольском механическом заводе 63% подавших заявления, рабочие с производственным стажем более 10 лет. На «Красном Путиловце», «Красном Треугольнике» и «Скороходе» — 60% с производственным стажем выше 5 лет. Вступают старики, у которых вся семья уже—либо члены партии, либо комсомольцы и пионеры,—семья становится коммунистической. Подают заявления старики, принимавшие участие в революционном движении 1905 г., но оставшиеся за последнее время несколько в стороне. Вот, например, как рабочий об'ясняет это вступление в партию: «Время требует, чтобы мы не оставались вне рядов партии, наше место там, где непоколебимое руководство ведет упорную работу за чистоту ленинских заветов, за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства». Днепропетровский пролетарий заявляет: «Мне старому рабочему, который грудью защищал завоевания Октября, стыдно быть вне рядов партии, когда пролетариат при огромном напряжении под твердым руководством партии ставит все наше строительство на социалистические рельсы».

То, что в партию идут рабочие, до последнего времени связанные с деревней, имеет в настоящее время совершенно иное значение, чем прежде. Прежде мы более осторожно относились к этому слою, поскольку эти рабочие были, в значительной степени, носителями индивидуалистических крестьянских настроений. Теперь связь этих рабочих с коллективизирующейся деревней является до известной степени плюсом, помогает нам еще скорее, еще лучше осуществить коллективизацию деревни, ибо рабочие являются искренними застрельщиками этой коллективизации и в других районах.

Мы должны сделать все возможное для того, чтобы это могучее движение поддержать, пойти ему навстречу, организовать его, придать ему еще больший размах, еще большую планомерность, политическую сознательность. Создавая ударные бригады цеха, заводы, придавая им названия ударных, коммунистических, мы тем самым налагаем на эти предприятия, на коммунистов, участвующих в ударных бригадах, цехах, предприятиях, коммунах, огромную ответственность. Это название обязывает. Между тем мы имеем ряд случаев, когда ударный завод отстает, как это было недавно с тракторным цехом Путиловского завода, или с Надеждинским заводом или с целым рядом металлургических, угольных районов, с нефтью. В ряде предприятий коммунисты будут составлять большинство. Это налагает еще большую ответственность на коммунистическую партию. Не может быть такого положения, чтобы коммунисты отставали в социалистическом соревновании, менее решительно в нем участвовали, чем беспартийные, менее входили в ударные бригады, в ударные цеха, чем беспартийные. Все коммунисты и комсомольцы—в ударные организации! Все коммунисты и комсомольцы—в застрельщики этого движения! Вот к чему обязывает нас это новое, идущее к нам пополнение. Ведь факт, что налицо пока еще некоторое противоречие между ростом активности масс и теми прорывами в выполнении промфинплана, которые мы имеем. Ликвидировать эти прорывы это и означает, между прочим, правильно организовать это массовое движение, должным образом направить его, использовать эту разбуженную революционную активность масс.

Партия должна определенным образом перестроить всю свою работу. Целый ряд организационных задач вырастает перед партией, в связи с этим новым потоком. На крупнейших предприятиях, где партийные коллективы будут состоять из тысяч членов партии и кандидатов, необходимо будет выработать новые организационные формы, которые уже намечаются кое-где в виде новых «пролетных» ячеек, организованных в цехах, ударных партийных групп и т. п. Надо внимательнейшим образом изучить этот новый опыт. Необходимо перебросить ряд работников на эти предприятия, прикрепить их к этим предприятиям, чтобы они там вели всю основную работу. Необходимо будет соответственным образом перестроить работу в деревенских районах, усилить колхозные организации, в особенности в крупных районах сплошной коллективизации,—вернее сказать, впервые создать там прочную организацию коммунистов, руководящих работой в районах сельского хозяйства. Руководство этим движением, этим под'емом далеко не везде стоит на должной высоте. Кое-где оно совершенно отсутствует. Партийные организации не везде возглавили это движение и отстают от активности масс. Кое-где проявляется холодок по отношению к этому новому потоку. Должен быть создан решительный перелом в работе организаций, обслуживающих крупнейшие предприятия. Агитационная работа должна быть приспособлена к воспитанию этих передовых значительных кадров, идущих к нам в партию. Старики- рабочие говорят: «Мы хотим знать, откуда происходят наши трудности, мы хотим знать, как легче и скорее ликвидировать кулачество как класс». Массы хотят знать, как осуществить социализм, и партийная организация должна будет прежде всего дать ответ на этот вопрос. Это не значит, что надо отказаться от систематического воспитания этих новых членов партии; но это систематическое воспитание должно итти под углом зрения современных задач. Оно должно прежде всего пропагандировать, углубить понимание последних решений нашей партии в свете того, что вся история нашей партии есть лишь подготовка к этому последнему, решительному бою, который сейчас партия ведет.

Ленинский призыв, который сейчас идет в партию,—сотни тысяч рабочих, идущих в ударные бригады, сотни тысяч батраков и бедняков, которые сейчас становятся участниками доподлинного коммунистического движения,—вот на сегодняшний день тот могучий, новый поток коммунистических батальонов, навстречу которому должна итти партия, чтобы эти батальоны правильно организовать, дать им настоящую ленинскую закалку, сделать их настоящими коммунистами-ленинцами. Это — трудная, ответственная, но в то же самое время почетная задача, выпавшая на долю нашей партии.

И. Мингулин.

На под'еме мирового революционного движения.

Экономический кризис в Америке, нарастающий мировой экономический кризис дают завершенную экономическую характеристику и оформление третьему периоду. Если VI конгресс установил перспективу дальнейшего расшатывания капиталистической стабилизации, то он исходил здесь прежде всего из ленинского анализа империализма и всеобщего кризиса капитализма. В противовес правым, видевшим лишь одну сторону процесса стабилизации — технический прогресс, известный рост продукции и т. д. и превращавшим гнилую стабилизацию в процесс оздоровления капитализма, VI конгресс по-ленински видел в стабилизации капитализма и все обостряющиеся противоречия, которые неизбежно вели к дальнейшему расшатыванию этой гнилой стабилизации. Такова была позиция VI конгресса. Не случайно поэтому, что первый этап борьбы с правым оппортунизмом после VI конгресса шел, прежде всего, вокруг ленинской постановки и разрешения вопросов империализма и всеобщего кризиса капитализма. Исходя из правильного, ленинского разрешения этих вопросов, VI конгресс установил процесс полевения широких рабочих масс и разработал новую тактику в руководстве борьбой рабочего класса. Так же конгресс подошел к разработке программы Коминтерна.

X пленум исходил уже не из общей формулы полевения рабочих масс и расшатывания капиталистической стабилизации, — он установил наличие революционного под'ема мирового рабочего движения. Правые выявили себя уже как прямые агенты контрреволюционной социал-демократии. Проповедь правых взглядов была признана несовместимой с принадлежностью к Коммунистическому Интернационалу. Основная тактическая установка перед коммунистическими партиями на самостоятельное руководство борьбой рабочего класса конкретизировалась и развернулась постановкой вопроса о массовой политической стачке, как решающем звене мобилизации масс на борьбу. Обострение борьбы против социал-демократии, особенно левой, формулированное на VI конгрессе, конкретизировалось и развернулось на X пленуме постановкой задачи разбить и подорвать в массах социал-фашизм, завоевать на свою сторону большинство рабочего класса в решающих пунктах борьбы.

Историческая роль VI конгресса в том и состоит, что он, открыв огонь по правому уклону, дал большевистское разрешение вопросов третьего периода и этим обеспечил преемственность ленинской линии Коммунистического Интернационала в теории и практике и тем самым в борьбе ленинизма против оппортунизма обеспечил победу революционной линии над оппортунистической. Не случайно VI конгресс Коминтерна, указавший в тезисах по мировому положению на расшатывание капиталистической стабилизации, столь же четко в принятой программе Коминтерна предвидел «нарастание нового революционного под'ема в центрах империализма». «Грандиозные битвы труда с капиталом,— гласит программа Коминтерна,— усиливающийся процесс полевения масс, рост влияния и авторитета коммунистических партий, громадный рост симпатий широчайших рабочих масс к стране пролетарской диктатуры,— все это ясно указывает на нарастание нового революционного под'ема в центрах империализма».

Правильность политической характеристики, данной третьему периоду VI конгрессом, совершенно ясно обнаружилась к X пленуму ИККИ. Борьба в Лодзи, Руре, стачка текстильщиков в Бомбее, первомайские баррикады в Берлине были достаточно убедительными показателями. «Новым со времени VI всемирного конгресса,—устанавливает поэтому резолюция X пленума ИККИ,—является резко обозначившееся полевение международного рабочего класса и нарастание нового под'ема революционного рабочего движения». На этой основе была более четко и конкретно развернута характеристика третьего периода вообще и ко времени X пленума в частности.

«Вопреки пророчествам социал-демократии и вторившим ей правым и примиренческим элементам,—гласит та же резолюция,—стабилизация капитализма не только не стала прочной, а наоборот, все более и более расшатывается, все более наглядно подтверждается правильность данной VI конгрессом оценки теперешнего третьего послевоенного периода капитализма, как периода нарастания его общего кризиса, ускоренного обострения основных внешних и внутренних противоречий империализма, ведущих с неизбежностью к империалистическим войнам, величайшим классовым конфликтам, к полосе развертывания нового революционного под'ема в основных капиталистических странах, к великим антиимпериалистическим революциям в колониальных странах».

Такова была развернутая характеристика данная мировому положению X пленумом ИККИ. Но X пленум не мог уже ограничиться даже этой, более развернутой характеристикой. Та ступень развития противоречий международного империализма, которая была достигнута к X пленуму ИККИ, требовала более конкретного ответа на вопрос о положении американского капитализма. В общей форме этот ответ был дан как VI конгрессом, так и X пленумом ИККИ. Не случайно основные общие проблемы третьего периода наиболее застренно стали в дискуссии по американскому вопросу (вопрос о внутренних и внешних противоречиях империализма, вопрос об американской «исключительности» и т. д. Если отвлечься от мелочей, то вопрос стоял так: потянет ли могучий американский империализм за собой весь остальной капиталистический мир на путь «оздоровления», вытащит его (как и себя) из всеобщего кризиса капитализма, или же всеобщий кризис капитализма, на основе которого развивается и американское просперити, будет углубляться и нанесет смертельный удар американскому просперити, обнаружит ведущую роль загнивания и кризиса капитализма, а не его «процветания», хотя бы в самой могучей империалистической стране.

В той или иной форме правые, троцкисты и социал-демократы давали на этот вопрос ответ в том смысле, что—Америка вывезет. Несомненно, свои политические и теоретические построения все эти буржуазные течения прежде всего набрасывали с американской вышки.

Коммунистический Интернационал не мог не дать противоположного ответа на этот вопрос. Историческая роль дискуссии по американскому вопросу в том и состоит, что Коммунистический Интернационал беспощадно отверг и разоблачил правый оппортунизм в этом вопросе. Еще до X пленума ИККИ Коминтерн отверг постановку американских правых под руководством Ловстона и Пеппера об американской «исключительности». Уже не раз отмечалось, что правые в американской компартии в своих воспеваниях мощности и процветания американского капитализма отнюдь не уступали самой нечестной буржуазной рекламе. Понятно, за их теорией «исключительности» американского капитализма скрывалось отрицание всеобщего кризиса мирового капитализма вообще. Это была просто американская разновидность теории оздоровления капитализма. Вместе с тем, это отражало глубокое проникновение буржуазных элементов и идеологии в коммунистическую партию. Поэтому, Коминтерн с такой беспощадностью взял на штыки правый оппортунизм в американской компартии.

«Многим кажется теперь, — говорил тов. Сталин в американской комиссии президиума ИККИ 6-го мая 1929 г., — что общий кризис мирового капитализма не коснется Америки. Это, конечно, неверно. Совершенно неверно, товарищи. Кризис мирового капитализма развивается усиленным темпом, и он не может не коснуться американского капитализма. 3 миллиона безработных, имеющихся теперь в Америке, — это первая ласточка, говорящая о том, что кризис назревает и в Америке... Я думаю, что не далек тот момент, когда революционный кризис развернется в Америке. И когда революционный кризис развернется в Америке, это будет началом конца всего мирового капитализма».

В письме, принятом президиумом ИККИ по американскому вопросу, теория американской исключительности была разоблачена и отвергнута без остатков. X пленум ИККИ работал уже в то время, когда начали обнаруживаться некоторые симптомы приближавшегося краха просперити. Пленум должен был дать конкретный ответ на вопрос об американском просперити, он мог уже дать его. «Все яснее,—говорит резолюция пленума,—вскрывается банкротство провозглашенного американской буржуазией лозунга пресловутого «процветания» (просперити)». В связи с этим же резолюция вполне уместно ставила и вопрос о том, что «представление примиренцев о притуплении внутренних противоречий в капиталистических странах и о возможности организации внутреннего рынка при сохранении анархии исключительно на мировом рынке опровергается всем развитием капитализма на протяжении последних лет»...

Крах на нью-йоркской бирже, гигантский экономический кризис, развернувшийся в Америке, назревающий мировой экономический кризис,—все это, таким образом, этап развития, вытекающий целиком из установки Коминтерна,—перспектива, из которой исходил Коминтерн и которая ориентировала нас в нашей международной борьбе. Кто может сейчас оспаривать, что коммунистические партии вышли из периода острой борьбы с правыми в 1928—29 гг. неизмеримо окрепшими, лучше подготовленными к руководству большими революционными боями. Кто может отрицать, что 1928—29 гг. были годами огромного усиления социализма по сравнению с капитализмом. А разве мировой экономический кризис, как заключение известного этапа развития и исходный пункт нового этапа, не создает мирового перелома в развитии кризиса капитализма и международной пролетарской революции?..

Что биржевой крах разразился на основе назревавшего экономического кризиса, это теперь совершенно несомненно.

Биржевой крах вскрыл назревавший экономический кризис, углубил и обострил его. Внутренний рынок стремительно сжался и ударил по промыленности. К декабрю производство автомобилей, которое стало играть ведущую роль в американской экономике, упало в три раза. Добыча чугуна пала ниже средне-месячных данных, начиная с 1924 г. Добыча стали пала точно так же ниже средне-месячных данных, начиная примерно с 1923 г. и на 25% ниже средне-месячных данных, начиная примерно с 1925 г., строительные контракты с июля до ноября сократились на 53%, грузооборот с сентября до октября уменьшился на 21% и т. д. И, несмотря на весь шум, поднятый гуверовским комитетом—шум, имеющий определенные цели, но отнюдь не цели приостановить кризис,—кризис разрастается дальше. Серьезнейшим показателем глубины кризиса является то, что за последние 4—5 месяцев уволено уже свыше 400 тысяч рабочих и 16% занятых рабочих в настоящее время работает не полное время.

Американский кризис наносит сокрушительный, смертельный удар бухаринской разновидности теории «организованного капитализма» и антимарксистской либерально-пацифистской теории примата внешних противоречий над внутренними.

Бухаринским положениям о «замирании конкуренции внутри капиталистической страны при величайшем обострении конкуренции между капиталистическими странами», об исчезновении «проблематики рынка» нанесен смертельный удар оттуда, где эти положения, казалось, свили себе наиболее прочное гнездо, где эти положения, казалось, имели наибольшую приложимость и были освящены таким авторитетным ареопагом буржуазии, как гуверовский комитет. Какой иронией звучит сейчас характеристика, данная т. Бухариным современному капитализму.—«Его анархическая природа,— вещал т. Бухарин 30 июня 1929 г.— переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации». До какой степени надо было фактически подменить марксизм идеологией монополистического капитализма, до какой степени надо было стать невольным глашатаем гуверовской техники равновесия, чтобы так прикрашивать капиталистическую действительность.

«Устранение кризисов картелями, — писал Ленин в «Империализме»,— есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало». Американский кризис воочию показал, что именно и внутри страны «монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом».

В этом именно суть дела, именно поэтому «это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию». (Ленин, 3-е изд., т. XX, стр. 297).

Картели не только не устраняют кризисов, но и не пытаются их устранять, а именно в этом склонны сомневаться кое-кто, с некоторой неуверенностью взирающие на работу комитета Гувера. Это — отрыжка, примиренчество к теории «организованного капитализма». Таким людям полезно напомнить то, что писал Ленин в полемике с одним из представителей бухаринской группы в 1917 г. т. Сокольниковым.

«У т. Сокольникова, — писал Ленин, — вышло вот что:

... «Товары анархически производятся в постоянно возрастающем количестве, попытки капиталистических союзов (трестов и пр.), ограничивая производство, устранять кризисы, терпят крушение».

«Но товары, — отвечал Ленин, — производятся трестами именно не анархически, а по учету. Тресты не только «ограничивают» производство. Попыток устранить кризисы они не делают, таких «попыток» со стороны трестов быть не может. У т. С. получился ряд неточностей. Надо бы сказать, хотя тресты производят товары не анархически, а по учету, но кризисы все же остаются неустранимыми в силу указанных выше свойств капитализма, сохраняющихся и при трестах. А, если тресты, в период наибольшего под'ема и спекуляции, ограничивают производство в том смысле, чтобы «не зарваться», то этим они в лучшем случае сберегают самые крупные предприятия, кризисы же наступают тем не менее».

К этим положениям Ленина, в применении к американскому кризису и в связи с ним деятельности монополистических организаций американского капитализма под руководством гуверовского комитета, нам нечего добавить.

Созданный Гувером экономический совет лишь прикрывается шумихой о планах ликвидации кризиса. Эта шумиха крайне нужна буржуазии для обмана рабочих, для усыпления бдительности пролетариата. Действительные же задачи, которые проводятся и подготовляются для проведения под прикрытием этой шумихи советом заправил финансового капитала, состоят в проведении второго и бешеного тура рационализации за счет рабочего класса и огромных масс фермерства и в проведении настоящей офензивы против своих империалистических конкурентов на мировых рынках. Атаки на монополию внешней торговли СССР — одна из составных частей этой программы. Именно поэтому компартия Америки должна концентрировать свою агитацию на разоблачении не просто нереальности «плановой шумихи гуверовского комитета. Этого совершенно недостаточно. Центр тяжести агитации состоит в том, чтобы вскрыть перед массами империалистическую сущность, скрывающуюся за этой шумихой и подготовить, мобилизовать массы к встречному контрнаступлению на позиции империализма.

Американский кризис обнаружил глубочайшую анархическую, гнилую и расшатанную основу самого «организованного», самого «оздоровленного» капитализма. Процессы дальнейшей концентрации, развивающиеся в американском капитализме в все больших размерах за все последние годы и особенно в последний год, в связи с кризисом уже делают дальнейший прыжок. Число промышленных концернов, прекративших свое существование в связи со слиянием, за последние годы представляется в следующем виде: 1919 г.—438, 1920 г. — 760, 1921 г. — 487, 1922 г. — 309, 1923 г. — 311, 1924 г.— 368, 1925 г. — 554, 1926 г. — 856, 1927 г. — 870, 1928 г. — 1.038, 1929 г.— 1.500. В последнее время имели место гигантские банковские фузии и об'единения в стальной промышленности. Весь этот быстрый процесс концентрации еще больше усиливает противоречия американского капитализма, еще больше расшатывает его в самых основах, ускоренным темпом приближая революционный кризис и крах.

«Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма» — говорил т. Сталин на президиуме ИККИ 14 мая 1929 г. — Эта почва уже загорается, и американский капитализм здесь не составит исключения. Это сейчас настолько очевидно, что, кроме слепых и сознательных врагов рабочего класса, навряд ли кто будет оспаривать это. Первая ласточка американского кризиса — 3 миллиона безработных, выросла уже по скромным подсчетам до 5—6 миллионов. Коминтерн создал в американской компартии предпосылки, чтобы она могла усиленно подготовлять массы к этой назревающей революции. 4.500 новых членов партии, вступивших в нее в первый период вербовочной кампании, говорят об этом достаточно убедительно. Это ответ рабочих масс на откол контрреволюционной троцкистской группы Кеннона и на откол ренегатской группы Ловстона - Гитлоу. И, прежде всего, это ответ на призыв партии к революционной мобилизации пролетариата Америки. Не техническая, не промышленная (Ловстон), а пролетарская революция — вот куда неудержимо и верно идет американский капитализм.

Но экономический кризис в Америке развертывается не только на основе всеобщего кризиса капитализма. Он развертывается не только на основе расшатывания его стабилизации. Он развертывается на основе определенного этапа расшатывания этой гнилой стабилизации. Экономический кризис в Америке развернулся на основе назревания мирового экономического кризиса и становится исходным пунктом этого мирового экономического кризиса. Только люди, идейно капитулирующие перед кампанией, развернутой гуверовским комитетом, не преодолевшие еще теории американской исключительности, не понимающие всей глубины, всех коренных международных основ развернувшегося кризиса, могут отрицать это. По существу это есть недооценка революционного под'ема, его мирового характера, недооценка расшатывания стабилизации капитализма.

Еще до наступления американского кризиса мы имели определенное проявление частичных кризисов во всех главнейших странах Южной Америки, как Аргентина, Бразилия, Колумбия и Эквадор, особенно тесно экономически и политически связанных и зависимых от американского капитализма. Огромное падение цен на сахар, хлопок, каучук, пшеницу и другие основные экспортные товары этих стран вызвали резкое сужение их покупательной способности и этим, в свою очередь, подготовили кризис в Америке. В аналогичном положении находится и Канада. Кризис в Америке вызовет дальнейшее расширение и обострение экономического кризиса в этих странах.

Что касается Европы, то здесь, если в ряде страны до американского кризиса мы наблюдали более или менее острую депрессию, несомненно сыгравшую роль в назревании экономического кризиса в Америке, в настоящее время волны американского кризиса докатываются уже до основных европейских стран. Оптовый индекс цен (с марта по октябрь) пал во всех капиталистических странах (Англия, Германия, Франция, Бельгия, Чехо-Словакия, Польша, Италия, Голландия и т. д.). Если в Англии до 3-го квартала мы имели улучшение кон'юнктуры в основных отраслях тяжелой промышленности, то с 3-го квартала здесь наступил резкий перелом, характеризующийся, прежде всего, снижением индекса обрабатывающей промышленности и чрезвычайно быстрым темпом роста безработицы. В Германии к началу американского кризиса было некоторое промышленное оживление, однако, с конца 3-го квартала начался перелом, характеризующийся точно так же снижением промышленного индекса и быстрым ростом безработицы. Даже во Франции, не знавшей серьезных промышленных пертурбаций почти за весь послевоенный период, начиная с 3-го квартала, происходит снижение продукции важнейших отраслей промышленности. Наконец, в странах Восточной и Юго-восточной Европы уже значительный период господствует затяжной и острый экономический кризис.

Кризис китайской контрреволюции, назревающий кризис в Индии, революционный под'ем, нарастающий в Южной Африке, упорное и растущее стачечное движение и обостряющийся экономический кризис в Австрии,— говорят о том, что и в колониальном и полуколониальном секторе империализма мы идем навстречу крупным экономическим и политическим потрясениям. То же самое надо сказать и в отношении Японии.

Экономический кризис в Америке разразился на основе назревания мирового экономического кризиса. Экономический кризис в Америке только еще развертывается. В условиях монополистического капитализма процесс распространения кризиса хотя несомненно более замедлен, но в то же время неравномерен и скачкообразен. И именно поэтому и в обстановке революционного под'ема и расшатывания капиталистической стабилизации, когда противоречия внутри каждой капиталистической страны доведены до крайней напряженности, когда назревают условия и сам мировой экономический кризис, давление кризиса могущественнейшей империалистической страны, представляющей около половины мировой капиталистической экономики и в этом смысле являющейся ведущей, не может не привести к огромнейшему конвульсивному и скачкообразному обострению кризиса капитализма, к острому мировому экономическому кризису, т.-е. к экономическому срыву, и может быть, и крушению расшатанной капиталистической стабилизации. Такова диалектика развития, не похожая на школьные упражнения с механистическим противопоставлением внутренних и внешних противоречий империализма. Новая и стремительная волна концентрации капитала, капиталистической рационализации, бешеных атак на рабочий класс, небывалого обострения международной конкуренции и опасности империалистической войны, стремления империалистических стран переложить тяжесть кризисов на колониальные народы, новая волна антисоветской кампании, нападок на СССР — таково ближайшее будущее, уже быстро развертывающееся сейчас.

Нарастающий мировой экономический кризис не может иметь ни обычного характера ни обычных последствий. Это—экономический кризис: а) капитализма нисходящего, б) в обстановке всеобщего кризиса капитализма, в) в обстановке расшатывания гнилой стабилизации капитализма, г) и прежде всего, в обстановке революционного под'ема мирового рабочего движения и огромного экономического, социалистического роста СССР и его международного влияния, д) в обстановке хронического и глубочайшего аграрного кризиса, неразрывно связанного со всем развитием капитализма и особенно с его послевоенным периодом, подымающего уже огромные пласты крестьянства на революционную борьбу и который, прежде всего, в огромной степени обострится с наступающим кризисом, и е) в обстановке революционного под'ема в колониях, под'ема, в котором застрельщиком выступает уже рабочий класс, как класс, единственно претендующий и могущий стать во главе революции, которой кризис дает небывалый толчок. Наконец, Соед. Штаты из могучего фактора стабилизации капитализма становятся несомненным и сильнейшим фактором подрыва и крушения этой стабилизации. Этот кризис будет звеном, этапом дальнейшего упадка капитализма и в огромной степени обострит всеобщий кризис капитализма, далее: процесс расшатывания ускорится, станет резче; революционный под'ем ускоряется и подымется на более высокую ступень; методы и формы борьбы рабочей массы станут выше, революционнее; соотношение сил изменится резко в пользу СССР и экономически и политически станет резче и непроходимей идеологическая грань, пропасть между СССР и окружающим его капиталистическим миром; крестьянские резервы, которым коллективизация и ликвидация кулачества как класса в СССР дают небывалой силы революционный импульс, подтянутся к пролетарскому авангарду; колониальные революционные движения могучим мировым фронтом сольются с пролетарскими революционными движениями. В совокупности это не может не составить перелома в развитии борьбы за мировую диктатуру пролетариата.

Несомненно, что оценка нарастающего мирового кризиса вызовет в секциях Коммунистического Интернационала некоторые сомнения, колебания, которые с обострением ситуации могут превратиться в серьезные шатания. Те или иные ошибочные оттенки в вопросе об оценке кризиса и его последствий на действительном фронте классовой борьбы, которая становится все более жестокой, суровей, требует жертв и крови, мужества и самопожертвования, не может не вызвать самых серьезных шатаний. Но несомненно, что в нынешний период, когда классовая борьба развивается революционными темпами, подымается быстро на все более высокие ступени, основная опасность для коммунистического авангарда не может не итти, как отметил X пленум ИККИ, со стороны отставания от революционных темпов развития и обостряющейся быстро классовой борьбы. Это — правая опасность. Мы должны со всей силой открыть большевистский огонь по всякой недооценке особенно в практической работе, в темпах ее развертывания, характера, значения и последствий нарастающего мирового экономического кризиса.

Развертывающийся мировой экономический кризис имеет место при таких исторических условиях, что по своему значению он становится крупнейшим этапом в послевоенной истории капитализма. В отличие от мирового экономического кризиса 1920 — 21 года, разразившегося на отливе революционной волны, ставшего поэтому исходным пунктом капиталистической стабилизации, настоящий кризис развертывается в особо благоприятных для пролетарской революции условиях—расшатывания капиталистической стабилизации, мирового революционного под'ема, гигантского социалистического роста СССР.

Кризис приводит к общему ослаблению империалистического фронта и усилению фронта антимилитаристического. Слабость некоторых важнейших звеньев империализма доводится до крайней степени. Речь идет прежде всего о том, что в таких странах как Польша нарастает общеполитический кризис и перед компартией ставится актуальная задача подготовки пролетариата к решающим боям за власть.

Революционный под'ем, которому назревающий мировой экономический кризис дает огромный толчок, развертывается в исключительно благоприятных условиях. В лагере империализма решающие противоречия доведены до крайнего напряжения, они растут, обостряются. Чудовищное обострение борьбы за рынки, которое вызовет и уже вызывает назревающий кризис, доведет очень быстро и уже доводит это напряжение противоречий до такой степени, что мы можем ставить вопрос о назревающем распаде империалистического фронта, о непосредственной угрозе военной опасности. Недооценка военной опасности сейчас означает недооценку перспектив и пассивность в подготовке пролетарской революции. Военная опасность неразрывно связана с распадом, расшатыванием капиталистической стабилизации, она неразрывно связана с тем, что почва под капитализмом загорается. Бороться против военной опасности сейчас означает бороться за то, чтобы вырвать инициативу решающего действия у классового врага, т.-е. не дать империализму военным кровопусканием (что не исключает и наоборот вырастает из усиливающегося сейчас фашистского террора против революционного движения) ослабить ход пролетарской революции, ее силы, отставить ее решающие сроки. Поэтому против недооценки военной опасности, как против недооценки перспектив пролетарской революции, как против оппортунистической пассивности и хвостизма в деле подготовки этой революции, в деле мобилизации пролетариата, сейчас надо развернуть сильнейший большевистский огонь.

При всем распаде в империалистическом лагере, что определит собой и исход лондонской конференции, антисоветские силы разворачивают сейчас небывало бешеную работу. Во главе этой работы неизбежно становится социал-фашизм. Ему усиленно помогают правые и троцкистские ренегаты, ставшие прямыми агентами социал-фашизма.

Кризис социал-фашизма в массах, отвоевывание компартией на свою стороны все больших слоев пролетариата, исключительный рост авторитета и влияния СССР, как движущей силы мировой пролетарской революции, призрак гибели, который уже реет над головой социал-демократии, доводит ее бешенство против революционного движения до исступления, концентрируя его, прежде всего, против незыблемой и мощной опоры пролетарской революции — СССР. Мы стоим перед наиболее кровавой, наиболее контрреволюционной эпопеей социал-демократии. Социал-фашизм (с прямой помощью правых ренегатов и контрреволюционных троцкистов) стал в авангарде травли революционного движения, вооруженной борьбы против него, травли компартий, репрессий против них и подготовки и угрозы их запрещения. Это в соответственных формах относится и к СССР. Политика самого «пацифистского» правительства в отношении СССР, правительства Макдональда, как это уже совершенно ясно выявилось, отличается от политики твердолобых тем, что «рабочее» правительство, признавая СССР в целях обмана масс и под растущим давлением кризиса, в то же время только более тонкими методами продолжает и усиливает политику твердолобых, направленную к подготовке войны против СССР. Именно в виду того, что военная опасность в настоящий период нарастает в условиях революционного под'ема и заострена против СССР, не может быть никакого сомнения в том, что в основных странах империализма контрреволюция будет иметь в своем авангарде завершившую фашистский путь развития социал-демократию. Даже в стране «исключительности», в Соединенных Штатах, социал-реформизм своеобразным и ускоренным путем проходит то развитие, которое европейская социал-демократия сделала за последнее десятилетие. Таким образом, распад империалистического фронта с усилением антисоветской работы и обострением военной опасности против СССР, становящейся непосредственной угрозой, — таковы самые существенные изменения в лагере империализма. Это означает, что борьба коммунистических партий против военной опасности не может быть, прежде всего, борьбой за мобилизацию масс в защиту СССР, борьбой за пролетарскую революцию.

Военная опасность, которая нарастает сейчас, есть, прежде всего, выражение и результат распада капитализма, роста классовой борьбы, угрозы прорыва империалистического фронта в решающих его звеньях, созревания мировой об'ективно-революционной ситуации, приближения непосредственно революционной ситуации.

Если Ленин в 1919 г. считал победу идеи советов в массах гарантией успеха международной пролетарской революции, то сейчас эта победа идеи советов углубилась, расширилась, окрепла. Идея советов как органов свержения капитализма, как органов пролетарской диктатуры, как органов гражданской войны распространялась и побеждала тогда в массах. Советы на глазах международного пролетариата и в борьбе с социал-демократическими идеями и политикой прошли за последние годы всемирно историческое испытание и в этом испытании победили. Советы оправдали себя, как органы восстановления хозяйства при диктатуре пролетариата, они оправдали себя как органы реконструкции народного хозяйства и, наконец, и, прежде всего, они оправдывают сейчас себя, как органы ликвидации классов, как органы построения полного социализма. Этим самым социал-демократия терпит полный крах во всех своих решающих звеньях. Этим самым вопрос «кто кого» получает всемирно-историческое ленинское разрешение. Победное шествие идеи советов, идеи пролетарской революции выходит на широкую дорогу, получает огромнейший толчок...

Американский кризис и нарастающий мировой экономический кризис устраняют с пути революции то препятствие, которое социал-демократия воздвигла на основе пропаганды и результатов просперити. Вместе с тем тридцатимиллионный пролетариат Америки в подавляющем своем большинстве делается доступным к мобилизации вокруг борьбы за советы. Сам по себе этот последний факт не может не иметь исторического значения как в антисоветской политике Америки, так и прежде всего в грядущей открытой борьбе последними средствами между СССР и империализмом, усиливая шансы победы социализма над капитализмом.

Национально-революционное движение, быстро развиваясь, идет по единственно правильному пути. Отход колониальной буржуазии в лагерь империализма, в лагерь контрреволюции является, прежде всего, выражением ослабления сил империализма, выражением роста антиимпериалистического фронта, роста влияния в нем пролетариата. И колониальный пролетариат не только в Китае, но и в Индии, но и в Южной Африке показывает чудеса мужества и революционного примера, подымая за собой многомиллионные пласты крестьянства. Бешеный общий нажим на колонии, как неизбежный результат кризиса, наталкивается на встречную волну национально-революционного движения и приведет лишь к укреплению и сплочению антиимпериалистического фронта, к огромному усилению пролетарской гегемонии на этом фронте.

Установка X пленума ИККИ о перспективах и роли партии II Интернационала у власти, находит полное подтверждение. Но уже сказывается здесь и более высокая ступень революционного развития. Если роль «рабочего» правительства в Англии остается в основном той же, как определил X пленум ИККИ, но значительно усилилась фашизация рабочей партии, реформистских профсоюзов и «рабочего» правительства, непосредственное сращение последнего с финансовым капиталом и предпринимательскими организациями, то центр тяжести проблемы в отношении политической миссии правительства Мюллера несколько перемещается. Правительство Мюллера в Германии сейчас есть прежде всего правительство борьбы с революционным под'емом пролетариата, есть организатор и проводник буржуазной диктатуры, буржуазной контрреволюции против подымающейся пролетарской революции. В этом сказывается общее ослабление империалистического фронта, выдвижение германского пролетариата как авангарда революционной борьбы. Сущность перегруппировки классовых сил в капиталистических странах состоит в том, что революционный под'ем, а в таких странах, как Германия, Польша приближайшийся революционный кризис, наряду с ослаблением всего буржуазного фронта, ведет к относительному усилению в последнем роли социал-фашизма, что отнюдь не исключает роста национал-фашизма или просто фашизма, особенно там, где больше роль мелкой буржуазии, отражая ее резкие колебания. Социал-фашизм, призванный уже для непосредственного проведения буржуазной контрреволюции и до этого терявший свое влияние в массах, выступает против рабочего класса с оружием в руках для подавления массового революционного движения, разоблачая себя как прямой приказчик буржуазии, как классовый враг пролетариата, подрывая окончательно свое влияние в широких массах рабочего класса и трудящихся вообще.

Если поражение пролетариата в 1919—20 гг. определилось предательством социал-демократии, то сейчас социал-демократия просто стоит по той стороне баррикад. Это прямой и окончательно разоблачающийся классовый враг. Каждый пролетарий, в котором пробуждается классовое самосознание хотя бы в самой зачаточной форме, видит в социал-демократии такого же классового врага, как и в других буржуазных партиях. Отход масс от социал-демократии есть непосредственно переход к революционной борьбе против капитализма. Каждый пролетарий, который вступает в классовую борьбу, какие бы она элементарные формы не принимала, встречает в социал-демократии классового врага, борется против нее. Организатором и руководителем классовой борьбы является только компартия. Социал-демократия в пролетарской революции будет не просто предателем, а прямым и открытым врагом. В грядущей революции победа пролетариата, при большевистском руководстве коммунистической партии, обеспечена.

Таким образом, общее ослабление буржуазного лагеря, обострение кризиса социал-фашизма в массах, увеличение его роли в лагере контрреволюции, при общем развитии вообще фашистской диктатуры буржуазии,

рост силы и влияния компартии— таков основной итог перегруппировки классовых сил в капиталистических странах.

При огромном усилении ведущей роли СССР революционное движение пролетариата в передовых странах под руководством окрепших коммунистических партий сливается и соединяется с революционным под'емом огромных крестьянских и колониальных резервов. Это и есть то сочетание движущих сил мировой пролетарской революции, которое наиболее верно обеспечивает ее мировой размах и победу.

X пленум ИККИ выдвинул как решающее звено в ближайший период политическую стачку, как метод мобилизации масс, об'единения их борьбы и подведения к лозунгу диктатуры пролетариата. Организация и самостоятельное руководство экономическими боями и перевод этих боев на политические рельсы — вот основная задача, поставленная X пленумом ИККИ перед коммунистическим партиями. Развитие классовой борьбы после X пленума подняло и содержание и методы этой борьбы на более высокую ступень. Диктатура пролетариата или диктатура буржуазии, социализм или капитализм—вот тот основной вопрос, который становится стержнем пролетарской борьбы.

Повседневное содержание, повседневные, самые жизненные интересы рабочего толкают пролетариат к революционной, практической постановке проблемы власти. Капитализм не только не удовлетворяет его самые необходимые потребности, но ведет бешеную атаку на самые скромные завоевания, которые пролетариат получил в прошлом. Миллионы пролетариев выбрасываются с производства на улицу. Безработица всюду бешено растет. Безработные обрекаются на голодное прозябание. Остающиеся миллионы на предприятиях подвергаются бешенному давлению рационализации, работают с нечеловеческим напряжением труда. Всякое проявление классовой борьбы становится фактически незаконным, нелегальным, наталкивается на вооруженный полицейский отпор буржуазии. Вооруженный полицейский разгром пролетариата, наступление на него становится основной задачей буржуазии в борьбе против рабочего класса. Это означает, что пролетариат в своей повседневной борьбе атакует самые основы капиталистического строя. Гражданская война между буржуазией и пролетариатом идет в разрозненных битвах, вооруженных столкновениях, расстрелах рабочих, арестах и т. д. Крайняя неустойчивость и обостренность классовых отношений, революционная степень заострения классовых противоречий, прорыв классовой борьбой рамок легальности, рамок капиталистического государства рамок фашистской диктатуры (Италия, Польша), — такова характеристика современной классовой борьбы. Пролетариат — как и его классовый враг — все ясней и быстрей осознает, что дело именно стоит так: диктатура буржуазии или пролетарская революция.

И характер классовой борьбы ясно указывает на назревание суб'ективных предпосылок революционного кризиса. Самое характерное в классовой борьбе после X пленума ИККИ, что накладывает на нее решающий отпечаток, состоит в повседневных и многочисленных революционных массовых демонстрациях пролетарских масс, прежде всего, угнетенных масс, вообще. Выступают на улицу, на открытую революционную, в том числе и вооруженную, борьбу огромные массы пролетариата и угнетенных. Пролетарская борьба прорывается на улицу, на открытую арену. Эта форма борьбы становится ведущей, определяющей настроение пролетариата. Ее развитие и исход определяет сейчас отношение классов. Она есть показатель уровня революционного под'ема, его характера. Сочетание экономической и политической стачки с революционными демонстрациями, такова та форма борьбы, которую выдвинуло сейчас массовое революционное движение. Эта форма пролетарской борьбы определяет ступень революционного под'ема и получает мощный толчок от нарастания мирового экономического кризиса. Революционная массовая демонстрация—вот та более высокая форма классовой борьбы, которая развернулась после первомайских демонстраций, стала ведущей после X пленума ИККИ и подняла революционный под'ем и классовую борьбу пролетариата на новую, более высокую ступень. Эта форма пролетарской борьбы определяется также все растущей ролью *движения безработных*.

Безработица, которую капитализм стихийно усиливает ежедневно и ежечасно для спасения предпринимательских прибылей и самих капиталистических предприятий, безработица, которая растет сотнями тысяч во всех странах и которая еще более неимоверно вырастет с мировым экономическим кризисом, ибо ножницы между движением (застоем, депрессией, кризисом) производства и быстрым ростом производительности труда (за счет бешеного усиления эксплоатации рабочих, прежде всего) все более и скачкообразно увеличиваются, безработица становится смертельным и стихийным бедствием капитализма. Оправдываются гениальные пророческие слова Маркса. «... Абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, — писал он, — только отвечает потребности капиталистического способа производства... Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. Этим снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что напротив в известном пункте оно приходит к коллизии с этим развитием». («Капитал», том III; часть 1, стр. 245—246).

Число безработных в капиталистических странах доходит сейчас до 17—18 миллионов. Именно в безработице так ярко и остро сказывается все чудовищное развитие противоречия между развитием производительной силы общественного труда и сковывающими это развитие капиталистическими частнособственническими отношениями. Безработица расшатывает капитализм, подрывает его основы, расстраивает всю его систему. Рост безработицы подрывает веру масс в капитализм, подымает их на борьбу против него. Когда, как, напр., в Польше на 3 работающих приходится один безработный, в Германии на 4 работающих приходится один безработный и т. д., не считая неполностью работающих, когда каждая семья поражена безработицей без надежды на улучшение положения,—тогда безработица становится делом всего рабочего класса, свидетельством на банкротство капитализма, могучим тараном, который разрушает этот строй. Борьба с безработицей становится поэтому исходным пунктом мобилизации масс на борьбу с капитализмом. Каждый рабочий стоит перед угрозой очутиться завтра частично или совсем без работы, быть выброшенным на улицу.

И то обстоятельство, что безработица играет такую роль, что безработные начинают тысячами выступать на революционных аванпостах, что на первый план выдвигается революционная роль проблемы безработицы, находит соответствующий тактический ответ со стороны буржуазии и социал-фашизма. Стратегия буржуазии и социал-фашизма состоит в том, чтобы *оторвать* движение безработных от движения занятых на предприятиях рабочих, изолировать движение безработных, *противопоставить* это движение борьбе рабочих на предприятиях.

Отсюда наша важнейшая задача добиться единства движения безработных с работающими, превратить борьбу и движение безработных в борьбу с безработицей, в движение и борьбу *всего рабочего класса*, сделать борьбу рабочих на предприятиях борьбой

также и безработных. Международный Красный день (6/III) борьбы против безработицы и капитализма должен стать одним из важнейших этапов об'единения интернациональной борьбы работающих и безработных в капиталистических странах. Создавая комитеты единства работающих и безработных снизу, развивая систематическую и упорную работу в создающихся советах безработных, организуя эти советы, об'единяя это движение в районном и национальном масштабе, раз'ясняя рабочим единство интересов целей и революционных задач борьбы,—компартии добьются этого.

Отсюда, таким образом, следует, что, *только* опираясь на экономическую борьбу рабочего класса, на борьбу вокруг частичных требований, революционные демонстрации могут играть действительно революционизирующую роль, роль более высокой формы мобилизации и выступления масс. Только этим путем, с одной стороны, достигается об'единение, сочетание революционных массовых демонстраций с экономическими и политическими стачками и, с другой стороны, достигается об'единение, единство борьбы работающих на предприятии рабочих с безработными и угнетенными массами вообще.

Массовая революционная демонстрация не является самостоятельным методом пролетарской борьбы. В условиях непосредственной революционной ситуации она, перерастая в вооруженную демонстрацию, на ряду с массовой политической стачкой, приводит к вооруженному восстанию. В обстановке, — как в настоящий период — революционного под'ема, назревания условий революционной ситуации, развитие массовой революционной демонстрации, будучи выражением всеобщности революционного под'ема, *втягивания* в него самых угнетенных и отсталых масс, вместе с тем становится методом *об'единения* самых разнообразных форм борьбы на различных участках революционного под'ема. В этих условиях именно, в этом ее сила и перспектива. Массовая революционная демонстрация об'единяет борьбу занятых на предприятии рабочих с борьбой огромной, революционизирующейся армией безработных, она об'единяет борьбу пролетариата с борьбой крестьянства, борьбу пролетариев городов с борьбой сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, она служит показателем *широты* охвата революционным под'емом самых разнообразных и глубочайших слоев угнетенных масс. Революционная демонстрация является вместе с тем, выражением более *высокой ступени* революционного под'ема. Здесь борьба масс, особенно в современных условиях фашистского и социал-фашистского режима и террора, принимает *всеобщий, остро политический и революционный характер*. Следовательно, для коммунистической партии вопрос о массовой революционной демонстрации на теперешнем этапе революционного под'ема есть вопрос *об'единения борьбы и перевода ее на более высокую революционную ступень*, т.-е. вопрос более высокой ступени революционного под'ема.

С другой стороны, понятно, что массовая революционная демонстрация, опирающаяся на экономическую стачку, придает ей политический характер, при чем, опираясь на политические стачки, она подымает борьбу на более высокий революционный уровень и в то же время сама становится путем и орудием перехода *разрозненных* экономических и политических выступлений пролетариата и трудящихся масс вообще в *массовую политическую стачку*, подводя ее вплотную к *всеобщей политической стачке*.

В условиях назревающего экономического кризиса и отсутствия еще революционной ситуации, особенно, подчеркиваем, что массовая демонстрация не является самостоятельным методом борьбы: только об'единяя другие формы борьбы, опираясь на них и в то же время *развивая их* — она может сыграть свою роль движущей силы революционного под'ема. Поэтому именно в этой плоскости и встает сейчас с особенной остротой задача развития и руководства *экономической борьбой* рабочего класса. В условиях кризиса, когда предприниматели с охотой прибегают к приостановке предприятий, к локаутам, здесь встают особые трудности. Здесь *ключем* к ситуации становится *повседневная массовая работа* коммунистической партии. Без этого—отрыв авангарда от масс, фразы о революционном под'еме вместо организации этого под'ема, выхолащивание революционного содержания массовой демонстрации, отрыв ее от борьбы рабочих на предприятии, превращение ее в игру в революционную демонстрацию — становятся особенно опасными.

Поэтому, сейчас надо особенно подчеркнуть и указать на слабости по этой линии, на *слабости массовой работы* коммунистических партий, на *недооценку на практике массовой работы*, на недостаточные ее *масштабы*, недостаточный *темп* ее роста. Здесь сейчас *центр тяжести*. Как это ни парадоксально, но *особенно* в обстановке революционного под'ема делается *острой* опасность отрыва революционного авангарда от масс. Здесь особенно партия должна быть *в массах и с массами*, с их нуждами, требованиями. В эти периоды *проверяется* связь партии с массами, подготовка ею масс. Поэтому центральной задачей компартий в настоящий момент является *бешеное усиление* массовой работы.

Эта задача диктуется условиями революционного под'ема (необходимость охвата все расширяющегося движения, которым должна руководить компартия); условиями экономического кризиса (когда в некоторых и возможно широких слоях пролетариата может появиться неуверенность, тенденция к отставанию от движения передовых отрядов, т.-е. и компартий); условиями неизжитых и иногда и *нередко* очень сильных еще в компартиях социал-демократических традиций, недооценки и слабости на практике массовой работы, работы на предприятиях, слабости и нечеткости организационных форм работы, организованного охвата масс; условиями тактики классового врага, когда он делает особые усилия, чтобы оторвать (и таким образом, разбить) движение передовых отрядов пролетариата от движения самых широких масс его класса и угнетенных классов вообще. *Компартия в настоящей обстановке должна особенно учитывать, что решение всех остальных частичных задач сводится и мыслимо лишь при условии решения основной стратегической задачи—завоевания большинства решающих слоев рабочего класса.* Отсюда же встает вопрос об усилении работы во всех массовых организациях и в том числе и не меньше в реформистских профсоюзах. Решение всех этих задач наталкивается на огромные трудности об'ективного и суб'ективного порядка. На преодоление этих трудностей компартии должны мобилизовать силы.

Сейчас совершенно своевременно поставить *вопрос о темпах* развития большевистской работы коммунистических партий как *стратегический* вопрос международной борьбы против капитализма, как вопрос в конце концов политической *линии* коммунистической партии. Надо признать в ряде случаев и в ряде партий совершенно недостаточным темп развития работы, не отвечающей задачам момента. Задача ликвидации этого отставания является сейчас важнейшей задачей и необходимейшим условием большевистского руководства революционным под'емом.

При решении этих задач, надо особенное внимание обратить на развитие широкой *массовой самокритики*. Самокритика в секциях Коминтерна еще не стала как в ВКП(б) методом большевистской работы, она

еще не стала могучим рычагом мобилизации масс и партии, выдвижения новых пролетарских сил, большевистской перестройки работы партии, особенно, усиления *темпов* этой работы, беспощадной борьбы с оппортунизмом, особенно на практике. Применяясь к условиям и задачам работы в капиталистических странах, этого надо добиться во что бы то ни стало.

Таким образом, более высокая ступень революционного под'ема, более сложные и ответственные революционные задачи с особенной настойчивостью и *остротой* ставят вопрос о работе в массах, об огромных *трудностях* на пути революционной мобилизации масс, об опасности *недооценки* этих трудностей и остроты этих задач. *Не принижение революционных задач и не игнорирование будничной, «черной» работы в массах, а революционное большевистское их сочетание, чтобы, по-ленински развивая работу бешеным темпом, поднять все движение на более высокую революционную ступень—вот в чем гвоздь момента.*

Вне понимания этого ленинского сочетания и самого соединения революционных задач более высокого порядка, более высокой ступени революционного развития с черновой массовой работой не возможна революционная, марксистская тактика, не возможна роль компартии, как авангарда масс своего класса, ведущего эти *массы* через разные этапы борьбы, через более высокие ее ступени к решающим и победоносным боям за власть.

Сущность настоящего этапа борьбы рабочего класса состоит в том, что борьба вокруг частичных требований вплотную подводит рабочих к проблеме власти. Борьба на *предприятии* здесь играет решающую роль, отсюда и из полной фашизации реформистского профсоюзного аппарата встает вопрос об усилении роли и работы революционных профсоюзов и революционной оппозиции в реформистских профсоюзах. Эта работа становится в центре внимания коммунистических партий. Завоевать рабочих на предприятиях, укреплять там коммунистические ячейки, ячейки новых профсоюзов, создавать фабрично-заводские комитеты, об'единять работающих с безработными, организовывать и вести массы на экономическую борьбу, об'единять и переводить разрозненные экономические бои в политические стачки, выводить массы на улицу на революционные демонстрации, на арену открытой борьбы с капитализмом — таковы задачи коммунистических партий. Когда это массовое революционное движение пролетариата во главе широчайших угнетенных масс под руководством компартии сольется в единый революционный поток, тогда пробьет час гражданской войны против буржуазии, час пролетарокой революции. К этому дело идет, к этому дело надо вести.

Особенно надо подчеркнуть задачу превращения коммунистических партий в массовые партии, задачу их массового роста. *Вербовка* новых членов партии из передовых рабочих должна быть одной из важнейших и не временных *политических* кампаний всех коммунистических партий.

Революционные демонстрации, их характер, как и все развитие классовой борьбы, ее обстановки и задач на данном этапе ставят перед пролетариатом как важнейшую задачу вопрос об организации и развитии *рабочей самообороны*. Этот же вопрос ставит сейчас и каждая стачка. Атаки армии и полиции рабочие не могут встречать со скрещенными руками, а должны давать отпор. Развитие рабочей самообороны становится одной из важнейших задач руководства революционным под'емом.

Обострение революционной борьбы все острей ставит вопрос о легальности и нелегальности наших партий, вопрос о методах нелегальной, но открытой революционной борьбы, вопрос о методах сочетания глубокой нелегальной работы, проводимой крепким нелегальным аппаратом, с открытыми формами выступления во главе масс. Главной задачей компартии в этом вопросе является раз'яснение массам, что борьба против открытой работы и существования компартии является борьбой против революционного движения масс вообще, является предпосылкой, осуществление которой дало бы возможность господствующим классам пойти на разгром революционного классового движения вообще. Проблема нелегальности сейчас, несомненно, увяжется в рядах наших партий с рядом других проблем и в особенности с оценкой экономического кризиса, его последствий и характера и методов классовой борьбы на теперешнем этапе революционного под'ема.

Надо с самого начала дать самый решительный отпор оппортунистической ликвидаторской попытке противопоставить глубокую нелегальность открытым формам выступления и работы партии. В условиях революционного под'ема успех и возможность открытых выступлений партии теснейшим образом связан и обеспечивается глубоким нелегальным аппаратом, который строит партия, прежде всего, укреплением работы и нелегального аппарата партии на предприятии. Это сочетание становится вопросом жизни партии. Здесь всякому оппортунизму, всякому ликвидаторству надо дать решительный и беспощадный отпор,—в то же время отнюдь не играя нелегальностью, ставя и усиливая борьбу за открытые формы существования и работы партии, как массовую борьбу.

Самостоятельное руководство борьбой рабочего класса особенно его революционными боями ставит перед каждой коммунистической партией гигантские организационные задачи. Организационная слабость большевистской партии—это то противоречие, которое встречается в жизни. Но оно показывает недостаточную силу и слабую классовую организованность революционного движения пролетариата. Поэтому преодолеть организованный оппортунизм, сделать партию организационно большевистской наряду с массовым выдвижением и воспитанием большевистских кадров: есть одна из основных задач руководства революционным под'емом.

Новый этап в развитии революционного под'ема ставит перед нами задачу пропаганды в массах максимальных революционных требований и программы. Мы это должны делать, чтобы двигать массы вперед, готовить их. Мы не можем предсказывать срока наступления непосредственно революционной ситуации, но она, как совершенно своевременно указал тов. Молотов на X пленуме ИККИ, не отделена китайской стеной от развертывающегося революционного под'ема. Наоборот ее элементы каждый день и ежечасно вырастают и зреют в этом под'еме.

В ответе на вопросы свердловцев тов. Сталин пишет:

> «Нельзя проводить непроходимую грань между «революционным под'емом» и «непосредственно революционной ситуацией». Нельзя говорить: «до этой черты мы имеем революционный под'ем, а за чертой — скачок в непосредственно революционную ситуацию». Так могут ставить вопрос только схоластики. Первый, обычно «незаметно» переходит во вторую. Задача состоит в том, чтобы теперь же готовить пролетариат к решительным революционным боям, не дожидаясь момента «наступления» так называемой непосредственно революционной ситуации».

Мы идем с увеличившимися и окрепшими силами к решающим боям с капиталом. Очищение от оппортунистической гнили наших партий после VI конгресса создало основные предпосылки, чтобы они справились с этими задачами.

Дальнейшая и беспощадная борьба против правого оппортунизма, особенно на практике, особенно в форме оппортунистической пассивности и неумении и неспособности развернуть большевистские темпы работы, выдвигать и воспитывать новые кадры передовых рабочих-коммунистов, развернуть большевистскую массовую работу и наряду с этим отпор отдельным «левым» заскокам, загибам, «левой» фразеологии — является, как и раньше, основным условием в победоносной борьбе Коммунистического Интернационала за мировую диктатуру пролетариата против международного империализма и его социал-фашистской агентуры.

Задача сейчас состоит в том, чтобы подтянуть отстающие участки мирового коммунистического движения, особенно наиболее важные его участки, подравнять мировой коммунистический фронт. В нашей мировой борьбе и в подготовке решающих боев, перед лицом сплачивающихся империализма и социал-фашизма против СССРи Коминтерна, это есть стержневая стратегическая задача. Выполнение этой задачи надо перевести на практические рельсы в работе партии.

По-большевистски подготовить, по-большевистски организовать, по-большевистски победить в пролетарской революции—под этими лозунгами коммунистические партии, Коммунистический Интернационал будут мобилизовывать массы, бороться за большинство рабочего класса, вести его на штурм прогнившего капиталистического строя.

Л. Мехлис.

Вопросы теории зарплаты в СССР.

Закончившаяся дискуссия по основным вопросам политической экономии является, несомненно, переходным этапом к теоретической разработке коллективом коммунистов-экономистов актуальных проблем советского хозяйства, в том числе и вопросов теории заработной платы в СССР. Она способствовала выявлению извращений марксистско-ленинской методологии и оформлению основных линий разногласий, вскрыла правооппортунистическую сущность бухаринского универсального закона «трудовых затрат», столь пропагандировавшегося его «школкой», и указала на механистическую концепцию, как главную опасность в партии. Однако, нельзя не отметить, что она обнаружила тенденцию замкнуться в рамках только общеметодологических вопросов и отвлекла значительные силы от теоретической разработки современных проблем. «Ни одна из сторон,— как правильно отметил тов. Сталин,— не сумела применить как следует метод борьбы на два фронта: как против «рубинизма», так и против «механицизма» (см. «Правда» от 10 февраля 1930 г.).

Совершенно не случайно, что после политического банкротства правых оппортунистов со всей отчетливостью была поставлена проблема преодоления бухаринского правооппортунистического наследства в области теории, критика его механистической концепции, как теоретической базы правого уклона. Дискуссия в теоретической экономии показала, что без решительного преодоления механистического и идеалистического направлений в политической экономии не может быть и речи о сколько-нибудь серьезной положительной разработке проблем теории советского хозяйства.

Борьба с механистическим направлением в политэкономии ни в коем случае не должна ослаблять критики идеалистического течения, идеалистических извращений марксизма, системы идеалистических ошибок И. И. Рубина, враждебных марксизму, и вытекающих из его неокантианской методологии. Попытки отдельных товарищей солидаризироваться с положениями И. Рубина по теории стоимости с некоторыми оговорками должны встретить решительный отпор, и тем более, что И. Рубин, как меньшевик по своим политическим убеждениям, не способен защитить марксово учение в основных проблемах сугубо партийной науки — политэкономии. Марксистом может быть только ленинец.

Правильную линию в отношении оценки работ И. Рубина дает статья тт. Милютина и Борилина в № 2 «Большевика» и примечание к ней редакции «Большевика», которые подводят общий итог дискуссии и переключают внимание коммунистов-экономистов к важнейшим проблемам советского хозяйства и мирового рабочего движения.

Особенно прочное гнездо механистическая концепция свила себе во многих звеньях хозаппаратов, в органах труда и в профсоюзах. Проблемы экономики труда техницизированы, разработаны вне связи с общественной формой производства переходного периода. Вопросы теории заработной платы в СССР, ее величины, системы зарплаты и пр. анализируются преимущественно с технической и натуралистической точек зрения, механически, с игнорированием социальной формы производства. Например, постановка проблем в книжке А. Готмана «О системах заработной платы», изд. ВЦСПС 1926 г. настолько техницизирована, что автор буквально не видит Октябрьской революции, в корне изменившей характер производственных отношений в национализированной промышленности. Поэтому он не в состоянии понять то принципиально новое, что скрывается за различными системами «заработной платы» в госпромышленности.

Внешняя стоимостная форма доходов в СССР — заработная плата, прибыль и т. п., низкий уровень зарплаты в госпромышленности, в особенности в восстановительный период, техническая отсталость нашей промышленности, — все это способствовало маскировке социалистического характера производственных отношений на предприятиях последовательно-социалистического типа. Отсюда усиление господства количественного, механистического подхода к анализу природы и форм заработной платы в СССР, отсюда игнорирование качественной стороны проблемы, классовых отношений. В настоящей статье мы намерены остановиться на разборе ряда работ, посвященных вопросам заработной платы в СССР.

Наиболее уязвимым местом в разработке теории заработной платы в СССР являются методологические проблемы. Значительная часть работ анализирует только политику зарплаты, не затрагивая теоретическую сторону проблемы. Трудности анализа вопросов теории зарплаты в СССР заключаются в том, что до сих пор не разработана общая теория советского хозяйства. Бухаринская «Экономика переходного периода», а равно Преображенского «Новая экономика», служившая теоретическим обоснованием троцкизма, как построенные на механистической основе, потерпели крах. Надо прямо сказать,— ни одна из работ, посвященных теории заработной платы в СССР, не ставит общеметодологических проблем. Между тем очевидно, что игнорирование методологических вопросов не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно разрешить теорию заработной платы в советском хозяйстве.

Проблема заработной платы в СССР требует дифференцированного дохода, без этого нельзя будет понять тех принципиальных особенностей, которые присущи категории зарплаты в различных секторах советского хозяйства. Понятно, если сводить зарплату к средствам существования рабочих, как это делают некоторые наши экономисты, то она выступит в качестве вечной категории. Тогда характеристика зарплаты будет одинаковой и в госпромышленности и на капиталистических предприятиях в СССР, ибо экономическая категория — зарплата сведена к натуралистической. Маркс же подчеркивал, как и в отношении всех категорий капитализма, что: «заработная плата не является фактором, необходимым для производства. Она может исчезнуть при другой организации труда». (Сочинения т. V, стр. 640). Некритическое перенесение на предприятия последовательно-социалистического типа, экономических категорий капитализма ничего, кроме теоретической и политической путаницы, дать не может. Отсюда необходимость дифференцированного подхода к анализу зарплаты в СССР, чтобы не отождествлять новых хозяйственных форм, социалистических производственных отношений в госпромышленности, с ранее господствовавшими и сохранившимися в необобществленном секторе — капиталистическими. Говоря о необобществленном секторе, мы, понятно, имеем в виду исключительно частно-капиталистическое и госкапиталистическое хозяйство. Однако, дифференцированный подход ни в какой мере не означает отрицания бесспорного факта влияния стихийных моментов, классовой борьбы и пр. на социалистический сектор хозяйства, на высоту заработной платы.

Анализ проблемы заработной платы в СССР требует и так называемого «сплошного» подхода, чтобы понять неизбежность капиталистической формы «зарплаты» в госпромышленности, проследить процесс отмирания категории заработной платы во всем советском хозяйстве. Революционная практика нашего социалистического строительства выдвигает на разных этапах новые хозяйственные формы. Без такого методологического подхода нельзя понять качественных сдвигов, происходящих в реконструктивный период в условиях, например, политики ликвидации кулачества как класса. Если дифференцированный подход дает возможность вскрыть за одним и тем же явлением — заработной платой — различные типы производственных отношений, в зависимости от общественной формы производства соответственно секторам хозяйства, то сплошной анализ прослеживает категорию зарплаты в процессе отрицания ее капиталистической природы, переделки производственных отношений. Он показывает как по мере роста госпромышленности и планового начала, по мере вытеснения капиталистических элементов и социалистической переделки с. х., заработная плата теряет свою фетишистскую оболочку, отражает трансформирующиеся производственные отношения. Вместе с этим будет соответственно меняться и форма «заработной платы» на социалистических предприятиях. Таким образом проблема заработной платы в СССР должна быть рассмотрена под углом зрения единства противоположностей советского хозяйства.

Анализируя категории «зарплаты» на предприятиях последовательно-социалистического типа, мы не можем абстрагироваться, как это встречается почти во всей нашей экономической литературе, от мелко-товарного крестьянского хозяйства, от капиталистических элементов города и деревни. В противном случае будет совершенно непонятно почему она, представляя социалистические производственные отношения, сохраняет на данном этапе капиталистические формы, почему доля рабочего в общественном продукте, предназначенном для личного потребления, принимает формы зарплаты. Наконец, абстрагирование от необобществленного сектора хозяйства при разрешении проблемы уровня «зарплаты» в госпромышленности ведет к правооппортунистическому игнорированию расстановки классовых сил в стране, которая бесспорно оказывает влияние на высоту заработной платы. Иначе говоря, теоретическая разработка проблем заработной платы в госпромышленности требует учета всех конкретных особенностей переходного хозяйства, наличия рыночных форм связи между необобществленным сектором и госпромышленностью. Двухклассовое общество с абстрагированием от капиталистических элементов, столь основательно пропагандировавшееся бухаринской школкой, не может быть взято в качестве теоретической модели при анализе заработной платы в госпромышленности.

Своеобразные условия переходного периода приводят к тому, что за внешней капиталистической системой зарплаты (повременная, сдельная, премиальная и пр.) скрываются иногда, например, в госпромышленности, социалистические производственные отношения. Вообще внешняя форма, видимая на поверхности, не говорит о содержании:

> «Название какой-либо вещи, — пишет Маркс, — не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю, что его зовут Яковом». (Капитал, т. I, стр. 68).

Конкретная действительность показывает, что система «участия в прибылях», при капитализме скрывает капиталистические производственные отношения, присвоение прибавочной стоимости классом капиталистов.

В СССР иногда форма заработной платы вуалирует типичную капиталистическую прибыль. Например, в некоторых колхозах (Шевченковский округ, Самарский округ) применяется оплата труда колхозников по паям, по внесенному инвентарю, лошадям и т. п. Под формой зарплаты тут скрывается капиталистическая прибыль, ибо наиболее мощная верхушка колхоза живет за счет прибавочной стоимости, выколачиваемой из бедноты. Подобная форма оплаты труда в колхозах является проявлением правого уклона на практике. Далее, очевидно, сущность «заработной платы» в колхозах и предприятиях госпромышленности не одинаковая, ибо в обоих случаях мы имеем неодинаковые отношения к средствам производства. Все это подтверждает необходимость учета конкретных особенностей переходного хозяйства при разработке теории заработной платы в СССР. Даже такой момент, как плановое распределение основных предметов широкого потребления, безусловно должен быть принят во внимание, ибо в противном случае не понять процесса отмирания капиталистических форм дохода, сбрасывания старых форм производственных отношений.

⁂

Чисто количественный подход, — так характерный для механистов, — к анализу сущности заработной платы в госпромышленности довольно распространенное явление. Е. О. Шатан в своей работе — «Теория заработной платы», говоря о заработной плате в СССР и характеризуя природу зарплаты в госпромышленности, пишет:

> «Но из учения Маркса вытекает с достаточной ясностью, что социально-экономическая сущность всякой системы заработной платы определяется не ее абсолютной величиной, взятой сама по себе, а по характеру изменения ее относительной величины. И равно при капитализме сущность зарплаты характеризуется не фактом абсолютного роста, а фактом ее относительного понижения [1], — точно также социальная природа зарплаты в советской промышленности определяется не фактом низкого уровня ее абсолютной величины, а фактом ее относительного роста». (Стр. 203; разрядка наша. *Л. М.*)

Социальную природу заработной платы в госпромышленности Шатан, как мы видим, выводит не на основе ее качественной характеристики, анализа скрывающихся за ней производственных отношений, а только из количественных пропорций. Он рассматривает распределительные отношения, как совершенно независимые от способа производства. Маркс же подчеркивал, что каждому общественному способу производства соответствует и определенный способ распределения. Рабовладельческий строй, где средства производства и непосредственный производитель экспроприированы, знает один способ распределения. Капитализм, основанный на монополии класса капиталистов на средства производства и наемной рабочей силе, знает специфический способ распределения и эксплоатации, где все виды дохода неизбежно принимают стоимостную форму. Заработная плата при капитализме представляет собой иррациональную форму стоимости рабочей силы, она маскирует капиталистическую эксплоатацию.

В СССР в госпромышленности средства производства в руках рабочего класса, организованного в государственную власть. Но налицо мелкотоварное крестьянское хозяйство, ставшее на путь обобществления, и частно-капиталистический сектор.

> «Раз дано это распределение факторов производства, — говорит Маркс в «Критике Готской программы», — современное распределение предметов потребления вытекает само собою. Как само собою же

---

[1] Шатан не понимает сущности зарплаты при капитализме и отрицает марксову теорию абсолютного обнищания.

вытекает отличное от нынешнего распределения предметов потребления, когда условия и средства производства переходят в общественную собственность самих рабочих» (стр. 20).

Обобществленной собственности на средства производства в госпромышленности соответствует социалистический тип производственных отношений.

В анализе новой общественной формы производства в СССР, основанной на коллективной собственности рабочего класса на средства производства, необходимо искать об'яснения социальной природы «заработной платы» на предприятиях последовательно-социалистического типа. Наличие секторов простого товарного хозяйства и частно-капиталистического и товарно-денежных отношений должно об'яснить, почему в госпромышленности «зарплата» неизбежно сохраняет внешние капиталистические черты и подвергается влиянию стихийно-рыночных, классовых моментов. Иначе говоря, противоречивость внешней формы «зарплаты» в госпромышленности и скрывающегося за ней социалистического типа производственных отношений вытекает из факта наличия необобществленного сектора и сохранения рыночных форм связи [1].

В экономических процессах социалистической переделки нашего советского хозяйства, в бурном темпе роста индустриализации страны и коллективизации с. х. надо искать причину зарождения новых форм распределения общественного продукта. Ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация в условиях быстрого темпа роста госпромышленности способствуют преодолению противоречий между социалистическими производственными отношениями в госпромышленности и внешней формой «заработной платы». Революционная практика намечает уже целый ряд новых, социалистических форм распределения общественного продукта между участниками производственного процесса.

Е. О. Шатан, как мы видели выше, избрал иной путь анализа природы зарплаты в СССР, он абстрагировался от общественной формы производства, от динамики его роста, сосредоточив внимание исключительно на количественной стороне проблемы, на факте «относительного роста» зарплаты. Механистический подход лишил его возможности понять социальную природу «зарплаты» на предприятиях госпромышленности, а равно правильно разрешить проблему уровня зарплаты. Вследствие этого он не мог понять, что заработная плата — антагонистическая система, категория капиталистического способа производства, и вне капиталистических производственных отношений она существовать не может.

Пытаясь проанализировать вопрос — не является ли в госпромышленности рабочая сила наемной в капиталистическом смысле, Шатан пишет:

> «Перегон, какой делает заработная плата по отношению к производительности труда, сам по себе не есть положительное явление, — постольку, поскольку он замедляет процессы накопления, следовательно и дальнейшего развития промышленности. Но это опять-таки особый вопрос, связанный с перспективами накопления в нашем хозяйстве вообще. Тут важен факт отсутствия перегона. Факт, который показывает, что зарплата строится в советской промышленности не на товарно-меновой основе рабочей силы». (Стр. 204, разрядка наша *Л. М.)*

---

[1] Антимарксистское утверждение И. И. Рубина, вытекающее из его общей методологии, о том, что при капитализме труд торговых служащих создает стоимость, является маскированной защитой увековечения рыночных форм связи и направлено против социалистического строительства в СССР.

При капитализме, по автору, заработная плата растет (!!) [1], но медленнее, чем производительность труда — получается «недогон». В госпромышленности картина противоположная. Если там временно зарплата росла быстрее производительности труда, то как закономерность во всяком случае «недогон отсутствует». Фуксом протаскивается троцкистский тезис, что зарплата должна расти в одинаковой пропорции с производительностью труда (см. контртезисы троцкистской оппозиции к XV партс'езду), в противном случае она строится на «товарно-меновой основе рабочей силы». Как видим из количественных пропорций между ростом зарплаты и производительностью труда, из «отсутствия перегона», Шатан определяет, является ли рабочая сила в госпромышленности наемной, и что зарплата строится у нас не на «товарно-меновой основе». По этой методологии при других количественных отношениях между производительностью труда и заработной платой должен последовать обратный вывод в качественной характеристике «зарплаты» и рабочей силы в госпромышленности. Например, нашей пятилеткой предусматривается рост производительности труда на 110%, а реальной заработной платы на 71%. Такое соотношение роста производительности труда и реальной зарплаты обеспечивает выполнение взятого темпа социалистической индустриализации. По Шатану, это будет свидетельствовать, что зарплата строится в социалистической промышленности на «товарно-меновой основе рабочей силы», что она является типично капиталистической категорией.

Аналогичный методологический подход к проблеме характеристики рабочей силы в социалистическом секторе промышленности, позволяет троцкистам делать вывод, противоположный Шатану, а именно: «в условиях нэпа, рабочая сила покупается, хотя и пролетарским государством, но на рынке, и только в качестве товара». Или в другом месте той же платформы: «пролетарской партии скрывать не за чем, что у нас рабочая сила все еще остается товаром». Но в таком случае необходима элементарная последовательность. Наемный труд и капитал друг друга предлагают. Лишь там не будет категории наемного труда, где нет капитала. Из тезиса троцкистов о товарном характере рабочей силы в госпромышленности следует, что наши предприятия «последовательно-социалистического типа» являются капиталистическими. В анализе Шатана, а равно и троцкистов, полное игнорирование проблемы качества, вульгарно-материалистический подход к категориям переходного хозяйства.

Еще более последовательно проводит «количественную» точку зрения С. Н. Гожанский, в работе «Заработная плата». В чем он видит приниципиальную разницу между сущностью зарплаты в госпромышленности и при капитализме? Как он характеризует социальную природу «зарплаты» в социалистическом секторе? Последуем за автором.

Первое отличие, по Гожанскому, заключается в том, что «в капиталистическом строе заработная плата выражает, как мы уже сказали, результат их взаимной борьбы» (стр. 61). Не то в Советской России, в госпромышленности ее, где «заработная плата повышается в результате повышения успешности труда, а не результата борьбы» (64). Мы не будем говорить об ошибках автора в вопросах понимания зарплаты в капиталистическом обществе, ибо он явно сбивается на идеалистические позиции «социальной теории распределения». Нам важно подчеркнуть игнорирование им «производственных» отношений в госпромышленности, анализ природы «зарплаты» на предприятиях последовательно-социалистического типа и сведение проблемы качества к количественным пропорциям, к росту зарплаты «в результате повышения успешности труда». Между тем, как показывает исследование проблемы, количественные изменения в «зарплате» в госпромышленности, роль повышения производительности труда в деле роста «зарплаты», вытекает именно из качественной характеристики этой категории, из скрывающихся за ней социалистических производственных отношений.

---

[1] Эта оппортунистическая точка зрения необычайно распространена в нашей экономической литературе. Она вытекает из непонимания марксовой теории стоимости рабочей силы. А. И. Рабинович в своей книге «Экономика труда» всячески подчеркивает «о росте реальной зарплаты в капиталистических условиях». (Стр. 93).

Второе отличие, по Гожанскому, заключается в том, что в «Советской России рост безработицы не влияет на уровень заработной платы» (стр. 64).

Третье отличие: «И вот Россия первая из стран с падающей валютой (падающей ценой бумажных денег), ввела исчисления заработной платы в товарных рублях» (стр. 66). Таковы же примерно и последние два отличия зарплаты в госпромышленности СССР от капиталистической заработной платы. Приведенные Гожанским «отличия» не вскрывают социальной формы связи на предприятиях последовательно-социалистического типа. Они показывают отдельные моменты проблемы уровня заработной платы, к разрешению которой необходимо перейти только после качественного анализа. Попытка же Гожанского разрешить проблему с другого конца— путем количественной характеристики получить ответ на социальную природу «зарплаты» в госпромышленности— не увенчалась успехом, ибо ему не удалось дать ни качественного анализа, ни разрешить проблему уровня. Механистический подход к вопросам теории заработной платы за себя мстит. Характеристику экономической категории необходимо дать на анализе формы социальной связи, отношений классов в процессе производства. Лишь потом на основе качественной характеристики необходимо переходить к количественной стороне проблемы.

Грубо натуралистическое толкование экономических категорий капиталистического общества — сведение экономических категорий капитализма к обмену веществ между природой и обществом, заработной платы к средствам существования рабочих, абстрактного труда к физиологической затрате энергии и т. п. — неизбежно приводит к их надисторической, богдановской трактовке, к меньшевистско-троцкистскому перенесению категорий капитализма на переходное хозяйство. Финн-Енотаевский, понимая стоимость в натуральном смысле, пишет, что в отличие от Маркса защищаемый им «взгляд состоит в том, что и в дотоварном мире на ряду с потребительной ценностью существует трудовая ценность, что затрата труда вообще — содержание — и тогда получает выражение в ценности, а рабочее время—мера затраты труда в величине ценности» 1). Аналогичную меньшевистскую точку зрения развивал Шабс в его известной работе «Проблемы общественного труда в экономической системе Маркса».

Туган-Барановский пытался построить реформистскую «социальную теорию заработной платы» не на основе закона стоимости и потерпел поражение. Зарплата в его трактовке перестала быть величиной определенной, он не разрешил проблемы уровня заработной платы. Утверждение Финн-Енотаевского и др. механистов о надисторичности закона стоимости открывает возможность переносить на советское хозяйство экономические категории капитализма. Словом, механисты подводят теоретическую базу для возможности построения оппортунистических теорий о господстве в социалистическом секторе экономических категорий капитализма в том числе и заработной платы.

---

1) «Социалистическое Хозяйство», за 1929 г., книга III, стр. 68.

Политическую опасность механистической концепции, в особенности в вопросах труда, доказывать не приходится. Существующие в государственной промышленности системы заработной платы — повременная, сдельная, премиальная и т. п. способствуют представлению о капиталистическом характере заработной платы в социалистическом секторе. Бюрократические извращения в госпромышленности, противоречия по частным вопросам между красным директором и профсоюзом принимаются за обычную классовую борьбу, какая, например, имеет место в частнокапиталистическом секторе между наемными рабочими и капиталистом. Спецовские и меньшевистские круги, рядясь подчас в марксистскую тогу, культивируют представления о нашем хозяйстве, как особой разновидности капитализма. По этой же основной линии шли разногласия между партией и зиновьевской оппозицией, утверждавшей о нашем хозяйстве, как о госкапиталистическом.

Перенесение экономических категорий капитализма на переходное хозяйство приводит к неразрешимым противоречиям и теоретически несостоятельно. Искажается сущность капиталистического хозяйства, она рисуется под советский лад и питает правооппортунистические элементы компартий. Наоборот, советскому хозяйству приписываются специфические закономерности капитализма. Отсутствие четкого, классового различия в категориях капитализма, натуралистическое и механистическое представление о них — теоретическая основа для недооценки социалистического строительства. Правооппортунистическая теория развития производительности труда вообще, подход к явлениям общественно-экономической жизни «à la Spencer», как иронически замечает В. И. Ленин по адресу бухаринской методологии, ведет к игнорированию социальной формы хозяйства, классовой борьбы. Механическое перенесение категории заработной платы на предприятия последовательно-социалистического типа создает, как выразился Маркс по другому поводу, «прочный операционный базис для пошлостей вульгарной экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений».

На позицию вульгарной политической экономии толкает механистов трактовка экономических категорий капитализма, игнорирование скрывающихся за ними социальных форм связи, производственных отношений.

Б. Лившиц по вопросу о заработной плате в СССР пишет:

> «Нет, повидимому, довольно продолжительное время в эпоху диктатуры пролетариата будет существовать категория заработной платы, как таковая. Пролетарское государство покупает рабочую силу отдельных пролетариев, поскольку еще существует вообще в обществе купля—продажа» 1).

Эту троцкистскую точку зрения он обосновывает тем, что в госпромышленности приходится платить рабочим в соответствии с квалификацией, а это, как он утверждает, и есть «оплата труда». И далее по вопросу о дифференциальной оплате он пишет:

> «Если же этот «паек» будет дифференцирован, в соответствии с квалификацией, то это и будет оплата труда, в которую,—как говорит Маркс,—включаются и издержки обучения (см. «Введение»), иначе говоря, здесь вообще проявляются еще ценностные категории, характеризующие капиталистические производственные отношения». (Стр. 52, разрядка автора. *Л. М.*).

В другой, более поздней работе Лившиц, давая схему распределения доходов в переходном хозяйстве для предприятий госпромышленности, устанавливает категории: «1) заработная плата, как оплата стоимости

---

1) Б. Лившиц. Проблема зарплаты в Советской России, стр. 53. (Разрядка наша. *Л. М.*).

рабочей силы. 2) Прибавочная стоимость, идущая на социалистическое накопление» [1].

Разберем эти положения по существу. Тем более, что в различных работах по заработной плате в СССР они выставляются в тех или других вариантах. Например, В. Мотылев в книжке «Заработная плата в капиталистическом хозяйстве и в СССР» эклектически соединяет категории капитализма с социалистическими производственными отношениями. Он пишет:

> «Все это убеждает нас, что закон стоимости рабочей силы продолжает действовать в СССР с теми отклонениями и искажениями, которые вытекают из отмирания влияния степени организованности и боеспособности». (Стр. 78).

То же повторяет в своей работе «Заработная плата» Ан. Неманов.

Верно ли, что в социалистическом секторе действует закон стоимости рабочей силы? Верно ли, что там создается прибавочная стоимость, как утверждает т. Мотылев и др.?

Теория прибавочной стоимости и закон стоимости рабочей силы выведены Марксом на основе общей теории стоимости, как всеобщей экономической категории товарного хозяйства. Без теории стоимости не может быть построена ни одна стоимостная категория, следовательно, и стоимость рабочей силы и теория прибавочной стоимости. Нельзя отождествлять закон стоимости с законом стоимости рабочей силы, ибо последний представляет собой модифицированный тип производственных отношений, соответствующих капиталистическому производству, но он в своей основе базируется на законе стоимости. Один закон стоимости недостаточен для утверждения о действии всех стоимостных категорий. Однако, где не действует закон стоимости, там нет и закона стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости. Поэтому проблема — действует ли в обобществленном секторе закон стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости — может быть разрешена выяснением: господствует ли в социалистическом секторе закон стоимости.

Стоит так поставить вопрос, как выяснится ошибочность перенесения на госпромышленность экономических категорий капитализма. Категория стоимости не господствует в социалистической промышленности, ибо там исчезли капиталистические производственные отношения. Отношения в обобществленном секторе регулируются в плановом порядке. А отсюда очевидно, что категорию стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость ошибочно механически переносить в обобществленный сектор, как это делает т. Мотылев и др.

Попытки некоторых авторов перенести на предприятия последовательно-социалистического типа категории капитализма (стоимость рабочей силы, прибавочную стоимость и т. п.) вытекают из механистической трактовки ими сущности этих экономических категорий капитализма. Они видят в заработной плате и стоимости рабочей силы соответственное количество получаемых и необходимых рабочему средств существования, не понимают качественной стороны этих категорий и скрывшихся за ними производственных отношений капитализма. По поводу такой трактовки экономических категорий капитализма Ленин писал: «Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношение между людьми. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка» (т. XII, ч. II, стр. 57). Заработная плата, стоимость рабочей силы, прибавочная стоимость и пр. экономические категории капитализма ни со стороны качественной, ни со стороны количественной не применимы к предприятиям госпромышленности, ибо они характеризуют определенные капиталистические производственные отношения между людьми, ибо они не мыслимы вне капиталистической эксплоатации, присвоения капиталистами прибавочной стоимости.

* * *

Довольно широкое развитие в нашей политико-экономической литературе получала буржуазная трактовка заработной платы в СССР. Так В. Позняков в своей работе «Заработная плата» пытается обосновать пригодность тугановской «социальной теории заработной платы» к характеристике «зарплаты» в госпромышленности и первой стадии коммунизма. По его мнению:

> «вся ошибка социальной теории распределения и заключается в том, что действие этой теории ее сторонники хотят навязать классовому капиталистическому обществу». (Стр. 12).

Он же считает, что эта теория пригодна для переходного периода, что тугановские построения должны быть положены в основу нашего анализа заработной платы в СССР.

> «Не мотивируя, — пишет он, — выскажем здесь только свой взгляд на ту основу, выражением которой является заработная плата в обществе переходного — от капитализма к социализму — типа (включая сюда и первые стадии социализма). Нам кажется, что здесь будет права социальная теория распределения, с тем только весьма существенным отличием, что здесь не будет места борьбе классов». (Стр. 12, автор говорит о социалистическом секторе. *Л.М.*).

Совершенно очевидно, что В. Позняков, пытаясь применить к СССР «неосоциальную» теорию зарплаты, не понял реформистского характера «социальной теории распределения». Туган считает, что заработная плата в капиталистическом обществе не является доходом социального происхождения, он строит проблему распределения независимо от отношений классов в производстве и проповедует гармонию интересов рабочих и капиталистов. Сторонники теории Тугана исходят из практических задач политики буржуазного государства. Попытка дать теоретическое обоснование государственному регулированию заработной платы — а эту задачу ставил себе Туган-Барановский — имеет целью отвлечь внимание пролетариата от борьбы с капиталистическим государством, которое выступает у него в роли «беспристрастного» арбитра между пролетариатом и буржуазией. С переходом в руки буржуазного государства регулирования найма рабочей силы и установления высоты заработной платы должны прекратиться, по Тугану, и стачки. Усыпляя пролетариат, Туган выдает авансы буржуазии насчет ликвидации столь ненавистных ей стачек. Теоретически обосновывая так назыв. «рабочее законодательство», Туган утверждает, что подготовляется почва для мирного разрешения конфликтов между трудом и капиталом путем обращения к авторитету государственного суда. Он идеализирует буржуазное государство, наделяя его надклассовой беспристрастностью. Как-будто самое государство не есть инструмент того же класса, эксплоатирующего пролетариат, как-будто оно не есть «комитет по делам буржуазии».

Как может В. Позняков утверждать, что эта оппортунистическая теория «социальной заработной платы», представляющая одну из разновидностей идеалистического направления в политэкономии, воспринятая социал-фашистами, германской с.-д., как может он писать, что она применима к СССР. Некритическая попытка В. Познякова применить тугановскую теорию распределения к СССР вытекает из того, что он и марксову теорию заработной платы в капиталистическом обществе изложил в духе «неосоциальной» теории зарплаты. Отход в трактовке заработной платы в капиталистическом обществе в духе Маркса лишает возможности дать правильный анализ этой категории в условиях переходного периода. Поэтому В. Позняков не понял не только зарплаты в госпромышленности, но и в частно-капиталистическом секторе.

---

[1] Б. Лившиц. Система заработной платы в СССР, стр. 72. Подобную же троцкистскую «теорийку» развивает А. И. Рабинович. Он пишет: «Эта прибавочная ценность у нас должна играть совершенно иную роль, чем она играет в капиталистических странах, но наличие этой прибавочной ценности является условием нашего дальнейшего развития». («Экономика труда», стр. 107).

Он считает, что

> «В частном секторе эта капиталистическая категория заработной платы тоже подвергается известным и очень существенным модификациям. Собственно о типичной капиталистической заработной плате в полном смысле этого слова приходится говорить лишь по отношению к тем нелегальным случаям найма, где обходятся все постановления, регулирующие продажу труда» (стр. 140).

Нечего говорить, что подобная постановка вопроса глубоко ошибочна, ибо она смазывает присвоение капиталистами прибавочной стоимости («краеугольный камень экономической теории Маркса») на тех частно-капиталистических предприятиях, где соблюдается кодекс о труде, она затушевывает антагонистический тип производственных отношений в капиталистическом секторе. Государственное установление в СССР «минимума зарплаты», обязательного для всех, затушевывает, по Познякову, качественную характеристику этой категории в частно-капиталистическом секторе. В разрешении и этого вопроса наш автор оказался в плену у Тугана. По Познякову, выходит, что заработная плата, например, в кулацком хозяйстве при выполнении кодексов о труде перестает быть типично капиталистической.

Другую разновидность буржуазной трактовки заработной платы в СССР представляет так наз. «теория производительности труда». Она получила наиболее широкое распространение и возведена в универсальный закон, действующий для всех общественно-экономических формаций. Например, А. М. Гинзбург пишет: [1]):

> «Повышение производительности труда не только не является способом нажима на заработную плату, но, наоборот, является необходимым условием ее дальнейшего повышения. Экономический опыт всех стран показывает, что между производительностью труда и высокой заработной платой существует прямая зависимость».
>
> «Чем выше производительность труда, тем, вообще говоря, выше и заработная плата. И наоборот».
>
> «История всей промышленности,—продолжает дальше Гинзбург,—была в общем и целом одновременно историей повышения заработной платы и производительности труда. Но в капиталистическую эпоху зависимость между этими двумя факторами не была прямо пропорциональной».

Таков тот общий закон, который, по Гинзбургу, действует и в капиталистическом обществе и в СССР.

> «Для советской экономики,—поучает он,—можно констатировать ту же параллельную зависимость роста заработной платы и производительности труда».

Развиваемая автором теория заработной платы капиталистического общества является теорией гармонии интересов. Она зовет к повышению интенсивности труда и служит теоретическим основанием оппортунистическому тезису, в частности английских профсоюзов, о «мире в промышленности». Гинзбург полагает, что росту производительности труда в капиталистическом обществе соответствует повышение и заработной платы. Это утверждение противоречит об'ективной действительности капитализма и основным положениям Маркса. Анализируя вопрос об изменениях заработной платы и прибавочной стоимости, Маркс пишет:

> «Увеличение производительности труда понижает ценность рабочей силы, а вместе с тем повышает прибавочную ценность, тогда как, наоборот, уменьшение производительности повышает ценность рабочей силы и понижает прибавочную ценность». (Капитал, т. I, стр. 366—367).

В капиталистическом обществе рабочий ни в какой мере не заинтересован в повышении производительности труда. Капиталистическая рационализация служит дальнейшему закабалению пролетариата. Именно приведенное положение Маркса служит дополнительным подтверждением тезису о противоположности интересов рабочих и капиталистов.

Полемизируя с буржуазным экономистом Кэри по вопросу о зависимости между производительностью труда и высотой заработной платы, Маркс писал:

> «Кэри старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального соотношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Кэри действительно обосновал свои посылки вместо того, чтобы по своему обыкновению сваливать в общую кучу случайный, некритический и спешно понадерганный отовсюду статистический материал». (Капитал, т. I, стр. 545).

Утверждение Гинзбурга, приведенное выше, о повышении в капиталистическом обществе заработной платы в результате роста производительности труда, способствует извращенному представлению о положении рабочего класса в капиталистическом обществе и является теоретическим обоснованием капиталистической рационализации. Вслед за Каутским в нашу литературу проник взгляд о росте зарплаты при капитализме, о заинтересованности (!!) капиталистов в повышении зарплаты. Находятся некоторые экономисты, которые пишут:

> «Нашим отечественным Разуваевым было бы чрезвычайно трудно понять психологию своих американских собратьев, вроде известного Форда, который очень охотно (!?—*Л. М.*) платит своим рабочим по 4 доллара в день, именно потому, что такая высокая плата обеспечивает ему наивысшую продуктивность труда и максимальную прибыль».

Подобные выводы базируются на извращении марксовой теории заработной платы. Наши «теоретики» высокой заработной платы при капитализме и ее роста не понимают, что, говоря о высоте заработной платы, необходимо учитывать интенсивность труда, продолжительность жизни рабочего и пр., ибо капиталистические новейшие «усовершенствования» техники требуют такого напряжения мускулов, нервов и пр., которые сокращают жизнь рабочего. В самой крупной промышленности, — это отмечает уже и Маркс и особенно развито сейчас,—наиболее короткая жизнь рабочих. Поэтому необходимо отличать расхищение рабочей силы, имеющее место при капитализме, от ее пользования. Если учесть указание Маркса, что «дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего», то будет понята оппортунистичность тезиса о росте зарплаты при капитализме, о ее повышении с ростом производительности труда.

Но может быть универсальный закон, пользуемый Гинзбургом, применим к характеристике зарплаты СССР?

---

[1]) А. М. Гинзбург. К вопросу о производительности труда и заработной плате, стр. 10—11.

Верно, что повышение производительности труда в госпромышленности дает возможность пролетарскому государству улучшать материально-бытовые условия рабочего класса. Рост производительности и интенсивности труда на предприятиях последовательно-социалистического типа является *важнейшим* фактором социалистической стройки. Первые серьезные успехи в строительстве социализма позволили приступить к сокращению рабочего дня до 7 часов. Уже сейчас, несмотря на нашу техническую отсталость по сравнению с Западом, рабочий день в СССР значительно короче, чем во всех капиталистических странах. Расстановка классовых сил в стране также влияет на темп социалистического накопления и уровень зарплаты в СССР. Но значит ли все это, что теория «производительности труда вообще» применима к характеристике заработной платы в СССР.

«Заработная плата» в госпромышленности представляет собой *новый* тип производственных отношений, неизвестный при капитализме и соответствующий социалистическому характеру нашей революции. В госпромышленности установлена определенная форма производственной связи между рабочими предприятия и пролетарским государством. На государственных предприятиях нет капиталистической заработной платы, ибо там производственные отношения *принципиально* отличные от капиталистических. За внешней формой «зарплаты» там скрывается социалистический тип производственных отношений. Даже на первой стадии коммунизма, как указывает Маркс, сохранятся остатки *буржуазного права*. Неудивительно, что в переходном от капитализма к социализму периоде сохраняется капиталистическая *форма* заработной платы, хотя она в процессе успешного социалистического строительства и трансформируется. Однако, она вуалирует за собой производственные отношения социалистического порядка. Классовое распределение продуктов по карточной системе *является выражением постепенной трансформации формы зарплаты в* СССР. «Зарплата» в госпромышленности — это доля *общественного* продукта, распределяемого между участниками социалистического производства, так как последние вступают в определенные производственные отношения с пролетарским государством.

Подобная характеристика природы «зарплаты» не значит, что в госпромышленности полный социализм, ибо еще сохранились остатки бюрократизма и капиталистических методов хозяйствования. Все же, как справедливо указывает тов. Сталин, «нельзя на основании неувязок и пережитков бюрократизма, которые имеются у управляющих органов наших госпредприятий и которые еще будут существовать, нельзя на основании этих пережитков и этих недостатков забывать, что наши предприятия по существу своему являются предприятиями социалистическими». (XIV партс'езд).

В СССР рабочий класс, организованный в государственную власть, коллективно владеет средствами производства. Он является хозяином государства. Отсюда совершенно иное, чем при капитализме, отношение к производству, отсюда рост *сознательного* отношения к проблеме повышения производительности труда. Социалистическое соревнование, ударные рабочие бригады, добровольное снижение расценок и т. п. является выражением *социалистического отношения к производству*. На деле начинает осуществляться тезис В. И. Ленина: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик» (т. XVI, стр. 254 — 255). Подобного отношения к производству не может знать капиталистическая

фабрика, мы имеем в СССР «*ростки подлинного коммунизма*» (Ленин).

Весь создаваемый в госпромышленности продукт является собственностью пролетарского государства. Социалистическому способу производства соответствует и определенная форма распределения. Но наличие мелко-товарного крестьянского хозяйства и капиталистических элементов *придает* распределению капиталистические внешние черты, форму «зарплаты». Часть произведенного продукта идет на совмещение израсходованных средств производства, на расширенное воспроизводство и резервы на случай общественных бедствий, нападения на СССР и т. д. Вторая часть идет на личное потребление участников производственного процесса, на содержание неспособных к труду, на управление и, наконец, на *социализированную* часть «зарплаты» (культурные потребности, социальное страхование и пр.).

Распределение вновь созданного продукта на часть, идущую для личного потребления и на расширенное воспроизводство, ведется в *плановом* порядке с учетом, что взятый темп индустриализации страны диктуется всей международной и внутренней обстановкой. Попытка вывести уровень «заработной платы» в госпромышленности на основе закона «стоимости рабочей силы» (см. Неманова, Мотылева и др.) осуждены на неудачу, такая постановка вопроса не имеет ничего общего с марксизмом. Высота «зарплаты» в социалистической промышленности устанавливается не стихийно, а в *плановом* порядке. При решении вопроса об уровне зарплаты наши органы учитывают проблему нормального воспроизводства рабочей силы, в противовес капиталистическому обществу, где, как указывает Маркс, «капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим» (т. I, стр. 634). Поэтому у нас плановое задание в области повышения производительности труда увязано с определенным повышением уровня реальной зарплаты. Рост производительности труда в госпромышленности, успешное социалистическое переустройство сельского хозяйства дают *возможность* весь вновь созданный продукт распределить так, чтобы, с одной стороны, успешно осуществлялся темп социалистической индустриализации, диктуемый международной и внутренней обстановкой, с другой,— рост уровня жизни пролетариата, как составная часть строительства социализма.

Именно *социалистический* характер производственных отношений в госпромышленности, плановое начало в нашем хозяйстве, борьба с капиталистическими элементами обеспечивают, что рост производительности труда способствует и улучшению материально-бытовых условий рабочего класса. Следовательно, не «производительность труда вообще» предопределяет уровень и рост зарплаты, а *социалистический тип производственных отношений* на основе роста производительности труда и наступления на капиталистические элементы. Говоря о влиянии производительности труда на повышение заработной платы в социалистической промышленности, необходимо сделать ударение на характер производственных отношений, как принципиально отличный от капиталистических. Он *предопределяет* повышение «заработной платы» в плановом порядке с ростом производительности труда, с успешной переделкой сельского хозяйства на социалистический лад. При решении проблемы уровня зарплаты необходимо помнить, что в условиях переходного хозяйства рабочий класс отдаст некоторую часть рабочего дня своему антагонисту. Совершенно очевидно, что это перекладывание труда на плечи пролетариата оказывает влияние на высоту заработной платы. По линии более быстрого вытеснения капиталистических элементов в условиях роста социалистического сектора открывается *новый резерв* для социалистического накопления и повышения материально-бытовых условий рабочего класса. Теория «производительности труда вообще» не может вскрыть сущность вопроса о зарплате и ее уровне в государственной промышленности.

Мы не намерены в настоящей статье исчерпать все вопросы, поставленные в нашей экономической литературе в связи с проблемой заработной платы. Остановимся еще лишь на одном, представляющем с нашей точки зрения интерес — на вопросе о безработице.

Общепринято в нашей социально-экономической литературе выводить безработицу в СССР из слабого развития уровня техники в сельском хозяйстве. Тов. Бессонов, например, считает, что «главным средством борьбы с безработицей в наших условиях является повышение техники в сельском хозяйстве, помощь крестьянскому хозяйству в его развитии» [1]). Тогда безработица, по автору, будет в СССР ликвидирована. Бессонов ни единым словом не обмолвился об изменении социальной формы производства в сельском хозяйстве, он в плену «техники вообще». Между тем повышение техники в сельском хозяйстве при старых производственных отношениях (мелко-товарное хозяйство и капиталистическое) неизбежно ведет к росту капитализма в сельском хозяйстве и порождает резервную армию — такова роль машины. Лишь социалистическое переустройство с. х. может ликвидировать стихийное выбрасывание деревней армии безработных. Совершенно очевидно, что в социалистическом обществе с. х. не будет выделят так называемую «резервную армию безработных».

Безработица в СССР вытекает из переходного характера нашей экономики.

> «Если бы завтра,—пишет Маркс, по поводу безработицы при капитализме,—труд был повсюду ограничен до рациональных размеров и распределен между различными слоями рабочего класса соответственно возрасту и полу, то наличного рабочего населения было бы абсолютно недостаточно для продолжения национального производства в настоящих его размерах. Значительное большинство нынешних «непроизводительных» рабочих принуждено было бы превратиться в «производительных». (Капитал, т. I, стр. 457).

Быстро растущая социалистическая промышленность в СССР, рационализация производства и повышение техники при сокращении рабочего дня, непрерывное производство, — все это поглощает значительные слои безработных, выбрасываемых деревней. Основная причина безработицы в СССР лежит по линии противоречия между общественной формой производства в городе — преимущественно социалистическая промышленность — и формой производства в деревне — преимущественно мелко-товарное и кулацкое хозяйство. Главная масса безработных — это стихийно выбрасываемые из деревни излишние рабочие руки. Она (безработица) вытекает из общественных форм производства в крестьянском хозяйстве.

Обобществление сельского хозяйства, сплошная коллективизация в корне подорвет причины стихийного выбрасывания рабочих рук из деревни на биржи труда. Проблема рабочей силы для социалистической промышленности станет по-новому с изменением общественной формы производства в с. х. Тот факт, что в СССР уже в 1929—30 г. безработица начнет падать абсолютно, является результатом быстрого темпа строительства промышленности, бурного роста обобществления сельского хозяйства [2]). Наши плановые органы должны уже сейчас приступить к разработке проблем рабочей силы для госпромышленности, учитывая процессы сплошной коллективизации деревни. По-новому должно ставиться планирование рынка труда. По линии получения необходимых промышленности рабочих рук могут встретиться затруднения, рваческие настроения отдельных колхозников. Новая общественная форма производства в сельском хозяйстве ликвидирует стихийное выбрасывание лишних рабочих рук. Это не значит, что в колхозах, в особенности на первых порах их организации, все наличные работоспособные колхозники будут в достаточной мере использованы, что они не представят собой резерва для социалистической промышленности. Прекратится только стихийное, чисто капиталистическое выбрасывание из деревни лишних рабочих рук. Отсюда очевидно, что безработица в СССР вытекает не из слабого развития «техники вообще» в сельском хозяйстве, а из общественной формы производства в советской деревне. Она будет ликвидирована социалистическим переустройством сельского хозяйства, составной частью которого является постепенное подведение высокой технической базы.

⁂

Обзор важнейших работ, посвященных вопросам заработной платы в СССР, показывает, что этот участок наиболее засорен механистической трактовкой проблемы и буржуазными теориями. Лишь коллективная работа экономистов-коммунистов может дать правильный анализ категории зарплаты в переходный период и проследить процесс ее отмирания в связи с политикой ликвидации кулачества как класса и сплошной коллективизации сельского хозяйства.

---

[1]) С. Бессонов. «Эксплоатируется ли уральский рабочий», стр. 21.

[2]) В свете фактов абсолютного падения безработицы следует вспомнить недавнее клеветническое обвинение троцкистской группы по адресу ЦК ВКП(б), что «разрешить вопрос о безработице он при своей политике не в состоянии» (Платформа).

П. Савчук.

Роль МТС в социалистическом переустройстве деревни.

> «Крупное высокопроизводительное и действительно социалистическое производство в сельском хозяйстве можно построить только на базе современной машинной техники и электрификации».
>
> *(Из постановления ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б).*

От других форм социалистической переделки крестьянства строительство машинно-тракторных станций отличает прежде всего та особенность, что оно является методом непосредственного пролетарского руководства этой переделкой, конкретно осуществляет производственную смычку рабочего класса с трудящимися массами деревни.

Эта производственная связь по линии машинно-тракторных станций своей конкретностью ярко оттеняет то неоспоримое положение, что союз пролетариата с трудящимся крестьянством «обеспечивает руководящую роль рабочего класса, укрепляет диктатуру пролетариата и облегчает дело уничтожения классов» 1).

Производственная смычка не только конкретизирует руководящую роль пролетариата, но и обнажает противоречия между бедняцкими и середняцкими массами, с одной стороны, и кулачеством, капиталистическими элементами деревни — с другой.

Новые формы производственной смычки, посредством которых пролетариат укрепляет свое положение гегемона социалистического строительства, естественно вызывает новые способы сопротивления этому процессу со стороны капиталистических элементов деревни. Особенно сильно это сказывается в районах строительства машинно-тракторных станций, так как здесь твердая рука пролетариата в деле ликвидации самих условий, «порождающих капитализм», ощущается капиталистическими элементами особенно остро, поскольку строительство МТС подводит их к «последней черте».

Кулачество видит, что это строительство руководится испытанными организаторами, рабочими, которые научились преодолевать препятствия и сплачивают бедняцко-середняцкие массы деревни вокруг строящегося социалистического сельскохозяйственного производства. Механизация труда, увеличивающая его производительность и тем самым удешевляющая себестоимость сельскохозяйственного производства, создает такие огромные преимущества для хозяйства, обслуживаемых машинно-тракторными станциями, что вести борьбу с ними кулачеству становится страшно затруднительным.

Трактор, как командная высота современного машинизированного сельскохозяйственного производства, основа его технического вооружения, и есть та предпосылка, имея которую мы приступили к социалистической переделке деревни. «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе» (Ленин).

Успехи социалистического строительства помогли нам начать разрешение поставленных перед нами задач в области социалистического переустройства деревни. Сто тысяч тракторов, о которых когда-то мечтал Ленин, в истекшем 1929 году мы деревне еще не дали, но около сорока тысяч уже работали, а в следующем, 1930 г., их число достигнет девяноста тысяч, что почти уже равняется тому числу тракторов, о котором говорил тов. Ленин.

Когда Ленин говорил о революционизирущей роли трактора, то он имел перед собой опыт его применения в Северо-Американских Соединенных Штатах в индивидуальном, мелком, фермерском хозяйстве. Между тем значение трактора в крупном хозяйстве, как наши совхозы, а также в системе МТС, как кооперации машин и тракторов, еще возрастает, ибо использование последних дает большую эффективность.

Значение машинно-тракторных станций в условиях диктатуры пролетариата огромна еще и потому, что они способствуют созданию новых общественных отношений, ибо превращают мелкий, разрозненный, индивидуальный труд бедняка и середняка в труд общественный. Как менялась социальная обстановка в районах действия МТС, видно из нижеприводимой таблицы, характеризующей строительство машинно-тракторных станций и колонн Хлебоцентра.

Рост количества МТС в 1929 году.

Время	Количество		Колич. обслуж. земельн. обществ	Организ. крупных колхоз. хоз-ств и производ. об'единен.	Количество крестьянских дворов	Земельный массив в тысячах га	
	МТС и колон	Тракторов				Всего	Оформлен. договор. долголетней контрактац.
На 1/I 1929 г.	13	326	66	—	6.140	65,7	—
„ 15/IV „	45	1.182	219	193	16.037	300,0	128,5
„ 1/VII „	56	1.496	287	248	32.410	616,7	299,4
„ 1/VIII „	58	1.705	415	362	40.808	729,8	396,4
„ 15/IX „	61	1.961	506	400	52.354	1.047,9	621,5
„ 1/XI „	61	2.033	540	443	55.255	1.078,7	623,7
„ 1/XII „	61	2.043	572	386 *)	55.414	1.158,9	648,0

Таким образом, на протяжении одиннадцати месяцев число машинно-тракторных станций увеличилось в 4,7 раза, а количество тракторов — в 6,3 раза, что дало укрупнение МТС на 32% (от 25 до 33 тракторов). Такой колоссальный размах строительства машинно-тракторных станций на протяжении этого года сопровождался, как видно из таблицы, усиленным ростом в районе МТС крупных колхозов и еще более усиленным ростом числа коллективизированных хозяйств. Число крупных колхозов с 15 апреля по 15 ноября 1929 г. выросло в 2 раза, а количество коллективизированных хозяйств увеличилось в 3,5 раза, что привело к укрупнению колхозов на 72% (от 83 до 143 хозяйств). Таким образом, благоприятные для нас социальные сдвиги в деревне происходили под непосредственным влиянием ма-

---

1) И. Сталин. «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 14.

*) Уменьшение числа колхозов об'ясняется их укрупнением.

шинно-тракторных станций. Охват машинно-тракторной обработкой земельной площади за год увеличился в 3,8 раза, достигая 18,8 тыс. га на одну МТС. В порайонном разрезе работа МТС характеризуется следующими данными.

Основные работы, выполненные МТС и колоннами хлебной кооперации в 1929 г.

РАЙОНЫ	Вспахано весной	Посеяно яровых	Уборочная кампания		Вспахано паров	Посеяно озимых	Вспахано под зябь
			Сжато скошено	Обмолочено			
	В тысячах га.						
Татреспублика	—	—	свед. нет	0,2	1,2	1,2	0,8
Средне-Волжская область	4,2	8,4	7,4	9,4	9,4	7.8	31,9
Нижне-Волжская область	5,2	11,0	8,4	18,0	13,1	11,0	46,7
Ц. Ч. О.	11.7	15,0	11,8	18,9	27,0	26,0	31,0
Северный Кавказ	21,8	20,9	13,4	11,3	36,2	39,4	32,2
Сибирь	5,7	6,6	5,0	1,5	5,7	св нет	4,2
Казакстан	11,2	7,9	6,1	11,1	1,6	1,3	15,7
Крым	1,5	4,1	5,0	4,0	6,7	5,6	3,5
Московская область	1.1	1.1	1.1	0.5	0.6	0.6	1,7
Итого по 9 районам	62,4	75,0	58,2	74,9	101,5	92,9	167,7*)

Как видно из этих данных, наибольшее количество работ было произведено МТС в районах большей товарности сельского хозяйства (Северный Кавказ, ЦЧО).

В то же время лишь за один год почти вдвое повысилась эффективность работы МТС, что видно из нижеприводимой таблицы.

Количественные показатели работы МТС.

ВИДЫ РАБОТЫ	Осень				Весна	
	1928 г.		1929 г.		Всего	На 1 трактор
	Всего	На 1 трактор	Всего	На 1 трактор		
Вспахано	18 431	58,9	235.401	120,4	65.214	48,9
Посеяно	2.954	22,6	83.806	42,7	77.875	58,5
Заборонованo	—	—	107 198	54,6	50 384	37,2
Задисковано	—	—	32.483	16,6	34.684	26,1

Таким образом, использование тракторов за один год поднялось вдвое. Повышение эффективности работ тракторов есть то основное, о чем надо всегда думать, чего надо настойчиво добиваться, ибо оно означает увеличение производительности труда.

Но производительность труда в сельском хозяйстве повышается не только вследствие механизации с.-х. производства, а в результате умножения последней на внедряемые агрономические мероприятия, вытекающие из новейших научных данных. Из этого складывается та материальная база реконструкции сельского хозяйства, которая при диктатуре рабочего класса, при условии, что средства производства принадлежат пролетарскому государству, является одним из основных факторов социалистического строительства. Как широко машинно-тракторные станции проводили агрономические мероприятия, видно из следующих данных.

Агрономические мероприятия МТС.

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	% ранних паров до орган. МТС	% ранних паров после организац. МТС	% зябл. вспаш. до орган. МТС	% зябл. вспаш. после организ. МТС	% отношение площ. рядового сева к общей посевн. площади			
					В яровом клину		В озимом клину	
					До орган. МТС	После орган. МТС	До орган. МТС	После орган. МТС
Павловская—Сев. Кавказ	—	11,0	60,0	85,0	50,0	—	—	100,0
Тацинская — „ „	—	100,0	15,0	100,0	80,0	100,0	80,0	100,0
Фомино-Свечниковск.—С. Кав.	—	100,0	25,0	100,0	10,0	100,0	—	100,0
Старо-Оскольская—ЦЧО	—	70,0	0,0	50,0	0,0	70,0	1,0	100,0
Прохоровская—ЦЧО	—	25,0	0,0	69,0	—	—	—	—
Токаревская — „	—	75,0	75,0	100,0	20,0	100,0	20,0	100,0
Змиевская — „	—	50,0	—	100,0	—	—	—	—

В результате этих мероприятий урожайность в крестьянских хозяйствах, охваченных машинно-тракторными станциями, гораздо выше, чем в не обслуживаемых ими.

Если принять урожайность крестьянских хозяйств, неохваченных МТС, за 100, то хозяйства, обслуживаемые МТС (данные по 8 МТС Нижней Волги, ЦЧО и Северного Кавказа), показывают такую урожайность:

	В проц.
Рожь	133,3
Озимая пшеница	151,7
Яровая „	132,0
Ячмень	137,9
Овес	142,2
Кукуруза	125,0
Подсолнух	137,9

Повышение урожайности, увеличение посевов способствуют росту товарности, что имеет первостепенное значение как в деле снабжения города продуктами, так и в смысле возрастания доходности крестьянских хозяйств, обслуживаемых МТС. Но мало того. Поскольку машинно-тракторные станции в основном обслуживают бедняцкие и середняцкие хозяйства, сильно снижается значение кулацких хозяйств в валовом и товарном производстве зерна и падает не только их удельный вес, но и абсолютные размеры посевов. На сокращение кулацких посевов особенно заметно влияет падение аренды, что видно из следующих данных:

Влияние МТС на аренду земли хозяйств, обслуживавшихся ими.

Наименование МТС	Количество сдаваемой в арен. земли в 1927/28 г. (до организ. МТС)	Количество сдаваемой в арен. земли в 1929 году (после организ. МТС)
	в гектарах	
1. Темиргеевская—Сев.-Кавказский край	1.970	162
2. Тифлисская— „ „	3.083	663
3. Павловская— „ „	3.579	—
4. Александровская— „ „	230	—
5. Фомино Свечников.— „ „	805	—
6. Бугурусланская—Средне-Волжская обл.	665	—
7. Старо-Оскольская—ЦЧО	3.500	—

---

*) Данные предварительные.

Кроме того, в результате работ МТС произошло значительное расширение посевов за счет распашки целинных земель, что видно из нижеприводимых данных.

Влияние МТС на увеличение распашки целинных земель.

Наименование МТС	Вспахано в весенн. посевн. кампанию в 1929 г. старо-пахотных земель	Вспахано целиных земель и залежных	% увеличения посевной площ. за счет распашки целин. и залежн. земель
	В гектарах		
1. Калиновская	600	800	+133,3
2. Полудинская	802	690	+ 86,0
3. Пешковская	1.430	1.014	+ 70,9
4. Булаевская	1.442	590	+ 40,9

Лишь в первый год по четырем станциям было распахано 3.094 га целинных земель, что составляет 72,4% к площади старой пахоты. Таким образом трактор является средством освоения новых земель, средством их «увеличения» и тем самым на деле демонстрирует совершенно беспочвенность теории «абсолютного» малоземелья, теории, являющейся отрыжкой мальтузианского скудоумия.

Это особенно важное обстоятельство т. Сталин характеризует следующим образом:

> «Вопросы об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что осью революционного движения в России в старое время служил аграрный вопрос. Вы знаете, что аграрное движение имело одной из своих целей уничтожение малоземелья. Многие думали тогда, что малоземелье это является абсолютным, т.-е. что нет более свободных земель, годных для обработки. А что выяснилось на деле? Теперь ясно для всех, что свободных земель было в СССР десятки миллионов гектаров. Но обработать их своими жалкими орудиями крестьянин не имел никакой возможности. И именно потому, что он не имел возможности обработать целину и заброшенные земли, именно поэтому тянулся он к «мелким землям», к землям, удобным для обработки силами крестьянского инвентаря в условиях индивидуального труда. Вот в чем состояла основа малоземелья» [1]. (Разрядка моя. *П. С.*).

И дальше т. Сталин продолжает:

> «До последнего времени крестьянин вынужден был ковырять землю старым инвентарем, в порядке индивидуального труда. Всякому известно, что индивидуальный труд вооруженного старыми, теперь уже негодными, орудиями производства, не дает того выигрыша, который необходим для того, чтобы жить сносно, систематически поднимать свое материальное положение, развить свою культуру и выйти на широкую дорогу социалистического строительства» [2].

МТС, как новая организационная форма сельского хозяйства, как раз дают возможность разрешить указанные проблемы в положительном смысле и, кроме того, перестроить всю структуру крестьянской жизни, ибо, как верно замечает Маркевич, «ценность и значение трактора заключается не столько в дешевизне самой двигательной энергии (а она безусловно дешевле конской), сколько в огромных преимуществах всего производственного строя механизированного хозяйства» [3].

---

[1] И. Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР, стр. 9.

[2] Там же, стр. 11.

[3] А. Маркевич. Межселенные машинно-тракторные станции стр. 26. Признавая эту книгу «настольной книгой» каждого марксиста-аграрника, мы должны отметить, что в ней есть ряд неверных, оппортунистических положений.

Несмотря на то, что наша статья изобилует цифрами, мы все же считаем необходимым привести здесь очень интересные данные об увеличении ценных культур на полях, обрабатываемых МТС. К сожалению, сведения, которыми мы располагаем, относятся к небольшому числу МТС, но во всяком случае они весьма показательны.

Удельн. вес ценн. культур на полях МТС и тракт. колонн хлебной сел.-хоз. кооперации [1]) (в %% от площади всего посева)

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	Яровая пшеница		Лен		Свекла		Бобовые		Озимая пшеница	
	Массив МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н
Таловская—ЦЧО	6,0	4,1	12,2	1,4	—	—	2,7	1,1	12,1	9,3
Охочевская— „	—	—	—	—	7,9	3,2	16,6	1,3	9,1	0,0
Парьевская— „	—	—	—	—	—	—	25,0	12,5	—	—
Ил.-Дмитровская ЦЧО	—	—	2,2	0.0	—	—	11,0	0,0	0,8	0,0
Чистопольская Тат. АССР	16,0	9,0	—	—	—	—	—	—	—	—

На ряду с этим значительно возрастает товарность зерновых и масличных культур, что с точки зрения обеспечения курса на индустриализацию страны имеет первостепенное значение. Рост товарности характеризуется нижеприводимой таблицей по шести МТС.

Товарные излишки зерновых и масличных культур в МТС и тракторных колоннах хлебной сел.-хоз. кооперации [2])

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	В % от валового сбора: В массиве МТС	В % от валового сбора: В администр. районе
Зернов. и маслич. культуры:		
1. Чистопольск.—Татарск АССР	27,5	20,0
Зерновые культуры:		
2. Охочевская—ЦЧО	44,5	23,5
3. Ил.-Дмитровская „	18,4	4*)
Масличные культуры:		
4. Таловская—ЦЧО	90,3	70,0
5. Парьевская— „	97,5	65,1
6. Хохольская— „	85,0	56,2

Отсюда ясно, что наши возможности в деле производства зерна поистине колоссальны. Зерновой фонд, которым мы будем располагать, не только удовлетворит потребности быстро растущего индустриального населения Союза ССР, но и даст нам возможность развить экспорт в размерах, невиданных в старой, выезжавшей на кляче, России.

---

[1] По сравнению с административным районом—в 1929 г.—по 4 МТС ЦЧО и 1 МТС — Татарской АССР.

[2] По сравнению с административным районом по 4 МТС ЦЧО и 1 МТС Тат. АССР.

*) Т.-е. административный район имеет дефицит в зерне, таким образом, МТС превращает район потребляющий в производящий.

В журнальной статье нельзя исчерпать всего того нового, что принесли с собой машинно-тракторные станции деревне, но приведенные данные показывают, как под их воздействием коренным образом меняется социально-экономическое положение крестьянства.

Это особенно ярко видно из сопоставления доходов крестьянских хозяйств, обслуживаемых и не охваченных МТС. Здесь мы даем расчет дохода лишь по Таловской МТС,— так как по другим машинно-тракторным станциям эти исчисления еще не уточнены.

Валовой сбор урожая и доходность полеводства Таловской МТС в 1929 г.

Посеяно в 1929 г. яровых, зерновых и масличных культур 551 хоз.

По старо-пахотной земле	1.376 га
„ вновь распаханной земле	1.150 „
Итого	2.526 га

На 1 гектар посева

А. Получено валового сбора в центнерах	12,6%
Б. Стоимость полученного валового урожая	90 р. 96 к.
Было бы получено при среднем урожае по району	60 „ 95 „
Повышение доходности от урожая	49,2%

На одно хозяйство	Центнер.	Сумма руб.	коп.
Получено валового урожая	57,9	417	01
Было бы получено при урожае, равном среднему, в административном районе (при существующем севообороте, соотношении культур, урожайности)	25,5	152	20
Отчисление в пользу МТС за ее работу	19,3	139	00
Остается у хозяйства после отчисления МТС	38,6	278	01

Таким образом, даже после отчисления некоторых сумм за работу МТС хозяйства, обслуживаемые машинно-тракторными станциями, имели доход на 82,9% больше, чем прочие хозяйства.

Все это вызвало, и не могло не вызвать, сильнейшую тягу бедняцко-середняцких масс к об'единению в колхозы. Работа МТС наглядно демонстрировала крестьянству, которое всегда «верит фактам лишь после того, как пощупает их», преимущества крупного хозяйства. О бурных темпах этого роста свидетельствуют следующие данные.

Рост коллективизации в район. МТС и транторн колонн хлебной с.-хоз. кооперации, обслуживаемых МТС.

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	Общ. к-во хоз-в в колх. обсл.		%%	Площадь земли в тыс. га		%%
	В начале организ. МТС[1]	По последн. данным	прироста	В начале организ. МТС	По последн. данным	прироста
1. Павловская—Сев. Кавк.	200	1.878	+839	2.757	26.284	+853
2. Шкуринская „ „	866	2.691	+210	свед. нет	50.000	—
3. Змиевская—ЦЧО	130	762	+486	1.707	5.087	+198
4. Ладожскея—Сев. Кавк.	74	240	+224	свед. нет	2.124	—
5. Саженская— „ „	101	658	+551	493	1.159	+135
6. Бурсаковск.— „ „	136	596	+338	свед. нет	7.565	—
7. Фом.-Свечн.— „ „	255	490	+ 92	3.810	8.210	+111
8. Хохольская ЦЧО	356	398	+ 12	2.581	2.847	+ 10
9. Ст.-Оскольск. „	267	1.158	+334	свед. нет	свед. нет	свед. нет

---

[1] Большинство колхозов возникло в связи с организацией станций.

То неоспоримое положение, что машинно-тракторные станции являются одним из важнейших факторов колхозного движения (и особенно его высших форм — крупные колхозы, районы сплошной коллективизации) получит особую доказательность, если мы сравним данные о его развитии в районах МТС и в административных районах.

Рост коллективизации в районах, обслуживаемых МТС и трактор. колоннами хлебной с.-хоз. кооперации[1]

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	Об'единен. хоз. в %% от общего числа хоз-в				Уд. вес хоз. об'един. в коммун. и с.-х. артелях в %% от числа колхоз. хоз-в			
	В массиве МТС		В адм. район.		В массиве МТС		В адм. район.	
	До орг. МТС в 1928 г.	На 20/X 1929 г.	1928	На 20/X 1929 г.	До орг. МТС в 1928 г.	На 20/X 1929 г.	1928	На 20/X 1929 г.
1. Таловская	2,2	100,0	2,4	15,0	0,0	49,0	0,0	27,0
2. Охочевская	0,0	100,0	—	—	0,0	100,0	0,0	—
3. Парьевская	0,0	73,5	—	—	0,0	4,5	0,0	0,0
4. Ил.-Дмитриевская	0 0	100,0	2,3	5,2	0,0	100,0	0,0	24,6
5. Хохольская	25,0	100,0	5,9	8,5	0,0	—	0,0	22,1

Конечно, абсолютные размеры работ МТС в 1929 г. еще не очень велики. Но их значение не только в абсолютных размерах, сколько в том, что они воочию — «практически — на деле» — доказали большую жизнеспособность новых форм производственной связи пролетариата и убедили массы крестьянства в преимуществах машинного труда, как труда более производительного, следовательно, дающего возможность быстрейшим путем достигнуть улучшения жизненных условий.

В результате работы машинно-тракторных станций экономическое положение бедняцких масс значительно улучшилось. Благодаря станциям качество продукции и обработки земли бедняков во многих случаях даже выше, чем в кулацких хозяйствах; кроме того, при посредстве МТС они смогли полностью освоить свои наделы. В соответствии с этим повышается их политическая активность, растет тяга к культуре, знанию, к деятельному участию в нашем строительстве.

Идя навстречу этим стремлениям, машинно-тракторные станции почти во всех районах проводили широкую массовую культурно-просветительную работу, которая шла по самым различным линиям. Особо надо отметить большую организационную работу среди женщин — созывались женские конференции, где подробно обсуждались вопросы контрактации, хлебозаготовок, коллективизации и т. д. Благодаря этому выявился широкий женский актив. Он сыграл крупную роль в борьбе с кулачеством, содействовал выявлению злостных укрывателей хлеба и особенно энергично способствовал освобождению крестьянок из-под поповского влияния, которому они подвержены в гораздо большей мере чем мужчины. В сезон полевых работ МТС организовали площадки и ясли, которые обслужили до 10 тыс. детей.

Всюду, куда только ни направляется городской рабочий, он несет с собой организационный опыт советского строительства, он об'единяет массы для борьбы со старым, отсталостью, с эксплоататорскими слоями, помогает улучшить жизнь трудящихся. МТС—это как раз те опорные пункты, через которые, при непосредственном пролетарском руководстве, деревня приобщается к культуре машинного, т.-е. высоко-производительного, труда.

---

[1] По сравнению с администр. районом 5 МТС ЦЧО.

В истекшем переломном году мы на всех участках социалистического переустройства деревни стремительно продвинулись вперед, но особенно богатый опыт он принес в отношении строительства МТС. На его основе, с помощью новых тысяч тракторов и комбайнов, это строительство в 1930 г. развернется еще более широко. Кроме «Хлебоцентра», развернет широкое строительство машинно-тракторных станций «Трактороцентр». В связи с этим особо важное значение приобретает массовая организационная и просветительная работа среди бедняков и середняков; ибо строительство МТС не простое создание технической базы, а *перегруппировка классовых сил*; как в гражданской войне, здесь стоит «класс против класса».

Даже те краткие, в большинстве случаев, предварительные сведения о деятельности МТС в 1929 г., которые мы привели, дают уже нам возможность сказать, что проделанная ими работа огромна, что они быстро и решительно развернули социалистическое строительство в деревне. В районах МТС борьба бедняцких и середняцких масс с кулачеством значительно усилилась. Борьба кулачества против машинно-тракторных станций стала центральным, узловым пунктом классовой схватки в деревне, проявляясь в самых разнообразных формах. Так, например, из Донполеводсоюза получено следующее характерное сообщение:

> «Машинно-тракторная станция является здесь основным двигателем переустройства сельского хозяйства. Станция себя хорошо зарекомендовала. Правильная постановка дела сильно обострила классовую борьбу в деревне. Кулачество, видя свою гибель в машинно-тракторных станциях, развивает бешенную борьбу против нее. Есть случаи провала тракторов в колодцы, избиения трактористов и т. д.».

Борьба кулачества с МТС целиком направлена против пролетарского влияния в деревне, кулаки стремятся, во что бы то ни стало, удержать свои позиции в деле эксплоатации деревенской бедноты. МТС наглядно показывает бедняку «пути его развития», укрепляют его экономическое, а вместе с тем и политическое положение. Выгодность пользования работой МТС убеждает бедняков и середняков в том, что городской пролетарий пришел в деревню действительно с целью перестроить ее так, чтобы им жилось лучше, культурнее, оплата работы машинно-тракторных станций почти полностью окупается лишь одним расширением земельной площади за счет неосвоенных целинных земель, не считая повышения урожайности, что особенно относится к бедняцким хозяйствам (см. выше таблицы о повышении урожайности, сокращении аренды и увеличении распашки).

Но если последнее обстоятельство побуждает к об'единению вокруг машинно-тракторных станций бедняков и середняков, то тем более оно усиливает враждебность и содействует росту активности кулачества в борьбе против МТС. Последние в упор ставят вопрос о «ликвидации кулачества как класса», и жизнь в тысячный раз подтверждает незыблемые положения Ленина о том, что «уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [1].

Развертывание классовой борьбы особенно сильно сказалось во время осенней договорной кампании на машинно-тракторную обработку земли, которую в 1929 г. «Трактороцентр» провел с большим успехом. Всего заключено договоров на машинно-тракторную обработку 1.589.062 га пашни. План превышен на 48 тысяч га, при чем спрос крестьянства повсеместно не удовлетворен. Наиболее успешно прошла кампания в Казакстане, где вместо 75 тысяч га по плану заключено договоров на 102 тысячи га. Значительно превышены планы в Центрально-черноземной области, Нижней и Средней Волге. Наибольший размах строительство машинно-тракторных станций «Трактороцентра» приобретет на Украине, Северном Кавказе и Центрально-черноземной области.

Такая установка «Трактороцентра» совершенно правильна, ибо как раз эти районы, богатые товарным хлебом, особенно важны с точки зрения укрепления пролетарского руководства социалистическим переустройством деревни. Условия, в которых протекала договорная кампания «Трактороцентра», как уже отмечено выше, характеризуются усилением классовой борьбы, усложнением и многообразием форм последней. Так, например, в Одесском округе кулаки пользовались в агитации формулой: «Коммунисты заключили договор с китайским правительством на организацию бедноты и середняков. Америка дает машины. Когда будут организованы крупные колхозы, их передадут помещикам. Помещики уже приехали». (Под помещиками подразумеваются директора МТС). Часто пускаются в ход лозунги, в роде: «Тянут в коммуну», «посадят на паек», «хотят завести барщину». В то же время отмечается, что кулаки открыто агитации не ведут, а используют для своих целей подкулачников, женщин, родственников (Кубань, Первомайский округ). Активное содействие кулачеству оказывают попы. Попы подошли практически к срыву договорной кампании. На день собрания они назначают несколько свадеб, и в результате — много пьянства, никого нельзя собрать и т. д. Особое значение придает кулачество агитации среди женщин. Так, напр., наблюдались случаи, когда кулаки избивали своих жен за «малую активность» на этой работе. Во многих местах на собрания являлись поголовно все женщины и поднимали невообразимый шум с целью сорвать подписание договора. В противовес этому руководители машинно-тракторных станций провели широкие делегатские женские конференции, которые помогли обезвредить поповское и кулацкое влияние.

Нужно отметить, что машинно-тракторные станции давали отпор и вели наступление на кулачество, используя самые разнообразные формы воздействия. Кроме массовой раз'яснительной работы во время договорной кампании, в некоторых случаях было организовано издание печатных газет (Одесский округ). Последние оказывали огромную помощь: они вскрывали механику кулацкого противодействия и бичевали всякого рода головотяпство. В Запорожском округе в целях популяризации работы машинно-тракторных станций были организованы экскурсии на Шевченковскую МТС, что очень помогло в деле привлечения крестьянства. Следует отметить, что и в этом случае кулаки не дремали,—они организовали параллельные экскурсии, и, подметив на станции ряд недочетов, выступали затем с критикой, чем не мало затормозили ход договорной кампании. Но все же кулакам нигде не удалось сорвать договорную кампанию — они были биты на всех боевых участках. Выгода, приносимая крестьянству машинно-тракторными станциями, столь конкретна, так ощутительна, что убедить бедняка и середняка не заключать договора на машинно-тракторную обработку земли чрезвычайно трудно.

В некоторых местах кулаки прибегали к террористическим методам борьбы (убийство ответственных работников, поджоги). В то же время они очень часто выражали желание вступить в об'единение, обслуживаемое машинно-тракторной станцией, что способствовало разоблачению их агитации.

Кроме 159 машинно-тракторных станций «Трактороцентра», в этом году будут работать 325 МТС «Хлебоцентра», — а также некоторое количество станций на Украине, находящихся в ведении разных организаций [1].

---

[1] В. И Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 227.

---

[1] Сейчас на Украине лишь в системе Укрколхозсоюза насчитывается 23 МТС, к весеннему севу должно быть развернуто до 39 МТС.

Ранней весной «Хлебоцентр» развернет работу 181 машинно-тракторных станций с 11.985 тракторами. В настоящее время «Хлебоцентр» располагает, вместе с принятыми от колхозной системы, 155 МТС с 3.839 тракторами. Всего ими обслуживаются 420 крупных колхозов, которые об'единяют 130 тысяч хозяйств (1 млн. 519 тыс. га).

Больше ⅓ всех станций работает на Северном Кавказе. Такая установка в развертывании станций абсолютно правильна, ибо ею достигается охват района большой товарности и в то же время «пшеничного» (посевы пшеницы на Северном Кавказе только в озимом клину превышают в 8—9 раз посевы ржи). Сравнительно недостаточно, на наш взгляд, развернуто строительство станций в Казакстане, районе, который выделяется большим количеством «целинных» земель.

Сейчас «Хлебоцентром» развернута большая кампания по сбору задатков крестьянских средств на тракторы. По данным на 25 января 1930 г. собрано около 12 млн. 500 тыс. рублей в счет задатков на тракторы внутреннего производства, что составляет 25% плана (50 млн. руб.). Нужно признать, что такой темп сбора задатков недостаточен.

Изношенность наличного тракторного парка — другое слабое место в развитии МТС, особенно, если принять во внимание те повышенные требования, которые будут пред'явлены в «настоящую большевистскую кампанию» по весеннему севу.

По имеющимся у нас сведениям ремонт тракторов в декабре производился слишком слабым темпом из-за отсутствия частей. Порайонно это дело рисуется в следующем виде. На Северном Кавказе из 2.294 тракторов, нуждающихся в ремонте, приведено в порядок только 255 штук, или 12,5% плана. В Сибири нуждаются в ремонте 1.367 тракторов, между тем недостаток запасных частей в размере 64% потребности ставит под угрозу выполнение ремонта. На Украине из имеющихся 11 тысяч тракторов в ремонте нуждаются 8 тысяч. В ЦЧО за декабрь отремонтировано 245 тракторов, или 50% декабрьского задания; всего нужно отремонтировать 2.400 шт., из них 1,700 нуждается в капитальном ремонте. Нижняя Волга отремонтировала 323 трактора, или 20% задания [1]).

В виду приближающегося сева (в некоторых районах он будет происходить уже в марте) такое положение следует признать явно неблагополучным. Необходимо принять ряд решительных мер, усилить внимание к этому делу партийных организаций и всей рабочей общественности.

Сильно ощущается и недостаток кадров работников. Нужны кадры, кадры и еще раз кадры политически и технически грамотных пролетариев. Поэтому надо приветствовать решение «Хлебоцентра» и ЦК ВЛКСМ о передаче «Хлебоцентром» 20 старых и 20 новых МТС полностью в ведение комсомола. ЦК ВЛКСМ обязуется обслужить выделенные станции достаточным количеством работников. Не может быть сомнения в том, что машинно-тракторные станции и в текущем году, — при усиленной активности пролетариата, при достаточном внимании к их работе со стороны всех партийных и советских организаций, снизу доверху, — выполнят свою задачу, «помогая крестьянину перестроить сельскохозяйственное производство на базе новой техники» [2]), и явятся одним из наиболее важных и ценных методов «установления производственной смычки между индустрией и сельским хозяйством» [3]).

---

[1]) Статья была написана в конце января. В январе и феврале произошел значительный сдвиг в деле ремонта, но и к началу марта, т.-е. перед началом весеннего сева количество отремонтированных тракторов лишь незначительно превысило половину всего количества, нуждающегося в ремонте.

[2]) И. Сталин. О правом уклоне в ВКП(б), стр. 18.

[3]) Там же, стр. 20.

Г. Смолянский.

Экономическое положение пролетариата в странах капитализма.

> «Профсоюзы должны содействовать плановому развитию промышленности, ее рациональной концентрации в большие производственные единицы, ее финансовой реорганизации и замене старых машин и методов новым оборудованием и техническими приемами».

Так гласит последнее постановление Амстердамского Интернационала профсоюзов, обязавшего в мае этого года все примыкающие к нему секции активно содействовать проведению капиталистической рационализации. «Мы рассматриваем рационализацию... как важнейшую предпосылку увеличения благосостояния народных масс» — так гласил четыре года назад меморандум Всегерманского об'единения профсоюзов, когда капиталистическая рационализация только лишь начиналась. «Мы даже заинтересованы в том, чтобы капитализм правильно и с наибольшим хозяйственным эффектом работал для блага целого» — так писал тогда центральный орган германской социал-демократической партии «Форвертс». «Рационализация—самая важная проблема, которая стоит перед рабочим классом»—так заявил год спустя фашизировавшийся синдикалист Жуо, одна из самых красочных фигур современного социал-фашизма.

Это было четыре года назад. Капиталистическая рационализация,—которая с самого начала несла чудовищную эксплоатацию рабочего класса, быстрое снижение его жизненного уровня, огромное возрастание интенсификации труда, катастрофический рост несчастных случаев и болезней, наконец, волну «структурной» безработицы,— на первых порах все же сеяла иллюзии о возможном улучшении положения рабочего класса. Даже в наших собственных рядах имелись (нет ли их еще и сейчас?) отдельные товарищи, которые считали возможным довериться буржуазной статистике об улучшении положения рабочего класса в результате капиталистической рационализации. Известно также выступление т. Варга на X пленуме ИККИ, который буквально заявил:

> «Если понимать жизненный уровень в тесном смысле слова, как это понимает статистика всего мира, т.-е. что нормально занятый рабочий (48 час. в неделю) может купить за свой денежный заработок, то в этом смысле никакого понижения жизненного уровня не происходит. Если кто-нибудь это утверждает, он утверждает то, что не соответствует действительности».

И уже после т. Варга нашлись товарищи, которые считали, что если выступление т. Варга на X пленуме ИККИ было ошибкой, то это ошибка политическая, а не статистическая. Не дипломатично, мол, громогласно говорить об улучшении положения рабочего класса при капиталистической рационализации! Но «против фактов не спорят».

Сейчас вряд ли кому в рядах Коммунистического Интернационала придет в голову отстаивать эти теоретические положения т. Варга. Тов. Варга, который сделал тогда попытку «отвлечься» от всех других показателей жизненного уровня рабочего класса, не входящих в денежную заработную плату, как, например, безработица, интенсификация труда и т. д., получил сейчас убедительный и наглядный урок в связи с тем неслыханным понижением жизненного уровня рабочего класса, который несет с собой «неожиданно» разразившийся и как вихрь перекатывающийся из страны в страну, из континента в континент новый экономический кризис капитализма. Даже «Форвертс», который с барабанным боем провозглашал наступление новой эры капиталистической рационализации, сейчас уныло констатирует, что «хотя речь еще не идет о всеобщем хозяйственном кризисе, но этот кризис приходит гигантскими шагами; три миллиона безработных означает катастрофу рационализации»... «Где теперь успехи рационализации для рабочих?»—спрашивает теоретик германского профсоюзного социал-фашизма Карл Цвинг. И отвечает: «Нигде! Рационализация нигде не привела к какому-нибудь улучшению положения рабочего класса». Количество безработных — фактор от которого «абстрагировался» на X пленуме ИККИ т. Варга—достигает сейчас 15 миллионов человек (не считая колоний). Никогда еще внутренние противоречия капитализма, никогда еще классовые противоречия не стояли с такой остротой, как именно в результате этих четырех лет капиталистической рационализации! А это было бы, конечно, немыслимо, если бы капиталистическая рационализация принесла некоторое действительное улучшение жизненного уровня рабочего класса.

Назревающий мировой экономический кризис есть результат противоречий «восстанавливаемого» капиталистического хозяйства, капиталистической рационализации—в первую очередь. Он ставит в центре внимания всего международного рабочего движения именно вопрос о борьбе против стремительного понижения жизненного уровня рабочего класса. Это резкое снижение жизненного уровня в связи с кризисом является лишь дальнейшим продолжением, хотя в гораздо более глубокой и острой форме, того положения рабочего класса, которое было уже создано в результате капиталистической рационализации. Как экономический кризис вытекает из предыдущего периода мнимой «стабилизации» и развивается на фоне кризиса капитализма вообще, так и жизненный уровень рабочего класса подвергается сейчас резкому снижению на фоне общего падения его кривой. Никогда еще так не оправдывался жизненной практикой закон обнищания (Маркса), как со времени капиталистической рационализации. «Общая тенденция капиталистического производства клонится не к тому, чтобы поднять среднюю заработную плату, а напротив—к тому, чтобы понизить ее». (К. Маркс: «Цена, прибыль и заработная плата»). Таков закон капиталистического развития. Если в XIX столетии на протяжении пятидесяти, приблизительно, лет, благодаря монопольному положению английской промышленности, английский капитализм мог подкармливать значительные слои рабочего класса Англии и, в частности, рабочую аристократию, если в ряде других стран в восходящий период капитализма реальная зарплата могла для отдельных категорий и в известные моменты повышаться, то это об'ясняется неравномерным развитием капитализма. Но с того момента, когда на сцену выступает монополистический капитализм, когда происходит гигантское развитие производства средств производства, когда налицо исключительный прогресс техники и усовершенствованных форм капиталистической рационализации,—тогда обострение неравномерного развития капитализма все больше действует уже в обратную сторону, в сторону всеобщего снижения жизненного уровня рабочего класса. Это особенно резко проявляется, начиная с XX столетия вообще, а после войны—в особенности (и со времени капиталистической рационализации, в частности). Абсолютное снижение жизненного уровня рабочего класса со времени капиталистической рационализации, приняло чудовищные размеры. «Борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен... в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в напряженности труда рабочего, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения... Если вы будете смотреть только на изменения заработной платы, не принимая во внимание всех других изменений, обусловивших их, то, исходя из ложного предположения, вы неизбежно придете к ложным выводам». Так отвечает Маркс т. Варга. Магнаты монополистического капитала подготовляют сейчас вторую волну капиталистической рационализации — путем бешеного социально-политического наступления на рабочий класс. Буржуазия стремится заранее переложить тяжесть назревающего мирового кризиса на плечи рабочего класса. Эта вторая волна рационализации должна быть еще больше, чем первая, «рационализацией» рабочей силы. Чрезвычайно характерна в этом отношении речь германского «короля красок» Дуисберга на чрезвычайном с'езде Союза германских предпринимателей в декабре прошлого года.

> «Дом нашего хозяйства уже начинает гореть. Запах гари уже начинает чувствоваться в форме банкротства, закрытия предприятий, сокращения рабочей недели, роста безработицы и связанного с этим упадка духа во всей Германии... Мы полагаем, что еще можно потушить разгорающийся огонь».

Как думают германские предприниматели «потушить разгорающийся огонь», красноречиво свидетельствует меморандум Союза германских промышленников, утвержденный этим с'ездом:

> «При растущей заработной плате, растущем государственном времени... перейден тот пункт, при котором расширение производства имеет еще какой-нибудь смысл... Результаты последних лет показали, что промышленность имеет волю к новым хозяйственным формам и методам работы. Предпринятая хозяйством с неоспариваемой энергией рационализация принесла, правда, известные успехи. Но она могла бы быть еще более успешной, если бы она так сильно не отягощалась ростом государственного бремени... Германское хозяйство должно быть сделано свободным; оно должно быть пощажено от экспериментов и политических влияний, которые в хозяйство вносятся извне».

Таким образом, перед нами открытая программа превентивного наступления буржуазии на рабочий класс с целью «овладения» надвигающимся кризисом. Вторая волна рационализации не будет простым «воспроизводством» первоначального ее периода, совпадавшего с годами частичной стабилизации капитализма.

> «Можем ли мы иметь еще массовую продукцию путем машинизации без того, чтобы уменьшить заработную плату? — спрашивает орган американского капитала «Коммершиэл энд Финаншиэл Кроникл», — повысить заработную плату исключительно для того, чтобы повысить покупательную стоимость, означает откармливать гуся, который несет золотые яйца, и затем его зарезать».

Это будет качественно еще более высокая эксплоатация рабочей силы, еще большее давление на рабочий класс во всех областях социально-государственной жизни (уничтожение всякого вида социального страхования и т. д.), еще более резкое снижение жизненного уровня, чем это имело место до сих пор.

Рационализация являлась с самого начала орудием «промышленного мира» для буржуазии. На эту последнюю сторону капиталистической рационализации до сих пор мало обращали внимания. Социал-демократия и реформистские профсоюзы потому так приветствовали капиталистическую рационализацию, что они видели в ней именно этот инструмент сотрудничества классов. На состоявшемся недавно с'езде «научной организации труда» в Париже выступал председатель Американской федерации труда Грин, а затем французский министр Тардье, которые говорили о том, что рационализация должна быть одновременно «усилием экономического порядка и усилием социальной солидарности». В июне прошлого года состоялся даже специальный конгресс, созванный Международным Бюро Труда при Лиге Наций (в Верхней Баварии), который главной задачей своей ставил осуществление классовой солидарности через капиталистическую рационализацию. Сам конгресс назывался—«Конгресс, посвященный научным методам, способным разрешить удовлетворительные человеческие отношения в научно-организованной промышленности». Даже в далекой колониальной Индии правительственная комиссия, обследовавшая текстильную промышленность, в связи с бомбейской забастовкой, возникшей, как известно, на почве рационализации (так называемая, комиссия Фоусета), ставила перед предпринимателями задачу приспособления методов рационализации к проведению в жизнь «промышленного мира».

> «Было бы трудно, — говорит доклад этой комиссии, — а может быть невозможно провести в жизнь новую схему стандартизации без полного сотрудничества рабочих лидеров... Наше обследование убедило нас, что многие фабрики могли бы снизить свои расходы, сокращая число рабочих и служащих Есть однако, более важное соображение... помочь промышленности подняться на ноги может скорее всего «промышленный мир».

И именно на базе капиталистической рационализации происходило практическое сращивание социал-демократии и реформистских профсоюзов с монополистическим капиталом и их фашизация. Вторая волна рационализации не означает, что монополистический капитал перестает ее рассматривать как орудие «промышленного мира». Новое заключается сейчас в том, что вторую волну рационализации монополистический капитал пытается осуществить на основе безоговорочной своей диктатуры. Социал-фашизм к этому готов. В этом, собственно, и выражается степень фашизации социал-демократии и реформистских профсоюзов.

* * *

Каково же действительное положение рабочего класса на пороге 1930 г.? Каковы действительные итоги — и политические, и статистические — четырех лет капиталистической рационализации для рабочего класса? Что несет с собой назревающий мировой экономический кризис для рабочего класса? И каковы те формы классовой борьбы, которые на данном этапе характерны для рабочего движения?

Самым ярким выражением нового экономического кризиса является небывалая по своим размерам безработица. Этот неслыханный рост безработицы представляет собою наилучшую проверку результатов капиталистической рационализации для рабочего класса. С другой стороны, эта безработица ярче всего выявляет как характер, так и темп нового экономического кризиса. Если отличительная черта назревающего мирового экономического кризиса заключается сейчас в том, что этот кризис по своим размерам территориально шире даже, чем большой экономический кризис капитализма, следовавший непосредственно за окончанием империалистической войны 1920—21 году, поскольку в круг его действия вовлечены не только европейские капиталистические страны, но буквально весь капиталистический мир, включая колонии,— то, с другой стороны, и нынешняя безработица не только шире по территориальному охвату, но и глубже задевает интересы рабочих масс, чем это имело место в предыдущие кризисы. Ибо нынешняя кризисная безработица присоединяет миллионы выброшенных из производства кон'юнктурных безработных ко многим миллионам всерьез и надолго, а может и навсегда выброшенных из производства в результате капиталистической рационализации. К этому следует еще добавить, что кризис происходит зимой, в обстановке обычного роста, так называемой, сезонной безработицы. В результате — армия безработных, которая вместе со своими семьями составляет не менее 60 миллионов человек. Как снежная лавина катится эта безработица, увеличиваясь в геометрической прогрессии, рынок до крайности суживается, и каждый безработный тянет за собою другого безработного.

В 1920—21 году безработица почти не коснулась, благодаря инфляции, стран Восточной и Центральной Европы. Теперь безработица сильнее всего задела как раз эти последние страны. Те черты, которые характерны были для всего послевоенного периода, а именно — взаимозависимость цен, экспорта и безработицы, — с особенной силой сказались в нынешнем кризисе. Чем ниже цены в золотом выражении, тем выше безработица. Рост и падение экспорта обратно-пропорциональны росту и падению безработицы. Если мы возьмем индекс цен по двум крупнейшим капиталистическим странам Европы — Англии и Германии, то мы увидим, как развивалось это соотношение цен и безработицы:

АНГЛИЯ

Год	Индекс цен. (1913—100)	% безработных в трэд-юнионах	
1921	181,0	15,3	
1922	159,5	15,4	
1923	162,1	11,5	
1924	174,9	8,1	
1925	160,9	10,5	
1926	140,4	11,3	
1927	143,7	8.8	% застрах. рабоч.
1928	140,9	8,9	
1929	129,6 (октябрь)	10,4	

ГЕРМАНИЯ

Год	Индекс цен. (1913—100)	% безработных в профсоюзах.
1921	инфляция	2,8
1922	до осени	1,5
1923	1923 г.	9,6
1924	137,3	13,5
1925	141,8	6,7
1926	134,4	18,0
1927	137,6	8,7
1928	140,0	8,6
1929	135,5	13,5 (приблиз.)

Нынешняя безработица значительно усугубляется еще тем обстоятельством, что внутри пролетариата, в результате рационализации, произошла очень крупная передвижка отдельных социальных слоев и деквалификация части основных его кадров. «Призрак безработицы, который угрожает каждому, кто не располагает особыми квалификациями,— пишет буржуазная «Франкфуртер Цейтунг»,— отравляет всю нашу общественную жизнь». Размеры и характер этой безработицы таковы, что она становится в прямом смысле этого слова делом всего рабочего класса. «Вся нация страдает», — пишет «Франкфуртер Цейтунг», подводя итог хозяйственному году германского капитализма. Безработица является в настоящий момент важнейшим выражением кризиса и загнивания капитализма.

Чтобы понять характер нынешней безработицы, лучше всего обратиться к показателям отдельных капиталистических стран. В Соединенных Штатах количество безработных составляет сейчас свыше пяти миллионов человек. Следует отметить, что в Соединенных Штатах количество безработных, вообще говоря, точному учету не поддается, ибо государственного страхования от безработицы не существует. Несомненно, указанная выше цифра, подтвержденная официальными инстанциями, преуменьшена, если принять во внимание, что за последнее пятилетие количество промышленных рабочих, вследствие замены живой рабочей силы механической, сократилось не меньше, чем на 1½—2 миллиона. Количество занятых промышленных рабочих, которое в 1919 году составляло 9.096 тыс., в 1928 году снизилось до 7.866 тыс. В штате Нью-Йорк, по данным министерства труда, безработица достигла уже размеров периода наибольшей депрессии 1920 г.

В Германии безработица за последние недели принимает совершенно исключительные размеры. Число безработных в январе составляет не менее 3—3½ миллионов человек. Здесь темп развития безработицы был иной, чем в других крупных капиталистических странах Европы, в частности — в Англии. Здесь рост и падение безработицы являлись процессами частыми и короткими. Если в Англии безработица, начиная с 1921 года, представляет собою явление хроническое и число безработных никогда почти не опускалось ниже миллиона, то в Германии происходили быстрые и резкие изменения кривой безработицы. Но и здесь со времени капиталистической рационализации имеется очень внушительная армия «структурной» безработицы, т.-е. тех безработных, которые выброшены из производства процессом капиталистической рационализации. Даже в наиболее благоприятные периоды, — как, например, в августе 1927 года, — было не менее 575 тыс. лиц, получающих пособие по безработице. В 1928 году количество получающих пособие было 889 тыс., в январе 1929 года — 2.246 тысяч, в июле 1929 года — 710 тыс., 31 декабря 1929 года — 1.750 тыс., 25 января 1930 г. — 2.500 тыс. В процентах к числу членов профсоюзов безработица со времени капиталистической рационализации в Германии развивалась следующим образом:

Время	% целиком безработных	% работающих сокращенную неделю
1926 год	18,0	15,9
1927 „	8,8	3,9
1928 „	8,6	5,7
1929 „		
Январь	19,4	8,7
Июль	8,6	6,9
Ноябрь	13,8	7,3
1930 год		
Январь	Свыше 20 %	—

В Англии, как было уже отмечено выше, движение безработицы со времени кризиса 1920—21 г. носит «плавный» характер, никогда, однако, не опускаясь ниже миллиона. Количество застрахованных безработных на 14 января 1930 г. составляло 1.478.771 чел. против 1.434.997 чел. того же числа в январе 1929 г. Англия пока меньше других крупных капиталистических стран задета новым экономическим кризисом (который, конечно, ее не минет). В Англии мы имеем только первоначальную ступень капиталистической рационализации, давно уже пройденную в Германии и Соединенных Штатах. Там идет сейчас процесс концентрации производства. Не случайно кризис захватил в первую очередь Соед. Штаты и Германию, которые в основном прошли уже эту фазу капиталистической рационализации (в смысле концентрации и технической реорганизации производства) и сейчас стоят перед второй волной капиталистической рационализации.

В Англии «рабочее» правительство, когда оно летом 1929 г. пришло к власти, обещало ликвидировать безработицу. Вместо этого — количественное увеличение безработных на сотни тысяч человек и другие сотни тысяч лишившихся права на пособие, благодаря реакционнейшему, антирабочему закону «рабочего» министра мисс Бонфильд.

Чрезвычайно остро дает себя чувствовать безработица в Польше и Чехо-Словакии. Число безработных, зарегистрированных на биржах труда в Польше, составляло в октябре 1928 года 83.340; а в середине января 1929 года, по заявлению министра торговли Квятковского, — 240 тыс. человек. В это число не входит частичная безработица. Сейчас в Польше почти каждый третий рабочий безработный. Это в данный момент страна самой высокой безработицы в Европе. Поразительным при этом является темп нарастания безработицы, который более, чем в два раза быстрее темпа периода жесточайшего кризиса 1925—26 г.

В Чехо-Словакии безработных, регистрируемых на биржах труда, в ноябре 1929 г. было 39,2 тыс. против 29,9 тыс. в ноябре 1928 г. Нужно отметить при этом, что на биржах труда зарегистрировано только 25—30% действительного числа безработных. В ноябре еще многие буржуазные экономисты думали, что кризис миновал Чехо-Словакию. Но уже через месяц число безработных перевалило за 200 тыс. человек, а в конце января 1930 г. достигло весьма внушительной цифры в 400 тыс. человек.

В Австрии, которая до недавнего времени (пока ее не перегнала Польша) занимала первое место по безработице в Европе, число безработных, составлявшее в августе 1929 г. 101 тыс. человек, поднялось в октябре до 125 тыс., а к 15 января 1930 г. — до 363 тыс. В январе 1929 г. число безработных было 245.984. В это время в Венгрии было 200 тыс. безработных, Болгарии — 180 тыс., Югославии — 200 тыс.

Чрезвычайно характерную картину представляет фашистская Италия. Согласно официальным данным, число безработных, составлявшее в конце сентября 1929 г. 228.831 человек, поднялось до 337 тыс. в ноябре 1929 года и 400 тыс. в январе 1930 года. Но фашистская регистрация охватывает только тех рабочих, которые работали не меньше шести месяцев на предприятии и совсем не охватывает сельскохозяйственных рабочих. Это число безработных нужно, по меньшей мере, увеличить в два раза. Не рискуя впасть в преувеличение, мы можем смело сказать, что число безработных в Италии составляет сейчас около миллиона. Это особенно важно отметить потому, что многие товарищи до сих пор склонны принимать даже фашистскую статистику на веру и дают совершенно ложный анализ положения рабочего класса. Тов. Варга, который уже однажды на X пленуме ИККИ слишком доверчиво отнесся к статистической «правде-истине» буржуазных экономистов, сделал вторую ошибку в своем последнем обзоре хозяйственного триместра в «Импрекоре»; он чересчур об'ективно отнесся к фашистской статистике и «доказал», что безработица в 1929 году в фашистской Италии ниже, чем в 1928 г.

Безработица очень мало задела пока еще Францию, в которой только зреют симптомы назревающего экономического кризиса. Но и здесь общий экономический кризис и, в первую очередь, кризис в Соединенных Штатах, уже нашел свое отражение на сокращении производства и росте безработицы в автомобильной промышленности и в производстве предметов роскоши. У Ситроэна, например, где работает 30 тыс. человек, уволено 4 тыс.; у Рэно из 25 тыс. сокращено свыше 5 тысяч человек.

Наконец, весьма симптоматичен чрезвычайный рост безработицы в колониях и на Востоке. В частности, в Индии благодаря рационализации происходят массовые увольнения рабочих в текстильной промышленности. В конце 1929 года вследствие кризиса в джутовой промышленности, в одном только Бенгале имелось свыше 60 тыс. безработных. Что касается Японии, то там, по данным Японского института исследования промышленности и труда, происходит вследствие рационализации, беспрерывное сокращение живой рабочей силы — особенно в текстильной промышленности, пищевой, производстве сельскохозяйственных орудий, на железных дорогах. Для определения темпа этого процесса достаточно указать на то, что за один только 1927 год количество промышленных рабочих, по сравнению с 1926 годом, уменьшилось на 10%.

Таким образом, безработица является сейчас центральным явлением мирового экономического кризиса. Пока она глубоко задевает, главным образом, производство готовых фабрикатов, текстильную промышленность, металлическую, строительную и др. Новые отрасли производства — химическая, электротехническая и т. д. — менее затронуты. Но развертывание экономического кризиса капитализма все больше и больше будет вовлекать в орбиту своего движения и новые отрасли производства, а, следовательно, и новые отряды безработных. Это уже видно на кризисе автомобильной промышленности. В отличие от тех миллионов пролетариев, которые железными щупальцами конвейера и другими усовершенствованиями капиталистической рационализации были выброшены из рядов производства и, находясь в состоянии длительного отрыва от производства, легко могли впасть в депрессию и сделаться жертвами влияния фашистской демагогии, эти новые миллионы создаваемой экономическим кризисом армии безработных живут жизнью и борьбой предприятия, организованного классового действия. Это превращает миллионные кадры безработных в грозную революционную силу. Вот почему стержнем всей политики коммунистических партий и революционного профдвижения в нынешней обстановке, созданной назревающим мировым экономическим кризисом, является борьба с безработицей как борьба против капитализма и реализация единого революционного фронта безработных и оставшихся пока еще в производстве рабочих. Безработица, рожденная кризисом капиталистической стабилизации, сама является могучим фактором дальнейшего обострения этого кризиса.

Прежде чем перейти к динамике заработной платы за последние годы, мы остановимся еще на одном важнейшем факторе при определении жизненного уровня рабочего класса. Мы имеем в виду чудовищную *интенсификацию труда*. Капиталистическая рационализация представляет собою исключительный рост уплотнения труда, невероятную эксплоатацию рабочей силы. Выше мы уже указывали, какое значение имела рационализация в смысле сокращения рабочей силы. Например, орган предпринимателей Рурской горной промышленности «Глюкауф», считает, что новая техническая рационализация, которая задумана сейчас в Рурской горной промышленности и отнимет два года, выбросит из производства 130 тыс. горнорабочих, т.-е. *одну треть* всего состава. Мы остановимся только на *фактах*. По сравнению с 1913 годом, реальная заработная плата рурских горняков в первую четверть 1929 года понизилась на 10—14%, в то время как производительность труда на одного рабочего увеличилась с 1.161 кгр. в 1913 г. до 1.551 кгр. в 1929 г., т.-е. производительность труда увеличилась на 34% [1]). Насколько падает, как следствие рационализации, стоимость рабочей силы и уменьшается доля заработной платы рабочего в продукте труда, видно в той же каменноугольной промышленности Рура из того, что с 1927 года по 1929 год номинальные цены на уголь повысились на 14%, а стоимость рабочей силы меньше, чем на 2%.

В октябре 1929 года на генеральном собрании акционеров клекнеровских предприятий в Дюссельдорфе, Петер Клекнер в своем докладе о рационализации за последний год официально сообщил, что продукция сырой стали, которая в 1927—28 году составляла в среднем ежемесячно 149,6 тыс. тонн, в июле 1929 года достигла 151,1 тыс. тонн при количестве рабочих и служащих в 13.949 человек, вместо 15.207 в 1928 году.

На государственных железных дорогах Германии с 1925 г. по 1929 г., благодаря проведенной рационализации, производительность труда повышена на 25,5%. Железнодорожные мастерские в Оппельне в 1923 году имели 3.800 рабочих, а сейчас 1.200; заработная плата при этом не увеличилась.

Поразительную картину дает сопоставление двух бумажных фабрик — одной рационализированной, а другой — нерационализированной. На лучшей

---

[1]) Конечно, увеличение производительности труда происходит и за счет технических усовершенствований, но особенность нынешней капиталистической рационализации, — *исключительная* роль интенсификации труда.

бумажной фабрике Германии, которая находится под Штеттином, благодаря рационализации, 100 рабочих производят ежедневно на одной бумажной машине 100 тыс. килограммов бумаги, а заработная плата здесь, так как эта фабрика находится в более низком тарифном поясе, значительно меньше, чем на маленькой фабрике в Силезии, где одна машина производит при 50 рабочих только 5 тыс. килограммов. Если до войны разница в отношении расходов на заработную плату и расходов на производство в различных предприятиях составляла максимально 1 : 3, то сейчас она достигает между рационализированными и нерационализированными предприятиями в некоторых случаях 1 : 10.

На недавнем с'езде революционной профсоюзной оппозиции в Германии делегаты - рабочие с мест рассказывали потрясающие картины о методах интенсификации труда. На текстильной фабрике Лоренца, где применяется голландская система Филиппа, работницы сидят за конвейером не рядом друг с другом, а одна *за* другой, — для того, чтобы они не могли между собой переговариваться. В мастерскую проведен громкоговоритель, и музыка оглушает рабочих. Перерыв у конвейера: каждые два часа — пять минут.

В *Австрии* процесс рационализации зашел особенно далеко в горной промышленности. В 1922 году в буроугольной промышленности было занято 21.103 рабочих, и об'ем всей продукции составлял 3,1 миллиона тонн; в 1928 году число рабочих сократилось до 10.735, а добыча выросла до 3,3 миллионов тонн. В каменноугольной промышленности в 1921 году 2.455 рабочих добывали 137.633 тонны, а в 1928 году добыча 1.065 рабочих составляла 210.000 тонн.

Огромная интенсификация труда происходит во *Франции*, которая сейчас как раз переживает период технической рационализации. В горной промышленности, например, количество рабочих с 1927 года по октябрь 1929 года сократилось с 331 тыс. до 297 тыс., т.-е. на 11%. В текстильной промышленности скорость вязальных спиц увеличилась с 800 в минуту до 2.000. У Ситроэна одну машину готовили раньше 150 человек, сейчас — 60. У Мишлэна в 1924 году 7 рабочих контролировали 400 шамбр а эр, а в 1929 году только двое рабочих контролируют 3.000.

В *Англии*, где происходит пока только процесс концентрации предприятий, в химической промышленности занято было два года назад 220 тыс. рабочих. В этой промышленности создан был знаменитый трест Монда, охвативший 77 фирм. За два года существования треста 9 заводов, с количеством рабочих в 15 тыс. человек, закрылись. Число рабочих в химической промышленности вообще за последние шесть лет уменьшилось на 27 тыс. — при громадном увеличении продукции.

В фашистской *Италии* (так же, как и во Франции) вводится система рафинированного хронометража инженера Бедо, «продолжателя» Тейлора. 240 крупных предприятий работает сейчас по системе Бедо. В пьемонтской металлургии, по сообщению «Лаворо Фашиста», до применения системы Бедо рабочие получали 2,25 лиры в час, а после — 1,70.

Таковы факты. Их вполне достаточно для того, чтобы наглядно показать значение такого фактора при оценке жизненного уровня рабочего класса, как *интенсификация труда*. Но это далеко еще не все. Капиталистическая рационализация увеличила в неслыханных размерах *несчастные случаи* в промышленности. Этот рост несчастных случаев и болезней находится в непосредственной зависимости от резко повысившегося *темпа* работы. В рурской каменноугольной промышленности в последние годы количество несчастных случаев и болезней увеличилось почти на 100%. В то время, когда число застрахованных рабочих с 1925 г. по 1927 год в Германии увеличилось с 10.854 тыс. до 11.391 тыс., число зарегистрированных несчастных случаев увеличилось с 653 тыс. до 1.010 тыс., т.-е. на 73%. В химической промышленности Англии на каждых двух рабочих приходится за последние годы 1 несчастный случай. Невероятный рост несчастных случаев отмечается и в рационализированных предприятиях Франции. Немецкий буржуазный проф. Дюринг, по поводу влияния конвейера на здоровье рабочих, пишет:

> «Производительность труда при большей усталости рабочего у конвейера остается неизменной — состояние утомления не доходит даже до сознания рабочего... Постепенное увеличение тяжести работы не осознается даже рабочим, потому что оно приходит постепенно... Какое-нибудь легкое заболевание может сразу раскрыть рабочему его истинное состояние, или рабочий с течением времени вдруг начинает ощущать, что работа больше не идет... Эта невозможность для рабочего осознать постепенное усиление утомления есть одно из печальнейших обстоятельств, о которое разбивается всякое научное ограничение допустимой интенсификации труда».

Но это тоже еще не все. При определении жизненного уровня рабочего класса следует иметь в виду те громадные структурные изменения внутри рабочего класса, которые произошли в результате капиталистической рационализации. Поскольку квалифицированный рабочий не может, как квалифицированный, больше найти себе работу, он вынужден продавать свою рабочую силу, как неквалифицированный рабочий. Количество неквалифицированных рабочих в производстве и, в особенности, женщин и молодежи необычайно возросло, а разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда не уменьшается. Какие громадные изменения произошли за годы рационализации в структуре рабочего класса видно, хотя бы, из изменившегося удельного веса в производстве женщин и молодежи. Центральный Комитет христианского союза кожевников в Германии приводит следующую характерную анкету. В 1913 году процент мужчин - рабочих в кожевенной промышленности составлял 79,8%, женщин — 14,8%, молодежи (до 21 года) — 5,4%. В 1928 году эти цифры соответственно составляли: 26,4%—64,7%—8,7%. Количество рабочих-мужчин понизилось на 60,7%, количество женщин повысилось на 418,1%, количество молодежи повысилось на 82,9%.

Другая анкета союза маляров в Германии, относящаяся к возрасту работающих в малярном производстве, показывает, что в то время как в возрасте до 18 лет в 1912 году работало среди обследованных союзом 1,3%, в 1927 году этот процент повысился до 10,4. Для состояния жизненного уровня масс характерно то, как увеличился после войны процент работающих старше 50-летнего возраста. В то время как до войны число рабочих-маляров старше 50 лет никогда не составляло больше 4,9%, в 1927 году этот процент увеличился до 16 (т.-е. почти в 4 раза).

О том, с каким темпом благодаря механизации труда идет процесс замещения рабочих-мужчин женщинами в Англии, мы находим официальные данные в органе английского министерства труда — «Министри оф Лэйбор Газетт». В гончарной промышленности число рабочих-мужчин составляло в 1924 году 38 тыс., а в 1929 году — 34 тыс.; соответствующие цифры для женщин — 35,3 тыс. и 39 тыс. В машиностроительной промышленности за те же годы число рабочих мужчин составляло 588,5 тыс. и 539,3 тыс.; соответственное число женщин — 38,9 тыс. и 47,4 тыс. В швейной промышленности: мужчины — 202,3 тыс. и 195,7 тыс.; женщины — 371,4 тыс. и 385,6 тыс.

Число застрахованных мужчин в Англии за 1924—1929 гг. увеличилось на 3,2%, а женщин — на 11%. Женщины составляют сейчас в производстве 27% (в тред-юнионах — 16,5%).

* * *

Мы видим таким образом, какое значение, при оценке динамики жизненного уровня рабочего класса, имеют такие «не экономические», по терминологии тов. Варга, факторы, как безработица и интенсификация труда. Но если мы возьмем и развитие денежной зарплаты за последние годы, то также весьма нетрудно будет убедиться, насколько не прав оказался здесь тов. Варга и теоретически, и политически, и фактически. Мы не будем останавливаться на том священном походе против нынешнего уровня заработной платы, который об'явлен почти повсеместно предпринимателями в связи с экономическим кризисом. Достаточно указать, что в Соединенных Штатах со времени кризиса Стальной трест понизил заработную плату в Юнгстоне на 20%, а в автомобильной промышленности для некоторых категорий рабочих зарплата понижена даже на 30—40%. В Европе, в Чехо-Словакии, в связи с кризисом, уже проведено снижение зарплаты в текстильной промышленности на 10%. Боевой клич буржуазии во всех капиталистических странах, охваченных кризисом, повсюду один: «высокая зарплата — вот причина кризиса и всех зол!».

> «Увеличение зарплаты, — пишет «Франкфуртер Цейтунг» в годичном хозяйственном обзоре, — «до тех пор экономически оправдывалось, покуда с ним было связано падение безработицы... Если 1929 год, несмотря на наступление кон'юнктурного застоя, не только не принес уменьшения заработной платы, а, наоборот, даже дальнейшее ее увеличение (? — *Г. С.*), то это не что иное, как механическое перенесение обычаев периода под'ема в такое время, когда требуется совсем другое отношение к проблеме заработной платы».

Перед нами, таким образом, открытая попытка капиталистов переложить тяжести назревающего экономического кризиса на плечи рабочего класса через прямое уменьшение денежной зарплаты.

Но тов. Варга мог бы указать, что его выступление на X пленуме ИККИ относилось к другому периоду, к периоду «нормального» развития капиталистической рационализации и частичной капиталистической стабилизации. Обратимся, поэтому, к непосредственному развитию реальной зарплаты в условиях капиталистической рационализации.

Нужно сказать, что поход на уровень денежной зарплаты во всех почти европейских капиталистических странах, где рационализация нашла широкое применение в течение последних двух лет, вообще не прекращался. В вышедшей недавно в Германии книге одного из «идеологов» германской капиталистической рационализации — Георга Готтейна («Великое заблуждение германской политики зарплаты»), мы находим на этот счет классические места:

> «Политика заработной платы, которая при каждом пересмотре тарифного договора увеличивает ставки, не обращая внимания на то, может ли это повышение быть перенесено промышленностью без уменьшения доходности, должна неизбежно... вести к задолженности предприятий, к уменьшению способности конкуренции с заграницей, к увеличению, благодаря неиспользованным производственным возможностям, себестоимости... ведет к безработице. Последняя становится тем сильнее, чем больше предприниматель пытается выравнить машинизацией увеличение расходов по заработной плате. Но рационализация, вследствие продолжающегося повышения заработной платы, не позволяет снижать цен, т.-е. не увеличивает возможности расширения сбыта. Она увеличивает нужду в капитале, задолженность и создает безработицу».

Интересно отметить, что социал-фашистский орган профсоюза металлистов («Заводский журнал для функционеров металлопромышленности», август 1929 г., № 17), критикуя эту книгу Готтейна, обвиняет его в том, что он видит причины кризиса «только» в повышении зарплаты.

Глубокая ошибка тов. Варга заключается еще в том, что он «отвлекся» также от того обстоятельства, что при капиталистической рационализации произошло вымывание из производства больших групп квалифицированных рабочих и замена их неквалифицированным трудом, точно так же, как замена взрослых рабочих-мужчин — женщинами и рабочей молодежью, труд которых оплачивается значительно ниже. Товарища Варга «поразила» официальная германская ститистика о превышении ставок неквалифицированных рабочих (кстати, даже по данным официальной статистики, совершенно мизерном) довоенного уровня. Между тем, секрет заключается в том, что германские статистические данные составляются только для взрослых рабочих-мужчин,— для женщин только в традиционных отраслях производства,— работающих непрерывно (т.-е. сюда не входят работающие сокращенную неделю). Вот от каких мелочей «абстрагировался» тов. Варга. Даже буржуазная «Франкфуртер Цейтунг» нашла нужным — правда, до кризиса (в начале октября прошлого года) — критиковать слишком розовые данные германской официальной статистики о зарплате немецких рабочих.

Реальная зарплата в Германии после стремительного падения ее во время инфляции, с 1924 г., росла. В первые два года этот рост был довольно значительный, но с середины 1928 г., когда зарплата стала ближе к довоенному размеру, он стал крайне невысок и даже почти остановился. Весьма важно отметить, что с этого времени всякое повышение зарплаты достигалось в упорной экономической борьбе. Статистика социал-фашистского АДГБ, охватывающая 48 городов — 10 женских и 42 мужских профессии, показывает, что средняя номинальная тарифная зарплата для мужчин-рабочих в 1927 г. возросла на 8,5%, в 1928 г.—на 8,3% и в первую половину 1929 г.—на 3%. Если принять во внимание фальшивый официальный индекс дороговизны, то реальная зарплата в эти годы повысилась: в 1927 г.—на 3,6%, в 1928 г.—7,3% и 1929 г.—2%.

Средняя тарифная зарплата в Германии за эти годы развивалась следующим образом:

Время	Почасовая оплата	Недельная зарплата	Почасовая оплата	Недельная зарплата	Индекс дороговизны
	квалифицированные раб.		неквалиф. рабочие		
Апрель 1924 г.	63,8 пф.	31,11 мар.	44,8 пф.	23,23 м.	127,6 р. за год.
„ 1925 г.	82,9	40,54	58,3	30,11	139,8 „
„ 1926 г.	92,6	45,21	65,2	33,69	141,2 „
Январь 1927 г.	93,5	45,68	67,1	34,35	150,0 июль
„ 1928 г.	101,6	49,20	75,2	37,56	152,6 „
„ 1929 г.	108,1	52,25	81,0	40,50	153,1 янв.
Сент. „	111,1	53,81	83,7	41,69	153,6 сент.
Декаб. „	—	53,91	—	41.78	153 дек.

Следует еще отметить, что эти ставки ни коим образом не доказывают повышения аккордных ставок. Эти последние могут даже при повышении тарифных ставок падать.

Необходимо иметь также в виду, что, благодаря социал-фашистской политике длительных тарифных договоров, заключаемых обыкновенно на полтора-два года, происходит зачастую абсолютное падение реальной зарплаты. Если взять при этом не официальные рыночные цены, а действительные, то станет понятным, какое произошло за годы капиталистической рационализации «повышение» жизненного уровня германского пролетариата. Недаром даже известный буржуазный статистик Кучинский пришел к заключению, на основании обследования 17-ти крупнейших городов Германии с 9 миллионным населением, что заработок германских рабочих в 1929 г. составлял в среднем, принимая во внимание безработицу (но не интенсификацию труда), лишь 85% установленного им голодного бюджета.

Во Франции, даже по официальным данным — если взять цифры 1914 г. за 100 — индекс реальной заработной платы в Париже составлял в 1928 г.— 94, в департаменте Луара — 97, в бассейне Роны — 91 Нижней Сены — 85. В Парижском районе в 1928 г., по сравнению с 1927 г., реальная зарплата понизилась на 3%, в бассейне Роны — на 4%, Нижней Сены — на 7,5%.

Все это — принимая во внимание лишь официальный индекс дороговизны, который в октябре 1929 г. составлял 621. Унитарные профсоюзы имеют свой собственный индекс, который гораздо ближе к действительности и в октябре 1929 г. был почти на 25% выше — 785. Характерно (к сведению тов. Варга), что зарплата женщин в два раза ниже мужчин; в то время как реальная зарплата мужчин понизилась, по сравнению с довоенным временем, реальная зарплата женщин, благодаря рационализации, втянувшей в производство крупные массы женского труда — повысилась на 7—8%.

В Англии и до, и после правительства Макдональда идет беспрерывное снижение зарплаты. Еще в 1925 г. руководитель консервативного правительства Болдуин заявил: «Все рабочие нашей страны должны принять снижение зарплаты, дабы промышленность снова стала на-ноги» В Англии, как известно, с того времени «просперити» все же не наступило. А процесс снижения зарплаты продолжается резким темпом. В 1925 г. еженедельное сокращение заработной платы составляло 78 тыс. ф. ст.; в 1927 г.—357,8 тыс. (после разгрома горняков); в 1928 г.—141,8 тыс., в 1929 г.—чистое еженедельное сокращение зарплаты составляло 79,65 тыс. ф. ст.

Что касается уровня реальной заработной платы, то она далеко не достигла еще довоенной. В то время как индекс стоимости жизни в конце 1928 г. составлял 166, индекс зарплаты в это время равнялся: в горной промышленности—143, машиностроительной—102, железо- и стале-литейной—120—170, хлопчатобумажной — 161. С того времени изменения произошли весьма незначительные.

В фашистской Италии заработная плата за последние два года понизилась на 30—40%, а по официальным данным фашистской статистики стоимость жизни уменьшилась на 14—16%. Фашистами установлен «твердый» прожиточный минимум, но ни у одной категории рабочих зарплата не достигает этого минимума. По данным фашистских профсоюзов наиболее высокая оплата в Турине составляет 3½ лиры в час. Считая в среднем 52 часа в неделю, это составляет 182 лиры в неделю. Между тем, «прожиточный минимум» установленный для Турина — 272,1 лиры.

На деле средняя зарплата итальянского рабочего значительно меньше названной выше цифры. Фашистская Ассоциация промышленности, охватывающая около миллиона рабочих, указывает среднюю почасовую зарплату в 2,02 лиры. Есть отдельные отрасли производства (напр., текстильная промышленность), где месячная зарплата составляет всего лишь 170—180 лир, т.-е. меньше одной лиры в час.

Даже в обетованной стране высокой зарплаты, в Соединенных Штатах Сев. Америки, где, по категорическому заявлению тов. Варга, «уровень жизни рабочего класса продолжает повышаться, и в период развития органической безработицы» — за последние три года реальная зарплата почти не повысилась. В 1926 г. индекс реальной зарплаты составлял 120,2; в 1928 г.— 123,6.

Доля зарплаты в продукте труда в 1928 г. составляла 70% того, что она составляла в 1899 г., 700 тыс. рабочих, т.-е. 9% всего состава промышленного пролетариата, получают заработную плату ниже, чем в начале столетия: это, главным образом, деревообделочники, стекольщики, табачники,— все такие профессии, которые раньше оплачивались лучше других.

О ряде других стран капиталистической Европы и Америки можно судить по сравнительной статистике Международного Бюро Труда при

Лиге Наций. Эта статистика основана на весьма неточных показателях, но тенденцию развития по ней все же можно уловить.

Сравнительный индекс зарплаты в июне—июле 1929 г. (в больших городах)
(Великобритания = 100)

1) Великобритания	100	(7 городов)
2) САСШ	187	(10 городов)
3) Германия	71	(6 городов)
4) Австрия	46	(3 города)
5) Франция	54	(4 города)
6) Португалия	35	(1 город)
7) Швеция	102	(3 города)
8) Австралия	146	(2 города)

Наконец, о странах Востока. И здесь проводится капиталистическая рационализация. И влияние ее на жизненный уровень рабочего класса, конечно, еще гораздо губительнее, чем в «цивилизованных» метрополиях. По данным шанхайского «Социального Бюро», хлочатобумажные прядильщики — мужчины, средней квалификации, получали в 1929 г.— 44,5 центов в день, женщины — 41 цент, дети — 26,5 центов; средний заработок всех рабочих в текстильной промышленности Шанхая в 1926—27 г. составлял 45 центов в день.

В Индии заработная плата в бенгальской джутовой промышленности составляет $^1/_5$ — $^1/_6$ зарплаты в Англии. Бомбейская забастовка текстильщиков произошла на почве рационализации. С первого июля 1929 г. предприниматели пытались перейти на 60-часовую неделю, вместо прежних 54-х часов,— без увеличения заработной платы.

В Японии, по данным Ланкаширской текстильной ассоциации, с 1925 по 1927 гг., в результате рационализации, средний дневной заработок уменьшился с 207 сен до 150,8 сен в день, женщин — со 100,1 до 87,3; это, приблизительно, $^1/_3$ европейской зарплаты.

Таково «повышение» жизненного уровня рабочего класса в результате капиталистической рационализации. Когда-то Каутский, в разгар борьбы «марксистского центра» с бернштейнианцами, анализируя экономическое положение германского пролетариата на пороге XX века (т.-е. когда мощно стал развиваться в Германии монополистический капитализм), писал против «практиков» германского профдвижения:

> «Для рабочего класса наступает период, который угрожает если не прямым падением, то приостановкой роста жизненного уровня, период, длительность которого зависит от революционной энергии пролетариата; ибо условия, которые препятствуют дальнейшему под'ему жизненного уровня таковы, что они могут быть устранены... только путем больших политических переворотов».

Профсоюзные вожди, которые вместе с ревизионистами вообще отрицали теорию обнищания, делали возможность повышения доли зарплаты в продукте труда исходным моментом своей теории «мирного внедрения» капитализма в социализм, тогда обвиняли Каутского в том, что он «с мешком фраз хочет завоевать мир». Они прямо и резко ставили вопрос: или профсоюзы (в трэд-юнионистском понимании этого слова, а не как «школа коммунизма») — или теория обнищания. Сейчас так ставится вопрос всей социал-демократией, поскольку ее официальной программой является так называемая «хозяйственная демократия». Но и тогдашний центризм, представителем которого был Каутский, имел в виду только относительное, а не абсолютное обнищание. Отсюда и теория Каутского о «границах профессионального движения» в период монополистического капитала, поскольку под профсоюзной борьбой он подразумевал лишь борьбу в рамках капиталистического строя — вне связи с революционными задачами рабочего.

Постановка вопроса тов. Варга по существу является отрыжкой этого старого центризма. Характерным для реформизма всегда было то, что он связывал экономические конфликты лишь с высокой кон'юнктурой. Упомянутый уже выше «лево»-реформистский орган союза германских металлистов заявляет сейчас, что причиной кризиса является «и» высокая зарплата. Для них нынешний кризис — и все послевоенные кризисы — являются «нормальными» кризисами здорового капитализма. Тов. Варга, рисуя на X пленуме ИККИ картину повышения жизненного уровня пролетариата (что должно было бы явиться результатом известного «просперити» капитализма), не может увязать концов с концами, признавая одновременно и несомненность революционного под'ема рабочего движения.

Брандлерианцы уже гораздо последовательнее. Переоценивая капиталистическую стабилизацию и рационализацию, они отрицают и революционный под'ем. «Где под'ем экономических боев, провозглашенный X пленумом ИККИ?» — спрашивает орган брандлерианцев, указывая на сокращение стачек в Германии в 1929 г. И чем об'яснит тов. Варга это явление, если исходить из его теории благотворного влияния капиталистической рационализации на жизненный уровень рабочего класса?

Между тем, анализ характера экономических боев 1929 г. ясно показывает переход на более высокий революционный уровень.

При анализе характера стачечного движения за 1929 г. не приходится брать во внимание экономические бои за весь год. Есть определенная грань между периодом до и после экономического кризиса, что совпадает приблизительно со временем X пленума ИККИ. До X пленума ИККИ нарастание количества стачек, бастующих и потерянных рабочих дней, было почти явлением всеобщим. Во второе полугодие началась дифференциация. В одних странах — менее подверженных кризису, как Англия и Франция, где первая волна рационализации себя еще не исчерпала и даже еще только лишь начинается (Англия), продолжается и во вторую половину 1929 года количественный рост стачечного движения. Это начало под'ема, первый протест против капиталистической рационализации. В других странах, где кризис и массовая безработица (Германия, Чехо-Словакия, Польша, Соед. Штаты, Индия), количество стачек и потерянных рабочих дней не только не растет, но даже падает. Это видно по следующей таблице, составленной социально-экономическим отделом Профинтерна.

Стачки и локауты в 1928—29 гг.

По официальным данным. За соответ периоды.

Страны	За какой период с начала года	1928 год: Стачки и локауты	1928 год: Участники (в тысячах)	1928 год: Потерян. рабочих дней (в тысячах)	1929 год: Стачки и локауты	1929 год: Участники (в тысячах)	1929 год: Потерян. рабочих дней (в тысячах)
Германия . . .	9 мес.	621	389,8	8.580,6	385	266,7	4.019,6
Англия	12 „	302	124,4	1.388,0	420	532,1	8.283,0
Франция . . .	12 „	922	222,4	—	1.120	431,4	—
САСШ	10 „	562	314,1	29.267,3	729	220,5	9.532,3
Чехо-Славакия.	10 „	385	163,2	1.730,0	269	75,5	—
Япония	11 „	689	74,5	—	1.134	126,8	—

Отличительная черта этих стачек — это втягивание самых отсталых слоев пролетариата, самых отсталых районов. Чрезвычайно показательным в этом отношении является огромное стачечное движение в 1929 г. сельскохозяйственных рабочих (Польша, Чехо-Словакия, Франция и др.), в котором участвуют десятки тысяч батраков и которое носит остро политический характер. Во Франции впервые за многие годы в движении участвует ряд районов и отраслей, которые до того целиком находились под влиянием реформистов.

В Соед. Штатах, совершенно исключительную картину представляют стачки на Юге,— там, где никогда до сих пор не бывало стачечного движения вообще и где стачки считались невозможными,—при чем эти стачки (Гастония и др.) носили очень ожесточенный характер.

Формально-статистический подход к анализу нынешних экономических боев (как это делают, например, правые ренегаты) не только не может дать точного представления о характере нынешних классовых боев, но, наоборот, только искажает перспективу. Конечно, массовые увольнения с заводов заставляют рабочих на первых порах несколько сдержаннее относиться к использованию орудия стачечной борьбы. Но эти бои носят сейчас более наступательный характер со стороны пролетариата. Они гораздо упорнее и жестче. Развивается массовая политическая забастовка и революционная демонстрация, как более высокие формы классовой борьбы. Происходит перегруппировка сил. И в связи с этим происходит временное, переходное сокращение числа бастующих.

> «Экономические бои», — пишет буржуазная «Прагер Прессе», — отличаются сейчас... тем, что теперь каждый раз на карте стоит все: (курсив наш. — *Г. С.*) как государство, так и отдельные отрасли промышленности просто-напросто борятся за свое существование».

Вот почему сейчас, более чем когда бы то ни было, важно для компартий завоевание твердых позиций непосредственно на предприятиях. Это возможно только при том условии, если коммунистический авангард будет смело развертывать и возглавлять экономические бои пролетариата — на основе единого фронта снизу, и, в первую очередь, единого фронта безработных и работающих в предприятиях. Только идя к массам для возглавления нынешней перегруппировки сил, компартии сумеют постепенно подводить их к решающим революционным боям за власть, за мировую диктатуру пролетариата.

Ан. Сенченко.

Против правооппортунистической ревизии программы Коминтерна.

Коммунистический Интернационал является организатором международной революции пролетариата, борцом за мировую пролетарскую диктатуру, за коммунизм. Его программа, это — могучий призыв революционного авангарда к широчайшим массам трудящихся на смертельную борьбу против всемирного империализма; это — боевое знамя, вокруг которого собираются и организуются революционные отряды во всех частях света для борьбы против всемирного капитала; это — боевой закон для миллионов организованных пролетариев, которые ведут систематическую подготовку к революционному штурму твердынь капитализма.

Являясь замечательным документом марксизма-ленинизма, программа Коммунистического Интернационала всей своей силой направлена против всех видов буржуазного мировоззрения, против всех и всяческих разновидностей теоретического и практического оппортунизма.

Программа КИ заострена против контрреволюционного троцкизма, который капитулировал перед империалистической буржуазией и выброшен революционным пролетариатом из рядов мирового коммунистического движения. Заостренный удар против контрреволюционного троцкизма является в то же время и сокрушающим ударом против всяких рецедивов троцкизма в коммунистическом движении, против всяких «левых» загибов и заскоков в большевистских рядах.

Но было бы неправильно видеть только это направление удара программы: по контрреволюционному троцкизму и «левому» оппортунизму. Нужно отметить и другую сторону удара, которая в данный момент имеет громаднейшее значение и актуальность, — это сокрушающий удар программы по правому оппортунизму.

Программа Коммунистического Интернационала заострена и против правого оппортунизма. Не случайно же программная комиссия отбросила те поправки, которые вносил правый оппортунист Тальгеймер и подобные ему. Не случайно же проект тов. Бухарина, в котором, помимо прочего, не был заострен удар против правого оппортунизма, был радикально переработан и представлен конгрессу, как проект тт. Бухарина и Сталина.

Такова основная установка программы КИ, целиком совпадающая с генеральной линии Коминтерна в его борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории, в его борьбе за укрепление и расширение позиций социализма во всем мире, в его борьбе за окончательную победу мирового коммунизма.

Задача каждого коммуниста именно так пропагандировать и популяризировать программу КИ. В настоящее время эта раз'яснительная работа должна обязательно фиксировать главное внимание на борьбе с правым оппортунизмом. Нужно решительно бороться с замалчиванием тех элементов программы, которые особенно ярко бьют по правому уклону. Еще решительней надо вести борьбу с попытками ревизовать основные принципы программы, с попытками толковать ее в духе правого оппортунизма. А попытки правооппортунистической ревизии программы есть. По этим попыткам нужно открыть ураганный огонь. Эта борьба чрезвычайно важная и серьезная усложняется тем, что до сего времени еще нет таких комментариев к программе, которые были бы санкционированы руководящими органами партии и Коминтерна и являлись обязательным пособием к изучению программы. Отсутствие таких комментариев приводит к тому, что не везде в основу проработки программы КИ кладется текст ее и работы Маркса, Ленина и Сталина. В основу проработки до сих пор нередко кладется доклад т. Бухарина о программе на VI конгрессе, в котором он тщательно обходит те места в ней, где удар заостряется против правого оппортунизма, а в ряде вопросов прямо по-иному, по-своему трактует программу.

Однако, есть и такие случаи, когда «проработка» программы проводится под углом зрения развернутой критики ее справа, под углом зрения ее ревизии и пропаганды правой идеологии.

Мы располагаем пока что только одним подобным документом. Это — «Методические указания и комментарии к программе Коммунистического Интернационала», изданные в количестве 6.000 экз. областным издательством «Средне-Волжская Коммуна» в Самаре в 1928 г. и по сей день распространяющие яд оппортунизма.

«Комментарии» эти заслуживают самого серьезного рассмотрения[1].

I.

«Комментарии» обходят ряд важнейших моментов первого раздела программы, беря под ревизионистское сомнение некоторые бесспорные для марксистов-ленинцев проблемы. В первом разделе программы дается анализ мировой системы капитализма, ее развития и неизбежной гибели. При разборе этого раздела программы очевидно, что основное внимание «Комментарии» должны были фиксировать на таких моментах:

1) Развитие капиталистического общества с неумолимой силой ведет к неизбежной его гибели, о приближении которой сигнализирует целый ряд явлений в капиталистической системе. Именно в этом аспекте рассматриваются в программе система капитализма, его противоречия, классовая борьба, кризисы, революции, войны и т. под.; об этой приближающейся гибели капитализма свидетельствует целый ряд глубоких процессов в области техники, экономики, классовой борьбы, в области бытового и культурного уклада капиталистического общества.

2) Финансовый капитализм, пришедший к началу XX века на смену промышленному капитализму, в неслыханной степени обострил проявление всех основных тенденций и законов движения капитализма и все в более грандиозных масштабах воспроизводит все его основные противоречия и антагонизмы, в результате чего империалистический период капитализма становится последним периодом его развития. Об этом свидетельствуют такие факты, как: обострившаяся неравномерность развития капитализма

---

[1] От редакции. Интересно отметить, что «Комментарии» эти перепечатаны самарцами из «Пропагандиста», № 18—июль 1928 г., в котором были помещены «Комментарии к проекту» программы КИ, «прорабатывавшие» проект в духе правого оппортунизма.

Самарцы ограничились лишь тем изменением этих правооппортунистических комментариев, что вместо слова «проект» написали везде «программа», не изменив оппортунистической сути «Комментариев».

в эпоху империализма, противоречия, вытекающие из сосуществования и борьбы монополии и свободной конкуренции, кризисы, охватывающие целые группы стран и все мировое капиталистическое хозяйство, класссовая борьба, обострившаяся и принявшая размах грандиозных революционных потрясений капитализма, войны, превратившиеся в мировые схватки между империалистическими хищниками за передел колоний, сфер влияний и т. п. Именно в таком разрезе рассматриваются в программе основные процессы, происходящие в капитализме в связи с переходом его в фазу империализма.

3) Империализм воспроизводит и обостряет такие классовые противоречия, которые ведут к пролетарской революции: империализм поэтому есть канун мировой социалистической революции. Именно, исходя из этого, в программе дана уничтожающая критика социал-демократической теории «организованного капитализма» (ультраимпериализма).

4) Развитие капитализма, и в особенности империализма, в то же время подготовляет и те силы, которые призваны революционным путем свергнуть капитализм и создать пролетарскую диктатуру. Эти пролетарские силы капиталистических центров и народные массы колоний, идущие под руководством и гегемонией международного революционного пролетарского движения, противостоят, растут и закаляются в борьбе с силами империализма, в борьбе, которая ведет неизбежно к победе пролетарской революции. Именно под этим углом зрения рассматриваются в программе расстановка сил революции и империализма и основные тенденции их развития; именно в таком разрезе рассматривается государственная власть капитала, которая в эпоху империализма, в эпоху многонациональных империалистических государств и угнетения так называемых малых наций и колоний приобретает особое значение: именно в таком аспекте рассматриваются и оцениваются силы ставленников буржуазии в рабочем движении (подкуп рабочей аристократии, реформизм) и силы агентов империализма в колониальном движении (подкуп туземной буржуазии).

Из сказанного уже видно, что капитализм и порождаемые им пролетарские революции программа рассматривает не только в границах какой-либо отдельной страны, и даже не только в рамках передовых капиталистических стран, а в пределах всей мировой системы капитализма. Однако выведение общих законов движения мировой капиталистической системы, ведущих ее к неизбежной гибели, не означает, что в программе Коминтерна упускается тот факт, что капитализм в отдельных странах находится на различном уровне развития и движется различными темпами к революции. На основе ленинского закона неравномерного развития капитализма в программе, на ряду с характеристикой общих законов развития мировой капиталистической системы, дается подробный анализ и особенностей отдельных частей ее. В связи с этим в программе мирового пролетарского движения впервые выдвигается подразделение основных стран капитализма на три типа: страны высоко-развитого капитализма, страны средне-развитого капитализма, страны колониальные и полуколониальные.

Из сказанного видно, что с особой силой программа Коминтерна направлена против социал-демократии, которая проповедует, что развитие капитализма ведет не к обострению, а к ослаблению противоречий, не к росту классовой борьбы и неизбежности революции, а к потуханию классовой борьбы, к мирному сотрудничеству с буржуазией, не к обострению, учащению и укрупнению военных столкновений, а к отмиранию войн, не к краху капитализма, а к перерастанию империализма в ультраимпериализм, в стадию «организованного капитализма» и т. п.

Из сказанного видно, что с особой силой программа КИ бьет и по правому оппортунизму, который в решающих пунктах скатился на позиции «организованного капитализма» социал-демократии.

Таковы главнейшие моменты первого раздела программы. Посмотрим, как же раз'ясняют этот раздел авторы «Комментариев».

Прежде всего надо сказать, что комментарии к первому разделу отличаются тем, что в них не заострено внимание на самых решающих его пунктах, приведенных выше. В «Комментариях» говорится и о «месте первого раздела в программе КИ», и «о методе диалектического материализма в программе», и об «анализе промышленного капитализма» и об «анализе империализма», и о «критике ультраимпериализма». Но обо всем этом сказано таким образом, что такое положение, как неизбежность гибели капитализма отмечено лишь вскользь, а о таких решающих моментах, как загнивание капитализма и его умирание, анализ сил революции и империализма в «Комментариях» совсем ничего не говорится.

Это уже характеризует ценность «Комментариев». Но если в «Комментариях» не сказано самого главного, то о чем же там идет речь?

«Комментарии» фиксируют наше внимание на том, «насколько правильно и удачно» составлен первый раздел программы, на том, что «должно» быть в программе, на том, что программа бьет по троцкизму и т. п. «Комментарии» оппортунистически раз'ясняют программу, раз'ясняют ее путано, беря под ревизионистское сомнение некоторые бесспорные для марксистов-ленинцев проблемы.

Для иллюстрации этих ревизионистских, путанных приемов «Комментариев» достаточно остановиться хотя бы на их пояснении кризисов и на подходе к той критике, которой подвергнут в программе ультраимпериализм.

Известно, что в программной комиссии конгресса была довольно оживленна дискуссия по вопросу о кризисах. Во время этой дискуссии были наскоки на марксову теорию кризисов. Вслед за туган-барановщиной и люксембургианством были попытки об'яснить причины кризисов или исходя только из диспропорций между различными отраслями производства, или исходя только из противоречий между производством и потреблением.

Конгресс отбросил эти ревизионистские попытки и, вслед за Марксом и Лениным, выводит кризисы из господства частной собственности на средства производства и из общей анархии капиталистического производства. Исходя из этого в программе говорится о диспропорции между отраслями производства «в связи с развитием противоречия между тенденцией к безграничному расширению производства и ограниченным потреблением пролетарских масс». В программе четко показана увязка этих двух моментов, обусловленных общей анархией капиталистического производства.

Посмотрим, как поясняется этот момент в «Комментариях».

Там сказано:

> «Интересно отметить формулировку проблемы кризисов, самую неизбежность которых отрицают современные социал-демократы. В то время как одни признавали причиной кризисов лишь одну диспропорциональность между отраслями производства (Гильфердинг вслед за Туган-Барановским), а другие, как Каутский, считали причиной кризисов лишь недопотребление рабочего класса,— программа рассматривает противоречия между производством и потреблением, как составную часть анархии капиталистического производства». («Комментарии», стр. 144, подчеркнуто мной. *Ан. С.)*.

И это все, что сказано в «Комментариях» о кризисах. Значит, программа выводит кризисы, по мнению комментаторов, только из противоречия между производством и потреблением? Вместо четкого об'яснения программы здесь дан такой комментарий, который в лучшем случае запутывает вопрос. Вместо того, чтобы просто и ясно сказать о ревизионистских наскоках на марксову теорию кризисов, которые были во время дискуссии на конгрессе, комментаторы пытаются дать исторический разрез в постановке вопроса. С чего же они начинают? С Маркса? Нет, о нем у них ни слова. Они начинают с Тугана, говорят о Каутском, забывают о Розе Люксембург и... говорят так, что не поймешь, как же об'яснила программа причины кризисов. К чему этот туман, почему разговоры о Тугане и проч. и ничего о Марксе и Ленине?

Такие комментарии в лучшем случае запутывают вопрос. Однако от запутывания маленький шажок до ревизии.

Прозрачные ревизионистские намеки проскальзывают у комментаторов в вопросе об ультраимпериализме.

Они говорят:

> «Но особенно важно обратить внимание, насколько удачно дана в программе критика теории ультраимпериализма...».

Сразу же возникает сомнение, насколько же действительно удачно в программе дана критика ультраимпериализма. Смотрим в программу. Там четко ставится вопрос о том, что такие факторы, как закон неравномерного развития капитализма и обострение классовой борьбы делают невозможным ультраимпериализм. Об'яснение правильное, ленинское, удачное. Но... такое об'яснение совсем неудачно с другой точки зрения. Именно с той точки зрения, которой придерживается тов. Бухарин, вот уже на протяжении многих лет, «по-своему» об'ясняя невозможность ультраимпериализма. Известно, что еще в 1917 г. т. Бухарин в брошюре «Мировое хозяйство и империализм» выдвинул тезис, что ультраимпериализм, абстрактно говоря, возможен, но в действительности невозможен, в силу «социально-политических тенденций», т.-е. в силу классовой борьбы, которая ведет к революции. О неравномерности развития капитализма, которая на ряду с классовой борьбой является основным экономическим и политическим фактором, делающим невозможным ультраимпериализм, у Бухарина не говорилось ни слова.

Известно, что после 1917 года т. Бухарин неоднократно повторял свое об'яснение невозможности ультраимпериализма. Известно, что это об'яснение он пытался было протащить и на VII пленуме ИККИ, но его попытка была отброшена пленумом, который в резолюции, в противовес докладу Бухарина, зафиксировал правильное, ленинское об'яснение невозможности ультраимпериализма.

Известно, наконец, что на VI конгрессе КИ, после дискуссии (в связи с проектом программы), во время которой отдельными делегациями и товарищами указывалось на необходимость включения в об'яснение невозможности ультраимпериализма, закона неравномерного развития капитализма, тов. Бухарин в своем заключительном слове по вопросу о программе вновь обошел закон неравномерного развития капитализма, «по - своему», неверно об'ясняя невозможность ультраимпериализма. Неверно потому, что бухаринская постановка вопроса, которую он позаимствовал из «Финансового капитала» Гильфердинга, не в состоянии обосновать невозможность ультраимпериализма. Его позиция ведет к капитуляции перед социал-демократической идеологией, к чему в конечном счете и докатился тов. Бухарин с своей теорией «организованного капитализма».

Все это хорошо нам известно. Все это — иное, неверное об'яснение невозможности ультраимпериализма. С этой, иной позиции формулировка в программе действительно является неудачной. И что же делают комментаторы, зная все это? Вместо того, чтобы сказать, что закон неравномерного развития капитализма бьет не только по социал-демократии и троцкистам, о чем говорят комментаторы, но и по правым уклонистам во главе с тов.

Бухариным, комментаторы ограничились приведенной выше двусмысленной формулировкой, сеющей сомнение в том, «насколько удачно» дана в программе критика теории ультраимпериализма. Вместо того, чтобы пропагандировать правильную формулу программы, комментаторы взяли ее под ревизионисткое сомнение. Прок от таких комментариев более чем гадателен.

Но если, комментируя первый раздел программы, авторы обошли полным молчанием такие решающие моменты программы, как загнивание и умирание капитализма, как анализ сил революции и сил империализма, если о такой кардинальной проблеме, как неизбежность гибели капитализма авторы говорят лишь вскользь, если некоторые важнейшие и бесспорные моменты первого раздела берутся авторами лишь под ревизионистское сомнение,—то в «Комментариях» ко второму разделу программы явно ревизуют они основные проблемы, всячески, конечно, прикрываясь ленинскими цитатами, ссылками на Ленина.

II.

«Комментарии» ревизуют основные проблемы второго раздела программы, пропагандируя правую идеологию. Во втором разделе программы Коммунистического Интернационала дается анализ общего кризиса капитализма и первой фазы мировой революции.

Исключив такие, видимо, не существенные с их точки зрения положения раздела, как то, что: а) Октябрьская революция положила начало международной пролетарской революции, б) вслед за революцией в СССР и под ее непосредственным влиянием развернулась мощная волна революционных боев за власть во всем мире, в) на ряду с частичной, шаткой, гнилой стабилизацией капитализма, которая раздирается глубочайшими противоречиями, развертывается и все больше крепнет «стабилизация социалистическая», г) неуклонно нарастает новый революционный под'ем и пролетариат от обороны переходит в наступление,— комментаторы говорят почти обо всем. Но в одних случаях упор делается не на том, на чем это делает программа, а в других — главнейшие положения раздела открыто ревизуются. Для иллюстрации ревизионистских наскоков «Комментариев» достаточно остановиться на таких моментах: 1) оценка общего кризиса капитализма, 2) оценка роли и сути социал-демократии, 3) оценка значения внешних и внутренних противоречий, ведущих к революции.

После характеристики основных положений раздела, в «Комментариях» в специальном отделе под названием «Важнейшие черты общего кризиса капитализма и эпохи социалистической революции» ревизуется основой его принцип, авторы по сути дела утверждают, что общий кризис ликвидируется. И делают это, прикрываясь выхваченными из сочинений Ленина словами, сказанными совсем в иной связи и по другому случаю.

В «Комментариях» говорится:

> «Никто другой как Ленин рассматривал эпоху социалистической революции, как длительный и трудный период, включающий в себя различные полосы, и отнюдь не равносильный беспрерывному автоматическому упадку капитализма и прямолинейному росту революции. Устанавливая и разбирая главнейшие черты послевоенного кризиса капитализма и указывая, что этот кризис означает собой начало краха всей империалистической системы, Ленин, однако, предостерегал товарищей от мысли, что этот кризис является «абсолютно безвыходным».... («Комментарии», стр. 151—52. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*)

Следовательно, здесь мы имеем совершенно ясную и четкую установку на то, что кризис капитализма не является безвыходным, что капитализм из него выйти может. Какой же процесс происходит — выходит капитализм из кризиса или нет? «Комментарии» отвечают: да, выходит.

Приведя цитату из доклада Ленина II конгрессу «О международном положении», в которой Ленин говорит о мощном, бурном, революционном под'еме, революционной атаке на капитализм и характеризует этот кризис, как величайший революционный кризис, авторы «Комментариев» пытаются эту оценку Ленина, относящуюся к характеристике непосредственно революционной ситуации, распространить и на весь последующий период. Они пытаются ленинскую оценку эпохи 1918—20 гг., эпохи бури и натиска пролетарской революции, оценку, совершенно правильную, подставить для характеристики всего последующего кризиса капитализма. Это явно ревизионистский прием. Мы знаем, что в других странах буржуазии действительно удалось отсрочить час своей гибели, она из революционного кризиса 1918 — 20 гг. вышла Но значит ли это, что тем самым ликвидирован общий кризис капитализма? Ни в коей мере. Комментаторы же после приведенной цитаты, оборванной, к слову сказать, как раз на том месте, откуда ясно видно, что речь идет именно о непосредственно революционной ситуации, торжественно заявляют: Ленин сказал, что безвыходного положения у буржуазии не может быть, значит... она может выйти из общего кризиса капитализма. И они прямо и говорят дальше:

> «Эти слова Ленина предсказывают по сути дела **возможность того поворота** в послевоенном развитии, который теперь уже **устанавливается** программой с фактической точностью».

И дальше приводится цитата из программы, в которой говорится о наступлении частичной стабилизации капиталистических отношений. Можно было бы возразить, что все сказанное авторами относится именно к их оценке 1918—20 гг. Извините, все сказанное ими исчерпывает тот отдел, который у них называется «Важнейшие черты общего кризиса капитализма». Такой важнейшей чертой у них оказался поворот капитализма к выходу из общего кризиса. Это ли не ревизия положений программы?

В прямой связи с такой оценкой кризиса капитализма находится и их определение признаков кризиса. Оказывается, что признаками этого кризиса являются только особые социально-политические методы управления буржуазии. В «Комментариях» сказано:

> «Второе положение (это второе положение второго раздела программы.—*Ан. С.*), состоит в том, что «признаками общего капиталистического кризиса» являются особые социально-политические методы, при помощи которых империализм борется с революцией и старается подпереть и укрепить свое господство. Двумя такими методами являются социал-демократия и фашизм». («Комментарии», стр. 150—151).

И это все. Оказывается, такие факты, как существование и рост СССР, резкое обострение классовой борьбы в капиталистических центрах, колоссальное обострение противоречий между империалистическими странами, громадное движение многомиллионных масс Востока, — все это по мнению комментаторов не является признаками общего кризиса капитализма. Конечно, если отбросить эти признаки, тогда не трудно договориться и до ликвидации общего кризиса капитализма.

Так ревизуют «Комментарии» одно из решающих положений программы.

Такой же ревизионизм сквозит и в их оценке социал-демократии. Мы знаем, в программе о социал-демократии говорится, что она является крупнейшей контрреволюционной силой, что она является резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом. Нигде в «Комментариях», ни ко второму, ни к шестому разделу программы, мы не найдем подобной оценки социал-демократии. Авторы всячески обходят этот момент, всячески сглаживают оценки программы, всячески уклоняются от оценки контрреволюционной сути «левого» крыла социал-демократии. Самым сильным выпадом у авторов против социал-демократии является утверждение, что она используется буржуазией, что она играет предательскую роль. О ее контрреволюционной роли, о ее фашизации, о ее активной борьбе против революционных движений и СССР, о ее активной поддержке буржуазного общества,— об этом ни слова.

Однако, авторы «Комментариев» не ограничились лишь тем, что извращали и ревизовали программу. Они проявили к тому же и некоторую «самодеятельность» в вопросе о перспективе новых революций. По их мнению получается, что революция возможна только в результате войны. В «Комментариях» сказано:

> «Именно Ленин далее в своих последних речах и статьях указывал на обостренную противоречивость послевоенного международного положения и на неизбежность того, что эти противоречия будут толкать к новой войне и к новым революциям».

И дальше:

> «Обострение борьбы между империалистическими странами отражается и будет отражаться внутри каждой из них наступлением буржуазии на рабочий класс, на его жизненный уровень, и его классовые организации... Таким образом, обострение внешних противоречий переходит в обострение противоречий внутренних и путь к новой войне оказывается дорогой к новым боям между классами». («Комментарии», стр. 156, 160. Подчеркн. мной. *Ан. С.*).

Позиция комментаторов, прикрывающихся именем Ленина, чтобы его же ревизовать, совершенно ясна. Она означает разрыв с марксизмом-ленинизмом. Комментаторы производное принимают за основное и основное за производное. Достаточно ограничиться лишь приведением некоторых цитат из Ленина, чтобы ясно увидеть, как безнадежно запутались авторы «Комментариев», утверждая, что революция может быть в результате только войны.

Ленин утверждает, что политика капиталистических стран во внешних взаимоотношениях есть продолжение той политики, которую ведут господствующие классы внутри каждой страны.

> «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, ту самую политику неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает и во время войны, переменив только форму действия».

И затем Ленин еще раз подчеркивает:

> «На каждом шагу забывают теперь публицисты буржуазных газет, играя на предрассудках и на обывательском невежестве совершенно неразвитых народных масс, не понимающих этой неразрывной экономической и исторической связи всякой войны с предшествовавшей ей политикой каждой страны, каждого класса, который господствовал перед войной и обеспечивал свои цели так называемыми мирными средствами». («Правда», № 93, за 1928 г. Запись лекций Ленина «Война и революция». Подчеркн. мной. *Ан. С.*).

Здесь с точностью, не допускающей кривотолков, Ленин говорит о том, что не внешние взаимоотношения держав определяют внутреннюю политику,

как это утверждают комментаторы, а, наоборот, внешняя политика определяется внутренней политикой, классовой борьбой внутри страны. Отсюда уже вытекает и тот вывод, что, очевидно, в результате определенных классовых сдвигов внутри той или иной страны может произойти революция и без войны. Ленин совершенно точно говорил, что:

> «Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса в роде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.». (Ленин, т. XIX, стр. 170).

Эти положения ленинизма ничего общего не имеют с той ревизионистской болтовней, которой занимаются авторы «Комментариев» и которая вытекает из недооценки нового революционного под'ема, и недооценки назревания новых революционных боев за власть.

Так обстоит дело с комментариями ко второму разделу программы.

III.

Правооппортунистическая ревизия основ четвертого раздела программы. Прежде чем остановиться на основном вопросе — куда устремился правооппортунистический ревизионизм авторов «Комментариев» (политика пролетариата по отношению к крестьянству), перечислим те главнейшие моменты, которые не затронуты или не подчеркнуты в «Комментариях».

В «Комментариях» совсем ничего не говорится о том, что без диктатуры пролетариата не может начаться переходный период от капитализма к социализму; что программа рассматривает переходный период не для одной страны, а для всего мира, выдвигая лозунг мировой диктатуры пролетариата и мирового союза советских социалистических республик; что неравномерность политического и экономического развития капитализма ведет к возможности победы социализма в немногих, и даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Ничего не сказано в «Комментариях» также о том, что диктатура пролетариата есть диктатура одного класса — пролетариата, что прочный союз с середняцкими массами крестьянства совсем не означает какого бы то ни было раздела власти. Не подчеркнут тот момент, что завоевание власти пролетариатом не может произойти мирным путем, без насильственного свержения буржуазии, без разгрома государственного буржуазного аппарата и замены его новым пролетарским. Не поставлен во главу угла тот момент, что диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях. В «Комментариях» ничего не говорится и о политике диктатуры пролетариата по отношению к другим классам и общественным группам; не сказано о постановке в программе вопросов о трех типах стран и основных типах революции; ничего не сказано о колониальных революциях и т. д.

Словом, главнейшие моменты четвертого раздела не нашли своего места в «Комментариях». Уже этого достаточно, чтобы видеть их весьма сомнительную пользу. Но мало того, они прямо вредны, если учесть, что в них, на ряду с отсутствием этих главнейших моментов, пояснения к некоторым основным вопросам даются явно в правооппортунистическом духе. Это в первую очередь касается комментариев в вопросах «о политике пролетарской диктатуры к мелкому производству», «о рыночных отношениях» и о «переходе крестьянства на кооперативно-социалистические рельсы».

На этих вопросах надо остановиться более подробно.

В чем заключается генеральная линия партии и диктатуры пролетариата по отношению к бедняцко-середняцкому крестьянству?

Она заключается не в том, чтобы приспосабливаться к мелкобуржуазной природе крестьянства, и мелкого производителя вообще, а в том, чтобы вести его за собой, систематически переделывая его природу, превращая простого товаропроизводителя в производителя социалистического.

Эта генеральная линия партии нашла свое четкое и ясное отражение в программе Коминтерна. Мы ожидали поэтому, что авторы «Комментариев» именно этот момент подчеркнут и его будут комментировать. Однако, наши ожидания не оправдались: в «Комментариях» ни слова не говорится об этой генеральной установке программы. Авторы комментируют не программу Коминтерна, а оппортунистическую платформу правого уклона. Достаточно привести лишь одну цитату, чтобы убедиться в этом, например: «совершенно очевидно, что одна из основных и решающих задач, встающих перед победившим пролетариатом,— это ужиться (?!!) с крестьянством (со всем! *Ан. С.*) ужиться (?!?) с мелким товаропроизводителем» («Комментарии», стр. 177. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*).

Ужиться с мелким товаропроизводителем, ужиться во что бы то ни стало с мелкобуржуазным крестьянством, ужиться с кулаком, итти на все новые и новые уступки (перманентные), плестись в хвосте у него, сдать в архив идею гегемонии пролетариата, держать курс на увековечение классов, а не на их переделку и уничтожение — таковы те выводы, которые вытекают из этих правооппортунистических комментариев. Такие же комментарии, в полной увязке с предыдущим, даются и к рыночным отношениям.

В программе Коминтерна рыночные отношения рассматриваются не как нечто самодовлеющее, ни от чего не зависимое, а, наоборот, как подчиненное системе диктатуры пролетариата, интересам его классовой борьбы, и вытеснения капиталистических элементов, подчиненное задачам укрепления и расширения позиций социализма в переходной экономике. Поэтому рыночные отношения в условиях диктатуры пролетариата резко отличаются от рыночных отношений при капитализме. Стихия рыночных отношений, ограниченная пролетарской диктатурой с самого начала их введения, с дальнейшим ростом ведущей роли социалистических командных высот все больше подчиняется регулирующей силе пролетарской диктатуры. В связи с этим и сами формы рыночных отношений претерпевают изменения, переходя от простейших, неорганизованных, стихийных сделок к системе контрактации и т. д. С другой стороны, с ростом социалистической индустрии рыночные формы связи все больше вытесняются производственными формами связи (колхозы), которые являются гигантским рычагом социалистической переделки крестьянства.

Таким образом, в программе Коминтерна рыночные отношения рассматриваются не в статике, а в динамике, не изолированно от других форм связи промышленности с сельским хозяйством, а именно в этой связи. В программе прямо сказано:

> «Чем больше удельный вес раздробленного крестьянского труда в общей экономике страны, тем больше об'ем рыночных отношений, тем меньше значение непосредственного планового руководства, тем в большей степени общехозяйственный план основывается на предвидении стихийно складывающихся хозяйственных отношений. Наоборот, чем меньше удельный вес мелкого хозяйства, чем значительнее доля обобществленного труда, чем могущественней концентрированные и социализированные массы средств производства,— тем меньше об'ем рыночных отношений, тем больше значение плана в сравнении со стихией, тем значительнее и универсальнее методы непосредственного планового руководства и в области производства и в области распределения».

А в другом месте это положение программы конкретизируется, показывается, как с ростом социалистических командных высот все большее значение приобретают производственные формы смычки, переходная ступень к полному обобществлению в сельском хозяйстве. В программе сказано:

> «Пролетариат выдвигает, наряду с дальнейшим развитием сбытовой, закупочной и кредитной кооперации, задачу непосредственного производственного и притом все более массового кооперирования крестьянства на базе коллективизма...»

Из сказанного видно, что рост социалистической индустрии и всей системы командных высот пролетарской диктатуры ведет не только к тому, что меняются об'ем и формы самих рыночных отношений, а и к тому, что наряду с рыночными отношениями начинают играть важнейшую роль производственные формы смычки, что все это в свою очередь ведет к все большему распространению организованного производства и распределения. В связи с этим в программе говорится, что рыночные отношения временны, что они в своем развитии несут собственную гибель:

> «Таким образом, рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры, при правильной политике со стороны советского государства, несут в своем развитии собственную гибель; способствуя вытеснению частного капитала, переделки крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства, они способствуют тем самым преодолению рыночных отношений вообще». (Программа КИ).

Так ставится вопрос о рыночных отношениях в программе Коминтерна. Совсем иначе трактуется он в «Комментариях». Авторы так озаглавили этот отдел: «Рынок и рыночные отношения в переходный период». Что же они говорят в этом отделе? Вот краткий конспект того, о чем в нем идет речь: 1) Рыночные отношения «немедленно ликвидировать невозможно», потому что а) другой формы хозяйственной связи нет и б) потому что эта ликвидация привела бы к хозяйственной размычке и разрыву между пролетариатом и бедняцким и середняцким крестьянством. 2) «Ликвидация рыночных отношений возможна лишь как результат овладения рынком со стороны социалистического сектора». 3) «Ликвидация рыночных отношений без предварительного овладевания ими может привести к хозяйственной размычке». 4) Чем более отсталая страна, «тем длительнее будет срок, которого потребует овладение рынком и ликвидация его». 5) Отказываясь от «немедленной ликвидации рыночных отношений» — нужно заставить их служить себе.

Вот самые главные из их рассуждений о рыночных отношениях в переходный период. Оказывается, что основной проблемой в переходный период по линии рыночных отношений является проблема предостережения от ликвидации рыночных отношений. Авторы, увлекшиеся пропагандой правой идеологии, перевернули все вверх ногами. Не сказав ни слова о том, каков характер развития рыночных отношений в переходный период, в чем их своеобразие, какова основная тенденция их развития,— они закатили истерику о хозяйственной размычке и политическом разрыве между пролетариатом и бедняцко-середняцким крестьянством. Забыв о том, что речь идет о рыночных отношениях в переходный период, они договорились до того, что исключают производственные формы смычки. Увлекшись фетишизацией рыночных отношений, их стихии, они забыли о регулирующей роли пролетарской диктатуры, о классовой борьбе, о классовом содержании проблемы рыночных отношений.

Нет необходимости долго останавливаться на этом паническом оппортунизме. Успехи социалистического строительства, колоссальные сдвиги в основной крестьянской массе в сторону коллективизации, невиданно бурный темп колхозного строительства, досрочное выполнение хлебозаготовок и т. д.,—все это оказалось возможным лишь благодаря разгрому правой оппозиции, дальнейшему укреплению союза пролетариата с основными массами крестьянства, значительному повышению руководящей роли пролетариата в этом союзе, решительному наступлению на капиталистические элементы, мощному развитию позиций социализма в стране.

Нет надобности также долго останавливаться и на классовой подоснове этих оппортунистических рассуждений. Они с особой яркостью отразили чаяния и интересы мелкобуржуазной стихии и кулацко-нэпманских элементов, которые прямо противоположны интересам пролетариата. Кулацко-нэпманские элементы против коллективизации, против наступления на капиталистическую стихию, против регулирования рыночных отношений и перевода последних на высшие ступени, против производственной формы смычки и т. д. и т. п. Они за то, о чем пишут в своих «Комментариях» правые уклонисты, и они, прежде всего, за сохранение рыночных отношений в таких формах, какие выгодны капиталистическим элементам. Авторы «Комментариев» невольно выполнили этот социальный заказ капиталистической стихии нашей страны. Не менее ярко агитируют они за кулака и в следующем вопросе, где речь идет о путях развития крестьянства к социализму. Авторы намечают такие пути дальнейшего развития крестьянства к социализму, которые, с одной стороны, не включают в себя колхозов и вообще коллективизации, а с другой стороны, включают в себя кулака, врастающего в социализм.

В противовес программе Коминтерна, в которой заключена та мысль, что столбовой дорогой социалистического развития деревни является кооперативный план Ленина, охватывающий не только низшую форму сельскохозяйственной кооперации (снабженческо-сбытовая), но и высшую (производственно-колхозная),— авторы «Комментариев» выдвигают такой путь, в котором нет места производственно-колхозным формам кооперации.

В противовес программе Коминтерна, в которой подчеркивается необходимость все усиливающейся борьбы с капиталистическими элементами, авторы целиком стоят на платформе врастания кулака в социализм. Они заканчивают свой раздел такими красноречивыми указаниями:

> «при проработке этого раздела полезно также перечитать книгу Бухарина «Путь к социализму».

Очень полезно... для кулака подобное методическое указание авторов «Комментариев».

IV.

«Комментарии», ревизуя программу КИ, защищают платформу реставрации капитализма в СССР. В пятом разделе программы с особой силой и четкостью заострен удар и против контрреволюционного троцкизма и, главным образом, против правого оппортунизма, которые, в конечном счете, одинаково ведут к реставрации капитализма. На ряду с тем утверждением, что в нашей стране есть все необходимое для построения социализма, утверждением, направленным против самого главного и решающего тезиса троцкизма,—в программе выдвигают такие положения, которые бьют всей своей силой и по правой опасности. Во-первых в программе говорится о необходимости быстрого темпа индустриализации. Во-вторых, в программе говорится о под'еме производительных сил сельского хозяйства, а не о его деградации. В-третьих, в программе говорится о заострении классовой борьбы в СССР и об усилении наступления на капиталистические элементы города и села. В-четвертых, в программе говорится о необходимости максимального развития колхозов и совхозов. Уже из сказанного видно, что основной огонь в программе направлен против правой опасности. Комментаторы всячески обходят эти места или по-своему трактуют их, завершая свою программу реставрации капитализма в СССР. Достаточно остановиться только на двух моментах, чтобы убедиться в этом: на об'яснении комментаторами трудностей социалистического строительства и на том, что говорится в «Комментариях» об индустриализации. Трудности нашего социалистического строительства сводятся в «Комментариях» исключительно к товарному голоду, к недостатку промтоваров. При чем вопрос так ставится, чтобы подвести читателя к правооппортунистическому требованию увеличения темпа легкой индустрии за счет снижения темпа тяжелой. Именно в таком духе дается и об'яснение причин этих трудностей. В то время как в программе трудности социалистического строительства об'ясняются, в основном, технико-экономической отсталостью страны, обострением классовой борьбы, капиталистическим окружением,—в «Комментариях» они об'ясняются «быстрым темпом нашего роста». Уже отсюда следует вывод о необходимости свертывания темпа индустриализации, свертывания социалистического строительства. Не трудно заключить, с какой неумолимостью вытекает из правых программных комментариев реставрация капитализма.

Еще очевиднее эта реставрация вытекает из того факта, что в «Комментариях» не нашла места идея... индустриализации нашей страны.

В «Комментариях» ничего не сказано о задачах индустриализации. Индустриализация оказалась забытой. И это не случайно. Это не недосмотр, а составное звено правого оппортунизма.

Начав с пересмотра основных положений программы Коминтерна в области анализа мирового капитализма и международного революционного движения, который привел правых комментаторов к капитуляции перед социал-демократической идеологией,— авторы «Комментариев» в ревизии основных проблем переходного периода и социалистического строительства в СССР скатились в об'ятия кулацко-нэпманской стихии, скатились к капитуляции перед капитализмом, выдвинув платформу его реставрации.

V.

Остановимся, в заключение, на ликвидаторстве правых в вопросах революционной стратегии и тактики, которое вытекает и органически увязано со всей платформой правого уклона, изложенной в «Комментариях». Шестой раздел программы имеет крупнейшее значение. Если первый и второй разделы дают общую оценку капитализма и основных тенденций его развития в настоящее время, то в шестом разделе говорится о том, что Коминтерн и компартии, учитывая положение капитализма, должны руководить революционной борьбой рабочего класса.

В соответствии с такой оценкой капитализма, который вступил в общий кризис своего существования, шестой раздел основное внимание уделяет тому, как готовить массы к революции. Эта задача и разрешена блестяще в шестом разделе. В нем нашли место основные мысли Ленина, посвященные стратегическим и тактическим вопросам борьбы за власть.

Начиная с борьбы с враждебными идеологиями в рабочем движении и среди колониальных народов, которая своей основной целью имеет преодоление этих идеологий, устранение этого тормоза революционизирования масс, — программа под углом зрения борьбы за власть рассматривает и стратегические, и тактические задачи. В этом же общем контексте рассматривает программа и работу компартий в момент отсутствия революционного под'ема, которая своей основной целью имеет постепенную подготовку масс к боям за власть. Таков решающий стержень шестого раздела программы.

Однако этот основной стержень не нашел места в «Комментариях».

В «Комментариях» совсем ничего не говорится о партии, как «революционной организации», как пролетарском авангарде, целиком преданном революции, как организации «пролетарско-революционного действия» и т. п.

В «Комментариях» ничего не говорится об основных стратегических задачах Коминтерна и, в частности, об «осуществлении гегемонии пролетариата над широкими кругами трудящихся масс».

В «Комментариях» ничего не говорится о тактической линии компартий и, в частности, не приведены те замечательные места, которые характеризуют тактические задачи в момент наличия революционного под'ема.

В «Комментариях» ничего не говорится о том, как в связи с изменением ситуации переходить от одних форм работы к другим.

В «Комментариях» ничего не говорится о борьбе с уклонами в коммунистическом движении и особенно о борьбе с правым уклоном и примиренчеством.

В «Комментариях», наконец, ничего не сказано о координации и руководстве Коммунистическим Интернационалом революционной борьбой всех компартий. Об этом самом главном в «Комментариях» ни слова.

О чем же тогда идет речь в «Комментариях»? Рассказав путанно о месте раздела в программе, сказав о враждебных идеологиях в рабочем движении,— «Комментарии» неправильно охарактеризовали суть социал-демократии, совсем не указав ее контрреволюционной сути, не разоблачив особенно вредной предательской роли «левого» крыла социал-демократии. Рассказав о задачах компартии в колониях и полуколониях, «Комментарии» говорят несколько фраз (и то путанных) о завоевании масс, о борьбе с военной опасностью и более подробно останавливаются на частичных требованиях.

В «Комментариях», таким образом, говорится исключительно о задачах, связанных с отсутствием революционного под'ема. Основные революционные принципы большевистской стратегии и тактики оказались выхолощенными в «Комментариях».

Это не случайно. Здесь завершается ликвидаторская установка авторов в вопросах общего кризиса капитализма. В полном соответствии со своим утверждением о ликвидации общего кризиса капитализма, правые комментаторы ликвидировали в своих «Комментариях» и те революционные задачи, которые зафиксированы в шестом разделе программы и являются особенно актуальными сейчас, в связи с нарастанием нового революционного под'ема.

Таковы главнейшие черты правооппортунистических «Комментариев». Это не комментарии к программе Коминтерна, а принаряженная под программу КИ платформа правой оппозиции. Это — генеральная ревизия программы Коминтерна, это — пропаганда правого оппортунизма.

И. Минц.

Год великого перелома и русская эмиграция.

Давно стало общеизвестным, что каждый новый успех в социалистическом строительстве есть в то же время новый шаг в развитии мировой революции. Империалистская буржуазия великолепно понимает, что в числе факторов, ускоряющих подготовку суб'ективных предпосылок мировой революции—революционное сознание и боевая активность пролетариата—победоносное строительство социализма играет важнейшую роль.

Недаром всякий раз, когда волна социалистического строительства вздымается все выше, раздаются громче и чаще призывы к интервенции: гибнущий класс остро чувствует, насколько быстро и глубоко вдохновляется революционной страстью мировой пролетариат, в частности под влиянием успехов социалистического строительства в СССР. Налет на Китайско-Восточную ж. д., несомненно, был если не генеральной, то во всяком случае серьезной репетицией интервенции, а попытка сколотить 50 государств вокруг вмешательства в советско-китайский конфликт уже очень напоминала союз 14 государств, организованный Черчиллем в 1919 г.

Конечно, дипломатическая интервенция еще далеко не военная, но ведущаяся сейчас антисоветская кампания отнюдь не носит характера очередного всплеска,—напротив, это давно рассчитанный и подготовленный поход. Чего стоит один факт открытого посещения Керенским и Милюковым фракций социалистов и радикал-социалистов французского парламента, где оба экс-лидера сделали политические доклады с призывом к интервенции. Когда политический представитель Деникина генерал Головин в 1919 г. в разгар гражданской войны делал доклад в английском парламенте, то самое заседание носило сугубо секретный характер. Теперь же в Париже присутствует посол «дружественной державы», а антисоветские доклады произносятся открыто в здании французского парламента. Не случайно в Польше и Румынии так часто появляются англо-французские инструктора, а Межсоюзническая комиссия подкармливает до 2 млн. русских белогвардейцев, из которых большая часть до сих пор организована на полувоенный образец. Не случайно оправдание парижским и берлинским судами активных белогвардейцев и фальшивомонетчиков, открыто выступавших против СССР. Не случайна и та наглая антисоветская кампания, которая ведется вокруг исчезновения генерала Кутепова и т. д.

С этой стороны процессы, происходящие в белой эмиграции, имеют не только курьезный характер, и дают материал не только для фельетона и литературных пустячков, но и носят актуально политический характер.

Года три назад, как только выяснились крупнейшие успехи восстановительного периода, а вместе с тем, и более быстрое революционизирование западно-европейского рабочего класса, раньше всех зашевелились те, которые загодя чуют добычу: белая эмиграция заговорила об интервенции. Однако, не все слои одинаково отозвались на процессы, происходившие в Советском Союзе [1].

Правые группы, отражавшие в основном интересы крепостников-помещиков, безоговорочно стали на путь интервенции, при том сохранив свою старую программу: «за веру, царя и отечество». Единственное изменение в этой программе состояло в том, что они глухо обещали разрешение национального вопроса, главным образом, для Польши и Кавказа (хозяева, ведь, давно решили его не в пользу «единой, неделимой России»), да признали землю за крестьянами, правда, за выкуп, по крайней мере, по 30 копеек за рубль. Во всем остальном программа осталась старой; борьба за «престол-отечество», как в свое время язвительно характеризовал трехчленную формулу Козьма Прутков.

Буржуазные круги, политически представляемые Милюковым, незадолго перед этим попытались отгородиться от генеральной контрреволюции. Опыт гражданской войны в результате поражения контрреволюции показал, что гегемония крепостника-помещика ведет к реставрации старых общественных отношений, а вместе с ними к возвращению и всех старых противоречий между помещиками и крестьянами. Во всех контрреволюционных образованиях решающая сила революции (решающая не в смысле определения характера революции, а в смысле исхода борьбы)—крестьянство в подавляющей своей массе пошло за пролетариатом в его борьбе против контрреволюции и тем определило победу пролетарской революции. Оставить гегемонию в грядущей интервенции за старым классом крепостников-помещиков означало для буржуазных групп повторение гражданской войны со всей ее классовой расстановкой, а значит и ее печальным успехом. Именно во избежание этого повторения Милюков, подводя итог революции, которая совсем недавно подвела итог контрреволюции, организовал республиканско-демократический союз, направленный против монархического крыла контрреволюции.

Первые же звуки интервенции, однако, показали, насколько шатки позиции нового союза и на что, собственно, рассчитан был новый маневр. «Формулы: ни Колчак, ни Ленин—я никогда не разделял»,—заявил Милюков, подчеркнув вместе с тем, что в случае новой интервенции, он повторил бы свою тактику 1918 г., т.-е. антисоветскую борьбу под гегемонией крепостников-помещиков.

Мелкобуржуазная контрреволюция, на консолидацию сил которой и рассчитывал Милюков своим маневром, как и во всякий критический момент заколебалась. Некоторая часть ее безоговорочно присоединилась к лозунгу активной интервенции, основная же масса выступила против старого лозунга и старой тактики.

Успехи восстановительного периода нашего строительства внесли раскол в русскую эмиграцию и об'яснение этого раскола надо искать в оценке характера и перспектив экономического строительства Советского Союза.

В 1927 г. в эмиграции вышла книга кадетского экономиста под громким названием: «К социализму или капитализму?» [2]. Анализируя успехи восстановительного периода, автор ее С. О. Загорский приходит к следующему выводу:

> «За последние 5 лет вновь восстановлены все старые общественные классы, составляющие характерную черту и основу буржуазно-капиталистического строя» (стр. 292); «под прикрытием планового хозяйства происходит усиление и укрепление частно-капиталистических форм хозяйства» (стр. 287).

Во всем бурном процессе первого периода новой экономической политики кадетский экономист видел только один результат—абсолютный рост

---

[1] См. нашу статью: «В белой эмиграции», «Большевик» № 6 за 1927 г.

[2] Издание Республиканско-демократического союза. Б-ка «Свободной России». (Неоговоренный курсив всюду принадлежит мне. *И. М.*).

капиталистического сектора нашего хозяйства. В каком отношении находится этот рост к общему росту хозяйства, как развивается «плановое хозяйство», каковы перспективы борьбы этих двух начал,— все эти вопросы не существуют для белогвардейского экономиста. «В России все есть по-старому, только чуть похуже»,—так сформулировал его вывод известный белогвардеец Шульгин, попавший в СССР и успевший пару раз пообедать в киевской харчевне.

> «Советская власть,— кончил свою работу Загорский,— выполнила свою об'ективную миссию,— она завершила социальную революцию в России. Не ту, которую она демагогически обещала массам, а ту, которая нужна была России для ее дальнейшего экономического и политического развития. Она вызвала к жизни новую буржуазию, она создала в лице прежде всего крестьянства, а затем советской интеллигенции, чиновничества, частного хозяйственника, ту мелкую буржуазию в подлинном смысле, те средние классы, отсутствие которых составляло раньше слабость общественного, экономического и политического уклада России...» (стр. 304).

Оставим в стороне крайне интересное, но запоздалое признание необходимости революционного «очищения» России. Краткая суть рассуждений Загорского: советская власть выполнила то, что не по плечу было буржуазии: она расчистила «Авгиевы конюшни» старого порядка, уничтожила все препятствия и препоны для свободного капиталистического развития. Но советская власть сделала свое дело, советская власть может уйти,—таково то общее признание, на котором сошлась вся контрреволюция.

Но как уйти?—вот вопрос, вызвавший раскол в ее среде. Помещичьи-буржуазные группы ответили на вопрос призывом к активной интервенции, мелкобуржуазная контрреволюция ответила предложением ждать логического завершения капиталистического развития России и даже вызвалась помогать советской власти в этом процессе восстановления капиталистической России.

Но вот прошло три года. Восстановительный период, в котором рост капиталистических элементов являлся, хоть и неизбежным, но побочным продуктом, подвел к необходимости коренной реконструкции всего хозяйства: страна вступила в новый период, когда в качестве главного лозунга, главной задачи, выдвигается задача ликвидации самой почвы, рождающей капитализм, т.-е. задача ликвидация кулака как класса. Бурный рост социалистических элементов сразу показал, куда идет развитие страны под руководством советской власти. Исчезли всякие разговоры о капиталистическом развитии России и растаяли, как тает снег на солнце, все надежды на «усиление и укрепление частно-капиталистических форм хозяйства под прикрытием планового начала».

> «Ростки капитализма,— уныло подводит итог анализу нового этапа хозяйственного строительства экономист Б. Бруцкус [1], появившиеся в период нэпа не развились. Они и не могли развиться, ибо капитализм совсем не есть бурьян, который растет в каждом грязном углу. Это очень сложная и нежная организация, и необходимой ее предпосылкой является правовое государство. Только западно-европейская цивилизация создала правовое государство, и потому только в ее рамках мог развиться капитализм. Но последний не имеет почвы под диктатурой коммунистической партии, как он не имел почвы под режимом турецких султанов. Пришел момент, власть выполола все ростки капитализма,— «своя рука владыка».

Совсем недавно тот же Бруцкус доказывал, что советская власть собственными руками восстанавливает капиталистические элементы, что капитализм быстро развивается под покровом «диктатуры коммунистической партии», в данном случае об'ективно выполняющей те задачи, какие не могла выполнить буржуазия. А сейчас все эти рассуждения об'ясняются каким-то странным навождением, ибо при режиме диктатуры вообще невозможно произрастание нежного капиталистического растения.

---

[1] «Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы». «Современные записки», XXXVIII, 1929 г., Париж.

Мало того. Оказывается, что самые надежды на возможность капиталистического развития России основаны были на недоразумении.

> «Кто кого»,— продолжает Бруцкус,— этот вопрос Ленин поставил в начале нэпа. Победят ли «социалистические» элементы ростки капитализма, или последние одолеют «социализм»? Сохранив незыблемой диктатуру пролетариата, Ленин предрешил ответ. Решение вопроса пришло, может быть, скорее, чем Ленин себе это представлял и считал целесообразным» [1]).

Увы! В своем ретивом рвении разделаться с обманутыми надеждами, экономист не у дел обогнал самые радужные оценки. Пока еще ни один коммунист, если не считать несогласных с партийной линией, не утверждал, что вопрос «кто кого?» уже снят жизнью. Несомненно, что перспективы борьбы стали более определенными, но борьба еще не снята, напротив, именно сейчас кипят обостренные схватки вокруг решения вопроса, ибо только в беспощадной классовой борьбе решается он в пользу социализма.

Важно, однако другое—и это как раз характеризует общее настроение белой эмиграции—признание, что социалистическое развитие обогнало элементы капитализма, что надежды на победу капитализма в России оказались разбитыми.

Что же происходит в России?

> «В своем стремлении,—пишет Бруцкус [2]),—быстрым темпом индустриализировать страну и значительно улучшить положение рабочего класса, советская власть довела развитие «планового» хозяйства до конца и опять уничтожила те автоматические регуляторы народного хозяйства, которыми оно еще располагало в частном хозяйстве... С победой Сталина на последней партконференции Россия опять вступила в катастрофический период своего развития. Выход из создавшегося положения без серьезного политического сдвига, становится невозможным».

Короче. Россия опять возвращается на путь военного коммунизма,—такова характеристика момента, переживаемого нашей страной.

И это—лейтмотив, который наигрывают буквально все группы русской эмиграции, начиная от монархистов, кончая меньшевиками.

> «Политика коммунистической партии,— пишет, например, тот самый кадетский экономист Загорский, который недавно торжествующе заявил: Россия идет к капитализму! [3])—развивается сейчас совершенно закономерно. Но эта закономерность является результатом не столько определенной программы и сознательного намерения, сколько стихии «военного коммунизма». Последний имеет свою логику. Раз начавшись в одной области он должен быть доведен до своего логического конца, заключающегося в его крушении... В настоящее время мы присутствуем при том же логическом развитии аналогичного процесса... Результатом будет и на этот раз новое и, надо надеяться, на этот раз окончательное крушение всей системы принудительного коммунизма».

Россия повернула от нэпа к «военному коммунизму», — так изо дня в день твердит пресса эсеров, и, буквально повторяя кадет, заливаются в том же тоне меньшевики.

> «...Вновь, как в 1918 — 1920 гг.,— пишет меньшевистский теоретик А. Югов [4]),—советская власть пытается «перехитрить историю», «обмануть классы» и осуществить в России немедленный социализм и вновь возрождаются методы, формы и быт «военного коммунизма»,— в одних отраслях народного хозяйства быстрее, в других медленнее, но повсюду с изумительной закономерностью... То, что страна сейчас переживает, что так волнующе напоминает 1918—1920 гг.,—лишь неизбежное следствие этой политики, первые симптомы распада».

Общий ход рассуждений всех белых авторов, независимо от их партийной принадлежности, настолько одинаков, что нам нет надобности приводить все их доводы. Достаточно остановиться на одном авторе, чтобы тем самым дать представление о взглядах всей эмиграции. Мы выберем для этого наиболее «левую» группу, до сих пор пытающуюся провести водораздел между собой и остальными эмигрантами, чтобы показать, насколько единодушен теперь белый хор не только в отношении к диктатуре пролетариата,—тут белая эмиграция всегда была единой,—но и в оценке современного характера и перспектив развития советского хозяйства.

Советские историки,—так рассуждают меньшевики в уже упомянутой сводной статье,—всегда утверждали, что «военный коммунизм» был вызван интервенцией и гражданской войной. Но сейчас нет ни империалистической, ни войны гражданской, а Россия между тем неудержимо катится по рельсам «военного коммунизма». Почему? Потому что перед режимом коммунистической диктатуры есть только две возможности: либо возрождение страны на капиталистических началах, а значит и ликвидация диктатуры, либо «возрождение утопии немедленного социализма в городе и деревне, политика, характерная для периода «военного коммунизма». Советская власть не захотела итти по первому пути и, немного потоптавшись на нем, стремительно перешла к «утопии немедленного социализма».

История,—продолжают меньшевики,—однако, уже дала нам возможность проверить, куда ведет второй путь: «военный коммунизм» крахнул. Разруха охватила тогда в 1918—1920 гг. прежде всего обмен и распределение, нарушила снабжение городов и торговлю промышленными изделиями, захватила денежное хозяйство и, нарушив транспорт, поползла, как по каналам, во все области страны. Затем звено за звеном, как по цепи, разруха ударила по производству, сначала связанному с крестьянской рабочей силой—топливо, лесозаготовки,—перебросилась потом в производство, работающее на сельскохозяйственном сырье и, наконец, твердо осела в тяжелой промышленности.

Сейчас история повторяется. Вследствие увеличения перевозок, хлебозаготовок, введения непрерывки и т. п. дезорганизуется транспорт, а попытка советской власти расстрелом специалистов приостановить дезорганизацию, как и в 1919 г., только усилит распад транспорта.

Дровозаготовки из-за преследования частных хлебозаготовителей, ухудшения продовольствия и уменьшения в силу этого рабочих рук — срываются.

> «Транспорт и лесозаготовки,— пишет автор,— уже явно лихорадят из-за политики «левого курса». В других отраслях промышленности так же немало ненормальностей и прямо болезненных явлений, но их причинная связь с политикой «левого курса» еще не может быть достаточно отчетливо доказана, хотя и часто несомненна».

Но наиболее полно отменен нэп,—продолжает автор вслед за всей белой прессой,—и в наиболее чистом виде восстановлены методы «военного коммунизма» в деревне. Сдача всех излишков, принудительная коллективизация, контрактация, являющаяся «кабальной формой предварительной скупки хлеба—до выяснения рыночных цен»—все это уже привело к тому, что посевная площадь растет только за счет совхозов и колхозов, что товарного хлеба становится все меньше, резко пало животноводство и производство сельскохозяйственного сырья.

> «Явления хозяйственного кризиса, связанные с «левым курсом»,— так подводит итог своим рассуждениям автор,— не менее отчетливо проявляются в области финансовой и в торговле продовольственными и промышленными товарами...».

---

[1]) «Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы», стр. 421.

[2]) «Современные записки», XXXIX, стр. 473.

[3]) «Коготок увяз—всей птичке пропасть». «Последние Новости» от 30 июля 1929 г.

[4]) «Экономические последствия отмены нэпа». «Социалистический Вестник», № 21.

> «Мы показали, как почти во всех областях народного хозяйства растут и множатся признаки возврата к методам «военного коммунизма» и как подобно гангрене, хозяйственный кризис, порождаемый утопической политикой, захватывает транспорт, топливо, торговлю, финансы, сельское хозяйство и подбирается уже к промышленному производству».

Такова, по оценке белых теоретиков, схема катастрофы, к которой идет Советская Россия.

В этой связи любопытно то, опять-таки, единодушие, с которым эмиграция оценивает правую оппозицию в партии.

> «Боязнь катастрофы,— пишет меньшевик [1]),— и есть та причина, которая вызвала к жизни правую оппозицию в ВКП и которая все обостряет ее борьбу против современной политики советской власти».

А С. Н. Прокопович, выпускающий специальные бюллетени о состоянии советского хозяйства, в свою очередь оценивает правых:

> «Эту опасность видит нынешняя «правая оппозиция», или «правый уклон» в коммунистической партии, и относится крайне отрицательно к «пятилетнему плану»... Советская печать презрительно характеризует позицию правых формулой «по одежке протягивай ножки». Они действительно считают, что вместо того, чтобы проявлять «безумство храбрых» в экономическом строительстве и затевать по существу авантюристический план индустриализации в одно пятилетие, лучше итти к индустриализации страны более медленными, но более верными и менее опасными шагами. Они считают также довольно иллюзорными планы превращения мужика в коллективиста при посредстве тракторных станций и находят нужным прежде всего создать условия для более нормального развития индивидуального крестьянского хозяйства, для прекращения того процесса деградации деревни, который ныне происходит.
>
> Едва ли голос «правых» в данном случае не есть голос разума» [2]).

Вернемся, однако, к схеме белых.

Россия неудержимо становится на путь «военного коммунизма», но «военный коммунизм» был ошибкой, привел поэтому страну к гибели, избежать которую удалось лишь благодаря возврату к капиталистическому способу ведения хозяйства, и к такой же гибели, на сей раз бесповоротно, приведет страну новое повторение старой ошибочной системы «военного коммунизма»,—таков логический ход рассуждения белой прессы.

Схема довольно стройная, но как и всякая схема, построенная лишь на логических ухищрениях и сомнительных исторических аналогиях,—эта схема возведена на песке.

Прежде всего, ни один большевистский писатель не утверждал, что «военный коммунизм» был ошибкой. Вовсе нет. «Военный коммунизм» был совершенно правильной, конечно, не считая перегибов, и единственно возможной экономической политикой в тех условиях, в которых находилась тогда Советская Республика.

Он был, несомненно, ответом на гражданскую войну и интервенцию, но ответом класса, строящего социализм; отбиваться от врагов, при этом, не отказываясь от политики продвижения к социализму, можно было только на рельсах «военно-коммунистической» системы.

Но ошибкой было бы считать, что «военный коммунизм» и есть, вообще, единственно правильный путь к социализму.

«Военный коммунизм» был совершенно правильной системой, ошибочными же были иллюзии, согласно которым это и есть единственно возможный путь к социализму вообще. Это раз.

А во-вторых, и это основное,—в современной политике советской власти нет, кроме поверхностного сходства некоторых явлений, ни одного основного элемента, характеризовавшего «военный коммунизм». Непонимание этого обстоятельства составляет как раз одну из решающих ошибок правой оппозиции.

Современная политика разворачивается на фоне несравненно более высокого уровня производительных сил, чем это было в 1918—20 гг. после трех лет империалистической войны и хозяйничания капиталистов, после разрухи, голода, в обстановке напряженнейшей гражданской войны.

Наше хозяйство не только далеко вышло за довоенный уровень, но внутри его произошли резкие качественные изменения, выдвинувшие вперед мощную социалистическую индустрию, ведущую за собой всю нашу хозяйственную систему.

С другой стороны, характерным признаком «военного коммунизма» была потребительная уравнительность. Мы раскулачивали кулака, отбирали у него средства производства и пускали их в раздел между беднотой и низшими слоями середнячества. Современное же раскулачивание, имеющее целью уничтожение кулака как класса, предполагает обобществление его средств производства, а не дележку, не распыление его между мелкими единоличными производителями.

«Военный коммунизм», наконец, оставлял в основном нетронутым распыленное, мелкое и мельчайшее хозяйство, сохраняя миллионы, десятки миллионов индивидуальных хозяйств и, хоть и затруднял капиталистическое развитие, но, по существу, оставлял тем самым широчайшую базу для развития капитализма. В настоящий момент мы вплотную приступили к ликвидации самой почвы, ежечасно в массовом масштабе рождающей капитализм, мы принялись за коренную социалистическую переделку деревни, за обобществление и превращение в крупное социалистическое земледелие мелких и мельчайших хозяйств.

Только люди, принимающие формальное сходство и притом только на первый поверхностный взгляд, за сходство по существу, могут говорить о «военно-коммунистическом» характере нашей современной политики, как это делали правые.

Но если у последних это—результат неправильной, неленинской оценки, недиалектического подхода к современному конкретному ходу вещей и сползание поэтому на чужие классовые позиции, то у белой эмиграции это—сознательный расчет, определяющий и новые сдвиги в их тактике.

Эти новые сдвиги характеризуют как раз мелкобуржуазные слои контрреволюции и раньше всего меньшевиков и эсеров. Раз Россия стала на путь «военного коммунизма», а путь этот кончился катастрофой, то и сейчас следует готовиться к грядущей неминуемой гибели советской власти.

> «Нельзя,— гласит передовица меньшевистского «Социалистического Вестника» [1]), — и не нужно пророчествовать о сроках. Но сомнения быть не может: большевистская диктатура катится к кризису... Нет поэтому сейчас для социал-демократии более важной задачи, чем будить революционную энергию и политическую активность рабочих масс: рабочие массы должны, выражаясь словами Энгельса, «знать, о чем идет речь»! Они должны подать свой голос!».

Меньшевики, которые охотно принимали участие в контрреволюции, но сами активно не взывали к интервенции, сейчас выступают в роли зачинщиков интервенции, активно призывают к восстанию, пытаются возглавить антисоветское движение. И в этом, именно, и заключается весь интерес сдвига в эмиграции.

Первыми отозвались на этот сдвиг эсеры, с которыми меньшевики, как с «братской партией», дружно сотрудничали в годы борьбы с советской властью.

---

[1]) «Соц. Вестник», № 21.

[2]) Бюллетень экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Год 6. № 70, 1929 г. Стр. 19.

---

[1]) «Великий канун» в № 5 «Соц. Вестника».

> «Не предсказывая срока крушения большевиков,— говорил Керенский в своем докладе на тему: «После XVI конференции ВКП»,— мы обязаны в соответствии с настроениями в России нашу политику выжидания заменить политикой действия, или, правильнее, содействовать живым борющимся с диктатурой внутри страны силам».
>
> «Мы,—писал этот же Керенский об эсерах и меньшевиках после появления меньшевистской статьи «Великий канун»,—идем «в одном направлении» и могли бы поэтому быть «естественными союзниками» [1]).

Но сдвиг в мелкобуржуазной контрреволюции заметили и в другом лагере. Кадетские «Последние Новости» отозвались на сдвиг особой статьей: «Веления великих канунов».

Приведя недавнюю статью вождя меньшевиков Ф. Дана, в австрийском органе «Дер Кампф», упорно проводившего водораздел между социал-демократией и буржуазной контрреволюцией, и пожурив Дана за излишний «пафос всесторонней капиталистической реставрации»—(картина! матерой буржуа упрекает «социалиста» в излишней буржуазности!)—кадетский передовик продолжает:

> «Важно то, что на самом левом крыле эмиграции формулируются тактические и программные задачи, могущие и в значительной мере уже являющиеся достоянием широкого республиканско-демократического и социалистического фронта...
>
> А если это так, если дни диктатуры большими дозами быстро сокращаются, то эта общность тактических воззрений и программных задач ближайшего периода обязывает к каким-то практическим выводам, как в эмиграции, так и в России. Нужно какое-то сочетание сил всех достойных упоминания общественных группировок демократии и социализма».

Даже монархисты, от которых так тщательно отгораживался Дан, протягивают свои об'ятия мелкобуржуазной контрреволюции:

> «Ныне оказывается,—отмечает их орган [2]),—что даже русские участники II Интернационала становятся на такую почву, на которой, сказавши первое слово, непременно придется сказать и последнее».

Если ко всему этому прибавить, что генерал Кутепов (тот самый!) отгораживается от излишеств зарубежного монархизма [3]), то социальный смысл сдвигов, происшедших в белой эмиграции, выступит в совершенно ясном свете: единый фронт от лидеров II Интернационала до вождей монархизма, от мелкобуржуазной контрреволюции до буржуазной реакции и крепостнической реставрации,—таков отзвук в русской эмиграции процессов, идущих в Советском Союзе.

Три года назад бурный всплеск социалистического строительства восстановительного периода вызвал волну интервенционных попыток. Но именно самый характер эпохи,— восстановительной,— оставляющий место для надежд на возврат к капитализму, вызвал раскол в белой эмиграции.

Известные группы, главным образом, мелкобуржуазная контрреволюция, к тому же вынесшая на себе всю тяжесть поражения в гражданской войне, высказалась против активной интервенции, за выжидание результатов процесса сползания Советского Союза к капитализму.

Современные успехи социалистического строительства снова вызвали интервенционный отзвук. Империалистская буржуазия уже давно находится в заколдованном кругу, мечась в попытках разорвать его. Чтобы усидеть в седле, откуда ее вышибает все более революционизирующийся пролетариат, его нужно взять крепко под уздцы, зажать его в кулак, сломить его революционное настроение. Но для этого нужно свалить Советский Союз, чей грандиозный пример социалистического строительства в очень большой степени способствует революционизированию западно-европейского пролетариата.

А раздавить Советский Союз можно лишь прибрав к рукам свои рабочие массы, лишь подавив их революционную энергию.

Выйти из этого заколдованного круга можно только порвав его.

Империалистская буржуазия, не прекращая своего наступления на рабочий класс, как раз сейчас особенно бурно вступающего в революционную ситуацию, главное свое внимание направляет против социалистической республики, против Советского Союза. Со всех концов мира несется крик: распни его! Во всех капиталистических странах ведется бешеная травля против республики труда, травля, своим шумом скрывающая конкретную подготовку к интервенции и в то же время создающая все предпосылки к открытой интервенции. Всюду, где только имеются остатки белой эмиграции, идет бешеная мобилизация сил.

Нынешние успехи нашего строительства вызвали опять призыв к активной интервенции. Но на этот раз самый характер успехов, не оставляющий надежд на капиталистическую реставрацию, не раскалывает, а сплачивает все слои белой эмиграции. Опираясь на выросшую мощь социалистической индустрии, на выросшее сознание пролетариата, на полную поддержку бедноты, на тесный союз с широчайшими середняцкими массами, мы приступили к ликвидации кулака как класса, к бурной коллективизации деревни и уничтожению самой почвы, рождающей капитализм, и тем отбрасываем в лагерь враждебных сил все и всякие элементы, связанные с частной собственностью.

Консолидация всех контрреволюционных сил, навстречу которым тянутся ликвидируемые нами кулацкие слои — таковы сдвиги в стане белой эмиграции, вызванные годом великого перелома, такова та реальная опасность, которая прямо угрожает нашим успехам.

Но эта же консолидация всех контрреволюционных сил — об'ективное свидетельство тому, что мы ведем действительно последний и решительный бой, что мы не только штурмуем, но ликвидируем и выкорчевываем самые корни капиталистических отношений.

---

[1]) «Дни» от 15 декабря 1929 г.

[2]) «Возрождение», от 18 декабря 1929 г.

[3]) Не в этом ли следует искать разгадку таинственного исчезновения Кутепова?

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„Академический“ Маркс.

(По поводу русского издания переписки Маркса и Энгельса (соч., т. XXI)) *).

Наконец-то стала выходить на русском языке переписка Маркса и Энгельса, при том с восстановлением всего пропущенного и отрезанного Бернштейном в прежнем немецком издании. Русским читателям была доступна до сих пор лишь та часть писем Маркса и Энгельса, которая вошла в сборник, составленный тов. Адоратским. Однако из помещенных там отрывков нельзя было получить полного представления ни о богатстве содержания переписки, ни об имеющихся в сборнике пробелах.

Первый том включает письма с 1844 по 1853 гг. и охватывает таким образом период предреволюционного под'ема, революцию 1848—1849 гг. и начало последовавшего за ней периода реакции. Политическая деятельность Маркса и Энгельса в 1848 — 1850 гг. отразилась здесь меньше всего: в это время они или работали вместе или находились в условиях не допускавших регулярной переписки. Годы 1844 — 1848 представлены только письмами Энгельса, из писем Маркса сохранилось лишь одно. Поэтому организационная работа по созданию «Союза коммунистов» освещена, так сказать, сбоку, ибо руководящая роль в ней принадлежала именно Марксу. Ярко обрисовывается зато процесс перехода от интеллигентского «истинного социализма» к научному коммунизму, проделанный Энгельсом во время его работы вместе с Марксом над «Немецкой идеологией» в 1845 г. и затем на практической работе среди немецких полупролетариев в Париже. Кроме систематических отчетов об этой работе в письмах Энгельса имеются некоторые данные и о «Рабочем союзе» в Брюсселе и о лондонских с'ездах, на которых была оформлена организация «Союза коммунистов».

С ноября 1850 г., когда Энгельс расстался с Марксом, переселившись в Манчестер, их переписка становится регулярной. Она содержит много материала для характеристики раскола в «Союзе коммунистов» и быстрого растворения отколовшейся «левой» фракции Виллиха-Шаппера среди буржуазной демократии.

Из области международных связей Маркса и Энгельса более полно очерчены сношения с французскими социалистическими группировками в предреволюционный период, а в последующие годы — их участие в английском чартистском движении. В письме Энгельса от 18 марта 1852 г. мы находим интересную характеристику политической линии, которую они проводили в этой работе. Он пишет:

> «Джонс (один из вождей чартистов. *К. К.*) стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу и не узнал бы, каким образом можно, с одной стороны, не только сохранить инстинктивную ненависть рабочих против промышленных буржуа — этот единственно возможный базис для реконструкции чартистской партии, — но даже усилить ее, развить и положить в основу просветительной пропаганды, и в то же время, с другой стороны, быть прогрессивным, выступать против реакционных вожделений рабочих и их предрассудков».

По французской линии нужно отметить материал относительно Луи Блана. В конце 1848 г. Энгельс стремился заключить с ним политический союз, заявляя о согласии «во всех практических и актуальных вопросах». В то же время он пишет Марксу о необходимости теоретической критики произведений Луи Блана. В 1851 г. вопрос о критической работе против Луи Блана вновь подвергается оживленному обсуждению. Эта работа, повидимому, так и не была написана. Луи

---

*) В ближайшем номере «Большевика» будет дан разбор всех вышедших томов переписки Маркса — Энгельса. — **Ред.**

Блан — один из крупнейших представителей мелкобуржуазного социализма и отношение Маркса и Энгельса к «луиблановщине» давно должно было бы послужить темой специального исследования.

Вопросы теоретической борьбы вообще занимают не малое место в переписке. Маркс и Энгельс зорко следили за всяким движением своих теоретических противников и бывших союзников и в этом отношении их переписка является необходимым дополнением к печатным критическим работам. В первом томе имеется, например, подробный разбор «Лекций о сущности религии» Фейербаха и книги Прудона «Общая идея революции XIX в.».

Большой интерес представляет картина вырождения диалектики у эпигонов Гегеля, нарисованная Энгельсом после чтения одной из статей Бруно Бауэра (письмо от 25/IV 1852 г.). «Господин Бруно — пишет Энгельс, — все еще представляет гегелевскую диалектику на ступени ее глубочайшего застоя. *На этой стадии развития вся глубина понимания истории* (Geschichtsauffassung) *ограничивается тем, что пространно доказывают самые банальные общие места, щедро снабдив их пафосом и придавая им видимость развития, а потом изображают их как новый результат, добытый трудом исследователя. Все это еще терпимо, пока речь идет о давно минувших историях, но когда пытаются надеть мистический наряд на непосредственную современность, то это уже чересчур, и любой осел должен заметить, что за этим ничего не скрывается*».

Из других теоретических замечаний, от которых веет самой «непосредственной современностью», нельзя не выделить критических соображений Энгельса по поводу упомянутой выше книги Прудона. Приступая к разбору экономических мероприятий переходного периода, выставляемых Прудоном, Энгельс говорит:

> «*Подлинный смысл уничтожения государства — это усиленная централизация государства*». «Я, — продолжает он в следующем письме, — лишь постольку могу высказать свое мнение, поскольку я стану обсуждать единичные мероприятия, с точки зрения их осуществимости в каждом данном случае и в то же время расследую, *в какой степени эти мероприятия пригодны для централизации всех производительных сил*».

Дальше, затрагивая отношения Прудона к крестьянству, Энгельс пишет:

> «Чем больше я занимаюсь этой дрянью, тем больше я убеждаюсь, что *реформа агрикультуры и основанного на ней собственнического свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота*».

Эти слова, написанные 80 лет назад, звучат теперь для нас как очередной боевой лозунг нашего социалистического строительства..

⁂

К сожалению, приходится констатировать, что письма Маркса и Энгельса появляются в печати все еще не в таком виде, в каком они должны были бы издаваться в Советском Союзе и при условии многолетней подготовки издания в специальном научно-исследовательском институте. Автор предисловия к переписке безоговорочно присоединился к мнению Меринга: «переписка в несокращенном виде *все равно недоступна рядовым рабочим*» [1]). Очевидно на этом основании и не сделано почти ничего, чтобы облегчить изучение переписки даже для *передовых* рабочих. Указатель имен да две страницы предисловия с перечислением литературных работ Маркса и Энгельса — вот и вся помощь читателю.

Если вообще отсутствие комментариев является стороной, существенно ухудшающей настоящее издание сочинений Маркса и Энгельса по сравнению с изданием, начатым в 1920 г. (тогда вышло 4 тома), то в отношении переписки с этим недостатком особенно трудно примириться, так как в ней в значительной степени получила непосредственное отражение политическая практика Маркса и Энгельса. Можем ли мы сказать, что эта практика уже не имеет актуального политического значения? Нет и нет. До окончательной победы пролетариат еще не раз будет черпать ценнейшие указания из полувекового политического опыта Маркса и Энгельса. Редакция издания должна была взвесить всю важность этой стороны дела в сравнении с узко-биографическими моментами и обязана была сделать все возможное, чтобы, по крайней мере, в этом отношении, устранить «недоступность» переписки для рабочих. Возможны же две вещи.

---

[1]) Курсив везде, где не оговорено, принадлежит мне. *К. К.*

Во-первых, нужно было об'единить переписку Маркса и Энгельса с их письмами к другим лицам. В этом случае, письма, относящиеся к одному периоду, в громадной степени дополняли и поясняли бы друг друга, сокращая тем самым вообще количество необходимых комментариев. Беспримерная дружная совместная работа двух великих мыслителей обрисовывалась бы на этом фоне еще более ярко и вместе с тем была бы дана вся доступная нам картина их политической деятельности.

Во-вторых, необходимо было дать краткий политический комментарий, стремясь не к академической полноте, а к тому, чтобы оттенить все, могущее представлять актуальный интерес в современную эпоху. В этот комментарий должны были бы войти: а) сжатая характеристика политических направлений; б) фактические справки по истории политических организаций, упоминаемых в томе; в) хроника основных событий истории рабочего движения; г) основные библиографические указания опять-таки по истории рабочего движения. При тщательной обработке такого комментария на основе указанной выше целевой установки, дело шло бы о прибавке к каждому тому небольшого числа страниц.

Плохо, что эти соображения приходится высказывать post factum. К сожалению, так, очевидно, будет и впредь, пока мы не научимся выполнять первейшее условие плановости в научной работе: предварительное обсуждение в печати планов и принципов научно-издательских и научно-исследовательских работ. Сейчас же приходится настаивать на том, чтобы эти замечания были по возможности учтены в дальнейшей работе над изданием писем Маркса и Энгельса, при повторном издании переписки, которое, вероятно, скоро понадобится, и в особенности при издании писем на других языках.

Главный порок издания — академическая недооценка современного политического значения переписки сильно сказывается и в частных недостатках первого тома.

К ним относится, прежде всего, перевод: например, на стр. 488 мы читаем: «твое письмо имело для меня большой интерес», а на стр. 497 встречаем такую фразу: «Может быть, это не повредит, если к нему обратятся, так как уже при первом разговоре обнаружится, что Пипер не bred clerk (опытный корреспондент), как только его спросят, где он прежде работал». Это сказано русскими словами, но, разумеется, совершенно не по-русски. Надо же переводить, а не перетаскивать.

Но бывает и хуже. На стр. 57—59 содержатся пространные рассуждения Энгельса о взаимоотношениях брюссельской коммунистической организации, руководимой Марксом, с лондонским «Союзом справедливых», состоявшим из немецких ремесленников. Между этими организациями, которые год спустя об'единились в «Союз коммунистов», в то время (в 1846 г.) происходили сильные трения. Энгельс подвергает лондонцев резкой критике: «По отношению к нам (курсив Энгельса) эти молодцы об'являют себя «народом», «пролетариатом» («вечное соперничество с нами, «учеными»,—пишет он в другом месте), а мы можем апеллировать лишь к коммунистическому пролетариату, который еще только должен образоваться в Германии». Но в то же время он высказывается против прямого разрыва с ними: «В конце концов,— пишет он,— они все же насчитывают сотни две человек, через Гарни они аккредитованы у англичан; «Рейнский наблюдатель» и другие раструбили о них в Германии как о боевом и, во всяком случае, не бессильном коммунистическом отряде; к тому же они самые сносные из обывателей и, наверное, самое лучшее, что можно сделать из подмастерьев, пока в Германии нет никаких перемен». Так переводят И. И. Рубин и Е. А. Гурвич. Вместо двух подчеркнутых русских слов в немецком тексте стоит одно слово: «штраубингер», означающее «странствующий подмастерье», слово же «обыватель» (по-немецки — «шписбюргер»), в этом письме совсем не встречается. В пяти случаях из шести переводчики слово «штраубингер» совершенно произвольно переводят, как «обыватель». Благодаря этому, Энгельсу приписывается дикая чепуха: «Но нам эта история послужила наукой в том отношении, что с обывателями не стоит связываться до тех пор, пока в Германии не существует настоящего движения»... Переводчики полагают, следовательно, что при существовании «настоящего движения» Энгельс считал нужным связываться с обывателями? Общий вывод Энгельса Рубин и Гурвич переводят так: «Против литераторов мы можем выступить, как партия, против обывателей — не можем». На самом же деле Энгельс писал: «против подмастерьев («штраубингеров») не можем». Не ясно ли, что такой «академический» перевод совершенно извращает отношение Энгельса к «Союзу справедливых»?

Позже (в предисловии к брошюре Маркса о кельнском процессе коммунистов) Энгельс писал о лондонских «штраубингерах» так:

> «Эти ремесленники сами еще не были настоящими пролетариями; они все еще представляли лишь переходную ступень к современному пролетариату, придаток мелкой буржуазии, которая пока не стояла в прямом противоречии с буржуазией, т.-е. с крупным капиталом. И величайшую честь им делает то обстоятельство, что они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и хотя, не вполне сознательно, все же конституироваться в качестве партии пролетариата».

Каким «глубоким» пониманием марксизма нужно обладать, чтобы от имени Энгельса обозвать этих людей обывателями! Редакция выручила Маркса и Энгельса от Э. Бернштейна, но не уберегла их от И. Рубина.

Другой ряд недочетов относится к единственному виду научного аппарата, имеющемуся в томе,— к словарю имен. Он составлен весьма обстоятельно: есть и «Ной (библейский патриарх)» и просто «Бекман, г-жа» (жена полицейского агента). Имеются, однако, и пятна. Кое-где перепутаны страницы (Вейдемейер, Вольф, Герцен, Гервег). Пропущены Арнольд (503), Боммель (172), Вэбб (528), Гинс (135), Томис был эмигрантом не в Париже, а в Брюсселе. Непонятно, почему сторонник Виллиха Генце, который в тексте назван кандидатом философии, в словаре фигурирует как рабочий. Жаль, что не установлено, кто был русский знакомый Маркса, живший в Манчестере в 1852 г. («Пиндар», разумеется, так же мало может быть русской фамилией, как Цицерон или Виргилий).

На стр. 322 и 324 упоминается участник кельнского процесса коммунистов, доктор Клейн, вольнопрактикующий врач. Указатель отсылает от этого имени еще к стр. 517. Там находится чрезвычайно интересная приписка Маркса, которую приводим целиком:

> «На прилагаемое письмо Клейна,— которое прошу бережно сохранить,— я ответил дипломатически. С Лондоном переписка совершенно невозможна. Фабричные рабочие должны держаться особняком (курсив Маркса), замкнувшись исключительно в своей собственной среде и не связываясь с мещанами и т. п.[1]) в Кельне, Дюссельдорфе и т. п. Если они хотят раз в год присылать сюда кого-либо для того, чтобы посоветоваться с нами, то мы ничего против этого не имеем».

---

[1]) В немецком тексте вместо «с мещанами» и т. п. стоит: mit Spiessbürgern oder Knoten (насмешливая кличка ремесленников. *К. К.*)

Клейн, упомянутый здесь, это не доктор Иоганн Якоб Клейн, который вскоре совсем отошел от движения, а рабочий — Карл Клейн. Таким образом, здесь не идет речь о возобновлении деятельности «Союза коммунистов», распущенного 10 месяцами ранее, как можно было бы подумать. Письмо Маркса к Карлу Клейну, суть которого он сообщает Энгельсу, содержало в себе директиву о сохранении чисто пролетарских нелегальных ячеек до тех пор, когда можно будет вновь возобновить деятельность политической партии рабочего класса. Значение этого письма, затушеванное соединением двух Клейнов в одно лицо, станет еще яснее, если сказать, что директива Маркса не пропала даром. Об этом свидетельствует то, что 12 лет спустя Карл Клейн внутри лассалевского рабочего союза защищает линию Маркса и Энгельса от нападок со стороны лассальянцев, а в 1866 — 1871 гг. является одним из руководителей нелегальной секции I Интернационала в Кельне (в 1867 г. он был представителем этой организации на Лозаннском конгрессе I Интернационала).

Такие ошибки лишний раз напоминают о том, что мы до сих пор не имеем ни истории «Союза коммунистов», ни истории I Интернационала. Впрочем, «заповедные леса» имеются не только в области истории, но и в области философии. Нельзя, например, не признать правильным замечание Г. Лукача в III томе «Архива Маркса и Энгельса» о том, что недостаточно исследовано отношение между Марксом и Фейербахом, между Марксом и Гегелем. Так же и по этим вопросам почти не видно более или менее серьезных научных работ, хотя философов у нас можно насчитать, пожалуй, не мало: Кант для них зачастую важнее.

Пора обеспечить выполнение всех этих необходимых работ в определенные сроки.

К. КОЗЛОВ.

ЛЕОНТЬЕВ А. Экономическая теория правого уклона. ГИЗ. 1929 г. Тираж 90.000. Стр. 144.

В своем выступлении на конференции аграрников-марксистов тов. Сталин заострил внимание партии на необходимости всемерного усиления нашей борьбы на фронте теории. На ряде примеров он показал, как сильно, иногда, хромает этот участок социалистического строительства. Нам, действительно, крайне необходимо усилить работу в этой области.

Необходимо также повысить и качество борьбы на этом фронте. Продолжая и всемерно усиливая борьбу с всевозможными буржуазными и мелкобуржуазными теориями, проявляющимися как открыто, так и в замаскированной форме, необходимо также тщательно следить за своими собственными рядами, своевременно и быстро ликвидируя отдельные прорывы марксо-ленинского фронта со стороны чуждой нам идеологии. Не следует замазывать допущенные ошибки и таким образом ослаблять свой фронт, а нужно вскрывать их и тем самым еще острее оттачивать оружие против врага.

Именно, преследуя такую цель, мы и хотим остановиться на брошюре тов. Леонтьева «Экономическая теория правого уклона».

Надо, конечно, приветствовать появление работы, в которой делается попытка показать общую картину экономической теории правого уклона. Особый интерес эта работа представляет еще и потому, что в ней впервые в такой развернутой форме дается попытка увязать конкретные ошибки Бухарина в отдельных экономических вопросах с его общефилософскими взглядами.

Но, к сожалению, на ряду с бесспорными положительными моментами, брошюра тов. Леонтьева страдает рядом серьезных ошибок, мимо которых пройти никак нельзя.

Мы и считаем крайне необходимым остановиться на некоторых наиболее важных его ошибках, которые в той или иной мере связаны с бухаринской теорией «равновесия».

Тов. Леонтьев поставил задачей в своей брошюре не только показать составные части экономической теории правого оппортунизма, но и выявить те «теоретические предпосылки», те теоретические обобщения, в которых увязываются отдельные ошибки правых. Однако на пути к теоретическим глубинам т. Леонтьев, к сожалению, не подверг теорию равновесия уничтожающей критике, а в некоторых важнейших моментах даже сам стал на позицию этой теории.

Но, прежде чем показать эти ошибки, остановимся вкратце на бухаринской теории «равновесия», наметим основные пути критики последней, и посмотрим, как развернул эту критику тов. Леонтьев.

Известно, что теория равновесия является у тов. Бухарина той методологической предпосылкой, от которой идут нити к самым различным его построениям в области экономики, политики, культуры, науки и т. д. и т. п.

Здесь мы будем говорить о теории «равновесия» лишь применительно к экономическому анализу. Известно, что тов. Бухарин теорией «равновесия» заменяет материалистическую диалектику. Отсюда ясно, почему эта бухаринская теория обходит самые коренные принципы познания действительности, и прежде всего такой основной момент диалектики, как «единство противоположностей», «борьбу противоположностей». Игнорирование этого «ядра диалектики» привело тов. Бухарина, в его анализе общественных явлений, к недооценке внутренних противоречий «системы», к недооценке классовой борьбы.

Именно вследствие такого порока в своих «общесоциологических» построениях тов. Бухарин в анализе капитализма пришел к теории «организованного капитализма», которая с особой наглядностью показывает недооценку, прямое игнорирование внутренних противоречий капиталистического общества, недооценку и игнорирование классовой борьбы. В органической связи с общими теоретическими построениями тов. Бухарина находится и его теория воспроизводства. Здесь тов. Бухарин генеральную линию анализа развертывает не в направлении выяснения того, как осуществляется противоречивый характер капиталистического воспроизводства, и, следовательно, генеральный анализ ведется не по линии движения капиталистического производства, а по линии «условий равновесия» капиталистического воспроизводства, условий, которые характеризуют не движение, а отдельные случайные моменты движения, моменты равновесия. Можно было бы указать, что и в анализе «стабилизации капитализма», и в анализе нарастания нового революционного под'ема тов. Бухарин страдает все тем же пороком — недооценкой и часто игнорированием внутренних противоречий капитализма, классовой борьбы, т.-е. непониманием главнейших особенностей капиталистического общества.

Те же «общесоциологические» построения не дают тов. Бухарину возможности понять и особенностей переходного периода. И здесь он в своем анализе недооценивает классового момента: иной расстановки классов, определяющей преобразование капитализма в социализм; недооценивает особенностей классовой борьбы в переходный период: ее обострения, особенно в реконструктивный период; не понимает противоречивого характера развития единой переходной системы («кто-кого»); не учитывает особенностей этих противоречий, не анализирует переходное общество в движении. Иными словами, тов. Бухарин не понимает главнейших особенностей переходной экономики, как их не понимал Преображенский. Только Преображенский, анализируя переходную экономику с ее противоречиями, не видел ее единства, а тов. Бухарин, наоборот, за ее единством не видит противоречий, недооценивает классовую борьбу. Следовательно, не только Преображенский, но и тов. Бухарин не понимает всего своеобразия переходного периода, его классовых особенностей, его действительных закономерностей. Именно об этом свидетельствуют: предложение тов. Бухарина о построении схемы воспроизводства для переходной экономики по аналогии со II томом «Капитала», его «закон трудовых затрат» — аноним закона стоимости, его предложение о выходе из зернового кризиса путем политики повышения цен и под'ема индивидуального крестьянского (в том числе кулацкого) хозяйства, а не путем строительства совхозов и колхозов, его противодействие наступлению на кулака и предложение свернуть темп индустриализации, его теория «равновесия» секторов и т. д. и т. п.

Уже из этого видно, что критика бухаринской теории нас может удовлетворить лишь тогда, когда эта критика вскрывает на ряду с другими ошибками тов. Бухарина и эти коренные дефекты его теории, показывает непонимание им нашего переходного общества, как единства противоположностей, показывает недооценку Бухариным противоречий в единстве, недооценку классовой борьбы. Тем более это необходимо тогда, когда речь идет именно о теории правого оппортунизма.

К сожалению, с этими коренными задачами критики бухаринской теории «равновесия» тов. Леонтьев в своей брошюре «Экономическая теория правого уклона» не справился.

Правооппортунистическая теория поэтому не получила того решительного и сокрушающего отпора, который ей должен быть дан. Наоборот, мы считаем, что тов. Леонтьев, сам того не замечая, скатился в ряде решающих моментов на позиции полупризнания и даже признания теории равновесия. Основной дефект позиции тов. Леонтьева заключается в том, что он сам не исходит в своем анализе из принципа «единства противоположностей», что ведет и его к недооценке классового момента в своем экономическом анализе, к недооценке задачи изучения экономических явлений в движении.

Леонтьев говорит:

> «Для нахождения этих условий Маркс делит все производство на два подразделения: производство средств производства и производство средств потребления. Далее, исследуя взаимозависимость между этими двумя разделами и их отдельными элементами, Маркс строит специальные схемы. В этих схемах намечается такое соотношение отдельных элементов процесса воспроизводства, которое обеспечивает возможность более или менее бесперебойного функционирования всего производственного аппарата общества. Иными словами, в схемах воспроизводства Маркса — намечаются условия подвижного экономического равновесия капиталистического общества. Необходимо однако иметь в виду, что речь идет о совершенно особом типе равновесия. При наличии такового равновесие отдельных частей общественного хозяйства устанавливается стихийным путем. Это равновесие постоянно нарушается, вновь и вновь восстанавливается и, пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений». (Леонтьев, «Экономическая теория правого уклона», стр. 39—40. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*).

Бухарин в «Экономике переходного периода» неоднократно говорит о законе «равновесия» капитализма. Вот некоторые его определения, с которыми, почти слово в слово, совпадают определения тов. Леонтьева.

> «Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии» (стр. 128).
>
> «В капиталистическом обществе сознательного регулятора нет. Поэтому закон равновесия — закон ценности — действующий как стихийный закон» (стр. 93).
>
> «В таком обществе законы равновесия реализуются и могут реализоваться исключительно путем постоянных или периодически повторяющихся нарушений равновесия» (стр. 91).
>
> «Эта система движется, колеблется, но через все движения и колебания равновесие восстанавливается снова и снова» (стр. 129).
>
> «Тут могут быть всякие уклонения, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия» (стр. 128). (Бухарин, «Экономика переходного периода», изд. 1920 г. Подчеркнуто мной. *Ан. С.)*

Итак, у Маркса, по мнению тов. Леонтьева, в схемах второго тома речь, **оказывается, идет об условиях «экономического равновесия капиталистического общества».** Это равновесие является основным стержнем развития капитализма: оно «постоянно нарушается ...пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений» и, следовательно, основная задача Маркса заключалась, по Леонтьеву, как и по Бухарину, в отыскании закона равновесия капитализма, а не законов его движения, возникновения, развития и гибели.

Тов. Леонтьев неоднократно обрушивается в своей книге на теорию «равновесия», называя ее, совершенно справедливо, «антимарксистской», «механической», «метафизической», «антидиалектической» и т. д., и т. п. Но переходя от шумовой атаки к деловой, к изложению отдельных важнейших положений марксизма-ленинизма, к их «ортодоксальному» освещению, тов. Леонтьев впадает сам в те же почти ошибки, которые делает и тов. Бухарин.

Критикуя предложение тов. Бухарина построить и для переходного хозяйства «по аналогии со вторым томом «Капитала» схемы воспроизводства, т.-е. наметить.. условия подвижного экономического равновесия», тов. Леонтьев останавливается на характеристике отличительных черт марксовых схем воспроизводства и определяет их так же, как это дано в бухаринской теории «равновесия». Охарактеризовав воспроизводство вообще, тов. Леонтьев подходит к воспроизводству капиталистическому и говорит:

> «Основная проблема здесь заключается в отыскании тех условий, при которых возможен более или менее бесперебойный ход постоянно возобновляющийся процесс производства. Должны быть найдены те условия, при которых сложный механизм капиталистического воспроизводства может функционировать, при которых отдельные колесики и шестеренки этого механизма будут выполнять свое назначение, не смешиваясь в хаотическом беспорядке».

Уже из этих слов тов. Леонтьева видно, что главное внимание он устремляет на отыскание «условий» равновесия капиталистического воспроизводства. Об этом же тов. Леонтьев с еще большей ясностью говорит дальше, повторяя почти слово в слово формулировки тов. Бухарина.

Комичнее всего здесь то, что тов. Леонтьев немного дальше сам же обрушивается на Н. И. Бухарина за этот закон равновесия, приводит в противовес т. Бухарину, утверждение Маркса, что «конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества». Получается чрезвычайно конфузное положение. Одной рукой Леонтьев бьет теорию «равновесия», а другой — проталкивает эту теорию в своих «об'яснениях» марксовой теории воспроизводства. Действительно, что значит заявление Леонтьева, что равновесие капиталистического общества «постоянно нарушается, вновь и вновь восстанавливаясь и пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений? Это заявление означает, что основной стержень, основное содержание развития капиталистического общества заключается в равновесии, которое «усложняется», «отклоняется», но, несмотря ни на что, «прокладывает свой путь».

Неудивительно поэтому, что Леонтьев после такой оценки капитализма вслед за Бухариным заявляет; «в схемах воспроизводства Маркса намечаются условия подвижного экономического равновесия капиталистического общества».

Совсем по-иному рассматривал Маркс «равновесие» в капиталистическом обществе. Он говорил о «равновесии» в воспроизводстве как о «случайности», а не как об основном стержне развития капитализма: «условия нормального обмена, следовательно, нормального хода воспроизводства, как простого, так и в расширенном масштабе ...превращается в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие, при стихийно-складывающемся строе этого производства, само является случайностью (Маркс, «Капитал», т. II, 1918 г., стр. 486. Подчеркн. мною.—*Ан. С.)*.

А тов. Леонтьев, вслед за тов. Бухариным, равновесие рассматривает не как случайность, а как основную закономерность развития капитализма, случайно отклоняемую движением. У Леонтьева, как и у Бухарина, движение оказалось заменено частным, случайным элементом движения.

Таким образом, марксова теория воспроизводства ничего общего не имеет ни с бухаринской, ни с леонтьевской теорией «равновесия».

Интересно указать здесь, как Ленин относился к «точке зрения равновесия». В своих замечаниях к «Экономике переходного периода» Ленин, после рассуждений Бухарина о «постулате равновесия», пишет:

«Но не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «точке зрения равновесия»? Точнее, вернее, ибо об'ективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму» (Ленинский сборник, XI, стр. 384 — 385. Подчеркнуто мной. *Ан. С*).

Это замечание Ленина может быть отнесено, таким образом, и к позиции в этом вопросе тов. Леонтьева.

Перейдем теперь к следующему моменту.

После характеристики марксовых схем воспроизводства тов. Леонтьев переходит к тому, в каком отношении эти схемы могут быть использованы применительно к нашей экономике. Чтобы решить этот вопрос, он пытается показать основное различие между марксовыми схемами воспроизводства и нашим народно-хозяйственным планом. И вот здесь опять сказывается все тот же основной методологический порок, которым страдает анализ Бухарина.

Еще более отчетливо сквозит это признание принципа «подвижного экономического равновесия» для советского хозяйства в следующих формулировках тов. Леонтьева:

> «Отрывая равновесие от движения, утверждая примат равновесия над движением, т. Бухарин неизбежно приходит к неверному в корне пониманию самого состояния «подвижного экономического равновесия» (Леонтьев. «Экономическая теория правого уклона», стр. 54 — 55. Подчеркн. мной. — *Ан. С.).*

А немного дальше это признание выступает еще яснее:

> «Отсюда полное игнорирование того простого обстоятельства, что само равновесие, способ его установления, его характер и содержание определяются специфическими особенностями законов развития данной социальной формы производства». (Леонтьев. «Экономическая теория правого уклона»; стр. 55—56. Подчеркн. автором— *Ан. С.*).

То-есть, иными словами, для одной формации — капитализма — будет иметь силу одно равновесие, для другой — переходного хозяйства — иное равновесие.

Из всего сказанного видно, что т. Леонтьев, критикуя бухаринскую теорию «подвижным экономическим равновесием» для нашей экономики, сам в то же время не рвет окончательно с этой теорией, при помощи всяких оговорочек пытаясь ее притянуть к анализу переходной экономики.

Эта позиция т. Леонтьева еще больше подчеркивается тем обстоятельством, что сам же он приводит направленные против Бухарина критические замечания Ленина, который рекомендовал отбросить точку зрения равновесия, ибо она «приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму».

Леонтьев не последовал этим указаниям. Он признает, как мы видели, теорию «равновесия» для капиталистического хозяйства и со всякими оговорками пытается протащить ее и в советскую экономику.

Не закон «равновесия», к чему вслед за Бухариным идет и тов. Леонтьев, а закон расширенного воспроизводства социалистического сектора в переходной экономике лежит в основе нашего движения к социализму. Именно на этот закон, которого неуклонно придерживалась и осуществляла наша партия, делали наскоки сверхиндустриалисты — троцкисты, выдвигавшие такие предложения, которые неминуемо вели к срыву расширенного воспроизводства социалистического сектора в нашей экономике, вследствие неизбежной размычки между социалистическим сектором и мелко-товарным крестьянским сектором. между пролетариатом и основными массами крестьянства. Именно на этот закон расширенного воспроизводства социалистического сектора в нашей экономике делают наскоки правые оппортунисты, выдвигающие такие предложения, которые не могут уже обеспечить дальнейшего развития расширенного воспроизводства социалистических элементов в нашей стране, которые означают дальнейшее сохранение «двух разных основ» «советской власти и социалистического строительства», что не может не кончиться когда-либо «полным развалом народного хозяйства». Именно на этот закон делают наскоки правые оппортунисты, возражающие против быстрого темпа индустриализации, интенсивного темпа коллективизации основных масс крестьянства, против усиленного вытеснения капиталистических элементов из нашей экономики, против ликвидации кулачества как класса, — без чего уже невозможно дальнейшее расширенное воспроизводство социалистических элементов.

Итак, достаточно было рассмотреть классовый стержень нашего развития, проследить процессы, происходящие в этой основе нашего движения к социализму, чтобы ничего не осталось не только от «бухаринской теории равновесия», но и от леонтьевского варианта этой теории. Проглядев такую особенность теории «равновесия», как игнорирование классового момента, т. Леонтьев, вслед за Бухариным, повторяет те же ошибки, недооценку классовых особенностей нашей экономики, недооценку классового момента в анализе экономических процессов. Став на позицию т. Бухарина в том вопросе, что капиталистическое хозяйство развивается не по марксовой теории расширенного воспроизводства, а по богдансвской теории «равновесия», т. Леонтьев не смог показать всей несостоятельности теории «равновесия» и применительно к переходной экономике.

Прежде всего надо указать, что т. Леонтьев вообще не подчеркивает того положения, что правооппортунистическая теория есть теория классовая, что она отражает интересы капиталистических элементов. Особенно резко подчеркнул эту классовую природу теории «равновесия» т. Сталин. Он сказал: «Нетрудно понять, что эта теория («равновесия» — *Ан. С.)* имеет об'ективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов».

А тов. Леонтьев пишет:

> «Сведение планового начала к идее равновесия означает затушевывание социалистического лица наших планов, игнорирование их классового содержания. При таком понимании от плана остается один лишь формальный (?) признак, понятие план становится чрезвычайно бессодержательным (?) и пустым (?). (Леонтьев. «Экономическая теория правого уклона», стр. 35. Подчеркнуто мною — *Ан. С.).*

Критикуя бухаринские рассуждения о схемах воспроизводства капитализма и нашем народно-хозяйственном плане, т. Леонтьев продолжает:

> «Совершенно ясно, что идеи марксовых схем воспроизводства, как, впрочем, и все остальные части марксовой экономической системы, имеют огромное значение для изучения переходного хозяйства. Однако это значение может реализоваться лишь в том случае, если отдавать себе ясный отчет в том принципиальном различии, которое, несомненно, существует между марксовыми схемами воспроизводства и народно-хозяйственным планом в условиях переходной экономики. Это различие сводится в основном к следующему: гениальные схемы воспроизводства Маркса имеют целью теоретически отобразить в наиболее абстрактном

> виде стихийный бег капиталистического производства и воспроизводства в его целом. Наш народнохозяйственный план, напротив, имеет дело с осуществлением ряда чрезвычайно практических задач, выполняемых притом в высшей степени в сложной конкретной обстановке, в которой на первое место выдвигается момент сознательного воздействия на весь ход хозяйственного развития. Отсюда ясно, что некритическое сближение плана в советском хозяйстве с марксовыми схемами воспроизводства, стремление решать сложные вопросы планирования «по аналогии» с этими схемами — совершенно неправильно» (Леонтьев «Экономическая теория правого уклона», стр. 40. Подчеркн. мной — *Ан. С.*).

Итак, «основное» и «принципиальное» различие между схемами воспроизводства капиталистического общества и нашими народнохозяйственными планами тов. Леонтьев видит лишь в том, что при капитализме схемы воспроизводства отображают «стихийный бег», в наиболее абстрактном виде, а перед нашими народнохозяйственными планами стоят «чрезвычайно практические задачи», выполняемые в чрезвычайно «сложной конкретной обстановке», в «которой на первое место выдвигается момент сознательного воздействия на весь ход хозяйственного развития».

А где же классовое различие между капиталистическим обществом и нашим, где классовое различие между схемами воспроизводства, отображающими «стихийный бег» капитализма, и народнохозяйственными планами, отображающими движения нашей переходной экономики, с все интенсивнее растущими в ней командными позициями социализма? Его в анализе т. Леонтьева не оказалось. Но мало того. Если все «принципиальное» различие между схемами воспроизводства капиталистического общества и нашими народнохозяйственными планами, заключается только в том, о чем пишут т. Леонтьев, то закон «экономического подвижного равновесия», который лежит, по мнению тов. Леонтьева, в основе марксовых схем воспроизводства, сохраняет, очевидно, силу и для переходного общества.

Тов. Леонтьев утверждает, что сведение планового начала к «идее равновесия» делает планы «бессодержательными», пустыми». Что это означает в переводе на классовый язык? Это значит, что «сведение планового начала к идее равновесия»—не отражает определенных классовых интересов. Мы уже говорили, что это в корне неверно. Теория «равновесия» отражает интересы капиталистических элементов нашей страны. Поэтому это совершенно определенная, враждебная нам классовость. Именно эту классовость отражает теория «разновесия». Именно такое определенно классовое, а не «пустое» неопределенное содержание несет с собой теория «равновесия». Неверно также и другое утверждение, что «сведение планового начала к идее равновесия» означает игнорирование классового содержания наших планов. «Сведение планового начала к идее равновесия» означает не только игнорирование, но и изменение классового содержания наших планов в сторону свертывания позиций пролетариата и развертывание позиций капитализма. И в этом суть политического содержания как теории «равновесия», так и вытекающей из нее теории «балансирования».

Из сказанного видно, что т. Леонтьев еще далеко не преодолел своих прежних ошибок. Если в работе т. Леонтьева «Закон трудовых затрат» «ортодоксальная критика концепции т. Бухарина до конца не дана», то в новой своей работе т. Леонтьев не только не дает до конца ортодоксальной критики бухаринской теории равновесия, но и допускает ряд тех же основных ошибок, которыми грешит концепция Бухарина. Мы должны не обходить эти ошибки, не замазывать их, а со всей резкостью вскрыть их и тем помочь автору в его борьбе с бухаринской идеологией в его собственном развитии.

А. С.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Еще раз к вопросам теории империализма.

В ряде писем читатели «Большевика» вновь возвращаются к вопросу о сущности разногласий в теории империализма между ленинизмом, с одной стороны, и оппортунистической теорией «организованного» капитализма тов. Бухарина, с другой. Неослабный интерес к этому вопросу вполне об'ясним, если иметь в виду, что вопрос об империализме,—как говорил Ленин,—есть не только один из самых существенных, но, можно сказать, самый существенный вопрос в той области экономической науки, которая изучает изменение форм капитализма в новейшее время.

Одни из обратившихся в редакцию товарищей, опираясь на отдельные высказывания Ленина, находят, что разница между ленинской и бухаринской теориями в этом вопросе сглаживается именно тем, что та и другая допускали «абстрактную» мыслимость ультраимпериализма.

Другие, напротив, утверждают, что корень ревизионизма тов. Бухарина как раз и заключается в том, что он, Бухарин, допускал возможность «абстрактно-теоретически» мыслить подобную фазу в развитии империализма, в то время как Ленин возможность такой мысли категорически отвергал. Эти товарищи идут дальше и об'являют, что было бы примиренчеством к теоретическим ошибкам Бухарина согласиться с тем, что «абстрактно-теоретически» единый мировой трест мыслим и что, следовательно, борьба с неправильной теорией Бухарина должна развернуться именно в этой плоскости.

Речь идет, таким образом, о нахождении водораздела между Бухариным и Лениным в теоретическом анализе современного капитализма. Обе группы упомянутых тт. склонны признать при этом, что центр тяжести разногласий лежит в плоскости признания или отрицания возможности «абстрактно-теоретически» мыслить развитие капитализма в ультраимпериализм. Если возможность такой «абстракции» исключается,—рассуждают эти товарищи,—тогда теория Бухарина неправильна; если же возможность подобной «абстракции» Лениным допускалась, тогда теория Бухарина верна.

Допустима ли такая постановка и такое ограничение вопроса? Верно ли, что базисом и масштабом разногласий с Бухариным по этому вопросу является признание Бухариным и отрицание Лениным возможности «абстрактно-теоретически» мыслить сверхимпериализм? Нет, это неверно. Перенесение разногласий в эту плоскость является ошибочным и вредным, ибо этим подменяются разногласия с Бухариным по кардинальным вопросам ленинской теории, разногласиями по производному вопросу, который, будучи взят изолированно, является в достаточной степени схоластическим.

Ленин указывал, что, рассуждая «абстрактно-теоретически», т.-е. совершенно произвольно, считаясь при этом лишь с одной из тенденций реальной жизни, можно притти к выводу о возможности развития капитализма в единый мировой трест. Путем таких «чисто»абстрактных, игнорирующих ряд основных конкретно-исторических особенностей реального империализма, рассуждений действительно можно притти к «теории» ультраимпериализма. Автор этой теории — Каутский именно и достиг ее путем подобных «чисто» абстрактных ухищрений.

Однако, этот путь теоретического анализа есть путь метафизика, а не диалектика, путь оппортуниста, а не революционера, путь каутскианца, а не ленинца, не марксиста. По поводу идеализма Ленин писал, что «с точки зрения диалектического материализма, философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, чрезмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный» [1]). Богатая своим содержанием кривая линия человеческого познания, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали, подменяется здесь обрывком, обломком, кусочком этой кривой линии, односторонне превращаемым в самостоятельную, целую, прямую линию, которая ведет в болото, в поповщину. Эта же методология насквозь пронизывает апологетическую «теорию ультраимпериализма». Вместо метода материалистической диалектики, согласно которому империализм должен быть взят в теории таким, каким он существует в практической жизни, т.-е. как единство противоположностей, как единство монополии и конкуренции со всеми внутренне присущими ему и неизменно обостряемыми им противоречиями (в первую голову экономическими),—вместо этого в «теории» ультраимпериализма господствует «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота» (Ленин), господствует *метафизика*, берущая в расчет лишь *одну* черточку империализма (тенденцию к соглашениям), беспредельно и односторонне раздувающая эту черточку и таким путем, при полном игнорировании *самых коренных* противоречий империализма, неизбежно обостряемых монополиями, приводящая к уродливой и противоречащей практике «теории» сверхимпериализма.

Отсюда ясно, что Ленин, говоря о возможности абстрактно мыслить новую фазу капитализма после империализма, именно: ультраимпериализм, обусловливал эту возможность изменой методу диалектики в угоду метафизике.

Он говорил о такой возможности явно издевательски, ибо для человека науки, для *марксиста* абсолютно исключен такой путь теоретического изучения империализма, который выбрасывает из изучения коренные противоречия последнего. Он говорил о такой возможности не для революционера, не для марксиста, а для «пошлого буржуазного реформиста» вроде Каутского, имеющего целью оправдать империализм.

Ленин при этом именно и имел в виду сложившуюся оппортунистическую «теорию» Каутского [2]), в которой Каутский, игнорируя *самые глубокие* противоречия конкретного империализма и, вырвав из него лишь одну сторону, лишь одну из его тенденций, «мысленно» продолжил эту тенденцию и, таким образом, получил — рассудку вопреки, наперекор стихиям — лишенную всякого содержания и в этом смысле «чистую» схему единого, мирового, беспротиворечивого капитализма.

> «Теоретическая критика империализма у Каутского,— читаем мы у Ленина,— потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой и т. д.
>
> «Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультраимпериализма», сочиненная Каутским» [3]).

Ленин указал на то, что возможность «абстрактно» мыслить ультраимпериализм не исключена. Но это не значит, что он считал эти абстракции правильными. Напротив того, он их отвергал и с ними беспощадно боролся, как с мертвыми, пустыми, бессодержательными, упрощенными, вздорными, *не конкретными*,

---

[1]) Ленин, К вопросу о диалектике, т. XIII, изд. 3-е, стр. 304.

[2]) На это обстоятельство правильно указывает в своем письме в редакцию тов. Андреасян.

[3]) Ленин, т. XIX, изд. 3, стр. 166.

ненаучными и *реакционными* абстракциями. Ненаучными потому, что они добыты ценой извращения конкретных фактов действительности, ценой игнорирования ряда основных конкретно-исторических особенностей подлежащего об'яснению современного капитализма, ценой игнорирования острых и неизменно обостряемых противоречий, характерных для этого капитализма; потому что эти абстракции есть плод мечтаний, плод «чистой» мысли, а не результат теоретического изучения *всех конкретных* тенденций *реального* империализма *во всем* богатстве его сторон и связей. А так как социальный смысл этих мечтаний состоит в стремлении представить антагонистический империализм будущим «мирным» и «безвредным» ультраимпериализмом, в стремлении обмануть массы «надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и направления внимания на ложные перспективы какого-то, якобы нового будущего «ультраимпериализма», и так как именно для этого игнорируется противоречивая сущность империализма, то, естественно, что Ленин после указания на возможность «абстрактно» мыслить подобный империализм, здесь же заявляет, что «*на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах*» [1]).

Во всех своих работах, посвященных империализму, Ленин неустанно разоблачает теоретическую бессодержательность и практическую реакционность мечтаний (именно *мечтаний*, а не научных обобщений) насчет ультраимпериалистской фазы в развитии капитализма. Он высмеивает и категорически отвергает возможность *для марксистской науки* пользоваться такого рода абстракциями, какие лежат в основе «теории» ультраимпериализма.

> «Если понимать под чисто экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, — писал он в «Империализме», — тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, в роде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия» [2]).

Итак, Ленин был беспощадным врагом мыслящих «чистыми» абстракциями рассуждателей, мечтания и схемы которых преследовали притупление, замазывание *наличных* противоречий империализма и отвлечение внимания пролетарских масс от этих противоречий.

Это не значит, конечно, что Ленин был врагом всяких абстракций. Ленин был за абстракции, но за *научные* (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции, которые не выбрасывают, а включают, отражают сущность конкретного, за такие абстракции, которые выведены из практики и соответствуют практике, ибо лишь обладая этими качествами теоретическая абстракция имеет познавательную ценность, может служить мощным инструментом в теоретическом изучении конкретных явлений.

Путь к таким научным обобщениям лежит через изучение *конкретного* явления «*во всех его связях и опосредствованиях*» (Ленин) во всем богатстве его сторон, свойств, противоречий. Поэтому в теории империализма Ленин и требовал теоретического анализа основных свойств и тенденций империализма, опираясь на идущее в действительности развитие, опираясь на реально существующую систему экономических отношений высоко развитого, зрелого и перезрелого капитализма, а не на изолированное рассмотрение одной из его черточек, «мысленное» продолжение и раздувание которой ведет к оппортунистическим искажениям теории. В этом состоит одно из основных требований марксистской методологии, которого Ленин строжайше держался, которое он применял с гениальным мастерством во всех своих работах и которое резко отличает его теорию от теоретических ухищрений социал-демократических ревизионистов и от теоретических взглядов Бухарина[1]).

---

[1]) *Ленин*, т. XVIII, изд. 3, стр. 356—7. Эта цитата была приведена мною и в прошлой консультации («Большевик», № 22 за 1929 г., стр. 88) в целях доказательства той мысли, что Ленин отвергал осуществимость ненаучных и реакционных абстракций «ультраимпериализма». После этого можно лишь удивляться попытке тов. Рогинского («Правда», № 17 за 1930 г.) приписать мне ту мысль, что Ленин будто бы всерьез признавал «абстракцию организованного капитализма». Ничего подобного я не утверждал и утверждать не мог в силу очевидной ошибочности подобного утверждения.

[2]) *Ленин*, т. XIX, изд. 3, стр. 147. В 1-м изд. это место имеется в т. XIII на стр. 210. Но здесь оно несколько сокращено по сравнению с первоначальным текстом рукописи Вл. Ильича, воспроизведенной полностью в последнем издании.

Благодаря последовательно применяемому Лениным методу материалистической диалектики его теортические обобщения выступили как глубоко научные и содержательные, воспроизводящие в мышлении связь и взаимоотношения всех основных экономических, социальных и политических особенностей империализма и потому представляющие мощное оружие революционной борьбы, а не источник оппортунистических иллюзий. Империализм был тем самым теоретически раскрыт как конкретное единство противоречивых тенденций, т.-е. было показано и доказано, что империализм, развивая монополии, тем самым непосредственно развивает, расширяет и обостряет все противоречия капитализма, что монополии, устраняя конкуренцию (в некоторых отраслях промышленности), одновременно усиливают и обостряют ее (в капиталистическом хозяйстве в целом), что всем ходом экономического развития при империализме усиливается и обостряется хаотичность производства и кризисы, несоответствие в развитии земледелия и промышленности и т. п. и проч.

> «Империализм, — говорит Ленин, — на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализма сверху донизу. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д империализм не может».
>
> «Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами, — вот существенная особенность империализма вообще»[2]). (Последняя фраза подчеркнута мною. *Н. М.).*

Сила ленинской методологии и ленинской теории заключается, следовательно, в том, что они выведены из реальной жизни, что они соответствуют конкретной действительности, и потому могут служить целям научного понимания и революционного преобразования этой действительности.

Что же отличает теорию империализма Бухарина? Прежде всего неправильная методология, заимствованная тов. Бухариным во всяком случае не из арсенала марксизма. Теория империализма Бухарина отнюдь не исчерпывается,—как думают авторы отдельных писем,—признанием возможности «абстрактно» представить «организованный» капитализм. В одном этом признании не было бы еще ничего антимарксистского, если бы, конечно, за сим следовала совершенно обязательная для марксиста критика этого теоретически вздорного и политически вредного «представления» и плюс к этой критике — защита единственно научной, ленинской теории империализма. Но тут методология Бухарина и дает осечку: вместо того, чтобы решительно бороться с этим реакционным и ненаучным «представлением», он, в сущности, принимает подобное «представление» как научную теорию, пытаясь применить ее на практике.

В своих теоретических работах [3]) тов. Бухарин отстаивает, как известно, теорию «организованного» капитализма. Согласно этой «теории» капитализм

---

[1]) По поводу этой стороны ленинской методологии мы особенно рекомендуем читателю ознакомиться с статьей Вл. Ильича, — «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», т. XVIII, ч. 1, изд. 1-е, особенно стр. 50—66.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 1, изд. 1, стр. 118.

[3]) Смотри, напр., «Экономика переходного периода», стр. 10 и 14.

вступил в такую фазу развития, когда внутри отдельных капиталистических стран уничтожена анархия производства, уничтожены кризисы, а, следовательно, и коренные структурные противоречия капитализма, опираясь на которые лишь и можно об'яснить неизбежность крушения капитализма.

> «Мировой капитализм,— читаем мы у тов. Бухарина,— мировая производительная система принимает... за последнее время такой вид: несколько сплоченных организованных хозяйственных тел («великие цивилизованные державы») и периферия стран неразвитых, с полуаграрным или аграрным строем»[1]).
>
> «Народное хозяйство» превращается в один гигантский комбинированный трест, пайщиками которого являются финансовые группы и государство. Мы называем такие образования государственно-монополистическими трестами»[2]).

Этот, лишь в мысли тов. Бухарина существующий, государственно-капиталистический строй, по его утверждению, является строем организованным. Здесь исключены кризисы, так как здесь нет анархии производства, а есть рациональный, с точки зрения капитала, план[3]).

Не трудно заметить, что здесь тов. Бухарин воспроизвел ту же самую методологическую ошибку, что и творцы теории ультраимпериализма. Подобно этим ревизионистам марксизма тов. Бухарин также выхватил из реальной действительности (конкретный империализм) лишь одну ее тенденцию (тенденцию к монополистической организации), оторвал ее от конкретного целого, односторонне преувеличил ее, «мысленно» (вопреки реальной жизни) продолжил, преувеличил, и тем самым омертвил ее, «освободил» ее от самых главных, в действительности имеющихся, признаков конкретного (обострение при империализме всех основных противоречий капитализма) и в результате получил «чисто» абстрактную схему беспротиворечивого капитализма, вступающего в противоречия лишь на международной арене со своими столь же «организованными» соседями. Нет надобности повторять, что эта схема в такой же степени неправильна, как и теория ультраимпериализма.

Достаточно противопоставить этой схеме столь же ясные, сколь и категорические, утверждения Ленина, чтобы убедиться в ее апологетическом характере, в ее стремлении замазать коренные противоречия империализма.

> «Устранение кризисов картелями,— говорит Ленин,— есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привиллегированное положение, в котором оказывается наиболее картеллированная, так называемая, тяжелая индустрия, особенно, уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности»[4]).

Таким образом, если в ленинской теории империализма, империализм выступает как единство противоположных, друг друга исключающих, противоречивых тенденций, неизбежно порождающих антагонизмы и через классовую борьбу ведущих империализм к гибели, то в абстрактной схеме тов. Бухарина он принимает вид единства без противоположностей, без противоречий, в силу чего тов. Бухарину и не удалось обосновать экономическую неизбежность крушения империализма [5]). Если для Ленина развитие монополий при империализме неразрывно связано с развитием и прямым продолжением основных свойств и противоречий капитализма вообще, то для Бухарина остался в силе лишь первый процесс, второй же совершенно исчез из его поля зрения. Считаясь лишь с одной стороной процесса (монополии) и не видя второй его важнейшей стороны (рост противоречий), бухаринская «абстракция» империализма в силу этого превращается в одностороннюю, бессодержательную, пустую, антидиалектическую схему «организованного» капитализма. На практике эта схема неизбежно ведет к оппортунизму, потому что она видит только ту сторону в империализме, одностороннее преувеличение и раздувание которой замазывает противоречия империализма и тем самым устраняет почву для понимания неизбежности его гибели, потому что она замазывает экономическую неизбежность этой гибели. Тем самым правооппортунистическая теория «организованного капитализма» ведет к каутскианской теории «ультраимпериализма», т.-е. в то самое болото, куда скатилась и троцкистская оппозиция, с контрреволюционной теорией и практикой которой, так же как и со всеми ее разновидностями и рецедивами, необходима дальнейшая беспощадная борьба.

---

[1]) Бухарин. «Мировое хозяйство и империализм», 1922 г., стр. 44.

[2]) Там же, стр. 75.

[3]) См. Бухарин. «Империализм и накопление капитала», 1928 г., стр. 82.

[4]) Ленин, т. XIX, изд. 3, стр. 92.

[5]) На это обстоятельство правильно указывает в своем письме в редакцию тов. Жлобницкий (Одесса).

Троцкисты смешивают империализм с домонополистическим капитализмом—в этом их основное грехопадение в вопросе о победе социализма в отдельных капиталистических странах. Они замазывают экономическую сущность империализма тем, что отказываются понимать тот решающий факт, что империализм есть монополистический и, потому, загнивающий капитализм, доводящий до крайней степени напряженности все противоречия капитализма и прежде всего противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Тов. Сталин на VII расширенном пленуме ИККИ в 1926 г. указывал, что из этой ошибки троцкизма вытекает другая его ошибка, состоящая в том, что троцкизм

> «не понимает смысла и значения закона неравномерности развития в период империализма, противопоставляет этому закону тенденцию к нивелировке и скатывается, таким образом, на каутскианскую позицию ультраимпериализма» ¹).

Эти две ошибки, как установил тов. Сталин, ведут к третьей ошибке, состоящей в том, что троцкизм

> «механически распространяет формулы и положения, выросшие на основе доимпериалистического капитализма, на империалистический капитализм, в виду чего и приходит... к отрицанию возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах» ²).

В приведенных положениях тов. Сталина ясно показано теоретическое убежище, в котором окопалась контрреволюционная практика троцкизма, борющегося фактически за реставрацию буржуазной демократии в СССР и за срыв революционной борьбы международного пролетариата.

Авторы теории «организованного капитализма», к разновидностям которой принадлежит и теория империализма тов. Бухарина, поступают наоборот. Они отрывают империализм от капитализма вообще тем, что замазывают тот факт, что империализм не перестает быть капитализмом, что он есть монополистический капитализм, что монополия при империализме есть «монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой» (Ленин). Этим путем, ничего общего с марксизмом не имеющим, они стараются «освободить» империализм от неот'емлемых от него противоречий и представить его как «организованную» и «мирную» (как, напр., у Каутского) фазу в развитии капитализма.

---

¹) См. названную речь тов. Сталина в его книге «Об оппозиции», особенно стр. 511—519.

²) Там же.

Являясь научно бессодержательной, эта «теория» на практике ведет к явно оппортунистическим выводам.

Она ведет, во-первых, к переоценке капиталистической стабилизации, к отрицанию временного и неустойчивого характера последней.

Она ведет, во-вторых, к насаждению пессимизма насчет перспектив революционной борьбы пролетариата.

Она ведет, в-третьих, к теории мирного врастания капитализма в социализм, к утверждению возможности реформистского изменения империализма.

Она ведет, наконец, к теории «ультраимпериализма».

Из сказанного совершенно, очевидно, что указание Ленина на возможность «абстрактно-теоретически» мыслить единый трест, не дает никаких оснований для отождествления ленинской и бухаринской теорий империализма, так как, во-первых, ленинская теория империализма не только не связана, но прямо противоположна тем односторонним, и потому вздорным абстракциям, о которых выше говорилось, она прежде всего сокрушает эти бессодержательные и реакционные пустышки, и так как, во-вторых, ревизионизм Бухарина в теории империализма заключается не в том, что он считал возможным «мысленно» представлять «организованный» капитализм (такую возможность не приходится отрицать, коль скоро она реализована такими апологетами «организованного», капитализма, как Шульце-Геверниц, Лифман и др. «теоретиками»), а в том, что он сам защищал и держался «чисто» абстрактной схемы «организованного капитализма» и выдавал ее за подлинную научную характеристику реального капитализма, в том, что он не отбросил эту пустую схему как ненаучную, бессодержательную и политически вредную, а пытался этой схемой руководствоваться на практике, пытался ей подчинить факты.

Надо со всей категоричностью на основании этого сказать, что ленинская теория империализма непримирима и противоположна теоретически бессодержательной и политически вредной бухаринской теории «организованного» капитализма.

Надо сказать так же, что тов. Ленин неоднократно подчеркивал именно этот априоризм и схоластизм бухаринской методологии, не раз заводившей его в оппортунистическое болото. Так, например, в замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина, Ленин со всей силой указывает, как на решающий недостаток этой книги, на недостаточную обоснованность ее выводов фактическим материалом, на то, что «автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно в действии» ¹) на необходимость оздоровить книгу путем замены 20—30 страниц схоластики и бессознательно-идеалистических и эклектических упражнений в терминологии 20—30 страницами фактов и т. д.

Теоретические взгляды тов. Бухарина не раз были опрокидываемы жизнью. Живая практика неоднократно выступала против противоречащей реальной жизни теории тов. Бухарина. Та же практика доказала, что только принятие безоговорочно и целиком марксистско-ленинской методологии и выработанной на основе этой методологии — марксистско-ленинской теории империализма в целом, может быть гарантией правильного теоретического анализа современного капитализма и надежной теоретической базой для революционного действия.

Н. МЕЛЬБАРД

---

¹) См. XI «Ленинский сборник», стр. 401.

Письма в редакцию.

I.

Надо рассеять недоразумение.

Тов. Ярославский посвятил пятидесятилетию «Народной Воли» две статьи. В первой, — напечатанной в «Правде» от 30 января, — излагается ряд положений, мною вполне разделяемых и развиваемых в работе о народовольчестве. Во второй же статье («Правда» от 4 февраля) имеется по моему адресу один упрек, который я считаю до последней степени несправедливым. Тов. Ярославский пишет: «Забывают (как, например, т. Теодорович), что нельзя смазывать огромную принципиальную разницу между политической программой, которая была у партии «Народной Воли», и взглядами большевизма и видеть в отдельных отрывочных высказываниях народовольцев чуть ли не «предвосхищение» большевизма (хотя и в зародышевой форме) и таких большевистских идей, как идея советов и т. д.».

В своей статье я прежде всего доказываю тот тезис, что народовольчество является русской разновидностью утопического, непролетарского, домарксова социализма. Три четверти статьи посвящены этой четкой отмежевке социализма научного, марксистско-ленинского от народовольчества, как течения утопического. Признаюсь, что не умею, не могу найти более резко-разграничительных понятий, как понятия «утопический» и «научный». Поэтому прямо горько слышать от т. Ярославского, что будто я смазываю «огромную принципиальную разницу между политической программой, которая была у «Народной Воли», и взглядами большевизма». Политическая программа «Народной Воли» есть программа социализма утопического, а большевизм — есть система социализма научного. Сказать так это значит размежеваться самым ярким, самым решающим образом. Чего же еще хотят от меня?

Далее. Установив, что народовольчество — система утопическая, я должен был задаться вопросом, берет ли марксизм хоть что-нибудь у своих предшественников, и если берет, то каким образом? На этот счет, мы имеем прямые указания у Маркса, Энгельса, Ленина и Каутского, когда этот последний был еще общепризнанным главой ортодоксального революционного марксизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Этот (мелкобуржуазный) социализм умел подметить противоречия современных условий производства. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машин и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну наций между собой» («Ком. Манифест», стр. 92, изд. 1923 г.). Как видит читатель, основоположники научного социализма не считали зазорным для себя признать, что ряд важнейших идей, вошедших в железную сокровищницу марксизма, они восприняли у мелкобуржуазных социалистов. И никто из марксистов не упрекал Маркса и Энгельса за то, что они «смазывают» «огромную принципиальную разницу между политической программой мелкобуржуазного социализма и взглядом социализма научного. И все мы понимаем, чего не понимают, например, анархисты — что не минусом, а громаднейшей заслугой марксизма является этот факт: ведь марксизм все эти идеи переработал, развил, обогатил, синтезировал. Что нового внес марксизм? На этот счет прекрасно ответил В. И. Ленин: «признание «творческой» исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего «социальную силу», способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством (как и со всяким утопизмом, скажем мы. *Ив. Т.*) и переход к марксизму» (т. VI, стр. 55). Непонимание исторической работы капитализма как раз и является той лакмусовой бумажкой, которая сразу же отличает всякую утопическую систему от марксизма.

Фр. Энгельс писал: «Утопическая сторона социалистических теорий теперь уже всецело отошла в область истории... Мы гораздо охотнее постараемся найти под фантастическим покровом зародыши гениальных идей, всюду разбросанные в теориях великих утопистов, но незаметные для слепых филистеров» («Анти-Дюринг», стр. 243). Тот же автор говорит: «Современный социализм, подобно всякой новой теории, должен был исходить из уже имевшегося запаса идей, хотя корнями он был связан с материальными фактами». (Там же, стр. 336). Энгельс же в «Крестьянской войне в Германии» заявляет: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, не смотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально ПРЕДВОСХИТИЛИ бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно».

Ленин утверждает: «если Маркс сумел ВОСПРИНЯТЬ и развить дальше, с одной стороны, дух XVIII века в его борьбе с феодальной и поповской силой средневековья, а с другой стороны — экономизм и историзм (а также диалектику) философов и историков начала XIX века, то это только доказывает глубину и силу марксизма, только подтверждает мнение тех, которые видят в марксизме последнее слово науки» (т. XII, ч. II, стр. 392).

Наконец, Каутский дает такую формулу: «Великое дело, совершенное марксизмом для классовой борьбы пролетариата, заключается в соединении утопического социализма с рабочим движением» («Предшественники новейшего социализма», стр. 12, изд. 1919 г., с предисловием И. Степанова).

О чем говорят эти цитаты? Они устанавливают тот факт, что марксизм находит у своих предшественников ряд «зародышей», ряд «предвосхищений» идей, которые потом становятся составной частью самого марксизма, но при непременнейшем условии, что они переработаны, обогащены, развиты дальше в могучее синтезированное целое. Итак, констатация «зародышей», «предвосхищений» узаконяется всеми нашими учителями. Дело сводится теперь не к принципиальному признанию или отрицанию существования таких зародышей, — это вопрос решенный, а к конкретному анализу в каждом отдельном случае, имел ли место такой зародыш в до-марксовых системах, или нет. Поэтому, странно, что тов. Ярославский с явным осуждением употребляет такие слова, как «зародыши» и «предвосхищения», тогда как из вышеприведенных цитат видно, что эти слова введены в употребление как раз нашими учителями.

Таким образом, поскольку «узаконено» право констатирования «зародышей», первостепенное значение получают подлинные высказывания утопистов, особенно их официальные документы, которые нужно тщательно изучить. Когда исследователи наталкиваются на ту или иную идею у наших предшественников, которую не ждали у них встретить, — мы наблюдаем два рода реагирования. Одних «подавляет» этот факт, и они, действительно, начинают «модернизировать»: вот-де, с какого времени мы, пролетарские социалисты, должны вести свое летоисчисление! Это никуда не годится. Но не лучше и другой тип реагирования: голое игнорирование, бессмысленное отрицание самого факта. Какой-то русский император, на докладе о том, что одна дворянская барышня была лишена невинности своим соседом, «начертал»: «повелеваем считать ее попрежнему девицей». Исследователи второго типа не прочь декретировать на этот же манер: считать такие-то слова у утопистов — ненаписанными. Но возможен третий тип реагирования: указание на то, как новый класс, — пролетариат, — использует, перерабатывая и критически развивая, итоги опыта других слоев, — например, мелкого производителя.

Вслед за нашими учителями я употребляю слова «зародыши» и «превосхищения». Но я боюсь, что действительно, когда двое говорят одно и то же, это всегда не одно и то же. Когда я говорю «зародыши», то мне рисуется такой образ: клетка и взрослое существо. Во сколько раз сформировавшееся существо, сложнейший многоклеточный организм выше и организованнее зародышевой клетки, во столько раз идея, отлившаяся в часть системы марксизма, выше и сложнее идеи, нащупанной утопистами. И я то же говорю о непременнейшем условии переработки «зародыша» в новый могучий организм. Тому месту своей статьи, которое вызвало столько обвинений меня в «умалении ленинизма», я непосредственно предпосылаю такую фразу, которая по существу яснее ясного говорит то же, что говорили наши учителя; но она никогда, никем из моих противников не цитируется: «В свете громадных событий последнего пятнадцатилетия, В СВЕТЕ ГЕНИАЛЬНЫХ СИНТЕЗОВ ЛЕНИНИЗМА легко увидеть в построениях народовольчества целый ряд тезисов, одних — в развитой, других — в зародышевой форме, которые суммируют великий опыт борьбы масс мелких товаропроизводителей, воспринятый, критически переработанный и обогащенный пролетариатом» (стр. 36). «В свете гениальных синтезов ленинизма!» Еще раз: «в свете гениальных синтезов ленинизма»! Как можно сказать яснее и точнее?!

Почему у тех или иных школ, течений, направлений утопического социализма можно найти «зародыши» той или иной значительной идеи? На этот кардинальный вопрос надо ответить так: широкие массы мелких товаропроизводителей в своей борьбе против развивавшегося капитализма накопили огромный опыт, ибо они подходили к этой борьбе самыми различными путями. Если взять русскую историю, мы увидим резкую смену, резкое чередование антагонистичных настроений. Вот шестидесятые годы: такие представители мелких производителей, как Герцен, Серно-Соловьевич, Бейдеман, на один момент даже Чернышевский, верят в царя, верят в то, что правительство раскрепостит крестьянство, устроит его жизнь таким образом, что капитализму нельзя будет развиваться, и «язва пролетариатства» минует Россию. Эти настроения «правого крыла товаропроизводителей» терпят крах. Тогда выплывают настроения «левого крыла»: громче всех начинают говорить каракозовщина, нечаевщина, ткачевизм. Но и революционные методы борьбы терпят крушение. Снова — уже в семидесятые годы — подымают голову школы, держащие курс на мирные пути: чайковцы, культурники, разночинское крыло земцев. И эти терпят неудачу. Тогда выдвигаются на первый план люди, взывающие к самодеятельности самого производителя. Это так называемые «хожденцы в народ». Часть их — мирнейшие прудонисты, лавристы; другая часть — бакунисты. И им не удается «задержать» развитие капитализма. Тогда возникает народовольчество. Гибнет. На смену ему приходит толстовство (мирный анархизм) и абрамовщина (крайне правое крыло мелкого производителя). Сколько школ, сект, течений, направлений, настроений! В предисловии к книге Н. Русанова «В эмиграции» мы писали: «Когда-то Чернышевский или кто-то из его ближайших единомышленников бросил лозунг: «к топорам». На этот лозунг немедленно отозвался Герцен такой фразой: «К метлам» — надо кричать, а не «к топорам». «К топорам» — это лозунг «левого» крыла; это призыв к революционному захвату власти, к свержению данного строя. «К метлам» — это лозунг «правого» крыла; это призыв к «упорядочению» данного строя, к компромиссу с ним на основе его «очистки». Между «метлами» и «топорами» и колебалась все время народническая, в широком смысле этого слова, мысль» (стр. 10). Колебалась она, вслед за колебаниями самих мелких производителей, в общем и целом в такой последовательности: терпела крах «метла», — выплывал «топор»; не побеждал «топор» — опять выходила на первый план «метла». В результате накоплялся громаднейший опыт в деле организации, тактики, программных положений утопизма. На базе этого опыта и появлялись «зародыши». Неверно представлять себе, что они были «корнями», а пролетарский социализм — стволом одного и того же дерева, как представляет это себе М. Н. Покровский; но неверно игнорировать, отрицать эти зародыши, легшие, так сказать, кирпичами в могучее здание научного социализма, созданного другим уже классом, типичным пролетариатом.

Когда Карл Каутский — повторяем — был еще одним из вождей революционного марксизма, он развивал в своей классической книге следующие положения, — кстати сказать ни у кого из ортодоксов не вызывавшие никогда никакого возражения и имеющие общий, так сказать, интернациональный характер: «Приверженцы коммунистических сект (начиная со средних веков.—*Ив. Т.*) не остались вне влияния боевых настроений низших слоев. Но они были слишком слабы, их существование слишком сильно зависело от терпимости богатых и сильных, и потому в мирные времена среди них не могла бы возникнуть мысль о насильственном ниспровержении существующего общества и о создании вместо него коммунистического» (стр 217 «Предшественников».—Ср. наши «метлы»! *Ив. Т.*).

«Но,—продолжает Каутский,—когда наступали революционные времена, и со всех сторон начинали подниматься крестьяне и ремесленники, тогда революционный энтузиазм охватывал и коммунистов.. (Ср. «топоры»! *Ив. Т.*). Тогда они бросались в революционное движение, чтобы использовать его для коммунизма. А так как для них, раз они уже бросились в революционное движение, исключался всякий компромисс с существующими властями, так как для них не представлялось возможным какое-нибудь улучшение в рамках существующего общества, то они скоро брали верх над колеблющимися и нерешительными элементами и легко становились вождями движения: Фра Дольчино в тосканской крестьянской войне, Джон Болл в английской, табориты среди гусситов, Мюнцер и его приверженцы среди восставших во время крестьянской войны в Тюрингене» (стр. 218).

Мои оппоненты в дискуссии о «Народной Воле» ложно утверждают, будто Ленин в крестьянском движении ценил только буржуазно-демократическую сторону. На деле, конечно, он, как и Каутский (как и все образованные марксисты), понимал колоссальную важность «крестьянского социализма», «крестьянской социалистической революции»,— как он выражался,— «направленной против основ современного общества» (т. I. стр. 179). Почему? Да потому, что решительно отметая нелепую мысль о возможности некапиталистического развития мелкого производителя в обществе капиталистическом, он вслед за Марксом признавал эту возможность в обществе, возглавляемом диктатурой пролетариата. Хотя он никогда не забывал того, что «за социалистическую революцию всерьез идет только пролетариат, а мелкая буржуазия идет к ней колеблясь», тем не менее он не впадал в другую крайность — неверия в реальную возможность переделки мелкого землевладельческого хозяйства с его согласия в крупное — социалистическим пролетариатом. Разница между Лениным и учениками Покровского получается потому, что в то время, как М. Н. Покровский рисует всю русскую деревню в один цвет («Русская деревня была буржуазной»— т. V, стр. 237 «Русской истории»), — Ленин различает бедноту — нашу опору, середняка — нашего союзника и кулака — нашего врага. Именно прекрасное знание истории «крестьянского социализма» и внушало Ленину уверенность в том, что, несмотря на все свои колебания, трудящееся крестьянство может пойти за пролетариатом в деле социалистической организации сельского хозяйства. Конечно, может пойти в ожесточенной борьбе против сельской буржуазии, ежеминутно, ежечасно вырастающей на базе мелкого производства.

Обратимся еще раз к Каутскому. Резюмируя всю историю борьбы мелких производителей, он заключает: «Пролетарский коммунизм, начиная со средних веков, с естественной необходимостью направлялся к тому, чтобы при благоприятных условиях сделаться политическим и бунтовщическим. Подобно современной социал-демократии (писано в 1909 г. *Ив. Т.*), он ставит тогда в качестве цели диктатуру пролетариата, как самый действительный рычаг для осуществления коммунистического общества» (стр. 218). Каутский ошибочно называет пролетариатом (это со времени-то средних веков!) то, что Энгельс гораздо вернее называл «предпролетариатом». Я же предпочитаю терминологию Ленина: «мелкие производители». Это точнее и яснее. Каутский, поэтому, должен говорить не о диктатуре пролетариата, а о диктатуре народа, т.-е. мелких производителей. Отвлечемся от этих ошибок и скажем: ценным во всем этом является признание того огромного опыта, который пролетариатом взят от его предшественника и переработан.

Вот та общая база, на которой я стою в деле оценки заслуг утопизма. Если от этих общих положений обратиться к конкретным, частным «зародышам», — то тов. Ярославский говорит прежде всего об «идее советов».

Его формулировка позволяет читателю, не знающему моей статьи, спросить: «неужели в самом деле Теодорович нашел у народовольцев законченную идею советов?» Но вот что я писал в действительности, при чем предварительно привел целый ряд обширных цитат из народовольческих документов: «Откиньте анархистский жаргон, анархистскую оболочку, — и пред ними с несомненностью вырисуется, правда, в ЗАРОДЫШЕВОЙ ФОРМЕ, идея государства советов[1]).

Ведь общины, которыми тоже будет «заправлять рабочее сословие (несколькими строками выше я цитировал следующие слова народовольцев: «все добьются только тогда справедливых порядков, когда делами страны будет заправлять рабочее сословие, т.-е. крестьянство и городские рабочие». — *Ив. Т.*), смогут создать институт представительства, т.-е. советы рабочих и крестьянских депутатов, а «при вмешательстве в государственные дела» они неизбежно должны это сделать, ибо здесь вряд ли применимо вече, прямое народоправство, — и вот перед вами — повторяем, в крайне неясной форме, — особый вид рабоче-крестьянской демократии» (стр. 38) Итак, читатель видит, что я пишу архиосторожно: «в зародышевой форме», даже более — в «крайне неясной форме». Ленин, которого я называю «гениальным мастером синтеза» (стр. 35), переработал, обогатил, развил до степени науки, до степени «взрослого организма» эти «крайне неясные» («крайне неясные»!) «зародышевые клетки». Неужели же в самом деле я умаляю ленинизм?

В виду крайней важности пункта о «зародыше» идеи государства Советов у «Народной Воли», я приведу почти целиком все, сказанное мной в статье. «Ленин,— писал я, — воскресил забытое или игнорируемое ревизионистами учение Маркса о необходимости слома буржуазной государственной машины и о замене ее «государством типа Коммуны», или, как позднее говорил Ленин, «типа Советов». В № 5 «Народной Воли» мы встречаем крайне важную полемику с чернопередельцами. Упрекая последних в извращении учения Маркса о роли политической борьбы, народовольческий орган пишет: «Заметим, что ученики Маркса (чернопередельцы. — *Ив. Т.*) идут дальше, чем сам учитель, и делают из его положения, верного по существу (что «экономические отношения лежат в основе всех других общественных форм»), абсурдные практические выводы. В доказательство того, что Маркс не думал так, как они. Приведем то место из его «Гражданской войны во Франции», где он определяет историческое значение Парижской Коммуны: «это была найденная, наконец, политическая форма, в которой должно осуществиться экономическое освобождение труда. Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для разрушения экономических основ, на которых зиждется существование сословий (надо было бы перевести: «классов».—*Ив. Т.*), а, следовательно сословного (надо: классового.—*Ив. Т.*) господства» (стр. 37). Итак, выясняется вполне документально, что народовольцы знали и разделяли взгляд Маркса на опыт Коммуны. Мои оппоненты, в частности, т. Газганов, говорили мне на диспуте: при чем же тут народовольцы? Ленин идею государства Коммуны взял прямо у Маркса. Но дело вовсе не так просто. Общеизвестно, что во главе Коммуны ее идеологами выступали не марксисты, а бланкисты и прудонисты. Почему было так, — прекрасно выясняет Ленин. «Для победоносной, — пишет он, — социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 году оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)» (XI т., 2 ч., 277). Выходит, таким образом, что зародыш идеи государства Коммуны появился в результате опыта борьбы мелких производителей, но затем был гениально развит и обобщен Марксом, именно потому, что в окружении мелких производителей действовал уже и типичный пролетариат, хотя удельный вес его еще был очень ничтожен[1]). Это раз. А затем возникает вопрос, почему же рожденная таким образом идея Маркса не была усвоена ни бакунистами-чернопередельцами, ни впоследствии оппортунистами социал-демократии, но — наоборот — была воспринята народовольцами. На этот законнейший вопрос может быть дан только единственный ответ: опыт «левого крыла» мелких производителей в их борьбе за политическую власть против буржуазии сделал эту среду восприимчивой к идее, блестяще сформулированной Марксом. Но восприимчивой она могла быть только потому, что и сама могла порождать такие идеи, но, конечно, в «крайне неясной», «зародышевой» форме. Гений Маркса, дополненный гигантским опытом пролетарской борьбы, взял такой зародыш у французского товаропроизводителя: гений Ленина мог такой зародыш взять у мелкого производителя — русского. Что мелкий производитель имел и имеет к такого рода идеям благосклонное ухо, об этом Ленин говорит в следующих классических словах: «Разбить бюрократически-военную государственную машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа» — большинства его, рабочих и большинства крестьян (курсив здесь и ниже мой.—*Ив. Т.*), таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно (! — *Ив. Т.*) социалистическое преобразование» (т. XIV, ч. 2, стр. 328).

---

[1]) Ленин пишет: «Говоря о «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО народной (курсивы мои.—*Ив. Т.*) революции, Маркс нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (об них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. Он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами И рабочих, И КРЕСТЬЯН, ОБ'ЕДИНЯЕТ ИХ, ставит перед ними ОБЩУЮ задачу устранения «ПАРАЗИТА» и ЗАМЕНЫ ЕГО ЧЕМ-ЛИБО НОВЫМ» (т. XIV, ч. 2, стр. 328). Что же скажут мои противники: выходит, что сам Маркс «идеализировал» мелкого производителя?!

В заключение еще один пример: о гегемонии пролетариата. Мои оппоненты и здесь никогда меня не цитируют, излагая мой взгляд своими словами, что всегда у них ведет к искажениям. Мне приписали утверждение, будто народовольцы знали идею гегемонии пролетариата. А вот что я пишу на самом деле: «Мы уже цитировали раньше из «Программы» слова: «главная народная сила не в рабочих, а в крестьянстве». Ортодоксальное народовольчество не могло судить иначе, но даже оно, несколькими строками ниже этого места, должно было — таковы веления самой жизни — написать: «Если же рабочие будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе..., тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой». Склонять его к себе! Но это же и значит, что рабочий — сила ведущая, а следовательно — главная. И хотя невольная дань неправильным теориям заставляла говорить одно, но жизнь выдвигала другое!» (44).

Вот и все, что я говорю о «гегемонии»!... Таким образом, я называю теории народовольчества неправильными, а под пером моих недобросовестных критиков я превращаюсь в идеализатора «Народной-Воли». Я говорю, что вопреки народовольческим теориям сама жизнь выдвигала на очередь идею гегемонии пролетариата, а усердием моих оппонентов меня загримировывают под человека, ставящего народовольчество «выше жизни». Что за нелепый, что за безобразный, что за бездарный водевиль с переодеванием?!.. Когда неподготовленные к спору оппоненты (И. Татаров, Ц. Фридлянд, особенно Павел Горин) приписывают мне нелепые утверждения, это можно снести, зная, как слабо противник разбирается в вопросе, и как часто он эту слабость компенсирует дерзостью

---

[1]) Что это — так, прекрасно показывает Ленин: «Маркс сходится с Прудоном в том, что ОНИ ОБА (курсив мой.—*Ив. Т.*) стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте. Маркс расходится и с Прудоном, и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс же — централист» (XIV т., 2 ч., 339). Тут превосходно видны и «зародыш», и гениальное его «развитие» в марксизме. Кстати, пусть мои оппоненты призадумаются над тем, как Ленин безбоязненно по вопросу о «разбитии» машины предпочитает анархизм реформизму: ведь именно вслед за Лениным я говорил о том, что мы должны предпочесть кое-что из народовольческого наследства... чему? Реформистскому опошлению марксизма. Если за это меня упрекают в идеализации народовольчества, то не идеализировал ли Ленин анархизм?

своих выдумок, но чрезвычайно горько слышать упреки со стороны такого сведущего и добросовестного историка, как тов. Ярославский. Только простым недоразумением я могу об'яснить эти упреки. Надеюсь, что мне удалось теперь рассеять эти недоразумения.

Ив. ТЕОДОРОВИЧ.

II

Недоразумение ли?

(Ответ тов. Теодоровичу).

«Как движение и направление социалистическое «Российская социал-демократическая партия» продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли»[1]). Такими словами В. И. Ленин еще в 1899 г. определил наше отношение к партии «Нар. Воли», нашу преемственность идей и задач. Что не все понимают даже в нашей партии эту преемственность, показала дискуссия о «Народной Воле». Однако было бы очень печально, если б мы, отмечая 50-летие со времени выступления на политическую арену партии «Нар. Воли», ограничились только констатированием этой преемственности, не попытавшись разобраться в том, какое значение имела борьба «Нар. Воли» для последующих поколений революционеров, в чем состоят ошибки «Нар. Воли», чем принципиально отличается наша теория от теории революционного народничества. Важнейшими юбилейными датами пролетариат пользуется для того, чтобы современное поколение учить на уроках прошлого, на уроках прошлой революционной борьбы.

В современных условиях социалистического строительства и обостренной классовой борьбы юбилей «Народной Воли» приобретает особое политическое значение. Юбилей «Народной Воли» позволяет со всей остротой подчеркнуть глубокую принципиальную разницу, яркий контраст между пролетарской гегемонией на основных этапах революции и гегемонией мелкобуржуазного якобинизма «Народной Воли» в героической революционной борьбе против царского самодержавия за полное завершение крестьянской демократической революции.

В современных условиях развернутого социалистического строительства особенно ярко выступает разница между пролетарским научным социализмом и мелкобуржуазным крестьянским утопическим социализмом «Народн. Воли». Утопическая мелкобуржуазная идеология, программа, тактика и организация «Народной Воли» являются прямой противоположностью программе, тактике и организации пролетарской партии ВКП(б) на основных этапах ее исторического развития. Вот это и надо подчеркнуть наряду с изображением несомненных заслуг перед революцией партии «Нар. Воли».

Дискуссия на страницах печати и в Комакадемии о «Народной Воле» показала, насколько еще недостаточно разработаны материалы о предшественниках марксистов вообще и в России в частности, и в особенности, какие еще возможны ошибочные обобщения и выводы, как много еще спорных вопросов в оценке истории революционного движения нашей страны.

Во время дискуссии особенно ярко почувствовалось, насколько все, писавшие до этого о «Народной Воле» мало обращали внимания на ценнейшие характеристики, данные В. И. Лениным по вопросу о народничестве вообще и о «Народной Воле» в частности. Мы отмечали уже в статьях в «Правде», что в ряде учебников по истории революционного движения нет даже попытки опереться в исследовании этого периода на работы Ленина. Некоторые товарищи откровенно признавались, что примерно до 1923 года они не уделяли внимания работам и статьям Ленина, поэтому в своих исторических работах они исходили или из общесоциал-демократических работ, в частности из работ Плеханова, или же пытались строить свои собственные схемы, часто ничего общего не имеющие с основными ленинскими положениями и даже противоречащие им. Но в настоящее время литературное наследство Ленина, уже в значительной части опубликованное Институтом Ленина, составляет предмет изучения каждого большевика; только на основе изучения ленинского литературного наследства возможно установить правильное отношение к нашему революционному прошлому. Работы Ленина становятся достоянием широчайших масс.

Понятно, что старые схемы по истории революционного движения требуют иногда коренного пересмотра. Это особенно показала дискуссия о «Народной Воле». К сожалению, наши исторические журналы «Пролетарская Революция», «Историк-Марксист» и др. слишком недостаточно отозвались до сих пор на эту дискуссию. Дискуссия довольно однобоко сосредоточила огонь вокруг первой статьи, появившейся по вопросу о «Народной Воле» в связи с пятидесятилетием,—статьи т. И. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной Воли» [1]). И в дискуссии в Комакадемии и во многих газетных заметках, появившихся в «Правде», «Известиях ЦИК» и др., главное внимание также уделено критике именно этой статьи. Нельзя сказать, чтобы эта критика была всегда правильна, по крайней мере, она неправильна в том отношении, что критики игнорируют положительную сторону этого выступления тов. Теодоровича. Эта положительная сторона заключается в том, что впервые в нашей исторической литературе делается попытка обобщить взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на утопический крестьянский социализм «Народной Воли». Делается попытка — пусть не всегда правильная — дать марксистский анализ программы, тактики и стратегии «Народной Воли».

---

[1]) **В. И. Ленин, т. II, 2 изд., стр. 485, «Протест русских социал-демократов».**

Ошибки тов. Теодоровича надо показать со всей серьезностью. Однако неправильно изображать на основании этой статьи тов. Теодоровича ревизионистом ленинизма. Если он кого ревизует из наших историков, то он ревизует такие взгляды, за которые Ленин вряд ли взял бы ответственность. Критиковать, напр. тов. Татарова, который в споре с тов. Теодоровичем позволил себе преподнести читателям плехановскую «демьянову уху» и тем показал, насколько он далек от понимания тех споров, которые велись в прошлом нашей партией — это еще не значит ревизовать Ленина. Точно так же, как нельзя назвать ревизией ленинизма споры с тов. Гориным, или с тов. Ярославским, или с тов. Покровским по поводу тех или иных высказанных ими взглядов по вопросу о «Народной Воле». А между тем, в этой дискуссии и по случаю этой дискуссии тов. Теодоровича неправильно пытаются изобразить именно как ревизиониста, чуть ли не как правого оппортуниста. Против этого мы решительно возражаем, как возражаем против такого типа статей, как, например, статья тов. Горина [2]), который неверно ориентирует читателя о положении на историческом фронте, поскольку свою критику в значительной степени строит на явной путанице понятия «непосредственный производитель» (которым является и раб и крепостной и наемный рабочий) с мелким производителем. Мы также считаем неправильной такого рода критику, как, скажем, критика в Ком. Академии во время дискуссии о «Народной Воле» тов. Теодоровича, тов. Газгановым, который в этой критике обращался к явно негодным меньшевистским источникам по вопросу о связи революционных марксистов с народовольцами (аргументация от Ноя Жордания).

Вскрывая действительные ошибки во взглядах тов. Теодоровича, ряд выступавших в дискуссии товарищей сознательно замалчивали ошибки других товарищей, имеющих гораздо больший вес и авторитет в области изучения истории революционного движения в истории нашей партии, а иногда даже защищали эти ошибки.

Дискуссия показала, насколько такое положение опасно для большевистского исследования фактов нашего прошлого, когда та или иная группа товарищей об'являет ревизионизмом все то, что не укладывается в ее схему. Между прочим, одним из выводов из этой дискуссии, с которым, кажется, согласны все товарищи, является то, что необходимо в наших исторических журналах обеспечить более всестороннее освещение ряда спорных вопросов истории партии, истории классовой борьбы и истории революционного движения. Мы надеемся, что в «Пролетарской Революции» и в «Историке-Марксисте» возможно будет более оживленное и более об'ективное обсуждение ряда неясных и спорных вопросов истории нашей партии и истории революционного движения, без приклеивания друг другу неподходящих ярлыков.

Эти предварительные замечания «на два фронта» я считал необходимым предпослать ответу тов. Теодоровича, чтобы ясно было, насколько неправильно было свести весь спор о «Нар. Воле» к ошибкам тов. Теодоровича или другого товарища.

Я не считаю «недоразумением» то, что я высказал в отношении тов. Теодоровича. Упрек в том, что тов. Теодорович смазывает огромную принципиальную разницу между политической программой, которая была у партии «Народной Воли» и взглядами большевизма, если и основан на недоразумении, то, во всяком случае, не с моей стороны. Если уже говорить о «недоразумении», то оно прежде всего порождено самим тов. Теодоровичем.

Одна из ошибок тов. Теодоровича заключается в том, что, поставив в общем правильно вопрос об историческом значении партии «Народной Воли» в целом, тов. Теодорович односторонне сосредоточил внимание на характеристике утопического социализма «Народной Воли» и недостаточно уделил внимания анализу

---

[1]) «Каторга и Ссылка», «Истор.-Револ. Вестн.», № 8—9 (57—58).

[2]) «Известия ЦИК» от 24 января 1930 г., № 23.

«Народной Воли», как мелкобуржуазной якобинской гегемонии в русской крестьянской, буржуазной революции.

Ленин определяет социализм «Народной Воли» как крестьянский социализм. Плеханов примерно так же говорил о «сельском издании» утопического социализма. В то же время у Ленина можно найти такие выражения, характеризующие программу «Народной Воли»: Ленин видит в ней программу, «рассчитанную на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества» [1]).

А вместе с тем Ленин говорил о том, что «деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория»... (Подчеркнуто мною. *Е. Я.*). Ленин подчеркивал не раз, что народовольцам не удалось, что они не сумели связать свою борьбу ни с массовым рабочим, ни с массовым крестьянским движением. Именно потому, что народовольцы опирались в своей борьбе на узкие общественные слои (ВОПРЕКИ своей программе) неправильно видеть в отдельных высказываниях партии Народной Воли «предвидения», «предвосхищения» большевистских идей, возникших и выросших на опыте массового пролетарского движения, когда мы, большевики, могли якобинские методы борьбы связать с теорией научного социализма и с массовым пролетарским движением. Тов Теодорович очень правильно подметил в своей статье в «Каторге и Ссылке», как Плеханов и меньшевики впоследствии, критикуя и вскрывая действительные ошибки «Народной Воли», не поняли той стороны утопического крестьянского социализма революционных народников, о которой В. И. Ленин уже в пору нашего временного блока с левыми эсерами (в 1918 г.) писал: «есть здоровое, жизнеспособное великое социалистическое зерно в учении тех, кто хочет крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих масс всего мира». Но тов. Теодорович должен был сказать яснее, что только преодолев утопический социализм народников, только в борьбе с утопическим социализмом, только вопреки нереволюционной теории народников, что «в России человек будущего — мужик», возможно стало это проращивание «здорового жизнеспособного, великого социалистического зерна», это присоединение крестьянства в его трудовой части к великому социалистическому движению рабочего класса. А тов. Теодорович говорит только о «синтезе», о «гениальной переработке», ослабляя тем самым факт борьбы с народничеством, преодоления народничества.

Тов. Теодорович несколько абстрактно подошел к характеристике социальной базы «Народной Воли». Он говорит в общей форме о мелком производителе. Он недостаточно четко поставил вопрос о том, что «Народная Воля» выражала собою не вообще борьбу мелкого производителя, а борьбу крестьянства как класса эпохи крепостничества против диктатуры крепостников, борьбу, которая об'ективно была борьбой за американский путь развития, в отличие от прусского пути, по которому вели Россию господствующие крепостники-помещики.

Именно потому, что «Народная Воля» об'ективно выражала борьбу всего крестьянства против диктатуры крепостников, совершенно ошибочно базой «Народной Воли» считать «пролетария отца», как это делает тов. Теодорович. Расслаивавшееся, благодаря развитию капитализма, крестьянство выделяло не только пролетариат, но и буржуазию. Таким образом, неправильно сказать, что «Народная Воля» представляла прежде всего «пролетария отца», она представляла собою то крестьянство, которое расслаиваясь, не только давало «отцов и сыновей» пролетариев, но «отцов и сыновей» буржуа.

В связи с этим тов. Теодорович пытается доказать (ссылаясь на пример Каутского), что «кое-какие неясные, совершенно зародышевые указания на гегемонию пролетариата у наподовольцев можно найти, но от ясного понимания этой идеи они были далеки». У отдельных членов партии «Народной Воли», конечно, такие неясные идеи могли бродить,— но зачем мы стали бы пред'являть такие требования партии, которая рабочему классу отводила подсобную роль в революции, которая считала главной движущей силой в революции — крестьянство?! Именно поэтому нет надобности искать «зародыши» (пусть «неясные») этой большевистской идеи у народнической партии,— ибо эта идея целиком возникла и развивалась на базе пролетарского движения.

Отсюда и проистекают другие «недоразумения» по части аналогий, которые тов. Теодорович делает между политической программой «Народной Воли» и взглядами большевизма.

То, что тов. Теодорович видит в «отдельных отрывочных высказываниях народовольцев чуть ли не «предвосхищение» большевизма (хотя бы и в зародышевой форме) и таких большевистских идей, как идея Советов и т. д.» — это опять-таки «недоразумение» отнюдь не с моей стороны. «Недоразумение», если здесь оно есть, то оно именно со стороны тов. Теодоровича и тов. Теодорович в своем ответе отводит несколько спор от этих ошибочных аналогий, которые очень оригинальны, очень смелы, но... неправильны.

---

[1]) Т. I, стр. 179, 1-е изд. (См. особенно сноску на той же странице. *Е. Я.*).

Я нигде, впрочем, не утверждал, что нельзя проводить аналогии между требованиями «Народной Воли» и требованиями, например, социал-демократической программы. Больше того, отдельные требования, как это указывал Ленин, совпадают. Во время дискуссии в Комакадемии я приводил цитату Ленина из статьи «Гонители земства и ганнибалы либерализма», где Ленин указывает на сходство требований Исполнительного Комитета «Народной Воли» в письме к Александру III созыва учредительного собрания и всеобщей амнистии с такими же требованиями социал-демократов.

У тов. М. Н. Покровского можно, например, найти такую оценку прокламации «Молодая Россия»: «... помимо пророческого предвещания форм будущего переворота и его цели, прокламация любопытна еще тем, что она также правильно предугадывает и многие отдельные меры, осуществленные победоносной революцией наших дней». Так, «Молодая Россия» требует дарового обучения в школах всех ступеней, полного и безусловного равноправия женщин, социализации земли, уничтожения частной торговли, «этого узаконенного воровства» и заведения общественных лавок. Все это, вплоть до признания купеческой торговли противообщественной спекуляцией купечества, очень верно...» [1]).

Однако, проводя такие аналогии, нельзя увлекаться внешним сходством, забывать о совершенно иной обстановке, о принципиально иной постановке этих вопросов в различные эпохи.

Из практики нашей партии, например, из практики 1917 года, можно указать, что партия большевиков даже проводила в жизнь требование социализации земли, которое было и требованием партии эсеров. Но принципиально большевики вкладывали в эту социализацию иное содержание.

Вполне понятно, что пролетарская партия, в условиях социалистической революции, попутно завершая задачи демократической революции, может брать отдельные наиболее революционные, наиболее последовательные, с точки зрения преодоления буржуазно-демократичских порядков, требования крестьянства и организаций, выражающих эти требования.

Поэтому мы отнюдь не против того, чтобы устанавливать аналогию, сходства в отдельных требованиях и т. д. Без этого невозможно даже историческое исследование.

Но мы против таких аналогий, которые смазывают принципиальную разницу эпох и, увлекаясь внешним сходством фраз, выражений, ведут к такой модернизации идей отошедших эпох, которая сплошь и рядом может лишь запутать вопрос.

Тов. Теодорович, как бы в оправдание себе, нередко ссылается (как это он делал в дискуссии в Комакадемии) на такие аналогии и такую модернизацию у других товарищей. Однако, ошибки других авторов не могут понятно служить оправданием для ошибок тов. Теодоровича.

Тов. Теодорович старается доказать, что он не смазывает принципиальной разницы между политической программой «Народной Воли» и взглядами большевизма. Доказывает это он тем, что он не раз подчеркивает в своих выступлениях, что народовольчество является русской разновидностью утопического, непролетарского, домарксового социализма, а программа большевизма есть программа научного социализма. Это верно. Тов. Теодорович действительно подчеркивает эту разницу; но вместе с тем он делает такие ошибки, которые сводят эту его принципиальную постановку вопроса на-нет, когда он приписывает народовольцам такие идеи, которых у них не могло быть именно потому, что они были представителями утопического социализма.

И никакие ссылки при этом на Маркса, Энгельса и др. не могут узаконить подобного рода неверные, неправильные аналогии, которые на деле ведут к смазыванию разницы между утопическим социализмом эпохи, когда, по выражению Ленина, «капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства еще не обнаруживался» [2]), и научным социализмом, эпохи, когда капитализм переходит уже в высшую свою стадию — империализм, когда в порядке дня ставится пролетарская социалистическая революция.

Остановимся на некоторых примерах. Тов. Теодорович ссылается на Маркса и Ленина в вопросе о государстве. В чем здесь ошибка тов. Теодоровича? Тов. Теодорович ссылается на статью из № 1 «Народной Воли» А. Квятковского, в которой сказано: «Надо разрушить мертвящую и всеподавляющую государственную машину». Он хватается за эту фразу и доказывает, что народовольцам не чужда была идея Маркса, заимствованная последним у прудонистов — о необходимости разрушения государственной машины. В статье в «Каторге и Ссылке», излагая эту мысль, тов. Теодорович пытается убедить в том, будто эту идею о разрушении государственной машины народовольцы понимали таким образом, что предвосхитили идею советов. Или, в другом месте, излагая программу рабочих, членов партии «Народной Воли», тов. Теодорович, приводя место этой программы, где говорится, что «общины (села, деревни, пригороды) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение через своих выборных должностных лиц: старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и т. п.» — приходит к следующему выводу: «Это место нам кажется прямым «предчувствием» советов».

---

[1]) М. Н. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», 7 изд., Деш. б-ка. Гиз, 1929 г., стр. 183.

[2]) Ленин, т. II, стр. 61.

По этому поводу нужно, прежде всего, указать, что партия «Н. В.» понимала роль государства совершенно иначе, чем понимают марксисты (это тоже, между прочим, сказано в статье тов. Теодоровича). Народовольцы понимали роль государства, примерно, так, как понимали бакунисты. В программе Исполнительного Комитета «Народной Воли» мы читаем следующее: «Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организации, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-хана» [1]). Или возьмем другое положение: из передовой журнала «Народной Воли», где мы читаем: «Наше государство совсем не то, что государства европейские. Наше Правительство — не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе (Видите, у нас совсем по-особенному! — *Е. Я.*), а есть самостоятельное, для самой себя существующая организация, иерархически дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в состоянии рабства, если бы даже не существовало никаких эксплоататорских классов» [2]).

Конечно, и Маркс, и Энгельс и Ленин, говоря о необходимости разрушить государственную машину, имеют в виду период диктатуры пролетариата, а по мнению народовольцев, как это видно из только что приведенной цитаты, государство «держало бы народ в состоянии рабства, если бы даже не существовало никаких эксплоататорских классов!!». Тов. Теодорович должен был бы показать прежде всего ЭТУ РАЗНИЦУ, тогда его поиски «сходства» имели бы другое значение.

Но и помимо того, что народовольцы стояли на совершенно иных позициях, чем сторонники научного социализма в понимании государства, даже в приведенной тов. Теодоровичем фразе весьма трудно усмотреть «предчувствие советов». Не может быть и речи, конечно, о «предчувствии советов», как органов пролетарской диктатуры. Приведенное тов. Теодоровичем место дает весьма мало оснований даже для того, чтобы говорить о «предчувствии» советов, как органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Здесь также было бы неправильно делать вывод о «предчувствии» советов, как, скажем, вывод о предчувствии в духе меньшевистского демократического самоуправления и совершенно ясно, что народовольцы говорили о своего рода муниципальном общинном управлении, а не о новом типе государства. Нельзя забывать ленинского положения, что идея советов, зародилась не в голове того или иного теоретика, а в революционной борьбе миллионов, прежде всего, как лозунг восстания, затем, как лозунг нового типа государства.

Приведем еще один пример — пример с нэпом.

Вот, что тов. Теодорович пишет по поводу нэпа: «Народная Воля» в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, идею нэпа, предпосылая ей идею диктатуры, но, конечно, не пролетариата, а «революционного народа». Так, в «программе Исполнительного Комитета», в разделе «г», читаем про «систему мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики» [3]). И как мы читаем у тов. Теодоровича дальше: «еще яснее идея переходного периода выступает в «программе рабочих членов партии». Весь раздел «г» этой программы построен на этой идее. Заключительный параграф этого раздела гласит: «Учреждается Государственный Русский банк с отделениями в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, землевладельческих и вообще всяких промышленных и учебных общин, артелей, союзов». Наличие банка предполагает наличие денежного обращения, наличие рынка и пр. А это является сутью нэпа» [4]). Всякий, кто прочтет приведенные цитаты скажет, что именно таких аналогий делать никак нельзя. Мы здесь уже не останавливаемся на том, что тов. Теодорович неправильно определяет самую сущность нэпа. К тому же можно ли сравнивать нэп, как определенный этап в политике, осуществляемой пролетарской партией, как определенную форму смычки между пролетариатом и основными крестьянскими массами, как определенный стратегический маневр, который партия пролетариата должна проделать в переходный период.— можно ли нэп сравнивать с проектами, скажем, создания банка в утопической программе народовольцев? — Разумеется, нельзя.

---

[1]) Программа Исп. Ком. «Нар Воли» («журн. «Нар. Воля», № 3).

[2]) «Народ. Воля», № 1, передовая.

[3]) «Каторга и Ссылка». «Историко-Революционный Вестник», № 8—9 (57—58).

[4]) Там же.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы видеть, что спор идет не о том, можно или нельзя проводить аналогии между требованиями пролетарской партии и требованиями допролетарских революционных партий и организаций. Спор идет не о том, можно или нельзя искать зародыши идей научного социализма у его предшественников, утопического социализма.

Вопрос идет о том, какие именно аналогии можно и какие нельзя делать, что действительно является предвосхищением, зародышем идей научного социализма в утопическом и что ни в коем случае нельзя относить к этим зародышам и к этим предвосхищениям. Но именно потому, что тов. Теодорович допустил такие неправильные аналогии, он должен признать вполне законным то, что ряд товарищей критикует его за то, что он неправильно приписывает революционным народникам предвосхищение ряда ленинских большевистских идей.

Тов. Теодорович прав, что именно Марксу, Энгельсу и Ленину и партии большевиков и не кому другому принадлежит гениальное уменье использовать наследство предшествовавшей революционной борьбы, синтезировать и по-большевистски перерабатывать этот революционный опыт.

И Ленин своим отношением к революционному народничеству, в частности, к «Народной Воле» прекрасно показал, от какого наследства наша партия не отказывается. Но тов. Теодорович не прав, допуская такие аналогии, которые приписывают «Народной Воле» такое «наследство», которого она нам не оставила.

В своих статьях и в выступлениях в Комакадемии я указывал, что у нас совершенно неправильно сплошь и рядом ставится вопрос о наследстве «Народной Воли» и о преемственности между революционным народовольчеством в 70-х и начале 80-х годов. Если взять все то, что писал В. И. Ленин по этому вопросу, то мы найдем достаточно ясные указания на эту преемственность. Например, в заключительном слове на Всероссийской конференции нашей партии 27 мая 1921 г. Ленин, сравнивая всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук, говорил: «Если считать по курсам, то первый курс был 70-е годы прошлого столетия до 1903 г., первоначальный период от народовольчества к социал-демократии и II Интернационала к большевизму»[1]). Яснее ясного: Ленин рассматривал переход от 70-х годов прошлого столетия до 1903 года, как «первоначальный вступительный период от народовольчества к социал-демократии». Можно было бы привести (и мы приводили их в статьях в «Правде») ряд подобных же заявлений Ленина. А между тем эти заявления не раз игнорировались нашими историками, которые склонны были поддерживать такую неправильную схему: от народовольчества—через народоправчество—к освобожденчеству и эсерам; от чернопередельцев — к социал-демократам. Что основная группа чернопередельцев явилась основоположницей «Группы Освобождения Труда» еще не значит, что именно путь через чернопередельчество был путем к ортодоксальному марксизму. Последующая борьба как раз показала, между прочим, что историческая трагедия деятелей группы «Освобождение Труда» заключалась и в том, что они пришли к марксизму не только вопреки, но и против революционных традиций «Народной Воли», не сумев, как Ленин, диалектически преодолеть народничество[2]).

Надо показать, как первые шаги с.-д. опирались не только и не столько на опыт «Народной Воли», сколько на опыт первых рабочих кружков и первых рабочих союзов, где пролетарская мысль пробивала себе правильный путь, зачастую вопреки неправильным теориям руководителей этих организаций.

Отмечая ошибки, допущенные критиками тов. Теодоровича, мы в то же время не могли пройти и мимо отдельных ошибок тов. Теодоровича, его неправильных аналогий, которые ведут не к установлению разницы между утопическим и научным социализмом, как это хочет тов. Теодорович, а, наоборот, к смазыванию этой разницы.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ.

P. S. Кстати, считаю необходимым указать, что ни в какой мере не могу отвечать за совершенно искаженное изложение нашего спора о «Н. В.» в «Вечерней Москве».

---

[1]) Ленин. Т. XVIII, ч. 1. стр. 259.

[2]) См. об этом «Большевик» № 18 за 1926 г. Ем. Ярославский. «Ответ В. Ваганьяну».

ИЗВЕЩЕНИЯ

1-я Всесоюзная марксистско-ленинская философская конференция

Институт Философии Коммунистической Академии совместно с обществом воинствующих материалистов-диалектиков созывает 1-го июня 1930 г. **1-ю Всесоюзную марксистско-ленинскую философскую конференцию.** Конференция является вообще первой в истории марксизма и в первой в истории русской философии. Подведя итог развитию марксистской философской мысли в СССР, конференция должна обсудить актуальнейшие проблемы, стоящие перед марксизмом в области теории. Конференция должна дать руководящие указания для дальнейшей работы и обсудить основные проблемы материалистической диалектики, исторического материализма (в условиях реконструктивного периода), проблему метода и основные дискуссионные вопросы конкретных наук, дать критику основных идеалистических и метафизических направлений современной философии и социологии и, наконец, наметить задачи марксизма в области антирелигиозной пропаганды и изучения истории атеизма. Работа конференции будет происходить на пленуме конференции и в секциях.

На пленуме будут заслушаны следующие доклады:

1. Вступительное слово о задачах философии в СССР—т. Деборин.
2. Ленин и теория диалектики—т. Деборин.
3. Кризис современной физики и диалектический материализм—т. Гессен.
4. Проблема исторического материализма в условиях реконструктивного периода—т. Карев.
5. Проблема марксистской истории философии—т. Луппол.
6. Критика философии современного ревизионизма—тт. Стэн и Юринец.
7. Задачи пропаганды атеизма в переходный период—т. Ем.Ярославский.

Секций будет, выделено пять: 1) секция диалектического материализма, 2) исторического материализма, 3) истории философии, 4) истории атеизма и антирелигиозной пропаганды, 5) методики.

В секциях будут поставлены следующие доклады:

1. Секция диалектического материализма.

1. Закон единства противоположностей, как основной закон диалектики—т. Подволоцкий.
2. Логика и теория познания—тт. Гоникман, Дмитриев, Митин.
3. Идеалистические направления в современной физике—т. Максимов.
4. Проблема формообразования в современной биологии—т. Левит.
5. Проблема пространства и времени—тт. Семковский и Юринец.
6. Диалектический материализм и психология—тт. Сапир, Франкфурт и представитель Ленинграда.

2. Секция исторического материализма.

1. Проблема соотношения производительных сил и производственных отношений—тт. Тымянский и Горохов.
2. Классы и классовая борьба в переходный период—т. Попов, К. А.
3. Проблема культуры и культурной революции—тт. Карев и Гирчак.
4. Проблема исторического закона—тт. Удальцов и Тележников.
5. Современный ревизионизм в области исторического материализма—тт. Разумовский и Фурщик.
6. Ленин в борьбе с механистами в теории исторического материализма—т. Кривцов.

3. Секция истории философии.

1. Спиноза—т. Луппол.
2. Гуссерль—т. Асмус.
3. Разложение неокантианства и современное неогегельянство на Западе—тт. Баммель и Демчук.
4. Критика современного идеализма в СССР.
5. Современный неореализм—тт. Ческис и Квитко
6. Проблема изучения истории философии на Украине—представитель Украины.

4. Секция истории атеизма и антирелигиозной пропаганды.

1. Проблема происхождения религии—тт. Лукачевский и Рожицин.
2. Социальные корни религии в переходный период—тт. Сарабьянов и Губанов.
3. Религия и социал-демократия—т. Ральцевич.
4. Проблема «Трех обманщиков» в истории атеизма—т. Луппол.

5. Секция методики.

1. Место марксизма-ленинизма в системе народного образования СССР—т. Кривцов.
2. Вузы и кафедры марксизма-ленинизма—т. Гессен.
3. О программе диалектического материализма в ком. вузах и соц.-эконом. вузах—тт. Разумовский и Познер.
4. О философских учебных заведениях (философские циклы университетов, РАНИОН, ИКП)—т. Луппол.

Для подготовки и созыва конференции утвержден организационный комитет в составе:

1). Адоратский; 2). Выдра (Белоруссия); 3). Гессен 4). Гоникман; 5). Деборин; 6) Ионов (ЗСФСР); 7) Карев; 8) Криницкий; 9) Лукачевский; 10) Луппол; 11) Подволоцкий; 12) Стецкий; 13) Таль; 14) Юринец (Украина).

На конференции будут представлены:

а) С решающим голосом:

1. Действительные члены и старшие научные сотрудники Института Философии Коммунистической Академии.
2. Члены Президиума Ком. Академии.
3. Делегаты от философско-социологических научно-исследовательских марксистских учреждений (соответств. отделы институтов: Ленина, Маркса и Энгельса, Красн. Профессуры, Истории и Философии, Естествознания, кафедр марксизма при вузах и ком. вузах и т. д.).
4. Члены правления Всесоюзной ассоциации ОВМД и делегаты местных отделений ОВМД.
5. Делегаты братских обществ (физико-материалистов, биолого-материалистов, врачей-материалистов, психологов-материалистов и т. д.).
6. Делегации Центрального совета безбожников.

б) С совещательным голосом:

1. Профессура и преподаватели диалектического материализма вузов и ком. вузов, аспиранты и научные сотрудники по диалектическому материализму.
2. Приглашаемые Оргкомитетом работники различных специальных наук.

О дополнительных докладах на конференции.

Учреждения, организации и лица, желающие поставить на конференции новые доклады или выступить с докладом или содокладами по предложенным докладам, должны подать заявления в Организационный комитет по созыву конференции не позднее 1-го февраля 1930 г.

Порядок представления докладов.

1. Тезисы докладов, одобренных к постановке на конференции, должны быть представлены в Оргкомитет не позже 1-го марта 1930 года.
2. Доклады представляются в Оргкомитет в письменном виде не позже 15-го мая.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54688. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ [illegible]

БОЛЬШЕВИК

[illegible]

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ [illegible]

ПРОЖЕКТОР

[illegible]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-99

№ 5 — 15 МАРТА — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. В развертывающихся боях. Молотов, В. О наших задачах (стр. 9). Тельман. В борьбе за большинство германского пролетариата (стр. 26). Сырцов, С. Задачи партии в деревне (стр. 41). Розенталь, К. На новом этапе (стр. 60). Сафаров, Г. Колониальная революция и классовая борьба в Индии (стр. 85). Зиновьев, Г. Кое-что о связи внутренней политики с внешней (стр. 101). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Мельбард, Н. — Гр. Ратнер. Социально-экономические основы с.-х. кооперации (стр. 121).

В развертывающихся боях.

Недавно закончился расширенный президиум Коминтерна.

Уже около 8 месяцев прошло со времени решений X пленума. Важнейшим из этих решений было констатирование начала нового революционного под'ема в крупнейших капиталистических странах. Эта установка X пленума встретила ожесточенный отпор со стороны социал-демократов, правых и троцкистских ликвидаторов и тем не менее получила за последние месяцы блестящее подтверждение на фактах действительности.

Вопреки всем буржуазным и социал-демократическим теориям о дальнейшем укреплении капиталистической стабилизации, о продолжающемся оздоровлении капитализма, соблазнившим наших правых оппортунистов и вдохновившим известные статьи тов. Бухарина, вопреки созданным самими оппортунистами (Ловстон) теориям американской исключительности разразился кризис в Сев.-Амер. Соединенных Штатах, являющихся, несомненно, самым крепким и могучим звеном системы международного капитализма.

Этот кризис уже оказал и продолжает оказывать сильнейшее влияние на всю мировую капиталистическую систему в целом. В ряде стран, в которых явления кризиса или депрессии чувствовались еще до последнего американского кризиса, они значительно обострились теперь, в других странах эти явления только начинают развертываться. Во многих странах мы наблюдаем стремительное падение цен в особенности на продукты сельского хозяйства и на промсырье, особенно больно ударяющее по аграрным и колониальным странам.

Падение цен — явный признак перепроизводства, явный признак возрастающих ножниц между огромными производственными возможностями современного капитализма и покупательной способностью масс населения. Отсюда неизбежное усиление борьбы за рынки, возрастающее стремление наиболее могучих капиталистических стран к новым переделам мира, а стало быть к новым вооружениям и войнам... Недаром с таким скандалом проваливается конференция по морскому разоружению в Лондоне. Но кризис и перепроизводство означают кроме того огромный рост безработицы сверх всяких «законных» норм, сверх всяких неизбежных последствий капиталистической рационализации, уже давно сделавшей безработицу в главнейших капиталистических странах не столько кон'юнктурным, сколько глубоко структурным явлением...

Какое влияние оказывает растущий кризис на революционный под'ем, констатированный X пленумом? Уже сейчас можно сказать, что он является могучим фактором усиления и ускорения революционного под'ема. И это несмотря на то, что в ряде стран количество экономических стачек сократилось по сравнению с предкризисным периодом, потому что самая обстановка кризиса неблагоприятна для наступательной экономической борьбы. Конечно, это ни в коем случае не означает, что коммунистические партии, революционные профсоюзы в условиях кризиса могут повернуться спиной к экономической борьбе. Экономические стачки являлись преобладающей формой контрнаступления рабочего класса против наступления капитала и начальной фазы революционного под'ема. И сейчас в ряде стран (Франция, Англия) стачечное экономическое движение растет. Даже там, где в связи с кризисом наблюдается некоторое уменьшение количества стачек (Германия), стачки принимают более упорный и ожесточенный характер, в котором находит свое выражение растущее обострение классовой борьбы.

Но кризис, сопровождаемый резким увеличением безработицы, порождает новые формы революционной борьбы, главными участниками которых становятся массы безработных: демонстрации и походы безработных, во многих местах приводящие к резким столкновениям с полицией, а иногда требующие вмешательства военной силы.

В колониях и полуколониях в условиях невероятно ухудшившегося благодаря кризису положения масс в последнее время наряду со стачками и демонстрациями учащаются случаи прямых революционных восстаний: несомненное оживление партизанско - повстанческой борьбы в Китае, последние события во французском Индо-Китае, движение арабов в Палестине и негров в Южной Африке.

Ускоряя революционный под'ем, расшатывая еще больше капиталистическую стабилизацию и обостряя классовую борьбу, растущий экономический кризис ускоряет параллельно фашизацию государственного аппарата буржуазии и фашизацию социал-демократии, органически связанной своей верхушкой с этим аппаратом. Во всех странах растет волна бешеного террора против рабочего класса и компартий, при чем в этом терроре руководящая и направляющая роль почти везде принадлежит социал-демократии. Социал-демократические правительства (Германия, Англия) в обстановке кризиса еще более явно, открыто и цинично выступают против рабочего класса, перелагая на его плечи все тяжести кризиса и растущего налогового обложения, лишая пособия сотни тысяч безработных, выброшенных на улицу, помогая предпринимателям понижать заработную плату оставшимся на фабриках и заводах рабочим...

Социал-демократия становится прямым орудием подавления стачечного и революционного движения, прямым орудием подготовки новых империалистических войн. Социал-демократические правительства и с.-д. партии беспощадно расправляются с восстающими массами в колониях (Англия), открыто выступают в защиту колониального гнета (Франция), становятся во главе политической кампании против Советского Союза рука об руку с самыми от'явленными реакционерами и мракобесами (эмигрантская кутеповская свора, католические попы и т. д.). Социал-демократическая верхушка превращается в своеобразную полицейски штрейкбрехерскую банду на службе у капитила...

И в это самое время правые ликвидаторы и ренегаты коммунизма по всем основным вопросам политики и тактики рабочего класса становятся на точку зрения социал-демократии. X пленум подтвердил правильность исключения из Коминтерна праволиквидаторских групп в Германии, Чехо-Словакии и Америке (Брандлер, Илек-Гайс, Ловстон), признавши защиту правооппортунистических взглядов несовместимой с принадлежностью к Коминтерну. После X пленума оформились и подверглись такому же исключению ликвидаторские группы в Швеции (Чильбум), Франции и Австрии. И все эти группы как ранее, так и впоследствии исключенные,—с какой-то фатальной неизбежностью приходят к социал-демократии как раз в то время, когда последняя становится прямым орудием господства империалистического капитала над рабочим классом. Вместе с социал-демократами правые ликвидаторы отрицают революционный под'ем и продолжают ратовать за укрепление стабилизации капитализма. Перед очевидным фактом фашизации социал-демократии они проповедуют единый фронт не только с социал-демократическими рабочими, но и с социал-демократическими вождями. Они резко высказываются против самостоятельной тактики коммунистов в профдвижении Они за лойяльное отношение к социал-фашистской профбюрократии, играющей штрейкбрехерскую роль по отношению к массам. Они отрицают рост военной опасности, отводя глаза масс от подготовляемой войны и тем помогая буржуазии и соц.-дем. ее подготовить. Они, наконец, систематически снабжают социал-демократические газеты материалом для травли компартий... Если бы иссяк этот грязный и мутный источник, социал-демократические газеты, несомнено, очутились бы в затруднительном положении по части «разоблачительных» материалов против компартий.

Правые ренегаты полностью и целиком превратились в агентуру социал-демократии. Что касается до троцкистских ренегатов, то мы наблюдаем у них по целому ряду основных вопросов полное совпадение во взглядах с правыми (в частности — на революционный под'ем и на тактику в профсоюзах). Если можно уловить какое-нибудь отличие, то оно заключается в том, что против Советского Союза троцкисты выступают гораздо прямее и откровеннее правых, не стесняясь в этом вопросе быть открытыми союзниками социал-демократии и римского папы. Эволюция правых к социал-демократии стала вполне очевидной не только для партийных масс, но и для многих примиренцев, которые поддерживали правых в борьбе против линии Коминтерна и которые, как констатировал X пленум ИККИ, сами фактически скатились к правым. Об этом говорят хотя бы заявления Эверта, к которому присоединился целый ряд других немецких примиренцев...

Таковы основные факты международной обстановки и политики Коминтерна за период между X пленумом и последним президиумом.

Какие задачи для коммунистических партий вытекают из этой обстановки. Президиум наметил эти задачи по всем основным вопросам политики и тактики Коминтерна.

По первому пункту своего порядка дня, о назревающем кризисе, безработице и экономической борьбе, президиум констатировал факт продолжающегося несоответствия между стихийным, усиливающимся на почве кризиса и безработицы полевением, революционизированием масс и организационными рамками и возможностями работы наших партий. Для того, чтобы быть в состоянии руководить нарастающим движением, партии должны укрепить свои организации и перестроить формы и методы своей работы. Последнее особенно относится к тем партиям (Англия), у которых до сих пор пропагандистские методы работы являются преобладающими...

Руководство экономической борьбой масс, руководство движением безработных — две важнейшие очередные задачи наших партий. Разрешение этих задач должно итти в разрезе теснейшей увязки движения безработных с борьбой работающих рабочих, с перспективой перерастания экономического забастовочного движения в политическое, при чем в ряде стран мы должны подготовлять проведение всеобщих политических забастовок. Именно поэтому такое исключительно важное значение приобретает в настоящее время работа по укреплению революционных профсоюзов (там, где они существуют) и по превращению их в действительно массовые организации, работа в реформистских союзах, прежде всего по усилению и укреплению там профоппозиции, а также работа среди неорганизованных масс по сплочению их вокруг революционных профсоюзов и вокруг революционной оппозиции в реформистских профсоюзах. С этим связана необходимость дальнейшего организационного оформления революционной профоппозиции в таких странах как Германия. Растущий экономический кризис особенно больно бьет по колониальным и аграрным странам, приводя к невиданному падению цен на сельхозяйственные и колониальные товары, разоряя десятки миллионов крестьян и выбрасывая на улицу десятки и сотни тысяч рабочих с плантаций.

На этой почве мы уже имеем усиление революционного крестьянского движения (Италия, Балканы, Польша, не говоря уже о Китае и других полуколониальных и колониальных странах). Одна из важнейших задач наших партий будет заключаться в овладении этим движением. В связи с этим встает необходимость создания самостоятельных компартий в целом ряде стран (Индия, Индонезия).

Может ли считаться внутри компартий законченной, хотя бы в основном, борьба с правым уклоном. Ни в коем случае. Перестройка форм и методов партийной работы под углом растущего революционного под'ема, перенесение этой перестройки на такие области работы, которые ею до настоящего времени совершенно не были затронуты (муниципальная политика), неизбежно будет порождать дальнейший отсев еще оставшихся в партиях полусоциал-демократических элементов, особенно из числа работников профсоюзного аппарата, муниципалитетов и т. д. Партии нисколько не должны смущаться таким отсевом, усиливая прежде всего свои позиции в массах и превращаясь в действительно руководящие органы борьбы масс.

Президиум подробно остановился на вопросах муниципальной политики. Коммунистические фракции муниципалитетов могли бы сыграть сейчас очень крупную роль в деле разоблачения буржуазии и социал-фашизма и в деле сплочения масс вокруг компартий. Никогда еще социал-демократические муниципалитеты не поворачивались так цинично спиной к вопросам помощи безработным, как в настоящее время, никогда муниципальное хозяйство еще не делалось орудием такой бессовестной эксплоатации масс (и прежде всего рабочих и служащих муниципальных предприятий), никогда муниципальная социал-демократическая верхушка не срасталась так открыто с худшими отбросами капитализма (дело Скляреков в Берлине).

Однако, наши партии до сих пор чрезвычайно слабо использовывали огромные возможности своих муниципальных фракций. Весьма часто эти фракции являлись оплотом самого низкопробного правого оппортунизма на практике, идиллического сотрудничества с фашизированной, разложившейся и прогнившей муниципальной социал-демократической верхушкой. Не случайно, что именно в муниципальных коммунистических фракциях брандлеровцы нашли себе столь значительное количество сторонников, несравненно более значительное чем среди масс и не случайно, что одним из основных пунктов политической платформы бандлеровцев являеется «использование большинства социал-демократов и коммунистов» в тех муниципалитетах, где оно имеется, т.-е. открытое и официальное сотрудничество с социал-фашистами на муниципальной арене.

Президиум дал совершенно ясную установку нашим партиям в области муниципальной политики. Органы местного самоуправления в буржуазном государстве следует рассматривать не как какие-то оазисы социализма, в которых этот социализм можно по кусочкам осуществлять, когда у власти в стране стоит империалистическая буржуазия и ее социал-фашистские агенты, а как органически составную часть аппарата буржуазного государства, машину которого рабочий класс должен сломать и заменить аппаратом пролетарской диктатуры (в частности, муниципалитеты советами).

Поэтому наша задача в муниципалитетах—не сотрудничать с социал-фашистами, которые занимаются укреплением буржуазного государства, а беспощадно разоблачать их, мобилизуя массы против буржуазных и социал-фашистских муниципалитетов, как против органов классового господства буржуазии. Если в том или другом месте муниципалитеты путем всеобщих выборов будут попадать в руки нашей партии, то ее задача будет заключаться не во включении этих муниципалитетов в общую систему буржуазного государства, не в приспособлении к ней, а в немедленном проведении в жизнь таких мер (страхование от безработицы в виде выдачи полного заработка, переложение всех налогов на плечи имущих классов), которые покажут массам нагляднейшим образом всю классовую пропасть между нами и социал-демократами, хотя и несомненно будут немедленно пресечены со стороны буржуазии и ее социал-фашистских агентов.

В связи с обострением экономической борьбы на почве растущего кризиса, с перерастанием этой борьбы в политическую, с огромным значением, которое для наших партий приобретает самостоятельное руководство экономической борьбой и работа в профсоюзах, президиум высказался за созыв в течение ближайших месяцев V конгресса Профинтерна.

Президиум заслушал и обсудил доклады Центральных Комитетов четырех важнейших партий Коминтерна: германской, английской, итальянской и СССР.

Германская партия после VI конгресса в ожесточенной борьбе с правыми и примиренцами достигла значительных успехов в деле завоевания масс и разоблачения социал-фашизма. В целом ряде крупнейших пролетарских центров, начиная с Берлина, партия добилась бесспорной гегемонии в рабочих массах или близка к ней. Но партии остается еще сделать чрезвычайно много, чтобы повести за собой большинство рабочего класса и трудящихся масс Германии на завоевание власти. Одной из необходимейших предпосылок этого является максимальная ясность и четкость политической линии и полное очищение партии от полусоциал-демократических элементов. Мы имеем еще до сих пор факты влияния социал-демократической идеологии на отдельные прослойки партии.

В самое последнее время, некоторые товарищи, стоящие на линии партии, высказывали мнение, что буржуазия готовится прогнать социал-демократию от власти и установить чистую фашистскую диктатуру. Товарищи такими рассуждениями явно толкали рабочих к той мысли, что социал-фашисты недостаточно защищают интересы буржуазии, и что в той борьбе, которая якобы предстоит между социал-демократией и фашизмом, необходимо стать на сторону первой.

Это означало и означает явное затушевывание фашизации социал-демократии и превращения ее в прямое орудие империалистической диктатуры. Беспощадное разоблачение и изгнание социал-фашизма из рабочих кварталов требует устранения каких бы то ни было неясностей в этом отношении...

По этому же вопросу проявились колебания у ряда товарищей в Италии. В стране несомненно развивается и крепнет движение против фашистской диктатуры. В нем принимают участие не только рабочие, но и крестьянские массы (юг Италии). В немногих европейских странах рабочий класс (не говоря уже о беднейшем крестьянстве) находится в таком тяжелом экономическом положении, как в фашистской Италии. Но под какими лозунгами партия должна развертывать движение против фашистской диктатуры и, что может притти ей на смену: диктатура пролетариата или буржуазная демократия?

Небольшая часть товарищей считает, что фашизм уступит место буржуазной демократии, которая даст рабочему классу более благоприятные условия для борьбы за власть (легализует компартии)... Отсюда вытекает, что на нынешнем этапе компартия должна бороться рядом с социал-демократией во имя замены фашизма демократией. Между тем, на самом деле, буржуазия вполне удовлетворяется фашистской диктатурой и совершенно не собирается заменять ее какими бы то ни было демократическими формами. Социал-демократия не борется с фашизмом, а фактически сотрудничает с ним. Единственная политическая партия, которая действительно выступает против фашистской диктатуры—это компартия. И она должна вести борьбу, не во имя демократических иллюзий, а за диктатуру пролетариата. Такую установку и дает компартии Италии резолюция президиума...

Компартия Англии до сих пор сделала чрезвычайно незначительные успехи на пути превращения в масовую партию, чрезвычайно слабо использовала благоприятные условия для укрепления своего влияния в массах. Нигде вопрос о перестройке форм и методов партработы не стоит так остро, как в Англии.

В нынешний момент небывалого под'ема во всех капиталистических странах антисоветской кампании, об'единившей все враждебные пролетарской революции силы, начиная с папы римского и кончая вторым Интернационалом, в момент явного нарастания опасности новой империалистической войны, прежде всего войны против Советского Союза, огромное политическое значение имела постановка на президиуме ИККИ доклада т. Молотова о социалистическом строительстве в СССР. Обострение кризиса капитализма совпало с гигантскими успехами строительства социализма в советских республиках. Эти успехи создают особенную ненависть к СССР в капиталистических и в социал-фашистских рядах. Но эти же успехи должны сплотить самые широкие пролетарские и трудящиеся массы всего мира на защиту СССР. Если что-нибудь еще удерживает империалистов от прямого нападения на первое в мире пролетарское государство, то, конечно, не недостаток ненависти и, разумеется, не миролюбие, а только одна боязнь, как бы наступательная война против СССР не превратилась в гражданскую войну против капиталистических правительств в самих их странах. Коммунистические партии сделают все возможное, чтобы это опасение буржуазии превратилось в реальность, если только буржуазия осмелится спустить с цепи стихию войны.

Президиум принял ряд важнейших решений по основным вопросам политики рабочего класса в условиях растущего революционного под'ема. Чем полней и решительней будут проведены в жизнь эти решения, тем скорей этот растущий под'ем получит твердое коммунистическое руководство. Перед лицом неизбежного превращения этого под'ема в непосредственную революционную ситуацию, для наших партий научиться руководить развертывающимися классовыми боями — значит научиться побеждать.

О наших задачах*).

Наши основные задачи вытекают из того, что составляет базу социалистического строительства — из хозяйственного развития Советского Союза. В частности, эти задачи теснейшим образом связаны с осуществлением промфинплана, который является стержнем нашего строительства.

Мне придется подчеркнуть лишь вашнейшие из них.

Наши основные задания по промфинплану известны: увеличение промышленной продукции не менее чем на 31% при увеличении продукции тяжелой индустрии на 46%; увеличение производительности труда на 25% при росте заработной платы на 12%; наконец, снижение себестоимости промпродукции на 11%, что представляет наибольшие трудности, но что может и должно быть обязательно обеспечено. Мы знаем, дальше, что в рабочих массах имеется огромный трудовой под'ем, свидетельствующий о непреклонном стремлении рабочего класса выполнить задания советской власти. Наша задача — поднять работу хозяйственных, профессиональных, комсомольских и партийных органов и направить энтузиазм рабочих масс по руслу организованной борьбы за промфинплан.

Партия считает фронт борьбы за промфинплан важнейшим делом. Развернутая за последние полтора месяца кампания в связи с промфинпланом еще не дала, однако, нужных результатов. Поэтому необходимо продолжать мобилизацию сил, памятуя о том, что индустрия — ведущая отрасль всего хозяйства.

В связи со сказанным уже в первой части доклада, ограничусь сделанными здесь замечаниями о промфинплане.

Перейду к другим задачам.

1. Посевная кампания.

На первый план сейчас должна быть выдвинута весенняя посевная кампания. Она приобретает для нас прямо решающее значение. С этим считаются и те, кого мы можем по праву отнести к умным врагам СССР. Так, руководящая газета английских консерваторов, — «Обсервер», (от 2 февраля), говоря о таких фактах, как недостаток тракторов, уничтожение скота и продажа или потребление семян, предназначенных для посева, заявляет по этому поводу следующее:

---

*) Настоящая статья представляет собою последние две части доклада т. Молотова — о СССР — на расширенном президиуме ИККИ 25 февраля 1930 г. Доклад в целом выходит отдельной брошюрой — «На новом этапе».

> «Это, может быть, самые главные препятствия к успешному проведению весеннего посева и решающего ближайшего урожая. Если эти препятствия будут преодолены и честолюбивые проекты расширения посевной площади и увеличения урожайности с гектара осуществлены, тогда русская революция разрешила основные противоречия строительства социализма в крестьянской стране...
>
> Громаднейшее значение разрешения этих вопросов очевидно. Поэтому все глаза в России обращены к «аграрному фронту», на котором происходит борьба, которая со временем будет светить в истории ярче, чем девять десятых так называемых решительных битв мира».

Газета английских консерваторов превосходно учитывает значение расширения посевной площади и увеличения урожайности в СССР именно в этом году. Исход сельскохозяйственной кампании многое предрешает во всем социалистическом строительстве. Ее успех означает победу коллективизации и разгром кулачества как класса. Это будет решающий успех строительства социализма в нашей стране.

После того, как больше половины всех крестьянских хозяйств вошло в колхозы и стала практически осуществляться политика ликвидации кулачества как класса, снабжение городов хлебом и продовольствием вообще, ставится в прямую зависимость от обобществленного сектора сельского хозяйства. До последнего года этот сектор давал очень небольшой процент хлебной продукции. Около ¾ товарного хлеба поступало от индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Наряду с этим одна пятая часть поступала от кулацких хозяйств и, следовательно, занимала в хлебном балансе существенное место. В отношении других продовольственных продуктов (мяса, масла), роль кулацких хозяйств была еще более значительна. В этом году соотношение социальных секторов в сельском хозяйстве коренным образом меняется. Круто падает роль кулацких хозяйств. Правда, немаловажное значение остается еще за индивидуальным сектором, особенно в некоторых хлебных районах, где значительная часть бедняков и середняков не об'единена в колхозы. Однако, снабжение хлебом и другими продуктами питания будет теперь зависеть в первую очередь от колхозов, а также совхозов. Таким образом, главный вопрос заключается в том, насколько справится со своими задачами обобществленное сельское хозяйство.

Такова экономическая сторона дела. Поскольку речь идет о снабжении городов основными продуктами питания, легко понять и политическое значение весенней посевной кампании. Но правильно представлять политическое значение этой кампании мы будем только в том случае, если учтем, что мы перешли к практическому осуществлению политики ликвидации кулачества как класса. Массовая коллективизация, захватывающая подавляющую часть бедняцко-середняцких хозяйств, не может не сопровождаться раскулачиванием. Лозунг партии — «ликвидация кулачества как класса» в главнейших сельскохозяйственных районах воплощается сейчас в практические мероприятия, проводимые крестьянскими массами при поддержке и под руководством пролетарской диктатуры.

До последнего времени по Советскому Союзу насчитывалось до 25 миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств; из них 1,2—1,3 миллиона кулацких хозяйств. С семьями кулацкая часть составляет 6—7 миллионов населения. Уже эти цифры показывают, что происходящая сейчас крутая ломка сопряжена со многими трудностями.

Приближение весенней посевной кампании способствует ускорению основных социально-политических процессов в деревне. Темп коллективизации за последнее время быстро наростал, а это не могло не сопровождаться особым обострением классовой борьбы в деревне. Несмотря на то, что подавляющая масса крестьянства настроена резко враждебно к кулаку, последний пытается оказывать сопротивление. В свою очередь это ведет к ожесточению борьбы и ускорению процесса раскулачивания. Мы живем в такое время, когда кулачеству наносится сокрушительный удар.

Мне остается добавить, что проведение этого лозунга вызывает потребность в новых практических мерах со стороны органов пролетарской диктатуры. Не останавливаясь подробно на этих мероприятиях, скажу лишь, что близость посевной кампании требует от нас максимальной организованности при их проведении.

Массовая коллективизация создала в деревне условия в корне отличные от прежних. Теперь главный вопрос посевной кампании — вопрос об обобществленном секторе. Подготовка посевной кампании в колхозах возлагает большую ответственность не только на руководящие органы колхозов, но и на все наши организации. Без напряженной работы по организации этой кампании, мы не могли бы справиться с поставленной задачей расширения посевов и увеличения урожайности.

Задачами первой очереди в этой кампании являются создание семенных фондов и ремонт сельскохозяйственных машин. Партия уделяла им за последние недели большое внимание. Ход проведения этих задач находил свое отражение в систематических оперативных сводках, публикуемых в нашей печати. Посевную кампанию так же, как и борьбу за выполнение промфинплана, мы считаем важнейшим фронтом социалистического строительства, требующим мобилизации огромных сил рабочего класса и крестьянства и систематического руководства партии. В результате мы уже имеем довольно серьезные успехи в отношении заготовки семян. По сводке Наркомзема СССР свыше 80% плана уже выполнено. У нас есть полное основание рассчитывать, что в ближайшее время ссыпка семян будет закончена. Недородным же районам помощь будет оказана из государственных запасов. Несколько хуже обстоит дело с ремонтом сельскохозяйственных машин и тракторов, с чем мы еще порядочно запаздываем. Но и здесь за последнее время развертывается усиленная работа.

В южных районах мы уже подошли к новому этапу посевной кампании — к организации самого сева. Думать, что это сделается «само собою», значит недооценивать своей ответственности. Приближающаяся посевная кампания ставит ребром перед нами задачи организации сева по-большевистски. Мы должны подготовить колхозы к организованному выходу в поле. Мы должны за оставшиеся недели и дни сделать очень многое в отношении организации труда в период посевной кампании. Здесь лежит труднейшая задача, здесь мы еще крайне мало подготовлены. И все же мы думаем, что сумеем организовать большевистский сев.

Прошлогодний опыт Хоперского округа сплошной коллективизации на Нижней Волге, как он ни недостаточен, убеждает нас в возможности успешного проведения посевной кампании и в этом году. Осенняя посевная кампания в этом округе прошла с большим успехом. Коллективная вспашка под зябь (осенняя вспашка для весенних посевов) превысила в 1½—2 раза площадь предыдущего года.

Или еще один пример. В том же округе, да и в ряде других районов Поволжья, в течение этой зимы крестьяне осуществили мероприятия, никогда ранее в таких масштабах не проводившиеся. На огромной территории—около 1 миллиона гектаров—в Нижнем Поволжье были проведены массовые работы по искусственному задержанию снега на полях: производилась специальная вспашка снега, устраивались снежные заграждения и т. п. При всей элементарности этих работ, они имеют большое значение в деле борьбы с засухой, а их проведение в таких массовых масштабах по силам только коллективизированной деревне.

Таким образом, если мы по-настоящему, по-большевистски проведем подготовку и организацию посевной кампании, то мы сумеем выполнить задачу расширения посева на 10—15%. Одно это означало бы огромную победу на сельскохозяйственном фронте и в сильнейшей мере закрепило бы дело социалистической реконструкции земледелия.

Для организации посевной кампании партия проводит посылку огромного количества людей в деревню. Сейчас командируются на места тысячи ответственных партийных работников, не говоря уже о десятках тысяч рабочих передовиков. Проводится особая мобилизация специалистов сельского хозяйства. Снабжение литературой и освещение вопросов посевной кампании в нашей печати значительно усилено.

Весенняя посевная кампания — испытание коллективизации и проверка всей работы партии в деревне. Мы придаем этому делу огромное значение. Мы поставили своей целью, во что бы то ни стало, разбить вдребезги предсказанья наших врагов за границей, сулящих голод нашей стране. Мы думаем, что наш враг и на этот раз просчитается, а коллективизация одержит свою решающую победу.

Так обстоит дело с первой и важнейшей задачей текущего момента.

2. Проблема кадров.

Перехожу к вопросу **о кадрах.**

На данном этапе социалистического строительства проблема кадров является у нас основной. Здесь наше самое слабое место. Нужда в опытных работниках дает себя знать буквально во всех областях строительства и делает эту проблему исключительно острой. Рост наших кадров до сих пор совершенно не поспевает за ростом народного хозяйства. Поэтому в последнее время так часто приходится прибегать к различного рода мобилизациям: во втузы и колхозы, на местную работу и в центральные учреждения. В первую очередь это касается коммунистов, но учащается проведение мобилизаций и беспартийных специалистов (инженеров, агрономов, врачей и т. п.). Нужда в работниках, особенно в специалистах по технике, растет.

Проблему кадров можно разбить на две части: старые кадры и подготовка новых.

Основные наши кадры все еще составляются из старых специалистов науки и техники. Приток новых, действительно пролетарских специалистов еще крайне незначителен. Поэтому проблема правильного распределения и использования старых кадров имела и имеет огромное значение. Это не просто хозяйственная, это глубоко политическая проблема. Правильное включение старых сил специалистов в аппарат социалистического строительства — дело весьма сложное и, как показал опыт, далеко не всегда разрешалось нами удовлетворительно. Пример — вредительство инженеров и техников в промышленности. Несмотря на раскрытие многих контрреволюционных вредительских организаций, мы не очистили еще по-настоящему наш госаппарат от вредителей. Последние продолжают сохранять свою групповую спайку и возглавляются видными и непримиримыми в отношении советской власти идеологами из старых научных и технических сил. Нам приходится до сих пор иметь дело с отдельными открытыми и замаскированными выступлениями таких людей. В их лице советский строй имеет заклятых врагов, мечтающих о возвращении помещиков и капиталистов к власти. Характерно, что вредительские организации заметно усиливали свою активность в наиболее острые моменты борьбы троцкистов против партии. Идеологи контрреволюции ставили свою ставку на развал партии. Открытые выступления правой оппозиции имели в общем то же значение. Так, один из виднейших идеологов монархизма, академик Платонов, в своих показаниях прямо заявлял: «Нахожу более политически прозорливыми правые элементы в правительственной партии, установки которых перспективно являются правильными». Враги рабочего класса по-своему истолковали политическую позицию правых элементов в партии. Конечно, мы не можем рассчитывать на то, чтобы идеологи контрреволюции и активные участники вредительства отказались от самих себя. Рабочая диктатура принимает против них свои меры решительной репрессии. Но эта контрреволюционная группа составляет ничтожное меньшинство даже среди старых специалистов. До последнего времени во Всесоюзной Академии Наук в Ленинграде и в Украинской Академии Наук в Киеве виднейшую роль играли антисоветские элементы. Несмотря на это, нельзя считать этих контрреволюционных деятелей представителями основной массы старой интеллигенции. Во всяком случае сплотить вокруг себя сколько-нибудь значительную ее часть им не удалось и не могло удаться.

Следует вместе с тем признать, что работа по расслоению интеллигенции, особенно инженерно-технической среды, проводилась до сих пор крайне неудовлетворительно. Наши профсоюзы с этой задачей не справились. А между тем она должна быть отнесена к числу важнейших наших задач. Когда происходят такие исторические события, как поворот середняка к социализму и проводится задача ликвидации кулачества, для нейтральности в политике не остается места. Это должна понять вся масса старой интеллигенции и, в первую очередь, техническая интеллигенция. 1930 год является последним сроком выбора пути. Либо с пролетариатом и крестьянскими массами к социализму, либо с вредителями к контрреволюции — так и только так стоит вопрос перед старыми кадрами интеллигенции.

Мы должны помочь им при выборе пути. Мы должны усилить работу по перевоспитанию основной массы этих кадров и облегчить ей переход от нейтральности к сознательной поддержке политики пролетариата. Надо поддержать те настроения среди специалистов, которые способствуют сближению интеллигенции с рабочим классом и обеспечивают более активное ее участие в социалистическом строительстве. Политика активизации близких пролетариату элементов из среды старых специалистов теперь особенно важна. Систематически разоблачая вредительство и вскрывая его контрреволюционную классовую сущность, необходимо усилить внимание и заботы к основной массе инженерно-технического персонала. Мы можем сейчас добиться крутого перелома в ее отношении к социалистическому строительству. Об этом свидетельствует ряд массовых демонстраций специалистов в Москве и Ленинграде, прошедших под лозунгами борьбы с вредительством и активного участия в строительстве социализма. Об этом же говорит растущее число фактов исключительной преданности своему делу и прямого трудового героизма у некоторых инженеров и техников на наших предприятиях. Наконец, среди передовой части советской интеллигенции значительно усилилась тяга в ВКП(б).

Недостаток специалистов настойчиво требует привлечения из-за границы научных и технически-квалифицированных работников. К концу прошлого года на фабриках и заводах СССР уже работало 850 специально приглашенных иностранных специалистов и 550 квалифицированных рабочих. Большая часть из них была привлечена из Германии. Вербовка новых работников из Германии, а также из Америки, в дальнейшем будет усилена. Для одного Тракторостроя в Сталинграде потребуются от 200 до 300 знающих тракторное производство квалифицированных рабочих. На работу по рационализации железнодорожного транспорта выписывается группа инженеров из Японии. Вербуются специальные группы инженеров и рабочих и для других строящихся гигантов. Так мы переносим к себе опыт крупного производства передовых капиталистических стран и будем делать это более широко в дальнейшем.

Однако, центральным моментом во всей проблеме кадров является подготовка новых специалистов. Как бы ни нуждались мы в правильном использовании старых сил, мы не можем не считаться с тем, что известная их часть не способна по-настоящему перестроиться в соответствии с новыми задачами социалистической реконструкции народного хозяйства, что огромные новые запросы ни в какой мере не могут быть обслужены количественно незначительными старыми кадрами. У нас строится целый ряд крупнейших предприятий и развертываются отрасли производства, которых в старой России или не было вовсе, или же они существовали в зародыше. Автомобильное и тракторное производство, ряд новых химических производств, цветная металлургия,—все это строительство требует новых знаний и не может быть полностью обслужено старыми кадрами. В отношении сельского хозяйства вопрос о кадрах стоит еще более остро. Старых специалистов в этой области крайне мало, а знатоков крупного с.-х. производства в России вообще почти не было. Вопрос о кадрах для сельского хозяйства упирается в подготовку новых многочисленнейших работников различных специальностей и, вместе с тем, в переподготовку значительной части старых специалистов. Наконец, нам надо готовить свои и притом весьма многочисленные кадры для культурной работы, перестройки быта и т. п.

При огромном росте активности среди рабочих, при росте ударничества и других форм социалистического соревнования мы на каждом шагу наталкиваемся на неумение направить по нужному пути растущую активность и овладеть трудовым энтузиазмом масс. Дело упирается здесь как в неудовлетворительность работы значительной части инженерно-технического персонала, так нередко и в слабое знакомство наших хозяйственных руководителей с существом процессов производства. Эти же причины лежат и в основе медленного осуществления принципов единоначалия в управлении предприятиями. Между тем, партия требует решительного проведения принципов единоначалия, начиная от цеха и кончая высшими хозяйственными органами. Только при этом условии может быть обеспечена строгая ответственность хозяйственных и технических руководителей за порученное им дело. Без этого мы не можем добиться быстрой рационализации производства, а следовательно и понижения себестоимости продукции при улучшении ее качества. При этом проведение единоначалия на наших предприятиях должно опираться на активную поддержку рабочих организаций и создавать более благоприятные условия к росту участия рабочих в управлении производством. Такая система управления означает крупный шаг вперед в деле организации социалистического производства. Чем серьезнее будут наши успехи в деле подготовки новых кадров и перевоспитания старых, тем быстрее и успешнее мы проведем принцип единоначалия в жизнь. Чем ближе к рабочим подойдут наши инженеры и техники и чем лучше они поймут необходимость опираться в своей работе на активную поддержку пролетарских организаций, при безусловной и строгой ответственности административно-технического персонала за свою работу, тем успешнее мы будем справляться с выполнением производственных программ. Чем больше будут вникать в существо производственного процесса наши хозяйственники-коммунисты, тем увереннее они смогут подойти к проведению единоначалия в управлении, к действительному осуществлению как строгой ответственности руководителей, так и высокой производственной дисциплины рабочих, без чего нельзя «догнать и перегнать» капиталистические страны.

Почти два года назад, после разоблачения шахтинского вредительства, партия об'явила борьбу с такими методами руководства хозяйством, которые характерны для так называемых «комиссаров плохого типа» в промышленности. В этой борьбе мы достигли еще незначительных результатов. Эта задача попрежнему стоит перед нами и сводится она, в конце-концов, к овладеванию существом производственных процессов, к овладеванию техникой производства. Это требует усиления технической и экономической подготовки среди хозяйственников-коммунистов и, в еще большей мере, развернутой работы по подготовке новых кадров, которые самостоятельно овладевали бы всем делом организации производства, включая и его технику.

Между прочим, в связи с необходимостью развернутой подготовки специалистов для хозяйственной и культурной работы, партией принято решение о реорганизации всего дела вузов, втузов и техникумов. Эти учебные заведения передаются соответствующим комиссариатам и хозяйственным об'единениям. Следует отметить и такое новое мероприятие, как превращение отдельных заводов в заводы-втузы. ВСНХ наметил в ближайшее время провести эту меру в отношении 3-х заводов. Так создаются новые, не существовавшие раньше в практике, методы подготовки кадров и, вместе с тем, нащупываются новые пути сближения между школой и производством.

В качестве иллюстрации к новым задачам, стоящим перед коммунистами в СССР, приведу пример из области научной работы. До последнего времени в Институте Красной Профессуры в вопросах политической экономии огромным влиянием пользовался некий меньшевик Рубин. При помощи отвлечения внимания от боевых вопросов теории советского хозяйства и теории мирового империализма к схоластическим абстрактным дисскусиям ему удалось направить внимание части нашей молодежи в ИКП по ложному пути. Некоторое время значительная группа подготовляющейся к научной работе молодежи находилась в плену этой рубинщины, меньшевистской—по своим политическим тенденциям, идеалистической—по своей основе. В связи с тем, что с критикой Рубина вначале выступали лишь товарищи, которые сами грешили по части склонности к идеологии правого уклона, вскрытие действительной меньшевистской сущности рубинщины затянулось. Только в последнее время—не без вмешательства со стороны ЦК—здесь произошел резкий перелом. Рубинщина, как и ошибки ее прежних критиков, в основном разоблачена. С материалами по этому вопросу можно познакомиться в последнем номере «Большевика» 1)).

Не мало общего с положением в области политической экономии мы имеем и в некоторых других областях научной работы. Задача самостоятельного овладевания наукой и техникой стоит перед большевиками, как боевая задача дня. Без решительных успехов в этой области мы не можем итти уверенно вперед.

Так обстоит дело с проблемой кадров.

3. О перестройке работы наших организаций.

Остановлюсь теперь на третьей группе задач: на вопросах перестройки работы всех организаций рабочего класса в соответствии с новыми условиями, в соответствии с переходом к реконструктивному периоду. Рост активности в массах и новые практические задачи требуют крупнейших изменений в аппарате пролетарской диктатуры и в методах его работы. Однако, перестройка организаций происходит зачастую слишком медленно.

Возьмем профсоюзы.

Второй год партия добивается решительного поворота профсоюзов к новым задачам. «Лицом к производству»—таков их теперешний лозунг. Но его проведение до сих пор наталкивается на огромные препятствия в профаппарате. Сплошь и рядом руководящие профорганы отстают от масс, что сказывается, например, в неумении возглавить движение ударничества. Отсутствие должной проверки работы ударных бригад приводит к большому количеству парадных резолюций и формально-декларативных заявлений об ударничестве, к необоснованному об'явлению себя ударными цехами и т. п. Передовые ударные бригады зачастую не имеют должного руководства и потому не получают необходимой поддержки. Между тем, это одно из важнейших условий того, чтобы лозунг «лицом к производству» на деле стал лозунгом профсоюзов, начиная от завкома и кончая высшими профорганами. Само собой разумеется, что поворот лицом к производству не может означать какого-либо забвения так называемой «защитной» работы. Забота о повседневных, и в том числе

---

1) См. «Большевик», № 2, ст. В. Милютина и Б. Борилина «К разногласиям в полит. экономии» и «От редакции». Ред.

мелких нуждах рабочих, чуткость к бытовым запросам рабочей массы, близость к ней всегда являлась первейшей обязанностью профсоюзов. И теперь эту сторону их деятельности не только нельзя ослаблять, но необходимо всемерно усиливать, еще больше заострив борьбу с бюрократическими тенденциями в профаппарате. При таком отношении к работе профсоюзов мы добьемся значительного ее улучшения, поднимем ее еще на одну ступень выше. Разрешению тех же задач способствует начавшаяся по решению ВЦСПС чистка профаппарата. Имея в виду наличие большой косности, рутины и бюрократизма в профаппарате, нельзя не приветствовать это решение. Большое значение будет иметь также кампания перевыборов, которая началась с союза металлистов.

Партия стремится осуществить поворот профсоюзов к производственным задачам, т.-е., усилить их роль в деле выполнения промфинплана, в деле осуществления пятилетки в 4 года.

Перейдем теперь к советам.

В области советского строительства, особенно в деревне, задачи теперь серьезно изменились. Прошлогодняя кампания перевыборов советов проходила в совсем других условиях, когда перелом в основной массе крестьянства в сторону коллективизации еще не произошел. Теперь необходим крутой поворот в работе советов под лозунгом «лицом к колхозному движению». С этой целью в январе месяце ЦИК СССР созвал специальное совещание из представителей местных советов. Но разве можно сказать, что мы уже осуществили этот лозунг? Конечно, еще нет. Между тем перестройка работы советов имеет громадное значение для дела коллективизации. Как основные органы пролетарской диктатуры, они должны стать во главе массовой коллективизации, они должны осуществлять руководство колхозным строительством, они должны повернуться лицом к нуждам колхозов, помогая устранять их недостатки и ошибки. Этого, однако, мы еще не имеем. Поэтому в ряде мест проведены и проводятся досрочные перевыборы советов под лозунгом «лицом к колхозам».

Произошла также перестройка партаппарата.

В ее основе лежит усиление внимания всего аппарата к проблеме кадров, к проблеме распределения работников и подготовки новых, а также улучшение партийного руководства различными отраслями строительства. Аппараты вышестоящих органов теперь количественно сокращаются, а руководящий состав работников укрепляется за счет более квалифицированых партийных сил. В серьезной перестройке работы нуждаются также и наши партийные ячейки, особенно на предприятиях.

В деле перестройки работы профсоюзов, советов и партии, а также и других организаций рабочего класса, нам предстоит еще большая работа.

4. Вопросы внутрипартийной политики.

Наконец, о задачах, связанных непосредственно с нашей *внутрипартийной политикой*. Нельзя забывать, что имеющиеся у нас успехи обусловлены упорной и систематической борьбой против извращения ленинской линии партии, против всяких уклонов от ленинизма.

События развертываются настолько быстро, что мы не всегда хорошо помним о пройденных этапах. Между тем после X пленума ИККИ, т.-е. в совсем недавние дни, мы имели крупнейшие события в ВКП(б).

К числу таких событий нужно отнести разгром правых и последовавшую затем их капитуляцию. Этот факт имеет большое значение не только для ВКП(б), но и для всего Коминтерна. Он оказал свое влияние и на настроение отдельных групп в других партиях. Последние сообщения о капитуляции некоторых правых в Германии, напр., Эверта и др. подтверждают этот вывод.

За то же время произошел окончательный распад троцкистских кадров. Известно, что подавляющая часть троцкистов, вместе с виднейшими лидерами, капитулировала, признав правильность политики партии и ошибочность своей линии. За Троцким осталась лишь жалкая группа, запутавшихся и мало известных рабочим, людей. Все это — нельзя не записать в актив партии.

Но, товарищи, дело не в лаврах победителей. Для нас важна прежде всего принципиальная сторона дела. О принципиальном же значении борьбы против правых оппортунистов, оппортунистов откровенного типа, и против «левых» оппортунистов, оппортунистов троцкистского толка, мы должны еще раз напомнить. Без преодоления этих правых и «левых» уклонов мы не имели бы тех успехов, которых пролетариат СССР добился в настоящее время.

Борьба против троцкизма была борьбой за ленинскую политику в отношении основного союзника пролетариата в СССР—за политику союза со средним крестьянством. Не разгромив троцкизма, не разоблачив до конца его антиреволюционной сущности, мы не могли бы сделать наш союз с середняком таким прочным и таким могучим, каким он должен быть для осуществления коллективизации. Без этого союза, под руководством стоящего у власти рабочего класса, невозможно строительство социализма. Между тем, сущность троцкизма как раз и заключалась в отрицании возможности прочного союза с мелким собственником, крестьянином - середняком и в неверии в возможность победоносного строительства социализма в СССР. Без разоблачения этой пораженческой сущности троцкизма, без борьбы со всеми его разновидностями рабочий класс нашей страны не мог бы с несокрушимой настойчивостью и энтузиазмом преодолевать трудности на своем пути. Разгром троцкизма и закрепление союза с середняком были важнейшими предпосылками успешного развертывания социалистического строительства.

Решительная борьба против правых оппортунистов имела также громадное принципиальное значение. Она была необходима для того, чтобы союз с середняком превратить в орудие борьбы против капиталистических элементов и за социалистическую реконструкцию земледелия. Правые колебания проявились в партии с особой силой именно в тот период, когда рабочий класс должен был перейти к политике решительного наступления на капиталистические элементы, особенно в деревне, что не могло не сопровождаться усилением колебаний в мелкобуржуазных слоях. Не случайно также и то, что капитуляция правых в нашей партии совпала с переломом в настроениях среднего крестьянства в сторону социализма. Борьба против правых означала борьбу против мелкобуржуазных колебаний в рабочем классе, не говоря уже о колебаниях в среде крестьянства в сторону кулака. Без разоблачения ликвидаторской сущности политики правых оппортунистов, без преодоления правых колебаний в кадрах партии, мы не могли бы произвести мобилизации рабочего класса, а вместе с ним и крестьянских масс для успешного проведения политики ликвидации кулачества как класса. Таково огромное принципиальное значение борьбы против правого уклона и примиренчества с ним.

Однако, нельзя рассматривать борьбу с троцкизмом и правым уклоном только как пройденный этап. В новых формах разновидности этих настроений находят место и сейчас, будут встречаться и в дальнейшем. Борьба на два фронта—не снята партией с порядка дня.

Срывы в проведении политики партии и теперь нередкое явление, они встречаются на каждом шагу. Мелкобуржуазной бесхарактерности и истеричности, столь характерной для настроений троцкистского типа, немало еще даже в партийной среде. Они находят себе выражение в проявлениях такого рода «левизны», как подмена административным нажимом действительной работы в массах при проведении коллективизации, как «раскулачивание» некоторых середняков, не повернувших пока что на путь коллективизации, а также в головотяпстве с закрытием церквей в административном порядке и т. п. Сюда же относятся рассуждения о том, что в виду наших успехов ленинский вопрос «кто кого?» уже будто бы снят. Такое перепрыгивание через этап обостренной классовой борьбы, каким является настоящий период, является одним из ярких примеров оппортунистического смазывания классовых задач пролетариата под флагом «левых» фраз и потому несовместимо с ленинизмом. Борьба с такой «левизной», на деле представляющей разновидность оппортунизма, является нашей большевистской обязанностью. Без борьбы с такой «левизной» не может быть серьезной борьбы с правым оппортунизмом.

С другой стороны, нельзя забывать, что почва для мелкобуржуазных колебаний откровенно правого толка еще весьма благоприятна. Оппортунистическая дряблость, и особенно пассивность

в вопросах борьбы с кулачеством, характерны для этого рода настроений. Нашлись, например, такие товарищи, которые признали своевременной, в связи с нашими успехами в деревне, ликвидацию советов в районах сплошной коллективизации. Так, в армавирской газете появилась недавно заметка под заглавием «Ликвидация советской власти». И в других местах встречались коммунисты—сторонники передачи «советской власти» правлениям колхозов. В этих взглядах нашли свое отражение оппортунистическая мягкотелость и прямая пассивность в вопросах борьбы с классовым врагом. Иначе нельзя об'яснить эти ликвидаторские настроения в отношении советов, являющихся основными органами пролетарской диктатуры, значение которых должно возрасти в период обострения классовой борьбы. С этими демобилизационными настроениями большевики также должны вести неустанную борьбу.

В период быстрых успехов, особенно в деревне, необходимо подчеркнуть опасность «левых» увлечений. Как известно, успехи кружат голову. Намечается, скажем, план развертывания коллективизации,—план выполняется и перевыполняется, и притом в гораздо более быстрые сроки. Начинают писать бумажные сверхпланы. Или—другой пример. Намечается переход крестьян в артели, а затем после первых успехов начинают и там и тут торопиться с переходом уже в коммуны, не дожидаясь хотя бы некоторого закрепления артелей. Все это весьма похоже на настроение — «шапками, мол, закидаем». Надо своевременно понять опасность этих настроений, иначе легко оторваться от почвы и потерять связь с массами, а такой разрыв — прямая помощь классовому врагу.

Наши успехи велики только потому, что они опираются на активную поддержку масс. Без этого, без опоры на широчайшие массы бедняков и середняков, от этих успехов ничего не останется. Непременным условием руководства пролетариата крестьянскими массами является умение считаться с особым укладом их жизни, что предполагает правильный учет силы привычек и отсталости трудящихся деревни. Не только поставить хорошую цель, но и уметь найти правильные пути ее осуществления—такова задача руководства. В теперешних условиях это значит—сплотить бедноту и батрачество вокруг партии, организовав их ядро и, вместе с тем, укрепить союз с середняком для проведения политики ликвидации кулачества. Не плестись в хвосте масс, но и не отрываться от них—вот что означает в деле строительства социализма умение сочетать цель и средства ее осуществления. Без упорной и терпеливой работы по закреплению наших успехов в коллективизации, без решительной и систематической борьбы с погоней за показными темпами и другими проявлениями «левых» заскоков мы не сделаем прочными наши достижения и не обеспечим дальнейшего движения вперед.

Борьба на два фронта за линию партии, за политику ленинизма и сейчас имеет актуальнейшее значение. Ударение же в этой борьбе мы должны делать в соответствии с особенностями момента[1]).

Перехожу к итогам.

* * *

Что же происходит в СССР? На этот вопрос я отвечу прежде всего словами деятелей из буржуазного лагеря.

Процитирую сначала мнение Ллойд-Джорджа:

> «Большевизм не погиб и, кажется, стоит, как никогда, на крепких ногах. Будущее большевизма в огромной мере зависит от успеха или неудачи пятилетки. Основная мысль пятилетки столь же смела, как и умна. В осуществлении пятилетки большевизм беспощадно последователен. Большевистская диктатура делает героические усилия для реорганизации земледелия и промышленности. На ограниченные средства, имеющиеся в его распоряжении, Советский Союз покупает за границей самые усовершенствованные машины. Если пятилетка победит, Советский Союз станет чрезвычайно важным фактором в области транспорта, торговли и финансов» [2]).

Последней фразой Ллойд-Джордж пытался ограничить значение наших успехов. Этому нам не приходится удивляться.

А вот что пишет о СССР Вандервельде, один из лидеров II Интернационала:

> «Нельзя освободиться от впечатления, что там применяются гигантские усилия, что эти усилия дали, по крайней мере, частичный успех (как, например, в нефтяной промышленности), и что, во всяком случае, из хаоса, в котором все еще находится революционная Россия, возникает нечто великое, нечто новое, что ни в чем не похоже на созданное и существующее в других местах» [3]).

Нельзя не согласиться с Вандервельде, что то, что происходит в СССР под руководством партии III Интернационала, совсем не походит на положение в капиталистических странах, где во главе правительств стояли или стоят сейчас социалисты II Интернационала.

Процитирую теперь отрывок из статьи руководящего органа военных кругов Германии:

> «Именно потому, что советское правительство знает, что растущая индустриализация тождественна с растущей обороноспособностью страны,

---

[1]) В последних указаниях партии (постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении, статья тов. Сталина «Головокружение от успехов», одобренный ЦК примерный устав с.-х. артели в его окончательной редакции) с особой настойчивостью подчеркивается необходимость борьбы с искривлениями партийной линии, как-то: нарушением принципа добровольности в колхозном строительстве, «раскулачиванием» середняков и т. д. В постановлении ЦК («Правда» от 15 марта) прямо говорится, что «все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». Только исходя из этих указаний партии, можно обеспечить правильное проведение в жизнь ленинской политики партии. *В. М.*

[2]) «Нейе Фрейе Пресс», от 28 декабря 1929 г.

[3]) «Ригаше Рундшау», от 4 января 1930 г.

> оно серьезно заинтересовано в сохранении мира, как первой предпосылки осуществления пятилетки. С другой стороны, оно боится, что враги имеют тем больший интерес в воспрепятствовании осуществлению пятилетнего плана, который обозначает необыкновенное укрепление всех хозяйственных, политических и военных сил Советского Союза» [1]).

Нельзя не согласиться и с этими рассуждениями спецов германского милитаризма. Не подлежит сомнению, что осуществление пятилетки означает «необыкновенное укрепление всех хозяйственных, политических и военных сил Советского Союза».

Наконец, вот что говорит по поводу коллективизации деревни солидный английский журнал «Экономист»:

> «Осуществится ли или нет эта надежда, русская аграрная революция увеличивает все больше свой размах, и эксперимент, который проделывается сейчас в одном миллионе русских деревень, составляет одно из величайших явлений в истории современной экономики» [2]).

В этой статье, озаглавленной «Реконструкция в России — тракторная революция», особенно сильно сказывается стремление смазать значение того, что у нас происходит. Как же иначе можно назвать попытку «Экономиста» охарактеризовать коллективизацию миллионов крестьянских хозяйств, как... «тракторную революцию»? Даже для самоуспокоения так поступать не рекомендуется. Слишком уж не похоже то, что у нас происходит, на простую «тракторную революцию». Нет, это далеко не только тракторная революция! Это нечто побольше.

Говорят также, что это—«антикулацкая революция». Конечно, в известном смысле можно так сказать. Но и это определение для уяснения существа дела явно недостаточно. Происходит нечто гораздо большее, чем антикулацкая революция.

Что же происходит в СССР? Обратимся к фактам и сделаем из них вывод.

Остановлюсь на трех моментах.

Во-первых. Самое важное то, что происходит у нас в области производства. До последнего времени, до решающего перелома в коллективизации, только в индустрии мы имели господство производства социалистического типа, при чем из года в год значение последовательно-социалистических элементов в индустрии (и транспорте) возростало. В сельском же хозяйстве социалистические элементы занимали ничтожное место. Решающим фактом последнего времени является переход основной массы мелких крестьянских хозяйств к крупному сельско-хозяйственному производству социалистического типа, что связано с ликвидацией капиталистических элементов в деревне. К социалистической индустрии присоединяется теперь перестраивающееся по-социалистически сельско-хозяйственное производство. Таким образом, СССР прочно становится на социалистическую производственную базу.

---

[1]) «Миллитер Вохенблат», от 11 февраля 1930 г.

[2]) «Экономист», от 4 января 1930 г.

Во-вторых, относительно товарооборота и кредита. Господствующее положение государственно-кооперативной торговли прочно закреплено. К концу этого года, даже в розничном обороте, частный сектор будет составлять только одну десятую. Реорганизация кредитной системы как бы завершает приспособление к реконструктивному периоду хозяйственного аппарата с его «надстройками».

Таким образом, совокупность изменений в хозяйственном аппарате,—в производственном, торгово-посредническом и кредитном—дает представление об отличии нынешнего этапа нэпа от первого его периода.

В-третьих, о госаппарате в целом. Здесь перестройка идет значительно медленнее. Но изменения, происходящие теперь в производственной базе, а также в товарообороте, особенно в связи с ростом предпосылок для установления планового продуктообмена между городом и деревней, не могут не отразиться и на общегосударственной системе в целом. Движущей силой перестройки госаппарата является участие рабочих масс в государственном управлении. По разным каналам усиливается теперь вовлечение масс в это дело. Серьезные успехи в улучшении государственного управления в целом связаны с успехами культурной революции, подлинным началом которой являются быстро растущие культурные запросы рабочих и крестьянских масс.

Перечисленные моменты, характеризующие происходящие в СССР процессы, позволяют перейти к общему выводу. Этот вывод заключается в том, что в Советском Союзе закладывается теперь фундамент социалистического общества. Мы развернули стройку этого фундамента по всей линии и, несмотря на все трудности, успешно продвигаемся вперед.

Все это ведет к коренному изменению не только внутреннего положения СССР, но и к важнейшим переменам в международной области. Остановимся в двух словах на этом последнем моменте.

Нечего говорить, что с самого начала создания Советской Республики была проведена резкая принципиальная грань между СССР и буржуазными государствами. Противоположность политических принципов страны советов и буржуазных государств сказывалась на каждом шагу. Однако, только теперь, в связи с массовой коллективизацией, эти различия достигают своей максимальной остроты. До последнего времени вдоль государственной границы СССР с обеих сторон располагались хозяйства, примерно, одного типа: и там и тут господствовало мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Коренных производственных различий, поскольку речь шла о сельском хозяйстве, не было. Теперь положение круто меняется: к самой границе буржуазных государств вплотную подходит коллективизированное сельское хозяйство. Таким образом, сразу же за этой границей начинается не только другой политический строй, но и другой тип хозяйства,—другой хозяйственный строй. Принципиальная противоположность между страной строящегося социализма и внешним капиталистическим окружением обнажается. С этим нельзя не считаться в политических выводах.

Нельзя не считаться и с тем, что такое положение в огромной мере повышает значение СССР в отношении влияния на трудящихся капиталистических стран и стран колониального типа, особенно в условиях назревающего мирового экономического кризиса.

Буржуазия стран империализма уже делает из этого свои выводы. Бешенно развертывающаяся антисоветская кампания, под каким бы предлогом она ни проводилась, свидетельствует об этом. Вопрос о подготовке империалистами войны против СССР становится теперь особенно актуальным. Советский Союза знает однако, что в лице международного пролетариата он имеет могучего союзника. В ответ на ожесточенные атаки империалистов против СССР, поднимаются во всем мире новые колонны революционных рабочих в защиту своих прав и СССР, как прообраз своего освобождения. Нарастающий революционный под'ем вселяет бодрость в рабочий класс нашей страны, укрепляя уверенность в победе. Пролетариат Советского Союза считает своей первейшей обязанностью укрепление связи со всем международным пролетариатом и угнетенными массами колоний. Успешное продвижение вперед в деле социалистической индустрии, развертывание коллективизации бедняцко-середняцких масс в деревне с осуществлением по мере коллективизации лозунга «ликвидации кулачества как класса», при крепнущей поддержке социалистического строительства в СССР со стороны международного пролетариата, превращает нашу страну в силу, которую не сломишь, в государство, которое не победишь! (Продолжительные аплодисменты).

Тельман.

В борьбе за большинство германского пролетариата.

1. Из доклада тов. Тельмана на расширенном президиуме ИККИ.

X пленум ИККИ по вопросу о развитии в Германии в связи с вопросом о репарациях сказал, между прочим, следующее:

«Репарационные тяготы ведут внутри Германии к быстрому обострению классовой борьбы, которое находит свое выражение, с одной стороны, в безудержном наступлении капитализма, а с другой — в крупных массовых выступлениях пролетариата. Двойное обременение германского пролетариата репарационными платежами и нажимом собственной буржуазии ускоряет созревание революционного кризиса в Германии...». (Резолюция X пленума).

Немногие месяцы, протекшие с X пленума до настоящего времени, в самой полной мере подтверждают правильность этого тезиса. В Германии в особенности репарационный вопрос становится решающей проблемой, господствующей над всем ходом политического развития в целом и определяющий его. Ныне, после результатов Гаагской конференции, можно сказать, что план Юнга имеет не только национальное значения для Германии, но что он является международной мировой программой буржуазии против Советского Союза. Результат Гаагской конференции заключается в том, что в первую голову германская буржуазия должна наступать не только против германского пролетариата, но, равным образом, и против Советского Союза.

Величайшее значение имеет факт внутренних противоречий между различными партиями II Интернационала в вопросе о плане Юнга, с одной стороны, и с другой стороны, сплоченного единства Коминтерна по отношению к этой проблеме во всем мире. К сожалению, это единство не находит своего полного активного выражения в различных партиях. Было бы необходимо, чтобы, когда в рейхстаге будет ратифицирован план Юнга, важнейшие секции Коминтерна выявили, какую они занимают позицию по отношению к плану Юнга и его разбойничьим результатам для германского пролетариата.

Большое значение имеет мировой репарационный банк, который не только кладет начало экономической, в особенности же сильнейшей финансовой блокаде Советского Союза, но вместе с тем возьмет в свои руки устранение валютных затруднений при возникновении империалистической войны против Советского Союза.

С принятием плана Юнга связаны также различные внутренние законы, международные договора и темные сделки, которые частью носят агрессивный характер по отношению к Советскому Союзу. Я ограничусь упоминанием о германско-польском ликвидационном соглашении, в результате которого в Германии среди населения возникло сильнейшее недовольство планом

Юнга. За этим германско-польским ликвидационным соглашением скрываются военные намерения на том фронте, создать который поставил себе целью американский капитализм, а именно использовать Германию в качестве плацдарма для развертывания наступления против Советского Союза.

Важнейшей проблемой для германской буржуазии является, несомненно, экспортная проблема. Германия должна на протяжении первого платежного периода, продолжающегося 37 лет, в среднем выплачивать ежегодно по 2,2 миллиарда. К этому еще следует прибавить 14 миллиардов кредитов, которые были получены Германией за последние годы во время действия плана Дауэса. Если считать проценты по долгу совершенно скромно в 8% и погашение в 2%, то к 2,2 миллиардам ежегодной дани прибавится еще 1,4 млрд. процентов по долгу. Кроме того наступают крупные затруднения вследствие изменения формы товарных платежей за счет репараций.

В то время как германская буржуазия при существовании плана Дауэса имела возможность платить германской маркой, она в настоящее время обязана в течение всего срока платежей по плану Юнга платить лишь в золотой валюте. Эта проблема становится для германской буржуазии особо затруднительной в связи с тем экспортным кризисом, который переживает капиталистическое мировое хозяйство в целом. Он означает, что германский товарный экспорт в будущем наткнется на непреодолимые затруднения также в связи с новым экспортным наступлением американского империализма. Последний пытается проникнуть все в большей мере не только в колонии и в полуколонии, но также и в Германию и другие страны.

Германский сбыт за границу за последний квартал по сравнению с третьим кварталом 1929 года снизился на 7%, а на внутреннем рынке — на 17%. Это были первые серьезные предвестники явлений кризиса, которые в дальнейшем должны привести Германию к настоящему кризису. Что в Германии мы имеем дело уже с определенным, настоящим кризисом, доказывает, например, наличие 3½ миллионов безработных. Цифра последних продолжает увеличиваться с каждым днем. При этом я не присчитываю гигантское число работающих уже сейчас неполное рабочее время. Число последних достигает, быть может, 2 миллионов. Начавшееся медленное сокращение производства в сталелитейной и железоделательной промышленности за последние 2 месяца также служат доказательством этого явления. Дальнейшим доказательством является колоссально заостренный аграрный кризис в Германии, который еще более усилится вследствие падения цен на пшеницу и рожь. И в качестве последнего доказательства я укажу на недостаток капиталов, который может превратиться в серьезнейший фактор кризиса.

В результате мирового экономического кризиса, в процессе развития которого уже можно отметить крупные снижения цен в отношении важнейших продуктов, для Германии наступят гигантские затруднения в деле погашения репарационных платежей и в результате нового экспортного наступления Америки, вследствие которых германская буржуазия будет вынуждена к чрезвычайному усилению своего экспорта и удешевлению своей продукции.

Мне нет нужды в этих рамках излагать, какие эксплоататорские мероприятия германская буржуазия должна будет в связи со всем сказанным провести в отношении германского пролетариата и всех трудящихся. В усилении капиталистического наступления за последние месяцы уже обнаружилось, что вся тяжесть платежей все же возлагается только на германский пролетариат и на все те слои, которые мы причисляем к трудящимся.

Об обострении военной опасности и о реакционном повороте германской буржуазии против Советского Союза, прежде всего, свидетельствуют крупная систематическая кампания в печати против Советского Союза и против коммунизма, которая проводится за последние месяцы, факт оправдания обвиняемых по делу о подделке советских червонцев — эта наглейшая провокация против Советского Союза — и тот факт, что центр тяжести флота переводится в Балтийское море, из Вильгельмсгафена в Киль. За последние дни прусским социал-демократическим министром внутренних дел было издано постановление, направленное исключительно против находящихся в Германии русских, против русских коммунистов в Германии. Упомяну, наконец, о нападении на торговое представительство в Мюнхене и о проектирующемся нападении на советское торговое представительство в Берлине, а также на колоссальную активность партии центра, где, например, такой человек, как Витус Геллер, который еще недавно писал статьи за Советский Союз, сейчас в печатных органах партии центра с величайшей резкостью поддерживает антисоветскую агитацию.

Я думаю, что эти немногие факты представляются уже достаточными, чтобы показать, что военные приготовления германской буржуазии, руководимые из Америки, сейчас вступили в совершенно иную стадию, чем это имело место во время VI всемирного конгресса и VIII пленума. В решениях партейтага в Ведингe,—на котором нам пришлось заняться рассмотрением также и точки зрения примиренцев, которые тогда неоднократно пытались выдвинуть на первый план военную опасность между империалистическими державами и затушевать, что военная опасность уже вступила в стадию, в настоящее время очевидную для всех и каждого, — говорится:

«Непосредственная военная опасность, стоящая в порядке дня, война, к борьбе против которой международный пролетариат должен готовиться в первую очередь, это война — интервенция против Советского Союза, классовая война мировой буржуазии против мирового пролетариата, уже вступившая в стадию подготовки непосредственных вооруженных выступлений».

В другом месте, где мы занимаемся вопросом о правых ликвидаторах и примиренцах, говорится:

«Правые ликвидаторы коммунизма и фракция примиренцев в партии, которые смазывают антисоветский характер германской внешней политики и политики вооружений и отводят внимание рабочих масс от опасности интервенции на конфликты внутри империалистического лагеря, также препятствуют и мешают развертыванию активности коммунистической партии в целях защиты Советского Союза».

Во время VI всемирного конгресса примиренцы под руководством Эверта и эти вопросы ставили неправильно. Большинство германской делегации пыталось тогда выпятить на передний план именно тот факт, что крупным героическим развитием пролетарской диктатуры будут обостряться также мероприятия мирового империализма против твердыни социализма. Мне думается, что данная нами тогда характеристика, что главной опасностью является опасность войны против Советского Союза, получила свое подтверждение не только на X пленуме ИККИ, но и в тех фактах, которые обнаружились за последние недели и месяцы во всем мире. Мне хочется, равным образом, отвергнуть взгляд о том, что Шахт в качестве представителя Америки пытался выставить Германию против Англии и Франции, а также против Советского Союза. Каждый знает, разумеется, что Шахт и Морган в международной области и в Германии делают совместные дела. Но ставить вопрос таким образом, будто американский империализм хочет выдвинуть Германию против Англии и Франции, представляется совершенно неправильным. Это можно было бы доказать на основе тех переговоров, которые имели место за последнее время и знаменуют собой германско-французское сближение.

Мы сегодня можем утверждать с полным правом, что важнейшая ударная сила на военном фронте против Советского Союза — это нынешнее социал-демократическое коалиционное правительство. У нас были на VI всемирном конгрессе разногласия относительно деятельности социал-демократического правительства и особенно относительно роли социал-фашизма. Я напоминаю о том, что, например, тов. Эверт совершенно не понимал, что с вступлением социал-демократии в правительство должен был также передвинуться социальный базис социал-демократии, также и в том смысле, что она в целом должна развиваться в буржуазную сторону. А это, ведь, должно при правильной политике коммунистической партии толкнуть важнейшие пролетарские классовые элементы в ряды коммунистического фронта. Мы уже имели по этому вопросу после результатов выборов в мае 1928 г. в Центральном Комитете и во всей партии различные мнения. Товарищи, группировавшиеся вокруг Эверта,— не говоря уже о правых ликвидаторах, стоящих вне партии,— в это время совершенно неправильно расценили те 9 миллионов голосов, которые были поданы за социал-демократию. Вне всякого сомнения, правильно, что социал-демократия являлась оборонительным укреплением для буржуазии. Но с точки зрения революционной классовой борьбы мы должны не только поставить вопрос, в какой мере социал-демократия представляет собой препятствие для революционной классовой борьбы, в какой мере она является активным фактором, решительно выступающим против пролетарской классовой борьбы, но и вопрос о том, имели ли мы при тех 3¼ миллионах голосов, которые собрала коммунистическая партия, величайшие политические возможности для развертывания и углубления нашего революционного классового фронта в связи с правительственной деятельностью социал-демократии.

В этом отношении у примиренцев наблюдался величайший пессимизм, в то время как в партии и у большинства партийного руководства создалась та оптимистическая основа, из которой мы исходили. Сейчас мы можем сказать, что факты развития доказали правоту Коммунистического Интернационала и германской партии. Предложенные в то время тов. Бухариным тезисы содержали в себе те настроения и тенденции, которые в различных заседаниях выражались меньшинством германской делегации. В настоящее время мы можем подвести определенный баланс деятельности социал-демократического коалиционного правительства. Мне думается, что в основном можно отметить, что социал-демократическим коалиционным правительством выполняются в интересах германской буржуазии следующие три стратегических задач: 1) проведение капиталистического наступления по линии плана Юнга; 2) военная подготовка против Советского Союза; 3) насильственное подавление революционного движения в Германии.

На основе этих трех главных стратегических задач политики социал-демократического правительства мне и представляется целесообразным во всем Интернационале рассмотреть вопрос, как социал-фашистское развитие в Германии, природа социал-фашизма находит свое выражение в роли, выполняемой социал-демократией. Мы можем сегодня утверждать с полным правом, что Германия для многих других капиталистических стран в подлинном смысле этого слова явится областью для проведения социал-фашистского эксперимента. Конечно, и германская буржуазия — как буржуазия во всех других странах — пытается использовать два метода: метод социал-фашизма и метод фашизма. Мы не скрываем также того, что в Германии в самое последнее время рядом с социал-фашизмом вырос также и национал-фашизм. Национал-фашизм, выставляющий рабочие батальоны, с оружием в руках борющиеся против революционного классового фронта, социал-фашизм, который с социал-демократическими полицейпрезидентами и социал-фашистами в правительстве кроваво подавляет безработных и рабочих на улицах руками полиции, — дополняют друг друга.

Мне думается, что здесь мы имеем полнейшее срастание социал-фашизма и фашизма в общем ходе развития, имеющего величайшее значение также и для других стран. Если, например, в последнее время в правительство Тюрингии вступил представитель национал-фашизма, то это доказывает, что национал-фашизм медленно отходит от своей первоначальной безудержной агитации и что на него в рамках конституции германской республики возлагаются те же задачи по проведению в жизнь плана Юнга, как и на социал-фашизм. В особенности самые последние факты развития в Германии обнаруживают прогрессирующее срастание социал-фашизма с национал-фашизмом. Конечно, в Германии национал-фашизм может продвигаться вперед только потому, что для него пролагает путь социал-фашизм. Мы имеем два характерных факта, которые можно было бы противопоставить друг другу, чтобы доказать это: запрещение Союза красных фронтовиков и антифашистских организаций и сохранение фашистских организаций в Германии. И притом не только сохранение фашистских организаций, но также и тот факт, что правительство проводит мероприятия, направленные к тому, чтобы на базисе фашистских организаций построить свою собственную регулярную армию. Можно сказать, думается мне, что социал-фашизм — чрезвычайно трудно найти подходящее слово,— является оруженосцем фашистской диктатуры. Представляется чрезвычайно затруднительным различать развитие социал-фашистской диктатуры в стадии реакционных насильственных мероприятий социал-демократического правительства, какое мы имеем в Германии, от методов фашистской диктатуры. Следующий вывод, который нужно сделать, это тот, что социал-фашистская диктатура свои мероприятия против революционного фронта еще отнюдь не развернула в той мере, в которой она это сделает в процессе ближайшего развития.

Наша братская австрийская партия, думается мне, в чрезвычайно недостаточной мере обратила внимание на этот факт в развитии фашизма. То слияние социал-фашизма и национал-фашизма, которое в Австрии проявляется в других формах, чем в Германии, примет иные формы и в некоторых других странах. Чем сильнее будут становиться революционные массовые выступления, ведущие к обострению политического кризиса, тем сильнее и агрессивнее будут фашистские методы подавления пролетариата.

При каждом революционном обострении ситуации социал-демократия вступает в правительство. В 1919 году она вступает в правительство, чтобы подавить революцию. В 1923 году она вступает в правительство, чтобы при помощи закона об исключительных полномочиях нанести поражение пролетариату в Саксонии, Гамбурге и др. областях Германии. Ныне, когда в порядке дня стоит план Юнга и его проведение в жизнь, социал-демократия является наиболее активным фактором буржуазии в борьбе против революционного пролетариата и в деле подготовки войны против Советского Союза. «Форвертс» писал несколько дней тому назад о необходимости встать на путь разрыва дипломатических отношений между Германией и Советским Союзом. Тов. Мюнценберг сообщил, что за последние дни в комиссию по уголовному законодательству германского рейхстага министром внутренних дел социал-демократом Зеверингом было послано письмо, в котором он указал на усиление коммунистических беспорядков, упомянул о том, что в редакции «Форвертса» были выбиты стекла, и требовал немедленного принятия закона о защите республики. Мне думается, что оба эти примера показывают, что социал-демократия, с одной стороны, решительнейшим образом поддерживает новые военные приготовления против Советского Союза и, с другой стороны, пытается средствами самого грубого насилия разбить революционный классовый фронт.

Ответ на вопрос, в какой мере — или правильнее,— как долго социал-демократическая правительственная коалиция будет являться наиболее пригодной формой правительства, в настоящее время зависит от различных факторов. Мы держимся того мнения, что нынешнее социал-демократическое правительство еще долгое время будет находиться у кормила правления. Но

при этом нельзя исключать возможность того, что вследствие парламентских голосований и внепарламентских конфликтов может наступить изменение в правительстве. Однако, общая ориентация и план, который поставило перед собой это правительство в деле проведения в жизнь плана Юнга и в области финансовой и налоговой программы, заставляет считать вероятным, что это правительство более длительное время останется у руля.

При рассмотрении социал-фашизма мы не можем ставить вопрос таким образом, находится ли социал-фашизм внутри или вне правительства. Политика социал-фашизма, независимо от того, находится ли он внутри или вне правительства, во всех случаях будет направлена против революционного классового фронта и будет проводиться в целях осуществления задач буржуазии, одними и теми же методами без значительных изменений. Если мы, следовательно, подведем баланс деятельности правительства, то, естественно, обнаружится растущее противоречие: во 1) по отношению к миллионным массам избирателей, отдавшим свои голоса социал-демократии, и во 2) по отношению к одной части социал-демократических членов в рядах партии, в профсоюзах, а также во многих массовых организациях. С другой стороны, все больше складывается сильное крыло из находящихся в государственном аппарате элементов рабочей аристократии и из таких элементов, которые проводят политику социал-фашизма против революционного классового фронта в предприятиях, в профсоюзах и т. д. Мы видим, например, это развитие лучше всего на примере национал-социалистической партии Германии. Еще недавно эта партия выступала в Германии в своей агитации с большими обещаниями по отношению к средним слоям и пролетариату, при чем буржуазия ее отнюдь не призывала к порядку. Сегодня мы видим, что «национал-социалистическая рабочая партия» не может давать никаких обещаний пролетариату и средним слоям, потому что в нынешней заостренной ситуации германская буржуазия должна была запретить руководству этой партии выступать с особыми обещаниями.

Отсюда, разумеется, получается иная позиция национал-социалистов. Так, например, они вошли в состав правительства Тюрингии. Они согласны, стоя на почве конституции и на почве республики, проводить план Юнга совместно с социал-фашистами и буржуазией. Поэтому мы со стороны национал-фашистов и не слышим больше ни одного слова о национальном угнетении в Южном Тироле. Поэтому мы не слышим также от них ничего о реванше против Франции, еще несколько лет тому назад пропагандировавшимся фашистами. Сейчас об этом уже давно позабыто. Поэтому мы наблюдаем и абсолютное включение их в сплоченнейший боевой фронт вместе с социал-фашистами и буржуазии против Советского Союза и участие их во внутренней политике в рамках конституции и республиканских законов, поскольку фашисты сами в настоящей ситуации совсем не в состоянии сделать что-либо большее по пути реакции, чем социал-фашисты. Мне думается, следовательно, что этими немногими чертами развития мы можем подвести баланс деятельности нынешнего правительства. Мы можем также добавить, что подобное же развитие будет иметь место в других странах, в которых существует сильная коммунистическая партия, проводящая правильную политику. Лишь таким образом мы можем ставить вопрос о дальнейшем существовании нынешнего правительства.

«Кельнише Цейтунг» несколько недель тому назад писала об этом следующим образом:

«Нельзя, однако, обманывать себя насчет того, что правительство стоит перед тяжелыми задачами. Поэтому надлежит приложить все силы для того, чтобы содействовать прочности правительства и коалиции. И это тем более, что мы не знаем, что положительное можно было бы поставить на место нынешнего правительства».

В другом месте там говорится следующее:

«... Чем больше укрепляется впечатление, что рейхстаг столь же слабовольно и нерешительно вступил в новый год, как он покинул старый год, тем больший соблазн оно создает для всех любителей переворотов, которые только и ожидают того, что германский парламент окажется совершенно несостоятельным и что существующая система должна будет сойти со сцены».

Мы видим, таким образом, как руководящий орган германской народной партии оценивает ситуацию. Этими немногими строками самым точным образом характеризуется подлинное положение вещей в Германии. В такой ситуации, когда на периферии миллионы масс медленно отворачиваются от социал-демократии или социал-фашизма, естественно, в социал-демократии становится серьезным фактором «левый» социал-фашизм, на который падает задача десяткам тысяч членов социал-демократии преградить пути к коммунизму, в ряды коммунистической партии Германии. Коминтерн в своих последних решениях постоянно констатировал, что в настоящее время внутри социал-демократии опаснейшую роль играет «левый» социал-фашизм. Я думаю, что в настоящей стадии этот факт играет крупную роль не только в Германии, но и в других странах Европы и, быть может, также в странах других континентов.

Представляется фактом, что «левая» социал-демократия, например, вынуждена даже отказаться от своей левой демагогии и фразеологии, что, например, при голосовании вотума недоверия саксонскому правительству «левый» социал-фашист Бёшель был вынужден совместно с членом германской народной партии Бюнгером заявить в заседании саксонского ландтага, что оба они готовы создать в Саксонии большую коалицию. Здесь обнаруживается, что «левый» социал-фашизм, который еще недавно мог проводить кажущуюся оппозицию против коалиционной политики, в настоящее время выступает за правительственную политику в общегерманском масштабе и за создание саксонского правительства совместно с германской народной партией. При этом «левый» социал-фашизм маневрирует таким образом, чтобы природу этого правительства представить перед рабочими массами в другом свете, чем правительство буржуазного блока, которое ранее существовало в Германии и еще немного недель тому назад в Саксонии. Я думаю, что в настоящий момент эта политика «левой» социал-демократии играет большую роль, поскольку она является значительным препятствием для социал-демократических рабочих, желающих перейти в коммунистическую партию.

Те данные, которыми мы располагаем, указывают на то, что «левый» социал-фашизм представляет собой не только национальное германское явление, но колоссально серьезное международное явление, касающееся всего Коминтерна. Дело заключается не только в том, что «левый» социал-фашизм в Саксонии переходит в наступление и пытается при помощи этой демагогии задержать массы, но и в том, что он пытается завоевать различные позиции в общегерманском масштабе, в результате чего социал-демократические рабочие опять-таки на время вводятся в заблуждение, поскольку они полагают, что «левая» социал-демократия проводит другую политику, чем общегерманская политика социал-демократии. В этой ситуации мы имеем большие возможности ускорить процесс разложения социал-демократии. Но так как ситуация заостряется и боевые требования ставятся иначе, чем, например, при исходной точке второго периода, то мы и в области работы по разложению социал-демократических рабочих ставим вопрос об отрыве группировок и групп социал-демократических рабочих иначе, чем тогда.

Ныне мы не пытаемся больше организовать фракционную работу внутри социал-демократии, но пытаемся в важнейших ситуациях при проведении революционных выступлений добиваться откола социал-демократических групп и их присоединения к коммунистической партии. Возможности для этого имеются в германской действительности. Не только переход меньшевика Швальбе в последние дни или переход женщины-депутата рейхстага Резе к коммунистической партии и переход одной местной группы в свободном городе Данциге, которая вступила в коммунистическую партию за исключением немногих представителей в коммунальном самоуправлении, — обнаруживают отчетливые движения внутри социал-демократии. Эти факты при проведении коммунистической партией еще более заостренной политики, связанной с развертыванием принципиальных противоречий, дают нам еще гораздо большие возможности, чем это сейчас имеет место. Мы должны здесь заявить с величайшей определенностью, что в этой области у нас имеются крупные идеологические слабости, коренящиеся в колоссально трудных условиях развития. Мы имеем отражение этого среди членских масс, где, например, во время дискуссии с самыми фанатическими социал-демократическими функционерами наши товарищи зачастую не в состоянии скрещивать политические шпаги. Но мы полагаем, что при более интенсивной деятельности в этой области мы сумеем усилить наши успехи.

Со времени X пленума и до настоящего времени мы можем констатировать ряд достижений, но при этом мы не хотим скрывать того, что имели место крупные сопротивления, недочеты и пробелы и даже ошибки в проведении политической линии.

Основная проблема, поставленная тов. Мануильским, проблема борьбы за большинство пролетариата, находится в Германии в важной, в решающей стадии. Мы ни в малейшей степени не можем удовлетвориться имеющимися скромными начатками на различных фронтах классовой борьбы. Мы применяли за последнее время много боевых методов и боевых форм, чтобы завоевать широкие массы пролетариата для революционной политики. На нашем августовском пленуме ЦК при докладе о X пленуме ИККИ в качестве важнейшей задачи выдвигалось провести решительный поворот в революционной массовой работе с определенной ориентацией на растущую безработицу в Германии, при чем мы в особенности подчеркивали уроки первого августа, чтобы в будущем избежать их при аналогичных выступлениях. Гораздо более важными являлись оба следующих пленарных заседания ЦК в октябре и в начале ноября 1929 г. На октябрьском пленуме мы поставили вопрос о потере темпа в борьбе против плана Юнга в связи с величайшей агитационной и систематической популяризацией хода выполнения пятилетнего плана в Советском Союзе и развития пролетарской диктатуры. Это заседание ЦК явилось новым революционным актом в развитии партии, так как мы впервые подчеркнули крупное значение национал-социалистического движения на ряду с социал-фашизмом, поскольку национал-фашисты сумели в борьбе против плана Юнга, к сожалению, завоевать временный успех по сравнению с нами.

В настоящее время мы можем констатировать тот факт, что мы не только вернули то, что ранее потеряли по сравнению с национал-фашистами, но что мы в свою очередь обогнали их, так что, быть может, мы в праве сделать скромную констатацию, что в борьбе против плана Юнга в Германии мы заняли руководящую роль.

На ноябрьском пленуме ЦК стояли две крупные задачи: во-первых, оценка различных результатов коммунальных выборов 17 ноября и, во-вторых, подготовка общегерманского конгресса революционной профсоюзной оппозиции. По первому вопросу главной задачей партии было констатировать неравномерность развития, нашедшую свое выражение в подаче голосов за коммунистическую партию в различных округах. Вторая задача состояла в подготовке общегерманского конгресса революционной профсоюзной оппозиции. Крупным основным вопросом являлось создать рядом с партией такую организационную основу, на которой мы могли бы расширять наши кадры, углублять революционную массовую работу и ставить перед партией более высокие задачи в форме революционных выступлений против буржуазии и социал-фашизма.

На последнем заседании Политбюро мы поставили важнейший, чрезвычайно сложный вопрос: как это является возможным, что у нас в об'ективно благоприятной ситуации и при правильной политике коммунистической партии не удалось в 1929 году мобилизовать массы путем революционных выступлений более высокой степени и путем экономических стачек, какие проводились в 1928 году? Политбюро констатировало, что решения X пленума ИККИ и трех последних заседаний ЦК успешно проведены в жизнь, что не исключает в то же время необходимости констатировать различные ошибки и недочеты в проведении этой политики.

Мы могли отметить следующие достижения и успехи: во-первых, в области укрепления своей политической массовой работы партия колоссально выросла; во-вторых, возмещение потери темпа в борьбе против плана Юнга мы значительно продвинулись вперед; в-третьих, проведение первых мероприятий для более прочной организации революционной профсоюзной оппозиции и, в-четвертых, повышенная активность среди безработных и увязка ее с работающими в предприятиях.

Или когда мы анализируем развитие революционной классовой борьбы в Германии, то мы ставим вопрос о борьбе против плана Юнга не только как революционный лозунг, противопоставляя диктатуре буржуазии освобождение германских трудящихся масс от рабских цепей национального и международного капитализма, не только как вопрос о свержении капиталистического господства, но мы ставим вопрос о борьбе против плана Юнга в повседневной борьбе трудящихся слоев в Германии за каждый кусочек хлеба. В этой связи борьба против плана Юнга является не только наиболее жгучим вопросом принципиальной установки по отношению к социал-фашизму, но он играет крупную роль также и в повседневной борьбе и в расширении наших боевых мероприятий.

В одном месте тезисов, на которое уже указывали некоторые товарищи и на которое тов. Мануильский уже дал ответ, между прочим, говорится об уменьшении стачечного движения с ростом безработицы.

Мне думается, что это определение недостаточное. Так как мы должны продискутировать определенные спорные вопросы, при чем все партии Коминтерна должны попытаться помочь друг другу, то я думаю, что в процессе дискуссии следовало бы несколько детальнее исследовать именно этот вопрос. Мы держимся того взгляда, что здесь должны быть приняты во внимание различного рода факторы развития. Если мы, например, в 1928 году имели 1,8 миллионов стачечных дней и около 10-ти миллионов дней, потерянных вследствие локаутов, при чем большая часть локаутов падает на рабочих в металлопромышленности и в сталелитейной промышленности, а в 1929 году мы имеем 1,5 миллионов стачечных дней, то это, быть может, следует обосновать только ростом безработицы. В других странах мы можем отметить другие факты. В Америке при повышении количества стачечных дней мы имеем увеличение безработицы. В Англии мы стоим перед фактом увеличения числа стачек в 6 раз при одновременном усилении безработицы. В Польше также при наличии сильной безработицы формы стачек приняли другой характер, чем, например, в 1928 году. Мне думается, что здесь мы должны различать следующее, что уже было проанализировано в революционном развитии первой русской революции 1905 года и изображалось как известная предварительная ступень к развитию революционной ситуации.

Период с 1923 года до 1928 года являлся периодом депрессии, из которой рабочий класс за последние годы, правда, уже начинает выходить, чтобы мобилизовать свои резервы против наступления капитализма.

1928 год являлся известной предварительной ступенью к такого рода развитию, которое тов. Мануильский правильно изобразил ступенью созревания революционного под'ема и перехода к революционной ситуации, что в первую очередь является вопросом суб'ективного воздействия на массы со стороны коммунистической партии.

Спрашивается, проводились ли в 1928 году стачки при помощи старых методов, как в 1925 — 1927 гг.? Конечно. Лишь локаут в Рурской области в декабре 1928 года был проведен классово-сознательной частью германской буржуазии с резким изменением боевой тактики и боевых форм.

Другой вопрос, не имеющий такого большого значения, это вопрос о том, что и буржуазия во время высокой кон'юнктуры могла еще делать определенные уступки. Сейчас, при обострении общей ситуации, вся форма капиталистического наступления при помощи буржуазной государственной власти и социал-фашистской политики меняется. Сейчас обнаруживается поворот в вопросе о методах борьбы со стороны предпринимателей. Начальным пунктом этого поворота был локаут 1928 года в металлопромышленности Рурской области. Мне думается, что именно изменившийся характер наступления капитализма с помощью государственного аппарата и социал-фашистских профсоюзов показал, что уже этот локаут был первым признаком новых способов и методов предпринимательского наступления.

Зеверинг явился тем, кто в конце 1928 года в качестве представителя правительства выступил, чтобы провести в жизнь тогдашние арбитражные решения, обрекавшие рабочих металлопромышленности на голодание.

Это арбитражное решение, принесшее ухудшение аккордных расценок именно для важнейших слоев металлистов важнейших предприятий Рурской области и ухудшившее коллективный договор и в иных отношениях, было первым новым актом германского капитализма против уже начавшегося нарастающего контрнаступления германского пролетариата.

Провести у нас в партии поворот было весьма затруднительно. На крупных конференциях в январе 1929 года мы должны были в вопросе о проведении новой тактики при перевыборах фабзавкомов выдвинуть вперед наших лучших товарищей, чтобы убедить наших делегатов и функционеров в правильности линии Коминтерна. Это было нелегкой задачей. Несмотря на то, что тогда конференция приняла решение против совсем немногих голосов, среди наших делегатов в момент голосования не имелось твердого убеждения. При проведении нашей революционной работы в профсоюзах мы также наткнулись на определенное сопротивление в нашей собственной партии. Это сопротивление было усилено тем, что мы еще не имели такой внутрипартийной консолидации, как, например, в настоящей стадии развития партии. Правда, из партии были вытолкнуты видные правые вожди, ликвидаторы, но примиренчество переняло роль правых в партии и пыталось нам мешать в этой тактике, в связи с чем колоссально усиливалось сопротивление собственных членов в партии.

Осуществление поворота партии к массам, проведение этой революционной тактики затянулось на несколько месяцев. Германская буржуазия изменила свои методы. Ныне во время кризиса в Германии с ее стороны не делается ни малейших уступок. Местами мы уже видим прямое сокращение заработной платы и удлинение рабочего времени. Арбитражная машина затрудняла притом возникновение более крупных экономических боев в 1929 г. Она выносит сейчас другие решения, как равно и рабочие суды в Германии выносят другие решения, чем в 1928 и даже в 1929 гг. Во время перевыборов фабзавкомов мы обнаружили, что нам необходимо считаться с совершенно другими, более решительными методами, которыми германская буржуазия пытается препятствовать также выборам революционных фабзавкомов. К этому присоединяется то, что в 1929 году произошло большее количество более мелких боев, которые не получили статистического отражения. Официальная статистика отражает лишь тарифные конфликты и общие решения в практике арбитражных органов. Более мелкие бои, имевшие место в Берлине, Саксонии, Гамбурге и Рурской области, являлись первыми боями, протекавшими в более высокой агрессивной форме, где стоял вопрос о самостоятельном проведении борьбы против предпринимателей, социал-фашизма и буржуазной государственной власти. Я думаю, что пролетариат в 1929 году в процессе контрнаступления начал вырабатывать новые формы борьбы против новых методов предпринимателей, социал-фашизма и буржуазной государственной власти, но что эти формы еще не достигли той ступени, чтобы привести экономические стачки к полному их развертыванию.

Эта стратегия капитализма и наша собственная революционная стратегия противостоят друг другу. Там, где такие решающие вопросы иногда ставятся с запозданием, партия не в состоянии достаточно быстро противопоставить стратегии буржуазии свою собственную стратегию. Все-таки мы не должны скрывать того, что и вопрос о миллионах безработных сыграл большую роль. Скрывать это явилось бы в буквальном смысле замазыванием существующих фактов. Это было бы также замазыванием того, что ранее уже сказал Маркс, а именно, что буржуазия создает себе резервную армию, которую она пытается использовать против работающих в предприятиях. Но роль безработных в нынешней стадии имеет гораздо большее значение, чем подозревают наши собственные товарищи по партии. Лишь на основе нашего собственного опыта на различных пунктах классового фронта в Германии мы увидели, каким гигантским фактором является армия безработных, если только нам удается ее вовлечь под нашим контролем и влиянием в революционный поток вместе с работающими в предприятиях.

Ныне в связи с наличием этой огромной армии в Германии мы можем формулировать перспективы на 1930 год уже иначе, чем на 1929 год. Что, спрашивается, изменилось, например, по сравнению с 1929 годом? Не какая-нибудь малость. Во-первых, план Юнга уже принес с собой ухудшения жизненного уровня масс и скачкообразное снижение реальных доходов на 13,7% за последнее полугодие 1929 года, процесс снижения еще не закончен; во-вторых, социал-фашизм и правительство сильнее дискредитированы среди масс, так что коммунистическая партия располагает сейчас совершенно другими возможностями, чтобы на этой основе продвинуться вперед: в-третьих, мы имеем другие новые методы борьбы в стратегии революционной массовой работы и в проведении революционных выступлений; в-четвертых, одной из главных причин, которой об'ясняется отсутствие более крупных экономических боев в истекшем году, являлось, например, отсутствие мощной организующей силы, которая могла бы развертывать и проводить такие бои. Это, быть может, является важнейшим моментом.

И эта потеря в темпе была, быть может, важнейшим тормозом при развертывании экономических боев, так как социал-фашизм совместно с буржуазной государственной властью и предпринимательством беспощадно подавлял в 1929 году всякое боевое выступление.

II. Из речи тов. Тельмана в немецкой комиссии расширенного президиума ИККИ.

Мировой империализм обнаруживает различные формы развития — от плана Дауэса к плану Юнга. Ко времени плана Дауэса мировой империализм, американский империализм в первую голову, пытался оказывать на германскую политику влияние в форме кредитов. На нынешней стадии развития, накануне ратификации плана Юнга международная буржуазия изыскивает новые методы проникновения в германскую экономику. Проблема отчуждения стоит в связи с общими затруднениями кредитной проблемы. Если это будет продолжаться и в дальнейшем по мере развития плана Юнга — получение долгосрочных и краткосрочных кредитов — то для такой страны, как Германия, в которой влияние мирового экономического кризиса уже отчетливо и явно сказывается,—создастся невыносимое положение. Поэтому мы сейчас видим совершенно иные формы. Американский капитализм проникает в германские предприятия, чтобы расширить свои экспортные возможности. Эти тенденции американского капитализма совершенно отчетливо выявились на Гаагской конференции, где, например, такие виднейшие промышленники, как Кассель и Феглер, по поручению германского правительства вели переговоры с мировым империализмом, а Шахт со товарищи торговались с банковскими гиенами. Такие тенденции заложены были уже в общей экономической ориентации экспортного наступления, исходным пунктом которого является Америка. Например, стачка, происходящая сейчас на предприятиях «Опель», направлена впервые не только против германской буржуазии, но против единого фронта германского и американского капитала, участие которого в предприятиях «Опель» выражается в сумме 120 млн. Именно этот крупный факт, что зарубежный капитал и в Германии наступает, применяя в ход новые методы угнетения, будет иметь величайшее значение и для других предприятий.

Сближение между Францией и Германией происходит гораздо быстрее, чем даже мы могли предполагать. Французская промышленность и французская буржуазия уже готовятся в ближайшее же время экспортировать в Германию новые капиталы, вследствие чего наступит новый поворот.

Что касается вопроса о 17 ноября и вопроса о социал-демократии, наилучшую оценку этого вопроса дал состоявшийся в конце ноября пленум ЦК германской компартии. Вовсе не случайно потерпели мы самые доподлинные поражения и провалы во всей Саксонии, в Лейпциге, Дрездене, Хемнице, хотя мы и провели внутрипартийную концентрацию по всей Саксонии, а в Дрездене наши силы сравнительно хорошо консолидированы и сплочены. Дело в том, что там проводилась ошибочная политика по отношению к социал-демократии. Накануне выборов перед компартией стояли две основные задачи. Первая — программа мер по подысканию работы для безработных. Хотя наша партия еще в ландтаге, еще за несколько месяцев до того выдвинула определенные требования в области предоставления работы безработным, во время избирательной кампании, вопрос этот все же нашей партией поставлен не был. «Левая» же социал-демократия выдвинула такую программу мер в области предоставления работы безработным. Второй важной задачей, стоявшей перед компартией, был вопрос о ликвидации 9 ноября как праздника в Саксонии и Тюрингии, где буржуазия чрезвычайно энергично нажимала, требуя отмены 9 ноября. Мы же не поставили вопроса о прекращении работы 9 ноября на всех предприятиях, что социал-демократия несомненно бы отвергла. Если даже не ставить вопроса о праздновании этого дня, все же мы должны были противопоставить нажиму буржуазии наши революционные лозунги 1 мая и 7 ноября — дня русской революции. В этом вопросе мы плелись в хвосте у «левой» социал-демократии. Среди масс создалось представление, будто «левая» социал-демократия защищает 9 ноября. Хотя мы и не идем в этом вопросе с социал-демократией, все же мы должны были тут проявить в нашей тактике известную гибкость. В-третьих, надо отметить, что влияние Брандлера пустило сравнительно крепкие корни в Саксонии. И национал-фашисты, благодаря рационализации, достигли некоторого—хоть и преходящего—влияния среди буржуазных и даже среди рабочих кругов. Таким образом, мы попали под перекрестный огонь фашистов, «левой» социал-демократии и брандлерианцев, да еще к тому же в наших собственных рядах обнаружились некоторые колебания. Вот в этом-то и заключались основные причины нашего поражения, которое повело к реорганизации нашей партии в Саксонии с целью создания единого руководства.

Теперь перейдем к вопросу о социал-демократии. Я уже говорил на пленуме, что в области содействия и ускорения развала в рядах социал-демократии мы имеем большие идеологические слабости. Когда нам говорят, что, например, в русской революции квалифицированные рабочие были решающим фактором, который привел к победе пролетарской революции, то это абсолютно верно. Но и в Германии имеются такие категории квалифицированных рабочих, как, например, строители, которые теперь являются революционным авангардом, а в армии безработицы одним из важнейших ее отрядов. Мы должны отметить тот факт, что во время голодного похода 1 февраля в Гамбурге прошла на 80% всех построек однодневная забастовка. Таким образом, обобщать положение относительно всех квалифицированных рабочих нельзя. Утверждение это всецело верно относительно таких чрезвычайно обуржуазившихся элементов, как печатники и литографы. Но имеются же и другие категории квалифицированных рабочих,— вот, например, трубопрокладчики. Их тоже загнали до того, что они выступили единым революционным фронтом и вместе с неорганизованными сыграли большую роль.

Разумеется, важнейшим вопросом является вопрос о том, взят ли уже партией курс на вовлечение в борьбу новых слоев рабочего класса: работниц, рабочей молодежи, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих — этих новых слоев, за последние годы увеличившихся колоссально, дошедших до миллионов. Мы не ошибемся, если скажем, что часть социал-демократии тоже примкнет к революционному классовому фронту. Вопрос о разложении социал-демократии стоит в тесной связи с проблемой революционной профработы, с вопросом о том, как нам продолжать нашу работу внутри Всегерманского об'единения профсоюзов — АДГБ, насчитывающего около 5 млн. членов. Тут вопрос стоит о том, как, какими гибкими, эластичными методами и средствами включить миллионы людей в лавину революционной борьбы. Например, на окружных с'ездах профоппозиции присутствовали 6.200 выборных делегатов, в том числе 25% безработных, выбранных на бирже труда, около 12% рабочей молодежи. Важнейший вопрос в делегатских выборах заключается в том, что лишь 10 — 12% рабочих предприятий участвовали в выборах, т.-е. 88% не присутствовали на выборах делегатов, и мы совершенно не знаем, какого направления эти 88%, какая у них установка. Это—серьезный момент. Надо поставить себе вопрос, что делают эти 88%, часть которых, конечно, идет за нами, и почему же они не участвовали в выборах. Ведь не только же из-за одного страха перед предпринимателями, но отчасти и из-за страха перед коммунизмом.

Мы начали в Германии с созыва всегерманского конгресса революционной профоппозиции, затем организовали окружные с'езды профоппозиции, а теперь проводим во всех районах и подрайонах районные конференции. Вопрос о необходимости созыва всегерманского конгресса встал потому, что развитие революционного профдвижения в Германии происходило таким быстрым темпом, что мы не имели даже времени отсрочить конгресса на 2 или на 3 недели, хотя это дало бы нам большое преимущество в смысле подготовки. Но нам пришлось очень быстро сорганизовать этот всегерманский конгресс. Делегаты его выбирались в низах, так же как делегаты на окружные и районные с'езды и на конференции, которые теперь происходят (Берлин, Саксония, Нижний Рейн, Рур и Померания). Теперь всегерманский комитет профоппозиции переходит к образованию не только окружных, но и местных комитетов, которые в свою очередь избираются рабочими важнейших отраслей промышленности.

Переходим к вопросу о профсоюзах. Почему мы ставим вопрос о том, что фабзавкомы должны коллективно примыкать к революционной профоппозиции? Почему мы ставим вопрос, что и рабочие предприятий, голосовавшие при выборах фабзавкомов за красные списки, должны коллективно примыкать к революционной профоппозиции? Именно потому, что еще никаких решений по этому вопросу не принималось. Но уже пора поставить и разрешить вопрос о новых методах в работе революционной профоппозиции.

Важнейшей проблемой является вопрос о том, должны ли мы принимать неорганизованных в революционную профоппозицию, разумеется, с членскими книжками или же билетами и взносами. Если мы поставим вопрос в такой плоскости, то это означало бы невероятно усложнить и затруднить сложнейший процесс укрепления нашей революционной массовой работы и потерю масс, которые идут за АДГБ и социал-фашистами. Тут возникают весьма сложные вопросы, которые нужно постепенно один за другим разрешить. Если бы мы выработали какую-то абсолютную схему, то это означало бы сузить нашу гибкость, нашу эластичность и итти прямо на удочку социал-фашистов, и уж во всяком случае это не есть путь, по которому революционная профоппозиция может итти к росту и развертыванию своих сил. Это могло бы только воспрепятствовать и затормозить рост революционной профоппозиции. Она, конечно, растет большей частью за счет неорганизованных и беспартийных. Из резерва миллионных масс мы завербуем широчайшие массы для организации и развертывания политической работы. Но 5 млн. членов АДГБ и около 1½ млн. членов христианскх и гирш-дункеровских профсоюзов,— тех организаций, о разложении которых тоже стоит вопрос,— оставить эти миллионы на произвол их профбюрократии равносильно предательству пролетарской революции. Поэтому мы представляем себе перспективы нашего движения в такой плоскости, что мы не отступим даже от необходимости создания новых профсоюзов,— в зависимости от ситуации, от хода событий и от того, окажемся ли мы в состоянии,— если понадобится это для увлечения масс. Но с другой стороны мы ни в коем случае не прекратим развертывания фракционной работы революционной профоппозиции, но напротив будем продолжать эту работу, ибо она охватывает миллионы организованных.

Быть может, важнейшим вопросом ближайшего будущего является проблема подлинно коммунистической фракционной работы в профсоюзах. Можно ли без этой работы фракции укрепить революционную оппозицию? Ячейка на предприятии является центром политической работы, на основе которой развиваются все другие каналы, вся сеть организаций, уполномоченных, боевых стачкомов, избирательных комиссий при выборах фабзавкомов и т. д. Точно так же комфракция есть та инстанция, которая сама собою способствует углублению революционной оппозиции в профсоюзах, расширяет эту оппозицию и ставит перед ней все более и более высокие задачи. Я считаю, что этот вопрос, особенно в связи с выборами революционных фабзавкомов, приобретает величайшее значение. Чрезвычайно важен вопрос, как увязать эту кампанию по выборам фабзавкомов с другими организационными задачами, например, с быстрым развитием, с подлинным строительством и расширением института революционных профуполномоченных. Эти профуполномоченные должны поднять всех рабочих предприятия для непосредственного наступления и контрнаступления против буржуазного государства, предпринимателей и социал-фашизма.

В вопросе о борьбе с правыми, примиренцами и оппортунистами в наших собственных рядах мы установили в нашей последней резолюции Политбюро наличие идеологической слабости с нашей стороны. Сейчас в Германии на переднем плане кампания по выборам фабзавкомов, и в процессе развертывания этой кампании совершенно неудовлетворительно проводилась отошедшая на задний план подготовка к 6 марта, что уже констатировал Политсекретариат.

Я не скрываю, что в этом отношении критические замечания относительно недостаточной идеологической борьбы с правыми совершенно справедливы. Нельзя схематически подводить под один ранжир, сравнивать борьбу против примиренчества и борьбу против оппортунизма в наших рядах. Несколько месяцев назад мы размышляли над вопросом, не следует ли нам перейти к теоретической, а также к практической борьбе в нашей печати против группы Брандлера. И, может быть, тут было наше упущение, хотя мы, кажется мне, были совершенно об'ективны и абсолютно правы, когда заявляли, что в наших органах необходимо самым резким образом вести самую беспощадную идеологическую борьбу с теорией брандлеризма. Если же мы стали бы бороться с Брандлером в прессе, публично, то мы придали бы ему этим такое значение, которое не соответствует этой маленькой секте офицеров без солдат. Брандлериацы — это секта, и если мы не допустим в своей внутрипартийной работе каких-нибудь тактически неправильных маневров и мероприятий, то за ними не пойдут никакие рабочие, ибо у них слишком двойственная программа, и они утратили правильную точку зрения на политическую ситуацию в Германии.

Иначе стоит вопрос о борьбе с примиренчеством, ибо это примиренчество не выкорчевано еще окончательно в наших собственных рядах. С помощью наших мероприятий примиренцы капитулировали под нажимом собственной партии, ибо за немногие месяцы, прошедшие со времени веддингского партс'езда, авторитет партруководства вырос не только среди членов нашей партии, но и в массах. Есть ли кроме коммунистического партруководства, которое тоже имеет коллективные формы, еще хоть одно такое партруководство, которое бы пользовалось таким авторитетом среди масс на данной стадии развития? Нет. Поставим вопрос наоборот, с другого конца: имеются ли в рядах социал-демократии такие лидеры, которые действительно являются авторитетными лицами? В условиях нынешней деятельности социал-фашизма среди многомиллионных масс организованных даже среди их собственных сторонников и среди миллионов, голосовавших за них, недоверие к ним уже гораздо сильнее остающегося еще доверия.

По мере обострения деятельности властей и социал-фашистов, входящих в состав правительства, все более и более дискредитирует себя и руководство социал-демократии. Лучшие ее виднейшие лидеры, которые еще пользовались виднейшим авторитетом, как, например, Зеверинг, приобретают в глазах масс репутацию предателей пролетариата. Я полагаю, что в результате этого и примиренцы, вернее их руководство проваливается.

У нас еще на VI конгрессе Коминтерна были расхождения, мы уже тогда боролись с ложной теорией и неверными взглядами Эверта. И если в Англии при нынешнем обострившемся положении Эверт все еще считается великим человеком, то это лишь свидетельствует о том, что английская компартия не ставила еще как следует этот важнейший политический вопрос. Для нас же заявление Эверта вовсе еще не служит доказательством того, что он согласен с нами, хотя он и говорит в своей декларации, что будет вместе с нами бороться против брандлеризма и ликвидаторов. Пусть он еще сначала покажет на деле путем активной дисциплинированной работы, хочет ли он действительно плечом к плечу с партией, на стороне партии — я не говорю, руководства — проводить в жизнь задачу партии, и проводить их так, чтобы нигде не обнаружился бы характер его прежних политических убеждений.

С. Сырцов.

Задачи партии в деревне*).

Политические задачи момента ясны. Они совершенно ясно и четко определены в выступлении тов. Сталина, сформулировавшего лозунг «ликвидации кулачества как класса». Было выступление тов. Молотова, сказавшего:

> «Теперь на очереди стоит задача ликвидации кулачества как класса. За это дело взялись миллионы крестьянской бедноты и середнячества. Мы им поможем. Это дело — дело не одного месяца и года, но в 1930 году мы кулаку нанесем сокрушительный удар широким развертыванием колхозного строительства. (Выступление тов. Молотова на з-де «Красный Пролетарий»).

Политические задачи обрисованы и в ряде решений ЦК партии. Я имею в виду, прежде всего, известную резолюцию о темпах коллективизации.

Обезопасить резолюции и лозунги от упрощения и механического проведения.

Самое важное, чего сейчас необходимо добиться, это того, чтобы все указания, директивы и лозунги, выдвинутые партией, проводились в жизнь с максимальной сознательностью, с наибольшим учетом конкретной местной обстановки и без всякой дани упрощенству. Дань упрощенству — это обычная кара за неумение работать собственной головой, за механическое, несознательное проведение линии.

Не так давно мне пришлось читать сообщение бригады, работающей в одном из деревенских районов Московской области. Это сообщение, по своему стилю напоминающее боевое донесение, заключало в себе сжатое сообщение о том, что в данном районе в течение стольких-то часов, «в ночь на такое-то число, кулачество как класс было ликвидировано и что в ближайшие дни то же произойдет и в других районах». Руководящий работник Крымской республики недавно мне передавал сообщение местных работников Судакского района о том, что «на протяжении времени от 5 часов вечера до 7 часов утра кулачество как класс было ликвидировано».

Такое упрощение, такая примитивность сознания, ни в какой мере не соответствует тем задачам, которые сформулированы в партийных документах.

Характер нынешнего поворота

Нынешний поворот связан с теми количественными изменениями, перешедшими в качественные, которые претерпела новая экономическая политика. Этого не хотела и не могла видеть правая оппозиция. Одна из ошибок тов. Бухарина заключалась в утверждении, что реконструктивный период не представляет собой такого принципиального поворота в нашей политике, каким был поворот 1921 года.

---

*) Статья представляет собой переработанный доклад тов. С. И. Сырцова, прочитанный 20 февраля 1930 года на общем собрании ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры.

В статье, напечатанной в «Правде» от 19 февраля, тов. Бухарин пишет:

> «Крупнейшим поворотом в ходе нашей революции был поворот 1921 года, переход от железного, сурового и прямолинейного «военного коммунизма» к гибкой, эластичной и маневренной «новой экономической политике». Этот поворот во многом не был предвиден заранее, хотя именно с элементов «новой экономической политики» и начиналась — как это было отмечено Лениным — хозяйственная политика пролетарской диктатуры. В настоящее время мы переживаем другой крутой перелом с большой перегруппировкой классовых сил, с чрезвычайным обострением классовой борьбы, с перестройкой рядов внутри рабочего класса». (Н. Бухарин, «Великая реконструкция». «Правда» № 49).

Таким образом, принципиальные изменения признаны теперь и т. Бухариным, хотя и с известным запозданием, но лучше поздно, чем никогда.

Для тех, кто всерьез принимал указание Ленина насчет вопроса «кто—кого», и предсказания Ленина о последнем и решительном бое, этот поворот не явился таким неожиданным в своих основных чертах. Напомню это предсказание Ленина: «Действительно, «последний и решительный бой» не с международным капитализмом, — там еще много будет «последних и решительных боев» — нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить». (т. XVIII, ч. II, стр. 31)

Конечно, одно только правильное предвидение и правильное отношение к авангардным боям, разыгравшимся на почве сопротивления кулачества нашим хлебозаготовкам, еще не гарантирует ясного и отчетливого проведения линии. Недостаточно еще политическим чутьем уловить правильную тенденцию, — важно уметь теоретически ее осмыслить и правильно организовать практическое проведение линии партии.

Тот перелом, который сейчас происходит в деревне, говорит о действительном повороте широчайших бедняцко-середняцких масс к новым формам хозяйства. Этот поворот тем серьезен, что его не могут опорочить даже специалисты по перегибам, которым не терпится применить административный нажим. Даже такие факты, как вовлечение в колхозы некоторой части крестьянства не в порядке добровольности, а в порядке нажима, не опорачивают основного положения: произошло резкое размежевывание в деревне, кулак оказался изолированным, и бедняцко-середняцкие массы деревни в своих основных слоях повернули к колхозному движению и поддерживают политику рабочего класса.

Вернулись ли мы к военному коммунизму? Можно ли немедленно ликвидировать нэп?

Значит ли это, что на данный стадии развития мы имеем основание говорить об отмирании всех отношений нэпа? Можно ли сейчас сказать, что новые производственные формы смычки, массовое образование колхозов и огромные возможности, в связи с этим, роста планового начала (если мы сумеем основательно закрепить колхозы), представляют собой ни что иное, как возврат к военному коммунизму? Конечно, при желании можно найти много отдельных черт, сближающих целый ряд сегодняшних экономических и бытовых явлений с периодом военного коммунизма. Можно не без успеха проводить аналогии, но аналогии — штука опасная, они много раз путали людей, которые, будучи не в состоянии охватить явление в целом, живут поверхностными сопоставлениями. Известно, как сели в галошу те, кто видели только одну сторону нэпа, и мыслили нэп, как отступление. Судить только по аналогии, без серьезного экономического и политического анализа, было бы совершенно неправильно и толкало бы (а некоторых и толкает) на ошибочные шаги. Когда мы применяли чрезвычайные меры, случалось, что та или иная часть нашего актива быстро настраивалась, на продразверсточный лад. Всем хорошо известно, сколько энергии приходилось затрачивать наиболее сознательным элементам партии, чтобы исправить вред от трактовки чрезвычайных мер, как мер, автоматически повторяющих эпоху военного коммунизма, копирующих разверстку.

Надо сказать, что и сейчас мы каждый день наблюдаем рецидивы военного коммунизма в тех или других организациях. Кое-где, например, создается нечто похожее на заградительные отряды. Для того, чтобы можно было сознательно бороться с рецидивами военного коммунизма и не поддаваться рефлексам военного коммунизма, надо понять следующее: переживаемый нами переходный период кое-что повторяет из того, что было в период военного коммунизма, но это не механическое повторение, а новое явление на новой базе, в новых условиях. Надо также не забывать, что темпы коллективизации, проектируемые сейчас в ряде мест, нельзя смешивать с реально обеспеченными темпами. Если даже брать самые крайние проценты, то значительное место для индивидуального крестьянского хозяйства еще остается.

Наши отношения с колхозами, которые будут в дальнейшем все более приближаться к форме непосредственного продуктообмена города с деревней, мы вынуждены будем строить во всяком случае в первое время в формальных рамках денежных сделок. Денежные отношения понадобятся еще очень продолжительное время для того, чтобы возможно резче провести в колхозах принцип хозрасчета, вполне оправдавший себя в нашей промышленности. Не подводя под колхозы принцип хозрасчета, мы рискуем нашу плановую систему весьма основательно запутать. Таким образом ревизовать все и вся от нэпа нам отнюдь не приходится. Многое отмирает, многое видоизменяется, но часть отношений нэпа еще продолжительное время (может быть дольше, чем мы думаем) будет оставаться. Кроме того, думать сейчас, что один факт образования колхозов уже радикальнейшим образом немедленно перестраивает отношения между городом и деревней, не приходится. Многие колхозы строятся пока вне производственных процессов. Весною они развернут свое производство и результаты мы получим летом и осенью, когда соберем урожай, когда подсчитаем размеры товарности вновь организовавшихся или старых расширившихся колхозов.

У нас существуют две системы рынка: одна система нами регулируется и в ней заключается максимальная доля планового начала; вторая — имеет несравненно меньшее значение, но идет и развивается по своим собственным законам; к овладению ею мы подошли, но изжить ее мы сумеем только тогда, когда реальный рост сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах и рост кооперации позволит вытеснить довольно скромные остатки частника. Иногда частник держится, главным образом, на близорукости, бестолковости и преступном попустительстве наших хозяйственных органов, во взаимоотношениях которых он часто играет роль посредника. Наши хозорганы не всегда выполняют совершенно элементарных, давно декретированных положений о том, чтобы не пользоваться услугами частника, а устанавливать непосредственные отношения с государственными и кооперативными организациями. Частник играет здесь особо паразитическую, спекулянтскую роль, опираясь на нашу бестолковость, неорганизованность и на все последствия бюрократических извращений и перегибов централизации. Но на рынке продуктов питания позиция частника, несмотря на свое скромное место в общей доле хозяйства, такова, что он все-таки выполняет какие-то функции, которые мы в настоящее время пока что не можем немедленно и полностью взять на себя. Я имею в виду самого разнообразного частника, начиная от молочницы, которая привозит молоко в наши крупные города, и кончая теми лавочниками, которые торгуют с'естными припасами, заполняя прорывы потребснабжения.

Близоруким увлечением и заскоком необходимо признать такие установки, которые проскочили в одной из газет Северного Кавказа:

> «Осуществление сплошной коллективизации не означает (в области классовых отношений и осуществлении политики социалистического наступления) ликвидации только кулачества как класса. Совершенно несомненно, что вслед за кулачеством встанет во весь рост проблема ликвидации городского нэпманства, как части капиталистического класса, выросшего в годы новой экономической политики».

«Станет во весь рост проблема ликвидации городского нэпманства». В этой формуле явно подменяется наша основная, главная задача. Подумаешь, какой рост у этой проблемы! Разве можно в какой-нибудь мере ставить это рядом с задачей ликвидации кулачества? Частник может быть ликвидирован в два счета, но не в этом сейчас наша задача. Та социальная дробь, которую в настоящее время представляет собой нэпман, не может фигурировать вровень с кулачеством, чей хребет — хозяйственный и политический — еще нужно сломать.

Не отрывать администрирования от политики.

Недавно один местный исполком постановил: «под личную ответственность руководителей государственных и общественно-кооперативных учреждений и организаций прекратить немедленно всякую выплату денежных сумм по долговым обязательствам, по всем видам договоров, вкладов из сберкасс и изо всех видов кооперации, в том случае, когда получателем этих денег является классово-чуждый элемент, нэпман, кулак, частный подрядчик и т. п. лица».

Те легкомысленные люди, а особенно инстанции, которые дают такого сорта директивы, наносят громадный вред нашей экономике, дезорганизуют хозяйственные отношения. Набив горшков, они потом недоуменно озираются и не понимают, почему продуктов стало меньше, почему цены повысились, почему сбережения стали хуже поступать в сберкассы. И нужна большая доля самосознания, чтобы эти усердные администраторы поняли, что это их «внеплановое» администрирование над экономикой, похожее на возню слона в посудном магазине, привело к таким разультатам.

Нужна совершенная беззаботность и приученность к отказу от политического мышления, чтобы дойти до того, чтобы линию ликвидации кулачества как класса, отождествить с ликвидацией сберегательного учреждения, как кассы. В лозунге сказано о классе, а вовсе не о сберкассе, и нам эти кассы нет расчета ликвидировать, и если есть кому-нибудь расчет, то тому же кулаку, тому же частнику, которые хотели бы, чтобы тревога, испытываемая капиталистическими элементами, перенеслась на трудящихся, на кустарей, на служащих, чтобы она возможно шире распространилась в виде нелепых слухов о том, что начинается полоса из'ятий, что будет «неделя сундука» и тому подобные глупости.

Ошибки и административные увлечения отдельных наших организаций и учреждений деморализуют нашу хозяйственную жизнь. Такого рода поспешные и нелепые действия определяются основным пороком — беззаботностью насчет экономики. Есть у части наших работников тенденции подменить регулирование сложных экономических отношений самыми упрощенными грубыми административными наскоками, вытекающими из привычки каждый вопрос решать эмпирически: попробуем, что из этого выйдет, а если жизнь ударит по лбу, то убедимся, что надо было сделать иначе. Эти товарищи забывают указание Ленина: «не отрывать администрирования от политики».

Трезво и правильно учитывать соотношение сил.

Все эти отдельные заскоки, отдельные ошибки, все эти извращения ни в какой мере не могут снять основного факта — колоссального принципиального сдвига в области наших хозяйственных и политических взаимоотношений, коренного изменения соотношения сил в стране, на почве роста нашей промышленности, роста рабочего класса, роста его сознательности и организованности. Эта полнокровность рабочего класса наглядно показывает нам, как неизмеримо далеко мы ушли вперед от того периода, когда рабочий класс, несравненно меньший по численности, был распылен по полуразрушенным предприятиям, работавшим с неполной нагрузкой, когда часть рабочих была деклассирована.

Индустриализация страны делает свое дело. Вырос рабочий класс, участие в социалистической стройке повысило его самознание и уверенность. Революционный энтузиазм, с которым рабочие массы подходят к решению нынешних задач, даже при наличии некоторой примитивности в подходе, говорит об укрепившихся позициях социализма и возможности перехода на новые. Это — бесспорное достижение нашей политики, которая бралась под сомнение со всех сторон и получила практическую проверку. Изменившееся соотношение классовых сил позволяет нам с такой смелостью ставить задачу, о которой год-два тому назад трудно было думать, но оно же и обязывает нас к величайшей ответственности. Экономический поворот, совершаемый нами, дает нам громадные возможности движения вперед по пути социалистической переделки деревни, но он возлагает и чрезвычайно большую ответственность за правильный ход работы. А степень правильности определяется степенью правильности учета соотношения сил. Недооценка в учете соотношения сил привела бы к тому, что пролетариат и его авангард сузил бы свои задачи, обкарнал бы себя. Переоценка его сил привела бы к революционному авантюризму, к таким ошибкам, в результате которых мы можем быть отброшены далеко назад, можем изменить соотношение в какой-то мере не в пользу рабочего класса. Здесь нужно помнить предостережение Ленина, которое он давал по совершенно иному поводу, но которое приложимо и в настоящее время.

> «Явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую труднейшие переходы, революционную работу не способны». (Ленин — «О современной экономике России», т. XVIII).

Всякая переоценка означала бы потерю целого ряда возможностей, реально имеющихся у рабочего класса, а цепь этих ошибок означала бы, что рабочий класс будет отброшен назад. Здесь нам нужно и в нынешних условиях вспомнить те предостережения, которые, правда, в совершенно иных условиях, делал Ленин, когда он говорил:

> «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст про-

> селка — вернее десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железной дороги, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?
>
> Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация». (т. XVIII, ч. 1, стр. 221—222).

Произошли громадные изменения с тех пор, как Ленин произнес эти слова. За это время патриархальщине и дикости в целом ряде районов нанесен сильнейший удар. Под натиском индустриализации, под натиском рабочего класса значительно отступила назад патриархальщина и безкультурье. Так что, несомненно, мы значительную долю «дикости» ликвидировали, но в какой-то мере различия укладов, о которых говорил Ленин, продолжают оставаться и сейчас. Есть районы, более подготовленные к проведению всей линии и к последовательному осуществлению задач по организации колхозов, и есть районы, экономически менее подготовленные. Вот почему, следуя указаниям Ленина, учитывая, что Ленин в свое время предупреждал коммунистов Закавказья о том, что они не могут проводить вслепую тактику русских коммунистов, годную для русских районов, ЦК правильно выработал директиву о коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах.

Как вести борьбу с кулачеством?

Вопрос о том, как практически развертывать борьбу с кулачеством и какие опасности нам предстоят, — определяется суммой того опыта, который мы получаем по разным районам, и умением на основе этого опыта строить свою дальнейшую линию. Пестрота этого материала чрезвычайно велика, как и следовало ожидать. Ожесточенная борьба кулачества не имеет успеха там, где более правильно проводится партийная линия, она получает относительные успехи более или менее длительного порядка там, где наши работники делают глупости, где руководство политически близоруко или легкомысленно. Сила кулачества надломлена, и если не будет сделано совершенно исключительных ошибок, глупостей и искажений смысла партийной линии и партийных директив, то кулачество, при всей своей изворотливости, не в состоянии будет организовать вокруг себя сколько-нибудь значительных групп середняков и бедняков. История не знает успешных восстаний кулачества без участия тех или иных групп бедноты и середняков. Отдельные слои бедноты и середняков могут шарахнуться на авантюру только под влиянием особо грубых ошибок с нашей стороны. Не преуменьшая кулацкой опасности надо видеть, в чем она реально заключается. Основное в том, чтобы не позволить кулачеству выйти из состояния изоляции. Необходима бешеная работа по организации бедноты, в частности, по созданию групп бедноты, по укреплению связей с середняками. Эта организационно-массовая работа, ее размах, сколачивание бедняцко-середняцкого актива имеет решающее значение, но на практике о ней часто забывают и думают, что ликвидацию кулацких хозяйств можно провести верхушечными бюрократическими приемами. Часть кулачества в настоящее время деморализована, не имеет перспектив. В развернувшейся необычайно остро классовой борьбе мы наблюдаем ряд драматических сцен, подтверждающих, что известная часть кулачества вышиблена из седла, что у нее хребет переломан, что воли к борьбе — по крайней мере на данной стадии — у нее нет. Но это относится только к известной и небольшой части кулачества. Это не значит, что и эта часть кулачества выпала совсем из игры. Если мы не сумеем дезорганизовать своего

классового противника, если мы ко всем кулакам будем применять одни и те же меры, мы даже самого бесперспективного кулака можем автоматически толкнуть на поддержку более энергичных и классово-активных элементов.

Обеспечить рост производительных сил.

Классовый инстинкт кулачества толкает его на вредительскую работу, чтобы подорвать, ослабить базу социалистического строительства. По этой линии работала и агентура международного капитализма (вредительство со стороны изменнических элементов из среды специалистов). Для успеха социалистического строительства нужен максимальный рост производительных сил. Разрушение производительных сил является для нас очень опасным делом. Снижение производительных сил, происходящее в настоящее время на отдельных участках сельского хозяйства очень тяжело. Часть этих потерь представляет собой совершенно неизбежные накладные расходы революции. Ни одна революция без издержек производства и без накладных расходов не обходится, они возмещаются потом более высокой организацией производства. Но мы обязаны эти издержки всеми мерами уменьшить. Вредительство в отношении животноводства, уничтожение скота, захватившее не только кулачество, но и некоторую часть середняков, говорит о величайшей напряженности борьбы и о необходимости максимально развернуть работу для того, чтобы парализовать это явление.

Вредительство должно быть парализовано силами нашей пролетарской диктатуры, бдительностью соответствующих органов, массовой организованностью бедноты, максимальным укреплением связи с середняком, подчинением деревни гибкому и умелому руководству пролетариата.

Решительно изживать потребительские настроения в колхозах.

В очень многих колхозах мы наблюдаем взрыв потребительских настроений. Велик напор на потребление у крестьянина, переставшего ощущать действие прежних регуляторов. В индивидуальном хозяйстве задачи накопления доминировали над всем, и потребление было подчинено этой задаче. Колхозы должны свою деятельность строить на принципе подчинения потребления интересам производства. При правильном развертывании колхозного строительства оно сулит крестьянству громадные возможности повысить свое потребление, но это в дальнейшем, если мы добьемся широчайшего роста производства. Начинать с этого конца, с проедания, отнюдь нельзя. Некоторые чуть ли не начинают действовать по принципу: все поесть в один присест.

Нынешнее массовое колхозное движение опирается на организационные формы старых колхозов, возникших при поддержке государства, на основе широкого государственного кредита. Только громадное недоверие к колхозному движению вообще, только мелкобуржуазная позиция индивидуального мелко-капиталистического хозяйства могла продиктовать такой вывод, что деньги, отпускаемые государством в виде кредитов, на организацию колхозов, брошены «псу под хвост». Я позволю себе напомнить, что в свое время — значительно раньше нашего колхозного опыта — Энгельс писал:

> «Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономии могут показаться выброшенными деньгами, а между тем, это — прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам». (Энгельс, «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии»).

Даже на примере сравнительно бесхозяйственных колхозов, мы убеждаемся в том, что те деньги, которые с точки зрения непосредственного хозяйственного расчета вчерашнего дня использовывались нерационально, позволили накопить известный опыт, известные организационные приемы. Опираясь на них, мы получаем возможность хозяйственно оздоровить существующие, организовать новые колхозы с минимальным расходованием государственных средств. Массовая коллективизация крестьянства ставит вопрос о постройке колхозов почти исключительно на средства самого крестьянства.

Правильной организацией колхозов преодолеть производственный нигилизм отдельных слоев крестьянства.

Существует еще одна большая опасность для дела колхозного строительства. Она тесно связана с потребительскими настроениями.

Я говорю о производственной апатии и производственном нигилизме, которые проявляются у значительной части крестьянства, вошедшего в колхозы. По этой опасности нужно немедленно бить. Она в значительной мере обусловлена нашими организационными недостатками. Крестьянин привык работать в рамках своего хозяйства, привык болеть за него, думать ежедневно, составлять и пересоставлять свои рабочие планы. Теперь он повернул к колхозу. Он включился в наше плановое хозяйство. И он ждет от нас заданий. Мы же находимся в организационной сутолоке и бестолковщине. Ее надо кончать как можно скорее, потому что она представляет одну из величайших опасностей. Она оставляет без руководства крестьянина, пришедшего с известными колебаниями, не порвавшего еще со своим наследием, сравнивающего свой организационный опыт с организацией производства в колхозе и ждущего указний и «заданий». Чем скорее мы этого нового колхозника поставим в рамки определенной производственной работы, определенного порядка, пробудим его производственную инициативу, тем скорее мы справимся с той мелкобуржуазной потребительской стихией, которая основательно бушует в деревне и захлестывает наши колхозы.

Мы должны переключить на новую организацию труда практический деловой ум крестьянина, мы должны иницативу крестьянина развернуть на новой базе.

И еще одна опасность угрожает колхозам, но уже с другой стороны: мы должны избавить наши колхозы от тех прелестей централизации, которые бьют и по более прочным нашим предприятиям.

Бюрократизм может стать фактором развала и разложения колхоза. Нетерпимо положение — когда в колхозе все вопросы восходят до правления и председателя. Уже сейчас можно подобрать не мало перлов бюрократического творчества.

Вот — приказ, выработанный секретарем одного крупного колхоза, организованного на Северном Кавказе.

> «Для восстановления хотя бы приблизительного порядка и чтобы отразить происходящее исторически важное, необходимо»: (Дальше идет перечень всяких хозяйственных и канцелярских требований: весы, тетради для канцелярии, кладовые ведомости и проч.), а дальше с п. 9, в порядке перечисления боевых заданий, наряду с приобретением канцелярских принадлежностей, сказано:
>
> «9) Устранить имеющиеся правые уклоны по вовлечению всей массы в общественную работу боевого организационного периода.
>
> 10) Для приведения беспорядочной массы колхозников в крепкие боевые колонны, произвести разбивку на команды и назначить командиров, вменив в обязанность последним ежедневно или в 2—3 дня один раз являться в установленный час для информации и получения задания. Означенная работа командира в команде, куда попадут и не колхозники, будет технически отражаться и на них.
>
> 11) Руководящему составу артели занять командные высоты, связаться ординарцами и твердо командовать социалистическим боем, не покидая постов Во все прорывы для восстановления положения срочно высылать боевиков-активистов из имеющихся резервов.
>
> 12) Строго требовать от нисшего комсостава полной ответственности за порученных людей и имущество, создав атмосферу действительного боя, а не мирного строительства. Нужен энтузиазм. Без энтузиазма и жертв со стороны лучших трудящихся мы не выйдем победителем. Для этого проводить периодически зарядку.
>
> 13) В минуты затишья командарм об'езжай боевые участки заслуженных похвалить, нерадивых поругать и по всем категориям на выдающихся составить соответствующие представления.
>
> 14) Более сложные вопросы разрешаются Советом. Дальнейшее будет вытекать из практических применений и разрешаться Советом.
>
> 15) Первым необходимым в штабе армии является учитывающий все количественные изменения в колоннах трудящихся в колоннах живого и жертвого инвентаря, запасов и трофей — это бухгалтер.
>
> 16) Вторым должен быть начальник штаба — это секретарь.
>
> Подпись: секретарь колхоза: (Кретов).

Я убежден, что этот документ написан с сознательно вредительской целью. Он прямо подводит крестьян к мысли, что дело идет о крепостничестве, об аракчеевщине. Но приказ имел все шансы претвориться в жизнь. Этот приказ не был реализован только потому, что его перехватили приехавшие в колхоз товарищи из центра.

В деревне сейчас обнаруживается такая засоренность наших низовых органов, такое обилие всяких бывших людей, с таким удельным весом и влиянием, что в ряде случаев ни местные организации, ни центр об этом не подозревали. Они усердно искривляют нашу классовую линию. Им в этом помогают наши люди по своей политической близорукости и под влиянием правых идей сбивающиеся на искривление практической работы. Толковые, хорошо сколоченные и правильно инструктированные рабочие бригады могут многое сделать для устранения этих бюрократических извращений. Нам нужны отчетливые, простейшие образцы элементарной внутренней организации колхозов, нужны простейшие организационные стандарты. Эти образцы и стандарты в соединении с инициативой, сознательностью, опытом и фабричной выучкой рабочего активиста дадут ему возможность не растеряться в деревенской обстановке и нащупать хотя бы временные организационные формы в колхозе.

У нас есть ряд положительных опытов. На Урале в одном из колхозов рабочий — горняк Кизеловских копей, — незнакомый с сельским хозяйством, брошенный в колхоз без достаточного инструктажа, первое время растерялся, а потом начал соображать и стал прилаживать к колхозу формы фабричной организации. Может быть и немного наивно, но во всяком случае на известное время он дал определенные формы организации. Он пошел не по линии военного устава, как тот секретарь на Северном Кавказе, он пошел по своему производственному опыту. Он разбил всех колхозников по цехам: лошадиный цех, ремонтный цех, коровий цех и т. д., при этом он правильно учел ряд организационных и производственных моментов. Создал перелом: люди почувствовали, что они состоят в какой-то производственной ячейке, кому-то подчиняются, с кем-то связаны, могут действовать под сознательным руководством — это сразу внесло уверенность и устойчивость.

Мы уже накопили через низовые органы и сознательных представителей рабочего класса, поехавших на работу в деревню, известный практический опыт. Мы можем уже, если не будем очень мудрить, выработать известные организационные стандарты по линии Колхозцентра и НКЗема и двинуть их—в колхозы.

В этом заключается одна из основных и важнейших задач момента. Ее решение позволит поскорее преодолеть ту бестолковщину, котрая наблюдается сейчас в деревне в больших размерах.

Темпы, количество, качество.

Очень важен вопрос о темпах нашего колхозного строительства. Можно без всякого преувеличения сказать, что для целого ряда районов, которые хотя и не были намечены как районы сплошной коллективизации, но в которых коллективизация идет довольно быстро, ослабление темпа будет делом архивредным, реакционным, и повлечет за собой очень большие накладные и непроизводительные расходы. Разумеется, должно быть какое-то соответствие между степенью подготовленности района и процентом коллективизации. Искусственное вздувание процента в порядке нездорового соревнования между районами (этим делом склонны заниматься некоторые партруководители) должно встретить величайшее осуждение.

Азарт нездорового состязания, стремление перещеголять соседа приводит к вреднейшему административному нажиму,—к тому, что у нас привыкли деликатно называть «перегибами». ЦК уже ввел ряд ограничений для национальных, эконмически отсталых районов, где ажиотаж уже сыграл свою вредную роль, сказавшись неблагоприятными экономическими и политическими результатами (Закавказье, Киргизия и пр.).

Необходимо обеспечить быстрые темпы роста там, где есть подготовленная хозяйственная база, организованные бедняцко-середняцкие массы. Мы за максимальные, но *реальные темпы*, а *формальные бумажные темпы часто находятся в самом резком противоречии с реальными живыми темпами.* Смешивать реальные, жизненные темпы роста с темпами бумажными, с темпами самообмана, а иногда и обмана отдельных организаций, абсолютно вредно.

Мы все сходимся на том, что увлечение количественными показателями при одновременном игнорировании качества приносит нам массу вреда в промышленности, где мы имеем дело с организованными передовыми рабочими с высокой техникой, с налаженной системой труда. *В области коллективизации эта проблема гораздо острее. Здесь забвение качества может дать гораздо более вредные результаты, чем в какой-бы то ни было другой области и, в конце концов, отразиться и на количестве.*

Нельзя рассуждать так: сначала количество, потом качество. Не обеспечив с самого начала хотя бы самых скромных качественных требований, мы и в дальнейшем не сумеем быстро наверстать потерянное.

Как возникают бумажные темпы? Они вырастают отнюдь не из одного революционного энтузиазма. Зачастую энтузиазмом прикрывается казенный оптимист, не утруждающий себя заботами об устранении недостатков и предпочитающий на все смотреть сквозь розовые очки и втирать их другим. Очень опасен в наших условиях этот тип розового очковтирателя, вводящего нас в заблуждение своими реляциями. Вот здесь, когда идет состязание на количество, здесь как раз и возникает соблазн поднажать маленько, а то и основательно. Ведь если долго возиться с крестьянином, да убеждать его, да прорабатывать с ним практические вопросы, тебя глядишь и обскачет соседний район, не теряющий времени на эти «пустяки». Так зачем же долго возиться с крестьянином? Намекни ему насчет Соловков, насчет того, что его со снабжения снимут, или заставь голосовать по принципу: «кто за коллективизацию, тот за советскую власть, кто против коллективизации — тот против советской власти».

Есть большой запас универсальных способов нажима для того, чтобы обеспечить эти сомнительные темпы. Темпы, вырастающие за счет известного количества дворов, введенных насильно в колхоз, не реальны. Колхозы создаваемые под таким нажимом, грозят развалом. Тем, кто так соревнуется на высокие темпы, тем, кто хочет поскорее докатить до 100%, надо помнить, — что о результатах работы районных и других организаций будут судить не по тем процентам, которые они запишут теперь, а по тем реальным цифрам, которые сохранятся в период весенней посевной кампании и после нее.

Мы должны и можем стремиться к высоким напряженным темпам, которые нам заданы, но нельзя потворствовать тем, кто думает их осуществить по линии наименьшего сопротивления. Крестьянин, вошедший в колхоз под административным нажимом, под угрозой, не прочно коллективизирован. Он будет долго озираться на индивидуальное хозяйство, он будет делать попытки вернуться к нему, и вряд-ли его работа будет направлена на укрепление колхоза. Нет никакого сомнения, что правильная организация производства, выгоды артельного труда на первых же шагах смогут преодолеть эти колебания, но в первый самый тяжелый, организационный период могут создаться серьезные осложнения, и случаи распада вполне возможны.

Надо сделать упор на качество и в самых организационных методах. Нельзя увлекаться организационной стройкой и перестройкой и забывать о сборе семенного материала, как это было в ряде районов. Нельзя забывать о завтрашнем дне. Надо совершенно сознательно, примерно за пару недель до сева,—приостановить организационную перестройку. Не успевают создаться колхозы, как их обуревает жажда реорганизации. В ряде мест хотят как можно скорее превратить артели в коммуны, причем не замечают, что застрельщиком такого напора иногда бывает кулак. Кулак, потеряв целый ряд позиций, играет иногда в «левизну». Он говорит: уж если итти в колхоз, то давай настоящую коммуну, чтобы все было обобществлено — и корова, и быт, и личные потребности. У нас начинают мелькать, в качестве достижения, сообщения из районов и сел, что мы-де добились обобществления не только рабочего скота и товарного продуктивного, но и птицы и мелкого скота, и приступаем к обобществлению предметов личного потребления. Это тоже «темпы», но такие темпы могут оказаться чрезвычайно вредными.

Сейчас основной вопрос заключается не в том, чтобы натаскать как можно больше коров и кур в колхоз, а в том — чтобы правильно расставить в колхозе людей и лошадей для работы.

В некоторых местах сейчас, в самое ответственное для молочного хозяйства время, когда коровы находятся накануне отела, проделываются невероятные вещи. Коров заставляют переселяться из одного двора в другой, хотя новый двор не лучше, если не хуже, а коровы тем временем лишаются привычного ухода своих хозяек. Мы потеряли значительное количество коров на этих головотяпских экспериментах. Прислушаться к практическим поправкам крестьянства в этих вопросах было бы очень не плохо.

Необходимо возможно более правильно организовать труд. Эта проблема наименее разработана. Было бы очень полезно, если бы какая-нибудь толковая группа товарищей, опираясь на практический материал, выпустила хорошую, популярную книгу о том, как организовать, хотя бы элементарно, труд в колхозе и, что нужно делать на другой день после создания колхоза. Часто бывает, что не только колхозники, но и правление колхоза не знают, как организовать работу. А покамест идет непрерывная реорганизация, колхоз — на бумаге — переводят на более высокую ступень, т.-е. заставляют крестьян проделывать все новые и новые эксперименты.

Надо сказать, что авторитет партии и рабочих у основных масс крестьянства стоит сейчас, как никогда, высоко. Крестьяне когда-то думали, что если из города приезжают люди, то от них можно ждать только неприятностей, а сейчас во многих местах крестьяне рассуждают: вот приедут рабочие, они нам помогут. Будет очень опасно обмануть это деловое доверие крестьянина. Вот почему необходимо напомнить о вреде организационной неразберихи. Чем скорее эти недостатки дойдут до нашего сознания, тем скорее можно будет их преодолеть. Нужно и другое. Нужно, популяризируя положительные примеры, дать организационные стандарты.

Колхозы и классовая борьба.

Нельзя изолировать строительство колхоза от классовой борьбы. На местах иногда получается такое «разделение труда»: один ведет хозяйственную, организационную работу вне классовой борьбы, а другой — ведет только классовую борьбу, да еще с административными перегибами, не заботясь о строительстве колхоза. Такой разрыв недопустим. Развертывание раскулачивания без одновременного колхозного строительства беспредметно. Раскулачивание должно быть подчинено делу коллективизации и должно быть его составной частью. И не должно быть места таким фактам, когда сельсовет или ячейка, — иногда под влиянием кулацких махинаций, — обрушивает меры раскулачивания на отдельных середняков и бедняков, а в это время у них под носом, в колхозе порою наблюдаются элементы эксплоатации. Бывают ведь и такие случаи, когда благодаря неправильной организации труда, некоторые хозяйства в колхозе, располагающие лучшими средствами производства, играют известную эксплоататорскую роль по отношению к бедняцким хозяйствам. Эти моменты надо серьезно учесть, чтобы не получить крупных прорывов.

Те прорывы, которые у нас есть в настоящее время, требуют от нас, чтобы мы с полной трезвостью отказались от замазывания недостатков и принялись вытравлять остатки кулачества из колхозов. Как ни странно звучит выражение «остатки кулачества» в применении к колхозам, но факт тот, что целый ряд районов в течение месяцев игнорировал установку на недопущение в колхоз кулаков. Иллюзия возможности врастания кулака в колхоз не встречала достаточного отпора. И кулак шел в колхоз, чтобы его взрывать изнутри, чтобы охранять свое имущество, которое он сдал под флагом самораскулачивания, и выжидать изменения обстановки. Целый ряд районов, осбенно тех, где молчаливо сочувственно относились к теории «врастания кулака», дал в колхозах примерно такой же процент кулаков, как и в целом по району. В целом ряде мест члены и секретари ячеек, когда ставился вопрос о том, чтобы не пускать кулака в колхоз, заявляли: «куда ему, кулаку, деться, ведь он уже не кулак, раз он сдал имущество». В Чапаевском районе сплошной коллективизации имело хождение мнение: «куда он денется, добро свое он отдал». И только на трудном опыте, когда внутри самого колхоза начинала проявляться классовая борьба, когда кулак пытался разделаться с беднотой в самом колхозе, люди убеждались, что от кулака пользы не получится.

При всяких заминках кулак в колхозе был носителем распада. При этом он иногда умело использовывал наши формы работы.

Можно привести целую кучу примеров и образчиков скрытой, своеобразной классовой борьбы внутри самого колхоза. Она, конечно, носит другую форму, нежели за пределами колхоза, но эти факты лишний раз показывают,что кулачество, в момент обостренной классовой борьбы, когда хребет у него не сломлен, когда надежда на реставрацию капитализма еще не вполне подорвана, будет изо всех сил добиваться восстановления своих позиций и возможности взять курс на реставрацию. Пытаться с ним сработаться и вовлечь его в колхоз это — мелкобуржуазная иллюзия.

Перегибы.

Характерно, что именно районы, больше всего грешившие либеральным отношением к кулаку, сейчас, когда сформулирована ясно и отчетливо задача ликвидации кулачества, ударились в другую крайность — захватывают середняков.

Во многих перегибах, в чрезвычайном административном усердии, в упрощенном подходе к выполнению директив партии и ЦК, в погоне за количественным эффектом работы, без всякого внимания к качественным показателям, большую роль играет логика действий еще не вполне преодоленных правых элементов в отдельных наших звеньях. Еще вчера они грешили правизной и соглашательством с кулацкими элементами, растворяли перед кулаками двери колхозов, а сейчас механически проводят линию партии, желая избыточным усердием заставить забыть свои вчерашние дела. В порядке шараханья они впадают в перегибы — по внешности может быть левого типа, по существу они действуют на пользу классовому врагу, отбрасывая и запугивая известную часть середняков и бедняков и тормозя укрепление и развитие колхозов.

Нужно быть чрезвычайно чуткими и осторожными ко всем тем элементам нашего руководства в различных звеньях, которые бросаются из крайности правых ошибок в крайность «левого» загиба, а по существу делают антипартийное, антирабочее дело.

Источник и правых и «левых» уклонов один и тот же. Оголтелое администрирование, безудержное головотяпство коренится в одном и том же — непонимании линии партии, в нутряной правизне, которая придавлена, но еще не ликвидирована. Вот почему и опыт колхозного движения лишний раз убеждает нас в том, что правая опасность, правый уклон на практике в скрытом состоянии продолжает оставаться главнейшей опасностью. Это положение ни в какой мере не колеблется тем обстоятельством, что многие носители правого уклона выступают с «левыми» установками. Их поведение сплошь и рядом соответствует поведению кулака, который при обобществлении толкает нас иногда на самые нелепые шаги, доводящие обобществление до абсурда. Тут кулак расчитывает, что чем более нелепо будет проведено обобществление, чем поспешнее это будет сделано, тем больше шансов на то, что будут затронуты интересы бедняков и середняков, и тем больше можно будет поживиться на этом деле. Разумеется, здесь нельзя устанавливать прямую связь, но общие корни тут имеются. Из среды тех же горе-администраторов исходят антипролетарские нотки по поводу рабочих бригад: дескать зачем их прислали, только будут путать политику в деревне, сбивать дело, разводить всякую канитель, да митинговать, в то время, как нужно лупить, и никаких гвоздей. Так рассуждают ретивые администраторы, которым не чужды бюрократическое, чванливое пренебрежение к батрацко-бедняцким массам и связь с кулаком,— связь, которую пытаются иногда скрыть под флагом самых радикальных постановок вопроса и рассуждений на тему о том, что мы сейчас в порыве революционного энтузиазма всех и все раздавим.

Очень знаменательно, что когда прощупываешь такие настроения, толкуешь с отдельными ретивыми администраторами и спрашиваешь: «а как у вас насчет борьбы с кулачеством», он отвечает: «о, у нас такая развернутая борьба, что не только кулаку, но и еще кое-кому попадает». Он считает, что этим самым он взял ту партийную ноту, выше которой не возьмешь. Он думает, что для того, чтобы не ошибиться, надо прихватить вместе с кулаком и пару бедняков и дюжину середняков.

Не такая работа нужна нам сейчас для пользы колхозного строительства. Утверждать, что нельзя бить по перегибам, чтобы не помешать проведению партийной линии, — чудовищно.— Это значило бы думать, что партийная линия не действенна сама по себе, а обязательно должна сопровождаться перегибами. По перегибам надо бить немедленно, чтобы правильно ориентировать низовика, не подвести его. Мы неправильно понимали бы задачи руководства, если бы теперь относились терпимо к перегибам, а потом навалились бы на низовых работников и их сделали бы ответственными за все ошибки. Задним умом в фактах головотяпства каждый разберется, надо уметь головотяпство предупредить.

Какова будет судьба кулаков и что практически надо с ними делать? Здесь необходим очень дифференцированный подход, оказывающийся не под силу упрощенно-мыслящим администраторам. Они не понимают, как можно одного кулака оставить в поселке, послав за околицу, на худшую землю, и для того, чтобы не брать на иждивение его семью, оставить ему элементарные орудия производства; другого переселить на север, но опять-таки не превращать в человека, оторванного от всякого производственного процесса; третьего переместить в пределах округа; активных организаторов ударить всей силой органов диктатуры. При примитивном подходе часто забывают, что одно дело — сам кулак, который может стать организатором, а другое дело — его семья, его малолетние дети, которым зачастую меньше лет, чем советской власти. Если мы к этому делу будем подходить упрощенно, то разведем добавочное количество беспризорных и дадим возможность кулачеству спекулировать на чувстве жалости у бедняков и середняков. Этот вопрос чрезвычайно сложен и упрощенным путем он не может быть решен. Он готовит очень большие трудности, и каждый район должен решать его применительно к своим особенностям и условиям.

Нельзя думать, что затруднения, которых у нас большое количество, можно устранить, если решить вопрос так просто, как это делают низовые товарищи: пошлют кулаков в район, район пошлет их в округ, а округ в край. Это не решение вопроса. В отдаленные районы для колонизации может быть выслано ограниченное количество кулаков, остальных надо изолировать от колхоза местными домашними средствами. И нельзя увеличивать количества высылаемых по той причине, что это значило бы заставить захлебнуться всю нашу работу совершенно непосильной задачей.

Надо сказать, что сейчас у бедняков и середняков чрезвычайно настороженное отношение к кулаку, и то обстоятельство, что у нас сравнительно мало случаев массовых эксцессов, об'ясняется тем, что бедняки и середняки выдают без колебания кулаков. Большинство эксцессов — показатель неблагополучия, это значит, что допущены какие-то ошибки, какие-то «художества». Легкость первой стадии расправы с кулачеством нас не должна обманывать. При недостаточном руководстве, при недостаточной пролетарской бдительности и при наличии разложения в низовом аппарате раскулачивание может повернуться в сторону уравнилки и дележки. Мы, конечно, не можем допускать этого. У кулачества экспроприируются средства производства для укрепления колхозов, и если кулацкое имущество рассеется по рукам, то получится только потакание мелкобуржуазным замашкам и выдвижение новых кандидатов в кулаки.

Можно привести один чрезвычайно выразительный пример, — к сожалению, далеко не единичный. В одной из станиц Северного Кавказа продается с торгов имущество одного кулака, на которого наложен штраф. И вот как это делается. Дом продается за 20 коп., 4 лошади продаются за 60 коп., корова с телкой за 15 коп., гуси по одной копейке, при чем все это покупают с торгов исключительно члены сельсовета. Ясное дело, что это — самое наглое издевательство над советской властью, над советской законностью. Представьте себе такое положение, что 3 или 4 продажи пройдут по таким сходным ценам, и что члены сельсовета все купят. Ведь завтра надо будет и их раскулачивать.

Вопрос о руководстве рабочим классом крестьянства не снимается.

Опасность мелкобуржуазного захлестывания грозит отчасти и отдельным наименее устойчивым рабочим, посылаемым в деревню из числа тех, пролетарская устойчивость которых недостаточно проверена. Надо помнить, что и они могут заразиться азартом дележа. Все это надо очень основательно иметь в виду и не забывать, что слова о Сухаревке, сказанные Лениным в давно прошедшие времена, имеют глубокий смысл и значение: «Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть. Эта Сухаревка есть основа капитализма». (Из речи Ленина на VIII-м С'езде Советов).

В душе очень многих середняков и бедняков, вошедших в колхоз — эта «Сухаревка» пока живет и не может не жить. Надо помнить, что «товарно-капиталистическая тенденция крестьянства» противостоит «социалистической тенденции пролетариата», как сказал Ленин и о чем не так давно напомнил т. Сталин. Надо, чтобы отдельные группы пролетариев не поплыли по этой стихии и не покрыли своим участием те извращения, которые мелкобуржуазной стихией будут сделаны.

Ликвидация кулацких хозяйств отнюдь не снимает вопроса о руководстве рабочим классом крестьянства. Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянина ставится по-новому, и на первых порах неизбежны известные новые осложнения. Один из наших работников, проводя коллективизацию и встречая известные возражения со стороны отдельных групп крестьян, в качестве последнего довода двинул: «Вы, говорит, когда-то мечтали о крестьянском союзе. Входите в колхоз и это будет для вас крестьянским союзом». Такую вещь, конечно, мог сказать только тот, кто механически, руками, а не головой, проводит линию партии, но этот человек отразил некоторые об'ективные возможности такой именно попытки трансформировать колхоз, не почуяв антипролетарского характера этого.

Крестьяне, организованные в колхозы, могут на первых порах сделать ложные шаги в отношении рабочего класса. Ленин говорил, что уничтожение классов после победоносной революции дело длительное и что пройдет не мало времени прежде, чем крупное обобществленное хозяйство превратит крестьян в таких же работников социалистического общества, какими являются рабочие.

> «Чтобы уничтожить классы, надо уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства переходом от единичного, обособ-

ленного, мелкого товарного хозяйства к общественному, крупному хозяйству».

Об'единение крестьян в громадные колхозы, пока крупное производство и влияние рабочего класса не переделали их сознания, может на первых порах возбудить неправильное представление о возможности давить своей организованностью на рабочий класс. Было бы в высшей степени вредно и прежде всего для крестьянства, если бы оно попало в плен представлению о том, что организовавшись в колхоз, оно может начать пересматривать вопрос о руководящей роли рабочего класса. Это надо иметь в виду. И надо, сохраняя максимальную гибкость, максимальный такт в руководстве крестьянством, обеспечить, чтобы взаимоотношения рабочих с крестьянством, организованным в колхоз, твердо строились на основе руководства пролетариата.

Вот почему сейчас особенно остро выпятился вопрос об укреплении органов диктатуры пролетариата в деревне. Вот почему сейчас надо отмести, как несостоятельное и не вытекающее из правильной оценки момента, мнение, что теперь надо свертывать советы. Именно сейчас, когда мелкобуржуазная стихия переделывается, органы пролетариата должны быть на высоте положения. С обезличенностью советов надо покончить. Они должны обеспечить оздоровление атмосферы и устранение всех элементов, поддающихся влиянию кулачества, анархиствующих и бюрократических элементов, являющихся средостением между рабочим классом и крестьянством, применяющих насилие к крестьянству там, где нужно гибкое и умелое руководство. Они нужны как органы диктатуры пролетариата, которые противопоставили бы хозяйственную плановость мелкобуржуазной стихии. Ленин говорил, что особенно упорно не поддается преодолению пассивное сопротивление. Надо преодолеть громадную силу привычек и косности. Ленин когда-то говорил:

> «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими осатками». (Ленин, том XVI, стр. 249. Подчеркнуто мною. С. С.).

Ведь эти привычки и косность будут принесены и в колхоз, они дадут себя знать и чувствовать, и с ними придется очень основательно и долго бороться. Одним махом тут ничего не достигнешь. Нет никакого сомнения, что новая база, особенно та мощная техническая база, которую через год—два даст наше производство и, добавочный импорт, укрепит правильное пролетарское руководство и даст возможность успешно преодолеть мелкобуржуазную природу середняков, хлынувших в колхозы.

Каждая общественная группа изменяет свою политическую физиономию в зависимости от этапов хозяйственного развития. Мы вступили в этап, ломающий старую психологию. Не правы товарищи, поверхностно считающие, что все крестьяне идут в колхоз с сплошным энтузиазмом. Нам такого дешевого представления о крестьянском энтузиазме не нужно. Крестьянин-середняк в откровенных беседах говорит: «Думаем мы сейчас крепко, так

думаем, как никогда в жизни не думали. Целыми ночами не спишь, все думаешь. Так думаешь, что жилы на лбу напрягаются». И, конечно, сейчас, в эти революционные недели происходит такая грандиозная переплавка человеческого материала, что вспоминаешь правильные слова о том, что воспитательное значение дней и месяцев революции стоит порою десятков лет мирного развития. Вся громадная масса, входящая в колхоз, через некоторое время будет представлять собой новый человеческий материал. От нас зависит завершить эту переплавку возможно скорее, лучше и правильнее. От нас зависит свести мелкобуржуазные колебания и шатания к минимуму и предотвратить всякий успех покушения на пересмотр взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством.

Колхозы—база культурной революции в деревне.

Ленин в одной из своих последних статей говорил, что нам для полного построения социализма не хватает одного — культурности. Если бы мы были культурнее, то это решало бы все дело. Культурная революция подвигается у нас чрезвычайно туго, в частности в деревне. Правильно поставленные колхозы дадут нам такую материальную базу для решения проблемы культурной революции, по сравнению с которой наша нынешняя материальная база покажется жалкой. Огромная высвобожденная инициатива крестьянства дает такие производственные успехи, такое повышение товарности, такое накопление средств, которое даст возможность и культурно поднять крестьянство много быстрее, чем в предыдущие годы, связанные жесткими рамками нашей материальной базы и отсталости нашего сельского хозяйства, отличавшегося хищнической растратой сил и средств. Всего этого мы добьемся, если сумеем сейчас правильно организовать крестьянтво.

Борьбой с основными недостатками обеспечить правильную организацию колхозов в деревне.

В настоящее время происходит на отдельных участках некоторое снижение производительных сил, отчасти в силу об'ективных условий (некоторое разбазаривание скота, сокращение стада в известной мере обусловлено характером совершающейся в деревне революции), отчасти из-за недостатков нашего руководства, из-за неумения предвидеть следствия ряда своих шагов. Создавшийся прорыв может и должен быть компенсирован тем, что об'единение оставшегося скота своим производственным эффектом перекроет убыль. Нельзя допускать дальнейшего снижения уровня производительных сил. Мы наблюдаем иногда, что при одинаковых как будто условиях, в одних селах убыль скота равна нескольким процентам, а в других, где было неправильное руководство, где актив увлекся примитивным администрированием, где за бумажными темпами забыли о темпах реальных и о реальном мужике, сокращение стада равно 10, 20 и 30%, а кое-где и больше. Такое снижение производительных сил не может не вызывать тревогу. Надо решительно пресечь и влияние кулацкого вредительства и действие наших собственных благоглупостей. Если мы этого не сделаем, то значительная часть механической тракторной силы будет потрачена не для получения добавочного производственного эффекта, а лишь для компенсирования убыли рабочего скота и мы не получим возможности сделать тот прыжок, который был бы возможен при более благоприятных условиях.

Не нужно казенным оптимизмом затушевывать эти вещи. Нужно помнить слова Ленина, что надо смотреть, где, какие ошибки допущены и преодолевать их. Положительный опыт целого ряда великолепно организованных колхозов, достигших уже хороших результатов, мы можем, при правильном руководстве, при помощи хороших толковых рабочих, при помощи преданных агрономов, перенести в другие колхозы. Одна из обязанностей бригад, отправляющихся в деревню, заключается в том, чтобы без всякого прикрашивания, без желания потрафлять и преподносить приятные реляции с колхозного фронта, популяризовать положительный опыт, трезво вскрывая недостатки. *Если мы отучим наш низовой аппарат и другие звенья от этой вреднейшей привычки прикрашивать положение, то половина дела будет сделана, и мы сумеем гораздо быстрее и более своевременно устранять те недостатки, а недостатки теперь должны возможно скорее исправляться, ибо они жизненно затрагивают много десятков миллионов людей.*

За каждую нашу ошибку хватается кулак. Ему на-руку небрежность и легкомыслие организаторов колхозов, которые необдуманно, неудачно сводят скот в одно место таким манером, что в результате портится несколько голов скота или падает лошадь. Такие отдельные факты так бьют в нос хозяйственной натуре крестьянина, что их вредные последствия в материальном выражении ничто по сравнению с политико-моральным ущербом, получаемом нами. Нигде не сказано, что мы эти глупости должны повторять все время. Если бы все силы у нас были мобилизованы, воля правильно направлена, этих недостатков было бы меньше. А у нас встречается порою легкомысленный подход, фатализм какой-то в отношении колхозов: «Ну, что ж, построим сотню колхозов, пускай 25 развалится,—75 выживут, и то ладно!..». Если бы эти рассуждения приложить к нашей промышленности, то абсурдность их сразу станет ясна. Получится, что мы намечаем построить сотню заводов и фабрик и, давайте примиримся, что 25 будет никуда негодных, а остальные будут хорошие. Это был бы дикий подход. Но такое примиренческое отношение к нашим недостаткам так же дико и в отношении колхозов. Заранее настраиваться на то, что у нас будет много негодных колхозов, значит — повышать шансы ошибок и недостатков. Поэтому надо ставить себе задачу: если строим 100 колхозов, то надо требовать, чтобы все колхозы были хорошие, чтобы брака было как можно меньше. *И надо немедленно публично исправлять ошибки в отношении середняков и бедняков, вплоть до показательных процессов. Мы не можем к величайшему делу социалистической переделки деревни относиться легкомысленно, мы не можем давать потачку революционному авантюризму, идущему на «ура». Мы не имеем права проиграть величайшую ставку, какую мы когда-либо ставили. Все положительные данные говорят, что при правильном подходе, при твердом руководстве, при условии, что не будет панических шатаний и шараханий, даже тогда, когда будут обнаружены крупные прорывы (а людям, которые самоуверенно задирают нос кверху при первых удачах, обыкновенно свойственно очень низко его опускать при серьезных неудачах и впадать в панику при первых поражениях), мы с нашей величайшей задачей — справимся.* Если бы мы на основании неудач на одном или двух участках сделали вывод, что надо сдавать обратно, поворачивать на 180 градусов, это было бы в высшей степени опасно. Наш актив не весь достаточно подкован, часть его еще заражена оппортунистическими настроениями, и такой поворот может быть воспринят как поворот направо и использован правыми элементами для реванша.

Мы должны напрячь всю свою волю, чтобы положительные примеры сделать достоянием широких масс, превратить их в стандарты. Недостаткам и обычаю их замазывать мы обязаны об'явить жесточайшую войну, особенно в самый важный период, когда весенняя кампания все решает. На этой стадии нужно решительно взяться за искоренение недостатков, памятуя, что когда начнется разгар весенней кампании, поздно будет их исправлять.

Сейчас в деревне накапливается громадный фактический материал о строительстве и классовой борьбе. Этот материал должен быть использован и для целей практической работы и для теоретического изучения. Мы не можем жить только накоплением фактов, не связывая их и не обобщая, это было бы крохсборчеством и слепотой.

К. Розенталь.

На новом этапе.

Величайшие социально-экономические сдвиги, происходящие в народном хозяйстве нашего Союза: неслыханные темпы индустриализации и коренная перестройка материально-технической базы народного хозяйства; радикальная ломка старого общественного экономического уклада деревни—коллективизация бедняцко-середняцких хозяйств деревни и ликвидация кулачества как класса; социалистическое соревнование и непрерывка и т. д. и т. п.—все это такие явления, которые свидетельствуют о том, что народное хозяйство вступило в какой-то новый этап переходного, от капитализма к социализму, периода. Однако, если сам по себе тот факт, что мы вступили в некий новый этап переходного периода, что мы переживаем «крутой перелом» в ходе развития революции не вызывает сомнения, по своей очевидной бесспорности, то смысл, суть и содержание этого нового этапа еще далеко не осознаны и не осмыслены теоретически. И здесь больше, чем где-либо приложимы слова т. Сталина, «что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли».

Опасность этого разрыва преуменьшать никак нельзя. Величайшим преимуществом рабочего класса в его революционной борьбе было то, что в этой своей борьбе, он выступал вооруженным передовой теоретической мыслью, дававшей ему в руки неоспоримое превосходство перед своими классовыми врагами, позволявшей ему предвидеть то, что не могла видеть оскопленная теоретическая мысль буржуазной науки. И если здесь, в области теории, мы не будем стоять на должной высоте, то это будет означать, что теория не «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», т.-е., иными словами, что теория не исполняет своей служебной роли, неправильно «ориентирует» практику, а, значит, ослабляет силы борющегося пролетариата и, тем самым, увеличивает силу сопротивления его классового врага. Это надо твердо помнить, когда мы говорим о теоретической работе и особенно о теоретической работе в области современного империализма и советского хозяйства.

Между тем, как это уже неоднократно отмечалось, теория у нас решительно отстает от практики и «в значительной степени плелась в хвосте событий, не всегда даже регистрируя факты прошлого». В полной мере это приложимо и к тому новому этапу, в который мы практически уже вступили, но теоретическое осмысливание которого непозволительно отстает от хода реальной жизни. Между тем тот поворот в экономике и политике, который происходит, открывает широчайшее поле деятельности для теоретической работы. Однако, за исключением руководящих статей, посвященных новому этапу, мы не имеем ничего, что теория могла бы записать себе в «приход» в деле теоретического осознания, происходившего и происходящего поворота в экономике и политике, нового поворота в ходе развития нашей революции, в ходе развития социалистического строительства.

Но если теория не может похвастать своим участием и своей ролью в деле осмысливания происходящих социально-экономических процессов, в деле характеристики того нового этапа, в который мы вступили, то все же в печати, хотя и косвенно, различные авторы в различных статьях, написанных по разному поводу, так сказать «мимоходом», «на ходу» обильно расточают свои определения и свою характеристику этого нового этапа; тут есть и поэтический—«закат нэпа», и мрачное—«отмирание нэпа», и ничего не говорящее «начало конца нэпа» и даже «сокращение об'ема нэпа». К сожалению, однако, все эти определения и характеристики или неверны и не отражают существа и содержания происходящего поворота в экономике и политике, либо просто бессмысленны и бессодержательны, несмотря на свою «поэтическую» форму.

Коренная ошибка всех рассуждений и высказываний по вопросу о новом этапе заключается в том, что этот новый этап рассматривается вне той исторической перспективы, которая только и может дать правильное представление о переживаемых нами сдвигах и в экономике и в политике. Новый этап—звено в цепи переходного, от капитализма к социализму, периода. И понять то новое, что мы имеем, это значит, прежде всего, понять его историческую обусловленность, понять его связь с прошлым, вывести его из этого прошлого и показать то, что придает этому новому этапу иное качество, иное политическое и экономическое содержание. А это в свою очередь требует тщательного и внимательного анализа всего того, что говорил и писал Ленин по вопросам переходного периода. Между тем в этой связи, в связи с пониманием и оценкой нового этапа богатейшее ленинское наследство использовано совершенно недостаточно. И наша задача в первую очередь должна заключаться в том, чтобы проследить, как намечались Лениным основные линии развития нашей революции, основные линии социалистического строительства.

⁂

Мы строим социализм. Но «социализм есть уничтожение классов».

«Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная» (т. XVI, стр. 351). При чем, что необходимо особо подчеркнуть, эта задача обща всем странам, поскольку «почти во всех капиталистических странах, может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев». Вот почему поскольку разрешена первая задача свержение капиталистов и помещиков, «главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать, — так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным образом». «Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе». (т. XVIII, ч. I, с. 325).

Здесь борьба ведется не за уничтожение, не за ликвидацию, не за свержение класса мелких производителей и мелких земледельцев, а за коренную перестройку их хозяйства, за переделку простых товаропроизводителей в производителей социалистических, за перевод мелкого, индивидуального, обособленного товарного хозяйства в крупное, обобществленное хозяйство последовательно социалистического типа.

И именно наличием в хозяйственной системе мелкого товарного производства, его ролью и удельным весом в народном хозяйстве определяются условия, характер и особенности форм переходного от капитализма к социализму периода. Величайшей бессмыслицей, конечно, было бы думать, что формы, в которых будет совершаться переход к социализму будут одни и те же вне зависимости от специфичности как международной обстановки, так и внутренней хозяйственной структуры страны, совершающей переход к социализму. Об этой необходимости величайшей гибкости всей политики пролетариата в переходный период неоднократно говорил Ленин.

«...Переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство» (т. XVIII, ч. I, стр. 151. Курсив мой. *К. Р.*).

И еще раньше:

«Нет ни одного социалиста, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная» (т. XV, стр. 75. Курсив мой. *К. Р.*).

С предельной простотой и ясностью формулировал Владимир Ильич это различие форм переходного периода в зависимости от степени развития страны, вступившей на путь социалистического строительства.

«Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, — говорил Владимир Ильич в заключительном слове на X с'езде партии,—или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» (т. XVIII, ч. I, стр. 151). Тогда возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, революционной ломке старого общественно-экономического уклада, что отнюдь, конечно, не снимает, а предполагает и оживление этого «старого общественно-экономического уклада» и овладения им, по мере его оживления. Совершенно несомненно, конечно, что поскольку даже в странах развитого капитализма, хотя и в меньших размерах, чем это имеет место в странах промышленно слабо развитых, сохраняется мелкое хозяйство, необходимы будут и «посредствующие звенья» и «переходные меры» и, в частности, необходимо будет «сохранение — на начальных ступенях развития— рыночных форм хозяйственной связи, денежной системы и т. д.». (Программа Коммунистического Интернационала).

Однако, это отсутствие необходимых предпосылок для «прямого перехода к коммунизму», т.-е. к непосредственному социалистическому строительству, революционной ломке всего старого общественно-экономического уклада, отнюдь не означало, — как это утверждали и утверждают теоретики международного меньшевизма, — признания «невозможным», или «несвоевременным» социалистической революции в стране, где преобладает «мелкая собственность», «мелкая культура».

Для социализма требуется определенный уровень культуры, наличие определенных об'ективных экономических предпосылок, «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, — писал Ленин в своих замечаниях по поводу записок Н. Суханова, — носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции». И дальше, развивая это свое положение, Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

«Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» (том XVIII, ч. 2, с. 119—120).

«...Непоправимой ошибкой было бы об'явить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил», и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны» (т. XVIII, ч. I, стр. 211).

Нет слов, что подобный ход социалистической революции не укладывается в «стройные» схемы элементарных учебников, написанных по Каутскому. Но революции происходят не по учебникам формальной логики и не по принципу: «Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert». И если в странах передового капитализма, где мелкое хозяйство играет незначительную роль и где, наоборот, крупное хозяйство и в промышленности, и в земледелии преобладает, возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, то «социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство (т. XVIII, ч. I, стр. 137. Курсив мой. *К. Р.*).

«Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь» (т. XVIII, ч. I, стр. 221).

Так ставил вопрос Ленин и весь ход развития нашей революции дал блестящее подтверждение этому ленинскому положению.

Именно эту политику, как известно, мы и начали. Но навязанная нам гражданская война заставила нас пойти дальше того, что было первоначально намечено. И именно под влиянием гражданской войны мы сделали попытку, минуя ряд «посредствующих» звеньев и переходных мер, приступить к разрешению задачи непосредственного социалистического строительства: задаче непосредственного перехода к социалистическим формам производства и распределения, задаче непосредственного социалистического переустройства сельского хозяйства.

* * *

В чем же состояла сущность и задачи этого «целого ряда особых переходных мер» в стране, установившей диктатуру пролетариата и вступившей на путь социалистического строительства? Создать тот «уровень культуры», те «об'ективные экономические предпосылки», ту «цивилизованность», тот фундамент социализма, которых не создал капитализм, и без которых невозможно разрешение важнейшей и сложнейшей задачи социалистического строительства: — социалистического переустройства сельского хозяйства, переделки мелкого, индивидуального хозяйства простых товаропроизводителей в производителей социалистических. В этом суть этих переходных мер, которые «совершенно ненужны в странах развитого капитализма», ибо «мы знаем, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, ходом событий убеждать в неизбежности социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми, настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет» (т. XV, стр. 577).

Они станут социалистами, когда на практике, на опыте близком им убедятся в преимуществах крупного хозяйства, когда им будет практически доказано, что нет иного выхода из векового состояния голода, нищеты и рабства, как «переход к товарищескому, артельному земледелию», как переход к коллективным формам хозяйства. Показать же эти преимущества крупного хозяйства перед мелким, коллективного перед индивидуальным можно только тогда, когда налицо имеется крупная промышленность, способная в корне перестроить материально-техническую базу сельского хозяйства и, тем самым, переработать всю психологию и все навыки мелкого земледельца. Вот почему Ленин не уставал подчеркивать, что:

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» (т. XVIII, ч. I, стр. 316). Ибо «убедить» мелкого производителя, «доказать» ему все выгоды и преимущества крупного хозяйства, «оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе» (т. XVIII, ч. I, стр. 139).

Вот почему Ленин с полным правом мог говорить, что — «если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами.., то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию (т.-е. за коммунизм)» (т. XVI, стр. 159). И другого выхода у него бы не было, если бы он захотел раз навсегда отказаться от полуголодного существования, нищеты и рабства, ибо, с одной стороны, все преимущества применения трактора и машин — несомненны, а, с другой, — сам трактор, сложные с.-х. машины, вроде комбайна, и электрификация требуют иных форм сельского хозяйства, требуют перехода от мелкого хозяйства к крупному, от простого товарного хозяйства к обобществленному, коллективному.

«Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная

промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской». «Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи» (т. XVIII, ч. I, стр. 260. Курсив мой. *К. Р.*).

Без этого опасно и вредно «нести сразу и чисто коммунистические идеи в деревню», без этого нельзя ставить своей задачей непосредственное социалистическое переустройство деревни, без этого величайшей ошибкой было бы ломать старый общественно-экономический уклад деревни. Кроме вреда такая попытка не могла бы дать ничего. И задача экономической политики пролетариата в таких социально-экономических условиях, когда преобладает мелкое хозяйство, а не крупное, заключается в том, чтобы не ломая старого общественно-экономического уклада, «не задаваясь предвзятой целью внедрять в деревню коммунизм», построить ту крупную промышленность, которая одна, и единственно одна, способна реорганизовать земледелие, убедить крестьянина в преимуществах крупного хозяйства перед мелким, и на этой основе, кооперируя его, внедряя в широкие массы трудового крестьянства идею кооперации, доказать ему преимущества артельного, коллективного труда на базе машинной техники, перед индивидуальными методами и приемами хозяйствования с их неизменной сохой и заморенной клячей.

Именно в этом суть, задача и содержание тех особых переходных мер от капитализма к социализму, которые ненужны в странах с развитой крупной промышленностью, способной разрешить задачу непосредственно социалистического переустройства деревни, и которые совершенно необходимы в странах, где преобладает мелкое хозяйство, и где нет той крупной промышленности, которая способна реорганизовать земледелие.

* * *

Классическим примером в этом отношении является наша революция. Сравнительно отсталая промышленность капиталистической России была, к тому же, в корне подорвана империалистической и гражданской войнами. И к окончанию гражданской войны промышленность сократила свое производство до 18—20% довоенных его размеров, при чем особенно пострадали как раз те отрасли промышленности, продукция производства которых должна была играть решающую роль в деле социалистического преобразования народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в частности. Производство чугуна упало к 21—22 году до 4,1% довоенного производства, стали—до 7,5% и проката до 7,4% довоенного производства. Добыча каменного угля и антрацита—до 35,9% довоенного размера добычи. Нечего и говорить, что о производстве тракторов, непроизводившихся в довоенной России, можно было только мечтать.

А это означало, что «показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство разрушено, ибо ему самому приходится вести самое жалкое существование и восстанавливать его можно только путем возложения жертв на этих же самых мелких земледельцев» (т. XVIII, ч. I, стр. 118).

От штурма к осаде.

Какую же экономическую политику должен был вести пролетариат перед лицом такой экономической действительности?

В период военного коммунизма наш план и задачи нашей экономической политики были «просты»:

«Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» (т. XVIII, ч. I, стр. 409).

Иначе говоря, «при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, — говорил Ленин в своей речи на Московской губпартконференции 29/X-1921 г.,—из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых,— из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было» (т. XVIII, ч. I, стр. 390. Курсив мой. *К. Р.)*.

«Вся наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах» (т. XVIII, ч. I, стр. 371. «Речь на II Всероссийском с'езде политпросветов». Курсив мой. *К. Р.*).

Эта политика была необходима и закономерна, поскольку без проверки и испытания сил как самого пролетариата, так и мелкособственнической стихии и силы капитализма, без достаточного опыта и знания конкретных условий борьбы «не было оснований предпринять борьбу, которая в силу уже своей длительности, таила в себе целый ряд другого рода опасностей». Но «к весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде» (т. XVIII, ч. 1, стр. 395—396).

И в крестьянских волнениях, которые волной прокатились по стране, в кронштадтском восстании нашел себе выражение тот факт, «что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель» (т. XVIII, ч. II, стр. 90. Курсив мой. *К. Р.)*.

В какой мере это было именно так — мы уже знаем. Нужда и разорение были таковы, что восстановить сразу крупную социалистическую промышленность оказалось невозможным. Достижение хотя бы только довоенного уровня промышленности казалось далекой мечтой. В этих условиях попытки «непосредственного перехода к чисто социалистическим формам» производства и распределения, попытки социалистического переустройства сельского хозяйства были заранее обречены на неудачу. Прежде всего надо было восстановить крупную социалистическую промышленность, не ставя своей задачей ломки старого общественно-экономического уклада до тех пор, пока в восстановленной и рекунструированной промышленности не будет создана для этого необходимая база. «Наша основная задача — восстановление крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 261). И разрешению этой задачи мы должны были подчинить все. Без этого ни о каком социалистическом строительстве не могло быть и речи. Без этого вреднейшей утопией и народническим фантазерством было бы думать о социалистической реорганизации земледелия. Иначе говоря, нашей задачей должно было стать: не непосредственный переход к социалистическим формам производства и распределения, а опосредствованный целым рядом переходных мер и в первую очередь развитием крупной социалистической промышленности до такого ее уровня, при котором возможен был бы переход к непосредственно социалистическому переустройству всего народного хозяйства в целом.

Именно этим и об'ясняется тот факт, что «с весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления.

Совершенно иной подход к задаче.

По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше)» (т. XVIII, ч. I, стр. 410).

Убедившись на опыте, что «штурмом» не могут быть разрешены задачи перехода к социалистическим формам, что для этого еще не хватает необходимых «сил», мы должны были коренным образом изменить и нашу экономическую политику. Не ломать старого общественно-экономического уклада, а оживлять, овладевая в меру оживления, — вот классически ясная и четкая характеристика содержания той новой экономической политики, которую мы начали с весны 1921 года.

А это означало, что без ряда опосредствующих звенев мы не можем приступить к осуществлению непосредственного перехода к социализму, без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к социалистической», не можем непосредственно без ряда опосредствующих звеньев, вступить «в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения» (т. XVIII, ч. 1, стр. 391). А это, в свою очередь, требовало отступления в целом ряде областей экономики с тем, чтобы отступив и перестроив свои ряды, сообразно новым задачам, начать наступление, но уже на основах «новой экономической политики», постепенно, осторожно, рядом обходных движений.

«Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях, неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, — перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма» (т. XVIII, ч. I, стр. 396—397. Курсив мой. *К. Р.*).

И именно это обстоятельство Ленин неустанно подчеркивал:

«Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи, и мы должны помнить, что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству» (т. XVIII, ч. I, стр. 399).

Значит ли это, что из того состояния, от того уровня экономического развития, в котором находилась Россия вообще невозможен непосредственный переход к социализму? Отнюдь нет. Но для того, «чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, — писал Владимир Ильич, — какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода до-капиталистических отношений к социализму». И дальше Ленин указывал совершенно точно, при каких условиях мыслимо осуществление «непосредственного» перехода к социализму без «переходных ступеней» и без «посредствующих звеньев». «Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций..., если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется» (т. XVIII, ч. 1, стр. 221).

Но именно этого-то «если» у нас и не было, именно этого-то условия, у нас тогда не имелось. Между тем, как указывал там же Ленин, одно только это условие требовало для своего осуществления долгих лет. И потому-то нам потребовался ряд переходных ступеней, ряд посредствующих звеньев в деле социалистического строительства, которое мы вели «на рельсах» нэпа, прежде, чем будут созданы условия для осуществления от опосредствованного социалистического строительства к непосредственному переходу к социалистическому строительству, т.-е. прежде, чем будет создана основа социализма — крупная социалистическая промышленность, «способная социалистически реорганизовать земледелие».

Создание крупной социалистической промышленности, в массовом масштабе производящей тракторы и с.-х. машины, в массовом масштабе производящей электрическую энергию, в массовом масштабе производящей химические удобрения и на этой основе способной реорганизовать земледелие,— вот задача задач, вставшая перед нами во весь свой рост, с окончанием гражданской войны и переходом к мирному хозяйственному строительству. Иначе говоря: создание крупной социалистической промышленности, являясь делом непосредственного социалистического строительства, — поскольку наши государственные промышленные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа,—в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве.

⁂

Но как можно было приступить к разрешению этой задачи в условиях неслыханной разрухи и разорения, в условиях почти полного распада хозяйственных связей, дезорганизации транспорта и крушения кредитно-денежной системы? «Мы не могли подготовить социалистического хозяйства прямым путем, мы принуждены были сделать это окольными путями» (т. XVIII, ч. 2, стр. 96).

«...в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства» (т. XVIII, ч. 1, стр. 213). «В первую голову», ибо без «поднятия производительных сил крестьянства», без восстановления сельского хозяйства немыслимо было разрешение задачи: обеспечения городов продовольствием и фабрик и заводов—сырьем и топливом.

Начать следовало с того, чтобы «добиться под'ема производительных сил хотя бы на ступени крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной» (т. XVIII, ч. 1, стр. 437).

И «на то время пока мы не восстановим крупной промышленности полностью, а это время может исчисляться не меньше, как десятком лет», мы «должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином как с мелким крестьянином, пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности». «Это основа всей новой экономической политики». (т. XVIII, ч. 1, стр. 291).

В этом суть. Не ломать старого общественно-экономического уклада, не ставить себе задачей немедленную социалистическую перестройку сельского хозяйства, а считаться «с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», «дать крестьянству порядочный простор, как мелкому производителю» (т. XVIII, ч. 1, стр. 265), «приспособиться к хозяйственным условия жизни мелких земледельцев» (стр. 291), до тех пор, пока не будет создана та социалистическая промышленность, которая окажется в силах разрешить задачу социалистического переустройства сельского хозяйтва. Именно в этом корень отличия новой экономической политики от той политики, которая предшествовала ей и которая ставила своей задачей не опосредствованное соответствующим развитием социалистической промышленности и рядом других переходных мер социалистическое строительство, а непосредственное социалистическое строительство, революционную ломку всего старого общественно-экономического уклада деревни. И именно в этом: в необходимости считаться «с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», в необходимости «оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему рядовому крестьянину (а это — массовик, представитель массы, носитель стахии) экономическое оживление», использовав это оживление, этот под'ем и рост производительных сил «для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности»—основа основ, смысл, содержание и суть новой экономической политики. В истории переходного периода новая экономическая политика является «пред'историей» к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, когда минует надобность в длинном ряде переходных мер и посредствующих звеньев и когда на основе окрепшей и выросшей социалистической индустрии мы сумеем подойти вплотную «к крупному обобществленному машинному земледелию».

Вот почему на вопрос: не означает ли переход к новой экономической политике, когда во главу угла ставится задача «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином»,—царства крестьянской ограниченности?—Ленин со всей категоричностью отвечал:.

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (т. XVIII, ч. II, стр. 138).

* * *

Итак, в длинном ряду переходных мер и опосредствующих звеньев, необходимых для создания крупной социалистической промышленности, способной реорганизовать земледелие, мы должны были исходить из необходимости «считаться с тяжелым положением страны» и невозможностью «быстро восстановить крупную промышленность». Соответственно этому должна была строиться и наша экономическая политика.

«...попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалось. Раз эта попытка не удалась, то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т.-е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. *Замена разверстки продналогом,—вот в чем суть нашей экономической политики, это суть самая простая. Если нет цветущей крупной промышленности*, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как *путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием под руководством и контролем рабочего государства*,—никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела. *И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики*» (т. XVIII, ч. 1, стр. 434—435. Курсив мой. *К. Р.*).

Но и в самом процессе перехода от военного коммунизма к новой экономической политике мы имели свой ряд переходных мер.

Основной задачей, как мы уже говорили выше, было *не ломая* старого общественно-экономического уклада, *оживлять* его, *овладевая лишь в меру оживления*. «Во что бы то ни стало, какой угодно ценой, поднять из положения критического в положение сносное» мелкое крестьянское хозяйство. Но для этого требовалось (поскольку крупная промышленность была разорена) поднять мелкую и местную промышленность, дать ей необходимый простор и необходимые для этого условия и *заинтересовать* крестьянина в развитии его собственного хозяйства, *приспособиться* к его хозяйственным нуждам и требованиям, *удовлетворить* его как мелкого производителя. Но «удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, *нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого*

хозяина, а, во-вторых, *нужно достать товары и продукты*» (т. XVIII, ч. 1, стр. 140).

Какую же именно политику должен был вести пролетариат перед лицом такой экономической действительности? «Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была бы самая желательная, самая «правильная» политика, — мы ее и начали» (т. XVIII, ч. 1, стр. 216). И именно эту задачу мы перед собой ставили, когда переходили к продналогу, когда переходили «от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием» (т. XVIII, ч. 1, стр. 315), когда «предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации» (стр. 398).

На чем строилось это решение? На том, что посредством продуктообмена мы в состоянии будем осуществить более непосредственный переход к социализму, минуя ряд посредствующих звеньев. Но эта попытка не удалась. Слишком велико было разорение всего народного хозяйства, и в частности, и в особенности, крупной социалистической промышленности. Всех продуктов социалистической промышленности в обмен на хлеб и сырье мы не могли дать; их было ничтожно мало. «Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» (т. XVIII, ч. 1, стр. 398).

На этих позициях отступление было приостановлено, *на этих позициях* была произведена необходимая перегруппировка сил и *с этих позиций* началось постепенное наступление на капитализм: восстановление и создание крупной социалистической промышленности, овладение торгово-посредническим оборотом, замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора как из промышленности, так и из сферы товарооборота, усиление строительства кооперации. Борьба с капитализмом, борьба с мелкобуржуазной стихией, не теряя своей ожесточенности, приняла новые формы, потребовала иных приемов и иных методов.

От штурма мы перешли к осаде, от революционных к «реформистским» методам действий, к длинному ряду постепенных, осторожных обходных движений, конечной целью которых было создание таких условий, при которых был бы возможен переход *от опосредствующих* звеньев в деле социалистического строительства *к непосредственному* социалистическому строительству, при которых возможно было бы разрешение важнейшей и кардинальнейшей задачи — задачи социалистического переустройства сельского хозяйства.

Таким образом, не имея промышленности, способной разрешить коренную задачу революции,—социалистическое переустройство сельского хозяйства и, больше того, не имея промышленности, способной социалистически обменять свою продукцию на хлеб и сырье, мы вынуждены были, преследуя задачу удовлетворения интересов мелкого товаропроизводителя, перейти к обыкновенной купле-продаже, к обыкновенной торговле, хотя и поставленной в определенные рамки, хотя и ограниченной государственным регулированием.

«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредтвенно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных, «осадных» действий» (т. XVIII, ч. 1, стр. 413. Курсив мой. *К. Р.*).

Но свобода торговли означает и известную свободу капитализма. С переходом к рыночным отношениям, мы неизбежно должны были в известной степени и известной мере создать условия для развития капитализма. Нет сомнения, что опасности и трудности, стоящие перед нами, в связи с этим, неизмеримо возросли. И, тем не менее, это было совершенно необходимо, ибо «капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства» (т. XVIII, ч. II, с. 35), ибо «без этого крестьянин жить и хозяйничать не может» и, соответвественно этому «капитализм, мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» (т. XVIII, ч. II, с. 61).

Означало ли это допущение свободы торговли и свободы капитализма подрыв основ диктатуры пролетариата? Отнюдь нет. Ибо вопрос был в той мере, которая допускалась развитию капитализма. Но опасность, которой нам грозила даже эта ограниченная свобода капитализма преуменьшать все же было никак нельзя. И дело было не столько в самом этом капитализме как таковом, сколько в его влиянии на мелко-собственническую стихию. «Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из «городских классов» сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет» (т. XVI, с. 442). Нашей задачей было сохранить это руководство за собой, за пролетариатом, постепенно отвоевывая одну за другой позиции у капитализма.

От социалистического продуктообмена, предполагавшего непосредственный обмен продуктов социалистической промышленности на хлеб и сырье, мы отступили к торговле. И именно сюда, в сферу товарооборота прежде всего устремился капитализм. Нашей важнейшей задачей должно было сохранить хозяйственную связь с крестьянством в своих руках, отвоевать ее, но уже мерами экономическими у капитализма. Вот почему Ленин говорил, «что именно торговля—то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать» (т. XVIII, ч. I, с. 412).

Наконец, свобода торговли неизбежно порождала и рост кулачества. «Как же быть? Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным об'единением и государственными мерами. Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество товару. Если они в твоих руках — ты держишь власть, но приостановить, зарезать, отмести такую возможность — это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство» (т. XVIII, ч. 1, стр. 145).

* * *

Таким образом, если бы мы хотели в более развернутой форме дать характеристику, содержание и задачи новой экономической политики, мы должны были бы отметить следующие основные моменты.

1. От штурма к осаде, от революционных методов действия к «реформистским», от непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер, ставящих себе задачей: создание крупной социалистической промышленности (где уже осуществлялось непосредственное социалистическое строительство), кооперирование населения и в первую очередь крестьянского населения (рост кооперации, как указывал Ленин, тождественен росту социализма) ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства.

2. Не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять, овладевая в меру оживления, до тех пор, пока не будет созданы необходимые предпосылки и условия и, прежде всего, крупная социалистическая промышленность и мощная кооперация для разрешения задачи непосредственного социалистического строительства.

3. Считаться «с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», пока не будет создана крупная социалистическая промышленность, способная реорганизовать земледелие.

4. Допустить свободную торговлю, поскольку торговля есть единственная возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если нет налицо цветущей крупной промышленности и до тех пор пока такая промышленность создана не будет.

5. Допустить в известных пределах, необходимых для развития крестьянского хозяйства, свободу капитализма, пока на базе мощной социалистической индустрии коллективизирующейся деревне будет не нужен капитализм.

6. Допустить известный рост кулачества в деревне, как неизбежный продукт мелкого товарного производства и свободы торговли, до тех пор, пока крупная социалистическая промышленность не даст деревне в массовом масштабе тракторы, машины и электрическую энергию, не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство и, тем самым, «десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты».

7. Наконец, «для того, чтобы обеспечить непрерывное, хотя бы и медленное, восстановление крупной промышленности, мы не должны отказываться итти ни на какие подачки жадным до этих подачек заграничным капиталистам, потому что сейчас, с точки зрения построения социализма, выгодно переплатить сотни миллионов заграничным капиталистам, но зато получить те машины и материалы для восстановления крупной промышленности, которые восстановят нам экономическую базу пролетариата, превра-

тят его в прочный пролетариат, а не тот пролетариат, который остается спекулятивным» (т. XVIII, ч. I, стр. 264).

Короче говоря, новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства в деле социалистического строительства, которые через ряд посредствующих звеньев и переходных мер должны были подвести к разрешению задач непосредственно социалистического строительства в об'еме всего народного хозяйства, коренной ломке старого общественно-экономического уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности — основы основ социализма и кооперации. Создать цветущую, могущественную крупную социалистическую промышленность, способную разрешить коренные задачи социалистического строительства, а до этого времени — не ставя своей целью утопическую и вредную для дела социализма идею непосредственного социалистического строительства, — оживлять старый общественно-экономический уклад, торговлю, мелкое предпринимательство, овладевая ими в меру оживления, используя все и всяческие возможности для скорейшего создания крупной социалистической промышленности — вот тот величайший «маневр», который мы начали проводить перейдя к новой экономической политике. И «вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 437).

И тогда, когда мы создадим ту крупную социалистическую промышленность, которая будет в силах перейти к разрешению задач непосредственного социалистического строительства, когда минует необходимость переходных мер и посредствующих звеньев, эта экономическая политика будет не нужна, будет излишней, и мы должны будем перейти к иной политике — политике непосредственного социалистического строительства. От ряда долгих, постепенных, осторожных, «реформистских», «осадных» действий, мы должны будем перейти к новому штурму, но уже в иных условиях, в иной обстановке, с иной организованностью, с иным соотношением сил борющихся классов.

От осады к новому штурму.

Каковы были итоги новой экономической политики? В общем и целом эти итоги известны. Величайших успехов, достигнутых нами «на рельсах нэпа», не могут не видеть и не признавать даже наши враги.

Напомним их вкратце.

Валовая продукция сельского хозяйства за шесть лет с 1923—24 года по 1929—30 г. возросла с 8.558 млн. дов. рублей до 12.530 млн. дов. руб. или на 41,4%.

Валовая продукция промышленности за этот же период возросла с 3.414 млн. дов. рублей до 14.229 млн. дов. рублей или на 316,7%. Довоенный уровень промышленностью давно оставлен позади и в текущем году будет превышен в два раза! Капитальные вложения в промышленность, составлявшие в 1923—24 г. 245,3 млн. черв. рублей, из года в год возрастая, в 1929—30 г. выражаются гигантской суммой, превышающей 4 млрд. руб. Контрольные же точки на 1930—31 год повышают об'ем капитальных работ промышленности до 8,5—9 млрд. рублей!

Грузооборот железных дорог, составлявший в 1922—23 г. 38,1 млрд. тонно-клм., возрос до 158,1 млрд. тонно-клм. в 1929—30 г. или больше чем в четыре раза. Капитальные вложения в жел.-дор. транспорт, составляющие в 1923—24 г. всего лишь 141,9 млн. черв. рублей, в 1929—30 г. должны составить 1.642 млн. руб., превышая в 11,5 раз вложения 1923—24 г.

Наконец, народный доход за этот шестилетний период возрос с 6.885 млн. дов. рублей до 18.980 млн. дов. рублей или на 175,6%, значительно превысив размер довоенного народного дохода.

Все это является непреложным свидетельством того, что оживление народного хозяйства было достигнуто.

Но успех новой экономической политики не ограничивается оживлением народного хозяйства — «вообще», под'емом производительных сил «вообще». Вытаскивая народное хозяйство из состояния всеобщей разрухи и разорения, добившись неслыханного под'ема производительных сил, оживив весь народно-хозяйственный организм, мы, в то же время, все больше овладевали им, по мере его оживления. На основе общего под'ема производительных сил, стимулируя и ускоряя этот под'ем, и в то же время обгоняя его, рос социалистический сектор народного хозяйства. Гнилые пророчества и зловещие предсказания об «эволюции» в сторону капитализма были безнадежно биты. Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений, отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса, а затем и, — по мере того как допущение свободной торговли «будет давать лишь минусные результаты» (Сталин), — ликвидации остатков нэпманства, остатков торговой буржуазии, уже лишенных производственной базы, но еще имеющих корни в необобществленном секторе сельского хозяйства.

Как проходил этот процесс обобществления народного хозяйства и рост его социалистического сектора, красноречиво говорит приводимая ниже таблица:

Удельный вес обобществленного сектора.

	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29	1929—30
Капитальные вложения	42,5	48,1	55,[illegible]	65,[illegible]	75,9
Основные фонды	50.2	50.6	1,8	54,[illegible]	58,9
Валовая продукция	35,1	37 5	41,9	43,5	51,2
В т. ч. цензовой пр.	9[illegible],0	97.7	98,6	99,1	99,3
Торг.-посредн. оборот	75,5	81,1	88,7	93,4	96,7

Иначе говоря, во всех решительно областях, социалистический сектор играет преобладающую роль, приближаясь к полному господству в цензовой промышленности и торгово-посредническом обороте.

Но дело не только в относительном падении удельного веса необобществленного сектора и относительном росте обобществленного сектора. С определенного этапа нашего хозяйственого развития началось и прямое, абсолютное сокращение частно-капиталистического сектора, а затем и сектора простых товаропроизводителей, переходящих к коллективным формам хозяйства.

Частная и концессионная промышленность, дававшая в 1923—24 году валовой продукции на 1.467 млн. рублей и доведшая выпуск валовой продукции до 2.478 млн. рублей в 1925—26 году, уже со следующего — 1926—27 г. — начинает сокращать производство и к 1928—29 году доводит его до 1.975 млн. рублей. Особенно резко сократилась продукция частной и концессионной цензовой промышленности.

В торгово-посредническом обороте произошло тоже самое явление. Значительный рост частного сектора в первые годы нэпа, сменяется затем резким сокращением не только относительного, но и абсолютного участия частного сектора в торгово-посредническом обороте. За годы 1925—26—1928—29, частный сектор в торгово-посредническом обороте сокращается с 6.100 млн. руб. до 3.110 млн. руб., в том числе в оптовой торговле с 945 млн. руб. до 270 млн. руб., а в розничной — с 5.155 млн. руб. до 2.830 млн. рублей.

Таким образом, как в промышленности, так и в торгово-посредническом обороте не только относительное, но и абсолютное сокращение частно-капиталистического сектора началось, примерно, с 1926—27 года. Частнохозяйственный капитализм, как «пособник социализма» начал себя исчерпывать и все больше оттесняться и замещаться обобществленным, социалистическим сектором — социалистической промышленностью и кооперацией.

После XV с'езда партии, бросившего лозунг «перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника», потребовавшего «дальнейшего хозяйственного наступления на капиталистические элементы» и «еще более решительного хозяйственного вытеснения» частно-капиталистических хозяйств, процесс абсолютного сокращения частно-капиталистического еще больше усилился, захватив и капиталистические, кулацкие элементы деревни. И в 1928—29 году мы имели такое положение, когда кулацкие хозяйства начали резко сокращать свои посевные площади, резко сокращать как валовую, так и товарную продукцию своих хозяйств. Одновременно с этим, именно в 1928—29 году произошел великий перелом в развитии миллионных масс бедняцко-середняцких хозяйств, решительно вставших на путь отказа от индивидуальных форм хозяйствования и перехода к коллективным формам хозяйствования. При чем, что особенно важно подчеркнуть, этот рост колхозного движения, чем дальше, тем больше усиливал свой темп. В преимуществах коллективных форм земледелия убедился и середняк и мощной лавиной двинулся в колхоз, вслед за бедняком и батрацкими элементами деревни. Уже к началу марта 1930 года, коллективными хозяйствами было охвачено около 55% всех посевных площадей, об'единено 14 млн. хозяйств из общего количества 25—26 млн. хозяйств. Ряд районов коллективизирован полностью. И к весне 1930 года, мы, видимо, будем иметь уже отдельные области сплошной коллективизации.

И, как неизбежный результат процесса коллективизации, в районах сплошной коллективизации вплотную встал вопрос о ликвидации кулачества как класса, ибо этого требовало закрепление достигнутых нами успехов в деле коллективизации бедняцко-середняцких масс.

Чем же об'ясняется, чем вызван,, где причины, приведшие к этому великому перелому в развитии сельского хозяйства, к этому великому движению многомиллионных масс бедняцко-середняцкого крестьянства к коллективным формам хозяйства? Конечно, можно было бы назвать длинный ряд причин, породивших это историческое движение бедняцко-середняцких масс крестьянства к коллективным формам хозяйства. Но основные причины этого великого движения крестьянства к социализму, могут быть сведены к четырем решающим и важнейшим.

1. Прежде всего в качестве решающей и важнейшей причины этого движения бедняцко-середняцких масс к коллективным формам земледелия должен быть отмечен рост крупной социалистической промышленности, и особенно ее отраслей производящих средства производства и отраслей производственно обслуживающих сельское хозяйство. Если промышленность в целом в 1929—30 году превысит уровень довоенного производства в два раза, то производство сельскохозяйственных машин превысит довоенные размеры больше, чем в шесть раз!

Если дореволюционное сельское хозяйство не знало трактора, а дореволюционная промышленность не производила тракторы, то весной текущего года на полях Советского Союза будет уже работать свыше 90 тыс. тракторов, а промышленность в этом же году выпустит свыше 11 тыс. тракторов отечественного производства. На 1930—31 г. выпуск тракторов будет доведен до 55 — 60 тыс. В последний же год этого пятилетия, т.-е. в 1932—33 году выпуск тракторов будет доведен до 191,5 тыс. тракторов, мощностью в 5.225 тыс. лош. сил, а общий выпуск сельскохозяйственных машин — до 1.100 млн. руб.

Здесь нелишне будет опять и опять напомнить слова Ленина, что именно одна и только одна единственно крупная социалистическая промышленность способна переделать крестьянское хозяйство, переработать всю психологию и все навыки мелкого земледельца, дав ему в массовом масштабе тракторы и машины, электрифицировав его хозяйство. «Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин,— писал Ленин,— сказал бы: «Я за коммунию» (т.-е. за коммунизм»). И именно благодаря нэпу и на рельсах нэпа мы добились того, что фантазия стала реальностью и что мы уже создали промышленность, которая способна начать разрешение величайшей исторической важности задачи — социалистическое переустройство деревни — непосредственное социалистическое строительство во всем народном хозяйстве.

И с этой точки зрения, несомненно неправильно утверждение в общем правильной статьи т. Бухарина, что «этот процесс (революционного преобразования деревенской экономики. *К. Р.),* не проходит так же, как и вся наша революция, по-«классическим» формулам педантов: сперва сотни тысяч тракторов, потом переделка крестьянского хозяйства на коллективный лад. Массовая переделка крестьянского хозяйства уже есть факт, и с каждым днем этот факт становится крупнее и крупнее: в известной степени здесь, следовательно, более уместна другая формула: сперва переделка производственных отношений, потом техническая революция».

Если совершенно справедливо, что первая формула — формула педантов, то вторая формула — формула «ультра-левой», классически-идеалистической фразеологии. Если бы эту вторую формулу тов. Бухарина,— «сперва переделка производственных отношений, потом техническая революция»,— принять безоговорочно всерьез, то это не могло бы означать ничего другого, как утверждения, что эту массовую переделку производственных отношений деревни мы могли начать и пять и шесть и десять лет назад. Не все ли равно ведь наша революция развивается не по классическим» формулам! Не все ли равно, ведь «техническая революция», реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства, дело «второстепенное», которое можно будет разрешать и «потом», после того, как старые производственные отношения будут «сломаны» после того как будут установлены новые производственные отношения!

Другое дело, и это было бы совершенно справедливо, что начавшийся процесс переделки производственных отношений обгоняет рост производственно-технического обслуживания сельского хозяйства, и, тем самым, не только открывает широчайшие возможности перед технической революцией в деревне, но и стимулирует этот процесс технического перевооружения сельского хозяйства. Но это вопрос другого порядка. Исходным же пунктом этого движения бедняцко-середняцких масс к коллективным формам хозяйства является, несомненно, рост крупной социалистической промышленности, и на этой основе рост производственного обслуживания сельского хозяйства, это движение и обусловившее.

Начавшийся великий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства, конечно, своими корнями уходит в гигантский рост социалистической промышленности и рост ее влияния на всю экономику страны и в том числе на сельское хозяйство; но бурно протекающие процессы коллективизации далеко обгоняют возможности крупной социалистической промышленности по радикальной материально-технической раконструкции сельского хозяйства, материально-производственному обслуживанию коллективизирующейся деревни.

Значит ли это, что мы должны бить отбой и делать попытки сдержать, приостановить этот начавшийся и бурно протекающий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства? Отнюдь нет. Ибо, как это совершенно правильно отмечал т. Сталин в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов преимущества крупного хозяйства в земледелии, очевидно не только в колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и в «колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь». «С виду эти колхозы как будто не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем, простое сложение крестьянских орудий в недрах колхоза дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». Иначе говоря, сам процесс коллективизации явился новым, добавочным, дополнительным фактором в деле развития производительных сил в сельском хозяйстве и притом на социалистической осное.

Сила партии и успешность ее политики в деле колхозного строительства в том и заключалась, что она со всей энергией, со всей решительностью боролась, «как с теми, которые пытались обогнать движение и декретировать развитие колхозов («левые» фразеры), так и с теми, которые пытались тащить назад партию и остаться в хвосте движения (правые головотяпы). Без такой политики партия не смогла бы превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян.

«Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть,— говорит Ленин,— они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо итти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгоняя развитие масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед» (том XV, стр. 500).

Если партия одержала крупнейшую победу на фронте колхозного строительства, то это потому, что она в точности выполняла это тактическое указание Ленина» (Сталин. «Год великого перелома»).

Таким образом первой причиной происходящего процесса коренной реконструкции и в массовом масштабе производственных отношений деревни является тот факт, что мы уже создали ту крупную социалистическую промышленность, которая способна и в силах приступить, но только приступить, к разрешению задачи непосредственного социалистического строительства в сельском хозяйстве в массовом масштабе.

«Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в нозой технике, она правильно учла безвыходность положения крестьянства при старых формах обработки земли, и, учтя все это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов» и именно этим «об'ясняется он, этот небывалый успех в деле социалистического строительства». (Сталин).

2. Второй причиной, обусловившей этот рост колхозного строительства является мощный рост, сила и крепость всей системы кооперации. Являясь высшей производственной формой кооперации, колхозное движение непосредственно выросло на почве и на основе общего роста кооперации, внедрения в широкую крестьянскую массу идеи кооперации, хотя бы и в ее низших формах. Уже в 1928—29 году сельскохозяйственной кооперацией было охвачено 11,8 млн. крестьянских дворов. В текущем же хозяйственном году, сельскохозяйственной кооперацией должно быть охвачено 16,5 млн. хозяйств или 63% всех крестьянских дворов. Наконец, в этом же направлении действовала и, получившая широчайшее распространение и охватившая свыше 50% всей посевной площади,— контрактация.

3. Третьей причиной небывалого успеха в деле колхозного строительства является тот факт, «что это дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны. Я имею в виду рабочие бригады, десятками и сотнями рассеянные в основных районах нашей страны. Надо признать, что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс. Что же может быть удивительного в том, что рабочим удалось убедить крестьян в преимуществе крупного коллективного хозяйства перед индивидуальным мелким хозяйством, тем более, что существующие колхозы и совхозы являются наглядным примером, демонстрирующим это преимущество?» (Сталин «Год великого перелома»).

4. Наконец, четвертой причиной, из ряда важнейших причин, обусловивших этот небывалый успех колхозного строительства является тот факт, что общей политикой партии в отношении кулака — ограничение и вытеснение — возможности капиталистического развития деревни были существенно ограничены и затруднены. И это, со своей стороны, толкало, особенно середняцкие слои деревни становиться на путь некапиталистической эволюции, на путь перехода к коллективным формам хозяйства.

«Мы прекрасно знаем,— говорил Ленин,— что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающихся наиболее глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь» (т. XV, стр. 393).

Однако, эта «необходимость» только тогда даст желательные результаты, «когда, практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен» и «лишь тогда мы в праве будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг» (т. XVI, стр. 392. Курсив мой. *К. Р.*).

Итак, характерной чертой того нового этапа переходного периода, в который мы вступили, и которая коренным образом отличает его от предшествующего периода, является массовое движение бедняцко-середняцких масс к коллективным формам хозяйства, приведшее к созданию ряда районов сплошной коллективизации, в свою очередь перерастающих в целые области сплошной коллективизации. Именно это является характерным и отличительным для нового периода, ибо процесс стихийного массового движения бедняцких и середняцких хозяйств к коллективным формам хозяйства является лучшим свидетельством того, что на основе роста крупной социалистической промышленности и общего роста всего социалистического сектора народного хозяйства уже начали созревать необходимые условия и предопсылки для социалистической переделки деревни, что период «посредствующих звеньев» и «переходных мер» к непосредственному социалистическому строительству перерастает в новый период — период непосредственного социалистического строительства. То, что было не под силу разрешить в эпоху военного коммунизма, когда мы имели истерзанную, измученную и обнищалую страну, когда крупная промышленность была разорена и ее роль и значение, ее удельный вес и влияние на народное хозяйство было ничтожно, то стало необходимым и возможным, когда крупная социалистическая промышленность не только восстановилась, но и стала производить продукции в два раза больше, чем до войны, в шесть раз увеличив производство сельскохозяйственных машин и наладив массовое производство не производившихся в довоенной России тракторов и таких сложнейших сельскохозяйственных машин как комбайны. Это стало необходимым и возможным, поскольку вся политика капитальных вложений в промышленность именно за отраслями производственно обслуживающими сельское хозяйство обеспечивает наибольшие темпы развития и возможность полной материально-технической реконструкции и машинизации сельского хозяйства в ближайшие же годы.

С этой точки зрения нельзя не признать ошибочным следующее утверждение тов. Богушевского:

«Новое, что характеризует нынешний период, это то, что капитализм во всех решительно областях нашей экономики катастрофически, если можно так выразиться, перестает быть благом и во всех областях быстро становиться злом. Именно сейчас мы можем констатировать тут резкий перелом. Вот что нового, прежде всего, в нынешнем этапе».

Тут все поставлено на голову.

Прежде всего, никто и никогда не говорил, что капитализм в условиях переходного, от капитализма к социализму, периода является «благом». Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству», писал Ленин, а тов. Богушевский, сославшись на Ленина, но Ленина не поняв, бухнул в колокола: капитализм есть «благо» по отношению... к капитализму, ибо переход-то мы совершаем не от средневековья к капитализму, а от капитализма к социализму. Ведь если капитализм был «благом», то почему бы нам нужно было ставить пределы его развитию, ограничивать и вытеснять его? Очевидно, если капитализм и являлся, тов. Богушевский, «благом», то, очевидно, очень и очень условным, чтобы не сказать больше. Капитализм являлся у нас не «благом», а вынужденным злом, поскольку он был необходим для оживления хозяйственной деятельности мелкого производителя, крестьянина, в первую очередь. Капитализм был неизбежен, поскольку мы должны были допустить свободную торговлю, свободную продажу мелким производителем излишков его хозяйства. Но мы сразу же поставили ему и жесткие пределы его развития: постольку, поскольку. «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству». (Ленин). И поскольку эта необходимость в капитализме крестьянства будет исчерпываться, мы все больше, все настойчивее, энергичнее и решительнее будем его ограничивать и вытеснять с тем, чтобы на определенном этапе приступить к его прямой ликвидации, что мы и начали делать, выдвинув задачу

ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Недурно то «благо», с которым обращаются столь «невежливо»!

И, конечно, не тем характерен нынешний период, что капитализм «катастрофически» быстро начал становиться «злом», не в этом суть того нового, что мы имеем. Тов. Богушевский ухватился за «верхушки», того действительно нового, что мы имеем в нашей экономике. Капитализм являлся неизбежным продуктом мелкособственнической стихии, капитализм являлся неизбежным следствием свободной торговли. Запереть, запретить капитализм в условиях, когда преобладающую массу населения составляют мелкие производители, это значит запретить, запереть развитие мелкого хозяйства. Вот почему мы вынуждены были в свое время допустить (в известных пределах) капитализм, вот в каком смысле частно-хозяйственный капитализм выступал в роли «пособника социализму». И вот почему сейчас, когда мы имеем мощное развитие колхозного движения, охватившего более половины крестьянского населения, частно-хозяйственный капитализм стал так быстро исчерпывать себя. Капитализм мы допускали, как неизбежное зло, как неизбежный продукт, как неизбежное следствие наличия миллионных масс мелких индивидуальных товаропроизводителей, капитализм стал «катастрофически» исчерпывать себя, когда эти массы бедняцко-середняцких хозяйств пошли в колхоз. И новым, что характеризует нынешний период является именно этот бурный процесс коллективизации, а не «катастрофическое» превращение капитализма из «блага» в «зло».

Аналогичную ошибку делают и те товарищи, которые нынешний этап переходного периода характеризуют, как период «антикулацкой революции». Не ликвидация кулачества как класса характеризуют новый этап, а те бурные процессы коллективизации, которые привели к созданию ряда районов сплошной коллективизации и, тем самым, выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса. «Антикулацкая революция», это скорее характеристика того, что мы имели в период военного коммунизма, период раскулачивания и комбедов, период свержения господства кулака в деревне и уничтожения его экономической мощи, а не в период массового колхозного строительства и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Именно тогда скорее можно было говорить об «антикулацкой революции», ибо именно в этом была суть того периода, который Ленин назвал «Октябрьской революцией в деревне», когда сброшена была власть кулака и установлена советская власть как форма пролетарской диктатуры. Именно тогда можно было говорить об «антикулацкой революции», ибо борьба с кулаком была сутью этого периода, ибо в «раскулачивании» кулака была задача того периода, ибо, «раскулачивая» кулака, мы передавали его имущество не в колхоз, а деревенской бедноте, в ее индивидуальное пользование и тем самым укрепляли мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. И, конечно, коренным образом отлично обстоит дело в нынешний период. Ликвидация кулачества как класса является лишь одной из «сторон» того процесса колхозного строительства, которой завершилось создание районов сплошной коллективизации.

И именно потому-то вопрос о ликвидации кулачества мы ставим в прямой связи с созданием районов сплошной коллективизации и только с ним. Там, где колхозное движение не доросло до создания районов сплошной коллективизации, там лозунг ликвидации кулачества преждевременен и потому политически ошибочен и вреден. Мы ликвидируем кулачество только там, где налицо имеются все необходимые предпосылки и где исчерпавший свою роль капитализм превращается из «неизбежного зла» в «зло», которое может и должно быть уничтожено, ибо оно существенно вредит делу перехода к более высоким формам колхозного строительства.

И «раскулачивая» кулака мы его имущество используем не для усиления индивидуального хозяйства бедняка или маломощного середняка, а для укрепления колхоза. Допустить обратное, допустить осуществление лозунга ликвидации кулачества как класса, там где нет строительства коллективных хозяйств, «это значило бы подменить политику *обобществления* в колхозах конфискованного кулацкого имущества политикой дележки этого имущества для личного обогащения отдельных крестьян. Такая подмена была бы шагом назад, а не вперед». (Сталин).

Как же следует все же характеризовать тот новый этап переходного периода, в который мы вступили?

Выше мы уже приводили попытки отдельных товарищей «алгебраической формулой» выразить содержание и суть этого нового этапа. Перед нами прошли и «сумерки» и «закат» и «отмирание» и «начало конца» нэпа и даже «сокращение об'ема» нэпа и т. д. и т. п. Однако, несмотря на все разнообразие характеристик, ни одна из них не может нас удовлетворить. И прежде всего хотя бы по одному тому, что все это всего лишь «прилагательное» к нэпу. Между тем целый ряд экономических и политических мероприятий, которые мы *уже начали* проводить, не укладываются в рамки «новой экономической политики».

В самом деле, достаточно сопоставить содержание, задачи и методы новой экономической политики с той политикой, которую мы *начали* (еще *только* начали) проводить, чтобы убедиться в их принципиальном *качественном* различии.

«*Новая экономическая политика*»: *не ломай* старого общественно-экономического уклада, а *оживляй*, *овладевая лишь в меру оживления*, *пока не* будут созданы для этого необходимые предпосылки.

Новое в экономической политике: налицо необходимые предпосылки *уже* есть и мы приступили к *коренной ломке* старого общественно-экономического уклада, к массовой переделке индивидуальных мелких производителей в производителей коллективизированных, *не снимая*, однако, задачи *оживления* старого общественно-экономического уклада *и овладевания им по мере его оживления*.

«*Новая экономическая политика*»: «Считайся с мелким крестьянином, *как мелким крестьянином*», *пока* не будет создана крупная социалистическая промышленность, способная реорганизовать земледелие.

Новое в экономической политике: налицо *уже* имеется такая промышленность, которая способна и в силах приступить к разрешению и уже начала разрешать задачу социалистического преобразования деревни и которая *считается не только с мелким крестьянином, как мелким крестьянином*, но и чем дальше, тем больше, *с коллективизирующимся мелким крестьянином*. (Если бы промышленность исходила из необходимости считаться с мелким производителем *как* мелким производителем, индивидуальным, производственно необ'единенным, то она должна была бы *отказаться*: от тракторного строительства, по крайней мере в запроектированных ею масштабах, от производства комбайнов и от запроектированного ею ассортимента всех прочих сельскохозяйственных машин, рассчитанных на три четверти на механическую, а не на конную тягу).

«*Новая экономическая политика*»: прежде всего—свобода местного товарооборота. Торговля—вот то звено, за которое мы должны

уцепиться до тех пор, *пока* не будет создана крупная социалистическая промышленность.

Новое в экономической политике: это «пока» в известной мере налицо *уже есть* и социалистическая промышленность растет неслыханно быстрыми темпами. Так же, как имеются налицо и районы сплошной коллективизации, где роль местного рынка и местного оборота (в пределах района) по мере перехода к высшим формам колхозного строительства, будет все более суживаться и терять свое значение, будет все более *сводиться к нулю*. *Торговля начинает, но только начинает, перерастать в социалистический продуктообмен*. При чем агентом со стороны сельского хозяйства выступает *не индивидуальное крестьянское хозяйство*, а колхоз. Торговля начинает, но только начинает, переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, преодолевается через контрактацию, договор, через производственные формы смычки в социалистический продуктообмен.

«Известную фразу в моей речи на с'езде аграрников-марксистов надо понимать так,—говорил т. Сталин,—что мы «отбросим нэп к чорту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма». Этот процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен и начнется в районах сплошной коллективизации.

И с этой точки зрения не чем иным, как «недопустимым искривлением партийной линии», является «упразднение в ряде мест рынков и базаров, ведущее к ухудшению снабжения городов. Не может быть сомнения, что такая практика, проводимая под флагом «левых» фраз, на самом деле льет воду на мельницу контрреволюционеров и не имеет ничего общего с политикой нашей партии» (из постановления ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»). Мелкобуржуазной революционностью троцкистского типа являются попытки только намечающийся процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен подменить административным «разгоном», «закрытием», «упразднением» рынка.

Новая экономическая политика: кулак неизбежный продукт свободной торговли, свободного развития мелкого хозяйства. С этим надо считаться и преждевременными мероприятиями против кулака не подрезать корни свободного развития мелкого производителя, *как* мелкого производителя. *Когда* промышленность сумеет бросить в деревню в массовых размерах с.-х. машины десятки и сотни тысяч кулаков будут ликвидированы. Это не исключает политики ограничения и постепенного вытеснения кулака.

Новое в экономической политике: промышленность, дающая сельскому хозяйству необходимые ему машины, хотя до сих пор еще в недостаточных размерах, уже есть. И именно на этой основе были достигнуты крупнейшие успехи в колхозном строительстве, приведшие к созданию районов сплошной коллективизации. Отсюда ликвидация кулачества как класса.

Новая экономическая политика: рост капитализма неизбежен, поскольку у нас преобладает мелкое индивидуальное товарное хозяйство, но допущен он должен быть лишь в тех пределах, которые нужны крестьянству.

Новое в экономической политике: известная почва для частного капитала еще остается, поскольку еще имеется необобществленный сектор в сельском хозяйстве, но по мере роста кооперации, коллективизации частный капитал все больше будет терять свое значение и, более или менее, безболезненно будет в дальнейшем ликвидирован, поскольку производственной базы он лишен.

Новая экономическая политика: от штурма к осаде, от революционных к реформистским методам действия, от непосредственно социалистического строительства, длинному ряду «посредствующих звеньев» и «переходных мер», причем «всерьез и надолго, но, конечно... не навсегда». Эта политика «вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности». (Ленин).

Новое в экономической политике: период нищеты и разорения, период величайшего ослабления промышленности, далеко позади. Промышленность, сама выражающая процесс непосредственного социалистического строительства, уже начинает становиться способной приступить к разрешению задачи социалистического переустройства сельского хозяйства. От длинного ряда «посредствующих звеньев» и «переходных мер» к непосредственно социалистическому строительству во всем народном хозяйстве. От осады к штурму.

Можно ли сказать, что то новое в экономической политике, которое уже имеется, укладывается в рамки нэпа? Конечно, нет. Это — разная политика.

Можно ли сказать, что эта новая, по сравнению с нэпом, экономическая политика уже полностью и без остатка снимает прежнюю экономическую политику — нэп — и делает ее лишней, ненужной, и мешающей? Конечно, нет. Это было бы в корне ошибочно и вредно. Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика» только начав, постепенно, по мере роста и усиления крупной социалистической промышленности, по мере все большего развития колхозного строительства и увеличения районов сплошной коллективизации, по мере перехода от торговли к социалистическому продуктообмену будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства.

И именно потому то неверным, ошибочным и политически вредным, являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п. Мы только находимся у самого начала этого движения, этого процесса перерастания новой экономической политики, политики «посредствующих звеньев» и «переходных мер», в политику непосредственного социалистического строительства; и мы должны это отчетливо понимать для того, чтобы избежать как «лево»-оппортунистических заскоков (рассматривающих существующую систему хозяйства, как «сплошное социалистическое плато» и потому считающих возможным уже снять вопрос: «кто-кого?»), так и правооппортунистических попыток задержать, приостановить начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Г. Сафаров.

Колониальная революция и классовая борьба в Индии.

1. По восходящей линии.

Индия быстро шагает навстречу революционной развязке. Это не подлежит ни малейшему сомнению. Это признают англичане, империалистические угнетатели Индии.

> «Каковы бы ни были причины нынешней смуты в Индии»,—пишет, напр., Эдвин Бивэн в своей книжке, озаглавленной «Мысли о недовольстве в Индии»,—«все знакомые с положением признают, что в ближайшем будущем мы должны ждать взрыва враждебного движения, более мощного и широкого, чем все бывшее до сих пор со времени мятежа [1]). Конечно, у правительства сейчас гораздо более сильная позиция, чем 70 лет назад. Уличные беспорядки, наводившие страх на правительства в древности, .. могут быть быстро подавлены теперь с помощью воздушного флота и пулеметов. Единственная сила, способная свергнуть господствующую группу в настоящее время — помимо внешнего нападения — это раскол в рядах ее вооруженных сил, превращающий их в два практически одинаковых, враждебных организма» [2]).

Английский империализм готовится к войне с народами Индии. Бенгальский губернатор уже предложил плантаторам запастись оружием и огнеприпасами

Что дело идет к революции, это ясно и для Ганди, который, отделавшись (на Лагорской сессии индийского Национального конгресса) от обещанного перехода к неповиновению властям декларацией в пользу «полной независимости» Индии, теперь заявляет, что общественная атмосфера в Индии сейчас слишком насыщена революционным электричеством, чтобы можно было думать о применении мирного пассивного сопротивления. Он снова думает о примирении!

Назревание революционных событий не вызывает сомнений и у тех, кто борется за освобождение Индии не на словах, а на деле: об'ективные условия в Индии почти созрели для революционной ситуации [3]).

Англичане готовят пулеметы и аэропланы, приказчики индийских либеральных капиталистов и помещиков призывают к отказу от борьбы, революционные массы идут вперед с открытыми глазами.—Такова обстановка. Она коренным образом отличается от 1919 года, когда было больше сантиментального отчаяния, чем жажды борьбы, когда Ганди и К° устраивали целый Ноев ковчег, лицемерную комедию общенационального единства вокруг туземной прялки — «чарки», когда движение на каждом шагу запутывалось в собственных противоречиях и теряло свою ударную силу. Сейчас массы подходят к «общенациональной» задаче освобождения Индии от империалистического ига через классовую борьбу. Тут естественно приходят на ум слова Владимира Ильича:

---

[1]) Восстания 1857 г.

[2]) Лондон, 1929 г., стр 17, 19.

[3]) 1 st All-India Naujawan Bharat Sabha Conference. Adress delivered in December 26-th 1929.

> «Перед буржуазной революцией, в начале ее, во имя демократии выступают все: и пролетариат, и крестьянство вместе с городскими мелкобуржуазными элементами, и либеральные буржуа вместе с либеральными помещиками. Лишь в ходе классовой борьбы, лишь в более или менее продолжительном историческом развитии революции вскрывается разное понимание этой «демократии» разными классами. Мало того: вскрывается глубокая пропасть между интересами различных классов, требующими различных экономических и политических мероприятий во имя одной и той же «демократии». Лишь в ходе борьбы, лишь в развитии революции выясняется, что «демократический» класс или слой не хочет или не может итти так далеко как другой,—что на почве осуществления «общих» (якобы общих) задач развертываются ожесточенные столкновения за способ их осуществления, например, за ту или иную степень, широту и последовательность свободы, народовластия, за тот или иной переход земли к крестьянству и т. д.» [1]).

Индия стоит на пороге буржуазно-демократической революции. Ее основное содержание — антиимпериалистическое. Она должна принести национальное освобождение. Если не видеть классов в Индии, если думать, что господство английкого империализма висит в воздухе, то может показаться, что эта революция требует единения всех классов индийского общества. Однако простая сверка с действительностью обнаружит, что в Индии есть рабочие и капиталисты, крестьяне и помещики, ростовщики, что борьба за национальное освобождение вырастает из борьбы этих классов, что господство империализма в Индии опирается не только на это классовое строение общества, но и на определенные классы, развившиеся на индийской почве. В 1919 году движение масс, впервые пробудившихся к политической жизни, всколыхнуло целое море патриархальных предрассудков. Эти предрассудки, этот самообман, служили флером, скрывавшим реальные очертания классовых сил. За кустарную самодельщину «свадеши» хватались и крестьянин, для которого разорение домашней промышленности было национальной катастрофой, и рабочий, вытолкнутый в город безжалостной конкуренцией Ланкашира, и его хозяин-капиталист, рассчитывавший погреть руки на национальном подъеме и сбыть свои фабричные ткани за доподлинные «свадеши», и даже либеральный помещик (и уж, во всяком случае его сын из студентов). Это «национальное единение» было выражением бессилия массового движения на его первоначальном этапе, и это нашло свое отражение в гегемонии гандизма и его методов мирного, ненасильственного сопротивления.

Теперь нет ничего подобного. Английский империализм дружески хлопает по плечу, за панибрата, Махатму Ганди.

> «Возможно», замечает «Стэтист»,—«что индийский Национальный конгресс, вынося решение об отказе от требования прав доминиона и высказываясь в пользу полной независимости, исходил из хорошо известных торгашеских соображений. Отрицательное отношение г-на Ганди к вооруженной борьбе делает несколько невероятной мысль, чтобы он отказался от конституции доминиона, если бы она была предложена».

И дальше «Стэтист» намекающе добавляет, что «вряд ли можно сомневаться, что создание разумного тарифного барьера было бы первым шагом индийского доминиона». Таможенный барьер нужен индийскому промышленному капиталу для борьбы с японской конкуренцией на текстильном рынке. Пусть Ганди, кроме того, помнит, что в Индии вложено, примерно, 800 миллионов фунтов стерлингов британского капитала, из которых 400 миллионов помещены в правительственные и железнодорожные займы.

---

[1]) «К вопросу об общенациональной революции», т. XI, стр. 205.

> «Бесспорно, что Индия предпочла бы, чтобы эти помещения были сделаны ее собственным народом. Но факт остается фактом, индийские предприятия финансируются и направляются при содействии нашей страны» [1]).

Мы видим, что с Ганди ведут разговор не о правилах нравственного самосовершенствования и не о принципах юроднически-барского толстовства, а о таможенных ставках и процентах на капитал.

Но «общенациональный» фантом гандизма раскусили и с другой стороны. На рабоче-крестьянском митинге в Пенжабе выступал простой крестьянин.

> «В течение 44 лет существования конгресса,—сказал он,—только однажды рабочие и крестьяне приняли участие в национальной борьбе. Специальной причиной участия крестьян было движение в пользу неплатежа налогов, прекрасно понятое крестьянами-бедняками. Крестьянство отказалось платить налоги. Но когда капиталистические лидеры увидели, что движение стало опасным для их интересов и крестьяне отказались платить не только налоги правительству, но и землевладельцам, они бросились останавливать его. Массовое движение 1920—21 гг. было разбито не правительством, но Ганди и его сторонниками» [2]).

Антиимпериалистическая, колониальная революция, по необходимости, должна быть аграрно-крестьянской революцией, ибо империализм опирается на феодальное землевладение и ростовщичество в деревне как на свою лучшую опору, крестьянство же составляет основную массу трудящихся в отсталой стране, на его плечах держится колониальная экономика. Местная национальная буржуазия не может быть сторонницей крестьянской революции. Она связана с феодальным землевладением и торгово-ростовщическим капиталом. Ганди не против насилия вообще, он — как адвокат национального капитализма — против крестьянского насилия. Твердое убеждение в этом уже завоевано передовыми представителями революционных классов.

Но в процессе революционного развития завоевано и другое еще более важное, хотя и неразделньо связанное с этим:

> «Историческая задача руководства широкими массами Индии в борьбе за полную независимость падает на плечи индийского рабочего класса».

Эти слова, произнесенные Сухасини Намбьяр на конференции революционной молодежи — не случайно оброненная фраза. На всеиндийском конгрессе трэд-юнионов была указана роль пролетариата в деле развертывания революционной борьбы:

> «То, чего не удалось достичь индийскому национальному конгрессу в течение последних 42 лет, несмотря на молниеносно-быстрое распространение движения в пользу ненасильственного отказа от сотрудничества, то легко может быть достигнуто в результате всеобщей стачки на транспорте, железных дорогах, в доках, в шахтах, на фабриках и в других отраслях промышленности» [3]).

Полтораста тысяч бомбейских стачечников своей героической борьбой— почти в течение целого полугодия—показали массам пролетарский метод борьбы, пролетарский путь развития революционного движения.

Столкновения классов из-за способа осуществления «общих» задач в Индии не только разгораются, но чем дальше, тем больше и определенней превращают национальную буржуазию в контрреволюционную силу, в союзника и помощника империализма. Участие пролетариата в антиимпериалистической борьбе переросло в его борьбу за свою революционную гегемонию. Участие буржуазии в антисоветском массовом движении точно также переросло в борьбу ее за свою контрреволюционную гегемонию во имя упрочения своего экономического положения и получения кое-каких лакейских привилегий путем сделки с империализмом.

---

[1]) 25 января 1930 г.

[2]) Перевод из газеты «Земиндар».

[3]) Liberty, 1-XII 1929 г.

Индийская буржуазия говорит себе: нам дадут, если мы возьмем у них, если мы подрубим корни революционного движения, которое своим размахом грозит не только империалистическому господству, но и процветанию национального капитализма, питаемого также и господством феодального землевладения и ростовщичества и забитостью масс.

Капитал, индийский «национальный» капитал, кидает труду обвинение в «национальной измене».

> «Вместо того, чтобы стоять в борьбе против чужеземной конкуренции плечом к плечу с людьми опыта и энергии, в прошлом неоднократно выручавшими во время тяжелых промышленных кризисов, труд настолько близорук, что вверяет свои судьбы людям, не являющимися трэд-юнионистами в истинном значении слова, но влюбленным в доктрины, исходящие от коммунистической России и жаждущим разрушения промышленности и социального механизма во имя пришествия новой эры для рабочих всего мира» [1]).

Так возмущается орган индийского капитала, выходящий под многообещающим названием «Капитал».

Буржуазия хотела бы, чтобы рабочие были только пьедесталом для нее. Однако из этого ничего не выходит.

Нарисованная нами картина была бы неполна, если бы мы не упомянули о людях из проплеванного II Интернационала. Индией правит сейчас социал-фашистское правительство Макдональда. Не так давно оно пыталось разыграть комедию с «дарованием» Индии конституции доминиона. Вся комедия была задумана, чтобы помочь буржуазному национализму развязаться с обещанием начать с 1930 года пассивное сопротивление властям. Комедия не удалась, так как массовое движение опередило, и английский империализм вынужден был оскалить зубы, чтобы показать, что он не обманывается насчет возможности компромисса с революцией, а не с Ганди, оставленным позади. Пришлось спрятать пряник и остаться лишь с одной плеткой в руках.

Старый, блудливый глашатай «либеральной рабочей политики», а ныне густопсового социал-фашизма, «Sozialistische Monatshefte» признается, что «политическое развитие в Индии идет так быстро, что радикалы вчерашнего дня оказываются умеренными сегодня, а сегодняшние радикалы станут умеренными завтра» [2]).

Это совершенно правильно. Революционное развитие движется по восходящей линии, в точном марксистском смысле.

> «Во время первой французской революции за господством конституционалистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более прогрессивную. Каждая из этих партий, доведя революцию до того пункта, за которым она уже не в состоянии итти с ней в ногу и уже отнюдь не в состоянии вести ее за собой, устранялась и отправлялась на гильотину более смелым союзником, стоявшим за ней. Революция движется, таким образом, по восходящей линии» [3]).

В Индии размежевание классовых сил и их историческое самоопределение происходит еще на той стадии, когда в распоряжении подспудно-растущей революции нет ни классической гильотины, ни вообще возможности межеваться при посредстве критики оружия. Однако, промышленно-капитали-

---

[1]) Приложение к журналу от 19 декабря 1929 г.

[2]) Январь, 1930 г.

[3]) К. Маркс и Фр. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 162—163.

стическая «национальная» Жиронда ютится уже в близком соседстве с феодально-помещичьей контрреволюцией, а пролетарская Гора уже стоит на революционном посту, у станков — в Бомбее, Калькутте и Джамшедпуре, — готовя свой девяносто третий год в большевистском издании.

Ленин был прав:

> «Теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай),—т.-е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы—каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов, все больше и больше подтверждает марксизм» [1]).

Движение миллионных масс в Индии развивается по ленинскому пути. Его могут ждать еще впереди частичные поражения и неуспехи. Но уже в нынешнем своем состоянии оно обогнало все классические образцы буржуазных революций, и смело черпает опыт революций XX века. Между трудом и капиталом Индии легли тени Кантонской коммуны и китайской буржуазно-помещичьей контрреволюции.

В своем эмбриональном состоянии индийская революция обнаруживает большую зрелость, чем китайская революция 1925—1927 годов.

2. Национальный капитализм на колониальном пайке.

Аграрно-крестьянская основа колониальной революции естественно и неизбежно выходит непосредственно наружу в современных условиях. Империализм втягивает колонии в мировое капиталистическое разделение труда, стремясь упрочить и усилить свое монопольное положение в той или иной отрасли мирового хозяйства. Поэтому он вовлекает их в международный рыночный оборот как поставщиков всякого рода сырья, — технического сырья и экзотических продуктов по преимуществу. Переход к торговому земледелию, внедрение рыночного разделения труда в сельское хозяйство, играющее главную роль, происходят с такой же необходимостью, как и в старых капиталистических странах, но эти процессы в колониальном мире происходят своеобразно. Традиционную систему патриархально-феодальной, феодально-помещичьей и ростовщической эксплоатации империализм приспособляет к своим надобностям. Империализм выказывает интерес к увековечению докапиталистической ренты и ростовщических процентов по той простой причине, что таким путем он может получить более дешевое сырье.

Певец британского империализма в Индии Редьярд Киплинг неплохо определил положение индийского крестьянина:

His life is a long-drawn question
Between a crop and crop.
(Вся жизнь его — мучительный вопрос
Меж двух урожаев).

В Деккане чистый доход с акра земли в среднем равен 14 рупиям 8 анна, а средняя сумма долга на акр исчисляется в 13 рупий [2]).

> «Если вы немного заинтересуетесь экономическими условиями в деревне, — говорил Рам Кишан на первой всеиндийской конференции молодежи Науджаван Бхарат Сабха, — то вы увидите, что безземельный крестьянин получает только одну восьмую продукции, добываемой им своим трудом [3]).

---

[1]) Т. XX, ч. 2, стр. 497.

[2]) Problems of rural India by N. N. Gangulee. Calcutta. 1928, p. 4.

[3]) Adress of Ram Kishan.

На плечах безземельного крестьянина — несколько этажей эксплоататоров и паразитов, так как земля не только сдается в аренду, но широко распространена и субаренда разных степеней. Индийскому крестьянину буквально не продохнуть от феодального навоза. «В Бихаре продуктовая рента является более преобладающей, чем в других местах, так как земиндары вносят свою долю в постройку и поддержание частных ирригационных каналов и плотин» [1]. Распоряжение водой дает в руки империализма и помещиков дополнительное средство грабежа крестьян.

Конечно, там, где империализм находит для себя более выгодным прямой грабеж без посредников и где это соответствует условиям рынка, он устраивает чайные, табачные и другие плантации.

В феодальной и ростовщической эксплоатации крестьянства имеет свою долю и национальный промышленный капитал. Ведь текстильные фабрики питаются мужицким хлопком. Обследованиями индийского центрального хлопкового комитета официально установлено, что:

> «в среднем около 70% земледельцев в каждом районе нуждаются в займах,—процент заемщиков—самый высокий в Синде, где земледельцы в самом безнадежном состоянии задолженности, и наиболее низкий в Пенжабе. Саукары (ростовщики)—наиболее значительная часть кредиторов земледельца, 65% на долю земиндаров или землевладельцев приходится 15%, на долю кооперативов [2] — 13%» [3].

Торговые культуры теснят продовольственные, которые не могут выдержать соперничества на мировом рынке трактора и комбайна. «Средняя урожайность по всей Индии с акра равна, приблизительно, 11 бушелям, тогда как Англия дает 30, Франция—33, Дания—41» [4]. Не зная куда сбыть рис из Бурмы, Индия в то же время все больше и больше начинает ввозить хлеб и рис для собственного прокормления. Индийское земледелие деградирует и это бьет также и по техническим, торгово-сырьевым культурам. Неравномерность капиталистического развития здесь ведет к хозяйственному вырождению и гниению.

В нашу задачу не входит освещение аграрного вопроса в Индии. Мы стремимся лишь охарактеризовать специфически-антагонистический колониальный характер аграрной эволюции в Индии.

Социал-демократические Савлы в коммунистической среде, выступившие с теорией деколонизации, забыли о такой азбучной марксистской истине, что нельзя анализировать тенденции промышленного развития, изолируя его от его аграрной основы, что нельзя декларировать деколонизацию, не поинтересовавшись проблемой внутреннего рынка. Мало того, что их ссылка на стимулирование промышленного развития колоний, благодаря вывозу капитала, была ложной: они не подвергли анализу строение этого вывоза, скрыли его кабально-ростовщический, монополистско-однобокий уклон. Они оторвали промышленную эволюцию от аграрной эволюции и эта методологическая исходная позиция была «научной» предпосылкой их политического ренегатства—отказа от пролетарского руководства крестьянской революцией в колониальном мире.

Для правильного определения исторического места национальной буржуазии в том переходе от феодализма к капитализму, который совершается под хлыстом империализма, под его высоким экономическим давлением и бесцеремонным внеэкономическим воздействием, надо уметь связать судьбы города и деревни в процессе этого перехода.

---

[1] R. K. Mukerjee. The reform of Indian Land tenure «Indian Journal of Economics», January 1929.

[2] Кулацких, разумеется.—Г. С.

[3] «The Indian Textile Journal», October 1929.

[4] Cangulee, p. 3.

Нами уже было отмечено, что гордость национального капитализма — текстильные фабрики—кормятся хлопком, хранящим на себе следы феодальной выжимки и ростовщической кабалы. Также обстоит дело и с джутом.

Обратимся теперь к структуре фабрично-заводской промышленности в Индии.

Из 1.592.000 рабочих, занятых в 1927 г., работало:

На бумажных фабриках	5.000
» мельницах	6.000
По обработке кожи и в обувной промышленности	6.000
В каретном производстве и на ремонте моторов	6.000
» табачной промышленности	7.000
» белильно-красильной и в выработке индиго	8.000
» канатном производстве	9.000
» горшечном, стекольном и цементном	10.000
По очистке керосина	10.000
На шерстяных фабриках	10.000
В производстве кирпича и черепицы	13.000
На нефтеперегонке	13.000
По производству растительного масла	14.000
На сахарных заводах	14.000
В спичечном производстве	16.000
На лесопильнях	19.000
В военной промышленности	24.000
» доках, судостроении и машиностроении	32.000
На джутовых прессовальнях	35 000
В печатно-переплетном производстве	38.000
На чаеразвесочных предприятиях	63.000
По переработке риса	69.000
В машиностроительной промышленности	103.000
На железных дорогах и трамваях	157.000
» хлопкоочистительных заводах	183.000
» джутовых фабриках	334.000
» хлопчато-бумажных (прядильных, ткацких и т. д. фабриках)	386.000
Всего	1.592.000 [1]

Колониальный характер фабрично-заводской промышленности бросается в глаза. Ее основная установка—на переработку сырья. Хлопку и джуту принадлежит неоспоримая гегемония. Согласно данным 1921 года, в угольной промышленности была занята 181 тысяча рабочих. Но то же приложение к «Капиталу», где приведена статистика рабочего состава фабрично-заводской промышленности, сообщает, что «как и всюду, угольная промышленность в Индии серьезно и глубоко страдает от перепроизводства, недостаточного потребления (угля) и возросшей цены на труд (!)... В 1928 г. в Бихаре и Ориссе закрылись 69 шахт из 389». Что касается другого устоя промышленного развития, то «железоделательная и стальная промышленность в Индии находятся еще в детском возрасте» [2]. На этих предприятиях в 1921 г. было занято 39.000 рабочих, на чугунолитейных заводах—18.000. Заводы Тата, единственная опора индийского национального капитализма в этой области, не так давно очутились в английском владении. Империализм крепко держит в своих лапах командные высоты и не допускает индийский капитал к тяжелой индустрии в мало-мальски решающей степени. Да и как может развиться тяжелая индустрия, когда общий уровень промышленного развития, а значит и спроса на производство средств производства, соответствует застойно-колониальному характеру развития внутреннего рынка. Индийский промышленный капитал может претендовать лишь на очень условную «ситцевую» самостоятельность, но отнюдь не на независимость в области производства средств производства. «*Свадеши» для него предел, «его же не прейдеши*». Правда, фабричное «свадеши» нарушает интересы Ланкашира, но и его успехам поставлены твердые границы. Весь аппарат колониального господства—от искусственного регулирования курса рупии (она дорога для индийцев и дешева за пределами Индии!), вплоть до особых прав и привилегий, так называемых туземных государств,—регулирует промышленно-экономическое развитие Индии применительно к колониальным нормам. Текстильная промышленность Индии развилась, так же, как развился и ее центр, Бомбей, благодаря «счастливым» превратностям мировой империалистической войны, когда иностранная конкуренция (за вычетом Японии) ушла с колониальных рынков. Она «выскочила» на свет в своем современном виде благодаря противоречиям *неравномерного* развития капитализма в самом буквальном смысле. Эти противоречия — во времени и пространстве, — родили ее расцвет. Но сами эти противоречия— порождение *монополистического* капитализма. Этого никоим образом не следует забывать. Разбирая значение трех важнейших торговых и промышленных центров Индии, — Бомбея, Калькутты и Мадраса, Вера Энсти пишет:

---

[1] Capital. Indian Industries, Trade and Transport Supplement, 19.XII.1929.

[2] Там же.

> «Бомбей—средоточие рыночных продуктов, идущих из Западной Индии в частности, *хлопка-сырца из Деккана, Пенжаба и отчасти Центральной Индии*, и рынок сбыта произведений крупной хлопчатобумажной промышленности бомбейского президентства. К тому же через него экспортируются большие массы жмыхов, шерсти и шерстяных изделий, шкур и кож, марганцевой руды и зерновых хлебов. Благодаря своей превосходной ширококолейной железнодорожной связи с Пенжабом, он притягивает продукты, которые с географической точки зрения могли бы вывозиться через Карачи. Это ближайший значительный порт для сообщений с Суэцким каналом, и, потому, он принимает основную массу импортируемых в Индию европейских фабричных изделий. Он—также наиболее удобный порт для судов, идущих с мыса Доброй Надежды... *В качестве военной базы для Месопотамии и Восточной Африки, сравнительное значение порта возросло во время войны*[1]). *И есть все* основания думать, что так останется и навсегда. *Калькутта*, с другой стороны, *потеряла от войны* и серьезно пострадала от недостатка тоннажа и ограниченной торговли. В нормальное время, во всяком случае, она представляет выход для наиболее плодородных округов всей Индии, для продукции всех районов, расположенных по течению Ганга. Поэтому, это—главный порт для экспорта джута и джутовых изделий и чая из Ассама. Сюда же прибывает уголь и железо из Бихара и Бенгала, и отсюда вывозятся продовольствие, рис, пшеница, жмыхи, шкуры и кожи, лак, опиум и марганец. Вдобавок, это—главный порт для переотправки риса из Бурмы. *Мадрас теряет значение, главным образом, вследствие того, что он не служит поставщиком специальных продуктов для мирового рынка*[2]).

Мировой рынок районирует промышленников и сельскохозяйственное развитие Индии, но это районирование осуществляется при помощи империалистического господства, на основе растущего антагонизма. Между этим господством и интересами развития производительных сил. Крестьянская масса попадает во все более тяжелую и прямую зависимость от рынка, от рыночной кон'юнктуры, но, в то же время, она лишена элементарной свободы передвижения, она,—как в «классические» феодальные времена и даже много хуже!— прикреплена к истощенным участкам земли, к нищенскому инвентарю. Ей не уйти от уплаты налога англичанам, от уплаты аренды помещику и его многочисленным перевоплощениям, от уплаты процентов ростовщику. Ей некуда уйти, так как местная промышленность поглощает ровно столько рабочей силы, сколько это необходимо для соблюдения империалистического «равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством. Контрактовый труд на малайских островах, на чайных плантациях на Цейлоне и т. д. не нарушает общей «гармонии» эксплоататорских отношений, но дополняет ее. С одной стороны, увеличивающаяся зависимость крестьянина от рынка требует полной свободы от империалистических и крепостнических пут, ибо рынок при плохой кон'юнктуре никого не кормит и не обеспечивает. С другой стороны, использование империализмом, помещиками и торгово-ростовщическим капиталом этой растущей зависимости крестьянина от рынка подрывает развитие производительных сил, обрекает крестьянина расплачиваться голодовками и деградацией сельского хозяйства за неравномерность рыночных запросов. Крестьянин должен нести двойной гнет наемного и докапиталистического рабства, не пользуясь даже выгодами капиталистического развития. Само собою разумеется, что и в этих условиях по мере внедрения торгового земледелия происходит, во все большем масштабе, классовое расслоение крестьянства. Но оно переплетается с докапиталистическими отношениями и, отчасти, маскируется ими.

Мировой рынок приспособляет колониальное хозяйство и хозяйственное развитие к своим нуждам *на базе империализма*. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток и на развитие промышленности. Горюя о судьбах индийской текстильной промышленности, «Индийский текстильный журнал» недавно следующим образом резонерствовал о ее прошлом и будущем:

> «Хорошо известно, что вскоре после возникновения промышленности в Бомбее, мы имели прекрасный рынок для сбыта пряжи в Китае, и довольно долгое время, фактически до начала войны, Китай был важным для нас покупателем. Это, к несчастью, переменилось и за последнее десятилетие мы постепенно потеряли китайский рынок и, в настоящее время можно сказать, что мы ничего туда не вывозим. Конечно, Ланкашир и Япония тоже много потеряли в области торговли с Китаем. Недавно, движение в пользу бойкота японских товаров, начатое китайскими националистами, до известной степени оказало помощь Ланкаширу, но надежды, вызванные бойкотом, быстро померкли. Что же касается Индии, то у ней мало надежды на обратное завоевание китайского рынка» [1]).

Таким образом, мы воочию убеждаемся, как мировая система империалистического разделения труда *сталкивает лбами* зачатки национально-капиталистического промышленного развития в колониях и полуколониях, благодаря слабости их внутреннего рынка. Но этим дело не ограничивается. С Бомбеем конкурирует не на жизнь, а на смерть на индийском *внутреннем* рынке Япония, которая держит своих ткачих на колониальном пайке, выплачивая им 20 иен в месяц. Ввоз хлопчатобумажных тканей в Индию из Японии удвоился в течение одного только последнего года.

Январь—август 1928 г.—176.650.840 ярдов.
Январь—август 1929 г.—334.595.433 ярда [2]).

Бомбею приходится отбивать не одну фронтальную атаку японского капитализма, не говоря уже о Ланкашире. Ему приходится отбивать и нападение с тылу. Об этом рассказывает следующая таблица.

Производство тканей (в ярдах) за апрель—май (2 месяца).

Районы	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Бомбей	309.773.359	178.930.026	246.889.012
Мадрас	10.538.992	10.264.626	9.308.580
Бенгал	5.415.518	5.628.972	9.559.623
Соединенные провинции	13.952.634	14.920 142	17.318.719
Аджмер Мервара	2.063.008	1.883.908	2.360.885
Пенжаб	1.000.722	543.710	736.440
Дели	4.617.370	6.366.748	8.764.273
Центральные провинции и Берар	10.645.737	10.809.784	13.311 830
Индийские государства	33.093.292	37.591.737	47.754.016

---

[1]) Он поставлял продовольствие и снабжал армии, что «выращивало» спекулятивные сверхприбыли, поглощенные потом отчасти в текстильной индустрии.

[2]) Vera Anstey. The Economic Development of India. 1929, pp. 150—151.

---

[1]) Октябрь, 1929 г.

[2]) Capital, Supplement, 19.XII.1929.

Приведя эту таблицу, «Индийский текстильный журнал» добавляет:

> «Даже, если предположить Бомбей в нормальном состоянии, если предположить, что рабочие беспорядки кончились, что производство идет нормально, то все же остается неоспоримым факт, что у него есть противники почти в каждой провинции Индии и, что, составляя программу на будущее, Бомбей должен серьезно считаться с этим» [1]).

Значительный рост текстильного производства в туземных государствах указывает на бегство капитала из центров классовой борьбы под защиту средневековых порядков. Соперничество текстильной промышленности внутренних провинций выросло, несомненно, благодаря временной остановке бомбейских фабрик вследствие забастовок. Тем не менее, было бы ошибкой видеть причину его только в этом. Распространение хлопковых посевов создало предпосылки для возникновения текстильных мануфактур в тылу у Бомбея, а обострившаяся конкуренция заставила подтянуть переработку хлопка к местонахождению сырья. Это, как-будто, стоит в противоречии с тем, что Япония имеет возможность вывозить индийский хлопок-сырец, перерабатывать его у себя и снова ввозить его в Индию в виде готовых тканей. Но тут следует помнить, что производительность труда на японских фабриках более высокая. Об'ясняется это тем, что феодальная кабала бросает свою тень и на капиталистическую фабрику. Индийский капитал обогащается за счет варварской эксплоатации рабочей силы.

> «Доктор Найр в 1908 г. отметил, что если ланкаширский рабочий равен по своей производительности 2,67 мадрасского рабочего, то он получает ежемесячно около 60 рупий (4 фунтов), тогда, как мадрасский—только 15 рупий (1 фунт),—за ту же самую сумму индийский фабрикант получает, приблизительно, вдвое больше, чем английский» [2]).

Индийский рабочий получает меньше, чем это нужно для минимального воспроизводства рабочей силы. На этом сходятся выводы самых разнообразных исследований. Чтобы держать рабочего на таком уровне, капитал «мирится» с тем, что для очень многих рабочих в Индии фабричный труд является «отхожим промыслом», подсобным для сельского хозяйства. Вернее, капитал в Индии использует это положение. «Вообще говоря, около 10 процентов рабочей силы во всех отраслях всегда отсутствует, а не менее 30% уходит на уборку урожая» [3]). Иногда связь с сельским хозяйством бывает самой прямой и очевидной.

> «В районе Ренигандж,—описывает Энсти,—шахтеры—местные крестьяне, живущие на расстоянии 10—12 миль. Они уходят на шахты на три—четыре дня в неделю, работают с максимальным напряжением, как только могут, и на остальную часть недели возвращаются домой» [4]).

Индийскому капиталу не приходится жаловаться на низкую производительность труда, когда и до сих пор, даже в Бомбее, рабочий не получает 25 рупий в месяц, несмотря на дороговизну, искусственно вздуваемую высоким внутренним курсом рупии. В стенах фабричных предприятий индийский рабочий подавлен полукрепостническим гнетом. Он зависит от подрядчика, нанимающего партиями рабочих, от мастера, который часто бывает и подрядчиком, от ростовщика, который забирает у него не малую часть заработка в уплату за проценты. В комиссии Уитли рабочие Каунпура жаловались, что их не выпускают за ворота фабрики даже в обеденный перерыв, чтобы поесть или выпить чистой воды, которой нет на предприятии.

---

[1]) Октябрь, 1929 г.

[2]) Pillai. Economic Conditions in India. 1925, p. 239.

[3]) Ibid., p. 238.

[4]) Anstey, p. 123.

Одной из важнейших причин взрыва забастовочной волны были рационализаторские попытки бомбейских фабрикантов. Рационализация проводилась и проводится в порядке борьбы с иностранной конкуренцией. Количество рабочих на бомбейских фабриках, в результате ее, несмотря на сопротивление рабочих, сократилась минимум на 10 тысяч. Заслуживает внимания заявление бомбейской купеческой палаты комиссии Уитли.

> «Сокращение рабочего дня [1]),—говорится там,—было бы возможно только в том случае, если бы можно было сократить зарплату, или, если бы произошло резкое увеличение производительного труда рабочих. Сокращение зарплаты—не практическое предложение, и, следовательно, единственный выход остается в увеличении производительности. Другое соображение безусловно должно быть упомянуто: тогда как передовые промышленные державы пользуются благами таможенной политики, охраняющей их национальную индустрию и защищающей, таким образом (!) интересы и предпринимателей, и рабочих, Индия, в настоящее время, не может позволить себе роскоши сокращенного рабочего дня, так как этого не позволяет достигнутая ступень развития промышленности, кроме того она не охранена соответствующими таможенными пошлинами,—ей дана лишь слабая защита в виде ввозных пошлин, исчисляемых со стоимости товаров, и ей оказывается лишь разжиженное, ограниченное покровительство» [2]).

Мы видим, следовательно, что индийский капитал понимает национальную автономию, именно в том смысле, в каком ее «приемлет» на будущее британский империализм, который об'единяет в единой формуле «прав доминиона» и отрицательное отношение Ганди к свержению империалистического господства и приманку в виде обещания «взять на себя» таможенную «защиту» индийской национальной промышленности [3]).

Национальный капитал рационализирует промышленность на колониальном пайке в пределах колониальных норм в области цен на сырье и рабочую силу. Он хочет подтянуть производительность индийского ткача до уровня Ланкашира, сохраняя его нищенский заработок в 20 — 25 рупий. Заранее готовый к сопротивлению рабочих, уже показавших, что они не хотят так дальше жить, капитал старается разжижить рабочие кадры, включив в их состав в максимальном количестве менее боеспособных женщин и подростков. В том же заявлении купеческой палаты мы читаем:

> «Что касается употребления женского труда, то наша корпорация предпочла бы увеличение численности женского состава, так как (!) в противном случае семейный бюджет рабочего получил бы чувствительный удар» [4]).

Проницательный взор индийского национального капитала все глубже и глубже проникает... в карман рабочего!

Показательно, что молодой Неру на конгрессе трэд-юнионов, противопоставив бомбейской стачке, не пользовавшейся «общенациональной» поддержкой, стачку в Гольмури, получившую поддержку даже Национального конгресса, не обмолвился ни словом по поводу самой гнусной (полицейской и штрейкбрехерской) травли националистами героической бомбейской стачки.

Развивающийся мировой экономический кризис неизбежно ведет к усилению политического и экономического нажима на Индию со стороны английского империализма. Конечно, это не исключает того, что в рамках общего наступления империализм будет лавировать и маневрировать, чтобы разбить вздымающийся революционный поток на обессиленные ручейки. Так, в районе Ахмедабада англичане снизили земельный налог и «занимаются» вопросом об его отмене. Образ крестьянской революции уже вышел на поверхность. Солдаты — сикхи, не получившие с 1918 г. обещанной земли, — грозный предвестник восстания миллионов. Но в общем и целом империализм будет стремиться переложить последствия кризиса на индийскую рупию, на индийские чай, хлопок, джут и т. д. Какова будет роль индийского национального капитала при этом? На этот вопрос не может быть двух ответов. Он будет стремиться рационализировать свое «рабочее место» в системе империалистического «разделения труда». Он будет добиваться этого за счет рабочего класса и крестьянства, за счет революционных классов, борьба которых с помещиком, ростовщиком, капиталистом и империализмом — становится, в условиях экономического кризиса, совершенно «невыносимой» для него.

---

[1]) Ниже установленных формально 10 часов. Работают, в действительности, гораздо больше.

[2]) Bombey Chronicle, 3/XII-1929 г.

[3]) См. «Стэтист» выше.

[4]) Там же.

1929 год был годом затяжной депрессии, которая на наших глазах переходит в кризис, в кризис, развертывающийся в обстановке революционного под'ема. Это — решающее обстоятельство. В Индии экономический и сельскохозяйственный кризис неминуемо превращается в кризис колониального режима и аграрно-феодального строя. Уже это одно должно противопоставить национальную буржуазию, тесно спаянную с помещичьим землевладением и торгово-ростовщическим капиталом, единому фронту пролетариата и крестьянства. С другой стороны размах революционного антиимпериалистического движения и классовой борьбы пролетариата еще больше обостряет этот антагонизм и делает его господствующим фактом политической жизни.

3. Борьба за пролетарскую гегемонию—борьба за революцию.

В цифрах роста стачечного движения Индии слышится музыка исторических битв большевизма. Это можно сказать без всякого преувеличения. Вот поучительная таблица:

Промышленные конфликты в Индии:

	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Число стачек	400	273	215	133	134	128	129	203
Число стачечников . . .	535.000	435.000	282.000	312.000	270.000	186.000	131.000	506.851
Число потерянных дней	6.638.000	3.975.000	5.052.000	8.731.000	12.578.000	1.097.000	2.019.000	31.647.404

За 1928 г.:

	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал
Число стачек	58	52	35	82
„ стачечников . . .	83.370	290.654	266.199	294 877
„ потерянных дней.	1.005.083	13.012.506	15.306.378	2.322.577

За 1929 г.

	1 квартал	2 квартал	3 квартал
Число стачек	45	47	38
„ стачечников	77.385	153.944	417.790
„ потерянных дней . . .	820.215	4.932.199	6.202.810

Эти цифры свидетельствуют о следующем:

1. Пролетариат — единственный класс, который ведет свою классовую борьбу, не прекращая ее ни на минуту. 2. Он выступает сплоченной массой, проявляя небывалое упорство и выдержку. 3. Стачечное движение растет в соответствии с революционным под'емом, оно подгоняет его, несет его на своих плечах. 4. Оно растет лавинообразно.

Пролетариат Индии уже родился как революционный класс, он завоевал это почетное историческое звание, прежде всего, своей стачечной борьбой, которая все больше и больше становится открыто политической.

Мы не можем отказать себе в удовольствии привести показания бомбейских текстильных фабрикантов в комиссии Уитли, которую, кстати сказать, бойкотируют их полпреды в антиимпериалистическом движении и совместно с которой они устраивают заговор против рабочих.

> Сэр Александр Муррей: «Как это удается коммунистам и политическим агитаторам подстрекать рабочих к промышленным конфликтам в Бомбее больше, чем где-либо в Индии?»
>
> Ответ: «Нужно делать различие между стачками до 1927 года и стачками последних двух лет. Прежде рабочие устраивали стачку по какому-нибудь осязательному поводу, в роде сокращения зарплаты, устранения премий и т. д. Положение резко изменилось за последние два года. Рабочие устраивают теперь стачки, даже не формулируя определенных претензий. Коммунизм выступил на авансцену и совершенно дезорганизовал рабочих».
>
> Сэр Александр Муррей: «Вы хотите сказать, что коммунисты стали между вами и вашими рабочими?».
>
> Ответ: «Именно так» 1).

Вместе с пролетарским движением, выдвинувшим из своих рядов и подсудимых мирутского процесса, и боевой союз текстильщиков «Гирни Камгар», выросло и широкое антиимпериалистическое движение широких мелкобуржуазных слоев города и, в первую очередь, движение студенческой молодежи. Оно выросло под влиянием пролетарской борьбы. Это буржуазно-демократическое движение, направленное против империализма. Студенческий корабль, колыхающийся на волнах революционного под'ема, еще не срезал якорей, приковывающих его к либерально-буржуазному дну. Молодой Неру уже теряет свою прежнюю популярность, но иллюзии сотрудничества с буржуазией еще не сокрушены, еще живут, хотя Ганди уже отнесен на кладбище в качестве слуги империализма. Колеблясь между революционным пролетариатом и контрреволюционной буржуазией, движение мелкобуржуазной молодежи, обнаружившее способность выводить на улицу сотни тысяч людей 2), ищет более прочной и твердой опоры в пролетариате. Однако, бойтесь данайцев, приносящих дары! Воодушевляемое самыми лучшими суб'ективными намерениями, это движение ищет смычки с пролетариатом, но не на почве классовой борьбы, а на почве его мелкобуржуазного обволакивания. На этот счет не приходится обманываться. Это—представители «народнического капитализма», если выразиться словами Владимира Ильича. При сближении с пролетариатом у них явственно преобладает тенденция занести пролетариат и крестьянство в один «социалистический» реестр. Рам Кишан на конференции молодежи призывал ее слиться с движением революционного класса,— «этим классом являются рабочие и крестьяне». Правда, Намбьяр, выступавшая на том же конгрессе в духе пролетарской классовой политики, подчеркнула, что «мелкая буржуазия, состоящая из крестьян в деревнях и

---

1) Bombey Chronicle, 29/XI-29 г.

2) Полумиллионная демонстрация в Калькутте на похоронах молодого революционера Джатиндраната Дасса, умершего от голодовки в тюрьме.

мелких ремесленников в городах, является историческим и экономическим *союзником рабочего класса»* [1]. Но нельзя игнорировать, какую важнейшую политическую роль играет сейчас связь и взаимодействие рабочего и студенческого движения, и как это взаимодействие *принижает* революционную гегемонию пролетариата, *поскольку* представители пролетариата не формулируют *до конца* своей классовой позиции. Примером может служить речь Руикара на конгрессе трэд-юнионов. Выставив лозунг всеобщей стачки, он нестерпимо раболепно расшаркивался перед Пандитом Джавахарлал Неру и призывал реформистских лидеров трэд-юнионов догонять движение, чтобы «держать союз с молодыми лидерами левого крыла». Более серьезный симптом, это — *запоздание с окончательным оформлением коммунистической партии Индии.* Политически партия уже есть, пролетариат Индии засвидетельствовал перед всем миром, что он на стороне коммунистов. Однако, даже у действительно левых представителей рабочего движения нет еще надлежащей ясности позиции в вопросе о роли коммунистической партии. Больше того, еще окончательно не брошены попытки организации пестрых и разношерстных «рабоче-крестьянских партий», уже неоднократно становившихся случайным и беспомощным представительством мелкобуржуазных попутчиков. Без партии пролетариат не может осуществить своей миссии гегемона. Именно быстрое приближение Индии к непосредственно-революционной ситуации ставит этот вопрос со всей остротой. Маневр буржуазных националистов на всеиндийском конгрессе трэд-юнионов, с поддержкой Гирни Камгар и бойкота комиссии Уитли против прямых приказчиков английского империализма, убеждает в серьезности положения. Националистическая буржуазия действует через свое «левое» крыло, Боза и К°, чтобы путем «сотрудничества» этого «левого» крыла с пролетарскими организациями обессилить последние, и, *прежде всего, лишить инициативы.* В момент подготовки всеобщей стачки, которая об'ективным ходом вещей будет переведена в гражданскую войну, боевая инициатива имеет первостепеннейшее значение. Намбьяр на конференции молодежи прекрасно охарактеризовала положение, сказав, что «*цель империализма в настоящий момент — изолировать рабочий класс и раздавить его раньше, чем масса индийского крестьянства, тяжелая на под'ем, выступит как политическая сила*» [2]. Молодой Неру, Боз и К° добиваются этого же, стараясь разложить движение путем маневров, путем внешнего и показного сближения с ним. Они хотят помешать *низам* мелкобуржуазного движения сблизиться с пролетариатом *помимо* их предательского посредничества *на почве пролетарской гегемонии в революционной борьбе, на почве пролетарского «разжигания» крестьянской революции.*

Борьба пролетариата с буржуазией за политическую гегемонию развилась в значительной степени стихийно из борьбы индийского труда с индийским «национальным» капиталом из-за рабских условий труда, капиталистической рационализации и т. д.

Вопреки ее об'ективно-историческому решающему значению, аграрно-крестьянская подоплека колониальной революции в Индии все еще остается в тени, на заднем плане, хотя тот же митинг-конференция 25 тысяч крестьян в Пенжабе властно напоминает о революционной действительности. Между тем, необходимое политическое размежевание с буржуазией и ее агентурой может и должно быть проведено *до конца только путем размежевания на почве отношения к крестьянской революции.* Как раз здесь должна проявиться революционно-организаторская роль

---

[1] Presidential Address.

[2] Там же.

пролетариата в качестве застрельщика, толкача и вождя поднимающегося революционного крестьянского движения. Как раз такое размежевание изолирует либерально-буржуазную агентуру в рядах студенческой буржуазной демократии и подтолкнет эту последнюю к подчинению пролетарскому руководству в революционной борьбе против империализма и его феодальных и торгово-ростовщических устоев.

Как будто для сегодняшнего дня в Индии писаны тов. Лениным эти блестящие строки:

> «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками, самым сильным идейным импульсом *в борьбе за землю* является *идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями.* Поэтому идея равенства является *самой революционной для крестьянского движения* идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но *и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков.* Поскольку народники мечтают, что равенство может держаться на основе товарного производства, что это равенство может быть элементом развития к социализму, — постольку их воззрения ошибочны, их социализм реакционен. Это *должен* знать и помнить *всякий* марксист. Но марксист изменил бы своему делу исторического рассмотрения особых задач буржуазно-демократической революции, если бы он забыл, что эта же самая идея равенства и всевозможные планы уравнительности являются самым полным выражением задач не социалистической, а буржуазной революции, задач борьбы не с капитализмом, а с помещичьим и бюрократическим строем» [1].

Эти строки прямо апеллируют к текущему моменту в Индии. Даже либеральная газета «Бомбей Кроникль» пространно рассуждает о «социальной революции» и, анализируя ход различных конференций в декабре, замечает, что «две резко-выделяющиеся черты характеризуют их, во-первых, настойчивое требование равных прав для всех, а не только милости для слабых, и, во-вторых, тенденция бить прямо по корням социального зла, а не по его многочисленным проявлениям» [2].

Задача пролетариата, как передового революционного класса, — вскрыть мужицкую основу «демократических» настроений, придать твердость и закалку этим массовым настроениям, перевести их на язык массовой борьбы *за генеральную чистку земли от помещиков и ростовщиков и от английского империализма.* В Индии еще живучи чудовищные остатки кастового рабства, тысячи средневековых перегородок между людьми. В Индии и земля причудливо опутана вековыми наслоениям кабальных прав и привилегий. Лозунг национализации революционной властью земли (и воды) здесь призван сыграть поистине исключительную роль. Он должен стать знаменем крестьянской борьбы против уплаты аренды и налогов, борьбы против империализма, помещиков и ростовщиков, за их беспощадную экспроприацию. С другой стороны, раз'яснение *реального* исторического содержания этого лозунга должно очертить пределы сходства и различия между борьбой пролетариата и борьбой *всего* крестьянства. Это раз'яснение должно двинуть вперед классовое саморазвитие пролетариата. В обстановке тесного сплетения пролетарской и общекрестьянской борьбы, широкие слои рабочих первоначально революционизируются, так сказать, с крестьянского бока.

Формирование самостоятельной коммунистической партии прямо обусловлено достижением полной марксистской ясности в этом вопросе, — в смысле понимания ограниченности буржуазно-демократической революции и неизбежности ее перерастания в социалистическую. Эклектическая канитель с «рабоче-крестьянскими партиями» в настоящих условиях была бы только услугой Неру.

---

[1] «Сила и слабость русской революции», 1907 г., т. XI, стр. 188.

[2] 4 января 1930 г.

Развитие нового революционного под'ема на базе борьбы за пролетарскую гегемонию приводит к выводу, что диктатура пролетариата и крестьянства в Индии может осуществиться лишь в советской форме. Как раз вследствие этого пропаганда идеи советов, как органов революционного восстания и диктатуры революционных классов, становится жгучей очередной задачей. Проблема власти в назревающей со стремительной быстротой индийской революции—уже не абстрактное предвидение будущего, а узловой вопрос стратегического плана революционной борьбы, подходящей к решающему этапу. Наблюдательски-равнодушное отношение к этой проблеме сейчас было бы равносильно игре в руку врага. Само собою разумеется, это не снимает необходимости самой упорной и развернутой борьбы за *гегемонию революционных пролетарских методов.* Напротив, к советам можно притти только через всеобщую стачку и гражданскую войну только *разбив* Ганди, Неру и К°.

Эти господа играют *ва-банк.* Они ложатся на рельсы, чтобы остановить локомотив революции. «Таймс» от 31 января т. г. помещает любопытную телеграмму из Бомбея от 30 января.

> «В вышедшем сегодня в номере «Молодой Индии» господин Ганди заявляет, что *если бы вице-король удовлетворил «весьма простые, но насущные нужды Индии», он бы не стал больше слушать (!) о гражданском неповиновении, и Национальный конгресс искренне принял бы участие в конференции при надлежащей свободе суждения и выставления требований на ней.* «Простые требования» включают *полное запрещение продажи спиртных напитков, снижение паритета рупии до 16 пенсов* (сейчас—18 пенсов), *сокращение земельного налога на 50 процентов, отмена налога на соль, снижение военных расходов для начала на 50%, сокращение жалованья высшим чиновникам, уничтожение политической охраны и проведение закона о береговой торговле* (мера с целью передачи контроля над каботажным плаванием в руки индийцев)».

Только что, на Лагорском конгрессе, была—для успокоения масс—провалена конституция Неру. Конституция Ганди—настоящая «свиная конституция, это—контрреволюционная попытка не только предать, но и продать индийскую революцию и англичанам, и феодальным князьям, помещикам и ростовщикам.

Переход от частичных требований к борьбе за революционные требования, и в том числе за 7-часовой рабочий день, мобилизация масс вокруг них, вокруг подготовки всеобщей стачки, самовооружение революционных масс для отпора палачам империализма, проповедь сознательной подготовки к открытым схваткам, которые определят судьбу страны на десятилетия, это—злоба сегодняшнего дня в Индии. Пролетариат должен организоваться поголовно, охватить своими политическими и организационными очагами всю страну. Массы революционизируются не по дням, а по часам. Контрреволюционная роль «национальной» буржуазии и ее «левого» охвостья вскрывается также не по дням, а по часам.

Индийский пролетариат может сказать словами Шиллера:

Растет человек
Вместе с ростом его задач.

В Индии родился революционный класс-вождь, и он неудержимо растет с прогрессом революционой волны, с ростом контрреволюционого сопротивления буржуазии.

Г. Зиновьев.

Кое-что о связи внутренней политики с внешней.

Последние месяцы принесли с собой новую, давно уже небывалую волну антисоветской враждебности. Кампания против СССР с каждым днем принимает все более безобразные развязные формы. Нет той злостной выдумки, нет той отравленной клеветы, которая не пускалась бы в ход в «цивилизованных» Европе и Америке против СССР. Развитие мировой революции, не раз утверждал Ленин, неизбежно сопровождается появлением время от времени той или иной «контрреволюционной судороги». Такую судорогу приходится отмечать как раз теперь.

Наиболее характерной чертой нынешней антисоветской кампании является ее «международный» характер, ее одновременное нарастание в различных странах капитализма. Бешеный приступ контрреволюционный злобы у буржуазии всех стран принимает совершенно исключительную силу. Буржуазия одной страны как бы заражает буржуазию других стран. Ниже мы увидим, откуда взялась эта эпидемия.

Второй характернейшей чертой нынешней «судороги» мировой империалистской реакции является то, что рука об руку с империалистами против СССР особенно дружно и, можно сказать, с самозабвением, работает «мировая» контрреволюционная социал-демократия. Усилия социал-фашистов настолько переплетаются с усилиями империалистов, что иногда затрудняешься различить тот и другой лагерь. Теснейшее сотрудничество между современной социал-демократией и нынешней мировой контрреволюцией в целом ряде областей есть бесспорный факт. Но особенно тесным является это сотрудничество в деле травли нашего Советского Союза и подготовки войны против него, в деле контрреволюционной борьбы против Коминтерна. События развертываются быстро. Каждый день приносит новые сообщения о том или ином новом акте враждебности против СССР. Антисоветская кампания развивается планомерно. Совершенно ясно, что она руководится из одного центра или, по крайней мере,—шаги координируются.

Чем бы ни кончилась непосредственно кампания против нас, особенно нараставшая в последние недели, ясно, что мы стоим перед началом некоей новой полосы. Большевиков не запугает «международный» вой, поднятый капиталистами и поддержанный социал-фашистами — ибо большевики прекрасно знают, что вой этот вызван именно нашими успехами.

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

Эти слова Некрасова Ленин любил цитировать в тех случаях, когда враг, доведенный до неистового бешенства смелым наступлением рабочего класса, разражался особенно щедрыми ругательствами и угрозами по адресу большевиков. Эти слова Ленин цитировал накануне Октябрьской революции в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?», когда неистовый враг грозил войной, истребительным кровопусканием, клял большевиков и доходил до виртуозного изобретательства в деле клеветы. Эти слова спокойно повторит наша партия и теперь, когда дело идет о том, «удержат ли большевики» новые громадные завоевания, которые сделаны ими в области индустриализации и коллективизации—удержат ли и разовьют ли до победоносного конца те завоевания, которые должны превратить и превратят «Россию нэповскую в Россию социалистическую», те великие завоевания, которые и вызывают приступ бешенства со стороны международного врага.

Но как бы там ни было, рабочему классу СССР и рабочему классу всего мира необходимо отдать себе ясный отчет в том, что мы переживаем теперь именно целую новую полосу особенно бешеной враждебности мировой реакции, нарастающей с каждым днем и могущей разразиться прямым нападением на СССР, оплот мировой революции и социализма. Необходимо приковать внимание трудящихся всего мира к событиям последнего времени, говорящим именно об этом.

* * *

«Война есть продолжение политики иными средствами», — сказал 100 лет тому назад Клаузевиц. Это изречение особенно популяризировал и прославил Ленин. «Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевицу»—писал Ленин в брошюре «Социализм и война» в 1915 г.—«марксисты,—продолжал он,—справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны».

Крайне интересно отметить, что в этом положении Клаузевица—казалось бы, совершенно бесспорном и выраженном совершенно об'ективно, абстрактно-теоретически, — Каутский увидел оружие, направленное против социал-демократии. В его последнем сочинении «Материалистическое понимание истории» Каутский пытается «поправить» Клаузевица: «Строго говоря, нельзя формулировать так, как это формулирует Клаузевиц в его книге о войне (кн. 1, гл. I, параграф 24). Клаузевиц говорит, что война есть продолжение политики другими средствами». Между тем, по мнению Каутского, надо было бы сказать: «есть только продолжение внешней политики». «Иначе, — мотивирует Каутский, — пришлось бы гражданскую войну также причислить к войнам». Между тем, гражданская война есть-де особое явление, с особыми предпосылками, законами и целями. Это видно уже потому, как начинаются гражданские войны. Гражданская война вспыхивает, но она «никем не об'является и никто предварительно не решает, что гражданская война начнется». (К. Каутский, «Материалистич. понимание истории», т. II, стр. 66).

Эта запоздалая попытка Каутского «ревизовать» одно из коренных положений Клаузевица крайне характерна для современных теоретиков международного реформизма. Они пытаются «поправить» Клаузевица как раз в том пункте, в котором его особенно ценили и поддерживали Энгельс и Ленин. Между этой, на первый взгляд чисто академической попыткой престарелого Карла Каутского «поправить» Клаузевица и отнюдь не академической ролью современных практических вождей «мировой» социал-демократии в новом походе империалистов против СССР есть теснейшая связь. По Каутскому, выходит, что война есть не продолжение политики вообще, а лишь продолжение внешней политики. Другими словами, Каутский хочет

отстранить, элиминировать или, по крайней мере, затушевать, затенить вопрос о связи войны с политикой внутренней, хочет отделить китайской стеной внутреннюю политику от политики внешней. Война, видите ли, есть не продолжение политики вообще, политики в целом, а лишь продолжение «внешней» политики! Да разве внешняя политика сама не связана тысячами нитей с внутренней и—наоборот? Да разве новейшая история человечества не показала нам образцы прямого превращения внешней войны в войну внутреннюю, империалистской войны в войну гражданскую? Да разве не видим мы как раз теперь воочию, как вопрос об уничтожении в СССР кулачества как класса (вопрос «внутренней» политики) «смыкается» с определенным фазисом «внешней» политики империалистов в отношении СССР? Да разве не читали мы, например, заявлений политиков польской буржуазии, вдохновляемых англо-американскими империалистами, в которых говорилось: мы вызовем крестьянские (читай—кулацкие) восстания, например, на Украине и попытаемся затем превратить их во внешнюю войну против СССР.

Классовой правды в сочинениях генерала Клаузевица, написанных 100 лет тому назад, несравненно больше, чем в нынешних, якобы марксистских писаниях Каутского.

— «Война только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели».

— «Ни при каких условиях мы не должны мыслить войну, как нечто самостоятельное, а как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей».

— «Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов».

— «В политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ — в их зародыше».

— «Всякая эпоха имела свои собственные войны».

— «Война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не является, чем-то самостоятельным».

— «Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств».

— «Война, как таковая, не может следовать своим собственным законам, а должна рассматриваться, как часть другого целого, и это целое — политика».

— «Конечно, политический элемент не проникает вглубь до всех мелочей войны: пикеты и патрули выставляются не по политическим соображениям; но тем решительнее влияние политического элемента при составлении плана всей войны, плана кампании и часто даже плана сражения».

— «Всякая война должна прежде всего рассматриваться по вероятности своего характера и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отношений».

— «Война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить мерой политики... ведение войн в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч».

Все эти определения принадлежат Клаузевицу; они рассыпаны у него на протяжении трех томов его труда; каждое из них дышит диалектикой, каждое из них заслуживает такой же популяризации, как и основное определение Клаузевица: война **есть продолжение политики только другими (именно: насильственными) средствами.**

Появление в XII Ленинском сборнике подробного ленинского конспекта трех томов Клаузевица является крупным событием. Этот конспект поможет всем нам еще раз глубже вдуматься и отдать себе наиболее полный отчет в том, какова связь между войной и политикой, каково соотношение между политикой внутренней и политикой внешней.

Каждая эпоха имеет свои войны. Подготовляющаяся в нашу эпоху война — война против СССР — есть продолжение политики империализма. «Внешняя» политика современной «мировой» социал-демократии есть продолжение ее внутренней политики; ее участие в борьбе против СССР есть продолжение ее участия в борьбе против революционных интересов своего собственного рабочего класса.

Связь внутренней политики с политикой внешней особенно наглядно проявляется в революционную и предреволюционную эпохи. Связь между внутренней политикой русского царизма и его внешней политикой существовала, разумеется, всегда, но она проявилась особенно наглядно, особенно «сочно» в предреволюционную эпоху. По мере того, как созревал революционный кризис в России, эта связь определялась с такой ясностью, что ее можно было ощупать рукой.

С тех пор, как на мировой арене появилось первое социалистическое государство, связь между внутренней и внешней политикой, окружающих это социалистическое государство буржуазных стран, приобрела еще большую наглядность. В самом деле, что больше беспокоит сейчас империалистскую Англию: введение 7-часового рабочего дня в СССР (вопрос «внутренней» политики) или образование самостоятельной социалистической Таджикской республики (вопрос «внешней» политики)? Ведь об образовании Таджикской республики вносился особый запрос твердолобыми. Что больше беспокоит империалистов: рост влияния Советского Союза в рядах пролетариата западных стран или рост влияния Советского Союза среди угнетенных народов колоний и полуколоний? Что больше беспокоит империалистов, скажем, Францию (с ее громадной еще ролью деревенской буржуазии): быстрые успехи коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе (вопрос «внутренней» политики) или увеличение мощи нашей Красной армии (вопрос «внешней» политики)? Что больше беспокоит империалистов Америки, буржуазных политиков Германии, словом, представителей мирового капитала: успехи нашей индустриализации (вопрос внутренней политики) или рост коммунистического влияния в Китае, в Индии, во всем мире (вопрос внешней политики)? Конечно, и то и другое! Ну, а что касается буржуазной рабочей партии нынешней эпохи, т.-е. современной социал-демократии, превратившейся в партию социал-фашизма, — то тут дело еще ясней. Кого больше должна ненавидеть современная контрреволюционная социал-демократия: Советский Союз или Коминтерн? Попробуйте хоть на один момент «войти в положение» вождя современной контрреволюционной социал-демократии! Разве же не ясно, что его отношение к Советскому Союзу есть для него в одно и то же время *и* коренной вопрос внутренней политики *и* не менее коренной вопрос политики внешней.

Современную роль социал-демократии, которая является ныне только частью буржуазного лагеря, лучше всего проиллюстрировать на двух вопросах. Мы говорим, во-первых, об отношении «рабочего» правительства Макдональда к Северо-Американским Соединенным Штатам; мы говорим, во-вторых, об участии социал-демократии в «крестовом» походе мировой буржуазии по поводу мнимых религиозных гонений в СССР. Это — примеры как-будто из совершенно различных областей, но оба они бросают, как нельзя более яркий свет на интересующий нас вопрос—только с различных пунктов. Оба эти примера как нельзя более убедительно иллюстрируют теснейшую связь между внутренней политикой социал-демократии и ее внешней политикой.

Принято говорить, что иностранная политика современного «рабочего» правительства Макдональда есть только продолжение иностранной политики консервативного правительства Болдуина. В действительности это и так, и не так. Иностранная политика правительства Макдональда в ряде пунктов земного шара действительно есть только повторение, продолжение политики Болдуина. Но, например, в таком коренном вопросе, как вопрос о взаимоотношениях Англии с САСШ, «рабочее» правительство Макдональда ведет политику еще более (поскольку это возможно) буржуазную, еще более контрреволюционную, нежели правительство Болдуина. Макдональдовское правительство в этом отношении «опередило» консерваторов. Свою «американскую» политику Макдональд и его партия интерпретируют, конечно, как пацифизм, как политику сокращения вооружений, как борьбу за смягчение противоречий между Америкой и Англией. На деле же это есть политика более ускоренной подготовки войны против Советского Союза. Правительство Макдональда делает все возможное и невозможное для того, чтобы договориться с САСШ создать базу для антисоветского фронта.

Такая политика английской Рабочей партии, играющей ныне вместе с германской социал-демократией решающую роль во II Интернационале, неразрывно связана с отношением вождей современной «мировой» социал-демократии к нынешней империалистской Америке. На капиталистическую Америку вожди социал-демократии возложили большие надежды против развивающейся на их глазах, пугающей их до беспамятства, ненавистной им мировой революции. Вся теория «организованного капитализма», пророками которой и выступают современные теоретические вожди II Интернационала, связана, прежде всего, с надеждами на «непобедимую» мощь капиталистической Америки. Наиболее дальновидные вожди современной германской социал-демократии едва ли сомневаются в том, что без поддержки американского капитала им не удалось бы отстоять твердынь капитализма в Германии уже и теперь. Последний «аргумент», последнее прибежище против «гидры» мировой революции весь международный реформизм видит именно в Америке. Современная социал-демократия прямо молится на американский империализм. Самая золотая мечта, какую лелеют нынешние вожди европейской социал-демократии, заключается в «идеале» перенесения американских методов в европейское рабочее движение. Лозунг «американизации рабочего движения» есть только обратная сторона надежд вождей II Интернационала на то, что если будет уж очень худо, то американский дядюшка все-таки спасет от революции.

В этом смысле можно сказать, что современная политика правительства Макдональда в отношении САСШ есть подлинное выражение политики всего II Интернационала.

Но, антагонизмы, существующие между империалистской Англией и империалистской Америкой обостряются. Никаким Макдональдам не удастся уничтожить англо-американских противоречий, кои, говоря в исторической перспективе, росли, растут и будут расти. Эти противоречия неизбежно приведут к гигантской войне, поскольку эту войну не предупредит пролетарская революция. Во всем основном рукой правительства Макдональда водит английская буржуазия, которая отвела лишь узкие пределы тому, что является специфическим в его американской политике. Но разве же не характерно, что именно правительство, возглавляемое вождем II Интернационала, считает своей специфической задачей установление таких отношений с американским империализмом, хотя бы на короткий период времени — хотя бы на краткий миг, которые позволили бы, однако, как они надеются, нанести решающий удар ненавистному Советскому Союзу.

А другой пример последних дней! Еще месяц тому назад его не могли бы выдумать самые непримиримые к социал-демократии коммунисты, даже если бы они дали самый большой простор своей фантазии. Мы говорим об участии социал-демократии в «религиозном» походе империалистов против СССР. Пожалуй, далеко не все поверили бы еще месяц тому назад, если бы кто-либо сказал, что вожди социал-демократии окажутся способными прямо и открыто поддержать такую кампанию, как кампания папы римского и архиепископа кентерберийского против мнимых религиозных гонений в СССР. А ведь теперь кампания стала фактом. Центральный орган германской с.-д. «Форвертс»—газета, созданная Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом—в течение недель отводит все свои первые столбцы на перепечатку деклараций и заявлений названных мракобесов, поддерживая их целиком и полностью. Мы не говорим уже об английских, с позволения сказать, социалистах, возглавляемых Макдональдом — ибо среди них всегда были сильны религиозные настроения. Забыты антирелигиозные принципы даже буржуазной демократии, забыты идеалы Великой Французской революции—революции буржуазной,—забыта борьба, которую вела германская социал-демократия под руководством Бебеля против черных, против католичества, забыты антиклерикальные традиции, которые сильны были и среди буржуазных республиканцев во Франции, забыты плебейская ненависть и отвращение к церкви, которые свойственны были многим революционным демократам, не говоря уже о социалистах. Политики «мировой» социал-демократии — все, как один, начиная от правых англичан и кончая «левыми» австрийцами — открыто трубят в поход против религиозных «гонений на верующих» в СССР, открыто, при всем честном народе, целуют туфлю папы римского.

«Чистые демократы — они же крепостники. Тоже диалектика», — писал по другому поводу Ленин в 1922 г. в конспекте статьи «О восхождении на высокие горы» (тогда это «диалектическое» превращение Ленин иллюстрировал на примере известного народника Питирима Сорокина, отрицавшего право на «развод»). Нынешние «чистые демократы» из лагеря II Интернационала, выступающие на защиту религии под идейным руководством папы римского—разве они не крепостники? Не из любви к религии, конечно, взяли на себя эту постыдную роль вожди II Интернационала. Ни Гильфердинг, ни Вандервельде, ни даже Макдональд еще не впали в религиозный экстаз. Даже у Каутского размягчение мозга еще не зашло так далеко. Но они знают, что делают. Слуги реакции не краснобаи. Основная цель, которую ставит себе в переживаемый период II Интернационал, заключается в том, чтобы об'единить как можно больше сил против Советского Союза, чтобы подготовить войну против него, как можно скорей. Для такого дела почему бы и не пойти на блок с силами католической церкви? Вопрос об отношении к церкви есть как-будто только вопрос «внутренней» политики, но при сложившемся сейчас соотношении сил на мировой арене это есть одновременно и вопрос внешней политики. Поддержать или не поддержать «крестовый» поход церкви против советской власти—при данном положении вещей это для вождей социал-демократии одновременно и вопрос об отношении к СССР, и вопрос об отношении к Коминтерну, и вопрос об отношении к коммунистам «своей» страны, и вопрос об отношении к буржуазии и рабочему классу «своих» отечеств.

Австрийские с.-д.—вожди «левого» крыла II Интернационала—принимают самое деятельное участие в травле Советского Союза в связи с похищением генерала Кутепова. Венская Рабочая (?) Газета сравнивает этот случай с похищением в Лондоне 34 года тому назад Сун Ят-сена, организованным китайским посольством. Не больше, не меньше! Что уж говорить о господах в роде французского «социалиста» Леона Блюма, который в связи с делом Кутепова прямо подстрекает к разрыву дипломатических отношений с СССР? «Если окажется, что к похищению Кутепова причастно полпредство, то на этот раз не будет возможности бороться. Посольство будет снесено вихрем»,—пишет этот господин в Ц. О. французской соц. партии «Попюлер». Разве это не есть натравливание на разрыв и на войну?

Бельгийские «социалисты» Дебюнне и Гоэн с пеной у рта выступают против ввоза советского льна в Бельгию и открыто вопят об «опасностях», которые несет с собою наша пятилетка. «Советский дэмпинг должен беспокоить всех, как и вообще должен беспокоить быстрый рост советской экономики и ее влияния на промышленность Западной Европы. Пятилетка содержит прямую угрозу нашей бельгийской промышленности. Наши промышленники должны об'единиться и оказывать друг другу взаимную помощь в борьбе с советской угрозой» (из речи Гоэна в бельг. парламенте).

«Социалисты», умоляющие «своих» промышленников скорее об'единиться против пятилетки Советского Союза! Это достаточно выразительно.

Польские социал-фашисты из ППС натравливают безработных текстильщиков Лодзи против той же пятилетки. — Вы голодаете, у вас нет работы. Но—кто виноват? Советский Союз! Ведь вы же знаете, что польские текстильные фабрики всегда работали на русский рынок. Теперь большевики закрыли рынок польскому текстилю. Надо открыть себе этот рынок силой.

Это ли не отравители общественных колодцев?

И как тут отличишь: где кончается политика буржуазии и где начинается политика социал-демократии?

Наиболее откровенные из вождей с.-д. сами не скрывают этого слияния рядов. Каутский, например, писал совсем недавно (в статье, которая увещевала французских социалистов скорее войти в коалиционное министерство) так:

> «Часто мы имеем теперь такое положение, когда образуемое коалиционное министерство и вообще уж нельзя назвать буржуазным, так как социалистические министры и буржуазные министры более или менее равны в числе. При такой обстановке можно с таким же правом говорить о вступлении либералов или буржуазных радикалов в социалистический кабинет, как и обратно—о вступлении социалистов в либеральный или буржуазно-радикальный кабинет». («Форвертс», 1/I-1930).

Что правда, то правда...

* * *

Связь между внутренней и внешней политикой становится особенно наглядной в революционную эпоху. Это доказала, между прочим, и история Великой Французской революции. У Французской революции не было более сильных врагов, чем ее внешние враги. Вся эпоха Наполеона была в первую голову продуктом тех внешних войн, которые пришлось вести Франции, чтобы отразить борьбу европейских монархов против французской революции. Ни одна историческая эпоха не иллюстрирует так наглядно связь между внутренней и внешней политикой, как эпоха 1789—1814 гг. Рудольф Гольдшейд справедливо говорит, что история какого-либо народа есть история соседних с ним народов. (Ср. нашу работу «Война и кризис социализма», стр. 25). Если это парадоксально выраженное положение понимать не схоластически, а диалектически, то оно безусловно верно.

Еще в 1906 г., взвешивая международные шансы русской буржуазно-демократической революции (которую Ленин, разумеется, рассматривал в перспективе перерастания ее в социалистическую и к которой подходил под углом зрения международным), Ленин говорил:

> «Великая французская революция XVIII века происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией» (т. VII, ч. I, стр. 156).

Да, даже четверть века тому назад международное положение первой русской (тогда еще буржуазной) революции было в этом смысле все же более благоприятным, нежели Великой буржуазной революции во Франции. Когда же через 11 лет после этих слов Ленина в нашей стране произошла социалистическая революция, ее международное положение оказалось и лучше и сложней. Социалистический пролетариат окружающих нас стран сочувствует нашей социалистической революции еще гораздо более горячо, чем он сочувствовал бы победе буржуазно-демократической революции четверть века тому назад. Но в то же время, совершив социалистическую революцию, мы оказались окруженными рядом стран, которые теперь никак уже нельзя назвать более передовыми странами. Царская Россия жила и Советский Союз живет в системе государств; но в то время как по отношению к царской России окружавшие ее государства могли считаться более передовыми,—по отношению к нынешнему нашему пролетарскому государству, окружающие его буржуазные страны являются сейчас реакционными (что не помешает некоторым из них завтра, скинув власть буржуазии, стать на время, по сравнению с нами, более передовыми, ибо более экономически мощными, советскими странами). Революционная часть мирового пролетариата в нашу эпоху «стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией»; но надо видеть, что это пока в 1930 году относится не ко всему пролетариату, а именно только к его революционной части. В 1906 году, когда Ленин произносил приведенную нами фразу о социалистическом пролетариате, стоящем во всеоружии, раскол II Интернационала не был еще фактом и нынешнюю контрреволюционную социал-фашистскую роль социал-демократии предвидеть было еще невозможно.

Таковы существенные черты отличия в международном положении русской революции, как оно рисовалось в 1906 г. и как оно сложилось теперь. Международное положение социалистической революции в России, с одной стороны, во много раз могущественнее, чем могло бы быть международное положение буржуазно-демократической революции в России в 1905—06 гг. На-страже этой социалистической революции стоит международное товарищество рабочих—Коммунистический Интернационал. Симпатии десятков и сотен миллионов угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран усиливают международные позиции нашей социалистической революции в громадной степени. И в то же время первая победа социалистической революции неизбежно должна была сплотить и сплотила все силы буржуазного мира против нее. Ставка оказалась решающей. Победа социалистической революции неизбежно мобилизует силы буржуазной контрреволюции. Через социал-демократию эта последняя на время ведет за собою значительные отряды трудящихся, хотя близко время, когда с.-д. влияние на массы начнет падать катастрофически. К тому же в системе буржуазных государств, окружающих Советский Союз, есть еще государства, в которых и сейчас имеют большую силу феодальные и полуфеодальные элементы. Случайно ли то, что, подготовляя войну против Советского Союза, западная буржуазия и вся вообще богатейшая часть империалистской буржуазии намерена, в первую очередь, бросить против Советского Союза именно Румынию, Польшу, Югославию, Венгрию, Болгарию и т. п.? Нет, это не случайно. Борьбу против Советского Союза организует наиболее «передовая», наиболее богатая, экономически мощная буржуазия. Ее живой силой, ее ударными отрядами, однако, будут в первую очередь те страны, где еще наиболее сильно помещичье землевладение, наиболее сильны феодальные и полуфеодальные элементы, где, как в Польше, силен фашизм. В «системе государств», окружающих Советский Союз, такие государства еще существуют. В Европе есть еще изрядные уголки, где не только «социалистический пролетариат», но и пролетариат вообще еще недостаточно многочислен и где «зато» еще достаточно сильны феодальные и полуфеодальные элементы. Буржуазия богатейших капиталистических стран плюс буржуазные рабочие партии этих стран (социал-фашизм) плюс буржуазно-феодальные и полуфеодальные элементы отсталых стран, расположенных не слишком далеко от границ Советского Союза,—вот та конфигурация сил, которые готовят новую войну против СССР.

* * *

Ряд симптомов говорит о том, что за последнее время САСШ начинают оспаривать—и не без успеха—у империалистской Англии первенствующую роль в деле травли СССР, в деле создания антисоветского блока. Американский империализм имеет для этого свои достаточные основания. Экономический кризис, разразившийся в САСШ, усиленно подталкивает американских империалистов в этом направлении. Вопрос о рынках сбыта, играющий особенно большую роль в нынешний «третий период» кризиса мирового капитализма, приобрел для американского империализма особенно небывалую остроту с того времени, как в САСШ разгорелся экономический кризис. Уже одно это неизбежно должно было бы увеличить враждебность американского империализма к Советскому Союзу, революционная роль которого стоит поперек дороги многим планам американского империализма.

Современная Германия попала в огромную зависимость от американского империализма. Этот факт имеет громадное значение. В современном Китае влияние американского империализма очень велико. И вот господа американские империалисты рассуждают так: если бы им удалось свергнуть советский строй в СССР или хотя бы нанести ему чувствительный удар, задержать, хотя бы на время, быстрый рост социалистического строительства в СССР,—о, тогда американский империализм смог бы совсем по-иному расположиться и в Германии, и в ряде других европейских стран, и в Китае, и в Южной Америке, куда ныне революционные идеи Советов также доносятся все больше и больше. Да и сама Россия с ее громадным рынком смогла бы тогда стать об'ектом эксплоатации американского империализма.

Кроме всего этого, крупнейшие успехи социалистического строительства в СССР не могут не беспокоить американских империалистов, чувствующих и сознающих себя «авангардом» мирового владычества буржуазии. Вожди мировой буржуазии вообще, вожди американского империализма в частности не могут не сознавать, какое великое решающее мировое значение получают успехи СССР в области коллективизации сельского хозяйства. Все это вместе взятое подхлестывает американский империализм, побуждая его взять на себя руководство антисоветской кампанией.

Особенно большое значение имеет тот факт, что американскому империализму недавно удалось добиться известного соглашения между германской и польской буржуазией. Нельзя достаточно подчеркнуть это новое обстоятельство. Оно имеет и будет иметь громадное значение в подготовке новой войны против СССР. Современная Германия, конечно, не является самым сильным из современных капиталистических государств. В этом отношении она не идет в сравнение ни с Америкой, ни даже с Англией. И тем не менее, в силу своего географического положения и ряда других обстоятельств, именно переменившаяся роль Германии имеет для нас в ближайшие годы крупнейшее значение. Мы уже мотивировали подробнее этот взгляд в нашей статье «Кое-что о международном положении» («Большевик», 1929 г., № 4). Длительный конфликт между буржуазной Германией и буржуазной Польшей до известной степени связывал буржуазию этих двух стран и парализовал опасность, угрожающую СССР со стороны обоих этих буржуазных государств. В течение последних пяти лет Чемберлен, в своей политике «окружения» СССР, не раз делал отчаянные попытки во что бы то ни стало добиться временного соглашения между Германией и Польшей. Ему это не удавалось. Версальский мир глубоко загнал клин между обеими этими странами. Хозяйственная война между Германией и Польщей продолжалась все эти годы. И вот теперь американскому империализму удается добиться известного перемирия между этими двумя группами буржуазии. Представители американского империализма с величайшей настойчивостью и энергией работают и в Германии, и в Польше над тем, чтобы добиться «разрешения» польско-германского конфликта. Американский империализм добивается не только перемирия между Германией и Польшей, но и более длительного польско-германского союза. Под руководством Америки выработан и согласован, во-первых, проект так называемого ликвидационного соглашения между Германией и Польшей и, во-вторых, проект торгового договора, основы которого также уже приняты обеими сторонами. Буржуазная Германия, как уже сказано, находится в громадной зависимости от американского капитала. Принятие пресловутого плана Юнга не только не ослабляет зависимость Германии от Америки, но усиливает ее. В очень большой зависимости от американского капитала находится также и современная Польша. Эта зависимость—и экономическая и политическая. Это один из основных определяющих факторов политики буржуазии обеих этих стран.

Согласно выработанному проекту ликвидационного соглашения, Германия отказывается от претензий за «ликвидированное» в Польше германское имущество, земли и пр., которое оценивалось до сих пор германскими специалистами в размере двух с половиной миллиардов марок. С другой стороны, и Польша не в малой степени под давлением Америки идет на известные уступки. Давление из Вашингтона Моргана и К° оказывает свое действие *и* в Берлине, *и* в Варшаве. «Роте Фане» совершенно права, когда указывает, что польско-германское соглашение не случайно является составной частью плана Юнга. Германско-польское соглашение, осуществляемое под руководством американского империализма, есть соглашение, направленное против Советского Союза.

Так называемое ликвидационое соглашение делает попытку ликвидировать взаимные претензии Германии и Польши, связанные с первой мировой войной. Это соглашение пытается разрешить три основных проблемы: 1) Польша прекращает дальнейшую «ликвидацию» немецкой собственности в отошедших к ней по Версальскому договору территориях; 2) Польша отказывается от права отнятия («выкупа» за бесценок) земель у помещиков и кулаков бывш. прусского подданства; 3) урегулирован ряд взаимных финансовых претензий. В целом дело идет о взаимных уступках буржуазно-помещичьих и кулацких групп обеих стран друг другу.

Орган германских социал-фашистов «Форвертс» признает, что Германия по этому договору выбрасывает Польше 200 милл. золотых марок. «Это тяжело при нынешнем финансовом положении... Но это стоит дать, дабы создать необходимую предпосылку для окончания изнурительной взаимной борьбы между Германией и Польшей». «Форвертс» с торжеством сообщает, что соглашение представлено уже в рейхсрат для утверждения. «Форвертс» открыто заявляет, что «польско-германское соглашение тесно связано с планом Юнга» («Форвертс», от 5/II-30 г.). В глазах социал-фашистов это только плюс. Германские с.-д. прямо молятся на американский империализм. Если последний взялся «помирить» польскую и германскую буржуазию и об'единить их силы для борьбы против ненавистного СССР, то этому можно-де только радоваться.

Англо-французские империалисты со своей стороны делали и делают немалые усилия для того, чтобы поглубже втянуть современную германскую буржуазную республику в фарватер антисоветской политики. С этой целью они заманивали Германию в Лигу Наций, мазали ее по губам мнимыми уступками и т. д. Теперь за это дело с особенной настойчивостью взялась империалистская Америка. Орган братской коммунистической партии Германии своевременно указывает германским рабочим на то, что германско-польское соглашение, осуществляемое под эгидой Морганов, является знаменательным и серьезным этапом на этом пути.

Орган германской партии центра «Кельнише Фольксцейтунг» (26/II—1930 г.) открыто признает:

> «Этот договор (польско-германский) может расцениваться с точки зрения общеевропейской как маленькая нить, могущая превратиться в прочный канат, связывающий всю Европу против ставшей вновь актуальной восточной опасности. У кого есть глаза, тот увидит, что по ту сторону восточной границы Польши развиваются события, которые не могут оставить Европу безразличной: в один прекрасный день эти события потребуют от европейских культурных народов солидарности».

Господа германские буржуа, стало быть, не скрывают, что из польско-германского договора они хотят сделать «канат» на шею пролетарского государства. Это надо запомнить.

Сколько-нибудь прочное соглашение между буржуазной Германией и буржуазной Польшей на сколько-нибудь длительный срок невозможно. Территориальные вопросы остаются. Экономическая борьба останется. Даже американскому дядюшке не удастся на долгий срок подавить противоречия, существующие между этими двумя буржуазными государствами. В последние дни переторжки вокруг ликвидационного соглашения возобновляются. Трения вновь растут. Но на время такое соглашение под контролем тяжелого кулака американских миллиардеров все же возможно. И эта комбинация в очень большой мере увеличивает военную опасность для нас, для всего мирового пролетариата.

Нет никакого сомнения в том, что и такой шаг, как разрыв Мексики с нашим Советским Союзом, есть также звено в той же цепи политики САСШ. Именно американские империалисты продиктовали этот разрыв дипломатических отношений, именно атмосфера оголтелой враждебности к СССР, идущей из Вашингтона и Нью-Йорка, привела к такой неслыханной наглости, как полицейский налет мексиканских властей на бывшего нашего полпреда тов. Макара. Обыск, произведенный у бывшего полпреда и его сотрудников, напоминает налеты, производившиеся на наших представителей в Китае в момент величайшей разнузданности китайской контрреволюции. Дипломатические печати на всем багаже были сломаны, чемоданы вскрыты, бумаги и вещи украдены, служащие бывшего полпредства арестованы и т. д., и это в то время, когда мексиканский поверенный в делах до самого момента оставления им территории СССР пользовался всеми правами и преимуществами дипломатического представителя.

Если конфликт вокруг К.-В. ж. д. не удалось расширить и разжечь, то это уж вышло по «независящим» от американских империалистов обстоятельствам. Стимсон делал все, что мог, САСШ пустили в ход «пакт Келлога». Присоединилось с десяток «держав». А все же вышла осечка.

Нельзя сомневаться также в том, что новые провокационные выходки нанкинского правительства против СССР также в значительной мере вдохновляются агентами американского империализма. Чан Кай-ши и К° за последнее время «ориентируются» больше всего в сторону американского капитала. Нынешние новые попытки нанкинского правительства разжечь конфликт с СССР были бы невозможны, если бы Чан Кай-ши не был уверен в том, что такая политика одобряется и поощряется Америкой. Роль Америки, т.-е. американского империализма в новом крестовом походе против СССР, еще недостаточно ясна широким массам европейского и американского пролетариата, да и трудящимся СССР. Одна из важнейших задач нынешнего периода заключается в том, чтобы выяснить широчайшим массам рабочих эту роль, старательно и искусно скрываемую американской буржуазией и обслуживающей ее социал-демократией.

⁂

К началу 1930 года ряд процессов, прежде намечавшихся, получили такое развитие, что можно с правом говорить об известной новой картине мирового положения. Экономический кризис в Северо-Американских Соединенных Штатах обрисовался с полной ясностью. Экономический кризис с большей или меньшей силой постепенно захватывает целый ряд стран в Европе. В Германии, на Балканах, в Бельгии, в Чехо-Словакии, в Италии, в Австрии, в Голландии налицо ряд признаков разразившегося экономического кризиса. В то же время в ряде колониальных и полуколониальных стран растут признаки не только экономического, но и политического кризиса. В Индии, в Китае, в Индо-Китае, в Египте, во французском Конго, в Южно-Африканском Союзе, в Судане, в Нигерии, в Гаити происходят события крупнейшей важности. И все это почти одновременно. Мировой экономический кризис есть факт. Миф об «организованном капитализме» разоблачен так быстро, так полно и так наглядно, что от него осталось поистине только «мокрое место». Пять лет тому назад, в начале 1925 г., в резолюции XIV партконференции ВКП говорилось так:

> «Чтобы быть вполне точными, мы должны говорить не об одной стабилизации, а о двух стабилизациях. Рядом с частичной стабилизацией капитализма в буржуазной Европе происходит несомненный рост государственной промышленности и усиление социалистических элементов народного хозяйства в СССР».

Как сильно изменилось положение с тех пор. В 1930 г., «чтобы быть вполне точными», нам надо говорить о начале развала капиталистической стабилизации при одновременном мощном хозяйственном под'еме в СССР на основе социалистической реконструкции.

В 1922 г. Троцкий предсказывал, что

> «подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Это «предсказание» не оправдалось, как и множество других предсказаний названного автора. Подлинный под'ем социалистического хозяйства у нас стал возможным уже и до победы пролетариата в важнейших странах Европы. Этот подлинный под'ем развивается на наших глазах. Истекший год поистине был в этом отношении годом перелома.

Пролетариат важнейших стран Европы только еще подходит к решающим боям с буржуазией. Победа в этих боях при прочих равных условиях придет тем скорее и вернее, чем лучше развернется подлинный под'ем социалистического хозяйства у нас. И разумеется, с другой стороны, дальнейший под'ем социалистического хозяйства у нас при прочих равных условиях развьется еще быстрее и еще сильнее по мере того, как будут одерживать новые победы пролетарии других стран. Взаимозависимость здесь диалектическая.

Революционный под'ем нарастает во всем мире. Его характернейшей особенностью является одновременность роста 1) в важнейших странах старого капитализма, 2) в крупнейших и решающих колониальных и полуколониальных странах и 3) в СССР (где, по понятным причинам, революционный под'ем выражается главным образом в хозяйственном и культурном под'еме, в производственном энтузиазме и т. д.). Темп международной революционной борьбы становится все сильней. Относительное затишье, которое мы переживали в отдельных странах в течение последнего периода, заменяется теперь растущим повсеместно революционным оживлением. Надо, чтобы передовые рабочие СССР, как и авангард всего международного пролетариата, отдавали себе ясный отчет в том, что наступают новые времена, которые выдвинут новые требования ко всем нам. Наличие громадного революционного под'ема, стихийного недовольства масс мы имели в 1918—1919 гг., — к моменту, когда кончалась всемирная империалистская бойня. Но международный пролетариат не одержал тогда решающих побед в решающих капиталистических странах. Главная причина этого заключалась в том, что у нас не было к тому моменту сильных, закаленных в боях, массовых коммунистических партий в важнейших странах капитализма — «зато» были старые многочисленные с.-д. партии и с.-д. профсоюзы, целиком отдавшие себя на службу «своей» контрреволюционной буржуазии. Надвигающийся ныне новый революционный под'ем будет могучим под'емом.

«Черная», невидимая, кропотливая, повседневная организационная работа по укреплению компартий в странах капитализма (и в колониях), увеличение численного состава за счет рабочих, дальнейшая их большевизация — вот сейчас задача всех задач. Никто не знает и никто не может знать, какие сроки буржуазия оставляет еще международному пролетариату до того, как она обрушит на его голову новую войну. Но одно мы знаем точно: интересы рабочего класса требуют, во всяком случае, оттяжки войны; каждая минута должна быть использована для укрепления партий, для улучшения связи с массами. Всякое вспышкопускательство должно встречать среди коммунистов самый решительный отпор — серьезная деловая напряженная и неустанная работа, какую умели до революции большевики вести годами и годами — вот задача. Не терять темпа, но и не нервничать, не преувеличивать, давать отпор и правому и «левому» оппортунизму. Нужно добиться только того, чтобы теперь, спустя 10 лет, бои международного пролетариата в решающих странах капитализма были возглавлены действительно сильными большевистскими партиями, очищенными от правых и «левых» перебежчиков и оппортунистов. Главная задача Коминтерна заключается именно в том, чтобы на путях большевизации подготовить коммунистические партии капиталистических стран к этим решающим боям. Десятилетие (1919—1929) не прошло даром. Коминтерн имел за это время не мало побед. Но и опыт тех поражений, которые он понес в течение этого времени в борьбе с превосходными силами противника, теперь должен быть использован для того, чтобы встретить надвигающиеся бои во всеоружии. Громадная международная ответственность лежала на пролетариате советской страны в 1918 — 1919 гг. Но еще большая международная ответственность ляжет на него теперь. СССР есть главный оплот мировой революции пролетариата.

Безработица в странах капитализма достигла 18 миллионов человек. Следующие цифровые данные достаточно характеризуют, насколько широким явлением стала в последнее время безработица в главнейших странах капитализма. Безработных насчитывается в САСШ 5 миллионов, в Южной Америке — 1 млн., в Мексике — 500 тыс., в Германии — 4.000 тыс., в Англии — около 1.500 тыс., в Польше — около полмиллиона, в Австрии — 425 тыс., в Италии — 800 тыс., в Испании — 200 тыс., в Чехо-Словакии — свыше 300 тыс. Данные эти крайне неполные. В действительности число безработных еще больше. В Польше безработица охватила около половины рабочих, в Австрии — две пятых. Орган германской горной промышленности «Дейтше Берзенцейтунг» недавно писал, что вся армия жертв безработицы во всем мире достигает 60 млн. человек. Притом сюда не входят миллионы безработных в Китае, Индии, Индонезии, Южной Америке и т. д. Орган германской «демократической» буржуазии «Франкфуртер Цейтунг» от 19 января 1930 г. хладнокровно сообщает (опираясь при этом на сведения «Манчестер Гардиан»):

> «Два миллиона человек уже умерли от голода в Китае. Еще новых два миллиона должно неизбежно умереть той же голодной смертью».

Это сообщение касается только Шенси и смежных провинций. Люди едят там конский помет пополам с сырой землей...

Только в Советском Союзе мы имеем такое положение, когда рабочих рук не хватает. Почти во всем капиталистическом мире резервная армия безработных растет не по дням, а по часам. Нет никакого сомнения в том, что количество безработных еще сильно возрастет в ближайшее время в Англии, в Америке и в Германии. Страдания безработных в целом ряде капиталистических стран неописуемы. Реформистские профсоюзы оставляют на произвол судьбы не только неорганизованных рабочих, впавших в безработицу, но и тех рабочих, которые являются членами союзов. Руководство движением безработных, которое в ближайшее время, несомненно, будет разрастаться, целиком находится в руках коммунистов.

На этом общем фоне растет и неизбежно будет шириться новый революционный под'ем масс. Движение достигло особо высокого уровня, с одной стороны, в Германии и, с другой стороны, в Индии.

В Германии дело дошло до баррикад уже не только в Берлине, но и в Гамбурге. Демонстрация следует за демонстрацией. Движение ищет и находит себе новые формы — походы безработных, с'езды профсоюзной оппозиции и пр. Стачечное движение Германии еще относительно слабо, оно сдерживается безработицей. Однако, лозунг массовой политической забастовки все больше проникает в толщу рабочей массы. В Гамбурге мы видели уже частичное осуществление лозунга политической забастовки. Еще важнее пример стачки у Оппеля. Нельзя сомневаться в том, что этот лозунг в близком будущем начнет осуществляться.

В газете «Франкфуртер Цейтунг» от 25 января 1930 г. мы находим следующую небезынтересную «статистику». Вмешательство полиции в закрытых собраниях или в манифестациях под открытым небом имело место в 1928 г. в 318 случаях. В 1929 г. — в 579 случаях. При этом вмешательство это происходило на коммунистических собраниях и манифестациях в 1928 г. в 131 случае, в 1929 г.—в 422 случаях. Остальные случаи вмешательства приходятся на фашистов и пр. Обнаружено оружие при обысках на дому в 1928 г. в 297 случаях, в 1929 г. — в 454 случаях. К сожалению, «почтенная» газета не приводит точной статистики того, как часто и с каким «успехом» в последнее время в Германии стреляли в рабочих и сколько при этом убитых и раненых. С.-д. полицейпрезидент Гржезинский сообщает, что в одной Пруссии в 1929 г. убито на демонстрациях 48 рабочих. Исключительный закон против коммунистов, проводимый ныне с.-д. коалиционным правительством

в Германии, открыто «мотивируется» именно ростом революционного рабочего движения в этой стране

Стачечное демонстрационное движение революционных рабочих растет и во Франции. Число экономических конфликтов необычайно возросло. Революционные настроения проникли как в германский, так и во французский военные флоты.

Даже в странах, где господствует открытый фашизм, революционное движение нашло себе за последнее время выход наружу. В фашистской Италии — это особенно важно — мы видели в конце 1929 и в начале 1930 годов ряд крупных стачек в Милане и Риме, ряд значительных крестьянских волнений на юге Италии.

В фашистской Испании диктатор Примо-де-Ривера вынужден был уйти в отставку. Диктатор ушел не в результате революционного восстания масс, но глубокое общее недовольство населения сыграло свою большую роль. Рабочее движение в Испании испытывает теперь некоторое оживление.

В фашистской Польше Пилсудского революционное движение рабочих растет и вширь и вглубь. Стачки чередуются с демонстрациями и наоборот. Встречные бои ведутся рабочими и в ряде других стран. Контрнаступательное движение рабочих растет даже в таких странах, как Румыния, Болгария, Венгрия, несмотря на неслыханный разгул бешеного террора, господствующего в этих странах вот уже в течение многих лет.

Одновременно с этим мы видим нарастание революционного движения в колониях и полуколониях. Подоспевают колониальные резервы. «Франкфурт Цейтунг» в номере от 28 декабря 1929 г. пишет о «землетрясении на Востоке», о том, что «земля сотрясается от Египта до Индии, до Китая, что как раз в последние дни толчки становятся все сильнее, все явственнее».

Стачечное движение в Индии не прекращается. Железнодорожная забастовка начала февраля 1930 г. имеет огромное симптоматическое значение.

Если национально-буржуазные партии Индии на своем недавнем национальном конгрессе дошли до прямой угрозы неповиновением, если часть из них бойкотирует «рабочее» правительство Макдональда, то это лишь отраженные симптомы того, что рабочее и революционное крестьянское движение в Индии ширится и растет.

Контрреволюционная предательская «гоминдановская» роль индийской буржуазии еще не вполне ясна рабочим Индии. В этом заложена громадная опасность для движения. В Индии нет еще сильной массовой компартии и в этом главное несчастье индийской революции. Но этот недостаток движения будет преодолен.

В Китае постепенно нарастает новая волна революционного под'ема. Партизанское движение, развивающееся под руководством коммунистов, делает большие успехи.

Крестьяне Египта на опыте предательств «своей» национальной буржуазии, братающейся с английскими офицерами и египетскими эксплоататорами, учатся тому, что только под руководством компартии они смогут освободить себя.

В Индо-Китае мы видели недавно серьезное восстание.

Во французском Конго восстание туземцев недавно было подавлено. Непосредственные причины движения были — применение принудительного труда туземцев для ж.-д. строительства, принудительная вербовка в войска, применение принудительного метода для собирания разных товаров. Движение подавлено, но оно поднимется вновь.

В Южно-Африканском Союзе развивается серьезное движение среди туземных рабочих. Полиции приходитс арестовывать уже по тысяче рабочих разрозненно.

В Кене (английская колония восточной Африки) в октябре 1929 г. вспыхнуло серьезное восстание среди туземцев.

В Судане ряд племен восстал против английского империализма. Английские власти прибегли к карательной экспедиции.

В Нигерии (английская колония Западной Африки) вспыхивает восстание туземных крестьян. Активную роль играют в нем женщины. Африка становится одним из самых «ненадежных» континентов.

Коммунизм проникает в такие отдаленные уголки, как Мадагаскар. Идея коммунизма проникает в Гаити. Не случайно революционное движение среди рабочих Европы и среди трудящихся Индии, Китая, африканских колоний поднимается параллельно. И в этой одновременности постепенного нарастания нового революционного под'ема — залог особенно великого, всемирно-исторического значения этого усиливающегося под'ема. Анализ VI конгресса Коминтерна и последующие решения КИ подтвердились полностью.

В органе французских империалистов «Ами дю Пепль» (24 февраля 1930 г.) можно прочитать следующую филиппику:

> «Прошлогоднее восстание на Яве, все более угрожающее положение в Индии, вспышки революционного движения в ряде африканских колоний, возрастающее возбуждение на Филиппинских островах и, наконец, восстание в Индо-Китае доказывают, что повсеместно растет влияние Москвы, которое сплачивает всех недовольных и открыто угрожает интересам и престижу колониальных держав. Пора действовать!».

Это достаточно красноречивые слова.

«По человечеству» этот крик души французского империалиста можно понять так же, как понять можно и германского буржуа, когда он возглашает: «Горе Европе, если пятилетний план удастся» («Кельнише Цейтунг»).

* * *

Разумеется, между внутренней политикой СССР и его внешней политикой также существует тесная связь. Именно у нас эта связь наиболее полна и гармонична. Кому же не ясно, что для осуществления нашего пятилетнего плана индустриализации мир нам столь же необходим, как воздух для человека? Кому же не ясно, что для социалистической переделки сельского хозяйства, для осуществления уже начатых и находящихся в полном разгаре великих работ по коллективизации нам нужно время? Кому не ясно, что политика Советского Союза есть политика мира? Кому не ясно, что войны, которые вело и еще вынуждено будет вести наше социалистическое государство (а также и другие социалистические государства, которые еще создадутся), были и будут войнами в историческом смысле оборонительными. Задача сделать наш Советский Союз обороноспособным при данном положении вещей есть одна из самых важных задач, одна из предпосылок дальнейшего строительства социализма. Создание обороноспособности страны есть задача внешней политики, но она, конечно, есть в то же время и задача внутренней политики.

«Ссылаются постоянно,—писал Ленин,—на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—93 годах. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными... Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования». (т. XIV, ч. II, стр. 211—212, курсив наш.—*Г. З.*).

Именно отсюда Ленин выводит лозунг: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически». Ленин ставит этот вопрос как будто альтернативно, но сам-то он твердо убежден, что эта цель осуществима.

«Это возможно, ибо пред нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции» (там же, стр. 213).

Эти слова были написаны незадолго до Октябрьской революции, но они имели в виду именно ту эпоху, когда наш пролетариат окажется у власти. Эти слова остались в силе для рабочего класса СССР и его партии и останутся — впредь до того времени, когда великая цель, поставленная Лениным и ныне успешно осуществляемая нашей партией, будет достигнута полностью.

Передовые капиталистические страны (т.-е. буржуазия этих стран), конечно, не станут спокойно ждать, пока мы догоним и перегоним их. Они будут грозить нам и уже грозят войной. Но и мы, конечно, не будем ждать и не ждем пока буржуазия этих стран предварительно будет скинута. Пятилетка и работы по коллективизации говорят об этом достаточно красноречиво.

Рабочий класс СССР теперь прекрасно знает, каковы те «великие экономические преобразования», во имя которых он напрягает и должен напрягать свои силы, во имя которых он будет отстаивать свое социалистическое отечество в грядущей войне. Эти великие экономические преобразования теперь облекаются плотью и кровью более, чем когда бы то ни было. Пятилетка проникла в самые глубокие пласты рабочего класса и проникнет еще глубже. План коллективизации сельского хозяйства проникает и проникнет в каждую деревню.

Только низвержение капитализма, только победоносная диктатура пролетариата по-настоящему пробуждает творческие силы пролетариата.

> «Только тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социалзимом», только тогда на каждые десять тысяч открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимается по миллиону новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что им и может служить вся мощь современного централизованного государства» и т. д. (т. XIV, ч. II, стр. 249).

Эти слова Ленин писал в 1917 г.

«Скрытый социализм» масс именно сейчас является нашим величайшим резервом. Неисчерпаемая потенциальная энергия переходит в кинетическую. Над этим процессом превращения сознательно и неутомимо работает партия Ленина. Задача наших дней как раз в том и заключается, чтобы на каждые десять тысяч открытых или прячущихся врагов и полуврагов поднять и организовать по миллиону новых борцов хозяйственного фронта, который есть в то же время фронт международной революции. С величайшим под'емом и героизмом, достойным наших великих целей, рабочие СССР работают ныне над выполнением пятилетки, над задачами коллективизации сельского хозяйства. Но разве наша пятилетка не имеет величайшего международного значения? Разве коллективизация сельского хозяйства на территории, обнимающей одну шестую часть суши, не представляет собою нечто совершенно небывалое в истории, не имеет поистине всемирно-исторического значения. Великая строительная работа, происходящая в СССР, является крупнейшим «аргументом» нарастающих пролетарских революций во всем мире. Но и наоборот: ширящийся и растущий революционный под'ем во всем капиталистическом мире является величайшим «аргументом» социалистического строительства в Советском Союзе.

В конспекте Клаузевица Ленин цитирует слова последнего: «лучший ключ к стране находится в неприятельском войске». Ленин отмечает это место словами: «остроумно и умно». В годы интервенции во Франции была распространена карикатура, на которой изображены были Клемансо и Ленин. Клемансо спрашивает Ленина: а где же та армия, при помощи которой вы сможете защитить себя от превосходных сил четырнадцати государств, сплотившихся для похода против вас? А Ленин отвечает: мы сделаем это при помощи ваших же собственных армий.—Да, лучший ключ к стране находится в неприятельском войске. Каков будет дух наших красных армий, это знает всякий. Мы сделали свою страну обороноспособной именно потому, что Октябрьская революция пробудила величайший героизм народа, осуществляющего смело и решительно великие экономические преобразования. Наша Красная армия как раз сейчас выделяет и обучает первую сотню тысяч организаторов коллективизации из среды красноармейцев. Это только скромное начало. Строго говоря, эта задача есть, конечно, только частица нашей «внутренней политики». Но не трудно сообразить, что в то же время эта работа есть часть нашей международной работы, теснейшим образом связанная с внешней политикой советской власти. Потенциальная энергия масс, превращающаяся и превратившаяся в Советском Союзе в кинетическую, плюс «скрытый социализм» масс в буржуазных государствах, окружающих нас (см. сказанное выше о растущем революционном под'еме) — вот наши ресурсы, вот наша надежда.

> «...История учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войны... Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Для этого прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя...». (VIII Всеросс. с'езд советов, стр. 14).
>
> «...Вопрос стоит именно так: долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй...».
>
> «...Если мы из этой первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко... Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял» (там же, стр. 20—21).
>
> «Меня упрекали (меньшевики) в том, что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что кончили с Врангелем... Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике» (там же, стр. 24).

Этих слов Ленина не забыла наша партия. Она делает и сделает их достоянием не только каждого рабочего, но и каждого беспартийного крестьянина, как этого требовал Ленин.

Весь буржуазный мир (включая буржуазную социал-демократию) напрягает сейчас все свои силы, чтобы создать единый фронт против Советского Союза. Многие из их вождей также усвоили себе положение Клаузевица, что время часто является «ангелом хранителем обороняющегося». Они видят, что время работает на нас. Они не хотят дать нам возможности закончить пятилетний план и работы по коллективизации сельского хозяйства. Мы не знаем и не можем знать,—размышляют они,—удастся ли вам выполнить ваши планы и, в особенности, удастся ли вам завершить коллективизацию сельского хозяйства, но мы наверное знаем, что как раз время перехода к коллективизации есть для вас время трудностей, и именно поэтому мы сделаем все, чтобы ударить вам в тыл. Их стратеги также слышали, что часто «намерения наступающих оказывались совершенно неудачными в силу проволочек» (Клаузевиц). Если бы дело зависело только от «добрых» желаний империалистов и социал-империалистов, военная гроза давно бы уже разразилась. К счастью для мирового пролетариата «организованный капитализм» есть миф, а капитализм, раз'едаемый противоречиями, подтачиваемый внутренними и внешними антагонизмами, гниющий и разлагающийся есть факт.

Капиталистический мир и наши «доброжелатели» социал-демократы надеются «поймать» нас в момент перехода к коллективизации сельского хозяйства, в разгар борьбы за выполнение пятилетнего плана. Они воображают, что у партии нашей, забравшейся на высокую вершину, закружится голова, что она станет пленницей иллюзий или что при первых крупных трудностях, связанных с переходом к коллективизации, и при первых демонстративных угрозах со стороны мировой буржуазии партия наша впадет в уныние, даст себя запугать. Тщетные надежды! Партия руководится и будет руководиться словами Ленина:

> «Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче». («О восхождении на высокие горы»).

Поход против СССР продолжается, принимая самые разнообразные формы: Кутепов, процесс Савелия Литвинова в Париже, процесс фальшивомонетчиков в Берлине, выходка финляндского белогвардейского суда, обыск полпреда в Мексике, провокационные уловки правительства Чан Кай-ши, бешеная кампания за разрыв дипломатических отношений во Франции, поход против СССР в Германии, кампания по поводу мнимых религиозных гонений в СССР, тайные военные соглашения против нас, организация примирения между фашистской Польшей и буржуазной Германией против СССР, попытки финансовой блокады и т. д. и т. п. События, разыгрывающиеся ныне на международном экране, как нельзя более приспособлены к тому, чтобы воочию демонстрировать теснейшую связь между внутренней политикой правящих классов и их внешней политикой. Продолжение ихней буржуазной внутренней политики есть: борьба против СССР, борьба против угнетенных народов колоний и полуколоний, борьба за рынки, борьба против международного революционного движения рабочих. Продолжение нашей (пролетарской) внутренней политики есть: политика мира, политика братской солидарности трудящихся и вместе с тем политика действительной подготовки к защите наших завоеваний, подготовки к той войне, которая с нашей стороны будет оборонительной в историческом смысле войной, независимо от того, какое развитие получат военно-стратегические операции в этой войне.

Когда Ленин в первый раз в 1918 г. выдвинул лозунг создания трехмиллионной Красной армии для защиты завоеваний пролетарской революции, многим эта мысль показалась чем-то несбыточным, химерой, бахвальством. С тех пор прошло более 10 лет. Если бы вздумали об'явить империалисты теперь нам новую войну, Советский Союз сумеет создать и двинуть против мировой буржуазии армию поболее, чем в три миллиона. Великие экономические преобразования, начатые Октябрьской революцией, найдут десятки миллионов защитников — и в нашей стране и во всем мире.

За истекшие с 1917 года 13 лет наша революция знала не мало трудностей. Иногда могло казаться, что история как бы нарочно нагораживает на пути первой пролетарской революции все, какие только мыслимы, трудности. И тем не менее, революция шла и идет вперед. Кроме многомиллионной Красной армии Советского Союза, за дело Октября в решительный час будут бороться миллионы рабочих других стран. Коммунистический Интернационал не раз повторял: новые пролетарские революции возможны и без новых войн, но новые войны невозможны без новых революций, в особенности — новые войны против СССР. Передовые рабочие капиталистических стран тоже видят, что внешняя политика империалистских держав есть продолжение их реакционной, антирабочей, своекорыстно-классовой внутренней политики, что, во всяком случае, между внутренней и внешней политикой буржуазных правительств существует тесная неразрывная связь. Передовые рабочие капиталистических стран, со своей стороны, постараются провести логические нити и в «обратном» порядке. Это и значит — превратить войну империалистскую в войну гражданскую.

Только слепой не видит, что трудный путь, которым идет партия, есть единственно правильный путь. Внутренняя и внешняя политика нашей партии подчинены одной великой цели. Только изменники рабочему делу откажутся поддержать большевистскую партию в ее борьбе и работе. Только ничтожества останутся «нейтральными» и отойдут в сторонку. Весь международный пролетарский авангард будет с партией Ленина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ГРИГ. РАТНЕР. «Социально-экономические основы с.-х. кооперации и коллективного движения». Книгосоюз. 1929 г., стр. 376, цена 2 р. 50 к. (Допущено Наркомпросом РСФСР в качестве учебного пособия для вузов и техникумов).

Рецензируемая книга представляет одну из попыток «систематического изложения теоретических основ советской с.-х. кооперации путем обобщения процессов, происходящих в практическом строительстве» (стр. 7—8). Больше того, здесь речь идет о создании учебного пособия, теоретического курса кооперирования и коллективизации сельского хозяйства для студенчества вузов и техникумов, что, разумеется, не может не повысить ответственности автора за развиваемые им взгляды.

Все содержание «Социально-экономических основ» можно свести к трем группам вопросов: 1) Обзор современных тенденций в развитии сельского хозяйства в странах капитализма под влиянием финансового капитала; 2) выяснение взглядов Маркса и Ленина на социалистическое преобразование сельского хозяйства и 3) Характеристика и теоретическое обобщение процессов кооперирования и коллективизации, развертывающихся в сельском хозяйстве СССР.

В освещении всех этих вопросов тов. Ратнер, вопреки своим неоднократным заверениям в верности основам марксизма-ленинизма, развивает ряд положений, которые ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют.

Начнем с общетеоретических воззрений автора, которые служат ему руководящей нитью в конкретном анализе и на которых мы должны прежде всего убедиться в правдивости его заявленийй о верности принципам экономического учения Маркса.

Капиталистическая система в изображении тов. Ратнера выглядит так:

> «Капиталистическое хозяйство развивается в условиях стихийных процессов рынка; его основой является производство товаров капиталистическими предприятиями или отдельными мелкими производителями, размеры которого диктуются лишь усмотрением отдельного предприятия или отдельного производителя»...
>
> «Закон спроса и предложения является единственным регулятором производства товаров, поддерживающим равновесие на рынке». (Подчеркнуто мною. *Н. М.* Стр. 214, см. также стр. 215, 247).

Безусловно верно, что производство товаров составляет общую основу капиталистического производства со свойственной последнему стихийностью и неравномерностью развития. Однако, ограничиться этим, — как это делает тов. Ратнер, — нельзя, так как здесь сказано далеко еще не все главное и решающее. Нельзя, если оставаться верным марксизму,—удовлетвориться в характеристике капиталистического способа производства указанием на его товарный характер; тем более это недопустимо там, где на этой основе анализируются конкретные образцы капиталистического развития в сельском хозяйстве стран капитализма. Подобное сведение развитых капиталистических производственных отношений к простейшим категориям (производство и обмен товаров) Маркс называл пошлой манерой буржуазных экономистов-проповедников экономической гармонии. Здесь упускается специфическая черта капиталистического производства, а именно: отношения капиталистической эксплоатации на основе отделения труда от условий труда.

Это, конечно, элементарно. Но это «элементарное» решает дело. Без него нельзя правильно понять ни одного факта из области развития капиталистических отношений, даже если речь идет о развитии этих отношений в земледелии, т.-е. там, где наиболее распространена капиталистическая эксплоатация мелкого производителя с наделом.

Но дальше автор говорит нечто совершенно несообразное. Согласно «марксизму» Гр. Ратнера, закон спроса и предложения являются единственным регулятором капиталистического производства.

Тов. Ратнеру и невдомек, что «отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии об'яснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится само это отношение», что «действительные внутренние законы капиталистического производства... не могут быть об'яснены из взаимодействия спроса и предложения» [1]).

Тов. Ратнеру как будто и дела нет до того, что в марксовой теории всеми буквами написано, «что прибыль является единственным регулятором для капиталистического производства» [2]).

Итак, «Социально-экономические основы», вопреки марксизму, во-первых, сводят капиталистическое производство к простому производству товаров, погашая при этом специфическую особенность капиталистического способа производства и, во-вторых, подменяют закон стоимости, модифицируемый при капитализме в закон средней прибыли и цены производства, плоским законом спроса и предложения, в качестве регулятора капиталистического производства.

Такова общая теория «Социально-экономических основ». Как же выглядит современная практика при свете этой теории?

Теоретическому освещению процессов кооперирования и коллективизации сельского хозяйства в СССР автор предпослал анализ развития сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации в странах финансового капитала.

Оставляя в стороне ту часть книги, где излагаются в основном правильные мысли о преимуществах крупного земледелия перед мелким и на сравнительно свежем конкретном материале показывается усиление применимости этого закона в условиях высоко развитого современного капитализма, мы не можем не предостеречь читателя от совершенно необоснованных, односторонних, а подчас и явно ошибочных выводов, сделанных автором в связи с анализом влияния финансового капитала на сельское хозяйство.

Автор, отмечая активизацию сельскохозяйственной политики финансового капитала, в качестве характерной черты послевоенного развития капиталистических стран, пишет:

> «Политика современных капиталистических правительств в полном соответствии с тенденциями финансового капитала стремится к поддержке сельского хозяйства и к под'ему его производительности. Это относится почти в одинаковой мере к правительствам различных политических окрасок» (стр. 53).

На чем же основана, по мнению автора, эта заинтересованность финансового капитала в развитии сельского хозяйства? Она основана, оказывается, прежде всего на стремлении финансового капитала планировать и регулировать производство и распределение сельскохозяйственных продуктов, с целью преодоления неизбежной при капиталистическом строе анархии производства.

> «Стремление финансового капитала получить влияния на процессы сельского хозяйства,—утверждает Гр. Ратнер,—имеет конечной целью планирование и регулирование производства и распределения сельскохозяйственных продуктов» (Стр. 50. подчеркнуто мной. *Н. М.*).

Далее, эта заинтересованность основана, по словам автора, на стремлении финансового капитал обеспечить промышленность рынками сбыта, источниками

---

[1]) Маркс. «Капитал», т. III, ч. I, изд. 1929 г., стр 132, 139:

[2]) «Теории»..., т. II, ч. 2, стр. 74. См. также «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 261.

сырья и продовольствием, на включении землевладения в общую систему финансового капитала и империалистического государства (стр. 51), на стремлении обеспечить внутреннюю сельскохозяйственную базу на случай войны, на стремлении использовать многомиллионную крестьянскую массу в качестве политической силы, действующей в интересах финансового капитала, и, наконец, на непосредственной выгоде, которую приносит капитал, инвестированный в сельском хозяйстве (стр. 52).

Вот вся цепь аргументов, развитых автором для освещения мотивов и содержания активной сельскохозяйственной политики финансового капитала. Сердцевина этой аргументации заключается в указании на стремление финансового капитала планировать и регулировать сельскохозяйственное производство. Капитализм «организуется» и для этого проникает в сельское хозяйство в целях под'ема его производительности,—вот в чем старается убедить читателя Гр. Ратнер.

Читатель, вероятно, уже заметил во всей этой, с позволения сказать, теории хорошо известные партии мотивы об «организованности» современного капитализма. Эти мотивы, примененные Гр. Ратнером к земледелию, разумеется, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют.

Надо совершенно забыть марксизм, чтобы свести анализ финансового капитализма в земледелии к либеральным мечтам о «планировании» и «регулировании» и таким «оригинальным» способом преломить насквозь апологетическую теорию «организованного капитализма» к сельскому хозяйству. Подобного рода попытки всегда — и книга тов. Ратнера дает этому дополнительное доказательство — покупаются ценою искажения конкретной действительности, важнейшая черта которой заключается в углублении пропасти между деревней и городом, в обострении несоответствия между земледелием и промышленностью по мере дальнейшего развития капитализма. Эта сторона дела,—а в ней вся суть дела,—осталась забытой в рецензируемой книге. Автор не только не разрабатывает и не доказывает, но явно игнорирует одно из основных положений марксизма-ленинизма насчет того, что «капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью» [1]), насчет того, что «несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше» [2]) в эпоху монополистического капитализма.

Этим фундаментальным положениям марксизма тов. Ратнер противопоставляет свои теоретически беспомощные и бессодержательные разговоры о «планировании» и «регулировании», забывая при этом даже такое элементарное положение экономической теории, согласно которому прибыль направляет капитал, в том числе и финансовый капитал, в ту или другую отрасль производства, и что, следовательно, в стремлении к извлечению сверхприбыли надо в первую очередь искать экономическую причину проникновения финансового капитала в сельское хозяйство. Однако, Гр. Ратнер, вместо защиты отчетливых позиций марксистско-ленинской теории, предпочитает заниматься путанными упражнениями в прикрашивании тенденций современного капитализма в сельском хозяйстве. Неудивительно после этого, что картина развития капитализма в сельском хозяйстве современных капиталистических стран в изображении тов. Ратнера получила явно не соответствующий действительности и политически вредный характер.

Достаточно привести лишь некоторые факты, характеризующие современное состояние сельскохозяйственного производства и с.-х. производителей в передовых капиталистических странах, чтобы показать полнейшую несостоятельность «теории» Гр. Ратнера о «планировании» и «регулировании», о «поддержке» и «под'еме» сельского хозяйства финансовым капиталом.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, 1929 г., стр. 25.

[2]) Ленин, т. XIX, стр. 256.

Возьмем Соед. Штаты Америки. По данным за последние годы, цены на продукцию американского сельского хозяйства двигались в направлении прямо противоположном движению цен на промышленные изделия, в которых нуждается фермер. Если индекс цен на продукты сельского хозяйства достиг в 1927 г. по сравнению с 1914 г. 131, то за тот же период цены на промышленные изделия поднялись до 154, а налоги с фермера возросли в 2½ раза [1]).

> «Данные за последние 7 лет в некоторых частях штата Мичиган показывают, что налоги поглотили 90% чистого дохода фермеров. Другие сведения показывают, что налоги поглощают от одной трети до двух третей чистого дохода с фермы» [2]).

Такого рода «планирование» и «поддержка» с неизбежностью привели огромную часть американского фермерства в пасть финансово-капиталистической эксплоатации.

> «За два года число ферм, фактически перешедших в собственность банков, увеличилось почти на 50%» [3]).

Отсюда—обеднение фермерского населения и обусловленное обеднением относительное сужение внутреннего рынка.

Эта подлинная картина сельскохозяйственного развития под влиянием финансового капитала не содержит и тени «планирования» и «регулирования», «поддержки» и «под'ема», вокруг которых так настойчиво хлопочет Гр. Ратнер. Наоборот, здесь и слепой увидит обострение противоположности между промышленностью и земледелием и неимоверное возрастание гнета финансового капитала на основную массу сельскохозяйственных производителей.

Несмотря на эти более чем красноречивые факты, т. Ратнер в своей книге дает совершенно неудовлетворительный анализ конкретного классового содержания политики финансового капитала по отношению к сельскому хозяйству и конкретных классовых сдвигов, порождаемых проникновением финансового капитала в сельское хозяйство. Глухие и стыдливые замечания насчет того, что «финансовый капитал неспособен расширить сельскохозяйственное производство путем равномерного под'ема всех слоев деревни» (как будто он к этому стремится. *Н. М.)* и что «дальнейшее расслоение будет продолжаться» (стр. 56), нельзя признать достаточными.

Эти замечания недостаточны потому, что они скрывают своеобразие процессов экспроприации мелких земледельцев именно в условиях проникновения финансово-капиталистических тенденций в сельское хозяйство, когда эти процессы принимают катастрофический характер, сопряженный с катастрофическими последствиями для мелкого земледелия и с обострением противоречий между земледелием и промышленностью.

Ленин указывал, что

> «вопрос об экспроприации мелких земледельцев имеет громадную важность для понимания и оценки капитализма в земледелии вообще. И крайне характерно для современной, насквозь проникнутой буржуазными взглядами и предрассудками, политической экономии и статистики, что именно этот вопрос не разрабатывается почти совсем или разрабатывается наименее тщательно» [4]).

Автор «Социально-экономических основ» должен принять и на себя этот ленинский упрек, так как и его книга являет своего рода образец наименее тщательной разработки этого, первостепенной важности, вопроса. В этом нас окончательно убеждает следующее утверждение автора, в котором явственно сквозит оппортунистическая иллюзия насчет «непричастности» капиталистических государств к делу экспроприации мелкого земледелия.

---

[1]) «Эконом. Жизнь», от 19/II—30 г., ст. «Роль фермера в хоз. кризисе Соед. Штатов».

[2]) Там же.

[3]) «Сельскохоз. газета» от 13/XI—30, ст. Ф. Ушкалова.

[4]) Ленин, т. IX, стр. 257, изд. 1923 г.

> «Техническая реконструкция сельского хозяйства, — читаем мы на стр. 98, — на основе его укрупнения происходит и (?) в капиталистических государствах. Проходя стихийно, нередко развиваясь помимо сознания руководителей государства [1]), капиталистическая реконструкция связана с чудовищным обнищанием крестьянских низов, выбрасываемых на улицу городов без квалификации, без перспектив, без надежд».

Выходит, таким образом, что стремительное развитие процессов концентрации и централизации капиталов в земледелии осуществляется (нередко!) в противовес сознанию империалистических правительств. Кому нужны эти разговоры о «сознании», которое не хочет разорения крестьян? Ясно, что они нужны лишь людям, которые, вопреки капиталистической действительности, доказавшей непосредственную связь между политикой империалистических правительств (какую бы окраску они ни принимали) и интересами финансового капитала, пытаются замазать классовое содержание политики, проводимой государственными чиновниками империализма и тем самым оправдать их перед разоряемыми и угнетаемыми всей системой империализма мелкими производителями. В числе этих людей оказался и автор «Социально-экономических основ».

Не лучше у автора рецензируемой книги обстоит дело так же и в анализе сельскохозяйственного развития в СССР, особенно если брать в расчет современный характер и об'ем задач в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Излагая общую теорию преобразования сельского хозяйства, автор приходит к явно оппортунистическим заключениям, об'ективный смысл которых состоит в замазывании трудностей и противоречий социалистического строительства, в недооценке сил и опасности капиталистических тенденций в нашей экономике, в размагничивании бдительности партии и пролетариата в борьбе с капиталистическими элементами страны.

> «Преимущества крупного хозяйства, — пишет т. Ратнер, — сказались с полной бесспорностью. Они не оставляют никаких сомнений в том, что поскольку почва для развития помещичьего или капиталистического хозяйства отсутствует, развитие крупного хозяйства идет и будет итти по пути коллективизации крестьянского хозяйства и организации государственных хозяйств (совхозов)». (Стр. 39. Подчеркнуто мной *Н. М.*).

В другом месте, критикуя мелкобуржуазных теоретиков, «в свете современной практики», автор сам безнадежно увяз в «теории», которая «в свете современной практики» должна быть названа не иначе, как мелкобуржуазной.

> «Социальная (нельзя ли поточнее? *Н. М.*) революция, вырвавшая корни крупного нетрудовго (и здесь не вредна была бы марксистская, а не народническая терминология, смазывающая классовую природу хозяйства *Н. М.*) земледелия, сделала ненужной полемику о терминологии и о социальном содержании терминов «крупное» и «мелкое» хозяйство». (Стр. 48. Подчеркнуто мною. *Н М.)*.

Дело, разумеется, не в терминах, а в классовом содержании реальных процессов в развитии земледелия. Но автор предпочитает спрятаться в область терминологии и отсюда, так сказать, свысока, проповедывать свою антимарксистскую теорию, предлагающую игнорировать классовое содержание крупного хозяйства.

Оно, конечно, — всякому свое. Если принять, к примеру, точку зрения кулацкого хозяйства, то с этой точки зрения бесспорно ненужна и вредна «полемика» насчет социального содержания крупного хозяйства, ибо эта «полемика» со стороны пролетариата, борющегося за определенный, социалистический тип крупного хозяйства, закрывает путь для развития капиталистического крупного хозяйства. Но в том-то и дело, что эта точка зрения враждебна линии партии, враждебна марксистско-ленинской теории, требующей в первую голову точного определения классового содержания таких категорий, как «крупное» и «мелкое» хозяйство. Для нас далеко не безразлично: идет ли речь о *капиталистическом* или о *социалистическом* крупном хозяйстве, борьба между которыми предрешена, но еще не закончена. Вопросом жизни для пролетарской диктатуры является укрепление социалистического крупного хозяйства и уничтожение капиталистического, вместе с источниками, рождающими последнее.

---

[1]) Подчеркнуто мной. *Н. М.*

Поэтому мы склонны признать, что вышеприведенные утверждения Гр. Ратнера об уничтожении социальной революцией корней капиталистического земледелия есть открытая антиленинская проповедь насчет снятия с момента захвата власти пролетариатом проблемы классовой борьбы.

Верно, что пролетарская революция, уничтожив помещичье землевладение, уничтожила с корнем крепостнические отношения. Но совершенно безграмотно и политически вредно отождествлять уничтожение последних с уничтожением корней капитализма, с уничтожением *возможности* капиталистического развития в земледелии. Жизнь подтвердила предвидение Ленина и партии о неизбежности известного роста капиталистических элементов в деревне за годы нэпа на базе мелкого производства. Но какое дело Гр. Ратнеру до жизни! Он упрямо твердит одно: уже в 1917 году уничтожена почва для развития капитализма в земледелии и, следовательно, тогда уже был решен, ставший перед пролетариатом, великий исторический вопрос «кто кого». Конечно же отсюда следуют выводы о ненужности классовой борьбы пролетариата за *социалистическую* переделку деревни, о ненужности наступления пролетариата на капитализм, ибо никакого капитализма в деревне нет и не предвидится, ибо бороться не с кем, ибо, в силу этого, крестьянство само собою *автоматически* придет к социализму.

Предисловие к книге датировано 14 июля 1929 года. К этому времени были опубликованы, важнейшие партийные документы, отчетливо выясняющие точку зрения партии по данному вопросу, точку зрения, заведомо исключающую те взгляды, которые пропагандируются в «Социально-экономических основах».

Так, например, в речи т. Сталина от *19 октября 1928 г.* мы читаем:

> «Существуют ли у нас, в нашей советской стране, условия, делающие *возможным* восстановление (реставрацию) капитализма. Да, существуют. Это, может быть, покажется странным, но это — факт, товарищи. Мы свергли капитализм, установили диктатуру пролетариата и развиваем усиленным темпом нашу социалистическую промышленность, смыкая с ней крестьянское хозяйство. *Но мы еще не вырвали корней капитализма*[1]). Где же они, эти самые корни, гнездятся? Они гнездятся в товарном производстве, в мелком производстве города и особенно деревни».

Однако, — говорит далее т. Сталин, —

> «Кроме возможности восстановления капитализма существует еще у нас *возможность победы социализма*, ибо мы *можем* уничтожить *возможность* восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом, *если* поведем усиленную работу по электрификации страны, *если* под промышленность, сельское хозяйство и транспорт подведем техническую базу современной крупной промышленности. Из этого и вытекает *возможность* победы социализма в нашей стране»[2]).

Последнего не могли понять и не поняли троцкисты, против которых в настоящее время с особенной силой выступила сама жизнь, — колоссальным ростом коллективизации беднейшего и среднего крестьянства на базе индустриализации, коренным поворотом деревни к социализму, неотразимо доказавшая, что средства и силы к *преодолению*, к *ликвидации* возможности восстановления капитализма не только имеются налицо, но что эти средства и силы обнаруживают явный перевес, что пролетариат, в *союзе* с основными массами крестьянства, со все большей энергией развивает эти средства и силы и таким образом непосредственно осуществляет выкорчевание *корней* капитализма. Жизнь—вопреки троцкизму,—доказала, что, благодаря правильной политике партии, крестьянин-*труженик* берет перевес над крестьянином *собственником*.

Справедливость требует, однако, сказать, что в других местах книги автор признает, «что в нашей деревне имеется возможность капиталистического развития; мелко-капиталистическая группа (кулаки), несколько усилившаяся в период нэпа, стремится стать проводником культурно-технических начинаний в деревне на основе эксплоатации» (стр. 99).

Но такова уж участь всякого кто, с одной стороны, не может не признаться в своем согласии с курсом партии, а, с другой стороны, не может не сознаться в наличии у него особой, отличной от курса партии, точки зрения.

А что у тов. Ратнера эта особая, антиленинская, точка зрения есть, явствует также из развиваемой им теории «самотека» в социалистическом строительстве сельского хозяйства, теории, решительно раскритикованной тов. Сталиным на конференции аграрников-марксистов.

Тов. Ратнер пишет:

> «Стихийная тяга крестьянских масс к *под'ему своего хозяйства* приводит *об'ективно* к построению коллективного крупного хозяйства».
>
> «Неизбежность развития крупного земледелия вытекает из всей экономики сельского хозяйства. Она выявилась с полной отчетливостью в капиталистических странах. Опыт СССР также (? *Н. М.*) показал, что для под'ема сельского хозяйства *нет другого пути*, кроме коллективизации мелких крестьянских хозяйств» (стр. 48. Подчеркнуто мною. *Н. М.*).

Здесь ошибок почти столько, сколько фраз.

Во-первых, неверно, что для развития сельского хозяйства существует только один путь, путь коллективизации; существуют два пути: капиталистический и социалистический.

Замазывание т. Ратнером возможности капиталистического пути в развитии сельского хозяйства политически означает усыпление бдительности пролетариата в борьбе за социалистический путь в развитии сельского хозяйства.

Во-вторых, неверно, что крестьянские массы «самотеком» «об'ективно» придут к построению крупного коллективного хозяйства. Без руководящей, *определяющей* роли пролетариата, опирающегося на крупную промышленность, крестьянское производство не может быть социалистически преобразовано, кооперировано, обобществлено. В этом вопросе т. Ратнер явно страдает струвианским об'ективизмом, современный политический смысл которого состоит в отрицании необходимости *активной* работы партии и пролетариата над организацией бедноты и середняков для проведения массовой коллективизации и для ликвидации, в связи с этим, кулачества как класса.

В-третьих, т. Ратнер искажает причину тяги крестьянских масс в колхозы; об'ясняя ее стремлением крестьянства к под'ему *своего* хозяйства, он тем самым принижает социальное содержание и крупнейшее историческое значение массовой коллективизации крестьянского производства. В действительности смысл колхозного движения именно и заключается в ликвидации «*своего*» *карликового* хозяйства и в создании взамен его *крупного коллективного* хозяйства. В действительности тяга крестьянства в колхозы есть массовая тяга к крупному коллективному производству, кладущему предел нищенскому, забитому существованию основных масс крестьянства и закрывающему путь для капиталистического развития сельского хозяйства. Эта тяга, принявшая теперь характер коренного перелома в отношении деревни к социализму, является следствием правильного и твердо проводимого курса партии, сумевшей *убедить* крестьянство опытом строительства крупных обобществленных хозяйств в преимуществах колхозов перед индивидуальным хозяйством и опиравшейся при этом на созданные за весь прошлый период материальные ресурсы и прежде всего на индустрию. Только, имея под ногами этот прочный, созданный всей предшествовавшей работой, фундамент, партия, опираясь на основные массы крестьянства, смогла совершить один из решающих поворотов в своей политике, «поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике—ликвидации кулачества как класса 1), поворот, обеспечивающий выкорчевание корней капитализма и действительное разрешение проблемы «кто кого» в борьбе с силами русского капитализма.

---

[1]) Разрядка моя. *Н. М.*

[2]) Сталин, «Вопросы ленинизма», Гиз 1929 г., стр. 544—545.

Сказанного вполне достаточно для оценки книги в решающих пунктах. Теоретические позици автора книги, как показано выше, являются искажением марксизма. Его обобщения насчет сельскохозяйственного развития в странах финансового капитала вступают в конфликт с учением Ленина об аграрных отношениях при капитализме. Наконец, его исходные положения в оценке развития и в освещении проблем коллективизации сельского хозяйства в СССР идут вразрез с партийным курсом.

Н. МЕЛЬБАРД.

ПОПРАВКА:

В передовой статье № 3—4 «Большевика» от 28/II на странице 9 напечатан по ошибке абзац статьи о культурной революции и антирелигиозной пропаганде, начинающийся словами: «Все лозунги партии» и кончающийся словами: «Освобождение от векового религиозного обмана».

Этот абзац ошибочно напечатан вместо следующего исправленного текста статьи:

«Все лозунги партии последнего времени, воспринятые рабочими массами, привели к сегодняшнему под'ему. Не последнюю роль сыграла в этом культурная революция в массах, которая произошла и происходит за эти годы. Значительно продвинулась ликвидация неграмотности; несомненно, имела свое значение и антирелигиозная пропаганда. Идет глубокая ломка быта, рабочие создают безрелигиозный быт. Введение непрерывки здесь сыграло определенную роль. Именно благодаря массовости этого антирелигиозного движения снизу, мы видим огромное влияние его на деревню. Движение это стало подлинным массовым движением, захватывая самих крестьян, оно идет теперь снизов. Надо углубить этот переход от религиозности к безрелигиозному быту, помогая выработке глубоко атеистического, материалистического мировоззрения».

После этого абзаца в передовой статье пропущен абзац, опубликованный нами в виде поправки в «Правде» от 19/III—30 г.

«Само собой разумеется, что партийные организации попрежнему должны самым решительным образом бороться против перегибов в этой области, против подмены серьезной научно-поставленной антирелегиозной пропаганды административными мероприятиями, против подмены ясно выраженного желания масс решением той или иной отдельной организации, против выпячивания этого вопроса на первый план в работе. Партийные организации должны самым внимательным образом следить за тем, чтобы антирелегиозное движение не стало самоцелью, самодовлеющей задачей,—антирелигиозная пропаганда должна быть целиком и полностью подчинена задачам классовой борьбы и социалистического строительства. А это значит, что недопустимо раскалывать колхозное движение в том или ином селе, в том или ином районе из-за обострения борьбы по вопросу о закрытии церкви или снятия колокола. Это значит, что вообще нельзя обострять отношения с трудовыми массами населения из-за такого вопроса. Это значит, что надо иметь терпение работать над тем, чтобы то или иное решение в этой области было действительно решением самих трудовых масс города и деревни».

Редакция журнала «БОЛЬШЕВИК».

---

1) Сталин, «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса».

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54711. Тираж 164.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

БОЛЬШЕВИК

№ 6 31 МАРТА № 6

1930
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 35/36

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ: Луначарский, А. Фриче-искусствовед. Переверзев, В. Литературоведческие идеи В. М. Фриче. Нусинов, И. Жизненный путь В. М. Фриче. [illegible] Ф. Социология Вормса. (Теория общества Р. Вормса в свете современной социологии). Рудин, В. Механическая и диалектическая теория причинности. (Теория причинности т. Бухарина). Дмитриев, Г. Логика Гегеля и логика марксизма. Брушлинский, В. О категории меры у Гегеля. Михалевский, Ф. О кредитных связях в реальном капитализме и в хозяйстве СССР. Атлас, З. Денежный рынок в противоречиях банковского кредита. Корнилов, К. и Франкфурт, Ю. Объективное или марксистское направление в психологии. Михайлов, А. О [illegible] в [illegible] отношениях. ДОКЛАДЫ В КОМАКАДЕМИИ. Кривцов, С. и Разумовский, И. Критика теоретических основ бухаринской концепции исторического материализма. Прения по докладам. Речь Подволоцкого, И. Дискуссия об организованном капитализме. Штейнберг, Ф. Империализм в кризисе. [illegible], А. Новый метод в биологии. [illegible] История и современность. Хайдар, В. Национальные взаимоотношения в Палестине и английский империализм. [illegible], М. Социалистический способ [illegible] и социалистический тип жилья. Рейх. Психоанализ как естественно-научная дисциплина. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ «ВКА»

В связи с реорганизацией с 1930 г. журнала «ВКА», согласно постановлению Президиума Ком. Академии, в орган, освещающий вопросы организации научной работы в СССР, вопросы подготовки научных кадров, вопросы о работе Ком. Академии и марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, № 1 (37) «ВКА» [illegible] [illegible] и выйдет из печати в апреле.

ПОДПИСКА на 1930 год ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год (6 книг)—14 руб., на ½ года (3 книги)—7 р. 50 к.

ПОДПИСКУ и ПЕРЕВОДЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: Москва, ГСП, 10, Волхонка, 14, из-во КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

В АПРЕЛЕ ВЫХОДЯТ:

№ 1 НОВОГО ежемесячного журнала № 1 СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СССР и КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Ахундова Рухуллы, Диманштейна С. М., Доссова А. И., Енукидзе А. С., Кагановича Л. М., Покровского М. Н., Скрыпника Н. А., Стеклова Ю. М., Таджиева А., Хацкевича А. И., Эстрина А. Я.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

До конца года за 9 №№ . . . —5 руб.

№ 1 НОВОГО трехмесячного сборника № 1 ИНСТИТ. ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

ИСТОРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

П. О. Горина, Е. И. Кривошеиной, Ю. К. Милонова, В. В. Максакова, В. И. Невского, М. Н. Покровского, А. Н. Панкратовой (ответ. ред.), С. А. Пионтковского и И. А. Татарова.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 год—(4 сборника) . . . 10 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Издательством Коммунистической Академии, Москва, ГСП, 10, Волхонка, 14. Повсеместно уполномоченными Издательства, снабженными соответствующими удостоверениями.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-99

№ 6 — 31 МАРТА — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая На два фронта. **Милютин, В.** Основные проблемы сплошной коллективизации (стр. 7). **Ангаров, А.** Сельсовет и ликвидация кулачества как класса (стр. 18). **Никулихин, Я.** К вопросу о соединении промышленности с сельским хозяйством (стр. 30). **Фурщик, М.** О либеральном и марксистском понимании этики (стр. 47). **Майзель, Б.** Пресса империализма о пятилетке СССР (стр. 69). **Ужанский, С.** За автомобилизацию сельского хозяйства СССР (стр. 85). **Ферра, А.** К проблемам французской компартии. (стр. 97). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. **Козлов, Ф.** Переписка Маркса и Энгельса (стр 110). КОНСУЛЬТАЦИЯ. **Кюн, Ф.** Германская социал-демократия и пролетарская революция (стр. 123).

На два фронта.

Вся история нашей партии — история борьбы на два фронта: борьбы против откровенного, ничем не прикрытого правого оппортунизма и борьбы против «левого» оппортунизма героев псевдореволюционной фразы, против мелкобуржуазной революционной истеричности. В этой борьбе на два фронта складывалась и закалялась большевистская партия, партия революционного пролетариата, партия Ленина. В этой борьбе на два фронта—упорной, систематической и непримиримой—завоевывала и воспитывала партия рабочий класс в целом. В этой борьбе на два фронта пришла партия к победе Октябрьской революции. И в этой борьбе на два фронта — против мелкобуржуазного революционного авантюризма и против правооппортунистических шатаний—партия добилась величайших успехов в деле социалистического строительства.

Борьба на два фронта — упорная и последовательная — красной нитью проходит через всю историю партии, никогда не теряя своей актуальности, своей злободневности, своего значения в деле осуществления и проведения большевистской политики.

Лозунг борьбы на два фронта отнюдь не исключал, однако, а даже более того, предполагал в каждый данный момент, в зависимости от того или иного соотношения классовых сил, заострения и усиления ударов на одном или другом участке внутрипартийной борьбы. В каждый данный момент та или другая разновидность оппортунизма — откровенно-оппортунистического типа или оппортунизма, прикрывающегося «доотказу» «левой» фразеологией—становилась наиболее вредной, наиболее опасной. И именно на преодолении этой опасности, главной опасности в данный момент, не теряя из виду борьбы на два фронта, сосредоточивала партия решающий удар против оппортунизма.

Именно такой главной опасностью являлся в свое время троцкизм, выродившийся впоследствии в контрреволюционное, антисоветское течение. Именно такой главной опасностью в настоящее время является правый, откровенно-опортунистический уклон, уходящий своими корнями и питающийся идеологией кулачества.

Не преодолев, не разгромив троцкизм, не показав его антисередняцкой, авантюристической сущности, партия не могла бы разрешить задачу укрепления союза рабочего класса с середняком. Мелкобуржуазный революционный авантюризм не желал «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», не желал в упорной, тяжелой и трудной борьбе завоевывать и создавать необходимые условия и предпосылки для переделки индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство коллективизированное и, тем самым, толкал партию на такую политику, которая неизбежно влекла за собой разрыв союза рабочего класса с середняцкими массами крестьянства. Именно поэтому троцкизм и являлся главной опасностью на том этапе развития нашей революции. Антиреволюционность троцкизма выражалась в его антисередняцкой концепции, в отрицании им возможности прочного союза рабочего класса с середняком, больше того, в признании неизбежности столкновения с основными массами крестьянства, и в утверждении невозможности победного строительства социализма в СССР. На этом этапе развития троцкизм являлся главной опасностью, главной угрозой в деле успешного разрешения задач социалистического строительства и вся партия именно на преодолении и разгроме троцкизма сосредоточила основной огонь. «Разгром троцкизма и закрепление союза с середняком были важнейшими предпосылками успешного развертывания социалистического строительства» (Молотов).

Но уже в период борьбы партии с троцкизмом, все явственнее вырисовывался и оформлялся уклон откровенно-оппортунистического типа. Дерясь против троцкизма на стороне партии, правооппортунические элементы занимали свою, отличную от партии позицию и в этом отношении являлись партийными попутчиками. Разоблачая антисередняцкую сущность троцкизма, разоблачая мелкобуржуазный авантюристический революционаризм троцкизма, не понимавшего необходимости «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», правооппортунистические элементы внутри партии не понимали преходящего характера этой политики. Величайший тактический маневр, задачей которого являлось создать крупную социалистическую промышленность, способную реорганизовать земледелие, а до тех пор «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином»,—они приняли за «эволюцию» партии, за отказ партии, по крайней мере в обозримый период, от переделки крестьянского хозяйства, его коллективизации. Здесь корни правооппортунистического утверждения, что лозунг ужиться с середняком не может быть снят «никем и никогда». Тем самым фигура мелкого крестьянина, само существование мелкого крестьянина именно как мелкого крестьянина утверждалось неизменным на неопределенно-длительный срок. Основная же задача этого тактического маневра: создать крупную социалистическую промышленность, способную реорганизовать земледелие, превратить мелкого крестьянина в коллективизированного производителя — оказалась вне поля зрения правооппортунистических элементов партии.

Отсюда понятен тот факт, что оппортунистическая сущность этих попутчиков партии в борьбе с троцкизмом с особенной резкостью выявилась именно тогда, когда на базе растущей и крепнущей социалистической индустрии мы вступили в этап социалистической реконструкции сельского хозяйства и решительного наступления на капиталистические элементы деревни, что не могло не повлечь за собой усиления колебаний середняцких масс крестьянства. Верные своей оппортунистической сущности, эти «крестьянские философы» оказались решительно неспособны понять происходящих процессов. И в борьбе партии за переделку индивидуального крестьянского хозяйства, за коллективизацию, в борьбе партии с сторонниками незыблемости мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, — они выступили не на стороне партии, а против партии, против коллективизации, взяв курс на незыблемость мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, взяв курс на развязывание капиталистических отношений. Не разоблачив до конца истинной сущности этих «крестьянских философов», не показав антиреволюционного характера всех их взглядов, не вскрыв их идеологии, враждебной ленинизму, нельзя было мобилизовать рабочий класс на разрешение задач социалистической реконструкции сельского хозяйства, нельзя было организовать бедноту вокруг коллективизации, нельзя было преодолевать колебания самого середняцкого крестьянства, и, тем более, нельзя было перейти к ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Капитуляция правых на ноябрьском пленуме ЦК отнюдь не означала и не означает, что правая опасность, опасность откровенно-оппортунистического уклона, перестала быть главной опасностью. В период ломки старого общественно-экономического уклада деревни, в период выкорчевывания корней капитализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства, в период широкой коллективизации бедняцко-середняцких масс крестьянства и ликвидации кулачества как класса,—неизбежны будут и попытки правооппортунистических элементов внутри партии, с той или иной степенью резкости, противопоставлять свою политику — политике партии, неизбежны будут попытки задержать, затормозить, повернуть вспять поступательный ход развития нашей революции. А это все означает, что правый уклон, опасность правооппортунистических шатаний остается главной опасностью. И с этой точки зрения величайшей политической ошибкой было бы думать, что борьбу с правооппортунистическими элементами внутри партии можно рассматривать как пройденный этап, передав его в архив истории. Возросшее сопротивление кулачества и неизбежные на определенных этапах дальнейшего развития нашей революции колебания в настроениях мелкособственнической стихии неизбежно будут питать и проявления, с той или иной силой резкости, правооппортунистических шатаний внутри партии.

Но именно в этот же период—перелома в настроении середняцких масс крестьянства, их решительного поворота к коллективным формам земледелия, неслыханно высоких темпов нашего индустриального развития и общих успехов дела социалистического строительства,—со всей резкостью встает опасность «лево»-оппортунистических загибов и заскоков, оппортунистических извращений троцкистского типа. Успехи опьяняют, кружат голову и рождают авантюристического характера попытки перескочить через необходимые этапы развития, попытки декретировать, административным путем разрешить то, что может быть разрешено только в порядке соблюдения необходимых посредствующих звеньев. Эта опасность головокружения от успехов была прекрасно показана в статье тов. Сталина. Наши успехи, — писал тов. Сталин, — «имеют и свою теневую сторону, особенно когда они достаются сравнительно «легко», в порядке, так сказать, «неожиданности». Такие успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: «Мы все можем!», «нам все нипочем!». Они, эти успехи, нередко пьянят людей, при чем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристические попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства».

Эту потерю чувства меры, эту потерю способности понимать действительность, эту переоценку своих сил и недооценку сил противника, эти авантюристические попытки «в два счета» разрешить сложнейшие вопросы социалистического строительства—мы могли наблюдать в разных формах и разных проявлениях. Сюда относятся и те перегибы, которые были допущены в ряде мест в области коллективизации, сюда относится и предложение о ликвидации советов в районах сплошной коллективизации, сюда относятся и попытки административного запрещения рынков, сюда же, наконец, относятся и утверждения о том, что у нас уже «сплошное социалистическое плато» и что ленинский вопрос: «кто — кого?», таким образом — снят. «Лево»-оппортунистический, — троцкистского типа характер подобного рода «уклонов» — не подлежит сомнению. В самом деле, что означают эти перегибы в области коллективизации, попытки «смаху» и обязательно «сплошь» перевести индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства в «коммуну» с обобществлением не только средств производства — инвентаря и рабочего скота, но и всего имущества этих хозяйств? Эти перегибы усиливают колебания середняцких масс крестьянства, не привлекают, а отталкивают их от колхозных форм хозяйствования, дискредитируют идею колхозного строительства, неизмеримо усложняют и затрудняют дело социалистического переустройства сельского хозяйства, портят отношения рабочего класса с середняцкими массами крестьянства и угрожают, благодаря этой политике «лево»-оппортунистического головотяпства и авантюристической псевдореволюционности, самому союзу рабочего класса с крестьянством. В новых формах, новой обстановке и новых условиях эти «лево»-оппортунистические заскоки повторяют ошибки, по сути дела, троцкистского типа.

Такой же характер имеют и предложения о ликвидации советов в районах сплошной коллективизации и утверждение о якобы уже достигнутом превращении нашей переходной экономики в сплошное социалистическое плато и утверждение, что вопрос: «кто — кого?» уже снят и т. п. Что лежит в основе всех этих рассуждений и утверждений? Что обще им всем и что их роднит между собой?—Истеричность мелкобуржуазного авантюристического революционаризма, однотипного троцкистской псевдореволюционности, потеря чувства меры и реальной действительности, перескакивание через середняцкие массы крестьянства, перескакивание через этап обостренной классовой борьбы за переделку индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянства, перескакивание через этап ликвидации кулачества как класса.

Нет сомнения, что такой «прыжок» через середняка, столь характерный для всей идеологии троцкизма, чреват самыми серьезными последствиями для союза рабочего класса с середняцкими массами крестьянства, угрожая разрывом его. Это особенно должны помнить те, кто думает, что оппортунизмом является только «отставание» от движения вперед, «отставание» от хода развития революции, но никак не забегание вперед. «Лучше забежать вперед, чем отстать» — таков лозунг современных политических Митрофанушек, искренне верящих в свою политическую мудрость и дальнозоркость.

Но «ничто не ново под луной». И эта своеобразная политика «дальнего прицела», когда упорно забывают стоящие в порядке дня социалистического строительства «очередные» задачи, удивительно напоминает все ту же «мудрость» троцкистского «гения». «Такое перепрыгивание через этап обостренной классовой борьбы, каким является настоящий период, — говорил т. Молотов, — является одним из ярких примеров оппортунистического смазывания классовых задач пролетариата под флагом «левых» фраз и потому несовместимо с ленинизмом. Борьба с такой «левизной», на деле представляющей разновидность оппортунизма, является нашей большевистской обязанностью. Без борьбы с такой «левизной» не может быть серьезной борьбы с правым оппортунизмом». Ибо своей авантюристской политикой эта своеобразная «фракция» «громче всех крикунов» льет воду на мельницу откровено-правого оппортунизма. Весьма характерно, что мелкобуржуазная сущность правых оппортунистов кое-где и кое у кого находит свое выражение в «лево» - оппортунистических перегибах и «теорийках». И не случайно, что перегибы в деле коллективизации кое-где были делом кулачества, пытавшегося «с этого конца» вести свою разрушительную работу против коллективизации, «с этого конца» дискредитировать идею колхозного строительства, «с этого конца» подрывать союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства. Вот почему в постановлении ЦК партии («Правда» от 15 марта) говорится, что «все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». «Основным тормозом»—это должны запомнить все те, кто до сих пор не разобрался и не понял своеобразия, переживаемого нами этапа. «Основным тормозом» — это должно быть ясно и до конца усвоено всеми теми, кто до сих пор не может понять, что, не устранив того, что является «основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения», мы не сумеем преодолеть и то право-оппортунистическое торможение, которое вызывается действием «лево» - оппортунистических тормозов.

Только в упорной и систематической борьбе на два фронта можно бороться за линию партии, за ленинскую политику. Ибо оба уклона от этой линии, от этой политики питают друг друга, ибо оба уклона от этой линии ведут к реставрации капитализма и преодоление каждого из них немыслимо без энергичной, решительной и последовательно проводимой борьбы на два фронта.

«Искусство руководства есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отставать — значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед— значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — и против отстающих и против забегающих вперед» (Сталин).

Со всей силой и энергией должна вестись борьба как против «левого» оппортунизма, так и оппортунизма правого, остающегося главной опасностью в деле социалистического строительства. И с особенной резкостью должна проводиться борьба против попыток правооппортунистических элементов представить борьбу партии с перегибами, как отступление от проводимой партией политики социалистического переустройства сельского хозяйства. Борьба с перегибами не отступление, как это клеветнически утверждают правые оппортунисты, а условие развертывающегося наступления партии на капитализм, условие успешного развертывания дела социалистического переустройства сельского хозяйства и выкорчевывания корней капитализма.

В. Милютин.

Основные проблемы сплошной коллективизации.

1929—30 год является годом решительной победы социалистических форм в деревне, когда двинулась мощным потоком вся основная масса многомиллионного крестьянства по пути величайшей, невиданной в истории перестройки, ломая, разбивая и круша старые, отжившие формы хозяйства и быта, творя новую, коллективную организацию. Под руководством рабочего класса крестьянские массы бедняков и середняков отказываются от частной собственности на средства производства и создают коллективные хозяйства на новой экономической основе. Крупное, обобществленное сельское хозяйство об'единяет землю в общие посевы, об'единяет скот, организует новую технику сельского хозяйства.

Сплошная коллективизация это — новая страница нашей истории, героическая страница социалистической победы над отсталой, глубоко уходящей в прошлое областью нашей общественной жизни. И недаром этот сдвиг породил отчаяние, наполнил страхом сердца врагов и заставил их во всем мире поднять бешеный вой против нашего социалистического строительства. Сначала они полагали, что наша пятилетка, наша реконструкция народного хозяйства и, в особенности, сельского хозяйства, только план, который мы не сумеем осуществить в действительности. Но уже два последних года в корне разбили их надежды. Мы не только достигаем выполнения наших планов, но и перевыполняем их.

Пятилетка буквально стала одним из основных пунктов, на котором сосредоточивают свое внимание буржуазные экономисты. С каждым разом им приходится признавать неправильность своих первых подходов и констатировать несомненные успехи реализации пятилетнего плана народного хозяйства СССР.

Чтобы видеть, какой размах получила коллективизация, достаточно привести несколько цифр и сопоставлений. За 1928 и 1929 гг. данные ЦСУ (без Туркменистана, Казакстана, Якутии), за 1930 г. данные, опубликованные в «Правде» за 2-е-III с. г.

Годы.	Количество крестьянских хозяйств в колхозах		Посевная площадь.
	в абсол.цифрах.	в %%	
1928 г. 1/VI	402 тыс.	1,6	1,3 млн. га.
1929 г. 1/V	873 „	3.9	4,2 „ „
1930 г. на 20/II . . .	14 млн.	56	82,6 „ „ пашни

Таковы успехи начала 1930 года, но это не исключает колебаний количественных размеров коллективизации: известного процента выходов из колхозов.

Конечно, в рамках сплошной коллективизации будет немало остатков прошлого, немало противоречий. Было бы, конечно, полной, ни на чем необоснованной наивностью полагать, что социалистический строй будет нам дан сразу в готовом виде. Это было бы не только наивностью, но и непониманием дела. Конечно, колхоз не является предприятием последовательно-социалистического типа, как, например, завод или фабрика, или же как такое государственное предприятие, как совхоз. В колхозе, особенно в артели и в товариществе по общественной обработке земли, сохраняется еще частная собственность на некоторые, хотя бы и второстепенные средства производства. Но все это не должно закрывать одного величайшего значения факта, что коллективы, несмотря на свои несовершенства, представляют социалистическую форму хозяйства, т.-е. форму, содержанием которой является обобществление средств производства. И не правы те товарищи, которые не отдают себе ясного отчета в этом факте и путают при определении роли и значения коллективизации как социалистической формы хозяйства. Этим самым они волей-неволей будут сбиваться и сбиваются с правильного пути политики колхозного строительства.

Проведение сплошной коллективизации влечет за собой огромные новые сдвиги как в нашей экномике, так и в политике. Прежде всего — проведением сплошной коллективизации наносится решающий удар не только остаткам капитализма в деревне в виде кулацкой ее верхушки, но, главное, той основе, той базе, которая питала капиталистическую верхушку деревни, порождала капиталистические элементы деревни. Наносится решающий удар по капиталистической тенденции развития сельского хозяйства, и сельское хозяйство переводится на новые рельсы развития крупных обобществленных форм, иными словами, социалистических форм хозяйства.

Напомним еще раз глубокие слова Ленина, сказанные им в 1920 г.:

> «Каждый внимательно наблюдавший за жизнью в деревне знает, в сравнении с жизнью города, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство,—перевести хозяйство страны и в том числе и земледелие на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства» (Ленин, «Речь на VIII с'езде советов»).

Перевести хозяйство, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на базу современного крупного хозяйства — вот что рекомендовал Ленин для того, чтобы вырвать корни капитализма и подорвать базу внутреннего врага.

Индустриализация страны и сплошная коллективизация являются свидетельством того, что эта программа Ленина выполняется и ведет именно к тем результатам, какие он предвидел. Мы вырываем корни капитализма и уничтожаем базу внутреннего врага, сумев двинуть всю основную крестьянскую массу на переход к крупному обобществленному хозяйству.

Нам уже пришлось сталкиваться с ошибочными мнениями некоторых товарищей, упускающих из виду, что по этому пути социалистического строительства мы шли и идем со всей основной многомиллионной массой крестьянства. Некоторые наши теоретики представляли весь процесс механически: индустриализация дала технику, соответствующими партийными и советскими инстанциями было принято решение и коллективизация произошла. Незачем закрывать глаза на то, что именно благодаря таким подходам мы зачастую на местах наблюдаем картину голого административного подхода к проведению коллективизации, когда распоряжениями заменяют тот огромной важности организационный процесс коллективизации, какой должен быть проводим. Такой упрощенский подход безусловно вреден, на основе его рождается спешка, торопливость, которые не помогают, а мешают делу коллективизации.

Достижение наше заключается именно в том, что сама основная масса крестьянства, бедняцкая и середняцкая, осознала преимущества крупного обобществленного сельского хозяйства на практике, что на это не только влияла словесная агитация, а влияла агитация практикой дела. Именно — факт более высокой производительности в колхозах, факт лучшего использования техники, определенных хозяйственных достижений, повел к тому, что крестьянство убедилось в преимуществах крупного обобществленного сельского хозяйства и двинулось по этому пути, об'единяя свое хозяйство, обобществляя средства производства. Эта, как писали некоторые газеты, «агитация показом» сыграла решающую роль в сдвиге всей основной массы крестьянства на путь коллективизации. Непонимание этого есть непонимание процесса коллективного строительства. В этом именно ценен тот подход, который проявляет крестьянство, когда посылает ходоков знакомиться с достижениями колхозов и совхозов и тогда только переходит к строительству колхозов.

Проведение коллективизации требует тщательной продуманности и подготовки. Наскоком, нажимом, поспешностью можно лишь дискредитировать это дело, а не укрепить его. Особенно это относится к проведению основы строительства колхозов: обобществления средств производства.

Обобществление средств производства.

Обобществление средств производства является основой строительства колхозов. Уже национализация земли, т.-е. отмена раз навсегда частной собственности на землю и установление на нее исключительно государственной собственности СССР, обеспечила возможность социалистического строительства в сельском хозяйстве, обеспечила возможность, таким образом, организовать землепользование и землеустройство, чтобы добиться под'ема сельского хозяйства всей основной массы крестьянства — бедняков и середняков. Национализация земли в условиях диктатуры пролетариата создает предпосылки для социалистического строительства.

Тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов правильно подчеркнул, что именно потому,

> «что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчить перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхоза. Вот где,—говорит он,—одна из причин того, что крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удается так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое превосходство перед мелким крестьянским хозяйством. Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту и установивших национализацию земли».

Национализация земли позволяет переходить к обобществлению посевов, к соединению землепользованием огромной территории. Достаточно сказать, что в настоящее время оптимальный размер колхоза, так же как и совхоза, выражается примерно в 50 тыс. гектаров.

Но действительный переход к крупному обобществленному хозяйству начинается именно с момента обобществления средств производства, живого и мертвого инвентаря, построек и т. п. Действительную коллекти-

визацию, действительный переход к формам крупного обобществленного сельского хозяйства мы должны оценивать прежде всего по степени обобществления средств производства. Основные средства колхозов, как известно, слагаются из так называемых неделимых средств, т.-е. таких, которые не могут быть ни в коей части выделяемы крестьянину, желающему выйти из состава колхоза, остаются неделимой собственностью последнего, и той части средств колхоза, которая находится в распоряжении колхоза, но при выходе колхозника из колхоза должна быть ему возвращена; наконец, некоторая часть остается в распоряжении самого члена колхоза. Не подлежит сомнению, что процесс укрепления и улучшения колхозного строительства будет вести *ко все большему и большему росту неделимых капиталов.* Именно вследствие этого колхозы получат большую устойчивость и будут располагать необходимыми средствами.

Обобществление средств колхоза создается путем передачи ему средств производства лицами, вступающими в колхоз. И не только в коммунах, но и в сел.-хоз. артелях обобществлению подлежит не только весь рабочий скот, сел.-хоз. инвентарь, но и весь товарный продуктивный скот, все семенные запасы, кормовые средства, необходимые для содержания обобществленного скота, предприятия по переработке с.-х. продуктов, с.-х. постройки, необходимые для ведения хозяйства колхоза.

Обобществление есть отказ от частной собственности на средства производства. Крестьянство, строя колхозы, передает им средства производства, организует их совместное использование, убедившись на практике в том, что этот путь дает лучшие результаты и больший производственный эффект, чем в тех случаях, когда эти средства производства находятся в индивидуальном пользовании.

Именно поэтому огромное значение приобретает в колхозах такая организация проведения обобществления средств производства и использование средств производства, которая бы действительно на практике, на деле показала крестьянству *те преимущества,* которые от этого проистекают.

Это обстоятельство ни в коем случае нельзя упускать из виду. Когда некоторые товарищи полагают, что коллективизацию можно ввести только путем снабжения колхозов тракторами и сложными машинами, проведением электрификации и т. п., они совершают крупнейшую и экономическую и политическую ошибку.

Никто, конечно, не может отрицать исключительно важной роли в деле проведения коллективизации, какую играло снабжение сельского хозяйства сложными машинами, в особенности, тракторами. Но не нужно забывать, что до сих пор даже тракторами снабжено меньшинство колхозов. Вследствие этого решающее значение при проведении коллективизации имеет освоение тех средств производства, какими владеет крестьянство. С другой стороны, не нужно забывать, что укрепление производственной и вообще хозяйственной базы колхоза может строиться главным образом *на изыскании собственных средств самих колхозников.* Поэтому проведение плановым путем, организованным путем обобществления средств производства имеет первенствующее значение.

Статистические данные последнего времени показывают, что рабочий скот на 1/II-1930 года был обобществлен в целом по Союзу на 55%, по некоторым районам процент обобществления значительно выше (Ивановская область — 78%, Сев.-Кавказский край — 77%), по отдельным же районам (как, напр., Ленинградская область, Крым, Нижегородский край) процент обобществления скота колеблется от 25 до 37%.

Обобществление с.-х. машин и орудий точно так же значительно колеблется по отдельным районам.

При проведении обобществления, однако, крайне опасны всякого рода перегибы и неправильности. Ошибки при проведении обобществления тем более опасны, что они касаются именно самой основы коллективизации. *Эти ошибки, имеющиеся на практике, могут быть об'единены в двоякого рода группы:* во-первых, такое расширение обобществления, какое не вызывается действительными производственными интересами коллективизации, и, во-вторых, такое проведение обобществления, какое извращает его формы.

В своей статье «Головокружение от успехов» (см. «Правду» от 2/III-30 года) тов. Сталин остановился на тех ошибках, перегибах и неправильностях, какие связаны с проведением обобществления.

К проведению обобществления необходимо подходить с точки зрения производственных интересов коллективизации, необходимо подходить с точки зрения поднятия *товарности* коллективного хозяйства. А это требует не разбазариваться, не гнаться за мелочами, а взяться за основное. В этом отношении примерный устав с.-х. **артели,** принятый Президиумом ЦИК'а СССР и опубликованный 2-го марта с. г., дает точные указания, каким образом нужно проводить обобществление. Мы приведем лишь основные положения из этого устава.

> «Все межи, разделявшие земельные наделы членов артели, уничтожаются, и все полевые наделы сливаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели.
>
> При обобществлении полностью всех земельных угодий оставляются в единичном пользовании приусадебные земли (огороды, сады и т. п.) при чем там, где это необходимо, по решению правления артели и с утверждения общего собрания изменяются размеры усадебных земель».

Таким образом, вместо огульного обобществления всех земельных угодий, здесь указывается, что член с.-х. артели имеет право иметь свой огород, свой сад и пользоваться ими. В ряде мест огульное обобществление этих огородов и садов, имеющих не товарный, а потребительский характер, повело не к улучшению, а к ухудшению положения. Поэтому указание на то, как проводить обобществление посева, а, с другой стороны, как оставить в распоряжении члена колхоза огород или сад, несомненно, внесет порядок в проведение дела обобществления.

Особенно большое значение имеет раздел о «средствах производства». В этом разделе мы читаем:

> «Обобществляются: весь рабочий скот, с.-х. инвентарь, весь товарно-продуктивный скот, все семенные запасы, кормовые средства в размерах, необходимых для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки для ведения артельного хозяйства и все предприятия по переработке. Жилые постройки членов артели не обобществляются.
>
> При обобществлении с.-х. инвентаря оставляется в личном пользовании членов артели с.-х. мелкий инвентарь, потребный для работ на приусадебных землях.
>
> Из обобществленного рабочего скота правление артели в случае необходимости выделяет минимально необходимое количество лошадей для обслуживания личных нужд членов артели.
>
> В однокоровных хозяйствах молочный скот не обобществляется. В многокоровных хозяйствах оставляется в личном пользовании одна корова, остальные обобществляются. Производители, безусловно, обобществляются. Из обобществленного молочного скота создается товарное артельное хозяйство.
>
> Обобществление мелкого скота, т.-е. свиней и овец, производится в районах развитого промышленного животноводства по мелкому скоту с оставлением у членов артели некоторого количества мелкого скота в размерах, установленных артелью. В районах непромышленного мелкого скотоводства свиньи и овцы не обобществляются. Домашняя птица не обобществляется.

Наряду с оставлением в индивидуальном владении мелкого скота и птицы колхозы организуют промышленное обобществление мелкого животноводства и птицеводства».

Опять-таки это положение дает ясную установку на то, что обобществление средств производства, обобществление живого и мертвого инвентаря должно проводиться под углом зрения общепроизводственных интересов колхозов как крупного с.-х. предприятия. Здесь должен быть проявлен не формальный, чиновнический подход, а подход производственный, подход хозяйственный, рассматривающий дело обобществления с точки зрения производственного эффекта для крупного обобществленного сельского хозяйства.

Обобществить домашнюю птицу, обобществить скот, который не имеет товарного значения, это значит или совершенно бесхозяйственно разбазаривать или же отягчать колхоз. Такое обобществление свидетельствует только с бесхозяйственности подхода и является не плюсом, а минусом для крупного обобществленного сельского хозяйства.

При проведении обобществления особенно важен именно учет производственных планов ведения крупного сельского хозяйства, с учетом районных особенностей. Обобществить нужно то, что может поднять в данном районе колхоз, как крупное с.-х. преприятие, дающее высокую товарную продукцию.

Далее плановость обобществления заключается именно в том, чтобы получить больший производственный эффект от обобществления средств производства. А это значит, что при обобществлении скота должны быть обеспечены кормовые средства и соответствующие подсобные постройки. В печати неоднократно указывались случаи, когда обобществление скота, проведенное без предварительных, подготовительных мероприятий, без организации кормовой базы, вело только к развитию падежа скота или же, в лучшем случае, к падению его производительности. Ясно, что подобного рода подход совершенно не правилен.

Точно так же при обобществлении средств производства, пахотных и уборочных орудий, средств перевозки и тому подобное, необходимы предварительные меры для правильного их использования, чтобы они зря и бесхозяйственно не валялись и не пропадали, как это точно так же неоднократно отмечалось из практики отдельных колхозов.

Другая форма ошибок заключается в извращении самого проведения обобществления средств производства. Проведение обобществления подменяется административным нажимом, а иногда, в отдельных случаях, впадают в другую крайность и подменяют обобществление выкупом средств производства.

Отповедь, данная тов. Сталиным в указанной выше статье администраторам, подменяющим ответственнейший процесс коллективизации бумажными распоряжениями и даже угрозами, бьет не в бровь, а в глаз целому ряду горе-коллективизаторов.

Обобществление средств производства бедняцких и середняцких масс, есть процесс добровольного об'единения этих средств производства. Этим обобществление коренным образом отличается от обобществления средств производства путем экспроприации капиталиста. Нужно подчеркнуть, что обобществление средств производства дает возможность постепенно изживать тот мелкособственический уклон в хозяйстве, от которого, вполне естественно, сразу крестьянин, вступивший в колхоз, освободиться не может. Этого забывать не следует.

Об эффективности сплошной коллективизации.

Результатом сплошной коллективизации должно явиться значительное повышение с.-х. производства. Но простого повышения с.-х. производства, хотя бы и значительного, совершенно не

достаточно. Сплошная коллективизация означает экономически включение с.-х. в общую систему всего планового народного хозяйства. Это означает, что на первое место перед сельским хозяйством выдвигается задача обслуживания общих требований социалистического строительства. Вследствие этого при значительном росте с.-х. производства, который вполне естественно является результатом перехода от мелких форм сельского хозяйства в формы крупного, мы должны получить значительный рост товарности сельского хозяйства. Товарность районов сплошной коллективизации по всем отраслям сельского хозяйства: по зерновым культурам, по техническим культурам, по продуктам животноводства, огородничества и т. п. будет являться измерителем успешности хозяйственной деятельности колхозов. Уже истекшие годы показали, что колхозы дают более высокую товарность, чем индивидуальное крестьянское хозяйство. По отдельным районам товарность по зерновым культурам достигала почти 50%, например, Сев. Кавказ, ЦЧО, по другим же она спускалась значительно ниже. Необходимо добиться значительного повышения товарности колхозов.

Следует принять во внимание, что под'ем производства у нас, в нашем хозяйстве является основой улучшения всех других сторон общественной жизни и быта. В этом, кстати сказать, одно из основных наших отличий от экономического развития в капиталистических странах. Увеличение производства связано и с увеличением потребительских фондов. В этом отношении нам удалось, несомненно, достигнуть известных положительных результатов, что находит свое выражение в повышении реальной заработной платы, в улучшении положения бедняцких и середняцких масс в деревне. Ошибаются те экономисты (П. Т. Маслов, Е. Преображенский и др.), которые полагают, что рост производства, рост индустриализации у нас должен совершаться за счет сокращения потребления. Это в корне неверное положение. Наоборот, мы должны при росте производства увеличивать и фонды потребления. Но наш подход к экономическому развитию должен быть именно производственным подходом. Каждый рабочий, каждый колхозник должен подходить к хозяйству прежде всего как производственник, выдвигая на первое место интересы общественного хозяйства. В этом суть понимания нашего современного экономического развития, нашего социалистического строительства. Поэтому извращениям этой производственной линии нужно давать решительный отпор в практике колхозной работы. Что мы имеем не малую бесхозяйственность в ряде случаев, нарушение общих интересов нашего экономического строительства и общественного развития, в этом не приходится сомневаться. Но, конечно, было бы ошибкой полагать, что мы не сумеем справиться с подобного рода явлениями. Именно, учет этих явлений и борьба с ними должны быть проводимы систематически и планомерно всей массой колхозников. На ряде такого рода извращений и неправильного подхода необходимо остановиться. Известны факты, и они получили в печати довольно значительное освещение, когда в ряде колхозов вместо производственного направления начинало преобладать «потребительское» направление. Это «потребительское» направление выражалось в проедании средств колхозов, в дележке этих средств и в ряде бесхозяйственных проявлений, как-то: в нарушении трудовой дисциплины, в невыполнении планов и т. д., и т. п. Подобного рода направление, несомненно, в первую же очередь самым вредным образом сказывается на существовании зараженного им колхоза. Такой «потребительский» подход ведет к разбазариванию средств колхоза и к невозможности его укрепления. Также известны факты, когда в районах сплошной коллективизации, при ликвидации кулака как класса, вопреки прямым указаниям директивных органов, что конфискованные средства кулака должны итти в неделимый фонд колхоза как взнос за бедноту, производилась дележка имущества кулака. Такого рода дележка, естественно, вела к ряду отрицательных явлений и не организовывала, а дезорганизовывала бедноту и середняка в борьбе с кулаком. Подобного рода факты являются проявлением мелкособственнических инстинктов.

Повышение товарности в колхозах даст возможность усилить и укрепить производственный рост колхозов. Высота товарности текущего года будет определять хозяйственную устойчивость колхоза для следующего года. Усиление основных капиталов и оборотного капитала вполне естественно связано с ростом товарности колхозов. И поэтому все руководители и строители колхозов должны поставить с полной определенностью задачу при выполнении хозяйственных планов максимально увеличивать товарность колхозов. Увеличение товарности колхозов связано с специализацией как в районном, так и в отраслевом разрезе. В результате сплошной коллективизации мы должны добиться полного преодоления продовольственных затруднений в кратчайший срок, измеряемый максимум двумя—тремя годами. Целый ряд заготовительных кампаний по техническим культурам, и в особенности хлебозаготовительная кампания истекшего года, показывают, что там, где производство налажено и мы имеем высокую товарность, там наш аппарат справляется с заготовкой и с удовлетворением растущих потребностей. Но там, где мы имеем отсталую производственную базу, — яркий пример этому мы имеем в отношении животноводства, — мы имеем крайне низкую товарность и огромные затруднения в продовольственной области.

При развитии хозяйственной деятельности колхозов необходимо особое внимание обратить именно на основные отрасли сельского хозяйства и удовлетворение колхозами не только требований и нужд самих себя, но и тех требований и нужд, какие перед ними ставит государство в целом. Конечно, не нужно себе представлять дело легко и просто. Под формой колхозов будут еще в течение определенного периода сохраняться остатки мелкособственнического, узкого, частного подхода к хозяйственным вопросам. Необходимо добиться сочетания интересов развития отдельного колхоза с выполнением общих требований. Не подлежит никакому сомнению, что только увязав в плановом порядке производственную работу колхозов, выраженную прежде всего в той товарной части, какую колхозы отчисляют, с требованиями и нуждами, какие к нему пред'являет государство, мы достигнем того планового согласования экономического развития, экономической деятельности сельского хозяйства и всех других отраслей народного хозяйства, которые смогут обеспечить быстрый поступательный ход вперед всего социалистического строительства. Поэтому товарность колхозов и становится одним из важнейших основных и центральных вопросов всего развития колхозов.

С ростом валовой продукции сельского хозяйства, на базе сплошной коллективизации, с ростом товарности колхозов, вполне естественно, значительно возрастает и продукция обмена между городом и деревней. Организационной формой является контрактация. Следует указать на то, что уже на данной степени контрактация связана органически с производственными планами колхозов. В дальнейшем роль контрактации еще в большей степени возрастет, т. к. в ней найдут свое отражение не только производственные планы сельского хозяйства, но и производственные планы целого ряда отраслей промышленности. И опять-таки, если в капиталистических странах развитие той или иной отрасли ведет к обострению конкуренции, в наших условиях планового хозяйственного строительства усиление, развитие сельского хозяйства на базе сплошной коллективизации должно вызвать соответствующее усиление и всех иных отраслей народного хозяйства. Отсталость сельского хозяйства являлась и является одним из тех узких мест, которые тормозят наше общее экономическое развитие. Переход на сплошную коллективизацию дает в руки огромные возможности для преодоления этой отсталости.

Преодоление этой отсталости даст нам возможность гигантски улучшить условия всей нашей жизни и деятельности. Именно эта задача и должна стоять перед нашим сельским хозяйством, переходящим на сплошную коллективизацию.

Ликвидация кулачества как класса.

Недаром первые же известия о мероприятиях, принятых в связи с переходом ряда районов на сплошную коллективизацию, ликвидации кулачества как класса, вызвали сразу же живое реагирование со стороны прессы капиталистических стран. В этом мировой капитализм увидел крушение своих последних надежд на возрождение капитализма в СССР путем выращивания из мелких капиталистиков деревни крупных капиталистических сил, которые могли бы противостоять социалистическому строительству. Тот факт, что мы достигаем решительных успехов в нашем социалистическом строительстве и лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны» начинает постепенно претворяться в действительность, заставляет тревожно биться сердца идеологов капитализма, и они поднимают бешеную травлю против СССР и против ведущегося социалистического строительства. От политики ограничения и вытеснения кулаков, к политике ликвидации их как класса, этот переход был подготовлен нарастающим темпом коллективизации в сельском хозяйстве и сделался возможным с переходом на сплошную коллективизацию целых районов и областей. Действительно, в районах сплошной коллективизации для кулака не остается места для существования, уже вследствие всей экономической организации.

Районы сплошной коллективизации организуются как единое обобществленное хозяйство. Каким же образом могут существовать в этих районах капиталистические элементы, пользующиеся средствами эксплоатации чужого труда, в каких бы это формах ни выражалось. Политически же оставление кулачества означало бы оставление активных врагов социалистического строительства, которые пользовались бы всеми способами и средствами для нанесения вреда росту и сельского хозяйства и перестройки всех других сторон жизни и быта.

Наконец, развитие производства социалистического сектора сельского хозяйства, совхозов и колхозов, не только в количественном отношении, но и в качественном отношении дает возможность экономически обойтись без кулацкого производства. Урожайность в колхозах в прошлом году была в среднем на 13% выше урожайности индивидуальных крестьянских хозяйств. Те меры, которые принимаются сейчас в смысле улучшения и рационализации техники социалистического сектора сельского хозяйства, дают полную возможность надеяться на то, чтобы добиться решительных успехов в деле качественного под'ема сельского хозяйства. Если весь предшествующий период показал и доказал, что в области сельского хозяйства мы с задачами развития его справились без помещика и капиталиста, то настоящий период, на основе достигнутых результатов, переход на крупное обобществленное хозяйство показывает, что мы можем обойтись и без кулака.

Что значит ликвидация кулачества как класса? Это значит, лишение его средств производства. Средства производства у кулака в районах сплошной коллективизации конфискуются и передаются в неделимый фонд колхозов как взнос за бедноту. Затем, кулака выселяют из районов сплошной коллективизации, или отводят ему землю за пределами данного района, или же выселяя его в другой район. Раскулачивание производит сама бедняцкая и середняцкая масса. Это есть, действительно, революционное наступление на капиталистические элементы деревни, на выкорчевывание корней капитализма. Это есть действительно новый этап нашего развития. Само собою разумеется, такой колоссальный сдвиг, какой происходит сейчас в деревне и в смысле перехода на сплошную коллективизацию, и в смысле ликвидации кулачества как класса, немыслим без определенного рода ошибок, перегибов и т. п. Ошибки нужно исправлять, с перегибами нужно вести решительную борьбу, но основного нельзя забывать. Нельзя забывать колоссальной организационной работы по строительству колхозов, охватившей сейчас буквально всю многомиллионную крестьянскую массу, и нельзя забывать, что мы ликвидируем остатки капитализма в деревне, основу для его возрождения. Но тем не менее, мы, конечно, не должны закрывать глаз на ошибки, на перегибы, и должны вести с ними решительную борьбу.

В чем главная опасность этих перегибов? Главная опасность заключается в бюрократическом административном подходе к проведению сплошной коллективизации и к ликвидации кулачества как класса. Наибольшее количество ошибок и перегибов наблюдается именно в тех районах, где слабее всего проводится коллективизация. Там, где еще не проведена сплошная коллективизация, где еще коллективизировано 10—20% крестьянских хозяйств, там подходят иногда с лозунгом: «Сначала раскулачим, а потом коллективизируем».

Это в корне неправильный подход, так как процесс должен быть как раз обратный: «Коллективизируй и тем самым создавай новые формы сельского хозяйства, ликвидируй отжившие формы и капиталистические остатки в деревне».

Подмена ответственной организационной работы административным нажимом дает только отрицательные результаты.

Вторая крупная ошибка заключается в том, когда раскулачивание захватывает и часть середняков. Это абсолютно недопустимое извращение, которое нарушает всю нашу партийную линию. Больше того. Именно этот перегиб и захват части середняков используются нашими классовыми врагами для борьбы против партии, против советской власти, против социалистического строительства в деревне. Сплошь и рядом подобного рода действия провоцируются самими кулаками или их агентами, сидящими в тех или иных учреждениях. Кулаков в среднем у нас по СССР насчитывалось 4—5%. Конечно, в отдельных районах (например, на Северном Кавказе, по Сибири и т. п.) этот % значительно вырастает. Но необходимо именно придерживаться определенных признаков отнесения того или иного хозяйства к кулацкому хозяйству. Но когда в отдельных местах и селах % раскулачивания поднимался до 20—30%, когда в кулаки попадали явно середняки, то это являлось совершенно очевидным перегибом, ошибочным шагом, который не может мобилизовать бедняцкую и середняцкую массу в этих местах вокруг лозунга «раскулачивания», а приводит только к отрицательным результатам.

С такими перегибами, с такими ошибками нашим партийным и советским организациям необходимо вести борьбу и исправлять эти искривления. Но это, конечно, не должно остановить выполнение основной задачи: с переходом к сплошной коллективизации, ликвидации кулачества как класса.

* * *

Переход на сплошную коллективизацию значительно видоизменяет и формы связи между городом и деревней. Различия между городом и деревней будут сглаживаться со все растущей быстротой. Изменение самого характера сельскохозяйственного производства будет видоизменять все формы жизни и деятельности деревни. Приближение сельскохозяйственного производства к формам промышленного производства ведет к изменению не только

экономических, но и бытовых условий деревни. Создание крупных комбинированных агропромышленных предприятий еще в большей степени будет этому способствовать.

Само собою разумеется, еще пройдет длительный период превращения колхозов в последовательно-социалистический тип предприятий. Поднятие культурного уровня деревни явится мощным фактором стирания граней между городом и деревней. Дальнейшее развитие коллективного хозяйства, с несомненностью, поведет к изменению жилищных и всяких иных условий жизни деревенского жителя. Уже в настоящее время создаются проекты постройки агрогородов, и в некоторых районах сплошной коллективизации это будет, несомненно, осуществлено в ближайшие годы. Однако, необходимо заметить, что в настоящий период в центре внимания должно стоять производственное поднятие колхозов, машинизация сельского хозяйства, так что главная масса средств должна быть обращена на улучшение техники сельскохозяйственного производства, на достижение более высокой товарности. Поэтому, несомненно, еще ряд лет необходимо будет пользоваться старыми постройками, старыми жилищами.

Ослабление различий между городом и деревней будет заключаться для данного периода в следующих основных изменениях:

1) в усовершенствовании технической основы сельского хозяйства, в дальнейшем повышении производительности труда и в приближении к темпам развития промышленности.

2) в создании новых транспортных путей и новых средств сообщения, более тесно связывающих город и деревню (новые железные дороги, новые шоссейные дороги, автомобильный транспорт и т. п.).

3) в создании агропромышленных комбинатов.

4) в развертывании строительства зданий для общественного обслуживания (школ, больниц, детских домов и т. п.).

5) в создании, наконец, отдельных примерных агрогородов.

Таковы основные направления, которые будут сближать деревню с городом.

Единство планового хозяйства на новом этапе его развития создает базу для изживания различия между ними. Ближайший период—это период хозяйства, построенного на обобществлении средств производства, на плановых началах. Мы вступили, несомненно, в эпоху изживания отличий между городом и деревней.

А. Ангаров.

Сельсовет и ликвидация кулачества как класса.

Работа советов на новом этапе должна привлечь к себе сейчас самое пристальное внимание всей партийной и советской общественности.

Обследование работы сельсоветов в связи с массовой коллективизацией показало, что эти низовые органы советской власти принимали незначительное участие в колхозном строительстве. На усиление роли сельсоветов как органов пролетарской диктатуры в деревне было обращено самое широкое внимание. В некоторых местах были проведены частичные перевыборы сельсоветов, в других — был широко применен досрочный отзыв депутатов, в результате чего социальный состав сельсоветов улучшился. В последнее время обращается большое внимание на подготовку работников по советскому строительству. Однако, все эти мероприятия достигнут своей цели только тогда, когда работа по улучшению деятельности советов будет вестись систематически, планомерно и без ослабления темпов.

Если сельсоветы стояли в стороне от коллективизации, то горсоветы в настоящее время принимают чрезвычайно слабое участие в борьбе за промфинплан. Проведенное недавно Институтом советского строительства и права обследование деятельности некоторых наиболее важных горсоветов под этим углом зрения показывает, что горсоветы стоят также в стороне от хозяйственной деятельности и почти совершенно не заботятся о выполнении входящими в их район фабриками и заводами промфинплана. Секции горсоветов зачастую существуют лишь на бумаге. Массовая советская работа развернута явно недостаточно. Советский актив не мобилизован на борьбу за промфинплан. Причины слабости работы горсоветов в связи с пятилеткой необходимо самым внимательным образом изучить. Необходимо принять срочные меры к повышению деятельности горсоветов в этой области. Однако, в данной статье, лишь отмечая этот факт, мы остановимся на работе сельсоветов в связи с политикой ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Прежде всего—два замечания. Во-первых, о роли совaппарата на новом этапе. В свое время, при переходе к нэп'у, на X партийном с'езде, Ленин, останавливаясь на задачах госаппарата, говорил о том, что политика требует от госаппарата «решительной перемены, гибкости, умелого перехода», что руководители госаппарата должны это требование особенно прочно усвоить и понять. Дальше Ленин продолжал: «Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров». Ленин призывал партию к тому, чтобы напрячь все силы и добиться безусловно «полного подчинения аппарата политике» [1]. Эти замечания Ленина мы должны особенно твердо помнить теперь, когда разрешаются коренные вопросы пролетарской революции и социалистического строительства. Госаппарат—центральный и местный—должен быть приспособлен к выполнению задач социалистической реконструкции народного хозяйства. В этом отношении чистка и проверка аппарата, устраняя из состава советских работников все негодное и ненужное, должна повести к упрощению системы госаппарата, к улучшению его работы, повышению ответственности в нем, к действительному претворению в жизнь лозунга о проверке выполнения.

Во-вторых, на данном этапе нашего развития необходимо особенно ясно осознать, что низовые органы советской власти — горсоветы и сельсоветы—являются не только частью госаппарата, но и организациями, через которые «масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении» [1]. Советское государство не знает разделения властей на исполнительную и законодательную. Управление в системе советской власти является поэтому чрезвычайно сложным и ответственным делом, где сочетается исполнение закона с видоизменением его на основании учета всех местных условий и своеобразий. «Советы на местах,—писал Ленин,—сообразно условиям местности и времени могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством» [2]. Этот принцип, лежащий в основе советской системы, имеет особенно огромное значение в настоящих условиях, когда в действительности сочетаются два лозунга классовой политики пролетарского государства: лозунг ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и лозунг ограничения и вытеснения капиталистических элементов в районах, где сплошной коллективизации еще нет. Это своеобразие переживаемого нами периода требует особенно ответственных решений со стороны работников местного советского аппарата, это требует особой вдумчивости, умения, гибкости, знания окружающей обстановки, учета всех своеобразий данной конкретной действительности.

* * *

Внимательное изучение материала о деятельности сельсоветов по вопросу ликвидации кулачества как класса показывает, что очень многие сельсоветы совершенно извратили установку партии и советского государства. В чем выразились эти извращения? Было немало случаев, когда сельсоветы производили раскулачивание, не имея для этого абсолютно никаких предпосылок. Сплошной коллективизации в данном районе не было, к раскулачиванию беднота и середняки не были совершенно подготовлены. Раскулачивание, таким образом, проходило внезапно, без подготовки, аппаратными методами и поэтому давало лишь отрицательные результаты. Приведем несколько фактов.

Лямбирский сельский совет (Саранск) совершенно не занимался вопросом сплошной коллективизации села. Однако, президиум сельсовета в конце января постановил раскулачить 8 хозяйств. В начале февраля состоялся расширенный пленум сельсовета, где вопрос о раскулачивании этих хозяйств был решен окончательно. И только после этого на общем собрании граждан был поставлен вопрос о сплошной коллективизации села. Другими словами, раскулачивание предшествовало здесь коллективизации. Таким же образом поступил и Мельцапинский сельсовет. Не занимаясь совершенно вопросом коллективизации, сельсовет «проработал» вопрос о раскулачивании на узком совещании бедноты и вынес постановление: «ликвидировать кулаков и конфисковать их имущество в будущие колхозы. До организации колхоза имущество взять под расписку». И лишь после того, когда вопрос о раскулачи-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 147.

---

[1] Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 392

[2] Ленин, т. XV, стр. 28.

вании был «проработан», сельсовет задумался над вопросом о переходе на сплошную коллективизацию и решил поставить его на повестку ближайшего общего собрания граждан. Раскулачивание было распространено на всех лишенных избирательных прав [1]).

Можно привести очень много фактов, показывающих, что сельсоветы к вопросу раскулачивания подходили чрезвычайно упрощенно, механически, формально. При этом в кучу смешивалось: индивидуальное обложение и лишение избирательных прав. Накидки по налогу на середняков обычно рассматривались как индивидуальное обложение. Индивидуальное обложение механически вело к лишению избирательных прав. Лишение избирательных прав в свою очередь являлось основной предпосылкой для раскулачивания. Вполне понятно поэтому, что было допущено очень много случаев раскулачивания середняков. В этом отношении особенно отличился Герценский сельсовет (Свердловск), который раскулачил целый ряд середняков. Раскулачивали по различным причинам. Так, например, одного середняка раскулачили за то, что он продал когда-то около десятка кос своим односельчанам. Другого раскулачили за продажу своих хлебных излишков, третьего за покупку усадебного участка, четвертого за продажу коровы, что им было сделано года два назад; пятого за продажу подошв к сапогам, шестого за продажу (в 1927 г.) сена в кооперацию и т. д. [2]). Ясно, что все это нарушало смычку с основной середняцкой массой и давало в руки кулакам большой козырь для борьбы за влияние на середняцкие массы.

Деятельность некоторых сельсоветов подменяется группами бедноты при колхозах.

Так, например, в Семенковском сельсовете (Иваново) группа бедноты при колхозе «Труд на пользу» вынесла постановление: «создать комиссию для взятия на учет всего имущества как у кулака, так и у середняка. Поручить комиссии немедленно приступить к работе»... В другом постановлении этой группы говорится: «слушали: о взятии на учет швейных машин, зеркал, трюмо и кроватей. Постановили: взять на учет всю роскошь» [3]). Середняцкая масса очень внимательно присматривается к этим перегибам, и они оказывают огромное влияние на колебания этой массы. Это особенно ярко иллюстрирует следующий факт. При ликвидации одного середняцкого хозяйства выступил крестьянин-середняк. Высказываясь в защиту этого хозяйства, он заявил: «Ежели этого середняка раскулачили, то следует и со мной сделать то же самое, т. к. у меня хозяйство размером не меньше». Сельсоветчики решили использовать это выступление и предложили середняку написать на эту тему заявление. На заявлении положили резолюцию: «Раскулачить и его по его личной просьбе». Были случаи, когда раскулачивали пастухов, или за то, что у них дед был кулаком, или, наконец, за воспитание племянника-сироты.

В Батуринском районе один сельсовет постановил раскулачить 34 хозяйства. При проверке оказалось, что из 34 хозяйств только 3 действительно кулацких, а остальные середняцкие. Рабочая бригада, организовавшая пре-

---

[1]) «Завод и пашня» от 14/II—30 г. В большинстве своем сельсоветы, стоявшие в стороне от коллективизации, в целях «наверстать упущенное» бросились проводить организацию колхозов путем нажима (или колхоз или «проработка»), начиная с раскулачивания как меры предшествующей коллективизации. Неудовлетворительность социального состава сельсоветов, воздерживавшихся от работы по коллективизации, сказалась и тогда, когда они приступили к коллективизации.

Боязнь масс, боязнь массовой советской работы — вот основное, что характеризовало работу этих сельсоветчиков. Так, напр., в Криухинском сельсовете (Великолуцкий округ, Западной области) представитель рика Чижов, проведя бумажным порядком коллективизацию на 30%, заявил: «Класс же кулачества как таковой должен быть вообще ликвидирован в Криухинском сельсовете в недельный срок».

[2]) «Уральский Рабочий» от 18/II-30 г.

[3]) «Смычка» от 12/II-30 г.

жде всего бедноту данного района, помогла выправить перегибы, имевшие место до ее приезда [1]).

Раскулачивание, проведенное без достаточных предпосылок, без подготовки, чисто формальным, административным путем, ведет неизбежно к усилению позиций кулака, к усилению его влияния на середняцкую массу крестьянства. Механическое лишение имущества не изолирует еще кулака от крестьянства. В этом отношении особенно любопытен случай кулацкой деятельности в селе Львовке, Балашовского округа (Нижне-Волжский край). Раскулаченные кулаки при попустительстве сельсовета возвратились в отнятые у них избы, выставили оттуда бедноту со словами: «Ваша бедняцкая власть кончилась». Такого рода деятельность кулаков была возможна лишь вследствие сочувствия со стороны середняков, недовольных деятельностью местного сельсовета. В лице середняков, пишет корреспондент, кулаки «имели крепкую опору для своего вредительства» [2]). Раскулачивание должно проводиться в условиях полной изоляции кулака от основных масс крестьянства и при поддержке всей середняцкой массы. Все перегибы при раскулачивании в отношении середняка, усиливая позиции кулаков, изолируют бедноту и превращают деятельность сельсовета зачастую в голые административные мероприятия не только ошибочные, но и вредные.

Точно так же кулаки пользуются перегибами сельсоветов в области использования имущества раскулаченных. В этом отношении очень часто встречаются случаи, когда сельсоветы продают полученное в результате раскулачивания имущество. Так, например, в Березовском районе, Херсонского округа, имущество раскулаченных поступило в продажу, при чем расценивалось оно до безобразия низко (например, сапоги—8 к., пальто—10 к.). Все эти махинации проделывались с целью личного обогащения местных работников.

Чуждые элементы, засорявшие сельсоветы, использовали в некоторых местах раскулачивание не только в целях личной наживы, но и в целях явной провокации. Пара примеров. В селе Рыченка, Перемышльского района (Калужский округ) местные хулиганы, имеющие отношение к сельсовету, достали неиспользованные бланки и начали ходить по дворам и описывать имущество крестьян. Не взирая на плач баб, эти хулиганы обыскивали все сундуки и подвалы. Лишь после того, когда они попали в дом одного колхозника, который потребовал от них документ, деятельность злостных хулиганов была раскрыта и они были задержаны. На допросе эти деятели по раскулачиванию об'яснили все «шуткой» и отказались рассказать, кто научил их производить опись. В другом месте, где руководство сельсоветом находилось в руках кулаков, для проведения раскулачивания была организована специальная «ударная пятерка». Деятельность этой пятерки заключалась в том, что она по ночам ходила в крестьянские хаты и собирала иконы для сжигания. Попутно с иконами сжигались табуретки, одеяла и другие предметы домашнего обихода. При этом члены «ударной пятерки» по-своему «раз'ясняли» крестьянам «суть» социалистической переделки деревни. Они говорили крестьянам: «Ведь в колхозах икон не должно быть! Отдельных одеял не должно быть! Все будет общее! Одеяла длиной в 700 метров, кровати тоже в 700. Такие же столы и скамьи. А поэтому—не противоречить! Кто — против, тот друг Керзона и враг советской власти». Так проводилась коллективизация и раскулачивание в селе Цимля (Северный Кавказ) [3]).

Любопытно подчеркнуть, что руководство сельсоветом и другими организциями в этом районе было сплошь кулацким. Кулаки попытались использовать все мероприятия советской власти в своих интересах. С этой целью они извращали все мероприятия так, чтобы возможно сильнее ударить середняка, разрушить его союз с беднотой, натравить его на советскую власть и привлечь его, таким образом, на свою сторону.

---

[1]) «Рабочий Путь», Смоленск, от 12/III-30 г.

[2]) А. Лобовский, «Маневры классового врага». «Беднота» от 18/III г.

[3]) «Труд», от 18/II-30 г.

* * *

Для того, чтобы лучше понять всю опасность перегибов и извращений в работе сельсоветов по коллективизации и раскулачиванию, остановимся кратко на тактике кулака в колхозном строительстве. Вообще можно сказать, что кулак в отношении к колхозному строительству на различных его ступенях применяет различные методы. Однако, этого недостаточно. В чем заключается это различие?

На первом этапе, при зарождении колхозов, кулак бешено борется против их возникновения, всячески противодействуя их организации. Здесь применяется открытая агитация, вредительство, террор, воздействие на женщин и т. д. Второй этап—колхоз организован, середняк идет туда. Кулак, потерпевший неудачу по вопросу об организации колхоза, пытается пролезть внутрь колхоза и подорвать внутреннюю дисциплину, измышляя всевозможного рода перегибы и ошибки, на которые он способен толкнуть руководство колхозным движением. Попутно он ведет агитацию за разбазаривание скота, за уничтожение средств производства, за сокращение посевной площади. При наличии колхоза кулак, находящийся вне колхоза, точно так же применяет все меры к тому, чтобы колхоз вследствие внутренних ошибок, неполадок и перегибов возможно скорее развалился. Каким образом действует здесь кулак?

Прежде всего по вопросу о типе колхоза. До тех пор, пока кулак не видел в колхозе главной угрозы своему существованию, до тех пор, пока предполагал «мирно ужиться с колхозом (до периода сплошной коллективизации), его ставка заключалась в том, чтобы удержать колхоз на низшей ступени развития, чтобы задержать процесс обобществления и т. д. В условиях сплошной коллективизации кулак начинает вести другую тактику. Он стоит за переход от артели к коммуне, не обращая внимания на подготовку этого перехода и временами активно противодействуя этой подготовке. Расчет кулака ясен. Он стремится путем перегиба в сторону организации коммуны оттолкнуть массы середняков от колхозного движения. Так, например, в селе Левокумском (Ростов-на-Дону) кулаки настаивали на скорейшем переходе от артели к коммуне. Местные партийные организации постарались выяснить причину этого необоснованного и преждевременного стремления. Оказалось, что кулаки, пролезшие в колхоз в целях его разложения изнутри, специально поставили себе целью начать переход к коммуне именно тогда, когда нужно было готовиться к севу. Кулаки стремились к ослаблению колхозов, к внесению организационной путаницы, к тому, чтобы вызвать среди крестьян недовольство. А между тем, кулак, оказавшийся в составе делегации, ходатайствующей о переходе к коммуне, в районном центре заявил: «Мы хотим еще ближе стать к социализму, вот и просим разрешить коммуну. Артель нас уже не удовлетворяет»[1]. С колхозниками была проведена в связи с этим кулацким маневром большая раз’яснительная работа, тактика кулачества была вскрыта и получила отпор со стороны колхозников, бедняков и середняков.

На эту провокацию кулаков, к сожалению, частенько поддаются работники сельсоветов, выступающие необдуманно и по вопросам коллективизации и по вопросам раскулачивания. Внутри колхозов кулачество обращает особенно большое внимание на разложение трудовой дисциплины. Так,

---

[1] «Молот», от 11/II-30 г.

например, в селе Рождественском, Холпинского района (Курск) было установлено, что колхозники, приставленные к обобществленному скоту, специально спаивались кулаками в целях внесения бесхозяйственности в колхозное строительство. В результате этого кулаки настолько развратили колхозников, ухаживающих за общественным скотом, что колхозные лошади целые сутки оставались без корма, коровы падали в теле; лошади были использованы для разного рода поездок по личной надобности кулаков, а молоко коров распределялось между родственниками кулаков[1]. Все это, разумеется, вызывало огромное недовольство колхозников, отталкивало их от колхозного строительства к индивидуальному хозяйству, подрывало их веру в социалистическое строительство.

Во время избирательных кампаний было установлено, что кулаки обращают особо большое внимание на спаивание наиболее отсталых групп крестьянства. Спаивание производилось в целях срыва бедняцких совещаний, собраний крестьянского актива, заседаний избирательных комиссий и выборных собраний граждан. Эту же тактику применяет кулак и по отношению к колхозному строительству. Иногда это ему удается: в условиях обостренной классовой борьбы водка выступает как политический фактор. Так, например, в одном месте кулачество (Вожгалы, Вятка) в связи с масленицей широко использовало спаивание, вовлекая в попойки колхозников и коммунистов. Подпаивая, кулаки приговаривали: «Пейте, веселитесь, пока еще не окрепли коммуны, а потом пить не дадут, не зевайте».

Пьянство в районе, как замечает селькор, приняло угрожающие размеры. Вот несколько цифр для характеристики этого явления. Районная винная лавка продала за месяц водки на сумму около 40.000 руб. На эту сумму можно было бы купить почти двадцать тракторов[2]. Так в пьяном разгуле погибают крестьянские деньги, которые могли бы быть использованы для колхозного строительства. И кулак со своей стороны принимает все меры к тому, чтобы пьянство погубило коллективизацию.

В условиях проведения политики ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации тактика кулака становится особенно гибкой и изворотливой. Были случаи покупки кулаками членских профсоюзных билетов у крестьян—членов союзов. Кулаки не скупились: они платили за билет до 2 тыс. руб. С профсоюзным билетом в кармане они уезжали в соседний округ и «оформлялись» как полноправные члены профсоюзов. Наряду с агитацией за разбазаривание скота, наряду с поджогами и отравлением колодца ядом, кулаки, особенно в Сибири, в пчеловодческих районах решались на уничтожение ульев с пчелами. Так, например, по Кузнецкому округу в Сибири в конце прошлого года было уничтожено 148 тыс. ульев. Кормовые запасы меда продавались на рынке. Злостное уничтожение пчел кулаки сопровождали агитацией против коллективизации и советской власти. Один пчеловод-кулак, уничтожив своих пчел, расколол пополам около полсотни ульев. Мед он вывез на базар, а расколотые колоды разбросал по деревне с надписью: «Оближитесь, пролетарии».

На Кубани применяются другие формы вредительства. Кулаки вырубают фруктовые сады, предупреждая таким образом передачу их в колхозы. Уничтожение своего имущества идет у кулаков наряду с порчей средств производства, находящихся в распоряжении колхоза. Одним из видов такого вредительства является, например, наполнение снопов хлеба, подлежащего обмолоту в машине, камнями и кусками железа. Все эти виды вредительства проводятся в известной степени организованно. Кулаки, используя свой опыт, накопленный в процессе классовой борьбы, особенно на перевыборах советов, применяют те же методы и в отношении колхозного строительства, распространяя всевозможного рода слухи, спаивая отсталые слои крестьянства, выпуская прокламации и т. д. В селе Рождественском (Армавир) в процессе борьбы за организацию колхоза кулаки, напр., расклеили на заборах прокламацию такого содержания: «Долой сплошная коллективизация! Да здравствует свободная жизнь! Граждане, колхозники, уходите из колхозов и бросайте колхозное дело, а то начнется бой против колхозников». Угроза кулаков не подействовала. В селе была проведена широкая массовая кампания и осуществлен прочный союз рабочего класса, бедноты и середняков. Кулак потерпел поражение [1]).

---

[1] «Курская Правда» от 19/III-30 г.

[2] «Вятская Правда» от 14/III-30 г.

Кулачество в районах сплошной коллективизации стремится использовать анархистские моменты в сознании крестьянства. В этом отношении особенно интересно выступление одного кулака в Сумском округе (Чупоховского района, в селе Олешине). Кулак, выступая против коллективизации, в заключение сказал:

> «Мы выкинули буржуев и помещиков в Черное море, но наша ошибка в том, что стулья остались, а на эти стулья сели другие и ездят теперь к нам свои порядки устанавливать».

Нужно отметить, что агитация этого кулацкого оратора нашла благоприятный отклик среди членов сельсовета и комнезама, которые солидаризировались с речью оратора, сопровождая ее бурными возгласами «правильно». Агитация кулака против колхозного строительства почти повсеместно связана с выступлением против рабочих, едущих из города для помощи беднякам и середнякам в колхозном строительстве. В этом отношении чрезвычайно любопытно по своему содержанию выступление кулака в селе Ново-Александровском, Черно-Курьинского района (Славгород). Этот кулак в своем выступлении говорил следующее:

> «Если вы не ходили голыми и не были голодными, то входите в колхозы. Вы посмотрите, в коммунах все оборваны, получают пайки хлеба, которого хватает только позавтракать. Плохо будет, если вы поддадитесь агитации коммунистов, — они только мягко стелют, но спать вам будет жестко. Только там крестьяне хорошо живут, где нет коммунистов. Если бы крестьяне одумались, бросили бы из'едать друг друга, то можно было бы отказаться от коммунистов и не принимать их в общество. Смотрите, ни один служащий, а также много коммунистов не идут в коммуны. Вы думаете, правда, из Ленинграда едут рабочие, нет, — под их маркой едут бывшие помещики, а мы, крестьяне, опять останемся в условиях барщины» [2]).

Таким образом, в агитации кулака переплетаются нотки анархизма, стремление разорвать связь между городом и деревней, противопоставить крестьянство рабочему классу, противодействовать организующему влиянию социалистической промышленности, натравить крестьянство на фабрично-заводской пролетариат.

Противопоставляя город и деревню, кулачество в то же время стремится там, где это возможно, использовать национальную рознь в своих интересах. В Борском районе (Самара) кулачество сосредотачивает свои силы на разжигании национальной вражды между чувашами и русскими. По отношению к чувашам различные советские организации под влиянием кулачества допускают возмутительные перегибы, которые в совокупности своей вызывают недовольство малых национальностей и срывают колхозное строительство. Достаточно указать несколько фактов. Так, например, при организации ревизии одного сельсовета члены ревизионной комиссии выставили за дверь чуваша, не допуская его к ревизионной работе. Чувашам отказывают в созыве общего собрания по школьным делам [3]). Все эти перегибы, опасаются колхозники, могут повести к развалу колхозов и к возрастанию розни между различными национальностями.

В этом же направлении работают баи в районах Казакстана, стремясь повлиять на казаков, желающих вступить в русские колхозы. Баи говорят крестьянам-казакам: «Вашими лошадьми и будут работать, загонять их, а потом вас выгонят из русского колхоза и вы останетесь без ничего». И прежде при перевыборах советов в некоторых районах кулаку удавалось использовать национальную рознь в целях проникновения в низовые органы советской власти. И теперь при проведении коллективизации кулачество также стремится использовать национальную рознь, противопоставляя разные нации и эксплоатируя темноту, невежество, безграмотность и отсталость.

Отсталость далеких деревенских уголков дает возможность кулаку очень широко использовать свое уже не раз испытанное оружие — всевозможного рода провокационные слухи. Кулак рассчитывает на запугивание темных масс крестьянства и особенно женщин. Кулацкие выдумки разнообразны. В одних местах они распространяют слухи о «машине, в которой будут сжигать всех старух, чтобы они даром не ели хлеб». В другом месте нашептывают, что весной будет об'явлен набор 4 тыс. девушек для отправки в Китай в уплату за КВЖД. В третьих — этот слух варьируется в том смысле, что будут отправлять только женщин-колхозниц, имеющих более трех с половиной пудов веса, и тоже в Китай для «размножения белой расы». Все эти слухи и измышления действуют на несознательные умы отсталой части крестьянства и особенно женщин, отталкивая их от колхозного движения. В этом отношении чрезвычайно любопытен «курьезный, но не лишенный политического смысла факт», имевший место в деревне Брусянки, Баженовского района (Урал, Свердловский округ). В этой деревне поп организовал массовую продажу билетов... на «тот свет». Билеты продавались трех классов и стоили от 50 коп. до 2 руб. 50 коп. Допускались скидки. Корреспондент сообщает, что кулачье не проявило особого интереса к этим билетам, но зато «с темной забитой бедноты попу удалось собрать значительное количество полтинников» [1]). Здесь необходимо подчеркнуть, что в этой деревне абсолютно не было никакой массовой работы с беднотой и батраками.

Мирная агитация и распространение злостных слухов сочетаются у кулаков с подготовкой террористических актов, с организацией контрреволюционных банд. Кулаки прячут оружие. Так, например, в Шаталовском сельсовете, Солнцевского района (Курск), при раскулачивании у кулаков были найдены армейские винтовки и патроны [2]). Раскулачивание вообще приводит к целому ряду неожиданностей. При раскулачивании, напр., в Борисоглебском округе (ЦЧО) у кулаков было обнаружено несколько центнеров царских кредитных денег. Один кулак, например, накопил полтора миллиона (!) царских рублей. При советской власти он скупал царские бумажки у крестьян в расчете на возвращение старых времен. Расчет на контрреволюцию, на возвращение «былых» времен — одна из характернейших черт в идеологии кулачества.

Тактика кулака в колхозном строительстве с неопровержимой ясностью показывает, что все перегибы и искажения генеральной линии партии в области проведения коллективизации и ликвидации кулачества как класса являются такого рода поступками местных органов советской власти, которых ждет кулак.

---

[1]) «Армавирская Коммуна» от 2/III-30 г.

[2]) «Колхозная Правда» от 31/I-30 г.

[3]) «Самарский Колхозник», № 15, за 1930 г.

---

[1]) «Комсомольская Правда» от 23/II-30 г.

[2]) «Курская Правда» от 15/III-30 г.

Вполне правильно и своевременно поэтому в обращении ЦК партии о борьбе с искривлениями в колхозном движении сказано, что перегибы и искажения «являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». Кулак сам выступает в том направлении, чтобы подтолкнуть эти органы к всевозможного рода перегибам и извращениям. Основная ставка кулака — привлечь середняка на свою сторону и изолировать бедноту. А поэтому кулак приветствует перегибы в отношении середняка, он добивается перехода на устав коммун без соответствующей подготовки, он разрушает трудовую дисциплину в колхозе и опутывает отсталые слои крестьянства сетью злостных сплетен, натравливая эти массы на рабочий класс, коммунистическую партию и советскую власть.

Анализ тактики кулака должен дать материал для выправления деятельности сельсоветов в связи с массовой коллективизацией и в связи с политикой ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

⁂

Коллекивизация и раскулачивание, проводимые в условиях отсутствия массовой советской работы, неизбежно ведут к целому ряду искривлений и перегибов. Массовое обследование деятельности сельсоветов, допустивших в своей работе грубые искажения политики партии и советского государства, неопровержимо доказывает, что развернутая массовая советская работа должна быть одним из основных условий всей работы сельсоветов по коллективизации и раскулачиванию.

Советы являются приводным ремнем между партией — основной пружиной пролетарской революции — и массами трудящегося населения, участие которого в социалистическом строительстве обеспечивает нам темпы и качество социалистической реконструкции народного хозяйства. Сельсовет является одним из таких приводных ремней. Огромнейшая роль приводного ремня может быть выполнена только тогда, когда совет в свою работу втягивает действительно все трудящееся население, а не ограничивается лишь небольшой верхушкой актива, состоящего зачастую лишь из членов совета. В этом отношении необходимо обратить особое внимание на оживление работы секций советов, на вовлечение в эти секции возможно большего количества батрачества, бедноты и середняков, на увязку всей работы этих секций с задачами коллективизации и раскулачивания.

Предпосылкой ликвидации кулачества как класса является его полная изоляция от основных масс крестьянства. Такая изоляция может быть достигнута лишь в результате правильно поставленной массовой советской работы. Секции сельсоветов должны явиться звеном, осуществляющим на практике смычку рабочего класса, батрачества, бедноты и середняков. До сих пор во многих местах мы этого не имеем. Секции существуют лишь на бумаге или охватывают очень незначительную прослойку избирателей. Группы бедноты при сельсоветах работают неудовлетворительно. А сельсовет в целом продолжает в некоторых местах оставаться в стороне от коллективизации, ограничиваясь чисто административными мероприятиями в области раскулачивания. Сельсоветы, члены которых решили вплотную заняться вопросами колхозного строительства, в условиях отсутствия массовой советской работы, естественно, пошли по пути наиболее легкого достижения крупных результатов. Это привело к тому, что они начали обобществлять овец, кур, одеяла и т. д.

Значение массовой советской работы в области коллективизации и раскулачивания было в достаточной степени серьезно оценено противниками коллективизации: кулаками и попами. Любопытный факт имел место в селе

Дунине (Медынского района). Местный поп при организации колхоза провел перевыборы церковного совета. В состав церковного совета было включено трое активных бедняков. Результат не замедлил сказаться: эти бедняки вышли из колхоза и потянули за собой других бедняков и середняков. Почему так получилось, почему попу удалось привлечь на свою сторону бедняков? Причины вскрыты на месте.

Оказывается, во время организации колхоза никакой работы с беднотой в Медынском районе не велось. Колхоз был организован чисто административным путем. Ретивые организаторы колхоза даже оттирали бедноту от участия в колхозном строительстве. Любопытно подчеркнуть одну характерную черту: кулачество в этом районе решилось выступить даже с требованием... о чистке бедноты. Партийцы относились к бедноте с презрением. Так, например, агроном-партиец, исключенный теперь по чистке из партии, на собраниях открыто говорил о том, «что бедноту в президиум выбирать не надо: беднота темна и ничего не понимает в выборах». До чистки партийные организации на деятельность такого рода партийцев не обращали почти никакого внимания. Отсутствие массовой работы советов способствовало тому, что члены партии, выступившие инициаторами организации колхозов, смогли создать колхоз из зажиточных, отказывая в приеме туда беднякам [1]).

Раскулачивание, проведенное без участия масс, отсутствие предварительной массовой советской работы среди бедноты создают такое положение, что мероприятия сельсовета по раскулачиванию остаются висеть в воздухе. Больше того, беднота при таких методах раскулачивания предпочитает оставаться в стороне. Так, например, в Грязовецком районе (Архангельск) были случаи отказа бедноты вселяться в кулацкие дома. В Камьянском колхозе, — пишет селькор, — «один кулацкий дом пустует, так как никто туда не идет. Такой же случай был в Пироговском сельсовете» [2]). О чем говорят эти факты? Они говорят о полном отсутствии массовой работы среди батрачества и бедноты, о чисто аппаратных методах раскулачивания, о неподготовленности основных масс крестьянства к мероприятиям советской власти. Невнимательность по отношению к массовой работе дает себя знать на каждом шагу: любое важное мероприятие сельсовета, проведенное в обход и вне связи с массовой работой, превращается в мероприятие, тормозящее коллективизацию и срывающее раскулачивание.

Кулак чувствует себя особенно развязно там, где нет массовой работы сельсоветов. В этих условиях ему удается иногда добиться больших результатов. Следующий любопытный случай был, например, в селе Ревино, Золотовского кантона (Покровск): под влиянием кулаков общее собрание граждан села вынесло постановление о выселении... бедноты. Любопытны мотивы этого постановления: решение мотивируется тем, что «в селе нет продовольственных излишков» [3]).

На данном этапе колхозного строительства особенное внимание кулак обращает на агитацию среди женщин. Кулак ведет с женщинами огромную массовую работу. К сожалению, мы должны признаться, что массовой кулацкой работе с женщинами мы не противопоставляем массовой советской работы. Женщин в секции сельсоветов втянуто очень мало. В группах бедноты при сельсоветах совершенно отсутствуют беднячки. А между тем женщины, составляющие половину населения деревни, в вопросах коллективизации и раскулачивания играют и будут, несомненно, играть огромнейшую роль. Что делает кулак для того, чтобы организовать женщин против коллективизации? Кулаки воздействуют на женщин, используя их религиозные чувства. Попы провокационно «отказываются» служить в случае организации колхоза. Это служит темой серьезных разговоров на собраниях верующих, состоящих в большинстве своем из женщин. Кулачество и духовенство предпочитают закрытые женские собрания, не допуская туда мужчин. Кулаки и подкулачники созывают нелегальные собрания женщин с целью противодействия колхозному строительству. При раскулачивании кулаки прежде всего обращаются к женщинам, пытаясь вызвать у них сочувствие и организовать их для своей защиты [1]).

---

[1]) «Рабочий Путь», Смоленск, от 7/III-30 г.

[2]) «Северная Коммуна» от 3/III-30 г.

[3]) «Поволжская Правда», Саратов от 3/II-30 г.

На работу среди женщин в процессе организации массовой советской работы необходимо обратить самое серьезное внимание. «Исключительное значение,—пишет «Правда» в передовой от 18/III,—в последние дни приобрел женский вопрос в деревне. Многочисленные факты указывают на использование женской отсталости и неорганизованности кулачеством, главным образом, через своих жен и дочерей. Наша неумелость вести работу среди женщин сильно помогает кулаку».

При проведении сплошной коллективизации кулак, не решаясь сам на открытое противодействие, запугивает женщин «колхозными ужасами» и мобилизует их на выступление против коллективизации. Так, например, в селе Окоровском, Одоевского района, кулаки организовали толпу женщин и устроили антиколхозную демонстрацию. Лозунгом этой демонстрации было: «Да здравствует советская власть, но без колхозов». Местные организации не вели никакой массовой работы с женщинами. Больше того, они были настолько оторваны от жизни населения своего села, что самая демонстрация явилась для них неожиданностью, о подготовке которой они ничего не знали. Массовая демонстрация против кулачества была организована бедняцко-середняцкими массами соседнего села. Бедняцко-середняцкие массы из соседнего села собрали в селе Окоровском многочисленный митинг, где была раз'яснена тактика кулаков и принято решение о слиянии сел в один колхоз [2]). Различие положения этих двух рядом находящихся сел, из которых в одном была организована кулацкая контрреволюционная демонстрация против колхозов, а в другом — бедняцко-середняцкая революционная демонстрация за колхозы, заключалось в том, что в одном из них была поставлена массовая советская работа, а в другом эта работа совершенно отсутствовала.

Все эти примеры убеждают нас в том, что основным условием коллективизации и раскулачивания должно явиться оживление деятельности сельсоветов в области организации массовой советской работы. Секции сельсоветов, группы бедноты и производственные совещания при сельсоветах, собрания крестьянского актива, совещания женщин и молодежи, расширенные пленумы сельсоветов и т. д.— все эти формы массовой советской работы должны быть использованы для того, чтобы втянуть основные массы деревни во все мероприятия сельсовета по вопросам коллективизации и раскулачивания.

* * *

При изучении вопроса о причинах отстранения сельсоветов от колхозного строительства было выяснено, что социальный состав сельсоветов во многих отношениях является неудовлетворительным для разрешения задач, ставших в процессе массовой коллективизации сельского хозяйства. Изменение социального состава сельсоветов путем досрочного отзыва неработоспособных и извращающих классовую линию депутатов сельсоветов и путем досрочных частичных перевыборов — значительно изменило отношение сельсоветов к вопросам коллективизации. Однако, последнее время сельсоветами было совершено чрезвычайно много ошибок при проведении коллективизации и при ликвидации кулачества как класса. Все эти ошибки и перегибы в значительной степени об'ясняются отсутствием массовой работы. У работников сельсоветов нет умения и опыта организовать массовую советскую работу, втянуть в нее основные массы крестьянства, сплотить их вокруг мероприятий советской власти и направить их организованную силу против кулачества и духовенства. Массовое действие трудящегося населения заменялось административным порывом. Волна колхозного энтузиазма среди крестьянства разбивалась о бюрократически-чиновничье отношение к вопросам колхозного строительства. Стремление батрачества и бедноты и усилия колхозников к правильному проведению политики раскулачивания срывались формальными мероприятиями сельсоветчиков, заботящихся не о реальных процессах жизни, а о бумажных цифрах, думающих больше не о правильной классовой линии, а о хорошем канцелярском отчете.

Социальный состав сельсоветов является основной причиной, об'ясняющей недостатки и отсутствие массовой советской работы и искажения классовой линии в процессе коллективизации и раскулачивания. Однако, огромное значение имеет также и подготовка работников по советскому строительству. До сих пор у нас эта подготовка почти совершенно отсутствовала. Курсы по советскому строительству проводились от случая к случаю. На создание хорошей учебной литературы и на подготовку преподавателей по советскому строительству не обращалось почти никакого внимания. В результате — мы не имеем ни хороших учебников, ни достаточно подготовленных преподавателей, ни удовлетворительно поставленных курсов по советскому строительству. В последнее время ВЦИК издал закон о подготовке работников по советскому строительству. Этот закон предусматривает организацию центральных, областных и окружных курсов и специальных научно-учебных учреждений для подготовки работников в этой области. Партийные и советские организации должны обратить особое внимание на более скорое проведение этого закона в жизнь.

В целях улучшения работы местного советского аппарата ЦКК—РКИ выдвинуло идею о реконструкции госаппарата путем сокращения функций (и штатов) областных и окружных центров наряду с увеличением и расширением функций (и штатов) районных исполнительных комитетов. Эта идея нашла свое практическое осуществление в опытно-показательных округах [1]). Результаты организации и работы этих округов должны быть самым тщательным образом изучены. В опытно-показательных округах удалось добиться путем перераспределения функций, большого сжатия окружных аппаратов и увеличения аппаратов риков. Рики получают не только ценных работников, но и материальные средства для улучшения своей работы. Это мероприятие ведет к приближению госаппарата к массам населения, к сокращению передаточных инстанций, к искоренению целого ряда причин, порождающих бюрократические извращения, содействует улучшению работы низового советского аппарата и дает возможность действительно широко развернуть массовую советскую работу, что особенно необходимо теперь, в период социалистической реконструкции народного хозяйства.

---

[1]) «Тверская Правда» от 12/III-30 г.; «Волжская Коммуна» от 16/II-30 г., Самара; «Северная Коммуна» от 26/II-30 г., Архангельск; «Призыв» от 18/II-30 г., Владимир.

[2]) «Коммунар» от 23/II-30 г., Тула.

---

[1]) Опыт организации показательных округов дан в брошюре тов. В. Гроссмана — «Опытно-показательные округа». Институт советского строительства и права. 1930 г.

К вопросу о соединении промышленности с сельским хозяйством.

Проблема изживания противоположности между городом и деревней, проблема слияния в высшем единстве промышленности и сельского хозяйства становится теперь в СССР чрезвычайно актуальной.

Противоположность между городом и деревней зародилась значительно ранее возникновения капитализма. Капитализм только усилил, углубил эту противоположность.

> «Она начинается, — писали Маркс и Энгельс, — вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени... В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и обособления. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности»[1].

Если в прошлом отделение города от деревни, отделение промышленности от сельского хозяйства наряду с отрицательной стороной (эксплоатация деревни городом) играло и прогрессивную роль (развитие производительных сил, под'ем культуры), то теперь, когда создались в мировом хозяйстве материальные предпосылки для уничтожения этой противоположности, для слияния в высшем единстве промышленности с сельским хозяйством, чего требует само дальнейшее развитие производительных сил,—капитализм этой противоположности уничтожить не может.

Бесконечное количество препятствий на этом пути ставит частная собственность. Она не позволяет уничтожить эксплоатацию деревни городом; обрекает сельское хозяйство на состояние раздробленности (замедляет в нем процессы концентрации), не допускает планового ведения хозяйства с рациональной эксплоатацией всех естественных ресурсов и с правильным распределением всей наличной рабочей силы в стране, не допускает преодоления сезонности с.-х. труда; она не сможет через слияние в высшем единстве промышленности с сельским хозяйством открыть каналы для невиданного еще в истории развития производительных сил, ибо этому мешают условия реализации в капиталистическом обществе. Она стоит препятствием на пути к новому коллективному быту[2].

Вот почему, хотя технические предпосылки для соединения промышленности с сельским хозяйством к данному времени создались и в буржуазном обществе (электрическая энергетика, система машин в сельском хозяйстве, высокий уровень индустриализации в передовых странах и т. п.), все же нет для этого и не может быть при капитализме социальных предпосылок.

> «Только общество, — писал Маркс, — способное гармонически приводить в движение свои производительные силы согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупные промышленные предприятия по всей стране, сближая фабричное производство с сельскохозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения производительных сил».

Но такое общество может возникнуть только после победы пролетарской революции.

Маркс и Энгельс писали, что:

> «Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности, условием, которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит, сразу же не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны быть еще развиты)»[1].

Таким образом, уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности. В СССР этот процесс начался. Пролетарская революция в нашей стране сначала покончила с эксплоатацией деревни городом (как известно, последнее получило свое развитие при капитализме). Она национализировала банки, промышленность, транспорт, землю, передав их в общественную собственность, провозгласила диктатуру пролетариата и на этой основе установила иные взаимоотношения между городом и деревней. Это были самые главные, общие предпосылки. Но этих предпосылок было еще недостаточно для того, чтобы приступить вплотную к уничтожению противоположности между городом и деревней, к соединению промышленности с сельским хозяйством. Необходимо было еще достижение значительного, а затем и высокого уровня индустриализации страны, необходимо было уничтожение частной собственности на основные средства производства в сельском хозяйстве, необходимо было распространение планового начала на все без исключения отрасли народного хозяйства, необходима была организаторская помощь со стороны рабочего класса деревне. Последние предпосылки частью уже созданы и создадутся в ближайшее время.

Наша промышленность на много перевалила за довоенный уровень и овладела темпами, которые обеспечивают достижение высокого уровня индустриализации в минимально короткие сроки. Сплошная коллективизация, которая уже теперь охватила около половины крестьянских хозяйств в СССР, наряду с ликвидацией кулачества как класса, и вместе с этим имеет тот глубокий смысл, что последняя и притом одна из крупнейших отраслей народного хозяйства втягивается в сферу непосредственного планирования, превращается в отрасль промышленности. В связи с этим мы получили возможность десятки тысяч пролетариев, десятки тысяч техников, агрономов и т. п. уже направить на помощь по-социалистически перестраиваемой деревне.

Все это и создает теперь те необходимые условия, которые позволяют ставить проблему соединения промышленности с сельским хозяйством на практическую почву.

* * *

Что заставляет нас сейчас уделить этой проблеме большое внимание?

Во-первых, разрешение проблемы энергетики. Теперь, когда во всех советских республиках, во всех областях нашего Союза будет развертываться крупное промышленное строительство, когда весь СССР превращается в индустриальный[1]), вопрос энергетической базы становится, как один из самых основных вопросов нашего хозяйственного строительства. Но разрешить этот вопрос можно успешнее всего при том условии, если сеть новых крупнейших районных электростанций будет рассчитана на одновременное обслуживание всех отраслей народного хозяйства. Именно такая установка давалась планом Гоэлро.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 234.

[2] «Устройство общего домохозяйства предполагает развитие машинизма, использование сил природы и развитие многих других производительных сил, как, например, водопроводов, газового освещения, парового отопления (рукою Маркса: отмену города и деревни) и т. д. (Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 242).

[1] Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 234.

> «Жизненно-практическое решение вопроса электрификации народного хозяйства возможно лишь при гармоническом обслуживании районными электрическими станциями всех разнообразных видов потребителей электрической энергии» (130).

Известно, что чем крупнее электростанция, чем она полнее и равномернее загружена, тем дешевле обходится та энергия, которую она поставляет. Это относится не только к гидросооружениям, но и, тем более, к паровым станциям. Обслуживание только одной отрасли народного хозяйства не обеспечивает равномерной нагрузки электростанций. Это достигается при питании энергией всех отраслей хозяйства в данном районе. К примеру, в ту часть суток и в ту часть года, когда энергия не потребляется или в меньшей степени потребляется промышленностью, ее можно использовать на обслуживании мелиоративных сооружений, электропахоты, для усиленных транспортных перевозок и т. д. В летний период, при отпусках рабочих в промышленности и сокращении потребления энергии на освещение, нагрузка станций компенсируется обслуживанием электроэнергией сельского хозяйства, где требования на электроэнергию концентрируются преимущественно в этот период. Именно электрификации будет принадлежать решающая, всеопределяющая роль в соединении промышленности с сельским хозяйством. На энергетической основе сельское хозяйство включается в единый производственный процесс.

Но так ли актуальна для нас проблема электрификации сельского хозяйства? Действительно ли сельское хозяйство в ближайший период может пред'явить громадные требования на электроэнергию? Такие недоуменные вопросы часто задают некоторые товарищи. Мы думаем, что подобные позиции об'ясняются только недоучетом всех наших реконструктивных возможностей и тех требований, которые скоро пред'явит индустриализирующееся народное хозяйство СССР. Нам уже приходилось высказываться об актуальности проблемы электрификации сельского хозяйства[2]). Мы не будем здесь повторять того, что говорили, приведем только несколько новых доводов. Если даже исключить наиболее спорный вопрос — об электропахоте (хотя мы присоединяемся к тем товарищам, которые стоят за возможность широкого применения электропахоты) все же для применения электроэнергии в сельском хозяйстве открываются громадные перспективы. Эти перспективы идут прежде всего по линии обслуживания растущей быстрейшим темпом индустрии по переработке с.-х. продуктов, по линии подведения энергетической базы под животноводство, садоводство, огородничество и т. п. Но особенно гигантскими эти перспективы открываются по линии всякого рода мелиоративных сооружений. Через ближайшие два года мы освоим весь удобный пахотный фонд. Дальнейшее освоение новых земель,—а без этого мы не можем разрешить проблемы сырья, потребность в котором возрастает во много раз, не можем удовлетворительно разрешить проблемы снабжения и экспорта, не можем дальше итти в под'еме урожайности, не можем придать большей устойчивости с.-х. производству—

---

[1]) У нас скоро совсем не будет типичных с.-х. районов. Бывшие такими ЦЧО, Нижняя Волга, Средняя Азия, Сибирь, Северный край намечены также к превращению их в крупные индустриальные центры. Даже Казакстан и Средняя Волга стоят накануне крупнейшего развертывания индустрии.

[2]) «Правда» 28/XII—29 г.

можно осуществить только через широчайшую сеть всякого рода мелиоративных сооружений. Гигантские ирригационные сооружения Днепра, бассейна Волго-Донской системы, системы рек между Каспием и Черным морем, в Средней Азии, широкая сеть мелиоративных сооружений в северной, западной и центральной полосе Союза не только введут в обработку десятки миллионов новых земель, но и поднимут на много, часто в несколько раз, урожайность на старых пахотных землях. Они позволят поднять на невиданную высоту интенсификацию всего сельского хозяйства. Орошение только одного Заволжья может дать товарную продукцию зерновых культур, равную продукции нынешней УССР. Но сделать это можно лишь при помощи самой дешевой и почти не знающей границ к увеличению электроэнергии[1]). Никакие другие силовые сооружения не в силах произвести эту невиданную техническую революцию в сельском хозяйстве. Громадные заболоченные пространства, засушливые безбрежные края, полупустыни нашего СССР при помощи электроэнергии мы превратим в цветущие края самой высокой с.-х. культуры. Но это мы можем выполнить только при условии, если уже теперь во всем электростроительстве учтем в качестве громадного потребителя сельское хозяйство, если от строительства карликовых станций перейдем к строительству крупных, если будем в электрическом проводе видеть мощный рычаг к уничтожению противоположности между городом и деревней.

Во-вторых, проблему соединения промышленности с сельским хозяйством выдвигают вопросы правильной организации труда. Высокий темп индустриализации, развернутое гигантское строительство пред'являют и еще больше будут пред'являть гигантские требования на привлечение рабочей силы из сельского хозяйства в индустрию.

Мы уже теперь испытываем затруднения с рабочей силой для строительства и для других сезонных отраслей промышленности (торфоразработки, лесозаготовки и т. п.). Через год — два требования на рабсилу для сезонных отраслей промышленности больше чем удвоятся. Но требования на добавочную рабсилу будут возрастать для всех отраслей промышленности. Они особенно будут напряженными на ближайшем этапе реконструкции. С другой стороны, полное и рациональное использование рабочей силы, имеющейся в деревне — при прогрессирующей механизации всех отраслей сельского хозяйства — невозможно без частичного отвлечения ее в промышленность.

Известно, что имевшаяся в сельском хозяйстве рабочая сила использовалась только примерно на ⅓. У нас теперь нередко распространены взгляды, что массовая коллективизация открывает такие возможности для использования рабочей силы деревни в сельском хозяйстве, что в ближайшее время не только будут поглощены все наличные рабочие руки в самой деревне, но мы встретимся даже там с недостатком рабочей силы. Изживание так наз. аграрного перенаселения может быть найдено, мол, и без отхода значительной части колхозников в промышленность. Эти взгляды глубоко ошибочны и даже реакционны. Обычно мотивируют, что развитие интенсивных отраслей в колхозах сильно повышает трудоемкость сельского хозяйства. Но при этом забывают, что механизация этих интенсивных отраслей очень скоро в несколько раз понизит их трудоемкость. А мы теперь в интересах индустриализации страны будем всемерно форсировать механизацию с. х. Частично мы парализуем это понижение трудоемкости развитием интенсивных отраслей вширь. Но этого одного недостаточно, требуется отвлечение крупных отрядов рабочей силы в промышленность. Дальше утверждают, что само гигантское строительство в колхозах пред'явит огромные требования на рабочую силу. Это верно; но оно займет все же только некоторую часть колхозников, только специально выделенные на это отряды. При чем на ближайшие несколько лет по линии колхозов должно быть исключено широкое жилищное строительство, тем более новое географическое размещение селений. На данном этапе это не в интересах самой реконструкции сельского хозяйства, не в интересах индустриализации страны. Строительство надо ограничить преимущественно хозяйственными постройками и культурными учреждениями. Это еще больше выявит свободные рабочие руки в деревне. Только при отсутствии правильной организации труда в колхозах может не найтись в тех или иных районах избыточной рабочей силы в деревне. Выделение рабочих рук в промышленность, организация отхода теснейшим образом связаны с полным и рациональным использованием рабочих рук коллективизирующейся деревни. Многими также забывается, что преодоление сезонности с.-х. труда, занятого во всех отраслях сельского хозяйства (за исключением некоторых животноводческих), не может быть разрешено без соединения сельского хозяйства с промышленностью. В интересах самих колхозов необходимо выделить значительные кадры рабочей силы в индустрию для производства технического вооружения рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Только при этом условии мы можем во столько раз умножить производительность с.-х. труда, что доведем ее до уровня возросшей производительности индустриального труда. А это есть одно из основных условий к изживанию противоположности между городом и деревней [1]. Отвлечение излишней рабочей силы из деревни в индустрию, преодоление сезонности сельскохозяйственного труда, на основе соединения сельского хозяйства с промышленностью, явится нашим новым колоссальнейшим резервом, способствующим ускорению темпа индустриализации страны, который перекроет даже те резервы, какие мы недавно пускали в ход (7-часовой рабочий день, переход на непрерывку). Актуальность разрешения этой проблемы для всего дела социалистического переустройства деревни — очевидна. Рациональное и полное использование рабочей силы деревни есть один из решающих путей к закреплению коллективизации. С разрешением этой проблемы связано теперь преодоление основных трудностей в колхозном движении, в конечном счете от нее будет зависеть и процесс перерастания колхозов в предприятия последовательно-социалистического типа.

---

[1]) Мелиоративные сооружения с паровыми двигателями кажутся теперь варварством перед электрифицированными сооружениями. Для паровой установки надо подвозить уголь, воду. рабочему приходится работать в трудных условиях, требуется много рабочей силы. На электрифицированной мелиоративной установке не надо ни топлива, ни воды, один рабочий может обслужить десятки установок.

В-третьих, проблема специализации сельского хозяйства, только на путях которой мы и добьемся высокой товарности с.-х. продукции, включения с.-х. предприятий в социалистическое разделение труда — неразрешима без преодоления сезонности с.-х. труда. 2 месяца работы в году при механизированном полеводстве не обеспечат колхознику высокий уровень жизни в течение целого года. Колхозы будут сбиваться вследствие этого на универсализм отраслей, будут придавать своему хозяйству потребительский уклон. Ибо при малой нагрузке в году своей рабочей силы, при ограниченном в результате этого годовом заработке они для сносного существования должны будут преимущественно нажать на потребление производимой у себя продукции примерно по ценам себестоимости, сильно снижая уровень накоплений для расширенного воспроизводства. Преодоление сезонности с.-х. труда невозможно только на путях производственных процессов в сельском хозяйстве. Извозные промысла, снегозадержание, возведение с.-х. построек и т. п. займут только некоторую часть свободного времени. Основное и решающее здесь лежит только по линии соединения промышленности с сельским хозяйством.

В-четвертых, разрешение проблемы социалистического быта для всего населения нашей страны, проблемы, которая также скоро встанет в число актуальных проблем, тоже упирается в изживание противоположности между городом и деревней, в соединение промышленности с сельским хозяйством. У нас будет развертываться строительство целой сети новых городов, культурных центров, и в эту проблему упирается теперь ряд многих других важнейших проблем нашего строительства. Мы здесь делаем только небольшую попытку несколько поставить эту проблему.

Формы соединения промышленности с сельским хозяйством.

Кроме общей энергетики, мы можем иметь примерно пять следующих форм более тесного соединения промышленности с сельским хозяйством: 1) промышленность, перерабатывающая разнообразные виды с.-х. сырья; 2) мелкая (кустарная) промышленность; 3) сезонные отрасли добывающей и строительной промышленности; 4) гигантские промышленные комбинаты в окружении агроиндустриальных комбинатов; 5) некоторые виды машиностроения.

Остановимся несколько на этих формах связи.

Промышленность, перерабатывающая с.-х. сырье.

Прежде всего, здесь надо сказать об отраслях с.-х. индустрии. К ней мы обычно относим те отрасли переработки с.-х. продуктов или первичной обработки сырья в полуфабрикат, которые органически связаны с сельским хозяйством, оказывают непосредственное реконструирующее влияние на сырьевую базу, работают на малотранспортабельном сырье. С.-х. индустрия

---

[1] Интересно в связи с этим привести здесь расчеты Баллода о потребной рабочей силе в его проекте организации общественного, социализированного производства Германии. Требуется Германии в отрасли производства средств производства при переходе на обобществленное производство (в тыс. чел.):

ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА	Постоянных регулярных рабочих	Добавочн. колич. в течен. переходн. периода	
		Ежегодно в течение 2 лет.	5 лет
Горнозаводское дело	468	—	—
Железоделательные заводы	280	400	—
Кирпичные заводы	100	—	200
Цементные заводы	100	—	250
Каменщиков и подавальщиков	250	—	1100
Производство тонких изделий из железа	200	—	500
Машиностроение	208	1500	—
Производство по обработке дерева	150	—	850
Строение и сохранение	—	—	500
Судостроение	30	—	100
Оросительные работы и работы по мелиорации	—	500	—
Другие строительные работы	—	—	500

Всего, по его расчетам, необходимо постоянных и регулярных рабочих для промышленности 6.964 тыс. чел., добавочного количества в течение переходного периода для отраслей, производящих средства производства и для строительства ежегодно в течение 2-х лет 2.400 тыс. ч., в течение пяти лет—4.150 тыс. ч. В сельское хозяйство, по его расчетам, потребуется постоянных рабочих всего около 2 млн. чел. или только около ¼ всех постоянных рабочих. (Баллод.—Государство будущего. Изд. 1920 г., стр. 145—149).

прежде, за исключением немногих отраслей (сахарная, мукомольная, винокуренная, маслобойная), была чрезвычайно слабо развита и захватывала узкий круг тех районов, где по климатическим, почвенным и экономическим условиям возможно было производство того или иного вида сырья для переработки.

Помимо того, что недостаточное развитие большинства отраслей с.-х. индустрии задерживало рост соответствующих отраслей сельского хозяйства, народное хозяйство, даже при прежнем уровне производства сырья, терпело крупные издержки от примитивной первичной обработки и переработки с.-х. продукции, от отсутствия индустриальных форм производства в тех или иных отраслях. Эти потери исчислялись многими сотнями миллионов рублей ежегодно [1]). Только устранением одних этих потерь мы в некоторых отраслях целиком, а в других в значительной части покроем необходимые капитальные вложения на индустриализацию переработки. Но мы должны будем в ближайший период бешеным темпом развивать большинство отраслей с.-х. индустрии, главным образом, потому что в это упирается разрешение проблем реконструкции самого сельского хозяйства, рабочего снабжения, сырьевой проблемы и проблемы экспорта. Такие темпы вполне возможны и обязательны для нас при тех отличительных особенностях, которыми будет сопровождаться развитие с.-х. индустрии в реконструктивный период. Они суть следующие:

1) развертывание с.-х. индустрии на базе быстро прогрессирующей механизации в большинстве отраслей сельского хозяйства. Это стимулирует широкое развертывание сырьевой базы;

2) ликвидация капиталистической верхушки деревни в поставках сырья и громадное преобладание, а скоро и полное господство обобществленного сектора (это дает усиление специализации, повышение товарности, сокращение оседания, особенно растительного сырья);

3) продвижение с.-х. индустрии в новые районы и новые виды сырья (кукуруза, соя, кенаф, кендырь и т. п.);

4) строительство с.-х. индустрии в гнездовом порядке (что дает экономию на капитальных затратах, создает общую энергетику и т. п.);

5) возможность большой мобилизации средств населения и преобладания их доли в общих затратах;

6) рост продуктивного животноводства в ближайшее время как результат общих реконструктивных сдвигов в сельском хозяйстве;

7) усиление планового начала в сельском хозяйстве и специализация отдельных с.-х. районов;

8) сращивание в единый хозяйственный организм перерабатывающих предприятий со своей сырьевой базой.

---

[1]) Так, например, по подсчетам проф. Шапошникова, от недовыхода волокна из льняной соломы, плохой выработки волокна и потери ценных элементов в костре, благодаря примитивной технике обработки льна наше народное хозяйство даже при довоенном уровне льняных посевов ежегодно теряло около 100 млн. руб.

По разным подсчетам, потери от убоя скота примитивным способом, когда терялись или плохо использовались многие отходы, потери в весе от массовой перевозки скота по ж. д., мы ежегодно теряли свыше сотни миллионов рублей.

От того, что мы позволяли курице «роскошь» самой высиживать яйца (от отсутствия инкубаторов), мы теряли ежегодно 100 млн. руб. (благодаря раннему прекращению яйценоскости, позднему выводу цыплят и т. п.).

Потери от крайне мизерной переработки плодов, от недостаточной переработки овощей оцениваются свыше 100 млн. руб.

Потери от недовыхода жира из маслосемян от примитивной кустарной переработки оценивались многими десятками миллионов рублей.

По наметкам пятилеток весны 1929 г. предполагалось произвести капитальных вложений в с.-х. индустрию по линии ВСНХ, торговой, кооперативно-колхозной и совхозской индустрии около 2 млрд. руб., т.-е. основной капитал ее должен был примерно удвоиться.

Вся продукция ее доводилась до 6 млрд. рублей или показывала почти утроение. В сравнении с довоенными эти темпы кажутся гигантскими. Но эти наметки через полгода оказались по многим отраслям чрезвычайно недостаточными. Теперь выясняется с полной очевидностью, что капитальные вложения в с.-х. индустрию уже в это пятилетие должны быть минимум увеличены в два раза [1]). Возможности для этого лежат по линии большей мобилизации ресурсов самого населения. Прежде средства населения составляли 15 — 20%, по пятилетке они проектировались в размере 25 — 30%, теперь они могут составить 75—80%. Сейчас в связи с массовой коллективизацией можно на развитие с.-х. индустрии ежегодно мобилизовать сотни миллионов рублей средств населения (взносами, авансированием труда и т. п.). В росте переработки с.-х. продукции чрезвычайно заинтересовано само население.

Сел.-хоз. индустрия есть один из решающих рычагов развития технических культур, садоводства, огородничества, а теперь и большинства животноводческих отраслей. Она разрешает проблему использования рабочей силы в деревне не только стимулированием данных интенсивных отраслей, но и преодолением сезонности с.-х. труда. В свободное от полевых работ время, особенно поздней осенью и зимой, значительная часть рабочей силы будет занята на переработке с.-х. продукции. На этот счет мы имеем яркие доказательства. Например, в коммуне «Живой колос», успевшей обрасти перерабатывающими предприятиями, колебания в нагрузке рабочей силы между максимумом и минимумом выражаются как 1 : 2, в другой же—«Заря социализма», где этих предприятий нет — колебания выражаются отношением 1 : 11,5. Это свидетельствует о той большой роли, которую с.-х. индустрия играет в преодолении сезонности с.-х. труда [2]).

Конечно, не вся производимая в колхозах продукция должна быть обязательно здесь же переработана. Даже не каждый крупный агроиндустриальный комбинат (с площадью в 100 — 200 тыс. га) обязательно должен иметь у себя законченный процесс переработки. Например, в хозяйствах, производящих лен, хлопок, кенаф, рациональнее на месте только первичная обработка (льнообделочные, хлопкоочистительные и т. п. заводы), а переработка их в готовые изделия может производиться на крупнейших предприятиях или в группе предприятий, перерабатывающих сырье в основном в районах концентрации текстильной промышленности. Даже некоторые крупнейшие предприятия с.-х. индустрии, перерабатывающие транспортабельное сырье, или где понижение издержек от укрупнения предприятий перекрывает расходы по транспортировке, могут одновременно являться межрайонными предприятиями (крупные мельницы, бэконные фабрики, мясохладобоенные комбинаты, некоторые виды консервной промышленности). Хотя чисто индустриальные предприятия, перерабатывающие отбросы с.-х. производства, могут иногда быть разбросаны по стране, быть тесно увязанными с сельским хозяйством. К примеру, назовем производство искусственного шелка из стеблей кукурузы (вискозная промышленность), бумажную промышленность из кукурузной целлюлозы и ряд отраслей по переработке кукурузных кочерыжек.

---

[1]) К примеру: Госплан предполагал по пятилетке всех вложений в животноводческие отрасли с.-х. индустрии 625,3 млн. р., а теперь выяснилось, что в одном 1929/30 г. будет вложено свыше ⅓ всех запроектированных вложений! В консервную промышленность прежде предполагалось вложить около 50 млн. руб., теперь намечается около 400 млн. р., продукция ее должна в 8 раз превысить предположения пятилетки. Наша консервная промышленность в короткий срок догоняет американский уровень, становится крупной отраслью. Вложения в промышленность по обработке льна мы должны минкмум утроить, поскольку посевная площадь под льном-долгунцом вырастет в 1932/33 г. по сравнению с предположениями пятилетки в три раза. Значительно должны возрасти вложения и в сахарную промышленность. По варианту пятилетки Сахаротреста, с весны 1929 г. намечалось производство сахара в 1932/33 г. 3 млн. тонн, теперь, по недавно пересмотренной пятилетке, намечается: свекловичного 3,9 млн. тонн и кукурузного 0,5 млн. тонн, т.-е. увеличение программы на 50%, что вызовет дополнительные реконструктивные мероприятия по старым заводам и строительство новых.

[2]) Конечно, роль переработочной индустрии в коммуне «Живой колос» в устранении колебаний загрузки рабочей силы в соотношении 1 : 2 несколько преувеличена, ибо коммуна перерабатывала не только свое, но и часть чужого сырья. Но, если даже принять во внимание некоторые поправки — все же бесспорной должна быть признана на ее примере крупная роль с.-х. индустрии в полной и равномерной загрузке рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве.

Особо крупное значение должна иметь вискозная промышленность (она не только ослабит напряженность нашей потребности в текстильном сырье, но имеет крупное значение для обороны страны). А ведь посевы кукурузы в целях развития животноводства у нас скоро будут занимать десятки миллионов га! Значит, сильно возрастет сырьевая база для многих отраслей промышленности, при условии приближения их к данной сырьевой базе с сохранением, однако, трестовской формы организации и управления. Мы стоим еще только в самом начале возникновения целой группы новых отраслей промышленности, утилизирующих целиком все сельскохозяйственное сырье [1]), и перед огромным расширением старых отраслей на новом сырье. Мы стоим накануне возникновения широчайшей сети мощных агроиндустриальных комбинатов, которые по промышленному образцу будут перестраивать все наше сельское хозяйство, теснейшим образом увязывая добычу сырья с его первичной обработкой и переработкой, связываясь и по энергетической линии со всей крупной индустрией.

Кустарно-ремесленная промышленность в системе обобществленного сельского хозяйства.

В мелкой и кустарно-ремесленной промышленности было занято в 1928/29 г. 2.951,4 тыс. человек, в 1929/30 г.—3.240,7 [2]) тыс. чел., или столько же, сколько в крупной цензовой промышленности (на 1/I—30 г. в последней занято 3.031 тыс. чел. [3]). На 1930/31 г. кустарно-пром. комитетом ВСНХ число рабочих в кустарной промышленности намечается свыше 4 млн. человек. Куст.-ремесл. промышленность уже теперь дает продукции на несколько миллиардов рублей [4]). Большинство кустарной и мелкой промышленности сосредоточено в сельских местностях или местечках, преобладающее число промыслов так или иначе связано с сельским хозяйством. Особенно большое распространение кустарно-ремесленная промышленность получила в Московской, Ивановской, Нижегородской, Уральской областях, в некоторых округах БССР, Ленинградской области. Но в тех или иных размерах она есть во всех районах СССР. Этот род промышленности наиболее рассеян по стране и наиболее близко связан с сельским хозяйством.

Надо ли на ближайший период ставить задачу дальнейшего широкого развертывания кустарных промыслов? Ответ на этот вопрос может быть

только один — их надо всемерно развертывать как в интересах индустриализации страны, так и в интересах самой реконструкции сельского хозяйства. Развитие кустарных промыслов не стоит у нас в противоречии с развитием крупной промышленности. Кустарная промышленность или включена в производственный цикл крупной промышленности (отделка, доделка, сборка изделий, производство подсобных материалов для госпромышленности и т. п.), или производит такие виды продукции, которых не производит крупная промышленность, или дает продукцию остро дефицитных стройматериалов и прочие изделия из местного сырья. В конечном счете отрасли кустарной промышленности на базе электрификации будут подниматься на технический уровень крупной промышленности, сливаться со всей промышленностью. Темп индустриализации страны только выигрывает от развития кустарной промышленности.

Во-первых, выигрывает тем, что мы можем в таком случае значительно увеличить производство предметов потребления промышленного характера, без добавочных крупных вложений в соответствующие отрасли легкой промышленности, и тем самым с'экономить лишние средства для вложений в тяжелую индустрию. Во-вторых, кустарная промышленность уже много дает и будет еще больше давать строительных материалов (кирпича, извести, алебастра, черепицы, песка, драни и т. д.). В-третьих, она является дешевой школой массовой подготовки квалифицированных кадров рабочей силы для крупной промышленности. Если мы проследим динамику развития кустарных промыслов за последнее время, то сможем наблюдать, что наибольший темп развития получают отрасли: деревообделочная, обработка минералов, т.-е. отрасли, обслуживающие индустриальное строительство [1]). Но нам выгодно развивать даже производство некоторых видов промышленной продукции для потребления через реконструированные кустарные промысла (коллективные электрифицированные мастерские), чем сразу же строить для этого специальные, крупные предприятия (ибо в последнем случае возможна мобилизация значительных средств самого населения, отпадают затраты на жилстроительство, доля которых в капитальных затратах, как известно, довольно высока). Большое значение кустарная промышленность будет иметь и для обороны страны [2]).

Крупное значение мелкой промышленности для индустриализирующегося сельского хозяйства можно считать бесспорным. Во-первых, для самого реконструируемого сельского хозяйства потребуется громадная масса строительных материалов, которые надо произвести на месте. Во-вторых, потребуется громадное количество разного рода тары и упаковочного материала, которые должна дать преимущественно кустарная промышленность (бочки, ящики, корзины, рогожи,

---

) Например целая серия предприятий, последовательно утилизирующих все элементы сырья, может возникнуть на переработке кукурузы, сои, есть уже на свекле может быть в переработке молока (по выработке масла и сыра, казеинное производство всевозможные изделия из казеина) и т. п.

[2]) «На Плановом Фронте», № 2, 1930 г., ст. А. Стечкиной.

[3]) I. Угланов — «Правда», 6/III-30 г.

[4]) По данным куст.-пром. комитета ВСНХ, она составит в 1929/30 г. около 5 млрд. р., по наметке Госплана СССР—около 4 млрд. руб.

---

[1]) В ближайшие годы по контрольным цифрам продукция возрастает (в млн. рублей):

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Обработка дерева	414.2	823,3	987,9
„ минералов	189,5	241,2	340,9
Металлообрабатывающая	409,6	437,5	472,5
Текстильная	1468.0	1554.0	1649,5
С.-х. машиностроение	25.3	24,8	26,5
Обозостроение	33,5	37,0	40,7
Обработка материал. животн. происхождения	12,2	13.3	14,6
Худож. научн. предметы	33,06	36,17	41,6
Топливная	15,24	15,95	16,6
Пищ.-вкусовая	629,4	649,5	654,1

[2]) Особенно по линии развертывания лесохимических промыслов, обозостроения, производства обмундирования, подготовки значительных кадров, которые будут годны в технических войсках.

мешки, веревки и т. п.). В-третьих, кустарная промышленость должна дать и известную часть средств производства для сельского хозяйства (минеральных удобрений, транспортного инвентаря, сетей и веревочного материала, некоторых простейших орудий).

В-четвертых, и это самое главное, мелкая (кустарная) промышленность может сыграть крупную роль в преодолении сезонности с.-х. труда и в разрешении вопроса деревенской безработицы вообще. Известно, что в с.-х. производстве наибольшее напряжение в отношении трудовых затрат выпадает только на некоторые летние месяцы. Рабочая сила, занятая на кустарных промыслах, в этот период может быть занята на с.-х. работах, в остальную часть года в разного рода мастерских. В связи с механизацией полеводства и обобществления быта окажется много излишней рабочей силы в деревне, особенно женского труда. Кустарные промысла явятся одним из каналов, поглощающих эту излишнюю рабочую силу, к наиболее ее полному использованию. При чем, это будет такой канал, который позволяет сочетать использование ее в промышленности и в сельском хозяйстве.

Вот почему надо в связи с массовой коллективизацией деревни не только сохранить и расширить большинство [1] старых, но и организовать ряд новых промыслов, захватить ими и такие районы, где они до сего времени не получили сколько-нибудь значительного развития (где и характер промыслов в основном сводился к работе на мелких индивидуальных заказчиков из их же сырья или материала). Сплошная коллективизация должна не ликвидировать кустарные промысла, а поднимать их на высшую ступень, и там, где этого не поняли, где недооценили самостоятельной крупной роли кустарной промышленности и в результате, хотя бы временно, снизили в целом продукцию кустарной промышленности, несомненно, допустили в данном вопросе крупную ошибку.

Что значит на основе сплошной коллективизации поднять кустарные промысла на высшую ступень? Это значит, во-первых, их обобществить. Вместо мелких индивидуальных мастерских, построить общественные укрупненные или крупные мастерские. Во-вторых, это значит поднять их на высшую техническую базу, реконструировать, электрифицировать. Электрификация кустарных промыслов поднимает на много производительность труда кустарей и, как показывает практика у нас, чаще всего в несколько раз [2]. До начала процесса сплошной коллективизации только меньшую часть кустарей удалось кооперировать. В ближайший год — два завершится процесс поголовного кооперирования кустарей и полной ликвидации их капиталистической прослойки. Если год назад из кооперированных кустарей меньше трети работало в общих мастерских, то в текущем году будет работать примерно около 40%. Через года два—три всех кустарей можно вовлечь в коллективные мастерские. Общие же «коллективные мастерские технически стоят несравнимо выше,

---

[1] Некоторые из старых отраслей кустарной промышленности, несомненно, должны быть сокращены, а кое-какие со временем совсем ликвидированы. Например, производство хлопчатобумажных тканей может быть ликвидировано, льняных—сильно сокращено, так как эти отрасли в мелком об'еме производства приводят к огромной растрате труда. Но большинство отраслей кустарной промышленности получают крупный размах

[2] Так, например, в трикотажно-вязальном промысле после устройства электростанции в Боровичском районе производственные расходы в себестоимости изделий снижены при размотке пряжи с 21 к. до 1,62 коп. за дюж., при вязании чулок с 1 руб. 36 коп. до 80 коп. за дюж. В Коммунистической вол., Московск. окр., установка мотора в 3 л. силы сразу же заменила 7 чел., что с'экономило в день 20 р. при улучшении качества изделий. Картонажно-кустарная мастерская по установке маленького моторика в 0,75 л. с. повысила производительность труда на 75% («Материалы к перспективному плану развития сельск. и лесн. хоз.», ч. 3, стр. 50).

чем работа на дому. В них не только целесообразно организован труд, но и проведена частичная механизация» [1]. Многие из таких мастерских, как показывает опыт, уже легко превратить и в цензовые крупные предприятия [2].

Таким образом, уже в ближайшей перспективе кустарная промышленость, благодаря коллективизации промыслов и их электрифицированию, начнет утрачивать свои специфические черты кустарной промышленности, кустарные мастерские будут перерастать в крупные или укрупненные социалистические предприятия, а некоторые отрасли кустарной промышленности даже в целые соответствующие новые отрасли крупной социалистической промышленности, теснейшим образом связанной с индустриальным земледелием. Имея перед собой эту перспективу на фоне электрификации всей страны, мы можем смело итти навстречу широкому развертыванию кустарной промышленности, увеличению во много раз ее общей продукции.

Для того, чтобы обеспечить быстрый рост кустарной промышленности, необходимо работу кустарно-промысловой кооперации самым теснейшим образом увязать с работой колхозной системы. Взаимоотношения между ними теперь уже вырисовываются в следующем виде.

В районах гнездового расположения промыслов, где они составляют основное занятие населения (Кимры, Павлово, Боровичи и т. п.), создаются только промколхозы, которые входят в систему кустарно-промысловой кооперации. Без коллективизации промыслов здесь невозможна и коллективизация сельского хозяйства. В районах, где кустарные промыслы не преобладают, но носят массовый характер (Московский округ, Вятка, Ярославль, Нижний-Новгород и т. д.), там на ряду с колхозами создаются промысловые об'единения, которые входят в соответствующие специализированные кустпромсоюзы. Здесь может быть двойное членство: в колхозе и в промысловой артели. В районах, где промысла носят только подсобный к сельскому хозяйству характер (а таковыми являются большинство районов), там они организуются просто как часть колхозов. Между системой кустарно-промысловой кооперации и колхозной заключаются генеральные договоры, по которым, прежде всего, строго оговаривается распределение рабочей силы по времени года на работах в сельском хозяйстве и в промысловых мастерских (для всех районов). Дальше оговариваются вопросы реконструктивных мероприятий в области сельского хозяйства и производство определенной товарной с.-х. продукции (для первой группы районов), вопросы снабжения неместным сырьем, кредитования, реализации продукции и технической консультации со стороны кустпромсоюзов (для третьей группы), отчислений из заработка членов и прибылей кустарно-промысловых об'единений в фонды колхозов (для второй группы районов) [3].

Именно при таком взаимодействии работы куст.-пром. кооперации и колхозной системы мощный под'ем кустарной промышленности не помешает дальнейшему развитию сельского хозяйства даже в районах с высоким удельным весом промыслов в народном хозяйстве. С другой стороны, мощный под'ем коллективного сельского хозяйства во всех остальных районах не затормозит широкое развертывание кустарной промышленности. Реконструктивные мероприятия в той и другой отрасли при взаимном сочетании дадут максимальный эффект для всего народного хозяйства СССР.

---

[1] Стечкина, А. — «На Плановом Фронте», № 2-30 г.

[2] Цензовые предприятия промысловой кооперации выросли «с одной стороны, благодаря коллективизации и организации новых общих мастерских, с другой—из предприятий госпромышленности, переданных коопсистеме». (Там же).

[3] Подробнее о взаимоотношениях между кустарн.-пром. кооп. и колхозной системой и о развитии кустарной промышленности по районам см. статьи Я. Никулихина и Миколенко в газете «Социалист. Земледелие», от 16 и 27 марта 30 г.

Связь с сезонными отраслями промышленности (отходничество).

Громадная, все возрастающая масса сезонных рабочих будет требоваться на лесозаготовки, на сплав, торфоразработки, на всякого рода строительство, рыбные промысла, в некоторые ветви химической промышленности и т. п. В 1929 г. в них было занято около 5 млн. чел., в 1930 г. сюда требуется уже свыше 7 млн., т.-е. за один год потребность возросла не менее чем на 40%. Сезонные отрасли промышленности, с одной стороны, дают занятия избыточной рабочей силе деревни вообще, с другой стороны, они все более будут призваны играть крупную роль в полной и равномерной нагрузке рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, т.-е. явятся могучим средством к преодолению сезонности с.-х. труда.

Лесозаготовки дают наиболее тесную связь сельского хозяйства с сезонной промышленностью. В лесных районах Европейской части СССР, в Сибири, на Дальнем Востоке рабочая сила колхозов, тем более агроиндустриальных комбинатов, может быть занята в зимний период почти целиком на лесозаготовках, за исключением только той части, которая будет выделена для ухода за продуктивным скотом (рабочий скот тоже будет занят на лесозаготовках) или на обслуживание общественных учреждений колхозов. Особенно крупную роль в этом деле наряду с лесосельхозами должны сыграть агроиндустриальные комбинаты. И те и другие, благодаря высокой механизации с.-х. производства, позволяют в зимний период подавляющее большинство рабочей силы выделять на лесозаготовки. Государственные лесозаготовительные организации имеют дело не с индивидуальным крестьянином, не с карликовыми колхозами, а с такой мощной организацией, как комбинат, который выступает в роли организатора рабочей силы, дисциплинированность которой сложилась в производстве самого агроиндустриального комбината, который к тому же, наряду с рабочей силой, предоставляет и своих лошадей, подвозит заготовленный на месте фураж. Здесь агроиндустриальный комбинат и государственные лесосельхозы прямо должны органически сочетать сельскохозяйственное производство с лесоразведением, с лесозаготовками и даже, в известной мере, с обработкой древесины.

Сплав лесных материалов, по сравнению с лесозаготовками, потребует меньше рабочей силы и преимущественно ранней весной, захватывая некоторую часть периода полевых работ.

Торфяные разработки захватят районы, расположенные, главным образом, южнее основных лесозаготовительных районов (где об'ем лесозаготовок меньше), ближе расположенных к промышленным центрам (Ленинградская, Московская, Ивановская, Западная, Нижегородская области). Торфяные разработки требуют рабочую силу, главным образом, в летний период и в начале осени.

Сплав и торфоразработки, хотя в меньшей степени, чем лесозаготовки, но все же играют значительную роль в преодолении сезонности с.-х. труда для районов нечерноземной полосы. Они предоставляют работу ранней весной до начала основных полевых работ, в перерывы между весенними посевами, подготовкой земель под озимые и началом сенокоса и уборки, при чем при механизации этот перерыв можно значительно расширить. Если в южных районах существующие разрывы между с.-х. работами, благодаря теплому климату и длительному вегетационному периоду, можно заполнить началом широкой практики получения в году с одной площади двух урожаев, то в большинстве нечерноземных районов при коротком вегетационном периоде это исключено. Здесь разрывы в напряженности с.-х. работ могут быть заполнены преимущественно в сезонных отраслях промышленности. При чем сплав и разработки могут дополнять друг друга, последовательно занимать одну и ту же рабочую силу с ранней весны до дождливого периода осени.

Конечно, рабочей силы, находящейся в районах производства перечисленных работ или в соседних с ними районах — нехватит. Отходом в данные отрасли придется захватить громадную полосу СССР, включая северную часть ЦЧО, Средне-Волжской обл., Уральской и юг Западной области. Но мы должны стремиться к максимальному изысканию рабочей силы в самых районах лесозаготовок, сплава и торфоразработок. Это дает крупную экономию на транспортировке, на обмундировании, известную экономию даже на жилищах, облегчает вопросы снабжения (некоторые виды пищевых продуктов, фуража можно изыскивать на месте), обеспечивает большее постоянство и высокую выучку рабочей силы. К тому же при большей приспособленности ее к климатическим условиям обеспечивает и более высокую производительность труда. Но для того, чтобы громадные избытки рабочей силы в этих районах создать, необходима теперь форсированная индустриализация сельского хозяйства всей нечерноземной полосы. Если в прошлом степень механизации, машинизации, т. н. потребляющих районов была чрезвычайно низка даже по сравнению с нашими южными и восточными районами, то теперь ее надо не только выравнять, но на базе электрификации в некоторых отраслях даже перегнать (в животноводстве). Этого потребуют в ближайшее время интересы индустриализации страны.

Отвлечение рабочей силы на строительные работы необходимо решительно для всех районов. Гигантское строительство теперь начнется по всему СССР. Строительные работы происходят, главным образом, весной, летом и осенью, т.-е. они требуют преимущественно избыточного труда. Но неверно думать, что строительство не играет роли в преодолении сезонности с.-х. труда. Во-первых, зимой данную рабочую силу можно и следует использовать на производстве стандартных строительных деталей (рамы, двери, отесанные камни и т. п.). При чем на производстве этих материалов могут быть заняты не только рабочие-отходники, но и занятые летом на с.-х. работах. И чем скорее мы сумеем это дело организовать в крупном масштабе, тем сильнее повысим темп строительства. Самый отход большой части излишней рабочей силы позволяет, при усиливающейся механизации сельского хозяйства, полнее и равномернее загрузить на с.-х. работах наличные рабочие руки деревни в течение всего годового периода.

Если прежде мобилизация рабочей силы шла стихийно и сезонные отрасли зависели от многих случайностей, а сельское хозяйство часто забрасывалось, то теперь, когда дело мобилизации отходников возьмут в свои руки сами колхозы и вместе с органами Наркомтруда, хозяйственными организациями будут проводить ее организованным, плановым порядком, то на этом пути будет найдено сочетание максимального развертывания сезонных отраслей. с максимально быстрым темпом индустриализации самого сельского хозяйства.

Сочетание агроиндустриальных комбинатов с промышленными комбинатами.

Крупнейшее индустриальное строительство, особенно металлургии, и химической промышленности, лесообрабатывающей и химической, химической с каменноугольной и т. п., пойдет в форме создания гигантских индустриальных комбинатов (Днепровский, Магнитогорский, Кеммеровский, Сталинградский, ряд комбинатов на Севере и т. д.). Тенденции к промышленному комбинированию стали сильны даже в капиталистическом обществе.

Если отбросить ряд причин, которые толкают к комбинированию промпредприятий в капиталистическом обществе (как-то: выгоды от общности рынков сырья и рынков сбыта, получения кредита, торгового представительства и т. п.), то все же основные экономические выгоды, лежащие по линии общего энергетического центра, хозяйственного использования всех отбросов, экономии на транспорте, экономии во времени, экономии на общехозяйственных расходах, об'единении научно-лабораторного дела, — целиком остаются. Кроме того, у нас добавляются выгоды от общего строительства городских поселков, коммунального хозяйства, культурных учреждений и т. д.

В какой связи могут быть эти гигантские промкомбинаты с сетью окружающих их агроиндустриальных комбинатов? Эта связь будет самая тесная. Прежде всего их будет об'единять пользование энергией из единого энергетического центра. Надо прямо сказать, что только на основе дешевой электроэнергии, полученной от мощных районных электроцентралей по образцу будущего Днепростроя, можно произвести глубочайшую реконструкцию сельского хозяйства, поднять во много раз его производительные силы и устранить неблагоприятные природные условия.

Вторым связующим звеном станут общие транспортные артерии (строительство ж.-д. магистралей, веток, автомобильных дорог, каналов, пристаней). Все значение хорошего транспорта для реконструкции, индустриализации сельского хозяйства не нуждается в доказательствах.

Третьим звеном связи явится использование отходов и отбросов промкомбинатов в индустриальном сельском хозяйстве. Отработанные воды могут пойти для орошения, теплые воды дадут, например, большой эффект в развитии огородного дела. Целый ряд отбросов химической промышленности может найти применение в сельском хозяйстве и с.-х. индустрии (к примеру — серная кислота и хлористая известь в сахарном производстве).

Четвертое звено — снабжение населения промкомбинатов с.-х. продуктами, особенно теми из них, которые мало транспортабельны (овощи, молоко, картофель и т. д.).

Пятое звено — ряд общих крупнейших очагов культуры (специальных школ, театров, усовершенствованных лечебниц и т. п.).

Наличие хороших дорог и автомобильного транспорта, плюс ж.-д. ветки, позволит пользоваться культурными учреждениями городов в гнезде промкомбинатов и населению окружающих агроиндустриальных комбинатов.

Пространство в 60—100 километров есть преграда к городской культуре при конном транспорте, но это пространство при автомобильном транспорте не является препятствием. Это положение можно перевернуть для населения промкомбината в отношении центров агроиндустриальных комбинатов. Общие спортивные праздники-состязания будут возможны в центре АИК.

Практика совместного существования промкомбинатов и АИК покажет нам еще и другие формы связей и зависимостей между ними.

Связь индустриального земледелия с машиностроением.

Сейчас мы пока имеем огромный недостаток квалифицированной рабочей силы в деревне (трактористов, комбайнеров, монтеров, слесарей и т. п.). Ближайшие два-три года нам придется зимний период, главным образом, использовать для переквалификации наличной рабочей силы и для использования уже подготовленной к обучению широчайших пластов новой. Перерывы в полевых работах во время летнего периода использовать для дорожного строительства.

Но скоро, через несколько ближайших лет, индустриализация сельского хозяйства создаст громадные кадры высоко-квалифицированной рабочей силы в деревне. Зимой большинство ее уже не придется переучивать. Использовать ее для небольших, всякого рода мелких работ (подвоза материалов, снегозадержание и т. п.) тоже будет невыгодно (для этого можно будет использовать неквалифицированный труд). Известную часть ее можно использовать в некоторых кустарных промыслах. Но основной массив ее использовать и здесь нерационально. Где есть леса, там можно использовать на заготовках леса, особенно в обработке дерева. Но все наши, т. наз. производящие районы лежат вне лесных зон. Выход может быть найден в том, чтобы начать строительство широкой сети небольших, но высоко механизированных заводов (на базе электроэнергии), где производились бы отдельные детали к машинам, а сборка их производилась бы на гигантских сборочных заводах.

Насколько это будет рационально? Соображения насчет топлива отпадают, поскольку энергией данные предприятия будут питаться с районных электростанций. Подвозка металла не вызовет крупных расходов, вернее не больше расходов, чем подвозка к теперешним крупным машиностроительным заводам, поскольку основные районы зерна и большинство технических культур близко расположены к металлургическим базам (Донбасс, Нижнее Поволжье, Урал, Кузбасс). Расходы по транспортировке частей машин на сборочные заводы будут с лихвой перекрыты эффектом рационального использования квалифицированной рабочей силы. И с тех пор, как создадутся широкие кадры квалифицированной рабочей силы в сельском хозяйстве, а с другой стороны, мы будем настолько богаты, что сможем позволить себе «роскошь» строить металлообрабатывающие заводы с частичным использованием в году—мы сможем приступить к реализации и этого пути сочетания использования одной и той же рабочей силы как в сфере промышленности, так и в индустриальном земледелии [1]).

* * *

В дальнейшем могут возникнуть и другие формы сочетания промышленного труда с сельскохозяйственным, разрешающие в целом задачи слияния промышленности и сельского хозяйства в их высшем единстве. Об этом ярко написано и в знаменитом плане ГОЭЛРО. С одного конца электрификация сослужит колоссальную роль «по быстрейшему изживанию зияющего противоречия между новым городом и новой деревней. Но мы неуклонно должны работать и с другого конца, решительно реформируя жизнь наших новых городских центров и промышленных ячеек в целях все более углубленного и планомерного сочетания труда промышленного и земледельческого» (135).

Конечно, мы не сразу подойдем к разрешению всей проблемы в целом. Здесь также будет возможна известная очередность. Сначала соединение сельского хозяйства с промышленностью будет итти по линии общей энергетики, общих транспортных артерий с.-х. труда с переработкой, с кустарным промыслом и с сезонными отраслями промышленности.

Дальше встанет на очередь и вопрос о смычке целой сети промкомбинатов с широкой сетью агроиндустриальных комбинатов, о соединении индустриального земледелия с высокого типа отраслями индустрии (машиностроение и т. п.). Затем создадутся условия, которые предоставят всем промышленным рабочим возможность принять участие в с.-х. труде. Встанет на очередь расселение старого типа крупных городов, создание широкой сети новых социалистических городов и агрогородов, станет возможным полное изживание противоположности между городом и деревней. Ясно, что эти ступени не отделены механически друг от друга, они будут в жизни переплетаться, будет налицо ряд переходов. Но в каждый момент надо знать, на чем делать ударение. Только в этом случае будет обеспечено быстрое и устойчивое развитие производительных сил строящегося социалистического общества.

---

[1]) Как на одну из возможных перспектив уже для следующего пятилетия указывали на это некоторые плановые работники:

«Возможно будет повести более широкое развитие более верхних сложных ступеней машиностроения и других производств в специализированных небольших предприятиях, разбросанных более широко по территории, с созданием центральных сборочных заводов. При этих условиях можно будет более равномерно использовать ценные гнезда рабочей силы, разбросанные по стране, и сочетать использование труда как для промышленности, так и для обобществленного сельского хозяйства». (Н. Колосовский. «Плановое Хозяйство», № 6, 1929 г.).

Под углом зрения изживания противоположности между городом и деревней, соединения промышленности с сельским хозяйством надо прорабатывать теперь почти все хозяйственные и культурные проблемы: энергетики, транспорта, порайонного размещения промышленности, специализации с.-х. районов, новых социалистических городов (включая и агрогорода), рационального и полного использования рабочей силы в стране и т. п. Разработка общих теоретических проблем, как, например, проблемы расширенного воспроизводства СССР, есть также ключ к разрешению проблемы города и деревни.

К разработке всех этих и подобных проблем необходимо приковать теперь основное внимание нашей научно-теоретической и научно-технической мысли.

М. Фурщик.

О либеральном и марксистском понимании этики.

В своем последнем большом труде «Материалистическое понимание истории» Каутский приписывает себе заслугу об'яснения морали из природной общественности человека, показанной Дарвином. Каутский при этом заявляет, что Маркс и Энгельс разделяли взгляды Дарвина на происхождение человека и вместе с Дарвином рассматривали человека, как «от природы общественное животное», но не занялись об'яснением морали, исходя из этой общественной сущности человека, данной ему самой природой. Этот «пробел» в марксизме восполнил Каутский (по его словам) в своей работе, вышедшей в 1906 году под названием «Этика и материалистическое понимание истории».

Что верно, то верно. Маркс и Энгельс действительно в своих рассуждениях о морали никогда, ни до появления дарвиновского «Происхождения человека», ни после его появления, не считали нужным апеллировать к нравственной природе человека, как это делает Каутский в своей «Этике и т. д.», а также в своем последнем труде, где теория о нравственной природе человека призвана обосновать лживый пацифизм на словах и социал-фашизм на деле.

Каутский считает нужным подчеркнуть, как он шел и пришел к тем взглядам, которые изложены им в «Этике...» и в более развитом виде повторены в «Материалистическом понимании истории».

В 1876 году им был написан «Набросок по истории развития человечества», который не был опубликован и который он счел нужным теперь опубликовать в качестве приложения к своему большому двухтомнику. Автор дает этому наброску следующую характеристику:

> «Преуспеяние, рост, гибель народов и отдельных классов зависит от того, насколько данная общественная форма усиливает или ослабляет общественные инстинкты. Так как в конечном счете победа на стороне той нации или класса, которые об'единены более сильными социальными инстинктами, чем их противники» [1].

Дальнейшее развитие взглядов 1876 г. характеризуется самим Каутским как умение «лучше оценивать развитие способов производства и их воздействия (Einwirkung) на общество». Вот в чем «марксизм» Каутского — он состоит в умении лучше оценивать влияние экономического развития на общество и только. Общество — нечто отдельное, самостоятельное по отношению к экономическому развитию. Последнее только влияет на общество, которое определяется чем-то другим. Чем?

> «Как и раньше—освещает престарелый Каутский путь развития Каутского молодого, развития к марксизму—я усматривал в общественных инстинктах решающий фактор общественной жизни» [2].

---

[1] К. Каутский, «Матер. понимание истории», т. I, стр. 254.

[2] Там же. Курсив наш.—*М.Ф.*

Это утверждение Каутского верно. Так, полемизируя в статье «Общественные инстинкты в мире людей» (1884 г.) против Спенсера, Каутский не находит лучшего аргумента как то, что «общественные инстинкты человека являются чем-то первоначальным (Urwüchsiges), а не продуктами культуры» [1]. Односторонности Спенсера противопоставляется другая односторонность: робинзонаде — общественное априори. «Первобытный коммунизм — одно из проявлений социальных инстинктов» — утверждает Каутский [2]. Первобытный коммунизм у Каутского не социально-экономическая, а социально-психологическая категория. «Коммунизм дикарей отчетливее всего выражается в потреблении, но он сказывается также в производстве», говорит «марксист» Каутский [3]. Общие дома у индейцев, общественная собственность на землю, общее участие в постройке домов и т. д. — все это следствие социальных инстинктов:

> «Нет, — говорит Каутский по адресу сторонников Спенсера, — если мы присмотримся поближе к жизни людей в естественном состоянии, то найдем у них вместе с полной деятельностью общественных инстинктов и именно благодаря ее влиянию также и полное равенство и полное отсутствие какой бы то ни было власти» [4].

Вот как велика, по Каутскому, сила общественных инстинктов. Они определяют производство, потребление, социальную организацию в целом. Что касается быта, то его Каутский рисует в сентиментально-идиллических тонах и красках, игнорируя почти совершенно темное, варварское и жестокое, которого есть вдоволь в жизни первобытного человека, еле поднявшегося над миром животных.

Между 1884 и 1906 годом, когда вышла в свет «Этика и материалистическое понимание истории», лежит период в 22 года. За этот период Каутским был написан ряд «ортодоксальных» трудов, в которых он приближается к марксизму. К этому ряду работ принадлежит и «Этика и т. д.» И поэтому тем более характерно, что основная, едва прикрытая идеалистическая концепция, представленная в цитированных работах, сохранилась почти полностью в «ортодоксальной» «Этике...», правда, в несколько более завуалированной форме.

Вот чем, по Каутскому, характеризуется общество: «Его единство и гармония, равно как и его связь, могут вытекать лишь из действий и желаний его членов. Но это единство желаний будет тем обеспеченнее, чем больше оно будет вытекать из одного сильного инстинкта». Мысля общество как организм, Каутский принцип этого организма видит в общественных инстинктах. В отличие от животного организма общество, говорит он, не имеет ни прочного скелета, поддерживающего мягкие части, ни всеоб'единяющей кожи, ни всепитающей циркуляции крови, ни всем управляющего сердца, ни мозга, придающего единство его познанию, воле и движениям [5]. В общественном организме роль скелета, кожи, сердца и т. д. перенимают общественные инстинкты. Место материальной связи в животном организме заступает в «общественном организме» желание, инстинкт.

В высшей степени интересно заглянуть в «Путь к власти», составляющий кульминационный пункт «ортодоксальности» Каутского и вместе с тем лебединую песню его как революционера. Приведем некоторые небольшие выдержки:

> «Вся экономическая теория становится пустой игрой понятий для каждого, кто не исходит из признания, что движущей силой всякого экономического прогресса является человеческая воля... Это, в конечном счете, воля к жизни, лежащая в основе всей экономики и вместе с самой жизнью появляющаяся у организмов, одаренных способностью движения и познания. Всякое проявление воли, в конечном счете, может быть сведено к воле к жизни...
>
> Развитие техники также есть проявление воли к жизни. ...Человек принадлежит к общественным животным... Воля к жизни принимает здесь форму воли жить вместе с сочленами по обществу и для них... Воля есть движущая сила всего экономического процесса. Воля образует его исходный пункт, ею проникнуты все его проявления... Экономическая необходимость... происходит из необходимости воли к жизни живого существа и неизбежности для него использовать при этом те жизненные условия, с которыми оно встречается. Экономическая необходимость представляет собою необходимость определенного волевого устремления» [1].

Каутский на экономический процесс смотрит под углом зрения волевого устремления индивида, его желания жить. Это желание есть движущая сила всего экономического процесса. Все остальное, как развитие техники, классовая борьба и т. д., есть проявления воли к жизни индивида, является второстепенным, производным от воли, образующей исходный пункт и движущую силу экономического развития. То, что мы называем экономической необходимостью, представляет собой необходимость воли к жизни в ее конкретном выражении, т. е. необходимость определенного волевого устремления. Воля к жизни наталкивается каждый раз на определенные жизненные условия, которые она неизбежно должна использовать — отсюда и изменения форм проявлений этой воли.

Так Каутский в самый расцвет своей «ортодоксальности» разрешал теоретически вопрос о сущности, своеобразии человеческого общества и закономерности его развития. Читатель видит, что концепция 1876 и 1884 годов в основном сохранилась и в 1906 и в 1909 году. Эта концепция идеалистическая, корни которой ведут к философии Шопенгауэра, как увидим ниже. Общество, по Каутскому, есть форма выражения воли к жизни индивидов, воли «жить вместе с сочленами по обществу и для них»; закономерность общественного развития есть закономерность определенных волевых устремлений индивидов. Дух, воля является демиургом истории. Нечего говорить о том, что эта концепция ничего общего с марксизмом не имеет.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, касаясь вопроса о «предпосылках истории», говорят между прочим следующее:

> «Первой предпосылкой всякой человеческой истории является, разумеется, существование живых индивидов, людей. Первым историческим актом этих индивидов, которыми они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают производить средства для своего существования» [2].

Разница между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Каутским, с другой стороны, состоит в том, что в то время, как первые в производстве средств для существования усматривают первый исторический акт, Каутский усматривает в нем простое следствие воли к жизни, свойственной человеку наряду с животными. То, что Маркс и Энгельс относят к предпосылке истории — существование живых индивидов, людей — Каутский переносит в историю и вдобавок к этому в одностороннем, в идеалистическом извращении, когда эмпирически констатируемый факт существования живых индивидов, людей с определенной естественной организацией подменяется идеологическим фантомом — волей к жизни.

---

[1] К. Каутский. Матер. поним. истории, т. I, стр. 457.

[2] Там же, стр. 451.

[3] Там же. Стр. 449. Курсив наш.—*М. Ф.*

[4] Там же, стр. 458. Курсив наш.—*М. Ф.*

[5] К. Каутский. «Этика и т. д.», 1922, стр. 67.

---

[1] К. Каутский, Путь к власти, гл. «Экономическое развитие и воля», ГИЗ, 1919.

[2] Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, стр. 214.

В своем последнем большом труде, в котором Каутский «подводит итоги», он буквально заявляет следующее:

> «Унаследованное, априори, определяет весь характер мировой истории»... ¹).

И, продолжая, он заявляет: ошибочно думать, что материалистическое понимание истории ставит характер исторических явлений исключительно в зависимость от материальных отношений.

Среди врожденных свойств фигурирует прямая походка, способность передвижения, унаследованный желудок, особое строение руки, унаследованные способности мышления и *мораль*. Но самое существенное, решающее априори Каутский усматривает в социальных инстинктах.

> «Важнейшие связи общества с самого начала образовали социальные инстинкты и согласие в интересах, в мышлении и хотении членов общества» ²).

Эти социальные инстинкты, как выражение изначальной, первичной воли к жизни, определяют *весь процесс мировой истории*.

Среди социальных инстинктов, «являющихся предпосылкой процветания всех видов общества», Каутский считает:

> «*самоотверженность*, преданность обществу, затем *храбрость* при защите общих интересов, *верность* общине, подчинение воле общего, сиречь, — повиновение или *дисциплина*; *правдивость* по отношению к обществу... Наконец, *честолюбие*, чувствительность к похвале или порицанию общины...». «Все это — социальные инстинкты, которые и в обществах животных выражены порою довольно ярко» ³).

Эти социальные инстинкты и являются, по Каутскому, теми «возвышенными добродетелями», совокупность которых целиком покрывает «нравственный закон», о котором Кант говорит, как о трансцендентальном, сверхчувственном.

> «То, что Канту еще казалось продуктом высшего мира, — говорит Каутский, — в сущности является *продуктом животного мира*... *Нравственный закон является не чем иным, как животным инстинктом*. Отсюда его таинственная природа, отсюда внутренний голос в нас, не стоящий ни в какой связи ни с каким внешним толчком или явным интересом; это тот демон или бог, присутствие которого чувствовали в себе от Сократа до Платона все этики, отказывавшиеся выводить этику из эгоизма или удовольствия. Несомненно, что это стремление является очень таинственным, но оно во всяком случае не таинственнее половой и материнской любви, инстинкта самосохранения и сущности организма вообще...
>
> «...То обстоятельство, что нравственный закон — такой же животный инстинкт, как и инстинкт самосохранения и размножения, об'ясняет также и его силу; отсюда же его настойчивость, которой мы повинуемся без рассуждения... Нравственное суждение, равно как чувство *долга и совести*, вытекают подобно нравственному закону *не из нашей познавательной способности, а из нашей инстинктивной жизни*...».
>
> «...Нет ничего ошибочнее мнения, что совесть есть страх перед товарищами и их мнением, или боязнь физического принуждения. Она проявляется и в таких действиях, которые всегда останутся *сокрытыми* от окружающих... Общественное мнение, похвала и порицание, несомненно, являются очень влиятельными факторами. *Но их влияние уже предполагает известный социальный инстинкт*, честолюбие, *породить же социальных инстинктов они не могут*... Совесть ведь не проявляется открыто, а влияет *в глубине существа*» и т. д. ⁴).

Читатель извинит нас за длинные выдержки. Мы привели лишь немногие из тех пошлостей, которыми Каутский заполняет десятки страниц «ортодоксальной» «Этики» в целях якобы обоснования марксистского учения о морали.

---

¹) К. Каутский, Мат. понимание истории, т. I, 214.
²) Там же, стр. 272.
³) К. Каутский. Этика и материалистическое понимание истории, стр. 58.
⁴) Там же, стр. 59—61. Курсив наш. *М. Ф.*

Самое характерное в этих рассуждениях то, что Каутский совершенно игнорирует основное положение исторического материализма, что *общественное сознание отражает общественное бытие*. Да иначе и быть не может. Ведь, по Каутскому, как мы видели, историческое развитие определяется в первую голову априорной волей к жизни индивидов. Странно было бы требовать, чтобы философский идеалист и метафизик стал бы в вопросе этики на материалистическую, на марксистскую точку зрения.

Он борется с Кантом оружием, позаимствованным из нашумевшей в свое время шопенгауэровской критики кантовской этики. Вслед за Шопенгауэром он кантовскому рационализму противопоставляет интуитивизм, познанию чистого разума — инстинкт. Борьба Каутского с Кантом есть борьба между двумя оттенками в пределах одного и того же идеалистического мировоззрения.

Правда, сам Каутский выдает свою теорию этики за материалистическую, но он под материализмом понимает нечто весьма странное. Слово «материализм» — говорит он в той же «Этике...» — со времени господства христианства всегда служит обозначением философии *борьбы* против господствующих сил. Буржуазия эту философию ненавидит, и это побуждает нас придерживаться именно этого названия для нашей философии. Каутский не из принципиальных, а *из тактических соображений* сохраняет название материализм. Удивительно-ли после этого, что он о своей теории этики говорит, что она «может считаться материалистической» ¹). «*Может*»—какое трогательное ограничение собственного материализма!

Подлинную материалистическую критику кантовской этики мы находим в «Святом Максе» Маркса и Энгельса. Верные своему историческому методу, Маркс и Энгельс прежде всего указывают на то общественное бытие, отражением которого явилась этика Канта.

> «Состояние Германии, — говорят Маркс и Энгельс, — в конце прошлого столетия вполне ясно отражается в кантовской «Критике практического разума» В то время как французская буржуазия, благодаря колоссальнейшей в истории революции поднялась до господства и овладела континентом Европы, и политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала производство и подчинила себе Индию политически и весь остальной мир — коммерчески, — бессильные немецкие буржуа дошли только до «доброй воли» ²).

«Добрая воля» Канта отражает практическое бессилие немецких буржуа, которые в силу экономической слабости и политической раздробленности страны, не имели *развитых* классовых интересов. Отсутствие реальных действительных классовых интересов у немецких буржуа, живших в мелкобуржуазных отношениях, означало противоречие между «мелкими делами и большими иллюзиями». «Добрая воля» Канта есть теоретическое выражение этого противоречия. Она реальное бессилие представляет как идеальное всемогущество практического разума.

И вот что говорят Маркс и Энгельс о кантовском нравственном законе:

> «Характерную форму, которую принял в Германии французский либерализм, опирающийся на действительные классовые интересы, мы встречаем опять у Канта Он, как и немецкие буржуа, адвокатом которых он был, не замечал, что в основе этих теоретических мыслей буржуа лежали материальные интересы и воля, определенная и обусловленная материальными производственными отношениями. Поэтому он отделил это теоретическое выражение интересов от самих интересов и превратил материально обусловленное направление воли французских буржуа «в чистое самоопределение» «*сво-*

---

¹) К. Каутский, Этика и матер. поним. истории, стр 72.
²) К. Маркс и Ф. Энгельс.—Святой Макс. Гиз, 1920, стр. 158—159.

> *бодной воли»*, воли самой по себе, как человеческой воли, сделав из нее таким образом чисто идеологическое понятие и постулат нравственности» [1]).

Основная теоретическая философская мысль в этом рассуждении та, что кантовский нравственный закон выражает *разрыв* между теоретическими мыслями и практикой немецких буржуа, которые хотели жить по-французски, а вынуждены были жить по-немецки. Адвокату немецких буржуа Канту теоретические мысли немецких буржуа неизбежно должны были представляться самодовлеющими, так как основа этих мыслей — материальные интересы и воля, определенная и обусловленная материальными производственными отношениями—находилась, возникла не на немецкой, а на французской почве. Отделение теоретических мыслей от их основы имело место в реальной действительности и нашло свое идеальное отражение в кантовском нравственном законе. Кантовский нравственный закон Маркс и Энгельс называют поэтому «идеологическим понятием и постулатом нравственности».

Немецкий либерализм характеризуется Марксом и Энгельсом, *как мечтание, как идеология о действительном* либерализме и т. п. Кантовское понятие *должного*, превращающее человека в «святого», есть результат отделения немецких буржуа в качестве либералов от его же самого — эмпирического буржуа. В результате такого раздвоения выступают как антиподы, как противоположности, добро и зло, эгоизм и самопожертвование, личные и общие интересы.

Маркс и Энгельс высказываются решительно против такого противопоставления, как догматического постулирования двух сторон жизни индивида. Добро и зло, эгоизм и самопожертвование вовсе не принадлежат к сущности индивидов, как таковых. Одинаково неверно видеть в жертвовании эгоизм, как это делали Гельвеций и Бентам, как и усматривать сущность человека в его святости, как думал Штирнер и на этом основании противопоставил «жертвующего эгоиста» « эгоисту в обыкновенном смысле». Маркс и Энгельс обвиняют Штирнера в следовании христианской диалектике с ее гетерономией плоти, природы, в противоположность автономии духа [2]). *Эгоизм и самопожертвование, по Марксу и Энгельсу, нельзя понять, исходя из природы человека. Они — не простые душевные эффекты и также не простые принципы, а отношения, необходимо вытекающие из естественного способа существования индивидуумов*, т.-е. *из общественных отношений.*

Мы позволим себе привести еще одну выдержку, где, как нам кажется, дана квинтэссенция марксистской этики.

> «Коммунисты не противополагают эгоизм самопожертвованию, ни самопожертвование — эгоизму, и теоретически не выражают эту противоположность ни в благодушной, ни в напыщенной идеологической форме, а, напротив того, указывают на ее материальное месторождение, — вместе же с этим исчезает и само противоречие. Коммунисты вообще не проповедуют никакой *морали*... Они не пред'являют к людям нравственных требований: любите друг друга, не будьте эгоистами и т. п ; они, наоборот, очень хорошо знают, что эгоизм, так же как и пожертвование при известных условиях есть необходимая форма утверждения индивидуума, достижения им известной цели. Следовательно, коммунисты ни в коем случае не хотят устранить «частного человека» во имя «общего» жертвующего человека... Теоретические коммунисты, единственные, у которых нашлось время для занятий историей, примечательны как раз тем, что именно они *открыли* во всей истории созидание «общих интересов» при посредстве индивидуумов, определенных, как «частные люди». Они знают, что эта противоположность лишь *мнимое*, так как одна сторона — так называемые «общие интересы» — беспрерывно производится другой — частными интересами и вовсе не являют-

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Святой Макс, стр. 160—161.

[2]) Там же, стр. 213.

> ся по отношению к ней самостоятельной силой с особой историей и что, следовательно, это противоречие на практике постоянно уничтожается и вновь создается» [1]).

Эгоизм и самопожертвование суть обе необходимые формы утверждения индивидуума. С самопожертвования спадает вуаль мистерии; долг, совесть, угрызения совести и т. п.—все описания противоречия между частным и общим интересом, которые Кант и кантианцы, мистики à la Шопенгауэр и др. называют внутренним голосом, демоном, мистерией, являются не чем другим, как необходимой формой утверждения индивидуума. Нет добрых и злых, эгоистов и жертвователей, как таковых, а есть индивиды, действующие так или иначе в зависимости от определенного положения, доставшегося им особыми условиями развития и разделения труда и так и иначе в зависимости от данных, определенных условий. Эгоизм и самопожертвование — противоречивые стороны одного и того же личного развития индивидов, и обе они вызываются одинаково эмпирическими условиями жизни индивидуумов. Их противоположность относительна, как относительна противоположность между частным и общим интересом. Маркс и Энгельс беспощадно сбрасывают идеологическую шелуху с понятий долга, совести и пр., обнажая и показывая их материальное месторождение. Диалектика общего и частного, общества и индивидуума такова, что противоречие уничтожается и вновь создается. Но это противоречие самой действительности, противоречие отношений. Не внутренний голос, не демона и т. п. чертовщину, а отражение противоречий самой действительности, отражение общественного бытия в общественном сознании находим мы в понятиях долга, совести и т. п. *Категорический императив, нравственный закон не являются действительным актом, а идеологической философской придурью* — таков подлинный взгляд Маркса и Энгельса. *Категорический императив, нравственный закон есть результат отделения сознания от лежащих в его основании индивидуумов и их действительных отношений.* Поставленное на голову отношение между бытием и мышлением рождает такие идеи, как абсолютный, надисторический нравственный закон, свободную волю, автономию чистого практического разума и т. д. Поставленное Марксом и Энгельсом на ноги отношение между бытием и мышлением логически и практически обязывает бросить все эти идеи, как кривое отражение действительности, в мусорный ящик истории, как ненужный хлам, как пережитки эпохи, когда в обществе, расщепленном и разделенном на классы, отдельные моменты, оттенки, ростки на живом дереве человеческого познания односторонне возводились в системы, прямо или косвенно ведшие к боженьке, чертовщине.

«Святой Макс» был написан Марксом и Энгельсом в 1845 году, а последнее предисловие Энгельса к своему «Анти-Дюрингу» датировано 23 мая 1894 г. Посмотрим, что говорит Энгельс о нравственном законе, о морали, спустя 49 лет.

Прежде всего следует отметить, что Энгельс со всей ясностью и отчетливостью подчеркивает, что моральная область *относится только к человеческой истории*. «Эта противоположность, — говорит Энгельс (речь идет о добре и зле *М. Ф.*),—развертывается в моральной, т.-е. относящейся только к человеческой истории, области». Другими словами мораль, нравственность является *исключительно историческим продуктом*. Это решительное заявление Энгельса, не оставляющее места никаким сомнениям, заявление, сделанное к тому же в 1894 году, т.-е. через 20 лет после появления второго издания «Происхождения человека»

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Святой Макс, стр. 206—207.

Дарвина, для нас в высшей степени важно. Ведь Каутский и, как мы дальше увидим, не только Каутский, но и Плеханов, и в особенности тов. Деборин, следующий Каутскому, считают вместе с Дарвином, нравственность продуктом животного царства в конечном счете, т.-е. продуктом доисторическим. По мнению Энгельса же, «люди сознательно или бессознательно черпают свои этические взгляды в последнем счете из практических условий своего классового положения, из экономических отношений производства и обмена» [1].

Это не в бровь, а в глаз всем натуралистам, рядящимся в костюм марксизма, и всем марксистам, желающим примирить марксизм с натурализмом.

И вот, третье такое же решительное заявление Энгельса.

> «Можно ли, — спрашивает Энгельс, — найти во всех трех вышеуказанных моральных системах [2] такое общее, которое представляет «по крайней мере известную долю единой, неизменной морали?». И отвечает: «Эти моральные системы отражают три различные ступени одного и того же исторического процесса. У них, значит, общий исторический фон и уже по одному этому у них неизбежно много общего».

Слушайте, натуралисты! По Энгельсу, общее в моральных системах об'ясняется общим историческим фоном.

> «Мало того, — продолжает Энгельс, — для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития нравственные теории должны непременно более или менее совпадать» [3].

Но ни общее в моральных системах, ни даже совпадение их не колеблют ни на секунду исторический метод Энгельса. Общее, относительное совпадение об'ясняется общим историческим фоном, одинаковостью или приблизительной одинаковостью ступеней экономического развития.

И вот вывод, точно и ясно формулированный вывод Энгельса:

> «Мы, поэтому, отвергаем всякую попытку навязать нам какую-нибудь моральную догматику, в виде вечного, окончательного, отныне неизменного, нравственного закона, под тем предлогом, что и нравственный мир имеет свои непреходящие границы, стоящие выше истории и национальных различий» [4].

Энгельс с одинаковой решительностью отвергает как и неизменный нравственный закон, так и предлог, что нравственный мир имеет свои непреходящие границы, стоящие выше истории. Нравственный мир, по Энгельсу, является продуктом истории и только истории.

Теперь вернемся к Каутскому. Вспомним, что, по Каутскому, нравственный закон, который он характеризует, как совокупность социальных инстинктов, является не чем иным, как нравственным чувством, животным инстинктом. Вспомним далее, что, по Каутскому, нравственный закон имеет «таинственную природу», представляет «внутренний голос в нас», не стоящий, как он говорит, ни в какой связи ни с каким внешним толчком или явным интересом, является тем демоном или богом, присутствие которого чувствовали в себе Сократ, Платон, Кант. Вспомнив все это, читатель в праве спросить, что же, собственно, марксистского во всех этих каутскианских рассуждениях. Признавая таинственность нравственного закона, характеризуя его, как внутренний голос в нас, как демона или бога, т.-е. ставя основной вопрос этики по-сократовски, по-платоновски, по-Канту, Каутский лишь

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1928, стр. 84. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2] Речь идет о моральных системах феодальной аристократии, буржуазии и пролетариата.—*М. Ф.*

[3] Там же, стр. 84—85. Курсив наш.—*М. Ф.*

[4] Там же, стр. 85. Курсив наш.— *М. Ф.*

тем от них отличается, что он эту пресловутую таинственность, внутренний голос и т. д. «об'ясняет» натуралистически. Вместо сократо-платоновско-кантовского априори, Каутский ставит другое априори, натуралистическое. Нравственный закон или совокупность социальных инстинктов, что то же самое, заранее дан человечеству; не являясь историческим продуктом, а заранее данным, он, наоборот, определяет историю.

Каутский делает, однако, следующую «уступку» марксизму. Каутский проводит различие между нравственным законом и нравственными нормами. «Марксизм» Каутского в «Этике...» состоит в том, что он, помимо вечного, неизменного нравственного закона, признает изменчивые нравственные нормы. Они изменяются вместе с обществом, яляясь продуктом определенных общественных условий, уверяет нас Каутский. «Нравственный закон является продуктом социальной природы человека, а все нравственные нормы продуктом особых общественных потребностей» [1], которые меняются с экономическим развитием. Они-то, нравственные нормы, и составляют «специфически человеческое в морали». Нравственный закон, социальные инстинкты «во всяком случае старше меняющихся общественных условий», осторожно выражается Каутский [2].

Отношение между нравственным законом и нравственными нормами, при всей осторожности Каутского, все же здесь дано. Это отношение основания и следствия. Историчны, изменчивы нравственные нормы, но свое подлинное основание они имеют в вечном, неизменном нравственном законе. Они—не что иное, как определенные выражения неизменного нравственного закона, столкнувшегося с определенными условиями, на него влияющими. Условия только влияют на нравственный закон, но ни в коем случае не создают его. Так, Каутский, протестуя против того, чтобы считать привычку или общественное мнение основанием морали, говорит:

> «Элементы привычки в морали влияют лишь в том смысле, что известные нормы без дальнейшего признаются нравственными, но они не порождают тех социальных инстинктов, которые принуждают выполнять требования, признанные нравственными нормами» [3].

Об общественном мнении говорится, что «оно не создает в нас ни нравственного закона, ни чувства долга» [4]. Короче, верховное руководство нравственными нормами принадлежит одному нравственному закону. Отсюда и критерий нравственности переносится Каутским в нравственный закон.

> «Абсолютной безнравственностью, — говорит он, — можно считать отсутствие социальных инстинктов и добродетелей, заимствованных человеком у социальных животных» [5].

Безнравственность в отношении норм является на этом основании условной, относительной.

Критерий человеческой нравственности, являющейся общественной и исторической, лежит вне общества, вне истории. Вы его находите в вечном надисторическом—не шутите—нравственном законе, который, как говорит Каутский, древнее, старше нравственных норм. И не один читатель подумает при этом: честь и слава древнему нравственному закону, но человеческая, общественная, историческая нравственность осталась без критерия; человеческая нравственность нуждается в человеческом же критерии;

---

[1] К. Каутский, Этика и мат. пон. ист., 1922 г., стр. 117. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2] Там же, стр. 118—119. Курсив наш.— *Ф.*

[3] Там же, стр. 109. Курсив наш.—*М.*

[4] Там же, стр. 116.

[5] Там же. стр. 119.

при всем почтительном отношении к своим животным предкам, человечество для своей нравственности в праве требовать человеческого, т.-е. исторического масштаба.

Читатель видит, что «уступка» марксизму со стороны Каутского тут же у него, можно сказать, под руками превращается в искажение марксизма. Навязывание человеческой нравственности натуралистического априори мстит за себя: нравственные нормы на деле те же априорные инстинкты, только приспособленные к измененным общественным условиям; они, вопреки заверениям Каутского, не могут быть продуктами общественных условий уже по одному тому, что они, так сказать, основным своим концом неразрывно связаны с нравственным законом, являющимся их источником и потому и их критерием; они, далее, не могут быть порождениями общественных условий, поскольку причина изменений общественных условий—согласно Каутскому—техника сама является формой проявления, продуктом воли к жизни в конечном счете. Налицо порочный круг, в котором бьется мысль Каутского, не находя выхода за пределы сферы социальных инстинктов, нравственного закона. Нравственные нормы—не что иное, как модификации одного и того же вечного, неизменного нравственного закона или первичного социального инстинкта. Само деление нравственности на две части, на два этажа неправомерно, неправильно и свидетельствует о ложности, путанице в исходном пункте рассуждений, в основе теории.

Такого деления у Маркса и Энгельса нет и быть не может. Такое деление чуждо марксизму. Маркс и Энгельс отвергают вечный, неизменный нравственный закон во всех его видах, оттенках, рассматривая все моральные системы с их заповедями, нормами и правилами, как исторические продукты, соответствующие определенным ступеням исторического развития человечества. Историческая точка зрения на нравственность, а другой еще какой-нибудь точки зрения у марксиста быть не может, не должно, — исключает подобное деление. Это деление понадобилось Каутскому для примирения своего натурализма с марксизмом. Но оно же и показывает — лишний раз наглядно показывает — всю тщетность, весь вред подобных попыток.

В исходном пункте, в основе каутскианской этики лежит идеологическое понятие воли, позаимствованное у Шопенгауэра, постулат свободной воли. В «Этике...» свобода трактуется, как неизбежная психологическая предпосылка всякого действия, как «чувство», которое «не может быть упразднено никаким познанием». Как познание предполагает необходимость, так действие предполагает свободу. «Действовать, значит постоянно выбирать между различными возможностями»—утверждает Каутский[1]. Это положение идеалистическое. Воля отрывается от об'екта, парит над ним, свобода отрывается от необходимости, становясь над нею, определяя ее. В «Материалистическом понимании истории» мы читаем:

> «Вместе с свободой выбора между рядом движений должна появиться и воля. Свобода выбора не означает, однако, свободу воли, она требует совершенно определенную волю, волю к жизни»[2].

Налицо путаница и выкрутас с целью скрыть свой идеализм, а все же Шопенгауэр выглядывает здесь из каждой строчки. О человеческой воле, о воле к жизни Шопенгауэр утверждает, что она свободна и что ее свобода выражается в свободе выбора. Человек «определяет себя, независимо от наличных (gegenwärtigen) об'ектов, посредством мыслей, которые являются его мотивами»; в отличие от животного человек имеет «гораздо больший выбор»[1]. На основании своей свободы выбора человек, по Шопенгауэру, в праве сказать: «Я могу сделать то, что я хочу». Чего только человек никак и никогда не добьется, это заглянуть в свою внутреннюю сущность, познать свою волю. Воля свободна—ею человек творит мир, но ее самое он познать не может. «Во вне перед его взором светло и ясно, но внутри темно, как хорошо затемненная зрительная труба»[2]. Вот куда ведет и не может не вести допущение свободной воли, свободы выбора. Оно ведет к мистике, открывающей двери настежь мракобесию, чертовщине.

В «Материалистическом понимании истории», где Каутский решил «по возможности» договаривать, находятся следующие примечательные строки:

> «Способ проявления социальных инстинктов, моральное поведение, определяются у каждого унаследованными свойствами, а также приобретенными прямо или через предков взглядами и усмотрениями (Anschauungen und Einsichten). Постолько мораль автономна»[3].

Каутский действительно договорил. Автономия морали как вывод — один из выводов материалистического понимания истории. Что может быть более чудовищно? А между тем, это необходимый вывод, неизбежный вывод из посылки, что социальные инстинкты или нравственный закон являются априорными. Замена кантовского «нравственного сознания» «нравственным чувством» ничего по существу не изменила. Мораль автономна. Между Кантом и Каутским разница лишь в оттенках, но эти оттенки целиком остаются в пределах одного и того же идеалистического лагеря.

В своих примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Энгельса Г. В. Плеханов пишет:

> «Я хочу обратить внимание читателя на то обстоятельство, что, возражая утилитаристам, Кант всегда имел в виду принцип «личного счастья», который он справедливо называет «принципом себялюбия». И именно потому он не умеет справиться с основным вопросом морали. На самом деле, в основе нравственности лежит стремление не к личному счастью, а к счастью целого: племени, народа, класса, человечества. Это стремление не имеет ничего общего с эгоизмом. Напротив, оно всегда предполагает большую или меньшую степень самопожертвования. И так как социальные чувства могут передаваться от поколения к поколению и усиливаться путем естественного отбора (см. очень дельные замечания Дарвина на этот счет в его книге о происхождении человека), то самоотвержение может принять иногда такой вид, как будто бы оно было делом «автономной воли», чуждой всякой примеси «способности желания»... Данная особь родится с априорной «способностью к самоотверженнию» точно так же, как родится она.. с «априорной способностью к дыханию и пищеварению»; но в этой «априорности» нет ничего таинственного; она постепенно образовалась в длинном-длинном процессе развития»[4].

Это рассуждение Плеханова очень интересно прежде всего с той стороны, что оно лишний раз показывает способность Плеханова под давлением противника сдавать позиции марксизма.

В чем сдача позиций марксизму? В том, что он принципу «личного счастья», которому Кант противопоставляет свой априорный категорический императив, с своей стороны противопоставляет принцип «счастья целого», эгоизму, от которого Кант спасается в потусторонний мир—альтруизм, самопожертвование, лежащее в природе человека как социального животного и являющееся, стало быть, априорным, правда, не в трансцендентальном смысле, а в натуралистическом. Вместо того, чтобы дать бой

---

[1] К. Каутский, Этика и т. д., стр. 36—37.
[2] К. Каутский, Материалистическое понимание истории, I, 221.

---

[1] A. Schopenhauer, Freiheit des Willens, Reclam, S. 414.
[2] Там же, стр. 401.
[3] К. Каутский, Материалист. поним. истории, стр. 263.
[4] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, 1928, стр. 135—136.

априори, как таковому, Плеханов заменяет один вид априори другим. Марксизму же чуждо всякое априори, натуралистическое в том числе. Свидетелем правильности нашей мысли мы приведем Энгельса, ту самую его работу, к которой Плеханов писал свои знаменитые примечания и из которых мы извлекли приведенные выше строки.

> «Воля, — пишет Энгельс, — определяется страстью или размышлением (überlegung). Но рычаги (die Hebel), в свою очередь, непосредственно определяющие страсть или размышление, бывают различны. Частью это могут быть внешние предметы, частью — идеальные побуждения: честолюбие, «восторженная любовь к истине и праву», личная ненависть или даже всякого рода прихоти. Но, с одной стороны, мы уже видели, что действующие в истории многие единичные воли, в большинстве случаев ведут к отличным от желанных, — часто прямо противоположным, — результатам. Их побудительные силы имеют, таким образом, также лишь второстепенное значение по отношению к окончательному результату. С другой стороны, ставится новый вопрос, какие движущие силы, таким образом, стоят за этими побудительными основаниями, каковы те исторические причины, которые отразились в головах людей в виде данных побуждений».

Энгельс считает недостаточным, неверным исходить из побуждений при об'яснении исторических явлений, а ставит вопрос о движущих силах, стоящих за побуждениями, об исторических причинах. Именно эта постановка вопроса и отличает материализм Маркса и Энгельса от старого материализма.

> «Старый материализм, — продолжает Энгельс, — никогда не поставил перед собою этот вопрос... В исторической области старый материализм изменяет самому себе, принимая действующие там идеальные побудительные силы за последние причины, вместо того, чтобы исследовать, что стоит за ними, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Не в том непоследовательность, что признают идеальные побудительные силы, а в том, что не идут дальше к их движущим причинам» [1]).

Если основой нравственности считать стремление к счастью целого, — а такова не только мысль, но и формулировка Плеханова, — то это, по Энгельсу, означает остановиться на идеальной побудительной силе и не проникнуть дальше к исторической причине этой силы. Это значит, опять-таки, по Энгельсу, пойти назад от марксизма к старому материализму. Одно из двух: либо нравственность не есть историческая категория, либо налицо ошибка, отступление Плеханова от марксизма.

Читатель помнит, что Маркс и Энгельс рассматривают эгоизм и самопожертвование как необходимые формы утверждения индивидуума, достижения им известной цели. Это не означает, конечно, что Маркс и Энгельс, подобно Гельвецию и Бентаму, упрекают жертвующих в эгоизме. Мысль Маркса и Энгельса гораздо более глубокая. Основатели научного социализма—принципиальные противники противопоставления добра и зла, как таковых; они указывают на их материальное месторождение, на их историческую обусловленность. Как необходимые формы утверждения индивидуума эгоизм и самопожертвование — продукты исторические. Вне истории, вне исторического человека они лишаются всякого смысла, как лишается всякого смысла нравственность вообще, рассматриваемая вне истории; вне человека.

В рассуждении Плеханова представлено, однако, другое воззрение на нравственность. Обоснование нравственности Плеханов ищет вне истории, во врожденной способности человека к самопожертвованию, в стремлении к счастью целого. Выпадение эгоизма в плехановском обосновании нравственности свидетельствует лишь о том, что он, отвергая точку зрения

---

[1]) Fr. Engels. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie, 1927, s. 57.

французского материализма, видевшего основу нравственности в хорошо понятом личном интересе, становится на точку зрения Дарвина. Но это называется: из огня да в полымя, от одной натуралистической метафизики к другой. Дело в том, что и дарвиновское понимание человеческой общественности—натуралистическое, метафизическое. Маркс и Энгельс для обоснования человеческой морали не прибегали к Дарвину, и это, разумеется, не случайно.

В своих «Очерках по истории материализма» Плеханов о «новейшем диалектическом материализме» говорит, что он

> «охотно признает долю истины, скрывающуюся в обоих утверждениях (речь идет об утверждениях Руссо с одной стороны и Гольбаха, с другой стороны; Руссо апеллировал к совести, как к «божественному инстинкту», «врожденному чувству»; Гольбах — к хорошо понятому личному интересу.—(*М. Ф.*) и не имеет ни малейшей надобности отвергать, например, инстинкты и чувства, составляющие последствия физиологической наследственности» [1]).

Как будто дело в том, чтобы отвергать или не отвергать инстинкты, чувства, физиологическую наследственность и т. д. Вопрос не в этом. Вопрос в том: правомерно ли в этих инстинктах, чувствах и т. п. усматривать основу нравственности? Неправомерно.

Г. В. Плеханов в сравнении «врожденной априорной способности к самопожертвованию» с «априорной способностью к дыханию и пищеварению» видит решение вопроса об основе нравственности. По мысли Г. В. Плеханова, история остается в стороне в отношении основы нравственности, точно так же, как она остается в стороне в отношении пищеварения. Так ли оно? В «Введении к критике политической экономии» Маркс говорит:

> «Однако, производство создает для потребления не только предмет, оно дает потреблению его определенность, его характер, его законченность. Так же, как потребление завершает продукт, как продукт, так производство дает законченность потреблению. Во-первых, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который потребляется определенным способом, опять-таки предуказанным производством. Голод есть голод; однако, голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, — это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, когтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления порождается поэтому производством, не только об'ективно, но также и суб'ективно. Производство, таким образом, создает потребителя».

По Марксу, стало-быть, назойливая история вмешивается даже в пищеварение, так как характер предмета и способ потребления не могут не отразиться на пищеварении. А предмет и способ потребления определяется производством, лежащим в основе истории. То же следует сказать о дыхании: не только предмет дыхания—воздух, но и способ дыхания—состояние дыхательных путей—в хижинах другие, чем в замках, в шахте другие, чем на ржаном поле. Что же сказать о нравственности, являющейся формой общественного сознания и притом от начала до конца историческим продуктом?

Между Плехановым и Каутским в обосновании нравственности есть точка соприкосновения. Различие, весьма существенное различие, состоящее в том, что в то время, как Плеханов «исправляет» старый материализм Дарвином, Каутский является заправским идеалистом шопенгауэровского направления и, опираясь на Дарвина, искажает его—это различие весьма и весьма, разумеется, существенное, принципиальное, не уничтожает, однако, того общего между ними, что оба в одном из важнейших вопросов марксизма оказались в плену у метафизики.

---

[1]) Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 47.

Всецело под влиянием Каутского и Плеханова находится тов. Деборин. Мы в данном случае касаемся только вопроса нравственности.

В своей статье «Ревизионизм под маской ортодоксии», направленной против Аксельрод-Ортодокс, занявшей кантианскую позицию в вопросе этики (и, кстати сказать, не только в вопросе этики), т. Деборин пишет:

> «Аксельрод говорит: нравственное сознание свойственно человеческому роду. Но нравственность не является, как уже указано, ни свойством природы, ни свойством родового сознания. Нравственность имеет дело с поступками людей, вытекающими из социальных побуждений. Социальные чувства присущие в той или иной степени животным, ведущим стадную жизнь, на протяжении человеческой истории, преобразуются в социальные побуждения и социальные обязанности, налагаемые соответствующим коллективом на личность» 1).

Социальные побуждения, как основу нравственности, т. Деборин противопоставляет аксельродовскому положению «что нравственное сознание свойственно человеческому роду». Спор между т. Дебориным и Аксельрод-Ортодокс как капля на каплю похож на спор между Каутским и Кантом: нравственность вытекает не из сознания, а из чувства, из социальных побуждений, свойственных человеческому роду, как таковому. Выходит, что грех Аксельрод не в том, что она основу нравственности ищет в человеческом роде, как таковом, а в том, что она апеллирует к родовому сознанию, а не к родовому чувству, не к социальным побуждениям человека, как таќового.

> «Человек, — говорит тов. Деборин, раз'ясняя роль и значение социальных побуждений, — вне общества жить не может, но и общество не может жить без известных социальных побуждений, которые связывают отдельных людей в одно целое».

Роль и значение социальных чувств описаны так, как они описаны у Каутского; «общество не может жить без известных социальных побуждений», так как они «связывают отдельных людей в одно целое». Вспомним каутскианское определение общества, согласно которому общественная связь, единство общества являются результатом социальных инстинктов, и мы с необходимостью придем к выводу, что т. Деборин и здесь повторяет Каутского, отступая от марксизма. Социальные побуждения выступают в приведенной формулировке тов. Деборина в качестве основного условия существования общества. «Общество не может жить без известных социальных побуждений, которые связывают отдельных людей в одно целое»—это то же самое, что сказать, что социальные побуждения образуют общество, а это означает, что тов. Деборин точь в точь повторяет Каутского.

Чувствуя все неудобство такой формулировки, не являющейся случайной, а вытекающей из каутскианской установки, т. Деборин тут же спешит «поправиться».

> «Эти социальные чувства, — продолжает тут же тов. Деборин, — побуждения и обязанности суть об'ективные факты в смысле их действительного реального существования в людях. Но, с другой стороны, ясно, что эти социальные чувства и побуждения являются суб'ективным выражением об'ективных отношений людей между собой» 2).

Читатель должен, прочитав эти строки, сказать себе: тут что-то неладное. На самом деле. Какой из этих двух об'ективных фактов (т. Деборин социальные побуждения называет об'ективными фактами)—считать первичным и какой вторичным. Для тов. Деборина «ясно», что социальные побуждения являются суб'ективным выражением об'ективных отношений, ясно само собой. Но для читателя это далеко не ясно, поскольку сам т. Деборин в основу общества кладет социальные побуждения, т.-е. суб'ективное. Наоборот, читатель в праве, даже обязан сделать другой вывод, а именно, что отношения между людьми являются выражением социальных побуждений, духовными отношениями; при этом он может пойти на такую же уловку— т.-е. об'явить эти отношения об'ективными в смысле их реального существования в людях. Известно, например, что Каутский так и поступает.

Беря социальные побуждения, как основное условие существования общества, подав этим руку Каутскому в одном из важнейших вопросов марксизма, тов. Деборин вынужден, желая примирить каутскианство с марксизмом, прибегнуть к уловке, которая ничего кроме конфуза дать не может. Словечко «ясно» вряд ли убедительно для него самого, а для читателя и подавно.

Но пойдем дальше. Тов. Деборин говорит:

> «Все социальные инстинкты или чувства и покоящиеся на них нравственные законы, т.-е. социальные обязанности человека по отношению к коллективу, постепенно развились в историческом процессе общественной жизни. Нравственные поступки, т.-е. социальные обязанности оказывались в борьбе за существование чрезвычайно важным средством приспособления данного коллектива к окружающей среде. Нравственный долг есть не что иное, как осознанное социальное чувство или осознанный социальный инстинкт. Отсюда и повелительный характер нравственного долга» 1).

Спрашивается, чем это не биолого-социологические приемы Ланге, Дарвина, Каутского и др. по выведению нравственности, социальных обязанностей из борьбы за существование, из инстинктов, корнями уходящих в животное царство.

И это после того, как Маркс решительно отверг биолого-социологические упражнения Ланге, и Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» в отношении Петцольда, также толковавшего о «непосредственности сострадания», о «нравственном устойчивом состоянии» и т. п., находил такие слова как «несказанные пошлости», «беспредельное тупоумие мещанина» и т. д., об'явив «фразой» все подобные попытки, как попытки, ничего не дающие, бесплодные для общественной науки 2).

Биолого-социологические приемы т. Деборина с неизбежностью ведут его к постулированию вечного неизменного нравственного закона, ибо дело ни капельки не меняется от того, что нравственный долг понимается т. Дебориным как «осознанный» инстинкт. Решающим является то, что в основе социальных обязанностей человеческой нравственности, по мнению т. Деборина, лежит первичный социальный инстинкт, что нравственность не является отражением общественного бытия, а заранее данной, т.-е. априорной. Посмотрите. «Нравственное чувство, или совесть,—говорит т. Деборин,—развились из общественных инстинктов, которые присущи уже общежительным животным» 3). Стало-быть, нравственный долг, совесть имеет своим основанием животный инстинкт, т.-е. т. Деборин повторяет Каутского, который прямо заявляет, что нравственный закон — животный инстинкт.

В переводе на язык фактов из общественной жизни теория тов. Деборина означает: основная, последняя причина, почему пролетарий, отдавший свою жизнь в борьбе за дело коммунизма, лежит в том, что он осознал дремавший в нем животный инстинкт.

---

1) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 12.

2) Там же.

---

1) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 12—13.

2) Ленин, Соч., изд. 3-ье, т. XIII, стр. 262—263 и 268—270.

3) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1 стр. 29.

Наш вывод резкий, но тем не менее справедливый, неизбежный. Чтобы избежать такого вывода, т. Деборин вслед за Каутским проводит различие между нравственным долгом или нравственным чувством и нравственными нормами.

> «До сих пор мы еще ничего не сказали о нравственных нормах, о чем постоянно твердит Аксельрод. Она вслед за кантианцами повторяет сказку о присущих сознанию человеческого рода общеобязательных, об'ективных нравственных нормах. Между тем, как нормы-то как раз чрезвычайно изменчивы и текучи. Аксельрод определяет нравственный закон, как категорический императив, считая последний основным законом всякой морали. Между тем, как под нравственными нормами, как справедливо говорит К. Каутский, «следует понимать известные нравственные правила, существующие при определенной форме общества», а под нравственным чувством (или чувством долга) «стремление или побуждение подчинить свою личность благу общества, делать то, что содействует его успеху, даже в том случае, когда это урезывает или наносит ущерб личному благосостоянию». Под нравственным чувством или чувством долга скрываются социальные стремления людей вообще. Таким образом, определенные «нравственные» нормы являются как по своей форме, так и по своему содержанию исключительно продуктом данной формы общества. А самые эти «нормы» составляют совокупность правил (а не законов) весьма шатких и изменчивых... В классовом обществе нравственные нормы одного класса прямо противоположны нравственным нормам другого класса, поскольку их социальные стремления противоположны» [1]).

Раньше всего следует отметить, что т. Деборин самым серьезным образом различает между социальными стремлениями людей, как таковыми, и определенными социальными стремлениями. Оба вида социальных стремлений имеют каждый свое особое проявление, выражение. Социальные стремления людей вообще «скрываются»,— так буквально говорит т. Деборин,—под нравственным чувством или чувством долга. Определенные же социальные стремления являются исключительно продуктом данной формы общества. Они проявляются в нормах. Нравственное чувство, или чувство долга с одной стороны, нормы — с другой. То же деление, что у Каутского, на которого т. Деборин и ссылается. Это раз.

Далее. Кантианке в этике, Аксельрод, признающей кантовский категорический императив основным законом всякой морали, т. Деборин считает необходимым указать на нормы, совершенно оставляя в стороне нравственное чувство, или чувство долга. Это очень интересно, очень характерно для двойной бухгалтерии дуалистической этики, на почву которой стал т. Деборин. Исподтишка оставляется свой категорический императив в его каутскианской форме, т.-е. в виде нравственного чувства, чувства долга, совести, и одновременно с этим штурмуется кантовский категорический императив нормами. Кусочек марксизма нашел свое применение. Но согласитесь, что этакими приемами не уйти все же от основного вопроса: а правомерно ли для марксиста стоять на точке зрения вечного, неизменного нравственного закона? Если сугубо неправа кантианка Аксельрод, то с другой стороны прав ли Каутский, прав ли тов. Деборин, которые под нравственным чувством, или чувством долга понимают скрытые социальные стремления людей вообще, социальные стремления как таковые, понимаемые, как действительный акт? А т. Деборин только так их понимает, иначе все его деление нравственного мира на две части лишается всякого смысла.

Так ли боролся Энгельс с Дюрингом, Маркс и Энгельс с Кантом? Мы выше видели, что такого деления у Маркса и Энгельса нет, его нет и у Ленина. В чем же дело? В том, очевидно, что т. Деборин слепо пошел

за Каутским, забыл, игнорировал или не понял Маркса, Энгельса и Ленина. Еще раз: признание социальных стремлений как таковых, утверждение, что социальные обязанности человека по отношению к коллективу покоятся (так говорит т. Деборин) на социальных инстинктах, корнями уходящих в животное царство, означают так или иначе признание вечного, неизменного нравственного закона. Сам т. Деборин подтверждает это тем, что он лишь в отношении норм утверждает, что они исключительно продукт данной формы общества. Сказать то же относительно нравственного чувства он не решается. Но не решиться на это значит рассматривать нравственное чувство как нечто, не относящееся к истории, как лежащее вне истории, т.-е. подать руку Каутскому и через Каутского Дюрингу, в борьбе с которым Энгельс формулировал приведенные выше положения.

Тов. Деборин не может не знать, что, по Дюрингу, элементы морали должны «оказаться... согласными у всех вне-человеческих существ, у которых деятельный рассудок должен сознательно упорядочить инстинктивные проявления жизни» [1]). Именно против попытки Дюринга выводить человеческую мораль из источников, лежащих вне человека, вне истории, выводить ее из инстинктов, присущих человеческим и вне-человеческим существам как таковым, Энгельс выставил положение, что мораль относится «только к человеческой истории».

Тов. Деборин, как помнит читатель, считает нормы исключительным продуктом данной формы общества. Но не позволительно ли здесь спросить следующее: а могут ли при допущенном тов. Дебориным раздвоении нравственного мира — могут ли нормы быть исключительным продуктом данной формы общества. Нет, не могут. И это по той причине, что не может тов. Деборин мыслить нравственные нормы существующими отдельно, отгороженными китайской стеной от «нравственного чувства», «долга» и т. д. Ибо, что это за нормы, не связанные с долгом, обязанностью и т. д., короче, за которые никто не станет драться, отстаивать их в случае нарушения и т. п. Такие нормы — одна пустышка, голая, бессодержательная фраза. Но это только лишний раз показывает, что деление нравственных явлений, предпринимаемое Каутским и вслед за ним тов. Дебориным, неправомерно, бессмысленно. Единственный «смысл» или лучше умысел в этом делении тот, чтобы таким путем оставить место неизменному нравственному закону. Бросая Аксельрод в лицо: «Как раз нормы-то чрезвычайно изменчивы и текучи», тов. Деборин бьет не только Аксельрод, но разоблачает и себя. Ибо этим он говорит: одно дело нравственное чувство, которое неизменно, и другое дело — нормы, которые «как раз» текучи и изменчивы. Поистине замечательное «как раз»!

Что тов. Деборин солидаризируется с Плехановым, повторяя вслед за ним, что «в основе нравственности лежит стремление к счастью целого» и что «это стремление предполагает большую или меньшую степень самопожертвования» — ясно само собою [2]). Ведь позиция Плеханова, как мы уже видели, не «противоречит» позиции Каутского, на которой обеими ногами стал тов. Деборин. Тут нас интересует другое. Если в основе нравственности лежит «стремление к счастью целого», предполагающее «большую или меньшую степень самопожертвования», то как быть с добром, т.-е. является ли добро историческим и, стало быть, относительным в диалектическом значении этого слова или добро следует рассматривать, как абсолютное. Позиция Каутского, Плеханова и следующего за ними тов. Деборина логически ведет к либерально-слащавому тезису знаменитого немецкого поэта Фридриха Шиллера: человек добр. И на самом деле, если человеку, как таковому, свойственно стремление

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 13.

---

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1928, стр. 75. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 19.

к счастью целого и самопожертвование во имя этого счастья целого, то это и означает: человек добр. Но это положение, как либеральное и мелкобуржуазное, в корне противоречит революционному марксизму.

Вот что говорит тов. Деборин о *добре*: «Кто стоит на почве *абсолютного добра* в антагонистически построенном обществе, тот не понимает того, что он приносит *зло*, как раз наиболее угнетенным» [1]). Выходит, что стоять на почве *абсолютного добра* нельзя лишь по отношению к антагонистическому обществу. Это в корне неверно, это не марксизм. Марксизму чуждо понятие *абсолютного добра*. На почве абсолютного добра нельзя стоять и в отношении бесклассового общества. Добро относительно потому, что оно исторично. Но в том то и дело, что позиция Каутского и Плеханова, на которой стоит и тов. Деборин, с ее натуралистическим априори лишает категории добра ее исторического характера.

В связи с этим нельзя пройти мимо следующего рассуждения тов. Деборина:

> «Поэтому Каутский прав, — говорит он, — когда пишет, что «основной закон чистого практического разума» тогда только имеет смысл, когда в обществе, в котором мы живем, возможно «всеобщее законодательство», т.-е. не противоречивая система требований к отдельной личности, и когда воля каждого свободна, и выполнение и невыполнение этих требований зависит исключительно от желания индивида» [2]).

Это рассуждение неверно от начала до конца. Кантовский категорический императив не имеет смысла ни в каком обществе по той простой причине, что он не является, как говорят Маркс и Энгельс, действительным актом, а идеологическим понятием по самому существу своему. Он связан с другим идеологическим фантомом «свободной воли» и падает вместе с ним. Но, по Каутскому и тов. Деборину, в будущем обществе «воля каждого свободна». Но это неверно, так как и в будущем обществе воля каждого индивида будет определяться общественными отношениями. Неверно, наконец, и последнее положение, связанное со вторым, а именно, что выполнение и невыполнение требований общества будет зависеть *исключительно* от желания индивида. Такое положение понятно только в устах суб'ективиста Каутского, сторонника «свободной воли», как «свободы выбора». Выполнение и невыполнение требований общества будет зависеть не только от желания индивида, но и от суб'ективных и об'ективных возможностей. Предположить же абсолютное соответствие между желаниями и возможностями, абсолютное совпадение суб'ективного и об'ективного означает бесповоротно покинуть почву материалистической диалектики. Такое слащавое представление о коммунизме характерно для суб'ективиста Каутского, который в коммунизме видит прежде всего триумф изначальных добрых социальных инстинктов.

Из только что приведенной цитаты видно, прямо бросается в глаза, насколько *непоследовательна, половинчата деборинская критика кантианства* в этике, кантовского категорического императива. *Оказывается, что кантовский категорический императив будет пригоден в коммунистическом обществе*. Что может быть более чудовищным? Плохого, рокового руководителя в марксизме выбрал тов. Деборин в лице Каутского.

В той же статье мы читаем: «Марксизм отвергает, как *формализм*, так и *абсолютизм* нравственного закона, иначе говоря, он отвергает категорический императив, как таковой» (стр. 11-я). Но это относится к категорическому императиву Канта. «Каутский — вот враг мой», вправе во всеуслышание заявить т. Деборин. Категорический императив в его *каутски-*

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, стр. 20.

[2]) Там же, стр. 22.

анской форме, т.-е. как *нравственное чувство* для т. Деборина приемлем.

Тов. Деборин приводит некоторые выдержки из речи Ленина на 3-м всероссийском с'езде РКСМ «Задачи союза молодежи» и заключает: «Итак, нравственность, по мнению Ленина, совпадающему вполне с мнением Энгельса, необходимо *прежде всего* выводить из общественных отношений». «*Прежде всего*» — а из чего еще помимо общественных отношений следует, по Ленину, выводить нравственность? Может быть из каутскианских социальных инстинктов или из плехановского стремления к счастью целого? Но это было бы издевательство, поклеп на Ленина. Никакого другого источника морали, помимо общественных отношений, Ленин не знает. С особой силой Ленин несколько раз подчеркивает эту мысль. «Для нас, — говорит он, — нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это — *обман*» [1]). *Обманом считает Ленин* не только выведение морали из велений нравственного абсолюта, из велений бога, обманом он считает и выведение ее из «идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога» [2]). Каутскианские социальные инстинкты есть идеалистическая фраза, которая сводится к чему-то такому, что очень похоже на веления бога, есть обман. Процесс мировой истории определяется, по Каутскому, духом, волей, первичными социальными инстинктами, составляющими в своей совокупности нравственный закон. История человеческого общества сводится к истории судеб социальных инстинктов, нравственного закона. В эпоху развитого капитализма социальные инстинкты, снова охватывают весь род человеческий, и в этом гарантия победы идеи вечного мира на земле, — твердит Каутский.

> «Современные мировые сношения делают буржуазное общество все более и более тождественным человечеству. Этим мы в известном смысле возвращаемся назад к исходному пункту развития. Социальные инстинкты теперь снова вовлекают весь род человеческий в поле действия, вследствие чего война между отдельными нациями в пределах рода все больше и больше клеймится как безнравственный акт. До сих пор это, правда, происходит лишь в сознании отдельных мыслителей и классов, однако, движение в направлении вечного мира, должно посредством мировых сношений стать непобедимым» [3]).

Это — фальшивая пацифистская песенка, обман и надувательство германских рабочих и крестьян в интересах германского капитала и землевладения, построенные, теоретически «обоснованные» сказкой о первичности социальных инстинктов.

Вот куда ведет и не может не вести идеалистическая, полуидеалистическая фраза о врожденном социальном инстинкте. Она ведет к телеологическому пониманию исторического процесса и в конечном счете к теологии. *Учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское, в прямом смысле слова враждебно учению Маркса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе. Это подмена классовой борьбы теплой сентиментальной размазней, это превращение коммунизма в бред о любви.*

Революционное наследие французского материализма заключается в мысли, что люди продукт обстоятельств и воспитания. Марксово учение о революционной практике, о классовой борьбе обогащает, углубляет, расширяет ее до положения: человек продукт обстоятельств и воспитания, но он же изменяет обстоятельства и вместе с тем воспитание. Призывая молодежь «воспитать из себя коммунистов», Ленин учит как это делать:

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, стр. 322. Курсив наш. — *М. Ф.*

[2]) Там же, стр. 321.

[3]) К. Каутский, Материалист. понимание истории, I, стр. 290

«Поставить свою *практическую деятельность* так, чтобы, *учась, организуясь, сплачиваясь, борясь*, эта молодежь *воспитывала* бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов» [1]). Воспитание через практику, через революционную классовую борьбу — вот чему учит Ленин. Молодое поколение, — продолжает Ленин, — «может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплоататорского общества» [2]). Ленин требует теснейшей связи между учением, воспитанием и образованием и классовой борьбой, связи в каждом шаге.

Имеют ли эти мысли Ленина хоть сколько-нибудь общего, есть ли тут хоть какой-либо намек на социальные инстинкты, на добрую природу молодежи, на стремление к счастью целого и т. д.? Нет не имеют и иметь не могут.

Сравните эти ленинские мысли, обращенные к молодежи, с каутскианской тирадой о молодежи в статье «Общественные инстинкты в мире людей». Молодежь еще не испорчена борьбой за существование, ее характеризует поэтому «увлечение всем разумным, добрым, вечным, идеализм — не философский, конечно, а, так сказать, душевный идеализм; все это не приобретения нашей культуры, а лишь современные проявления общественных инстанктов, унаследованных нами от наших предков» [3]). С одной стороны, либеральная песенка о природной доброте человека и о проклятых обстоятельствах, с другой стороны, призыв борца, революционного марксиста к воспитанию в борьбе, через борьбу за коммунизм.

Разница между марксизмом и каутскианством во всех его разновидностях в вопросе этики весьма и весьма существенная. Марксизм учит, что в основе нравственности лежат общественные отношения, классовая борьба, марксизм не ищет этой основы вне человеческого общества, вне классовой борьбы. Каутскианство во всех его разновидностях, желающее во что бы то ни стало примирить революционный марксизм с тем или иным буржуазным учением, ищет основы нравственности вне истории, в природе человека. Мостом весьма «удобным» к тому служит дарвиновская теория социальных инстинктов, при помощи которой либерал Дарвин хотел обосновать нравственный прогресс человечества.

Приведем одну выдержку из «Происхождения человека»:

> «Когда человек подвигается вперед на пути цивилизации и небольшие племена соединяются в большие общества, простой здравый смысл говорит всякому, что он должен распространять свои социальные инстинкты и симпатии на всех членов той же нации, хотя бы они лично и не были знакомы ему. Когда человек достиг этого пункта, ему остается только победить одно искусственное препятствие, чтобы распространить свои симпатии на людей всех наций и рас» [4]).

Поразительное созвучие между престарелым Каутским, превратившимся в заурядного пацифиста, и либералом Чарльзом Дарвином прямо бросается в глаза. Но то, что у великого естествоиспытателя составляет либеральную, филистерскую ограниченность, превратилось у Каутского в сознательное орудие борьбы с марксизмом, в прямую и открытую измену делу коммунизма, а у последователей Каутского в сознательное или бессознательное засорение учения Маркса, Энгельса и Ленина.

Воспитание в революционной практической деятельности, в классовой борьбе или почивание, успокоение на унаследованных социальных инстинктах; или мы принимаем всерьез и целиком тезис Маркса об измене-

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, стр. 320—21. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2]) Там же, стр. 324.

[3]) К. Каутский, Материалистическое понимание истории, 1, стр. 474.

[4]) Ч. Дарвин, Происхождение человека и половой подбор. 1899, стр. 85—86.

нии человеческой природы в процессе воздействия человека на природу, или мы его принимаем лишь на словах, так или иначе ограничиваем его значение, его значимость. Или нравственность имеет своей основой общественные отношения и только общественные отношения, или мы под натиском противника «немножечко» биологизируем марксизм. Так и только так стоит вопрос.

В своих заключительных рассуждениях тов. Деборин делает попытку выйти из того тупика, в который его завела каутскианская теория морали. Так тов. Деборин говорит:

> «Сами по себе симпатические чувства еще не об'ясняют ничего ни в поступках и поведении людей, ни определенной их формы. Только данная организация общества об'ясняет нравственные чувства и воззрения, определенные нормы, действующие при данных общественных отношениях».

Но эти правильные мысли сейчас же снимаются, обесцениваются следующими за ними:

> «Так как человек на протяжении многих тысячелетий вынужден был подчинять личные интересы интересам определенного коллектива, то, естественно, что в нем выработался общественный инстинкт. Поступки в интересах коллектива носят часто инстинктивный характер. По мнению Каутского, нравственное поведение имеет даже у человека ту особенность, что оно является инстинктивным, чем-то таким, чему человек повинуется без размышления» [1]).

Попытка симпатические, нравственные чувства и нормы выводить, об'яснить из общественных отношений, попытка снять каутскианское деление нравственных явлений тут же сменяется отказом от об'яснения нравственности, сменяется апелляцией к унаследованному общественному инстинкту и об'явлением вслед за Каутским, что нравственное поведение человека является *инстинктивным*. Так попытка только попыткой и остается. *Берет верх каутскианская установка*.

И еще один пример. Приводя рассуждения Каутского о морали дикарей и варваров, в которых Каутский говорит о роли коллективной формы труда у варваров, способствовавшей крепкой общественной военной дисциплине, тов. Деборин заключает на основании этих рассуждений:

> «*Коллективная форма труда и порождаемые ею общественные связи — вот истинный источник морали*. В *животном* мире складываются только определенные инстинкты, чувства, которые в *человеческом* обществе принимают качественно иную форму—форму нравственного сознания, сознательного подчинения своей личности общему благу. Если человек и приносит из животного мира известные инстинкты, то в человеческом общежитии содержание и направление целиком определяются формой организации общества. Нравственности не существует в животном царстве. Там существуют лишь определенные бессознательные привычки или приспособления к условиям среды» [2]).

Налицо частичная попытка на основании заявления Каутского о роли коллективной формы труда (тов. Деборин не замечает или умалчивает о том, что у Каутского эта роль сводится к «школе общественных инстинктов»), попытка перейти на несколько другие рельсы. *Истинным* (sic!) источником морали об'являются коллективные формы труда и порождаемые ими общественные связи, ограничивается роль принесенных из животного царства инстинктов и в связи с этим на первое место выдвигается сознание, в котором отказывается животным и на этом основании — заметьте, исключительно на этом основании — отказывается им, наконец, в праве на нравственность. Дальше тов. Деборин, касаясь силы «общественного мнения» и общественной среды, готов об'яснить «непосредственный и повелительный характер голоса совести» тем, что «человек бессознательно впитывает в себя с детства определенные моральные взгляды и нормы от той общественной среды, в которой он живет»[1]). Если тут перемешано правильное с неправильным, то ровно через одну страницу снова правильное снимается. Вот окончательная формулировка позиции марксизма в этике, как ее понимает тов. Деборин:

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928 г., кн. 1, стр. 30.

[2]) Там же, стр. 31.

> «Марксизм не отрицает социальных инстинктов или нравственности, как совокупности определенных правил поведения, в которых обнаруживается самопожертвование, чувство долга, сознание обязанностей по отношению к «ближним». Марксизм только констатирует тот факт, что нравственность в современном обществе носит классовый характер»[2]).

Нравственность отождествляется с социальными инстинктами, что означает полное повторение Каутского. В нравственности, далее, как совокупности определенных правил поведения «обнаруживается», — так буквально говорит тов. Деборин,—самопожертвование, чувство долга, сознание обязанностей по отношению к ближним. Это ничего другого не означает, как то, что в знакомых нам временных, преходящих «нравственных нормах» проявляются, выступают наружу априорные социальные инстинкты, т.-е. надисторический нравственный закон. Вот этого, по мнению тов. Деборина, марксизм «не отрицает», т.-е. принимает; марксизм принимает, стало быть, нравственность, которая в своей основе надисторична, всеобща, распространяется на «ближних» (мы в угоду тов. Деборину готовы оставить кавычки) вообще. Конкретнее, марксизм, по мнению тов. Деборина, «не отрицает» существования совести, долга, самопожертвования, как таковых. Но ведь это все равно что сказать, что марксизм «не отрицает» существования плода, как такового, который обнаруживается - де в яблоке, груше, миндале и т. п. И почему тогда не признать существование воли, как таковой, и свободы, как таковой? Признает, ведь, Каутский волю и свободу, как таковые. И далее. По мнению т. Деборина, марксизм «только констатирует факт, что нравственность в классовом обществе носит классовый характер». Действительно, такому «марксизму», который «не отрицает» существования нравственности, как таковой, ничего другого не остается делать, как только «констатировать факт», так как он совершенно беспомощен по отношению к действительной морали. И «так как общество до сих пор»,— как говорит Энгельс,— «развивалось в классовых противоречиях и, стало быть, мораль была всегда классовой моралью» («Анти-Дюринг»), то ему, т.-е. такому «марксизму», в этике вообще делать нечего. Ибо от констатирования столько же может измениться в человеческом обществе, сколько от наблюдений астрономом лунного затмения.

И еще один любопытный урок из полемики тов. Деборина с Аксельрод-Ортодокс: аксельродские «простые законы» нравственности остались, но их кантианское облачение заменено каутскианским.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 32.

[2]) Там же стр. 33.

Б. Майзель.

Пресса империализма о пятилетке СССР.

Совершенно исключительное по размаху и темпам социалистическое строительство в Советском Союзе заставило заговорить и иностранную печать.

Правда, большинство «почтенных» газет, вроде «Форвертс», «Берлинер Тагеблат», «Тан», «Дейли Мэйль», «Таймс» и других — имя им легион — всю свою информацию о СССР сводят к сообщениям об «ужасных преследованиях» ксендзов, попов и раввинов. И если сравнить количество бумаги и чернил, затраченных на сведения о «разоблачениях» Беседовского, о «великом» Кутепове, не говоря уже о господе-боге, с тем, что пишется о пятилетке, то результат сравнения будет, конечно, в пользу Кутепова и Беседовского Бедная пятилетка, куда ей тягаться с такими замечательными личностями. Но кое-что выпадает и на ее долю.

Если вся империалистская подворотня, поднявшая особенно сильный лай на СССР, уделяет пятилетке меньше внимания, чем кутепиаде, то мы не ошибемся, однако, в том, что пятилетка является главной причиной этого хриплого, озверелого лая. И именно потому, что она является главной причиной, о ней часто умалчивают.

Что же пишут о пятилетке в буржуазных газетах?

Наряду со статьями, полными злобы и ненависти, некоторые об'ективные (об'ективные, по мере возможности) журналисты и экономисты, главным образом американцы, отзываются с неподдельным восхищением о пятилетке.

Их поражает размах, темпы, но почти никто из них не отмечает, что мы не просто строим гигантские фабрики, комбинаты, города, но что мы строим первое социалистическое государство. Их поражает, что через десяток лет СССР и С. Штаты будут единственными крупными державами мира, но они, конечно, не понимают и понять не могут, что СССР это—страна, строящегося социализма.

Мы не ошибемся, если многие из этих восторженных отзывов расценим как сигнализацию об опасности.

Неоднократно помещались статьи во французской, итальянской прессе об исключительных достоинствах Красной армии. Какой смысл имеют эти статьи на страницах фашистской печати? Исключительно сигнализацию о необходимости учета боеспособности Красной армии. То же значение имеют восторженные статьи о пятилетке: их авторы предупреждают капиталистический мир, что СССР крепнет.

Крупнейший орган С. Штатов «Нью-Йорк Таймс» от 26 января с. г. посвятил две статьи пятилетке. Вторая из них принадлежит перу одного из крупнейших экономистов Дж. Коплэнда, и в качестве комментария к ней дана передовая статья.

> **«Больше, чем можно было предполагать год тому назад, Советская Россия продвинулась в выполнении величайшего в истории эконо-**

> мического строительства, — пишет проф. Коплэнд. — Пятилетний план должен превратить земледельческую страну со 150 млн. жителей в страну преимущественно индустриальную. Планом предусматривается огромный под'ем всех областей хозяйства и культуры».

Автор передовой также называет пятилетку исключительным (most extraordinary) в истории человечества экономическим предприятием,

> «по крайней мере по смелости и краткости периода выполнения».
>
> «План столь поразителен, что его огромная экономическая сущность отходит на задний план по сравнению с психологическим эффектом его... Поражает смелость и решительность, с которой эти люди без помощи извне проводят это огромное дело...»
>
> «Однако, цифры предположенной продукции далеки еще от цифр продукции С. Штатов, — утешает автор передовой. — Разница еще остается большой, по крайней мере, на ближайший период... Вопрос — откуда возьмутся 32 миллиарда долларов—приобретает особенное значение в связи с настоящим положением в России».

Как бы ответом на вопрос автора передовой «Нью-Йорк Таймс», откуда возьмутся 32 миллиарда долларов — может явиться статья Стюарта Чэйза, напечатанная почти за 2 месяца до цитированной статьи в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» от 1 декабря 1929 г. Озаглавлена статья «Просперити в России», т.-е. процветание России. «Просперити» американцы считают своей монополией. И вот Стюарт Чэйз показывает, что СССР идет гигантскими шагами к просперити более высокого порядка, чем американское просперити кучки капиталистов.

> «Мистер Гувер, — пишет он, — в настоящее время обращается телеграфно ко всем руководителям промышленности, чтобы начать проводить то, что русские давно уже осуществляют...
>
> Русские проводят в жизнь те идеалы, о которых мечтали величайшие в мире философы, т.-е. создать человеческое счастье на материальной базе.
>
> А между тем, в хваленых С. Штатах растет безработица и заработок рабочего отстает от приличного прожиточного минимума.
>
> Мы пустословили, а русские серьезно занялись уничтожением нищеты, безработицы и экономической неуверенности насчет будущего.
>
> Они только начали это дело, но уже следующее поколение при теперешнем темпе развития СССР послужит наглядным доказательством, как могут итти нога в ногу материальная обеспеченность и культура».

И дальше Стюарт Чэйз приводит цифровые данные, характеризующие пятилетку.

> «Откуда же возьмутся 32 миллиарда долларов—таков обычный вопрос деловых американцев, — пишет он. — Американцы помешаны на деньгах... А, между тем, для созидания нужны не деньги, а натуральные ресурсы, трудолюбие и хорошие мозги, — всего этого в СССР предостаточно».
>
> «Размах строительства в СССР столь велик, — продолжает Чэйз, — что крупнейших американских деятелей он должен привести в изумление и преклонение».

Следует отметить, что Чэйз не увлекающийся цифрами и впечатлениями человек. Он пишет, что он детально изучал пятилетку. Выводы его основаны на тщательно подобранных и проверенных данных.

И в статье Чэйза и в статье Коплэнда подчеркивается, что по выполнении пятилетнего плана СССР все же будет далеко отстоять от С. Штатов. Как-будто у нас кто-нибудь заявлял, что СССР обгонит капиталистический мир именно в первое пятилетие. Но если мы не обгоним в первое пятилетие по продукции, то, несомненно, обгоним их по уровню жизни трудящихся.

Но когда Стюарт Чэйз говорит, что к концу пятилетки уровень жизни у нас будет ниже уровня жизни С.-А. С. Ш., то он противоречит самому себе. Он сам говорит о построении нового общества без богатых и бедных, сытых и голодных в противовес тому обществу, среди которого он живет и где наряду с небольшой группой миллионеров и миллиардеров пять миллионов безработных, а с семьями 15—18 миллионов человек, обречены на голодное существование. С усилением же кризиса эта армия должна будет расти. Не нелепо ли после этого говорить о подушевой доле национального дохода, когда речь идет о сравнении капиталистической страны со страной строящей социализм, страной, где давным-давно забыли об отечественных миллиардерах и миллионерах.

Специальная корреспонденция о проблеме капитальных вложений помещена в органе крупного французского капитала «Энформасьон» от 23/II с. г.

> «Когда Советы,—пишет корреспондент «Энформасьон»,—опубликовали свою, ставшую знаменитой, пятилетку, то за границей весьма скептически приняли этот водопад миллиардов. Откуда Советы возьмут такие деньги? Мнения иностранных экономистов по этому вопросу расходятся. Они не единодушны в оценке того, что надо понимать под капиталами...
>
> Сбережения в СССР крайне незначительны по сравнению с национальным доходом. Но воля государства — все. И эта воля изыскивает средства для вложений...
>
> Капиталистическому циклу: накопление капиталов и их инвестиция, СССР противопоставляет непосредственную инвестицию материала и труда...
>
> СССР вложит 55 миллиардов цементом, кирпичом, оборудованием, зарплатой, а как это будет проведено по бухгалтерии, — это в конце концов игра письменных знаков...
>
> Недостаток следует искать скорее в малой эластичности государственного аппарата. Момент этот важен тем более, что непосредственные инвестиции без предварительной организации резерва напоминают машину без регулятора. Но еще важнее проблема — человеческая. Основной принцип пятилетки — терпеть ради лучшего будущего. Реализация этого принципа в большей мере политическая проблема, чем экономическая».

Эта оценка в основном совпадает с оценкой Ст. Чэйза.

Австрийский орган «Нейе Фрейе Прессе» от 9 февраля, касаясь проблемы финансирования пятилетки, пишет что в СССР «в настоящее время больше чем когда-либо склонны стать независимыми от буржуазного мира... Период активных поисков займов уже давно забыт».

Австрийская «Нейе Фрейе Прессе» пишет об этом без особой злобы: австрийская буржуазия не имеет к нам долговых претензий. А вот каково французской, английской буржуазии?

«Поварятся в собственном соку и погибнут»—предсказывали мудрецы от империализма. «Какая нелепость давать большевикам займы, чтобы их укрепить этим самым. А без займов, что они сделают? Пропадут. Да если бы и дать им эти займы, то деньги распылятся или пойдут на пропаганду». «Одно дело разрушать, а другое дело строить». Таковы были наиболее «деловые» соображения и мнения буржуазной печати.

И вдруг... действительно, как в сказке, все изменилось: эти разрушители, неверующие к тому же в бога — делают чудеса.

Чорт возьми! Им не нужны наши займы, они не гонятся за концессиями, они строят во всех уголках своей грандиозной страны. Строят крупнейшие в мире фабрики, электростанции, дороги, элеваторы, дома-дворцы, грандиозные социалистические города. И угрожают еще бо́льшими темпами, они говорят, что это только начало, что это еще даже не цветочки, а только зачатки, ростки. А что же будет, когда появятся ягодки?

Да и как не верить, если все, кто не слеп или не ослеплен враждой, видят на деле, что в СССР происходит невиданная стройка. В СССР работают американские инженеры. Они описывают наблюдаемое. И вот на основании их сообщений американский «Инджиниринг энд Майнинг Джорнал» от 30 ноября 1929 г. в статье, посвященной работе американских специалистов в СССР, пишет:

> «Американские инженеры наблюдают создание огромных предприятий, строящихся на базе материальных ресурсов, быть может, более богатых, чем те, которыми обладают С. Штаты... Социалистическое государство экономически крепнет с каждым днем. Прочность его основана на сочувствии народа...».
>
> «...Американские инженеры, — пишет этот журнал, — увлеченные грандиозностью проектируемых предприятий, работают не только за деньги, их не смущает тот факт, что они творят судьбу нации, которая по благосостоянию будет соперничать с С. Штатами».

«Нью-Йорк Таймс» от 22 декабря напечатал краткий отчет доклада инженера Купера о СССР, сделанного им в одном американском университете. Купер восторженно отозвался о нашем строительстве. Он заявил, что по аккуратности выполнения обязательств Советское правительство не имеет конкурентов. «Это единственная нация в мире, которой мы можем доверять».

«Берлинер Берзен Курьер» от 21 февраля приводит выдержку из речи Шлея, вице-президента «Чэйз Нэйшионэль Бэнк», на завтраке в честь председателя Амторга тов. Богданова.

> «В С. Штатах, — заявил он, — к пятилетке относятся с большим интересом. Пятилетний план рассматривается, как лозунг для пробуждения патриотизма с целью получения поддержки, требующей жертв со стороны масс.
>
> Русский народ вынужден уменьшить потребление ряда продуктов, чтобы ввозить машины... Несмотря на препятствия, успехи все же несомненны».

Очевидно, буржуазия не знает других путей под'ема масс, как патриотизм, шовинизм. Наша пятилетка, выполнение которой составляет желание сотен миллионов трудящихся разных стран и частей света — меньше всего предназначена к пробуждению патриотизма.

«Мэгэзин оф Уолл Стрит» от 8/II-30 г. пишет:

> «Великий эксперимент, который производится в СССР, с американской точки зрения обречен на неудачу, но во всяком случае промышленность СССР растет. Один «Дженераль Электрик» получил заказ на постройку 4-х величайших в мире электрогенераторов по 100 тыс. лошадиных сил. Каждый из этих генераторов в состоянии осветить 700 тысяч домов или проделать работу 6 миллионов русских крестьян».

Американский информационный бюллетень «Эрнст энд Эрнст» пишет, что пятилетка — залог развития советско-американской торговли. О пятилетке этот журнал отзывается следующим образом:

> «Это грандиознейший заранее начертанный и сформулированный план систематического развития страны. В истории человечества не было ничего подобного»...

Детали пятилетки интересны не только сами по себе, но и потому, что они отчасти выполняются. «Таймс» от 22 марта поместил рецензию о книге «Советский Союз смотрит вперед» (так озаглавлено американское издание 5-летнего плана).

> «Заглавие этой книги совершенно правильно,—пишет рецензент,—Советский Союз смотрит вперед и предсказывает успех своих планов с убедительной уверенностью. Таково впечатление от плана Госплана... Они (большевики.—*Б. М.*) пытаются в 5 лет осуществить то, на что потребовалось бы 50 лет в благоприятных условиях, которые, как они сами признают, отсутствуют... В отношении энергии условия неблагоприятны, добыча угля в размерах, намеченных планом, потребует 50 новых копей и реконструкции старых. Тяжелая промышленность должна развернуться до гигантских размеров при остром недостатке железа и стали, химическая промышленность должна быть создана заново... В качестве примера, которому нужно следовать, авторы плана берут Америку. В Америке СССР видит своего учителя. Это крайне любопытно, так как Америка является наиболее капиталистической из всех стран, Россия—наиболее социалистической. Быть может, авторы плана думают, что чем более передовым является капитализм, тем он ближе к социализму,—так было бы по Марксу. Однако, нет данных об успехах социализма в Америке, к несчастью для марксистской теории; а Россия, где капитализм был чужеродным растением с весьма слабыми корнями, теперь еще менее капиталистическая страна, чем когда-либо. И тем не менее, Россия обращается к Америке за указаниями о том, как расширить и укрепить свою же развившуюся социалистическую систему. Этот прием не может быть согласован не только с марксистской, но и с какой бы то ни было другой социалистической теорией».

Это недурно — «Таймс» в роли учителя марксизма, который в СССР, по его мнению, хромает. Характерно, что автор рецензии отмечает, что это (очевидно, использование капиталистической техники. *Б. М.*) несогласно ни с марксистской, ни с какой-либо иной социалистической теорией.

Не Дан ли просветил рецензента «Таймса» в области марксизма. Как будто похоже на то. Если бы С. Штаты были для СССР примером, то, во-первых, это был бы не СССР, а, во-вторых, «Таймс» и подобные ему органы не призывали бы весь «цивилизованный» мир» к войне против СССР.

Жаль только, что мы даем основания «Таймсу» беспокоиться за чистоту марксистской доктрины. Если бы мы не создавали гигантскую промышленность, тогда это, вероятно, было бы по Марксу. Так вас надо понимать, уважаемый рецензент из «Таймса»??

Займом «Пятилетка в четыре года» орган французских биржевиков «Ажанс Экономик э Финансьер» весьма шокирован. «Эти меры, пишет он от 8/III, не имеют прецедента в истории человечества и могут применяться только к населению, приведенному в рабское состояние».

А пятилетка, а уничтожение частной собственности и эксплоатации— имеет прецеденты в истории — господа биржевики? Что касается рабского состояния, то это, повидимому, дело вкуса. Французские рабочие и бедные крестьяне готовятся кровь свою проливать за такое «рабство». Но и без ваших заявлений мы не сомневаемся, что все, что делается в СССР биржевикам не особенно по вкусу.

Серьезную, деловую оценку нашему строительству дала английская торгово-промышленная делегация.

Резюме отчета этой делегации было напечатано в ряде газет.

В каждом ведомстве, сообщает делегация, разрабатываются планы для наилучшего выполнения пятилетки... Заводы СССР работают хорошо, их организация налажена, но стоимость продукции высока — констатирует делегация. Насколько высока активность предприятий, можно судить по тому, что они работают в 2—3 смены. Делегация предвидит затруднения в выполнении пятилетки из-за недостатка технических кадров. Характерны комментарии к отчету делегации в «Манчестер Гардиан Коммершел» от 24 октября 1929 г.

> «Пятилетний план, на выполнении которого сосредоточена вся энергия и весь энтузиазм страны, не предусматривает притока иностранных капиталов. Если же иностранные капиталы начнут притекать в Россию, то можно ожидать более быстрого темпа развития и общего улучшения состояния страны. Это будет единственным стимулом для России согласиться на урегулирование своей старой задолженности. Предстоящие переговоры дадут возможность привлечь в нашу страну крупные заказы, которые поставят Англию на первое место в снабжении России машинами и оборудованием. Капиталы, которые России нужны, будут притекать, главным образом, в виде растущего импорта машин и оборудования.
>
> Во всяком случае, если Россия не получит этих товаров в Англии, то она закупит их в Германии или Америке».

Это уже относится к области практических выводов в связи с пятилеткой. С одной стороны, эта газета вынуждена признать, что пятилетка осуществима без притока иностранных капиталов. Если же крупные промышленные страны дадут СССР оборудование в длительный кредит, то темп строительства будет даже ускорен. Необходимо поторопиться, однако, делает вывод «Манчестер Гардиан Коммершел», ибо если Англия опоздает, то ее долю захватят С. Штаты и Германия. Нельзя не признать, что эти соображения совершенно справедливы.

Характерно, что газета отмечает, что на выполнении пятилетки сосредоточена вся энергия и весь энтузиазм страны. А ведь еще недавно со страниц буржуазной печати не сходили сообщения о том, что вся страна против большевиков, что вся промышленность, унаследованная от царизма гибнет, что заводы превращаются в развалины.

В этом отношении небезынтересна статья в наиболее яро-антисоветском органе французской тяжелой промышленности «Бюллетен Котидьен» от 2/X.

Известный нефтяной специалист де-Булард следующим образом описывает положение советской нефтепромышленности:

> «От старой промышленности почти ничего не осталось. Повсюду—огромная механизация, применение электричества в широких масштабах. Нефтеочистительные заводы работают на новом оборудовании, представляющем последнее слово техники».

Автор останавливается на огромной исследовательской работе Геологического комитета и на больших потенциальных возможностях и констатирует, что развитие нефтепромышленности в СССР примет гигантские размеры. Он также предвидит затруднения из-за недостатка технических кадров, но отмечает большую работу, которую проделывает советская власть для их подготовки.

В другом номере от 9/X «Бюллетен Котидьен» пишет:

> «Великая программа пятилетки, которую мы в свое время анализировали, начала выполняться 1 октября 1928 г. Увеличение было предусмотрено в 21,4%, а на деле достигнуто 23,5%.
>
> Темп ускорения рос из триместра в триместр.

I триместр	—1797	млн.	дов.	руб.	(промпродукция).
II „	—1896	„	„	„	„
III „	—1923	„	„	„	„
IV (2 мес.)	—1291	„	„	„	„

> Даже в областях, в которых план не выполнен, превышение против прошлого года несомненно, грузооборот ж. д. достигнет 175—177 млн. километров против 165 млн., предусмотренных в плане. Индивидуальная выработка рабочего возросла не на 17%, а на 13,8%. Ухудшилось и качество продукции. Маловероятно, чтобы план был выполнен без инфляции».

Цитированные две последние выдержки особенно характерны, так как «Бюллетен Котидьен» является одним из самых ярых антисоветских органов печати. Всякий недостаток в нашей системе им выпячивался. Но против фактов не пойдешь. Орган французских горнопромышленников «Бюллетен Котидьен», по понятным причинам особо интересующийся нашими нефтяными источниками, вынужден признать, что большевики оказывается разрушили старые предприятия, чтобы создать вместо них наиболее усовершенствованные новые.

Пятилетка, которую этот журнал еще так недавно высмеивал как утопию, также выдержала экзамен в первом году ее осуществления. Выходит, что ему нужно сознаться в том, что вся его предшествовавшая информация была голым враньем.

«Таймс» от 28/III надеется, что большевики просчитаются. Что они строят ложные планы на основании выводов из результатов первого года.

> «Пятилетка, — пишет «Таймс», — теперь занимает центр внимания большевиков. Она является основной и обязательной догмой для каждого лойяльного коммуниста. Те, кто высказали некоторые сомнения по поводу некоторых пунктов этой программы индустриализации, об'явлены еретиками — таковы Рыков, Томский, Бухарин. Центром тяжести пятилетки является так называемая индустриализация Советского Союза. Но основная ошибка в расчетах заключается в том, что за исходную точку приняли темп развития советской промышленности после введения нэпа. Авторы плана рассчитывают, что этот темп может быть удержан и в будущем. Правая оппозиция указывала на эту ошибку.
>
> Главный источник средств для индустриализации составители плана видят в сельском хозяйстве Советского Союза. Намечено увеличение с.-х. продукции с 11 миллиардов руб. до 15,7 млрд. руб. в 1933 году. Государство будет иметь, таким образом, товарные излишки хлеба на сумму около 3,5 млрд. рублей, т.-е. вдвое больше, чем в нынешнем году. Но эти результаты даже при проведении коллективизации сельского хозяйства могут быть достигнуты, если в руках советского государства будет достаточное количество машин, которого советские заводы выработать не могут. Весьма спорным также является, сможет ли быть размещен на рынке советский хлеб по достаточно высоким ценам, чтобы получить нужную для индустриализации прибыль. Рыков сказал относительно пятилетки, это превосходный план, но страна не готова для проведения его. Во многих местах крестьянство крайне враждебно планам реорганизации сельского хозяйства, и советская пресса ежедневно сообщает о насилиях и нападениях на новые хозяйства и на лиц, там работающих. Широко распространяются слухи, что колхозы являются восстановлением крепостного права, о котором еще помнят старики в деревнях».

Мы не собираемся полемизировать с «Таймсом», который наивно полагает, что наши планы не увязаны и что план реконструкции сельского хозяйства не учитывает возможностей продукции с.-х. машин. Характерно, что даже в серьезной статье «Таймс» не удержался, чтобы не удивить мир «новостью», что крестьянство принимает колхозы, как крепостное право.

«Таймс» не указывает источника этой поразительно интересной информации. Если она не носит штампа «Made in England» (мэйд ин Инглэнд), то наверно получена из «авторитетного источника» — из близкого к СССР Гельсингфорса, если не из Риги.

«Берлинер Берзен Курьер» в статье от 24/XI, озаглавленной «Экономическая революция в России», оценивает проведение пятилетки как хозяйственную революцию. И как всякая революция она не проходит без сопротивления и борьбы.

> «В деревне, — пишет газета, — последние сторонники индивидуального хозяйства ведут отчаянную борьбу. И в правящей партии эта борьба не проходит без следа».

Энергия руководителей побеждает, однако, всякие препятствия.

«Финэншель Ньюс» в передовой статье от 29/X, озаглавленной «Пятилетка», пишет, что «идея пятилетнего плана может привести к изумлению англичанина... Пятилетка — это полный переворот во всей экономической системе, к которой привык Запад». Самое интересное в этой статье это то, что «Финэншель Ньюс» советует «внимательно изучить возможность применения аналогичной системы в Англии. Правда, от этого пострадает роль потребителя как регулирующей силы в производстве, — констатирует автор статьи,—но, пожалуй, ради такой цели стоит пренебречь этой ролью потребления.

Основной тон цитированных буржуазных газет отражает вынужденность признаний. В самом деле, можно ли обойти молчанием то невероятное, чудесное и гигантское, что творится в СССР, где рабочий класс под руководством коммунистической партии решил превратить в течение самого короткого срока, в ничтожный с исторической точки зрения отрезок времени одну из самых отсталых в промышленном отношении стран в самую передовую и без притока иностранных капиталов, при враждебном отношении правящих классов всего мира.

Мы знаем, как жестоко борются между собой капиталистические державы за сферы влияния, за политическое преобладание в малых странах. И вдруг мы встречаемся с фактами трогательного единодушия, братства.

Франция прилагает все усилия к германо-польскому сближению, она не прочь «поступиться своими интересами» в Прибалтике ради Англии. «Журналь де-Деба» от 11 февраля пишет:

> «Нужно подумать о том, что произойдет в Балтийском море, если преступные настроения (под'ем революционной волны. *Б. М.*) повергнут Европу в новый пожар.
>
> Порты Ревеля и Риги сыграют тогда большую роль. Англия это знает. А заботится ли она о хороших отношениях с Эстонией и Латвией? Нашим интересам это не противоречит»...

Подумать только, какое братское единение! А какой вой подняли германские империалисты! На русский рынок они смотрели и смотрят как на вотчину. Они надеялись, что средства для платежей по плану Юнга, которые нельзя будет выкачивать из собственного рабочего класса, можно будет получить от экспорта в Россию. И это дело серьезно лопается.

В номере от 9/II 1930 г. «Фоссише Цейтунг» статьей Левенсона ставит точки над і. Ухудшение отношений между Германией и СССР Левенсон об'ясняет исключительно пятилеткой. Автор статьи иронизирует над германскими капиталистами, которые, отзываясь пренебрежительно о пятилетке как об утопии, вместе с тем серьезно напуганы перспективой потери рынка.

> «Серьезные экономические затруднения, — констатирует в статье Левенсон, — между Россией и Германией вытекают не из обстоятельств, связанных с текущей торговлей, но с предусмотренной пятилетней программой усиливающейся индустриализации СССР. Однако, в сущности говоря, не имеет никакого смысла высмеивать эту гигантскую хозяйственную программу и изображать ее детской утопией и в то же время кричать караул по поводу реальных достижений этой программы. Мало вероятно, что этим методом можно заставить русских отказаться от своего пятилетнего плана.
>
> Политически целесообразнее и полезнее для германской промышленности принять пятилетний план как факт и позаботиться о том, чтобы германская промышленность при быстрой индустриализации СССР развила свою деятельность, по крайней мере, в качестве поставщика».

В отчете американского о-ва «Сэнтрал Ганновер Бэнк энд трест Компэни» обращается особое внимание, в связи с выполнением пятилетки, на предстоящую роль СССР на международном рынке.

В отчете отмечаются достижения советской промышленности и ее перспективы. В выводах констатируется, что цель этой активности не только в освобождении страны от иностранной экономической зависимости, но и в производстве товаров в таком количестве, что СССР станет серьезным конкурентом Западной Европы на рынках сбыта.

«Берлинер Берзен Курьер» от 29 сентября отводит этой проблеме большую статью и приходит к таким же трезвым выводам, как и «Фоссише Цейтунг».

Автор статьи полемизирует с теми германскими хозяйственными кругами, которые рассматривают советскую политику индустриализации как угрозу своим интересам.

> «Если мы помогаем России создать собственную мощную промышленность, то этим самым мы наносим себе вред, ибо мы делаем Россию независимой от Германии и прочего мира. Мы подрываем основы нашей торговли с Россией».

Такова, по «Берлинер Берзен Курьер», аргументация некоторых кругов Германии.

Цитируемая статья опровергает эти доводы, доказывая, что торговые отношения между двумя промышленными странами, как, например, Англия и С. Штаты представляют бо́льшие возможности, чем торговля между страной с развитой промышленностью и аграрной.

> «Германское хозяйство, — пишет газета, — начиная с 1918 г., проделало большую и ценную работу на русском рынке. Германские банки впервые придали рыночную ценность советскому векселю. Неужели мы должны теперь стоять в стороне и смотреть, как американцы, англичане и т. д. идут по проложенному нами пути к русскому рынку сбыта. Недовольство политического или экономического порядка не должно играть здесь решающей роли. Действительно, при доброй воле и при всей уступчивости германской стороны русские не облегчили нам задачу развития деловых операций. Практика до сих пор слишком ясно показала, что мы должны прежде всего освободиться от мечты о монопольном положении на русском рынке. Сама дифференциация мирового хозяйства делает невозможным подобное монопольное положение. В настоящее время в германском хозяйстве господствует всеобщее убеждение, что для развития русских операций следует искать новых путей. Однако, от осознания этого факта до необходимой активности еще далеко...».

Конечно, смешны и нелепы претензии некоторых германских кругов, которые, судя по статье «Берлинер Берзен Курьер», призывают к саботажу поставок оборудования в СССР. И правильно возражает цитируемая газета, хотя не ставит точки над і по этому вопросу, как это делает «Фоссише Цейтунг» от 9 марта. Империалистические страны не в силах задержать процесс индустриализации СССР саботажем поставок оборудования, ибо, помимо всех прочих факторов, тут играет роль та же конкуренция. Саботажники только проиграют на этом деле. Ведь Англия при всей политической и экономической зависимости от нее Индии, Канады, Австралии и т. п. не может остановить даже в этих странах процесса индустриализации. Вся политика Англии ведется в этом направлении; в результате ей удается только тормозить индустриализацию и она из года в год теряет на этих рынках позиции, которые занимают ее конкуренты. Меньше всего удастся части германских промышленников повлиять на темп нашей индустриализации. И меньше всего виноваты мы, что «некоторые круги» в Германии не видят того, что СССР это не прежняя Россия, которую германские капиталисты рассматривали чуть ли не как вотчину.

«Берлинер Берзен Курьер» советует также примириться с пятилеткой как с фактом и позаботиться о том, чтобы германская промышленность не потеряла хотя бы тех выгод, которые связаны с поставкой в СССР оборудования.

Злобные выпады в Германии против пятилетки в последний период особенно усилились.

В своей речи о пятилетке председатель русского комитета германского хозяйства Кремер высказался о ней следующим образом:

> «Если бы пятилетний план можно было выполнить в 50 лет, то и тогда это было бы грандиозно. Однако, это утопия; компартия СССР играет перед рабочими всего мира роль призрака мировой революции.
>
> Продукция земледелия в СССР упала. Жилищное строительство приостановилось. Русские стремятся производить и сбывать самые разнообразные товары, получая за них за границей золото и платя своим рабочим бумажными деньгами. Промышленность Германии отучилась уже питать надежды насчет России».

Да, господину Кремеру неприятно, что СССР стремится все производить. Ведь было время, когда русские вывозили только хлеб, шкуры, меха, масло, лес, а ввозили готовые изделия, текстиль. Хорошо тогда было германским промышленникам. Но это было давно, а теперь приходится отучиваться от легкой наживы за счет азиатщины. И это не последнее разочарование господина Кремера. Ведь пятилетку-то большевики не в 5 лет, а в четыре построят, вместо кремеровских 50 лет. («Да и тогда это будет поразительно», — авторитетно заявил он). Пусть Кремер, не верящий, очевидно, «заинтересованным» американцам, спросит крупного германского профессора Шлезингера, сделавшего доклад о своих впечатлениях о СССР на собрании берлинских инженеров. Вот что этот профессор сказал об индустриализации СССР:

> «*В СССР господствует исключительно плановое хозяйство. Технические планы СССР удивительны, грандиозны и отмечены полной сознательностью в постановке цели.*
>
> *Индустриализация СССР в техническом отношении так проработана, что когда пятилетка будет выполнена, то СССР через 10 лет будет обладать лучшими и наиболее хорошо оборудованными заводами и фабриками во всем мире.* План коллективизации сельского хозяйства *гениален*, и если Советскому Союзу удастся выполнить намеченную задачу увеличения производительности сельского хозяйства, *то СССР будет самой крупной страной в мире по экспорту.*
>
> Когда я сравниваю то, что я видел в СССР примерно полтора года тому назад, с тем, что я там видел теперь, то считаю себя в праве сказать, *что успехи СССР превосходят все, что я считал возможным.* Если покой СССР не будет нарушен и если у него хватит времени создать себе необходимые денежные запасы для выполнения своих грандиозных планов, то действительным победителем в мировой войне окажется не Америка, а СССР. Это должны сказать себе те, которые, основываясь на газетных сообщениях и не имея случая самостоятельно изучить положение советской промышленности, трубят на весь мир об обратном. Советский эксперимент задуман в большом стиле, но если такие эксперименты вообще могут удаваться, то победа, которой СССР теперь добивается, будет справедливой».

Нам кажется, что речь Шлезингера может служить достаточно хорошим ответом Кремеру и ему подобным.

Исключительная по наглой развязности статья появилась в органе германской горной промышленности «Дейче Бергверксцейтунг» от 10 января с. г. Автор статьи — известный промышленник-франкофил Арнольд Рехберг. Озаглавлена статья: «Обреченные на голодное вымирание». Этими обреченными являются те 60 миллионов человек, которые по Рехбергу составляют избыточное население Западной и Центральной Европы. И умрут они от голода из-за большевиков и их пятилетки. Впрочем, предоставим автору самому высказаться.

Арнольд Рехберг следующим образом характеризует *задачи* и значение пятилетки. В Западной Европе имеется около 60 миллионов избыточного населения, которое может прокормиться только за счет производства на экспорт. «Нищета русского рабочего и крестьянина так велика,—пишет он,—что 140 млн. русского населения не являются больше потребителями иностранных товаров. Вследствие большевистских интриг и китайский рынок резко сузился для импорта. Если же пожар, который Москва разжигает в Китае, перебросится в Индию, тогда покупательная способность и этой страны резко снизится». Безработица на Западе, по Рехбергу, вызвана тем, что русский рынок выключен, а китайский сокращен.

> «Задача великого плана Москвы (пятилетка. *Б. М.*) именно состоит в том, чтобы расстраивать азиатские рынки и вызвать хозяйственные затруднения в Европе и, таким образом, подготовить почву для большевизма в Европе».

Дальше автор изображает пятилетку как «ужасную угрозу Европе»... Торгпредства являются центрами пропаганды, и большой ошибкой следует считать, что в свое время не была осуществлена военная интервенция, план которой разработал «великий генерал» Гофман.

При всей бесмысленности эта статья не лишена интереса. Оказывается, что в безработице на Западе виноваты большевики. В самом деле: они нарочно закрыли рынок, разрушили покупательную способность Китая, да и еще в Индии собираются наделать неприятностей. Самое интересное в этой

статье содержится в утверждении того, что основной смысл пятилетки в том и состоит, чтобы создать конкуренцию капиталистам на рынках Азии и тем самым ухудшить положение европейских экспортеров. Эта статья — одна из серии, входящей в план антисоветской кампании; но в ней «оригинален» подход к проблеме.

И вместе с тем эта статья показательна в том отношении, что прямо показывает, где собака зарыта.

Пятилетка—вот причина антисоветской кампании. Послушали бы ген. Гофмана в свое время, а теперь, пожалуй, поздно, вот как следует понимать заключение Рехберга. Польские бульварные газетки прямо советуют спешить, пока пятилетка не осуществлена. И без этих откровенных признаний мы знаем, в чем причина оживления антисоветской кампании.

Бойцы ОДВА вернулись победителями, китайский конфликт улажен, промышленность идет гигантскими шагами и коллективизация в один год проведена в масштабах больших, чем предполагалось пятилеткой. И хотя желтые листки предсказывают провал наших планов, хотя и французский «Тан», орган Пуанкаре, от 28/I с. г., пишет о росте безработицы в СССР и «Ле Пепль», орган Вандервельде, от 29/I утверждает, что в СССР восстанавливается крепостное право и что во всем происходящем в СССР нет и тени того, чего стремятся достигнуть социалисты с «добровольного согласия пролетариата»,—капиталисты и их прислужники боятся пятилетки. Это прекрасно и тонко подчеркнул Левенсон в «Фоссише Цейтунг» от 9/II, указав там на бессмысленность подсмеивания над пятилеткой и одновременного крика об опасности.

Для уяснения причин цитированного антисоветского выступления Арнольда Рехберга дадим слово германской газете «Вельт ам Абенд»:

> «Мы намерены,—пишет «В. а. Абенд»,—раскрыть секрет упорных домогательств Рехберга. Владельцы калиевых заводов Германии французского Эльзаса являются мировыми монополистами калия. В последние годы, однако, у них появился конкурент в лице СССР... Соликамские калиевые залежи больше германских и французских вместе взятых. С открытием соликамского калия начались антисоветские выступления Арнольда Рехберга. Монополия концерна Рехберга под угрозой, и поэтому нужно скорее об'явить крестовый поход против СССР».

Пояснения «Вельт ам Абенд» достаточно убедительны. Мы отметим только, что Рехберг вел с Пуанкаре секретные переговоры о франко-германском союзе, которые были в прошлом году разоблачены как раз накануне смерти Штреземана. По всем видимостям, германское министерство иностранных дел было в курсе переговоров Рехберга.

Надо сказать, что, судя по бессмысленной статье, цитированной нами выше, он, господин Рехберг, довольно глуп.

Если поверить фашистскому органу «Джорнале д'Италия», все разговоры об индустриализации—враки:

> «До сих пор большевики еще потребляли запасы хлопка, но теперь они уже исчерпаны. Вместо 900 рудников, эксплоатированных до войны, теперь существуют только 600. Но и эта цифра дутая, так как в нее входят «кустарные крестьянские рудники». За отсутствием оборудования количество больших рудников сокращается».

Но все это ничто в сравнении с положением в тяжелой промышленности, продукция которой сейчас не превышает, по «Джорнале д'Италия», одной пятой размеров довоенной продукции.

> «Продукция спичек, карандашей, стекла, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления ничтожна, — продолжает орган фашизма. — Средняя зарплата рабочего не превышает 50 рублей, а покупательная сила этих 50 рублей равна 10 рублям, и рабочий не только не может одеваться, но даже обеспечить себя вдоволь черным хлебом на эту зарплату. Рабочие поэтому покупают только брак наихудшего сорта. Да и политически у рабочих только иллюзия власти».

Этот «серьезный» орган, еще недавно печатавший корреспонденции графа Стеллути-Скала, в которых подробно описывалось, как проводится национализация женщин в России и тому подобные сенсации — остается верен традициям.

Стоит ли комментировать такую бессмыслицу—и привели мы выдержки из этой «корреспонденции из Константинополя» в качестве шедевра журналистского творчества. Озаглавлена корреспонденция: «Трагическое состояние советской промышленности». Удивительно, что «Джорнале д'Италия» вообще не поставила под вопрос существование в СССР промышленности. Ведь сообщает же газета, что 14 лет мы живем старыми запасами хлопка.

С такой же наглостью, как и Арнольд Рехберг в «Дейче Бергверксцейтунг», освещает проблему пятилетки «Дейче Альгемейне Цейтунг» от 25 февраля. Анонимный автор сожалеет об отсутствии немецкого перевода труда Госплана, «этого документа, возведенного на степень катихизиса». Благодаря этому он не может подвергнуть его основательному анализу. В статье излагаются основные цифровые данные пятилетки.

> «Где ошибки этого проекта, вызванного к жизни манией величия?—задает вопрос автор статьи. (Естественно, что раньше всего бросается в глаза финансовый план. (—*Б. М.*) Откуда возьмутся 41 миллиард из бюджета и прочие суммы?»
>
> Несомненно, этот план обречен на крушение. Нельзя, однако, не дооценивать эту силу воли, которая дает возможность полумиллиону человек партийцев увлечь 130 миллионов ради призрака будущего земного рая по коммунистическому принципу...
>
> Один фактор в России не ценится — человеческая жизнь. Никто не знает, не дает ли советское правительство, не считающееся со средствами, умирать с голоду несчетному количеству крестьян, чтобы освободиться от едоков и вывозить хлеб.
>
> Никто не знает также, на что пойдет совгосударство, вооруженное до зубов, в момент отчаяния, когда социальный эксперимент провалится.
>
> Новая крестьянская политика обрекает 50 млн. человек на нищету. Что будет с этим количеством людей, большим чем все население Франции и равным почти населению Германии, это знает, вероятно, только Сталин и его окружение.
>
> Половина населения обречена на тягчайшую нищету ради того, чтобы другая половина еще пару лишних лет могла работать над осуществлением безумной идеи.
>
> Происходящее в России нельзя упускать из виду. Ужасный кризис приближается и это не может не отразиться и на внешней политике СССР».

Мы не приводим других перлов из этой характерной и симптоматичной статьи, где не обошлось и без увязки проблемы пятилетки «безумных» планов с оживлением деятельности германской компартии и, конечно, по указке Москвы.

Насколько этот автор грамотен в советских делах, можно судить по тому, что он сообщает о насильственном вовлечении кулаков в колхозы. Но не в этом суть. Суть не в этих бульварных измышлениях так наз. «серьезной» печати Германии, а в том, что статьи, как напр. цитированная выше статья Арнольда Рехберга в «Дейче Бергверксцейтунг», отвечают определенному заказу — травить Советский Союз. И симптоматично, что упор делается на военную проблему. СССР изображается вооруженным до зубов, готовым с «отчаяния» (?) напасть на западные государства. Это, так сказать, материал для обработки «общественного мнения» к антисоветскому походу с участием Германии. Жаль, что автор статьи из «Дейче Альгемейне Цейтунг» скрыл свою фамилию, а то мы рекомендовали бы ему спеться с Рехбергом. По его статье выходит, что пятилетка погубит 50 миллионов советских жителей, а по Рехбергу, она должна обречь на голодное вымирание 60 млн. пролетариев Запада. Недаром рабочий класс считается там мало развитым. Пятилетка призвана вырвать из жизни 60 млн. пролетариев, и это пишется тогда, когда международный пролетариат с восторгом следит за ее выполнением.

Надо отдать справедливость Рехбергу, недаром он ведет переговоры об интервенции—он лучший дипломат. По его словам, всякий капиталист чувствует теряемую прибавочную стоимость и наживу от 60 млн. западных пролетариев. А ведь это единственный путь к сплочению всех буржуев и их слуг, социал-демократов, для руководства и организации военного похода против СССР.

Бельгийские социалисты тоже возмущены пятилеткой. 26 февраля социалист Гоэн заявил в парламенте, что бурный рост советского хозяйства окажет отрицательное влияние на промышленность Европы, и призывал промышленников к единому фронту.

Чем дальше, тем истинная подоплека бешенства империалистов, выявляется со все большей ясностью.

«Газета Польска» от 3 марта пишет:

> «Большевики считают, что если им удастся реализовать хотя 50% своего плана, то уже по истечении 5 лет они по иному начнут разговаривать с буржуазными государствами».

Это поистине, что называется—с больной головы да на здоровую. Не потому ли вся свистопляска и нервозность, что надо ловить момент, а то поздно будет. И чтобы оправдать войну против СССР, советской печати приписываются вымышленные угрозы.

Мы и без того не сомневались в истинных причинах всего происходящего в Европе и в частности в Польше. Намеки «Газеты Польской», черезчур прозрачны. В переводе на простой язык цитированная фраза означает: буржуи всего мира об'единяйтесь скорее в поход, чтобы не опоздать. Ведь через 5 лет СССР станет черезчур силен.

И во имя этого об'единенная внутренняя германская фашистская клика и внешние друзья Германии делают все возможное для вовлечения Германии в антисоветский союз.

Крупный германский финансист Сольмен в публичном выступлении заявил:

> «Наступление большевизма раньше или позже принудит европейские государства образовать единый фронт и вложит им в руки меч».

Никаких недоговоренностей тут уже нет. Нельзя ведь вечно прикрываться религией, церковью и т. д.

Тон польской, германской, французской и прочей печати становится более откровенным. Промышленник Клезатель в «Дейче Бергверксцейтунг» критикует капиталистов, ведущих по отношению к СССР страусовую политику. Он рекомендует дать отпор крепнущему большевизму. Он рекомендует организовать строжайшую блокаду СССР, пока там не восстановится порядок и (конечно) частная собственность. Впрочем, это добавление о частной собственности излишне. Раз порядок, то уже, само собой разумеется, и частная собственность. Разве может существовать одно без другого? Этой же проблеме было посвящено особое заседание аристократического клуба в Берлине.

В «Нью-Йорк Таймс» от 17 февраля Дюранти останавливается на причинах роста агрессивности против СССР и констатирует, что причина этому одна—индустриализация СССР.

СССР все более и более выступает, как смертельный враг капиталистической Европы.

> ...«Европа в целом,—пишет он,—еще не уразумела, что может означать экономически и политически конкуренция со стороны СССР, но лидеры Европы начинают понимать это».

Орган фашиста Коти «Матэн» рекомендует Франции об'единиться с Германией, ибо только в союзе с Германией, Англией и континентальной Европой — Франция найдет клиентов для сбыта товаров... «Переустройство России неосуществимо в сепаратном порядке».

Ясно. Капиталистический мир в кризисе, наиболее дальновидные «лидеры Европы» предвидят еще худшие времена, и все спасение в одном — в сокрушении большевизма в СССР. Тогда и «собственные» рабочие будут прибраны к рукам и рынок России откроется для выкачивания сырья и размещения товаров, колонии «утихомирятся», одним словом, капитализм получит передвижку. И не следует думать, что империалисты только пишут об этом в своих газетах. Делается больше, чем пишется. Благо, отношения между Польшей и Германией улучшились.

«Вельт ам Абенд» от 10/III сообщает, что между руководителями германской промышленности и политическими лидерами (и, конечно, в первую очередь социал-демократами) ведутся закулисные переговоры о ликвидации Раппальского договора: Та же газета сообщает, что известный экономист Клейнов выступил с докладом о внешней политике, с предложением об'единения Польши и Германии против СССР на следующих условиях: Польша возвращает Германии Данциг и коридор, а взамен этого она получит территории за счет СССР.

А французский генеральный штаб пошел еще дальше по пути провоцирования войны. «Чикаго Трибюн» от 21/II сообщает следующее: Франция в качестве союзника и друга Румынии сочла необходимым предупредить свою младшую сестру, что СССР концентрирует огромные войска у румынской границы. В течение нескольких дней дорога между Киевом и Одессой была совсем закрыта ввиду массовых перебросок военных частей. Румыния запросила совета и информации у английского штаба, но оттуда раз'яснили, что сведения преувеличены и что производятся только зимние маневры.

Значит французский штаб решился на наглую провокацию с целью бросить младшую сестру Франции в авантюру.

Уже одних приведенных материалов достаточно, чтобы убедиться до чего наглеют империалисты. «Ригаше Рундшау» от 8/III тоже останавливается на причинах возросшей агрессии против СССР. Правда, газета затрагивает одну сторону — конкуренцию.

> «В течение последних лет,—пишет «Ригаше Рундшау»,—мировое хозяйство обеспокоено советским демпингом. Началось с нефти, последовал лес. В конце концов СССР об'явил войну шведскому королю спичек Крейгеру (действительно, как не возмущаться Советским Союзом, самому Крейгеру об'явлена война. *Б. М.*). В последнее время русские избрали в качестве демпинга уголь...
>
> До сих пор советский экспорт наносил вред нескольким отраслям мирового хозяйства. Но если советские планы осуществятся (так вот она где собака зарыта. *Б. М.*), тогда всему миру предстоят тяжелые времена. Увеличивающиеся цифры советского экспорта показывают, что опасность наступит раньше, чем ее ожидают».

К концу пятилетия наш экспорт несколько превысит 2 миллиарда рублей. Мы не гонимся за рекордами, мы не эксплоатируем колоний. Нам нужно экспортировать, чтобы за вырученную валюту ввозить необходимое нашей стране — и все же империалисты подняли лай, поддерживаемый их прихвостнями вроде «Ригаше Рундшау».

С. Штаты экспортируют на 10 миллиардов рублей, Германия довела свой экспорт до 7 миллиардов рублей. А мы только превышаем миллиард пока что, и уже крики по поводу демпинга.

Англия вывозит уголь с огромными убытками — об английском демпинге ни слова, а мы вывозим главным образом ценный антрацит, экспорт которого в высшей степени рентабелен. И лакейская пресса подхватывает налету крик о демпинге, чтобы услужить барину. Экспорт голландской Индии возрос до 1 миллиарда 700 млн. руб. — это хорошо, замечательно, — ведь они вывозят каучук, нефть, койру и другие виды сырья и покупают ткани, спирт, галантерею, автомобили.

А вот СССР дошел до такой наглости, что осмеливается вывозить уголь, спички и не хочет покупать за границей мануфактуру, зонтики, шампанское, дамские подвязки и т. п. Подумайте только, какая наглость.

Да, «Ригаше Рундшау» хорошо делает, что клеймит позором это нелойяльное поведение СССР к братьям во Христе.

Французский генеральный штаб прав, когда он провоцирует войну, ибо, как предвещает «Ригаше Рундшау», наступят еще худшие времена, когда СССР затронет интересы не только великого Крейгера, Рехберга и Детердинга, но еще, упаси господи, самого Моргана. Что тогда будет, что тогда будет?

А, что экспорт С. Штатов достиг 10 миллиардов рублей, об этом не кричат. С. Штаты имеют право, Германия должна еще откуда-то черпать средства на выплату дани победителям по плану Юнга. А СССР не имеет права экспортировать промтоваров.

Социал-демократы больше всех рвутся в бой. Леон Блюм в «Попюлер», притворяясь ненавидящим, все происходящее изображает так, что СССР готовится к нападению на Запад. Он об'ясняет это следующим образом:

> «В СССР—кризис более глубокий, чем когда-либо и в этих условиях нет ничего удивительного, что СССР для отвлечения масс может пойти на крупный конфликт (и, следовательно, на войну, так надо понимать Леона Блюма. *Б. М.*) с какой-либо державой.

Тот же мотив, что и «Газеты Польской», а означает он — капиталисты всего мира готовьтесь к войне против СССР. Да здравствует Второй Интернационал! Это трогательное единение империалистов проявляется и в других областях.

Орган французской крупной промышленности «Энформасьон» от 13/III выражает свое глубокое сожаление по поводу неудач (?) Германии на советском рынке.

> «Германские круги,—пишет «Энформасьон»,—могут только вспоминать о тех временах, когда СССР, казалось, становится необ'ятным рынком для сбыта германских фабрикатов. Во ввозе СССР из Германии машины занимают самое большое место, а изделия—ничтожную долю. Советские экономисты пытаются доказать, что Германия заинтересована в индустриализации СССР, но это воспринимается в Германии скептически».

Опять-таки пятилетка виновата. Конечно, те германские круги, которые смотрели на СССР, как до войны на Россию Романовых, могут разочароваться. Но интересно, что крокодиловы слезы льет «Энформасьон». Каким мягким стал французский империализм! Он будет рад (?), если Англия укрепится в Прибалтике, сожалеет о «погибших мечтах» некоторых кругов германской промышленности. И все это во имя одного — единого антисоветского фронта перед лицом наступающей пятилетки.

— Вывод один—Германия должна помочь Европе в ее борьбе против СССР. Без Германии поляки могут побояться. Ведь у них свои счеты. Все дело в Германии. Поэтому-то и ведется такая концентрированная атака извне и изнутри, чтобы добиться ее участия в походе против СССР.

Недаром и поляки так зашевелились. И орган Пилсудского «Газета Польска», уже цитированная нами, от 20 февраля в передовой изображает дело таким образом, что пятилетка имеет политические цели, сводящиеся к расстройству экономики соседних стран, в первую очередь. Создавая безработицу и экономические затруднения в этих странах, Советы ведут таким путем к войне как средству по пути к революциям.

Смысл передовой «Газеты Польской» приблизительно тот же. Напугать лимитрофы опасностями, которые несет пятилетка, с целью их об'единения против СССР для подготовляемого под руководством Франции военного похода.

* * *

Та бешеная травля СССР, которая ведется теперь в мировой прессе и особенно во французской, германской и польской, вызвана исключительно нашими успехами. Желтая пресса большей частью на своих столбцах прямо не связывает эту травлю с нашим строительством, чтобы скрыть подоплеку этой травли, все же то в одном месте, то в другом, прорывается(как в этом сознается и Левенсон в «Фоссише Цейтунг» и Рехберг в «Дейче Бергверкс-цейтунг» и др.), что наша пятилетка крайне нелюбезна «друзьям» СССР.

По мере роста наших успехов, мы, несомненно, будем сталкиваться со все большими атаками буржуазной печати на Советский Союз, атаками, имеющими конечной целью подготовку «общественного» мнения для попытки срыва военным путем социалистического строительства.

С. Ужанский.

За автомобилизацию сельского хозяйства СССР.

(Американские впечатления в свете наших задач по реконструкции сельского хозяйства).

Сельское хозяйство Соединенных Штатов выделяется из ряда других стран своей высокой механизацией. Мы находим там не только наиболее усовершенствованные машины, но и (а это самое главное) широкое распространение их.

Каковы же конкретные формы современной механизации сельского хозяйства САСШ?

Прежде всего, надо отметить, что не только трактор и комбайн, но и автомобиль характеризуют собой то, что может быть названо особым американским типом механизации сельского хозяйства. Мало того, автомобиль и является, именно, тем, что в первую очередь и чрезвычайно резко отличает этот тип механизации от европейского.

Свидетельством этому является хотя бы то, что из трех основных машин (автомобиль, трактор, комбайн) американского типа механизации, автомобиль появился раньше всех в массовом масштабе. На основе усовершенствованного двигателя внутреннего сгорания, выработанного широким распространением автомобиля, появились в широком размере трактор и комбайн. И в настоящее время в сельском хозяйстве автомобилей во много раз больше, чем тракторов, не говоря уж о комбайнах. По последним данным, там 5.426 т. автомобилей, 853 т. тракторов и около 45 тыс. комбайнов. Эта пропорция обусловлена не только тем, что технически усовершенствованные тракторы и комбайны появились позже автомобилей и как бы не поспели еще быстро распространиться, но и тем, что работа тракторов и комбайнов, вообще говоря, тем успешнее, чем более хозяйство обеспечено механизированным транспортом — автомобилем. При этом надо иметь ввиду, что автомобиль является неразрывной частью производства, а не только, как это может казаться с первого взгляда, средством для перевозки продуктов на рынок. Это последнее имеет чрезвычайно большое значение, но не меньшую роль играет автомобиль в так называемом внутрихозяйственном транспорте. Известно, как велика роль внутризаводского транспорта в деле рационализации индустрии. Значение же внутрихозяйственного транспорта в сельском хозяйстве гораздо больше, чем в индустрии.

Нам как-то трудно представить себе, что значит автомобиль в самом процессе сельскохозяйственного производства, так как пока что мы видим автомобиль только в городе, отчасти в индустрии (автотранспорт Азнефти), но в целом мы еще так мало автомобилизированы, что не можем себе даже представить всех тех выгод, которые дает автомобиль. В деревне же автомобиля совсем не знают.

Недостаточное осознание необходимости автомобилизации сельского хозяйства является, само собой понятно, в ряде других причин, одним из тормозов в развитии автомобилизма. Также не подлежит никакому сомнению, что без массовой автомобилизации мы не сумеем решительно и быстро произвести необходимый технический переворот в сельском хозяйстве. Массовое коллективное движение создает у нас хозяйства такой крупности, которая позволяет не только ввести лучшие технические достижения всей мировой сельскохозяйственной практики, но и применять их с наибольшей эффективностью. Автомобиль не может быть здесь исключением. Изучение опыта САСШ, наиболее механизированной и наиболее автомобилизированной страны, является задачей первостепенной важности. Если мы сумеем перенять американский технический опыт, то мы сумеем в наших условиях новых хозяйственных форм поднять эти технические достижения до таких высот, о которых капиталистические страны и не могут даже мечтать.

Высокая автомобилизация американского земледелия неразрывно связана с высокой автомобилизацией САСШ в целом. Из 31,8 миллионов [1]) зарегистрированных на всем земном шаре в 1928 году автомобилей на Соединенные Штаты приходится 24,5 млн., или 77%. Как далеко ушли вперед САСШ по сравнению с другими странами показывает то, что на один автомобиль в САСШ в среднем приходится 4,9 человека, в Англии—35,8, во Франции—37. А ведь по количеству автомобилей Англия и Франция занимают второе и третье места. В отсталых же странах на один автомобиль приходятся тысячи людей. Так, в Турции—1.516, в Персии—1.968, в Индии—2.548, в Китае—17.000.

Автомобиль вытеснил в САСШ уже почти начисто лошадей из городов и вместе с трактором вытесняет чрезвычайно решительно лошадей и из сельского хозяйства.

Автомобиль, как таковой (производство, обслуживание) играет колоссальную роль в хозяйстве САСШ. В настоящее время там насчитывают около 4 с половиной миллионов людей, занятых непосредственно и косвенно в автомобильной индустрии, при чем только 635.000 человек идут под рубрикой профессиональных шоферов. Ничтожное количество шоферов по сравнению с количеством автомобилей об'ясняется, как известно, тем, что в САСШ только богатые люди и торговые и промышленные предприятия держат шоферов. Большинство же владельцев машин управляют ими сами. Колоссальное значение автомобильной индустрии иллюстрируется еще тем, что она занимает первое место по сумме продукции среди других отраслей и первое место среди всех экспортных статей САСШ.

Автомобиль внес радикальные изменения в технику и экономику транспорта. Он придал жизни неслыханную прежде быстроту обращения товаров и людей. Он вооружил человека такой подвижностью, о которой прежде нельзя было и мечтать; радиус деятельности 1 чел. чрезвычайно расширился. Трудно охватить роль автомобиля, но известное представление можно получить хотя бы из того, что вся почта развозится на автомобилях, что весь заводской транспорт автомобилизирован, что железные дороги обросли специальным подсобным автомобильным парком, что автомобиль все больше и больше начинает вытеснять железную дорогу в междугородных сообщениях, не говоря уж о пригодном, что товары из складов и магазинов развозятся потребителю на автомобиле, что по основным магистралям городов автомобили движутся сплошным потоком, что американцы все больше и больше проводят свои каникулы на автомобиле, раз'езжая по всей стране и забираясь в Канаду и Мексику.

Кстати здесь надо коснуться одного очень важного вопроса, именно о распределении автомобиля по классам населения, в частности, верны ли распространяемые социал-реформистами сведения о том, что в Америке будто бы каждый рабочий имеет автомобиль. Эта глупая басня обычно доказывается следующим способом. Раз, мол, статистика показывает, что в Америке на один автомобиль в среднем приходится 4,9 человека, а семья в среднем имеет от 3 до 5 душ, то, следовательно, каждая семья в среднем имеет один автомобиль, следовательно, и рабочая семья имеет автомобиль. Абсурдность такого рассуждения видна уж из того, что аргументы черпаются из средних величин, которые способны, как известно, только затемнять сущность вопроса. Ведь с таким же правом мы могли бы сказать, что в СССР при 150.000.000 населения, и при 33.969.000 головах лошадей на одну лошадь в среднем приходится 4,5 человека; следовательно, в среднем каждая семья имеет одну лошадь. Абсурдность этого последнего понятна не только на примере наших городов, где подавляющая часть населения никакой лошади не имеет, но и на примере нашей деревни, где в условиях индивидуального хозяйства еще в прошлом году 33,5% хозяйств были без лошадей, зато 15,6% были с двумя лошадьми, 3,0%—с тремя, 1,8%— с четырьмя и больше, и только 46,1%—имели одну лошадь, т.-е. то, что показывает статистика в среднем. То же самое и в отношении распределения автомобилей в САСШ. Если мы откинем грузовики и фермерские машины, то на города и индустрию падают 15,9 млн. автомобилей. В это число входят и коммунальные, и государственные, и промышленные, и частные. По данным статистики, в индустрии, торговле и транспорте «занято» всего 30.661 тысяч человек. Сюда входят и капиталисты, и торговцы, и служащие, и рабочие. Одним словом все население, по выражению американских статистиков, «работающее» в упомянутых отраслях. Семьи в этот расчет не входят. Тогда мы получаем в среднем, что на одну машину приходятся два «работающих» человека. Это значит, что уж не каждый «рабочий» (если принять все население за рабочих) имеет автомобиль, а уж только 50%. Мы рассчитывали это, принимая владение одним автомобилем за исходное. Вместе с тем верхушка населения имеет по два, а часто по три и больше автомобиля. Возьмем самую скромную величину: допустим, что 10% населения имеет больше, чем по одной машине. Тогда мы получим, что минимум 60% «занятого» в производстве населения вовсе никакой машины не имеет. Не ясно ли, что это население является как раз пролетариатом.

Я думаю этого достаточно, чтобы не возвращаться к глупой сказке о том, что в Америке каждый рабочий имеет автомобиль. Автомобиль может иметь только верхушка рабочего класса, высоко оплачиваемая. Рядовой рабочий о нем не может даже мечтать.

Кроме количественной дифференциации мы имеем в САСШ и качественную. Не стоит тратить много слов, чтобы доказать, что дешевенькие машины, купленные при том еще в рассрочку, принадлежат низшим слоям автомобилепользователей, а буржуа владеет, конечно, роскошной машиной, стоящей в 10 раз дороже.

---

[1]) Все цифры, за исключением особо оговариваемых, взяты из справочника: «Facts and Figures of the Automobile Industry. 1929. Edition National Automobile Chamber of Commerce U. S. A.».

Из общего числа 24,5 млн. автомобилей 5,4 млн. принадлежат фермерам. Это не значит, что только это количество обслуживает сельское хозяйство. К этому числу надо еще прибавить машины почтовые, затем торговых фирм, развозящих продукты потребления, всевозможных транспортных контор, газолиновых фирм, и много других. Сколько именно надо прибавить, статистика не показывает, но, что это составляет изрядное количество, сомнений быть не может. От общего количества машин в САСШ фермерские машины составляют в течение последних лет довольно стабильный процент, именно, 22%. Если принять во внимание, что ежегодно происходит сильное уменьшение фермерского населения, то стабильность процента, падающего на фермерские машины из общего количества показывает не что иное, как относительно более быстрый темп автомобилизации сельского хозяйства в последние годы, по сравнению с средним темпом автомобилизации Соединенных Штатов в целом.

Указанные выше 5 с половиной миллионов автомобилей приходятся на 6 с лишним миллионов ферм, т.-е. не каждая ферма имеет автомобиль. Принимая же во внимание, что крупные фермы имеют по несколько автомобилей, становится ясным, что имеется еще значительный процент ферм, вовсе не имеющих автомобилей. Матерьялов, достаточно свежих, по этому вопросу нет. Ценз 1930 года только сейчас проводится, но по отдельным исследованиям 1922—23 года [1]) мы имеем в Пенсильвании 42% хозяйств, не имеющих автомобиля, в Кэнзасе—15%, в Южной Дакоте — 30%, в Монтэне — 52%, в Колорадо — 15%, в Вашингтоне и Огайо — 14%. Эти данные показывают, что, с одной стороны, в САСШ процент ферм, имеющих автомобиль, чрезвычайно высок, с другой стороны, как и следовало ожидать, что далеко не все фермы имеют автомобиль. То же самое следует сказать и о качестве машин, причем мы здесь имеем аналогию с тем, что было вскрыто В. И. Лениным [2]) в полемике с Давидом в отношении рабочего скота. Ленин писал: «Чем крупнее хозяйство, тем выше качество рабочего скота». В отношении автомобилей данные по САСШ показывают, что чем крупнее хозяйство, тем выше качество автомобилей. Колебания капитала, вложенного в автомобили, чрезвычайно велики, примерно от 400 долларов до многих тысяч. Большинство ферм, имеющих один автомобиль, имеют «Форд». Фермы, имеющие больше, чем один автомобиль, имеют обязательно и грузовик и легковую машину более дорогой марки.

Соотношение грузовиков и легковых машин как в сельском хозяйстве, так и в городе приблизительно одинаковое. Только несколько больше 12%, приходится из общего количества на грузовики. Подавляющая масса — легковые машины. Это показывает прежде всего, что передвижение людей на автомобилях имеет громадное хозяйственное значение. Это особенно важно понять у нас тем, кто по глубочайшему, всем нам свойственному консерватизму (это не мешает быть нам энтузиастами) считает езду на автомобиле роскошью. Эти же данные свидетельствуют косвенно о том, что легковой автомобиль употребляется, в особенности, фермерами и для перевозки небольших грузов. Так, фермер пользуется легковой машиной для доставки овощей, молока и тому подобных продуктов. Что же касается больших перевозок, то, если у фермера нет грузовика, а грузовиков на фермах всего 697.300, то он поручает транспортировку специальным транспортным конторам или нанимает

---

[1]) «Crops and Markets», т. I, вып. 1, стр. 3.
[2]) Т. IX «Аграрный вопрос и гг. критики Маркса»

грузовик у фермера, имеющего таковой. Одним словом, точь в точь та же картина, которая хорошо известна в нашей деревенской практике, с наймом лошадей. Так по данным Ралфа Эпстейна [1]) 40% фермеров из так наз. Кукурузного пояса САСШ, владеющие грузовиками, сдают таковые в наем. Разумеется, что подобно системе взаимоотношений, которые возникают при сдаче и найме лошади, мы имеем и здесь элементы эксплоатации через посредство сдачи в наем средств производства.

Вопрос о соотношении грузовиков и легковых машин имеет для нас чрезвычайное значение в связи с разворачивающимся теперь автостроением. Мне кажется, что у нас на первое время грузовик должен будет занять гораздо большее место, нежели он занимает в САСШ. Это свойственно всем странам, не только лишь вступающим на путь массовой автомобилизации, но и таким, где автомобилизм довольно сильно развит, но значительно слабее САСШ. В Англии, например, грузовиков 24,2%, Франции — 31,4%, Германии—24,8%. Но несомненной ошибкой было бы, как этого хотят некоторые товарищи, если бы мы начали производить только грузовики. По справедливому замечанию тов. Осинского: «Такие сторонники автомобилизации, по сути дела, только наполовину отделались от предпочтения конного и пешего передвижения автомобильному: они усвоили только необходимость механической перевозки грузов, а механическую перевозку людей считают попрежнему роскошью» [2]). Ниже мы еще вернемся к роли легкового автомобиля в наших колхозах и совхозах.

Понять роль автомобиля в сельском хозяйстве САСШ можно, только реально представивши себе прежде всего сельскохозяйственный ландшафт САСШ. Дело в том, что там нет совершенно деревень. Выражаясь нашей терминологией, фермеры живут на хуторах. Другой формы землепользования там нет. Вся, так сказать, общественная жизнь фермера вне фермы сосредоточивается в маленьких городках, которые густо рассеяны по стране. Роль этих городков может быть понята из того факта, что американское хозяйство чрезвычайно специализировано и в высшей степени товарно. Можно сказать, что за исключением кормов для скота, вся остальная продукция в основном сдается на рынок. Продаются, конечно, и корма, но в хозяйствах животноводческих еще сохранилось производство кормов в собственном хозяйстве, хотя совершенно ясна тенденция ко все большему переходу на покупные корма. Даже хлеб и тот не оставляется на ферме для собственного потребления. В Америке совсем нет деревенских мельниц, а домашнее хлебопечение встречается редко. Все, что необходимо для личного потребления семьи фермера, закупается в городках и доставляется на автомобиле на ферму. При этом можно различить два варианта: или фермерша сама ездит в городок за продуктами или торговые фирмы развозят таковые по фермам так же, как они это делают в городах, развозя заказанные продукты по домам потребителей. Так сильно распространенные у нас и в Европе потребительские огороды при усадьбе в Америке очень мало распространены. Производство овощей там сконцентрировано в определенных районах и в определенных хозяйствах, таким же образом, как и производство других продуктов. В этом районировании и в росте товарности одним из ведущих начал явился автомобиль. Если в прежних условиях поездка в городок, скажем, за 50 километров, требовала целого дня (туда и обратно) и в силу этого часть хозяйства должна была быть натуральной, для личных потребностей, то теперь это расстояние легко покрывается в час и не занимает больше времени, чем обычная поездка городской хозяйки на рынок. *Именно, это и дало возможность перейти к узкой специализации хозяйства и к высокой товарности его.*

---

[1]) Ralph C. Epstein «The Automobile Industry».
[2]) Американский автомобиль или «расейская телега».

Роль автомобиля не ограничивается, однако, только тем, что он внес *[illegible]еворот* в этом направлении. Облегчивши переход к высоко-товар[illegible]зяйству, автомобиль одновременно чрезвычайно облегчил самое *ведение* товарного хозяйства в отношении ускорения и удешевления доставки товаров, производимых на ферме, в города и на рынки. В этом вопросе автомобиль принес с собой тоже решительные перемены. Приведем несколько примеров. В продаже скота с мясных ферм чрезвычайно ответственной задачей является доставка скота на бойню без потери веса. Гон скота по подножному корму возможен только в условиях кочевого хозяйства. Перевозка скота по железной дороге приводит к потере веса. Устройство районных боен с холодильниками решает эту задачу в лучшем виде, если перевозить скот на автомобилях. Это производится так быстро, что скот, снимаемый с откорма, ничего не теряет в весе и через несколько часов доставляется на бойню. В 1928 году таким способом было доставлено, по данным статистики главнейших только рынков, 12.193.058 голов скота разного вида. Для совершения этой грандиозной операции потребовалось нагрузить упомянутым количеством скота 1.000.000 грузовиков, каждый грузовик сделал в среднем 50 миль с колебанием от одной до 300 миль. Другой пример из области фруктов. По данным статистики штата Нью-Йорк, из общего количества перевезенных 17.277.000 бушелей яблок автомобилями было перевезено 4.153.000 штук. Остальное количество было перевезено железной дорогой и водой. При этом чрезвычайно интересно, что только 25% *фермеров*, перевозящих яблоки на автомобилях, имели таковые. *Остальные фермеры сдавали яблоки транспортным автомобильным конторам или нанимали автомобиль у фермеров*, имевших таковой. Это имеет очень большое значение для наших условий, когда организация государственных транспортных автомобильных перевозок могла бы дать чрезвычайное понижение транспортных издержек путем полной нагрузки транспорта, что и является первейшим условием дешевизны перевозок.

Интересно поставлено в Америке собирание молока по фермам. Молоко выставляется на дорогу в особых больших металлических бидонах. Специальный грузовик от торговой фирмы едет по дороге и собирает эти бидоны, не теряя время на заезд на ферму. Таким же образом возвращаются обратно пустые бидоны.

Автомобиль, расширив товарность, приблизил фермы к рынкам. Обследование 831 фермы Кукурузного пояса показало, что среднее расстояние до рынка до введения автомобиля не превышало 8 миль. После же приобретения автомобиля радиус рынка раздвинулся от 18 до 35 миль. Каждому понятно, как велико значение этого раздвижения в деле сбыта товаров.

Автомобиль внес одновременно, как это и понятно, *огромное удешевление стоимости перевозки.* Так, средняя стоимость доставки одной тонны пшеницы на расстояние одной мили была в условиях конного транспорта 30 центов. Перевозка на автомобиле стоит вдвое дешевле. Перевозка того же количества кукурузы и на то же расстояние обходилась в 33 цента на лошадях и более чем вдвое дешевле на автомобиле. Соответственные цифры по хлопку—48 и 18 центов.

Все это представляет особенный интерес для нас. Мы строим гигантские специализированные совхозы и товарные колхозы. Не пройдет года, другого—и у нас при резко возросшей продукции сельского хозяйства *встанет во всей тяжести своей неразрешенности вопрос перевозок* как уже созданного к тому времени товарного фонда, так и стимулирования дальнейшего роста товарной массы путем создания емких рынков, хорошо оборудованных в транспортном отношении. *Не может быть никаких сомнений, что только при помощи мощного автомобильного транспорта мы сможем успешно разрешить задачу специализации и товаризации нашего сельскохозяйственного производства.*

Но тут встает вопрос *о дорогах*. Принято думать, что без дорог невозможно автомобильное движение. Принято думать, что наше бездорожье является непреодолимым препятствием в деле быстрой автомобилизации нашей страны. И даже у больших энтузиастов автомобилизма опускаются руки, как вспомнятся наши дороги. И, именно, на этой почве раздаются так называемые «осторожные», а на самом деле оппортунистические голоса, не лучше ли подождать с автомобилизацией. Куда, мол, нам до автомобилей, когда у нас телеги еще на деревянном ходу, лошади некованные, и свезти больше 20 пудов по нашим дорогам не могут? Не лучше ли сначала перевести все телеги на железный ход, развести хороших лошадей—тяжеловозов, подправить понемногу наши дороги, а затем уж перейти к автомобилю, против которого в принципе никто, мол, возражать не может.

Все эти рассуждения насквозь реакционны и основаны на полном незнании и непонимании сути вопроса. Возьмем Америку. Совершенно верно, что там имеются прекрасные дороги. Это общеизвестно. Но задумались ли наши экономисты над тем, что, во-первых, дороги там невсюду хорошие, и, во-вторых, что не дороги вызвали к жизни автомобилизм, а автомобиль вызвал к жизни дороги.

В Соединенных Штатах, по данным американской статистики, 43,1% ферм расположены вблизи неусовершенствованных, обычных грунтовых дорог; 31,4% расположен на усовершенствованных грунтовых дорогах и только 25,5% ферм расположены у хороших дорог. Значит ли отсюда, что в штатах, бедных дорогами, автомобилизм развит меньше, чем в штатах, где дороги хорошие. Ничего подобного. Возьмем два показателя[1]: отношение длины дорог в милях к площади в квадратных милях, то-есть плотность усовершенствованных дорог и второй показатель — количество автомобилей на 1000 человек.

Наименование района.	Отнош. длин. дорог в милях к 100 кв. милям.	Количество автомобилей на 1.000 чел.
Горный	38	198
Тихо-океанский	52	337
Юго-Западный Центральный	96	178
Новая Англия	126	175
Южно-Атлантический	129	147
Юго-Восточный Центральный	135	111
Северо-Западный „ . . .	148	246
Северо-Восточный „ . .	168	231
Средне-Атлантический	183	169

В таблице *мы не видим никакого соответствия между дорогами и автомобилями.* Мировой опыт подтверждает ту же мысль. Например, Дания и Германия имеют прекрасные дороги, однако, они вовсе не высоко стоят в автомобильном деле. А такие страны, как Аргентина и Канада, имеют сейчас большое количество автомобилей и теперь строят и строят новые дороги.

Но дело не только в приведенных цифрах, но и в следующем факте, который нужно усвоить всем нашим пессимистам в автомобилизме. В самих Соединенных Штатах хорошие дороги имеются главным образом только по главным магистралям, соединяющим большие города. В стороны от этих магистралей дороги уже худшего качества, а фермы, как мы выше показали, в большинстве своем стоят на плохих дорогах. Самое главное это то, что внутри ферм никаких дорог нет, а значение внутрихозяйственных перевозок чрезвычайно велико. Фермер не расстается со своим автомобилем во время работ ни на минуту. Он пускает грузовик за комбайном и собирает зерно либо насыпью с комбайна (в этом случае грузовик является как бы частью комбайна), либо подбирает мешки с зерном, выкидываемые с комбайна. Фермер пускает грузовик прямо по полю при уборке картофеля и сахарной свеклы. Кукуруза сгружается таким же образом. Одним словом, фермер прекрасно ездит по полю на автомобиле в самых разнообразных направлениях, и мы можем заверить, что поля там покрыты не асфальтом, а обычной растительностью. И на полях имеются такие же рытвины и ухабы, как и у нас. Управляющий крупной фермой в тысячи акров сворачивает с дороги и мчится по проселкам и полям туда, куда ему надо и прекрасно справляется со своим автомобилем и своим делом, не взирая на полное бездорожье. Сплошным вымыслом является утверждение, что для автомобилизации сельского хозяйства нужны прежде всего дороги. Американский опыт нацело это отвергает. Но американский опыт показывает нам и то, что там, где появляются в большом количестве автомобили, там начинается и строительство дорог, ибо хорошие дороги нужны для дальнего транспортирования, что является необходимым условием для специализации и товаризации сельского хозяйства. Хорошие дороги гарантируют бесперебойность работы в любую погоду и удешевляют стоимость перевозок: больше можно нагрузить, быстрее можно ехать, меньше снашивается машина и покрышки, в частности, меньше уходит горючего.

---

[1] Абсолютные цифры взяты из «Statistical Abstract of the United States».

Наше бездорожье не является такого рода препятствием, что мы не можем развивать автомобильного транспорта. Наоборот, мы должны всячески форсировать автомобилизацию. Но было бы, конечно, ошибкой, если бы мы на основании только того, что автомобиль сам вызовет появление дорог, не принимали бы уже сейчас некоторых самых неотложных мер в дорожном строительстве. Это было бы непониманием вопроса с другой стороны. Конечно, уже сейчас необходимо провести целую систему мер по укреплению наших обычных грунтовых дорог, по окапыванию их и, в особенности, по строительству мостов, что в условиях нашей весенней распутицы и осенней грязи является первоочередной задачей. Автомобилизация и строительство дорог взаимно связанные и взаимно обусловливающие элементы одного дела. Неверно, что бездорожье является непреодолимым препятствием в автомобилизации, неверно и то, что мы сумеем обойтись без улучшения наших отвратительных дорог. Обе проблемы тесно связаны друг с другом, но не в порочный круг, а в спираль, где одно звено (автомобиль) обусловливает расширение другого (дорог), а это последнее в свою очередь способствует дальнейшему ходу автомобилизации.

Мы уже неоднократно касались выше роли автомобиля внутри хозяйства и в самом процессе производства. Сейчас надлежит конкретизировать это. Но вместо того, чтобы обращаться к описанию американской практики, покажем, как скверно получается у нас в крупных хозяйствах, когда нет автомобиля.

Возьмем, к примеру, тракторную колонну. На несколько десятков машин

имеется один техник. Машины раскинуты на огромном радиусе, достигающем 20 и больше километров. Если случится что-либо с трактором, то нужно посылать за механиком специального человека, который в лучшем случае едет пару часов на лошади. Столько же занимает и обратная дорога. Трактор это время стоит. На автомобиле вся операция по вызову механика заняла бы максимум час. Далее, директор должен бывать во всех отрядах, чтобы живым личным руководством, вместо казенного, бумажного, распоряжаться всеми работами. Будь у него автомобиль, работа машинно-тракторной станции была бы намного производительней. Мы знаем случаи, когда на поездку в главную базу за какой-нибудь пустяшной запасной частью приходится терять чуть ли не целый день. Стоит только подсчитать все простои наших тракторов из-за неполадков такого рода и из-за отрыва от базы, как станет ясным значение автомобиля в самом процессе производства.

Возьмем далее наши колхозы. Они совершенно лишены агрономической помощи. Единственный агроном сидит в кустовом об'единении и, как прежде участковый агроном бумажно руководит колхозами, не имея возможности бывать в колхозах не только из-за дальности расстояния, а главное из-за огромной потери времени, уходящего на поездки на лошадях или хождении пешком. Можно ли переоценить значение такого переворота, каким будет вооружение агронома автомобилем, на котором он, быстро передвигаясь по своей периферии, превратится в настоящего технического директора куста, подобно тому, как это имеет место в индустрии. Разве это не является прямым участием автомобиля в самом процессе производства, разве автомобилизация такого рода не даст неслыханного под'ема агрикультурных знаний и техники и под'ема всего нашего производства в целом?

Таких примеров можно было бы привести тысячи. Всю значимость автомобиля для передвижения нашего административного и технического персонала может понять по-настоящему только наш низовой работник, который больше половины своего времени тратит на всякого рода передвижения, если он не хочет оторваться от массы и производства и безвозвратно отрывается от них, если жалеет время и силы на длинные и утомительные передвижения.

В условиях наших зерновых фабрик, охватывающих огромные пространства и применяющих самые усовершенствованные машины, роль автомобиля является решающей в успешной работе всего хозяйства. Подвезти горючее, мастера, запасные части, трактористов—все это дело автомобиля. Далее технический директор зерносовхоза, агроном и инженер, передвигаясь на автомобиле, во-время сумеют вмешаться там, где это необходимо. При уборке урожая роль автомобиля, как уже выше было указано, сводится к своего рода приставной части самого комбайна, куда ссыпает зерно. Все это до очевидности ясно и не требует дополнительных доказательств. Американская практика дает нам в этом вопросе прямые образцы того, как мы должны делать. В наших условиях крупного хозяйства автомобиль должен получить еще большее значение и потому, что мы имеем чрезвычайно редкую сеть железных дорог и отдаленные элеваторы. Кроме того, самый тип организации наших хозяйств и их крупность требует больше непосредственного, живого технического руководства, чем единоличные и уже относительно мелкие фермы Америки.

Наконец, нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что без автомобиля мы, вообще говоря, не можем построить на 100% механизированное хозяйство, так как принуждены будем оставить лошадей для всех многочисленных внутрихозяйственных и внехозяйственных перевозок. Вместе с тем в ряде отраслей уже можно и должно строить хозяйства совершенно без лошадей, как это и имеет место в Соединенных Штатах. Если все основные работы будут производиться трактором, то лошади не получат своей полной нагрузки и превращаются в дефицитную отрасль хозяйства, хотя их и надо содержать для поездок и транспорта. С автомобилем дело обстоит иначе. Мы уж не говорим о том, что автомобиль не надо кормить тогда, когда он не работает. Мало того, введение автомобиля улучшает всю работу хозяйства и в первую очередь тракторов и чрезвычайно удешевляет все расходы по транспорту. Задача построения полностью механизированных хозяйств вполне назрела и в минимуме у нас будет в ближайшее время не что иное, как автомобиль.

Надо прямо сказать, что, если в условиях конного транспорта с его малой производительностью и несносной медленностью наши крупные зерносовхозы уже сейчас показывают подлинные образцы построения настоящих гигантских фабрик зерна, то какие грандиозные достижения будут у нас при автомобилизации.

Роль автомобиля не ограничивается, однако, только одним влиянием на хозяйственную жизнь в узком смысле этого слова. Велика роль автомобиля и в вопросе изменения самого строя деревенской жизни. Развитие капитализма само по себе несет известное разрушение традиционной замкнутости деревни. Роль автомобиля в этом огромна, что видно на примере САСШ. Выше мы уже говорили о том, что американский ландшафт характерен большим количеством маленьких городков. Фермер в высшей степени тесно связан с этим городком. В таком городке, который насчитывает жителей от нескольких сот человек до многих тысяч, а иногда и десятков, фермер находит все, что его интересует из области, так сказать, «общественности». Он находит здесь банк, магазины, кино, рестораны, газолиновые станции, ремонтные мастерские, гостиницы, школы и т. п. Такой городок, образно выражаясь, является как бы базарной площадью обычного большого европейского села.

Автомобиль позволил фермеру сделаться наполовину городским жителем. Мы уж не говорим о значительной части фермеров, которые на зиму вообще переезжают в город, но и рядовой фермер, тесно связанный весь год со своим производством, бывает ежедневно почти в таком городке, а если ферма расположена совсем близко или по хорошей автомобильной дороге, то и по несколько раз в день. В городе он производит свои сделки, обязательно посетит банк и т. п.

Из положительных явлений, которые принес автомобиль, надо упомянуть об улучшении медицинской помощи и о школьном деле. Автомобилизация позволила сконцентрировать в городках более квалифицированные силы, в частности, взамен обычных деревенских «одноучительских» школ дети фермеров получили возможность учиться в хороших средних учебных заведениях в таких городках. В Соединенных Штатах насчитывается около 40.000 школьных автобусов, которые развозят в школы и обратно ежедневно около 500.000 детей.

В наших условиях все это приобретает совершенно выдающееся значение. Дело в том, что действительное разрешение вопроса об уничтожении противоречия между городом и деревней может осуществиться только в эпоху диктатуры пролетариата. Маркс писал: «Буржуазия подчинила деревню господству города». Ленин еще 30 лет тому назад в ответе народникам и ревизионистам указал: «Но решительное признание прогрессивности городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включить в свой идеал (и свою

программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем г.г. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо сделать для того, чтобы сделать эти сокровища доступными всему народу, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни» [1]).

Осуществить этот идеал уничтожения противоположности между городом и деревней можно только в эпоху социализма, когда на основе новой техники, помноженной на новые социальные взаимоотношения, когда на основе действительного раскрепощения человека от зависимости от природы и от какой бы то ни было эксплоатации одним человеком другого, жизнь в городе и деревне ничем не будет друг от друга отличаться, ибо самое понятие города и деревни уступит место планомерному расселению, которое будет отвечать всем требованиям человеческой гигиены. Этой качественной перемене во всем строе не только производства, но и его размещения, а следовательно и размещения людей, будет предшествовать длительное количественное накопление. Прежде, чем деревня перестанет быть деревней, она должна пройти длительную стадию теснейшей связи с городом и переделки своего строя под гегемонией города. Быстрейшие и наиболее усовершенствованные пути сообщения, соединяющие наши колхозы и совхозы с заводами, фабриками и рудниками явятся основой основ этого переворота.

И уже на сегодняшней стадии нашего развития мы обязаны возвысить задачу автомобилизации страны и, в частности, сельского хозяйства до положения очередной главнейшей проблемы.

Автомобиль должен принести с собой в деревню не только революцию в вопросе специализации сельскохозяйственного производства, не только его стопроцентную товарность, не только повышение полезного действия всех других средств производства. Автомобиль должен принести с собой не только быстроту административного и технического руководства, не только быструю переброску рабочих и инструментария.

Автомобиль должен принести с собой настоящую революцию всего быта, всего строя жизни деревни. И, когда через несколько лет, автомобиль повезет рабочих совхоза и вместе с ними коммунаров в районный клуб также просто, как сейчас рабочий в городе едет на трамвае в свой районный или заводской клуб, тогда будет действительно перейдена последняя грань к новому миру.

И, как сейчас Октябрьская революция зрительно ассоциируется с представлением о питерской красной рабочей гвардии, раз'езжавшей на автомобилях по городу, как сейчас интернациональный пролетарский праздник 1 Мая невольно ассоциируется с известной всем картиной детей на автомобилях, точно так и великая реконструкция сельского хозяйства будет ассоциироваться с представлением об автомобиле, которому суждено в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата привести к окончательному уничтожению противоположности города и деревни.

Практически уже сейчас перед нами стоит целый ряд вопросов в связи с задачей автомобилизации.

Надо сказать, что лед в деле автомобилизации уже тронулся. Мы ввозим все большее и большее количество машин, мы уже имеем собственное производство, мы строим грандиозный завод в Нижнем. *Однако, все это еще далеко недостаточно, все это ничтожно в сравнении с тем, что мы должны сделать.* В том, что мы сумеем скоро сделать значительно больше, никаких сомнений нет, а, если рабочая и колхозная общественность проявит в этом деле надлежащую инициативу, то можно будет сделать гораздо больше, чем даже предполагается сделать. К сожалению, приходится признать, что делу *автомобилизации все же у нас уделяют непростительно мало внимания.* Здесь в тысячный раз мы демонстрируем свой консерватизм, а наши специалисты свою полнейшую безграмотность. Хорошо известно, как наша «рассейская» доморощенная наука *проспала комбайн.* Хорошо известно, что комбайн ввезли в СССР и ввели в употребление не по указаниям людей науки, а по линии хозяйственной. Всем известно, что наши ученые к комбайну относились не очень одобрительно, несмотря на то, что в Америке практики-фермеры рвут комбайн прямо из рук. То же самое, если еще не хуже, у нас в отношении автомобиля. У нас нет ни одного исследования, ни одного расчета, ни одного организационного плана со включением автомобиля в сельскохозяйственное производство. У нас, например, в таком месте, как в Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина или в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, *нет ни одного опыта, ни одного изыскания по вопросу об автомобиле в сельском хозяйстве.*

---

[1]) IX т. «Аграрный вопрос и гг. критики Маркса».

Очередной задачей наших ученых экономистов и техников по сельскому хозяйству—*повернуться лицом к автомобилю* и в своих изысканиях использовать опыт Соединенных Штатов.

Следующей задачей является *широкая пропаганда автомобильных знаний в деревне.* Если мы сумели создать кадры трактористов из крестьян, то мы с большой легкостью сумеем создать и кадры водителей автомобилей. Это имеет очень большое значение и в военном отношении.

Далее необходимо *направлять в сельское хозяйство как можно больше машин,* при этом хорошо было бы *выделить показательный автомобилизированный округ,* где кроме того широко распространены тракторы и могут получить распространение комбайны, и сделать этот округ не только показательно-образцовым, но *и опытным*

В нашу задачу не входит подробное изложение практических мероприятий. Наша задача скромнее: показать на примере Соединенных Штатов, что такое автомобиль в сельском хозяйстве вообще, и что он может и должен сделать в наших условиях.

Нужно, чтобы роль и значение автомобилизации были осознаны широкими кругами социалистических строителей. Мы тянемся очень часто за какими-то заграничными сверхновинками; вместе с тем главнейшее это—*уметь различить основное звено, как учил Ленин, и за это звено вытащить всю цепь.* Нет никаких сомнений, что *основным звеном американского типа механизации сельского хозяйства является автомобиль.* За это звено мы вытащим цепь нашей социалистической механизации сельского хозяйства, ибо мы помножим новейшие технические достижения на новые социальные формы.

А. Ферра.

К проблемам французской компартии.

Для того, чтобы получить верное представление о некоторых существенных проблемах рабочего движения во Франции, необходимо присмотреться к особенностям развития экономического положения страны и сделать из этого вывод об основных перспективах. Совершенно понятно, что если французская экономика находится теперь в периоде под'ема, то классовая борьба в этих условиях будет иметь другой характер и другие формы, чем если бы французская экономика переживала период кризиса. Затем необходимо подвергнуть анализу конкретное движение масс, без понимания которого вся тактика партии рискует превратиться в схему, совершенно оторванную от реальной жизни. Только в результате подобного исследования можно получить ясное представление об основных проблемах движения во Франции.

Особенности экономического положения и перспективы.

В последние годы часто наблюдалась тенденция рассматривать французскую экономику, как исключение по сравнению с другими капиталистическими странами. Это мнение было правильно в известном смысле, так как французская экономика находилась в привилегированном положении благодаря специфическим условиям, которые позволяли ей успешно конкурировать со своими соперниками на внешнем рынке, создать огромный внутренний и колониальный рынок, не знать проблем безработицы и прочее. Период под'ема французской экономики продолжался без перерыва,—начиная с короткого кризиса в конце 1926 и начале 1927 г. до последних месяцев. Этот период промышленного под'ема с его огромным увеличением продукции, ускоренной реорганизацией производственного аппарата, неслыханным развитием концентрации и трестификации, общим увеличением внешней торговли с активным балансом до середины 1928 г. может быть сравнен лишь с теми успехами в области промышленности, которые сделала Германия с 1924 до 1928 г.

В настоящее время общие индексы производства[1]) продолжают еще показывать известное дальнейшее развитие. В январе 1930 г. общий индекс производства поднялся до 144 (принимая индекс 1913 г. за 100) в то время, как в 1929 г. он равнялся в среднем 139, а в 1928—127. Индекс машиностроительной промышленности, за исключением автомобильной, побил сейчас все рекорды. О хронической безработице говорить не приходится.

Можно ли, однако, считать, что мы будем иметь во Франции и дальнейший под'ем промышленности?

VI с'езд французской компартии, имевший место в апреле 1929 года в Сен-Дени, уже установил совершенно определенным образом серию общих факторов, которые должны вызвать радикальную и длительную перемену в условиях развития французской экономики. Анализ с'езда был полностью подтвержден последними событиями. В связи с законодательной стабилизацией франка уровень цен на внутреннем рынке достиг уровня цен мирового рынка. Условия, благоприятствовавшие промышленному экспорту, исчезают и иностранная конкуренция становится все более ожесточенной, торговый баланс становится пассивным и покупательная способность внешнего рынка падает все более быстрым темпом. Становится все труднее конкурировать с заграницей и в особенности с Германией, Соед. Штатами, Великобританией и Канадой. Эти страны увеличивают вывоз своих фабрикатов во Францию, больше чем на 3 миллиарда в то время как французский экспорт в эти же страны уменьшился на 1 мрд. 300 млн. Американская конкуренция начинает все более пугать французских промышленников и в последние дни председатель мощного синдиката машиностроительных отраслей промышленности (находящихся в настоящее время в периоде под'ема) заявил, что французской промышленности грозят две серьезные опасности — германская и американская. Дефицит торгового баланса, вызванный падением экспорта фабрикатов и новой иностранной конкуренцией на внутреннем французском рынке, свидетельствует о непрерывном сужении внешнего рынка, что в конечном счете означает, постоянно усиливающееся сокращение французской продукции, так как внутренний рынок также сокращается до известной степени. Многие промышленные органы констатируют, что покупательная способность масс все более падает. Жизнь все более дорожает и аграрный кризис, охвативший широкие массы трудящихся крестьян, земледельцев, виноделов, огородников и проч., также приводит к сокращению покупательной способности внутреннего рынка. Аграрный кризис во Франции носит хронический характер, при чем он непрерывно обостряется, что в особенности наблюдалось в 1929 г.

---

[1]) Официальный индекс, к которому надо относиться с известной осторожностью.

К этим общим факторам, свидетельствующим о радикальном изменении условий французской экономики нужно добавить, что некоторые отрасли французской промышленности, а именно текстильная и кожевенная, страдают уже давно от мирового кризиса.

В последние месяцы появились признаки, свидетельствующие о нарастании кризиса во Франции. Если присмотреться к курсам акций и к эмиссионным операциям акционерных обществ, то окажется, что уже с первых месяцев 1929 г. во Франции имеется биржевой кризис. Если он не носил такого внезапного характера, как кризис, вспыхнувший осенью прошлого года в Нью-Йорке, то он относительно является не менее глубоким. С февраля до ноября 1929 г. индекс курсов акций снижается с 548 до 461. В то время, как выпуск акций постоянно возрастал с 1925 г., когда он равнялся в среднем 179 млн. франков в месяц, и дошел до 760 млн. франков во втором квартале 1929 г., мы видим в начале 1930 г. резкое снижение до 305 млн. франков в месяц. Несмотря на все усилия финансовый рынок продолжает переживать депрессию.

Этот биржевой кризис являлся уже в течение некоторого времени одним из признаков приближающегося экономического кризиса, но в настоящее время имеются уже более определенные симптомы этого экономического кризиса, а именно бесспорное замедление темпа развития тяжелой промышленности, которая начала отставать по сравнению с прошлым годом. Замечается уменьшение количества заявок на строительные работы, а в последние недели — уменьшение количества загруженных вагонов не только по сравнению с 1929 г., но даже с 1928 г.

Американский кризис обострил финансовый кризис на парижском рынке. Этот кризис отразился на французской автомобильной промышленности, переживающей частичный кризис.

Было бы, конечно, неправильно не учитывать то сопротивление, которое французская буржуазия оказывает в новых условиях угрозе кризиса. Не следует забывать, что в настоящее время Франция имеет такой запас золота, что она относительно является «богатейшей» в мире страной, что кредитные возможности на французском рынке велики и что кредит чрезвычайно дешев. Эти факты, конечно, сильно облегчают циркуляцию капитала и задерживают развитие кризиса. Вместе с тем они показывают, что положение является совершенно ненормальным, так как деньги не могут быть полностью использованы. Вместе с тем все меры, предпринятые для смягчения биржевого кризиса, не имеют, конечно, большого значения и достигнутые таким образом результаты носят лишь временный характер. Попытки расширить внутренний рынок при помощи плана Тардье не могут дать больших успехов и в лучшем случае можно рассчитывать на увеличение покупательной способности рынка приблизительно на миллиард. Не следует также делать отсюда вывода о возможности расширения внутреннего рынка в связи с разрушениями, причиненными наводнением на юге. Некоторое снижение налогов и некоторые поверхностные меры, принятые по отношению к аграрному кризису, также не могут дать реальных результатов и далеко не в состоянии удовлетворить требования заинтересованных кругов. Попытки расширения колониального рынка путем заключения крупного займа наталкиваются на колоссальные препятствия и трудности. Сюда относится в первую очередь недостаток рабочей силы в Африке, нищета туземного населения, экономические и валютные кризисы и революционное движение, развивающееся в таких колониях, как Гваделупа и Индо-Китай.

Экономическое положение Франции уже не является особенно благоприятным и нет причин, в силу которых Франция могла бы быть пощажена развивающимся мировым кризисом. Напротив, имеется, повидимому, достаточно доказательств, позволяющих утверждать, что французская экономика начала вступать в конце 1929 г. в период кризиса. Возможно, что кризис достигнет во Франции тех размеров, которых он достиг в других странах, лишь после длительного периода депрессии. Во всяком случае перспективы промышленного под'ема должны быть исключены. Период под'ема 1927—28 и даже 1929 г. надо считать полностью законченным. Эту истину начинают теперь понимать наиболее умные буржуазные политики, как Лушер и Поль Рено. Другие, как, например, министр торговли Флюнден, испытывают как бы суеверный страх при самой мысли о кризисе и заявляют: «Кризиса нет, но, если мы будем о нем говорить, мы в конце концов его вызовем».

Мы не может удовлетвориться одним лишь регистрированием подобных перспектив. Мы должны стараться понять их значение и их политическое влияние. Прежде всего мы видим, что начинает сказываться непосредственная связь между угрозой экономического кризиса и политической неустойчивостью (правда, довольно поверхностным образом) в форме постоянных министерских кризисов во второй половине 1929 и в начале 1930 г. Причина последнего министерского кризиса заключается в том, что финансовая политика не отвечала требованиям промышленности, настаивавшей на снижении налогов и особенно страдавшей от увеличения издержек производства. Этот кризис бросает яркий свет на связь, существующую между угрожающим экономическим кризисом и министерскими кризисами. Постоянные министерские кризисы свидетельствуют не только об общей политической неустойчивости, которая начала сказываться в Европе (неустойчивость английского правительства, политический кризис в Польше, падение кабинета Мюллера в Германии и т. д.). Они показывают, что уже один призрак экономического кризиса вносит замешательство в ряды буржуазии и способен поколебать буржуазные правительства.

Во Франции, где политические партии отражают, хотя и не вполне точно, интересы экономических групп французской буржуазии, период кризиса приведет, может быть, скорее, чем в другой империалистической стране, к быстрому усилению диктатуры крупной буржуазии. Эта быстрая фашизация отнюдь не находится в противоречии с фактом неустойчивости правительств. Напротив, этот период неустойчивости министерских кабинетов является до известной степени необходимой подготовкой к небывалому усилению фашистских методов, уже бывших в употреблении, к введению новых фашистских методов и их окончательной систематизации. Не следует думать, что процесс усиления буржуазной диктатуры развивается автоматически и единообразным путем. Напротив, ему необходима благодарная почва, которая создается при замешательстве, вызываемом приближением кризиса среди различных групп французской буржуазии. Нужно еще добавить, что французская буржуазия прекрасно видит приближение и неизбежную необходимость войны. Лихорадочно вооружаться — вот тот урок, который французская буржуазия извлечет из колоссального провала лондонской морской конференции. Всемерно ускорить нападение на Советский Союз, усилить кампанию против СССР—вот те задачи, которые себе поставила французская буржуазия, увидев грандиозные успехи пятилетнего плана и ликвидации кулачества как класса в СССР.

Подобные воинственные настроения вносят известное беспокойство в ряды буржуазии и она проникается сознанием необходимости ввести режим диктатуры и осадного положения на подобие режима, установленного Клемансо в 1917 г. Кризис и приближение войны являются мощными факторами, вызывающими перегруппировку классовых сил, партий и усиление прямой диктатуры буржуазии.

Надвигающийся кризис еще более обострит уже существующий аграрный кризис. Однако, в такой стране, как Франция, где 40% населения занимается хозяйством, обострение аграрного кризиса в условиях экономического означает быстрое обострение классовой борьбы в деревне и под'ем крестьянского движения, без которого немыслима подлинно революционная ситуация. Движение, подобное тому, которое было в 1907 г., имело бы, однако, в настоящих условиях несравненно большее значение и больший размах. Эти перспективы относятся к сельским рабочим и в особенности к батракам, занятым в винодельческой промышленности.

Наконец, перспективы безработицы, неизбежно возникающие в связи с угрозой кризиса, являются особенно серьезными в такой стране, как Франция, где нет страхования от безработицы, где социальная политика предпринимателей и правительства находится еще в примитивной стадии, если ее сравнить с социальным обеспечением в других крупных капиталистических странах. Кризис означает наступление капиталистов на условия жизни французского пролетариата, которые и без того являются плохими. Кроме того, нужно еще отметить, что французский пролетариат уже в течение ряда лет совершенно не знает бедствия безработицы и из этого следует, что в случае безработицы, которая является непосредственным следствием кризиса, он будет реагировать самым бурным образом.

Таким образом, в связи с угрозой кризиса можно ожидать наступления периода поколебания политического положения буржуазии, обострения борьбы рабочего класса, увязанной с вероятной борьбой батраков и бедных крестьян. Таким образом, мы будем иметь факторы развертывания революционного под'ема.

Эти перспективы ставят перед французской компартией общую стратегическую задачу быстрого завоевания большинства рабочего класса. Без быстрого достижения этой цели революционное движение пойдет по своим особым путям, которые могут быть не теми революционными путями, которые ведут к социалистической революции. Французская компартия в целом должна понять всю важность этой опасности.

Но недостаточно ставить перед собой одну стратегическую цель. Эта стратегическая цель, близость которой зависит в значительной степени и от быстроты обострения кризиса, может быть достигнута не путем использования одних лишь абстрактных лозунгов, а на основе революционного движения масс, существующего в настоящее время и все более возрастающего, хотя и неравномерным путем и скачками.

Только изучая это движение, его особенности и соотношение сил, можно установить те тактические методы, без применения которых все разговоры о завоевании большинства рабочего класса, как непосредственной стратегической задаче, будут одними лишь бесплодными разговорами.

Характер борьбы рабочего класса во Франции.

Борьба рабочего класса во Франции характеризуется по существу волной забастовок, важнейшими причинами которых является непрерывное вздорожание жизни и новые методы работы (рационализация), которые французский капитализм старается ввести во всей французской промышленности. Под влиянием этих постоянных факторов неизбежно обостряется борьба рабочего класса. Цифровые данные говорят о росте забастовочного движения. За время с июля 1928 до июля 1929 г. во Франции было 1.400 забастовок, охвативших 450 тысяч бастующих. С июля 1929 г. до ноября 1929 г. было 350 забастовок и 120 тысяч бастующих. В последние 6 месяцев с сентября 1929 г. до начала марта 1930 г. было по статистическим данным «Юманите» 619 забастовок, в которых участвовало 230.116 рабочих. Исследование причин забастовок приводит к выводу, что забастовочное движение должно расти и дальше. Факты это действительно подтверждают. Однако, дело не только в количественном росте движения, но и в качественном.

И действительно, при исследовании забастовочного движения мы видим, что оно все более охватывает крупные жизненные промышленные центры страны, при чем борьба часто происходит в таких местнотях, где рабочие не боролись уже в течение 10 лет. В отличие от прошлых лет в настоящее время вступают в борьбу рабочие тех центров, где больше всего чувствуется нажим хищнических капиталистов. Дело идет, прежде всего, о восточной Франции с ее шахтами, рудниками, и недрами. Там, где годами царила железная дисциплина, поддерживаемая крупными промышленными магнатами, теперь вспыхнул целый ряд боев в бассейне Брие, в Нанси, в Бельфоре. Сильнейшее возбуждение царит в Парижском районе. Движение захватило и северную Францию и грозит распространиться на угольную промышленность и металлургическую. Наконец, наблюдается забастовочное движение докеров и портовых рабочих в крупных портах Франции.

Забастовочное движение грозит распространиться по всей Франции. Само собой разумеется, что движение захватило, главным образом, основные отрасли французской промышленности и, в первую очередь, тяжелую промышленность. Забастовочное движение охватило и железнодорожников впервые после 1920 г., в то время, как в прежние годы бастовали исключительно рабочие легкой промышленности. Мы видим, таким образом, тенденцию к углублению забастовочного движения. Эта тенденция является тем более опасной для капитализма, что даже некоторые части государственного аппарата, охвачены забастовочным движением. Так, например, бастуют почтовики, таможенные работники и т. д.

В начале забастовочной волны, т.-е. в конце 1927 и в начале 1928 г. в борьбу вступали обыкновенно неорганизованные рабочие, действовавшие исключительно под давлением своей экономической нужды. Это были беднейшие слои пролетариата и этот обычный «арьергард» рабочего движения стал фактором нового революционного под'ема во Франции. Это явление наблюдается и сейчас. Не следует забывать, что 90% французских рабочих не организованы. Однако, на ряду с этим бесспорным явлением последний период показывает, что забастовочная волна захватывает и тех рабочих, которые являлись наибольшими противниками борьбы, благодаря тому, что они находились под влиянием социал-демократии. В последние 6 месяцев насчитывается больше дюжины крупных забастовок, которые проводились рабочими, принадлежащими к профсоюзам желтой Конфедерации труда. Само собой разумется, что эти забастовки велись, несмотря на сопротивление, против воли лидеров желтых профсоюзов, вся роль которых все более сводится к циничному подавлению забастовочного движения.

Ряд других фактов свидетельствует о политическом под'еме забастовочного движения. Цеховые тенденции постепенно преодолеваются. Растет число забастовок, в основе которых лежат, помимо экономических и политические требования, как, например, борьба с репрессиями, борьба с рационализацией, борьба с нарушением профсоюзных прав. Укажем хотя бы на борьбу 6 тысяч рабочих парижской подземной дороги, требовавших освобождения своего профсоюзного секретаря Кьяппа, арестованного полицией. Забастовки, демонстрации железнодорожников Парижского района, протестовавших против капиталистической рационализации, забастовки портовых рабочих, борющихся за свои профсоюзные права, являются примерами боев, уже не носящих исключительно экономический характер. Цеховые тенденции ликвидируются по мере того, как забастовочное движение охватывает все более широкие массы. Это видно по таким забастовкам, как забастовка в Пиене, на востоке Франции, и забастовка рабочих фирмы Альстон, при всех тех недочетах, которые проявлялись в движении. Наконец, забастовочное движение проявляет все меньше стремления к тому, чтобы оставаться в рамках легальности. В то время, как например, в забастовках горняков обыкновенно оставались на работе некоторые рабочие, которые должны были следить за вентиляцией в шахтах и поддерживать огонь в доменных печах, последние забастовки, как, например, в Трит Сен-Лежере, окончились победой рабочих благодаря тому, что последние порвали со всеми традиционными легальными цеховыми формами борьбы.

Наиболее ценным свойством теперешнего движения является то, что рабочие не считают себя побежденными даже в том случае, если борьба не оканчивается победой. Для примера укажем на забастовку в Бельфоре, где назавтра после поражения рабочие устроили на месте работы демонстрации и временно прекратили работу, причем 1.600 человек вступили в унитарный профсоюз, а несколько десятков человек — в компартию и в комсомол.

Это характерно для теперешнего периода, т. к. в прежние периоды поражение обыкновенно вносило замешательство в ряды рабочих, порождало пессимизм и дезорганизацию и приводило к выходу рабочих из профсоюзов. Сейчас движение, однако, уже так сильно, что поражение в борьбе уже не может превратиться в поражение всего движения.

Наконец, во всех боях, даже когда дело идет о рабочих, находящихся под влиянием социал-демократии и даже наиболее реакционных буржуазных партий, борющиеся рабочие горячо приветствуют делегатов компартии. Не было серьезного случая, когда бастующие рабочие выразили бы свое недовольство политикой компартии. Это говорит о поднятии политического уровня борющихся рабочих на высшую ступень. С другой стороны, рабочие все яснее видят роль реформистской Конфедерации труда и социалистических лидеров. В то время как раньше реформистская Конфедерация труда и социалисты не интересовались забастовочным движением, они теперь начали им заниматься, боясь совершенно оторваться от масс. Они теперь активнейшим образом вмешиваются в забастовки в целях их подавления. В борьбе с коммунистами и унитарными профсоюзами они не останавливаются перед классическими приемами штрейкбрехерства. Фашизация реформистской Конфедерации труда происходит на самом месте борьбы. Здесь она систематически организует пикеты рабочих, теснейшим образом связанных с профсоюзным аппаратом Конфедерации труда. При чем роль этих пикетов заключается в физической борьбе с коммунистами и рабочими, желающими бороться под лозунгами унитарных профсоюзов. Но несмотря на эти фашистские приемы, принимающие все более циничный характер, вернее благодаря им, рабочие и даже рабочие из реформистских профсоюзов поднимаются против своих лидеров и их методов и там, где партия умеет использовать положение, они вступают массами в Унитарную Конфедерацию труда. Лучшим примером является Нант. Таким образом, политика профсоюзов реформистской Конфедерации труда в случае, если она встречает энергичный отпор со стороны компартии и Унитарной Конфедерации труда, в конечном счете поднимает политический уровень борьбы на более высокую ступень.

При этом нужно подчеркнуть и другой, весьма типичный факт, а именно введение новых форм борьбы по инициативе самих рабочих, как например, физическую борьбу внутри фабрики с полицией и шпиками, находящимися на службе у предпринимателей. На фабрике и вблизи фабрики рабочие пускают в ход в борьбе с полицейскими свои инструменты. Много таких случаев было в боях 1 августа и 6 марта у Ситроена, Рено и друг. Когда улица находится в условиях осадного положения, рабочие собираются внутри фабрики, демонстрируют там и пытаются затем устроить демонстрации на улице. Откликаясь на политические призывы партии, рабочие часто прекращают работу за час до срока. В других случаях, когда волнение велико, но рабочие не решаются открыто выразить свое возмущение, ввиду опасения жестоких репрессий, наиболее активные и энергичные рабочие совершают акты саботажа. Перерезают электрические провода, пускают в ход сирену и этого достаточно для того, чтобы поднять рабочих, т. к. всех их об'единяет одно общее чувство протеста и готовности к борьбе.

Мы уже проходим период элементарных форм рабочего движения, носивших узко цеховой экономический характер. Революционное рабочее движение поднимается во Франции на более высокую ступень борьбы.

Однако, специфическая особенность теперешнего момента заключается в том, что в своем количественном и качественном нарастании забастовочная волна начинает наталкиваться на методы, к которым капитализм не прибегал в последний период (как напр., локауты, введение полиции и войск во внутренние помещения фабрики и пр.) и которыми и он теперь пользуется в виду кризиса. Столкновение этих двух нарастающих движений должно в свою очередь поднять на еще более высокую ступень революционное рабочее движение. Рабочие видят, что они смогут победить лишь в том случае, если их борьба примет более широкий, систематический, революционный политический характер.

В виду всех этих причин нельзя говорить лишь о простой волне экономических забастовок во Франции. Дело идет о движении высшего порядка, при котором пролетариат начинает переходить к более решительной революционной политической борьбе.

Однако, забастовочное движение, как оно ни существенно, не представляет собой все формы борьбы, которые в настоящее время ведет французский рабочий класс. Рабочий класс показал, что он умеет сплачиваться вокруг компартии и проводить в жизнь такие политические демонстрации, как демонстрация 1 августа и демонстрации в меньших размерах как демонстрация 6 марта. Он умеет мобилизоваться для борьбы против репрессий, и для поддержки своих классовых организаций, доказательством чего является широкое движение в защиту «Юманите». Дело идет не только о простой подписке, как это было в былые годы, и мы здесь подчеркиваем колоссальный рост движения не только с точки зрения количества собранных денег. Движение в защиту партии и ее органов является и в качественном отношении рекордным, так как оно проявилось на местах и на предприятиях в форме создания комитетов защиты «Юманите», что является началом создания широкой вспомогательной организации партии.

Общая тенденция в рабочем движении сводится к его качественному и количественному усилению, к новому революционному под'ему пролетариата. Основная опасность поэтому заключается в том, что движение может выйти из рамок организационных возможностей и опередить политическое руководство партии. Опасность заключается не в том, что движение развивается слишком медленно, как это заявляют некоторые мелкобуржуазные элементы, находящиеся в наших рядах, а в том, что партия может отстать от роста движения.

Однако, было бы глубокой ошибкой, которая бы привела к не менее глубоким тактическим ошибкам, если бы мы не учли того, что процесс нового революционного под'ема развивается далеко не равномерно. Рост движения не носит регулярного характера, и нельзя сказать, что движение обязательно со дня на день растет. Кроме того, быстрота развития не является чисто об'ективным явлением и она зависит в весьма значительной мере от активности самой компартии и революционных организаций. Новый под'ем французского пролетариата не является чем-то автомотическим и заранее предопределенным.

Буржуазия прекрасно понимает характер нового революционного движения во Франции. Она знает, что она сможет разбить этот новый под'ем, если ей удастся разбить политически компартию и революционную организацию, уничтожив их как организации. Вот почему она ведет теперь неслыханное двойное наступление на нашу партию, на политической почве при посредстве своих политических партий (в первую очередь тех, в которых находятся социал-демократы) и ренегатов компартии, с другой стороны, при помощи репрессий, которые должны разгромить партийные организации и поставить комунистическое движение под исключительный фашистский режим, что на практике уже осуществлено в последние месяцы.

Что касается наступления буржуазии, призванного разгромить партийные организации, то здесь необходимо внимательно учитывать тактику, применяемую буржуазией. Недостаточно говорить, что буржуазия хочет поставить партию в условия нелегальности, нужно видеть, каким путем буржуазия стремится к этому прийти. Ее тактика очень искусна и она не прибегает к грубым декретам. Французская буржуазия имеет глубокие традиции в области применения всевозможных политических маневров. Она знает, что грубые средства не всегда являются наиболее действенными. В своих стараниях поставить революционные организации в условия нелегальности, она прибегает к частичным атакам, она не запрещает выхода партийных газет, но запрещает их продажу на улицах; она не закрывает наиболее популярных органов партии, но она старается окольным путем привести их к банкротству; она начинает закрывать те органы партии, которые не имеют широкой основы в массах. Сначала она запретила коммунистические газеты, издающиеся для иностранцев, а теперь она направила свой огонь против комсомольской прессы. Она ищет слабые места, она пытается уничтожить сначала наиболее слабые организации, находящиеся под влиянием компартии, как, например, спортивную федерацию труда, разгром которой не вызвал бы особенно сильной реакции. Она не подвергает сразу всех коммунистов уголовному режиму, начиная при этом лишь с молодежи. Она не об'являет компартию нелегальной организацией, но она заключает всех ее вождей в тюрьму, т.-е. в условия нелегальности. Одним словом во всех отраслях своей репрессивной деятельности буржуазия прилагает все усилия к тому, чтобы нанести партии удары таким образом, чтобы она не могла реагировать массовым выступлением. Она пытается наносить свои удары так, чтобы постепенно смог установиться исключительно фашистский режим и чтобы были разрушены коммунистические организации без того, чтобы рабочие смогли на это реагировать массовым выступлением, ибо они постепенно привыкают к репрессиям против своей воли. Она пытается придать фашистским методам хронический характер для того, чтобы партия и рабочий класс против своего желания уже оказались в атмосфере фашистской репрессии, прежде чем они успеют выбрать решающий момент для массового выступления.

В своем политическом наступлении в целях дискредитирования партии буржуазия пользуется в качестве своих ударных отрядов социал-демократами и, в особенности, «левым» крылом социал-демократии. Кроме того, можно сказать, что различные группы ренегатов, бывших членов компартии, членов рабоче-крестьянской партии, синдикалистских меньшинств и различных троцкистских групп, также являются партизанскими отрядами, назначение которых заключается в борьбе с нашими передовыми линиями. В последние 6 месяцев особенно усилилась эта политическая атака буржуазии, проводящаяся при посредстве социалистической партии и ренегатов. Особенную деятельность развила социалистическая партия в Парижском районе. Она понимает, что ее ценность в глазах буржуазии является тем большей, чем сильнее ее влияние в массах. Это влияние в массах является в значительной мере условием ее прямого участия в работе буржуазного правительства. Во главе с «левым» Жиромским социалисты Парижского района хотят «завоевать массы». Надеясь на то, что репрессии заставят пошатнуться некоторые наименее прочные элементы в рядах нашей партии, они рассчитывают привлечь на свою сторону не только нескольких ренегатов, но и широкие слои рабочих, находящихся под нашим влиянием в Парижском районе.

Эта работа социал-демократии в Парижском районе не дала каких-либо видимых результатов, напротив, в некоторых случаях социал-демократия потеряла свое влияние среди трудящихся, несмотря на свои демагогические усилия и «левые» фразы.

В провинции, однако, дело обстоит иначе.

Последние частичные выборы как парламентские, так и другие, показали в провинции чувствительное падение числа голосов, поданных за компартию, в пользу социал-демократов. Не зачем отрицать эти факты. Их нужно расценивать, как результат политического наступления французской буржуазии и помнить о них, когда мы установим основные тактические задачи нашего контрнаступления на буржуазию.

Политическое наступление буржуазии при помощи ренегатов партии дало результаты, которые мы также не должны недооценивать. Мощность наступления, новые формы борьбы, новые агенты, использованные буржуазией, внесли временное замешательство в слои, близко стоящие к партии. Лучшим примером являются выборы в Сен-Дени, где рабоче-крестьянская партия (организация ренегатов, исключенных из партии, Селлье, Гаршери и др.) получила больше 1.600 голосов.

Анализ рабочего движения во Франции показывает следующие специфические особенности: новый революционный под'ем пролетариата сопровождается псевдо-противоречивым процессом—усиленным *наступлением на партию*, которое в известной мере и на известное время может не только сократить ее кадры, но и подорвать ее влияние. Необходимо хорошо усвоить оба аспекта этой проблемы для того, чтобы, с одной стороны, не впасть в оптимизм тех, которые только и знают, что повторяют, что мы, мол, находимся в периоде революционного под'ема и во всем остальном полагаются на господа бога, а с другой стороны — не уподобиться разочаровавшимся пессимистам с социал-демократическим уклоном, видящим лишь одно наступление буржуазии на нашу партию и совершенно не замечающим тот огромный факт, полный революциононго значения, каким является новый революционный под'ем во Франции.

Тактические проблемы французской компартии.

В брошюре, озаглавленной «Третий период ошибок Коминтерна», Троцкий преподносит в подарок всем французским оппортунистам, всем ренегатам, дрожащим от страха перед буржуазными репрессиями и новым революционным под'емом, идеологическую платформу для того, чтобы они могли дезертировать и совершать свои предательства под маской «левых» фраз. В этой платформе он предлагает в качестве основной задачи французской компартии *приспособиться* к экономически-цеховой борьбе рабочих, т.-к. абсурдно говорить о революционном под'еме; еще не пришло время для об'единения рабочего движения и таким образом рано ставить вопрос о массовой политической забастовке.

Линия французской компартии, выработанная на последнем ее с'езде, является совершенно другой. Новый революционный под'ем во Франции выдвигает в первую очередь тактические задачи *руководства этим революционным под'емом*. Прежде всего мы оказываемся перед настоятельной задачей усиления контакта партии с стихийным движением масс, ибо нам грозит известный отрыв от масс. *Дело не в том, что мы слишком опережаем массы, а напротив — очень часто массовые бои проявляют тенденцию развиваться помимо нашей организации.* По этой причине мы запаздывали в некоторых крупных забастовках. Так было с движением рабочих Парижского района против дороговизны жизни и поднятия цен на средства передвижения. Проблема усиления контакта с боевым движением рабочих масс ставит в порядок дня вопрос о комитетах борьбы. Это не новая организация рабочих. Это — элементарная форма сплочения рабочих на основе предприятия. Эти комитеты должны заниматься подготовкой борьбы за заранее выдвинутые требования. Систематическая организация комитетов борьбы имеет особенно большое тактическое значение для нас, т. к. при их помощи мы можем предвидеть массовое движение, подготовить профсоюзные организации для их руководства и координации действий. В связи с этой необходимостью усиление контакта со стихийными боями рабочих выдвигается со всей остротой вопрос о вербовке новых членов в унитарные профсоюзы на основе профсоюзных секций на предприятиях. Организация комитетов борьбы облегчит это вовлечение новых членов при том условии, если комитеты борьбы не подменят собой профсоюзные секции, являясь исключительно органами элементарного сплочения рабочих.

Но усиление контакта с массовыми выступлениями рабочих еще не является достаточным для об'единения еще изолированных движений, развивающихся пока стихийным образом. Здесь выдвигаются проблемы расширения забастовок в областные и в забастовки, распространяющиеся на целые отрасли промышленности. Поражение забастовки в Пиенне об'ясняется отчасти тем, что активные работники федерации горнорабочих не сумели с самого начала движения поставить вопрос о быстром расширении забастовки, которую они склонны были рассматривать как изолированную борьбу. Об'единение рабочих боев нашло форму, которая уже дала плоды в систематической организации широких рабочих конференций или с'ездов, созванных красными профсоюзами и в которых принимало участие огромное количество делегатов неорганизованных рабочих. Другая форма об'единения рабочих движений заключается в организации дней, вроде 6 марта, в которых выступают трудящиеся данной области или отрасли промышлености, начиная от участия в митинге и кончая забастовкой и борьбой с полицией.

Быть во главе рабочего движения во всех боях как самых незначительных, так и самых крупных — это правило превращается в настоящее время из общего принципа нашей тактики в повелительную тактическую необходимость. Вот почему так остро ставится теперешней практикой рабочих боев проблема форм и методов работы, необходимых для осуществления руководящей роли партии.

Наконец, необходимость ускорения нового революционного под'ема создает для партии необходимость систематического использования новых форм борьбы, вытекающих из самых боев пролетариата, в частности, необходимость организации комитетов защиты рабочих от полиции и шпиков, находящихся на службе у предпринимателей. Для того, чтобы поднять политический уровень рабочего движения необходимо уметь увязывать повседневные требования с политическими лозунгами; наконец, необходима систематическая работа для подготовки массовой политической забастовки. В момент, когда движение начинает расширяться и концентрироваться в основных отраслях промышленности, работа по проведению массовой политической забастовки становится тем звеном, за которое необходимо ухватиться для того, чтобы решающим образом ускорить темп вовлечения и воспитания масс пролетариата.

Вторая серия тактических задач вытекает из того обстоятельства, что партия находится под сильнейшими ударами буржуазии. Нужно в первую очередь знать, как отбить наступление буржуазии, уметь определить, где находится наиболее опасное орудие буржуазии, стремящейся уничтожить политическое влияние партии на рабочие массы. *Наиболее острым и опасным орудием буржуазии* в борьбе против нас является *социал-демократия и особенно «левая» социал-демократия.*

Борьба с социал-демократией сейчас выходит из рамок пропагандистской и агитационной деятельности. Она превращается в прямую борьбу рабочих, организующих контрдемонстрации против демонстраций социалистов; она проявляется в непосредственной массовой борьбе против социал-фашистских выступлений организаций социалистической партии и реформистской Конфедерации труда во время забастовок.

Стремясь взять в свои руки борьбу с социал-демократией, партия вместе с тем борется за легальное или открытое существование революционных организаций. Но здесь нужно уметь расширять основу борьбы партии в ее боях с исключительным фашистским режимом, который постепенно устанавливается. Вот почему лозунг борьбы за легальность партии и революционных организаций должен стать основным лозунгом по возможности во всех забастовочных боях. Расширение основы борьбы партии означает вместе с тем создание и систематическое развитие комитетов защиты «Юманите», которые должны стать вспомогательными органами. Ответ партии на выступление буржуазии должен, наконец, заключаться и в том, чтобы умело бороться за сохранение всех легальных позиций, находить такие лозунги, которые могли бы мобилизовать массы для борьбы за легальное существование партии. Вот почему лозунг создания комитетов защиты «Юманите» оказался в последнее время весьма важным и продолжает и теперь иметь громадное значение. Буржуазия стремится фактически поставить партию в условия нелегальности с тем, чтобы последняя не смогла взять в свои руки инициативу в борьбе за свою легальность. С того момента, когда партия сможет взять инициативу в свои руки, наступление буржуазии окажется разбитым более, чем на половину. С другой стороны, если партия, оказавшись в условиях нелегальности, не будет вести широкой борьбы за свою легальность, то это будет ее величайшим поражением.

Ведя эту важную политическую борьбу, партия должна вместе с тем всемерно заботиться о том, чтобы в случае ее нелегальности была обеспечена полная возможность подпольной работы отдельных органов партии в любых условиях и чтобы была сохранена связь между отдельными частями партийного аппарата.

Третья серия тактических задач касается вопросов политического и организационного единства партии. Под знаком этих задач проходила подготовка к последней конференции французской компартии, состоявшейся в первой половине марта в Париже. Эта работа по укреплению единства партии проводилась во вторую половину 1929 и в начале 1930 г. на основе организационной проверки партии. В связи с вступлением французского рабочего движения в период, характеризующийся репрессиями, эта проверка оказалась тем более необходимой, что в промышленных центрах и в особенности в Парижском районе наблюдалось отступление некоторых партийных элементов, испугавшихся правительственных репрессий.

Но проблема политического единства партии встала во всей ее широте, когда поднялась новая волна оппортунизма, в особенности, в связи с уходом из партии нескольких муниципальных советников, создавших под именем рабоче-крестьянской партии свою организацию, опирающуюся на несколько муниципалитетов, где коммунисты изменили партии и организации меньшинств в Унитарной Конфедерации труда.

В настоящее время ожесточенная идеологическая борьба за ликвидацию оппортунистических течений в наших рядах, изгнание элементов, сочувствующих ренегатам, и полный разгром так наз. рабоче-крестьянской партии является наиболее актуальным вопросом, стоящим в порядке дня. Эта борьба сохранит свое значение и в наступающем периоде, так как оппортунистическая опасность продолжает оставаться величайшей опасностью для французской партии.

Борьба с оппортунизмом должна итти по двум основным линиям. Во-первых, по линии усиления политической и идеологической работы наших профсоюзных фракций, в особенности в таких районах, как Парижский или район Нижней Сены и Северный, где профсоюзы, находящиеся под влиянием меньшинства, имеют наиболее широкую основу. Во-вторых, по линии решительного выпрямления коммунальной политики партии, ибо повседневный опыт показывает, что 200 муниципалитетов, возглавляемых коммунистами, являются настоящими очагами оппортунизма и легализма.

Но если оппортунизм остается крупнейшей опасностью, то с другой стороны нельзя закрывать глаза и на другую опасность, которая в последнее время начала проявляться в форме «левых» загибов.

Эти уклоны проявились особенно в Парижской области. С одной стороны, они являются до известной степени реакцией против оппортунистских уклонов, но по существу они свидетельствуют о полной неспособности к массовой работе, к «черной работе», мелкой повседневной работе и к вербовке новых рабочих в партию как раз в момент, когда эта работа имеет решающее значение. Эти тенденции проявились в самых различных формах. Среди молодежи они приняли классические формы и подавляющее большинство партии их единодушно осуждает. Но, и в самой партии появились типичные теории, развившиеся в связи с уменьшением числа членов партии в Парижском районе. Начала распространяться теория о том, что качество важнее количества. В отношении забастовочного движения появилась теория отказа от борьбы за повседневные требования под тем предлогом, что отныне все забастовки являются политическими и что экономических забастовок уже больше не будет. В то время как партия должна была разнообразить формы своей агитации и выступать везде, пользуясь своим легальным положением, появились тенденции, стремившиеся отказаться от организации местных митингов под тем предлогом, что это, мол, устаревшая форма работы и что всю нашу агитацию мы должны развивать исключительно на предприятиях.

Некоторые районные организации партии дают в этом отношении особенно разительные примеры. Они составляют напыщенные доклады, которые якобы должны дать анализ мирового положения, но в сущности представляют собой лишь скверные карикатуры на резолюции международных с'ездов. Спорят о самых отдаленных проблемах, не говоря ни слова о конкретных проблемах, стоящих перед французской компартией, перед данной областной или районной организацией. Появилось стремление отрицать необходимость использования парламентской трибуны параллельно с непосредственной борьбой профсоюзных и партийных организаций в области забастовочного движения и т. д., и т. п.

Одновременное существование правой и некоторой «левой» опасности вызывает необходимость борьбы на два фронта. Конечно, «левые» уклоны имеют те же корни, что и правые уклоны. На практике и они превращаются в конце концов, в правые уклоны. Они, однако, имеют другую форму и они опасны тем, что легко привлекают к себе молодые неопытные и нетерпеливые элементы, далеко не являющиеся плохими. Поэтому нельзя бороться одинаковым образом и одинаковыми аргументами как с «левыми» тенденциями, так и с правыми уклонами. Вот почему, необходимо ясно формулировать необходимость борьбы на два фронта для членов партии, в особенности в Парижском районе. Возникла бы путаница, если бы партия утверждала, что по существу, несмотря на разнообразие форм, имеется лишь один правый уклон.

* * *

Анализ проблем рабочего движения во Франции подтверждает правильность решений последнего расширенного президиума ИККИ. Огромные задачи, выдвигаемые перед коммунистическими партиями, в связи с назреванием мирового кризиса, вопрос о массовой повседневной работе, борьба против подготовки вооруженного *нападения на СССР*, — все эти вопросы, тщательно обсужденные расширенным президиумом ИККИ, будут способствовать правильному разрешению проблем, поставленных перед французским рабочим движением.

Французская компартия, вдохновленная решениями расширенного президиума, сможет вести борьбу на два фронта, в первую очередь против крупнейшей опасности — оппортунизма. Эта борьба на два фронта необходима, чтобы французская компартия возглавила новый революционный под'ем масс во Франции и повела их к победе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Переписка Маркса и Энгельса.

К настоящему моменту вышли из печати три тома «Переписки» (т.т. XXI, XXII и XXIII собрания сочинений Маркса и Энгельса), четвертый и последний том должны появиться в ближайшие недели.

Появление первых трех томов прошло незамеченным нашей «большой прессой».

Между тем, появление томов, воспроизводящих письма Маркса и Энгельса—событие первостепенной важности и значения. Партия и советский пролетариат получили наряду с уже опубликованными работами Маркса и Энгельса ценнейшее теоретическое оружие, клинок которого сохранил всю свою остроту и крепость.

Вовсе не случайно, что переписка основоположников научного социализма впервые полностью, без урезок, сокращений и пропусков появляется у нас в СССР. Это тоже одно из завоеваний Октября. Известно, что переписка Маркса и Энгельса впервые была издана в Германии Бебелем и Бернштейном. Только сравнив это немецкое издание с изданием Института Маркса и Энгельса, можно наглядно убедиться, как подстригала, подрезывала и приглаживала немецкая социал-демократия великих революционеров, чтобы придать им вид «почтенных людей», могущих быть допущенными даже в «приличную», буржуазную гостиную. Достаточно указать, что в немецком издании переписки, в первых трех томах, охватывающих период с 1844 по 1867 г., напечатано 953 письма, в то время как советское издание за эти же годы содержит 1087 писем. Таким образом, только в трех томах 134 письма было просто выброшено немецкими издателями, а сколько их было урезано и подправлено! Тов. Д. Б. Рязанов, редактирующий издание, подробно освещает «труды» немецких редакторов Маркса и Энгельса, не останавливавшихся перед возмутительной фальсификацией текста писем. Мы отсылаем, поэтому, всех интересующихся «обработкой» Маркса и Энгельса для нужд германской социал-демократии к этим предисловиям тов. Рязанова. Только познакомившись с ними, можно «по заслугам оценить» труды редакторов немецкого издания.

Редакция немецкого издания в свое время сообщала, что из переписки опущены все «безразличные вещи о безразличных людях», а также опущена некоторая часть «безразличных писем». А на поверку, после появления советского издания, оказалось, что опущены в высшей степени важные политические оценки и характеристики, в результате чего «Энгельс и Маркс превращаются, к великому удовольствию Гильомов и Черновых, в немецких шовинистов, беспощадно ругающих французов, англичан, русских, но сознательно щадящих немцев».

Недаром В. И. Ленин в своей незаконченной статье «Переписка Маркса и Энгельса» писал:

> «Бернштейну нельзя было браться—после его печально-знаменитой эволюции к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом. Предисловия Бернштейна частью бессодержательны, частью — прямо фальшивы,— например, когда вместо точной, ясной, прямой характеристики оппортунистических ошибок Лассаля и Швейцера, разоблачаемых Марксом и Энгельсом, встречаешь эклектические фразы и выпады вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы «против Лассаля» или будто они «ближе были» по тактике к Швейцеру, чем к Либкнехту. Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма в этих выпадах нет».

Что сказал бы Ленин, если бы он еще знал, что Бернштейн фальсифицировал часть писем Маркса и Энгельса, в которых речь идет о Лассале, если бы он знал, что кромсал и резал Бернштейн в переписке?

Нельзя поэтому не отметить той исключительной научной добросовестности, уменья и осторожности, с какими редактор советского издания тов. Д. Б. Рязанов подошел к своей работе. В числе безусловно положительных сторон работы редакции русского издания нужно отметить следующие: во-первых, редакция поставила своей задачей дать все сохранившиеся письма Маркса и Энгельса, она не производила их квалификации на «значительные» и «безразличные», предоставляя возможность всякому изучающему переписку отбирать из предоставленного в его распоряжение богатства то, что ему нужно и что его интересует; во-вторых, давая переписку полностью, без каких бы то ни было пропусков и сокращений, редакция руководствовалась безусловно верным принципом, что такие люди, как Маркс и Энгельс, не нуждаются в том, чтобы их «щадили», что они выдержат любую критику пролетарской общественности и останутся недосягаемы для критических ламентаций мещанского болота; в-третьих, несомненно, правильно поступила редакция, выделив переписку Маркса и Энгельса из переписки их с другими лицами, нарушив этим хронологический порядок публикации, но выделив зато из общей массы переписки «главную магистраль», от которой, как ветви, отходят мысли, высказанные в переписке с другими лицами. Это последнее обстоятельство необычайно важно еще и в том отношении, что оно вводит читателя в лабораторию, в которой «вырабатывался» марксизм.

> «Богатейшее теоретическое содержание марксизма, писал Ленин о переписке, развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда, совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное».

Нет надобности распространяться об огромном политическом и научном значении переписки. Напомним только то, что было сказано по этому поводу Лениным. В цитированной выше статье он писал:

> «Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее история политики рабочего класса. Но по самым различным поводам, в разных странах Старого мира и в Новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно постановки вопросов о политических задачах рабочего класса. А эпоха, охватываемая перепиской, есть как раз эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики. Чем чаще в наше время приходится наблюдать, как рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма, вследствие застоя и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождей мелочами дня и т. д., тем ценнее богатейший материал переписки, показывающий глубочайшее понимание коренных преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе».
>
> «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сводится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

* * *

Первый том переписки охватывает период 1844—1855 гг. Первые же письма этого тома дают яркую картину социально-политической обстановки Германии того времени. Оппозиционный под'ем германской буржуазии против феодально-абсолютистского правительства, стремление ее получить поддержку в широких массах трудящихся и в первую очередь в среде городских рабочих заставило всех заметных и незаметных политиков германской буржуазии, об'явить себя сторонниками социализма и коммунизма. «Куда ни кинь, куда ни повернись, писал Энгельс Марксу в 1844 г., всюду натыкаешься на коммуниста». «В Бармене сам полицейский комиссар считает себя коммунистом». Создавшейся обстановкой Энгельс пользуется для того, чтобы вести открытую, легальную пропаганду коммунизма. Но в то же время он стремится связаться с рабочими массами, создавая и способствуя организации нелегальных рабочих коммунистических кружков. «Подпольная пропаганда, пишет он Марксу, в 1845 г., тоже принесла свои плоды». Проникновение в среду рабочих наглядно показало Энгельсу уровень политической сознательности тогдашнего рабочего. Инстинктивно рабочий был коммунистом, но не имел почти никакого представления о путях и средствах достижения коммунизма. Это обстоятельство сказывалось ярче всего в тех вопросах, с которыми рабочие обращались к пропагандистам, в том числе и к Энгельсу. Они спрашивали их — как сделать коммунизм?

> «Что теперь нам более всего нужно,— писал в связи с этим Энгельс Марксу,— так это несколько крупных работ, которые создали бы опорный пункт для всех полузнаек, охотно желавших бы, но не умеющих справиться с задачей. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии, хотя бы ты ею был не совсем удовлетворен. Все равно, головы уже созрели и надо ковать железо, пока оно горячо».

В процессе этой раз'яснительной пропагандистской работы, в процессе борьбы за формирование классового сознания рабочих Марксу и Энгельсу пришлось столкнуться с теоретиками утопического социализма, из которых Вейтлинг в то время был наиболее влиятельным среди германских, главным образом, ремесленных рабочих. Отголоски столкновения с вейтлингианцами нашли свое отражение в переписке этого периода. Борьба Маркса и Энгельса с Вейтлингом была борьбой сознательности против стихийности, борьбой организованности против кустарщины, борьбой за правильную тактику и классовую политику пролетариата против надуманных беспочвенных рецептов спасения человечества от ига капитализма.

Но не одни вейтлингианцы были помехой развитию рабочего движения. Кроме них Марксу и Энгельсу пришлось провести ожесточенную борьбу с так называемыми «истинными социалистами», которые об'ективно играли роль орудия подчинения рабочего класса либеральной буржуазии. У рабочих «огромный интерес к экономическим наукам», писал Энгельс Брюссельскому комитету сношений, во главе которого стоял Маркс, а Грюн (один из вожаков «истинных социалистов») «прямо или косвенно оказывает на них ужасно усыпляющее влияние», Эвербяк (тоже «истинный социалист») — продолжает Энгельс, «терзал их разными схоластическими рассуждениями об «истинной стоимости», и наводил на них тоску германскими первобытными лесами, херусками и старо-немецкой грамматической ерундой по Аделунгу».

> «Лопнуть можно от досады, волновался Энгельс. Этот Грюн так испортил молодцов, что самая бессмысленная фраза имеет для них больше смысла, чем самый очевидный факт, приведенный в качестве аргумента».

Как же бороться с «истинными социалистами», успевшими подчинить своему влиянию рабочих? Единственно правильной тактикой Энгельс считает настойчивое и терпеливое раз'яснение. «Надо иметь терпение, пишет он, и я не оставлю этих молодцов, пока не разобью Грюна и не прочищу им их засоренные головы». И Энгельс с упорством и настойчивостью принимается за эту работу «прочистки голов», ибо он успел хорошо разглядеть, куда растут «истинные социалисты». «Они идут к либерализму»,— писал он в сентябре 1846 г.

Не много времени понадобилось «истинным социалистам», чтобы оправдать этот прогноз Энгельса. Уже в октябре 1846 г. Энгельс писал Марксу, что в той рабочей группе, в которой он боролся с «истинными социалистами», дело дошло до того, что «сегодня вечером будет поставлен на голосование вопрос, является ли собрание коммунистическим или оно, как говорят образованные, «стоит за благо человечества»? На этом собрании Энгельс впервые публично формулировал намерения коммунистов.

> «Я, писал он, определил намерения коммунистов так: 1) отстаивание интересов пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) достижение этого посредством отмены частной собственности и замены ее общностью имуществ; 3) признание, что для проведения этих целей нет никакого другого средства, кроме насильственной, демократической революции».

Борьба с «истинными социалистами» сталкивала Маркса и Энгельса с национальной немецкой почвы на международную арену. Грюн и его сторонники, прикрываясь от атак, которым они подвергались со стороны основоположников научного социализма, выдвинули вперед Прудона, в качестве охранительного щита. Это заставило Маркса вплотную заняться Прудоном, который к концу 1846 г. уже выпустил свою «Философию нищеты», книгу, по поводу которой Энгельс язвительно писал: «Прудон придумал гениальный способ делать деньги из ничего и сделать рабочих счастливыми». Уже в январе 1847 г. Маркс писал брошюру против Прудона, как это видно из письма Энгельса от 15 января 1847 г. Брошюра, как известно, появилась в том же 1847 г. под названием «Нищета философии».

История возникновения Союза коммунистов и первых лет его деятельности почти целиком выпала из переписки, так как письма относящиеся к этому периоду, очевидно, исчезли окончательно.

Точно так же слабо отражен в переписке и революционный 1848 г. Сохранилось лишь 11 писем датированных этим годом. В одном из них Маркс об'ясняет то упорство, с которым он боролся, чтобы спасти от надвигающейся реакции «Новую Рейнскую газету»,—которую он редактировал. «Задача, писал он Энгельсу, заключалась в том, чтобы при всяких обстоятельствах удержать эту крепость за собой и не сдать политической позиции».

Крепость, однако, вынудили сдать и Маркс разоренный (он все свои средства вложил в газету), но не сломленный, вынужден был эмигрировать в Париж и оттуда в Лондон. В Англию (в Манчестер) скоро переехал и Энгельс после поражения революции в Германии.

Англия в это время стала центром революционной эмиграции. Обстановку, которую эмиграция создала там, Энгельс коротко характеризовал в одной из своих статей, написанных в 1851 г. в «Нью-Йоркскую Трибуну».

> «Популярные однодневные герои — временные правители, триумвиры, диктаторы, со всей своей свитой представителей, гражданских комиссаров, военных комиссаров, префектов, судей, генералов, офицеров, солдат — выброшены на чужеземные берега, «ссылаются за моря» — в Англию или Америку, чтобы образовать там среди неверных новые правительства — европейские комитеты, центральные комитеты, национальные комитеты, возвестив о своем прибытии в прокламациях, столь же торжественных, как если бы они исходили от менее призрачных властей».

В этой обстановке, где одни желаемое принимали за действительность, другие в поисках дела изобретали планы искусственного под'ема революционной волны, обычно сводившиеся к попыткам организации путчей и заговоров, третьи, от безделья интриговали и склочничали, весьма трудно было сохранить твердую позицию и неутомимо продолжать прерванную реакцией революционную работу. Обстановка была тяжелая

> «Все более и более убеждаешься в том, писал Энгельс Марксу, что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не удалится от эмиграции и не удовлетворится положением независимого литератора, которому нет решительно никакого дела до так называемой «революционной партии». Это подлинная школа злословия и под-

> лости, в которой последний осел превращается в первого спасителя отечества».

К тяжелой моральной обстановке присоединялась отчаянная материальная нужда, которую постоянно испытывал Маркс.

> «Самое худшее для революционеров, писал он Энгельсу, когда вопрос о хлебе поглощает всю их энергию». «Из моих писем, сообщал он ему 8 сентября 1852 г., ты наверное, убедился, что я переношу эти жалкие мелочи с большим безразличием, как всегда, когда мне приходится самому в них участвовать; гораздо хуже, когда слышишь о них только издали. А между тем что делать? Мой дом превратился в лазарет, и кризис становится столь острым, что вынуждает меня посвятить ему все мое внимание. Что поделаешь?» ...«Вчера я заложил сюртук», пишет он Энгельсу в октябре 1852 г., «чтобы купить писчую бумагу».

В такой материальной и моральной обстановке приходилось бороться этим людям.

Деятельность Маркса и Энгельса в эмиграции может быть охарактеризована, как неустанная борьба их на два фронта. С одной стороны, приходилось бороться внутри восстановленного в Лондоне Союза коммунистов, в котором Виллих-Шаппер возглавляли группу желавших «играть в революцию» и поэтому скатывавшихся на путь «левой фразы» и путчизма, а с другой стороны необходимо было бороться с мелкобуржуазной демократией, претендовавшей на монопольное руководство революционными силами,— в том числе и силами пролетарской армии. Между левыми фразерами из Союза коммунистов и оппортунистической демократией, во главе которой стояли «великие люди», вроде Луи Блана, Ландольфа, Ледрю-Роллена и др. не было разницы по существу. И те и другие были мелкобуржуазными радикалами. Довольно быстро они нашли, поэтому, общий язык и на практике образовали единый фронт, одну «революционную» партию, противостоявшую пролетарской демократии, возглавляемой Марксом и Энгельсом. Когда этот блок стал фактом, когда «левые» из Союза коммунистов обнаружили свое оппортунистическое нутро, Маркс и Энгельс окончательно от них отмежевались. «Система взаимных уступок, половинчатости из приличия и обязанность брать на себя долю ответственности перед публикой за смехотворные деяния этой партии вместе со всеми этими ослами — со всем этим теперь покончено», писал Маркс Энгельсу в феврале 1851 года.

Никогда еще мелкобуржуазная демократия не подвергалась таким насмешкам, никогда она не получала таких звонких, как удары бича, пощечин, как в это время. Маркс и Энгельс были беспощадны. Характеризуя немецкую «р-р-революционную» демократию, Маркс писал:

> «Все эти ослы, хотя они и за республику, а Кинкель при случае вздыхает даже по красной республике, холопски лижут зад английской конституции,— противоречие, по поводу которого даже невинный Morning Chronicle изволил сделать им замечание относительно недостатка у них логики».

Когда в Лондоне было распущено образованное там демократами-эмигрантами «германское временное правительство», Энгельс в письме к Марксу от 6 мая 1851 г. напутствовал распад этого правительства следующими словами:

> «Роспуск лондонского демократического временного правительства для Германии наполнил меня печалью. Такой великолепный случай для этих ослов подвергаться общественному осмеянию не так скоро представится во второй раз».

Сообщая о деятельности немецкой эмиграции в Швейцарии, Маркс 23 февраля 1852 г. писал Энгельсу:

> «Они все еще верят во «всеобщее избирательное право» и заняты лишь жалкими вычислениями как бы им еще раз октроировать немецкому народу свои жалкие персоны. Не веришь своим ушам, когда слышишь, как эти молодцы, не стесняясь, все вертят старую шарманку. Это — настоящие животные, твердокаменные ослы».

Маркс и Энгельс обнаруживали такую беспощадность, потому что они хорошо знали цену революционности этих господ. Всех их подняла на гребень революционная волна, все они по мере ее спада возвращались в «исходное положение», превращаясь в обывателей.

> «Великий Техов, пишет Маркс, вместе с мадам Шмидт-Штирнер отправляются на будущей неделе в Австралию. Но что огорчит тебя еще сильнее так это то, что Дамм тоже бросается на австралийские золотые россыпи. Еще несколько месяцев затишья и все наши подрыватели мировых основ будут рыться в австралийской грязи».

Борясь за независимость пролетарской партии, за ее самостоятельную политику и тактику, Маркс и Энгельс одновременно усердно занимались изучением опыта прошедшей революции. Ожидая приезда Энгельса, Маркс пишет ему 3 апреля 1851 г.

> «Ты должен при этой оказии привести с собой полный комплект «Новой Рейнской газеты»,—на основании ее я заведу себе досье по поводу всех немецких демократических ослов, а также французских; это работа, которая во всяком случае должна быть сделана, пока мы опять не будем брошены в какую-нибудь кутерьму».

Энгельс в это же время усердно изучает военное дело и опыт вооруженных восстаний, имевших место в Германии во время революции. Ряд необычайно интересных мыслей относительно связи внутренней политики с настроениями армии, о дезорганизации армии и разрушении ее дисциплины как предварительном условии и результате победоносной революции, о роли террора со стороны гражданской власти для внесения дисциплины в революционную армию и т. д.— разбросаны в большом количестве в письмах Энгельса к Марксу.

Находясь в эмиграции, Маркс продолжает свои теоретические занятия. Он занимается английскими экономистами, штудирует новые работы Прудона, усердно работает над деревенскими вопросами, над вопросами земельной ренты. В большом письме Энгельсу по поводу Прудона Маркс высказывает необычайно интересную мысль:

> «Чем больше я занимаюсь этой дрянью, пишет он, тем больше я убеждаюсь, что реформа агрикультуры и основанного на ней собственнического свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота. Иначе—окажется прав папаша Мальтус».

Последняя серия писем этого тома наполнена обсуждением вопроса о подготавливавшемся прусским правительством судебном процессе коммунистов и высказываниями по вопросам внешней политики в связи с выдвинувшимся на сцену «восточным вопросом». Последние, однако, относятся в большей степени уже ко второму тому переписки.

* * *

Второй том переписки охватывает годы 1854—1860. Переписка начала этого периода в основном вращается вокруг вопросов поднятых восточным кризисом, а конец ее посвящен обсуждению событий, вызванных европейским кризисом 1859 года. Таким образом, значительная часть писем этого тома посвящена проблемам внешней политики. Какое огромное значение, не только историческое, но и актуально-политическое имеет эта часть переписки доказала мировая война 1914—1918 гг., доказывают это и те события, которые сейчас происходят на наших глазах. Достаточно вспомнить, например, дискуссию, которая совсем недавно происходила в рядах европейской социал-демократии, в связи с военной программой германских социал-фашистов, в которой она пыталась свой переход на сторону буржуазии оправдать ссылками на Маркса и Энгельса (в частности, на их переписку).

Письма Маркса и Энгельса, помещенные во втором томе переписки, каждой строкой бьют в лицо современному социал-демократическому «марксизму». Ударами хлыста по лицу Каутского и К° звучат строки, посвященные принципам внешней политики пролетариата. Если внимательно вдуматься в ту политику, которую проводили Маркс и Энгельс во время восточного, а затем европейского кризиса, если присмотреться к их тактике, то становится совершенно ясным, что политика и тактика социал-демократии во время войны и после нее заимствована ею не у Маркса и Энгельса, а у их противников, у людей, с которыми они вели и скрытую и явную борьбу — у Уркварта и Лассаля.

Переписка не только решительно опровергает сфабрикованную в свое время В. Либкнехтом легенду о том, что Маркс и Энгельс находились под влиянием Уркварта и защищали его идеи в восточном вопросе, она не только наглядно доказывает, что между политикой Уркварта и политикой Маркса-Энгельса, было принципиальное различие, которого не поняли и не хотели понять эпигоны марксизма [1]), она прямо кричит о той непроходимой пропасти, которая раскрылась между Марксом-Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем,—с другой. Лассаль в восточном вопросе занял позицию аналогичную позиции германской социал-демократии во время мировой войны. Прикрываясь фразами об интересах германской революции, он на деле выступал адвокатом германского капитализма. Точка зрения Лассаля не отличала его по существу от буржуазных политиков. «Революционность» Лассаля в данном случае mutatis mutandis, напоминает «революционность» Петра Струве, выступавшего под забралом марксизма в защиту интересов буржуазии. У Лассаля училась германская социал-демократия тактике, а не у Маркса и Энгельса!

Маркс и Энгельс разрешали «восточный вопрос», исходя из интересов европейской революции, а не из интересов германского капитализма. Нет ничего удивительного, поэтому в том, что Ленин резко протестовал против фраз о том, что «Лассаль в политике и тактике близко подходил к Марксу и Энгельсу». Самый «близкий подход» в области политики или тактики, как показала история рабочих партий (в том числе и нашей партии), всегда представлял собой только выражение более или менее отдаленных принципиальных разногласий между «близко подходившими» друг к другу политиками. И это обстоятельство подчеркивалось и Марксом и Энгельсом на конкретных примерах. В письме от 2 февраля 1860 г., после европейского кризиса 1859 г. Энгельс писал Марксу:

> «Вчера вечером я переговорил с Люпусом. Когда я ему читал вслух письмо Лассаля, мне только тогда стало ясно, сколько мещанства и заносчивости в этом парне; в то же время я окончательно уяснил себе и его «метод». Парень этот и в мельчайшей глупости проявляет себя, как старогегельянский абсолютный дух; подобно тому, как в экономике он хотел быть высшим единством между конечной противоположностью — тобой и экономистами, так и теперь уже полагает себя, как высшее единство между тобой и Фогтом. От тебя «принцип», от Фогта «итальянская политика»—что может быть прекраснее? Это — паршивенькое умничанье референдария, которое начинается с того, что он требует об'явить Фогта неподкупным и превращает единственно остроумную шутку в об'яснении Фребеля в абсурд только потому, что принимает ее всерьез».

Коротенькое насмешливое письмо Энгельса, помещенное в переписке под № 668, характеризует политика-Лассаля и проводит резкую грань между ним и Марксом-Энгельсом лучше, чем несколько толстых томов, написанных на эту тему, чем все рассуждения немецких социал-демократов, не исключая (к сожалению!) и Меринга в том числе. Воистину, могли бы сказать великие революционеры, наши «последователи» учились не у нас, а у этого дурня» (стр. 508).

---

[1]) Уркварт с его туркофильством, ненавистью к Пальмерстону и к России, отвращением ко всему революционному и т. д., несмотря на все свои странности, был типичным представителем классовых интересов английской торгово-промышленной буржуазии. Ключ к его внешней политике легко обнаруживается, если мы вспомним, что говорил Маркс о «действительно опорном пункте в Турции». «Англия, писал Маркс, не может согласиться, чтобы Россия стала повелителем Дарданелл и Босфора. Это событие нанесло бы и в коммерческом и в политическом отношении крупный, если не смертельный, удар великодержавному положению Англии». Странное желание Уркварта стать мусульманином таким образом имело реалистические корни.

В теснейшей связи с вопросом внешней политики выступают в переписке вопросы военной организации и техники. Маркс и Энгельс в эти годы (особенно Энгельс) усердно изучали военное дело. Следы этих занятий и сотрудничества Маркса и Энгельса в одном энциклопедическом словаре, издававшемся в Америке, где они писали статьи по военным вопросам, нашли отражение во многих письмах этого периода. Необычайно интересно суждение Маркса по поводу статьи «армия», написанной Энгельсом для энциклопедического словаря.

> «История «Армии», пишет он, нагляднее, чем что-либо, подчеркивает правильность наших взглядов на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия важна для экономического развития. Так, например, у древних наемная плата вполне развилась прежде всего в армии. Точно так же у римлян частная собственность солдат в лагерях является первой правовой формой, в которой признается движимая собственность за лицами, не находящимися на положении отца семейства. Точно так же организован цеховой строй в корпорации войсковых ремесленников. Здесь же впервые имеет место и применение машин в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег основывалось, повидимому, первоначально, после того как миновал гриммовский каменный век,— на их военном значении. В армии же впервые проводится разделение труда внутри одной профессии. Вся история буржуазных общественных формаций выражена здесь в сжатом виде с поразительной ясностью».

Очень интересно замечание Энгельса относительно армии и революции. В письме Марксу от 17 марта 1858 г. он, рассматривая положение, в которое попало правительство Наполеона III во Франции, переходит к оценке политико-морального состояния французской армии. Энгельс констатирует, что верхушка армии на стороне Наполеона, что гвардия, которая «к сожалению сильна», вполне надежна, на линейные же войска правительство Наполеона III положиться не может. От 18 до 20 тысяч человек, при 40—50 пушках, в данный момент надежное ядро армии бонапартизма. Его вполне достаточно, считает Энгельс, чтобы удержать, в случае колебания, линейные войска, особенно, если принять во внимание, что железные дороги проложены так, что дают возможность «быстрого сосредоточения войск из провинции». Последнее обстоятельство позволит Наполеону III усилить число надежных войск до 60—80 тысяч в кратчайший срок.

Где же при таких условиях пролегает путь к победе? Энгельс дает на это такой ответ:

> «Чтобы одержать победу над этой массой, есть только два средства: или подпольные организации в самой армии,— и они должны быть многочисленны,— или же решительное антибонапартистское выступление буржуазии, как в феврале. Я не думаю, чтобы была возможна победа без одного из этих условий, а то и обоих вместе».

Вся переписка Маркса и Энгельса и особенно II том, ее представляют огромное научное значение для ознакомления с их методами изучения и оценки экономической кон'юнктуры. Вопросы изучения экономической кон'юнктуры в послевоенные годы приобрели первоклассное значение. Почти нет марксистских работ, посвященных методам изучения кон'юнктуры. Нет ни одной порядочной марксистской работы, критикующей методы, предложенные буржуазной экономической мыслью. Почему-то наши экономисты игнорировали изучение переписки Маркса и Энгельса с этой точки зрения. А между тем она дает богатейший материал (из месяца в месяц в продолжение десятков лет) для изучения и суждения об основных принципах, которые должны быть положены в основу марксистского изучения экономической кон'юнктуры. Нужно надеяться, что появление переписки на русском языке подтолкнет наших экономистов к тому, чтобы заполнить этот зияющий пробел.

В тесной связи с изучением экономической кон'юнктуры стоят те высказывания, которые делались Марксом и Энгельсом относительно перспектив революции. Огромный интерес представляет в этом отношении письмо Маркса от 8 октября 1858 г. Оно, несомненно, в одной своей части затрагивает весь тот комплекс вопросов, который совсем недавно лежал в основе дискуссии, проведенной партией против троцкизма.

Маркс пишет:

> «Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, который, я надеюсь, также сведет его теперь в могилу, как первый шестнадцатый век вызвал его к жизни. Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах и производства, покоящегося на его основе. Так как земля кругла, то, повидимому, колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот закончен. Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция неизбежна и примет сразу социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, так как на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение».

Эта сжатая формулировка бьет в лицо и меньшевистским ламентациям и троцкистским наскокам на марксистско-ленинскую теорию пролетарской революции. Маркс ясно и точно определяет исторические условия и предпосылки пролетарской революции; это — мировой рынок (хотя бы в общих чертах) и производство, покоящееся на его основе. (Меньшевики, как известно, на этот счет другого мнения). Не менее ясно и точно Маркс говорит, что он считает возможным победу социалистической революции не «оптом», а по частям, в отдельных странах.

Не меньший интерес представляют суждения Маркса и Энгельса о революции в Германии и Англии. В письме Энгельсу от 26 апреля 1856 г. Маркс высказывает свое знаменитое суждение, которое Ленин развернул применительно к нашей эпохе в форме проблемы о союзниках пролетариата в революции:

> «Все дело теперь в Германии, писал Маркс, будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны».

Энгельс, усердно занимавшийся английской экономикой, констатируя в одном письме Марксу (стр. 135) в обзоре мировой экономической кон'юнктуры успехи промышленного капитализма во всех странах Европы, замечает: «Но в этом громадном под'еме континентальной промышленности заложено самое жизнеспособное зерно английской революции». Суждение — не потерявшее своей ценности до наших дней. Любопытно и другое замечание Энгельса (стр. 144), относящееся к Англии и высказанное им в связи с характеристикой положения в Ирландии. «Тут видно, писал Энгельс, что так называемая свобода английских граждан покоится на подавлении колоний».

В связи с восточным кризисом Маркс и Энгельс, естественно, обратились к изучению России. Второй том переписки изобилует их различными высказываниями по поводу нашей страны, важнейшие из которых (напр., стр. 134, 337, 362, 468—469) еще и сегодня представляют огромный интерес.

⁂

Третий том переписки обнимает период 1861—1867. Все более или менее крупные события мировой истории и политики этого периода нашли свое отражение в письмах, включенных в этот том.

Первая серия писем этого тома в основном посвящена гражданской войне в САСШ. Уже беглый просмотр их достаточен для того, чтобы сказать, что это «забытые письма». В самом деле, письма, посвященные гражданской войне, содержат огромный фактический материал о ходе событий, о военных действиях, о тактике и стратегии армий южан и северян, об экономике Юга и Севера во время войны, о поведении правящих классов, о классовой борьбе в тылу действующих армий и влиянии ее на ход военных действий и т. д. Можно написать небольшую историю гражданской войны в Америке только на основе писем Маркса и Энгельса. А между тем, чтение их не оставляет никаких сомнений в том, что не только

буржуазные (о них и говорить нечего), но даже марксистские историки не использовали в своих работах этих документов первоклассного значения. Письма Маркса и Энгельса дают, как у нас принято выражаться «несколько» иную картину причин сецессии (отделения) южных штатов и соотношения классовых сил на Севере и Юге, чем это обычно изображают у нас. Европейская буржуазная пресса, в частности английская давала заведомо ложное представление о причинах и ходе гражданской войны и это ложное представление легло в основу европейской историографии. Достаточно указать на такие утверждения Маркса и Энгельса, подкрепленные фактами, что сецессия была своеобразным «18-м брюмера» на американской почве, что буржуазия Севера не хотела воевать, что конфликт был навязан и Северу и Югу Северо-западом и т. д.

Огромный интерес представляют письма, касающиеся германского рабочего движения. Благодаря опубликованию переписки полностью, с отчетливой выпуклостью обрисовываются взаимоотношения Маркса-Энгельса с Лассалем и лассальянцами, становится ясной «историческая» роль Лассаля в германском рабочем движении, делается понятной та позиция, которую занимали в отношении лассальянцев и будущих эйзенахцев авторы писем.

Трудно упрекнуть Маркса и Энгельса в несправедливости по отношению к Лассалю. Когда в Лондоне получилось известие о его смерти, Энгельс писал

> «Каков бы Лассаль ни был, как личность, как литератор, как ученый, но как политик это был, несомненно, один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом, но все же становится очень больно, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии».

Маркс был в общем согласен с Энгельсом. Об этом говорит его письмо от 25 ноября 1864 г. «Так как Лассаль мертв, писал, он, и сам не может больше вредить, то необходимо, — конечно, в пределах возможности, — т.-е. так, чтобы самих себя не компрометировать — защищать его против этих мелкобуржуазных каналий».

Однако, время показало, что представлял собой Лассаль как политик и какова была его действительная роль в германском рабочем движении. На совместной работе с лассальянцами и в частности с наследником Лассаля, Швейцером, Маркс и Энгельс быстро растеряли последние иллюзии, которые они питали в отношении политика—Лассаля. В письме от 22 января 1865 г. Энгельс пишет Марксу:

> «Благородный Лассаль разоблачается все в большей и большей степени как совсем обыкновенный прохвост. В оценке людей мы никогда не исходили из того, чем они себя хотели показать, а из того, чем они были в действительности, и я не вижу, почему мы для покойного Итцига должны сделать исключение. Суб'ективно его тщеславие могло ему представить дело приемлемым, об'ективно это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения».

Резкий отзыв Энгельса был написан после того, как ему стало известно о закулисных переговорах Лассаля с Бисмарком.

Лассальянцы пошли по стопам учителя. Маркс и Энгельс, не знавшие о закулисной политике Лассаля и согласившиеся сотрудничать в лассальянском «Социал-демократе» (кстати, когда Швейцер сообщил Марксу и Энгельсу, что газета будет носить это название, Энгельс писал Марксу: «Но что это за дурацкое название «Социал-демократ»! Почему не назвать его просто: «Пролетарий»?), скоро убедились в этом. 3 февраля 1865 г. Маркс писал Энгельсу:

> «Дней десять тому назад я писал Швейцеру, что он должен повернуть фронт против Бисмарка, что должна быть устранена даже видимость заигрывания рабочей партии с Бисмарком, и т. д. В виде признательности (за совет), он уже стал кокетничать с Бисмарком, более чем когда-либо».

В письме Энгельсу от 18 февраля 1865 г. Маркс, как бы предвидя будущую историю II Интернационала, писал:

> «Так же как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до нынешнего жалкого состояния главным образом благодаря тому, что серь-

> езно поверила, будто вместе с «новой эрой» к ней милостью принца-регента перейдет и правительственная власть, так еще гораздо больше скомпрометирует себя рабочая партия, если она вообразит, что благодаря эре Бисмарка или какой-нибудь иной прусской эре ей, милостью короля, полетят в рот «жареные рябчики». Не подлежит ни малейшему сомнению, что неизбежно наступит разочарование в злосчастной лассалевской иллюзии относительно возможности социалистического вмешательства со стороны прусского правительства. Логика вещей будет говорить сама за себя. Но честь рабочей партии требует, чтобы она разоблачила подобного рода миражи еще до того, как их призрачность будет обнаружена опытом. Рабочий класс революционен или он — ничто».

Требования Маркса оказались не по плечу тогдашним Шейдеманам. Убедившись, что лассальянцы стремятся превратить рабочий класс в ничто, Маркс и Энгельс решительно порвали с ними, не желая нести и тени ответственности за политику подобных «рабочих» вождей.

Родословная нынешнего социал-фашизма таким образом, записана на страницах этого тома переписки!

Высказывания в связи с обострением вопроса о Шлезвиг-Голштинии, о польском восстании 1863 г. и австро-прусской войне 1866 г. занимают значительное место в переписке за соответствующие года.

Особый интерес представляют письма, относящиеся к польскому восстанию. Известно, что во внешне-политических взглядах Маркса и Энгельса польский вопрос, как тесно связанный с вопросом о реакционном влиянии царской России на европейские отношения, играл большую роль. Польское восстание 1863 г. заставило их еще раз проверить и пересмотреть свои взгляды. Маркс и Энгельс рассчитывали и на этот раз, что польское восстание развяжет революцию в России. «Что меня больше всего удивляет, писал Энгельс Марксу 11 июня 1863 г., так это то, что в Великороссии не начинается крестьянское движение».

По тем же мотивам они внимательно наблюдали за поведением русской эмиграции.

> «Ты должен теперь внимательно следить, писал Маркс Энгельсу (стр. 134) за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К° представляется случай доказать свою революционную честность, хотя бы в той мере, в какой она совместима со славянскими симпатиями».

Со всем пылом революционного гнева Маркс обрушивается на Пруссию, когда он замечает, что пруссаки являются препоной для развития польского движения.

> «Политические выводы, пишет он, к которым я пришел, суть следующие: Финке и Бисмарк на самом деле правильно представляют прусский государственный принцип. «Государство» Пруссия (создание весьма отличное от Германии) не может существовать без теперешней России и вместе с самостоятельной Польшей. Вся история Пруссии приводит к этому заключению, которое уже давным давно было усвоено всеми Гогенцоллернами (включая и Фридриха II). Это сознание отцов отечества стоит значительно выше «ограниченного разума подданных», разума прусских либералов Так как существование Польши необходимо для Германии, но немыслимо наряду с государством Пруссией, то сие государство, Пруссию, надо уничтожить».

Очень интересен отзыв Энгельса о Польше в границах 1772. В письме от 21 апреля 1863 г. он пишет Марксу:

> «Должен сказать: увлекаться поляками 1772 г. может только буйвол. В большинстве европейских стран дворянство пало в ту эпоху с достоинством, частью даже с некоторым блеском, несмотря на то, что его общей максимой было убеждение, что материализм состоит в том, чтобы есть, пить, совокупляться, выигрывать в карты и получать вознаграждение за совершенные мерзости. Но ни одно дворянство не поступило так глупо, как польская шляхта, усвоившая себе один метод — продаваться России. Вообще же общая продажность «жантильомов» во всей Европе являет собой зрелище весьма веселое» [1]).

---

[1] Этот отзыв приобретает особую сочность, если вспомнить о тоске нынешних польских помещиков, мечтающих о «границах 1772 г.».

Австро-прусская война 1866 г. и ее результаты не столкнули Маркса и Энгельса с революционной позиции. С ними не случилось ни того, что произошло с нашими ликвидаторами в эпоху реакции, ни того, что стряслось с группой «революционеров фразы» — с отзовистами. Когда Северо-германский союз стал фактом, Маркс и Энгельс не игнорировали этого факта, не пытались опрокинуть его «революционной фразой», но и не превратились в поклонников «исторической миссии» Бисмарка. В новой обстановке, используя ее, они продолжали прежнее революционное дело. Энгельс писал Марксу:

> «По-моему, мы не можем делать ничего другого, как просто принять факт, не одобряя его, и использовать, поскольку возможно, возникшие теперь большие возможности для национальной организации и об'единения германского пролетариата».

В таком же духе Энгельс давал инструкции В. Либкнехту, находившемуся в Германии.

> «Я, сообщал он Марксу (стр. 489), могу, поэтому, сделать ему лишь два главных указания: 1) относиться к событиям и результатам 1866 г. не чисто отрицательно, т.-е. реакционно, а критически (что для него, конечно, весьма трудно будет) и 2) нападать на врагов Бисмарка так же, как на него самого, ибо они тоже ничего не стоят».

Значительное место в переписке этого тома уделено Интернационалу. Внимательное изучение соответствующих мест переписки полностью подтверждает высказанное позже Энгельсом мнение, что история Интернационала была историей непрерывной борьбы Генерального совета (вернее его марксистской части) с сектантством и дилетантскими опытами попутчиков пролетарского движения.

⁂

Очень много места в переписке уделено «Капиталу», первый том которого появился в 1867 г. Измученный, усталый, больной от систематического недоедания, Маркс делал свою огромную работу. Был момент, когда дело шло о его жизни. И тут, нужно отдать справедливость Энгельсу, он сделал все что было в его силах, для того, чтобы помочь Марксу. В этот критический момент Энгельс показал, что он отлично понимал, кто такой Маркс и что имеет рабочее движение в лице Маркса.

> «Ты знаешь, писал он ему, что я готов сделать все возможное и в данном экстренном случае даже больше, чем я имел бы право рискнуть при других обстоятельствах. Но будь же и ты благоразумен и сделай мне и твоей семье единственное одолжение — позволь себе лечить. Что будет со всем движением, если с тобой что-нибудь случится. А если ты так будешь вести себя, то ты неизбежно дойдешь до этого».

В буквальном смысле этого слова, «в муках» рождался «Капитал». Когда он появился, Энгельс торжествовал. «При известии, что рукопись отослана, писал он Марксу, у меня точно гора с плеч свалилась». Когда прибыли первые листы корректуры, Маркс с удовлетворением заметил: «Во всяком случае, я надеюсь, что буржуазия всю свою жизнь будет вспоминать о моих карбункулах»... Как мы знаем, он оказался прав!

Начиная с письма, помеченного в переписке № 1024 и до конца тома почти в каждом письме идет обсуждение проблем, затронутых Марксом в «Капитале». Эти письма—необходимое к нему дополнение и должны быть рекомендованы всякому, принимающемуся за изучение экономической теории Маркса.

⁂

Нет возможности в одной рецензии не только изложить, но даже перечислить те вопросы и проблемы, которые затронуты в переписке. Переписку нужно изучать, ее нужно читать и перечитывать, никакое, даже самое подробное изложение не в состоянии охватить того огромного идейного богатства, которое она содержит в себе. Институт Маркса и Энгельса правильно поступил, опубликовав эти тома собрания сочинений в первую очередь.

Несколько слов о типе издания. В том виде, в каком издаются у нас сейчас сочинения Маркса и Энгельса, они недоступны широким массам. Тип издания предполагает квалифицированного читателя. Снабжение каждого выходящего тома пояснительным аппаратом сделало бы издание доступным более широким кругам. Однако, нужно отметить, что при отсутствии у нас на русском языке значительной части произведений Маркса и Энгельса и подобный тип издания, рассчитанный на то, чтобы в кратчайший срок опубликовать все основные работы, имеет конечно много плюсов.

Количество этих плюсов несомненно увеличилось бы, если бы Институт Маркса и Энгельса развил энергичную работу в деле издания в «Библиотеке марксиста» всех тех произведений Маркса и Энгельса, которые должны войти в предположенное «популярное издание», снабдив их большим количеством примечаний и комментариев. В частности, нужно было бы ускорить намеченное Институтом издание избранных писем Маркса и Энгельса, в форме доступной для широкого партийного актива. Эту необходимость отмечал в свое время Ленин после появления немецкого издания переписки. Необходимо, чтобы это пожелание было осуществлено сейчас же после опубликования четвертого тома переписки, когда весь материал будет под руками и налицо. Превращать в популярное издание весь четырехтомник нет надобности. Ряд писем (биографического характера и др.) в популярном издании могут быть опущены без всякого ущерба. Основные же могут быть сведены примерно к двухтомному изданию.

Нужно отметить еще одно обстоятельство. Обилие имен, проблем, вопросов и событий, затрагиваемых в переписке, требует скорейшего издания предметного указателя ко всем четырем томам.

Ф. КОЗЛОВ.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Германская социал-демократия и пролетарская революция.

В письмах читатели «Большевика» возбуждают вопрос об отношении современной германской социал-демократии к пролетарской революции и государству. Отвечая на этот вопрос, надо сразу же сказать, что попытка выяснить положительное отношение германской социал-демократии к пролетарской революции осуждена с самого начала на неудачу, ибо ее отношение к революции сводится к подавлению революционного пролетариата.

Не бесполезно, однако, посмотреть, что осталось даже от того багажа «революционных» фраз, которые германская социал-демократия сохранила по агитационным соображениям из своего более честного прошлого. Нельзя сказать, чтобы социал-демократия, превратившись в социал-шовинистскую, а затем в социал-фашистскую партию, окончательно выбросила из своего лексикона слово «революция». Напротив, она сохранила слово «пролетарская революция» для введения масс в заблуждение. Даже такие социал-демократические лидеры, как Зеверинг, разговаривают на социал-демократических с'ездах о революции, которая, мол, является целью социал-демократии. Подобные слова весьма полезны для социал-демократии, так как они предназначены для тех масс, которые все еще принимают слова своих лидеров за чистую монету.

При этом, эти слова совершенно неопасны ни для социал-демократии, ни для буржуазии, ибо, сохранив в своем лексиконе слово «революция», они сумели так кастрировать понятие пролетарской революции, настолько лишить его революционного содержания, что осталось одно лишь пустое слово или, если хотите, понятие либеральной реформы.

Специалистом, проделавшим эту кастрацию, является не кто иной, как Карл Каутский. Когда германская социал-демократия пересмотрела в 1921 году свою партийную программу, или, вернее, отбросила старую эрфуртскую программу и создала новую, отвечающую буржуазной сущности с.-д., Каутский выступил с критикой новой герлицкой программы[1]). Даже он, старый, прожженный оппортунист, счел необходимым выступить с «левой» критикой. Правда, герлицкая программа была, действительно, таким беспорядочным сплетением бессмысленных фраз, что вряд ли она принесла бы пользу социал-демократии в ее стремлении обманывать рабочих. Приведем еще для примера хотя бы несколько слов из программы:

> «Социал-демократическая партия не может, однако, ограничиться защитой республики от нападений ее врагов. Она борется за господство (над хозяйством) воли народа, организованной в свободном народном государстве, за обновление общества в духе социалистической коллективной идеи».

Старая фраза Лассаля о «свободном народном государстве», против которой выступал еще Маркс, и которая является шагом назад от эрфуртской программы к готской, была таким образом воскрешена в 1921 году. Эта фраза о господстве воли народа также говорит о том, что социал-демократия окончательно порвала с учением Маркса.

---

[1]) Принята на партейтаге в гор. Герлице в 1921 г. В этой программе социал-демократия прямо отрекается от марксовой теории классовой борьбы и диктатуры пролетариата. «С.-д. Г., говорится в программе, есть партия трудового народа города и деревни. Она стремится об'единить, на основе общих целей и стремлений и общей борьбы за демократию и социализм, всех занятых физическим и умственным трудом и получающих доход от собственного труда».

Каутский, таким образом, выступил с «марксистской» критикой герлицской программы. С своей ренегатской точки зрения Каутский считал, что открытый отказ от марксизма будет гораздо меньше способствовать обману пролетарских масс, чем кастрирование, искажение его с сохранением «марксистской» фразеологии. Написанная им с этой целью книга в 340 страниц носит характерный заголовок «Пролетарская революция и ее программа». Эта книга интересна в двух отношениях. Во-первых, Каутский старается доказать здесь, что социал-демократическая партия продолжает оставаться партией пролетарской революции, но что само содержание этой революции изменилось. Во-вторых, эта книга полна гнуснейших, клеветнических измышлений, направленных против Советской России. Здесь нас интересует лишь первая из указанных особенностей книги. Однако, именно теперь весьма интересно остановиться и на втором ее отличии, ибо Каутский, обливая клеветой Советский Союз, высказывает пророчества, которые сейчас кажутся особенно смешными. Так, например, на стр. 141 он заявляет:

> «Пока диктатура не падет, Россия будет продолжать бедствовать...».

Это предсказывал Каутский в 1922 году, а теперь даже самый ослепленный враг Советского Союза вынужден признать бурный рост нашего хозяйства, а что касается диктатуры, то сами социал-демократы вопиют по поводу того, что она «не пала»...

Перейдем, однако, к «теории» пролетарской революции Каутского. Эта «теория» сама по себе является весьма простой и примитивной. Ее исходным пунктом является оценка революции 1918 г. в Германии. Эта революция была пролетарской революцией, потопленной в крови, но, как всякая потерянная пролетарская революция, она сделала большое историческое дело. Она довела до конца буржуазную революцию, начатую Бисмарком сверху. Социал-демократическая партия Германии честно старалась не допустить революцию и между прочим для этой цели она поручила Шейдеману вступить в состав императорского правительства. Ей, однако, не удалось подавить движение масс. Монархия была свергнута, несмотря на то, что социал-демократия ее всемерно защищала. Только одно удалось социал-демократам, а именно: подавить молодую пролетарскую революцию при помощи бандитов Носке. Когда им это удалось, они стали на защиту совершившейся буржуазной революции, выдали ее за дело своих рук и об'явили, что этой революцией, свержением монархии, задача насильственной революции, вооруженного восстания, — закончена. Дальнейшая насильственная революция пролетариата стала, таким образом, по мнению с.-д., излишней и вредной. Пролетариат, ведь, добился всего, чего хотел, а именно — демократии и республики. На основе этих достижений пролетариат может теперь мирным путем, при помощи избирательных бюллетеней добиться политической власти и всякая дальнейшая революция будет отныне носить мирный характер.

Каутский пишет:

> «Демократия дает возможность проводить эту революцию мирным путем без кровопролития, без насилия; демократия приводит и к тому, что революция приходит гораздо менее неожиданно, вызывает меньше новых боев и создает меньше новых программ, чем это было при буржуазной революции» (стр. 81).
>
> «Само собой разумеется, что избирательный бюллетень является силой лишь в рамках демократии. Было бы смешно вести борьбу за самую демократию средствами демократии» (стр. 82).
>
> «Мы можем вполне надеяться на то, что предстоящая пролетарская революция, т.-е. завоевание политической власти завершится на основе демократии, т.-е. мирным путем» (стр. 98).

Эти цитаты ясно показывают, что Каутский вовсе не хотел открыто признаться в отказе от «пролетарской революции» и что он хотел лишь, чтобы она была мирной и нереволюционной.

Нельзя, конечно, говорить о революции, не раз'ясняя ее отношения к государству и правительству. Здесь Каутский полемизирует с книгой Ленина «Государство и революция» и старается «доказать», что Ленин не понял Маркса, а вот, он, Каутский, ее может решить лишь тогда, если он превратит Маркса, как говорил Ленин, в дюжинного либерала. Маркс не раз подчеркивал, что политическая власть пролетариата выражается в диктатуре пролетариата. Каутский, конечно, не может совершенно замолчать эти, общеизвестные, заявления Маркса. Он начинает, поэтому, их интерпретировать и варьировать по-своему, проявляя в этом необычайное нахальство. Приведем хотя бы следующий отрывок из его книги:

> «В своей знаменитой статье «К критике социал-демократической партийной программы» Маркс говорит:
>
> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного перехода одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, когда государственная власть является не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата».
>
> «На основе опыта, — комментирует Каутский, — собранного в последние годы в вопросе о правительстве, мы можем это положение варьировать теперь следующим образом: между периодом чисто буржуазного управления демократическим государством и периодом чисто пролетарского управления лежит период превращения одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, когда правительство обычно является коалиционным» (стр. 106).

Прямо чудовищно, как Каутский путем простого подлога превратил диктатуру пролетариата в коалиционное правительство с участием буржуазии!

Из этой концепции ясно видно отношение социал-демократии к государству. Теперешнее государство, т.-е. буржуазно-демократическая республика, является, по мнению социал-демократии, государственной формой господства пролетариата. Каутский говорит буквально:

> «Демократическая республика является государственной формой господства пролетариата».
>
> ...«Демократическая республика является государственной формой для осуществления социализма» (стр. 142).

При помощи этой «теории» Каутский дал теоретическое обоснование отношения германской социал-демократии к пролетарской революции. Так как она считает теперешнюю буржуазную республику государственной формой господства пролетариата, а под пролетарской революцией подразумевает мирное завоевание власти при помощи избирательного бюллетеня и участия в коалиционных правительствах, то ясно, что социал-демократия защищает буржуазную республику от каждого нападения пролетариата и ставит существование этой республики выше всего. В этой «теории» Каутского имеется не только основа всех позднейших заявлений социал-демократии по затронутому нами вопросу, но даже предвосхищено и дальнейшее превращение с.-д. партии в социал-фашистскую.

Герлицская программа, против который была направлена критика Каутского, оказалась весьма недолговечной. Об'единившись с правым крылом независимой социал-демократической партии, германская социал-демократия выработала в сентябре 1925 года в Гейдельберге новую программу. Эта программа идет дальше тех положений, которые выдвинул Каутский в своей критике прежней программы. Болтовня о революции, даже о мирной — совсем выброшена. В первую очередь поставлены государственно-политические задачи, необходимость сохранения республики. Это единственный пункт, в котором гейдельбергская программа излагает политические задачи рабочего класса. Там сказано:

> «Рабочий класс не может вести свою экономическую борьбу и не может полностью развить свою экономическую организацию, не имея политических прав. В демократической республике он имеет ту государственную форму, сохранение и развитие которой безусловно необходимо для его освободительной борьбы. Рабочий класс не может добиться обобществления средств производства, не захватив в свои руки политической власти».

Это весьма неясная фраза, так как не указано, как же рабочий класс должен получить эту политическую власть. Не подлежит, однако, сомнению, что это должно произойти в духе Каутского, т.-е. путем подачи избирательных бюллетеней; об этом уже говорит первая часть фразы, согласно которой пролетариат стоит перед задачей сохранения республики, не говоря уже о том, что не кто иной, как Каутский комментировал по поручению ЦК с.-д. партии гейдельбергскую программу.

Эта гейдельбергская программа, отличающаяся своим худосочием и малокровием, является ныне действующей программой германской социал-демократии. Мы видим, что здесь вычеркнуто даже само воспоминание о пролетарской революции. Само слово «революция» выброшено из программы германской с.-д. партии и на его место поставлены государственно-политические задачи либеральной социал-демократии. «Революция», как ее понимает Каутский, отныне фигурирует лишь в комментариях к программе, в речах на с'ездах и в провинциальных газетах.

Дальнейший шаг в этом направлении сделала германская социал-демократия на своем кильском с'езде в мае 1927 года. Вся программная речь Гильфердинга вращалась исключительно вокруг государственных задач социал-демократии. Гильфердинг там ничего не говорил о том, что социал-демократия стремится хотя бы к мирной «революции» избирательного бюллетеня. Он говорил о задачах социал-демократии в республике. Он, главным образом, старался расписать перед рабочими преимущества демократии в Германии, изображая ее как небуржуазную. Он заявил:

> «Это значило бы отвергать все социалистическое прошлое с самого того момента, когда Маркс произнес свои знаменитые слова о необходимости поднять рабочий класс на уровень политической партии, если б мы не видели, что эта борьба (пролетариата за демократию. ***Ф. К.)*** принадлежит к крупнейшим фактам пролетарской классовой борьбы, и что было бы исторически неверно и это вводило бы в заблуждение, если бы мы говорили о «буржуазной демократии». Демократия была нашим делом».

Из этого логически вытекает, что важнейшей задачей социал-демократии является защита этой, т.-е. ныне существующей, демократии. Основная задача социал-демократической партии в Германии заключается, таким образом, в защите существующей буржуазной государственной власти и подавлении революционного пролетариата, борющегося с этой государственной властью. Гильфердинг следующим образом формулировал эту задачу:

> «...Мы знаем, что нет большего препятствия для осуществления социализма, чем гражданская война и что мы, как социалисты, находимся в необычайно тяжелом положении, когда пролетарская государственная власть является плодом гражданской войны. Поэтому мы, как пролетариат, безусловно заинтересованы в сохранении демократии. Мы хотим ее защищать и это необходимо подчеркивать при каждом случае...».

Рассматривая эту теоретическую эволюцию германской социал-демократии от выступления Каутского в 1922 году до кильской речи Гильфердинга, мы в первую очередь видим, что социал-демократия отказывается в своих программных документах даже от разговоров о революции, а также, что социал-демократия все теснее связывается с буржуазным государством.

Если Каутский в 1922 году еще считал нужным распространяться о «захвате власти» пролетариатом, на почве демократии, то уже Гильфердинг в официальном докладе не упоминает об этом ни единым словом. Само собой разумеется, что и у Каутского захват власти был только блефом. Но этот блеф показывает лишь, что социал-демократия 1921 года все же отличалась от с.-д. 1927 года. Если в 1921 году она была еще социал-либеральной социал-шовинистской партией, то в 1927 году уже намечается ее *переход от реформизма и социал-шовинизма к социал-фашизму*.

Социал-фашизм не удовлетворяется одной лишь защитой демократии. Он проявляет сильные диктаторские вожделения. Его целью является превращение демократической республики, которая представляет собою одну форму буржуазной диктатуры, в другую ее форму — в социал-фашистскую диктатуру. Социал-демократические лидеры в последнее время открыто проявляют свои диктаторские вожделения. Председатель ЦК социал-демократической партии Вельс заявил в мае 1929 года на с'езде партии в Магдебурге:

> «Наша задача заключается в том, чтобы обеспечить существование демократии и защитить республику. Если, однако, врагам республики удалось бы нанести демократии Германии такой серьезный удар, что не осталось бы другого выхода, кроме диктатуры, то пусть знают члены Стального Шлема, национал-социалисты и их коммунистические собратья в Москве, что социал-демократия и профсоюзы, представляя интересы широких масс германского народа, крепко сплоченные в своих организациях, сумеют и ее использовать, действуя с чувством полной ответственности и соблюдая несокрушимую дисциплину. Только они и никто другой не имели бы тогда права на диктатуру».

Слова о защите демократии и республики не являются лишь пустой болтовней. Они показывают, что социал-фашизм логически вытекает из социал-демократического представления о государстве. Абсолютная защита буржуазного государства, как это себе поставила задачей социал-демократия, должна была при новом революционном под'еме и банкротстве буржуазной демократии привести к социал-фашизму.

Было бы, однако, в основе неправильно считать, что развитие социал-фашизма и отказ даже от самого слова «пролетарская революция» являются результатом теоретических умозаключений. Дело обстоит как раз наоборот. Теоретическая эволюция германской социал-демократии является лишь идеологическим отражением фактического развития социал-демократии от социал-либеральной партии с революционными фразами к явно социал-фашистской. Замена разговоров о мирной революции положительными государственными задачами, вполне отвечает фактическому сращению социал-демократических вождей с государственным аппаратом. При этом превращение социал-демократической партии в социал-фашистскую пошло на практике гораздо дальше, чем в теории. Нет нужды перечислять фашистские гнусности германской социал-демократии, так как они хорошо известны. Достаточно указать лишь на некоторые из них: 1 мая 1929 г. социал-демократический начальник берлинской полиции Цергибель расстреливает 33 рабочих; вскоре после этого социал-демократический министр внутренних дел Пруссии Гржезинский запрещает союз красных фронтовиков; обще-германский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг вносит в рейхстаг новый закон против коммунистов; полиция Цергибеля продолжает в Берлине свои расстрелы; Гржезинский создает для прусских рабочих условия осадного положения; социал-демократический начальник гамбургской полиции *Шенсфельдер* устраивает кровавую баню безработным; с.-д. министры с лихорадочной быстротой подготовляют запрещение германской компартии и т. д. Если Вельс в Магдебурге заявил о приближении социал-фашистской диктатуры, то он уже отстал от событий, так как деятельность социал-демократических министров и полицмейстеров уже отчасти является проявлением этой диктатуры.

Из развития социал-демократии в социал-фашизм вытекает и ее отношение к пролетарской революции. Это отношение является вполне ясным, определенным и недвусмысленным. Практическая деятельность с.-д. министров и начальников полиции показывает нам, как с.-д. партия в Германии относится к пролетарской революции. Ее отношение к революции весьма активно: социал-демократические лидеры являются палачами пролетарской революции в Германии. Защита буржуазной демократической революции от рабочих, сохранение «спокойствия и порядка» — вот важнейшая задача социал-демократии. Другими словами, важнейшая задача германской социал-демократии заключается в подавлении пролетарской борьбы, в недопущении пролетарской революции. Эта задача стоит теперь в центре внимания германской социал-демократии. Она для нее так важна, что даже упоминание о пролетарской революции, как бы ее себе ни представляли, изгнано из официальных документов социал-демократии. Это, однако, не значит, что германские социал-демократы перестали говорить о пролетарской революции. Напротив, именно социал-фашизм, как переход с.-д. к открытому террору, нуждается в еще более широком использовании социальной демагогии. Мы уже видели, что даже такие социал-демократы, как Зеверинг, говорят иногда на с'ездах партии о «революции». Если социал-демократические «государственные люди» весьма редко произносят подобные речи, да и то лишь на таких торжественных собраниях, как с'езды партии, то есть целое крыло в рядах германской социал-демократии, жизненная задача которого заключается в социальной демагогии. Это так называемые «левые», все еще держащие многих рабочих под социал-демократическим влиянием, благодаря своей призрачной оппозиции против официальной политики партии, соперничающие друг с другом в «левых» фразах. Их историческая роль заключается в том, чтобы обманывать рабочих этими фразами, держа их, таким образом, под влиянием социал-демократической партии. С полным правом поэтому Коминтерн и германская компартия считают «левых» социал-демократов опаснейшими врагами пролетариата в рабочем движении. Их разоблачение является необходимой предпосылкой для завоевания широких масс германского пролетариата и вовлечения их в лагерь пролетарской революции.

Благодаря этому разделению труда в рядах германской социал-демократической партии между правым крылом, дающим «государственных людей» и расстреливающим пролетариат, и «левым» крылом, обманывающим массы «революционными» фразами и мнимой оппозицией, удается германской социал-демократической партии до сих пор держать значительные массы пролетариата под своим влиянием. Именно, в этом германская социал-демократия находит средство играть свою историческую роль, а именно: служить сильнейшим оплотом германской буржуазии против пролетарской революции.

Только разрушив этот оплот буржуазии, в Германии победит пролетарская революция.

ФРИЦ КЮН.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тт. Кадер (Тамбов), Павлову (Чивильск), Каптуренко (Киев), Цхэ (Екатерино-Никольское) и Ясниковскому (Борисовка).

ПОПРАВКА.

В № 3—4 «Большевика» за 1930 г. в статье тов. Мингулина «На под'еме мирового революционного движения», на стр. 23, строка 23-я сверху, напечатано: «не может быть», следует читать: «не может НЕ быть».

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54733. Тираж 161.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

БОЛЬШЕВИК

[illegible]

№ 7—8 30 АПРЕЛЯ № 7—8

1930
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

БОЛЬШЕВИК

ВЫХОДИТ 24 НОМЕРА В ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1930 год:

На 1 месяц . . . . — руб. 40 коп.
На 3 мес. . . . . 1 руб. 20 коп.
На 6 мес. . . . . 2 руб. 40 коп.
На 12 мес. . . . . 4 руб. 80 коп.

ЦЕНА отдельного номера — 25 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРОЖЕКТОР

(8-й ГОД ИЗДАНИЯ)

«ПРОЖЕКТОР» выходит каждые десять дней.
«ПРОЖЕКТОР» самый большой в СССР журнал по об'ему. Каждый номер содержит 32 страницы самого большого журнального формата.
«ПРОЖЕКТОР» обеспечен сотрудничеством лучших советских писателей, поэтов и журналистов.
«ПРОЖЕКТОР» непрерывно увеличивает сеть корреспондентов во всех крупнейших пунктах Западной Европы, Америки и Азии.
«ПРОЖЕКТОР» отражает на своих страницах все актуальные и боевые вопросы советской общественности.
«ПРОЖЕКТОР» попрежнему будет уделять много внимания художественно-фотографическому освещению разнообразных областей социалистического строительства.
«ПРОЖЕКТОР» на страницах сатиры и юмора печатает рисунки лучших советских художников и карикатуристов.
«ПРОЖЕКТОР» в течение 1930 года предполагает провести ряд кампаний в литературной, общественной и культурной жизни и выпустить ряд специальных номеров.
«ПРОЖЕКТОР» приложит все усилия к тому, чтобы улучшить свою и без того высокую технику. Редакция обратила особое внимание на четкое воспроизведение фотографических снимков и иллюстраций.
«ПРОЖЕКТОР» дает 36 №№ журнала в год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес.—75 коп.; на 3 мес.—2 р. 25 к.; на 6 мес.—4 р. 50 к.; на 12 мес.—9 руб.

Цена отдельного номера 25 коп.

Подписка принимается в Главной Конторе издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48) и в провинциальных отделениях «Правды», почтовых конторах и письмоносцами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Издательство „ПРАВДА“

Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-98

№ 7-8 — 30 АПРЕЛЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. От XV к XVI с'езду. Ярославский, Ем.—О новейшей эволюции троцкизма (стр. 10). Лифшиц, М.—Коллективизация и сельхозналог (стр. 23). Рагольский, М.—Против нового извращения марксовой теории накопления (стр. 36). Рубинштейн, М.—Нарастание мирового экономического кризиса (стр. 48). ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ. Вайсберг, Р.—Идеология и практика „левых“ загибов (стр. 65). Богушевский, В.—Нэп, какого не было, и такой же „новый этап“ (стр. 76). Розенталь, К.—О барабанном бое и полемическом задоре (стр. 95). Бутаев, К.—О новом этапе нэпа (стр. 118). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Покровский, М. Н.—Об одном „опыте автобиографии“(стр. 129). Ужанский, С.—Эдвин Норс „Сельское хозяйство САСШ“ (стр. 146). КОНСУЛЬТАЦИЯ. Баевский, Б.—Вошли ли мы в новый этап через „ворота“ чрезвычайных мер и кризис зернового хозяйства (стр. 153). ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. Лео Лаукки.—Об основном вопросе проблемы войн (стр. 158).

От XV к XVI с'езду.

Два с половиной года, протекшие со времени XV с'езда, составят значительнейшую страницу в истории социалистической революции. В этот промежуток времени произошли большие сдвиги классовых сил в СССР, изменилось положение их на международном фронте, заложены новые прочные устои социалистического здания в СССР, новыми более прочными связями укрепляется союз пролетариата с основной массой крестьянства, в новых формах, с большей остротой и ожесточением развертывается борьба остатков капиталистических сил внутри СССР против победоносно наступающего социализма, неслыханно возросла активность трудящихся, выдвинувшая новые формы и методы участия миллионов в социалистическом строительстве.

Этот промежуток полон богатейшего опыта классовой борьбы и социалистического строительства.

На XIV и XV с'ездах партия наметила основные линии своей работы в период социалистической реконструкции. XIV с'езд собрался, когда СССР приступал к социалистической реконструкции; этот с'езд выдвинул линию индустриализации СССР, являющуюся первым и важнейшим условием социалистической реконструкции. XV с'езд происходил, когда Советская страна проходила первый начальный этап социалистической реконструкции, когда обнаружились первые успехи индустриализации, значительное накопление социалистических ресурсов, но в то же время, когда в условиях быстрого роста промышленности и городов, все острее давала себя знать отсталость деревни, ее мелкобуржуазный уклад, на почве которого, ограничиваемый и вытесняемый, все же накапливал силы капитализм. Показателем этой отсталости был замедленный, неустойчивый, в резком противоречии с ростом промышленности под'ем сельского хозяйства. XV с'езд поставил перед партией, как практическую задачу, как основное звено работы в деревне социалистическую переделку мелкого крестьянского хозяйства, задачу коллективизации, которая является вторым важнейшим моментом социалистической реконструкции.

Теперь, к XVI с'езду выявились уже основные очертания реконструктивного периода. Партия, руководя миллионами, облекает в плоть и кровь решения XIV и XV с'ездов. Она полным ходом ведет социалистическую стройку. Она преодолевает в настоящей полосе последние крупнейшие препятствия на пути к социализму внутри страны. XVI с'езд собирается на последнем большом историческом перевале, лежащем внутри страны на этом пути. И с высоты этого перевала ему предстоит обозреть решающие подступы к социализму, последние укрепления кулаков и нэпманов, заграждающие путь, подтянуть отставших, определить дальнейшее движение армии трудящихся к социализму. В этом его значение. Ленин говорил:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, часть 2. 1-е изд., стр. 29—30).

Предвидение Ленина оправдывается. Ускорение нашего движения наступило. Мы говорим об успехах социалистического строительства. Величайшим историческим знамением этих успехов, одним из наиболее убедительных доказательств преимуществ социализма над капитализмом является это ускорение, этот неожиданный и неведомый раньше рост темпов, эта совершенно новая социалистическая прогрессия показателей хозяйственного роста, которая бьет капиталистическую, которая уже теперь создает хозяйственные и технические эффекты, немыслимые при капитализме. Социализм теперь практически, а не только теоретически, доказывает свою жизнеспособность, свое превосходство, свою историческую прогрессивность на пространстве одной шестой земной суши творчеством ста пятидесяти миллионов.

Противоречия между страной растущего социализма и странами капитализма становятся все глубже. Правда, через рвы, отделяющие СССР от стран капитализма, перекинуты мостки, экономика Советского Союза связана с капиталистическим хозяйством каналами, через которые ширятся потоки товаров.

Однако, успехи социализма все больше колеблют устои капитализма. И с каждым годом капиталистический мир все с большей тревогой взирает на СССР, все активнее становятся группы, взывающие к «священной войне» против пролетарского государства. Военное нападение китайских милитаристов, подготовленное и поддержанное крупнейшими империалистическими державами и успешно отраженное Красной армией, папско-фашистская проповедь крестового похода против СССР, последняя попытка кровавой провокации войны при помощи неудавшегося взрыва нашего полпредства в Варшаве—все это новые факты, показывающие, что создается новая международная обстановка, что опасность империалистической войны против СССР становится все реальней, все более ощутимой и непосредственной, что эту опасность необходимо ни на минуту не упускать из виду во всей нашей работе и в политике.

Новое обозначилось к XVI с'езду и в самом положении капитализма. XV с'езд отметил растущее противоречие капитализма, шаткость и непрочность его стабилизации, начинающийся под'ем революционной волны. Теперь уже эти определения не соответствуют капиталистической действительности. Показателем нового в этой действительности являются С.-А. Соед. Штаты—наиболее полнокровная и могущественная капиталистическая держава. Даже изощренная в надувательстве буржуазная пресса, буржуазные политики и социал-предатели не могут скрывать, что капиталистическому «процветанию» наступил конец, вынуждены признавать развертывающийся в С.-А. Соед. Штатах кризис. Но американский кризис не остается изолированным. Он тянет по наклонной плоскости капитализм Японии, Англии, Франции, Германии, не говоря уже о более мелких странах. Промышленная продукция снижается, акции падают, количество банкротств увеличивается, безработица растет из месяца в месяц. Если XV с'езд подчеркивал шаткость и непрочность стабилизации, указывал неизбежность ее крушения, то теперь положение капитализма нельзя иначе определить, как «начало развала капиталистической стабилизации».

Одним из выражений этого развала и вместе с тем фактором его усиливающим является рост революционного движения в метрополиях и колониях. Революционная волна неуклонно поднимается вверх. Все большие массы рабочих втягиваются под руководством компартии в революционную борьбу. Дни 1-го мая и 6 августа 1929 года, 6-го марта текущего года являются знаменательными вехами этого под'ема. Необходимо особо отметить пролетарские выступления в С.-А. Соед Штатах. Эти выступления являются событием исключительного значения: страна капиталистического «процветания», кичившаяся своим иммунитетом в отношении «коммунистической заразы», увидела коммунизм, шагающим по улицам Нью-Йорка, Детройта, Чикаго, воплощенным в многотысячные демонстрации пролетариев. Новая волна революционного движения поднимается в колониях. Китай и Индия снова охвачены брожением. В южных провинциях Китая трудящиеся создают советскую власть и строят Красную армию. В Индии движение разрывает те узкие рамки, которые ему ставятся буржуазными националистами и приобретает то здесь, то там характер вооруженных восстаний.

Компартии становятся—а в ряде стран и прежде всего в Германии—уже стали массовыми партиями пролетариата, имеющими богатый опыт, тесные связи с трудящимися, крепкую организацию, твердую линию, выкованную в борьбе с левыми и правыми оппортунистами.

Все это новое означает глубокое изменение ситуации на международном фронте. Оно означает приближение полосы новых решающих битв между коммунизмом и капитализмом.

Между XV и XVI с'ездом началась полоса обострения классовой борьбы и внутри страны. Жизнь разбила оппортунистическую теорию смягчения классовой борьбы в переходный период, постепенного затухания этой борьбы, теорию, основанную на предположении мирного врастания капиталистических элементов в социалистическую систему. События развивались и не могли не развиваться другим путем. Социалистическая основа нашего хозяйства ширилась и росла значительно быстрее, чем элементы капитализма и мелкое товарное хозяйство. Однако, капитализм, ограничиваемый и вытесняемый нами, все же накапливал свои силы. При таких условиях борьба между силами социализма и капитализма, силами враждебными, противоположными, не могла не разгореться. Наша партия все успешнее продвигала дело индустриализации, кооперирования крестьянства, организации бедноты, планового регулирования цен, хлебозаготовок, чем все крепче зажимался в клещи капитализм города и деревни. На XV с'езде партия об'явила развернутое наступление на капиталистические элементы. Кулак, со своей стороны, укрепив свою производственную базу, об'явил хлебную забастовку, пытаясь сорвать хлебозаготовки и нашу политику и тем самым нанести удар по одному из самых важных жизненных центров нашего хозяйства. Чрезвычайными мерами в хлебозаготовках, опираясь на бедноту и в союзе с середняком, партия отбила этот удар и выиграла сражение на фронте хлебозаготовок. В ходе этой борьбы нам удалось добиться изоляции кулака, удалось хлебозаготовки истекшего года провести в гораздо более короткие сроки, опираясь на активность и помощь бедняка и середняка, на их организованное содействие хлебозаготовкам.

Кулацкая активность, однако, не сократилась. Она приняла другие формы. Упорная борьба вокруг советов, всяческие ухищрения для захвата на свою сторону середняка, террористические акты против селькоров, активистов, организаторов бедноты, советских работников, поджоги коммун и колхозов,—вот методы, при помощи которых контрреволюция вела свое нападение в деревне.

Эта контрреволюционная сила в деревне не была, однако, изолированной. В промышленных центрах она имела свое продолжение в виде контрреволюционных вредительских организаций, непосредственно связанных с организациями мирового капитализма. Эти организации, состоявшие из представителей прежней буржуазии и ее ближайших агентов, в течение ряда лет вели подрывную работу почти во всех областях народного хозяйства, дополняя ее шпионажем в пользу наших врагов. Эти вредительские дела, процесс Союза Вызволения Украины и другие еще раз воочию показали, насколько были глубоки корни контрреволюции в нашей стране, насколько упорен, изощрен, гибок наш враг, которого многие уже считали окончательно поверженным и неспособным к сопротивлению.

В этих условиях ожесточенного сопротивления классового врага, подрывной его работы даже в руководящих хозяйственных органах, дьявольских ухищрений вредителей привести к крушению нашу строительную работу, приходилось пролетариату завоевывать социалистические успехи. Здесь еще и еще раз революция доказала свою непобедимую силу, жизненность, проявила величайший напор, который свел на-нет все ухищрения врагов.

XV с'езд дал директиву к составлению пятилетнего хозяйственного плана. К XVI конференции этот план уже получил конкретное выражение в виде математически-определенных, взаимноувязанных заданий как для всего народного хозяйства, так и для отдельных его отраслей. Этот план, поставивший своей задачей слить воедино усилия миллионов, дать им точные и целесообразные линии направления, его размах—повергли в изумление наших врагов и друзей. И враги, и многие друзья сомневались в его выполнимости.

Теперь, к XVI с'езду этот пятилетний план уже облекается в плоть. Сухие столбцы цифровых заданий приобретают реальность: они развертываются по стране в виде новых линий железных дорог, индустриальных гигантов, совхозов и колхозов, электроцентралей и высоковольтных передач.

И действительность оказалась смелее этого «дерзкого» плана. Уже сейчас ход социалистической стройки перекрывает этот план. Уже теперь лозунгом масс стало: «Пятилетку в четыре года».

Социалистическая индустрия шла особенно быстрыми шагами эти годы. Она становится все более полнокровной. Новым в обстановке является то, что наша индустрия приступила к выполнению своей великой преобразующей роли в отношении крестьянского хозяйства. Она дает ему уже не только простые сельскохозяйственные орудия, но и трактора, но и тракторный инвентарь, но и сложные сельскохозяйственные машины, но и химические удобрения. Она пока еще в слабой мере не удовлетворяет потребностей сельского хозяйства. Но и то, что уже делается, позволило укрепить союз рабочего класса с основной массой крестьянства, поднять этот союз на более высокую ступень, поставить смычку на производственную основу.

Эти успехи во многом обусловлены неслыханным ростом активности масс. Трудящиеся все больше об'единяются вокруг партии, все ярче разгорается их трудовой энтузиазм. Ленинский лозунг социалистического соревнования подхвачен теперь миллионами. Бригады ударников являются живым свидетельством укрепления нового, социалистического отношения к труду, становятся могучими двигателями соревнования, увлекая за собой, своим примером и образцами работы, остальную массу трудящихся.

Новые условия и задачи реконструктивного периода, под'ем активности трудящихся вызвали необходимость перестройки всех организаций рабочего класса. Партия направила свои усилия на то, чтобы повернуть эти организации к новым задачам, сделать их более гибкими, расширить и укрепить их связи с трудящимися, помочь им быстрее выдвигать и воспитывать новые кадры. Эта перестройка и советов, и профсоюзов, и кооперации отнюдь еще не закончена. Она натолкнулась на сопротивление носителей консерватизма, цеховщины, бюрократической узости, не желавших видеть и признавать новые задачи. Это сопротивление теперь в основном сломлено. Но предстоит еще много сделать, чтобы полностью провести по всем звеньям этих организаций новые методы работы и наполнить ее новым содержанием. Лозунг самокритики, выдвинутый при самом начале этой перестройки, обеспечил ее успех. Самокритика встряхнула и оживила пролетарские организации, теснее связала их с массами, позволила быстрее преодолевать элементы консерватизма. Самокритика превратилась в грозное и острое оружие для борьбы с бюрократизмом, извращениями партийной линии, загниванием отдельных клеточек наших аппаратов, для искоренения их недостатков. Она является одним из важнейших условий развертывания пролетарской демократии и ускорения социалистического строительства.

Партия укрепила свои ряды, проверила их, дабы освободиться от балласта и элементов перерождения, еще теснее связаться с массами. Она поставила своей задачей в двухлетний срок довести вес рабочих от станка до 50 проц. своего состава и эту задачу она до срока выполняет теперь к XVI с'езду, впитывая новые могучие пополнения, приливающие к ней из среды рабочего класса, батрачества и бедноты.

Тов. Сталин назвал истекший год «годом великого перелома». Все новое, что возникло в нашем строительстве, впервые со всей силой проявилось в этом году. Это особенно относится к коллективизации, которая приобрела характер массового движения и оставляет позади себя все наиболее смелые предположения.

XV с'езд выдвинул лозунг: «деревня—вперед к крупному коллективному хозяйству». Этот лозунг встретил живейший отклик среди основной массы крестьянства. Колхозное движение стало расти не по дням, а по часам. К середине истекшего года это движение стало перерастать в сплошную коллективизацию целых районов и областей. Размах и сила этого движения превзошли наиболее смелые предположения. Те размеры социалистического сектора в сельском хозяйстве, которые план проектировал для конца пятилетки,—они будут превзойдены уже в текущем году.

Однако грубейшей ошибкой или попыткой сознательного искажения всей прошлой перспективы нашего движения, линии партии и ее работы являются утверждения, будто это колхозное движение свалилось нам, как снег на голову, не ждано не гадано вынырнуло из-за угла на крутом повороте истории. Так дело представляется только оппортунистам, которые не верили в силу колхозов и совхозов, считали, что генеральная линия развития деревни в советской стране пролегает мимо колхозов и совхозов, которые больше полагались на развитие индивидуального хозяйства и развязывание капиталистических отношений. Наша партия подготовляла это движение весь предшествующий период. Развертыванием кооперации, организацией бедноты и укреплением союза с середняком, изоляцией кулака, пропагандой крупного социалистического земледелия, показом на опыте колхозов и в особенности совхозов его действительных преимуществ, организацией машинно-тракторных станций и внедрением новой техники в сельском хозяйстве партия создала условия, на основе которых и развернулось это гигантское колхозное движение.

Сплошная коллективизация во весь рост поставила задачу ликвидации кулачества как класса. Если раньше нашим основным лозунгом по отношению к элементам капитализма был лозунг ограничения и вытеснения, то теперь основным для партии в отношении кулака является лозунг ликвидации, а лозунг вытеснения и ограничения остается вспомогательным, имея силу лишь в тех районах и областях, где не подготовлены условия для сплошной коллективизации.

Отношение этих лозунгов следующим образом охарактеризовано тов. Сталиным:

«... при политике ограничения эксплоататорских тенденций кулачества можно рассчитывать на вытеснение лишь отдельных отрядов кулачества, что не противоречит, а, наоборот, предполагает сохранение до поры до времени кулачества как класса. Чтобы вытеснить кулачество как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества как класса есть пустая болтовня, угодная и выгодная лишь правым уклонистам. Без этого немыслима никакая серьезная, а тем более сплошная коллективизация деревни». (И. Сталин. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. «Правда» № 21, 21/I—30 г.).

После Октябрьского переворота это движение за сплошную коллективизацию является величайшим событием в истории революции.

Теперь мы взялись за самую трудную, самую сложную задачу революции, социалистическую переделку миллионов раздробленных крестьянских хозяйств, взялись за эту работу во всем ее гигантском об'еме. Варварски отсталое крестьянское хозяйство переводится на уровень организации, техники, культуры, уже сейчас оставляющий в отдельных местах позади то, что достигнуто в капиталистических странах. Этот прыжок через десятки и десятки лет мирной эволюции, мог быть произведен только в условиях пролетарской диктатуры. Мы ликвидируем самые корни нашей отсталости. Социалистический плуг заново перепахивает теперь ту почву, на которой произрастал капитализм, откуда в пределах нашей страны возникли наибольшие трудности для дела социалистического строительства.

Развертывание колхозов требует большого напряжения сил. Оно не обходится без отдельных срывов, неудач, извращений, перегибов и головотяпства. Не только низовые, но и некоторые областные организации допустили в этом деле крупнейшие ошибки, пытаясь провести коллективизацию без достаточной подготовки, сверхускоренными темпами, что вело часто лишь к подрыву самой идеи коллективизации. На местах эти ошибки часто усугублялись нарушением принципа добровольности, стремлением действовать административным нажимом и приказом, попытками перескочить через более простую и понятную для крестьян форму колхозов—сельскохозяйственную артель к высшей форме—к коммуне.

Партия ведет решительную борьбу с этими ошибками и перегибами, с злостными носителями этих перегибов. Теперь в основном эти ошибки выправлены. Однако, они выправлены на местах еще не до конца. Борьба с ними является одним из важнейших условий успеха колхозного движения, ибо эти ошибки подрывают идею коллективизации, льют воду на мельницу кулака, помогают правым оппортунистам, пытающимся дискредитировать колхозы и тащить партию назад.

Но эти ошибки никак не должны заслонять величайшего исторического значения коллективизации, ее действительных крупнейших успехов, которые уже есть налицо, которые мы закрепляем, которые уже теперь обнаруживаются в ходе посевной кампании.

Развертывание социалистической индустрии и сплошная коллективизации по-новому ставят перед нами важнейшие вопросы политики. По-новому ставится вопрос о классах в нашей стране, по-новому ставится вопрос о союзе пролетариата с основной массой крестьянства, вступившей теперь на путь превращения из мелких индивидуальных производителей в работников социалистического общества, по-новому складываются взаимоотношения социалистической индустрии и коллективизируемого сельского хозяйства, по-новому встают перед нами проблемы рынка, товарооборота, кредита, планирования народного хозяйства, по-новому начинают работать общественные пролетарские организации.

Размах пятилетки, колхозное движение и обострение классовой борьбы со всей остротой поставили перед нами вопрос подготовки кадров. Партия решает этот вопрос. Он однако далеко еще не решен, еще не обеспечены и все те условия, которые позволят справиться с этой величайшей проблемой.

XV с'езд выдвинул задачу культурной революции. Теперь, когда социалистическая стройка находится на полном ходу и размах реконструктивных работ приобретает все более гигантский характер, культурная отсталость, техническая и общая неграмотность, отсутствие достаточно подготовленных грамотных кадров, отставание темпов культурного строительства чувствуется особенно остро. В целом ряде мест для нас теперь лимитом являются уже не материальные возможности, а кадры, недостаток квалифицированной рабочей силы и опытных организаторов. Вопросы культуры выдвигаются поэтому все больше на первый план в ряду важнейших задач социалистического строительства. Все эти элементы нового многообразны и велики. Они являются не только простым количественным увеличением того, что имелось раньше. Нет! К XVI с'езду мы имеем уже важнейшие структурные изменения в экономике, при чем дело идет прежде всего о такой важнейшей области, как сельское хозяйство. XVI с'езд должен будет ориентировать партию в этом новом этапе социалистического строительства и наметить дальнейшие пути этого строительства.

Этот новый этап отнюдь не означает отмены новой экономической политики. Так отражается он лишь в головах оппортунистов, которые в унисон с социал-демократами скулят о том, что мы якобы вернулись к военному коммунизму. Такая характеристика нового этапа является злостной клеветой на социалистическое строительство, вызвана безнадежным стремлением опорочить и затемнить его успехи.

Вместе с тем результатом явного головокружения являются попытки об'явить нэп уже пройденным этапом, представить дело так, что вопрос кто-кого решен внутри страны и что перед нами уже простирается сплошное социалистическое плато. Это ослепление блеском наших успехов, потеря чувства действительности, забвение о реальных трудностях и опасностях может вести только к поражениям. Вот почему необходимо применить самые действительные средства критики для отрезвления тех, кто подобным образом теряет голову.

Успехи, которые мы отмечаем теперь, достигнуты партией на основе новой экономической политики. Новая экономическая политика не есть искусственный придаток к пролетарской диктатуре. Она есть форма перехода от капиталистического строя к социалистическому после завоевания власти пролетариатом.

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма». (И. Сталин.—Вопросы ленинизма, стр. 408).

Проводя новую экономическую политику, в ее формах и ее методами пролетариат создает условия для преодоления новой экономической политики, для полного построения социализма. Мы строительство социализма еще не завершили. Но как раз теперь на основе новой экономической политики партия создает в широчайших масштабах те решающие условия—индустриализация, перевод деревни на рельсы крупного общественного хозяйства, ликвидация кулачества как класса, которые ведут к преодолению новой экономической политики, которые уже теперь все шире и многообразнее порождают связи нового социалистического типа. Этих решающих успехов партия достигла в непримиримой борьбе за чистоту ленинской партии.

XV с'езд довел до конца борьбу с троцкизмом, пытавшимся «слева» подорвать генеральную линию партии, создавшим свою особую организацию, с особой программой, особой тактикой и своей дисциплиной. Оппортунистическая сущность троцкизма, левыми фразами, ультрареволюционностью прикрывавшего свое неверие в строительство социализма, была разоблачена до конца, точно так же как скрытая этими левыми фразами тенденция к реставрации капитализма. Троцкисты обнаружили себя врагами партии и пролетарской диктатуры. Они были исключены из рядов большевистской партии. И политический конец Троцкого, присоединившего свой голос к хору ренегатов, социал-прохвостов, агентов буржуазии, вкупе с ними клевещущего теперь на партию и Советский Союз, издевающегося над колхозным строительством и социалистической индустриализацией—является неопровержимым свидетельством правильности оценок троцкизма нашей партией.

Переход к развернутому наступлению на капиталистические элементы поставил в порядок дня борьбу с правой опасностью, с открытым оппортунизмом.

Правые, которые явились рупором кулацкой верхушки деревни, об'явили борьбу партии, начавшей развернутое наступление на кулака и нэпмана, приступившей к строительству совхозов и колхозов в деревне. Политику индустриализации они об'явили троцкистским авантюризмом, колхозы и совхозы—«музыкой будущего», которой могут увлекаться лишь те, кто забыл основы ленинизма, политику наступления на кулака—«военно-феодальной эксплоатацией крестьянства», большевизацию партий Коминтерна—политикой его разложения. Они выступили с программой снижения темпа индустриализации, поставили курс на развитие индивидуальных крестьянских хозяйств и на развязывание капиталистических отношений. Они подняли истрепанное троцкистское знамя свободы «мнений» и «фракций» внутри партии и Коминтерна. Основная масса членов партии очень быстро обнаружила классовую подоплеку программы правых оппортунистов. Действительная сущность их программы, ее сокровенный смысл,—сорвать наступление на кулака и нэпмана и создать условия для реставрации капитализма—была разоблачена в кратчайший срок. Ход социалистического строительства разбил все предсказания правых, пророчивших так же, как и троцкисты, гибель пролетарской диктатуры в результате проводимой партией линии. Вожди правых уклонистов перед лицом таких фактов, как успехи социалистической промышленности, как коллективизация, вынуждены были признать свои ошибки и правоту линии партии.

Все это отнюдь не означает, что борьба с правыми и левыми оппортунистами закончилась. В новых условиях эти уклоны проявляются в новой форме. По отношению к ним попрежнему необходима величайшая бдительность.

ЦК партии отметил то обстоятельство, что перегибы, допущенные в отношении середняка, являются по существу рецидивом троцкизма, характерны для его пренебрежения интересами союза со средним крестьянством. Теперь, в период развернутого социалистического наступления, больших успехов на фронте коллективизации, создаются условия для распространения головокружения, которое ведет к потере чувства реальности, порождает теории, что мы уже победили, что нэп—пройденный этап, порождает погоню за рекордными цифрами коллективизации и индустриального строительства. Все это на деле ведет к подрыву социалистического строительства, дискредитации колхозного движения и тем самым вооружает правый уклон, являющийся главной опасностью на нынешнем этапе.

Правым уклонистам ничего больше и не нужно, как дискредитировать коллективизацию, превратить борьбу с ошибками и искривлениями в отступление от коллективизации. Правые оппортунисты работают во всю в этом направлении, распространяя слухи о восстаниях, о провале колхозов, об ошибках и поражении линии партии. Перегибы левых, их теория и тактика как нельзя больше способствуют правым.

Вот почему, ведя борьбу против главной опасности—открытого оппортунизма, партия должна со всей решительностью ликвидировать левые перегибы, являющиеся рецидивом троцкизма.

В ближайшее время начинаются местные партийные конференции, будут опубликованы тезисы к XVI с'езду. Все партийные организации и члены партии обязаны тщательнейшим образом рассмотреть и обсудить эти тезисы, внимательно всмотреться в обстановку и оценить, взвесить то новое, что в ней появилось, чтобы на основе коллективного опыта, на основе ленинских принципов наметить на XVI с'езде линию нашей дальнейшей работы и борьбы за победу коммунизма.

Ем. Ярославский.

О новейшей эволюции троцкизма[*].

Что особенно характерно для Троцкого в его отношении к партии— это полное непонимание партии, вернее сказать, бюрократическое понимание партии, о котором писала Надежда Константиновна Крупская, именно, что партии он, Троцкий, не понимает, что партию он всегда рассматривал с точки зрения верхушечных комбинаций. Поэтому, например, после исключения из партии Троцкий все время почти оперирует не теми процессами, которые происходят в массах. Эти процессы он, в лучшем случае, игнорирует, а нередко просто-напросто относится к ним с барским презрением. Например, и в этой своей последней работе «Моя жизнь» и в статье в № 9 «Бюллетеня оппозиции»—«Экономический авантюризм и его опасности» — Троцкий не иначе говорит о той массе новых молодых членов партии, о которых он знает, что это, главным образом, рабочие, что это почти исключительно рабочие с производства,—как с высоким презрением. Например, в критике программы Коминтерна Троцкий писал, что наш аппарат освободился от контроля партийных масс, «разводняемых всевозможными призывами». Для него ленинский призыв 1924 г. и последующие призывы — октябрьский и др., это всевозможные призывы, которые «разводняют» партию. В письме к итальянским троцкистам (в «Фане дес Коммунизмус» № 41, 1929) Троцкий пишет:

> «В Советском Союзе мы видим другую форму ослабления и разложения коммунистической партии. Чтобы отнять ее самостоятельность и независимость, она разводняется в низовых массах, которые терроризируются госаппаратом».

Видите, какой хитрый оказывается у нас план. Для того, чтобы развязать себе руки, Центральный Комитет «разводняет» партию новыми массами и эти массы, чтобы они были послушны, терроризирует госаппаратом.

В другой статье, о которой я только что вам сказал, в статье «Экономический авантюризм и его опасности» Троцкий так говорит об этом же самом «разводнении»:

> «Сплошную коллективизацию в деревне она дополняет сплошным включением в партию заводов и цехов. Авангард растворяется в классе».

С этой трибуны недавно, во время совещания преподавателей истории партии и ленинизма, я докладывал, что ЦК вынес постановление относительно массовых подач заявлений целыми заводами и цехами, что мы вовсе не принимаем без разбора целые цеха и заводы, что мы принимаем индивидуально. Троцкий игнорирует это постановление. Но если бы дело шло так, что целые цеха и заводы, действительно, вступали бы в партию, — как Троцкий расценивает это? Он иначе не расценивает, как растворение в классе, разводнение, других сторон этой массовой тяги рабочих в коммунистическую партию он не видит. «Мысль и воля партии растоптаны. Бюрократия окончательно развязала себе руки», заявляет он.

Вот какое отношение мы имеем у троцкистов к тому новому, что происходит в рабочем классе»[1]. Мы видели это отношение у Троцкого еще в «Наших политических задачах». Этот же барский анархизм сейчас выражается в особенно одиозной форме, когда дело идет о доподлинных рабочих массах, вступающих в партию. Троцкий не иначе оценивает это, как «разводнение партии». Передовую массу пролетариата он иначе не рассматривает, как воду. Мне кажется, что больше всего здесь сказалась злоба бессильного человека, потерявшего всякую почву.

Вспомним решение, которое мы приняли на XV с'езде: это необходимо для того, чтобы видеть в свете всего того что произошло после XV с'езда, насколько правильно решение партии о троцкизме, о Троцком.

> «XV с'езд констатирует, — читаем мы в резолюции по отчету ЦК, что ...идеология оппозиции открыто сблокировавшейся с ренегатами международного коммунизма (Маслов-Суварин и К°), в настоящее время сложилась и оформилась как меньшевизм в его своеобразной троцкистской формулировке. Отрицание социалистического характера советских государственных предприятий, отрицание политики союза рабочего класса с основными массами крестьянства, отрицание организационных принципов большевизма (политика раскола ВКП(б) и Коминтерна) логически привели троцкистско-меньшевистскую оппозицию к клевете на СССР, как переродившееся термидорианское государство, к отрицанию пролетарской диктатуры в СССР и контрреволюционной борьбе против нее...».

XV с'езд признал поэтому несовместимой принадлежность троцкистов к партии.

Необходимо, хотя бы в общих чертах проследить, что же было дальше с троцкистами, как они эволюционировали от тех позиций, на которых они стояли даже накануне XV с'езда, от этой платформы блока троцкистов и «ленинградской оппозиции». Я не намерен здесь заниматься разбором этой платформы. Пусть этим занимаются усиленно остатки троцкистов, при чем большинство из них склоняется к тому, что этот документ сейчас потерял всякую силу, что смешно высчитывать, какой процент того, что там заключалось, осуществился за это время. Большинство бывших троцкистов признает, что они и мечтать не могли накануне XV с'езда о тех гигантских успехах социализма, каких мы достигли после XV с'езда. Я говорю о том большинстве, которое от троцкистов отошло, или вернулось в партию, или обратилось к партии с просьбой вернуть.

Одно из основных положений троцкистов накануне XV с'езда было обвинение партии в термидорианстве, характеристика руководства партии, советского государства как термидорианского или сползающего к термидору. Союзники троцкистов в сравнительно недавнем прошлом, так наз. децисты, шли несколько дальше, говорили о том, что термидор уже совершился.

Но не лишне поставить вопрос: кто, собственно говоря, начал предсказания о термидорианском перерождении советской власти? Троцкий в «Моей жизни» старается доказать свою заслугу в том, что это он сделал. Он вспоминает разговор, который он имел с Склянским в 1925 году, когда в этой беседе он «впервые с полной ясностью, я бы сказал с физической убедительностью, подошел к проблеме термидора».

---

[*] Стенограмма речи т. Ярославского на собрании секции по истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна общества историков-марксистов. Стенограмма дается в сокращенном виде.

[1] И это пишет тот самый Троцкий, который в борьбе с Лениным доказывал, что условием победы пролетарской революции должно быть участие в партии всего пролетариата, который вместе с Парвусом в «Начале» писал, что «весь пролетариат фабрик и заводов должен войти в партию», что нужно ликвидировать подполье и т. д.

Теперь он пытается даже государственный режим в советском государстве изобразить, как особую столыпинщину. Он вспоминает это слово и находит его довольно удачным. Он уверяет: «6 лет мы живем в СССР в условиях нарастающей реакции против Октября и тем самым расчисткой путей для термидора».

Но, ведь, на самом-то деле правда заключается в том, что троцкистские разговоры о термидорианском перерождении, это не больше, как плагиат — плагиат у меньшевиков. Уже Каутский (в 1918 г.) и Мартов в начале революции пророчили термидорианское перерождение советской власти. Троцкий, будучи в партии, должен был против этого возражать, но, по сути дела, он с этими меньшевиками соглашался. Поэтому стоило ему только выступить против партии, как он принял всю аргументацию меньшевиков, самых откровенных меньшевиков. После XV с'езда партии в одном из троцкистских документов мы находим такого рода формулировку относительно природы советской власти:

> «Власть сосредоточена в руках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс, но все сдвигающихся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни и частично с ними переплетающихся».

Видите, какая формулировка: «Власть сосредоточена в руках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс». Децисты не были с ним согласны. Они считали, что термидор уже совершился, пролетариат уже потерял власть, власть уже перешла в руки мелкой буржуазии.

Через некоторое время мы получаем другой троцкистский документ «К текущему моменту». Здесь уже дается совершенно другая характеристика классовой природы советской власти, здесь говорится о двоевластии, при чем:

> «Классовый источник этого двоевластия в том, что пролетариат не может ни продолжать и развивать, ни сохранять, ни отстаивать Октябрьскую революцию и добровольно уступает одну за другой позиции мелкому собственнику и его идеологам. Нет прямого соглашения, но есть неписанный блок между отсталой частью пролетариата и середняком...».
>
> «Этот блок оттолкнул от власти и проводит террор по отношению к авангарду пролетариата («авангард пролетариата»—это оппозиция). Это политически неустойчивое равновесие, когда у пролетариата — политическая власть, у кулака—экономическая мощь. В такой форме такой власти еще не видано в истории».

Здесь мы видим жалкую ренегатскую попытку подражания по форме Владимиру Ильичу. Когда В. И. говорил о природе двоевластия правительства Керенского, он, как известно, тоже говорил, что это — особая форма двоевластия, которой еще в истории не видано.

Несколько позднее мы видим третью формулировку:

> «Перешла ли власть в руки буржуазии на данном этапе борьбы?» — спрашивают троцкисты. И отвечают: «Разумеется нет. Ушла ли власть из рук пролетариата? В некоторой степени, в значительной степени, но далеко еще не в решающей степени».

Тут уже прямо говорится о буржуазии. Там, раньше, говорилось о середняке, к которому переходит власть, а тут уже прямо говорится о буржуазии. «Состояние развивающегося двоевластия неустойчиво и должно раньше или позднее разрешиться в ту или иную сторону. Но при сегодняшнем положении вещей буржуазия смогла бы взять власть только путем контрреволюционного потрясения»... Спасибо на этом!

В письме из Алма-Ата, в известном письме Троцкого от 21 октября 1928 г., где он указывал на новые перспективы развития борьбы с партией, он уже говорит о несколько иной форме этого двоевластия. Он говорит:

> «Функция исторической керенщины состояла в том, что по спине ее власть перекатилась от буржуазии к пролетариату. Историческая роль сталинщины состоит в том, что по спине ее власть скатывается или сползает от пролетариата к буржуазии. Послеленинское руководство разворачивает Октябрьскую фильму в обратном порядке и сталинщина есть керенщина слева направо. В стране, потрясенной величайшей революцией, буржуазный порядок ни в каком случае не мог бы принять демократическую форму. Для победы и для удержания победы буржуазии понадобилась бы высшая, чисто военная концентрация власти, возвышающейся «над классами», при чем непосредственной опорой такой власти служил бы поднимающийся новый собственник, у нас—кулак. Это и есть бонапартизм. Термидор только этап на пути к бонапартизму».

Что же сейчас, сегодня, по поводу этой природы власти думает Троцкий? В последней статье в «Бюллетене оппозиции» он ставит вопрос не больше, не меньше, как о восстановлении советской власти, «о восстановлении диктатуры пролетариата»,—значит диктатуры пролетариата, по его мнению, уже нет, она уже потеряна. Он прямо говорит: «Вторым условием успеха... является сохранение, вернее, восстановление пролетарской диктатуры».

Таким образом, можно сказать, что если более «левое» по форме крыло оппозиции в виде децистов скатилось в свое время к прямой контрреволюционной формулировке, считая, что термидор совершился, что они имеют дело с бонапартистским государством, то Троцкий фактически к этому пришел сейчас.

Любопытна в этом отношении резолюция каменских троцкистов (гор. Камня в Сибири),—она настолько любопытна, что я считаю необходимым прочесть вам выдержку.

> «Направление политики нынешнего руководства характеризует СССР, как нисходящую форму диктатуры пролетариата»... Имейте в виду, что это заявление относится, примерно, к осени 1929 г.: «нисходящую форму диктатуры пролетариата, при которой непосредственно у власти стоит рабочий и служащий и бюрократия, лавирующая между классами и неудовлетворяющая ни одного из них. В стране нет довольного положением, поддержка в рабочем классе и бедноте с каждым днем все уменьшается».

Разве это не бонапартизм чистейшей воды?

Так фактически троцкисты скатились к самой контрреволюционной формулировке по отношению к советскому государству, — к полному отрицанию наличия пролетарской диктатуры, к полному отрицанию пролетарского характера государства. Когда они с негодованием возмущаются по поводу таких упреков, то это есть самое обыкновенное меньшевистское лицемерие. По сути дела, лицемерие сказалось и в критике программы Коминтерна, которую дал Троцкий перед VI конгрессом. История этого заявления конгрессу Коммунистического Интернационала подробно вскрывается теперь из разного рода оппозиционных документов. Факт тот, что очень многие троцкисты подписывали этот документ, даже не читая его. Факт тот, что, например, такой теоретик троцкизма в свое время, как Евгений Преображенский, подписал этот документ, будучи с ним не согласен. Это говорит действительно о том эклектизме, который господствовал всегда среди троцкистов, о беспринципности,—подписать заявление VI конгрессу Коминтерна, с которым человек не согласен, это верх беспринципности.

В краткой, но дружеской переписке, которая тогда происходила между Радеком и Троцким, Радек отмечал, что нельзя же на самом деле называть программу Коммунистического Интернационала социал-демократической, говорить о Коминтерне в таком тоне, что это чуть ли не социал-демократическая организация и в то же время настаивать на своем возвращении в эту организацию.

Но по сути дела эта критика, которая пыталась подходить как-будто «слева» к Коммунистическому Интернационалу, вся насквозь меньшевистская. Когда вы теперь, в свете тех событий, которые развернулись после VI конгресса Коминтерна присматриваетесь к тому, как Троцкий и троцкисты применяют эту критику Коминтерна, вы видите, что троцкисты целиком и полностью скатываются на социал-демократические позиции. Я приведу некоторые документы, которые это характеризуют.

Надо сказать, что непосредственно после XV с'езда партии влияние Троцкого на кадры троцкистов было очень значительно, но очень скоро, когда этот человек очутился вне партии в таком положении, когда он должен был давать директивы, должен был руководить самостоятельно, все увидали, что король этот гол, бесплоден, беспомощен. Все увидали бесплодность всех директив, которые давались, беспомощность, неумение разобраться в тех событиях, которые происходят вокруг. Формулировки, которые давались Троцким, менялись им буквально на протяжении каждых 2—3 месяцев, иногда 2—3 недель, самые противоречивые и разноречивые оценки природы и политики советской власти следовали одна за другой. Происходило беспомощное и беспринципное лавирование между всеми этими противоречиями для того, чтобы как-нибудь зацепить, сохранить расползающиеся кадры сторонников. Вот именно эта бесплодность, беспомощность оппозиции троцкистов, за которыми пошла в свое время незначительная часть большевиков—неустойчивых, сбившихся с пути, молодых товарищей, которым казалось, что действительно в этой платформе Троцкого есть выправление линии партии, полностью вскрылась после XV с'езда. Многим эта беспомощность ясней стала после того, как Троцкого поддержала так наз. «ленинградская оппозиция», которая в 1926 году заключила блок на основе такого договора взаимной амнистии, взаимного прощения: «Вы нам простите, что мы троцкисты, а мы вам простим, что вы капитулянты»...

Прогнозы Троцкого в этом отношении всегда замечательны тем, что он готов через два месяца дать совершенно новые взаимноисключающие друг друга, хотя он и утверждает, что все его прогнозы с точки зрения «дальнего прицела».

Я здесь не стану пересказывать факты всем вам известные о его шагах за границей.

С чего начал Троцкий? Он начал с того, чтобы показать, что он — левый: пытался создать блок левых групп. Однако, странным образом в эти попытки вплелись переговоры с самого начала с Треном, Пазом, Савариным, с правыми элементами: происходило одновременное празднование и на Фому и на Ерему, одновременное участие в органах «ультралевого» Урбанса и участие в органе правых, брандлерианцев, «Геген ден Штром», и приглашение к сотрудничеству Суварина, если Суварин признает, что Троцкий в таких-то вопросах, прав, и заигрывание самое низкопробное, какое только себе можно представить, с другими ренегатами Коминтерна. Попытка его играть руководящую роль в Ленинбунде не удалась, как вы знаете. Попытка создать серьезное международное об'единение также не удалась. По существу дела, он лавировал все время между попытками создать левое об'единение, с одной стороны, и создать блок всех оппозиционных групп, которые существуют за границей, не брезгая никакой группой, — с другой стороны.

Если говорить об отношении к международным вопросам, то я думаю, что это отношение особенно характерно сказалось в его двух документах—

в его письме к китайским оппозиционерам и в его статьях, которые называются: «Третий период ошибок Коминтерна». Он получил от китайских троцкистов письмо довольно странного порядка, которое, прежде всего, свидетельствует о полнейшей политической неграмотности тех «троцкистов», которые обращаются к Троцкому. Они пишут, например, в этом письме от 15 ноября 1929 г. из Шанхая:

> «С лозунгом учредительного собрания мы совершенно согласны (этот лозунг выдвигает Троцкий); только не поняли, кто должен созвать это собрание (маленький пустяк!)—*Е. Я*),—господствующий класс или народ сам должен созвать его».

Этот отрывок свидетельствует о политическом уровне тех, с кем имеет дело Троцкий. «Господствующий класс или сам народ» должен созвать то учредительное собрание, которое пропагандирует Троцкий. Над таким вопросом думают эти горе-«революционеры» — троцкисты. Троцкий отвечает довольно длинным письмом, в котором говорит, что в отношении к будущему китайцы должны ответить на следующие вопросы.

Первый: «Необходима ли в нынешних условиях победоносной революции мобилизация китайских масс под лозунгом демократии, в частности, учредительного собрания (как думает оппозиция), или же надлежит ограничиваться абстрактной пропагандой советов, как постановил Коминтерн»?

Всем известно, что в Китае идет борьба за советы. Рабочие, крестьяне, коммунисты и не коммунисты борются и умирают за советы. Кое-где советы побеждают, они организуются в сложнейших условиях белогвардейского террора, вопреки воле империалистов (и теориям троцкистов). Целые области захватываются китайскими коммунистами, китайскими революционерами, китайской Красной армией и в этих областях организуются советы. На границу французского Индо-Китая французы должны были послать свои войска для того, чтобы разгромить эти советы. Эти советы китайской революции становятся сейчас большим историческим фактором. Для Троцкого же они — «абстрактная вещь».

А вот учредительное собрание, которое когда-то соберется и неизвестно еще для китайских «революционеров»-троцкистов, — кто его созовет, — господствующий класс или сам народ, — это учредительное собрание совершенно конкретный лозунг. Можно ли еще больше запутаться и можно ли так ярко, еще более ярко вскрыть меньшевистскую сущность в отношении к вопросам международной революции, как это сделал Троцкий в этом вопросе?!

Второй (14-й) вопрос китайцам такой: «Сохраняет ли революционное содержание лозунг «демократической диктатуры рабочих и крестьян», как думает Коминтерн, или же, наоборот, необходимо отметать эту замаскированную формулу гоминдана, раз'ясняя, что победа союза рабочих и крестьян может привести в Китае только к диктатуре пролетариата»?

Выходит так, что Троцкий за учредительное собрание, но в то же время он только за диктатуру пролетариата, — вот, дескать, какой я революционер: хотя я за учредительное собрание, но я только за диктатуру пролетариата [1])!..

И, наконец, третий (15-й) вопрос особенно характерен:

---

[1] Ну разве «история не повторяется». Не верна ли разве и сейчас в новых условиях характеристика, данная Лениным троцкистам готовым бросаться из одной крайности в другую под впечатлением минуты. «Без царя и правительство рабочее! — кричал Парвус под впечатлением 22(9) января.—Без народа и дума либеральная! Вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 19(6) августа. Нет, товарищ, на настроении минуты, на раболепстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!» (соч. Ленина, т. VIII, стр. 227).

«Применима ли к Китаю теория социализма в одной стране или, наоборот, китайская революция может победить и довести свои задачи до конца только как звено международной революции»?

Я уже не говорю о том, что в нынешних условиях такая постановка вопроса уже пустейшая схоластика. Как будто бы китайская революция не развивается, как звено международной революции, как будто бы она совершенно отделена от международной революции действительно китайской стеной, как-будто революция в Китае не есть в то же время часть того громадного переворота, который происходит во всех странах, колониальных и полуколониальных, и во всем мире. Троцкий это движение отделяет китайской стеной, как некогда и при анализе этапов русской революции, что вызвало широчайшую критику Ленина, как мы видели, считая, что происходящая там революция не есть звено международной революции, что это есть нечто совершенно обособленное, отдельное и, что там надо ставить вопрос такой: мыслимо ли в Китае после революции самостоятельное строительство социализма или нет.

Однако, более чем глупо ставить этот вопрос, когда история доказала уже возможность победоносного строительства социализма и в одной стране (СССР).

Его статью «Третий период ошибок Коминтерна» очень правильно охарактеризовал тов. Ферра в последнем номере «Большевика»; он говорит там:

> «В брошюре, озаглавленной «Третий период ошибок Коминтерна», Троцкий преподносит в подарок всем французским оппортунистам, всем ренегатам, дрожащим от страха перед буржуазными репрессиями и новым революционным под'емом, идеологическую платформу для того, чтобы они могли дезертировать и совершать свои предательства под маской «левых» фраз. В этой платформе он предлагает в качестве основной задачи французской компартии приспособиться к экономически-цеховой борьбе рабочих, так как абсурдно говорить о революционном под'еме; еще не пришло время для об'единения рабочего движения и таким образом рано ставить вопрос о массовой политической забастовке». («Большевик», № 6, 1930 г. «К проблемам французской компартии»).

Я бы больше сказал, — это есть прямое издевательство над всем революционным движением, происходящим сейчас во всей Европе, Америке и в других странах. Я прочту вам отдельные места из этой статьи Троцкого. Он говорит там:

> «Даже по отношению к чисто экономическому фронту (который имеется сейчас во Франции и Америке и др. странах. — *Е. Я.*) нельзя делать такой вывод, как это делает Монмуссо и К° о наступательном характере борьбы»... Французская компартия «крикливо преувеличивает нынешний размах стачечного движения». «Если под углом зрения этих критериев (что сейчас нет общего кризиса. *Е. Я.*) подойти к нынешнему стачечному оживлению во Франции, то оно пока представится как движение кон'юнктурного характера».

В отношении влияния пятилетки он прямо говорит: «Широкие рабочие массы не живут перспективными цифрами советских планов».

Затем он издевается над нашими лозунгами, которые мы выдвинули ко дню 1-го августа: «Для революционного «завоевания улицы» — искусство ради искусства, — они назначают особые дни»[1]).

«Последним изобретением этого рода явился, — пишет дальше Троцкий, — как известно, день 1-го августа. Простые смертные недоумевали: зачем 1 августа, провал которого предрекали провалом 1 мая? Как зачем? —

Отвечали с возмущением официальные стратеги: для завоевания улицы. Что же надлежит, собственно, под этим понимать: завоевание тротуара или мостовой?».

Если вы припомните, как меньшевики издевались над нами в 1905 г., когда они говорили, что большевики хотят назначить восстание на такой-то день, что лучше назначить на воскресенье перед понедельником или лучше в лунную ночь, то вы увидите, что меньшевики буквально точно так же издевались над лозунгами пролетариата в 1905 г., как сейчас издевается Троцкий.

Но эта социал-демократическая, меньшевистская критика советского государства и политики компартии сказалась особенно ярко в вопросах индустриализации, в отношении к вопросам индустриализации и коллективизации деревни.

В № 9 «Бюллетеня оппозиции» имеется статья Троцкого «Экономический авантюризм и его опасности». Вот что Троцкий пишет в этой статье в отношении темпов: «Эти темпы не являются ни устойчивыми, ни обеспеченными». В отношении этих темпов, говорит он, советское государство и партия дали только один лозунг: «Теперь лозунг один: без оглядки вперед». «Сверху требуется размах, ударность, наступление. Все остальное—от лукавого».

«Об'ективные данные начинают все убедительнее свидетельствовать о том, что, как можно было предвидеть и теоретически, разгон взят не по силам. Индустриализация все больше держится на административном кнуте», — так характеризуется Троцким индустриализация. Значит: темпы взяты не по силам, разгон взят не по силам.

Все то, что мы имеем в деле наших успехов индустриализации, Троцкий игнорирует. А успехи эти — несомненны даже при том отставании в выполнении промфинплана, которые мы имеем на несколько процентов в первое полугодие второго года пятилетки. Даже при том отставании, которое налицо, это — успехи, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна. Несмотря на тысячу всяких прорывов, головотяпств, неуменья, некультурности, несмотря на то, что в недрах нашего аппарата многочисленные вредители систематически срывали программу строительства, — революционное творчество рабочего класса, его энтузиазм, его настойчивость и правильные установки партии таковы, что мы имеем, несомненно, гигантские успехи. Для Троцкого же не существует ничего — ни социалистического соревнования масс, ни этого под'ема; для него все сводится к тому, что «индустриализация все больше и больше держится на административном кнуте».

Как он относится к коллективизации сельского хозяйства? Как он об'ясняет ее? А вот послушайте:

> «Крестьянство, которое после всего опыта революции нелегко становится на путь гражданской войны, стало метаться в поисках другого пути. Так возникла сплошная коллективизация».

Значит, сплошная коллективизация возникла не как план социалистического переустройства деревни, не как план, основанный на величайшем под'еме активности батрачества и бедноты, не на основе союза с середняком, не на основе достигнутых рабочим классом успехов в восстановлении промышленности, а на том, что крестьянство, желая избежать гражданской войны, и не имея, куда податься, вступило на путь сплошной коллективизации. Прочтите меньшевистские газеты; я не могу назвать ни одного меньшевика, который бы так погано, так злостно, необ'ективно об'яснял коллективизацию в нашей стране, как это делает Троцкий. Но Троцкому и этого об'яснения недостаточно. Он идет еще дальше и «углубляет» свой «анализ».

---

[1]) Вы знаете, что Троцкий потребовал накануне 1-го августа, чтобы организации Коминтерна пересмотрели решение о 1 августе, — он действовал тут на руку всяким Цергибелям, пытался сорвать это выступление.

> «Из крестьянских сох и крестьянских кляч, — продолжает он, — хотя бы и об'единенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбачьих лодок нельзя сделать парохода».

Всякий совпартшколец у нас знает очень хорошо, как капитализм умел подчинить себе, например, кустарное производство, как он умел организовать это кустарное производство. И совершенно непонятно, как может человек, хоть раз читавший Маркса, говорить такие вещи относительно советского государства, где условия для создания обобществленного хозяйства, где регулирующая сила государства гораздо выше. Как он об'ясняет эту сплошную коллективизацию?

> «Если крестьянство валит сейчас сплошь в колхозы, то не потому, что колхозы успели обнаружить перед крестьянством свою выгодность на деле и не потому, что государство успело доказать крестьянину (или хотя бы самому себе), что оно имеет возможность перестроить уже в ближайшее время крестьянское хозяйство на коллективных началах, а потому, что... крестьяне, т.-е. прежде всего, их верхние слои, настроившиеся на фермерско-капиталистический лад, внезапно уперлись в тупик. Ворота рынка оказались на замке. Погоптавшись перед ними в испуге, крестьянство шарахнулось в единственно открытые ворота — коллективизации».

Здесь — весь Троцкий, со всем его пренебрежением к крестьянству, как к союзнику пролетариата, непониманием его; весь Троцкий—с его отношением к организации хозяйства только как к административной задаче, — который только административным путем думает разрешать такие задачи. Здесь весь Троцкий, который не понимает роли крестьянства на различных этапах революции, который игнорирует совершенно в данном случае не только середняка, но и деревенскую бедноту и роль этой деревенской бедноты, не замечает ее. Это ему выгодно с меньшевистской точки зрения. Какой же меньшевик более антисоветски об'ясняет коллективизацию сельского хозяйства, чем Троцкий?

Для того, чтобы создать видимость критики «слева» [1]), он говорит:

> «В сущности это не новая теория. Это — старая теория построения социализма в отдельной стране, только переключенная на третью скорость».

Я думаю, что если что и переключено сейчас на третью скорость, то это все более и более быстрое ренегатство Троцкого. Он действительно перешел на самую высокую скорость в этом отношении. И после этого Троцкий глубокомысленно пророчествует:

> «Скажут, оппозиция как-будто меняется... местами. Оппозиция обвиняла аппарат в сверхиндустриализации, а сама тянет вправо. Другие глубокомысленно прибавят: правое крыло, обвинявшее сталинцев в сверхиндустриализации, в «троцкизме», капитулировало перед Сталиным, а левая оппозиция как-будто перенимает точку зрения правого крыла».

«Как будто перенимает точку зрения правого крыла»—какая проницательность!

Однако, как же отразились эти «прогнозы» Троцкого на его сторонниках, как они поняли Троцкого? Что же говорят его сторонники здесь?

Вот произведение Раковского, относящееся к последнему времени, в котором он оценивает коллективизацию.

Раковского интересует, так сказать, будущность колхозов и он задается вопросом, «какие отношения создадутся в колхозах». Вот как он отвечает на этот вопрос:

> «За фикцией собственников-колхозников, за фикцией выборного управления создаются отношения, оставляющие далеко позади то, что мы видели теперь в совхозах. Дело в том, что колхозники будут работать сами на себя. Единственное, что будет беспрерывно цвести, расти и развиваться в колхозах это будет новая колхозная бюрократия. Она будет всех видов и родов. Детище бюрократической фантазии, лишенное своей естественной классовой технической и др. базы, колхозы, об'единяющие под одной крышей все слои крестьянства, исключая явных кулаков, будут опоясаны во всех направлениях стальными обручами бюрократического аппарата. Колхозы будут во всем терпеть нужду, но эта нужда будет широко компенсирована чиновниками и охранителями явными и тайными. Это подтверждает еще раз, что чиновничий социализм в свою очередь рождает чиновников и то, что социалистическое общество, к которому, по уверениям официальных писак, мы подошли уже вплотную, будет царством чиновников».

Я спрашиваю вас, — ведь мы приводили не однажды выдержки из буржуазной печати относительно колхозного строительства, — встречали ли вы хоть что-либо подобное, более пасквилянтское изображение будущего колхозов?

Дальше этот «пророк» рисует самую мрачную картину крепостнических отношений: «Но что будет завтра, когда все будет коллективизировано? Куда будут уходить батраки и бедняки? Несомненно, в город, увеличивая армию безработных и оставляя, может быть, деревню без рабочих рук. Неужели может случиться, чтобы наша пролетарская власть издала закон, прикрепляющий крестьянина-бедняка и середняка к его колхозу, а нашу красную милицию обязывающий ловить на улицах беглецов и водворять их на место жительства»?

Но наибольшим «перлом» является то, что «обобщает» все эти рассуждения. В заключение Раковский доказывает, что «ни теоретические, ни практические позиции, занимаемые большевиками-ленинцами, т.-е. оппозицией не вели ни к сплошной коллективизации, ...ни к экспроприации кулачества». Это верно,—это единственно верная вещь, что никогда, ни теоретические, ни практические позиции, которые занимают троцкисты не вели ни к сплошной коллективизации, ни к экспроприации кулачества. Это верно, что, как и меньшевики, троцкисты исходили все время из роста и развития капитализма, в отношении которого позиция пролетариата будет лишь обороной, а не наступлением для преодоления и окончательной ликвидации на базе коллективизации кулачества как класса.

Но чтобы договориться человеку, который защищал «архилевую» платформу до таких вещей, до каких договорился Раковский, конечно, нужно было проделать не оборот в 180 градусов, а нечто гораздо большее, надо было вернуться целиком на социал-демократические позиции, отбрасывая всякие украшения, всякий флер. Такая точка зрения, конечно, не может найти многих сторонников даже среди тех, которые остались троцкистами.

Есть еще один яркий документ Раковского. Это ответ Яцеку.

Яцек задает вопрос:

> «Необходимо своевременно ответить партии на то, как мы относимся к лозунгу ликвидации кулачества и новой буржуазии как класса. Ясно, что это ликвидация нэпа».

Раковский отвечает:

> «Прежде всего позволю формулировать ваш вопрос соответственно исторической правды Нужно ответить на вопрос, как мы относимся к экспроприации и ликвидации середничества как класса Дело в том, что кулака мы терпим постольку поскольку не хотели ссориться с середняком Не о союзе с середняком идет речь, а о том, чтобы только не поссориться, поэтому надо «терпеть» кулака».

Тут уже комментариев, как говорится, даже не требуется!

---

[1]) Ведь быть «революционнее всех» — старая парвусо-троцкистская идейка.

В статье «Слева направо» я приводил в «Правде» письмо Киевленко, троцкиста, который перепуган этой эволюцией троцкистов и спрашивает одного из своих друзей:

> «Ты не видишь грозной опасности перерождения оппозиции? Сейчас наблюдается этот процесс эволюции, который можно прощупать пальцами. Товарищи считают, что оппозиция должна выступить против нынешнего темпа индустриализации как сверхиндустриального, против нынешней коллективизации, сверхколлективизации, против ликвидации кулачества как класса—как ликвидации нэпа... Я спрашиваю тебя, какие классы будут цепляться за эти лозунги, какие силы они будут вербовать, с кем эти лозунги нас сближают, куда хотят повернуть оппозицию?..

В другом документе этот же Киевленко пишет:

> «Либо вы не дадите повернуть на новые рельсы, — тогда вы спасете положение, либо вы попытаетесь уступить, — тогда гибель наверняка Я имею в виду выступления ряда товарищей с открытыми правыми лозунгами: промышленность — реже шаг! Долой сверхколлективизацию и т. п Что станет с нами, если мы станем на этот путь? Выступать против темпов значит об'ективно заместить правую фракцию, значит собрать такие силы, которые нас предадут»...

Этот человек не замечает, что фактически «вожди» давным-давно предали революционные интересы, что они давным давно уже всем своим существом стоят на почве контрреволюции, на почве самого оголтелого меньшевизма, прикрываясь еще иногда ленинскими фразами. Но голос Киевленко не одинокий голос. Небезызвестный вам Лелевич обратился также с письмом против правого вырождения оппозиции, в котором он пишет:

> «За последние месяцы в оппозиции наметились тенденции, которые, в случае их успеха, грозят самой бесславной гибелью оппозиционному течению. Эту самоубийственную тенденцию необходимо парализовать в самом начале, дав ей резчайший отпор.
>
> Сложность обстановки, тяжесть переходного этапа, простого и ясного действия -- все это толкает многих товарищей в сторону обострения борьбы с руководством. Но так как критиковать пятилетку и сплошную коллективизацию слева никак нельзя, то желание во чтобы то ни стало раздуть разногласия неожиданно оборачивается... критикой справа...
>
> Товарищи смеются над революционной (хотя и непосредственной) ситуацией в Европе и отрицают кризис в САСШ. Товарищи заговаривают о «сверхиндустриализаторстве» ЦК. Товарищи об'являют «авантюрой» коллективизацию. Некоторые даже выдвигают необходимость отступления к политике XIV конференции 1925 г. Что это как не сползание на брандлериански-фрумкинские рельсы. Если бы оппозиция восприняла эти губительнейшие тенденции она превратилась бы в свою противоположность...»...

Есть ряд оппозиционеров, еще не вернувшихся в партию. Например, тоже известный вам, Рафаил (Фарбман). Он резко критикует в письме к товарищам правые взгляды Троцкого и троцкистов. Он критикует положение Троцкого о том, что «ликвидировать кулака значит ликвидировать крестьянство», критикует положение Троцкого, что коллективизация на нынешних технических основах всего крестьянства — минус выселение кулака — есть включение всех противоречий деревни в колхозы». Он критикует положение Троцкого, что «в промышленности господствует авантюризм». Троцкий заявляет: «вопросы темпа провозглашены теперь вопросами чистой воли. Пятилетка в четыре года. Хозяйство идет навстречу жестокому кризису под лозунгом: «Догнать и перегнать». Рафаил спрашивает: «Против чего, собственно, возражает Л. Д. — против больших темпов индустриализации? Взятые темпы характеризуются как авантюризм. Это, к сожалению, тоже знакомое утверждение». Заканчивает он это письмо таким образом: «Тот, кто не хочет очутиться в рядах правых, куда об'ективно тянет Л. Д., тот должен вернуться в ряды партии, принять участие в происходящих и предстоящих еще более ожесточенных классовых боях, бороться за генеральную линию партии и на ее основе за единство рядов партии».

* * *

Для нас должно быть совершенно ясно полное банкротство троцкистской оппозиции, как течения, которое претендовало на какое-то влияние в самой партии, на движение рядом с партией, на сближение с нею. Никакого сближения с троцкистами быть не может. Этого, к сожалению, не понимают некоторые из них. Некоторые, как Дашковский, ставят вопрос так, что массы потребуют, чтобы они были приглашены на XVI с'езд что, может быть, их еще позовут в партию, может быть, так случится. Видите, нам больше ничего нехватает, кроме того, чтобы пригласить эту публику на с'езд партии.

В заключение, остановлюсь еще только на двух документах бывших троцкистов, тех троцкистов, которые уже решили порвать с Троцким. Эти документы вскрывают еще несколько характерных фактов. Фракционная дисциплина удерживает среди троцкистов до сих пор еще некоторое число людей, которые не чувствуют под собой уже никакой троцкистской почвы. Я имею в виду письмо б. красн. проф. Б. Лифшица и б. троцкиста Переверзева. Лифшиц пишет, примерно, в декабре 1929 г.: «Для меня теперь совершенно ясно, что Л. Д. рвет узы, которые его связывали с большевизмом и ленинизмом». (Сколько времени надо было этому профессору, чтобы он понял это! — *Е. Я.*). «Наша борьба на данной стадии из полезного дела превращается в преступление».

В письме Переверзева мы находим довольно любопытную характеристику тех, которые колеблются, которые хотят вернуться в партию, но ждут, когда партия перед ними сделает реверанс. Он цитирует письмо Михаила Окуджава:

> «Ныне политика вышла далеко за пределы зигзагов, превратилась в левый глубокий поворот. Необходимо об этом сказать ЦК, заявить о ликвидации оппозиционной борьбы, но дальше не итти. Это будет капитуляцией».

Видите, какая непоследовательность: они признают, что политика ЦК правильна, но прекратить борьбу считают возможным только условно. Затем Эльцин, красный профессор, пишет:

> «Мы должны уметь ждать, мы скоро будем в партии. В данный момент пролетариат пассивен, но скоро перейдет к активности и это приведет нас в партию».

Ничем, как самыми беспочвенными мечтаниями, нельзя это назвать. Несмотря на то, что эти люди учились в Институте Красной Профессуры, хвалятся знанием истории и пр., и пр., эти люди не понимают нашей партии, не знают нашей партии, не понимают того, что партия в них не нуждается и никогда их не позовет.

Вместе с тем мы не можем игнорировать того насилия над историей партии, которое сейчас проделывают сторонники Троцкого, которые вместе с Троцким в буквальном смысле слова фальсифицируют всю историю нашей партии. Особенно занимается этим сам Троцкий. Его работы, которые вышли за границей, такие, как «Моя жизнь» и «Перманентная революция», которая вышла отдельной книжкой, — эти работы буквально являются шедевром фальсификации истории ¹). Троцкист Я. Греф в июньском номере прошлогоднего «Бюллетеня» пишет, например:

---

¹) Достаточно, например, отметить, что Троцкий писал в первой из этих «работ», что Ленин, критикуя его, Троцкого, никогда не читал основной работы по перманентной революции «Итоги и перспективы», хотя, как известно, Ленин в полемике с Мартовым эту работу цитирует. И когда, повидимому, кое-кто из друзей

> «...Так называемый троцкизм есть не что иное, как теоретический экстракт всего опыта великой русской революции, теоретическое выражение «действительно происходящего процесса классовой борьбы пролетариата» (Маркс) в нашу эпоху войн и революций (Ленин), т.-е. «троцкизм» есть не что иное, как ортодоксальный марксизм и ленинизм».

Я думаю, что для нас совершенно ясно, что такое троцкизм. Это есть меньшевизм самой чистой воды. Меньшевизм в его наиболее вредном выражении, поскольку он прикрывается ленинизмом, близостью к Коммунистическому Интернационалу, поскольку он претендует на то, чтобы входить в Коминтерн, поскольку он обманывает рабочие массы тем, что он стоит за Коммунистический Интернационал. Этим он более вреден, чем тот меньшевизм, который открыто рвет с Коминтерном.

Троцкизм в СССР это есть об'ективно контрреволюционное течение, которое способно в те или иные моменты, на тех или иных поворотах истории быстро менять свою оболочку. Сегодня — самая левая фраза, сегодня самая левая программа «даешь сверхиндустриализацию». Но, когда с величайшим напряжением сил пролетариат выполняет пятилетку, гигантский план великих строительных работ социализма, этот план об'является бюрократическим, темпы — несбыточными, движение — катастрофическим.

Для нас совершенно ясно, что за эти годы, которые прошли со времени XV с'езда, ценно во всей этой истории как раз то, что троцкизм саморазоблачил себя даже для своих сторонников, которых становится все меньше и меньше в нашей стране, которых Троцкий не мог сколотить (я говорю о нашей партии, о рабочем классе), как не мог сколотить и в Европе. Маленькие, ничтожные группки в Западной Европе ренегатов от Коминтерна, ренегатов от коммунизма собрал Троцкий. Ни одной крупной организации троцкисты завоевать не могли. Они остались беспочвенны в рабочем классе: но они все же опасны для некоторых прослоек рабочего класса, которые подвержены влияниям мелкобуржуазных слоев, мелкобуржуазной идеологии. Именно поэтому мы не можем считать совершенно законченной борьбу с троцкистами. Мы не должны забывать, что блоки разного рода бывших и настоящих троцкистов с правыми очень возможны и сейчас.

Товарищи, для всех нас совершенно ясно, что необходимо самым внимательным образом следить не только за этой эволюцией троцкизма, а затем, как, на какой почве такого рода взгляды могут возникнуть иногда в отдельных группках в моменты колебаний, в моменты временных неудач. Именно современный этап, под влиянием тех ошибок, тех перегибов, которые были у нас кое-где, делает возможным аналогичные колебания, именно современный этап характерен такого рода колебаниями, на которых могут еще попытаться сыграть троцкисты. Кое-где эти правые взгляды троцкистов могут найти даже сочувствие: мол, не только правые критикуют политику партии, но и троцкисты с ними заодно подпевают. Это, несомненно, некоторый «плюс» для тех, кто хочет бороться с политикой партии, с политикой советской власти. Но тем беспощаднее должна быть наша борьбы со всеми идеологическими уклонами, тем более четким должно быть разоблачение этих уклонов, тем настойчивее мы должны показывать рабочим массам и широким массам трудящихся, как все противники коммунистической партии, все противники ленинской линии Коминтерна сходятся, когда надо помешать победоносному шествию социализма.

Троцкого указал ему на то, что он «слишком перехватил», Троцкий во второй работе «поправился»..., написав, что Ленин цитирует его из вторых рук. Куда же еще дальше итти после подобных утверждений!

М. Лифшиц.

Коллективизация и сельхозналог.

Бюджет на 1929/30 г. составляет 11,6 миллиардов рублей. Общая же сумма сельхозналога в 1929/30 бюдж. году намечена в 415 млн. руб. По отношению ко всему бюджету это составляет только 3%. Но из общей суммы сельхозналога в государственный бюджет поступает всего лишь 33% или 136 млн. руб., которые в госбюджете составляют уже только не многим более 1%. Далее. Только одно кредитование колхозов должно быть обеспечено в сумме 500 млн. руб. (пост. ЦК от 5 января и 2 апреля).

Таким образом сельхозналог в бюджете занимает довольно скромное место.

Несмотря на все это система этого налога всегда была предметом особого внимания со стороны партии. Все годы советской власти система этого налога использовывалась, перестраивалась при тех или иных изменениях нашей политики в деревне, во всех случаях, когда нужно было наиболее успешно и эффективно в кратчайший срок разрешить какую-нибудь очередную задачу в деревне. Все это говорит за то, что этот налог является мероприятием громадной политической важности.

Наиболее же резко политическая значимость сельхозналога определяется его подоходностью и действующей системой прогрессии, глубоко насыщенной классовым содержанием. При помощи регулирования в налоге этих двух его элементов (подоходности и прогрессивности), достигается то, что вся беднота от налога освобождается, в отношении середняка тяжесть налога из года в год перераспределяется в сторону ее понижения, на кулака же из года в год переносится все большая и большая часть налога. Скажем, в истекшем году во многих случаях у кулаков налогом изымалась не часть его дохода, пусть даже очень значительная, но иногда весь доход. Так что, во всяком случае, для истекшего года недостаточно было бы сказать, что налог только препятствует росту кулачества, ограничивает его накопление. Есть все основания утверждать, что сельхозналог во многих случаях из орудия ограничения кулачества используется, как одно из реальнейших средств ликвидации эксплоататорских признаков данного кулацкого хозяйства.

Подтверждение всего сказанного относительно политической роли сельхозналога можно найти в истории обложения деревни за все годы советской власти, в тех характеристиках этой системы, которые давались ей в постановлениях партийных с'ездов, конференций, пленумов в директивах по построению системы обложения. Результаты практического проведения налога всегда подтверждали, что требования, пред'явленные к этому налогу, задачи, перед ним поставленные успешно им разрешаются. Разумеется, это вовсе не значит, что при проведении налога не было ошибок. Приходится констатировать, что при практическом проведении сельхозналога таких ошибок было не мало. Ошибки эти выражались иногда в том, что сельхозналог недостаточно полно разрешал поставленные перед ним задачи, а иногда в том, что практика даже искривляла политику партии. Но в том и особенность нашей системы обложения деревни и *практики ее проведения, что имеется всегда реальная возможность с необходимой быстротой выявить ошибки и немедленно внести необходимые поправки.*

На результатах кампании сельхозналога прошлого года необходимо остановиться еще и для того, чтобы каждому партийцу яснее было, в какой степени новый сельхозналог способен разрешить те задачи, которые перед ним *теперь* поставила партия.

Опыт прошлого года.

Сельхозналог истекшего 1929/30 г. был перестроен главным образом в целях разрешения тех очередных задач, которые были поставлены и ноябрьским пленумом (1928 г.) Центрального Комитета партии и XVI партийной конференцией.

При оценке нашего хозяйственного положения, при анализе наших взаимоотношений с середняком и задач в отношении кулака, в обоих упомянутых выше партийных решениях давались точные указания по части построения сельхозналога на 1929/30 год. В основном переустроенный сельхозналог должен был содействовать разрешению следующих трех важнейших задач: 1) облегчению тяжести обложения середняка в целях дальнейшего упрочения союза рабочего класса с середняком; 2) усилению обложения кулака; 3) максимальному использованию сельхозналога, как средства содействия под'ему сельского хозяйства, преодоления трудностей в его развитии, преодоления чрезмерной замедленности его роста, в особенности зернового хозяйства, производства хлеба.

Можно без всякого преувеличения утверждать, что эти три задачи, поставленные перед налогом прошлого года, были разрешены успешно. Одни задачи разрешены полнее, другие — в меньшей степени, но в общем все эти задачи разрешены удовлетворительно.

Социальную и классовую сущность нашего сельхозналога наиболее отчетливо выявляет следующая табличка, в которой дано распределение за два года хозяйств, облагаемого дохода и сельхозналога по группам хозяйств.

Хозяйства	В % к итогу				Сельхозналога в %%	
	Число хозяйств.		Облагаем. доход			
	1928/29	1929/30	1928/2	1929/30	1928/29	1929/30
1. **Беднота**, освобожденная от налога по необлаг. минимуму[1])	20,0	27,9	5,8	10,3	—	—
2. **Середняки**, облагаемые в обычном порядке.	79,1	69,4	90,5	78,7	86,7	71,7
3. **Кулаки**, облагаемые в индивидуальном порядке[2])	0,9	2,7	3,7	11,0	13,3	28,3
ВСЕГО . .	100	100	100	100	100	100

---

[1]) Кроме того, примерно еще 8—9% хозяйств в 1929/30 году и 15—16% хозяйств в 1928—29 году освобождены от налога постановлениями районных налоговых комиссий. Таким образом, общее количество хозяйств, вовсе освобожденных от налога, составляет за оба эти года примерно одну и ту же величину (не менее 36%). Соответственно сокращается на эти же проценты удельный вес хозяйств второй группы—середняков.

[2]) В эту группу не входят так называемые явно-кулацкие хозяйства, которые хотя и были лишены всех льгот производственного характера, но облагались не индивидуально.

Середняк заплатил налога примерно на 60 млн. руб. меньше прошлого года, а не на 50 млн., как намечала XVI партконференция. Только середняк получил всю сумму льгот и преимуществ в целях облегчения тяжести обложения и под'ема сельского хозяйства, которые предусматривал прошлогодний налоговый закон. Оно и понятно: беднота от налога освобождена вовсе, а кулак был лишен всяких льгот.

И в отношении кулака директивы выполнены хорошо. Общее количество кулацких хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке, в сопоставлении с предыдущим годом увеличилось в три раза (с 0,9% до 2,7%), сумма налога, взысканная с кулаков, превысила не только сумму предыдущего года (56 млн. руб.), но и сметную сумму на 1929/30 г. (70 млн. р.) и достигла примерно 115 млн. руб.

Таким образом, 2,7% хозяйств — кулаки, доход которых составлял примерно 11% всего облагаемого дохода,—уплачивали 28% налога. *Можно без всякого преувеличения утверждать, что эти результаты обложения кулацких хозяйств в прошлом году не в малой степени содействовали практическому осуществлению задачи по ликвидации кулачества как класса в отдельных районах.*

И, наконец, третья задача — содействие под'ему сельского хозяйства вообще и в первую очередь зернового хозяйства, тоже разрешена более или менее удовлетворительно.

Не следует обманывать себя: успешные результаты проведения сельхозналога в прошлом году достались вовсе не так легко. Надо помнить, что практическое проведение сельхозналога в прошлом году, первые периоды налоговой кампании совпали с периодом наибольшей активности правооппортунистических элементов в партии и в стране, в отдельных звеньях нашего аппарата, в особенности, низового советского аппарата, который практически проводит сельхозналог. Именно этим в частности об'ясняется, что в первый этап проведения сельхозналога выявление кулацких хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, проходило очень слабо и число этих хозяйств составило всего лишь 1½%. Только в результате настойчивой и последовательной борьбы партии, Центрального Комитета с правым уклоном, оппортунизмом на практике, по исправлении допущенных ошибок удалось это явно недостаточное количество кулацких хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, повысить и довести до 2,7%.

Надо сказать, что и это количество во всяком случае ниже действительного количества эксплоататорских крестьянских хозяйств в нашей стране, особенно бывших осенью прошлого года, т.-е. в период выявления этих кулацких хозяйств.

Налог и коллективизация.

Анализ новой системы обложения деревни, нового сельхозналога показывает, *что налог этот может и должен будет содействовать коллективизации.*

Сельхозналог, как бы его ни построить, как бы велики ни были льготы и преимущества, предоставляемые им колхозам, разумеется, не может иметь *решающего* влияния на самый процесс и темп коллективизации. *Но сельхозналог может стимулировать коллективизацию,* он может содействовать тому или иному организационному оформлению колхозов, но он не может и не должен рассматриваться, как решающее мероприятие в деле социалистического переустройства сельского хозяйства. Конечно, в повышении удельного веса обобществленного сектора села принимает участие совокупность мероприятий и политических и хозяйственных, проводимых партией и советской властью, в том числе и налоговые мероприятия.

Все годы по сельхозналогу предоставляются льготы и преимущества коллективным хозяйствам.

И в прошлые годы тяжесть обложения колхозов была значительно ниже тяжести обложения единоличных хозяйств, причем эта тяжесть диференцировалась в зависимости от степени обобществления. Наиболее ярко это выражается в следующей табличке.

	Единоличные хозяйства[1])	Артели	Коммуны
Средний размер облагаемого дохода на едока в рублях	50 52	58,72	69,60
Налог на едока	3,94	1,60	1,81
% из'ятия облагаемого дохода . .	7,8	2,73	2,61

В табличке приведены данные о сравнительной тяжести обложения единоличных хозяйств, артелей и коммун по РСФСР (без нескольких губерний) за 1928/29 год. О чем говорит эта табличка?

Первое, средний доход на душу в единоличном середняцком хозяйстве ниже, чем на душу в коллективном хозяйстве; *второе*, в коллективном хозяйстве доход на душу в коммуне выше, чем в артели, и, наконец; *третье* — тяжесть налога на душу в единоличном середняцком хозяйстве значительно выше, чем в коллективном хозяйстве.

В прошлом году сама система, порядок обложения коллективных хозяйств строились, исходя из удельного веса и географии коллективизации. Так как тогда преобладали мелкие колхозы примерно из двух десятков дворов, то в этих условиях обложение колхозов строилось *применительно к системе обложения единоличных середняцких хозяйств*.

Что конкретно означала такая система.

Во-первых, постоянную ориентацию на окружающие единоличные середняцкие хозяйства, так как колхоз является как бы оазисом, островком в сплошной массе окружающих его единоличных хозяйств. *Во-вторых*, исчисление налога в колхозе по душам неизбежно означало оглядывание колхозника назад, на свое единоличное хозяйство. *В-третьих*, и самое плохое — имела место регрессивность обложения.

Конечно, чрезвычайно льготное обложение колхозов по этой системе в несколько раз более низкое, чем обложение середняцких хозяйств, с точки зрения интересов фиска никакого значения не имело: *очень уж незначителен был удельный вес коллективного сектора*. С точки зрения интересов коллективизации такое пониженное обложение давало наглядные преимущества коллективному хозяйству перед единоличным.

Все сказанное до сих пор со всей очевидностью показывает, что система эта неприменима *в условиях нынешней стадии коллективизации*. Она в первую очередь неприменима технически. Раз мы имеем районы сплошной коллективизации, т. е. мы имеем районы, в которых или вовсе нет или мало единоличных хозяйств, то ясно, что нет того среднего дохода, по которому равнялось и строилось обложение колхозов в прошлом году. Едва ли надо доказывать, что и в районах не сплошной коллективизации не годится теперь строить обложение коллективного сектора, *равняясь по единоличному*.

Наконец, если бы мы в нынешнем году сохранили тяжесть обложения коллективного сектора примерно в 3 раза ниже индивидуального, при наметившемся при построении налогового закона (в январе—феврале мес.) удельном весе колхозов, то это бы означало сокращение налога примерно больше чем в два раза. Конечно, для такого понижения суммы налога нет никаких экономических оснований. Ведь понижение это ударило бы очень больно по местному бюджету, в первую очередь по бюджету района и села, по культурному обслуживанию деревни, в том числе и колхозов.

В чем конкретно выражается новая система обложения колхоза, и решению каких задач эта новая система должна содействовать? Мы не предполагаем излагать здесь исчерпывающим образом систему обложения колхозов. Это лучше всего можно узнать и из закона и из изданной по этому поводу литературы. Мы здесь остановимся лишь на характеристике основных особенностей этой системы с тем, чтобы выявить тот политический смысл, который вложен в эту систему.

Первое и основное в системе обложения колхозов заключается в том, что последние при обложении рассматриваются как самостоятельное юридическое лицо. Финорганы имеют дело с правлением данного коллектива, никакой непосредственной связи, никаких требований налогового порядка к члену этого коллектива не пред'является. Этим самым колхозник освобождается от ряда сложных «дергающих» его обязанностей, связанных с выполнением своих налоговых повинностей в прошлом.

Чрезвычайно важной особенностью нового закона является, при сохранении принципа подоходности в обложении колхозов, *замена прогрессивного обложения пропорциональным*. Это имеет крупное принципиальное значение. Этим самым колхозы приравниваются к остальным категориям хозяйств обобществленного сектора страны, по отношению к которому нет оснований для прогрессивной системы обложения. Мы считаем на данной стадии развития народного хозяйства неизбежным изымать в той или иной доле прибыль, накопление из всех отраслей народного хозяйства (государственной промышленности и торговли, кооперации, обобществленного сектора сельского хозяйства) в целях перераспределения этой прибыли для выполнения общих планов строительства. Но производится это из'ятие исключительно по принципу пропорционального обложения. Совершенно очевидно, что прогрессивность в системе обложения может быть оправдана лишь в тех случаях, когда этой системе придается классовое содержание, имеющее целью различие в распределении тяжести налога между различными социальными группами населения, а отчасти и для различного распределения тяжести обложения между отдельными лицами внутри каждой социальной группы. Эта система теперь неприемлема в отношении обобществленного сектора на селе.

Конечно, теперешний колхоз это еще не есть законченная форма социалистического хозяйства. Но в то же самое время несомненно, что колхозы являются все же одной из форм социалистического хозяйства.

> «Конечно, в колхозах имеются противоречия. Конечно, в колхозах имеются индивидуалистические и даже кулацкие пережитки, которые еще не отпали, но которые обязательно должны отпасть с течением времени, по мере укрепления колхозов, по мере их машинизации. Но разве можно отрицать, что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы как *хозяйственный* факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь *социалистического* развития деревни, в противоположность кулацкому, *капиталистическому* пути развития? Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшую в отчаянных схватках с капиталистическими элементами». (Сталин. Речь на конференции аграрников-марксистов).

---

[1]) За исключением облагаемых в индивидуальном порядке и без % надбавок по ст. 27 закона и скидок, установленных для колхозов

С этой точки зрения нет оснований ни политических, ни экономических для сохранения прогрессивного обложения обобществленного сектора. Для обобществленного же сектора деревни, разумеется, можно было бы найти оправдание для сохранения некоторой прогрессивности обложения, имея в виду, что в целях перераспределения дохода целесообразно из'ять с колхоза с большей доходностью большую долю этого дохода. Однако, именно на данной стадии коллективизации вряд ли это целесообразно хотя бы потому, что общее экономическое положение колхоза, даже при той исключительной финансовой помощи, которую советская власть оказывает колхозному движению в первый организационный период коллективизации, не на столько крепко, чтобы можно было рассчитывать на очень высокие доходы колхозов. Кроме того, если в условиях единоличного середняцкого хозяйства прогрессивность обложения не препятствовала росту этих доходов, т. к. единоличник отлично учитывал все выгоды, связанные с расширением сельскохоз. производства, во много раз превышающее повышение размеров налога, то в условиях коллективного хозяйства вопрос обстоит далеко не так. Нет сомнения, что есть и такие члены колхозов, которые пока еще не поднялись до осознания необходимости повышения производительности труда в интересах всего колхоза, всего коллектива. В нем еще могут жить и довольно сильно проявляться интересы единоличного, мелкособственнического хозяйства. С этой точки зрения прогрессивность обложения, предусматривающая больший процент из'ятий, при росте дохода может служить иногда препятствием, ослабить заинтересованность члена этого колхоза в росте доходности, в повышении производительности труда. Таким образом, и с этой точки зрения вполне правильно на даной стадии коллективизации установить для колхозов принцип пропорционального обложения.

И, наконец, последний довод в пользу пропорционального обложения колхозов сводится к тому, что прогрессивность обложения сама по себе означает бо̀льшую сложность обложения, чем пропорциональность, а вопрос упрощения системы особенно в условиях нашего вообще довольно сложного сельхозналога, является вопросом первостепенной важности. Надо, чтобы не только правление, председатель или счетовод колхоза, но чтобы каждый колхозник мог с легкостью подсчитать причитающуюся сумму налога с колхоза, сопоставить тяжесть обложения колхоза в сравнении с единоличным середняцким хозяйством и сразу же убедиться в преимуществе обложения колхоза, в значительном облегчении тяжести обложения колхоза в сравнении с обложением единоличного хозяйства.

Следующим отличием от прошлого года в системе обложения колхоза является то, что в смысле налоговом колхозы делятся только на две категории: коммуны и прочие колхозы. При этом под «прочими» закон имеет в виду артели и товарищества по совместной обработке земли. В «прочие» не включаются простейшие т-ва (посевные, машинные, мелиоративные и др.)[1].

Хотя это и выходит за пределы темы настоящей статьи, все же в нескольких словах необходимо сказать о разнице между т-вом по совместной (общественной) обработке земли и простейшим т-вом, главным образом, для того, чтобы понятен был политический смысл этого деления.

Т-ва по совместной обработке земли относятся к категории колхозов и, следовательно, пользуются всеми льготами и преимуществами, всеми видами помощи, в том числе и финансовой, которую совласть оказывает по линии содействия коллективизации. Основное отличие тсоз'а от простейшего т-ва заключается в том, что тсоз обязательно обобществляет все полевые угодия, кроме того в нем обобществлен не только труд, но и результаты этого труда т.-е. члены тсоз'а получают определенную оплату труда, а результаты производства реализуют в централизованном порядке через правление колхоза.

В простейшем же т-ве речь идет об обобществлении в отношении всех, а иногда части полевых угодий, что, однако, зависит от решения отдельного крестьянина. Результаты работы распределяются между членами т-ва в соответствии не с количеством потраченного труда и не с количеством этого труда, а с количеством земли, угодий, вошедших в эту совместную обработку.

При этих условиях простейшие товарищества рассматриваются не как колхозы, самостоятельно налогом они не облагаются, а доходы, получаемые простейшим т-вом, распределяются между членами т-ва в соответствии с количеством земли, которое они совместно обработали, и этот доход облагается в совокупности с доходом единоличного хозяйства члена простейшего товарищества на общих основаниях, т.-е. как и всякое единоличное хозяйство вместе.

Таким образом, повторяем, в смысле обложения все колхозы делятся на коммуны и прочие колхозы. Облагаемый сельхозналогом доход всех колхозов исчисляется для тех из них, которые еще не обзавелись правильно поставленной отчетностью на таких же основаниях, как и единоличные хозяйства, т.-е. по нормам доходности, установленным окружн. исполн. комитетом для каждого об'екта обложения, каждого округа и района.

Налог исчисляется с этого дохода по пропорциональным ставкам, которых установлено только две — одна для коммуны — 4% из'ятия дохода и другая для прочих колхозов — 5% из'ятия.

Об'ектами обложения в колхозах, облагаемых по нормам доходности, являются доходы, получаемые от всех земельных угодий, — полеводства, луговодства, от специальных отраслей сельского хозяйства, садоводства, огородничества, технических культур, а также от неземледельческих заработков. Доход же колхозов от всякого вида скота и птицы от налога вовсе освобождается.

Основной закон о сельхозналоге, изданный 23/II, предусматривал обложение в колхозах и скота на таких же основаниях и в том же об'еме, как и в единоличном середняцком хозяйстве. Постановление Центрального Комитета партии от 2 апреля о льготах колхозам и колхозникам предусматривает значительное расширение льгот и преимуществ колхозов. Выражаются они, между прочим, с одной стороны, в предоставлении всякого рода льгот и преимуществ налогового характера, в том числе и освобождение от обложения всякого скота, затем в отсрочке и рассрочке всяких платежей, в полном освобождении от некоторого вида платежей и, наконец, в установлении совершенно четких взаимоотношений между правлением колхоза и членом колхоза в смысле широких прав и возможностей членов колхоза использовать свое свободное время и труд и даже рабочий скот на заработках вне колхоза.

В тех колхозах, в которых имеется правильно поставленная отчетность, облагаемый доход исчисляется не по нормам, а по этой отчетности.

В состав облагаемого дохода включаются в этих случаях суммы, израсходованные на оплату труда, а также отчисления в фонды и капиталы колхоза.

Имея в виду, что доход, исчисленный по отчетности, в большинстве случаев будет выше исчисленного по нормам, ставки налога для обложения по отчетности установлены более низкие: для коммун 2% из'ятия, а с прочих колхозов — 3%.

---

[1] В постановлении правительства от 12/IV с. г. о новых льготох колхозам, из категории «прочих» колхозов выделяются товарищества по совместной обработке земли, не обобществившие рабочий скот и инвентарь, устанавливая для них некоторые ограничения, в смысле предоставления льгот в сравнении с артелями, которые являются на данной стадии развития коллективизации наиболее приемлемой и рекомендуемой организационной формой коллективизации.

Вместе с тем, если налог, исчисленный по этим ставкам, окажется все же выше, чем тот, который был бы исчислен по нормам, то он понижается до этой по нормативному доходу исчисленной суммы налога.

Если принять во внимание более значительные льготы, предоставляемые колхозу в сравнении с единоличным середняцким хозяйством, и низкие ставки налога, которые примерно процентов на 30 ниже среднего процента из'ятия по единоличным середняцким хозяйствам, то будет понятно, насколько значительно ниже тяжесть обложения колхоза по сравнению с обложением единоличного хозяйства.

Касаясь обложения колхозов, необходимо также еще остановиться на исключительных льготах для маломощных колхозов. Мы имеем много колхозов, организованных только из бедняцких хозяйств, или таких, в составе которых преобладают бедняцкие хозяйства. Эти колхозы при всей исключительной финансовой и иной оказываемой им помощи еще не успели достаточно окрепнуть и подняться. Придерживаясь в отношении единоличных хозяйств незыблемой установки о полном освобождении от налога всей крестьянской бедноты, тем более, мы не можем не освободить от обложения или не устанавливать исключительно льготного обложения маломощных колхозов.

Закон вовсе освобождает от обложения колхозы, из облагаемых по нормам доходности, в которых доход на душу не превышает 30 руб. и из облагаемых по отчетности, в которых доход на душу не превышает 60 руб.

Далее, закон предоставляет право исполкомам понижать сумму налога маломощным коммунам, доход которых хотя бы и превышал 30 руб. на душу.

Наконец, исключительно льготно облагаются колхозы, в составе которых имеются единоличные хозяйства, в прошлом году освобождавшиеся от налога по маломощности. Эти льготы выражаются в том, что при исчислении дохода колхоза, доход, приходящийся на земли, принадлежавшие в прошлом году бедняцким хозяйствам, понижается на 75%. Эта льгота имеет значение, далеко выходящее за пределы общего понижения тяжести обложения колхоза Смысл этой льготы заключается еще в том, что тем самым укрепляется положение бедняка в колхозе, создаются условия, когда середняк в колхозе как бы дорожит бедняком, пребывание которого в составе колхоза приводит к общему понижению облагаемого дохода колхозов, а следовательно, и к понижению обложения. Эта льгота внедряет большую уверенность и твердость в сознание бедняка, а следовательно, и усиливает его политическое влияние в колхозе.

Очень часто приходится слышать недоуменные вопросы по поводу того, что для коммуны установлен несколько отличный, более льготный порядок обложения, понижения тяжести обложения в сравнении с артелью, которая на данной стадии развития коллективизации является наиболее приемлемой формой.

Разумеется, такие «недоуменные» вопросы вытекают из непонимания партийных решений по вопросу об артелях. Нет никакого сомнения в том, что коммуна, где член колхоза уже покончил со своим единоличным хозяйством, является наиболее совершенной и наиболее близкой нам организационной формой коллективизации. И если, тем не менее, партия за последнее время в своих постановлениях подчеркивает, что на данной стадии развития коллективизации артель является наиболее приемлемой формой, то это только потому, что в нынешних условиях, при теперешнем массовом движении широких бедняцко-середняцких масс в колхозы, отсутствуют достаточные экономические и политические предпосылки для того, чтобы рассчитывать на вовлечение этих масс сразу же и только в коммуны.

Не нужно забывать, что когда партия в своих постановлениях подчеркивала преимущества формы артели для данной стадии развития коллективизации, это в то же самое время являлось предупреждением от повторения наблюдавшихся на практике случаев искривлений, администрирования в отношении середняка, которого «активно» звали в коммуны.

Но если, тем не менее, имеются категории бедняков и середняков, которые стоят на более высоком политическом уровне, которые после длительной подготовки осознали все преимущества коммуны в сравнении не только с единоличным хозяйством, но и с другими формами коллективизации, которые после длительной подготовки пришли к убеждению о нецелесообразности сохранения какой бы то ни было части своего единоличного хозяйства и решили образовать коммуну, то совершенно очевидно, что такая форма коллективизации не может не быть предметом нашего внимания и поощрения.

С этой точки зрения установление некоторого более льготного обложения коммуны против артелей, разумеется, является мерой вполне правильной и, во всяком случае, ни в какой степени не стоит в противоречии с основными директивами и партийными установками об ориентации на артель на данной стадии развития коллективизации.

Мы бы не исчерпали нашей темы, если бы не коснулись, хотя бы в нескольких словах, порядка обложения сельхозналогом дохода колхозников-членов артели и т-ва, получаемого ими по своему единоличному хозяйству.

В основном колхозник по своему доходу от оставшейся в его единоличном пользовании части хозяйства облагается так же, как и единоличное середняцкое хозяйство; по доходу, исчисляемому по нормам и по прогрессивным ставкам налога с некоторыми, однако, отличиями. Во-первых, постановлением ЦК от 2 апр. с. г. и колхозник пользуется рядом дополнительных льгот, в частности, у него не облагается доход от скота, кроме рабочего. Второе отличие заключается в том, что член колхоза облагается во всех случаях, т.-е. даже и в том случае, если доход его и не превышает установленного для единоличных бедняцких хозяйств необлагаемого минимума. Оно и понятно, потому что судить о мощности колхозника по его доходу только от единоличного хозяйства, т.-е. игнорировать его доход по обобществленной части хозяйства неправильно.

Отсюда вытекает и третья особенность обложения колхозников, которая сводится к тому, что при исчислении налога по установленной прогрессии не делается вычета по 20 р. дохода на душу. При обобществлении преобладающей части его дохода совершенно неизбежно, что в единоличном владении остается не столь много дохода и при вычете из этого дохода 20 р. на душу к обложению останется или ничтожнейшая сумма, или же ничего не останется.

Таким образом, если подытожить, то можно сказать, что и обложение единоличного хозяйства члена колхоза производится значительно льготнее, чем обложение середняцкого хозяйства, не состоящего в колхозе[1]).

---

[1]) В связи с последним раз'яснением Наркомзема и Колхозцентра о том, что урожай с площади озимых культур, засеянных единолично колхозниками, поступает в их распоряжение и облагаться этот озимый посев будет также по хозяйству колхозников. Но обложение это будет такое же льготное, как и в колхозе, т.-е. с озимого посева будет взиматься пропорциональный налог по 5 коп. с 1 руб.

Вот, в основном все то, что определяет обложение колхоза новым законом о с.-х. налоге.

Здесь же нужно сказать, что нет оснований для утверждения, что установленная система обложения коллективных хозяйств является совершенной. Нужно иметь в виду, что строилась в нынешнем году система обложения колхозов в условиях отсутствия не только исчерпывающих материалов об об'еме коллективизации, но и о формах коллективизации. Тогда еще ошибки, все искривления, допущенные при практическом проведении коллективизации, не были выявлены, и поэтому приходилось строить систему обложения наощупь и вносить в дальнейшем ряд дополнений и исправлений.

Отсюда и вытекает чрезвычайная политическая обязанность местных организаций: взять под особое наблюдение практическое проведение налога, и, в частности, обложение колхоза с тем, чтобы сигнализировать во-время о всех ошибках и неувязках в этой системе обложения, чтобы можно было на ходу вносить необходимые поправки и, что самое важное, подготовить наиболее полный, исчерпывающий материал для того, чтобы в будущем году коренным образом перестроить вообще систему обложения деревни.

Обложение кулака.

О порядке обложения кулацких хозяйств с.-х. налогом и результатах практического применения этого порядка за последние два года нам уже приходилось говорить довольно подробно в «Большевике» и менее подробно, касаясь результатов прошлого года, в начале этой статьи.

Какие же задачи поставлены перед теперешним с.-х. налогом в отношении борьбы с кулаком.

Смысл прошлогоднего налогового закона по части обложения кулака заключается в повышении обложения кулацких хозяйств, в значительном увеличении по сравнению с 1928/29 годом количества кулацких хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению. В то же самое время в налоговый закон был внесен ряд ограничений в виде того, что в индивидуальном порядке облагаются только наиболее богатые кулаки, что исчисленный в индивидуальном порядке доход кулака от сельского хозяйства все же не может быть выше, чем на 75% дохода от тех же источников, исчисленных по нормам.

Основной смысл этих ограничений был, конечно, не в том, чтобы пощадить кулака, а в том, чтобы гарантировать середняка от ошибок на местах при обложении с.-х. налогом, т.-е., чтобы вместо кулака не был обложен середняк. Анализируя результаты проведения налога, нужно сказать, что если последняя задача этими ограничениями более или менее удовлетворительно разрешена, т.-е. что случаев обложения в индивидуальном порядке середняков было значительно меньше предыдущего года, то эти ограничения во многих случаях были использованы кулаком, чтобы увильнуть от воздействия на него индивидуального обложения. Эти ограничения использовались также и теми элементами в нашем советском аппарате, особенно в низовом — сельсоветах, райисполкомах, которые (элементы) «добросовестно» служа кулаку, пользовались этими ограничениями, чтобы освободить кулака от обложения в индивидуальном порядке.

Кроме того, в прошлом году, в соответствии с решениями XV партийного с'езда продолжать наиболее усиленно наступать на кулака, перед нами стояла задача, правда, в большей степени, чем раньше, но все же только ограничивать кулака, всячески препятствовать его росту, в максимальной степени срезывать его накопления. Задача же ликвидации кулачества как класса в каких бы то ни было районах перед налогом в тот период не ставилась. Отсюда, между прочим, становится понятным и то, что индивидуальное обложение кулака означало в прошлом году, в сущности говоря, только индивидуальное исчисление доходов кулака. Исчисление же налога с кулацких хозяйств производилось по той же прогрессии, что и середняцких хозяйств. Или у кулацких хозяйств наиболее полно исчислялся их доход не по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а с учетом особенностей каждого отдельного кулацкого хозяйства, от всех без исключения источников, не предоставляя ему никаких льгот. Но уже после того, как доход кулака, повторяем, с учетом всех индивидуальных особенностей полностью был выявлен, то налог с этого дохода исчислялся так же, как с дохода, исчисленного по нормам в обычном порядке с середняцких хозяйств.

Совершенно очевидно, что в текущем году, когда перед нами стоит задача ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и более усиленного наступления на него в остальных районах нужно было коренным образом перестроить систему обложения кулацких хозяйств. Мы уже говорили, что в отношении ликвидации кулачества налог является одним из наиболее крупных и наиболее реальных средств. В каком же направлении изменена система обложения кулацких хозяйств?

Новый налоговый закон предусматривает прежде всего обложение в индивидуальном порядке всех без исключения кулацких хозяйств. Поэтому из закона исключены все те оговорки, которые могли бы способствовать кулаку ускользнуть от индивидуального обложения. Отсюда, задача ограждения середняка от обложения в индивидуальном порядке должна быть разрешена не этими оговорками, а политическим сознанием, правильным руководством со стороны местных организаций делом проведения налоговой кампании.

Особенно важно отметить, что в отличие от прошлого года для кулацких хозяйств установлена особая таблица ставок с прогрессией обложения, резко отличающейся от прогрессии обложения, установленной для середняцких хозяйств. Достаточно указать на то, что в отношении обложения середняцких хозяйств прогрессия колеблется от 4 до 30%; прогрессия же обложения кулацких хозяйств колеблется от 20 до 70%.

В этом заключаются основные особенности нового с.-х. налога в отношении кулацких хозяйств. Но нужно тут сказать, что при всей реальности этого мероприятия как средства борьбы с кулаком в то же самое время при плохом руководстве возможны вреднейшие искривления в смысле недообложения кулака, и в смысле предоставления ему возможности ускользнуть от обложения в индивидуальном порядке и, наконец, в смысле обложения в индивидуальном порядке середняка, что является наиболее злостным и вредным искривлением линии партии.

Поэтому дело индивидуального обложения требует сугубого к себе внимания как со стороны местных партийных и советских органов, так и со стороны каждого коммуниста, работающего в деревне или связанного с деревней. Тут могут быть такого рода ошибки и искривления, которые превратят индивидуальное обложение — это острое орудие борьбы с кулаком — в средство искажения и искривления политики партии, в средство, которое будет ослаблять союз рабочего класса с середняком, которое нас с ним рассорит.

Это нужно хорошенько запомнить.

Налог и под'ем сельского хозяйства.

Наконец, третье изменение внесено в закон о с.-х. налоге в целях содействия под'ему сельского хозяйства. Мы уже вначале говорили об этих задачах в прошлом году, говорили и считаем необходимым и впредь предупреждать о вредности преувеличенной оценки значения льгот, которые предоставляются в целях под'ема сельского хозяйства.

Мы тут не станем подробно перечислять все эти льготы и преимущества, а остановимся только на главнейших из них и на задачах, поставленных перед этими льготами.

Характеристика, данная ноябрьским пленумом 1928 г., XVI партийной конференцией и последующими постановлениями ЦК состоянию нашего сельского хозяйства и, в первую очередь, — зернового хозяйства, пока не изменилась. Несмотря на достигнутые успехи, мы все же продолжаем иметь чрезмерное отставание роста сельского хозяйства.

В основном новый налоговый закон сохраняет все прошлогодние льготы, содействующие расширению посевных площадей и поднятию урожайности. Однако, в отличие от прошлого года наибольшие по об'ему льготы предоставляются новым законом по линии животноводства, являющемся в данный момент на ряду с зерновым хозяйством, наиболее «узким» местом в нашем сельском хозяйстве.

Главные из этих льгот сводятся к освобождению от налога обобществленного рабочего и продуктивного скота в колхозах и всего продуктивного скота у колхозников, освобождению от обложения во всех единоличных хозяйствах дохода от свиноводства и прироста облагаемого крупного и мелкого рогатого скота, установлению скидок с налога за проведение зооминимума, наконец, к *полному освобождению от обложения посевов сеяных трав и кормовых корнеплодов*. Последнее должно содействовать расширению посевов этих культур, а следовательно, и созданию более прочной кормовой базы для развития животноводства. Не секрет, что одной из главнейших причин сокращения стада, в целом ряде районов в истекшем году, на ряду с искривлениями мест и кулацкой агитацией, является недород кормов.

Большое место отведено в новом законе льготам за расширение посевов технических культур. Льготы эти имеют исключительное значение в деле укрепления сырьевой базы для нашей промышленности. Заключаются они в обложении по очень пониженным нормам доходности посевов хлопка, льна и конопли, *в полном освобождении от налога посевов сахарной свеклы* и, наконец, в исключительном льготном обложении огородничества как в коллективном, так и единоличном хозяйстве, в целях расширения производства овощей для снабжения ими города [1]).

Опыт прошлого года показал, что успехи практического проведения с.-х. налога в этой части, т.-е. в части использования с.-х. налога как средства под'ема сельского хозяйства недостаточны. Причем основной и главной причиной было недостаточно внимательное отношение местных органов к популяризации, раз'яснению этих льгот среди населения. В результате во многих районах широкие крестьянские массы узнавали о всех этих льготах и преимуществах либо так поздно, что они не могли использовать их в целях под'ема своего хозяйства, либо вовсе о них не узнали. Естественно, это вызвало совершенно справедливое недовольство и раздражение крестьян, которые правильно квалифицировали такую работу аппарата, как головотяпство.

Это обстоятельство обязывает местные органы в текущем году изжить подобные недочеты в своей работе, уяснив себе, что льготы по с.-х. налогу, особенно в отношении коллективного хозяйства, являются одним из мероприятий советской власти по содействию, переустройству и под'ему сельского хозяйства и, в первую очередь, по укреплению коллективизации.

Сумма налога.

На вопросе о сумме налога необходимо остановиться, с одной стороны, по соображениям местного бюджета (районного и сельского), а, с другой — имея в виду проявление этакого барского отношения к вопросу о сумме налога некоторых товарищей. Эти товарищи, имея перед собою такие «широкие горизонты», как многомиллиардный бюджет, крупнейшие успехи коллективизации и пр., склонны довольно пренебрежительно относиться к сумме с.-х. налога.

Из всего того, что мы до сих пор говорили, совершенно очевидно, что если бы не было внесено никаких поправок, общая сумма с.-х. налога могла бы понизиться в нынешнем году против прошлого года очень и очень на много. В самом деле, если даже предполагать, что коллективизировано будет 30—35% хозяйств и об'ектов обложения, это должно повлечь за собою большое снижение налога, так как коллективный сектор облагается значительно легче середняцкого хозяйства. Расширение льгот по линии под'ема сельского хозяйства также влечет за собою известное понижение контингента налога. Между тем, общая доходность и мощность сельского хозяйства поднялась в результате всех мероприятий, которые партия и советская власть проводит, мы уже имеем систематический рост сельского хозяйства.

Чтобы максимально сократить возможный недобор суммы налога по сравнению с прошлым годом, чтобы максимально приблизиться к сумме налога прошлого года, нормы доходности полеводства по сравнению с прошлым годом повышены на 15% и повышена доля неземледельческих заработков, привлекаемых к обложению. Мы подробно на этих поправках не будем здесь останавливаться. Об этом мы подробно говорили в нашей прошлогодней статье, помещенной в № 2 «Большевика».

И все же при повышении доли неземледельческих заработков, привлекаемых к обложению, и при повышении норм доходности полеводства против прошлого года тяжесть обложения середняка, если учесть рост его доходности и расширение об'ема предоставляемых ему льгот, общая сумма налога в наступающем году будет ниже прошлого года.

Насколько ниже — сказать трудно, зависит это в значительной мере *от темпа коллективизации*, от работы местного аппарата по учету об'ектов обложения, от работы его по наиболее полному выявлению всех кулацких хозяйств, и наиболее полному и точному учету всех их доходов, и пр.

Перед местными организациями, проводящими практически дело с.-х. налога, встает задача обеспечить правильное выполнение закона о сельхозналоге.

Этого требуют как *задачи коллективизации* сельского хозяйства, так и интересы районного и сельского бюджета, интересы бедняцко-середняцких масс единоличников.

---

[1]) Дополнительным постановлением правительства от 23 апреля еще значительно снижено обложение в колхозах посевов кукурузы, подсолнуха, табака, махорки, льна, конопли, а также садов и виноградников.

М Рагольский.

Против нового извращения марксовой теории накопления.

В 1929 г. вышла в Лейпциге весьма об'емистая книга Генрика Гроссмана «Закон накопления и крушения капиталистической системы»[1]. Как указывает автор, эта книга образует лишь часть более обширной работы о тенденциях развития капитализма в свете марксовой теории.

Гроссман утверждает, что в результате проделанной работы ему удалось, во-первых восстановить метод, который лежит «в основе марксова «Капитала», а во-вторых обрисовать ряд областей теоретической системы Маркса в существенно новом освещении.

Важнейшей проблемой, которую ему удалось выяснить, Гроссман считает теорию крушения—«эту живую душу в экономической системе Маркса» (см. Введение). Гроссман заявляет, что, признавая связь политики и экономики он, однако, ограничивает свою задачу «лишь выяснением экономических предпосылок крушения капиталистического способа производства».

> «В то время как в марксистском лагере имеется богатая литература о политической революции, экономическая сторона была теоретически запущена и действительное содержание теории крушения Маркса не было выяснено. Я ограничиваю себя тем, чтобы заполнить эту брешь в предыдущей литературе» (с. X—XI).

Итак, Гроссман ставит перед собою весьма ответственную задачу—на основе восстановленного» им метода Маркса дать теорию краха капитализма. Правда, полное отвлечение им заранее в такой проблеме, как крах капитализма, от политики, от классовой борьбы не может сразу не настраивать нас на скептический лад, ибо «политика есть концентрированная экономика», ибо крах капитализма происходит не сам по себе, не механически, а в результате пролетарского восстания, в результате свержения вооруженной силой власти буржуазии. Этот скептицизм переходит в прямое недоверие, когда мы узнаем, что, написав толстую книгу в 620 страниц о теории крушения, Гроссман ни словом не упоминает о СССР, пролетариат которого осуществил на деле крах капитализма и имеет уже порядочный опыт в этом деле, который должен изучаться революционными массами Запада. Мы отлично знаем и опыт нас постоянно учит тому, что без революционной теории нет революционной практики. Но мы можем безошибочно сказать, что там, где «марксист» обходит политику, отмалчивается от диктатуры пролетариата и говоря о крахе капитализма молчит о СССР, там нет фактически и революционной теории. Где нет революционной практики, там обычно отсутствует и революционная, подлинно марксистская теория.

Но предположим, что мы только приступили к чтению этой новой работы и стремимся выяснить, что нового дает нам Гроссман в столь жгучей проблеме, как проблема накопления капитала и краха капитализма. Мы обнаруживаем прежде всего в первой главе книги весьма подробную и подчас остроумную критику ряда авторов, писавших по вопросам накопления и кризисов. При этом попадает не только таким буржуазным ученым, как Туган, Зомбарт и др., но и Каутскому, Гильфердингу и ряду других оппортунистов, изменивших марксизму.

Эта критика Гроссманом оппортунистических теорий, при обильном цитировании Маркса и левой фразе, способна ввести в заблуждение неискушенного читателя. Представляется необходимым проверить: действительно ли мы имеем в лице Гроссмана представителя революционной теории Маркса и Ленина или за «критической» позицией автора скрывается очередное извращение марксизма-ленинизма.

Основное содержание новой теории накопления-крушения.

Гроссман, считает, что построенная на основе теории стоимости теория накопления должна не только выявить неизбежность крушения накопления, но и дать об'яснение кризисов, а также об'яснить явления империализма. Монополии, экспорт капитала, борьба за источники сырья, все это, думает Гроссман, вторичные явления, которые вытекают из сущности накопления капитала.

> «Через установление этой связи возможно без помощи специально на этот предмет созданной теории, (т.-е. без теории империализма. *М. Р.*) об'яснить все явления капитализма из одного принципа, из марксовой теории стоимости, и исходя из нее сделать понятной новейшую империалистическую фазу капитализма» (стр. X).

Таким образом, теория накопления-крушения у Гроссмана должна дать экономическое об'яснение и империализма.

Основное у Гроссмана — это его теория накопления. Оригинальным в своей теории Гроссман считает указание на то, что ход накопления ведет к крушению, что крушение накопления наступает неизбежно, хотя бы спрос на товары все время соответствовал предложению и товары продавались по стоимости, хотя бы накопление переменного капитала шло в ногу с приростом населения, хотя бы потребление рабочего класса шло в ногу с ростом производства. Резервная армия, колебания цен, кризис сбыта и проч.—все это результаты, а не причины наступления краха капиталистического накопления.

Но чем же обусловлена неизбежность краха? При ответе на этот вопрос Гроссман пытается исходить из теории воспроизводства Маркса. Гроссман считает необходимым применение абстрактного метода, абстрагирование от третьих лиц, рассматривание капитализма как двухклассового общества и т. д. Необходимо — говорит он, — исходить из продажи товаров, в том числе и рабочей силы по стоимости, из неизменной стоимости денег и товаров и принять состояние равновесия за исходный пункт анализа. (Стр. 92). Признав совпадение цен со стоимостью, неизменную норму прибавочной стоимости, Гроссман ищет ответа на вопрос:

> «как выявляют себя изменения в величине прибавочной стоимости в процессе накопления капитала? Может ли безгранично продолжаться накопление без того, чтобы процесс воспроизводства, т. е. с капиталистической точки зрения процесс увеличения стоимости капитала (Verwertungs prozess) не заострился» (стр. 92—93).

Главное внимание Гроссмана привлекает величина, масса прибавочной стоимости. «Исследование — говорит он имеет математически-количественный характер». (стр. 92).

Следуя—на словах—методу Маркса, Гроссман, однако, не принимает его **схемы воспроизводства.**

---

[1] Henryk Grossman, Das Akkumulations — und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems, Leipzig, 1929. Указания стр. без источников относится к этой книге.

Более удобной для себя он считает схему воспроизводства Бауэра, которая «как ответ на теорию Розы Люксембург по сравнению с другими подобными попытками представляет решительный прогресс».

Схема Маркса предполагается им недостаточной, так как в ней не показан рост органического состава капитала.

Как известно, схема Бауэра пытается изобразить процесс реализации годового продукта при капитализме в условиях роста органического состава капитала. Схема Бауэра рассчитана на 4 года [1]).

Гроссман принимает эту схему, но ставит в вину Бауэру то, что последний не продолжил свою схему на *следующие годы*, а ограничился лишь 4-мя годами. Проблема как раз — думает Гроссман — состоит в том, чтобы выяснить, возможно ли накопление при предпосылках Бауэра *надолго*; если бы Бауэр продолжил свою схему на достаточно длинный период, он тотчас же увидел бы неизбежное крушение его системы.

Это и берется сделать Гроссман. *Он продолжает схему Бауэра на ряд следующих лет*, причем, так же как у Бауэра, постоянный капитал всего производства увеличивается ежегодно на 10%, переменный капитал — на 5%; норма прибавочной стоимости равна ежегодно 100%. Население увеличивается ежегодно так же, как и переменный капитал, на 5% (отсутствует резервная армия).

Ежегодный прирост массы прибавочной стоимости на 5% при необходимости за счет ее увеличивать ежегодно постоянный капитал на 10% и переменный капитал на 5% таит в себе опасность нехватки для этой цели прибавочной стоимости. Действительно, масса прибавочной стоимости зависит от размера переменного капитала; переменный капитал, а с ним и прибавочная стоимость, увеличивается ежегодно лишь на 5%, а постоянный капитал, вследствие своего 10% прироста, забирает из прибавочной стоимости все большую ее часть. Начиная с 21 года, по расчетам Гроссмана, для обеспечения 10% прироста постоянного капитала капиталистам приходится уменьшить свое личное потребление.

С каждым годом потребление капиталистов будет уменьшаться пока в 35 году им не останется ничего для потребления.

Мало того, наличной массы прибавочной стоимости в 35 году не хватит для обеспечения, как прежде, 10% прироста постоянного капитала и 5% переменного капитала. Если увеличить в этом году постоянный капитал на 10%, то переменный можно будет увеличить лишь на 3%.

Но так как население будет прирастать попрежнему на 5% ежегодно, а переменный капитал сможет вырасти лишь на 3%, то образуется в 36 году резервная армия.

> «С 35 года тем самым, накопление не могло бы итти нога в ногу с приростом населения. Накопление было бы слишком мало, с необходимостью возникла бы резервная армия, которая должна была бы вырастать с каждым годом». (Гроссман, стр. 126).

Мало того. Нехватка средств существования в 36 году, не позволяя увеличить на 5% число рабочих, сделает излишним и часть средств производства. Получится перенакопление капитала при избыточном населении. Накопление должно остановиться — произойдет крушение накопления.

Крушение, таким образом, есть результат *нехватки прибавочной стоимости* для удержания прежнего темпа накопления, в частности крушение есть результат недопроизводства средств потребления для рабочих, а равно результат недостатка, а затем и полного отсутствия средств потребления для капиталистов. Последнему обстоятельству Гроссман придает неменьшее значение.

> «Принятые Бауэром предпосылки—говорит он—не могут быть удерживаемы. Система терпит крах, наступающий кризис системы выражает крушение увеличения стоимости капитала. Начиная с 35 года, всякое накопление капитала—при принятых предпосылках—было бы *бесцельным*. Предприниматели несли бы заботы о производстве, в то время как плоды этого производства попадали бы исключительно рабочим. Уже в 35 году выросший капитал не доставлял бы достаточной прибыли, дабы обеспечить капиталистам хотя какую-либо часть прибавочной стоимости для их потребления» (стр. 122).

Итак, все дело в том, что так как прибавочная стоимость увеличивается ежегодно на 5%, то на каком же этапе фонд личного потребления капиталистов должен начать уменьшаться, дабы обеспечить прирост «С» на 10% и «V» на 5%. А в конце концов потребление капиталистов должно прекратиться вовсе, но и это не поможет; прибавочной стоимости будет нехватать для обеспечения прежнего темпа накопления. Наступит крушение.

Гроссман не устает подчеркивать именно этот момент (нехватку прибавочной стоимости), который — по его словам — отличает его теорию от теории Розы Люксембург.

> «Проблема лежит не в том, остается ли излишний продукт или нет— единственная точка зрения, которая важна для Р. Люксембург. Мы *предположили* равновесие, где... никакого нереализованного остатка не остается; и всетаки система должна крахнуть. Трудность лежит более всего в увеличении стоимости капитала, *прибавочной стоимости не хватает для продолжения накопления при принятой норме накопления!* Отсюда, и катастрофа. (Стр. 117, курсив мой. *М. Р.*).

Капиталистическое производство, резюмирует Гроссман, имеет преходящий характер «ибо на продолжительный период прибавочной стоимости для увеличения «С» и «V» не хватает» (стр. 151).

Такова новая теория накопления и крушения, которая должна дать нам также об'яснение и кризисов, и резервной армии, и явлений империализма.

Неверная методология делает ошибочным основной вывод новой теории.

Итак, по теории Гроссмана, крах наступает потому, что вследствие нехватки прибавочной стоимости не может удерживаться прежний 10-% темп прироста постоянного и 5-% темп прироста переменного капитала. Когда мы в 35 году увеличили попрежнему постоянный капитал на 10%, то для увеличения переменного капитала осталось так мало прибавочной стоимости, что удалось увеличить его не на 5%, а меньше, вследствие чего и получилась резервная армия. А вследствие нехватки средств существования образовалась резервная армия и осталась незанятой часть средств производства, которые увеличились на 10%.

Но тут встает ряд законных вопросов. Почему обязательно ежегодно должен увеличиваться в одинаковой мере из года в год постоянный капитал и переменный капитал. Обязателен ли крах капитализма, если постоянный капитал увеличится, скажем, не на 10%, а на 9%. Стоит предположить, что постоянный капитал вырос в 36 году на 9,0%, а переменный на 4,5%, тогда хотя и образуется резервная армия, но излишних средств производства не будет, т.-е. не будет их перепроизводства, не будет кризиса. Или стоит предположить, что с 21 года темп накопления несколько уменьшился, тогда, пожалуй, и «беднягам» капиталистам не пришлось бы уменьшать ублажение своей грешной плоти. Наконец, должны ли мы и можем ли мы на основании каких-то об'ективных фактов и тенденций капитализма принять состояние полного равновесия капитализма на ряд лет и при предпосылке одинакового ежегодного темпа прироста постоянного (в 10%) и переменного капитала (в 5%) притти в результате к нехватке прибавочной стоимости и крушению накопления?

---

[1]) См. статью О. Бауэра в книге Розы Люксембург «Накопление капитала», стр. 502—508.

Вопрос, следовательно, стоит так: можем ли мы признать на ряд лет, даже десятки лет, неизменный темп прироста производства, неизменную норму прибавочной стоимости, неизменный уровень цен, одним словом, взять за исходный пункт состояние полного равновесия капиталистической системы на десятки лет и на основании этих предпосылок притти к нехватке прибавочной стоимости в каком-то неопределенном будущем и крушению накопления в результате этой нехватки. Как мы видели, так именно и ставит проблему Гроссман, ссылаясь при этом на Маркса, и уверяя, что он остается верен абстрактному методу Маркса.

Нетрудно видеть, что Гроссман механистически извращает метод Маркса.

В своей теории реализации Маркс действительно абстрагируется от несовпадения цен со стоимостью, принимает неизменную норму прибавочной стоимости и неизменный органический состав—дабы выяснить, каким образом «воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные материальные элементы стоимости всего годового продукта». Но из того, что Маркс в абстрактной теории реализации предполагает пропорциональное распределение труда, то-есть предполагает совпадение цен со стоимостью, пропорциональность производства и потребления и т. д., вовсе не вытекает гармония производства и рынка, не вытекает, что равновесие является нормалью капитализма, не вытекает неизменность нормы эксплоатации и т. д. Равновесие является лишь моментом в движении капиталистического производства. «Равновесие является случайностью» (Маркс). Капитализм находится в постоянном движении. Вместе с постоянными изменениями в стоимости товаров должна устанавливаться новая пропорциональность; постоянно происходит нарушение равновесия, но постоянно же происходит движение к установлению равновесия. Именно то обстоятельство, что цены стремятся к стоимости, хотя никогда с ними не совпадают, позволяет Марксу отвлекаться от их несовпадения. Ленин говорит по этому поводу:

> «...Абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально... Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации «осуществляется лишь путем неосуществления» [1]).

В отличие от Маркса, Гроссман принимает пропорциональное распределение, состояние равновесия не как момент в движении, не как «идеальную среднюю», а как нормальное состояние капитализма — состояние равновесия может продолжаться, по его мнению, десятки лет. Стоимость товаров, норма прибавочной стоимости, уровень цен,—все это принимается Гроссманом за неизменные в течение десятков лет величины, и на этом основании он приходит к своему выводу о нехватке прибавочной стоимости. Предпосылки, принимаемые Гроссманом, не только не вытекают из метода Маркса, но находятся с ним в непримиримом противоречии. Следовательно, методологически совершенно недопустимо признать состояние длительного — на ряд лет — равновесия, признать неизменность нормы эксплоатации, стабильность стоимости товаров и на этом основании притти к выводу об исчерпании прибавочной стоимости.

Я могу учитывать тенденцию к равновесию, но я не могу забывать, что важнейший элемент, определяющий в каждый данный момент «идеальную среднюю» этого равновесия — стоимость товаров — изменяется. А с нею изменяется и норма прибавочной стоимости, и органический состав капитала и т. д. Если Гроссман интересуется движением массы прибавочной стоимости, то он никак не может отвлечься от того, что фактически вместе с развитием капитализма норма прибавочной стоимости растет (увеличением органического состава происходит увеличение производительной силы труда; это означает уменьшение стоимости средств потребления рабочего, увеличение относительной прибавочной стоимости растет также и абсолютная прибавочная стоимость). Ведь, как раз от нормы зависит и масса прибавочной стоимости.

Что касается другого фактора, играющего крупную роль в теории Гроссмана — повышения органического состава капитала, то оно вовсе не идет одинаково из года в год. Органический состав капитала складывается на основе 1) движения технического состава капитала и 2) движения стоимости средств производства и рабочей силы. Изменения же этих факторов весьма неравномерны. Самая предпосылка Гроссмана о ежегодно-одинаковом соотношении между приростом «С» и «V» (10% и 5%) противоречит Марксу. Маркс говорит: «Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции» (Капитал, т. 1, гл. 23).

Увеличение «С» происходит не просто более быстрым темпом, чем «V», а ускоряющимся. Самый темп прироста органического состава капитала не идентичен с темпом накопления. Во времена депрессии в связи с технической реконструкцией органический состав капитала повышается, однако, прирост производства минимален. Темп накопления при капитализме вовсе неравномерен; при прочих равных условиях он определяется ходом цикла; так, в период оживления темп накопления увеличивается. В период под'ема он наибольший. Но он никогда не бывает таковым, чтобы вследствие накопления уменьшить потребление капиталистов, а тем более свести это потребление капиталистов к нулю; потребление капиталистов может расти и растет абсолютно. Но если мы ставим темп накопления в связь с ходом цикла, мы тем самым даем отрицательный ответ на вопрос: а можем ли мы строить схему, рассчитанную на 36 лет? Такая схема является, несомненно, лишь арифметическим упражнением, она теряет всякое доказательное значение, ибо она не имеет экономического фундамента. Периодически разражающиеся кризисы приводят к громадным обеспечениям капитала, к изменению нормы эксплоатации, накопления и т. д.

Итак, стоимость товаров вовсе не неизменна, а постоянно изменяется, Норма прибавочной стоимости движется вверх. Органический состав капитала повышается, но вовсе не равномерно из года в год. Темп накопления также неодинаков по годам и зависит от хода цикла. Какую цену имеет после этого утверждение Гроссмана, что если предположить состояние равновесия на ряд десятков лет, то в каком-то году нехватит прибавочной стоимости для обеспечения прежнего прироста капитала?—Никакой. Так как масса прибавочной стоимости увеличивается вместе с ростом ее нормы, так как стоимость элементов постоянного капитала уменьшается, так как темп накопления вовсе не одинаковый, то в течение обычного 9 — 10-летнего цикла совершенно необязателен недостаток прибавочной стоимости для обеспечения прежнего или даже большего прироста капитала. Отвлечься же от цикла, от периодических кризисов мы в этом вопросе не можем уже потому, что кризисы делают часть капитала бездеятельной, обесценивают его, уменьшают ценность другой части капитала, увеличивают норму эксплоатации — одним словом, создают новый базис для движения массы и нормы прибыли.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 482—483 (1-ое изд.).

В то время как темп накопления определяется ходом цикла (кризисы надолго прекращают рост производства), Гроссман выводит смену фаз цикла и самые кризисы из нехватки прибавочной стоимости при неизменном темпе прироста капитала. Он попадает, таким образом, в порочный круг. Неизбежность нехватки прибавочной стоимости в течение цикла Гроссманом не доказана. На самом деле, при кризисах имеет место избыток капитала, а вовсе не недостаток его.

Но если даже предположить на минуту, что темп прироста капитала почему-либо замедлился, то из этого одного еще не вытекает крушения.

Почему непременно должно произойти крушение, если капиталисты будут пускать в накопление, скажем, не 30%, а 20% своей прибавочной стоимости — этого Гроссман также не доказал. Кризис при таких условиях вовсе не обязателен. Реализация прибавочной стоимости могла бы тогда совершиться таким образом, что бо́льшая, чем раньше, доля прибавочной стоимости была бы произведена в форме предметов роскоши, меньшая в форме средств производства и рабочего потребления. Поскольку все капиталисты накопляли бы меньшую часть прибавочной стоимости, они пред'являли бы и меньший спрос на средства производства. В самом деле странно было бы утверждать, что так как производство постоянного капитала увеличилось не на 10%, а на 9%, то это вызовет крушение накопления. Ведь, здесь нет абсолютного сокращения производства. Если бы продукция в 1929/30 г. в С.-А. С. Ш. превышала прошлогоднюю не на 5%, например, а на 4%, надо думать, это не причинило бы Гуверу столько забот, как современное положение, когда наблюдается абсолютное снижение производства. Но именно к уменьшению темпа прироста производства и сведены Гроссманом все опасности крушения накопления и самого капитализма.

Непонимание Гроссманом противоречий, создаваемых падением нормы прибыли.

Гроссман пытается убедить читателя, что именно он сумел, исходя из Маркса, увязать падение нормы прибыли с кризисами, что только ему удалось в своей теории показать значение падения нормы прибыли. Наступающее в его схеме в 36 году состояние он выдает за состояние абсолютного перепроизводства, о котором говорит Маркс в 15 главе III тома «Капитала». Присматриваясь внимательно, мы замечаем, что Гроссмана на самом деле интересует лишь масса прибыли. Падению нормы прибыли он не придает по существу никакого значения. Он заявляет, что закон падения нормы прибыли только тогда может быть связан с законом крушения (и кризисами), если говорить не о падении нормы прибыли, а об относительном падении массы прибыли. Здесь, думает Гроссман, произошло даже «искалечение» текста Маркса. Маркс, дескать, имел в виду, не падение нормы прибыли, а уменьшение ее массы: так как математик Мооче, которого Энгельс пригласил для обработки этой части марксовых рукописей, не был политико-экономом, то он и допустил эту ошибку, а Энгельс эту ошибку прозевал. Истинный смысл марксовой теории «через 2 поколения» удалось восстановить лишь ему — Гроссману (стр. 195).

Но именно таким заявлением Гроссман и продемонстрировал полное непонимание противоречий, создаваемых падением нормы прибыли. Гроссман чувствует, что падение нормы прибыли имеет какое-то отношение к кризисам, но какое?—На это он не может дать другого ответа, как нехватка в ходе накопления массы прибыли.

Что между падением нормы прибыли и кризисами существует тесная связь, несомненно: падение нормы прибыли есть важнейший фактор, делающий кризис неизбежным. Какова же эта связь? Для ответа на этот вопрос мы должны прежде всего учесть, что непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства является производство прибавочной стоимости, извлечение прибыли.

Капиталист вынужден расширить масштаб производства и совершенствовать его, чтобы не быть побитым своим конкурентом. Но чем больше расширяет капиталист производство, чем больше совершенствуется производство, тем больше повышается органический состав и обостряется тенденция к падению нормы прибыли. Рост органического состава происходит вместе с возрастанием производительной силы труда. Возрастание производительной силы означает уменьшение стоимости товаров, а следовательно, уменьшение стоимости элементов постоянного капитала; но капиталист стремится к увеличению стоимости своего капитала. При происходящем уменьшении стоимости его постоянного капитала он должен всеми мерами расширить производство. Вместе с ростом производительной силы труда постоянный капитал той же стоимости представляет большее количество материальных средств производства. «С прежним капиталом и прежним трудом производится больше вещей, которые... могут быть превращены в капитал,... могут служить для всасывания дополнительного труда, следовательно, и дополнительного прибавочного труда»... («Капитал», т. III, ч. I, стр. 229). Производство прибавочной стоимости расширяется. Падение нормы прибыли сопровождается ростом абсолютного числа рабочих, но еще большим ростом по стоимости постоянного капитала. «Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала, которое поддерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости» (Маркс, т. III, ч. 1, стр. 230). Капитализм, т. о., имеет «стремление к абсолютному росту производительных сил... независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство»... (там же, стр. 230). Куда привел бы этот безграничный рост производства? Расширение производства в конце концов—должно бы привести к такому положению, когда масса прибавочной стоимости перестанет расти. Это произошло бы тогда, «если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное время...» (Маркс, т. III, ч. 1 стр. 232). Тогда возросший капитал производил бы лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения. «Оказалось бы,— говорит Маркс, — абсолютное перепроизводство капитала». «...Произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли». Такое состояние перенакопления капитала породило бы бешеную конкуренцию за присвоение прибыли. Старые предприниматели, располагающие частью и дополнительного капитала оставили бы лежать этот капитал без употребления, дабы не обесценить своего первоначального капитала. Часть старого капитала была бы все-таки оттеснена новыми капиталистами и перестала бы функционировать и увеличиваться по стоимости...

Создавшееся положение привело бы к бездействию и даже уничтожению части капитала. Произошло бы нарушение хода воспроизводства. Цены упали бы. Налицо был бы кризис. Но вместе с сокращением производства уменьшилось бы число рабочих, упала бы зарплата. Необходимость приспособиться к низким ценам вызвала бы ряд технических усовершенствований производства. При обесценении постоянного капитала и падении зарплаты создалась бы вновь возможность прибыльного ведения производства. Одним словом «наступивший застой производства подготовил бы позднейшее расширение его в капиталистических пределах» (Маркс). Но в дальнейшем «был бы опять совершен такой же порочный кругооборот».

Таким образом, падение нормы прибыли создает тенденцию к абсолютному перепроизводству, но вовсе не в том смысле, как это представляет себе Гроссман. *У Маркса дело вовсе не идет о недостатке новых средств производства и средств потребления.*

Наоборот, средств производства и средств существования производится слишком много. Лишь обесценение и прекращение функционирования части общественного капитала может создать выход из положения—создать возможность дальнейшего производства прибавочной стоимости. При *абсолютном* перепроизводстве становится невозможным не просто прежний рост производства, но всякий его прирост. Дело не в недостатке прибавочной стоимости, а в прекращении ее прироста, за исчерпанием рабочего населения.

Вышеобрисованный случай абсолютного перепроизводства Маркс называет «крайним предположением». Оно показывает, куда привело *бы* стремление к безграничному ходу производства. *Предположение* абсолютного перенакопления капитала есть средство понять состояние перенакопления капитала вообще. Перенакопление капитала создается еще до достижения этой крайней границы, *до* полной невозможности увеличения прибавочной стоимости. Падение нормы прибыли, сопровождающее концентрацию производства, создает изобилие таких капиталов, для которых или падение нормы прибыли не компенсируется массой ее, или таких капиталов, которые сами по себе недостаточны для самостоятельного ведения дела. Эти капиталы приливают к крупным предпринимателям или бросаются в спекуляцию. Безграничное расширение производства должно привести к увеличению зарплаты, что еще больше обостряет падение нормы прибыли. Но капиталистическое производство предполагает определенную ступень эксплоатации, определенную норму прибыли, ниже которой происходит приостановка производства. «Понижение степени эксплоатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала» (Маркс).

Но, с другой стороны, повышение органического состава капитала, создавая тенденцию к падению нормы прибыли и к максимальному росту производства, ведет к обострению противоположности производства и платежеспособного спроса. Связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает борьбу конкуренции. Не конкуренция вызывает падение нормы прибыли, а наоборот: стремление компенсировать понижение нормы прибыли увеличением массы прибыли ведет к расширению производства, к обострению конкурентной борьбы между предпринимателями. Дело идет неизбежно к перепроизводству товаров и переполнению рынка, при котором понижение нормы прибыли получает наиболее яркое выражение; тысячи капиталистов терпят прямой убыток и разоряются.

Если у Маркса падение нормы прибыли есть один из факторов, ведущих к перепроизводству, то у Гроссмана мы имеем состояние *недопроизводства,* вызванное относительным падением массы прибыли.

У него возрастание органического состава капитала приводит к нехватке прибавочной стоимости для поддержания прежнего 5-% прироста переменного капитала. А так как население возрастает попрежнему ежегодно на 5%, то и создается резервная армия, часть средств остается неиспользованной и т. д. Здесь Гроссман следует вовсе не за Марксом, а за столь критикуемым им проповедником гармонии Бауэром.

„Левый“ Гроссман следует по стопам „нео-гармониста“ Бауэра.

В самом деле. Что мы имеем у Бауэра? Бауэр утверждает, что существует *тенденция к приспособлению накопления капитала и росту населения.*

Как и Бауэр, Гроссман приходит к выводу о невозможности удержать прежний ежегодный 5-% прирост переменного капитала, что ведет к образованию резервной армии.

Но сходство обеих теорий этим не ограничивается. По Бауэру, состояние недонакопления преодолевается таким образом:

> «Безработные пролетарии оказывают давление на заработную плату. *Заработная плата падает, норма прибавочной стоимости растет.* Возрастает, следовательно, и масса прибавочной стоимости, которая идет на увеличение переменного капитала. Ее возрастание должно итти по указанному пути до тех пор, пока снова не восстановится равновесие между ростом переменного капитала и ростом населения» (там же, стр. 514).

Примерно такой же выход из положения видит и Гроссман, указывая, что одним из важнейших факторов, выводящих из кризиса, является снижение зарплаты. Некоторая разница в том, что у Гроссмана состояние недонакопления есть кризис и даже крушение, между тем как более оптимистический Бауэр не видит здесь крушения, а лишь временное нарушение извечной гармонической тенденции—тенденции приспособления накопления к росту населения.

Бауэр, как известно, допускает и более быстрый рост переменного капитала по сравнению с ростом населения. «Если общественная норма накопления возрастает, то она в конце-концов достигает такого пункта, когда переменный капитал растет быстрее, чем народонаселение. Состояние, которое наступает в этом случае, мы называем состоянием *перенакопления* (стр. 515 из «Накопления капитала»). В этом случае «согласование накопления с приростом населения осуществляется через опустошительный кризис»... Но дело может обстоять и не так страшно, — по Бауэру, кризис вовсе не обязателен.

> «В действительности согласование может произойти еще раньше, чем достигнута абсолютная граница, описанная Марксом. Если норма накопления слишком велика, то промышленная резервная армия быстро рассасывается, заработная плата поднимается, норма прибавочной стоимости падает, вместе с ней падает общественная норма накопления, а уже вследствие этого снова замедляется рост переменного капитала. Уже вследствие этого может произойти согласование накопления с приростом населения». (Бауэр, там же, стр. 516).

Дальше дело идет опять к состоянию недонакопления и т. д.—до бесконечности... Таким образом кризис—по Бауэру—необязателен: с ростом накопления резервная армия рассасывается, зарплата поднимается, тогда норма накопления снижается и приходит в соответствие с ростом населения. Тенденция к абсолютному перепроизводству Бауэром совершенно не доказана: ведь, прирост темпа накопления сам себя отменяет, не доводя дело до абсолютного перепроизводства. И это именно потому, что *Бауэр, как и Гроссман, не учитывают противоречий, создаваемых падением нормы прибыли,* на базисе которых и развертывается тенденция к перепроизводству. Именно поэтому Бауэр совершенно и не доказал, почему норма накопления должна повыситься не только до уровня, обеспечивающего 5% прирост переменного капитала, но еще выше,—почему создается тенденция перенакопления. У Бауэра цикл состоит из 2-х нарушений равновесия—из 2 «кризисов»: кризиса недопроизводства и кризиса перепроизводства. Последний у Бауэра настолько необоснован, что Гроссман вовсе просмотрел его и удовольствовался, по существу, кризисом недопроизводства. В то время как, по Бауэру, недонакопление и перенакопление одинаково возможны и сменяют друг—друга, Гроссман переносит центр тяжести в состояние недонакопления. Как у Бауэра, так и Гроссмана все дело сводится к чисто количественному моменту—к массе прибавочной стоимости. Пока не обнаружится нехватка прибавочной стоимости для обеспечения прежнего темпа прироста переменного капитала — все будет итти благополучно. Все противоречия капитализма сведены к одному: к недостаточно быстрому росту прибавочной стоимости, к нехватке в неопределенном будущем прибавочной стоимости.

Вместо об'яснения неизбежности всеобщих кризисов перепроизводства Гроссман преподносит нам весьма проблематичный кризис недопроизводства.

Теория кризисов Гроссмана

«Те же причины, которые ведут к краху, вызывают и противодействующие влияния. Они не отменяют закон крушения, но ослабляют его действие». (Стр. 289). Если такие противодействующие влияния вступают в действие, тогда снова возобновляется реализация капитала, накопление может начаться снова на повышенном базисе, «тенденция к крушению» пересекается и получает выражение в форме проходящего кризиса. Кризисы тем самым представляют прерванную и не дошедшую до «полного развития тенденцию, краха» (стр. 290). Мы находим затем у Гроссмана подробное описание этих противодействующих тенденций, которые превращают крушение в преходящий кризис. Этими факторами являются: уменьшение расходов на постоянный капитал через развитие производительной силы труда», уменьшение зарплаты ниже стоимости рабочей силы; ускорение оборота, уменьшение стоимости элементов постоянного капитала, возникновение сфер производства с более низким составом капитала. Затем следует: борьба промышленного капитала за отмену земельной ренты, борьба за исключение торговой прибыли, расширение производства на базисе той же техники, периодическое обесценение имеющегося капитала, что увеличивает норму прибыли... Все эти факторы отдаляют тенденцию крушения, правращают ее в кризис и создают выход из кризиса. Мы узнаем у Гроссмана, что кризис не имеет никакого отношения ни к диспропорции, ни к общей анархии капиталистического производства к противоречию между тенденцией к безграничному росту производства и ограниченным ростом спроса (Гроссман, стр. 291).

О противоречии между общественным характером производства и частном характере присвоения,—этом основном противоречии, ведущем к кризисам—мы не находим у Гроссмана ни слова. Дело не в этом основном противоречии, дело не в противоречии между производством и потреблением, дело не в противоречиях, создаваемых тенденцией нормы прибыли к понижению—пусть всех этих противоречий не будет—все равно вследствие нехватки прибавочной стоимости должен будет в каком-то году наступить кризис. Такова вся мудрость новой теории кризисов нового «восстановителя» теории Маркса Генрика Гроссмана. Не смущаясь убожеством этой теории, Гроссман утверждает, что именно его теория есть ключ к об'яснению цикличности капиталистического производства.

На самом деле мы не находим у Гроссмана обоснования ни цикличности, ни длительности цикла, поскольку последняя связана с средней жизнедеятельностью основного капитала. Нехватка прибавочной стоимости, приводящая к кризису, может обнаружиться и через 20, 40, а может быть и 100 лет. Совершенно непонятно, почему столь разнообразные противодействующие факторы, отдаляющие крах и превращающие его в кризис, как-будто сговорившись, приводят к периодически—раз в 10 примерно лет—повторяющимся кризисам. Стоит предположить, что, пока мифическая гроссмановская тенденция к крушению дойдет до конца, бурно растущее производство налетит на ограниченные пределы рынка, как вся теория крушения Гроссмана

терпит полное крушение. А такое предположение вполне допустимо, ибо противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения имеет к кризисам весьма-таки большое отношение. Пусть кризисы не имеют перманентного характера, пусть производство создает рынок, пусть потребление идет за производством, пусть производство и рынок, производство и потребление являются моментами единого целого, но именно различие этих моментов в условиях капитализма чревато противоречиями, могущими получить свое разрешение только в кризисе. На определенном этапе циклического развития капиталистического производства противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения приводит на основе создаваемой падением нормы прибыли тенденции к безудержному размаху производства при ограниченной, хотя и растущей, покупательной силе широких масс—к такому обострению противоречия производства и потребления, что наступает кризис сбыта и кризис производства.

Что касается длительности циклов и периодичности кризисов, то они увязываются у Маркса с особыми условиями обращения и восстановления основного капитала. Как известно, основной капитал, участвуя в создании потребительской стоимости целиком, входит в стоимость товара частями. Авансированный капитал должен проделать известный цикл оборотов, пока не возместится стоимость основного капитала. Поэтому, «в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь» (Маркс). Длительность цикла зависит во-1) от развития основного капитала, удлиняющего эту длительность, и во-2) от переворотов в технике производства, приводящих к моральному снашиванию средств производства задолго до их физической смерти и тем сокращающих длительность цикла. — «Можно думать, — пишет Маркс, — что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь средним счетом десять лет. Однако, дело здесь не в определенном числе. Ясно, по меньшей мере, следующее: в этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, при чем предприятие последовательно переживает периоды ослабления средней деятельности стремительного размаха, кризиса; хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов». Имеющие место вслед за кризисом технические усовершенствования с целью приспособиться к низкому уровню цен ускоряют моральную амортизацию и приводят к крупным новым вложениям капитала. Создаваемое этим оживление переходит при цепной связи отраслей производства в под'ем, под'ем в стремительный размах, а последний кончается кризисом — и порочный кругооборот возобновляется.

Этой «материальной основы периодических кризисов» (Маркс) мы совершенно не находим у Гроссмана — длительность цикла зависит у него от того, насколько времени хватит прибавочной стоимости, а этот срок совершенно неопределенный.

(Окончание следует).

Модест Рубинштейн.

Нарастание мирового экономического кризиса.

Под знаком первых проявлений мирового кризиса находится уже в настоящее время все международное положение, все явления экономической и политической жизни капиталистического мира.

Даже буржуазная экономическая наука, которая, по замечанию Ленина, отличается от буржуазной публицистики «только меньшей искренностью и стремлением затушевать суть дела, заслонить лес деревьями», не может уйти от бесчисленных фактов, свидетельствующих о нарастании кризиса.

С оговорками, с самоутешениями, как говорят американцы, «с насвистыванием для поддержания собственной бодрости», многие буржуазные экономисты вынуждены признать не только наличие, но и хотя бы в отдельных областях, также связь и единство всех этих фактов.

Приведем лишь несколько примеров.

В обзоре Берлинского кон'юнктурного института (обычно крайне осторожного в своих выводах и дающего о ряде мелких стран определенно неверные, розовые сведения) за последнюю четверть 1929 г. мы читаем:

> «Хотя международное хозяйственное развитие все еще полно противоречивых сдвигов, все же тенденция к упадку в общем выступает с таким единством, какого не было до сих пор ни разу в послевоенный период».

Известный экономист Феликс Сомари пишет в журнале «D. deutsche Volkswirt» от 9/III, под заглавием «Мировой экономический кризис», что «современный кризис является первым международным кризисом за 2 десятилетия».

В этой интересной статье он дает яркую картину того, как кризис охватывает весь мир, страны, вывозящие капитал и страны-должники, промышленность и сельское хозяйство. Он показывает, как все мероприятия правительств и финансового капитала не только не могли предотвратить развитие кризиса, но, наоборот, еще более усиливают его интенсивность, размах и длительность.

«Wirtshaftdienst» от 14/III в передовице проф. Зингера под заглавием «К диагнозу застоя в мировом хозяйстве» пишет:

> «Со времени формального окончания войны прошло 10 лет; со времени восстановления германской и английской валюты—5 лет. Настало время сделать настоятельнейшие выводы из развития мирового хозяйства в этот критический период.
>
> «Результат бесспорен... наступает длительная волна депрессивного характера, прерываемая короткими попытками под'ема преимущественно местного значения. В общем развитие идет под знаком падающих цен, сильного перепроизводства, безработицы, неблагоприятных условий рентабельности, избытка сырья, рабочей силы, неиспользованного производственного аппарата».

«Deutsche Bergwerks Zeitung» от 15/III в передовице пишет:

> «Жалуются на бастующих клиентов, не покупающих больших ценных бумаг, или в лучшем случае, ограничивающихся якобы обеспеченными облигациями. Но никогда не упоминают, что нынешнее громадное неблагополучие лишь в небольшой степени можно приписать падению курсов на биржах, что мы находимся в общем кризисе, осложненном громадной сырьевой проблемой, при чем выход из него не может быть создан искусственными мероприятиями».

Таких высказываний можно было бы привести десятки. Почтенные буржуазные экономисты вынуждены признать развитие мирового экономического кризиса. Правда, многие из них избегают самого слова «кризис», заменяя его всякими звучными и малопонятными для нас определениями. Это дешевое удовольствие мы согласны им предоставить, так как суть дела от этого не меняется. Можно называть как угодно, это не изменит того факта, что описываемые ими сдвиги являются частью назревающего мирового кризиса, первыми раскатами надвигающихся бурь. Притом уже эти первые проявления по своему размаху, повсеместности, остроте и глубине далеко превосходят все довоенные примеры капиталистических кризисов, а в некоторых отношениях уже превзошли и большой послевоенный кризис 1920—21 г.

Каковы же факты? Для того, чтобы дать их во всей совокупности, необходимо дать хотя бы сжатый обзор экономического положения капиталистических стран в начале 1930 г. Этот обзор поневоле носит несколько сухой характер. Но только эта основа дает возможность марксистского анализа и дальнейших выводов. Как писал Ленин: «Лучшим ответом на мертвые абстракции... является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства». Еще одно замечание Ленина является чрезвычайно важным для подхода к оценке мирового экономического кризиса. В своем предисловии к французскому и немецкому изданию «Империализма» Ленин отметил, что для того, «чтобы изобразить это об'ективное положение (командующих классов. *М. Р.)* надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно совокупность данных об основах хозяйственной жизни всех воюющих держав и всего мира».

Американский кризис.

Основным фактом экономической действительности современного капитализма является развитие кризиса в Соед. Штатах. Однако, так как этот вопрос получил уже освещение в многочисленных статьях, мы остановимся лишь на последних сдвигах американской кон'юнктуры.

После того как первые раскаты краха отзвучали, биржа на время несколько успокоилась, «миллионы овец остригли до кожи» и выпустили на подножный корм, многие американские капиталисты, особенно погревшие себе руки на скупке упавших акций, вновь начали проникаться прежним безбрежным оптимизмом. Корреспондент английского журнала «Обсервер» остроумно отмечает «перепроизводство искусственного оптимизма», как один из многочисленных перепроизведенных товаров.

Некоторые американские журналы уверяли, что «все к лучшему в этом лучшем из миров» и биржевой крах послужит лишь на пользу американскому капитализму.

« Джорн. оф Коммер.» пытался уверить в том, что крах будет иметь даже благодетельное влияние.

Рассуждения этого рода заполняли американскую прессу, являясь особенно модными в кругах Американской Федерации Труда, социалистической партии и других рабочих и мелкобуржуазных лейтенантов финансового капитала.

Гувер и Меллон, Ламонт и Клейн наперебой пытались после краха уверить «публику», что «то, что произошло на бирже, не отразится на промышленности, торговле и безработице».

Вопреки всему, что проповедывалось ими же еще вчера: промышленность якобы не имеет никакого отношения к финансам и бирже, биржа, мол, зарвалась и за это расплачивается, но производства это совершенно не касается, оно здорово и продолжает процветать, как ни в чем не бывало,— «Джорн. оф Коммер.» дал рассуждениям этого рода совершенно правильное определение: «Заявления из Вашигтона об отсутствии связи между спекуляцией и производством — чепуха, хотя они и опасны для тех, кто им верит». В ответ на успокоения Клейна эта газета пищет: «Разговоры о том, что спекулянты составляют лишь 1% населения и поэтому крах не отзовется на делах, не имеют никакой основы. Конечно, если бы наша банковская система была ненужной, наш кредитный механизм был бы только 5-м колесом, тогда было бы верно, что производство могло бы развиваться независимо от биржи, — но на деле ничего подобного нет».

Здесь лишь скромно выявлен тот неопровержимый факт, что руководители спекуляции на Уолл-стрит являются одновременно полновластными хозяевами американской промышленности. В этом самая суть финансового капитала, как слияния, сращения банковского капитала с промышленным. В связи с этим заявления об «отрыве биржи от экономических основ» могут привести к совершенно ложным выводам. Производство не идет своими путями, независимо от биржи, а наоборот, весь капитализм насквозь пронизывается элементами паразитизма и загнивания. Ленин писал в «Империализме»: «В Соед. Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко». С тех пор это паразитическое перерождение американского капитализма далеко продвинулось вперед.

Вопреки всем успокоениям финансового капитала уже через месяц после биржевого краха снижение производства, которое началось фактически еще с середины 1929 г., получило небывалое ускорение.

По сводке «Nat. City Bank of New Jork» ноябрь 1929 г. дал по сравнению с ноябрем 1928 г. следующие показатели снижения хозяйственной деятельности:

Потребление меди	—28,3%
» резины	—26,2%
Продукция сахара	—25,4%
Лесопильная промышленность	—20,8%
Продукция стали	—17,7%
„ антрацита	—17,5%
„ цинка	—16,3%
Потребление хлопка	—11,0%
Продукция свинца	— 10%
Новые вложения капитала (внутрен.)	—62,3%
Разрешения на постройки	—27,9%
Экспорт	—17,8% и т. д.

В декабре 1929 г. снижение продукции охватило почти все отрасли хозяйства страны, получив в некоторых из них небывалый темп падения. Достаточно отметить, что продукция автомобилей составила за декабрь лишь 160.000 штук, что означает снижение по сравнению с маем того же года на 80%. Выплавка стали сократилась за тот же период почти на 40%, снизившись до 50% производственной мощности сталелитейных предприятий. Сократилась выплавка меди и других цветных металлов. Строительство снизилось на 43% ниже декабря 1928 г., достигнув самого низкого уровня за последние 5 лет. Потребление хлопка сократилось за год на 34%. Железнодорожный грузооборот—этот крайне характерный показатель экономического положения страны — был в последнюю неделю декабря вдвое ниже, чем за последнюю неделю сентября. Даже потребление электрической энергии, до сих пор нараставшее непрерывно, показывает с ноября небольшое снижение

Общий промышленный индекс «Анналиста», выключающий сезонные колебания, изменился за вторую половину 1929 г. следующим образом:

Август — 106,8
Сентябрь — 105,8
Октябрь — 103,5
Ноябрь — 94,2
Декабрь — 89,5.

При этом индекс продукции авто упал с 150,5 в июне 1929 г. до 51,5 в декабре.

Индекс числа занятых в промышленности рабочих снизился с 95,5 в декабре 1928 г. до 91,9 в декабре 1929 г. (1926 = 100). С конца сентября было вытеснено из промышленности около 700.000 рабочих.

Все эти данные показывают с абсолютной несомненностью наличие в Соед. Штатах в декабре 1929 г. острого промышленного кризиса.

Январь и февраль 1930 г. дают по отдельным производствам некоторый под'ем продукции. Так производство автомобилей выросло до 300.000 штук в январе и 350.000 в феврале. Загрузка стальных заводов поднялась в феврале до 80% производственной мощности.

Этого под'ема было достаточно, чтобы вызвать новую волну напускного оптимизма капиталистических кругов. Однако, значение этого под'ема значительно меркнет, если принять во внимание, что он значительно отстает от обычного сезонного роста в эти месяцы. Продукция авто в феврале, несмотря на под'ем, составляет лишь около ⅓ производственной мощности промышленности.

По ряду оценок продукция авто за 1930 г. составит в лучшем случае 60% прошлогодней. Особенные трудности создает проблема подержанных автомобилей, во все больших количествах поступающих на рынок. Крупные автомобильные тресты ассигновали довольно значительные средства для того, чтобы скупать и уничтожать эти злосчастные подержанные авто, но это не может в сколько-нибудь заметной степени расширить рынок для новых. Под'ем стальной промышленности в значительной степени вызван тем, что железные дороги, несколько лет откладывавшие необходимые ремонтные работы, сразу дали стальным предприятиям (большей частью связанным с теми же финансовыми группами) значительную пачку заказов, в настоящее время уже подходящих к концу. Другие отрасли потребления стали продолжают сокращать свой спрос. Общий размер промышленной продукции за первую четверть 1930 г. снизился по сравнению с тем же периодом 1929 г. на 11,5%. Строительная промышленность покамест не дает никаких признаков улучшения. Это имеет особенно значение потому, что развитие строительства было одним из важнейших пунктов программы и обещаний Гувера. Железнодорожные погрузки также не показывают никакого роста, оставаясь на самом низком уровне с 1923 г.

Большое значение имеет также дальнейшее углубление в начале 1930 г. аграрного кризиса—значительное падение цен на пшеницу и хлопок, полнейший провал всех стабилизационных мероприятий назначенного правительством Фермерского бюро.

Было бы неправильно представлять себе развитие экономического кризиса в Соед. Штатах как сплошную кривую падения, без отдельных колебаний и под'емов. Но суть дела в том, что такие под'емы в условиях современной интенсивности основных противоречий американского капитализма приводят лишь к подготовке дальнейших срывов еще большей глубины и размаха. В частности ряд признаков указывает на подготовку в Соед. Штатах нового биржевого краха. Вопреки всем надеждам и уверениям крупного капитала и его лакеев, кризис в Соед. Штатах не кончился. Он только начался.

Влияние американского кризиса на капиталистический мир.

Уже биржевой крах в Нью-Йорке вызвал ряд откликов во всех капиталистических странах. Современный финансовый капитал настолько тесно переплетен в международном масштабе и в то же время настолько подвижен, настолько быстро реагирует на каждый биржевой сдвиг в узловых центрах капиталистического мира, что небывалое потрясение в финансовой столице мира—Нью-Йорке—должно было отразиться на всех капиталистических странах.

Крах тотчас же вызвал падение курсов акций на ряде европейских бирж (Лондон, Амстердам, Брюссель, Стокгольм), ускорение уже раньше начавшегося снижения и неустойчивости на берлинской бирже, в конце ноября — резкое падение курсов в Париже.

Вся обстановка международного денежного рынка в течение нескольких недель после краха круто изменилась. Значительные европейские капиталы, привлеченные в Нью-Йорк в течение последнего года магнитом спекуляции, частью «растаяли» в биржевом крахе, частью начали отливать обратно в Европу. Уровень учетного процента быстро снизился во всех странах. В связи с этим, особенно в Германии и Англии, влиятельные капиталистические круги выражали уверенность в том, что в результате биржевого краха в Нью-Йорке положение в Европе резко улучшится. Такие перспективы рисуют Кэйнс, «Экономист», германская либеральная пресса, в радужных красках расписывающие следствие удешевления кредита, возобновление потока займов и т. п. Громче всех об этих благах кричат реформисты. Они вновь предвещают, как писал «Форвертс» в начале проведения плана Дауэса, что «солнце доллара озарит и согреет Европу».

Эти перспективы являются иллюзией.

Несмотря на кажущиеся противоположные тенденции в отдельных странах, европейский капитализм в основе страдает не от недостатка, а от «избытка» капиталов, так же, как в Соед. Штатах отражающего «переразвитие» производственного аппарата, невозможность его полного использования на капиталистической основе.

Еще более глубокое воздействие окажет на капиталистический мир дальнейшее развитие промышленного кризиса в Соед. Штатах.

Сокращение внутреннего рынка, поглощавшего до сих пор свыше 90% продукции американской промышленности, заставит американский капитализм обратить основное внимание на усиление экспорта. Эта задача откровенно поставлена в ряде заявлений Гувера и др. тотчас же после биржевого краха. В то же время американский капитализм ясно сознает трудности, стоящие на пути развития экспорта. Например, отчет Бюро внешней и внутренней торговли за 1929 г., приводя данные о рационализации в Германии и Англии, отмечает, что «отныне конкуренция в мировой торговле будет наиболее обостренной».

При громадной производственной мощи американской промышленности, экспортирующей в настоящее время менее 10 проц. продукции, каждый процент увеличения этой доли, лишь в небольшой степени смягчая кризис в Соед. Штатах, в то же время означал бы величайшую опасность для промышленных стран Европы, особенно Англии, Германии и Франции, капитализм которых связан в настоящее время с экспортом самим своим существованием.

Сокращение внутреннего рынка Соед. Штатов хотя бы на 1% требует для компенсации роста экспорта на **12%**. Это значит, что для того, чтобы хоть кое-как выйти из острого кризиса при помощи расширения внешних рынков, Соед. Штаты должны были бы затопить мир потоком своих товаров, целиком вытеснив всех конкурентов. И это как раз в то время, когда все капиталистические рынки, от промышленных стран Европы до отдаленнейших колоний, стремительно сокращаются. Капиталистические государства напрягут все свои силы для защиты от американского «нашествия» посредством повышения тарифных стен и ответного дэмпинга, политического давления и военной защиты.

Борьба за рынки сбыта — это борьба за британские доминионы, за Южную Америку, Китай, Индию, Африку, за новый передел мира, в котором основным империалистическим хищникам, прежде всего Англии и Америке, слишком тесно.

Если экономический кризис в Соед. Штатах оказывает сильнейшее воздействие на развитие кризиса в других капиталистических странах, то, с другой стороны, мы имеем и *обратное воздействие*. Уже первые проявления мирового экономического кризиса оказывают влияние на хозяйство Соед. Штатов. Это сказывается с особенной яркостью на снижении за последние месяцы экспорта из Соед. Штатов. Несмотря на сильнейшее давление американского капитализма, экспорт Соед. Штатов в несомненной связи с стремительным сокращением емкости мировых рынков, покамест не только не подымается, но, наоборот, падает (в феврале 1930 г. экспорт на 30 проц. ниже февраля 1929 г.). Углубление кризиса в Китае, вызванное обесценением серебра и биржевым крахом в Шанхае, немедленно сказалось на сокращении ввоза ряда американских продуктов. В этой связи необходимо отметить, что попытки об'яснить назревание мирового экономического кризиса *только лишь* следствиями, результатами, отражениями кризиса в Соед. Штатах являются ошибочными. Прежде всего, они не соответствуют действительности, так как следствия американского промышленного кризиса только начинают сказываться в других странах, и в то же время ряд проявлений мирового кризиса имел место еще до и независимо от кризиса в Соед. Штатах.

В то же время такая точка зрения неправильна теоретически, так как ее принятие означало бы совершенно необоснованную уступку пресловутой теории о преимущественном значении внешних противоречий, составляющей органическую часть теории «организованного капитализма». Следствия американского кризиса дают лишь дополнительные толчки для расшатывания капиталистической стабилизации. Назревающий кризис — это мировой, подлинно международный кризис капитализма, выросший из развития противоречий капиталистической стабилизации, несмотря на усиливающуюся неравномерность капиталистического развития. Это положение целиком подтверждается данными о нарастании экономического кризиса в разных странах.

Назревание экономического кризиса в других странах.

Перелом в Соед. Штатах немедленно сказался и, разумеется, не мог не сказаться в *Канаде*, являющейся во многих отношениях как бы продолжением хозяйственной территории Соед. Штатов.

К влиянию биржевого краха в Канаде присоединилось действие исключительно плохого урожая. В результате чрезвычайной засухи урожай пшеницы в прериях Западной Канады (штаты Манитоба, Саскачеван и Винипег) составил лишь половину прошлогоднего. В то же время мировые цены не только не повысились, а даже снизились. Это вызвало массовое разорение фермеров, общий застой торговли.

С октября 1929 г. в ряде отраслей промышленности началось снижение продукции, особенно резкое в производстве автомобилей и сельскохозяйственных машин. Это отразилось на железной и стальной промышленности.

Быстро растет безработица.

В феврале 1929 г. сельскохозяйственный кризис в Канаде в результате провала попыток пул'а удержать цены на пшеницу получил новое сильнейшее обострение. Значительные запасы уже не могут быть проданы до нового урожая. Это вызвало углубление общего экономического кризиса в стране и ряд политических осложнений.

Почти вся Латинская Америка, за очень редкими исключениями, уже в настоящее время охвачена глубоким экономическим кризисом.

В Мексике в результате неурожая резко сократилась продукция сельского хозяйства (кукурузы на 30%, фасоли на 40%, зерновых злаков на 32%). Это вызвало массовое разорение крестьянства и сокращение внутреннего рынка.

Значительно углубился продолжающийся уже более года кризис горной промышленности, особенно производства серебра, где Мексика является основным поставщиком мира (к «серебряному» кризису еще вернемся в дальнейшем), а также свинца, цинка и др. Почти все горные предприятия сокращают продукцию, массами увольняют рабочих. Железные дороги также проводят, под предлогом рационализации, массовые увольнения. Резкий кризис испытывает, в связи с снижением спроса, также текстильная промышленность страны. С неполной нагрузкой работает также обувная и шерстяная промышленность. В общем, как пишет буржуазная газета «Универсаль» (30/I—1930 г.), «трудно найти такой год, который с первых же дней рисовался бы в столь мрачных красках, как 1930 г.».

Безработица достигла небывалых размеров и положение рабочего класса и широких масс крестьянства значительно ухудшилось.

На острове Куба, основной продукцией которого является тростниковый сахар, снижение мировых цен на сахар вызвало всеобщий кризис, резкое сокращение торговли, доходов железных дорог, налоговых поступлений, громадную безработицу.

«Кофейный» кризис и снижение цен на ряд других экспортных сел.-хоз. продуктов вызвали резкий экономический кризис на других островах Вест-Индии.

В Гаити и Сан-Доминго следствия кризиса и усиление гнета американского империализма были основой массовых восстаний.

В Южной Америке экономическое положение, за редкими исключениями, еще хуже, чем в Центральной.

В Бразилии все хозяйство охвачено глубочайшим кризисом. Экспорт Бразилии на 70% состоит из кофе. При помощи картеля, прикрывавшегося скромным названием «кофейного института», бразильские плантаторы проводили так. наз. «валоризацию», т.-е. искусственно создавали запасы и удерживали цены на высоком уровне. Но это лишь послужило стимулом к расширению продукции плантациями других стран. В конце 1929 г. произошел резкий срыв цен на кофе, снизившихся наполовину. Запасы «кофейного института» благополучно гниют, часть их выбрасывают в море. Для дальнейшего сокращения продукции обсуждается проект о том, чтобы вырвать миллионы выращенных с громадным трудом кофейных кустов. Но пока небывалый срыв цен вызвал во всем хозяйстве Бразилии подлинную катастрофу. Экспорт резко сократился, обострились политические противоречия, быстро падают государственные доходы, золотые запасы банков, акции.

Из 82 текстильных фабрик в феврале только около дюжины работали полностью. Остальные или целиком закрылись и обанкротились или работают с половинной нагрузкой. Кризис в феврале охватил все без исключения отрасли хозяйства страны.

Такие же потрясения вызвал срыв кофейных цен в 9 других государствах Латинской Америки, в частности в Колумбии, где еще в начале ноября

безработица достигала 50.000 и положение с тех пор резко ухудшилось. Сельскохозяйственные рабочие не имеют никаких надежд на работу.

То же в Коста-Рика, Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа.

В Аргентине 1929 г. начался с под'ема и буржуазия рисовала чрезвычайно радужные перспективы развития.

Однако, в дальнейшем, сильный недород, при одновременном падении мировых цен на зерновые продукты, вызвал падение экспортной стоимости пшеницы почти наполовину. Это привело к массовому разорению крестьянского населения, сокращению внутреннего рынка (особенно спроса на сел.-хоз. машины). Снижение цен на зерновые продукты и шерсть вызвало значительное ухудшение торгового баланса, отлив золота и, к концу года, падение валюты почти на 10%.

Таким образом, падение сырьевых цен вызвало в ряде государств Латинской Америки валютный кризис, против которого правительства совершенно бессильны, так как они не имеют возможности воздействовать на потрясения мирового рынка.

Такого же типа депрессия охватила Уругвай (шерсть, зерновые продукты).

В Боливии к аналогичным результатам привело падение мировых цен на олово и другие металлы. Олово, серебро, медь и свинец составляют около 90% экспорта страны.

По существу единственным исключением из этой общей картины кризиса в Южной Америке было в 1929 г. лишь положение в Чили. Но и здесь основа хозяйства становится все более шаткой. Основные продукты страны— селитра и медь — в результате успехов соответствующих международных картелей еще удерживали цены, но в то же время признаки перепроизводства в этих областях становятся все более явными. Мировое производство синтетического азота значительно превышает потребление, запасы быстро нарастают и соглашение мировых химических трестов с чилийскими производителями селитры, представляемыми правительством, вряд ли окажется прочным. Срыв цен на азотные соединения и уже начавшееся сокращение продукции меди вызовут и в Чили глубочайший кризис.

Экономическое положение Европы ярко характеризуется картами Берлинского кон'юнктурного института, где белым цветом отличены страны с хорошим состоянием хозяйства, черным — переживающие депрессию и серым — показывающие первые признаки снижения кон'юнктуры. За последние месяцы эти карты представляют почти сплошную черно-серую полосу с отдельными белыми пятнами.

В Англии хронический застой последних лет продолжается неуклонно. Какое-нибудь легкое колебание кон'юнктуры, небольшое сезонное улучшение в том или ином производстве сразу вызывает прилив надежд, бодрые заявления о том, что депрессия кончается. Увы, эти надежды отцветают, не успев распуститься. Легкое оживление промышленности в конце 1929 г. не удержалось и в начале 1930 г. продукция и вывоз вновь падают. Текстильная промышленность, металлургия и угольная промышленность — в прежнем тупике.

Старые рынки неуклонно продолжают ускользать. Вывоз текстильных изделий Ланкашира вытесняется более дешевой продукцией Японии и колониальных стран. По заявлениям экономической печати, 1929 год был одним из наихудших за долгий период существования хлопчато-бумажной промышленности. Фабрики, несмотря на крайне слабую загрузку, работали большей частью на склад.

Корреспондент одного английского буржуазного журнала пишет под заглавием «Развал Ланкашира»:

> «Сперва Южный Уэльс — теперь Ланкашир... Осознала ли страна, что ее важнейший промышленный центр гниет и что через несколько лет — самое большое лет через 5—Ланкашир будет одним громадным кладбищем заброшенных зданий? Необходимо вбить в головы сознание того, что наше хлопчато-бумажное производство обречено на гибель в самом близком будущем».

Общий вывоз за последнюю четверть 1929 г. показывает снижение. Доля Англии в ввозе доминионов и колоний (в том числе Индии) неуклонно падает. Безработица не только стала хронической, но показывает несомненный рост, несмотря на все статистические фокусы «рабочего» правительства.

Широкое техническое переоборудование производственного аппарата оказывается непосильным для британского капитализма.

Акции крупнейших трестов и предприятий в 1929 г. резко упали.

Рост революционного движения в колониях и усиление экономического отрыва доминионов быстро подталкивают самые основы Британской империи.

«Рабочее» правительство является в этой обстановке, с одной стороны, «мальчиком для битья», козлом отпущения финансового капитала, с другой — оно служит орудием проведения капиталистической рационализации с наименьшими трениями. Однако, эта рационализация, не приводя ни к каким успехам в восстановлении рынков, в то же время создает дальнейшее обострение безработицы.

В 1929 г. безработица нарастала, несмотря на некоторый рост продукции. Обзор Мидленд Банк об'ясняет это явление, наряду с «успехами» рационализации тем, что происходило сжатие торгового аппарата. В первые месяцы 1930 г. оно еще более ускорилось, вследствие явного сокращения внутреннего рынка. В то же время продукция железа, стали, шерстяной и хлопчато-бумажной промышленности и даже производство искусственного шелка показывают в январе и феврале нарастающее снижение. Воздействия нарастающего мирового кризиса получают все более отражение и в хронически застойной кон'юнктуре современной Англии.

Английский корреспондент Wirtshaftdienst (секретарь London Cambridge Ec. Service) пишет, что последний кризис, охватывающий весь мир, разбил и в Англии надежды на кон'юнктурное оживление.

Еще более характерно и показательно положение в Германии.

Еще совсем недавно тон всей германской буржуазной и реформистской печати был сплошным победным маршем. Восстановленная Германия, поглотившая свыше 10 миллиардов марок американского капитала, с чудесами техники и рационализации, с упрочением и спокойной определенностью внешней политической обстановки, со спасительной «коалицией всех классов» внутри страны, по заявлениям с.-д., страна на всех парах «врастала» в социализм тихо, мирно и незаметно.

Обзор кон'юнктурного института уже за третью четверть 1929 г. сухо и трезво констатирует:

> «Последние месяцы принесли обострение падения кон'юнктуры, падения, в котором германское хозяйство находится с конца 1927 г.». С середины года положение меняется: «Сезонное оживление выдохлось, возможности сбыта на внешних рынках упали, жилищное строительство не может избежать трудностей получения капиталов. Снижение началось по всей линии. Снижение продукции, падение цен, падение оборотов, падение курсов акций, рост безработицы. Начинается кон'юнктурная депрессия».

Подробно разобрав проявления этой депресии, институт пишет:

> «Рост американского нажима на экспорт и одновременный рост потребности в экспорте европейских стран, приведут к обострению международной конкуренции».

Далее институт констатирует, что безработица растет быстрее, чем полагается по сезону, и заявляет, что в январе и феврале число безработных достигнет 2-х миллионов, даже не принимая в расчет ухудшения кон'юнктуры (эти цифры на деле превзойдены более чем вдвое).

В ответ на эти вынужденные признания фактов со стороны буржуазных статистиков и экономистов германские реформисты делают лихорадочные, порой довольно забавные, усилия замазать надвигающуюся депрессию, накормить массы надеждами на под'ем. Полемика «Форвертса» с кон'юнктурным институтом является ярким образчиком этих попыток лакея перещеголять хозяина в защите интересов последнего.

В то же время реформисты с напускной наивностью пытаются уговорить предпринимателей не ухудшать положения рабочих, так как это, мол, близорукая политика, грозящая основам капитализма. Это все равно, что уговорить спекулянта не играть на бирже, «уговорить» волка не трогать овец.

Вся политика германского капитала направлена на то, чтобы при помощи социал-фашизма провести резкое снижение зарплаты и общее ухудшение условий труда пролетариата, сократить пособия безработным, переложить всю тяжесть налогов и репарационных платежей на широкие слои трудящихся.

Ярким показателем является снижение курса германских акций, имевшее место еще до биржевого краха в Нью-Йорке. За 1929 г. германские акции на берлинской бирже потеряли 23% своей стоимости. Это снижение охватило акции самых разнообразных производств, включая мощные мировые тресты. Редактор журнала D. deutshe Volkswirt, Штольпер в годовом обзоре пишет о кризисе 1929 года: «От того, как выдержит Германия этот кризис, зависит ее национальная судьба, так как за демократией грозит хаос». На с'езде «Имперского союза промышленности» в декабре 1929 г. председатель треста Иге заявил:

> «Когда здание германского хозяйства начинает гореть, когда запах гари уже начинает чувствоваться в виде банкротств, закрытия предприятий, сокращения рабочей недели, роста безработицы и связанным с этим упадком духа во всей Германии—лишь сейчас открываются глаза на действительность. Будем надеяться, что еще не слишком поздно и еще можно потушить разгорающийся огонь... Хозяйство еще живет, но оно переживает кризис обостреннейшей борьбы за самое свое существование».

В общем, период широких инвестиций и реконструкции исчерпался еще в начале 1928 г. Развитие депрессии было временно смягчено успехами внешней экспансии, бросовым экспортом на основе рационализации. Но к концу 1929 г. сужение внутреннего рынка и рост трудностей на внешних рынках обусловили выявление назревавших весь период рационализации противоречий.

Имевшая место в 1929 г. высокая продукция тяжелой промышленности в значительной степени была вызвана борьбой за квоты и носила временный характер, уже в ноябре показывая признаки перелома. В декабре начались массовые увольнения и закрытия предприятий в металлургической и машиностроительной промышленности Вестфалии.

В начале 1930 г. депрессия охватила почти все отрасли промышленности, быстро нарастая и углубляясь. Январь дал снижение производства чугуна (с середины 1929 г.) на 9%, стали на 14%. Снизилось также производство машиностроительных заводов. В частности депрессия охватила и угольную промышленность, в 1929 г. являвшуюся исключением. Февраль 1930 г. дает резкое снижение добычи угля в Руре, Средней Германии и Верхней Силезии.

Совершенно небывалый размах получила безработица, охватившая к концу февраля 4 миллиона человек, т.-е. свыше ¼ рабочего класса.

Обзор Берлинского кон'юнктурного института о положении к концу февраля сообщает о дальнейшем снижении продукции, небывалом сокращении строительства, обострении тяжелого положения сельского хозяйства, нарастающих трудностях конкурентной борьбы на внешних рынках. Общий индекс продукции (1928 г. = 100) снизился с 109.8 в июле 1929 г. до 95.9 в январе 1930 г., т.-е. почти на 13%. Снизилось производство чугуна, стали, добыча угля, продукция машиностроительной, электротехнической, автомобильной, текстильной промышленности. В машиностроительной промышленности уже январь дал использование производственной способности лишь на 62%, в вагоностроительной 50—60%, в автомобильной—на 57%. Текстильная промышленность уже 6 месяцев работает на 60% производственной мощности. Как констатирует институт, несмотря на значительный рост потребности в экспорте и нажима на внешние рынки, экспорт снижается в результате сокращения емкости внешних рынков и усиления сопротивления за границей. Начало года показывает дальнейший рост банкротств, числа опротестованных векселей и т. п. Обзор устанавливает сокращение спроса на кредит (особенно краткосрочный), имеющее место, несмотря на рост возможностей притока иностранных кредитов. Обзор утешается тем, что называет все эти явления скромным термином «депрессия» и надеждой на то, что «вслед за хозяйственной депрессией обычно начинается период оживления». Но он сам же констатирует, что цены на промышленные продукты удерживаются от падения картелями и потому нет перспектив расширения возможностей сбыта, что проведение технических усовершенствований не дало ожидавшегося хозяйственного успеха и «вообще в результате ряда причин, нельзя ожидать быстрого преодоления депрессии». Обзор подчеркивает, что

> «все хозяйственное положение находится под знаком небывалой безработицы.... число безработных и работающих сокращенное рабочее время составляет 36% всего промышленного пролетариата, при чем в равной мере охвачены все отрасли хозяйства — производство средств производства и производство средств потребления. Высший пункт безработицы еще не достигнут и еще большой вопрос: преодолеет ли этот рост сезонное оживление.... Уже за последний квартал 1929 г. выпадение доходов пролетариата составило свыше миллиарда марок».

В тесной связи с германской кон'юнктурой находится положение в ряде соседних стран Центральной Европы.

В Австрии уже с сентября 1929 г. началось явное снижение кон'юнктуры, падение продукции металлической и текстильной промышленности, сокращение вывоза (особенно в Германию), наконец, рост безработицы, значительно превышающий обычный сезонный.

Приток займов прекратился. Тяжелая промышленность к концу года начала резко сокращать продукцию (за год снижение на 30%). Стальная промышленность была в декабре загружена лишь на 53%. Курс акций упал за год на 25%. Баланс внешней торговли становится все более неблагоприятным. Строительство показывает полный застой. Корреспондент «Экономиста» считает, что 1929 г. был «годом наибольшего разочарования со времени основания Австрийской республики». В январе и феврале 1930 г., по данным Австрийского кон'юнктурного института, продолжалось дальнейшее снижение во всех областях хозяйства. Фашистское правительство, пришедшее к власти при помощи социал-демократов, оказалось совершенно бессильным приостановить хозяйственный развал. Безработица достигла колоссальных размеров, превысив в феврале 1930 г. 400.000 человек. Таким образом, это уродливое образование Версальского мира с разбухшей как бы от водянки головой (в Вене сосредоточено более половины населения страны) отсутствием сырья и рынков начинает заживо разлагаться.

Явно выраженный кризис охватил Венгрию. Последние месяцы 1929 г. показали там дальнейшее снижение хозяйственной деятельности, обострение аграрного кризиса, значительный рост безработицы.

«Экономист» пишет, что «1929 г. был годом экономического и финансового кризиса, самым трудным периодом со времени действия плана реконструкции Венгрии Лиги Наций» (т.-е. с 1924 г.). И в Венгрии приток иностранных займов прекратился, государственный бюджет дал дефицит, на бирже резко сказалась «нервность» нью-йоркской и лондонской бирж. Курс акций упал на 30%, значительно выросли банкротства. Особенно сказалось на экономике страны дальнейшее углубление аграрного кризиса. Экспорт сел.-хоз. продуктов стал убыточен. Разорение крестьянского населения сократило покупательную способность. Громадный скачок вверх дала безработица как городского, так и сельскохозяйственного пролетариата.

В Чехо-Словакии продукция держалась в 1929 г. на относительно высоком уровне, но основные производства отмечали значительное сокращение заказов. Вместе с резким усилением рационализации и давления на условия труда начались массовые увольнения на текстильных фабриках и закрытие ряда мелких предприятий. Ухудшилось положение стекольной промышленности, сахарной, химической и ряда других. Значительные увольнения имели место на металлургических предприятиях в Кладно и на заводах Шкода. Сокращения зарплаты получили повсеместный характер.

В начале 1930 г. кризис быстро нарастает. Производственный аппарат промышленности, составляющий около 70% промышленности бывшей Австро-Венгерской империи, за последние годы значительно вырос в результате механизации и рационализации. Между тем сбыт зависит главным образом от внешних рынков, емкость которых все более снижается. С обострением аграрного кризиса внутренний рынок также сократился. В настоящее время кризис охватил уже все важнейшие отрасли производства, включая горную промышленность. Быстро нарастает безработица.

В Польше уже третья четверть 1929 г. дала падение кон'юнктуры, снижение общего индекса продукции, особенно в производстве средств производства (железо, сталь, машины). Только добыча угля являлась исключением, в связи с успехами экспорта, на развитие которого производился особый нажим. В последней четверти года имело место дальнейшее усиление депрессии.

По данным обзора «Экономиста»:

> «1929 г. характеризуется глубокой депрессией в торговле. Почти все отрасли промышленности переживают жестокий кризис. Продукция стали и железа достигла в 1928 г. 94% довоенной (1913 г.). 1929 г. дал снижение на 75%. Острейший кризис охватил хлопчато-бумажную промышленность, где ⅔ рабочих работали в 1929 г. менее 4-х дней в неделю. Сельское и лесное хозяйство, сахарная промышленность и другие отрасли хозяйства страны жестоко страдали от снижения цен на мировых рынках. Сокращение спроса сельского хозяйства вызвало кризис в производстве химических удобрений. Единственным исключением в 1929 г. была угольная промышленность, повысившая добычу с 40 млн. тонн в 1928 г. до 45 млн. тонн».

По позднейшему сообщению «Экономиста», «Аграрный кризис принимает чрезвычайные размеры».

Помимо следствий общего мирового кризиса это вызвано рядом местных причин. Рожь — основной зерновой продукт Польши — упала в цене еще больше, чем другие продукты. Это вызвало массовое разорение крестьян.

В первые месяцы 1930 г. экономическое положение значительно обострилось. Лодзь напоминает вымерший город и текстильная промышленность не имеет никаких надежд на улучшение, так как экспорт резко падает. Нефтяная, машиностроительная, лесная, химическая промышленность резко сокращает продукцию. В январе и феврале кризис охватил и угольную промышленность.

Безработица достигла зимой 1929/30 г. совершенно небывалых размеров, охватывая свыше трети рабочего населения страны.

Балканы почти целиком под знаком острого экономического кризиса. Исключением было в 1929 г. лишь некоторое улучшение хозяйственного положения Югославии, однако и там начало 1930 г. дает ряд проявлений перелома к снижению.

В Румынии, по словам корреспондента «Экономиста», вся страна жестоко страдает от экономического кризиса. Протестованные векселя, банкротства и моратории достигли небывалых размеров. Депрессия вызвала резкое снижение доходов казначейства, побудившее к повышению налогов. В стране накопились громадные «излишки» сельскохозяйственных продуктов без надежды на сбыт, в то время как массы населения голодают, широкое распространение получила вызванная недоброкачественной пищей болезнь пеллагра. Цены на сел.-хоз. продукты падают, но продавать их некому. Громадная задолженность крестьянства и нестерпимая тяжесть налогов вызывают стихийный рост крестьянского движения.

Таким же является положение и в Болгарии. По словам одной буржуазной газеты, «все хозяйство Болгарии сковано и железное кольцо кризиса душит страну». Как и всюду на Балканах, небывалое обострение получил аграрный кризис, падение цен, сокращение экспорта, подлинное обнищание крестьянства. В то же время в городах усиливается промышленный кризис, закрывается ряд фабрик (например, целиком закрылись табачные фабрики в важнейших районах), растут банкротства, разоряются массы ремесленников. Торговый баланс страны пассивен, бюджет сведен с дефицитом, намечаются первые признаки валютного кризиса. Безработица и снижение зарплаты быстро усиливают радикализацию пролетариата.

Глубокий экономический кризис уже в 1929 г. охватил Грецию. Стоимость промышленной продукции за 1929 г. сократилась на 15%. Несмотря на это, еще с прошлых лет в стране образовался большой резерв непроданных товаров. Сокращение зарплаты рабочих и разорение крестьянства, живущего в кабале ростовщиков и банковского капитала, значительно сузили внутренний рынок. Нестерпимый гнет налогов ускоряет обнищание крестьянства.

Курс акций снизился за год почти на 50%, число банкротств выросло вдвое. Кризис создал такие кадры безработных, каких давно уже не было в Греции, причем безработица становится все более устойчивой. Безвыходное положение трудящихся вызвало ожесточенные стачки, восстания в ряде районов (особенно на Крите), брожение мелкой буржуазии. Пресловутая «стабилизация» Венизилоса трещит по всем швам.

В Турции назревавший уже в течение долгого времени кризис к концу 1929 г. распространился на все отрасли хозяйства. Попытки индустриализации страны уперлись в отсутствие капиталов, сопротивление торговой буржуазии и узость внутреннего рынка. Попытка добиться на капиталистической основе экономической независимости от международного финансового капитала явно провалилась.

В Прибалтийских государствах 1929 г. принес резкое усиление аграрного кризиса. Падение цен на их экспортные продукты (масло, лен, лес) и усиление протекционистских тенденций в странах ввоза значительно ухудшили торговый баланс.

Финляндия особенно резко испытывает падение лесного экспорта, вызывающее общий хозяйственный кризис страны. Эстония и Латвия все сильнее ощущают конкуренцию советского экспорта. Безземельные и карликовые крестьяне, составляющие большинство населения этих стран, получили от земельной «реформы» только усиление налогов и поборов. Значительные слои крестьянства не в состоянии были выплатить проценты по займам и их имущество распродается с молотка. Все это, вместе с усилением эксплоатации рабочих, сокращает производство. Расчеты на приток

иностранных займов не оправдались. Углубление кризиса вызывает усиление враждебных тенденций буржуазии и правительств против СССР и одновременно рост недовольства трудящихся в городе и деревне.

Скандинавские страны были в 1929 г. исключением из общей картины европейской депрессии.

Но к самому концу года, по сообщению корреспондента «Экономист», в Швеции явно наметился перелом кон'юнктуры и следствия американского кризиса становятся все более заметными. Уже декабрь 1929 г. дал снижение экспорта, падение продукции, особенно в железной и стальной промышленности, машиностроении, производстве шарикоподшипников и ряде других отраслей. Безработица в декабре выросла на 23%. Биржа в январе 1930 г. показывает явные признаки неустойчивости и «нервности».

В Италии выявился уже за последние месяцы 1929 г. ряд несомненных признаков упадка кон'юнктуры, сокращение продукции в важнейших отраслях промышленности, относительно еще более быстрый рост безработицы. Уже в сентябре имело место резкое падение акций. Быстро нарастает число банкротств. Орган центральной предпринимательской организации определенно говорит о неизбежности кризиса, подчеркивая, что «крах на Уолл-стрит оказал несомненное влияние на нашу экономику, усилив трудности и неблагоприятное состояние финансов и промышленности». Сообщения американского консула указывают на глубокую экономическую депрессию.

Муссолини в одной из своих последних речей всячески пытается утешить фашистов тем, что «во всех странах положение хуже, чем в Италии», заявляя:

> «Германская хроника последних дней красна от крови. В Соед. Штатах 4—5 млн. безработных, в маленькой Австрийской республике их больше 300.000. Единственная страна, в которой нет безработных — это Франция, по той простой причине, что в ней нет людей... В это время всеобщего кризиса было бы чудовищно и преступно утверждать, что только в Италии плохо».

Затяжная депрессия продолжается в Испании, сопровождаясь финансовым кризисом, падением курса пезо и политическими потрясениями фашистского режима.

В Бельгии, которая до сих пор целиком следовала за французской кон'юнктурой, можно отметить ряд признаков назревающего перелома кон'юнктуры — сокращение строительства, работу предприятий на склад, начало увольнений в ряде отраслей промышленности.

Единственным исключением на фоне общего снижения европейской кон'юнктуры является лишь Франция, но и здесь, по ряду признаков, назревает перелом. Автомобильная и текстильная промышленность за последние месяцы снижает продукцию. Ситроен и Рено проводят массовые увольнения. Громадное значение имеет пассивность торгового баланса за 1929 г., так как «исключительность» французской экономики в значительной степени определялась тем, что Франция последней стабилизовала валюту и пользовалась поэтому как бы экспортной премией на внешних рынках. Несмотря на усиленную рационализацию промышленности, эти преимущества Франции на внешних рынках неуклонно сокращаются. На ряду с обострением аграрного кризиса этим подготовляется распространение общего мирового экономического кризиса и на Францию.

Чрезвычайно характерны данные о нарастающем кризисе в ряде заокеанских стран, доминионов и колоний.

Мы уже отмечали ухудшение положения в Канаде.

В Австралии экономическая депрессия продолжается уже более 2-х лет. Поток займов из заграницы и высокие цены на шерсть раньше отдаляли ее обострение. В 1929 г. цена на шерсть упала на 30%. Предприниматели смотрят на будущее крайне пессимистически, готовясь к кризису на годы. Еще перед падением националистического правительства тогдашний премьер Брюс заявил в парламенте (28/V-1929 г.):

> «Австралия привыкла в прошлом к периодам временной депрессии. Но наше нынешнее положение вызвано более глубокими причинами и хорошие урожаи не смогут вернуть процветания. Цены наших основных продуктов — шерсти и пшеницы — упали. Сбыт избыточной продукции наших других сырьевых производств стал убыточным, а положение нашей обрабатывающей промышленности становится все более и более трудным вследствие все возрастающей заокеанской конкуренции».

Приход к власти «рабочего» правительства означает в Австралии, как и в Англии, с одной стороны, неуверенность буржуазии, а с другой — ее попытку руками рабочей аристократии провести резкое усиление эксплоатации рабочего класса в целом.

Расстрел горняков является яркой иллюстрацией обострения классовой борьбы в этом «рабочем раю».

В то же время первые полгода управления «рабочего» правительства не только не ослабили экономических затруднений, но, наоборот, привели к дальнейшему углублению кризиса.

В Южной Африке наступил несомненный перелом кон'юнктуры. Отчет министерства торговли и промышленности еще в сентябре 1929 г. предусматривает близость депрессии, утешаясь надеждами на ее быструю «нейтрализацию». Падение цен на шерсть, прекращение вывоза маиса в Германию, срыв экспорта фруктов в Англию, наконец, биржевая паника в Соед. Штатах, предвещающая сокращение сбыта бриллиантов, ускорили наступление депрессии.

«Экономист» от 22 февраля пишет, что все рынки, куда вывозятся южно-африканские продукты, находятся в депрессивном состоянии и поэтому причины перелома к упадку в Южной Африке находятся вне местного контроля.

Таким образом, все британские доминионы охвачены в той или иной степени тяжелой депрессией. Это яркий показатель того, как противоречия современного капитализма в законченном виде переносятся в страны молодой индустриализации.

Кризисные явления можно с чрезвычайной ясностью проследить в Японии. Молодой японский капитализм пережил во время войны период небывалого под'ема. Несмотря на отсутствие угля, железа и нефти, Япония стала первоклассной промышленной страной. Далеко не ограничиваясь текстильной промышленностью, Япония производит сложнейшие машины и химические продукты, строит суда, является одной из первых стран в мире по потреблению электричества.

С 1920 г. в Японии имел место ряд глубоких экономических кризисов. С 1925 г. хозяйство страны почти не выходило из состояния хронического застоя. Попытки рационализации промышленности приводят лишь к обострению противоречий. В 1929 г., после еле заметного улучшения в третьей четверти года, снова наступил поворот к снижению в тяжелой промышленности и машиностроении. Угольная промышленность сократила производство на 15%, металлургия — на 30%, хлопчато-бумажная — на 17%, цементная — на 38%, бумажная — на 35% и т. д. В общем, за 1929 г. закрылось около 500 фабрик. Внутренняя торговля была весь год в чрезвычайно подавленном состоянии. Американский кризис немедленно сказался на экспорте шелка, составляющем почти 40% всего вывоза страны (70% экспорта шелка направляется в Соед. Штаты).

Сокращение сбыта вызвало немедленное падение цен, сказавшееся как на промышленности, так и на сельскохозяйственном населении. Производством шелка-сырца в Японии заняты 2 млн. семей. Общий аграрный кризис

вызывает массовое обнищание крестьян и в то же время рационализация промышленности и сокращение производства в связи с кризисом выбрасывают на улицу сотни тысяч рабочих. В начале 1930 г. шелковая и ткацкая промышленность проводят сокращение продукции на 25%, увольняя 60.000 работниц. Попрежнему продолжается кризис судоходства, и судостроительные верфи сокращают производство и увольняют рабочих. Бешеное наступление на условия труда, отчаянные попытки искоренения «опасных» мыслей и напряженная империалистическая активность (особенно в Китае) оказываются бессильными ослабить стремительный рост экономических противоречий. По данным биржи труда в Токио, безработица (во всей Японии) достигла в начале 1930 г. 1 млн. Другие буржуазные источники говорят о наличии 1.700.000 безработных. Директор японского государственного банка Хиджината заявил в интервью 10 марта, что надежды на то, чтобы экономический кризис был изжит менее чем в 2 года, очень слабы. Министр финансов Японии добавил к этому интервью, что он не может сказать, как долго продлится кризис. Так он заявил:

> «Если бы я был в состоянии контролировать индийское национальное собрание, если бы я мог контролировать процветание в Соед. Штатах, если бы я мог контролировать все движения международных цен и кредита, я не был бы министром финансов Японии. Я был бы богом... Внешние факторы входят в уравнение в такой значительной степени, что никто не может указать предела нынешнего периода плохих дел».

В Китае уже несколько лет идет непрестанная генеральская война. Громадные армии милитаристов как саранча об'едают все вокруг, разоряют города и деревни. Целые провинции голодают. В 1929 г. от голода умерло свыше 2 млн. человек. Надежды на американского дядюшку, грандиозные планы железнодорожного строительства и восстановления дорог лопнули как мыльный пузырь. Развал железных дорог продолжается еще более быстрым темпом. Стремительно растет задолженность.

В конце декабря на шанхайской бирже произошел крах, снизивший курсы акций (в том числе руководящих текстильных фабрик) на 30—50% и разоривший массу маклеров, посредников, торговцев. Положение китайской промышленности ухудшается с каждым месяцем. Ряд хлопчатобумажных фабрик прекратили работу. За последние месяцы закрылись более 100 шанхайских шелкопрядилен. Не работают ⅔ мельниц, большая часть табачных фабрик, ряд разнообразных предприятий в Ханькоу и других промышленных центрах.

Тяжелая промышленность почти не работает. Многие китайские предприятия за бесценок переходят в руки иностранного капитала.

Резкой депрессией характеризуется состояние экономики Индии. С особенной силой она сказывается в хлопчато-бумажной промышленности в результате сокращения потребления, падения экспорта и роста импорта из Японии. Промышленники вопят о государственной помощи, субсидиях, о повышении пошлин и настойчиво пытаются усилить эксплоатацию труда. Депрессия текстильной промышленности отражается на всей жизни Бомбея. Кризис переживает и джутовая промышленность Бенгалии.

Сокращение правительственных заказов (особенно железнодорожных) отразилось на металлопромышленности. Вывоз чугуна также падает, основные металлургические предприятия Индии — заводы Тата — резко сократили продукцию. Сельское хозяйство не выходит из состояния глубокого кризиса.

Мировое перепроизводство чая и падение цен вызвали кризис плантаций. Громадный рост и революционизирование рабочего движения подтачивает самые основы господства британского империализма, выкачивающего из страны колоссальные сверхприбыли.

Резкий кризис переживает Сингапур и вся Британская Малайя. Снижение цен на каучук и олово вызвало уже в 1928 г. снижение экспорта на 360 млн. долларов. В 1929 г. снижение продолжалось. Резко сократился ввоз рабочих из Индии на плантации и число индийцев, остающихся в стране после сезона.

Аналогичные причины вызвали тяжелую депрессию в Индонезии, усугубляемую падением цен на сахар.

Стоимость экспорта в 1929 г. снижалась из месяца в месяц. Ряд чайных, кофейных и других плантаций не имеют ни одного заказа и не знают, куда девать свои запасы. Покупательная способность населения резко снизилась. Кустарная текстильная промышленность (производство так называемого батика) сократилась до 25% своей обычной продукции. Финансовое положение крайне неустойчиво. Американский кризис значительно усугубил и усилил развитие кризиса.

Не лучше экономическое положение и на Филиппинах. Снижение цен на экспортные продукты вызвало падение экспорта по стоимости, несмотря на рост по об'ему. Покупательная способность населения заметно снизилась. К этому присоединились следствия опустошительного тайфуна.

Необходимо отметить затяжную депрессию в Египте, переполнение складов непроданным хлопком, за который крестьяне тщетно дожидаются платы.

С такой же резкостью сказывается кризис в африканских колониях.

Очень характерны явления тяжелого экономического кризиса в Бельгийском Конго, принявшего за последнее время угрожающие размеры. Громадные кредиты, экспансия торговли без учета возможностей рынка, «кон'юнктура в долг» вызвали переполнение складов товарами, которые нельзя сбыть. Снижение цен на колониальные продукты вызвало массовые разорения.

Политика правительства по отношению к сельскому хозяйству и зверская эксплоатация рабочей силы в промышленности вызвали голод, массовые эпидемии, угрожающее сокращение туземного населения.

Из Уганды местная газета «Уганда Геральд» сообщает (3 января 1930 г.):

> «В сельском хозяйстве страны величайшую заботу вызывает сокрушительное падение цен на все сырьевые продукты колонии — кофе, хлопок, шерсть, масляничные семена, кожи и т. д. Кофе и хлопок—основные продукты Уганды — целиком зависят от американских цен. Сейчас абсолютно ясно, что мировое снабжение сырьем значительно превышает потребности. Избытки должны вывозиться по низким ценам, что создает общее потрясение и нервность. Выходом может быть только спартанское лекарство—выживание самых приспособленных. Крупные плантаторы должны снизить себестоимость, а неприспособленные—исчезнуть».

Эти примеры показывают, как потрясения мирового рынка охватывают отдаленнейшие уголки Экваториальной Африки.

Не останавливаясь на других странах, мы можем лишь вновь подчеркнуть тот несомненный факт, что глубокий экономический кризис охватил за самыми редкими исключениями весь колониальный мир.

Еще более яркую картину капиталистического перепроизводства и назревания международного экономического кризиса мы получим, если возьмем картину мирового хозяйства в вертикальном разрезе, т.-е. по отдельным хозяйственным отраслям.

(Продолжение следует).

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Поместив в порядке обсуждения статью т. Розенталя «На новом этапе», редакция считает желательным обсуждение проблем нынешнего этапа социалистического строительства.

Редакция

Р. Вайсберг.

Идеология и практика „левых“ загибов.

> «Разве не головокружительно мощный тут толчок производительные силы получили от сложившихся новых производственных отношений». (В. Богушевский: «О новом этапе» в «З. И.» от 11/II—1930 г.).
>
> «Успехи иногда кружат голову. Они порождают самомнение и зазнайство». (И. Сталин, «Ответы колхозникам»).

Стихийная волна сногсшибательных благоглупостей в деревне получила со стороны партии сокрушительный отпор. В постановлениях Центрального Комитета партии по вопросам коллективизации, в решениях о коллективизации и в последних статьях тов. Сталина указывается достаточно категорически на необходимость борьбы с теми возмутительными перегибами и извращениями партийной линии, которые встречаются на местах.

Газеты за последнее время пестрят сообщениями о перегибах в отношении сельского хозяйства, частной торговли, ловецких промыслов, о нарушении закона об избирательных правах и т. д. Перегибщикам в высокой степени наплевать на партийную линию и на законы советской экономики. Если даже отвлечься от случаев кулацкой провокации, то надо все же сказать, что, несмотря на хорошие суб'ективно-революционные намерения головотяпских коллективизаторов, их административный поход против законов советской экономики и против партийной линии ничего общего с ленинской политикой, конечно, не имеет. Они внесли на тринадцатый год революции в деревенскую практику немало таких элементов, которые троцкизм безуспешно и позорно пытался в свое время навязывать партии.

Этот своего рода неотроцкизм, концентрированный в извращениях генеральной линии партии в практике некоторых мест, пытается найти также и своих идеологов, при чем соответствующая идеология проявляется как в провинциальном творчестве, так и в центре в лице авторов отдельных «теоретических» статей и выступлений. Работники, например, окружного масштаба, не всегда могут ссылаться на Маркса и Ленина и извращать их; они меньше «теоретизируют» в силу меньшей их политической подготовленности. Там, где встречается надобность в идеологическом подкреплении антипартийной практики, низовые работники на словах «не расходятся» с партийными решениями, но толкуют их по-своему. Иные поступают еще проще: излагают партийные решения так, как это им нужно для своей практической злобы дня. Излагают иногда партийные решения так, как левая «головотяпская» нога захочет, беря на себя задачу правильной информации и ориентации партийных и беспартийных масс. Товарищ, вернувшийся недавно из командировки, рассказывал, что в одной деревне он встретился с комсомольцем, который руководил раскулачиванием. Сей политический юнец безоговорочно и безостановочно «раскулачивал» всех и вся без различия пола, возраста и социального положения.

Когда приехавший из центра товарищ сказал комсомольскому «вождю», что он проводит худшее издание военного коммунизма, то тот ответил:

— А ведь партия приказала проводить в настоящее время «*военный коммунизм*».

Излишне доказывать, что такого рода заявления находятся в самом резком противоречии с теми директивами, которые дает партия. Против таких установок партия вела и ведет самую решительную и безапелляционную борьбу.

Особого внимания заслуживают извращения, допускаемые железнодорожниками, поскольку они являются тем отрядом пролетариата, который наиболее близко стоит к деревне и сильнее других связан с нею.

Например, на ст. Калмык в ЦЧО партийная ячейка вынесла резолюцию, согласно которой все члены союза, не связанные с сельским хозяйством, обязаны состоять пассивными членами колхоза. Это постановление было вынесено уже после появления в газетах ответов тов. Сталина на вопросы свердловцев.

Сталинградский и Губакинский Учкпрофсоюзы пошли еще дальше.

Первый разослал по 15 «подведомственным» ему станциям циркуляр о том, чтобы связанных с сельским хозяйством железнодорожников, не вступающих в колхоз, *исключать из профсоюза и снимать с работы на транспорте*, а второй поставил вопрос еще более решительно: *лишать земли за отказ от вступления в колхоз*.

Об'ективный смысл этих чиновничьих приказов слишком ясен: *он льет воду на мельницу контрреволюции, усиливает политические позиции кулаков в деревне, роет пропасть между рабочим классом и середняцкими массами деревни и лишает нас опоры на бедноту.*

Приведем еще небезынтересный случай. Недалеко от Москвы имеется станция Царицыно-Дачная, где местные железнодорожники издают свою стенную газету. В этой газете, в статье «Подкулачник» мы читаем следующее:

> «На станции Царицыно-Дачная имеются кулацкие подпевалы, которые работают стрелочниками и сигналистами, которые за время советской власти окулачились и построили дома и приобретают хозяйство, имеют 2—3 коровы, но когда *решение ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) издало декрет о сплошной коллективизации страны* (курсив наш. *Р.В.*), тут-то наши домовладельцы заговорили, что нам эта коллективизация приносит больше вреда, а не пользу. Надо гнать таких товарищей ж. д., которые смотрят так на коллективизацию крестьянского хозяйства, как эти шкурники».

Относительно «декрета» Центрального Комитета партии о сплошной коллективизации страны упоминается также в передовой этой стенной газеты.

Товарищи железнодорожники безусловно правы в том отношении, что среди них имеются такие, которые «окулачились», что имеются домовладельцы, хозяева и хозяйчики, берущие в штыки политику партии. В этой важнейшей для партии борьбе им надо оказывать всяческую помощь.

Но то, что напечатано в стенной газете о ноябрьском пленуме ЦК, только ослабляет позиции наших товарищей в их борьбе против правого уклона и усиливает кулацкие настроения. Стенная газета извратила партийные решения.

Надо прямо сказать, что авторы такого рода статей либо не читали партийных постановлений, либо поняли их по-своему. В этих статьях отсутствует элементарная грамотность, элементарное представление о политике партии и о государственном строе Советской страны. Совершенно ясно, что нигде, никогда и никаких декретов Центральный Комитет партии не издавал

и не издает. Не подлежит сомнению и то, что установок на принудительную коллективизацию партия не только не давала, не только никому не рекомендовала такого рода антиленинской политики, но решительно боролась и борется против нее. Если отдельные ретивые теоретики наспех создают теории для оправдания целого ряда неправильных действий, подчиняя теорию неправильной практике, то практические работники для оправдания своих неправильных действий иногда попросту по-своему переписывают с соответствующими «исправлениями» партийные постановления.

Устанавливается определенное *соответствие* между антипартийной идеологией и извращениями политической линии на местах.

Эта местная «самостийная» политика и практика в полной степени соответствует отдельным неправильным теориям, выдвигаемым в центре. Те или иные «загибистые» теоретические установки встречались неоднократно в газетных заметках, на собраниях и т. д. Однако, наиболее концентрированное выражение они получили в теоретических потугах тов. Богушевского. Хотя о них уже писалось несколько раз в нашей печати, однако, его выступление заслуживает того, чтобы на нем остановить внимание читателя, так как, во-первых, оно продвигает на более «высокую ступень» то головотяпство, которое творится на местах и, во-вторых, представляет «левые» ошибки в более концентрированном виде.

Но писания тов. Богушевского и теоретическая путаница газеты «За Индустриализацию» заслуживает внимания еще и по другой причине. До сих пор (9 апреля 1930 г.) Богушевский от своих ошибок не отказался, ибо не чем иным, как остаиванием ошибок, нельзя назвать литературные выкрутасы, которые пускает в ход тов. Богушевский и «За Индустриализацию»[1] в ответ на то осуждение, которое эти ошибки нашли на страницах нашей партийной и советской печати.

Случайно ли это? Нет, не случайно. Имеются условия, питающие такого рода настроения. О них достаточно четко сказано тов. Сталиным в его «ответах товарищам-колхозникам». Говоря о «левых» загибах и административных увлечениях, тов. Сталин пишет: «Это особенно легко может случиться с представителями партии, стоящей у власти. Особенно такой партии, как наша партия, сила и авторитет которой почти неизмеримы. Здесь вполне возможны факты комчванства, против которого с остервенением боролся Ленин. Здесь вполне возможна вера во всемогущество декрета, резолюции, распоряжения. Здесь вполне реальна опасность превращения революционных мероприятий партии в пустое, чиновничье декретирование отдельных представителей партии в тех или иных уголках нашей необ'ятной страны».

Административный восторг на практике и возведение его в принцип в теории играет огромную роль в перегибах. К нему присоединяются еще и потребительские интересы в ряде лжеколхозов, рваческие настроения.

Некоторые из тех, которые вчера выступали героями кавалерийской коллективизации, сегодня ударяются в панику перед трудностями, перегибают палку в другую сторону: распускают колхозы там, где в этом нет надобности, разбазаривают их семена и инвентарь без всякого к тому основания.

Что же касается тов. Богушевского, то в печати уже отмечалось, что он, как и все его единомышленники, в теории и на практике перепрыгивает через определенные этапы и ступени развития нашего народного хозяйства. Вопрос об этапах его не интересует. Он скачет через них галопом, не понимая той полосы развития, в которую мы вступили, не понимая того, что представляет собой нэп в настоящее время. У него нет ни правильного представления об истории нашего развития, ни какой-либо ясной перспективы на ближайшее будущее.

---

[1] См. «За Индустриализацию», 1930 год, №№ 56, 58, 60, 72, 74.

Тов. Богушевский, считая, что у нас имеется сплошное «социалистическое плато», стоит на позиции «гром победы, раздавайся». Он полагает, что мы имеем почти что завершенный социализм. Но откуда этот социализм взялся? Был ли он подготовлен ходом развития последних лет? Товарищ Богушевский скромно умалчивает об истории развития нашего советского хозяйства. Но в двух словах он все-таки касается этого вопроса и дает на него ответ достаточно оригинальный. Он пишет:

> «В 1928 году мы подошли к решающему моменту. Обусловленный экономической политикой пролетариата рост производительных сил поднял на значительную высоту оба сектора нашего хозяйства — и социалистический и частный, из которого рос капитализм. Соревнование двух сил — социализма и капитализма — дошло до своего апогея. Лицом к лицу стали действительно мощные силы, действительно гигантские соперники. Началась упорная позиционная борьба. Соревнование вступило в этап, когда малейшая уступка со стороны социалистического сектора могла бы передать инициативу в руки противника. И это могло бы решить судьбу соревнования, могло привести к реставрации капитализма».

Итак, по Богушевскому, всего только два года назад наше народное хозяйство стояло чуть ли не на грани гибели. Малейшая уступка капитализму могла бы привести к тому, что социализм потерпел бы полное поражение, погибли бы все завоевания Октябрьской революции. К сожалению, тов. Богушевский столь быстро мчится на всех парах к социализму, что у него, повидимому, не хватает времени сказать читателю о том, что же у нас было два года назад, что было в том самом 1928 г., который мог, по его мнению, передать все преимущества частному капиталу.

Мы позволяем себе несколько подробнее остановиться на этом моменте в построениях тов. Богушевского, так как он, как в фокусе, отражает всю его теоретическую путаницу. Концепция «галопирования» через этапы нашего развития, концепция игнорирования специфических особенностей сказывается наиболее отчетливо не в тех или иных теоретических рассуждениях тов. Богушевского, а в его попытке применить свои теоретические рассуждения к конкретному материалу, в данном случае, к тому, что у нас творилось всего только два года назад.

То был действительно сложный и чрезвычайно тяжелый год, когда при первых плодах реконструкции и при растущих темпах индустриализации кулак повел экономическую борьбу против нас. Зерновая проблема стала чрезвычайно остро. Вопрос о хлебе сделался вопросом наиболее боевым и жгучим. Не было ли тогда с нашей стороны малейшей уступки? Действительность говорит, что такая «уступка» была. Для того, чтобы об этом знать, достаточно читать партийные постановления так, как они написаны, а не так, как их читают духовные друзья Богушевского, участники стенной газеты на станции Царицыно-Дачное. По постановлению пленума Центрального Комитета партии в июле 1928 г. мы пошли на повышение хлебных цен. Это была «уступка» середняку в интересах развития отсталого зернового хозяйства. На этой уступке выиграл против нашей воли и кулак, спекулируя на хлебных ценах.

Вся беда тов. Богушевского заключается в том, что он не видит движения народного хозяйства (это связано у него и с игнорированием ступеней развития). Он видит поверхность классовой борьбы, но не ее внутреннюю диалектику. Поэтому у него получается вульгаризация проблемы: «позиционная борьба»и точка. «Малейшая уступка»—и крышка, полное поражение.

Тов. Богушевский не учитывает того, что, уступив, партия одновременно произвела решительный перелом в совхозном строительстве, напрягла все усилия для форсирования темпов развития нашей промышленности и особенно тяжелой индустрии, обратила исключительное внимание на те отрасли промышленности, которые непосредственно связывают социалистический сектор с сельскохозяйственным производством и дают пролетариату возможность на основе прочной экономической базы действительно повести за собой крестьянство широким потоком по пути колхозного движения.

Следует понимать 1928 г. диалектически, а не механистически, как это делает тов. Богушевский. Партия пошла в интересах дальнейшей индустриализации на «уступку» и погнала паруса индустриализации еще более быстрым темпом. Тот период реконструкции, в который мы вступили еще в 1927 г., и то ускоряющееся движение социалистического сектора, которое происходит за последние годы, — и подготовляют в целом действительный и неоспоримый рост колхозного движения, выявившийся в период осуществления пятилетки (если обратить дутые, в порядке административных перегибов «созданные» колхозы).

По Богушевскому же, получается, что в 1928 г. мы были на грани полного крушения, и только какая-то (а какая неизвестно) счастливая случайность вдруг ни с того, ни с сего дала столь решительный перелом, что уже через два года мы находимся лицом к лицу с социализмом.

Тов. Богушевский не понимает, однако, ни того, что было в 1928 году и ни того, что было до того времени. Он берет социалистическое и частное хозяйство, не учитывая различных путей их предыдущего развития. Он рисует дело крайне упрощенно: «рост производительных сил поднял на значительную высоту оба сектора нашего хозяйства и социалистический и частный». От этих слов веет поразительным невежеством в области анализа конкретной экономики СССР.

Еще понятны неудачные теоретические упражнения тов. Богушевского, но совершенно непонятно и непростительно его «изложение» конкретных фактов. «Героем можешь не быть, а гражданином быть обязан...». Он ставит знак равенства между ростом социалистического и частного хозяйства. Неверна такая трактовка в корне. Все время до 1928 г. наше народное хозяйство развивалось так, что социалистическое хозяйство шло впереди более высокими темпами, нежели простое товарное хозяйство и хозяйство капиталистическое. Из года в год по основным экономическим показателям возрастал удельный вес социалистического хозяйства и падало в своем удельном весе частное хозяйство. Надо ли это доказывать цифрами? Достаточно обратиться к ежегодным изданиям «контрольных цифр» или читать популярные издания для школ политграмоты, для средних и низших учебных заведений, посмотреть популярные плакаты для того, чтобы знать, что «гвоздь» вопроса не в том, что просто росли две части народного хозяйства, но в том, что в этом росте одна из них обгоняла другую, оттесняя ее на второй план. Так, например, если еще в 1925—26 году удельный вес капитальных вложений в простое товарное и капиталистическое хозяйство, вместе взятые, составлял 57,5 проц., т.-е. свыше половины, то в 1927—28 году он снизился до 44,8 проц., занимая уже меньше половины. Аналогичная тенденция наблюдается и по основным фондам, по валовой и товарной продукции и т. д Конечно, при этом происходил и абсолютный рост частного хозяйства по основным экономическим элементам, но с некоторого времени начинается и падение его абсолютных размеров; так обстоит, например, с частной торговлей и промышленностью; абсолютные размеры первой падают, начиная с 1926—1927 г., и второй — с 1927—28 года. Похоже ли это на простой рост и на «апогей» соревнования? Ничуть!

Уступка является уступкой, и повышение хлебных цен 1928 г., конечно, нанесло нам некоторый урон, который сделался еще более значительным в связи с тем, что цены фактически возросли гораздо больше, чем мы предполагали.

Классовая борьба обострилась, но не притупилась и не кончилась, как думает тов. Богушевский. Она продолжается и продолжает обостряться еще по сей день. Но в этой борьбе позиции социализма крепнут, о чем говорит бесчисленное количество повседневных фактов.

Проскакав через годы развития, тов. Богушевский мчится дальше, отрываясь от «базиса», прямо в «надстройке».

Богушевский не видит тех огромных и действительно решающих сдвигов, которые произошли в народном хозяйстве за последнее время, тех сдвигов, которые имеют место в первую очередь в промышленности и сельскохозяйственном производстве. Он не понимает связи между базисом и «надстройкой» в процессе реконструкции.

Нельзя сказать, что тов. Богушевский не уделяет внимания вопросам производства. Наоборот, в его статье сказано по этим вопросам очень много слов, им посвящено немалое количество строк. Но центр тяжести, ключ к разрешению сдвигов, «существенно новое», как он сам выражается, он ищет не в производственных процессах, но в аппарате, в надстройке, в системе «управления» хозяйством.

В полном противоречии с Марксом и Лениным Богушевский переносит центр тяжести на «надстроечные» моменты, механически отрывая их от производственной базы. Он пишет:

> «Переделывается вся «надстройка». Никогда еще так интенсивно не происходила переделка «надстройки», как именно сейчас. Это явное знамение времени. Это существенно новое, чем очень резко характеризуется новый этап переходного периода» (курсив автора).

А затем следует перечень аппаратов не только реорганизованных, но и подлежащих реорганизации.

Отрывать реконструкцию аппарата от реконструкции производства, сводить реконструкцию народного хозяйства к реконструкции аппарата и только в этом видеть «существенно новое» нового этапа — это немножко похоже на подмену обобществления и механизации сельскохозяйственного производства реорганизацией колхозной системы, а реконструкцию промышленности — реорганизацией ВСНХ.

Смешно было бы преуменьшать огромное значение построения аппарата для социалистического строительства и движения вперед, но основой основ остается «все-таки» реконструкция производства и связанных с ним экономических отношений. Нельзя при этом именно в условиях диктатуры пролетариата механистически отделять «аппарат» от хозяйственного развития, как раз потому, что у нас аппарат не только администрирует, но воздействует решающим образом на экономические процессы страны.

Богушевский не понимает, что реорганизация ВСНХ, Наркомзема, Наркомторга и т. д. не является самостоятельным фактором. При огромном значении организационных моментов, которые в отличие от капиталистического строя играют у нас исключительно большую роль, следует все же сказать, что они не играют самостоятельной роли. Мы пришли к реорганизации управления (при чем к такой реорганизации, которая далеко еще не соответствует построенному и завершенному социалистическому обществу, а только некоторым более высоким ступеням переходного периода) именно потому, что благодаря упорной и последовательной политике партии, преодолевая огромные затруднения, удалось поднять народное хозяйство и, в первую очередь, его производственную базу на столь высокую ступень, какой у нас еще не было до сих пор. Благодаря огромным успехам и в области промышленного производства и в области обобществления сельского хозяйства мы не только можем, но и должны строить весь аппарат управления таким образом, чтобы он помогал дальнейшему развитию наших новых возможностей. Наиболее правильная организация аппарата должна в наших условиях способствовать ускорению темпов нашего развития.

Революционизирующая и ведущая роль наших производственных отношений не подлежит никакому сомнению. Достаточно «посравнить да посмотреть» экономическую и классовую структуру нашего общества с экономической и классовой структурой капиталистических стран, достаточно сопоставить роль плановой системы у нас хотя бы с гуверовским «планированием» перед лицом американского кризиса, чтобы понять, что мы стоим на недосягаемой для капитализма высоте. Наши производственные отношения и обуславливают темпы развития наших производительных сил и именно благодаря им последние идут такими шагами, которые оставляют позади себя всякие сверхамериканские темпы в капиталистических условиях. Но все это не означает, однако, будто с развитием производительных сил вовсе не надо считаться. Оно кладет определенные пределы нашему развитию, игнорирование которых жестоко мстит за себя Партия вела и ведет упорную борьбу против всякого рода Громанов, Кондратьевых и Базаровых, которые хотят уложить наши производственные отношения в пределы унаследованных от царского режима производительных сил. Равным образом следует разоблачить и развенчать всякие теории о том, будто наши производственные отношения и развитие социалистических форм обязаны рабски следовать за состоянием производительных сил. Активность и революционная действительность наших социалистических форм по отношению к производительным силам, их «забегание вперед», способствующее ускорению развития производительных сил, является одним из крупнейших преимуществ всей нашей системы. Но это «забегание», совершенно правильное с точки зрения наших классовых задач, революционно-целесообразное и об'ективно-возможное, должно организовывать и вести за собою массы в процессе социалистического строительства. На каждом этапе надо соблюдать тот диалектический ленинский оптимум, который, позволяя партии двигаться «со всей массой», дает ей возможность действительно итти революционными шагами, революционными темпами.

Выступая в колхозном движении за добровольность, мы должны вместе с тем бороться против всяких теорий «самотека», как правооппортунистических, явно-капитулянтских. Сегодня коллективизация может и должна охватить значительно большую площадь, нежели та, которая может быть обработана наличным в стране количеством тракторов. Однако, сегодня размеры и качество коллектизизации одни, а когда у нас будет тракторов в 5 или 10 раз больше, коллективизация будет выглядеть по-иному. Дело не в тракторах только, но в производительных силах страны. Мы ведем решительную борьбу против тех, которые не видят возможностей нашего революционного воздействия на производительные силы. Воздействие это имеет в наших условиях невиданные по своему размаху и значению возможности, но все же возможности не безграничные и уже во всяком случае не «головокружительные», как думает тов. Богушевский.

Как бы в дополнение, в философии Богушевского выдвигаются новые теории денег, в силу которых у нас уже имеются не деньги, а расчетные знаки. Люди хотят перепрыгнуть через самих себя, вместо того, чтобы изучать трансформацию денежного обращения.

С такой же легкостью, с какой месяца два тому назад т. Богушевский ликвидировал нэп, а «За Индустриализацию» разрешала и проблему «кто-кого», он и теперь впадает в панику. С таким же непонятным головокружением, с каким 1928 год мановением его собственного литературного пера превратился из года гибели советской системы в год социалистического триумфа, тов. Богушевский «ведет» теперь колхозное движение в отступление. «За Индустриализацию» выступила с новым путаным и дезориентирующим читателей лозунгом «оперативная пауза», якобы об'ясняющим ту борьбу с перегибами, которую ведет партия в настоящее время.

По человечеству, мы понимаем т. Богушевского. Он не хочет и не в состоянии сказать, что он ошибался в вопросе о том, будто у нас имеется «сплошное социалистическое плато», что «З. И.» смазывает классовую борьбу, утверждая, что задача «кто-кого», поставленная Лениным, уже разрешена и что вся его (Богушевского) теория идет по линии той головотяпской практики, которая встречается во многих местах. Нужды нет в том, что статьи «З. И.» почти не доходят до усердных не по разуму администраторов в деревне. Важно то, что и вне конкретной организационной связи с колхозами богушевщина политически оформляет «левое» самодурство на местах.

Вместо того, чтобы все это осознать и прямо об этом сказать, вместо того, чтобы ясно и без обиняков довести до своих читателей установки партии в борьбе с перегибами, т. Богушевский извращает эти установки под углом зрения «оперативной паузы».

В чем смысл паузы?

В передовой № 72 «З. И.» раз'ясняет этот смысл:

> «Оперативная пауза — так на языке военной науки называется тот временный перерыв в быстром и победоносном наступлении, когда, уйдя в наступлении далеко вперед, части останавливаются, чтобы закрепиться, подтянуть и организовать тыл, укрепить исходные позиции, с которых начнется дальнейшее продвижение».

В процессе коллективизации партия не устраивает ни «остановок», ни перерывов, она только останавливает и одергивает тех работников, которые «наголовотяпили» и переадминистрировали. Но здесь никакого движения вперед не было. Если, по Богушевскому, горе-администрирование означает итти вперед в колхозном движении, то у нас действительно имеется «пауза» и отступление.

На чем «части останавливаются»?

На эфемерных ли завоеваниях? На «раскулаченных середняках», на потребительских коммунах, не имеющих под собою производственной базы?

На такого рода «завоеваниях» партия не задерживается и не закрепляется. Их она ликвидирует решительно и безоговорочно.

В этом пункте мы ни от каких завоеваний не отступаем по той причине, что здесь никаких завоеваний не имеется.

Что же касается тех действительных, не дутых, но реальных успехов, которые мы имеем в этом году в колхозном движении, то от них партия не отступает, но она закрепляется на них, продолжая в то же время дальнейшее продвижение вперед. И здесь никакой «паузы»— ни оперативной, ни иной какой — не имеется

Только для тех, для которых борьба с головотяпством и с огромнейшим количеством благоглупостей, сделанных на местах, является отходом от действительно завоеванных позиций, только для них последние решения ЦК партии и статья тов. Сталина могут рисоваться в виде «оперативной паузы».

В статье т. Сталина «Головокружение от успехов» мы читаем:

> «Нельзя сказать, чтобы все опасные и вредные для дела настроения имели сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но они, эти настроения, все же имеются в нашей партии, при чем нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться. И если они, эти настроения, получат у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено и опасность срыва этого движения может стать реальностью».

Тов. Сталин считает, что только в том случае, если «головокружительные» настроения «получат у нас права гражданства», то «может стать реальностью» «опасность срыва этого (колхозного) движения».

«З. И.» считает, повидимому, свои собственные настроения господствующими и превращает в действительность то, что по Сталину только «может стать реальностью». Газета без всяких разговоров об'являет всю коллективизацию под угрозой гибели. «За Индустриализацию» вместе с т. Богушевским прочно засели в болото «оперативной паузы». Поэтому «За Индустриализацию» об'являет в передовой от 4-го апреля с. г., что «коллективизация находится в опасности». (Курсив газеты. *Р. В.*). Какая коллективизация? Головотяпская — да. Но настоящая, здоровая, по-большевистски руководимая коллективизация не находится в опасности. Сперва—«шапками закидаем» законы экономики и вмиг построим социализм, а затем — поворот на 180 градусов и паникерство, — вот образчик мелкобуржуазных колебаний. «Теоретики» и «практики» головокружения и паники идут рука об руку.

Каковы бы ни были хорошие суб'ективные намерения т. Богушевского, его литературные выступления представляют собою оформление административного восторга, обстрел партийного курса в крестьянском вопросе с троцкистских позиций. История повторяется.

Троцкизм, который старается быть «левее» всех левых и базируется на мелкобуржуазной крикливой фразе, всегда и неизменно оказывается в правооппортунистическом болоте. По существу неотроцкизм наших дней, об'являющий устами Богушевского класовую борьбу ликвидированной, только подкрепляет правый уклон. Но Богушевский не только по существу, но и по форме, в довольно недвусмысленных выражениях становится на защиту правых. В то время как партия считает, что правые целиком и полностью по всем пунктам своих выступлений ошиблись, в то время как правые после ноябрьского пленума сами официально признали свои ошибки, — Богушевский, напротив, считает, что правые, в отличие от партии, кое в чем правильно ставили вопрос. Он пишет:

> «Они (правые) не правы были, говоря о возврате к военному коммунизму, или об отмене нэпа. Но они не ошиблись в том, что мы подошли вплотную к новому этапу нэпа, к началу конца нэпа»[1]).

По Богушевскому, выходит, что правые элементы партии, являющиеся рупором кулаков, действительно сказали новое слово, под которым партия должна якобы подписаться. Никаких правильных лозунгов правые не давали, но повторяли избитые обывательские и кулацкие рассуждения о политике партии. Богушевский же требует, чтобы партия признала правильным выступления правых. Круг завершается.

* * *

Мы не берем на себя смелости, по примеру т. Богушевского, создавать новые теории.

Не претендуя на открытие каких-либо «америк», мы хотим, в заключение, отметить только некоторые моменты, которые, на наш взгляд, должны быть учтены в связи с новым этапом:

1. Темпы развития социалистического сектора увеличиваются. Ведущая роль промышленности усилилась. Раскрываются огромные потен-

---

[1]) См. «За Индустриализацию» от 11 февраля с. г.

циальные возможности в социалистическом секторе, которые еще далеко не полностью проявили себя.

2. Социалистическое соревнование, непрерывное производство, ударничество превратились в массовое явление. Это движение имеет еще колоссальные неиспользованные ресурсы.

3. Резко возросла роль плана в народно-хозяйственном и культурном строительстве.

4. Проблема «догнать и перегнать» капиталистические страны поставлена на реальную почву, переводится на боевые рельсы, но разрешение этой проблемы находится еще в зачаточном состоянии.

5. Рост совхозов и колхозов отошел далеко от тех убогих темпов, которыми характеризовался т. н. восстановительный период. Каковы бы ни были трудности, которые еще стоят впереди (а они достаточно велики), можно считать прочно завоеванными новые темпы роста совхозов, как крупных сельскохозяйственных государственных фабрик и колхозов как массовых организаций бедняков, батраков и середняков для социалистического труда, для социально-технической реконструкции земледелия. Но внутри колхозов предстоит еще гигантская работа по социальной переделке вчерашних индивидуальных товаропроизводителей в настоящих коммунаров. Внутри колхозов еще имеются социальные противоречия. Огромной работы требует еще внутри колхозов и техническая реконструкция.

В теснейшей органической связи с высокими темпами индустриализации, сплошная коллективизация накладывает особый отпечаток на тот период, в который мы вступили.

6. Начинают сокращаться, а местами ликвидируются, об'ективные экономические предпосылки для капиталистической эксплоатации в деревне. Об'ект эксплоатации—батраки, бедняки, маломощная часть середняков — с развитием коллективизации исключается из индивидуального сектора и становится для кулака экономически недосягаемым. Земля, которую беднота местами сдавала в аренду кулаку, включается в колхоз. Кулацкие средства производства не могут больше служить для эксплоатации бедноты. Наемный труд в деревне уходит от кулака в колхоз, в совхоз, в городскую индустрию. Но было бы жесточайшей ошибкой и величайшим политическим заблуждением рассматривать дело таким образом, будто процесс лишения деревенского капитализма его об'ективных условий существования и производственных возможностей уже завершился. Мы говорим только о процессе, который развертывается по мере роста совхозного и колхозного строительства в деревне. Сегодня еще остаются об'екты эксплоатации в деревне, сегодня в деревне еще есть и батрак, и бедняк, и кулак. Сегодня далеко не повсеместно даже колхозники свободны от игры частно-собственнических тенденций. Сегодня огромные толщи середняков занимают виднейшее место в деревне. Вопросы ограничения, вытеснения и, наконец, ликвидации кулака как класса решаются не административными мероприятиями (хотя от административных мер мы, вообще говоря, не отказываемся ни в городе, ни в деревне там, где они действительно целесообразны с точки зрения задач пролетариата), но экономическими условиями, успехами строительства социализма и, в частности, размерами, формой и содержанием колхозного движения.

7. Классовая борьба и в городе, и в деревне не ослабляется, но, наоборот, все больше и больше обостряется. Обострение происходит в условиях нашего наступления, в условиях вытеснения и ликвидации кулака как класса, но все же оно усиливается и требует от нас активных действий, ряда маневров и бдительного внимания. Вместе с тем лозунг ликвидации кулачества как класса остается основным и главным.

8. Вопрос об индивидуальном хозяйстве не снимается. Большинство крестьянства остается еще в пределах индивидуального хозяйства. Вопрос об индивидуальном хозяйстве только ставится по-иному, по-новому. Пролетариат оказывает помощь бедняцко-середняцкому хозяйству, усиливая при этом свое руководство, укрепляя производственную смычку, создавая дальнейшие предпосылки для осуществления через ряд промежуточных ступеней социально-технической реконструкции сельского хозяйства. И в самом колхозном движении центральной и решающей делается не высшая ступень — коммуна, но переходная — артель. Начинается сокращение абсолютного количества индивидуальных крестьянских дворов в связи с переходом огромных масс в колхозы, но и при этом проблемы индивидуального крестьянского хозяйства не снимаются с порядка дня.

9. Усиливается руководящая роль партии и в городе и в деревне. Рабочий класс теснее смыкается со своей партией, вливая в нее целые производственные предприятия.

10. Аппарат управления государством реорганизуется на началах укрепления и расширения планово-хозяйственных функций. Это — результат тех реконструктивных сдвигов в области экономики и техники, которые произошли в стране. Это не просто «осознанная необходимость», но такая перестройка аппарата, которая должна «антиципировать», предвосхитить и помочь дальнейшему форсированию процессов реконструкции экономики и техники.

11. Усиливается контроль рабочих масс над госаппаратом. Шефство рабочих над госучреждениями имеет огромное значение. Начинается, но еще очень мало развит, процесс втягивания в госаппарат рабочих, остающихся на производстве. Появляются первые побеги коммунистического сращивания аппарата производства с аппаратом управления.

12. Начинается изживание противоречий между городом и деревней.

Все перечисленные условия следует брать по совокупности, а не врозь, на «загибистый» вкус. Условия эти разнообразны и противоречивы, но — противоречива действительность. Необходимо с ней считаться. Противоречия надо преодолеть в процессе упорного и неустанного социалистического строительства, а не закрывать на них глаза, об'являя их несуществующими. Когда социалистическому поезду надо прокладывать дорогу через горы, роют туннели, преодолевают огромные препятствия, а не декретируют «плато». Это элементарно, но об этом забывают правые, которые остаются главной опасностью внутри партии. Об этом они забывают, об'являя кулака несуществующим. В этом им помогают опьяненные успехами «левые», которым грезится легкое житье на фоне уже завершенной классовой борьбы. «Левые» превращаются в конечном счете в особую разновидность правых.

Мы продвигаемся к социализму в огромных и чрезвычайно сложных противоречиях. Победа впереди обеспечена за нами, но из этого бесспорного положения вовсе не следует, будто теперь, на данном этапе нам остается только подсчитывать трофеи после боев. Боев еще много впереди и поэтому крайне опасно отвлекать от них внимание партии, усыпляя бдительность партии там и тогда, где и когда от нее требуются активные действия. А этим как раз и грешит «головокружительная» идеология, без преодоления которой не может быть преодолена и открыто-кулацкая правая идеология.

В. Богушевский.

Нэп, какого не было, и такой же „новый этап“.

> «Новыми, вернее, подновленными формами правооппортунистических шатаний являются замаскированные попытки ревизии основных лозунгов партии о коллективизации и ликвидации кулачества как класса, тенденции к сворачиванию борьбы против кулака и работы по организации бедноты, попытки возродить теорию самотечного развития сельского хозяйства, смазывание специфически кулацкой, по преимуществу, социальной базы правого уклона.
>
> Основной и характерной чертой «левого» уклона является недооценка середняка, потакание антисередняцким тенденциям части бедноты.
>
> Более чем когда-либо левоуклонистская недооценка середняка льет воду на мельницу правого оппортунизма».
>
> Правда, № 96 (передовая «От XV с'езда к XVI»).

> «Мы выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса, как главный лозунг нашей практической работы в деревне в данный момент. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!».
>
> И. Сталин «Ответ товарищам колхозникам».

Обсуждение проблемы нового этапа является в настоящий момент не только важной, но крайне ответственной задачей. Острота этой проблемы потому так велика, что ее никак нельзя оторвать от тех процессов, которые протекают сейчас в деревне. Ведь ясно, что проблема нового этапа теснейшим образом связана с тем, что вслед за беднотой и среднее крестьянство массой устремилось в колхозы, что колхозное движение приобрело мощный размах и на очередь стала задача сплошной коллективизации. Но, с другой стороны, именно этот решительный поворот деревни к социализму, именно эти быстрые успехи в области колхозного движения создали почву,—«успехи иногда кружат голову» (Сталин),— на которой могли произрасти «левые» загибы, об'ективно имеющие явно антисередняцкий, троцкистский характер и представляющие собою забегание вперед, перескакивание через непройденные еще ступени, недоучет силы сопротивления классового врага. Так, обсуждение проблемы нового этапа крепкими нитями увязывается с острой практикой и политикой сегодняшнего дня, хотя, конечно, новый этап, не есть кратковременный период от одной до другой посевной кампании, скажем, а есть тот период, который должен завершить возведение фундамента социалистической экономики. Нужна особая осторожность, чтобы не порождать заблуждений, которые в таких условиях легко могут возникнуть даже из неудачного выражения, не говоря уже о неверной установке, и не питать, тем самым, загибов идеологической пищей.

Такую пищу могла дать — и, значит, является вредной ошибкой, об'ективно играющей наруку «лево»-оппортунистической идеологии и практике,— постановка мною вопроса «кто-кого?» [1]; такое значение приобрел и употребленный мною для изображения картины разрастания социалистических командных высот образ—«сплошное социалистическое плато»[2]).

Не следует забывать и того, что и помимо извращений в области колхозного движения, отнюдь еще не выкорчеваны троцкистские сверхиндустриализаторские тенденции, не осознанные подчас, что они периодически дают о себе знать и не всегда получают должный отпор. И в этом отношении обсуждение проблемы нового этапа должно быть подковано как следует быть, чтобы не стать ареной протаскивания таких сверхиндустриализаторских тенденций.

Еще более опасно, конечно, правооппортунистическое истолкование нового этапа, стремящееся в извращенном виде представить политику партии, замазать новое в этой политике, старающееся тянуть назад.

В своем «Ответе товарищам колхозникам» тов. Сталин указал на то, что «ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии», не борясь с ними нельзя победить правой — главной — опасности.

Ошибки «левых» загибщиков в колхозном движении приводят к тому, что поднимает голову правый уклон, правый оппортунизм, который, конечно, попрежнему остается главной опасностью у нас. Это усиление правого оппортунизма мы наблюдаем в практической работе («часть «леваков», вчера еще «проводившая» ура-наступление... сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам»), а также и «в идеологии» (и тут левые заскоки в свою очередь играют роль, оживляя эту правую идеологию и сами перерастая в нее).

На вопрос, в чем корень ошибок в крестьянском вопросе, т. Сталин отвечает, что он, этот корень, лежит «в неправильном подходе к середняку», «в допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком», «в забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности». Мы имеем дело с антисередняцкими загибами. И тот размах, который эти загибы приобрели сейчас, лишний раз доказывает, как права была партия, постоянно подчеркивая необходимость борьбы на два фронта, никогда не забывая предостерегать против «левой» опасности. Этот размах говорит о том, что сейчас, несмотря на то, что правая опасность остается основной, необходимо решительно усилить борьбу с левыми загибами, забеганием вперед и т. д.

Партия все время хранила завет Ленина о правильных взаимоотношениях с основными массами крестьянства, отвергая троцкистскую антисередняцкую политику так же, как и правооппортунистическую; в результате мы имеем сейчас решительный поворот деревни к социализму. Массовая коллективизация была поставлена, однако, под удар «левыми» загибами, но «наш ЦК потому и называется Центральным Комитетом ленинской партии, что он умеет преодолевать и не такие трудности», а «наша партия потому и называется партией Ленина, что она обладает достаточной гибкостью для преодоления таких трудностей и она преодолела в основном эти трудности» (И. Сталин). Партия дала сейчас резкий отпор попыткам нарушить эти правильные взаимоотношения. Под этим ударом неослабно надо держать загибщиков, пока не будут вполне осознаны и до конца исправлены искажения и ошибки. Не должно быть ни малейшего примиренчества к антисередняцким загибам, ибо тут лежит опасность дискредитации линии партии и срыва колхозного движения. Но само собой разумеется, должны получить решительный отпор те, кто борьбу против антисередняцких загибов толкует, как отступление партии, как отказ от наступления на капитализм в стране.

---

[1]) Передовая в газете «За индустриализацию» от 21 января. Суб'ективно эта постановка возникла из первых же известий о биржевом крахе в САСШ, которому в согласии со всей партией я придал исключительное значение (чему свидетельством — соответствующее освещение этого вопроса в газете «За Индустриализацию»), как началу мирового кризиса, который, конечно, сильно обострит соревнование капитализма и социализма, борьбу за решение вопроса «кто-кого?» на международной арене. Об'ективно же эта постановка явилась отражением «головокружительного» представления о темпах коллективизации.

[2]) Статья «О новом этапе» в газ. «За индустриализацию» от 9 и 11 февраля. Необходимо отметить, что никакого отклика во всем остальном тексте статьи, никакой смысловой связи с ним это «социалистическое плато» не имеет.

Несомненным проявлением этой правой идеологии, одновременно питающей, как увидим, и левые загибы, является опубликованная в № 5 журнала «Большевик» статья тов. Розенталя «На новом этапе».

* * *

Говорить о новом этапе нельзя, разумеется, не имея ясного представления о нэпе, о смысле этой политики пролетариата в переходный от капитализма к социализму период, о ее содержании, о характернейших присущих ей, присущих нэпу чертах. При этом следует, понятно, исходить из действительно ленинского понимания нэпа, из того понимания, относительно которого в партии нет сейчас решительно никаких сомнений, из понимания, которое достаточно уточнено в процессе борьбы партии как с троцкизмом, так и с правым уклоном и достаточно, как будто, популярно. Тов. Розенталь пошел другим путем. Взяв на себя задачу определить содержание нового этапа, он решился создать собственную концепцию нэпа и истолковать новый этап, исходя из этой концепции. Этим, кстати сказать, и об'ясняется то, что целых 15 страниц из 25 посвящены у тов. Розенталя анализу нэпа и только на 17-й странице появляется нечто «новое в нашей экономической политике», появляется «перелом». Ясно, что это не спроста.

Однако, при ближайшем рассмотрении концепции нэпа, предлагаемой тов. Розенталем, она оказывается в сущности совсем не его собственной: это обыкновенное правооппортунистическое толкование нэпа. В этом отношении характерен даже самый способ фабрикации ревизионистской концепции: склеивание ее из ловко нарезанных цитат из революционного учения. У всех в памяти «Политическое завещание Ленина», скроенное таким образом тов. Бухариным, скроенное из ленинских цитат и тем не менее ничуть не похожее на истинное политическое завещание учителя. Как верный ученик тов. Бухарина, К. Розенталь строит свое «теоретическое» здание, свою концепцию нэпа почти исключительно — на девять десятых — из ленинских цитат, которые соединяются подчас всего лишь несколькими авторскими словами. Но, как и в «случае» с политическим завещанием Ленина, здесь путем специального подбора цитат, «обработки», соответствующей «расстановки», а то и прямого извращения мыслей Ленина создается совершенно оппортунистическая концепция переходного периода.

Характеризуя эту концепцию, нужно, прежде всего, констатировать, что нэп в ней представляется исключительно как отступление, а именно, только как переход «от непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве (эпохи военного коммунизма. *В. Б.*) к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер» (стр. 73), которые и заполняют собою весь нэп и задача которых — не социалистическое строительство, а лишь «создание условий, при которых был бы возможен переход от опосредствующих звеньев в деле социалистического строительства к непосредственному социалистическому строительству» (стр. 71. Курсив мой. *В. Б.*). Нэп оказался необходимым в силу характера нашей страны с преобладающим крестьянским населением мелкотоварным крестьянским производством. Нэп есть только метод приспособления к хозяйству крестьянина. Нэп — это свободный рынок, в этом вся суть нэпа, по Розенталю. «Опосредствующие звенья» (нэп) и — непосредственное строительство социализма, нэп и — не-нэп. Нэп есть переход к «опосредствованному» строительству, к созданию условий при которых возможным станет социалистическое строительство; там, где начинается непосредственное строительство социализма, там уже — не нэп. Так, чисто метафизически целиком отрывая переходные меры, посредствующие звенья и пр. от «непосредственного строительства социализма», т. Розенталь превращает нэп в сплошное отступление [1]).

Надо ли удивляться после этого тому, что у тов. Розенталя в его «теории нэпа» ничего совершенно не говорится, например, о командных высотах, которые пролетариат сохранил в своих руках для того, чтобы обеспечить себе возможность «направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма», и «обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» [2]).

Не приходится поражаться и тому, что в концепции нэпа, предлагаемой тов. Розенталем, совершенно выпал кооперативный план Ленина (!!), вернее уложен в одну единственную фразу, запрятанную в скобки, и абсолютно исчезли из нэпа производственные формы смычки, производственная смычка между городом и деревней. Невероятно, но факт: один единственный раз вскользь упоминаемые производственные формы смычки (на стр. 83) выведены Розенталем «за ворота» нэпа и никак не участвуют в его характеристике. Производственные формы смычки это то «новое в экономической политике», что, по Розенталю, «не укладывается в рамки нэпа». Оно и понятно: нэп, ведь,— только отступление. Нэп у тов. Розенталя есть только свобода торговли, только приспособление к условиям крестьянского хозяйства в форме этой свободы торговли, только свобода развития капитализма— и ничего больше [3]).

> «Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают какую бы то ни было свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает известную свободу торговли. Эту сторону дела тов. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но тов. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. В этом, именно, и состоит вторая сторона нэпа. Причем эта сторона нэпа не менее, если не более важна, чем первая его сторона».

Эти слова тов. Сталина из речи на апрельском (1929 год) пленуме ЦК целиком и полностью должны быть адресованы тов. Розенталю. Это сказано прямо как будто о нем.

---

[1]) Тут следует специально подчеркнуть,что в этом пункте правооппортунистическая концепция смыкается с троцкизмом, с его отрицанием строительства социализма в одной стране и с представлением о нэпе, как о поражении.

[2]) Ленин, соч., т. XVIII, ч. I, стр. 200.

[3]) Мудрено ли, что переходя к вопросу о новом этапе, тов. Розенталь говорит о «новом» в экономической политике, не укладывающемся в нэп: в «нэп — отступление» никак, конечно, не уложишь наступления. Непонятно только, как две разных политики уживаются в советском хозяйстве. Но об этом ниже.

Вспомним, что свою статью «Год великого перелома» т. Сталин начинает с цитаты из Ленина, в которой говорится, что мы, вводя нэп, отступили «только под одним этим условием», чтобы «разбежаться и сильней прыгнуть вперед», чтобы «после отступления начать упорнейшее наступление». Вот та концепция нэпа, из которой исходит т. Сталин, говоря о «годе великого перелома». У Розенталя же, который, вообще говоря по меньшей мере «не скупится» на цитаты, именно эти указания Ленина почему-то оказались обойденными. Когда же, наконец, т. Розенталь подводит итоги своим пространным рассуждениям о сущности нэпа и дает (на стр. 73—74) «формулу нэпа»—в ней не оказывается ни одного слова о нэпе, как политике наступления. Отнюдь не случайно, конечно, и целиком соответствует представлению тов. Розенталя о нэпе, как только отступлении, то, что новый этап он называет переходом «от осады к новому штурму» (впрочем штурма то у Розенталя никакого нет — одна «левая» фраза: правооппортунистическая установка явно довлеет над ним).

Вот та концепция нэпа, из которой исходит тов. Розенталь.

При этом он имеет еще смелость с менторским видом опорочить оптом все (!!) «высказывания и рассуждения» о новом этапе (до его статьи имевшие место), заявляя, что они берут новый этап «в не исторической перспективы». Розенталь, видно, думает, что для того, чтобы «рассматривать новый этап в исторической перспективе», обязательно надо дать ревизию ленинского понимания сущности нэпа, дать «свою» концепцию нэпа. И Розенталь не понимает того, что именно указание на двойственную природу нэпа сразу же ставит обсуждение нового этапа в историческую перспективу, а отсутствие этого указания решительно отрезает путь к историческому пониманию нового этапа, хотя бы даже не с военного коммунизма, а с самого Адама начиналось изложение вопроса [1]).

Легко понять, что из розенталевой концепции нэпа никак не вытекает строительство социализма. Розенталь фактически закрывает всякий путь для понимания победоносного социалистического строительства и наступления на базе нэпа. Промышленность, являющаяся при нэпе могучим рычагом социалистического переустройства всего народного хозяйства, оказывается у Розенталя совершенно оторванной от всей системы нэпа и — это чрезвычайно характерно — ее рост рассматривается, как непосредственное социалистическое строительство в противовес всему остальному хозяйственному строительству в период нэпа. При этом все народное хозяйство, пребывающее в «старом общественно-экономическом укладе» так и должно в нем прозябать вплоть до тех пор, пока не будет, наконец, создана «цветущая крупная промышленность», ибо до этих пор всякое социалистическое строительство (помимо развития промышленности) — просто мираж и вредная затея. (Розенталь, конечно, прекрасно понимает полную относительность такого «абсолютного» понятия, как «цветущая крупная промышленность», но не раз'ясняет, что он под этим именем разумеет и когда это наступит. Не тогда ли, когда мы догоним и перегоним передовые капиталистические страны?).

---

[1] Тов. Розенталь имеет в виду при этом, очевидно, прежде всего меня. Я, действительно, не стал в своей газетной статье давать концепции нэпа и ограничился указанием на основную установку нэпа, как политики социалистического строительства (т.-е. наступления), приведя соответствующую цитату из Ленина и указав на диктатуру пролетариата и на командные экономические высоты, как на предпосылку решения этой задачи. И не вижу в этом вины.

> «Создать цветущую, могущественную крупную социалистическую промышленность, способную разрешить коренные задачи социалистического строительства (формулирует т. Розенталь свое последнее обобщение о нэпе), а до этого времени (!!) (подчеркнуто автором. *(Б. В.)*— не ставя своей целью утопическую и вредную для дела социализма идею непосредственного социалистического строительства,— оживлять старый общественно-экономический уклад, торговлю, мелкое предпринимательство, овладевая им в меру оживления, используя все и всяческие возможности для скорейшего создания крупной социалистической промышленности — вот тот величайший «маневр», который мы начали проводить, перейдя к новой экономической политике» (стр. 74).

Ленин говорил:

> «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». (Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 293).
>
> «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность». (Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 240).

Можно ли оспаривать эти положения? Конечно, нет. Но выводы партии из этого положения Ленина далеки от розенталевых. Ведь, по Розенталю выходит, что нельзя даже приступать к социалистической перестройке сельского хозяйства до тех пор пока не будет завершено построение цветущей крупной промышленности (это была бы «вреднейшая утопия и народническое фантазерство»—ср. стр. 67), до тех пор пока промышленность «не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство». Дайте нам построить цветущую промышленность — и тогда сельское хозяйство преобразуется само собой. Разве не к этому «новому» изданию теории самотека тянут выводы тов. Розенталя?

Схоластически оторвав строительство промышленности от социалистической переделки сельского хозяйства, Розенталь не видит, что в ленинской концепции нэпа необходимость «считаться с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином» отнюдь не исключает социалистического наступления. Поэтому у него совершенно либеральное представление о формах смычки при нэпе. Пункт 4-й его «формулы нэпа» прямо заявляет:

> «Допустить свободную торговлю, поскольку торговля есть единственная возможность экономической связи между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если нет налицо цветущей крупной промышленности и до тех пор пока такая промышленность создана не будет».

Как мы видим ни о каком ограничении свободы торговли не говорится, ни о каких новых формах производственной смычки — тоже. Ни о чем таком нельзя и мечтать или заикаться, пока не будет «цветущей промышленности».

Но самый поучительный—пункт 6. По этому пункту видать, куда гнет тов. Розенталь, ради чего он хлопочет:

> «Допустить известный рост кулачества в деревне, как неизбежный продукт мелкого товарного производства и свободы торговли до тех пор пока крупная социалистическая промышленность не даст деревне в массовом масштабе трактора, машины и электрическую энергию, не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство и, тем самым, «десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты».

Это положение, конечно, прекрасно гармонирует со всей концепцией тов. Розенталя, и вся его концепция — с этим положением. Не будем останавливаться на всех деталях этого «содержательного» пункта, сделаем только два замечания.

Первое, что бросается тут в глаза, это довольно таки точное на сей раз определение того, что надлежит, по Розенталю, разуметь под «цветущей крупной промышленностью» и, следовательно,— с какого места возможно приступать к социалистическому строительству. Рост кулачества должен быть, по мнению т. Розенталя, допущен до тех пор, пока наша промышленность не даст деревне в массовом масштабе трактора и электрическую энергию, пока, значит, деревня не будет электрифицирована, пока, очевидно, не будет закончен и не даст массовой продукции, по крайней мере, один тракторный завод. И дальше: пока наша промышленность «не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство».

Нужно ли доказывать, что это по меньшей мере слишком уж суровые, слишком уже жесткие условия социалистической переделки деревни. Совершенно иначе ставит этот вопрос партия. В известном постановлении ЦК партии о темпе коллективизации («Правда», от 6/I—30 г.) пункт 4-й гласит:

> «Поскольку решение задачи сплошной замены конного инвентаря инвентарем машинной тяги не может быть выполнено в краткий срок и потребует ряда лет, ЦК ВКП(б) требует, чтобы был дан решительный отпор тенденциям недооценки роли конной тяги на данной стадии колхозного движения».

А в последнем пункте постановления читаем:

> «ЦК ВКП(б) подчеркивает необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин».

Не ясно ли, что т. Розенталь ревизует линию партии?

Не менее явно расходится установка тов. Розенталя и с тем, что говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов:

> «Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и о колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства... С виду эти колхозы как-будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики».

Партия приняла и принимает героические решения о форсированном строительстве тракторных заводов, заводов комбайнов и пр., создавая этим прочную базу коллективизации. Но одновременно партия считает, что в том развитии социалистической промышленности, которое уже достигнуто, мы имеем базу для социалистической переделки крестьянского хозяйства, что быстрые успехи коллективизации и строительства совхозов создали «материальную базу для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов, мощного продвижения вперед по созданию социалистического земледелия» (постановление ЦК от 6/I), что, наконец, «это обстоятельство... дало партии полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса» (там же). А т. Розенталь обставляет этот переход такими условиями, по которым партия и сейчас должна вести политику допущения роста кулачества! Вот почему, как увидим ниже, у него ликвидация кулачества как класса отнюдь не является тем, что характеризует новый этап.

Так как социалистическая переделка сельского хозяйства превращена Розенталем в пассивный результат развития промышленности, то естественным образом из всего построения СОВЕРШЕННО ВЫПАДАЕТ КЛАССОВАЯ БОРЬБА. Ленинские слова о десятках или сотнях тысяч кулаков, которые будут убиты трактором, Розенталь превращает в либеральную формулу голой технической перестройки земледелия. Во всей концепции Розенталя НЕТ НИ НАМЕКА НА КЛАССОВУЮ БОРЬБУ, без которой в действительности не мыслимо, конечно, и внедрение трактора и электрификации.

Больше того, в розенталевой концепции нэпа (нэпа!) нет вообще расслоения крестьянства и речь все время идет о «мелком товаропроизводителе», о крестьянстве в целом. Ни беднота, ни середняк, ни батрачество вовсе не появляются на сцену как действующие лица в классовой борьбе, которая, как известно, идет, ведь, на всем протяжении нэпа, а сейчас столь резко обострилась. Не появляются по той простой причине, что ни слова о классовой борьбе у него и не говорится.

Нет, понятно, ни слова и о союзе пролетариата и бедноты с середняком. Не зачем, не нужен этот союз по розенталевой концепции нэпа. И не о том он вовсе хлопочет, не об антисередняцких загибах беспокоится.

Всю статью пронизывает совершенно антимарксистская концепция, где место остается только трактору и совершенно нет места классовой борьбе. Трактор убьет кулака, — только он один может это сделать, да ничего другого и не нужно больше, чтобы это сделать; все, что сверх того, то—от лукавого.

Никто, конечно, не станет оспаривать решающей роли индустриализации страны, решающей роли социалистической промышленности в хозяйстве. Всем известно, как ставил этот вопрос Ленин. Но грубейшим извращением учения Ленина является то, что о нэпе пишет Розенталь, все свои упования возложивший только на машину, на трактор, на комбайн и совершенно вычеркнувший классовую борьбу и всех действующих лиц в этой борьбе.

Куда приткнуть в розенталевой «концепции» такие, например, ленинские слова:

> «Чтобы решить вторую труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.
>
> В этом разграничении вся суть социализма».

Есть ли у т. Розенталя в его концепции нэпа хоть одна строчка, сколько-нибудь соответствующая этим словам? Ни одной! Ну, хоть отдаленно напоминающая их? Ни одной!

> «И неудивительно, продолжает Ленин, что социалисты на словах, мелкобуржуазные демократы на деле (Мартовы, Черновы, Каутский и К°) этой сути социализма не понимают». (Соч. т. XVI, стр. 351—352).

В хорошее же общество попал т. Розенталь!

Величайшим извращением учения Ленина, прямым издевательством над диалектикой является то, как представляет себе и нэп и новый этап Розенталь. Где же тут ленинизм, когда без всякой классовой борьбы, без всяких там бедняков и середняков просто трактор (один только он! именно один он! единственно он!) убьет кулака и превратит деревню в социалистическую.

Чрезвычайно с этой точки зрения характерна для Розенталя та косвенная (или скрытая) полемика, которую он фактически ведет с т. Сталиным по вопросу о причинах, приведших к решающим успехам в области коллективизации (стр. 76 — 79).

В статье «Год великого перелома» т. Сталин называет три основных причины успехов коллективизации. На первом месте он ставит то, что «партия проводила ленинскую политику воспитания масс, последовательно подводя крестьянские массы к колхозам через насаждение кооперативной общественности». Как вторую причину т. Сталин указывает на производственную помощь промышленности сельскому хозяйству, пролетариата крестьянству (при чем, тут фигурирует и «помощь в виде организации прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов»). Тов. Розенталь всячески замазывая значение производственной помощи сельскому хозяйству на основе правильной линии партии «правильной политики воспитания масс», и тут выдвигает на первый план исключительно голый рост промышленности, к нему сводит все дело.

Совершенно наглядно выпирает у т. Розенталя антидиалектическая концепция со всеми неизбежными атрибутами правого оппортунизма — замазыванием классовой борьбы, теорией самотека и т. д. Как был, так и остался т. Розенталь прямым бухаринцем.

Он повторяет здесь ту же самую методологию, которая совсем недавно привела его к самой решительной защите бухаринской теории равновесия и «закона трудовых затрат». Стоит, например, вспомнить следующее ароматное место из статьи тов. Розенталя в № 7 (1929 г.) журнала «Пути Индустриализации»:

> «Тов. Рокax считает невозможным «применять» (!) закон пропорциональности трудовых затрат в советской системе хозяйства. А ну, попробуйте его не «применять»! он сам себя «применит», тов. Рокax, и пребольно ударит и по тем лбам, которые его «отменили» в теории и по тем лбам, которые на практике попытаются эту «отмену» провести». (стр. 22).

Нельзя отказать тов. Розенталю в известной последовательности. Ту же механистическую методологию он применял и в вопросах теории империализма. В статье «Об одной умной теории и неумном критике» он взял под свою защиту бухаринскую теорию организованного капитализма (см. «Большевик» № 17—18 за 1925 г.).

Как видим, потрясающая Розенталева формула нэпа не случайна и непосредственно связана с воспринятой им — и видимо прочно воспринятой бухаринской методологией. С другой стороны, естественно, эта методология и вышеописанная концепция нэпа не могли не сыграть своей роли в оценке нового этапа, делаемой т. Розенталем. Ниже мы проследим основные ошибки тов. Розенталя на этом поприще.

* * *

Новый этап, ознаменованный резким поворотом крестьянских масс к коллективизации, характеризуется решительным наступлением на капитализм по всему фронту, решительным наступлением на капитализм в СССР вообще, на капитализм, как один из хозяйственных укладов (с разной тактикой в разных районах и различных условиях). Предыдущий этап нэпа в основном характеризуется ограничением и вытеснением капитализма, а новый этап есть период, когда главным стал лозунг ликвидации кулачества как класса, период окончательного выкорчевывания корней капитализма в нашей стране [1]).

---

[1]) В своей статье «О новом этапе» я не посвятил отдельного раздела коллективизации. Это дало повод т. Розенталю намекнуть, что существенным в новом этапе я будто бы считаю НЕ коллективизацию, А ликвидацию кулачества как класса. К теме об отрыве ликвидации кулачества как класса от сплошной коллективизации ниже мы вернемся, здесь же следует лишь отметить, что самое возник-

Это наступление пролетариат и крестьянская беднота должны вести в тесном союзе с середняком, «ибо только такое наступление может дать нам победу» (Сталин), и наша задача в самом зародыше пресечь и вести сокрушительную борьбу с недоучетом значения этого союза. Партия это делает. Правые оппортунисты истолковывают эту борьбу отнюдь не как борьбу за ленинскую политику в отношении середняка, а как отказ от наступления на кулачество. Розенталь тут целиком вместе с ними: не против антисередняцкого уклона, а против политики ликвидации кулачества как класса, ополчается он. Середняк его вообще совершенно не интересует и о союзе с ним т. Розенталь ни разу даже не упомянул ни в своем трактате о нэпе, ни в рассуждениях о новом этапе.

О своем отрицании новой политики партии в отношении капитализма тов. Розенталь не заставляет долго догадываться. Он смело вычеркивает признание лозунга ликвидации кулачества как класса, главным лозунгом и вообще об'являет нехарактерным для нового этапа этот лозунг. Он прямо заявляет, что «неликвидация кулачества как класса характеризует новый этап» (стр. 81) и что «новое в нашей политике по отношению к капитализму мы имеем ЛИШЬ в районах сплошной коллективизации».

А для того, чтобы еще «убедительнее» опровергнуть утверждение о решительном наступлении на капитализм по всему фронту он ищет прибежища для капитализма в городе:

> «Наша политика в отношении частно-капиталистического сектора в промышленности пока осталась прежней: ограничивать и вытеснять. Наша политика в отношении нэпманской, торговой буржуазии также пока осталась прежней. ограничивать и вытеснять».

Новый этап характерен переходом к решительному наступлению на капитализм по всему фронту (это замазывает тов. Розенталь). В одних районах это наступление приняло форму сплошной коллективизации, окончательно подрывающей корни капитализма, и связанной с этим ликвидации кулачества. В районах без сплошной коллективизации мы продолжаем политику ограничения и вытеснения кулачества, но, извините, это уже не «прежняя», тов. Розенталь, политика (так что никак нельзя сказать, что новое в нашей политике в отношении к капитализму, мы имеем лишь в районах сплошной коллективизации), а такая политика, когда лозунг ограничения и вытеснения становится подсобным и вспомогательным.

В статье «К вопросу о политике ликридации кулачества как класса, направленной против передовой в № 16 «Красной Звезды», тов. Сталин писал между прочим:

> «Автор забывает, что при политике ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, можно рассчитывать на вытеснение лишь отдельных отрядов кулачества, что не противоречит, а, наоборот, предполагает сохранение до поры до времени кулачества как класса. Чтобы вытеснить кулачество как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества как класса есть пустая болтовня, угодная и выгодная лишь правым уклонистам».

новение вопроса о новом этапе до такой степени явно связано было с фактом решительного поворота основной массы крестьянства к колхозному строительству, что я считал излишним распространяться на эту тему. Оба эти понятия воспринимались мною чуть ли не как синонимы, и я считал своей задачей в анализе содержания нового этапа лишь добавить нечто к этому центральному факту, составляющему основное содержание нового этапа. Из всей статьи ясно видно, что это так.

Что имеет сказать по этому поводу т. Розенталь? — Только то, что он не понимает, что такое класс и ликвидация класса; только то, что, по его мнению, трактор «сам» убьет кулака.

Но еще более определенный смысл получает «концепция» тов. Розенталя и прямо превращается в отрицание политики ликвидации кулачества как класса, поскольку он решительно вычеркивает положение, что лозунг ограничения и вытеснения кулачества стал подсобным и вспомогательным, что «позиция» этого лозунга коренным образом изменилась, что лозунг ликвидации кулачества как класса является теперь главным основным.

Не верится, но факт, что в статье тов. Розенталя «На новом этапе», в статье, занимающей пятую часть номера «Большевик» в статье, которая должна была говорить о новом в нашей экономической политике — так таки ни одного слова об этом и не сказано! И, наоборот, все время говорится, что «ничего там нового нет» — в районах без сплошной коллективизации.

«Положение лозунга ограничение кулачества, как видите (отвечает т. Сталин свердловцам), коренным образом изменилось в нынешних условиях...» (курсив мой, *В. Б.)*.

А Розенталь говорит: «Новое в нашей политике по отношению к капитализму мы имеем лишь в районах сплошной коллективизации».

На вопрос, как быть с кулачеством, тов. Сталин отвечает товарищам колхозникам:

> «Кулак есть враг советской власти. С ним у нас и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса. Это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело на то, чтобы окружить его и ликвидировать».
>
> «... Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплоататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство.
>
> Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц не-зачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, — значит итти против интересов рабочих и крестьян.
>
> Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую способны большевики». (Курсив мой. *В. Б.)*.

А Розенталь, продолжая вышеприведенную фразу свою, заявляет:

> «Именно там (т.-е. в районах сплошной коллективизации — *В. Б.*), но и только там кулачество... превратилось в зло, которое дальше мы терпеть не могли...».

Разве не ясно, что у Розенталя и у партии две разных совершенно установки. Мы не можем, конечно, в один присест ликвидировать кулачество как класс (потому-то партия и не давала лозунга ликвидации его в районах без сплошной коллективизации), но мы будем вести дело на то, чтобы «окружить его и ликвидировать; мы кулаков терпели, потому что нечем было заменить их производство; теперь их терпеть не-зачем: мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством совхозов и колхозов. «Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью, на которую только способны большевики».

А на что способен Розенталь?

То, что говорит тов. Розенталь, много определеннее того, что сказано было в известной передовой «Красной Звезды», в передовой, которая тоже «не заметила», что партия от политики ограничения и вытеснения кулачества перешла к политике ликвидации кулачества как класса. Но, ведь, Розенталь говорит это после «Красной Звезды», после того, как т. Сталин вскрыл ее ошибку, после «Ответа свердловцам», где говорилось о «подсобном и вспомогательном лозунге». Чем это об'яснить?

Партия считает, что кулака не-зачем больше терпеть и надо не в один присест, конечно, но со всей настойчивостью проводить политику ликвидации кулачества как класса. А Розенталь намерен еще дожидаться того времени, когда нам нельзя будет больше терпеть кулака. А это «нельзя» у него, как мы сейчас увидим, наступит после (и только как результат) сплошной коллективизации. Кто не поймет, что это чистая теория самотека и примиренчество по отношению к кулаку (а не классовая борьба), т.-е. нечто весьма родственное теории врастания кулака в социализм, своеобразное новое издание этой теории, соответствующее новому этапу? [1]).

Отрыв ликвидации кулачества как класса от коллективизации, голое раскулачивание, кое-где имевшее место, является не чем иным, как уничтожением части производительных сил, дележкой тех средств производства, которые в других условиях могли бы составить один из элементов производственной базы колхозов, и главное в условиях этого отрыва, как показывает практика, под раскулачивание нередко попадает середняк. С этим отрывом надо вести борьбу. Это—извращение политики партии, ибо «основным методом осуществления ликвидации кулачества как класса является метод коллективизации» [2]). Но отрыв может итти и с другого конца, это тот отрыв, который проповедует т. Розенталь, предлагая ликвидацию лишь в качестве завершения сплошной коллективизации, совершенно не понимая того, что эти два процесса протекают одновременно, а не один за другим: в классовой борьбе рождается коллективизация. А Розенталь этого не понимает.

> «Ряд районов коллективизирован полностью. И к весне 1930 г. мы, видимо, будем иметь уже отдельные области сплошной коллективизации. И как неизбежный результат процесса коллективизации, в районах сплошной коллективизации вплотную встал вопрос о ликвидации кулачества как класса, ибо этого требовало закрепление достигнутых нами успехов в деле коллективизации бедняцко-середняцких масс». («На новом этапе, стр. 81, подчеркнуто здесь и ниже мною. *В. Б.)*.

---

[1]) В высокой степени фальшиво звучит поэтому у тов. Розенталя его попытка связать постановку вопроса «кто-кого?» с моей ошибкой 1925 года, когда я будто бы «с пеной у рта» защищал свое положение, что «кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас». Тов. Розенталю лучше чем кому-либо известен подлинный смысл той моей статьи, ибо она попала к нему на редакцию и с ним в самом дружественном согласии мы по его настоянию внесли в нее незначительные поправки, сохранившие, однако, как известно, в неприкосновенности ее оппортунистическую сердцевину, равно как и крылатую фразу о том, что «кулак — это жупел». А смысл статьи заключался отнюдь не в том, что я не видел расслоения крестьянства и капиталистического развития в деревне, смысл был хуже: я констатировал его и хотел освятить, хотел узаконить кулака снятием с него позорного звания. Ибо я на одну минуту «введен был в соблазн» (слова из песни не выкинешь!) пропагандистской деятельностью известной школки (хотя не в пример тов. Розенталю и не принадлежал к ней никогда), которая учила, что так ему и надо, кулаку, обогащаться и врастать в социализм. Ну скажите, если так ему и надо, — можно ли его кулаком ругать!? (статья и называлась: «О кулаке и о роли традиции в терминологии»).

[2]) И. Сталин. «Ответ свердловцам».

> «Именно там (т.-е. в райочах сплошной коллективизации), но и только там кулачество из «вынужденного» зла превратилось в зло, которое дальше мы терпеть не могли». («О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма») «... в зло, которое может и должно быть уничтожено, ибо оно существенно вредит делу перехода к более высоким формам колхозного строительства». («На новом этапе», стр. 81—82).

Дело должно быть, по рецепту т. Розенталя, не иначе как так: сначала мы должны достигнуть успехов в деле коллективизации (кулаки тем временем будут семячки лузгать), потом мы эти успехи должны довести до сплошной коллективизации — коллективизировать сплошь район (а кулаки звезды на небе будут считать), и затем уже только для того, чтобы закрепить эту достигнутую сплошную коллективизацию, или для того, чтобы облегчить перерастание с.-х. артелей в коммуны, надо браться за ликвидацию кулачества как класса: нельзя уже там терпеть кулака.

А почему, собственно, нельзя? Да как же его терпеть? Ведь тогда не получится сплошной коллективизации — останется несколько единоличников, всю статистику запутают! (право, кажется, только поэтому, скрепя сердце, соглашается т. Розенталь на ликвидацию кулачества как класса — больше она ему решительно ни для чего не нужна: ведь, дело-то уже сделано, сплошная — в кармане).

Если додумать до конца, то тов. Розенталь вполне может терпеть кулаков и в районах сплошной коллективизации, ибо никакой связи самый процесс коллективизации с классовой борьбой, с ликвидацией кулачества как класса у него не имеет.

Сохраняя в городе политику ограничения и вытеснения капитализма, отнюдь не распространяя лозунга ликвидации кулачества как класса на городскую буржуазию, мы все же и в городе имеем нечто существенно новое, отрицаемое тов. Розенталем. Ибо роль нэпмана в городе в основном есть «функция» наличия мелкого крестьянского (сельскохозяйственного и кустарного) производства и неполноты охвата потребителя и мелкого производителя кооперацией (последнее есть также следствие первого). Решительное наступление на капитализм в деревне (сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса) в конечном счете решит судьбу не только кулачества, но и городской буржуазии, ибо подрезает корни капитализма вообще. Этого не видят те, кто ставят городскую буржуазию в равное положение с кулачеством. Лозунг ограничения и вытеснения по отношению к капитализму в городе является, следовательно, в общем масштабе решительного наступления на капитализм, подсобным и вспомогательным.

Тов. Розенталь совершенно неспособен понять диалектическую взаимозависимость между разными частями капитализма, как одного из хозяйственных укладов; оттого у него и не получается, что, скажем, кооперация теперь, когда партия перешла к политике ликвидации кулачества как класса, должна гораздо решительнее, чем до сих пор, вести политику замещения частной торговли и вытеснения ее на основе этого замещения, что перед кооперацией во весь рост встает задача увязки рабочих потребителей с коллективизирующимся крестьянским хозяйством и т. д.

Тов. Розенталь явно оппортунистически толкует политику партии и слова тов. Сталина в его «Ответе свердловцам» о том, что партия «не давала указания распространить лозунг ликвидации кулачества как класса на новую городскую буржуазию». Он сознательно игнорирует поэтому предыдущую фразу тов. Сталина. А там говорится:

> «Переход партии в наступление по всему фронту резко поворачивает дело в сторону подрыва и уничтожения класса деревенских и отчасти городских капиталистов»

Характерно вообще, за что цепляется тов. Розенталь в стремлении отвратить удар, занесенный над капитализмом. Новое, говорит он, в отношении к капитализму есть только в районах сплошной коллективизации: в отношении же частного капитала в промышленности, в отношении к торговой буржуазии — политика прежняя!

Партия об'являет войну административному восторгу, выражающемуся в закрытии рынков и базаров, которое бьет по середняцкому хозяйству (но что Розенталю до середняка!) и по снабжению городов, действуя понижательно на товарность крестьянского хозяйства; партия об'являет войну якобы левым декларациям о ликвидации буржуазных элементов в городе (где, как известно, давно уже в корне подорвана производственная база капиталистических элементов), декларациям, под флагом которых производятся недопустимые репрессии против мелких торговцев, кустарей и т. под. А т. Розенталь беспокоится совсем о другом. Что ему середняк,—он беспокоится, как бы политика ликвидации кулачества как класса не задела ненароком настоящего городского капиталиста.

Заденет, тов. Розенталь, обязательно заденет.

* * *

Та же самая правооппортунистическая защита капитализма кроется и в положительных розенталевых формулировках того, что характеризует новый этап, даваемых им в форме сопоставления «новой экономической политики» (т.-е. нэпа) и «нового в экономической политике». Приведем один лишь пример:

> «Новая экономическая политика»: не ломай старого общественно-экономического уклада, а оживляй, овладевая лишь в меру оживления, пока не будут созданы для этого необходимые предпосылки.
>
> Новое в экономической политике: налицо необходимые предпосылки уже есть и мы приступили к коренной ломке старого общественно-экономического уклада, к массовой переделке индивидуальных мелких производителей — в производителей коллективизированных, не снимая, однако, задачи оживления старого общественно-экономического уклада и овладения им по мере его оживления» [1]).

Такова самая общая формулировка тов. Розенталя (она стоит на первом месте и вполне гармонирует со всеми последующими). Если взять эту формулировку, как она есть, то прежде всего бросается в глаза противоречие: коренная ломка старого общественно-экономического уклада и одновременно — оживление этого же самого старого общественно-экономического уклада: никаких ограничительных определений ни для коренной ломки, ни для оживления тов. Розенталь не дает. Одно и то же («старый общественно-экономический уклад») одновременно подвергается и коренной ломке и оживлению. Это умолчание о пределах и границах ломки и оживления, о том, в каком отношении ломка и в каком — оживление, у тов. Розенталя совершенно не случайно. В самом начале статьи, говоря о причинах перехода к нэпу, он следующим образом обрабатывает Ленина. Он приводит цитату:

> «Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность,— говорил Владимир Ильич, в заключительном слове на X с'езде партии,—или, скажем, даже не преобладает, но очень сильно развита и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» (т. XVIII, ч. I, стр. 151).

---

[1]) «Большевик», № 5, стр. 82 (подчеркнуто автором — и очень кстати. *В. Б.*).

И вот, как «раз'ясняет» ее, об'единяя в одно целое с другой цитатой, где речь идет у Ленина как раз о тех условиях, которые противоположны приведенным в первой цитате:

> «Тогда возможен — продолжает за Ленина Розенталь — переход к непосредственному социалистическому строительству революционной ломке старого общественно-экономического уклада, что отнюдь, конечно, не снимает, а предполагает и оживление этого «старого общественно-экономического уклада» и овладение им, по мере его оживления» [1]).

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Ленин противопоставлял два подхода: «революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» и, с другой стороны, — «подход реформистский».

> «С весны 1921 г. мы, писал он, на место этого (революционного—*В. Б.)* подхода, плана, системы действия ставим... совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления» [2]).

Так рассуждал Ленин. А тов. Розенталь старается представить дело так, будто Ленин говорил, что даже и тогда, когда уже возможен прямой переход к коммунизму — все равно остается задача оживления старого общественно-экономического уклада [3]). Это ему нужно, конечно, для того, чтобы, характеризуя «новый этап», поставить «ломку» и «оживление» старого общественно-экономического уклада в совершенно равноправное положение. Ибо он не хочет признать, что задача оживления старого экономического уклада, всегда (вопреки Розенталю, рассматривающему нэп только как отступление) бывшая подсобной, а не равноправной задачей, теперь в еще большей степени стала подсобной по отношению к основной задаче — решительной социалистической переделки старого общественно-экономического уклада. А эклектизм позволяет ему спокойненько поставить рядом и коренную ломку (не как-нибудь, а «коренную») и оживление.

Неправильно было бы говорить, что у нас вообще и полностью снимается задача оживления старого общественно-экономического уклада и овладения им по мере оживления — это была бы об'ективно антисередняцкая троцкистская установка, это был бы антисередняцкий загиб; мы именно содействуем и поощряем (и должны поощрять) рост производительных сил индивидуальных крестьянских хозяйств, работаем (и должны работать) над усилением товарности крестьянского хозяйства (и не только коллективного, но и индивидуального). Следовательно, мы частично оживляем старый общественно-экономический уклад, каковым является мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Ошибкой «левых» загибщиков является именно то, что они как бы снимают середняцкую проблему, забывают о важности сохранения союза с середняком и решили, что в той части, в которой середняк сам добровольно не идет в колхоз — ничего не остается, как гнать его туда насильно. Это чисто троцкистский антисередняцкий загиб — партия справедливо и крепко ударила по нему. Неверно, что снята задача «оживления» (и «овладевания по мере оживления») мелкого индивидуального крестьянского производства в той части, в какой оно еще не коллективизировано. Но должны мы вести борьбу (и, главное, иную, новую по темпам в сравнении с той, какую вели в первые годы нэпа), борьбу за колеблющихся, борьбу за коллективизацию в минимальные исторические сроки? Разумеется, должны: более чем когда-либо все яснее становится любому крестьянину, середняку или бедняку, что вне коллективизации нет пути к победе над вековой нищетой, нет пути к действительно мощному росту производительных сил. Теорию самотека мы решительно отбрасываем. А этого-то и не учитывает формула Розенталя, формула равноправия «ломки» и «оживления». Она не учитывает того, что оживление старого общественно-экономического уклада является подсобной и вспомогательной политикой по отношению к политике социалистической переделки индивидуального крестьянского хозяйства. Это основное.

Кроме того, вспомним, что́ Ленин разумел под старым общественно-экономическим укладом — это сказано в приводимой самим же Розенталем цитате, которую мы выше повторили: Ленин говорил тут о «торговле, мелком хозяйстве, мелком предпринимательстве, капитализме». Если тов. Розенталь ограничивается только тем, что указывает, что задача оживления старого общественно-экономического уклада «отнюдь не снимается» и не указывает, в каком отношении эта задача остается, — он, значит, дает понять, что ничего нового по сравнению с первыми годами нэпа тут нет и, следовательно, не меняется и политика в отношении к капитализму.

Но кто же тогда всерьез возьмет слова о коренной ломке? Какая же это ломка, когда «отнюдь не снимается», то-есть, значит, ни в какой части не снимается задача оживления старого экономического уклада, — капитализма, например?

Наконец, пусть бы хоть географические, что ли рамки поставил т. Розенталь для своего оживления капитализма. Одной из ошибок «левых» загибщиков является ведь именно то, что они «нарушили ленинский принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР» (Сталин). У нас есть еще районы, где сильны остатки патриархального даже уклада. Нет, тов. Розенталь воюет не с загибами, не за сохранение союза с середняком воюет он — он не согласен с поворотом в политике партии в отношении к капитализму: «отнюдь не снимается», говорит он, и точка; все остается как в первые годы нэпа.

* * *

Борясь фактически не против антисередняцких загибов, а за кулака, против политики ликвидации кулачества как класса, тов. Розенталь должен был, разумеется, хоть немного замаскировать это полемической трескотней и приписыванием критикуемым им авторам того, чего они и не думали говорить. Иначе он не смог бы развернуть своей «программы».. Так, например, он приписывает мне утверждения (сделанные будто бы мною в статье «О новом этапе» в газ. «За Индустриализацию», № 33 и 34), что «у нас в народном хозяйстве нет уже различных общественных укладов», что «нэп на ряду с прочими памятниками седой старины сдан (мною) в исторический музей за ненадобностью»; он утверждает, что мною «снята проблема рынка» и «косвенное, через рынок воздействие на все отрасли народного хозяйства» уже «оказалось замененным прямым и оперативным воздействием, минуя рынок и помимо рынка», и что это стало возможным потому, что я «упразднил» индивидуальное крестьянство, поскольку у меня уже — «сплошное социалистическое плато» [1]).

---

[1]) «Большевик», № 5, стр. 62. (Подчеркнуто автором и тоже кстати.

[2]) Соч. т. XVIII, ч. I, стр. 410.

[3]) При этом он совершенно не кстати ссылается на программу Коминтерна.

---

[1]) Ср. ст. К. Розенталя **«О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма», «Правда» № 78.**

Разумеется, все это сплошная розенталева фантазия, и на самом деле в статье у меня все сказано совсем наоборот. Так, я прямо говорю, что ни один из пяти перечисленных Лениным укладов (ни даже патриархальное хозяйство) не исчез совершенно и тут же (это — в первой же главе) целый раздел посвящаю данным Госплана об удельном весе социалистического сектора в народном хозяйстве. Затем в конце первой статьи, точно предвидя наездническую критику, которая попытается процесс развития — то, о чем я говорю — представить как завершение процесса я написал:

> «Конечно, говорить уже сейчас о конце нэпа (не о начале конца, а о конце) пока что рано Рано потому, что процесс коллективизации деревни еще не закреплен, не закреплен — отчасти в силу недостаточного уровня электрификации и индустриализации, отчасти в силу того, что кулак оказывает еще сильнейшее сопротивление, кое-где ломает коллективы, разрушает их, отчасти потому, что еще не двинулась как следует быть «переделка» коллективизированного крестьянина в подлинного колхозника, и количественно процесс коллективизации еще не успел охватить большинства мелких производителей,— тут еще необходимо известное накопление количества, чтобы качество претерпело решительное изменение.
>
> «Вредно было бы недоучитывать все еще играющую существенную роль мелкую кустарную и ремесленную промышленность, слабо охваченную даже и простейшими формами кооперации (сбыто-снабженческой) и даже в своих кооперативных формах подчас скрывающую замаскированных капиталистических предпринимателей. Наконец, если в крупных промышленных центрах потребительская кооперация действительно все шире и шире охватывает снабжение потребителей, то было бы просто ослеплением не видеть того, что происходит не только в каких-нибудь захолустьях и окраинах («где десятки верст проселка — вернее десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог» (Ленин), т.-е. от связи со строящейся социалистической культурой, с большим городом), но даже в относительно культурных районах; тут еще качество далеко от того, чтобы стать новым Между тем, экономика страны должна быть взята в целом и от целого надо исходить, определяя ее (этой экономики) сущность
>
> Тут еще должно происходить упорное накопление количества».

Не ясно ли, что Розенталь просто фиглярничает, когда убеждает меня, что «придется еще подождать с нэпом расставаться». Не ясно ли, что несколько раз оговорившись, что нэп еще не может быть снят, я ни в каком противоречии не нахожусь и с мнением тов. Сталина об условиях времени и места, когда нэп может быть послан к черту. Фиглярничает просто Розенталь, приводя это мнение мне в назидание. Лучше бы ему самому вдуматься в это положение.

И, наконец, вот, что я в действительности говорил об оперативном регулировании и чем «снял проблему рынка».

> «Конец нэпа подготовляется сейчас тем (только подготовляется тов Розенталь!), что постепенно устанавливается (постепенно тов. Розенталь, устанавливается, а не установилось) именно прямое оперативное планирование и регулирование с.-х. производства. Оно становится (а не стало!) возможным «потому, что» мелкобуржуазное индивидуальное распыленное крестьянское хозяйство превращается (не превратилось), в крупное коллективное хозяйство» [1]).

Характерно для понимания смысла и направления ударов розенталевой критики то, что даже он не смог усмотреть в моих статьях (да ему этого и не надо было, не о том он, как мы видели, хлопочет) пропаганды или защиты, или хотя бы намека на защиту нарушения принципа добровольности в колхозном строительстве, перепрыгивания через с.-х. артель, отрыва ликвидации кулачества как класса от коллективизации, дополнения лозунга ликвидации кулачества в деревне лозунгом ликвидации городской буржуазии, т.-е. того, против чего и направлены сейчас удары партии. Чем же спрашивается об'ясняется его бесшабашная атака?

* * *

Итак, тов. Розенталь выступает со статьей о новом этапе, давая при этом свою концепцию нэпа. В этой статье нет, как мы видим, ни деревенской бедноты, ни середняка, нет классовой борьбы в деревне, нет ликвидации кулачества как класса в качестве главного лозунга, нет ничего нового в отношении к капитализму как к общественному укладу, нет союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком, нет производственной смычки.

Но что же там есть?

Есть утверждение капитализма, есть ревизия линии партии в отношении кулачества, теория самотека в колхозном строительстве, есть грубый эклектизм, есть, словом, густой правый оппортунизм.

Во-первых, тов. Розенталь ни за что не желает признать политики ликвидации кулачества как класса так, как ее понимает партия, как главный лозунг, и вместо борьбы с антисередняцкими загибами, которую ведет партия, ратует за сохранение и оживление (ср. «рост кулачества») капитализма, т.-е. значит, об'ективно солидаризуется с теми, кто рассматривает борьбу с антисередняцкими загибами, как отступление.

Во-вторых, тов. Розенталь недиалектически отрывает ликвидацию кулачества как класса, от процесса коллективизации и процесс коллективизации — от классовой борьбы (на правооппортунистический манер — в отличие от голого раскулачивания).

В-третьих, он рассматривает нэп только, как отступление и выявляет себя как идеолог теории самотека. Вынужденный признать элементы «непосредственного социалистического строительства» на новом этапе, которые в «нэп, как отступление» не укладываются, тов. Розенталь фактически должен бы притти к выводу, что нэп уже снят, и только бесцеремонный эклектизм и правооппортунистическая в своей основе общая его установка «спасает» его от этого «левого» вывода.

В самом деле — вот итоговые строки статьи «На новом этапе».

> «Можно ли сказать,— патетически вопрошает он,— что то новое в экономической политике, которое уже имеется, укладывается в рамки нэпа? Конечно, нет. Это — разная политика».

Значит нэпа уже нет, раз есть новое и это новое в нэп не укладывается. Выходит, что Розенталь отменил уже нэп.

Да, так выходит... Но у Розенталя своя логика. И вот, он, с позволения сказать, «продолжает»:

> «Можно ли сказать, что эта новая, по сравнению с нэпом, экономическая политика уже полностью и без остатка снимает прежнюю экономическую политику — нэп — и делает ее лишней, ненужной и мешающей? Конечно, нет».

На помощь Розенталю приходит, как видим, его бесцеремонный эклектизм и механическое представление о двух мирно уживающихся рядышком друг с дружкой экономических политиках в Советском Союзе. Есть «новая экономическая политика» (новейшая), она не укладывается в рамки нэпа («это — разная политика»), но и нэп не снимается.

Впрочем, тов. Розенталь достаточно искушенный в литературных делах человек и тут же предлагает еще один вариант — уже с диалектическим «перерастанием», а не с механическим сожительством.

---

[1]) Все эти цитаты показывают вполне убедительно, что «сплошное социалистическое плато» есть просто неудачное выражение (что, конечно, не уменьшает об'ективной вредности и ошибочности его).

> «Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика» только начав, постепенно... будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства» (курсив автора.—*В. Б.*).

Вот вам и «кусочек диалектики».

Мы не в силах ни понять, ни, тем более, «об'яснить» этот напечатанный на 84-й странице слишком уж содержательный абзац, заключающий в себе враз три взаимоисключающих друг друга «философских» толкования нового этапа.

Эта теоретическая каша явно почерпнута из оппортунистического болота, дыханием которого насквозь проникнуты статьи тов. Розенталя.

Мы видели, что Розенталь недиалектически разрывает на части целостный хозяйственный уклад и не понимает взаимозависимости частей (совершенно не способен поэтому понять того, что тов. Сталин говорил о «подсобном и вспомогательном лозунге» и не принимает поэтому политики ликвидации кулачества как класса или замазывает ее истинное значение и смысл). Тов. Розенталь оказывается бессильным постичь даже едва ли не самое элементарное диалектическое правило о «конкретной истине»: отсюда его спор с Лениным, приводящий к тому, что он сбивается на чисто метафизическое рассуждение: социализм есть благо, капитализм есть зло — вообще, и вопреки ясной мысли Ленина видит только то, что мы совершаем переход от капитализма к социализму (см. его рассуждения на стр. 80—81).

Эклектизм и антидиалектические построения пронизывают всю его концепцию. Забвение диалектики, подмена ее безжизненной схоластикой и эклектизм питают как откровенно-оппортунистический правый уклон, так и рядящийся в революционные одежды «левый» оппортунизм. При несомненном различии этих двух уклонов, их теоретические источники одинаково чужды марксизму-ленинизму. Неудивительно, что правая в основном философия Розенталя весьма легко может превратиться в питательную почву и для «левых» загибов.

На словах поглумившись над формулировками «конец нэпа», «начало конца нэпа», «отмирание нэпа», он на деле капитулирует перед этими формулировками в самой постыдной форме. Он прямо заявляет, что «новое не укладывается в рамки нэпа». В полном согласии с правыми идеологами, кричащими об «отмене нэпа», тов. Розенталь развивает теорию, которая в то же время питает «левые» загибы, утверждая даже не о начале конца, а прямо таки о конце нэпа.

С другой стороны, проходя совершенно мимо середняка, игнорируя задачу борьбы с антисередняцкими загибами в то время, когда партия считает эту борьбу необходимым условием успешного развития коллективизации, успешного продвижения к социализму, Розенталь находит точку соприкосновения с троцкизмом.

Думается, что после всего сказанного не требуется больше доказательств совершеннейшей теоретической беспомощности тов. Розенталя, полной неспособности его мыслить проблему нового этапа диалектически и, следовательно, критиковать с правильной точки зрения. Обвинив все «рассуждения и высказывания по вопросу о новом этапе» в неисторичности подхода к теме, именно тов. Розенталь оказался неспособным мыслить новый этап, как процесс, и ухватить живую диалектическую связь между различными его сторонами. (Такая неспособность мыслить, вернее, способность мыслить только так расшифровывается несложно с классовой точки зрения).

Нужно ли говорить, что с таким вооружением подходить к анализу переходных моментов — это значит заведомо провалиться.

К. Розенталь.

О барабанном бое и полемическом задоре.

(Ответ т. Богушевскому).

«Как во городе, во Пупе
Жили-были, проживали
Голотяпы — голопупы
Пустобаи — пустобрехи».
Дружинин.

Прежде всего несколько слов по поводу «разгоряченной» атмосферы, в которой началось обсуждение проблем нового этапа. Откуда она? Почему столько болезненной горячности, я бы даже сказал, азартной истеричности проявил тов. Богушевский в своей «атаке» против моих статей о новом этапе? Не может же не знать т. Богушевский, что излишняя горячность — вредит делу. Малейшее дрожание руки и удар, направленный в «сердце» врагу попадает... в пустое пространство.

Холоден и бесстрастен должен быть «боец». Тов. Богушевский этому правилу изменил. Его рука дрожит, непослушное перо ставит «кляксы». Весь стиль и тон его статьи свидетельствуют, что автор разгорячен, что автор взволнован, что автор на что-то гневается и гнева своего сдержать не в силах.

Но что же такое произошло, что вывело из состояния душевного равновесия тов. Богушевского? Что произошло такое, что заставило его так сильно гневаться и в гневе, когда разгоряченный мозг туманится, когда так трудно владеть своими чувствами, все же браться за перо?

Тов. Богушевский нам, к сожалению, об этом ничего не говорит. Но «великие люди» заслуживают того, чтобы о них говорили другие. И эту благородную роль историка «деяний» тов. Богушевского я готов взять на себя.

Тов. Богушевскому принадлежит неоспоримое «первенство» в постановке проблемы «нового этапа». Целую пару больших «подвалов» посвятил он в газете «За Индустриализацию» исследованию и анализу нового этапа, не считая печальной славой знаменитой, его же передовой в этой же газете от 21/I 1930 г. и, — как метко было отмечено «Правдой», — «ученической белиберды» тов. Чернина, нашедшей себе приют и покровительство на страницах «З. И.». Честь и хвала т. Богушевскому хотя бы и за такое «пионерство» в этой области!

Но..., к сожалению, «первый блин оказался комом». Увлеченный успехами социалистического строительства тов. Богушевский выступил с утверждением, что «командные высоты, которые пролетариат оставил в своих руках в начале нэпа разрослись в сплошное (!) социалистическое плато (!), только кое-где (!) прорезанное расщелинами (!) частно-хозяйственного сектора».

Отсюда т. Богушевский сделал вывод о «возможности перехода к прямому (!) оперативному воздействию на все отрасли народного хозяйства»;

отсюда же т. Богушевский сделал вывод (формально хотя и предшествующий этой его статье), что «первый год пятилетки решил ленинский вопрос «кто-кого?», что борьба за социализм внутри страны «вступила в новый период, когда победа предопределена, когда соревнование («кто-кого!») окончено и речь идет лишь о довершении победы и реализации ее плодов».

Тов. Чернин, с своей стороны, в полном согласии со всей установкой т. Богушевского выставил в качестве очередной задачи партии «ликвидацию той социальной дроби, которая составляет также и класс городской буржуазии».

С таким «анализом», с такой характеристикой нового этапа я, конечно, согласиться не мог и в статье «О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма», помещенной в № 78 «Правды», писал:

> «Это, конечно, неверно, это вопиюще неверно; именно отсюда, из утверждения об отсутствии у нас в народном хозяйстве различных общественно-экономических укладов, именно из утверждения о том, что наше народное хозяйство представляет собой «сплошное социалистическое плато», растет махровый оппортунизм, рядящийся в «левые» одежды. И именно здесь «теоретические корни вреднейшего «лево»-оппортунистического заскока с его признанием, что вопрос «кто-кого» — снят».

Что же касается самого утверждения, что вопрос: «кто-кого»? — снят, я писал:

> «Если кого и демобилизует подобное утверждение, то силы и внимание борющегося пролетариата, ибо, превращая кулака в жупел, смазывает и затушевывает кулацкую опасность, ослабляет бдительность рабочего класса к его жесточайшему врагу и под прикрытием «доотказу» «левой» фразы делает откровенно-оппортунистическое дело.
>
> Нет сомнения, такой «заскок» однотипен с троцкистской псевдореволюционностью».

Правильно или неправильно был обвинен т. Богушевский в «лево»-оппортунистическом заскоке, «однотипном с троцкистской псевдореволюционностью»? Правильна или неправильна была моя политическая характеристика ошибок т. Богушевского?

Пусть будет свидетелем сам т. Богушевский.

> «Именно этот решительный поворот деревни к социализму, именно эти быстрые успехи в области колхозного движения, создали почву,— «успехи иногда кружат голову» (Сталин)—на которой могли произрасти «левые» загибы, об'ективно имеющие явно анти-середняцкий троцкистский характер и представляющие собою забегание вперед, перескакивание через непройденные еще ступени, недоучет силы сопротивления классового врага».

И дальше т. Богушевский признается:

> «значит, является вредной ошибкой, об'ективно играющей наруку лево-оппортунистической идеологии и практике—постановка мною вопроса: «кто-кого?», такое значение приобрел и употребленный мною для изображения картины разрастания социалистических командных высот образ—«сплошное социалистическое плато».

Тов. Богушевский выражается «нежно» и «деликатно». Его ошибки оказывается не были ошибками «лево»-оппортунистического порядка, однотипными с троцкистской псевдореволюционностью, а только играли «наруку» троцкистской идеологии! «Об'ективно» же они являлись «отражением головокружительного представления о темпах коллективизации»! Стоит ли, в самом деле, обращать внимание на такие пустяки, как легкое «головокружение». И при чем тут «какая-то» идеология! «Головокружение»—

это действительно было, — признается т. Богушевский, — человек я, знаете ли, «нервный», «впечатлительный». Но чтобы тут была «нехорошая» идеология — упаси боже!

Все эти неуклюжие попытки увильнуть от прямого и безоговорочного признания своих ошибок могут вызвать только улыбку и свидетельствуют о том, что даже «таланта» т. Богушевского недостаточно для того, чтобы без «ущерба» для себя «выпутаться» из неловкого положения, в которое он попал. Но если все же сам т. Богушевский признает, что им была допущена «вредная ошибка, играющая на-руку левооппортунистической идеологии и практике», то почему он ждал со своим ценным признанием 2—3 месяца? И какую роль в этом деле сыграла моя статья?

Но не будем нескромны! Не будем «приставать» к т. Богушевскому со столь «неприятными» для него вопросами! Причины же некоторой излишней «горячности» т. Богушевского, его «нервозности» и прямой истеричности совершенно понятны. Тов. Богушевский, обвиненный мною в лево»-оппортунистическом заскоке, «однотипном троцкистской псевдореволюционности», мое обвинение принял, в моей правоте и своих «лево»-оппортунистических ошибках, хотя и вынужденно, но признался и тут же, не переводя что называется «духу» обвинил меня в... «правом оппортунизме»!

Что и говорить, отступление с «барабанным боем»!

Не слишком ли много берет на себя т. Богушевский? Давно известно: кто хочет доказать слишком много, тот обычно не доказывает ничего.

Но тов. Богушевский горд и неустрашим. Он хочет быть прославлен, он хочет быть знаменит.

Пусть будет так.

Пусть: «... скоро, скоро,

Город Пуп во всей округе
Будет самым знаменитым,
Будет самым главным пупом».

Должен, впрочем, признаться, что этот «изящный» прием с «контратакой» меня не удивил. Уж очень он знаком по борьбе со всеми несогласными с партией! Ведь, именно в «правом оппортунизме» обвиняли троцкисты всех тех, кто стоял на позициях партии и эти позиции защищал. И, рабски подражая троцкистам в этом весьма истасканном приеме, правые оппортунисты обвиняли защищавших линию партии в... троцкизме.

Повторяетесь, т. Богушевский!

Но так или иначе, раз брошено столь серьезное политическое обвинение, в нем следует разобраться.

Итак, как же «доказывает» т. Богушевский наличие в моей статье правооппортунистического существа? Где именно и в чем именно видит он проявление правооппортунистической сущности?

Первым и наиболее серьезным обвинением, которое выставляет против меня т. Богушевский, является утверждение, что будто бы в моей концепции нэп «представляется исключительно как отступление».

> «Характеризуя эту концепцию, нужно, прежде всего, констатировать, что нэп в ней предствляется исключительно как отступление, а именно, только как переход «от непосредственного социалистического строительства, во всем народном хозяйстве (эпохи военного коммунизма. *В. Б.)* к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер», которые и заполняют собою весь нэп и задача которых не социалистическое строительство, а лишь «создание условий, при которых был бы возможен переход от опосредствующих звеньев в деле социалистического строительства к непосредственному социалистическому строительству» (стр. 71 Курсив мой. *В. Б.*). Нэп оказался необходимым в силу характера нашей страны с преобладающим крестьянским хозяйством мелко-товарным крестьянским производством. Нэп есть только метод приспособиться к хо-

> зяйству крестьянина. Нэп — это свободный рынок, это вся суть нэпа, по Розенталю. «Опосредствующие звенья» (нэп) и — непосредственное строительство социализма—нэп и — не-нэп. Нэп есть переход к «опосредствованному» строительству, там, где начинается непосредственное строительство социализма, там уже — не нэп».

Так «излагает» т. Богушевский мою концепцию нэпа.

Что здесь правильного и что здесь неправильного? Что в этом «вольном» изложении якобы моей концепции нэпа действительно соответствует тому, что я писал и что является прямым вымыслом?

Надо прямо сказать, что ничего похожего на то, что я действительно писал в этом изложении — нет.

Дав характеристику перехода от военного коммунизма к нэпу, указав, в чем именно заключалось проделанное нами отступление, я дальше писал:

> «На этих позициях отступление было приостановлено, на этих позициях была произведена необходимая перегруппировка сил и с этих позиций началось постепенное наступление на капитализм» (стр. 71).

Несколько выше (стр. 67) я писал:

> «А это, в свою очередь, требовало отступления в целом ряде областей экономики с тем, чтобы отступив и перестроив свои ряды, сообразно новым задачам, начать наступление, но уже на основах «новой экономической политики», постепенно, осторожно, рядом обходных движений».

Где же здесь, т. Богушевский, нэп «представляется исключительно как отступление»? Отступив, перегруппировав силы, пишу я, мы начали «постепенное наступление на капитализм» и притом «на основах «новой экономической политики».

Значит, т. Богушевский, вы сказали первую неправду. Но, быть может, это «случайная» фраза? Быть может, это всего лишь «обмолвка» с моей стороны?

Дальше я пишу, в чем же заключалось это наступление:

> «восстановление и создание крупной социалистической промышленности, овладение торгово-посредническим оборотом, замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора как из промышленности, так и из сферы товарооборота, усиление строительства кооперации» (стр. 71).

Что же, т. Богушевский, восстановление и создание крупной социалистической промышленности это — «отступление»?

Что же, т. Богушевский, «замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора», это — отступление?

Что же, т. Богушевский, строительство кооперации, это — отступление?

Если же строительство социалистической промышленности, кооперативное строительство и вытеснение социалистическим сектором капиталистического сектора не «сводится целиком к политике отступления», то тов. Богушевский сказал еще раз неправду.

Если т. Богушевскому этого покажется недостаточно, я могу привести и еще выдержку. Давая характеристику нэпа, я писал:

> «От штурма к осаде, от революционных методов действия к «реформистским», от непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер, ставящих себе задачей: создание крупной социалистической промышленности (где уже осуществлялось непосредственное социалистическое строительство), кооперирование населения (рост кооперации, как указывал Ленин, тождественен росту социализма), ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства» (стр. 73).

Что же, т. Богушевский, «создание крупной социалистической промышленности» (непосредственное социалистическое строительство), «кооперирование населения», «ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства» это — политика наступления или отступления? Если это — политика наступления, то вы еще раз сказали неправду, заявив, что у меня нэп сводится целиком к политике отступления».

Еще двумя страницами дальше (стр. 75) я писал:

> «Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса» (стр. 75).

Что же, т. Богушевский, если я пишу, что «социализм одну за другой отвоевывал позиции у капитализма», то это значит, по-вашему, что нэп сводится мною «целиком к политике отступления»?

Количество подобных выдержек из своей статьи я мог бы увеличить вдвое и втрое. Но что это значит? Это значит, что сказав неправду раз, сказав неправду два, сказав неправду три, т.-е. упорствуя в повторении этой неправды, т. Богушевский, преследуя какие-то иные цели, сознательно говорит неправду.

Надо при этом подчеркнуть, что я не только, так сказать, «формально» характеризовал нэп, как «отступление, перегруппировку сил и наступление», но и на протяжении полных двух страниц (стр. 74, 75 и 76) конкретно на цифровом материале показал, как осуществлялось это наступление. И, подводя итоги этому наступлению, я писал:

> «Таким образом, как в промышленности, так и в торгово-посредническом обороте не только относительное, но и абсолютное сокращение частнокапиталистического сектора началось, примерно, с 1926—27 г. Частно-хозяйственный капитализм как «пособник социализма» начал себя исчерпывать и все больше оттесняться и замещаться обобществленным, социалистическим сектором — социалистической промышленностью и кооперацией» (стр. 76).

И дальше, указав на решения XV с'езда партии об усилении наступления на «кулака и частника», я писал:

> «процесс абсолютного сокращения частно-капиталистического сектора еще больше усилился, захватив и капиталистические кулацкие элементы деревни. И в 1928—29 году мы имели такое положение, когда кулацкие хозяйства начали резко сокращать свои посевные площади, резко сокращать как валовую, так и товарную продукцию своих хозяйств» (стр. 76).

Не правда ли, как это все гармонирует с утверждением т. Богушевского, что у меня нэп представляется «исключительно как отступление», как «свобода развития капитализма»?

Надо, впрочем, сказать, что «своеобразность» и «прихотливость» мышления некоторых товарищей и из этих моих совершенно ясных утверждений может сделать вывод о моей... правооппортунистической сущности. Ведь умудрился же т. Борилин в своей статье «О нэпе, индустриализации и новых формах смычки» написать, что

> «Механистическая концепция здесь смыкается с вреднейшим политическим выводом, отрицающим некоторый абсолютный рост капиталистических элементов в нашем хозяйстве»[1].

Иначе говоря, констатация того известного каждому грамотному человеку факта, что у нас, примерно с 1926—27 г., происходит абсолютное сокращение капиталистического сектора в народном хозяйстве об'является... правым оппортунизмом. Ведь это же неслыханно и чудовищно!

---

[1] «Под Знаменем Марксизма», № 9 за 1929 г., стр. 71.

Надо, правда, сказать, что т. Борилин делал это из «хороших» побуждений. Как истый «диалектик», на деле «доказавший» это свое качество, т. Борилин иначе, как «абсолютным ростом капиталистического сектора», не мог об'яснить... обострения классовой борьбы! Невероятно, но факт!

> «Почему,— риторически вопрошал в этой же статье т. Борилин,— наступление реконструктивного периода закономерно связано в нашей стране с обострением классовой борьбы с капиталистическими элементами города и деревни?».
>
> «Потому,— отвечал себе т. Борилин,— что период реконструкции знаменует переход в решительное наступление социалистических элементов, социалистических форм нашего хозяйства» и т. д.
>
> «В том же направлении обострения классовой борьбы влиял и другой фактор, также закономерно вытекающий из условий развития хозяйства в истекший период нэпа,— это некоторый абсолютный рост капиталистических элементов деревни и города. Странное забвение или игнорирование последнего факта происходит у оппортунистически настроенных товарищей...» и т. д.

Итак, если вы, читатель, в полном согласии со всеми имеющимися официальными данными будете утверждать, что у нас сейчас происходит абсолютное сокращение капиталистических элементов деревни и города, то тов. Борилин будет вас считать... «оппортунистически настроенным товарищем».

Если же вы, не желая быть обвиненным т. Борилиным в правом оппортунизме, в полном согласии с т. Борилиным признаете, как этого он требует, и вслед за ним станете утверждать, что у нас до сих пор происходит «некоторый абсолютный рост капитализма», то вы, конечно, будете свободны от тяжкого обвинения в оппортунизме, но вступите в прямое противоречие с действительными фактами.

Но почему же, все-таки, т. Борилин свидетельством «правооппортунистических настроений» считает признание факта абсолютного сокращения частно-капиталистического сектора? Или этот «диалектик» всерьез считает, что при абсолютном сокращении частно-капиталистического сектора не может происходить обострение классовой борьбы? Надо прямо сказать, представление тов. Борилина, что обострение классовой борьбы в реконструктивный период возможно только при условии абсолютного роста капиталистических элементов насквозь механистично. Весьма и весьма недиалектически т. Борилин обстановку прошлых лет, когда действительно происходил некоторый абсолютный рост капиталистического сектора, переносит на 1928—29 годы.

Итак, на основании ряда приводимых мною выдержек из моей статьи, я категорически отвергаю, как совершенно вздорное и ни на чем не обоснованное обвинение меня в понимании нэпа «исключительно как отступление».

Пункт второй обвинения сводится к тому, что будто бы, согласно моей концепции, «там, где начинается непосредственное строительство социализма, там уже — не нэп».

Действительно ли дело обстоит так, как это утверждает т. Богушевский? Действительно ли я утверждаю, что в рамках нэпа не происходило непосредственное социалистическое строительство?

Вот что я писал:

> «создание крупной социалистической промышленности, являясь делом непосредственного социалистического строительства,— поскольку наши государственные промышленные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа,—в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве» (стр. 68).

Значит, т. Богушевский, я не только не отрицал непосредственного социалистического строительства в рамках нэпа, но и подчеркивал, что уже в рамках нэпа, создавая крупную социалистическую промышленность, мы осуществляем непосредственное социалистическое строительство.

А это значит, что вы опять говорите — неправду.

Выше я приводил выдержки, в которых говорится о строительстве в рамках нэпа — кооперации, рост которой, как это, вероятно, известно и т. Богушевскому, тождественен росту социализма.

Значит, т. Богушевский опять и опять сказал неправду, когда обвиняет меня в том, что якобы мною вообще отрицается непосредственное социалистическое строительство в рамках нэпа.

Пункт третий обвинения, хотя т. Богушевским и не развернут полностью, сводится к тому, что, исходя будто бы из моей концепции нэпа, нэп представляется чисто-русским явлением, или, как пишет т. Богушевский, являлся «необходимым в силу характера нашей страны».

Здесь надо прежде всего раз навсегда условиться, о чем идет речь, когда мы говорим о «нэпе»: об определенной ли экономической политике пролетарского государства или о чем-либо ином? Такой вопрос быть может кое-кому покажется очень наивным. Но напрасно было бы думать, что такой вопрос лишний. Ведь мог же, например, т. Борилин совершенно серьезно считать, что «нэп представляет собой систему хозяйства». И с этих позиций даже «критиковал» правых оппортунистов, которые-де брали нэп как застывшую систему общественных отношений, в то время, как, по его, Борилина, мнению, нужно брать «нэп не как некую застывшую систему общественных отношений» («Под Знаменем Марксизма», № 9 за 1929 г., стр. 61).

Таким образом, если и т. Богушевский представляет нэп как «систему хозяйства», то мы, очевидно, говорим о разных вещах, ибо я до сих пор, говоря о нэпе, говорил не о «системе хозяйства», а об определенной экономической политике.

Повторяю, я не знаю, что подразумевает в данном случае т. Богушевский, когда говорит о нэпе. Что же касается меня, то я, рассматривая нэп, как определенную экономическую политику и, с этой точки зрения подходя к формам перехода от капитализма к социализму в странах передового капитализма, писал:

> «Совершенно несомненно, конечно, что поскольку даже в странах развитого капитализма, хотя и в меньших размерах, чем это имеет место в странах промышленно слабо развитых, сохраняется мелкое хозяйство, необходимы будут и «посредствующие звенья» и «переходные меры», и, в частности, необходимо будет «сохранение — на начальных ступенях развития,— рыночных форм хозяйственной связи, денежной системы и т. д.». (Программа Коммунистического Интернационала) (стр. 62).

Что же, по-вашему, т. Богушевский, рыночные формы хозяйственной связи не являются одним из элементов новой экономической политики?

Что же, по-вашему, т. Богушевский, денежная система это — не один из элементов нэпа?

Нет сомнения, что и рыночные формы связей и денежная система все это — элементы нэпа. Но в таком случае вы опять сказали неправду, когда приписали мне утверждение, что я изображаю нэп, как особенность «нашей страны».

Не скрою, однако, что я глубочайшим образом убежден, что, несмотря на сохранение рыночных форм связи, несмотря на сохранение денежной системы и т. д., экономическая политика, которую начнет проводить пролетариат стран передового капитализма, захвативший в свои руки власть, будет все же «кое в чем» и весьма существенно отличаться от нашей «новой экономической политики», а отнюдь не рабски ее копировать.

В чем же будут заключаться особенности экономической политики пролетариата стран передового капитализма от той экономической политики, которую начали вести мы, когда переходили от военного коммунизма к нэпу?

На это мною дан в статье исчерпывающий ответ. Если мы в стране промышленно сравнительно отсталой да к тому же еще разоренной империалистической и гражданской войной, в стране, где преобладающую массу населения составляет крестьянство, вынуждены были начать с формулы: «не ломать, а оживлять старый общественно-экономический уклад, овладевая в меру оживления», тем самым подготовляя почву, условия и предпосылки для «ломки» этого старого общественно-экономического уклада, для переделки мелких товаропроизводителей в производителей-социалистических, для непосредственного социалистического строительства в деревне, то в странах передового капитализма «возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, революционной ломке старого общественно-экономического уклада деревни, что отнюдь, конечно, не снимает, а предполагает и оживление этого «старого общественно-экономического уклада» и овладевание им, по мере его оживления» [1]).

Так обстоит дело с первыми тремя пунктами обвинения, касающихся моей «концепции» нэпа. Как мог убедиться читатель, обвинения т. Богушевского плод немножко расстроенного воображения, немножко излишней горячности по поводу своих собственных «лево»-оппортунистических ошибок, изрядного количества сознательного вымысла и огромного количества прямой неправды.

Но такова природная особенность т. Богушевского, что и уличенный во лжи он не печалится и не унывает. Здесь сорвалось, авось в другом месте выйдет. Он ведь такой, этот т. Богушевский!

И опять же он уподобляется героям из города Пупа:

> «Но никак не унывали
> Голотяпы-голопупы —
> Занимались пустобаем,
> Пустобаем-пустобрехом.

Итак, последуем за нашим «пустобрехом» дальше в кустарники мелких передержек и лес явных подтасовок и лжи.

Пункт обвинения за номером четыре гласит:

> Из всего построения Розенталя «совершенно выпадает классовая борьба», «во всей концепции Розенталя нет ни намека на классовую борьбу».

В первоначальном же варианте своей статьи Богушевский писал еще определеннее:

> «Тут мы подошли к самому изумительному свойству розенталевой «концепции нэпа»: в ней совершенно нет никакого намека на классовую борьбу. Мы не можем, правда, привести ни одной цитаты, в которой бы тов. Розенталь утверждал, что классовой борьбы в эпоху нэпа нет или не должно быть, но мы можем поручиться, что ни тов. Розенталь, ни кто-либо другой не приведут из его статьи ни одной цитаты, в которой бы хоть как-нибудь фигурировала классовая борьба».

Вы можете поручиться, т. Богушевский? Но чем? Вашим добрым именем, «честью» или «благородным» словом?

Хорошо. Я принимаю ваш вызов!

---

[1]) Кстати сказать т. Богушевский решительно не может понять, как это так: «и ломать и оживлять». Или то, или другое, что свыше то от лукавого — такова блистательная «диалектика» т. Богушевского.

Итак, скорее за дело. Возьмите, т. Богушевский, пятый номер «Большевика» и потрудитесь следовать за мною.

Вот рекомендую вашему вниманию стр. 71, на которой говорится, что с переходом к новой экономической политике

> «Борьба с капитализмом, борьба с мелкобуржуазной стихией, не теряя своей ожесточенности, приняла новые формы, потребовала иных приемов и иных методов».

Это как, т. Богушевский, разговор о классовой борьбе, или о чем-либо ином?

На следующей странице (72) позволю себе обратить внимание т. Богушевского на мое утверждение, что

> «нашей важнейшей задачей должно было (быть) сохранить хозяйственную связь с крестьянством в своих руках, отвоевывая ее, но уже мерами экономическими, у капитализма».

Это как, т. Богушевский, разговор о классовой борьбе или о чем-либо ином?

Страницей дальше (стр. 73) я пишу, что нашей задачей с переходом к новой экономической политике являлось:

> «ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства».

Это как, т. Богушевский, разговор о классовой борьбе или о здоровье папы римского?

Еще через страницу (75) я пишу:

> «Гнилые пророчества и зловещие предсказывания об «эволюции» в сторону капитализма были безнадежно биты. Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса, а затем и,— по мере того как допущение свободной торговли «будет давать лишь минусные результаты» (Сталин),— ликвидации остатков нэпманства, остатков торговой буржуазии, уже лишенных производственной базы, но еще имеющих корни в необобществленном секторе сельского хозяйства.

На следующей (76) странице я пишу:

> «После XV с'езда партии, бросившего лозунг «перейти к дальнейшему более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника», потребовавшего «дальнейшего хозяйственного наступления на капиталистические элементы» и «еще более, решительного хозяйственного вытеснения» частно-капиталистических хозяйств, процесс абсолютного сокращения частно-капиталистического (сектора) еще больше усилился, захватив и капиталистические, кулацкие элементы деревни».

Я позволю себе на этом остановиться и не утруждать внимание читателя дальнейшими «цитатами», тем более, что требование т. Богушевского (привести хоть одну цитату и хотя бы только «намекнуть») не только выполнено, но и перевыполнено.

Но позвольте, может обеспокоиться читатель за тов. Богушевского, ведь он ручался своим добрым именем, «честью» и словом!

Что я могу ответить на этот справедливый вопрос читателя? Если эти качества у т. Богушевского и были, то теперь их, очевидно, нет.

Как ни скучен и ни бесцелен «разговор» с т. Богушевским я позволю все же остановиться еще на одном пункте обвинительного акта пред'явленного мне т. Богушевским.

«Тов. Розенталь, — так начинается пункт пятый моего обвинительного акта, — ни за что не желает признать политики ликвидации кулачества как класса, так как ее понимает партия, как главный лозунг», «недиалектически отрывает ликвидацию кулачества как класса от процесса коллективизации и, больше того, «фактически требует допустить рост кулачества».

Что это—бред сумасшедшего или разновидность литературного озорства?

Итак, вы утверждаете, т. Богушевский, что я не желаю признать лозунг ликвидации кулачества главным лозунгом, а лозунг ограничения (и вытеснения) подсобным и вспомогательным?

Я напомню в таком случае, что я писал в той самой статье, где доказывал и доказал, что т. Богушевский «болеет» троцкистской псевдореволюционностью:

> «... в отношении капиталистического, кулацкого сектора деревни в районах сплошной коллективизации, мы поставили своей задачей ликвидацию кулачества как класса, превратив тем самым лозунг ограничения кулачества в районах без сплошной коллективизации «в лозунг подсобный, в лозунг вспомогательный, в отношении главного лозунга» (Сталин) — лозунга ликвидации кулачества как класса».

Что же, тов. Богушевский, говорить неправду вы превращаете в «профессию?» [1]).

Итак, вы утверждаете, тов. Богушевский, что я «недиалектически отрываю ликвидацию кулачества как класса от процесса коллективизации?»

Я напомню, что я писал по этому поводу:

> «Ликвидация кулачества как класса является лишь одной из «сторон» того процесса колхозного строительства, которым завершилось создание районов сплошной коллективизации.
>
> И именно потому-то вопрос о ликвидации кулачества мы ставим в прямой связи с созданием районов сплошной коллективизации и только с ним. Там, где колхозное движение не доросло до создания районов сплошной коллективизации, там лозунг ликвидации кулачества преждевременен и потому политически ошибочен и вредeн» (стр. 81).

Где же здесь «отрыв», в котором обвиняет меня т. Богушевский? Тов. Богушевский, действительно, беспределен в своей лжи!

Я требую, утверждает т. Богушевский, «допустить рост кулачества». Чем и как он это «доказывает»? Ссылкой на то, что я ставлю в связь ликвидацию кулачества как класса с ростом крупной социалистической промышленности. И тов. Богушевский вроде даже, как «яззит», смотрите, по Розенталю, де, выходит, что «кулака убьет электричество, трактор, с.-х. машина».

Тов. Богушевский явно «скромничает». Он обвиняет в оппортунизме не меня а... Ленина.

> «Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч кулаков будут убиты» (т. XVIII, ч. I, стр. 145).

Вы кажется «выстрелили» дальше того, чем сами, вероятно, хотели тов. Богушевский.

Но это не моя вина Я честно предупреждал тов. Богушевского, кто хочет доказать слишком много, тот неизбежно бывает наказан сам.

Но все же нельзя не признать «пикантной» картину, когда Богушевский обвиняет Ленина... в оппортунизме! [2]).

Наконец, пункт шестой обвинительного акта гласит; что «по мнению Розенталя» социалистическая переделка деревни и ликвидация кулачества не могут быть допущены «до тех пор, пока наша промышленность не даст деревне в массовом масштабе трактора и электрическую энергию, пока, значит, деревня не будет электрифицирована, пока, очевидно, не будет закончен, по крайней мере, один тракторный завод».

И приведя соответствующие выдержки из постановлений ЦК партии, тов. Богушевский «обрушивается» на меня со всей силой, на какую он только способен.

«Не ясно ли, что т. Розенталь ревизует линию партии?

Не менее явно расходится установка т. Розенталя и с тем, что говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов».

Обвинение «тяжко». Напомню, однако, т. Богушевскому, что я писал:

> «Начавшийся великий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства, конечно, своими корнями уходит в гигантский рост социалистической промышленности и рост ее влияния на всю экономику страны и в том числе на сельское хозяйство; но бурно протекающие процессы коллективизации далеко обгоняют возможности крупной социалистической промышленности по радикальной материально-технической реконструкции сельского хозяйства, материально-производственному обслуживанию коллективизирующейся деревни.
>
> Значит ли это, что мы должны бить отбой и делать попытки сдержать, приостановить этот начавшийся и бурно протекающий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства? Отнюдь нет. Ибо, как это совершенно правильно отмечал т. Сталин в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов, преимущества крупного хозяйства в земледелии очевидно не только в колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и в «колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь». «С виду эти колхозы как будто не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем, простое сложение крестьянских орудий в недрах колхоза дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». Иначе говоря, сам процесс коллективизации явился новым, добавочным, дополнительным фактором в деле развития производительных сил в сельском хозяйстве и притом на социалистической основе». (Стр. 78).

С какой же установкой т. Сталина я «расхожусь» и в чем «ревизую линию партии», т. Богушевский?

Нет и еще раз нет, имя т. Богушевского во--истину достойно занять место рядом с известным бароном Мюнхгаузеном! Его ложь также вдохновлена и также легендарно беспредельна.

Я остановился только на основных «обвинениях», пред'явленных мне Богушевским, ибо отвечать на всю ту чепуху, которую он преподносит под видом якобы моих высказываний, опровергать всю ложь, которую он громоздит одну на другую, реагировать на всю клевету, которую он столь обильно расточает, нет ни желания, ни охоты. Не должен же я, в самом деле, «доказывать», что я нигде и никогда не утверждал «невозможности социалистического строительства», что я никогда не высказывался против «союза пролетариата и бедноты с середняком», что я нигде не проповедывал дать свободу кулаку и терпеть кулаков в районах сплошной коллективизации», что я не призывал к «свержению советской власти» и т. д. и т. п. Да и читателю, вероятно, уже хорошо известны полемические приемы Богушевского, если их можно назвать «приемами».

---

[1]) Кстати сказать эту же ложь повторяет и т. Большаков и все в той же «За Индустриализацию» и под «высоким» покровительством все того же Богушевского.

[2]) Здесь, кстати, я позволю себе остановиться немножко на «истории», поскольку на этом настаивает тов. Богушевский.

Тов. Богушевский утверждает, что его статья, где он доказывал, что «кулак—это жупел», попала ко мне «на редакцию» и что именно со мной «в самом дружественном согласии» были внесены «з нее незначительные поправки, сохранившие, однако, как известно, в неприкосновенности ее оппортунистическую сердцевину».

Пользуюсь этим случаем для того, чтобы об'явить т. Богушевского бесчестным лгуном и клеветником.

Совершенно верно, что пресловутая статья попала ко мне, как и весь материал, поступавший в редакцию «Большевика», поскольку я тогда был секретарем редакции. Но Богушевский лжет и лжет сознательно, когда утверждает, что я был с нею согласен. Я настаивал на помещении ее в дискуссионном, а не редакционном порядке. И Богушевский это знает.

И в подтверждение этого я позволю себе привести официальную справку теперешнего секретаря редакции тов. Шагурина. Вот она:

Справка.

(На основании архивных материалов по «Большевику» № 9—10 за 1925 г.).

На первой странице статьи т. Богушевского «О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии» имеется пометка тов. Розенталя: «Дискуссионный отдел» № 9 «Большевика». В набор. Корп. № 6.

Секретарь редакции Шапурин.

3/IV—30 г.

Лжет, лжет беспросветно, беспробудно, как осенний дождь монотонно, громоздит одну ложь на другую, совершенно не беспокоясь, что его уличат, поймают, разоблачат. Лгун-рецидивист, вот моральная характеристика моего достопочтенного «критика».

А политическая? Политическая — известна. Ведь в правом оппортунизме меня обвиняет тот самый Богушевский, который борьбу партии с перегибами понял как «оперативную паузу», как приостановку наступления на капитализм, как приостановку в дальнейшем развертывании колхозного строительства!

Это ли не типичное махровое правооппортунистическое изображение борьбы партии с перегибами? [1].

Каковы же в общем итоги нашего малоприятного и малоинтересного «разговора» с Богушевским?

Он обвинил меня в характеристике нэпа только как отступления и на этом основании «зачислил» меня в число правых оппортунистов. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в отрицании непосредственного социалистического строительства в рамках нэпа и на этом основании причислил к правым оппортунистам. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в игнорировании классовой борьбы и опять же «зачислил» по ведомству правых уклонистов. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в отрицании лозунга ликвидации кулачества как главного лозунга. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в требовании допустить свободный рост кулачества, и, конечно, не преминул зачислить в число правых оппортунистов. Что оказалось на поверку? Ложь.

Но что же тогда осталось от хвастливого обещания Богушевского «город Пуп» сделать «самым главным пупом»?

«Город Пуп пропал из виду.
«Город Пуп совсем не город.

---

[1] Тов. Богушевский пишет: «Как был так и остался т. Розенталь прямым бухаринцем». Из уст т. Богушевского такое обвинение звучит сильно комически, чтобы не сказать больше.

Тов. Бухарин писал: кулак нам не страшен, кулак врастет в социализм. Тов. Богушевский эхом отвечает: «кулак — это жупел». Кто же прямой бухаринец, тов. Богушевский?

Тов. Бухарин писал: характерное в новом этапе — антикулацкая революция». Тов. Богушевский эхом отвечает: «капитализм быстро становится злом» — «вот что нового прежде всего в нынешнем этапе». Кто же прямой бухаринец тов. Богушевский?

Правые оппортунисты утверждают, что борьба с перегибами, это — приостановка наступления на капитализм. А тов. Богушевский эхом отвечает: борьба с перегибами, это — «оперативная пауза», т.-е. все та же приостановка наступления! Кто же прямой бухаринец, т. Богушевский?

Больше того, когда я критиковал положение т. Бухарина, что новый этап характеризуется прежде всего—бурными процессами коллективизации, а что ликвидация кулачества лишь одна из сторон этого процесса, тов. Богушевский взял под защиту именно... т. Бухарина! А когда я критиковал т. Бухарина за его формулу: «сперва ломать, а потом подводить техническую базу», то и тут т. Богушевский не удержался и опять взял под защиту т. Бухарина, обвинив меня в проповеди... теории самотека!

Кто же «прямой бухаринец», тов. Богушевский?

Город Пуп не пуп, а яма.
Город Пуп не существует.
Город Пуп исчез с планеты.
Вместо с бывшей генеральшей.
С генеральскими штанами,
С каланчею и сортиром».

А за сим до свиданья мой достопочтенный «критик»!

* * *

Покончив с весьма скучным занятием — «полемикой» с Богушевским, я позволю себе прежде всего, так сказать «реставрировать» центральную идею моей статьи «На новом этапе»—идею перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственно социалистического строительства от многочисленных Богушевско-Большаковских «наслоений».

Совершенно справедливо, конечно, что новый этап, не может быть понят вне ясного понимания всего предшествующего периода — нашего хозяйственного развития, и, прежде всего, вне ясного понимания сущности, содержания и задач новой экономической политики. Именно потому-то свою статью «На новом этапе» я и начал с характеристики нэпа.

Что я считал и считаю конечной задачей нэпа?

Установление фундамента социалистической экономики, установление социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве. Когда эта задача будет разрешена мы «отбросим нэп к чорту» [1].

> «Известную фразу в моей речи на с'езде аграрников-марксистов надо понимать так,— отвечает тов. Сталин на вопросы свердловцев,— что мы «отбросим нэп к чорту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма».

При каких же условиях мы перестанем нуждаться в известной свободе торговли и известном оживлении капитализма? Здесь мы вплотную подходим к идее «посредственного» и «непосредственного» социалистического строительства.

> «Социализм, говорил Ленин,— есть уничтожение классов». Но для того, чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная» (т. XVI, стр. 351).

При чем, что необходимо особо подчеркнуть, это задача обща всем странам, поскольку «почти во всех капиталистических странах может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев». Вот почему, поскольку разрешена первая задача свержения капиталистов и помещиков,

> «главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных зем-

---

[1] Уже из этого видно, сколь «справедливо» утверждение т. Большакова, что нэп рассматривается мною как поражение. «Есть ли построение социализма по тов. Богушевскому—«отступление», а по т. Большакову—«поражение», то я тогда действительно за такое поражение и за такое «отступление».

> левладельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать,— так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным образом». «Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе». (Т. XVIII, ч. I, стр. 325).

Здесь борьба ведется не за уничтожение, не за ликвидацию, не за свержение класса мелких производителей и мелких земледельцев, а за коренную перестройку их хозяйства, за переделку простых товаропроизводителей в производителей социалистических, за перевод мелкого, индивидуального обособленного товарного хозяйства в крупное, обобществленное хозяйство последовательно-социалистического типа.

Но как разрешить эту главную задачу революции после решения задачи свержения помещиков и капиталистов? Как разрешить в сельском хозяйстве, где господствует мелкое хозяйство, мелкий товаропроизводитель, ту задачу непосредственного социалистического строительства, т.-е. установления и расширения воспроизводства социалистических форм производственных отношений, которая в городе началась с переходом промышленности в руки пролетарского государства, переходом, превратившим наши государственные предприятия в предприятия последовательно-социалистического типа.

Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от уровня промышленного развития страны, в которой совершается социалистическая революция.

> «Если крупная промышленность,— говорил Ленин,— находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить крестьян достаточным количеством продуктов или большим количеством продуктов, чем прежде, и установить, таким образом, правильные отношения, между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями,— тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, тогда крестьянство, в своей массе беспартийное крестьянство, признает силой вещей, что этот новый порядок лучше порядка капиталистического. Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 гг.» (т. XVIII, ч. I, стр. 433—434) [1]).

И двумя страницам далее Ленин пишет:

> «Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму, и никто не опровергает этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах-победительницах, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей. А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся, упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплоататора. И для того, чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственно возможной — связь через хозяйство. Вот причина нашего отступления, вот почему мы должны были притти к государственному капитализму, к концессиям, к торговле» (т. XVIII, ч. I, стр. 436).

Не имея необходимых экономических условий и предпосылок, не имея той крупной промышленности, которая была бы способна разрешить задачу социалистического переустройства сельского хозяйства, мы, осуществляя непосредственное социалистическое строительство в государственном секторе народного хозяйства, т.-е., расширенно воспроизводя последовательно-социалистический тип производственных отношений, должны были «считаться с мелким крестьянином как мелким крестьянином», не ломая общественно-экономического его уклада, а оживляя, овладевая им по мере его оживления и используя это оживление для создания крупной социалистической промышленности, которая, как это подчеркивал Ленин, «одна и только одна» является «действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для социалистического общества» (т. XVIII, ч. I, стр. 260).

Вот почему Ленин не уставал указывать, что «наша основная задача— восстановление крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 261), и что, не разрешив этой задачи, мы не сможем перейти к разрешению задачи непосредственно социалистического строительства, т.-е. установлению в массовом масштабе социалистических производственных отношений, в деревне.

Таким образом, отказавшись на первом этапе нэпа от задачи непосредственно социалистического переустройства сельского хозяйства, мы должны были найти те посредствующие звенья и переходные меры, которые позволили бы нам в конечном счете перейти к разрешению и этой задачи—главной и труднейшей задачи нашей революции. Именно в этом и заключался тот величайший стратегический маневр, который мы называем «новой экономической политикой».

Что же это были за посредствующие звенья и переходные меры, которые должны были нас подвести к разрешению задачи непосредственно социалистического строительства, т.-е. установлению в массовом масштабе социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве?

Таким «посредствующим звеном» была, прежде всего, крупная социалистическая промышленность. Являясь делом непосредственного социалистического строительства, поскольку наши предприятия есть предприятия последовательно-социалистического типа, создание крупной социалистической промышленности в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, во всем народном хозяйстве [1]).

---

[1]) Кстати сказать, т. Богушевский весьма «язвит» по поводу употребляемого мною выражения: цветущая крупная промышленность». Что это за «цветущая», какая это такая «цветущая», «когда это наступит» — «цветущая» — ломается Богушевский. И невдомек ему, что выражение-то это не мое, а... Ленина.

«Не тогда ли, когда мы догоним и перегоним передовые капиталистические страны»? — ехидничает Богушевский. Но если это так, тогда «по Розенталю выходит, что нельзя даже приступить к социалистической перестройке сельского хозяйства». А это значит, что Розенталь против коллективизации и, следовательно, правый оппортунист.

Богушевский не изменяет себе и по-прежнему «врет за двух». Во-первых, я не говорил, что «цветущая крупная промышленность» будет тогда, когда мы «догоним и перегоним». Свои собственные мысли Богушевский весьма бесцеремонно выдает за мои. Во-вторых, на этот счет у меня имеются совершенно точные указания в статье. «Цветущей» я называю ту промышленность, которая способна приступить к социалистическому переустройству сельского хозяйства. А в-третьих, я прямо писал «налицо уже имеется такая промышленность, которая способна и в силах приступить к разрешению и уже начала разрешать задачу социалистического преобразования деревни» (стр. 82).

Какие цели преследует Богушевский, громоздя весь этот Монблан лжи?

[1]) Сильно комичное впечатление производит утверждение тов. Богушевского, что у меня ничего не говорится о «командных высотах». В самом деле, «соображает» т. Богушевский, говорит человек о промышленности, говорит о том, что развитие промышленности — «основная задача», а о «командных высотах» — что называется,—ни гу-гу! Очевидно, т. Богушевский не знает, что наша промышленность и есть основная важнейшая и решающая «командная высота». По человечеству, мы, конечно, можем т. Богушевскому посочувствовать в его девственности и невинности по части понимания весьма элементарных вещей, но от редактора (редактора!!!) органа промышленности можно было бы потребовать не так уже афишировать своим невежеством.

Ах уже это «соображение» тов. Богушевского! Вечно оно его подводит!

Таким «посредствующим звеном» являлась далее кооперация, рост которой, как это указывал Ленин,—тождественен с ростом социализма. Кооперируя мелкое простое товарное производство в сфере обращения, мы тем самым, внедряя идею кооперации в толщу бедняцко-середняцких масс; подготовляем почву для перехода к высшим формам кооперации — производственному кооперированию — колхозам [1]).

Таким «посредствующим звеном» является, наконец, рост пролетариата, рост его культурного развития и политического уровня, рост его влияния среди трудящихся и, в первую очередь, среди бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Но все это те «посредствующие звенья», которые по сути своей являлись выражением непосредственно социалистического строительства.

До тех же пор, пока эти «посредствующие звенья» не получили такого значения, которое позволило бы нам перейти к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, мы вынуждены были «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином». А это означало что мы должны были пойти на такие «посредствующие звенья, как допущение известной свободы торговли, как допущение известного оживления капитализма, как допущение концессий и т. д. [2]). Иначе говоря, до тех пор, пока у нас не было необходимых условий и предпосылок мы должны были базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах: крупной социалистической промышленности и мелко-товарном крестьянском хозяйстве. Но

> «можно ли в продолжении более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства?» — спрашивал т. Сталин. И отвечал: «Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства».

И все эти «посредствующие звенья» и переходные меры должны были служить одной генеральной задаче: непосредственному социалистическому

---

[1]) Кстати сказать, тов. Богушевский «уличает» меня в том, что у меня-де «совершенно выпал кооперативный план Ленина (!!), вернее уложен в одну единственную фразу, запрятанную в скобки». Тов. Богушевский даже двух восклицательных знаков не пожалел, уличив меня в столь позорном «проступке».

Но страшен сон, да милостив бог. О кооперации я говорю в ряде мест, а переходя к установлению причин, вызывавших движение бедняцко-середняцких масс к колхозным формам хозяйства, и указав, что «основные причины этого великого движения крестьянства к социализму могут быть сведены к четырем решающим и важнейшим» (стр. 76) в числе этих четырех причин выдвигаю кооперацию специальным пунктом, идущим под номером «2», в чем может убедиться всякий желающий, заглянувший на стр. 79, № 5 «Большевика».

А что значит тогда утверждение тов. Богушевского? Что он мелкий и жалкий лгунишка!

[2]) Что отнюдь не исключало, а предполагало политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов города и деревни. Вот почему я и писал: «с этих позиций началось постепенное наступление на капитализм: восстановление и создание крупной социалистической промышленности, овладение торгово-посредническим оборотом, замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора...» (стр. 71).

Вот почему я писал, что задачей нэпа являлось «ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства» (стр. 73) и см. стр. 74, 75, 76 и дальше.

Но что тогда означает утверждение т. Большакова, что по Розенталю-де выходит, что нэп характеризуется «не проведением политики вытеснения и ограничения капиталистических элементов в городе и деревне, а только допущением их роста»?То, что т. Большаков неизменно следует по проторенной дорожке т. Богушевского и говорит неправду.

строительству в деревне, установлению в массовом масштабе социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве, а следовательно, и непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, ибо только на основе социалистического переустройства сельского хозяйства можно перейти к последовательно-социалистическим формам связи сельского хозяйства и промышленности.

Но если признать, что известная свобода торговли не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, а не признать этого — нельзя;

если признать, что известное оживление капитализма не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, а не признать этого—нельзя;

если признать, что известная свобода кулачеству не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, а не признать этого — нельзя;

если признать, наконец, что и концессии являются лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, но отнюдь не выражением непосредственно социалистического строительства, а не признать этого— нельзя,—

то мы в праве сказать, что новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства в деле социалистического строительства, которые через ряд посредствующих звеньев и переходных мер (из которых одни, как социалистическая промышленность, кооперация и т. д., являлись в то же время выражением уже осуществляемого непосредственного социалистического строительства) должны были подвести к разрешению задач непосредственно социалистического строительства в об'еме всего народного хозяйства, коренной ломке старого общественно-экономического уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности — основы основ социализма и кооперации.

И тогда, наконец, мы в праве сказать, что когда будут созданы необходимые условия и предпосылки для того, чтобы

> «перейти к разрешению задач непосредственного социалистического строительства, когда минует необходимость переходных мер и посредствующих звеньев, эта экономическая политика будет не нужна, будет излишней, и мы должны будем перейти к иной политике — политике непосредственного социалистического строительства. От ряда долгих, постепенных, осторожных, «реформистских», «осадных» действий мы должны будем перейти к новому штурму, но уже в иных условиях, в иной обстановке, с иной организованностью, с иным соотношением сил борющихся классов». (Стр. 74) [1]).

---

[1]) Кстати сказать, употребленное мною выражение, что с переходом к нэпу мы перешли от штурма «к осаде, от революционных к «реформистским» методам действия» — вызвало взрыв возмущения и негодования со стороны тов. Большакова. Как так к «реформистским!», да ведь это — «подмена революционного действия эволюционным пониманием экономического развития!» Да ведь такая оценка нэпа «давалась всеми нашими врагами!».

Успокойтесь тов. Большаков! И послушайте лучше, что писал Ленин: «с весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий (речь идет о военном комунизме. *Р. К.* ставим... совершенно иной—типа реформистского».

«Совершенно иной подход к задаче».

«По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше» (т. XVIII, ч. I, стр. 410).

Странно, странно у вас получается т. Большаков. Сперва построение социализма признали «поражением», а затем в число «наших врагов» зачислили... Ленина!

С вашей ррреволюционностью, т. Большаков, да еще в соединении с «жупелом», тов. Богушевского только и пугать замоскворецких купчих...

Мы «отбросим нэп к чорту»,—говорил тов. Сталин,—«когда не будем нуждаться в известной свободе торговли», «когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма», т.-е. тогда, когда в деле социалистического строительства мы сумеем обойтись *без* «посредствующих звеньев» и *особых* «переходных мер».

Именно в этом и заключается двойственная природа и диалектика нэпа. Допустив рыночные формы хозяйственной связи, считаясь с мелким крестьянином как мелким крестьянином, допустив известную свободу капитализма как в городе, так и в деревне, социализм вступил в бой с капитализмом, пользуясь его собственным оружием, и в этом бою, оттесняя и завоевывая у капитализма одну позицию за другой, одерживая над ним одну победу за другой, подводя к разрешению основной и труднейшей задачи революции — социалистическому переустройству сельского хозяйства, уничтожению классов и созданию фундамента социалистической экономики, и тем самым превращая в излишние, ненужные и вредные такие «посредствующие звенья» и «переходные меры», как: известная свобода торговли, известная свобода капитализма и т. д.

Начав с торговых форм смычки, мы все больше переходим к производственным формам смычки.

Начав в значительной степени со стихийно рыночных форм хозяйственной связи города и деревни, мы постепенно начали переходить к иным формам: системе договоров и контрактации.

Начав с известного оживления капитализма, мы все больше и все стремительнее его ограничивали и вытесняли.

Начав с оживления старого общественно-экономического уклада в деревне, мы все в большей степени им овладевали и подчиняли своему влиянию.

И в этом отношении известным рубежом в развитии нэпа явился XV с'езд партии. Достаточно напомнить резолюции XV с'езда по отчету ЦК и «О работе в деревне».

В резолюции по отчету ЦК говорится:

> «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования, постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли, на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда».
>
> «В настоящий период,—говорится о резолюции «О работе в деревне»,—задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные хозяйства, должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне».

И дальше:

> «В соответствии с задачей всемерного поощрения об'единения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, система сельхозкредита должна направить свое главное внимание на поддержку и развитие производственного кооперирования широких бедняцко-середняцких масс».

Таким образом, если до XV с'езда партии непосредственное социалистическое строительство, т.-е. расширенное воспроизводство последовательно-социалистического типа производственных отношений в основном шло *мимо* деревни, *не затрагивая* основ производственных отношений в деревне, то уже XV с'езд эту задачу социалистического переустройства деревни выдвигает в качестве «основной задачи» «в настоящий период», требуя, чтобы на ее разрешение было направлено «главное внимание».

В этом же направлении идет и решение партии о системе договоров и контрактаций с.-х. продукции.

> «Эта форма,—говорится в резолюции «О работе в деревне»,—может и должна служить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле этого слова, т.-е. добровольного об'единения мелких производителей, связанных через кооперацию с социалистической промышленностью».

И дальше резолюция прямо требует:

> «Оказывать всемерную поддержку развитию практики договорных отношений (контрактация и т. п.) между кооперированным крестьянством и госорганами, устанавливающих непосредственную смычку между крестьянским хозяйством и соответствующими отраслями социализированной промышленности (сахарная промышленность, текстильная и др.) и облегчающих государственно-плановое регулирование сельского хозяйства соответствующих районов и отраслей».

Таким образом, XV с'езд партии прямо указывает те пути, по которым пойдет преодоление рыночных форм хозяйственной связи, переход от стихийно-рыночных методов регулирования сельского хозяйства к государственно-плановому его регулированию. Вся последующая практика показала величайшую жизненность этих решений XV с'езда и система договоров и контрактации уже превратилась в важнейшую форму хозяйственных связей города и деревни.

Наконец, именно в этом же направлении действовали и решения XV с'езда партии о необходимости перейти к политике «еще более решительного хозяйственного вытеснения» частно-капиталистического хозяйства, перейти «к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника». Ибо этим решением, помимо прямого вытеснения кулака, значительно подрезался стимул у середняка «перерасти» в кулака.

Таким образом, если говорить о «датах» в периодизации «нэпа», то можно сказать, что *решениями XV с'езда партии было положено начало преодолению мелкого товарного бедняцко-середняцкого хозяйства, начало преодоления торговли.*

Чем же в таком случае, характеризуется тот новый этап в развитии нашей революции, в который мы вступили с лета 1929 года?

Бурными процессами коллективизации, все бо́льшим переходом бедняцко-середняцких масс деревни к коллективным формам хозяйства. Что это значит? Это значит, что если раньше непосредственное социалистическое строительство, т.-е. расширенное воспроизводство последовательно-социалистического типа производственных отношений в значительной степени шло *мимо* деревни, *не затрагивало* (в массовом масштабе) производственных отношений простого товарного хозяйства, то теперь мы вступили в такой период, когда *в этот процесс непосредственно социалистического строительства оказалось вовлеченным и притом, что особенно важно, именно в массовом масштабе бедняцко-середняцкое крестьянское хозяйство.* Рушатся «привычные» устои крестьянского хозяйства, рушатся традиции веков, и крестьянство широкой лавиной двинулось к коллективным формам труда. Один за другим создаются районы сплошной коллективизации, перерастающие в области сплошной коллективизации[1]).

---

[1]) Как истый «диалектик» т. Большаков решительно не понимает, что «осада» не только не исключает, а *предполагает наступление.* Однако формы наступления могут быть разные: рассчитанные на ряд осторожных движений и маневров, рассчитанные на постепенное, медленное продвижение вперед и рассчитанные на стремительное продвижение вперед на «штурм». Нет сомнения, что именно *первый* вид «наступления» на простое товарное хозяйство имел место *до* лета 1929 года и *в основном* и второй — после лета 1929 г., когда необходимые условия и предпосылки были налицо и когда мы имели бурный рост колхозного строительства.

Вся прошлая политика партии дала теперь свои «итоги»: период посредствующих звеньев и переходных мер начал перерастать в период непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве. И этот процесс не может и не мог не найти своего отражения в экономической политике партии.

Торговля — этот один из «конститутивных» признаков нэпа

> «начинает,— писал я,— но только начинает, перерастать в социалистический продуктообмен. При чем агентом со стороны сельского хозяйства выступает не индивидуальное крестьянское хозяйство, а колхоз. Торговля начинает, но только начинает, переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, преодолевая через контрактацию договор, через производственные формы смычки в социалистический продуктообмен» (стр. 83).

Роль местного рынка и местного товарооборота в районах сплошной коллективизации уже начинает сужаться и будет сужаться все больше, по мере перехода к высшим формам колхозного строительства и замещаться социалистическим продуктообменом. Когда этот процесс будет завершен, тогда мы «отбросим нэп к чорту».

Что мы имеем сейчас? Какие формы хозяйственной связи города и деревни мы имеем сейчас? Мы имеем и торговые формы хозяйственной связи и находящиеся, правда, еще только в начальной стадии развития формы социалистического продуктообмена между городом и деревней. Является ли развернутый социалистический продуктообмен между социалистической промышленностью и коллективизированным (а не индивидуальным) крестьянским хозяйством «конститутивным» признаком нэпа? Конечно, нет. Такой переход к социалистическому продуктообмену означает, что нэп окончательно завершен и может быть отброшен за прямой ненадобностью. Значит, политика социалистического продуктообмена является отличной от «новой экономической политики», является новой по отношению к этой последней. В каком направлении идет развитие хозяйственных связей между городом и деревней? От торговли, через контрактацию, через производственные формы смычки к социалистическому продуктообмену [1]). Иначе говоря, «новая экономическая политика» в своем основном и решающем, что является «конститутивным» признаком нэпа—форма хозяйственных связей—начинает перерастать в другую политику—политику непосредственного социалистического строительства. Но, повторяю, только когда этот процесс будет завершен, мы «отбросим нэп к чорту».

Результатом чего является этот процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен? Результатом бурных процессов коллективизации, результатом социалистического переустройства сельского хозяйства, результатом установления и расширенного воспроизводства социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве. Результатом того, что с переходом к непосредственному социалистическому строительству в деревне мы вступили в такой период, когда «посредствующие звенья» и «переходные места» к этому непосредственному социалистическому строительству начинают, но только начинают, становиться излишними, ненужными.

Такое же положение мы имеем и в нашей политике по отношению к кулаку. Известное допущение существования кулака было «посредствующим звеном», было «переходной мерой», когда нашей задачей было во что бы то ни стало, какой угодно ценой поднять из бездны разрухи сельское хозяйство, когда нашей основной задачей в деревне было поднятие индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства. В этих условиях допущение существования кулака было результатом того, что запретительными мерами против кулака мы неизбежно задели бы и хозяйственные интересы середняка. И политика партии сводилась не к «запрещению» кулака, а к его ограничению и вытеснению.

XV с'езд партии, поставив в качестве первоочередной и основной задачи постепенный переход к коллективным формам хозяйства, одновременно (ибо это сторона того же процесса) дал лозунг перейти «к дальнейшему более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника». В принципе, однако, политика партии в отношении кулака оставалась неизмененной: ограничивать и вытеснять. Таким образом, в качестве «посредствующего звена» и «переходной меры» сохранялось, до поры до времени, известное допущение существования кулака.

Положение в корне изменилось, когда в районах сплошной коллективизации мы выдвинули лозунг: «ликвидации кулачества как класса», тем самым превратив лозунг «ограничения и вытеснения» в районах не сплошной коллективизации в лозунг вспомогательный, подсобный к главному лозунгу. Изменилось ли что-либо в нашей политике в отношении кулака, или этот лозунг ликвидации кулачества как класса является продолжением нашей прежней политики ограничения и вытеснения?

Тов. Сталин на этот вопрос дал исчерпывающий ответ в своей статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса».

> «Понятно,— пишет т. Сталин,— что политика ликвидации кулачества как класса не могла упасть с неба. Она была подготовлена всем предыдущим периодом ограничения, а значит и вытеснения капиталистических элементов деревни. Но это еще не значит, что она не отличается коренным образом от политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни, что она является будто-бы продолжением политики ограничения. Говорить так, как говорит наш автор — значит отрицать наличие перелома в развитии деревни с лета 1929 г. Говорить так — значит отрицать тот факт, что мы проделали за этот период поворот в политике нашей партии в деревне. Говорить так,— значит создавать некоторое идеологическое укрытие для правых элементов нашей партии, цепляющихся теперь за решения XV с'езда против новой политики партии, так же как цеплялся в свое время т. Фрумкин за решения XIV с'езда против политики насаждения колхозов и совхозов.
>
> Из чего исходил XV с'езд, провозглашая усиление политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Из того, что, несмотря на это ограничение кулачества, кулачество как класс все же должно оставаться до поры до времени. На этом основании XV с'езд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендатором в своей массе являются кулаки. На этом основании XV с'езд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь. На этом основании была еще раз провозглашена недопустимость раскулачивания. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Безусловно нет. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества как класса? Безусловно, да! Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации.

---

[1]) Кстати сказать, и здесь т. Богушевский не удержался, чтобы не сказать очередную неправду. Я писал: «Торговля начинает, но только начинает, переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, преодолевается через контрактацию, договор, производственные формы смычки в социалистический продуктообмен» (стр. 83).

А т. Богушевский обвиняет меня: 1) что я ничего не говорю о производственных формах смычки, 2) что я выношу производственные формы смычки за пределы нэпа! Если т. Богушевский считает что преодоление торговли уже выходит за пределы нэпа, то это его личное дело. Но не надо уподобляться той блудливой кукушке, которая свои яйца раскладывает по чужим гнездам!

> Можно ли после этого утверждать, что политика ликвидации кулачества как класса есть продолжение политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Ясно, что нельзя».
>
> «Стало быть, нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики, а поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса».

Что все это значит? Это значит, что предоставление возможности кулаку существовать «до поры, до времени» было на определенном этапе развития нашей революции необходимым «посредствующим звеном», необходимой «переходной мерой». Но по мере того, как мы перешли к непосредственному социалистическому строительству в деревне, по мере того, как начали создаваться районы сплошной коллективизации, необходимость в этом «посредствующем звене» начала исчезать, превращалась во вредную помеху в районах сплошной коллективизации. Выражением чего является в таком случае этот «поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса»? Выражением начавшегося процесса перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства.

Движение широчайших бедняцко-середняцких масс к колхозным формам хозяйства, создание районов сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса, начавшийся процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен и т. д.,— все это непреложное свидетельство того, что мы вступили в процесс перерастания новой экономической политики в политику непосредственного социалистического строительства. И именно потому, что мы находимся только на начальном этапе этого процесса, величайшей политической ошибкой было бы перескакивание через этот «процесс». Явным «лево»-оппортунистическим, об'ективно троцкистским антисередняцким заскоком являются попытки «отменить нэп», «ликвидировать» нэп и т. д.

И когда завершится этот процесс перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства, тогда мы «отбросим нэп к чорту» и будем, так сказать, в «чистом» виде осуществлять политику непосредственного строительства, т.-е. политику расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве.

Что же у нас сейчас две политики, или одна? Глупый вопрос, выдающий с головой механистическое мышление вопрошающего [1]) Но новая экономическая политика будет отброшена к чорту с завершением в основном переходного периода. Это формула — формула процесса и ее не поймет тот, кто привык мыслить: да—да, нет—нет, а что свыше, то—то лукавого.

Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика» только начав постепенно, по мере роста и усиления крупной социалистической промышленности, по мере все большего развития колхозного строительства и увеличения районов сплошной коллективизации, по мере перехода от торговли к социалистическому продуктообмену будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

И именно потому-то неверным, ошибочным и политически вредным являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п. Мы только находимся у самого начала этого движения, этого процесса перерастания новой экономической политики, политики «посредствующих звеньев» и «переходных мер» в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве; и мы должны это отчетливо понимать для того, чтобы избежать как «лево»-оппортунистических заскоков (рассматривающих существующую систему хозяйства, как «сплошное социалистическое плато» и потому считающих возможным уже снять вопрос: «кто-кого?»), так и правооппортунистических попыток задержать, приостановить начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства».

Мы «отбросим нэп к чорту», «когда он перестанет служить делу социализма». С этими словами тов. Сталина как будто все согласны. Но надо обладать исключительной наивностью, надо быть «пустобаем-пустобрехом», надо быть, короче говоря, Богушевским, для того, чтобы думать, что это «отбрасывание» нэпа к чорту произойдет одним махом в таком-то часу, такого-то дня и числа, такого-то месяца и такого-то года.

---

[1]) Кстати о механистах. И т. Богушевский и тов. Большаков обвиняют меня в механистических взглядах на том основании, что я не был и, к сведению этих товарищей остаюсь несогласным с т. Роках, отрицавшим необходимость соблюдения известной пропорциональности трудовых затрат в советском хозяйстве.

Я напомню, в таком случае, тт. Богушевскому и Большакову, что писал Ленин. В замечаниях на книгу т. Бухарина,— «Экономика переходного периода», против того места, где т. Бухарин говорит о точке зрения «равновесия», Ленин на полях пишет: «не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о точке зрения равновесия? Точнее, вернее, ибо об'ективно первое. а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму».

Итак, в то время, как Ленин считает правильным говорить о «необходимости известной пропорциональности», ибо это «точнее, вернее» и «об'ективно», тт. Богушевский и Большаков считают это выражением «механистических богдановских взглядов».

Не везет вам т. Богушевский и т. Большаков. И ничего-то ровным счетом не поняли вы в той дискуссии, которая велась вокруг «закона трудовых затрат», ошибочно исходившего из неизменности пропорций в распределении общественного труда (см. Богданова, Бухарина. Леонтьева).

Казбек Бутаев.

О новом этапе нэпа.

I. Диалектика нэпа.

Точный учет соотношения классовых сил и конкретного состояния общественно-экономического уклада в стране к моменту окончания гражданской войны, как известно, определил крутой поворот в методах строительства социализма: от военно-коммунистических к нэповским. Нэп в этом отношении был отрицанием военного коммунизма, его «снятием». Но он унаследовал от периода военного коммунизма такой общественно-экономический уклад в стране, на базе которого прямой, непосредственный переход к социализму от мелкого производства, преобладающего в стране, оказался невозможным. Нэп поэтому должен был построить свое содержание на этом общественно-экономическом базисе. Этот базис — пять различных хозяйственных укладов страны, образующих противоречивое единство советского народного хозяйства, в котором, с одной стороны, преобладало мелкое производство, а с другой — находилось в состоянии отсталости, значительного упадка и разрушения крупное социалистическое промышленное производство. Благодаря этому своеобразию хозяйственного состояния страны, соотношению классов и разрыву хозяйственной связи между экономикой мелкого крестьянства и экономикой, которую строил рабочий класс, экономическая политика военного коммунизма к концу гражданской войны перестала быть «отвечающей хозяйственным интересам пролетариата и крестьянства»..., в то время как «... при условии громадного преобладания крестьянского населения, нашей главной задачей и политики вообще и политики экономической в частности является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 147).

> «Мы сделали ту ошибку,—говорил Ленин,—что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению»... Наша новая экономическая политика, по сути ее, в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление (т. XVIII, ч. I, стр. 372)[1].

Ошибка эта заключалась не в том, что мы совершали прямой непосредственный переход к социализму вопреки теоретической и практической невозможности вообще этого перехода или совершали его от крупного производства, а в том, что мы совершали этот переход в условиях отсталости и разорения крупной промышленности от мелкого и мельчайшего производства, преобладающего в стране. Эта ошибка заключалась и не в том, что мы не учли какую-то об'ективно-непреодолимую невозможность непосредственного перехода к социализму от этого мелкого производства, от патриархальщины. Прямой непосредственный переход от мелкого производства к социализму возможен при победе пролетарской революции и укреплении пролетарской диктатуры. Но для этого необходимо наличие крупной развитой социалистической промышленности в стране, способной стать основой для социалистической реконструкции мелкого и мельчайшего земледелия в крупное обобществленное, социалистическое.

---

[1] Разрядка везде моя, где не оговорено обратное. *К. Б.*

> «Если бы мы имели государство,—говорит Ленин,—в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем, не преобладает, но очень сильно развита и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» (т. XVIII, ч. I, стр. 151).

Так как в стране в период военного коммунизма не было ни цветущей крупной промышленности, ни крупного производства в земледелии, которые могли бы явиться базой и средством к непосредственному переходу к социализму от мелкого производства путем производственного кооперирования мелких индивидуальных хозяйств и переделки их в крупные социалистические экономии, то такой «непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению» методами военного коммунизма превышал «наши наличные силы» (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 90). И мы должны были произвести отступление, отступление от методов непосредственного «коммунизирования» всего производства в стране, к методам нэповским, которые в иной форме, иными, обходными, посредствующими «переходными мерами» во-первых, продолжали в иной хозяйственной обстановке и иными методами прямое непосредственное социалистическое строительство в области промышленности и товарооборота и подготовили предпосылки к социалистическому наступлению во всем народном хозяйстве, во-вторых, обеспечили это наступление так, что стал возможным непосредственный переход от мелкого производства к социализму. Поэтому нэп как отступление с самого своего начала заключал в себе момент подготовки к новому наступлению и само это наступление новыми нэповскими методами.

> «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики». (Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 103).

В чем заключалось и заключается это нэповское отступление, подготовка к наступлению и наступление социализма?

> «Правильной политикой пролетариата,—говорит Ленин,—осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе. Продналог есть переход к ней» (том XVIII, ч. I, стр. 214).

Правильная и единственно правильная политика пролетариата, таким образом, заключается в социалистическом продуктообмене между промышленностью и сельским хозяйством, между экономикой пролетариата и экономикой трудящегося крестьянства.

> «Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или по крайней мере очень значительное меньшинство» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 331).

Политика «разверстки» не только не была осуществлением этой правильной политики и этой «единственной формой социалистического строительства» в стране, где наряду с гегемоном-пролетариатом, существует «большинство мелких крестьян», но прямо противоречило ей. Поэтому замена разверстки продналогом была одной из переходных мер, которые приближали нас к этой правильной политике, к правильному социалистическому продуктообмену между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и мелким крестьянством».

> «Замена разверстки продналогом—вот в чем суть нашей экономической политики, эта суть самая простая» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 434). А «продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену» (т. XVIII, ч. I, стр. 214).

Политика продналога, таким образом, еще не обеспечивала полностью «правильного социалистического продуктообмена», «правильной политики пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране», а была одной из переходных мер к достижению ее, приближению к ней. Поэтому нэп с этой точки зрения нельзя считать отступлением в том смысле, что мы принятием нэпа отступили дальше от правильного социалистического продуктообмена. Наоборот, мы принятием нэпа с его продналогом приблизились к правильной политике, ибо «продналог есть переход к ней» к правильному социалистическому продуктообмену. Продналог открыл возможность его осуществления, предполагал его. Однако, благодаря преобладанию мелко-собственнического товарного производства в стране, с одной стороны, и невозможности снабдить крестьянство продуктами социалистической промышленности в массовом масштабе, вследствие упадка, разорения и отсталости последней, с другой, — предполагаемый продуктообмен превратился в товарообмен; «одну часть крестьянин «давал» в виде налога, а другую часть — в обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен» (Ленин т. XVIII, ч. I, стр. 331), так что строить приходилось «двояко: посредством налога, во-первых, и товарообмена, во-вторых» (там же стр. 289). Но и это «отступление оказалось недостаточным» (стр. 398). Развился местный товарооборот, который превратился в обыкновенную торговлю. Натуральный налог (продналог) превратился в денежный. Частный рынок оказался сильнее, чем предполагалось.

> «Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось, что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 398).

Это случилось в силу тех же причин: разорения и отсталости социалистической промышленности и преобладания мелких индивидуальных производителей в стране, в особенности в земледелии, и в силу того, что

> «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большом количестве быстрее и дешевле, чем прежде» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 413).

Поэтому мы не только отступили к продналогу и продуктообмену, но отступили сперва к натуральному налогу и товарообмену, а потом к торговле, денежному налогу, к купле и продаже, к товарно-денежным и рыночным отношениям. Это отступление поставило перед нами необходимую и неотложную задачу «государственного регулирования торговли и денежного обращения» (т. XVIII, ч. I, стр. 399). Наше государство должно было стать «оптовым торговцем», «вести оптовую торговлю, решать торговую коммерческую задачу, ибо в тот момент торговля была тем звеном цепи событий и отношений, ухватившись за которое всеми силами можно было подготовить прочно переход к следующему звену. «Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства» *1921—1922* годов, за которое надо было «всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических экономических отношений не создать» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 412).

Отступление к товарно-денежным отношениям, к торговле с ее государственным регулированием было конечным пунктом отступления. Овладение торговлей, подчинение ее «своему собственному контролю», охват оптовой торговли государством и розничной кооперативной торговлей, регулируемой со стороны государства, обобществление всего товарооборота, — все это было подготовкой к новому решающему наступлению, все это было завоеванием плацдарма к этому наступлению, к непосредственному переходу к социализму от мелкого производства в стране, все это — «переходные меры нашего социалистического строительства» и в то же время непосредственное строительство социализма в области обращения в старых товарно-денежных формах; все это — подготовка перехода к «правильной политике пролетариата» к социалистическому продуктообмену между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством на новой основе: крупного сельскохозяйственного кооперативного производства. Обобществление товарооборота в формах государственной и кооперативной торговли не есть еще продуктообмен. Но это обобществление есть подготовка перехода к продуктообмену и обеспечение этого перехода. Переход же к продуктообмену, к правильному, социалистическому продуктообмену есть последний этап той новой экономической политики, которая началась с провозглашения продналога как одной из форм перехода к социалистическому продуктообмену, но которая на этом лозунге не удержалась и отступила к торговле, к простой купле-продаже. Обратный переход от торговли, через регулируемый товарооборот, через обобществленный товарообмен к правильному продуктообмену есть наступление этой политики, а следовательно ее завершение и ее «снятие» как особой политики. Нэп по этой линии, по линии форм обмена и хозяйственных связей между укладами, включает в себя отступление, подготовку к наступлению и само это наступление. Завершением наступления завершается диалектический цикл нэпа. Путь нэпа начался от продуктообмена и, пройдя товарообмен, торговлю, обобществленный товарооборот, завершается социалистическим продуктообменом, базирующимся уже не на социалистическую промышленность и мелкое производство в земледелии, а на крупное социалистическое производство и там и здесь [1]).

---

[1]) Было бы поэтому совершенно неверным представлять нэп такой политикой, которая допускает известную свободу товарооборота и только и на этом основании утверждать, что переход к продуктообмену уже есть «ликвидация нэпа» «закат нэпа», «сокращение об'ема нэпа» и т. д. Равным образом неудачным и не-

Было бы, однако, совершенно недостаточным и неправильным судить о нэпе только по диалектике нэповской формы обмена. Диалектика нэповского товарообмена есть форма проявления диалектики развития системы производственных отношений в советском хозяйстве, диалектики борьбы социалистических отношений с капиталистическими и победы первых над вторыми. Она же есть форма движения тех глубоких процессов, которые происходили и происходят в соотношениях экономических укладов и классов в стране. Это не значит, что сама форма обмена, а следовательно, и нэповский товарообмен не имеет своих внутренних противоречий и своей внутренней логики движения и не оказывает обратного действия на те отношения и их движения, формой проявления которых она является [1]).

Нэп был принят партией и рабочим классом потому, что он должен был служить делу социализма. И он должен был служить социализму, допуская известную свободу товарообмена, не только и не столько обобществлением только товарооборота и переходом к продуктообмену, но и развитием и обобществлением производства, развитием той базы и тех рычагов, которые обеспечивают непосредственный переход к социализму от мелкого производства, а тем самым—и подведением твердой базы под социалистический продуктообмен. Если бы мы ограничились только областью обращения, формой нэпа, мы не поняли бы достаточно ясно и глубоко и самую диалектику изменения и развития этой формы и попали бы в лоно Карлов Реннеров, об'являющих «процесс обращения высшим законодателем и судьей» и тех, кто говорил еще совсем недавно о «процессе обращения» как об единственном пути социалистического преобразования мелкого производства в стране (т. Бухарин).

> Если нет цветущей крупной промышленности,—говорит Ленин, — способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития могучего союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием под руководством и контролем рабочего государства—никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому привела. И только в этом состоит основа и сущность нашей новой экономической политики (т. XVIII, ч. I, стр. 434—35).

Нэп был, следовательно, отступлением к тем «переходным мерам» и «посредствующим звеньям», которые должны были обеспечить и обеспечили, во-первых, под'ем и развитие социалистической промышленности как базы и основного рычага социалистической реконструкции всего народного хозяйства, следовательно, непосредственное строительство социализма в обла-

---

верным является тезис, выставленный т. Розенталем, что «в истории переходного периода новая экономическая политика является «пред'историей» к непосредственному социалистическому строительству во всем (курсив автора—*К. Б.*) народном хозяйстве...» («Большевик», № 5—стр. 69—1930 г.), и что начало перерастания торговли в социалистический продуктообмен не укладывается в рамки «новой экономической политики» (стр. 83, 82). Такое представление о нэпе не является диалектическим, ленинским.

[1]) «Производство является в последнем счете решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она, торговля, все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы, и, в свою очередь, оно оказывает «обратное действие на движение производства» (Маркс и Энгельс «Письма», стр. 307). «Товарообмен сам по себе не предполагает никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 137).

сти крупного производства в стране, во-вторых, под'ем и развитие производительных сил в тех хозяйственных формах, от которых прямой непосредственный переход к социализму оказался невозможным к концу периода военного коммунизма и, в-третьих, могучий союз двух основных классов нашей страны, под руководством рабочего класса, соотношение между которыми определяло общественно-политическое состояние и хозяйственное развитие страны.

В такой народно-хозяйственной и общественно-классовой обстановке, которую мы имели к 1921 году в нашей стране, нужно было думать не о немедленной массовой и тем более о сплошной социалистической реконструкции сельского хозяйства, а о создании условий и предпосылок к этой реконструкции. Единственной же основой для этого являлась и является крупная широко развитая социалистическая промышленность, способная реорганизовать и земледелие.

При наличии же еще невосстановленной крупной промышленности, ее слабого развития, а следовательно, невозможности дать сельскому хозяйству тракторы в массовом масштабе, электрификацию в массовом масштабе, мы должны были ухватиться за то звено цепи, ухватившись за которое мы удержали в своих руках всю цепь, ведущую все хозяйство к социализму на этом этапе и дающую возможность прочно подготовиться к переходу к следующему этапу. Этим основным звеном наравне с торговлей было индивидуальное мелкое сельское хозяйство. Оно с помощью товарооборота обеспечивало тогда развитие главной и решающей предпосылки социалистической реконструкции — крупной промышленности.

Это отступление к «посредствующим звеньям» было условием прочной подготовки к новому наступлению. Из содержания нэпа как отступления, с одной стороны, подготовки к наступлению и самого этого наступления — с другой — вытекала его «двойственная природа», рост его противоречий и в то же время рост условий и предпосылок для преодоления этих противоречий. Период подготовки не был только подготовкой. Само понятие подготовки к решительному социалистическому наступлению предполагает непосредственное строительство социализма, расширенное воспроизводство социалистических отношений в решающей и ведущей отрасли народного хозяйства — промышленности. Поэтому период подготовки к непосредственному переходу от мелкого производства к решительному наступлению на капиталистические элементы в хозяйстве был в то же время периодом социалистического наступления в промышленности, обусловившего собою и обобществление товарооборота в стране. В этот период «переходных мер» происходил бурный процесс восстановления и дальнейшего развития социалистической промышленности как базы социализма и социалистического наступления на капиталистические формы хозяйства. В силу социалистических производственных отношений в ней, активно воздействующих на развитие производительных сил, больших производственных возможностей, более высокой производительности труда темпы расширенного воспроизводства социалистической промышленности обгоняли темпы развития всех других отраслей народного хозяйства, в том числе, в особенности, темпы развития индивидуального сельского хозяйства. Это обстоятельство определило, с одной стороны — диспропорцию темпов развития сельского хозяйства и промышленности, вследствие чего сельское хозяйство — к моменту исчерпания возможностей более или менее быстрого развития производительных сил мелких индивидуальных хозяйств — оказалось «узким местом» для всего народного хозяйства.

С другой стороны, нэп обеспечил под'ем и развитие распыленного индивидуального сельского хозяйства в пределах тех производственных возможностей, которыми вообще располагает мелкое индивидуальное хозяйство. Это было результатом первого этапа нэпа как политики «не ломать общественно-хозяйственного уклада страны», пока не было крупной социалистической промышленности, способной реорганизовать земледелие. Этот результат сопровождался абсолютным ростом кулачеcко-капиталистических хозяйств и капиталистических отношений в деревне, который был, в свою очередь, результатом политики «ограничения и вытеснения» и который находил свою прочную базу в мелко-товарном и крестьянском производстве.

Рост и расширенное воспроизводство социалистической промышленности — с одной стороны — и неспособность к расширенному воспроизводству мелко-товарного индивидуального крестьянского хозяйства—с другой—обусловили сохранение социально-экономических противоречий между обоими укладами, а на основе указанной выше диспропорции темпов их развития — даже известное обострение этого противоречия. Рост же капитализма, с одной стороны, и более ускоренный рост социалистического сектора и его экономического наступления на капиталистические элементы на базе политики «ограничения и вытеснения»—с другой,—обусловили рост и обострение противоречий между социалистическим сектором и капиталистическим, а следовательно, и обострение классовой борьбы в стране. Наряду со всем этим развитие социалистической промышленности подготовило базу для глубокой социалистической реконструкции самой промышленности и социалистической реконструкции сельского хозяйства путем сплошной коллективизации мелких индивидуальных крестьянских хозяйств и одновременной ликвидации кулачеcко-капиталистического сектора в земледелии.

Таким образом, период подготовки к генеральному наступлению социализма был периодом сохранения мелкого производства и существующего и растущего на его базе капитализма, с одной стороны, и, с другой—периодом непосредственного социалистического строительства в области промышленности и обращения, и, следовательно, экономического наступления социализма в стране на основе помощи мелкому производству и ограничения капитализма с тем, чтобы на новом этапе перейти к сплошному наступлению социализма в нашей стране путем непосредственного перехода от мелкого производства к социализму и ликвидации капитализма в сельском хозяйстве.

Следовательно, нэп как метод и форма социалистического наступления включал в себя момент собственного своего отрицания. Но наряду с этим нэп как отступление включал в себя и моменты противоположной — социалистическому наступлению — тенденции. Эти последние вытекали из второй стороны нэпа как метода частно-хозяйственной формы под'ема развития производительных сил, как условия, обеспечивающего под'ем мелко-товарного, мелко-собственнического сельскохозяйственного производства, а следовательно, условия сохранения и известного роста капитализма в стране.

> «Замена разверстки налогом, — говорил Ленин, — означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор» (т. XVIII, ч. I, стр. 145).

При отсутствии цветущей крупной социалистической промышленности, при отсутствии крупного производства в сельском хозяйстве страны, обеспечивающего при достаточном развитии промышленности прямой переход к социализму во всей стране, нэп обеспечивал под'ем производительных сил в тех социально-экономических формах, сочетание которых составляло своеобразие экономики страны. Но нэп не был бы особой экономической политикой пролетарского государства, если бы он не был рассчитан на победу социалистической формы развития производительных

сил и социалистических элементов хозяйства над капиталистическими и на преобразование мелкого и мельчайшего производства в крупное социалистическое. Если бы это задание нэпу не было его основным, все остальное себе подчиняющим содержанием, то он не был бы методом социалистического строительства, а следовательно, не мог бы служить делу социализма.

> «Нэп, — говорит т. Сталин, — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».
>
> Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма (Стеногр. отчет XIV партс'езда, стр. 493).

Именно потому, что нэп включал в себя эти тенденции развития хозяйства, именно поэтому он, как особая политика пролетарского государства, содержал в себе с самого начала своего существования момент своего собственного диалектического отрицания, как метода и формы социалистического строительства, когда «Россия нэповская» станет «Россией социалистической» (Ленин). Тогда, следовательно, будет завершен цикл наступления нэпа, он отпадет как ненужная форма социалистического строительства, как особая политика пролетарского государства.

Нэп был рассчитан на борьбу социалистических отношений с капиталистическими и на победу первых над вторыми. Этот расчет базировался на об'ективно данной возможности победы социалистических отношений над капиталистическими в нашей стране — возможности, условием действительной реализации которой была правильная—с точки зрения интересов социалистического строительства — политика пролетарского государства.

> «Основная экономическая сила,—говорил Ленин в 1922 г.,—все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д.—они все в наших руках... Экономическая сила в руках пролетарского государства России совершенно достаточна для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму». (Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 39).
>
> «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней задачей и как много трудностей она нам ни причиняет,—все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая. (т. XVIII, ч. 2, стр. 100—101).
>
> «С точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом» (т. XVI, стр. 350).

Вопрос «кто-кого» при этой экономической силе в руках пролетариата, обеспечивающей победу социализма в нашей стране, сводился к борьбе за скорейшую действительную реализацию этой возможности, к борьбе против капиталистических тенденций, чтобы эти последние не могли захлестнуть эту возможность, а вместе с ней и условия ее реализации.

Это не значит, однако, что для капитализма в нашей стране, осталось меньше базы, меньше возможностей развития. «Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, — говорил Ленин, — для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма» (т. XVII, стр. 427).

Эту «более прочную экономическую базу» капитализма составляло в нашей стране «мелкокрестьянское хозяйство, не способное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве»[1]). Ибо сила капитализма у нас держится на силе мелкого производства, этой основы, фундамента и корней внутреннего врага — капитализма. И именно потому, что это мелкокрестьянское хозяйство составляло преобладающую силу и было неспособно в своей массе к расширенному воспроизводству, ибо «прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства— необходимый закон мелкой собственности» (Маркс, «Капитал», I), именно поэтому это хозяйство составляло более прочную базу для капитализма в нашей стране, чем для социализма. Ибо тенденции к расширенному воспроизводству мелкотоварного хозяйства (взятого само по себе) являются по существу тенденциями к расширенному воспроизводству капиталистических отношений. Однако, решающая экономическая сила, сосредоточенная в руках пролетариата при правильной политике пролетарского государства по усиленной работе по электрификации страны, по социалистической индустриализации, по подведению технической базы современной крупной промышленности под все народное хозяйство обеспечивала реализацию возможности победы социализма, «ибо мы можем уничтожить возможность (разрядка автора. *К. Б.*) восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом»[2]). Вот поэтому-то эта борьба являлась и является не просто «соревнованием с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада», а «отчаянной, бешеной, если не последней, то близкой к тому, борьбой не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 39).

Нэп, следовательно, — такая политика пролетарского государства, содержанием которой является борьба за решение «кто-кого», и само решение этой проблемы в пользу социализма. Нэп должен был обеспечить это решение в пользу социализма, следовательно, должен бы служить социализму, а не капитализму. Эта историческая миссия нэпа неизбежно должна привести к «изживанию» его самого, как метода и формы социалистического строительства, — следовательно — к его «снятию» и диалектическому отрицанию. В этом заключается диалектический цикл развития нэпа.

Новый этап, в который мы вступили с 1928/29 года в свете этой диалектики развития содержания нэпа — есть его последний этап, этап его завершения, когда преобладает социалистическое наступление не только в области крупного производства — промышленности, но и в области мелкого производства — в земледелии, когда осуществляются уже не только «посредствующие меры» для подготовки условий и предпосылок к непосредственному переходу к социализму от мелкого производства, но и самый переход от мелкого производства в земледелии к социализму путем сплошной коллективизации и одновременной ликвидации кулачества как класса.

Огромные успехи по социалистической индустриализации, по под'ему и развитию крупной промышленности, по непосредственному строительству социализма в ней, которые мы одержали до теперешнего нового этапа, определили собою содержание этого последнего как этапа глубокой социалистической реконструкции экономики страны, этапа прямого непосредственного перехода к социализму от мелкого производства в земледелии.

Что дает основание говорить о новом этапе нэпа, как об этапе прямого перехода к социализму мелкого производства в земледелии?

Во-первых, «мы становимся страной металлической, страной автомобильной, страной тракторизации» (Сталин), страной индустриальной. Мы имеем уже такую промышленность, которая на наших глазах стала и еще более становится способной реорганизовать сельское хозяйство и которая уже может в настоящий и ближайший год дать стране сотни тысяч тракторов. А что означает дать стране сотни тысяч тракторов? Это означает, во-первых, что средний крестьянин сказал и продолжает говорить действительным, а не административным и не искусственным размахом колхозного движения, что он уже за «коммунию». Это означает, во-вторых, что «если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимаешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки и сотни тысяч мелких кулаков будут убиты». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 145).

Во-вторых, мы имеем уже налицо огромный и быстрый рост крупного социалистического производства в сельском хозяйстве (совхозы и колхозы). Этот рост позволяет уже теперь заменить крупное кулацкое производство в сельском хозяйстве крупным социалистическим.

> «Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Известно, что производство хлеба в совхозах и колхозах в 1929 г. составляло не менее 400 м. пудов (на 200 м. пудов меньше, чем валовая продукция кулацкого хозяйства в 1927 г.). Известно далее, что в 1929 г. колхозы и совхозы дали товарного хлеба более 130 млн. (т.-е. больше, чем кулак в 1927 г.). В 1930 г. валовая хлебная продукция колхозов и совхозов будет составлять не менее 900 млн. пуд. (т.-е. более, чем валовая продукция кулаков в 1927 г.), а товарного хлеба дадут они не менее 400 млн. пуд. (т.-е. несравненно больше, чем кулак в 1927 г.)». (И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 28—29).

На базе этих двух решающих достижений по пути социалистического строительства в нашей стране мы вошли в новый этап социалистического строительства как этап прямого перехода к социализму от мелкого производства, в новый последний этап нэпа.

Этот этап поэтому характеризуется: 1) *процессом последнего и решительного боя за окончательное решение «кто-кого» внутри страны в условиях обостреннейшей классовой борьбы,* 2) *процессом массовой и глубокой социалистической реконструкции сельского хозяйства путем сплошной коллективизации, имеющей своим содержанием социалистическую переделку, а следовательно, уничтожение мелко-товарной и натурально-патриархальной формы производства, с одной стороны, и одновременной ликвидацией на этой базе капиталистического сектора в сельском хозяйстве, с другой;* 3) *процессом уничтожения противоречий между сельским хозяйством и промышленностью, а следовательно, и противоположности между городом и деревней;* 4) *процессом обеспечения расширенного воспроизводства мелкому крестьянскому хозяйству по линии социалистического укрупнения, а следовательно, процессом социалистического расширения воспроизводства в деревне;* 5) *процессом уничтожения классов, с одной стороны, по линии переделки мелкого индивидуального производителя, с другой — по линии ликвидации кулачества как класса;* 6) *процессом превращения товарооборота в стране в социалистический продуктообмен и вместе с тем процессом ликвидации стоимостных отношений;* 7) *процессом ликвидации стихийно-*

---

[1]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 7.

[2]) И. Сталин. «Речь на пленуме МК и МКК», стр. 9.

рыночных отношений в стране, и большего охвата всего народного хозяйства прямым непосредственным планированием; 8) *процессом реорганизации всей системы хозяйствования и приближения ее к системе хозяйствования социалистического общества;* 9) *процессом изменения существа денежно-кредитной системы* и 10) *значительной переделкой природы социалистических производителей, значительной ломкой старых бытовых отношений, значительным охватом строительства социалистических поселений, ростом культуры и т. д.*

Все эти моменты составляют основное содержание нового этапа нэпа, как этапа прямого перехода к социализму от мелкокрестьянского производства в стране на базе развивающейся максимально высокими темпами социалистической промышленности и крупного социалистического производства в сельском хозяйстве.

Является ли вся эта политика принципиально новой, по сравнению с предыдущим этапом нэпа? Да, является. Ибо мы перешли к политике прямого непосредственного перехода к социализму от мелкого производства от патриархальщины в земледелии путем сплошной коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств, ибо мы перешли от политики ограничения и вытеснения к политике ликвидации кулацко-капиталистических элементов в деревне на базе сплошной коллективизации, ибо мы перешли к расширенному социалистическому воспроизводству в деревне, а тем самым и к уничтожению противоположности между социалистическим городом и индивидуальной мелко-крестьянской деревней; ибо мы перешли к уничтожению классов путем ликвидации кулачества как класса и переделки мелких производителей в земледелии.

Но умещается ли эта новая политика в рамках нэпа? Да, умещается. Ибо нэп рассчитан на победу социалистических элементов над капиталистическими, на переделку мелко-крестьянского сельского хозяйства в крупное социалистическое, на уничтожение капитализма и на «постройку фундамента социалистической экономики» и на уничтожение классов. Ибо «Россия нэповская» должна стать непосредственно «Россией социалистической» и нэповский товарооборот должен окончиться социалистическим продуктообменом. Диалектическим завершением и «снятием» нэпа, таким образом, кончается переходный период от капитализма к социализму [1]).

Продналог, с которого начал нэп — есть переход к правильному социалистическому продуктообмену. «А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 214). Нэп, таким образом, завершает переход к социализму в условиях нашей страны с ее особенностями, вызванными «преобладанием мелкого крестьянства в населении».

(Окончание статьи в след. номере).

---

[1]) Тов. Розенталь утверждает: «Можно ли сказать, что то новое (разрядка автора—*К. Б.)* в экономической политике, которое уже имеется, укладывается в рамки нэпа? Конечно нет. Это—разная политика» (стр. 84). Значит мы имеем теперь две политики: нэп и другую отличную от него и «сверх» него новую политику. Значит мы имеем начало нового посленэповского этапа в переходном периоде. Мы думаем, что такая установка неправильна. Ибо «Россия нэповская» непосредственно без промежуточных ступеней становится «Россией социалистической» и новый этап и новая теперешняя политика включаются в содержание нэпа, в его период сплошного наступления.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Об одном „опыте автобиографии“.

> «Не может быть большего идейного падения для революционного политика, как обманывать массы!»
> (Л. Троцкий, «Моя жизнь»).

Человека, который вздумал бы изучать историю нашей революции «по Троцкому», ждет жестокое разочарование. Ибо никакой истории, даже очень суб'ективно окрашенной, в его книжке «Моя жизнь» нет. Но «человеческий документ» получился ярчайший.

> «... Эта книга не бесстрастная фотография моей жизни, а ее составная часть. На этих страницах я продолжаю ту борьбу, которой посвящена вся моя жизнь. Излагая, я характеризую и оцениваю, рассказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю. Мне думается, что это единственный способ сделать биографию об'ективной в некотором более высоком смысле, т.-е. сделать ее наиболее адэкватным выражением лица, условий и эпохи» [1]).

Это, конечно, не наилучший способ дать «адэкватное выражение» «условий и эпохи», и в том смысле «Моя жизнь» Троцкого ничего не дает, как увидит читатель на ряде примеров. «Адэкватное выражение лица» она дает даже в большей степени, чем самому «лицу» это нужно. Едва ли Троцкий, занимаясь «опытом» своей автобиографии, думал подвести себе окончательный итог как историческому деятелю. Едва ли этой книжкой он собирался зачислить себя окончательно «по истории». А между тем после «Моей жизни» говорить о Троцком, как руководителе чего бы и кого бы то ни было, так же мало возможно как о Керенском.

Сравнение этих двух фигур неотразимо навязывается, когда читаешь «Мою жизнь».

> «Керенского Ленин называл хвастунишкой. К этому немного можно прибавить и сейчас. Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекающая девственные, еще неразборчивые массы, неизбежно поднимала наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска» [2]).

Это — автохарактеристика под видом характеристики другого. Подбирая материал для этой статьи, я отвел сначала для рубрики «хвастовство» (не завести такой рубрики нельзя было — слишком уж било в глаза) одну строчку. Оказалось, мало. Я прибавил вторую. И этого было мало. Я должен был прибавить третью. Не хватило и ее, и пришлось вписывать ссылки на страницы под строками, между строками, сбоку, сверху, снизу. Нет никакой возможности привести здесь хотя бы большую часть отмеченного — получилась бы хрестоматия в пару десятков печатных листов. Я ограничиваюсь самыми яркими примерами, дающими, кстати, понятие о тоне всей книжки.

---

[1]) «Моя жизнь», т. 1, стр. 7.

[2]) «М. ж.», II, стр. 8.

Я пропускаю примеры хвастовства, относящиеся ко временам детства,— хвастовства своими пятерками, тем, что ранец был всегда в порядке, ученическая книжка всегда на месте и тому подобным. Это — мелко, но нужно сказать, что это мелко не только для критика, а и для автора. Ведь, этот автор притязал не более, не менее, как на то, чтобы быть наследником Ленина — заявлял претензию на позицию мирового значения, на роль всемирно-исторического деятеля. Как к этому идет любование своими гимназическими успехами!

Но вот перед нами Троцкий — уже крупная политическая фигура. Пришел 1905 год. «13-го ноября мы поставили в блоке с меньшевиками большой политический орган «Начало». Тираж газеты рос не по дням, а по часам. Большевистская «Новая Жизнь» без Ленина была сероватой. «Начало», наоборот, пользовалось гигантским успехом. Думаю, что оно ближе, чем какое бы то ни было другое издание за полвека, подходило к своему классическому прототипу, «Новой Рейнской Газете» Маркса в 1848 году» [1]) (!!).

После этого совершенно понятно, что «переписка Маркса и Энгельса была для меня (Троцкого. *М. П.*) *не* теоретическим, но психологическим откровением... я убеждался на каждой странице, что с этими двумя меня связывает непосредственное психологическое сродство. Их отношение к людям было мне близко. Я догадывался о том, чего они не досказывали, разделял их симпатии, негодовал и ненавидел вместе с ними. Маркс и Энгельс были революционеры насквозь...» [2]).

Приходит вторая революция, первое поражение — июльские дни. «Ленин и Зиновьев скрылись». «Ленина не было». «Ленин, об'явленный немецким шпионом, скрывался в шалаше» [3]). Это повторяется и припоминается при каждом удобном и неудобном случае, вскрывая истинные чувства пишущего к тому, перед кем он, простите за выражение, с самым подлым лицемерием якобы преклоняется на всем протяжении своей книжки.

> «Большевистская фракция ЦИК чувствовала себя сиротливо в здании Таврического дворца. Она послала за мною делегацию с просьбой сделать доклад о создавшемся положении, несмотря на то, что я все еще не был членом партии: формальный акт об'единения был отложен до предстоящего вскоре партийного с'езда. Я, разумеется, охотно согласился (!!). Моя беседа с большевистской фракцией установила такие нравственные связи, которые создаются только под тяжкими ударами врага. Я говорил, что за этим кризисом нас ожидает быстрый под'ем, что масса вдвое привяжется к нам, когда проверит нашу верность на деле: что надо в эти дни зорко глядеть за всяким революционером, ибо в подобные моменты люди взвешиваются на безошибочных весах. И сейчас я с радостью вспоминаю, как тепло и благодарно меня провожала фракция» [4]).

У Достоевского в «Селе Степанчикове» выведен один отставной литератор, превратившийся в помещичьего приживала, Фома Опискин, — вообразивший себя центральной фигурой всего литературного мира, выше Пушкина, выше Лермонтова. Ему кажется, что все, что было значительного в его время, не только в литературе, его имеет своим первоисточником. Сгорела Казань — он пожертвовал свой (воображаемый — его никто не печатал) гонорар на ее отстройку. «Так это ты, батюшка — Казань-то отстроил?» спрашивают его ошеломленные его величием мужички, крепостные его хозяина,— единственная публика, перед которой мог хвастаться заштатный литератор. «Да, и моего тут капля меду есть!» — снисходительно соглашается Опискин. Когда читаешь Троцкого, так и хочется спросить все время: «Так, это ты, батюшка, революцию-то сделал?». Но Опискин был скромнее автора «Моей жизни». Он все-таки соглашался, что Казань не совсем он один отстроил, а только содействовал. У Троцкого мы читаем:

---

[1]) «М. ж.», I, 204.

[2]) 240.

[3]) II, 34, 36, 233.

[4]) «М. ж.», II, 35.

> «...В период подготовки октябрьского переворота Ленин скрывался в Финляндии, Каменев, Зиновьев, Рыков, Калинин были противниками восстания, о Сталине же никто ничего не знал (!). В результате этого партия связывала октябрьский переворот преимущественно с моим именем» [1]).

Он, он, всю Казань он один построил. И кто же мог стать в отстроенном им граде градоправителем? Все он же, конечно. Глава «У власти» начинается с таких замечательных строк:

> «Те дни были необыкновенными днями и в жизни страны, и в личной жизни. Напряжение социальных страстей, как и личных сил, достигало высшей точки. Массы создавали эпоху, руководители чувствовали, что их шаги сливаются с шагами истории» [2]).

Благодаря легкой неграмотности последней фразы, можно подумать, что «их» шаги — это шаги масс. Но это же совершенно нелепая картина: «шаги масс» это и есть история. Получаются шаги шагов истории — масляное масло. «Их» шаги — это шаги руководителей. Каждый шаг Троцкого был шагом истории. Правда, был еще Ленин,—но, мы видели уже, в критическую минуту он «бежал», и, не будь Троцкого, бедной большевистской фракции ЦИК так и не узнать бы перспектив революции. А когда тот же Троцкий «сделал» и самое революцию, Ленин превратился в некоторое подобие сатрапа из известной басни: «Все подписывал, что тот (не секретарь, как в басне, а Троцкий) ни подавал».

> «Современная литература о разногласиях Троцкого и Ленина перегружена апокрифами. Бывали, конечно, разногласия. Но неизмеримо чаще бывало так, что мы приходили к одному и тому же выводу, обменявшись двумя словами по телефону или независимо друг от друга. Когда выяснилось, что мы смотрим на вопрос одинаково, то уже ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение. В тех случаях, когда Ленин опасался чьей-либо серьезной оппозиции своим проектам, он напоминал мне по телефону: «Непременно приходите на заседание, я вам дам слово первому». Я брал слово на несколько минут, Ленин раза два во время моей речи говорил «правильно», это предрешало вопрос... При моем расхождении с Лениным могли вспыхнуть и вспыхивали иногда большие прения. В случае же нашего согласия, обсуждение всегда бывало очень коротким» [3]). «В подавляющем большинстве случаев решения, к которым мы приходили порознь с Лениным, во всем основном совпадали. Взаимное понимание достигалось с полуслова. Когда мне казалось, что решение Политбюро или Совнаркома может сложиться неправильно, я посылал Ленину записочку на клочке бумаги. Он отвечал: «Совершенно верно. Внесите предложение». Иногда он мне посылал запрос: «Согласен ли я с его предложением и требовал моего выступления на поддержку ему» [4]).

Я не исчерпал и десятой доли подобных мест — они кишат, как комары над болотом. Но и приведенного, я думаю, достаточно, чтобы доказать, что в 1917 году мы имели не одного, а двух хвастунишек... Второй, открывшийся в этом качестве лишь ныне, был, конечно, умнее первого. Он умел связаться с тою силой, шаги которой были, действительно, «шагами истории» — уцепившись за эту силу, он тащился за революцией гораздо дольше, чем его предшественник. Но в основе и там и тут лежал один и тот же факт, факт «девственности» «еще не разборчивых масс». Когда эти массы прозрели и стали разбираться, роль Троцкого как «вождя» должна была кончиться. Но он успел уже «ослепнуть от собственного блеска»—и не увидал этого.

---

[1]) «М. ж.», II, 233.

[2]) II, 55.

[3]) II, 79—80.

[4]) Там же, 195—196.

Не увидали этого и некоторые другие, ослепленные заимствованным блеском своего героя. В этом была трагедия троцкизма. Не придавая выбору «вождей» такого значения, какое придавал ему сам Троцкий в своих «Уроках Октября», приходится все же признать, что кое-какое, и не второстепенное, значение этот выбор имеет: это и Маркс признавал. Неудачный выбор в вожди «улучшенного и дополненного издания» «...... Александра Федоровича» был не из последних условий, определивших быстрый и бесславный конец троцкистской оппозиции.

> «Каждый настоящий оратор знает минуты, когда его устами говорит что-то более сильное, чем он сам в свои обыденные часы. Эта сила—«вдохновение». Оно возникает из высшего творческого напряжения всех сил. Бессознательное поднимается из глубокого логова и подчиняет себе сознательную работу мысли, сливает ее с собою в каком-то высшем единстве» [1]).

В этой самохарактеристике, нечаянно, дано об'яснение того, как и откуда возникают Керенские и Троцкие. Для настоящего политического вождя ораторский талант служит орудием его влияния: Керенские и Троцкие служат орудием своего ораторского таланта. Он высоко поднимает их над массой, которую они привыкают видеть только с трибуны. Митинги в цирке Модерн — одна из самых ярких страниц «Моей жизни».

> «Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова позабывались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтобы он, как сомнамбул, не сорвался с карниза от голоса твоего резонерства. Таков был цирк Модерн» [2]).

Понять, что на высокий карниз поднимает оратора только обаяние его таланта, что вне этого таланта оратор, может быть, ниже многих из его слушателей,— отчетливо понять это мог бы только очень умный человек: но такой человек уже не был бы «сомнамбулом», это был бы уже законный кандидат в вожди, и судьба Керенского его бы не постигла. И такой книжки, как «Моя жизнь», он бы не написал — ибо он понял бы, что такая книжка компрометирует его больше, чем целая библиотека, написанная его противниками. «Бессознательное» сыграло плохую шутку над Троцким.

Но мы дали бы очень слабое представление о «Моей жизни», если бы читатель подумал, что она есть только наивное проявление «бессознательного» в ее авторе — не больше. Такое представление было бы ниже «философии истории» самого Троцкого. Эту «философию истории» стоит привести хотя бы по одному уже тому, что ее автор парадировал десятилетия в качестве марксиста. Так вот его «марксизм».

> «Широко говоря, весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность осуществляется через естественный отбор случайностей. На этой основе развертывается сознательная человеческая деятельность, которая подвергает случайности искусственному отбору...» [3]).

В книжке Троцкого не одно бессознательное. Здесь есть и «сознательная человеческая деятельность», которая подвергала «случайности», то бишь исторические факты, «искусственному отбору». Чрезвычайно искусственному, сейчас увидит читатель,— хотя и не весьма искусному.

И тут, в противоположность «бессознательному», приходится говорить и о детстве. Ибо хотя рассказывается о ребенке, но писал не ребенок — писал более чем взрослый человек, с огромным политическим грузом за плечами. Писал кандидат на место Ленина в нашей революции.

---

[1]) II, 56.

[2]) Там же, стр. 16.

[3]) II, 234.

Откуда он вышел и как он оценивает ту среду, с которой он связан своим рождением?

> «Отец мой был земледельцем, сперва мелким, потом более крупным» [1]).

Пробежав еще одну страницу, начинаешь думать, что в подчеркнутом (мною. *М. П.)* слове есть опечатка,— пропущен один слог. Но нет. Вот, дальше характеристика матери Троцкого:

> «Переброшенная из губернского города в степную деревню молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства, но зато вошла полностью и с той поры не выходила из трудовой упряжки в течение почти 45 лет... Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга и волны земледельческого труда перекатывались через семейные привязанности...» [2]).

Нет, «земледелец» в первой цитате не опечатка. Посмотрим, что же это было за «трудовое земледельческое хозяйство». «Отец купил у Яновского свыше 100 десятин, да десятин 200 держал в аренде». Что же он собственным трудом все это обрабатывал? Конечно, нет.

> «Постоянных рабочих, не покидавших экономии круглый год, было немного. Главную массу, исчислявшуюся сотнями в годы больших посевов, составляли сроковые рабочие—киевцы, черниговцы, полтавцы, которых нанимали до Покрова, то-есть до первого октября».

За проданное зерно старик Бронштейн получал тысячами рублей за одну партию. Из одного примера мы узнаем, что он отправлял на рынок сразу по 20 тысяч пудов пшеницы (поднятие цены на пятачек с пуда дало ему 1000 рублей) [3]).

Я впервые прочел «Мою жизнь» по-немецки — и был убежден, что такие вещи можно писать со всею откровенностью и без комментариев только для заграничного, притом буржуазного читателя. Тот, конечно, все это проглотит и не поперхнется. «Кулак» для германского буржуа есть самый заправский «труженик» — чего вы еще хотите? Буржуа, сам иногда сидящий в своей конторе по 12 часов кряду, и себя, конечно, считает «тружеником». Но для кого предназначен русский текст, где все это воспроизведено буква в букву? Неужели для тех рабочих, негодование которых против ЦК Троцкий пытался разжечь уверениями, что партия держит «курс на кулака», и которых он приглашал «повернуть огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа»?

Отец Троцкого был типичный крупный кулак уже в период детства будущего автора «Моей жизни». Это был вовсе не труженик - земледелец, а деревенский эксплоататор, о приемах которого даже его сын не находит сказать ничего лучше того, что он был эксплоататором не хуже других той же породы. Вот как описывает Троцкий житье рабочих своего отца:

> «Жильем служило чистое поле, в дождливую погоду—стога. На обед—постный борщ и каша, на ужин—пшенная похлебка. Мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве. На этой почве начиналось иногда брожение. Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого молока или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней. Так происходило во всех экономиях... В одно лето пришлые рабочие повально заболели куриной слепотой. В сумерки они медленно передвигались, вытянув вперед руки. Гостивший в деревне

---

[1]) 1, 22.

[2]) Там же, 34—35. Разрядка опять моя. *М.П.*

[3]) Там же, стр. 23, 30, 42.

> племянник матери (М., о котором мы позже узнаем, что это был умеренный либерал с легким налетом народнического социализма,—отнюдь не революционер какой-нибудь. *М. П.)* написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора. На «корреспондента», которого очень любили, отец и мать были в обиде. Да он и сам был не рад (!). Никаких неприятных последствий, однако, не было (!!): инспекция установила, что болезнь происходит от недостатка жиров, что распространена она по всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже» [1]).

Еще и еще раз: для чего и для кого все это пишется? Хотел человек замазать, что его отец был эксплоататор, нужно было просто замолчать все эти факты (мы дальше увидим, что Троцкий умеет замалчивать и более важное). Хотел откровенно рассказать, откуда вышел — похвальная откровенность, но тогда нужно было дать фактам оценку, какую им дал бы всякий большевик, хотя бы архиправый, а не то что «левый». Дать же со всею невинностью все факты, а потом замазывать их словами «земледельческий труд» и тому подобное, вплоть до того, что от земской инспекции эксплоататору «никаких неприятных последствий не было» (ведь это же божественно!),— воля ваша, это человек от пера зависит, а не перо от человека. Это опять «бессознательное», опять «вдохновение». Не удержался человек от того, чтобы написать яркую картину, а что он когда-то с трибуны возглашал: «Против кулака! Огонь «направо!», то — забыл. Это, ведь, из другого ящика «бессознательного». Чтобы связать эти факты, нужна была именно сознательность — элементарная сознательность, правда, но даже ее не оказалось...

Но если от бессознательного была откровенность, то замазывающие сладкие словечки о «трудовой жизни» это уже не вдохновение. Это уже — неудачные, правда, — попытки «подвергнуть случайности искусственному отбору». Чем дальше, тем этих попыток больше. Под конец «отбор» становится настолько «искусственным», что от «случайностей» — от исторической действительности — уже ничего не остается. Но прежде чем перейти к этого рода образчикам приложения исторического метода, надо остановиться еще на одном эпизоде детства автора,— благо и сам автор придает этому эпизоду своего рода историческое значение.

Дело уже не в деревне, в Яновке, а в городе, в Одессе. Троцкий уже ученик реального училища. Пай-мальчик — всегда пятерки, за русские сочинения даже пятерки с плюсом.

> «В школу я являлся аккуратно, ранец мой был в порядке, и ученический билет уверенно покоился в левом кармане куртки». «Был бесспорным первым учеником, на большом расстоянии от второго».

У начальства, конечно, на лучшем счету. И вдруг такой казус. Был у них весьма непопулярный учитель французского языка, с хроническим катарром желудка и соответствующим, мало приятным характером. Реалисты его ненавидели и устраивали ему всякие «штучки». Однажды, когда он раздразнил класс несправедливо поставленной кому-то единицей, «устроили ему концерт», зашептались школьники, перемигиваясь и подталкивая друг друга локтями,—я — говорит Троцкий,— был в их числе не на последнем месте, может быть, даже на первом». Попросту говоря, был организатором всего дела.

«Концерт» был дан, десять—пятнадцать учеников остались «без обеда», а Троцкий на другой день уже успел «наполовину позабыть о вчерашней истории». Начальство было, конечно, в тысяче верстах от каких-либо подозрений насчет первого ученика. Как вдруг организованные Троцким товарищи сообразили: «Мы сидим без обеда, а он? Он ведь всему делу заводчик!». И один за другим стали давать начальству «откровенные показания». Начальство сначала не хотело верить, но когда «десять—двенадцать» мальчиков подтвердили показания первого, доверие обманутого начальника сменилось яростью. «А, он нас за нос все время водил!». И Троцкого, не совсем в пропорции с содеянным,— но в надлежащей пропорции с яростью оказавшегося в дурацком колпаке начальства — исключили из училища (на год— потом он окончил курс без дальнейших приключений)

> «Таково было первое, в своем роде политическое, испытание. Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода: ябедники и завистники на одном полюсе, открытые, отважные мальчики — на другом, и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса — посредине, эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет. В дальнейшей своей жизни я встречал их не раз в самых различных условиях» [1]).

Действительно, когда нам придется знакомиться «по Троцкому» с дискуссией 1923 года, мы увидим ту же картину: главный организатор совсем в сторонке—он не при чем, его дело вовсе даже и не касается! — «открытых, отважных мальчиков», которые за этого сидящего в кустах вождя ратоборствуют, сочиняют резолюции, собирают подписи, выступают на собраниях; наконец, «зыбкую» сначала, пока не разобрались, неустойчивую массу», колеблющуюся, потом дружно поворачивающую к «клеветникам и завистникам», на стороне которых неожиданно оказывается вся партия за исключением «отважных мальчиков», понемногу теряющих в такой обстановке свою отвагу и, с некоторым опозданием, двигающихся вслед за массой. Очень похожая картина — и недаром Троцкий не раз ее вспоминает, только не всегда по надлежащему поводу [2]). По поводу дискуссии 1923 года она, почему-то, ему не вспомнилась.

Но дискуссия 1923 года, как она изображена в «Моей жизни», это перл всей книги. Раньше этого заключительного аккорда мы имеем целый ряд образчиков «искусственного отбора». Их нужно будет какому-нибудь из наших учреждений (Институту Ленина, например, или историко-партийному отделению ИКП) разобрать главу за главой, с источниками под руками. Если не для нашей партийной, то для заграничной публики это будет очень нужная работа — «Mein Leben» по-немецки на моих глазах шла нарасхват. Здесь для такого кропотливого анализа нет ни места, ни, строго говоря, необходимости. Я, поэтому, на одном примере попытаюсь разобрать только метод нашего автобиографа. По этому образчику можно судить о методе, по которому написана вся книга.

Эпизод, который я выбираю,— знаменитый «августовский блок» 1912 года. По изложению «Моей жизни», то была совершенно невинная и вполне большевистская вещь. «Я сделал попытку созвать об'единительную конференцию из представителей всех социал-демократических фракций». Попытке этой сочувствовала Роза Люксембург. «Однако, Ленин воспротивился об'единению со всей силой». Так как лейтмотивом всей книги является, что Ленин был друг и учитель автора («он был моим учителем. Это не значит, что я повторял с запозданием его слова и жесты. Но я учился у него самостоятельно приходить к тем решениям, к каким приходил он» II, стр. 123); так как это, очевидно, был лучший из учеников, то, разумеется, Ленин именно его прочил в свои преемники: «бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу» (там же, стр. 217), и это положение обязывает, то сейчас же прибавляется: «Весь дальнейший ход событий показал, что Ленин был прав». Но никакой особенной вины и за Троцким не было: «История борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных об'единительных попыток» [1]).

---

[1]) I, 42–43. О «корреспонденте» см.: 59—60 и 112. Он сам... стал крупным предпринимателем-издателем.

[1]) I, 94; весь эпизод см. там же, стр. 87 и сл.

[2]) См., напр., II, 142.

Имея в виду, очевидно, «новичков и невежд» — в каковом образе представляется Троцкому современный партийный читатель, — «автобиограф» скромно умалчивает, с кем пытался неоднократно об'единиться Ленин — и с кем действительно об'единился в 1912 году Троцкий. Но у нас есть на этот предмет совершенно определенные высказывания того, кого и Троцкий — лицемерно, как уже упоминалось — признает величайшим авторитетом. Ленин очень часто и очень детально касался вопроса об августовском блоке и о роли Троцкого в этом деле. Прислушаемся к тому, что говорил «учитель» об «ученике».

Еще в апреле 1912 года, за полгода до конференции, о которой говорил Троцкий, Ленин — не сам от себя, а на основании слов Плеханова — пришел к выводу, что «конференция созывается «ликвидаторами». «Ликвидаторский характер созываемой ОК конференции установлен Плехановым с неопровержимой ясностью». «Кто же остался?» спрашивает Ленин, указав, что в связи с открытием Плеханова большевики-примиренцы выступили против конференции· «явные ликвидаторы и Троцкий... Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «попрежнему» свою линию в «Нашем Деле» и «Нашей Заре», а Троцкий — из-за границы — прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает» [2]).

В самом деле, только «новички и невежды» могут теперь не знать, что августовская конференция 1912 года была созвана в противовес январской того же года конференции большевиков. «Январская конференция и выбранные ею органы — единственное, что сейчас на деле об'единяет всех работников РСДРП в России. Вне ее — лишь посул бундовцев с Троцким созвать ликвидаторскую конференцию ОК... [3]).

Итак, конференция имела задачей об'единить колеблющиеся элементы партии около ликвидаторов, т.-е. около тех элементов РСДРП, которые вели борьбу с большевиками. Уже это начисто упраздняет все ссылки Троцкого на об'единительные попытки Ленина: когда же и где Ленин пытался об'единиться с ликвидаторами — да и как было бы это возможно по самому существу дела? Троцкий очень спекулирует на том, что ликвидаторы остались его работой недовольны — и еще до конференции подозревали его искренность. Но увы, это—оценка моральной физиономии Троцкого, а вовсе не его политической позиции. Троцкий 1912 года не внушал доверия своим «друзьям», как не внушал он уважения своим противникам. Он чрезвычайно горячился по поводу того, что в 1924 году было опубликовано его антиленинское письмо к Чхеидзе, от апреля 1913 года.

> «Употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе, представляет собою один из величайших обманов в мировой истории. Фальшивые документы французских реакционеров во время дела Дрейфуса—ничто перед этим политическим подлогом Сталина и его соучастников» [4]).

Конечно, фальшивые документы — ничто перед документом подлинным, каким является это письмо Троцкого к Чхеидзе. Почему напечатание подлинного документа является «обманом» — это трудно понять. Но несомненным обманом является попытка «автобиографа» скрыть от «новичков и невежд» (только от них это и можно скрыть), что для той же

---

[1]) См. все это в т. 1, стр 256—258.

[2]) Сочинения, т. XII, ч. 1-я, стр. 94.

[3]) Там же, 95. О. К.—«Организационная Комиссия». *М. П.*

[4]) II, 259.

эпохи мы имеем не только отзывы Троцкого о Ленине — опубликование которых привело в такое негодование первого, — но и отзывы Ленина о Троцком. В «Просвещении» за май 1914 года — то-есть в издании, обращавшемся к широчайшим кругам читателей в России, не в заграничной партийной печати — можно было прочесть:

> «Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура для тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.
>
> Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).
>
> Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанное с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.
>
> «Тушинские перелеты» об'являют себя выше фракции на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 г.—ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий — ярый меньшевик, т-е от «искровцев» перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904 -1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—07 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.
>
> В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходить от них, повторяя, однако, по сути дела их же идейки.
>
> Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, «державу», толкующую об об'единении с другими» [1]).

Скажут: Ленин написал это «в пылу полемики». Но почему же мы не найдем у Ленина таких убийственных характеристик ни для Богданова, ни для Мартова? «В пылу полемики» можно было бросить однажды резкую фразу: но ведь эта характеристика повторяется, в основном, на протяжении двух лет [2]). Она резюмирует целую полосу отношений между Лениным и Троцким, подводит итог всему, что передумал Ленин о своем будущем «ученике» с 1901 года. Ленин многое умел забывать и прощать, но это не значило, что он отказывался от своих старых характеристик. И вовсе не нужно было «подлогов, затмевавших дело Дрейфуса для того, чтобы партия знала, какого был мнения ее вождь о своем, якобы, «наследнике» после двенадцатилетнего знакомства с этим последним. Троцкому соглашались не напоминать о его прошлом в надежде, что он стал другим. Малейшая попытка возврата к старой фракционности не только давала право, обязывала напомнить массам то, что говорилось о Троцком-фракционере в прежние года.

Когда Троцкий вновь принялся за образование своей фракции? Едва ли это имело место тотчас после Октябрьской революции: в эти недели он настолько чувствовал себя снова «первым учеником», хотя и не на таком большом расстоянии от второго, как в реальном училище св. Павла, что «собственная фракция едва ли практически представлялась ему нужной. Он уже мыслил себя во главе мировой революции, а сама эта революция мыслилась им, как сейчас увидим, делом завтрашнего дня. К чему тут фракция? Фракции создает тот, кто чувствует себя слабым — Троцкий в эти минуты чувствовал себя сильнее всех.

---

[1]) Сочинения, т. XII, ч. 2-я, стр. 462—463

[2]) См. там же, ч. 1-я, 177, 181, 313; ч. 2-я, стр. 412, 448, 450, 461, 537.

А затем последовал оглушительный удар брестской катастрофы — для Троцкого это была именно катастрофа. Катастрофа, он не мог этого не сознавать, — не будучи гением, Троцкий все же и не тупица, — вызванная на три четверти его легкомыслием. Легкомысленнее подойти к такой ответственнейшей функции, как руководство внешней политикой первого социалистического государства в мире, было нельзя. Один образчик этого легкомыслия сохранил сам Троцкий. Цитируя чьи-то воспоминания, он передает — не оспаривая ее — такую свою фразу: «Какая-такая у нас будет дипломатическая работа? Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку» [1]).

Моя память подсказывает мне другой образчик — еще более жуткий, поскольку тут дело страшно близко было к непосредственным практическим выводам. Догоняя нашу мирную делегацию (представляя собою продолжение перемирий, она вся была уже в Бресте), я явился в Смольный за инструкциями. Никаких инструкций я не получил, но вместо них услыхал следующий анекдот, рассказанный мне с полной верой в правдоподобность происшествия. На германском восточном фронте восстание; тридцать тысяч восставших солдат укрепились где-то между Ковно и Гродно, несколько дивизий снято с фронта для их усмирения.

Анекдот оказался буквально «выхваченным из воздуха», как говорят немцы; абсолютно ничего подобного на германском фронте тогда не происходило. Но для умонастроения моего собеседника он необычайно характерен. Троцкий верил не только в близость европейской революции, — он верил, что она произойдет буквально на другой день. При таких условиях какая же дипломатия, в самом деле? Компрометировать себя перед глазами германского пролетариата всамделишными переговорами с правительством, которого послезавтра уже не будет! Ясно, что нужно было как-нибудь протянуть несколько дней — и затем уже разговаривать с председателем германского Совнаркома Карлом Либкнехтом.

Что это, почти уже низвергнутое, правительство просуществует достаточно долго, чтобы нанести нам жестокий удар, что оттягивать нужно этот удар, а не начало серьезных переговоров с немцами, что для этого именно нужно было повести серьезную дипломатическую борьбу, пользуясь раздорами в стане противника, повести так же тщательно, как ведут военные операции,—все это Троцкому не приходило в голову. Он наивно воображал, что стоит только перенести цирк Модерн в Брест — и дело будет в шляпе. Что из его брестских речей до германского рабочего дойдет только то, что разрешит напечатать военная цензура Вильгельма II, это ускользнуло от его соображения.

И рядом с этой до крайности преувеличенной верой в могущество своего слова — до трусости доходящая слабость перед своим реальным противником, с которым мы стояли нос к носу. После разрыва переговоров в декабре решено было, что мы ни в каком случае не вернемся в Брест — дальнейшие переговоры будут вестись лишь на нейтральной территории (намечался Стокгольм) или «на проволоке», в бараке между двумя фронтами. Надо прочесть воспоминания Чернина, чтобы понять до чего в германском лагере боялись, что мы не пойдем опять в брестскую ловушку. В сущности речь шла о демонстрации того, кому мир нужнее в данную минуту. Согласившись на Брест, мы тем самым окончательно укоренили в создании дипломатов центральных держав убеждение, что советская власть хочет мира во что бы то ни стало, — эти дипломаты получили над нами такой психологический перевес, которого не могли уравновесить никакие ораторские успехи Троцкого. Мы ехали — вторично в Брест уже капитулировавшие, но не формально, — что лишало нас всяких выгод капитуляции, ибо позволяло противнику продолжать рассматривать нас как воюющую сторону.

Об'яснения этой капитуляции до сражения я не получил тогда — и не получил теперь, прочитав соответствующую главу «Опыта автобиографии». «Нам пришлось склониться перед ультиматумом и остаться в Брест-Литовске» — вот все, что можно прочесть об этом в мемуарах главы советской делегации. Почему? Если надо было склоняться перед всяким ультиматумом немцев, отчего был отвергнут ультиматум 10 февраля? Риска в первом случае было меньше, потому что в руках у Кюльмана и Гофмана не было еще договора с Украинской радой, хотя и весьма несовершенного, но все же средства дурачить германские народные массы и тащить за собою на поводу Австрию. Логики тут никакой найти нельзя, если даже стоять на точке зрения немедленного получения какого бы то ни было мира, все же не было ни малейшего резона кричать об этом с крыш и выдавать себя головою противнику. Но на этой точке зрения никто не стоял,—Ленин был за переговоры «на проволоке». На мире он настаивал только в случае пред'явления немцами ультиматума именно о мире, а не о месте переговоров.

Логику тут найти трудно. Но зато психологическое об'яснение найти легче легкого. На следующей же странице мы читаем о жизни делегации в Бресте во время переговоров:

> «Вокруг зданий штаба шла в разных направлениях высокая изгородь из колючей проволоки. Во время утренней прогулки я натыкался на надписи: «Застигнутый здесь русский будет застрелен». Это относилось к пленным. Я спрашивал себя, относится ли надпись также и ко мне—мы были наполовину в плену—и поворачивал назад» [1]).

Вот то-то, что Троцкий, увидав первое реальное или показавшееся ему реальным препятствие, сейчас же «поворачивает назад». Пишущий эти строки в эти самые дни исходил вокруг Брестской цитадели десятки километров, ни разу не подвергнувшись бо́льшей неприятности, чем необходимости показывать пропуск германским часовым. Я разговаривал с русскими пленными, — при чем сторожившие их немцы относились к этому с удивительнейшим благодушием, заботливо предупреждая меня и моих собеседников, когда на горизонте показывался офицер, — я по получасу наблюдал, как германские новобранцы упражняются с ручными гранатами, и т. д., и т. д. Не так уж страшен чорт, как его малюет испуганное воображение. А воображение будущего главы всемирной революции было сильно напугано — это ярко отразилось в одном инциденте, о котором «Опыт автобиографии», к сожалению, не упоминает. Все делегации из Бреста уезжали в полном составе—кроме нашей: наша уезжала без своего главы и еще двух—трех членов. И глава, и эти члены отбыли немедленно же, как только был вручен наш не очень вежливый ответ на ультиматум (ответ был сначала проектирован вежливее, но сейчас не стоит говорить, кто его заострил. Не Троцкий), в ту же ночь. Оставаться хотя бы лишний час в Бресте им казалось страшно опасным. Чтобы не было недоразумения: я, конечно, отнюдь не думаю подозревать Троцкого в физической трусости — он физически храбрый человек. Разумеется, он спасал «вождя», без которого революция могла погибнуть. Но дело в том, что никакой особой опасности «вождю» не угрожало.

Реальная опасность была одна—очутиться в крайне глупом положении, если тонкое кружево тактики, основанной исключительно на психологии, будет прорвано грубым кулаком немецких империалистов. Когда это случилось, Троцкий просто растерялся и его поведение после того, как немцы начали свое наступление, было жалко до невероятия. Он голосовал то за принятие германского ультиматума, то против, то опять за — и, наконец, при самом решительном голосовании воздержался... «чтобы обеспечить Ленину большинство одного голоса» (!) [1]). В заключение он выразил свою обиду на непослушавшуюся его историю тем, что не только подал в отставку от поста Наркоминдела, но фактически ушел с этого поста, т.-е. предоставил другим расхлебывать ту кашу, которую он заварил [2]).

---

[1]) II, 61.

[1]) II, 94.

В таком душевном состоянии опять-таки было не до фракций. Надо было как-то загладить и перед самим собой и перед другими впечатление жестокого провала. Отсюда полное отсутствие всяких фантазий — и ультраделовой, чтобы не сказать деляческий, подход к новой работе, которую дал ему Ленин, формированию Красной армии. В Бресте, казалось, не нужны какие бы то ни было специалисты — теперь в одних специалистах было все спасение. «Отсрочки тут, по общему правилу, не давалось. Ошибки влекли за собою немедленную кару» [3]). Так рисует Троцкий обстановку своего нового дела: но разве только что не было дано убедительнейшего доказательства, что к дипломатам это применимо точь-в-точь столько же, сколько и к войне?

И только когда война начала поправлять репутацию, в корень испорченную дипломатией, Троцкий начинает припоминать старое. Но теперь уже «вождь» не мог положиться на одного себя. Нужно было сколачивать «группку». Первый намек на возникновение троцкистской фракции относится, повидимому, к концу 1919 года — хронология «Автобиографии» тут весьма не отчетлива. Что намек этот облечен в форму, якобы, «извета» тов. Сталина,— которого будто бы «выдал» т. Менжинский,— не должно нас смущать [4]). Слишком уж благородно негодование, с каким Троцкий встретил (какое невинное дитя, подумаешь!) известие, что против него ведется «интрига» и слишком забеспокоился для такой невинности. И чересчур поторопился проверить непосредственно у Ленина, — что именно тот знает? Но «прощупать» Ленина, видимо, не удалось — и Троцкий лишь «понял», что «Менжинский говорит не зря», т.-е. что о завязывающейся фракции кое-что проникло дальше, чем следовало.

На полном ходу была фракционная работа к зиме 1920—21 г. — ко времени знаменитого спора о профсоюзах. Спор этот всячески изображается, как лишенный «всякого значения». О не менее, чем спор, о знаменитом маневре Троцкого — из сторонников «огосударствления» профсоюзов почти мгновенно превратившегося в сторонника диаметрально противоположной, но одинаково антиленинской позиции Бухарина-Дзержинского — «Моя жизнь», конечно, не обмолвилась ни одним звуком. Но о фракционной работе в этот период умолчать уже было невозможно.

> «Я еще во время с'езда (X) ликвидировал какие бы то ни было совещания с единомышленниками по профессиональному вопросу. Через несколько недель после с'езда Ленин убедился, что я не менее его озабочен тем, чтобы ликвидировать временные группировки, под которыми уже не оставалось никакой принципиальной базы» [5]).

Что «принципиальной базы» не было, это, конечно, верно, но что группировки существовали, это вынужден признать сам Троцкий, а что они в

---

[1]) Т II, 116—117.

[2]) См. Протокол заседания ЦК от 24/II-1918 г. в XXII т. полн. собр. сочинений Ленина, изд. 3, стр. 286.

[3]) Там же, 168.

[4]) II, 181--184.

[5]) Там же, 202.

это время уже переставали существовать, этому не поверят маленькие дети — именно с этого момента «группировки» из «временных» превращаются в постоянные.

Отрицать это можно опять-таки только перед «невеждами и новичками». Новичками, вступившими в партию не раньше 1925 г. — и невеждами совсем круглыми. Для тех, кто работал в партии в 1921—23 г., самая попытка скрыть «группировки» сторонников Троцкого покажется смешною. Один из ближайших лейтенантов Троцкого был тогда членом одного советского коллектива, где я председательствовал. В разговоре с ним я выразил намерение назначить заседание этой коллегии, помнится, на вторник. «На вторник нельзя, по вторникам у нас ЦК» — услыхал я в ответ. «Как по вторникам?» — удивился я: — «Оргбюро собирается в понедельник, а Политбюро в четверг». «Да, это не ЦК, а так, одно совещание»... Не трудно было догадаться, о каком ЦК нечаянно проболтался мой собеседник. В Москве называли и секретаря этого «ЦК» со всей определенностью.

История этого «ЦК» когда-нибудь будет написана, тоже в форме «Моей жизни» кого-нибудь из его членов — надо надеяться, однако же, что не по методу «Моей жизни» его председателя. Ибо последний — начисто отрицает самое существование троцкистской фракции. Нужно сказать, что это великолепно идет ко всему его мировоззрению. На первом плане у него все время собственное «я». Читая его книжку, никто не подумает, что в политике у нас играют роль какие бы то ни было организованные группы — партии, например. Вы встречаете только отдельных людей, иногда, по слабости, об'единяющихся в маленькие коллективы, без всякой принципиальной основы, от случая к случаю — и всегда ради личных целей. Партия—жалкая игрушка в руках этих людей. Может быть, потому и не находят себе места в воспоминаниях Троцкого троцкистские группировки, что автор воспоминаний презирал их, как презирал он в душе всякую массу вообще. Не верите? Прочитайте резюмирующую характеристику главы XXXIX («Болезнь Ленина»):

> «1923 год стал первым годом напряженного, но еще бездумного (?) удушения и разгрома большевистской партии. Ленин боролся со страшным недугом. Тройка [1]) боролась с партией. В атмосфере было тяжкое напряжение, которое к осени разрешилось «дискуссией» против оппозиции (!!!). Началась вторая революция: борьба против троцкизма...». [2]).

О «дискуссии против оппозиции» мы сейчас поговорим. Но согласитесь сами, что написать все приведенное сейчас место можно было только в состоянии очень острого «вдохновения», когда «из-под спуда выходят слова, неожиданные для оратора» — или писателя. «Накатил, сударь, накатил!» — восклицают хлысты, когда на их собрание нисходит «дух». На Троцкого явно «накатило», когда он стал писать об «удушении и разгроме большевистской партии» в 1923 году. Но что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: до чего нужно было презирать эту самую партию, чтобы изображать ее разгром делом трех человек! Три человека могут произвести вторую революцию и «удушить» коллектив в миллион людей! И притом три человека, действующие исключительно из личных мотивов против определенного лица.

> «Идея тройки: Сталин, Зиновьев, Каменев была уже давно готова. Острием своим тройка была направлена против меня. Вся задача заговорщиков состояла в том, чтобы, подготовив достаточную организационную опору, короновать тройку в качестве законной преемницы Ленина» [3]).

---

[1]) Сталин, Зиновьев, Каменев.

[2]) II, 227.

[3]) Там же, 223.Разрядка моя. **М. П.**

Дальше рассказывается, как одна «маленькая записочка» Ленина чуть-чуть не расстроила всей комбинации. При таком ходе истории, конечно, не то что записочки — случайно опрокинувшейся чернильницы достаточно, чтобы пало государство. И этого человека десятилетиями считали марксистом!

Само собою разумеется, что болезни тех гигантов, которые творят мировую историю, становятся при этом уже совсем и бесспорно крупнейшими историческими факторами. И вот на том месте, где у будущих «фальсификаторов истории» будет стоять рассказ о борьбе троцкистской фракции против партии, у Троцкого читатель находит три истории болезни плюс охота на уток.

Да, да: я не фантазирую. Что помешало низвержению «эпигонов» (они же «тройка») в 1923 году? Болезнь — болезнь Ленина, и только эта болезнь.

> «Я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII с'езда в духе «блока» Ленина-Троцкого против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе»... «В 1922—23 году вполне возможно было еще завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывавшуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма. Главным препятствием на этом пути было, однако же, состояние самого Ленина». «Во всех планах и расчетах был решающий момент неопределенности: это сам Ленин со своим физическим состоянием». «Благодаря исключительному месту, занимавшемуся в партии Лениным, неопределенность его личного состояния превратилась в неопределенность состояния всей партии» 1).

А вдобавок еще и самого Троцкого «на несколько недель приковал к постели прострел». Так «эпигоны» и уцелели в эту критическую для них минуту. Как было, казалось, не сообразить, что при таких условиях Троцкому надо тщательнейшим образом смотреть за своим здоровьем? Как было этого не понять? А он взял, да холодной осенью отправился охотиться на уток!

Об этом всемирно-историческом событии, определившем судьбы не одного Советского Союза, читатель узнает на стр. 234—238 II тома «М. ж.» со всеми необходимыми для такого торжественного случая подробностями — с биографией охотника, который руководил действиями ближайшего наследника Ленина в эти роковые дни, с глубокими историческими экскурсами (до Ивана Грозного!), с фамилией шофера, которого близость к великому событию тоже, разумеется, сделала историческим лицом и т. д., и т. д. Словом, если бы кто начал читать «Мою жизнь» с этого места, не имея отчетливого представления о физиономии ее автора, такой невнимательный читатель был бы достоин наказания, попав в чрезвычайно глупое положение; вероятно, он с негодованием бросил бы книгу, решив, что автор над ним, читателем, просто издевается. Читатель настоящей заметки знает, с кем мы имеем дело, — он знает, что тут нужно не обижаться и не сердиться, а понимать. Но я боюсь, что даже такой, нарочито подготовленный, читатель не воздержится от непочтительного заключения, что ему, читателю, редко приходится встречать автора более близкого к острому пароксизму мании величия.

Охота на уток замечательна, конечно, не утками, даже вообще неизвестно, пострадали ли утки. Но после охоты, спеша удовлетворить любопытство шофера, «горевшего нетерпением узнать, какова добыча» — как малое всегда переплетается с великим! — Троцкий побежал в валенках по болоту,

---

1) «М. ж.», II, стр. 219—220.

промочил ноги и простудился. «Врачи запретили вставать с постели. Так я пролежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 года против «троцкизма». Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку» (читатель, имея запас восклицательных знаков, может использовать сколько нужно; у меня все вышли. *М. П.*).

«Ленин лежал в Горках, я—в Кремле. Эпигоны расширяли круги заговора». Налицо из всех группировок, наметившихся еще в реальном училище св. Павла, имеются «ябедники и завистники, их жертва и «зыбкая, неустойчивая масса» в лице удушаемой тройкою миллионной партии. Нехватает «открытых, отважных мальчиков». Это несправедливо. Надо исправить это упущение — и рассказать, что делали «отважные мальчики».

Когда Троцкий охотился за утками, партия была в исключительно тяжелом положении. Восстановительный период был в самом начале — шли споры о том, достигнем ли мы «довоенного уровня» в 1930 г. или в 1933 году. Человек, который вздумал уверять, что мы к 1930 году перейдем этот уровень, погиб бы в позоре комчванства. Рабочая масса, уверенная, что она голодала только из-за гражданской войны и блокады, не сразу привыкала к мысли, что довоенный уровень заработной платы вернется только с довоенным уровнем производства — и роптала. Перед самой «охотой» прошел целый ряд забастовок. На этой почве всяческая антипартийная агитация расцветала пышным цветом. Только что были обнаружены две, казавшиеся серьезными, подпольные организации: богдановская «Рабочая Правда», где не было ни рабочих, ни правды, но было порядочное количество партийной интеллигенции юного возраста, — и «Рабочая группа», где были и рабочие, молва уверяла, в числе нескольких тысяч.

Надо было видеть, с какими сияющими глазами передавал мне все это один из «отважных мальчиков», предлагая мне подписать документ, явным образом начинавший кампанию против ЦК. «Антипартийная организация в три тысячи рабочих!». Как, в самом деле, упустить такую благодать?

Я признавал, что положение крайне трудное. Но подписать документ отказался, было совершенно ясно, что для партии от похода на ЦК положение станет только еще труднее. Наоборот, совершенно не ясно было, какие могут получиться выгоды от замены старого ленинского штаба «открытыми, отважными мальчиками».

Но последние не ограничивались собиранием подписей. Они, кроме того, обратились и к массам. Среди рабочих масс они имели успех несколько ниже среднего. Но юная коммунистическая интеллигенция, клюнувшая на богдановскую «Правду», клюнула и здесь. В самом начале дискуссии тысячная ячейка ФОН'а (факультета общественных наук) I МГУ почти единогласно вынесла резолюцию, направленную против ЦК партии.

Как же реагирует на все это «Моя жизнъ»? Да никак. У Троцкого была такая высокая температура, что всех этих деклараций и резолюций ему даже не показывали. И он до сих пор не знает о том, что все знали еще осенью 1923 г.: что в этом году троцкистская фракция сделала попытку свергнуть партийное руководство — и была хотя весьма далека от успеха абсолютно (не собрала даже и половины голосов одной московской конференции), но относительно все-таки была к этому успеху ближе, чем в какую-либо другую из своих попыток. Если бы Троцкий это знал, он, вероятно, выступил бы хоть два—три раза непосредственно, лично на собраниях, несмотря на температуру: выступал же Дзержинский, когда это грозило ему смертельной опасностью. После, в Алма-Ата («где злейшая малярия разделяет господство с проказой и чумой») ему сходили безнаказанно такие вещи, как пребывание на охоте по девяти суток, не заходя под кровлю, — при морозе «до 8—10°»[1]. Но «отважные мальчики» очень берегли своего вождя, исключительно берегли — и бедный Троцкий до сих пор не знает того, что еще в 1923 г. знал миллион удушаемых «тройкою» партийцев (да, наверное, не менее двух миллионов беспартийных вдобавок).

Ах, эти «отважные, открытые мальчики!» Беда с ними...

Естественно, что, не зная самого главного факта, Троцкий получил самое фантастическое представление о причинах того, что с ним дальше происходило. Представьте себе, что человек, не знающий ничего об Октябрьской революции, сразу налетел бы на советский режим и диктатуру пролетариата. Что бы он понял? Так и тут. Все беды на Троцкого обрушились потому, что он и действовавшие его именем «мальчики» повели подкоп против этой самой пролетарской диктатуры. Но Троцкий ничего об этом не знал. И ему показалось, что его начали «травить» из-за 1) из-за воздержания от спиртных напитков, 2) теории перманентной революции. Да, право же, я не шучу. Так написано в «Моей жизни».

К 1): «Хождение друг к другу в гости, примерное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть»[2].

К 2): «Насквозь филистерская, невежественная и просто глупая травля теории перманентной революции выросла из этих именно психологических источников. Сплетничая за бутылкой или возвращаясь с балета, один самодовольный чиновник говорил по моему адресу другому самодовольному чиновнику: «у него только перманентная революция на уме». С этим тесно связаны обвинения в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме. «Не все же и не всегда для революции, надо и для себя»,— это настроение переводилось так: «долой перманентную революцию!». Протест против теоретической требовательности марксизма и политической требовательности революции постепенно принимал для этих людей форму борьбы против «троцкизма». Под этим флагом шло освобождение мещанина в большевике. Вот в чем состояла потеря мною власти, и вот что определяло те формы, в которых эта потеря произошла»[3].

Примеров «марксизма» Троцкого мы видели достаточно. А насчет перманентной революции, когда Ленин называл ее в 1914 г. «несуразно левой», это как было: «за бутылкой» или же «возвращаясь с балета»?

В 1923 г. и следующих происходило не освобождение мещанина в большевике, а освобождение большевистской партии от мещан. Троцкий не потерял и не мог потерять власти по той простой причине, что никакою властью над большевиками он не обладал и не мог обладать, ибо наша партия не есть вотчинная монархия и никакому отдельному лицу над собой власти не вручала. У партии есть доверенные люди — в качестве одного из этих доверенных людей Троцкий пользовался большим влиянием. Потеряв доверие, он утратил и влияние. Попытавшись вернуть его себе обратно нелегальными средствами, он попал сначала в Алма-Ата, потом в Константинополь. Причины этой катастрофы нужно искать в причинах потери им доверия партии. Как это случилось? «Моя жизнь», независимо от воли автора, об'ясняет это вполне удовлетворительно. Наша партия пролетарская — во главе ее не может стоять мещанин-индивидуалист, поскольку мещанский индивидуализм у него не сгорел окончательно в огне пролетарской революции.

---

[1] «М. ж.», II, стр. 299.

[2] Там же, 245.

[3] Там же, 246.

А мещанским индивидуализмом прет из каждой строки «Автобиографии», написанной в 1929 г., через двенадцать лет после революции. Но данный случай не нуждается, пожалуй, даже и в таком социологическом об'яснении. Может ли пользоваться доверием партии человек, не заслуживающий никакого личного доверия? Человек, ни на одно слово которого нельзя положиться? Троцкий сам на это ответил теми строками «Моей жизни», которые я привел в качестве эпиграфа.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ.

Эдвин Норс „Сельское хозяйство Соединенных Штатов Северной Америки“*)

Гувер знал, кому он поручает написать в своем двухтомнике главу о сельском хозяйстве. Эдвин Норс, избранный для этой цели, является не только крупнейшим знатоком конкретной экономики сельского хозяйства Соединенных Штатов. Норс, несомненно, наиболее яркая фигура среди американских экономистов вообще и аграрных теоретиков в частности. В своих классовых симпатиях Норс не только, как другие его коллеги, апологет капитализма, он — *верховный жрец его*. Норсу чуждо лицемерно-крикливое преклонение а ля Давид перед мелким фермером, который доживает в Америке свои невеселые дни. Норс не преклоняется и перед предприимчивым фермером недавнего прошлого, перед этим типичным янки, воспетым Холмсом, Спилманом, Ворреном, Илай и другими «маститыми» профессорами. Норс знает цену и мелкому, и крупному фермеру. Он прекрасно знает, что мелкий фермер безжалостно вытесняется более крупным. Он знает и то, что среди самих крупных фермеров ведется бешеная конкурентная борьба и что побеждают наиболее крупные — архикрупные капиталисты. И Норс откровенно сочувствует этому. Ибо Норс стремится помочь рационализации сельского хозяйства С. Ш., уже давно ставшего ходом вещей Ахиллесовой пятой пресловутого американского «просперити». Но рационализировать сельское хозяйство можно только такими методами, когда не приходится считаться ни с *ухудшением* положения рабочего класса, ни с *бегущими* мелкими фермерами, ни с *банкротящимися* конкурентами. И Норс находит классовое мужество стать выше предрассудков сожаления. Он проходит мимо всего этого с циничностью и презрением американского дельца, для которого высшим мерилом всего сущего является доллар. Да, Гувер хорошо знал, кому он поручает написать в своем двухтомнике главу о сельском хозяйстве Соединенных Штатов.

* * *

Норс написал о сельском хозяйстве С. Ш. на отведенных ему 70 страницах все то, что можно было на них уместить. Конечно, сжатость изложения мешала развернуть достаточно глубокий анализ, но тому причина не только недостаток места. Норс при всей своей откровенности все же не в силах *открыть* всех тайн капиталистического способа производства. Норс при всех своих знаниях все же *не знает* самого главного, именно того, что основа основ всех затруднений лежит в капиталистическом способе производства, ибо Норс в конце-концов только буржуазный профессор. А этого, как известно, еще далеко не достаточно. Отсюда неизбежная односторонность анализа. Но как буржуазный профессор, Норс дал даже больше того, что можно было от него ожидать. По крайней мере, со страниц книги Норса прозвучала *открытая классовая правда*, открытая классовая программа буржуа, а поскольку открытая, постольку освобождающая от операции вскрытия ее сущности, операции, которой так часто приходится заниматься марксистской критике.

Положение дел в американском сельском хозяйстве уже давно внушает тревогу в правящих кругах американской буржуазии. Дело в том, что американское сельское хозяйство до сих пор еще не оправилось от ударов послевоенного кризиса.

> «Депрессию, которую испытывает в настоящее время сельское хозяйство, нельзя выявить каким-либо одним показателем. Тем не менее некоторое представление о ней можно составить на основании соотношения между ценами, которые фермер получает, и ценами, которые он уплачивает. Отношение это установлено Бюро сельскохозяйственной экономии при департаменте сельского хозяйства Соединенных Штатов. Если средний индекс за период с 1910 по 1914 г. мы примем за 100, то окажется, что индекс благосостояния в сельскохозяйственных районах поднялся до 118 в 1917 г., а затем упал до 75 в 1921 г. В 1925 г. он опять повысился до 92, а затем упал до 75 в 1926 г. и 85 в 1927 г.».

Таково *незавидное положение* американского фермера. Вместе с тем, стало совершенно очевидным, что расцвет промышленности в период «просперити» базировался на депрессии в сельском хозяйстве. Норс не может не признать этого.

> «Страна в целом выиграла,— пишет он,— от низких цен на сельскохозяйственные продукты, от цен, слишком низких, чтобы оправдать издержки производства. Сколь долго смогут несельскохозяйственные классы пользоваться этими преимуществами, сказать нельзя».

Однако, это признание Норса, как много им ни сказано, все же требует существенных поправок. Во-первых, *не страна в целом выиграла, а капиталисты в первую очередь и главным образом*. Во-вторых, *низкие цены* на сельскохозяйственные товары *ударили* не по всему фермерству, а *преимущественно по мелкому и среднему*. Крупный фермер в силу снижения издержек производства, на основе введения улучшенной техники, снимал такие же сверхприбыли, как и его городской собрат. В-третьих, теперь уже *поздно* ставить вопрос, сколь долго сумеет развиваться «просперити» С. Ш на основе депрессии в сельском хозяйстве, так как *кризис* чрезвычайно остро поставил все те вопросы, которые до него только намечались.

Но вернемся к тому, как понимает проблему сельского хозяйства сам Норс.

> «Нам говорят,— пишет он,— что сельское хозяйство — главнейшая национальная проблема и что, если его положение не улучшится в ближайшем времени, то неизбежный крах его приведет к общенациональной экономической катастрофе. Марк Твэн как-то заметил, что все говорят о погоде, но никто ничего не делает с погодой. Сельское хозяйство как будто готово заменить погоду как вечную тему унылых разговоров. Конечно, фермеры жестоко страдали в период, следовавший за 1920 г., положение их поправляется медленно и до сих пор еще остается довольно плохим. Процесс перестройки слишком радикален и влечет за собой слишком большие последствия и потому не может быть завершен в короткий срок».

Основные причины депрессии Норс видит в несоответствии спроса и предложения, явившемся в результате *уменьшения спроса*, на заграничном рынке и вместе с тем *расширения производства*. Это повлекло за собой тяжелые последствия, так как цены, предлагаемые на внешнем рынке под влиянием конкуренции Канады, Австралии, Аргентины, оказались слишком низкими. Необходимо было перестраивать хозяйство применительно к новым требованиям и изменять ассортимент товаров, ориентируясь преимущественно на внутренний рынок. В отношении перспектив европейского рынка Норс повторяет то же, что он писал несколько лет тому назад в своей книге: «Сельское хозяйство Америки и европейский рынок». Мы находим там:

---

*) Перевод с английского. Отдельный оттиск из книги «Новейшие изменения в экономике САСШ» с предисловием Г. Сафарова. Гиз. 1930.

> «Строить план будущего развития американского земледелия на основании ожидаемого возрождения и роста европейского рынка—значит строить на сыпучем песке».

Теперь он пишет: «Положение не сулит особенно блестящих перспектив для экспортных излишков американских ферм».

Ориентироваться на внутренний рынок, это значит радикально изменять весь строй хозяйства: сокращать производство одних продуктов и приниматься за другие. Но и в этом деле «автор не видит особых оснований для оптимизма и не уверен, что перестройку сельского хозяйства удастся осуществить быстро и удовлетворительно».

И, вот, тут-то Норс переходит к основному вопросу: как должна протекать реконструкция сельского хозяйства. Для этого Норс обращается к опыту перестройки хозяйства в некоторых отраслях, апеллируя к тем техническим достижениям, которыми они характерны.

Характеристику основных изменений Норс правильно видит в колоссальном росте механизации. Автомобиль, трактор и комбайн произвели столь радикальные изменения в технике сельского хозяйства, что Норс вынужден написать:

> «Новая фаза развития в американском сельскохозяйственном производстве в полном смысле революционна».

Норс отмечает, что одновременно произошли большие сдвиги и в географии сельского хозяйства. Сократились районы экстенсивного скотоводства, выросло интенсивное животноводство, сады, огороды и т. п. Так, еще в 1920 году пшеница, ячмень, овес и сено занимали общую площадь в 4.439.000 акров, а в 1928 году под этими культурами осталось 3.840.000 акров, что дает уменьшение на 599.000 акров. Наоборот, пропашные культуры, хлопок и сады занимали в 1920 году площадь в 1.356.000 акров, а в 1928 году 2.306.000 акров, то-есть возросли на 950.000 акров. Чрезвычайно сильно повысилась техника обработки полей, начали вводиться минеральные удобрения, сильно развилось дело борьбы с вредителями и т. д.

Все это вместе взятое составляло настоящий технический переворот. Вместе с тем, социальные формы производства — фермерские хозяйства (крупные относительно к мелким европейским хозяйствам) оказались перед лицом нового технического переворота такими, в которых новая техника уже не вмещалась.

Формы хозяйств пришли в несомненное противоречие с развитием производительных сил. Никогда трагедия расточительства не доходила до таких вопиющих размеров: трактор и комбайн и на четверть не используются от того, как они могут быть использованы. Никогда рынок не требовал такого быстрого реагирования, как сейчас. Потребность планирования и невозможность осуществления этого в рамках капиталистического сельского хозяйства; необходимость новых форм хозяйств и невозможность организации их, кроме как через рост архикрупных хозяйств на основе разорения фермерской массы; противоречие между заскочившим вперед техническим прогрессом и сущими формами хозяйства, отражающими еще предшествующий этап технического развития, — все это составляет основу основ тех трудностей, которые Норс как следует не понимает, но смутное представление о которых ему уже доступно. Он подходит к вопросу или чисто технически или с точки зрения организации хозяйства. Социологический анализ остается все же вне поля его зрения. Однако, даже в подходе Норса много об'ективной правдивости.

> «Вместе с тем становится необходимым радикальная перестройка экономической и технической организации всего вообще американского сельского хозяйства. Такая перестройка дает огромную экономию в производстве основных сельскохозяйственных продуктов, но для того, чтобы с успехом осуществить ее, требуются более крупные хозяйственные единицы и более специализированный тип экономической организации; ею достигаются и значительные сбережения человеческой энергии».

В этом, в общем правильном анализе у Норса отсутствует прямое указание на классы, однако, и на этот счет мы найдем соответствующее указание. Норс не скрывает, что подобного типа рационализация неизбежно повлечет за собой «бедственное положение отдельных лиц». Могут ли быть сомнения, что этими отдельными лицами окажутся низшие слои американских фермеров. Что эта реконструкция хозяйства не может иначе и протекать, нам вполне понятно, но и Норс не может и не хочет этого скрывать.

> «Вряд ли можно думать,—пишет он,—что удастся быстро облегчить положение всего вообще фермерского класса». Лицам же, не умеющим приспособлятся к новому положению и являющимся лишними для сельского хозяйства, приходится списывать свои потери, переселяться в другое место и избирать себе новый род занятий».

Другое дело на противоположном полюсе. Крупные фермы, еще более укрупнившись, сумеют выскочить из кризисного состояния. «Благосостояние людей, которые в состоянии справиться с возросшими требованиями новой техники, должно соответствующим образом возрасти».

Так обстоит дело. Таков капитализм sans phrase.

Все ясно, все просто. «Великая» заокеанская республика демонстрирует всему миру наиболее научные, наиболее совершенные, наиболее гуманные способы рационализации сельского хозяйства. Передовая страна показывает путь отставшим.

Чрезвычайно характерным является при этом полное неверие в созданный Гувером фермерский комитет, неверие и в кооперацию, на которую еще совсем недавно возлагались большие надежды. Норс прекрасно видит, что дело пахнет социальной катастрофой, и классовая установка его подсказывает ему, что выход из положения только один. Выход — испытанный, старый способ, когда интересы широких кругов приносятся в жертву интересам капиталистической верхушки. Оттого-то и веет от всей книги Норса холодным расчетом, оттого и призыв его к сильным скорее перестроиться, не оглядываясь на слабых, оттого вся книга приобретает значение важнейшего политического документа нашей эпохи.

Предшествующая история США делала американское земледелие все более и более товарным, все более и более капиталистическим. Классовая дифференциация достигла там почти мыслимых теоретических пределов. Но и этого оказалось мало. Теперь начисто сметаются какие-либо остатки мелких ферм. В земледелии, как и в индустрии, два класса противопоставляются друг другу: капиталист и пролетарий.

Конечно, все это для марксистского анализа не представляет ничего нового. Новое же здесь в том, что буржуазный профессор заговорил откровенным языком американского империализма, новое в том, что бросается откровенный вызов фермерским низам, новое в том, что американский капитализм откровенно провозглашает победу крупных капиталистов в сельском хозяйстве.

Норс — буржуазный экономист, однако, по всей сумме вышеизложенного мы смело рекомендуем его книгу широким кругам наших читателей. Пусть не со слов советских экономистов, а со страниц официального президентского издания советский и партийный читатель ознакомится со всей глубиной болезни самой передовой, самой «гуманной» капиталистической страны.

* * *

Почему же, спрашивается, понадобилось Гуверу в своей книге об американском «просперити» допустить столь мрачную характеристику перспектив американского сельского хозяйства. Не случайно ли это так получилось?

Само собой разумеется, что случайно такие вещи не происходят. Причина такого откровения лежит в том, что американский финансовый капитал, сконцентрировавший у себя невиданные богатства, создавший предприятия Форда, верфи Нью-Йорка, бойни Чикаго, показавший неслыханные прежде образцы капиталистической рационализации в индустрии уже давно с нескрываемым презрением относился к сельскохозяйственному производству, где еще не возникли настоящие фабрики в широком масштабе, где капитал еще не принял таких технических форм, как в индустрии, и где капитал с несомненностью отставал от всего хода развития хозяйства.

Статья Норса — первая официальная, научно обоснованная вылазка финансового капитала, требующая от сельского хозяйства пойти по тем же путям, что и индустрия. «Сельское хозяйство,— провозглашает Норс,— необходимо организовать так же, как организованы прочие отрасли промышленности». Причина откровенности лежит в подготовке генерального наступления на мелкого фермера. Никакой помощи ему не окажут и ни о какой помощи ему и мечтать не дают. О повышении цен думать нечего. Надо снижать себестоимость: мелкому фермеру это недоступно. Так пусть он знает, что и выхода ему из трудного положения нет. Гувер позволил именно так написать Норсу потому, что он служит крупному и только крупному капиталу.

* * *

Книге Норса предпослано предисловие тов. Г. Сафарова. Автор предисловия правильно вскрывает основные противоречия капитализма, так как очи сейчас сложились на конкретном примере СШ. В кратких и ярких чертах автор противопоставляет этому путь социалистической реконструкции в СССР. Автор приходит на помощь читателю там, где Норс пытается, правда, жидкими красками, смягчить картину бедствий американского фермера. Предисловие в целом удачное. Это, однако, не освобождает нас от необходимости сделать несколько замечаний.

> «Применение комбайна,— как упоминает и Норс (читаем мы в предисловии),— позволило прибегнуть к снятию еще не вполне дозревшего хлеба, находящегося под угрозой порчи вследствие погодных условий и наличия вредителей».

Тов. Сафаров делает ударение на том, что как раз комбайну-то и несвойственно. Дело в том, что при уборке не комбайном, а какой угодно другой машиной (жаткой, сноповязалкой) можно снимать недозревший хлеб. Он дозревает в сжатом виде, а потом его молотят. Комбайн который одновременно жнет и молотит, требует, чтобы хлеб был совершенно дозревшим. Это-то обстоятельство и создавало массу затруднений в некоторых районах, пока несколько лет тому назад не начали применять следующий способ. По полю пускали хедер для уборки хлеба, то-есть по существу режущую часть комбайна, но с особым приспособлением для укладки сжатого хлеба валиком (виндровер), а затем, когда хлеб дозревал и подсыхал, шел комбайн с особым приспособлением (пик-ап-аташмент), подбирающим хлеб из валиков и подающим его в молотильный барабан. Таким образом, это приспособление, уже нарушающее принцип одновременной уборки и молотьбы, позволило употреблять комбайн для уборки недозревшего хлеба. Ссылка тов. Сафарова на Норса совершенно неправомочна. Норс прекрасно знает то, что я выше описал, и пишет по этому поводу:

> «Конечно, этот метод (имеется в виду только что описанный. *С. У.)* не дает столь большой экономии, как в первом случае (комбайн), ибо весь процесс уборки и обмолота не заканчивается сразу. Тем не менее при пользовании им сберегаются бечева и энергия, необходимые для связывания в снопы хлеба, а также значительные издержки на человеческий труд по складыванию хлеба в копны и переброске снопов в молотилку».

Тов. Сафарову надлежит исправить свою ошибку.

Далее на стр. 15, мы читаем:

> «Тракторные орудия, универсализируясь, все более и более непосредственно включаются в автоматическую систему машин, вернее, трактор вбирает в себя эти орудия и превращается в автоматическую систему машин».

Насколько верна вторая часть фразы, настолько неверна первая ее. Верно, что трактор вбирает в себя работающие орудия. Сейчас все больше и больше начинают распространяться не прицепные орудия, а прилаживающиеся к раме трактора работающие части. В этом смысле трактор как бы превращается в универсальный станок, к которому прилаживаются только отдельные части в зависимости от рода работы; так прилаживаются лапки культиватора, корпус плуга, режущий аппарат сенокосилки, высевающий аппарат и так далее. Но глубоко неверно, что универсализуются орудия. Наоборот, мы имеем чрезвычайный рост их разнообразия и специализации. Эта ошибка тов. Сафарова не может, однако, повредить его основной мысли, что мы имеем дело с автоматической системой машин. Равным образом мы горячо поддерживаем предложение тов. Сафарова о необходимости нам подхватить эту тенденцию, как наиболее новую и целесообразную.

Укажем еще на несколько более мелких дефектов предисловия тов. Сафарова. Тов. Сафаров, говоря о плановом воздействии на коренные факторы повышения плодородия почвы, утверждает, что без этих коренных мероприятий мы не поднимем урожай на 35% по известному декрету. Это неверно. Когда мы возьмемся по-настоящему за вопросы, которые поднимает тов. Сафаров, то мы поднимем урожай не на 35%, а на 350%. Поднять же наш урожай, невероятно низкий, на 35% можно и должно системой простейших мероприятий, в чем и заключается смысл постановления нашего правительства.

Далее, тов. Сафаров приводит страшно устаревшие сведения о коллективизации. Они относятся к апрелю прошлого года, вместе с тем по смыслу предисловия можно заключить, что оно писалось уже тогда, когда была провозглашена политика партии в направлении ликвидации кулака как класса.

* * *

Нельзя пройти и мимо качества перевода. У нас много писалось, что переводы выполняются вообще небрежно. В отношении языка этого нельзя сказать про разбираемую книгу. Переведена она хорошо и читается легко. Тем досаднее обильное количество неточностей и неправильностей при переводе технических выражений и терминов. Не только в назидание переводчику, но и в помощь нашему читателю придется отметить наиболее важные ошибки, подлежащие немедленному исправлению.

На стр. 46 речь идет о приведении в действие машины от трактора, везущего саму машину. Это делается при помощи ответвления мощности мотора через особое отверстие у задней оси. Американцы называет это «take-off». В книге переведено: «... приводятся в движение «избыточной» энергией трактора, который везет весь аппарат». Почему переводчик решил, что избыточной? Это искажение смысла. Можно представить, что в хозяйстве имеется трактор, который недостаточно силен для двойной операции: тянуть и приводить в действие машину. Тогда покупают больший. Применяют же ответвление мощности мотора не по причине избыточности, а по технической и экономической выгодности использовать работу одного мотора для двух работ одновременно. На стр. 39 «horse-drawn implements» переведено «орудия с конным приводом». Как известно, конный привод понятие стационарной установки. Вместе с тем здесь имеется в виду не конный привод, а конная тяга, то-есть орудия на конной тяге в противоположность орудиям на тракторной тяге. На стр. 36 «reclamation projects» переводится «рекламационными проектами», в то время как это мероприятия правительства по освоению новых земель, сопряженные с мелиорацией. На стр. 51 дисковый плуг переводится как дисковая борона. На стр. 65 «insulating material» переведено «инсулирующие материалы», в то время как это значит «изоляционные материалы».

Мы привели только самые важные ошибки и только в таком количестве, чтобы показать настоятельнейшую необходимость тщательного пересмотра перевода при повторном издании книги, которое не заставит себя ждать.

* * *

Итак, перед нами интересная и злободневная книга, появление которой на русском языке можно только приветствовать. Редактор и переводчик должны исправить свои ошибки.

С. УЖАНСКИЙ.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Вошли ли мы в новый этап через „ворота“ чрезвычайных мер и кризиса зернового хозяйства?

Наступивший новый этап революции ставит по-новому целый ряд проблем социалистического строительства в нашей стране. Поэтому нужно всячески способствовать начавшемуся процессу осмысливания содержания текущего периода социалистического строительства, причин его обусловивших и тех перспектив дальнейшего развертывания социалистической реконструкции, которые им определяются.

Одной из основных характерных черт нового этапа является решительный крутой поворот деревни к социализму. Этот поворот выразился в огромной тяге основной массы трудящегося крестьянства к коллективизации, в бурных темпах развития колхозного движения, уже сейчас далеко превосходящих конечные наметки пятилетнего плана. Коллективизация сельского хозяйства означает не что иное, как начавшийся в широком масштабе, в масштабе миллионов крестьянских хозяйств, процесс подлинной социалистической реконструкции сельского хозяйства, процесс ломки старых производственных отношений внутри самой деревни и трансформации их по линии социально-производственных связей города и деревни.

Исключительное значение происходящего ныне колхозного строительства вполне оправдывает настороженное отношение к различным формулировкам причин, его обусловивших. Ибо правильное понимание причин этого исторического процесса является исходной базой для правильной оценки как сущности, так и дальнейших перспектив его развития. Поэтому вполне законен и заслуживает внимания присланный в редакцию «Большевика» вопрос тов. Протопопова: верно ли определение тов. Бухариным (в статье «Великая реконструкция»—«Правда» от 19/II—30 г.) этих причин, правильно ли его положение о том, что «мы вошли в нее (в «антикулацкую революцию» по терминологии тов. Бухарина. *Б. Б.*) через ворота чрезвычайных мер и быстро развернувшийся кризис зернового хозяйства»?

Мы не станем здесь разбирать по меньшей мере спорного термина «антикулацкая революция», тем более, что тов. Бухарин счел нужным оговорить условность этого термина. Нас интересует здесь лишь вопрос о причинах, вопрос о «воротах», через которые мы подошли к величайшим социально-экономическим сдвигам, происходящим в настоящий период в нашей деревне.

Тов. Бухарин в вышеприведенной формулировке своей статьи выдвигает два, по его мнению, основных момента, открывших нам ворота в социалистическую реконструкцию сельского хозяйства: 1) чрезвычайные меры и 2) развернувшийся кризис зернового хозяйства. Посмотрим, так ли обстоит дело в действительности.

Какова была задача и в чем заключался об'ективный смысл чрезвычайных мер? Известно, что партия вынуждена была пойти на чрезвычайные меры в обстановке напряженной борьбы за хлеб, в обстановке бешеного сопротивления нашей политике кулачества, в условиях злостного саботажа им наших хлебозаготовок. Целью введения чрезвычайных мер было: добиться слома этого сопротивления и тем самым ликвидации напряженного положения с хлебом, ликвидации угрозы хлебоснабжению города и Красной армии. Известно также, что в ходе осуществления чрезвычайных мер партии удалось вовлечь в борьбу против кулака широкие слои деревенской бедноты, а также и середняцкого крестьянства. Именно на этой основе мы достигли положительных результатов в хлебозаготовках.

Наконец, чрезвычайные меры имели и то значение, что у сплотившейся в борьбе против кулака основной массы деревни было поднято до более высокого уровня сознание необходимости иного, некапиталистического пути развития сельского хозяйства. Необходимо, однако, подчеркнуть ограниченное в этом смысле значение чрезвычайных мер. Нельзя упускать из виду того, что чрезвычайные меры являются лишь составной частью систематически в различных областях проводившейся борьбы с кулаком, политики ограничения его эксплоататорских стремлений. Эта политика партии, на основе которой велась особо ожесточенная борьба с кулаком в последние годы, во всей своей совокупности, является одной из причин последующего бурного развития кохозного движения. Поэтому неверным является возведение чрезвычайных мер на пьедестал такого исключительного значения, как это делается тов. Бухариным.

Несомненно, что подобная оценка чрезвычайных мер в известной мере есть результат их прежней неверной оценки со стороны бывших лидеров правоуклонистов. В самом деле, ведь тогда правые расценивали чрезвычайные меры, как какую-то особую политику партии в отношении крестьянства, как политику, скатывающуюся к троцкизму, и т. д. и т. п. Правые уже тогда проходили мимо, не замечали тех новых гигантских процессов социалистического строительства (ускоренный темп индустриализации страны, волна нового творческого под'ема в рабочем классе, вылившаяся в социалистическое соревнование и развертывание самокритики, переход от потребительских форм смычки к производственным и пр.), частичным отражением которых на фронте борьбы против кулака явились чрезвычайные меры. По существу, та же оценка значимости чрезвычайных мер при отказе от прежней оценки их сущности лежит сейчас в основе вышеприведенного положения статьи тов. Бухарина. В этой же связи нельзя считать случайным брошенное тов. Бухариным (правда, в условной форме) в этой же статье «Великая реконструкция» положение: «сперва переделка производственных отношений, потом техническая революция». (Подчеркнуто т. Бухариным. *Б. Б.*). Этой неправильной формулой тов. Бухарин об'ясняет ту коренную ломку мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, в полосу которой мы ныне вступили. Этой его формулой, ставятся на голову подлинно происходящие процессы, ибо в действительности, как об этом несколько подробней будет сказано ниже, переделка производственных отношений деревни у нас стала возможной лишь тогда, когда мы подвели под нее известную материально-техническую базу. Но именно этой же формулой проникнуто и понимание тов Бухариным роли чрезвычайных мер. Превращением последних в «ворота», открывающие дорогу к коллективизации, т.-е. иначе говоря, к перестройке производственных отношений, у тов. Бухарина и получается неверное: «сперва переделка производственных отношений, потом техническая революция».

Резюмируем сказанное о роли чрезвычайных мер. Поскольку чрезвычайные меры входили составным элементом в нашу политику ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, постольку они сыграли известную роль в наступлении коренного перелома деревни в сторону социализма. Роль эта, однако, весьма ограничена и поэтому выпячивание ее, возведение в ранг первостепенной, является ошибочным, влекущим к недооценке более глубоких факторов, более широких «ворот» социалистической реконструкции сельского хозяйства.

* * *

Перейдем к другой части «ворот» тов. Бухарина, к тому, что определяется им как «развернувшийся кризис зернового хозяйства». В этом положении нас интересуют два момента: верно ли, во-первых, косвенно высказанное здесь утверждение о наличии у нас кризиса зернового хозяйства и, во-вторых, если это неправильно, то что именно происходило в нашем сельском хозяйстве и какое отношение происходившее в нем имеет к новому этапу социалистического строительства?

Когда у тов. Бухарина идет речь о кризисе зернового производства, то совершенно очевидно, что здесь подразумевается резкое падение производительных сил всего сельского хозяйства и в особенности падение производства хлеба, сокращение посевных площадей и пр. Похоже, что мы тут встречаемся лишь с новой вариацией старой песни. В самом деле, нельзя не отметить родственной близости этого утверждения с опровергнутой партией и опрокинутой реальной действительностью теорией правых уклонистов о так называемой «деградации» сельского хозяйства Собственно, термин «деградация» лишь маскировал более смелое и рискованное положение о кризисе сельского хозяйства. По существу же, и под тем и под другим мыслится падение производительных сил в сельском хозяйстве. Тогда, на заре своей юности, теория «деградации» являлась одним из отправных моментов для борьбы правых уклонистов против политики партии в области индустриализации страны, против взятых партией ускоренных темпов индустриализации, против осуществлявшихся пропорций в развитии тяжелой и легкой индустрии, против политики форсированного наступления на кулака и темпов развертывания социалистической реконструкции сельского хозяйства и т. д. Теперь так же, как подобное превращение имело место в отношении оценки чрезвычайных мер, пресловутая «деградация», наряженная в костюм кризиса, играет уже роль положительного фактора, роль ворот социалистической реконструкции сельского хозяйства. Оценка стала диаметрально противоположной прежней, но констатация самого факта «деградации» осталась. Сейчас нет необходимости доказывать, что никакой «деградации» сельского хозяйства и тем более кризиса его, вопреки высказываниям в этом духе раньше троцкистов, а затем правых, у нас не происходило. В свое время партией было показано и доказано, что сельское хозяйство хотя и медленно, но развивалось. Это было зафиксировано и в резолюции ноябрьского пленума ЦК нашей партии о контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г., в которой сказано следующее: «Правые утверждали о «деградации» сельского хозяйства. На самом деле мы имели дальнейший рост бедняцко-середняцких хозяйств, общий рост посевных площадей, рост машиноснабжения и повышение материально-технического и агрономического уровня развития сельского хозяйства» (разрядка резолюции. *Б .Б.)*.

В действительности, на что и обращалось нашей партией внимание, были и останутся пока иного содержания трудности нашего развития, трудности, упирающиеся в чрезмерное отставание сельского хозяйства по сравнению с ростом промышленности. Сельское хозяйство, представленное мелким единоличным крестьянским хозяйством, не поспевало за бурным под'емом промышленности. Весьма ограниченные возможности индивидуального крестьянского хозяйства в отношении повышения производительности труда, увеличения товарности сельского хозяйства являлись известным тормозом для взятых ускоренных темпов индустриализации страны, для социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Потребности развивающейся индустрии диктовали необходимость преодоления чрезмерной отсталости в развитии сельского хозяйства. Мы уже не говорим о само собой разумеющемся резком несоответствии социальных форм промышленности и сельского хозяйства, ликвидация которого только и могла вплотную подвести нас к этапу развернутой социалистической реконструкции, включающей в себя, наконец, и сельское хозяйство.

Таким образом, не «деградация» и не кризис сельского хозяйства, а индустриализация страны в целом и вся политика партии в деревне оказались «воротами» нового этапа социалистического строительства.

Тов. Бухарин в критикуемом нами положении не идет дальше явлений, плывущих на поверхности. Как раз на поверхности в преддверии нового этапа оказались чрезвычайные меры, оказалось развитие сельского хозяйства. В лучшем случае частичным факторам здесь т. Бухарин придает значение главных, преобладающих. Какие причины оказались на самом деле решающими в выводе нашего сельского хозяйства на широкую дорогу социалистической реконструкции? Каковы были те реальные предпосылки, которыми определился бурный рост коллективизации деревни, коренной перелом ее в сторону социализма?

Понятно, что в основе этого перелома, лежит вся совокупность наших политических и экономических мероприятий в том числе и налоговая кредитная политика, контрактация, землеустройство и пр. Однако, если выделить из всей совокупности главные факторы, подготовившие этап ломки индивидуального крестьянского хозяйства и его социалистической переделки, то их можно было бы свести к следующим.

Во-первых, такой причиной является развернувшийся процесс индустриализации страны. Еще года два-три назад наша промышленность не в состоянии была подвести материально-техническую базу под социалистическое перевооружение сельского хозяйства. Лишь в самое последнее время наша промышленность оказалась в силах создать соответствующую материально-техническую базу (правда, далеко еще несовершенную) для перевода основной массы крестьянских хозяйств с рельс индивидуального на рельсы крупного коллективного хозяйства. Усиленный рост производства с.-х. машин, тракторов, комбайнов, заметное развитие промышленности, производящей удобрения и пр.,—таковы реальные показатели материально-технической базы, подводимой промышленностью под коллективизацию. Сюда же надо отнести рост влияния промышленности на сельское хозяйство и по линии индустриализации последнего и по линии пред'явления растущих требований к сельскому хозяйству, организующего воздействия на него через контрактацию и т. д.

Во-вторых, успехи осуществления политики партии в области форсированного наступления на кулака, все большее и большее ограничение его эксплоататорских тенденций сами по себе предопределили возможность ускорения постановки задачи замены кулацкого производства крупным коллективным. Эти успехи означали вместе с тем накопление опыта в борьбе против кулака у широких слоев бедноты и середняцкого крестьянства, все большее понимание ими гибельности капиталистического пути развития сельского хозяйства. Тем самым были созданы политические предпосылки, толкавшие основную массу деревни на разрыв с прежними индивидуальными формами ведения хозяйства, на переделку мелкого индивидуального хозяйства в крупное, коллективное. Ставший в условиях сплошной коллективизации целых районов, округов и областей возможным переход к политике ликвидации кулачества как класса, в свою очередь, явился толчком для дальнейшего развития колхозного движения.

В-третьих, неуклонное осуществление нашей партией ленинского кооперативного плана в виде огромного роста за предыдущие годы различных видов с.-х кооперации, успехи ее не могли, наконец, не сказаться на все большем осознании крестьянством преимуществ крупного обобществленного хозяйства перед мелким индивидуальным. В этом отношении немалую роль сыграл и опыт ранее существовавших наиболее передовых колхозов, а также совхозов.

В-четвертых, огромную роль сыграло выросшее организующее воздействие на деревню со стороны рабочего класса. За последнее время рабочий класс (в частности, через такую форму, как рабочие бригады) вплотную подошел к задаче реализации своей роли гегемона в отношении крестьянства по линии социалистической переделки сельского хозяйства. Сюда же надо отнести и успехи нашей

массовой политико-просветительной работы среди широких слоев трудящегося крестьянства, несомненно, сказавшейся на росте его симпатий к колхозному движению.

Таковы основные, данные нами далеко не с исчерпывающей характеристикой, причины невиданных до сих пор разительных успехов колхозного движения, знаменующих собою наступление новой полосы социалистического строительства.

Отсюда видно, насколько неправильна в целом вышеприведенная формулировка тов. Бухарина

Б. БАЕВСКИЙ.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тт. Монастыренко (Томск), Левенецкому (Харьков), Суренян (Москва), Сафронову (Ленинград).

Об основном вопросе проблемы войн.

(Письмо в редакцию).

В «Большевике», № 1 (1930 г.), напечатана рецензия тов. Дм. Бухарцева «Проблема войн и «диалектические» потуги проф. Свечина». В ней тов. Бухарцев в основном совершенно правильно критикует опасные взгляды проф. Свечина.

Но некоторые важнейшие вопросы будущей войны тов. Бухарцевым освещены недостаточно, а также есть в его статье и отдельные формулировки, которые вследствие их неполноты, могут привести к неправильным выводам.

Так, тов. Бухарцев утверждает, что серьезнейшие бациллы разложения... однако, не обязательно должны проявиться на первых же порах военной кампании». (Подчеркнуто мной. *Л. Л.*).

Без всякого сомнения, «бациллы разложения» начинают действовать с первого дня об'явления войны и мобилизации армии и продолжают расти в своем действии все в большем и большем размахе. В каком именно размахе, с какой силой и эффектом они будут действовать с самого начала войны, это вопрос, который должен специально быть исследован и учтен.

Надо принимать во внимание, что война в Европе, или вообще в мире, начнется при все растущем, самом глубоком кризисе империалистического капитализма, а также при все обостряющейся революционной борьбе пролетариата в тех главнейших капиталистических странах, которые, несомненно, будут втянуты в войну. Это обстоятельство (отмеченное и т. Бухарцевым), которое мы наблюдаем уже сейчас и значение которого усилится с первых же дней войны,—возрастание зависимости войны от тыла, от промышленности, ее мобилизации и т. д.,—должно быть учтено, как крупнейший фактор революционной борьбы против империалистических войн. Ведь тыл, промышленность — это есть в первую очередь пролетариат. И думать, что этот пролетариат, по крайней мере, в течение года не будет активно и даже весьма успешно содействовать прямо и косвенно разложению армии, — это значит оценить пролетариат периода 1930 года и последующих лет меркой 1914 года, что будет в корне неправильно.

Не чересчур ли преувеличивают силы полиции и социал-фашистов те, кто предполагает, что полиция и социал-фашисты могут в течение целого года или хотя бы и более короткого времени, удержать пролетариат 1930 года в таком «бараньем» подчинении, в такой «лойяльной» пассивности, как в 1914—16 гг.

Если опасен чрезмерный оптимизм в учете сил классового врага, то, с другой стороны, не менее опасно петь песенки, которые заранее парализуют уверенность и волю пролетариата и готовность его с самого начала войны делать все, чтобы разложить армии, лишить буржуазию возможности вести войну и превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Социал-фашисты, конечно, теперь еще нахальнее делают свое дело и будут гнать рабочих под всяческими лозунгами в окопы. Но тут есть два «но». Во-первых, теперь мы имеем коммунистические партии и могущественные массовые организации самых лучших революционных рабочих Европы; эти партии и организации

многое могут сделать, чтобы уже в первый год войны парализовать возможность для империалистов продолжать ее так, как они задумали, и чтобы превратить ее в революцию. Во-вторых, социал-фашисты, несомненно, утрачивают свое влияние над массами, а в вопросе о войне уже и сейчас потеря их влияния гораздо большая, чем это показывает их нынешнее общее положение.

Уроки империалистической войны еще свежи в памяти европейского пролетариата и когда социал-фашисты попытаются повести рабочих второй раз в ад войны, — тогда это, несомненно, вызовет крупнейшее движение масс.

Мне кажется, что этим вопросам надо было бы уделить гораздо больше внимания, потому, что, наряду с вопросом о будущей войне, еще важнее вопрос о том, как эта война превратится в гражданскую войну. Тут необходимо начать с изучения: движений, забастовок, демонстраций, отказов от военной службы и т. д., имевших место в 1914—17 годах; каков их эффект, каковы причины того, что та или иная форма борьбы против войны не могла распространяться и пр., и т. п. Например, в Америке это движение в 1916—17 году было весьма широкое и в некоторой степени даже сильное, но, так как не было революционной партии, чтобы руководить им, оно было скоро подавлено. Мне кажется, что надо изучать все условия, предпосылки, силы, которые с самого начала войны начинают превращать ее в гражданскую войну, надо изучить их в динамике, в своем развертывании.

Надо немедленно приступить к основательному изучению имевших место за период минувшей империалистической войны массовых движений против войны, их форм и методов борьбы, условий их успешного развития, причин их поражений и т. д.

С тов. приветом **ЛЕО ЛАУККИ.**

Прим. ред. Редакция отмечает, что тов. Лео Лаукки совершенно правильно подчеркивает задачу изучения и разработки «условий, предпосылок, сил, которые, с самого начала войны начинают превращать ее в гражданскую войну».

Эта работа, бесспорно, является одной из важнейших задач всей работы братских компартий, как до начала войны (подготовка к решению этой задачи), так и особенно, начиная с первых дней войны (развертывание борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую).

Книги, поступившие в редакцию на отзыв.

Госиздат РСФСР.

В. И. Ленин. — Новые статьи и письма. Стр. 112. Ц. 50 к.

Ленинский сборник. XII. Стр 477. Ц. 3 руб. 75 к

Лениниана.—Том V. Стр. 456. Ц. 5 руб.

Ем. Ярославский. — За последней чертой. Троцкистская оппозиция после XV с'езда. Сборник статей. Стр. 196. Ц. 55 коп.

Контрольные цифры народного хозяйства и соц.-культурн. строительства РСФСР на 1929—30 г. Стр. 874. Ц. 5 р. Переплет 55 к.

Новейшие изменения в экономике Соед. Штатов. Т. I, стр. 547. Ц. 5 р.

Г. Зиновьев. — Учение Маркса и Ленина о войне. Стр. 354. Ц. 2 р. 20 к.

Д. Рахман. — Введение в «Капитал». Вып. I. Стр. 160. Ц. 80 к.

М. Поташ. — Народнический социализм. Стр. 176. Ц. 50 к.

И. Никишин. — Динамика с.-х. производства и соц.-экономические процессы в деревне. Стр. 142. Ц. 1 р. 60 к.

Проф. П. И. Лященко. — Социальная экономика сельского хозяйства. Т. I. Стр. 400. Ц. 3 руб.

Ф. А. Цилько. — Пути развития сельского хозяйства в СССР в ближайшие 5 лет. Стр. 144. Ц. 65 коп.

И. Боговой. — На новом этапе. Селькоровское движение в период социалистической реконструкции. Стр. 128. Ц. 35 к.

Справочник члена Горсовета. Под ред. и с предислов. А. Енукидзе. Стр. 224. Ц. 60 коп., папка 15 коп.

Тихон Холодный. — Как мы строим социализм. Об'яснительный текст карты 5-летн. строительства нар. хоз-ва СССР. Под ред. с предисловием Е. И. Квиринга. Стр. 110.

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов (28—XII—1928 г.—4—I—1929 г.). Т. II. Стр. 624. Ц. 3. Переплет 50 коп.

М. Острогорский. — Демократия и политические партии. Т. II. Соед. Штаты Америки. Стр. 375. Ц. 3 руб. Переплет 25 к.

В. Гроссман. — Опытно-показательные округа. Стр. 54. Ц. 55 коп.

Е. Волков. — Массовая работа в деревне. Популярное об'яснение положения о комиссиях (секциях) сельских советов, район. и волостных исполкомов. Стр. 94. Ц. 55 коп.

Современные проблемы философии марксизма. Доклад А. М. Деборина, прения по докладу и заключительное слово. Стр. 198. Ц. 1 р. 30 к.

Миколенко, Я. — Устав сплошной коллективизации. Стр. 94. Ц. 12 к.

Бимба, А. — История американского рабочего движения. Стр. 284. Ц. 2 р. Переплет 50 коп.

ГОС. ФИНАНС. ИЗД-ВО СССР.

А. И. Вайнштейн. — Как исполняется советский бюджет. Стр. 81. Ц. 95 к.

Алексей Соколов. — За марксистский анализ налогов и тяжести обложения. Стр. 71. Ц. 75 к.

Б. В. Дитман. — Переложение налогов. Налоги как ценообразующий фактор. Стр. 171. Ц. 2 руб.

ИЗД-ВО КОМ. УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА.

Советский Восток. Сборник программ по истории экономики и партстроительству в национальных республиках и областях. Изд. 2-е. Стр. 112. Ц. 60 к.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54752. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Изд-во ЦК [illegible]

ПОДПИШИТЕСЬ

на журнал

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“

[illegible]

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ [illegible]

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ [illegible]

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на журнал

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

[illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» [illegible]

Подписная [illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ
К XVI С'ЕЗДУ ВКП(б)

Вышли из печати:

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ. Дискуссия в Комакадемии по докладу В. П. Милютина. Стр. 92. Ц. 40 к.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ. О новейшей эволюции троцкизма. Стенограмма доклада, читанного в Комакадемии 15 апреля 1930 г. Стр. 32. Ц. 15 к.

А. ЛОЗОВСКИЙ. Стачка как бой. Лекции, читанные в международной ленинской школе в январе—марте 1930 г. Стр. 140. Ц. 85 к.

Находятся в печати:

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АГРАРНИКОВ-МАРКСИСТОВ. Том. I. Ц. 2 р. 10 к.

КОЛХОЗЫ КУБАНИ. Материалы экспедиции Аграрного института Комакадемии. Очерк и таблица (20 печ. л.).

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛЕНИНИЗМА, ИСТОРИИ ВКП(б) и КОМИНТЕРНА. Стенограммы докладов **Ем. Ярославского, В. Адоратского, Д. Кина и Бела Куна,** прений по докладам с приложением тезисов и резолюций, принятых на всесоюзном совещании в обществе историков-марксистов 9—13/II 1930 г. (20 печ. лист.).

«МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС»,—сборник статей и обзоров Ин-та миров. хоз. и миров. политики, под ред. Е. Варги. (15 печ. листов).

«ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ».—Доклад П. Лапинского и дискуссия в Комакадемии. (10 печ. л.).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРАХ. Сборник под редакцией С. Диманштейна, И. Левина и В. Ноделя. (15 печ. л.).

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ»—доклады и дискуссия в Комакадемии (к 50-летию «Народной Воли»). (10 печ. л.).

«ПРОТИВ МЕХАНИСТИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ»—дискуссия в секции лит. и искусства Ком. Академии о «переверзевщине» и художественной политике в литературе и искусстве в реконструктивный период. (20 п. л.).

О. БЕСКИН. Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. (5 печ. л.).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва ГСП, 10, Волхонка, 14.
Почтовые заказы выполняет в 24 часа
Магазин научно-марксистской книги ИКА, Москва, 25, Моховая, 26.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

Ленинград 14, Пр. Володарского, 58, тел. 4-67-61. **Ленингр. пред-ство из-ва Комакадемии.**
УССР—отделения и магазины кооперативного из-ва «Пролетарий».
Сибирь—отделения и магазины Сибкрайиздата.
Д.-В. край—отделения и магазины А/о «Книжное дело».
Средневолжская область—отделения и магазины из-ва «Работник Просвещения».
БССР, ЗСФСР, Ср. Азия и РСФСР—за исключением Ленинградской, Средневолжской обл. и Сибкрая—отделения и магазины Госиздата РСФСР.

PUBLIC LIBRARY
518264 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 4
Тел 1-13-22, кремл.

№ 9 15 МАЯ 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая.—Индустриализация СССР к XVI с'езду ВКП(б). Ярославский, Ем.—Борьба против оппортунизма в период между XV и XVI с'ездами ВКП(б) (стр. 11). Микоян, А.—Коллективизация и заготовки (стр. 25). Верменичев, И.—О середняке и коллективизации (стр. 31). Мингулин, И.—Экономический кризис и революционный под'ем в Америке (стр. 39). Фрейер, Б.—Новый этап индийской революции (стр. 62). Рубинштейн, М—Нарастание мирового экономического кризиса (окончание) (стр. 68). ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ. Бутаев, К.—На новом этапе нэпа (окончание) (стр. 83). Винокуров, А.—Что же такое новый этап? (стр. [illegible]9). Манюрин, Е.—Новый этап и некоторые его проблемы (стр. 102). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Кловели, А.—Денни, Л. „Америка завоевывает Британию“ (стр. 113). Мехлис, Л.—Троцкизм под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории. (О книге т.т. Ташкарова и Эльвова) (стр. 121).

Индустриализация СССР к XVI с'езду ВКП(б).

Истекший со времени XV с'езда период является нагляднейшим и ярким свидетельством величайших успехов партии в области социалистического строительства и индустриализации страны, в области широкого развертывания крупной социалистической промышленности, являющейся,—как это неоднократно подчеркивал Ленин,—«единственной возможной экономической основой» социализма.

XV с'езд партии собрался в тот исторический год, когда крупная социалистическая промышленность, закончив «восстановительный» период, вступила на путь широкой реконструкции, когда был достигнут довоенный уровень производства, были оставлены позади «довоенные» мерки наших успехов, когда нужны были уже иные мерки, иные масштабы, иные измерители наших успехов в области хозяйственного и—в частности—промышленного строительства

XVI с'езд собирается в не менее глубокого исторического значения год. Крупная социалистическая промышленность за три последних года (1927/28—1929/30 г.г.) сделала новый гигантский скачок вперед, увеличив размеры своего производства больше чем в два раза и, тем самым, в два с лишним раза превысив размеры довенного производства. При чем, что особенно важно, два последних года показывают все возрастающую кривую темпов роста промышленного производства, обещая в следующем—1930/31 году—дать такой годовой прирост промышленной продукции, который будет лишь немногим отставать от размеров годового довоенного производства.

Успехи социалистического строительства, успехи пятилетки, о которой буржуазные экономисты в свое время говорили, что «если этот план будет выполнен в 50 лет, то и тогда это будет грандиозно»—

настолько очевидны, что не могут не вызвать вынужденных признаний капиталистического мира. Но все значение и весь смысл этих успехов становятся еще более яркими в сопоставлении с темпами развития капитализма.

В САСШ, стране передового капитализма, в которой условия капиталистического развития были наиболее благоприятны (отсутствие феодальных пережитков и т. д.), рост промышленной продукции в среднем колебался около 4,5% в год. А первые два года осуществления пятилетки в нашей стране дают среднегодовой рост продукции на 28%, при чем уже сейчас становится совершенно очевидным, что третий год пятилетки по темпам роста продукции окажется значительно выше первых двух. В сопоставлении этих цифр отражены величайшие преимущества советской системы хозяйства, позволяющие осуществлять невиданные в истории темпы развития промышленности, недоступные ни одной капиталистической стране.

Здесь — в стране строящегося социализма—нормальный рост промышленности — 25—30% в год, *там* — в стране капитализма — 4,5%; *здесь* — ускорение темпа хозяйственного развития, *там* — замедление его, абсолютное падение (Англия) или стабилизация (Германия); *здесь* — неизменно высокий и ускоряющийся темп, *там* — непродолжительные кон'юнктурные под'емы, прерывающиеся продолжительными депрессиями и разрушительными кризисами, отбрасывающими хозяйство назад.

Это сопоставление *двух* хозяйственных систем: советской системы хозяйства и системы капиталистической, особенно ярко подчеркивает *прогрессивность* советской системы и *реакционность* — системы капиталистической, в свете того кризиса, который переживает капитализм в целом и капиталистическая промышленность в частности и в особенности. В то время, как промышленность СССР за истекшее полугодие текущего года *увеличила* свою продукцию примерно *на 30%*, промышленная продукция САСШ за последние 8—9 месяцев *сократилась* на 18—20%, промышленная продукция Германии *сократилась* на 13%, Польши — на 19%, Канады — на 10—12% и т. д. Крутой кривой *под'ема* промышленности СССР «корреспондирует» не менее крутая кривая *падения* в странах капитализма.

Все это в свете перевыполнения проектировок пятилетнего плана по важнейшим показателям, твердой решимости пролетариата выполнить пятилетний план в 4 года,—говорит за то, что директива партии «в кратчайший срок догнать, а затем и перегнать капиталистические страны» может быть осуществлена действительно в кратчайший срок и даже в более короткий, чем можно было предполагать раньше.

И именно на базе этих величайших успехов социалистической промышленности был достигнут и обеспечен тот великий перелом в развитии сельского хозяйства Союза, означающий «всемирно-исторического значения перелом в развитии СССР». Налицо уже имеется та социалистическая промышленность, которая способна и в силах при-

ступить к разрешению труднейшей проблемы социалистической революции—социалистической организации земледелия. Промышленность, обслуживающая производственные нужды сельского хозяйства (с.-х. машиностроение), уже в текущем году больше чем в шесть раз превысит довоенные размеры производства, а в следующем—1930/31 году, доведет свое производство до размеров, примерно в *десять-двенадцать раз превышающих довоенные размеры производства в СССР и современные размеры производства в САСШ!*

Разрешая труднейшую задачу революции — социалистическое переустройство сельского хозяйства, этот рост крупной социалистической промышленности разрешает и задачу повышения обороноспособности Советского Союза — важнейшую задачу в деле обеспечения успешного завершения строительства социализма.

Пятилетний план из «пустой мечты», «утопии», «смелой фантазии» — как это пытались представить апологеты капитализма — уже превратился в реальный факт и в суровый приговор для изживающего себя капиталистического строя. Отсюда и обострение нашего международного положения, отсюда новая волна бешеной травли со стороны мировой империалистической прессы и ее социал-фашистских подголосков против СССР, отсюда учащающиеся попытки не только финансовой блокады, но и прямых организованных выступлений капиталистических клик против нас. Лихорадочными вооружениями, экономической блокадой, «обработкой мнения» готовится к крестовому походу на страну диктатуры пролетариата мировой капитал, делая попытку в этом найти выход из кризиса, охватившего крупнейшие капиталистические страны.

И именно в дальнейшем укреплении нашей промышленности и особенно ее отраслей, повышающих нашу обороноспособность, лучшая гарантия того, что страна пролетарской диктатуры успешно доведет до конца дело построения социализма.

Другим выражением, другой стороной укрепления нашей обороноспособности и успешного хода социалистического строительства явилось дальнейшее освобождение нашей страны от капиталистической зависимости и прежде всего по линии машин и оборудования самой промышленности. Отбросив в сторону вреднейший троцкистский лозунг о максимально широком развитии внешне-торговых связей *вообще*, и положив в основу своей работы четкую директиву XV с'езда о максимально широких таких связях (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. п.), которые увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют базу дальнейшего индустриального развития Союза, партия сумела на этом пути добиться крупнейших успехов. Доля импортного оборудования, составлявшая до войны не менее 50%, составила в 1927/28 г. уже только—33%, а в 1929/30 г.—22—23%. При этом необходимо подчеркнуть, что это ослабление нашей зависимости от капиталистического хозяйства происходило в условиях общего роста промышленности и огромного размаха капитального строительства, пред'явивших величайшие требования к советскому машиностроению. Ослабление нашей зависимости от капиталистического хозяйства по линии машин и оборудования как для самой промышленности, так и для других отраслей промышленности — прямой результат крупных успехов нашего собственного машиностроения, увеличившего свою продукцию за три последних года с 439 млн. руб. до 1.200 млн. рублей или почти в три раза и превысившего как общие темпы роста всей промышленности в целом, так и ее отраслей, производящих средства производства. Еще более значительны были темпы роста электротехнической промышленности, увеличившей свою продукцию за этот же период в 3,75 раза.

Однако, даже и эти темпы развития машиностроительной и электротехнической промышленности недостаточны. Резко обозначившаяся потребность в организации и переустройстве собственной машиностроительной базы,—решающего звена технической реконструкции страны,—требуют, чтобы следующий год пятилетки стал годом машиностроительным. Вот почему максимальное развертывание машиностроения — является важнейшей задачей промышленности на ближайшем этапе социалистического строительства.

Крупнейшую роль в деле освобождения нашего хозяйства от капиталистической зависимости сыграла постановка промышленностью ряда новых производств, удельный вес которых в общей массе промышленной продукции составит в текущем году около 17%. Сюда относятся: турбины, генераторы к мощным водяным и паровым турбинам, котлы повышенного давления, дизеля и компрессора большой мощности, мощные трансформаторы, высоко-вольтная аппаратура, оборудование нефтяной промышленности, врубовые машины, углемойки и сортировки, буровое оборудование и станки для геологических разведок, текстильное и химическое машиностроение, оборудование для промышленности строительных материалов и строймеханизации и т. д., и т. п.

Массовая постановка новых производств позволит сделать еще более значительный сдвиг в деле дальнейшего высвобождения промышленности и народного хозяйства от капиталистической зависимости.

Наконец, именно на базе этого роста крупной социалистической промышленности были достигнуты крупнейшие успехи в деле повышения материального и культурного уровня жизни рабочего класса. При вовлечении в промышленное производство, за период с XV с'езда, свыше полумиллиона новых рабочих и абсолютном снижении общего количества безработных, при систематическом росте производительности труда, проведении непрерывки и семичасового рабочего дня, при крупнейших вложениях в жилищное строительство и росте бюджета социального страхования, реальная заработная плата

рабочих достигла 139% довоенного ее уровня, а вместе с начислениями на зарплату — 167% довоенного ее уровня.

В этом процессе систематического увеличения числа рабочих, сокращения рабочего дня и повышения материального и культурного уровня жизни рабочего класса находят свое яркое выражение преимущества страны пролетарской диктатуры перед капиталистическими странами, где происходит колоссальное увеличение количества безработных, при одновременном удлинении рабочего дня и снижении заработной платы.

Где же причины и где источники этих неслыханно высоких темпов развития нашей социалистической промышленности? Прежде всего в величайшей активности широчайших масс рабочего класса. Преодолевая мелкобуржуазную анархичность отсталых слоев рабочего класса, преодолевая их рваческие и узко-цеховые интересы, являющиеся прямым выражением обострения классовой борьбы в стране, передовые слои рабочего класса вступили в борьбу за лозунг: «пятилетка—в четыре года», в социалистическое соревнование, открывшее новую эпоху в деле социалистического строительства. Вовлекая все новые и новые слои рабочих в социалистическое соревнование и ударничество, показывая чудеса трудового энтузиазма и героизма, развивая неслыханную активность, инициативу и изобретательство, рабочий класс СССР вступил в бой за социализм, одерживая на трудовом фронте одну победу за другой, приближая и ускоряя завершение пятилетки, приближая и ускоряя полную победу социализма. Проснулись те творческие силы, которые веками душил и прижимал капитализм, широко развернулись те организаторские таланты, которых непочатый край был среди этих миллионов и которых систематически глушил капитализм. И именно здесь, в первую очередь и прежде всего, надо искать корни и источники тех темпов социалистического строительства, которых мы уже достигли и которые имеют все основания быть еще более ускоренными.

Нет сомнений, велики и грандиозны наши успехи в области развертывания крупной социалистической промышленности. Но именно в свете этих успехов ярко оттеняются недостатки и неразрешенные задачи в работе нашей промышленности. И нашей задачей, не умаляя достигнутых промышленностью успехов, является самое беспощадное разоблачение недостатков в ее работе, ибо только преодолевая и исправляя эти недостатки, не допуская малейшего «головокружения от успехов», мы сумеем добиться еще больших итогов, добиться еще более высоких темпов развития крупной социалистической промышленности—основы основ социализма.

Говоря о недостатках и неразрешенных задачах в работе промышленности, необходимо прежде всего остановиться на качественных показателях ее работы: себестоимости промышленной продукции и стоимости строительного индекса, производительности труда. Систематическое отставание этих качественных показателей от плановых заданий не только снижает общие результаты работы промышленности, не только снижает возможные размеры внутрипромышленных накоплений и тем самым ограничивает возможные темпы роста промышленности, но и ставит под прямую угрозу выполнение годовых промфинпланов. Нашей важнейшей задачей является добиться здесь коренного перелома, именно и в первую очередь (не выпуская, однако, из поля зрения и необходимости выполнения количественных показателей), на разрешении этих проблем сосредоточив внимание всего рабочего класса, партийных, профессиональных и хозяйственных органов. Особое значение приобретает в настоящих условиях «положение с качеством промышленной продукции, которое находится на очень низком уровне, в отдельных случаях имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению». Между тем, ухудшение качества продукции является особо опасным для всего народного хозяйства, ведя к прямому расточительству сырья, материалов и рабочей силы, усилению дефицита товаров, ухудшение качества тормозит тем самым успешное выполнение задач повышения реальной заработной платы.

Проблема улучшения качества продукции и качества строительства имеет решающее значение для промышленности и всего народного хозяйства и от правильного ее разрешения зависит в значительной мере успешность выполнения всего плана социалистического строительства. Улучшение качества продукции — задача первостепенной важности. На ее разрешении должно быть сосредоточено особое внимание и здесь мы прежде всего должны добиться решительного и коренного перелома в существующем положении, ибо без этого в значительной мере фиктивными могут стать высокие показатели количественного увеличения выпуска продукции.

В прямой связи с общим улучшением качества всей работы промышленности, и на этой основе обеспечения еще более высоких хозяйственных показателей ее работы, стоит проблема максимального использования производственных резервов промышленности. Надо прямо сказать: несмотря на имеющиеся достижения в этом деле, достигнутые успехи все же невелики. Промышленность до сих пор обладает большими ресурсами неиспользованной производственной мощности. Переход к непрерывному производству был большим шагом вперед в использовании производственной мощности нашей промышленности. Но этим еще далеко не исчерпываются все наличные резервы, не говоря уже о том, что непрерывным производством охвачено пока лишь две трети промышленности. Большим дополнительным источником является здесь увеличение сменности, коэфициент которого в текущем году достиг всего лишь 1,6. Наконец, своевременно поставить на обсуждение вопрос о расширении практики непрерывного рабочего дня, что может явиться новым дополнительным источником в деле ускорения темпов нашего промышленного развития.

Ближайшие годы хозяйственного развития должны стать годами максимальной мобилизации и использования всех невыявленных резервов производственной мощности нашей промышленности, правильное и полное использование которых является важнейшим условием ускорения темпов социалистической индустриализации.

Однако, повелительная необходимость мобилизации всех неиспользованных резервов производственной мощности оборудования нашей промышленности не только не снимает, но, наоборот, со всей остротой ставит проблему форсированного развертывания собственного машиностроения. Ибо, как это подчеркивается в тезисах тов. Куйбышева,—«лишь при условии и на базе форсированного развития машиностроения, в особенности станкостроения, электротехнического машиностроения, котло- и трубостроения, дизелестроения, тяжелого машиностроения и т. д.», возможно разрешение стоящих перед нами задач в деле радикальной материально-технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства.

Именно ограниченность нашей машиностроительной базы является наиболее трудно преодолимым лимитом в развертывающемся процессе материально-технической реконструкции как самой промышленности, так и всех остальных частей народного хозяйства, и именно здесь наиболее болезненно ощутима наша зависимость от капиталистического мира. Вот почему проблема постановки собственного машиностроения выдвигается как важнейшее звено цепи. Вот почему в тезисах тов. Куйбышева предлагается следующая формулировка в отношении машиностроения: «XVI с'езд считает необходимым, чтобы план машиностроения был пересмотрен под углом зрения высвобождения промышленности и народного хозяйства от иностранной зависимости и обеспечения основных потребностей народного хозяйства продукцией машиностроения».

Наряду с постановкой общего машиностроения особо важное значение приобретают отрасли промышленности, обслуживающие производственные нужды коллективизирующегося сельского хозяйства. Великое движение бедняцко-середняцких масс крестьянства к коллективным формам труда должно быть подкреплено и закреплено реконструкцией материально-технических основ сельскохозяйственного производства. А это требовало и требует максимально возможных темпов в развитии таких отраслей промышленности, как с.-х. машиностроение, автотракторная промышленность, промышленность химических удобрений и т. д.

Развитие машиностроения во всех видах—вот задача задач, которая должна быть разрешена нами на протяжении ближайших лет. И соответственно этому необходимые темпы развития должны быть обеспечены за всеми теми отраслями промышленности (черная и цветная металлургия, энергетика, стройматериалы), которые являются базой и условием ее развития.

По-новому начинает ставиться и проблема легкой индустрии. Превышающий проектировки пятилетки рост количества рабочих, вовлекаемых в промышленное производство, транспорт, коммунальное хозяйство и т. д., превышающий проектировки пятилетнего плана рост с.-х. пролетариата (совхозы, МТС и т. д.), наконец, рост колхозов, далеко превысивший проектировки пятилетнего плана,—все это источники новых, добавочных требований к легкой индустрии. Между тем, именно по некоторым отраслям легкой индустрии (хлопчатобумажная промышленность и др.) мы развиваемся темпами, отстающими от роста платежеспособного спроса населения. Нашей задачей должно быть подтянуть легкую индустрию, обеспечить более высокие, чем это было до сих пор, темпы ее развития.

Однако, если в тяжелой индустрии лимитом развития является — оборудование, наличная производственная мощность предприятий, то в большинстве отраслей легкой индустрии лимитом развития является ограниченность их сырьевой базы. Проблема легкой индустрии это в значительной степени проблема ее сырьевой базы. Вот почему именно на развитии с.-х. сырьевой базы заостряют внимание тезисы тов. Куйбышева:

«Рост потребностей широких рабочих и крестьянских масс и задача систематического повышения материального и культурного уровня их жизни, с одной стороны, ограниченность с.-х. сырьевой базы, ограничивающей возможности развития отраслей легкой индустрии,— с другой, требуют, чтобы на протяжении остающихся трех лет было обеспечено в основном освобождение промышленности по переработке с.-х. сырья от зависимости в отношении иностранного рынка и доведение сырьевой базы промышленности СССР до уровня, обеспечивающего полное выполнение пятилетнего плана и максимальную загрузку существующего оборудования соответствующих отраслей легкой индустрии».

Ни в коей мере нельзя преуменьшать значение разрешения этой задачи, ибо сюда в значительной мере упирается разрешение важнейшего вопроса о повышении реальной заработной платы.

Необходимым условием и предпосылкой выполнения всех этих задач, стоящих перед промышленностью, является проблема кадров, подготовки квалифицированной рабочей силы и инженерно-технического персонала. Положение с кадрами нашей промышленности требует «решительного и резкого расширения и качественного улучшения практической работы в области подготовки и повышения квалификации кадров промышленности», полного использования всех существующих форм и методов их подготовки, включая и краткосрочные формы (ЦИТ, бригадное ученичество, курсы по квалификации и переквалификации и т. д.). Одновременно с этим должна быть расширена практика посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение в СССР иностранных специалистов и техников, усилен обмен опытом внутри страны и использование передовой иностранной техники.

Нет сомнений, велики наши успехи в области промышленного строительства. Но мы ни на одну минуту не должны забывать, что эти успехи были достигнуты в непримиримой борьбе с правыми оппортунистами, требовавшими свертывания темпов индустриализации и особенно отраслей тяжелой индустрии, требовавшими отказа партии

от активной политики и тянувшими партию на позиции «самотека», пассивного приспособления к узким местам и капитулянтства перед трудностями.

Исключительно высокие темпы нашего развития с исключительной быстротой отчетливо показали полное банкротство правооппортунистической линии. Совсем еще недавно правые оппортунисты выступали за свертывание темпов индустриализации. Они пугали партию «непреодолимым» товарным голодом, нехваткой строительных материалов, прочими узкими местами, вызывали устрашающий призрак инфляции. Не веря в возможность осуществления пятилетки, они постарались противопоставить ей куцую «двухлетку». Правые оппортунисты с особенной энергией атаковали линию партии в вопросе об усиленном развитии тяжелой промышленности, являющейся основой социалистической перестройки всего хозяйства советской страны. Линия правых уклонистов была и есть отражением давления капиталистических элементов и влияния мелкобуржуазной стихии на отдельные прослойки рабочего класса и неустойчивые элементы его партии в условиях резкого обострения классовой борьбы. Линия правого уклона—это линия капитуляции перед капиталистическими элементами, капитуляции перед трудностями строительства социализма.

Партия в беспощадной борьбе с правым уклоном твердо и уверенно проводила линию развернутого социалистического наступления, мобилизуя миллионные массы пролетариев и бедняцко-середняцкого крестьянства на дело индустриализации, на дело социалистической перестройки деревни.

Партия сумела добиться огромных успехов в деле строительства социализма, в деле ускорения темпов индустриализации. В свете этой исторической проверки со всей отчетливостью выступает мощная сила подлинно ленинской линии партии. Троцкизм в свое время противопоставлял линии партии свою линию авантюристической сверхиндустриализации, строя ее на основе политики размычки, на базе теории «эксплоатации крестьянства»—«колонии» для государственной промышленности.

Только вдребезги разгромив троцкизм, выродившийся в пошлое, контрреволюционное течение, только твердо проводя подлинно ленинскую линию прочного союза пролетариата и деревенской бедноты с середняцкими массами крестьянства, неуклонно укрепляя руководящую роль рабочего класса в этом союзе,—партия сумела добиться того решительного ускорения нашего движения вперед, которое предсказывал Ленин еще при переходе к нэпу.

Социалистическая индустриализация СССР не механический организационно-технический процесс. Она является «участком» ожесточенной классовой борьбы.

Индустриализация СССР—основа основ нашего строительства, обеспечивающая и закрепляющая успехи в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, в деле выкорчевывания корней капитализма, в деле ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Мы проводим индустриализацию в условиях ожесточенного сопротивления капиталистических элементов, бешеной травли Советского Союза со стороны мирового империализма и его социал-фашистской агентуры. Классовый враг в остервенелой борьбе против социалистического строительства пытается непосредственно сорвать дело индустриализации. Разветвленная и всесторонне организованная система вредительства, раз'едавшая организм нашей промышленности, не останавливающаяся ни перед чем в попытках парализовать промышленность и транспорт, взорвать наше строительство,—является достаточно ярким участком бешеной классовой борьбы. Наша партия сумела разгромить вредителей, сумела мобилизовать миллионные пролетарские массы и зажечь в них подлинный энтузиазм социалистического строительства. Опираясь на эту могучую силу партии удалось, в основном, разбить вредительский фронт классовой борьбы и поднять до небывалой высоты темпы индустриализации. Но классовая борьба на фронте индустриализации не исчерпывается одним вредительством. Давление враждебных классов, мелкобуржуазные колебания неизбежно находят известное отражение в отдельных прослойках рабочего класса.

Важнейшей задачей партии и—в первую голову,—профсоюзов, которые должны по-настоящему повернуться лицом к производству, является упорное и настойчивое преодоление отсталых настроений в отдельных прослойках рабочего класса, отпор хвостистским тенденциям, сплочение всех рабочих вокруг конкретных задач борьбы за индустриализацию, за коллективизацию, за построение фундамента социалистического общества.

Партия одержала ряд крупнейших побед в деле индустриализации СССР и социалистической переделки сельского хозяйства.

Только в упорной борьбе партии против правых оппортунистов—главной опасности — при одновременной борьбе с рецидивами троцкизма, были достигнуты эти успехи.

И только в дальнейшей упорной, беспощадной и энергичной борьбе с правым оппортунизмом, остающимся главной опасностью в рядах партии, при одновременной борьбе со всякого рода «лево»-оппортунистическими ошибками, в том числе и «сверхиндустриалистского» типа, может быть и будет обеспечено разрешение всех стоящих перед нами задач в области промышленного строительства. Лучшей порукой в этом является все расширяющаяся волна социалистического соревнования и ударничества, все большее вовлечение новых и новых сотен тысяч и миллионов трудящихся в это великое дело, открывшее новую эпоху в истории борьбы за социализм.

Ем. Ярославский.

Борьба против оппортунизма в период между XV и XVI с'ездами ВКП(б).

(О новых формах проявления оппортунизма в теории и на практике).

Перед XVI с'ездом нелишне напомнить основные факты борьбы с различными извращениями партийной линии, борьбы с оппортунизмом.

Длившаяся в течение нескольких лет борьба против троцкистов закончилась на XV с'езде исключением из рядов партии всей троцкистской оппозиции, которая пыталась между XIV и XV с'ездами создать об'единенный блок всех оппортунистических фракционных групп и группировок, начиная от рабочей оппозиции, кончая группой децистов-сапроновцев. За этот период к основному ядру троцкистов присоединилась и образовавшаяся накануне XIV с'езда так называемая «ленинградская» или «новая оппозиция». История нашей партии знает такие блоки различных группировок, направленные против линии партии, блоки ультра-«левых» с ультра-правыми ликвидаторами, как это было накануне империалистической войны.

Об'единенный блок был сколочен прежде всего на борьбе с партийным руководством; эта борьба в сравнительно короткий срок переросла в открытую борьбу против пролетарской диктатуры в нашей стране. Блок фракционных групп об'единяло отрицание социалистического характера нашей революции. Ленинским положениям о возможности победы социализма в нашей стране троцкистский блок противопоставлял меньшевистские идейки о неизбежном крушении под давлением трудностей и противоречий в условиях отсталой страны.

Троцкизм обвинял партию в «минимализме» и противопоставлял курсу партии на индустриализацию страны на основе укрепления союза с середняком, — темпы, достижимые лишь ценой разрыва с середняком. Троцкизм обвинял партию в поддержке кулачества. Эти факты не лишне напомнить теперь, когда троцкисты качнулись ныне к обвинению в «призовой скачке индустриализации», якобы проводимой ныне партией, к обвинению в коллективизации административным нажимом (в чем они слово в слово сходятся с германской социал-демократией), к борьбе с лозунгом ликвидации кулачества, т.-е. по существу, к защите кулака. Такой тип качания «слева» направо не раз случался за последние годы. Взять хотя бы вопрос о рационализации. Троцкий начал с предложения провести «жесткую концентрацию» предприятий с закрытием таких заводов, как Путиловский, Брянский и т. п., требуя более сурового нажима на рабочих, а вскоре после этого в ходе борьбы с партией договорился до полного отрицания рационализации. Или совмещение в троцкистском блоке идей эксплоатации крестьянства с предложением «восстановительных цен» на хлеб. «Левая», «пролетарская» оппозиция выступала, как известно, против 7-часового рабочего дня. «Левая» оппозиция, ратовавшая якобы за борьбу с капитализмом, предлагала выкачать средства пролетарского государства из кооперации и торговли. Правая и «левая» смыкаются тут в целом ряде пунктов. Оппозиция выдвинула тогда обвинение партии в «термидорианском» перерождении, не замечая того, что фактически переродились сами сторонники оппозиции, скатившиеся полностью к меньшевистским установкам.

Говоря о термидорианском перерождении, троцкисты механически переносили «закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь, таким образом, в хвосте буржуазных идеологов» [1]. Уже тогда обнаружились некоторые черты сходства, сродства между правыми и «левыми» оппортунистами по отношению к целому ряду вопросов. И те и другие механически переносят законы капиталистического хозяйства, законы развития капиталистических стран, законы рыночных отношений в обстановку советской действительности, в обстановку пролетарской диктатуры, коренным образом меняющей экономические производственные отношения, а стало быть, и взаимоотношения классов.

Для всякого ясно, что со времени XIV партконференции и XV партс'езда произошли очень глубокие изменения в социальных взаимоотношениях города и деревни и в области хозяйства.

В резолюции XV с'езда мы читаем:

> «1) Вырос социалистический сектор народного хозяйства, а вместе с ним и удельный вес рабочего класса; 2) ...частный капитал оказался выбитым из ряда важнейших позиций; 3) ...в деревне совершенно ясно обозначились и основные противоречия и рычаги социалистического развития, т.-е., с одной стороны, некоторый рост кулачества, с другой стороны, усиление середняцкой группы и рост организованности деревенской бедноты, быстрое развитие кооперации, которое в условиях пролетарской диктатуры равносильно, по Ленину, «росту социализма» и усиление планово-регулирующей роли госорганов по отношению к крестьянскому хозяйству.
>
> Со времени XIV партконференции и XIV партс'езда и в связи с соответствующей политикой партии произошел ряд крупных изменений по другой линии: 1) возросла площадь посевов и резко уменьшилось количество необработанных земель, что стоит в связи с общим под'емом хозяйства основной массы крестьянства; 2) в политической области усилился отход середняка от кулачества, укрепился союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства и обнаружился решительный перелом в сторону изоляции кулака».

Поэтому XV с'езд постановил, что

> «необходимо продолжать проводимую партией ленинскую политику союза с середняком. Достигнутые успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяют партии пролетариата, пользуясь всей мощью хозяйственных органов и попрежнему опираясь на бедняцко-середняцкие массы крестьянства, развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».

С троцкистской оппозицией как с внутрипартийной группой с'езд покончил, ибо для всех стало ясно, что речь идет уже не об оппозиции внутри партии, а о другой партии, члены которой, оставаясь в рядах ВКП(б), пытались взорвать эту партию изнутри.

С'езд это сказал со всей ясностью в резолюции об оппозиции: «От разногласий тактического характера, оппозиция перешла к разногласиям программного характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевизма», — читаем мы в этой резолюции.

> «Отрицание возможности победоносного строительства социализма в СССР и, следовательно, отрицание социалистического характера нашей революции; отрицание социалистического характера государственной промышленности; отрицание социалистических путей развития в деревне в условиях пролетарской диктатуры и политики союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства; наконец, фактическое отрицание пролетарской диктатуры в СССР («термидор») и связанное с этим капитулянтство и пораженчество,—вся эта идейная установка превратила троцкисткую оппозицию в орудие мелкобуржуазной демократии внутри СССР и во вспомогательный отряд международной социал-демократии за его пределами.
>
> В области тактической оппозиция, усиливая и обостряя свою работу против партии, перешла за грань не только устава партии, но и за грань советской легальности (нелегальные собрания, нелегальные типографии, нелегальные органы печати, насильственный захват помещений и т. д.). Завершением этой антисоветской тактики явился переход к открытой борьбе против режима пролетарской диктатуры, к устройству уличных демонстраций против партии и советского правительства 7 ноября 1927 г. Антисоветская тактика оппозиции, применяемая и за границей, связанная с пропагандой клеветнических наветов против СССР, фактически поставила оппозицию в один ряд с открытыми врагами страны диктатуры пролетариата.
>
> В области организационных вопросов оппозиция, опираясь на ревизию ленинских взглядов, от фракционности перешла к созданию своей собственной, троцкистской партии, наличие у оппозиции своего центрального комитета, областных, губернских, городских и районных центров, технического аппарата, членских взносов, печатных органов и т. д. и т. д. За границей троцкистская партия связалась не только с фракционными группками антиленинского толка, имеющимися внутри партий Коминтерна, но и с организациями, группами и отдельными лицами, никогда к Коммунистическому Интернационалу не принадлежавшими, равно как и с исключенными из Коминтерна врагами и изменниками коммунистического движения (Маслов, Рут Фишер, Корш, Суварин, Росмер, Роланд Гольст, Либерс и т. д. и т. п.). Такая организационная практика оппозиции привела к тому, что внутри СССР оппозиция связалась с беспартийными буржуазными интеллигентами (Щербаков и К°), в свою очередь связанными с открытыми контрреволюционерами, а за пределами СССР стала предметом широчайшей поддержки со стороны буржуазии всех стран».

С тех пор партия имеет дело с троцкистами уже как с подпольной контрреволюционной группой, действующей вне партии, хотя отдельные ее члены продолжают еще и сегодня скрываться в недрах партии, используя всякие поводы и моменты для нападок на линию партии и действия советской власти, для разложения партийных рядов, для «пролезания в щель разногласий», возникающих в рядах партии, иногда для провокационных вылазок по отношению к партии. Троцкий же своими выступлениями в буржуазной печати, своими «разоблачениями» играет роль, мало отличную от роли Беседовского и других ренегатов и изменников рабочего класса. Поэтому с теми, кто продолжает оставаться на позициях троцкизма в настоящее время, партия не может разговаривать, как с оппозиционерами, — она рассматривает их как контрреволюционеров. Значительная часть примкнувших к оппозиционному блоку между XIV и XV с'ездами отошла от оппозиции, часть их восстановлена в партии. Документы, опубликованные в печати, — письмо тт. Зиновьева и Каменева в редакцию ЦО, заявление тов. Пятакова от 28 II-28 г., Д. Серебрякова, Я. Дробниса, группы «38» (Ищенко, Поля, Феликса Вольфа и др.), заявление тт. Преображенского, Радека и Смилги о разрыве с оппозицией от 10 июля 1929 г., заявление тт. И. Н. Смирнова и И. М. Богуславского от 27 октября 1929 г. и более 500 индивидуальных заявлений свидетельствуют не только о полном распаде бывшего оппозиционного блока, но и о полном идейном развале среди бывших оппозиционных групп.

Партия вела решительную борьбу с другими группами, образовавшимися внутри партии до XV с'езда. Она изгнала из своих рядов группу децистов («демократического централизма»), скатившихся полностью к контрреволюционным установкам, пытавшихся вызвать стачечное движение, сорвать колдоговорную кампанию, выступавших с самыми демагогическими заявлениями по отношению к партии и органам совласти, открыто заявлявшим о том, что они не считают СССР страной пролетарской диктатуры. Точно так же партия изгнала из своих рядов пытавшуюся было возродиться группу мясниковцев, издавших несколько номеров подпольного журнала «Рабочий путь к власти», в котором меньшевистские идеи переплетаются с анархо-синдикалистскими, в самом контрреволюционном по отношению к советскому государству виде.

---

[1] Резолюция XV с'езда «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства».

Конечно, партия не гарантирована от возникновения у отдельных партийцев и даже отдельных групп партийцев настроений, сходных по своей сущности с позицией троцкистов, децистов, мясниковцев и т. п. На трудных этапах нашей борьбы, покуда мы окружены капиталистическими странами, и пока в нашей стране еще есть мелкобуржуазные элементы, колеблющиеся, недовольные режимом пролетарской диктатуры, могут еще возникать группы и группочки, скатывающиеся к тем или иным контрреволюционным программам.

* * *

Партия вела и будет вести самую решительную борьбу против малейших проявлений троцкистских и полутроцкистских настроений у отдельных партийцев. Направляя главный огонь направо, партия не упускает из виду опасность «левых» настроений. Поэтому партия решительно осудила отдельные выступления членов партии, делавших «левые» ошибки и «левые» загибы. В этом смысле партия в свое время дала отпор выступлениям товарищей Шацкина, Стэна, Кострова и др.

Тов. Шацкин вынужден был признать, что его статья «Долой партийного обывателя» была серьезной политической ошибкой («написанная с целью раз'яснения правильной партийной точки зрения в ряде партийных вопросов, эта статья в обстановке острой борьбы троцкистов и правых против партийного режима на деле прозвучала, как выражение недоверия к партийному руководству и партийным кадрам» [1]). Тов. Шацкин вынужден был также признать политическую ошибку его выступления в комиссии XVI партконференции с предложением о создании новых широких организаций деревенской бедноты. Статья тов. Шацкина «Долой партийного обывателя», будучи напечатанной почти одновременно со статьей тов. Стэна «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма» и тов. Кострова о темпах перестройки, как он сам признает, «создавала известную обособленность, ведущую против моей воли и желания к проявлению элементов групповщины»...

Тов. Стэн также признал, что его статья «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма» в «Комсомольской Правде» приобрела «характер ошибочного политического тезиса, об'ективно политически получился призыв к недоверию партийному руководству, призыв комсомольцев самостоятельно проверить правильность генеральной линии партии» («Правда», № 254, 2 ноября 1929 г.). Аналогичные заявления в печати в свое время сделали и тт. Ксенофонтов и Костров.

* * *

Решения XV с'езда, XVI партконференции и последующих пленумов, принятие пятилетнего плана социалистического строительства, открывают собою новый период в жизни нашей партии, в жизни советского государства. Первые же трудности, которые пережила страна, вызвали серьезные колебания в отдельных прослойках партийцев, даже у отдельных членов ЦК. Первые же трудности 1928/29 г. вызвали панические крики о непомерных темпах принятого пятилетнего плана, о необходимости медленней двигаться в области социалистического строительства.

Мы уже указали на те изменения в развитии хозяйства и в соотношении классовых сил, происшедшие ко времени XV с'езда партии со времени XIV конференции и XIV с'езда, которые дали возможность партии поставить ряд новых задач, свидетельствовавших о нашем переходе на новую, более высокую ступень социалистического строительства. Развернутое наступление социализма и в городе и, особенно, в деревне стало развиваться ускоренными темпами. Усиливался натиск на капиталистические элементы. Трудности в области хлебозаготовок резко поставили вопрос о преодолении сопротивления кулачества и разгроме всех его попыток сорвать хлебозаготовки и опрокинуть наступление социализма. Сопротивление кулачества, обострившаяся борьба с его стороны вызвали через ряд посредствующих звеньев колебания в некоторых звеньях партии. Правый уклон после XV с'езда об'ективно отразил это давление кулака. Программа правого уклона явилась ни чем иным, как капитуляцией перед кулачеством. Кулачество, — это теперь главный, основной отряд капитализма в нашей стране.

> «Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению коллективизации. Ликвидация кулачества как класса потребует длительной, упорной борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации» [1].

В партии резко обозначалось правооппортунистическое крыло. Как это произошло?

Надо отметить прежде всего, что правые оппортунисты выступали, по сути, в роли попутчиков партии в период, когда партия вела борьбу с троцкизмом, как внутрипартийным течением.

После разгрома троцкизма правые открыто выступили против генеральной линии партии, обнаружив свою подлинную правооппортунистическую сущность.

В истории нашей партии и раньше бывали такие случаи, когда в партии в тот или иной период заострения ею борьбы против правого оппортунизма или оппортунизма «левого»,—к основному марксистско-ленинскому ядру партии примыкали попутчики, понимавшие по-своему цели партийной борьбы.

На весь предстоящий период правый уклон, отражающий и выражающий это обостряющееся сопротивление кулачества, остается главной опасностью в партии. Без его преодоления нельзя успешно мобилизовать партию на твердое и четкое осуществление всей политики партии, в частности, дальнейшего развития коллективизации и лозунга ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Имея в виду обстановку, сложившуюся после XV с'езда, и ряд выступлений правых оппортунистов против линии партии, ноябрьский пленум ЦК (1928 г.) отмечал:

> «1) Всплывает правый (откровенно оппортунистический) уклон, который находит свое выражение в стремлении снизить темп и задержать дальнейшее строительство крупной индустрии, в пренебрежительном или отрицательном отношении к колхозам и совхозам, в недооценке и затушевывании классовой борьбы, в частности, борьбы с кулаком, в бюрократическом невнимании к нуждам массы, в недооценке борьбы с бюрократизмом, в недооценке военной опасности и т. д., 2). В то же время оживают социал-демократические, антисередняцкие, сверхиндустриалистские тенденции (троцкизм), скрывающие под левой фразеологией полуменьшевистское правое содержание и ведущее на деле к тем же гибельным результатам, как и открыто-правый уклон.
>
> Отсюда задача борьбы на два фронта как против правого, откровенно-оппортунистического уклона, так и против социал-демократического, троцкистского «левого», т. е. по существу тоже правого, но прикрывающегося левой фразой уклона от ленинской линии. Само собой понятно, что преодоление этих уклонов предполагает систематическую борьбу с обывательски-беспринципной терпимостью по отношению к ним (примиренчество)!

Однако, констатируя, что в партии имеются два уклона, пленум считал, что «в настоящее время главной опасностью в ВКП является опасность правого откровенно-оппортунистического уклона».

---

[1] «Правда» № 262 от 12/XI-29 г. Заявление т. Л. Шацкина

---

[1] Тезисы по докл. т. Яковлева к XVI с'езду ВКП(б).

Оппортунистические шатания обнаружились совершенно ясно уже осенью 1928 г. в московской организации в связи с продовольственными и другими хозяйственными трудностями. Уже тогда ЦК отмечал, что «эти колебания находят свое выражение в недооценке роли колхозов и совхозов и в стремлении к пересмотру решений XV с'езда об усилении наступления на капиталистические элементы деревни». В своем обращении ко всем членам московской организации ВКП(б) (18/X-28 г.) ЦК указывает, что

> «на теперешнем этапе социалистического строительства, ведущего в конечном счете к уничтожению классов, происходит обострение классовой борьбы, с особенной резкостью проявляющейся в деревне. Партия в своей политике исходит и не может не исходить из учета обострения классовой борьбы в стране, в частности, нашедшей свое выражение в серьезной вылазке кулацких элементов против хозяйственного плана пролетарского государства во время прошлогодних хлебозаготовок. Между тем, неизбежное давление мелкобуржуазной стихии, представляющей несмотря на рост обобществленного сектора, все еще огромную силу в нашей стране, нашло свое отражение в потере отдельными звеньями партийных организаций ясной классовой установки Еще в своем письме от 13 февраля ЦК вынужден был отметить, что
>
> «в наших организациях как партийных, так и иных народились в последнее время известные, чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди «всех слоев» деревни».
>
> «В условиях обострения классовой борьбы эта недооценка роли классов в нашей стране является особенно опасной, ибо она обезоруживает партию и усыпляет бдительность рабочего класса.
>
> «Эта недооценка моментов классовой борьбы представляет из себя открыто оппортунистический уклон, лазейку для буржуазно-демократических тенденций.
>
> «Другой уклон, порождаемый неверием в дело строительства социализма и капитулянтством перед трудностями,—это недооценка значения союза рабочего класса с средним крестьянством (троцкизм).
>
> «Против обоих уклонов партия вела и ведет решительную борьбу».

Как в своем февральском письме о хлебозаготовках, так и на своих апрельском и июльском пленумах ЦК подчеркивает необходимость решительной борьбы на два фронта против обоих уклонов:

> «Партия в своей политике должна исходить из решительной борьбы как с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решение XV с'езда, «развивать дальше наступление на кулачество», так и с теми элементами, которые стремятся придать чрезвычайным и временным мерам характер постоянного или длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства (см резолюц июльского пленума ЦК ВКП(б)).
>
> «Ибо только на основе укрепления союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса можно завершить победоносное социалистическое строительство.
>
> «Поэтому так же решительно, как боролась партия против троцкизма и будет бороться против его осколков, она должна и будет бороться против открыто-оппортунистического правого уклона, а значит и против примиренческого к нему отношения».

Весною 1928 года оппортунистические взгляды правых оформились в известном письме тов. Фрумкина. Если бы это письмо было только выражением индивидуального мнения тов. Фрумкина, дело, конечно, не приняло бы такого характера внутрипартийной борьбы. Но в том-то и дело, что тов. Фрумкин формулировал только в более или менее откровенной форме то, что бродило в головах многих правых оппортунистов, что высказывалось в тесном кругу отдельными партийцами. В годовщину смерти Ленина, в 1929 г., тов. Бухарин, говоря о завещании Ленина, дал целый ряд неверных, не-ленинских формулировок и в отношении кооперативного плана Ленина, и в отношении различных слоев крестьянства, и в отношении текущих ближайших задач партии, и по вопросу об обострении классовой борьбы. Целый ряд других выступлений правых заставляли партию насторожиться. Вопрос о правых

ставится еще более резко в центре внимания борьбы с оппортунистами, тем более, что, как это бывало и раньше, в периоды возникновения оппортунистических фракционных группировок, намечаются некоторые попытки правых сблокироваться с другими оппозиционными элементами против генеральной линии партии. В ЦК поступает документ, подписанный тремя членами ЦК тт. Бухариным, Рыковым и Томским с рядом обвинений против руководства. Против этих обвинений решительно выступило подавляющее большинство партии и был дан решительный отпор правым, после которого тт. Томский, Бухарин и Рыков вынуждены были 25 ноября 1929 г. опубликовать заявление в ЦК ВКП(б), в котором признают свои ошибки. В этом заявлении мы читаем:

> «В течение последних 1½ лет между нами и большинством ЦК ВКП(б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов. Свои взгляды мы излагали в ряде документов и выступлений на пленумах и других заседаниях ЦК и ЦКК ВКП(б). Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК. Наши взгляды, изложенные в известных документах, оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и прежде всего против правого уклона и примиренчества с тем, чтобы преодолеть любые трудности и обеспечить полную и скорейшую победу социалистического строительства».

Это заявление было сделано после ноябрьского пленума ЦК, на котором подводился итог полуторагодичной борьбы с правыми. Пленум прямо указал на то, что под давлением мелкобуржуазной стихии и под давлением трудностей первых годов социалистической реконструкции у наименее устойчивых элементов партии зарождается идеология «капитулянтства» перед трудностями, дезертирство, попытки соглашения с кулацко-капиталистическими элементами города и деревни. В особенности пленум остановился на непонимании правыми неизбежности обострения классовой борьбы на новом этапе. Правые исходили из того, что обострение классовой борьбы получается благодаря плохой работе советов, правые проповедывали оппортунистическую теорию непрерывных уступок крестьянству со стороны пролетарского государства. Ноябрьский пленум 1929 г. напоминает слова Ленина о том, что

> «мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтание о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить, примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваютя от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил» [1]).

Пленум характеризовал позицию правых уклонистов, как выражение «давления мелкобуржуазной стихии, паники перед обострившейся классовой борьбой, капитулянтства перед трудностями социалистического строительства».

Теперь, накануне XVI с'езда не трудно оценить разговоры правых «о деградации сельского хозяйства», о «системе феодальной эксплоатации крестьянства», о «размычке» с бедняцко-середняцкими массами крестьянства», о неизбежном голоде и ввозе хлеба, о непосильности взятых темпов индустриализации страны, о нереальности взятых темпов коллективизации и строительства совхозов, об отсутствии необходимых материальных технических предпосылок и нежелании бедняцко-середняцкого крестьянства переходить к коллективным формам земледелия, о необходимости равнения на «узкие места», пассивного приспособления к трудностям, о неизбежности общего хозяйственного кризиса и т. п. Все эти предсказания правых биты самой жизнью. К XVI с'езду партия приходит с большим серьезным балансом достижений в социалистическом строительстве в городе и деревне, с превышением первоначальных наметок и планов как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства, с укрепившимся союзом рабочего класса и бедняцко-середняцкими массами крестьянства, с все более укрепляющейся системой планового регулирования всего народного хозяйства.

---

[1]) Ленин, том XIV, стр. 347—348.

* * *

Партия боролась в период между XV и XVI с'ездами самым решительным образом против оппортунистических извращений на практике, которые принимали и принимают самые разнообразные формы. Правые оппортунисты сквозь пальцы смотрели, например, на смычку с частником, а иногда и поощряли ее. Правооппортунистические извращения финансово-планового аппарата, извращение классовой линии в распределении кредитов, машин и т. п. были прямым результатом влияния буржуазных и мелкобуржуазных элементов на отдельные прослойки наших партийцев в хозяйственных органах. Сюда же относится сопротивление проведению 7-часового рабочего дня, возражения против непрерывки, самостраховка при составлении планов капитального строительства с ориентировкой на минимальные программы, защита теории «об'ективных условий», якобы мешающих выполнению пятилетнего плана, отрицание или прохладное отношение к социалистическому соревнованию, пренебрежительное отношение к подготовке новых кадров и к выдвиженчеству, косность в отношении сокращения госаппарата и т. п. и т. д.

Конечно, партии приходится бороться и здесь на два фронта: бороться и против явлений противоположного порядка, когда сторонники максималистских программ не учитывают реальных возможностей строительства и тем самым создают добавочные трудности в деле социалистического строительства.

В области сельского хозяйства партия боролась решительно с правооппортунистическими попытками задержать рост коллективных хозяйств, с попытками подмены социалистического строительства строительством единоличного хуторского хозяйства. Мы имели, например, в Нижегородской губернии, в Городецком уезде попытки об'явить агронэп, при чем заведующий экономотделом оргплана губземуправления Миньков так «теоретически» обосновывал план агронэпа:

> «Партийные органы делают прямую ошибку, против экономики идут... Везде, где высоко развита промышленность, образуется пустыня, сельское хозяйство ничего не делает... Поэтому я считаю, что в известных районах надо выдвинуть принципы агрономического нэпа. Когда нэп об'явился, коммунисты были поражены и если бы об этом говорить до его об'явления, то обвиняли бы в контрреволюции,—я, конечно, и не говорил тогда. Теперь я эту вещь об агронэпе продумал и считаю, что нет ничего страшного в пределах некоторых районов выдвинуть принципы агронэпа, что конкретно выразится в отрубах»... («Правда», 23 августа 1929 года).

Такие же попытки насаждения хуторского хозяйства мы имели и в других областях—на Украине, в Белоруссии. Эти извращения партийной линии были усилены тем, что в ряде земельных органов крепко засела вредительская организация, раскрытая только в 1930 году. Вредители использовали правооппортунистический уклон в своих целях, в целях свертывания социалистического строительства, в целях усиления капиталистического сектора.

Оппортунизм на практике связывается во многих случаях с прямым «срастанием» отдельных членов партии с кулацкими или близкими к ним элементами, с перерождением отдельных коммунистов. Оппортунисты такого типа зачастую суб'ективно считают себя сторонниками линии партии. Тем опаснее такой «нутряной», стихийный, не осознанный иногда, но от этого не менее вредный, оппортунизм. Он и в этом случае не перестает быть правым уклоном. Оппортунизм на практике имеет еще достаточные корни в мелкобуржуазных условиях страны, в условиях, когда капиталистические элементы используют все способы приспособления, все средства, чтобы увернуться, обмануть бдительность, пролезть даже в самую маленькую щель. Нужно иметь в виду, что капитализм сопротивляется, не только более или менее открыто обостряя борьбу, но и стремясь замаскироваться и таким образом отвести удары. В этой обстановке особенно велик вред оппортуниста на практике, становящегося агентурой классового врага.

* * *

Осень и весна 1930 года связаны с огромным оживлением колхозного движения. 6-го января 1930 года опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором ЦК поставил задачу более быстрого осуществления коллективизации, чем это было намечено ранее и в пятилетке и в контрольных цифрах на 1929/30 год.

Несмотря на то, что в этом же постановлении были даны примерные сроки создания районов сплошной коллективизации с учетом всех особенностей отдельных областей и районов, целый ряд местных партийных организаций не приняли во внимание эти указания ЦК и поставили себе задачей уже весной 1930 года закончить коллективизацию. Так, например, бюро МК в заседании 18 февраля 1930 года принимает постановление: «В связи с тем, что в процессе весенней посевной кампании сплошная коллективизация в области в основном будет закончена, поручить тт. Зайцеву, Позднякову, Акопян и Коган с привлечением заинтересованных товарищей к 8 марта изучить все вопросы партийной, советской, кооперативной и т. д. работы, вытекающие из факта сплошной коллективизации области и требующие своего немедленного решения»...

Началось то «головокружение от успехов», против которого так решительно должен был выступить ЦК, опубликовав статьи тов. Сталина и вынеся ряд поставлений для исправления допущенных ошибок. Несмотря на то, что лозунг ЦК о ликвидации кулачества как класса был дан в совершенно ясном и точном виде, пленум МК 26—28 марта выносит постановление, в котором сказано, что «перед всей партией и московской областной организацией стоит как единая, выдвинутая ЦК политическая задача ликвидации кулачества и новой буржуазии в целом как класса в советском государстве». Через несколько дней МК и МКК вынуждены были признать эту ошибку, ибо ЦК не выдвигал задачи для настоящего периода—«ликвидации новой буржуазии в целом как класса» и речь шла о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Тов. Сталин вынужден был раз'яснить соотношение между этими двумя лозунгами—ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и ограничения, вытеснения кулака в районах, где нет сплошной коллективизации. Он раз'яснил (в ответе свердловцам), что второй лозунг является подсобным, вспомогательным, но, что это вовсе не значит, что можно подменить лозунг ограничения и вытеснения кулачества в районах, где нет сплошной коллективизации, лозунгом немедленной ликвидации кулачества как класса.

При этом многие партийные организации увлеклись раскулачиванием там, где не было ничего сделано для того, чтобы коллективизировать деревню, для того, чтобы раз'яснить задачи партии в области коллективизации. Задача коллективизации в целом ряде мест была заменена задачей раскулачивания. К этому делу поспешили примазаться кое-где прямо враждебные партии элементы для того, чтобы восстановить середняка против партии, против советской власти. Целый ряд самых грубых извращений был допущен в деле выполнения важнейшей директивы партии, в отношении коллективизации. Тов. Сталин должен был по поручению ЦК в «Ответе товарищам колхозникам» и в статье «Головокружение от успехов» резко одернуть тех, кто своими ошибками срывал дело коллективизации.

Такие же ошибки, какие допустила московская организация, допустил и целый ряд других организаций. Кое-где заговорили и о ликвидации нэпа и вообще по вопросу о нэпе. Мы получили в ряде органов печати довольно пеструю разноголосицу.

Еще раньше, на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года тов. Сталин по вопросу об аграрной политике в СССР выступил с критикой целого ряда оппортунистических теорий, как теория равновесия, «теория самотека» в социалистическом строительстве, теория «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства», — против неправильных теорий о природе колхозов и т. п. Этим своим выступлением тов. Сталин поставил задачу самой решительной борьбы с рядом антимарксистских, антиленинских теорий, имевших некоторый кредит и в партийных рядах среди разного рода уклонистов.

Правые оппортунисты прямо обрадовались кое-где «левым» загибам. Эти «левые» загибы облегчили им борьбу против партии и это должен был отметить т. Сталин в своей статье «Головокружение от успехов»:

> «Дело в том, что ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную установку для усиления и укрепления правого уклона в партии. Почему? Потому, что эти ошибки изображают линию партии в превратном свете, стало быть, они облегчают дело дискредитации партии,—следовательно, они облегчают борьбу правых элементов против руководства партии. Дискредитация партийного руководства есть та самая элементарная почва, на базе которой только и может разыграться борьба правых уклонистов против партии. Эту почву дают правым уклонистам «левые» загибщики, их ошибки и искривления. Поэтому, чтобы бороться с успехами с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки «левых» оппортунистов. «Левые» загибщики являются об'ективно союзниками правых уклонистов.
>
> Такова своеобразная связь между «левым» оппортунизмом и правым уклонизмом.
>
> Этой связью и нужно об'яснить тот факт, что некоторые «левые» частенько поговаривают о блоке с правыми. Этим же нужно об'яснить то своеобразное явление, что одна часть «леваков», вчера еще «проводившая ура-наступление и пытавшаяся коллективизировать СССР в каких-нибудь две-три недели, сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам, ведя, таким образом, линию на действительное отступление (без кавычек!) перед кулачеством.
>
> Особенность переживаемого момента состоит в том, что борьба с ошибками «левых» загибщиков является у нас условием и своеобразной формой успешной борьбы с правым оппортунизмом».

Одновременно со статьей т. Сталина было опубликовано «Обращение ЦК ко всем центральным комитетам национальных республик, всем краевым, областным, окружным и районным комитетам партии о необходимости немедленно ликвидировать искривления политики партии» («Правда» от 15 марта—30 г.).

Письмо т. Сталина и постановление ЦК попали прямо в цель и оказались рычагом для решительного исправления допущенных ошибок и перегибов. На некоторых «загибщиков» это письмо подействовало как ушат холодной воды и от головокружительных полетов вверх эти «загибщики» впали в пассивность. Одновременно, некоторые товарищи пытались об'яснить распад бумажных колхозов социальной природой середняка, который-де неизбежно должен колебаться. Создавались всевозможные неверные оппортунистические теории приливов и отливов. Против этих неправильных теорий

необходима самая решительная борьба, ибо она затрудняет ясное понимание поставленных перед нами задач.

Правая опасность не перестает быть главной, т. к. она отражает натиск кулачества—главного врага социализма внутри страны. Ошибки «левых» загибщиков усиливают позиции правых. «Левые» загибы отражают антисередняцкие настроения некоторых элементов бедноты. Бурно устремившись в русло коллективизации, эти элементы утеряли понимание того капитальнейшего факта, что без правильного проведения этого дела на основе привлечения середняка коллективизацию нельзя прочно превратить в сплошную, что коллективизацию нельзя проводить «за счет» середняка, что коллективизация должна приносить выгоду и середняцким слоям, поднимая их жизненный уровень на основе роста производственной базы колхозов. Такие настроения отдельных элементов бедноты, усиленные «левыми» загибами, отталкивали середняка от колхозов, усиливали его колебания, следовательно, усиливали кулачество, облегчая ему кое-где прорвать хотя бы на время свою изоляцию.

Перед самым с'ездом уже наблюдаются отдельные предс'ездовские вылазки против ряда партийных установок, под видом критики перегибов, слышатся знакомые старые правооппортунистические мотивы — «реже шаг». Эти мотивы переплетаются с троцкистскими выступлениями за границей и в подполье накануне XVI с'езда, лозунги троцкистов сплошь и рядом переплетаются с лозунгами правых оппортунистов; троцкисты накануне XVI с'езда пытаются «пролезть в щель разногласий», нащупать почву для совместной с правыми атаки против партийной линии.

* * *

Оппортунизм не есть проявление шатаний и колебаний, извращение партийной линии в каком-нибудь отдельном вопросе. Оппортунизм есть целая система взглядов. Он проявляется в самых различных областях. Развиваясь, он захватывает все области партийной жизни, партийного строительства,—область идеологии и область практики. Поэтому оппортунизм проявился и в такой области, как деятельность профсоюзных организаций. На VIII с'езде профсоюзов (декабрь 1928 г.) оппортунисты пытались противопоставить себя руководству ЦК. Комфракция ВЦСПС, собравшаяся после VIII с'езда профсоюзов по докладу т. Догадова на 2 пленуме ВЦСПС) должна была констатировать крупное разногласие правой оппозиции с партией по вопросу о профессиональном движении. Мы напоминаем важнейшую часть этого решения фракции ВЦСПС, так как оно в основном формулирует важнейшие вопросы разногласий партии с оппортунистами в вопросах профессионального движения.

> «Фракция констатирует, что борьба партии за правильную ленинскую линию встретила сопротивление части профессионалистов. Необходимость перестройки рядов и методов работы профессиональных союзов в период социалистической реконструкции и наступления пролетариата как в городе, так и в деревне, решительное устранение серьезных недостатков профдвижения не были поняты этой частью профессионалистов.
>
> Вместо мобилизации масс на преодоление трудностей реконструктивного периода—паникерство перед этими трудностями; вместо широко развернутой работы по вовлечению масс рабочих и работниц в хозяйственное строительство, в процессе социалистической рационализации, в борьбу за повышение производительности труда, за трудовую дисциплину—попытки прикрывания цеховых интересов и настроений отсталых слоев рабочего класса; вместо решительного и последовательного развертывания пролетарской самокритики в профсоюзах,—формулировки и оговорки, призывающие к осторожности в деле развертывания самокритики, тормозящие развитие активности масс в борьбе с бюрократизмом и извращениями в профсоюзах, разложением отдельных звеньев профаппарата, с отрывом их от масс.
>
> Вместо усиления пролетарского влияния на деревню и помощи со стороны профсоюзов социалистической перестройке сельского хозяйства—стре-

> мление к ограничению роли профсоюзов в деревне и культивирование их замкнутости, что в частности выразилось в слабом влиянии профсоюзов на общественную работу деревни, недооценке работы среди батрачества и т. д.; вместо широкой постановки политического просвещения и классового воспитания рабочих масс, в особенности их отсталых слоев,—подчас забвение в культурно-просветительной работе общеклассовых задач пролетариата и непонимание необходимости решительной борьбы с мелкобуржуазными влияниями среди отсталых рабочих масс.
>
> Вместо поддержки генеральной линии партии и сплочения профессионалистов вокруг центрального штаба партии—ленинского ЦК—попытка противопоставить коммунистов, работников профдвижения, руководящим партийным органам.
>
> Усилия Центрального Комитета партии исправить эти крупнейшие политические недочеты профсоюзного руководства на VIII с'езде профсоюзов встретили глухое, замаскированное, а затем на пленуме фракции с'езда и открытое сопротивление этой группы профессионалистов. Борьба партии с этими недостатками изображалась как троцкистское «перетряхивание» профсоюзов, как угроза «расщепления» профдвижения и т. д. Опаснейшее противопоставление профсоюзов партии, фактический курс на ослабление партийного руководства профдвижением, прикрытие тред-юнионистских тенденций и явлений бюрократического окостенения в части профсоюзного аппарата—вот что лежало в основе борьбы в части профессионалистов против правильной ленинской линии в профдвижении.
>
> В. И. Ленин указывал на опасность проявления в рядах профсоюзов некоторой цеховой узости, некоторой склонности к аполитичности, некоторой косности, которая является отражением наличия в массовых организациях—профсоюзах, отсталых рабочих с цеховыми и тред-юнионистскими предрассудками: «Некоторая реакционность» профсоюзов в указанном смысле неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму. (Ленин, т. XVII, стр. 141).
>
> Эта опасность устраняется правильными взаимоотношениями массовых организаций пролетариата, профсоюзов и партии как его авангарда, повседневным руководством коммунистической партии профдвижением. Это основное положение ленинизма в профдвижении необходимо помнить всем коммунистам-профработникам, в особенности теперь, в момент реконструкции народного хозяйства и трудностей, связанных с социалистическим наступлением пролетариата. Ослабление руководства партии профсоюзами, неправильная работа приводного ремня от авангарда к массам—профсоюзов—могли бы привести к ослаблению социалистического наступления пролетариата, к увеличению затруднений, к ослаблению творческой инициативы, и активности масс в процессе социалистической реконструкции.
>
> Фракция с удовлетворением отмечает, что попытки противопоставления профсоюзов партии, нашедшие свое наиболее яркое выражение в выступлении части профессионалистов на фракции VIII с'езда, встретили резкое осуждение на прошедших после VIII с'езда фракциях пленумов ЦК союзов, межсоюзных организаций, а также фракциях с'ездов, которые выявили сплоченность коммунистов-профработников вокруг ленинского партийного руководства и его борьбы с оппортунизмом».

* * *

Оппортунистические шатания появились за этот период также и в национальном вопросе. В Белоруссии, например, мы имеем за этот период ряд попыток национал-демократов оказать свое влияние в самых различных областях, используя культурно-просветительные и хозяйственные учреждения в республике. Белорусские национал-демократы проповедуют теорию бесклассовости народа,—в Белоруссии-де не было ни панов, ни рабочих, ни крестьян, а все были одинаково угнетенною национальностью.

В области земельных отношений национал-демократам удается в Белоруссии, как и на Украине, кое-где проводить в земельных органах свою политику преимущественной поддержки индивидуального хозяйства. Партийное руководство как на Украине, так и в Белоруссии дает решительный отпор этим попыткам. В Белоруссии партия борется решительно против правооппортунистической линии НКЗема БССР, которая выражается в насаждении кулацких хуторов, в содействии росту кулацких элементов в белорусской деревне и торможении коллективных форм сельского хозяйства. Партия борется против «прищеповщины», которая была «классическим выражением на практике правооппортунистической теории о постоянных уступках капиталистическим элементам в деревне, о мирном врастании кулака в социализм и на деле вела к капиталистической реставрации».

ЦК Белоруссии вынужден был бороться с национал-оппортунистическими взглядами т. Червякова, в которых переплетались правооппортунистические взгляды по ряду вопросов общепартийной политики с идеализацией буржуазно-националистических дореволюционных партий Белоруссии, с искажением истории развития КП(б) Белоруссии, с подменой пролетарского характера Октябрьской революции в Белоруссии—мелкобуржуазным.

На Украине мы тоже наблюдаем попытки националистических элементов использовать партийную трибуну для пропаганды своих взглядов. ЦК КП(б)У дает решительный отпор таким попыткам в лице «яворщины» и «шумскизма».

Сам т. Шумский в своем заявлении в ИККИ, ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У от 28/IV—30 г. должен был признать, что

> «занял в вопросе об украинизации и борьбе с украинским национализмом ошибочную позицию».
>
> ...Основной порок моей позиции, признается Шумский, состоял в том, что, во-первых, я переоценивал трудности, стоявшие пред партией в деле овладения украинским общественно-культурным процессом, и недооценивал сил и возможностей партии и рабочего класса Украины; во-вторых, мое предложение о всемерном форсировании темпа украинизации рабочего класса, несмотря на все оговорки о недопустимости какого бы то ни было принуждения, на деле неизбежно должно было повести к известному принуждению в отношении украинской части рабочего класса, стало быть к ухудшению отношений и ослаблению связей между украинской и неукраинской частями рабочего класса, следовательно, к подрыву дела интернационализма и интернационального воспитания масс на Украине; в-третьих, все эти ошибки должны были привести об'ективно к усилению позиций украинских националистов.
>
> Таким образом принятие моих предложений должно было привести к общему ослаблению политической силы партии, в том числе и к ослаблению ее руководящей роли в украинском общественно-культурном процессе»...

К этому заявлению следует добавить, что оппортунистическая оппозиция Шумского, Хвилевого, Василькова, Турянского и Волобцева на деле нанесла громадный вред партии: эта позиция питала собою на деле петлюровщину, подготовляя для нее почву, как это совершенно ясно показал процесс СВУ.

Наиболее яркое выражение оппортунистических настроений в национальном вопросе, где национал-демократические тенденции прямо приводят в лагерь контрреволюции, мы имеем в лице султан-галиевщины, которая за этот период пыталась оформиться вновь как подпольная группировка внутри партии. Партия исключила из своих рядов группу интеллигентов националистов (Енбаев, Мухтаров, Фирдевс и др.), которые, прикрываясь партийным билетом, помогали Султан-Галиеву строить националистическую организацию, враждебную пролетарской диктатуре, основанную на программе панисламистского интернационала и фактически являвшуюся агентурой империалистов, связанной с закивалидовщиной и другими контрреволюционными группировками.

* * *

Нельзя пройти мимо оппортунистических извращений и в области антирелигиозной пропаганды. Здесь мы имели, особенно в последнее время ряд оппортунистических извращений партийной линии. В ряде организаций мы наблюдали правооппортунистическую недооценку значения антирелигиозной пропаганды, необходимости правильно ее организовать, руководить ею, уделять ей внимание. Результатом такого невнимания явились прямые извращения партийной линии в области антирелигиозной пропаганды, оттолкнувшие от нас некоторую часть середняков, в особенности женщин, а кое-где и бедноты. Конечно, церковники и кулаки использовывали каждую нашу ошибку в этой области. Кое-где дело коллективизации сельского хозяйства начиналось с закрытия церкви, со снятия колокола, при чем никакой серьезной предварительной пропагандистской работы в этих районах не велось. «Головокружение от успехов» проявилось и здесь в том, что во многих местах церкви закрывались против воли подавляющего большинства населения, вызывая озлобление населения, отталкивая от колхозного строительства. Попытка критиковать такую «левую» установку встречалась в штыки, как проявление правого оппортунизма. А, с другой стороны, под влиянием того, что партия одернула за такого рода неправильные действия, часть антирелигиозных работников, впала в противоположную крайность, — в пессимизм, а кое-где в партийных организациях стали раздаваться пораженческие голоса о необходимости ликвидации антирелигиозной пропаганды и т. п. Нечего и говорить о том, что и то и другое не соответствует партийной линии. И против ликвидаторства в области антирелигиозной пропаганды и против замены антирелигиозной пропаганды нахрапом, наскоком, административным нажимом—партия боролась и будет решительно бороться. Ни о каком отступлении и на этом участке классовой борьбы не может быть и речи.

⁂

К XVI с'езду партия подходит внутренне более сплоченная, чем когда бы то ни было. Она выросла не только численно за счет притока сотен тысяч рабочих в партию. Руководящая роль, авторитет и влияние ВКП(б) в широчайших массах трудящихся города и деревни в огромной степени выросли за этот период между XV и XVI с'ездами партии и именно потому, что на путях проведения своей линии партия добилась решающих успехов в деле социалистического наступления, выкорчевывания корней капитализма. Препятствием на ее пути были и будут оппортунистические шатания самых разнообразных оттенков, которые мы наблюдаем еще и сегодня в рядах нашей партии. Борьба на два фронта, которую вела партия — единственно правильная борьба. XVI с'езд партии должен будет это подчеркнуть со всей резкостью. Попытки примиренческого отношения к оппортунизму, как показал опыт не только нашей партии, но как показал опыт и других компартий, является в высшей степени вредной вещью, ибо сегодняшние примиренцы по отношению к правому уклону — это завтрашние правые оппортунисты. Сегодняшний примиренец по отношению к троцкистам, как это показал пример буферных групп, — это завтрашний троцкист.

Мы должны ясно видеть и то, что некоторые троцкисты, вернувшиеся в партию, далеко не полностью изжили еще колебания и шатания по отдельным вопросам. Поэтому попрежнему перед нами стоит задача решительной борьбы со всякими проявлениями оппортунизма.

Правая опасность попрежнему остается главнейшей опасностью; однако, и задача борьбы с «левыми» оппортунистами, с «левыми» загибами не может быть снята с очереди. Практика показала, какую большую опасность представляют собой эти «левые» загибы. Попрежнему остается задача борьбы на два фронта против всяких оппортунистических извращений партийной ленинской линии, решительная борьба с примиренческим отношением к оппортунизму, с терпимостью к уклонам.

А. Микоян.

Коллективизация и заготовки.

Текущий хозяйственный год действительно оказался годом великого перелома для судеб Советского Союза, в особенности на фронте наибольших трудностей, лежащих перед пролетарской диктатурой в деле строительства социализма — в области развития нашего сельского хозяйства. В экономике сельского хозяйства произошли громадные всемирно-исторического значения социальные сдвиги.

Несмотря на неосторожную торопливость ряда партийных организаций, несмотря на головокружение от успехов в практике коллективизации, несмотря на совершенно недопустимые ошибки и искажения ленинской политики коллективизации, искажения, во-время вскрытые и исправленные партией,—мы стоим перед фактом крупной победы на фронте коллективизации зернового хозяйства. Коллективизация выдержала испытание в действии, прошла через огонь критики жизни и охватила в весеннюю кампанию свыше 30 млн. га посевов на колхозных полях; при чем этот результат достигнут вопреки всяким искажениям после обусловленной этими искривлениями волны отливов, вопреки бешеному сопротивлению кулака. Совершенно несомненно, что не будь искривлений политики партии на практике, в ряде районов мы бы имели значительно больший охват зерновых посевов, чем теперь. Но остается фактом, что независимо от всего этого пятилетний план коллективизации зерновых посевов уже перевыполнен, а задача, поставленная Центральным Комитетом нашей партии в своем исторического значения решении от 5 января:

> «уже весной 30 года посевная площадь, обработанная на обобществленных началах, значительно превысит 30 млн. га, т.-е. пятилетний план коллективизации, в силу которого к концу пятилетки предполагалось охватить коллективами 22—24 млн. га, будет значительно перевыполнен уже в настоящем году», —

осуществлена полностью. Хотя весенний сев еще не закончен, но уже достаточно ясно, что это задание ЦК будет перевыполнено и мы будем иметь 30—35 млн. га одних только яровых обобществленных посевов зерновых хлебов. Государственные советские хозяйства (совхозы) почти удвоили свои посевы в 1929/30 г. против предыдущего года. Посевная площадь всех совхозов составляет 3.515 тыс. га, в том числе одного Зернотреста более 1.050 тыс. га. Расширение колхозных и совхозных посевов такое значительное, что оно не только перекрывает выпавшую посевную площадь кулачества в зерновых районах, но дает общий рост посевных площадей против прошлогоднего, как это видно на примере южных районов, закончивших сев полностью.

Все значение достигнутых успехов коллективизации станет очевиднее, если принять во внимание, что подавляющая масса обобществленных посевов приходится на основные зерновые районы Советского Союза, которые дают наибольшее количество товарного хлеба и которые имеют решающее значение в хлебной проблеме Советского Союза. Так, в степной полосе Украины обобществлено 50—60 проц. посевов, на Сев. Кавказе на том же уровне, если не считать горных национальных районов. Следовательно, по ряду главнейших зерновых районов Советского Союза решающая роль в посевах и еще большей степени в товарной зерновой продукции в предстоящую заготовительную кампанию будет принадлежать социалистическому сектору—колхозам и совхозам.

Успехи коллективизации позволили в этих районах провести политику ликвидации кулачества как класса, выключив его как серьезную силу из зерновой области. Организация крупных социалистических зерновых хозяйств гарантирует, конечно, большую товарность зерна. Поэтому, если предположить урожайность в южных районах, равную прошлогодней, то при несколько больших посевных площадях в текущем году товарность хлебов должна возрасти в большей пропорции в силу более высокого товарного выхода продукции колхозов и совхозов, играющих уже теперь решающую роль. Несмотря на эту победу, индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства играют еще серьезную роль в основных зерновых районах и преобладающую—в остальных.

Приступая к новой хлебозаготовительной кампании, мы обязаны учитывать значительную пестроту социальной структуры зернового хозяйства отдельных районов, требующую особой гибкости методов организации хлебозаготовок. Методы заготовок должны быть приспособлены к тому конкретному социальному переплету, который сложился и сложится к новой хлебозаготовительной кампании. На данной стадии мы имеем перед собой ряд хозяйственных типов и укладов в зерновом хозяйстве, каждый из которых требует к себе особого метода подхода и особых форм организации. Если в отношении совхозной продукции задача заготовок упирается в техническую проблему, а именно: организацию транспорта при вывозке хлеба с полей (в особенности, это касается Зернотреста, хлеб которого убирается комбайнами), строительство элеваторов и складов, то в отношении всего остального хлеба, кроме этих технических затруднений, которые перед нами станут и к встрече которых мы должны готовиться уже теперь — дело хлебозаготовок является задачей не технической, а социальной. При организационно-недостаточной закрепленности колхозов—наличие на ряду с обобществлением полеводства индивидуального хозяйства у членов колхозов, как-то: животноводства, огородничества, птицеводства и пр.—хлебозаготовки в колхозах встретят еще ряд затруднений и потребуют значительной организационной и хозяйственной работы как заготовительного аппарата, так и колхозной системы для того, чтобы обеспечить сдачу колхозами нормы товарной продукции своевременно. С этой точки зрения выгодно будут отличаться те колхозы, которые охвачены машинно-тракторными станциями Тракторoccентра и Хлебоцентра, а также колхозы, охваченные производственным влиянием близлежащих совхозов. Более трудной задачей будет являться заготовка хлеба с необобществленных полей бедняцко-середняцких хозяйств. При чем здесь серьезное значение будет иметь контрактация зерновых посевов у бедняцко-середняцких хозяйств как проверенный метод, вносящий плановое начало в стихию рыночного оборота. Еще бóльшие трудности будет представлять заготовка хлеба у тех индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, посевы которых не законтрактованы и которые в значительной части даже не охвачены простым кооперированием. В виду надломленности силы кулака, он не может оказывать прежнего сопротивления, но он будет пытаться использовать все возможности борьбы против заготовок. Несомненна также опасность оживления спекуляции, с которой будет необходима соответствующая борьба.

Богатый опыт хлебозаготовок прошлого года должен быть использован нами с внесением всех коррективов применительно к новой обстановке в деревне. И несомненно, что при должной подготовке, в особенности, если урожай окажется средним или выше среднего (а пока данные весьма благоприятны) хлебозаготовительная кампания этого года пройдет у нас с неменьшим успехом и этим самым обеспечит одно из важнейших звеньев всего народно-хозяйственного плана будущего года.

Подготовляясь к новой хлебозаготовительной кампании, мы должны дать себе ясный отчет в том, что старые рыночные связи разорваны, новые еще не вполне установлены и закреплены, что придется маневрировать разными методами применительно к конкретным особенностям районов и новым социальным группировкам деревни.

Для того, чтобы судить обо всем разнообразии методов заготовок, надо иметь в виду наличие ряда типов зерновых хозяйств: 1) совхозы, 2) колхозы районов машинно-тракторных станций и остальные колхозы, 3) созы, т.-е. простейшие производственные товарищества; 4) индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства, охваченные простым кооперированием и контрактационными договорами; 5) бедняцко-середняцкие индивидуальные хозяйства, находящиеся вне кооперации и не заключившие договора по контрактации и 6) кулацкие хозяйства в одних районах и раскулаченные хозяйства в районах сплошной коллективизации. Каждый из этих типов хозяйства требует к себе особого подхода.

В силу достигнутых успехов в деле совхозного и колхозного строительства в зерновом хозяйстве, мы в новом хозяйственном году достигнем решительного сдвига по пути окончательного разрешения зерновой проблемы, несомненно, что следующая колхозная посевная кампания—осени 1930 года и весны 1931 года — даст нам полное разрешение зерновой проблемы.

На базе развивающегося социалистическим путем зернового хозяйства, мы получаем возможность поставить и разрешить все коренные проблемы социалистического преобразования и технической реконструкции остальных отраслей сельского хозяйства. В области технических культур, в силу громадного влияния социалистической промышленности на свою сырьевую базу, особых рыночных условий продукции этих отраслей, в отношении которых государственная промышленность является почти монопольным потребителем, сравнительно легче будет обеспечена победа партии.

Полное разрешение зерновой проблемы, которого мы достигнем после первого решающего успеха этого года, примерно в 1931 году, уже теперь дает ту базу, на которой можно и нужно в широком масштабе поставить задачу разрешения проблем животноводства. До того же, на протяжении нынешнего переходного периода, мы будем иметь значительные затруднения, которые найдут непосредственное отражение на заготовках и в деле снабжения городов животноводческими продуктами питания.

Основным источником хлебозаготовительных затруднений прошлых лет являлась распыленность и измельчание крестьянских зерновых хозяйств, обуславливающие низкую товарность зерна. На данной стадии в области животноводства мы находимся перед фактом наибольшего за все время революции мельчания и распыления крестьянского животноводческого хозяйства. Если в области зернового производства нам уже удалось вместо крупных кулацких хозяйств воздвигнуть тысячи более крупных, во много раз более мощных зерновых фабрик и тем самым поднять общую товарность всего зернового хозяйства, — то в области животноводства нами сделаны лишь первые шаги, и то больше в секторе совхозов, которые пока еще не могут быть противопоставлены кулацкому животноводческому хозяйству и спорить с ним с точки зрения общей массы товарной продукции.

Продолжавшееся измельчание животноводческого хозяйства в течение текущего года еще больше снизило товарность заготовок животноводческих продуктов, что уже нашло свое быстрое и яркое отражение на ходе заготовок животноводческих продуктов, начиная с весны. Это видно на примере как заготовок масла, яиц, так и мяса. Если в области зернового хозяйства разорваны рыночные отношения и вместо них через совхозы и колхозы устанавливаются новые отношения планового обмена между городом и деревней, на основе контрактации колхозной продукции, то в области животноводческого производства старые рыночные формы нарушены, а новые формы, не имея достаточной базы в лице животноводческих колхозов, не установлены и не закреплены.

Задача еще более затрудняется тем, что основной низовой заготовительный аппарат с.-х. кооперации крайне ослаблен, а в ряде мест после ошибок и искривлений коллективизации вовсе отсутствует. Это обязывает срочно организовать и укрепить низовку с.-х. кооперации и активно вовлечь в заготовки потребкооперацию.

Недостатки заготовительного аппарата, не сумевшего быстро и гибко приспособиться к новым условиям, и новой обстановке, в свою очередь, влияют на недовыполнение плана заготовок, создавая этим самым затруднения в деле снабжения рабочего класса, охваченного небывалым энтузиазмом социалистической стройки. Отсюда — неотложная необходимость приспособить аппарат к особенностям переходного периода, преодолеть острые трудности, свойственные этому переходному периоду и шаг за шагом двигаться в деле подведения крупной социалистической производственной базы в животноводческом хозяйстве нашей страны.

Уже этот год наглядно показал, что каждый работник заготовительного аппарата обязан помимо торговых навыков уметь четко проводить политику партии. Если в крае и округе мы должны в срочном порядке перековывать кадры по линии углубления планово-экономического охвата процессов обмена города и села, то в отношении низовой торгово-заготовительной сети стоит еще более трудная задача трансформирования нынешнего торгового агента в заготовителя-контрактанта, способного поднять на должную высоту свою оперативную работу по организации планового обмена двух основных секторов народного хозяйства. Не приходится скрывать, что таких нужных кадров мы в низовом звене имеем еще слишком мало. Отсюда необходимость проверки, обновления и подготовки кадров.

Причина значительных трудностей текущего момента заключается и в том, что контрактация, оправдавшая себя и пустившая глубокие корни в области технических культур и зернового хозяйства в прошлые годы, еще совершенно недостаточно укрепилась в области животноводческих продуктов. Мало того, благодаря увлечению административным нажимом и значительным перегибам, практики контрактации в ряде районов в значительной степени оказались подорванными и нам приходится исправлять практику контрактации, добиваясь расширения и охвата контрактацией значительной части животноводческой продукции.

Контрактация является договором двухсторонним. Между тем, в ряде мест на практике контрактация приняла вид одностороннего обязательства. Не использованы все льготы, которые мы даем крестьянам, не использованы те товарные фонды, которыми располагает государство для обеспечения контрактационного договора, как двухстороннего. Контрактационное обязательство в ряде мест приняло характер простых административных распоряжений об обязательствах крестьян, колхозов и целых сел без учета производственных возможностей и фактических товарных излишков, без предварительного обсуждения всех статей этих договоров крестьянами и колхозниками. Сами контрактационные договора чрезмерно осложнены многочисленными, порой мало понятными для крестьян, производственными пунктами и проч.

Главная задача сегодняшнего дня — немедленно исправить все эти искажения в деле контрактации, решительно побороть имеющиеся перегибы, внедрить в практику простейшие договора о контрактации, реально обеспечить выполнение этих договоров, как двухстороннего обязательства между государством и крестьянином и на этой основе обеспечить дисциплину выполнения самих договоров.

При чем, пестрота социальных форм хозяйства и здесь требует особого подхода к каждой группировке. В этой области мы сталкиваемся: 1) с продукцией обобществленного хозяйства-колхоза; 2) с продукцией индивидуального животноводческого хозяйства колхозников; 3) с контрактованной продукцией индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств и 4) с продукцией индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, не охваченных контрактацией, а также 5) продукцией кулацких хозяйств.

Затруднения в области животноводческого хозяйства окончательно будут разрешены на том же пути, на котором решается зерновая проблема, а именно: на пути создания крупных товарных совхозных и колхозных животноводческих хозяйств. При этом полностью должен быть учтен опыт коллективизации зернового хозяйства и должны быть избегнуты все ошибки и искривления. Практика коллективизации зернового хозяйства показала, что наибольший успех мы имеем: во-первых, там, где крестьянин видит пример высокой производительности и товарности в лице совхоза, машинно-тракторной станции и развитого колхоза и следует за этим примером; во-вторых, там, где больше всего внедрена новая более высокая техника производства, облегчающая переход к более высоким социальным формам хозяйства — конкретно, в области зернового хозяйства: трактор — это великий коллективизатор сельского хозяйства; и, наконец, что успехи в коллективизации посева зерна мы имеем в основных производящих районах. Это наглядно диктует конкретные пути коллективизации животноводческого хозяйства, а именно — теперь же взяться 1) преимущественно за основные районы этих отраслей сельского хозяйства; 2) за форсированное строительство мясных, молочных, свиноводческих, овцеводческих, птицеводческих государственных хозяйств как базы, на основе которой вокруг этих совхозов будут создаваться крупные животноводческие колхозы, находящиеся под их непосредственным влиянием и воздействием; и 3) за внедрение в эти совхозы новейшей техники организации животноводческого хозяйства — новой кормовой базы, новых методов ухода за скотом, повышение его производительности и т. д.

С этой точки зрения будет иметь решающее значение развертывание совхозов Скотовода, Овцевода, Свиновода и птицеводческих трестов республик, которые организованы теперь и которые должны широко развернуться в 1930/31 г.

Опираясь на них, мы сможем добиться тех же успехов в области обобществления животноводства, какие мы уже имели и будем иметь в области обобществления зернового хозяйства.

Новая политика партии — ликвидация кулачества как класса, как составная часть политики коллективизации — коренным образом меняет социальное лицо советской деревни, этим самым меняет все классовые отношения и в первую очередь и непосредственно перестраивая рыночные отношения по пути организации социалистического продуктообмена между городом и деревней, что вовсе не означает теперь же снятие всех наболевших проблем рынка, а предполагает систему гибких мероприятий маневрирования в конкретных рыночных условиях нынешнего периода.

Отсюда необходимость быстрого приспособления всего заготовительного аппарата ко всем особенностям переходного периода, отсюда необходимость не упускать из виду перспектив и задач великой стройки, одновременно не забегать вперед и гибко использовать все диференцированные методы заготовок в целях охвата товарной продукции всего сельского хозяйства и обеспечения рабочего снабжения — этого важнейшего звена нашей социалистической стройки.

Заготовительная кампания продуктов сельского хозяйства, и в первую очередь хлебозаготовительная кампания, в текущем году приобретает исключительно важное значение. Она должна служить гарантией выполнения планов продовольственного снабжения и обеспечения этим самым успешности социалистического строительства второго и третьего года пятилетки. Заготовки должны явиться мощным рычагом стимулирования быстрого под'ема сельскохозяйственной базы, укрепления производственной смычки города и села на новом реконструктивном этапе.

Именно поэтому внимание партии, все силы всех заготовительных организаций, содействие всей пролетарской общественности должны быть направлены в сторону максимальной помощи делу проведения сложной и трудной заготовительной кампании.

И. Верменичев.

О середняке и коллективизации.

Середняки в наших условиях составляют класс, который отличается от пролетариата, отличается от третьего класса — буржуазии (в деревне кулачество) и занимает среднее, промежуточное между ними положение. Что пролетариат и среднее крестьянство — разные классы — это ни у кого не вызывает сомнений, хотя мелкобуржуазные демократы, народники и целая плеяда народничествующих ученых пыталась и пытается в той или иной форме отождествить пролетариат и крестьянство, как вообще «трудящихся», смазывая мелкособственническую природу крестьянина. Но немало недоуменных вопросов задают многие товарищи по поводу классового разграничения среднего крестьянства и кулачества, немало грубейших буржуазно-либеральных, правооппортунистических, а равно и левооппортунистических ошибок наделано благодаря смешиванию в одну кучу всех классов, существующих в нашем сельском хозяйстве.

Правые не понимали всей необходимости для ведения правильной политики разграничивать кулака от середняка и предлагали строить «общую» политику в деревне и устанавливать отношения с деревней «вообще», не задаваясь целью вести резко особой политики по отношению к разным классам в деревне, предлагают в той или иной мере распространять и на кулака те отношения, которые пролетариат устанавливает со средним крестьянством. Вспомним разговоры Бухарина о лозунге союза вообще с крестьянством и т. п. «Левые» требования ведут к тому же смешению среднего крестьянства с кулаком, также базируются на непонимании различий между середняком и кулаком с той разницей, что «левые» предлагают вести общую политику и устанавливать в сущности одинаковые отношения с середняком и с кулаком (подавление их; вспомним антисередняцкие тенденции троцкизма и рассуждения о крестьянстве, сводящиеся к утверждению, что оно составляет сплошную реакционную массу). В соответствии с этим правые не понимают, что пролетариат не может иметь прочного союза с середняком без решительной борьбы с кулачеством, не понимают, что этот союз должен быть направлен своим острием против капитализма, против кулачества, за социализм. В соответствии с этим «левые» не понимают, что нельзя иметь союза с середняком, подавляя его насилием, в сущности, в одинаковой мере противопоставляя пролетариату и середняка и кулака.

Кулачество отличается, во-первых, тем, что оно принадлежит к классу капиталистов, является классом деревенских капиталистов, имеет определенные капиталистические производственные отношения, основанные на эксплоатации. Этим оно отличается от мелких самостоятельных производителей — середняков, которые в основном подобных отношений не имеют и которые характеризуются строем общественных отношений, свойственных не товарно-капиталистическому производству, а простому товарному хозяйству. Во-вторых, кулачество отличается тем, что оно является продуктом развития самого мелко-товарного производства, оно вырастает из крестьянства, ибо мелко-товарному хозяйству, простому товарному хозяйству свойственно перерастать в товарно-капиталистическое производство. Мелко-товарному хозяйству свойственна *товарно-капиталистическая тенденция*, с которой вступает в ожесточенную борьбу *социалистическая тенденция*, возникающая благодаря политике пролетарского государства, появляющаяся только в условиях диктатуры пролетариата и базирующаяся на быстро развивающейся социалистической индустрии.

Кулачество есть продукт товарно-капиталистической тенденции мелкого производства и ликвидировать возможности для развития с.-х. капитализма, для роста кулачества можно лишь с ликвидацией мелкособственнического производства. Эта азбучная, элементарная истина, которую не понимают только не в меру ретивые «леваки», пытающиеся протащить линию на голое раскулачивание, проводимое не на основе сплошной колективизации.

Кулачество отличается от городской буржуазии рядом специфических форм проявления капиталистических отношений и мелкими размерами производства, но не отличается от нее своей классовой природой, в основе которой лежит принадлежность к эксплоататорскому классу капиталистов. Далее, кулачество отличается тем, как отмечено выше, что оно имеет базу в виде мелко-товарного хозяйства, со свойственной последнему тенденцией постоянно выделять капитализм (до тех пор пока существует это мелко-товарное хозяйство). Таким образом, мы должны разграничивать среднее крестьянство и кулачество. Без этого разграничения пролетариат не может вести правильной политики социалистического строительства [1].

Среднее крестьянство, а не крестьянство «вообще» является вторым основным классом. Понятие «крестьянство» не есть понятие класса. «Крестьянство» можно было характеризовать классом только в условиях феодально-крепостнического строя, когда оно еще не было расслоено на классы. В условиях же господства капиталистических отношений крестьянство расслоилось на классы: пролетариат, полупролетарские слои, деревенскую буржуазию, среднее крестьянство. Среднее крестьянство, составляющее в разных странах либо менее, либо более значительную часть, принадлежит к классу мелкой буржуазии «выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую («крестьянство» И. В.), не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику» (Ленин)

Среднее крестьянство отличается от крестьянства эпохи феодализма и крепостничества наличием товарных, денежных отношений, как важнейших характерных черт. В *условиях* СССР, среднее крестьянство составляет *класс* мелкой буржуазии, при чем в отличие от капиталистических стран они являются главными производителями в деревне. Среднее. крестьянство *является у нас центральной фигурой земледелия*. Помимо среднего крестьянства, в деревне мы имеем пролетарские и полупролетарские элементы (беднота и батрачество). Беднота есть продукт классового распада среднего крестьянства, *есть слой переходный от среднего крестьянства к пролетариату*, занимает промежуточное между пролетариатом и средним крестьянством положение. Итак, мы должны констатировать наличие в нашей стране следующих трех классов—*пролетариат* (+ сельский пролетариат), *среднее крестьянство* или мелкая буржуазия (+ городские ремесленники и кустари), кулачество (+ городская буржуазия). Между этими классами имеется промежуточная классовая прослойка — беднота (полупролетарии), политически наиболее близкий пролетариату переходный от среднего крестьянства к пролетариату слой.

---

[1] У Ленина идея классовой расслоенности крестьянства проходит красной нитью через его работы.

«Нет ни одного декрета (закона), ни одного постановления советской власти, в котором бы не проводилось разницы между тремя главными группами крестьян. Первая группа—беднота (пролетарии и полупролетарии, как пинято говорить в экономической науке). Таких очень много. Когда была власть помещиков и капиталистов, весь гнет их падал больше всего на бедноту. Во всех странах мира самой прочной опорой истинного социалистического движения являются рабочие и поддерживающая их деревенская беднота. Вторая группа — кулаки, т.-е. богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и т. п. Эта группа тянет руку помещиков и капиталистов, врагов советской власти. Третья групап—крестьяне-середняки. Это не враги советской власти, они могут быть друзьями ее, мы этого добиваемся и этого добьемся. Все учителя социализма всегда признавали, что рабочие должны будут свергнуть помещиков и капиталистов, чтобы осуществить социализм, но со средними крестьянами возможно соглашение и необходимо соглашение» (Собр. сочинений, т. XVI, стр. 29).

Отличительными особенностями классов в наших условиях является, во-первых, то, что пролетариат стал господствующим классом, классом-гегемоном, во-вторых, то, что среднее крестьянство превратилось в центральную фигуру земледелия и, в-третьих, то, что буржуазия резко уменьшила свой удельный вес, сохранила только определенную дробь прежнего класса [1], но имеет в деревне кулачество, удельный вес которого в деревне «во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности» (Сталин).

Ленин в цитированной выше статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» исходил из анализа именно трех этих классов.

> «Классы остались, — писал Ленин, — но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимооотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы» (Ленин, том XVI, стр. 353, 354).

И далее он разбирает эти классы (стр. 354 — 355), к которым относит класс пролетариев, ставший господствующим классом. далее свергнутый класс эксплоататоров (к которым, несомненно, относятся кулаки «самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплоататоры» (Ленин)), который не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата и с которым пролетариат должен вести ожесточенную борьбу, и крестьянство или мелкая буржуазия, которую пролетариат должен вести за собой. *Проблема коллективизации центральной фигуры земледелия есть в данное время основная проблема, от правильного разрешения которой и от установления правильной линии в отношении к середняку, прочно повернувшему в сторону социализма, зависят успехи дальнейшей коллективизации.*

«Социализм есть уничтожение классов».

> «Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. *Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству* (подчеркнуто мной *И. В.*). Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

---

[1] Но из того, что она сохранила определенную дробь прежнего класса еще не вытекает, что буржуазия в наших условиях не составляет класса (третьего класса).

> Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта. (Курсив мой. *И. В.*).
>
> В этом разграничении вся суть социализма. И неудивительно, что социалисты на словах, мелкобуржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и К°) этой сути социализма не понимают.
>
> Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое» (Ленин, том XVI, стр. 352).

Мы привели конец этой цитаты для того, чтобы показать, в каком смысле понимал здесь Ленин суть социализма.

Речь идет в данном случае не о разграничении бедняка от середняка, середняка от кулака и т. д., т.-е. не о разграничении классов в деревне, а речь идет о классовой природе самого мелкого товаропроизводителя, о природе середняка. Для того, чтобы исчерпать ленинскую характеристику классовой природы середняка приведем другую цитату из той же статьи Ильича: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата».

> «Но все же разграничение возможно и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни.
>
> Крестьянина - трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, спекулянты и их государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин-трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплоататорам в течение веков, а это «воспитание», данное жизнью, заставляет крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка товарного хозяйства делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом» (Там же)

Для природы мелкого хозяина крестьянина, таким образом, характерны две основные особенности: с одной стороны, он трудящийся, он сам работает, он подвергался эксплоатации и угнетению; с другой же, он—собственник средств производства и производимой продукции, он торговец (в том смысле, что он продает продукты собственного производства). Ленин говорил, что в этом разграничении двух особенностей крестьянина «вся суть социализма».

Только при подобной линии своей политики по отношению к крестьянству пролетариат может решить «вторую труднейшую часть» задачи социалистического строительства — переход от мелкого товарного хозяйства к крупному общественному производству, ведущему в конечном счете к уничтожению классов, к ликвидации разницы между рабочими и крестьянами.

Первое свойство мелкого производителя (трудящийся) есть предпосылка для возможности, реальности социалистического преобразования середняка. Эта сторона является базой для установления союза пролетариата с середняком против капитализма и на основе этого союза — для добровольного социалистического (под руководством пролетариата) преобразования сельского хозяйства и победы над капитализмом. Второе свойство (собственник, торговец), тянущее среднего крестьянина в сторону капитализма, есть выражение товарно-капиталистической тенденции середняка, делающее его мелким буржуа [1]). С этой тенденцией, с капиталистическим путем развития середняка, пролетариат ведет борьбу.

---

[1]) «В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянство и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождает этот капитализм постоянно,—если он этого не понимает, то хоть бы он сто раз об'являл себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена. Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (Ленин, т. XVI, стр. 134).

В условиях СССР заложены все предпосылки для победы (созданием крупного общественного производства) над этой тенденцией в ожесточенной борьбе с капитализмом. Борьба с капитализмом, борьба с кулачеством есть условие, без которого невозможна победа над этой капиталистической тенденцией середняка, ибо не вести непримиримой борьбы с классовым врагом, значит давать ему возможность повести за собой середняка, свернуть его с пути коллективизации, социалистического пути на путь капиталистический.

> «Сохранят ли крестьянские массы полностью союз с рабочим классом, или они дадут буржуазии раз'единить себя с рабочим — зависит от того, по какому пути пойдет развитие сельского хозяйства: по социалистическому, или по капиталистическому, и, сообразно с этим, кто будет руководить развитием хозяйства — кулак или социалистическое государство» (из резолюции 16 партконференции).

Благодаря наличию первого свойства середняка (трудящийся) пролетариат имеет предпосылки для того, чтобы повести его за собой по социалистическому пути.

Борьба социалистической и капиталистической тенденций, борьба пролетариата и полупролетарских элементов деревни с буржуазией, с кулачеством—таков фон, на котором развертывается коллективизация середняка. Только филистеры из лагеря правых оппортунистов не хотят видеть неизбежности на данном этапе обострения классовой борьбы и неизбежности бешеного сопротивления кулачества социалистическому наступлению.

Благодаря сочетанию в лице середняка двух противоположных тенденций, ему свойственны колебания между пролетариатом и буржуазией, между социализмом и капитализмом.

> «Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это — довольно значительная (а по остальной России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это — обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.
>
> По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот что должен делать пролетариат». (Ленин, том XVI стр. 354, 355. Курсив мой — *И. В*).

Колебания середняка есть важнейшее его свойство, вытекающее из отмеченной выше классовой природы мелкого товаропроизводителя. «Глубокомысленные» правые оппортунисты построили целую теорию, обосновывающую непрерывные уступки товарно-капиталистической тенденции середняка. Их теория обосновывает переход середняка на «социалистический» путь через товарно-капиталистическую тенденцию. Отсюда теория строительства социализма через процесс обращения с автоматическим внедрением социализма в область с.-х. производства, отсюда теория мирного врастания капитализма в социализм, роднящая правых с представителями махрового ревизионизма социал-демократов. Однако, не через товарно-капиталистическую тенденцию можно перевести мелкого производителя на рельсы социализма, а *через ее преодоление*. Развертывание хозяйственного строительства на основе товарно-капиталистической тенденции мелкого производства есть развертывание капитализма; оно означает развертывание двух противоположных путей развития, капиталистического в деревне и социалистического в городе, оно приводит к тому, чтобы руководство хозяйственным строительством в деревне отдать кулаку. Пролетариат стоит при таком положении перед перспективой перехода колеблющегося середняка на сторону капитализма против социализма.

Развертывая же колхозное строительство, пролетариат ведет за собой середняка по социалистическому пути и побеждает капитализм, побеждает товарно-капиталистическую тенденцию мелкого производства путем радикальной, добровольной перестройки его в крупное общественное производство.

Коллективизация в основе есть выражение и практическое осуществление *социалистической тенденции*. Болтовня некоторых товарищей (Ларин) по поводу частно-хозяйственной (а не социалистической) природы сплошной коллективизации не может быть иначе расценена, как утверждение о том, что колхозы, лишь видоизменяя природу середняка, оставляют в неприкосновенности товарно-капиталистическую тенденцию, хотя и в видоизмененной форме. Практически то означает полную невозможность коллективизации середняка, которого можно (к этому ведет эта установка) только принудительно «раскрестьянить» (что возможно, по троцкизму, при условии мировой пролетарской революции).

Природа середняка, вошедшего в колхоз, начинает меняться, так как при организации коллективного хозяйства возникают новые, коллективистические производственные отношения. В артелях, как основной форме колхозного движения на данном этапе, мы имеем вместо частной собственности на средства производства, переход к коллективной собственности на основные средства производства (машины, орудия, рабочий скот, товарно-продуктивный скот, хозяйственные постройки). Вместо индивидуального хозяйничания на клочке земли, в колхозах мы имеем ликвидацию меж, сведение земель в одни массивы для коллективной обработки. Вместо величайшей раздробленности и разобщенности производителей, мы имеем установление крупных коллективов, связанных между собой общностью товарищеского производства. Вместо стихийных рыночных отношений, мы имеем переход к плановому продуктообмену между городом и колхозами. Вместо собственника на продукты своего производства в колхозах мы имеем *в основном* переход к распределению продукции (в артелях на данной стадии в основном продукции полеводства) по количеству и качеству затраченного труда, и т. д. Все это приводит к трансформации товарно-капиталистической тенденции середняка, приводит к постепенному радикальному *изживанию* второй отличительной особенности природы середняка (собственник), приводит к превращению его в работника социалистического хозяйства, приводит к постепенному, хотя и длительному, изживанию разницы между пролетариатом и крестьянством. Колхозы выступают как социалистическая, как антикапиталистическая форма хозяйства, вопреки реакционным карканьям предателя и меньшевика Троцкого и его друзей о том, что в колхозах диференциация пойдет еще быстрей, что колхозы являются маскировкой для кулака. Процесс коллективизации есть подлинный путь основных масс крестьянства к социализму. Результатом этих процессов будет являться величайшее историческое явление — *прекращение колебаний середняка между капитализмом и социализмом, между пролетариатом и буржуазией*.

Однако, прекращение колебаний середняка нельзя рассматривать, как возникающее *сразу* при одном только факте вступления в колхоз. Середняк в колхозе резко отличается от середняка вне колхоза, но середняк только в колхозе начинает по-настоящему, *в корне* переделывать свою природу и нужен определенный, длительный срок для того, чтобы им были изжиты *мелкособственнические представления*. Именно поэтому и в колхозах, на первой стадии их развития, *середняку будут свойственны еще колебания, неуверенность*. Закрывать на это глаза было бы недопустимой ошибкой для марксиста. Свойственные середняку колебания *усиливаются* при неправильной по отношению к нему политике. В факте ухода из колхозов миллионов крестьянских хозяйств за последние месяцы с особой ясностью оправдались указания Ленина на то, что переход к крупному общественному земледелию можно только «замедлить и затруднить» голым администрированием. На такую линию администрирования в колхозном движении, насильственного, а не добровольного вовлечения крестьянских масс в колхозы и сбились многие районы и даже целые округа и области. Это *не могло не привести* к резкому *усилению* колебаний середняка, к отходу от коллективизации, к распаду искусственно созданных колхозов, к затруднениям в дальнейшем росте колхозов. В этом отходе миллионов крестьянских хозяйств из колхозов виновато *не только* прямое действие административного усердия многих организаций, но и *косвенное* влияние этих, с позволения сказать, «методов» коллективизации. Именно *косвенному отражению* подобных «методов» по вовлечению крестьянских хозяйств в колхозы принадлежит решающая роль в усилении колебаний середняка (и в этом отношении вред «левацкой» теории и практики чрезвычайно усиливается). Совершенно нельзя себе представить, чтобы одними только административными мерами с неизбежной в таком случае принудительностью, можно было «загнать» в колхозы все семь с лишним миллионов крестьянских хозяйств (вышедших), или чуть не свыше тридцати миллионов сельского населения. Грубейшие извращения линии партии, погоня за процентами и погоня за высшими формами колхозов, не считаясь ни со степенью подготовленности масс, ни с районными особенностями, ни с необходимостью считаться с непройденными этапами коллективизации, ни с *необходимостью проводить принцип добровольности* и т. д., принесли величайший вред колхозному движению, *все это усиливало колебания крестьянских масс, даже добровольно вошедших в колхозы*. Природа колеблющегося середняка такова, что в ответ на случаи и даже отдельные случаи перегибов при коллективизации, извращений правильной линии партии он не отвечает развертыванием активности, направленной на изживание недостатков *в рамках колхоза*, а возвращается в скорлупу индивидуального хозяйства, от которого он сделал первый, робкий, оглядываясь назад, шаг. И именно поэтому, *оставшиеся в колхозах миллионы крестьянских хозяйств и десятки миллионов сельского населения*, устоявших в этот период массового отлива, представляют собой (в основном, конечно) наиболее передовую часть крестьянских масс, *которая является подлинной и действительной опорой в борьбе за дальнейший рост коллективизации, за социалистическую перестройку всего сельского хозяйства*, за выкорчевывание корней капитализма. В десятках миллионов колхозников мы имеем *могущественную силу, которая является величай-*

шей опорой пролетариата в боях за социализм. Почти одна треть всего сельского населения в колхозах, 30 — 35 миллионов га коллективных посевов, миллионы закалившихся в борьбе за коллективизацию колхозников — это величайший перелом, который после Октябрьской революции, ликвидировавшей помещичье землевладение, является вторым, решающим шагом по пути к социализму, который при завершении коллективизации приведет к построению фундамента социалист ческого строя во всем хозяйстве СССР.

Этого величайшего перелома партия добилась благодаря неуклонно осуществлению, в борьбе с уклонами от линии партии, правильной полити Основными моментами, обеспечившими перелом, являлись: достижение стрых темпов в развитии социалистической индустрии, осуществление сового кооперирования, переход на рельсы производственного кооперир ния, развертывание строительства крупного государственного социали ческого земледелия, организации машинно-тракторных станций и наступл ние на кулацко-капиталистические элементы в союзе с середняком и организации бедноты. Именно в результате огромной подготовительной боты мы имеем в основных зерновых районах решающий переход осн ных масс крестьянства на рельсы коллективизации. Именно поэто остальных незерновых районах и восточных республиках СССР задача рехода к массовой коллективизации требует всемерного развертывания оперирования крестьянства, широкого распространения товариществ по щественной обработке земли, как переходной к артели формы колхо ганизации совхозов, в особенности специального направления, всем укрепления организовавшихся колхозов и строительства машинно-тра ных станций. Все эти мероприятия, при проведении усиленного наступления на кулацко-капиталистические элементы и дальнейшего ограничения их эксплоататорских тенденций, при широкой организации бедноты, обеспечат переход этих районов к массовой коллективизации.

Новое в соотношении социальных сил на данном этапе, таким образом, прежде всего, характеризуется тем, что пролетариат и партия теперь в основных зерновых районах получили новую мощную опору в виде многочисленных масс колхозников. Середняк-колхозник, входящий в артель, обобществивший основные средства производства, ставший на путь радикальной социалистической переработки своей природы, превращается из союзника пролетариата в его опору на ряду с беднотой, на ряду с полупролетарскими элементами деревни. Это означает невиданное расширение политической базы пролетариата в деревне, исключительное по своей быстроте сужение базы для влияния кулацко-капиталистических элементов, которые сами подвержены ликвидации в районах сплошной коллективизации. Политика ликвидации кулачества как класса органически вытекает из перехода к сплошной коллективизации, является нераздельной, составной частью сплошной коллективизации. Организуя активность бедноты для беспощадной борьбы с кулачеством при переходе к сплошной коллективизации, обеспечивая поддержку со стороны середняка в этой борьбе в момент рождения массовых колхозов, мы при осуществлении сплошной коллективизации получаем в лице масс колхозников, бедняков и середняков мощную силу, которая под руководством пролетариата и его партии направлялась (при правильной политике), направляется и будет направляться на борьбу с остатками капитализма, на борьбу за осуществление лозунга ликвидации кулачества как класса, на борьбу за укрепление колхозов и дальнейший их рост.

Это не исключает, а предполагает такие взаимоотношения колхозников и единоличников бедняков и середняков, пока оставшихся вне колхозов, которые бы строились на основе привлечения единоличников к колхозам, на основе установления таких взаимоотношений, которые создавали бы все предпосылки для дальнейшего вовлечения в колхозы сегодняшних единоличников.

Основным принципом во взаимоотношениях с середняком является союз, соглашение с ним пролетариата и бедноты. Этот союз может правильно осуществляться, если он направлен на укрепление пролетарского государства, на социалистическое строительство и борьбу с капитализмом. Разрешение этих задач может достигаться только при условии сохранения за пролетариатом его руководящей роли.

Соглашение с середняком против капитализма, против кулачества является основой колхозного движения.

На вопрос о том, в чем состоит корень ошибок в крестьянском вопросе, Сталин отвечает:

> «В неправильном подходе к середняку. В допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, основе союза с середняком. В забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности» (И. Сталин «Ответ товарищам колхозникам». (Курсив мой. И. В.).

Нарушение принципа добровольности, насильственные административные методы, применение к середняку мер, направленных против кулачества, игнорирование середняка при разрешении вопросов внутриколхозного строительства и т. д. — все это ведет к срыву соглашения с середняком, а следовательно, к подрыву основы для коллективизации. Только исходя из этого принципа соглашения с середняком, направленного против капитализма, против кулачества, мы обеспечили коренной поворот середняцких масс к коллективизации, обеспечим дальнейший рост колхозного движения и дальнейший переход индивидуальных хозяйств в колхозы. Вместе с этим, только исходя из этого принципа, мы обеспечим укрепление существующих колхозов и дальнейшее продвижение их по пути к высшим формам коллективизации. Это значит, что внутри колхозов должны устанавливаться правильные отношения с середняком. По каким линиям должно итти установление правильных отношений с середняком внутри колхозов? По линии привлечения середняка к руководству колхозным строительством, во-первых; развертывания широкой самодеятельности колхозных масс вокруг вопросов хозяйственного строительства, использования хозяйственного опыта середняка для разрешения производственных вопросов коллективного хозяйства, во-вторых; по линии установления таких форм распределения дохода, которые не отталкивают середняка от колхозов и дают в то же время возможность постепенного перехода к подлинно социалистическим формам оплаты труда в-третьих; по линии трезвого учета особенностей собственнической природы середняка и соответственно уступку ему в вопросах быстроты перехода к полной ликвидации частной собственности на все средства производства в-четвертых; и в-пятых, по линии установления таких отношений с кадрами пролетариев (например, двадцатипятитысячники) и бедноты в колхозах, которые бы сохраняли за ними общую руководящую роль, обеспечивая тем, самым проведение в колхозах пролетарской линии, направленной на непрерывное развитие социалистических производственных отношений в колхозах и на преодоление мелкобуржуазных тенденций к перерождению колхозов.

Сельско-хозяйственная артель является основной формой колхозного движения на данной стадии. Отличительной особенностью артели является обобществление основных средств производства, необходимых для ведения крупного, товарного хозяйства (машины и орудия, рабочий скот, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот и проч.). Достижение с.-х. артели, как основной формы колхозного движения на данном этапе, является величайшим историческим завоеванием, ибо здесь уже заложены все основы для победного шествия крупного общественного производства. Прямой недооценкой нарождающейся социалистической формы хозяйства, неверием в возможность через с.-х. артели притти к организации подлинно социалистического производства является стремление многих ретивых коллективизаторов обобществить сразу все средства производства, ликвидировать всякую собственность на все средства производства, заставить вчерашнего мелкого собственника уже сегодня отказаться целиком от всех собственнических интересов, от всех мелкособственнических представлений. Эти устремления «левацкого» типа прямым путем ведут к отпугиванию от артели середняка, прочно повернувшего к обобществлению основных средств производства, а следовательно, сделавшего решающий (решающий!!) шаг в сторону коллективизации, решающий шаг по пути к социализму, но не могущего сразу, что называется, «не переводя духу», отрешиться от всех и всяких собственнических представлений и «одним махом» переделать свою двойственную природу, о которой мы говорили выше. Эти устремления ведут к отходу середняков от колхозов, а следовательно, к разрушению организовавшихся артелей, в которых мы можем по-настоящему переделывать классовую природу середняка, ведут, следовательно, к сдаче достигнутых позиций в борьбе за коллективизацию, за социалистическое преобразование деревни. С какой ясностью вырисовывается прямое взаимодействие «левого» революционного фразерства, за которым следует «левацкая» оппортунистическая практика, с правым оппортунизмом! Партия исходит из неизбежности считаться с необходимостью наличия в с.-х. артелях в единоличном пользовании колхозников определенного личного хозяйства: корова, овцы, птица, приусадебные огороды и пр., необходимости считаться с использованием для индивидуального хозяйства колхозников определенной части обобществленных средств производства: рабочего скота и орудий для обработки единоличных приусадебных посевов, кормов для скота и птицы, находящихся в единоличном пользовании колхозников и проч. и с необходимостью считаться с использованием определенной части рабочего времени колхозника, и его семьи для работы в единоличном хозяйстве. Личное хозяйство колхозников будет носить в основном потребительский, а не товарный характер, но это не значит, что в какой-то определенной степени это хозяйство не будет иметь товарных излишков, максимальный охват которых в порядке контрактации со стороны колхозов и кооперации является важнейшим делом. Гвоздь вопроса в правильной работе колхозов заключается в том, чтобы полностью обеспечить быстрый рост обобществленного хозяйства, чтобы так организовать работу колхозников, чтобы они (колхозники) направляли все усилия на быстрый рост, укрепление и повышение товарности коллективного производства, на непрерывное развитие коллективистических производственных отношений и постепенное, на этой основе, но неуклонное изживание мелкособственнических тенденций колхозников, изживание и в конечном счете ликвидация собственнических представлений, собственнической психологии. Грош цена тем колхозам, которые не сумеют так сочетать на данной стадии работу колхозников в коллективном хозяйстве с работой в личном хозяйстве, чтобы она не вела к росту коллективистических отношений за счет мелкобуржуазных, и которая дала бы возможность направить колхозников по пути роста индивидуального хозяйства за счет товарищеского, по пути мелкобуржуазного перерождения и дальше распада колхозов.

Важнейшим моментом, связанным с установлением правильных отношений с середняком, является вопрос распределения доходов в колхозах. В сельскохозяйственной артели мы имеем в основном установление социалистического типа распределения доходов: распределение по количеству и качеству затраченного труда, а не на основе владения определенными средствами производства. Этот основной принцип является важнейшим достижением на пути к установлению подлинных коллективистических производственных отношений. Однако, это не значит, что артели сразу, немедленно могут перейти целиком и полностью на этот принцип распределения доходов. Этого они могут достигнуть лишь в процессе глубокой переработки вчерашнего мелкого собственника, в процессе коренной перестройки материально-технической базы производства и повышения культурного уровня масс колхозников. Отсюда, неизбежны на данном этапе некоторые специфические модификации этого принципа, применение его в простой, элементарной форме, ряд частичных дополнений к нему, устанавливаемых практикой колхозного строительства, а не декретируемых по шаблону, не навязываемых сверху. Отсюда неизбежно частичное распределение дохода сообразно внесенным в обобществленные фонды средствам производства (5 проц. от дохода колхоза распределяются соразмерно паевым взносам колхозников в обобществленное имущество). Все это не исключает того, что принцип оплаты труда по количеству и качеству затраченного труда должен являться основным принципом в артелях, на непрерывное развитие и усовершенствование которого должны быть направлены энергия и инициатива колхозных масс. Здесь так же, как и в вопросе о личном хозяйстве членов колхозов, колхозы должны вести линию на неуклонное укрепление социалистических принципов и преодоление, в конечном счете, собственнических, а равно мелкобуржуазных уравнительных тенденций колхозников. При распределении доходов, при организации всего производства, важнейшим результатом которого должно быть непрерывное повышение производительности труда, как решающего фактора для окончательной победы новых общественных отношений, колхозы должны исходить из категорической необходимости обеспечить расширенное воспроизводство коллективного хозяйства, обеспечить накопление общественных средств производства. Только при таком условии колхозы могут прочно развиваться. Вместе с этим только при этом условии колхозы могут переходить к высшей форме — коммуне. Не мало оппортунистических, головотяпских ошибок наделано при стремлении сразу организовать высшие формы колхозов—коммуны, основанные на полном обобществлении средств производства, труда и быта, и перепрыгнуть через непройденную еще ступень развития. В стремлениях к немедленному обобществлению всего быта и особенно к введению общей уравнительности в распределении, нет ничего революционного, наоборот, эта якобы «революционная» тенденция насаждения в сущности узко замкнутых потребительских ячеек («коммун») на самом деле есть реакционная тенденция. Реакционному на данном этапе принципу всеобщей уравнительности в распределении целиком противоречит принцип распределения по количеству и качеству труда. Коммуну мы можем рассматривать только как высшую форму коллективизации, к которой колхозы могут переходить лишь в соответствии с повышением технической базы, в соответствии с ростом колхозных кадров и под'емом материального и культурного уровня масс колхозников. Коммуну высшей формой коллективизации делает не обобществление быта, а полное обобществление всех средств производства, а следовательно, полная ликвидация частной собственности на все без исключения средства производства. В этом центральное, решающее отличие коммуны от артели. Именно на этой основе и на основе подведения под коллективное производство новой технической базы и на основе перехода колхозов от мануфактурного типа к крупному машинному производству будут организовываться коммуны.

На этой основе мы будем иметь (и уже имеем отдельные образцы) роста крупных и сверхкрупных предприятий вопреки получившей печальную известность «гигантомании», этой попытке без организационной и технической подготовки, без подготовленности масс, нарушая принцип добровольности, организовать безжизненно-бюрократические «гиганты».

Обобществление быта есть следствие перехода к высшей форме колхозов, а не условие его. Переходя к полному обобществлению всех без исключения средств производства, переходя к коммуне, колхозы должны ставить перед собой задачу постепенной организации учреждений и предприятий по общественному обслуживанию личных потребностей (общественные жилища, столовые и т. п.) [1].

Переход к высшим формам колхозов, как к массовому движению, в котором действительно участвуют действительные массы колхозников, есть следующая стадия коллективизации.

Переход к высшей форме колхозов, как массовому явлению, означает переход к окончательному изживанию собственнических представлений середняка. Здесь мы уже достигаем стадии, когда вплотную подойдем к превращению колхозов в подлинно социалистические предприятия, к решительному изживанию разницы между пролетариатом и крестьянством. Только на этом, следующем этапе в развитии коллективизации, заложится основа для восприятия принципов организации производства, свойственных последовательно-социалистическому сектору сельского хозяйства (совхозам). Переносить же на колхозы систему управления, свойственную совхозам, было бы на данном этапе грубейшим извращением всей политики коллективизации крестьянских хозяйств, ведущим к подрыву колхозного движения, а не к его дальнейшему развитию. Практика превращения колхозника в «пролетария», в рабочего, перенесение организационной системы управления совхозами на колхозы, практика установления фиксированной денежной зарплаты, практика превращения крестьян в рабочих совхозов путем их «пролетаризации» (были и подобные случаи) не имеет ничего общего с политикой организации добровольных коллективных хозяйств, возникающих при финансовой поддержке государства на средства самих крестьян и являющихся генеральной линией перехода мелких товаропроизводителей к социализму, к переработке таким путем классовой природы середняка и в конечном счете, к ликвидации разницы между рабочими и крестьянами, к уничтожению классов и полной победе над капитализмом.

---

[1] Это не значит, что и в артелях колхозники не будут, в той или иной форме, создавать общественные формы удовлетворения личных потребностей, особенно связанных с процессом производства (например, общественное питание во время полевых работ и т. п.).

И. Мингулин.

Экономический кризис и революционный под'ем в Америке.

1. Экономический кризис и классовая борьба.

Развитие классовой борьбы в Соед. Штатах в связи с экономическим кризисом имеет международное значение. Какова связь кризиса с развитием классовой борьбы? Для нас совершенно ясно, что под'ем революционной борьбы пролетариата связан с нарастающим кризисом капитализма, составляет его решающую часть. В конечном счете нарастающий кризис капитализма получает свое наиболее «неопровержимое» выражение именно в росте революционной борьбы пролетариата. Вне этого ленинизм не может ставить вопрос о «судьбах капитализма».

Ленинизм на вопрос о ближайшей связи капиталистической кон'юнктуры с развитием классовой борьбы может отвечать и отвечает лишь конкретно. Совокупность многочисленнейших условий, которые заранее учесть или невозможно или весьма трудно, решает вопрос о том, какова будет эта непосредственная связь с данным циклическим движением капиталистической экономики. Эта связь может быть *и* прямой *и* обратной. Окончательный ответ на этот вопрос может дать лишь практика классовой борьбы.

Опыт пролетарского движения показывает здесь самое различное сочетание, меняющееся при этом и в зависимости от различных стадий кризиса, не говоря уже о различном характере, глубине и всеобщности кризиса.

Послевоенный экономический кризис на общем фоне общего кризиса капитализма привел на первом этапе к бурному революционному под'ему и в ряде стран к гражданской войне пролетариата против буржуазии. На втором этапе на основе поражения пролетариата в 1919—20 гг. началось всеобщее наступление капитала, затем пролетариат несколько поправился и глубокий экономический кризис привел к революционной ситуации в Германии в 1923 г. На основе поражения 1923 г. началась частичная стабилизация капитализма и спад пролетарской борьбы при под'еме капиталистической кон'юнктуры. В этой же полосе началась борьба английского пролетариата в 1926 г.—борьба оборонительная с попытками контрнаступления, но борьба напряженная, борьба миллионнных масс.

На этом же под'еме капиталистической кон'юнктуры начинается под'ем классовой борьбы с 1927—28 г. Пролетариат начинает переходить в контрнаступление. Английский пролетариат в этой же полосе под'ема капиталистической кон'юнктуры с конца 1926 года переживает относительную, но довольно затяжную и глубокую депрессию, на которой спекулируют английские правые, чтобы законсервировать оппортунистическую тактику и всячески саботировать проведение новой линии. Помимо этого в колониальном секторе пролетарская революция проходит свой не менее сложный путь, а в самой Европе имеют место такие события, как восстание в Вене, международные выступления в связи с казнью Сакко и Ванцетти и т. д.

Накануне назревающего мирового экономического кризиса нарастает новый революционный под'ем. С назреванием кризиса и в зависимости от различных его стадий и совокупности многочисленных обстоятельств мы видим *различную* его связь с развитием классовой борьбы в отдельных странах. Американский пролетариат ответил пока на кризис широкими массовыми выступлениями и значительным ростом коммунистической партии. В Англии с назреванием кризиса нарастает сейчас классовая борьба. Бурный революционный под'ем в Китае, Индии, пока несколько меньше в ряде других колониальных и полуколониальных стран. Сложней значительно процесс в Германии, Польше, отчасти, Франции, куда только-только доходят волны кризиса.

При более обстоятельном анализе нужно было бы, конечно, дать более диференцированный анализ тех конкретных условий, которые определили ту или иную ближайшую связь между экономической кон'юнктурой и классовой борьбой. При этом нужно было бы обязательно различать обычные изменения кон'юнктуры от цикличных экономических кризисов, а те и другие от экономических кризисов и потрясений, которые перерастают или развертываются как часть острого революционного кризиса всей капиталистической системы. *Но и сказанного достаточно, чтобы показать самую разнообразную непосредственную ближайшую связь между развитием классовой борьбы и кон'юнктуры капиталистической экономики.* В *общем в полном соответствии с теорией марксизма-ленинизма здесь существует обратная связь,* т.-е. *с падением, ухудшением капиталистической «кон'юнктуры», с перерастанием его цикличных кризисов (в силу общей перезрелости и загнивания капитализма) в общий кризис системы, который в свою очередь развивается так же через различные кон'юнктурные фазисы и менее ясно выраженные цикличные кризисы, классовая борьба пролетариата подымается, нарастает и развертывается в гражданскую войну с буржуазией. В то же время непосредственная ближайшая связь того или иного кон'юнктурного перелома в экономике капитализма с развитием классовой борьбы на данном этапе бывает — и иначе и быть не может — самой разнообразной.*

Так именно ставил вопрос Маркс в 1850 г. в «Классовой борьбе во Франции».

> «Она (революция. *И. М.*) возможна лишь в такие периоды, когда оба эти факторы — новейшие производительные силы и буржуазные формы производства — приходят между собой в противоречие... Новая революция возможна лишь после нового кризиса. Зато она также неизбежна, как и этот последний»

Также в конкретном случае ставил вопрос Энгельс в предисловии к указанной работе Маркса, написанном в 1894 г.

С такой марксистско-ленинской установкой полностью разрывает установка оппортунистов всех мастей. В самом деле, — думает реформист — во время высокой конюнктуры есть что выторговать у капиталиста и классовая «борьба» может «подыматься», но какая же борьба может быть во время спада кон'юнктуры, когда бороться не за что и, наоборот, надо помогать капиталисту, штопать дыры разлезающегося строя. Бороться в такое

время противоестественно, это разрушает в самой основе любезную сердцу реформиста и социал-фашиста капиталистическую экономику. Именно эта логика приводит к перерастанию социал-оппортунизма в социал-империализм и социал-фашизм. Но логика эта капиталистическая, буржуазная и ничего общего с марксизмом не имеет, прямо противоположна и враждебна ему.

Именно по-марксистски ставил вопрос об этой связи и Ленин и этому он учил большевиков. Этот вопрос о связи экономического кризиса или депрессии с развитием классовой борьбы понятно является не академическим, а животрепещущим вопросов борьбы для каждой революционной пролетарской партии и ставился он и в развитии нашей большевистской партии в России, в частности в 1908 году.

> «Одни говорят, — писал в связи с этим Ленин, — попрежнему невозможна экономическая наступательная борьба рабочих, следовательно невозможен близкий революционный под'ем. Другие говорят: невозможность экономической борьбы толкает к политической и поэтому неизбежен близкий революционный под'ем...
>
> «Мы думаем, — отвечает Ленин, — что в основе рассуждений тех и других есть одна неправильность, состоящая в упрощении сложного вопроса... Никакие данные о кризисе, даже идеально точные, не могут по сути дела решить вопрос за или против близкого революционного под'ема, ибо под'ем этот зависит еще от тысячи факторов, учесть которые наперед невозможно. Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы. Это бесспорно. Но раз общая почва есть налицо, то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу вообще, или на известной стадии событий та же депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и, в особенности, за состоянием движения и настроения широких пролетарских масс»[1]).

По-ленински «следить» не значит сидеть на безопасной спокойной вышке с подзорной трубой и смотреть, выступят рабочие массы или нет и если выступят, то как. «Следить» можно только широкой агитацией (не «агиткой», а политической, массовой агитацией, мобилизующей и организующей массы и неразрывно связанной с этой организацией и мобилизацией масс) и организацией масс на борьбу. Это и предлагал Ленин, это и предложил секциям КИ расширенный президиум ИККИ вместо «революционных» мудрствований, схоластических гаданий и оппортунистического выжидания особенно.

> «Только агитация, — писал Ленин в этой же статье, — в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом, только использование в целях политической агитации и каждой стачки, и каждого крупного события или вопроса рабочей жизни, всех конфликтов внутри правящих классов или той и иной фракции этих классов с самодержавием и каждого выступления с.-д. в Думе, и каждого нового проявления контрреволюционной политики правительства и т. д. — только эта работа сомкнет снова ряды революционного пролетариата, даст безошибочный материал для суждения о быстроте назревания условий для новых и более решительных боев». (Там же, стр. 384).

Но Ленин в то же время ясно видел все *значение периода экономических кризисов для под'ема классовой борьбы пролетариата на более высокую ступень.* Именно в 1901 г. в связи с экономическим кризисом накануне назревания революционного под'ема в России Ленин писал:

> «Но смена промышленного оживления научит рабочих не только тому, что об'единенная борьба стала для них постоянной необходимостью, эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться

---

[1]) Ленин, т. XII, стр. 383, статья «Об оценке текущего момента».

> в период оживления промышленности... Цеховые союзы и стачки (экономические И. М.) бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждая массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия необходима революционная борьба со всем современным обществом, политическим строем и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины».

Несмотря на все огромное различие условий капиталистических стран Запада от условий России, несмотря на все огромнейшее различие современных условий классовой борьбы от условий начала XX века,—эти слова Ленина имеют сугубо важное значение в отношении современного экономического кризиса.

Уже VI конгресс установил, что в современных условиях классовой борьбы каждая мало-мальски крупная экономическая стачка имеет политическое значение. Но *от этого* до стачки политической, до массовой политической стачки *еще очень большой шаг*. Это шаг *от* об'ективно-политического значения стачки *до* суб'ективного сознания рабочими политического содержания и значения их борьбы и, больше того,—роста их *решимости* (и организованности)—а она создается лишь особыми условиями, лишь на определенной ступени развития борьбы—связать экономическую борьбу с политической, выступить против *всего* существующего капиталистического *строя*. А это сознание и решимость рабочий может получить лишь на опыте классовой борьбы, может приобрести лишь при соответствующих об'ективных условиях, лишь при наличии достаточно опытного и связанного с массами авангарда класса. Революционный под'ем, назревавший уже до кризиса, был этим периодом классовой борьбы, был этой школой, обучавшей рабочих этому сознанию и решимости, выковывавшей этот авангард, связывавшей его с массами. Назревающий экономический кризис создает *ускоренным темпом* те условия, ту обстановку, о которых говорил Ленин и которые подводят рабочий класс *вплотную* к проблеме массовой политической стачки.

В Соед. Штатах развитие массового движения уже в значительной степени показало, что экономический кризис привел к перелому во время развития америакнского империализма, к повороту в классовой борьбе пролетариата, к серьезному началу массового революционного под'ема.

6 марта в Америке под знаменами коммунистической партии демонстрировало более миллиона рабочих. За два—три месяца вербовки в партию новых рабочих американская коммунистическая партия почти удвоила свой состав. В нее (по последним сведениям) вступило в период вербовки от 10 декабря 1929 г. по 28 февраля 1930 г. — 6.167 новых членов партии. Из этих 6.167—85%—рабочие с фабрик и заводов. Из этих 6.167—934 негра. В демонстрациях против мексиканского контрреволюционного президента Рубио, приехавшего погостить в Америку к своим хозяевам с Уолл-стрита, партия вызвала на улицу десятки тысяч рабочих. На похоронах убитого полицией коммуниста Котовича, демонстрировало в знак протеста против фашистского террора 40—50 тыс. рабочих. До и после 6 марта имели место ряд больших массовых демонстраций и более или менее значительных стачечных выступлений. Относительно выступления первого мая мы еще не имеем достаточных данных о событиях в отдельных штатах. Первое мая подготовлялось в условиях усиленных полицейских репрессий и провокаций против компартии. Три центральных работника партии—Фостер, Амтер, Майнор—сидят в тюрьмах. В Чикаго и др. городах полиция делала налеты на помещения компартии с арестами руководителей организации. Все же по сведениям в Нью-Йорке произошла грандиозная демонстраюция около 150.000 рабочих. Коммунистическая партия возглавила борьбу в Гастонии, руководила—хотя и с большими недочетами—борьбой горняков Иллинойса и десятками других более или менее мелких и крупных забастовочных выступлений пролетариата. Самая солидная буржуазная печать заговорила о коммунизме, о коммунистической опасности. Не о коммунистической опасности вообще, а об опасности непосредственно у себя—дома, представляемой плотью и кровью американской коммунистической партии и бурно подымающимся на борьбу против капитализма американским пролетариатом.

О чем все это говорит?

Это говорит о том, что в развитии американского империализма наступил *перелом*. Наступил *поворот* в развитии классовой борьбы в Америке. Ходом классовой борьбы разрешается проблема создания *массовой коммунистической партии*. Класс становится против класса. Не Европа «американизируется», а Америка «европеизируется».

Этот поворот наступил не внезапно. Он внезапен лишь для тех, кто со слов американской буржуазной рекламы и публицистики уверовал в американское просперити, в исключительность Америки, в оздоровление капитализма. Этот поворот *подготовлялся* в последние годы; разразившийся экономический кризис в Америке его обнажил, *вскрыл* и вместе с тем дал бешеный *толчок* революционному развитию. Именно потому, что коммунистическая партия Америки подготовляла себя и массы к этому повороту, очищала себя от правого (а также «левого») оппортунизма, уверовавшего в прочность просперти, в исключительность американского капитализма, в оздоровление мирового капитализма, именно поэтому она оказалась в основном подготовленной, чтобы встретить новую ситуацию и быть впереди бурно развертывающегося массового движения.

Но было бы иллюзией думать, что компартия уже готова «во всеоружии встретить грядущие классовые бои в Америке» (Сталин). В этом направлении сделан лишь первый серьезный шаг, созданы лишь *предпосылки* решения задачи, а само решение еще почти целиком впереди.

Кризис вскрывает и сам производит большие классовые сдвиги, огромные сдвиги, прежде всего, в рабочем классе — класс, как таковой, в своих массах пробуждается на борьбу, разбивается тяжело давящая скорлупа буржуазного влияния. В Нью-Йорке 6 марта 120.000 демонстрируют на улицах, в столкновениях с полицией завоевывают себе дорогу, отстаивают свое право на улицу, право на открытую борьбу с буржуазией. В Дэтройте в центре автомобильной промышленности, где компартия имела всего несколько сот человек, она выводит на улицу 100.000 рабочих, которые в полуторачасовом столкновении с полицией, с десятками раненых, как и в Нью-Йорке, пробивают себе путь, неся коммунистические знамена и лозунги. То же самое в Чикаго, в Сан-Франциско, в Кливленде, Питтсбурге, на Юге. Мы еще остановимся в другом месте на анализе этого выступления, как и на плюсах и минусах подготовки и проведения партией 6 марта, а позже и 1 мая. Но при всем этом огромный массовый характер движения ясен.

«Лед тронулся» — писал Ленин в 1919 г. после I-го конгресса Коминтерна, когда идея советов приводила в движение миллионные массы рабочих и крестьян в капиталистических и колониальных странах. В истории американского движения *не было еще* столь широкого массового выступления, как выступление 6 марта. Лед массового революционного движения по-настоящему, серьезно тронулся и в Америке. Давление мощи американского империализма, опиравшаяся на эту мощь агитация просперити и вся идеологическая и политическая надстройка американского финансового капитала создавали *изолированность* коммунистического движения от масс рабочего класса. Несмотря на то, что партия в ряде случаев выступала руководителем упорных стачечных боев пролетариата, коммунистическое движение в Америке *не могло еще* стать движением массовым, движением, связанным тысячами активных связей с массами рабочего класса. Кризис и становится тем двигателем, который в ускоренном порядке пробуждает массы рабочего класса к революционной классовой борьбе и связывает их с коммунистическим движением. Сейчас коммунистический авангард смыкается с массами своего класса, стена американской просперити рушится. Сотни тысяч рабочих и до этого беспощадно эксплоатировавшиеся, жившие в тяжелейших условиях, пробудились и пробуждаются на борьбу. Тяжелая лапа полиции, давление наиболее империалистически коррумпированной Американской Федерации Труда, надежда, что просперити даст может быть и им когда-нибудь свои крохи,— чувство оторванности от больших масс своего класса, находящихся в более выгодном положении, — все это удерживало миллионы рабочих, занятых и безработных, от смелого последовательного выступления против классового врага. Роль настоящего кризиса в том и состоит, что он разбивает перегородки между массами пролетариата, показывает им единство их интересов, сплачивает их как класс, показывает, наоборот, противоположность их пролетарских интересов интересам и стремлениям буржуазии и ее рабочих лейтенантов, пробуждает в рабочих массах классовое самосознание, пробуждает в их сознании те запавшие семена, которые упорная коммунистическая агитация и пропаганда бросали туда в предшествующий период, обращает взоры рабочих масс к своей единственной партии, разбивает перегородки между ней и рабочими массами, созданные или лишь слабо расшатанные предшествующим ходом развития. Таким образом, кризис поднимает рабочий класс на массовое революционное движение во главе со своей коммунистической партией. Кризис экономически переплетается с элементами некоторой неуверенности в ситуации политической. Кризис, таким образом, политически просвещает рабочий класс, учит его неразрывной связи его экономического положения с положением классово-политическим. В этом глубочайшая революционная роль современного экономического кризиса особенно и, прежде всего, в Соед. Штатах. Словом, кризис превращает коммунистическое движение Америки в движение массовое, и этим определяются задачи коммунистической партии Америки.

2. Положение рабочего класса и классовая борьба в годы „просперити“.

Но под'ем массовых выступлений в связи с кризисом подготовлялся всем положением основных масс рабочего класса Америки и развитием классовой борьбы еще в период процветания. В другом случае мы дадим общеэкономическую характеристику периода просперити, — сейчас речь идет о положении рабочего класса. Достаточно взять ряд данных, рисующих более или менее совокупную картину положения рабочего класса, чтобы убедиться в сказанном.

Возьмем, прежде всего, безработицу и интенсификацию труда занятых рабочих. Эти два явления неразрывно связаны с капиталистической рационализацией, являются ее стержнем и составляют важнейший элемент форсированного понижения жизненного уровня рабочего класса в капиталистических странах и в особенности в Соед. Штатах. Огромный рост производительности труда в развитии послевоенного капитализма не сопровождается и не вызывается соответствующим ростом производительных сил. Последний далеко отстает. Эта основная черта послевоенной экономики капитализма. Она ярко вскрывает глубину кризиса капитализма, его загнивания, об'ясняет закономерность и неизбежность процесса расшатывания капиталистической стабилизации. При стагнации или незначительном росте производительных сил производительность труда делает большие скачки. Это определяется как техническим прогрессом, так и бешеным нажимом на мускулы и волю рабочих. «Снашиваемость» рабочего ускоряется в огромной степени»; уже к 40—50 годам рабочий выходит в тираж. Конечно, есть горе-марксисты, которые думают, что они являются прямо мучениками науки, когда «смело» выступают с тезисом о повышении жизненного уровня рабочего класса, ибо, мол, как же, ведь статистика указывает на рост зарплаты. В действительности же послевоенная капиталистическая рационализация бешено понижает жизненный уровень пролетариата и это относится и к Америке.

За последние годы (1919—1926 гг.), по данным «Анналиста», при росте продукции число занятых в сельском хозяйстве, промышленности, горном деле и транспорте, рабочих уменьшилось примерно на 2.125 тыс. чел. Общий индекс производства за эти годы вырос. В то время, как с 1919 по 1929 гг., т.-е. за десятилетие, индекс физического об'ема пром. продукции повышается на 35%., индекс числа занятых рабочих понижается на 6,3%, т.-е. производительность рабочего, выраженная в физическом об'еме продукции, повышается на 42—45%, а число рабочих уменьшается на 6%, так как рост производства резко отстает от роста производительности труда. Характерно при этом, что число лиц, занятых вне производства (свободные профессии, распределение, развлечения и т. д.) выросло за этот же период на 1.850 тыс. человек. Эти последние данные несколько преувеличены, но все же могут служить для ориентировки.

По подсчету Рабочего Бюро число рабочих в одной лишь промышленности уменьшилось с 1923 по 1927 г. на 1.100 тысяч с лишним человек (с 8.778 до 7.668 тыс. человек). Теодор Клаппен в «Мэгэзен оф Уол Стрит» от 3 мая текущего года сообщает, что промышленный ценз 1927 г. определил число индустриальных рабочих в 8.076.555 человек вместо 9.096.750, исчисленных промышленным цензом в 1919 г. Таким образом, по самым скромным исчислениям число рабочих в промышленности за 1919—27 годы уменьшилось на 1½ млн. человек. «Бюро рабочей статистики» определяло число железнодорожных рабочих в 1920 г. в 2.027.000 человек, а в 1926 г. всего 1.783.000 человек. Сейчас, — добавляет Клаппен, — их несравненно еще меньше.

Таким образом, факт 1) огромного роста интенсивности труда, 2) отставания роста производства от роста производительности труда, 3) значительнейшего сокращения числа занятых рабочих — этот факт из всех этих данных несомненен.

Огромная армия безработных стала поэтому постоянным спутником американского процветания. Это и есть, как определяет Стюарт Чэйз, «экономика сумасшедшего дома». В своей книге «Машины и люди» он пишет: «Машины не создали безработицы, но они превратили ее из ничтожной царапины в одну из страшных язв человечества». Можно прямо подумать, что Чэйз является луддитом. Однако, суть дела именно в том, что империализм загнивает и задыхается под выросшими производительными силами, он не может справиться с ними. Чэйз все хочет приписать машинам—в этом сказывается то, что он является буржуазным сикофантом. На самом деле, армия безработных растет как от того, что рабочий вытесняется машиной, так и от того, что он вытесняется растущей экстенсивной и итенсивной эксплоатацией своего занятого собрата по классу.

Поэтому, как пишет тот же Чэйз, «люди должны тысячами бродить без работы по улицам, потому что машины могут дать более, чем достаточно, чтобы снабдить всех. Отныне чем лучше в состоянии мы будем производить, тем будет хуже». Характерно в этом отношении также выступление такого политика и дельца, как Джон Раскоб (председатель национального комитета демократической партии, бывший финансовый директор «Дженераль Моторс»). «Наш производственный аппарат, — пишет Раскоб, — задыхается. Мы не осмеливаемся использовать присущие ему производственные возможности». Таким образом не только литераторы, но и серьезные дельцы и политики американского империализма — еще до развертывания кризиса (статья Раскоба появилась в ноябре) — начинают сознавать, что капитализм САСШ не организован, что он не может справиться с выросшими производительными силами. Чэйз как и Раскоб по-буржуазному, но подошел к самой сути дела, к самой сути противоречий капиталистической стабилизации. Эта стабилизация, как и все капиталистическое общество, рушится под давлением выросших и еще, хотя несравненно медленнее, растущих производительных сил. Стоит сравнить с приведенной цитатой из Чэйза следующее место из Маркса:

> «Абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, — писал Маркс, — только отвечает потребности капиталистического способа производства... Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что, большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж» [1]).

И буржуазные ученые, и публицисты и дельцы иногда говорят прямо как марксисты. «Американская промышленность — заявляет в упомянутой статье Клаппен — может производить в 8 месяцев то, что ей нужно на целый год»! Лучшее свидетельство на несостоятельность современного капитализма на самом его благополучном участке — трудно даже выдумать!

Процесс абсолютного вытеснения рабочих из промышленности, сам по себе происходящий крайне неравномерно, не является законом и может не быть ни общим явлением, ни обязательным для той или иной капиталистической страны. Но этот процесс есть факт, явление вполне закономерное в период всеобщего кризиса капитализма и указывает на глубину и безвыходность этого кризиса.

Все эти данные из разных источников подтверждают, таким образом, один и тот же характер развития, одно и то же направление развития, а именно, что послевоенная капиталистическая рационализация в Соединенных Штатах, приводя к большому росту производительности труда, производительности рабочего, его эксплоатации, не сопровождалась соответствующим ростом производства, вела вследствие этого к образованию постоянной, все растущей резервной армии безработных и приводила к огромному ухудшению жизненного уровня и положения рабочего класса.

Приведем в подтверждение этого еще несколько прямых данных о росте производительности труда и росте производительности одного рабочего.

По данным специального исследования Департамента Труда в среднем по всей промышленности за 6 лет (1919 — 1925 г.) производительность труда в человеко-час выросла на 59%.

Но может быть такой рост производительности труда в человеко-час достигнут лишь введением машин. Сама по себе такая постановка вопроса в реальных капиталистических условиях абсурдна. Но мы имеем и кое-какие косвенные данные, которые разоблачают сущность капиталистической рационализации в Соединенных Штатах и показывают кто нес издержки американского просперити. Если принять данные за 1919 г. за 100, то получится, что производительность на одного рабочего выросла с 1919 г. до 1925 г. на 40,7%, а мощность механических двигателей лишь на 21,8%, — производство же выросло только на 28,6% и поэтому число рабочих сократилось на 8,6%.

---

[1]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 245—246.

Эти данные, хотя и косвенно, показывают, что при капиталистической рационализации в Соединенных Штатах мы имеем дело не только с ростом производительности труда вообще, но и с большим ростом производительности одного рабочего в результате просто экстенсивного повышения эксплоатации рабочего, в результате роста абсолютной прибавочной стоимости, т.-е. в результате абсолютного обнищания рабочего.

Капиталистическая рационализация приводила к все растущему давлению на рабочий класс, к растущему его угнетению. Нечего говорить, что в самые последние годы это давление лишь усиливалось. Не случайно поэтому, что в 1928 г. Соединенные Штаты дали рекордное число стачечных дней (около 31½ млн.). Просперити, мощь американского империализма, как это ни парадоксально, опирались на его возможности усиления эксплоатации американского пролетариата. Явные и скрытые апологеты американского капитализма, называющие себя марксистами и даже ленинцами, должны были бы помнить следующие строки из письма Ленина американским рабочим:

> «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого об'единенного труда по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты — с другой».

С того времени эта пропасть еще больше увеличилась и бешено усиливается кризисом, ибо кризис, в конце концов, если он не перерастает в кризис политический и революционный, лишь бешено ускоряет и обнажает те процессы, которые в «нормальный» период протекают относительно более плавно, менее чувствительно.

Но особенности развития американского империализма—это почти безраздельное господство финансового трестированного капитала как во всей политической жизни страны, так и в организованном рабочем движении (через реакционную ультраимпериалистическую Американскую Федерацию Труда) при чрезвычайной слабости компартии, раздираемой фракционной борьбой. Эти особенности делали капиталистический гнет еще более тяжелым, приводя временами к бурным взрывам на отдельных участках классового фронта, к революционным раскатам, которые на время прорывали рамки буржуазного спокойствия, но не могли, однако, еще пошатнуть серьезно его основы и создать предпосылки для нарастания движения и лучшей классовой организованности в следующих приступах.

Об уровне эксплоатации говорит и длина рабочего дня в Америке. Рабочая неделя по официальным, прикрашенным данным равнялась: в 1920 г. — 50,0 ч.; 1921 г. — 49,7 ч.; 1924 г. — 49,8 ч.; 1927 г. — 49,6 ч. Учитывая несколько сокращенный день в субботу, получается, что средний рабочий день в Соединенных Штатах при бешеной интенсивности труда даже по официальным данным равен, примерно, 8½ с лишним часам. При этом никакого существенного изменения за последние годы не произошло, несмотря на бешеную интенсификацию труда. Положение окажется значительно хуже при конкретном анализе. Исследование Бюро Труда Лиги Наций показывает, что на 155 стальных предприятиях 16.610 рабочих из 248.000 работают 12 ч. в день, 66.712 чел., т.-е. более четверти из них работают 7 дней в неделю, т.-е. без дня отдыха; 110.698 рабочих работают 10 ч. в день. В некоторых случаях рабочие электрифицированных домен работают 14,3 часов, работающие у кранов — 14 ч. в ночной и 10 ч. в дневной смене и 7 дней в неделю. Многие рабочие работают 16 ч. в день. Это данные империалистической Лиги Наций!

Та же картина в общем ухудшения, снижения или стагнации при незначительных временных повышениях получается и в отношении *заработной платы*. Это показывает ряд данных. Общий фонд зарплаты изменялся следующим образом: в 1923 г.—11 млрд. долл.; 1925 г.—10,7 млрд. д.; 1927 г.—10,8 млрд. д; и 1929 г.—11,4 млрд. д. Таким образом, с 1923 г. идет *снижение* зарплаты и лишь по преувеличенным данным в 1929 г. сумма зарплаты несколько превысила уровень 1923 г. При этом зарплата ж.-д. рабочих (1.700 т. рабочих) 1926 г.—2,90 млрд. д.; 1927 г.—2,86 млрд. д. и 1928 г,—2,76 млрд. д., т.-е. *уменьшение* общей суммы зарплаты из года в год. По отдельным отраслям за 1926 и 1928 гг. мы имеем следующую картину *падения* индекса зарплаты: железо и сталь в 1926 г.—104,2, в 1928 г.—99,9; машины—111,9 и 104,7; лес--102,0 и 80,5; кожа—98,1 и 92,4; цемент—101,5 и 90,4 и т. д.

Что показывают эти данные? Во-первых, что общая сумма номинальной зарплаты промышленных рабочих в последние годы была на 15—20% ниже зарплаты 1920 г. и была почти равна или ниже зарплаты 1923 г., т.-е., в годы просперити мы имеем *понижение или стагнацию общей суммы зарплаты пролетариата Америки*. Вот это и есть американское «процветание», это и есть капиталистическая рационализация в Америке: повышение производительности занятых рабочих на 42—45% *при той же* общей сумме заработной платы, т.-е. бешеный рост эксплоатации рабочего класса. То же самое показывают данные Бюро статистики труда САСШ о недельной зарплате рабочих: 1918 г.—26,37 долл.; 1920 г.—32,57 долл.; 1923 г.—27,58 долл.; 1925 г.—27,45 долл.; 1927 г.—27,09 долл. Этот же характер движения зарплаты полностью подтверждается исчислениями Кучинского.

В 1920 г. пролетариат вырвал у американской буржуазии некоторое номинальное повышение зарплаты, когда буржуазия в страхе перед мировой бурей пролетарской революции вынуждена была бросить подачку рабочему классу. Но после, когда буржуазия почувствовала себя более прочно, послевоенные завоевания стали ликвидироваться. Как показывают эти данные о недельной номинальной зарплате рабочих, мы имеем рост ее с 1918 г. к 1920 г. на 6,20 долларов, с 1920 г. к 1922 г. понижение на 6,53 долл., затем некоторое повышение к 1923 г. (на 1,54 долл.) после чего она систематически *падает*, хотя и незначительно (к 1925 г на 0,13 долл., к 1927 г. на 0,49 долл.). При этом надо учесть еще два момента: большое *различие* между зарплатой *организованных* рабочих (т.-е. рабочих об'единяемых Амер. Федер. Труда) и *неорганизованных*; квалифицированных и неквалифицированных; а также различие зарплаты в *разных штатах и отраслях* промышленности. Например, средняя зарплата за час была в 1925 г. в Атлантических штатах—47 центов, а в Юго-Восточных Центральных штатах — 27 центов, т.-е. огромное различие, почти в 2 раза. Зарплата неквалифицированного рабочего составляет в среднем 70 — 75% зарплаты квалифицированного рабочего. При этом указанная разница в некоторых важнейших отраслях значительно больше

Прожиточный минимум в Соед. Штатах, вследствие дороговизны жизни, значительно выше, чем в других капиталистических странах. Разные исследователи исчисляют этот минимум от 2.000 до 2.500 долларов, а средняя максимальная зарплата американского промышленного рабочего равна 1.200 — 1.400 долл. По вычислениям Кучинского, заработка среднего рабочего хватало лишь на то, чтобы покрыть в 1922 г. — 50%; в 1924 г. — 55%; в 1928 г. — 56% его минимальных потребностей.

Если взять только *реальную зарплату*, то, принимая 1899 г. за 100, мы имеем в 1927 г. индекс реальной зарплаты одного промышленного рабочего 121,8%, т.-е. рост всего на 21% за целых четверть столетия, конечно, при несравненно большем росте (в 10 — 15 раз) производства и национального богатства. Поистине, капиталистическое процветание! При этом, этот индекс с 1924 г., т.-е. как раз в годы «процветания» *не повысился, ни на одну* единицу! Что же удивительного после этого, если сейчас уровень зарплаты 700 тыс. занятых промышленных рабочих абсолютно ниже того, каким он был в начале XX столетия!

Все это подтверждает ту простую марксистскую истину, которую Ленин изложил в письме американским рабочим, которую подтверждает даже буржуазная статистика и которую забыли некоторые люди, называющие себя коммунистами и марксистскими интерпретаторами буржуазной статистики. Статистика эта говорит лучшим марксистским языком, чем эти «марксистские» интерпретаторы.

Если перейти от этих *средних* данных, которые поэтому могут дать лишь приблизительную картину, в гущу жизни американского пролетариата, то еще ясней вскрываются причины движения, вскрываются все эти пропасти между богатством и нищетой.

Мы не хотим изображать читателю кошмарные картины «Джунглей» (хотя «джунгли» отнюдь не исчезли). Но вот несколько штрихов из условий жизни горняков и рабочих Юга. Эти условия: жизнь в жалких, грязных лачугах и бараках, впроголодь, в исключительно плохих санитарных условиях, дети школьники часто без белья, без обуви, жизнь в полной зависимости от произвола хозяев (лачуги и бараки хозяйские), выбрасывающих неугодных квартирантов зимой на улицу с детьми и жалкими пожитками, грабеж со стороны хозяйских же лавок, разных комиссионеров и все это, по существу, в военных условиях, под бдительной охраной войск, полиции, готовых при каждом бунте белых и черных рабов на кровавое усмирение, которым несть числа в истории борьбы углекопов.

Такое же положение на Юге. Средняя зарплата промышленных рабочих Юга значительно ниже 1.000 долларов. Текстильщики — основной отряд южного пролетариата — получают в среднем 500 — 600 долларов в год. На Юге американская реклама выявляет открыто свою классовую сущность—она рекламирует дешевую рабочую силу: «у нас в районе зарплата в 1½ доллара. Можно работать 60 часов в неделю» или «у нас разрешена ночная работа в 11 часов, профсоюзов нет. Девочкам достаточно платить 10 долларов в неделю» и т. д. Такими зазывающими об'явлениями и рекламами алчных охотников за прибылью, за прибавочной стоимостью, об'явлениями и рекламами, распространяемыми «местной властью» разных штатов, пестрят южные газеты. Стачки текстильщиков в Элизабеттауне и Гастонии, борьба трамвайщиков Нью-Орлеана и ряд других стачек всколыхнули и Юг и включили его в общее русло классовой борьбы в Америке. Но это еще только начало. Компартия и красные профсоюзы только начинают создавать организации на Юге. А, ведь, Юг дает около 70 процентов хлопчатобумажной продукции страны и его промышленное значение усиливается с каждым днем по всем почти важным отраслям промышленности. Промышленность Юга работает на основе самой высокой рационализации. Она сразу принимает последнее слово рационализации. Один ткач обслуживает 40 — 60 — 70 автоматических станков и делаются опыты работы на 150 станках. Эксплоатация здесь бешеная. Помимо зарплаты, составляющей 40 — 50% зарплаты в других районах страны, предприниматель эксплоатирует рабочего со всех сторон как потребителя (хозяйские квартиры, лавки и т. д.). А прожиточный минимум на Юге, в большинстве случаев, такой же, как и в других районах. Рабочий день на фабриках длится 11 — 12 часов, широко применяется детский и женский труд. И женщина Юга выступает в борьбе наравне и часто впереди мужского пролетариата, принимая участие в рабочей самообороне, в пикетах, в сражениях с полицией. Стачка в Гастонии выливалась временами в настоящую позиционную войну с вооруженным до зубов врагом — с разведкой, шпиками, с подстреливанием из-за угла и т. д. «Агенты Коминтерна», конечно, как всегда, были причиной всех зол.

Неразрывным спутником всего этого развития стала безработица, безработица не «обычная», а связанная «со всем характером современной капиталистической рационализации. Послевоенная история Америки знает уже не один момент, когда безработица в стране исчислялась 5 — 7 миллионами. Во время кризиса 1920 — 21 гг. буржуазные политики и исследователи определяли число безработных в 5 млн. человек. Во время депрессии 1927 г. демократический сенатор Вагнер от штата Нью-Йорк определял число безработных в 7 млн. человек. 3 миллиона безработных стало «нормальным» явлением. Если взять лишь последние годы, то весной 1928 г. в стране насчитывалось 4 — 4½ миллиона безработных. По всей стране было 17,8% безработных среди одних лишь организованных рабочих. По отдельным городам и районам процент безработных среди организованных доходил до 40.

На городскую безработицу все больше давит и аграрный кризис. Фермерское население Соед. Штатов уменьшилось с 31,0 млн. в 1920 г. до 27,5 миллионов в 1929 г. По данным «Рабочего бюро» с 1923 г. по 1927 г. передвинулось из сельского хозяйства в города около 1 млн. человек. По данным «Анналист» число занятых в с. х. лиц уменьшилось с 1919 г. до 1926 г. на 950 тысяч. Интересны в этом отношении данные американского министерства земледелия. По этим данным ушло с ферм и покинуло сельское хозяйство: в 1926 г.—1.020.000 человек; в 1927 г.—598.000 и 1928 г.—1.362.000 чел.

Но безработица в Соед. Штатах является еще более тяжелым бичем рабочего класса, чем в других капиталистических странах. При значительно большей дороговизне жизни, безработный предоставлен исключительно самому себе, он не получает никакого пособия. В Соединенных Штатах не существует никакой системы социального страхования. Исследование о результатах увольнения 800 квалифицированных рабочих, произведенное в 1929 г. сенатской комиссией по вопросам безработицы, сообщает, что 50% этих рабочих все еще не имеют работы после годового периода, что остальные не имели работы в течение 3 — 6 месяцев, а после нашли работу как чернорабочие за пониженную оплату. Автор известной работы «Миддльтаун» дает следующие результаты разработки данных о 122 семьях рабочих: 83 семьи испытали безработицу в предшествующие месяцы, 68 семей были вынуждены изменить свой уровень жизни, 47 семей сократили расходы на платье, 43 семьи сократили расходы на питание и т. д. 3.000.000 рабочих минимум постоянно находятся в состоянии полной необеспеченности, предоставленные самим себе на голодное прозябание, не получая даже тех мизерных пособий, которые выплачиваются безработным (не всем) в странах капиталистической Европы.

Даже буржуазная печать вынуждена разбалтывать об этом положении пролетариата процветавшей Америки. Апрельский номер «Американ Федерашионист» (орган американской реакционной федерации труда) сообщает об исследовании проф. Колумб. университета Пауля Ништрома условий жизни американского народа: 8 млн. человек живет буквально в нищете; 12 млн. на грани нищеты или частично в нищете, т.-е. вынуждены временами прибегать к общественной благотворительности, 20 млн. пользуются стандартным минимумом жизни, т.-е. они могут, например, купить автомобиль, если урежут свои необходимые потребности, «не могут долго болеть» и т. д.

Таково было положение рабочего класса в Соединенных Штатах в период процветания. Таково положение рабочего класса при современной капиталистической рационализации в самой «благоденствующей» и могучей империалистической стране и в период самого развоспетого буржуазией и оппортунистами «процветания»! Каково же оно в других, менее благополучных странах? И каким оно становится в Соединенных Штатах во время кризиса и каким будет в результате этого кризиса?

Мы дали лишь беглую картину положения рабочего класса Америки. Но и эти данные не оставляют камня на камне от пропаганды о благополучном положении рабочего класса Америки. Оказывается, что в годы просперити происходило не только относительное обнищание рабочего класса Америки, но положение рабочего класса в общем ухудшалось и абсолютно. Больше того, даже положение занятых рабочих в общем ухудшалось. И если уже взять наиболее благополучную часть рабочего класса — организованных рабочих, то в среднем и здесь по существу не было никакого улучшения положения. При этом, все сказанное относится не только к положению или жизненному уровню рабочего класса и рабочих масс, но и к их заработной плате.

Вся эта совокупность условий жизни американского пролетариата толкала его на упорную классовую борьбу, несмотря на неслыханный гнет капиталистической рационализации и давление финансового капитала. Исключительно оппортунистичными являются всякие разговоры о том, что в американском рабочем движении господствует только «американизация» рабочего движения, т.-е. компанейские союзы, АФТ, рабочие банки, рабочие прогуливающиеся как буржуа на собственных автомобилях и т. д. Этой буржуазной пропагандой питается мещанин в рабочем движении. По существу это означает не видеть подавляющего большинства рабочего класса за жизнью, бытом и классовым положением привилегированной верхушки. Как раз классовая борьба американского пролетариата отмечена исключительным упорством, крупными массовыми выступлениями и чрезвычайно острыми методами борьбы. Мы уже указывали, что в 1928 г. число забастовочных дней в Америке было рекордным во всем капиталистическом мире и было равно более, чем 31 млн. рабочих дней. За 1922-26 гг. имели место такие крупнейшие стачечные выступления.

Начало стачки.	Продолжит.	Производство	Место.	Кол. участн.
I 1922 г.	10 мес.	текст.	Нов. Англ.	80.000
IV 1922 г.	5 „	антрац. копи	Национ.	142.000
„	5 „	битум. копи	„	450.000
VII 1922 г.	3 года	ж.-д. маст.	„	400.000
IX 1925 г.	5½ мес.	антрац. копи	„	150.000
I 1926 г.	12 „	текст.	?	16.000
II 1926 г.	4 „	меховщ.	Нью Иорк	12.000
VII 1929 г.	6 „	прои в. дамск. платья	Нью-Иорк	40.000

В 1927 — 28 г. имела место упорная и длительная стачка многих десятков тысяч горняков Пенсильвании — Огайо. Многие рабочие, принимавшие участие в этой классовой войне боролись более двух лет. В 1926 — 29 г. имели место три исторических стачечных выступления текстильных рабочих (Пассаик 1926—27 г., 30.000 рабочих в забастовке; Нью-Бедфорд 1928 г., 25.000 забастовщиков и Северная Каролина — стачка в Гастонии и др. местах — 1929 г., когда в стачке непосредственно участвовали десятки тысяч рабочих, а задето было ей около 150.000 рабочих). Из стачки горняков в 1927 — 28 г. родился новый революционный национальный союз горняков, а из стачек текстильщиков в Пассаике и Новом Бедфорде родился новый революционный союз «Нашионал Текстайл Уоркерс Юнион» (Национальный Союз Текстильных Рабочих). Стачка в Гастонии развернулась уже непосредственно в предверии кризиса, включила Юг в общее русло пролетарской борьбы и создала почву для внедрения партии и революционных профсоюзов на Юге, который совершенно игнорировался ловстонским руководством, находившим, что единственно существенное, что партию может интересовать на Юге, это «новая индустриальная революция», которая происходит там и которая «расширяет базу американского капитализма, и гарантирует его процветание на долгие времена!

Мы не можем здесь входить в подробный анализ характера классовой борьбы в годы просперити. Нам важно показать: 1) что Америка отнюдь не была и не могла быть страной промышленного мира, что упорнейшая классовая борьба шла в годы просперити; даже официальные издания АФТ вынуждены признать, что борьба временами была столь упорной и острой, что прямо выливалась в открытую вооруженную борьбу; 2) что эта классовая борьба, несмотря на все свои размеры, упорство и остроту не могла создать организованного нарастания движения, создать поворот в развитии классовой борьбы, изменить общего направления развития американского империализма, ибо мощь последнего не была еще достаточно расшатана, волны классовой борьбы после бурных приливов отходили обратно, не создав перелома в развитии; 3) что компартия, этот важнейший фактор классовой борьбы, раздираемая оппортунистической фракционной борьбой, явно недостаточно выполняла роль авангарда класса и 4) но эта борьба создавала предпосылки, чтобы с изменением общей картины развития дать богатейшие всходы на революционной ниве.

Послевоенная Америка — грабитель, эксплоататор всего мира и, конечно, в «среднем» уровень жизни рабочего класса Америки выше европейского. Но полным забвением ленинизма было бы ставить вопрос механически. Нельзя заранее определить достижение, какого определенного жизненного уровня масс необходимо для революционного движения. Тем более абсурдно ставить вопрос о том, что для этого требуется какой-то равный, всюду абсолютно низкий жизненный уровень масс. Индийский пролетариат сделает свою революцию при одном жизненном уровне, германский при другом и американский при третьем, российский же пролетариат сделал его при четвертом. Вещи надо брать, во-первых, в динамике, и, во-вторых,— с точки зрения основных масс рабочего класса. С этой стороны и важно то, что годы капиталистической рационализации, годы процветания,— не принесли почти никакого роста зарплаты рабочего класса, в ряде случаев снижая ее, особенно у широких масс рабочего класса; эти годы принесли огромное ухудшение, снижение жизненного уровня рабочего класса Америки, особенно основных его масс, усилили необеспеченность рабочих, их неуверенность в завтрашнем дне; благами просперити, так или иначе пользовалась лишь незначительная верхушка рабочего класса, положение основных масс рабочего класса в годы просперити лишь ухудшилось в огромной степени.

Классовая борьба этих годов и опиралась на это положение. Но и здесь нельзя подходить механически. Решает то, что общая обстановка, о которой мы говорили в начале, была более устойчивой и благоприятной для капитала, чем в других странах. Кризис изменил серьезно именно эту общую обстановку — в этом суть. Но здесь никак нельзя недооценить и суб'ективного фактора — партии. Партия, в прошлом раздираемая фракционной борьбой, тратя львиную долю своей энергии на эту борьбу, под руководством правой по-американски оппортунистической группы Ловстон-Леппера, никак не могла извлечь из этой ситуации всего того, что она могла бы. Положение партии, по существу, отражало в значительной степени фракционную раздробленность и мелкобуржуазные, цеховые черты тех слоев — не столь широких — американского пролетариата, с которыми партия прежде всего была связана, и ее значительную изолированность от основных масс американских рабочих. Коминтерн, опираясь на пролетарское большинство партии, спас ее в тот момент, когда она быстро катилась по пути фракционного правооппортунистического вырождения. Партия начала понемногу жить новой жизнью и встретила кризис в основном здоровой, подготовленной. Коминтерн при этом исходил из той оценки просперити, что оно развивается на гнилой основе. Поэтому, тов. Сталин мог с уверенностью заявить:

> «Американская партия будет расти и процветать, если она изгонит из своей среды беспринципную фракционность... Она будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса. Погибнет лишь одна маленькая фракционная группа.. если она не будет подчиняться воле Коминтерна... Я смотрю на дело более оптимистически».

И Коминтерн оказался прав. Но сейчас дело в том, чтобы партия сумела по-большевистски связаться с массами, по-большевистски укрепить себя организационно и идеологически. Тот дух смелой большевистской самокритики, который партия сейчас проводит, пытается проводить сейчас во всей своей работе,— является ручательством тому, что через промахи, ошибки, но смело вскрывая эти ошибки перед собой и идущими за партией массами и, прежде всего, учась на этих ошибках, поменьше их делая, и все это для того, чтоб умножать и укреплять большевистские связи с массами на предприятиях, превращая последние в крепости коммунистов, используя для этого все каналы, решая неустанно и систематически коренную проблему революционных кадров, партия действительно «будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса».

3. Кризис, рост и характер массового движения.

Если в стране в настоящее время нет крупных стачечных выступлений, то это об'ясняется рядом об'ективных и суб'ективных условий.

Партия еще очень и очень слаба на предприятиях. Партия после ликвидации фракционности, после очищения от компании Ловстона, по существу, только приступила к основательной перестройке форм и методов работы. Каждый день показывает, как тяжело наследство фракционного прошлого, оппортунистического руководства прошлого. Тут еще предстоит поработать очень и очень много, тут еще много трудностей, всего этого никак нельзя забывать.

Далее. Во всей промышленности идет бешеный процесс увольнения рабочих, закрытия предприятий, сокращения производства, увеличения рабочего дня, сокращения зарплаты. Словом, проводится новый и небывало тяжелый для рабочих масс тур капиталистической рационализации. «Дейли Уоркер» ежедневно со всех концов страны приводит десятки корреспонденций с сообщениями подобного типа. Вот корреспонденция из Дэтройта: «В последнюю неделю 40% рабочих уволены с каучуковых фабрик. Оставшиеся разделены на две группы, работающих попеременно — по неделе каждая. При этом на неделю приходится 85 рабочих часов». Вот корреспонденция из предприятий Западной Электрической Компании Чикаго. «Рабочие,— пишет корреспондент,— увольняются не по 2 — 3 человека, а тысячами. В последний месяц уволено 15.000 рабочих. Для оставшихся рабочих создана настоящая система рабства». Вот корреспонденция из Гамильтона, штат Огайо: «В ряде городов района 60 — 70% рабочих безработные: на предприятиях Мослера в нормальное время работало 2.500 чел.,— сейчас 400. На предприятиях Гаринтона в нормальное время работало 1.500,— сейчас 100. На иструментальном заводе Лонк и Ол Статтер, в нормальное время работало 2.500 чел..— сейчас 700» и т. д. (на разных предприятиях: 2.000 раньше — сейчас 500; 3.800 раньше — сейчас 1.000, 2.000 раньше — сейчас вообще закрыты; 1.500 раньше — сейчас 200; 3.500 раньше — сейчас 1.500 и т. д. и т. д.). Таких корреспонденций много в каждом номере газеты. А вот корреспонденция с заводов Форда из Сан-Франциско. «То, что раньше делали 5 человек, сейчас выполняют 3 чел. Рабочий день доведен до 10 час. при 7-дневной рабочей неделе. Директорат предприятий Форда для усиления рационализации полностью реорганизовал всю систему надзора за рабочими и уволив прежних мастеров, десятников, надзирателей и т. д., оказавшихся негодными для более интенсивной системы эксплоатации, заменил их новыми». Уже известно также, что стальные предприятия в Юнгстауне сократили зарплату на 20%, а на некоторых заводах Форда зарплата сокращена до 35%. Но это все отнюдь не единичные случаи. Это явления общего массового порядка. За время кризиса общая сумма зарплаты промышленных рабочих сократилась на 12—15%! Это одно совершенно ясно говорит о том, как буржуазия «преодолевает» кризис. При этом сумма зарплаты сократилась больше, чем число занятых рабочих. Это говорит как о снижении зарплаты занятых рабочих, так и переводе значительного их числа на частичную работу. Безработица бешено растет. Если перевести частично безработных на вполне безработных, то общее число безработных в САСШ сейчас около 8—10 миллионов, т.-е. каждый третий рабочий является по существу безработным. 30% безработных во всей стране! Даже председатель империалистической Федерации Труда заявил о том, что среди членов АФТ свыше 20% целиком безработных.

Вся эта обстановка с перспективой дальнейшего роста безработицы, дальнейшего ухудшения положения рабочего класса, выдвигает на известный отрезок времени перед пролетариатом и иные методы и формы борьбы. В известные периоды экономическая стачка, как *метод* борьбы рабочих масс, часто сочетается и отчасти заменяется самими же массами иными методами борьбы. Партия всемерно развивая экономическую стачку должна учитывать это обстоятельство. Это явление отнюдь не ново. Как раз в 1913 г. в связи с развитием локаутов Ленин писал:

> «...решение марксистов определенно и громко указало на локауты и необходимость в тактике *учитывать* их Как учитывать? Внимательно обсуждать целесообразность отдельных выступлений, видоизменяя формы борьбы, заменяя одни формы другими. При чем *повышение* форм должно оставаться постоянной тенденцией. Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повышения, историей неоднократно испытанные и «непонятные», «чуждые» только для ликвидаторов».

Еще в феврале 1913 года Ленин четко поставил вопрос о принципах марксистской тактики:

> «Марксистская тактика, — писал Ленин, — состоит в соединении *различных* приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, но все вместе ведут к все более глубокому и решительному конфликту».

И пролетариат Америки в своей развертывающейся борьбе применяет эту ленинскую тактику: *умножая* методы борьбы, соединяя различные методы борьбы, повышая свою классовую сознательность, *переходя* к более высоким формам борьбы. Экономические и политические стачки то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое сплачивают массы рабочих против капиталистов и усиливающегося режима полицейского и фашистского террора, внося брожение во все более широкие массы пролетариата и подымая на борьбу другие слои трудящихся, прежде всего, с.-х. рабочих (стачка 5.000 с.-х. рабочих в Калифорнии). *Сочетание экономической и растущих элементов политической стачки с революционными демонстрациями*, такова та форма борьбы, которой характеризуется сейчас массовое революционное движение в Америке.

Революционные массовые демонстрации никак нельзя недооценивать. Ленин особенно подчеркивал роль революционных массовых демонстраций, как

симптомов пробуждения к политической жизни широчайших масс самых забитых и угнетенных, как симптомов роста их решимости, пробуждения их к политической борьбе и повышения самого уровня движения (см. статьи 1901, 1904, 1913 гг.).

Но партия ни на минуту не должна забывать, что усиление кризиса выдвигает *экономическую борьбу*, особенно выпячивает ее на *первый план. Организовать контрнаступление рабочего класса против второго тура капиталистической рационализации — вот центральная, все определяющая задача партии.*

Усиление экономической борьбы является, таким образом, *основой* общего роста массового движения. Усиление экономической борьбы показывает усиление *всего* движения и лишь оно создаст почву для перевода всего движения на более высокую ступень и прежде всего подведения масс к методу *массовой политической стачки.* Экономическая стачка показывает действительно *подлинную*, *повседневную* связь партии с массами, она учит массы организованному выступлению, *учит партию* организовывать массы, руководству ими, связывает партию с массами самыми непосредственными, самыми живыми и крепкими связями. Только в процессе экономических стачек, их организации, руководства ими, партия может закрепиться на предприятиях, сделать из предприятий свои крепости против капитализма, укреплять там свои ячейки. Но без тесной связи экономической и политической стачки, широкое массовое движение, получающее общенациональное значение, невозможно. В теперешней обстановке задача *об'единения* разрозненных выступлений пролетариата в *массовую политическую стачку* для американской компартии становится важнейшим тактических звеном. Если *отправными* лозунгами мобилизации масс являются экономические и частично политические требования — борьба против безработицы, за социальное страхование рабочих, против сокращения зарплаты, против полицейского террора и т. д., то важнейшей тактической задачей в *каждом* таком выступлении является *расширение, об'единение* и *перевод* экономических стачек в массовую политическую стачку. Только через массовую политическую стачку партия сможет поднять на более высокую ступень стихийно растущее движение, только через массовую политическую стачку партия действительно политически просветит рабочих, научит их понять свою роль авангарда всего движения, ибо «рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа» (Ленин).

Рост экономического движения и экономической борьбы, рост демонстрационного движения, задачи политической стачки ставят перед компартией проблему развития широчайшей агитации в массах вокруг своих максимальных лозунгов. Партия как никогда должна использовать настоящую ситуацию, чтобы понести в широчайшие массы рабочих свои идеи, свою максимальную программу, она сейчас *прорвалась* и прорывается к сотням тысяч рабочих, сотни тысяч рабочих слушают ее, идут к ее лозунгам. Партия должна использовать этот момент для того, чтобы в нашем смысле просветить этих рабочих, об'яснить им на опыте их борьбы неизбежность коммунистической тактики и стратегии.

Рост массового движения ставит перед партией прежде всего огромные задачи организационного порядка — расширение массовых организаций партии и раньше всего основной вопрос — расширения и укрепления революционных профсоюзов с *их опорой на предприятиях и массовое выдвижение и воспитание новых кадров.* Без большевистских темпов работы (но в то же время без заскоков, без организационной шумихи и суетни) партия не сможет успешно справиться с этими задачами. Только смело развертывая большевистскую самокритику, действительно и систематически выдвигая новые пролетарские кадры, беспощадно борясь на два фронта — против главного, правого оппортунизма, особенно на практике, и его помощников «слева», партия разрешит вставшие перед ней огромные новые задачи. Но о задачах партии конкретно мы будем говорить в другой раз.

Таким образом, американская компартия становится сегодня перед все более растущими задачами, перед растущим массовым движением. Конечно, это движение не может развиваться прямолинейно,— сегодня миллион, завтра два миллиона. Здесь будут еще свои отливы — путь к пролетарской революции не легкая, ровная прогулка, — но будут также свои еще более бурные приливы. Но все это отнюдь ни на иоту не преуменьшает ни размера и уровня современного движения, ни тех задач, которые оно ставит перед партией. Сегодня американский темп характеризует развитие классовой борьбы в Америке. Сегодня революционное рабочее движение Америки уже показывает некоторые образцы своему старшему собрату — европейскому рабочему движению.

Весь этот перелом в развитии американского империализма, поворот в классовой борьбе сказывается и в развитии американского фашизма и социал-фашизма.

4. Кризис, фашизм и социал-фашизм.

Экономический кризис в Соединенных Штатах продолжает углубляться. Буржуазная печать как американская, так и мировая перед лицом упорных фактов не может найти даже обычных слов утешения.

Реакционный Грин перед лицом растущего массового движения даже заговорил об угрозе революции. Английский «Таймс» в передовой, посвященной проблеме американской безработицы, пишет прямо марксистским языком, заявляя, что бесконечно, без угрозы основам существующего строя, такое положение, как сегодня в Соединенных Штатах, не может продолжаться. Передовые американской буржуазной прессы подхватили заявление Грина и заговорили о том, что действительно необходимо принять какие-то меры для успокоения безработных. Обещания Гувера быстро ликвидировать кризис провалились. Авторитет Гувера пал несколько даже в кругах буржуазии. С другой стороны, империалистическая конкуренция обостряется. Назревающий мировой экономический кризис производит всеобщую перегруппировку классов, еще больше концентрируя власть в руках финансового капитала, централизуя ее, усиливая роль исполнительных органов, буржуазного государства, очередная волна протекционизма прокатывается по всему миру. В рядах самых «консервативных» партий происходят маленькие «революции». В общем усиливается процесс фашизации буржуазного государства, усиливается неизбежно процесс фашизации и социал-демократии, как бы она ни пыталась прикрыть это штрейкбрехерскими маневрами.

Этот процесс усиленно происходит сейчас и в Соединенных Штатах. Мы здесь на этом останавливаемся лишь вкратце.

Финансовый трестированный капитал уже давно создал в Америке почти безраздельное господство. Американская Федерация Труда, главная представительница организованного «рабочего» движения в Америке, уже давно является послушным орудием и приказчиком финансового капитала. Поэтому и процесс фашистского перерождения американского государства и процесс социал-фашистского перерождения организованного антиреволюционного рабочего движения в Америке имеют свои большие особенности. Характерны по первой линии организация известного гуверовского экономического совета, пытающегося сконцентрировать в своих руках по существу всю

власть, игнорируя всякие «демократические» учреждения, усиление полицейского террора против коммунистической партии, против массового движения, запрещение демонстраций, выступление на политическую арену классовой борьбы известного Американского Легиона и т. д. По второй линии — особенно важно подчеркнуть развитие в Соединенных Штатах «левого» социал-фашизма. Буржуазия буквально покровительствует «левым» социал-фашистам, прекрасно понимая, что в обстановке резко обозначившегося полевения масс «левый» социал-фашизм является лучшим орудием для удержания этих масс от перехода к действительно классовым методам борьбы. Усилилась контрреволюционная роль Социалистической Партии, усилилась роль группы Мости в АФТ («левое» крыло). Если Грин заговорил о революции, то это только показывает, что почва под АФТ сильно закачалась.

Все это ставит перед коммунистической партией ряд серьезных задач.

Во-первых, самое серьезное, тщательное и систематическое, день за днем и на конкретных фактах (даже литературных) разоблачение «левого» социал-фашизма. Эту задачу партия должна понять, как важнейшую политическую задачу в борьбе за массы.

Во-вторых, усиление борьбы против фашистского террора буржуазного государства, его репрессий против компартии, разоблачение фашизации этого государства, организация этой борьбы, как борьбы массовой.

В-третьих, усиление работы в АФТ и даже компанейских профсоюзах. Кризис больно ударяет как раз и по тем группам рабочих, которые об'единены в этих организациях. Дело не в словесном споре — является ли АФТ фашистской или социал-фашистской организацией (она и фашистская, и социал-фашистская организация), а в том, чтобы, усилив работу, в ней завоевывать на свою сторону рабочих, как об'единяемых, так и идущих за АФТ и компанейскими профсоюзами.

В связи со всем этим стоит оставление партией лозунга «рабочей партии» и использование этого лозунга «левыми» социал-фашистами.

* * *

Экономический кризис и революционный под'ем, вообще развитие событий в Соединенных Штатах являются тем участком международного развития, где линия и лозунги партии и Коминтерна в борьбе против правых примиренцев прошли самое серьезное, надо сказать, всемирно-историческое испытание. После XV с'езда началась и шла эта международная борьба против правого оппортунизма. В этой борьбе наша партия и ее ленинское руководство играли руководящую роль. Эта борьба шла вокруг основных установок XV с'езда партии. Вопрос об американском империализме есть в то же время вопрос о положении и перспективах развития мирового капитализма. Накануне XVI с'езда партия может смело сказать, что и на этом важнейшем всемирном участке ее установки целиком и полностью блестяще оправдались.

«Если 2 года назад, — говорилось в политическом отчете ЦК XV с'езду — можно было и нужно было говорить об отливе революционных волн в Европе, то теперь мы имеем все основания утверждать, что Европа явным образом вступает в полосу нового революционного под'ема...

«Мы живем накануне нового революционного под'ема как в колониях, так и в метрополиях».

«Из стабилизации вырастает новый революционный под'ем».

Есть ли в наших рядах еще столь храбрые оппортунисты, которые осмелились бы сейчас отрицать это?

Б. Фрейер.

Новый этап индийской революции.

I.

Революционные события, разыгравшиеся в Индии за последние недели, можно понять, только рассматривая их в связи с предыдущим периодом развития национально-революционной борьбы.

Важнейшим явлением последних двух лет, открывших новый этап индийской революции, был рост рабочего движения. Забастовочная волна, начавшая подыматься в конце 1927 года, охватила в последующие два года огромные массы рабочих. В 1928 году бастовало 507 тыс. рабочих, в 1929 г.— 531 тыс. Но эти цифры не дают еще представления о тех глубоких изменениях, которые происходили в эти годы в индийском рабочем движении. В эти годы в Индии появляются первые революционные профсоюзы. Принцип арбитража, мирный торг за чашкой чая кучки профсоюзной бюрократии с предпринимателями начинают уступать место острейшей классовой борьбе. Впервые в Индии профсоюзы становятся подлинно массовыми организациями, и в их руководящих органах появляются рабочие, пришедшие через фабзавкомы прямо с предприятий. Появляются первые отряды рабочей обороны.

До сих пор индийский пролетариат знал только палку полицейского да его карикатуру — волонтера нац. конгресса. До сих пор он умел только подставлять спину под удары, теперь он сам начинает драться и—как показывают последние события — дерется не плохо. Наиболее отчетливо все эти результаты двухлетней борьбы индийского пролетариата заметны в Бомбее. Если видеть только поверхность движения, то может показаться, что и здесь, в этом авангарде индийского рабочего движения отмеченные результаты преувеличены. В самом деле, мы знаем только о двух революционных профсоюзах: «Гирни Камгар» — профсоюз бомбейских текстильщиков, который по праву может считаться красой и гордостью индийского пролетариата, и бомбейский же профсоюз железнодорожников Полуостровной ж. д. Из них только «Гирни Камгар» построен на основе фабзавкомов и имеет действительно революционное руководство. В профсоюзе железнодорожников, несмотря на сильное влияние пролетарски-революционных элементов (среди них и коммунистов), организационное руководство находится еще в руках колеблющихся левых лидеров, которые, особенно за последнее время, все больше отдаляются от революционных элементов, все больше приближаются к молодому Неру и его клике. В общем из 300 с лишним тысяч организованных рабочих около 100 тысяч, сконцентрированных в подавляющем большинстве в Бомбее, находятся под руководством левых.

Но все дело в том, что и эти цифры ни в какой мере не передают влияния бомбейских революционных рабочих, новых методов организации, новых форм руководства классовой борьбой на остальную массу индийского пролетариата. Известно, что из глубинных районов страны приезжали рабочие в

«Гирни Камгар» посмотреть на эту диковинную для Индии организацию и получить указания о строительстве профсоюзов. Но самым важным доказательством этого влияния является переход рабочего движения за последний год в контрнаступление и общее усиление напора рабочих на предпринимателей. В 1928 г. бастующие рабочие потеряли 32 миллиона рабочих дней, чтобы добиться полного или частичного успеха в 35% стачек. В 1929 г. бастующие добились успеха в 42% забастовок, при сокращении общей продолжительности забастовок в 2½ раза. И это при ухудшившейся экономической кон'юнктуре, при поражении (с точки зрения непосредственных требований) крупнейшей стачки бомбейских текстильщиков. Повидимому, только ростом общей активности и решительности рабочего класса и влиянием бомбейского авангарда, которое невидимыми путями просачивалось в гущу индийских рабочих масс, можно об'яснить эти достижения индийского пролетариата.

Пролетариат нигде не отделен китайской стеной от других трудящихся слоев населения. В Индии рабочий класс теснейшим образом связан с крестьянством и близко соприкасается с мелкой буржуазией городов. Рост напора рабочего класса, рост его организованности, бесстрашное проведение длительных забастовок под свирепейшим террором полиции — не могли не оказать влияния на наиболее впечатлительную, легче всего воспламеняющуюся мелкобуржуазную молодежь. Рабская идеология, рабское преклонение перед всемогуществом белых эксплоататоров играет немалую роль в закреплении империалистического господства в колонии.

Индийский рабочий первый начал освобождаться от этого рабского чувства страха, сковывающего угнетенный народ и лишающего его воли к борьбе Летом 1929 г. во время правительственного расследования второй бомбейской стачки, при допросе одной работницы — активной участницы пикетов и члена фабзавкома — последняя рассказала, что управляющий фабрикой — англичанин — толкнул ее, когда она стояла в пикете. — Почему же вы не пошли жаловаться? — спросил член комиссии. — Зачем, ответила работница, я так пнула его ногой в спину, что он растянулся на земле. — А он что? — Поднялся и ушел. «Престиж власти повсюду падает», жалуются корреспонденты английской империалистической прессы в Индии.

Трудно в событиях, имевших место в Индии в последние недели: в восстаниях в Пешавере, Дели и Шолапуре, в кровавых столкновениях во всех важнейших центрах страны, — определить роль рабочих. Несомненно, что рабочий класс не выступал еще на этой стадии революционной борьбы, как самостоятельная политическая сила, со своими классовыми политическими лозунгами и требованиями. Найдутся некоторые, которые на этом основании будут совершенно отрицать роль рабочего класса в нынешнем движении или видеть ее в том, что рабочие первые шли на баррикады. И то и другое было бы ошибочно. Роль рабочего класса в движении сказалась в том, что он своей предыдущей стачечной борьбой подготовил нынешний революционный под'ем, что он «заразил» своими боевыми революционными настроениями широкие слои городских трудящихся масс и, как скажется в дальнейшем, крестьянства, что только благодаря ему мы видим в настоящем массовом движении такой быстрый переход от пассивного сопротивления — лозунга национальной буржуазии — к активному наступлению на империалистов.

Значительно медленнее, нежели мелкая буржуазия городов, подымается тяжелая армия револции — крестьянство. Влияние и настроения рабочего класса, несомненно, проникают — не могут не проникнуть — в деревню, несмотря на все попытки английского империализма оградить ее от влияния революционного города. Но Индия не страна, а континент. Отдельные крестьянские восстания, которые вспыхивают в разных концах страны, тонут в этом крестьянском океане. При этом нужно иметь в виду еще одно обстоятельство. Память у мужика хорошая, и индийский мужик еще не забыл, как его продали и предали буржуазные и мелкобуржуазные националисты в 1922 году. Об'єктивные предпосылки для под'ема крестьянского движения исключительно благоприятны: обострение экономического кризиса, которое толкает на борьбу широчайшие массы трудящегося населения, особенно ударяет по основным массам крестьянства. Мелкими уступками в области поземельного налога правительство не может их удовлетворить. Но чтобы поднять эти массы, нужна упорная работа в деревне по организации крестьянства, по раз'яснению ему лозунгов аграрной революции. Там, где революционные организации проникают в деревню, они находят крестьянство готовым начать борьбу. Особенно это заметно в Пенджабе, где местная рабоче-крестьянская партия имеет массовые связи среди крестьянства. Именно в этих районах начинается, по последним сведениям, широкая крестьянская борьба. Корреспондент «Дейли Телеграф» недавно сообщал, что в пограничной провинции Пенджабе и Соединенных провинциях, т.-е. практически во всей северной половине Индии, английские семьи получили распоряжение быть готовыми в нужную минуту отправить женщин и детей в укрепленные порты. Это может стоять в связи только с ростом крестьянского движения в этих районах. Второй момент, который нужно отметить. Опыт Китая показывает, что крестьянская борьба разгорается особенно сильно после уборки урожая, когда нужно платить налоги, и стихает перед уборкой урожая. В Индии сейчас начинается муссон, т.-е. период дождей, за которым следует в большей части страны уборка урожая. Возможно, что это время года оказывает известное задерживающее влияние на рост крестьянского движения.

II.

Влияние пролетариата в развертывающейся революционной борьбе несомненно. Но это отнюдь еще не означает гегемонии пролетариата в революции. Освобождение решающих слоев пролетариата из-под влияния реформистов, наличие крепкой коммунистической партии—необходимые предпосылки для успешной борьбы пролетариата с национальной буржуазией за гегемонию в индийской революции. Рост революционных профсоюзов и проходившие под их руководством забастовки хотя и вызывали беспокойство в рядах буржуазии, но последняя считала их локальным явлением, с которым можно бороться местными средствами, призывая, где нужно, на помощь силы империализма. Но раскол во всеиндийском об'единении профсоюзов, из которого вынуждены были убраться старые матерые реформисты, и переход конгресса профсоюзов в руки левых поставили перед национальной буржуазией вопрос о рабочем движении как проблему общенационального масштаба.

Националистическая пресса заговорила о необходимости впрячь, пока не поздно, рабочее движение в колесницу буржуазного национального конгресса. Для этой «деликатной» миссии был выдвинут молодой Неру и К-о. Радикальная фразеология Неру и приветственные телеграммы, которые он посылал рабочим, бастовавшим на английских предприятиях, оказывают влияние на колеблющихся мелкобуржуазных лидеров профсоюзов, оставшихся во Всеиндийском Об'единении вместе с подлинно революционными элементами. С их помощью «левое» крыло национальной буржуазии пытается удержать под своим руководством часть рабочего движения и отвоевать те массы рабочих, которые пошли за коммунистами и близкими к ним рабоче-крестьянскими партиями.

На крестьянской же арене издавно подвизается Ганди. Молодой Неру, для разложения рабочего движения вынужден уже действовать по-современному и выставить программу, которая содержит такие «завлекательные» для рабочего пункты, как минимум зарплаты, передача фабрик и предприятий в руки государства и т. д. Ганди предпочитает действовать по-старинке и полагаться на свое личное влияние и свои качества святого. И Ганди и Неру, в качестве приказчиков национальной буржуазии, стремятся «перехватить» пролетариат на пути гегемонии в революции. В своем письме к вице-королю Ганди откровенно пишет, что «партия насилия все более завоевывает почву» и это заставляет его торопиться со своим «соляным» походом.

Характерно, что до последнего времени Ганди всегда указывал на «атмосферу насилия» в стране, как на причину, которая мешает-де ему начать свою кампанию гражданского неповиновения. Теперь старый предатель революции чувствует, что в движении появилось революционное ядро и делает из этого прямо противоположный вывод: нужно торопиться, пока это ядро не выросло в мощную массовую силу. Молодой Неру, находящийся на побегушках у Ганди, но обращающийся к рабочим, вынужден выступать более осторожно и прикрываться флером об'ективного демократизма. Вот характерное его выступление: «Если кто-нибудь заботится об эксплоатируемых и погибающих с голоду массах страны, — так это Махатма (т. е. Ганди). Те, кто занимается бесполезными и бессмысленными насмешками, либо его не понимают, либо намеренно обманывают рабочий класс. Двери национального конгресса широко открыты для масс, и рабочие и крестьяне, которые составляют подавляющее большинство населения, могут захватить конгресс и

в желательном им направлении.

ПОПРАВКИ

(к стр. 66—67).

К статье т. Фрейер.

1) На стр. 66, 1-й абзац снизу, 4-я стр. сверху, вместо слов «некоторая передышка» должно быть: «иная фаза развития».

2) На стр. 67, 2-я строка сверху, вместо слов «что настоящая пауза» должно быть: «развитие движения пока».

3) Там же, 2-й абзац снизу, вместо слов «Продлится ли наступившая как-будто «передышка» пару недель или пару месяцев—этого никто не может сказать. Одно...» должно быть: «Происходит перегруппировка сил. Более широкие массы втягиваются в движение, учатся на собственном опыте».

равления в нашей

стических и капиталистических началах, следствием чего является ужасная бедность и нищета индийских масс, необходимо, чтобы в независимой Индии форма правления представляла полную демократию, основанную на социалистических началах так, чтобы при государственном владении всеми средствами производства и распределения установилось полное равенство в положении граждан».

Эти образчики ярче всего показывают методы, которыми индийская национальная буржуазия пытается овладеть рабочим движением. Но эти же потуги буржуазии—угнаться за «духом времени» — говорят о силе и мощи нарастающего массового движения, говорят о том, что рабочие массы стихийно тянутся к тем, кто действительно способен повести их на борьбу за подлинную демократию трудящихся.

III.

Нарастание революционного брожения в массах, которых не успокоили ни требование независимости, выдвинутое под давлением масс лагорским с'ездом национального конгресса, ни «социалистическая» демагогия буржуазных националистов, вынудили, наконец, Ганди выступить. По собственному признанию, он долго искал «формулу», которая позволила бы ему удержать движение от насилия. Эту «формулу» он нашел в организации борьбы против соляной монополии правительства. Ганди надеялся своим соляным походом отвлечь внимание крестьянства от коренных вопросов аграрной революции.

его продали и предали буржуазные и мелкобуржуазные националисты в 1922 году. Об'ективные предпосылки для под'ема крестьянского движения исключительно благоприятны: обострение экономического кризиса, которое толкает на борьбу широчайшие массы трудящегося населения, особенно ударяет по основным массам крестьянства. Мелкими уступками в области поземельного налога правительство не может их удовлетворить. Но чтобы поднять эти массы, нужна упорная работа в деревне по организации крестьянства, по раз'яснению ему лозунгов аграрной революции. Там, где революционные организации проникают в деревню, они находят крестьянство готовым начать борьбу. Особенно это заметно в Пенджабе, где местная рабоче-крестьянская партия имеет массовые связи среди крестьянства. Именно в этих районах начинается, по последним сведениям, широкая крестьянская борьба. Корреспондент «Дейли Телеграф» недавно сообщал, что в пограничной провинции Пенджабе и Соединенных провинциях, т.-е. практически во всей северной половине Индии, английские семьи получили распоряжение быть готовыми в нужную минуту отправить женщин и детей в укрепленные порты. Это может стоять в связи только с ростом крестьянского движения в этих районах. Второй момент, который нужно отметить. Опыт Китая показывает, что крестьянская борьба разгорается особенно сильно после уборки урожая, когда нужно платить налоги, и стихает перед уборкой урожая. В [illegible] период дождей, за которым после[illegible]

[illegible]

буржуазии, но последняя [illegible] бороться местными средствами, призывая, где нужно, на помощь силы империализма. Но раскол во всеиндийском об'единении профсоюзов, из которого вынуждены были убраться старые матерые реформисты, и переход конгресса профсоюзов в руки левых поставили перед национальной буржуазией вопрос о рабочем движении как проблему общенационального масштаба.

Националистическая пресса заговорила о необходимости впрячь, пока не поздно, рабочее движение в колесницу буржуазного национального конгресса. Для этой «деликатной» миссии был выдвинут молодой Неру и К-о. Радикальная фразеология Неру и приветственные телеграммы, которые он посылал рабочим, бастовавшим на английских предприятиях, оказывают влияние на колеблющихся мелкобуржуазных лидеров профсоюзов, оставшихся во Всеиндийском Об'единении вместе с подлинно революционными элементами. С их помощью «левое» крыло национальной буржуазии пытается удержать под своим руководством часть рабочего движения и отвоевать те массы рабочих, которые пошли за коммунистами и близкими к ним рабоче-крестьянскими партиями.

На крестьянской же арене издавно подвизается Ганди. Молодой Неру, для разложения рабочего движения вынужден уже действовать по-современному и выставить программу, которая содержит такие «завлекательные» для рабочего пункты, как минимум зарплаты, передача фабрик и предприятий в руки государства и т. д. Ганди предпочитает действовать по-старинке и полагаться на свое личное влияние и свои качества святого. И Ганди и Неру, в качестве приказчиков национальной буржуазии, стремятся «перехватить» пролетариат на пути гегемонии в революции. В своем письме к вице-королю Ганди откровенно пишет, что «партия насилия все более завоевывает почву» и это заставляет его торопиться со своим «соляным» походом.

Характерно, что до последнего времени Ганди всегда указывал на «атмосферу насилия» в стране, как на причину, которая мешает-де ему начать свою кампанию гражданского неповиновения. Теперь старый предатель революции чувствует, что в движении появилось революционное ядро и делает из этого прямо противоположный вывод: нужно торопиться, пока это ядро не выросло в мощную массовую силу. Молодой Неру, находящийся на побегушках у Ганди, но обращающийся к рабочим, вынужден выступать более осторожно и прикрываться флером об'ективного демократизма. Вот характерное его выступление: «Если кто-нибудь заботится об эксплоатируемых и погибающих с голоду массах страны, — так это Махатма (т. е. Ганди). Те, кто занимается бесполезными и бессмысленными насмешками, либо его не понимают, либо намеренно обманывают рабочий класс. Двери национального конгресса широко открыты для масс, и рабочие и крестьяне, которые составляют подавляющее большинство населения, могут захватить конгресс и повести его в желательном им направлении. Бесполезно маленькой кучке нападать на единственную национальную организацию, которая ведет войну за индийскую независимость в общенациональном масштабе. Я советую критикам не преувеличивать разногласий, а стремиться к взаимной договоренности». Таков язык тех, которые предназначены индийской буржуазией для борьбы против коммунистов и подлинно революционных элементов в рабочем движении, для разложения движения пролетариата изнутри.

Да что Неру! Бомбейские фабриканты, ведущие на фабриках упорную борьбу с рабочими, отказывающиеся признавать фабзавкомы, выгоняющие рабочих-активистов на улицу,—заседая в бомбейском провинциальном комитете национального конгресса, принимают следующую резолюцию:

«Рекомендовать Исполкому национального конгресса рассмотреть следующий вопрос. В виду того, что форма цивилизации и правления в нашей стране основана на империалистических и капиталистических началах, следствием чего является ужасная бедность и нищета индийских масс, необходимо, чтобы в независимой Индии форма правления представляла полную демократию, основанную на социалистических началах так, чтобы при государственном владении всеми средствами производства и распределения установилось полное равенство в положении граждан».

Эти образчики ярче всего показывают методы, которыми индийская национальная буржуазия пытается овладеть рабочим движением. Но эти же потуги буржуазии—угнаться за «духом времени» — говорят о силе и мощи нарастающего массового движения, говорят о том, что рабочие массы стихийно тянутся к тем, кто действительно способен повести их на борьбу за подлинную демократию трудящихся.

III.

Нарастание революционного брожения в массах, которых не успокоили ни требование независимости, выдвинутое под давлением масс лагорским с'ездом национального конгресса, ни «социалистическая» демагогия буржуазных националистов, вынудили, наконец, Ганди выступить. По собственному признанию, он долго искал «формулу», которая позволила бы ему удержать движение от насилия. Эту «формулу» он нашел в организации борьбы против соляной монополии правительства. Ганди надеялся своим соляным походом отвлечь внимание крестьянства от коренных вопросов аграрной революции.

В этом был основной смысл этой кампании для буржуазных вождей национального конгресса.

«Соляной» поход не оправдал ожиданий Ганди: насколько можно судить, он оказал ничтожное влияние на деревню. Зато в городе его роль — и притом об'ективно революционизирующая роль, вопреки контрреволюционным намерениям его инициатора, — оказалась куда больше. В городе соляной поход действительно оказался исходным моментом широкого массового антиправительственного движения, в котором массы вступили в борьбу за право на улицу и осуществили это право. Быстрый переход к открытым наступательным действиям масс показал, что лозунги гандизма уже далеко не имеют того влияния, как в 1919—1922 гг. во время первого под'ема национально-революционной волны. При всем том, что массы еще не сознают всей глубины противоречий между их движением и классовыми интересами индийской буржуазии, они на деле уже рвут с программой и тактикой буржуазных националистов. Все же гандизм и национальный конгресс еще по-революционному перед массами не разоблачены. Разоблачить до конца конрреволюционную сущность национального конгресса и его вождей — одна из важнейших задач индийской компартии.

Из отдельных номеров бомбейского органа «Уоркерс Викли», прорвавшихся через рогатки английской цензуры, можно видеть, как справляются с этими задачами левые элементы в рабочем движении, стоящие, повидимому, близко к индийским коммунистам. «Уоркерс Викли» упорно и терпеливо раз'ясняет необходимость организации марксистской партии рабочего класса, как единственно способной возглавить борьбу за полное свержение империалистического господства. «Уоркерс Викли» упорно и терпеливо указывает на необходимость работы среди крестьянства и перестройки рабоче-крестьянских партий таким образом, чтобы они не растворяли пролетариат в мелкобуржуазной массе. Но из этих же номеров мы узнаем о трудностях, которые встречают на своем пути подлинно революционные элементы в движении. Секретарь Всеиндийского конгресса профсоюзов Дешпанде на сессии Исполкома предложил начать подготовку всеобщей политической стачки. Колеблющиеся левые лидеры бомбейского профсоюза железнодорожников, питающиеся традициями тред'юнионизма, выступили против политической за экономическую всеобщую стачку. На деле же сорвали стачку бомбейских железнодорожников, которая в первую очередь должна была быть расширена на все железные дороги. В самой бомбейской рабоче-крестьянской партии нашлись люди, которые высказались против самостоятельной политической демонстрации бомбейских рабочих. Демонстрация, впрочем, состоялась вопреки их желанию, о чем ни звука не было в буржуазной печати. Из буржуазных газет также известно, что Дешпанде обратился к бомбейским рабочим с призывом начать всеобщую стачку.

«Уоркерс Викли» ведет непримиримую борьбу не только с Ганди и Неру — с буржуазным национальным конгрессом в целом, — но и с ренегатом Роем, который хочет заманить индийских рабочих пирогом учредилки.

В настоящее время нет еще достаточно материалов для полной характеристики движения. Насколько можно судить по последним сообщениям, после ряда восстаний, бурных революционных выступлений и кровавых столкновений с вооруженными силами империализма, наступает некоторая передышка Восставшие массы собираются с новыми силами для следующего натиска. Рабочие, которые до сих пор только отдельными группами (хоть и многочисленными) втягивались в борьбу, ходом вещей стихийно встают перед необходимостью организации, перестройки своих рядов, подтягивания на помощь крестьянских резервов. Легко воспламеняющаяся мелкобуржуазная масса городов может под давлением репрессий, перед лицом кровавых расправ, устраиваемых озверевшими английскими колонизаторами, временно отхлынуть. Настоящее движение миллионных трудящихся масс только теперь начинается. Что настоящая пауза — только момент на фоне общего под'ема движения к высшим формам борьбы — это прекрасно понимают и английские империалисты. Вот, например, какую картину дает корреспондент «Таймса» из Симлы от 7 мая:

«Когда обозреваешь Индию из этого правительственного гнезда, свитого в горах, кажется, что смотришь вниз на многочисленные костры военных лагерей. Некоторые полыхают, чтобы также внезапно потухнуть, оставив только тлеющий уголек для обозначения опасного места; некоторые беспокойно мигают, угрожая вспыхнуть, как только будут подброшены дрова; и некоторые пришли к бесславному концу даже без дождя искр, которых так уверенно ждали окружавшие их. В общем, положение бесконечно более спокойное, нежели мог надеяться величайший оптимист неделю назад.

Это ни на минуту не означает, что опасность миновала. Даже до того, как эта телеграмма достигнет Лондона, старые костры могут опять разгореться или новые пожары забушуют в неожиданных местах».

Продлится ли наступившая как-будто «передышка» пару недель или пару месяцев — этого никто не может сказать. Одно несомненно: новый натиск революционных масс на колониальный режим неизбежен.

Недаром либерал Сапру, верный сотрудник английского империализма, говорит корреспонденту «Дейли Геральд», что он «никогда еще за свою 30-летнюю политическую деятельность не видел такой ненависти к английскому господству, как в настоящее время». Недаром «Таймсу» сообщают из Шолапура, что, несмотря на кровавую баню, устроенную с благословения «рабочего» правительства восставшим рабочим, они отказываются подчиняться военным патрулям. «Даже вожди конгресса потеряли власть над чернью, которая пытается установить свой собственный режим», пишет корреспондент «Таймса». Характерной чертой текущего момент в Индии является то, что в движение втягиваются все большие массы, ищущие путей для открытых революционных выступлений. В такой момент одной агитации и пропаганды уже недостаточно. Индийские коммунисты, активно участвуя в массовой борьбе, используют настоящую ситуацию, чтобы максимально подготовить партию и организовать стихийно восставшие массы для решительных боев.

Модест Рубинштейн.

Нарастание мирового экономического кризиса*).

Развитие кризиса в разных отраслях хозяйства.

Конец 1929 г. принес новое обострение мирового аграрного кризиса. В области производства зерновых хлебов,— пишет отчет Дрезденского банка

> «несоответствие между продукцией и спросом, которое с самого начала аграрного кризиса в 1920 г. особенно заметно на мировом рынке пшеницы, в результате хорошего урожая 1928/29 г. еще более обострилось. Причины отставания мирового потребления от продукции вызваны сокращением покупательной способности населения по сравнению с довоенным периодом во всех промышленных странах, потреблявших избытки пшеницы, а также изменением характера питания. Потребление муки на голову населения сократилось в Англии и Германии на 10%, в Соед. Штатах на 12—15%. Хотя мировой сбор пшеницы в 1928/29 г. был в среднем лишь на 5,8% выше, чем до войны, в то время как население мира выросло на 9%, а население промышленных стран Европы—на 6%,—часть избыточной продукции не находит при этих обстоятельствах потребителей».

Отчет констатирует, что попытки концентрации предложения (канадский «пул» и др.), не привели к улучшению положения на рынке. В основных экспортирующих странах имел место значительный рост продукции в результате роста посевных площадей, повышения урожайности, механизации и пр. Зависимость Европы от заокеанских стран (особенно Канады и Аргентины) еще более усилилась. В то же время каждый хороший урожай вызывает усиление трудностей сбыта, панику на хлебной бирже в Чикаго, массовое разорение мелких производителей. Как вынужден был признать буржуазный теоретик аграрных кризисов Зеринг,— этот кризис, неуклонно развивающийся с 1920 г. вызван в первую очередь обнищанием широких масс европейского населения.

1928 и 1929 гг. принесли дальнейшее углубление кризиса. Пшеничная продукция все более переходит в новые районы экстенсивного земледелия с континентальным климатом. Ряд технических сдвигов вызвал новое снижение себестоимости экстенсивного производства. Особенное значение имело быстрое распространение комбайнов в Соед. Штатах, Канаде, Аргентине и Австралии. Они сокращают стоимость уборки урожая на 30—50%, а стоимость всей продукции—на 8—14%, и дают поэтому стимул к новому расширению посевных площадей без новой колонизации. Наоборот, в ряде пшеничных районов эти новые методы вызывают быстрое обезлюдение. Как мы уже отмечали о Канаде и Соед. Штатах в предыдущей статье, массы бродячих рабочих, приезжавшие в сельскохозяйственные районы во время уборки урожая, более не нужны.

---

*) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

Распространение тракторов и сокращение численности лошадей вызывает освобождение значительных территорий от продукции кормов и их занятие зерновыми хлебами. Между тем потребление уже с первыми проявлениями мирового экономического кризиса дает признаки еще более быстрого сокращения. При этом необходимо иметь в виду то повсеместное явление, что снижение цен на зерно, получаемое производителями, т.-е. в первую очередь широкими массами крестьянства, большей частью совершенно не доходит до потребителя. Например, в Польше снижение с 1927 г. почти на половину цен, получаемых крестьянами, сопровождается повышением розничных цен. В Германии цена ржи в настоящее время снизилась почти до довоенного уровня, а цена хлеба выросла на ⅓. Колебания цен вызывают лишь повышение прибылей спекулянтов, торговцев, владельцев мельниц и пекарен. Из каждых 50 пфеннигов цены ржаного хлеба до войны крестьянин получал 25 пф., а в настоящее время лишь 19 пф. Если принять во внимание, что помещики и верхние слои крестьянства страдают при этом меньше всего, мы увидим, что вся тяжесть аграрного кризиса перекладывается, с одной стороны, на основные массы беднейшего крестьянства, с другой — на широкие слои городских потребителей, т.-е. пролетариат. То же самое имеет место и в других странах. В результате концентрация капитала, оказавшись и в этой области бессильной регулировать производство, обеспечивает переложение основной тяжести кризиса на широкие массы крестьянства и пролетариата, что, однако, приводит лишь к дальнейшему его углублению.

В начале 1930 г., несмотря на сильнейший неурожай в Канаде и Аргентине, имеет место небывалое накопление запасов пшеницы (особенно в Соед. Штатах), сокращение возможностей экспорта, падение цен на чикагской бирже с 131 цента за бушель в начале года до 99 центов в конце февраля. Почти в такой же степени снизились мировые цены на рожь, овес, ячмень, кукурузу, рис и др. зерновые продукты. Кризис перепроизводства зерновых продуктов, наряду с Соед. Штатами, Канадой, Аргентиной и Австралией, с особенной силой ударил по хозяйству стран Юго-Восточной Европы — Венгрии, Польши, Балкан, всюду вызывая массовое разорение беднейших фермеров и крестьян, сокращая их покупательную способность, усиливая безработицу.

Выходящий в Лондоне журнал «Африканский мир» приводит в хронике (без всяких комментариев) корреспонденцию из газеты «Bloem fontein Friend», издающейся в глуши Южно-африканского союза. Корреспондент пишет:

> «Мрак, уныние и отчаяние господствуют в округе Коренфонтэйн. Уже несколько недель фермеры ожидают больших туч саранчи, которая посетила бы район. Так как саранча все еще не появилась, фермеры в отчаянии, не зная что делать со своим урожаем. Они надеялись на основе сообщений из других районов, что саранча должна была давно уже прилететь сюда. Но день проходит за днем, а ее нет и следа. Фермеры боятся, что придется убирать хлеб, так и не дождавшись саранчи».

Это своеобразная картина положения фермеров целого округа, дожидающихся саранчи, как манны небесной, как единственного избавления от разорения, могла бы служить символом нынешнего положения сельского хозяйства во всем капиталистическом мире.

В конце 1929 и начале 1930 гг. имело место также снижение цен на ряд продуктов животноводства — масло и др. молочные продукты, мясо и особенно шерсть. Повсеместное снижение цен на масло (особенно ударившее по сельскому хозяйству Дании) об'ясняется буржуазными экономистами снижением емкости рынков в результате безработицы.

Еще более острое развитие мирового аграрного кризиса можно отметить в области растительных колониальных продуктов. В производстве кофе 1929 г. принес небывалое падение цен, снизившихся к концу года почти на половину. Мы уже отмечали, какое воздействие это оказало на хозяйство ряда стран Центральной и Южной Америки. Кофе составляет следующий процент в общем вывозе государств (1927 г.):

Бразилия	71%	Гватемала	82%
Колумбия	66%	Никарагуа	57%
Коста-Рика	59%	Сан-Сальвадор	89%

С его производством связано существование миллионов крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Уничтожение громадных запасов и проекты вырвать 400 млн. кофейных кустов для того, чтобы избавиться от перепроизводства, ни в коей мере не улучшат положения этих миллионов людей.

Немногим лучше положение и в производстве чая, где расширение посадок за последние годы, также не сопровождалось ростом потребления. В 1929 г. цены упали более, чем на ⅓ и все же запасы быстро растут. Это отразилось на Цейлоне, Индии, Индонезии и Китае. Об'единение плантаторов на Цейлоне постановило оставить на поле очередной сбор чая.

В мировом производстве каучука имело место падение цен с 1925 по 1928 гг. почти на ⅓. Несмотря на громадный рост потребления резины автопромышленностью, производство быстро опережало спрос. С января 1928 г. по январь 1930 г. цены упали более чем наполовину, до самого низкого уровня с 1922 г. Делаются лихорадочные усилия вновь возродить какой-либо суррогат известной «схемы Стивенсона» (организованного сокращения продукции, взорванного американцами в 1928 г.). В частности производятся попытки сократить продукцию мелких туземных производителей в Индонезии при помощи правительственного принуждения. Но начало поступления каучука с заложенных за последние годы американских плантаций в Африке, Индонезии и Филиппинах, быстрый рост применения так называемой регенерированной резины и кризис автомобильной промышленности делают эти попытки удержать цены безнадежными.

Чрезвычайно яркую картину мирового кризиса дает также производство сахара. Громадное развитие производства тростникового сахара во время и после войны, при сокращении спроса со стороны широких масс, вызвало общее международное перепроизводство. Все попытки добиться сокращения продукции путем соглашения плантаторов и предпринимателей важнейших производящих стран окончились неудачей. Как пишет редактор «Международного сахарного журнала» Норман Роджер:

> «Уже годы на мировом сахарном рынке господствует столь низкий уровень цен, что только наилучше оборудованные крупные предприятия обеспечивали кое-какую прибыль. Уже несколько лет продолжаются попытки промышленников Кубы и Явы договориться об ограничении мировой продукции. Но плантаторы Явы отказываются от ограничений, так как вследствие повышенной эксплоатации труда, получают достаточную прибыль. Попытки промышленников Кубы самостоятельно ограничить производство провалились. Теперь они, при помощи правительства, централизовали продажу, удерживают от выхода на рынки запас в 4—5 млн. тонн. Однако, несмотря на это, цены все же снижаются. Разгорается отчаянная мировая борьба за рынки. Повсюду имеет место выпадение и закрытие более слабых предприятий, ликвидация громадных плантаций, требовавших многих лет подготовки. Расширить потребление можно только за счет тех слоев населения, для которых сахар в настоящее время слишком дорог. Но тут препятствием становятся косвенные налоги, от которых правительства не хотят и не могут отказаться Один инженер предлагает следующий выход: отказаться от сложных методов извлечения из тростника всего сахара, ограничившись более грубым процессом для получения 85%. Это позволит ограничить продукцию более, чем на 10%. В этом многие видят якорь спасения».

Сахарный кризис резко отразился не только на странах, производящих тростниковый сахар (в первую очередь на Кубе и Индонезии), но также на странах с значительной продукцией свекловичного сахара (Соед. Штаты, Германия, Чехо-Словакия). А тут еще весьма некстати для сахарозаводчиков Бергиус настолько усовершенствовал свой метод получения сахара из древесной целлюлозы, что он дает возможность совсем по дешевке получать сахаристые вещества (пока для корма скота, но при дальнейшем развитии они будут пригодны и для других целей).

Таковы же явления перепроизводства и в области других колониальных сельскохозяйственных продуктов — хлопок, джут, какао, табак, жировые семена, бобы и сои и мн. др.

Этот острый кризис сельскохозяйственной продукции колоний имеет исключительно важное значение для оценки характера мирового экономического кризиса.

В одном из своих писем к Марксу (от 11/XII—1857 г.) Энгельс делает следующее интереснейшее замечание: «Перепроизводство при этом кризисе было столь всеобщим, как никогда; оно неизбежно как для колониальных товаров, так и для зерна. Это то и великолепно и должно иметь колоссальные последствия. Пока перепроизводство ограничивается промышленностью, это еще с полбеды, но когда оно захватывает и земледелие, и притом под тропиками так же, как и в умеренном поясе, тогда все принимает грандиозные размеры».

С тех пор значение колониального сырья в мировом хозяйстве во много раз выросло. Колонии в гораздо большей степени вовлечены в мировой товарооборот. Целый ряд колониальных стран превращены современным капитализмом в области так называемой монокультуры, т.-е. главной основой всего их хозяйства является производство какого-либо одного сырьевого продукта на мировой рынок. Мы уже выше отмечали роль экспорта кофе для Бразилии, каучука для Малайских Штатов и Индонезии. Как пишет о производстве какао в Зап. Африке («Золотой Берег») Аллан Мак-фи:

> «какао, чисто торговая культура, на которую нет внутреннего спроса и существование фермера, производящего какао, более зависит от мирового рынка, чем прядильщика в Ланкашире».

То же относится к хлопку в Уганде, чаю—на Цейлоне и многим другим колониям. В результате кризис сбыта этих продуктов и снижение цен разваливает все хозяйство колониального мира, стремительно ускоряет разорение многомиллионных масс колониального крестьянства и, сокращая возможности экспорта в эти колонии, судоходство и проч., приводит к грозным потрясениям мирового рынка. Этот кризис продукции колониального сырья дает мощный толчок к усилению национально-революционного движения колониальных народов, расширяя его на новые страны и области, обостряя борьбу против империализма, вне которой для трудящихся колоний нет никакого выхода.

Нарастающий мировой кризис охватывает в настоящее время производство всех основных видов топлива.

Важнейшее значение имеет в этом отношении угольный кризис, так как уголь все еще остался основой энергетики мира. Мировой угольный кризис характерный для всего послевоенного периода капитализма, в самое последнее время получил новое обострение. После английской стачки углекопов в 1926 г. в ряде стран имел место временный под'ем угольной промышленности.

Но, с одной стороны, громадные успехи механизации добычи угля (особенно в Соед. Штатах и Германии), с другой стороны, прогрессирующая замена угля нефтью и водной энергией, успехи теплотехники и т. п. подготовили перепроизводство в еще более широком масштабе; а это привело при первых же проявлениях сокращения спроса промышленностью к новому расширению мирового угольного кризиса. В Соед. Штатах предприниматели откровенно заявляют, что «300.000 углекопов должны вымереть для блага дела» и, несмотря на резкое сокращение зарплаты, проводят массовые увольнения.

Еще хуже положение в Европе. Важнейшие экспортирующие страны (в первую очередь Англия и Германия, затем также Чехо-Словакия, Польша и др.), ведут отчаянную конкурентную борьбу за рынки. И в то же время производственная возможность промышленности всюду не использована, что вызывает, несмотря на громадные успехи рационализации, повышение себестоимости.

Все попытки международных соглашений об ограничении продукции не приводят ни к каким результатам. Новые возможности химического использования угля (нефть из угля, передача газа на дальнее расстояние, получение азотных соединений при коксовании и т. д.) не разрешают проблему сбыта, так как требуют относительно ограниченных количеств угля. В конце 1929 г. угольная промышленность важнейших стран была еще исключением из общей картины снижения кон'юнктуры. Но уже в самом начале 1930 г. кризис распространился на угольную промышленность Германии, Чехо-Словакии, Польши и ряда других стран. Мировая добыча угля за первую четверть 1930 г. показывает значительное снижение.

Острый международный кризис испытывает и производство нефти. Несмотря на громадный рост потребления, в результате увеличения спроса автомобилей, тракторов, авиации и перехода на нефть морского флота, продукция неизменно обгоняет потребности. С 1925 по 1928 г. мировая продукция выросла на 25%, и трудности сбыта становятся все острее. Детердинг заявил на с'езде американского нефтяного института:

> «в настоящее время повсюду производится, транспортируется, перерабатывается и вывозится слишком много нефти. Громадные вложения в нефтепроводы, пропадают совершенно напрасно. Например, в Мексике, в 1920—24 г. были выстроены нефтепроводы с пропускной способностью больше миллиона барелей (боченков). Между тем, продукция составляла тогда 400.000 барелей, а в настоящее время менее 100 тысяч в год. Нефтеперегонные заводы повсюду вырастали, как дети. Теперь они не используются и в десятой доле».

Однако, все попытки организовать в международном масштабе сокращение продукции провалились и отчаянная борьба мировых нефтяных трестов за рынки и сферы влияния продолжается с небывалой напряженностью.

Технические сдвиги последних лет (особенно успехи крэкинга) позволяют значительно увеличить выход бензинопродуктов и, таким образом, получать их из меньшего количества сырой нефти. Это еще более усиливает перепроизводство, нарастающее с каждым годом. По словам американских экономистов, «такое перепроизводство сломало бы спину другим отраслям промышленности». Но и в нефтяной промышленности средние цены на нефтепродукты в 1929 г. снизились до самого низкого уровня с 1915 г. и накопление запасов является небывалым.

При общеизвестном значении нефтяных трестов в империалистической политике, углубление мирового нефтяного кризиса оказывает громадное воздействие на обострение военной опасности.

Явное назревание кризиса хотя и в своеобразных формах показывает мировая металлургическая промышленность.

Основное значение имеет железо и сталь. С 1925 по 1928 г. мировая продукция железа выросла на 15%, стали—на 20%. 1929 г. дал дальнейший рост— по железу на 9,4%, стали на 13%. Производственная способность, в результате ряда технических усовершенствований, выросла еще больше, чем продукция.

В Соед. Штатах загрузка металлургических предприятий зависит почти целиком от внутреннего рынка и довольно точно следует за своим важнейшим потребителем — автопромышленностью. Уже при первых проявлениях экономического кризиса загрузка металлургических заводов стремительно снизилась в декабре 1928 г. до 50% производственной способности и лишь рядом искусственных мероприятий ее удалось временно поднять.

В основных, по продукции железа и стали, государствах Европы (Англия, Германия, Франция и Бельгия—Люксембург) производственная способность металлургии значительно превышает максимальные возможности спроса на внутренних рынках и, поэтому, решающее значение имеет борьба за внешние рынки. Остальные государства (Польша, Чехо-Словакия, Италия и др.) содействуют обострению этой борьбы. Настойчивые попытки каждого из государств развить собственную металлургию для военных целей, использование для этих целей заградительных пошлин и т. п., еще более усиливают перепроизводство. Поэтому, несмотря на «достижения» европейского стального картеля, проведшего в октябре 1929 г. постановление о снижении продукции на 10%, а в ноябре еще на 10%, условия сбыта на мировых рынках не улучшились.

Несмотря на громадные успехи концентрации металлургического капитала как в Соед. Штатах, так и в Европе, борьба за рынки не только не ослабела, но еще более усилилась. Идет ожесточенная борьба трестов и картелей с аутсайдерами (независимыми фирмами) внутри картелей борьба отдельных участников за квоты (доли продукции), наконец, американская металлургия усиленно готовится к выходу широким фронтом на мировые рынки и борьбе с европейским картелем.

Еще острее проявляется кризис в цветной металлургии.

В добыче меди за последние годы имел место громадный рост спроса (главным образом для электротехнической промышленности, поглощающей свыше 50% меди). Высокие цены поддерживали «бум». В начале 1930 г. явно наметился перелом. Несмотря на чрезвычайно высокую степень концентрации капитала, взвинченные картельные цены угрожают снизиться и основные тресты в настоящее время сокращают продукцию [1]).

В добыче олова неуклонный рост продукции при стабилизации потребления вызвал резкое перепроизводство. Попытки соглашения об ограничении продукции оказались безуспешными. За 1929 г. цены снизились на 25%, что резко сказалось на хозяйстве Малайских Штатов, Боливии и Индонезии, частью также Сиама, Китая и других стран.

Несколько особняком стоит резкий кризис цен на серебро, вызвавший глубокие потрясения в хозяйстве ряда стран. Лишь 26% мировой продукции серебра получается из чисто-серебряных рудников, 74% являются побочным продуктом при добыче других цветных металлов. Поэтому продукция серебра почти не поддается регулированию. За последние годы она держится почти на том же уровне. Основной причиной кризиса является сокращение потребления, в связи с отказом ряда государств от серебряной валюты. Индия поколениями поглощала громадное количество серебра, которое служило (в виде женских украшений) основным методом сбережений. Запасы в стране составляли почти ⅓ мировых. В связи с переходом на золотую валюту, индийское правительство бросило на рынок значительное количество серебра и мировые цены, уже ранее показывавшие тенденцию к снижению, дали резкий скачок вниз. В январе 1930 г. цены на серебро упали ниже, чем за все последние столетия. Это было, с одной стороны, ударом по хозяйству производящих стран, в первую очередь Мексики (дающей 40% мировой добычи), где оно вызвало увольнение десятков тысяч рабочих. Но сильнее всего это падение отразилось на странах с серебряной валютой — Китае, Индо-Китае, Персии, в значительной степени в Индии.

Внешняя торговля и общее хозяйственное положение Китая в громадной степени зависят от курса серебра. Снижение курса на серебро означает падение стоимости экспорта и сокращение покупательной способности. Страна может меньше покупать на внешних рынках и в то же время громадные проценты по иностранным долгам и займам относительно еще более вырастают. По подсчетам «Анналиста» падение курса серебра за 1929 г. означало для Китая сокращение покупательной способности на 25% и увеличение внешних долгов почти на ⅓. Таковы же были следствия в ряде стран Дальнего Востока. Это в свою очередь отразилось на хлопковом рынке Соед. Штатов, на вывозе оттуда муки, машин, металлов, нефтепродуктов. В самом Китае имел место крах ряда банков, сокращение правительственных финансов, приостановка закупок заграницей. Торговля и промышленность Китая были поражены в самое сердце. Как мы уже отмечали, в тесной связи с серебряным кризисом произошел в конце декабря подлинный крах всех ценностей на шанхайской бирже, еще более углубивший экономический кризис. Доходы правительства Чан Кай-ши почти исчезли, так как уплата иностранных долгов поглощает все поступления. Сокращение китайского импорта и попытки усилить экспорт на основе фактического снижения зарплаты, вносят потрясения во всю мировую торговлю. И в Индии катастрофа серебряных цен вызвала массовые разорения.

---

[1]) По последним сообщениям международный медный картель снизил цены на 20%.

В обрабатывающей промышленности важнейшее значение имеет машиностроительная промышленность, с одной стороны, как яркий показатель, с другой, как отрасль производства, определяющая одно из важнейших условий возникновения мирового экономического кризиса. По данным международной экономической конференции в Женеве, мировая продукция машин выросла с 1913 г. по 1925 г. на 10%, а производственная способность мировой машиностроительной промышленности поднялась на 46,5%. (в Соед. Штатах—на 67%). В связи с этим, средний процент загрузки машиностроительных заводов составлял в 1925 г. лишь 74%. С 1925 г. по 1928 г. продукция выросла еще на 15%, но расширение производственной способности еще более опередило этот рост. Загрузка машиностроительной промышленности Германии снизилась в феврале 1930 г. до 60% производственной способности.

В эти годы машиностроительная промышленность важнейших стран имела значительные заказы на внутренних рынках, в связи с широким процессом рационализации (в Соед. Штатах также в связи с индустриализацией Юга). Ряд данных показывает, что внутренние рынки в настоящее время насыщены, и все основные производящие страны готовятся к широкому походу на внешние рынки. В то же время индустриализация колоний и полуколоний переживает, как мы уже отмечали, глубокий кризис, что относительно сокращает импорт машин. Большая часть потребления машин в странах новой индустриализации связана с расширением добычи сырья, что в связи с вышеописанным повсеместным перепроизводством сырья на годы исключает возможности роста.

Все это создает для мировой машиностроительной промышленности нарастание кризиса перепроизводства и трудностей сбыта. На значении сдвигов машиностроения для развития общего экономического кризиса мы остановимся в дальнейшем.

К сожалению, в международном масштабе нет сколько-нибудь надежных данных о строительной промышленности. На значении технических сдвигов строительства в подготовке и ускорении мирового экономического кризиса мы остановимся ниже.

В связи с назреванием кризиса в отдельных отраслях хозяйства, отметим лишь, что основным строительным материалом современности является (на ряду с железом) цемент. Поэтому цементная промышленность является одной из «ключевых» отраслей производства, в известном отношении как бы показывая масштаб индустриализации страны. Мировая цементная промышленность показывает за последние годы неуклонный рост. Продукция в 1927 г. была на 70% выше 1913 г. (в Соед. Штатах на 90% выше).

Несмотря на громадный рост спроса, продукция во всех важнейших странах неуклонно обгоняет потребление. Легкость постройки новых цементных заводов и успехи механизации производства усиливают это несоответствие. Производственная мощность заводов повсюду использовывается далеко неполностью (в мировом масштабе было использовано в 1928 г. лишь 60—70% производственной способности; как пишет отчет Дрезденского банка, «несоответствие производственной способности и потребления стало органическим злом цементного производства, имеющим особенное значение, вследствие высокого органического состава капитала». Несмотря на громадную степень концентрации капитала цемпромышленности, конкурентная борьба разгорается все сильнее.

С первыми же проявлениями общего экономического кризиса имело место значительное сокращение продукции в Соед. Штатах, основных странах Европы и, особенно, в Японии.

В текстильной промышленности мира необходимо в первую очередь отметить усиление кризиса хлопчатобумажной промышленности. После короткого улучшения в 1927 г. положение мировой хлопчатобумажной промышленности вновь резко ухудшилось, при чем это ухудшение охватывает в настоящее время как Соед. Штаты и важнейшие центры европейской промышленности, так и молодую хлопчатобумажную промышленность Восточной Азии.

За последние годы происходил дальнейший рост производственной способности хлопчатобумажной промышленности мира как за счет установки новых веретен, перехода на автоматические ткацкие станки и т. п., так и в результате громадного роста интенсификации труда.

В то же время рынки неуклонно продолжали сокращаться. Для хлопчатобумажной промышленности Европы (особенно для английской) внутренний рынок совершенно недостаточен. В то же время японская, индийская и китайская промышленность не только продолжали вытеснять импорт, но в то же время все с большей настойчивостью сами рвутся на внешние рынки.

Молодая текстильная промышленность Южной Америки обеспечивает самоснабжение. На некоторых отраслях хлопчатобумажной промышленности начинает сказываться конкуренция искусственного шелка. Японская (частично и китайская) промышленность успешно переходит на более тонкие сорта тканей и в связи с этим надежды европейских фабрикантов на обеспеченность рынков хотя бы в этой отрасли начинают тускнеть. В то же время текстильная промышленность Восточной Азии также испытывает все большие трудности сбыта. В Китае и Индии потребление хлопка с 1927 г. значительно сократилось. Японские фабриканты испытывают нарастающие затруднения экспорта.

Развитие мирового экономического кризиса особенно резко сказывается на этой громадной отрасли производства, по существу основной, обслуживающей непосредственно потребительский спрос.

Те же явления сказываются и в мировой шерстяной промышленности, где продукция 1928 г. была на 10% выше 1913 г. и на 14% выше 1925 г. Резкое несоответствие производственного аппарата и спроса характеризует шерстяную промышленность всех стран. Особенно оно сказывается в Соед. Штатах, где производственная способность использовывается (по данным К-та Гувера) лишь на 60%. С 1928 г. мировые цены показывают тенденцию к снижению, а с конца 1929 г. начинает сокращаться и производство.

В области транспорта необходимо отметить углубление кризиса мирового судоходства, кризиса, характеризовавшего почти весь послевоенный период. Рост тоннажа (главным образом из военных соображений) за последние годы продолжался. Мировой тоннаж вырос с 62 млн. тонн в 1927 году до 68 млн. в 1929 г. Этот рост тоннажа по сравнению с довоенным периодом значительно опередил рост мировой торговли. В то же время технические и организационные сдвиги судоходства значительно повысили его производительность. Например, по данным об океанском судоходстве мира, тоннаж вырос с 1914 г. по 1927 на 25%, а провозоспособность (в миллионах тонн)— более чем на 30%.

После некоторого оживления в начале 1929 г., вызвавшего розовые надежды судоходных трестов и новое усиление строительства, зимой 1929—30 г. произошло повсеместное ухудшение.

Как сообщает W. Dienst «единственным выходом для судоходных трестов было выключение (Auflegung) и, в значительной части, уничтожение незанятых судов. За последние месяцы это выключение проводилось очень широко, при чем выключались из действия не только старые суда, но многочисленные современные моторные суда, экономичность которых вне всяких сомнений». Это ярко показывает критическое положение судоходства, при чем, по словам обзора N. D., нет никаких признаков, которые давали бы надежду на перелом. Фрахты продолжают падать, мировая торговля с 3-го квартала 1929 г. неумолимо снижается. Резко сократились морские перевозки пшеницы, хлопка, леса, сахара. В угольном флоте все сильнее выявляется избыток тоннажа. В ближайшие месяцы предполагается еще более широкое выведение пароходов из строя.

Уже этот краткий обзор состояния важнейших отраслей мирового хозяйства ярко показывает углубление перепроизводства и быстрое нарастание мирового экономического кризиса. Единственными важными исключениями были до сих пор — мировая электрическая и химическая промышленность.

Однако, электротехническая промышленность также показывает замедление темпов прироста и обострение борьбы за рынки.

В химической промышленности, несмотря на особые условия ее развития, ряд отраслей дает также яркую картину перепроизводства. Правда, продукция мировой химической промышленности показывает непрестанный под'ем. С 1924 г. по 1928 г. она выросла на 30%. Громадным темпом продолжали развиваться технические сдвиги и рационализация производства. Но как раз это создавало новые противоречия и трудности. Новые вещества и методы продукции непрестанно создают конкуренцию старым и часто разом обесценивают огромные вложения капиталов.

Нарастание перепроизводства легче всего проследить по отдельным отраслям химической промышленности.

Серно-кислотная промышленность долгое время была как бы ключом основной химии и ее развитие служило важнейшим показателем общего состояния химического производства. Однако, в результате ряда технических сдвигов, она потеряла это значение и использование серной кислоты вытеснено другими методами. Между тем, прозводственная способность, получившая громадное развитие еще во время войны, продолжает расширяться. Результатом является слабая загрузка и нарастающие трудности сбыта.

Красочная промышленность — как во время, так и после войны усиленно насаждалась почти всеми капиталистическими государствами, так как ее производственный аппарат и полупродукты являются основой производства отравляющих веществ. Каждая из капиталистических стран, при помощи запретительных пошлин, субсидий и т. п., стремится целиком избавиться в этой области от иностранной зависимости. Продукция красок в 1928 г. была на 15% больше 1925 г. В то же время при производственной способности мировой красочной промышленности в 275.000 тонн, средняя продукция за последние годы составляет лишь 170.000 тонн, т.-е. производственный аппарат загружен лишь на 60%.

Основной «мирный» потребитель красок — текстильная промышленность, неуклонно сокращает спрос. В то же время повсюду растут новые красочные заводы и расширяются старые. Даже Япония выступила на внешние рынки. За последние оставшиеся рынки (Китай, Индия) идет ожесточенная конкурентная борьба при помощи бросового экспорта. Но Индия защищается как зеница ока британским Химическим трестом, а Китай за последние годы резко сокращает импорт.

Еще ярче сказывается перепроизводство в мировой азотной промышленности, служащей основой изготовления взрывчатых веществ, а в мирное время вынужденной перебиваться удобрениями для сельского хозяйства.

С 1925 г. по 1928 г. продукция всех азотных соединений выросла на 50%, а синтетического азота на 100%. В ряде стран имел место еще более быстрый рост (например, в Италии — втрое). В 1929 г. продукция вновь выросла на 22%, в то время, как рост потребления составлял лишь 14%. Несмотря на необ'ятные возможности развития потребления удобрений, спрос сельского хозяйства, капиталистических стран растет крайне медленно и далеко отстает от скачкообразного роста продукции и производственного аппарата азотных заводов. Еще в большей мере, чем в красочной промышленности, каждое капиталистическое государство стремится избавиться от иностранной зависимости. Несмотря на то, что наличные предприятия с избытком покрывают спрос, в Соед. Штатах, Англии, Голландии, Франции, Бельгии, Италии и ряде других стран лихорадочно строятся новые крупнейшие заводы.

Еще более усиливает мировое перепроизводство усовершенствование получения азотных соединений в качестве побочного продукта угольной промышленности (при коксовании). За оставшиеся (главным образом, заокеанские) внешние рынки идет отчаянная борьба мировых трестов. Создавшийся летом 1929 г. международный картель не прекратил этой борьбы и не ослабил перепроизводства. Наоборот, углубление мирового сельскохозяйственного кризиса еще более сокращает потребление и в то же время 1930 г. должен дать значительный рост продукции в связи с окончанием ряда крупнейших заводов. Чтобы поглотить прирост продукции, необходимо было бы расширение потребления не менее, чем на ¼, на что, без новой империалистической войны, у предпринимателей нет никаких надежд.

Резкое перепроизводство характеризует и другую область производства удобрений — добычу калия. В результате соглашения французского и германского калийных трестов, в этой области был проведен полный раздел мировых рынков, при чем 70% продукции дает Германия. Интенсивнейшая рационализация привела к резкому сокращению числа занятых рабочих и одновременному росту производственной способности, использовываемой лишь в незначительной степени. Но этой монополистической идиллии грозит сокрушительная опасность в виде советского калия, запасы которого значительно превышают германские. Немудрено, что калиевый магнат Рехберг является одним из зачинщиков антисоветской травли, призывая в газетах германской тяжелой промышленности к военному походу на Советский Союз, который, видите ли, является единственным виновником того, что в капиталистическом мире имеется в настоящее время 20 миллионов безработных и, по словам Рехберга, 60 млн. людей обречены на вымирание. Калий не является как нефть горючим материалом, однако, для современного империализма даже этот безобидный продукт служит топливом для разжигания новых войн.

Наконец, чрезвычайно интересным примером капиталистического перепроизводства и создаваемых им противоречий является производство искусственного шелка. Эта молодая отрасль промышленности показывала за последние годы рекордные темпы развития. Мировая продукция за 1928 г. была вдвое выше 1925 г. (в Японии—рост втрое). 1928 г. дал дальнейший рост почти на 15%. Возможности дальнейшего развития потребления громадны, так как в настоящее время искусственный шелк составляет лишь 6% текстильной пряжи. И все же трудности сбыта выявились в 1929 г. с чрезвычайной ясностью, как пишет один германский экономический журнал: 1929 г. был годом катастрофы для промышленности искусственного шелка всего мира. Акции соответствующих предприятий потеряли значительную часть своей стоимости во всех странах, особенно же в Германии, где их курс в начале года был в 3—4 раза выше, чем в конце года. Все это происходило, несмотря на рост продукции и сбыта.

Точно так же, несмотря на рост емкости рынков, цены продукции упали за год на ⅓. Об'ясняется это тем, что промышленность рассчитывала на еще более быстрый рост и соответственно этим расчетам расширялась производственная мощность фабрик. Их производственная способность использовалась лишь наполовину. Несмотря на чрезвычайно высокую ступень и стремительный рост концентрации капитала в этой промышленности, конкурентная борьба на мировых рынках получила небывалое обострение. Все международные договоры и соглашения оказались ни к чему, так как они просто не выполнялись. Рядом с крупными предприятиями выплывали бесчисленные аутсайдеры (посторонние) и чтобы бороться с их конкуренцией, крупные партнеры должны были бороться и между собой. Для того, чтобы удержать цены от дальнейшего падения, этот журнал требует полного прекращения расширения производственного аппарата, «мирного» договора всех стран о разделении рынков и об отказе от бросовой конкуренции. Он заявляет, что «грюндерский период промышленности окончен». Однако, эти планы организованного сокращения продукции и ликвидации конкуренции являются чистейшей утопией. Необходимо также иметь в виду, что в этой промышленности (как и в производстве азота) выгодно лишь очень крупное производство. Поэтому, расширение производственной способности идет здесь не постепенно, а большими скачками, разом опережающими постепенный рост потребления и создающими значительные товарные запасы. В результате дальнейших технических сдвигов, эти запасы не поддаются прибыльной реализации.

Вышеприведенные примеры ясно показывают, что и химическая промышленность лишь очень условно может быть отнесена к исключениям из общей картины острого перепроизводства.

Основные противоречия современного капитализма в своей новейшей форме переносятся как в страны молодой индустриализации, так и в молодые отрасли промышленности, при чем вследствие их стремительного роста и развития выявление кризиса происходит в них особенно бурно.

В химической промышленности, являющейся на 100% военным производством, назревание кризиса служит сильнейшим стимулом подготовки новых империалистических войн, так как только война дает химическому капиталу надежду на открытие нового необ'ятного рынка.

Основные особенности кризиса.

Не останавливаясь в данной статье на анализе условий возникновения мирового экономического кризиса 1930 г., отметим лишь некоторые основные его особенности.

Важнейшими особенностями развивающегося мирового экономического кризиса являются следующие черты:

1) Данный кризис является только этапом, только частью всеобщего послевоенного кризиса капитализма. Это лишь период обострения противоречий конечного кризиса всей капиталистической системы в целом. Забыв об этой основе, нельзя ничего понять в характере нарастающего кризиса.

2) Кризис тесно связан с громадным по темпу и масштабу нарастанием элементов паразитического перерождения и загнивания капитализма. Этим об'ясняется, между прочим, значительная роль в его подготовке и развитии биржевой спекуляции.

3) Кризис в своем развитии по глубине, повсеместности, размерам безработицы далеко превзойдет все прежние «рекорды» капитализма. Это показывают уже первые его проявления, небывалые по размаху и интенсивности. Разумеется, что развитие кризиса в разных странах, разных отраслях хозяйства, социальной и политической жизни не нарастает и не будет нарастать равномерно, постепенно и параллельно. Оно будет сталкиваться с рядом противодействующих тенденций. Отдельные противоречия будут на время частично ослабляться, чтобы затем вновь вспыхнуть с новой силой. Отдельные капиталистические государства будут временно выигрывать за счет других. Но, несмотря на эту неравномерность, на «развитие в противоречиях», кризис в общем, несомненно, охватит все мировое хозяйство капитализма, углубляя его развал и анархию, наглядно показывая широким массам трудящихся, что «оболочка частно-хозяйственных отношений загнивает и должна быть удалена». (Ленин).

4) Характерной особенностью назревающего кризиса является одновременность, сочетание и взаимодействие промышленного кризиса и острейшего мирового аграрного кризиса. Промышленный кризис еще более сокращает возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов и в то же время целиком устраняет возможности всасывания разоряемого кризисом сельскохозяйственного населения в городскую промышленность. В свою очередь, углубление аграрного кризиса еще более суживает рынки для промышленных продуктов. Таким образом, это сочетание в небывалой степени расширяет охват мирового кризиса, следствия которого сказываются на подавляющем большинстве населения земли.

5) Кризис уже в нынешней стадии является нагляднейшим провалом всей болтовни об «организованном капитализме». Разумеется, и раньше нелепость этих «теорий» была ясной для каждого марксиста. Но и те предположения, которые были у некоторых товарищей о хотя бы некотором воздействии современных форм концентрации капитала на форму кризисов в смысле их смягчения, организованного «спуска на тормозах», значения в Соед. Штатах федеральной резервной системы и т. п. с треском провалились. Федеральная резервная система оказалась, по меткому американскому определению, «положенной на полку». Как Социалистический Интернационал—в представлении Каутского являлся орудием, пригодным лишь во время мира, а не войны, так федеральная система в Соед. Штатах—этот, по заявлениям увлекающихся либеральных экономистов, «капиталистический госплан», долженствующий раз навсегда предупредить кризисы, перестал действовать как раз тогда, когда был особенно нужен.

Концентрация капитала только усилила размах и остроту кризисов. Кон'юнктурные исследования и предсказания буржуазных экономистов, как правило, не только попадали пальцем в небо, но предсказывали как раз противоположное тому, что происходило на деле.

6) Кризис, разумеется, вырастает из внутренних экономических противоречий важнейших капиталистических стран. Но в то же время его международный характер, его всеобщность, при одновременном усилении действия закона неравномерного развития капитализма создает неизбежность резкого обострения внешних противоречий. Развитие кризиса вызовет небывалое обострение борьбы за рынки, за сферы влияния, за экспорт капитала, передел колоний, рост таможенных стен, усиление попыток прорвать монополию внешней торговли СССР. Оно вызовет отчаянные попытки бросового экспорта в громадных масштабах, политиче-

ского давления, наконец, самое главное, самое основное — вызовет значительное усиление военной подготовки империалистов, обострение военной опасности. Только в новой империалистической войне, притом не «мелкой», а достаточно основательной, широкой и длительной, видит современный капитализм надежду на радикальный «выход» из кризиса. Империалистическая война, даже независимо от ее целей, получает теперь, в период быстрого сокращения рынков, для капитализма то значение, что она представляет какбы бездонную бочку, поглощающую миллионы тонн железа и стали, цветных металлов и взрывчатых веществ, текстиля и других изделий — все в любых количествах, по любой цене за счет разорения и обнищания не только широчайших масс населения во время войны, но и будущих поколений. Война представляется капиталистам также лучшим методом разредить безработицу и «избыточное» население.

Громадное нарастание опасности новых империалистических войн, в первую очередь новых военных авантюр против Советского Союза, является первым и важнейшим следствием развития мирового экономического кризиса.

Вторым важнейшим следствием кризиса для широких масс трудящихся является небывалый рост безработицы.

Третьим неминуемым следствием кризиса является резкий рост классовых противоречий и классовой борьбы.

Не останавливаясь на анализе этих следствий кризиса, формах его воздействия на разные слои рабочего класса и т. д., отметим лишь связь нарастания кризиса с возникновением революционной ситуации.

Ленин десятки раз подчеркивал в своих работах непосредственную связь революционного под'ема и революционной ситуации с воздействиями капиталистических кризисов.

Как раз потому, что капитализм вступил в период всеобщего кризиса, мы переживаем в настоящее время «эпоху войн и революций». И каждый новый провал, каждое новое углубление капиталистического кризиса, с одной стороны, приближают опасность новых империалистических войн, с другой — подымают на новый высший этап волну революционного движения, классовую борьбу пролетариата и борьбу против империализма трудящихся колоний.

Но возникновение революционной ситуации зависит не только от кризиса.

Ленин дал совершенно ясную и четкую характеристику революционной ситуации, о которой мы должны помнить и в настоящее время. Он писал следующее:

> «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции».

Несомненно, что с развитием кризиса в целом ряде стран мы будем иметь положение, когда в той или иной стране об'ективно создастся революционная ситуация. И тут основная задача состоит в том, чтобы вести такую подготовку, вести борьбу за большинство рабочего класса так, чтобы компартии, стоящие во главе революционного рабочего движения, этой ситуации не пропустили и в решающий период повели бы за собой массы. Мы должны помнить, что «безвыходных положений для капитализма не бывает», что «решает в этих вопросах лишь практика» революционных партий.

Когда т. Бухарин писал в «Экономике переходного периода», что «на базисе лопающихся старых капиталистических отношений невозможно никакое возрождение промышленности», Ленин подчеркивает слово «невозможно» и на полях пишет: «это зависит от того, насколько пролетариат сумеет на базисе лопающихся отношений... довести до того, чтобы они совсем лопнули».

Какое бы широкое развитие ни получил кризис, капитализм сделает все, чтобы восстановить свое пошатнувшееся здание, не останавливаясь перед миллионами новых жертв, хотя бы путем новых империалистических войн. Он сделает все, чтобы мобилизовать и сжать в один кулак все свои, все еще мощные силы. Его активность и напор как в области империалистической экспансии, так и в борьбе против пролетариата в «своей» стране, будут громадны.

На компартии и революционное профдвижение ложится в предстоящий период громадная ответственность перед рабочим классом.

Без величайшей активности, решительности, выдержки, ясности задач пролетарского авангарда, без правильного учета всех борющихся классовых сил рабочий класс не сможет выполнить своей роли могильщика капитализма, не сможет в период кризиса повести за собой широчайшие массы трудящихся.

В оценке задач компартий в период нарастания мирового экономического кризиса необходима борьба на два фронта. С одной стороны, решительная борьба против правого оппортунизма, против неумения и нежелания видеть нарастание кризиса и использовать его для революционного движения, против непонимания характера этого кризиса, непонимания того, что задачи компартий с развитием кризиса будут меняться не только количественно, не только вырастают в десятки раз, но меняются и качественно.

Кризис — это как бы проба для компартий. Энгельс как-то писал Марксу, что «если революционная партия пропускает решительные моменты, не произнося своего слова, тогда ее можно считать на некоторое время погибшей».

С развитием кризиса борьба с правыми получает новое содержание и новое значение. Основной удар должен быть против правых колебаний во время кризиса более, чем когда бы то ни было. С другой стороны, в оценке тактики во время кризиса необходима решительная борьба и против «левых» заскоков, против вызванного, может быть и весьма искренним, революционным нетерпением перескакивания через этапы, против словесной революционной фразеологии, против той «журнальной и газетной трескотни», которую так ненавидел Ленин и которая только мешает работе по завоеванию большинства рабочих масс.

Ленин писал в одной из своих последних статей:

> «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять — в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному.
>
> Настоящие революционеры погибнут.. лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах, во всех областях действия может и должна решать по-революционному.
>
> Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо он вздумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение» [1].

Одним из проявлений таких левых заскоков является недооценка значения и роли реформизма, роли социал-фашистов в период нарастания кризиса. Кризис, несомненно, размывает, сокращает социальную базу реформизма в пролетариате. Но реформизм силен не только этой своей социальной базой, т.-е. не только союзом рабочей аристократии и буржуазии. Он силен, как это неоднократно подчеркивал Ленин, прежде всего, силой империализма, силой генеральных штабов, полицейских аппаратов и аппарата для производства общественного мнения буржуазии. И как раз во время кризиса империализм бросает на подмогу социал-фашизму все эти орудия. Он как бы выдвигает реформизм, чтобы под этим прикрытием провести перекладывание тяжести кризиса на широкие массы и этим путем попытаться выйти из кризиса, спасти основы капиталистического строя. Он напрягает все свои силы, сжимает их в один кулак и бросает на подмогу социал-фашизму, чтобы таким путем отвлечь внимание широких масс от революционной борьбы. Недооценивать это значение социал-фашизма во время кризиса, значило бы совершить глубочайшую ошибку.

---

[1] Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма.

Второй пример левых заскоков — это недооценка задачи завоевания большинства и подготовки рабочих масс.

Ленин писал в своих тезисах ко II конгрессу Коминтерна, в чем состоит эта подготовка: 1) глубже в массы, теснее связь с массами; 2) всесторонняя и самоотверженная поддержка компартией стихийного массового стачечного движения; 3) систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организаций.

Несмотря на изменение обстановки, эти положения Ленина целиком сохранили свою значимость и в настоящее время. Они означают, что компартии должны не перескакивать через этапы, не говорить преждевременно о борьбе за власть, но в то же время предвидеть, быть готовыми самим и подготовлять пролетариат к возможности в ряде стран, с развитием кризиса, неожиданно-крутых переломов политического положения и настроения масс.

События,— развитие капиталистических противоречий, развертывание кризиса — работают за нас. Но основное слабое звено, важнейшее «узкое место» это—подготовка пролетариата к борьбе, подготовка идеологическая, организационная упорная, настойчивая, повседневная работа по завоеванию большинства рабочего класса.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Казбек Бутаев.

О новом этапе нэпа*).

2. Окончилось ли уже соревнование „кто-кого“?

Соревнование между капитализмом и социализмом в нашей стране не есть просто «мирное», хозяйственное соревнование между этими укладами. Соревнование есть борьба, и ожесточенная борьба между этими укладами хозяйства и между классами.

Ленин говорил о соревновании «кто-кого», что «это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на жизнь, а на смерть между капитализмом и коммунизмом», что эта борьба «есть еще одна форма борьбы двух классов, враждебных друг другу», и что в наших условиях эта «борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг». (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 39, 40). Отсюда ясно, что борьба-соревнование «кто-кого» неизбежно должна происходить внутри страны до тех пор пока существуют в ней мелкобуржуазная стихия и существующий и возрождающийся ча этой почве капитализм как общественно-экономические силы и пока существуют в ней враждебные пролетариату классы. Поэтому нелепым и оппортунистическим является тезис газеты «З. И.» об окончании соревнования «кто-кого» внутри страны в год великого перелома (1928/29 г.) (См. передовую газеты от 21/I—30 г.), отметившей этим начало нынешнего нового этапа. Такая оценка нового этапа и проблемы «кто-кого» не случайная. Тот же тезис «обоснованно» повторяет и т. Богушевский.

Так, в статье «О новом этапе» («З. И.», от 9/II—30 г.) он пишет:

> «В 1928 г. мы подошли к решающему моменту. Обусловленный экономической политикой пролетариата рост производительных сил поднял на значительную высоту оба сектора нашего хозяйства — и социалистический и частный, из которого рос капитализм. Соревнование двух сил — социализма и капитализма — дошло до своего апогея. Лицом к лицу стали действительно мощные силы, действительно гигантские соперники». Но вот настал год великого перелома, «когда капитализму нанесен был решающий удар тем, что его питательная среда перестала, вернее перестает, быть питательной средой для него, и когда благодаря этому судьба соревнования решилась в пользу социализма».

По этой теории получается, что до 1929 г. шли параллельно «гигантские соперники», готовясь сожрать друг друга. И вот в 1929 г. нанесен удар капитализму и он уже не существует, социализм торжествует, победа окончательная одержана, «соревнование кончилось». Дело таким образом представляется, что соревнование это — простое «мирное» хозяйственное оревнование между укладами без борьбы вообще и без классовой борьбы особенности. Такое понимание соревнования является явно оппортунистическим. Соревнование есть борьба, а потому борьба с кулачеством до его полной ликвидации как класса и борьба за переделку мелко-товарного уклада должна входить в вопрос «кто-кого». А газета «З. И.» представляет себе дело так, что вопрос «кто-кого» уже окончательно решен и осталось «лишь довершить победу путем ликвидации кулачества как класса». Это означает, что борьба уже позади. Если борьба-соревнование кончилось, то выходит, что партия об'явила ликвидацию кулачества как класса не для того, чтобы его уничтожить, «сломить», как говорит тов. Сталин, в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития», а, победив кулачество, только декларирует его ликвидацию, провозглашает формальную, так сказать, ликвидацию, по существу же ставит себе задачу «реализовать плоды победы».

---

*) Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере.

Отсюда ясно, что «З. И.», по сути дела, выбрасывает за борт из настоящего решающего периода борьбу, и именно классовую борьбу. Она выбрасывает из соревнования «кто-кого» его основной стержень — борьбу классов, следовательно, выхолащивает его оппортунистически.

Новый этап есть этап ликвидации капиталистического сектора в сельском хозяйстве на базе огромного размаха процесса сплошной коллективизации мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, которая в свою очередь есть процесс борьбы за уничтожение мелкобуржуазной стихии, стихии мелко-товарного хозяйства, процесс выкорчевывания корней капитализма в нашей стране. Это есть этап последнего решительного и окончательного уничтожения корней капиталистической тенденции развития в нашей стране, остатков капитализма и базы существования капиталистических классов. Поэтому этот этап есть этап окончательного решения соревнования «кто-кого» в пользу социализма,—этап, который есть борьба, борьба за социализм и за уничтожение капитализма. Ясно поэтому, что соревнование-борьба не могло уже окончиться до начала настоящего нового этапа нэпа. Это не значит, что «кто-кого» не решался в той или иной степени в пользу социализма в предыдущий этап. Ежегодный относительный и абсолютный рост обобществленных форм хозяйства — начиная с первых годов нэпа до 1929 г. — представляет собою процесс решения вопроса «кто-кого» в пользу социализма. Но это решение происходило в условиях своеобразия страны, где рядом друг с другом уживались различные уклады хозяйства, растущие не в одинаковых темпах и не с одинаковым успехом. Стремительный рост социализма в нашей стране до начала нового этапа нэпа происходил поэтому в качественно иной хозяйственной обстановке, чем происходит теперь. В силу этого процесс решения «кто-кого» за предыдущий период не мог не быть качественно иным. Он происходил при политике ограничения и вытеснения кулацко-капиталистических элементов и при политике поддержки со стороны государства мелких индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Новый же этап нэпа характеризуется качественно иным соотношением хозяйственных укладов и более обостренной классовой борьбой. Это новое качество переходного хозяйства в теперешний этап определилось поворотом середняка в сторону колхозов. «Середняк пошел в колхоз» — вот та историческая грань, которая в основном определила поворотный пункт нового этапа нэпа. Она же поставила проблему соревнования на гребне начала своего последнего, решительного и окончательного завершения. Было бы поэтому совершенно неверным предполагать, что это соревнование уже окончилось до начала нового этапа или даже в самом начале его. Было бы вместе с тем совершенно неверным представлять дело таким образом, что до 1929 г. вопрос «кто-кого» не решался в пользу социализма и что за это время капитализм и социализм росли в нашей стране с одинаковым успехом на победу. Но вот явился год великого перелома и все решил в пользу социализма и решил окончательно. Так рассуждать о новом этапе — значит рассуждать методом «коробок», «ящичков», метафизически, но не диалектически. Год великого перелома не мог явиться как «Deus ex machina». Он явился результатом огромных успехов и побед социализма в предыдущий период. Нельзя представлять себе дело таким образом, что период ограничения и вытеснения капитализма был настолько «платоническим» по отношению к последнему, что дал ему вырасти до степени мощного «гигантского соперника» социализму к 1929 г. И в то же время в результате решающей победы социализма в этом году капитализм и вообще все частное хозяйство превратились в жалкие «расщелины» на «сплошном социалистическом плато» в нашей стране. И это в результате той же политики «ограничения и вытеснения», ибо поворот к политике ликвидации кулачества как класса был совершен уже в результате победы 1928/29 г. Логика таких рассуждений ясна. Она ведет к тому выводу, что главное и решающее по отношению к капитализму мы совершили благодаря политике «ограничения». Политика же ликвидации есть «довершение победы» и «реализация ее плодов». Это рассуждение своими корнями уходит, с одной стороны — в «теорию самотека», в теорию автоматического «врастания в социализм», без борьбы вообще и без классовой борьбы в особенности, а с другой — в троцкизм. Печать оппортунистического эклектизма гордо красуется на челе этой теории и ее автора.

3. Новый этап—революционный процесс уничтожения противоречий советского хозяйства.

В условиях пятиукладного хозяйства с преобладающей силой мелкокрестьянского уклада и ведущим значением социалистического—советскую власть и социалистическое строительство в продолжении предыдущего этапа нэпа неизбежно приходилось «базировать... на двух разных основах — на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелко-товарного крестьянского хозяйства» 1). Это привело, во-первых, к тому, что мы к моменту исчерпания мелко-крестьянским хозяйством своих возможностей к дальнейшему развитию и под'ему производительных сил (окончание восстановительного периода в сельском хозяйстве) уже не могли без чрезвычайного напряжения сил и средств «двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую с.-х. базу как мелко-крестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве» 2).

Во-вторых, это грозило тем, что наше народное хозяйство когда-либо должно было «кончиться полным развалом». (Сталин). Такой результат был бы неминуем, если бы партия пошла по пути, который указывали правые. Ставка на индивидуальное крестьянское хозяйство и, следовательно, и на кулацкое товарное хозяйство, которая (ставка) была квинт-эссенцией политической позиции правых в крестьянском вопросе при условии неспособности этого индивидуального крестьянского хозяйства к расширенному воспроизводству, означала бы не что иное как развал хозяйства в одной из основных его сфер. Это было бы, с другой стороны, продолжением политики базирования советской власти на двух разных основах при значительном отставании, а следовательно, ухудшении состояния второй — крестьянской — основы. Эта же ставка означала бы, с третьей стороны, неизбежное расширенное воспроизводство кулацко-капиталистического сектора в сельском хозяйстве, для которого мелко-крестьянское товарное хозяйство, — не способное на рас-

---

1) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 7.

2) И. Сталин. Там же.

ширенное воспроизводство, представляет благодарную почву, прочную основу и богатую питательную среду для его роста. Таким образом, ставка на индивидуальное хозяйство в этих условиях была по существу ставкой на капиталистический путь развития нашего сельского хозяйства, на капиталистическое крупное производство в нем.

В-третьих,—указанное выше положение неизбежно должно было вести к росту противоречий и диспропорций в хозяйстве, ибо ускоренный темп расширенного воспроизводства в социалистической промышленности не мог сопровождаться соответствующим воспроизводством в мелко-крестьянском сельском хозяйстве, что порождало значительную диспропорцию темпов развития обеих основных сфер народного хозяйства. В-четвертых, это привело к неизбежному росту капиталистических отношений в деревне, что, в свою очередь, должно было привести к еще большему усилению и обострению социально-экономических противоречий во всей системе хозяйства.

> «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере»... (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 222).

Где же был выход из этих противоречий, из этой угрозы «развала хозяйства», из этих разных основ социалистического строительства и советской власти и из того тупика, в котором вообще находится мелко-товарное крестьянское и патриархально-натуральное хозяйство? Выход этот не мог быть найден в ставке на теорию «самотека», на теорию автоматического «врастания» мелко-крестьянского хозяйства в социализм в условиях пролетарской диктатуры, в ставке на кооперирование только товарооборота. «Только падение капитала может поднять мужика, — говорит Маркс, — только антикапиталистическое, пролетарское правительство может покончить с его экономической нищетой, с его общественной деградацией»[1]). Выход, следовательно, заключался и заключается в том, чтобы пролетарское правительство активным воздействием на мелко-крестьянское хозяйство вывело бы его из «экономической нищеты и общественной деградации», в которой оно находилось при капитализме и в которую оно неизбежно попало бы при его капиталистическом пути развития. Выход был в том, чтобы на основе крупной социалистической промышленности активной напряженной борьбой за социалистическую индустриализацию и реконструкцию «осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму». Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать «сельскохозяйственную базу народного хозяйства»[2]).

Разрешение указанных противоречий, таким образом, лежало и лежит по пути социалистического укрупнения мелкого сельскохозяйственного производства, перевода его на путь социалистического расширенного воспроизводства, «чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, сорганизовало бы общественное крупное земледельческое хозяйство» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 189).

Наша социалистическая промышленность, развившаяся благодаря нэпу и на основе нэпа, стала уже способной реорганизовать земледелие. Производственная и организационная помощь деревне со стороны пролетарского города, пролетарское социалистическое руководство крестьянством, появление трактора, комбайна и линий электропередач в деревне,—все это определило новый дальнейший путь развития мелко-крестьянского хозяйства, путь коллективизации, путь сплошного социалистического расширенного воспроизводства. Ростом коллективных форм производства в земледелии таким образом разрешается противоречие между крупной социалистической формой производства в промышленности и индивидуальной мелкой частно-собственнической в земледелии. Нэп, являясь формой движения противоречия между экономикой рабочего класса—социалистической—и экономикой мелкого крестьянства — частно-собственнической, — в то же время развитием своего содержания обеспечивает разрешение указанного противоречия и тем самым и свое «снятие» как формы движения этого противоречия.

Новый этап нэпа, который начался процессом массовой и сплошной коллективизации является поэтому этапом ликвидации противоречий в хозяйстве и указанной выше «разной основы» советской власти в стране. Переход этот означает ускоряющееся суженное воспроизводство мелкого частно-собственнического производства в стране, заменяемого крупным социалистическим, процесс революционного преобразования индивидуального карликового крестьянского хозяйства в социалистический колхоз-гигант, процесс пересадки с лошаденки и сохи на трактор и комбайн, процесс выкорчевывания корней капитализма и ликвидации капиталистического сектора в земледелии и кулачества как класса. Новый этап поэтому есть этап непосредственного уничтожения пятиукладного содержания советского хозяйства и сведение его в будущем по крайней мере к двум: социалистическому и госкапиталистическому, понимая под последним иностранные концессии, смешанные общества и т. д.

Непосредственный переход к социализму в настоящий этап совершается не от госкапитализма к социализму, который, по Ленину, представляет «один шаг», а от мелкого производства к социализму, который неизбежно должен сопровождаться ликвидацией капиталистических отношений в сельском хозяйстве и ликвидацией кулачества как класса. Поэтому совершенно неверным является утверждение о том, что содержание нового этапа есть превращение «государственного капитализма в социализм», как это проповедует т. Богушевский[1])

---

[1]) К. Маркс. «Борьба классов во Франции», стр. 105.

[2]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 7.

---

[1]) Тов. Богушевский в своей вышеуказанной статье приводит дважды следующую цитату из Ленина:

> «Весь вопрос — как теоретический, так и практический, — состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» (т. XVIII, ч. I, стр. 216—217).

И делает упор своей статьи, что « весь вопрос» заключается теперь — в период нового этапа, — в том, чтобы обеспечить это «превращение» госкапитализма в социализм.

Наивно понимая слова Ленина о том, что «капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству» (стр. 222); он утверждает:

> «Новое, что характеризует нынешний период, это то, что капитализм во всех решительно областях нашей экономики катастрофически, если можно так выразиться, перестает быть благом,

Процесс превращения госкапитализма в социализм, о котором говорит Ленин в брошюре «О продовольственном налоге», есть качественно совершенно иной процесс, чем процесс прямого непосредственного перехода от мелкого производства в земледелии к социализму на базе крупной социалистической промышленности. Последний предполагает переделку мелкого производства в крупное социалистическое и одновременную ликвидацию капитализма, существующего и растущего на почве этого мелкого производства. Превращение же госкапитализма в условиях пролетарской диктатуры в социализм означает экспроприацию классов капиталистов и национализацию их средств производства на базе уже существующего крупного производства как в социалистическом секторе, так и в госкапиталистическом.

> «Переход от концессий к социализму,— говорит Ленин,— есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических, даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне» (т. XVIII, ч. I, стр. 220).

Ясно отсюда, что эти два процесса качественно и социально-экономически не могут быть одинаковыми. Ясно далее, что новый этап не есть процесс «превращения госкапитализма в социализм» — переход от одной формы крупного производства к другой его форме, а есть непосредственный переход от мелкого производства к крупному социалистическому, вырывающий корни до-социалистических и даже до-капиталистических отношений.

Именно потому, что этот переход есть процесс переделки мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в крупное социалистическое, через коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса — именно поэтому этот переход есть одновременно процесс уничтожения противоположности между городом и деревней. Предыдущий этап нэпа не был и не мог быть еще этим непосредственным уничтожением этой противоположности, ибо он предполагал в своей основе существование указанной выше разной основы социалистического строительства. Но он был периодом подготовки социально-экономических и материальных предпосылок к этому уничтожению.

> «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени»...

и во всех областях быстро становится злом. Именно сейчас мы можем констатировать тут резкий перелом. Вот что нового, прежде всего, в нынешнем этапе».

Все это свидетельствует о том, что т. Богушевский не понял, в какой связи и в каких конкретных исторических условиях и соотношениях классов Ленин говорил о том, что «весь вопрос — как практический, так и теоретический» состоит в том, чтобы найти правильные способы превращения госкапитализма в социализм. Как известно, он это говорил в начале 1918 года и в 1921 г.

Перенесение той установки, которая тогда была уяснена на предыдущий этап нэпа, свидетельствует о глубоком непонимании этапов экономической политики пролетарского государства и конкретных особенностей каждого данного этапа. Предполагать, далее, что капитализм был благом до настоящего этапа, а теперь «катастрофически перестает быть благом означает полное смешение понятий и отсутствие социально-экономического пролетарского критерия в оценке той или иной формы хозяйства.

> «В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и обособления. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности»...

> «Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности (Gemeinschaft), условием, которое, в свою очередь, зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит, сразу же не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны быть еще развиты)» [1].

Мы имеем налицо в нынешнем этапе массовый и сплошной процесс роста коллективности, одним из первых условий и следствий которой является уничтожение противоречия между городом и деревней. Предпосылки к этому росту коллективности и ее основы были подготовлены всем ходом пролетарской революции и социалистического строительства в предыдущий период. Они имеются налицо, во-первых—в общей собственности на землю, ибо «общая собственность на землю образует естественную основу коллективного производства и присвоения» [2]). Во-вторых—в росте и в расширенном воспроизводстве социалистических производственных отношений как в деревне, так, в особенности, в городе,—росте который обгонял и обгоняет рост материальных производительных сил, являлся и является условием их дальнейшего ускоренного темпа развития. В-третьих — в экономической потребности коллективного труда, ставшей во весь рост к моменту окончания предыдущего этапа социалистического строительства, и в росте материальных условий, материальной базы. Ибо «для того, чтобы коллективный труд мог заместить именно в земледелии труд парцеллярный — форму частного присвоения — нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления» [3]).

Все эти условия и основы начала уничтожения противоположности между городом и деревней имеются уже налицо у нас. На их базе происходит гигантский рост коллективизации мелких, парцеллярных, разобщенных хозяйств в деревне. На их основе происходит огромный процесс обобществления средств производства в сельском хозяйстве, следовательно, процесс уничтожения частной формы собственности на них, являющийся основой уничтожения противоположности между городом и деревней.

4. Новый этап—революционный процесс уничтожения классов.

Непосредственный переход от мелкого производства к социализму как процесс переделки мелкого производства в крупное социалистическое и процесс уничтожения капиталистической формы производства в земледелии есть вместе с тем и процесс уничтожения классов. Этот первый процесс как процесс обобществления средств производтва есть изменение места людей в общественном производстве и отношения их к средствам производства. А эти два положения являются основным признаком различия между классами.

> «Основной признак различия между классами—их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства». (Ленин, т. IV, стр. 175).

---

[1]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 234.

[2]) Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 275.

[3]) Там же.

Первый период нэпа не был периодом непосредственного уничтожения классов в СССР. Но он был периодом подготовки этого уничтожения. Нэп был рассчитан на уничтожение классов в СССР, ибо нэп есть метод строительства социализма в условиях подавляющей силы мелкого крестьянского производства в стране, а «социализм есть уничтожение классов» (Ленин). Нэп был, с другой стороны, определенным соглашением рабочего класса с крестьянством, как с массой мелких индивидуальных производителей—соглашением, предполагающим руководство рабочего класса над крестьянством и линию политики на уничтожение классов. Нэп и в этом смысле имел свою диалектическую логику и свои противоречия. Он содержал в себе политику союза, соглашения рабочего класса с мелким крестьянством, как с мелким крестьянством, следовательно, такого союза, который считался с мелким крестьянством, как классом.

> «Пока мы не восстановили крупной промышленности полностью, — говорил Ленин... мы это время должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 291).

С другой стороны нэп допускал именно такой союз рабочего класса с крестьянством, который был рассчитан на поддержку диктатуры пролетариата, на руководство рабочего класса крестьянством и на уничтожение классов, в том числе и на переделку мелкого крестьянства как класса. Таким образом, нэп, являясь соглашением классов и формой движения классовых противоречий в СССР, был в то же время рассчитан на уничтожение классов.

Существование крестьянства в СССР как класса мелких товарных производителей, как «последнего капиталистического класса» определяло собою существование и рост третьего класса: капиталистов (кулачество и т. д.). Условия и форма союза рабочего класса и крестьянства в первый период нэпа, т.-е. условия и форма «служения делу социализма» на базе мелкого производства и отсталой промышленности, в то же время являлись и своей противоположностью: условием и формой роста капитализма и силы третьего класса. Основа этого покоилась на двойственной природе самого мелкотоварного производителя—середняка как труженика, с одной стороны, и как частного собственника и товаровладельца — с другой, и на наличии товарно-денежных отношений. Поэтому нэп, с одной стороны, являлся условием роста классовых противоречий в стране между рабочим классом и кулацко-капиталистическими элементами и одновременно условием сохранения противоречий между рабочим классом и мелким крестьянством, поскольку последнее как класс осталось классом мелких частных собственников. Но вместе с тем нэп, с другой стороны, был рассчитан на социалистическую переделку мелкотоварного частного производства, следовательно, на ликвидацию частно-собственнической формы производства в нашей стране как базы капитализма и существования различных классов, а следовательно, — классовых противоречий и классовой борьбы. Рост социалистической промышленности и неспособность мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к расширенному воспроизводству — с одной стороны, абсолютный рост капитализма в деревне, рост классовых противоречий и обострение классовой борьбы — с другой, — подвели нас вплотную к закреплению союза между рабочим классом и крестьянством на базе производственной помощи деревне. Рыночная форма смычки между экономикой крестьянства и экономикой рабочего класса дополнилась формами производственной смычки, которые обеспечивали более прочный союз двух основных классов СССР. А эта форма союза обоих этих классов была базой переделки индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные крупные формы производства, а. следовательно, переделки классового лица мелкого крестьянства.

> «...Соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 257).

В этом соглашении, союзе обоих классов рабочий класс должен руководить крестьянством. Но «что это значит—руководить крестьянством? Это значит,—во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 270).

Вести же линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя, означает переделку мелких производителей в работников социалистического хозяйства, следовательно, уничтожение их особого классового лица с одновременной ликвидацией кулацко-капиталистического класса, существующего и растущего на базе наличия мелких товарных производителей как класса.

Нэп, таким образом, по линии классовых соотношений характеризуется, с одной стороны, сохранением классов и классовых противоречий, ростом и обострением последних и классовой борьбы в первый период, и, с другой стороны—переделкой мелких крестьянских производителей в тружеников социалистического хозяйства и ликвидацией кулачества как класса в условиях обостреннейшей классовой борьбы в период нового этапа. Этим путем нэп решает задачу уничтожения классов в СССР и завершает свой диалектический путь по линии классовых отношений.

Но что значит положение, что «новый этап есть процесс уничтожения классов», если известно, что «только коммунизм есть уничтожение классов».

> «Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма, — говорит Ленин, — Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов» (т. XVIII, ч. I, стр. 156).

Полное уничтожение классов, полное уничтожение разницы и неравенства между людьми будет основательно и окончательно достигнуто при коммунизме. Переходный же период является периодом уничтожения классов в условиях упорного и жесточайшего сопротивления умирающих классов. «Не было еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены» ¹).

> «Уничтожение классов, — говорит Ленин, — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает..., а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее (т. XVI, стр. 227).

Обострение классовой борьбы — неизбежный спутник социалистического наступления. Не потому, что капиталистические классы у нас к началу нового этапа сделались сильнее, чем пролетариат, хотя абсолютно их сила выросла, а потому, что социалистическое наступление неизбежно вызы-

---

¹) И. Сталин. «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 13.

вает усиление силы сопротивления буржуазных классов.

> «На нашей революции, больше чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы, усиливает вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии». (Ленин, т. XVII, стр. 67).

При социализме классов как общественных сил уже не будет, но остатки классовых различий останутся, разница между людьми останется, следовательно, останется и неравенство между ними. Вот почему коммуниз как высшая форма социализма есть полное уничтожение и классовой раз цы и какого бы то ни было неравенства между людьми вообще.

Переходный период есть период строительства социализма, сле тельно, он есть вместе с тем процесс уничтожения классов. Уже при с захвате власти пролетариат сделал решительный шаг к уничтожению сов.

> «Пролетариат, свергнувший буржуазию, — говорит Ленин, — дел этим самый решительный шаг к уничтожению клас (т. XVI, стр. 355).

Военный коммунизм был периодом непосредственного уничтож классов. Однако, в условиях разорения страны, разрушения и отстал крупной промышленности и преобладающей силы мелко-крестьянского изводства методами военного коммунизма процесс уничтожения класс мог быть завершен. Нэп и в этом случае был отступлением от политик посредственного уничтожения классов—отступлением, предполагавшим ступление. Новый теперешний этап нэпа есть период наступления раб класса по линии уничтожения классов. Политика ограничения кулач капиталистических элементов в предыдущий период нэпа вытекала, п дела, из политики помощи и под'ема мелких индивидуальных бед середняцких хозяйств и была составной частью этой последней. Полити под'ема бедняцко-середняцких хозяйств предполагала политику согла с классом мелкого крестьянства, обеспечивающей подготовку усло предпосылок к переходу к политике переделки этого класса, а следова но, уничтожения его как класса мелких собственников и последнего кап листического класса. Непосредственный переход к социализму от мелкого производства, является в то же время непосредственной борьбой за уничтожение классов в стране. Политика помощи и под'ема индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств замещается в теперешний период политикой их сплошной коллективизации, организации, помощи и под'ема колхозов. А из этой последней политики неизбежно вытекает политика уже не ограничения и вытеснения, а политика ликвидации кулачества как класса, являющаяся составной частью политики социалистической реконструкции деревни путем сплошной коллективизации целых районов, областей и т. д.

> «Все знают, — говорил Ленин, — что марксизм стремится к уничтожению классов, но что это в сущности значит? Это значит — уничтожить разницу классов между рабочими и крестьянами. (Ленин, т. XVII, стр. 102).
>
> «Крестьяне, мелкие хозяева и рабочие — это разные классы и разницу мы уничтожим тогда, когда уничтожим основу мелкого хозяйства и создадим новые основы гигантского крупного машинного хозяйства» (т. XVII, стр. 432).

Корень уничтожения классов в нашей стране, следовательно, находится в уничтожении общественной классовой разницы между рабочими и крестьянами. А это уничтожение возможно на основе перевода мелкого хозяйства в крупное машинное социалистическое хозяйство. Этот последний процесс происходит в колоссальных масштабах на наших глазах на необ'ятных равнинах СССР. Этот процесс есть непосредственный переход от мелкого производства к социализму, а раз так, то он есть вместе с тем процесс уничтожения классов: одних—мелких производителей—путем переделки в работников социалистического крупного хозяйства, а следовательно, уничтожения их как класса мелких частных собственников, других—кулаков—путем ликвидации как класса.

Таким образом, сохранение классов, классовое сотрудничество и клас вая борьба в первый период нэпа заменяется в настоящем этапе уничтоже ия классов путем непримиримой и отчаянной борьбы, а не «мирного вра ния» в социализм, как это предполагают правые. «Мелкий земледелец не ет того, что хочет рабочий» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 138). Поэтому его переделать. А это значит, что его надо из частного мелкого собствен сделать общественным собственником и общественным работником. еределка поэтому есть по существу процесс уничтожения класса мел рестьян как частных собственников. И рабочий и мелкий крестьянин тся трудящимися, но трудящимися в разных условиях и на основе раз мущественных отношений.

> «Нет трудящихся вообще или работающих вообще, а есть либо владеющий средствами производства мелкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические— которые не могут быть другими — либо наемный рабочий. (Ленин).

Процесс перехода от мелкого производства к социализму через кол изацию есть процесс уничтожения этих капиталистических навыков, ательно, процесс уничтожения «последнего капиталистического класса».

> «Крестьянство и мелкий буржуа, — говорит Энгельс, — исчезающие классы, которые, если они искусственно хотят сохраниться, реак ионны по отношению к пролетариату». (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 355).

роцесс уничтожения этой реакционности крестьян есть процесс их ки, а следовательно, уничтожение разницы между пролетариатом и янством. Этот процесс есть содержание нового этапа нэпа по линии овых соотношений и классовой борьбы—содержание, на базе которого еменно происходит и должна происходить ликвидация кулачества как класса.

> «Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и при том не самая трудная. Чтобы уничтожить классы надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать ВСЕХ РАБОТНИКАМИ. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного обособленного мелкого товарного хозяйства к обобществленному крупному хозяйству... Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне». (Ленин, т. XVI, стр. 351—352).

Эту вторую часть задачи мы начали решать сейчас, в период нового этапа, и в этом смысле он есть революционный процесс уничтожения классов. Новый этап имеет своим содержанием именно процесс решения этой задачи. Ибо процесс перехода от мелкого обособленного хозяйства к крупному социалистическому есть вместе с тем процесс решения задачи уничтожения классов. Это не значит, что в колхозах уже нет классовой разницы и классовой борьбы. Но это значит, что колхоз в его артельной форме уже есть начало процесса уничтожения классовой разницы между рабочими и мелкими крестьянами, и что классовая борьба внутри колхоза и вне его по своему характеру и интенсивности качественно различна.

5. От товарооборота к социалистическому продуктообмену.

Многие думают, что сущность нэпа заключается именно в товарной форме связи между городом и деревней, что «сердце нэпа—это товарооборот» и только. Такое представление о нэпе является поверхностным, а потому неверным. Нэп должен был служить делу социализма в условиях многоукладных хозяйственных отношений и своеобразного соотношения классов в стране. Это — его главное и основное содержание, формой осуществления которого являлся нэповский товарообмен, имеющий двойственную природу. Нэп поэтому был единством этого содержания и этой формы. Видеть поэтому в нэпе только его форму—товарооборот—значит упускать из виду его основное содержание, не видеть главного в нэпе, значит оторвать форму осуществления содержания нэпа от самого содержания.

Однако, нельзя понять сущности нэпа без ясного представления об его форме—о товарообороте в условиях пролетарской диктатуры. Нэповский товарооборот—это не тот же товарооборот, который мы наблюдаем в условиях капитализма и даже не тот, который существует при простом товарном хозяйстве. Нэповский товарооборот включает в себя две стороны—сторону чисто-товарных отношений и товарного обмена и сторону—продуктообмена. Он в этом отношении есть некое «единство противоположностей» и имеет свои внутренние противоречия, свою диалектику. Во всяком товарном обмене мы имеем обмен одной качественно отличной потребительской стоимости на другую. Но в зависимости от способа производства этот обмен имеет разное значение и разное целевое назначение. Если способ производства является капиталистическим, то он основан на стоимости ради получения прибавочной стоимости и обмен разных товаров как потребительных стоимостей друг на друга при капитализме имеет целью увеличение стоимости, количественное возрастание ее. Товар в этом случае есть форма капитала и товарный обмен есть капиталистический обмен. Но если способ производства основан на потребительной стоимости и ради получения большей массы потребительных стоимостей для удовлетворения потребностей производителей,—то в этом случае обмен продуктов друг на друга есть продуктообмен. В полной мере такой обмен возможен в социалистическом обществе. В товарообмене же переходного периода мы имеем черты и свойства и того и другого рода обмена. В этом и заключается двойственная природа товарообмена переходного периода. С одной стороны, этот товарообмен включает в себя продуктообмен, ибо он есть обмен продуктов социалистической промышленности на продукты мелкого товарного крестьянского хозяйства.

> Наш товарообмен включает... «и продуктообмен, ибо государственный продукт—продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар...» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 241—242).

С другой стороны это есть обмен товаров, а следовательно стоимостей.

> «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары — будет ли это первобытное общинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелко-крестьянское и мелко-буржуазное, или капиталистическое производство,— это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы». (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, стр. 309).

Товарообмен переходного периода характерен именно этими двумя особенностями, вытекающими из особенностей самого экономического строя этого периода, заключающего в себе две тенденции развития—социалистическую и капиталистическую. Поэтому и сам товарообмен переходного периода заключает в себе две тенденции развития: социалистическую тенденцию в сторону развития и преобладания моментов продуктообмена и капиталистическую—в сторону развития товарообмена, товарных, а следовательно, и капиталистических отношений. Базой первой тенденции является социалистический сектор хозяйства. С интенсивным и экстенсивным развитием последнего, т.-е. с количественным и качественным ростом социалистического уклада в СССР—неизбежно должна расти и побеждать в товарообмене его социалистическая сторона—продуктообмен. Базой второй тенденции является мелко-товарное крестьянское хозяйство, существующий и возрождающийся на этой прочной базе частно-хозяйственный капитализм.

> «Раз предположить мелкого хозяина собственником на средства производства, то из обмена между ними обязательно вырастает капитал, а вместе с ним противоречия между капиталом и трудом» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 178).

Первая сторона нэповского товарообмена—это именно та его сторона, за победу которой борется пролетариат в союзе с крестьянином-тружеником. Вторая его сторона—это та сторона, за торжество которой борется кулак, нэпман и мелкобуржуазная стихия в стране, в том числе и крестьянин как товаровладелец, как собственник. Продуктообмен есть такая форма обмена при общественной и даже частной собственности на средства производства самих производителей, которая с неизбежностью не предполагает момента присвоения чужого труда, а следовательно, эксплоатацию одной группы этих производителей другой группой. Наоборот, обмен товаров сам по себе неизбежно предполагает даже при общественной собственности, не говоря уже об условиях частной собственности на средства производства, момент эксплоатации, момент присвоения чужого труда одними или одной группой производителей. При продуктообмене невозможно увеличение цены, ибо самой цены-то нет. Обмениваются потребительные стоимости на потребительные стоимости. Увеличение одной потребительной стоимости против другой невозможно без соответствующего увеличения эквивалента. Поэтому обмен продуктов тут всегда сохраняется в границах установленных общественной практикой натуральных эквивалентов. Обогащение одних за счет других невозможно без явного нарушения этих эквивалентов или без явного насильственного присвоения. При товарном же обмене пределы изменения цен в зависимости от спроса и предложения велики. При недостатке массы потребительных стоимостей или при несоответствии этой массы потребительных стоимостей общественной потребности в них и при недостатке сил и средств для поддерживания цен на определенном уровне—цены будут подниматься выше стоимости товаров, а следовательно, неизбежно присвоение чужого труда в разнице цены от стоимости или в разнице регулируемых и вольных цен. Если к этому прибавить, что в условиях огромного размаха строительства социализма потребности страны обгоняют производство, а следовательно, спрос выше предложения, то станет совершенно ясной необходимость планирования и регулирования цен, необходимости подчинения второй стороны товарообмена при нэпе,—а именно стороны обмена товаров—первой его стороне—моменту продуктообмена—так, чтобы ценовые отношения были подчиненными моментам продуктообмена и были средством для достижения правильного продуктообмена. Если же принять еще во внимание отсталость с.-х. производства и—как следствие этого—общий недостаток продуктов сельского хозяйства, то при товарных отношениях все владельцы товарных излишков в деревне будут неизбежно присваивать чужой труд в высоких ценах на свои товары. Это обстоятельство неизбежно ведет к усилению мелкобуржуазной стихии и капиталистических элементов. Товарные отношения, как таковые, таким образом,—неизбежно укрепляют нэп с «правой» стороны, со стороны его товарного лица [1]. Но в то же время, поскольку эти товарные отношения являются товарными отношениями при диктатуре пролетариата, т.-е. отношениями нэповскими—они являются не просто свободными товарными отношениями. Они заключают в себе и другую противоположную сторону, которая базируется на обобществленном секторе — сторону планирования и регулирования, выражающую момент продуктообмена в самом товарообмене. Продуктообмен как правило отрицает стихийность обмена. Обмен товаров наоборот ее предполагает. В нэповском товарообмене оба эти момента соединены в некое единство противоположностей. Отсюда и две стороны нэповской торговли: свобода торговли в известных пределах и обеспечение регулирующей роли пролетарского государства на рынке. Отсюда же и двойственное содержание нэповского товарообмена: с одной стороны, отрицание и отсутствие моментов эксплоатации, с другой—наличие ее в самом факте товарообмена; с одной стороны, «ножницы» в пользу социалистического города по ценовым эквивалентам, с другой, те же «ножницы» в пользу мелкотоварной деревни по натуральным эквивалентам.

> Экономическая обстановка товарного хозяйства,—говорит Ленин—делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом» (Ленин, т. XVI, стр. 352).

Но в то же время этот же крестьянин является тружеником, производителем, трудящимся. И если этот крестьянин как товаропроизводитель и как продавец товаров продает по государственным твердым ценам свой товар рабочему государству, то этим он укрепляет рабочую диктатуру, помогает рабочему быстрее индустриализировать страну, скорее построить социализм и, следовательно, помогает в конечном счете самому себе быстрее выйти из условий нищеты и хищнической малопроизводительной траты своего труда в мелком индивидуальном хозяйстве. «Ножницы», которые при этом получаются по линии ценовых соотношений, идут в пользу рабочего, в пользу трудящихся в целом, в том числе и крестьянина как труженика. Но эти же «ножницы» одновременно идут в ущерб крестьянину как собственнику, как товаровладельцу, торгашу и спекулянту. Крестьянин, который продает свой продукт по твердым государственным ценам—«вот этот крестьянин есть крестьянин — трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежный союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала» (Ленин, т. XVI, стр. 353). Однако, эти же «ножницы», с третьей стороны, идут в пользу крестьянина как труженика и потребителя. Уровень производительности труда в социалистической промышленности и мелко-крестьянском сельском хозяйстве не одинаков. При этом положении одинаковые трудовые эквиваленты, одинаковые величины цен при обмене товаров промышленности и сельского хозяйства заключают качественно разные, но количественно не одинаковые массы потребительных стоимостей. Деревня получает относительно большие натуральные эквиваленты, чем город [2]. Следовательно, «ножницы» в пользу

---

[1] «Не может быть никакого сомнения, что эта опасность срыва нэпа справа гораздо более реальна теперь. Не следует забывать, что мелкобуржуазная стихия работает в этом именно направлении, в направлении срыва нэпа справа». (И. Сталин «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 16). Это положение не исключает возможности срыва нэповского товарооборота «слева» при недостаточном укреплении базы второй стороны его — а именно продуктообмена. Явление этого порядка мы наблюдали в тех «левых» перегибах, которые имели место за последнее время в политике сплошной коллективизации.

[2] См. статью Я. Шефтель в «Статистическом Обозрении» № 8 за 1928 год, где дается материал о натуральных меновых эквивалентах при обмене продуктов как товаров между городом и деревней.

города по ценовым эквивалентам заключают в себе «ножницы» в пользу деревни (трудящихся-крестьян) по натуральным эквивалентам.

Но если крестьянин-товаровладелец продает свой товар не по твердым государственным ценам, а по вольным, то в таком случае он в разнице между вольной ценой и государственной присваивает чужой труд и, следовательно, становится эксплоататором. (См. Ленин, т. XVI, стр.353).

При таком положении, которое есть развитие «правой» стороны нэповского товарооборота,—а именно свободы торговли—«ножницы» между городом и деревней по стоимостным эквивалентам идут в пользу товаровладельца в деревне и в ущерб рабочему социалистического города. Товаровладелец в этом случае присваивает часть труда городского рабочего как потребителя продуктов деревни, следовательно, первый является эксплоататором второго. Во-вторых, при таком положении при твердых ценах на продукты государственной промышленности в еще большей степени складывается раствор «ножниц» по натуральным эквивалентам в пользу товаровладельца из деревни. На одну и ту же массу потребительной стоимости промышленной продукции городской рабочий получает гораздо меньше потребительской стоимости сельскохозяйственной продукции. Таким образом, городской рабочий, рабочий социалистической промышленности оказывается в положении эксплоатируемого, и за его счет накопляет частный товарно-капиталистический сектор деревни.

Таков смысл «свободы торговли» при нэпе. Если видеть в нэпе только эту сторону—сторону свободного товарного обмена и не видеть другой его стороны, то неизбежно придешь к выводу, что всякое регулирование товарооборота при нэпе есть срыв нэпа и возврат к военному коммунизму. Так понимала нэп правая оппозиция. Поэтому для нее всякое регулирование товарных отношений в деревне было «чрезвычайной мерой», срывающей нэп. Поэтому она вопила по поводу контрактации как средства усиления второй стороны нэпа—момента продуктообмена,—плакала по поводу превращения крестьянина-торговца в «сдатчика» законтрактованного продукта в поставщика хлеба, хлопка, свеклы, льна для нужд государственной промышленности. Линия правых неизбежно привела бы к усилению «правой» стороны нэповского товарооборота, его стороны как «известной свободы торговли», а следовательно, к усилению накопления верхушечных слоев деревни и кулачества, к товарно-капиталистическому расширенному воспроизводству. Это было бы усиление условий для эксплоатации «голодного рабочего» в условиях отставания сельского хозяйства и общего недостатка продовольственных и сырьевых продуктов с.-х. происхождения. Иллюстрацию к этому положению дают цифры перераспределения народного дохода в 1928/29 г., когда благодаря отставанию зерновой отрасли, а следовательно, общему недостатку предложения хлеба на рынке—вольные цены были в 2—3 раза выше заготовительных и на этой базе доходы крестьян увеличились в реальном выражении на 5,8%, а городского пролетариата—на 3,3%. При чем произошло такое перераспределение народного дохода, благодаря которому около 400 млн. руб. попало в руки продавцов с.-х. товаров, сверх нормальных эквивалентов, главным образом, в руки кулачества.

Что же следует из всего сказанного для характеристики товарооборота на новом этапе?

Можно ли говорить сейчас, в начале нового этапа, о «начале конца нэпа» [1] или о «сокращении об'ема нэпа»? [2]. Если нэп только «свобода торговли», то законно говорить о «начале конца нэпа» и даже о «сумерках», о «закате» его, как об этом весьма некстати и с головокружением от наших успехов заявляла совсем еще недавно газета «За Индустриализацию». Видеть в нэпе его «правую» торговую сторону—значит видеть только одну его сторону и не видеть другой его стороны, стороны—продуктообмена.

---

[1] В. Богушевский, указ. выше статья.

[2] Н. Бухарин. «Великая реконструкция», «Правда», февраль 1930 г.

Нэповский товарооборот—единство этих двух противоположных элементов. Оба момента находят свое «урезанное» выражение в обмене товаров по твердым планируемым и регулируемым ценам. Обмен продуктов по контрактации и по договорам различных хозяйственных организаций не есть еще в полном смысле слова продуктообмен, но он также не является «классическим» обменом товаров. Однако, момент продуктообмена в этом обмене играет уже доминирующее значение. Новый этап по линии товарооборота поэтому имеет прежде всего своим содержанием процесс уничтожения моментов свободной торговли, свободной игры цен, спроса и предложения. И если в нэпе видеть только эту вторую сторону, нэповского товарооборота, то тогда законно говорить о «начале конца нэпа» или о «сокращении об'ема нэпа». Но ни тот, ни другой тезис не передают подлинного содержания того процесса, который мы имеем в новом этапе по линии товарооборота. Если нэповский товарооборот включает в себя момент продуктообмена, как об этом совершенно ясно говорил Ленин, то нельзя видеть в нэповском товарообороте только *обмен товаров* в подлинном смысле этого слова.

Мы имеем в новом этапе диалектический процесс изменения содержания нэповского товарооборота в сторону усиления и преобладания в нем моментов продуктообмена. Преобладание же обмена продуктов по твердым регулируемым ценам еще не уничтожает нэповского обмена товаров полностью, но качественно изменяет его таким образом, что подводит ближе к подлинному социалистическому продуктообмену. Вместе со сплошной коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса уничтожается свободный рынок, известная свобода торговли и закрепляется планируемый «рынок», плановый обмен. Последний же есть начало и основа подлинного социалистического продуктообмена на новой базе социалистического крупного производства. Новый этап поэтому есть процесс превращения нэповского товарооборота в социалистический продуктообмен. Вместе с тем он есть процесс уничтожения тех возможностей эксплоатации, которые даются самым фактом существования рыночного товарообмена. Раз идет процесс ликвидации свободного обмена, то тем самым идет и ликвидация моментов стихийного установления ценовых эквивалентов. Эти последние устанавливаются в плановом порядке. Ликвидируется свободная игра цен, спроса и предложения, следовательно, и уничтожаются моменты эксплоатации, вытекающие из самого факта существования рыночных отношений известной свободы. Новый этап есть процесс уничтожения «ножниц» как по ценовым эквивалентам, так и по натуральным, возникающим на основе первых. В самом деле, рост коллективизации подымает производительность сельскохозяйственного труда на небывалую высоту и приближает ее,—если не перегоняет—к производительности промышленного труда. Одно это является базой уничтожения «ножниц» по ценовым эквивалентам между продуктами с. хозяйства и промышленности и вместе с тем и по натуральным эквивалентам, ибо «ножницы» по последним базируются на «ножницах» по ценовым эквивалентам.

Таким образом, новый этап нэпа по линии товарооборота *есть процесс уничтожения товарно-капиталистической формы обмена, следовательно, есть процесс превращения нэповского товарооборота в правильный социалистический продуктообмен.*

А. *Винокуров.*

Что же такое новый этап?

В настоящее время, в связи с высокими темпами коллективизации в деревне и постановкой на очередь дня ликвидации кулачества как класса, встал вопрос о судьбе нэпа. Стали раздаваться голоса о «добивании» нэпа, об «изживании нэпа» и т. п. «Головокружение от успехов», несомненно, сказалось и в этой области. Поэтому, вопрос о нэпе является весьма актуальным вопросом и здесь необходимо установить полную ясность.

В нашей партийной литературе этот вопрос неоднократно уже ставился и разрешался в том смысле, что еще рано петь отходную нэпу.

Тов. Сталин в своем ответе свердловцам писал:

> «Мы отбросим нэп к чорту, когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен».

И далее:

> «Партия не давала указания распространить лозунг ликвидации кулачества как класса на новую, городскую буржуазию... некоторые наши организации допускают ошибку, пытаясь «дополнить» лозунг ликвидации кулачества как класса, лозунгом ликвидации городской буржуазии» [1].

В «Правде» от 5/III с. г. в статье «О некоторых новых формах оппортунистических шатаний» мы читаем:

> «Нэп будет, несомненно, существовать до тех пор, пока в основном не будет решен не только вопрос сплошной коллективизации, но и до тех пор, пока не будет в основном решен вопрос о переходе от товарооборота к организованному продуктообмену».

Тов. Розенталь в статье «На новом этапе» («Большевик», 1930 г., № 5) также говорит:

> «Неверным ошибочным и политически вредным являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п (стр 84), и все эти определения и характеристики он называет «просто бессмысленными и бессодержательными» (стр 61).

Таким образом, эта сторона вопроса о наличии еще нэпа вполне ясна. Что касается другой стороны, о характере нового этапа и его отношении к нэпу, то здесь ясности мы не находим.

Тов. Розенталь в указанной статье пытается разрешить этот вопрос, но едва ли его разрешение можно назвать ясным и удовлетворительным.

У т. Розенталя получается следующая установка: с одной стороны, нэп еще не отмер, не отменен, не ликвидирован, с другой — мы вступили в «некий» новый этап, который не укладывается уже в рамки нэпа, который вышел из рамок нэпа, т.-е. мы вступили в «некий» новый период, отличный от нэпа.

---

[1] «Правда», 10/II—1930 г.

518264 А

Основная ошибка этой установки заключается в том, что она не диалектична, что она нэп, как единство противоположностей, механически рассекает на две части, перенося эти части в разные периоды.

Между тем нэп, как известно, имеет двойственную природу. Тов. Сталин дал следующую классическую формулу нэпа:

> «нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики». (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 6-е, стр. 341).

Тов. Розенталь берет только первый период нэпа и почему-то второй период, ведущий к «возрастанию социалистических элементов», к «победе социалистических элементов» и к «уничтожению классов» выносит за пределы нэпа в «некий новый этап».

Ленин сказал, что «Россия нэповская станет Россией социалистической». Таким образом Ленин представлял себе прямой переход нэпа в социализм, без «некоего» нового этапа. У тов. Розенталя получается, что новое в современной экономической политике не укладывается в рамки нэпа, т.-е. выходит из рамок нэпа. Но если оно выходит из рамок нэпа, то, стало быть, оно входит в рамки «чего-то другого». А это другое может быть или нечто промежуточное между нэпом и социализмом, или началом социализма. Но первое — неверно, а второе еще преждевременно и относится к «увлечениям».

Кроме ошибки в понимании нэпа, т. Розенталь неправильно характеризует новое в современной экономической политике, как перерастание в непосредственное социалистическое строительство, как переход от осады к штурму.

Тут опять получилось «головокружение на высоте».

Что такое непосредственное социалистическое строительство? Это — строительство последовательно-социалистического типа хозяйства. В промышленности мы давно имеем такое непосредственно социалистическое строительство, и т. Розенталь говорит не о нем. Речь у него идет о колхозном движении. Характерной чертой нового этапа переходного периода он считает стихийное массовое движение крестьянства к коллективным формам хозяйства и в этом он видит переход к периоду непосредственного социалистического строительства (стр. 79 и 80). Между тем, что такое непосредственно социалистическое строительство в деревне? Это — строительство последовательно-социалистического типа с. х. Это — совхозы и, с некоторыми оговорками, с.-х. коммуны. В последних, хотя и обобществлено и производство, и распределение, но средства производства и пр. принадлежат еще общественной организации, а не пролетарскому государству, а Ленин к предприятиям последовательно-социалистического типа относит такие, в которых «принадлежат государству и средства производства, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом». (т. XVIII, ч. 2-я, стр. 143).

Основное звено в коллективном секторе деревни есть с.-х. артель, которая, являясь социалистической формой с. х., не является еще последовательно-социалистической формой хозяйства. Поэтому, колхозы есть не непосредственно социалистическое строительство в деревне, а именно «посредствующие звенья», «переходные меры» к социализму. Ленин в докладе о деятельности ЦК РКП на XI с'езде партии (1922 г.) говорил, что нэп есть смычка с крестьянской экономикой (т. XVIII, ч. 2, стр. 26). Колхозы — тоже крестьянская экономика, и производственная смычка с ними есть тоже нэп. Таким образом, и в этом отношении нет никакого основания говорить, что новый этап «не укладывается в рамки нэпа».

Тов. Розенталь выдвигает для настоящего момента лозунг «от осады к штурму». Это выражение он берет у Ленина. Но что Ленин понимал под «штурмом», «лобовой атакой»? Он, как известно, понимал под этим прямой переход к социализму. В тезисах речи на с'езде политпросветов у Ленина записано о нэпе: «не прямо по-коммунистически», а «обходом и с подходом» (т. XX, ч. 2, стр. 473); а в своей речи на указанном с'езде он характеризовал военный коммунизм, который он называл «штурмом», как «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению» (т. XVIII, ч. I, стр. 372). Ленин говорил:

> «Мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым непосредственным перейти к социалистическим основам производства и распределения» и «мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям» (там же, стр. 395).

Тов. Розенталь думает, что современный новый этап есть переход от осады к штурму. Если это понимать в ленинском смысле, то это обозначало бы, что в деревне мы совершаем «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению». Анализ современного момента говорит, что это не так. В деревне, в форме колхозного движения, в форме сплошной коллективизации, происходит отнюдь не прямой, непосредственный переход к социалистическим формам производства и распределения. Не совхозы и даже не с.-х. коммуны являются решающим звеном, а с.-х. артель, которая является «посредствующим звеном», постепенной «переходной мерой» к социализму.

Ленин рекомендовал большую осторожность в переходных мерах, предупреждая от перескакиваний через исторически-необходимые ступени. Наша партия усиленно зовет к такой осторожности и предостерегает от забеганий вперед.

Лозунг «от осады к штурму» по сути является таким забеганием и особенно опасен теперь, когда, в сущности говоря, на местах подобный «штурм» кое-где был проделан.

Таким образом, на вопрос, что такое «новый этап», нужно сказать, что под ним нужно понимать тот отрезок нэпа, который, говоря словами т. Сталина, «рассчитан на возрастание роли социалистических элементов в ущерб капиталистическим, на победу социалистических элементов над капиталистическими, на уничтожение классов».

Количество переходит в качество. Это — закон диалектики. Поэтому, наступит момент в рамках нэпа, когда произойдет «перерыв постепенности», и тогда совершится прямой переход в первую фазу коммунизма, в социализм. Произойдет в общем масштабе ликвидация капиталистических элементов, кусочек которой, в отношении кулачества на почве сплошной коллективизации, происходит уже теперь.

Мыслить «некий новый этап» между нэпом и социализмом нет достаточных оснований.

Е. Манюрин.

Новый этап и некоторые его проблемы.

Споры, разгоревшиеся вокруг проблем, связанных с новым этапом нашего социалистического строительства, ограничиваются, главным образом, выяснением существа переживаемого этапа и определением его, так сказать, места под социалистическим солнцем. Бои идут преимущественно по линии установления того, является ли новый этап этапом нэпа или он выходит за рамки «новой» экономической политики, последний ли это этап переходного периода, или, скажем, предпоследний.

Стремительная практика социалистического строительства снова оставляет теорию позади и настоятельно требует от нас немедленного перехода к теоретической разработке отдельных проблем нового этапа. Мы не можем отказаться от задачи четкого теоретического выявления существа нового этапа в целом, но мы обязаны вплотную и немедленно заняться разработкой насущнейших проблем социалистического строительства, чтобы получить затем более богатую конкретную характеристику нового этапа и всей переходной экономики. При этом выяснение закономерностей развития на новом этапе в сущности дает нам возможность осознать закономерности переходного периода в целом, в их возникновении, развитии и уничтожении. Какого бы взгляда ни держаться по вопросу о сути нового этапа, все сходятся, сдается нам, на том, что этот этап есть решительный шаг по пути ликвидации переходного периода, по пути построения социалистического общества. Никто не сможет опровергнуть, что закономерности переходного периода на его новом этапе достигают своего высшего развития. Но познать закономерности переходной экономики на их высшей стадии значит тем самым познать эти закономерности в целом. Нам кажется даже, что задачей теоретической партийной мысли на данном этапе должно будет явиться заглянуть несколько дальше переходного периода. Потому что познать закономерности переходной экономики до конца, — значит познать хотя бы в общих чертах основные закономерности после-переходового периода. Только так, очевидно, следует ставить вопрос о разработке проблем переходной экономики на ее новом этапе, если мы хотим не отставать в вопросах теории от нашей революционной практики.

Само собой разумеется, что разработка всех сложнейших проблем нового этапа и переходной экономики в целом — мыслима только, как коллективная работа, и эта работа никому в отдельности не под силу. Мы себе и не ставим такой задачи. Мы хотим только, отдав некоторую дань вопросу о существе нового этапа, поставить на коллективное обсуждение некоторые проблемы, главным образом, связанные с проблемой темпа, которые либо выдвинуты новым этапом, либо существовали и раньше, но приобретают теперь новую характеристику.

Новый этап и нэп.

Раньше всего о месте нового этапа в переходном периоде. Вопрос о том, является ли новый этап этапом нэпа или выходит за пределы последнего, в свою очередь, упирается в проблему существа самого нэпа. Так и ставят вопрос все те, которые пытаются выяснить основное содержание нового этапа. Но после этой правильной постановки вопроса для выяснения сути нэпа в целом, берут одну какую-нибудь сторону его (отступление, наступление; посредственное или непосредственное социалистическое строительство; допущение капитализма как «блага», ликвидация его как «зла» и т. д.).

Такой подход рождает большую путаницу, приводя и тех и других к постановке вопроса о 2-х и даже более экономических политиках переходного периода[1]). У т. Розенталя[2]) получается «новая экономическая политика» и, как противопоставление, «новое в экономической политике», а у т. Богушевского[3]) и того хуже. Несмотря на категорическое будто бы заявление, что «переходный период целиком и без остатка покрывается нэпом», у него точно так же выходит, что новый этап есть нечто совершенно противоположное предыдущему периоду нэпа, «сердцем» которого были допущение капитализма как «блага» и товарооборот. При этом тов. Богушевский никак не может определить «дня рождения» нового этапа. То он относит его ко времени XV с'езда партии, то к периоду «чрезвычайных мер» 1928 года, то к тому моменту, «когда были разбиты правые».

Нам кажется, что всю эту путаницу легко устранить, если взять переходный период в целом и подойти к нему с точки зрения того социалистического общества, которое он (этот период) подготовляет. В самом деле:

основным производственным отношением социалистического общества явится, очевидно, отношение равных (вначале еще в «буржуазном» смысле этого слова[4]) производителей социалистической индустрии и сельского хозяйства;

основным производственным отношением переходного периода является отношение двух классов, из которых один, организованный в государство (диктатура пролетариата), опираясь на социалистические командные высоты, на основе смычки переделывает на социалистический лад экономику другого класса (основных масс крестьянства). В то же время этот организованный в государство пролетариат, вытесняет, а теперь, в меру осуществления сплошной коллективизации, ликвидирует некоторую капиталистическую (кулацкую) дробь, стремясь к уничтожению классов вообще.

Снято ли уже это производственное отношение переходного периода новым этапом? Очевидно, еще не снято. Создал ли уже сейчас новый этап упомянутое выше производственное отношение социалистического общества? Очевидно, еще не создал.

---

[1]) Не считая периода военного коммунизма.

[2]) См. «Большевик» № 5 за 1930 г.

[3]) См. «За Индустриализацию» от 9 и 11/II-1930 года.

[4]) Ср. Маркс «Критика готской программы». «Равное право мы здесь (при социализме *Е. м.* действительно имеем, но это еще буржуазное право», которое, как и всякое право, предполагает неравенство» (цитир. по Ленину т. XIV, ч. II, стр. 372). Также Ленин «в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализм) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства... но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества». Там же, стр. 374.

Далее. Основная политическая формула взаимоотношения двух классов в переходном периоде это—«уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» (Ленин). Снята ли эта формула новым этапом? Достаточно вспомнить, как нам и сейчас еще приходится расплачиваться за забвение необходимости применения этой формулы в совокупности всех трех ее частей некоторыми нашими не в меру ретивыми коллективизаторами, чтобы дать самый категорический отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Но, скажут мне, позвольте! Вы смешиваете переходный период и нэп. Можно еще согласиться с тем, что эти формулы и производственные отношения действительны для всего переходного периода. Но надо ведь доказать еще, что и новая экономическая политика включает их в себя полностью. Другими словами, надо доказать, что нэп есть достаточный путь к осуществлению социалистических производственных отношений, что нэп заканчивает собой переходный период.

Чтобы не оставить никаких сомнений и по этому, в сущности, весьма ясному вопросу, нам придется привести всем известное определение нэпа, данное т. Сталиным:

> «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная: 1) на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства; 2) рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических; 3) рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим; рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами; 5) рассчитанная на уничтожение классов; 6) на постройку фундамента социалистического общества» [1].

Пусть товарищи, неудовлетворенные пониманием нэпа как «единственно-правильной политики пролетариата» в течение всего переходного периода и выводящие новый этап за пределы нэпа докажут, что эта особая наша политика сейчас снята. Я согласен даже на меньшее. Пусть эти товарищи покажут — какое из определений нэпа, совокупность которых составляет характеристику нэпа в целом (для удобства желающих это сделать товарищей — мы все определения даже перенумеровали) снимается полностью уже на новом этапе. Достаточно вдуматься в каждое из этих определений, чтобы убедиться, что все они — в отдельности и в своей совокупности сохраняются и теперь.

Вывод напрашивается сам собой:

новый этап есть этап «новой» экономической политики, являясь в то же время «переходным периодом в переходном периоде».

Основное содержание нового этапа.

Чем же все-таки отличается новый этап от предыдущих этапов нэпа? Почему это новый этап, знаменующий определенный перелом, а не просто продолжение старой политики. Общий ответ на этот вопрос дан уже всей установкой предыдущего раздела.

Главное отличие нового этапа заключается в том, что основное производственное отношение переходной экономики, не переросши еще в отношение бесклассового социалистического общества и сохранивши поэтому свое значение, получило уже, однако, другую, качественно отличную от предыдущих этапов нэпа, характеристику.

---

[1] Нумерация всех пунктов наша.—*Е. М.*

Перелом, произошедший летом и осенью 1929 года и выразившийся в массовом движении середняка в колхозы, совершенно иначе ставит вопрос о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, пролетариата и крестьянства, чем он ставился до сих пор. По-иному ставится вопрос о соглашении с середняком. Преобладающей формой смычки с сельским хозяйством становится не торговая связь с индивидуальным крестьянином через товарооборот, ни даже контрактация продукции индивидуального хозяйства, — а производственная связь на основе индустриализации и коллективизации, на основе коренной социалистической переделки крестьянского хозяйства. Это, конечно, ни в какой мере не означает возможности для нас пренебречь укреплением связи через товарооборот, ни тем более через контрактацию посевов и сельскохозяйственную продукцию вообще. Следует учесть, — и нам дорого обошлось то, что мы это не всегда учитывали, — что товарообмен остается еще как форма связи на первых порах и в районах сплошной коллективизации, не говоря уже о контрактации, которая является одной из основных форм перехода к социалистическому продуктообмену между госпромышленностью и колхозами. Но главной формой смычки на данном этапе являются уже производственные формы, по отношению к которым товарооборот является уже чем-то подсобным, а контрактация претерпевает определенное качественное изменение.

По-иному ставится вопрос о борьбе с кулаком — не ограничение и вытеснение его, а ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, как главный лозунг этапа.

Естественно, по-иному ставится вопрос и об опоре на бедняка. Мы, в сущности, несмотря на ряд соответствующих партийных постановлений, еще недостаточно осознали, насколько осложняется роль бедноты на новом этапе. Не снимая прежней роли батрачества и бедноты, как главного пособника рабочего класса в деле социалистической реконструкции села, новый этап главной задачей бедноты и батраков делает, наряду с ликвидацией кулачества как класса, помощь партии и пролетариату в деле социалистической переделки середняка внутри колхоза. Отсюда ясно, насколько усиливается теперь значение организации бедняцко-батрацких групп в колхозах и работы по укреплению этих групп.

Наконец, другую расстановку, другое значение получает каждое из составных частей в вышеприведенном сталинском определении нэпа. Ни одна из этих составных частей не снимается новым этапом. Но в меру усиления значения факторов, помеченных у нас нумерами 2, 3 и 4, центр тяжести передвинулся от 1-го момента («допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства»), включающего в себя все остальные части определения нэпа, на 5-й и 6-й (уничтожение классов, построение фундамента социалистического общества) еще не опровергшие целиком предыдущих моментов.

Но коренное изменение основного производственного отношения нэпа, подготовленное всей предыдущей политикой индустриализации и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, не может, как это достаточно подчеркнуто в постановлении ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации», не оказать в свою очередь огромного влияния на развитие всего нашего народного хзяйства.

Каково же это влияние и в чем оно проявляется? Мы попытаемся ответить на этот вопрос только в отношении двух проблем — о характере развития нашей промышленности и о темпах развития на новом этапе.

Характер нашей индустриализации на новом этапе.

Следует, прежде всего, констатировать, что в общую постановку вопроса об индустриализации СССР, как задачи превращения нашей страны из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную, как задачу развития в первую очередь производства средств производства, обеспечения нашей экономической самостоятельности от капитализма — изменений на данном этапе не вносится. Требования к нашей промышленности, связанные с проблемой сплошной коллективизации, не только не изменили характера развития этой промышленности, но наоборот, более четко выявили все значение социалистической индустриализации нашей страны. Несомненно, что коллективизация и на «мануфактурной» основе представляет, по сравнению с индивидуальным хозяйством, колоссальный шаг вперед в деле повышения производительности сельскохозяйственного труда. Несомненно, что отказ от проведения коллективизации по причине недостаточности машинно-тракторной базы — есть проявление одного из худших видов оппортунизма в вопросах социалистической реконструкции села. Но совершенно несомненно также, что нашей задачей является всемерно ускорить переход колхозов на рельсы крупной машинной индустрии, что «превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет еще более бесспорным, когда на помощь первичным колхозам в районах сплошной коллективизации подойдут наши машинно-тракторные станции и колонны, когда сами колхозы получат возможность сосредоточить в своих руках тракторы и комбайны» [1]).

Поэтому в общей постановке проблемы индустриализации, как проблемы бо́льшего темпа развития нашей тяжелой индустрии, три отрасли значительно сильнее чем раньше выдвигаются на первый план. Это—энергетика (в особенности электрификация как основа развития производительных сил общества в их социалистической форме), машиностроение (общее и сельскохозяйственное) и основная химия (главным образом производство искусственных удобрений). Развитие нового этапа вплотную подводит нас к проблеме создания крупной целиком автоматизированной фабрики (промышленной и сельскохозяйственной) социалистического общества. Необходимость ускорения темпа развития упомянутых трех отраслей на современном этапе и сводится по существу к скорейшей механизации процессов производства во всем обобществленном народном хозяйстве (поскольку и развитие основной химии неразрывно связано с процессом индустриализации сельского хозяйства). И так как ускорение роста всех этих отраслей, как и народного хозяйства в целом, упирается у нас в недостаточное развитие собственного производства машин, станков, аппаратуры, турбогенераторов и т. д., то наиболее узким местом переживаемого этапа становится отставание в развитии нашего машиностроения.

К такому же выводу о значении развития трех основных отраслей и, в особенности, машиностроения, мы приходим и с точки зрения современного международного положения нашего Союза. Мы не можем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, хотя он безусловно заслуживает детальной разработки в условиях нового этапа. Отметим только, что обострение классовой борьбы, происходящее не только внутри страны, но и между капиталистической и социалистической системами в целом, будет с развитием нового этапа усиливаться во-вне именно в меру того, как задача ликвидации кулачества как класса станет подходить к своему завершению.

Вот почему новый этап ставит перед нами задачу колоссального ускорения темпа развития нашего собственного машиностроения (беря эту задачу во всей развитой нами выше связи).

Мы можем проиллюстрировать наш вывод данными о фактических и предполагаемых темпах роста общего и с.-х. машиностроения за последние годы [2]).

---

[1]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР».

[2]) Данные взяты из: а) контрольных цифр народного хозяйства на 29/30 г. и б) постановления президиума ВСНХ о «контр. точках на 30/31 г.».

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
	(в млн. руб. по ценам 1926/27 г.)			
Общее машиностроение	591,3	792,5	1144,9	2200,0 [1])
В %% к предыд. году	134,7	134,0	144,5	192,1
С.-х. машиностроение	148,2	211,9	389,1	800 [2])
В %% к предыдущ. году	133,4	143	190,8	206,3

Почти стабильный (хорош этот «стабильный» темп роста, о котором и мечтать не может никакая капиталистическая страна) темп в первые два года реконструктивного периода и колоссальный скачок в 1928/29 г., доходящий до удвоения продукции за один 1930/31 г. Вот в какие сапоги-скороходы одевает наше машиностроение новый этап. И не рискуя впасть в, некоторым образом, «головокружение от успехов», мы считаем возможным выставить положение, что эти темпы, при всей их сказочности, не являются предельными. Ибо осуществление ближайшей плановой программы нашего советского машиностроения даст такой мощный толчок развитию нашей промышленности и всего народного хозяйства, что дальнейшее ускорение этих темпов явится вполне возможным и необходимым.

Новый этап и темпы нашего развития.

Отправляясь от вопроса о влиянии нового этапа на характер нашей политики индустриализации, мы пришли к общей постановке проблемы темпов нашего развития. Это вполне понятно. Проблема темпов развития нашего народного хозяйства в целом и отдельных его отраслей является внешним проявлением закономерностей расширенного социалистического воспроизводства переходной эпохи. В фокусе этой проблемы и на новом этапе сходится поэтому целый ряд вновь выдвинутых или получивших «новый облик» проблем переходной экономики.

Что же нового дает переживаемый нам этап в отношении темпов нашего развития?

Отметим, во-первых, появление нового, весьма существенного фактора ускорения нашего роста, не имевшего почти никакого значения ни для «восстановительного периода», ни даже для первых лет реконструктивного периода. В 1928/29 г., особенно в конце года, впервые имел место значительный для отдельных отраслей ввод в эксплоатацию новых предприятий. По итоговым данным, за год вступило в эксплоатацию 91 новых предприятий с годовой продукцией в 168 млн. рублей [3]). По данным ЦСУ СССР, приводимым т. Золотаревым [4]), доля продукции вновь выстроенных предприятий по цензовой промышленности достигла к январю 1930 г. 14 с лишним процентов, а за 5 месяцев текущего хозяйственного года вступило в эксплоатацию (по неполным данным) новых работ на 111 млн. р., в том числе новых заводов на сумму 35,4 млн. р.

Это только первые ласточки, первая кладка нового технического фундамента социалистического общества, совпадающая с началом нового этапа. Но эти первые ласточки из тех, которые делают весну. Вспомним, что особо значительное увеличение доли новой продукции произойдет только к концу 1929/30 г. Вспомним, что после окончания Турксиба к маю этого года, с июня начнут входить в строй такие гиганты социалистической индустрии, как Сталинградский тракторный завод,

---

[1]) По данным А. Золотарева «За Индустриализацию» от 4/V-30 г. 2.600 млн. р., рост на 227,1%. Подчеркнуто мною.—*Е. М.*

[2]) По данным А. Золотарева, «За Индустриализацию» от 4/V-30 г.—829 млн. р., рост на 223,4%. Подчеркнуто мною.—*Е. М.*

[3]) Контр. цифры Госплана СССР на 1929/30 г., стр. 25. См. также «Выполнение плана первого года пятилетки», под ред. Мендельсона, стр. 8.

[4]) «За Индустриализацию», 4/V-30 г., «2-й и 3-й год пятилетки».

Керченский — металлургический, Ростовский — Сельмаш и т. д. и т. п. Учтем, наконец, что в 1930/31 году доля продукции вновь выстроенных и капитально реконструированных предприятий станет преобладающей.

Все огромное влияние этого нового фактора на темпы нашего строительства — трудно переоценить. Преимущества советской хозяйственной системы, планирование и регулирование народного хозяйства, творческий энтузиазм рабочего класса, дали нам возможность достигнуть таких темпов развития, которые приводили — приводят и сейчас — в изумление и трепет все капиталистические страны во главе с САСШ. Но, в сущности говоря, стесненные рамками довоенных предприятий, стесненные наличием и подавляющим преобладанием индивидуального крестьянского мелко-товарного уклада, наше плановое хозяйство не могло еще полностью выявить свою творческую мощь, дать 100%-ю эффективность своих мероприятий. Эта стесненность не отпала еще и сейчас. Полностью все преимущества обобществленного планового хозяйства — развернутся только в социалистическом обществе. Но условия на новом этапе все же меняются. Мы сумели показать изумительные, невиданные темпы на наших старых, только подлечивших свои раны предприятиях, когда наш крестьянин сидел (и то не всегда) на дрянной клячонке, когда мы находились в слишком неравных с передовыми капиталистическими странами условиях. Что же скажет этот капиталистический мир теперь, когда мы начинаем (только лишь начинаем, но уже начинаем) вести состязание в условиях предприятий, стоящих на уровне этих стран по технике, но превосходящих этот уровень по своей социалистической организации, когда мы начали (уже начали) пересаживать крестьянина на трактор.

Начало этого этапа является вместе с тем началом наших первых значительных успехов по пути освоения передовой техники, началом уже воочию совершающегося превращения нашего Союза в передовую индустриальную страну, строящую социализм.

И это сулит нам такие масштабы в отношении темпов нашего развития, что через пару-другую лет мы действительно сумеем уже посмотреть, «какие из стран можно будет определить в отсталые и какие в передовые», — нас или «почтенных капиталистов, кичащихся своей цивилизацией» (Сталин).

* * *

С вопросом о темпах соприкасаются и некоторые стороны другого вопроса, проблемы того нового, что имеется сейчас в рабочем классе [1].

В актив нашей партии мы к XVI с'езду с гордостью можем записать тот несомненный факт, что пятилетка вошла в плоть и кровь, стала собственным делом всего рабочего класса нашей страны. И, может быть, именно это обстоятельство — то, что подавляющее большинство пролетариев СССР считает выполнение пятилетнего плана в целом, делом каждого из них в отдельности, — привнесло некоторые новые черты в отношении рабочего класса к социалистическому строительству. Начало социалистического соревнования и ударничества относится еще к первым годам реконструктивного периода (для наших темпов слово «еще» по отношению к периоду, насчитывающему «уже» двухгодичную давность, не должно казаться странным). Новый этап, однако, поднимает социалистическое соревнование и ударничество на высшую ступень ударных цехов и заводов. Сразу может показаться, что тут ничего особо нового нет. Это значит, что не все еще осознали, — а осознать это необходимо,

---

[1] Подчеркнуто, что мы берем эту проблему не целиком, а некоторые ее стороны.— *Е. М.*

чтобы уяснить себе вытекающие отсюда для нас задачи, — что по сути, представляет собой ударный цех или завод, если конечно он ударный не только по названию, а и на деле. В таком цеху или заводе начинает фактически уничтожаться различие между администраторами и выполнителями, между ответственными и техническими работниками [1]).

Ответственность каждого ударника за порученную ему работу всемерно повышается, но это происходит именно потому, что он осознает себя, вместе с бригадиром, мастером и т. д. вплоть до директора ответственным за работу всего предприятия. С другой стороны, этот новый тип ответственности всех за всю работу чувствует и заведующий цехом, мастер и т. п. ударного предприятия. Вот почему мы за последний год имеем такое развитие на базе ударничества различного вида коммунок с несколько опережающей события уравнительной дележкой всего заработка. Мы выше отметили, что все это имеет место лишь, когда завод или цех действительно являются ударными. Но новый этап, как раз, и характеризуется в отношении социалистического соревнования тем, что звание ударника начинает становиться таким званием, которое нельзя просто себе присвоить, а за которое надо бороться, которое достается только как определенный результат определенных практических достижений.

Мы здесь вплотную подходим к осуществлению того, что писал Владимир Ильич о коммунах в 1919 г.:

> «Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или признавать это наименование лишь (подчеркнуто Лениным) за действительными коммунами, которые действительно показали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, уменье поставить дело коммунистически» [2]).

Мы наблюдаем по всему Союзу волну проверки соответствия ударных предприятий и каждого отдельного ударника своему званию и настойчивых требований лишить ударников этого звания, если он своих задач не выполняет. Нам довелось 2-го мая этого года слушать нечто, вроде «признания окрестным населением» — радиомитинг ударников 4-х городов (Москвы, Ленинграда, Харькова, Нижнего-Новгорода), на котором все успехи и причины неудачи этих городов подвергались обсуждению «с пристрастием». Мы знаем о соревновании ряда предприятий Украины и Урала на звание ударных и т. д.

Этих примеров можно бы привести еще очень много, но нам хотелось бы отметить в связи с затронутым вопросом еще один новый, чрезвычайно важный момент. Осознание своей ответственности за работу всего предприятия в конце-концов приводит неминуемо рабочего к пониманию всего значения связи этого предприятия с целым рядом комбинирующихся с ним (обслуживающих его) предприятий — по линии сырья, топлива и т. д. Работа ударного предприятия зависит не только от него самого, но и от работы обслуживающих его заводов, фабрик и учреждений. От борьбы за улучшение работы своего предприятия рабочий приходит к необходимости борьбы за повышение качества работы всех связанных с ним предприятий и учреждений, к четкому уразумению большинством рабочих значения взаимопомощи всего рабочего класса в общей борьбе за построение фундамента социалистического общества. Мы видим поэтому, как на ряду с развитием социалистического соревнования растет и крепнет среди рабочего класса сознание совершенно реальной, почти материально ощутимой классовой солидарности, взаимосвязанности класса организованного в государство, класса, строящего социализм.

---

[1] Излишне, может быть, отмечать, что написанное следует понимать, как проявившуюся тенденцию, которую новый этап и призван воплотить в жизнь.— *Е. М.*

[2] Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 259.

Вместе с тем, взаимопроверка результатов работы каждого предприятия является ферментом, более плотно скрепляющим на новых основах смычку рабочего класса с коллективизирующимся крестьянством. Выезд рабочих бригад целого ряда предприятий для проверки выпущенных ими тракторов, сел.-хоз. машин и орудий, для ремонта сельскохозяйственного инвентаря и т. д.,—значительно укрепляет влияние рабочего класса на социалистическое развитие села.

Все это есть то новое, мимо чего нельзя пройти особенно профсоюзам, что необходимо учесть при перестройке всех видов—организационной, культурной, экономически-бытовой, профсоюзной работы.

К проблеме темпов все сказанное имеет непосредственное отношение. Четкое осознание того факта, что твоя работа нужна всей стране, что ты не просто работаешь, а строишь социализм, что за твоими успехами или неудачами, особенно на ведущих новопостроенных или строящихся предприятиях, следит буквально весь Союз, да и не только наш Союз,—все это создает совершенно небывалый под'ем в работе, совершенно новое отношение к выполнению своего задания. Поэтому конец 1928/29 г. и начало 1929/30 г., уже дарят нас первыми, но все умножающимися примерами успехов в опережении даже американских темпов стройки,—на Турксибе, Днепрострое, Тракторострое, темпы сева в наших новых совхозах и т. д. Вот почему лозунг выполнения пятилетки в 4 года, недавно казавшийся красивой фантазией, теперь сделался—об этом ярко свидетельствуют первомайские демонстрации—отправным вариантом рабочего класса СССР за построение социализма.

Чувство диференцированной ответственности отдельного рабочего за порученное ему дело, помноженное на чувство солидарной ответственности каждого за все дело социалистической стройки, как члена социалистического коллектива,—является на новом этапе добавочной производительной силой, новым могучим фактором ускорения темпов нашего развития.

В порядке самой общей постановки вопроса мы затронем еще в связи с проблемой темпа одну из наименее разработанных с экономической стороны проблем — проблему личного потребления на новом этапе.

Следует сказать, что это одна из немногих областей, где, к сожалению, теория отстает наравне с практикой. Между тем, вопросы соотношения накопления и потребления, определяющие темпы нашего развития, являются одной из основ социалистического строительства, тем оселком, на котором неоднократно ломали себе голову и правые и левые наши уклонисты и загибщики.

Следует ли сейчас увеличить накопление за счет потребления или, наоборот, — вот, грубо говоря, то поле, на котором разыгрывались жестокие бои и с «аграризаторами» и с «сверхиндустриализаторами», и с правыми и с «левыми» — за генеральную линию партии, проводившуюся на основе оптимального сочетания обоих моментов. Нам кажется, что на данном этапе в проблему соотношения накопления и потребления вносится совершенно новый оттенок. Мы подходим к такому периоду, когда станет возможным значительное увеличение накопления при таком же, может быть, значительном повышении темпа (а не за счет понижения) роста потребления. Мы очень много говорим сейчас об организации общественного питания, фабрик-кухонь, фабрик-прачечных, крупных пошивочных и починочных мастерских. Но мы, в сущности, очень мало сделали для разработки и широкой популяризации на практике результатов правильно проведенной

социалистической [1]) организации личного потребления. Между тем, помимо колоссального значения процессов обобществления быта для фактического освобождения женщины [2]), для воспитания нового социалистического человека, мы хотим в плоскости проблемы темпа обратить внимание на то малоучитываемое обстоятельство, что обобществленное потребление дает новые (гораздо более значительные, чем это можно было бы предполагать) ресурсы для повышенного удовлетворения человеческих потребностей.

Взять хотя бы тот факт, что общественная организация потребления дает огромную экономию в расходовании сырья, вспомогательных материалов и орудий производства фабрикатов личного потребления (вплоть до примусов, утюгов и пр. принадлежностей домашнего хозяйства и быта). Уже это одно при неизменном и даже несколько уменьшенном (теоретически рассуждая) количестве средств, идущих на потребление, может значительно повысить количественную долю потребления на душу. С другой стороны, создается возможность большого качественного улучшения продуктов потребления, в смысле разнообразия выбора, гигиеничности и т. д., и т. п.

Все это звучит еще, к сожалению, «музыкой будущего», но оно должно стать музыкой самого ближайшего будущего.

Оглядываясь на пройденный нами путь в целях об'яснения (не всегда могущего и здесь служить оправданием) причин нашего отставания в разработке и практическом осуществлении затронутой проблемы, мы можем указать на недостаточность до самого последнего времени производственных предпосылок такого обобществления быта.

Но новый этап как раз именно и является тем самым этапом, в процессе развития которого дозревают технические, экономические, и психологические предпосылки к ускорению процесса обобществления быта. Вся производственная обстановка нового этапа, ставшая перед нами конкретно задача строительства социалистических—пром- и агрогородов,—делают разрешение этой проблемы, в числе прочих, неотложным.

Потребительская кооперация должна в первую очередь поставить себе задачей провести все дело обслуживания потребления населения на рельсы крупной индустрии.

Новый этап должен разрешить задачу наступления развернутым фронтом на старый индивидуалистический быт, задачу коренной, массовой переделки организации личного потребления на социалистических основах. Осуществление этой переделки явится еще одним фактором ускорения темпов нашего роста.

Мы коснулись здесь лишь одного-двух вопросов переходной экономики в связи с новым этапом и то скорее в виде заметок, в порядке общей постановки этих проблем. Мы не затронули целого ряда самых животрепещущих экономических проблем переживаемого периода, — вопросов организации крупного коллективного хозяйства, качественных показателей, методологии планирования, вопросов распределения и обращения на новом этапе, не говоря уже о таких проблемах, как изменение форм классовой борьбы, вопросов кадров, вопросов культурного строительства, строительства социалистических городов и т. д. Как уже было сказано, мы не ставили себе задачей «об'ять необ'ятное».

Даже детальная разработка поставленных нами вопросов не может быть, конечно, исчерпана рамками одной статьи. Надеясь еще к ним вернуться, и ставя эти вопросы на коллективное обсуждение, мы хотели бы в заключение отметить еще только два общих момента.

---

[1]) С поправкой на условия переходного периода.—*Е. М.*

[2]) Ср. Ленин, т. XVI, стр. 256—257.

Является ли новый этап последним этапом нэпа? Ответить на этот вопрос мы можем еще пока приблизительно с той же степенью точности, с какой вообще составляются наши перспективные планы,—правильно в основном, ошибки в деталях. Но, думается нам,—и вся установка нашей статьи как-будто это доказывает,—что, если отвлечься от «переходных периодов» в самом этом этапе, новый этап, безусловно подготовляет уже тот момент, когда мы сможем нэп, следовательно, и весь переходный период «отбросить к чорту». Именно это обстоятельство заставляет нас удвоить нашу энергию по разработке и скорейшему осознанию до конца закономерностей нового этапа.

И еще второй момент.

Ц. О. нашей партии, редакция «Большевика», Коммунистическая академия в свое время обратились к экономистам-коммунистам с призывом переключиться на разработку проблем нашей экономики и империализма. Нельзя сказать, чтобы этот призыв не возымел своего воздействия. Интерес к теоретической разработке всех насущных проблем переживаемой нами эпохи значительно повысился в последнее время. Но в организацию этой разработки не внесено еще той необходимой плановости, которой это дело заслуживает. Наша стремительная, все переворачивающая, все изменяющая в корне прекрасная эпоха, на ее новом этапе пред'являет свои категорические требования в отношении темпов и на теоретическом фронте. Хотя бы Коммунистической академии следовало продумать, как организовать нашу работу по-ударному, по тому же принципу диференцированной ответственности каждого и согласованной работы всего коллектива, организовать нашу работу так, чтобы мы сумели ускорить построение того социалистического здания, очертания которого проступают уже все яснее.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„Америка завоевывает Британию“ *).

(L. Denny. «America conquers Britain», Нью-Йорк, 1930 г.).

Книга американского журналиста Людвелла Денни («Америка завоевывает Британию») прозвучала резким диссонансом в хоре англо-американской капиталистической прессы, не перестающей за последнее время изо дня в день утверждать о наступлении эры глубокой дружбы между Соединенными Штатами и Англией. Закончившаяся морская конференция, которая в основном оправдала надежды, возлагавшиеся на нее Соединенными Штатами, как известно, явилась лишь одним из этапов обостряющейся борьбы между Англией и Америкой. Большинство капиталистической печати стремилось, однако, как во время работы конференции, так и по ее окончании, представить эту конференцию как доказательство отсутствия противоречий между Англией и Соединенными Штатами, как доказательство желания обеих стран прекратить надолго соперничество в области вооружений. Эту легенду о дружбе между Англией и Соединенными Штатами беспощадно разбивает Денни. Книга, как указывалось уже у нас, дает яркий анализ все усиливающихся противоречий между Соединенными Штатами и Англией.

Денни не впервые выступает по вопросам англо-американского соперничества. В вышедшей несколько лет назад прекрасной работе, озаглавленной: «Мы боремся за нефть», Денни показал, как развивается соперничество между Англией и Соединенными Штатами в области мировой нефтяной промышленности. В новой своей книге он уже значительно шире разворачивает картину англо-американской борьбы, дает ее в разрезе всех форм соперничества.

Нужно отметить, что Денни не является безответственным журналистом. Имеются определенные сведения, что при составлении его работ ему были открыты архивы государственного департамента Соединенных Штатов. Выход в настоящее время книги, на которой лежит печать государственного департамента Соединенных Штатов, весьма знаменателен. Эта книга должна показать Англии, что Соединенные Штаты вполне сознают свое господство и что Англии, если она хочет избежать конфликта, не остается ничего другого, как подчиниться требованиям Соединенных Штатов. Как известно, на конференции по морскому разоружению Соединенным Штатам удалось добиться «бескровно» своих требований: полного равенства с английским флотом. Это содержание лондонской конференции было с самого начала ясно, но, как обычно, все эти империалистические задачи были окутаны туманом пацифистской философии. Денни срывает маску с этого лживого лица англо-американской дружбы и показывает действительную картину англо-американских отношений. Английская печать поэтому постаралась замолчать эту книгу и она фактически осталась неизвестной английскому читателю.

Нужно, однако, подчеркнуть, что и сам Денни, беспощадно разоблачая распространяемый теперь обман «о невозможности войны между Англией и Соединенными Штатами» и раскрывая шаг за шагом факты все обостряющихся противоречий между Америкой и Англией, сам иногда становится жертвой пацифистских иллюзий.

Целью его разоблачений, по его мнению, является помочь делу мира между Англией и Соединенными Штатами, так как, по мнению Денни, самым опасным

---

*) Русский перевод, ГИЗ, Москва, 1930 г., стр. 440. 3 р. 50 коп.

является то, что народы не отдают себе отчета в возможной близости новой войны. «Лучший путь избежать военных столкновений, —пишет Денни, — это сказать правду для того, чтобы оба народа могли бы идти вперед с открытыми глазами».

Но сила книги не в теоретической установке автора, не в его отдельных рассуждениях, а в блестящем анализе глубочайших противоречий между Англией и Соединенными Штатами, основанном на самых последних данных.

Автор начинает весьма эффектно.

> «Война немыслима», так сказал английский премьер-министр Асквит в 1914 г. Спустя несколько дней Англия находилась в состоянии войны с Германией.
>
> «Война между Америкой и Англией немыслима», говорят нам сейчас. В том же уверяют нас английский премьер-министр Макдональд и американский президент Гувер, хотя прежде, когда им не приходилось говорить официальным языком, они высказывались менее оптимистически» (стр. 1).

Это противопоставление уже само по себе весьма знаменательно. Автор затем прямо ставит все точки над «и». «Война между Америкой и Англией более вероятна, чем война между Америкой и другой какой-либо державой». Таковы предварительные замечания автора к его дальнейшему анализу.

Но прежде чем обосновать свой тезис на фактах экономической действительности Денни мимоходом, шутя разбивает те, весьма популярные в англо-американской печати, доводы, что война между этими странами невозможна, поскольку народы этих стран, связанные между собой узами родства и общностью языка, никогда не допустят такой войны.

Автор на основе опыта последней империалистической войны подчеркивает, что «создать миф о священной войне является одной из самых легких задач для правительства накануне открытия враждебных действий». Он затем указывает, как быстро самая безответственная ложь пускается в дело и как быстро она достигает цели в деле обработки общественного мнения. Он указывает, что к моменту вступления Соединенных Штатов в войну с Германией в 1917 г. американское общественное мнение было настолько обработано, что любые выдумки относительно «германских зверств и ужасов» принимались всерьез.

Нам, однако, не приходится даже обращаться за примерами к эпохе империалистической войны. Разве бешеная антисоветская кампания, поднятая совсем недавно мировой капиталистической печатью, не являлась подготовкой общественного мнения к наступлению на СССР? Разве эта кампания не вытащила на свет все те аксессуары «зверств и ужасов», которые пускались в ход всеми участниками капиталистических войн, начиная чуть ли не с XVI столетия? Все это усугубляется ненавистью к единственному рабочему государству. «Распятые священники, пригвожденные к полу дети, привязанные к хвостам лошадей несчастные жертвы» и т. д. и т. д. — все это снова, как это делалось неоднократно раньше, было вытащено на капиталистический свет.

В ближайшую войну эти рассказы об «ужасах и зверствах» будут применены для обработки народных масс Англии и Соединенных Штатов.

Предусмотрительный Денни даже намечает уже те факты, которые могут быть использованы американцами для возбуждения «народного негодования» против Англии: здесь и применение рабского труда детей в Гонконге, и принудительный труд туземцев в Африке, и политика угнетения в Индии и Египте и т. д., и т. д. (стр. 12).

Поэтому Денни не придает никакого значения тем выражениям дружбы, которые раздаются теперь, как в англо-американской печати, так и из уст английских и американских государственных деятелей.

> «Причины экономических конфликтов и войн, замечает Денни, слишком серьезные и сложны, чтобы судить о них по незначительным колебаниям общественного мнения в ту или иную сторону, в зависимости от того, куда подует ветер официальной пропаганды» (стр. 17).

Автор затем и переходит к анализу причин англо-американских противоречий.

Проблема англо-американского соперничества неоднократно освещалась как в иностранной, так и в нашей литературе. Достоинство книги Денни, как мы уже указывали, в том, что ему удалось собрать чрезвычайно богатый материал и установить соперничество в тех областях, на которые не обращалось раньше достаточного внимания.

Как это принято, Денни рассматривает англо-американское соперничество в разрезе борьбы за рынки сбыта, за сферы приложения капитала и за источники сырья. Но вместе с тем он добавляет еще к этому анализ соперничества за морские и воздушные пути сообщения и за средства связи.

История борьбы Англии и Соединенных Штатов за рынки сбыта после войны — общеизвестна. Борьба особенно обострилась за последние годы, когда для капиталистических стран чрезвычайно актуальным стал вопрос о внешних рынках. Денни подробно останавливается на тех мероприятиях, которые принимаются правительствами Соединенных Штатов и Англии для завоевания новых рынков. В этом отношении характерна, например, поездка Гувера сейчас же после его избрания на пост президента в Южную Америку и последовавшая за этим поездка одного из талантливейших английских дипломатов д'Абернона с торговой миссией в ту же Южную Америку.

Мы не останавливаемся на огромном фактическом материале, который приводится Денни относительно роли Соединенных Штатов и Англии на различных иностранных рынках. Основные тенденции ярко характеризуются следующими несколькими цифрами относительно доли участия Англии и Соединенных Штатов в импорте Южной Америки. В то время как доля Англии уменьшилась с 25% в 1913 г. до 16% в 1927 г., доля Соединенных Штатов за тот же промежуток времени увеличилась с 24% до 38%.

Самым интересным в этом разделе книги является часть, посвященная анализу борьбы за рынки сбыта в британских доминионах и колониях. Книга была написана еще в самом начале того движения в Англии, которое получило название борьбы за «имперскую свободу торговли». Как известно, кампания, начатая в Англии под этим лозунгом лордом Бивербруком, чуть не повела к расколу консервативной партии. Последнего удалось избегнуть тем, что официальные руководители консервативной партии приняли условия «оппозиции» в лице лорда Бивербрука. Консервативная партия в Англии в настоящее время вернулась к программе, которая защищалась 30 лет тому назад Дж. Чемберленом (отец Остина Чемберлена) и которая сводится к необходимости создать из Британской империи в таможенном отношении единое целое, огражденное от остального мира высокой таможеной стеной. Осуществление такой программы дало бы английской промышленности возможность беспошлинного ввоза своих изделий в доминионы и колонии и в то же время значительно затруднило бы проникновение в британские владения английским конкурентам, в первую очередь—Соединенным Штатам. Денни интересуют эти новейшие тенденции британского империализма с точки зрения их влияния на англо-американские противоречия. Хотя, как мы уже указывали, Денни еще не могли быть известны последние факты из истории движения за «имперскую свободу торговли», он настолько хорошо знаком с новейшими политическими и экономическими положениями Англии, что правильно предсказывает:

> «Консервативная партия основным лозунгом на следующих выборах сделает систему предпочтения и экономического об'единения империи».

Как она определилась теперь, новейшая программа крупнейшей буржуазной партии Англии, является ярким отражением загнивающего английского монополистического капитализма. Вся система покровительственных пошлин и предпочтения направлена будет к тому, чтобы создать для английского капитализма возможность получения монополистических сверхприбылей без необходимости произвести техническую реорганизацию промышленности. В то же время осуществление этих планов означало бы дальнейшее катастрофическое ухудшение положения рабочего класса в Англии. С предоставлением права беспошлинного ввоза английских промышленных товаров в доминионы и колонии связывается предположение о предоставлении английским доминионам и колониям преимуществ в отношении ввоза сырья и предметов продовольствия в Англию с тем, что на иностранное сырье и предметы продовольствия вводятся ввозные пошлины. Это, конечно, приведет к общему повышению цен на импортные предметы продовольствия. Значение же импортного продовольствия для Англии видно из последних данных, опубликованных английским министерством земледелия. По этим данным 66% всего потребляемого в Англии продовольствия импортируется из-за границы, и только 44% производится на внутреннем рынке.

Денни правильно считает, что попытки осуществления этой программы натолкнутся в первую очередь на сопротивление со стороны английских доминионов. Нужно отметить, что уже в настоящее время Англии предоставляются значительные предпочтения на рынках доминионов и колоний: эти предпочтения весьма обременительны для народного хозяйства последних. Можно, например, отметить, что ежегодные потери Австралии на скидках, предоставляемых Англии, составляют 50 млн. долл. (стр. 98).

В то же время автор приводит ряд примеров, показывающих, что благодаря этой системе скидок с таможенных пошлин, предоставляемых Англии, промышленность доминионов и колоний не может развиваться, так как не в состоянии конкурировать с более дешевыми английскими товарами. Поэтому, по мнению автора, доминионы никогда не допустят предоставления Англии еще больших преимуществ в отношении сбыта английских товаров. Автор издевается над теми аргументами, которые выставляются защитниками «имперской свободы торговли» о тех, якобы, преимуществах, которые получают доминионы от Англии взамен предоставления последней предпочтений. Все эти преимущества, как, например, получения на более выгодных условиях займов, охрана английским флотом доминионов и т. д., по мнению автора, не дают никаких выгод последним. Автор категорически утверждает:

> «Ходячий аргумент—флот и некоторые другие преимущества вознаграждают, мол, доминионы за потери, которые несет им противоестественная система «имперского предпочтения»,—этот аргумент, таким образом, несостоятелен». (стр. 111).

Последние события показывают, что новейшая политика доминионов и колоний идет совершенно вразрез с программой британского империализма. Индия недавно повысила пошлины на хлопчато-бумажные изделия, несмотря на резкие протесты ланкаширской промышленности. Австралия ввела не только более высокий покровительственный тариф, но приняла даже систему запрещений ввоза ряда товаров и жесткого контингентирования других. Эти мероприятия наносят огромный удар перспективам английского ввоза в Австралию и были встречены неслыханным озлоблением со стороны английской печати.

Но делать из этого выводы, как это подчеркивает автор, что английские господствующие классы должны будут отказаться от своей идеи создания более тесных экономических связей со своими доминионами и колониями, было бы неправильным и преждевременным. Именно, усиливающаяся конкуренция, с которой английская промышленность встречается на рынках доминионов и будет заставлять английский капитализм стремиться к тому, чтобы разрушить в первую очередь местную промышленность путем создания более льготных условий для проникновения английских промышленных изделий.

Если, таким образом, новая программа английского империализма сулит обострение внутриимперских противоречий, то первые же шаги по ее осуществлению поведут к еще большему усилению противоречий между Соединенными Штатами и Англией. Хотя автор утешает себя мыслью, что осуществление этой программы возможно, он должен все же признать, что она чревата весьма опасными последствиями, ибо

> «в мире нет места для двух таких мировых экономических монополий, как предполагаемый Британский Союз и Соединенные Штаты... Подобный имперский экономический Союз,—таким образом, не только лучший, но и, пожалуй, единственный сейчас путь к спасению британской экономической мощи; но путь этот в то же время ведет к обострению англо-американской вражды». (стр. 98—99).

Как затем указывает автор, фактически для Соединенных Штатов все большее значение приобретают рынки английских доминионов и колоний, в которых Соединенные Штаты постепенно вытесняют Англию. Достаточно привести лишь несколько общеизвестных цифр. С 1913 г. по 1927 г. роль Англии в импорте Канады уменьшилась с 21,3% до 16,8%, доля же Соединенных Штатов увеличилась с 64% до 64,9%. Для импорта Австралии за соответствующий промежуток времени цифры для Англии составляли 51,8% и 43,4%, для Соединенных Штатов—13,7% и 24,6%. Для импорта Новой Зеландии цифры для Англии были 59,7% и 47,9%, а для Соединенных Штатов—9,5% и 18,0%. Для Южной Африки цифры для Англии были 50,1% и 42,8%, для Соединенных Штатов 8,8% и 15,3% (стр. 113).

Что говорят эти цифры? Они говорят о том, что несмотря на все те преимущества, которые дают Англии политическое господство в доминионах и колониях, американский империализм настолько усилился, что он побивает английский империализм в его собственных колониях. Вопреки мнению автора, это ухудшение положения Англии, как поставщика товаров в колонии и доминионы, является как раз одним из основных стимулов для проведения в жизнь новой программы.

В одном прав автор: новейшая программа английских консерваторов неизбежно поведет к дальнейшему усилению противоречий как внутри Британской империи между отдельными ее частями, так и между Англией и другими империалистическими государствами, в первую очередь с Соединенными Штатами.

Интерес работы Денни в том, что в ней впервые все эти противоречия, возникающие в связи с новой программой британского империализма, получают свое полное освещение.

Автор переходит затем к освещению борьбы за экспорт капиталов.

Эта проблема достаточно подробно и неоднократно освещалась в экономической литературе, и автор дает сравнительно мало нового в этом отношении. Интересны лишь некоторые его замечания. Так, автор подчеркивает, что теперь, когда Англия постепенно теряет свое влияние в самоуправляющихся доминионах, она все большее внимание обращает на Африку. Действительно, мы знаем, что африканские колонии начинают играть все большую роль в системе получения колониальных сверхприбылей английским империализмом. И автор должен подчеркнуть, что

> «для населения африканских тропиков английские и американские «вложения» обозначают потерю земли и личной свободы, замаскированное рабство в той или иной форме, принудительный труд того или иного рода» (стр. 150).

Другим характерным замечанием автора является указание на все усиливающееся сращивание между финансовым капиталом и государственным аппаратом Англии и Соединенных Штатов. Он пишет:

> «господствующий класс в Англии полностью идентифицируется с группами, которые руководят эспортом капитала, как это было в свое время с земельными интересами».

Он перечисляет затем имена десятков крупнейших английских политических деятелей, которые состояли или состоят одновременно участниками важнейших финансовых и коммерческих предприятий. Небезызвестный лорд Биркенхед,—министр по делам Индии в последнем консервативном кабинете, теперь является членом правления имперского Химического треста, а также других финансовых компаний, лорд Ридинг, бывший вице-король Индии, является директором многочисленных крупнейших финансовых и промышленных компаний и т. д., и т. д. Особенно интересно отметить, что после падения консервативного правительства, в 1929 г. большинство его членов, как Чемберлен, военный министр Вортингтон, Эвенс и т. д., сразу же получили крупные должности в различных акционерных компаниях. (стр. 154). То же самое имеет место и в Соединенных Штатах «сращивание между членами правительства и крупными предприятиями, еще более характерно для Соединенных Штатов, чем для Англии»,—пишет автор.

Таким образом, господство финансовой «олигархии» характерное вообще для империализма распустилось особенно пышно в послевоенные годы.

Основной же вывод автора сводится к тому, что на рынках капиталов борьба между Соединенными Штатами и Англией все больше обостряется, при чем, перевес в этой борьбе постепенно переходит на сторону Соединенных Штатов.

Значительное место автор уделяет борьбе за источники сырья. Он приводит известное утверждение бывшего председателя германского рейхсбанка Шахта о том, что

> «борьба за сырые материалы играет ныне самую важную роль в мировой политике—роль еще большую, чем до войны» (стр. 176).

Автор показывает затем, как несмотря на огромное преимущество, которое имеют Соединенные Штаты, по сравнению с Англией в области обладания важнейшими источниками сырья, Англия сумела захватить контроль над сырьевыми источниками во всех углах земного шара. Автор приводит данные работы американского министерства торговли, изданной в 1929 г., в которой подчеркивается, что Соединенные Штаты и Англия вместе контролируют производство и добычу 28 важнейших видов металлов и сырья, при этом на долю Англии приходится 21 вид сырья, а на долю Соединенных Штатов только 7. Поэтому, Соединенные Штаты в отношении многих видов сырья находятся в зависимости от Англии.

Это создает предпосылки для острой борьбы между Англией и Соединенными Штатами за обладание сырьевыми источниками.

Правда, исходя из фактов последнего времени, когда мировая сырьевая промышленность испытывает острейший кризис сбыта, казалось бы, что погоня за новыми источниками сырья или борьба за перераспределение старых должна была бы ослабеть. Однако, это не так. Несмотря на перепроизводство сырья, в настоящее время для империалистических государств, обладание собственными источниками сырья чрезвычайно важно, особенно, в отношении обеспечения дешевым сырьем, так и на случай военных столкновений, когда от наличия запасов того или иного сырья в значительной степени зависит благоприятный исход военных столкновений. В то же время империалисты рассчитывают, что кризис сбыта сырья сменится в случае нового промышленного под'ема недостатком в сырье и, следовательно, необходимо заранее обеспечить себя сырьевыми источниками. Поэтому автор вполне прав, когда пишет:

> «если и теперь, в период общего перепроизводства, международная борьба за сырье достигает большой напряженности, то по мере истощения запасов, борьба эта, очевидно, будет все больше и больше обостряться» (стр. 186).

Мы не будем останавливаться на описании борьбы за различные виды сырья. Автор сравнительно много места уделяет борьбе за каучук. Как известно, в свое время политика Англии в области ограничения производства каучука особенно раздражала Соединенные Штаты и заставила последние принять ряд мероприятий, которые в конце-концов сломили британскую каучуковую монополию. Интересен факт, приводимый автором о том, как американские фабриканты автомобильных шин, подняв огромный шум по поводу повышения англичанами цен на каучук, сами пользуясь этим обстоятельством, значительно повысили цены на готовые изделия, заработав добавочных 500 млн. долл. в год (стр. 206).

Но особенно большое внимание автор уделяет нефтяной борьбе между Англией и Соединенными Штатами. Нефтяная проблема занимает вообще почти четверть всей книги. В основном этот раздел повторяет содержание прежней работы автора «Мы боремся за нефть». Автор лишь кое-где приводит более новые данные, не успевшие найти свое отражение в его первой книге.

В свете недавних решений германского суда относительно подделывателей советских червонцев, характерно заявление автора об участии агентов Детердинга в финансировании деятельности этих подделывателей червонцев (стр. 295).

Уже в вышерассмотренных разделах мы находим значительнейший материал об англо-американском соперничестве. Автор, однако, не ограничивается этим, а приводит еще, как мы указывали выше, данные относительно борьбы между Англией и Соединенными Штатами в области воздушных и морских путей сообщения и в области связи.

Он указывает на огромное значение, которое получает авиация в современном мировом хозяйстве за последние годы. Констатируя рост авиации, он подчеркивает преимущества в этом отношении Соединенных Штатов перед Англией. В 1928 г. воздушные линии Соединенных Штатов составляли 17 тысяч миль, а воздушные линии Англии--2,3 тысячи миль. Число коммерческих аэропланов составляет у Англии—350, а у Соединенных Штатов—6.320. Развитие коммерческой авиации сделало в Соед. Штатах колоссальные успехи лишь за самые последние годы. В 1929 г. произошло об'единение большого числа американских аэропланных компаний, в результате чего в области воздушных сообщений образовались мощные монополистические тресты. В последнее время получает значение вопрос об организации воздушных сообщений на цеппелинах. Невинный с первого взгляда прошлогодний кругосветный полет цеппелина имел своей целью исследование вопроса о возможности применения цеппелинов для организации правильных воздушных рейсов. Соединенные Штаты опираются в борьбе с Англией в области воздухоплавания на германский опыт. Полет Эккнера финансировался американцами. В самое же последнее время (см. «Таймс», от 26 марта 1930 г.) американцы создали специальное общество, в котором приняли участие наиболее крупные нью-йоркские банки и промышленные компании, которое должно взять на себя организацию воздушных линий на цеппелинах.

Борьба за воздушные пути, эти великие пути будущего, начинает разгораться между Англией и Соединенными Штатами.

Но не менее острой является борьба между американскими и английскими судоходными компаниями. И здесь Соединенные Штаты пользуются германским коммерческим флотом, который чрезвычайно быстро был восстановлен после войны. Денни указывает, что важнейшие германские судоходные компании Северо-Германский, Ллойд и Гамбург-Америкен, фактически находятся под контролем американского капитала, который в последние годы принял значительное участие в их финансировании. Известно, что за последние месяцы было создано мощное об'единение путем слияния, указанных выше, двух германских обществ. Этот новый гигантский пароходный трест, находящийся под контролем американского капитала, в свою очередь явится значительным фактором для обострения борьбы между английским и американо-германским коммерческим флотом.

Мы не будем останавливаться на последних главах книги, в которых автор дает новый и интереснейший материал относительно соперничества в области контроля над морскими кабелями и радио. И здесь новейшие достижения техники становятся об'ектом ожесточеннейшего соперничества между империалистами.

Перейдем к выводам, которые делает автор из всего своего анализа. Выводы эти хотя и весьма просты, но звучат весьма красноречиво:

> «Или, говорит автор, превосходство Америки будет признано Англией мирным путем, или это превосходство будет достигнуто в потоках крови... Мы были когда-то британской колонией. В свою очередь Великобритания, прежде

чем погибнуть, станет нашей колонией,—если не формально, то фактически... Если Великобритания будет достаточно глупа, чтобы вступить с нами в войну, она лишь погибнет скорее... Бот и все». (стр. 414).

Таким образом, начав свою книгу с указания на тот факт, что для избежания военных столкновений необходимо, чтобы народы Англии и Америки знали бы о существующих противоречиях, Денни кончает грозным призывом, обращенным к Англии, мирно подчиниться господству Соединенных Штатов.

Вся философия Денни проникнута той специфической психологией американской буржуазии периода «просперити», когда американский империализм считал, что экономические преимущества Соединенных Штатов над всем миром беспредельны, что богатство и мощь Соединенных Штатов будет увеличиваться все время, и, что Соединенным Штатам не грозят кризисы или депрессии, свойственные Европе. Как известно, этой теории «исключительности», кризис начавшийся осенью 1929 г., нанес непоправимый удар. Однако, этот кризис в Соединенных Штатах, которого не хочет замечать Денни, не только не снимает с порядка дня те противоречия, которые так талантливо описаны автором, но еще более углубляет их.

* * *

Борьба за рынки сбыта, за рынки приложения капитала, за морской и воздушный транспорт и т. д., за последние месяцы чрезвычайно обострилась. Лживые фразы, относительно англо-американской дружбы, которые произносились при подписании договора в Лондоне, 22 апреля 1930 г., никого обмануть не могут. Борьба между Соединенными Штатами и Англией, будет далить вооруженный конфликт благодаря капитуляции перед Соединенными продолжаться с неменьшей силой. Если Англии удалось теперь отШтатами в области морских вооружений, то это лишь на время отдаляет неизбежность столкновений между ними. Значение книги Денни лежит в том, что он сумел вскрыть и на ярком языке фактов показать основные элементы этих англо-американских противоречий.

А. КЛОВЕЛИ.

Троцкизм под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории.

(Брошюра П. Ташкарова и Н. Эльвова «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», изд. «Московский Рабочий» 1929 г.).

Троцкизм политически разоблачен в нашей партии и защита его взглядов несовместима с пребыванием в рядах партии. Поэтому довольно трудно отыскать работу с открытой защитой политического и теоретического арсенала троцкизма. Однако, это не исключает протаскивания отдельными членами партии троцкистских идей в практической и литературной работе.

Период, прошедший после XV партс'езда, является наглядным уроком проверки контрреволюционной сущности троцкизма. Разложение троцкистских рядов, вернее, их полный развал, массовые заявления лучших из троцкистов, еще не порвавших окончательно с пролетариатом, о своих политических ошибках и желании возвратиться в ряды партии, — все это свидетельствует о полном идейном и организационном разгроме троцкизма.

Наша партия всегда боролась со всеми проявлениями оппортунизма в теории и на практике. Современный этап нашего хозяйственного строительства и обострения классовой борьбы в стране требуют особенной бдительности в деле разоблачения всех разновидностей оппортунизма. Мы вступили в самый ответственный период строительства социализма в нашей стране. Под руководством пролетариата миллионные массы бедняцко-середняцких слоев крестьянства осуществляют переделку деревни на социалистический лад, меняют быстрым темпом общественную форму производства в сельском хозяйстве. Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации требует, с одной стороны, решительного разоблачения правооппортунистических элементов в партии, отражающих сопротивление кулачества строительству социализма и колебания мелкобуржуазных элементов в стране, с другой — рецидивов троцкизма с его антисередняцким уклоном и утверждением о «невозможности построения социалистического общества в отдельной стране, к тому же крайне отсталой». (Троцкий. «Открытое письмо»).

События последних месяцев — «головокружение от успехов», как их охарактеризовал т. Сталин, еще раз со всей остротой ставят проблему борьбы на два фронта — против правых оппортунистов и «левых» антисередняцких перегибов с особым ударением против правого уклона как главной опасности на данном этапе. Однако, необходимо помнить, что «левые» загибы в области колхозного строительства являются важнейшим препятствием успешного социалистического переустройства сельского хозяйства. «Дело в том,—отмечает т. Сталин в своем «Ответе товарищам колхозникам»,—что ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии».

Рецензируемая брошюра тт. Ташкарова и Эльвова «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма» является образцом того, как под прикрытием борьбы против искажения марксизма и ленинизма критикуется линия нашей партии в основных вопросах строительства социализма и протаскивается троцкистская идеология.

Непосредственным поводом к написанию рецензируемой книжки послужила задача критики ряда путанных уже отмеченных в нашей печати положений в брошюре т. Ксенофонтова «К вопросу об идейных и тактических основах большевизма». Тов. Ксенофонтов действительно наводняет литературный рынок своими «сочинениями» о ленинизме, однако, качество его работ показывает, что он больше пишет на эту тему, чем читает и изучает Ленина. Но критика ошибок Ксенофонтова — только повод для Ташкарова и Эльвова к писанию брошюры. Авторы выступили с защитой ряда троцкистско-зиновьевских положений, осужденных в свое время партией, по вопросу о построении социализма в нашей стране. Понятно, эту защиту оппозиционных идей они пытаются проделать в завуалированной форме.

Тт. Ташкаров и Эльвов не ограничились критикой ошибочных положений Ксенофонтова. В своем предисловии они хвастливо обещают дать в брошюре «разработку ряда вопросов, не получивших достаточного освещения в нашей партийной литературе» (стр. 3).

Какие же основные вопросы, мало разработанные в нашей литературе (по утверждению авторов), служат предметом их внимания?

Авторы брошюры выдвигают такие основные вопросы: 1) о законе неравномерного развития капитализма, 2) о победе социализма в одной стране. Кроме того, они довольно подробно остановились на проблеме диктатуры пролетариата и во всей работе пытались восстановить «действительное соотношение, существующее между марксизмом и ленинизмом» (стр. 19).

Как видит читатель, основные вопросы, поставленные авторами рецензируемой книжки, являются весьма актуальными — они вращаются в конечном итоге вокруг основной проблемы ленинизма, служившей предметом продолжительной дискуссии с троцкистской оппозицией: о возможности построения полного социалистического общества в СССР силами нашей страны без государственной помощи извне. Наша партия разобрала этот вопрос в свое время, опираясь на учение и прямые указания Ленина. Но тт. Ташкаров и Эльвов тащат нас назад к решенным вопросам. Свой троцкистский рецидив они выдают за научную разработку вопросов, не получивших «достаточного освещения в нашей партийной литературе».

В итоге своего «анализа» авторы утверждают, прикрываясь формальным согласием с тезисом партии о возможности победы социализма в одной стране, «что социализм как определенная социально-экономическая формация может осуществиться и одержать окончательную победу не в национальном, а только в мировом масштабе» (стр. 76; разрядка наша *Л. М.*). Ташкаров и Эльвов говорят не об отсутствии у нас гарантий от интервенций до победы пролетариата в других странах, но о невозможности построения социализма «как определенной социально-экономической формации». В крайнем случае тт. Ташкаров и Эльвов допускают победу социализма как «социально-экономической формации» в том случае, если это осуществится хотя бы «в масштабе наиболее цивилизованных европейских стран» (стр. 76).

Таков вывод наших «теоретиков» по вопросу о победе социализма в нашей стране на основе «тщательного» изучения ими проблемы и ссылок на труды Маркса, Энгельса и Ленина. Они пред'являют даже обвинение т. Ксенофонтову, утверждая, что он «все время по различным поводам прибегает к одной и той же формулировке: «победа социализма в одной стране», не раскрывая скобок, т. е. не говоря, в каком именно смысле он имеет в виду эту формулировку» (стр. 70). И чтобы помочь запутавшемуся т. Ксенофонтову стать на партийную линию (трогательная заботливость тт. Ташкарова и Эльвова), они «раскрывают скобки», раз'ясняя, как надо понимать тезис о возможности победы социализма в одной стране. «Научный» подход к проблеме позволил им, как уже видит читатель, скатиться... на теоретические и политические позиции троцкизма.

Как стоял вопрос о победе социализма в одной стране в дискуссии с троцкистско-зиновьевской оппозицией? В чем суть разногласий?

Троцкий, исходя из своих теоретических установок о невозможности построения социализма в одной стране, в 1922 г. в послесловии к брошюре «Программа мира» утверждал, что пролетарское государство, находясь в капиталистическом окружении, может бороться, чтобы отстоять себя в политическом и военном отношении, но оно не в состоянии сколько-нибудь серьезно заняться строительством социализма. Так, он писал: «Но, отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли». «Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр., — продолжает Троцкий, — являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках» (Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 92—93; разрядка наша. *Л. М.*). Отсюда следовал известный троцкистский тезис, «что подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Там же, стр. 93).

Тут, следовательно, идет речь о невозможности построения социалистического общества в нашей стране и о том, что мы и не подошли к созданию этого общества. Совершенно искажается сущность Октябрьской революции, ее социалистический характер. Торговые и пр переговоры с капиталистическими государствами (а ведь в 1930 г. мы ведем их в значительно большем масштабе, чем в 1922 г., когда Троцкий писал послесловие) являются, по Троцкому, «слишком ярким свидетельством» невозможности строительства социализма в капиталистическом окружении. Собственно к этому же по существу ведет тезис наших авторов—тт. Ташкарова и Эльвова,—что как социально-экономическая формация социализм может победить только в мировом масштабе.

По Троцкому, на политические и теоретические позиции которого стали авторы рецензируемой брошюры, в рамках нашей страны не может быть даже речи о подлинном социалистическом под'еме до победы пролетариата крупнейших капиталистических стран. Пока что нам суждено (таков логический вывод из тезиса Троцкого) двигаться черепашьим шагом. Если троцкисты утверждали о невозможности подлинного социалистического под'ема без государственной помощи победивших пролетариев в странах Запада, то правые оппортунисты, исходя из других теоретических позиций, стояли впоследствии за черепашьи темпы индустриализации. Жизнью жестоко биты правооппортунистические утверждения о непосильности взятых темпов социалистической индустриализации и троцкистские— о невозможности у нас подлинного социалистического под'ема до победы пролетариата в странах Запада.

Пролетариат СССР под руководством нашей партии развернул темпы индустриализации, невиданные в истории капиталистических государств, и фактически осуществляет боевой лозунг партии «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Размеры капитальных вложений в промышленность за первый и второй год пятилетки являются проверкой выполнения темпов индустриализации, намеченных партией. Лишь на-днях опубликовано решение повысить в текущем хозяйственном году размеры капитальных вложений в промышленность с 3.583.8 млн. руб. до 3.923 млн. руб. (см. «Правда» от 2/IV—30 г., № 92). Выполнение таких темпов социалистического строительства свидетельствует о подлинном социалистическом под'еме.

Как известно, зиновьевская оппозиция, сформировавшаяся первоначально на базе требования немедленных крайних мер в отношении Троцкого, вскоре беспринципно перешла на его теоретические и политические позиции. В частности тт. Зиновьев и Каменев защищали на заседании Политбюро в 1925 г. точку зрения, что отсталость нашей страны в технико-экономическом отношении создает непреодолимые трудности в деле построения социализма в СССР и что нас может спасти только международная революция. В книге «Ленинизм» тов. Г. Зиновьев на десятках страниц обосновывает троцкистско-меньшевистский тезис о невозможности построения в СССР социализма без победы пролетариата хотя бы в ряде решающих капиталистических стран. То же повторил он на XV партконференции, исходя из тезиса, что у нас нет всего необходимого для построения социалистического строя. Тезис Троцкого о «невозможности изолированного социалистического строительства» повторяется в различных вариантах всеми участниками троцкистско--зиновьевского блока. К XV партс'езду децисты в своей платформе писали: «Спор идет не о гибели, а о том, сможем ли мы без помощи более передовых стран перейти к социалистической организации производства». (Разрядка наша. *Л. М.*). Эту же мысль выразили тт. Ташкаров и Эльвов в своем утверждении, что «социализм, как определенная социально-экономическая формация может осуществиться... только в мировом масштабе» (стр. 76).

Оппортунистическая сущность этой теории по основному вопросу о характере Октябрьской революции была вскрыта нашей партией. Тов. Сталин в своей речи на XV партконференции показал всю несостоятельность теоретических позиций троцкистско-зиновьевского блока и капитуляцию троцкистов перед трудностями социалистического строительства. Он доказал, что оппозиция смешивает вопрос о возможности построения полного социалистического общества собственными силами нашей страны с вопросом о гарантии от интервенции. Пролетариат СССР под руководством нашей партии в состоянии перестроить мелко-товарное крестьянское хозяйство на социалистический лад и ликвидировать капиталистические элементы города и деревни. Истекшие годы подлинного под'ема социалистического строительства служат этому лучшей проверкой. Но у нас нет и не может быть гарантий от интервенции, о чем Ленин неоднократно предупреждал партию. Отсюда вывод т. Сталина на партконференции: «Партия всегда исходила из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, при чем эта задача может быть разрешена силами одной страны, полная же победа социализма есть гарантия от интервенций и реставрации, при чем эта задача может быть разрешена лишь при условии победы революции в нескольких странах» (стр. 737—738, разрядка наша *Л. М.)*.

Наши авторы—тт. Ташкаров и Эльвов,—взявшиеся поправлять ошибки Ксенофонтова, раз'яснить ему «Принципы коммунизма» Энгельса («основной недостаток Ксенофонтова, — пишут авторы, — заключается в том, что он совершенно не понимает исторического значения «Принципов коммунизма» как документа», стр. 80), целиком стали на троцкистско-зиновьевские позиции, договорившись, как мы видели выше, до того, что как социально-экономическая формация социализм может быть построен только в международном масштабе. Иначе говоря, что собственными силами нашей страны мы не в состоянии довести до победоносного конца социалистический переворот в общественно-экономических отношениях.

Поистине надо быть троцкистом или безнадежным путаником, оторванным к тому же от нашей конкретной действительности, чтобы выступить с подобными «теориями» в период бурного под'ема социалистического строительства в городе и деревне, сознательно осуществляемого, несмотря на все трудности, миллионами трудящихся. Лозунг партии — «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении — непосредственно направлен против троцкистов с их неверием в возможность построения социализма в нашей стране и против правых в вопросе о темпе индустриализации. Он ударяет также по троцкистскому рецидиву тт. Ташкарова и Эльвова, утверждающих, что, как социально-экономическая формация, социализм не может быть построен в нашей стране, так как для этого требуются усилия по крайней мере «наиболее цивилизоанных европейских стран» (стр. 76). Что же, тт. Ташкаров и Эльвов, может быть построено, если без прямой помощи победившего пролетариата Европы нельзя переделать социально-экономической формации СССР?! Что же тогда остается от ленинской теории о возможности построения социализма в одной стране, в том числе от ленинского кооперативного плана?!

Установка авторов рецензируемой книги не может иметь иного смысла, что мы без помощи победившего пролетариата Запада не в состоянии осуществить переделку мелкого крестьянского хозяйства на социалистический лад. Более откровенно эту мысль высказал Троцкий в своей последней статье. «Перспектива пролетарской революции в Европе, — пишет он, — есть никак не меньшая реальность, чем перспектива коллективизации русских крестьян. Вернее сказать, реальностью эта вторая перспектива становится только в сочетании с первой». («Пятилетка и мировая безработица»). Иначе говоря, коллективизация с. х. в СССР возможна только в сочетании с пролетарской революцией на Западе. Нечего еще доказывать, что подобная теория не имеет ничего общего с ленинизмом и политикой нашей партии. Преодолевая все трудности, искривления и «левые» заскоки отдельных местных партийных организаций в деле коллективизации с. х., ведя с искривлениями и заскоками беспощадную борьбу, разоблачая установку правых оппортунистов в деле коллективизации с. х., — наша партия будет успешно продолжать наступление по изменению общественной формы производства в деревне и его технической реконструкции. Однако, только решительное устранение антисередняцких перегибов и признание допущенных ошибок являются необходимым условием дальнейшего успешного наступления по социалистическому переустройству с. х. Противоречие между общественной формой производства в городе и на селе будет в основном ликвидировано в намеченные партией сроки. Деревня на основе политики ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации будет переделана на социалистический лад.

Троцкистские выводы авторов рецензируемой книги по вопросу о построении социализма в нашей стране вытекают из их антиленинского понимания закона неравномерного развития капитализма. Как известно, именно из закона неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма Ленин делал вывод о возможности построения социализма в одной стране. Полемизируя с Троцким по поводу его лозунга Соединенные Штаты Европы, он утверждал, что при империализме с точки зрения экономической этот лозунг либо невозможен, либо реакционен. Точно так же Ленин доказывал ошибочность лозунга Соединенные Штаты мира. «Он мог бы породить, — указывает Ленин, — неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным» (т. XIII, стр. 133, разрядка наша).

Далее там же Ленин пишет: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (стр. 133).

В отличие от домонополистического капитализма в период империализма неравномерность экономического развития капитализма чрезвычайно обострилась: она, по выражению т. Сталина, «превратилась в решающую силу империалистического развития». С другой стороны, неизбежные войны и конфликты между империалистическими хищниками за передел мира способствуют еще большему обострению противоречий капитализма и ослабляют фронт империализма. «Но неравномерности экономического и политического развития, — говорит т. Сталин в заключительном слове на XV партконференции, — несравненно больше, чем прежде, и проявляется она острее, чем раньше, при чем неравномерность эта ведет обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведет к тому, что отставшие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперед страны, что не может не создавать, таким образом, предпосылок для грандиозных империалистических войн и возможности победы социализма в одной стране». (Стенограмма XV партконференции, стр 727). Именно отсюда из особенностей неравномерного развития капитализма в период империализма Ленин делает вывод о возможности победы социализма в одной стране, т.-е. возможности построения полного социалистического общества силами нашей страны. Иначе говоря, при империализме «закон неравномерного развития, открытый Лениным, превратился в исходный пункт теории о победе социализма в отдельных странах». (Сталин, там же, стр 431). По утверждению же тт. Ташкарова и Эльвова, «эпоха империализма и пролетарская революция не внесла в этот вопрос ничего принципиально нового» (стр. 117, разрядка наша. *Л. М.*). Совершенно очевидно, что тт. Ташкаров и Эльвов повторяют здесь троцкистские зады.

На XV партконференции т. Зиновьев, пытаясь обосновать тезис о невозможности построения социализма в СССР, вынужден был отказаться от ленинского толкования закона неравномерного развития капитализма. Полемизируя с т. Сталиным, он стал утверждать: «Неверно, что неравномерность капиталистического развития до начала империалистической эпохи была меньше» (стр. 573). В этом своем выступлении т. Зиновьев повторил оппортунистическое утверждение Троцкого на этой же партконференции, что в домонополистический капитализм неравномерность развития была больше, чем в период империализма[1]).На языке тт. Ташкарова и Эльвова эта же мысль выражена утверждением, что эпоха империлизма «не внесла в этот вопрос ничего принципиально нового».

По поводу такой апологетики новейшего капитализма Ленин в своей работе «Империализм как новейший этап капитализма» писал: «Разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их» (т. XIII, стр 310). Ленин говорит здесь, что при господстве финансового капитала неравномерности внутри мирового капитализма усиливаются, а не ослабляются.

И несмотря на прямое высказывание Ленина, подтвержденное конкретной действительностью послевоенного капитализма (достаточно проследить хотя бы развитие англо-американского соперничества, пришедшего на смену англо-германскому), наши авторы—тт. Ташкаров и Эльвов—не находят никакой разницы в «эпохах» при решении проблемы о возможности победы социализма в одной стране. Они исходят не из конкретного капитализма, а принципов, «которые являются общезначимыми, неизменными и абсолютно верными в любой исторически конкретной обстановке» (Стр. 72; разрядка наша *Л. М.*) Поэтому они резко обрушиваются на тех товарищей, которые считают, что «ленинизм внес что-то принципиально новое по сравнению с марксизмом» (стр 129) Вслед за т. Зиновьевым и Троцким они в целом ряде мест своей книги отождествляют неравномерность развития в эпоху промышленного капитализма и империализма. «Разница в эпохах, — пишут наши горе-теоретики, — выражается здесь лишь в больших или меньших трудностях в развитии пролетарской революции в одной стране, но отнюдь не в принципиальном различии постановки вопроса» (стр. 162).

Неудивительно после этого, что тт. Ташкаров и Эльвов преподносят нам троцкистскую постановку вопроса о построении социализма в нашей стране, квалифицированную партией как социал-демократический уклон. Наши «теоретики», пытаясь восстановить «действительное соотношение, существующее между марксизмом и ленинизмом», восприняли целиком меньшевистско-троцкистскую трактовку проблемы неравномерного развития капитализма. Они механически подходят к проблеме неравномерного развития капитализма, не видят особенностей эпох Маркса-Энгельса (промышленный капитализм) и Ленина (империализм), а равно и вытекающих из этого качественно новых моментов в неравномерности развития капитализма. Поэтому они отрицают разницу в постановке вопроса о построения социализма в одной стране у Ленина и Маркса-Энгельса, не понимая, «что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях домонополистического капитализма неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране в условиях империализма». (XV партконференция. Сталин, стр. 721). Они ведут скрытую полемику против решений нашей партии о построении социализма и высказываний тов. Сталина. «Свое собственное теоретическое невежество», выражаясь языком авторов по адресу Ксенофонтова, в разрешении проблем неравномерного развития капитализма и построения полного социалистического общества в нашей стране, тт. Ташкаров и Эльвов пытаются выдать за марксистско-ленинскую трактовку вопроса. Нечего доказывать, что подобная идеологическая установка не может способствовать ни строительству социализма в нашей стране, ни развитию международного рабочего движения, единственно которое может разрешить противоречия между «страной социализма и странами капитализма» (Сталин).

Не повезло нашим авторам в попытках исправления ошибок т. Ксенофонтова, который «ставит на голову действительное соотношение, существующее между марксизмом и ленинизмом» (стр. 19). Тт. Ташкаров и Эльвов стали так рьяно устанавливать «действительное соотношение», что, не видя разницы в «эпохах» и неравномерности развития в период домонополистического капитализма и империализма, они отождествили постановку вопроса о построении социализма в одной стране у Ленина, с одной стороны, и Маркса-Энгельса, с другой. Они в своем смазывании роли Ленина в марксизме дошли до того, что стали утверждать, будто с действительными основами большевизма можно знакомиться только по работам Маркса-Энгельса, об'ективно противопоставляя их Ленину. «Ксенофонтов культивирует,—пишут они,—нежелание изучать и знакомиться с действительными основами «большевизма», основами, коренящимися в работах Маркса-Энгельса» (стр. 17). По Ленину, очевидно, нельзя изучать действительные основы большевизма—таков смысл постановки вопроса у тт. Ташкарова и Эльвова.

Не мало путаницы у авторов при «разработке» вопросов теории диктатуры пролетариата, которым тт. Ташкаров и Эльвов уделяют значительное внимание, пытаясь «помочь» т. Ксенофонтову. В ряде мест они подчеркивают, что «диктатуру рабочего класса осуществляет не весь рабочий класс, не поголовная организация его, а лишь его авангард» (стр. 35). Или дальше: «ее (диктатуру пролетариата. *Л. М.*) осуществляет авангард того класса (пролетариата), который находится в этом союзе, а не весь класс» (стр. 36). Совершенно верно, что наша партия, являясь авангардом рабочего класса, осуществляет диктатуру пролетариата. Но авторам надо было показать, что нельзя ставить знака равенства между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии. «Кто отождествляет, — пишет т. Сталин, — руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает советы, государственную власть — партией». («Вопросы ленинизма», стр. 31). Этого они не сделали, оставив без критики зиновьевскую постановку вопроса, сводящуюся к утверждению, что диктатура пролетариата есть диктатура партии.

---

[1]) «Капитализм, — заявил Троцкий, — несомненно, крайне неравномерно развивается и сейчас во всех странах, но в XIX столетии эта неравномерность была больше, чем в XX» (Стенограмма, стр 524).

Теоретические и политические ошибки авторов рецензируемой книги не случайны. Последующий ряд статей одного из соавторов—т. Ташкарова (мы имеем в виду его статью в «Спутнике Коммуниста» № 24 (105) и предисловие к книге «Ленин о колхозе и борьбе с кулаком») также характерен защитой давно осужденных партией троцкистских установок в вопросах хозяйственной политики

По адресу т. Ксенофонтова авторы написали: «Вы настолько запутались в лабиринте собственного невежества и верхоглядства, что нельзя не посочувствовать вам в этом» (стр. 93). Нам остается предупредить тт. Ташкарова и Эльвова, что это обращение применимо к ним не в меньшей мере, чем к т. Ксенофонтову. Авторам следовало бы (так же как и т. Ксенофонтову) прежде, чем писать «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», побольше изучать труды Маркса-Энгельса, Ленина и Сталина. Это помогло бы им очиститься от рецидивов троцкизма, так ярко выраженных в рецензируемой работе. Борьба на два фронта требует четкой, непримиримой борьбы с правой опасностью как главной и с троцкистскими и полутроцкистскими настроениями в какой бы завуалированной форме они ни подносились. Совершенно очевидно, что авторы рецензируемой книги этого «экзамена» не выдержали.

Л. МЕХЛИС.

ПОПРАВКА.

В № 7—8 на стр. 106 8-я строка снизу, в примечании опущены следующие слова, пропуск которых извратил смысл примечания. В примечании после слов: «Больше того, как я критиковал положение тов. Бухарина» должно следовать: «что нынешний этап характеризуется как антикулацкая революция и в противовес тов. Бухарину утверждал...». Вся эта часть фразы выпала из набора и потому смысл примечания получился совершенно извращенным.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54785. Москва. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

31 МАЯ 10

1 9 3 0
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Теоретические и политические ошибки авторов рецензируемой книги не случайны. Последующий ряд статей одного из соавторов—т. Ташкарова (мы имеем в виду его статью в «Спутнике Коммуниста» № 24 (105) и предисловие к книге «Ленин о колхозе и борьбе с кулаком») также характерен защитой давно осужденных партией троцкистских установок в вопросах хозяйственной политики.

По адресу т. Ксенофонтова авторы написали: «Вы настолько запутались в лабиринте собственного невежества и верхоглядства, что нельзя не посочувствовать вам в этом» (стр. 93). Нам остается предупредить тт. Ташкарова и Эльвова, что это обращение применимо к ним не в меньшей мере, чем к т. Ксенофонтову. Авторам следовало бы (так же как и т. Ксенофонтову) прежде, чем писать «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», побольше изучать труды Маркса-Энгельса, Ленина и Сталина. Это помогло бы им очиститься от рецидивов троцкизма, так ярко выраженных в рецензируемой работе. Борьба на два фронта требует четкой, непримиримой борьбы с правой опасностью как главной и с троцкистскими и полутроцкистскими настроениями в какой бы завуалированной форме они ни подносились. Совершенно очевидно, что авторы рецензируемой книги этого «экзамена» не выдержали.

Л. МЕХЛИС.

ПОПРАВКА.

В № 7—8 на стр. 106 8-я строка снизу, в примечании опущены следующие слова, пропуск которых извратил смысл примечания. В примечании после слов: «Больше того, как я критиковал положение тов. Бухарина» должно следовать: «что нынешний этап характеризуется как антикулацкая революция и в противовес тов. Бухарину утверждал...». Вся эта часть фразы выпала из набора и потому смысл примечания получился совершенно извращенным.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54785. Москва. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

31 МАЯ 10

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ГОСИЗДАТ РСФСР
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ВОСТОКА

КИТАЙ
Труды научно-исследоват. ин-та по Китаю при У-те трудящихся Китая.

Л. МАДЬЯР
ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЕ
1928. Стр. XXX+312. Ц. 4 р. 50 к.

Б. ШТЕЙН
ОЧЕРКИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В КИТАЕ
Предисловие Г. Я. Сокольникова. 1926. Стр. 250. Ц. 4 р. 25 к.

КАНТОНСКАЯ КОММУНА
Сборник статей и материалов. 1929. Стр. 320. Цена 4 р.

А. БАКУЛИН
ЗАПИСКИ ОБ УХАНЬСКОМ ПЕРИОДЕ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Из истории Китайской революции 1926—27 г. г. 1930. Стр. 288. Ц. 2 р. 50 к.

Г. САФАРОВ
КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КИТАЕ
1928. Стр. 262. Ц. 4 р.

Н. КОСТАРЕВ
МОИ КИТАЙСКИЕ ДНЕВНИКИ
1929. Изд. 2-е. Стр. 290. Ц. 1 р. 45 к.

АЛЛЕН ГЕНРИ
ЗАПИСКИ ВОЛОНТЕРА
Гражданская война в Китае. 1927. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

В. САВВИН
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ И СССР С КИТАЕМ
1930. Стр. 152. Ц. в пер. 1 р. 50 к.

ИНДИЯ
Г. БРЕФТОН
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ В ИНДИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Перев. с англ. А. Штуссера и А. Гудера. С предислов. М. Павловича. 1925. Стр. 176. Ц. 80 к.

Ф. ДИНГЕЛЬШТЕДТ
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИНДИИ
(Международн. аграрный институт) 1928. Стр. 142. Ц. 1 р. 50 к.

АБОНИ МУХАРДЖИ
АНГЛИЯ И ИНДИЯ
1926. Стр. 367. Ц. 3 р. 25 к.

ФУРТВЕНГЛЕР
ТРУДЯЩАЯСЯ ИНДИЯ
Печ.

Р. ДАТТ
ВОПРОСЫ ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Перев. с англ. Под ред. П. А. Тевеля. 1927. Стр. 181. Ц. 1 р. 20 к.

ШТУССЕР
МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ИНДИИ
Печ.

ИНДОНЕЗИЯ
С. ДИНГЛИ
БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА ИНДОНЕЗИИ
Перев. с франц. рукописи В. Д. Устиновича. 1927. Стр. 112. Ц. 90 к.

Ж. ЛЕФЕВР
ЭПОПЕЯ КАУЧУКА
1926. Стр. 238. Ц. 1 р. 50 к.

ЯПОНИЯ
Проф. А. Н. ПЕТРОВ
ЯПОНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ
История, быт и борьба. 1927. Стр. 189. Ц. 1 р. 75 к.

ТАНИ ГОМНЭЙ
КРЕСТЬЯНСТВО И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЯПОНИИ
1928. Стр. 110. Ц. 90 к.

О. ГЛЕТНЕР
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЯПОНИИ
Эко-омич. исследования и материалы. 1928. Стр. 246+1 карта. Ц. 3 р. 00 к.

Г. ГАСТОВ
ЯПОНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
Политико-экономич. очерк. „Моск. Рабоч.". 1930. Стр. 144. Ц. 1 р. 30 к.

АФРИКА
ЮГ
ИМПЕРИАЛИЗМ НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ
(Мировая политика). Под ред. Е. Пашуканиса и П. Виноградова. „Моск. Раб.". 1929. Стр. 128. Ц. 1 р.

ГЮИ ДЮВАЛЬ
ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В КОЛОНИЯХ
(Мировая политика). „Моск. Рабоч.". 1929. Стр. 128. Ц. 1 р.

РОТШТЕЙН
ЗАХВАТ И ЗАКАБАЛЕНИЕ ЕГИПТА
1925. Стр. 308. Ц. 30 к.

П. ДАРМШТЕТТЕР
ИСТОРИЯ РАЗДЕЛА АФРИКИ
(1870—1919 г.г.) 1925. Стр. 179. Ц. 40 к.

БРИТАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ
(Конис. Экономич. исследований Британской рабочей партии). 1927. Стр. 100. Ц. 45 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в сектор книгораспространения Госиздата—Москва, ГСП, 1, Богоявленский пер., 4, и во все отделения и магазины ГИЗ.
МОСКВА, 64, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ" высылает книги наложенным платежом. При высылке стоимости заказа вперед ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)
Год издания VII
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 13.
Тел [illegible]

№ 10 — 31 МАЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. На великом переломе. **Островский**, М. Машиностроение СССР (стр. 10). **Рафаил**, М. Профсоюзы в эпоху социалистической реконструкции (стр. 20). **Варейкис**, И. Задачи организации и укрепления колхозов (стр. 36). **Каценеленбоген**, М. Новый этап социалистического строительства и работа среди бедноты (стр. 46). **Стрельцов**, Г. и **Шлихтер**, Арт. К вопросу об электрификации сельск. хозяйства (стр. 61). **Ужанский**, С. Тракторизация. (Американские впечатления в свете наших задач по социалистической реконструкции с. х.) (стр. 75). **Рагольский**, М. Против нового извращения марксовой теории накопления. (окончание, стр. 88). **Миф**, П. Кризис китайской реакции и новый революционный под'ем (стр. 102). ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ **Ленин**. План полит. отчета ЦК на XI с'езде ВКП(б) (стр. 115). **Борилин**, Б. О плане доклада Ленина на XI с'езде ВКП(б) (стр. 118). **Ленин**. Заметки и выписки из произведений Маркса и Энгельса о государстве (стр. 121). **Адоратский**, В. О ленинских выписках к вопросу о государстве (стр. 127). ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ. **Крумин**, Г. Новый этап (стр. 131). **Борилин**, Б. Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа (стр. 146). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. **Сомс**, К. Теория аграрной революции, по т. Крицману. (По поводу книги Л. Крицмана «Пролетарская революция в деревне») (стр 167). **Шапурин**, С. Н. Устрялов «На новом этапе» (стр. 179). КОНСУЛЬТАЦИЯ **Константинов**, Н. О социально-экономической природе колхозов (стр.185).

На великом переломе.

Мы подходим к XVI с'езду ВКП(б) с величайшим переломом в развитии крестьянского хозяйства. «**В колхозы пошел середняк**» (Сталин—«Год великого перелома»). Весной 1930 г. в решающих зерновых районах страны 40—50% крестьянских хозяйств состоит в колхозах. Весной 1930 года колхозы СССР поднимают 30—35 миллионов га против 20 миллионов га, намечавшихся пятилеткой на весну 1933 г.

«Если конфискация земли у помещиков была **первым** шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является **вторым** и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР». (Тезисы к докладу тов. Яковлева).

Это—то **решающее** новое, с чем партия и страна идут к XVI с'езду.

«Всемирно-историческое значение происшедшего перелома в развитии СССР заключается в том, что значительная часть **середняцкой массы** в важнейших зерновых районах... **повернула** на социалистический путь. Тем самым не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата **непосредственного перехода** от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству». (Тезисы к докладу тов. Яковлева).

История человечества знала до Октябрьской революции лишь один путь к крупному производству. Начав с простого об'единения труда экспроприированных мелких производителей, через мануфактуру и фабрику, капиталистическое общество развивалось к более высокому уровню производительности труда ценой безжалостного разорения и гибели миллионов самостоятельных производителей.

Весна 1930 г. подводит итог первым достижениям и успехам на новом социалистическом пути обобществления труда мелких производителей.

Развитие сельского хозяйства в СССР и в САСШ представляет яркое различие этих двух путей.

В САСШ огромный рост числа тракторов (1918—18.000, 1929—853.000) и рост сельскохозяйственной продукции сопровождается резким ухудшением положения всей массы мелких и средних фермеров. За 1920—27 гг. из 7 млн. фермеров разорились и совершенно бросили хозяйство почти 1 миллион. Сделавшиеся излишними массы сельскохозяйственных рабочих умножили ряды застойной безработицы. Таков капиталистический путь укрупнения сельского хозяйства в богатейшей из буржуазных стран.

В СССР только первый шаг крупного коллективного производства, основанного пока по преимуществу на сложении крестьянского инвентаря при сравнительно небольшом числе тракторов (около 70 тыс.), при недостатке у колхозных масс навыков совместной работы, — уже позволяет переходить на более высокую ступень производительности труда, приступить к под'ему жизненного уровня масс и к коренному устранению застарелого зла отсталой деревни—аграрного перенаселения.

Всемирно-историческое значение коллективизации также в том, что начало разрешаться одно из основных противоречий переходного периода в СССР· «Нельзя без конца, т.-е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть на двух разных основах, на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства». (Сталин). Быстрый рост социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве—развитие колхозов и совхозов — кладет начало уничтожению противоположности между городом и деревней, подведению твердой сырьевой и продовольственной базы под социалистическую индустрию, создает крепкую опору диктатуры пролетариата на селе.

Путь социалистической переделки мелкого производства после пролетарской революции, намеченный еще Марксом и Энгельсом и развернутый и обоснованный Лениным, ныне практически осуществляется борьбой миллионов. Этого не изменяют большие ошибки ряда работников и партийных организаций.

Взаимоотношения с мелкой буржуазией составляют одну из центральных проблем пролетарской диктатуры. Социалистическая переделка мелкого товаропроизводителя означает уничтожение последнего капиталистического класса, уничтожение той базы, которая ежечасно рождает капитализм. Коллективизация является путем радикального разрешения основной классовой проблемы переходного периода после того, как пролетарская революция экспроприировала и подавила класс крупных капиталистов и землевладельцев.

Особенность новой полосы, характеризующей обстановку к XVI с'езду, заключается в том, что происходит быстрое изменение соотношения укладов в хозяйстве СССР. В районах сплошной коллективизации, там, где капиталистический

сектор был наиболее силен и давал значительную часть товарного хлеба (до 30%), колхозы и совхозы быстро замещают капиталистический сектор в сельском хозяйстве. Падает значение мелкого единоличного производства. Социалистическое переустройство начинает (но только начинает) снимать тезис о преобладании мелкого крестьянского хозяйства. Если взять всю страну в целом, оно — мелкое хозяйство — еще численно преобладает. Но в основных зерновых районах оно уже после весны 1930 года не может считаться преобладающим ни по численности охватываемого населения, ни, особенно, по удельному весу в производстве. Если пятилетка намечала для 1932—33 года на долю социалистического сектора 39% товарного хлеба, то фактически уже осенью 1930 года эта доля социалистического сектора будет равняться не менее 50% по всей стране, составляя в зерновых районах подавляющую массу.

Новая обстановка вносит новое и в политику партии в деревне.

Лозунг борьбы с кулаком путем его ограничения сменяется, на основе развертывания сплошной коллективизации ряда районов СССР, новым лозунгом: ликвидация кулачества как класса. Это теперь главный лозунг политики партии в отношении кулачества для всей страны, хотя в районах, где еще нет сплошной коллективизации, и применяется пока политика ограничения и вытеснения — в качестве лозунга подсобного, вспомогательного к главному лозунгу; тем самым подготовляются условия для практического осуществления лозунга ликвидации кулачества как класса во всей стране.

По-новому ставится и вопрос об опоре пролетариата в деревне. В важнейших зерновых районах действительной и прочной опорой советской власти является отныне масса колхозников. Это не значит, что для деревни СССР в целом может быть снят лозунг опоры на бедноту. Отнюдь нет. В деревне мы продолжаем опираться на бедноту, организуя ее как авангард социалистической перестройки оставшейся еще пока неколлективизированной части деревни.

Из того, что в важнейших зерновых районах советская власть опирается на колхозников, вчерашних единоличников—бедняков и середняков,—совсем не следует, что уже стерлись различия между бедняками и середняками внутри колхозов. Такой взгляд был бы вредным упрощением, тем более, что у колхозников сохраняется еще частная собственность на второстепенные средства производства. Наивно полагать, что внутри колхозов, даже после первого сева, всякие колебания и всякие элементы классовой борьбы уже исключены. «Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются еще пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется еще некоторое неравенство». Разумеется, при этом, «только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и между классовой борьбой вне колхозов». (Сталин). Именно потому-то работа с беднотой в колхозах, простейших об'единениях и с.-х. артелях,— огромная и серьезная задача. Работа групп бедноты в первичных формах производственных об'единений должна быть решительно улучшена и усилена, поскольку эта работа есть важнейшее условие перехода простейших об'единений на высшую ступень коллективизации.

Но бедняк и середняк перешли в колхозах к общественной собственности на основные средства производства, они находятся внутри колхозов в условиях развивающихся и крепнущих социалистических производственных отношений. Поэтому, хотя сегодня некоторые различия внутри колхозов еще сохранились, вся масса колхозников является нашей прочной опорой. Таким образом, колхозное движение расширяет и укрепляет опору пролетарской диктатуры в деревне, превращая в районах сплошной коллективизации массы колхозников в основную опору.

Все это ни в коем случае не снимает лозунга союза с середняком. «Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному может осуществляться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняков к колхозному руководству»,— тезисы к докладу тов. Яковлева правильно видят в союзе с середняком одно из решающих условий социалистической перестройки сельского хозяйства.

Весна 1930 года является лишь первым этапом в деле социалистической перестройки деревни. Предстоит еще решить огромную задачу организации в колхозы остальной массы единоличников.

Даже в районах сплошной коллективизации, где еще осталась некоторая часть единоличных хозяйств, и особенно во всех остальных районах, где единоличник все еще преобладает, — задача помощи единоличному хозяйству, развитие всех форм кооперации, в том числе первичных производственных об'единений составляет одну из важнейших задач работы. Но в отличие от предыдущего периода нэпа вся эта работа ныне непосредственно подводит бедняков и середняков — единоличников к массовому переходу на колхозный путь.

Самим колхозам предстоит еще целая историческая полоса упорной работы, чтобы превратиться в предприятия последовательно-социалистического типа.

Впереди еще трудные и огромные задачи. Но уже теперь в отличие от предыдущего периода решающее звено в развитии сельского хозяйства фактически переместилось к колхозам и совхозам.

XVI с'езд подводит итог первым двум годам пятилетки. Он собирается на таком рубеже, когда и в развитии промышленности начинается новая, хотя и не столь резко ограниченная, как в сельском хозяйстве, полоса развития.

Прежде всего тот факт, что с 1,6 млрд. руб. капитальных вложений в 1928—29 г., мы перешли к 4 миллиардам в настоящем году и намечаем по предварительным подсчетам перевалить за 5 миллиардов в следующем году, — уже это переводит нас на новую ступень и дает масштабы и темпы, неизвестные в первые годы реконструкции. Мы превысили в 2,5 раза размер основных фондов промышленности, имеющихся к концу восстановительного периода (более 6 млрд. руб. в конце 1925 и более 16 млрд. руб. в 1930 г.). Мы достигаем и в ряде пунктов превышаем цифры ежегодных промышленных вложений самых передовых стран Европы, а кое в чем и САСШ.

Начинают вступать в производство гиганты индустриализации. Открыт Турксиб. В дни XVI с'езда страна увидит первый трактор Сталинградского завода. В предстоящие два года вступит в строй Днепровская станция, гиганты металлургии — Магнитогорский и Кузнецкий заводы, ряд крупнейших машиностроительных заводов и химических комбинатов и т. д. Предстоящий после с'езда хозяйственный год является последним перегоном в выполнении плана Гоэлро.

Достижения двух первых лет пятилетки обеспечивают для отраслей, непосредственно производящих средства производства, высокие темпы, необычайные для нашей страны, и делают реальным выполнение пятилетки в три года по каменному углю, нефти, общему машиностроению, сельскохозяйственному машиностроению и строительным материалам.

Эти достижения последних лет являются основой дальнейшего роста материального и культурного уровня рабочего класса.

Достигнутый размах в развитии индустрии подводит к постановке в качестве очередной задачи создания второй Урало-Сибирской угольно-металлургической базы. В три предстоящих года пятилетки должна быть заложена основа и даны общие контуры этой новой базы.

В предыдущий период «мы создали предпосылки для превращения нашей страны в страну металлическую» (Сталин). XVI с'езду в его решениях предстоит поднять дело индустриализации на новую ступень, когда еще быстрее пойдет превращение СССР «из страны отсталой, страны аграрной в страну передовую, страну крупной индустрии» (тезисы к докладу тов. Куйбышева).

Последние два года являются огромным шагом вперед страны диктатуры пролетариата в выполнении задачи достичь полной экономической независимости от капиталистических стран.

Мы твердо и быстрыми темпами строим фундамент социалистической экономики. Мы вступили, рассматривая вопрос в исторических масштабах, в решающую фазу выполнения этой задачи.

Каждый новый месяц стройки приводит практическое свидетельство глубочайшей правильности линии партии, победоносно осуществляющей ленинское положение о возможности социалистического строительства в СССР. Вопреки «прорицаниям» троцкистов о термидоре, панике и капитулянтству правых перед кулаком, трудностям капиталистического окружения, надеждам мировой буржуазии и II Интернационала — вопреки всему этому растет и крепнет страна социализма.

Новая полоса связана с нарастанием огромного под'ема и появлением новых процессов в широких массах рабочего класса.

Нынешний этап характеризуется массовым переходом к «новым, социалистическим формам организации труда — социалистическому соревнованию и ударничеству, открывающим новую эпоху в социалистическом строительстве» (тез. т. Куйбышева).

Развиваются и крепнут «ростки коммунистического труда — ударные бригады». «Все большее и большее исполнение различных государственных и общественных обязанностей рабочими от производства по окончании производственной работы,—шефство над госучреждениями, бригады, добровольчество становится серьезным фактором в борьбе с бюрократическими извращениями государственного и хозяйственного аппарата» (тезисы тов. Шверника).

Рабочий класс выделил первый большой отряд на помощь перестраивающейся деревне — «25 тысяч».

За период между с'ездами вошло в партию около 750.000 новых членов, из них не менее 75 проц. рабочих с производства.

Новая полоса потребовала коренной перестройки и методов работы всех организаций, в первую голову профсоюзов. Основным звеном при этом является соцсоревнование и ударничество. Центр тяжести работы профсоюзов переносится в первичные звенья.

Вырабатываются новые методы борьбы с бюрократизмом. Начинается важнейший процесс в развитии пролетарского государства — стирание граней между работниками аппарата управления и работниками производства, попеременное выполнение обеих функций. Новый слой людей с производства выдвигается на государственную работу.

750-ти тысячный приток в партию рабочих с производства — свидетельство величайшей силы партии, одобрение ее политики рабочим классом.

Всякий раз, когда встают новые задачи, когда нужны новые силы для их разрешения, партия обращается к рабочим массам, идет туда, где лежат самые глубокие корни диктатуры. Каждая трудность всегда «выдвигает новые силы, порождает новые источники энергии, указывает новые пути» (Ленин). Сотни тысяч новых членов партии из рабочих с производства — огромный резерв для успешного разрешения проблемы кадров и для лучшего приспособления всех форм и методов партийной работы, партийного руководства к условиям новой полосы социалистического строительства.

Вместе с тем, переход на новую ступень в деле социалистического строительства неизбежно связан с обострением классовой борьбы и рядом новых трудностей роста.

Все усиливающийся и обостряющийся кризис капитализма, на этой основе усиление агрессивности империализма в отношении страны пролетарской диктатуры, состояние финансовой блокады и обострение борьбы с нашим экспортом, повторяющиеся попытки навязать нам войну, единый фронт от папы до вождей Второго Интернационала против СССР — все это требует особого внимания к делу обороноспособности нашего Союза, создания необходимых условий, чтобы обеспечить от военной опасности строительство социализма.

Происходит обострение сопротивления классовых врагов внутри страны. «Кулак еще не добит... Ликвидация кулачества как класса потребует длительной, упорной борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации» (тезисы тов. Яковлева). Одновременно с неослабной напряженностью должна проводиться борьба с вредительством со стороны тех групп из среды старых специалистов, которые до конца связали свою судьбу с судьбой капитализма и которые являются прямыми агентами империализма в стране пролетарской диктатуры. Мы не должны забывать и необходимость самой решительной и последовательной борьбы с мелкобуржуазной стихией, представляющей огромную опасность в деле социалистического строительства.

Наконец, целый ряд неизжитых трудностей в развитии нашего хозяйства,—в области машиностроения, обеспечения энергией, электростроительства, сельскохозяйственного сырья, животноводства и др.— с необходимостью требуют активнейшей борьбы партии, осуществляющей лозунг «догнать и перегнать».

На преодолении этих трудностей XVI с'езд сосредоточит внимание партии, рабочего класса и всех трудящихся.

Нужно помнить в то же время, что все эти трудности — трудности огромного невиданного роста. В бурном темпе строительства создаются средства для разрешения этих трудностей. В такой обстановке требуется и вырастает более высокая организация сил рабочего класса для развертывания по всему фронту социалистического наступления, для успешной борьбы с капитализмом.

Проблема кадров выступает в этом свете как важнейшая задача рабочего класса в развертывании социалистического наступления. В отличие от предыдущих лет центр тяжести вопроса не только в перегруппировке и в подборе, но—и особенно—в создании работников,

в выдвижении из масс новых пластов работников социалистического строительства в гораздо более широких масштабах.

Проблема кадров включает и вопрос о командном составе (организаторах, инженерах и техниках) и вопрос о повышении квалификации, а в подавляющей массе и об начальном обучении определенной квалификации сотен тысяч и миллионов людей, впервые приобщаемых к крупному производству. Иначе, наполовину впустую пойдет та передовая техника, на основе которой создаются новые промышленные предприятия и на основе которой происходит широкая перестройка сельского хозяйства. Вопрос о кадрах является, наконец, решающим звеном в деле под'ема качества нашей работы.

Социалистическая стройка мобилизует огромные массы трудящихся, в которых более чем достаточно самоотверженных, горящих огнем энтузиазма и талантливых людей. Сотни тысяч ударников, сотни тысяч передовых колхозников! Сюда нужно устремиться и черпать полной горстью новые и новые резервы, вооружать их техническими знаниями, пониманием основ ленинской линии. На этом пути первая социалистическая республика покажет миру еще более грандиозные достижения.

Партия добилась величайших успехов в деле социалистического строительства на протяжении последних лет благодаря тому, что разгромила контрреволюционный троцкизм, что разбила правых оппортунистов.

Трудности реконструктивного периода, обострение классовой борьбы, бешеное сопротивление кулачества — питают капитулянтскую идеологию и практику правого уклона, являющегося в данный момент главной опасностью в рядах партии.

Правый уклон отражает давление мелкобуржуазной стихии на партию и пролетарскую диктатуру в условиях обостренной классовой борьбы и отчаянного сопротивления капиталистических элементов. Политика отказа от проводимой партией индустриализации, политика отказа от насаждения совхозов и развития колхозов, политика капитуляции перед кулачеством, предлагавшаяся правыми,—может привести лишь к усилению капиталистических элементов и в дальнейшей перспективе — к реставрации капитализма. Правый уклон все более разоблачает себя как кулацкая агентура внутри партии. Вот почему партия направляет главный огонь по правому уклону.

Ошибки «левых» загибщиков льют воду на мельницу правых. Борьба за преодоление «левого» загиба и терпимости к нему есть важнейшее условие борьбы с правым уклоном.

Все установки правых оппортунистов разоблачены партией и жестоко разбиты жизнью.

Бито жизнью положение правых о невыполнимости, о «сверхиндустриалистском» характере наших планов. Максимальный вариант в пятилетке оказался на опыте двух лет минимальным.

Бита жизнью установка правых на развитие легкой промышленности ценой задержки роста тяжелой, с целью приспособления нашего хозяйственного роста к потребительским нуждам единоличника. Мы идем к XVI с'езду с неопровержимыми доказательствами того, что единственно правильный путь разрешения трудностей — это развитие тяжелой промышленности, составляющей основу всего нашего развития.

Борьба, происходившая в стране за эти годы, полностью разоблачила оппортунистическую «теорию врастания кулака в социализм», пораженческую линию правых на развязывание рыночной стихии, на капитуляцию перед кулачеством. Ныне с полной очевидностью доказано всем ходом развития, что путь разрешения зерновой проблемы, выдвинутый партией, путь колхозов и совхозов, оправдал себя в кратчайший срок полностью. Вопрос о развитии зернового хозяйства ныне можно считать в основном разрешенным. Зерно указывает путь под'ема животноводству и сельскохозяйственному сырью: путь крупного коллективного производства и совхозов.

Потерпев полное идейно-политическое банкротство, лидеры правого уклона оказались вынужденными признать свои ошибки и выдать определенные обязательства партии—в заявлении от 25 ноября 1929 г. Однако, до сих пор эти обязательства не выполнены, до сих пор нет полной ясности в поведении бывших лидеров правого уклона. Вот почему важнейшие организации партии (Московская, Ленинградская, Украинская) пред'явили бывшим лидерам правого уклона требование на деле повести активную и решительную борьбу против правого уклона и примиренчества к нему. Так, например, в резолюции II Московской областной конференции ВКП(б) говорится: «Конференция требует от бывших лидеров правых оппортунистов развернутой большевистской критики своих оппортунистических ошибок и решительной и активной борьбы против всяких попыток правых уклонистов ревизовать ленинскую генеральную линию партии, против всяких наскоков и дискредитации ленинского руководства партии — Центрального Комитета и его политики».

Факт идейно-политического сближения «левых» и правых оппортунистов требует величайшей бдительности и решительности в борьбе на два фронта. Что сближает сейчас «левых» и правых?

В первую очередь стремление дискредитировать партийное руководство и опорочить всю политику партии, попытки взвалить на ЦК вину за ошибки и «левые» перегибы в деле колхозного строительства.

Возможность открытой защиты идейной платформы правого уклона сейчас в значительной степени затруднена, поскольку программа правого уклона разоблачена партией и встретила сокрушительный единодушный отпор. Поэтому правые продолжают свою линию в замаскированных формах.

Своеобразной новой формой ревизии генеральной линии являются, например, утверждения о неподготовленности партии к колхозному строительству и к проведению политики ликвидации кулачества как класса, о том, что партия не была мобилизована, что ЦК и вся партия переоценили возможности и темпы колхозного строительства, что в ошибках отдельных организаций виноват ЦК и т. д. На помощь правому оппортунизму в его замаскированной борьбе выступает теперь примиренчество, беспринципная терпимость к уклонам от ленинской линии, которое особенно опасно на данном этапе.

Партия решительно разоблачает оппортунистическую маскировку, партия под испытанным руководством ленинского ЦК преодолевает величайшие трудности, лежащие на пути развернутого социалистического строительства, ведя непримиримую борьбу с правым оппортунизмом, как главной опасностью, «левыми» загибами и со всякими проявлениями примиренчества к этим уклонам.

Партия на новом этапе переходного периода подходит к своему очередному с'езду, как никогда, единой и сплоченной вокруг своего ЦК, укрепившая свои связи с массами пролетариата, идейно выросшая и окрепшая в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом.

Об этом убедительно говорят происходящие теперь конференции Московской, Ленинградской Украинской и др. организаций партии, которые развертывают большевистскую самокритику против всех недостатков и слабых мест в строительстве, — полностью и целиком одобряют всю линию и работу и действительно ленинское руководство своего ЦК.

Мы ведем твердо и уверенно наше строительство. Хозяйственный кризис в САСШ, разворачивающийся в мировой кризис, со всей очевидностью подтверждает ту мысль, что полный развал капиталистической стабилизации неизбежен. С этим связаны факты возрастания военной опасности. С этим связан общий под'ем революционной волны во всех передовых капиталистических странах, захватывающий все большие массы пролетариата, укрепление секций Коминтерна. Потерпевшая ряд тяжелых поражений китайская революция вновь собирает свои силы и разворачивается. Революционный пожар в Индии сжигает непротивленческую мишуру гандизма, рассеивает иллюзии рабочих и крестьянских масс, закаляя их на решительный бой с английским империализмом.

Открывающийся в ближайшие дни XVI с'езд ВКП(б) обозначит новую историческую веху в развитии Советского Союза, в развертывании мировой пролетарской революции, в борьбе двух миров — социализма и капитализма.

Советский Союз — страна строящегося социализма, освещает путь борьбы армиям пролетарской революции в Европе и Америке и отрядам революционной борьбы рабочих и крестьян на Востоке.

М. Островский.

Машиностроение СССР.

Темпы индустриализации страны, задачи коренного переустройства народного хозяйства и в том числе земледелия на новой технической базе, перевод мелкого, разобщенного, индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы «современного крупного производства» находятся в прямой зависимости от темпов развития основных отраслей промышленности—тяжелой индустрии и, в первую очередь, машиностроения электропромышленности. «Мы не должны забывать, — говорил Ленин, — что единственной нашей экономической основой может быть крупная машинная индустрия». Только на основе форсированного развития отраслей тяжелой индустрии, отраслей, производящих средства производства и, в первую очередь, машиностроения, могут быть разрешены коренные задачи социалистического строительства, освобождения от капиталистической зависимости и укрепления обороноспособности Советского Союза.

Вот почему именно сейчас, более остро, чем когда-либо, встает вопрос о форсированном развитии машиностроения, как важнейшего звена в деле индустриализации нашей страны. Советский Союз не собирается отгораживаться каменной стеной от всего остального мира, но интересы социалистического строительства настоятельно требуют освобождения от иностранной зависимости и в кратчайший срок в области машин и оборудования. И наши хозяйственные связи с иностранными государствами мы должны использовать, преследуя одну цель—максимальное увеличение хозяйственной и военной мощи Советского Союза и высвобождение от капиталистической зависимости.

Вот почему в тезисах т. Куйбышева к XVI партийному с'езду говорится:

> «Разрешение всех поставленных выше задач, на ряду с задачей технической реконструкции остальных отраслей народного хозяйства и промышленности, возможно лишь при условии и на базе форсированного развития машиностроения, в особенности станкостроения, электротехнического машиностроения, котло- и турбостроения, дизелестроения, тяжелого машиностроения и т. д. Между тем, несмотря на высокие темпы развития, продукция машиностроительной промышленности является наиболее узким местом в народном хозяйстве, ограничивая тем самым возможности развития как самой промышленности, так и всего народного хозяйства».

В деле постановки собственного машиностроения мы достигли существенных успехов, выражающихся хотя бы в том, что доля импортного оборудования, составлявшая во времена царской России около 50%, сократилась в 1929/30 году на 22—23%. Однако, этими успехами не следует себя успокаивать, поскольку размер импорта оборудования до сих пор, из года в год, по мере развития капитального строительства, все увеличивается, а развитие важнейших отраслей промышленности (металлургия, электрификация, нефть, химия, само машиностроение и т. д.) до сих пор продолжает находиться в сильной зависимости от импортного оборудования

При всем этом ни на один миг нельзя забывать, что мы находимся в обстановке капиталистического окружения, что успехи социалистического строительства в нашей стране на ряду с ростом симпатий к Советскому Союзу со стороны рабочего класса всего мира порождают обострение наших отношений с капиталистическими странами, сопровождающееся с их стороны бешеной травлей и открытой подготовкой к вооруженному походу против государства рабочей диктатуры. Вот почему вопрос о нашей независимости именно сейчас стоит особенно остро и находится в самой непосредственной связи с делом укрепления обороноспособности Советского Союза.

«Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной базы для обороны» (Сталин), дело обороны страны можно обеспечить лишь на базе мощной промышленности (металлургия, топливо, химия и пр.) и высокой машинной техники, а именно в этой области машиностроению принадлежит решающая роль.

Рабочий класс нашей страны получил в наследство от царской России машиностроительную промышленность, находившуюся на чрезвычайно низком уровне своего развития и развивавшуюся рабскими темпами. Такому положению способствовала вся политика царского правительства, сводившаяся в основном к сохранению России на уровне страны аграрной и вывозящей за границу продукты сельского хозяйства.

Единственными видами машиностроительного производства, выросшими на так называемых «казенных заказах» и «казенных субсидиях», получившими сравнительно большое (с другими частями машиностроения) развитие, являлось машиностроение, связанное с обслуживанием транспорта — паровозо- и вагоностроение, военные поставки и военно-морское машиностроение. В остальном это были, по преимуществу, небольшие заводы самых простых видов машиностроения, в минимальной степени не способных удовлетворить потребность других отраслей промышленности и народного хозяйства.

За годы империалистической войны и последовавшей затем революции и гражданской войны, и эти заводы подверглись значительному разрушению и расстройству. И только с 1924/25—25/26 годов начинается процесс быстрого восстановления машиностроительной промышленности. Как шел по годам истекшего пятилетия этот процесс развертывания машиностроительной промышленности, можно судить по следующим данным:

	Об'ем валовой продукции в млн. рубл. в ценах 1926/27 г.	Рост продукции машиностр. В % к предыд. году	Рост продукции машиностр. В % к 1924/25 году.
1924/25	167	100	100
1925/26	390	284,0	234,0
1926/27	453	116,2	271,3
1927/28	590	130,3	353,4
1928/29	790	134,0	473,1
1929/30	1.250	158,3	749,0

Таким образом, за указанный период выпуск машинотехнической продукции увеличился почти в 7,5 раз, превзойдя темпы развития других отраслей крупной промышленности, увеличивших за этот период размеры годового производства в 3,4 раза. При чем, что особенно важно, начиная с 1926/27 года, мы наблюдаем из года в год ускоряющиеся темпы прироста продукции. Рост народного хозяйства и размах капитальных работ пред'явили за последние два года особенно высокие требования на машиностроительную продукцию, стимулируя тем самым и темпы роста машиностроения. В результате уже в текущем 1929/30 году советское машиностроение далеко оставило позади довоенные размеры производства в 3 с лишним раза, превысив об'ем продукции 1912/13 года. При чем и, в данном случае, машиностроение обогнало темп роста промышленности в целом, увеличившей свое производство по сравнению с 1913 годом в 2,1 раза. Темпы развития нашего машиностроения в последние годы обгоняют темпы роста производства САСШ и Германии, благодаря чему удельный вес выпуска продукции нашего машиностроения в общем мировом выпуске машинотехнической продукции заметно возрос. Если в 1913 году выпуск машинооборудования в царской России составлял в общем мировом выпуске 3,5%, снизившись к 1925 году до 1,8%, то уже в текущем 1929/30 году удельный вес выпуска машинооборудования нашей страны по отношению к общему мировому выпуску за 1928 г. составляет около 8,5%. А если учесть намечающийся на 1930/31 год об'ем производства по машиностроению, то удельный вес машиностроения нашего Союза составит около 14%, или одну седьмую всего мирового производства! В то время как мировой выпуск машинооборудования за 3 года, начиная с 1925 по 1928 год, возрос на 16%, выпуск машинооборудования наших заводов увеличился примерно за тот же период в *два* раза, а выпуск 1929/30 года по отношению к 1925/26 г. возрос в *три* раза. С точки зрения проверки, насколько мы действительно догоняем развитие технически передовых капиталистических стран, рост удельного веса нашего машиностроения в мировом производстве является чрезвычайно важным доказательством наших успехов. И тем не менее, учитывая растущие запросы народного хозяйства нашей страны, мы должны отметить, что в этой области наши достижения все же далеко недостаточны.

Наконец, что необходимо особо отметить, в области машиностроения, мы достигли существенных не только количественных, но и качественно-технических успехов, поставив производство новых более усовершенствованных типов машин и агрегатов, сыгравших важную роль в деле освобождения страны от импорта оборудования. При чем удельный вес этих новых видов машиностроения, в общем выпуске машинной продукции, в последние годы заметно увеличивается. Новые виды производств машиностроительной промышленности, составлявшие в 1927/28 году—7% (50 млн. р.) в общем выпуске машиностроительной промышленности в 1929/30 г. составляют уже около 20% (или 250 млн. р.), а на 1930/31 г. об'ем новых видов производства увеличивается до 600—650 млн. руб., а удельный вес до 26%.

Но несмотря на сравнительно быстрое развертывание машиностроения и на наличие значительных бесспорных достижений, необходимо признать, что даже эти темпы и успехи в области машиностроения далеко не достаточны и резко отстают от потребности быстро развивающегося народного хозяйства и, прежде всего, от удовлетворения потребности самой промышленности и важнейших ее отраслей.

Между тем директива партии догнать и перегнать в технико-экономическом отношении развитие технически передовых капиталистических стран Европы и Америки и вытекающие отсюда темпы развития народного хозяйства, осуществление лозунга «пятилетка в четыре года» ставят перед промышленностью и перед всей советской страной задачу такого развития внутреннего машиностроения, которое позволило бы на протяжении ближайших лет в основном полностью удовлетворить потребности страны и, в частности, самой промышленности в машинооборудовании за счет внутренних ресурсов, тем самым высвобождая развитие нашей страны от иностранной зависимости и повышая ее обороноспособность.

Машиностроение из узкого места в народном хозяйстве должно превратиться в мощный двигатель индустриализации, способный обеспечить взятый высокий темп развития народного хозяйства и его переустройство на новой технической базе.

Предстоящий 1930/31 год должен стать годом решительного перелома в развитии отечественного машиностроения, именно под этим углом зрения необходимо подойти к составлению народно-хозяйственного плана развития на ближайший год, проверить прежние и составлять новые планы капитальных работ и, в частности, план капитального строительства машиностроения. Предварительная работа, проделанная по составлению контрольных цифр на будущий год, показывает, что размер производства по машиностроению с 1.250 млн. руб. текущего года возможно будет довести не менее чем до 2,5 1) млрд. рублей (в ценах 1926—27 года), увеличив тем самым его об'ем в *два раза*. При чем этот об'ем производства должен быть достигнут работой действующих заводов, так как ни один из вновь строящихся заводов, подлежащих окончанию в 1930/31 г., еще не успеет дать сколько-нибудь заметного размера продукции. Результаты работы новых заводов начнут сказываться лишь с 1931/32 г., когда в действие войдут новый Уральский завод тяжелого машиностроения, новый Краматорский, 3 новых станкостроительных и некоторые другие заводы.

Необходимо отметить тот факт, что *машиностроительная промышленность уже в будущем 1930/31 году при условии выполнения размера валовой продукции в сумме 2,5 млрд. рублей перевыполнит свою пятилетку*, предполагавшую только в 1932/33 году довести производство до 2,1 млрд. рублей. При этом перевыполнение пятилетки будет осуществлено *без участия* новых заводов, которые, по расчетам пятилетнего плана, должны были дать в 1932/33 г. валовой продукции на сумму не менее 250 млн. рублей.

Следующая ниже таблица показывает примерное распределение выпуска машиностроения на основные группы.

Развертка роста валовой продукции основных групп машиностроения по контр. цифрам на 1930/31 г. (предв. расч. в цен. 1926/27 г.)

Наименование группы	Выпуск вал. прод. по программе 1929/30 г. (в млн. р.)	По контр. цифрам 1930/31 г. (в млн. р.)	Рост продукц. 1930/31 г. в % к 1929/30 г.
Подвижн. с став (паровозы, вагоны)	210	580	242
Трактора	70	160 1)	229
Швейные машины	65	90	138
Речное судостр.	40	75	187
Разн. мелкие	171	245	14[illegible],5
Итого	586	1.150	196
Машинооборудование	631	1.[illegible]50	200,4
Всего	1.250	2.500	200,0

Из приведенной таблицы видно, что группа оборудования подвижного состава увеличивается в 2,4 раза, а группа машинооборудования в два раза, при чем в самой группе машинооборудования наибольший рост намечен по ряду важнейших, преимущественно новых, видов машиностроения.

Такой огромный скачок в развитии машиностроения с весьма сложной номенклатурой изделий, на протяжении одного года становится возможным и вполне реальным благодаря наличию в машиностроении огром-

---

1) В эту сумму не входит возможный выпуск машинооборудования по линии предприятий и цехов других отраслей промышленности (не входящих в состав машиностроения), который может составить цифру в 250—300 млн. руб.

ных неиспользованных производственных резервов. Как на основные источники резервов развертывания машиностроения можно указать на следующие: реализация затрат по реконструкции действующих заводов; полный перевод на непрерывную работу всех цехов и заводов машиностроения (в текущем году фактически на непрерывку без остановки станков будет переведено всего около 50—60% рабочих); переход на многосменную работу, используя 3-сменную работу в заготовительных цехах и 2-х и 3-сменную работу в механо-сборочных цехах (в настоящее время машиностроительные заводы работают со средним коэфициентом сменности около 1,5—1,6). Широкое развертывание работ по рационализации рабочих процессов (сокращение производственного цикла при изготовлении изделий) и по переводу заводов на серийные виды явится важнейшим фактором в увеличении продукции. Так, например, произведенные подсчеты по Коломенскому заводу показывают, что при переходе на меньшее количество типов дизелей и укрупнении их серийности завод значительно увеличил свой выпуск также по металлическому заводу. К источникам резервов развертывания машиностроения относятся также некоторые добавочные капитальные работы, идущие на расшивку узких мест, препятствующих переводу всех основных частей работы на многосложную и непрерывную работу и на установление правильных производственных соотношений между отдельными частями завода; усиление и рационализация заготовительных цехов, являющихся наиболее узким местом машиностроения; использование резервов по линии республиканской и мелкой промышленности, являющихся весьма ценным дополнением к крупной машинной промышленности и обладающих мало использованными производственными возможностями.

Для достижения такого увеличения производства необходимо, чтобы все резервы машиностроения были своевременно мобилизованы. А это потребует колоссального напряжения всей работы хозяйственных и профессиональных организаций в центре и особенно на местах и, прежде всего, своевременного доведения задания до заводов и цехов, организовав тщательную проработку задания совместно с производственными совещаниями. Такие факты, как установление возможности только за счет увеличения сменности повысить минимум в две раза выпуск продукции ряда крупнейших предприятий СССР, или установление возможности на ленинградской группе заводов Судоверфи производства 24 вращающихся цементных печей, заказываемых до сих пор за границей (5—6 млн. руб. валюты) и т. д., — эти факты с достаточной яркостью требуют сосредоточения особого внимания партийных, хозяйственных, профессиональных организаций и всего рабочего класса на задаче вскрытия и использования имеющихся резервов нашей машиностроительной промышленности.

В борьбе за новые темпы машиностроения надо учесть недостатки выполнения плана текущего года. в основном сводящиеся к несвоевременному доведению плана до цеха и аггрегата и в слишком позднем развертывании производства на темп, предусмотренный планом. Необходимо уже сейчас в III и особенно в IV квартале развернуть на заводах и в цехах должную работу в масштабах, позволяющих выйти к началу нового хоз. года с такими темпами развертывания производства, которые обеспечивают нормальный ход выполнения годового плана.

Особое внимание и средства должны быть обращены на своевременную подготовку кадров рабочих, ибо по этой линии в будущем году мы будем иметь наибольшие трудности в деле выполнения намеченного плана.

Намеченный на 1930 31 г. об'ем производства не является тем пределом, до которого могут быть доведены существующие машиностроительные заводы. Производимая сейчас работа по уточнению заданий отдельным заводам показывает возможность увеличения выпуска продукции при правильном и своевременном проведении необходимых мероприятий по подготовке производства и специализации заводов.

---

[1] В эту цифру входят тракторы «Красного Путиловца» и Харьковского завода

Переработка пятилетки машиностроительных заводов показывает, что при форсировании реконструкции существующих машиностроительных заводов можно довести их мощность в 1932,33 году до 5 млрд. руб., что в два раза превосходит намеченный на 1930,31 г. выпуск; однако, это мыслимо при условии ликвидации в результате реконструкции не только узких мест, но и той диспропорции цехов, которая тормозит развитие существующих заводов. Основная диспропорция заключается в том, что механические и сборочные цеха наших заводов могут выпускать гораздо больше того, что им могут дать заготовительные цеха: кузнечный, сталелитейный, чугунолитейный.

В самом деле, сделанные предварительные производственные расчеты показывают, что по реконструируемым машиностроительным заводам для увеличения выпуска в 32,33 году до 5 млн. руб. мы получаем потребность в чугунном литье на этих заводах около 1.100 т. тонн, в стальном литье — 600 т. тонн, в поковках — 700 т. тонн. Между тем, мощность существующих заводов, по предварительным подсчетам, составляет по чугунному литью около 400 — 500 т. т, по стальному литью около 250 т. т и по поковкам около 260 т. тонн.

Ясно, конечно, что капитальные затраты надо в первую очередь направить на усиление заготовительных цехов. Надо также иметь в виду, что потребности строящихся новых заводов увеличат существенно спрос на литье и поковки, поэтому необходимо к первоочередным задачам отнести строительство таких мощных заготовительных цехов, какими являются Сормовская фасоносталелитейная и кузница, Коломенская, Ленинградская чугунолитейная кузница, фасоносталелитейная Луганского завода и ряд других.

Все перечисленные выше практические мероприятия необходимо обеспечить быстрым, решительным и настойчивым выполнением.

Директивы предстоящего XVI с'езда партии должны быть направлены к тому, чтобы обеспечить необходимый размах развития внутреннего машиностроения, в особенности, по линии обслуживания транспорта и ведущих отраслей промышленности (черная и цветная металлургия, нефть, каменноугольная и рудная, химия, лес, производство дизелей, компрессоров насосов, оборудование промышленности стройматериалов, строймеханизации, оборудование для механизации внутризаводского транспорта и погрузочно-разгрузочных средств), электрификации (котло-турбинное дело) и, в частности, развития станкостроения, обеспечивающего воспроизводство средств производства. Планы развития машиностроения должны быть направлены в первую очередь на развитие таких видов производства, которые идут на удовлетворение потребности отраслей промышлености, наиболее зависящих от импорта оборудования из-за границы.

Необходимость технически перевооружить народное хозяйство нашей страны на базе новейших достижений науки и техники ставит перед машиностроительной промышленностью необходимость решения не только количественных, но, что особенно важно подчеркнуть, ряда качественных технических задач. Мы должны немедленно развернуть работу по увеличению производства уже технически освоенных новых видов машиностроения, переходя на массовое и крупно-серийное их изготовление. Не ограничиваясь достигнутыми результатами, надо бросить главное внимание и силы на расширение и увеличение во много раз круга и числа производства новых видов и типов машин и аггрегатов, отвечающих новейшим достижениям мировой техники и способным действительно дать народному хозяйству и промышленности новые средства производства, не уступающие соответствующим новейшим образцам, изготовляемым за границей, так как только при этом условии можно всерьез говорить о техническом перевооружении, двигающем вперед развитие страны на уровне высокой техники. Это обстоятельство должно являться важнейшим фактором в развитии машиностроения, ибо страна нуждается не в простом количественном увеличении машин (ряд машин, изготовляемых на наших заводах, является морально устаревшими образцами, не отвечающими современным требованиям), а, главным образом, в развитии производства таких машин, орудий и агрегатов, которые бы не тормозили, а решительно двигали вперед технику нашей страны. Наглядным примером, иллюстрирующим отставание машиностроения, могут служить следующие случаи из практики даже самой металлопромышленности: нашим реконструирующимся и новостроящимся заводам необходимы мощные прессы и молота, тогда как наши заводы изготовляют только маломощные машины. Новым заводам черной металлургии нужны блюминги и непрерывной прокатный стан, а наши заводы их не изготовляют. Вновь строящимся машиностроительным заводам (авто,-тракторным, сельмаш. и проч.) нужны быстроходные станки, работающие от собственного мотора, а наши станкостроительные заводы дают в большинстве тихоходные станки и работающие от общей трансмиссии. Таких примеров в практике нашего хозяйства можно найти немалое количество.

Развитие новых видов машиностроения, новых типов и конструкции машинооборудования важно не только с точки зрения технического перевооружения нашего хозяйства, но и для того, чтобы действительно, на деле, в короткий срок сократить импорт оборудования. А это можно сделать лишь при условии расширения производства машин новейших конструкций, могущих заменить импортное оборудование, не снижая, а повышая технику производства. Наши действующие и вновь строящиеся заводы должны быть приспособлены и уметь полностью оборудовать важнейшие отрасли промышленсоблены и уметь полностью оборудовать важнейшие отрасли промышленности и народного хозяйства от начала и до конца, вплоть до самых основных и наиболее ответственных частей оборудования предприятий, при чем на первое время необходимо выписывать из-за границы лишь некоторые из тех частей и детали изготовляемого оборудования, с которыми наши заводы еще не сумели справиться.

Чтобы иметь возможность построить указанный выше план развития машиностроения, необходимо потребителям машинооборудования совместно с поставщиком оборудования выявить (по отдельным видам) длительную на ряд лет (3—4 года) потребность каждой отрасли промышленности и народного хозяйства. Таким путем следует своевременно подготовить отечественные заводы и обеспечить, в первую очередь, их загрузку длительными серийными или массовыми заказами, оставляя, как правило, для импорта заказы на единичные машины или отдельные детали к машинам, рационализируя тем самым импорт оборудования и превращая его в дополнение к основному внутреннему производству. Эта важнейшая часть работы хозяйственных организаций является прямой обязанностью не только машиностроения, но и самих потребителей в машинооборудовании. Между тем на практике мы встречаемся с большой косностью потребителей, стремящихся обязательно вынести заказы оборудования за границу даже тогда, когда наши заводы могут изготовить тот или иной станок или машину.

Для устранения безобразных случаев, имеющих место в области импорта, необходимо установить персональную ответственность для лиц, пред'являющих необоснованные требования на импорт и завозящие такие изделия, которые могут быть с успехом изготовлены на наших отечественных заводах. Однако, главным являются все же не столько ошибки потребителей, сколько неподготовленность, а иногда и просто неповоротливость самой машиностроительной промышленности. В деле обслуживания потребителей примером для наших заводов может служить ряд иностранных машиностроительных фирм в Германии и Америке. Многие из иностранных машиностроительных заводов или трестов специально следят (имея для этого специальных лиц) за работой своих машин на месте их установки и изучают малейшие изменения в технике производства той отрасли, для которой они изготовляют машины. Тем более диким кажется тот разрыв, который существует в наших, советских условиях между поставщиком и потребителем. Нам необходимо наладить без промедлений самую тесную техническую связь между потребителями и заводами, изготовляющими машины. Наши заводы должны постоянно изучать работу своих машин, внося те или иные конструктивные изменения. Необходимо в ближайшее же время провести практические меры по усилению конструкторских аппаратов наших заводов и трестов, по созданию мощных специальных конструкторских групп и наряду с этим повести решительную борьбу с косностью технической мысли, сковывающей инициативу многих наших заводов. Правильно было бы установить специальные премии для тех заводов и заводских работников, которые в короткие сроки сумели наладить у себя новые виды машиностроения.

Советское машиностроение сумеет справиться со стоящими перед ним грандиозными техническими задачами, при обязательном условии более смелого и широкого привлечения использования иностранного технического опыта как в форме договоров о техническом содействии, приобретении готовых чертежей, так и по линии привлечения для непосредственной работы в нашем союзе иностранных специалистов (инженеров, техников, мастеров и рабочих). Иностранные специалисты должны быть, по преимуществу, привлечены для работ в конструкторских аппаратах и по налаживанию новых видов производства. Чрезвычайно важную роль в деле конструирования опытной проверки новых машин, приспособления иностранных образцов к нашим нуждам и практической помощи заводам должен сыграть недавно организованный Институт машиностроения; этот Институт надо превратить в мощную лабораторию советского машиностроения.

В текущем году в качестве практической меры по усилению машиностроения президиум ВСНХ решил увеличить по машиностроительным заводам об'ем капитальных работ на сумму 80 млн. рублей (сверх 270 млн. руб., имевшихся по основному плану). Значительная часть этих средств направляется на усиление заготовительных цехов и расшивку так называемых узких мест, препятствующих максимальному использованию производственных резервов машиностроения. Необходимость быстрого развертывания машиностроения требует форсирования и реконструкции крупнейших действующих заводов (Сормово, Коломна, Луганск, «Красный Профинтерн», Харьков) и строительства новых заводов. Поскольку темпы развертывания машиностроения в следующие годы (1931/32, 1932/33 и далее) в значительной мере зависят от об'ема капитальных работ 1930/31 года, необходимо в плане будущего года предусмотреть такой об'ем капитальных работ, который позволял бы не только удовлетворить потребности реконструкции крупнейших действующих заводов, играющих решающую роль в общем выпуске машинотехнической продукции (достаточно сказать, что крупные действующие заводы Союза должны дать в 1932/33 году не менее 3,5 млрд. руб.), но вместе с тем и обеспечивал бы окончание продолжаемых строительством новых заводов и начало строительства некоторых крайне необходимых вновь начинаемых новых заводов. К важнейшим об'ектам нового строительства следует отнести такие заводы, как Свердловский машиностроительный на Урале и новый Краматорский, призванные сыграть главнейшую роль в деле реконструкции черной и цветной металлургии,—заводы дробильно-размольных машин (необходимые для нужд химической и строительной промышленности), строящиеся 3 новых станкостроительных завода, завод шарико- и роликоподшипников. К главнейшим об'ектам нового строительства, к которому необходимо приступить не позже 1930/31 г., следует отнести завод геолого-разведочного оборудования, завод по производству оборудования каменноугольной и рудной промышленности (в Кузбассе или на Урале), завод по производству оборудования для химической промышленности.

Реконструкция действующих заводов не должна затемнять, а, наоборот, должна предусматривать максимальное использование действующего основного капитала машиностроительных заводов. Огромное большинство действующих заводов, полученных нами от старых хозяев, представляют собой примеры того, как не надо строить и организовывать машиностроение. Крупные заводы страны являют собой пример замкнутого хозяйства, в то время как правильные принципы организации машиностроения заключаются в построении заводов на основе их специализации и разделения труда между заготовителями (чугунолитейными, сталелитейными, ковочными и заводами полуфабрикатов) и механо-сборочными заводами и на основе широкого кооперирования заводов между собой. Основная идея реконструкции действующих заводов на ряду с максимальным увеличением выпуска (при максимальном использовании действующего основного капитала) должна как раз сводиться к установлению возможно узкой специализации заводов и их кооперированию между собой. Тем более все это относится к строительству новых заводов, где указанные выше принципы могут получить наиболее полное осуществление. Какую исключительную роль играет кооперирование между заводами, видно из того, что ни один машиностроительный завод, пожалуй, во всем мире не изготовляет (а многим, даже крупным заводам, это и не под силу) да и не должен изготовлять от начала и до конца такие, например, изделия, как блюминг для черной металлургии, крекинги, полное оборудование химического комбината и множество других изделий, но, изготовление ряда сложных машин и аггрегатов можно с успехом наладить, при условии расчленения этих сложных изделий на отдельные составные части (литье, поковка, механическая обработка, получение готовых деталей и, наконец, сборка) и распределения работ между рядом заводов, каждый из которых обладает необходимым оборудованием и другими производственными резервами (соответствующие площади, крановое оборудование и проч.). Однако, огромное преимущество, вытекающее из кооперирования заводов, нами используется в далеко недостаточной мере, хотя условия планового хозяйства этому открывают широкие возможности. Не менее важные задачи перед машиностроением стоят и в области технической рационализации производственных процессов, увеличивающих пропускную способность заводов. К ним относятся: применение системы «потока», применение конвейеров в сборке; механизация межцехового и цехового транспорта; усовершенствованные методы производства по линии установления штамповки вместо ковки; литье под давлением; применение газа и электросварки; улучшение методов работы заготовительных цехов; переход на машинную формовку вместо ручной и т. д.

Развитие внутреннего машиностроения тесно связано с созданием мощной металлургической (черной и цветной) базы. Между тем металлургия отстает от потребностей страны. Это обстоятельство диктует необходимость максимального форсирования развития металлургии и строительства новых металлургических заводов (Магнитогорск, Кузнецк, Керчь) и, в частности, заводов качественного металла (Ниж.-Тагил, Днепросталь) и на ряду с этим ускорение реконструкции так называемой малой металлургии, в основном удовлетворяющей потребности машиностроения по линии качественного металла. Однако, наличие отставания черной металлургии от потребностей страны не должно служить основанием для сдерживания темпов развертывания машиностроения, поскольку не развитие машиностроения надо равнять на узкое место, каким является в нашей стране металл, а наоборот, делать все необходимое для решительного подтягивания металлургии к запросам развивающегося машиностроения. По линии же машиностроения надо развертывать более быстро те виды производства и заводы, в задачи которых входит производство оборудования для металлургических заводов, ибо совершенно ясно, что если мы могли бы сегодня, не прибегая к импорту (в тех размерах, как это потребовалось), обеспечить реконструкцию действующих и строительство новых металлургических заводов внутренним машинооборудованием гораздо больших размеров, чем мы сегодня можем дать физически, реконструкция металлургии могла бы быть значительно ускорена, так как главнейшим лимитом этого является импорт.

Как и во всем развитии народного хозяйства нашей страны, исключительное значение в решении задач нашего машиностроения имеет проблема кадров рабочего и технического персонала, с той лишь разницей, что для машиностроительных заводов вопрос о кадрах квалифицированных рабочих стоит еще более остро, чем в ряде других отраслей, т. к. машиностроение, как правило, нуждается в более квалифицированных людских кадрах. Достаточно сказать, что для выполнения сильно расширенной программы будущего 1930/31 г. необходимо вовлечь на производство не менее 50 тыс. новых рабочих, а для следующих 2-х лет необходимо будет подготовить около 120—150 тыс. рабочих-металлистов. Потребность в техническом персонале исчисляется по пятилетию не менее чем в 25—30 тыс. новых инженеров и техников. Острота вопроса требует принятия немедленных и решительных мер. Основные из них должны быть направлены на развертывание подготовки через школы ФЗУ и школы массовых профессий и учебных баз ЦИТ'а. на ряду с этим особое внимание надо обратить на расширение системы переподготовки взрослых рабочих (краткосрочные курсы, заочное обучение и проч.) и передвижку их с менее квалифицированных на более квалифицированные работы, сопровождающиеся соответствующей переквалификацией. Вполне своевременно поставить сейчас вопрос о привлечении на работу в заводы некоторых групп кустарей; в нашей стране насчитывается около 400 тыс. [1] кустарей-металлистов, из которых около 80 — 90 тыс. человек об'единены в артели, при чем многие из них являются в прошлом заводскими рабочими, ушедшими в голодные годы с завода. По квалификации эти группы в ряде случаев стоят не ниже заводских рабочих.

Необходимо в короткий срок ВСНХ совместно с промысловой кооперацией разработать практические меры по переквалификации и переводу кустарей на заводы. В области подготовки технического персонала необходимо на ряду с развертыванием существующих втузов и техникумов форсировать строительство новых, при этом особое внимание и средства следует отдать делу переподготовки практиков, которых в машиностроении насчитывается около 5 тыс. человек.

Развитие машиностроения в СССР является не ведомственной задачей и не задачей только одной промышленности. Развитие машиностроения обеспечит взятые высокие темпы индустриализации страны и социалистической перестройки всего народного хозяйства СССР.

Развитие машиностроения является, поэтому, исторически важным делом всей партии и рабочего класса СССР.

---

[1] Около 250 тыс. человек находится в деревнях (кузнецы и пр.); значительная часть из них должна будет уйти в ремонтные базы, колхозы и совхозы.

М. Рафаил.

Профсоюзы в эпоху социалистической реконструкции.

(Из опыта ленинградских профсоюзов).

На новом этапе.

Эпоха социалистической реконструкции выдвигает целый ряд новых задач перед всеми организациями рабочего класса. В эпоху реконструкции коренным образом меняется соотношение классовых сил в стране, формы и методы социалистического строительства. Гигантски возрастает место заводов и фабрик в общественной жизни страны. Нарождаются новые формы активности рабочего класса и всех трудящихся, видоизменяются методы мобилизации масс на проведение генеральной линии партии, на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. В эту эпоху непосредственно решается проблема создания более высокой, по сравнению с капиталистическим обществом, системы производительности труда. Пролетариат создает условия и почву для ликвидации вековых противоречий между городом и деревней, для ликвидации кулачества как класса, для перевода миллионов и десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств на социалистические рельсы.

В реконструктивный период совершается радикальный переход от более простых к наиболее сложным задачам социалистического строительства, радикально меняется метод подхода к массам, овладения массами, руководства массами и воспитания масс, вовлекаются все новые и новые миллионы трудящихся в непосредственное участие в социалистическом строительстве, в борьбу за социализм. Отсюда сильно повышается роль профсоюзов, как самой широкой организации рабочего класса, как *школы коммунизма*.

На XVI с'езде нашей партии поставлен вопрос о профсоюзах. Партия пролетариата, идущая во главе социалистической революции, всегда уделяет *исключительное внимание* проблемам профессионального движения. На IX, X, XI, XIV с'ездах, на целом ряде партийных конференций многократно ставились вопросы профдвижения.

Ленинское учение о роли профсоюзов при пролетарской диктатуре сложилось в борьбе с анархо-синдикалистскими и троцкистско-меньшевистскими уклонами. Теперь находятся «теоретики» (типа Ярецкого), опошляющие ленинское учение о профсоюзах. Ленин, говоря о роли профсоюзов, рассматривает процесс развития пролетарской диктатуры в целом, во всем его многообразии, определяет место и роль профсоюзов в системе пролетарской диктатуры. Одна из особенностей ленинского подхода к профсоюзам — не отвлеченная, а *конкретная* постановка вопросов профдвижения.

История учит, что не было ни одной оппозиционной группировки в нашей партии, которая не затрагивала бы вопросов профессионального движения. Троцкистская оппозиция на X с'езде, демократический централизм, бухаринский «буфер», рабочая оппозиция, об'единенная троцкистско-зиновьевская оппозиция после XIV с'езда, наконец, правый уклон в ВКП(б), — всякая оппозиция, ведя борьбу против ленинской политики партии, *неизбежно* ставила вопрос о роли профсоюзов. Партия накануне XVI с'езда должна снова и снова обратить внимание на историю фракционной борьбы на различных этапах нашего развития, снова вникнуть в уроки борьбы ленинизма против всяких оппортунистических шатаний и извращений. Если в 1920 г. Троцкий предлагал форсированным маршем «сращивать» профсоюзы с хозорганами, то к XV конференции крики троцкистско-зиновьевской оппозиции о «перерождении» профсоюзов вытекали из троцкистского понимания пролетарской диктатуры.

Если троцкисты не поняли значения и роли профсоюзов при переходе к новой экономической политике, то правые уклонисты не поняли роли профсоюзов в реконструктивный период.

Правые уклонисты совершили на новом этапе глубокую ошибку в оценке роли профсоюзов. Тот, кто не видел классовых сдвигов, происходящих в стране, тот не мог понять роль массовых организаций в реконструктивный период. Когда партия поставила вопрос о перестройке профсоюзов, об укреплении руководства профсоюзами, правые оппортунисты оказали этому бешеное сопротивление. Когда партия поставила задачу решительной борьбы с чиновничьим отрывом от масс, правые увидели в этом покушение на «священные» права забюрократившихся сторонников цеховщины и тред-юнионизма в профсоюзах. Когда партия направила огонь против тред-юнионистской закостенелости и кастовой замкнутости отдельных профсоюзных групп, правые подняли вой о «троцкистском перетряхивании» профсоюзов. В тезисах тов. Шверника к XVI с'езду, одобренных политбюро ЦК ВКП(б), дается исчерпывающая характеристика роли и позиции правых уклонистов. Тезисы отмечают, что правые вели «*опаснейшую антиленинскую линию на противопоставление профсоюзов партии*» (Курсив мой. *М. Р.*), что: «оппортунистическое руководство ВЦСПС по всем коренным вопросам профессионального движения на новом этапе заняло антиленинскую правоуклонистскую позицию»...

Вот подробная выдержка:

> «Оппортунистическая руководящая группа старого состава ВЦСПС не только не оказалась способной понять задачи пролетарской диктатуры в реконструктивный период и вытекающие из них задачи профдвижения, но и оказала сопротивление партии в перестройке работы профсоюзов и устранении их крупнейших недостатков, ярко обнаружившихся в момент развертывания социалистического наступления. Извращая линию партии в профсоюзах, оппортунистическое руководство ВЦСПС по всем коренным вопросам профессионального движения на новом этапе заняло антиленинскую правоуклонистскую позицию.
>
> Выражая тред-юнионистские тенденции, оппортунистическое руководство ВЦСПС фактически вело курс на ослабление партийного руководства профдвижением, вело опаснейшую антиленинскую линию на противопоставление профсоюзов партии.
>
> Эта позиция была совершенно правильно, по-ленински осуждена ЦК партии и подавляющим большинством коммунистов-работников профдвижения, которые еще теснее сплотились вокруг своего большевистского ЦК (фракция VIII с'езда профсоюзов, пленума ВЦСПС, пленумов ЦК союзов, местных союзных органов и т. д.).
>
> Профсоюзы, под руководством партии, сменив обанкротившихся вождей, развернули решительную борьбу с элементами тред-юнионизма и оппортунизма в профдвижении.
>
> XVI с'езд считает необходимым продолжение энергичной борьбы с элементами тред-юнионизма и оппортунизма в профдвижении, давая в то же время отпор анархо-синдикалистским и полутроцкистским уклонам».

Чрезвычайно характерно, что своеобразное противопоставление профсоюзов партии было сделано лидером правых тов. Бухариным в тезисах «буфера» ранее к X с'езду партии. В 1920 г. Бухарин предлагал, чтобы профсоюзы выдвигали «обязательные кандидатуры» в состав ВСНХ. Известно, что Ленин оценивал это предложение Бухарина, как «разрыв с коммунизмом». (Курсив мой.—*М. Р.*). На новом этапе в другой форме повторяется—со стороны правых—попытка противопоставить профсоюзы партии. Вряд ли можно считать случайным, что на протяжении периода примерно в десять лет, мы встречаем у Бухарина как теоретика и главы правых второй раз рецидив одной и той же ошибки. Каждый раз в основе этих ошибок лежал неправильный подход к пролетарской диктатуре, не диалектическая, а эклектическая постановка вопроса.

Под руководством Центрального Комитета, при поддержке основных кадров профдвижения, партия быстро ликвидировала ошибки правых в профсоюзах. Но глубоко неправильно думать, что на нынешнем этапе можно ослабить борьбу с правым уклоном. У правых уклонистов теоретически крепко увязаны линия на торможение темпов индустриализации и коллективизации и защита тред-юнионистских тенденций в профдвижении; «осторожный» подход к кулаку и прикрывание бюрократических, консервативных элементов в профаппарате; разговоры о «размычке» (1928—1929 г.) с попыткой «спасти» профсоюзы от руководства партии, ослабить партийное руководство профдвижением. Не случайно во всей концепции правых увязывались такие «разнородные» элементы, которые, по существу, вытекали из пессимизма, паники перед трудностями, неверия в возможность построения социализма в одной стране, неверия в силы рабочего класса.

Правые видели в деревне только кулака, мелкобуржуазную стихию, окружающую партию, видели капиталистическое окружение, видели чиновника в аппарате,—они не заметили, что середняк поворачивает в колхозы, что в деревне происходит гигантский сдвиг на почве индустриализации страны, что рабочий класс сильно укрепил в своих руках командные высоты, что капиталистическое внешнее окружение — гнилое и стабилизация все больше расшатывается. Правые сделали ряд ошибок, связанных с неверной оценкой движущих сил революции. Поэтому правые начали ревизовать ленинизм в области профдвижения.

Правые оппортунисты тормозили перестройку профсоюзов. События последних месяцев показали, что правооппортунистическая практика очень живуча и находит своих сознательных и бессознательных сторонников. Можно привести сотни примеров, когда перестройка профсоюзного аппарата встретила насмешки со стороны многих старых аппаратчиков, как это было и в ленинградских профсоюзах. При перевыборах завкомов по союзу металлистов на некоторых крупнейших заводах (даже на «Красном Путиловце») были выпущены аполитичные отчеты, ставившие важнейшие вопросы профработы вне связи со всей борьбой партии за генеральную линию. Известны многие случаи выступления профессионалистов против нынешних темпов развития индустриализации. А случаи разложения целых звеньев профаппарата, зажима самокритики, зажима профсоюзной демократии (шахтинское, смоленское, астраханское и др. дела), которые имели место даже во время последних перевыборов фабзавместкомов по союзу металлистов по ряду заводов, — разве они не характеризуют наличие правооппортунистических элементов? Мы не говорим уже о политической недооценке социалистического соревнования и ударничества. Есть горе-руководители, мечтающие о временах, когда жили «мирно», декламирующие о «подрыве авторитета» профсоюзов, ищущие покоя, жизни без чисток и без самокритики. Таким руководителям не понять природы правого оппортунизма. Правый уклонист гибок, трудно уловим, часто хитер, не столько говорит, сколько делает правые дела. С правым оппортунизмом как с главной опасностью и с примиренчеством к правому оппортунизму нельзя ни на одну минуту ослаблять самой жестокой и решительной борьбы.

Но существуют и «левые» загибы. Известные положения тов. Гегечкори, прикрытые архиреволюционным лозунгом-заголовком «От тред-юнионистской ограниченности к классовой политической борьбе» — были, по сути дела, явно оппортунистическими, отрицавшими роль пролетарского государства, как организатора социалистического производства. Гегечкори писал:

> «Деспотизм капитализма — единоличие советского заводоуправления— снимается законом о производственных совещаниях и назначении председателя производственного совещания заместителем директора завода... Растворяется власть директора, она становится «лишней»... Не говорят ли все эти факты о том, что из профессиональных союзы превращаются в производственные...». («Наша Газета», № 217, 21 сентября 1929 г.).

С этими своими архилевыми по форме, явно оппортунистическими по существу положениями, тов. Гегечкори очень далеко откатился от ленинских установок.

Но сейчас речь идет не только об этих общеизвестных полутроцкистских предложениях, выдвинутых некоторое время тому назад тов. Гегечкори. Речь должна сейчас итти о новых разновидностях «левых» загибов. Есть ряд товарищей, которые не видят разницы между партией и профсоюзами и считают, что нужно так перестроить профсоюзы, чтобы методы и формы работы целиком совпадали с методами и формами работы партийных организаций. Эта разновидность «левых» еще недостаточно показала свое лице. Если правые, подчеркивая задачи профсоюзов в области улучшения материального положения и быта рабочих и т. д., забывают роль профсоюзов в организации производства и во всем хозяйственном строительстве, роль исключительно важную в данный период социалистической реконструкции,—то «левые», наоборот, недооценивают, не понимают, что одной из основных задач профсоюзов и на данном этапе является отнюдь не отпавшая задача улучшения материального положения и быта рабочих, удовлетворение всесторонних запросов рабочего класса. Если правые нередко полагают, что партия должна заниматься политической работой, а профсоюзы узким культурничеством и заботой об отдыхе рабочих, то «левые» совершенно забывают, что профсоюзы должны заниматься классовым воспитанием масс и одновременно всесторонне удовлетворять их культурные запросы.

Одной из наиболее опасных разновидностей «левого» загиба является болтовня об едином союзе, о ликвидации всех союзных организаций. В чем опасность этой болтовни? В том, что не учитывается нынешний уровень развития рабочего класса, что механически переносится опыт строения партии, как авангарда рабочего класса, на профсоюзы, как главный привод от партии к широким массам. При этом забывается различный уровень разных групп рабочего класса, забывается роль профсоюзов как школы коммунизма, вовлекающей и перерабатывающей все новые и новые слои рабочих, поднимающей их до уровня понимания общеклассовых задач. «Теоретики» единого союза обычно разглагольствуют об «интересах рабочих», о громадной экономии средств, значительно выросшем уровне рабочего класса, о росте коммунистических цехов и т. п. Эти люди хотят в порядке приказа ликвидировать союзные организации, исторически выросшие и сложившиеся в процессе длительного развития. Попытка перескочить немедленно ряд фазисов развития профсоюзов характерна для «левых». По сути дела, такие попытки означают администраторский подход к массовым профсоюзным организациям, упрощенческое понимание нынешнего этапа революции, забегание вперед, «левый» заскок.

Можно говорить еще об одной разновидности «левого» загиба, которая находится еще в зародышевом состоянии. Кое-где уже пошли разговоры о том, что пора подумать о передаче профсоюзам управления всем производством, что профсоюзы должны стать организаторами производства и т. д. Правда, такие разговоры обычно прикрываются многочисленными цитатами, вступлениями и оговорками.

Думать, что профсоюзы уже сейчас подошли к полосе, когда им надо передать управление хозяйством, как целым, значит совершить глубочайшую политическую ошибку, значит не понимать особенностей нынешнего этапа нашего развития. Не может быть сомнений в том, что «левые» загибы в профсоюзах питают правый уклон, дают соки правым оппортунистам. Поэтому нужна последовательная борьба и с «левыми» загибами. Нужно решительно бороться на два фронта: против правого уклона как главной опасности, и против «левых» загибов, не ослабляя одновременно борьбы с примиренчеством к уклонам от ленинской линии партии, к «загибам» и «загибщикам».

Можно ли утверждать, что правые оппортунисты и «левые» загибщики в практике внутри профсоюзной работы являются чем-то привходящим, наносным, возникающим вне зависимости от обостряющейся классовой борьбы в стране? Нет. Такое утверждение было бы явно ошибочным.

Аполитичность ряда профорганизаций в важнейших вопросах современной общественной жизни пролетариата; пренебрежение величайшими общеклассовыми историческими задачами пролетариата в стране строящегося социализма; смазывание огромного политического значения борьбы за промфинплан; лжеударничество; цеховщина и проявления тред-юнионизма; анархо-синдикалистские настроения и пр.,—все это не что иное, как отражение в своеобразных формах классовой борьбы, происходящей в обстановке победоносного строительства социализма.

В этих явлениях, искажающих лицо профсоюзов как школы коммунизма отражается, прежде всего, давление мелкобуржуазной стихии, привносимое в рабочую среду рабочими, пришедшими из деревни (только в 1930 году промышленность впитывает в себя свыше 300 тысяч человек новых рабочих). Здесь отражаются также и отсталые хвостистские настроения части старых рабочих, менее вышколенных практикой классовой борьбы пролетариата и остававшихся в стороне от схваток в решающие моменты исторической революционной борьбы рабочего класса, и мелкособственнические настроения отдельных групп рабочих, еще сохранивших «свое» хозяйство в деревне.

В такой обстановке естественно особо возрастает роль и ответственность передовых слоев рабочего класса, рабочих-передовиков, активистов, ударников в борьбе за исторические общеклассовые задачи пролетариата.

На эту роль указывал Ленин:

> «Борьба со старой привычкой смотреть на меру труда, на средство производства с точки зрения подневольного человека как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок у буржуазии,—эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к народной фабрике... попрежнему... «Урвать кусок побольше и удрать». Все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах станет в этой борьбе на сторону передовых рабочих» (Ленин. «К вопросу о социалистическом соревновании»).

Несомненно, что на данном этапе революции проявления классовой борьбы на предприятии (не только вредительство, но и лжеударничество, рвачество и т. д.) требуют особого внимания как партийных, так и в особенности профессиональных организаций, меж тем как последние до сих пор очень часто «грешат» в своей работе именно непониманием важности этой задачи.

А вместе с тем в условиях развертывающегося социалистического наступления и ликвидации кулачества как класса особо опасным, вредным, деморализующим становится дальнейшее пребывание в профаппарате, на руководящих постах крупнейшей массовой революционной организации пролетариата профбюрократов, правых оппортунистов, «левых» загибщиков, тред-юнионистов и т. п. людей, являющихся по сути дела явными или тайными, но «приказчиками» отсталых слоев, представителями отсталых тенденций, явно враждебных историческим задачам пролетариата.

Проявлениям рвачества, враждебности к ударничеству и соцсоревнованию и т. д. на предприятии и на производстве, злостным прогулам, полностью «соответствует» консерватизм профбюрократов, аполитичность, правый оппортунизм, «левые» загибы и пр. в деятельности профсоюзов.

Отсюда ясно, где и какова питательная база уклонов в профработе и, в особенности, правооппортунистического уклона.

Правый оппортунизм в профработе разбит,—но еще далеко не добит. Поскребите любого «аполитичного» профбюрократа, любого «консервативного», якобы, «защитника» частных интересов отдельных групп рабочих, не желающего знать об общеклассовых задачах пролетариата и,—вы обнаружите правого оппортуниста.

Правая опасность,—попрежнему главная опасность в профработе. Борьба направо—основное, чем характеризуется и новый этап в профработе.

Рабочий класс и партия, особенно за последнее время, после смены оппортунистического руководства профдвижением, много сделали, чтоб преодолеть правый оппортунизм в профдвижении. Но борьба эта еще не закончена. Она должна быть и будет доведена до конца. Порукой тому — широчайшее движение социалистического соревнования, вступление в партию 300.000 рабочих за один 1929 год. Опираясь на ударников, коммунистов, новое руководство профсоюзами на основе партийной линии и решений XVI с'езда сумеет до конца победить рутину, косность, элементы тред-юнионизма и правый оппортунизм профбюрократов, опирающихся на отсталые элементы рабочих.

Поворот лицом к производству.

Одна из главных особенностей текущего момента внутри нашей страны состоит в том, что массы доказали возможность выполнения пятилетки в четыре года своим переходом к новым, социалистическим формам организации труда — социалистическому соревнованию и ударничеству, — открыли «новую эпоху в социалистическом строительстве». (Тезисы т. Шверника).

Что дает нам возможность продвигаться вперед более быстрым темпом, чем намечено пятилетним планом великих работ? Могущественный процесс социалистического соревнования, обновляющий и изменяющий психологию людей, создающий подлинно социалистическое отношение к производству, рост ударничества, рост коммунистических цехов и ударных заводов, рост культурного уровня рабочего класса, технический переворот в ряде областей промышленности.

Опыт ленинградских профсоюзов, как одной из крупнейших профорганизаций свидетельствует, что народились новые формы активности масс, что социалистическое соревнование стало гигантским резервуаром воли рабочего класса в борьбе за превращение нашей страны в передовую страну социализма.

На первом этапе социалистическое соревнование носило парадный характер, проводилось без масс. Профсоюзы очень медленно овладевают соревнованием. Ленинский набор ударников в Ленинграде дал 250.000, около 75 проц. рабочих вовлечено в активные формы соревнования, 42,7% участвует в ударных бригадах. Уже народилось значительное число предприятий, где поголовно вовлечены все рабочие в ударные бригады. В Ленинграде числится 39 ударных предприятий, 627 ударных цехов. Если в октябре 1929 года в Ленинграде было 825 ударных бригад и 12.500 ударников, то к 1-му марта 1930 г. уже есть 12.232 ударных бригады и 123.166 ударников. Таков гигантский количественный рост! Мы насчитываем на 1-е марта до 10.000 случаев добровольных снижений расценок и увеличения норм. Но количественные показатели не говорят о качестве. Народились новые формы и методы работы с ударниками. В сентябре 1929 г. была проведена генеральная проверка социалистического соревнования, давшая ценные результаты. Сейчас регулярно практикуются слеты ударников на предприятиях, общегородские конференции ударных бригад. На заводах растут рационализаторские ядра, группы шефства над станками, группы, добровольно снижающих расценки. Процесс самоуплотнения в работе ударников становится все более распространенным.

Движение ударников перерастает в новую стадию своего развития. В Ленинграде насчитывается 1.417 производственных коллективов и коммун, с 15½ тысячами ударников. Ударники начинают развертывать борьбу за рационализацию, становятся активной общественно-политической силой, превращаются в базу для роста партии. Так поднимается ударничество со ступеньки на ступеньку, в новые формы облекается инициатива рабочего класса. Но за всем этим надо видеть серьезные ошибки, прорывы и промахи. У нас была допущена разверстка в ленинском наборе ударников. В некоторых профсоюзах недооценивается политическая и хозяйственная роль ударного движения. На ряде заводов подошли бюрократически к вопросу о ликвидации прорывов промфинплана. На заводе им. Воскова рабочие приняли решение об увеличении рабочего дня с 8 до 10 часов. Заводская конференция постановила отработать 11-е февраля для ликвидации прорывов. На фабрике «Работница» имел место случай, когда текстильщица работала 24 часа под ряд. Такие искривления быстро исправлялись, но основное зло то, что ударники работают чаще всего «в темную», нет учета производственных показателей соревнующихся бригад, а инженерно-техническая масса мало привлечена к соревнованию. Огромное зло — лжеударничество, против которого часто профсоюзы не ведут борьбы. Есть заводы, где при большем росте ударников программа не выполняется (на «Красном Треугольнике». Буферный завод об'явил себя ударным, а прогулы у него возросли в девять раз, опоздания — в пять раз. Есть много других случаев лжеударничества, подрывающих работу предприятий при попустительстве со стороны профорганизаций.

Но рабочие массы выдвинули новые формы борьбы с этим злом. На ряде заводов происходит при участии ударников регулярная массовая проверка выполнения промфинплана. На отдельных заводах уже имеются образцы лучшего учета работы в ударных бригадах (Балтийский завод). Руководителю бригады выдается на руки книжка, где производится запись всех достижений бригады. Есть ряд заводов (как, например, «Большевик», «Электросила», «Севкабель», «Марксист»), где промфинплан доведен до цеха и бригад. Каждому рабочему выдается маленькая брошюра с изложением плана.

Не менее любопытные данные дают показатели работы производственных совещаний. Роль производственных совещаний возрастает, количество предложений, получаемых ими, из месяца в месяц увеличивается. Особый под'ем в рабочих массах вызвала кампания по борьбе с потерями. На заводах поступили тысячи ценнейших предложений. Народились новые формы работы совещаний; групповые производственные совещания, совещания по сменам, совместные конференции предприятий, связанных производственно между собой; общетрестовские конференции рабочих для обсуждения итогов работы данного треста. Но тем не менее, производственные совещания еще далеко не овладели социалистическим соревнованием. Новые формы рождаются, но профсоюзы их не подхватывают, со стороны руководящих проворганов нет достаточной реальной помощи местам и массам в превращении этих форм в орудие дальнейшего роста.

Очень крупную роль начинают играть временные контрольные комиссии. Число предложений изобретателей, которое за первое полугодие 1928—1929 г. составляло по ленинградским предприятиям 1.119, за три месяца текущего года дало 1.170. Но десятки тысяч ценнейших предложений рабочих пропадают, не учитываются, не вызывают внимания хозяйственных и профсоюзных организаций! Как иначе можно об'яснить тот факт, что фонды премирования и поощрения используются только на 50 проц.? Нельзя закрывать глаза и на то, что во многих местах неблагополучно с прогулами, что еще многие профсоюзы и хозяйственники не усвоили директивы ЦК об единоначалии.

Между тем, эти директивы ЦК, являясь развитием ленинских положений, — имеют огромное значение для дела социалистической организации управления предприятием.

Ленин писал:

> «...Мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны, дискуссии, митингования, с другой стороны, — установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое дисциплинированное добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы...
>
> «...Недавно при обсуждении вопроса о реорганизации и правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, насколько единоличная распорядительная власть (власть, которую можно было бы назвать властью диктаторской) совместима с... советским социалистическим принципом организации... Очень распространенным является мнение будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства... Нет ничего ошибочнее этого мнения... На «очередь выдвигаются задачи строжайше отделить дискуссии и митингования от беспрекословного исполнения всех предписаний руководителя...». (Ленин «Очередные задачи советской власти»).

В чем смысл процессов, о которых мы выше говорили? Что показывает громадный рост ударничества и изобретателей, рост активности рабочих, рост производственных совещаний? — Рабочий класс осознал себя хозяином и творцом социалистической промышленности. Рабочий класс прокладывает новые пути, новые методы к быстрейшему овладению производством. Своей коллективной мыслью и волей рабочие начинают сплошной лавиной двигать дело социалистической реконструкции.

Профсоюзы на десять лет вперед написали прекрасных резолюций о социалистическом соревновании. А какая профсоюзная организация конкретно изучила опыт социалистического соревнования? — Ни местные профсоюзные организации, ни ВЦСПС этого еще не сделали. У нас устраиваются десятки тысяч собраний (в том числе не мало пустых и ненужных), посвященных соревнованию, а какая профсоюзная организация сделала попытку с научно-правильным критерием подойти к изучению особенностей социалистических форм труда? Разве у нас есть подлинное знание того, как проходит соревнование, где его слабые стороны, в чем заключается задача дальнейшей работы в этой области?

Некоторые профсоюзники по наивности думают, что руководство соревнованием состоит в том, чтобы заводить сводки, записывать количество ударников (хотя и это делается очень плохо и не всегда). Они не понимают, что руководить — значит понимать, в чем движущие силы данного процесса; что руководить социалистическим соревнованием — значит понять, при каких условиях можно обеспечить дальнейший под'ем его и перевести на новую ступень развития. Они не понимают, что руководить соревнованием — значит облегчить, помочь рабочему скорее получить план и рассказать, что именно от него требуется для выполнения промфинплана. Вот почему насчитывается много случаев чисто формального об'явления цехов и заводов ударными (лжеударничество). Как попугаи, некоторые профчиновники подхватили лозунг «ударный» и пытаются скорее записать свой цех «по высшему разряду» или в «спешном» порядке организовать лже-«коммунку», в которой коммунистическим является только название, а все остальное— плод административно-«коммунистического» усердия, и т. д. и т. п. Откуда вытекает формальное об'явление цехов ударными? — Из бюрократического непонимания профбюрократами сущности и значения соревнования и из политической недооценки его.

Каждый раз, когда нарождаются новые формы и методы работы, есть опасность, что под новыми формами легко скроется старое содержание. Эта опасность сейчас резко выражена в профсоюзах. Профсоюзы — самая мощная организация, через которую миллионы рабочих участвуют в строительстве социализма. Когда совершается поворот в этой организации, неизбежно в течение известного времени сопротивление наиболее отсталых элементов. Нельзя забывать о консерватизме профсоюзного аппарата, о том, что старое оппортунистическое руководство в профсоюзах изо всех сил тормозило перестройку, и наследство его еще не ликвидировано.

У нас за последнее время произошли некоторые изменения в составе самого рабочего класса. Рабочий класс пополнился и пополняется за счет притока многочисленных непролетарских слоев. На целом ряде заводов происходит иногда за год обновление рабочего состава на 40 — 50 — 60 проц. Нельзя забывать значение и этого факта. Далее нужно учесть повышение активности рабочего класса, которая требует четкого, неослабного, живого руководства. Профаппараты и профработники не привыкли к новым темпам, не владеют методами живого руководства. Наконец, некоторые профорганизации сделали четверть и пол-оборота к производству, и на этом успокоились.

Лозунг — «лицом к производству» наиболее полно раскрывается в руководстве и в организации социалистического соревнования. Вот как тезисы к XVI с'езду формулируют задачи поворота:

> «XVI с'езд партии со всей решительностью подчеркивает, что решающим, основным звеном в оживлении и улучшении всей работы профсоюзов и вовлечении широких рабочих масс в управление производством является соцсоревнование и его детище—ударничество как величайшее движение пролетариата».

Пока профсоюзы не научатся драться за высокие темпы на производстве, не покончат с практикой противопоставления задач по улучшению материального положения и быта рабочих — хозяйственно-политическим задачам, пока профсоюзы не усвоят, что сейчас центр тяжести переносится в область организационно-хозяйственную, производственную, — до тех пор не может быть и не будет настоящего поворота лицом к производству. Что значит «драться за высокие темпы на производстве»? — Это значит добиваться, чтобы все мероприятия на предприятии шли по линии быстрой рационализации, доведения промфинплана до цеха, повышения производительности, снижения себестоимости и режима экономии. Хозяйственный план завода, треста и ВСНХ профорганизации должны знать не хуже хозяйственников и активно участвовать во всех стадиях плановой работы. Профработник должен уметь рабочему раз'яснять все, что касается не только расценок, но и выполнения промфинплана

Профорганизации не осознали необходимости жить изо дня в день интересами производства. Они ждут, пока случится прорыв, забьют тревогу; сорвется промфинплан, — тогда и профсоюзы начинают нервничать, торопиться, искать виновников. Но своей задачей «быть ближайшим и непременным сотрудником, госвласти, которой руководит... компартия... быть школой управления социалистической промышленности (а затем постепенно земледелия) для всех рабочих, а затем и для всех трудящихся» — этой Лениным поставленной и записанной в резолюции XI с'езда ВКП(б), задачи, — задачи участия в социалистическом производстве, профсоюзы еще не поняли и рабочие очень часто опережают свои профорганизации.

Коллективные договора, заключавшиеся в этом году, показали наличие сдвигов. Некоторые союзы доказали на практике, что коллективный договор есть неот'емлемая и составная часть хозяйственного плана, что он должен содействовать рациональной организаций труда, что наряду с этим он служит дальнейшему повышению и улучшению материального и культурного уровня рабочего класса.

Об улучшении материального положения и быта рабочих.

Как же могут профсоюзы подчинить свою работу великим задачам реконструктивного периода? Они должны умело сочетать борьбу за разрешение общеклассовых задач рабочего класса и пролетарского государства с заботами о материальных интересах и культурно-бытовом обслуживании рабочих. В тезисах тов. Шверника говорится:

> «С'езд считает, что профсоюзы до последнего времени уделяли совершенно недостаточное внимание вопросам рабочего снабжения, борьбе за снижение цен и улучшение работы кооперации».

Это положение указывает на слабое звено профсоюзной работы.

Опыт показал, как много нового и ценного народилось в области борьбы за улучшение снабжения рабочих за последнее время. По Ленинграду заключено социалистическое соревнование между крупнейшими кооперативными организациями и заводами и фабриками (свыше 300). Огромное хозяйственно-политическое значение приобретают договоры, в которых рабочие берут обязательство повысить производительность, а кооперация — снизить себестоимость и лучше обслужить потребителя. Массовый смотр рабочей кооперации ленинградскими профсоюзами приковал внимание всей рабочей общественности к проблемам кооперации, к ее улучшению. 5.000 добровольцев, рабочих и работниц, участвовали в смотре в течение двух недель, *тысяча рабочих бригад* изучала работу кооперативных магазинов. Выводы этих бригад имеют огромное значение для улучшения работы кооперации. Такое обследование было началом действительного *поворота профсоюзов лицом к кооперации*; оно содействовало очищению кооперативных аппаратов от негодных элементов; показало рабочим, как нужно лучше бороться за повышение реальной заработной платы. Опыт выдвинул и ряд других форм: *шефство заводов над отдельными магазинами*. Так, парк им. Коняшина осуществляет шефство над 4-мя магазинами ГУМ'а, трампарк им. Смирнова шефствует над 5-ю магазинами. Все магазины ГУМ'а охвачены шефством предприятий. Рабочие начинают шефствовать над столовыми, магазинами, складами. Начали практиковаться «налеты» производственников на торговые предприятия. Союз водников шефствует над «Севзапрыбаком», союз печатников—над Птицеводсоюзом, союз химиков—над Совхозтрестом, союз пищевиков—над Плодоовощсоюзом. Это шефство крупнейших рабочих организаций является *новой формой массового контроля рабочих, той формой*, которая, *действительно*, ведет к улучшению положения рабочих масс и вовлекает десятки тысяч рабочих в *борьбу за повышение* реальной заработной платы.

Большое развитие получает сейчас участие профсоюзов в промышленном огородничестве, в строительстве животноводческих совхозов, в организации крупных молочных ферм, в организации промышленного лова рыбы и т. д. Все эти новые, молодые формы нуждаются в укреплении. *Надо тщательно изо дня в день изучать опыт, который открывает новые пути действительной борьбы всего рабочего класса за разрешение коренных вопросов улучшения материального положения*. В результате этой борьбы по огородничеству — увеличение площади ЛСПО с 226 га в 1928—29 г. до 2.045 га в 1929—30 г.; Плодоовощсоюз довел свою программу до 9.800 га. Все это, конечно, явно недостаточно, это только первые шаги, но мы получим огромный под'ем, когда еще более широкие массы возьмутся за разрешение этих задач. В Ленинграде заканчиваются постройкой четыре фабрики-кухни, растут бытовые коммуны, артели и товарищества, растет общественное питание. *Недоучет* новых факторов в росте *реальной заработной платы совершенно недопустим*. Точно так же вредным является недооценка роли охраны труда и техники безопасности, которая является *самым слабым местом* в работе профсоюзов. В условиях непрерывной недели, при переходе к многосменности, охрана труда имеет гигантское значение для под'ема производительности рабочих. *Эта задача очень многими профорганизациями оставляется в тени*. Некоторые данные могут показать насколько слепы правые в оценке положения рабочего класса:

За 3½ года по ленинградской промышленности рост реальной заработной платы составлял 24,6 проц., значительно превысив довоенный уровень ее. Ассигнования на оздоровление труда возросли с 3½ млн. руб. в 1926 27 г. до 10 млн. в 1929 г. Бюджет соцстраха возрос с 73 млн. руб. в 1926 27 г. до 150 млн. руб. в 1929 г. Рост расходов на жилстроительство с 5.800 т. руб. в 1926 27 г. до 14.123 т. в 1929 г.

За последние 3 года безработица сократилась более, чем на 50 проц., а количество рабочих, занятых в промышленности, увеличилось с 200.000 в 1927 г. до 285.000 в 1930 г.

Если профсоюзы используют все новые методы и формы борьбы за улучшение положения рабочих масс, мы закрепим и действительно поднимем реальную зарплату.

Под влиянием социалистического соревнования и развития ударных бригад изменяется внутренняя жизнь завода, жизнь рабочего класса. *Профсоюзы должны встать во главе борьбы за развитие новых форм коммунистического труда*. Надо добиться поголовного вовлечения рабочих в социалистическое соревнование, укрепление социалистической дисциплины труда, поголовного повышения культурной и технической грамотности рабочих масс, — только так профсоюзы переведут социалистическое соревнование на более высокую ступень. Без самой смелой, решительной и непримиримой борьбы с косностью, обломовщиной, инертностью, консерватизмом, без самого смелого развертывания самокритики эту задачу выполнить нельзя.

Главное в повороте лицом к производству лежит в понимании того, что в период социалистической реконструкции идет усиление и дальнейшее укрепление роли профсоюзов в организации производства.

Опыт назначения председателей производственных совещаний помдиректорами дал уже положительные результаты и надо его дальше расширять. К XVI с'езду партии надо изучить и подвести итоги всему новому, ценному, что имеется в профсоюзах и что должно быть положено в основу для дальнейшей перестройки их.

Профсоюзы и социалистическая переделка сельского хозяйства.

В резолюции XI с'езда партии, написанной Владимиром Ильичем, говорится:

> «Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть, в частности, школой управления социалистической промышленностью, а затем, *постепенно, земледелием* для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся».

Характерной чертой и особенностью правых оппортунистов была недооценка работы профсоюзов в деревне. Со времени XI с'езда мы сделали громадный шаг вперед по пути к переходу от мелкого раздробленного крестьянского хозяйства к коллективному хозяйству, приступили к выкорчевыванию корней капитализма и ликвидации кулачества. Работа профсоюзов в деревне действительно приобретает теперь величайшее значение. Профсоюзы должны постепенно становиться *школой управления социалистическим земледелием* для всех трудящихся.

Ленинградские профсоюзы готовили 5.000 рабочих-колхозников в счет 25.000, послали 2.000 рабочих-бригадников на весеннюю посевную кампанию, послали десятки культурных и агитационных бригад в колхозы. Профсоюзы Ленинграда принимают участие в строительстве 20 домов культуры в районах сплошной коллективизации и выделили специальные средства для ликвидации неграмотности в районах коллективизации и проведения библиотечного похода. Рабочие Ленинграда, по собственной инициативе, в 1929 году дали свыше 500.000 руб. отработков в помощь деревне. Особое внимание теперь обращено, конечно, на работу среди сезонников. Характерно, что в этом году некоторые союзы, как, напр., горнорабочих, *впервые осуществили работу по месту жительства сезонников*. Особенно крупную роль приобрела работа заводов, расположенных в сельских местностях, они участвовали в политических кампаниях в деревне всей массой рабочих. Все это—новые формы осуществления руководства рабочего класса массами бедняков и середняков.

Через десятки тысяч, а потом и через сотни тысяч рабочих в совхозах, профсоюзы станут и школой управления социалистическим земледелием. Но очень часто еще имеет место недооценка значения профсоюзной работы в деревне и некоторые искривления партийной линии во этом вопросе, как, например, исключение из членов союза за невступление в колхоз. Мы еще не добились коренного перелома в этой области? Часто работа в деревне рассматривается как одна из многочисленных задач. Профсоюзы должны сверху донизу взять на свои плечи ответственность за коллективизацию сельского хозяйства. А между тем в этой области у нас даже еще не изучаются новые формы и методы, не обобщается богатейший опыт.

Чего нужно теперь добиваться? Во-первых, чтобы профсоюзы повели повседневную, систематическую работу и органически участвовали в работе по коллективизации сельского хозяйства. Во-вторых, чтобы десятки миллионов рублей профсоюзных средств, расходуемых на посылку бригад в деревню, были планомерно и правильно распределены с наибольшей пользой для коллективизации. В-третьих, надо учесть рабочих, связанных с деревней, воспитать их, сделать застрельщиками и организаторами коллективизации, бросить максимум средств на воспитание сезонников, на дальнейший под'ем работы союза сельхозлесрабочих. В-четвертых, надо осуществить постоянную связь и оказывать помощь рабочим, уехавшим в деревню, и, в-пятых, профсоюзы должны каждодневно в массах рабочих раз'яснять политику партии в деревне, готовить десятки тысяч руководителей колхозов, совхозов.

Подготовка кадров и перестройка работы.

Новые задачи профсоюзов выполняются и будут до конца выполнены силами вновь подготовленных и переподготовленных кадров профработников. Разрешение проблемы кадров — это есть организационное на деле обеспечение всех задач перестройки работы профсоюзов. Между тем, можно смело сказать, что серьезно подготовкой своих кадров профсоюзы начали заниматься только за последние месяцы. В тезисах т. Шверника четко сказано:

> «С'езд предлагает ВЦСПС поставить дело подготовки профкадров, как одну из самых неотложных и боевых задач профдвижения».

Ленинградские профсоюзы пять месяцев тому назад разработали предварительный проект пятилетки подготовки кадров. По этой пятилетке 212.000 рабочих должно быть подготовлено в средних звеньях профдвижения. Пятилетка предусматривает массовую учебу и переподготовку тысячами рабочих. Опыт показал, что, когда мы решили переподготовить 10.000 чел. ударников, записалось свыше 12.000. Опыт показал, что нужно приспособить лучшие клубы для подготовки кадров. Большую часть фондов ленинградские профсоюзы бросают на переподготовку кадров. В Ленинграде начал работать завод-втуз на металлическом заводе имени тов. Сталина. Но не хватает педагогических сил, нет учебников и, главное — нет еще продуманной системы.

В то же время идет сильная «передвижка» в кадрах. За последние 8 месяцев ленинградские профсоюзы полностью обновили руководство Облпрофсовета, на 60 — 80 проц. обновили руководство союзов. Новые перевыборы по фабзавкомам дали 50 — 75 проц. обновления руководящего состава. Ударник-рабочий идет в профсоюзный аппарат, он внесет много инициативы и свежих сил, но нужно добиться, чтобы ударнику оказали помощь в работе.

Несколько слов о культурной работе. Культработу приходится дважды перестраивать. До последнего времени не мало людей, которые больше говорят, чем делают для этой перестройки, занимаются апологетикой клубного членства, вместо привлечения масс к культурной работе, вместо радикальной ее переделки.

Правда, есть уже первые шаги и в области перестройки культработы. Всесоюзное клубное совещание, которое положило опыт Ленинграда в основу, дало ценный материал. Эта перестройка ведется на основе коренного изменения форм и методов, на основе привлечения десятков тысяч рабочих, на основе единого культурного плана и единого культурного центра на предприятии. Она должна обеспечить действительное участие профсоюзной культработы в борьбе за генеральную линию партии, за выполнение промфинплана и за осуществление лозунга — «лицом к производству».

Перестройка работы профсоюзов встретила не мало иронических замечаний старых аппаратчиков. В тезисах т. Шверника указано, куда надо направить главное внимание и при каких условиях перестройка профсоюзов будет успешно осуществлена: «Основной базой перестройки профсоюзов является ударное движение» и далее:

> «Центр тяжести работы профсоюзов должен быть перенесен в их низовые первичные звенья, ударную бригаду, группу, смену, цех, предприятие. Одним из важнейших условий успешности перестройки работы профсоюзов с'езд считает обеспечение подлинной профсоюзной демократии, широкое развертывание пролетарской самокритики, являющейся лучшей проверкой снизу работоспособности профаппарата и его руководящих кадров. Самокритика в профсоюзах до настоящего времени развернута слабо и все еще не носит конкретного характера. Пролетарская самокритика профсоюзов должна способствовать систематическому улучшению работы союзов, воспитанию профсоюзных кадров, исправлению их ошибок, повороту профсоюзов лицом к производству и усилению их внимания к нуждам и запросам масс».

Опыт показал пути рождения новых форм работы. Посылка рабочих бригад на производство носит широкий характер; в первые месяцы 1930 г. союз коммунальников послал 159 бригад, текстильщики — 129 бригад, совторгслужащие — 127 бригад, кожевники — 32 бригады. Растет добровольчество в профработе. Первые сотни добровольцев работают в союзах, в секторах Ленинградского Облпрофсовета уже об'единено свыше тысячи добровольцев. Но это пока первые сдвиги. Без создания крепкого, гибкого рабочего аппарата нельзя будет закрепить достижения работы ударных бригад. Кое-где имеется перестройка формальная, или, как говорят, «передвижка столов». Участились за последнее время отзывы и переизбрания выборных лиц из профсоюзов. Расширяется и укрепляется социалистическое соревнование, как метод работы профсоюзов. Но было бы слепотою не видеть, что старые формы и методы еще живучи, что настоящего, подлинного перелома еще нет.

Основным и главнейшим условием дальнейшего закрепления успехов, дальнейшего укрепления профсоюзов является улучшение и укрепление партийного руководства. Партруководство на отдельных предприятиях иногда недооценивает роли профсоюзов, пытается подменить профсоюзную организацию, пользуется методами командования и голого администрирования. Нужно выправить и изжить такие ошибки. Только дальнейшее укрепление партийного руководства может обеспечить рост и развитие профсоюзов.

Профсоюзы как школа коммунизма.

X с'езд партии указал:

> «Профессиональные союзы, как школа коммунизма, должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся, постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства, всегда освещая им путь идеями нашей программы, ведя их от частностей к общему, постепенно поднимая их от беспартийности к коммунизму».

К XVI с'езду партии народились многочисленные формы и методы вовлечения широких слоев трудящихся в дело государственного строительства. Бесспорно, что многие профсоюзы недооценивают значения шефства рабочих целыми заводами над советскими учреждениями, чистки рабочими соваппарата. Эта форма участия трудящихся в государственном строительстве нуждается еще в тщательном изучении. «Борьба с бюрократизмом в гос. и хозаппарате должна занять одно из первых мест в работе профсоюзов», так четко формулируют тезисы т. Шверника задачи в этой области. Очистить госаппарат «от классово чуждых, обюрократившихся элементов и выдвигать в госаппарат десятки тысяч рабочих, в первую очередь, лучших ударников». Главное в шефстве рабочих над госаппаратом лежит в том, что рабочий класс всей массой поворачивается лицом к улучшению государственного аппарата, несет коллективный опыт целых заводов в советские учреждения, что он может, таким образом, действительно переделывать и перестраивать государственный аппарат.

За последний год родились ударные цеха и заводы, коммунистические цеха и заводы. Разве это не факт, что сотнями тысяч самые квалифицированные рабочие поднимаются «от беспартийности к коммунизму?» Разве коммунистические цеха — не свидетельство такого под'ема? Разве коммунистические цеха не меняют в корне самую постановку работы профессиональных союзов? Совершенно, ясно, что профсоюзам нужно искать новые пути, новые методы воспитания и организации ударных или коммунистических цехов. Сейчас нельзя больше ограничиваться старыми измерителями и показателями достижений профсоюзов.

В эпоху социалистической реконструкции сильно возрастает спрос на повышение квалификации основных пролетарских кадров. Рабочий класс пополняется новыми многочисленными выходцами из мелкобуржуазной среды. Вот почему такое огромное значение приобретает вопрос о классовом воспитании рабочих, интернациональном воспитании и проблема кадров.

Мы должны сделать теперь особый упор на воспитание рабочего класса в пролетарском коммунистическом духе.

В чем должна заключаться сейчас роль профсоюзов, как школы коммунизма?

> «Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с нею тысячами переходных ступеней, граней... Историческая роль пролетариата — переварить, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство, в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него». (Ленин, т. XI, стр. 329).

Так учил нас Ленин. С каждым месяцем, с каждым днем, возрастает идейная, организационная мощь пролетариата. В рабочих массах — налицо великий творческий под'ем. Победоносное социалистическое строительство — один из решающих факторов революционизирования мирового пролетариата. Пятилетка превратилась в орудие мобилизации воли, энергии, инициативы всего передового, лучшего и сознательного в рядах рабочего класса и трудящихся нашей страны.

В эпоху социалистической реконструкции задача профсоюзов, как школы коммунизма, состоит в том, чтобы непосредственно вести миллионы на осуществление социалистической реконстукции; чтобы организовать их на проведение социалистической переделки сельского хозяйства, на проведение коллективизации и ликвидации кулачества как класса; чтобы превратить социалистическое соревнование в основной метод нашего строительства; чтобы провести повседневную упорную борьбу за под'ем социалистической культуры труда, повышение производительности, снижение себестоимости и повышение реальной заработной платы, путем улучшения работы кооперативных и государственных организаций, путем рационализации, режима экономии на производстве; чтобы двинуть сотни — тысячи лучших рабочих-ударников в государственный аппарат и ближе, конкретнее, на деле осуществлять улучшение и переделку государственного аппарата, приближая его к массам, вырывая бюрократические наросты; чтобы на основе завоеванного культурного уровня рабочих масс, методами самокритики и профсоюзной демократии, методами культурных походов, массовой агитации обеспечить поголовную общую и техническую грамотность рабочего класса, культурную переделку масс и организацию культурного отдыха масс. Профсоюзы как школа коммунизма должны стать самой обширной и разветвленной организацией выдвижения и подготовки кадров рабочего класса.

Таковы общие задачи, стоящие перед профсоюзами. Находятся теперь нытики, пессимистически оценивающие положение профсоюзов. «Что, мол, было» и «что осталось!» Эти обыватели не понимают силы и значения чистки, силы и значения той критики масс, которая коснулась профсоюзов. То, что переживают сейчас профсоюзы СССР, — это есть переход на новую, более высокую ступень развития.

Мы, в ближайшее время, будем свидетелями нового роста и укрепления профдвижения, будем свидетелями укрепления связи профсоюзов с широкими массами, свидетелями гигантского расцвета работы профсоюзов во всех областях. И это будет лишним выражением того безграничного доверия, того безграничного авторитета, которым пользуется наша коммунистическая партия у трудящихся СССР и всего мира.

Первой и крупнейшей основной предпосылкой, необходимым условием для разрешения этих задач является решительное, быстрое и полное преодоление правооппортунистического уклона и усиливающих его «левых» заскоков, — прежде всего среди коммунистов, работающих в профсоюзных организациях.

И. Варейкис.

Задачи организации и укрепления колхозов *).

I.

Период между XV и XVI с'ездами партии дал нам богатейший исторический опыт социалистического строительства. В течение последних двух лет наша партия шла действительно развернутым фронтом по пути социалистического наступления.

При этом наша революция в масштабах, не имеющих примеров в истории, захватила могучим потоком социалистического преобразования вслед за промышленностью, транспортом, товарооборотом, обменом миллионы мелких и мельчайших единоличных крестьянских хозяйств.

Экономическая отсталость мелкого сельского хозяйства, сравнительно с промышленностью, имеющая под собой известную историческую обусловленность, в последние годы усугубилась вследствие того, что сельское хозяйство не поспевало за ростом социалистической индустрии. Крестьянское хозяйство оказалось не в состоянии обеспечить расширенное воспроизводство в размерах, соответствующих высоким темпам развития социалистической индустрии. Поэтому, проблема переделки мелкого карликового хозяйства в крупное коллективное стала экономической необходимостью. Ибо, если индустрия выполняет ведущую роль в отношении сельского хозяйства, то сельское хозяйство в свою очередь является базой продовольствия, сырья и рынком сбыта для промышленности.

Крупнейшей политической ошибкой правой оппозиции (бухаринской) было то, что она не поняла этой теснейшей зависимости развития сельского хозяйства от индустрии и—обратно—зависимости индустрии от экономического под'ема и реконструкции сельского хозяйства. Правая оппозиция не понимает, что дальнейший рост индустрии в значительной мере упирается в отсталость сельского хозяйства и поэтому задача реконструкции сельского хозяйства встала перед нами во весь рост.

XV с'езд поставил во всем об'еме проблему коллективизации крестьянского хозяйства. Колхозное движение за последние два года показало, насколько своевременно и правильно было решение с'езда, насколько верна была политика партии в деревне.

Быстрый рост социалистической индустрии и развертывание кооперативного строительства в деревне, организация деревенской бедноты, широкая пропаганда идей коллективного земледелия и последовательная, непримиримая борьба против кулака, — все это привело к тому, что в основных слоях деревни произошел коренной перелом в пользу коллективного земледелия. Крестьянин, цепко державшийся за свою собственность и часто недоверчиво относившийся к колхозам, — повернул на путь коллективизации, на социалистический путь развития сельского хозяйства.

Это движение в деревне представляет, таким образом, результат всего предшествующего развития пролетарской диктатуры, ее правильной экономической политики и могучего воздействия крупной социалистической машинной индустрии на крестьянское хозяйство.

Уже к концу второго года пятилетки оставлены далеко позади все существовавшие предположения по коллективизации. По исчислениям пятилетнего плана предполагалось, что лишь к концу пятилетки социалистический сектор в деревне даст товарную продукцию, равную производству десяти процентов крестьянской верхушки.

Однако, мы уже сейчас имеем возможность замещения производства кулацких хозяйств производством совхозным и колхозным в ряде зерновых районов.

Если взять даже такую, сравнительно отсталую с.-х. область, как ЦЧО, то и здесь мы имеем на протяжении последних двух лет рост коллективного земледелия более чем в 10 раз!

В связи с переходом к сплошной коллективизации партия оказалась в состоянии перейти на практике к политике ликвидации кулачества как класса.

Нечего говорить, что если бы в практике коллективизации не было допущено ряда грубейших ошибок, особенно во взаимоотношениях с середняком, если бы был полностью соблюден принцип добровольности при коллективизации, если бы не было увлечений методами администрирования, то достижения в области организации коллективного земледелия оказались бы еще более значительными.

Решительно исправляя ошибки, допущенные на практике в колхозном строительстве и вызвавшие недоверие некоторых середняцких слоев по отношению к коллективному земледелию, неутомимо убеждая крестьян в преимуществах крупного земледелия, — мы должны последовательно вести борьбу за колхозы. Мы не в состоянии установить прочной, длительной смычки пролетариата с крестьянством, если не будет возрастать в деревне колхозная база. Рост колхозов есть важнейшее условие укрепления производственной смычки города с деревней.

Последнее время встречаются выступления, утверждающие, что партия «ошиблась», что партии необходимо «пересмотреть» свою политику в деревне и линию в колхозном движении в целом.

Подобные утверждения абсолютно неверны. Они есть либо результат непонимания политики партии в деревне, либо оппортунистическое стремление дискредитировать партийное руководство, подорвать доверие к партии. Партия нигде и никогда не писала, чтобы «к весенней посевной кампании текущего года коллективизировать целые округа и области!» Не вина ЦК и партии в том, что подобные увлечения были допущены, что в ряде случаев, вместо соблюдения директив ЦК о темпах и сроках коллективизации применительно к каждой области, краю, происходило форсирование колхозного движения административными мерами, с намерением построить в каких-нибудь «два месяца» коллективное хозяйство!

Совершенно правильным и своевременным было выступление ЦК и, по поручению ЦК, тов. Сталина за исправление подобных ошибок и перегибов. Но, беспощадно борясь с перегибами, партия не должна допускать какой бы то ни было ревизии своей принципиальной линии политики в деревне.

Разумеется, правые оппортунисты и примиренцы будут хихикать и уже хихикают насчет того, что якобы произошел «провал» партийной политики в деревне и «подрыв» генеральной линии партии! Не случайно, что уже слышатся голоса троцкистов, которые в поразительном единстве с правыми требуют пересмотра генеральной линии. Правые, боровшиеся против коллективизации, и троцкисты, дошедшие до полного разрыва с ленинизмом и с партией, в своей критике партийной политики в деревне сколачивают общий фронт борьбы против линии партии.

---

*) Редакция «Большевика» считает некоторые практические положения статьи т. Варейкиса подлежащими дальнейшему обсуждению.

Не может быть и речи о каком бы то ни было отступлении в таком решающем вопросе нашей политики в деревне, как строительство совхозов и колхозов, усиление социалистического сектора сельского хозяйства. Ссылаются на трудности. Конечно, было бы глупо отрицать трудности. В деревне при организации коллективного земледелия приходится иметь дело с миллионами индивидуальных хозяйств. Для создания коллективного хозяйства необходимо крестьян об'единять на кооперативной основе, на основе добровольности и взаимной увязки их личных интересов с интересами колхоза. Организация каждого колхоза постоянно сопровождается значительными трудностями и притом представляет одну из форм наиболее острой классовой борьбы.

Середняк как мелкий производитель, решая для себя положительно вопрос о вхождении в колхоз, в то же время как владелец средств производства и продуктов собственного мелкотоварного производства, еще отнюдь не является вполне подготовленным для общественного ведения хозяйства. Личный интерес у середняка часто преобладает над общественным. Предрассудки мелкого собственника еще долго будут сидеть в его психологии. Так, под влиянием враждебной агитации кулацких слоев, середняк, вступая в колхоз, во многих случаях, предварительно сокращал скот, птицу и разбазаривал свой инвентарь.

Конечно, трудности неизмеримо возрастают в том случае, если колхозное движение сопровождалось перегибами.

Но если на первых порах строительства коллективных хозяйств неизбежно возникает ряд трудностей переходного характера, то при правильном хозяйственном и организационном руководстве со стороны кооперативных органов, при развертывании инициативы и самодеятельности колхозных масс они будут преодолены сравнительно скоро.

Базой для их преодоления является то, что уже с самого начала, как показал опыт, колхозы дают значительное расширение посевных площадей и повышение урожайности. Это есть источник для быстрого под'ема колхозного хозяйства.

Рост посевных площадей, правильное использование всей удобной земли, лучшая обработка ее и повышение урожайности, — это есть та материальная основа, на которой возможно сравнительно быстро поднять до пределов несравненно более высоких, чем это было в индивидуальном хозяйстве, и полеводство, и животноводство, и птицеводство.

Важным вопросом является вопрос о темпах коллективизации. Здесь необходимо учесть уроки последнего года. Увлечения темпами недопустимы.

Продвигаться в деле коллективизации прочно вперед возможно лишь при достаточной подготовленности и создании общественной базы для колхоза.

В ряде районов, округов и в некоторых областях колхозное движение первое время будет протекать медленнее, нежели оно развивается в основных зерновых районах. Это зависит от ряда причин: от подготовленности крестьянских масс, от состояния организации деревенской бедноты, от того, как протекала борьба против кулачества во время хлебозаготовок, при индивидуальном обложении с.-х. налогом, от снабжения деревни тракторами, и т. д.

Необходимо обеспечить такие темпы колхозного строительства, которые бы сократили всемерно путь перехода от единоличного крестьянского хозяйства бедняцко-середняцких масс к коллективному земледелию. Ибо чем скорее они перейдут к коллективному земледелию, тем прочнее окажется база реконструкции народного хозяйства и тем быстрее мы получим необходимые предпосылки для дальнейшего развития социалистического строительства.

Было бы в высшей степени опасным, если бы, исправляя ошибки в практике колхозного движения, работники сползли «на самотек».

Правые элементы вкупе с троцкистами требуют «отступления». Речь идет для них об отказе от политики партии в деревне, речь идет о снятии лозунга перехода к сплошной коллективизации. Мы не сомневаемся, что партия даст беспощадный отпор подобным вылазкам.

II.

Нет нужды доказывать, что в современных колхозах есть масса крупнейших организационных и производственных недостатков.

Сплошь и рядом люди недооценивают того факта, что «скачок» из царства мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в царство социалистического земледелия для крестьянина невозможен без соблюдения ряда переходных ступеней, представляющих собой процесс перерастания низшей формы колхозного движения в высшую.

Необходимо, чтобы этот процесс протекал в формах, наиболее простых и понятных для крестьянина. Общеизвестны ошибки, допущенные благодаря увлечению попытками организовать немедленно коммуны, в которых были бы обобществлены все виды и отрасли вплоть до домашнего хозяйства. Нам уже приходилось в печати приводить примеры, когда в некоторых колхозах «обобществляли» швейные машины, хотя и с весьма благими намерениями организовать колхозные швейные мастерские. В некоторых колхозах устанавливали трудповинность для мастеровых и ремесленников: сапожников, шорников, столяров, плотников, живущих в колхозах, обязывали их «в порядке колхозной дисциплины» работать только для колхоза за низкую плату, лишая их доходов, которыми пользовались они до организации колхоза, занимаясь свободно своим ремеслом.

Увлечение коммунами обуславливалось также стремлением создать сразу «высший тип коллективного хозяйства», охватывающий все отрасли производства, с обобществлением в нем средств производства и всего имущества, с установлением полного равенства при распределении продукции. Но для того, чтобы создать крупное коллективное хозяйство, охватывающее все отрасли сельскохозяйственного производства, для того, чтобы установить полное равенство между всеми членами колхоза, для этого мало провозглашения в колхозах «равенства» и обобществления всего имущества, всех видов скота, домашней птицы и т. п.

Попытки строить так коллективное хозяйство на практике не могли не дискредитировать в глазах окружающих крестьян и самих колхозников и идею коллективизации.

Колхозное строительство в основных зерновых районах на данном этапе сосредоточивается на организации земледелия. Это есть главное. От того, какой будет существовать земельный строй, как, на какой технической базе, на каких принципах организовано земледелие, — от этого зависит и характер организации всего с.-х. производства в большей части районов СССР.

Исходной ступенью движения необходимо сделать организацию земледелия еще и потому, что ведение земледельческого хозяйства (полеводство) наиболее легко отделимо от домашнего хозяйства, крестьянского двора. В колхозном строительстве у нас, к сожалению, во многих случаях не учитывают, что крестьянский двор представляет в известном смысле самостоятельную хозяйственную единицу. Это есть, конечно, реакционная черта крестьянского хозяйства, но с данным фактом нельзя не считаться в колхозном строительстве. Земледелие представляет ту отрасль сельского хозяйства, которую наиболее легко можно самостоятельно организовать и отделить от домашнего хозяйства крестьянского двора.

Но как же быть с прочими отраслями сельского хозяйства, которые в некоторых районах имеют крупнейшее экономическое значение?

Что касается всех прочих отраслей хозяйства, в том числе и важнейшего из них, например — животноводства, то коллективная организация этих отраслей значительно сложнее и требует большей хозяйственной подготовки колхозов. Перенесение центра тяжести в колхозном строительстве на организацию земледелия вовсе не означает, что мы отказываемся или должны отказаться от организации прочих отраслей коллективного хозяйства: животноводства, птицеводства и т. п. Некоторые колхозные и кооперативные работники после увлечений обобществлением последних крестьянских коров ударились в другую крайность и отказались от всякой коллективной организации этих отраслей хозяйства.

Совершенно очевидно, что сколько-нибудь действительно успешное и быстрое восстановление товарности животноводческой продукции и птицеводства невозможно без действительно радикальных и решительных мер по развитию в совхозах и колхозах животноводства и птицеводства. Необходимо сделать все возможное, включительно до оказания широчайшей материальной помощи со стороны государства, совхозов для организации в колхозах обобществленного животноводства и птицеводства, поставляющего свою товарную продукцию в основном на государственный рынок. В колхозах необходимо так организовать хозяйство, чтобы наряду со стадами коров, мелкого скота, а также домашней птицы, имеющихся в личном пользовании колхозников—развивались также *колхозные стада* скота и птицы.

Необходимо нашу политику контрактации и работу кооперативных и колхозных организаций в деревне значительно перестроить и подчинить в большей мере задаче развития коллективных отраслей животноводства, молочного хозяйства и птицеводства. Для этого надо во всех колхозах, где это возможно, создать такие колхозные фермы и птичники, работающие на определенных контрактационных договорных началах с кооперацией и гос. органами.

Государственные и кооперативные организации, в свою очередь, обязаны всемерно содействовать тому, чтобы данные колхозы специализировались, чтобы в них развивалась кормовая база; помогать колхозам строить силосные установки, образцовые скотные дворы, птицекормушки, инкубаторы, маслодельные и сыроваренные заводы и т. п.

Необходимо содействовать развитию подобных обобществленных колхозных стад путем приобретения на общественные фонды и отчисления в колхозах или на кредиты, получаемые колхозом, общественного скота.

Таким образом, наряду с организацией коллективного земледелия, на базе коллективного земледелия, колхозы будут развивать также и все прочие коллективные отрасли хозяйства — животноводство, птицеводство и т. п.

III.

Исключительное значение в колхозном строительстве имеет система организации внутреннего распорядка и трудовых отношений между колхозниками.

Можно привести многочисленные примеры, когда при организации колхозов создавалось положение, при котором колхозникам-отходникам запрещалось уходить из колхозов на отхожие заработки. Между тем, в таком, например, округе, как Орловский, на отхожие промыслы уходило ежегодно около 30% всего взрослого мужского населения. По ЦЧО доход крестьян от отхожих промыслов достигает почти 50 миллионов, или около 20 — 25 рублей на хозяйство

Вместо того, чтобы содействовать развитию отхожих промыслов, ибо организация колхозов, как правило, неизбежно должна вести к более экономному использованию труда,—стало-быть, меньше потребуется в колхозе рабочих рук,—на практике во многих случаях колхозы устанавливали запрещение свободного выхода на отхожие промысла и сезонные работы.

В некоторых колхозах ввели со стороны правлений такую регламентацию отношений, при которой колхозник, вступая в колхоз, оказался поставленным в условия резкого ограничения его личной свободы, сравнительно с той, какой он пользовался до вступления в колхоз. Это не могло не вызвать в колхозах ряд недоразумений и внутренних конфликтов.

Вопрос об установлении правильных внутренних взаимоотношений в колхозах приобретает решающее значение. Это представляет тем большую актуальность, что организация внутренних отношений тесно связана с материальным личным существованием колхозника и его семьи.

Во многих сельскохозяйственных районах, наряду с сельским хозяйством, у крестьянина есть и другие источники существования. Зимой он идет на лесоразработки, занимается извозом, у него бывают кустарные промысла и всякого рода иные заработки. Между тем, при организации колхозов, в ряде случаев правления колхозов все это начинали «регулировать» и регламентировать.

Вопросы *организации труда и его оплаты* в колхозах имеют в данный момент важнейшее организационное и хозяйственное значение. Практика показала недопустимость вводить в артелях только денежную оплату труда, которая приводила к тому, что колхозникам, как фабрично-заводским рабочим, устанавливали заработную плату. Нечего говорить, что такой порядок создает не только массу затруднений, но и в корне противоречит принципам организации колхозного земледелия.

Колхозник должен заранее знать и иметь твердые перспективы—что он получит от колхоза? Раньше, когда он вел индивидуальное крестьянское хозяйство, у него был определенный надел в столько-то гектар земли, столько-то посева и таких-то культур. Он заранее представлял себе, что осенью, при сборе, например, среднего урожая он получит такой-то доход. Вступая в колхоз, в ряде случаев, крестьянин не знает, что он лично, конкретно получит, хотя не сомневается, что колхоз в целом даст наверняка и расширение посевных площадей и повышение урожайности, а стало-быть, и увеличение продукции. Но этого для него недостаточно. Он должен приблизительно представлять себе, сколько ему лично предстоит получить хлеба, фуража, картофеля, денег?

Отсутствие у колхозника ясной перспективы, неосведомленность, неуверенность, как будут делить урожай, как на практике будет происходить распределение доходов колхоза между отдельными членами его — все это оказалось источником многочисленных недоразумений, колебаний и разочарований колхозников.

Необходимо построить такую систему трудового расчета, такую форму распределения урожая в колхозах, при которой *каждый колхозник* твердо знал бы, что, состоя членом колхоза и выполняя все необходимые, падающие на его долю трудовые обязательства, он будет пользоваться такой-то долей общего урожая, которая для него является более или менее гарантированной.

Опыт показал, что денежная оплата труда колхозников при наличии тарифной сетки, твердых окладов, разрядов (есть колхозы, в которых устанавливались многоразрядные тарифные сетки) оказывается неприемлемой.

Отрицательной стороной такой системы оплаты труда является *во-первых* — отсутствие ясных, определенных, сколько-нибудь твердых перспектив у колхозника, какой, в конечном счете, будет доход от колхоза? Сколько заработает? Хватит ли ему заработка, чтобы прожить, вести свое домашнее хозяйство, которое в значительной своей части сохраняется. Отрицать наличие этой неуверенности у колхозника тем более не приходится, что до сих пор сельское хозяйство иногда на три четверти носило натуральный характер.

Например, в ЦЧО средняя товарность крестьянского хозяйства не превышала 20—25 проц. валовой продукции. Из этого следует вычесть около 10% различных денежных платежей, налогов, страховых сборов, а если учесть добровольные платежи и кооперативные взносы, то процент товарности, идущий непосредственно на нужды, покрывающие личные потребительские и производственные потребности крестьянского двора, составляет не более 15% от всего оборота в крестьянском хозяйстве. Стало-быть, здесь натуральная форма обслуживания потребностей интересов крестьянина играла и играет до сих пор решающую роль.

Переход только на денежную оплату труда в колхозах неизбежно вызывает такую ломку отношений, которая на деле означает уничтожение натурального обслуживания потребностей колхозника.

Колхозник получает зарплату, колхоз ему продает продукты потребления: хлеб, фураж, мясо. Все это, разумеется, делалось на практике в большинстве случаев без участия денег, а путем применения условных денежных единиц, но сущность отношений от этого не меняется.

Отрицательная сторона подобной системы учета и оплаты труда состоит и в том, что и правление колхоза оказывается поставленным в архитяжелое положение. Отсутствие оборотных средств, свободных денежных или натуральных запасов создает такое положение, когда колхозники, имея расчетные книжки или контрольные трудовые личные листы, работают все время «в долг». Правление колхоза не знает также, как оно разочтется осенью при сборе урожая, так как размер урожая — величина неизвестная, а заработок колхозников есть величина твердая.

Практика колхозного строительства показала, что здесь кроется основной источник возникновения недовольства колхозом, которое нередко приводит к распаду колхозов.

Известно, что у нас есть много разных форм старых колхозов. Некоторые из них существуют по несколько лет и вполне успешно ведут хозяйство. Как они, эти колхозы, решают для себя данные вопросы?

В Центрально-Черноземной области было произведено сплошное обследование колхозов 1928 и 1929 г. Обследование дало интересный материал, характеризующий огромные преимущества колхозного хозяйства, и показало отчасти, какие преобладают принципы и формы распределения доходов в колхозах.

По данным областного учета колхозов в ЦЧО в 1928 году видно, что преобладающей формой оплаты труда (распределение урожая) было душевое распределение. Это показывает следующая таблица.

Виды коллективного хозяйства	% колхозов, имеющих главным принципом распределения дохода			
	Рабсилу	Едоков	Землю	Прочие виды
Коммуны	35,4	35,4	1,2	28,0
Артели	25,8	57,4	8,4	8,4
Машинные товарищества	22,5	49,4	18,3	9,8
Все виды коллективного хозяйства	20,8	57,6	10,1	11,5
Орган. до 1/I—1928 года	20,8	58,0	9.3	11,9
Орган. после 1/I—1928 года	20,9	55,6	13,7	9,8

Эта таблица показывает, что по всем видам колхозов преобладающей формой распределения является потребительская форма по едокам, существующая в 57,6% колхозов, а по рабочей силе распределение доходов происходило лишь в 20,8% колхозов. При чем, крупные в хозяйственном отношении, более мощные, обладающие более высоким составом основного капитала, более богатые по стоимости коллективных средств производства колхозы имеют тенденцию повышения распределения доходов по производственному принципу.

Принципы и формы распределения доходов в колхозах
(по стоимости коллективных средств производства).

Группы колхозов по стоимости коллективных средств производства	% коллект. хозяйств, имеющих главным принципом распред. дохода		
	Рабсилу	Едоков	Землю
Без коллект. средств производства	13,9	55,4	20,0
С колл. средствами производства:			
До 1.000 рублей	14,1	56,7	14,6
От 1.000 до 2.000 рублей	26,3	57,6	8,6
„ 2.000 „ 3.000 „	18,9	67,4	8,4
„ 3.000 „ 7.000 „	19,6	58,7	9,4
„ 7.000 „ 15.000 „	24,7	61,6	1,1
„ 15.000 „ 31.000 „	44,7	26,3	2,7
„ 31.000 „ 63.000 „	37,5	25,0	—
Свыше 63.000 рублей	100,0	—	—
По всем группам	28,8	57,6	10,1

Мы, к сожалению, еще не закончили обследования колхозов районов сплошной коллективизации. Однако, изо всех имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что в тех случаях, когда в колхозах устанавливались принципы денежной оплаты, тарифные сетки, разряды, колхозы очень скоро оказывались поставленными в тяжелое положение.

Успех коллективизации вообще, колхозного движения в районах сплошной коллективизации в особенности теперь в громадной степени зависит от того, насколько мы сумеем построить на практике такую форму организации колхозного производства, оплаты труда и распределения урожая, которая дала бы прочную уверенность для колхозника, что он получит при колхозе не меньше, а больше, чем получал дохода при единоличном хозяйстве.

Необходимо в данный момент поставить коренной задачей укрепление производственно-организационной базы колхозов и оказание им широчайшей материальной помощи.

Задача укрепления организационно-производственной базы колхозов, укрепления их массовой базы, воспитания в колхозах ядра людей, беззаветно преданных коллективному земледелию, приобретает решающее значение для дальнейшего успешного развития колхозного движения.

Конкретно, наши задачи в этом отношении сводятся к следующему:

1. Для укрепления технической базы колхозов нужно обеспечить более усиленное снабжение их тракторами, посевными и уборочными с.-х. машинами, прицепным с.-х. инвентарем, сложными молотилками, комбайнами. Разумеется, для укрепления колхозов основным является подведение технической машинной базы. Необходимо ускорять всемерно строительство трак-

торных заводов и производство тракторов. Трактор — это позвоночник крупного колхозного производства.

2. Важнейшее значение приобретает индустриализация колхозов, развертывание в колхозах промышленных предприятий по переработке с.-х. продуктов. В этом направлении возможно сделать уже теперь значительные успехи. Постройка промышленных предприятий в колхозах дает не только крупнейшие экономические результаты в смысле повышения товарности колхозов и улучшения качества с.-х. продукции, но является каналом мобилизации для индустрии средств населения. Промышленное строительство (индустриализация колхозов) происходит весьма неудовлетворительно, главным образом, благодаря недостаточному вниманию со стороны кооперативных организаций.

3. Примерный устав с.-х. артели совершенно правильно предусматривает обобществление определенных, сравнительно ограниченных элементов сельского хозяйства. В большинстве колхозов существует, по сути дела, два параллельных хозяйства: хозяйство коллективное и хозяйство индивидуальное (личное колхозников). Необходимо обеспечить такой путь развития колхоза, его хозяйственного перерастания, при котором коллективный сектор колхоза, его обобществленные стада, птичники, силосные установки и т. п., как можно быстрее бы рос и расширялся. Необходимо лучше использовать государственные кредиты, представляющие огромный рычаг в колхозном движении, для создания обобществленных стад, обобществленных видов хозяйства колхозов, непосредственно работающих на рынок.

4. Важнейшее значение для укрепления колхозов представляет правильная организация внутреннего распорядка, оплаты труда и распределения урожая.

5. Необходимо неуклонное развертывание массовой работы в колхозах, коллективное воспитание крестьян-колхозников, организация бедноты и середняков-активистов, воспитание ядра колхозников, преданных колхозному земледелию. Колхозное движение в деревне развивается в обстановке острой классовой борьбы. Особенно обострилось положение в селах, в которых значительная часть крестьян вышла из колхоза. Вышедших из колхозов крестьян кулак старается использовать для травли оставшихся крестьян в колхозах. Кулацко-зажиточная часть деревни старается окружить колхоз кольцом морального давления, организуя в ряде мест бойкот и травлю колхозников. Кулацко-капиталистические слои деревни ведут ожесточенную борьбу против колхозов при помощи поджогов, террора, прибегая к хозяйственному вредительству. Борьба против кулачества есть одно из основных условий укрепления колхозов.

Нужно больше, чем было бы до сих пор, а главное—организованнее, оказывать действительную материальную и организационную помощь колхозам, помощь людьми и помощь средствами, кредитами. «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса» (Ленин). Тем более в финансовой помощи нуждаются наши молодые колхозы, не имеющие часто никаких оборотных средств. Не надо забывать, что большинство колхозов еще не собрали ни одного урожая. Для того, чтобы колхозам стать на ноги действительно прочно, нужно несколько лет правильной хозяйственной деятельности. Это показал опыт развития всех старых коммун и колхозов, которые организовались в прошлом. В первые годы они обычно переживают значительные трудности. Вот почему необходимо всячески оказывать помощь колхозам.

Во всей нашей партийной работе в деревне и в колхозном строительстве, в особенности, главное внимание должно быть обращено на закрепление колхозов. Здесь недостаточно одной пропаганды, убеждающей колхозников, что им выгодно остаться в колхозах, тем более, что бедняцко-середняцкая масса, которая осталась в колхозах—это в большинстве люди, более или менее прочно убежденные в выгоде колхозного земледелия. Речь идет теперь о том, чтобы на практике организационно-хозяйственной работы в колхозах показать крестьянам все преимущества коллективного земледелия.

В своей партийной работе в деревне мы за последние годы имеем крупные успехи. Задачи коллективизации оказались поставленными в центре партийной работы и партийной жизни деревенских парторганизаций и сельячеек. Тем не менее, конкретное руководство колхозным строительством нельзя признать удовлетворительным. Возьмите пример качества партруководства на фабрике.

Самой маленькой фабрике, управлять которой несравненно легче в том отношении, что она не имеет тех внутренних противоречий, которые существуют в колхозах, тем не менее, такой фабрике партийная ячейка, райком уделяют очень много внимания. Приходится следить постоянно за выполнением производственных планов, систематически посещать цеха, собрания рабочих.

Необходимо создать такое положение, чтобы и колхозам и их конкретному руководству было уделено со стороны парторганизации такое же внимание.

Весенняя посевная кампания оказалась генеральной проверкой колхозного движения. Многие колхозы впервые вышли на поля, тем не менее они показали все преимущества коллективной обработки земли, коллективной организации труда.

Наша очередная задача теперь состоит в том, чтобы прочнее закрепить эти успехи. Закрепление их послужит важнейшей предпосылкой для дальнейшего успешного движения вперед по социалистическому пути коллективного земледелия, по пути ликвидации кулачества как класса. Это есть наш главный путь развития деревни. В этом направлении решается ныне, при диктатуре пролетариата, проблема сельского хозяйства, его возрождения, его под'ема.

Вот почему во всей своей работе в деревне мы должны центр внимания перенести на организационно-производственное укрепление колхозов. На основе правильной организации труда, внутреннего распорядка, оказания широкой финансовой помощи со стороны пролетарского государства колхозам мы еще более укрепим позиции коллективного земледелия.

Мих. Каценеленбоген.

Новый этап социалистического строительства и работа среди бедноты *).

I.

Новый этап социалистического строительства, характеризующийся решительным изменением в расстановке классовых сил в стране, естественно, требует особо ясного представления о задачах и отношении партии к каждому социальному слою деревни, о задачах партийной массовой работы в связи с этим. Назначение этой статьи — помочь освещению лишь одного вопроса о задачах в области дальнейшей организации бедноты.

* * *

Партия, на опыте многих лет, доказала, что выброшенный ею лозунг самостоятельной организации бедноты не тактический маневр, а пункт программы, входящий в основной арсенал ее стратегического плана борьбы за социализм.

В своих «Письмах издалека» тов. Ленин в 1917 г. писал:

> «Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сел.-хоз. рабочих выделить в особые советы, но чтобы и неимущие крестьяне организовывались отдельно от зажиточных крестьян».

Известна особо острая борьба вокруг вопроса о самостоятельной организации бедноты (в данном случае о комитетах бедноты) на V с'езде Советов (1918 г.), когда левые эсеры именно на этом вопросе дали основной бой большевикам [1]).

В своем докладе о работе в деревне (23 марта 1919 г.) Ленин, отмечая две главных фазы строительства в деревне, говорит:

> «Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалист — не социалист, выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне».

В соответствии с тем или иным этапом социалистического строительства одни конкретные задачи в работе среди бедноты, естественно, заменяются другими (разрешение продовольственного вопроса и раскулачивание в комбедовский период; борьба за превращение сельсоветов в «действительные органы пролетарской власти в деревне»; борьба за коллективизацию и за ограничение роста кулака, его вытеснение, преодоление кулацкого сопротивления хлебозаготовкам, колхозному движению; на основе коллективизации борьба за ликвидацию кулачества). Формы организации бедноты также могут изменяться в соответствии с этим (создание и ликвидация комбедов; создание групп, созыв собраний и конференций бедноты; создание особых организаций бедноты в национальных районах и т. д.), но при всем этом вопрос об организации бедноты и батрачества за все эти годы не сходит с повестки дня партии.

Определяя свои лозунги сообразно «всей совокупности особенностей определенного политического положения» (Ленин), партия в действии, а не схоластически, обеспечивает такую линию в работе среди бедноты, которая превращает задачи организации бедноты не в самоцель, а в могучее средство укрепления позиций рабочего класса, укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком, союза, направленного против кулака за социалистическое преобразование деревни, за превращение на основе коллективизации и самого середняка на ряду с беднотой в прочную опору партии. В отличие от уклонистов всякого рода партия никогда не противопоставляла дело организации бедноты делу закрепления союза с середняком, а, наоборот, подчеркивала взаимосвязанность этих задач. Приведем два примера.

В телеграмме, посланной на места в августе 1918 г., за подписью Ленина и Цурюпы, говорится [1]).

> «Лозунг организации бедноты во многих местах неправильно истолкован в том смысле, что беднота должна быть противопоставлена остальному крестьянскому населению—как заведомым кулакам и богатеям, так и многочисленному среднему слою крестьянства... Советская власть никогда не вела борьбы со средним крестьянством. Советская власть всегда ставила своей целью об'единение городского пролетария с деревенским пролетарием, а также с трудовым крестьянством среднего достатка, не эксплоатирующим трудящихся... Настоящим строжайше предписывается всем Губпродкомам и Губисполкомам на местах согласовать во всем свою деятельность с общей политикой центральной власти и неукоснительно стремиться к об'единению деревенской бедноты и среднего крестьянства путем обеспечения интересов того и другого. Комитеты бедноты должны быть революционными органами всего крестьянства против бывших помещиков, кулаков, купцов и попов, а не органами одних лишь сельских пролетариев против всего остального деревенского населения». (Курсив мой — *М. К.*).

Эта директива, направленная против «антисередняцких перегибов» того времени, представляет особый интерес, поскольку она относится к периоду расцвета комбедов, т.-е. к моменту особого обострения классовой борьбы, когда в политических лозунгах, справедливо, особо заострялась задача активизации бедноты.

И второй документ — это решение XIV партс'езда о резком осуждении уклона,

> «состоящего в недооценке диференциации деревни... не видящего обязательности для партии организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и борьбы с ним».

Это решение мы привели для того, чтобы показать, как партия в момент, требовавший особого заострения борьбы за середняка, за развитие производительных сил деревни, вместе с тем с большевистской четкостью поставила вопрос об организации бедноты, подчеркнув тем самым неразрывную связь между задачей укрепления союза с середняком и усилением работы среди бедноты. В скобках заметим, нельзя же признать случайностью то, что

---

*) Редакция «Большевика» считает некоторые практические положения статьи т. Каценеленбогена (в частности, об организации бедноты в с.-х. артелях) подлежащими дальнейшему обсуждению.

[1]) Вот выдержки из речей левых эсеров Спиридонова: «Вы неверно говорите — беднейшие (речь идет о крестьянстве).. В этом наш коренной основной раскол — именно в крестьянстве... В этом мы будем давать бой при любом декрете. Мы будем бороться на местах и комитеты деревенской бедноты места у нас иметь не будут» Камков выразился еще яснее: «Насаждение комитетов бедноты есть контрреволюция, это есть лучшее средство подорвать корни сов власти Мы вам конкретно заявляем, что не только ваши отряды (продовольственные), но и ваши комитеты бедноты мы выбросили вон за шиворот».

---

[1]) В. Аверьев — статья «Комитеты бедноты». — «На аграрном фронте № 3 за 1930 г. — По материалам Пензенского архива, фонд Губпродкома.

тов. Бухарин на второй день после XIV с'езда в своем докладе на XXIII ленинградской конференции ВКП(б), говоря о том, что «главное средство борьбы с кулачеством лежит по линии отвоевания от кулаков середняцких слоев крестьянства», на протяжении всей своей речи ухитрился не обмолвиться ни полусловом о задачах политической организации бедноты. И это после достаточно четких указаний с'езда.

Упорная работа партии над правильной организацией бедноты, над всемерным повышением ее влияния в бедняцко-середняцком блоке под руководством рабочего класса — сыграла, на ряду с прочими условиями, серьезнейшую роль в том, что «вслед за бедняком в колхозы двинулись и середняцкие массы» (ноябрьский пленум ЦК, 1929 г.). «В колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, но в колхозы пошел в своей массе и середняк» (Сталин).

Есть люди, которых ни один исторический опыт не в состоянии ничему научить, память которых простирается на срок, не более одного дня. К подобной категории людей принадлежат, видимо, и те, кто решающую задачу данного этапа, задачу закрепления середняка в колхозном движении стараются истолковать, как необходимость отказа или ослабления внимания к делу дальнейшей организации бедноты, сплочения батрацко-бедняцкого ядра. Подобные настроения, несомненно, имеются и характернее всего то, что эти настроения встречаются чаще всего именно среди тех работников, которые еще недавно насаждали антисередняцкие перегибы, хвостистски потворствовали отсталым, узко потребительским настроениям (дележки «за счет середняка») известной части бедноты, короче, среди части работников, которые работали на кулака против политики партии. Находятся даже люди, которые готовы считать чуть ли не основной причиной перегибов «излишнее увлечение работой среди бедноты», слепо проходят мимо того бесспорного факта, что злейшие перегибы были именно там, где партийная организация плохо работала над правильной организацией бедноты. Приведем несколько примеров, характеризующих настроения кое-каких работников, в частности, при выправлении перегибов:

> «... С момента начала исправления перегибов... в работе с беднотой получился крутой поворот в худшую сторону. Это положение об'ясняется тем обстоятельством, что исправление перегибов проводилось аппаратным путем. Беднота и батрачество не были мобилизованы на исправление перегибов. Они не являлись такой опорой организации, какой были при проведении всех кампаний». (Из доклада работника, командированного Отделом Агитации и Массовых кампаний ЦК в деревню Елецкого округа).
>
> «... В настоящее время и в колхозе и на селе особенно остро сказывается плохая работа с беднотой и ее плохая организованность. Активность бедноты ослабла, как после сильного поражения».

И это, по мнению командированного в Вологодский округ работника,—следствие того, что бедноту не организовали на преодоление перегибов, по существу не раз'яснили допущенных ошибок, прекратили с ней работу.

> «Как следствие всего этого и плохой работы вообще, беднота кое-где начинает сдавать свои классовые позиции. Уже есть несколько случаев, когда бедняцкие собрания дают явное одобрение кулакам»...

К этому же выводу приходит бригада Комакадемии, изучающая в данный момент состояние Краснополянского района сплошной коллективизации:

> «В том разброде, который получился в процессе исправления ошибок (речь идет о том, что исправление перегибов проводится исключительно аппаратным путом. *М. К.*) беднота была в значительной мере предоставлена сама себе». «Работа... с беднотой, даже в том размере и того характера, которая велась до того времени, почти замерла».

Секретарь Красногвардейского района (Ленинградск. область) выступает на районном кооперативном совещании с такой установкой: «Организовывать при поселковом товариществе группу бедноты нецелесообразно и это противоречит партийной директиве».

Ораниенбаумский райком по вопросу об организации групп бедноты ответил (представителям Маслоцентра) «с этим делом успеем».

Уполномоченный Цимлянского райкома, Сальского округа, на собрании парт'ячейки, при обсуждении вопроса об организации группы бедноты (по сообщению бригады Хлебоцентра) заявил буквально следующее:

> «Преступно затрачивать время собрания на обсуждение такого вопроса, не беднотой мы сейчас должны заниматься; вот попадет протокол в райком, увидят, чем мы занимаемся и здорово нам за это влетит».

До такой глупости и цинизма додумаются вряд ли многие, но бесспорно, кое-кому следует напомнить известное место из решения ЦК:

> «Только чуждые ВКП и ВЛКСМ элементы могут игнорировать эту коренную задачу партии, задачу самостоятельной организации бедноты и батрачества в деревне».

Практика полностью подтвердила подобную характеристику людей, игнорирующих работу среди бедноты, оставляя ее полностью в силе и на сегодняшний день. При этом подобная характеристика полностью подходит не только к тем, кто последовательно все время игнорировал партийные решения о работе среди бедноты, но и к тем, кто заразился этой болезнью недавно, кто вздумает лечиться от перегибов и головотяпства посредством прекращения работы по организации бедноты. Головотяпство головотяпством могут лечить только головотяпы.

Подобное же непонимание партийной линии находит свое отражение и в том, что даже тезисы тов. Яковлева к XVI партс'езду иные товарищи готовы истолковать как «перемену курса» в отношении бедноты. Излишнюю сжатость пятого тезиса тов. Яковлева (несомненно, стоящего и требующего того, чтобы XVI с'езд партии его записал в более развернутом виде) кое-кто не прочь использовать для его явно ложного толкования. Взять также к примеру тов. Рахова, задавшего в первом номере «Дискуссионного Листка» «Правды» ряд действительно схоластических вопросов, показывающих, что тов. Рахов просмотрел новый этап социалистического строительства, новую расстановку классовых сил в деревне и,—с другой стороны,—не менее схоластические ответы тов. Файна во втором номере «Листка». Тов. Рахов, как видно из его второй статьи («Дискуссионный Листок» № 5), до сих пор еще не понял, в чем главная его ошибка. Он упорно проходит мимо того решающего факта, что середняк, прочно ставший на путь коллективизации, уже на сегодняшний день принципиально отличается от середняка-единоличника, поскольку он, вступив в колхоз, твердо выбрал форму социалистического развития производственных отношений. Тов. Рахов издевается (во второй своей статье) над теми, кто не ставит знака равенства между бедняком-колхозником и бедняком-единоличником (который еще пока не поддержал колхозного движения): «Отныне мы устанавливаем, что есть «красный» бедняк и «краснеющий». Не так ли?». Дело не в эпитетах, а в том, что бедняк в колхозе, несомненно, более прочная опора, чем бедняк вне колхоза. Тот, кто этого не понимает, не поймет и того, что и середняк, прочно вступивший в колхоз—это уже не просто союзник (каким является середняк-единоличник), а опора партии в деле социалистического переустройства сельского хозяйства. Надо же понять, что поскольку генеральная линия партии и линия борьбы пролетариата против капитализма за социализм в деревне идет по пути создания крупного общественного социалистического хозяйства, то те социальные слои,—в данном случае среднего крестьянства, которые прочно становятся на эту линию партии (тем, что непосредственно вступают в колхозы, идут на ломку старых производственных отношений и под руководством рабочего класса строят новые)—становятся прочной опорой партии. Однако, если тов. Ряхов не увидел нового в расстановке классовых сил и, прежде всего, в изменении роли середняка, в связи с его вступлением в колхоз, то тов. Файн явно запутался в *механическом* истолковании этого нового. Если он и увидел новое, то он это новое явно не понял. Взять к примеру файновское об'яснение того, почему отпадает в частности «бедняцкая» часть (опора на бедноту) ленинского лозунга. Файн считает, что эта часть лозунга была рассчитана лишь «на такой период... когда в деревне еще не развертывалась острая классовая борьба за социалистические формы сельского хозяйства»... Как всем (впрочем, кроме Файна) известно, «острая классовая борьба за социалистические формы сельского хозяйства» развернулась в деревне не с сегодняшнего дня. *Так* комментировать тезисы об изменении характера опоры, как это делает Файн, мягко выражаясь, неправильно, неумно и лишь может способствовать запутыванию и так сложного вопроса.

Судя по всем наблюдениям (не только по печати, но и партийным собраниям, по разговорам с коммунистами) при обсуждении известного тезиса Яковлева об опоре, обнаруживаются две важных ошибки. Одни пытаются к новой социально-экономической и политической обстановке в деревне подходить со старыми, *механически* воспринятыми понятиями, не понимая того, что наша опора в деревне значительно *расширилась* за счет середняка, который, твердо вступив в колхоз, ни в коем случае уже не подходит под рубрику «союзника», становясь также прочной опорой и, что не менее важно, проходят мимо серьезнейшего факта, что опора партии в деревне *качественно* значительно укрепилась, поскольку бедняк-колхозник это уже качественно иной «материал» для опоры, чем распыленные бедняки-единоличники, все еще в известной мере экономически зависимые от кулака. Другие же пытаются под словесной шелухой «о новом» *протащить* гнилые теории о том, будто беднота перестала быть опорой. Они не понимают, что, поскольку колхозы не последовательно-социалистического типа предприятия, а социалистическая форма *развития* сельского хозяйства — ни в коем случае нельзя рассматривать и колхозника, иначе как в *процессе* его социалистической *переделки*. Колхозник уже не простой крестьянин, но еще отнюдь не законченный тип «настоящего труженика социалистического общества» (Сталин). Только слепые могут усмотреть в колхозе и между колхозниками полное экономическое и политическое равенство, отрицать наличие известных противоречий между: теми, кто «не освободился еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду» и теми, кто «желает изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство» (Сталин).

Подобные товарищи также проходят мимо особой роли бедноты в *единоличном* секторе, где беднота является основной опорой, от организованности которой в значительной мере зависят дальнейшие успехи коллективизации основных масс крестьянства. Подобные товарищи на ряду с этим об'ективно способствуют игнорированию одной из решающих и на сегодняшний день задач партии, задачи организации деревенской бедноты и батрачества. Между тем, при всех одержанных партией крупнейших успехах в деле хозяйственного под'ема и политической активизации бедняцко-батрацких масс—эта работа все еще продолжает оставаться одним из наиболее уязвимых участков работы в деревне. *Все еще недостаточная организованность бедноты и батрачества может стать узким местом в дальнейшем развертывании коллективизации* (взять, к примеру, опыт отливов) и *успешного завершения борьбы с кулаком*. Кстати сказать, за последнее время во многих местах снова намечается явная недооценка силы кулака. *Бдительность* в отношении кулацкой тактики, новых кулацких методов борьбы—за последнее время по целому ряду мест, несомненно, *ослабла*. Многие низовые партийные организации районов не массовой коллективизации готовы считать, что кулак, по существу, уже ликвидирован. Между тем, в связи с перегибами в отношении середняка, а в особенности там, где эти перегибы крайне медленно выправляются, где не выправлена линия в отношении единоличника—*кулак пытается преодолеть свою изолированность, пытается встать на ноги, повести новую борьбу за укрепление своего влияния на середняка и бедняка*. Чтобы немедленно пресечь малейшие попытки в этом направлении, надо знать лицо кулака и на *сегодняшний день*. Это относится и к раскулаченному, но не выселенному из своего района, кулаку. Думать о том, что подобный кулак «успокоился», будет, по меньшей мере, наивно.

II.

В период между XV и XVI с'ездами партия достигла крупнейших успехов в деле производственного под'ема и политической организации батрацко-бедняцких масс. Путь массового кооперирования и коллективизации открыл новые, невиданные возможности хозяйственного под'ема основных батрацко-бедняцких масс, выкорчевывая самые корни эксплоатации и тем самым нищеты. Темпы охвата бедняцких хозяйств различными колхозно-кооперативными системами рисуются следующим образом. По линии кредитной кооперации число членов бедняков выросло с 13,2% в 28 г. до 33,2% к концу 29 г. По линии хлебной кооперации (по приблизит. подсчетам): за год охват бедноты увеличился почти в *три раза* (1,821 тыс. против 591 тыс.); по линии молочной кооперации количество кооперированных бедняков увеличилось с 460 тыс. до 630 тыс. и т. д. Средний процент кооперирования бедноты по линии потребкооперации по РСФСР—с 50,3% на 1/Х-28 г. достиг к 1 мая 1930 г. по основным районам страны—90%. Значительно выросла хозяйственная помощь бедноте по линии ее кредитования. Удельный вес бедноты в кредите возрос с 13,8% в 1927/28 г. до 40,7% в 1928/29 г., а по сумме задолженности с 12,1% до 38,1%—на 1 октября 1929 г.). Беднота получила 64% всех кредитов, отпущенных единоличникам в весеннюю посевную кампанию.

На основе всего этого и упорной работы по самостоятельной организации бедноты партия добилась серьезных успехов в деле решительного повышения активности и *политического авторитета* бедноты во всей общественно-политической жизни села. Значительно выросла батрацко-бедняцкая прослойка в составе советов (33% в 1929 г. против 16,9% в 1927 г.) и в органах управления кооперации [1]).

Огромную роль стала играть беднота в проведении основных кампаний на селе, хлебозаготовок, сбора сельхозналога, самообложения, перевыборов и т. д.

В деле роста политической активности бедноты, в деле ее самостоятельной организации большую роль сыграли *бедняцкие собрания*. К примеру, по РСФСР, в связи с последними перевыборами советов, было проведено 16.000 *собраний* бедноты, по Белоруссии—свыше 1.000 собраний и т. д. Десятки тысяч собраний были проведены в посевную и хлебозаготовительную кампании. Полностью себя также оправдала практика созыва конференций бедноты, которые за последний год в связи с подготовкой сева и хлебозаготовками были проведены почти что повсеместно.

---

[1]) По выборочным данным Животноводсоюза по ЦЧО на 1-е декабря 28 г. в составе правлений было 33,5% бедняков, а на 1-е апреля 30 г. — 53,3%; по Западной области за этот же срок процент возрос с 29 до 65%; по линии Маслоцентра (данные по Сибири) удельный вес бедняков вырос с 32,4% до 47,2% и т. д.

Однако, при всех этих успехах в работе среди бедноты и на сегодняшний день продолжается серьезнейший разрыв между политической активизацией бедноты, ростом ее политического авторитета и повышением ее влияния на повседневную работу низовых советских, кооперативных органов по социалистической переделке сельскохозяйственного производства.

Мощное колхозное движение, рост всех видов кооперации, совхозное строительство,—все это создало огромные возможности для решительного повышения производственного авторитета батрацко-бедняцких масс. Однако, работа по воспитанию на этой основе из бедноты и батрачества через советы, через кооперацию, через органы управления колхозов организаторов общественного производства, передовых социалистических производственников, явно отстает от работы по политической активизации батрацко-бедняцких масс. И в этом основной недостаток работы среди бедноты на сегодняшний день. Отсутствие повседневной работы с беднотой (при ее активнейшем вовлечении в проведение различных кампаний) сказывается, прежде всего, на том, что в отличие от огромных успехов, одержанных такой формой организации бедноты, как бедняцкие собрания и конференции—батрацко-бедняцкие группы все еще продолжают работать в основной своей массе крайне неудовлетворительно. Советы и кооперация, эти основные хозяйственно-политические центры на селе, все еще крайне слабо работают над выращиванием из батраков и бедняков кадров практических работников в той или иной области социалистического строительства сел.-хоз. производства. Это обстоятельство неизбежно находит свое отражение и на работе батрацко-бедняцких групп.

Самое плохое — это то, что многие работники советов и кооперации до сих пор ясно не представляют себе места батрацко-бедняцких групп в системе этих органов. Они явно не понимают, что основное назначение батрацко-бедняцких групп — сплотить под руководством партийных организаций широкие батрацко-бедняцкие массы села вокруг разрешения практических (не только политического, но обязательно и производственного характера) вопросов работы советов и кооперации, помочь партии в деле выращивания из батраков и бедняков новых кадров советских, кооперативных работников. Многие, даже из руководящих кооперативных и советских работников, безбожно путают в этом вопросе. Ярким подтверждением этого может служить статья «Шире дорогу середняку» редактора бюллетеня Хлебоцентра тов. Потяева, в которой он «по-хозяйски» распределяет по полочкам: бедноте через батрацко-бедняцкие группы он предоставляет заниматься голой борьбой с кулачеством (раскулачивание), а середняку через производственные совещания организацией сел. хоз. производства. Основной лозунг партии о решительном привлечении середняка к руководству колхозным производством, о сосредоточении всех сил на закреплении середняка в колхозном движении, видимо, кое-кем готов истолковываться, как отказ от дальнейшего привлечения бедноты к вопросам организации производства. Своеобразная «специализация»: середняку — производство, бедняку — «политика». Вечная история! либо—либо, либо середняка не допускать к руководству колхозным производством, либо бедняка изолировать от этого дела. Эти настроения безусловно насквозь враждебны партийной линии.

О недооценке роли батрацко-бедняцких групп могут свидетельствовать и следующие факты. По данным к началу 1930 г., по 14 основным районам Советского Союза имелось всего 24.000 с лишним групп, из них свыше 50% при сельсоветах и менее 30% при выборных органах кооперации. О «плотности» сети групп можно судить по следующему: по Нижней Волге, на 5.584 низовых организаций имелось 1.430 групп (25,6%; по Новосибирскому округу, на 1282 организации—233 группы, по Бийскому округу—на 1.200—177 групп; по Архангельскому округу на 913 сельсоветов 70 групп; по Сев.-Двинскому округу на 241 сельсовет—117 групп, на 233 колхоза—14 групп и т. д., Правда, по данным на 1 мая 1930 г., целый ряд парторганизаций достиг довольно серьезных успехов в деле дальнейшего развертывания батрацко-бедняцких групп, преимущественно за январь—март. Так, по Сибири сеть групп выросла с 3.817 на 1 января до 5.700, по Нижней Волге с 1.711 до 2.246, по Западной области—с 1.647 до 2.498; по Средней Волге—с 2.900 до 3.857.

Однако, эти количественные успехи в деле организации групп требуют целого ряда серьезных поправок. Во-первых, далеко не все зарегистрированные группы на деле существуют (судя по выборочному обследованию процент работающих групп не превышает в среднем 40%; во-вторых, и фактически существующие группы в целом ряде мест отличаются крайней неустойчивостью, так, напр., по сведениям о 100 работающих группах—26 групп существуют до 6 мес., 55 — от 6 мес. до года и лишь 19% — свыше года. И, наконец, действительно существующие, работающие группы зачастую занимаются не тем, чем надо, не сосредоточивают своего основного внимания на усилении влияния бедноты и батрачества на разрешение основных политических и хозяйственно-производственных вопросов жизни села. Если взять, к примеру, упомянутые выше 100 групп, то лишь 47 из них занимались этими вопросами. Специальная проверка работы советских и кооперативных органов по выполнению декабрьского решения ЦК об укреплении руководства батрацко-бедняцкими группами выявила безобразнейшее отношение, в первую очередь, большинства кооперативных систем к этой важнейшей задаче. Насколько мало ответственными чувствуют себя многие руководители кооперативных систем за постановку работы среди бедноты (вопреки специальному поручению, данному им декабрьской директивой ЦК), можно судить по тому, что многие даже не пытаются оправдываться, считая отсутствие повседневной работы среди бедноты чем-то вроде «неизбежного зла». Фракция Союза Союзов в своем решении от 10 февраля, поставила на вид правлениям Хлебоцентра, Животноводсоюза, Маслоцентра, Льноцентра, Свеклоцентра, Птицеводсоюза, Центротабаксоюза, Семеноводсоюза, Плодоцентра, Всекопромсоюза и Пчеловодсоюза (при всем обилии кооперативных центров трудно вспомнить: кто же остался без выговора) «за невыполнение постановления Союза Союзов от 18 декабря—о выделении членов правления, ответственных за работу по организации групп батрачества и бедноты». Насколько мало подействовало это решение видно хотя бы из того, что 25 апреля 1930 г. Союз Союзов вновь вынужден констатировать, что «несмотря на многочисленные директивы, система сельскохозяйственной кооперации еще не занялась конкретной работой среди бедноты и батрачества вообще и работой батрацко-бедняцких групп, в частности». «Аллилуя, аллилуя» многих кооперативных да и советских органов выражается в том, что решений о необходимости усиления работы среди бедноты за последнее время (время усиленной борьбы с правым уклоном), вынесено ими немало, ответственности же за работу среди бедноты, за выполнение этих директив фактически никто не несет. О характере работы кооперативных систем по укреплению батрацко-бедняцких групп можно судить хотя бы по таким примерам:

Московский обл. животноводсоюз дал директиву местам (в частности, Пушкинскому райколхозсоюзу): «в двухдневный срок провести учет социального состава колхозно-кооперативной системы, в тот же срок провести организацию групп бедноты и батрачества и наладить систематически их работу». Бригада «Рабочей Москвы» описывает, как происходила эта организация:

> «Приезжает инструктор в колхоз и спрашивает правленца: сколько батраков, сколько бедняков... Данные заносились на бумагу и составлялась группа. Но группа не собиралась, не инструктировалась. Некогда. Инструктору надо было бежать дальше. И так в каждом колхозе».

Однако, судя по данным Ленинградской области, группы бедноты, которые удостаивались «инструктирования», от этого немного выгадывали. Инструктор Льносоюза, обследуя состояние работы в Новгородском округе, составил акт, в котором так излагает производственный план работы группы:

> «Изжить старые навыки эпизодической работы с беднотой, от случая к случаю, перевести всю работу на плановые методы, беря за основу проработку с беднотой всех принципиальных вопросов, имеющих политический характер и вытекающих из процессов повседневной работы райсоюзов».

Не многим лучше осуществляют руководство батрацко-бедняцкими группами большинство *партийных организаций* на селе. Задерганная проведением различных кампаний, крайне слабая деревенская партийная организация, которая не умеет еще работать через широкий беспартийный актив, превращая батрацко-бедняцкие группы в свои «удлиненные руки»—чаще всего вовсе обходит этот наиболее трудный участок работы среди бедноты. *Создать работоспособные батрацко-бедняцкие группы, так организовать работу группы, чтобы она ни в какой мере не подменяла соответствующего выборного органа и, вместе с тем, обеспечивала бы всей своей работой укрепление союза с середняком, решительное привлечение середняка к социалистическому строительству и, наконец, не превратилась бы в самозамыкающуюся группку, а действительно помогала бы партийной организации сплотить вокруг советов, кооперации основные батрацко-бедняцкие массы—это чрезвычайно сложная задача, куда более сложная, чем провести тысячи и десятки тысяч различных собраний и конференций бедноты.* Когда справедливо ругают те партийные организации, которые считают работу с беднотой или с активом «дополнительной» работой, то при этом все же надо учесть, что *на первое время* это, несомненно, дополнительная работа. Это, своего рода «первоначальное вложение», без которого нельзя перестроить работу на селе, нельзя радикально расширить круг низовых организаторов, но для которого, несомненно, требуется затрата известного дополнительного труда. *Нынешние темпы* социалистического строительства в деревне искушают многих работников не тратить время на групп. Значительно проще, да и быстрее, ограничиться проведением десятка такое кропотливое дело, как создание работоспособных батрацко-бедняцких собраний, или даже конференций бедноты. Надо также учесть, что «административный восторг», который больше чем достаточно внедрен в головы многих работников, толкает их и на совсем легкий путь: «*к чему возиться с собраниями и группами, когда и так можно любое решение провести*». Или, как описывают армавирские товарищи, полученные ими ответы от районных и сельских работников по вопросу об укреплении работы групп: «*Некогда. Сев, коллективизация. Некогда работать с беднотой. Некогда, товарищи*». Примерно также описывает мотивы плохой организации работы батрацко-бедняцких групп корреспонденция из смоленской деревни: «*Зря тратить время на эту работу, сейчас нужны темпы*». К этому надо прибавить, что «уполномоченные» (которые за последнее время стали почти-что основной формой руководства в очень многих партийных организациях) также многим не содействовали укреплению работы батрацко-бедняцких групп. Самая отрицательная черта системы работы через уполномоченных,—

беспрерывная их текучесть, а подчас и случайный подбор,—особенно болезненно сказалась именно на этом деле. «*Нам не до групп, семена собирать надо*».

И после подобного руководства работой батрацко-бедняцких групп находятся все же люди, которые готовы видеть причину слабой работы групп в том, что эта *форма* не оправдала себя. Я имею в виду тов. Крылова, который в свое время в статьях (от которых он впоследствии отказался), заявлял, что группы «*не могут являться практически лучшей формой организации бедноты*». Тов. Крылов в свое время мотивировал это тем, что «*для нового времени новый костюм потребен для нового дела*». Дело не в том, что тов. Крылов тогда искал новый костюм (в этом ровным счетом ничего предосудительного еще нет), а в том, что он рекомендовал партии сшить этот костюм обязательно *на троцкистский фасон.* Как известно, в упомянутой статье—«Создадим об'единения бедноты» прямо предлагалось немедленно создать самостоятельные организации бедноты с выделением правлений в сельском и районном масштабе, «окружные, краевые, республиканские центры можно будет создавать по мере укрепления низовых организаций и накопления опыта». На языке об'единенной оппозиции (см. платформу к XV с'езду) это называлось проще—*созданием союза деревенской бедноты.* В этой связи мы напоминаем полутроцкистскую линию «левых» загибщиков только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть одно из наиболее опасных мест в их концепции, *попытку отвлечь внимание партии от основной задачи—укрепления влияния бедноты и батрачества на работу советов и кооперации, и через них укрепления как политического, так и хозяйственного авторитета бедноты.* Ведь не случайно тов. Крылов в упомянутых статьях *ни полусловом* не обмолвился о советах и кооперации (если не считать того места, где он полемизировал против тов. Туткина, якобы переоценившего борьбу кулака за влияние в советах и кооперации). *Концепция «левых» загибщиков потому насквозь фальшива, что она исходит из неправильной оценки задачи организации бедноты на нынешнем этапе.* На деле (как бы они от этого не открещивались), требуя *обособленно-оформленных* от советов и кооперации об'единений бедноты, другими словами, ратуя за союз бедноты, они, по существу, показывают свое полное непонимание новых задач, стоящих перед партией в деле организации бедноты, т.-е. задач, направленных на борьбу с кулаком, не комбедовскими методами раскулачивания, а на основе роста социалистического строительства и укрепления пролетарской классовой линии в работе прежде всего советов и кооперации. Путь дальнейшего повышения политического и хозяйственного авторитета бедноты лежит, в первую очередь, через ее коллективизацию, а также через укрепление ее влияния на *повседневную практическую* работу советских и кооперативных органов. При чем укрепление роли бедноты в работе советов и кооперации одно из *обязательных* условий успешной подготовки коллективизации бедняцких и середняцких масс. Этого-то и не поняли «леваки», как они вообще не поняли той истины, что советы нынешнего периода не ровня советам 18 года и что они *могут и должны* будут справиться с теми задачами, которые поставлены перед ними пролетарским государством без параллельно существующего союза бедноты или комбедов.

Батрацко-бедняцкие группы имеют в своей работе целый ряд крупнейших недостатков, больше того, быть может, требуется внесение серьезных организационных поправок в самое их построение. Однако, столь же бесспорно, что там, где батрацко-бедняцкие группы работают, они полностью себя оправдали и показали, что при правильной своей организации (прежде всего — при преодолении бюрократической регламентации, вовлечении в состав группы наиболее активных бедняков и батраков из состава членов секций, уполномоченных кооперации и т. д., при выделении в качестве постоянных организаторов групп на ряду с коммунистами, комсомольцами наиболее проверенных бедняков, батраков, колхозников, и, наконец, что важнее всего, при обеспечении действительного руководства группами) эти группы играют серьезную роль в обеспечении классовой линии в работе советов, кооперации и колхозов. Если даже обратиться к опыту работы тех ста групп, которых мы уже касались, то все же 47 из них ведут большую практическую работу.

III.

Основные задачи работы среди бедноты и батрачества на сегодняшний день—это на ряду с дальнейшим повышением их политической активности всемерное повышение их производственного авторитета, превращение бедняков и батраков в застрельщиков колхозного движения, передовых борцов за повышение качества колхозного производства, воспитание социалистического отношения к общественному производству, при преодолении узко-потребительских, иждивенческих настроений отдельных бедняцких элементов и на всей этой основе — укрепление союза бедноты с середняком под руководством рабочего класса.

Мы еще и еще раз подчеркиваем, что в данный момент особое значение приобретает вопрос о решительном повышении производственного авторитета бедноты, для которого (повышения авторитета) колхозным строительством открывается широкая дорога, создаются все необходимые условия. Вместе с тем, перечисляя основные и общие задачи, стоящие перед партией в ее работе среди бедноты, следует все время иметь в виду, что в данных условиях требуется особо четкий подход к определению задач работы среди бедноты в различных секторах, на различных ступенях нашего строительства. Новый этап социалистического строительства не может не ставить по-новому вопроса о характере, содержании работы среди бедноты. Ни на минуту нельзя упускать глубокой разницы, которая имеется между задачами, стоящими в деле организации бедноты в единоличном и социалистическом секторе деревни. Больше того, в каждом из этих секторов на различных ступенях развития—задачи не могут не стоять по-особому. Грубо схематически эта диференциация задач представляется в следующем виде.

Начнем с единоличного сектора. Для основных зерновых районов, где начался и идет процесс массовой, сплошной коллективизации, коренным и непосредственным лозунгом мобилизации бедноты-единоличников является превращение бедноты в авангард массового колхозного движения, в застрельщиков коллективизации в относительно кратчайший срок (при безусловном соблюдении принципа добровольности) основных масс крестьянства. На этой основе в союзе с середняком и колхозниками борьба за окончательный разгром кулачества, пытающегося в своей борьбе с колхозами опереться на известные слои крестьянства.

В районах же потребляющих и отсталых национальных коренным лозунгом в работе среди бедноты, в соответствии с политикой партии, должна являться мобилизация бедняцких масс на проведение мероприятий, связанных с подготовкой массовой коллективизации. Другими словами, самостоятельная организация бедноты здесь, прежде всего, направляется на укрепление пролетарской линии в работе низовых советов и кооперации (отсюда, в частности, особую важность приобретает укрепление батрацко-бедняцких групп), на дальнейшее решительное развертывание наступления в союзе с середняком на кулака, на ограничение его роста и эксплоататорских устремлений.

Перейдем теперь к колхозному сектору. Здесь, безусловно, необходимо диференцировать задачи в соответствии с процессом колхозного движения. Характер работы среди бедноты не может не меняться по мере перехода от простейшего к более сложному типу колхозов [1], поскольку различные этапы в обобществлении средств производства не могут не отразиться на протекающем процессе переделки крестьянина в социалистического производственника. Общая задача работы среди бедноты для всех типов колхозов это—дальнейшее повышение ее (бедноты) политического и производственного авторитета, усиление ее влияния на всю жизнь колхоза, направление всего этого авторитета и влияния на закрепление колхозов, преодоление кулацкого влияния на колхозы, повышение качества колхозного производства и, что особо важно, на выполнение колхозом всех его обязательств перед государством и на всей этой основе на полную переделку колхозника. Однако, в каждом из типов колхоза конкретные задачи, требующие особого заострения, будут различны. Что касается задачи организации бедноты в первичных формах коллективных хозяйств (созы), то они в значительной мере обусловлены известным пунктом тезисов тов. Яковлева:

> «Работа групп бедноты в первичных формах нашего хозяйства должна быть улучшена и усилена, поскольку, только опираясь на бедноту, можно обеспечить переход простейших об'единений на высшую ступень коллективизации. Партийные организации в колхозах должны обеспечить такую постановку работы групп бедноты, чтобы они не только защищали непосредственные интересы бедноты, но и содействовали укреплению союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняками».

Основная задача работы среди бедноты и, в частности, батрацко-бедняцких групп в соз'ах—это на основе дальнейшего повышения ее политического и производственного авторитета, обеспечение перехода простейших об'единений на высшую ступень коллективизации и ограждение бедноты от попыток ее эксплоатации более имущими слоями колхозников. Однако, само собой понятно, что те батрацко-бедняцкие группы в колхозах и те организаторы работы среди бедноты, которые направят свою работу не по линии сплочения бедняков и середняков-колхозников, а по линии разжигания борьбы между ними, сделают, по существу, антипартийное дело, будут на деле подрывать политику партии.

Теперь относительно сельскохозяйственных артелей. Нужна ли там специальная работа среди бедноты? В отличие от тов. Устинова (который в № 5 «Дискуссионного Листка» «Правды» фактически высказывается против специальной работы среди бедноты во всех типах колхозов), мне кажется, что и здесь на данном этапе развития, несомненно, требуется специальная работа среди бедноты, хотя и не обязательно в виде батрацко-бедняцких групп (созыв собраний бедноты по специальным вопросам, работа через группы при советах и т. д.).

> «В артели не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству. В кол-

---

[1] Имеется, конечно, ввиду, что этот переход от простейшего к более сложному типу колхоза, вызван не перегибами, а здоровым ростом колхоздвижения

хозе крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников» и т. д.

Поскольку это положение из тезисов тов. Яковлева верно, постольку верно и то, что в сельскохозяйственных артелях еще на сегодняшний день не снимается задача специальной работы среди бедноты. Другое дело, каковы задачи и формы этой работы. Тут центр тяжести работы среди бедноты переносится на задачи повышения ее политического и производственного авторитета (повышение квалификации, авангардная роль в соцсоревновании, ударничестве, работе производственных совещаний и т. д.), ее мобилизации на борьбу за закрепление середняка в колхозном движении, «цементирование» колхоза и преодоление совместно с середняцким активом возможных колебаний (отливов) отдельных групп колхозников, окончательное преодоление кулацкого влияния на колхоз, на борьбу за качество колхозного производства, за его дальнейшее обобществление и механизацию, на завоевание передовой роли в борьбе за социалистическую переделку колхозника в выращивании новых кадров деревни.

Такова схема (как большинство схем, страдающая неполнотой, условностью, не отражающая всей сложности процесса) задач, стоящих по-новому и по-разному в различных секторах сельского хозяйства и на различных ступенях строительства. Само собой понятно, что, по мере закрепления с.-х. артелей, по мере роста обобществления и самой социалистической переделки колхозника, надобность в самостоятельной работе среди бедноты в колхозе будет постепенно уменьшаться, а затем и исчезать.

Еще одно замечание в этой связи. За последнее время местами (правда, весьма глухо) стали снова раздаваться не особо свежие разговоры о бедняках-«лодырях», в данном случае, «лодырях колхозного производства». Надо повести решительную борьбу против реакционной болтовни о бедняке-лодыре в колхозе, так же как и против имеющихся местами не менее реакционных попыток об'яснить основную причину частичных выходов бедноты из колхоза тем, что якобы «вне колхозов беднота пользуется всякими привилегиями со стороны государства и она не хочет быть в колхозе, боясь работать». Чепуха! Легче, чем кого бы то ни было можно мобилизовать бедняка вокруг лозунга закрепления колхоза. Надо лишь умело показать бедняку, как и середняку, что повышение его благосостояния полностью зависит от повышения качества колхозного производства, не покладая рук, работать над преодолением узко-потребительских настроений у отдельных элементов бедноты. В этой связи отметим, что ряд фактов свидетельствует о том, что за последнее время имеется в некотором отношении рост узко-потребительских тенденций со стороны известной части бедноты [1]). Росту подобных настроений, несомненно, способствовали и перегибы в практике колхозного строительства, линия на самозамыкание бедноты, которую проводил ряд партийных организаций (в виде создания исключительно бедняцких бригад без привлечения середняка, сплачивания актива только из бедноты, вовлечения в состав различных выборных органов колхозов только бедняков), а самое главное—проведение раскулачивания вне всякой связи с коллективизацией. Только упорная и правильная организация бедноты может обеспечить преодоление таких настроений. Борьба за повышение производственного авторитета бедноты в колхозе, за авангардную роль бедноты в социалистическом соревновании и т. д. отбросит в сторону эти отсталые элементы среди бедноты, развенчает тип «активиста-иждивенца» там, где он встречается, будет способствовать выдвижению широкого, нового актива социалистических производственников.

На ряду с социалистической переделкой середняка, преодолением его «второй души», колхоз должен будет помочь окончательному изжитию характерных для известной части бедноты узко потребительских тенденций—этих тяжелых следов от работы в течение десятков лет «на людей».

Подводя итоги сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что неразрешимые противоречия между высказанными задачами—закрепления середняка в колхозном движении и организации бедноты могут найти либо те, кто сознательно хочет, пользуясь новыми лозунгами, свернуть работу среди бедноты, либо те, кто не хочет отказаться от антисередняцких перегибов, кто не хочет понять новой роли вовлеченного в колхоз середняка, кто не понимает новых задач в работе среди бедноты. Линия партии идет мимо тех и других.

⁂

Я здесь не касаюсь отдельно вопроса о работе среди сельскохозяйственных рабочих. Между тем этот вопрос требует особого заострения. Рост совхозов, МТС, сельскохозяйственной индустрии сказался на решительном изменении лица сельскохозяйственного пролетариата. Этот самый надежный, непосредственный отряд рабочего класса в деревне начинает приобретать все большее и большее значение. Достаточно сказать, что профсоюз сельхозрабочих с XV с'езда увеличился больше чем на 500 тыс. чел. (1.700.000 чел. вместо 1.097.000 чел.) и при этом самое важное заключается в том, что батрак все в большей мере вытесняется сельхоз. рабочим. Вот цифры: на август 1927 г. количество батраков (вместе с общественными пастухами) занятых на сроковых работах в индивидуальном крестьянском хозяйстве составляло 2.473.100 чел. На август 1928 г. их было уже только 2.381.700, а на август 1929 г. только 1.855.400 чел., т.-е. за два года их количество сократилось на 25%. Между тем, если на июль 1927 г. постоянных и сезонных рабочих в совхозах насчитывалось 150.700, то на июль 1929 г. их уже было 227.100. И, что особенно важно, в июле 1927 г., в их числе было только 10.000 квалифицированных рабочих (трактористы, слесаря, кузнецы), а в июле 1929 г. уже 30.000 человек. На август 1930 г. по предварительным данным предполагается иметь 400.000 сельхозрабочих, в том числе свыше 100.000 квалифицированных. В предприятиях мелкой сельской промышленности, куда рабочая сила вербуется, главным образом, из батрачества, число лиц, занятых по найму, выросло с 82 тыс. в июле 1927 г. до 362 тыс. в августе 1929 г. Значительно возрастает материальная обеспеченность сельхоз. пролетариата. По совхозам Зернотреста, Хлопкома, Кенафа и др. рост заработной платы достиг уровня промышленных рабочих. Меняется лицо сельскохозяйственного пролетариата. Основным типом с.-х. рабочего, вместо распыленного и зависимого от своего капиталистического нанимателя батрака, все в большей мере становится пролетарий, вовлеченный в крупное социалистическое производство.

---

[1] Однако, тут же следует оговориться, что, судя по всем наблюдениям, иждивенческие настроения отнюдь не свойственны только лишь элементам из бедноты. Можно привести ряд примеров явно иждивенческих требований со стороны середняка, а иногда и преимущественно со стороны середняка; в роде: «раз я вступил в колхоз, государство должно меня обеспечить, государство должно дать семена, хлеб и т. д.». Тут, конечно, резко сказывается слабое привлечение середняка к непосредственной организации колхозного производства, слабая производственная активизация середняка.

Приведенные выше цифры ярко свидетельствуют о том, что решающие успехи в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства привели к огромному укреплению и увеличению отряда рабочего класса, непосредственно находящегося в деревне. Надо прямо сказать, что этот факт явно недостаточно учитывается в практике партийно-массовой работы в деревне.

Рост политического влияния сельскохозяйственного пролетариата на общественную жизнь села, несомненно, отстает от возможностей. На всем участке работы среди бедноты и батрачества, работа среди сельхозрабочих и батрачества особенно отстала. Достаточно сказать, что в составе батрацко-бедняцких групп мы имеем лишь 15% батраков, в то время как крестьяне, платящие сельхозналог (т.-е. в основном с хозяйством выше бедняцкого) представлены 25,5%. Достаточно сказать, что в составе органов с.-х. кооперации по всему Союзу на руководящие посты выдвинуты всего лишь 556 батраков и сельхозрабочих.

Необходимо добиться в ближайшее время перелома внимания к этому серьезнейшему участку работы, без чего немыслимо решительное укрепление влияния сельхозрабочего во всей жизни села, во всем колхозном строительстве.

Г. Стрельцов и Артемий Шлихтер.

К вопросу об электрификации сельского хозяйства.

«Чего стоят все «планы»... без плана электрификации? Ничего не стоят». (Ленин).

I.

В известном постановлении ЦК ВКП(б) от 6 января 1930 г. даны сроки коллективизации Союза ССР. В этом постановлении для разных районов указаны различные сроки. Конечным сроком для наиболее отсталых областей является конец пятилетки — 1933 г. Полная осуществимость этого плана доказана жизнью.

Такой темп коллективизации самым острым образом ставит вопрос о создании материально-технической базы для социалистического преобразования деревни. Возможность и необходимость создавать колхозы и без трактора, на основе простого кооперирования крестьянского инвентаря, ни в малейшей степени не снимает вопроса о материально-технической базе коллективизации; ибо именно материально-техническая база, снабжение сельского хозяйства двигателями и машинами, определяет победу коллективизации, и, в еще большей мере, ее развитие к более высоким формам.

Поэтому необходимо всяческое форсирование постройки новых тракторных заводов, максимальное и в кратчайший срок развертывание существующих. В настоящее время именно трактор является той решающей машиной, которая перестраивает земледелие, создает в земледелии «систему машин», превращает земледелие в промышленность. В этом величайшая историческая революционная роль трактора и тракторизации. Трактор, благодаря своей подвижности, приспособленности к работе даже в сравнительно небольшом хозяйстве (около 100 га), оказался именно той машиной, которая лучше и скорее всего смогла показать крестьянину преимущество механизированного хозяйства, которая лучше всего смогла пробить брешь в плотной массе тысячелетних навыков и привычек индивидуального хозяйствования.

В связи с успехом тракторизации чрезвычайно ходовым стало у нас представление, что план электрификации сельского хозяйства, который, по мысли Ленина, есть составная часть плана электрификации всего хозяйства, как условия построения коммунистического общества,—что этот план отменен и должен быть заменен планом тракторизации. Идее электрификации сельского хозяйства противопоставляется идея тракторизации. Трактор противопоставляется плану электрификации сельского хозяйства, как последнее достижение науки и техники.

Между тем, это глубоко неверное, глубоко вредное представление, тем более вредное, что оно чрезвычайно широко распространено. Нельзя и неверно противопоставлять тракторизацию электрификации так же, как и наоборот. Трактор делает первый и решающий шаг в великом деле социалистической переделки сельского хозяйства. Электрификация завершит начатую трактором работу, подведет под созданную на основе трактора систему машин (перестроив ее соответственно) несравненно более высокую энергетическую базу.

Эту мысль хорошо понимали в период составления плана Гоэлро. В последнем она выражена чрезвычайно ясно: «...И здесь, в области сельского хозяйства, двигатели внутреннего сгорания явятся, вероятно, элементом, особо характерным лишь для переходного времени» [1]. И. И. Степанов, в замечательных по проницательности страницах своей книги, писал, говоря относительно электропахоты:

> «Это будет, когда осуществится широкая электрификация в национальном или областном масштабе. Но тем самым будут созданы необходимые предпосылки для механизации и других земледельческих работ. А до того времени все еще станет распространяться тракторная обработка земли» [2].

Электричество, электромотор является универсальной материально-технической базой для всего с.-х., для всех его отраслей. Между тем трактор является материально-технической базой только в собственно земледелии, т.-е. при обработке почвы и уборке урожая. Таким образом, сейчас, когда зерновая проблема является основным звеном, основной проблемой в развитии сельского хозяйства, когда зерновая проблема стоит на первом плане, — и трактор кажется универсальным. Но как только и по мере того, как мы разрешим эту проблему, — узость, недостаточность и невыгодность трактора как энергетической базы для всего сельского хозяйства в целом — выступят совершенно наглядно.

Постановка вопроса в плане Гоэлро и в работе И. И. Степанова является выражением мысли Ленина, является совершенно точной формулировкой ленинского плана электрификации в его приложении к с. х.

Ошибочно думать, что известный по ряду выступлений взгляд Ленина на электрификацию земледелия сложился у него, примерно, в период выработки плана Гоэлро. С мнением Ленина по этому вопросу мы встречаемся уже в 1901 г. В работе: «Г.г. «критики» в аграрном вопросе», мы в основном находим всю ленинскую постановку вопроса об электрификации применительно к сельскому хозяйству. Давая оценку первым опытам внесения электричества в сельское хозяйство, Ленин писал:

> «Интересно отметить, что наши критики... забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о том новом техническом перевороте земледелия, который подготовляет электротехника... Каутский указал на значение электричества в земледелии еще в 1899 г. В настоящее время признаки грядущего технического переворота намечаются уже яснее» [3].

И тут же Ленин, замечает:

> «Разумеется, применение новых способов производства встретит массу затруднений и пойдет не гладким, а зигзагообразным путем, но что оно пойдет, что революционизирование земледелия неизбежно, — в этом вряд ли можно сомневаться» [4].

Таким образом, уже в 1901 г., Ленин дал оценку роли электричества в сельском хозяйстве и указал на неизбежность «зигзагообразности пути».

Не изменило ли появление трактора и его успехи что-нибудь в этой оценке? Ведь она была основана на сопоставлении электричества с паровым двигателем, а в настоящее время надо сопоставлять электричество с двигателями внутреннего сгорания.

---

[1] План Гоэлро, 1920 г., стр. 128.

[2] И. И. Степанов, Электрификация РСФСР. ГИЗ. 1922 г. стр. 245.

[3] Собрание сочинений, 2 изд., т. IV, стр. 206.

[4] Там же, стр. 209.

Однако, мы имеем не менее ясные высказывания Ленина и с учетом этого нового фактора. Так же, как Ленин с самого начала уловил то новое, что несет сельскому хозяйству применение электричества—так же он немедленно реагировал (в 1919 г.) на успехи трактора.

Напомним это известное место:

> «Если бы мы могли дать завтра 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами... то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т. е. за коммунизм) [1].

Проблема трактора была поставлена именно Лениным. Теперь, спустя 11 лет, мы осуществляем тот план, который намечался этим выступлением. Интересно отметить, что вслед за этим замечанием о роли 100 тыс. тракторов Ленин ставил вопрос о необходимости наладить их производство внутри страны, поскольку капиталистические страны нам необходимых тракторов не дадут. Таким образом, в этом выступлении мы имеем 1) совершенно ясную оценку роли трактора и 2) не менее ясное задание для работы в этом направлении.

И при всем этом уже в следующем, 1920 г., Ленин в письме к тов. Кржижановскому, говоря о проекте плана электрификации, пишет:

> «Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу де и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической» [2].

В 1920 же году, на с'езде комсомола, Ленин эту же мысль развивает с крайне интересным заострением:

> «Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, при чем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, и когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве» [3].

Где же причина того, что в 1919 г. Ленин говорил о тракторе, а в 1920 г. поставил вопрос об электричестве и электроплуге? Именно в том, что к этой проблеме Ленин в 1920 г. подошел уже не только с точки зрения первого шага реорганизации земледелия, и не только с точки зрения создания материально-технической базы специально для сельского хозяйства, оторванно от проблемы энергетики в целом, т.-е. и для промышленности и для земледелия, а с гораздо более широкой точки зрения, опираясь на ту научную работу, которая была начата в этом направлении. Эта точка зрения формулирована им в цитированном уже письме к т. Кржижановскому. К государственному плану восстановления, реорганизации и развития сельского хозяйства Ленин подошел уже со стороны необходимости «централизовать энергию всей страны». Эта задача является центральной, стержневой идеей всего плана Гоэлро. Разрешение этой задачи в условиях советской власти означает уничтожение противоположности между городом и деревней, означает окончательное установление коммунизма. Об этом Ленин говорил в речи на VIII с'езде советов, давая оценку плана Гоэлро, как второй программы партии. В этой речи он сказал следующее:

---

[1] Собр. соч., изд. 1, т. XVI, стр. 153.

[2] Записки Института Ленина, т. III, стр. 7.

[3] Собр. соч., изд. I, т. XVIII, стр. 319.

> «Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем. Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане... Эта программа партии... она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше, чем на 10 лет, и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма». [1]).

Этого не дает или дает в неизмеримо меньшей мере трактор. Сельское хозяйство, основанное на тракторе, во-первых, само не имеет единой энергетической базы, ибо для всех остальных работ и отраслей сельского хозяйства, кроме обработки почвы и уборки урожая, необходимо электричество, во-вторых, оно отделено от города, промышленность которого построена на электрической базе, этой «базе коммунизма». При таком положении город и деревня имеют разные источники энергии, тогда как состояние современной нам науки дает полную возможность соединения города и деревни на основе единого энергетического хозяйства, на основе единой энергетической базы.

Ведь, уничтожение противоположности между городом и деревней заключается, с точки зрения материально-технической основы, не в вынесении фабрик и заводов «на лоно деревенской природы». Уничтожение противоположности между городом и деревней в своей основе должно иметь превращение механизированного сельского хозяйства в такую же индустрию — и столь же высоко организованную — как любая отрасль индустрии в городе. Единство энергетической основы, при всем различии условий сельского хозяйства и городской промышленности, при всем своеобразии первого, создаст единый, построенный на основе единой централизованной сети районных электрических станций и электропередач высокого напряжения, тип хозяйства.

Этот вопрос еще до сих пор многим не ясен. Между тем, если не понять, что стержнем, цементирующим и определяющим началом ленинского плана электрификации, является идея «централизации энергии всей страны» (и именно энергии электрической), как ведущая идея всего плана, — тогда не ясна будет и ленинская установка на электрификацию сельского хозяйства.

Степень непонимания ленинского плана электрификации демонстрируется, например, прениями в дискуссии о «Проблеме энергетики в генеральном плане», в Коммунистической академии (начало 1929 г.).

Тов. Бессонов, например, утверждал в своем выступлении, что говорить об энергетике, как основе и ведущем начале развития хозяйства нашей страны, нельзя, что ведущим началом является машиностроительная промышленность, а для некоторых районов — транспорт.

Тов. Бессонову вторил и т. Шатуновский, который привел, между прочим, следующий изумительный аргумент:

> «Вряд ли можно стать на такую точку зрения, что энергетика есть ведущее звено. Я, лично, привык считать в моей деятельности, в деятельности той партии, к которой я принадлежу, что ведущим звеном является благо трудящихся и освобождение их от эксплоатации» [2]).

Отрицая за энергетикой роль ведущего начала, этот же товарищ в отношении электрификации говорит следующее:

> «Когда мы говорим об энергетической базе нужно говорить о чем-то другом, но не об электрификации» [3]).

---

[1]) Собр. соч., изд. 1, т. XVII, стр. 427.

[2]) Журнал «Проблемы Экономики», № 3 за 1929 г., стр. 143.

[3]) В полном соответствии с этой своей установкой, раскрывая ее содержание, т. Шатуновский делает безобразнейший выпад по поводу строительства Днепростроя, да и против всей установки плана Гоэлро. Такова его точка зрения, не нуждающаяся в комментариях.

Итак, не электрификация есть энергетическая база хозяйства нашей страны, а «нечто» другое! Что? — на этот вопрос автор ответа не дал.

Разумеется, содержанием социалистической индустриализации страны, которую осуществляет наша партия и рабочий класс, является производство средств производства. Напоминать это — значит ломиться в открытую дверь. В этом смысле тяжелая промышленность и, в первую очередь, промышленность, производящая машины для производства машин, является основным, главным, ведущим.

Но, ведь, и машины для производства машин можно производить по-разному. Производились они и при господстве паровой машины, производятся теперь на основе применения электромотора. Что же эта перемена только формального порядка: раньше, де, стояла паровая машина, а ныне поставили электрическую?!

Нет, это означает начало новой эпохи в развитии промышленности и, прежде всего, тяжелой промышленности [1]).

Поэтому прав план Гоэлро, когда утверждает, что

> «Технический высший тип интенсивного хозяйства неизбежно связан с моментом его электрификации» [2]).

Прав И. И. Степанов, когда утверждает, повторяя слова тов. Кржижановского, что «паровая техника — техника капиталистической эпохи, электрическая техника —техника социализма [3]). Именно этот ленинский взгляд на электрификацию (а у нас проблема энергетики есть, прежде всего, и в основном, проблема электрификации) со всей ясностью высказан в мартовском постановлении ЦК ВКП(б) (1930 г.) относительно работы электротехнической промышленности. В этом постановлении ЦК партии, отмечая далеко неудовлетворительное состояние нашей электротехнической промышленности, прямо напоминает, что электрификация является «основой для успешного проведения общего плана социалистической индустриализации» и выдвигает в качестве неотложной задачи—

> «задачу такого развития советской сильноточной электротехнической промышленности, при котором она перестала бы быть «узким местом» и тормозом электростроительства, а сделалась бы толкачом электрификации и энергичным пионером все большего ее внедрения во все области народного хозяйства» [4]).

Это лучший ответ, как тем товарищам (Бессонов, Шатуновский и др.), которые не понимают роли электрификации, как основы социалистической индустриализации страны, так и тем, кто не понимает, что успехи трактора ни в малейшей мере не снимают задачи готовить все условия для осуществления электрификации сельского хозяйства.

Куда ведет полное непонимание ленинского плана электрификации в целом, в его существе (т.-е. как построение всей экономики страны на основе

---

[1]) «Уже одна простая замена механического привода электрическим привела в свое время к значительной рационализации промышленности... Электрификация... и только она, дала возможность современному заводу перейти к строго продуманному рациональному расположению машин, к конвейерной системе и т. д. Мало того, в настоящее время электромотор начинает оказывать рационализирующее влияние не только на внутреннее расположение оборудования в мастерских, но и на конструкцию производственных машин. Дальнейшее увеличение эффективности, мощности или сложности машин — орудий стало возможным лишь на основе применения многомоторного электрического привода, состоящего в том, что отдельные электромоторы сращиваются с отдельными функциональными органами одной и той же машины. Только этот процесс, по существу своему чисто электрификационный, способен привести к дальнейшему росту производительности труда». (Проблемы Энергетики, т. I, 1929 г.).

[2]) План ГОЭЛРО, стр. 86.

[3]) И. И. Степанов, там же, стр. 138.

[4]) «Правда» от 19 марта, 1930 г.

«централизации всей энергии страны»), — показывает подход тов. Бессонова к развитию сельского хозяйства. В том же уже цитированном выше выступлении тов. Бессонов говорит:

> «Я должен сказать, что ведущее начало электрификации и в преобразования сельского хозяйства более чем сомнительно. Наоборот, ведущую роль в преобразовании сельского хозяйства занимает пока двигатель внутреннего сгорания — трактор».

То, что «пока» с точки зрения материально-технической базы «ведущую роль» играет двигатель внутреннего сгорания — трактор — это бесспорно.

В этом «пока» т. Бессонов прав. Но когда он говорит о ведущем начале в развитии сельского хозяйства в целом и в перспективе, — он попросту, вырывает сельское хозяйство из единого ленинского плана электрификации, т.-е. не понимает сущности этого плана.

II.

Осуществление электрификации сельского хозяйства в широких размерах требует ряда важнейших условий и предпосылок.

Первым из этих условий является индустриализация страны. Без наличия мощной тяжелой индустрии в нашей стране, в частности, без наличия мощной электротехнической промышленности, никакой речи об электрификации сельского хозяйства быть не может.

Это, казалось бы, бесспорное положение иногда забывают и под видом благой, самой по себе, идеи энергетической реконструкции сельского хозяйства на основе электрификации, протаскивают такие «идеи», мимо которых пройти нельзя.

В упоминавшемся нами сборнике ВСНХ «Проблемы энергетики», в разделе «Энергетика в сельском хозяйстве» имеется следующее любопытное рассуждение:

> «Разгадка индустриального расцвета Англии, Германии и др. стран лежит в реконструкции сельского хозяйства в агроиндустриальный тип на базе машинной техники, энергетики и электрификации. Также и у нас (слушайте!) без энергетической реконструкции сельского хозяйства невозможна индустриализация страны. Сельское хозяйство является главным источником затруднений и поэтому первая пятилетка индустриализации должна итти под знаком сельского хозяйства (!)».

Старая знакомая история! Сперва — сельское хозяйство, затем уже — промышленность. Не промышленность — условие реконструкции земледелия, а наоборот. Пятилетка должна итти не под знаком развития промышленности вообще, тяжелой промышленности в особенности, а «под знаком сельского хозяйства»!

И от того, что сельское хозяйство выступает в этом рассуждении в «индустриальном», «электрическом» одеянии — эта старая правооппортунистическая идея не становится лучше.

Курьезнее всего то, что автор, для подтверждения своего положения, извратил всю экономическую историю Англии и Германии, в последней из которых (Германии) исключительные успехи в отношении применения машинной, и, в частности, электрической техники в земледелии, обязаны городской промышленности вообще, электротехнической и химической, в особенности. Не критиковать эту уже раскритикованную в борьбе с правым оппортунизмом идею приходится, а недоумевать: каким образом и до сих пор проскальзывают подобные идеи в столь ответственные документы?!

Вторым из этих условий является наличие источников энергии, сети мощных электростанций и густой сети «кровеносных сосудов» — высоковольтных электропередач.

В этом отношении путь электрификации с. х. правильно указан еще в плане Гоэлро. Это — путь создания единого энергетического хозяйства и для промышленности и для земледелия, путь концентрации производства и распределения электрической энергии на крупных станциях и об'единения питательных сетей отдельных станций в одну общую сеть, путь создания энергоцентров общего пользования.

> «Проблема рационализирования сельского хозяйства теснейшим образом связана с рационализацией промышленности и транспорта; жизненно-практическое решение вопроса электрификации народного хозяйства возможно лишь при гармоническом обслуживании районными электрическими станциями всех разнообразных видов потребителей электрической энергии». [1]

Следовательно, речь идет о системе общей сети крупных электрических станций и электропередач, системе гигантских тепло-электроцентралей, с общей системой электропередач, для удовлетворения потребностей и промышленности и сельского хозяйства целых районов.

Преимущества такой системы огромны. Во-первых, эта система означает установление связи через высоковольтные электропередачи между различными районами. Во-вторых, эта система приводит к сочетанию промышленности и сельского хозяйства на основе единой энергетической базы — на основе электричества. В-третьих, эта система является экономически наиболее выгодной.

> «Единое энергетическое хозяйство в конечном счете даст наиболее дешевую энергию при наименьших затратах... В отношении электроэнергии единое хозяйство позволяет уменьшить до минимума мощность, потребную для удовлетворения разнообразных потребителей, пользуясь несовпадением максимумов нагрузки, вследствие которого максимум всей системы всегда меньше суммарного максимума у отдельных потребителей, и образованием общего резерва для всей системы, который всегда меньше, чем был бы суммарный резерв у отдельных потребителей.. Уже экономия в мощности, получаемая при системе единого энергетического хозяйства обычно, вполне покрывает расходы по сооружению линий электропередач высокого напряжения, а возможность укрупнения машин при большом хозяйстве дает дальнейшую экономию в затратах» [2]).

Итак, для осуществления в широких размерах работ по электрификации земледелия требуется широкая сеть мощных станций и высоковольтных передач. Это — необходимая предпосылка. Но эта предпосылка создается общим процессом индустриализации и электрификации всего народного хозяйства.

Возьмем для примера Каширский район (Моск. обл.), в котором уже начата опытная электрификация сельского хозяйства в рамках всего района. Общая протяженность уже имеющейся электрической сети в районе равна 280 километрам, или 3,5 клм. на 1.000 га, обрабатываемой площади. Эта сеть была построена в связи с потребностями промышленности. Теперь с началом работ по электропахоте потребуется лишь устанавливать для этой цели временные рабочие сети, и токоподводящие кабели к сельскохозяйственным предприятиям. Амортизация сети будет раскладываться на всех потребителей электрической энергии, удешевляя тем самым работы по электрификации земледелия [3]).

Таким образом, речь идет не о создании для земледелия своей особой электрической базы, а о включении потребностей индустриализирующегося и коллективизирующегося сельского хозяйства в электрической энергии в общий план электрификации отдельных районов и всей страны в целом.

Отсюда ясна вся важность правильной установки в этом вопросе. Мы осуществляем гигантскую программу электростроительства. Необходимо, чтобы при постройке новых станций, как и при расширении мощности существующих станций, теперь же учитывались и потребности, которые пред'являет, — а через некоторое время пред'явит в еще большей мере — сельское хозяйство в лице, прежде всего, совхозов, крупных агроиндустриальных комбинатов, крупных колхозов и т. д. Здесь, как нигде, нужен правильный расчет, правильный учет потребностей нашего недалекого будущего. Нет сомнения, что уже в ближайшем будущем совхозы, колхозы, агроиндустриальные комбинаты, пред'явят огромные требования на электрическую энергию для своих ремонтных мастерских, зерноочистительных пунктов, элеваторов, различного рода предприятий по обработке и переработке подуктов сельского хозяйства и т. д.

---

[1]) План ГОЭЛРО, стр. 130.

[2]) См. по этому вопросу статью В. Есина, «Плановое хозяйство» № 1, за 1930 г.

[3]) «Проблемы Энергетики», т. I, стр. 128.

Третьим условием осуществления сельской электрификации является наличие огромных земельных массивов с крупным обобществленным хозяйством на них.

Электричество в земледелии с самого начала требует крупного, планомерно-организованного производства. Ставить своей задачей электрифицировать (речь идет, конечно, не об электрическом освещении, а о сельскохозяйственном производстве) мелкое, индивидуальное хозяйство крестьянина — является вреднейшей утопией.

Однако, такая задача многими ставилась! Можно указать целый ряд брошюр и работ, писавшихся на эту тему до последнего времени, в которых электрификация земледелия связывалась с индивидуальным хозяйством и проекты строились в расчете на него. Вот один из примеров:

> «Наша задача — планомерно электрифицировать деревню. Но мало того, необходимо сделать электричество выгодным для всех. Оно одинаково может служить и деревенской бедноте, и крестьянскому кулаку (!), и частному предпринимателю. Вот почему (?!) важно принять меры к тому, чтобы электрический провод был протянут в избу бедняка, и кроме того, дать ему мотор для поднятия его хозяйства». [1]).

Однажды Каменев и Зиновьев, в качестве средства разрешения проблемы под'ема благосостояния бедняцких масс деревни, предлагали наделить каждого бедняка лошадью. Означенный товарищ, как видим, сделал «гигантский» шаг «вперед»: каждому бедняку—электромотор! При чем, не только бедняку, но и кулаку, но и частному предпринимателю! Вряд ли есть необходимость критиковать эту «установочку», ибо она достаточно говорит сама за себя.

Между тем, для успешного применения электромотора в земледелии, более того, для рационального использования даже наличных в сельском хозяйстве энергетических ресурсов — нужен новый тип хозяйства.

Происходящий ныне на основе трактора процесс коллективизации деревни создает необходимое условие для широкого внедрения электричества в деревню и ставит проблему электрификации земледелия по-новому. Находя в лице коллективизирующегося сельского хозяйства необходимое условие для своего осуществления, электрификация явится наиболее мощным орудием его дальнейшей технической реконструкции и превращения в коммунистическое хозяйство.

Итак, поскольку речь идет об основных предпосылках осуществления сельской электрификации — о наличии: 1) мощной электротехнической промышленности; 2) густой сети крупных районных станций и системы высоковольтных передач; 3) обширных земельных массивов с крупным коллективным хозяйством на них — мы видим, что эти условия или уже имеются, или создаются общим процессом индустриализации и реконструкции народного хозяйства нашей страны, таким образом, что можно будет перейти от опытов в первой (теперешней) пятилетке к началу широких работ по электрификации сельского хозяйства во второй пятилетке.

---

[1]) Г. А. Слободкин. Электрификация СССР, 2-е переработанное и дополненное издание, 1927 г., стр. 87.

III.

Осветив в кратких чертах вопрос о роли электрификации сельского хозяйства и об основных предпосылках ее осуществления, перейдем теперь к рассмотрению вопроса о применении электромотора в сельском хозяйстве.

В 1927/28 году из всей действовавшей в нашем сельском хозяйстве мощности энергии, 91% мощности приходилось на энергию животных и лишь 9% на долю механических двигателей. Теперь на смену энергии животных приходит двигатель внутреннего сгорания — трактор. Поскольку мы ставим задачу внедрения в сельское хозяйство электромотора, встает вопрос, обладает ли последний какими-либо преимуществами по сравнению с двигателем внутреннего сгорания вообще и трактором в частности?

Оставляя, пока в стороне вопрос об электропахоте, необходимо сказать, что во всех остальных областях с.-х. труда все преимущества находятся на стороне электромотора. Универсальность применения, простота и удобство ухода за ним, способность к быстрому пуску и столь же быстрой остановке, способность к перегрузке, дешевизна, экономичность в работе, высокая производительность — вот важнейшие из этих преимуществ. Правильность этого вывода, основанного на богатейшем опыте применения электромотора в сельском хозяйстве за границей, не оспаривается уже никем.

Нам нет надобности подробно останавливаться на всех разнообразных видах применения электромотора в сельском хозяйстве, этот вопрос освещен в нашей литературе достаточно. Мы ограничимся лишь перечислением некоторых наиболее важных работ, выполняемых при помощи электромотора. Вот далеко неполный перечень этих работ, в которых электромотор обнаружил уже свои преимущества перед локомобилем и двигателем внутреннего сгорания: зерноочистилки, триеры, веялки, сортировки, сенокосилки, молотилки, картофеле- и свеклокопатели, оросительные установки, всевозможные под'емные и транспортные приспособления, кормозаготовительные машины, мельницы, крупорушки, водяные насосы всевозможного назначения, приспособления для сушки овощей, сена, машины для винокуренных, лесопильных и крахмальных заводов, для сельскохозяйственных и кустарных мастерских; машины для молочного хозяйства и многие др. [1]). Помимо этого, электромотор широко применяется в птицеводстве, животноводстве. В Германии — для получения удобрений, электризации семян, борьбы с вредителями и т. д.

Огромнейший интерес представляет применение электричества для получения так наз. «электрокультур». Опыт показывает, что на поле, подвергнутом воздействию электрического тока, урожайность повышается в 1½ раза, при чем растения созревают гораздо быстрее.

Возьмем к примеру такие работы как мелиоративные. Практика показывает, что осуществление мелиоративных работ в широком масштабе возможно лишь силами электричества. Заграница знает уже множество опытов осушения и орошения огромных массивов и превращения их в плодоносные земли. Нет надобности доказывать всю огромную важность соответствующих работ у нас.

У нас широко распространен взгляд об универсальности трактора, о возможности его применения для всевозможных работ — в качестве стационарного двигателя. Этот взгляд абсолютно неверен. Трактор может использоваться для некоторых работ как стационарный двигатель лишь временно, вообще же он для этой цели непригоден.

Помимо других его недостатков по сравнению с электромотором, отметим следующие:

1) Ограниченность и сезонность применения, неполная загрузка.

---

[1]) См. в книге Степанова, I изд. стр. 240.

2) Трактор недолговечен. По расчетам, приведенным в сборнике ВСНХ «Проблемы энергетики», число часов жизни трактора определяется от 2.500 до 5.000; если пустить его работать в 2—3 смены, то через каждые 4 м-ца надо ставить новый трактор [1]. Несомненно, что срок жизни трактора в этом расчете преуменьшен. Но бесспорно то, что трактор есть самый недолговечный двигатель.

3) Тракторный парк требует ремонтных мастерских значительного количества запасных частей. Для обслуживания тракторного парка нужен автомобильный парк.

4) Для обслуживания трактора, как и вообще двигателя внутреннего сгорания, требуется огромное число квалифицированных кадров. Между тем уход за электромотором чрезвычайно прост и не требует особой подготовки.

5) Наконец, трактор требует очень много нефти. Этот момент весьма важен. Нефть и нефтепродукты являются самым драгоценным видом топлива. Но помимо того, — нефть — это валюта, чрезвычайно мощное орудие борьбы на мировом рынке. Нефть, кроме того, не только лучший вид топлива, но и ценнейшее химическое сырье для выработки различного рода продуктов. Заметим далее, что нефть является невоспроизводимым ценнейшим видом топлива, все время истощающимся, при чем энергия нефти составляет лишь 0,6% всех запасов энергии нашего Союза.

По всем этим причинам мы должны самым рациональным и экономным образом расходовать наши 37,4% мирового запаса нефти.

Теперь присмотримся к следующим цифрам. К 1933 году у нас будет больше 500 тыс. тракторов. По сообщению т. Кржижановского к концу пятилетки потребуется для тракторов 12 млн. тонн керосина [2]. В резолюции недавно происходившей топливной конференции план добычи нефти на 1932—1933 г. определен в 41,5 млн. тонн, а выход нефтетоплива в 19,2 млн. тонн. Следовательно, трактора должны будут поглотить значительную часть нефтетоплива [3]. Но помимо тракторов у нас будет быстро расти автотранспорт, воздушный, речной и морской флот. Для всех этих целей потребуется огромное количество горючего.

Мы полагаем, поэтому, что аргумент от топлива является одним из серьезных аргументов в пользу электромотора, одно из огромных преимуществ которого состоит в том, что он питается энергией, которую можно и надо получать из всевозможных низкосортных малоценных видов топлива, а также из огромных резервов водной энергии.

Но проблема электрификации сельского хозяйства не может считаться решенной в полном об'еме до тех пор, пока не будет осуществлена электропахота, по той причине, что на электропахоту и связанные с ней работы по обработке поля приходится около 70% всей механической энергии, потребляемой в сельском хозяйстве. И вот встает вопрос, несет ли электрическая вспашка какие-либо выгоды по сравнению с тракторной вспашкой?

Не касаясь здесь вопроса о различных системах электроплугов, о технике электрической вспашки, о способах присоединения плуга к электросети, отметим следующие преимущества электровспашки по сравнению с тракторной:

1) В то время как электроплуг используется на все 100% своей мощности, трактор, номинальная мощность которого (мощность на валу) отличается от его реальной мощности (мощности на крюку), отдает на полезную работу лишь около 50% мощности (Фордзон) и 70—75% (гусеничный трактор), остальная энергия уходит на самопередвижение.

2) Электроплуг обладает гораздо большей производительностью. У нас нагрузка на трактор постановлением НКЗ СССР определена в 300 га на 15-сильный и в 200 га на 10-сильный в год. Электроплуг может вспахать минимум 1.000 га в год, а при более рациональной постановке дела и больше. (Опыты показывают, что вполне реальной является нагрузка в 1.500 га).

3) Электроплуг пашет глубже (что особенно важно для технических культур); он может пахать на большую глубину на тяжелых, даже каменистых почвах. Далее, электроплуг может работать почти при любой погоде, вспашку можно начинать ранней весной, еще по не совсем оттаявшей земле. Электроплуг сохраняет хорошую структуру почвы, не уплотняет ее подобно трактору.

Все эти обстоятельства весьма важно учитывать при обсуждении вопроса о выгодности электрической вспашки. Срочность и качество работы оказывают огромнейшее влияние на величину и качество урожая. Нельзя судить о выгодности электропахоты лишь по данным о ее стоимости, необходимо учитывать общий народно-хозяйственный эффект, получаемый при электропахоте.

Но и данные о самой стоимости электропахоты, основанные на изучении как заграничного опыта, так и некоторых опытов у нас показывают, что электрическая вспашка превышает тракторную лишь незначительно [1].

Возьмем некоторые примеры из нашей практики. В 1924—25 г. в ряде совхозов была предпринята опытная электропахота. В одном случае обработка 1 га обошлась в 15 р. 87 к. при использовании производительности плуга всего лишь на 45%; в другом — 20 р. 01 коп., при использовании производительности на 23%. Ясно, что при полном использовании производительности электроплуга (а для этого мы имеем сейчас все предпосылки) при широко поставленной работе по электропахоте, при массовом изготовлении электроплугов — стоимость электропахоты будет гораздо ниже.

Говоря о разнообразных видах применения электричества в сельском хозяйстве, мы не упомянули еще о том грандиозном культурном перевороте, который оно несет деревне. Но это обстоятельство столь очевидно, что подробно останавливаться на нем нет необходимости.

Итак, электрификация сельского хозяйства есть дело, за которое мы можем взяться уже теперь. Если в отношении электропахоты дело будет пока итти по линии организации опытов, определения стоимости, выбора системы, улучшения конструкции и т. д., то для остальных процессов сельскохозяйственного труда, в особенности для обработки и переработки продуктов сельского хозяйства, широкое применение электричества вполне возможно и необходимо. Решение Совнаркома начать опытную электрификацию в трех районах есть первый крупный шаг в этом направлении.

IV.

Определяющим темпы лозунгом первой пятилетки и следующих пятилеток, является лозунг: догнать и перегнать в кратчайший исторический срок передовые капиталистические страны. Это иная формулировка ленинского вопроса «кто-кого?» в международном масштабе. По углю, по нефти, по чугуну, по ряду отраслей хозяйства СССР мы с боем продвигаемся вперед по сравнению с этими, пока передовыми, странами на вторые, третьи, четвертые, пятые места. Даже по автомобилям, — отрасль, где мы еще так недавно стояли на

---

[1] «Проблемы Энергетики», том I, стр. 369.

[2] См. «Экономическая Жизнь», от 9 марта 1930 г.

[3] Отсюда настоятельная необходимость и актуальность разрешения проблемы превращения в топливо для трактора угля, дров, торфа, различных отбросов (костра, солома, опилки).

---

[1] Напр., немецкий инженер Кинд определяет стоимость вспашки одного га при помощи электроплуга в 19,22 марки, т.-е. немногим более 9 р. (см. его статью «Der Elektropflug», в журнале «Technik in der Landwirtschaft», Heft 4, 1929.

сороковом месте, — мы уже начинаем продвигаться вперед и к концу пятилетки, видимо, будем в первом десятке.

Как же обстоит дело с электрификацией сельского хозяйства? К сожалению, у нас мало говорится о тех сдвигах, которые намечаются в этом отношении в Европе и в Америке .Между тем, сдвиги эти заслуживают самого пристального внимания. Возьмем Америку. В сборнике «Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.» приведены весьма интересные данные относительно САСШ. В Соединенных Штатах в основном заканчивается электрификация промышленности и городов. Это приводит к усилению электрификации в сельском хозяйстве.

В статье Гарольда Эванса: «Мировой опыт сельской электрикифации» отмечается, что —

> «Спрос на электрическую энергию в сельских районах становится все более и более настоятельным... Для Соединенных Штатов сельская электрификация в широком масштабе, и в недалеком будущем, станет неизбежной [1]).
>
> «Судя по имеющемуся опыту, нетрудно ожидать, что в течение ближайшего десятилетия 50 проц. ферм Соединенных Штатов будет электрифицировано» [2]).

В сборнике «Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.» приведен расчет американского сельскохозяйственного электротехнического комитета. Согласно этого расчета в 1923 г. в Соединенных Штатах было зарегистрировано 165 тысяч электрифицированных ферм из 6,4 миллионов. В 1926 г. в 27 наиболее развитых штатах (из общего числа 48), число электрифицированных ферм возросло на 87%.

«По подсчету комитета в 1932 г. будет электрифицировано один млн. ферм, на что потребуется 1.260 млн. долларов» [3]).

Переживаемый американским и мировым хозяйством кризис, несомненно, задержит этот процесс электрификации. Но, с другой стороны, усиливая позиции финансового капитала в с. х., он создает условия для последующего более значительного темпа и размаха электрификации сельского хозяйства.

В Германии количество потребленных в сельском хозяйстве электрической энергии в 1925 г. было равно 465 млн. квч., количество электромоторов равнялось 746,8 тыс. шт., с общей мощностью в 2.500 тыс. квч.

Упомянутый уже сборник американской академии следующим образом оценивает состояние сельскохозяйственной электрификации в Германии:

> «Развитие сельской электрификации шло очень быстро за последние несколько лет... В течение 5 лет, вероятно, каждая ферма будет включена в электрификационный район». [4]).

В Швеции годовое потребление электроэнергии в сельском хозяйстве достигает 122 млн. квч. [5]).

Даже в Финляндии сельское хозяйство потребляет 25 млн. квч. в год [6]).

Картина, как видим, такова, что при пока еще слабой электрифицированности сельского хозяйства в Европе и Америке, начинается процесс довольно усиленного проникновения электричества в сельское хозяйство.

Эти слабые размеры электрификации в капиталистических странах, выглядят несколько иначе, если мы возьмем их в сравнении с тем, что имеется у нас в этой области.

---

[1]) «Экономическая и социальная роль электрификации». Сборн. статей, опубликован. американск. академией политическ. и социальн. наук. «Плановое хозяйство», 1927 г., стр. 80.

[2]) Там же стр. 83.

[3]) Там же стр. 196.

[4]) Стр. 68.

[5]) С. Кукель: Мировая электрификация, изд. План. хоз. 1926 г., стр. 52.

[6]) Там же, стр. 61.

Возьмем «Баланс электроэнергии СССР» для 1929—30 г. (надо учесть, что приведенные выше материалы о капиталистических странах в большинстве относятся к 1925 или 1926 гг.). Мощность всех сельских электростанций составляет у нас 49 тысяч клв. и количество потребленной в сельском хозяйстве в 1929—30 г. энергии должно составить 0,7 всего производства электроэнергии, т.-е. 60 млн. квч.

Это против 465 млн. квч. в Германии! против 122 млн. квч. в Швеции и 25 млн. квч. даже в Финляндии!

Для полноты картины надо добавить следующее:

1. Все количество энергии, потребляемой всем сельским хозяйством СССР в 1929—30 г., в 25 раз меньше, нежели рубрика потерь и собственных нужд электростаций (60 млн. квч. и 1.526 млн. квч.). [1]).

2. В 1928—29 г. из намеченных для сельской электрификации 11 млн. руб., было использовано лишь 7 млн. руб. На 1929—30 г. контрольными цифрами намечено ассигновать на сельскую электрификацию 25 млн. руб. против 21,5 по пятилетке.

Наметки сельской электрификации в пятилетнем плане ни в какой мере не соответствуют темпам коллективизации и потребностям индустриализующегося сельского хозяйства.

Пятилетний план ни в какой мере не обеспечивает даже подготовки к электрификации сельского хозяйства, не говоря уже об удовлетворении той неотложной потребности в электрической энергии и электромоторах, которая имеется и нарастает в сельском хозяйстве.

Если взять энерго-вооруженность живого труда, то получаем для 1932—1933 г. (по пятилетнему плану) следующую картину:

«На одного рабочего в промышленности всей энергии в квч. запроектировано для 1932—33 г. 4.677 квч., из них электроэнергии 3.600 квч.

На одного работника в сельском хозяйстве на тот же год запроектировано всего энергии 391 квч., в том числе 74 квч. механической энергии, а из нее электроэнергии... только 3 квч. [2]).

Эти две цифры: 3.600 квч. электроэнергии на рабочего в промышленности и 3 квч. на работника в сельском хозяйстве к концу пятилетки — демонстрируют наглядно разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, который надо начать преодолевать уже теперь, а не закреплять до конца пятилетки. Этот разрыв должен быть преодолен в пределах генерального плана, а для этого нужна совершенно четкая перспектива так же, как и совершенно ясная оценка настоящего момента, как переходного к электрификации сельского хозяйства.

Вместо четкой и ясной установки, которая имеется в плане Гоэлро, в пятилетке дана совершенно неправильная постановка вопроса о соотношении тракторизации и электрификации, неправильная, и с точки зрения перспективы, и с точки зрения настоящего периода.

> «Трактор и электромотор — читаем в пятилетнем плане — две равноценных половины одного целого—межселенного энергетического центра...» [3]).

Это неверно вдвойне. С точки зрения настоящего момента, это неверно потому, что сейчас для нас трактор важнее электромотора. Он является тем главным звеном, ухватившись за которое, мы, в конечном итоге, перейдем к электрификации сельского хозяйства. Это неверно и с точки зрения перспективы, ибо в разрезе генерального плана электромотор и электричество будут основным и постепенно вытесняющим трактор.

---

[1]) «Контрольные цифры» на 1929 — 30 г., стр. 496 и 500.

[2]) Пятилетний план, том II, ч. 1, стр. 68.

[3]) Там же, стр. 40.

Несомненно, отсутствием в пятилетнем плане принципиально ясной и четкой установки Гоэлро в вопросе об электрификации сельского хозяйства, надо об'яснить тот факт, что в приведенном в пятилетнем плане энергетическом балансе СССР, в числе потребителей электрической энергии, имеется рубрика «мелкая промышленность» и рубрика «прочие», но нет сельского хозяйства! Вернее, оно есть, но против этой рубрики стоит вместо цифры—черта [1].

Можно привести еще более поразительный пример.

> «Сев. Кавказ — читаем в пятилетнем плане — вступает в пятилетие с большой программой электростроительства. ..Это мощное электростроительство в таком ярко выраженном аграрном районе, как Северный Кавказ, повлечет за собой значительное усиление индустрии в этом крае».

Даже когда речь идет о «мощном» электростроительстве в «ярковыраженном аграрном районе», в плане нет связи электростроительства с энергетикой сельского хозяйства.

Суммируя сказанное выше, надо признать, что в пятилетнем плане электрификация сельского хозяйства почти выключена.

Разумеется, от первой пятилетки и ее плана нельзя ожидать полного или хотя бы даже значительного удовлетворения потребностей сельского хозяйства в электроэнергии.

Но, во-первых, это электроснабжение сельского хозяйства может и должно быть несравненно больше, чем это «запроектировано» в пятилетнем плане, т.-е. больше 3 квч. на одного работника. Во-вторых, — и это еще важнее, — в плане должна быть установка на подготовку к электрификации сельского хозяйства. Это важно потому, что ряд подготовительных работ должен быть широко развернут уже теперь (в частности, должно быть начато самое пристальное изучение вопроса и разработка плана широкой электрификации сельского хозяйства).

Иначе мы не сможем осуществить во вторую пятилетку того шага вперед, который обязаны и можем сделать, которого требуют нынешние темпы коллективизации и который подготовляется громадным успехом тракторизации.

В частности, от той или иной установки в этом вопросе зависит и задание электропромышленности, направление и темп ее развертывания, в соответствии с приведенной выше директивой ЦК о работе электротехнической промышленности.

---

[1] Пятилетний план, том. I, стр. 31.

С. Ужанский.

Тракторизация.

(Американские впечатления в свете наших задач по социалистической реконструкции сельского хозяйства).

I.

В настоящее время трактор уже не нуждается в чьей-либо защите. Он сумел завоевать себе авторитет на совхозных и колхозных полях. А там, где его нет, о нем мечтают, его ждут, его требуют.

Однако, и трактор имеет свою историю борьбы за признание. И эта борьба была не простой борьбой, которая сопровождает всякое новшество. Борьба за трактор была всегда социальной борьбой. Ибо трактор несет с собой решительное изменение технической базы сельскохозяйственного производства, изменяя социальные формы его.

В капиталистических условиях трактор, доступный только крупному хозяйству, несет с собой решительную победу крупных капиталистических хозяйств на основе разорения миллионов мелких хозяйств. Мелкое хозяйство, сопротивляясь разорению, выдвинуло своих теоретиков, провозгласивших непригодность трактора и воспевших лошадь, как наиболее приспособленный для сельского хозяйства источник энергии. В этих теориях сказался весь страх мелкого крестьянина-ремесленника перед машиной, страх разоряющегося, не справляющегося с капиталистической конкуренцией мелкого производителя.

В наших условиях эти же теоретики превратились в носителей кулацкой и мелкособственнической идеологии, направленной против колхозного строительства. В противоположность капитализму трактор в наших условиях несет не гибель мелким собственникам, а становится орудием в переделке распыленных и отсталых индивидуальных хозяйств в крупное коллективное передовое в техническом отношении производство. Всякий, кто выступает против трактора, выступает, по существу, не против трактора, а против крупного коллективного производства, за мелкое распыленное индивидуальное хозяйство.

Ниже мы подробно остановимся на роли трактора в капиталистических условиях и социалистических. Сейчас же необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на главных доводах против трактора, при чем мы придаем этому не самодовлеющее значение, а так сказать методологическое. Дело в том, что мы вступили в решающий период социалистической реконструкции сельского хозяйства. Мы строим и будем строить наше сельское хозяйство на новейшей технике, постоянно прогрессирующей. Борясь за крупное коллективное производство, мы будем сталкиваться еще не раз с косностью и консервативностью мелкого индивидуального хозяйства. Питаясь корнями в мелкобуржуазной среде то тут, то там будут возникать всякого рода мелкобуржуазные «теорийки», которые будут, как камень, тянуть нас назад. Мы должны быть вооруженными к длительной борьбе с пережитками этих мелкобуржуазных теорий. Не сегодня—завтра встанет во всей широте проблема электрификации сельского хозяйства. Кто знает, не выступят ли против этого те же, кто раньше выступал против тракторизации. Опыт и история в деле завоевания трактором авторитета и всеобщего признания могут и должны стать оружием против всяких рецидивов могущих быть в деле организации сельского хозяйства на новой технической базе.

II.

Главными противниками трактора у нас были агротехнические работники. Само собой понятно, что за спиной якобы чисто технических рассуждений стояли определенные социальные интересы. Вольно или невольно, но возражавшие против трактора выражали в своих выступлениях не только вчерашний день в технике сельского хозяйства, но и в социальной структуре.

Главным аргументом против трактора было то, что трактор не дает навоза, без которого невозможно рациональное хозяйство. Аргументы этой навозной (в прямом и переносном смысле слова) теории не отличались ни особой глубиной, ни особой сложностью.

Они заключались в следующем. При помощи лошади возделываются сельскохозяйственные растения, которые частью идут на корм той же лошади. Таким образом, лошадь сама себе готовит корма. С другой стороны, лошадь возвращает потребленные корма почве в виде навоза. Чем больше навоза, тем лучше урожай. Получается как бы одно стройное органическое целое: лошадь — навоз — растение — лошадь и т. д. Если в эту схему вдвинуть трактор, то получается нарушение всей схемы.

Эта невеликая мудрость доказывалась «учеными» опытами, пробирками, банками, микроскопом и прочими атрибутами, в данном случае, совершенно излишними. Дело в том, что, во-первых, навоз дает не только рабочий скот, но и продуктивный; во-вторых, сокращение рабочего скота можно и должно восполнить продуктивным скотом, который дает не только навоз, но еще многое более ценное; в-третьих, рабочий скот непроизводительно потребляет корма в нерабочее время, в то время как трактор, когда не работает, ничего не потребляет, а продуктивный скот, потребляя круглый год, производит тоже круглый год. Таким образом, если даже мы встанем на позицию, что без навоза нельзя вести рациональное земледелие в нечерноземной полосе, то замена лошади трактором не только не мешает рациональному земледелию, но, наоборот, способствует таковому. «Навозная» теория пользовалась особым успехом в нечерноземной полосе. Но и южная агрономия не отстала от северной. Взамен северной «навозной» она выдвинула южную «воловью» теорию. Эта теория опиралась, главным образом, на свеклосахарное хозяйство. Рассуждения были обычно следующего характера. Вол—источник энергии. Им обрабатываются поля, кроме обычных кормов, в таком хозяйстве свекла дает корма в виде гички (ботвы), а после переработки свеклы на заводах жом и патоку. На этих последних производился откорм скота на убой. Получалось опять, как-будто, органическое целое, в которое трактор мог внести только диссонанс. Эта теория находила своих сторонников и поддержку в органах нашей сахарной промышленности до самого последнего времени. И только два — три года тому назад наши сахарники поняли, что трактор и здесь, как и всюду, революционизирует производство, поднимая его на новую ступень, и стимулирует развитие мясного и молочного животноводства. И то, и другое, конечно, тем лучше, чем более специализировано направление породы стада. Универсализация его по старой теории способствовала только понижению продукции.

Воспевая рабочий скот, как наиболее приспособленный к нуждам сельского хозяйства источник энергии, эти теоретики выдавали себя с головой тем, что считали, что трактор не может быть успешно использован в сельском хозяйстве и потому, что он не обладает той легкой делимостью, какой обладает рабочий скот. Они этим выражали, что мощность трактора слишком велика для мелкого крестьянского хозяйства. Они утверждали, что трактор уже вследствие этого не может быть поставлен на одну доску с лошадью. Нетрудно заметить, что противники трактора в данном случае показали свое истинное лицо. Выступая против трактора, они, по существу, выступали не столько в защиту лошади, сколько в защиту мелкого хозяйства. И ставить в вину трактору то, что он не может быть достаточно нагружен в мелком хозяйстве, и выдвигать это как тезис против трактора в наших условиях, это значит или не понимать всей глубины глупости этого аргумента, или провокационно выступать против колхозов.

Следующим доводом было то, что лошадь выполняет не только полевые работы, но является и главным транспортным средством, и что, если лошадь оставить только для транспорта и поездок, то содержание ее окажется совершенно невыгодным. Это верно, но... только опять-таки для мелких хозяйств. В крупных хозяйствах заводится необходимое количество тракторов для выполнения всех работ, в том числе и тяжелых транспортных, а также и автомобиль, а где его нет, то заводится небольшое количество лошадей в меру их действительной загрузки указанными работами и то только, как переходный этап к полной механизации: трактор плюс автомобиль.

Много было и других доводов против трактора, но уже гораздо более второстепенных. Об'ективной причиной было то, что первые тракторы—громоздкие, плохо работающие, дорогостоящие, не привлекали к себе внимания практиков, а мелкобуржуазные теоретики не могли, конечно, и не хотели видеть, что эти тракторы были только пионерами, что следом за ними идут усовершенствованные. Свою теоретическую беспомощность эти экономисты и агрономы проявили в том, что сочли лошадь и современный им уровень техники пределом технического прогресса. Не умея разобраться в законах общественного развития, они возводили в «естественный» порядок вещей все то, что они заставали в эмпирике своих дней.

Сейчас не время подводить подробные итоги борьбы за трактор, но уроки этой борьбы в высшей степени поучительны и не потеряли своей актуальности. Стоит только вспомнить то, что еще сейчас многие предостерегают от «увлечения» комбайнами. Такие же предостережения были и в отношении тракторов. История повторяется, и опыт тракторизации может служить хорошим уроком для «сомневающихся» и «осторожных».

III.

Мы уже сказали выше, что тракторизация в наших условиях и в условиях капиталистических носит резко отличный социальный характер. Чтобы отдать себе отчет в том, что такое тракторизация в капиталистических условиях, обратимся к Соединенным Штатам, сельское хозяйство которых на сегодняшний день является по сравнению с другими странами наиболее тракторизованным. Начнем с выдержки из одной работы видного американского экономиста проф. О. Е. Бекера [1]). Он пишет:

> «С 1918 года началось уменьшение лошадей и мулов. К 1928 году освободилось 15.000.000 акров земли, ранее занятой для прокорма рабочего скота. По исчислениям 1919 года площадь, необходимая для прокорма всего рабочего скота С. Ш., равнялась 80 000.000 акр. Таким образом, около одной пятой этой площади ныне уже освободилось и используется теперь под культуры, идущие в корм мясному или молочному скоту или под культуру хлопка. ...И то, что трактор и автомобиль привели к сокращению рабочего скота... и освободили корма для других сельскохозяйственных животных... привело к росту продукции с акра земли, к росту продукции на голову скота и на душу населения».

Приведенным расчетам нельзя отказать в наглядности и убедительности. Ведь рабочий скот на самом деле поедает огромное количество зерна, соломы, травы, жмыха, корнеплодов, отрубей и т. п. Ведь при пользовании живой тягой в организационном плане хозяйства необходимо предусмотреть кормовую проблему и выделить специальные кормовые площади. Ведь рабочий скот действительно отнимает площади, которые могли бы быть использованы для культур, идущих непосредственно в питание человеку, для сельскохозяйственного сырья и т. п. или для культур, идущих на те же нужды через желудок продуктивного скота.

Надо сказать, что количество этих продуктов, отнимаемых у человека рабочим скотом, достигает внушительных размеров. Так, по расчетам Кайнга, на одну лошадь требуется иметь 1,33 акра сена, 1,33 акра овса, 0,66 акра кукурузы, а всего, следовательно, 3,33 акра земли под культурой.

По исчислениям Клауберта [2]) около 18% всей сельскохозяйственной продукции Германии потребляется ее рабочим скотом. В САСШ, по вычислениям немецкого экономиста Бринкмана [3]), обследовавшего в 1925 году сельское хозяйство С. Ш., рабочим скотом потреблялось 25 — 30% всей сельскохозяйственной продукции. Бринкман рассчитывает, что площадь земли, занятая в САСШ под кормовые культуры для рабочего скота, могла бы прокормить 40.000.000 людей, если принять германские нормы потребления и 30.000.000, если принять американские.

В условиях механизированного хозяйства (трактор и автомобиль) положение резко меняется. Механизированное хозяйство повышает чистый выход сельскохозяйственной продукции. Необремененное задачей прокормления рабочего скота, механизированное хозяйство достигает высшей ступени специализации и товарности.

Американцы обычно считают, что в развитии техники сельского хозяйства имеется три периода. В многочисленных на этот счет источниках мы находим указание, что до 1850 года был период, как выражаются американцы, ручной. Все работы, за исключением пахоты и всевозможных хозяйственных перевозок, производились вручную. «Высевали руками. Пропашные культуры обрабатывались мотыгой. Хлеб убирали косой и молотили цепом» [4]).

Надо сказать, что ныне все это ушло в область преданий. Ручную работу в указанном смысле можно найти только при уборке хлопка, обработке огородов и садов и частично при уборке кукурузы. Нынешнее поколение земледельцев уже не знает, как сеют руками, как молотят цепом.

---

[1]) «Do we need more farm Land?» by O. E.Baker, Senior Agricultural Economist, U. S. Department of Agriculture, 1928, стр. 4.

[2]) H. Kloubert. «Die Belastung der landwirtschaftlichen Erzeugung durch die Gespannviehhaltung».

[3]) Th. Brinkman. «Aus dem Betrieb und der Qrganisation der americanischen Landwirtschaft».

[4]) Мы пользуемся кратким описанием этих периодов, данным Wm. Harper Dean u John B. Bennett «The Mechanization of Agriculture». У других авторов мы находим то же самое.

Второй период был периодом конных орудий и машин.

> «Уже к началу XX века все сельскохозяйственные операции, кроме уборки выполнялись всевозможными машинами и орудиями. Уборка тоже уже производилась машинами на конной тяге, но кукурузу продолжали убирать руками, несмотря на то, что в это время появилась и кукурузная сноповязалка. Молотьба производилась паровыми молотилками от локомобиля. Преобладающая масса сельскохозяйственного инвентаря была малых размеров по сравнению с современными».

Третий период это — мотокультура.

> «Описанное положение продолжалось вплоть до вступления Соединенных Штатов в мировую войну: сельскохозяйственный инвентарь совершенствовался и в некоторых своих частях укрупнялся, но значительных изменений за этот период не произошло. Несмотря на то, что газолиновый трактор был сделан уже в 1901 году и многие тысячи фермеров приобретали его уже в следующее десятилетие, однако, ранние модели тракторов были настолько несовершенны, что они причиняли своим владельцам больше беспокойства, чем способствовали разрешению проблемы механизации. Трактор сделался значительным фактором в энергетике сельского хозяйства только около 1917 года, когда война начала отрывать с полей значительные массы людей. С этого времени трактор вместе с новыми изобретениями в области пахотного инвентаря и уборочных машин произвел прямо-таки революцию в сельскохозяйственном производстве».

Чтобы представить себе, какую роль играет уже на сегодня трактор в сельском хозяйстве Соединенных Штатов, обратимся прежде всего к статистике производства и наличия тракторов.

Годы	Производство	Наличие на фермах
1910	4.000	—
1911	7.000	—
1912	11.000	—
1913	7 000	—
1914	10.000	—
1915	21 000	—
1916	29 000	—
1917	62 742	—
1918	132.697	80.100
1919	164.590	147.600
1920	203.207	246 139
1921	73.198	354.600
1922	99.692	[illegible]81.6[illegible]5
1923	134.590	447 000
1924	119.30[illegible]	498,225
1925	1[illegible]7.[illegible]53	506.745
1926	181.99[illegible]	585.[illegible]68
1927	200.504	643.82[illegible]
1928	171.137	7[illegible]8 825
1929	—	852.989

Мы видим, что производство тракторов начало развиваться в значительном размере во втором десятилетии нашего века, при чем наиболее бурный рост был в годы войны. Затем наступает резкое падение, сменяющееся потом вторым под'емом, не достигшим, однако, того максимума, который был в первом периоде. Наконец, 1928 год показывает опять снижение. Что касается наличия тракторов на фермах, то здесь мы имеем неуклонный рост, показывающий, что механизация американского сельского хозяйства растет. Как это происходит и какие противоречия на этой почве возникают, речь будет ниже. Отметим здесь же, что в 1930 году, надо полагать, количество тракторов в САСШ несколько перевалит за 900.000 штук. Однако, я не думаю, чтобы оно достигло миллиона, как это часто думают у нас.

IV.

Здесь уместно, прежде чем продолжать анализ американской механизации, вкратце коснуться того, на каком этапе механизации мы сейчас находимся сравнительно с САСШ. Само собой разумеется, что это сравнение будет носить очень условный характер. Известно, что старая Россия плелась в хвосте технических усовершенствований в сельском хозяйстве. Известно, что за период советской власти произошли грандиозные сдвиги. Известно, что мы развиваемся неслыханно быстрыми темпами; взять хотя бы тот факт, что наше производство сельскохозяйственных машин во много раз больше того, что производилось в царской России. Наше сельское хозяйство, еще совсем недавно только по наслышке знавшее об усовершенствованных машинах, теперь местами становится в один ряд с передовыми по механизации странами.

Несмотря на все это, в целом мы еще чрезвычайно отсталая страна в техническом отношении.

В отношении работ с примитивным сельскохозяйственным инвентарем и работами вручную мы должны сказать, что у нас и то, и другое еще имеется в значительном количестве. Сохами у нас пашут еще в ряде районов. Посев сеялками сильно распространен только на Юге и Юго-Востоке, но в нечерноземной полосе, на Северо-Западе и Северо-Востоке, равно как в центральной части страны, не говоря уж о национальных республиках в чрезвычайно сильном распространении посев руками, а также неусовершенствованными разбросными сеялками. Все работы по уходу за пропашными производятся преимущественно вручную. Уборка машинами, распространенная в основных зерновых районах, в незерновых районах только начинает прививаться. В значительном количестве наших районов обмолот производится немашинным способом, а цепами, катками, лошадьми и т. п. Все это говорит о том, что мы в этой части находимся сравнительно с Соед. Штатами в 70 — 80 годах прошлого столетия. С другой стороны, мы уже сейчас имеем то количество тракторов, которое было в САСШ в 1917 году, при чем используем их, как будет ниже показано, гораздо лучше, чем американцы, и быстро двигаемся в механизации вообще.

То положение, что мы прямо от примитивных способов производства переходим сразу к наиболее усовершенствованным, является прямым следствием нашего планового социалистического хозяйства. Нам нет никакой нужды проходить весь тот путь механизации последовательно от одной операции за другой, как это было в Америке. Мы можем и должны сразу переходить к наиболее усовершенствованным способам, и мы так и делаем. Скептики и оппортунисты полагают, что нужны целые десятилетия, чтобы догнать в отношении механизации САСШ. Это верно только в том случае, если мы будем рабски копировать все этапы, которые пройдены Соед. Штатами. Вместе с тем вполне реально, например, от посева вручную в индивидуальном хозяйстве переходить к посеву большими рядовыми сеялками на тракторной тяге в колхозах. А это значит не больше и не меньше, как перескочить через разбросную сеялку на конной тяге, через рядовую сеялку на конной тяге и сразу перейти к наиболее усовершенствованному, для чего Америке нужно было при последовательном прохождении этапов 50 лет. Или то же самое в отношении уборки хлеба. Мы может от косы «махнуть» прямо к комбайну, минуя лобогрейку, самосброску, самовязку. Эту экономию на годах дает нам плановое хозяйство. Никакая другая страна этого сделать не может.

Ибо путем научно-обоснованного планирования с учетом новейших достижений мы можем, в противоположность капитализму, сразу вводить самое усовершенствованное, самое передовое. Путем планирования мы можем (и мы так и делаем) производить наиболее усовершенствованные машины. Путем государственного кредита и помощи мы можем быстро продвинуть эти усовершенствованные машины в наши колхозы и совхозы.

С другой стороны, наша система хозяйства — крупные совхозы и колхозы — сами по себе являются производством, в котором всякая усовершенствованная машина достигает наилучшего использования и, как мы увидим ниже, у нас уже на сегодняшний день в деле тракторoиспользования имеются такие достижения, которые оставили далеко позади нормы тракторoиспользования самой передовой в техническом отношении капиталистической страны.

Вот эти два момента (плановое хозяйство в противоположность капиталистической анархии производства и крупное коллективное и советское хозяйство) являются тем, что в самом непродолжительном времени выдвинет нас далеко вперед в деле механизации сельского хозяйства.

Трактор является машиной крупного хозяйства. На этот счет не может быть никаких сомнений. Общеизвестно, что в мелком хозяйстве трактор не может быть полностью нагружен, следствием чего является невыгодность его содержания. На этот счет мы имеем богатейший материал из американской практики. Приведем только один пример по материалам обследования в штате Айова [1]):

Группы по посевной площади	В среднем посева на ферму	Количество часов работы тракт. в год	Стоимость часа работы трактора
40—70 акр.	67	148	1,24 дол.
80—119 „	96	144	1,28 „
120—159 „	142	287	1,19 „
160—199 „	181	299	0,81 „
200—239 „	226	390	0,83 „
240—279 „	251	526	0,86 „

Таким образом, мы видим, что выгодность применения трактора стоит в прямой связи с нагрузкой его. В таблице бросается в глаза слабое использование трактора вообще. Если это также верно в отношении САСШ в целом, то становится понятным, почему трактор в САСШ все же не является пока главнейшим источником энергии в сельском хозяйстве. Но остановимся пока на вопросе о нагрузке трактора, что является для нас особо интересным.

Первым вопросом здесь является вопрос о продолжительности службы трактора. Американцы дают следующие цифры [2]):

Наименование штата	Количество лет жизни трактора	Наименование штата	Количество лет жизни трактора
Коннетикут. . . .	7,0	Иллинойс (1). . .	5,8
Кентукки.	9,0	Иллинойс (2). . .	7,5—8,0
Флорида	3,9	Иллинойс (3). . .	6,7
Нью-Джерси . . .	6,2	Дакоты С. и Ю. .	9,0
Нью-Йорк (1). . .	6,0	Пенсильвания. . .	8,1
Нью-Йорк (2). . .	8,5	Айова	6,0

Разумеется, что количество лет службы трактора варьирует в зависимости от различных типов тракторов и их мощности. Но главным моментом, определяющим срок службы трактора является степень его годовой нагрузки работой.

Для того, чтобы вывести в часах общую продолжительность его службы, обратимся к данным об его использовании.

В этом вопросе американские данные поражают слабой степенью использования трактора. Когда я впервые натолкнулся на данные, которые ниже будут приведены, то я был убежден, что имею дело с ошибкой, опиской или исключением. Однако, тщательное ознакомление с материалами не оставляет никаких сомнений насчет правильности того факта, что тракторы слабо используются.

По данным обследования работы тракторов в штате Нью-Иорк, тракторы работают там в среднем 425 часов в год. Это значит, что при пересчете на 8-часовой день мы получаем 53 дня. Другое обследование в том же штате дает 67 дней. Это самые высокие показатели работы трактора в среднем по многим фермам. Ни в одном другом штате мы не находим более высоких показателей. Спешу оговориться, что на отдельных крупных фермах трактор используется значительно выше. Приведенные же данные характеризуют среднее использование тракторов.

---

[1]) «Horses, Tractors and Farm Equipment» by John A. Hopkins, стр. 386.

[2]) Таблица составлена по данным, приводимым в работе Frank App «Farm Economics. Management and distribution» и по работе Edward R. Gross and Allen G. Waller «Tractor Farming in New Jersey».

По данным штата Иллинойс, трактор используется 37 дней. Другое исследование в этом же штате дает 38 дней. Наконец, третье исследование по тому же штату показывает 50 дней.

По данным Калифорнии, трактор в среднем используется 67 дней в году. По данным южных штатов, средняя продолжительность 53 дня.

Таковы данные обследований. Но тут надо принять во внимание, что при выборочном обследовании обычно попадают фермы более повышенного типа. Статистической методологией это уже давно твердо установлено. Поэтому к таким выборочным данным, когда обследование охватывает небольшое количество об'ектов, всегда нужно делать соответствующую поправку, чтобы переносить выводы этого обследования на всю территорию страны.

Нижеследующий расчет покажет всю необходимость осторожного обращения с приведенным выше материалом. По данным Кейнсмана 1) тракторы дали в 1924 г. 1.600.000.000 сило-часов работы. В это время в САСШ было 400.000 тракторов. Кейнсман принимает в средчем трактор в 20 л. с., при чем нет прямого указания, является ли это работой трактора или его номинальной мощностью. Но, насколько можно заключить из текста, Кейнсман принимает для прицепа в среднем 10 л. с., а для шкива 20 л. с. Если мы разделим всю сделанную тракторами работу на их мощность и на их количество, то получим, что в год (1924) на один трактор приходилось 200 часов работы или 25 дней. Таким образом, если отдельные исследования показывают, что трактор работает в среднем 30—40—50 дней, то, по массовым материалам, использование его еще меньше. Однако, если мы примем даже за исходное 30 — 35 дней работы трактора в среднем в год, то каждому понятно, что это чрезвычайно мало для годичного пользования трактора. Прежде, чем продолжать анализ срока службы трактора, приведем данные об использовании тракторов у нас в СССР.

VI.

Мы не имеем еще достаточно верных и достаточно обширных сведений по СССР об использовании трактора. Во-первых, потому, что у нас, по существу, только-только выходят из строя первые тракторы. Во-вторых, тракторы распылены по разным тракторопользователям и нет обобщающих данных.

Однако, кое-что мы имеем и кое-чем можем похвастать.

По данным обследования трактора в Воронежской губернии) среднее количество дней работы трактора в год равнялось 79,5, а в колхозах даже 85,4.

Это значит, ни больше и не меньше, как в два раза лучше, чем в Соединенных Штатах.

В 1928 году было произведено обширное обследование тракторов в РСФСР 3), охватившее 870 тракторопользователей во всех основных районах РСФСР. Всего обследовано 1.363 трактора самых разнообразных систем. Это составляет 6,6% всего количества тракторов, работавших в год обследования на полях РСФСР. По материалам этого обследования, трактор в среднем работает 1.203 часа, то-есть 150 дней. Это значит, что в четыре раза лучше, чем в САСШ.

По данным Зернотреста, тракторы в 1929 году в среднем работали 1.460 часов, т.-е. в пересчете на 8-часовой рабочий день 182 дня.

Разумеется, что по отдельным совхозам мы имеем еще более высокие показатели. Что это показывает? Это—величайшая победа планово-организованного хозяйства. Это — величайшая победа социализма.

Чем это обусловлено? Прежде всего крупностью хозяйства. Здесь мы не имеем никаких пределов, никаких рамок. Каждый трактор может получить столько, сколько он может поглотить. Мы организовываем трехсменные работы и единственной помехой еще более полной нагрузки трактора является недостаточная работа над уничтожением излишних пробегов, простоев, всяких неполадок и т. п. Никакая другая страна не может делать тех перебросок тракторов из одного района в другой, как мы это делаем, никакой другой строй не может так разгородить дорогу трактору от границ отдельных мелких хозяйств, как это мы сделали.

В этом вопросе мы уже перегнали капиталистический мир. И пусть все товарищи, примеряющие, как скоро мы догоним САСШ в отношении механизации сельского хозяйства, подсчитывают не только количество тракторов, которое у нас будет к концу пятилетки, но и количество работы, ими даваемой.

Если мы предполагаем дать за пятилетку около миллиона тракторов нашему сельскому хозяйству в пересчете на условные 10-сильные или 443 тысячи в действительных единицах разной мощности и, если мы примем даже наши сегодняшние коэфициенты использования (а они должны быть и будут еще повышены), то к концу пятилетия у нас сельское хозяйство будет иметь, без всякого сомнения, энергии от тракторов больше, чем в САСШ. В отношении механизации сельского хозяйства в этом направлении при условии выполнения пятилетки мы перегоним самую механизированную, самую передовую в этом отношении капиталистическую страну.

VII.

Возвращаясь к американским данным, мы находим путем перемножения работы, которую выполняет трактор в течение года на количество лет службы трактора, общую продолжительность срока службы трактора в часах работы.

Оказывается, что эта служба выражается в следующих незначительных величинах: Нью-Йорк от 2.550 часов до 4.590, Нью-Джерси—3.000, Иллинойс 1.734 — 3.600, Дакоты — 4.500, Пенсильвания — 4.542, Айова — 2.700. То-есть средняя продолжительность всей службы тракторов в Америке столь незначительна, что покрывается двухгодичной нагрузкой по существующим нормам Зернотреста. Это показывает, что если американцы все же считают применение трактора выгодным, какие же огромные перспективы открываются в наших условиях более полного использования трактора.

Прежде всего встает вопрос о том, где вообще лежит предел в использовании трактора. Каких-либо калькуляционных расчетов на этот счет американская практика не дает. Что касается нашей практики, то установление двух- и трехсменной работы трактора приводит к тому, что в известные периоды года мы можем принять ежедневную работу трактора в 24 часа. Если принять условно месяц на ремонт трактора в течение всего года, то теоретически годовая нагрузка трактора при 30 днях работы (непрерывка) может быть доведена до 7.920 часов работы. Разумеется, что при такой нагрузке трактор уж не может

---

1) «An appraisal of power used on farms in the United States» by C. D. Kinsman.

2) А. И. Диков. «Трактор» в крестьянском хозяйстве и его рентабельность».

3) Матерьялы этого обследования еще не вышли в свет, и мы пользуемся рукописью, предоставленной в наше распоряжение одним из руководителей обследования тов. А. Дегтяревым.

служит 5—6 лет: он сносится гораздо раньше. Как скоро трудно сказать, так как опыта в этом направлении никакого нет. Ведь, если принять вышеприведенные цифры полной жизни трактора в часах по американским данным, то при только что вычисленной теоретической нагрузке трактор должен сноситься в срок меньше года. Но то, что мы имеем в наших совхозах, где коэффициент использования трактора чрезвычайно высок по сравнению с американским, заставляет думать, что срок службы трактора будет все же измеряться несколькими годами.

Что является более выгодным: полная загрузка трактора и быстрое его снашивание или растянутость во сроке пользования путем меньшей нагрузки.

Этот вопрос является вообще одним из наиболее интересных вопросов организации хозяйства. Примеры Германии и Соединенных Штатов дают два противоположных типа. Немцы строят все основательно в расчете на длинный период пользования.

Американцы строят не так основательно в расчете на более быстрый износ. Дело в том, что с прогрессом техники, как известно, наступает для машин, недостаточно полно изношенных, а это значит недостаточно полно нагруженных, так называемая моральная амортизация. Завязывая капитал на долгий срок, мы тем самым связываем себе наперед руки в деле введения всех тех улучшений, которые несет техника. Система рассуждений типичного немецкого организатора хозяйства и американского в этом вопросе совершенно разная. Один профессор в Германии заявил мне в ответ на вопрос о моральной амортизации, что если это принять, то логически правильным было бы вообще ждать изобретений, а не строить. Наоборот, американский организатор хозяйства прямо сказал, что он не желает строить скотный двор на 100 лет, так как уж через несколько лет его надо будет перестраивать сообразно тем новшествам во внутриусадебном транспорте, которые уж намечаются. Поэтому он предпочитает легкую постройку, рассчитанную на 10—15 лет с тем, чтобы своевременно возвести новую, отвечающую новым требованиям техники.

Разберемся в этом вопросе на примере трактора. Примем продолжительность его жизни в часах, скажем, в 20.000 часов. Мы можем при максимальной нагрузке амортизовать вложенный капитал, из расчета 7.000 час., ежегодно, в три года. Трактор кончил свою физическую и стоимостную жизнь и заменяется новым, конечно уже более усовершенствованным, ну скажем, развивающим большую силу при меньшей трате топлива и большей легкости управления. Таким образом переход на новую ступень хозяйства произошел в 3 года. Но мы можем использовать трактор и иным способом. Мы можем нагружать его только в 1.000 час. в год, а ведь эта нагрузка тоже очень большая, но срок службы растянуть на 20 лет. Арифметически дело обстоит, как-будто, в порядке. Но на самом деле при втором способе использования мы непростительно отстаем от технического прогресса. При первом примере капитал обернется несколько раз и каждый раз на новой технической базе, при втором способе произойдет отставание, приводящее в капиталистических условиях к гибели в конкурентной борьбе.

Что касается наших условий, то может ли быть вопрос в том, каким путем нам итти. Ясно, что наша система хозяйства должна быть самой передовой, самой технически совершенной. Мы тем и обгоним, что будем все время вводить все самое новое, самое совершенное. То, что мы имеем сейчас в С. Ш. является ярким примером по сравнению с отстающей Европой. Но то, что мы будем иметь в нашем хозяйстве будет ярким примером превосходства социалистической системы над капиталистической.

Мы говорили с двумя профессорами, вернувшимися в С. Ш. из командировки в СССР, где они видели наши гигантские хозяйства и тракторные колонны. Они говорили, что в деле использования машин и вообще в типе механизации не нам надо учиться у С. Ш., а американцам надо учиться у нас. Это вполне понятно, так как американские фермы при всей относительной крупности в сравнении с европейскими хозяйствами, являются малыми по сравнению с теми, которые мы сейчас строим. То обстоятельство, что у нас работает в хозяйстве большая группа тракторов, а не один, два трактора или десяток (таких ферм в Америке небольшое количество) дает новые преимущества. Нет никакого сомнения, что высокого использования тракторов мы достигли именно благодаря бригадной работе, которая сильно увеличивает производительность отдельных составляющих единиц.

Разумеется, что при сильной загрузке тракторов, вследствие более быстрого износа их, мы будем принуждены через каждые, скажем, пять лет, обновлять наш тракторный парк. И мы не должны бояться затрат на это дело, ибо, если мы более слабой нагрузкой растянем срок службы трактора, то от этого мы ничего не выиграем. Дело в том, что при более полной нагрузке мы вовсе не снашиваем трактор физически раньше, чем он получил полную денежную амортизацию. Иначе говоря, трактор при сильной нагрузке снашивается в несколько лет, но он уже полностью к этому времени оправдывает затраченные на него суммы. И оттого, что мы искусственно стали бы добиваться более длинного срока службы за счет меньшей нагрузки, мы не только не выиграли бы, а наоборот, только проиграли бы. Может ли быть сомнение, что такого рода частая смена тракторного парка является только показателем успешного развертывания хозяйства. Необходимые средства на возобновление тракторного парка даст рациональное и интенсивное использование тракторов, дающее быстро растущую продукцию. Мы должны взять американский способ использования машин вообще (интенсивно и в короткий срок). И подобно тому, как мы уже сейчас опередили С. Ш. в деле нагрузки тракторов, подобно этому мы опередим и в деле технических нововведений, если не будем допускать моральной амортизации.

VIII.

Мы уже указывали выше, что, хотя трактор и не является еще главным источником энергии в сельском хозяйстве САСШ, однако, сельское хозяйство САСШ на сегодняшний день является наиболее тракторизованным по сравнению со всеми другими странами. Было также указано, что трактор пришел в сельское хозяйство сравнительно недавно. Американский исследователь Толлей [1]) приводит интересные данные за период почти в 80 лет в отношении энергетических источников сельского хозяйства. По этим данным следует, что в 1850 году в САСШ было всего 6.596.000 лош. сил., из коих 1.700.000 приходилось на быков, 559.000 на мулов и 4.337.000 на лошадей. Затем происходит непрерывный рост этих трех источников живой силы. Но уже в 1880 году некоторую роль начинают играть ветряные и паровые двигатели. В 1910 году в сельском хозяйстве было 24.619.000 лош. сил, из коих на быков приходилось 960.000 (быки не только относительно теряли свое значение, но сокращались и в абсолютных величинах; сейчас быки никакой роли не играют), на мулов приходилось 2.753.000 лош. сил., на лошадей—15.506.000, на ветряки—400.000, на паровые двигатели 4.000.000, на газолиновые стационарные моторы — 1.000.000 лош. сил. Затем появляется электричество, которое год от году начинает играть все большую и большую роль; трактор и автомобиль появляются в самое последнее время и начинают приобретать выдающееся значение

---

[1]) Доклад на Международном Парижском конгрессе по сельскому хозяйству Tolley H. R. «The Role of Machinery in American Agriculture».

Для выяснения роли различных видов источников в количестве энергии, потребляемой в сельском хозяйстве, приведем энергетические балансы за 1924 и 1928 гг.[1]).

Наименование источника энергии	Процент ко всей сумме потребленной энергии в с. х.		1928 г. в % к 1924 г.
	1924 г.	1928 г.	
Рабочий скот	60,6	48,4	86,6
Тракторы внутреннего сгорания	10,0	26.5	300,0
Паровые тракторы	6,2	1,6	30.0
Большие стационарные двигатели	3,1	1,6	60.0
Малые " "	9.4	7,2	86.6
Электроустановки	5,6	7,8	155.5
Ветряные двигатели	1.3	1,1	10[illegible],0
Грузовые автомобили	3,8	7,8	233,3

Из приведенной таблицы мы видим:

Во-первых, что растут только и при том чрезвычайно быстро тракторы, автомобили и электричество.

Во-вторых, сокращается значение рабочего скота, который сейчас занимает в энергетическом балансе немного меньше половины общих затрат.

В-третьих, сокращается значение стационарных установок, так как локомобили заменяются работой на шкиву от трактора и комбайнами.

В-четвертых, из всех видов механической энергии наиболее быстро растет трактор, который уже сейчас занимает больше четверти всех затрат.

Известно, что мы отбираем из опыта всего мирового хозяйства все то, что является наиболее совершенным, и пересаживаем это на нашу социалистическую почву. Если бы мы хотели проверить в целом нашу установку на механизацию сельского хозяйства, опираясь для этого на опыт наиболее передовой страны, то приведенная таблица свидетельствует, что те пути механизации (в техническом отношении), которые сейчас показывает сельское хозяйство САСШ (трактор, автомобиль, электричество) являются как раз техническим содержанием нашей установки в деле механизации сельского хозяйства.

То, что именно трактор становится в тенденции основным источником энергии, имеет в своем основании принцип его универсальности. Лет тридцать тому назад была наиболее цветущая пора для паровых плугов. Причину слабого их распространения и вымирания нужно искать в том, что они выполняли очень узкий комплекс работ и не могли механизировать полностью сельскохозяйственное производство, тем самым вынуждая держать и рабочий скот. Но использование рабочего скота в свою очередь страдало от того, что паровой плуг отнимал у лошадей часть работы и приводил их к вынужденному простою, ложившемуся тяжким бременем на хозяйство.

Первые тракторы были очень похожи по своей идее на паровые плуги в том смысле, что они тоже были приспособлены только к одной работе—пахоте, ибо это были не тракторы в нынешнем понимании этого слова, а моторные плуги. Только тогда, когда плуги открепили от двигателя, а самый двигатель приспособили для передвижения любых прицепных орудий, трактор превратился в настоящего «стального коня». Одновременно или вернее вслед за этим трактор начал выполнять при помощи шкива роль стационарного двигателя для молотилок, в первую очередь. Трактор, таким образом, превратился в универсальный двигатель, которым передвигались все сельскохозяйственные машины или приводились в движение стационарные установки. Самое последнее усовершенствование в тракторе это — ответвление мощности мотора от движущегося трактора для приведения в движение механизма машины, которую тянет трактор. Сноповязалка, напр. раньше приводилась в движение особой системой передачи от ходового колеса самой сноповязалки. Тянул ли ее трактор или лошади все равно она работала от самого движения. Теперь ходовое колесо освобождено от передаточного механизма, а сноповязалка приводится в действие штангами на шарнирах, идущими от трактора. Трактор, таким образом, движется по полю, тянет сноповязалку и, приводит в действие ее механизм. То же самое и с рядом других машин. Между прочим этот принцип дал возможность приспособить к плугу особый вращающийся пласторез, который размельчает поднимаемый отвалом пласт. Таким образом, возникла машина, которая одновременно и пашет и боронует. Это — комбайн-плуг, по терминологии американцев.

Трактор, являясь универсальным источником энергии, через посредство передаточного механизма (непосредственно или путем трения о землю) приводит в движение уже непосредственно рабочую машину. Мы имеем перед собой систему машин, которую еще яснее можно представить на следующем примере. Теперь стремятся к уничтожению передка и приспособлению работающих частей машин непосредственно к трактору так, чтобы было удобно менять эти «инструменты», с одной стороны, и управлять легче работой, — с другой. Правда, и ответвление мощности мотора и прикрепление работающих частей к трактору еще не усовершенствовано так, чтобы это можно было рекомендовать крупным хозяйствам. Сейчас оба этих усовершенствования большей частью делаются на малых тракторах, но мы уже видели образцы работы комбайна непосредственно от мотора трактора, хотя и в данном случае комбайн был небольших размеров.

Таким образом, действительная техническая революция пришла в сельское хозяйство тогда, когда механизация превратилась в систему машин. Основанием этому стал трактор, как в индустрии пар.

Но есть еще один источник энергии, еще более универсальный. Я имею в виду электричество. Мы обращаем непростительно мало внимания на электрификацию сельского хозяйства. Вместе с тем, уже в ряде стран, в том числе в ряде штатов Америки, электричество применяется в широком масштабе. Приведем баланс энергетики в Калифорнии

Наименование источника энергии	Количество установок	Работы в сило-часах в год	%% от всей потребленной энергии в год	Стоимость сило-часа в центах
Рабочий скот	307.500	198.575.000	17	23
Электрические моторы	35.000	55[illegible].700.000	47,5	3
Тракторы	35.000	273.000 000	23	10
Стационарные двигатели	30.000	81.000 000	7	6
Ветряки	26 000	10 400.000	1	5
Грузовики	25 000	50,000.000	4,5	20

Мы видим, что из всех источников энергии электричество занимает первое место, затем идут трактора. Немеханическая энергия занимает чрезвычайно подчиненное место, всего 17 проц.

Мы не имеем времени останавливаться долее на вопросах электрификации, но не может быть никаких сомнений, что вследствие универсальности электрической энергии, легкости передачи, легкости делимости и дешевизны именно ей принадлежит будущее еще в большей мере, чем тракторам. Мы должны всерьез начать заниматься вопросами электрификации нашего сельского хозяйства.

(Окончание в след. номере).

---

[1]) См. нашу статью «Энергетический баланс сельского хозяйства С. Ш.» в журнале «Экон. Обозр.», № 2 за 1930 г.

М. Рагольский.

Против нового извращения марксовой теории накопления.

(Статья 2-я. Теория империализма Гроссмана).

Империализм без монополий.

Подобно Розе Люксембург, Гроссман строит теорию империализма, непосредственно исходя из своей теории накопления. Империализм — по его теории—есть результат ослабления противодействующих краху факторов, империализм обусловлен погоней за *добавочной* прибавочной стоимостью, ибо произведенной в метрополии прибавочной стоимости нехватает для обеспечения прежнего темпа накопления.

Гроссман дает такое определение империализма:

> «Современный империализм капиталистических государств есть необходимое стремление преодолеть через хозяйственную экспансию, последнюю ступень коей составляет включение в свою государственную теорию чужих областей,—наступающую на определенной ступени накопления тенденцию крушения, тенденцию прекращения увеличения стоимости капитала, через обеспечение притока дополнительной прибавочной стоимости извне»[1]).

Империализм находится в тесной связи с тем, что факторы, ослабляющие тенденцию краха, с течением времени действуют слабее.

> «Опасность абсолютного действия тенденции краха—несмотря на преходящее преодоление их—с ростом накопления становится больше и острее. И как раз в этой тенденции лежат глубочайшие корни империализма» (стр. 296—297).

Нельзя—думает Гроссман—ссылаться на монополии как существенный признак империализма; монополии были и в начале развития капитализма. Пытаясь доказать, что вовсе не монополии являются основным признаком империализма, Гроссман развертывает такую аргументацию:

> «Ленин говорит совершенно справедливо о присущей высокоразвитому капитализму «тенденции к стагнации». Однако, Ленин связывает это явление с фактом монополии. Что такая тенденция связана с монополией не может подвергнуться сомнению. Однако, это утверждение недостаточно для выяснения этого феномена... потому что мы имеем здесь дело не только лишь с явлением стагнации. Тот же самый английский капитализм, который показывает в области хозяйства «капиталистическое засыпание», в других областях проявляет исключительно агрессивный характер, развивает энергию, которая на предыдущих ступенях капиталистического развития отсутствовала. И как раз этот *агрессивный характер* современного капитализма отпечатывает на нем тот специфический штемпель, который мы определяем под именем империализма» (стр. 269, курсив мой. *М. Р.*).

Монополия—думает Гроссман—может об'яснить только стагнацию, но не агрессивность, а так как империализму как раз присуща агрессивность, то монополии должны быть вовсе отброшены.

---

[1]) Henryk Grossmann. Das Akkumulations und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems, стр. 300.

> «Монополия сама лишь средство повысить прибыли через повышение цен, то-есть улучшить увеличение стоимости капитала, следовательно, она лишь поверхностное явление, последним скрытым корнем которого является наступающее вместе с накоплением недостаточное увеличение стоимости капитала» (стр. 269).

Итак, не монополии являются основным признаком империализма, а лишь все большая трудность увеличения стоимости капитала и агрессивность политики. Выбрасывая самый важный признак империализма—его монополистический характер—Гроссман тем самым примыкает к тому направлению в об'яснении империализма, которое представлено Розой Люксембург, Фр. Штернбергом, но также и Каутским. Как известно, Роза Люксембург считала, что империализм обусловлен невозможностью сбыта прибавочной стоимости в «чистом капитализме» и вытекающей отсюда погоней за некапиталистическими областями. То же самое примерно об'яснение мы находим у Штернберга.

Гроссман представляет, правда, некоторую особенность. Он признает возможность реализации в чистом капитализме. Он перегибает даже палку в том смысле, что отрицает всякое значение противоречия производства и потребления. Он приходит к выводу, что странам развитого капитализма нехватает массы прибавочной стоимости и они вынуждены обращаться к другим, отсталым странам за дополнительной прибавочной стоимостью—«за свежим воздухом». Эту дополнительную прибавочную стоимость капитализм получает в процессе: 1) сверхэксплоатации колониального населения в производстве (плантации, рудники и пр.), 2) продажи своих товаров в колонии по среднемировой стоимости, то есть гораздо выше «национальной» стоимости. Полученная таким образом дополнительная прибавочная стоимость удлиняет период бескризисного накопления.

По поводу этой теории можно прежде всего заметить, что эксплоатация колониального населения и торговля с колониями имели место и при промышленном капитализме. Затем, если дополнительная прибыль ослабляет тенденцию крушения, то капитализм может развиваться—без крушения—вплоть до того момента, когда не останется стран технически отсталых; а так как капитализм развивается неравномерно, а империализм усиливает эту неравномерность, так как империализм тормозит индустриализацию колоний, то отсталость отдельных стран останется, пока существует капитализм. Выходит, что если у Розы Люксембург империализм должен был потерпеть крушение за исчерпанием 3 лиц, то у Гроссмана перспектива капитализма гораздо благоприятнее, ему обеспечено неопределенно долгое существование.

Методологически теория империализма Гроссмана имеет много общего с теорией Каутского. Каутский также не признает империализма, как особой стадии капитализма, стадии *монополистического* империализма. Каутский также исходит при обосновании империализма не из качественных изменений в сфере производства (концентрация производства, приведшая к монополии), а из условий превращения прибавочной стоимости в деньги, из условий реализации. Примат производства игнорируется и им.

По Каутскому, империализм есть один из способов присоединения промышленным государством аграрных областей. Погоня за аграрными областями обуславливается противоречием между сельским хозяйством и промышленностью; промышленность в своем развитии имеет тенденцию обгонять сельское хозяйство; отсюда кризисы перепроизводства и дороговизна. Для обеспечения себя *рынком сбыта* и сырьем промышленные государства стремятся присоединить аграрные области. Раньше способом расширения аграрной области была свободная торговля, теперь — империализм. В дальнейшем возможен отказ от империалистического способа расширения, возможен всемирный картель (ультраимпериализм), который покончит с войнами и империализмом. Эта теория была развита Каутским в 1915 г. в статье об империализме в теоретическом органе германской социал-демократии[1]). В последней своей 2-томной работе «Материалистическое понимание истории» Каутский вынужден признать связь империалистической политики с финансовым капиталом. Он жалуется, что «дух империализма» стал охватывать промышленный капитал.

> «Развитие акционерных обществ как и предпринимательских союзов все более приводило индустрию в тесную связь с денежным капиталом, с банками, и вызвало к жизни новое явление, которое Р. Гильфердинг назвал финансовым капиталом. В этой форме промышленный капитал развил тот же дух насильственных действий, который до сих пор был присущ всем эксплоататорским классам. Постольку... финансовый капитал повинен в империализме и образует тем самым новое явление, характеризующее последнее десятилетие»[2]).

Но, продолжает Каутский, это вовсе не значит, что империализм не имел места раньше, он так же стар, как само государство.

Как и Гроссман, Каутский сводит империализм к особой форме политики. Всякий эксплоататорский класс,—поясняет Каутский,—имеет тенденцию расширять область эксплоатации, эту тенденцию усваивают и капиталисты, отсюда и империализм.

Выходит, что империализм был при феодализме, и в древней Греции, ибо и там были эксплоататорские классы. Как и Гроссман, Каутский смазывает особенности империализма как особой стадии капитализма. Оторвав политику от экономики, Каутский пришел к чистейшему идеализму.

«Мы рассчитываем,— говорит он,— на прогрессивное убывание завоевательных стремлений». На чем же основан этот расчет? Оказывается на том, что современные эксплоататоры настолько умны, что они поймут... «невыгодность империализма!».

> «Также возможно,—пишет старый ренегат,—что финансовый капитал, наученный мировой войной, найдет, что эти методы (завоевательного) расширения области эксплоатации слишком рискованны. При этих устремлениях за увеличением прибыли подвергается слишком большой опасности весь капитал и гораздо выгоднее перейти к ультраимпериализму, к международному картелированию финансовых капиталистов всех стран» (там же, стр. 146).

Итак, по Каутскому, империализм лишь особый вид политики, он хотя и связан с финансовым капиталом, но вовсе не обязателен. Стоит лишь капиталистам поумнеть и империализм исчезнет «яко дым» и заменится строем, где все капиталисты об'единятся, как братья, исчезнут войны и начнут отмирать противоречия классов... Каутский упустил основное в империализме—монополистический его характер, противоречие монополии и конкуренции, неравномерность развития. В итоге он оторвал политику от экономики и пришел к 100% ревизионизму.

Этот печальный пример должен бы предостеречь Гроссмана, который иногда довольно удачно вскрывает ошибки Каутского. Но увлеченный «монизмом» своей теории Гроссман отбрасывает монополии, как важнейший признак империализма и сводит империализм к одной лишь агрессивной политике. Этим самым он лишает себя возможности вскрыть те противоречия, которые развиваются и обостряются на почве смены свободной конкуренции монополией, на почве борьбы монополии и конкуренции.

Развитие монополий обостряет противоречия по всей линии капитализма. Трестированная тяжелая индустрия забирает часть прибылей у легкой; промышленность накладывает дань на сельское хозяйство, заставляя его покупать по вздутым ценам свою продукцию и задерживая его развитие. Запретительные пошлины на привозные товары отдают внутренний рынок и потребителя на поток и разграбление королям железа, угля, машин. Трестированный капитал нажимает все сильнее на рабочий класс и сводит его зарплату к все более низкому уровню. Дороговизна еще более ухудшает положение трудящихся города и деревни. Противоречие производства и реализации обостряется.

---

[1]) См. «Neue Zeit», 1915 г. 30 апреля 1915 г.

[2]) «Die materialistische Geschichtsaufassung». B. II, стр. 145—146.

В то же время неравномерность развития усиливается. Тяжелая индустрия, присваивая громадные сверхприбыли, развивает и больший темп развития, забегает вперед. Внутренний рынок становится для нее совершенно недостаточным. Монополии ищут выхода для растущей продукции на мировом рынке. Отсюда обострение борьбы за колонии как рынки сбыта, обострение борьбы на мировом рынке. В то же время на внутреннем рынке не прекращается острейшая борьба между трестированной и нетрестированной промышленностью, между отраслями производящими заменимые продукты и т. д. Чем больше удалось извлечь прибылей на внутреннем рынке, тем больше шансов побить конкурента на рынке мировом.

Нельзя ставить вопрос так, как это делает Гроссман, что *не* интересы сбыта, а лишь интересы организации капиталистического производства сырья и пищевых средств были решающими факторами колониальной экспансии. Такое противопоставление неправильно. Как раз при монополистическом капитализме обостряется не только погоня за рынком сбыта, но и погоня за источниками сырья, топлива. Каждая империалистическая страна стремится стать *монопольной* обладательницей *сырья и территории*, где оно производится. А так как мир поделен, то борьба за источники сырья, как и области сбыта, принимает характер войн за передел мира.

Гроссман о финансовом капитале.

Отказавшись от монополии, Гроссман отказывается и от *финансового капитала*, как одного из признаков империализма. Для Гроссмана финансовый капитал просто банковый капитал, а не сращение промышленного и банкового капиталов. Гроссман вообще не заметил этого сращения. Его интересует лишь вопрос, какой капитал господствует: банковый или промышленный? Если верно, что финансовый (банковый) капитал,— говорит Гроссман,—господствует над индустрией, то это означает господство не сферы производства, а сферы обращения, что противоречит учению Маркса о примате производства (стр. 574).

Если бы Гроссман заметил сращение, эту основную характерную черту финансового капитала, то он понял бы, что господство финансового капитала не отрицает, а подразумевает примат производства. *Концентрация производства*, приведшая к монополии, к «тресту банков» (2 крупнейших банковских треста — Моргана и Рокфеллера — в САСШ; в Германии происшедшее недавно слияние Немецкого банка и Учетного общества в единый «Немецкий банк—Учетное общество» с акционерным капиталом и резервами в сумме 450 млн. марок). *Признание господства финансового капитала не равносильно признанию господства банков над промышленностью*, вопреки тому, что думает Гроссман, который пытается теорию финансового капитала связать не с концентрацией и монополией, а опять-таки с своей пресловутой теорией накопления.

Гроссман устанавливает 3 периода во взаимоотношениях промышленности и банков: 1 период—период слабого развития накопления, когда возможности накопления неисчерпаемы и когда индустрии не хватает своих средств и она нуждается в чужих средствах. Это и есть период господства банкового капитала—50 и 60-е годы во Франции, предвоенные 20 лет в Германии (но, ведь, господство сферы обращения, банков противоречит Марксу—заявлял нам только что Гроссман, очевидно расхождение с Марксом не очень смущает нашего «марксиста»).

2-й период наступает тогда, когда «с процессом накопления изменяется к отношение банков и индустрии».. Вместе с избытком денег «наступает приобретение самостоятельности промышленностью».

> «На более высокой ступени накопления капиталистическая промышленность делается все в большей мере независимой от прилива капитала извне, т. к. самофинансирование увеличивается, т.-е. увеличивается снабжение средствами из собственных списываний и резервов» (стр. 575).

Наконец, в 3-й период накопления капитала индустрия наталкивается на все большие трудности даже в том, чтобы прибыльно разместить собственные средства в своей среде; ей приходится даже размещать свои собственные средства на денежном рынке (нефтяной трест в Сев. Америке и др.).

Вывод, который делает Гроссман, таков:

> «Не может быть речи о зависимости промышленности от банков ни в Англии, ни во Франции, и еще меньше в Соед. Штатах. В последних скорее господствует индустрия, которая имеет большие суммы в банках или собственные банки» (Гроссман, с. 579).

Такие существенные моменты, как монополия, личная уния, слияние банкового и промышленного капитала посредством владения акциями, господство финансовой олигархии, об'единяющей в своем лице и владельцев и банковых и промышленных акций—все это Гроссманом упускается из виду в поисках того, кто господствует,— Тисены, Сименсы, или Гольдшмидты, Гагены, Морганы или Рокфеллеры, забывая, что и те и другие владеют акциями одних и тех же предприятий [1]).

Для империализма как раз и характерно господство этой олигархии, исполнительным комитетом которой и являются правительства Гуверов, Макдональдов, Тардье и Мюллеров. Интересам этих магнатов капитала служит как внутренняя, так и внешняя политика. Гроссман старается во что бы то ни стало противопоставить «промышленников» банкирам, забывая про их сращение; это напоминает попытку Каутского противопоставить «мирных» «свободолюбивых» фабрикантов захватчикам и империалистам—торговым и денежным капиталистам. В итоге у Гроссмана мы имеем «империализм» без монополий, без финансового капитала, без финансовой олигархии.

Экспорт капитала. Как Гроссман „углубляет" Ленина.

Наконец, и такой существенно-важный признак империализма, как экспорт капитала, Гроссман пытается об'яснить также с точки зрения своей теории накопления. Он считает верным указание Ленина, что если «для старого капитализма типичен был вывоз товаров», то «для новейшего капитализма с господством монополий типичен стал вывоз капитала», однако, Ленин, по его мнению, не дал об'яснения того, почему экспорт капиталов типичен для империализма. У Ленина «нет никакого теоретического анализа фактов, которые должны показать нам необходимость экспорта капитала в высоко-развитом капитализме» (Гроссман, с. 526).

Это об'яснение—думает Гроссман—можно получить только исходя из его теории накопления.

> «Подчеркиваемое Лениным характерное отличие старого и новейшего капитализма имеется в действительности, однако, оно не состоит ни в какой необходимой причинной зависимости с конкурентным или монополистическим капитализмом, скорее это отличие выясняется из различия ранней и поздней фазы накопления капитала в какой-либо данной капиталистической стране, при данной ступени развития техники». (Гроссман, 527).

Итак, все дело в различии «ранней и поздней фазы накопления», в ослаблении противодействующих крушению накопления факторов, которое и стимулирует экспорт капитала.

> «Границы перенакопления, недостаточного возрастания стоимости (капитала) пробиваются... через экспорт капитала и добытую через него добавочную прибавочную стоимость. В этом смысле для поздней фазы накопления капитала, экспорт капитала необходим и характерен». (Гроссман, 527).

Экспорт капитала имеет целью доставить капиталистам дополнительную прибавочную стоимость, недостаток которой грозит сорвать накопление — так можно резюмировать многословные рассуждения Гроссмана по этому вопросу. Получается, что экспорт капитала вовсе не результат перенакопления капитала, затруднительности для капитала получения «прибыльного» помещения в метрополии вследствие низкого жизненного уровня масс, отсталости земледелия, а результат недостатка капитала, прибавочной стоимости.

У Маркса экспорт капитала обусловлен перенакоплением капитала в данной стране, противоречиями, создаваемыми понижением нормы прибыли.

> «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал, абсолютно избыточный капитал, для занятого рабочего населения и для данной страны вообще». (Капитал, т. III, ч. I, стр. 237—238. Курсив мой.—*М. Р.*).

У Гроссмана экспорт капитала обусловлен нехваткой прибавочной стоимости в данной стране, в метрополии, и стремлением получить дополнительную массу прибавочной стоимости для поддержания прежнего темпа накопления. Его об'яснение как раз противоположно об'яснению Маркса. Противоречия, ведущие к экспорту капитала, Гроссманом совершенно вычеркнуты.

Почему экспорт капитала — специфический признак империализма — Гроссман так и не доказал. Если экспорт капитала — результат пресловутого недостатка прибавочной стоимости, то он должен быть присущ одинаково как промышленному, так и монополистическому капитализму. Вместо научного об'яснения, которое обещал дать Гроссман, получилось непонимание специфических особенностей империализма.

В противоположность Гроссману Ленин как раз и показывает, почему экспорт капитала характерен для империализма, почему при империализме обостряется перенакопление капитала в метрополии. Капитализму вообще присуща неравномерность развития отдельных отраслей промышленности и отдельных стран. Образование монополий в производстве обостряет эту неравномерность: трестированная тяжелая индустрия забирает часть прибылей у легкой и развивается быстрее. Более концентрированная промышленность обгоняет в своем развитии все более отстающее земледелие. Монополии ведут к понижению зарплаты большинства рабочих, усиливают разорение крестьянства, подымают внутренние цены и одновременно увеличивают гигантски прибыли. Передовые капиталистические страны, эксплоатируют и грабят колониальные и полуколониальные страны. В итоге «возникает громадный «избыток капитала» в передовых странах» (Ленин). Этот «избыток капитала»—вовсе не обусловлен невозможностью реализации прибавочной стоимости в чистом капитализме (как думает, напр., Штерьберг)... «Если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения...—тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. Но тогда капитализм не был бы капитализмом»... (Ленин).

---

[1]) Так, в Германии в 1928 г. промышленник Сименс являлся председателем наблюдательного совета Немецкого банка; в этом же совете сидел фабрикант Борзиг, председатель Стального треста Фоглер, владелец торговых предприятий Отто Вольф и т. п. Банкир Артур Саломонсон (недавно выступивший с призывом священной войны против СССР), председательствует в наблюдательных советах Гельзенкирхенского горнопромышленного общества, ряда крупнейших предприятий калийной промышленности, о-ва электрических предприятий, Людвиг Леве и т. д. Этот самый Саломонсон представлен в советах 35 акционерных обществ, а банкир Гольдшмидт сидит в советах ста с лишним обществ. Сименсы, Борзиги, Саломонсоны, Фоглеры, Гольдшмидты, Морганы и Детердинги являются подлинными властителями в современной буржуазной демократии.

Повышение жизненного уровня масс стоит в непримиримом противоречии с интересами прибыли. «...Избыток капитала обращается... на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны¹). Итак, усиливаемое империализмом обострение противоречий между производством и потреблением, между промышленностью и земледелием, тяжелой и легкой промышленностью, метрополией и колониями—все это и обусловливает экспорт капитала.

Гроссман настолько усердно стремится доказать, что экспорт капитала обусловлен недостатком прибавочной стоимости, что отрицает всякое значение различия норм прибыли в отдельных странах. «Не высокая прибыль заграницей, но недостаток возможностей капиталовложения внутри страны (вследствие нехватки прибавочной стоимости. *М. Р.)* есть последняя причина экспорта капитала» — заявляет Гроссман (с. 561). Такое противопоставление нормы прибыли избытку капитала неправильно, ибо более низкая норма прибыли обусловлена специфическими особенностями метрополии (высокий органический состав капитала, узкие границы спроса, относительный избыток капитала), а более высокая норма прибыли—специфическими особенностями колониальных и полуколониальных стран. Гроссман утверждает, что различие нормы прибыли между отдельными странами—выдумка, что оно не большее, чем внутри страны, что в колониальных странах органический состав капитала вовсе не ниже, а часто выше, чем в метрополии. Неравномерность развития, отсутствие действительной индустриализации в колониях, сознательная задержка развития индустрии в колониях империалистами — все это Гроссманом игнорируется.

Нельзя сводить экспорт капитала только к различиям в норме прибыли (такая тенденция имеется у т. Бухарина и т. Марецкого). Надо об'яснить, чем обусловлены различия в норме прибыли, однако, отрицать такое различие в нормах прибыли, значит не видеть специфических особенностей колониальных и полуколониальных стран: высокой нормы эксплоатации (усиливаемой империалистами), тесно связанного с низкой зарплатой, низкого органического состава капитала, дешевизны сырых материалов, низкой цены земли и пр.

И в то же время нужно учитывать, почему норма прибыли ниже в метрополиях. Затушевывание различий между метрополией и колониями, непонимание неравномерности развития и противоречий между метрополией и колониями есть апологетика империализма. Такой же апологетикой является утверждение Гроссмана, что экспорт капитала отсрочивает крах капитализма, давая ему отдышаться от всех неудобств, создаваемых нехваткой прибавочной стоимости. На самом деле экспорт капитала усиливает противоречия капитализма. Усиливается неравномерность развития (Америка, выстроив ж.-д. сеть и часть промышленности за счет английских капиталов, стала обгонять Англию). Усиливая промышленное развитие в колониях (одна-

---

¹) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 284—285.

ко, не всякое промышленное развитие есть индустриализация), экспорт капитала рождает там пролетариат, становящийся движущей силой освобождения колоний от ига империалистов. Наконец, экспорт капитала создает класс рантье, оторванный от производства, создает государство-рантье, «государство паразитического, загнивающего капитализма» (Ленин), а также увеличивает возможности подкупа некоторой части рабочего класса, при увеличении эксплоатации большинства его. Экспорт капитала, т. о. тесно связан с загниванием капитализма.

О рантьерском перерождении отдельных стран говорят ярко такие, например, цифры: для 1911 г. доходы рантьеров и земледельцев составляли во Франции 10 миллиардов золотых франков при 11,8 миллионах доходов трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве и 7 миллиардах прибыли капиталистов. В то же время прирост реального капитала составил с 1892 г. по 1912 г. около 20 млрд. франков, т.-е. составлял всего около 1 млрд. в год¹).

Рантьерское перерождение ведет к все большему удельному весу дохода рантьеров в народном доходе; оно ведет к громадному росту непроизводительного потребления буржуазии и ее многочисленной челяди. По данным американского экономиста Чэйза, не меньше 15% народного дохода САСШ расходуется на предметы сверхроскоши.

Загнивание империализма на почве монополии, обострение проблемы рынка, рантьерское перерождение, рост милитаризма об'ясняют нам вместе с тем и причину уменьшения темпов роста производства в ряде капиталистических стран. Дело не в нехватке прибавочной стоимости, как думает Гроссман, а в обострении этих противоречий империализма.

В ряде стран империализм дает картину падения доли народного дохода, идущей в накопление. Так, по данным, приводимым С. Г. Струмилиным, во Франции в 1881 г. шло в накопление 11,7% народного дохода, в 1894 г.—10,5%; в 1914 г.—лишь 8,8%. В Англии шло в накопление: в 1881 г.—16,1%, в 1894 г.—14,1%, а в 1914 г.—7% народного дохода. В Австро-Венгрии эта доля упала с 11,4% в 1881 г. до 8,7% в 1914 г., и т д.

Для САСШ и Германии период 1880—1913 г. дает замедление роста продукции, хотя и в меньшей степени, чем в Англии и Франции. Однако, дело не только в замедлении темпа развития. Дело в неравномерности развития капитализма. Смена свободной конкуренции монополией, борьба монополии и конкуренции, экспорт капитала и паразитическое загнивание отдельных стран—все это обострило неравномерность развития при империализме. На основе перенятия новейших достижений техники, на основе монополии, на основе импорта капитала молодые страны капитализма (САСШ, Япония, Германия) стали обгонять страны старого капитализма. Приведем пару цифр, иллюстрирующих неравномерность развития:

С 1881 по 1894 гг. народное имущество увеличилось:

В САСШ на	74%	В Франции на	20%
„ Италии „	35 „	„ Англии „	35 „
„ Германии „	23 „	„ Австро-Венгрии „	30 „
„ России „	49 „		

а во всех этих странах в среднем народное имущество за эти годы увеличилось на 40%.

С 1894 г. по 1914 г. народное имущество увеличилось:

В САСШ на	160%
„ России „	133 „
„ Германии на	98 „
„ Австро-Венгр. на	34.5%
„ Великобрит. „	23%
„ Италии на	41,5 „
„ Франции на	24%

---

¹) Wl. Woytinsky, Die Welt in Zahlen, B. I.

а в среднем в этих 7-ми странах народное имущество увеличилось с 1894 по 1914 гг. на 121%[1]. Мы видим, что отклонения от среднего темпа развития стали больше, неравномерность усилилась.

Темп роста народного дохода дает еще большие отклонения. Здесь загнивание капитализма дает себя особенно ярко знать. За последние 25 лет до войны замечается почти полная остановка роста, а то и падение душевого дохода (в неизменных ценах) в ряде капиталистических стран. По данным, приводимым Прокоповичем, годовой прирост дохода на душу составлял в САСШ за 1900—1913 г. всего 1,2%, в Пруссии с 1896 по 1913 г. этот прирост составлял только 0,2%, в Англии с 1895 г. по 1913 г. прироста душевого дохода вовсе не наблюдалось, а во Франции 1894—1911 годы дают даже среднегодовое падение душевого дохода в 0,8%.

Итак, наряду с загниванием неравномерность развития при империализме усиливается.

В обстановке, когда мир поделен, страны обгоняющие ставят вопрос о переделе мира (Германия до войны, Италия—теперь и т. д.). Передел же возможен лишь путем войны. В то же время обгоняемые империалистические государства стремятся разбить конкурентов заблаговременно (Англия в мировой войне против Германии). Отсюда неизбежность империалистических войн.

Как у Гроссмана исчезают противоречия империализма.

Все эти противоречия империализма смазываются совершенно Гроссманом. Возьмем для примера его отношение к паразитизму и загниванию современного империализма.

Для Гроссмана паразитарный характер современного империализма вовсе не представляется противоречием. Напротив. Экспорт капитала приносит добавочную стоимость, а благодаря ей отсрочиваются кризисы или крушение.

«Здесь, следовательно, скрытый корень капиталистического рантьерского государства, паразитического характера капитализма на далеко зашедшей ступени накопления»... «Паразитизм становится методом удлинения жизни капитализма» (Гроссман, стр. 269). Выходит, что наиболее паразитарно-рантьерское государство — капиталистическая Англия — имеет шансы наиболее длительного существования.

Неверность такого утверждения бьет прямо в глаза. Гроссман забывает, что те 2,5 миллиарда рублей, которые притекают ежегодно к миллионному рантьерскому слою Англии, вовсе не аккумулируются в народном хозяйстве Англии. Экспорт капитала продолжается, ведь, именно относительный избыток капитала внутри страны и вызывает его вывоз заграницу. Громадная часть полученных по вложенным заграницей процентов идет на индивидуальное потребление рантьерского класса и его многочисленной челяди. В итоге промышленность не получает достаточных вложений, значительная часть земли остается необработанной и пр. По существу, Гроссман признает тенденцию к стагнации лишь на словах. Уверяя, что паразитизм удлиняет существование капитализма, он вместе с тем тенденцию к техническому застою и загниванию, обусловленную монополией, не замечает вовсе.

Или монополия обуславливает стагнацию, тогда непонятна агрессивность капитала, или империализм агрессивен (а это факт), тогда монополия ни при чем — рассуждает Гроссман. Выкинув монополию, он не смог об'яснить и стагнацию. Что монополистический характер империализма обуславливает и стагнацию, и тенденции

к застою и загниванию, и одновременно и агрессивный его характер — это Гроссману и невдомек. Самый агрессивный характер империализма сводится Гроссманом лишь к погоне за сферами приложения капитала. Что мир поделен, что отдельные страны развиваются неравномерно и что отсюда вытекают неизбежно войны за передел мира — об этом Гроссман умалчивает. Империализм у него причесан в такую систему, гармоничность которой нарушается лишь одним неприятным обстоятельством — нехваткой прибавочной стоимости, что и создает стремление к заполучению таковой из «отсталых» стран — для обеспечения предписанного схемой темпа накопления. Этому служит и внешняя торговля, и экспорт капитала, и, наконец, этому служат — что бы вы думали — империалистические войны!

Гроссман выставляет тезис о том, что войны, в том числе и мировые, не только не грозят гибелью капитализму, но, наоборот, обеспечивают ему еще более длительное существование. Доказательство очень простое: ведь войны уничтожают, потребляют или обесценивают часть постоянного капитала, а это увеличивает отношение прибавочной стоимости к капиталу!

Гросман говорит об этом следующее:

> «Такое же, как уменьшение ценности постоянного капитала в результате технического прогресса действие на тенденцию крушения будет иметь также, если через войны, революции, длительное потребление (основного капитала. *М. Р.),* без одновременного воспроизводства и т. д. будет снашиваться или разрушаться производственный аппарат--не только по стоимости, но и в натуре». (Гроссман, с. 369).

Разрушения и обесценения, обусловленные войнами, ведут не к ускорению краха, а «гораздо скорее представляют средство ослабить грозящее крушение и доставить накоплению капитала свежий воздух... Так именно действовали прежде всего те колоссальные потери капитала и обесценения, которые явились результатом мировой войны». (Стр. 369). Итак, все к лучшему в этом лучшем из миров! Войны, но также и революции удлиняют жизнь капитализма. Чем больше разрушено, тем легче идет накопление и тем более долгие годы обеспечены капитализму. Чего доброго, и пролетарская революция лишь средство отдалить гибель капитализма. Насчет пролетарской революции Гроссман предпочитает отмалчиваться, так же, как он скромно воздерживается от оценки современного кризиса капитализма. Впрочем молчание знак согласия — согласия с тем, что капитализм вовсе не переживает кризиса, так как, согласно новой теории, мировая война способствовала лишь укреплению капитализма. Такова же функция и будущих войн. Что мировая война, отнюдь не являясь единственным условием пролетарской революции, обостряет, однако, гигантски противоречия классов, метрополий и колоний, расшатывает империализм и облегчает прорыв империалистического фронта пролетарской революцией в отдельных странах, что она обостряет весьма значительно опасность для буржуазии быть выбитой из седла — все это игнорируется, точнее отрицается теорией Гроссмана!

Здесь мы видим еще раз и особенно ярко насколько «схема» в буквальном смысле слова прикрывает у Гроссмана все противоречия капитализма.

Почему империализм обостряет противоречия капитализма — Гроссманом не показано. А между тем, «это обострение противоречий является самой могучей движущей силой исторической переходной эпохи» (Ленин) — эпохи империализма.

Действительный закон движения капитализма.

Теория крушения Гроссмана не имеет ничего общего с марксизмом. По замыслу она приближается к теории Розы Люксембург, пытавшейся

---

[1] Ср. С. Струмилин. Очерки советской экономики. Стр. 13.

построить чисто экономический закон крушения капитализма — вследствие исчерпания некапиталистических рынков. Но тем самым крах капитализма отсрочился на неопределенно долгий период, все противоречия капитализма механистически сводились к невозможности реализации в чистом капитализме. Эта теория была использована для прикрытия оппортунизма, пассивности и фатализма рядом последователей теории Р. Люксембург — Тальгеймером и др.

Теория Гроссмана является об'ективно ревизионистской попыткой дать перспективу неизбежного в каком-то будущем и постепенного «отмирания» капитализма. Что бы там ни было, поучает новая теория, а капитализм в каком-то неопределенном будущем потерпит крушение из-за нехватки прибавочной стоимости, и это математически точно доказывает схема! Мы имеем перед собою типичную механистическую концепцию — сведения всех противоречий капитализма, всего многообразия качественных моментов к единому, количественному фактору — массе прибавочной стоимости.

Пока хватает прибавочной стоимости для поддержания прежнего темпа накопления, социальная революция невозможна — вот скрытый смысл новой теории. Коренная ошибка Гроссмана состоит в том, что он ищет некую формулу крушения, некий «чисто экономический» закон, который показал бы, что независимо от пролетарской революции должен произойти крах капитализма. И эту реформистскую, фаталистическую теорию, теорию, игнорирующую действенную роль революционного пролетариата, теорию, переносящую центр тяжести в сторону «автоматического», «естественного» хода событий, Гроссман выдает за подлинный марксизм!

Такая теория не имеет, конечно, ничего общего с революционной теорией Маркса. Маркс показал, что экономический закон движения капитализма подготовляет материальные предпосылки социализма, ухудшает положение пролетариата, увеличивает его возмущение, обостряет все более классовые противоречия и ведет неизбежно к восстанию пролетариата, к экспроприации экспроприаторов — к пролетарской революции.

«Монополия капитала, — говорит Маркс, — становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя лопается — бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». («Капитал», т. I, стр. 724).

Маркс работал не только над тем, чтобы научно вскрыть этот закон движения капитализма, но и над тем, чтобы поднять классовое сознание пролетариата, организовать революционный авангард, чтобы подготовить пролетариат к свержению капиталистического строя. О роли революционной партии пролетариата в деле подготовки и осуществления краха капитализма мы не находим у Гроссмана, конечно, ни слова. Ведь это вопросы политики, а политика не имеет никакого отношения к теории крушения. Хороша, однако, эта своеобразная теория, которая, напяливая на себя марксистский костюм, не хочет и знать о единстве революционной теории и революционной практики!

Ленин в статье «Карл Маркс» писал: «... неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм, идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма».

Но капитализм подготовляет не только материальную основу социализма. Он подготовляет и своего могильщика. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом», к диктатуре пролетариата (Ленин). Как раз по этому вопросу — о роли революционного пролетариата, «физического выполнителя» краха капитализма, о борьбе за диктатуру пролетариата мы не находим у Гроссмана ни слова. Он говорит, правда, о борьбе профсоюзов за увеличение зарплаты, и даже об обострении противоречий между капиталом и трудом на поздней стадии накопления (опять-таки в результате пресловутой нехватки прибавочной стоимости) (стр. 529). Гроссман уверяет также, что его теория не исключает классовой борьбы; классовая борьба может ускорить крах, если капиталистам не удастся снизить зарплату. Тогда не хватит прибавочной стоимости и произойдет крушение... Итак, Гроссман допускает классовую борьбу, лишь как борьбу за зарплату. Крах капитализма должен наступить и без классовой борьбы, но эта борьба — и то лишь в виде борьбы за повышение зарплаты — может ускорить крах.

Что только через пролетарскую революцию может совершиться крах капитализма и что закон движения капиталистической системы как раз и ведет к пролетарской революции — это Гроссману и невдомек. Наш новоявленный «марксист» и не догадывается, что для того, чтобы быть последователем Маркса, еще мало признавать классовую борьбу. Суть марксизма не просто в признании того, что существуют классы и идет классовая борьба; это признают и либералы. Суть марксизма в доказательстве того, «что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата», «что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет деления на классы»[1].

Вот эта суть марксизма и выпала у Гроссмана, как и у всей современной социал-демократии (ср. открытую измену марксизму Каутского, заявившего, что не революционная диктатура пролетариата, а коалиционное правительство есть государственная форма переходного периода).

В то время, как правые социал-демократы вообще отвергают всякую возможность краха капитализма (Гильфердинг) и уверяют, что капитализм сейчас сильнее, чем когда-либо (Каутский), «левые»—их коллеги для удержания за социал-демократией масс готовы сохранить марксистскую фразеологию и даже подчас признавать неизбежность в каком-то неопределенном будущем «крушения» капитализма. Теория Гроссмана и выполняет такой социальный заказ — левой фразой усыплять революционность пролетариата.

Написав толстую книгу о крушении капитализма, Гроссман ухитрился ни словом не упомянуть о диктатуре пролетариата и о том большом опыте, который имеет пролетариат СССР в деле свержения капиталистического строя и строительства социалистического общества. Это лучше всего выдает антимарксистский, антиреволюционный характер его теории.

⁂

Итак, что же остается от гроссмановской теории крушения и накопления? Пока фактически Гроссман (как и Бауэр) свел все причины кризиса, как и все противоречия капитализма, к недостатку в каком-то будущем прибавочной стоимости для обеспечения прежнего темпа накопления.

---

[1] Маркс. **Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., см. К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма, стр. 54.**

Фактически теория Гроссмана смазывает и все противоречия капитализма. Всеобщие кризисы перепроизводства превратились у него в частичные кризисы недопроизводства, да и то необоснованные. Резервная армия испарилась вовсе, ибо по его теории резервная армия образуется лишь во время кризиса, а вместе с тем осталось необоснованным и ухудшение положения пролетариата. Противоположность производства и потребления отброшена и т. д. Одним словом, противоречие между производительными силами и капиталистической оболочкой, все более обостряющееся с развитием капитализма, не находит своего отражения в теории Гроссмана. Теория его носит поэтому апологетический характер.

Этот характер теории Гроссмана обусловлен прежде всего неверной методологией нашего «последователя» Маркса. Основной методологический грех в теории Гроссмана (как и у Бауэра), это «количественно-математический характер» его исследования. Капиталистическое общество рассматривается им не как единство противоположностей, находящееся в постоянном движении и изменении, а как равномерно развивающийся организм, находящийся постоянно из года в год в состоянии равновесия. Что равновесие является случайностью, что равновесие есть лишь момент движения, что закон стоимости, как и закон реализации, «осуществляется лишь путем неосуществления»,— обо всем этом Гроссман забывает совершенно. Иначе он не строил бы схемы на 36 лет и не приходил бы только на основании ее к крушению капитализма. Это «количественно-математический» метод повинен в фетишизме схемы у Гроссмана в том, что он так и не понял, что ни одна схема не может ни показать, ни доказать краха капитализма, или даже кризисов, а что крах капитализма осуществляет пролетарская революция.

По теории Гроссмана, мы можем приближаться в познанию мира явлений лишь ступенчато. «Для этой цели делаются многочисленные упрощающие предпосылки, которые позволяют нам познать об'ект познания в его основной структуре». Эти предпосылки, однако, по Гроссману, являются фиктивными и поэтому полученные знания могут иметь лишь временный характер — и нуждаются в исправлении (стр. VI). Таким образом, результаты есть лишь фикции и должны быть «каким-нибудь» образом приведены в созвучие с действительностью. По теории Гроссмана, такая категория как стоимость должна представляться фикцией, ибо она добыта путем применения абстрактного метода и к тому же проявляет свое регулирующее отношение через цены производства. Для него фиктивна и возможность реализации товаров внутри капитализма, которая выведена путем абстрагирования от внешнего рынка.

Не подлежит сомнению, что «ступенчатый метод познания» Гроссмана не имеет ничего общего с методом Маркса.

Составляя момент в диалектическом методе, абстракция у Маркса имеет целью отвлечь менее существенное, вскрыть за видимостью сущность, за колебаниями цен стоимость, за хаотическим движением товаров необходимость определенного соотношения между I и II подразделением и т. д. Стоимость, прибавочная стоимость, реализация внутри капитализма и т. д. вовсе не фикции и вовсе не являются лишь временными результатами исследования, нуждающимися в последующем исправлении. Если стомость проявляет свое регулирующее действие через цены производства, если прибавочная стоимость проявляется в виде предпринимательской прибыли, процента и земельной ренты, это не дает нам права об'являть стоимость или прибавочную стоимость фикцией.

Маркс отправляется от абстрактного к конкретному, опираясь на научно-познанные основные категории капитализма, являющиеся теоретическим выражением основных реальных отношений производства—от стоимости он идет к прибавочной стоимости, затем через прибыль к ценам производства и т. д. Тем самым Маркс дает научную теорию конкретного, воспроизводит конкретное путем мышления. Но само абстрактное не оторвано от конкретного, конкретное «является исходным пунктом в действительность» (Маркс).

Не то у Гроссмана. У него абстракция оторвана от конкретного. Она— фикция, она произвольна и ее как-то нужно еще приспособить к действительности, исправить. Эти фикции, которыми оперирует Гроссман, выдают с головой его агностицизм, его отказ от обоснования об'ективной неизбежности краха капитализма. В самом деле. Теория краха добыта Гроссманом, по его словам, чисто абстрактным путем. Именно поэтому этот добытый им результат есть для него лишь временный результат. На сцену выступают противодействующие факторы, которые превращают надвигающийся крах в преходящий кризис. В итоге, капитализм продолжает существовать и конец его отодвигается до «второго пришествия».

Механистический метод у Гроссмана сочетается со смазыванием противоречий капитализма, с отсутствием увязки краха капитализма с диктатурой пролетариата, с извращением марксовой диалектики с тонко прикрытым идеализмом.

П. Миф.

Кризис китайской реакции и новый революционный под'ем.

За истекшие три года освободительная борьба в Китае прошла через самую трудную полосу. Это были тяжелые годы разгрома пролетарских организаций, годы жесточайшего террора китайской контрреволюции, неистовства международного империализма, вымещавшего трудящимся массам за все треволнения недавнего революционного шквала. Это были годы бешеного наступления капиталистов на нищенский и до того жизненный уровень рабочего класса, годы карательных экспедиций, непосильных податей и прогрессирующего разорения крестьянских масс. Это были годы физического истребления рабочих вожаков, годы частичного разброда и дезертирства (особенно вначале) в рядах китайской коммунистической партии.

Но рабочий класс и крестьянство Китая выдержали удары реакции. Оправилась и киткомпартия. На все более организованный отпор с их стороны натыкается китайская контрреволюция. Растет рабочее движение, втягивающее в свой круговорот все более широкие массы. Отдельные мелкие потоки, по которым шло вначале рабочее движение, сливаются сейчас во все более многоводные ручьи. Наряду с этим все более мощный размах приобретает крестьянская борьба. Все это происходит на фоне усиливающегося развала в лагере китайской контрреволюции.

Еще недавно правые оппортунисты писали — вслед за советниками американского империализма — о капиталистической «стабилизации» Китая. Правые деколонизаторы после VI конгресса усиленно расписывали картину мирной деколонизации и индустриализации колоний и полуколоний империализма. Пеппер, Ловстон усиленно кричали о расширении колониальных рынков, о «расширении базы капитализма». Брандлер, Рой, Ловстон и сейчас на все лады расписывают «здоровый капитализм», о кризисе которого может говорить лишь Коминтерн в целях сохранения «сталинского режима» и т. д.

Но и «левый» контрреволюционер Троцкий очень быстро разоблачил себя, присоединившись открыто к праволиквидаторскому гимну. И правые имеют полный резон, когда ставят вопрос о «пересмотре взглядов и тактики» в отношении Троцкого и троцкистов. Международный «августовский» явно контрреволюционный блок правых и троцкистов — несомненный факт. Но как жалки «армии» этого блока.

Неудержимо нарастает новый под'ем революции, новый под'ем, вдребезги разбивающий правооппортунистические и троцкистские ликвидаторские пророчества.

Еще не так давно Троцкий писал о «стабилизации буржуазного режима» в Китае. Это ему принадлежат слова о том, что «превращение революционной ситуации в буржуазную стабилизацию не только не «невозможно», но совершенно неизбежно (подчеркнуто Троцким). Более того, оно совершается, оно в известных пределах уже произошло». Это он в том же пасквиле от 4 октября 1928 года писал, что:

> «Нужно ясно понять, что революционной ситуации в Китае сейчас нет. Она сменилась контрреволюционной ситуацией, которая переходит в межреволюционный период неопределенной длительности... Нужно считаться и сообразовываться с тем, что именно в Китае революция отодвинута сейчас в неопределенное будущее».

Троцкому вторил правый Чень Ду-сю о том, что китайский капитализм стабилизировался и что он «сможет в ближайшем будущем развиваться гигантскими шагами». Оба они в один голос вещали о длительном и прочном торжестве китайской реакции, об отсутствии каких-либо симптомов или признаков нового революционного под'ема. Оба они отодвигали революционый под'ем в неведомую даль. Чень Ду-сю в полном соответствии со всей троцкистской установкой — и общей установкой международных правых — в последних своих творениях заявлял о том, что современная борьба китайских рабочих носит оборонительный характер и является «полной противоположностью революционному под'ему». Именно он поучал, что «революционного под'ема сейчас быть не может» и что всякие разговоры о его симптомах являются чистейшим путчизмом.

События последнего времени в Китае, весь ход освободительной борьбы до конца разоблачают ликвидаторство правых и троцкистской платформы и целиком подтверждают правильность коминтерновских решений, устанавливавших неизбежность нового революционного под'ема в Китае. Не правооппортунистические, не троцкистские, а коминтерновские прогнозы претворяются в жизнь.

Неудержимо нарастающий новый под'ем революции не является чем-то неожиданным и случайным. Изо дня в день он подготовлялся в течение этих трех лет. И всей своей практикой китайская реакция не мало послужила в деле его ускорения. В этом не трудно убедиться даже при кратком ознакомлении с итогами трехгодичной реакции, даже при беглом освещении современного экономического и политического положения в Китае.

Начнем с сельского хозяйства, играющего доминирующую роль в этой стране. Удалось ли господствующему контрреволюционному блоку хоть сколько-нибудь ослабить хронический кризис сельского хозяйства и смягчить противоречия в китайской деревне? Нет, ни в какой мере. Напротив, китайская реакция углубила и обострила эти противоречия. Усилилось хищническое ограбление крестьян помещиками и ростовщиками. В результате непрекращающихся милитаристических войн увеличилось налоговое бремя и всевозможные поборы, подрывающие производительные силы сельского хозяйства и предопределяющие все большую пауперизацию крестьянских масс. Ирригационные (оросительные) сооружения подвергаются все большему разрушению. Непрерывно ухудшается положение основных масс крестьянства. Недороды и связанные с ними голодовки захватывают все новые и новые территории, все новые и новые миллионы крестьянских дворов. Таков «красочный» итог аграрной «политики» буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Об этом итоге можно судить по количеству голодающих в Китае. Так, по данным комитетов помощи голодающим в Китае последних насчитывалось:

в 1927 г. — 9 миллионов человек;
» 1928 г. — 27 » »
» 1929 г. — 57 » »

Десятки миллионов крестьян обречены на голодное вымирание. В провинциях, затронутых недородом, людоедство, продажа жен и детей стали заурядными явлениями. Иностранные корреспонденты, об'езжающие эти провинции, сообщают, что голодающие едят конский помет, дерутся из-за человеческих трупов, выкапывают и варят старые кости. По разным провинциям бродят голодные толпы крестьян, устилающие дороги своими усохшими трупами.

Каковы же перспективы перед китайским сельским хозяйством? Китайская буржуазная пресса возлагала большие упования на **урожай** 1929 г. Сведения, которыми мы располагаем, не подтверждают этих надежд. Оно и понятно. Даже при благоприятных природных условиях, которыми характеризовался 1929 г., сказался недостаток семенных материалов у крестьян, сказалось неизбежное сокращение посевных площадей, происходящие в результате усиленного разрушения производительных сил китайского сельского хозяйства. «Чайниз Экономик Бюллетень» опубликовал следующую таблицу о состоянии урожая в Китае в 1929 г.

Сбор хлебов в Китае по 22 провинциям
(в %% к нормальному сбору).

Название провинций	Летний сбор		Осенний сбор		
	Пшеница	Ячмень	Рис	Бобы	Маис
	в процентах				
Хэйлуньцзян	99,8	89,1	84,8	84,3	—
Гирин	99,8	60,6	100,2	96,7	99,9
Ляонин	104,3	100,8	97,5	103,8	99.6
Чахар	85,0	100,3	—	42,1	54.9
Сучюань	104,5	—	—	—	80,0
Шэньси	55,1	44,5	—	—	48,2
Шаньси	83,9	79,0	79,1	93,6	90,5
Хэбэй	81,2	97,6	81,2	107,4	99,6
Шаньдун	79,6	85,7	—	114,6	83.7
Хунань	38,6	28,2	—	—	100,1
Цзянсу	57,1	81,8	98,1	87.9	—
Аньхуй	76,0	73,6	105,3	95,5	—
Чжецзян	82,2	100,0	40,1	53.8	54.2
Хубей	89,1	96,6	77,0	74,7	79,7
Хэнань	100,0	—	91,5	100,0	—
Цзянси	123,6	88,1	55,1	89,6	—
Сычуань	100,0	—	89,9	74.0	—
Юньнань	88,0	—	72.2	85,9	87,3
Гуйчжоу	100,0	—	91,5	100,0	—
Фуцзянь	124,0	28,2	60.0	105,0	—
Гуандун	—	—	72,0	76,4	—
Гуанси	—	—	65,9	96,2	85,0
Средний % по всем провинциям	80,8	79,2	57,9	99,7	98,9

Эти цифры заслуживают внимания. По всему Китаю в 1929 г. было собрано 57,9% риса, 79,2% ячменя, 80% пшеницы. И это по отношению к так называемому нормальному урожаю, при котором далеко не все крестьянство обеспечивало себе мало-мальски сносное существование, далеко не все выбивались за голодную черту. Конечно, урожай 1929 г. не внес какого-либо улучшения в положение основных масс крестьянства. Если исключить 3 манчжурские провинции, то в остальных положение явно неблагополучное. И хуже всего в провинции Шаньси, где собрано всего 55,1% пшеницы, 44,5% ячменя, 48,2% маиса; в Хунани, где урожай пшеницы составил лишь 38.6%, ячменя 28,2% по отношению к так называемым нормальным годам. К этому следует добавить, что перспективы весеннего урожая 1930 г. в связи с резким сокращением посевных площадей еще более неблагоприятны.

Мы не станем приводить подробных цифр насчет упадка технических культур и возрастающего ввоза в Китай продуктов питания. Известно, что мировой аграрный кризис весьма чувствительно ударяет по сельскохозяйственой экономике Китая. Укажем, что цены на китайский шелковый сырец, составляющий 20% экспорта Китая, упали с 6 долл. 35 центов за 1 англ. фунт в 1926 г. до 4 долл. 80 центов в 1929 г. То же самое с китайским экспортным чаем. С 29,6 центов за фунт китайского чая в 1926 г. цена упала до 18,4 цента в 1929 г. Одновременно увеличился ввоз в Китай пшеницы и муки. С 13,23 млн. бушелей в 1926—27 г. он поднялся до 37,24 млн. бушелей в 1928—29 г.[1]). Все эти цифры достаточно ярко характеризуют современное положение сельского хозяйства. Они красноречиво свидетельствуют об углубляющемся кризисе сельского хозяйства в Китае, о процессе прогрессирующего обнищания основных масс крестьянства.

Понятно, что китайская контрреволюция не смогла задержать эти процессы. Она оказалась не в состоянии хоть сколько-нибудь ослабить переживаемый сельским хозяйством кризис. Решение этого вопроса упиралось и упирается в необходимость полной ликвидации всякого рода остатков и пережитков феодальных отношений, густой сетью опутывающих сейчас китайскую деревню. Но этот путь для китайской реакции был закрыт. Буржуазно-помещичий блок в лице нанкинского правительства за истекшие три года доказал свою неспособность и нежелание даже половинчатого, частичного разрешения аграрного вопроса. В деле под'ема производительных сил сельского хозяйства китайская реакция оказалась, как и следовало ожидать, полным банкротом.

Одно время, правда, нанкинское правительство не скупилось на широковещательные обещания улучшить положение крестьянских масс. Намечалось вначале в виде опыта в провинции Чжецзян снижение на 25% арендной платы. Разрабатывались проекты переселения больших масс крестьянства и колонизации окраин. Возникали сказочные планы постройки новых каналов и оросительных сооружений. Создана была даже специальная комиссия под председательством Ху Хан-мина для разработки аграрных реформ. Но все это было блефом. Снижение арендной платы было отменено. Гоминдан испугался, что «помещик очутится в критическом положении», а, с другой стороны, что снижение послужит «поводом к разжиганию новых конфликтов между помещиками и арендаторами». Чжецзянский опыт был похоронен, так как (как цинично говорилось в резолюции ЦК Гоминдана) «такая серьезная мера, как снижение арендной платы на 25%, требует длительной подготовки в административном отношении — в области самоуправления — и точного, продуманного плана выполнения». Остальные проекты постигла та же участь. Не был обнародован хуханминовский земельный закон, хотя он никаких улучшений не сулил крестьянам. На бумаге остались и другие прожекты. Господствующий блок всеми своими экономическими интересами был прикован к помещичьему землевладению. Отсюда полная бесплодность всех его попыток (жалких к тому же) смягчить положение крестьян, удержать продолжающийся распад китайского сельского хозяйства.

В этом отношении интересна параллель с аграрной политикой русского самодержавия в годы реакции. Известно, что столыпинщина не устранила, а углубила кризис русского сельского хозяйства, делая ставку на кулака при сохранении помещичьего землевладения, она увеличила гнет латифундий, ухудшила положение основных масс крестьянства, усилила их недовольство. Известно, что «единственным вполне реальным результатом» столыпинщины была голодовка 30-ти млн. человек. Но столыпинщина открывала «последний клапан», какой только имелся в руках помещичьего самодержавия, давала некоторую «отсрочку» старому порядку и старому крепостническому земледелию. Характерно, что даже такого рода клапана не оказалось в распоряжении китайского буржуазно-помещичьего контрреволюционного блока. На голодное вымирание обрекает он миллионные массы крестьян. А этот голод не может не революционизировать широкие крестьянские массы.

---

[1]) По материалам Научно-исследовательского института по Китаю.

Вспомним, что говорил Ленин по поводу голода в 1912 году в России.

> «Голод погубит миллионы жизней, но он погубит также остатки дикой, варварской, рабьей веры в царя, мешающей понять необходимость и неизбежность революционной борьбы против царской монархии, против помещиков. Только в уничтожении помещичьего землевладения могут найти крестьяне выход. Только в свержении царской монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь человеческой жизни, к избавлению от голодовок, от беспросветной нищеты» [1]).

Политика китайской реакции не может не толкать миллионные массы крестьян на борьбу против международного империализма, против феодалов-милитаристов, на борьбу за ликвидацию империалистического гнета и помещичьего землевладения, на борьбу против гоминдановской контрреволюции.

* * *

Переходим к обзору положения китайской промышленности. В течение этих трех лет она не выходила из состояния глубокой депрессии. Раньше всего кризисное положение сохранялось в тяжелой промышленности. Из года в год сокращалась добыча каменного угля и железной руды. Резкое снижение давала выплавка стали. Но еще безотраднее положение в других отраслях. Закрылись почти все предприятия мукомольной промышленности в Тяньцзине и ⅔ их в Шанхае. Углубляется кризис китайской шелковой промышленности. К концу 1929 г. в Шанхае прекратили работу все 106 шелко-мотальных фабрик. В начале 1930 г. только 50 из них возобновили свою деятельность, но без каких-либо перспектив на продолжительную и сколько-нибудь нормальную нагрузку. В полосу тяжелой депрессии попала и кожевенная промышленность. Развитие хлопчатобумажной промышленности, намечавшееся в 1928 г. и создававшее картину частичного экономического оживления, сменилось сейчас кризисным положением и в этой отрасли. Китайские хлопчатобумажные предприятия стоят перед угрозой закрытия или перехода в руки иностранного капитала. За последние месяцы шведский спичечный синдикат заставил ликвидироваться почти все китайские спичечные предприятия. Наконец, кризис захватил и китайскую табачную промышленность. Еще недавно эта отрасль была наиболее здоровой и давала самые благоприятные показатели. Но за последнее время, в первую очередь под давлением иностранной конкуренции, вынуждены были закрыться десятки китайских табачных и сигаретных фабрик, в том числе 12 больших предприятий в Шанхае. Прекратили работу все предприятия таких крупнейших китайских фирм, как «Бр. Наньян» и «Чжан Син».

Развал железнодорожного и водного транспорта дополняет картину теперешнего положения китайской экономики. Уже в течение последних 10 лет ничего не предпринималось для обновления основного капитала железных дорог. Для восстановления транспорта нужны огромные средства, которые, конечно, милитаристы и не думают ассигновывать. Напротив, они угоняют и разрушают подвижной состав, прекращают в связи с бесконечными переброcками войск пассажирское и товарное движение, продолжают подрывать железно-дорожный транспорт. Китайское судоходство находится не в лучшем положении. Оно не успело оправиться от последствий всевозможных реквизиций судов для военных нужд, а сейчас в дополнение к тому на нем сказывается и общий кризис китайской экономики. Сокращаются импортно-экспортные операции, а вместе с этим растет количество бездействующих судов.

> «В конце января в шанхайском порту скопилось свыше 80-ти коммерческих судов, стоящих без дела. Общий тоннаж бездействующих судов достигает 160.0[illegible] тонн» [2]).

---

[1]) Ленин, т. XII, ч. 1, стр. 54

[2]) Цитирую по «Бюллетеню» Н.-И. И. по Китаю, № 4 за 1930 г.

Но Китай—страна, которая переживает сейчас всесторонний экономический кризис. Аграрный и промышленный кризис дополняется торговым, валютным и финансовым. 23 декабря 1929 г. Шанхай пережил острый биржевой кризис. В этот день из рук в руки перешло акций на 10 млн. фунтов стерлингов. Бешеная спекуляция акциями причинила в этот день убытков на 7,6 млн. таэлей, разорив массу мелких держателей акций. Этот биржевой крах, стоящий в прямой связи с американским кризисом, внес еще большую дезорганизацию в хозяйственную жизнь Китая.

На ряду с этим на китайскую экономику сугубо неблагоприятное влияние оказывает падение мировых цен на серебро. Приведем следующие данные:

Цена серебра на лондонском рынке за 1 унцию.

Год	Цена за унцию		Год		Цена за унцию	
1920	$61^{9}/_{16}$	пэнса	1927		26	пэнса
1921	$36^{7}/_{8}$	"	1928		$26^{7}/_{8}$	"
1922	$34^{7}/_{16}$	"	1929		$24^{3}/_{4}$	"
1923	$31^{15}/_{16}$	"	1930	4 января	$21^{5}/_{8}$	"
1924	34	"	1930	6 января	$20^{15}/_{16}$	"
1925	$32^{1}/_{8}$	"	1930	22 феврал.	$19^{15}/_{16}$	"
1926	$28^{11}/_{16}$	"	1930	20 марта	19	"

В результате падения цен на серебро обесцениваются государственные фонды, сокращается импорт товаров, повышаются цены на фабричное сырье, банкротирует целый ряд предприятий, дорожают продукты питания и автоматически возрастает государственная задолженность. В течение только 1929 г. китайское правительство в погашение внешних займов вынуждено было уплатить в результате падения курса на 10 млн. таэлей больше, чем это следовало. Нет нужды говорить, что падение цен на серебро чрезвычайно осложняет всю экономическую жизнь Китая.

Кризисное положение китайской туземной промышленности протекает наряду с усилением позиций иностранного капитала. За эти три года не только не происходила индустриализация Китая, а, наоборот, все больше денационализировался китайский промышленный капитал. Иностранные магнаты нисколько не уступили, не сдали своих позиций туземной буржуазии, а, напротив, приумножили их за счет национального капитала. Так, в угольной промышленности, в которой 54% в 1923 г. принадлежало иностранному капиталу, в 1928 г. уже 72% контролируется иностранным капиталом. В металлургии с 70% в 1923 г. иностранный капитал увеличил свою долю до 90% в 1928 г. Та же картина и в текстильной промышленности. В 1922 г. китайскому капиталу принадлежало 13.000 станков, а иностранному — 8.000. В 1928 г. иностранному капиталу принадлежало уже ровно вдвое—16.000 станков. В течение 1929 г. продолжался процесс перехода китайских текстильных предприятий в руки, главным образом, японского капитала. За один 1929 г. японские хлопчатобумажные предприятия в Китае увеличили количество своих веретен за счет туземной промышленности на 117.000. Китайские спичечные фабрики уступили свое место предприятиям шведско-японского об'единения. Наконец, на ряду с банкротством крупнейших китайских табачных фабрик, работают с увеличенной нагрузкой и дали большие прибыли предприятия «Англо-Американской табачной К°».

Перед лицом всех этих фактов пыталась ли китайская реакция облегчить положение китайской промышленности? Нет. В результате всех своих мероприятий буржуазно-помещичий блок углублял экономический кризис и лишал китайский туземный капитал возможности хоть сколько-нибудь успешно конкурировать с иностранным капиталом. Приведем несколько примеров. Известно, что ликинные (транзитные) сборы ложились тяжелым бременем на трудящиеся массы, а, с другой стороны, подрывали позиции туземной промышленности. С целью улучшения условий внутренней торговли нанкинское правительство ликвидировало ликин. Но взамен его ввело новый «налог на потребление», больше чем вдвое превысивший прежние ликинные ставки. Этим нанкинское правительство повысило несколько свои доходы, но внесло еще большее расстройство во внутреннюю торговлю и ослабило конкурентноспособность туземной промышленности в отношении к иностранным товарам, которые не подлежат никаким внутренним обложениям.

Но, может быть, китайская реакция добилась *таможенной автономии*, чтоб с помощью ее противодействовать ввозу иностранных изделий и расширить, таким образом, за их счет внутренний рынок для туземной промышленности? Нет, и в этом направлении китайская реакция не может похвалиться своими достижениями. В начале 1928 г. нанкинцы добились пересмотра таможенных ставок; но новое тарифное соглашение вовсе не преследовало своей целью ограждение молодой китайской промышленности от конкуренции иностранных товаров. Ни в какой мере оно не удовлетворяло потребностям развития национальной промышленности. Новое соглашение не повышало сколько-нибудь значительно ввозных пошлин на хлопчатобумажные изделия, хлопчатобумажную пряжу, цемент, уголь, бумагу, спички и т. д. Этот новый тариф давал лишь некоторое увеличение ежегодных доходов нанкинскаго правительства, но он не дал никаких преимуществ китайской национальной промышленности.

Никаких сколько-нибудь существенных результатов не достигла китайская реакция и в вопросах *взимоотношений с империалистическими державами*, в вопросах пересмотра неравноправных договоров и ликвидации империалистических привилегий. Поражение китайской революции международный империализм использовал в своих интересах. Он не ослабил, а усилил порабощение Китая. Дважды иностранные державы заявили о решительном отказе пересматривать неравноправные договоры и отменить принцип экстерриториальности иностранцев в Китае. Но мало того, иностранный капитал отказался и от предоставления кредитов, которые могли бы облегчить положение китайской экономики. Жизнь разбила национал-реформистские иллюзорные расчеты на то, что международный империализм пойдет навстречу национальной независимости Китая, что он поможет буржуазно-помещичьему блоку распутать клубок противоречий, что он поможет Китаю выбиться на широкую дорогу самостоятельного развития.

Нанкинское правительство *не разрешило* и другой важнейшей задачи—*задачи об'единения страны*. Не удалось Гоминдану покончить с экономической раздробленностью страны и добиться установления подлинного государственного единства. Об'единение страны осталось фикцией. Фактическая власть сохранилась в руках отдельных милитаристов, ни в чем не отличающихся от прежних дудзюнов и не позволяющих центральному правительству вмешиваться в дела своих вотчин. Вместе с этим осталась неразрешенной задача организации и упорядочения внутреннего рынка. Полное банкротство нанкинского правительства в деле об'единения страны также не является чем-то неожиданным. Установление государственного единства и достижение самостоятельности Китая предполагают уничтожение империалистической кабалы и полную ликвидацию полуфеодальных отношений, служащих питательной средой для китайского милитаризма. Понятно, что эта задача, решить которую может лишь победоносная рабоче-крестьянская революция, оказалась совершенно не под силу контрреволюционному буржуазно-помещичьему блоку.

На ряду с этим *потерпели крах жалкие попытки нанкинцев упорядочить финансы*. Полнейший хаос в финансовом положении страны констатируется решительно всеми. С большим трудом выкалачиваемые средства целиком поглощаются на милитаристические цели. При этом буржуазно-помещичья реакция не сулит в перспективе никаких сокращений военных расходов, не сулит прекращения милитаристических войн. Эти войны на протяжении всех трех лет китайской реакции не прерывались фактически ни на один день. Уже после занятия Пекина и, казалось, достигнутого внутреннего мира милитаристические войны продолжали потрясать экономическую и политическую жизнь Китая. В марте и апреле 1929 г. разыгралась борьба между гуансийцами и нанкинцами. В сентябре против Нанкина выступил Чжан Фа-гуй, несколько позже блокировавшийся с остатками гуансийских частей. В октябре—ноябре начался первый тур военных действий между Фын Юй-сяном и Чан Кай-ши. К декабрю того же года против Нанкина восстали две дивизии Ши Ю-сяна и части Тан Ше-джи. А теперь Нанкин ввязался в борьбу с Ен Си-шаном и Фын Юй-сяном, которые сколотили так называемый «северный блок 57 генералов». Если раньше в начале 1929 г. военные действия между нанкинцами и гуансийцами происходили преимущественно у границ провинции Гуанси, то теперь фронт внутренней милитаристической войны широкой дугой растянулся на весь Китай. Северный блок сформировал уже и свое самостоятельное правительство в Пейпине. Вместо внутреннего мира — непрекращающиеся милитаристические войны, вконец разоряющие народное хозяйство — таковы итоги гоминдановской реакции. Эта растущая междуусобица, в свою очередь, является ярким показателем *кризиса китайской контрреволюции*.

Об этом кризисе свидетельствует еще и самый факт раскола Гоминдана. Мы имеем в виду организацию новой политической партии в Китае, так называемую партию «реорганизационистов», во главе которой стоят бывшие левые гоминдановцы Ван Ти-вей и Чен Гу-по. О контрреволюционности этой партии говорить не приходится. Лидеры ее целиком солидаризировались с палачами Кантонской Коммуны; в момент конфликта на КВжд они вели бешеную травлю СССР, а сейчас они охотно согласились служить ширмой для блока северных милитаристов. Нас эта партия интересует с другой стороны. Она отражает настроения средних слоев китайской буржуазии и средних помещиков, видящих неспособность правящего Гоминдана справиться с рабочим и крестьянским движением и разуверившихся в том, что Нанкину удастся совладать с нарастающим под'емом революции. Реорганизационисты становятся в оппозицию к Нанкину и дешевой социальной демагогией пытаются дезориентировать растущее освободительное движение, парализовать его. Появление реорганизационистов есть не что иное, как попытка китайской буржуазии спасти китайскую контрреволюцию от надвигающегося революционного шквала. Вместе с тем появление их на политической арене Китая—серьезнейший симптом неблагополучия в лагере китайской реакции.

В ускорении развала китайской реакции не малую роль сыграл конфликт на КВжд. Кончившаяся полным крахом авантюра китайских милитаристов не только углубила кризисное положение китайского хозяйства, не только способствовала обострению противоречий между отдельными милитаристами, но она послужила также и в деле дальнейшего оживления рабочего движения в Китае. Китайский рабочий правильно усмотрел в империалистических планах вооруженного нападения на СССР смертельную опасность своей освободительной борьбе. Конфликт пробудил повышенную активность рабочих и красных партизан. Прокатилась добавочная волна стачек и уличных демонстраций. Партизаны получили силу к переходу в ряде мест в наступление. Еще сильнее затрещала китайская контрреволюция.

Таковы, в общем, *итоги трехгодичной китайской реакции*. Неудача и провал сопутствовали ей по пятам во всей ее внутренней и внешней политике. *Буржуазно-помещичьему блоку не удалось* *ни разрешить, ни даже ослабить ни одного из противоречий, породивших китайскую революцию.* Напротив, реакция придала этим противоречиям еще более серьезный характер. Страна не об'единена. Сохранилась и усилилась экономическая раздробленность Китая. Ни в малейшей степени не подорваны силы китайского милитаризма. Возросла генеральская междуусобица. Ни на иоту не решен аграрный вопрос. Международный империализм не сдал, а закрепил свои привилегии и упрочил свое господство. Углубился общеэкономический и политический кризис в стране.

Реакция накалила и подготовила почву для нового под'ема революционной волны. Она еще сильнее запутала узлы противоречий, которые могут быть разрублены лишь революционным путем. В связи с этим особенное значение приобретает вопрос об организации борьбы рабочих и крестьянских масс. Какова сила их движения? Какова степень их организованности? Какова мощность их натиска? Пробуждаются ли они к политической борьбе с гоминдановской контрреволюцией? Освещением этих вопросов мы сейчас и займемся.

* * *

Какова картина рабочего движения в Китае? Торжество китайской реакции, ознаменовавшееся бешеным террором и разгромом пролетарских организаций не могло не привести вначале *рабочее движение* к состоянию известной депрессии. Но все же даже в этот период, непосредственно последовавший за поражением китайской революции, рабочее движение не замерло и не прекратилось. В самые черные дни разгула реакции китайский пролетариат выливал свое недовольство в стихийных неоформленных стачках, оказывая упорное сопротивление наступавшему иностранному и туземному капиталу. Но уже в 1928 г. наметился перелом в рабочем движении. Свыше 250.000 рабочих бастовало в Шанхае, а общее количество участвовавших в стачках в этом году по всему Китаю достигло 400.000 человек. Рабочее движение вошло в полосу заметного оживления.

Несмотря на истребительный террор озверевшей реакции, стачечная волна продолжала повышаться и в следующем 1929 году. По самому грубому подсчету, по всему Китаю насчитывалось уже около 750.000 стачечников. При этом борьба рабочих приобретала все более упорный и организованный характер. *Новый под'ем рабочего движения стал бесспорным фактом.*

Нет ничего удивительного в этом быстром нарастании стачечной борьбы в Китае. Положение рабочих всегда было там чрезвычайно тяжелое и невыносимое. Гоминдановская контрреволюция не мало постаралась, чтоб его еще ухудшить. Все завоевания китайских пролетариев, достигнутые в предыдущий революционный период, были ликвидированы. Были разогнаны революционные профсоюзы, аннулированы коллективные договора, отменены дни отдыха, отпуска, отняты все улучшения в условиях труда, в том числе все улучшения в обращении с рабочими заводской администрации. Там, где рабочие добились сокращения рабочего дня, капиталисты восстановили прежние условия. Мало того, они повели организованный поход на заработную плату, пользуясь прямой вооруженной поддержкой правительственных органов. Характерны в этом отношении следующие факты. В Кантоне после подавления декабрьского восстания была снижена номинальная зарплата у портовых рабочих и рабочих маслобойной промышленности на 40%, у печатников на 33%, у строителей на 25% и т. д. То же самое происходило в Ухане, Шанхае и в др. промышленных центрах И это снижение номинальной заработной платы проводилось в условиях беспрерывного повышения цен на предметы первой необходимости, в условиях резкого повышения прожиточного минимума. Трудно исчислить движение реальной заработной платы, но и без этих точных подсчетов ясно, что китайская реакция оказала разрушительное влияние на положение рабочего класса. Отсюда и все возрастающее недовольство рабочих масс, все более упорный, продолжительный и все более массовый характер их экономических боев.

В процессе забастовочного движения рабочие вынуждены были переплетать экономические требования с политическими, от экономических боев переходить к политическим. В борьбе с рабочим движением гоминдановская контрреволюция стоит на страже интересов иностранного и туземного капитала. Она старательно охраняет от всяких посягательств империалистический гнет и капиталистическую эксплоатацию. И при возникающих стачках весь правительственный механизм она приводит в движение для подавления выступлений рабочих масс. Последние логикой борьбы вынуждены ополчаться против правящего буржуазно-помещичьего блока.

Все новые и новые отряды рабочих втягиваются в политическую борьбу с гоминдановской реакцией. Уже 1929 год ознаменовался целым рядом мощных уличных демонстраций китайского пролетариата. Так, 30 мая в 4-ю годовщину знаменитых шанхайских расстрелов, 30-тысячная демонстрация шанхайских рабочих и студентов разгромила редакции двух гоминдановских газет, приостановив на многих улицах трамвайное и автобусное движение. Затем несколько демонстраций с лозунгами защиты СССР состоялись в связи с конфликтом на КВжд. Мощными уличными выступлениями отметил китайский пролетариат международный красный и юношеский день. Прокатилась волна демонстраций 6 и 8 марта 1930 г. Все эти демонстрации шли под лозунгами революционной борьбы с международным империализмом, под лозунгами свержения гоминдановской реакционной власти.

В ногу с оживающим рабочим движением *оправляются и красные профессиональные союзы.* По последним данным, они насчитывают сейчас 60.000 членов. Влияние их растет наряду с упадком влияния желтых и гоминдановских профсоюзов. Все чаще красным союзам удается возглавлять и организовывать стачечную борьбу. Они прокладывают себе путь в самые толщи китайского пролетариата. Это позволяет им ставить своей задачей максимальную координацию рабочих выступлений, задачу под'ема рабочего движения в целом на более высокую ступень, задачу по подготовке всеобщей политической забастовки во всех или в ряде промышленных центров.

Вот главнейшие моменты, характеризующие современную стадию рабочего движения в Китае. Каждое предприятие, каждый завод превращается сейчас там в арену ожесточенной борьбы. И на каждом заводе, на каждом предприятии выковываются силы, которые сметут гоминдановскую контрреволюцию.

* * *

За эти три года *не затихало и крестьянское движение. За последнее время оно подымается наряду* с усилением революционного движения в городах. И если раньше, в конце 1927 года и в течение 1928 г., крестьянская борьба и партизанские выступления расценивались, как арьергардные бои отступавшей революции, то теперь они благодаря своему размаху и в результате изменения общей обстановки в стране приобрели совершенно иной характер. Они являются составной частью нового под'ема революционной волны. Они свидетельствуют о нарастании глубочайшего политического кризиса.

Этот кризис и связанный с ним новый под'ем революции в Китае протекает в своеобразных формах. Он развертывается в форме крестьянской войны, организуемой и возглавляемой рабочим классом,— крестьянской войны, последовательно расширяющейся на новые и новые территории.

Рост крестьянского движения и партизанской борьбы подтверждает правильность решений Коминтерна о том, что *аграрная революция является стержнем китайской революции*. В условиях усиливающегося партизанского движения лозунги аграрной революции не остаются сейчас чисто пропагандистскими, а превращаются в лозунги действия, претворяются в жизнь. Аграрная революция приобретает свою базу, свою территорию. Необходимость революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, жизненность этого лозунга находит свое подтверждение.

Об этом размахе крестьянской борьбы можно судить по следующей таблице, составленной на основании последних данных о численности регулярной Красной армии и о размерах территорий, на которые распространяется сейчас ее власть.

Наименование корпуса Кр. армии	Общее количество бойц.	В том числе вооружен.	Размер подвластной территории.
1-й корпус.	4.000	2.500	10 уездов.
2-й корпус.	4.000	1.560	10 уездов.
3-й корпус.	9.430	6.522	27 уездов.
4-й корпус.	10.000	7.000	
5-й корпус.	3.800	2.000	7 уездов.
6-й корпус.	3.000	2.000	7 уездов.
7-й корпус.	7.500	4.000	11 уездов.
8-й корпус.	2.000	1.400	9 уездов.
9-й корпус.	3.000	2.000	18 уездов.
10-й корпус.	8.000	5.000	10 уездов.
11-й корпус.	3.000	2.000	3 уезда.
12-й корпус.	3.000	2.000	5 уездов
13-й корпус.	2.000	1.000	7 уездов.
Итого:	62.730 бойц.	38.982 вооруж.	124 уезда.

Помимо того действуют разрозненные партизанские отряды, о численности которых мы не имеем сведений. Но об их силе можно судить уже потому, что под их властью находится в настоящее время 38 уездов. Всего по 10-ти провинциям, охваченным крестьянской борьбой, из 770 уездов 162 уезда находятся в руках борющегося крестьянства.

Но борьба не ограничивается южными провинциями Китая. За истекшие три года крестьянские выступления имели место и в северных районах. Одно из них — мусульманско-крестьянское восстание в Гуаньсу — охватило сотни тысяч крестьян. Продолжают борьбу «Красные пики», «Большие» и «Малые ножи» и другие организации китайской деревни. Милитаристический грабеж, гнет ростовщичества, помещичья кабала, полное бесправие крестьян, непрерывное разорение и голод, достигшие неслыханных размеров,— все это проясняет сознание миллионных масс крестьянства и толкает их на вооруженную борьбу с существующим режимом.

Аграрная революция выдвигает перед китайской коммунистической партией важнейшие задачи. Нужно не только возглавлять и координировать крестьянские выступления против могущественнейших врагов, но преодолевать и целый ряд других трудностей. В отдельных местах кулаки не без успеха пытаются удержать аграрную революцию в рамках соответствующих их интересам. До нас доходят тревожные симптомы подобного рода. Так, в некоторых районах кулаки проявляют большие маневренные способности, настраиваются «сочувственно» по отношению к партизанскому движению, захватывают в свои руки органы вновь учреждаемой советской власти, пользуясь своей грамотностью и влиянием, и проводят раздел конфискуемой помещичьей земли между крестьянами пропорционально средствам производства, которыми они располагают. Конечно, такой принцип лишает батраков и бедноту каких-либо прав на помещичью землю.

Кстати не лишне указать, что в советских районах среди коммунистов находятся правые оппортунисты, которые, наперекор настроениям основных масс крестьянства, поддерживают и защищают подобный принцип распределения конфискуемой земли. Свою кулацкую, более чем странную для коммунистов, позицию они обосновывают тем соображением, что в период буржуазно-демократической революции наша-де основная задача — обеспечить под'ем производительных сил сельского хозяйства и что поэтому земля должна достаться тем, кто располагает соответствующими средствами производства. В других советских районах конфискуемая помещичья земля оставляется в руках прежних арендаторов, которые продолжают пользоваться ею в прежних размерах, но не платят никакой аренды. Этот принцип также не является максимально-благоприятным с точки зрения интересов батрачества и деревенской бедноты. Батрачество он вообще обходит, что же касается деревенской бедноты, то известно, что кабальные условия аренды в прошлом лишали ее возможности прибегать к аренде в нужных размерах. Все это говорит о явном неблагополучии в решении земельного вопроса, который является одним из главнейших и основных вопросов в советских районах. Лишь на некоторой части советской территории, преимущественно в районах действия 3-го и 4-го корпусов Красной армии, проводится всеобщий уравнительный передел земли. Практика последнего должна быть перенесена в остальные районы.

Аграрная революция должна быть не кулацкой, а бедняцко-середняцкой. Основными силами революции в китайской деревне должны быть батраки и беднота при прочном союзе их с середняками. В неразрывной связи с этим стоит далеко еще неразрешенная задача *по осуществлению гегемонии пролетариата в развертывающейся крестьянской борьбе*. Если в прошлом основная ошибка руководства釀компартии сводилась к тому, что оно связывало массовое движение, пытаясь борьбу с империализмом проводить не на базе аграрной революции, то теперь опасность угрожает с другой стороны, если борьба будет ограничиваться решением аграрного вопроса, если революционно-освободительному движению не будет одновременно придан характер антиимпериалистической борьбы, борьбы за об'единение страны, за полную экономическую и политическую независимость Китая. Обе эти задачи неразрывно между собой связаны. Аграрный вопрос в Китае может быть радикально разрешен лишь в результате полного уничтожения империалистической кабалы, в результате слома господства иностранного капитала, поддерживающего, усиливающего и использовывающего в своих интересах феодальные отношения и различные милитаристические группы в Китае.

Только при условии гегемонии пролетариата аграрный строй в Китае будет решительно расчищен от всех остатков феодализма, а освободительная борьба будет поднята на высшую ступень и ей будет придан тот необходимый размах, при котором *вместе с идущим на слом феодализмом будет в корне уничтожено и господство иностранного капитала*. Труднее всего эта задача по отношению к полурелигиозным, но в то же время массовым, организациям в китайской деревне. Однако, ее решение встречает не мало затруднений в отношении к красным партизанским отрядам, особенно типа Хо-луна. Компартия должна вести борьбу за укрепление своего влияния в этих отрядах, добиваясь действительного руководства вооруженной борьбой китайского крестьянства. Она должна максимально централизовать руководство партизанским движением, окрестьянить состав корпусов красной армии, создавая одновременно там крепкие пролетарские ядра и обеспечивая свое военное и политическое руководство.

Но уже сейчас серьезный подход должна проявить компартия к вопросам экономической политики в советских районах. Решительно разделываясь с феодализмом и ростовщичеством, партия в то же время должна предохранить себя от возможных заскоков, от перепрыгивания через неизжитые ещ: этапы, от всяких разновидностей детской болезни «левизны». Все мероприятия экономического характера в советских районах должны быть подчинены задаче вовлечения широчайших масс в борьбу с феодализмом и империализмом.

* * *

Справится ли киткомпартия с стоящими перед ней задачами?

Несмотря на свою сравнительную молодость, она успела пройти суровую школу классовой борьбы. За последние годы она закалила свои ряды и накопила огромнейший и неизгладимый опыт политической борьбы. Она окрепла в организационном отношении. Резко снизила текучесть своего состава, характерную для прежней полосы. Создала сеть фабрично-заводских ячеек. Она опирается сейчас на 183 производственных ячейки. Она усилила вербовку рабочих в партию, повысив за последний год пролетарское ядро с 4 до 7,8%. Конечно, этот процент остается ничтожно низким, но первые успехи открывают перед партией путь к дальнейшей пролетаризации своего состава. Партия успешно выдвигает на руководящую работу пролетарский актив, развертывает большую агитационно-пропагандистскую деятельность. Партия, насчитывающая 65.000 членов, становится все более существенным фактором на политической арене Китая.

Конечно, партия далеко еще не изжила всех своих недочетов, не преодолела всех уклонов в своих рядах, не добилась полной ясности в выращении всех своих задач.

Но партия выросла за годы реакции и организационно и идеологически. Преодолевая путчистские тенденции, угрожавшие разрывом связи с рабоче-крестьянскими массами, партия в то же время провела решительную борьбу со всякого рода упадочными настроениями в своих рядах, с теми малодушными ее членами, которые утрачивали революционные перспективы, заражались пессимизмом и скатывались на ликвидаторские позиции. Партия вытравливала влияние буржуазной национал-реформистской идеологии, привносимое в коммунистическую среду. По многим вопросам, в том числе об отношениях к кулаку и о задачах профессиональной работы, руководство партии заняло правильную линию, быстро выправив оппортунистические искривления. Во время последних событий на КВжд партия прошла через серьезную проверку своей идеологической крепости. Она на деле доказала свой интернационализм, правильное понимание ею революционных задач рабочего класса.

Партия отбила атаки Чен Ду-сю, требовавшего замены лозунга «защиты СССР» пацифистски-националистическим лозунгом «против губительной для государства политики Гоминдана». Она дала решительный отпор Чен Ду-сю, который на своем ликвидаторском пути сомкнулся с Троцким. Она разоблачила ликвидаторскую платформу этих ренегатов, снимавших революционные лозунги и подменявших их контрреволюционной буржуазной блевотиной вроде «учредительного собрания» и легализмом.

Перед партией сейчас встают огромные задачи руководства революционным под'емом в архи-сложных условиях, требующих большевистской четкости в линии и решимости пролетарской партии наряду с гибкостью ее политики, учитывающей исключительно своеобразные условия развития китайской революции. Этого партия может достигнуть и достигнет лишь в неуклонной борьбе за правильную ленинскую линию против правого уклона, как главной опасности, и его «левых» пособников.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

Ленин.

План политического отчета ЦК РКП(б) на XI с'езде партии*).

[15 — 26 марта 1922 г. Горки].

III.

План речи на 27/III — 1922 г.

1. *О Генуе* кратко повт[орить] сказ[анное] 6. III. 1922.	(+ Дел[ега]ция сост[авлена]. — **Ди-р[ективы] тщат[ельно] обс[уждались] не раз и не два.—«*Мы готовы*».)**
2. *НЭП.* Гл[авные] пункты сего **«вопроса»**: (а) **) Проверка «смычки» с кр[е-стья]нской эк[ономи]кой. 3. (б) Проверка соревнованием го-с[ударственных] *и* капитал[истических] предпр[ия]тий (и *торг[овых] и пр[ом[ы]шл[енных]; и рус[ских] и загр[аничных]*).	
4. (в) «Госкап[итали]зм». Схоластич[еское] *v[ersu]s* р[е]в[олю]ц[ион]н[ое] и практ[ическое] значение сего слова.	*(гос*кап[итали]зм. Г[о]с[ударст]**во**, это *«мы»).*
5) (г) Остановка отст[у]пл[е]ния. Не в смысле: «уже научились» а в смысле: не нервничай, не сочиняй, а на *данной почве* учись, «перегруппировка сил и подготовка» — лозунг дня. Подготовка наступл[ения] *нача[стно]-хоз[яйственный] к[апита]л* = лозунг.	Разведка сделана. ***Смеш[анные] общ[ест]ва.***
6. «Эв[олю]ция или т[а]кт[и]ка»? Устрялов в «См[ене] вех». полезнее «сладенького комвранья».	
7. Чья возьмет? Чего не хватает? Культурности, *уменья управлять* (в т[ом] ч[исле] вести гост[о]рг[о]влю).	
8. *Тодорский,* с. *62, подч[еркнуть]*. Уже в X. 1918! Два *типичных* примера. 9. Пример № 1· *МПО* бор[ется] с бюр[ократи]змо[м] *НКВТ* «Копия	(ср. завоеватель и зав[ое]в[ан]ный: кто культурнее? 4700 отв[етственных] ком[муни]стов Москвы и м[о]ск[о]в[ская] бюрократия)

---

*) Мы даем третий вариант. Рекомендуем нашим читателям изучить также I и II варианты (Ленинский сборник, XIII). **Ред.**

**)Обозначения а) б) в) г) надписаны Лениным черными чернилами позднее. Примеч. редакции «Ленинск. сборников».

с белой коровы»[1]). Чего «им» (без Красина и Кам[ене]ва) не хватало? *Культурности.*

(*Материалы о «деле» МПО v[ersu]s НКВТ*)

10. Пример № 2: Как «он» (и «они») *переадминистрировал?* (в Донбассе).

(тут было *не* полное уменье упр[авлять] + нек[ото]р[ая] *полит[ическая]* ошибка.)

11. «Гостресты»: пример... к будущему году!

(роль ком[муни]стов: *плохи!*).

12. Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в *НЭПе:* и полит[ически] и экон[омически]. Вопрос «*только*» в *культурности!*

13. Белогвардейцы (в т[ом] ч[исле] *м[еньшевики] и с. р.* и К°) видят в этом *нечто* в их пользу! Напрасно! Обзор доделанного и недоделанного оч[ень] полезен.

(α) б[у]р[жуа]з[но]-дем[ократическая] рев[олюция] «они» г[ово]рят! Против них (400 лет навоза в 4 года!)

(β) выход из в[ой]ны: *р[е]в[олю]ц[ионный]* выход из реакц[ионной] в[ой]ны. А у них?

(γ) Сов[етское] г[о]с[у]д[арст]во. Первое в мире. Нов[ая] эпоха: хуже *первого паровоза!!*

Три неотъемлемы.

Четвертая, и *главная,* недоделана: *фундам[ент] соц[иалистической] эк[ономи]ки.* Многажды переделать.

14. За какое «звено цепи» теперь уцепиться надо? *).

1917 — выход из в[ой]ны.

1918 — сов[етское] г[о]с[у]д[арс]тво v[ersu]s Учредилка.

1919 и 1920 — отпор нашествию.

1921: эк[ономическ]ий подход к кр[естья]н[ст]ву. *Поиски эк[ономической] политики.*

1922: не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах *гвоздь,* а в *людях* и в *проверке исп[олнен]ия.* Подбор людей и проверка исполнения.

При трех (3) условиях:

(α) отс[утствие] интервенции.

с меками *и* с. р.: *расстрел* за полит[ическое] *оказ[ательст]во.*

---

[1]) Приводим следующую выдержку из речи Ленина на съезде: «Прочитавши эту историю, я вспомнил, как 25 лет тому назад, когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом... Придет баба, начинает, конечно, с родственников, и неимоверно трудно было добиться, в чем дело. Я говорю: «принеси копию». Она рассказывает о белой корове. Ей говоришь: «принеси копию», и тогда одна из них ушла и говорит: «не хочет слушать без копии о белой корове». Так мы и смеялись в своей колонии над этой копией» (XI съезд РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 29). Примеч. ред. «Ленинск. сборник».

*) Здесь в рукописи переход на новую страницу и Ленин написал: «(см. оборот)», а на новой странице: «(продолжение 14. За какое «звено цепи» уцепиться?»). Примеч. редакции «Ленинск. сборников».

(β) фин[ансовый] кризис не чересчур сильный.

(не оч[ень] сильный? чистка гострестов)

(γ) не делать *полит[ических] ошибок.*

15. «Гвоздь момента» (звено цепи) = разрыв м[ежду] величием поставл[енных] з[ада]ч и *нищетой* не т[оль]ко материальной, но и *культурной.*

16. Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море.

«Полоса проп[а]г[ан]ды декретами» прошла. Массы поймут и оценят *лишь* деловую практич[ескую] работу, *практич[еский] успех* в хоз- и культ-работе.

ΣΣ = Подбор людей и проверка исполнения!

Дополнения:

1. П[арт]ия v[ersu]s соворганы. (Осв[о]б[о]дить от мелочей. Повыс[ить] отв[етственно]сть совраб[отни]ков.

2. ВЦИК? Сессии подольше. Обсуждение потщательнее. Проверка обстоятельнее.

3. СНК и СТО.

Мои замы. (Рыков и польза В[ильгельма] II) переп[иска] с I. 1922. Проверка исполнения, подтягивание, *чистка сверху.* [5]*4. СНК. Повысить авторитет, освоб[одить] от мелочей. [4] 5. СТО. Разв[итие] и расш[ирение] раб[оты] *облэкосо.*

6. М[алый] СНК. Тоже освободить от мелочей.

Проект директив (по поруч[ению] ЦК) будет внесен.

---

*) В рукописи Лениным изменен порядок расположения пунктов: п. 4 исправлен чернилами на п. 5, а пункт 5 — на пункт 4 и соответствующим знаком обозначена перестановка. Примеч. редакции «Ленинск. сборников».

Б. Борилин.

О плане доклада Ленина на XI с'езде партии.

Во многих отношениях публикуемый выше план доклада тов. Ленина на XI с'езде имеет огромный политический и теоретический интерес.

Во-первых, Ленин в нем необычайно выпукло показывает существо, главный смысл той экономической политики, которая в истории получила название нэпа. Поэтому для понимания ленинской теории нэпа публикуемый материал имеет неоценимое значение.

Во-вторых, Ленин в плане так же, как и в своем докладе на с'езде, чеканно формулирует лозунг перехода в наступление на капитализм после продолжительного (около года) периода отступления от части экономических позиций, захваченных в годы военного коммунизма для подготовки нового наступления. Сейчас, когда мы совершаем решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту страны и ставим перед собой задачу выкорчевывания самых корней капитализма, — поворот, формулированный Лениным в плане доклада и в докладе — от отступления к наступлению—дает возможность с точки зрения ленинских принципов экономической политики выяснить наиболее глубоко закономерность наступления нового этапа в социалистическом строительстве, в который мы вступили, и полностью оценить революционный смысл задач, стоящих перед партией.

В-третьих, публикуемый материал позволяет окончательно разрешить вопрос об отношении между нэпом и новым этапом, который (вопрос) находился в последнее время в центре споров о новом этапе.

Наибольшее внимание Ленин в плане уделяет вопросу о нэпе.

В «главных пунктах сего «вопроса»» прежде всего Ленин говорит о необходимости «проверки «смычки» с крестьянской экономикой». Это же Ленин подчеркивает и во 2-м варианте плана, где он пишет: «О нэпе. Два основных положения: а) удобнее для крестьян, как переход к социализму, привычное; единственно возможный путь при разорении крупной промышленности». (См. Ленинский сборник, XIII, стр. 10). Эта формулировка значения нэпа, как политики, обеспечивающей движение к социализму на основе союза с крестьянством в одинаковой степени «бьет» и троцкистское и правооппортунистические представления о нэпе. Троцкисты совершенно не понимали, что и состояние разоренности промышленности, характеризовавшее начальный период нэпа, и необходимость выбора наиболее удобного, доступного для крестьянства пути к социализму, требуют союза с крестьянством в переходный период, как непременного условия для успешного строительства социализма. Правые оппортунисты наоборот с большой охотой констатировали разоренность промышленности и мелкобуржуазный характер страны, диктовавшие переход от военного коммунизма к нэпу, но не видели, что нэп нам нужен для того, чтобы обеспечить возможность выхода из состояния разоренности крупной промышленности и нищеты на широкую дорогу индустриализации и коллективизации, что смычка с крестьянством должна обеспечить не «мирное сожительство» с простым товарным хозяйством на вечные времена («царству рабочих и крестьян не будет конца»), а наиболее удобный, но верный переход крестьянства к социализму. И то и другое представление решительно порывают с ленинизмом.

Но, далее, Ленин не менее важным вопросом нэпа считает «проверку соревнованием государственных и капиталистических предприятий (и торговых и промышленных; и русских и заграничных)». На XI с'езде, как известно, Ленин во всю ширь поставил эту проблему соревнования социализма с капитализмом, «борьбы не на жизнь, а на смерть», составляющую самую сердцевину нэпа. Кто-кого, — в этом главное в нэпе. С этой точки зрения нужно оценить «мудрость» правых оппортунистов, выбрасывающих эту проблему «за пределы нэпа» и превращающих последний в систему мирного врастания в социализм.

Вместо оппортунистической идиллии и против меньшевистско-устряловских теорий нэпа (самый факт появления которых Ленин отмечает, как весьма полезный для людей, забывших об ожесточенной классовой борьбе, происходящей на рельсах нэпа,—«полезнее «сладенького комвранья»), Ленин выдвигает в качестве лозунга дня (уже для 1922 г.!) «подготовку наступления на частнохозяйственный капитал» (Курсив частью наш.—*Б. Б.).* Провозглашение этого лозунга партией означало полный крах всех иллюзий буржуазного мира на мирное перерождение советской системы. Нэп оказался системой мероприятий, рассчитанной не только на известное допущение капиталистических элементов, но на неуклонную борьбу с ними и на полную над ними победу. Какое блестящее историческое подтверждение правильности этого плана в отношении капитализма дало дальнейшее развитие нэпа!

Можно встретить немалое количество людей, пытающихся дать теорию нэпа на основе опыта какого-нибудь одного его периода, или одного небольшого исторического отрезка времени, или на основе одного какого-нибудь искусственно выдернутого из общей связи замечания Ленина по этому вопросу. Публикуемые замечания Ленина наносят окончательный удар по такого рода горе-конструкциям.

Вспомним борьбу с зиновьевской оппозицией, сводившей нэп к политике насаждения госкапитализма. Несомненно, что теоретически взгляды зиновьевской оппозиции опирались на неверное схоластическое понимание значения госкапитализма в наших условиях. Когда-то Ленин придавал большое значение госкапитализму и не раз говорил о пользе концессий. Но что общего имеет с ленинизмом «теория», возводящая госкапитализм в «основное» в нэпе, или считающая, что одним из основных признаков нэпа является политика беспрерывных уступок капиталистам, «весьма жадным до подачек», как не раз говорил Ленин? Ленинское понимание госкапитализма в нэпе, как небо от земли, далеко от таких представлений. Ленин подчеркивает в конспекте: «Госкапитализм». Схоластическое versus революционное и практическое значение сего слова».

Не менее основательно «хоронят» замечания Ленина «теорию» отождествления нэпа с начальным его периодом, служащую идеологической основой правого уклона. «За какое «звено цепи» теперь уцепиться надо?» вот вопрос, который на каждой новой стадии революции ставил перед партией Ленин. И тени попытки постановки такого вопроса, конечно, нет у правой оппозиции, одним махом ставящей знак равенства между первыми годами нэпа и нынешним его этапом. Между тем Ленин так рисует очередное звено цепи, с которым партия имела дело в 1921 году: «1921: экономический подход к крестьянству. Поиски экономической политики» (курсив Ленина. *Б. Б.).* В первом же варианте плана Ленин отмечает, как характерное для этого года нэпа: «Первый год. Только, только начало. (Голод и пр.)».

(См. Ленинский сборник XIII, стр. 9). Как далеко мы ушли с тех пор в развитии нашего хозяйства на рельсах нэпа!

Сейчас уже с полной очевидностью должно стать ясным, что смысл нэпа заключается, конечно, не в мероприятиях по об'явлению свободы торговли, развитию индивидуального крестьянского хозяйства и т. д., с которых мы начали новую экономическую политику. Смысл нэпа заключается в том, чтобы, начав с этих мероприятий, через эти мероприятия, суметь укрепить социалистическую промышленность, перейти в наступление на капитализм, кооперировать население, победить капитализм, построить фундамент социалистичского общества. «Кто не понимает этой двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма.» (Сталин). Что главная задача нэпа состоит именно в этом, Ленин со всей определенностью говорит: «Четвертая и главная (задача или вещь. *Б. Б.)* недоделана: фундамент социалистической экономики. Многажды переделать». Высшим торжеством ленинских принципов экономической политики является тот факт, что задачу полного построения фундамента социалистической экономики мы в настоящее время поставили перед собой, как задачу, которую мы должны осуществить «в кратчайшие исторические сроки».

Таким образом, не только теоретически, но и на практике доказана величайшая правильность тезиса Ленина в публикуемом плане: «Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в нэпе: и политически и экономически» Вопрос «только» в культурности!» (Курсив наш.—*Б. Б.*).

Мы остановились выше только на некоторых основных положениях конспекта Ленина. Мы не останавливались на целом ряде вопросов, затронутых еще в конспекте, подробное изучение которых мы всячески рекомендуем читателю.

В XIV Ленинском сборнике, который выходит в свет одновременно с № 10 «Большевика», воспроизводится тетрадь Ленина с выписками из произведений Маркса и Энгельса. Тетрадь эта носит заглавие «Марксизм о государстве». Эти выписки были сделаны Лениным за границей в начале 1917 г. (январь—февраль). Обработать эти материалы Ленин тогда не успел. Они были ему доставлены после июльских дней 1917 г. и использованы им для его работы «Государство и революция».

С согласия Института Ленина, воспроизводится здесь небольшая часть публикуемого в XIV Ленинском сборнике текста, представляющего обширный материал, и предисловие В. В. Адоратского, дающее общую характеристику содержания данной тетради.

Редакция.

Ленин.

Заметки и выписки из произведений Маркса и Энгельса о государстве.

МАРКСИЗМ И ГОСУДАРСТВО

точнее:

Задачи пролетарской революции в отношении к государству.

Маркс и Энгельс о государстве и задачах революции в политической области (в ее отношении к государству).

Одно место в «Гр[ажданской] войне» заслуживает особого внимания. Это место процитировано, м[ежду] пр[очим], в последнем предисловии к *Ком[мунистическому] М[ани]ф[есту]*, подписанном *обоими* авторами. Это предисловие датировано Лондон, 24.VI.1872 (Карл *Маркс* и Фридрих *Энгельс*. Оно говорит, что пр[о]г[рам]ма К[оммунистического] М[ани]ф[еста] «теперь местами *устарела*» (Коммунистический Манифест, 7 издание, Берлин 1906, стр. 17; с предисл[овием] Каутского — *пошлым!* — и авторов, обоих 24.VI.1872 г., Э[нгель]са 28.VI. 1883 и 1.V.1890 с цитатой из предисловия к *рус[скому]* переводу, о рус[ской] общине, Лонд[он] 21.1882, теперь «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе», стр. 20).

Так!!!

В чем же «устарела» пр[о]г[рам]ма? Авторы отвечают:

«В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» («Гражданская война во Франции», стр. 19. (Изд[ание] 1876 г. стр. 23, начало главы III), (((См. ниже *стр. 27*))).

Это место, отдельно взятое, неясно: оно оставляет как-бы лазейку для оппортунизма, давая, на 1-й взгляд, возможность истолковать его в том смысле, что-де «просто» взять «в руки» «готовую» г[о]с[у]д[арст]в[енную] машину» нельзя — *значит*.... не надо рев[олю]ций, поосторожнее с ними, побольше внимания к идее *не* захвата власти, а медленного развития, врастания и т. п. и т. д. [См. *Бернштейн*, «Предпосылки», Штуттгарт 1899, стр. VI, где это место ставится *рядом* с пред[исловием] Э[нгель]са 1895 г. и толкуется к[а]к отказ от р[е]в[олю]ции!!! (стр. *18*, стр. *134)*. Бернштейн *три* раза в одной книге своей цитует это место!!!]

Такое толкование (оно, кажись, где-то мне попадалось, не помню только, где) архиложно. На деле, М[арк]с имеет в виду *совсем* обратное: р[е]в[олю]ция прол[етариа]та не м[ожет] «просто» взять в руки «готовую» г[о]с[у]д[арст]в[енную] м[а]ш[и]ну, рев[олю]ция должна ***разбить ее***, эту ***готовую*** машину, и заменить *новой*. Вот особенно наглядное и решающее место:

12 апр[еля] 1871 г. М[аркс] пишет Кугельману (*N*[*eue*] *Z*[*eit*] XX, 1, 1901 — 2, стр. 709; в этом томе только два п[ись]ма о Коммуне; остальные п[ись]ма к Куг[ельману] в т[оме] XX, *2* NB):

... «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а ***сломать*** ее» (курсив Маркса), и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».

Пикантно ср[авнить] с *Бакуниным* (X. 1870. стр. 113, у *Стеклова)*. . . . «для меня очевидно, что после фактического разрушения административной и правительственной машины только непосредственная революционная деятельность народа может спасти Францию“...

Очень важное суждение *М*[*арк*]*са* (12. IV. 1871) о причинах возможного поражения К[ом]м[у]ны: «Если они (парижские рабочие) окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль... Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы... Тьер... не начал ее уже. Вторая ошибка: центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности!».

Две ошибки коммуны

Обе ошибки состоят в недостатке оффензивы, в недостатке сознания и решимости ***разбить*** бюрокр[атически]-во[енную] машину государства и власть буржуазии. И чем восторгается Маркс в Парижской К[ом]м[у]не? ***Гибкость, историческая инициатива, способность самопожертвования*** у этих парижан (там же). «Штурмующие небо парижане».

М[арк]с к Кугельману 3. III. 1869 (N[eue] Z[eit], XX, 2, 1901 — 2, стр. 412): «Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»... Дюжины книг всех п[арт]ий, либ[ералы], респ[убликанцы]-дем[ократы], пруд[онисты], бланк[исты]... «Когда-то у *нас* дойдет дело до этого!» (413).

Nota bene:

NB

также ***М***[***аркс***] к Куг[ельману] 13. XII. 1870:.... «Но как бы ни окончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего». (Стр. 544, N[eue] Z[eit] XX, 2, 1901 — 2).

NB

а 18. VI. 1871 (N[*eue*] Z[eit], XX, 2, с., 797) М[аркс] пишет Кугельману, что «Адрес» (Ген[ерального] Сов[ета] т. е. «Гр[ажданская] в[ой]на во Фр[анции]») он, Кугельман, уже верно получил, и что этот «Адрес» вызывает бешеный шум и возмущение прессы.

Ясно, ч[то] апрельское (12. IV. 1871) п[ись]мо М[арк]са дает **ту же** самую мысль, к[ото]рая вошла в написанный в конце мая «Адрес» «Ген[ерального] Совета И[нтернациона]ла (датированный 30. V. 1871).

То, что в «Гр[ажданской] войне» названо «готовой г[о]с[у]д[арст]в[енной] машиной», — в п[исьм]е 12. IV. 1871 названо «бюрократически-военной машиной»; то, что в «Гр[ажданской] в[ой]не» выражено словами «просто взять во владение» в п[исьм]е 12. IV. 1871 формулировано опять таки точнее, яснее, лучше: перенести из одних рук в другие». И добавление, коего нет в «Гр[ажданской] войне», особенно наглядно: не перенести готовое в другие руки, а *разбить.* Это Коммуна и *начала* делать, но не доделала, к сожалению.

Это и есть «предварит[ельное] условие всякой настоящей народной (NB: глубокое выражение!) революции на континенте» (почему на континенте? пот[ому] что в Англии не было тогда ни бюрократии, ни милитаризма).

ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСА К БЕБЕЛЮ.

Чрезвычайно большую важность по вопросу о государстве имеет письмо *Энгельса к Бебелю* от *18/28.III.1875* (Бебель, «Из моей жизни», том II, стр. 318 и след. Штуттгарт. 1911: Vorwärts 2.IX.1911.

Вот главнейшее место полностью:

...«Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. *Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве,* особенно после *Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством»* NB анархисты кололи нам глаза *) более, чем достаточно хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с *введением социалистического общественного строя государство само собою распускается и исчезает.* Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* (курсив Энгельса) в государстве, он нуждается в нем *не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать.* NB *Мы* предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община», прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна» ». NB (Курсив Энгельса).

Это, пожалуй, самое замечательное и, наверное, самое резкое место, так сказать, «*против* государства» у Маркса и Энгельса.

(1) «Бросить надо всю болтовню о государстве».

(2) «Коммуна была уже не государством в собственном смысле» (а чем же? переходной формой от государства к негосударству, очевидно!).

(3) Анархисты нам довольно «кололи глаза (буквально=тыкали в морду) «народным государством». Маркс и Энгельс, значит, стыдились этой явной ошибки своих немецких друзей; — однако они считали ее, и разумеется по *тогдашним обстоятельствам* правильно считали, несравненно менее важной ошибкой, чем ошибка анархиста. Это N. B!!).

(4) Государство само собою разлагается («распускается») | Nota bene | и исчезает»... (ср. позже: «отмирает») «со введением социалистического общественного строя»...

(5) «Государство есть «временное учреждение», которое надобно «в борьбе, в революции»... (надобно *пролетариату,* разумеется)...

(6) Государство нужно *не для свободы,* а для *подавления* (? Niederhaltung не есть подавление, собственно, а удержание от реставрации, держание в покорности) *противников пролетариата.*

(7) Когда будет свобода, тогда не будет государства.

> Обычно понятия «свобода» и «демократия» считают тождественными и употребляют часто одно вместо другого. Очень часто вульгарные марксисты (Каутский, Плеханов и Кº во главе их) именно так рассуждают. На деле демократия исключает свободу. Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой.

(8) «Мы» (т.-е. Энгельс и *Маркс)* «предложили бы» «*везде*», (в программе) говорить вместо «государства» — «община, коммуна»!!! NB !!!!

Отсюда видно как опошлили, опоганили

---

*) «Прямо в зубы-прямо в лицо»: словарь Сандерса.

Маркса и Энгельса не только оппортунисты, но и Каутский.

Оппортунисты ни одной из этих *8* богатейших мыслей *не* поняли!!

Они взяли *только* практическую надобность настоящего: использовать политическую борьбу, использовать *современное* государство для обучения, воспитания пролетариата, для «вырывания уступок». Это верно (против анархистов), но это еще лишь $^1/_{100}$ марксизма, если можно так арифметически выразиться.

Каутский совсем затушевал (или забыл? или не понял?) в своей пропагандистской и вообще публицистической работе п. п. 1, 2, 5, 6, 7, 8 и «разбитие» Маркса (в полемике с Паннекуком в 1912 или 1913 г. (см. ниже, стр. 45 — 47) Каутский совсем уже свалился в оппортунизм по этому вопросу).

От анархистов нас отличает (α) использование государства *теперь* и (β) во время *революции* пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их то и *забыл* Бухарин!).

От оппортунистов более глубокие, «более вечные», истины о (αα) «временном» характере государства, о (ββ) *вреде* «болтовни» о нем теперь, о (γγ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, (δδ) о противоречии государства и свободы; (εε) о более правильной идее (понятии, программном термине), «общины» вместо государства, (ζζ) о «разбитии» бюрократически-военной машины. Не забыть еще, что *диктатуру пролетариата* открытые оппортунисты Германии (Бернштейн, Кольб etc.) прямо отрицают, а официальная программа и Каутский *косвенно*, молча о ней в повседневной агитации и *терпя* ренегатство Кольбов и К°.

Бухарину было писано в VIII. 1916: «дай *дозреть* твоим мыслям о государстве». Он же, *не дав* дозреть, полез в печать, как «Nota bene» и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев *помог* им своими ошибками!! А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский.

В. Адоратский.

О ленинских выписках к вопросу о государстве*).

Выписки, относящиеся к вопросу о государстве, выбранные Лениным из произведений Маркса и Энгельса, ценны для нас прежде всего потому, что дают богатейший материал для изучения одного из самых важных вопросов современной политической борьбы. Вопрос о государстве, без того сложный и трудный, еще более усложнен и сознательно запутан идеологами буржуазии и оппортунистами. Буржуазия особенно заинтересована в том, чтобы не допустить ясности в основном вопросе о власти, о том, как пролетариат должен относиться к государству. «Раз понята связь вещей, — говорил Маркс,—рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы» (письмо к Кугельману 11 июля 1868 г.).

В своей известной книге «Государство и революция» Ленин восстановил истинные взгляды Маркса и Энгельса, так бессовестно извращенные оппортунистами. Значение этой работы настолько хорошо известно, что нет надобности здесь на этом останавливаться. Но особенно ярко бросается в глаза вся ценность работы Ленина, когда прочтешь все выписки и заметки Ленина, послужившие основой для книги «Государство и революция». Этот материал использован в книге широко, но не полностью.

В печатающихся выше материалах сведено воедино все важнейшее, что писали Маркс и Энгельс о государстве, подведены итоги основных мыслей, дано полное освещение вопроса во всем его целом. При чтении проделанной Лениным работы особенно наглядным становится и крайнее тупоумие оппортунистов, открыто отрекающихся от взглядов Маркса и Энгельса, и безграничная подлость ренегатов марксизма вроде К. Каутского, «опошляющих, опоганивающих» (по ленинскому выражению) Маркса. Выписки из ряда статей самого Каутского дают множество конкретных примеров того, как это делается.

«Забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, принесение будущего движения в жертву настоящему» (с. 229) [1])—вот особенности оппортунизма, указанные Энгельсом. «Абстрактное на первый план, конкретное затушевать» (с. 226) — вот один из приемов лакеев буржуазии, фальсификаторов марксизма.

---

*) Статья является предисловием т. Адоратского к выпискам Ленина из произведений Маркса и Энгельса о государстве. Перепечатывается из Ленинского сборника XIV.

[1]) Здесь указываются страницы XIV Ленинского сборника.

Наша задача на ряду с продолжением борьбы против буржуазии дальнейшее разоблачение современных оппортунистов и широкая популяризация революционного марксизма-ленинизма. Выписки Ленина и его указания к ним дают великолепный теоретический фундамент и для изучения вопроса, и для борьбы с оппортунизмом, и для раз'яснения широчайшим массам трудного и запутанного теоретически вопроса о государстве.

Ленин отметил основные пункты расхождений с оппортунистами, пункты, по которым необходима с ними борьба:

1) вопрос о «временном» характере государства; 2) о вреде «болтовни» о нем теперь (болтовни в смысле повторения буржуазно-либеральных фраз о свободе и демократии вообще); 3) о не совсем государственном характере диктатуры пролетариата («настоящее», буржуазное государство приспособлено для поддержки угнетения и эксплуатации масс. Диктатура пролетариата, наоборот, служит для под'ема масс и для уничтожения всякого угнетения и эксплоатации, а стало быть, и классов и государства); 4) о противоречии государства и свободы; 5) о более правильной идее (понятии, программном требовании) «община» вместо государство; 6) о разбитии бюрократической военной машины (с. 256).

В собранных здесь отрывках ярко выдвигается на первый план основное, то, что всегда замалчивалось и искажалось оппортунистами: историческая неизбежность революции; полная вздорность иллюзий, будто пролетариат может добиться своих целей мирным путем.

Однако, одного голого признания неизбежности революции мало. В революции должна быть отчетливо поставлена задача: пролетариат не может просто овладеть аппаратом буржуазного государства, он должен разбить этот аппарат, сломать его и заменить новым. «Другой класс должен подняться к управлению,—резюмирует Ленин. — В этом суть». Иная демократия. «У Каутского опошление. Ни тени идеи об иной демократии» (с. 352).

При капитализме «демократия» только для богатых, для маленькой прослойки пролетариата. Бедным не до нее!».

Отличная от этой «иная» демократия — диктатура пролетариата: «демократия для бедных, для $^9/_{10}$ населения; подавление силой сопротивления богатых (с. 266). Основным условием осуществления такой демократии Ленин ставит привлечение к политической жизни, к управлению государством широчайших масс.

«...Пробуждение (революционным пожаром, революционной активностью) трудящихся масс, большинства населения, их активное участие вместо чиновников в государственных делах, — пролетарское руководство, ими должны руководить организованные, централизованные пролетарии. Условие всего этого: сокращение рабочего дня до 8—6—4 часов; — соединение производительного труда всех с участием всех в «государственном управлении» (с. 310). Вот отчетливые, ясные указания, каким должен быть новое государство переходного периода от капитализма к коммунизму.

Ленин подчеркивает мнение Энгельса о неправильности отождествления «свободы» и «демократии». На деле демократия исключает свободу (см. письмо Энгельса Бебелю 28 марта 1875 г.). Революционный марксизм совсем не желает увековечить государство, он стремится его уничтожить в результате уничтожения классов. До тех пор пока классы еще существуют, пролетариат не может отказаться от использования революционного насилия. Маркс и Энгельс вели борьбу на два фронта: против оппортунистов, сторонников мирного пути, отрекающихся от революции, и против анархистов, которые для поверхностного взгляда выступают крайне революционно, на деле же точно так же разоружают пролетариат, делают его бессильным против буржуазии. Маркс в статье 1873 г. высмеивал анархистов (см. «О политическом индиферентизме», с. 349). В статье «Об авторитете» Энгельс дает яркую характеристику всего колоссального значения революционного насилия, революционной власти, авторитета вооруженной силы, когда ею владеет и пускает ее в ход революционный класс (с. 341).

«Революция есть, несомненно, самая авторитетная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» (с. 347).

Как вывод из всего изучения вопроса о государстве во всем его об'еме, Ленин, следуя Марксу и Энгельсу, намечает такую «диалектику (ход) развития: — от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой» (с. 254). В ряде выписок, собранных и воспроизведенных здесь, дается исчерпывающая характеристика основных черт пролетарской демократии, отмеченных Марксом и Энгельсом. Особо важны тут заметки к «Критике готской программы» (с. 258), к письму Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 г. (с. 250). (Особо обратить внимание на 8 пунктов, намеченных в выводах Лениным: — восемь богатейших мыслей, оставшихся непонятыми оппортунистическими мудрецами). Важны очень заметки к «Гражданской войне во Франции» (с. 294) и к критике Энгельсом проекта Эрфуртской программы (с. 224). Впрочем необходимо сказать, что среди собранных здесь выписок из произведений Маркса и Энгельса нет ни одной, которая не представляла бы большого интереса, не поражала бы глубиной мысли и богатством революционного содержания. Ценность печатаемых здесь выписок Ленина чрезвычайно велика еще и с другой стороны. Они дают превосходный образец того, как Ленин изучал произведения Маркса и Энгельса. На первый план Ленин выдвигает материалистическую диалектику, в ней он видит самую сущность марксизма. Он особенно ценит уроки этой материалистической диалектики, извлекаемые из изучения произведений Маркса и Энгельса и всей их деятельности. «Маркс изучает опыт Коммуны, — отмечает Ленин, — он не сочиняет этой «новой» власти, а изучает, как сами революции «открывают» ее, как само рабочее движение подходит к этой задаче, как практика начинает решать ее».

Произведения Маркса и Энгельса Ленин изучает в теснейшей связи с текущей борьбой рабочего класса. Он сопоставляет обстановку того времени, когда то или иное произведение писалось, с обстановкой сегодняшнего дня. Примером борьбы Маркса и Энгельса против современного им оппортунизма Ленин подкрепляет свою борьбу против оппортунизма новейшего.

Отмечая перемену обстановки, Ленин определяет, в каком направлении изменился оппортунизм, для того, чтобы на основании этого сделать выводы о том, как против него вести борьбу. В ряде заметок, (напр., по поводу «Гражданской войны во Франции» (с. 313), по поводу критики Энгельсом проекта эрфуртской программы (с. 238), Ленин отмечает, что повсюду бюрократизм бешено вырос, повсюду возник и окреп бюрократически-военный аппарат, а оппортунисты «вросли» в него (особенно с 1914 г. по 1917 г.). «Реформисты и социал-патриоты совершенствуют» бюрократическую государственную машину, а революционеры должны «сломать» ее... заменить «коммуной», новым полугосударством» (с. 313). Это писалось еще до революции (в начале 1917 г.). С тех пор революционное движение шагнуло значительно вперед. Военно-бюрократический аппарат и царского и буржуазного государства в России был сломан. В октябре 1917 г. возникло государство типа коммуны — Советская республика. Накопленный опыт этой великой революции нашел прекрасное раз'яснение и освещение в ряде позднейших произведений Ленина. Но выписки из произведений Маркса и Энгельса о государстве с пояснениями Ленина продолжают сохранять свое значение. Они указывают ближайшую задачу пролетариата Западной Европы, Америки и всего мира, задачу разбить, сломать аппарат буржуазного государства и дают общие теоретические указания, какова должна быть диктатура пролетариата, пролетарская демократия, служащая переходом к полной отмене государства.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Г. Крумин.

Новый этап.

Все более развертывающееся обобществление труда (при общественных средствах производства, при национализации средств производства) в масштабе всего хозяйства, выражающее *рост производительности* человеческого труда и органически с этим ростом связанное, — вот тот *решающий* процесс, который красной нитью проходит через весь переходный период. Поэтому процесс обобществления труда нужно прежде всего иметь в виду при разборе проблем переходного периода — тем более таких сложных вопросов, как вопрос о *новом этапе*, в котором находится в настоящее время Советский Союз. Мы поступим поэтому совершенно правильно, если начнем наш анализ с основных цифр, характеризующих уровень и состояние обобществления труда во всем народном хозяйстве.

В начале нэпа мы имели *крупную промышленность*, до-нельзя разрушенную. Производство ее измерялось даже единицами процентов от производства довоенного времени. Особенно разрушенной являлась тяжелая индустрия — металлическая и горная промышленность. Довоенный уровень являлся для нас меркой, которую мы «прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности необ'ятные» (Ленин). А в настоящее время? Довоенная мерка *отброшена*, позабыта. Быстрее многих крупных капиталистических держав мы перешагнули через довоенную черту и в настоящее время валовая продукция всей крупной промышленности составляет 22,5 млрд. руб., превышая довоенную продукцию крупной цензовой промышленности в 2,1 раза. В том числе планируемая ВСНХ крупная социалистическая промышленность дает валовую продукцию в 18,1 млрд. руб. Вся эта громада продукции в подавляющей степени или *почти полностью* (99,3%) падает на *обобществленный сектор*.

В *товарообороте* в начале нэпа приходилось констатировать *беспомощность* нашего государственного и обобществленного сектора в целом. Через 9 лет, ухватившись за звено, на которое с такой настойчивостью указывал Ленин («Учиться торговать»), коммунисты овладели, можно сказать, полностью оптовым торгово-посредническим оборотом и решающей частью розничного.

Конечно, эти цифры не должны приводить нас к забвению *мелкой* ремесленной и кустарной промышленности. Наоборот, этой мелкой промышленностью мы в настоящее время больше чем когда-либо способны овладеть, организовать ее, поставить на новую техническую базу, преобразуя в крупное обобществленное хозяйство. Это мы можем и должны сделать. Но даже и учет мелкой кустарно-ремесленной промышленности, к тому же ускоряющимся темпом охватываемой кооперацией, следовательно, вовлекаемой через кооперацию в сферу обобществленного хозяйства, — даже учет этой мелкой кустарно-ремесленной промышленности ни в какой мере не меняет решающего факта громадного преобладания государственного и обобществленного сектора в целом в промышленности и в товарообороте.

Наконец, сельское хозяйство. Последний год невиданно важен в том отношении, что обобществленный сектор в деревне становится громадной силой. Несказанно выросли роль и значение в сельском хозяйстве государственных совхозов. Еще больше выросли колхозы. Важнейшие зерновые районы (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга), показывая в настоящее время 40—50% обобществленных крестьянских дворов, в ближайшую сельскохозяйственную кампанию—две, станут районами, завершившими в основном процесс коллективизации. В отношении крестьянского хозяйства всего СССР обобществленный сектор достигает значительной цифры—26—28%.

Обобществленный сектор в одну нынешнюю весеннюю кампанию дает свыше 30 млн. га посевов, не только полностью заменяя, но и превышая посевы кулачества.

После сказанного ясно, что удельный вес обобществленного сектора в народном хозяйстве в целом гигантски возрос и усилился. Если по контрольным цифрам на 1929—30 г. обобществленные фонды составляют 58,9% всех народно-хозяйственных фондов, то в связи с бурным ростом колхозов этот процент еще значительно повышается. То же и в области валовой продукции. Если по контрольным цифрам Госплана обобществленный сектор в 29—30 г. дает больше половины всей валовой продукции (промышленности и сельского хозяйства, вместе взятых), то в настоящее время в связи с обобществлением почти трети крестьянских дворов, этот процент на много повышается.

Таковы решающие цифры быстрого развития процессов обобществления в нашей стране. Таковы цифры, которые заставляют по-новому ставить целый ряд проблем социалистического строительства. Таковы цифры, дающие полное право говорить о новом этапе в развитии Советского Союза.

Из сказанного мы обязаны сделать по меньшей мере шесть нижеследующих выводов.

Вывод первый. За истекшие 8 лет нэпа коммунистической партии не только удалось восстановить крупную промышленность, доведя ее до довоенного уровня продукции, но в результате обобществления промышленности, осуществления политики коренной реконструкции ее более чем вдвое превысить довоенный уровень продукции.

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». «Единственной возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист». (Ленин). Под руководством коммунистов рабочий класс Советского Союза создал и создает во все расширяющихся масштабах крупную машинную индустрию, эту «единственную базу социализма», способную реорганизовать и сельское хозяйство. Ведущая, определяющая, преобразующая роль советской крупной социалистической промышленности находится вне всякого сомнения.

Вывод второй. Наше народное хозяйство характеризуется опережающим ростом тяжелой индустрии. Удельный вес тяжелой индустрии в продукции всей промышлености достигает в нынешнем году 48,4% (против 41,8% в 1927—28 г.). Продукция машиностроения возросла с 591 млн. руб. в 1927—28 г. до 1.200 млн. руб. в 1929—30 г. или в два с лишним раза. Продукция электротехнической промышленности возросла в 1929—30 г., по сравнению с 1927—28 г., в 2,7 раза и т. д. В капитальных затратах в промышленности, достигающих в нынешнем году около 4 млрд. руб., преобладающими являются затраты на тяжелую промышленность.

Между тем Ленин в первые годы нэпа настоятельно подчеркивал, что

> «Наше положение особенно трудно потому, что нет средств для восстановления основного капитала — машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственность капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные железные дороги, машины, здания и проч.».

Важнейший вывод из опыта строительства за истекший период заключается в том, что «мы добились... благоприятного разрешения в основном проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности». (Сталин — «Год великого перелома»). Труднейшая проблема накопления в основном нами разрешена, и разрешена собственными силами, без помощи извне. Этим демонстрируется перед всем миром мощь социалистического строительства. Разрешение в основном проблемы накопления является важнейшим свидетельством того, что мы в силах превратить, что мы превратим нашу страну в страну металлическую, обеспечим тем самым независимость, самостоятельность Советского Союза от всех капиталистических стран.

Вывод третий. Способность нашей промышленности реорганизовать сельское хозяйство находит свое материальное выражение в бешеном росте сельскохозяйственного машиностроения. За первые 2 года пятилетки продукция сельскохозяйственного машиностроения растет на 250%, превышая в 1929—30 г. больше чем в 6 раз довоенные размеры продукции. Уже в ближайшие годы наша страна станет в передние ряды с крупнейшими капиталистическими странами по производству тракторов. Город ведет за собою деревню. Социалистический город преобразует мелкокрестьянскую деревню, давая этой последней во все возрастающем об'еме необходимую крупно-машинную технику.

Вывод четвертый. Коренной перелом основных крестьянских масс к социализму произошел. В 1921 году Ленин писал:

> «С точки зрения всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе» (Тезисы о тактике РКП, принятые III конгрессом Коминтерна).

Ленинская политика пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, выдержала испытание и проверку на практике строительства. Проводимая партией политика союза рабочего класса и бедноты с середняком дает свои результаты. Бедняцко-середняцкое крестьянство переходит от мелкого единоличного хозяйства к крупному коллективному хозяйству. Бедняцкие и середняцкие массы крестьянства в важнейших зерновых районах Советского Союза, об'единяемые в колхозы являются действительной и прочной опорой советской власти в деревне. Успешное строительство колхозов, охвативших к настоящему времени 26—28% всех крестьянских дворов и являющихся основной формой массового приобщения беднейшего и середняцкого крестьянства к строительству крупного обобществленного хозяйства в деревне, имеет поистине всемирно-историческое значение. Оно доказывает на опыте непосредственный переход мелкого товарного хозяйства, минуя капитализм, к социализму.

Развертывание сплошной коллективизации ряда районов Советского Союза позволило партии перейти от прежней политики ограничения и вытеснения кулачества к новой политике ликвидации кулачества как класса.

Энгельс в свое время писал о том, что

> «материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а между тем, это — прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз больше суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии»).

На базе роста производительных сил господствующий рабочий класс выделяет все больше ресурсов — людских, денежных и материальных — на дело преобразования деревни. Тем самым обеспечиваются ускоряющиеся темпы развития крестьянской деревни на путях организации крупного социалистического хозяйства.

Вывод пятый. Если в 1918 году Ленин говорил о том, что «в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия», если в 1921 году Ленин констатировал, что «мелкособственническая, мелкобуржуазная стихия усилилась», то к настоящему времени необходимо констатировать решительную передвижку в отношении социальных секторов, решительное изменение удельного веса обобществленного, социалистического сектора (что не отрицает факта наличия мелкобуржуазной стихии, базирующейся на мелком производстве). После 9 лет нэпа обобществленный сектор в народном хозяйстве в основном является уже преобладающим (хотя по количеству населения сектор индивидуального хозяйства бедняков и середняков все еще идет впереди). Бурный рост производительных сил обусловливался обобществлением промышленности и сельского хозяйства. Один факт преобладающей к настоящему времени роли обобществленного сектора дает оценку всей политики коммунистической партии.

Громадный рост обобществленного сектора в промышленности, сельском хозяйстве и в товарообороте, несказанно усиливает позиции планового хозяйства. Значительно возрастают возможности непосредственного планирования всего народного хозяйства. Если еще несколько лет тому назад важнейшим регулятором сельскохозяйственного производства являлись цены, то к настоящему времени и в области сельского хозяйства все больше внедряется план, производственная программа, для выполнения которой мобилизуются миллионы и десятки миллионов крестьян. Громадными шагами мы приближаемся к организации прямого обмена продуктов между городом и деревней. Плановое начало претерпевает, можно сказать, качественные изменения: план становится громадной силой на всем протяжении Советского Союза.

Вывод шестой. Социализм в нашей стране на практике строится миллионами рабочих и крестьян. В строительство втягиваются все новые миллионы. Коренная реконструкция всего хозяйства явится делом десятков миллионов. Но именно потому, что наше строительство — строительство масс, что наша экономика—доподлинно народная экономика, что прямое развитие производительных сил стало и становится заботой десятков миллионов рабочих и крестьян, поднимающихся к культуре, — именно поэтому мы находимся в полосе ускорения развития, о которой говорил Ленин в 1922 году. Именно поэтому мы все более быстрыми шагами будем продвигаться вперед, именно поэтому мы догоним и перегоним самые передовые страны капитализма. Ускорение развития обусловливается национализацией основных средств производства промышленности, транспорта, земли и т. д. Ускорение развития вытекает из принципиально иных, чем при капитализме, отношений между городом и деревней. Ускорение развития связано со строительством крупного обобществленного хозяйства в деревне.

И разве не издевается жизнь зло над теми, кто полагал и полагает, что только капиталистическая конкуренция, война каждого против всех, гонит вперед производительные силы, кто не видит никаких стимулов развития при социализме, кто представляет себе социализм как казарму? Разве не дало уже социалистическое соревнование ряд блестящих образцов трудового энтузиазма, высшего, чем при капитализме, трудового напряжения и сознательной дисциплины в труде?

На рельсах социалистического соревнования в городе и деревне развертывается мощное социалистическое наступление на капиталистические элементы в стране, происходит выкорчевывание самых глубоких корней капитализма.

Таким образом, восстановление крупной промышленности, широко проводимая реконструкция ее, значительное усиление производства средств производства вообще, для сельского хозяйства в частности и в особенности, значительный рост и укрепление ведущей и преобразующей роли крупной социалистической промышленности, гигантский рост активности и укрепление руководящей роли рабочего класса в его союзе с бедняцко-середняцким крестьянством — при правильном ленинском руководстве со стороны коммунистической партии — обусловили коренной поворот в развитии деревни, широчайшее развертывание коллективизации мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, переход на сплошную коллективизацию целых районов. Это и составляет основное содержание «нового исторического этапа в деле строительства социализма в нашей стране» (из резолюции ноябрьского пленума ЦК 1929 г. о контрольных цифрах).

Коллективизация деревни, сплошная коллективизация целых районов потому знаменует собой новый этап в переходном от капитализма к социализму периоде, что она гигантски ускоряет дело построения фундамента социалистического общества, что она есть важнейший этап в построении этого фундамента. Завершение коллективизации — на рельсах социалистической индустриализации, осуществления плана электрификации страны — означает построение фундамента социалистического общества в нашей стране. Дело построения фундамента социалистического общества — уже не отдаленная цель, которая маячит перед нами. Мы социализм действительно «протащили в повседневную жизнь» (Ленин) и работу масс. И сейчас, в связи с гигантской реконструкцией промышленности, в связи со сплошной коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса, вырисовываются совершенно конкретно общие очертания этого фундамента социалистической экономики.

Сталин на VII пленуме ИККИ в декабре 1926 г. в следующих словах определил задачу построения фундамента социалистического общества:

> «Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов».

Завершение коллективизации деревни и смыкает сельское хозяйство с социалистической индустрией «в одно целостное хозяйство». Завершение коллективизации деревни означает, что заложены основы социалистического продуктообмена между индустрией и сельским хозяйством и известная «свобода торговли» становится излишней. Сплошная коллективизация нашей страны, переход бедняцко-середняцкого крестьянства к крупному общественному хозяйству и ликвидация на основе сплошной коллективизации кулачества как класса, означают выкорчевывание самых глубоких корней капитализма и создание условий, при которых рождение классов и образование капитализма станут невозможными. Колхозы станут ареной, на которой

> «крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной массы». (Из тезисов о колхозном движении к XVI с'езду партии).

* * *

Развертывающееся социалистическое наступление на элементы капитализма, решающие сдвиги в области экономики проявлялись в обострении классовой борьбы, обозначали одновременно решающие сдвиги и в области классовых соотношений. Приведенные выше цифры громадного роста обобществленного сектора и усиленного вытеснения капитализма дышат огнем ожесточенной классовой борьбы. Наступление социализма неизбежно обострило классовую борьбу, обусловило большую диференциацию классовых сил в нашей стране.

Одной из чрезвычайно важных причин обострения отношений Советского Союза с господствующими классами капиталистических стран является громадное усиление позиций социализма. Успешное осуществление пятилетнего плана породило в буржуазном лагере целую литературу, внутренне склеенную слюной бешеной, чисто звериной ненависти к строящему социализм государству рабочих и крестьян. Против пятилетки, против социалистического наступления империалистическая буржуазия пускает в ход все, что находится в ее распоряжении. И новым во взаимоотношениях капиталистических стран с Советским Союзом за последний период является бешеная борьба империализма за проведение фактической финансовой блокады, свирепая борьба с советским экспортом, хотя одновременно следует отметить такие факты, как англо-советское торговое соглашение и рост торговых отношений Советского Союза с Америкой. Империалисты опирались и опираются на родственные им силы внутри нашей страны и путем бесшабашного вредительства во всех основных отраслях народного хозяйства подготовляли срыв социалистического строительства. Совсем не случайно, что переход к ликвидации кулачества как класса вызвал звериный вой во всем буржуазном (в том числе социал-демократическом) лагере и обострил антисоветскую кампанию.

Большая диференциация классовых сил, окончательный провал таких лозунгов, как «нейтральность», «аполитичность», имевших до сих пор кредит у значительной части интеллигенции, старых специалистов, что, бесспорно, создавало обстановку безнаказанности для вредителей и делало их неуловимыми, — большая диференциация классовых сил (во всех областях вплоть до самых «тонких» областей, как литература и искусство) является неизбежным спутником развернутого социалистического наступления. Поэтому и проблему кадров—одну из решающих проблем индустриализации, которую в настоящее время с таким напряжением решает коммунистическая партия, — нужно брать, как важнейшую составную часть классовой борьбы господствующего пролетариата за

социализм. Провал, дискредитация лозунгов «нейтральности» и «аполитичности» втянет значительную массу старой технической интеллигенции в социалистическое строительство в качестве активных участников, а не пассивных наблюдателей, будет способствовать быстрому выявлению всякого вредительства и поможет вырвать его, это острое орудие в руках буржуазии против пролетарского государства, из советской почвы.

Ни один класс добровольно не сходит со сцены исторического действия. И именно то обстоятельство, что рабочий класс начал проводить ликвидацию кулачества как класса, вызвало невиданное усиление сопротивления кулачества, осуществление невиданного вредительства с его стороны, бешеные потуги выйти из состояния изоляции, созданного в результате правильной политики партии, в результате неослабной борьбы с оппортунизмом внутри партии. Изоляция кулака является решающим условием успешного осуществления лозунга ликвидации кулачества, как класса. Все, что помогает кулаку выйти из состояния изоляции, повести за собой часть середняков и бедняков, — а именно к этому социально-политически вели перегибы и искривления партийной линии в коллективизации, — играет наруку кулаку, буржуазии, направлено против рабочего класса, затрудняет и срывает строительство социализма. Усиление сопротивления капиталистических элементов происходит в условиях уменьшения их экономической роли, в условиях выкорчевывания самых корней капитализма.

Но бешеное сопротивление кулачества не отклонит нашу партию и рабочий класс от намеченного ленинского пути. Вредительствующий кулак будет взят в железные тиски пролетарской диктатуры. Громадный рост социалистической промышленности, успешно проводимая реконструкция ее означают в классовом отношении рост и укрепление рабочего класса, рост его сознательности, невиданный взлет его активности, укрепление его руководящей роли, укрепление его позиций как гегемона. Развертывание социалистического соревнования и ударничества, открывающих новую эпоху в социалистическом строительстве, усиленная борьба с бюрократизмом являются лучшим тому свидетельством. Рост сознательности и активности рабочего класса нашел чрезвычайно яркое выражение в численном росте, в громадном укреплении руководящей роли и чрезвычайном усилении авторитета авангарда рабочего класса — коммунистической партии. Все, что есть лучшего, передового в рабочем классе и крестьянстве, целые передовые цеха и передовые фабрики, — все тянется в коммунистическую партию. Наш рабочий класс-гегемон чрезвычайно ярко проявил свое руководство всей жизнью и всем строительством посылкой в деревню нескольких десятков тысяч организаторов коллективного движения.

Коллективизация деревни и осуществление политики ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации, означают радикальный перелом в развитии крестьянства. Радикальный перелом заключается в том, что по-новому ставится теперь вопрос об опоре советской власти в деревне. Тезисы к докладу т. Яковлева на XVI с'езде партии выпукло отмечают это новое:

> «Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозников, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации».

Это, конечно, ни в какой мере не означает, что бедняк, продолжающий пока вести свое индивидуальное хозяйство, перестает быть опорой рабочего класса. Но нужно в полной мере уяснить себе то новое, тот перелом, который несет с собой коллективизация и ликвидация кулачества на основе сплошной коллективизации. Нужно понять величайшее значение нового вопроса о правильных взаимоотношениях между колхозниками и единоличниками. Тов. Сталин в своем ответе свердловцам следующим образом сформулировал новое в отношении середняков и бедняков в колхозах:

> «По мере машинизации и тракторизации колхозов они будут сливаться в единый отряд работников коллективизированной деревни. Сообразно с этим должны будут исчезнуть в будущем в наших лозунгах понятия «середняк», «бедняк». (См. «Правда», № 40 от 10 февраля 1930 г.).

Переработка в колхозах мелкособственнической психологии крестьян займет ближайшую историческую полосу.

В деревне имеет место невиданный взлет активности бедняцко-батрацких и середняцких масс крестьянства. Новые формы организации, новые институты победоносно прокладывают себе дорогу в деревню. И на селе — на основе развертывания колхозно-совхозного сектора — вырастает широчайший плацдарм для внедрения и развертывания таких «заводских» форм организации труда, как производственные совещания, как социалистическое соревнование и ударничество. Работа с беднотой и батрачеством, бесспорно, поднялась на более высокую ступень. Развертывается подспудная энергия миллионов, выделяются тысячи и десятки тысяч новых организаторов, крупных талантов, неустрашимых бойцов за социализм. Делается решительный шаг в направлении ликвидации вековой розни между городом и деревней, закладываются основы единой социалистической организации всего общества.

* * *

По-новому ставятся основные вопросы социалистического строительства. Благодарное поле для работы теоретической коммунистической мысли! Теоретическое обобщение богатейшего накопленного опыта и осознание основных черт нового этапа поднимут практическую работу сегодняшнего дня на принципиальную высоту и ускорят на новом этапе наше продвижение вперед к социализму. Использование неисчерпаемого наследства Ленина, руководство ленинским учением о переходном периоде, наконец, прямые указания Ленина сыграют в этой работе теоретической мысли решающую роль.

Но, изучая новый этап, следует избегать шаблона, некритических сравнений, следует в полной мере отдавать себе отчет, что жизнь ушла вперед, что готовых ответов нет. Сейчас не 1921—22 гг.; с тех пор прошло 9 лет богатейшего опыта социалистического строительства. Одним словом, должны быть сугубо подчеркнуты требования диалектики, необходимость учета конкретных условий места и времени.

В 1921 году Ленин, обосновывая нэп, писал:

> «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил».

Преобладающей в стране в то время была мелкобуржуазная стихия. После лет «военного коммунизма» «разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось». Обнаружилась «отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость «запертого» оборота промышленности с земледелием». В таких условиях крайне разорения крупной промышленности на первый план выпирала мелкая промышленность, не требующая крупных затрат. О частнохозяйственном капитализме Ленину приходилось говорить как о «пособнике социализма». Осенью того же 1921 г. Ленин формулирует в общем задачу следующим образом:

> «Не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления».

Совершенно ясно, что для тех условий мы имеем здесь чеканную ленинскую формулировку задач. Но это не означает, что эту формулировку можно распространить на все времена. Ленин никогда не уставал указывать на конкретные условия, конкретную обстановку, обуславливающие то или иное решение задач.

В своем «Продналоге» Ленин ставит общий вопрос о непосредственном переходе от простого товарного хозяйства к социализму:

> «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно Это условие — электрификация». Далее: «Ближайшие годы. (Курсив мой. *Г. К.*) надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму».

Решение проблемы у Ленина дается не «вообще», а совершенно конкретное. Ленин четко ограничивает свой ответ «ближайшими годами». Но ряд «ближайших лет» уже прошел. Социалистическая крупная промышленность стала мощной силой, определяющей развитие всего народного хозяйства. Партия и рабочий класс накопили громадный опыт социалистической переделки хозяйства. Если в начале нэпа непосредственный переход к социализму был невозможен, то в настоящее время он осуществляется во всевозрастающем об'еме, захватывая все новые миллионы бедняцких и середняцких хозяйств. Но именно поэтому меняется наше отношение к капиталистическим элементам. И смехотворно, по-школьнически, было бы возражать против этого, жонглируя отдельными цитатами из Ленина, относящимися к периоду начала нэпа. Руководствуясь учением и указаниями Ленина, партия, на основе богатейшего опыта 8 лет социалистического строительства на рельсах нэпа, пришла к новому лозунгу — ликвидации кулачества как класса. Крупнейшим явлением переживаемого периода является радикальное изменение соотношений различных общественно-экономических укладов по сравнению с первыми годами нэпа. Было бы просто смешно в настоящее время выдвигать задачу «оживления капитализма».

В частности, в связи с коренными изменениями в нашей стране, нужно отдать себе также полный отчет в изменении постановки вопроса о борьбе с бюрократизмом. Ленин в своем «Продналоге» чрезвычайно ярко подчеркивает экономический корень бюрократизма.

> При капитализме «развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д... У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними».

В нынешнюю эпоху широчайшей культурной революции, громадного роста активности рабочего класса, роста социалистического соревнования и ударничества и массовой перестройки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства и нарождения крупно-машинного сельского хозяйства создается совершенно новая обстановка и новые условия для самой решительной, самой беспощадной борьбы с бюрократизмом. Можно и должно сделать ряд решительных шагов по искоренению основ бюрократизма. Совсем не случайным является то обстоятельство, что именно в настоящее время широкие массы трудящихся втягиваются в действенную практическую борьбу с бюрократизмом. Массовый поход на бюрократизм порождается всей новой обстановкой социалистического строительства и правильной политикой партии. Было бы в корне неправильно недооценивать громадного принципиального значения таких форм борьбы с бюрократизмом, как шефство заводов над советскими учреждениями, участие рабочих бригад в чистке советского аппарта и т. п.

Однако возвращаемся к нашей теме.

Ленин не перестает тщательно отмечать все малейшие изменения, которые происходят в народном хозяйстве Советского Союза. Через полтора года после перехода к нэпу Ленин говорит о «решающих результатах» в области товарооборота, именно:

> Мы «начинаем приспособлять хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет решающее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей».

Ленин указывает, что «очень много» достигнуто за это время в области взаимоотношений с крестьянством:

> «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли».

Обозревая состояние легкой промышленности, Ленин заявляет: «Здесь наблюдается общий под'ем». Ленин подводит уже некоторые первые итоги в области концессионной политики (а мы помним, что полтора года до этого Ленин этому делу уделял не мало внимания):

> «То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не содержит, кроме бумаги... Все-таки наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но несмотря на это, концессий мы еще не видели».

(Несколько смешное поэтому впечатление производит, когда в настоящее время некоторые товарищи вводят концессии чуть ли не как один из основных элементов в определение нэпа). Но поэтому, а также и потому, что «у нас займов не было и мы ничего не получали», восстановление тяжелой индустрии ложилось особенно тяжело на наши плечи. Но и в деле субсидии тяжелой индустрии, — констатирует Ленин, — «мы сделали решительный шаг». «Новая экономическая политика уже теперь дала плюс».

Несколько позднее в своей речи на пленуме Московского Совета в ноябре 1922 г. Ленин говорил:

> «Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, — все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая».

Наконец, мы имеем кооперативный план Ленина, развернутый в его всемирно известной статье от 1923 г. «О кооперации». В этой статье дается программа, в условиях переходного периода, при диктатуре рабочего класса, перестройки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в крупное социалистическое хозяйство через кооперацию, минуя капитализм.

* * *

Новый этап социалистического строительства вырос на основе достижений и борьбы партии за последовательную ленинскую политику за весь истекший период. Неуклонно проводимая партией политика быстрой индустриализации страны сделала возможным коренной поворот деревни к социализму. Ключ реконструкции сельского хозяйства — это крупная социалистическая промышленность. Это ленинское положение партия победоносно отстояла в практической работе и борьбе как с троцкизмом, так и с правым оппортунизмом. Не о социалистической реконструкции сельского хозяйства, на основе союза с середняком, помышлял контрреволюционный троцкизм, развивая теорию колониальной эксплоатации крестьянства, поглощения крестьянского хозяйства. Что же касается троцкистской сверхиндустриализации, то, как показывают факты, от нее не остается и следа, кроме кучи мусора и контрреволюционной болтовни. Не о социалистической перестройке сельского хозяйства помышляют правые оппортунисты, эти хвостисты рабочего движения, сдающие позиции социализма кулаку. Правые оппортунисты преклоняются перед мелким индивидуальным хозяйством, они — против быстрого темпа индустриализации, они всячески срывают его, обезоруживая, таким образом, рабочий класс в борьбе с капитализмом внутри страны и с капитализмом мировым.

Коренной поворот деревни к социализму, коренной поворот середняка на путь коллективизации достигнут в результате правильной политики партии, в результате неустанной борьбы с контрреволюционным троцкизмом, неустанного изобличения его антисередняцкой сущности, благодаря неустанно проводимой партией политике союза рабочего класса с середняком; с другой стороны, в результате самой жестокой борьбы с правым оппортунизмом, этой главной опасностью периода, преклоняющимся перед мелким индивидуальным хозяйством и потому сдающим врагу позиции социалистического строительства.

В каком отношении стоит новый этап к нэпу, выводит ли новый этап за пределы новой экономической политики? В спорах, которые имели место, были высказаны самые разнообразные мнения.

Прежде всего приведем наиболее полное определение нэпа, которое дал т. Сталин на XIV с'езде партии:

> «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот пролетарского государства, рассчитаная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики.
>
> Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма»

Нэп есть правильная политика переходного периода господствующего рабочего класса — политика имеющая мировую значимость. Отбросьте один из элементов, указываемых т. Сталиным, и вы рискуете исказить всю картину, вы рискуете скатиться в болото оппортунизма. Нужно, как подобает диалектику-марксисту, видеть именно «переходную, двойственную природу нэпа» — только при этом условии можно действительно разобраться в сложнейшем переплете противоречивых сил переходного периода. Нэп — это не только отступление (от позиций военного коммунизма), не только перегруппировка сил но и успешное социалистическое наступление.

Такую трактовку нэпа партия успешно отстаивала в борьбе с оппортунистами. К сожалению, еще и в настоящее время путаница продолжает итти по той же линии: и правые и «левые» шатания, с противоположных концов, урезают в нэпе сторону успешного социалистического наступления, рассчитанную на постройку фундамента социалистической экономики.

Нужно отдать себе отчет в том, что в начале нэпа в нашей стране приходилось со всей силой подчеркивать необходимость всемерного оживления оборота между промышленностью и сельским хозяйством. Разруха в результате «военного коммунизма» была невиданно велика; первостепенной задачей являлось оживление производительных сил немедленно и во что бы то ни стало; отсюда и все формулировки об оживлении старого уклада, оживлении предпринимательства, капитализма и т. д. Но вместе с тем партия никогда не стояла на точке зрения свободного от всякого государственного регулирования оборота. В настоящее время, в период успешно проводимого социалистического наступления на капиталистические элементы, на почве быстрого развертывания производительных сил, необходимо выпятить на передний план это государственное регулирование в нэпе, усиление этого регулирования. Основная опасность срыва нэпа, замены его либерально-капиталистической кашицей идет в настоящее время с этой стороны. Последние два—три года были годами бешеной борьбы кулачества против советской политики цен, против государственного регулирования вообще. И правые оппортунисты в нашей партии, пропаганда взглядов которых несовместима с пребыванием в коммунистической партии, верно отражали кулацкие настроения, когда атаковали партию за ее политику регулирования, за ее политику цен, когда клеветали на партию, будто она скатилась к троцкизму, будто она «отменила нэп» и вернулась к политике военного коммунизма. Нужно констатировать, что в пред'явлении коммунистической партии этого обвинения мы имеем единый лагерь буржуазии (и кулачества), меньшевиков и правых оппортунистов.

Оппортунистическую трактовку нэпа мы имеем в настоящее время со стороны тех, кто, забегая вперед, пытается блеснуть особой р-революционностью и критиковать партию «слева».

Именно так приходится расценивать утверждения о том, что проблема «кто-кого» снята, что мы имеем «сплошное социалистическое плато, только кое-где прорезанное расщелинами частнохозяйственного сектора» и т. д. [1]). Эти утверждения лишь по виду революционны, сердцевина же их гнилая, оппортунистическая. Партия повела решительное наступление на капитализм, партия лишь приступила к ликвидации кулачества как класса, — а в этот момент, момент наивысшего напряжения сил и резкого обострения классовой борьбы, появляются неуравновешенные, опьяненные шумом борьбы, потерявшие перспективу, «лево»-настроенные товарищи и кричат армии пролетарских бойцов, ведущих решительное наступление: борьба окончена, вопрос «кто-кого» снят. Эти товарищи тем самым приглашают свернуть наступление. Этот оппортунизм льет воду на мельницу кого угодно, только не армии пролетарских бойцов.

«Сплошное социалистическое плато, только кое-где прорезанное расщелинам частнохозяйственного сектора». Смехотворно! Партия своей правильной политикой лишь добилась, правда, крупнейшего, имеющего всемирно историческое значение, коренного поворота мелкокрестьянской деревни к социализму. Но перед партией во весь рост стоит еще задача закрепить первые крупные успехи коллективизации и завоевать на сторону коллективизации большинство бедняцко-середняцкого крестьянства. Большинство крестьянства еще продолжает вести индивидуальное хозяйство — меньше 30 проц. всех крестьянских дворов вошли в настоящее время в колхозы. Успехи колоссальные — но эти успехи не должны затуманивать стоящих перед партией и рабочим классом еще более грандиозных задач, иначе мы сражение проиграем наверняка. Лишь мелкобуржуазному демократу свойственно кидаться от ура-позиций во время успехов к самому черному пессимизму при первом неуспехе,—пролетарский революционер сохраняет ясную голову и при помощи марксистского метода уясняет себе перспективы.

Правые оппортунисты не видят нового в нэпе, не видят нового этапа, не признают широко проводимого партией социалистического наступления на элементы капитализма, они — против сплошной коллективизации. Поэтому они издеваются — наперекор фактам жизни — над новыми (производственными) формами смычки с крестьянством. Поэтому они вместе с классовым врагом кричат о переходе ленинской партии к военному коммунизму, об «отмене нэпа». Они за «нормализацию рынка», за свободу кулацкого оборота. Они не видят решительных шагов, делаемых в настоящее время в направлении к социалистическому продуктообмену.

Нужно раз навсегда уяснить себе принципиальное отличие теперешнего этапа от «военного коммунизма». Поверхностный наблюдатель усматривает тождество между тем и другим, главным образом, в виду наличия элементов жесткого государственного регулирования, жесткого планирования, решительной борьбы с капиталистическими элементами, с кулачеством в особенности. Но эта аналогия — лишь поверхностная аналогия, чисто внешняя. «Военный коммунизм» был политикой, вынужденной войной, состоянием осажденного лагеря, крайним разорением и распадом, деградацией производительных сил. Нынешняя политика вытекает, наоборот, из факта быстрого роста производительных сил, громадного укрепления социалистических элементов, гигантски прогрессирующих процессов обобществления в стране. Раскулачивание, ликвидация кулачества проводится на основе сплошной коллективизации, чем оно принципиально отличается от раскулачивания 1918 года. Дешевенькие, немарксистские аналогии поэтому пора бросить. Тем более пора бросить, что эти аналогии повторяют точь в точь то же самое, что со сладострастием сосут наши открытые классовые враги за границей.

И правые оппортунисты и «левые» загибщики извращают ленинское учение о нэпе, отходят от него.

Неверно, неправильно также давать для нэпа формулировку: «от штурма к осаде», а формулу: «от осады к штурму» выносить за пределы нэпа. Ложным нужно признать и утверждение о том, что нэп всего лишь «подводит» к разрешению задач непосредственно социалистического строительства в об'еме всего народного хозяйства. Неверно это утверждение, ибо оно, как и предыдущее, смазывает победоносное социалистическое наступление на рельсах нэпа. Нэп не только «подводит» к задаче построения фундамента социалистической экономики — нэп решает эту задачу. Иначе нэп не был бы правильной политикой переходного периода, иначе нэп не имел бы мировой значимости.

Нет нужды, нам представляется, ломать копья над такими определениями, как «закат нэпа», «отмирание нэпа» и т. д. Ни на иоту не подвигает нас вперед такое определение, как «сокращение об'ема нэпа» — наоборот, подобное определение может только запутать, ибо оно стирает те качественные изменения, которыми характеризуется переживаемый Советским

---

[1] Тов. Багушевский поступил совершенно правильно, отказавшись от этих формулировок и признав их ошибочность. («Большевик», № 7—8, 1930 г.). Нужно безоговорочно осудить эти, по существу, оппортунистические формулировки.

Союзом этап. Не об «отмирании» или «закате нэпа» должны мы спорить: вопрос заключается в том, чтобы дать *экономическую характеристику* происшедшему в жизни Советского Союза перелому.

На основе громадного роста и реконструкции социалистической промышленности, произошел всемирно-исторического значения поворот в развитии деревни. Деревня стала на путь массовой коллективизации. Бурное развитие процессов обобществления в мелкокрестьянской деревне закладывает *прочные основы социалистического продуктообмена между городом и деревней.*

Вопрос об организации социалистического продуктообмена имеет решающее значение при обсуждении судеб нэпа. Прочное установление правильного социалистического продуктообмена есть вместе с тем конец нэпа. Ведь для нэпа характерен обмен *через рынок*, неизбежно связанный с известной «свободой оборота».

На рельсах нэпа мы добиваемся коллективизации деревни и смыкания сельского хозяйства с социалистической промышленностью «в одно целостное хозяйство», что приводит к установлению прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии. Установление же *прямого обмена* делает нэп с его известной «свободой оборота» излишним.

Ленин в 1921 году писал:

> «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму. (Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 214).

Завершение коллективизации деревни — на основе индустриализации нашей страны, при осуществлении плана электрификации — означает построение фундамента социалистического общества, установление правильного социалистического продуктообмена.

В борьбе за *плановый продуктообмен* большое значение имеет и будет иметь *контрактация*. Контрактация превращается в двусторонний договор о плановой сдаче колхозами государству товарных излишков и о снабжении колхозов со стороны государства необходимыми средствами производства и потребления. Контрактация при этом явится, должна явиться, инструментом повышения товарности и развития элементов обобществления. Связи между колхозами и всей системой советского хозяйства будут крепнуть все больше и больше.

Необходимо отдать себе ясный отчет в том, что нэп есть *правильная* политика, на рельсах которой мы построим социализм. С неоставляющей никаких сомнений четкостью Ленин писал: «Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики». (Ленинский сборник, VIII, стр. 68).

Тем самым отпадают все утверждения о том, что уже в настоящее время нашими мероприятиями по коллективизации деревни и закладке основ социалистического продуктообмена между городом и деревней мы выходим будто бы за пределы нэпа. Тем самым отпадают такие утверждения, что между периодом нэпа и социализмом лежит еще какой-то неведомый «переходный период», экономической характеристики которого, однако, никто дать не может.

Для нас руководящим во всей нашей работе является ленинское положение о том, что *нэп вполне обеспечивает возможность постройки фундамента социалистической экономики.*

* * *

Новый этап в социалистическом строительстве СССР — этап гигантской социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства, этап развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы, этап выкорчевывания самых глубоких корней капитализма.

Новый исторический этап связан с решительным переломом в отношении бедняцко-середняцких масс к колхозам, со сплошной коллективизацией и на этой основе ликвидацией кулачества как класса. На практике строительства происходит массовый непосредственный переход к крупному обобществленному хозяйству мелкого товаропроизводителя, минуя капитализм.

Новый этап выкорчевывания самих корней капитализма неизбежно связан с резким обострением классовой борьбы, с ростом самого ожесточенного сопротивления ликвидируемого на основе сплошной коллективизации кулачества. Обострение классовой борьбы неизбежно вызывает и усиливает оппортунистические шатания в нашей партии.

Между тем идейная монолитность нашей партии, сплоченность и железное единство в ее рядах больше чем когда-либо есть решающее условие успешного продвижения вперед, основное условие успешного решения тех гигантских задач всемирно-исторического значения, которые стоят перед нами.

Главная опасность в нашей партии — справа. Правый оппортунизм отрицает наличие нового этапа в социалистическом строительстве. Правые оппортунисты тянут партию назад, дезорганизуя социалистическое наступление.

Выступая против проводимого партией курса на быструю индустриализацию, правые разоружают нашу страну, они срывают дело индустриализации страны. Стремление правых задержать и свернуть развитие совхозов и колхозов, их курс против коллективизации есть *прямой переход на позицию кулаков*. Поэтому — *усилить огонь* по правому оппортунизму, подымающему голову. Беспощадно разбить все позиции правых, — этой главной опасности периода. Одновременно крепко ударить по «левым» загибщикам, усиливающим позиции правых, крепко ударить по остаткам троцкизма. Ни малейшей пощады беспринципному *примиренчеству* к правому уклону, как главной опасности, и к «левым» загибам. В непримиримой большевистской борьбе *на два фронта* мы успешно решим задачи эпохи.

Широко проводимое в нашей стране социалистическое наступление на капиталистические элементы имеет поистине громадное значение для всего мирового революционного движения. Социалистическое наступление в нашей стране есть чрезвычайно важная составная часть общего мирового революционного под'ема. Не за горами то время, когда общий революционный под'ем перерастет в непосредственно революционную обстановку. Большими шагами мир идет навстречу мировой социалистической революции.

Б. Борилин.

Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа.

Реконструктивный период развития нашего хозяйства вступил в некоторую решающую полосу Мы приступили к разрешению самой основной задачи, стоящей перед пролетариатом в отношении крестьянского хозяйства, — к коренной переделке мелкокрестьянского хозяйства. Это наиболее трудная и, можно сказать, заключительная глава в развитии экономики переходного периода.

О необычайной трудности этой задачи говорит то, что весь капиталистический мир и вся международная социал-демократия в борьбе с нами держат преимущественно ставку на «крестьянскую проблему» в нашем социалистическом строительстве.

Еще в 1918 г. Ленину в брошюре «Государство и революция» приходилось спорить с Каутским по вопросу об осуществимости задачи превращения крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое в нашей стране. Эта полемика между Каутским и Лениным в настоящее время приобретает особый теоретический и политический интерес.

Каутский тогда писал:

> «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству»

На это Ленин отвечал:

«Напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству».

Очень остроумно!

Нигде и никогда мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства.

Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними, при условии пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших пролетарской государственной властью.

Нигде и никогда не было такого обогащения спекулянтов и богатеев от войны при таком разорении массы крестьян.

Каутский повторяет старье, пережевывает старую жвачку, боясь и подумать, о новых задачах пролетарской диктатуры.

А что, любезный Каутский, если у крестьян нехватает орудий для мелкого производства, а пролетарское государство помогает им доставить машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение»[1].

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 519.

Здесь Ленин со всей силой подчеркивает пошлость, бессодержательность и лицемерность аргумента, выставленного Каутским, и, с другой стороны, до чрезвычайности ясно вскрывает те особые условия, в которых оказывается крестьянское хозяйство при диктатуре пролетариата и которые неизбежно приводят в развитии экономики переходного периода к такому этапу, когда коллективизация крестьянского хозяйства становится результатом не простого теоретического убеждения, но экономической необходимостью для крестьянства.

В этой же полемике в другом месте Ленин снова возвращается к упомянутому аргументу Каутского. Ленин пишет:

> «Наш «теоретик» (Каутский. Б. Б.) победоносно восклицает:
>
> «Тем, что известная вещь об'является задачей, задача, к сожалению, не решается. Коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге. Нигде еще и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству на основании теоретических убеждений» (стр. 50).

Нигде еще и никогда не было такого литературного мошенничества, до которого опустился Каутский. Он говорит о «теоретическом убеждении», умалчивая о пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы и товары. Все то, что писал марксист Каутский в «Аграрном вопросе» в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году.

Конечно, несколько сот поддерживаемых государством сельскохозяйственных коммун и советских хозяйств (т.-е. за счет государства обрабатываемых товариществами рабочих крупных хозяйств), — этого очень мало. Но разве можно назвать «критикой» обход этого факта Каутским?...»

> «А кроме того, национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»[1].

Ленин и в этом месте с поразительной точностью предвидения намечает моменты, которые должны привести крестьянское хозяйство к необходимости коллективизации и которые получили полное историческое подтверждение. Пролетариат обладает промышленностью, которая дает крестьянству орудия производства и товары. Национализация земли открывает огромные возможности для внедрения социализма в сельское хозяйство. Последовательная политика классовой борьбы с кулаками и капиталистами все более убеждает крестьянина в правильности социалистического пути развития. Вся политическая и экономическая обстановка, в которой живет крестьянин в Советской стране, ведет к тому же.

Аргументы современной международной социал-демократии в отношении коллективизации поистине ничем не отличаются от того, что писал Каутский в начале нашей революции. Так, в журнале «Gesellschaft» в апрельском номере от 30 г. мы находим статью, посвященную специально «аграрному социализму» в России. В этой статье, конечно, автор выражает «удивление» по поводу того, что происходит в России, и отвергает решительно, как «немарксистские» утверждения о возможности превращения крестьянина в коллективиста, о возможности переделки его индивидуалистического сознания.

> «Эти утверждения,—рассуждает автор,—показывают достаточно, как плохо (!) обстоит дело с научной марксистской (!) мыслью в России. Только, если заранее отказаться от марксистского об'яснения хозяйственных процессов (или сознательно пытаться обмануть массы), можно утверждать, что русский крестьянин стал коллективистом. Как могло частнохозяйственное

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 522.

существование русского крестьянина создать в нем социалистическое сознание?» 1).

Так же, как и в начале нашей революции, коллективизация отвергается потому, что крестьянин не мог превратиться в социалиста под влиянием «теоретических убеждений».

Так же как и Каутский, автор полностью отрицает значение национализации земли.

> «Сталин утверждает,—пишется в статье,—что проведение коллективизации облегчается тем обстоятельством, что в России проведена национализация земли. В странах же Западной Европы коллективизация будет проведена с большими трудностями, так как там крестьянин является убежденным собственником, который гораздо более цепко держится за свой клочок земли. Это глубоко ошибочная и полная опасностей (!) установка. В действительности русский крестьянин после Октябрьской революции легко принял национализацию земли, как формальный (!) акт» 2).

И все это делается во имя «марксизма» 3).

Нет нужды доказывать, что здесь мы имеем высказывания людей, ничего общего не имеющих с марксизмом, с пролетарской революцией. Наоборот, тот путь, который в строительстве нашего хозяйства мы проделали до настоящего времени, свидетельствует о действительном торжестве марксизма-ленинизма, о том, что предсказания лучших марксистов относительно закономерностей развития крестьянского хозяйства после революции целиком и полностью оправдываются.

Мы подошли к новому этапу социалистического строительства на основе той политики, которую мы проводили до настоящего времени. Только буржуазно-либеральное и социал-демократическое толкование нэпа может дать основание для «удивления» по поводу наступления нового этапа в нашем социалистическом строительстве.

Вряд ли необходимо доказывать неправильность такого толкования нэпа. Недавно опубликованные замечания Ленина в конспекте доклада на XI с'езде партии (см. XIII Ленинский сборник), можно сказать, «камня на камне» не оставляют от такого толкования нэпа, которое из нэпа вычеркивает борьбу с капитализмом, политику социалистического преобразования крестьянского хозяйства, великий кооперативный план, борьбу за построение фундамента социалистического общества.

Ленин в этом конспекте, характеризуя нэп, снова повторяет мысль, которую можно найти у него и в других местах, что «общая оценка его (нэпа. *Б. Б.)* уже (была) дана в 1918 г.».

Если это связать с ответом Ленина Каутскому в брошюре «Государство и революция» тоже в 1918 г., то становится совершенно очевидным, что новая экономическая политика в отношении крестьянства сводилась к тому, чтобы рядом постепенных мероприятий подвести крестьянское хозяйство к всестороннему его обобществлению.

Нэп именно эту задачу обобществления ставил перед пролетарской властью в отношении крестьянского хозяйства. Как нельзя более четко формулирует эту же мысль Ленин в 21 году в тезисах о тактике Р. К. П., принятых III конгрессом Коминтерна. Ленин в этих тезисах говорит, об'ясняя смысл нэпа в отношении к крестьянству:

---

1) Agrarsozialismus in Russland. Там же.

2) Gesellschaft», April, 1930. Olga Domanewskaja, Agrarsozialismus in Russland.

3) «Нужно указать на то, что, к сожалению, и в коммунистической литературе встречается мнение некоторых товарищей, отрицающее огромнейшее значение, которое имеют для развития нашего хозяйства такие мероприятия, как национализация земли, упразднившая абсолютную ренту. Так, совершенно неверным нужно считать мнение т. Розенталя, по которому «национализация земли в одной стране или даже в ряде стран, не имеющих, однако, решающего значения на мировые цены земледельческих продуктов, не приводит в этих странах к уничтожению того излишка рыночной цены над ценой производства земледельческих продуктов, который составляет материальное содержание абсолютной ренты... И в условиях СССР этот излишек сохраняется». («Под Знаменем Марксизма». № 2—3, 1927 г., с. 144).

> «Главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию. Эта задача в России особенно трудна как в силу отсталости страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистической и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности, эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами, — может быть, за исключением одной только Англии. Однако, и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих, вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии» 1).

Совершенно неправильной нужно считать точку зрения тех товарищей, которые думают, что нэп является «в истории переходного периода» чем-то вроде «предистории к непосредственному социалистическому строительству» в сельском хозяйстве и во всем народном хозяйстве в целом (т. К. Розенталь). Нэп был и остался системой мероприятий, направленных в отношении крестьянского хозяйства на неуклонное осуществление задачи перевода мелкого хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства.

Теорию «предистории» к подлинно-социалистической политике в переходный период нужно так же отбросить, как и прославленную теорию «первоначального социалистического накопления». (Преображенский).

Связанное с этой «теорией» понимание нэпа, как чисто русского явления, повторяет взгляды, давно признанные несостоятельными и порывающие с ленинизмом. Так, т. Бухарин в предисловии к немецкому изданию «Экономики переходного периода» прямо указывал на то, что нэп представляет собою чисто русское явление.

Нэп ставит перед собою задачу неуклонной и ожесточенной борьбы с капиталистическими элементами в нашей стране.

Соревнование социализма с капитализмом, о котором говорил не раз Ленин, это — самое главное, что характеризует нэп. Если мы начали с таких мер, как свобода торговли и т. д., то только для того, чтобы рядом дальнейших мероприятий на рельсах нэпа перейти в наступление на капитализм. Под углом зрения успешности этой борьбы Ленин рекомендовал проверять практические результаты нэпа. Ленин писал:

> «Нэп=(1) проверка «смычки» с крестьянской экономикой). (2) проверка соревнования с капитализмом и торговым, и промышленным, и русским, и заграничным» 2).

Если в первый год нэпа мы имели, по выражению Ленина, «только, только начало (голод и пр.)», «поиски экономической политики», то дальше развитие нэпа, по Ленину, должно было означать «остановку отступления» и «подготовку наступления на частнохозяйственный капитал, как лозунг» 3).

---

1) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 313—314.

2) См. Ленинский сборн. XIII, стр. 10.

3) Лен. сборн., т. XIII, стр. 9, 10, 15, 17.

Мощное развитие индустриализации красноречиво говорит об успешном продвижении нашем на этом пути.

Новый этап, наконец, означает полный крах буржуазно-либеральных идей о нэпе тем, что он показал правильность ленинского кооперативного плана, предполагавшего «при господстве нэпа» и «через нэп» добиться непосредственного перехода мелкого крестьянского хозяйства к социализму. Ленин писал: «В достаточной степени широко и глубоко кооперировать русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно» [1]). А «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [2]).

Таким образом, стратегический план сводился именно к тому, чтобы, начав с отступления, по сравнению с тем, что мы захватили в период военного коммунизма, перейти в наступление, осуществить путем индустриализации и кооперативного плана переход к социализму в сельском хозяйстве, построить фундамент социалистического общества.

Нет ничего более далекого от ленинизма, как представление о том, будто ленинский план нэпа, неот'емлемой составной частью которого является кооперативный план, не предполагал построения «*фундамента социализма*» и, следовательно, осуществления *непосредственного* перехода крестьянского хозяйства на рельсы *крупного социалистического хозяйства*. Ибо «вполне достаточно у нас средств для побед в нэпе и политически и экономически» [3]). А сейчас уже практически доказана возможность участия крестьянства в непосредственном социалистическом строительстве «через нэп». Сейчас

> «Не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей, возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному высокопроизводительному хозяйству» [4]).

Подходя к новому этапу, мы должны отчетливо видеть не только связь нового этапа с предшествовавшим хозяйственно-политическим развитием, но и то *особенное*, что отличает именно этот этап от прежних этапов развития.

Новый этап представляет собой *этап реконструктивного периода*. Нельзя отделять того, что происходит в сельском хозяйстве от того, что происходит в области промышленности, во всем народном хозяйстве.

Для нового этапа реконструктивного периода характерным является, прежде всего, коренной перелом, который совершился в отношении крестьянства к социализму, к крупному обобществленному хозяйству, процесс осуществления *сплошной коллективизации*, которую мы имеем уже по ряду районов, и осуществление политики *ликвидации кулачества как класса*. Это то, что кладет определенную грань, отделяющую этот новый этап от предшествовавшего этапа развития экономической политики. Само собой разумеется, что начало коренной переделки основ мелкого хозяйства связано с принципиальными изменениями в структуре всего народного хозяйства, с одной стороны, и вносит огромные качественные изменения в экономику всей страны, с другой.

Понять то новое, что имеется на этом этапе в целом, является чрезвычайно важным теоретически и политически.

---

[1]) *Ленин*, т. XVIII, ч. II, стр. 140.

[2]) Там же, с. 144.

[3]) Ленинский сборник, XIII.

[4]) Тезисы т. Яковлева к XVI с'езду ВКП(б).

Мы имеем некоторые попытки в нашей литературе оценить *в целом* этот новый этап в развитии экономической политики. Такую попытку мы имеем в статье тов. Бухарина «Великая реконструкция», помещенной в «Правде». Остановимся на некоторых положениях этой статьи. Тов. Бухарин говорит о том, что этот новый этап «неожиданный», «непредвиденный», «непредусмотренный», который «мирно дремал где-то в тяжелых складках истории и вдруг выполз наружу». Верно ли это утверждение? Думается, неверно. Конечно, всякий новый этап приносит с собой нечто принципиально новое и в этом смысле неожиданное, однако, ведь нельзя, с другой стороны, и отделять новый этап китайской стеной от всего того, что было до его наступления. В этом отношении решительно неправ тов. Бухарин, указывая, что этот поворот «где-то мирно дремал в тяжелых складках истории». Несомненно, что мысль *правых оппортунистов* в нашей партии в свое время «дремала в тяжелых складках истории». Но необходимость поворота не свалилась на *партию*, как гром с ясного неба, как это выходит у тов. Бухарина. Не будучи в состоянии об'яснить наступление нового этапа на основе развития предшествовавшей *политики партии*, тов. Бухарин, естественно, продумывает, что мы вошли в новый этап «через ворота чрезвычайных мер». Такое «простое» и «чрезвычайное» вступление в новый этап заставляет искать и «чрезвычайное» (чрезвычайно «революционное»!) содержание нового этапа. И тов. Бухарин находит это новое содержание в «антикулацкой революции», во «втором массовом процессе экспроприации кулачества».

Основное содержание нового этапа тов. Бухарин видит в «антикулацкой революции».

Это неправильно. Мы сейчас приступили к *ликвидации кулачества как класса*, развитие которого мы в определенных размерах допускали до сих пор, хотя и вытесняли, ограничивали. Но если охарактеризовать новый этап, как антикулацкую революцию, и *к этому* сводить основное содержание нового этапа, то естественно возникает вопрос,—а что же до настоящего времени мы кулака развивали? Остается только один вывод, с точки зрения тов. Бухарина, что мы кулака развивали, с ним обнимались, иначе не понадобилась бы антикулацкая революция.

Мы до настоящего времени не развивали кулака, а его вытесняли и ограничивали. До нового этапа, в который мы вступили примерно в 1928/29 г., деревня все же абсолютно выделяла капиталистические элементы, потому что она развивалась на основах мелкого товарного производства. Мы в основном на предшествующем этапе нэпа не могли поставить перед собой задачу *выкорчевывания корней капитализма*, а поэтому и задачу *ликвидации* кулачества как *класса*. В этом отличие той политики, которую мы проводили в отношении кулачества до этого периода, и той политики, которую мы начали проводить в период сплошной коллективизации крестьянского хозяйства.

Некоторые товарищи в настоящее время считают, что говорить о том, что капиталистические элементы раньше развивались, что хотя они относительно и уменьшились, но абсолютно все же возрастали—является грехом. В частности, тов. Розенталь в «Большевике», в статье «О барабанном бое и полемическом задоре», бросает мне обвинение в том, что я указываю на эту черту, имевшую место в прежний период нашего развития,—именно на некоторый абсолютный рост капиталистических элементов. Каюсь, что я действительно писал в прошлом году, что предшествующий период давал некоторый абсолютный рост капиталистических элементов и что это было одной из причин обострения классовой борьбы. По этому поводу тов. Розенталь восклицает:

> «Борилин иначе, как абсолютным ростом капиталистического сектора, не мог об'яснить обострения классовой борьбы. Невероятно (?!), но факт». (Стр. 100).

Приходится поистине поражаться такого рода обвинению. Верно, что нельзя об'яснять обострения классовой борьбы только абсолютным ростом капиталистических элементов. Но этого мною и не делалось. Первая главная причина этого обострения заключается в нашем решительном наступлении на капиталистические элементы. Но нельзя отрицать действия и того факта, что абсолютно некоторый рост капиталистических элементов происходил. На закономерность выделения капиталистических элементов из простого товарного хозяйства не раз указывал Ленин. Тов. Сталин на апрельском пленуме ЦК в 1929 г. говорил:

> «Чем об'ясняется это обострение (классовой борьбы)?
>
> Двумя причинами.
>
> Во-первых, нашим продвижением вперед, нашим наступлением, ростом социалистических форм хозяйства и в промышленности, и в сельском хозяйстве, ростом, который сопровождается соответствующим вытеснением соответствующих отрядов капиталистов города и деревни...»
>
> Во-вторых, тем, что капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены, они сопротивляются и будут сопротивляться социализму... А сопротивляться они могут пока еще, так как, несмотря на падение их удельного веса, абсолютно все-таки растут...»
>
> «Вот в чем механика обострения классовой борьбы и сопротивления капиталистов в данный исторический момент». [1]).

Казалось бы ясно, что известный абсолютный рост (при относительном уменьшении удельного веса) капиталистических элементов имел место в предшествовавший период нэпа и что он вместе с первой и основной причиной, заключающейся в решительном наступлении социализма на капиталические элементы, должен был неизбежно вести к обострению классовой борьбы в стране.

Именно так дело и изображено в моей статье, как это, впрочем, видно и из цитат, приводимых самим тов. Розенталем (см. стр. 100 его статьи). Но товарищ Розенталь «удивляется». Мало того, возмущается, негодует. «Ведь это же неслыханно и чудовищно!»—восклицает он.

Нужно напомнить, что мы ботинок не износили с тех пор, как обвиняли тов. Бухарина и его сторонников в том, что они не поняли того, что капиталистические элементы до тех пор, пока существует простое товарное хозяйство, должны в абсолютной мере возрастать, что иначе думать — значит впадать в оппортунизм, отказываться от марксизма. Мною и было сказано это именно по поводу тезисов Бухарина, выставленных на апрельском пленуме.

Выступление тов. Розенталя поэтому нельзя понять иначе, как попытку защитить один из тезисов тов. Бухарина, который был отвергнут партией и который сводился к тому, что капиталистические элементы не обязательно должны вырастать из простого товарного хозяйства.

Тов. Розенталь «обосновывает» свое нападение тем положением, что «у нас примерно с 1926/27 г. происходит абсолютное сокращение капиталистического сектора в народном хозяйстве». Но, во-первых, тов. Розенталь знает, что у меня в статье речь идет о всем периоде нэпа, предшествующем наступлению периода особенно резкого обострения классовой борьбы в реконструктивный период. А, во-вторых, и здесь тов. Розенталь замазывает тот факт, что с 1926/27 г. начал падать абсолютный размер капиталистического сектора только в частной торговле; с 1927/28 г. контрольные цифры показывают падение абсолютного размера и в частнокапиталистической промышленности. Что же касается основной базы капитализма в нашей стране — сельского хозяйства, то абсолютное сокращение капиталистических элементов здесь мы начали наблюдать, по сути дела, только со времени упомянутого обострения классовой борьбы, когда мы и вступили в новый этап нашего развития.

В контрольных цифрах на 1928/29 г. мы читаем:

> «До 1927/28 г. положение сельскохозяйственного мелкотоварного и полунатурального производства порождает больше элементов капиталистических отношений, нежели социалистических (колхозы). Производственная база обобществленного сектора еще столь слаба, что она пока не служит сколько-нибудь серьезным противодействием развитию капиталистических отношений» [1]).

Зачем понадобилось т. Розенталю скрыть эти факты?

Если т. Бухарин в свое время не видел неизбежного роста кулачества, капитализма из простого товарного хозяйства, то сейчас положение, которое он выставляет как-будто бы прямо противоположно тому положению, которое он раньше выставлял. Раньше, по т. Бухарину, кулак был «совсем маленьким», и был «кругом социализм». Теперь, оказывается, требуется для спасения социализма целая антикулацкая революция, так как, очевидно, кулак рос таким образом, что без революции никак не обойтись. Такая точка зрения неверна. Только в очень ограниченной мере можно охарактеризовать то, что у нас происходит, как антикулацкую революцию.

Процесс коллективизации, проведение политики ликвидации кулачества как класса органически вытекают из развития того реконструктивного периода, в котором мы находимся. В этом существенное.

Реконструктивный период означал гигантское развитие нашей промышленности, огромное укрепление позиций социализма в городе, и это, несомненно, обострило противоречие между развитием в области промышленности и тем отсталым земледелием, которое характеризует мелкое крестьянское хозяйство. Поэтому по мере развития реконструктивных процессов страна вплотную подошла к возможности и необходимости разрешения этого противоречия и к осуществлению задачи коллективизации сельского хозяйства.

Таким образом, важнейшую роль в подготовке массовой коллективизации сыграла прежде всего промышленность. Но не нужно мыслить дело таким образом, что промышленность «автоматически» подвела деревню к социализму. Эту мысль можно встретить в ряде выступлений правых товарищей.

Весьма ошибочным является представление, что развитие крупной промышленности порождает «само по себе» коллективное хозяйство в деревне. Трактор сам по себе не дает еще социализма. Тракторизация может привести и к капиталистическому земледелию. Поэтому весьма упрощенным теоретически, а политически вредным, является следующий тезис, который мы находим в одном документе правых оппортунистов в 1929 г.

> «На прошлом этапе развития,—читаем мы там,—главной формой обобществления в деревне была кооперация в товарообороте, и до «открытия» машинно-тракторных станций колхозы не могли играть такой роли, как теперь». (Бухарин, Рыков, Томский).

Интересно, что такое же об'яснение коллективизации мы встречаем и в некоторых буржуазных источниках. Так, английский журнал «Экономист» пишет:

> «Успех эксперимента Маркевича заключается в его открытии, что тракторная энергия, применяемая в крупном сельском хозяйстве, так же легко может направляться от одной центральной станции, как и электричество. Это простое открытие было воспринято большевиками с огромным энтузиазмом, которые верят в то, что этим открытием, наконец, найдена

---

[1]) Сталин, О правом уклоне в ВКП(б). Стр. 13. (Курсив наш. *Б. Б*)

---

[1]) Контрольные цифры на 1928/29 г., с. 94. (Курсив наш. *Е. Б.*)

столбовая дорога к социалистическому земледелию. Более чем вероятно, что Маркевич займет в истории социализма место на ряду с «рочдельскими пионерами». Большевики с обычной своей настойчивостью сосредоточили свою энергию на организаций тракторных станций и подвижных тракторных колонн. Эти энергичные мероприятия были настолько успешными, что весной и летом 1929 г. число колхозов удвоилось, число охватываемых ими хозяйств увеличилось в пять раз, а посевная площадь выросла в семь раз». [1]).

Бесспорно, что машинно-тракторные станции играли и играют большую роль в организации колхозов. Но можно ли этим одним об'яснить все процессы коллективизации нашей деревни, все то особенное, что характеризует новый этап нашей экономической политики?!

К коллективизации и к новому этапу подвела нас целая совокупность мероприятий нашей политики, целая совокупность условий, созданных предшествующим периодом. Среди этих условий мы должны иметь в виду, прежде всего, огромную реконструктивную роль нашей промышленности, тракторы и комбайны, которые мы дали сельскому хозяйству. К этим условиям мы должны отнести национализацию земли, политику неустанной классовой борьбы против кулачества, осуществление кооперативного плана Ленина. К этим условиям надо отнести работу старых совхозов, колхозов и машинно-тракторных станций, которые оказывали свое влияние на крестьянство. Только если взять всю эту совокупность условий, которые характеризовали предшествующий период, можно правильно понять закономерность наступления нового этапа. В совокупности этих условий, конечно, на первое место нужно поставить реконструктивную роль нашей промышленности, ее гигантское развитие. Это развитие дало нам возможность и заставило перейти к политике развития совхозов и усиления колхозного движения.

При этом нельзя думать, что то, что сделано промышленностью в отношении помощи сельскому хозяйству настолько достаточно, что дальше все пойдет своим чередом, «самолетом». Несомненно, нужны еще огромные усилия в этом же направлении со стороны нашей промышленности, ибо главная основа, которая укрепит окончательно колхозное движение, это—высокая техническая база сельского хозяйства, которая должна быть создана развитием нашей промышленности. Отсюда огромная важность задачи дальнейшего развития высоких темпов роста промышленности.

То, что промышленность дает крестьянству в настоящее время, представляет гигантский шаг вперед по сравнению с тем, что было в восстановительный период нэпа. Поэтому мы имеем и такие революционные процессы в сельском хозяйстве. Но не менее велики и те задачи, которые перед нами еще стоят в отношении развития промышленности для сельского хозяйства. Возьмем вопрос о конкретной помощи сельскому хозяйству тракторами, химией, электричеством. Нельзя сказать, что то количество тракторов, которое мы дали крестьянству до настоящего времени, вполне достаточно для того, чтобы упрочить колхозное движение. Мы сейчас только подходим к той цифре, о которой говорил т. Ленин—100 тысяч тракторов. Но если мы сравним это количество с тем количеством тракторов, которым обладают САСШ, то разница получится очень существенная: в 1930 г. в САСШ будет до 900.000 тракторов [2]). Правда, эффективность использования тракторов у нас благодаря нашему строю производства повышается, по сравнению с Америкой, но разница тем не менее остается большой.

---

[1]) «Economist», 4 января 1930. Revolution by tractor, с. 7.

[2]) На 1 января 1929 г. на всех фермах САСШ числилось 852.989 тракторов. См. Эдвин Норс, Сельское хозяйство. Новейшие изменения в экономике САСШ, т. II, с. 170.

Если взять минеральные удобрения, то в прошлом году мы удовлетворили сельское хозяйство только на 25%, а план известкования был выполнен только на 6,4%.

Больше всего мы отстали в помощи сельскому хозяйству в деле электрификации. Здесь мы находимся только в самом начале пути.

Уже из одного этого следует сделать вывод, что одними тракторами и новой техникой не об'яснишь всего того, что произошло в деревне. Игнорировать процессы классовой борьбы и всю социально-экономическую обстановку, в которой находилось крестьянство и которая подвела к коллективизации, было бы ошибочным и означало бы как недооценку того огромного воздействия, которое промышленность еще должна произвести на сельское хозяйство, так и того значения, которое имеют в деле коллективизации, целый ряд других факторов, помимо промышленности и новой техники.

Ясно, что в подготовке нового экономического этапа принимали участие целый ряд условий: огромные темпы развития нашей индустрии, развитие кооперации, классовая борьба, то воздействие, которое оказывали старые колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции и т. д. Все это вместе взятое и подготовило тот новый этап, в который мы вступили.

⁂

Очень важной задачей является понять своеобразие новых общественных отношений, которое мы имеем в области сельского хозяйства, и те новые черты, которые наблюдаются в развитии нашей промышленности и в общей системе народного хозяйства. Это является не менее важной задачей, нежели понять закономерность наступления нового этапа.

Мы встречаем сейчас в деревне целую систему новых общественных отношений производства, находящихся в процессе «становления». Новые отношения в экономике сельского хозяйства решительно изменяют соотношение различных элементов и типов хозяйства в деревне. Здесь перед нами возникает вопрос относительно качества тех новых социалистических форм хозяйства, которые в деревне растут, возникает вопрос относительно различия в этих формах, ибо социалистические формы в хозяйстве крепнут и развиваются сейчас таким образом, что мы имеем разные ступени коллективизации. Например, зерновые районы характеризуются наиболее высокой ступенью коллективизации и дошли до уровня сплошной коллективизации, чего нельзя сказать о ряде других районов.

В различных районах причины, которые привели крестьянство к коллективному сельскому хозяйству, не всегда однородны. В различных районах мы имели различную крепость партийных и бедняцких организаций, различную интенсивность проведения борьбы с кулачеством, различную степень развития кооперации и т. д., т.-е. различную силу действия тех именно факторов, которые подготовили коллективизацию. Напр., на Кубани мы и ранее имели до 30% коллективизированных хозяйств. Естественно, что эти колхозы подготовили почву для сильного развития коллективного хозяйства и при этом на высокой ступени. В ряде мест, как это показал опыт Шевченковского совхоза, огромную роль играли машинно-тракторные станции. Но опять-таки нельзя было бы сказать, что всюду, где развились колхозы, существовали машинно-тракторные станции. Если взять колхозы на Урале, то там они в значительной мере возникали в результате упорной классовой борьбы на основе простого сложения крестьянских орудий производства, о котором говорил т. Сталин.

Таким образом, следует видеть различие условий коллективизации в разных районах.

Понятно, что и формы об'единения в различных местах неодинаковы. Однако, в основном следует различать три формы об'единений: общество по совместной обработке земли, артель и, наконец, высший тип колхозного об'единения — коммуну. Наряду с колхозными об'единениями мы встречаемся с огромным количеством совхозов, которые представляют собой государственные социалистические сельскохозяйственные фабрики в собственном смысле слова.

Вот те главные социалистические формы, которые имеют место в деревне в настоящее время.

Они отличаются друг от друга прежде всего степенью обобществления средств производства.

Другим важным вопросом при изучении новых общественных отношений в деревне является вопрос о размерах колхоза и социалистической хозяйственной единицы вообще. Мы встречаем положение, когда оптимальная величина колхоза, не механизированного, равняется 15 — 30 тыс. га (Нижняя Волга). Однако, развитие это определяется целым рядом условий и в первую голову техническими условиями. Это в достаточной степени подтверждено практикой «гигантомании».

Преимущества, которые таит подлинно крупное машинизированное сельское хозяйство, впервые раскрываются в нашей стране. Маркс доказывал необходимость победы крупного сельского хозяйства, но марксисты не могли никогда, конечно, учесть в такой мере преимущества крупного сел. хозяйства, как они обнаруживаются на развитии нашего сельского хозяйства. Здесь, конечно, огромное значение имеет вся система, экономическая и политическая, в которой живет наше крестьянство и, в первую голову, национализация земли, котрая не ставит никаких границ собственности для создания крупного хозяйства.

Достаточно указать только на такую «мелочь», как переброска тракторов, которая у нас практикуется. Мы имеем огромные возможности в смысле максимального использования нашего тракторного парка.

Наряду с колхозами и совхозами нельзя забывать еще ряд других, более простых форм кооперативных об'единений: снабженческо-сбытовую, сельско-хозяйственную и кустарно-промысловую кооперацию. Недооценка роли кустарно-промысловой кооперации совершенно недопустима, ибо через участие в кустарно-промысловой кооперации можно втягивать огромную массу кустарей в производство кооперативное, становящееся все более и более социалистическим производством.

Чем дальше будет укрепляться общественный сектор сельского хозяйства, тем все больше между отдельными формами общественных и хозяйственных организаций в деревне будет устанавливаться тесная связь и, несомненно, будет обеспечиваться, при правильной политике, восхождение на все более высокую ступень коллективизации в целом. И здесь передовая роль совхозов и машинно-тракторных станций является гигантской.

Всем этим не исчерпываются новые формы общественных отношений, которые характеризуют современную деревню, остается еще чрезвычайно важная и обширная сфера новых отношений, возникающих между социалистическими и становящимися социалистическими формами производства, с одной стороны, и индивидуально-крестьянским хозяйством — с другой. Нужно добиться того, как говорит Ленин, чтобы

> «крестьянин видел в каждой коммуне, артели, товариществе союз, отличающийся не тем, что он получает казенное пособие, а тем, что в нем собраны лучшие представители рабочего класса, не только проповедующие социализм для других, но и умеющие осуществлять

> его сами, умеющие показать, что они даже при худших условиях умеют коммунистически хозяйничать и помогать, чем могут, окрестному крестьянскому населению. По этому пункту не может быть никаких оговорок, тут нельзя ссылаться на бестоварье, на отсутствие семян или на падеж скота. Здесь мы получаем проверку, которая, во всяком случае, позволит нам сказать определенно, насколько мы практически овладели той трудной задачей, которую мы перед собой оставили» [1].

В отношениях между обобществленным сектором и индивидуальным крестьянством должен складываться новый, переходный к коллективистическому, тип связи между средствами производства и рабочей силой.

Здесь же возникает вопрос относительно контрактации.

Ни в коей степени нельзя мыслить развитие и укрепление социалистического сектора хозяйства, как некоторый мирный и спокойный процесс. Само собой разумеется, что внедрение коллективизации будет итти в обстановке классовой борьбы. Игнорирование этого факта было бы в высшей степени пагубно.

Все это приобретает особенное значение в связи с вопросами организации труда внутри колхоза, установления определенных форм оплаты, обобществления фондов и т. д.

Продолжительное время мы будем иметь и внутри колхозов как бы параллельное существование индивидуального и коллективного хозяйства. Процесс борьбы этих двух «половинок» и будет процессом социалистической переделки крестьянина.

С полной определенностью можно сказать, что колхоз является новой более высокой формой движения производительных сил сельского хозяйства. Если первое время колхозы в ряде мест дают ряд дополнительных издержек производства, если кое-где они первое время даже отстают от индивидуального хозяйства (напр., по техническим культурам), то по истечении определенного времени, когда происходит процесс укрепления колхоза, колхозы дают решительное повышение эффективности. Но и на первых порах очень часто колхоз дает значительное увеличение урожайности, понижение себестоимости и т. д.

Преимущества крупного производства в совхозе могут быть продемонстрированы на ряде показателей. Урожайность в зерносовхозах по сравнению с окружающими крестьянскими хозяйствами выше на 30%. Себестоимость пшеницы в совхозе «Гигант» в два раза ниже помещичьего хозяйства довоенного времени.

В связи с бесспорным вопросом о преимуществах крупного хозяйства в деревне курьезное зрелище представляют попытки социал-демократической прессы всячески замазать этот факт путем простого «отрицания». Так, в упомянутой уже выше статье мы читаем, что никаких преимуществ перед индивидуальным хозяйством колхоз в России не имеет, а даже наоборот.

Но уже опыт простого об'единения крестьянских средств производства в ряде мест с несомненностью показывает, что мы здесь имеем значительное повышение производительности и эффективности хозяйства.

Автор этой же статьи ссылается на указание т. Ярославского в одной статье, где последний говорит, что себестоимость пшеницы в одном из крупнейших колхозов ниже, нежели в крестьянских хозяйствах. Из этого автор статьи делает такой вывод: раз Ярославский сказал, что себестоимость в одном из крупных колхозов ниже, нежели в крестьянском хозяйстве — значит в других колхозах она выше [1]). Такое заключение является поистине смехотворным.

---

[1] Ленин, т. XVI, с. 399.

При правильной организации крупные хозяйства должны явиться формой мощного развития производительных сил в деревне.

Гигантская перестройка, происходящая в области общественных отношений в деревне, означает, что самая структура сельхозпроизводства сейчас принципиально изменилась. Сейчас «меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР» (тезисы т. Яковлева).

Решающий сдвиг в сельском хозяйстве изменяет принципиальную картину всего народного хозяйства. Сила, удельный вес различных эконономических укладов иные, нежели в начале развития нэпа.

В зерновых районах в основном мы имеем разбивку на два сектора, при чем обобществленный сектор является в достаточной мере мощным. Таким образом, тут картина качественно иная, нежели та, которая была до настоящего времени.

Это, как известно, изменяет постановку вопроса о политической опоре советской власти в деревне. В районах сплошной коллективизации крестьянин-колхозник стал действительной и прочной опорой советской власти.

Чрезвычайно важно учесть ту мозаичность различных форм хозяйства и, в первую голову, форм обобществленного сектора, которая создана в деревне в результате наличия разных ступеней обобществления производства в сельском хозяйстве. В сложной картине, которую представляет современная деревня можно ясно прощупать основную тенденцию ко все большему укреплению более высоких форм об'единений. Но ни на одну минуту не следует упускать из виду мозаичность и сложность переплета различных форм в настоящее время. Если взять общество по совместной обработке земли, то это нечто иное, нежели коммуна. Таким образом, целый ряд естественных переходов в колхозном движении требует своего внимательного изучения.

Чрезвычайно острая задача, которая возникает, это — задача борьбы колхозов с кулачеством, кулачеством, которое еще продолжает существовать в ряде районов и которое также будет вести борьбу против коллективизации.

Подводя итог основным изменениям в производственных отношениях деревни, можно сказать, что несмотря на те трудности, которые предстоят по линии ожесточенной классовой борьбы с кулачеством, коренной перелом в крестьянстве, поскольку мы имеем уже сплошную коллективизацию сельского хозяйства в основных зерновых районах, уже произошел. Поэтому можно с уверенностью сделать и тот вывод, что этап, который мы переживаем, является процессом дальнейшего развития, а затем и завершения постройки социалистического фундамента общества, т.-е. осуществления той основной задачи, которую пролетариат поставил перед собой в переходный период.

Ленин говорил, что нэп представляет собою переход от военного коммунизма к социалистическому продуктообмену или к «социализму, с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении (т. XVIII, ч. 1, с. 214)» Новый этап, характеризующийся, прежде всего, гигантскими сдвигами в сельском хозяйстве, и подводит нас вплотную к осуществлению этой цели, поставленной пролетариатом в нэпе и формулированной т. Лениным.

* * *

Отношения между сельским хозяйством и промышленностью, как они сложились в первый период нэпа, не могли не претерпеть серьезных качественных изменений в связи с процессами коллективизации. Возьмем, например, проблему отношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Эта проблема сейчас стоит значительно иначе, нежели раньше. Прежде всего, фактическая картина отношения между индексами цен сельскохозяйственных и промышленных товаров значительно изменилась. Если взять продовольственные продукты сельскохозяйственного происхождения, то в течение года цены на них повысились примерно на 17%. Значительное повышение цен, мы имеем и по продуктам, представляющим сельскохозяйственное сырье для промышленности. Это существенно изменяет проблему. С другой стороны, цены для нас не являются в настоящее время таким орудием воздействия на крестьянское хозяйство, каким они являлись в прежнее время — первый этап нэпа. Мы имеем в большей мере иные формы и средства связи с сельским хозяйством, нежели воздействие на него через политику цен. Конечно, существования рынка и цен в течение еще определенного времени нельзя недооценивать, но нельзя и не видеть того, что сейчас есть налицо и иные способы воздействия на крестьянское хозяйство.

Вопрос о товарности крестьянского хозяйства приобретает сугубо важное значение с точки зрения новых связей между сельским хозяйством и промышленностью. Здесь целый ряд вопросов еще является неясным, но, несомненно, мы должны исходить из того, что коллективное хозяйство, которое укрепляется, несмотря на усиление потребительских тенденций в первое время, должно дать значительное увеличение товарности сельскохозяйственного производства и, следовательно, должно дать усиление «обмена веществ» между сельским хозяйством и промышленностью. Опыт колхозов 1928 — 29 г. показывает на значительное усиление товарности по сравнению с крестьянским хозяйством (в ряде случаев процентов на 50). Ясно, что и новые колхозы, которые возникли в 29/30 году, должны будут итти по пути усиления товарности колхозного сектора должны быть нормированы и вмешательством государства.

Несмотря на значительные ошибки, которые были сделаны в ряде мест в отношении контрактации, несмотря на недооценку, которая кое-где существовала, контрактация должна в дальнейшем своем развитии весьма существенно изменить картину отношений между промышленностью и сельским хозяйством. Это в основном будет тип организованной связи между сельским хозяйством и промышленностью. Если сравнить ее с рыночным обменом, который имел место в первом этапе, то мы будем здесь иметь все большее приближение к тому социалистическому продуктообмену, о котором говорил т. Ленин. Именно контрактация является той формой, через которую этот социалистический продуктообмен будет все более и более укрепляться.

С контрактацией мы сталкиваемся и в капиталистических странах, так, в Америке тресты (сахарный, табачный и др.) связываются с окрестным крестьянством, с фермерскими хозяйствами на основе известной договоренности. Но наша контрактация представляет собою качественно отличную форму связи. Не говоря уже о классовой природе этой связи, советский тип контрактации представляет собой организованные отношения в собственном смысле слова, в то время как в капиталистических странах отношения контрактации являются лишь одним из моментов в общей цепи анархо-капиталистических отношений.

---

[1]) Agrarsozialismus in Russland. «Gesellschaft», April. 1930, c. 342, 343.

Огромное значение приобретает проблема **перелива труда** из сельского хозяйства в промышленность, который всегда происходит в связи с индустриализацией и который имеет место и у нас. Еще продолжительное время сельское хозяйство будет поставлять известный избыток труда в промышленность. Источником безработицы у нас является, прежде всего, аграрное перенаселение. Аграрное перенаселение—явление, присущее и капиталистическому земледелию. В этом смысле можно провести некоторую аналогию с капиталистическими странами. Там сельское хозяйство также поставляет свободные рабочие руки для промышленности. Но отношения, которые возникают сейчас в связи с расширением колхозного движения, наносят **закону стихийного отлива** труда из деревни решительный удар. При все большей организации и развитии колхозного движения отношения обмена трудом между промышленностью и сельским хозяйством будут развиваться на рельсах организованных отношений. Мы в состоянии **сознательно и по плану организовать этот поток** рабочей силы, использовав часть рабочей силы в сельском хозяйстве и забирая необходимое количество рабочих рук для нашей промышленности.

Развитие колхозного движения нанесет **последний** удар **и закону стоимости рабочей силы** в СССР, ибо если господство закона стоимости рабочей силы было в основном ликвидировано социалистическими отношениями в промышленности и нашим трудовым законодательством, то сейчас закону стоимости рабочей силы наносится последний удар **с другого конца**, со стороны до сих пор перенаселенной деревни.

Закон стоимости рабочей силы управляет движением заработной платы в капитализме. Изменения зарплаты в условиях капиталистического хозяйства определяются, прежде всего, наличием резервной рабочей армии, источник которой лежит, с одной стороны, в вытеснении рабочих новой техникой в промышленности, с другой—в том избытке рабочих рук, которые выбрасывает сельское хозяйство в город. Положение о законе капиталистической резервной армии было развито Марксом и позаимствовано у него даже некоторыми буржуазными экономистами. Так, немецкий экономист Франц Оппенгеймер построил даже специальную теорию зарплаты, которая, по его мнению, в капиталистическом обществе определяется тем уровнем зарплаты, который существует у последнего сельскохозяйственного пролетария-батрака или кули, как он его называет (Grenzkuli).

Представим себе всю систему зарплаты, говорит он, в виде пирамиды, основанием которой является зарплата этого кули. «Если базис пирамиды заработной платы повышается, то вместе с ним подымаются и все верхние этажи»[1]). Вот в каком виде преподносит этот буржуазный экономист идею Маркса о влиянии избытка рабочей силы в сельском хозяйстве на уровень зарплаты при капитализме.

Если мы теперь возвратимся к картине, которая возникает у нас в связи с коллективизацией, то ясно, что здесь закону стоимости рабочей силы будет нанесен последний удар.

С другой стороны, по-новому ставится и вопрос об **урбанизации населения**. Этот процесс, который имеет место во всех индустриализируемых странах, должен будет протекать у нас в связи с новым типом сельскохозяйственных отношений значительно иначе. Большинство населения, конечно, с течением времени будет занято у нас в индустрии. Но в капиталистических странах перелив труда в города происходит посредством применения методов эксплоатации сельского хозяйства, посредством хищнического

высасывания всех соков из деревни. В связи с новыми типами отношений между сельским хозяйством и промышленностью становится все более ясным, что развитие наших городов, конечно, не будет итти тем же путем создания огромных городских центров, играющих роль «пауков» в отношении сельского хозяйства. Даже вопрос о количественных закономерностях этого процесса будет стоять иначе, так как мы ставим перед собою задачу не только развития городов, но и задачу индустриализации самого сельского хозяйства в таких размерах, на которые капиталистические страны совершенно не способны.

Было бы грубой ошибкой не видеть **диспропорции** в развитии, которая существовала до настоящего времени и дает себя чувствовать и сейчас между промышленностью и сельским хозяйством. Если взять текущую конъюнктуру в течение первого полугодия, то мы имели превышение плана увеличения продукции со стороны легкой индустрии, но в течение второго полугодия мы будем иметь простои вследствие **недостатка сельхозсырья**. Тут некоторую роль сыграли ошибки, сделанные на местах, просчеты в планировании, но решающую роль играет безусловно **отставание** мелкого раздробленного хозяйства от быстро развивающейся индустрии. Эту диспропорцию нужно ясно видеть.

Но чрезвычайно важно отметить (против всех сторонников теории «узких мест»), что мы в настоящее время обладаем **иными способами ликвидации** этой и других диспропорций, нежели те, которыми мы обладали до сих пор. Раньше установление связи между промышленностью и сельским хозяйством производилось преимущественно **через стимулирование и развитие индивидуального крестьянского хозяйства, через рынок**. На этом **обходном** и относительно **длинном** пути мы достигали воздействия на экономику сельского хозяйства. Теперь же мы ставим перед собою задачу развития колхозного движения. В связи с этим мы можем разрешать диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью на другом пути и **более быстрым** способом, нежели раньше. Здесь возникают огромнейшие возможности **непосредственного** воздействия на сельское хозяйство, а благодаря наличию крупных хозяйств неизмеримо более быстрого темпа изживания диспропорций. Этим в большей степени об'ясняется и то, что мы в настоящее время, несомненно, имеем огромное **расширение** возможностей нашего **планового** воздействия на народное хозяйство вообще.

⁂

Неоднократно подчеркивались особенности развития в области **промышленности** в реконструктивный период. Однако, новый этап реконструктивного периода привносит **новые черты** и в развитие самой промышленности. Здесь, прежде всего, нужно отметить **темпы** развития нашей промышленности. Новый этап должен нам дать **укрепление политики высоких темпов** развития нашей промышленности. В этом отношении огромное значение приобретают **новые предприятия**. Как известно, по группе «А» (тяжелой индустрии) процент новых предприятий равен 10,9, по группе «Б» — 16,2. Но развертывание капитального строительства, организация новых предприятий означают открытие новых огромных ресурсов в деле развития высоких темпов индустриализации. Если на старой технике, на использовании основного капитала, который остался от прошлого, были доказаны несомненные преимущества социалистической системы, то эти преимущества скажутся в еще большей степени, когда в ход будут пущены новые предприятия с новой высоко-развитой техникой[1]).

---

[1]) Franz Oppenheimer, Das Grundgesetz d. Marxcschen Gesellschaftslehre, c. 127.

[1]) На это обстоятельство обращает внимание т. Манюрин в своей статье в «Большевике», № 9.

Таким образом, на новой ступени продолжается соревнование с капиталистическим миром и демонстрируются преимущества нашей системы в области промышленности.

Но не только в области движения производительных сил и в отношении темпов нашего дальнейшего развития мы имеем нечто новое по сравнению с предшествующим этапом. Если мы возьмем форму организации труда в промышленности, то, несомненно, глубоко ошибочным было бы недооценивать новые формы, которые развиваются на наших глазах. Эти два процесса связаны друг с другом теснейшим образом—высокие темпы развития нашей индустрии связаны с социалистической организацией и с теми новыми формами труда, которые в промышленности возникают, и наоборот.

Если взять только сухое перечисление новых отношений в области промышленности — 7-часовой рабочий день, непрерывка, соцсоревнование, ударничество, доведение промфинплана до цеха и станка, то совершенно несомненно, что это глубокие качественные сдвиги экономического, структурного порядка.

Наша промышленность все более становится единым планово-работающим организмом, а достижение этого как раз и есть начало разрешения коренной задачи, которая всегда в области развития нашего хозяйства перед нами стояла. Ленин говорил:

> «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи» [1].

Анализируя новые формы отношений в нашей промышленности, нельзя не притти к выводу, что эта основная задача осуществляется во все большей и большей мере. Здесь происходят не только количественные, но и качественные сдвиги, ибо доведение промфинплана до станка означает, что действительно план начинает охватывать миллионы людей, миллионы людей начинают им руководиться и им руководить. Производство становится все более непосредственно общественным, это ощущается прямо физически.

В свое время были длительные споры о единстве регулятора нашей системы. Сейчас спор этот разрешен практически. Сама жизнь продемонстрировала, что в нашем хозяйстве есть безусловное единство регулирования, которое выражается в нашем народно-хозяйственном плане. Чем дальше укрепляется промышленность, чем дальше будет коллективизироваться сельскохозяйственное производство, тем все более план будет становиться подлинным единым регулятором нашего хозяйства. Поэтому нужно считать, что совершенно правильно то указание, которое делается в тезисах тов. Шверника, где говорится о все возрастающем значении плана. Последний на длительное время устанавливает отношение между различными элементами народного хозяйства, между промышленностью и сельским хозяйством, накоплением и потреблением и т. д.

Мы осуществили ряд новых пунктов из нашей программы партии. В нашей программе говорится, что необходимо всемерное сокращение рабочего дня. Мы сократили рабочий день до 7-ми часов и, несомненно, скоро будет поставлен вопрос и относительно возможностей дальнейшего сокращения.

---

[1] Ленин, т. XV, с. 125.

В черновом наброске проекта партийной программы, составленном Лениным, говорится о необходимости организации соревнования между производствами, коммунами и т. д. Там мы читаем:

> «Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях» [1].

Мы имеем в области соцсоревнования начало осуществления этой идеи, что до настоящего времени нам было не под силу.

Ленин часто говорил о необходимости «выдержанного», «дисциплинированного» «коммунистического труда» — именно к осуществлению этой задачи мы в области промышленности и приступили. Переходом к новым социалистическим формам труда открывается «новая эпоха в социалистическом строительстве» (тезисы т. Куйбышева).

Ленин указывал на необходимость организации хозяйственного соревнования примером, показом, писал о введении «отчетности и гласности» в хозяйственной работе и т. д. (См. Ленин, т. XV, стр. 211).

Мы к этой задаче также в настоящее время приступили, потому что мы упразднили основное препятствие, которое в капиталистическом обществе стоит на пути общественного развития производства,—упразднение частной собственности и коммерческой тайны. Если социал-демократы говорят относительно хозяйственной демократии в рамках капиталистического общества, то это ничего, кроме обмана не представляет, ибо коммерческая тайна продолжает оставаться святыней для капиталистических предприятий. Как выразился германский капиталист Сименс, капиталисты любят совершать свои дела спокойно и в тишине. (Wir machen unsere Geschäfte viel besser ruhig und im Stillen [2]). Как возможны при существовании частной собственности и коммерческой тайны хозяйственная демократия, контроль масс над предприятиями? Но это может быть осуществлено в нашей системе, и к этому мы сейчас вплотную приступили.

Ленин указывал:

> «коммунизм начинается там, где появляется забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом» (т. XVI, стр. 255).

Доведение плана до станка и цеха означает начало осуществления этой коммунистической идеи.

Сейчас производится организационная перестройка во всем народном хозяйстве. Происходит перестройка нашего хозяйственного аппарата. Достаточно сослаться на кредитную реформу, на централизацию кредитования в руках госбанка. Уже в капиталистическом хозяйстве, в эпоху финансового капитала развивается тенденция к сокращению роли коммерческого и вексельного кредита, но капиталистическое хозяйство, конечно, не в состоянии реконструировать в основном кредитную систему, отказавшись от вексельного коммерческого кредита, составляющего ее базу. Мы же благодаря кредитной реформе в состоянии об'единить все кредитные ресурсы и, следовательно, контроль над тем, что происходит в промышленности и в народном хозяйстве, в одних руках.

---

[1] Ленин, т. XV, с. 163.

[2] Verhandlungen und Berichte des Unterauschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur. Wandlungen in den Rechtsformen der Einzelunternchungen u. Koncerne. Berlin, 1928, c. 430.

Банки, благодаря введению прямого банковского кредитования (по контокорренту), начинают превращаться в «*узловые пункты общественного счетоводства при социализме*», о чем говорил Ленин.

Реформа в области кредита связана с изменениями в области *управления нашей промышленности*. Предполагающаяся перестройка аппарата *плановых органов* также означает переделку всего нашего народного хозяйства в связи с новым этапом.

Конечно, за всеми этими качественными и структурными сдвигами нельзя не замечать *отрицательных* сторон: того, что на ряду с новыми формами мы имеем еще высокую себестоимость, невыполнение качественных показателей в области развития промышленности, недостаточно высокие темпы развития производительности труда, но ясно, что это недостатки организации работы, но не недостатки нашей системы.

Несколько слов о *судьбах рынка* в нашей стране. Конечно, рынок будет еще существовать определенное время и через него будет происходить связь с крестьянским хозяйством. Но новый этап демонстрирует чрезвычайно выпукло *те внутренние границы*, которые развитию рыночных отношений поставлены *нашей экономической политикой и нашим строем*. Мы, например, не смогли, как указывал т. Молотов, путем кредита, рыночным путем произвести мобилизацию средств крестьянского населения так, как мы раньше предполагали. Но то, что нам не удалось на пути *через рынок*, *через кредит*, нам удалось на *другом* пути, на пути *коллективизации сельскохозяйственного производства*. Здесь произошла, как говорит т. Молотов, доподлинно массовая мобилизация средств крестьянского населения. Этот пример показывает на *имманентные* пределы развитию рыночных отношений, которые поставлены нашим строем и нашей политикой.

Новый этап поведет к дальнейшей переделке рыночных отношений. Рыночные отношения еще продолжительное время будут существовать, но это будут не те отношения по существу, которые были в первый период нэпа.

Все это ставит перед нами задачу *изучения новых социалистических отношений*, проблему изучения социализма. До сих пор, к сожалению, этим почти не занимались. Принято считать, что все знают, что такое социализм. Но здесь возникает целый ряд теоретико-экономических проблем. Вся совокупность новых общественных отношений требует своего тщательного теоретического исследования. Это задача современной теоретико-экономической коммунистической мысли. Нельзя сказать, что поскольку рынок уходит в прошлое, поскольку стихия отмирает в нашем хозяйстве, постольку «оголяется» «материально-технический процесс производства», все отношения становятся ясными и простыми и изучать нечего. Это ошибка, которую делал в свое время и еще и сейчас т. Бухарин [1].

Новый общественный строй, вырастающий на наших глазах, нуждается в теоретическом изучении со стороны политэкономии.

У Ленина можно встретить ряд определений социализма.

---

[1] См. *Бухарин*.—Техника и экономика в плановом хозяйстве. «За Индустриализацию»

В «Заметках публициста» (Ленинский сборник XI) Ленин дал определение социализма, как учета и контроля. «*Учет и контроль, как сущность социализма*»,—писал Ленин.

Затем Ленин дает и другое определение социализма. «Социализм есть *уничтожение классов*»,—говорит Ленин.

Наконец, в третьем определении Ленин со всей силой подчеркивает значение нового уровня производительных сил, нового качества техники в будущем социалистическом обществе. «Социализм это — советская власть *плюс электрификация*».

Не стоит искать «противоречий» между этими тремя определениями— они представляют собою *диалектическое единство*. Ясно, что социализм представляет собою такую форму общественного хозяйства, которая основана на плановых началах, предполагает уничтожение классов и является формой мощного развития производительных сил. Социалистические формы возникают на базе производительных сил, созданных еще при капитализме, но социализм создает возможности для нового гигантского развития производительных сил — для электрификации и пр.

Изучение социализма *во всем многообразии* его определений, в закономерностях его *движения*—это та задача, которая в связи с нашим *приближением к социализму* чрезвычайно остро встает в настоящее время перед политэкономией. Когда-то изучением социализма занимались утописты, великие утописты—предшественники марксова социализма, а сейчас этим делом должны заняться марксисты-коммунисты.

Новый этап представляет собою качественно отличный от прежних этапов нашей экономической политики этап развития, *новую ступень в развитии нашей революции*. Самое главное в марксизме — это не раз вспоминалось, — способность познать то особое, специфическое, конкретное, что характеризует каждый данный исторический момент. Также нужно подойти и к новому этапу. Ленин писал: «Волны революции набегают одна на другую не гладко, неравномерно, не по-одинаковому» [1]. Ленин придавал огромное значение вопросу о понимании *разных стадий, ступеней революции*, ибо революция не есть гладкий, спокойный процесс, но процесс ступенчатый, прерывистый, противоречивый.

Мы сейчас переживаем такую стадию нашей революции, когда волна революции набежала чрезвычайно бурно, по-новому, отлично, по сравнению с относительно спокойным течением в другие этапы.

Есть ли этот новый этап возврат к военному коммунизму? Целый ряд буржуазных высказываний о новом этапе за границей, почти все меньшевистские и буржуазные газеты характеризуют нынешний этап, как возврат к военному коммунизму. Уже это должно предостеречь нас от того, чтобы характеризовать этот новый этап, как этап возврата к военному коммунизму.

Военный коммунизм прежде всего характеризовался организацией хозяйства, вызванной условиями гражданской войны. Когда во время военного коммунизма социал-демократы критиковали большевиков за проведение «потребительского коммунизма», то Ленин не отрицал этого потребительского характера системы военного коммунизма. Ленин говорил: вы люди в футлярах, вы обучались по книжкам Маркса, но в этих книжках ничего не поняли. Конечно, социализм даст огромное развитие производительных сил, но сейчас стоит задача спасти *главную производительную* силу — рабочий класс. Вот задача, которая стоит перед нами. Без спасения рабочего класса социализм не построить. Так не раз отвечал Ленин.

---

[1] Ленинский сборник, XI, с. 9.

Военный коммунизм носил на себе черты потребительского коммунизма, созданного условиями гражданской войны. Мы производили «красногвардейскую атаку на капитал», но красногвардейский характер атаки был вызван, в первую очередь, условиями гражданской войны, которые заставили нас наступать на капитал, не заботясь пока о более правильной организации народного хозяйства. Нынешний этап в отличие от военного коммунизма есть этап, подготовленный предшествующим развитием, ростом нашего производства и всего народного хозяйства. Поэтому разговоры о том, что мы возвратились к военному коммунизму, ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом.

Новый этап не означает ликвидации нэпа, но он создает предпосылки для такой «операции» над нэпом. Нэп рассчитан был нашей партией и Лениным, как система мероприятий, которая представляет собою единственно правильную экономическую политику пролетариата в переходный период, рассчитанную на постепенный переход крестьянских хозяйств на крупное обобществленное хозяйство, на индустриализацию страны, на борьбу с капиталистическими элементами и на полную победу над этими капиталистическими элементами.

Достаточно перечислить эти основные задачи, которые стоят перед нэпом, чтобы сказать, что мы живем, конечно, еще в период нэпа. Основные проблемы нэпа не сняты. Не снята проблема «кто-кого», проблема соревнования социализма с капитализмом. И, конечно, т. Богушевский совершает оппортунистическую ошибку, хотя и «левого» порядка, когда заявляет, что проблема «кто-кого» снята.

Если взять проблему союза с середняком, то и эта проблема не снята. Проблема прочного союза с середняком перед нами чрезвычайно остро стоит и в настоящее время. Об этом говорит практика перегибов, которые у нас были на местах, и об этом говорит практика колхозного строительства, ибо мы победим лишь в том случае, если будем проводить правильную ленинскую политику. Колхозное движение будет представлять собою еще целый ряд переходных ступеней или звеньев. Мы никак не можем сказать, что до сих пор мы действовали в отношении крестьянства примером, убеждением и заинтересованностью, сочетанием общественных интересов с частным интересом, а сейчас этого будто бы делать не следует. Окончательное упрочение колхозного движения, социалистическая переделка середняка и окончательная победа социализма невозможны без соблюдения самого строгого принципа союза с середняком. Таким образом, эта проблема не снята. Но она стоит по-новому. Середняк, вошедший в колхоз, превратился из союзника в нашу верную опору.

Проблему рынка тоже нельзя выбросить, сказав, что она не существует. Рыночные отношения теперь представляют собой иные отношения, чем те, которые были в первый период нэпа. Но тем не менее они еще есть.

Все вопросы нашей революции стоят на новой ступени. Теперь, когда мы накопили достаточно сил, когда мы производим решительное социалистическое наступление по всему фронту, мы имеем полное право сказать, что нынешний этап представляет собою последний этап нэпа, после которого, очевидно, речь должна итти о том обществе, в котором будет существовать хотя бы вчерне построенный социалистический фундамент, т.-е. о том «социализме с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении», о котором говорил т. Ленин.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Теория аграрной революции, по т. Крицману.

(По поводу книги Л. Крицмана — «Пролетарская революция и деревня». ГИЗ 1929, стр. 576, ц. 5 р. 50 коп.).

Перед нами сборник работ, написанных автором за период 1923 — 1929 гг. по вопросам аграрной революции и классовых отношений советской деревни. Сборник представляет особый интерес в наши дни, когда во всей политике нашей партии вопросы деревни имеют весьма актуальное значение. Признавая за автором определенные заслуги в области изучения социально-экономических процессов советской деревни, мы не можем пройти мимо ряда ошибочных положений, которые ведут автора в сторону от ленинского понимания ряда важнейших вопросов современности. Не претендуя на исчерпывающий разбор всех ошибочных положений этого капитальнейшего документа аграрной мысли, мы намерены остановиться лишь на некоторых основных, явно немарксистских положениях.

Труды т. Крицмана представляют интерес, тем более, что как в этом признается сам автор в предисловии, они «об'единены определенным пониманием общего характера периода» (стр. 3) и являются результатом творческой мысли одного из виднейших теоретиков Аграрного института Коммунистической академии.

В современном периоде, когда «по-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии» и когда «за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль» (Сталин) — весьма важно подвести некоторый итог работы марксистской мысли, при котором в полосу перехода от восстановительного периода к периоду социалистической реконструкции она очутилась в некотором отрыве от практических успехов социалистического строительства. Тем более это необходимо в такой области, как аграрная, в которой больше всего налицо ломки старого, индивидуального, мелкобуржуазного уклада.

* * *

Основной вопрос, определяющий правильность понимания движущих сил революции — это вопрос о том, к диктатуре какого класса революция приведет. В зависимости от перехода государственной власти от данного класса к другому и определяется характер революции. Марксизм-ленинизм везде переход государственной власти от феодально-помещичьего класса в руки буржуазии характеризует как революцию буржуазную. Революцию же, передающую государственную власть в руки рабочего класса, марксизм рассматривает как пролетарскую, социалистическую. Характер революции показывает, куда идет общественное развитие.

Тов. Крицман, видимо, не любит традиционные, совершенно правильные характеристики революции. Он создает свою особую характеристику и дает свои определения происходящим революциям. Вместо того, чтобы говорить о буржуазной или пролетарской революции, мы получаем или просто «антифеодальную» (стр. 84) или «антифеодальную крестьянскую революцию» (стр. 90), или «противокрепостническую революцию» (стр. 121), «крестьянскую революцию» (стр. 49), «противопомещичью крестьянскую революцию... в самом чистом виде» (стр. 49).

Как видно, перед нами целая гамма различнейших определений революции, направленной против крепостничества и крепостнического государства, Но характерно, что для т. Крицмана понятие революции не заключает в себе проблемы государственной власти. Он рассуждает о революции в ограничительном смысле слова. Если для Ленина «самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти... ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике» (т. XIV, ч. II, стр. 102—103), то тов. Крицман понимает иначе. В его понимании, например, «антикапиталистическая революция пролетариата... была для мелкой буржуазии только.... средством для завершения антикрепостнической революции....» (стр. 6). Одна революция — средство для завершения другой. Это означает, что у т. Крицмана дано совершенно новое понятие революции. Перед нами определение революции, не включающее проблемы захвата государственной власти.

Во всех приведенных определениях революции мы не видим у т. Крицмана положительной характеристики ее Он даже считает, что говорить о буржуазной революции не вполне точно, что точнее говорить об антикрепостнической революции (см. стр. 5).

И в отношении пролетарской революции т. Крицман посвящает все внимание, по аналогии с антифеодальной революцией, — революции антикапиталистической. Но отрицание капитализма не следует понимать, по Крицману, как силу, утверждающую новый общественный строй — социализм. Противокапиталистическую революцию, по Крицману, может вести не только пролетариат, но и крестьянство. Отсюда антикапиталистическая революция, по т. Крицману, не совпадает с понятием пролетарской — социалистической революции. Она может быть революцией социалистической, но может быть и крестьянской—мелкобуржуазной.

> «Противокапиталистическая революция (которая была бы чистой социалистической революцией, если бы не соединялась с противокрепостнической) получила свое выражение прежде всего в том, что крупная промышленность, транспорт, крупная торговля и кредит из рук капиталистов в основной своей части перешли в руки пролетарского государства, разумеется, после того, как пролетариат, опираясь на поддержку крестьянства, завоевал политическую власть.
>
> Противокрепостническая революция (которая была бы чистой буржуазной революцией, если бы не соединялась с противокапиталистической) получила свое выражение прежде всего в том, что сельское хозяйство в основной своей части перешло из рук помещиков в руки крестьянства» (стр. 121).

Как видно, в методологии т. Крицмана имеется определенная последовательность: наряду с абстракцией чистой крестьянской революции он ставит абстракции «чистой социалистической» и «чистой буржуазной» революции. А так как абстракции не находят своего подтверждения в реальной жизни, то они служат лишь критерием для отрицания определенного классового характера происходящих революций. Вместо социалистической и буржуазной революции, мы получаем революции отрицания — феодализма и капитализма.

> «Если антикапиталистическая революция пролетариата была в эпоху гражданской войны средством для антикрепостнической революции основной массы крестьянства, то в силу диалектики революции это означало, что и антикрепостническая революция явилась средством для антикапиталистической революции пролетариата» (стр 6—7).
>
> «Наша революция представляет собой сочетание двух различных и в то же время слившихся революций (противокапиталистической и противокрепостнической) и носит поэтому весьма сложный характер» (стр. 121).

Как видим, «в силу диалектики» (?!) антикапиталистическая и антикрепостническая революции соединяются, синтезируются, но все же социалистической революции мы не получаем, ибо этому мешает в концепции т. Крицмана взаимное проникновение, сочетание двух революций. Вместо того, чтобы поставить вопрос о том, что пролетарская революция разрешила до конца определенные задачи буржуазно-демократического порядка, т. Крицман ставит пролетарскую революцию в зависимость от «крестьянской революции». Получается теория двух «слившихся революций», т.-е. теория, об'ективно отрицающая за нашей революцией социалистический характер.

Можно было бы не задерживаться на этих выводах т. Крицмана, если бы он поставил вопрос о том, что только диктатура пролетариата дает возможность наиболее полно осуществить задачи буржуазно-демократической революции, но в том-то и суть, что т. Крицман из-за двойного характера революции лишает ее определенного классового характера, одновременно выдвигая абстракции чистых революций—буржуазной и пролетарской. Эти абстракции чистых революций, как мы увидим позже, имеют в концепции т. Крицмана большое познавательное значение, но в то же время они лишают его возможности из-за сложного характера нашей революции четко определить ее социальный характер. Вопреки десяткам деклараций т. Крицмана об эпохе мировой пролетарской революции, пролетарская революция России в его же постановке вопроса лишена социалистического характера.

Рассуждая о втором (комбедовском) этапе революции в деревне, т. Крицман ведет начатую линию дальше. Здесь он ставит вопрос об экспроприации крестьянского капитализма — кулаков. При чем эта экспроприация проходила, по Крицману, как «мелкобуржуазная крестьянская экспроприация экспроприаторов-кулаков» (стр. 92).

Перед нами, следовательно, процесс, в котором антикапиталистическая революция по своей социальной природе распадается на социалистическую и мелкобуржуазную экспроприацию капитала. Мы получаем единую антикапиталистическую революцию, разорванную социально-противоположными тенденциями: в городе — обобществлением, в деревне — разделом.

> «При этом, поскольку крестьянская революция была антикапиталистической революцией, она происходила не как пролетарская, а как мелкобуржуазная революция: ее результатом было не обобществление крупного хозяйства, а его раздел» (стр. 37).

Мы видим, что антикапиталистическая революция, по т. Крицману, выступает как революция крестьянская, а не пролетарская. Неверно, прежде всего, само противопоставление «раздела» — «пролетарской революции». Для Ленина политика раздела являлась укреплением диктатуры пролетариата, она являлась политикой отвоевания «у буржуазии и мелкобуржуазной демократии «их» массы, т.-е. массы, шедшей за ними». Пролетариат этого достигал «посредством революционного удовлетворения их (масс. *К. С.*) наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии.

Буржуазия этого сделать не может, хотя бы она обладала какой угодно «могучей» государственной властью» (Ленин, т. XVI, стр. 449).

Как видно, Ленин совершенно по-иному подходит к вопросу об удовлетворении «наиболее насущных экономических нужд» крестьянской мелкой буржуазии. Во-первых, Ленин видит в этом политику отвоевания у буржуазии и мелкобуржуазной демократии масс крестьянства, во-вторых, он не ставит вместо пролетариата, а следовательно, и пролетарской революции крестьянство и крестьянскую революцию, а говорит об экспроприации помещиков и капиталистов пролетариатом. В концепции Ленина, через раздел, через удовлетворение экономических нужд мелкой буржуазии в деревне революция не перестает быть пролетарской. Для него решающее — это государственная власть в руках пролетариата, экспроприирующая и подавляющая помещиков и буржуазию и овладевающая командными высотами экономики для социалистического строительства.

Одновременно политика раздела являлась в руках пролетариата средством укрепления союза пролетариата с основными массами крестьянства.

> «Если конфискация земли у помещиков была первым шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является вторым и при

> том решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР».

Так гласит одно из положений тезисов т. Яковлева к XVI с'езду партии. Конфискация помещичьих земель всегда рассматривается партией, как первый шаг социалистической революции в деревне, а, по т. Крицману, это *лишь* антифеодальная крестьянская революция. Нужно ли распространяться, что комбедовский период Октябрьской революции в деревне являлся дальнейшим углублением ее социалистического характера (см. Ленин, т. XV, стр. 472). То, что т. Крицман проглядел социалистический характер революции из-за политики раздела, — это прямой показатель непонимания ленинской стратегии Октября.

Нечего говорить о том, что без государственной власти в руках пролетариата — «мелкобуржуазная экспроприация» становится просто иллюзией. Следовательно, «мелкобуржуазная экспроприация» есть лишь результат диктатуры пролетариата. Отрывать ее, эту экспроприацию, от пролетарской революции и характеризовать как одну из сторон отличной, мелкобуржуазной революции, — это и есть создание теории двух параллельных революций.

Мы не говорим, что в отдельных местах у т. Крицмана нет мысли о руководстве пролетариатом крестьянской революцией, но это лишь общие декларации, оторванные от основных положений его концепции о мелкобуржуазной экспроприации крестьянского капитализма — кулаков.

Фактом остается то, что, по т. Крицману, социалистической революции в деревне мы не находим. Деревня явилась полем антикрепостнической и антикапиталистической крестьянской революции, в деревне произошла экспроприация капитала, но экспроприация мелкобуржуазно-крестьянская.

> «Опираясь на мощную поддержку пролетариата, беднота перенесла во время гражданской войны антикапиталистическую революцию, вначале чисто городскую, в деревню. Но перенесла уже *в качестве мелкобуржуазной революции»* (стр. 11. Подчеркнуто мною. *К. С.*).

У т. Крицмана дальнейшее развитие революции в 1918 г. в деревне теряет социалистический характер. А, между тем, Ленин, подводя итоги работе комитетов бедноты, коммун и земельных отделов, в конце декабря 1918 г. характеризует этот период следующим образом:

> «Уничтожив монархию и средневековую власть помещиков, мы переходим теперь к делу подлинного социалистического строительства. Дело это в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное. Работа эта самая благодарная. Если... трудящееся крестьянство в комитетах бедноты и в преобразованных советах все теснее и теснее сливается с городскими рабочими, — то в этом мы видим единственный и в то же время вернейший и, несомненно, прочный залог того, что дело социалистического строительства стало в России теперь прочнее. Теперь оно приобрело основу и в громадной массе земледельческого деревенского населения» (т. XV, стр. 592).

А пред этим Ленин дает следующую оценку делу организации комитетов бедноты:

> «относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех и от этого шага зависит теперь все дело социалистического строительства в деревне» (там же).

Ленин дает лозунг «от совместной борьбы против помещиков к общепролетарской борьбе против капитала» (там же).

Мы видим, как высоко Ленин ценит «мелкобуржуазную экспроприацию» кулаков, именно как основное условие социалистического строительства в деревне. Крицман же в этом видит лишь «мелкобуржуазную революцию».

> «Антикапиталистическая революция в деревне выходила за пределы экономически целесообразного, была, следовательно, экономически реакционной, а значит и утопической, поскольку она стремилась к изменению экономики. Результатом ее было раздробление крупных крестьянских хозяйств и укрупнение мелких, всеобщая нивеллировка крестьянского хозяйства, превращение всех крестьян в мелких буржуа, шаг вперед для феодального крестьянства и шаг назад для крестьянина-капиталиста, возвращение его к исходной точке» (стр. 93).

Из факта, от которого зависит, по Ленину, «все дело социалистического строительства в деревне» — тов. Крицман выводит реакционный и утопический характер этого же этапа революции в деревне! Разница как-будто не такая уж маленькая.

Эту же самую мысль т. Крицман высказывает еще и в другом месте, а именно, что

> «второй этап — внутри-крестьянская революция уже после уничтожения крепостнических отношений — означал в общем и целом хозяйственный регресс (шаг назад), замену более крупного крестьянского хозяйства более мелким, т.-е. высших хозяйственных форм низшими» (стр. 133).

Из этих положений, с несомненностью, следует, что т. Крицман подходит к оценке революции 1918 г. в деревне с точки зрения бесклассового или вернее «сверхклассового» экономического об'ективизма, с точки зрения абстрактного, «чистого» представления о развитии производительных сил.

Нужно ли распространяться, что теория, видящая в разрушении пролетарской революцией производительных сил капитализма шаг назад, «хозяйственный регресс», а подчас и «гибель культуры» (припомним хотя бы поведение некоторых наркомов во время Октябрьского переворота), является той спасательной «теорией», отправляясь от которой социал-демократы еще и по сегодняшний день возражают против разрушения капиталистического производства. Видеть в раскулачивании 1918 года «шаг назад» можно только оставаясь на буржуазной точке зрения. С тов. Крицманом в данном случае это и произошло.

Иначе нельзя понять его утверждение об экономической реакционности революции 1918 г. в деревне. Совершенно иначе подходит к оценке этого периода Ленин. Для него это период огромного продвижения революции, укрепления диктатуры пролетариата и, следовательно, создание условий для роста производительных сил на новой основе и для социалистического строительства.

Следовательно, и с экономической точки зрения (а это непременно включает вопрос о классах) это был шаг вперед, это было передовое, а не реакционное движение, хотя на определенном этапе революции и вызывало разрушение производительных сил. Говорить о хозяйственном регрессе, об экономической реакционности можно только в том случае, если видеть прогрессивные элементы только в кулацком капитализме.

Приходится сожалеть, что т. Крицман, выпуская свои труды в 1929 году (когда партия, проводя политику социалистической реконструкции сельского хозяйства, перешла к проведению политики ликвидации кулачества как класса), не сумел исправить свои явно антиленинские выводы, характеризующие один из наиболее ярких моментов социалистической революции в деревне, как период «экономически реакционный» (стр. 93).

Мы остаемся полностью при заключении Ленина, что борьба 1918 г. в деревне

> «перевела нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре, но на которые он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо-сплоченной поддержки в деревнях» (т. XV, стр. 591).

«Сознательную, твердо сплоченную поддержку» пролетарской революции в деревнях мы в наши дни видим в том, что основные массы крестьянства пошли на основе добровольности в колхозы. В 1918 году, в условиях войны и разрухи, когда наша промышленность еще не в силах была подводить под мелко-индивидуальное крестьянское хозяйство базу крупной машинной промышленности «сплоченная поддержка» пролетарской революции основными массами крестьянства могла быть построена на другой, по своему характеру глубоко-революционной основе, на разделе и на разгроме эксплоататоров- кулаков.

> «Середняцкая идеология (идеология своеобразного, обрисованного выше «антифеодализма») господствовала в громадной массе крестьянства. Ее устойчивость характеризуется тем, что законодательное запрещение капитализма сохранилось для капитализма в сельском хозяйстве ряд лет (с 1921 по 1925), после того как оно было отменено для капитализма в индустрии (и вообще вне сельского хозяйства). Система так называемого «военного коммунизма» оказалась в части юридического запрещения капитализма наиболее устойчивой не в городе, а именно в деревне, в которой она просуществовала вдвое дольше, чем в городе» (стр. 58).
>
> «Сельское хозяйство сейчас юридически табу (запретная вещь) для капитализма, в то время как разнообразные отрасли промышленности юридически открыты для него.
>
> Значит и сейчас по отношению к сельскому хозяйству пролетариат осуществляет политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии и являющуюся уступкой этим стремлениям, ибо ясно, что дело тут не в пролетариате самом по себе, а в его союзе с мелкобуржуазным большинством крестьянства.
>
> ...Пролетариат проводит эту политику допущения деятельности капитала в промышленности (и торговле) и запрещения деятельности капитала в сельском хозяйстве не потому, что пролетариат не приемлет как раз сельскохозяйственного капитала, а потому, что этого запрещения требует союз пролетариата с большинством крестьянства, пока это большинство стремится к такому запрещению» (стр. 39).

Итак, перед нами теория: 1) выводящая политику военного коммунизма из мелкобуржуазной природы середняка 2) и утверждающая, что военный коммунизм является политикой уступок «стремлениям мелкой буржуазии», 3) что нэп об'ективно представляет якобы «политику допущения деятельности капитала».

Нам бы хотелось услышать более основательную мотивировку в подтверждение тезиса, что большинство крестьянства «стремится к такому запрещению» сельскохозяйственного капитала, которое якобы ничуть не вытекает из непосредственных интересов самого пролетариата. Выходит, что носителем принципов социализма в более чистом виде выступает большинство крестьянства, против пролетариата, проводящего политику допущения деятельности капитала. И все это по поводу теории о нэпе, как о политике пролетариата, которая в 1921—1925 гг. якобы касалась только города, а в деревне господствовал, по представлению тов. Крицмана, военный коммунизм.

Но разве нэп касался только города? Разве нэп не являлся как раз новым мостом, соединяющим промышленность и сельское хозяйство на новых основаниях? Нужно только эти вопросы поставить, чтобы убедиться в абсурдности всей установки т. Крицмана о том, что до 1925 г. в деревне еще господствовал хотя бы «в части юридической» военный коммунизм. Если руководствоваться этими положениями т. Крицмана, тогда мы должны логически свести нэп не к продуктообмену, не к товарообмену и не к торговле, а к капитализму.

> «Если нет цветущей крупной промышленности, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития могучего союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела. И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 434—435).

Сказано это было Лениным 23 декабря 1921 года, когда, вместо продуктообмена и товарообмена, нэп был сведен к торговле, как к единственному в данных условиях пути поднятия земледелия и промышленности, ведущего к укреплению диктатуры пролетариата. В этом основа и сущность нэпа. А т. Крицман утверждает, что еще в 1925 г. нэп касался только одного города, что в деревне нэп был законодательством запрещен в силу неприемлемости его со стороны антикапиталистически настроенного большинства крестьянства.

Далее, «допущение капитализма» никогда не составляло ни основы, ни содержания нэпа. Капитализм явился неизбежным продуктом развязывания торговли и оживления мелкого крестьянского хозяйства. Если бы капитализм, возникающий в результате допущения торговли, составлял бы содержание нэпа, то последний был бы не политикой диктатуры пролетариата, а политикой отрицания последней и реставрации капитализма.

В полосе после XV партс'езда, когда партия проводила политику вытеснения кулачества, правые оппортунисты в этом усматривали отмену нэпа. Они сводили нэп и сводят еще теперь не только к свободе торговли, но и к свободе для капитализма. Теория т. Крицмана, поскольку она понимает нэп как «политику допущения деятельности капитала», сливается в одну нераздельную теорию оппортунизма с теорией правых оппортунистов, также сводящих нэп к свободе капитализма.

⁂

> «Пролетариат с победой пролетарской революции, уничтожив класс капиталистов и капиталистические отношения, делает сложившуюся внутри него в эпоху господства капитала систему отношений принципом всей организации общества. Подобно этому и крестьянство с победой крестьянской революции, уничтожив класс помещиков и крепостнические отношения, делает сложившуюся внутри него в эпоху господства помещиков систему отношений принципом всей организации общества (разумеется, поскольку речь идет о деревне).
>
> Внутренние взаимоотношения крестьянства, отношения крестьян между собой, в эпоху господства помещиков могут быть охарактеризованы (поскольку мы имеем в виду эти взаимоотношения в их чистом виде), как общинный строй, по преимуществу индивидуальное (дворовое) хозяйство на основе коллективного распоряжения землей» (стр. 50).

Не останавливаясь на сведении «сложившихся внутри пролетариата отношений» к «принципам организации» всего общества, мы ставим вопрос о том, можно ли систему отношений внутри крестьянства сводить к общинному строю? И нам кажется, что ни в коем случае нельзя. Нельзя, ведь, сказать, что общинный строй порождается системой крепостнического или феодального общества, что он является проявлением системы отношений внутри крестьянства и отрицает феодализм как общественную формацию.

На общинной основе возникает не только феодализм, но и рабство и простое товарное производство. Сама община за период феодализма переживает глубокие процессы распада, она подвергается известной деградации по сравнению со своей исходной стадией.

Общинный строй есть исходная форма натурального хозяйства, на основе которой может возникнуть целый ряд общественных формаций. Неправильно поэтому сводить «антифеодализм» к общинному строю. Не общинный строй отрицает феодальное общество, а строй нарождающегося капитализма. Нельзя, ведь, сказать, что крестьянство пореформенной России, отрицая крепостническую эксплоатацию, стремилось к общинному строю. Можно сказать, что крестьянство в своей массе, в условиях развивающегося внутреннего рынка и капиталистических отношений, стремилось, наоборот, к условиям свободного производства товаров на рынок. Идеалом крестьянства являлся не общинный строй, а общество простых товаропроизводителей, если не считать те прослойки его, которые уже в условиях феодальной зависимости по своей социальной природе представляли с.-х. буржуазию и с.-х. пролетариат.

Тов. Крицман исследование путей развития общественных отношений в деревне в пореволюционной полосе ведет от своеобразно им сконструированного чистого антифеодализма. Он пишет:

> «Поэтому путь нашей деревни к социализму лежит в настоящих условиях не через общину к социализму, а от общины через кооперацию и коллективизацию к социализму» (стр. 56).

Невозможность вести деревню к социализму в общинной форме т. Крицман мотивирует не тем, что сама община распалась, что поэтому приходится создавать производственную кооперацию мелких производителей и на этой основе итти к социализму, — нет, он, как мы видим, отправляется «от общины через кооперацию» и невозможность вводить общинный строй в социализм мотивирует, — во-первых, разрушением «органической цельности общины» (стр. 55) и, во-вторых, бедностью СССР материальными средствами, «необходимыми для эволюционирования общины, как целого в направлении к социализму» (стр. 56, сноска). Значит, если СССР был бы материально богаче, т.-е., если бы мы были страной более индустриализованной, в таком случае мы строили бы социализм на обширной основе.

Тов. Крицман отправляется не от простого товаропроизводителя, а от общины. Поэтому у него не просто кооперация крестьянства, а «кооперация общинного крестьянства» (стр. 62). Общинную природу крестьянства т. Крицман выводит из земельного общества и уравнительности землепользования, т.-е. из еще сохранившихся и не изжитых пережитков общинного землевладения.

Мы знаем, что общинное землевладение, хотя оно и разрушалось развитием капитализма, тем не менее оно в некоторых районах показывало свою живучесть, правда, в весьма относительно обусловленном значении.

Но и в каждой «наиобщинной деревне на (этой) почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах». (Ленин, т. II, стр. 38). Следовательно, по Ленину, община не снимает товарное хозяйство и его основу мелкого товаропроизводителя. Перед нами остается тот же мелкий производитель. В одном случае он больше, в другом меньше подчинен рынку.

Мы полагаем, что революция в своем поступательном развитии, с момента Октября, не приобщалась к общине, а наоборот, нанесла ей сокрушительный удар, поставив деревню в условия быстрого роста производительных сил. Если община разрушилась при феодализме и крепостничестве, а особенности в условиях пореформенной России, то еще больший удар общине нанесла пролетарская революция.

Ленин ничуть не рассматривал общинную форму землевладения как особый уклад общественной жизни. Давая оценку экономическому содержанию народничества, он писал:

> «Народники... за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства. Эта организация, превращая крестьянина в товаропроизводителя, делает его мелким буржуа, — мелким обособленным хозянном на рынок». (Том II, стр. 12).

Крицман же спустя 30 лет подобно народникам также за формой землевладения не видит экономики страны, не видит, что уже «в общинной деревне» до революции крестьянин стал «мелким буржуа».

Теория общинного начала всей деревенской жизни логически связана у тов. Крицмана с его пониманием антифеодализма как чистого общинного строя и с его пониманием чистой крестьянской революции, как революции, снимающей антагонистический характер крепостничества и ведущей к общинному строю. Если в свое время народники видели в общине прививку против капиталистической язвы и основу народоправия, если на этой основе вырос народнический утопический социализм, то теория общинного начала всей деревенской общественности при диктатуре пролетариата есть то новое, что напоминает о живучести народнического социализма.

В сборник трудов т. Крицмана вошло и предисловие его к книге т. Кубанина «Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств».

К чему сводятся итоги научного открытия дробимости крестьянских дворов? К тому, что «не существует никакого принципиального различия между характером внешних взаимоотношений крестьянских дворов друг с другом и с внешней общественной средой вообще и характером внутренних взаимоотношений крестьянского двора». (Стр. 505).

Открытие, следовательно, сводится к приравнению членов крестьянского двора к простым товаропроизводителям. По Крицману, крестьянский двор внутри себя по характеру отношений представляет и общество простых товаропроизводителей и капитализм.

Не наша задача здесь рассматривать проблему дробимости по существу. Мы констатируем лишь несостоятельность доводов, не учитывающих при разрешении этого вопроса господство общественных законов над двором как целым.

В последнем вся суть, то, чего не поняли тт. Крицман и Кубанин. Внутри двора мы имеем непосредственные отношения лишь одного целого, дающего продукты труда в качестве товаров, а «развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины». («Капитал», т. III, ч. 1, стр, 128). Последнее справедливо и для членов крестьянского двора.

Мы ничуть не отрицаем противоречий внутри двора, но эти противоречия носят характер *результата* состояния общественных условий производства. Они не есть непосредственное проявление закона стоимости внутри двора, а результат этого закона в обществе товаропроизводителей.

⁂

Методология т. Крицмана не может не вести к *самым правооппортунистическим установкам в понимании социально-экономических процессов и классовых отношений в нашей революции*. В целях иллюстрации крицмановского оппортунизма мы остановимся лишь на некоторых его положениях, ничуть не претендуя на полноту освещения всей глубины этой особенной теории построения социализма в СССР.

> «Другое из проявлений того же противоречия — возрастающее вовлечение мелкобуржуазного хозяйства в систему руководимого пролетариатом советского народного хозяйства протекает в основном в формах *кооперации*. Деревенская кооперация разных видов является сейчас полем ожесточенной борьбы между капиталистическими и социалистическими тенденциями развития, и это то *новое*, что принесла с собой для кооперации диктатура пролетариата, ибо везде, где в ней не получают преобладания капиталистические элементы, она является продуктом сращивания мелкобуржуазного хозяйства и государственного хозяйства пролетариата. Это сращивание открывает перед мелкобуржуазным хозяйством путь, который является некапиталистическим путем преодоления мелкого хозяйства, но на основе не простого его разрушения, а органического его развития» (стр. 10).

Мы не спорим о том, что кооперация в условиях диктатуры пролетариата — путь к социализму, вернее — часть социализма, но мы никак не можем согласиться с теорией «сращивания». И если и т. Крицман говорит, что «сращивание» открывает перед мелкобуржуазным хозяйством путь его некапиталистического преодоления, то этого именно вывести из «сращивания» никак невозможно. Путь преодоления мелкобуржуазного хозяйства через кооперацию лежит в переделке мелкобуржуазного хозяйства через такое органическое развитие его (обобществление мелкокрестьянского производства), которое *снимает сращивание*, т.-е. упраздняет мелкого товаропроизводителя и делает его *работником* социалистического крупного земледелия.

Но т. Крицман не только за сращивание простого товарного хозяйства с государственным хозяйством пролетариата, — он полагает, что

> «растет зависимость всего сельского хозяйства, в том числе и его капиталистической части, от государственной крупной промышленности, транспорта, оптовой торговли, кредита.

> Вполне мыслимо, чтобы известное время шли одновременно развитие капитализма в деревне и падение доли с.-х. капитала в общей продукции страны» (стр. 117).

Для иллюстрации т. Крицман берет цифровой пример развития сельскохозяйственного капитализма за тридцать лет, согласно которому процентная доля капиталистического сектора хозяйства в сельском хозяйстве достигает 60%, а в народном доходе, благодаря росту социалистической промышленности, она дает лишь 12%. Словом, перед нами тридцатилетка с.-х. капитализма, достигающего 60% дохода сельского хозяйства и оставляющего лишь 40% на долю простых товаропроизводителей и на социалистический сектор.

Тов. Крицман настаивает, что это лишь произвольный цифровой пример (см. «На аграрном фронте», № 2, стр 110, за 1930 г.), направленный против правых идей в 1925 г. Защита этого цифрового примера в 1930 г. показывает лишь неспособность т. Крицмана поправить неудачные примеры, ведущие к величайшим ошибкам. Если пример должен отразить действительное развитие переходной экономики, то что станет с диктатурой пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением, если 60% с.-х. дохода сосредоточится в капиталистическом секторе?!

> «Можно себе представить, что основную роль в падении капиталистических хозяйств сыграет уход из них наемных рабочих прежде всего вследствие более высокого жизненного уровня работников государственного и коллективного сельского хозяйства» (стр. 126).

Экономическое превосходство социалистического земледелия, по Крицману, создаст условия, отрицающие возможность для развития с.-х. капитализма.

> «Ни экономически целесообразной, ни тем более необходимой экспроприация капиталистических слоев крестьянства в условиях экономического господства пролетариата и роста этого господства не является. Даже после победы мировой революции такая экспроприация едва ли могла бы стать целесообразной» (стр 126). И еще раз «данных для целесообразности этой экспроприации, по крайней мере, до победы мировой революции, нет» (стр. 279).

Отрицание целесообразности экспроприации кулачества в концепции т. Крицмана является лишь следствием его тезиса о ликвидации кулачества посредством хозяйственного превосходства социализма над с.-х. капитализмом. Зачем экспроприировать кулака, если никто не станет у него работать на положении наемной рабочей силы? Пусть себе кулаки существуют до полного социализма, ибо они являются лишь частью, и при этом весьма зависимой, от советского народного хозяйства. Врастание с.-х. капитализма в социализм снимает проблему экспроприации.

Как об'яснить переиздание т. Крицманом подобного рода положений, в условиях, когда партия, начиная уже с весны 1928 года, ведет обостренную, активнейшую борьбу с кулачеством как классом?

Истоки этого «кулацкого пацифизма» кроются методологически в отрыве «экономической целесообразности» от классовой борьбы. Экономика в трактовке т. Крицмана выглядит как нейтральный, в стороне от самых классов, процесс, который не заключает в себе социальных противоречий, назревающих и вытекающих из течения экономической жизни. По существу, перед нами методология, отрывающая производственные отношения от состояния производительных сил и недоучитывающая влияния производственных отношений на движение производительных сил.

Как и полагается, благодаря неверным методологическим основам, т. Крицман делает правооппортунистические ошибки при разборе всех основных вопросов ленинского понимания пролетарской революции. Так, например, он совершенно неверно трактует союз рабочего класса и крестьянства.

> «Развитие союза пролетариата и среднего крестьянства, сам тот факт, что среднее крестьянство состоит в союзе с пролетариатом, идет на этот союз, а не на союз с капиталом, с мировым капиталом, этот факт показывает, что мелкая буржуазия возможность для своего под'ема и своего движения вперед находит в движении по пути к социализму, а не по пути возврата к капитализму» (стр. 275).

В данной формулировке середняк выступает перед нами как класс, который сам находит дорогу к социализму и для которого чужд путь возврата к капитализму, для которого чужды колебания с того момента, как заключен союз с пролетариатом Пролетариата как ведущей силы мы здесь не видим. Перед нами здесь грубооппортунистический тезис, ибо идеализация середняка неизбежно приводит к недооценке кулака. А перед нами безусловно факт такой идеализации.

Ознакомившись с системой методологических ошибок т. Крицмана, мы не должны удивляться, что в наиболее ценной части его работ, в части установления методологии классификации крестьянства по группам, в части, дающей немало ценного для изучения вопроса о диференциации деревни — мы получаем величайший из'ян, весьма обесценивающий значение всей этой части работы.

> «Дело в том, что теперь нередко (и в частности в «Контрольных цифрах») дают разбивку всей деревни на пять социальных групп: пролетарскую, полупролетарскую, середняцкую, предпринимательскую и мелкокапиталистическую. В результате «центральная фигура земледелия» становится еле-еле заметной, превращаясь в одну из этих пяти групп в деревне.
>
> Нельзя смешивать это деление земледельческого населения на пять групп с теми пятью группами, какие были даны в ленинских тезисах II конгресса Коминтерна». («XV с'езд Всесоюзной ком. партии (б)», стр. 1233. «Заключительное слово тов. Молотова».

Несмотря на более раннее происхождение (1923—1925) статей, направленных «против буржуазной, мелкобуржуазной и других непролетарских идеологий» (см. IV отдел книги), они сохранили свою ценность в значительной степени и в условиях социалистической реконструкции сельского хозяйства. В особенности необходимо отметить критику теории так называемого трудового крестьянского хозяйства проф Чаянова.

Но и в этой части книги т. Крицмана имеются некоторые скользкие формулировки (стр. 546 и 547), вызывающие целый ряд недоуменных вопросов.

Общие выводы: сборник работ т. Крицмана представляет крупнейший документ аграрной мысли, относящийся к периоду социалистического восстановления нашего хозяйства и первым годам реконструкции (1923—1929 гг.). Ни один исследователь развития нашей деревни за период революции не сможет пройти мимо этих работ. Но приходится сожалеть, что т. Крицман не сумел, переиздавая свои работы, исправить и устранить хотя бы наиболее грубые ошибки, обесценивающие содержание рассматриваемых трудов.

Судя по заявлению т. Крицмана по поводу выступления т. Дубровского на конференции аграрников-марксистов (см. «На аграрном фронте» № 2, стр. 109—114, за 1930 г.), не касаясь здесь этого заявления по существу, мы видим, что т Крицман и в 1930 году целиком и полностью стоит на точке зрения развитых им воззрений.

Быть может, т. Крицман скажет, что отдельные формулировки, если они теперь и кажутся неправильными, в свое время (1923 — 1928 гг.) бесспорно отражали подлинный ленинизм? Мы полагаем, что подобного рода «ленинизм» необходимо разоблачать до конца, раскрывая его антимарксистские корни. Тем более это необходимо в наши дни, когда перед партией стоит задача поднять теоретическую мысль на всю высоту сложнейших задач социалистического строительства. А последнее неосуществимо без раскрытия всех немарксистских, неленинских положений, мешающих теоретической мысли, в данном случае на аграрном фронте, вооружаться для борьбы за дальнейшее продвижение вперед.

Тов. Крицман не сумел удержаться в рамках ленинского понятия революции. Он употребляет такие формулировки, которые выхолащивают проблему диктатуры определенного класса. В одном революционном процессе у него речь идет о нескольких революциях.

Тов. Крицман создал теорию отрицательных революций. И поскольку социальных сил, отрицающих как феодализм, так и капитализм, по мнению т. Крицмана, несколько, то методология отрицательных революций ведет к тому, что положительной характеристики ни задач буржуазной, ни задач социалистической революции — мы не получаем.

Тов. Крицман создал теорию двух «слившихся революций—антифеодальной и антикапиталистической, этим же об'ективно отрицая за нашей революцией социалистический характер.

Тов. Крицман в своих логических рассуждениях отправляется от понятий «чистых революций», что в силу сложного характера революции и наличия «слившихся революций» не может не вести к отрицанию за Октябрьской революцией ее социалистического характера.

Тов. Крицман защищает тезис о мелкобуржуазном характере комбедовского периода пролетарской революции 1918 г. в деревне. Процесс революции в 1918 г. у т. Крицмана оказывается по своему классовому характеру разорванным на социалистическое обобществление в городе и мелкобуржуазную экспроприацию в деревне.

Тов. Крицман оценил политику раскулачивания в 1918 г. как «экономически реакционный» факт, мотивируя раздроблением кулацких хозяйств. Правда, здесь же т. Крицман заявляет, что. «экспроприация кулаков уничтожила последнюю социальную опору контрреволюции» (стр. 94). Но это не мешает ему выдвинуть тезис, что «частичная экспроприация крупного крестьянского хозяйства и разрушение его, как крупного хозяйства, так же мало вели к цели, как в свое время разрушение машин рабочими» (стр. 133).

Тов. Крицман создал теорию «военного коммунизма» в деревне до 1925 г., этим же показывая свое неленинское понимание нэпа. Об'ективное сведение нэпа к политике допущения деятельности капитала—вот то, совсем не новое для наших дней, положение, которое смыкает тов. Крицмана с правыми оппортунистами последнего времени.

Тов. Крицман сводит антифеодализм к общинному строю, этим же лишая отношения в крестьянстве их буржуазного характера. Он даже непрочь на общинной основе строить социализм.

Тов. Крицман выдвинул тезис «сращивания мелкобуржуазного хозяйства и государственного хозяйства пролетариата» через посредство кооперации.

Тов. Крицман, отправляясь от тезиса о превосходстве социализма над с.-х. капитализмом, приходит к отрицанию целесообразности экспроприации кулачества как класса «даже после победы мировой революции».

В основном ошибки и об'ективно-неленинские положения у т. Крицмана вытекают прежде всего из механистической методологии отрыва производственных отношений от производительных сил. Экономика, далее, не связывается у него с политикой.

На почве неверного понимания характера аграрной революции, неверного понимания развития и борьбы классов в процессе революции, на почве непоследовательной марксистской методологии появляются ростки самого различного оппортунизма. Марксисты-аграрники должны очистить теорию аграрной революции от всего чуждого, оппортунистического. Нельзя терпеть, чтобы в условиях социалистической реконструкции сельского хозяйства, когда практика дает величайшие достижения по переходу от индивидуального мелкого крестьянского хозяйства к крупному, общественному хозяйству, в теории процветали бы положения, спутывающие перспективу социалистического преобразования нашей деревни.

Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов поставил задачу выкорчевывания всех чуждых буржуазных теорий. Эту задачу необходимо в первую голову осуществить по отношению к тем марксистским работам, которые в той или иной степени заражены идеями этих буржуазных теорий.

> «Значение этих вопросов, — говорит т. Сталин, — состоит прежде всего в том, что марксистская их разработка дает возможность выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории, распространяемые иногда — к нашему стыду — нашими товарищами коммунистами и засоряющие головы нашим практикам. А выкорчевать эти теории и отбросить их прочь давно бы следовало. Ибо только в беспощадной борьбе с этими теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль аграрников-марксистов».

Мы полагаем, что эти слова т. Сталина должны быть отнесены и к т. Крицману, поскольку в его работах — целая груда чуждых ленинизму положений.

К. СОМС.

Н. Устрялов. „На новом этапе“.

(Харбин, 1930 г.).

Прошло 9 лет с тех пор, как партия перешла к новой экономической политике. За весь этот период позиция Н. Устрялова представляла интерес как позиция классового врага, отражающего идеологию определенных слоев новой буржуазии СССР, в особенности буржуазной интеллигенции.

Перед XIV с'ездом ВКП(б) Устрялов писал:

> «...Последний год протек под знаком своеобразного рецидива «левых» настроений в правящей партии. XII с'езд уже явственно их обнаружил. XIII — целиком попал в их плен... Кривая революции, фатально снижавшаяся, дала снова «взлет», подобно памятному «фруктидору» революционной Франции. Теперь, повидимому, мы присутствуем при начале закономерной ликвидации этого позднего взлета»...».

Конкретные перспективы Советской России Устрялов определял в 1924 г. с четкостью и яркостью не меньшими, чем в 1921 г. По устряловскому толкованию, трудящиеся массы Советской России мечтали в 1924 г. о «старой России, но без царя и по возможности побогаче и чуточку покультурнее». По устряловскому прогнозу выходило, что ближайшее будущее в Советской России — это господство кулака и нэпмана.

С тех пор, как эти пророчества были об'явлены всему миру, — прошло немногим более четырех лет.

В последней своей небольшой книжке под многозначущим заголовком «На новом этапе» Устрялов пытается оценить нынешний этап пролетарской революции.

Любопытно сопоставить прежнюю и теперешнюю позиции Н. Устрялова между собой и с фактами развития Советского Союза за последние годы. Это сопоставление явственно показывает подлинную классово-буржуазную сущность сменовеховских чаяний, надежд и расчетов на нэп, как политику спуска на тормозах, а также политические настроения некоторых кругов буржуазной интеллигенции, складывающиеся теперь перед лицом победоносного социалистического наступления.

В своей последней книжке Устрялов определяет нэп как «крестьянский Брест» большевизма; годы нэпа были годами «мирной борьбы пролетарского Октября с послеоктябрьской деревней»; «деревня обрастала жирком» и все в большей степени становилась «колонией» пролетарского государства; однако деревня всячески сопротивлялась городу; в этой борьбе «нэп жил и работал», но он (нэп) «имел свою историческую логику. По мере своего укрепления он хотел и должен был расширяться...».

> «Страна здоровела... Темп возрождения превосходил, кажется, самые оптимистические ожидания... Росла посевная площадь. Восстанавливалась промышленность...».
>
> ...«Выздоровление? — Да, но прежде всего на буржуазных путях...» [1]).
>
> ...«Восстановительный период подходит к концу,—начинается период «реконструктивный». Индустриализация — в порядке дня. Наступление на рельсах нэпа. Между тем последний исчерпывает себя. Он имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают. Реконструкция национального хозяйства на условиях широкого огосударствления промышленности и торговли немыслима без крайнего напряжения под'емной силы народа. Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять нэп, ставя ставку на частную заинтересованность и личную предприимчивость ...либо приходится понуждать население к новым жертвам, перестраивать всю систему на военно-подобный манер. Иначе говоря: либо неонэп, либо решительное антибуржуазное наступление»...».

Устрялов с видимым сожалением констатирует, что в то время как нэп нуждается в «углублении», — советская власть его «теснит и сокращает».

> ...«Консулы бодрствуют. Заселяется нэпманами Нарым. Высылается за границу порция заведомо неисправимых квалифицированных интеллигентских кадров. Ликвидируются пробужденные было нэпом кружки, журнальчики. Не дремлют фининспекторы во славу первоначального социалистического накопления Не дремлет и ГПУ, меч диктатуры. Чуть шевельнется классовый враг, солдаты революции перекликаются: диктатура, где твой хлыст?..».

По Устрялову, уже с 1927 г. начались «сумерки» нэпа. «Экономические маневры более не помогают, а в хозяйственном соревновании забирают силу мелкобуржуазные факторы». «Появились признаки новой деградации сельского хозяйства... в городах воскресли продовольственные карточки...».

> «...В 1929 г. социалистическое наступление развертывается по всему фронту... За дело принялись активно, ударно, по всем правилам революционной энергетики, по-большевистски... Контрнэп — в полном разгаре...».

Нэп исчерпал себя, не разрешив поставленных перед ним исторических задач; поэтому начался «контрнэп», — таков основной устряловский вывод относительно данного этапа пролетарской революции.

Этот вывод следует признать совершенно правильным, если... если только не забывать, что речь идет об устряловском понимании нэпа и «контрнэпа», о таком «нэпе», который существовал и продолжает существовать только в изображении Устрялова, но которого в действительности никогда не было и нет.

Устрялов не может понять, что социалистическое наступление по всему фронту развертывается на основе достигнутых результатов на рельсах нэпа, — в итоге не «спуска на тормозах» и «крестьянского Бреста большевизма», — а в итоге проводимой партией новой экономической политики, — «рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики». (Сталин).

* * *

Каковы же, по Устрялову, перспективы?

В 1921 г. Устрялов сформулировал положение о неизбежности эволюции СССР к капитализму, о национальных исторических задачах Советской России, о неизбежности перерождения пролетарского государства мирным путем («спуск на тормозах») в национально-буржуазное. Исходя из этого положения, Н. Устрялов считал, что буржуазная интеллигенция должна поддерживать советскую власть и сотрудничать с ней. Таков был политический вывод сменовеховщины, приспособлявшейся к условиям диктатуры пролетариата и работавшей над делом восстановления капитализма под прикрытием лозунга «поддержки» советской власти.

---

[1] Разрядка везде моя. *С. Ш.*

Именно эту четкость, эту определенность перспективы в устряловской постановке и отметил Ленин на XI с'езде ВКП(б).

Тем более интересно сейчас, на данном этапе пролетарской революции послушать «классовую правду классового врага». Увы, на этот раз четкость, определенность перспектив исчезает из устряловской концепции!

Каков исход нынешнего этапа революции?

> ...«В основном, рассуждая схематически, мыслимы три исхода:
>
> 1. Нынешнее социалистическое наступление оправдает себя. Счастливо осуществляется пятилетка, на базе советской индустриализации переделывается сельское хозяйство. Остатки нэпа постепенно отмирают. СССР обретает новый хозяйственный фундамент и обращается к решению дальнейших своих исторических задач..
> 2. Нынешнее социалистическое наступление терпит крах, и в результате этого краха распадается диктатура партии и сама советская власть.
> 3. Нынешнее социалистическое наступление оказывается непосильным для страны, партия во-время его свертывает, возвращается к началам нэпа, сворачивает к вехам недавнего правого уклона: от нэпа через левый зигзаг к неонэпу...».

Итак: три исхода!.. Но указать три исхода при определении перспектив, — это то же самое, что не указать никакого исхода. Видимо, сознавая недостаточность такого «прогноза», Устрялов пытается дать нечто более определенное. Начинает он с вопроса не о возможности или неизбежности, а о желательности: «Какой исход следовало бы признать наилучшим?..».

Устрялов отвечает: «без колебаний скажу: первый!». Второго исхода (катастрофы, развала, реакции) — по мнению Устрялова, может желать только «отвлеченное доктринерство или твердолобая классовая злоба». Третий исход «означал бы подтверждение старых наших прогнозов: «спуск на тормозах».

Определяя «вероятие» того или иного исхода, — Устрялов отвергает второй исход (катастрофу), по его словам: «Этот второй исход продолжает оставаться об'ективно наименее вероятным».

Но дальше этого четкость устряловских перспектив не идет. Он не может выбрать первого или третьего исхода. Он ограничивается лишь тем, что высказывает аргументы в защиту и того и другого и заключает тем, что «ближайшие 1—2 года решат эту задачу».

Итак: нэп должен был себя «оправдать» как эволюция, как «спуск на тормозах» к капитализму. Как «тактика» он себя «оправдать» не мог и не оправдал. Поэтому начался «контрнэп». Началось социалистическое наступление. А отсюда и «тройная» перспектива: 1) на всех парах вперед к коммунизму, но 2) в этом случае при слишком крутом под'еме, — подстерегает диктатуру пролетариата... гибель, а потому во избежание последнего,—возможно 3) партия повернет назад к неонэпу...

Устрялов, как классовый идеолог буржуазной интеллигенции, не может понять доподлинной диалектики нэпа, — того, что нэп есть политика, «рассчитанная на победу социалистических элементов». Тем более Устрялов не может понять и принять развертывающегося социалистического наступления; для Устрялова это социалистическое наступление идет не на основе нэпа, а противоречит нэпу, это — «контрнэп»... Действительная революционная сущность проводимой партией новой экономической политики непостижима для идеолога буржуазии.

Ленин и партия определяют период нэпа как «отчаянную, бешеную борьбу не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом», определяют нэп как политику, «рассчитанную на победу социалистических элементов над капиталистическими». А Устрялов определяет нэп, как «спуск на тормозах», как политику, «рассчитанную» на... полное восстановление капитализма, как сплошное отступление, продиктованное «волной здравого смысла, гонимой мощным дыханием необ'ятной крестьянской стихии», гонимой в сторону... капитализма.

Теперь новая экономическая политика начинает одерживать решающие победы. А Устрялов восклицает: «нэп имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают»; «начинается контрнэп»...

По Устрялову, дело не в том, что нэп уже разрешил ряд своих исторических задач (восстановление промышленности и переход к реконструкции ее, развертывание торговой смычки с крестьянством и т. д.) и ввел уже страну в новую полосу социалистической реконструкции экономики. Устрялов считает, что «исчерпание», «сумерки» нэпа неизбежно следуют из «внутренне-предопределенного, исторически неотвратимого кризиса нэпа».

Жизнь, развитие событий, социальные и экономические сдвиги в СССР, — начиная с 1921 г. и особенно за последние 2—3 года, — идут по направлению, определенному Лениным и партией. Все ярче выступают за «лесами» нэпа контуры новых социалистических отношений, новой социалистической организации общества. Все яснее становится, что нэп «на самом деле» не эволюция, не «спуск на тормозах» к капитализму, не «крестьянский Брест большевизма», — а политика, рассчитанная на уничтожение классов и победу социализма.

Позиция Устрялова по отношению к данному этапу пролетарской революции вытекает из его анализа нового этапа с его «тремя исходами» и выявляется в особых разделах: «патетика истории» (раздел 4) и «голос рассудка» (раздел 5). Читая «патетику истории», как впрочем и всю книжку Устрялова «На новом этапе», — можно, пожалуй, подумать, что Устрялов действительно переживает какой-то перелом, какую-то внутреннюю борьбу и действительно в известной мере охвачен «патетикой истории» революционной России.

> «Одолей революционная программа-максимум, удайся сполна задуманное переустройство страны, как не воскликнуть с радостью: ты победил, галилеянин...».

Такие и тому подобные патетические места часто встречаются в книжке Устрялова, а раздел 4-й прямо-таки начинен ими. Но в этой «патетике» обнаруживается подлинное лицо Устрялова

«Аргументируя» Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, вызывая тень Герцена, Чернышевского, Петра I, пользуясь как богатым источником для подтверждения своих выводов Бухариным, Рыковым и т. д., — Устрялов говорит о «чувстве возвышенной гордости за родную страну»; и об «упоенности будущим», и о том, что «нынешняя революция устремляется поверх наличных образцов, подымает историческую целину, глядит в невиданное»; и о том, что страна «жаждет» стать «пионером новой эпохи всемирной истории» и «Иерусалимом нового человечества»; и о том, что «эта картина неизбывно воспаленной энергии... самый факт этой энергии — ручательство свежести, жизненности народа...» и т. д. и т. п.

Устрялов полон восхищения и тревог перед лицом развертывающихся событий великой пролетарской революции. Устрялов не может сдержать своих патриотических чувств перед «патетикой» истории революционной рабоче-крестьянской России. Все помыслы Устрялова «с нашим чудесным народом, в муках пробивающим себе путь сквозь всякие противоречия». Устрялов поражен тем, сколь «тяжелая ноша взвалилась на плечи революции...» Устрялов восклицает: «Видно на то онь и великая революция, чтобы ставить проблемы радикально и не страшится тяжести вековых задач...»

Устрялов готов признать несомненные успехи нашего строительства. Он констатирует:

> «Нет и не может быть принципиальных возражений против ускоренной индустриализации СССР и решающего переустройства с. х.».
>
> «... Только реальная и широкая индустриализация страны могла бы вывести наш город из положения неоплатной задолженности мужику, а последнего из положения неизбывной хозяйственной кабалы...».
>
> «Десять лет прошли не даром. Подросло новое поколение, кровно связанное с новыми условиями жизни — первое поколение революции. Возмужала и этатизировалась партия. Государство стало сильнее за эти годы, сильнее и политически и экономически. Ему уже есть что пред'явить. Есть промышленность, есть кооперация, есть более или менее налаженный аппарат...».

> «Несомненно, для радикальной переделки нашего сельского хозяйства уже накапливаются предпосылки»...

Какова цена этой устряловской «патетики», этим признаниям?—По нынешним временам, — очень маленькая. Неопровержимые факты экономического развития советской страны признаются ныне даже отдельными представителями твердолобой империалистической буржуазии. А все «патетические» фразы Устрялова являются только прикрытием того тупика, в котором оказалась буржуазная устряловская теория эволюции СССР к капитализму. Воспринимая неизбежность дальнейшего развития пролетарской революции, констатируя факты победоносного строительства, — мысль Устрялова остается в кругу идей, понятий старого мира. Устрялов бессилен, как идеолог буржуазной интеллигенции понять, осмыслить, об'яснить историческое значение воспринимаемых им фактов. И он, сбитый со своих прежних сменовеховских позиций успехами социалистического строительства, — обращается к «голосу рассудка». Что это за «голос рассудка»?

> «Планы были прекрасны, отзываются историки о французском якобинском законодательстве, но они оказывались такими, что даже и всемогущий не мог бы ими воспользоваться, не создав новой породы людей...».

И дальше:

> «Все ново и все не ново под луной. Но перечтите на всякий случай 2—3 книжки о делах давно минувших дней, — о государственных полях Египта, общественных амбарах Вавилона, трудовой повинности перуанских инков и т. д.: это легкое чтение способно доставить отдых уму усталому и скептическому»...

Государственные поля Египта, общественные амбары Вавилона, трудовое тягло перуанских инков,— первобытная дикость, рабство, — «организованные» диким деспотизмом, — вот что такое, по мнению Устрялова, представляет собою новая жизнь, которую в муках творит «наш чудесный народ».

Не в «патетике», рассыпанной по всей книжке Устрялова, а именно в этих оголенных строках, — звучит голос настоящего Устрялова — идеолога буржуазной интеллигенции.

Сбитый ходом развертывающихся событий с позиции сменовеховства, Устрялов несомненно пытается подняться к пониманию сущности нынешнего этапа пролетарской революции. Но класс, классовый «голос рассудка», классовая идеология крепко держат устряловскую мысль на привязи у «катящейся в бездну» колесницы капитализма.

Именно здесь сказывается его ограниченность, классовая слепота, неспособность подняться выше идей и понятий капиталистического мира, заглянуть за его предел, понять то новое, что возникает на месте разрушающегося капиталистического общества.

⁂

Устрялов, однако, достаточно «об'ективен», чтобы, по крайней мере, в конкретном вопросе, — что делать буржуазной интеллигенции на данном этапе пролетарской революции, — дать своим последователям более или менее близкую к исторической правде ориентировку. Устрялов прежде всего категорически осуждает вредительство.

> «Вредительство есть бессмысленное, позорное и зловреднейшее преступление, предательство, прямой переход на антисоветские и антирусские позиции: теперь даже и Милюков в эмиграции, пожалуй, не станет его защищать. Возлагать на сменовеховцев какую бы то ни было ответственность за него, хотя бы отдаленную и косвенную может лишь безнадежное невежество, либо бесшабашная демагогия самих вредителей. Что же касается так называемого пассивного нейтралитета, то и он заслуживает безоговорочного принципиального осуждения с нашей точки зрения. Не дело технической интеллигенции отходить в сторону, отказываться от активной деятельности, от содействия... великой перестройке страны на более совершенный лад...».

Устрялов не останавливается на осуждении вредительства. Он идет дальше. Он признает, что происходящие сейчас в СССР процессы таковы, что «даже и наиболее скептически настроенный старый спец ныне может с полным основанием повторить потрясающее евангельское восклицание: «верю, господи, помогай моему неверию...»

Устрялов дает своим последователям, специалистам-сменовеховцам, находящимся на советской работе, совершенно четкую, конкретную директиву:

> «Что делать старым спецам? Ответ может быть только один: сохранять безукоризненную лойяльность государству. Посильно ему способствовать...».
>
> «...Либо нужно в чем-то и как-то перестраиваться, либо останется лишь сойти на-нет. Нужно заставить себя активно и за совесть служить государству революции. Нужно и, думается, возможно.. Реальный выбор—с революционным государством против его врагов...».

Совершенно ясно, что Устрялов и сменовеховство стоят на перепутьи. Неизбежность дальнейшего победоносного развития пролетарской революции становится все более очевидной даже для Устрялова.

И в то время как значительная часть специалистов, в том числе и сменовеховцев, под влиянием развертывающихся событий, начинает переходить с позиций сменовеховства и пассивного нейтралитета на позиции активного участия в социалистическом строительстве, другая часть их, — та, о которой говорил Ленин на XI с'езде ВКП(б), что враг стремится, чтобы это (эволюция к капитализму) стало неизбежным» [1]),—становится резервуаром вредительских сил

Бесспорно, это размежевание—процесс длительный. И потому в отношении колеблющихся буржуазных специалистов и сегодня нельзя забывать слов т. Сталина на XIV с'езде ВКП(б), сказанных об Устрялове:

> «Он служит у нас н атранспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено, товарищи... Но пусть он знает вместе с тем, что мечтая он должен вместе с тем лить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет»... [2]).

⁂

Устрялов сознается, что концепция «спуска на тормозах» —«под прямым ударом... терпит суровые испытания»... Устрялов с полным основанием восклицает: «а что если никакого спуска вообще нет и кривая революции так-таки и не снизится»... В другом месте книжки Устрялов свой анализ переживаемого этапа в СССР прямо заканчивает словами: «революция продолжается...»

Да, революция продолжается. Процесс размежевания классовых сил идет ускоренным темпом, и все резче перед буржуазными специалистами, сотрудничающими с советской властью, встает вопрос: с революционным государством против его врагов, или с вредителями против революционного государства.

Миллионы же революционных пролетариев и трудящихся Советского Союза, развертывая социалистическое наступление на остатки капитализма, должны усилить свою классовую бдительность и беспощадно пресекать всякие попытки классового врага, направленные к подрыву социалистического строительства—какой бы замаскированной формой эти попытки ни прикрывались..

Классовый враг, который на деле остается на своей классовой позиции, несмотря на все свои «признания», должен быть разоблачен и отброшен в сторону от великой стройки.

С. ШАПУРИН.

---

[1] Ленин, Собр. соч., 1-е изд., т XVIII, ч. 2, стр. 41.

[2] См. стенограф. отчет XIV с'езда ВКП(б) ,стр. 14.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

К вопросу о социально-экономической природе колхозов.

Редакцией «Большевика» получено много писем с просьбой осветить вопрос о социальной природе колхозов. Отвечаем на эти вопросы. В нашем ответе постараемся охватить все наиболее существенные вопросы, поставленные в письмах.

Вызывает неясность прежде всего вопрос относительно тех оснований, исходя из которых партия относит колхозы к предприятиям социалистического типа. Часть тт. высказывает предположение, что такая оценка колхозов не вытекает из характера представляемых ими производственных отношений, а обусловливается лишь тем обстоятельством, что в ходе дальнейшей эволюции. направление которой в наших условиях определяется руководящей ролью рабочего класса в отношении крестьянства, колхозы будут перерастать в совхозы, которые, наряду с государственными МТС, только и являются, по мнению этих тт., предприятиями социалистического типа.

Другие же тт. полагают, напротив, что между госпредприятиями и колхозами, в частности коммунами, нет по существу никакого различия и что как те, так и другие должны получить поэтому совершенно одинаковую характеристику.

Второй недоуменный вопрос—это вопрос относительно смысла выражения, употребленного Лениным для характеристики наших госпредприятий: «предприятия последовательно-социалистического типа». Тт. спрашивают, что означает слово «последовательно», и склонны думать, что оно употреблено Лениным для того, чтобы подчеркнуть неполноту существующих на госпредприятиях социалистических отношений. При таком понимании этого выражения возникает, естественно, целый ряд недоуменных вопросов. Какие признаки госпредприятий мешали Ленину признать эти последние социлистическими в полной мере? Почему в таком случае колхозы характеризуются партией как предприятия социалистического типа? и пр. и пр.

Разберемся же во всех этих вопросах.

Прежде всего, верно ли, что Ленин для характеристики наших госпредприятий употреблял всегда только одно выражение: предприятия последовательно-социалистического типа? Нет, неверно. Предприятия, принадлежащие советскому государству, Ленин называл и социалистическими и последовательно-социалистическими. Так, он говорил, что наши фабрики — это «социалистические фабрики», что «это есть социализм» [1]). Пятый уклад советской экономики Ленин характеризовал так: «пятое—социализм» [2]). В той же статье «О продналоге», из которой взяты предыдущие цитаты, Ленин писал: «...восстановить сразу (подчеркнуто Лениным) крупное, фабричное, государственное, социалистическое (подчеркнуто нами *Н. К.)* производство мы не можем» [3]).

В противоположность учению Ленина о пяти укладах советской экономики и о социалистическом характере производственных отношений на наших госпредприятиях, троцкистско-зиновьевская оппозиция выдвинула, как известно, тот взгляд, что советский государственный сектор хозяйства, как и вся советская экономика в целом, представляет собой «госкапитализм в пролетарском государстве». Троцкистско-зиновьевская оппозиция поставила, таким образом, знак равенства между производственными отношениями на государственных предприятиях, с одной стороны, и производственными отношениями на концессионнных и арендных предприятиях, с другой. Этим самым пролетарское государство, в качестве владельца хозяйственных предприятий, противопоставлялось рабочему классу совершенно так же, как капиталистический предприниматель противостоит наемным рабочим.

---

[1] Т. XVIII, ч. 1, стр. 182.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 198.

Ясно, что мы имеем здесь два взаимно исключающие представления относительно социального типа наших госпредприятий: одно, ленинское и другое—меньшевистское, обнаруживающее полную неспособность его сторонников понять ту простую истину, что поскольку речь идет о государственном секторе, то не может быть ни капитализма, ни госкапитализма там, где нет капиталистов, где существует один класс рабочих, который, применяя принадлежащие ему в лице его государства средства производства, осуществил тем самым социалистический тип производственных отношений. Характеристика социально-экономической природы советских государственных предприятий, как последовательно-социалистических, отнюдь не отменяется товарно-денежной формой связи между ними, так как это только внешняя форма хозяйственных расчетов между принадлежащими пролетарскому государству предприятиями. Эта характеристика не отменяется также наличием отдельных бюрократических извращений в государственном хозяйственном аппарате, так как эти извращения не упраздняют основного и решающего факта, заключающегося в владении рабочим классом применяемыми им средствами производства. Эта характеристика не отменяется, наконец, проявлением классовой борьбы на госпредприятиях в форме вредительства и пр. со стороны отдельных буржуазных специалистов, ибо факт этой борьбы как раз подтверждает социалистический характер государственного хозяйства, к разрушению которого стремятся агенты буржуазии.

Но к социалистическому сектору Ленин относил не только государственные, но также и кооперативные предприятия. Однако, вопрос об оценке Лениным социально-экономической природы кооперации во всех ее видах не является ясным для многих тт., как можно об этом судить по письмам. Указывая на те высказывания Ленина, где он говорит в 1921 г. о кооперации как «виде государственного капитализма» [1]), тт. просят об'яснить, относил ли Ленин кооперацию к социалистическому или к госкапиталистическому сектору?

Для того, чтобы правильно понять учение Ленина о кооперации, следует уяснить себе, что взятая сама по себе, т.-е. независимо от того хозяйственного строя, в условиях которого она развивается, кооперация вообще не может получить никакой социально-экономической характеристики. Эту последнюю кооперация приобретает только и исключительно в зависимости от типа тех общественных отношений производства, которые она обслуживает. В условиях буржуазного общества кооперация мелких товаропроизводителей обслуживает капиталистическое развитие товарного хозяйства. Поэтому Ленин и говорил, что «кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением» [2]).

Принципиально иное значение приобретает кооперация в условиях пролетарской диктатуры: «кооперация в наших условиях, писал Ленин, сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [3]); «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма», так что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» [4]).

Это писано Лениным в 1923 году. А в 1921 году Ленин рассматривал кооперацию как «вид государственного капитализма». Что же понимает Ленин под государственным капитализмом в условиях пролетарской диктатуры? Это, конечно, совсем не «тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия», так как «у нас государство пролетарское» [1]).

> «Государственный капитализм, это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство—это рабочие» [2]).

Наиболее типичной формой госкапиталистических предприятий в наших условиях являются концессионные предприятия. Они, как пишет Ленин, представляют собой «пример того, как советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм» [3])

Чем же об'ясняется эта различная оценка Лениным социальной природы кооперации? Это легко понять из сравнения того экономического положения, в каком находилась страна во время перехода к нэпу и спустя два года после этого. В 1921 году государственная промышленность, транспорт, как и весь вообще государственный сектор хозяйства, находились в состоянии упадка. В состоянии упадка находилось все народное хозяйство в целом. Для их под'ема предполагалось, наряду с развитием государственного сектора в экономике страны, во-первых, весьма значительное привлечение иностранного капитала в форме концессий, во-вторых, сдача части предприятий на условиях аренды «отечественным» капиталистам, в-третьих, всемерное оживление мелкого производства, мелкого предпринимательства.

В условиях, когда мы были слабы, когда мы отступали, когда капитализм развивал бешеную энергию, стремясь овладеть экономикой страны, в этих условиях крестьянская снабженческо-сбытовая кооперация,—а речь в то время шла преимущестенно о ней—осуществляла бы под руководством пролетарского государства функции организации товарообмена не только (и в течение известного периода не столько) между социалистической промышленностью и крестьянством, но также (и сколько) между крестьянством и госкапиталистической промышленностью. В этих условиях кооперация на базе мелкого производства неизбежно выделяла бы капиталистов, была бы очагом, откуда росли бы регулируемые и ограничиваемые пролетарским государством капиталистические отношения. Поэтому Ленин и относил кооперацию в этот период к госкапиталистическому укладу советской экономики. Но так как допущение госкапитализма бралось Лениным в общем едином плане построения социализма в нашей стране, так что госкапитализм должен был быть поставлен на службу социализму, то ясно, что и кооперация как орудие, облегчающее об'единение, организацию мелких производителей тем самым обслуживала бы задачу социалистического строительства.

> «Кооперация, как форма торговли,—писал Ленин в 1921 г. в «Продналоге»,—выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму». (Т. XVIII, ч. 1, стр. 219). (Подчеркнуто мною. *Н. К.*).

Одного этого положения достаточно, чтобы опрокинуть вздорные построения любителей «углублять» Ленина путем приписывания ему двух планов социалистического строительства, как это пытался не так давно делать тов. Бухарин.

---

[1]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 202.
[2]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 133.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 134.

---

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 31.
[2]) Там же, стр. 32.
[3]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 200.

К 1923 году, когда Ленин писал свою статью о кооперации, положение существеннейшим образом изменилось. Во-первых, иностранный капитал не пошел к нам в том размере, в каком это предполагалось, вследствие чего госкапиталистический уклад в качестве одного из элементов единого плана социалистического строительства не получил в экономике страны такого развития, при котором он оказывал бы заметное влияние на общий характер ее экономического строя. В то же время, во-вторых, рабочее государство в непрерывной борьбе с частно-капиталистическим сектором само стало весьма успешно поднимать и налаживать государственную промышленность, являющуюся последовательно-социалистической формой хозяйства. Ее господствующая и ведущая роль в развитии экономики страны стала очевидной.

В этих условиях кооперированием крестьянства на почве обращения все более укрепляется непосредственная смычка между социалистической промышленностью и сельским хозяйством, т.-е. между рабочим классом и крестьянством при руководящей роли рабочего класса. В силу этого решающего факта кооперация и относится Лениным к социалистическому сектору советской экономики. В статье «О кооперации» Ленин пишет, что

> «должно сейчас же начать развивать этот «кооперативный» принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое (подчеркнуто нами. *Н. К.)* значение», ибо кооперация является средством «практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [1]) (Подчеркнуто Лениным).

Само собой разумеется, что социалистический характер кооперации был завоеван пролетариатом в борьбе с капитализмом вообще и в частности с частно-капиталистическими тенденциями внутри кооперации. Только в результате укрепления командных позиций пролетариата в экономике страны, только в результате политики ограничения капиталистических элементов, проводимой партией на базе союза рабочего класса и бедноты с середняком, мы достигли и закрепили социалистический характер кооперации, достигли решающих успехов в деле вытеснения капитализма из сферы обращения. Однако, социалистический характер кооперации отнюдь не исключает а, наоборот, предполагает наличие элементов классовой борьбы внутри кооперации до тех пор, пока в нашей стране не существует мелкое производство, порождающее частно-собственнические тенденции развития.

Учение Ленина о социалистическом в наших условиях характере кооперации во всех ее видах прежде всего применимо к колхозам, поскольку они в качестве производственно-кооперативных предприятий представляют собой высшую форму кооперативного движения, которая в отличие от кооперирования обращения является средством непосредственного выкорчевывания корней капитализма, средством непосредственного социалистического переустройства сельского хозяйства. В полном соответствии с учением Ленина и в развитие этого учения на основе дальнейшего развития нашей революции т. Сталин дал известное определение социально-экономической природы колхозов: «Колхозы, как тип хозяйства, есть одна из форм социалистического хозяйства» [2]).

Само собой разумеется, что, например, троцкисты, защищающие против ленинизма меньшевистскую теорию о «невозможности построения социалистического общества в отдельной стране, к тому же отсталой», не могут согласиться с этой ленинской характеристикой социальной природы наших колхозов. Эти неумные господа теперь считают, что между колхозной и частно-собственнической формами развития сельского хозяйства нет никакой разницы по существу, так как обе они, дескать, одинаково ведут сельское хозяйство по капиталистическому пути. Тем не менее колхозы, по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, «представляют, как пишет Троцкий, важный шаг вперед» в том отношении, что являются наиболее, по его мнению, удобной формой приспособления капиталистического развития сельского хозяйства к условиям советского режима.

Можно ли полнее разоблачить всю контрреволюционную сущность троцкизма, чем сделано это в до цинизма откровенных разглагольствованиях этого героя левой фразы? Провозглашение неизбежности капиталистического развития сельского хозяйства в стране пролетарской диктатуры; признание этого типа развития сельского хозяйства прогрессивным явлением, как прямая по существу апология аграрного капитализма—вот какова действительная сущность троцкизма, вот каково его действительное нутро, прикрытое хвастливой и звонкой, псевдореволюционной трескучей фразой!

В пределах каждого коллективного хозяйства, организованного на основе обобществления всех основных средств производства, между всеми его участниками создаются одни и те же отношения к этим средствам производства как об'екту коллективной собственности: никто из колхозников не является внутри колхоза единоличным владельцем ни всех, ни известной части обобществленных средств производства. Это относится в равной мере как к неделимому фонду, так и к фонду, составляющемуся из паевых взносов членов колхоза. Так как паевые взносы частично изымаются из обобществления только в случае выхода кого-либо из коллектива, то до тех пор, пока эти взносы находятся в распоряжении колхоза, они не составляют внутриколхозной собственности отдельных лиц, а представляют собой обобществленный фонд.

Принципиальное отличие колхозной формы собственности от формы собственности индивидуальной и состоит в том, что колхозники не противостоят друг другу в качестве частных владельцев средств производства, как противостоят друг другу крестьяне-единоличники, но, наоборот, об'единены отношениями общей собственности. Следовательно, в колхозе нет деления людей на такие социальные группы, из которых одна владела бы средствами производства и вследствие этого эксплоатировала бы другую социальную группу, не имеющую средств производства. Этим, конечно, не отрицается то положение, что в колхозах еще остается почва для классовой борьбы, в силу чего имеет место и классовая борьба, но об этом дальше.

Каковы же отношения между колхозниками по поводу распределения дохода? Из устава с.-х. артели известно, что та часть дохода артели, которая выделяется в качестве фонда индивидуального потребления, в основной своей части распределяется между колхозниками соответственно количеству (с известной поправкой на вид и качество работы) вложенного в коллективное хозяйство труда. Это есть в основе своей социалистический принцип распределения. Если бы основным принципом распределения потребительского фонда (в продуктах и в деньгах) являлся принцип распределения его соответственно размерам тех взносов (деньгами и средствами производства), которые сделаны каждым колхозником, то это была бы такая форма распределения, которая давала бы возможность более зажиточной части колхозников эксплоатировать бедняцкую их часть. Ясно, что такой принцип распределения мог бы служить основой социалистического развития колхозов.

Некоторая небольшая часть дохода, не предназначенного для производственных целей, может быть, как известно, распределена между колхозниками соответственно размерам внесенных ими в обобществленный фонд средств производства и вступительных взносов; однако, распределение, производимое в этой форме, поскольку последняя не является основной и кроме того служит лишь временной мерой, рассчитанной на вовлечение в колхоз середняка, отнюдь не может служить опровержением в основном социалистического характера распределительных отношений между колхозниками. Это лишь свидетельствует о том, что было бы неправильно совершенно игнорировать неизжитые еще среди колхозников пережитки мелкособственнических тенденций и от мелкобуржуазной формы распределения, свойственной простым товарным производителям, перепрыгивать сразу к чисто социалистическим принципам распределения. Что же касается обязательств колхоза по отношению к нетрудоспособным его членам, то едва ли нужно упоминать о том, что эти обязательства не содержат в себе никакого нарушения в основном социалистического принципа распределения дохода.

---

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 130.

[2]) «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 22.

Тт. спрашивают: создается ли в колхозах прибавочный продукт и кем он присваивается?

Если под прибавочным продуктом понимать ту часть продукции, которая производится сверх расходов по поддержанию хозяйства на том же уровне и оплате труда, то прибавочный продукт, как во всяком развивающемся хозяйстве, независимо от его общественной формы, в колхозах создаваться должен и будет. Одна часть этого прибавочного продукта, частью непосредственно (напр., семена, скот и пр.), частью через обмен ее на другие предметы, будет употребляться на расширение хозяйства колхозов; другая же часть (меньшая) будет поступать в виде налогов в распоряжение государства. Но это не значит, конечно, что в колхозах будет создаваться прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость есть особая, именно капиталистическая, форма эксплоатации. Производственные же отношения колхозов построены на отсутствии эксплоатации. Что же касается прибавочного продукта, то в капиталистическом обществе он является натуральным (вещным) выражением прибавочной стоимости, как определенного классового отношения (отношения эксплоатации рабочих капиталистами). Напротив, в колхозах, как и вообще в предприятиях социалистического типа, прибавочный продукт принадлежит тем, кто его создал, а не присваивается другим, эксплоататорским классом. Отсюда ясно, что прибавочный продукт социалистических по типу предприятий имеет принципиально иное социально-экономическое значение, нежели прибавочный продукт капиталистических предприятий.

Предпринятое нами рассмотрение отношений производства и распределения в колхозах показало, что колхозы являются предприятиями социалистического типа. Когда мы говорим о колхозах, мы имеем в виду, конечно, не всякий колхоз, а лишь ту огромную, подавляющую их массу, которая организована из батраков, бедноты и середняков и находится под руководством рабочего класса. Но среди колхозов попадаются также в отдельных немногих случаях и лжеколхозы, кулацкие колхозы. Защитниками хозяйств этого типа выступали, как известно, правые, требовавшие от партии, чтобы она поощряла развитие таких «кулацких кооперативных гнезд», ибо эти «гнезда», как уверяли правые, будут будто бы так же, как и бедняцко-середняцкие колхозы, «мирно врастать в социализм». Никакого социализма из кулацких об'единений, конечно, не получилось бы: наоборот, из них стал бы расти капитализм. Поэтому партия и ведет борьбу с «гнездами» этого типа.

Но было бы совершенно неправильно думать, что принятием колхозами разработанного под руководством нашей партии устава уже создаются абсолютные гарантии дальнейшего развития колхозов в социалистическом направлении. Такое представление было бы вреднейшей иллюзией. Устав представляет собой ту основу, на почве которой внутри колхозов будет еще происходить борьба за дальнейший социалистический путь их развития против пережитков мелкособственнической психологии среди колхозников. В этой борьбе социализма против остатков мелкособственнической психологии среди колхозников рабочий класс должен и может обеспечить победу социализма.

> «Было бы ошибочно думать, — говорит т. Сталин, — что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества» 1).

---

1) «К вопр. агр. политики в СССР», стр. 26.

Классовая борьба внутри колхозов будет иметь для пролетариата своей целью перевоспитание колхозников в духе социализма. Указанной цели должны соответствовать и методы этого рода классовой борьбы. Отсюда ясно, что характер классовой борьбы внутри колхозов не может не отличаться коренным образом от классовой борьбы вне колхозов, направленной против кулачества.

> «Что значит классовая борьба вне колхозов, до образования колхозов? Это значит — борьба с кулаком, владеющим орудиями и средствами производства и закабаляющим себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть. А что значит классовая борьба на базе колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки об'единены в колхозы на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают в процессе дальнейшего развития колхозов переводить их на более высокую ступень обобществления и изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство. Не ясно ли, что только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и между классовой борьбой вне колхозов?» 1).

Поэтому наличие элементов классовой борьбы в колхозах при обеспечении за рабочим классом руководства в этой борьбе отнюдь не может служить доводом против характеристики колхозов как предприятий социалистического типа.

Простое товарное хозяйство по форме собственности однотипно с капиталистическим (частная собственность на средства производства); колхоз же есть одна из форм предприятий социалистического типа. Но как простое товарное хозяйство еще не есть капитализм, так и колхоз не есть еще развернутый социализм. И тут мы подходим к последнему вопросу нашей темы — к вопросу о различии между колхозами и госпредприятиями.

Это различие состоит в следующем. Все госпредприятия в целом и каждое из них в отдельности принадлежат не отдельным группам рабочего класса, работающим на тех или иных предприятиях, а всему рабочему классу, об'единенному в государство. В соответствии с этим вся продукция, вырабатываемая государственным хозяйством, не является собственностью отдельных групп рабочих или отдельных предприятий, а вся и целиком и в отдельных своих частях принадлежит опять-таки рабочему государству. Точно так же обстоит дело и с доходом, получаемым в государственном хозяйственном секторе. Выступая как продавцы и покупатели в отношении друг друга, госпредприятия не противостоят одно другому в качестве обособленных собственников: купля-продажа внутри государственного сектора есть лишь форма распределения произведенной продукции соответственно производственным планам.

В колхозе же, в том числе и в коммунах, обобществление средств производства еще далеко не достигло такой высокой степени развития. Юридическими собственниками колхозных средств производства, за исключением, конечно, земли, являются не государство и не вся колхозная система в целом, а отдельные группы об'единенных в артели и коммуны лиц, владеющих этими средствами производства на началах коллективной собственности. Поэтому продукция в целом и доход (за вычетом налогов) принадлежат тому колхозу, который их выработал. В качестве коллективного собственника каждый колхоз продает товарную часть своей продукции и покупает необходимые ему предметы. Отсюда видно, что отношения между государством и колхозами, как и между колхозами в отношении друг друга, иные сравнительно с взаимоотношениями между госпредприятиями. Правда, колхозы продают свою продукцию государству и, как правило, в порядке контрактации. Покупают же нужные им предметы также у государства через систему потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Но это не отменяет того факта,

---

1) Сталин, К вопросам аграр. политики в СССР, стр. 26.

что у колхозов и госпредприятий имеются пока еще различные взаимоотношения с государством и между собою. Все сказанное относится и к коммуне, которая вследствие этого не может быть приравнена по своим производственным отношениям к государственному предприятию, хотя представляет собой более высокую форму производственно-кооперативного предприятия сравнительно с сельскохозяйственной артелью.

Итог, к которому мы пришли, состоит в том, что как госпредприятия, так и колхозы являются предприятиями социалистического типа, но что, кроме того, колхозы являются более низкой ступенью социалистической формы сравнительно с госпредприятиями и что поэтому в наших условиях они должны будут развиваться в направлении превращения в предприятия, средства производства, продукция и доход которых составляют собственность всего общества.

Указание Ленина на то, что наши госпредприятия имеют не только социалистический, но и последовательно-социалистический характер и отмечает именно это различие между госпредприятиями как более высокой ступенью социалистической формы и кооперацией, в частности, стало быть, колхозами, как более низкой ступенью этой же формы. Выражение «последовательно-социалистический» указывает на самую высокую, наиболее последовательно осуществленную на нынешнем этапе в госпредприятиях форму социалистических отношений производства, по сравнению с которыми колхозы представляют более низкую форму социалистических производственных отношений.

Но это не значит, конечно, что на наших госпредприятиях социалистические отношения достигли своего законченного развития. Такое положение немыслимо вообще, так как развитие социалистических производственных отношений никогда не может достигнуть такого уровня, который делал бы ненужным или невозможным дальнейшее движение вперед.

Что же касается конкретно наших госпредприятий, то осуществленный в них тип последовательно-социалистических отношений должен и будет развиваться, совершенствоваться и в направлении непрерывного улучшения организации и управления производством, в корне устраняющего бюрократизм, в смысле под'ема материального и культурного уровня рабочих масс и их перевоспитания, а также постепенного уменьшения различий в материальном положении отдельных слоев рабочего класса и т. д. Само собой разумеется, что денежная форма учета и производства и расчета между госпредприятиями должна будет на известном этапе уступать место иным, более совершенным формам планового хозяйства.

Н. КОНСТАНТИНОВ.

Почта отдела консультации.

Посланы ответы почтой тт.: Юрасову, А. И. (Быково), Соломатину, П. И. (Щелково), Малотаеву, И. В. (Михайлов), Гирш и Гриценко (Харьков), Мельникову (Ташкент), Петрову, Л. Б. (Москва).

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54800. Москва. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“ Тверская, 48.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 11—12 30 ИЮНЯ № 11—12

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

ЖУРНАЛЫ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

К XVI С'ЕЗДУ ВКП(б)

НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ
№ 6 (вышел из печати).
СОДЕРЖАНИЕ:
I. Статьи.
Л. КРИЦМАН. Решающий этап коллективизации.
Ф. ЦЫЛЬКО. Основные вехи колхозного движения 1929—30 г.
Я. НИКУЛИХИН. Борьба на два фронта в основных вопросах коллективизации.
Н. АНИСИМОВ. Общественная организация труда и обобществление мелкого крестьянского производства.
А. КАРАВАЕВ. Организационная структура сельско-хозяйственной кооперации в районах сплошной коллективизации.
Н. КОРОСТАШЕВСКИЙ. Капитальное строительство в совхозах и колхозах.
М. ГЕРЧИКОВ. Итоги строительства зерносовхозов.
II. Библиография.
С. ПИКУС. Против легковесности, против замены марксизма струвианством в теории аграрного вопроса.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ
№ 4—5
(выходит из печати).
СОДЕРЖАНИЕ:
К XVI партийному с'езду.
Л. КРИЦМАН. К анализу переходного периода.
Е. РАСКИН. К анализу переходного хозяйства.
М. [illegible]. Об одной опасной теории.
А. КОЗЛОВСКИЙ. Об индустриализации СССР.
В. ВЕЙЦ. О характеристике энерго-вооружения промышленности СССР.
С. [illegible]. О путях реконструкции транспорта в разрезе генерального и пятилетнего планов.
Ю. ФЛАКСЕРМАН. Черновые наброски заданий к генеральному плану электрификации.
БИБЛИОГРАФИЯ.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.
«О новом этапе нэпа» (доклад К. Розенталя и прения по докладу в экон. секции Ком. Ак.).

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА
№ 5—6
(выходит из печати).
СОДЕРЖАНИЕ:
П. СТУЧКА. К XVI партийному с'езду.
Е. ПАШУКАНИС. Классовая борьба в переходный период.
Я. БЕРМАН. Государство-коммуна.
А. ЛУЖИН. Массовая работа советов.
М. КАРЕВА. Октябрьская революция и госаппарат.
Г. [illegible]. Специалисты и государственный аппарат.
Н. ЧЕЛЯПОВ. Партия и национальный вопрос.
А. [illegible]. Вопросы нормирования в период социалистической реконструкции.
Н. САЛТЫКОВА. Против оппортунизма в советском гражданском праве.
И. ВОЙТИНСКИЙ. Трудовой кодекс социалистической реконструкции.
И. КУМЫКИН. Примирительные камеры и товарищеские суды.
М. КЛИМОВ. Союзы работодателей и империалистическое государство Германии.
Е. [illegible]. Июльская демонстрация 1917 г.
Г. В—В. Дело «СВУ».
В. [illegible] и М. [illegible]. Сельсовет в колхозном строительстве.
Я. ПЕРЕЛЬ. Растрата и [illegible].
А. ВИНОКУРОВ. Буржуазная или революционная законность.
Л. К. Буржуазная, а не революционная законность.
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ
№ 2 (вышел из печати).
СОДЕРЖАНИЕ:
С. ДИМАНШТЕЙН. Национальные моменты к XVI с'езду ВКП(б).
И. ЖДАНОВ. Работа профсоюзов в нацрайонах.
Е. РАБИНОВ. Пятилетка и промышленное строительство в нацрайонах.
П. ТИХОМИРОВ. Кустарная промышленность и промкооперация в нацрайонах.
А. МИТРОФАНОВ. К итогам партчистки в нацреспубликах и областях.
А. [illegible]. К вопросу планирования подготовки национальных кадров специалистов.
С. ХОДЖАЕВ. Второе партсовещание по народному образованию.
А. ТАДЖИЕВ. Новый латинизированный алфавит — мощное орудие культурной революции.
А. ТАХО-ГОДИ. Проблема языка в Дагестане.
Г. САФАРОВ. Проблема нации и антиимпериалистические революции.
А. АЛЕКСАНДРОВ. Декларации и практика.
Маркс и Энгельс о национальном вопросе (перераб. стеногр. доклада тов. С. Диманштейна).
«Нацполитика СССР в цифрах».
В Совете национальностей. Хроника. Критика и библиография.

ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ № 3 (?)
(выходит из печати).
ПЕРЕДОВАЯ.
К. РАДЕК. Задачи китайской революции и борьба с ликвидаторством.
П. Г. Экономический кризис в Китае.
В. [illegible]. Советская власть в Китае.
М—Н. Некоторые проблемы партизанского движения в Китае.
Т. В. Борьба пролетариата в Китае в 1930 г.
Г. ЭРЕНБУРГ. Китайская революция 1925—27 г. в оценке меньшевиков, эсеров и кадетов.
Н. ГАМБЕРГ. Текстильная промышленность и рынок хлопч.-бумажных товаров Китая.
М. КАЗАНИН. Экономгеографическое описание провинции Юньнань.
Дискуссия в институте. [illegible] чень-дусюизма. Библиография. Хроника.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ, МОСКВА, ГСП 10, ВОЛХОНКА, 14.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)
Год издания VII
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 1-99.

№ 11—12 — 30 ИЮНЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. Советский Союз и капиталистический мир накануне XVI с'езда ВКП(б). Межлаук, В. Догнать и перегнать. (Вопросы технической революции (стр. 8). Розенталь, К. Новые промышленные районы СССР (стр. 16). Гринько, Гр. Итоги весенней сельскохозяйственной кампании (стр. 30). Мельбард, Н. и Поспелов П. Борьба на два фронта! (Оппортунизм в ВКП(б) накануне XVI с'езда) (стр. 37). Шеболдаев, Б. На фронте социалистического наступления. (Некоторые итоги по Нижне-Волжскому краю к XVI с'езду ВКП(б) (стр. 51). Нирк, В. Против правооппортунистической идеологии в профдвижении СССР (стр. 67). Ужанский, С. Тракторизация (Американские впечатления в свете наших задач по социалистической реконструкции с. х.) (окончание, стр. 79). Кнорин, В. Текущий этап третьего периода и Коминтерн к XVI с'езду ВКП(б) (стр. 85). Альфред, Л. Как международная буржуазия готовится к гражданской войне (стр. 95). ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ: Уласевич, В. Артель — основное звено колхозного движения (стр. 104). Мартынов, В. Организация труда в колхозах (стр. 111). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Ильюхов, Н. О литературе по экономическому кризису в САСШ (стр. 118).

Советский Союз и капиталистический мир накануне XVI с'езда ВКП(б).

Период, предшествующий XVI партийному с'езду, характеризуется крупнейшими сдвигами не только внутри советской страны, но и во взаимоотношениях СССР с окружающим капиталистическим миром.

В своем политическом отчете на XV с'езде тов. Сталин с полным правом говорил о значительном усилении опасности войны и интервенции по отношению к СССР. Он вполне правильно связывал этот факт с расшатыванием частичной стабилизации капитализма, с нарастанием уже в то время элементов кризиса.

В самом деле, крупнейшим фактором расшатывания капиталистической стабилизации является противоречие между прогрессом техники и рационализации производства, с одной стороны, и ограниченными возможностями сбыта, — с другой. На этой почве происходит обострение борьбы за рынки, за источники сырья, за вывоз капиталов и становится все более чувствительным факт выпадения территории бывшей царской России, составляющей одну шестую часть земного шара, из мировой капиталистической системы.

До поры, до времени, международная буржуазия могла сравнительно спокойно относиться к этому факту в расчете на буржуазное перерождение СССР. Но ко времени XV с'езда вся беспочвенность этого расчета, вопреки истерическим крикам троцкизма о наступающем (или уже наступившем) термидоре, стала ясной для нее самой.

Международная буржуазия была твердо убеждена в том, что хозяйственные успехи СССР возможны только в меру усиления в его экономике капиталистических элементов. В действительности, быстрый хозяйственный рост СССР сопровождался вытеснением капиталистических элементов, давал все более наглядные доказательства преимущества социалистического планового начала над капиталистической анархией. Этим самым он оказывал растущее революционизирующее влияние на трудящиеся массы капиталистических и колониальных стран. Между тем, за счет ухудшения их положения была достигнута относительная стабилизация капитализма. И дальнейшее ухудшение этого положения является в руках буржуазии основным, хотя и не достигающим цели, средством борьбы с продолжающимся расшатыванием стабилизации.

Что изменилось в этом отношении за период между XV и XVI с'ездами? Продукция социалистической промышленности СССР увеличилась вдвое. Чтобы понять все колоссальное значение такого факта, стоит только вспомнить, что за 10 лет существования советской власти до XV с'езда мы достигли только уровня довоенной продукции (а по тяжелой промышленности оставались еще далеко позади его). Что означает удвоение промышленной продукции за столь короткий период? Оно означает, что мы взяли темпы, далеко превышающие темпы капитализма не только периода упадка и загнивания, но и периода самого интенсивного роста; что лозунг «догнать и перегнать» наиболее передовые капиталистические страны может быть осуществлен в относительно короткий исторический срок, хотя пока мы еще далеки от его осуществления. Но мало этого. Если предыдущие свои успехи до XV с'езда партия осуществляла на основе ограничений и вытеснения капиталистических элементов, в частности, наиболее сильного из них, имеющего наиболее прочные корни в стране, — кулачества, то теперь на основе сплошной коллективизации она перешла к политике ликвидации кулачества — последней опоры капиталистической реставрации в стране, последней опоры внешней военной интервенции. И, наконец, если до недавнего времени наличность в составе партии и в ее руководстве правой оппозиции давала надежду на смену курса партийной политики, то сокрушительный отпор, данный партией правой оппозиции, отнял у международной буржуазии и эту надежду...

Нет ничего удивительного, что революционизирующее влияние СССР на трудящихся всего мира, от которых нельзя скрыть успехов социалистического строительства, должно было в колоссальной степени возрасти. Само собой разумеется, наши трудности, товарный голод, недостаток продуктов продовольствия, а также антисередняцкие перегибы при проведении коллективизации, — несколько задерживали этот рост. Но истекший период после XV с'езда уже показал всему миру блестящие примеры быстрого и радикального преодоления трудностей при помощи большевистских темпов социалистического строительства на основе непримиримого проведения ленинской линии партии. Именно после XV с'езда перед нами во всей остроте стала зерновая проблема. Летом 1928 года мы стали перед фактом чрезвычайно острого продовольственного кризиса. Нужно ли много распространяться о том, насколько широко был использован этот факт для антисоветской агитации во всем мире, для доказательства «банкротства» социалистической системы хозяйства. Но, тем же летом 1928 г. июльский пленум ЦК ВКП(б) принял конкретный план разрешения зерновой проблемы путем усиленного колхозного и совхозного строительства. И в результате двух лет напряженнейшей работы всей партии мы в основном разрешили зерновую проблему, мы снова будем иметь в этом году крупные хлебные излишки. Мы с избытком заменим кулацкую продукцию продукцией колхозов и совхозов.

Могут ли сомневаться даже наши серьезные враги, что, разрешивши в основном с таким блестящим успехом в кратчайший срок зерновую проблему, партия сумеет с таким же успехом преодолеть и другие трудности социалистического строительства. Огромный рост посевной площади технических культур уже в этом году гарантирует нам значительное расширение отраслей промышленности, производящих предметы массового потребления. Разрешение зерновой, а затем животноводческой проблемы, ускоренное развитие легкой промышленности, для которого мощный рост тяжелой промышленности уже создал достаточные предпосылки, дальнейшее развертывание процессов социалистической реконструкции сельского хозяйства несет с собой огромный сдвиг вперед в деле улучшения материального положения трудящихся масс Советского Союза.

Этот сдвиг окажет дальнейшее, гигантское влияние на трудящиеся массы капиталистических стран, особенно сопредельных с СССР, которые, кстати сказать, являются наиболее слабыми звеньями капиталистической стабилизации. Как известно, при царизме заработная плата в Польше и Прибалтийском крае была значительно выше, чем в коренной России, а теперь она ниже довоенной, гораздо ниже заработной платы рабочих СССР и продолжает неудержимо падать при огромном росте безработицы.

Нужно ли более яркое доказательство для рабочего класса Польши и Прибалтики преимущества пролетарской диктатуры перед фашизированной буржуазной демократией?

Но положение рабочего класса и трудящихся масс ухудшается не только в Польше и лимитрофах, но и во всех капиталистических странах. Американский экономический кризис превращается в мировой. Кризис охватил Среднюю и Южную Европу, он углубил и усилил длительную экономическую депрессию, которая в Англии уже приобрела хронический характер, он стоит у порога Франции, он принял особенно опустошительный характер в азиатских странах и колониях. Кризис развивается дальше вопреки всем басням правых оппортунистов об организованном капитализме.

Мировой экономический кризис обостряет все противоречия частичной стабилизации капитализма. Он несет с собой развал этой стабилизации. Он доводит безработицу до грандиозных размеров. Он наносит новые удары жизненному уровню рабочего класса, и это как раз в то время, когда в СССР происходит резкое сокращение безработицы. Он форсирует конкуренцию, развязывает таможенную войну, дает новый толчок вооружениям, беспощадно разоблачает всю пацифистскую болтовню, которой буржуазия пытается отвлечь внимание масс от подготовки новых войн. Он еще больше и сильнее обостряет противоречия между СССР и капиталистическим миром.

Проблема перепроизводства стоит сейчас с чрезвычайной остротой и для Америки, и для Англии, и для Германии. Они могут бороться с перепроизводством, расширяя свои рынки. Но для этого нужен новый передел мира. Отсюда усиленный нажим на колониальные страны, отсюда растущая тяга к советским рынкам и к планам капиталистической реставрации в СССР, которая должна будет открыть эти рынки, отсюда неслыханный разгул антисоветской агитации, крестовые походы, кутеповщина, воззвания II Интернационала, отсюда принимающая все более ожесточенные формы борьба против советского экспорта.

Кампания против советского экспорта идет под знаком самой бесстыдной демагогии. Желтые буржуазные и социал-фашистские листки ухитряются одновременно писать об экономическом развале СССР и пугать своих читателей угрозой советского «демпинга», который погубит весь мир, если только не будет принято самых срочных и энергичных мер. Между тем, наш экспорт еще далеко не достиг довоенных размеров. Внешняя торговля осталась одной из немногих областей, в которой мы отстали от царизма. Одного этого факта достаточно, чтобы оценить по достоинству весь демагогический ажиотаж, раздуваемый сейчас вокруг советского экспорта.

Однако, нельзя затушевывать того факта, что в то время, когда одни группы капиталистической буржуазии получают выгоду на нашем экспорте, особенно ощутительную в условиях нынешнего кризиса, другие — на нем теряют. 75 проц. экспорта польской металлургии идет в СССР. Экспортом в СССР живет жалкая промышленность Латвии. Все лимитрофы получают значительные выгоды от нашего транзита, но, с другой стороны, мощное развитие советского лесоэкспорта сильнейшим образом бьет по интересам лесопромышленников Финляндии, Швеции и тех же самых Латвии и Польши. Не случайным поэтому является рост антисоветских настроений в Финляндии, подготовка фашистского переворота, который будет означать прямое включение Финляндии в антисоветский блок. Не случайной является активизация антисоветских элементов Румынии, связанная с приходом к власти нового короля. Возобновление хлебного экспорта из СССР явилось бы новым тягчайшим ударом для трещащей и без того по всем швам капиталистической стабилизации Румынии.

Мы имеем ряд важнейших центров антисоветской политики. Одним из них является Америка. Трудно найти на земном шаре такие точки, где экономические интересы Америки сталкивались бы сколько-нибудь серьезно с интересами СССР в настоящее время. Можно сказать больше. Ни одна капиталистическая страна не получает таких огромных выгод от нашей индустриализации, как Америка. И тем, не менее рост антисоветских настроений среди американской буржуазии и ее правящих кругов не может подлежать никакому сомнению. Об этом наглядно свидетельствуют заседания комиссии по расследованию деятельности коммунистов, созданной американским парламентом, превратившиеся в сплошную, беспардонную, антисоветскую демонстрацию. Об этом свидетельствуют придирки к нашим хозяйственным организациям. Успехи социалистического строительства СССР внушают американской буржуазии растущую тревогу за свою судьбу.

По части бешеной, буквально бьющей ключом, антисоветской активности, английские твердолобые в праве претендовать на мировой рекорд. Их звериная ненависть к СССР, находящая только весьма бледное выражение в десятках вопросов и запросов, вносимых почти ежедневно в парламент, питается страхом перед растущим революционным движением в колониальных странах, особенно в Индии, начинающим перерастать в национальную войну, и растущими экономическими трудностями, преодолеть которые английский империализм бессилен даже при помощи рабочего правительства.

Эти же причины в основном питают «кутеповские» настроения во Франции. После ухода твердолобых от власти в Англии, к Франции перешла бесспорно руководящая роль в антисоветском европейском концерте. Французский генеральный штаб держит в своих руках основные нити подготовки войны против СССР.

Усилились за последнее время антисоветские настроения среди германской буржуазии. Их нельзя не поставить в связь с возрождением германского империализма и его исторической экспансии на восток. Но немаловажную роль в этих настроениях играет усиление коммунизма и рабочего движения в Германии.

Польша и лимитрофы являются наиболее слабыми звеньями капиталистической стабилизации. Исключительно тяжелое положение рабочих и трудящихся масс в этих странах делает их особенно восприимчивыми к успехам социалистического строительства СССР. Вдобавок к этому Польша имеет мощную капиталистическую промышленность, для которой внутренний рынок слишком узок. Пробить себе дорогу на западные рынки этой промышленности трудно, ибо здесь она встречается с гораздо более сильной и технически вооруженной промышленностью Германии и Чехо-Словакии. Отсюда агрессивные настроения в сторону СССР. Не случайным является тот факт, что в условиях нынешнего кризиса, особенно тяжелого и безвыходного для Польши, печать правящего лагеря пилсудчиков так много пишет о новом походе на Украину.

На Дальнем Востоке международная буржуазия создала себе еще одну базу для наступления на Советский Союз в контрреволюционном Китае. Она систематически толкает китайскую контрреволюцию к захвату К.-В. жел. дор., Монголии и т. д. Втравить СССР в войну на Дальнем Востоке было бы чрезвычайно выгодно для международной буржуазии, хотя бы для того, чтобы отвлечь наше внимание с Запада. Однако, урок, полученный манчжурскими генералами, едва ли располагает их к повторению попыток в этом направлении.

Опасность войны против СССР, несомненно, значительно выросла в период времени между XV и XVI с'ездами. Мы обязаны констатировать этот факт и сделать из него необходимые выводы для нашей политики. Продолжать максимальным темпом индустриализацию страны и укреплять ее вооруженные силы — таков основной вывод. Но обострение противоречий между СССР и капиталистическим миром сопровождается обострением всех противоречий капиталистической системы, о которых достаточно ярко свидетельствуют обстановка проведения плана Юнга и крах лондонской конференции по сокращению морских вооружений. Это является немаловажным фактором с точки зрения мирной политики СССР.

Среди американской буржуазии существуют группы, извлекающие большие выгоды из развития экономических отношений между СССР и Америкой. Не эти группы определяют направление политики САСШ, но известного влияния у них нельзя отнять. Английское «рабочее» правительство вынуждено было пойти на возобновление дипломатических сношений с СССР не только под давлением рабочего класса, но и под давлением известной части буржуазии, проявляющей заинтересованность в советских рынках. Одним из крупнейших противоречий экономической и политической системы международного империализма является противоречие между Францией и Италией. Оно несколько сдерживает антисоветскую агрессивность французского империализма. Германской буржуазии антисоветская ориентация обещает проблематические выгоды в будущем. Но в настоящем эта ориентация довольно сильно бьет ее по карману, ибо советские заказы перемещаются в Америку и Англию. Кроме того реальные тяготы плана Юнга сами по себе весят значительно больше, чем все будущие блага западной ориентации. Противоречия между странами-победительницами и странами побежденными не разрешены. Они еще дадут себя знать. Отсюда некоторое колебание отдельных групп германской буржуазии, время от времени появляющиеся у них рецидивы раппальских настроений. Они усиливаются в моменты особенно жестокого нажима со стороны Антанты, в частности Франции.

Обострение промышленного и аграрного кризиса в Средней Европе принесло с собой некоторое ухудшение германско-польских отношений, несмотря на заключение торгового договора. В обстановке этого кризиса Польша видит себя вынужденной всячески сдерживать ввоз германской промышленной продукции, а Германия ведет точно такую же политику по отношению к продуктам польского сельского хозяйства.

Само собой разумеется, СССР будет укреплять свои политические и экономические связи с такими странами, как Турция, Персия, Афганистан, которые заинтересованы в известной поддержке со стороны СССР, поскольку они сами являются об'ектом империалистической политики.

Подготовка империалистической войны против Советского Союза значительно продвинулась и продолжает продвигаться вперед. Но она наталкивается на известные трудности. Основной трудностью является величайший риск, с которым связана война против СССР для капиталистических правительств.

Растущее революционное движение в капиталистических и колониальных странах играет роль чрезвычайно крупного фактора защиты СССР. Международный империализм и его социал-фашистские прислужники, которые всюду выступают застрельщиками антисоветской травли, на историческом опыте достаточно усвоили себе, какую связь войны имеют с революциями. Однако, нужно признать, что наши братские компартии еще недостаточно развернули борьбу против подготовки новых войн, еще недостаточно увязали эту работу со своей повседневной борьбой против буржуазии и социал-фашизма...

Та борьба с правой оппозицией, «левым» сектантством и примиренчеством, которую провели компартии после VI конгресса Коминтерна и продолжают проводить в настоящее время, уделяя особое внимание преодолению правого оппортунизма на практике,— имеет совершенно исключительное значение в деле укрепления их боеспособности в борьбе с капиталистической реакцией, фашизмом, социал-фашизмом и военной опасностью. Но она еще далеко не доведена до конца. Она должна продолжаться со всей энергией...

Нельзя пройти мимо особенно гнусной и предательской роли социал-фашистских подголосков — правых и «левых» ренегатов коммунизма, которые специализировались на том, чтобы усыплять бдительность рабочих капиталистических стран к военной опасности и, в частности, к опасности нападения на СССР.

XVI с'езд застает партию в чрезвычайно сложной и серьезной международной обстановке. В этой обстановке от партии требуется исключительное единство и сплоченность. Партия достигла величайших успехов, осуществляя свою генеральную линию на построение социализма в СССР, давая беспощадный отпор всяким антипартийным уклонам, решительно преодолевая капитулянтские и пораженческие настроения — откровенно-оппортунистические или прикрытые левыми фразами. Партия завершила в основном борьбу с троцкизмом, превратившимся в разновидность контрреволюционного меньшевизма. Партия будет беспощадно бороться с остатками и рецидивами троцкистских настроений в своих рядах. Партия дала сокрушительный отпор правой оппозиции, разоблачила ее кулацкую сущность. Партия не остановится перед самыми решительными мерами, чтобы пресечь разлагающую работу правой оппозиции, превратившейся в рупор антисоветских сил.

На растущую угрозу войны партия будет отвечать не отступлением перед международным империализмом, не сдачей своих позиций его кулацко-капиталистическим союзникам внутри страны, а укреплением связи и братской солидарности рабочих и трудящихся СССР с рабочими и трудящимися капиталистических и колониальных стран, дальнейшим проведением большевистских темпов индустриализации страны, форсированием мероприятий, обеспечивающих нашу экономическую независимость от капиталистических стран.

Партия будет всемерно укреплять силы Советского Союза, твердо проводя политику мира и беспощадно разоблачая военные махинации буржуазных правительств перед широкими рабочими и трудящимися массами капиталистических стран. Партия будет готова дать сокрушительный отпор всякому, кто попытается срывать мирное строительство социализма в нашей стране.

В. Межлаук.

Догнать и перегнать.

(Вопросы технической революции).

> *«Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».*
> *(Из резолюции XV конференции ВКП(б), 3/XI 1926 г.).*

I.

Решение партии догнать и перегнать в индустриальном развитии наиболее передовые капиталистические страны было принято в те годы, когда удельный вес СССР в мировом производстве еще далеко не достиг того значения, которое он имеет уже в настоящее время.

Твердая уверенность в неисчерпаемых преимуществах, которые дает развитию производительных сил социалистическая организация промышленности, транспорта и обобществленное земледелие и неисчерпаемая энергия громадных сил, заложенных в стоящем у власти рабочем классе, предопределило это решение партии в годы, когда народное хозяйство только начало оправляться от жесточайших ударов, нанесенных ему империалистической и гражданской войнами и голодом 1921 года.

В основу этого постановления легло утверждение Ленина, предвидевшего еще в пору политического и экономического развала керенщины пути, по которым пойдет победивший пролетариат. Ленин писал:

> «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.
>
> Но этого мало. Война неумолима; она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически.
>
> Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры» ¹).

Это решение было встречено глумлением со стороны «левых» троцкистов, устами Троцкого возвестивших на одном из пленумов ЦК о том, что такая установка является доведением до абсурда теории о возможности построения социализма в одной стране, и скептическими улыбками и сплетнями правых, которые в ту пору еще шушукались по углам, не решаясь ничего открыто противопоставить этому лозунгу партии. Это решение, однако, начала проводить партия со всей энергией и решительностью революционной организации рабочего класса, ставящей перед собой трудные задачи и умеющей их осуществлять в кратчайший срок, формулировав его словами т. Сталина на XV с'езде ВКП:

---

¹) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 213. Сент. 1917 г.

> «Задача партии: закрепить достигнутый темп развития социалистической промышленности и усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Основной предпосылкой, которая делает возможным осуществление таких темпов развития в области индустриализации всего народного хозяйства СССР, несмотря на крайнюю его отсталость по сравнению с передовыми капиталистическими странами, является *концентрация* в руках *пролетарского* государства всех ресурсов социалистического сектора народного хозяйства, позволяющая свободно мобилизовать громадные ресурсы в наиболее узких местах народного хозяйства для быстрого развития отдельных отраслей промышленности, транспорта или сельского хозяйства и *план*, охвативший собой основные элементы народного хозяйства и направляющий их единой волей стоящего у власти пролетариата.

В то же время создаются условия, при которых

> «национализированная промышленность опирается на рабочий класс, как на гегемона всего нашего развития, в виду чего она имеет возможность с большой легкостью развивать технику вообще, производительность труда в частности и применять рационализацию производства и управления, имея поддержку со стороны широких масс рабочего класса, чего нет и не может быть при капиталистической системе промышленности» ¹).

Дореволюционный капитализм оставил в наследство пролетариату промышленность, продукция которой ни в коей мере не соответствовала ни колоссальным сырьевым возможностям, ни потребностям громадной страны. Транспорт уже в дореволюционное время был одним из узких мест, не обеспечивая своевременной перевозки товаров и в особенности хлебных грузов в моменты развития хлебозаготовок. Сельское хозяйство находилось на столь убогом уровне, что фермерское хозяйство САСШ представлялось по сравнению с ним почти революционой формой земледелия.

Это дореволюционное хозяйство, подвергнутое такому разрушению за время войны и голода, после которого достижение довоенного уровня казалось чрезвычайно трудно осуществимым и весьма отдаленным делом, должно было лечь и легло в основу построения современной народно-хозяйственной организации СССР.

Самый факт преодоления невероятных трудностей, связанных с восстановлением разрушенного народного хозяйства в кратчайший срок и с достижением уровня 1913 г. в пять лет без каких бы то ни было кредитов или иных внешних источников, в условиях, когда золотые фонды страны были расхищены колчаковскими и чехо-словацкими белогвардейскими отрядами, — этот факт является одним из лучших доказательств той дополнительной экономической мощи, которую представляет собой самый переход основных звеньев народного хозяйства в руки рабочего класса, стоящего у власти.

К этим главным предпосылкам для развития народного хозяйства в Союзе Социалистических Республик успешно ведущаяся на основе достижений социалистического строительства классовая борьба и преодоление капиталистических элементов прибавляют все новые и новые завоевания, позволяющие в еще большей мере ускорять темпы развития отдельных отраслей народного хозяйства и более успешно решать труднейшие экономические проблемы.

Основными достижениями социалистического строительства и результатом руководимой партией классовой борьбы с точки зрения обеспечения дальнейших экономических успехов являются: гигантское развитие промышленности, укрепление кадров промышленности в связи с удалением выявлен-

---

¹) Сталин. XV с'езд ВКП(б), стенограф. отчет, стр. 54—55.

ных в процессе классовой борьбы вредителей, расслоением общей массы специалистов при выдвижении новых сил из рядов рабочего класса и повышении их культурного и технического уровня; быстро охватившая основные сельскохозяйственные районы коллективизация, достигшая, несмотря на все извращения и искривления директив Центрального Комитета рядом местных организаций и отдельными лицами, весьма высокого уровня; все больший охват сельского хозяйства контрактацией, вводящей новые элементы плановости и экономического руководства во взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством; постоянное расширение кооперативной сети как в области производства, так и потребления, охватывающей почти поголовно население СССР.

Эти достижения позволяют в гораздо большей мере, чем это имело место до 1929 года, предвидеть и руководить процессами, совершающимися в народном хозяйстве.

Показать, какие результаты достигнуты на некоторых основных участках работы промышленности в силу указанных выше предпосылок, обеспечивающих преимущества социалистической организации промышленности— является целью настоящей статьи.

II.

Концентрация всех ресурсов обобществленного сектора в руках правительства рабочего класса при наличии плана, заменяющего собой основной регулятор капиталистического производства — прибыль, позволяет решать экономические и технические проблемы гораздо более совершенными методами, чем это когда-либо имело место в наиболее передовых капиталистических странах. Именно это обстоятельство позволяет нам уже сейчас в очень многих областях выполнять решения партии о достижении народнохозяйственного уровня капиталистических стран в кратчайшие сроки.

Первым результатом установления плановости в нашем хозяйстве, после первых лет восстановления, явилась концентрация работы промышленности на основных крупных предприятиях, при сохранении в то же время средних и мелких, что повысило средний размер отдельных заводов и фабрик еще до полного развертывания реконструктивного процесса, позволяющего значительно более решительно революционизировать технику производства и переводить его на рельсы массового и серийного производства.

Одной из причин, замедляющих на данной ступени развития в капиталистических странах концентрацию производства на отдельных заводах при громадном росте концентрации капиталов, является постоянная неуверенность в рынке и невозможность в условиях колеблющегося спроса маневрировать огромными производственными единицами, ограниченными в сортаменте продукции. Все это вызывает невозможность полного использования тех преимуществ, которые предоставляются современной техникой массового производства.

В силу этих причин капиталистическое производство не в состоянии использовать возможности массового производства однотипных изделий на одних и тех же заводах в размерах, которые сделали бы возможным достижение технико-экономического оптимума развертывания производства.

В наиболее развитой автомобильной промышлености САСШ, помимо постоянной перемены типов машин на одних и тех же предприятиях, связанных зачастую не только с техническим прогрессом автомобильной промышленности, но в большой мере с необходимостью выбрасывать на рынок новые марки для расширения сбыта, даже такое производство, как ставшее классическим автомобильное предприятие Форда, вынуждено думать о переходе с одного типа машин на несколько типов для того, чтобы быть в состоянии выдерживать конкуренцию и маневрировать в случае резкого сокращения рынка сбыта, как это имеет место сейчас, при развертывании промышленного кризиса в Соединенных Штатах.

Тракторные заводы Северной Америки находятся в таком же положении: выпуская каждый несколько типов тракторов и не используя тем самым до конца производственной мощности своих станков, они ограничены пределами сбыта на внутреннем рынке вследствие застоя фермерского хозяйства, и на внешнем рынке, где все растущий экспорт из САСШ вызывает все большее противодействие других стран.

Не трудно понять механику технических и экономических затруднений, вытекающих из этих обстоятельств, если принять во внимание, что при выпуске 9.000 машин в день основной завод Форда в Ривер Руже около Детройта имеет около 10% запаса производственной мощности.

Уже такие заводы, как завод Шевроле, Дженераль Моторс Корпорэйшен, производящие 1—2 тыс. машин в день, вынуждены иметь большой запас мощности, особенно в отношении сложных аггрегатов, так как проблема согласования между собой мощности отдельных станков и аггрегатов для достижения оптимального соотношения между количеством и себестоимостью продукции не укладывается при колоссально развитой технике автомобильного дела в рамки небольших производств.

В стальной промышленности Соединенных Штатов, вопреки установившемуся у нас поверхностному мнению, процесс концентрации замедляется указанными выше причинами в весьма значительной степени и приводит к тому, что средний размер металлургического завода, имеющего доменные печи, в 1926 г. составлял еще только 109.000 тонн выпуска чугуна на каждое предприятие по сравнению с 264 тыс. т. для наших южных заводов в 1928—1929 году и 100 тыс. тонн по всей металлургии, включая сюда и насчитывающие более чем столетнюю давность небольшие уральские заводы.

Общее число предприятий в САСШ по 16 важнейшим отраслям промышленности сокращается весьма медленно и понятие о характере этого процесса могут дать следующие цифры: за время с 1899 г. по 1927 г. общее число предприятий уменьшилось с 207.514 до 191.866. Если взять иной отрезок времени с 1919 г. по 1927 г., когда под влиянием жесточайшего кризиса, явившегося результатом преувеличенной производственной мощности предприятий в военное время, началась ожесточенная капиталистическая «рационализация», число предприятий сократилось с 274.402 до вышеуказанных 191.866, при сокращении в то же время рабочих с 9.039.000 до 8.349.000, в то время как выпуск продукции с 62, 15 млрд. немного поднялся до 62,71 миллиарда долларов.

Только в результате беспощадной капиталистической чистки более слабых предприятий, резкого сокращения числа рабочих, пополнивших собой кадры постоянных безработных, удалось капитализму САСШ перейти на некоторую более высокую ступень в экономической структуре промышленности.

Процесс концентрации производства на отдельных предприятиях в СССР, представляющий собой абсолютно необходимую предпосылку для внедрения новых методов производства, основанных на принципе массового или поточного производства и применения новых машин, увеличивающих многократно производительность труда, протекал и протекает в совершенно иных условиях и иными темпами 1). В то же время система производства и распре-

---

1) «Национализированная промышленность, как самая крупная и самая мощная промышленность имеет все возможности проводить политику неуклонного снижения себестоимости, снижения отпускных цен и удешевления своей продукции, расширяя тем самым рынок для своей продукции, подымая емкость внутреннего рынка и создавая для себя постоянно растущий источник для дальнейшего развертывания производства». (Сталин. Полит. отчет ЦК на XV с'езде ВКП(б).).

деления социалистического государства противоположна системе капиталистической, создает необ'ятный и все растущий рынок, требующий перестройки предприятий на ходу.

Приводимые ниже данные показывают разницу, которая обусловлена преимуществами социалистической организации нашей промышленности. Техническое перевооружение отдельных заводов стоит в прямой связи с общей экономической организацией, существующей в данное время в данной стране. Применение новых орудий производства и переоборудование действующих предприятий может протекать или путем выбрасывания старого оборудования для того, чтобы быть в состоянии конкурировать с другими производителями, как это имеет место в С.-А. С. Ш., или путем рационализации действующего оборудования и добавки к нему немногих новых агрегатов, как это мы в наиболее полной мере видим в Германии, или путем постройки новых заводов и предприятий при одновременном осуществлении обоих вышеуказанных процессов.

Только в периоды наибольшего расцвета между двумя кризисами капиталистические страны, в том числе и такие, как Америка, пережившая относительно долгий период т. н. «просперити», могут позволить себе роскошь строительства новых заводов в уже установившихся областях производства вследствие опасностей, которые представляет собой ограниченная емкость внутреннего рынка и трудности международной экспансии.

Наличие постоянного резерва производственной мощности, характерное для послевоенного периода во всех капиталистических странах, представляет собой серьезную опасность для капиталов, которые инвестируются в новые заводы.

Достаточно взглянуть на кривую, характеризующую разрыв между производственной мощностью и фактическим производством стали в С.-А. С. Ш., для того, чтобы понять, какие трудности представляет собой приступ к постройке новых заводов.

За период времени с 1921 по 1930 г. свободный резерв производственной мощности в производстве стали в С.-А. С. Ш. колебался от 63% в кризисном 1921 г., до 12½% в представлявшем собой год наибольшего расцвета 1929 г. и возрос за первые месяцы 1930 г. до 21%, что в абсолютных цифрах дает около 17.000.000 тонн стали для 1930 г.

На этом участке возможности «догнать и перегнать» открыты для СССР полностью, так как колоссальные природные богатства, огромное народонаселение, пролетарская власть и социалистическая система хозяйства, обеспечивающая постоянный рост благосостояния трудящихся масс и расширение пределов внутреннего рынка,—позволяют строить новые заводы, переоборудовать старые заводы и фабрики, используя в то же время до отказа действующее оборудование. В соответствии с этим мы можем по заранее намеченному плану применять новую технику на реконструируемых и новых предприятиях в неограниченных размерах и при том в более короткие сроки, чем это осуществимо при существующей технике мобилизации капиталов в капиталистических странах.

Решение правительства о постройке тракторного завода в 50 тыс. гусеничных тракторов, мощностью 60 сил каждый, что сразу перекрывает в 2,5 раза производство гусеничных тракторов С.-А. С. Ш. в 1928 году, является одним из таких примеров. Строительство металлургических заводов с мощностью от 1 млн. до 2,5 млн. тонн чугуна, стоимостью от 200 до 700 млн. руб. в каждой, служит другой, не менее яркой иллюстрацией.

Сюда же относятся и такие сооружения, как Днепрострой, Сельмашстрой, Сталинградский тракторный завод, стоящие наряду с самыми крупными в мире предприятиями.

Наряду с постройкой новых заводов и переоборудование действующих проходит в условиях социалистической организации совершенно новыми путями и методами. Ничем не ограниченная в своем развитии типизация и стандартизация отдельных агрегатов позволяет сразу устанавливать во всех реконструируемых предприятиях самое совершенное оборудование на основе «готовых результатов техники и культуры», о которых говорил Ленин. Стандартная доменная печь производительностью в 1.000 т. в сутки замещает старые печи в 150—200 т., новая мартеновская печь емкостью в 125—150 т. заменяет старые печи в 25—40 т., колоссально повышая производительность рабочего.

«Готовый опыт передовых стран» в сочетании с громадной мощью централизованного финансового хозяйства и плановостью социалистической организации позволяет решить и другую проблему—проблему времени. Капиталистическая система мобилизации капиталов требует постепенного развития производства крупных предприятий и только там, где концентрация капиталов достигает наибольшей степени (например, у Дженераль Моторс, собравшей до кризиса 1929 г. капиталы в 4 миллиарда долларов), имеющей возможности быстро строить целые новые заводы, используя все преимущества накопленного опыта. На этом участке мы уже перегоняем С.-А. С. Ш.; крупнейший в мире завод Гарри в Индиане С.-А. С. Ш. достиг производства в 3.000.000 т. чугуна в течение 25 лет; второй в мире Магнитогорский завод с производством в 2.500.000 т. чугуна будет закончен в 2,5 года или в десять раз скорее. Производство автомобилей у Форда выросло с 1.700 до 182.000 штук в течение 10 лет, мы организуем такое же почти производство (140.000 шт.) в 2 года.

Путь, пройденный отдельными отраслями промышленности СССР за 2 года (от XV к XVI с'езду ВКП(б)), показывает, как влияют преимущества социалистической организации и возможность усвоить готовый опыт других стран на темпы развития; Соединенным Штатам понадобилось для того, чтобы достичь тех же результатов

по чугуну—6,5 лет,
по электроэнергии—5 лет,
по углю—6 лет,
по цементу—7 лет.

В то время, когда XV партийная конференция поставила перед рабочим классом нашей страны задачу превзойти капиталистические страны в кратчайший исторический срок, уровень ведущих отраслей промышленности по сравнению с уровнем САСШ измерялся немногими процентами, а иногда и дробями процентов. А уже в текущем году по главным отраслям промышленности СССР становится заметным фактором не только в мировой статистике, но и на мировом рынке. Добыча нефти в СССР, составлявшая в 1925 г. 4,86% мировой добычи, составила в 1929 год. 6.7% от мировой добычи и 9,9% от добычи САСШ. Добыча угля соответственно 1,48%, 3,03%, 7,4%. Общее машиностроение, которое с 1925 г. дало 3,1% от продукции САСШ, в 1927 г.—7%, сейчас дает 23% [1]).

По электропромышленности соответствующие цифры составляют 2,6%, 4,35%, 14%. По сельскохозяйственному машиностроению, на которое устремлено все внимание рабочего класса, поставившего своей целью в кратчайший срок преобразовать сельское хозяйство на более высокой технической базе, этот процент повышается еще более заметно; если в 1926 г.

---

[1]) Сравнение приводится в долларах и рублях из расчета золотого паритета и к нему следует внести поправку на большую дороговизну машин в нашей стране.

он составлял 11% от производства САСШ, то в текущем году он подымается уже до 67½% от производства САСШ в 1927 г. и в 1930—31 г. превысит его на 30%. Чугун и сталь, выплавка которых в 1925—26 г. составляла только 5,5% и 6% от производства САСШ, в текущем хозяйственном году составляет уже 14% по чугуну и 12,4% по стали от производства САСШ в 1928 г.

Таковы результаты первых лет использования социалистической организации народного хозяйства рабочим классом, проходящим впервые в истории человечества школу построения социализма в отсталой стране.

III.

Возможность освоения новых орудий и средств производства, выкованных капитализмом в процессе жесточайшей конкурентной борьбы, которой подчинена научная и техническая изыскательская мысль капиталистических стран в условиях социалистического хозяйства и при твердом и уверенном руководстве партии и рабочего класса, поставивших себе задачу достичь в исторически короткий срок максимального развития всех производительных сил страны, обеспечивает возможность нагнать и перегнать в исторически кратчайший период времени наиболее технически-передовые страны — теперь уже в период, который может быть предвиден генеральным планом.

Разумное и целесообразное использование накоплений, устраняющее колоссальные издержки и потери экономической организации капитализма, возможность применения научной и технической мысли, творческой и изобретательской инициативы рабочих масс к осваиваемому ныне новому оборудованию, — переведут темпы, которыми до сих пор развивалась наша промышленность, особенно в решающей области производства средств производства, на новые, совершенно еще не известные капитализму темпы работы в этой области.

На пути к осуществлению этих возможностей стоит много трудностей. Однако, то, что достигнуто рабочим классом, под руководством ВКП(б) и ее Центрального Комитета за истекшие годы, показывает, что эти трудности могут быть и должны быть преодолены.

Быстрое развертывание социалистического строительства и его успехи на фоне сотрясающего весь капиталистический мир очередного кризиса вызывают величайшую злобу буржуазии, пытающейся помешать социалистическому строительству попытками то экономической блокады, то интервенции (Кит.-Вост. ж. д.). В то же время развивающееся на основе успехов индустриализации наступление на остатки и корни капитализма внутри страны, ликвидация кулачества как класса на базе далеко продвинувшейся коллективизации в деревне вызывает отчаянную борьбу против рабочего класса со стороны капиталистических и связанных с ними элементов в городе и кулаков в деревне, пытающихся сорвать социалистическую стройку вредительством и дезорганизацией, переносящих эту борьбу на фабрики и заводы.

Внутри партии жестокая борьба за осуществление задуманного плана индустриализации и преодоление связанных с ней трудностей пробудила активность правых оппортунистов, испуганных взятыми партией темпами, и заставила их выступить прямо против линии партии, требуя снижения темпов в целом, снижения темпов развертывания тяжелой промышленности, равнения по узким местам. Правые пытались дезорганизовать сплоченные для борьбы за план ряды партии, опираясь на проникшие в ее ряды мелкобуржуазные элементы и возглавляя их. «Левые» троцкисты, мясниковцы и им подобные, прямо перешедшие в ряды врагов рабочего класса и докатившиеся

к лозунгу необходимости возглавить кулацкое движение, чтобы направить его против рабочего класса и его героической борьбы за построение социализма, пытались помешать партии, исходя из антиленинской теории о невозможности построить социализм в одной стране.

В этой обстановке партия под руководством ее Центрального Комитета выполняет свое решение о необходимости догнать и перегнать передовые капиталистические страны в области индустриализации. Правильная ленинская линия партии привела к тому, что в противовес усиливающейся ярости буржуазии растет сочувствие рабочего класса всего мира делу социалистического строительства в СССР и крепнет революционное рабочее движение всех стран; закаляется и завоевывает все новые позиции в классовой борьбе рабочий класс СССР; разгромлена оппозиция и справа и «слева».

Перед партией стоит задача,—продолжая вести рабочий класс на непримиримую классовую борьбу, беспощадно расправляясь с оппортунизмом справа во всех проявлениях и с «левыми» заскоками, расчищать путь для дальнейших успехов индустриализации, для ускорения ее темпов.

Выковывание новых кадров, вооруженных всем арсеналом современной научно-технической мысли и органически связанных с рабочим классом и преданных его делу, освоение новой техники в процессе работы, завоевание новых необ'ятных пространств и природных богатств Урала и Сибири, преодоление некультурности и невежества, так тщательно насаждавшихся столетиями помещиками и капиталистами, борьба с суровыми силами природы на крайнем севере и далеком юге, создание мощнейшей индустриальной базы в промышленно-отсталой стране,—вот те труднейшие задачи, решение которых обеспечивает необходимые темпы индустриализации.

Решение этих задач требует упорнейшей и напряженной работы каждый день и каждый час, работы над каждой деталью строительства, над устранением в ходе новых аггрегатов и предприятий тех препятствий, которые обусловлены общей отсталостью технического уровня в нашей стране, кропотливой работы по созданию новой, более совершенной организации дела по воспитанию новых трудовых навыков, которых требует массовое производство и новое оборудование.

Восточная мечтательность, с которой немало хозяйственных и профсоюзных работников ожидают чудес на завтра от новой техники, новых машин, не заботясь о том, чтобы уже сейчас создать базу для освоения этой техники, упорядочивая сегодня свое производство и улучшая сегодня использование наличного оборудования,—должна быть заменена немедленно величайшей энергией большевиков, умеющих на будничной работе поднимать энтузиазм масс для достижения великих целей.

Должны быть изжиты и наблюдающиеся у некоторых товарищей под влиянием достигнутых успехов в деле индустриализации «левые» тенденции,—«мы все можем» и т. п., приводящие к построению на отдельных участках нашего строительства планов, не основанных на подсчете реальных возможностей и средств, вместо напряженной борьбы за выполнение и перевыполнение на деле принятого партией плана.

Достигнутые уже в период реконструкции темпы строительства и намеченного партией роста производства, несмотря на все недостатки и недочеты, обусловленные нашей некультурностью и отсталостью, показывают, что эти трудности могут быть преодолены, уже преодолеваются и будут преодолены совершенно. Тем самым рабочий класс СССР может указать трудящимся всего мира ту единственную дорогу, идя по которой человечество, неизмеримо ускоряя развитие производительных сил, преобразует классовое общество в общество социалистическое.

К. Розенталь.

Новые промышленные районы СССР.

В своем наброске «Плана научно-технических работ» (апрель 1918 год) Ленин предлагал дать Академии Наук поручение составить план «реорганизации промышленности и экономического под'ема России». В этот план должно было войти, по мысли Ленина, в первую очередь—«рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» (т. XX, ч. 2, с. 228).

В условиях обострившейся и затянувшейся изнурительной гражданской войны эта идея Ленина осталась нереализованной. Нереализованной она осталась и в первые восстановительные годы нэпа, когда народное хозяйство, разоренное и обнищавшее, залечивало нанесенные ему тяжелые и глубокие раны. Положение изменилось, когда на базе в основном восстановленного народного хозяйства и промышленности Советский Союз вступил на путь реконструкции. Уже в первых наметках перспективных планов развития народного хозяйства и промышленности появляются попытки подойти к проблеме рационального размещения промышленности и именно под углом зрения «близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта». Но это были только первые попытки и при том весьма нерешительные.

Однако, эта робость и нерешительность в составлении планов рационального размещения промышленности имела, так сказать, известное основание. Задача рационального размещения промышленности, задача создания новых промышленных районов и центров вблизи сырьевых и энергетических ресурсов могла быть разрешена только на основе нового промышленного строительства. Между тем, новое строительство в промышленности, особенно в восстановительный период развития народного хозяйства играло слишком незначительную роль, чтобы можно было говорить о сколько-нибудь серьезных сдвигах в области рационального размещения промышленности и создания новых промышленных районов. В центре внимания стояли задачи наиболее полного освоения наличного основного капитала промышленности, его наиболее рационального использования. А это требовало значительных вложений в существующие промышленные предприятия, серьезного капитального ремонта их и проведения ряда реконструктивных работ, незначительных по своим размерам, но дающих большой производственный эффект.

Положение дел с разрешением задачи рационального размещения промышленности коренным образом изменилось, когда, с одной стороны, промышленностью были залечены раны, нанесенные империалистической и гражданской войной, а, с другой—все возрастающие размеры внутрипромышленных и народно-хозяйственных накоплений позволили перейти к все более значительным вложениям в промышленное строительство. Кривая удельного веса нового промышленного строительства начинает итти круто вверх.

Удельный вес нового промышленного строительства.

1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
15,2%	23,32%	25,4%	43%

В перспективе вырисовывается дальнейшее увеличение удельного веса нового строительства в общей сумме капитальных работ: в 1930/31 году уже больше половины всех капитальных вложений падает на долю нового промышленного строительства.

Налицо все необходимые условия и предпосылки для того, чтобы проблема рационального размещения промышленности, проблема создания новых промышленных районов и центров были поставлены во весь свой рост и во всем об'еме. Этого требовали и общехозяйственные интересы и интересы обороноспособности Советского Союза и интересы промышленно-отсталых районов, поскольку только на базе форсированной индустриализации может быть обеспечен под'ем их политического и культурного уровня.

В соответствии с общим ростом капитальных вложений и повышением в промышленном строительстве удельного веса нового строительства, растет в строительстве и удельный вес именно тех районов, уровень промышленного развития которых не соответствовал их сырьевым и энергетическим ресурсам и их географическому положению.

Удельный вес в общепромышленном строительстве [1]).

	1926/27 г.	1929/30 г.
Северный край	0,85	2,48
Уральская область	5,3	14,08
Нижегородский край	0,32 [2])	4,77
Сибирский край	1,63	3,96
Дальне-Восточн край . . .	0,58	1,32
Итого . .	8,68	26,61

Таким образом, только за три года удельный вес в промышленном строительстве перечисленных выше пяти районов возрос больше, чем в три раза. На долю Уральской области, Сибири, Северного, Нижегородского и Дальне-Восточного краев в 1929/30 году пришлось больше четверти всех капитальных вложений в промышленность. Это—прямое свидетельство начавшегося серьезного перемещения промышленных центров и серьезных сдвигов в размещении нашей социалистической промышленности.

Именно на этой основе: неслыханно высоких темпов индустриального развития Советского Союза, из года в год все возрастающего об'ема капитального строительства и повышения в нем удельного веса нового строительства—дело рационального размещения промышленности и создания новых индустриальных районов было поставлено на твердую и прочную основу. Промышленное строительство в районах, богатых энергетическими и сырьевыми ресурсами, начинает итти особенно интенсивно. Только за два первых года пятилетки общий размер капитальных вложений в промышленность этих районов значительно превысил основные промышленные фонды, которыми они располагали к началу пятилетия.

---

[1]) См. интересную статью т. Хейфеца в № 7—8 «Пути индустриализации»

[2]) Только по б. Вятско-Ветлужской области

При среднем для всей промышленности проценте капитальных вложений к основным фондам промышленности (на I/X-28 г.) в 67,2%, по отдельным районам и областям это соотношение между капитальными вложениями в основные фонды и основными фондами представляется в таком виде (в млн. руб.):

	Основные фонды на 1/X—28 г.	Капитальные вложения за 1928/29—1929/30 гг.	В %%
Северный край	47,3	94,8	200,0
Уральская область . .	302,4	591,4	196,5
Сибирский край . . .	90,7	155,9	171,5
Дальне-Восточн. край	37,7	63,2	167,5
Киргизская область . .	7,0	12,6	180,5

Иначе говоря, только за два первых года пятилетки капитальные вложения в промышленность перечисленных выше районов в 1,7—2,0 раза превысили основные фонды этих районов к началу пятилетки.

С другой стороны, на фоне значительного превышения проектировок пятилетнего плана в области промышленного строительства выявилась абсолютная недостаточность проектировок пятилетнего плана в деле индустриального развития новых районов, создания новых промышленных центров.

Совокупность этих обстоятельств потребовала от ВСНХ решительного пересмотра перспектив промышленного развития отдельных районов и областей,—где прежние проектировки оказались явно недостаточными,—в сторону их значительного повышения. Вновь созданные пятилетние планы развития отдельных важнейших районов Союза являются крупнейшим шагом вперед в деле того рационального размещения нашей промышленности, о котором говорил Владимир Ильич еще в 1918 году. На протяжении пятилетки (два года которой уже прожито) коренным образом изменится лицо таких районов, как Урал, Сибирь, Казакстан, Средняя Волга и т. д. Там, куда редко забредал человек, там, где «от века» были лишь леса да степи, теперь на протяжении нескольких лет возникнут крупнейшие фабрики и заводы, целые города, соединенные телеграфными проводами и железными дорогами, радио и аэропланами со всем Советским Союзом.

* * *

Первым районом, который потребовал радикального пересмотра прежней проектировки своего промышленного развития, является, естественно, Урал. Обладая богатейшими запасами высококачественной руды и значительными запасами каменного угля, хромистыми железняками и серными колчеданами, цветными и благородными металлами, никкелем, вольфрамом, ванадием, обладая крупнейшими в мире залежами калия и магния, величайшими лесными массивами, нефтью и т. д.,—Урал является одним из благоприятнейших районов для форсированного индустриального развития. Между тем, несмотря на все это удельный вес Урала в промышленности Советского Союза был ничтожен по сравнению с его внутренними возможностями. Всего лишь пару лет назад удельный вес Урала в основных фондах государственной промышленности составлял только 4,3%, а по валовой продукции и того меньше.

Естественно, поэтому, что план рационального размещения промышленности, в первую очередь и раньше всего, требовал радикального пересмотра планов развития уральской промышленности. Надо, впрочем, сказать, что и в прежних проектировках пятилетнего плана за Уралом обеспечивалось усиленное промышленное строительство и значительное повышение удельного веса уральской промышленности в промышленности Союза. Однако, недостаточность этих проектировок обнаружилась весьма быстро. И выявившаяся возможность значительного перевыполнения пятилетнего плана промышленного развития как в части роста промышленной продукции, так и в части капитального строительства, потребовала пересмотра планов развития уральской промышленности в сторону их значительного повышения.

Эта работа, проделанная комиссией т. Куйбышева, радикально изменила весь план индустриального развития Урала. Прежний перспективный план развития Урала, был, по сути дела, заменен новым, несравненно более грандиозным и более соответствующим как внутренним возможностям развития Урала, так и делу рационального размещения промышленности. О степени этих «корректировок» в плане развития уральской промышленности можно судить по следующему:

Пятилетний план промышленного развития Урала.

	По прежней пятилетке	По корректированной пятилетке
Капитальные вложения	1,962 млн. руб.	5.500—6.000 млн. руб.
Рост валовой продукции	376,5%	1.100—1.200%

Таким образом, принятый новый вариант пятилетнего плана развития уральской промышленности исходит: из увеличения капитальных вложений больше чем в три раза по сравнению с ранее принятой пятилеткой и увеличения валовой продукции за пятилетие в 11—12 раз, против 3, 7 раз по прежнему варианту пятилетнего плана!

Такого рода «коррективы» означают, конечно, совершенно новый план развития уральской промышленности, резкий перелом в деле размещения промышленности и создание на Урале крупнейшего индустриального района Советского Союза.

В основе нового варианта пятилетнего плана развития уральской промышленности лежит решение ЦК от 15 мая 1930 г., гласящее, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно-необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР, путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири».

Исходя и на основе этого решения создавая у себя вторую основную угольно-металлургическую базу, Урал превращается в то же время в одну из основных баз всей тяжелой индустрии Советского Союза. Именно там, на базе уральской металлургии, форсированным темпом должно быть развернуто машиностроение, именно там, на базе угольно-металлургической промышленности и богатейших сырьевых ресурсов должна получить преимущественное развитие химическая промышленность. Развитие же этих отраслей выдвигает задачу и форсированного развития промышленности строительных материалов, без чего весь план промышленного развития Урала может быть поставлен под угрозу прямого срыва.

В новом плане развития уральской промышленности этот процесс превращения Урала в один из основных районов тяжелой индустрии—выражен со всей резкостью. Из общей суммы капитальных вложений в промышленность Урала почти 94% идут на тяжелую индустрию. Этим направлением капиталовложений об'ясняется и гигантский скачок в росте валовой продукции тяжелой индустрии Урала, увеличивающейся за пятилетие в 12—12,5 раз.

План развития черной металлургии Урала исходит из необходимости дать в 1932/33 году на уральских металлургических заводах не менее 5,1 млн. тонн чугуна. Иначе говоря, в последний год пятилетия только одна уральская металлургия доведет свое производство чугуна до уровня, превышающего все довоенное производство нашей металлургической промышленности. Этот неслыханный темп развертывания уральской металлургии обеспечивается крупнейшим строительством, определяемым за пятилетие в полтора миллиарда рублей, что позволит закончить строительство Магнитогорского завода, рассчитанного н производство 2,5 млн. тонн чугуна, Нижне-Тагильского завода — мощностью в 1,1 млн. тонн чугуна, начать строительством Бакальский завод (на 1,1 млн. тонн), закончить проектированием еще два крупнейших металлургических завода на Урале и реконструировать ряд существующих заводов Урала, доведя их мощность до 1,57 млн. тонн чугуна.

Соответственно этому плану развития металлургии радикально был пересмотрен и план развития каменноугольной промышленности. Особого внимания потребовал к себе Кизеловский каменноугольный бассейн. Разрешение проблемы коксования кизеловских углей, расположенных на тысячи километров от металлургических заводов Урала, тем самым обеспечит работу транспорта от дальнейших перевозок угля. Добыча каменного угля по всем бассейнам Урала должна будет составить к концу пятилетия не менее 10—12 млн. тонн.

План развития нефтяной промышленности Урала носит весьма ориентировочный характер, поскольку еще не закончено разведочное бурение.

По цветной металлургии последний вариант пятилетнего плана исходит из увеличения производства в 9,5 раз, с доведением к концу пятилетия производства: черновой меди до 97 тыс. тонн против 13,2 тыс. тонн в 1927/28 г., электролитной меди до 114,5 т. т. против 11 т. т. в 1927/28 г. и т. д. Этот план развития цветной металлургии Урала обеспечивается строительством ряда крупнейших заводов (Уралмедьстрой, Челябинский медеобрабатывающий, Свердловский медеэлектролитный, цинковый и никкелевый заводы и т. д.) общей стоимостью в 361 млн. р. (цены 1926/27 г.)

Наличие на Урале производства высокосортных сталей, цветных и легких металлов вызвало необходимость решительного пересмотра планов развития машиностроительной промышленности Урала. Корректированный пятилетний план развития машиностроительной промышленности исходит из необходимости постройки на Урале 37 новых предприятий, общей стоимостью почти в 900 млн. рублей, в том числе:

Общего машиностроения	21	предприятие,	общей	стоимостью	448	млн.	руб.
Судостроения	2	„	„	„	90	„	„
Автотракторной промышл.	2	„	„	„	206,3	„	„
С.-х. машиностроение	8	„	„	„	102,7	„	„
Электротехническая промышл. . .	4	„	„	„	31,3	„	„

Кроме того, на Урале же решено строить один большой станкостроительный завод.

Подавляющее большинство этих машиностроительных заводов вступит в эксплоатацию еще в текущую пятилетку.

Уже в текущем пятилетии должны будут вступить такие гиганты машиностроения, как Челябинский тракторный завод, Свердловский завод тяжелого машиностроения, заводы: бурового оборудования, Тагильский вагоностроительный, горнозаводского оборудования, трубокотельный, химаппаратуры, строительных и дорожных машин, экскаваторов, драг и землечерпалок, Миасский—с.-х. машиностроения и т. д. В результате этого гигантского строительства валовая продукция общего машиностроения возрастет в 75 раз, сельскохозяйственного машиностроения в 25 раз, электротехнической промышленности в 61 раз! В итоге валовая продукция всей машиностроительной промышленности Урала составит в последний год пятилетки — полтора миллиарда рублей. К концу пятилетия Урал превратится в один из крупнейших машиностроительных районов Союза.

Широкое развертывание черной и цветной металлургии, развитие коксового производства, наличие крупнейших запасов калия, наличие серных колчеданов и т. д. создают благоприятнейшие условия для развитя на Урале мощной химической промышленности. Исходя из этих предпосылок пятилетний план проектирует вложить в химическую промышленность Урала 833 млн. рублей, в том числе в основную химическую—709 млн. рублей (из которых 686,7 млн. рублей на новое строительство) и коксохимическую — 80 млн. рублей. Какого порядка эти цифры можно судить по тому, что, по оптимальному варианту пятилетнего плана, капитальные вложения во всю химическую промышленность Союза определялись за пятилетие в 1.590 млн. рублей. Уже в этом пятилетии вступят в работу такие гиганты химической промышленности, как Березниковский комбинат, стоимостью в 165 млн. рублей, Калийный комбинат, стоимостью в 120 млн. рублей, Карабашский завод и целый ряд других. В результате этого интенсивного строительства, валовая продукция химической промышленности Урала возрастет за пятилетие в 21—21,5 раза.

Как уже указывалось выше, эти темпы промышленного строительства Урала потребовали и соответствующих темпов в развитии промышленности строительных материалов и лесной промышленности, возрастающих по производству валовой продукции, первая—в 34—35 раз, а вторая—в 28—29 раз за пятилетие.

Особо надо отметить строительство на Урале четырех крупнейших бумажных комбинатов, из которых три войдут в эксплоатацию в 1933/34 г., общей стоимостью в 373,7 млн. руб

Такова в кратких чертах картина промышленного развития Урала в этом пятилетии.

Полный величайших потенциальных возможностей для своего индустриального развития, Урал только сейчас, только в этом пятилетии вступает в полосу широкого развернутого промышленного строительства. Дремлющие в недрах Урала силы волей пролетариата будут поставлены на службу делу социалистического строительства. И того, что долгими десятилетиями не в состоянии был разрешить капитализм, в историческо-ничтожные сроки разрешает пролетариат, строящий социализм. Прошло время Урала с его заводами петровских времен и варварскими условиями труда. На смену идет новый Урал,—Урал будущего, Урал иной эпохи — социализма.

Разрешается извечный спор между Уралом и Югом за преобладающую роль в металлургии. Стране строящегося социализма нужны и Юг, и Урал. Интересы социализма—интересы наиболее эффективного с народно-хозяйственной точки зрения размещения металлургии, требуют создания еще одной угольно-металлургической базы и именно на Востоке—Урале и Сибири, где так благоприятно сочетаются и крупнейшие железорудные месторождения и богатейшие в Союзе топливные и энергетические ресурсы.

Нет и не может быть спора между старыми районами машиностроения и Уралом. Стране, индустриализирующейся неслыханными в истории темпами, нужны машины, машины и машины. Их не могут дать в нужном количестве старые районы машиностроения. Необходимо форсированное строительство ряда новых крупнейших машиностроительных заводов. Но это новое строительство должно разворачиваться прежде всего там, где налицо сырьевая база машиностроения: черный и цветной металл, топливо. Не могло бы быть с точки зрения народно-хозяйственной ничего более бессмысленного, как строить новые машиностроительные заводы в тысячах километров от их сырьевой базы и от районов потребления. А это значит, что именно за Уралом все преимущества в деле широкого развертывания машиностроительной промышленности.

Новый пятилетний план развития Урала — прямое воплощение ленинской идеи о наиболее рациональном размещении нашей социалистической промышленности.

* * *

Вторым районом Советского Союза, где условия индустриального развития складываются весьма благоприятно и где, воистину, неисчерпаемы богатейшие запасы недр—является, несомненно, Сибирь. Надо сказать, что даже при современной исключительно слабой изученности Сибирского края известны его грандиозные топливные запасы и гидроэнергетические ресурсы. Свыше $\frac{4}{5}$ всех топливных запасов Советского Союза находятся на территории Сибири. Здесь же находится значительнейшая часть всех лесных богатств Союза. Только на 3,5 — 4 процентах площади этого края известны: четыре крупнейших железорудных месторождения, из которых три (Кузнецко-Минусинский, Баячинско-Курчинский и на р. Ангаре) обладают запасами в сумме около 160 млн. тонн и одно месторождение железной руды — Железный кряж, по геологическим данным, обладает запасами от 100 до 400 млн. тонн.

Нечего и говорить, что все эти богатства недр Сибирского края разрабатывались в самой ничтожной степени. Край величайших богатств и неограниченных возможностей, он спал сном столетий! И только сейчас он начинает пробуждаться, только сейчас он начинает вовлекаться в процесс индустриализации. И надо сказать, что с места в карьер Сибирский край начинает брать рекордные темпы в быстроте процессов индустриализации.

Как и в отношении Урала, пятилетний план развития Сибирской промышленности исходил из более высоких темпов, чем вся промышленность Советского Союза. И так же, как и в отношении Урала, уже первые годы действия пятилетнего плана показали и возможность их значительного превышения. По темпам развития своей промышленности Сибирский край значительно опережает наметки пятилетнего плана. В 1930/31 г. валовая продукция сибирской промышленности составит 400 млн. рублей, близко подойдя к наметкам пятилетки на 1932/33 г. (494 млн.), а в 1931/32 г. уже значительно превзойдет запроектированную пятилеткой продукцию 1932/33 года.

Важнейшая отрасль промышленности Сибирского края — каменноугольная, в значительной степени ведущая за собой большинство других отраслей, уже в 1929/30 г. дает 5,5 млн., т.-е. продукцию, равную наметкам на конец пятилетки. Кузнецкий металлургический завод, намечавшийся в пятилетнем плане мощностью в 550 т. т. чугуна в настоящее время строится уже на удвоенную мощность.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что промышленность Сибирского края значительно опережает темпы, намеченные пятилеткой. Исходя из этого и учитывая богатейшие сырьевые и топливные ресурсы края, со всей решительностью встал вопрос о пересмотре промышленных планов развития Сибири в сторону их решительного увеличения. По сравнению с проектировками прежней пятилетки ныне разработанная (хотя еще и не утвержденная) пятилетка развития промышленности Сибири представляется в таком виде:

	Прежняя пятилетка	Новая пятилетка
Капитальные вложения	610 млн. руб.	2.400 млн. руб.
Рост валовой продукции	500%	1.500%

Таким образом, капитальные вложения в промышленность Сибири в 4 раза превысят наметки пятилетнего плана, а валовая продукция, возрастая за пятилетие в 15 раз, превысит темпы роста прежней проектировки в 3 раза!

Надо, однако, сказать, что, несмотря на всю значительность этих темпов развития промышленности Сибири, огромные сырьевые и энергетические ресурсы Сибирского края в текущем пятилетии будут использованы совершенно незначительно.

Это об'ясняется, как ограниченностью наших возможностей в деле ускорения процессов индустриализации, так и, в особенности, совершенно недостаточной разведанностью этого богатейшего края. В текущее пятилетие, закладывая основы сибирской металлургии и машиностроения, необходимо будет подготовить соответствующие условия (прежде всего проведением широких разведывательных работ) для форсированного развития сибирской индустрии уже в следующем пятилетии.

Как и в отношении Урала, пятилетний план развития Сибири был пересмотрен прежде всего под углом зрения выполнения директивы ЦК о создании «на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР, путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири». В пересмотренном пятилетнем плане развития Сибири, эта директива нашла свое отражение, прежде всего, в политике капиталовложений в промышленность этого края. Половина всех капитальных вложений в промышленность Сибирского края идет на создание угольно-металлургической базы.

Весьма интенсивное развитие получает, прежде всего, каменноугольная промышленность Сибири, всесоюзное значение которой общеизвестно. По новому пятилетнему плану, Сибирь должна будет довести добычу каменного угля к концу пятилетки до 25 млн. тонн (против 3,7 млн. тонн в 1928/29 г.), т.-е. дать почти столько же угля, сколько давала вся каменноугольная промышленность царской России.

В соответствии с установленной потребностью в металле Сибирского края и тяготеющих районов в текущем пятилетии развертывается строительство Кузнецкого завода, дающего в 1932/33 г. 1.010 т. т. чугуна и 1933/34— 1.650 т. т. Одновременно в 1932/33 г. начинается строительство Абаканского завода мощностью первой очереди в 1.100 т. т.

Цветная металлургия Сибирского края должна дать к концу пятилетия 63 т. т. цинка, 20 т. т. свинца и 3 т. т. меди. Однако, эти темпы развития цветной металлургии Сибири не могут быть признаны достаточными и перед нами стоит задача самым энергичным образом форсировать разведывательную работу, поскольку только вследствие недостаточной разведанности богатейших недр этого края и при нашем теперешнем их знании темпы развития сибирской промышленности не могут быть ускорены.

На базе собственной металлургии, уже в текущем пятилетии закладываются и оканчиваются строительством ряд крупнейших машиностроительных заводов.

В число их входит, прежде всего, завод комбайнов в Новосибирске, завод горно-проходческого оборудования, вступающий в эксплоатацию уже в 1931/32 году, завод тяжелого машиностроения, вступающий в работу в 1933/34 году, завод лесопильных рам и оборудования для механизации лесозаготовок и т. д.

Огромные запасы угля в Кузнецком и других каменноугольных бассейнах Сибкрая, наличие среди них углей сапропелевого вида, дающих дешевое искусственное жидкое топливо, широкие возможности получения серной кислоты из отходов свинцово-цинковых заводов и грандиозных залежей мирибилетов и тенардитов Кулундинской степи и отходы развертывающегося коксового производства—все это, вместе взятое, служит надежной базой для широкого развития химической промышленности в Сибирском крае. Исходя из этого, пятилетний план предполагает вложить в химическую промышленность Сибири за пятилетие 323 млн. руб., обеспечивающих увеличение ее валовой продукции примерно в 22 раза.

Исключительно благоприятные условия Сибирского края по созданию бумажной промышленности нашли выражение в запроектированных планом 4 мощных бумажных комбинатах, общей мощностью в 430 т. тонн, из которых продукцию в 1932/33 года даст только Хакасский комбинат (в случае, если не будет перенесено его строительство с 1930/31 на 1931/32 г.), а остальные в начале второго пятилетия.

С общим развертыванием промышленного строительства и развертывается промышленность строительных материалов и лесная промышленность края, из которых первая увеличивает за пятилетие свою валовую продукцию в 32 раза, а вторая — в 24 раза. Нет, однако, сомнений (а особенно это относится к лесной промышленности), что даже эти весьма высокие проектировки окажутся недостаточными и не соответствующими сырьевым ресурсам края и будут в дальнейшем повышены.

Общий ход процесса индустриального развития Сибири в это пятилетие можно видеть из следующего:

Годы	Гр. „А“			Гр. „Б“			Всего		
	Капит. вложений	Валовая продукция		Капит. вложений	Валовая продукция		Капит. вложений	Валовая продукция	
		Абсолютн.	В % к предыдущ. г.		Абсолютн.	В % к предыдущ. г.		Абсолютн.	В % к предыдущ. г.
1928—29 г.	27,7	71,3	—	4,6	52,4	—	32,3	123,7	—
1929—30 „	163.9	130,8	183,4	6,9	79,8	152,3	170,8	210,6	170,2
1930—31 „	467,9	272,6	208,4	25,5	126,1	158,0	493,4	398,7	189,3
1931—32 „	616,4	617,5	226.5	61,1	195,1	154,8	727,5	812,6	203,8
1932—33 „	869.2	1.133,9	183,6	128,7	329,2	168,7	997,9	1.463,1	180.0
Итого за 5 лет . .	2.195,1	—	—	226,8	—	—	2.421,9	—	—
1932—33 г. в % к 1927/28 г. . . .	—	—	223,4	—	—	693,8	—	—	1.485,9

Из года в год примерно на одном уровне — ежегодно удваивая свою продукцию—растет сибирская промышленность. При чем, что особенно важно подчеркнуть, тяжелая индустрия развивается темпами, значительно превосходящими темпы развития легкой индустрии. В то время, как легкая индустрия увеличивает продукцию своего производства за пятилетие в семь раз, тяжелая индустрия возрастает больше чем в двадцать два раза! Этим об'ясняется тот факт, что удельный вес тяжелой индустрии в валовой продукции промышленности Сибирского края возрастает с 52% в 1927/28 г. до 77% в 1932/33 году.

* * *

Весьма благоприятными перспективами для широкого и форсированного индустриального развития обладает Среднее Поволжье.

При низком уровне хозяйственного развития края и особенно в части промышленности Средне-Волжский край располагает огромными потенциальными возможностями для быстрого индустриального развития, благодаря наличию огромных сырьевых, энергетических и трудовых ресурсов и выгодному географическому местоположению с превосходными транспортными связями с важнейшими хозяйственными районами СССР.

Прежде всего, Средне-Волжский край располагает мощными энергетическими ресурсами в виде горючих сланцев, месторождения которых являются крупнейшими в Союзе и запасы которых (разведанные и вероятные) исчисляются в 14—14,5 млрд. тонн.

Другим крупнейшим энергетическим ресурсом края является «Волгострой» в связи с постановкой проблемы «Волгостроя» в плоскости практического осуществления.

Торфяные залежи Среднего Поволжья исчисляются в 16 тыс. га с запасом в них торфа-сырца около 306 млн. кбм. Наконец, в восточной части края обнаружены залежи каменного угля. ГГРУ район Средней Волги признан нефтеносным, и в текущем году намечена постановка глубокого бурения на нефть.

Средне-Волжский край располагает огромными ресурсами разнообразного и высококачественного сырья минерального происхождения.

Горючие сланцы являются также ценнейшим видом химического сырья: при химической переработке одного миллиона тонн сланцев можно получить 40 тыс. тонн моторного топлива, 40 тыс. тонн битуменов, 20 тыс. тонн фенолятов и т. д. Попутно со сланцами залегают фосфориты, мощностью порядка 330 млн. тонн, с содержанием фосфоритной кислоты от 18 до 22%.

В конце истекшего разведывательного сезона в Орском районе обнаружены огромные месторождения бурого железняка с содержанием 53,9% чистого железа, с незначительной примесью серы и отсутствием фосфора. Разведки на небольшом участке ориентировочно установили запасы железных руд порядка 200 миллионов тонн.

В том же Орском районе расположены значительные месторождения ряда других ценных ископаемых: хромитовые и магнезитовые руды которые эксплоатируются в течение ряда лет; никкелевые руды с запасами мирового значения, медные руды промышленного значения с разведанными запасами 500 тыс. тонн с содержанием 5% меди и 1,5 млн. тонн с содержанием 1,36%.

Специфическим видом сырья для Средней Волги являются огромные залежи трепела, залежи асфальта и гудрона, разработка которых составляет около 80% всей продукции Советского Союза по асфальту.

Чрезвычайно распространены разнообразные по видам и высокого качества естественные строительные материалы: известняки, бутовый камень, мел, глины, кварцевые пески и т. д.

Если ко всему этому добавить исключительно благоприятные перспективы развития сельского хозяйства этого района, уже теперь являющегося одним из основных сельскохозяйственных районов Союза и одним из первых по уровню коллективизации, то возможности и перспективы индустриального развития этого края будут совершенно очевидны.

Между тем, в ранее принятом пятилетнем плане промышленного развития этого края не было предусмотрено достаточного использования естественных ресурсов края. Общая сумма капиталовложений в промышленность, планируемую ВСНХ, определялась в 187,5 млн. руб., из них по гр. «А» — 102,0 млн. руб., и по гр. «Б»—85,5 млн. руб.

При этом все вложения по химической промышленности намечались в сумме 7,8 млн. р., в т. ч. на основную базу индустриализации края, на сланцевую промышленность предполагалось затратить всего 3 млн. руб.

Удельный вес вложений в промышленность края по отношению к вложениям по всему Союзу равнялся около 1,2%, при чем удельный вес основных фондов промышленности края к концу пятилетия поднимался лишь до 1,13%.

В результате таких вложений удельный вес края по продукции оставался стабильным 1,1% ко всей продукции по промышленности СССР, при росте продукции с 120,4 млн. руб. в 1927 28 г. до 315,4 млн. р. в 1932/33 г., т.-е. на 162%, при росте по Союзу на 179,1% (по данным Госплана СССР).

Пересмотренный план развития промышленности Средне-Волжского края исходит из значительно более повышенных, по сравнению с прежней проектировкой, темпов индустриального развития края.

	Прежняя пятилетка	Пересмотренная пятилетка
Капитальные вложения	187.5 млн. р.	576,8 млн. р.
Рост продукции за пятилетие . . .	162%	568,8%

Таким образом, пересмотренная пятилетка повышает капитальные вложения в промышленность Средне-Волжского края, по сравнению с прежней проектировкой, в три раза и увеличивает в три с половиной раза темпы роста ее валовой продукции. В результате удельный вес Средне-Волжского края в промышленности Союза увеличивается в 2,5 раза по сравнению с прежней пятилеткой.

Как уже указывалось выше, центральной проблемой индустриального развития Средне-Волжского края являются горючие сланцы.

Значение для промышленного использования сланцев усиливается еще тем, что в одних и тех же породах сланцы залегают попутно с фосфоритами. Мощность фосфоритовых залежей определяется на разведанных участках— в Кашпирском районе в 7 млн. т. с средним содержанием фосфорной кислоты около 18%, в Ундорском районе—в 30 млн. т. с содержанием до 22% и в районе Общего Сырта — в 300 млн. т. с содержанием до 20%.

По пятилетнему плану, разрешение сланцевой проблемы намечается в направлении комбинированного энергохимического использования сланцев путем организации двух комбинатов на Кашпире и на Общем Сырте.

Введение в эксплоатацию Кашпирского комбината намечается с начала 1932/33 г. и Обще-Сыртовского — в последнем квартале того же года. Годовая продукция обоих комбинатов, включая преципитатное производство, выразится в следующих количествах: газа высококалорийного—190 т. куб. метр., автомоторного топлива 120 т. т., битуменов 120 т. т., серной кислоты—185 т. т., преципитата—200 т. т., сульфат-аммония—40 т. т.

Обнаруженные разведками прошлого года мощные месторождения железных руд в Орском районе и месторождения каменного угля при благоприятных результатах, проводимых в 1929/30 г. Институтом черных металлов промышленных разведок, создают предпосылки для организации металлургического комбината. Строительство этого завода, мощностью в 1.100 т. тонн с затратами в 250 млн. руб., включается в пятилетний план условно в зависимости от результатов проводимых разведок.

Однако, даже если результаты дальнейших разведок и не дали бы благоприятных результатов, пятилетний план проектирует все же строительство ряда машиностроительных заводов, необходимых этому краю для обслуживания своих собственных нужд и потребностей. Сюда входят заводы: тракторных повозок, дорожных машин, станкостроительных заводов по дереву и металлу, инструментальный, автосборочный, трубопрокатный, 4 ремонтно-механических и одна центральная литейная.

Общая сумма затрат по металлопромышленности края за пятилетие определена в 38,5 млн. руб. (без завода тракторов-пропашников), в том числе по с.-х. машиностроению — 3,0 млн. р., общему машиностроению — 13,8 млн. руб., и по группе «метиз» — 21,7 млн. р.

Об'ем производства металлообрабатывающей промышленности в 1932/33 году по плану намечен в 20,56 млн. р., против 2,5 млн. в 1927/28 г., при чем большинство новых металлозаводов вступит в эксплоатацию лишь в 1933 34 году.

Основной предпосылкой для развития в Среднем Поволжье цветной металлургии является наличие в крае значительных месторождений медных и никкелевых руд, имеющих крупное промышленное значение.

Месторождения медных руд Оренбургского района многочисленны и разнообразны; общие запасы руд точно не установлены геологическими разведками, но в 4 обследованных из 40 зафиксированных месторождений запасы руды определены в 500 тыс. тонн с содержанием около 5% металлической меди. Кроме того, в отвалах старых разработок Каргалинского района, при общих запасах в 1,5 млн. т. с содержанием в 1,36% имеется около 200 тыс. тонн чистой меди.

Обнаруженные разведками 1928 и 1929 гг. в Хапиловском районе, Оренбургского округа, месторождения никкелевых руд имеют по мощности запасов мировое значение. На разведанном участке, площадью в 4 кв. мили, обнаружен мощный пласт в 4 метра, с запасами в 30 млн. т.

В связи с наличием месторождений медных и никкелевых руд крупного промышленного значения и необходимостью форсирования развития промышленных цветных металлов, диктуемою дефицитностью этих металлов в стране, по пятилетнему плану промышленности Средне-Волжского края запроектировано строительство меде-никкелевого комбината мощностью в 10 тыс. т. металлической меди и 10 т. т. никкеля. Стоимость строительства этого комбината определена в 32,6 млн. руб. с началом строительства в 1930/31 г.

Об'ем капитальных работ по лесной промышленности за пятилетие намечается в 113,4 млн. руб., в том числе 51,1 млн. руб. на новое строительство.

Таковы важнейшие элементы пересмотренного плана пятилетнего развития промышленности Средней Волги.

Общая картина индустриального развития Средне-Волжского края рисуется следующими данными:

	Капитальный ремонт (в млн. руб.)			Валовая продукция		
	1928 29 г.	1932/33 г.	За 5 лет	1927/28 г.	1932/33 г.	Рост в % %
Гр. „А“ . . .	4,9	209,6	458,2	68,0	492,0	780,3
Гр. „Б“ . . .	7,6	45,7	118.5	80,0	321,7	402,1
Всего . . .	12,5	255,3	576,7 [1]	148,0	813,7	568,8

В связи с большим ростом отраслей тяжелой индустрии, дающих к концу пятилетки прирост на 680,3% по сравнению с 1927/28 г., против увеличения легкой индустрии на 302,1%, структура промышленности резко меняется: удельный вес группы «А», составлявшей в 1927/28 г. 44,1%, увеличивается до 60,5%. Это увеличение происходит, главным образом, за счет роста химической, металлической, лесной и промышленности строительных материалов.

---

[1] Включая электростроительство и геолого-разведочные работы, общая сумма капитальных вложений повышается до 674 млн. руб.

В группе «Б» значительно повышает свой удельный вес кожевенная и швейная промышленности, в то время как удельный вес остальных отраслей в общей промышленной продукции падает.

Вследствие того, что большинство об'ектов нового строительства войдут в эксплоатацию к концу 1932/33 года и в 1933/34, лучшим показателем степени индустриализации края является размер производства в 1933/34 г. Валовая продукция для этого года выразится в сумме 1.315 млн. р., что дает прирост по отношению к 1927/28 г. на 819,5%.

Таким образом, экономическое лицо края к концу пятилетия меняется: из аграрного этот район перерождается в аграрно-индустриальный.

* * *

Новым, и благодарным в смысле наличия богатейших сырьевых и энергетических ресурсов, районом для форсированного индустриального развития является Казакстан. Несмотря на всю незначительность разведанности обширных площадей Казакстана, этот район только по тому, что нам уже известно, обладает исключительными богатствами недр. Уголь и железо, медь, цинк, свинец и серебро, нефть и фосфорит и т. д., — все это в изобилии имеется в недрах Казакстана. Достаточно сказать, что только разведанные запасы медных руд составляют 60% ко всем запасам Союза и имеются все основания предполагать, что при дальнейших разведках запасы медных руд будут определены значительно выше. На территории же Казакстана расположено богатейшее Риддеровское месторождение полиметаллических руд, Ачи-Сайские церуситы, содержащие в среднем 19% свинца и т. д.

Крупнейшее значение, особенно в связи с форсированным развитием уральской металлургии, приобретает Карагандинское угольное месторождение, возможные запасы которого определяются в 5 млрд. тонн. По имеющимся данным, часть пластов карагандинских углей коксуется. Если это качество карагандинских углей подтвердится, и карагандинские угли и по другим пластам дадут благоприятные результаты в смысле коксования, уральская металлургия и, в первую очередь, Магнитогорский комбинат своей основной угольной базой должны будут иметь именно эти угли.

Базой для развития химической промышленности Казакстана является наиболее мощное в Союзе Актюбинское фосфоритное месторождение. Запасы этого месторождения определяются в 300 млн. тонн и позволяют довести их добычу до 8 — 8,5 млн. тонн в год.

Наконец, значительное место в планах промышленного развития Казакстана занимает Урало-Эмбенский нефтяной район, насчитывающий около 70 месторождений с признаками нефти.

Надо, однако, сказать, что как в отношении всех перечисленных выше районов, так и в отношении Казакстана, пожалуй, в особенности прежняя проектировка пятилетнего плана промышленного развития оказалась совершенно недостаточной и не соответствующей внутренним ресурсам и возможностям этого района. В какой мере это именно так, можно судить хотя бы по тому, что уже сейчас начинается строительство нескольких таких промышленных об'ектов, общая стоимость которых превышает запроектированные прежней пятилеткой капитальные вложения за пять лет.

Совершенно естественно, что в этих условиях радикальный пересмотр пятилетки промышленного развития Казакстана был совершенно необходим. Этого же требовало и возникновение в Казакстане таких новых, неучтенных прежним пятилетним планом промышленного развития Казакстана, отраслей промышленности, как каучуковая, промышленность по первичной обработке кенафа, кендыря, рами, и т. п.

Пересмотренный план развития промышленности Казакстана исходит из значительно более повышенных показателей как по капитальным вложениям, так и по продукции, чем это имело место в прежней проектировке.

	Прежняя пятилетка	Пересмотренная пятилетка
Капитальные вложения	345,7	984,6
Валовая продукция (1932/33 г. в % к 1927/28 г.) .	390%	1.100—1.200%

Таким образом, увеличив капитальные вложения, пересмотренный план пятилетнего развития промышленности Казакстана проектирует рост валовой продукции за пятилетие в 11 — 12 раз!

В этом плане развития промышленности Казакстана решающую и определяющую весь план роль играют: цветная металлургия, каменноугольная, химическая и нефтяная отрасли промышленности. Об этом говорит и распределение капиталовложений в промышленность Казакстана, и удельный их вес в валовой продукции. Из общей суммы капитальных вложений за пятилетие в 984,6 млн. руб. на долю этих четырех отраслей промышленности приходится 371,9 млн. руб., или 75,3%.

* * *

Такова краткая характеристика того нового, что мы имеем в планах промышленного развития по четырем крупнейшим и наиболее интенсивно индустриализующимся районам Союза. Возможность значительного перевыполнения проектировок пятилетнего плана, возможность значительно больших, чем это проектировалось пятилетними планом вложений в промышленное строительство и, в частности и в особенности, в новое промышленное строительство позволило уже в текущем пятилетии приступить к разрешению крупнейшей и важнейшей народно-хозяйственной проблемы — рациональному размещению нашей социалистической промышленности.

Пересмотренные пятилетние планы развития только четырех районов— Урал, Сибирь, Средняя Волга и Казакстан—проектируют уже в текущем пятилетии вложить в промышленность этих районов не менее 10 млрд. руб. Что означает эта цифра, можно судить хотя бы по одному тому, что оптимальный вариант Госплана определял капитальные вложения за пятилетие во всю промышленность Союза в 16,3 млрд. рублей.

Нет сомнения, величайшие трудности стоят на пути осуществления этого плана перемещения промышленных центров к источникам сырья и топлива. Но мы уже обладаем достаточными силами и средствами, для того, чтобы уже в этом пятилетии приступить к проведению в жизнь указания Ленина о наиболее рациональном размещении промышленности. Этого настойчиво требуют интересы социалистического строительства и это должно быть обеспечено, какие бы трудности перед нами в осуществлении этого плана ни стояли.

Гр. Гринько.

Итоги весенней сельскохозяйственной кампании.

Партия прошла между XV и XVI с'ездами громадный путь социалистического наступления и великих работ во всех отраслях хозяйства, политики, культурного строительства. Ликвидация троцкизма и разгром правооппортунистического уклона, разработка всемирно-признанной программы пятилетки социалистической индустриализации и успешное ее осуществление, гигантское развертывание социалистического сектора в сельском хозяйстве, организация массового движения сплошной коллективизации и на этой основе переход к ликвидации кулачества как класса, переход к действительному выкорчевыванию корней капитализма в нашей стране, — все это и многое другое встанет перед XVI с'ездом, как этапы великого пути, пройденного партией за последние два года.

Среди этих громадных задач, разрешавшихся партией, задач, значение которых выходит далеко за пределы внутренней политики Советского Союза, особое место займут и особым вниманием на XVI с'езде будут пользоваться вопросы весеннего сева текущего года.

Новый этап политики партии в деревне и весенний сев.

Последовательно и настойчиво проводимая политика социалистической индустриализации подвела нас вплотную к необходимости практически поставить вопрос о коренном социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Гигантские темпы индустриализации повелительно диктовали необходимость обеспечить соответствующие темпы роста сельскохозяйственного производства. В рамках мелких и мельчайших единоличных хозяйств, с их об'ективно неизбежной малой производительностью, это было невозможно. Переход к крупному общественному сельскому хозяйству практически стал в порядок дня нашего строительства. Но та же социалистическая индустриализация создала и возможности для этого перехода, обеспечив небывалый до сих пор размах индустриального вооружения сельского хозяйства. Окрепнущие плечи тяжелой индустрии Советского Союза оказались в состоянии сдвинуть гигантские массивы крестьянских хозяйств на путь социализма.

Вопрос об этом великом повороте в самых коренных основах сельскохозяйственного производства, этой великой ломке векового уклада деревенской жизни был во всю ширь поставлен еще на XV с'езде ВКП(б). Вопреки противодействию правооппортунистических элементов, строительство обобществленного сектора в сельском хозяйстве начало принимать все более широкие масштабы. Оно нашло свое отражение и в утвержденной партией пятилетке. Зерновые совхозы небывалых до сих пор размеров в важнейших производящих районах страны резали целину индивидуалистической деревни и

прокладывали дорогу новой машинной технике в сельское хозяйство. Машинно-тракторные станции, обеспечивающие максимально-эффективное использование трактора в сельском хозяйстве, родились под давлением об'ективно нарастающей необходимости ускорить переход к крупному хозяйству.

Однако, и на XV с'езде, и на XVI конференции ВКП(б), утверждавшей пятилетний план, еще не ясны были те поистине громадные масштабы и темпы, которые примет начавшийся переворот в сельском хозяйстве. Лишь 1929/30 год, выявивший со всей очевидностью возможности значительного ускорения темпов индустриализации и завершивший собой первый этап наступления на капиталистические элементы деревни по директивам XV с'езда и ЦК ВКП(б), вскрыл настоящий размах посильного нам строительства совхозов и коллективного движения крестьянских хозяйств. 1929/30 год стал бурной весной колхозного движения. Возможности и силы реконструктивного периода, именно на этом участке прорвались с особой стремительностью и напором.

Самым крупным политическим фактором в период, непосредственно предшествующий XVI с'езду, стало движение сплошной коллективизации. «В чем состоит новое, — спрашивает Сталин, — в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк».

Этот поворот середняка на путь коллективизации является высшим торжеством ленинской политики союза рабочего класса и крестьянства, высшим проявлением той длительной и упорной борьбы за пролетарское руководство середняком против капиталистических элементов деревни, которую партия с таким упорством вела.

Только на этой основе массового поворота середняцких хозяйств в сторону социализма стал возможен и необходим в районах сплошной коллективизации переход от лозунга—«ограничение капиталистических тенденций кулачества» к лозунгу—«ликвидация кулачества как класса». Экспроприация кулака в районах сплошной коллективизации и передача земель и средств производства кулаков в неделимые фонды колхозов явились одновременно и выражением изживания средним крестьянством расчетов на капиталистический путь развития деревни и фактором, ускоряющим переход к социалистической организации сельского хозяйства. Громадное революционное значение этой смены лозунгов в отношении кулака ни в коем случае не может быть недооценено. Эта смена лозунгов в отношении кулака отточила социалистическое острие движения сплошной коллективизации.

Опираясь на рост советской индустрии, на успешное наступление на капиталистические элементы деревни и на поворот среднего крестьянства на путь коллективизации, партия смогла наметить в январе 1930 года темпы коллективизации для важнейших производящих районов, которые уже на втором году пятилетки превышали все самые смелые предположения ее на этот счет. Январское решение ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации, проверенное всем ходом дальнейшего развития коллективизации, является важнейшим политическим документом, обусловливающим переход к той политике, которая сделала обобществленный сектор сельского хозяйства уже в настоящий момент ведущей, руководящей силой в сельскохозяйственном производстве.

Всем известно, что в осуществлении намеченных январским решением ЦК ВКП(б) темпов коллективизации некоторые области, по преимуществу в потребляющей полосе и отсталых национальных районах, допустили подмену массового движения сплошной коллективизации бюрократическим насаждением колхозов сверху, сопровождавшимся грубой заменой ленинской политики руководства середняком насквозь враждебным ленинизму командованием в отношении среднего крестьянства. Общеизвестно также, что важнейшие политические документы последнего периода (постановления ЦК ВКП(б), статьи т. Сталина и тезисы т. Яковлева к XVI с'езду) выражают собой тот жесточайший, непримиримый отпор, который дала партия этим антисередняцким, антиленинским извращениям в колхозном движении.

Нет нужды напоминать здесь связанные с этим политические факты и документы—слишком хорошо известны они всякому сознательному участнику нашего строительства. Нужно лишь со всей силой подчеркнуть, что перегибы в колхозном движении, грубые ошибки отдельных районов и организаций, прямые преступления против важнейшего принципа ленинизма в отношении к среднему крестьянству,—ни в коей мере не умаляют величия развернувшегося колхозного движения в стране. Крупные сдвиги социальных пластов не происходят гладко. Крупные столкновения классовых сил не совершаются в белых перчатках. Великие социальные перевороты не происходят без значительных накладных расходов и своего рода издержек производства. Однако, это не умаляет ни величия, ни исторического значения и итогов таких переворотов.

Социалистическое строительство в СССР вступило в новый этап. Обобществленный сектор в сельском хозяйстве впервые стал решающей производственной, реконструктивной силой. В этой обстановке гигантских сдвигов в самых коренных основах сельскохозяйственного производства нашей страны, величайшего переворота в развитии нашей деревни и разворачивался весенний сев текущего года. Обстановка этого сева была исключительно трудная. Успешное проведение его стало вопросом гигантской политической важности, ибо это был первый сев нашей страны, в котором руководящей силой выступил молодой обобществленный сектор сельского хозяйства.

Наши враги пророчили неминуемый срыв сева, уверенно на страницах белогвардейской и капиталистической прессы говорили о 10 миллионах га недосева против прошлого года, как о неизбежной каре за массовую коллективизацию крестьянских хозяйств. О том, о чем прямо говорили враги, робко шушукались правооппортунистические элементы, их троцкистские союзники и обыватели всех мастей, всегда бегущие от великих революционных задач и неизбежно связанных с ними трудностей.

И те и другие ошиблись. И те и другие недооценили могучую силу разворачивающегося социалистического сектора в сельском хозяйстве, громадную организующую роль партии и рабочего класса, возросшую помощь сельскому хозяйству со стороны социалистической индустрии. Совхозы, машинно-тракторные станции и колхозы (в том числе и колхозы, образовавшиеся в порядке простого сложения крестьянского инвентаря), выведшие в этом году деревню на весенний сев, разбили пророчества наших врагов и трусливые опасения правых оппортунистов. Весенний сев 1930 г. стал новым этапом успешного развертывания социалистического наступления в период между XV и XVI с'ездами партии.

Программа и организация сева.

В развитии колхозного движения исключительное место занимает весенний сев текущего года, этот, по выражению т. Молотова, действительно большевистский сев. Впервые за весь период Октябрьской революции обобществленный сектор стал ведущей и решающей силой в организации сева. Впервые советскую деревню вывел на сев ее социалистический сектор.

Прошлой весной общая посевная площадь совхозов и колхозов вместе едва превышала 5 млн. гектаров и занимала около пяти процентов во всей

в прошлом году коллективно. Единичные машинно-тракторные станции были больше конструктивной идеей, чем реальной производственной организацией настоящего.

Обстановка радикально изменилась текущей весной. Посевы совхозов раскинулись на $3\frac{1}{2}$ млн. гектаров; 159 машинно-тракторных станций охватили около 2 млн. гектаров; около четверти крестьянских хозяйств коллективно посеяли около 33 млн. га, т.-е. свыше одной трети ярового посева страны.

Если пятилетка намечала поступление из обобществленного сектора в 1932/33 году около 40 процентов товарного хлеба, то сбор с реально засеянных полей колхозов и совхозов в текущем году гарантирует стране около двух третей товарного хлеба!

Нет никакой возможности исчерпать богатейшего материала по организации этой «действительно большевистской весенней кампании». Всякий, кто способен за поверхностной оболочкой явлений видеть движущие пружины общественной жизни, воспримет уроки и факты весеннего сева текущего года, как неопровержимое доказательство громадного успеха социалистического строительства в деревне, совершаемого под руководством пролетариата.

Первое, что бросается в глаза,—это совершенно новая организация сева. Впервые государственный посевной план великой страны был доведен до села, колхоза, крестьянского двора. Посев перестал быть слепым результатом комбинации индивидуальных воль мелких распыленных товаропроизводителей. Опираясь на факт национализации земли и на переход значительной массы крестьянства на путь общественного хозяйства, советская власть выступила с программой организованного сева, отвечающего интересам страны в целом.

Декрет Совнаркома от 23 декабря 1929 года, наметивший небывалую до сих пор программу ярового сева с расширением площадей на 11 процентов против предшествующего года, явился лишь следствием той оценки громадных возможностей коллективизирующейся деревни, с которой выступила партия. Только на этой основе можно было поставить плановую задачу расширить посевы яровой пшеницы на 20%, кукурузы — на 15%, хлопка — на 40%, сахарной свеклы—на 35%, льна-долгунца—на 14%, кормовых корнеплодов—на 170% и т. д. Пусть этот первый опыт планово-организованного сева страдает многочисленными дефектами, пусть его реальное выполнение не во всем соответствует плану,—неоспоримым остается громадное принципиальное и практическое значение самого перехода от стихийных крестьянских посевов к плановому, организованному сельскохозяйственному производству.

Точно так же впервые были сделаны попытки организованного государственного и общественного наблюдения и контроля за ходом подготовки и за самым осуществлением сева. Впервые в текущем году страна следила по специальным сводкам каждые десять дней за ходом подготовки и каждые пять дней—за ходом осуществления сева. Это обстоятельство в огромной мере дисциплинировало каждую деревню, каждый колхоз, каждый крестьянский двор, и вместе с тем гигантски повышало ответственность всех государственных и общественных организаций за выполнение посевной программы. Каждая очередная сводка тысячами нитей связывала между собой периферию и центр, самые отдаленные уголки необ'ятной территории Советского Союза в деле организации сева по-боевому. Трудно переоценить исключительное организующее значение этого дела. Трудно переоценить революционную роль этих грубых, примитивных, подчас недостаточно точных сводок с посевного фронта в деле закрепления первых позиций общественной, плановой, а не анархической организации сева.

Нужно со всей настойчивостью подчеркнуть исключительное внимание, проявленное партией и советской властью к стимулированию сева на каждом его этапе, на каждом слабом участке. Энергичной поддержкой поднимающегося обобществленного сектора сельского хозяйства, а также заботливой поддержкой остающихся еще единоличными крестьянских хозяйств окрашены были эти месяцы подготовки и организации сева. Об этом говорят многочисленные решения партии и правительства о льготах по с.-х. налогу, о стимулировании посевов свеклы, льна, махорки и т. п. Организованная система стимулирования по отношению к каждой отстающей культуре, к каждому отстающему району, исключительные усилия, направленные к под'ему сельского хозяйства в максимально доступных масштабах, и к укреплению колхозного движения, разнообразные виды социалистического соревнования—являются характерной чертой большевистского сева текущего года.

Крупнейшее значение имеет помощь совхозов колхозам в организации сева. Около 1,5 млн. га колхозных полей обработано машинами и силами советских хозяйств. Тракторные колонны совхозов Зернотреста из Крыма и Сев. Кавказа, переброшенные маршрутными поездами специального назначения, подымали колхозные поля Урала и Сибири. В этом факте, являющемся лишь малым началом великого сотрудничества совхозов и колхозов в дальнейшем, со всей силой отражается громадная пионерская роль совхозов в социалистическом переустройстве деревни.

Наконец, крупнейшее значение имеет широко развернувшийся принцип соревнования в организации сева между колхозами, деревнями, районами, округами и целыми краями. Социалистическое соревнование, этот важнейший рычаг ускорения темпов нашего индустриального развития, переходит и в область сельского хозяйства, идя на смену методам частно-хозяйственной конкуренции.

Нет спора, весенний сев текущего года имеет много недостатков. Запоздание посева в одних районах, чрезмерно затянувшийся процесс сева — в других, многочисленные недостатки в снабжении, организации труда и т. п.,—не подлежат сомнению. Но только слепые могут не видеть за этими преходящими дефектами то действительно революционное, новое, что со всей силой выявилось в посевной кампании текущей весны.

На наших глазах рождается новый уклад сельскохозяйственного производства. Натягиваются новые нити плановой, организованной связи города и деревни. Открываются гигантские возможности ускорения темпов сельскохозяйственного развития уже в ближайшие годы. И это сказалось уже на итогах сева, давшего превышение посевной площади прошлого года в период гигантской ломки всего деревенского уклада.

Предварительные итоги сева.

Весенний сев закончен. Теперь уже могут быть подведены не только политические, но и предварительные его народно-хозяйственные итоги. Яровой посев 1929 года был осуществлен на площади в 83,8 млн. га. По данным на 20 июня (еще не окончательным) яровой посев текущего года произведен на площади, превышающей 87 млн. га. Таким образом, яровая площадь прошлого года в результате первого массового социалистического сева превышена почти на 4 млн. га.

Оппортунистическая сущность правого уклона в партии с особой силой сказывалась в переоценке производственной силы кулацких хозяйств и в недооценке нашей возможности в кратчайшие сроки организованным обобществленным сектором сельского хозяйства возместить кулацкие посевы и кулацкое производство хлеба. О чем говорит опыт весеннего сева текущего года? В 1929 г. из общей площади ярового посева — 83,8 млн. га — около

12 млн. га было кулацких посевов (3% кулацких хозяйств имели в своих руках около 15% посевной площади). Владельцы этих посевов оказались выбитыми из их производственного седла; их земли и средства производства в значительной части перешли в распоряжение колхозов. Справились ли колхозы с освоением этих земель и средств производства? Справились ли колхозы с задачей расширения посевов за счет пустовавших до сих пор земель (паров, пустоши, залежей, целинных земель и т. п.)?

Этот вопрос имеет решающее значение для оценки роли обобществленного сектора в организации сельскохозяйственного производства уже в текущем году. В яровом посеве 1929 года в среднем на хозяйство приходилось около 3,2 гектара посева. Если условно исходить из этой нормы, то в пределах площади прошлого года 6,1 миллиона хозяйств, посеявших в текущем году коллективно, должны были бы засеять около 20 млн. га. В действительности они засеяли около 33 млн. га. Таким образом, уже в первую бурную весну массового коллективного сева, несмотря на гигантские трудности, на отчаянное сопротивление кулачества, несмотря на громадные ошибки, допущенные в ряде областей и районов, колхозы оказались в состоянии не только перекрыть кулацкие посевы прошлого года, но и обеспечить дальнейшее расширение яровых посевов. Миллионные массы колхозников (и тех, которые опирались на машинно-тракторную технику, и тех, которые орудовали текущей весной лишь методами простого об'единения крестьянского инвентаря) на деле доказали громадные производственные возможности коллективного сектора сельского хозяйства и подтвердили уверенные расчеты партии на то, что совхозы, машинно-тракторные станции и колхозы вместе окажутся в состоянии уже в настоящее время с лихвой перекрыть кулацкое производство хлеба. Этим самым вдребезги разбиты правооппортунистические аргументы против тех темпов коллективизации, с которыми выступила и которые проводит партия. Деревенский кулак бит организованным кулаком социалистического сектора сельского хозяйства.

Исход весеннего сева, вместе с наличными озимыми посевами, подтверждает целиком тот тезис партии, который говорит о разрешении в основном зерновой проблемы. Общая площадь под пшеницей (самой важной из зерновых культур) в текущем году превышает почти на 3 млн. га пшеничную площадь 1929 года. При том условии, что это превышение идет целиком за счет совхозов (свыше 1 млн. га посевов Зернотреста в текущем году) и за счет машинно-тракторных станций и колхозов, качество посевов которых значительно выше, чем прошлогодние посевы единоличных хозяйств, и при благоприятных видах на урожай в основных районах товарного зерна можно быть уверенным, что уже нынешней осенью мы получим надежную зерновую базу не только для потребления городов и образования запасов, но и для энергичного развития животноводства и серьезного экспорта.

Партия пошла на штурм зерновой проблемы с механизированными совхозами в авангарде. Этот путь целиком оправдан жизнью в течение двух—трех лет. Кулацкое сопротивление делу коллективизации и ошибки в проведении коллективизации в ряде районов нанесли наибольший ущерб по линии животноводства. Животноводческая проблема становится центральной сельскохозяйственной проблемой на ближайшие годы. И подобно тому, как это было при решении зерновой проблемы, партия энергично выдвигает вопросы строительства крупных животноводческих хозяйств (Скотовод, Свиновод, Овцевод). С особой силой заостряется здесь вопрос кормовой, который должен был получить значительный толчок к своему разрешению уже в весенний сев текущего года. Отсюда большая программа кукурузных, соевых посевов и посевов корнеплодов. Кукурузная площадь расширена против прошлого года почти на полмиллиона га, т.-е. почти на 15%, при чем впервые широкое применение получил посев кукурузы на силос. Посевные площади под соей в текущем году возросли больше, чем втрое (с 78 тыс. га 1929 года до 320 тыс. га—в текущем году). Значительно расширены посевы кормовых корнеплодов и сеяных трав. Таким образом, и в решении кормового вопроса,—этой важнейшей предпосылки к быстрейшему развитию животноводства,—обобществленный сектор сельского хозяйства дал свой первый положительный результат уже в текущем году.

Еще более значительны успехи весенней кампании в области технических культур. Был момент в разгаре нынешнего весеннего сева, когда люди, склонные к панике при первых крупных затруднениях, уже хоронили программу хлопка и свеклы. Между тем, по хлопку и по свекле мы достигли не только выполнения, но и превышения плана, дав небывалый темп прироста посевной площади против прошлого года по этим важнейшим техническим культурам. (По хлопку на 700 тыс. га, или на 84,5%, и по свекле — на 268 тыс. га, или на 31,6%). Стоит при этом особенно подчеркнуть, что и по хлопку, и по свекле мы имеем в текущем году впервые крупные посевы на коллективных полях и на полях машинно-тракторных станций (больше трети посева свеклы и около 30% посева хлопка произведено коллективно).

Громадный интерес представляет оценка итогов весеннего сева по важнейшим хозяйственным районам страны. Мы не располагаем сейчас еще всеми исчерпывающими данными для подробной характеристики организации и хода сева в различных районах. Кроме того, эта тема потребовала бы специального и подробного изложения. Но бесспорным является, что наилучшие итоги сева дали те районы, которые допустили меньше всего отклонений от партийной линии в области коллективизации и которые вошли в сев не с дутыми цифрами коллективизации, а с хорошо сколоченным массивом колхозов. Как это уже неоднократно было отмечено в прессе, наиболее организованно провела сев Украина.

В предварительных итогах весеннего сева по важнейшим хозяйственным районам стоят такие цифры расширения посевных площадей, которые являются непривычными и которые были недоступны в условиях распыленного сева единоличных хозяйств. Украина расширила яровую площадь на 5,2%, Сев. Кавказ—на 16,4%, впервые за все время существования советской власти превысивший площадь 1913 года; Крым—на 19,7%, Киргизия—на 8,6%, Ср. Волга—на 10,6%, Нижняя Волга—на 13,3%, Узбекистан — на 14%, Туркменистан—на 25%, Таджикистан—на 37% и т. д.

В организации и проведении весеннего сева партия с величайшим вниманием следила за отношениями между обобществленным и единоличным сектором, между колхозниками и единоличниками, в первую очередь. Всем известно, что в ряде районов происходило обострение отношений между колхозниками и единоличниками, были допущены грубые ошибки со стороны колхозников в отношении к тем бедняцко-середняцким хозяйствам, которые еще не стали на путь коллективного труда. Всем известно также, с какой настойчивостью партия выправляла эти отношения, исходя из необходимости бороться со всяким игнорированием единоличных хозяйств и из необходимости добиться, «чтобы во взаимоотношениях колхозников с единоличниками установился порядок: не травить единоличников, а оказывать им помощь и всячески привлекать к колхозу». (Тезисы т. Яковлева к XVI с'езду). Исход весеннего сева, который решен совместными усилиями обобществленного сектора и единоличных хозяйств, убедительно показывает, что и в этом отношении партии удалось добиться положительных результатов.

Весенний сев закончен к моменту открытия XVI с'езда ВКП(б). Успешное разрешение задач этого первого массового социалистического сева в нашей стране является лучшим доказательством правильности того политического курса, под знаком которого партия шла к XVI с'езду.

Н. Мельбард и П. Поспелов.

Борьба на два фронта!

(Оппортунизм в ВКП(б) накануне XVI с'езда).

Партия прошла гигантский путь со времени XV с'езда. На этом пути Советский Союз вступил в новый исторический этап развернутого социалистического строительства и достиг решающего этапа строительства фундамента социалистической экономики. 13-й год диктатуры пролетариата в нашей стране войдет в историю мирового социализма, как год всемирно-исторического значения перелома в развитии сельского хозяйства СССР, год великого перелома и перехода пролетариата в общее наступление на всех фронтах борьбы за социализм.

Мы действительно вступили в тот период невиданного ускорения темпов движения к социализму, который гениально предвидел Ленин.

Наступая широким фронтом на капитализм, пролетариат поднялся на новую и наиболее ответственную ступень в решении великой исторической задачи «кто—кого». Дело идет на этой ступени о выкорчевывании внутри страны самых корней капитализма, об устранении самой почвы, питающей капитализм. Неизбежный результат этого наступления пролетариата—сопротивление и яростный натиск капиталистических элементов на пролетариат, бешеная активность кулачества и остатков капитализма, обострение классовой борьбы

Требуется огромное напряжение сил рабочего класса во главе с его партией, чтобы возникшие перед партией трудности преодолеть и продолжать далее успешно двигаться вперед. Конечно, эти наши трудности носят совсем иной характер, чем в годы разрухи и в восстановительный период. Эти трудности вызваны нашим быстрым ростом, темп которого мы снизить не можем и не должны. Характерная особенность этих трудностей заключается в том, что они таят в себе возможность их собственного преодоления.

Материально, физически ощущаемый рост социализма дает рабочему классу уверенность в преодолении этих трудностей и победе социализма, толкает людей на величайший трудовой под'ем, подымает «самый трудный героизм будничной работы», о котором говорил Ленин, как об условии победы социализма.

Это мощное ускорение движения к социализму, которого мы добились, могло быть достигнуто лишь на основе всей предшествующей активной политики партии и в результате самой решительной и непримиримой борьбы партии с антиленинскими уклонами и извращениями генеральной линии.

> «Партия добилась решающего перелома в деле коллективизации благодаря тому, что были разгромлены как контрреволюционный троцкизм, политика которого неизбежно вела к разрыву смычки с основными массами крестьянства, так и правые уклонисты, с их политикой отказа от проводимой партией индустриализации страны, отказа от насаждения совхозов и развития колхозов, с их политикой капитуляции перед кулачеством». (Тезисы тов. Яковлева к XVI партс'езду).

Но было бы непростительной и чреватой опасными последствиями ошибкой, после достигнутых успехов и происшедшего перелома в развитии Советского Союза, считать дело борьбы с правой опасностью так же, как и с оппортунизмом в «левой» маске, делом истории, делом вчерашнего дня. Такая позиция есть вреднейшая позиция беспринципного примиренчества, о котором т. Сталин — в отношении правого уклона, на пленуме МК и МКК в 1928 г. говорил, «что борьба с такого рода примиренчеством является составной частью борьбы с правым уклоном, с правой опасностью».

Социально-экономическая почва, питающая колебания и уклоны от ленинской линии партии, не устранена, поскольку сохранилась еще многомиллионная масса мелких товаропроизводителей, которые, — как говорил Ленин,—«окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию» [1].

Борьба с правым уклоном, а также с рецидивами «левых» ошибок, не может ни в какой мере считаться законченной. Эта борьба вступает в новую фазу. Бешено сопротивляется еще недобитый кулак—главный враг пролетариата внутри страны. Правый уклон, выражающий сопротивление кулачества, остается поэтому главной опасностью в рядах партии.

Обострившаяся классовая борьба порождает усиление напора на партию и на пролетариат со стороны мелкобуржуазной стихии. Трудности, которые мы преодолеваем, в частности, временный недостаток продовольственных продуктов, мяса, жиров и др., усиливают колебания в мелкобуржуазных, промежуточных классовых слоях. Эти колебания передаются и в отдельные прослойки рабочего класса, особенно его новых кадров.

Настроения усталости, безверия, мелкобуржуазного пессимизма и уныния не могут не проникать и в отдельные звенья партии. Эти настроения создают питательную почву для оппортунистических вылазок и, в первую очередь, для новых попыток оживления активности правого уклона, спекулирующего на трудностях.

Действительно, накануне XVI с'езда во многих партийных организациях происходит явная активизация правооппортунистических элементов, доходящих иногда до махрово-правых, враждебных партии, клеветнических, антиреволюционных выступлений. Ниже мы приведем ряд характерных оппортунистических выступлений, имевших место накануне XVI с'езда в ячейках, на конференциях и в печати. Этими выступлениями, разумеется, не определяется лицо оппортунизма в целом накануне XVI с'езда, но они обнаруживают ряд новых черт в развитии оппортунизма, характеризуют его активизацию.

* * *

С чем же выступили правые оппортунисты накануне XVI с'езда?

Маскируясь или с открытым забралом, правые элементы выступают продолжателями линии группы т. Бухарина, развивают эту линию, доводят ее в отдельных частях до логического конца. Иногда в точности повторяются «программные» формулировки группы Бухарина вроде клеветнических обвинений партии в политике «военно-феодальной эксплоатации крестьянства» или пессимистических утверждений—«колхозы экономического эффекта не дадут».

Раньше всего, об оценке нэпа и об оценке нового этапа нэпа.

---

[1] Ленин, т. XVII, стр. 136.

Группа т. Бухарина навязывала партии, как известно, такое понимание нэпа, при котором устранялась регулирующая роль государства в экономической жизни, при котором нэп выступал, как неограниченная свобода торговли и развития капитализма.

Такое понимание нэпа, по сути, имеет конечной целью увековечить существование в нашей стране товарно-капиталистических отношений и обосновать отказ от задачи социалистической реконструкции хозяйства СССР в целом, крестьянского хозяйства, в частности и в особенности.

Наследники т. Бухарина и его группы полностью принимают это понимание нэпа и придают ему чеканный, устремленный непосредственным образом в практику характер. Тов. Хохлов на Новгородской партконференции утверждал по этому поводу следующее:

> «Сталин в своей речи сказал, что когда нэп нам не нужен будет, мы его выбросим к чорту. Но Владимир Ильич подчеркивал, что нэп введен «всерьез и надолго» (Тов. Хохлов, понятно, прячет следующее непосредственно за этим ленинское «но не навсегда». *Н. М. и П. П.).* Мы учили нэпмана (!), что ты работаешь под руководством рабочего класса, а теперь говорится, что мы можем отбросить нэп к чорту. Эта установка т. Сталина дала возможность производить перегибы и раскулачивание» (Газ. «Звезда»).

Сказано ясно! Нэп, а следовательно, и нэпмана, а следовательно, и остатки отношений эксплоатации в стране нельзя отбрасывать никогда. Иначе нельзя понимать т. Хохлова. Ему именно для этого понадобилось выступить против бесспорной ленинской формулы т. Сталина о том, что «мы отбросим нэп к чорту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма» [1], т.-е. когда нэп перестанет служить интересам построения фундамента социализма.

Но какое дело правым оппортунистам до построения фундамента социализма! Им важен нэп, как гарантия сохранения мелкотоварного хозяйства, а следовательно, и капиталистических отношений, и капиталистических элементов в стране, вырастающих на этой основе. И именно поэтому в речи т. Хохлова так явственно звучит ничем не прикрытая защита интересов нэпманской буржуазии.

Нет нужды доказывать совершенную непримиримость такого понимания нэпа с ленинизмом. Но если исходить, как это делают правые оппортунисты, из того, что нэп есть политика, увековечивающая мелкое крестьянское хозяйство и неограниченную свободу для развития капиталистических элементов, тогда нужно признать происшедший перелом в социалистическом строительстве искусственным или, по меньшей мере, неподготовленным и несвоевременным, ибо этот перелом, социалистически преобразуя крестьянское производство, в корне сокрушает капиталистические элементы.

Такую именно позицию в оценке нынешнего периода и политики партии и защищают теперь правые оппортунисты. На одной из московских районных конференций ВКП(б) имело место выступление (ошибочность которого автор впоследствии признал), резко расходящееся с партией в оценке переживаемого этапа социалистического строительства. По мнению выступавшего товарища, то, что крестьянин пошел вначале охотно в колхоз, еще не означало, что уже наступил тот момент, о котором говорил Ленин, что в результате длительной повседневной работы наступит момент, когда кооперирование пойдет неожиданно быстрыми шагами. Тут и был, по мнению этого товарища, корень ошибок, заключавшийся в недооценке пассивности крестьянской массы и переоценке сознательности колхозных масс. В тесной связи с этим отрицанием великого исторического перелома в развитии сельского хозяйства СССР стоит утверждение того же товарища, что вся партия переоценила возможные темпы коллективизации. И это говорилось уже в тот момент, когда сводки посевной кампании показали полную реальность намеченных партией в историческом постановлении ЦК от 5 января 1930 г. темпов коллективизации!

---

[1] Сталин, «Ответы свердловцам». (Подчеркнуто нами—*Н. М* и *П. П.).*

Подобные рассуждения об'ективно не могут иметь иного смысла, как опорочить линию партии и затормозить дело социалистической переделки среднего крестьянства, подготовить почву для «отступления» от лозунгов партии. В самом деле, если партия ошибалась в оценке переживаемого периода, как периода великого перелома, то надо отступать и нечего говорить о дальнейшей коллективизации в ближайшие годы.

В законченной форме эти идеи выражены в получившей печальную известность откровенно-правой статье Мамаева (№ 9, «Диск. Листка» «Правды»). Там мы читаем:

> «Только ли выход обусловливается тем, что места наголовотяпничали? Нет, дело еще не в перегибах, а дело в том, что «созрели ли» мы к этому моменту, имеем ли достаточную техническую базу, которая бы стимулировала переход бедняка и середняка от примитивной обработки земли к машинному, механизированному хозяйству? Нет, мы пока еще этого не имеем» (Курсив наш —*Н. М. и П. П.*).

Среди коммунистов нашлись такие партийные обыватели, а в сущности примиренцы, которые приняли выступление Мамаева за незаслуживающий внимания, ничего не выражающий, изолированный случай. Они никак не хотят понять, что идеи, отраженные Мамаевым,—реальная опасность, с которой нужна беспощадная борьба. Мамаев лишь выразил членораздельно то, чего в сущности добиваются все правые оппортунисты и в политике, и—особенно—на практике. Из этой же «оперы» тянул не он один накануне XVI с'езда. Ему вторит, например, на одной из окружных конференций ВКП(б) в Сибири тов. Кокин:

> «К коллективизации надо приступить только тогда, когда будет предварительно создана крупная техническая машинная база». (Газ. «Советская Сибирь». Подчеркнуто нами.—*Н. М. и П. П.*).

Крайне любопытно было бы знать, у кого эта, создаваемая и отчасти уже созданная, техническая машинная база должна бы находиться впредь до ее полного создания, после чего лишь и можно будет приступить к коллективизации? Повидимому у кулака,—не лежать же ей на складах!

Эта недооценка экономического эффекта, который дает даже простая кооперация, «простое сложение крестьянского инвентаря», ссылка на то, что у нас «нет технической базы» для коллективизации, очень характерны сейчас для правых (тут с ними сходятся и троцкисты).

Правые не понимали и не понимают, что экономическая политика партии на пройденном этапе подготовила ныне осуществляемую коренную социалистическую реконструкцию деревни, не понимают того, что она по-этого-товила новый и вместе с тем последний этап нэпа, в который мы вступили.

Из такого непонимания вытекает оппортунистическая оценка колхозного движения, которую выражает, например, выступление т. Кутузова на районной конференции ВКП(б), Народицкого района:

> «Крестьянство еще не разобралось в колхозах и оно долго будет занимать выжидательную позицию. **Вы (и это говорит делегат партконференции!**—*Н. М. и П. П.*). своей массовой голой агитацией обещаете крестьянам молочные реки с кисельными берегами и забываете, что колхозы экономического эффекта не дадут» (Газ. «Звезда»).

Приведенные оценки нынешнего периода нужны правым оппортунистам для того, чтобы доказать, что коллективизация есть продукт административного увлечения, продукт насилия над крестьянином, продукт сползания партии к троцкистской политике. Этим путем правые пытаются задерживать дальнейшее развитие коллективизации.

Этот вывод, в частности, сделал в своей статье Мамаев. Подобные же выступления раздавались на ряде собраний. Так, например, на собрании Балашовского железнодорожного партийного коллектива т. Сорокин заявил: «Все колхозы насаждены искусственно, насильно». (Газ. «Борьба»).

Газета «Поволжская Правда» по этому поводу сообщает, что выступившие на партконференции Петровского района тт. Елшанский и Солнцев пришли к выводу, что «колхозы не окрепнут», что это—гиблое дело. Другой оратор, тов. Григорьев, дополняет их, уверяя, что колхозы себя не оправдали и заниматься ими не следует. Все они в один голос заявляют, что «колхозы созданы искусственно», что «никакого движения в колхозы не было», а просто «в них загоняли кнутом».

Эта «теория» насилия есть нечто абсолютно враждебное марксизму-ленинизму. Ленин учил, что классы обманывать нельзя. Учил он далее тому, что «никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни» [1]). А ведь колхозное движение между XV и XVI с'ездами есть движение многих миллионов крестьянства. И нелепо утверждать, что это движение, кладущее историческую борозду в общественном развитии, есть результат административного усердия. Только собственный опыт самих крестьянских масс, проверивших доводы партии о преимуществах коллективного производства перед индивидуальным, мог привести к такому движению и успехам.

Эта «теория насилия» является вместе с тем явной клеветой на партию, изображаемую в виде организации насильников над трудящимися нашей страны. Именно потому, что правые исходят из отрицания руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянству, не понимают решающего значения активной политики партии в деле социалистического строительства и являются сторонниками самотека,—именно поэтому они выбиваются из сил, чтобы выдать эту руководящую и организующую роль партии за сплошное насилие.

Довольно характерным примером пропаганды правыми теории «самотека» и отказа от социалистической реконструкции сельского хозяйства является выступление работника Международного аграрного института Орловского на совещании бригадиров, работающих в деревне. Вот, что говорил этот оппортунист:

> «В рабочих массах колхозная идея потерпела колоссальный урон, теперь рабочим нужно бросить эту идею. Теперь нужно преодолеть большие трудности по продовольствию». Агитировать за вступление крестьян в колхоз в ближайшее время почти что невозможно». «Крестьянам навязли в зубах эти колхозы». «Мы должны пойти обходным путем—по линии под'ема индивидуального хозяйства, тогда мы сумеем снискать доверие крестьян, тогда в ближайшее время колхозы сами собой образуются». «Только по этой линии может опять установиться контакт между рабочими и крестьянами» (Газ. «Рабочая Москва» № 44. Подчеркнуто нами. *Н. М. и П. П.*).

Свои аргументы против политики партии в деле проведения сплошной коллективизации правые пытаются черпать из практики «левых» перегибов, в которых проявилось недопустимое отношение к середняку, попытки командовать и чинить насилие над ним. Но кто может поверить, что политика партии и практика «левых» загибов есть одно и то же. Всем же известно, что партия, борясь за ленинскую линию, сокрушила «левые» извращения этой линии и не прекращает борьбы за полную их ликвидацию.

---

[1]) Ленин, т. XX, стр. 410 (изд. 2-е, 1927 г.).

Ссылки правых на «левые» искажения политики партии нужны им не для устранения этих искажений, а для борьбы с самой политической партии! В важнейшем же для партии деле,—в деле разоблачения и исправления «левых» перегибов правые и примиренцы также занимают антипартийную позицию. Прикрывая и оправдывая «левых» загибщиков, взваливая вину на ЦК, правые «левыми» загибами занимаются только для того, чтобы вновь воскресить клевету группы т. Бухарина о троцкистском характере линии партии с тем, чтобы изобразить эту линию, как сплошной антисередняцкий перегиб, рассчитанный на «феодальную эксплоатацию крестьянства».

О подобного рода клеветнических выпадах правых против партии сообщает печать.

> «Наломали дров в коллективизации потому, что взяли линию Троцкого в переделке деревни» (Газ. «Молот»).
>
> «На Турковской райпартконференции отдельные тт. (Шишкин, Савостьянов и др.) открыто заявляли, что партия «проводит троцкистскую линию, что «вследствие этого и высоких темпов хлебозаготовок получился разрыв с середняком, его обобрали» (Газ. «Борьба». Подчеркнуто нами—*Н. М. и П. П.).*

Правые в настоящее время кричат с особым усердием, о якобы происшедшем в нашей стране разрыве союза рабочего класса с середняком. Об этом разрыве с середняком, как о совершившемся факте, говорит полным голосом Мамаев в уже цитированной нами статье. Еще более категорически об этом заявил на Шуйской окружной конференции ВКП(б) секретарь Родниковского райкома партии тов. Чесноков:

> «Во время коллективизации,—узнаем мы от него,—мы потеряли середняка, так как он перешел на сторону кулака». (Газ. «Рабочий Край». Подчеркнуто нами—*Н. М. и П. П.).*

О вылазках на эту же тему сообщает ряд других газет и, в частности, газета «Советская Сибирь»:

> «На совещании актива Родинского района член партии Анисимов выступил с обвинением партии в неправильной политике в коллективизации и посевной кампании: «Все, что делается сейчас,—утверждает этот капитулянт,—приводит и привело к размычке с середняком».

Читая такого рода истерические заявления, в заостренной форме повторяющие старые фрумкинские и бухаринские утверждения, приходится удивляться, как авторы этих заявлений верят в существование до сих пор советской власти в нашей стране. Оппортунистическая слепота мешает видеть этим паникерам общие итоги политики партии, состоящие в небывалом укреплении союза с середняком и расширении опоры пролетариата в деревне, мешает различать их от последствий уже в основном исправленных антисередняцких загибов в отдельных районах.

Охват коллективизацией в основных зерновых районах около половины крестьянских хозяйств и превышение в важнейших районах Союза посевных площадей прошлого года неоспоримо говорит о факте укрепления союза пролетариата и деревенской бедноты с средним крестьянством, говорит за то, что середняк-колхозник стал действительной и прочной опорой советской власти.

Утверждение правых о разрыве союза с середняком в свете их общей позиции по вопросам коллективизации нужно правым, чтобы посеять сомнения в прочности колхозного строительства и ослабить энергию партии в решении гигантских по важности и сложности задач, стоящих перед колхозным движением.

Удивительно ли после этого, что правые выступают решительно против взятых партией темпов коллективизации.

На собрании Балашовского жел.-дор. партийного коллектива т. Лобухин, например, говорил:

> «Определение Центральным Комитетом сроков коллективизации об'ективно способствовало перегибам в колхозном строительстве, партия увлеклась при ликвидации кулачества, надо критиковать линию ЦК». (Газ. «Борьба»).

Отдельные выступления против принятых партией и проверенных уже на опыте темпов коллективизации имели место в ряде других местных организаций.

Социальный смысл всех этих утверждений правых оппортунистов, их классовое содержание раскрывается в выступлениях, подобных следующему:

> «Партия в вопросах колхозного строительства бьет отбой. Теперь поздно отступать. Крестьяне пачками выходят из колхозов и никакие статьи Сталина не помогут. Все это об'ясняется тем, что мы притесняем кулаков». (Газ. «Красноармейская Правда». Подчеркнуто нами.—*Н. М. и П. П.).*

Это, как и другие подобные ему выступления, выдает правых оппортунистов с головой. Они показывают, ради чего этим спасителям кулачества нужны разговоры о темпах коллективизации, о размычке с середняком, о насилии, об отступлении, об отсутствии перелома и пр. и т. п. Они вскрывают, что защита капиталистического пути в развитии сельского хозяйства, а следовательно, в конечном счете и всей экономики — есть главная пружина поступков, лозунгов и программы правого уклона.

Мы остановились преимущественно на характеристике позиций правых уклонистов в вопросах реконструкции сельского хозяйства. Именно в этом основном вопросе политики партии в текущий период правые и «левые» развивают наибольшую активность в борьбе против партии. Но этим отнюдь не исчерпывается теперь, как и раньше, программа правых оппортунистов. Она развивает противоположную нашей партии систему взглядов по всем основным вопросам внешней и внутренней политики партии. Отвращение правых к классовой борьбе, ревизия ленинской линии в строительстве Коминтерна и в руководстве им революционной борьбой международного пролетариата, борьба против проводимых нашей партией темпов индустриализации, а следовательно, и социалистической реконструкции страны, отказ от социалистической переделки крестьянского хозяйства, ставка на развязывание капиталистических отношений в стране, поддержка тред-юнионистских тенденций в профессиональном движении, недооценка и противодействие развертыванию массовой пролетарской самокритики, развертыванию борьбы с косностью и бюрократизмом и т. д., — все эти основные позиции борьбы против партии сохраняются правыми оппортунистами.

Мы не будем вдаваться в рассмотрение всех этих элементов программы правого уклона. Приведенная нами характеристика позиций и новых «лозунгов» правых в коренном вопросе текущего периода—в вопросе о переделке мелкотоварного крестьянского хозяйства—убеждает нас в том, что их программа накануне XVI с'езда представляет собою прямое развитие взглядов группы тов. Бухарина. Одного этого достаточно, чтобы понять глубину ответственности, разделяемой обанкротившимися лидерами правого уклона за борьбу правооппортунистических элементов против партии в настоящее время.

Партия не сможет решить стоящих перед ней гигантских задач, преодолеть возникших трудностей, не разбивая и впредь наголову классово-враждебную ей линию правого оппортунизма, не громя и впредь правый уклон, не продолжая разворачивать широкой мобилизации сил для борьбы за принципиальную чистоту ленинской линии, единственной линии, которая дает нам возможность победы над капитализмом «отечественным» и, при поддержке международного пролетариата, над мировым капитализмом.

Поэтому надо признать вреднейшими для дела партии, для дела борьбы с правым уклоном и примиренчеством к нему встречающиеся утверждения о том, что поскольку страна находится в капиталистическом окружении, то гарантии от гибели вообще не может дать ни одна политическая линия.

Это есть чуждое ленинизму, беспринципное понимание политики, амнистирующее авансом любую политическую линию, оправдывающее свою собственную оппортунистическую линию на том, совершенно фаталистическом основании, что, мол, все равно погибать. Этот мрачный пессимизм, конечно, несовместим с ленинизмом.

Ленин учил, что «политика — это борьба между классами, политика отношения пролетариата, борющегося за освобождение против всемирной буржуазии» [1]). С этой точки зрения пропаганда беспринципности в политике равносильна пропаганде безучастности в классовой борьбе. Но, ведь, это совершенно дико в устах пролетарского революционера.

Тов. Сталин тысячу раз прав, напомнив в одной из своих речей ленинское положение, что: «Принципиальная политика есть единственно правильная политика». Иначе оно и быть не может, если стоять на марксистском, т.-е. классовом понимании политики. При этом условии беспринципного подхода к политике быть не может; здесь обязателен ответ на вопрос: какому классу служит та или иная политическая линия. При этом условии совершенно обязательна непримиримая борьба со всякой политической линией, вредящей интересам нашего класса—пролетариата. Но, именно такую политическую линию и защищают представители правого уклона.

* * *

Атаки линии партии со стороны правых оппортунистов сопровождаются вылазками с «левого» фронта. Здесь выступают тоскующие по «левым» извращениям партийной линии, которые показывают разные степени своей эволюции к троцкизму и этим доказывают, что упорство в «левых» перегибах, попытки на них настаивать, их оправдывать, неизбежно ведут на позиции троцкизма. Но выступают, наряду с ними, даже иногда и законченные, хотя и маскирующиеся троцкисты. Нового мы от них не слышим: все, что они говорят, есть в сущности перепевы старых троцкистских мелодий, примененных к нынешним условиям.

Тов. Кабаков в речи на Уральской областной партконференции привел яркий пример, по сути, троцкистской атаки линии партии.

> «Я считаю — говорит цитируемый тов. Кабаковым критик партии,— что наша политика переделать деревню в социалистическую, а нашего мужика в социалиста из собственника, мелкого буржуа — с этим дело не выйдет. Надо нашу политику пересмотреть. Путь у нас один— это строительство совхозов, колхозы строить не нужно, мужика в колхозах не удержишь, ибо он собственник. Мужика надо пролетаризировать». (Подчеркнуто нами.—*Н. М. и П. П.)*.

---

[1]) Ленин, собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 171 (1925 г.).

Откровенность, как видите, совершенно исключительная. Крестьянин (середняк)—буржуй, социализм ему враждебен при всех условиях и навсегда, поэтому в колхозах его не удержать, поэтому пролетаризируй его. Здесь, как в зеркале, отражена вся антисередняцкая, контрреволюционная сущность троцкизма. Конечно, если бы дело обстояло так, что социалистическая переделка середняка невозможна, тогда гибель пролетарской диктатуры была бы, как это и доказывается троцкистами, неминуема. Но жизнь, как известно, установила нечто прямо противоположное этим зловещим, явно враждебным диктатуре пролетариата, предсказаниям троцкистов.

Характерно уже в этом наиболее общем вопросе идейно-политическое сближение между правым уклоном и троцкизмом. Оба отрицают коллективизацию, как метод социалистического переустройства деревни.

Однако, это сближение не снимает различия и самостоятельного значения этих двух разновидностей оппортунизма, ни в какой мере не отменяет того факта, что правый уклон есть главная опасность в нашей партии в нынешний период.

Для правых отрицание коллективизации обусловлено их открытой приверженностью к капиталистическому пути развития земледелия и всей экономики, их отказом от средств и путей строительства социализма, для «левых» же оно обусловлено отказом от самого социалистического строительства, неверием в возможность победоносного социалистического строительства, неверием в возможность союза рабочего класса с основными массами крестьянства, которое (неверие), разумеется, также ведет в конечном счете к поражению пролетариата в угоду капитализму.

Насквозь меньшевистская позиция троцкистов в вопросе о коллективизации неумолимо тащит их к антимарксистской постановке вопроса о коллективизации. Троцкисты и полутроцкисты, следуя меньшевику Троцкому, говорят, что

> «У нас нет возможности для проведения сплошной коллективизации, мы не могли подвести под колхозы технической базы, нет тракторов, нет трактористов». (Газ. «Молот»).

Аргумент целиком из арсенала меньшевика Н. Суханова, над которым так зло издевался Ленин.

> «На Сарапульской окрпартконференции,—сообщает «Рабочая Газета»— бывший троцкист Кузовников выступил против темпов индустриализации, считая их непосильными».

Таким образом, троцкисты и полутроцкисты борются против проводимых партией коллективизации и индустриализации.

Крайне важно отметить, что упорствующие «леваки», в поисках принципиальных оправданий допущенным перегибам, присоединяются к троцкистской басне о полной противоположности интересов середняка социалистическому строительству. Вот пример этому:

> «На Буинской партконференции тов. Ежов (председатель райколхозсоюза) сказал следующее:
>
> «Как вы ни говорите, но на все времена и навсегда абсолютной добровольности в колхозном движении быть не может. Ведь, когда остается вне колхоза 15—20 проц. самой упрямой кучки крестьянства, не будем же мы их ждать, миндальничать, все равно придется загонять в колхоз насильно». (Газ. «Красная Татария». Подчеркнуто нами.—*Н. М. и П. П.)*.

Но, ведь, это уже и есть троцкистская идеология, предлагающая экспроприацию, разрыв, насилие над середняком в качестве метода «пролетарской» политики! Воспроизводятся, таким образом, старые, разбитые партией взгляды троцкизма о невозможности социалистического преобразования деревни на базе союза с середняком.

После этого нас не должно удивлять, что «леваки», подобно Ежову, возводящие антисередняцкие перегибы в принцип политики, кричат об отступлении, стонут и сожалеют по поводу будто бы сделанного партией «отступления».

На Чистопольской конференции тов. Коротышкин говорит:

> «Мы не видим каких-то особых положений, какой-то особо создавшейся обстановки, особых перегибов, чтобы нужно было ЦК так круто реагировать своими решениями. Тут, вероятно, есть что-то другое скрытое. (Газ. «Красная Татария»).

Эти люди не понимали линию партии. Они принимают за линию партии свою собственную антисередняцкую практику. Эти товарищи, обнаружившие на практике чуждое партии и по существу троцкистское понимание отношений с крестьянством, осмеливаются теперь протаскивать троцкистские идеи в деле коллективизации, неминуемо ведущие к срыву коллективизации и социалистического строительства в целом.

Решительная борьба с этими антисередняцкими настроениями и с примиренчеством к ним необходима тем более потому, что они усиливают главную опасность правого уклона.

* * *

Куда же направляют острие своих атак правые оппортунисты и их тень — «левые» оппортунисты?

Что сближает сейчас правых и «левых» оппортунистов? В первую очередь стремление *дискредитировать партийное руководство и опорочить всю политику партии.*

Оба эти фронта, имеющие общие социальные корни, сблизившись идейно-политически, смыкаются кое-где теперь в борьбе с руководством партии, твердо проводящим ленинскую политику.

Предостерегающее значение этого факта отметила II Московская областная партконференция в резолюции по отчету ЦК.

> «Разгром контрреволюционного троцкизма и капитуляция лидеров правого уклона ни в коем случае не могут означать ослабления дальнейшей борьбы на два фронта за ленинскую линию. *Факт идейно-политического сближения правых и «левых» оппортунистов требует особой бдительности и решительности в борьбе на два фронта*». (Подчеркнуто нами.—*Н. М. и П. П.*).

Линия в организационных вопросах всегда есть продолжение политической линии. Естественно поэтому, что при наличии непримиримых расхождений по коренным вопросам политики между партией и правым уклоном, при условии обострения этих расхождений неизбежно непримиримое отношение правых оппортунистов к руководству партии и к ее виднейшим, наиболее стойким представителям. Предс'ездовский период показал, что правые (и «левые») элементы в партии стали на путь самой острой борьбы против партии и ее ЦК, борьбы, пытающейся разлагать дисциплину и монолитность партии, дискредитировать партию, борьбы, не брезгающей даже контрреволюционными клеветническими аргументами. Приведем самый яркий пример. «Поволжская Правда» сообщает о выступлении помощника директора Краснореченского совхоза т. Греера на Пугачевской окружной партконференции. Согласно этому сообщению, Греер на партконференции заявил:

> «Никогда, за весь период со дня Октября, партия не допускала таких грубых ошибок, какие имели место за последние месяцы, особенно по вопросу о середняке. Вся коллективизация проходила насильственным путем. В статье Сталина говорится о гигантских успехах партии в области коллективизации. Вместе с тем, статья имела обратное действие. Своей статьей Сталин развалил все наши колхозы, которые оказались построенными на песке».

И дальше Греер повторяет троцкистскую клевету (заимствованную потом у троцкистов правыми) об отсутствии коллективного руководства партией, о «командовании» в партии, тоскует о том, что «мы лишились таких вождей, как Троцкий», и т. д. Эта контрреволюционная клевета на нашу партию и ее ЦК, списанная почти дословно с самых махровых зарубежных пасквилей на партию, брошена в партию с трибуны партийной конференции!

Приведенный факт красноречивее всяких доводов говорит о том, *для чего* правым (и «левым») оппортунистам нужна дискредитация ЦК. К этому средству они прибегают для борьбы с *линией* партии и для защиты своей антипартийной линии. Пользуясь этим грязным средством, эти оппортунисты ставят себя в положение врагов партии.

В нынешней обстановке, когда правый оппортунизм с отменной наглостью противопоставляет свою линию линии партии и в этих целях снова атакует линию партии и ЦК, в этой обстановке особенно вредна и опасна беспринципная терпимость, примиренческое отношение к тезису правых и «левых» оппортунистов об «отступлении» партии и о том, что ЦК якобы вел антисередняцкую линию. Примиренческое отношение к этому, как и ко всем другим правооппортунистическим утверждениям и вылазкам, есть прямая помощь правому уклону, есть трусливая, замаскированная защита правого уклона.

Со всей наглядностью в этом можно убедиться на следующем, *не единичном*, примере. В газете «Борьба» об Турковской партийной конференции и Балашовском железнодорожном коллективе ВКП(б), известных уже нам по ряду оппортунистических вылазок, сообщается следующее:

> «Особенно характерно еще и то, что абсолютное большинство из 25 выступавших в прениях на Турковской конференции *не дали отпора этим откровенно правым настроениям*, об'ективно солидаризировались с ними. А на собрании партколлектива железнодорожного узла из 70 присутствующих коммунистов голосовали за осуждение правых,— за линию партии — 20, против осуждения правых — значит против линии партии — 19 и остальные 31 воздержались от голосования, явно примиренчески отнеслись к правому уклону».
>
> «Были и такого рода выкрики по адресу товарищей, разоблачавших правых, — «вы ловите наших товарищей на словах», «*осуждайте правых без нас, мы устали*».

Последняя фраза есть лозунг болотных элементов и примеренцев в нашей партии, которые, как ярко видно из данного примера, являются опорой и прикрытием правых оппортунистов.

Сплошь и рядом примиренчество, *беспринципная терпимость* к уклонам, проявляется в форме внешне весьма безобидной, не бросающейся в глаза. Часто наблюдается в ряде ячеек стремление *замазать*, прикрыть явно оппортунистические высказывания и выступления. «Напутал немного человек, с кем не бывает, зачем придираться, зачем его вытаскивать на «проработку», зачем «трогать»,—так рассуждают некоторые партийцы. Эти «добродетельные примиренцы» не замечают или сознательно не хотят замечать, что «путаники» по частям воспроизводят основные моменты платформы правого уклона.

Именно на почве такого примиренчества активизируются и наглеют правые уклонисты, как показывает опыт ряда—в частности—отдельных московских ячеек (Промакадемия, Тимирязевка, Торговая академия, ГИЖ и др.).

Примиренчество на данном этапе является наиболее распространенной скрытой формой проявления доподлинного правого уклона. Такое примиренчество проводит фактическую атаку на ЦК, на линию партии под прикрытием, якобы, согласия с линией партии.

На данном этапе правые уклонисты и примиренцы к ним прежде всего стараются дискредитировать руководство партии, пытаются приписать ЦК антисередняцкие перегибы в деле коллективизации.

Беспощадно борясь с этой клеветой на ленинское руководство партии, мы должны помнить, что «дискредитация партийного руководства есть та самая элементарная почва, на базе которой только и может разыграться борьба правых уклонистов против партии». (Сталин).

Линия партии и ее руководство неотделимы. Партия под руководством нынешнего ЦК во главе с тов. Сталиным выработала и проводит в непрерывной борьбе с правыми и «левыми» оппортунистами ленинскую линию в социалистическом строительстве. Именно в целях отмены этой линии правые оппортунисты (а также троцкисты и полутроцкисты), пользуясь всякими вымыслами и низкой клеветой, атакуют ныне ЦК и тов. Сталина, а примиренцы им в этом антипартийном деле оказывают непосредственную помощь. Разгадку этим атакам дает история всех прошлых оппозиций в партии, в частности, уроки ленинградской оппозиции. Один из лидеров оппозиционного блока, тов. Каменев, в заявлении II Московской областной партконференции пишет:

> «Систематические нападки на ЦК, и в частности на тов. Сталина, с нашей стороны в 1925—26 гг. были конечно не случайны и продиктованы не личными мотивами. Это был тактический маневр, рассчитанный на то, чтобы как можно более ослабить силу сопротивления партии оппозиционным наскокам путем дискредитирования ЦК и того товарища, который был выдвинут партией на пост идейного и организационного руководителя всей борьбой с антипартийными течениями и группами. Не случайно, конечно, что «правые» пошли по этому же пути и что обращенная ко мне речь тов. Бухарина состояла на ¾ из нападок на того же тов. Сталина. Небесполезно для оценки этого маневра вообще вспомнить, что и в те времена, когда во главе партии стоял Владимир Ильич, все оппозиции от меньшевиков (ведь и меньшевики были сначала только «оппозицией» на II с'езде партии) до впередовцев и до «рабочей оппозиции» — начинались с критики Ленина, его «личной политики» и его «режима». (Подчеркнуто нами.—*Н. М. и П. П.)*.

Это признание тов. Каменева, также как и тов. Зиновьева и некоторых других представителей ленинградской оппозиции (тов. Залуцкого) является признаком величайшей идейной силы партии. Потребовалось свыше 4½ лет неустанной борьбы партии и ее ленинского ЦК против «левой» оппозиции, чтобы, наконец, был признан ее бывшими руководителями антипартийный, антибольшевистский характер ее тактических маневров и методов, применяемых этой оппозицией в борьбе против партии и ее руководства. Опыт этой борьбы доказал, что непримиримость и последовательность нашей партии и ее руководства в борьбе с уклонами есть единственный путь защиты чистоты ленинской политики и укрепления партии. Этот опыт обнажает также смысл и назначение атак на ЦК и на т. Сталина, применяемых оппортунистами в прошлом и проводимых ныне с особенным ожесточением правыми оппортунистами, а также и примиренцами к ним.

Дискредитация штаба партии—ЦК и вождя партии—тов. Сталина нужна правым, чтобы линию партии и ЦК представить троцкистской и этим облегчить попытку подменить ее своей гибельной капитулянтской линией. Дискредитация эта нужна «левым», чтобы антисередняцкие перегибы возвести в руководящий принцип политики.

Нельзя забывать поэтому, что вопрос об отношении к руководству партии теперь, как и всегда, есть вопрос о выборе дальнейшей политической линии и что разговоры о неподготовленности партии к колхозному строительству, к ликвидации кулачества как класса, об увлечении ЦК темпами и т. п. есть не что иное, как «оппортунистическая маскировка и своеобразная форма ревизии генеральной линии партии».

* * *

Партия подходит к XVI с'езду с величайшими хозяйственными и политическими достижениями.

Внутрипартийная обстановка к XVI с'езду характеризуется небывалым сплочением партии вокруг ленинского ЦК, укреплением монолитности, идейного и организационного единства партии. Именно эта монолитность и единство партии, достигнутые партией под ленинским руководством ЦК, сделали возможным и достигнутые успехи в социалистическом строительстве, подняли на исключительную высоту авторитет партии и ее ЦК, обеспечили повсеместный отпор вылазкам правых и «левых» оппортунистов, обеспечили, наконец, быстрое и решительное исправление ошибок и перегибов, допущенных при проведении коллективизации в ряде местных парторганизаций.

Однако, мы не можем успокаиваться при виде этих достижений. Классовая борьба в стране продолжается, обостряется. Кулак еще не добит и ликвидация кулачества как класса потребует длительной, упорной борьбы. Неизбежны колебания мелкобуржуазных слоев, которые будут оказывать влияние и на отдельные группы в рабочем классе.

Ясно, что в этих условиях, в условиях обострений противоречий с внешним капиталистическим окружением, в обстановке бешеного сопротивления классовых врагов внутри страны, перед лицом трудностей, связанных с процессами социалистической реконструкции, особенно нужна железная воля пролетариата, монолитность, выдержанность и боеспособность партии. Особенно необходим в этих условиях решительный отпор «новым» попыткам ревизии генеральной линии партии с чьей бы стороны они ни исходили, прежде всего, правого уклона — главной опасности в партии. Этот энергичнейший отпор со стороны партии правым оппортунистам и сокрушительный разгром их до конца, несомненно, будет проведен партией на XVI с'езде. И это тем более необходимо, что даже после ноябрьского пленума ЦК со стороны активнейших представителей правых оппортунистов были попытки не только идейно-политической, но и организационной — фракционной борьбы за свою линию против партии.

При имеющейся активизации правых элементов в партии нельзя забывать, что идейные корни нынешних выступлений правых уклонистов лежат в той правой программе, которая была в свое время развернута группой тов. Бухарина и которая является теперь опорой правооппортунистических позиций. Вот почему крупнейшие организации партии на своих с'ездах и конференциях потребовали от лидеров правого уклона развернутой большевистской критики своих оппортунистических ошибок и решительной, активной борьбы против всяких попыток правых уклонистов ревизовать ленинскую генеральную линию партии, против всяких попыток дискредитации ленинского руководства партии — Центрального Комитета.

В истории партии мы имели случаи, когда люди на словах признавали правоту партии, чтобы выждать удобный момент для нападения на линию партии и партийное руководство. Лидерам правого уклона не удастся повторить тот маневр, который в свое время проделал Троцкий, «промолчавший» весь XIV с'езд! Несомненно, что XVI с'езд партии потребует от них совершенно ясного и недвусмысленного ответа об их отношении к линии партии и к партийному руководству. Партия не может терпеть в руководящем штабе людей, которые пытались бы держать камень за пазухой для борьбы с партией.

Со всей силой перед партией выступила необходимость открыть уничтожающий огонь по новым попыткам оживления в новой форме идеологии капитулянтства перед классовым врагом и перед трудностями социалистического строительства, необходимость мобилизовать внимание и силы партии в целом, каждой организации в отдельности на борьбу *на два фронта* и, в первую очередь, на преодоление *главной опасности* — правого уклона в политике, теории и на практике. Эта борьба может быть успешной лишь при условии самого решительного разоблачения оппортунистической сущности примиренчества к правому уклону, самого решительного преодоления наблюдающейся в ряде местных организаций чуждой большевизму бесхребетности в борьбе за ленинскую линию и ленинское руководство партии.

Со всей настойчивостью стоит также задача дальнейшей борьбы и преодоления сохранившихся в партии антисередняцких настроений, троцкистских и полутроцкистских наскоков на генеральную линию партии и на руководство партии.

Гигантский об'ем задач, стоящих перед нами, огромные трудности на пути осуществления этих задач требуют сохранения и укрепления единства и сплоченности партии, требуют твердого проведения и впредь четкой классовой линии. Партия должна быть ограждена организационно от попыток ревизии генеральной линии партии, от попыток расшатывания партийных рядов, от попыток дискредитации партии и ее руководства. XV с'езд *признал принадлежность к троцкистской оппозиции несовместимой с пребыванием в рядах партии*. XVI партконференция и ноябрьский пленум ЦК в 1929 г. признали пропаганду взглядов *правого оппортунизма и примиренчества к нему несовместимой с пребыванием в рядах* ВКП(б). Эти решения сохраняют все свое значение и в настоящий период. Интересы партии, интересы социалистического строительства требуют активной борьбы *каждой* организации, *каждого* коммуниста за генеральную линию партии и *против наскоков на партию со стороны оппортунистов и прежде всего со стороны главной опасности—правого уклона—и примиренчества к нему*.

Отсюда возможна только одна постановка вопроса: *либо* безоговорочное подчинение партии и исчерпывающий большевистсткий отказ от антиленинской линии, *либо*—последствия, которые вытекают из решения партии о несовместимости пропаганды взглядов правого уклона с пребыванием в большевистских рядах.

Б. Шеболдаев.

На фронте социалистического наступления.

(Некоторые итоги по Нижне-Волжскому краю к XVI с'езду ВКП(б)).

1. Проверка генеральной линии.

Огромные успехи социалистического строительства последнего периода внесли коренные изменения в экономику страны. На базе индустриализации происходит бурный рост социалистического сектора в деревне (совхозы, колхозы). Значительно изменилось соотношение различных элементов общественно-экономических укладов, о которых говорил Ленин в 1921 году.

Ломка прежних отношений, развитие социалистических форм хозяйства—не есть только результат «простого роста» нашего хозяйства. Они являются результатом борьбы рабочего класса за социалистическую реконструкцию промышленности, результатом борьбы под руководством рабочего класса миллионов бедняцко-середняцких масс деревни за крупное обобществленное хозяйство. Маркс говорил, что идея, овладевая массами, становится материальной силой. Лозунги партии, воспринятые массами, превращаются в проценты роста промышленности, совхозов и колхозов.

Этот рост происходит при ожесточенном сопротивлении со стороны капиталистических элементов. «Астраханщина» показала, что даже к периоду XV с'езда имелись пункты, где частный капитал, разлагая советский аппарат, используя оппортунизм партийного руководства, не только сохранял, но даже укреплял свои позиции. Дело лжеколхоза «Красный Мелиоратор», а также дела ряда лжеколхозов Балашовского окр. вскрыли пути приспособления кулачества к новым условиям, пути, по которым кулачество пыталось самые колхозы поставить себе на службу.

По вопросу о хлебозаготовках был дан на новом этапе первый серьезный бой со стороны кулачества. Не даром именно по этому вопросу правые уклонисты наиболее энергично наступали на линию партии.

Развитие колхозного движения окончательно, на практике, доказало правоту ленинского отношения к среднему крестьянству, как «резерву» пролетарской революции, и всю об'ективную контрреволюционность и вредность право- и «лево»-оппортунистического подхода к середняку, как враждебной строительству социализма силе.

Однако, в условиях огромного обострения классовой борьбы, в условиях ломки вековых устоев хозяйства и всего уклада жизни деревни, задача организации крестьянских масс приобрела особые трудности и не всегда и не везде разрешалась успешно. Даже в городе лозунг «пятилетка в четыре года» и, вообще, выполнение плана «великих работ» иногда встречает со стороны отдельных отсталых элементов в рабочем классе скептическое, выжидательное отношение. Тем более возможны отдельные колебания в деревне перед лицом трудностей колхозного строительства.

Недавние извращения партийной линии в некоторых районах привели к колебанию отдельных прослоек середняка, к напряженному положению в деревне в ряде районов, отразившемуся на устойчивости колхозов, давшему почву кулачеству вновь попытаться поднять голову. Ряд фактов сигнализировали угрозу размычки с середняком.

Меры, принятые ЦК по исправлению перегибов на местах, несомненно, уже создали перелом в настроениях деревни, об этом говорит закрепление колхозов, итоги сева, невозможные без крепкой смычки с середняком. Однако, для закрепления этого перелома и дальнейшего развертывания социалистического наступления нужна упорная работа.

2. Колхозное строительство и ликвидация кулачества как класса.

Сторонники теории «самотека» доказывают, что имеющиеся успехи колхозного строительства целиком, якобы, об'ясняются административным восторгом не по уму усердных коллективизаторов сверху[1]).

Более «скромные» критики говорят о чрезмерных темпах, об увлечении нереальными темпами коллективизации», которые, якобы, допустила партия.

Спекулируя на выходах из колхозов и на трудностях колхозного строительства, скрытые оппортунисты в более осторожной форме так изображают недочеты колхозов, чтобы навязать мысль о насильственном насаждении всего колхозного движения, о его искусственности. Это, пожалуй, наиболее распространенный и наиболее тонкий и опасный вид борьбы против колхозного движения.

Конечно, ни массовый поворот середняка к колхозу, ни переход бедняцко-середняцких масс в наступление на кулака не может быть результатом «декретирования сверху». Подобный взгляд является величайшим опошлением марксистского представления о законах, приводящих массы в движение. Ряд фактов, когда движение масс пытались дополнять «декретированием» и «форсированием» сверху, ни в какой мере не меняет основной оценки, колхозного движения, как массового движения самих бедняцко-середяцких масс. Это отнюдь не значит, что партия, ее политика, что вся система пролетарской диктатуры не сыграла решающего значения в деле перехода основных середняцких масс на путь социалистического переустройства деревни. В частности, решающую роль сыграла, конечно, реализация решений XV с'езда партии.

Материалы производственного гнездового обследования всех округов Н.-В. края (около 20 тыс. хоз.) сентября 27 г. перед XV с'ездом партии и сентября 29 г. непосредственно перед большим под'емом колхозного движения в крае говорят о значительном экономическом разгроме кулацкой верхушки деревни и большом хозяйственном росте низших слоев деревни за последние два года.

По отдельным округам степень разгрома верхушки деревни и укрепления пролетарских и полупролетарских групп дают значительные колебания, но общая картина целиком сохраняется[2]). Данные налогового обложения с

---

[1]) Из выступления т. Греера на Пугачевской окр. конференции. «Вся коллективизации проходила насильственным путем. В статье Сталина говорится о гигантских успехах партии в области коллективизации вместе с тем статья имела обратное действие. Своей статьей Сталин развалил все наши колхозы, которые оказались построенными на песке. «Поволжская Правда» от 1/VI—1930 года.

[2]) Тов. Пахунов в журнале «На Аграрном Фронте» № 2, 1930 г., использовывая материалы гнездовой переписи только по Хоперскому округу, пришел к выводам: «Совершенно четко обозначается под'ем пролетарских и полупролетарских слоев деревни. В отношении групп мелких товаропроизводителей гро-

Производственная гнездовая перепись крестьянских хозяйств с 1/IX 1927 г. на 1/IX 1929 г.

(По Нижне-Волжскому краю).

Классовые группы хозяйств.	змение по классовым группам				Удельный вес											
					Распределение средств производства			Обеспечение скотом вообще			Обеспечение рабочим скотом			Обеспечение сельскохозяйственным инвентарем		
	Осталось в своей группе	Перешло в низш. группу	Перешло в высш. группу	Подверглось организационному изменению	В 1927 году	В 1929 году	% изменения удельного веса	В 1927 году	В 1929 году	% изменения удельного веса	В 1927 году	В 1929 году	% изменения удельного веса	В 1927 году	В 1929 году	% изменения удельного веса
Пролетариат	29,8	—	39	36	1,16	2,20	189,7	1,83	2,59	141,5	0,39	2,44	625,6	0,40	0,87	435
Полупролетариат	32	12	35	20	4,21	6,82	162,0	4,46	7,46	167,3	2,99	6,68	223,4	1,38	3,53	255,8
Ниже средних	47	12	28	12	12,54	15,55	124,0	13,39	16,15	120,6	15,03	17,60	117,1	7,18	11,76	163,8
Выше средних	53	26	12	7	34,62	30,57	88,3	33,07	29,32	88,7	34,94	29,54	84,5	44,79	37,22	83,1
Средних	51	36	53	7	32,66	32,95	100,9	32,96	32,81	99,5	34,81	34,81	100,0	29,0	33,38	115,1
Мелкокапиталистические хозяйства	25	69	—	6	14,81	11,91	80,4	14,29	11,67	81,7	11,84	8,93	75,4	17,45	13,25	75,9

полной очевидностью подтверждают эти выводы—хозяйств по краю с доходностью выше 500 руб. в 28 году было 5,1%, в 29 г.—только 3,7%.

Основными рычагами вытеснения кулачества являлись: а) репрессии во время хлебозаготовок, по которым кулацкие хозяйства «кратированы» на десятки миллионов руб.; б) обложение сел.-хоз. налогом и в частности — индивидуальное обложение (5% хозяйств платило свыше 40% всего налога, а также самообложение); в) землеустроительная политика, вырвавшая диференциальную ренту у кулачества и поставившая ее на службу укрепления опоры партии в деревне (лучшая земля бедноте); г) конфискация тракторов и сложных молотилок, досрочное отозвание кредитов у кулачества; д) новые формы регулирования товарооборота между городом и деревней (контрактация) и т. п.

Если учесть, что одновременно с вытеснением из экономики деревни кулачества, резко увеличивался хозяйственный вес бедноты, если учесть, что середняцкое хозяйство «познало пределы своего развития», если наряду с этим успехи совхозного и колхозного строительства приняли массовый характер (в 1928 г. в колхозах было 3% хозяйств, в 1929 г.— 10%),— произошли серьезные изменения в обеспеченности сельского хозяйства более совершенными средствами производства (трактора и др.), широко развернулось кооперирование, контрактация и т. д., то совершенно очевидны причины, толкнувшие не только бедноту, но и середняка в колхозы.

Таким образом, поворот в политике партии в деревне был подготовлен всей предыдущей работой партии. Новые лозунги возглавили начавшееся движение широчайших бедняцко-середняцких масс.

Первая весенняя сельскохозяйственная кампания, на основе сплошной коллективизации—первая сельскохозяйственная кампания без кулака—говорит о решающих успехах политики партии. В колхозах на 1/VI закрепилось по Нижней Волге, примерно, 400 тыс. хозяйств, из 800 тыс. (всего по краю считается 1 млн. хозяйств, из них 71 тыс. не имеющих право быть в колхозе и около 150 тыс. не занятых сельским хозяйством) бедняцко-середняцких хозяйств, т.-е., примерно, 50%, при чем выхода прекратились и по отдельным округам обозначился прилив. По сводке НКЗ, на 1/VI по Н.-В. краю (без АССРНП) засеяно всех яровых 112%, по пшенице 130% прошлогоднего клина, увеличив площадь пшеницы на 600 тыс. га в сравнении с прошлым годом. Площадь под кукурузу уже увеличилась в 4 раза и превышена прошлогодняя площадь по подсолнуху. Сев еще продолжается и, несомненно, что край даст рекордный, даже за период советской власти, рост ярового клина (15—20%). При этом около 67% всей площади (без совхозов) падает на колхозный сектор.

Несомненно, что приведенные данные посева несколько преуменьшены в части индивидуального сектора. В прежние годы в таких случаях на сокрытие площадей механически набавлялось 15—20%. Беседы с крестьянами убеждают в значительном расширении посевных площадей. А это означает, что колхозы не только перекрыли посевы ликвидированных кулацких хозяйств (15—20% посевных площадей прошлого года), а также недосев части единоличных хозяйств, особенно вышедших из колхозов, но и нашли дополнительные производственные возможности.

мадный под'ем отмечается в хозяйствах типа ниже среднего; гораздо менее выражен под'ем в средних хозяйствах.

Наоборот, в группе товаропроизводителей выше среднего типа имеет место падение 30% хозяйств на низшую ступень и, наконец, мелкокапиталистическая группа оказалась совершенно разгромленной. Лишь 3,3% хозяйств этой группы остались в группе мелкокапиталистической. В общем в этой таблице выражены результаты нашего наступления на капиталистические элементы деревни».

Колхозы совершили переворот не только в организации живого труда, но и в землеустройстве, сохранив за собой лучшие массивы земли, в севообороте подняли значительные массивы многолетних залежей и целин, сломали трехполку, в методах обработки полей осуществили ряд агротехнических мероприятий, о которых год тому назад мы не могли даже мечтать.

Значение этого переворота в землеустройстве, уничтожившего старые традиционные наделы, огромно по своим последствиям.

Даже в путине, в проведении которой был допущен ряд серьезнейших ошибок, дело обстоит так: в 27 г. выловлено 18 млн. пуд. рыбы, а в 28 г.— 17 млн. пуд., в 29 г.—24,3 млн. пуд., из них в весеннюю путину—10,2 млн. пуд. и в 30 г. весенняя путина дала на 25/V—13,2 млн. пуд., т.-е. после вытеснения частника (весна 29 г.) и после решения Астраханского ОК о сплошной коллективизации ловецких хозяйств имеем значительное увеличение улова.

Нельзя считать исход путины удовлетворительным, поскольку план невыполнен и в работе допущен ряд ошибок, но несомненно, что коллективизация ловецких хозяйств (78%) себя целиком оправдала.

Наибольшая угроза в сельском хозяйстве наметилась по животноводству: сокращение в текущем году лошадей до 95%, коров до 88%, волов до 80% стада прошлого года является результатом не только ликвидации кулачества и перегибов в коллективизации (процесс сокращения прироста скота наметился ранее — неурожай кормов), но и, несомненно, является в некоторой части следствием перегибов при обобществлении скота и трудностей контроля в деле разбазаривания скота кулаком. Решительное проведение решений ЦК ВКП(б) о животноводстве даст возможность ликвидировать этот прорыв на колхозном фронте.

Таким образом, итоги первой сельскохозяйственной кампании колхозов говорят о том, что сплошная коллективизация в зерновых районах привела к небывалому под'ему производительных сил. Это говорит о том, что только на пути колхозного строительства может быть преодолена отсталость сельского хозяйства и решена зерновая проблема, и в корне опровергает разговоры о производственной пассивности колхозных масс.

Нередко некоторые товарищи под сплошной коллективизацией края понимают немедленный охват колхозами 100 проц. всех хозяйств. Это неправильно. Нижняя Волга является краем сплошной коллективизации, ибо колхозы стали уже решающей силой, определяющей перелом в экономике деревни (около 70% в яровом клине). Однако, половина крестьянских хозяйств находится еще вне колхозов. Менее всего втянуты пока в колхозы более зажиточные: многопосевные, многолошадные, многокоровные крестьянские хозяйства, занятые в кустарном ремесле, в отхожих промыслах, в пригородных и малоземельных районах. Выходы из колхозов также главным образом падают на более мощную часть середняков, на малоземельные районы и частично на те слои бедноты и батрачества, для которых сельское хозяйство не являлось раньше основным источником существования.

И все-таки общий большой перелом в деревне (закрепление 45—50% крестьянства в колхозах), преимущества колхозов настолько очевидны, настроения в деревне таковы, что сегодняшние единоличники завтра в основной своей части придут в колхоз. Директивы ЦК о темпах коллективизации (от 5 января с. г.), намечающие охват к весне 31 года колхозами основной массы крестьянских хозяйств края, несомненно, будут выполнены, несмотря на частичные выходы и дополнительные трудности в результате искривлений линии партии на местах.

Под впечатлением выходов из колхозов и борьбы с перегибами, на местах нередко, наблюдается пассивность при вовлечении единоличников в колхозы. Теория «самотека» находит практическое применение. Нередко цитируется правильная мысль Энгельса о том, что «мы постараемся представить ему (мелкому крестьянину) возможность больше времени подумать об этом (переходе к товариществу) на своем клочке». Однако, сторонники теории «самотека» замалчивают следующее указание Энгельса: «главное дело тут в том, чтобы выяснить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можем, только превратив их в товарищескую собственность и товарищеское производство».

Сплошная коллективизация, ныне проводимая партией, неразрывно связана с ликвидацией кулачества как класса. Это две стороны одного и того же процесса. Именно поэтому конфискация имущества 40—45 тыс. кулацких хозяйств по Н.-В. краю прошла без всяких осложнений, была осуществлена руками самих бедняцко-середняцких масс. При этом конфискация дала колхозам в общей сложности на 20—30 млн .руб. по преуменьшенному подсчету кулацких средств производства и имущества.

Имевшие место в связи с перегибами и извращениями партийной линии колебания части середняков в колхозном движении немедленно нашли свое отражение также и в колебаниях по вопросу о ликвидации кулачества. Однако, сейчас в связи с исправлением допущенных ошибок эти колебания также изживаются.

Конечно, проведенные меры по конфискации имущества, частичной высылке и расселению раскулаченных еще не означают ликвидацию кулачества как класса. Лишенное своей эксплоататорской основы кулачество остается злейшим врагом колхозов и советской власти. Как правило, кулачество не провело весной посевов, не подчиняется указаниям власти; попрежнему и даже более активно ведет контрреволюционную работу. Сейчас предстоит упорная борьба за окончательную изоляцию кулацких элементов (а не «обращение в трудовые элементы», о чем говорит Ларин) и ликвидацию кулачества в районах сплошной коллективизации в ближайший срок.

При обсуждении тезисов ЦК о коллективизации больше всего сомнений вызывает у членов партии положение о том, что колхозник без различия социальных прослоек превращается в «опору в деревне». Возражающие механически переносят лозунг опоры в деревне «только на бедноту» в колхозах. Между тем, в результате значительного хозяйственного роста бедняцких слоев деревни еще до массового колхозного движения уже наметился сдвиг в сторону уменьшения хозяйственных различий между беднотой и середняками. Деревня «осереднячивалась», выравнивалась.

В начальной стадии организации колхоза после обобществления всей земли (кроме усадьбы), всего инвентаря, тяговой силы и т. п., этот процесс в огромной мере ускоряется. После первого же урожая, при значительном расширении посевов на хозяйство, в среднем (2 и более раза по Н.-В. краю) середняк в колхозе улучшит свое материальное положение в среднем на 20—30% и бедняк в 2 раза, а может быть, и больше, и тем самым значительно подтянется к уровню средней семьи в колхозе. Отчисления 5% валовой продукции для выдачи пропорциально паям, наличие более крепкой индивидуальной усадьбы, скота и т. п. у середняка не отменяют этого процесса, а только замедляют.

Таким образом, выдвижение лозунга «опора на колхозника» вытекает из реальных экономических процессов, постепенно стирающих грани между бедняцкими и середняцкими слоями в колхозе. Конечно, элементы неравенства будут сохраняться на определенный срок в колхозе. Останутся даже элементы классовой борьбы. Однако, надо отчетливо видеть тенденцию социалистического преобразования мелкособственнических навыков вчерашнего единоличника и сегодняшнего колхозника. Надо видеть коренную разницу между классовой борьбой с кулачеством и борьбой за переделку середняка,

ставшего колхозником, т.-е. уже не только союзником, но и опорой в деревне. Перенесение методов борьбы с кулачеством во взаимоотношения с частью середняков является распространенной формой «левого», троцкистского загиба в теории и в практике.

Первая практика массового колхозного движения уже подтвердила, что *колхозы и колхозники являются политической опорой партии в деревне.*

Какой нелепостью звучат разговоры о том, что беднота при политике сплошной коллективизации менее активна. Разве не ясно, что огромная перемена в положении бедняка, превращающая его из «хозяина», постоянно стоящего, несмотря на помощь государства, на грани разорения, в полноправного участника социалистического производства,—является лучшим залогом огромной активности бедноты.

Также очевидно, что в условиях Нижней Волги (70% соцсектора сельского хозяйства) лозунг опоры на колхозников является главным и решающим лозунгом, неразрывно связанным с лозунгом сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Однако, перенесение центра внимания на колхоз, факт некоторого обострения отношений между колхозниками и единоличниками, в своеобразной форме отражающего противоречие и борьбу социализма с мелкособственнической стихией, ни в какой мере не должны означать игнорирования, а тем более ущемления остающихся единоличных хозяйств. Наоборот, вся работа колхозов и наших организаций должна быть направлена к тому, чтобы, обеспечивая законные права и льготы колхозам, оказать всемерную помощь единоличнику и, прежде всего, бедняку, установить с ними взаимоотношения, всемерно облегчающие единоличнику переход грани, отделяющей его от колхоза.

3. Колхозы и новая форма организации труда.

При ознакомлении с результатами весенней кампании (посевной, путины) поражают огромные успехи колхозов. В общих цифрах — эти успехи смазываются выпадением посевных площадей кулаков (15—20% всех площадей в прошлом году), недосевом и потребительским размером посева части единоличников, плохим учетом и т. п. Но когда приходится брать отдельно, то в многоземельных округах увеличение посева на хозяйства в два—три раза в колхозе—это правило. Приходилось встречать колхозы, которые засеяли (Немреспублика) в среднем свыше 40 га на хозяйство, т.-е. далеко перешли уровень раскулаченных хозяйств. Ряд товарищей считали утопией возможность засеять весной на тягло 8 га против обычных 4—5 га. По краю результаты приближаются к этой «утопической» норме. В Хопре и Пугачевском округе в среднем засеяно по 10 га на тягло, при расширении ярового клина на 30—35%; факты засева колхозами 12—15 га на тягло далеко не исключены. В одном из хуторов, имеющем 150 дворов, в Сталинградском округе, Фроловского района, в колхозе осталось 50 хозяйств, преимущественно бедняцких. Этот колхоз засеял в 3 раза больше, чем сеял весь хутор в предыдущий год. В момент нашего приезда продолжал сеять и рассчитывал засеять в 5 раз больше всей прошлогодней площади хутора.

В отдельных колхозах поражают успехи строительства и животноводства. Несмотря на огромное стремление расширить площади посева, колхозы, несомненно, внесли также и коренное улучшение в качество обработки полей (как правило, проводятся требования обработки почвы, применяемые в совхозах). Это очевидно, это признают и единоличники. Все это говорит об огромном росте производительности труда в колхозах.

В главе «Кооперация» Маркс (Капитал, т. I.) развил ряд законов увеличения производительности труда на основе простого об'единения рабочей силы (простая кооперация) и средств производства ¹). При чем имелись в виду все отрасли труда и в частности сельское хозяйство.

Не только преимущества простого кооперирования труда нашли свое выражение в результатах колхозного сева, огромную роль, несомненно, сыграли также разделение труда, специализация по бригадам, некоторая централизация агрономического и общехозяйственного руководства и т. п. Речь идет уже не только о простой кооперации труда, но и о его разделении и специализации, т.-е. о дальнейшей ступени, о «мануфактурном» периоде в сельском хозяйстве.

Если раньше форму организации сельского хозяйства, на основе кооперирования сбыта, снабжения и контрактации можно было назвать «домашней системой крупного государственного социалистического производства в области сельского хозяйства» (Сталин), если товарищества по совместной обработке земли (тсоз) есть простейшая, иногда даже временная кооперация труда, то нынешняя основная ступень колхозного строительства — сельскохозяйственная артель, охватывающая сотню и более хозяйств, с некоторой постоянной системой разделения и организации труда, однако, далеко еще не фабрично-заводского типа и при том с особенностями, вытекающими из специфичности сельского хозяйства.

Еще год тому назад, в крае было около 6.000 посевных поселковых товариществ, и только около 6% площади в колхозах и при том 80% из них были тсозы, сейчас половина всех хозяйств в артелях.

Надо отметить, как крайне отрицательную черту—нарушение, в результате ломки, происшедшей в деревне, тех связей «домашней системы» с единоличным хозяйством и индивидуальной частью хозяйства колхозника, которые привели к крайнему ослаблению работы специальных видов сельскохозяйственной кооперации и ее снабженческо-сбытовых функций.

Ясное представление о том, из каких переходных форм организации труда складывается наше колхозное строительство, какую ступень организации труда оно представляет, совершенно необходимо для того, чтобы найти правильное решение практических вопросов, связанных с выбором типа колхоза и разработкой его отдельных деталей.

Лишний раз подтверждается известная марксистская истина о том, что пути развития сельского хозяйства в основном и решающем одинаковы с развитием других отраслей хозяйства. Если Ленину приходилось мобилизовать всю свою марксистскую аргументацию для борьбы с народниками, а затем буржуазной статистикой (Гриммер) ²) доказывая, что развитие сельского хозяйства, в частности в САСШ, подчинено общим законам капиталистического развития, то теперь это совершенно очевидно на опыте фермерских хозяйств Америки (См. Гувер, т. II, стр. 55 и посл.).

История развития сельского хозяйства в нашей стране, и в особенности, колхозное строительство, еще раз и с полной очевидностью подтверждает, что и при диктатуре пролетариата, в принципиально иных условиях строительства социалистического хозяйства, одна из его существенных отраслей—сельское хозяйство, подчинена тем же законам организации труда, как и другие отрасли, хотя и со своими специфическими особенностями. Сельско-

---

¹) «Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в вещественных условиях процесса труда»....... «Эта экономия (сбережение) в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. Они приобретают этот характер даже в том случае, если многие рабочие об'единены лишь пространственно, а не совместностью самого труда» (Капитал т. I. стр. 301, изд. 1925 г.). «Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и создании новой производительной силы, которая по своей сущности есть массовая сила» (Там же стр. 302).

²) См. Ленин, «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии».

хозяйственная артель, несомненно, остается основным звеном колхозного строительства и является той формой, которая соответствует нынешнему переходному этапу в сельском хозяйстве, которая обеспечивает огромное повышение производительности труда и одновременно по простоте своих принципов находится в соответствии с уровнем среднего колхозника.

Совершенно очевидно, что размерам и сложности организации артели существующей техникой (отсутствие единой энергетической базы, трактора, электричества, автомобилей, телефонов и др.) положен определенный предел, за границами которого ее положительные стороны превращаются в отрицательные. Поэтому лозунг—колхоз-село, несомненно, совершенно правильный. Однако, необходимо в интересах настоящего и предвидя дальнейшее развитие наших колхозов создать колхозные об'единения (кусты), конечно, при добровольном согласии колхозников, обеспечив их квалифицированными партийными, агрономическими и инспекторскими кадрами.

Существеннейшим вопросом являются также конкретные формы организации труда. При чем, опыт посевной кампании с очевидностью говорит о том, что система бригад и в частности специальных себя целиком оправдала, так же как и выделение постоянных кадров для выполнения ряда обязанностей в колхозах (специалисты, квалифицированная сила, постоянный обслуживающий персонал и т. п.).

Распределение доходов колхоза является, несомненно, коренным вопросом, определяющим самый тип колхоза. Здесь еще много спорных вопросов, но несомненно, что в первый период распределение доходов по едокам, по работникам, оплата повременно, по возрасту и полу будет основными формами расчетов в сельскохозяйственной артели, и что только в отдельных специальностях удастся перейти к сдельной оплате (трактористы, кузнецы и др.). Вместе с тем необходимо предоставить колхозникам большую самостоятельность в вопросе о том, как использовать и распределить доходы после выполнения обязательств в отношении государства. Всякое «декретирование» и давление сверху в этом вопросе может принести только вред самому колхозному движению.

Необходимо также остановиться на вопросе об использовании освободившейся рабочей силы, который пока еще не дает себя чувствовать практически, но который будет иметь огромное значение для ближайшего будущего и особенно для районов сплошной коллективизации. Энгельс совершенно справедливо указывал, что

> «скажется, что при соединении мелких клочков земли и общественной их обработке, обработке всей их поверхности часть занятых до сих пор рабочих сил будет излишней, в этом сбережении труда и состоят главные преимущества крупного производства. Для этих рабочих сил можно найти занятие двумя путями. Или предоставить крестьянскому товариществу в распоряжение обширные пространства земли из соседних крупных имений или же дать им средства и возможность подсобной промышленной работы» ¹).

Действительно, предварительные подсчеты говорят о значительных массах незанятых рук в колхозах. По подсчетам крайотдела труда ²), проведшего специальное обследование, примерно, 30—40%, а иногда и больше. Примерно, 500 тыс. человек по краю трудоспособных членов колхоза не будут использованы при минимальной рационализации труда и при сохранении нынешнего уровня сельскохозяйственного производства. Расширение площадей, элементарная интенсификация полеводства могут, очевидно, только частично разрешить этот вопрос. Стоит как одна из существенных задач—наметить и провести коренные мероприятия, которые, внося улучшения в хозяйство, обеспечили бы рост его доходности (агрикультурные мероприятия, интенсив-

---

¹) Энгельс «Крестьянский вопрос».

²) — см. брошюру Давидовича «Вопросы труда в колхозах», Госиздат, 30 г.

ные культуры, мелиорация, строительство, культурное животноводство, сельская индустрия, отхожие, подсобные промыслы и т. п.), и тогда незанятые рабочие руки, которые все равно будут существовать за счет колхоза, будут использованы для расширения производительных сил. Это, конечно, вопрос не об «аграрном перенаселении», ибо смысл этого явления коренным образом меняется, но это огромный источник средств для повышения возможностей нашего строительства и проведения преобразования самой деревни.

4. Социалистические темпы (Тракторострой, Сталгрэс).

Тезисы ЦК к с'езду партии отражают огромный перелом в росте нашей промышленности и всего хозяйства страны после XV с'езда партии. Капиталовложения в промышленность растут в огромной степени. Темпы роста валовой продукции промышленности за последние два года равны примерно 30—33%; удваиваем довоенную продукцию промышленности, догоняем крупнейшие капиталистические страны и т. п. В малом масштабе в Н.-В. крае происходят те же процессы.

Невольно возникает вопрос, где же силы, где те источники, которые позволили XV с'езду создать решающий перелом в деле индустриализации нашей страны?

Правые уклонисты, обвиняя партию в «военно-феодальной эксплоатации крестьянства», очевидно предполагали, что главный источник для индустриализации—это «дань» крестьянства. Но, ведь, факты говорят, что «ножницы» между продуктами сельского хозяйства и промышленными товарами сближаются с каждым годом. По Н.-Волге, например, крестьяне за центнер ржи в прошлом году получали текстиля 83%, а в нынешнем уже 87% довоенного соотношения. Денежные расчеты (налог, самообложение, займы и др. платежи крестьянина, с другой стороны—«кредит, расходы для деревни» и т. п.), с деревней не в пользу города—в 1928/29 г. на 15 млн. руб., в 1 полугодии 1929/30 г.—на 10 млн. руб.

Новые источники и основные средства развертывания промышленности лежат не в деревне.

Причин, обусловливающих высокие темпы в росте производительных сил много. В совокупности они сводятся к преимуществам социалистического сектора нашего хозяйства, который накопил за предыдущий период возможности для дальнейшего резко ускоренного роста.

Надо остановиться на основном источнике новых ресурсов для строительства социализма, характерном для хозяйства края, и вероятно, и для всего переживаемого этапа.

Речь идет об ударных темпах работы, о социалистическом соревновании, ударных рабочих бригадах и других новых формах организации труда, которые приводят на той же технической основе, при тех же затратах к повышенным результатам. Именно в развертывающемся ударном движении рабочих находит свое блестящее подтверждение мысль Маркса, что «из всех орудий производства наиболее крупной производительной силой является сам революционный класс [1]).

Эта производительная сила, направленная на ускорение темпов социалистического строительства является тем основным источником, который питает небывалый рост нашей промышленности. Приведем несколько примеров из опыта Нижней Волги. Они вскрывают путь классовой борьбы, борьбы масс за высокие темпы и процесс создания этой «производительной силой» крупнейших предприятий, добавочных миллионов тонн промышленной продукции.

---

[1]) Маркс «Нищета философии», стр. 140.

Но, прежде чем перейти к этим примерам, надо отметить, что и в другой существенной области, в отношении более рационального «планового» хозяйничанья, мы начинаем добиваться кое-каких успехов. Несмотря на то, что во главе наших строящихся и действующих предприятий стоят, как правило, рабочие без специального образования, мы уже имеем примеры перенесения последних достижений мировой техники в нашу работу. Несомненно, отдельные из наших хозяйственников являются даже новаторами в самой технике, и ставят последние достижения науки на службу социалистическому строительству.

Приведу выдержку из «Отчета рабочих и административно-технического персонала о ходе работ по Сталинградской ГРЭС им. Кржижановского» редакции «Правда» к 1 мая 1930 г.:

> «Применение новых методов стройки нашло свое выражение частью в применении новейших конструкций, к каковым должно быть отнесено: устройство в кирпичных стенах железно-кирпичных перемычек; кладку кирпичных стен жилых зданий в 2 кирпича вместо запроектированных 2½.
>
> В новых методах работы, что выразилось: в применении кирпичной кладки без лесов; в единой конструкции лесов, опалубовке железо-бетонного каркаса главного здания, соединения частей болтами и т. д.; перемещении стройматериалов в горизонтальном направлении по кольцевому узкоколейному ж. д. пути, и в вертикальном—под'емниками, в частности применение бетонолитной башни «Ибога»; дозировка бетона на основе построения кривой Графа и Фуллера; устройство по периметру котловой понижательной установки, понизившей уровень грунтовых вод, что дало возможность провести копку насухо и устранить тяжелые и вредные условия труда; использование зимнего времени, что дало вести работу непрерывно весь зимний период; составление календарных планов на отдельные работы со всеми деталями с потребной разработкой процессов производства и необходимого количества рабочей силы; построить работу таким образом, чтобы дать возможность приступить к последовательно-сопряженным работам и маневрированию механизацией и техническим персоналом при значительном (в 40%) недостатке последнего.
>
> Этот перечень не исчерпывает всех форм применения новейших данных строительной техники. Мы отмечаем лишь как более заметные по своим непосредственным результатам».

Так пишет рабочий коллектив, который не только обсудил это письмо, но, что еще важнее, на практике осуществлял его.

При чем, если на строительстве Тракторостроя работали американские инженеры и ставились конструкции, привезенные из Америки, то Сталгрэс строится исключительно силами Советской страны, в сроки более короткие, но более высокими темпами.

Только сочетание последних достижений техники на основе планомерно развертывающейся работы, с одной стороны, с ударным движением масс—с другой, могло дать имеющиеся сверхамериканские темпы строительства Тракторостроя и Сталгрэс'а.

Впервые решение о тракторном заводе было принято в 1924 г., но до 1929 года не было сделано ни одного реального шага к его постройке, хотя значение завода для реконструкции сельского хозяйства было очевидно. Можно привести десятки и сотни протоколов комиссий, которые «в порядке проработки вопроса» делали по сути вредительское дело. Много профессорских имен фигурирует в этих документах (Гофман и др.), ожесточенно боровшихся против «утопии»—построения тракторного завода в Советской стране.

Решение правительства предполагало закончить постройку завода в 1931 году.

Уже после того, когда работы были развернуты осенью 1929 г., когда местные организации и начальник строительства тов. Иванов, считали возможным пустить завод осенью 1930 года, на самом строительстве, да и не только на строительстве, не верили в возможность построить и пустить завод в течение одного года.

Часть технического персонала и заместитель начальника тов. Яковлев (бывший секретарь Хамовнического райкома, снятый за правооппортунистические ошибки), выступили против взятых темпов строительства (письмо 14, заявления в ВСНХ и т. д.), доказывая преступность и авантюризм этого дела с точки зрения... планового социалистического хозяйства. Сырые массы сезонников с трудом входили в рамки большевистской дисциплины и поднимали темпы работы. Отсутствие достаточных кадров, техники, элементарных бытовых условий для работы,—делало задачу закончить строительство в течение года крайне сложной и трудной.

Революционный под'ем группы коммунистов и основного рабочего ядра, упорная настойчивость хозяйственного руководства, победили стихию сезонников, разгромили вредительство и правооппортунистическое крыло на Тракторострое. Вот сроки выполнения строительства основных цехов:

	Срок, намеченный американск. фирм. „Кан“	Срок, намеченный правлением Тракторостр	Фактически выполнено
Механическо-сборный	12 м.	5,5 мес.	5 мес
Кузнечный	12 „	10 „	5,5 „
Литейный	12 „	12 „	6 „
Установка конструкций.			
Механическо-сборный	113 дня	63 дня	28 дней
Кузнечный	132 „	62 „	45 „

Характерно, что советская контора «Тепло и сила» соглашалась на минимальный срок монтажа котла в 85 дней, турбины — 75 дней. Тракторострой же своими средствами смонтировал котел в 30 дней, турбины в 21 день. Оборудование по вине американских фирм запоздало на 2 — 3 месяца и монтаж идет сейчас сверхамериканскими темпами — круглые сутки. В результате завод будет пущен 15 июня, т. е. завод будет построен и пущен примерно в течение года и будет закончен значительно раньше всех сроков правительства и самого Тракторостроя [1]).

Если на Сталгрэс'е приходилось слышать от старого инженера-строителя, что он никогда не поверил бы в возможность таких темпов строительства, то на Тракторострое такие же отзывы можно услышать от американцев.

В чем секрет сверхамериканских темпов строительства Тракторостроя и Сталгрэс'а? Надо сказать прямо, что, прежде всего, в ударных методах работы, увязанных с плановыми расчетами, в огромном энтузиазме тысяч и десятков тысяч ударников—рабочих-строителей и металлистов.

В ударном движении уже выдвинулись свои вожди, свои руководители. На Тракторострое ударную бригаду т. Кузнецова (плотники) премировали «за то, что в 1929 г. этой бригадой производились работы зимой при крайне трудных условиях, в которых они добились повышения производительности на 60%». Другая бригада, тов. Калинина (бетонщики), премировалась за то, «что бригада, организовавшаяся из красноармейцев, достигла значительного повышения производительности труда, обогнала другие бригады, увеличив выработку с 1 до 2 кубометров бетона. При заключении договора намечалось 1½ кубометра, догнали до 2 метров, а в апреле стали вырабатывать 2,16 кубометра, в мае — 2,19 кубометра».

На Сталгрэс'е, после организации ударных бригад, производительность возросла по каменной кладке на 149—200%, бетонировании—141%, забивке шпунтов—171% и т. д. Когда на Тракторострое, при 26-градусном морозе и

---

[1]) Статья написана до пуска тракторного завода.

сильных ветрах, явилась необходимость остеклить крыши цехов—организовали комсомольские бригады, применили особые приемы работы и комсомольцы, отмораживая руки и ноги, закончили остекление и дали возможность развертывать дальнейшие работы в цехах. Тракторострой заключил договор соревнования с Сельмашем, и, в частности, обязались снизить прогулы с 1,7 до 0,4%. В настоящее время прогулов около 0,7%, а 27% ударных бригад не имеют прогулов вовсе. Едва ли требуется приводить еще примеры подлинного трудового героизма, который проявили строители Тракторостроя и Сталгрэс'а.

Огромный интерес представляет работа, проделанная под руководством тов. Полонского (командированного ЦК для борьбы с прорывами в промфинплане) Особенно поучителен опыт металлозавода им. Ленина в Саратове, «Красного Октября»—металлургического—в Сталинграде. Опыт этот освещен на страницах «Правды»,—поэтому подробно останавливаться на нем нет нужды.

Достижение заключалось в том, что наряду с улучшением хозяйственного и профсоюзного руководства были действительно подняты массы на ликвидацию прорыва, на увеличение производительности труда, на улучшение работы хозяйственного руководства (добровольчество—новая форма участия рабочих в исправлении недостатков и неувязок в хозяйственном аппарате, в частности, по вопросам снабжения сырьем), была разбита теория «об'ективных причин»,- закономерности невыполнения плана, была вскрыта вредительская деятельность отдельных специалистов и т. п. Характерны данные о выполнении промфинплана по заводу им. Ленина: январь 72% программы, февраль—82%, март—101%, апрель—112%, в мае прорыв ликвидирован и 8-месячная программа выполнена с превышением.

Примерно такая же картина по заводу «Красный Октябрь».

Эти цифры, конечно, не вскрывают той огромной организационной, политической работы, которая проведена для того, чтобы добиться достигнутых результатов.

Самая широкая большевистская самокритика, не боящаяся вскрыть самые тяжелые ошибки и недостатки, вовлечение широких масс в борьбу с недостатками, самокритика не только на словах и в печати,—явилась тем острым оружием, которым организация боролась за темпы строительства, за ликвидацию прорывов в промфинплане.

Лозунги соревнования, ударничества и самокритики неразрывно связаны между собой, они—основа успехов в деле промышленного строительства.

Ясно, что ударничество является огромной производственной силой, могущей при всех недостатках нашей работы дать рост результатов работы нашей промышленности на 25—30% в самые короткие сроки. Несомненно, что главный источник успехов в росте нашей индустрии лежит именно в этом движении рабочих масс к коммунистическому труду. Если собственно—ударническое движение (ударные бригады, коммуны) помножить на улучшение методов нашего руководства (единоначалие, основанное на действительном умелом не только общем, но и техническом руководстве), если прибавить переход на непрерывку, на 2- и 3-сменную работу, если представить, что даже имеющееся в нашем крае оборудование предприятий загружено только на 60%, то станут очевидными те огромные возможности, которые имеются в деле дальнейшего увеличения темпа индустриализации нашей страны, в частности, Нижне-Волжского края.

Наряду с блестящими примерами ударных темпов работы, социалистических темпов работы, охватывающих всю совокупность мер, ускоряющих хозяйственные обороты и рост производительности труда, налицо вопиющие примеры безалаберности, обломовщины, прямого вредительства на ряде предприятий. Ведь и сейчас можно найти предприятия, которые перешли на пятидневку в том смысле, чтобы останавливать завод не на 7-й день, а на 5-й день, предприятия, на которых «об'ективные причины», это — собственная нераспорядительность и халатность, где не только нет соревнования и ударничества, но где нет элементарного учета и организации труда. Примером может служить строительство Саратовской электростанции (в 4 раза меньшей, в сравнении с Сталинградской), строившейся в течение 5 лет, кожевенного завода в Сталинграде и др.

Стоит задача—примеры Тракторостроя и Сталгрэс'а, примеры завода им. Ленина сделать общим правилом. Успешное решение этой задачи требует от партийной организации огромной политической организационной работы, требует новых кадров для промышленности.

Тезисы тов. Куйбышева ставят вопрос о многосменной работе на предприятиях. Это совершенно своевременное предложение. Не так давно в аппарате ВСНХ усиленно доказывали невозможность трехсменной работы на машиностроительных заводах и, в частности, на Тракторострое из-за недостатка освещения, утомляемости рабочих, отсутствия практики за границей и т. п. И до сих пор заводы и, в частности, Тракторострой строятся с рассчетом на 1—2 смены. При чем сравнительно пустяковые пристройки (например, на Тракторострое расширение литейной, даже почти без вложения валюты),—дают возможность пустить третью смену, расширить производство на 50%.

Надо немедленно и решительно перейти к осуществлению тезиса о 3-сменной работе, соответствующим образом рассчитав и самое строительство, в частности, на Тракторострое. Непонятно, почему Тракторострой не должен выпускать лишних 25 тысяч «интеров» при самых скромных затратах на дооборудование.

Строительство Тракторостроя и Сталгрэс'а разбило вдребезги одно из оппортунистических утверждений о невозможности строить предприятие в течение зимнего периода и о необходимости строить в 2 летних сезона. Вся аргументация технического порядка оказалась простым вредительством. Сейчас выдвигается последний аргумент — якобы дороговизна строительства при ударных темпах и в особенности в зимнее время. В частности, ссылаются на Тракторострой. Ознакомление с предварительными материалами позволяет утверждать, что хотя смета Тракторостроя превышена, но не за счет строительства цехов, а за счет расширения жилищного строительства и учреждений, обслуживающих быт рабочего. Надо и в этом вопросе обеспечить жесткие сроки строительства и концентрацию средств и сил для ударного строительства.

Перед страной стоит задача широко развернуть станкостроение с целью освободиться от заграничной зависимости в отношении оборудования новых заводов. Опыт строительства Тракторостроя показал огромные преимущества американской техники с ее узкой специализацией каждого отдельного станка, имеющего назначение автоматической обработки той или иной детали данной машины (трактора). Только на основе такой специализации возможно действительно массовое производство американского размаха. Европейская техника, страдающая универсализмом станков, является в этом отношении отсталой. Даже Германия, сознающая огромные преимущества американского оборудования, не может отдать на слом наследство прошлого и принуждена в основном работать на универсальном станке.

Нам, в корне перестраивающим свою промышленность, необходимо твердо встать на путь станкостроения американского типа, т.-е. производства оборудования узкой специализации. А это означает вытеснение универсального токарного станка, фрезера; вытеснение также рабочего высокой квалификации, «мастера» на все руки, по существу еще ремесленного типа.

Территориальное разделение промышленности между Донбассом, Урало-Сибирским комбинатом и другими центрами промышленности в нашей стране, намеченное тезисами тов. Куйбышева, вполне правильно. Однако, уже ощущается на практике вопрос о «промежуточных» между гигантами промышленности районах, в частности о промышленном развитии Н. Волги. Необходимо обеспечить твердые наметки строительства этих районов, на основе тех экономических предпосылок, которые позволяют развивать там ряд отраслей промышленности (местное сырье, тяготение рынков, пути сообщения и т. п.).

Наконец, вопрос о планомерном снабжении предприятий является тем узким местом, на котором должно быть сосредоточено внимание партии. Еще раз следует пересмотреть возможность увеличения производительности предприятий, производящих сырье и полуфабрикаты, и организовать более совершенное их распределение и использование. Даже отсталые заводы края при наличии сырья могли бы дать значительно больше необходимой продукции, в частности машин (на 10—15 млн. руб., по подсчетам Машинostроя). Этот вопрос станет еще более острым, когда лозунг непрерывной и многосменной работы предприятий будет осуществлен.

5. Об успехах и прорывах.

Наряду с теми огромными положительными сдвигами, о которых идет речь выше, во многих областях работы имеются серьезные прорывы, серьезные ошибки.

Развернувшееся в Нижне-Волжской партийной организации обсуждение имевших место ошибок в проведении коллективизации (администрирование, нарушение добровольчества в колхозном строительстве, перескакивание через артели в коммуны, «гигантомания» и т. д.) и других перегибов в отношении середняка («раскулачивание», лишение избирательных прав отдельных середняков и т. п.) выявило два основных недостатка в подходе к вопросу. С одной стороны, выявился недопустимый оптимизм, нежелание признать ошибки, неспособность их исправлять. С другой—паника, одностороннее изображение отрицательных фактов, выступления против линии партии и ее руководства.

Отсутствует у некоторых тт. необходимая перспектива, правильное представление об общем политическом итоге как имеющих место успехов, так и отдельных ошибок и прорывов. Именно на ошибках такого рода (не говоря об их политическом содержании) построены обвинения, выдвинутые против крайкома и Н.-В. организации со стороны тов. Киселева [1]). Характерны в этом отношении также отдельные выступления против ЦК и линии партии на партийных конференциях.

Отдельные оппортунисты не хотят видеть того, что величайшей заслугой ЦК является то, что он, как только наметилась угроза колхозному движению, угроза смычке со середняком, немедленно и решительно исправил ошибки, допущенные на местах, и тем самым предотвратил превращение угрозы в возможность действительного разрыва с середняком, обеспечил тем самым закрепление и дальнейшее развитие достигнутых успехов.

Вместо правильной оценки решающих успехов, которых мы добились, получаются разговоры о «поражении», «отступлении», плехановское «не следовало браться за оружие» в вопросах коллективизации. Разговоры о переоценке поворота середняка к колхозам, об отрыве партии от масс, которые, по существу, подготовляют требования снять лозунг сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, которые открыто выдвигаются отдельными оппортунистами. При этом характерен тесный идейный блок правооппортунистических и «лево»-троцкистских элементов в этих выступлениях. Оппортунизм и примиренчество добросовестно выполняют свою роль, пытаясь смазать имеющиеся расхождения, замазать имевшиеся в прошлом ошибки и тем самым отвлечь внимание от борьбы с уклонами от линии партии.

---

[1]) «Известия ЦИК СССР», от 20 апреля с/г.

Все это создает прекрасную почву для того, чтобы спекуляция на одностороннем изображении отрицательных фактов и трудностей стала обычным приемом для дискредитации линии партии.

Поэтому, вскрывая политическое содержание допущенных ошибок и извращений как антисередняцких, троцкистского типа, так и в особенности борясь с открыто-правооппортунистическим уклоном и примиренчеством к нему, приходится также бороться за установление действительных фактов, действительного положения вещей, в частности в отношении Н.-Волги. В большой дискуссии в Нижне-Волжской организации были выявлены истинные пропорции успехов и прорывов, было проверено практическое исправление допущенных ошибок, был констатирован на этой основе перелом в деревне и подведен огромный положительный итог во всех областях социалистического наступления. Нижняя Волга отражает на одном из участков великого строительства общие успехи нашей партии.

Вильям Нирк.

Против правооппортунистической идеологии в профдвижении СССР.

(По поводу произведений В. Я. Яроцкого).

> *«XVI с'езд считает необходимым продолжение энергичной борьбы с элементами тред-юнионизма и оппортунизма в профдвижении, давая в то же время отпор анархо-синдикалистским и полутроцкистским уклонам».*
> *(Из тезисов тов. ШВЕРНИКА к XVI партс'езду).*

I.

Коренная социалистическая переделка нашей страны всколыхнула огромные массы трудящихся и поставила острее, чем когда-либо ранее, вопрос об активнейшем участии этих масс в осуществлении генеральной линии партии. Новые миллионные отряды решительно поднялись к политической, хозяйственной и культурной жизни и вовлекаются все шире в социалистическое строительство. Необходимость четкого политического руководства миллионными массами, задачи классовой борьбы и пролетарского руководства делом социалистической реконструкции всей страны,—все это придает на нынешнем этапе совершенно исключительное значение роли профессиональных союзов, «как наиболее массовых организаций пролетариата», как приводного ремня от партии к массам, как «школы коммунизма», усиливает их роль в развертывании широкого наступления пролетариата на всех фронтах борьбы за социализм.

Вопросы профсоюзного руководства, четкого осуществления профсоюзами ленинских принципов в профдвижении сейчас должны привлечь неослабное внимание всей партии. Необходимость этого диктуется в особенности тем, что профсоюзы еще совсем недавно являлись ареной борьбы правооппортунистического руководства профсоюзов против партии, и, в первую очередь, руководства ВЦСПС. Не секрет, что профсоюзы пока еще не до конца перестроились на новые рельсы, что аппарат профсоюзов нередко хромает при проведении линии партии в профдвижении. Этот факт должен привлечь самое пристальное внимание партии к работе профсоюзов, ибо он, безусловно, говорит о наличии значительных оппортунистических традиций в профдвижении, против которых проведена огромная борьба, но которые еще не добиты до конца.

Все это придает особое значение вопросам идеологии профессионального движения.

Извращения ленинизма, пожалуй, нигде не занимали так много места, как в профдвижении. Под покровом борьбы правых воскрешались меньшевистско-эсеровские и тред-юнионистские традиции, которые находили не только защиту, но и идейное родство со взглядами правых оппортунистов.

Борьба за действительно марксистско-ленинскую теорию и историю профдвижения более, чем когда-либо раньше, есть борьба за ленинскую идеологию, борьба за четкое понимание основ политики нашей партии всеми работниками профессиональных союзов, является неот'емлемым звеном борьбы за мобилизацию всех сил рабочего класса под лозунгами партии.

II.

В борьбе за вскрывание идейных и теоретических корней правой опасности в нашем профдвижении, корней правого оппортунизма, уходящих в тред-юнионистское понимание существа, роли и задач профессионального движения,—нам приходится уделить известное внимание В. Я. Яроцкому. Как ни «незавидна» сама по себе фигура Яроцкого, но факт остается фактом: к величайшему позору для правооппортунистического руководства ВЦСПС именно В. Я. Яроцкий фактически подвизался в качестве видного теоретика профдвижения. Именно его перу принадлежит преобладающая масса литературы (буквально дюжины произведений!) по вопросам теории и истории профдвижения, которая кое-где и сейчас является «учебным» пособием для профактива.

С другой стороны, Яроцкий бесспорно представляет собою наиболее законченный тип, если можно так выразиться, «советского» тред-юниониста, который всем своим предшествующим политическим развитием как-будто нарочно подготовлен для этой роли [1]). Разоблачая его реформизм, мы избавляем читателя от необходимости разбора ряда других авторов и «теоретиков», которым правое руководство беззаботно доверяло фронт профпросвещения.

Тред-юнионистские элементы развивали довольно-таки последовательную атаку на ленинизм. В трудах В. Я. Яроцкого-Чекина мы видим продолжение меньшевистско-эсеровских позиций и взглядов, сводившихся к тому, что большевизм в профдвижении—явление случайное, что «недоверие к профессиональному движению рабочих характеризует большевистское направление в русской социал-демократии» [2]). Чекин-Яроцкий вполне согласен с утверждениями русского меньшевизма об отсутствии у большевиков твердых взглядов на профдвижение, в то время, как меньшевики-де всегда были владельцами «стройной» и «целостной» теории профдвижения; он, со своей стороны, также находит, что у Ленина действительно отсутствует «целостная, стройная теория профессионального движения» [3]). Он идет еще дальше. Признавая отсутствие этой «целостной» теории доказанным, Яроцкий совершенно «логично» приходит к выводу о небольших заслугах Ленина в области теории в целом. В его руках Ленин превращается в типичного «практика-бойца», в отличие от основоположников коммунизма—Маркса и Энгельса, занимавшихся, по преимуществу, только «лепкой сознания» и упускавших из виду вопросы «тактики и стратегии» [4]).

---

[1]) В. Я. Яроцкий воспитался в партии соц.-рев. и еще в 1917 г. занимал позиции правых эсеров. Долгое время работал в Англии, где сталкивался близко с работой тред-юнионов. В 1920 г. вступил в нашу партию и, судя по его «продукции», еще окончательно не изжил эсеровской идеологии.

[2]) Гриневич—виднейший меньшевистский деятель профдвижения, занимавший пост председателя временного ВЦСПС, избранного на III Всерос. конференции профсоюзов в 1917 г. См. его: «Профессиональное движение рабочих в России», 1922 г., стр. 174

[3]) См. предисловие Яроцкого к сборнику: В. И. Ленин «О профдвижении». ГИЗ, Москва, стр. 9, 10 и др.

[4]) Там же, стр. 5—6, 9—10 и др.

Отметим еще одно совпадение у Яроцкого с меньшевистским автором. Гриневич констатирует, что большевики «под влиянием надвигающейся контрреволюции» (речь идет о реакции после революции 1905 г. *В. Н.*) изменили «на 180° свое отношение к вопросу о взаимоотношении между профессиональными союзами и партией и из защитников партийной нейтральности союзов» превратились «в ярых сторонников партийности союзов... Это резкое изменение взгляда... было вызвано... соображениями партийно-организационного характера» [1]).

Яроцкий, ничтоже сумняшеся, в унисон с приведенным меньшевистским обвинением Ленина и партии большевиков заявляет, что «было бы исторически неверно и детски наивно утверждать, что Ленин никогда не ошибался, что в его учении о профессиональных союзах не бывало пробелов... Так обстояло дело, например, с вопросом о нейтральности профсоюзов, сторонником которого Ленин был в одно время» [2]).

Яроцкий так истолковывает слова Ленина о «нейтральности» в сборнике «За 12 лет», что безоговорочно считает Ленина, как это следует из всего контекста, сторонником независимости профсоюзов от революционной политики научного коммунизма. Он утверждает, что Ленин отстаивал подобную нейтральность союзов до 1905 года. И это, несмотря на то, что Ленин уже в 1894 г. (не говоря уже о более поздних произведениях, как «Что делать», «Задачи русской соц.-дем.» и др.) дает совершенно четкое определение взаимоотношениям партии и экономического, следовательно, и профессионального движения.

> «Политическая деятельность соц.-демократов, — говорит Ленин, — состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу всего русского рабочего класса, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящихся» [3]).

Руководствуясь видимо именно этими соображениями о крайней несостоятельности всей прошлой позиции Ленина в вопросах теории профдвижения, Яроцкий считает, что «при изучении ленинизма в профдвижении приходится зачастую начинать с последних, а не первых работ» [4]).

Констатируя печальную судьбу теории профдвижения в Советском Союзе, упрекая и мировую науку в том, что она «уделяла до сих пор этому социальному феномену (то-бишь профсоюзам! *В. Н.*) внимание непропорциональное его значению»,—Яроцкий продолжает свою атаку на ленинизм. Упрощенно сводя все ленинское учение о профсоюзах к одному положению: «профсоюзы — школа коммунизма», он пишет: «Мы, правда, в настоящую историческую эпоху уже чисто практическим путем подошли к пониманию функции профдвижения. В частности, в Советской России, наступивший в октябре 1917 г. перелом в общественных отношениях (?!) *В. Н.*) поставил твердо вопрос о роли профсоюзов... позволил выяснить (очевидно, «их» — *В. Н.*) историческую роль, как школы коммунизма...

---

[1]) Гриневич. Цитированное выше произведение, стр. 175—176.

[2]) Цитированное предисловие Яроцкого, стр. 11.

[3]) Ленин. «Что такое друзья народа», т. I, стр. 208. (Разрядка наша. *В. Н.*

[4]) См. предисловие Яроцкого к сборнику: В. И. Ленин «О профдвижении».

... Функционально (!) формула правильна, но она правильна лишь до известной степени и в самой формулировке отмечена телеологическим (?!) толкованием существа профдвижения» [1]).

Ленинское положение «профсоюзы—школа коммунизма», в корне извращено Яроцким и выставлено в карикатурном виде беспомощного идеалистического тезиса. Чудовищная вещь: Ленин—идеалист! И с сознанием безнаказанности за собственное невежество Яроцкий выносит приговор ленинскому определению роли профсоюзов: «Формулировка: профсоюзы—школы коммунизма—выведенная путем телеологического (!) толкования, оказывается малопригодной для выяснения природы профдвижения... телеологическое толкование природы профоб'единений необходимо отбросить, заменяя его толкованием функциональным» (!!) [2]).

Посмотрим же, что собой представляет это «функциональное» (читай—тред-юнионистское. *В. Н.*) толкование, выдвинутое Яроцким и иже с ним, вместо «дискредитированного», таким образом, ленинизма в вопросах профдвижения.

Если повнимательнее присмотреться к платформе правого уклона по вопросам профдвижения и к творчеству подобных Яроцкому «теоретиков» этого движения, то легко установить происхождение этих взглядов. Эти правооппортунистические взгляды представляют собой воскресшие традиции меньшевизма и его начальной формации—блаженной памяти экономизма.

Механистическое понимание экономики, ее влияния и значения, отрыв экономической борьбы от борьбы политической, игнорирование борьбы классов и партий—было основным у меньшевизма. Меньшевики, понятно, не могли стоять на позициях развертывающейся политической борьбы пролетариата. Исходя из незыблемости капиталистических отношений, они отвергли революционную тактику социал-демократии. Исходя из того, что элементы социализма бесспорно создаются уже в самих недрах капиталистического строя, меньшевики понимали политику соц.-демократии как пассивное приспособление к экономике и политике капитализма.Этот их взляд очень ярко выразился в вопросах профдвижения, которое они расценивали, как чисто экономическое движение рабочих, оторванное от классовой борьбы пролетариата в целом и выдвигали на первый план значение узко-профессиональной борьбы. Они всячески препятствовали осознанию задач политической борьбы, мешали процессу кристаллизации классового самосознания рабочих в профсоюзах. Теория нейтральности профсоюзов и равноправия союзов и партии, являющаяся вариантом этой первой, вытекала из упомянутых позиций меньшевизма и служила прикрытием их борьбы против большевиков, отвоевывавших одну за другой позиции в профсоюзах. Отметим, что еще Каутский, в своем письме к бакинским социал-демократам, стал на сторону меньшевиков в вопросах профдвижения, находя, что «единство профдвижения требует нейтральности по отношению к различным фракциям (социал-демократии. *В. Н.*), нужно ее проводить» [3]).

Эти взгляды меньшевиков на профсоюзы представляли собою не что иное, как отказ от борьбы пролетариата за политическую власть, отказ от руководящей роли пролетариата, отказ от революции и полное неверие в силы рабочего класса.

---

[1]) А. Чекин. «Теория, история и практика профдвижения», изд. ВЦСПС 1923 г., 1 ч. стр. 13, (Разрядка наша. *В. Н.*).

[2]) Яроцкий в другом месте также недоумевает по поводу этой же формулировки Ленина, заявляя: «Ведь такую же точно роль школы коммунизма играют у нас, в Советской России, буквально все рабочие организации». (См. его: «Что такое профессиональный союз?» Издательство при Курском губкоме РКП(б), 1924 г.).

[3]) «Профессиональный вестник», № 4—5 от 10 марта 1907 г., стр. 7.

* * *

Отметим некоторые положения современного «советского», так сказать, тред-юнионизма, распространенные в нашей литературе.

1. Профдвижение изображается этими «теоретиками» типа Яроцкого непосредственно зависимым от ряда самостоятельных причин, среди которых условия классовой борьбы, политическая борьба играют «менее заметную» роль, являются только «третьим фактором», наряду с более «могущественным» (на словах, а по существу трактовок Яроцкого и др.,—единственным. *В. Н.*) экономическим «фактором». Профдвижение оказывается непосредственным отображением экономической структуры всякой страны и послушно следует «малейшим изменениям экономики».

> «Можно,—говорит Яроцкий,—установить несколько... соотношений, предопределяющих собою оформление профессионального движения... Такие... соотношения вытекают, разумеется, из строения народного хозяйства в данной стране. Затем, состав самого рабочего класса точно так же предопределяет собою тип профессионального об'единения, а условия классовой борьбы являются третьим фактором формирования профессионального движения» [1]).

И далее продолжает Яроцкий:

> «Политическая атмосфера, атмосфера борьбы партий, атмосфера соотношения общественных сил, устанавливающего конституцию каждой... страны... играет свою, быть может, менее заметную, но во всяком случае очень крупную роль и поныне».

И спохватившись, как бы, упаси боже, не переоценить влияния политической борьбы на профсоюзы, — он продолжает:

> «В конце-концов не только политика играет такую роль. Сами взаимоотношения между трудом и капиталом складываются... в зависимости отчасти от состава самого рабочего класса и капиталистов, отчасти... от строения народного хозяйства». [2])

И дальше:

> «Строение самого рабочего класса и условия классовой борьбы» только «отчасти смягчают, отчасти дополняют действие экономического фактора» [3]); именно «структура народного хозяйства... предопределяет собою строение профессиональных об'единений» [4]), и т. д.

2. Упрощенно понимая роль и значение экономики и противопоставляя профессиональную борьбу общеклассовой борьбе пролетариата, борьбе политической, Яроцкий совершенно «логично» принимает и остальные положения меньшевизма и тред-юнионизма. Он дополняет свою насквозь оппортунистическую установку обычными для реформиста рассуждениями о том, что эта, всячески отстаиваемая им экономика (он, ведь, не на шутку «марксист», а какой же приличный марксист может спорить «против экономики»!), экономика капитализма сама гостеприимно идет навстречу пролетарскому социализму.

Яроцкий не отстает от правых оппортунистов в превознесении организованности капитализма («прекрасно организованный капитал») [5]) и в своих произведениях фактически «снимает» проблему социалистической революции,—для Англии, по крайней мере. В Англии, по Яроцкому, налицо социальная трансформация государственной власти, которая постепенно переходит «в руки английского народа» и стремится «к достижению такого общественно-хозяйственного строя, в котором производство было бы организовано в интересах широких масс населения». «Английское государство, — уверяет дальше Яроцкий,—приближается к идеалу рочдэльцев: к общине гармонических интересов»[1]. Эти сдвиги,—настаивает Яроцкий,— уже обеспечили то, что «впервые в истории хозяйственной Англии рабочий привлечен к равноправию с представителями предпринимательских ассоциаций, наблюдению за хозяйственной активностью». Рабочий класс Англии уже «вошел в народное хозяйство в качестве соучастника-администратора английского народного хозяйства»[2]. Сила английского тред-юнионизма стала неизмеримой. «В какую сторону,— говорит Яроцкий, — направляет государственный корабль Англии тред-юнионист... в ту сторону и развивается общественно-политическая жизнь страны»[3].

---

[1]) Чекин. «Теория, история и практика проф. движения», 1 ч. стр. 69. (Разрядка наша *В. Н.*.

[2]) Там же, стр. 94. (Разрядка наша. *В. Н.*).

[3]) Там же, стр. 94. (Разрядка наша. *В. Н.*).

[4]) Там же, стр. 69.

[5]) В. Яроцкий. «Эпоха войн и революций», Изд. I МГУ, 1929, стр. 45 и др.

Сдвиги английской экономики и политики в сторону социализма, по Яроцкому, начались давно, еще до войны. Уже «с начала XX века... Англия..: прочно вошла в полосу переустройства своей экономической жизни»[4]. И т. д. и т. п.

Прямо поражаешься, что у нас, в стране пролетарской диктатуры, безнаказанно работали такие «редактора» и «издатели», как работники бывшего РИО (ред.-издательский отдел) ВЦСПС, которые печатали подобные откровенно реформистские вещи!

3. Приведенная выше меньшевистская галиматья неизбежно обусловливает еще новые ошибки В. Я. Яроцкого. Недооценивая и не понимая роли политической борьбы, Яроцкий и иже с ним не могут понять также существа, роли и задач партии и союзов. Все их потуги в этой области приводят к самому безнадежному смешению профсоюза с политической партией пролетариата, к «растворению» партии в профсоюзе. Читатель помнит, что этот вопрос — о партии и союзах — был ахиллесовой пятой экономизма и меньшевиков, которые никогда не могли установить правильного соотношения между авангардом и классом, постоянно путая партию с широкой профессиональной организацией рабочих.

Излагая историю английского тред-юнионизма, тов. Яроцкий доказывает, что «в профсоюзах рабочая масса превращается в класс... вырабатывается внутри профсоюзов единая организация класса, ставящего себе общеклассовые интересы».

Равным образом, безо всякой помощи партии, только «через профессиональное движение рабочий класс становится именно классом сознательно добивающимся замены капиталистического строя коммунистическим»[5].

Далее фактически следуют «доказательства» того, что ненадобность коммунистического авангарда пролетариата, к чему, по существу, вели уже приведенные выше утверждения Яроцкого, исторически уже доказана. В самом деле. Тред-юнионы, по Яроцкому, механически переросли с

---

[1] А. Чекин. «На родине кооперации». Изд. Центросоюза 1919 г. Эта откровенно реформистская книжка, написанная Яроцким на пороге вступления в нашу партию, наиболее открыто формулирует реформистскую схему, которой придерживается Яроцкий и в последующих своих произведениях.

[2] А. Чекин. «Очерки современного тред-юнионизма». Изд. ВЦСПС, 1924 г. Стр. 113.

[3] В. Яроцкий. «Очерки современного тред-юнионизма». Стр. 128 и др (Разрядка наша. *В. Н.*).

[4] Чекин. «Теория, история и практика профдвижения», ч. II, стр 49. Курсив автора.

[5] А. Чекин. «Что такое профессиональный союз?». Изд. при Курском губкоме РКП(б). (Разрядка везде автора. *В. Н.*)

позиций экономической борьбы на позиции осознанной борьбы политической, при чем бесспорным доказательством этого кардинального сдвига английских союзов к развернутой классовой борьбе является для Яроцкого организация Рабочей Партии. Мало этого. «Мир английских союзов с 1911 г. начинает переживать уже даже не сдвиги, а катаклизмы, революционизирующие этот мир, перетасовывающие его снизу доверху и вдоль и поперек»[1]. Профдвижение Англии, этак без всяких там большевиков, самособой, «добилось того, что английский тред-юнионизм определенно канул в вечность» и выдвинуло «широкие идеалы и общественно-политического строительства и классовой борьбы»[2]. При этом руководящими носителями этих «широких идеалов классовой борьбы» оказываются, по Яроцкому, не коммунисты. О нет! Этими вождями, которые «штурмуют» капиталистические твердыни в Англии, по Яроцкому, оказываются... Персели, Свейльсы, Хиксы и другие «левые» тред-юнионисты[3], вкупе и влюбе с гильдейскими социалистами!!. Последние изображаются Яроцким, как идеальные революционеры[4]. Какое дело Яроцкому, что в программе Коммунистического Интернационала все направление гильдейского соцализма оценивается, как «составная часть... реформизма», прокладывающего дорогу «корпоративному государству фашизма».

Остановим внимание читателя еще на одном реформистском положении В. Я. Яроцкого: сама «практика экономической борьбы, проводимой профсоюзами (в данном случае германскими. *В. Н.*) совершенно определенно ведет к коммунизму»[5]. И т. д. и т. п. И «несть числа» подобной путанице взглядов на партию и союзы!

В этом кладезе тред-юнионистской премудрости совершенно тонет роль пролетарской партии, та решающая роль, которую играет революционный социализм. Окончательно забыто указание Ленина о том, что «профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности рабочих к начаткам (разрядка наша. *В. Н.*) классового об'единения. Когда стала вырастать высшая форма классового об'единения пролетариев, революционная партия пролетариата... тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать некоторые реакционные черты, некоторую косность, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитизму»[6] и т. д. Забыты, отброшены прямые указания Ленина на соотношение политической борьбы и стихийного развития рабочего движения, на роль теории научного социализма в рабочем движении («Что делать»). Непонято, что экономическая борьба рабочих не перерастает в борьбу политическую сама по себе, да еще в полном согласии с реформистами, или, как выражаются наши «теоретики» — «несмотря на реформистское влияние». Для этого потребуется самая активная борьба коммунистов за руководство экономической борьбой пролетариата, беспощадная борьба против реформизма, борьба за превращение, вернее, за перевод экономических боев на рельсы политической борьбы за свержение капиталистического строя, потребуется напряжение всех решительно ресурсов «революционной партии пролетариата».

---

[1] А. Чекин. Теория, история и практика профдвижения, ч. II, стр. 49.

[2] Он же. «Очерки современного тред-юнионизма», стр. 74.

[3] По этому поводу см., в частности, у Чекина: «Силуэты рабочей Англии». Изд. ВЦСПС. Это «произведение» представляет собою такую апологетику «левых» вождей английского тред-юнионизма, которая явилась бы достойным украшением даже английской буржуазной литературы.

[4] В. Яроцкий. «Очерки современного тред-юнионизма», стр. 74, и др.

[5] В. Яроцкий. «Теория, история и практика профдвижения», ч. I, стр. 13. (Разрядка наша. *В. Н.*).

[6] Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», т. XVII, стр. 140.

Экономисты не отрицали безусловно политики, как это утверждает Яроцкий, а только постоянно сбивались на тред-юнионистское понимание ее.

Ленин говорит о взглядах экономистов на политическую борьбу:

> «Придать самой экономической борьбе политический характер», по Мартынову, означает «добиваться осуществления тех же профессиональных требований... посредством «законодательных и административных мероприятий... Это именно делают и всегда делали профессиональные рабочие союзы... английские рабочие союзы давным-давно уже осознали и осуществили задачу «придать самой экономической борьбе политический характер».

Яроцкий политику понимает именно в тред-юнионистском смысле. Понимая именно так политическую борьбу, Яроцкий совершенно «резонно» заявляет «о неизбежности перерастания профессиональных союзов в политическую партию пролетариата», выдавая, по своему невежеству, подобные взгляды за точку зрения Маркса по вопросам английского рабочего движения [1]).

Яроцкий еще долго блуждает «кругом да около» — прежде, чем отважится дать краткое определение партии и профсоюза. Мы вынуждены «узнать» у него прежде еще то, что именно профсоюз «блюдет так строго чистоту своего классового состава», как «ни одна рабочая организация», и что «цели и формы профорганизаций у всех народов, во все времена определяются... уровнем классового самосознания пролетариата в целом» [2]). Нет никакой нужды доказывать, что это путаное положение содержит в себе оправдание реформизма в профдвижении «у всех народов и во все времена».

Неудивительно после этого, что определить партию и профсоюз, внятно сказать, каковы взаимоотношения между экономической и политической борьбой (вопрос, имеющий исключительное значение для победы коммунизма), установить правильное соотношение между стихийностью и сознательностью в рабочем движении и т. п.,—оказывается нашему тред-юнионисту не по плечу.

«Теория равноправия» и параллельного сосуществования союзов и партии пролетариата, с ясно выраженным пренебрежением к последней, вот что вытекает фактически из тред-юнионистской схемы Яроцкого. Различие, которое последний видит между партией и профсоюзами, заключается в лучшем случае в том, что партия «чаще», нежели профсоюзы, ведет политическую борьбу, а последние «чаще», нежели партия ведут борьбу экономическую. «Но и партия и союзы,— указывает далее Яроцкий,— заняты и «экономикой» и «политикой» [3]).

Экономика капитализма, перерастающая в социализм; рабочий класс, который во главе и в трогательном единодушии с реформистами безропотно и слепо идет по пути благодатной буржуазной экономики и политики; тщетность большевистской борьбы за профсоюзы и блестяще реализующаяся «стройная» и «целостная» теория меньшевизма. Вот квинт-эссенция всей писанины нашего «теоретика»!

Тред-юнионистское определение существа профдвижения, вытекающее из всей методологии Яроцких, анализ рабочего движения «вне времени и пространства», механическое перенесение категорий одной эпохи, одной социально-экономической формации в другую эпоху, в другие условия,— решительным образом смазывает вопрос о революции. Хотя Яроцкий и распространяется много о революции, компартии и т. д., но революция оказывается выключенной из его «учения» о профдвижении. Для революции и политической партии пролетариата фактически нет места в оппортунистической схеме Яроцкого.

---

[1]) Яроцкий. «История рабочего движения», ч. I, стр. 81.

[2]) Чекин. «Теория, история и практика профдвижения», ч. I, стр. 15. (Разрядка наша. *В. Н.*).

[3]) В. Яроцкий. «Что такое профессиональный союз?», стр. 32.

III.

В решениях XI с'езда нашей партии было подчеркнуто:

> «Профсоюзы лишь тогда реальны, когда об'единяют очень широкие слои рабочих. Отсюда вытекает неизбежно, особенно в стране с громадным преобладанием крестьянства, сравнительная устойчивость именно среди профсоюзов всех политических влияний, которые являются надстройкой над остатками капитализма и мелким производством. Именно указанной... экономической причиной... следует об'яснить наблюдаемые у нас пережитки (изредка и возрождение) подобных мелкобуржуазных идей среди профсоюзов».

Это указание основательно забыто старым руководством ВЦСПС. Мало того. Правооппортунистическое руководство ВЦСПС всячески боролось против этого указания партийного с'езда, доказывая отсутствие правой опасности в профдвижении. Оно обвиняло партию и ее ЦК в троцкистской критике «ленински-выдержанных» руководителей ВЦСПС. Это насквозь лживое обвинение партии в троцкизме было излюбленным приемом правых оппортунистов: тт. Томского, Козелева, Яглома и др. В своих пасквилях на партию они доходили до того, что обвиняли партию и Ленина в потворстве троцкизму также и в прошлом.

Правооппортунистическое руководство профсоюзов не понимало в частности и в особенности того, что приведенное указание XI с'езда партии обязывает вести ожесточенную борьбу с этими мелкобуржуазными влияниями и на теоретическом фронте профдвижения. Тов. Томский, напр., как известно, отличался значительной недооценкой вопросов теории и истории и недостаточной разборчивостью в том, что в этой области подносилось нашему профдвижению [1]). Не лучше обстояло дело и с другими правыми уклонистами в профсоюзном руководстве, явно не понимавшими того величайшего значения, которое придает наша партия теоретической борьбе.

Пренебрегая вопросами ленинской теории, старое руководство ВЦСПС незаметно для себя обнажило теоретический фронт профдвижения для взглядов, унаследованных от меньшевизма и экономизма. Этому обстоятельству способствовала недооценка правыми оппортунистами меньшевистско-эсеровских традиций в профсоюзах, — прямое следствие непонимания ими классовых отношений, классовой борьбы и задач профсоюзов в СССР на новом этапе. Здесь же отметим, что недооценка этих враждебных пролетариату мелкобуржуазных влияний в профсоюзах сквозит также и в ряде произведений, излагающих историю доктябрьского профдвижения в России.

Мы привели труды Яроцкого-Чекина как одно из характерных доказательств того, что тред-юнионизм свил себе гнездо в самом ВЦСПС еще до оформления правого уклона в партии. Правооппортунистическое руководство профсоюзов и, в первую голову, руководство ВЦСПС, не дало отпора этой идеологии. Оно само смыкало свои оппортунистические взгляды с позициями тред-юнионизма в ряде основных вопросов профдвижения.

---

[1]) В этом смысле не лишено интереса письмо т. Томского в «Пролетарий» в 1908 г. В нем он обвиняет руководство партии в излишнем увлечении политикой и призывает теоретиков «без различия меньшевиков или большевиков» заняться серьезными экономическими исследованиями. (См. примечание к статье Ленина: «По поводу двух писем», т. XI, ч. II, стр. 609. Разрядка наша. *В. Н.*).

Правые уклонисты совершенно определенно скатывались к тред-юнионистскому пониманию роли и основных задач профессионального движения.

В своем предисловии к стенографическому отчету VI Всероссийского с'езда профсоюзов тов. Томский пишет:

> «Перед профессиональными союзами всегда стоит, независимо от периода, эпохи, независимо от общего направления задач в данный момент, одна основная задача: задача эта, определяемая самой ролью и значением профсоюзов, есть задача всестороннего обслуживания и непрерывной работы над поднятием, улучшением материального и духовного уровня об'единяемых ими масс. Это задача, которая на протяжении всей истории профдвижения стоит и будет стоять перед профсоюзами. Успехи профсоюза определяются тем, насколько полно он осуществляет эту задачу... это и является мерилом степени успешности работы профсоюза».

Роль и значение профсоюзов и до и после революции, таким образом, об'являются неизменными. Отсюда и определение основных задач профсоюзов, как задач, оторванных от общего хода классовой борьбы пролетариата, задач, только «защиты» непосредственных интересов рабочих. С таким взглядом связано определение главной позиции профсоюзов, как позиции только оборонительной. Отметим, что на таком определении центральной задачи профсоюзов, которое дает тов. Томский, сходятся также и все реформисты. С этим определением роли профсоюзов согласится и буржуазия.

> «Сущность профессиональных союзов,—пишет, напр., Зомбарт,—заключается в функциях охраны интересов рабочих, как таковых».

И здесь же он раскрывает те исходные позиции, которые обусловливают такое определение главной и основной позиции а именно то, что

> «интересы этого наемного рабочего... стремятся охранить профсоюзы... в рамках капиталистической системы хозяйства»[1].

Категорическая формула, которую дает тов. Томский основной задаче профдвижения, что называется, «для всех времен и народов», коренным образом расходится с решениями нашей партии.

> «Революционные социалисты, — говорится в резолюции I Всероссийского с'езда профсоюзов—никогда не смотрели на профсоюзы только, как на органы экономической борьбы пролетариата за улучшение положения рабочего класса в рамках капиталистического строя. Революционные социалисты всегда смотрели на профсоюзы, как на организации, призванные рука об руку с другими боевыми организациями рабочего класса бороться за диктатуру пролетариата и осуществление социализма». (Разрядка наша. *В. Н.*).

Основная задача профсоюзов в условиях капитализма, в пролетарской революции и после нее не может не определяться общеклассовыми задачами пролетариата. В условиях империализма основной задачей профессиональных союзов является задача революционного свержения капиталистического строя. Думать иначе — значит развертывать профдвижение вне классовой борьбы, против революции.

После социалистической революции основной задачей профсоюзов не может не являться задача по укреплению диктатуры пролетариата, укрепление, следовательно, и той материально-технической базы, на которой зиждится эта диктатура,— социалистической промышленности. Нужно неустанно, не на словах только, но и на деле, доказать, что ленинская формула: «защиты рабочих от своего государства и... защиты рабочими своего государства», предполагающая строжайший учет социально-экономических особенностей каждого этапа, который проходит пролетарское государство, является единственно надежным ключом, раскрывающим правильное революционное сочетание так называемых «защитных» и производственных функций профсоюзов в период диктатуры пролетариата.

Правые понимали нэп, как отступление, по преимуществу, как политику, лишенную и элементов «приостановки отступления», и, тем более, решительного социалистического наступления пролетариата на капитализм [1]). Исходя из такого понимания, они рассматривали позиции профсоюзов, как оборонительные, «защитные», по преимуществу. Такое понимание позиции союзов выявилось, со всей отчетливостью, уже на пороге реконструктивного периода. Оно сказалось в борьбе против партии, в полной неспособности организовать профсоюзы к решительному наступлению пролетариата на капиталистические элементы и в таком отношении к нашему государству, к нашим социалистическим предприятиям, к задачам по укреплению и развитию социалистической промышленности и социалистических форм сельского хозяйства, от которого сильно отдавало меньшевистским душком. Меньшевики, как известно, считали наше государство чужеродным для пролетариата телом и, исходя из этого, доказывали полнейшую незаинтересованность профессиональных союзов в социалистических «затеях» советской власти.

Лозунг—обороны, вместо наступления, скрывающий в себе меньшевистское забвение общеклассовых задач пролетариата, полный отказ от действенной роли революционной политики коммунизма и недоверия к этой политике, был руководящим девизом правых в профдвижении. Переход правых на позиции тред-юнионизма происходили по всему фронту работы профессиональных союзов, какую бы область этой работы мы ни взяли. В итоге всех этих извращений ленинизма в «теории, истории и на практике» профдвижения была та опаснейшая линия правых на «противопоставление профсоюзов партии», о которой говорится в тезисах тов. Шверника к XVI сезду нашей партии.

Вместо популяризации ленинского учения о профсоюзах—поиски «чистой» культуры, «чистой» теории, «об'ективной» истории. И в результате этого кухня Яроцких выпекает свою продукцию дюжинами произведений, клевеща на Ленина и пропагандируя тред-юнионизм.

Вместо борьбы за ленинские кадры профдвижения, засоренность профкадров выходцами из обанкротившихся партий: меньшевиков, эсеров, левых эсеров, бундовцев и т. п., заполонивших особенно фронт профпросвещения [2]). Партийные органы неоднократно указывали на опасность такого рода привлечения выходцев из чуждых нам партий. На XV с'езде партии, например, на эту опасность было указано в докладе ЦК. О меньшевистско-эсеровском

---

[1]) Зомбарт. А все-таки! СПБ. 1907 г., стр. 9. (Разрядка наша. *В. Н.*).

---

[1]) «До тех пор,—пишет, напр., т. Антошкин,—пока нет мировой революции советское государство вынуждено было по окончании гражданской войны отступить с позиции военного коммунизма на позиции государственного капитализма (отметим здесь попутно, что наш «теоретик» Яроцкий прямо называет наш строй—строем государственного капитализма, а наше государство величается им упорно «рабоче-крестьянским». *В. Н.*), дающие возможность сделать передышку, организоваться и подготовить силы для дальнейшего наступления, выждать до революции на Западе, а до того момента позволяющие сохранить диктатуру пролетариата и организовывать обходные движения капиталистического фронта». (Антошкин. Профдвижение в России. III-е исправленное и дополненное издание. ВЦСПС, 1925 г., стр. 320. Подчеркнуто нами. *В. Н.*).

[2]) Чистка профаппарата, предпринятая по инициативе нового руководства ВЦСПС, выявила, что в предыдущем составе членов и кандидатов ВКП(б)—в составе пленума ВЦСПС выходцев из чуждых партий было 27,7 проц.; в составе пленумов ЦК союзов — 21 проц. При этом процент бывших в других партиях среди беспартийных руководящих работников профаппарата еще значительно выше.

засилии в таких органах, как истпрофы, неоднократно указывалось также на совещаниях работников истпарта и т. д.

Несмотря на это, старое руководство ВЦСПС и пальцем не пошевелило, чтобы учесть и осуществлять подобные прямые указания партийных организаций.

Пессимистически оценивая перспективы развития социалистической промышленности и не веря в под'ем сельского хозяйства на основе коллективизации последнего, правые оппортунисты в профсоюзах отказывались увязать задачи по защите непосредственных интересов рабочих с судьбами всего социалистического строительства и тормозили дело решительного поворота союзов лицом к производству. Эта политика правых означала противопоставление интересам рабочих интересов пролетарской диктатуры в целом и прямым образом вела к срыву нашего строительства, к движению вспять. Эта политика, вместе с тем, означала также и серьезное ослабление дела по улучшению материального и духовного положения рабочих, так как чрезвычайно суживает кругозор и перспективы всей защитной работы профсоюзов.

В этом основном вопросе правые занимали меньшевистские позиции противопоставления интересов профессионального движения общеклассовым интересам пролетариата.

Игнорируя революционные политические задачи профдвижения на новом этапе развала капиталистической стабилизации, правые в профсоюзах скатывались совершенно определенно к сотрудничеству с реформизмом. Эта «оборонительная» тактика подкреплялась у правых «теорией организованного капитализма» (Бухарин), выдающей с головой все ту же теорию мирного перерастания капитализма в социализм и «прикрашивающей» глубочайший пессимизм правых к делу и силам пролетариата.

Вместо укрепления партруководства в профсоюзах, сближения союзов с партией и осуществления генеральной линии партии, — правые боролись против этой линии и пытались противопоставить профсоюзы партии, другими словами, та же воскресшая меньшевистская теория нейтральности профсоюзов от политики, от партии.

Если позиции правооппортунистического руководства ВЦСПС вытекали целиком из платформы правого уклона в партии, то, с другой стороны, эти позиции правого уклона по вопросам профессионального движения целиком совпадают с «теориями» тред-юнионистских элементов, наиболее ярким представителем которых у нас является, бесспорно, В. Я. Яроцкий, и находят «подкрепление» в этих «теориях».

Необходимо эти правые взгляды освободить от одежды революционных фраз, или, как выразился тов. Каганович на заседании фракции ВЦСПС, «нужно раздеть оппортунизм наголо».

Только разоблачая тред-юнионизм в нашем профдвижении, возможно до конца устранить путы, которыми скованы еще ряд наших профорганов и расчистить почву для усиления теоретической работы в профсоюзах, для пропаганды и безраздельного господства ленинизма в продвижении. Этим мы поможем делу перестройки профсоюзов лицом к производству, к массам, к боевым задачам социалистической реконструкции хозяйства СССР и социалистического наступления пролетариата широким фронтом.

С. Ужанский.

Тракторизация*).

(Американские впечатления в свете наших задач по социалистической реконструкции сельского хозяйства).

IX.

На примере САСШ мы видим, как тракторами завладели наиболее крупные фермеры-капиталисты и как трактор принес не облегчение социальных проблем и противоречий, а их усложнение.

Дело в том, что американское сельское хозяйство переносит сейчас кризис, свойственный капиталистической системе. Трактор, как носитель новой техники, пришел в резкое противоречие с существующими в САСШ размерами ферм. Хотя по своим размерам американские фермы крупнее ферм других капиталистических стран, но своими размерами они отражали прошлый период механизации. Новая техника требует еще более крупных ферм. Мелкие фермеры не могут приобретать тракторов и под натиском крупного капитала сотнями тысяч покидают свои фермы. Капиталистическая реконструкция сельского хозяйства происходит на фоне ожесточенной социальной борьбы, жертвами которой падают мелкие фермеры.

Чтобы показать социальное лицо трактoропользователей, обратимся к данным статистики и отдельным обследованиям сельского хозяйства. Сейчас в САСШ имеется всего 15% фермеров (возможно, что на несколько %% больше) владеющих тракторами. По всем произведенным обследованиям с совершенной очевидностью установлено, что владельцами тракторов являются наиболее крупные капиталистические фермеры. Для примера возьмем хотя бы обследование тракторов в южных штатах. Оказывается, что в Алабаме средний размер фермы 76 акров, а средний размер фермы с трактором в том же штате — 344 акра. Аналогичные цифры по Джорджии дают 82 акра и 318 акров, по Сев. Каролине — 74 и 205, по Южной — 64 и 315, по Теннесси—77 и 293 и т. д., не будем умножать примеров. Это и так ясно.

Характерно, что фермы, имеющие тракторы, чрезвычайно сильно используют их для сдачи на сторону. На этот счет мы имеем многочисленные указания. Обследование тракторов в штате Индиана обнаружило, что «некоторые получают существенную добавку к своим доходам путем сдачи тракторов в наем».

Обследование по Дакоте констатирует, что на сторону сдают 49,8% всех владельцев тракторов. При этом указывается, что некоторые покупали трактор специально для этой цели. Другие же отдают

***) Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере.**

трактор в наем в дополнение к своему хозяйству. Интересна следующая таблица:

Группировка по размерам площади в акрах	% тракторов, употреблявшихся для работы на стороне	Средн. количество дней работы на стороне	Общее количество дней работы трактора
160 и меньше	66,7	19	41
161—320	50,0	13	51
321—480	39,0	10	53
481—640	33,0	7	61

Мы видим, что высшие группы, имеющие возможность лучше использовать трактор у себя в хозяйстве, прибегают в меньшем размере к сдаче трактора в наем, хотя и они это практикуют. Меньшие хозяйства считают для себя выгодным сдачу трактора в наем в значительных количествах.

Обследование тракторов по штату Нью-Йорк отмечает, что «многие владельцы тракторов при покупке трактора предполагали использовать его для работы вне своего хозяйства. Другие же делали это только по просьбе соседей или в целях использования возможности в свободное время заработать для лучшей оплаты затрат на покупку трактора».

Всего работали на стороне по штату Нью-Йорк 42% тракторов по 24 дня в среднем в год.

Обследование в штате Айова показало, что все тракторы употребляются для работы на стороне.

Ясно, что трактор в руках тех фермеров, которые могли его приобрести, а приобретает его верхушка фермеров, стал таким же орудием эксплоатации в отношении фермеров, лишенных трактора, как это было вскрыто Лениным в отношении лошадных и безлошадных хозяйств российской деревни.

Достойно внимания то, что американские аграрполитики в самое последнее время прекрасно усвоили себе ту истину, что, во-первых, трактор революционизирует сельскохозяйственное производство и снижает себестоимость, во-вторых, трактор тем выгоднее, чем он более нагружен, в-третьих, что настоящим потребителем и рациональным пользователем трактора может быть только крупное хозяйство. Американцы сделали отсюда практический вывод, вполне отвечающий духу страны: плюнуть на мелкое фермерское хозяйство, изнывающее в противоречиях, возникающих из невозможности поставить в этих хозяйствах рациональное производство и ориентироваться на крупное капиталистическое предприятие.

Трактор и крупный сельскохозяйственный инвентарь стали последней гирей на чаше весов судеб мелкого фермерского хозяйства.

Этот процесс вытеснения мелкого фермера начинает принимать сейчас наиболее болезненные формы на фоне длительной депрессии (как говорят американцы) в сельском хозяйстве.

Промышленность, ранее поглощавшая изгнанников из сельского хозяйства, сейчас уже обладает безработной резервной армией труда более 5.000.000 человек.

Промышленность перестает быть «обетованной землей» для бегущих с земли американских мелких фермеров. С другой стороны, превращение всех фермеров, разоряемых капиталистической конкуренцией в сельскохозяйственный пролетариат, имеет свои границы по тем же основаниям, как и приток в индустрию. Механизация сельского хозяйства, являющаяся первой ступенью рационализации

сельскохозяйственного производства, приводит к тому, что изгоняемая из мелкого сельского хозяйства рабочая сила может быть поглощена крупным хозяйством только в некоторой своей доле. В капиталистических условиях это приводит к огромному увеличению резервной армии, к обострению классовых противоречий.

Те социальные битвы, которые не за горами в САСШ, будут во многом питаться теми изменениями, которые принесла механизация сельского хозяйства и, в частности, трактор.

И если банкротящийся мелкий фермер и сельскохозяйственные рабочие смотрят со враждой на трактор, то эта вражда того же социального порядка, как вражда ремесленников и рабочих старой Англии к первым ткацким станкам. Но если эти станки сумели сконсолидировать промышленный пролетариат для борьбы с капиталом, то такую же роль сыграют и уже играют сельскохозяйственные машины в той системе машин, где головное звено принадлежит трактору.

X.

Мы знаем, что трактор в наших условиях является величайшим орудием в деле построения социалистического сельского хозяйства. Мы уже указали выше, что в деле организации хозяйства и в деле рационального использования трактора мы не только, так сказать, в перспективе имеем все преимущества по сравнению с капиталистическим хозяйством, но эти преимущества реализуем уже сегодня.

В чем мы должны учиться у американцев—это в ряде вспомогательных операций. Возьмем хотя бы такой на первый взгляд второстепенный вопрос, как заправка горючего. Ведь у нас это производится в буквальном смысле варварски. Горючее разливают в ведра и носят к тракторам, проливая на землю, теряя драгоценный матерьял, удорожая стоимость работы. Вместе с тем нет ничего проще организации автоматической заправки с точным учетом и полнейшим исключением каких-либо непроизводительных утрат горючего.

Пример с заправкой горючего — только пример. Точно так же обстоит дело с ремонтом, со сменой запасных частей и пр. и пр.

Всему этому мы можем и должны учиться у американцев. Но самое главное это—учиться у американцев, как делать и как усовершенствовать тракторы.

Еще в 1919 году американцы насчитывали более 120—130 фирм, изготовлявших тракторы. Теперь их не более 20. Это значит, что тип тракторов уже стандартизируется, что производство его пошло по линии массового производства на небольшом количестве предприятий, где применяется конвейер, стандарт и массовость продукции. Надо иметь в виду, что и в оставшихся предприятиях имеются такие, которые в ближайшее время прекратят производство. Это последнее показывает все большую и большую концентрацию.

Перед нами стоит задача не только производства тракторов вообще, но производства на основе всех новейших достижений и прежде всего массовости производства на отдельных единицах. Поэтому мы должны на первое время не столько стремиться к постройке новых заводов сверх тех, которые сейчас строятся и скоро начнут производить, сколько к максимальному расширению мощности этих заводов.

Вторая задача, которая стоит перед нами, это—детальная работа над отдельными улучшениями трактора применительно к нашим условиям. Американские фабриканты так и рыщут целой армией агентов по полям фермеров, собирая отзывы, производя обследования, ставя широкие опыты на специальных опытных фермах. *Каждый новый выпуск продукции сопровождается тем или иным улучшением.* Главным орудием рекламы становятся именно эти ежегодные улучшения в производстве тракторов.

В наших условиях крупных зерновых хозяйств, крупных колхозов, в условиях общественного контроля и открытых экспертиз тех или иных машин собирание отзывов о работе тракторов гораздо легче и гораздо продуктивнее. Секретов производства одного предприятия от другого мы не имеем, наши колхозники и совхозские рабочие и служащие так же заинтересованы в улучшениях тракторов, как и рабочие и служащие заводов, на которых изготовляются тракторы. Поэтому тщательное собирание отзывов с полей и тщательное использование рабочего изобретательства с лихвой восполнит нам то, что добывается в Америке за деньги в искусной, скрытой и открытой борьбе отдельных фабрикантов, в их бешеной конкуренции.

Связать опытное дело, хозяйственную практику и машиностроение воедино является необходимейшим условием в деле улучшения наших тракторов и приведения их в наибольшее соответствие к нашим условиям.

И здесь, как и во всем другом, преимущество нашей системы сразу скажется, и если мы сейчас строим тракторный завод для производства тракторов по моделям сегодняшних наилучших достижений Америки, то в самом процессе производства мы не отстанем от Америки в деле *совершенствования* нашей продукции *на основе уже нашего собственного опыта.*

И если мы начали статью с того, что привели примеры еще недавнего бывшего враждебного отношения к трактору, то укажем здесь, что в настоящее время *быть просто защитником и сторонником тракторизации* для нашего низового работника, для колхозника, для агронома *уже недостаточно.* Настоящим сторонником тракторизации является теперь тот, который всеми силами, каждый по-своему, помогает делу тракторизации. Здесь обширное поле деятельности и ворох неразрешенных вопросов. Мы должны встретить наши тракторы во всеоружии подготовленности и во всеоружии готовности дать им полную оценку и помощь во всех мелких и больших, основных и побочных улучшениях.

Мы должны еще лучше использовать наши тракторы, мы должны спроектировать и *развить производство крупного прицепного инвентаря,* мы должны решить тысячи вопросов ремонта, запасных частей, хранения, подвозки и заправки горючего, мы должны показать такие же образцы во всех других областях тракторизации, которые мы на первое же время показали в деле его использования в крупных хозяйствах.

Учет американского опыта во всех вопросах является для нас чрезвычайно важным, ибо на основе его освоения и улучшения мы и можем только достигнуть тех целей, которые мы себе ставим.

XI.

Нельзя не остановиться еще на некоторых вопросах тракторизации в связи с последними событиями на фронте коллективизации. Как и во всех других вопросах, *четкое понимание и проведение в жизнь генеральной линии партии является и в вопросе тракторизации залогом успешности нашего социалистического строительства.*

Известно, что вследствие целого ряда перегибов на местах, которые в последнее время получили исчерпывающее освещение, оценку и отпор всей

партии во главе с ее Центральным Комитетом, мы имели отлив в колхозном движении. В основном эти перегибы сводились к тому, что на местах не посчитались ни с принципом добровольности, ни с *разнообразием* социально-экономического уклада различных районов, ни с *направлением хозяйства,* ни с национальными особенностями отсталых республик, ни с *наличием технической базы.* В погоне за высокими процентами коллективизации ряд районов встал на путь противоположный партийным директивам, и административными мероприятиями насаждал коллективизацию, которая вскоре оказалась перед фактом распада. В настоящее время местные организации признали свои ошибки и по-большевистски исправляют их на посевном фронте.

Представляется чрезвычайно важным остановиться на допущенных ошибках *в разрезе тракторизации,* ибо мы имеем в этом вопросе совершенно ярко выраженные *«левые» загибы и правый уклон.*

«Левые» загибщики не хотели считаться с тем, что *разные районы вследствие разной технической базы должны иметь разные темпы колхозного строительства.* Нельзя же в самом деле сравнивать Московскую область с Северным Кавказом или Степью Украины. В Московской области мы не имели ранее достаточно широкого колхозного движения: в этой области относительно мелкого хозяйства интенсивного направления с малым, прямо ничтожным количеством тракторов *не было достаточной технической базы для того размаха коллективизации,* которую начали проводить московские товарищи. С другой стороны, в наших южных зерновых районах коллективизация уже имела славное прошлое, трактор играл там уже значительную роль и как технический фактор сельскохозяйственного производства и как организатор и агитатор крупного общественного земледелия, а большие земельные просторы и зерновое хозяйство на данном этапе был наилучшей базой для успешного развития коллективизации. И, хотя мы имели и в указанных районах ряд перегибов, все же *колхозное движение в этих сравнительно более механизированных зерновых районах развивалось наиболее успешно.* И в настоящее время мы имеем там крепкие колхозы, обязанные своей крепостью в большой мере машине. Таким образом, *«левые» загибы проявили себя в том,* что, не считаясь с технической базой, не считаясь с системой хозяйства, стригли все под одну гребенку, коллективизировали все и вся, скакали с единицы процентов коллективизации сразу до 90% и даже 100%, *стремясь отсталые в техническом отношении районы сравнять с механизированными.* Партия дала по рукам этим загибщикам и заставила выполнять постановление ЦК о темпах коллективизации, которое *диференцировало сроки сплошной коллективизации, исходя из разнообразия укладов и технического лица различных районов.*

Но в этом же вопросе проявился и проявляется и *правый уклон.* Он особенно опасен для развертывания колхозного движения. Суть его заключается в том, что коллективизировать можно-де только на высокой технической базе, на базе тракторизации. Здесь сказалось непонимание другого, чрезвычайно важного явления, что даже *простое сложение крестьянского примитивного инвентаря, простое сведение всех земель в один массив с уничтожением меж, все это сразу дает огромное преимущество колхозу по сравнению с единоличным, мелким, распыленным крестьянским хозяйством.* Об этом со всей четкостью сказал т. Сталин в своей известной речи у аграрников-марксистов. Встать на позицию правых уклонистов и строить колхозы *только* на основе тракторизации это значит искусственно тормозить колхозное строительство, это значит выступать против генеральной линии партии. Довольно напомнить, хотя бы, об огромном значении в коллективизации конных колонн. Опыт текущей посевной кампании, в которой колхозники отсеваются всюду раньше, лучше, чем единоличники, показывает, какие глубокие возможности имеются у нас в деле коллективного строительства даже без трактора. Ведь всем известно, что подавляющая масса наших колхозов трактора не имеет.

Таким образом, утверждение, что колхозы можно строить только на основе тракторизации, является не чем иным, как призывом к сворачиванию колхозного движения.

Правильная линия в деле колхозного строительства лежит, конечно, не в левых загибах и не в правом уклоне. Забегание вперед, не считаясь с районными особенностями и разнообразием технической базы, а в особенности установка на коллективизацию только на основе тракторизации — вредны и антипартийны.

Мы развиваем наше тракторное строительство и в кратчайший исторический период не только перегоним капиталистический мир, но сумеем и полностью механизировать на основе крупного колхозного и совхозного хозяйства все наше сельскохозяйственное производство, о чем даже Америка и мечтать не может.

Никто не может упрекнуть нас в том, что мы принимаем недостаточные меры к тракторостроению и механизации нашего сельского хозяйства.

Всячески развивая новую техническую базу, мы, однако, и сейчас имеем достаточно много возможностей к построению колхозов и без трактора. Каждому ясно, что колхоз на тракторной тяге является более высоко технически поставленным и лучше организованным. Но каждый должен ясно понять и то, что ожидать трактора для организации колхоза и задерживать колхозное движение это значит плестись в хвосте движения и быть самым настоящим правым уклонистом на практике.

В. Кнорин.

Текущий этап третьего периода и Коминтерн к XVI с'езду ВКП(б).

Со времени XV с'езда ВКП(б) прошло $2\frac{1}{2}$ года. За это время в мировом революционном движении развернулись события первостепенного значения. Правильная большевистская стратегическая линия Коминтерна в этих событиях могла быть определена только благодаря наличию правильного марксистско-ленинского анализа положения капиталистического мира и предвидению основных линий его развития. В основу этого анализа и предвидения легли следующие три положения, выдвинутые тов. Сталиным на XV с'езде:

> 1. «Из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,—именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации. Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию—такова диалектика развития капитализма в данный период».
>
> 2. «Дело идет к организации новых коалиций держав на предмет подготовки новых войн за внешние рынки, за источники сырья, за пути к ним». «Из стабилизации вырастает неизбежность новых империалистических войн». «Усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных фактов нынешнего положения».
>
> 3. «Если такой факт, как убийство Сакко и Ванцетти, мог послужить поводом для демонстраций рабочего класса, то это с несомненностью говорит о том, что в недрах рабочего класса накопилась революционная энергия, которая ищет и будет искать повода, случая, иногда самого незначительного с виду случая для того, чтобы прорваться во вне и обрушиться на весь капиталистический режим. Мы живем накануне нового революционного под'ема как в колониях, так и в метрополиях. Из стабилизации вырастает новый революционный под'ем».

Эти три положения той части доклада тов. Сталина на XV с'езде ВКП(б), которая была посвящена вопросам международным, легли в основу всей работы Коминтерна за истекшие $2\frac{1}{2}$ года и определяли его стратегическую линию. Разве решения VI мирового конгресса, констатировавшего наличие третьего периода послевоенного кризиса капитализма, не были только развитием и конкретизацией этих положений, разве в основу оценки стабилизации, данной VI конгрессом не легло положение тов. Сталина, что «стабилизация капитализма становится все более и более гнилой и неустойчивой». Разве в основу анализа X пленума ИККИ, что третий период есть период развертывания великой волны классовых битв, не легли те же положения? Разве не они определяли решительную и беспощадную борьбу Коминтерна против правых оппортунистов и примиренческого к ним отношения?

Теперь, когда все признаки третьего периода, как периода углубления и обострения кризиса и начала распада стабилизации капитализма широко развернулись, колоссальное значение анализа XV с'езда ясно всем.

Развитие техники и производительных возможностей, рост производства и торговли привели не к укреплению стабилизации, как предполагали правые, а к обострению всех внутренних и внешних противоречий современного капитализма и к началу распада стабилизации, как предвидел наш XV с'езд. Самого распада стабилизации еще нет, он еще впереди, но не видеть его начала, значило бы стать на явно-оппортунистическую точку зрения, значило бы сойти с той позиции диалектического понимания развития современного капитализма, которая была признана XV с'ездом.

Противоречия между ростом производительных возможностей и рынками сбыта за эти 2½ года обострились с колоссальной силой. Все хозяйство капиталистических стран задыхается в этих противоречиях. Внутренний рынок остался почти стабильным. Покупательная способность рабочих масс не увеличивается. Снижение удельного веса переменного капитала в промышленности привело в ряде стран к стабильности, а в отдельных странах к падению суммы заработной платы, а следовательно, и к общему падению покупательной способности рабочих. Возросло колоссально количество безработных, обреченных на физическое вымирание. Доля рабочего класса в стоимости промышленной продукции год от году падает. Тенденция абсолютного обнищания рабочего класса в целом вырисовывается все более ясно. Сельскохозяйственный кризис, выражающийся прежде всего в падении цен на рожь и пшеницу в основных производящих странах уменьшает покупательную способность широких крестьянских масс. Если увеличивается удельный вес в потреблении промышленной продукции имущих классов, то это дает только один результат: накопление богатств на одном полюсе при накоплении нищеты на другом полюсе. Во внутреннем потреблении с каждым днем возрастает доля предметов роскоши и буржуазного обихода, при падении доли производственного и массового потребления. Это не может не вызвать обострения классовых противоречий, это и есть об'ективная причина радикализации широких масс трудящихся.

Особенно сильно сокращается внутренний рынок в крестьянских и полукрестьянских странах и в странах колониальных и раз'едаемых гражданской войной (Китай),— в Польше и на Балканах, где заработная плата никогда не поднималась до довоенных пределов, где в связи с падением цен на сельскохозяйственную продукцию, относительное обнищание широких крестьянских масс особенно усилилось. Особенно сократился потребительский рынок в ряде колониальных стран и полуколоний, хищническая эксплоатация которых страшно усилила их внутреннее истощение и обнищание широких масс трудящихся. Это, с одной стороны, уже в ряде случаев приводит к экономической невыгодности отдельных колоний (итальянские колонии в Африке), с другой стороны, к усилению экономической эксплоатации, хищения и политического гнета, при уменьшающихся производственных вложениях как в этих истощенных, так и в других колониях. Это и является об'ективной причиной для роста революционного движения и восстаний в колониальных и полуколониальных странах.

Рост производственных возможностей, стабильность внутреннего рынка, частичное сокращение покупательной способности ряда крестьянских стран, колоний и полуколоний обостряет нужду в рынках и вместе с тем, с одной стороны, борьбу за рынки между отдельными капиталистическими странами, с другой стороны, протекционистские тенденции в них. Борьба

между отдельными группами капиталистических государств дала возможность Германии восстановиться, стать серьезным фактором на международном рынке, дала возможность воскреснуть германскому империализму. План Юнга с установлением твердых платежей для Германии и коммерциализацией их, дает возможность германскому капиталу более свободно бороться за свое место под солнцем и в то же время даст возможность выступить конкурентом других империалистических стран, если ему удастся свалить все тяжести плана Юнга на трудящиеся массы Германии и обеспечить продукцию более дешевую, чем продукция других стран. Отсюда вытекает, с одной стороны, согласие германской буржуазии на принятие плана Юнга, с другой стороны, возрастающая агрессивность ново-германского империализма как по отношению к трудящимся массам своей страны, так и по отношению к Советскому Союзу, как неиспользованному широкому рынку. Отсюда вытекает перспектива усиления германской конкуренции с англо-французским капиталом, которая экономически компенсируется твердыми платежами Германии, Англии, Франции, Бельгии и Италии, но политически не может не привести к созданию новых немецко-французских и англо-немецких противоречий, как она уже приводит к нарастанию польско-немецких противоречий. Обострение борьбы за рынки приводит к росту таможенного барьера между отдельными странами, к усилению и обострению таможенной войны. Ярким показателем этого является введение новых защитительных пошлин почти во всех европейских странах (подготовка этого в Соединенных Штатах) на промышленные товары, введение новых пошлин на сельскохозяйственные продукты в ряде промышленных стран для защиты их сельского хозяйства от конкуренции переживающих кризис аграрных стран, попытки образования имперской протекционистской консервативной партии и рост протекционизма в Англии и полный провал Женевской конференции по таможенному перемирию. Ярким показателем этого, выраженным уже в военноморских величинах, является Лондонская конференция по морскому разоружению с ее трагикомическим концом. Отсюда неустойчивость всех блоков капиталистических государств, отсюда нарастание наряду с основным противоречием — англо-американским противоречием — новых противоречий между отдельными европейскими государствами и группами государств (Италия — Франция, Англия — Франция и т. д.). Отсюда усиление попыток создать единый блок империалистов против СССР и вместе с тем трудностей создания такого блока и появление все новых щелей в уже сколоченном блоке в связи с усиливающейся борьбой в этом блоке за гегемонию и за первенство при дележе добычи. Все это является об'ективной причиной нарастания опасности войн между капиталистическими государствами и войны капиталистов против СССР.

Экономический кризис в САСШ, в стране наиболее расширившей свои производственные возможности и развившей свою технику, кризис, являющийся следствием чрезмерного роста продуктивности труда при ограниченном внутреннем и внешнем рынке, в условиях особенно резкого обострения мировых противоречий между ростом производственных возможностей и стабильными возможностями продажи, в условиях длительной депрессии и кризисов в ряде европейских стран и колоний, быстро переползает во все капиталистические страны, углубляя кризис в странах хронического кризиса и депрессии и форсируя начало кризиса в странах высокой кон'юнктуры. В самих САСШ кризис, приближаясь к годовщине нью-йоркского биржевого краха, показывает все большее углубление, полную несостоятельность мероприятий по его смягчению и отсутствие перспектив на быстрый его конец. Развитие американского кризиса разбило теорию о возможностях бескризисного развития. Превращение американского кризиса в мировой разбивает как «теории» о том, что он усилит прилив капиталов в Европу, так и «теорию» о возможности бескризисного развития. Неравномерность капиталистического развития и неравномерность предкризисной экономической кон'юнктуры сказываются только на ландшафте мирового экономического кризиса, нарастание которого ускоряется вследствие влияния кризиса в САСШ.

Самыми глубокими пунктами на ландшафте кризиса среди европейских стран являются Польша, Австрия, Балканы и Испания. Среднее место занимает Германия. Наименее затронутыми кризисом временно еще остаются страны недавней высокой кон'юнктуры — Франция, Бельгия и Швейцария. В Польше экономический кризис по своей глубине уже превосходит предыдущий кризис 1925—26 г. и начинает перерастать в политический кризис фашистского режима. В Испании развитие кризиса уже привело к падению диктатуры Примо де Ривера и замене его другим диктатором Беренгуэром. Если в Польше экономический кризис уже начинает перерастать в политический кризис, начинают появляться первые признаки распада фашистского блока (уход бывшего министра финансов Чеховича из ББ, уход экономиста Кржижановского и т. д.), то в Германии буржуазия еще об'единяется для проведения плана Юнга и подавления сопротивления рабочего класса для концентрированного наступления на пролетариат, на зарплату, на условия труда, на страхование от безработицы и т. д. Но все это указывает только на различную глубину и различные ступени развития кризиса. Страны с наиболее глубоким развитием кризиса являются образцами для стран с менее глубоким кризисом, а не наоборот,— это является неизбежным выводом из хода событий. Начавшийся кризис ведет к дальнейшему расшатыванию стабилизации, к расшатыванию крепости и мощи классового господства буржуазии.

Период XV с'езда ВКП(б) и VI мирового конгресса Коминтерна был переходом к третьему периоду. Основной характеристикой ситуации тогда была все более выявляющая свою гнилость и шаткость стабилизация, стабилизация с нарастающими противоречиями и перспективой кризиса. Период X пленума ИККИ был уже периодом быстрого назревания кризиса на основе этих противоречий, резко обозначившегося полевения масс, периодом начинающихся великих классовых битв как в метрополиях, так и в колониях. Период XVI с'езда — это дальнейший этап развития третьего периода — капиталистический мир уже находится в тисках кризиса, бои развертываются все шире, становятся все острее, все чаще направляются против капиталистического режима в целом. Таковы — до сих пор — этапы развития третьего периода, блестяще оправдавшие анализ XV с'езда.

Каковы методы капиталистов для борьбы с революционным под'емом масс, с кризисом и его последствиями?

Эти методы — «рационализация» предприятий, фашизация государственной власти, подавление рабочего класса в метрополиях и освободительного движения в колониях, подготовка империалистической войны и, прежде всего, войны против СССР.

В условиях развивающегося и углубляющегося кризиса острее, чем когда-либо, начинает чувствоваться анархия капиталистического способа производства. Даже социал-демократические проповедники «организованного хозяйства» начинают кричать о ней, забывая свои собственные теории. Ирония судьбы, что как раз в период предкризисного обострения борьбы между трестами за рынки, в период обостряющейся внутренней и внешней конкуренции, тов. Бухарину случилось выступить в качестве проповедника гильфердинговской теории «организованного хозяйства». Коминтерн повел сокрушительную борьбу с этой теорией. На самом же деле теперешний этап характеризуется наиболее отчаянной борьбой между трестами и синдикатами. В некоторых случаях победители предоставляют побежденным почетные условия мира и союз, разделив сферы влияния, но часто борьба кончается фузионированием, победитель поглощает побежденного, образуя более

могучее и капиталообильное об'единение. Не поддающиеся раздвижке рамки рынка приводят к ожесточенной борьбе за квоты продажи, определяемые об'единениями, происходит откупка или просто грабеж квот более сильными у менее сильных, уничтожение слабых,— идет новая волна концентрации, синдицирования и трестирования. Это сказывается на рабочих массах двояко,— во-первых, в виде так наз. «негативной» рационализации, т.-е. приостановки ряда предприятий или цехов на предприятиях, чтобы другим дать возможность полной работы, во-вторых, в виде так наз. «позитивной» рационализации, под которой в теперешний период в гораздо большей мере, чем в предыдущий период, подразумевается ухудшение условий труда рабочего, удлинение рабочего дня, снижение зарплаты, при самых незначительных технических нововведениях. Таким образом, капитал усиливает до крайности свою хищническую эксплоатацию, угрожая в то же время приостановкой предприятий и безработицей эксплоатируемому им рабочему. Экономической концентрации капитала соответствует рост концентрации политической государственной власти и усиливающиеся фашистские тенденции во всех промышленных странах,— угрожающему развалу стабилизации и обострению классовой борьбы пытаются воспрепятствовать фашистскими методами подавления масс. Для организации войны против СССР особо форсируется создание фашистского кордона вокруг СССР. Это значение, безусловно, имеет возвращение Кароля в Румынию и провозглашение его королем; это значение, безусловно, имеет последнее политическое обострение и наступление фашизма в Финляндии.

В промышленных странах Европы финансовая олигархия все более концентрирует государственную власть в своих руках, в руках узких групп, связанных с руководящими банками и подчиняющихся им. Внепарламентские закулисные силы получают все большее непосредственное влияние на дела государственного управления. Кризис в буржуазных партиях есть выражение концентрационных тенденций финансового капитала, выражение фашизации государственного строя для концентрированного наступления на рабочий класс. Усиливая, с одной стороны, террор и погромы против революционных выступлений рабочих и особенно авангарда пролетариата—коммунистических партий и всех революционных организаций, капитализм, с другой стороны, производит увеличение косвенных налогов, снижение пособий по безработице и по болезни и пытается провести удлинение рабочего дня и сокращение зарплаты, в чем заключается основа основ его фашистской экономической программы.

Наступлению капитала на жизненный уровень рабочих масс противопоставляется растущее полевение масс, растущий революционный под'ем, обострение классовой борьбы, увеличенная мобилизационная способность компартий. Социал-демократия, ставши на позиции защиты капиталистического хозяйства и поощрения капиталообразования, выступает против всех попыток рабочих улучшить свое материальное и правовое положение. Все более ярко вырисовывается ее штрейкбрехерская и социал-фашистская роль. Это особенно ярко выявляется в тех странах, где социал-демократы находятся у власти. С приходом к власти социал-демократов обыкновенно усиливается террор по отношению к революционному рабочему движению, усиливается нажим на рабочих для подчинения их принудительному государственному арбитражу. Поэтому забастовочное движение принимает новый характер. В тех случаях, когда руководство движением за повышение зарплаты или сохранение существующей реформисты, проводя штрейкбрехерскую тактику, берут в свои руки, оно обычно или не доходит до забастовок или забастовки кончаются принудительным арбитражем, при котором или ломается борьба за повышение, или проводится частичное снижение зарплаты. Всякая забастовка теперь в более или менее откровенной и острой форме направлена против тройственного союза предпринимателей, реформистов и капиталистического государства. Забастовку становится трудно вести, потому что бастующие за редкими исключениями не получают пособий. Но зато забастовки быстро перерастают рамки экономических забастовок и все чаще становятся политическими. Лозунг массовой политической забастовки становится все более популярным. Наряду с забастовочным движением, как метод классовой борьбы, все большее значение начинают получать политические уличные демонстрации работающих и безработных. Особенно широко эта форма революционной массовой борьбы была использована в Германии и Польше, где уличные политические демонстрации стали крупнейшим фактором мобилизации масс и расширения влияния компартии. Острота этой формы классовой борьбы особенно выявилась в Германии, Америке и Польше, где большинство демонстраций кончаются столкновениями с полицией и рабочим удается удержать за собой улицу. Таким образом, мы стоим перед фактом действительного и широкого под'ема революционных настроений масс, идущих все более под руководством компартии и все более высвобождающихся из-под влияния социал-демократов.

Однако, несмотря на предательство социал-демократии, ее влияние в рабочей массе еще не сломлено, распада социал-демократии еще нет, есть только нарастание недовольства в социал-демократических рядах и признаки начинающегося распада. Но распад социал-демократии впереди, он неизбежен, он приближается, так как противоречия между вождями и государственными чиновниками — социал-демократами и социал-демократическими рабочими массами становится все острее, ибо вожди должны и пойдут все более вправо, тогда как кризис с неизбежностью ведет к полевению масс. Процесс распада социал-демократии не может быть отсрочен их так называемыми «левыми» маневрами, удельный вес и возможность усиления этих штрейкбрехерских маневров слишком незначительны в общем процессе фашизации с.-д. (здесь вопрос решает, прежде всего, рост массовой работы и организационно-политическая мощь и маневреспособность компартий), распад которой (с.-д.) *стал исторически неизбежен*. Этим самым произойдет высвобождение большой революционной энергии рабочих масс, которая будет направлена в русло революционной классовой борьбы. Но одной из самых важных черт теперешнего под'ема масс является то, что он происходит одновременно в метрополиях и колониях, что в обоих половинах он направлен против социал-демократии. Индийская революция и иоркширская забастовка рабочих-шерстяников—два кола в английскую «рабочую» партию. Рабочее движение в Бельфоре, Бордо, Нанси и восстание в Индо-Китае, направленные против французского капитала, направлены одновременно против партии Бонкура и Жуо. И не даром полиция в Ленсе защищала Бонкура и Жуо от рабочих, а рабочая демонстрация осыпала эту полицию и их подзащитных камнями.

Мировой характер теперешнего кризиса, повсеместность полевения масс, одновременность революционных выступлений в колониях и метрополиях делают этот период особенно опасным для капитализма, углубляют кризис и ускоряет приближение революционной ситуации как в метрополиях, так и в колониях, приближают период решительных боев. Поэтому данный период является особенно ответственным для наших партий, требует от них напряжения всех сил для использования этой ситуации и развертывания боев, для политизации экономических стачек и вовлечения в них широких масс рабочих, для об'единения в метрополиях борьбы безработных и работающих, для об'единения в аграрных странах боевого союза рабочих и крестьян под гегемонией пролетариата, для направления колониального освободительного движения под руководство пролетариата, для укрепления повсюду и везде руководящей роли компартии. Для успеха в этом решающим фактором является правильная и революционная линия компартий и Коминтерна в целом.

Из оценки третьего периода, из перспективы обострения противоречий и кризиса капитализма, из перспективы загнивания и развала стабилизации, из перспективы растущего полевения масс и приближающихся больших классовых битв вытекала основная стратегическая линия Коминтерна. То обстоятельство, что социал-демократия из социал-шовинистов и социал-империалистов во время империалистической войны через ряд переходных ступеней превратилась в партию социал-фашистов, что реформистский профсоюзный аппарат уже не может быть завоеван нами, поставило нас в новые положения по отношению ко всем руководимым реформистами массовым организациям. Задача мобилизации масс для *овладения* этими организациями заменилась борьбой за мобилизацию масс как в рамках этих организаций, так и вне их против их вождей и не с целью завоевания этих организаций (отчего, однако, мы не отказываемся, и что еще возможно в отдельных локальных случаях), но с целью завоевания масс, дав им наглядный урок революционной коммунистической тактики. Таким образом, должен был стать по-новому целый ряд тактических проблем. Еще раньше выставленный нами лозунг класс против класса, в условиях превращения социал-демократии в партию социал-фашистов, должен был проводиться так, чтобы каждому рабочему стало ясно, что с.-д. вожди стоят по ту сторону баррикад, больше того, что они являются и активно выступают основным орудием буржуазии против мобилизации пролетарских масс на борьбу и для действительной революционной борьбы против капитала. Поэтому тактика единого фронта сверху и снизу стала уже немыслимой, *только тактика единого фронта снизу с массами* соответствует сейчас нашей стратегической задаче. Поэтому в настоящее время недостаточно деклараций о необходимости единого фронта, заявлений, агитации и т. д. Теперь единый фронт рабочих может быть создан только на основе того, что коммунистическая партия развертывает свою революционную тактику и, на основе ее, об'единяет широкие массы рабочих. Поэтому необходимо не только самостоятельное выступление на всех выборах в парламенты, но и самостоятельное выступление при выборах в фабзавкомы, в забастовках, одним словом, во всех классовых выступлениях пролетариата. По этой линии шли наши разногласия с оппортунистическими элементами во всех партиях. Правые, отрицая наличие третьего периода, отрицая обострение противоречий и загнивание стабилизации, отрицая наличие радикализации масс, стали по основным вопросам на ту же платформу взглядов, на которой стоят соц.-демократы. Расхождение с правыми означало расхождение по всей сумме тактических вопросов, означало расхождение в выборе стратегической линии. Борьба с правыми—это была борьба за революционную стратегическую линию Коминтерна против полуреформистской, капитулянтской, бесперспективной линии правых, ведущей к социал-демократии и, фактически, к примирению с капитализмом.

Борьба с правыми была основной линией для определения революционной стратегии Коминтерна за истекшие два года. Коммунистические партии в этой борьбе выросли и увеличили свою мобилизационную способность. Крупнейшая работа при этом выпала на компартию Германии, как на лабораторию революционной стратегии и тактики.

Но в ходе борьбы с правыми стала все яснее выявляться необходимость вести борьбу и против «левых» загибов, выражающихся в переоценке ситуации, в фактическом отказе от применения тактики единого фронта, от выставления частичных требований, от ведения экономических забастовок, в понимании фашизации социал-демократии, как фашизации всех, имеющих в кармане партбилет социал-демократов и в фактическом отказе от борьбы за рабочих, организованных в социал-демократической партии и в реформистских профсоюзах. Эти «левые» загибы стали принимать характер крупной опасности для организационного укрепления партий и для борьбы за большинство рабочего класса. «Левый» загиб, получивший свое, наиболее яркое выражение, в Чехо-Словакии (группа т. Фрида) и в позиции тов. Меркера в КП Германии, стал серьезной опасностью для нашего влияния, хотя по своему характеру он и является уклоном не в стратегии, а в тактике партии.

Поэтому Коминтерн ведет борьбу на два фронта: против правой опасности, как против главной опасности, особенно против оппортунизма на практике,—и против «левых» загибов, мешающих преодолеть оппортунизм на практике и развертывать массовую работу компартий для борьбы за большинство рабочего класса. Борьба на два фронта — основная тактическая и стратегическая линия Коминтерна. Коммунистические партии в борьбе против главной—правой—опасности имеют уже крупный опыт, но не научились еще бороться с проявлениями правой опасности на практике,—в борьбе же против «левого» сектантства в связи с задачами третьего периода они еще имеют весьма недостаточный опыт. Классические проявления «левого» сектантства в чехо-словацкой партии были Коминтерном своевременно раскритикованы, но чехо-словацкий опыт не дал значительного урока для других партий. Большое значение для развернутой борьбы против «левых» загибов, против сектантства получили решения компартии Германии о борьбе против «левых» ошибок, сделанных т. Меркером в области профсоюзного руководства, в особенности, в области борьбы за завоевание рабочих, идущих еще за социал-демократами. Ошибки «левого» характера, проделанные профработниками партии, успели уже нанести вред партии при выборах в фабзавкомы. Если правый уклон подрывал влияние партии в массах, то «левые» загибы отталкивали рабочих тем, что за революционными фразами зачастую не было дела, что делалось очень мало для вовлечения в единый фронт борьбы революционных масс рабочих, обманутых и еще находящихся в рядах социал-демократии и идущих за ней реформистских профсоюзов. Таким образом, совершенно ясно, что «левые» загибы мешают партии, усвоившей большевистскую линию, стать действительно массовой партией. Оппортунисты всех мастей переход к борьбе на два фронта—этот старый большевистский принцип, при проведении которого каждый раз мы выбираем, какая из опасностей является главной, как распределять между ними наши удары—пытались рассматривать, как поворот, как оправдание ряда своих положений, но они не могли не понять того, что одновременно борьба на два фронта выбивает последнюю опору у них из-под ног, что борьба на два фронта есть признак действительной большевизации и приводит к уничтожению в корне правого уклона.

Борьба на два фронта — против правого уклона и «левых» загибов — есть метод борьбы за массы для выполнения тех больших задач, которые перед компартиями теперь стоят. Основной нашей задачей в данный момент является напряжение всех сил, мобилизация масс за линию Коминтерна, для использования теперешней ситуации, теперешних обострившихся противоречий капитализма, вызванного ими полевения масс, чтобы развернуть революционную классовую борьбу за требования рабочих, чтобы переводить экономические бои в политические, чтобы, об'единяя борьбу работающих и безработных, поднимать ее на высшую ступень и направлять против капиталистического режима в целом.

Существуют только два пути для выхода из всеобщего кризиса капитализма. Первый — развертывание классовой борьбы, поднятие сознательности рабочих, организация их для выступления против капиталистического строя в целом под руководством компартии, превращая теперешнюю ситуацию в ситуацию непосредственно-революционную. Второй — кровавое подавление рабочих масс капиталом, ухудшение их экономического положения, усиление эксплоатации, физическое вымирание безработных, временное укрепление стабилизации капитализма в отдельных странах за счет рабочих. При чем и этот второй путь может только несколько отсрочить гибель капитализма, но не может его стабилизировать, не может укрепить его основных позиций, не может решить до конца ни одного коренного вопроса. Нашей задачей является использовать этот кризис, развившийся на основе всеобщего кризиса, как трамплин для форсирования приближения революционной ситуации. Нашей отправной точкой при этом является:

Во-первых, развитие экономической борьбы работающих и борьбы безработных. Коммунистический Интернационал, дав правильный анализ теперешнего периода, раз'яснивши диалектику современного развития, освободивши компартии от тормозящих их революционное развитие правых элементов, боящихся революции,—должен научить компартии мобилизовать на этой основе самые широкие массы для отражения наступления капитала на жизненный уровень рабочего класса. Коминтерн должен научить партии, как втягивать в борьбу самые широкие слои организованных и неорганизованных рабочих. Ненормальным мы должны считать то положение, когда при растущем полевении масс недостаточно широко развертываются экономические бои, когда целый ряд антирабочих выступлений предпринимателей не встречает должного отпора. В этом вопросе нельзя недооценивать значение тактических и организационных (кажущихся на первый взгляд мелкими, а по существу казенных) недостатков, отдавая, однако, крупнейшую роль нашей политической линии. Нельзя не бороться против недооценки работы среди неорганизованных рабочих, но нельзя в то же время упускать из виду значения нашей работы среди организованных рабочих, борясь не за завоевание реформистских организаций, а за укрепление в них революционной оппозиции. Только при этом условии мы будем в состоянии действительно развернуть под нашим руководством широкую борьбу рабочих масс на предприятии. Мы выработали революционную забастовочную тактику и стратегию, мы имеем обстановку, которая чрезвычайно благоприятствует развертыванию экономической борьбы и превращению ее в политическую. Мы должны на основе этих данных развернуть действительное массовое забастовочное движение и действительно поднять отдельные экономические забастовки до уровня политических забастовок. Мы придаем очень большое значение борьбе безработных, этой наиболее страдающей от современного кризиса капитализма части рабочего класса. Безработные массы в демонстрациях в Польше, Германии, Америке проявили колоссальный революционный энтузиазм и готовность к борьбе. Мы не можем работу среди безработных оставить ни на один день. Мы должны борьбу безработных об'единить с борьбой работающих. И именно потому, что наша способность руководить работающими на фабрике отстала по отношению к нашей способности руководить безработными на улице, а это означает общую слабость нашего руководства выступлениями масс,—нашей отправной, ударной линией теперь должна быть работа на предприятиях, которая не оторвана, не противопоставляется работе среди безработных, а дает ей единственно прочную основу.

Во-вторых, мобилизация крестьянских масс и укрепление их союза с пролетариатом для борьбы против капитализма под руководством компартий. Мы должны учитывать тяжелые предрассудки крестьянских масс, но мы должны сознаться, что наше политическое влияние и среди них несравненно больше нашего организационного обхвата. Европейский крестьянский конгресс в марте 1930 г. был первой попыткой за последние годы проникнуть в толщу беднейших крестьян. Но он не всколыхнул еще широкой крестьянской массы, а наши партии слишком мало делают для присоединения крестьян к нашему революционному фронту. Ряд европейских партий не ведет почти никакой работы среди крестьян. А кризис ложится тяжко на беднейших крестьян, капиталистическая рационализация сельского хозяйства бьет по бедняку и середняку. Противоречия в деревне нарастают с большой быстротой.

В-третьих, *мобилизация и помощь колониальным массам трудящихся*. Колониальные восстания переходят в новую стадию, в них растет влияние пролетариата, они все больше переходят в стадию борьбы за советы, они все более принимают характер революций. Колониальные восстания стали повсеместными, нет уже такого уголка на земном шаре, который бы не бунтовал против империалистического гнета. Но колонии есть и остаются основой современного капиталистического могущества, хотя целый ряд из них истощены до крайнего предела, хотя военные расходы по охране и содержанию их растут. Индийская и китайская революции поэтому должны составить одну из основных забот Коминтерна.

В-четвертых, наш *фронт против социал-демократии*. Без того, чтобы разбить социал-демократию, нельзя организовать большинство рабочего класса и нельзя разбить капитализм. Мы усвоили, что социал-демократы стали социал-фашистами, но мы не научились еще отрывать у них большие массы рабочих. Тактика социал-демократов ведет к развалу их организаций. Но этого развала не может быть без систематической большевистской работы по отрыву рабочих от социал-демократии, без беспощадного разоблачения их, как социал-фашистов и предателей. Поэтому колоссальное значение получает, напр., иоркширская забастовка в Англии, направленная, прежде всего, против правительства Макдональда.

Наши партии уже не небольшие пропагандистские группы, это—партии борьбы. Но они недостаточно растут организационно, общее количество их членов не увеличивается, хотя растут массы, поддерживающие нашу политику. Организационная вербовочная сила меньше их политической вербовочной силы. Есть кадр в наших партиях, который проделал всю историю нашего движения, но часть вновь входящих членов зачастую недостаточно втягивается в партработу и чувствует себя недостаточно связанной с партией, не осознает необходимости крепко держаться за партию. Не будучи вовлечены в активную работу и удовлетворяясь зачастую внутренней работой ячеек, эти новые товарищи нередко опять из партии уходят, остаются в стороне от активной работы, не становятся активом партии. Кое-где на этой основе возникают оппортунистические «теории», что наши партии теперь могут быть только партиями кадров, а не партиями масс. Только *пролетарская самокритика* может помочь нам устранить недостатки в нашей партийной работе, мешающие им превратиться в массовые, поэтому и развертывание самокритики является основной задачей дня.

Обстановка ставит перед нами большие задачи. Мы работаем в период нарастания противоречий капитализма и развертывания великих классовых битв. Наша линия подтверждена жизнью. Но Коминтерн не выполнит своей задачи, если не сумеет на основе этих об'ективных данных развернуть широких массовых выступлений пролетариата против капитализма. *В этом заключается теперь задача, которую нужно решить* и решению которой XVI с'езд нашей партии, ведущей партии Коминтерна, как и его предшественник, XV с'езд, даст большевистский ответ.

Л. Альфред.

Как международная буржуазия готовится к гражданской войне.

1. Голое насилие — составная часть наступления капитала.

«Революция идет вперед тем, что создает сплоченную и крепкую контрреволюцию, т.-е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам защиты и вырабатывает таким образом все более могучие средства нападения».

Так формулирует Ленин в своей статье «Уроки московского восстания» одно из чрезвычайно глубоких и верных положений Маркса, развитое им в своих трудах «Гражданская война во Франции» и «18-е Брюмера». Правильность этого положения очень ясно обнаруживается в теперешней стадии обостренной борьбы между трудом и капиталом. Глубокий экономический кризис умирающего капитализма и вызванное им недовольство, могучий под'ем революционного движения масс, все теснее сплачивающихся вокруг своих коммунистических партий, вынуждает империалистов проявлять отчаянную активность и изобретательность по созданию «сплоченной и крепкой контрреволюции», т.-е. по мобилизации и сосредоточению всех сил реакции на борьбу с революционным движением масс, с «призраком коммунизма», который сейчас бродит не только по Европе, а буквально по всему свету, внушая представителям и агентам умирающего империализма предсмертный страх, предчувствие его неизбежной гибели.

Эти мероприятия международной буржуазии принимают теперь форму прямой *подготовки к гражданской войне* против пролетариата и против трудящихся масс вообще. Эта подготовка к гражданской войне внутри капиталистических стран идет рука об руку с подготовкой империалистической разбойничьей войны против Советского Союза и с постоянными военными операциями против угнетенных империализмом колониальных народов.

В том, что буржуазия применяет вооруженное насилие против трудящихся масс и жестоко расправляется с носителями их освободительной борьбы и что она к этому систематически готовится, нет ничего нового и особенного. Эксплоатация трудящихся масс при помощи голого насилия — это основная «миссия» капиталистического общества. Но внутри этого общества на всем протяжении его существования проводилось такое общее распределение «труда», что предприниматели сами непосредственно руководили эксплоатацией, а буржуазное государство — этот комитет буржуазии — выполнял функцию «поддержания порядка» путем целой системы голого насилия, запугивания и духовного закабаления эксплоатируемых народных масс.

Эксплоатация и вооруженное насилие идут на всем протяжении истории капиталистического общества рука об руку, дополняя друг друга. При обострении эксплоатации и сопротивления трудящихся масс обостряется и вооруженное насилие, усовершенствуются его методы, усложняется и расширяется аппарат насилия.

После мировой войны 1914 — 18 гг. наступление капитала на рабочий класс ведется неслыханными раньше формами эксплоатации и насилия. Капиталистическая рационализация, которая означает систематическое ухудшение положения рабочего класса и выбрасывание на улицу миллионов безработных пролетариев, сопровождается неслыханной интенсивностью и невиданными до мировой войны методами подготовки к гражданской войне, кровавой расправы с нарастающей революционной волной. Изучение этих новых методов насилия и составляет предмет данной статьи.

2. „Научная" и идеологическая подготовка гражданской войны.

«Передовой страной» в области подготовки гражданской войны против пролетариата нужно признать Германию. Это не случайно. Больше чем любая из других капиталистических стран Германия была после мировой войны потрясена ожесточенными классовыми боями, которые неоднократно принимали форму вооруженной борьбы. Напомним только о следующих эпизодах из истории богатого опыта гражданской войны в Германии: в 1918 году ноябрьское восстание моряков в Киле и последующее восстание во всей кайзеровской армии, которое означало превращение империалистической войны в гражданскую; в 1919 январские дни в Берлине и майские бои в Мюнхене; в 1920 году мартовское восстание рурского пролетариата, в 1921 году мартовское восстание в Средней Германии, в 1923 году гамбургское восстание, в 1929 году кровавое 1 мая в Берлине и последующие многочисленные боевые демонстрации рабочих, которые то и дело кончались кровавыми столкновениями с полицией или фашистами.

Опыт этих боев имеет огромное значение для германского пролетариата. В этих боях он приобрел боевую закалку. Коммунистическая партия Германии, руководившая этими боями, выковалась в них сильной революционной партией. На опыте этих боев германский пролетариат учится для будущих решающих битв. Но нужно признать, что и германская буржуазия в полной мере учла опыт этих боев для себя, вывела из него все теоретические и организационные выводы, усовершенствовала до последней черты свой аппарат гражданской войны против пролетариата.

Подавление вооруженных восстаний и всяких «внутренних беспорядков», уличная борьба и тому подобные вопросы, которые раньше в военной литературе занимали незначительное место, стали после мировой войны самыми жгучими и центральными вопросами германской военной мысли. Многочисленные генералы, полицейские офицеры, социал-демократические и прочие государственные мужи буржуазии занимались весьма интенсивно «научным» исследованием опыта гражданских войн в Германии и написали на эту тему огромное количество более или менее серьезных трудов, которые все ставят своей целью извлечение уроков из прошлого опыта подавления «внутренних беспорядков» для такой же деятельности в настоящем и будущем. Вот некоторые из этих трудов: «От кайзеровской армии до Рейхсвера» генерала Меркера, одного из наиболее кровожадных и свирепых германских контрреволюционных генералов, командира добровольного егерского корпуса, игравшего выдающуюся роль при усмирении германского пролетариата в Средней Германии и в Берлине в 1918 — 20 годах; «Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике» пресловутого палача финских, латвийских и эстонских рабочих, генерала фон дер Гольца; «Боевое применение охранной полиции при внутренних беспорядках» полицейского подполковника Гартенштейна; «Применение охранной полиции в повстанческом районе» полицейского капитана Шмитта.

Самое усердное участие в этой «научной» деятельности принимают социал-демократические усмирители революционного движения рабочих. В своей книге «От Киля до Каппа» сам кровавый пес Носке с неописуемой подлостью и цинизмом хвастается своими «подвигами» и с неимоверным усердием «анализирует» и преподносит буржуазии для будущей гражданской войны свой гнусный опыт. Той же цели служат воспоминания Шейдемана и многих других социал-демократических представителей германской контрреволюции. Но если Носке и Шейдеман, главным образом, останавливаются на политических и военно-политических проблемах организации контрреволюции, то полицейский полковник Шуцингер, военный эксперт социал-демократической партии, отличается большой продуктивностью по части разработки военно-тактических и технических вопросов подавления пролетарских восстаний.

Такая «научная» подготовка гражданской войны ведется не только в одной Германии, а во всем буржуазном мире. Вышедшая несколько месяцев тому назад книга польского полковника генерального штаба Ровецкого является одним выражением той лихорадочной активности, которую проявляет польская буржуазия, подготовляясь к гражданской войне против трудящихся масс Польши, одновременно с подготовкой империалистической войны против СССР. Но не только в таких странах, как Германия, Польша, Австрия, Финляндия и Болгария, которые в прошлые годы переживали крупные вооруженные классовые бои, но и в такой стране, как Швеция, вопросам гражданской войны уделяется много внимания в буржуазной литературе. Но нужно признать, что среди всех «ученых» палачей рабочего класса, занимающихся теоретической разработкой опыта подавления пролетарских восстаний, германские буржуазные стратеги гражданской войны имеют бесспорную «гегемонию».

В идеологической подготовке империалистической войны против СССР международная социал-демократия играет главную роль. То же можно сказать о ее роли в идеологической подготовке гражданской войны против пролетариата. Та гнусная травля, которая ведется на страницах социал-демократической прессы, правой и «левой», против революционных партий пролетариата, очень близка к тому подстрекательству к непосредственному физическому истреблению коммунистов, которое нам так хорошо известно с того времени, когда Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты по прямому указанию «Форвертса». Социал-демократическая травля против революционных борцов рабочего класса принимает наиболее ядовитые формы как раз в моменты наибольшего разгара белого террора. Приведем лишь два примера из «левой» социал-фашистской прессы. 18 июля 1927 г., т.-е. через три дня после венского восстания, главный орган «левого» крыла австрийской социал-демократической партии «Абенд» разразился по адресу участников венского восстания циничнейшей травлей, называя их преступниками, поджигателями и т. д. Главный орган германских «левых», «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 5 мая 1929 г., т.-е. спустя 4 дня после кровавого 1-го мая в Берлине, опубликовал следующее «сообщение» о баррикадных боях берлинского пролетариата:

> «Энергичные и проведенные чинами полиции со всей последовательностью распоряжения берлинского полицей-президента не могли не оказать своего действия. Сброд отступал большей частью и постепенно оставлял свою преступную игру. Поражение КПГ окончательное, ее представители, уголовные типы и боящаяся труда сволочь, пока исчезли».

Руководимая германскими социал-фашистами охранная полиция (шуцполицей) тренируется систематически к гражданской войне. Об «идеологическом» содержании этой тренировки дает полное представление названный выше труд полицейского подполковника Гартенштейна «Боевое применение охранной полиции при внутренних беспорядках». Характерно, что Гартенштейн, как и многие другие из «ученых» усмирителей, упорно умалчивает классовый характер имевших место «внутренних беспорядков» и прилагает все усилия к тому, чтобы скрывать от тренируемых полицейских тот факт, что их подготовляют к гражданской войне именно против рабочего класса. Гартенштейн тщательно избегает таких слов, как «рабочий», «рабочие кварталы». По его утверждению, в имевших место в Германии «внутренних беспорядках» не принимали участия порядочные рабочие, а только коммунисты и другие «темные личности», всякая «боящаяся честного труда сволочь» и проститутки, оплачиваемые коммунистами и подстрекаемые ими к насильственным актам. Лишь в отдельных случаях признает Гартенштейн участие рабочих в восстаниях, когда они были, якобы, к этому насильно вынуждены коммунистами.

Такое упорное умалчивание классового характера восстаний в учебнике полицейской тактики, какой является книга Гартенштейна, нельзя об'яснить одной только ненавистью полицейского подполковника к рабочему классу, оно преследует определенную цель, а именно: воспитать солдат военной полиции, которые по своему социальному происхождению в большинстве случаев являются пролетариями или полупролетариями, с таким представлением, что всегда и при всяких условиях вооруженная борьба против существующего порядка ведется лишь уголовными, подкупленными элементами, но не честными рабочими.

Буржуазия заинтересована в возможно более полной изоляции от народных масс своих вооруженных сил, подготовляемых к гражданской войне против пролетариата, против трудящихся. Если эта изоляция в «нормальное» время достигается путем палочной дисциплины, каторжного режима в казармах и путем такой «идеологической» обработки, пример которой дали выше, то в моменты обостренных боев вооруженным отрядам буржуазии рекомендуется самый брутальный и жесткий образ действий по старой формуле: «патронов не жалеть». Тот же самый Гартенштейн рекомендует полиции при внутренних беспорядках всегда держаться на таком расстоянии от толпы, чтобы всегда быть в состоянии применить свое огнестрельное оружие и ни в коем случае не входить в непосредственное соприкосновение с толпой. Гартенштейн мотивирует это тем, что коммунисты, устраивая беспорядки, имеют такую «систему», что они сами скрываются за спиной толпы, чтобы при непосредственном соприкосновении с полицией напасть на нее из-за спины толпы. Раз, мол, нельзя иначе поймать «скрывающихся за спиной толпы коммунистов», рекомендуется полиции *стрелять по самой толпе*.

Этот хотя и простоватый, но хитрый трюк является весьма характерным примером тех приемов, которыми буржуазия воспитывает свои отряды гражданской войны на борьбу с революционным движением пролетариата и старается предупредить пробуждение классового сознания у своих мобилизованных и наемных солдат.

Описанная здесь «научная» деятельность и идеологическая обработка общественного мнения и солдатских масс буржуазии является лишь одним идейным выражением и подсобным средством *практической и организационной подготовки к гражданской войне*. Практически же и организационно эта подготовка осуществляется помимо обычных мер капиталистических государств самовооружением буржуазии и созданием социал-фашистских боевых организаций.

3. Самовооружение буржуазии и боевые организации соц.-фашистов.

Такие добровольные боевые организации буржуазии, как «Штальгельм» в Германии, «Хеймвер» в Австрии, «Шуцкор» в Финляндии, а также и фашистская милиция в Италии, имеют в качестве своих рядовых членов значительное число представителей самой буржуазии и близких ей общественных слоев, особенно мелкой буржуазии, богатых крестьян, студентов, чиновников, лавочников и т. д. Это *самовооружение буржуазии* в форме фашистских боевых организаций является характерным для признания мировой буржуазией неустойчивости своего положения. Раньше буржуазия посылала за себя на бой представителей других классов, сохраняя в своих руках лишь командные посты. Теперь же она вынуждена сама взяться за оружие, организовывать вооруженную силу из буржуазии.

Фашистские отряды — явление новое, послевоенное. Они возникли непосредственно в гражданских войнах против пролетариата. Особенно сильное развитие эти отряды получили в Германии и прибалтийских странах. Финляндский «Шуцкор» составляет теперь основную вооруженную силу финской буржуазии. В то время как численность постоянной армии там достигает 30.000 человек, фашистский «Шуцкор» насчитывает втрое больше и лучше вооружен, чем армия.

Но и фашистские отряды могут удовлетворять лишь «домашние потребности» буржуазии по подавлению «внутренних беспорядков», революционных движений в колониях и т. п. В случае же большой войны буржуазия вынуждена прибегнуть к мобилизации больших массовых армий. В таких случаях эти особо надежные вооруженные силы должны будут выполнять роль надежных кадров, усмирителей тыла и революционных выступлений ненадежных мобилизованных солдатских масс.

В общей системе буржуазного милитаризма и подготовки гражданской войны играют существенную роль такие *социал-фашистские военные организации*, как «Имперский флаг» (Рейхсбаннер) в Германии и «Республиканский Союз Защиты» (Шуцбунд) в Австрии. Что эти организации, несмотря на преобладающий пролетарский социальный состав их членов, не являются боевыми организациями пролетариата или «организациями пролетарской самообороны», как иногда демагогически заявляют австрийские социал-демократы, а, наоборот — *боевыми организациями буржуазии против пролетариата*, это достаточно доказано такими фактами, как применение отрядов австрийского «Союза Защиты» для подавления восстания венского пролетариата в 1927 г., неоднократными провокационными нападениями ударных отрядов германского «Имперского Флага» против рабочих собраний и демонстраций, нападениями боевых дружин ППС в Польше на рабочие демонстрации и т. д.

Социал-фашистские боевые организации и их практика в физической борьбе против рабочего класса являются, наряду с руководимым социал-демократическими цергибелями полицейским террором, наиболее ярким и наглядным выражением современного социал-фашизма. Они продолжают и дополняют «иными средствами» ту социал-фашистскую политику, которая «гражданскими» представителями социал-фашизма ведется разнообразнейшими методами: «идеологическим» запугиванием поднимающихся на борьбу с капитализмом рабочих масс, гнуснейшей травлей революционных борцов пролетариата, организацией штрейкбрехерства и т. д.

4. Тактика подавления „внутренних беспорядков“.

В предыдущем мы касались только организационных, идеологических и «научных» методов буржуазии при подготовке гражданской войны против пролетариата. Теперь же остановимся на приемах оперативного порядка, непосредственного боевого применения вооруженных сил против рабочего класса, на тактике гражданской войны, выработанной буржуазией на основании опыта гражданских войн и той практики, которую она теперь неоднократно приобретает в борьбе с поднимающейся новой революционной волной.

Чрезвычайно показательным в этом отношении является нашумевший план «Зет», разработанный французским генеральным штабом совместно с полицейской префектурой Парижа на случай революционного восстания парижского пролетариата. Основной замысел этого плана, разработанного с учетом опыта подавления Парижской Коммуны, сводится к следующему. На случай серьезных революционных волнений парижского пролетариата уже теперь сосредоточиваются в Париже и особенно в его окрестностях крупные вооруженные силы, рассчитанные на то, чтобы задушить движение масс в зародыше. Среди предназначенных для этой задачи войск, наряду с специальными отрядами гражданской войны, выдающуюся роль играют цветные войска, являющиеся одним из тех средств, которыми французская буржуазия сегодня пытается разрешить проблему надежной армии. В случае же, если революционное движение масс достигает такой силы, что, несмотря на все принятые меры, революционное брожение будет угрожать перекинуться и на войска, план «Зет» предусматривает вывод всех войск из Парижа и отступление их до аристократического Версаля с тем, чтобы, стянув войска туда же из других гарнизонов в провинции, организовав и перегруппировав свои силы, начать планомерное наступление сосредоточенными силами на Париж для завоевания его обратно извне, по примеру подавления Парижской Коммуны в 1871 г.

В чем заключается смысл этой тактики? Или не могут «великие полководцы» из французского генерального штаба выдумать на случай восстания парижского пролетариата ничего «лучшего», кроме повторения этого старого метода Тьера, Мак Магона и Галлифе? Не является ли величайшей нелепостью мысль об оставлении, хотя бы и временно, столицы в руках восставших, что способствует чрезвычайному ускорению революционизирования всей страны?

Следует отметить, что по этим вопросам имелись некоторые разногласия среди французских стратегов гражданской войны. Как передавали газеты, полицей-префект Парижа Кьиапп отстаивал при разработке плана «Зет» такую точку зрения, что недопустимо даже временно оставлять Париж «варварству» восставших рабочих, а нужно при угрозе серьезных волнений наводнять Париж таким количеством войск, которое наверняка обеспечивало бы подавление восстания в зародыше.

Но эти обывательские рассуждения Кьиаппа не могли убедить представителей французского генерального штаба. И нужно признать, что отстаиваемая ими тактика плана «Зет» является самой последовательной и проверенной международным опытом тактикой гражданской войны со стороны буржуазии. Само собой понятно, что и французские «маршалы республики» не прочь прилагать все усилия к тому, чтобы подавлять восстание парижского пролетариата в зародыше. Когда же они будут иметь дело с могучей волной революционного возмущения тысяч и сотен тысяч презирающих смерть и рвущихся на вооруженный бой пролетариев и когда непосредственное соприкосновение вооруженных сил буржуазии с этими массами неизбежно будет «заражать» мобилизованных и наемных солдат контрреволюции, вызывать среди них разложение, неповиновение, переходы на сторону восставших, как это неоднократно имело место в истории вооруженных классовых боев, то наиболее последовательные стратеги гражданской войны предпочитают временно вывести свои войска из такого очага революции с тем, чтобы впоследствии применять такую тактику, которая им позволяет

держать свои войска в руках, изолировать их от народных масс, иметь необходимое расстояние от революционной «заразы». Этой тактикой является наступление против очага восстания извне, ведение настоящей регулярной войны против восставшего города методами осады, бомбардировки и наступления сосредоточенными силами на регулярном фронте.

Такова была тактика палачей французского пролетариата Тьера, Мак Магона и Галлифе в 1871 году. Она является также и сегодня одним из основных правил тактики гражданской войны у стратегов буржуазии везде. Пару лет тому назад, в связи с разоблачениями о совместной деятельности и совместных планах германского рейхсвера с фашистскими организациями, был разоблачен план германской военщины на случай восстания берлинского пролетариата. Этот план, сходство которого с планом «Зет» поразительно, сводился к следующему: в случае, если революционное брожение берлинского пролетариата примет угрожающие размеры, рейхсвер и фашистские боевые отряды должны быть выведены из Берлина к буржуазным кварталам на западе Берлина с тем, чтобы, организовав и сконцентрировав все силы контрреволюции, начать планомерное наступление на пролетарские кварталы.

Не распылять своих сил по отдельным очагам восстания, а действовать против восставших крупными сосредоточенными силами,— таков тот основной урок, который был выведен стратегами гражданской войны буржуазии из опыта минувших вооруженных восстаний на случай неизбежных вооруженных столкновений между классами в будущем. Этот урок очень ясно сформулирован германским генералом Леффлером в его критике мартовских боев 1920 года в Рурской области, где рурские рабочие одержали ряд блестящих побед над разбросанными по всей области частями рейхсвера. Леффлер пишет:

> «Способ применения войск был не только политически близоруким, но и в военном отношении неправильным. Он дал противнику возможность одержать первоначальные успехи. Занятие города может быть только ограниченным. Как подтверждает ход событий, войсковая часть утопает под напором поднимающегося возмущения враждебного стотысячного рабочего населения, как в болоте: чем больше она шевелится, тем быстрее и вернее. Для защиты от пожара не выставляют по одному пожарному у каждого дома, а держат всю пожарную команду в сборе, чтобы подвести ее в случае тревоги сосредоточенной и хорошо снаряженной для планомерного и широкого наступления извне к очагу пожара. Тогда она быстро станет хозяином положения».

Разумеется, что эта последовательная с точки зрения буржуазии тактика гражданской войны не дает никаких абсолютных гарантий на успешное подавление всякого революционного восстания народных масс. Она может привести к успеху лишь в том случае, если восставшие массы не умеют противопоставить этому контрреволюционному искусству подавления восстаний — правильную тактику восстания, главное правило которого, по Марксу и Ленину, состоит в энергичном, смелом наступлении с первого момента восстания с целью разбить противника, пока его силы еще разбросаны, и помешать всеми средствами сосредоточению его сил. Если же из-за пассивности восставших после первоначальных успехов контрреволюционным силам будет предоставлена возможность сосредоточиваться к очагам контрреволюции, «Вандеям», и оттуда начать методическое наступление по правилам регулярной войны, то они приобретают шансы на успешное продолжение борьбы.

Но к счастью не буржуазия одна училась на уроках минувших вооруженных классовых боев. Этот опыт прошел не даром и для международного пролетариата, который в большинстве стран уже вывел из него для себя самый важный урок — создание коммунистической партии, важнейшей предпосылки победы пролетариата в вооруженном восстании.

5. Борьба с демонстрациями и забастовками — репетиция подавления восстания.

Международная буржуазия не довольствуется теперь только самой интенсивной «научной», идеологической, организационной и технической подготовкой гражданской войны, а уже теперь систематически прибегает к прямым зверским актам гражданской войны в своей борьбе против рабочего класса. Отдельные акты насилия против рабочих масс и их революционных организаций имели место и раньше, в прошлые годы относительного затишья на фронте классовой борьбы, но переживаемый нами теперь период классовой борьбы характеризуется именно тем, что такие прямые методы гражданской войны, как вооруженные нападения на демонстрации и собрания рабочих, боевое применение войск против забастовок, убийства и массовые аресты революционных рабочих, разрушение типографий и другого имущества рабочих организаций и т. д., стали ежедневным явлением. Буквально каждый день можно теперь читать в газетах о таких актах прямого, голого насилия. Один лишь перечень таких актов гражданской войны за последние два — три года составил бы весьма об'емистый документ, и притом — документ, который очень верно характеризовал бы переживаемый нами период классовой борьбы.

В пределах данной статьи мы ограничиваемся тем, что отмечаем лишь некоторые факты из этой области за последнее время. Самый свежий пример — забастовка металлистов в Мансфельдском районе в Германии. С первого же дня забастовки государственная и заводская полиция были приведены в полную боевую готовность для того, чтобы арестовывать забастовочные пикеты и руководителей забастовки. Государственная штрейкбрехерская организация «Технише Нотгильфе», финансируемая и руководимая министерством внутренних дел и выполняющая кроме своей основной задачи — штрейкбрехерства — также и полицейские функции, была расквартирована по шахтам. Штрейкбрехеры состоят в своем большинстве из членов фашистской военной организации «Стальной шлем». Газеты сообщают также сведения о том, что фашистские военные организации и рейхсвер собираются провести свои маневры в промышленном округе Мансфельда. Если такие маневры состоятся, то их нельзя рассматривать иначе, как маневры своеобразной гражданской войны против средне-германского пролетариата.

Особое внимание обращает на себя лихорадочная активность всего аппарата насилия буржуазных стран в связи с международными боевыми кампаниями революционного пролетариата. События 1 мая сего и прошлого года, 1-го августа прошлого года и 6-го марта текущего года являются чрезвычайно показательными для того положения, что международная буржуазия рассматривает борьбу с такими революционными выступлениями рабочих, как репетицию к гражданской войне. Перед этими кампаниями вся буржуазная и социал-фашистская пресса кричала в один голос о путчах, якобы подготовляемых коммунистами. Этот крик был не только отражением нервозности буржуазии и ее наемников перед под'емом революционного настроения рабочих масс. Он преследовал при этом определенную цель — идеологической подготовки и оправдывания заранее задуманных и тщательно подготовленных социал-фашистскими цергибелями и прочими кровавыми псами буржуазии вооруженных налетов на демонстрирующих рабочих. Распространение заведомо ложных сведений о якобы подготовляемых коммунистами путчах и гнусная травля революционных рабочих

имели задачей спровоцировать кровопролития, создать вооруженным отрядам буржуазии возможность «практических занятий» по подавлению «внутренних беспорядков» в такой момент, когда пролетариат еще слабо подготовлен к успешному массовому вооруженному отпору.

Как репетицию к гражданской войне со стороны буржуазии, нужно рассматривать такие широко задуманные мероприятия, которые в большинстве случаев не шли ни в какое сравнение с располагаемыми буржуазией данными о намерениях коммунистов, как стягивание крупнейших войсковых соединений накануне демонстраций из отдельных военных городков к промышленным центрам, занятие телеграфа, вокзалов и других стратегически важных пунктов сильнейшими вооруженными отрядами, распределение военных сил по боевым секторам и пр. Все это происходило по тщательно разработанным оперативным планам, основательно обсуждаемым на общих военных совещаниях представителей генеральных штабов, начальников полиции, корпуса жандармов, охранников и разных «общественных организаций» буржуазии.

Очень характерным приемом, который в связи с названными кампаниями применялся буржуазией Франции, Чехо-Словакии, Германии, Италии и некоторых других стран, является система так называемых превентивных арестов, состоящая в том, что непосредственно перед демонстрациями производятся массовые аресты среди коммунистов и других революционных рабочих. Приведенное «Инпрекором» описание событий 1-го мая с. г. в Италии сообщает следующие факты: в Милане начались массовые аресты «подозрительных» уже 20-го апреля. 30-го апреля число арестованных было свыше 3.000. Ночью с 30-го апреля на 1-е мая были снова брошены в тюрьмы несколько сотен рабочих. Также и в других итальянских крупных городах были арестованы тысячи рабочих.

Массовые аресты, как и все другие акты насилия, направляются в первую очередь против коммунистических партий и их руководителей. На основании опыта имевшихся в прошлом вооруженных боев и на основании факта роста влияния и авторитета коммунистических партий среди трудящихся масс, буржуазия со своей точки зрения верно учитывает то положение, что вернейший метод расправы с революционным движением масс, — удар по его голове, по закаленному в боях авангарду. Буржуазия готовится систематически и планомерно к физическому истреблению коммунистов в будущих решающих классовых битвах. Ее сегодняшняя практика убийства отдельных коммунистов и массовых арестов накануне боевых кампаний является репетицией к массовому истреблению и к массовым облавам на коммунистов для отправки их в концентрационные лагери в случае вооруженного восстания или разбойничьей войны империалистов против Советского Союза.

На провокационные акты голого насилия со стороны буржуазии и ее социал-фашистских кровавых псов пролетариат отвечает массовым сопротивлением и упорной подготовкой к переходу в решительное наступление. История классовых боев за последние месяцы знает целый ряд случаев героического физического отпора вооруженным провокациям буржуазии. Лозунг пролетарской самообороны и упорной подготовки к переходу в решительное наступление становится боевым лозунгом действия для рабочих масс, лозунгом, который ставит перед пролетариатом конкретно организационнную проблему боевой подготовки к гражданской войне, вопрос об организации физической борьбы против наглых актов гражданской войны со стороны буржуазии.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

В. Уласевич.

Артель — основное звено колхозного движения.

(По материалам работавшей в Ейском районе бригады Аграрного института Комм. академии).

Сплошная коллективизация приняла огромный размах. Она вовлекла многие миллионы крестьянских хозяйств, — в первую очередь в основных зерновых районах, — в крупное обобществленное хозяйство.

То ускорение движения к социализму, о котором говорил в свое время Ленин, наиболее полно и отчетливо выражается сейчас в процессе коллективизации. Если коллективизация в настоящий период является столбовой дорогой развития деревни к социализму, то артель представляет на данном этапе основное звено этого движения. «Основным звеном колхозного движения является в данный момент не коммуна, а сельскохозяйственная артель». (Из письма ЦК от 15 марта).

Верно определить основное звено колхозного движения в данный момент, учесть всю сумму отношений, вытекающих из того, что основные средства производства обобществляются и крестьяне «общими средствами производства и общим организованным трудом» создают крупное коллективное хозяйство и, вместе с тем, в индивидуальном владении остается мелкий скот, птица, огороды и т. д.,—такова основная задача.

Середняцкое хозяйство и его интересы вполне увязываются с этой формой колхозного движения и создают условия для максимального развития производительных сил сельского хозяйства. В данный момент середняка целиком удовлетворяет артель, в которой обобществлены: земля, мертвый инвентарь, рабочий скот (крупное производство) и остается индивидуальный привесок (в виде огорода, сада, мелкого скота и т. д.) в его личном владении. К высшей форме колхозного движения (коммуне) чувствуется пока недоверие, так как крестьянин боится оказаться на положении батрака, который живет на жаловании. И тут не только психологическое недоверие в связи с тем, что середняк не знает, каково будет его положение в коммуне, но тут сказывается и недоверие его как собственника, не желающего еще расстаться с собственностью.

Первый колхозный сев убедил середняка в том, что крупное хозяйство дает преимущества, что с ведением хозяйства колхоз справляется. Середняк на деле убедился в возможности ведения крупного хозяйства, но вместе с тем он еще хочет сохранить в индивидуальном владении часть собственности.

Продукты производства основной полеводческой части являются собственностью колхоза, но середняк хочет часть продуктов (птица, овощи) иметь от своего хозяйства.

Наличие у членов артели индивидуального хозяйства, в виде добавочного хозяйства, означает сохранение на первых порах некоторого неравенства как имущественного, так и в потреблении среди членов колхоза. Это неравенство особенно заметно сейчас, поскольку в члены колхоза вовлечены различные социальные прослойки. Батраки и — в большинстве случаев — беднота, не имеют в личном владении коров, мелкого рогатого скота, птиц и т. д. Середняк имеет на своем дворе индивидуальное хозяйство, которое дает ему возможность существовать, не заботясь об авансах и подработке. Отсюда различное отношение середняка и бедняка к вопросам, связанным с немедленной, хотя и частичной, оплатой за работу.

Это имущественное неравенство сохранится еще некоторое время. «Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно отказались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от возможности вести добавочное к общественному личное хозяйство (коровы, овцы, птица, приусадебный огород), от возможности использования для себя заработка на стороне и т. д., — значит забывать азбуку марксизма-ленинизма» (тезисы тов. Яковлева).

Но здесь нужно итти по пути поднятия уровня жизни членов колхоза на основе быстрого развития с.-х. производства в колхозах. Однако, всякая неосторожная политика, направленная сейчас к немедленному уничтожению индивидуального хозяйства колхозника путем невнимательного отношения к имеющимся у колхозника коровам, овцам, огороду и т. д., будет способствовать уравнению членов, но уже на пониженном уровне потребления колхозника.

Вопросы, связанные с положением бедноты, нужно разрешать не по линии аннулирования частного хозяйства колхозников, а по линии соответствующей политики авансов, большого привлечения на работу, допущения подработок на стороне, учитывая более тяжелое положение батраков и бедноты.

Форма артели является наиболее приемлемой, удобной и удовлетворяющей хозяйственным запросам середняка, поскольку эта форма при обобществлении основных отраслей (полеводство и животноводство) наилучше сочетает переход от мелкого индивидуального к крупному обобществленному. Вступая в колхоз, середняк сохраняет индивидуальное владение на мелкий скот, птиц и т. д. Перескакивание через форму артели в ряде мест дало себя знать нервным реагированием середняка на перегибы и головотяпство.

Середняк очень чуток к нашей деревенской политике, он немедленно реагирует на все мероприятия, задевающие его сегодняшние интересы и запросы. Однако, преимущества крупного обобществленного хозяйства в основном убедили середняка и он пошел в артель создавать крупное обобществленное производство, потому что на этой основе открываются возможности под'ема его благосостояния.

Обобществление полеводческого хозяйства (или животноводчества), поскольку обобществляются средства производства (орудия труда, тяговая сила и единый земельный массив) меняет социальную природу середняка, видоизменяя его двойственную природу. В колхозе середняк участвует в обобществленном производстве, а в индивидуальном хозяйстве—остатки собственности, не вовлеченные в колхоз. Как выразился середняк в стан. Должанской, «каждый раскололся надвое». У каждого два хозяйства. Если раньше крестьянин имел две души и его двойственная природа выражалась в том, что он был тружеником и в то же время пытался стать капиталистом, то теперь в нем уживаются еще две души: душа колхозника и душа индивидуального хозяина-собственника. Им еще не изжиты собственнические чаяния и собственнические навыки ведения хозяйства.

Основная тенденция развития сельского хозяйства теперь идет по линии коллективизации. Обобществление средств производства обеспечивает победу социалистических отношений и социалистического сектора. Форма артели обеспечивает социальную и техническую реконструкцию сельского хозяйства, она является социалистическим методом переделки мелкого собственника.

Перескакивание через форму артели путем немедленного обобществления нетоварной части индивидуального хозяйства было бы неправильно—это оттолкнет середняка, сделавшего решающий шаг по пути коллективизации. Но на данном этапе совершенно неизбежно развитие обобществленного хозяйства и в рамках его помощь индивидуальному хозяйству колхозника, которое еще остается необобществленным и во многих случаях занимает значительное место в бюджете крестьянина. Индивидуальное хозяйство колхозника будет носить в своей основе потребительский характер. Основная продукция индивидуального хозяйства (молоко, яйца, зелень), главным образом, пойдет на удовлетворение потребительских нужд колхозника. Однако, несомненно, что известная часть продуктов индивидуального хозяйства будет реализована колхозником на рынке или путем контрактации и кооперирования. Это увеличит товарность сельского хозяйства, т.-е. на ближайшие годы будет способствовать разрешению одной из важнейших задач. Но это особенно резко ставит вопрос о контрактации и усилении нашей работы по кооперированию продукции индивидуального хозяйства колхозника. Артель, допуская рядом с обобществленным хозяйством временное сосуществование индивидуального хозяйства, при решительном перевесе коллективного хозяйства, ставит этот индивидуальный привесок в определенные рамки и при правильной политике будет развиваться по пути обобществления второстепенных отраслей сельского хозяйства.

При этом в районах сплошной коллективизации нужно повести более правильную политику по линии организации промышленного обобществленного огородничества, птицеводства и мелкого животноводства.

Нельзя укрепить артель без самого четкого урегулирования всех в высшей степени запутанных и сложных вопросов, которые возникают на основе отношений колхоза к хозяйству колхозника (и наоборот) и которые чрезвычайно важны, поскольку правильное разрешение их не только явится способом закрепления середняка, как прочной опоры, но и имеет громаднейшее значение в смысле развития сельского хозяйства. В этом вопросе колхозы должны вести самую активную политику.

Разумеется, основная задача всего колхозного движения заключается в том, чтобы сосредоточить внимание партийных организаций, мобилизовать бедняцко-середняцкий актив на строительство крупного обобществленного хозяйства. Но наряду с этим надо проделать большую работу по урегулированию всех вопросов, связанных с сохранившимся индивидуальным хозяйством колхозника.

Сейчас середняк-колхозник не уверен в том, что он должен развивать частное свое хозяйство, что он может его развивать и что в этом заинтересован не только колхоз, но и вся наша политика, направленная к тому, чтобы стимулировать развитие индивидуального хозяйства колхозника, способствовать его товарности и обеспечить этим развитие сельского хозяйства через контрактацию и кооперирование, связывая его с социалистической индустрией.

Сейчас середняк колеблется в особенности там, где колхозы ведут неправильную линию в этих вопросах, он боится растить вторую телку, не хочет иметь во дворе большого количества птицы и не знает, что ему делать с индивидуальной частью своего хозяйства. И это происходит по двум причинам: во-первых, он не знает, соответствует ли общей линии коллективизаций, что наряду с развитием обобществленного сектора сохраняется и развивается индивидуальная часть хозяйства и. во-вторых, ему неясно, что и как он будет получать из колхоза для своего единоличного хозяйства (для мелкого скота, лошади и коровы). Эти вопросы крестьяне, особенно середняки, задают на всех собраниях.

Форма артели себя целиком оправдала и поэтому в этом вопросе не должно быть неясностей. Но вместе с тем нужна твердая, четкая политика, направленная к тому, чтобы колхозники, не задевая интересов колхоза, развивали второстепенные отрасли—птицеводство, свиноводство, огородничество и т. д., чтобы они твердо знали, что колхозы заинтересованы в улучшении развития сельского хозяйства и необобществленной части.

Правильная политика и правильное разрешение этих вопросов уменьшит сомнения колхозников, ослабит колебания и поможет закрепить достигнутые успехи и упрочит социалистический сектор. Артель должна будет перевести в значительной мере свое внимание на урегулирование вопросов, связанных с единоличным хозяйством колхозника и на удовлетворение его нужд в рамках обобществленного хозяйства. Хотя отдельные колхозы будут создавать крупнейшие огороды, птицеводческие хозяйства, инкубатории и т. д. и это будет способствовать росту социалистического сектора и обобществлению второстепенных отраслей, но это не должно повлечь в ближайшее время сокращения индивидуального хозяйства колхозника в смысле ослабления развития скота, птицы и огорода и проч. там, где колхоз не имеет возможности перейти к обобществлению этих отраслей. Более правильным будет в тех артелях, где замедляется создание группы огородов, птицеводческих хозяйств и т. д., помочь бедняцким и середняцким хозяйствам в создании огорода, разведении птицы, идя по линии развития отраслей, еще не обобществленных, конечно, при этом ни в коем случае не ослабляя, а усиливая и укрепляя обобществленное производство и не отвлекая внимания колхозников от основных вопросов колхозного строительства.

Индивидуальное хозяйство колхозника обычно заключается в корове, мелком скоте, птице и огороде. Нужно сказать, что во многих местах артель этими вопросами почти не занимается. До сих пор во многих станицах Ейского района не отведены выпасы для коров и корова стоит во дворе, хотя корму чрезвычайно недостаточно, вопрос с лошадью не урегулирован, птица оказалась в беспризорном положении. Вопросы о корове колхозника интересуют в смысле получения корма из колхоза, выпаса и колхозник хочет знать, может ли он растить теленка. До распределения урожая никто даже ориентировочно не знает кто, сколько и как будет получать корм на коров. Во многих местах до сих пор вопрос о выпасе не решен, а в ряде станиц колхозы заняли под посев близлежащие от станиц земли и, таким образом, предлагают перегонять коров на выпас за 20 — 30 верст. Игнорирование этих интересов колхозников вызвало совершенно справедливое недовольство, поскольку выгонять корову на выпас за 20 — 30 верст семья не может, следовательно, возникает нужда в найме пастуха или самим колхозникам нужно передвигаться на место выпаса, чтобы устанавливать присмотр за коровой. Часто место, отведенное под выпас, не имеет колодца. Этот вопрос в ст. Должанской обсуждался на собраниях и было много запросов в связи с далеким отводом выпаса.

На 5-м производственном участке в ст. Должанской был поставлен вопрос о распределении выпасов, при этом было указано, что для их получения хозяйствам нужно об'единиться и представить списки на определенные участки, так как под колхозный сев взяли самые лучшие земли. Такое положение не может устраивать колхозника и на этом собрании была подвергнута резкой критике установка правления на отведение земель для выпасов далеко от станицы и часто на неудобных землях.

Колхоз считал (Должанская), что вопрос о корове не является существенным и им нечего заниматься артели, поскольку это дело индивидуального хозяйства колхозников. Между тем, вопрос о корове колхозника в пределах обобществленного хозяйства — это вопрос не маленький, и правильное его разрешение, несомненно, будет способствовать улучшению отношений колхозника к артели и создаст более благоприятную обстановку в колхозе.

Центральным вопросом колхозного строительства является правильное решение вопроса о лошади. В единоличном хозяйстве лошадь является основной тяговой силой, кроме того, лошадь нужна крестьянину для хозяйственного и личного обслуживания двора, для связи с внешним миром, поэтому борьба вокруг лошади шла по двум линиям: с одной стороны, антиколхозники пытались разоружить колхозы путем разбора лошадей, такие отдельные случаи были, и, с другой — шла борьба за лошадь для получения ее в индивидуальное хозяйство, чтобы обслужить личные нужды колхозника.

В Ейском районе в связи с предшествовавшим недородом и отсутствием корма уменьшилось количество лошадей и поэтому в эту посевную кампанию пришлось обобществить почти 100% лошадей для того, чтобы провести сев. А это создало чрезвычайно ненормальное, тяжелое положение с обслуживанием личных и хозяйственных нужд членов колхоза. Острое положение с лошадью дало кулацкой агентуре повод воспользоваться недовольством, была попытка путем разбора лошадей сорвать сев и перейти к индивидуальному хозяйству. Конечно, здесь помимо хозяйственных соображений имели место и намерения политического порядка. Враждебные колхозу элементы считали, что разобобществление лошадей ослабит колхоз, поможет сорвать сев. Именно поэтому вокруг лошади разгорелись страсти и нам пришлось заниматься «проблемой лошади» для того, чтобы разобраться в существе дела. В связи с 100% обобществлением лошадей колхозы могли удовлетворить хозяйственные нужды колхозников во время весеннего сева не больше чем на 30 — 40%.

Лошадь нужна колхознику для того, чтобы: привезти воду, свезти на мельницу зерно, поехать в больницу, поехать к родным. Кроме того, лошадь дает возможность хозяйству подработать, в особенности в районах, где практикуется рыбная ловля, для перевозок и выезда на базар. Путем обследования мы установили, что в ст. Должанской обслуживание личных нужд колхозника лошадью удовлетворяется не больше, чем на 30%, при этом колхозник должен записаться за день, а иногда и за два в производственном участке, заявить, что он хочет воспользоваться лошадью для привозки воды, для помола, для поездки в больницу или для поездки в город на рынок. У конюха, обычно, стоит и живая, и в порядке записи очередь на лошадей, и это, конечно, не устраивает колхозников. Затем, целый ряд хозяйств имеют протекцию у конюха и получают лошадь вне очереди или чаще, чем те колхозники, у которых вся семья работает на поле и оставшиеся дома не могут часто приходить на производственный участок и настаивать на получении лошади. В производственных участках имеются заявления и требования по поводу лошадей. Один из крестьян так говорил по поводу взятой у него в колхоз лошади: «Я за колхоз, я отдал лошадь, на которой работал, у меня ничего в хозяйстве нет, а вы мне не разрешаете привезти воды».

Поездки на базар, использование лошади в смысле связи с рынком особенно нужны середняцкому хозяйству, которое имеет продукты (молочные, птицу и т. д.) и нуждается в рыночных связях.

В ст. Должанской подсчитали примерную стоимость содержания двух лошадей и конюха, которая оказалась равной 80 — 90 рублям. При самом минимальном обслуживании личных и хозяйственных нужд колхозников необходимо больше 200 лошадей, таким образом, при распределении дохода значительная доля будет отчислена на содержание лошадей, обслуживающих колхозников.

А так как не все колхозники равномерно пользовались лошадью, некоторые получали ее не только для обслуживания личных нужд, но и для поездок на базар с целью продажи продуктов (редиски, масла и прочего), то, естественно, возникает недовольство у тех, кому нужно будет покрывать расходы на лошадей, если они совсем лошадью не пользовались. Крестьянин очень чувствителен в денежных делах ко всякого рода вычетам и он будет болезненно реагировать при неправильном распределении дохода, даже если эта неправильность выразится в нескольких рублях.

Система бесплатного предоставления права пользования лошадью в условиях такой неорганизованности и неналаженности, когда неизвестно, сколько, как и когда пользовался отдельный двор лошадью — неправильна.

Как же быть с лошадью? Сейчас многие колхозники ставят вопрос так: «Если мы немного оправимся, то каждый из нас заведет себе лошадь для личного пользования». В Камышеватской станице 14 хозяйств колхозников решили приобрести лошадей, хотя у них артель взяла и обобществила по две лошади. Эти колхозники явились в район с просьбой, чтобы им разрешили закупить лошадей для своего хозяйства и не отбирали их в колхоз.

Вопрос с лошадью нужно решить; при этом решить так, чтобы удовлетворить личное и хозяйственное обслуживание колхозника и избегнуть всяких ненормальностей, связанных с неравномерной раскладкой стоимости лошадей. Придется также учесть интересы тех хозяйств, которые в прошлом занимались извозом и перевозками и не имеют никаких других форм подработки (кроме лошади), чтобы им предоставлять лошадь для заработка. Колхоз же, предоставляя им лошадь и не лишая их заработка, должен получать известный процент.

Урегулирование вопроса с лошадью имеет чрезвычайно существенное значение и совершенно не случайно вокруг лошади велась борьба в колхозе. Придется, очевидно, учтя всех лошадей, необходимых для процесса производства (проведение сева и уборочной кампании), выяснить, какое количество лошадей нужно иметь для хозяйственного обслуживания колхозника. Возможно, нужно было бы прикрепить к трем — четырем дворам лошадь (обезличенную) с тем, чтобы 3 — 4 двора пользовались этой лошадью в порядке договора для личных нужд. Для этого нужно выяснить, сколько имеется свободных лошадей, и прикрепить их к дворам—это в некоторой мере устроит колхозника. Сейчас же положение с лошадью ненормально, неблагополучно, оно не создает спокойной обстановки.

Такое же неурегулированное положение с птицей. Каждое середняцкое хозяйство имело от 100 до 200, а иногда и больше птиц, при чем этот район— товарно-птицеводческий, и птица выкармливалась на продажу. На зиму заготовлялся корм для птицы, а летом птица кормилась на полях. Семья увозила ее обычно с собою в степь.

В связи с созданием артели и обобществлением полеводства совершенно выпал из поля зрения колхозов вопрос о птице. Семьи остались дома и вместе с семьями осталась дома и птица, хотя корма для нее нет, и вопрос о птице постоянно подымается на собраниях. Этот вопрос сейчас стоит чрезвычайно остро и вызывает недовольство колхозника. На полях, на едином массиве работают колхозники, птица осталась дома и никто не подумал о том, что птицу можно отправить, как и раньше, на «выпас». Колхозницы, зная, какую существенную часть в индивидуальном хозяйстве занимает у них птица, все время настаивают на том, чтобы каким-нибудь образом вопрос с птицей был решен. Сейчас колхозницы, пока этот вопрос еще не решен, убивают птицу и пускают ее на потребление. Вопрос этот стоит чрезвычайно остро, поскольку этот район был богат птицей и она занимала значительное место как товарная отрасль хозяйства. Не представляет большого труда отправлять, как это делается и за границей, в специальных повозках птицу на поля с тем, чтобы она кормилась там червями, гусеницами и т. д. Организовать вывоз птицы на поле дело нетрудное, а между тем эта отрасль хозяйства сейчас находится в загоне, что совершенно не в интересах колхоза.

То же можно сказать и по отношению к мелкому скоту. Этими вопросами в колхозе никто не занимается, не считает нужным заниматься и отсюда очень много недоразумений и недовольств.

Политика многих колхозов такова: я занимаюсь обобществлением крупного хозяйства и мне нет дела до того, что колхозник имеет индивидуальное хозяйство в рамках колхоза, что делается у колхозника во дворе, что там есть, чего нехватает.

Для того, чтобы закрепить артель, как основную форму колхозного движения, наша политика в этих вопросах частного хозяйства колхозника должна быть не пассивной («это нас не касается»), а активной, направленной к тому, чтобы колхозники, не задевая интересов колхоза, развивали второстепенные отрасли—птицеводство, свиноводство и т. д., чтобы они знали, что колхоз заинтересован в улучшении как обобществленной, так и необобществленной части хозяйства.

Нужно «вправить мозги на хозяйственный лад», как выразился один агроном, и крепко вбить в голову руководящим кадрам колхозов (а это относится не только к Ейскому району, не только к Северному Кавказу), что нельзя строить колхозы в форме артели без самого внимательного отношения к сохранившемуся частному хозяйству колхозника.

Форма артели должна способствовать максимальному и всестороннему развитию сельского хозяйства. Если в начале движения были сделаны ошибки в смысле перескакивания через эту форму к высшим и они дали отрицательные результаты, — то тем более опасно сейчас, исходя из основной формы артели, игнорировать интересы крестьянского хозяйства, вошедшего в колхоз (индивидуального привеска) и вести политику, закрывши глаза на эту очень существенную сторону хозяйственных интересов середняка.

Правильное разрешение всех этих вопросов требует мобилизации внимания масс колхозников к этим вопросам и самого широкого обсуждения их на общих собраниях артелей, на собраниях бедноты и женщин. Нужно учесть хозяйственный опыт колхозника и колхозницы, пойти навстречу им в деле развития второстепенных отраслей и товарной части хозяйства, одновременно способствуя кооперированию и контрактации индивидуального хозяйства колхозника.

Середняк крепко пошел в колхозы. Форма артели его устраивает. Нужно, чтобы эта форма не повисла в воздухе, а была осуществлена и этим способствовала бы закреплению достигнутых успехов и развернутому социалистическому строительству деревни. Основная магистраль развития деревни—социалистическая. Сочетание индивидуального хозяйства колхозника с обобществленным производством наряду с активной политикой на развитие промышленного огородничества, птицеводства и т. д., не содержит в себе опасности капиталистического обогащения крестьянства. Оно будет способствовать развитию второстепенных отраслей (нетоварного значения) и при воздействии колхоза, путем кооперирования, свяжет колхозника с социалистической индустрией. Это сочетание является единственной формой на данном этапе, ведущей в переустройстве мелких и мельчайших индивидуальных хозяйств в социалистическое земледелие.

В. Мартынов.

Организация труда в колхозах.

(По материалам бригады Аграрного института Комакадемии, работавшей в Средне-Волжском крае).

В колхозном строительстве большое значение имеет размер колхоза. Всем памятно увлечение гигантами. Теперь нам приходится только подвести итоги тому, какую отрицательную роль сыграло это увлечение. Оно способствовало увеличению административных перегибов в деле вовлечения крестьян в колхозы, с одной стороны, и с другой—во время отлива эти же гиганты увеличили процент отлива из колхоза.

В Средне-Волжском крае тоже были гиганты, по размеру может быть не меньше, чем в других районах. Например, Пономаревский колхоз-гигант «им. XII годовщины Октябрьской революции» имел размер земли 123.000 га, наподобие этого колхоза также были и другие гиганты. Но с наступлением весенней распутицы, в некоторых случаях, даже независимо от процесса отлива из колхозов — эти гиганты, в большинстве своем, реорганизовались и распались. Вместо этих гигантов организовались обыкновенные по своему размеру колхозы, а некоторые колхозы, образовавшиеся из этих гигантов, даже совсем распались.

В настоящее время по Средней Волге ранее существовавших крупных гигантов почти уже нет. Основная масса колхозов по своим размерам осталась в пределах одного села и на данном этапе это нужно считать нормальным. Конечно, нельзя возражать, — если только есть соответствующая техническая база, а также, если члены колхозов убедились в том на опыте,—против того, что в крупных колхозах хозяйство можно организовать лучше, это хозяйство является наиболее рентабельным. Однако, в настоящее время такая техническая база имеется не для всех колхозов. Если в левобережьи Средне-Волжского края некоторые колхозы уже имеют техническую базу (тракторные станции, тракторные колонны и т. д.), то в правобережьи этого же края дело обстоит совершенно иначе. Там высокая техническая база для крупных колхозов пока что отсутствует. Вследствие низкой товарности, а также вследствие малоземелицы тракторы направляются преимущественно в левобережье. Это вполне правильно, потому что основным зерновым районом в Средне-Волжском крае является левобережье, где громадные земельные площади пока что не освоены. Ввоз тракторов в левобережье позволяет расширить посевную площадь за счет неосвоенных земель.

В настоящее время в правобережьи имеются такие колхозы, которые имеют 23—30 дворов. Эти колхозы, конечно, не могут представлять из себя крупные производственные единицы, в лучшем случае они являются показательными среди той части населения, которая не вошла пока что в колхозы. Дальнейшая коллективизация в правобережьи Средне-Волжского края, повидимому, пройдет некоторые этапы через низшие формы об'единения (соз и т. д.). Постепенно эти низшие формы об'единения должны перейти к более высоким, т.-е. к сельскохозяйственным артелям, а в дальнейшем и к коммунам.

Население правобережья состоит из отсталых нацменьшинств, живущих в Мордовской области. Такое же положение должно быть признано и в Кузнецком округе, где тоже около 50% населения составляют отсталые национальности (мордва и татары). Если согласно директив партии в национальных республиках коллективизация должна проходить более осторожно, с учетом всех национальных особенностей, отсталости хозяйства и культурного уровня, то это нужно применить и для национальных районов правобережья С.-В. края. Вот почему на организацию простейших форм об'единения в правобережьи нужно обратить серьезное внимание.

Организационная структура колхоза такова. Во главе — правление колхоза, а далее колхоз разбивается на несколько бригад, имеющих во главе бригадиров. Принцип разбивки колхозов на бригады неопределенный. Они разбиваются по сотням, разбиваются по улицам, разбиваются по поселкам (если таковые в колхозе имеются). Во время полевых работ и вообще во время повседневной работы эти бригады получают соответствующие задания или наряды от правления колхоза и по выполнении сообщают в правление.

Интересно отметить состав членов правления колхозов и бригадиров. В этом отношении имеется пестрота. Некоторые колхозы, напр., колхоз «Большевик» Бузулукского района, совершенно не имеют в составе членов правления середняков. Правление состоит из 5 человек, из них: бедняков— 3 человека, рабочих — 1 и служащих — 1. В колхозе «Новая Андреевка» в Андреевском районе Самарского округа в составе правления колхоза тоже не найти середняков. Таким образом, в некоторых колхозах середняк, который должен играть большую роль как хозяйственник, в правлении колхоза недостаточно представлен, а в некоторых — и совсем его нет. Тоже самое в некоторых колхозах в составе бригадиров недостаточно представлен середняк, хотя, правда, в перечисленных выше колхозах среди бригадиров есть и середняки. Но в некоторых колхозах мы имеем прямо противоположную картину. Например, в колхозе «Новый Мир» Андреевского района в составе членов правления ни одного бедняка, а также нет его и в составе бригадиров. Нельзя считать нормальным такое положение, когда бедняк в этом колхозе на руководящей работе не представлен. Правда, бедняцких хозяйств в этом колхозе немного. Однако, нельзя обходить бедняка, не ставя его на руководящую работу в колхозе. За преобладание руководства в колхозах как в правлении колхозов, так и в бригадах некоторых колхозов между беднотою и середняками идет борьба. Середняк указывает на то, что если бедняк будет членом правления или бригадиром, то от этого работа хорошо не пойдет, т. к. бедняк плохо умеет вести хозяйство. Бедняк же, видя, что руководство находится в руках середняка, а иногда бригадирами являются даже бывшие раскулаченные, — правда, они теперь уже восстановлены, бедняк смотрит на это тоже косо, говоря, что «раньше работал я на людей, на дяденьку, теперь тоже работаю на людей». Он считает себя в загоне. В этом отношении как со стороны середняцкой части колхоза, так и бедняцкой есть недопонимание. Нельзя ставить колхозное строительство так, чтобы на руководящей работе колхоза были бы представлены только середняки или только бедняки. И тот и другой перегиб мы считаем совершенно неправильным и вредным для данного этапа колхозного строительства.

Наряду с этим нужно отметить замечающееся разбухание аппарата некоторых колхозов. Например, в колхозе «Труженик» всего 167 домохозяев. Посмотрим теперь обслуживающий аппарат этого колхоза. Там имеется председатель, получающий 85 руб. в месяц, зам. председателя—60 руб., зав. хозяйством—60 руб., бухгалтер—125 руб., счетовод и казначей, получающие по 70 руб., делопроизводитель и т. д. Колхоз «Труженик» является небольшим колхозом, а аппарат большой: 3 человека работают только в канцелярии — бухгалтер, счетовод и делопроизводитель. Здесь мы имеем пример того, как разбухает аппарат колхоза. Нужно предостеречь в этом отношении и другие колхозы.

В настоящее время является бесспорным фактом, что колхозы значительно больше обработали (на одну тягловую силу), чем единоличники. Вот, например, в колхозе «Труженик», Черенгульского района, Сызранского округа, когда составляли план весенней посевной кампании и намечали на одну тягловую силу пашни около 5 га, то единоличники возражали, говоря, что столько ни в коем случае нельзя обработать. Однако, выполнение плана весенней посевной кампании в колхозах показывает, что норма для тягловой силы вполне выполнима. Если единоличники говорили, что норму в 5 га нельзя выполнить, то колхозники выполняют в этом колхозе по 10 га. Можно привести еще более яркий пример из жизни колхозов Самарского округа. В этом округе в прошлом году было 240.000 тягловой силы. Вследствие убоя скота зимой текущего года тягловой силы в этом году осталось только 190 тысяч. Раньше приходилось на 1 тягловую силу только 5 га. В этом году уже приходится 8 га, при чем на тягловую силу в колхозах падает большая площадь, чем у единоличников. Нужно еще принять во внимание то обстоятельство, что около 20% тягловой силы во время весенней посевной кампании в колхозах было занято на подвозке фуража и проводовольствия. Как фураж, так и продовольствие своевременно не были доставлены.

Если в этом году площадь посева там расширилась на 25%, то это произошло только благодаря организации колхозов, которые охватывают 45% всего населения. План весенней посевной кампании в этом округе выполняется, включая сюда и расширение на 25% посевной площади. Здесь пример того, что уже простое сложение крестьянских средств производства дает значительно повышенную производительность труда. Значительным тормозом в посевной кампании являлось то обстоятельство, что в левобережьи Средней Волги дело с продовольствием обстоит не совсем благополучно. Вследствие недорода прошлого года значительное количество колхозников, а также и индивидуальников получают паек. Ясно, что отсутствие достаточного количества продовольствия понижает работоспособность колхозников. С организацией общественного питания во время весенней посевной кампании было также неудовлетворительно. Если некоторые колхозы во время работ в поле организовали общественное питание, то другие этого сделать не сумели. Организация общественного питания уже в этом году дает большой эффект. В предстоящую уборочную кампанию, а также в осеннюю посевную кампанию необходимо обратить серьезное внимание на организацию общественного питания во время полевых работ, пользуясь опытом тех колхозов, которые уже проделали это в текущем году.

Плановость в работе.

Большим недостатком в работе колхозов является отсутствие плановости. Зимой 1930 г. во многих колхозах были составлены не только планы весенней посевной кампании, но и промфинпланы. Однако, с отливом части крестьян из колхозов, колхозы должны были перестроиться быстрым темпом, так как отлив происходил близко ко времени весенней посевной кампании. Старые планы, которые составлялись при крупном колхозе нельзя уже было применить при новом колхозе. Весенняя посевная кампания застала почти все колхозы без плана. Некоторые колхозы вышли сеять, пахать, бороновать, словом, выполнять план весенней посевной кампании, не зная, сколько им надо тягловой силы, сколько им надо человеко-рабочих дней и т. д. Здесь частично вина падает на агрономов, которые недостаточное участие принимали в составлении планов. Больше того, за время весенней посевной кампании во многих колхозах агрономы не выезжали в поле. Подсчет того, сколько требуется рабочих человеко-дней, не был проделан почти ни в одном колхозе. Колхозники прямо заявляют: «Агроном ни разу у нас еще на поле не был, мы даже не знаем, где сеять кукурузу, где пшеницу, а где другие культуры» и т. д.

Весенняя посевная кампания.

Несмотря на ряд трудностей, весенняя посевная кампания в колхозах проходила довольно дружно. Почти отсутствуют случаи, когда дается наряд тому или другому колхознику, чтобы эти наряды не выполнялись без уважительных причин. В колхозе «Новый мир», Андреевского района работа проходила настолько дружно, что никаких прогулов не было, учет по выполнению нарядов в этом колхозе поставлен очень четко. Каждый день вечером в правлении можно уже узнать, сколько пар лошадей работало, сколько вспахано, сколько выполнено и сколько недовыполнено и почему не выполнено. Если некоторые лошади не вышли на работу, то причины тут же указываются. Но в некоторых колхозах учет выполняемости заданий поставлен не так четко. А это в жизни колхозов имеет громадное значение. Учет выполняемости нарядов, учет выполняемости планов и т. д. является зеркалом, отражающим работоспособность данного колхоза.

Организация машинно-тракторных станций и колонн для левобережья Средне-Волжского края явилась большим подспорьем в деле замены тягловой силы тракторами, ибо если бы не было такого количества тракторов, которое сейчас имеется в этой зоне, то очень трудно было бы выполнить план весенней посевной кампании и расширить посевную площадь. Но наравне с положительными сторонами в работе машинно-тракторных станций и колонн есть и большие недостатки. Например, в машинно-тракторной колонне при колхозе «Большевик» простои выразились в размере 20%. Вот почему эта МТК вынуждена была план весенней посевной кампании закончить с большим опозданием. Здесь вопрос упирается в качество трактористов. Нужно сказать, что квалификация трактористов не только в этой колонне, но и в других машинно-тракторных станциях и колоннах, а также и в совхозах, нетерпимо низка. Во время полевых работ с первых же дней эта проблема стала давать себя чувствовать,—имеющиеся трактористы могли быть только рулевыми и то с натяжкой. При колоннах и при тракторных бригадах имеются инструктора. Но иногда, пока инструктор придет к остановившемуся трактору и узнает, в чем дело, проходит 2—3 часа, а трактор все стоит на одном месте. Благодаря низкому качеству трактористов имеются не только простои, но также и частые поломки тракторов. Вследствие этого тракторы приходится очень часто ремонтировать, на что идут громадные деньги, а также жизненность трактора значительно сокращается против нормальной. При таком положении через год трактору приходится делать капитальный ремонт, в то время как при нормальных условиях, капитальный ремонт для трактора требуется через 4—5 лет.

Машинно-тракторная колонна № 3 при колхозе «Большевик» обрабатывает для колхозов землю по цене 12 руб. за га, а при полной обработке (пахота, бороньба, молотьба) за 35% с урожая. Нельзя считать, чтобы эта цена была низкая. Однако, вследствие отсутствия хороших трактористов, раздутию штатов тракторных колонн — себестоимость понижать нельзя. Приведем статьи расходов за 1929 г. машинно-тракторной колонны № 3.

На содержание штата расходовалось:	29.796 р. 34 к.
„ общие расходы	14.187 р. 07 к.
„ нефтепродукты	28.702 р. 88 к.
„ ремонт тракторов и с.-х. машин	21.483 р. 15 к.
„ амортизацию тракторов и с.-х. машин	14.147 р. 90 к.
„ „ „ прочего инвентаря	4.308 р. 80 к.

Анализ этих статей расходов себестоимости показывает, что громадная сумма их идет на содержание штатов, ремонт, амортизацию и т. д. При хорошем уходе за трактором можно значительно сократить не только ремонт трактора и других машин, но и амортизацию. Отсюда встает вопрос об увеличении размера машинно-тракторных колонн, которое дало бы значительное сокращение стоимости содержания аппарата. В прошлом году эта машинно-тракторная колонна имела около 50 тракторов. Но один заведующий мог бы справиться и с колонной в 150 и 200 тракторов. Мы считаем своевременным поставить вопрос об укрупнении машинно-тракторных колонн там, где имеется большой процент коллективизированных хозяйств.

Само собой разумеется, что вопрос об оплате труда упирается в вопрос о повышении производительности труда и, наоборот, повышение производительности труда связано с оплатой труда. Согласно решения ноябрьского пленума ЦК партии, оплата труда должна быть поставлена таким образом, чтобы она способствовала всемерному поднятию производительности труда и заинтересованности в работе.

В настоящее время на Средней Волге колхозы, главным образом, применяют 4—5 разрядную сетку. Большинство колхозов работают сдельно. Оплата различного вида работ следующая:

За га пахоты получают	4 рубля
„ „ бороньбы „	1 р. 50 к.
„ „ посева „	1 р. 50 к. и т. д.

Сдельная работа заключается в том, что данная бригада, выполняя известное количество га по указанной цене, после выполнения работы подсчитывает, сколько вспахали или взборонили га. Это количество помножается на цену га. Допустим, если бригада за один день вспахала 10 га, стоимость вспашки га—4 руб., следовательно, помножают 10 × 4 = 40 руб. и полученную сумму делят между собой по разрядам. Каждый колхозник получает по своему разряду заработной платы, кто по 2-му, кто по 3-му и т. д. Некоторые же колхозы оплачивают труд колхозников поденно, то же самое от 80 коп. до 1 р. 70 коп.

Мы считаем, что сдельщина является наиболее приемлемой формой оплаты труда. Здесь колхозник заинтересован в поднятии производительности труда. Следовательно, здесь имеет место личная заинтересованность колхозника. Если при наличии поденной оплаты колхозник за день получает от 80 к. до 1 р. и больше, а в среднем можно считать 1 р. 20 к., то при наличии сдельщины колхозник получает около 2 р. и больше, т. к. вдвоем при наличии 2-х лошадей и 2-лемешного плуга в правобережьи вспахивают больше одного га. Сдельщина применяется в Средне-Волжском крае больше в правобережьи, однако, в дальнейшем ее нужно применять также и в левобережьи, а также и в других районах, ибо только эта си-

стема оплаты труда (сдельщина) способствует повышению производительности труда, повышает заработную плату, и т. д.

Учет труда ведется почти во всех колхозах по одной системе: бригадир ежедневно заносит в табель работ участвовавших в работе, после чего сдает в канцелярию, а канцелярия заносит уже в общий табель. В этом деле большим недостатком является то, что колхозник продолжительное время не знает, сколько он работает, сколько ему записали единиц. Это обстоятельство создает иногда ропот между колхозниками, некоторые говорят, что «такому-то колхознику записали много единиц, а другому мало». *Во избежание этих нареканий, необходимо через известный промежуток времени, через неделю, вывешивать на видном месте табель о количестве проработанных дней каждым колхозником, сколько записано за ним единиц, и своевременно заносить в расчетную книжку, а это не делается.*

Большим недостатком в работе колхозов является слабость постановки учета излишков рабочей силы. Многие колхозы не знают, сколько для их тяговой силы нужно рабочих рук и сколько имеется излишков. Больше того, даже недостаточно ведется учет и регулирование количества рабочих дней между отдельными колхозниками. Одни колхозники работают ежедневно, бывают также случаи, когда из членов семьи работают 2—3 человека ежедневно за всю весеннюю посевную кампанию, а другие члены колхоза работают нерегулярно. Отсюда получается то, что некоторые колхозники зарабатывают больше прожиточного минимума, а некоторые меньше. Между тем, каждый колхозник должен заработать прожиточный минимум.

Нужно учитывать еще то обстоятельство, что некоторые члены колхозов (середняки) имеют часть хозяйства в индивидуальном пользовании, как коровы, огороды и т. д., некоторые же колхозники (беднота) коров не имеют и вообще скота у них мало. Этот момент во время посылки на работу всегда нужно учитывать с тем, чтобы бедняк в смысле количества проработанных дней, в смысле прожиточного минимума не отстал бы от других членов колхоза. Нуждаемость в работе у бедноты больше, чем у середняка.

Учет излишков рабочей силы связан с отходничеством, а также и другими видами работы вне колхозов. Вопрос об отходничестве в левобережьи Средне-Волжского края стоит остро. В этом крае много крупных совхозов. Вполне естественно, что эти совхозы берут рабочую силу из колхозов. Совхозы оплачивают значительно лучше и своевременнее. Вот почему беднота стремится итти в совхозы. Надо также отметить то обстоятельство, что *различие в заработной плате в колхозе и совхозе* создает недовольство в колхозе. Колхозники указывают на то, что в совхозе получают значительно большую заработную плату, выплачивают ее своевременно и дают готовый стол, а в колхозе заработную плату получают меньше, деньги оплачивают только осенью и т. д. Отсюда необходимость, при установлении заработной платы в колхозе и совхозе стремиться к тому, чтобы размер заработной платы приблизительно совпадал, т. е. здесь не должно быть разрыва в отношении оплаты труда в колхозе и совхозе.

Отсутствие оборотных средств в колхозе является большим препятствием для успешности выполнения весенней посевной кампании в колхозах, а также закрепления бедноты в колхозах. Известно, что часть бедноты, работая несколько месяцев в колхозе, не получает ни копейки за это время. Отсутствие у бедняков достаточного количества продовольствия, отсутствие средств на другие хозяйственные, домашние расходы приводит к тому, что колхозник постепенно начинает смотреть на колхоз косо, и были такие случаи, когда и в числе вышедших из колхоза большой процент падал на бедноту. Например, из колхоза «Новая Андреевка», Андреевского района, Самарского округа в числе вышедших беднота составляет около 60%, а середняки около 40%. В колхозе «Большевик», Бузулукского района, Самарского округа в числе вышедших тоже беднота составляет громадное большинство. И этот выход бедняки об'ясняют отчасти тем, что в колхозе трудно жить, т. к. они не имеют средств на различные расходы в виду того, что заработной платы они пока не получают. Известное дело, что из-за отсутствия оборотных средств в колхозах колхозы своевременно не могут удовлетворить необходимые, вполне законные насущные потребности части бедноты. Отсутствие оборотных средств в колхозах, конечно, ударило и по настроению середняка, но середняк дольше может терпеть не получая средства, чем бедняк, т. к. у середняка были некоторые запасы. Только в конце мая этот момент отсутствия средств был учтен соответствующими колхозными организациями по Средне-Волжскому краю и стали отпускать часть средств на выдачу заработной платы, т.-е. на авансы, до 50% заработка. *Выдача авансов в счет заработной платы значительно подняла настроение колхозников, а также это обстоятельство способствовало повышению производительности труда и скорейшему выполнению плана весенней посевной кампании.*

Большой проблемой для колхозного строительства является вопрос *о производственных совещаниях и социалистическом соревновании.* Если производственные совещания, а также социалистическое соревнование на фабриках и заводах, развернулись широко и дают ощутительные результаты в смысле поднятия производительности труда, то этого нельзя еще сказать о колхозах. Производственные совещания в колхозах в большинстве имеются только на бумаге, на деле — работа их отсутствует. Ни планы, ни необходимые вопросы не прорабатываются заранее на производственных совещаниях. Планы колхозов утверждаются правлением колхоза и дальше проводятся в жизнь без обсуждения. Отсутствие работы производственных совещаний дает себя чувствовать в процессе работы колхозов. В колхозе недостаточно приковано общественное внимание к работе колхоза, к улучшению хозяйста и т. д. Также с вопросом о социалистическом соревновании — в колхозах дело обстоит неблагополучно. В ряде колхозов приняты договора о социалистическом соревновании с другими колхозами, но выполнение этих договоров совершенно никем не проверяется. Колхозники содержания этих договоров в большинстве даже не знают. Поэтому, социалистическое соревнование, заключение договоров по социалистическому соревноанию проходит формально. Такое положение нужно считать крайне ненормальным. В этом вопросе нет еще правильного понимания, этот вопрос пока что в колхозах почти совсем не разработан. Оживление работы производственных совещаний, а также социалистическое соревнование в колхозах еще впереди. Посылка городских бригад (а за последнее время в Средне-Волжском крае профсоюзы посылали специально несколько бригад по части организации труда) оживит работу производственных совещаний и соцсоревнования. Формой перенесения опыта промышленности является именно посылка городских бригад, которые специально практически помогают в этом деле колхозам.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О литературе по экономическому кризису в САСШ.

«Экономический кризис в САСШ». (Дискуссия в Ком. Академии по докладу тов. Варга). Изд. Комакадемии. 1930 г., стр. 144.

«Кризис в САСШ». (Сборник статей под редакцией Л. Я. Эвентова и Л. А. Мендельсона). Изд. «Московск. Раб.», 1930 г., стр. 223.

Е. Варга. «Конец американского процветания». Гиз, 1930, стр. 96.

Современный мировой кризис начался с осени 1929 г. в наиболее передовой, прославленной буржуазными экономистами, международной социал-демократией и правыми оппортунистами,—стране процветания, «просперити»—в Северо-Американских Соединенных Штатах, и затем распространился на целый ряд стран. Этот начавшийся мировой кризис, может быть правильно понят лишь в связи и на фоне общего кризиса, в который вступил современный капитализм после империалистической войны 1914—18 г. Специфическое содержание и, в известной степени, форма проявления наступившего мирового кризиса в основном определяются все более обостряющимся всеобщим кризисом капиталистической системы. Правильная оценка экономического кризиса поэтому связана с оценкой послевоенного монополистического капитализма. Для сторонников теории «организованного капитализма», нынешний кризис должен явиться полной неожиданностью. В самом деле, если в современном капитализме «проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации» и «проблема калькуляции в ее почти общественном масштабе встает, таким образом, во весь свой рост», так как частные конкурирующие друг с другом предприятия «перерастают сами себя, вместе с ростом трестов и государственно-капиталистических тенденций, вместе с ростом гигантских электрических станций, технически об'единяющих разнородные предприятия в единый комплекс» 1); если правда, что в современном капитализме «закон стоимости перестает действовать» 2), «спадает фетишистская стоимостная оболочка общественного труда... перестают действовать прежние категории политической экономии» 3),—тогда, конечно, нет возможности понять переживаемый мировой кризис, так как он, 1) порожден законами капиталистического общества, которые не отменяются, а сохраняются, остаются «базой» монополизма; и 2) выражает собою «коллективно» (Маркс), все противоречия буржуазного производства и существует только как форма их проявления и разрешения.

С другой стороны, если рассматривать всеобщий кризис капитализма так, как его рассматривает ренегат Л. Троцкий и все «левые» оппортунисты, сторонники контрреволюционного троцкизма, начисто отрицая возможность относительного под'ема, в недрах которого зреют проявляющиеся в кризисе противоречия, тогда наступивший экономический кризис нужно было бы об'явить непостижимой случайностью, чуждой имманентным законам современного капитализма. В свое время, играя «левой фразой», Л. Троцкий писал:

> «С теоретической точки зрения, социализм имеет право на существование именно потому, что капитализм не способен развивать производительные силы... Если бы капитализм обнаружил, что он способен развивать производительные силы, то это означало бы, что мы в основном диагнозе ошиблись... Буржуазия этого пока что не доказала и доказать не может. В Европе нет развития производительных сил, происходят колебания, ломка наличных производительных сил... Европа не увеличивает своих производительных сил... В Европе они вовсе не растут» 1).

Производительные силы, по Троцкому, растут только в Америке. Отсюда пресловутая теория американской «исключительности», отрицание наступившего экономического кризиса и связанного с ним под'ема революционного рабочего движения и национально-революционного движения в колониях, отрицание которое делают троцкисты, правые и «левые» оппортунисты. Здесь сходятся как правые, так и «левые» ренегаты Коммунистического Интернационала. Теория американской «исключительности» (Ловстон) по существу целиком совпадает с троцкистской теорией американского «пайка», на который якобы должна быть посажена страной «просперити» дряхлая, погрузившаяся в мрак абсолютного застоя Европа. VI конгресс Коминтерна дал единственно правильную оценку нынешней стадии развития капитализма, устанавливая, что частичная стабилизация капитализма, наступившая после мирового кризиса в 1921 г. (точнее: после поражения германского пролетариата в 1923 г.), перейдя в новую свою фазу («третий период») предопределяет нарастание в неизмеримо более высоких масштабах резко обострившегося после мировой войны «противоречия между ростом производительных сил и суженными рынками, этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации, к резкому обострению общего кризиса капитализма» (Резолюция о международном положении). Наступивший мировой экономический кризис с полной силой подтверждает правильность этой оценки Коминтерна и вконец разрушает «теоретические» построения как правых, так и «левых» оппортунистов.

Но если верно, что современный мировой экономический кризис нельзя понять, исходя из позиций правых уклонистов и «левых» ренегатов, то является правильным и обратное: ошибки в понимании этого кризиса, как формы проявления общего кризиса капитализма, неизбежно ведут к переоценке взглядов партии и Коминтерна на природу последнего.

В дискуссии по докладу тов. Варга проявились такие ошибочные тенденции в оценке экономического кризиса, которые заслуживают серьезного внимания, тем более, что сам докладчик иногда солидаризировался с ними. Наступивший экономический кризис, поскольку он представляется фазой воспроизводства в пределах всеобщего кризиса капитализма, неизбежно должен отличаться от обычных «нормальных» кризисов «свободного» капитализма своеобразными чертами.

Но как понимать это его своеобразие? Тов. Герценштейн, выступавший по докладу тов. Варга, дает следующее об'яснение этому вопросу.

> «При господстве финансового капитала, когда концентрация банкового дела достигает огромных размеров, и движение спекуляции подчиняется банкам, вместо того, чтобы (как это было раньше) банки следовали за движением спекуляции, зависимость банков от судьбы того или иного предприятия ослабевает, и крушение предприятия не может с такой легкостью повлечь за собою крушение банка. И я думаю, что тов. Варга прав, когда он предсказывает отсутствие специфического банкового кризиса в САСШ» 2).
>
> «...Развертывание специального денежного кризиса, как одной из форм проявления всеобщего хозяйственного кризиса также затрудняется при монополистическом капитализме... в нашу эпоху особенно ясно выступают два фактора, препятствующих лавинообразному взрыву денежного кризиса. Прежде всего, мощное развитие различных форм кредита сокращает потребность в платежных средствах и во время кризисов, так как и тогда продолжается значительный оборот чеков и расчетных операций. Помимо этого несравненно более низкая, чем раньше, связь коммерческого кредита с банковским приводит к тому, что банк компенсирует сокращение

---

1) Н. Бухарин. «Некоторые проблемы современного капитализма», «Правда» 26 мая 1929 г.

2) И Блюмин «Теория Курно». «Вестн. Комакад.» XX.

3) С. Бессонов. «Развитие машин», стр. 42.

---

1) «Мир. Хозяйство 1919—1925». Изд. ВСНХ СССР, 1926 г., стр. 119.

2) «Экон. кризис», стр. 28. (Разрядка наша. *Н. И.*).

> вексельного оборота и покоящегося на нем коммерческого кредита своим кредитом в пределах, оправдываемых сохранившимся товарным обращением... И я думаю, что т. Варга, опять таки прав, когда он отрицает возможность денежного кризиса в США»[1]).

Своеобразие кризиса при монополизме Герценштейн (опять-таки в согласии с Варга) далее видит в том, что в противоположность прежним кризисам, благодаря деятельности монополии, цены не испытывают понижательной тенденции (стр. 29).

> «И если в ходе современного кризиса наступит все же резкое снижение цен, то это об'ясняется тем, что кон'юнктурные тенденции понижения (повышения? *Н. И.*) перекрываются общей понижательной линией цен в которой отражается ликвидация остаточных элементов инфляции»[2]).

Мы не останавливаемся на других признаках, характеризующих, по мнению Герценштейна и др., своеобразие кризисов при монополизме. Рассмотрим кратко названные выше «особенности».

Герценштейн принципиально отрицает возможность банкового и денежного кризисов при монополистическом капитализме, потому, видите ли, что а) здесь зависимость банков от судьбы того или иного предприятия ослабевает «и устанавливается тесная связь с целой отраслью производства; б) здесь движение спекуляций подчиняется банкам», а не наоборот, как это было в условиях «свободного» капитализма; в) банки, овладев спекуляцией, устремляют свой проницательный глаз в товарооборот и компенсируют сокращение вексельного оборота и покоящегося на нем коммерческого кредита своим (банковским. *Н. И.*) кредитом в пределах, оправдываемых сохранившимся (видимо сократившимся. *Н. И.*) товарным обращением. Читатель сам видит, что «новое», «открытое» Герценштейном в современных кризисах, в действительности есть столь же старое, как стара сама буржуазная экономия. Банкам удалось организовать кредитные, складывающиеся на стихийных началах отношения. Банки являются устойчивыми, не испытывают значительных потрясений (банкротства, а следовательно, концентрации), так как они теперь связаны не с отдельными предприятиями, а с целой сферой или со всем общественным производством. Как-будто прежде крах банков определялся гибелью отдельных предприятий, а не потрясениями (более или менее — сильными) всей системы общественного производства. Банки заменяют коммерческий кредит своим и тем предотвращают денежные кризисы, заменяют притом в точных «пределах, оправдываемых (сократившимся) товарным обращением». Как-будто банковский кредит безграничен, и сам не определен узко ограниченными рамками и, как-будто, банки знают эти «пределы товарного обращения», на помощь которому они спешат в мрачные дни для товарного обращения. Рамки рецензии не позволяют нам выяснить подробно

---

[1] Там же, стр. 29. (Разрядка наша. *Н. И.*).

[2] Там же, стр. 29.

Тов. Варга в своем докладе говорит:

«Такого денежного кризиса, который является признаком классического типа кризиса, по-моему, в данном американском кризисе не будет, потому что прежде всего монополистический характер американского капитализма, связь, которая имеется между разными картелями, концернами, большими предприятиями, не создает такого настроения недоверия к способности этих предприятий —а это недоверие играет немаловажную роль в кредитном кризисе». И далее. «Отличительной чертой кризиса, который сейчас развивается в Америке, является то, что он будет особенно острым в сфере производства, но не в сфере обращения» (с. 11 — 17, курсив наш. *Н. И.*).

Исходя из отрицания возможности кризиса «в сфере обращения», т. Варга неизбежно (более или менее сильное) понижение цен, которое должно наступить в связи с кризисом, об'ясняет лишь ликвидацией мнимых остаточных элементов инфляции, но не природой самого кризиса.

теоретическую фальшь этой «теории» современных кризисов. Однако, ошибочность ее совершенно очевидна, даже после такого беглого просмотра. Верно, что денежный и кредитный кризисы часто не совпадают с промышленным кризисом. Но попытка доказать принципиальную невозможность денежных и кредитных кризисов при монополистическом капитализме, попытка, которая целиком опирается на взгляды Гильфердинга и в этом смысле не представляет собою никакого «открытия», роднит ее авторов со сторонниками теории «организованного капитализма».

Ложной является мысль Герценштейна относительно характера закономерности движения цен при монополистическом капитализме. Факты показывают, что циклический характер их движения здесь остается, с той лишь модификацией, что эта кривая не подвержена таким резким колебаниям, какие имели место при капитализме эпохи свободной конкуренции. Позиция Герценштейна ведет к отрицанию действия при монополизме закона цен, свойственного капитализму вообще. Приходится только пожалеть, что явно ошибочная позиция Герценштейна не получила заслуженного отпора в выступлениях участников названной дискуссии.

Попытку дать теорию цикла в условиях всеобщего кризиса капитализма сделал также тов. Эвентов. Он считает, что в САСШ процесс морального износа основного капитала ускорился настолько, что мы имеем полное право говорить о сокращении цикла до 3—4 лет. Теоретическим доказательством этого весьма важного с точки зрения революционной практики положения является... ссылка на письмо Маркса к Лаврову (см. «Летопись Марксизма», V), где Маркс указывает на наблюдающееся сокращение циклов в связи с развитием капитализма. Взгляд тов. Эвентова в действительности основан только на необходимости придать большую убедительность своей прежней явно ошибочной оценке кон'юнктуры американского хозяйства, исходя из которой (оценки) он пытается доказать, что в 1924 и 1927 гг. в САСШ мы имели обычный циклический кризис. Совершенно справедливо, что с развитием капитализма, в особенности в его современной стадии, благодаря неравномерности его развития и гипертрофии основного капитала, оборот основного капитала ускоряется. Однако, исходя из этого ни теоретически, ни эмпирически тов. Эвентову не удалось доказать, что сокращение цикла достигло пределов 3—4 лет. Напротив, история показывает, что послевоенное развитие американского капитализма проходило в рамках семилетнего цикла (1921—1929 г.). Явно ошибочной является также мысль тов. Эвентова о том, что

> «современный кризис... характеризуется не тем, что имеется значительное перепроизводство товаров, а скорее тем, что имеется перепроизводство основного капитала» (стр. 23) и поэтому этот кризис не может сопровождаться резким снижением цен. «Почему—спрашивает тов. Эвентов—во время кризиса происходит резкое снижение цен? Потому что наступает принудительная ликвидация товарных запасов. Но сейчас в Америке нет особенно больших товарных запасов. Налицо как-раз избыток основного капитала, и избыток основного капитала не ликвидируется в порядке принудительной продажи»[1]).

С этой точки зрения только и можно понять сущность перепроизводства основного капитала, свойственного эпохе послевоенного капитализма, как одного из признаков его (капитализма) всеобщего кризиса. Современный экономический кризис усиливает эту форму перепроизводства, придает ей особую актуальность. Он, таким образом, проявляется в тех же формах, что и всеобщий кризис, создавая тем самым единство между явлениями структурного и кон'юнктурного порядка. Развиваясь на базе всеобщего кризиса капитализма, будучи явлением не только имманентным капитализму вообще, но и специфической формой проявления всеобщего кризиса капитализма, современный экономический кризис получает силу обратного воздействия на первый, обостряя, углубляя и расширяя его.

---

[1] Там же. стр. 23.

Трудно понять, зачем понадобилось т. Эвентову искать об'яснение характера движения цен в современном капитализме не в его монополистической структуре, а в старых, давно опровергнутых еще Марксом теориях Рикардо, Уэльсона, Рошера и др. буржуазных экономистов. «Вообще часто в фразе: избыток капитала вместо перепроизводства товаров заключается только условное выражение или такого рода бессмыслица, которая одно и то же явление признает существующим и необходимым, когда оно называется А, но отрицает его, когда оно названо В; на самом деле, следовательно, здесь имеются лишь сомнения и недоумения относительно наименования явления, а не относительно самого явления...» [1]). Основной капитал есть тот же товар, но в «общественных определениях его, благодаря которым он представляет больше, чем товар, еще нечто другое, кроме товара» (Маркс). Стало быть, перепроизводство основного капитала есть вместе с тем и перепроизводство товара. Однако, поскольку перепроизводство этого товара представляется в особой общественной форме, влияние этого перепроизводства на цены должно сказываться также по-особому, в своеобразной форме.

Необходимость активизировать находящийся в пассивном состоянии основной капитал заложена в природе самого капитала как динамического процесса, в результате которого возникает прибыль, дает себя знать всякий раз, как только цена начинает подниматься вверх. Перепроизводство основного капитала действует, правда, в более усложненной форме, но в общем так же, как и перепроизводство товаров. Продажи в рассрочку, в кредит представляют собою—наиболее конкретную форму этого воздействия на цены. В наиболее критической фазе цикла находящийся товар в форме основного капитала может даже сбросить это свое «общественное определение» и быть проданным просто как товар (продажа машин в качестве простого металла и пр.). В этом случае перепроизводство основного капитала воздействует на цены в наиболее непосредственной, хотя и не совсем типичной, форме. Если бы в об'яснении движения монопольных цен, внешнее проявление которого тов. Эвентов воспринял в общем правильно, он обратился к анализу специфических особенностей ценообразования при монополистическом капитализме, тогда не возникла бы у него нужда отыскивать теоретическую аргументацию в забракованных пыльных архивах буржуазной экономии. Пора раз навсегда отказаться от мысли, что в об'яснении сущности капиталистических отношений (в частности монополистического капитализма) и в особенности таких его проявлений, как кризисы, буржуазные экономисты могут в чем-нибудь оказать помощь марксистской мысли.

Мы далеко не исчерпали всей суммы идей, связанных с об'яснением своеобразия современных кризисов, которые развивались как на дискуссии по докладу тов. Варга, так и в сборнике «Кризис в САСШ», выпущенном под редакцией Л. Эвентова и Л. Мендельсона. Необходимо, однако, отметить, что в этой области мы чрезмерно, непростительно отстали от потребности нашей революционной практики. В рецензируемой книге «Экономический кризис», можно с полным правом сказать, не дано сколько-нибудь серьезной попытки хотя бы поставить серьезно вопрос о теоретическом осмысливании своеобразия кризисов капитализма наших дней. В сборнике «Кризис в САСШ», в статьях тт. Мендельсона и Эвентова, правда, делаются попытки (нередко глубокие и убедительные) связать об'яснение современного экономического кризиса с всеобщим кризисом капитализма, однако, поскольку авторы ограничивают себя только САСШ, их суждения страдают неполнотой, отсутствием широкой перспективы, цельности.

Марксисты-коммунисты еще не подошли вплотную к этой актуальнейшей проблеме. Совершенно очевидно, что понять взаимную связь всеобщего кризиса капитализма и его специфических форм проявления, экономических кризисов, т.-е. закономерностей циклов воспроизводства, происходящих в рамках всеобщего кризиса, невозможно исходя из одних лишь общих положений. Необходимо основательное изучение конкретной картины движения современного капитализма, которое позволит марксистской мысли сделать новые теоретические обобщения. Коллективная марксистская мысль должна это сделать, в противном случае ее отставание от потребности классовой борьбы пролетариата может принять весьма опасную форму.

Полное идейное бессилие перед переживаемыми событиями показал тов. Павлов. Он отрицает не только возможность мирового кризиса, но отказывается признать наличие кризиса даже в САСШ, потому что—а) «степень сокращения (производства) не дает картины кризиса, не дает картины тяжелого кризиса», б) мы имеем низкий учетный процент (4,5%), тогда как при кризисе «учетный процент» доходит до 200—300»; в) «в САСШ нет резкого увеличения безработицы» (стр. 37), «мы имеем (здесь) не изменившийся уровень зарплаты»; г) «нет товарных запасов». Вывод: «...те явления, которые мы имеем в настоящий момент, не могут быть подведены под кризис» (стр. 39). Неудивительно, что тов. Мадьяр в ответ на речь тов. Павлова заявил: «Мне... кажется, что Гувер так оптимистически не оценивает положения американского капитализма, как оценивает его тов. Павлов» (стр. 40). Действительно, «зачем нам заниматься извращением фактов в пользу американского империализма?» (стр. 40). Эта апологетическая, явно правая оценка кризиса в САСШ свидетельствует не только о недостаточном знании фактов, но, больше того, также и о том, что т. Павлов об'ективно оказался в плену у теоретиков «просперити». Позиция Павлова получила заслуженный отпор.

В дискуссии в К. А. (ни в докладе, ни в прениях) не был достаточно подчеркнут тот факт, что мировое хозяйство идет к мировому кризису не только через САСШ, но также через ряд стран Европы и Азии. Нарастание кризиса внутри капиталистических стран Европы остается в общем за пределами внимания авторов. Этим дается повод к неправильному, искаженному представлению о кон'юнктуре мирового хозяйства. Этот факт является крупнейшим недостатком обоих сборников (и в большей мере сборника «Кризис в САСШ»). Касаясь теоретических проблем, затронутых на дискуссии в Комм. Академии нельзя не отметить, на наш взгляд, ошибочное, не соответствующее взглядам Маркса, понимание причины периодичности кризисов, которое разделялось рядом товарищей (Эвентов, Герценштейн). Герценштейн говорит:

> «движение противоречия между производством и потреблением на базе толчкообразного роста основного капитала в условиях анархической структуры хозяйства формирует закономерно повторяющуюся фигуру с ее волнообразным внутренним ритмом» (стр. 26) (см. также речь Эвентова, с. 22)

Далее констатируется явно механистическое различие причины а) кризиса и б) его периодичности. Причиной первого является: «движение противоречия между производством и потреблением», причиной второго: «толчкообразный рост масс основного капитала». Возникает вопрос, откуда получаются эти мифические толчки, стимулирующие «рост масс основного капитала?» Почему возникает раздвоение (а две причины как раз и предполагают существование двух параллельных процессов) на два ряда процессов воспроизводства капитала? Концепция «двухпричинного об'яснения» циклов (причина самого кризиса и причина его периодичности) основана:

1) На непонимании того факта, что в противоречии между производством и потреблением содержится также момент воспроизводства основного капитала, последний определяется первым, специфицируется им. «Условием перепроизводства является общий закон производства капитала, производство происходит соответственно производительным силам... не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособными потребностями, и это совершается путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, значит и путем обратного превращения дохода в капитал (в том числе, понятно, и в основной капитал. *Н. И.);* между тем, с другой стороны, масса производителей ограничена и,

---

[1]) Маркс. Теории прибав. стоимости. II. стр. 171.

соответственно, природе капиталистического производства должна быть всегда ограничена средним размером потребностей».—Вот, по Марксу, одна единственная причина кризиса и его периодичности.

2) На признании толчкообразного, происходящего от удара, полученного извне от непостижимой (трансцендентной) силы восстановления основного капитала, не обусловленного единой причиной, о которой выше говорил Маркс. Этот механистический взгляд молчаливо исходит из признания (притом тоже искаженного) лишь физического износа основного капитала. Необходимость об'яснить факт моральной амортизации тотчас привела бы сторонников этой странной концепции к анализу специфических капиталистических производственных отношений, именно: «общего закона производства капитала».

3) На представлении о соотношении между капиталистическим производством и свойственным ему потреблением как «всегда равным себе» и потому не могущим об'яснить периодичность кризиса. Это соотношение изменяется вследствие своих внутренних причин, связанных с капиталистической кон'юнктурой, но не благодаря «толчкообразному росту масс основного капитала».

Эта концепция в конечном счете уводит нас в сторону от необходимости анализа классовых антагонизмов, в которых выражается противоречие между условиями «эксплоатации максимального труда, не считаясь с существующими границами рынка»—и платежеспособными потребностями, противоречия, свойственного имманентным законам воспроизводственного цикла капитала. Она (концепция) не соответствует духу учения Маркса и Ленина о капиталистических кризисах и является отрыжкой теорий Тугана, Струве и т. д.

Общим недостатком обоих сборников также является тот факт, что в них недостаточно уделено внимания тому, какое влияние должен оказать кризис a) на взаимоотношения СССР с капиталистическими странами (поскольку этого вопроса отдельные авторы касаются, дело не идет дальше абстрактных заявлений о неизбежном обострении военной опасности для СССР) и b) на под'ем международного рабочего движения. Этот крупнейший недостаток сборников в значительной степени об'ясняется тем обстоятельством, что их участники, как было сказано выше, замкнулись в своем анализе в пределах САСШ и не сделали достаточно смелых попыток поставить проблему шире, ближе связать ее с всеобщим кризисом капитализма и с нарастанием мирового экономического кризиса. Дополнительной причиной является академичность, схематизм, который пленил очень многих участников дискуссии в Комм. Академии. Касаясь «индивидуальной физиономии» каждого сборника, надо сказать, что сборник «Кризис в САСШ» выгодно отличается от сборника «Экономический кризис» полнотой, систематичностью, глубиной постановки проблем (статьи т. Эвентова и т. Мендельсона) и тщательной разработкой конкретного материала. Правда, многие статьи, (например, 5, 6, 7, 9, частью 14) написаны так, что они могли быть с успехом опубликованы годом раньше или позже американского кризиса. Авторам этих статей не удалось достаточно связать свои темы с данным кризисом, поэтому их статьи больше носят характер абстрактного экономического обзора.

Положительным достоинством этих названных выше работ является в общем достаточно четкая критика социал-демократических, правооппортунистических и троцкистских взглядов в оценке современного капитализма (см. особенно статью тов. Мендельсона в сборнике «Кризис...»).

Брошюра т. Варга «Конец американского процветания» «представляет собою попытку общедоступно изложить, исходя из основ марксизма, выдвигаемую американским кризисом проблему» (стр. 3). Автор популярно, с привлечением богатого, умело подобранного фактического материала, излагает ход, перспективу развертывания американского кризиса и одновременно пытается дать теоретическое об'яснение его своеобразных черт, обусловленных монополистическим характером капитализма. Мы считаем совершенно правильным утверждение

автора в противоположность теории т. Эвентова, что современный кризис не только не исключает, но, напротив, предполагает рост товарных запасов (стр. 54). Однако, это утверждение находится в явном противоречии с мыслью т. Варга о том, что «при монополистическом капитализме капиталисты имеют возможность защитить себя от падения цен, диспропорция выравнивается с помощью сильного и весьма длительного уменьшения производства» (стр. 68).

Последнее утверждение в такой категорической форме нам представляется спорным по следующим соображениям: 1) увеличение издержек, являющееся следствием сокращения производства, увеличивает силу давления на заработную плату рабочих, вызывает рост ввозных пошлин, снижение налога на капитал и перенесение его на пролетарские и мелкобуржуазные слои населения. Это обстоятельство сокращает платежеспособный спрос населения и (с этой стороны) воздействует на цены в сторону их падения; 2) покупателем монопольных товаров является также монополист, который, маневрируя массовыми закупками, вынуждает монополиста-продавца снижать цены; 3) возможность нажима на рабочий класс позволяет монополисту, сохраняя прежнюю или даже повышающуюся норму прибыли, снижать цены за счет зарплаты. Падение оптовых цен, наблюдающееся в связи с развертыванием мирового кризиса, подтверждает мысль о том, что современный кризис вовсе не исключает падения цен, но изменяет его (падения) характер (диспропорция между оптовыми и розничными ценами) и степень (более медленное, нежели это было при «классических» кризисах).

Своеобразие здесь состоит в том, что падение цен сопровождается главным образом 1) необычайно сильным сокращением зарплаты, ростом интенсивности труда и 2) всесторонним воздействием на мелкую буржуазию в целях перераспределения национального фонда и для обогащения монополистов. Поэтому при современных кризисах норма прибыли остается стабильной или возрастает, хотя цены и падают. Точка зрения тов. Варга неизбежно ведет к полному отрицанию закона цен, свойственного капиталистическому способу производства. Между тем монополистический капитализм не отрицает, но лишь модифицирует этот закон.

В своей брошюре т. Варга повторяет свое принципиальное отрицание возможности при монополизме кризиса в сфере обращения (стр. 66—67). Мы выше уже указывали на ошибочность этой теории.

Недостатком брошюры также должно быть признано недостаточно ясное изложение проблемы структурной безработицы, благодаря чему у читателя может получиться впечатление, что автор ее рассматривает как фактор «технологического» порядке (см. стр. 26, 29). Нельзя признать достаточной характеристику форм влияния кризиса САСШ на мировое хозяйство, которая представлена в следующей фразе: «Существуют,—говорит Варга—два главных (Разрядка наша. *Н. И.*) вида перенесения (?*Н. И.*) кризиса: 1) ограничение ввоза, 2) усиление вывоза по низким ценам» (стр. 73). Усиление экспорта капитала, таким образом, об'является второстепенной формой влияния, тогда как в действительности он играет одну из решающих форм.

Брошюра «Конец американского процветания», несмотря на названные недостатки, представляет собою развернутое, популярное и достаточно обоснованное об'яснение современного кризиса. «Американский кризис, — пишет автор, — ... превращается во всеобщий мировой экономический кризис» (стр. 3), он приведет к обострению всех противоречий и к срыву относительной стабилизации капитализма. Автор детально обосновывает неизбежность наступления «остро революционной ситуации», дальнейшей фашизации социал-демократии, рост военной опасности для СССР, приближение империалистической войны. «Кризис быстрыми шагами приблизит нас к конечной цели — свержению капиталистического господства во всем мире» (стр. 92).

Развертывающийся мировой кризис должен привести к еще более форсированному нарастанию международного революционного движения, к обострению всеобщего кризиса капитализма, к срыву гнилой, с каждым днем расшатывающейся стабилизации капитализма, к еще большему под'ему национально-революционного движения колониальных и полуколониальных народов, к разоблачению социал-фашизма, к полному разгрому жалких остатков контрреволюционного троцкизма и к разоблачению капитулянтских позиций правых уклонистов.

Экономистам-марксистам необходимо перейти от американского кризиса к анализу мирового экономического кризиса. Названные три работы, отражающие лишь один из начальных этапов нарастания мирового кризиса, при всем их достоинстве, все же не могут оказать достаточной помощи партийному активу при изучении переживаемых нами событий в капиталистических странах. Они (работы) теперь уже отражают больше историю нарастания мирового кризиса. В качестве таких, главным образом, исторических документов, они, бесспорно, окажут большую службу партийному активу и могут быть ему рекомендованы.

НИК. ИЛЬЮХОВ

Условия приема аспирантов в Коммунистическую академию при ЦИК СССР.

В целях подготовки марксистских кадров научных работников для научно-исследовательской и научно-педагогической работы при Коммунистической Академии учрежден институт аспирантов.

На 1930/31 г. производится прием аспирантов в перечисленные в § 9 учреждения Ком. Академии на следующих условиях:

1. В число аспирантов во все учреждения К. А. (§ 9) принимаются члены ВКП(б), имеющие 5-летний партийный стаж и 3-летний стаж практической и общественно-массовой работы, окончившие вуз, комвуз, или имеющие знания в об'еме высшего учебного заведения.

Примечание. а) Для аспирантов Института истории, Института литературы, искусства и языка партийный стаж устанавливается не менее, чем в 3 года, а в состав естественно-научных институтов (Биологический ин-т, Биомузей, Ин-т высшей нервной деятельности) принимаются члены ВКП(б), кандидаты в члены ВКП(б) и члены ВЛКСМ без ограничения стажа.

б) При приеме преимущество отдается рабочим, колхозникам, крестьянам.

2. В состав аспирантов зачисляются лица не старше 40 лет.

3. При поступлении желательно знакомство кандидата в аспиранты по крайней мере с одним западно-европейским языком.

4. Срок подготовки аспирантов устанавливается 3 года.

5. Зачисленные в аспиранты получают стипендию в размере 200 р. в месяц и общежитие.

Примечание. По материальному обеспечению иждивенцев аспиранта (общежитие, увеличение стипендии на семейность и проч.) Ком. Академия на себя никаких обязательств не берет.

6. Для приема необходимо представить следующие документы:

а) Заявление о приеме, с обязательным указанием избираемого учреждения К. А., в котором предполагает подготовляться кандидат.

б) Краткую автобиографию, заверенную партийными органами.

в) Заполненную анкету.

г) Командировку партийной организации не ниже окружкома (райкома для Москвы и Ленинграда), отзыв об общественной работе, заверенную справку о партийном стаже.

д) Документ (или его заверенную копию) об образовании, а для лиц, окончивших вуз или комвуз в 1928/29 и 1929/30 гг., отзыв квалификационной комиссии.

е) Документ (или его заверенную копию) об отношении к воинской повинности.

ж) Справку о состоянии здоровья.

з) Печатные или рукописные работы, если имеются.

7. Заявления товарищей, представивших все необходимые документы, рассматриваются особой мандатной комиссией.

8. Товарищи, удовлетворяющие поставленным условиям и допущенные мандатной комиссией к испытаниям, должны представить письменную работу, тему которой желательно согласовать с соответствующим учреждением К. А. В случае признания работы удовлетворительной, товарищи допускаются к устным испытаниям по диалектическому и историческому материализму, политэкономии и предмету своей специальности.

Примечание. а) Вступительная работа должна отвечать следующим требованиям: 1) тема вступительной работы должна соответствовать избираемой специальности; 2) работа должна свидетельствовать о достаточных навыках кандидата к научному исследованию, и 3) критическом отношении к привлекаемому в работе материалу.

б) Списки общей литературы и специальной, знакомство с которой необходимо для поступления в отдельные научные учреждения К. А., будут напечатаны в ближайшем (37—38) номере «В. К. А.» за 1930 г., ближайших номерах специальных журналов и, кроме этого, могут быть высланы по первому требованию.

в) От поступающих в учреждения естественного сектора К. А. вступительная работа не требуется.

9. На 1930/31 год производится прием в следующие научные учреждения К. А.: а) Аграрный ин-т, б) Ин-т экономики, в) Секцию техники, г) Кооперативную секцию, д) Ин-т мирового хозяйства и мировой политики, е) Ин-т советского строительства и права, ж) Ин-т истории, з) Биологический ин-т им. Тимирязева, и) Ин-т по изучению высшей нервной деятельности, к) Биомузей, л) Ин-т литературы, искусства и языка, м) Антирелигиозную комиссию, н) Ассоциацию востоковедов, о) Комиссию по изучению национального вопроса, п) Ин-т философии.

10. Допущенные мандатной комиссией к испытаниям получают 2-месячный отпуск не позднее 15 июля с. г., с сохранением содержания за счет учреждений и предприятий, где эти товарищи состоят на службе.

11. Прием заявлений производится с момента опубликования настоящих «условий» по 1 августа с. г.

12. Письменные работы должны быть представлены не позднее 1 сентября.

13. Устные испытания будут производиться с 15 сентября по 1 октября с. г.

14. Лица, подавшие заявление на основании первоначальных условий приема, опубликованных в «Правде» от 26/I-30 г., удовлетворяющие настоящим условиям, должны, в случае непредставления ими при первоначальной подаче указанных в настоящих условиях документов, немедленно их дослать.

Примечание. Заявления, полученные ранее и не удовлетворяющие настоящим условиям, рассматриваться не будут.

15. Заявления следует направлять по адресу: Москва, Волхонка, 14, Коммунистическая Академия ЦИК СССР, мандатная комиссия по приему аспирантов

16. Анкеты заполняются по прилагаемому ниже образцу.

17. Справки о характере темы вступительной работы, ее об'еме и по прочим вопросам, связанным со вступительной работой, даются только учреждениями К. А., где предполагает поступающий подготовляться.

Справки же общего характера даются секретариатом К. А. и мандатной комиссией.

КОМАКАДЕМИЯ.

АНКЕТА АСПИРАНТА.

Институт . . . . По какой дисциплине специализируется . . . . 1) Фамилия, имя и отчество . . . . 2) Время и место рождения . . . . 3) Социальное происхождение (основное занятие родителей до и после революции) . . . . 4) Социальное положение (основное занятие и основной источник существования до поступления в институт) . . . . 5) Образовательный ценз (когда и какой вуз окончил, самообразование) . . . . 6) Национальность . . . . 7) Партийность (партийный стаж, организация и № билета) . . . . 8) Состоял ли в других партиях . . . . 9) Член профсоюза и стаж . . . . 10) Семейное положение (женат, холост), состав семьи . . . . 11) Работа и общественная деятельность до поступления в институт . . . . а) В партийных органах . . . . б) В профорганизациях . . . . в) В прочих общественных организациях . . . . г) Педагогическая . . . . д) Литературная . . . . е) Прочая (работа на заводах, в сельском хоз-ве, в советских органах, учреждениях и т. д.) . . . . 12) Отношение к воинской повинности . . . . 13) Перечень научных работ . . . . 14) Состоял ли аспирантом или научным сотрудником 2-го разр. когда-либо (когда и где) . . . . 15) Адрес постоянного местожительства . . . . 16) Адрес для извещения результатов приема . . . .

Подпись . . . . . .

Дата . . . . . .

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54826. Москва. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 13 15 ИЮЛЯ № 13

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

напечатаны в ближайшем (37—38) номере «В. К. А.» за 1930 г., ближайших номерах специальных журналов и, кроме этого, могут быть высланы по первому требованию.

в) От поступающих в учреждения естественного сектора К. А. вступительная работа не требуется.

9. На 1930/31 год производится прием в следующие научные учреждения К. А.: а) Аграрный ин-т, б) Ин-т экономики, в) Секцию техники, г) Кооперативную секцию, д) Ин-т мирового хозяйства и мировой политики, е) Ин-т советского строительства и права, ж) Ин-т истории, з) Биологический ин-т им. Тимирязева, и) Ин-т по изучению высшей нервной деятельности, к) Биомузей, л) Ин-т литературы, искусства и языка, м) Антирелигиозную комиссию, н) Ассоциацию востоковедов, о) Комиссию по изучению национального вопроса, п) Ин-т философии.

10. Допущенные мандатной комиссией к испытаниям получают 2-месячный отпуск не позднее 15 июля с. г., с сохранением содержания за счет учреждений и предприятий, где эти товарищи состоят на службе.

11. Прием заявлений производится с момента опубликования настоящих «условий» по 1 августа с. г.

12. Письменные работы должны быть представлены не позднее 1 сентября.

13. Устные испытания будут производиться с 15 сентября по 1 октября с. г.

14. Лица, подавшие заявление на основании первоначальных условий приема, опубликованных в «Правде» от 26/I-30 г., удовлетворяющие настоящим условиям, должны, в случае непредставления ими при первоначальной подаче указанных в настоящих условиях документов, немедленно их дослать.

Примечание. Заявления, полученные ранее и не удовлетворяющие настоящим условиям, рассматриваться не будут.

15. Заявления следует направлять по адресу: Москва, Волхонка, 14, Коммунистическая Академия ЦИК СССР, мандатная комиссия по приему аспирантов

16. Анкеты заполняются по прилагаемому ниже образцу.

17. Справки о характере темы вступительной работы, ее об'еме и по прочим вопросам, связанным со вступительной работой, даются только учреждениями К. А., где предполагает поступающий подготовляться.

Справки же общего характера даются секретариатом К. А. и мандатной комиссией.

КОМАКАДЕМИЯ.

АНКЕТА АСПИРАНТА.

Институт . . . . По какой дисциплине специализируется . . . . 1) Фамилия, имя и отчество . . . . 2) Время и место рождения . . . . 3) Социальное происхождение (основное занятие родителей до и после революции) . . . . 4) Социальное положение (основное занятие и основной источник существования до поступления в институт) . . . . 5) Образовательный ценз (когда и какой вуз окончил, самообразование) . . . . 6) Национальность . . . . 7) Партийность (партийный стаж, организация и № билета) . . . . 8) Состоял ли в других партиях . . . . 9) Член профсоюза и стаж . . . . 10) Семейное положение (женат, холост), состав семьи . . . . 11) Работа и общественная деятельность до поступления в институт . . . . а) В партийных органах . . . . б) В профорганизациях . . . . в) В прочих общественных организациях . . . . . г) Педагогическая . . . . . д) Литературная . . . . . е) Прочая (работа на заводах, в сельском хоз-ве, в советских органах, учреждениях и т. д.) . . . . 12) Отношение к воинской повинности . . . . 13) Перечень научных работ . . . . 14) Состоял ли аспирантом или научным сотрудником 2-го разр. когда-либо (когда и где) . . . . . 15) Адрес постоянного местожительства . . . . . 16) Адрес для извещения результатов приема . . . . .

Подпись . . . .

Дата . . . .

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарев, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54826. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 13 15 ИЮЛЯ № 13

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

ВНИМАНИЮ ЧЛЕНОВ ВКП(б)

[illegible] „Молодая Гвардия“.

Сейчас на эти журналы открыта подписка на 2-е полугодие:

ПИОНЕР

Боевой общественный и литературный журнал школьников и пионеров. Выходит каждые 10 дней. Орган ЦБ и МБ ДКО и НКпроса.
Цена отдельного номера (значит. выпуск.) 10 к.
Подписная плата:
на 6 мес. — . . . . . . 1 р. [illegible] к.
„ 3 мес. — . . . . . . — р. [illegible] к.
„ 1 мес. — . . . . . . — р. 30 к.

ЗНАНИЕ—СИЛА

Ежемесячный популярный, научно-технический иллюстрированный журнал. Орган ЦК ВЛКСМ, НКпроса и Центральн. дет. технической станции.
Цена отдельного номера 25 к.
Подписная плата:
на 6 мес. — . . . . . . 1 р. 50 к.
„ 3 „ — . . . . . . — р. 70 к.

ЗАТЕЙНИК

Единственный ежемесячн. журнал по организации досуга. Орган ЦБ ДКО и НКпроса.
Цена отдельного номера 30 к.
Подписная плата:
на 6 мес. (с 6 бесплат. приложениями). . . . . 1 р. 70 к.
на 3 мес. — . . . . — р. 85 к.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Ежемесячный иллюстрированный естественно-научный журнал.
Орган ЦБ ДКО и ЦБ Юннатов.
Цена отдельного номера 15 к.
Подписная плата:
на 6 мес. — . . . . 75 к.
„ 3 „ — . . . . 40 к.

[illegible] — они вам необходимы!

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Центр, Б. Черкасский, 6, Изд-во ЦК и МК ВЛКСМ „Молодая Гвардия“, всеми отделен. изд-ва, повсеместно на почте и всеми письмоносцами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 2-Е ПОЛУГОДИЕ 1930 г. на [illegible] журнал

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Основные задачи, стоящие перед марксистской философией нашего времени, были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма». В этой статье, ставшей для журнала программной, В. И. Ленин подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет непримиримую борьбу за ортодоксальный диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина против различных механистических, позитивистических, суб'ективистических и идеалистических течений и направлений. В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, [illegible], занимающихся самообразованием, и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м. — 1 р. 50 к., на 3 м. — 4 р. 25 к., на 6 м. — 8 р., на 12 м. — 15 р. — к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе издательства ЦК ВКП(б) „Правда“ (Москва, 9, Тверская, 48), во всех местных отделениях „Правды“, в почтовых конторах, [illegible] и во всех киосках „[illegible]“.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)
Год издания VII
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-60

№ 13 — 15 ИЮЛЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая. С'езд развернутого социалистического наступления . 1
Одинцов, А. Задачи осенней посевной кампании 8
Гроссман, В. Район — область. 15
Борилин, Б. Основные вопросы экономполитики на XVI с'езде ВКП(б) 22
Розенталь, К. Проблемы индустриализации на XVI с'езде ВКП(б). 38
Верменичев, И. На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. 53
Лейкин, С. Раскулаченный кулак и его тактика. 65
Таболов, К. Против великорусского шовинизма в вопросах национальной культуры 78
Смолянский, Г. Кризис и стачечная борьба пролетариата . . 92
Мицкевич-Капсукас, В. Экономический кризис, Польша и лимитрофы 105

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Рыльский, М. «На плановом фронте» к XVI с'езду ВКП(б). . 125

С'езд развернутого социалистического наступления.

XVI с'езд собрался в период великого перелома, перелома не только в СССР, но и в странах капитализма. Однако, если для стран капитализма этот перелом характеризуется началом развала капиталистической стабилизации, углублением и развертыванием мирового хозяйственного кризиса, ростом противоречий между капиталистическими странами и внутри этих стран, — в СССР этот перелом выражается в величайших успехах социалистического строительства, поднимающих дело коммунизма на новую, высшую ступень.

«XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Это развернутое социалистическое наступление сопровождается коренным изменением хозяйственного уклада СССР.

Сильно возросла в народном хозяйстве роль социалистической промышленности, которая развивалась и развивается исключительно быстрыми темпами и продукция которой уже преобладает в продукции всего народного хозяйства СССР. Промышленность поднялась до такого уровня, ее удельный вес так возрос, что мы уже находимся накануне превращения нашей страны из аграрной в индустриальную. Рост социалистического сектора промышленности сопровождается и относительным и абсолютным падением роли частно-капиталистического сектора. Последний в области крупной промышленности представляет уже теперь ничтожную величину, вес которой в общей продукции крупной промышленности выражается долями процента. Вместе с тем по мере развертывания социалистической промышленности усиливается ее роль, как важнейшего рычага социалистического преобразования нашей экономики.

Первостепенное значение в изменении хозяйственного уклада нашей страны имеет в настоящее время процесс социалистической перестройки сельского хозяйства. Здесь до сих пор господствовало мелкое товарное производство, которое составляет питательную почву для капитализма. Здесь особенно сильны были элементы капитализма. Процесс сплошной коллективизации, поворот в сторону социализма не только бедняка, но и середняка в деревне, строительство совхозов—приводят к коренному изменению деревенской экономики. И в сельском хозяйстве социалистический сектор начинает играть решающую роль. Мелкое, отсталое товарное хозяйство преобразуется в крупное социалистическое, начинающее применять новейшую машинную технику и переходящее к современным способам обработки почвы. На основе сплошной коллективизации происходит ликвидация кулацких хозяйств, хозяйств капиталистических.

Таким образом, теперь конкретно, на деле доказывается возможность, при наличии диктатуры пролетариата, при сосредоточении в руках рабочего класса командных высот, — перевода мелких товарных хозяйств на ступень социализма, минуя капитализм. «К концу пятилетки коллективизация СССР должна быть в основном закончена и посевные площади колхозов к этому сроку должны покрыть $^{9}/_{10}$ всей посевной территории СССР, обрабатываемой ныне индивидуальными хозяевами». (Сталин, политотчет ЦК). Только пролетарская диктатура дает возможность основной массе крестьянства избежать разорения и нищеты, рабства и неслыханной эксплоатации, на которую обрекает эту крестьянскую массу капитализм. Только пролетарская диктатура дает возможность крестьянству перескочить эту историческую ступень,—капиталистический ад, и превратиться в свободных работников социалистического общества.

Процессу социалистического преобразования подвергается не только в деревне мелкотоварное хозяйство. Этот процесс развертывается среди тех народов СССР, где до сих пор господствовали еще более отсталые формы хозяйства, где сохранилось еще патриархальное хозяйство. И здесь кооперирование и его высшая форма — коллективизация — в корне изменяют этот хозяйственный уклад, и здесь совершается теперь непосредственный переход от самой низшей к самой высшей ступени развития общества.

Таким образом, из пяти хозяйственных укладов, которые перечислял Ленин, которые были характерны для нашей страны в первый период революции и из которых преобладающим было мелкое товарное

крестьянское хозяйство, теперь не только ведущим, но и преобладающим, становится социалистический сектор. Вот положение, которое констатировал XVI с'езд.

В связи с этими коренными изменениями по-новому становятся перед нами вопросы экономической политики. Новая экономическая политика установила особую форму смычки через рыночные связи государственной социалистической промышленности с крестьянским хозяйством; на основе этой политики пролетариат, начиная с 1921 года, имея в своих руках командные высоты, укрепляя через рынок хозяйственную смычку с крестьянством, вел социалистическое строительство, ограничивая и вытесняя капиталистические элементы, которые вырастали из мелкотоварного хозяйства и свободы товарооборота. Этот процесс социалистического наступления, которое к XVI с'езду превратилось в развернутое наступление социализма, сопровождается теперь коренными изменениями хозяйственного уклада. Мелкотоварное хозяйство кооперируется и превращается в крупное, социалистическое. Частный капитал и в области промышленности и в области товарооборота сокращен до ничтожных размеров. Частно-капиталистические элементы в деревне ликвидируются. А это в свою очередь вызывает изменение экономических связей: экономическая связь через кооперацию между социалистической промышленностью и социалистическим сектором сельского хозяйства иного типа, чем между той же промышленностью и индивидуальным крестьянским хозяйством через капиталиста. Первая связь имеет уж социалистическое «существо», несмотря на свою товарную форму. По мере всех этих преобразований усиливается социалистическое плановое начало в хозяйстве. Тем самым новая экономическая политика теперь начала проходить свою последнюю фазу.

В 1921 году Ленин говорил: «в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся». Теперь, в 1930 г., мы можем сказать что находимся в преддверии социализма, что «мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистиеского общества и уничтожения классовых различий еще далеко». (Сталин). Этим измеряется об'ем наших успехов теперь, в период XVI с'езда.

Развернутое социалистическое наступление сопровождается ожесточенными классовыми боями. Кулачество, ликвидируемое как класс, остатки буржуазии и контрреволюционная часть интеллигенции упорно сопротивляются социалистическому наступлению. Они применяют самые разнообразные формы борьбы—от заговоров, попыток вооруженных выступлений, террористических актов до самых изощренных форм вредительства, начиная от колхоза и фабрики и кончая высшими хозяйственными органами. Лишь сила, мощь, организованность рабочего класса и его партии позволяют не только преодолевать это сопротивление, но и добиваться, несмотря на него, огромнейших успехов.

Это сопротивление классовых врагов является одним из основных элементов тех трудностей, с которыми пролетариату приходится иметь дело. Эту трудность можно ликвидировать, лишь неуклонно проводя социалистическое наступление, лишь уничтожив до конца классового врага внутри страны.

Большие трудности вырастают из отсталости сельского хозяйства. Низкий уровень животноводства дает себя остро чувствовать в продовольственных затруднениях. Узость сырьевой базы легкой промышленности точно так же сказывается в недостатке снабжения предметами широкого потребления. Однако, и эти трудности мы можем преодолеть лишь на путях развернутого социалистического наступления и только на этих путях. Опыт уже подтверждает это наглядно. Путем развития колхозов и совхозов, несмотря на зловещее карканье оппортунистов всех мастей, нам удалось в короткий срок выйти из кризиса зерновой отрасли сельского хозяйства. Совхозы и колхозы позволили впервые превысить в текущем году довоенную посевную площадь, перекрыв посевы ликвидированных кулацких и прежних помещичьих хозяйств и повысив вместе с тем урожайность. Совхозы и колхозы, машинно-тракторные станции позволили в текущем году значительно расширить площадь посевов под хлопком, свеклой, льном и другими техническими культурами. Развитие тяжелой промышленности и машиностроения, а вместе с тем расширение сырьевой базы на основе колхозов и совхозов дают возможность уже теперь двинуть значительно быстрее развитие легкой промышленности.

Методами развернутого социалистического наступления необходимо решать теперь и животноводческую проблему. Организация животноводческих и птицеводческих совхозов, правильная постановка животноводства в колхозах и совхозах даст возможность в кратчайший срок и притом методами крупного социалистического хозяйства выйти из кризиса животноводства и улучшить дело снабжения трудящихся.

Выполнение пятилетки в четыре года, развитие быстрым темпом металлургии, добычи угля, машиностроения, строительства электростанций, что составляет основу индустриализации; ускорение легкой промышленности; дальнейшее развертывание совхозного и колхозного строительства как в зерновой, так и в животноводческой отрасли с. х., отрасли технических культур; культурная революция; неуклонное наступление на капиталистические элементы — вот путь, который наметил XVI с'езд и который должен обеспечить в кратчайший срок построение социализма в СССР.

Выполнение этих грандиозных задач требует большевистской организации огромно выросшей активности масс. Основным методом этой организации является социалистическое соревнование и ударничество. «Важнейшей задачей партии и профсоюзов—является поднятие на высшую ступень движения соцсоревнования и ударничества, действительного превращения этого движения в школу

классового воспитания рабочих масс, улучшение руководства движением, поголовное вовлечение в кратчайший срок в соцсоревнование и ударничество коммунистов и комсомольцев, работающих на предприятиях, повышение производственной квалификации коммунистов, действительное перенесение центра тяжести партийной и профсоюзной работы в цех и бригады». (Из резолюции XVI с'езда).

Переход к развернутому социалистическому наступлению протекал в условиях борьбы с правым уклоном внутри нашей партии. Правые уклонисты вслед за троцкистами атаковали генеральную линию партии, противопоставили этой линии свою особую линию во всех крупнейших вопросах политики. Напряженной работе по индустриализации страны они противопоставляли требование снижения темпов развертывания промышленности; линии на развитие колхозов и совхозов они противопоставляли курс на индивидуальное хозяйство и развязывание капиталистических элементов; линии наступления на капитализм они противопоставляли капитуляцию перед капитализмом и т. д. Другими словами, развернутому социалистическому наступлению они противопоставляли отступление, которое должно было в конечном счете привести к реставрации капитализма в СССР. Линия правого уклона есть, таким образом, линия противодействия социалистическому наступлению, линия на отступление. С'езд заклеймил поэтому со всей решительностью правых уклонистов, как выразителей кулацких интересов, как кулацкую агентуру внутри нашей партии, агентуру, которая в партии отражает сопротивление ликвидируемого кулачества, его борьбу против социалистического наступления.

Такая агентура не может быть терпима внутри партии. Поэтому с'езд в своем решении признал взгляды правых несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Партия разгромила правый уклон. Бывшие вожди правых — с рядом оговорок, не до конца, в неудовлетворительной форме — вынуждены были признать на с'езде свои ошибки и снова признать правоту партийной линии. Правые банкроты ничего не смогли противопоставить генеральной линии, о победах которой говорят неоспоримые, исключительные успехи на важнейших участках социалистического строительства. На с'езде нашло свое блестящее выражение единства воли и линии большевистской партии.

«На нашем с'езде, на XVI с'езде партии, не оказалось не только оформленной оппозиции, но не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правомерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильности линии партии. Ясно, что линия нашей партии есть единственно правильная линия, при чем правильность ее оказывается до того очевидна и неоспорима, что даже бывшие лидеры правой оппозиции сочли нужным без колебаний подчеркнуть в своих выступлениях правильность всей политики партии». (Сталин. Заключительное слово на XVI с'езде ВКП(б).

С'езд, однако, со всей решительностью подчеркнул, что правая опасность продолжает оставаться главной опасностью, так как она отражает кулацкую опасность, «а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является главной опасностью в стране». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б). Несомненно, пока мы не выкорчевали до конца капитализм, не перепахали социалистическим плугом всю ту почву мелкого товарного хозяйства, на которой капитализм у нас возрастает, пока мы ведем «последний решительный бой» с этим внутренним капитализмом, пока перед нами стоят трудности—давление мелкобуржуазной стихии будет находить свое выражение внутри нашей партии. Все элементы внутри партии, отражающие это давление, все враждебные силы за пределами нашей партии цеплялись и будут цепляться за ту систему оппортунистических взглядов, положений, принципов, которая создана бывшими лидерами правых и, прежде всего, тов. Бухариным и которую они направили против нашей партии и против ленинизма. Все оппортунистические элементы внутри партии питались и будут питаться этой системой взглядов, будут бороться при помощи ее с нашей партией.

С'езд отметил, что бывшие лидеры правых сами не доказали еще искренности своих заявлений своей активной борьбой с правым уклоном, с той системой взглядов, которую они создали. А только это доказательство — непримиримая, активная борьба в защиту партийной линии — является действительным показателем того, насколько искренне бывшие правые уклонисты отказались от своих ошибок, насколько прочно они стали на линию партии. Этого доказательства партия требует решительно от каждого уклониста, заявляющего о своей солидарности с партией!

Мы не можем также упускать из виду проявлений троцкизма и примиренчества к троцкизму. Эти проявления сказались и сказываются в форме левых загибов, в попытках одним махом, административными мерами выйти из затруднений и осуществлять колхозное строительство, в недооценке союза с середняком. «Они представляют некоторую, правда, бессознательную попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Нам необходимо бороться не только с этими загибами. Точно так же, как мы боремся с примиренчеством к правому уклону, как без борьбы с примиренчеством не может быть победы над правым уклоном, необходима борьба и с примиренчеством к проявлениям троцкизма. Это примиренчество имеет место в рядах партии.

«У нас существуют в партии люди, которые думают, что не надо было одергивать «левых» загибщиков. Они считают, что не надо было обижать наших работников и противодействовать их увлечению, если даже это увлечение привело к ошибкам. Это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь такие люди, которые хотят обязательно плыть по течению. Это те самые люди, которые никогда не смогут усвоить ленинской линии—итти против течения, когда этого требует обстановка, когда этого требуют интересы партии. Это хвостисты, а не ленинцы. Партии потому и удалось повернуть целые отряды наших товарищей на правильную дорогу, партии потому и удалось выправить ошибки и добиться успехов, что она решительно пошла против течения во имя проведения в жизнь генеральной линии. Это и есть ленинизм на практике, ленинизм в руководстве». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Партия попрежнему с неослабным вниманием должна следить за своими рядами, разоблачая и беря на прицел проявления как правого, так и троцкистского уклона. Пристальное внимание и зоркость в этом отношении тем более необходимы, что уклонисты прибегают к новым формам и методам своих атак на генеральную линию. Партия теперь сплочена. Она окрепла в борьбе за ленинизм. Она дает отпор всем, кто выступает против ее линии, правильность которой подтверждается ежедневным опытом. Вот почему уклонисты не всегда рискуют теперь выступать с открытым забралом. Вот почему они теперь идут часто на формальное, словесное признание партийной линии, чтобы облегчить себе подрыв ее на деле! Вот почему они прибегают к скрытым подкопам под эту линию, вместо открытых лобовых атак à la Троцкий.

И в связи с этой новой тактикой уклонистов надо усилить борьбу с оппортунизмом в практической работе. Не выступая открыто против генеральной линии партии, оппортунисты сплошь и рядом делают все, чтобы исказить на практике эту линию, чтобы практическому делу дать «правый крен». Клянясь решениями с'езда, цитируя его резолюции, распинаясь насчет директив ЦК, они в то же время на практике ведут линию против усиления темпов социалистического строительства, против самокритики, против перестройки работы наших организаций, против выдвижения, стремясь таким путем подорвать социалистическое наступление.

Эту опасность надо теперь иметь в виду, ее надо своевременно разоблачать и отражать, для того, чтобы не дать подняться правому уклону, не дать ему подточить железное единство наших рядов для того, чтобы обеспечить победоносное проведение генеральной ленинской линии партии!

А. Одинцов.

Задачи осенней посевной кампании.

> *«В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации».*
>
> *(Из доклада тов. Сталина на XVI с'езде ВКП(б).*

Развертывая быстрым темпом индустриализацию страны, насаждая крупные советские хозяйства, осуществляя сплошную коллективизацию и на ее основе ликвидацию кулачества как класса, партия, завершив большевистский весенний сев, пришла на XVI с'езд, имея расширенный фундамент социализма, добившись коренных сдвигов в соотношении экономических укладов в стране в пользу социализма.

В лице совхозов и колхозов мы имеем новую исходную позицию для развернутого наступления социализма по всему фронту, для успешной борьбы за доведение до конца дела выкорчевывания и ликвидации капиталистических элементов в нашей стране.

Современный этап развернутого наступления социализма в СССР характеризуется быстрым темпом хозяйственного развития, не имевшим места ранее никогда и нигде в истории. Вопреки пророчествам классовых врагов и правых элементов в партии, мы имеем это ускорение темпа развития не только в области промышленности, но и в области сельского хозяйства. Наши успехи, имеющие действительно всемирно-историческое значение, дали XVI с'езду партии возможность не только в области промышленности, но и в области сельского хозяйства определить программу величайшего исторического переворота.

Факт огромнейшего темпа развития в земледелии ярко подтверждается итогами весенней посевной кампании, которая вошла в историю строительства социализма, как настоящая большевистская кампания. Минувшая весна справедливо называется совхозно-колхозной весной. В эту весеннюю кампанию определился наметившийся еще ранее коренной поворот к социализму, не только бедняцких, но и середняцких масс. В каждой крестьянской избе поднялся вопрос о путях дальнейшего развития. В результате — около пяти миллионов хозяйств произвели посев коллективно, и на этой базе мы имеем выполнение задач большевистской весны.

Итоги и уроки весны.

Итог весеннего сева, по данным официальной сводки на 25 июня, определяется в 89,5 млн. га, или 96,3% плана, что перекрывает яровой

посев прошлого года на 5.700 тыс. га. Фактически же план вероятно выполнен полностью, так как во многих районах установлен недоучет посева по единоличному сектору от 5 до 15%.

При этом по площади зерновых культур в этом году впервые превзойден довоенный уровень. По техническим культурам, площадь которых превзошла довоенный уровень в предыдущие годы, мы имеем дальнейший рост. Перевыполнен план по свекле и хлопку, выполнен по кукурузе и почти выполнен по льну, сое и ряду других технических культур.

Таков производственный эффект хозяйственной политики и работы партии, который одновременно положительно говорит о крепости смычки рабочего класса с основными массами крестьянства. Итоги сева имеют не только хозяйственное значение, но и огромнейшее политическое значение. Эти итоги означают, что не только бедняцкая, но и середняцкая масса идет за пролетариатом и его партией, твердо проводящей свою генеральную линию. Это — лучший ответ правым и «левым» уклонистам, болтавшим о разрыве смычки между рабочим классом и крестьянством.

Как же выглядят итоги весеннего сева со стороны классовых отношений? Какова социальная форма происшедших в деревне производственных сдвигов? Каковы же итоги здесь?

Известно, что 25% крестьянских хозяйств, а в важнейших зерновых районах от 40 до 60%, об'единенных в колхозы, в эту весну посеяли вместе с совхозами около 37 млн. гектаров, а прошлой весной посевная площадь колхозов и совхозов едва превышала 5 млн. га, при чем яровой посев 1930 года в колхозах составляет около 33 млн. га, в то время как яровой посев 1929 г. у единоличников, об'единенных ныне в колхозах, составлял около 20 млн. га. Этот огромный рост колхозно-совхозных посевов означает, что социалистический сектор дает государству свыше 600 млн. пудов зерна, или большую половину товарного хлеба страны. Следовательно, зерновая проблема в основном разрешена на социалистическом пути и это есть величайшая победа политики партии.

Как известно, помещик и кулак в довоенное время засевали около 35 млн. га, а кулак в 1927 году имел посев около 10 млн. га. Следовательно, только в результате первой весны массового колхозного сева налицо перекрытие социалистическим сектором посевной площади не только кулака, но и помещика. Правда, по количеству товарного хлеба совхозы и колхозы еще не перекрыли помещика и кулака, вместе взятых, они уже в этом году дадут большую половину всего товарного хлеба, тогда как помещик и кулак до войны давали около двух третей всего товарного хлеба: но далеко перекрыто товарное производство того кулака, на которого хотели поставить ставку правые оппортунисты и который в 1927 году давал около одной пятой части всего товарного хлеба. Такова победа социалистического пути развития советской деревни.

В сельском хозяйстве изменяется соотношение экономических укладов, и расширяется фундамент социализма в нашей стране. Это происходит потому, что, во-первых, началось и продолжается движение середняцких масс в колхозы; во-вторых, на основе этого проводилась и проводится сплошная коллективизация огромных районов, и, в-третьих, партия начала осуществлять и осуществляет политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Партия достигла этих сдвигов в экономике СССР в результате правильной генеральной линии партии на развертывание быстрым темпом индустриализации, насаждая советские хозяйства, проводя широким фронтом развитие коллективизации и подводя машинную базу под крупное обобществленное хозяйство.

Победа социалистического пути развития советского земледелия была достигнута на основе жесткого отпора правым оппортунистам—этой кулацкой агентуре в рядах партии, представляющей главную опасность,—на основе быстрого исправления «левых» антисередняцких загибов и твердого проведения ленинской генеральной линии.

Какие уроки дает весенняя кампания?

Первый урок заключается в том, что только *в решительной борьбе с кулачеством может быть обеспечен огромный рост коллективизации и на этой основе под'ем производительных сил в сельском хозяйстве.* Партия одержала победу, но эта победа не снимает вопроса «кто-кого», так как классовая борьба приобрела сейчас большую остроту, и в деревне, действительно, идет последний и решительный бой.

Второй урок. Мы имеем рост коллективизации на основе *добровольности,* но закрепляем ее и расширяем не в порядке *самотека,* а на основе величайшей работы партии и пролетариата. По этому вопросу, как известно, оказались битыми правые, которые предлагали мирное «врастание» кулака в социализм и политику самотека в коллективизации, а также и «левые», пытавшиеся подменить ленинский принцип добровольности, насквозь враждебной политикой администрирования и командования над середняком.

Третий урок. Подводя под совхозы и колхозы машинно-тракторную базу, мы имеем возможность высокой техникой цементировать колхозы. *Успех большевистской весны в основном достигнут путем сочетания трактора с простыми средствами производства и путем простого сложения крестьянских средств производства и коллективной организации труда.* Известно, что на одно коллективизированное хозяйство приходится посевной площади значительно больше по сравнению с нормами единоличного хозяйства прошлого года. Выгодность коллективизации становится понятной самым широчайшим массам, но ее надо закрепить и расширить. На заявление Троцкого, будто «из крестьянских сох и крестьянских кляч, хотя бы и об'единенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбачьих лодок нельзя сделать парохода», мы можем ответить: троцкисты остались с разбитой лодкой, а мы имеем великий корабль коллективизации. Здесь оказались битыми и правые, которые делали ставку на под'ем индивидуального хозяйства, а значит, на высокопроизводительное кулацкое хозяйство и тем самым на капиталистический путь развития сельского хозяйства. Практика показала, что одинаково вредны как оппортунистическое стремление «подождать» с развитием колхозов до тех пор, пока не подоспеет машинно-тракторная база, так и недооценка значения машинной базы, для подведения которой в ближайшие годы советская страна должна напрячь все силы.

Четвертый урок. Нужно помнить, что значительную роль в деревне играет единоличное бедняцко-середняцкое хозяйство, которое пока остается вне колхоза. Во время сева мы имели во многих районах невнимание к единоличнику тем, что местные работники часто

не понимали того, что помощь единоличнику на рельсах производственного кооперирования ускоряет процесс коллективизации. Во многих случаях создалось такое положение, когда районная парторганизация замкнулась в колхозах, а колхозы изолировались от единоличника. Этим старался воспользоваться кулак, стремясь создать единый фронт единоличников. Кулак все же оказался битым, но это тем более значит, что *к единоличнику нужно подойти с полным вниманием и соответствующей помощью.* Значительную массу единоличников мы подготовляем и должны подготовлять к коллективизации через производственное кооперирование. Отсюда следует, что надо решительно усилить внимание к сельскохозяйственной кооперации, организуя поселковые производственные товарищества и восстанавливая их там, где они были ликвидированы, но вместо них не построены колхозы.

Задачи лета и осени.

В настоящее время развертываются уборочная и хлебозаготовительная кампании. На стыке этих двух кампаний проходят работы по поднятию паров и сеноуборке. Вернее говоря, если концом весеннего сева является поднятие паров, то началом уборки является сенокос. Эти две операции проводятся в общем успешно, и в основном заканчиваются. Сейчас все силы и средства направлены на уборку урожая, которая облегчается тем, что эта кампания проводится на основе огромного опыта весеннего коллективного сева. Особая сложность уборочной кампании в том, что она должна быть проведена в более короткий срок. *Просрочка же с уборкой ведет к значительной потере урожая. Своевременность уборки—главное в этой кампании,* а это требует быстрых темпов и исключительной энергии.

Вместе с уборкой и вслед за нею идет хлебозаготовительная кампания, которая для своевременного получения товарного хлеба требует, кроме организационной работы, также и материального вооружения в виде тары, зернохранилищ, транспортных средств и т. п. Эти вопросы, *особенно вопрос о транспортных средствах,* стоят остро, и на разрешение их мобилизована наша общественность и хлебозаготовительный аппарат. Вслед за уборкой урожая идет озимый посев, определяемый на площади 43 млн. га, что составляет рост на 10% против прошлого года, а этому севу предшествует проведение контрактации озимых, которая должна быть окончена к 1 августа на площади 26 млн. га. Почти одновременно с озимым посевом идет зяблевая пахота, определяемая на площади 60 млн. га. Все эти кампании надо рассматривать, как единый комплекс сельскохозяйственных мероприятий летне-осеннего периода. Концентрируя внимание на уборочно-заготовительной кампании, необходимо теперь же развернуть подготовку к осенней посевной кампании. Совершенно очевидно, что степень весеннего напряжения не только не может быть ослаблена, но, наоборот, должна быть *усилена.*

Что же требуется для успеха дела?

Нужно дать материальное вооружение и надлежаще поставить организационные мероприятия на основе уроков весны. Прежде всего, промышленность должна выполнить свои обязательства перед сельским хозяйством.

Нельзя допустить недопоставки почвообрабатывающих и посевных сезонных машин к осенней кампании. Правительство приняло необходимые меры, но *должна быть мобилизована широкая* рабочая общественность на полное выполнение обязательств промышленностью перед сельским хозяйством. Независимо же от этого, когда мы говорим о материальном вооружении кампании, нужно подчеркнуть два момента. Во-первых, трактора должны работать не меньше 20 часов в сутки, давая соответствующую нагрузку и всем остальным машинам, во-вторых, необходимо, как и весной, полностью использовать весь конный инвентарь, не отказываясь в нужных случаях и от ручного инвентаря. Необходимо обеспечить 100% ремонт сельскохозяйственных машин и орудий, проявляя инициативу по изысканию необходимых ремонтных материалов в дополнение к тому, что отпускается промышленностью для ремонта (железо, олово, баббит и т. д.).

Надо помнить, что успех летне-осенней кампании, как и прошлой весенней, зависит в основном от сложения и использования простого инвентаря в сочетании с трактором, а также от умелого об'единения человеческого труда. Что касается материальных предпосылок, то, кроме дополнительного количества сельскохозяйственных машин, будет иметь место снабжение в порядке контрактации сортовыми семенами озимого клина на площади 4,5 млн. га при общем плане посева сортовых на площади 9,4 млн. га, и финансовая помощь в размере 200 млн. рублей со стороны советского государства. Мы имеем все необходимые материальные предпосылки, и дело решает исключительно умение организовать массы, а отсюда вытекают и задачи кампании.

Предпосылкой успешного проведения осенней кампании является, прежде всего, четкое проведение в жизнь линии партии, намеченной XVI с'ездом партии. Нельзя допустить повторения политических ошибок, которые имели место истекшей зимой. Нужно дать решительный большевистский отпор оппортунистическим тенденциям и надеждам на самотек, нужно твердо и неослабно продолжать борьбу с кулачеством, искореняя кулацкое влияние, проникающее в наши аппараты и партийные организации. Усиливая активную организационную работу, опираясь на бедноту и миллионные массы колхозников, широко привлекая к активной работе и руководству середняка, нужно решительно бороться со всякими попытками новых антисередняцких загибов, с голым администрированием и командованием, не имеющим ничего общего с ленинской линией партии. Только на этой основе можно выполнить практические задачи кампании.

Первая задача. Каждый колхоз должен иметь рабочий план кампании с определением календарного срока работы. В этом плане, как это было и во время сева, необходимо точно предусмотреть полное использование механической и живой тяги и сельскохозяйственных машин и орудий, а также максимальную загрузку рабочей силы и правильную организацию труда, распределяя членов колхоза по участкам и бригадам и устанавливая твердые сроки каждого вида работы. Это важнейшая задача, в разрешении которой должна участвовать вся колхозная масса, а в руководстве по проведению ее должен обязательно участвовать не только батрак и бедняк, но и середняк-колхозник. Мы имеем все данные к тому, что производственный под'ем и энтузиазм колхозников в период уборки и осенних работ еще больше возрастет, чем это было весной. Но его нужно направить и организовать через производственные совещания, соцсоревнования и ударничество, обратив особое внимание на вовлечение молодежи и женщин. Надо признать. что это дело до сих пор мы не сумели еще организовать в широком масштабе, а здесь, несомненно, главное условие для успеха кампании.

Вторая задача. Нет сомнения, что совхозы полностью выполнят свой производственный план летне-осенней кампании. Они в эту кампанию должны оказать окружающему населению еще большую помощь, чем это было весной. Если весной совхозы вспахали колхозам 500 тыс. га, то осенью должны поднять 300 тыс. га озимого посева и 600 тысяч га зяблевой пахоты (кроме того, подняли 200 тыс. га пара). Огромнейшую роль сыграли и еще большую роль должны сыграть машинно-тракторные станции. Они посеяли колхозам по линии Трактороцентра 1.800 тысяч га и по линии Хлебоцентра—3.300 тысяч га, превзойдя намеченный план. Намечено же по линии Трактороцентра поднять 500 тысяч га пара, 600 тысяч га озимого посева и 1 млн. га зяблевой пахоты. Соответствующий рост определяется и по линии МТС Хлебоцентра, но, несомненно, эти планы будут превзойдены. Совхозы и МТС уже показали на практике всю свою силу рычагов по социалистическому преобразованию сельского хозяйства, но они только начали дело и несут за собой доподлинную социально-техническую революцию в сельском хозяйстве.

Третья задача. Роль бедняцко-середняцкого единоличного сектора еще очень значительна. Эта масса находится пока у ворот колхоза и потребуется известное время, чтобы она полностью вошла в колхоз. Отсюда вытекает задача охвата единоличников производственным кооперированием через поселковые товарищества, ускоряя тем самым коллективизацию. Огромна роль сельсовета, как в отношении колхозов, так и единоличников. Организация и проведение кампании является прямой задачей сельсоветов под руководством партии. Должен быть выработан и осуществлен сельскохозяйственный план не только по колхозному, но и единоличному сектору. План озимого посева и зяблевой пахоты должен быть доведен до двора. Вместе с тем, необходимо оказать беднякам и середнякам-единоличникам всестороннюю помощь, организуя товарищества по общественной обработке земли и супрягу на основе совместного использования рабочего скота, инвентаря и труда, подготовляя тем самым переход к с.-х. артели. Колхозы, вовлекая в свой состав единоличников, должны помочь им в проведении сельскохозяйственных работ, содействуя тем самым переходу их к коллективизации. «Не травить единоличников, а оказывать им помощь и всячески привлекать к колхозу». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б) по докладу тов. Яковлева).

Развернутое наступление социализма.

Летне-осенняя кампания, как и весенняя, будет проходить в условиях ожесточенной классовой борьбы. Кулак разбит, но не добит. Кулак продолжает проявлять активность и всячески пытается срывать социалистическую стройку. После сева, как известно, кулак выбросил лозунг «засеяли вместе, а убирать врозь», но этот лозунг, как и другие кулацкие лозунги, оказался побитым. Кулак всячески старается провоцировать и единоличника. В ответ на это, изолируя кулака, мы должны подойти к единоличнику с надлежащим вниманием. Нужна решительная борьба против кулака и упорная работа за коллективизацию бедняцко-середняцких масс по всему фронту сельского хозяйства.

Летне-осенняя кампания, как и весенняя, требует настоящей, большевистской работы со стороны партии, рабочего класса, советов. Если яровой клин, по данным официальной сводки на 25 июня, составляет 90 млн. га, а паровая пахота ориентировочно равняется 23 млн. га, то план озимого сева имеет 43 млн. га и зяблевой пахоты 60 млн. га, вместо 104 млн. га. Как видим, по сравнению с весенней кампанией, количество площади меньше, и преобладает пахота над севом, но это ни в какой степени не делает задачу более легкой. Самотек недопустим, а нужна напряженная работа не только в колхозах, но и среди единоличников, и решительная борьба с кулаком.

В период этой кампании мы должны не только закреплять существующие колхозы, но и решительно усилить социалистическое наступление по всему фронту, имея к тому же ввиду, что осенняя кампания в значительной степени подготовляет будущую весеннюю кампанию. Наркомзем СССР проектирует увеличение посевной площади в 1930—31 г., по сравнению с 1929—30 годом, с 130 до 150 млн. га, повышая размер посевов в совхозах с 3.800 тыс. га до 8 млн. га, при чем колхозные посевы должны занять преобладающую роль в общей посевной площади 1930—31 года. На будущий год проектируется коллективизировать 70—80% крестьянских хозяйств в основных зерновых районах, 40—50%—в остальных зерновых районах и 15—25%—в прочих («потребляющих») районах.

В будущем году под сельское хозяйство подводится в значительных размерах высокая материально-техническая база. Если в 1930 году мы имеем тракторов в количестве 900 тыс. лошадиных сил,—то в 1931 г. будем иметь дополнительно 1.300 тыс. лош. сил, в том числе к началу весенней кампании 1 млн. лош. сил. Машиноснабжение в будущем году, по сравнению с текущим годом, возрастает с 400 млн. руб. до 840 млн. руб. При этом решающее значение имеет то обстоятельство, что если в машиноснабжении 1929—30 года инвентарь механической тяги составлял 18%, то в 1930—31 году он будет составлять 63%. Все это означает, что сельское хозяйство получает высокое материально-техническое вооружение, а это дает крепчайшую базу для развертывания быстрым темпом коллективизации миллионнов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств.

Большевистская работа над распределением урожая, большевистская организованность осеннего сева, могут обеспечить, что уже предстоящей осенью и весной мы будем иметь дальнейший мощный под'ем коллективизации.

В. Гроссман.

Район—область.

Вспомним слова Ленина:

> «Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться *доделыванием и переделыванием* нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)» [1].

Такова суровая оценка Ильича тех, кто «смущается» частыми переделками аппарата. Мы начали с этой именно цитаты Ленина потому, что приходится иногда слышать недовольство (открытое или скрытое) происходящей перестройкой аппарата.

Как указывает Ленин, для переделки необходима существеннейшая предпосылка. Изменения аппарата нужны тогда, когда нам удается продвинуться вперед, вверх; иными словами, существенные изменения в экономике и культурном состоянии страны диктуют необходимость переделки нашего аппарата. Имеются ли у нас налицо такого рода коренные изменения? Вряд ли можно отрицать наличие коренных изменений и сдвигов, отрицать рост культурного уровня, рост навыков трудящихся СССР в деле государственного управления. Ничего удивительного поэтому нет в том, что мы сейчас производим коренной пересмотр всей системы нашего управления.

Перестроены и перестраиваются партийный и профсоюзный аппараты, центральные наркоматы (ВСНХ, Наркомторг, НКПС и друг.), кооперативные органы и т. д. Вся эта перестройка продиктована необходимостью приведения в соответствие этих аппаратов с изменившейся экономикой страны, с возросшим культурным уровнем и все более и более растущей активностью масс.

Но если эти изменения нужны в центральном аппарате, то тем более они своевременны в низовом. Не подлежит никакому сомнению, что здесь необходимость реформы особо актуальна. «Ведь теперь даже слепые видят, что сделан огромный коренной поворот крестьянства от старого к новому, от кулацкой кабалы к свободной колхозной жизни». (Сталин. «Политический отчет ЦК XVI с'езду»). Раз это так, то перед нашими низовыми органами стоят *новые* задачи; для их выполнения нужны *иные* условия, *иные* методы, *иные* аппараты. Если еще не так давно работа низовых органов, по преимуществу, сводилась к выполнению административных задач, то сейчас хозяйственные и культурные вопросы приобретают гораздо большее значение, занимают все больше места; первые отходят на задний план, а вторые со всей яркостью и очевидностью выпячиваются на первое место. Одно дело собрать налог, страховку, другое—руководить «перестройкой социально-экономической структуры сельского хозяйства, об'единением мелких и мельчайших распыленных хозяйств в колхозы и выкорчевыванием корней капитализма». (Из резолюции XVI с'езда партии по отчету ЦК).

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 379

Совершенно ясно, что выполнение этих сложнейших и труднейших задач требует коренного пересмотра наших низовых органов для того, чтобы они могли овладеть и справиться с этой работой. Эта перестройка тем более необходима, что, несмотря на имеющиеся достижения, все же не удалось добиться достаточного укрепления низовых органов.

Каково их состояние?

Начнем с сельсовета. Не подлежит никакому сомнению, что бурный рост колхозов застал их врасплох; они не в состоянии были руководить этим мощным движением; они плелись в хвосте. Так тов. Каганович в организационном отчете XVI с'езду прямо говорит: «Когда вопрос стал о реконструкции сельского хозяйства, сельсоветы не стали справляться с задачами, не повернулись во-время, и больше, чем другие организации, отстали».

Не лучше дело обстоит и с сельской партийной ячейкой; она, во-первых, имеется только в 40% сельсоветов, во-вторых, она крайне слаба и не в состоянии осуществлять необходимое политическое руководство всеми расположенными на территории села организациями (сельсоветы, колхоз, изба-читальня, кооператив, школа, больница и друг.). Неудивительно поэтому, что «ячейка, как производственная, руководящая, организующая сила на сегодняшний день играет еще ничтожную роль». (Каганович).

Перейдем к району. Теперь всем ясно, что он—район — является важнейшим звеном в цепи наших низовых органов и от того, каково его состояние, в большой мере зависит правильность практического применения решений и директив нашей партии и правительства. Нужно прямо сказать, что указания XVI партийной конференции о превращении района в «узловой» пункт не выполнены. Неудовлетворительное состояние района заключается в том, что он слабо может, а иногда и совсем не может, руководить социалистическим переустройством деревни, он не может справиться с задачами культурной революции и благодаря его слабости сильно страдает тот же сельсовет, руководство которым совершенно недостаточно и неудовлетворительно. Район, будучи слабым, не может оказать сколько-нибудь существенной поддержки еще более слабому сельсовету.

Что собой представляет окружное звено? Прежде всего, нужно сказать, что по идее районирования округ представляет собой не экономическую, а административную единицу, чего нельзя сказать о районе, а тем более об области. К этому нужно добавить, что хозяйственное значение округа умалено: мелкая местная промышленность либо уже передана, либо намечена к передаче району, а более крупная сосредоточена в областных трестах.

Не подлежит никакому сомнению, что исторически округа сыграли свою положительную роль, как при перестройке старого административного деления, так и в хозяйственных вопросах; округа способствовали нашему приближению к деревне. Однако, из этого не следует, что наличие окружного звена на данном этапе строительства не влечет за собой ряда существеннейших недостатков; основным из них является то, что округ очутился в межеумочном—между районом и областью—положении. Это его промежуточное положение отгораживает район от области, затрудняет руководство, удлиняет путь прохождения директив, информации и т. д. Вместе с тем наличие окружного звена неизбежно влекло известную опеку и перехватывание ряда функций районов и горсоветов. Ко всему этому нужно добавить, что окружное звено оказалось довольно дорогим и поглощает немало средств и людей, что мы подробно покажем дальше. В округа оказались стянутыми наиболее квалифицированные местные кадры, которые с большей пользой могли бы быть использованы в районах.

Переходим к области. В результате районирования областные и краевые центры превратились в мощные политические и хозяйственные единицы. Здесь силен партийный актив. Здесь собраны лучшие местные специалисты, здесь созданы крепкие аппараты, могущие по-настоящему обслужить социалистическое строительство. Но крупнейшим недостатком является то, что область оторвана от низовых органов, ведущих непосредственное хозяйственное и культурное строительство, что область должна действовать через округ.

Таково в настоящее время состояние местных органов. Не подлежит сомнению, что без коренной перестройки не обойтись. Это становится особенно очевидным, когда подходят к практическому разрешению вопросов улучшения низового аппарата. Анализ причин его слабости приводит к бесспорному выводу о том, что они сводятся к трем моментам: кадрам, материальным ресурсам и связи. В самом деле, каждый раз, когда практически эти вопросы в работе района встают, они являются наиболее трудно разрешимыми. Известна всеобщая нехватка кадров, известен низкий уровень оплаты низовых работников, известно и то, что не под силу нашему бюджету выделить много десятков миллионов рублей на улучшение материального положения низовых работников. Между тем, без решения вопроса о кадрах, без улучшения их материального положения и вообще без усиления материальных ресурсов низовых органов не может быть речи о таком укреплении низовых звеньев, при котором они в состоянии были бы справиться с новыми, притом все более усложняющимися задачами.

Для того, чтобы видеть, как в настояще время распределены низовые кадры и во сколько обходится содержание аппарата разных звеньев как в абсолютных, так и в относительных величинах, приведем некоторые цифровые иллюстрации.

Средний расчет штатного состава и годовой зарплаты партийного и комсомольского аппарата, исполкома и его отделов, профорганизаций, Госстраха, кредитных учреждений, управленческих органов, кооперации и общественных организаций, — показывает следующее соотношение: штатных работников имеется в области 2.598 чел., в округе — 590 чел. и в районе — 42 чел.; средняя годовая зарплата исчисляется по области в сумме 5.013.400 руб., по округу—1.011.700 руб. и по району—46.600 руб.

Из этих цифр видно, что окружной аппарат в среднем обходится свыше миллиона рублей и поглощает около 600 чел., из которых $^{2}/_{3}$ составляют оперативные работники.

Тут же видны и те, по сути дела, ничтожные кадры, какими располагает район: всего 42 человека; это и партийный, и советский, и кооперативный аппараты.

Если от этих средних величин перейти к общему количеству работников и их заработной плате, то получится еще более разительная картина.

Только по РСФСР (без Авт. ССР) органы местного управления имеют: в областных аппаратах 33.778 чел. (18,8% к итогу), в окружных аппаратах—73.188 чел. (40,8%), в районных аппаратах—72.332 чел. (40,4%). Зарплата этих работников распределяется так: областной аппарат—65.175.100 руб. (25,7%), окружной аппарат—109.664.100 руб. (43,3%), районный аппарат—78.040.000 руб. (31%).

Приведенные данные показывают, что в окружных аппаратах всего занято 73.188 человек и заработная плата их составляет в год 109.644.100 рублей[1]).

В это же время в районных аппаратах на такое же количество работников (72.332 чел.) расходуется значительно меньше средств—78.040 тыс.

---

[1]) Для исчисления стоимости всего окружного звена следует добавить к этому цифру в 64.298.300 рублей, которые падают на организационно-хозяйственные и некоторые другие расходы. Таким образом, полная стоимость окружного звена в РСФСР (без Авт. ССР) составляет **173.962.400 руб.**

рублей, при этом количество районов почти в 14 раз больше количества округов.

Однако, наиболее разительным является то, что если принять численность и заработную плату областных, окружных и районных аппаратов за 100, то тогда окажется, что удельный вес, окружного аппарата по численности занимает 40,8% и по зарплате 43,3%, в то время как районы, составляя почти такой же удельный вес по количеству (40,4%), занимают по стоимости всего 31%.

Если выше приведенные средние величины распространить на весь Союз, то тогда получится, что в окружном звене работает 123.310 человек и одна только их заработная плата обходится в 211.445 тыс. рублей, а полная стоимость окружного звена по Союзу составляет примерно около 300 млн. рублей.

Хотя эти данные и грубо ориентировочны, но они со всей очевидностью показывают, какие огромные возможности в смысле изыскания кадров и материальных ресурсов мы получим для укрепления низовых органов, когда упраздним окружное звено.

Приведенные в докладе тов. Орджоникидзе на XVI с'езде цифры 100.000 человек и 200 млн. рублей—это минимальные ресурсы, которые должны быть брошены на укрепление низовых органов.

Таким образом, упразднением округов решаются в основном две важнейшие проблемы—укрепления районов кадрами и средствами.

Год тому назад по инициативе ЦКК, ЦК ВКП(б), а затем ЦИК СССР приняли решение о создании опытно-показательных округов. Этой реформой имелось в виду освободить округ от оперативных функций, передав их районам и горсоветам; для того, чтобы район мог освоить эти функции, он был укреплен, ему были переданы материальные ресурсы и люди, которые были освобождены от работы в округе благодаря резкому (наполовину) сокращению окружного аппарата.

Теперь всеми признано, что из этого опыта можно сделать следующий основной вывод: на деле доказана полная возможность и целесообразность передвижки прав, оперативных функций и материальных ресурсов, а вместе с ними и живых людей от округа к районам и горсоветам. Вместе с тем доказано, что в опытных округах достигнуто значительное приближение органов власти к населению, а это облегчило вовлечение широких масс трудящихся в управление страной. Непосредственая связь по важнейшим вопросам, установленная в опытных округах между областью и районами, дала вполне положительные результаты. Но вместе с этим опыт показал и другое,—он показал, что если год назад мероприятия, проведенные в опытных округах, были достаточны для того, чтобы укрепить низовые советы, то теперь, в новых условиях, значительно изменившихся за истекший год, этого уже недостаточно. Жизнь ушла вперед. Жизнь потребовала более смелой, более решительной перестройки системы местного управления. Анализ ошибок и перегибов, имевших место зимой этого года, подтверждает это положение; областные органы, на которых лежало руководство грандиозным процессом переустройства деревни, когда середняк повернул к социализму, вынуждены были осуществлять это руководство, будучи оторванными от района, где происходят новые процессы, где жизнь бьет ключом. Одним словом, во весь рост встала «проблема наибольшего приближения аппарата к районам и селам». (Сталин).

Мы должны так перестроить систему местного управления, чтобы сделать упор на два звена: область и район. Район должен стать центром нашей практической политики. Этим будут разрешены основные вопросы приближения директивного руководства к оперативным органам, во-первых, и приближения аппарата к населению, во-вторых.

Такая мера благоприятным образом скажется и на горсовете и на сельсовете. В чем, прежде всего, нуждается сельсовет? Он нуждается в хорошем руководстве. Если будет создан крепкий район, этим самым будет улучшено руководство сельсоветом, будет лучше поставлен инструктаж, живая помощь, наблюдение, исправление во-время ошибок и т. д. Не меньше выиграет и горсовет. Общеизвестна длительный ряд лет продолжающаяся борьба между горсоветами и окружными аппаратами. И сейчас еще в окружных городах окружные аппараты стягивают к себе такие социально-культурные учреждения и предприятия, которые следовало бы передать в управление городам; благодаря этому получается такое положение, что в городах, являющихся в большинстве пролетарскими центрами — недостаточно полно используется все растущая активность рабочих.

Сказанного достаточно, чтобы понять всю актуальность, своевременность и значимость принятого XVI с'ездом партии решения об упразднении округов. Оно имеет огромное политическое и практическое значение. Надо быстро и тщательно подготовить и провести эту реформу, надо срочно разрешить целый ряд больших и малых вопросов, связанных с проведением ликвидации округа.

⁂

Отметим здесь некоторые наиболее актуальные моменты, касающиеся того, как практически осуществить решение об упразднении округов.

Прежде всего, надо остановиться на вопросах, связанных с организацией территории. Ошибочно думать, что упразднение округов неизбежно влечет за собой пересмотр сети районов и сельсоветов; прямой необходимости в этом нет. Больше того, укрупнение может помешать, повредить проведению всей реформы, ибо перекройка сети районов обозначает необходимость проделать большую работу по установлению новых границ, а это, в свою очередь, повлечет за собой созыв районного с'езда советов для выбора райисполкома и т. д.

Другой весьма важной отрицательной стороной укрупнения районов является то, что укрупнение сильно осложнит приближение низовых органов власти к массам, а это является важнейшей задачей, которую преследует реформа.

В решениях ЦК ВКП(б) от 15 июля этого года дана совершенно точная установка на то, чтобы при ликвидации округов «исходить из наличной сети границ существующих районов». Такое решение вопроса значительно облегчает проведение всей реформы.

С особой тщательностью должны быть разработаны все правовые и материально-хозяйственные вопросы. При их разрешении нужно иметь ввиду, что упразднение окружного звена даст должный эффект тогда, когда району будут переданы все те права, функции, кадры и материальные ресурсы, какими располагал округ. Надо вместе с тем добиваться скорейшего повсеместного введения сельских бюджетов и недопущения создания дефицитных районных бюджетов. Надо, наконец, расширить права и компетенцию РИК'ов, сельсоветов и горсоветов. Все социально-культурные учреждения, ныне находящиеся в ведении округа, должны быть, как правило, переданы районам и горсоветам.

Узловым практическим вопросом является вопрос о кадрах. Здесь задача состоит в том, чтобы полностью было выполнено решение ЦК о переброске на постоянную работу в район не менее 90% окружных работников. Нужно прямо сказать, что добиться полного осуществления этого важнейшего решения ЦК можно лишь в том случае, когда вокруг этого вопроса будет создано соответствующее общественное партийное мнение. Нужно, чтобы каждый коммунист, каждый честный специалист, ныне работающий в окружном аппарате, понял и почувствовал, что переход на районную работу не только не является «ущемлением», а, наоборот, обозначает передвижку на один из наиболее ответственных и наиболее трудных, а потому наиболее благодарных участков фронта социалистического строительства.

Нужно, конечно, обеспечить и материальную сторону для перебрасываемых кадров. Не даром директива ЦК указывает на то, что уровень зарплаты окружным работникам, направляемым на низовую работу, должен быть примерно сохранен. Надо позаботиться и о том, чтобы для них были созданы соответствующие бытовые и культурные условия (жилища, обучение детей и т. п.).

Вся партия, вся страна будет внимательно следить за ходом выполнения боевого задания партии, за его проведением в жизнь. Контроль за его исполнением должен быть поставлен сразу же достаточно тщательно.

Важнейшей задачей является также организация и приспособление непосредственного руководства районами со стороны области. В работе областного (краевого) аппарата — в условиях выпадения окружного звена — особое значение приобретает поставленный на должную высоту инструктаж; без этого области не смогут справиться с новыми задачами.

Нужно, как это предусмотрено решением ЦК партии от 15 июля, со всей решительностью добиться создания крепких кадров инструкторов во всех областных органах; в первую очередь это относится к областному партийному комитету, облисполкому и ОблРКИ. Нужно для этой работы отобрать наиболее проверенных, знающих жизнь деревни людей; только тогда областные органы смогут полностью использовать преимущества от непосредственной связи с районами, когда у них будет поставлен на должную высоту контроль и живая связь с местами; при этом приспособление областных аппаратов должно быть произведено немедленно, т.-е. еще до упразднения округов.

Точно так же непосредственная связь областей с районами должна быть установлена немедленно.

В связи с ликвидацией окружного звена должно также усложниться и усилиться планирование в областных органах, ибо теперь область будет составлять план в районном разрезе. Это требует, с одной стороны, создания небольшой плановой ячейки в районе, а с другой — соответствующей перестройки этого дела в областных центрах.

Как временная мера, которая должна облегчить переход к новой системе управления, по решению ЦК, в окружных центрах должны быть созданы на 3—6 месяцев технические бюро связи, назначаемые облисткомами. Они будут очень полезны до окончательного сформирования новых районных органов, они, безусловно, облегчат на первое время руководство со стороны области районами.

Тут же нужно сказать, что Наркомпочтелю необходимо форсировать строительство телефонных станций и радиостанций. Областные же органы должны вплотную этим делом заняться и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пересмотрены соответствующие планы: они должны быть пересоставлены, исходя из необходимости такой организации телефонной и радиосети, при которой область могла бы сноситься с каждым районом.

К числу вопросов, требующих серьезной проработки, должна быть отнесена проблема организации управления городов и их связи с деревней. Нам кажется, что при проведении реформы все оперативные права и функции, а также социально-культурные и иные учреждения, находящиеся в ведении округа, как правило, должны быть переданы горсовету, а не области. Имеющиеся тенденции обкарнать города и дать им урезанные права не выдерживают никакой критики; наоборот, должны быть приняты все меры к тому, чтобы городские организации были бы полными хозяевами на своей территории. Это значит, что, прежде всего, необходимо укрепление материальной базы горсоветов, на основе которой должна быть углублена и расширена их массовая работа. Секции горсовета должны получить дальнейшее свое развитие, необходимо расширить их права; надо разрешить вопрос о том, чтобы в ряде отраслей своей работы они могли не только обсуждать и прорабатывать вопросы, но и решать их; надо добиться такого положения, чтобы городские организации и, в первую очередь, горсоветы возглавляли все растущую активность городских пролетариев в таких вопросах, как переустройство быта, культурная революция, борьба за выполнение промфинплана и т. д.

Другая задача, которая встает при проведении реформы, заключается в том, чтобы добиться усиления связи города с деревней, ни в каком случае не допуская ее ослабления вследствие ликвидации округов.

Особый размах и особое значение должна получить в новых условиях шефская работа, через которую пролетарские центры должны усилить свое руководство и помощь перестраивающейся на социалистических основах деревне. Нет никакого сомнения в том, что сама жизнь выдвинет и иные — новые — формы этой связи. Важно внимательнейшим образом изучать все то, что сейчас происходит, и проверенные на опыте формы обобщать и распространять.

Последнее замечание относится к той установке, которая должна быть принята при разработке штатов и стоимости районных, городских и областных органов после упразднения округов. Выше мы привели цифры, показывающие общую стоимость окружного звена. Она довольно высока; освобождающиеся от упразднения окружного звена ресурсы должны значительно укрепить районные, городские и областные аппараты; их достаточно не только для оплаты увеличенного штата, но и для повышения заработной платы работникам низовых органов. Нам, поэтому, представляется недопустимым, чтобы в результате проведения реформы произошел рост административных расходов.

Реформа по решению ЦК должна быть закончена к 1 октября 1930 г. Этим решением положен конец всяким разговорам о том, что возникающие при упразднении округов трудности так велики, что на разработку мероприятий для их преодоления требуется чуть ли не год, а то и более. Медлить с реформой нельзя; ее нужно начать немедленно и закончить до начала хозяйственного года; это значит, что в течение двух с половиной месяцев нужно напрячь все силы для того, чтобы перестроить систему местного управления таким образом, чтобы наши низовые органы могли руководить мощным движением бедняцко-середняцких масс крестьянства в колхозы.

Надо со всей большевистской твердостью добиться того, чтобы растущая активность масс в деле коллективизации и социалистического строительства во всех областях нашей жизни не застала наши низовые партийные, советские и хозяйственно-кооперативные организации недостаточно подготовленными. Надо, чтоб они перестроились быстро и полностью.

Надо крепко ударить по тем, кто, не понимая всей политической важности проводимой реформы, будет стараться ее оттягивать.

Нужно твердо помнить и неуклонно осуществить следующее указание ЦК: «Ввиду огромной политической важности ликвидации округов, ЦК предлагает всем ЦК нацкомпартий, крайкомам и обкомам обеспечить тщательное, повседневное руководство во всей практической работе по ликвидации округов, раз'ясняя и мобилизуя актив для успешного и быстрого проведения этой реорганизации».

Б. Борилин.

Основные вопросы экономполитики на XVI с'езде ВКП(б).

Работа XVI с'езда прошла под знаком развернутого наступления социализма по всему фронту, начатого партией в период между XV и XVI с'ездами и провозглашенного с'ездом в качестве основного лозунга нашей экономической политики на ближайший период.

Что это означает? Это означает—и это необходимо с полной ясностью себе представить,—что по всей линии нашего народного хозяйства началось такое генеральное наступление социализма на капитализм, которое ставит своей непосредственной задачей — окончательную ликвидацию остатков капитализма в стране (об этом наиболее ярко говорит лозунг ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации) и полнейшую переделку на социалистических началах самых оснований мелкотоварного производства. Со всей определенностью нужно понять, что по своему значению это наступление отнюдь не менее грандиозно и не менее важно, чем первое генеральное наступление на капитализм, с которого начинается пролетарская революция и которое получило свое выражение в экспроприации капиталистов. Ибо недостаточно экспроприировать экспроприаторов, захватить тем самым «командные высоты» и основные центры управления капиталистическим хозяйством. Это — первая важнейшая задача, стоящая перед пролетариатом в социалистической революции. Другая, не менее, если не более, трудная задача заключается в том, чтобы изменить коренным образом организацию всего народного хозяйства и перестроить радикально хозяйственные отношения миллионов мелких производителей. Эта задача настолько трудна и настолько колоссальна, что мы с полным правом можем говорить о том, что победоносное разрешение ее должно потрясти мир в неизмеримо большей степени, чем промышленная революция XVIII и XIX века.

Известно, что капиталистический способ производства, совершивший первоначальную экспроприацию («первоначальное накопление»), «записанную, по выражению Маркса, огнем и кровью в летописях человечества», и организовавший мануфактурное производство, этим еще не произвел окончательной революции в общественных отношениях, «по образу и подобию своему». Понадобился машинный переворот для того, чтобы капитализм окончательно внедрился в хозяйственную жизнь, стал на собственные ноги. Это была гигантская промышленная революция.

Пока же капитализм находился еще в мануфактурной стадии своего развития, он был только надстройкой над мелким производством и ремеслом, о чем не раз упоминал Маркс и Ленин. «В течение мануфактурного периода ремесленный способ продолжал служить основанием производства» [1]). «Собственно мануфактурный период не несет еще с собой радикального переворота». «Мануфактура лишь по частям овладевает национальным производством и опирается всегда на городское ремесло и сельскую домашнеподсобную промышленность» [2]). «Мануфактура не могла ни овладеть общественным

---

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. I, стр 300.

[2]) Там же, стр. 540.

производством во всем его об'еме, ни перевернуть его до основания. Точно красивый шпиль, она венчала широкое экономическое здание городского ремесла и сельской домашней промышленности. Но ее собственный технический базис был узок и на известной ступени развития он оказался в противоречии с созданными ею же самой потребностями производства [1]).

Но если мануфактура не могла произвести собственными средствами радикального переворота в способе производства, то мануфактура сама создала то средство, которое осуществило этот переворот. Это была машина. Именно «мануфактура произвела машины, посредством которых крупная промышленность упразднила ремесленный и мануфактурный способ производства... Машинное производство выросло естественным путем на материальном основании, не соответствовавшем его будущему развитию. На известной ступени развития оно вынуждено было само произвести революцию в том основании, которое оно сначала нашло готовым, а потом расширило в его старой форме, — и создать себе новое основание, соответствующее его собственному способу производства» [2]).

Так машина, выросшая из мануфактуры, произвела промышленную революцию.

Капитализм полностью переделал технические основания производства во всех сферах промышленности, пока не создал для себя соответствующего технического базиса. Машина подчинила владычеству капитала огромные армии наемных рабочих, необычайно расширила человеческий материал капиталистической эксплоатации, втянула в производство малолетних и женщин. Капитализм привел к моральному калечению и умственному одичанию занятых в производстве людей. Машина явилась могучим средством увеличения производительности труда. Она принесла с собой удлинение рабочего дня дальше всяких естественных пределов, и необыкновенно усилила эксплоатацию труда. Капитализм установил царство гигантской интенсификации труда и произвел избыточное рабочее население. Он создал крупную фабрику, разорил миллионы мелких производителей и породил классовую борьбу пролетариата против буржуазии. Он привел к растущему обобществлению производства, революционному изменению производительных сил и создал циклический ритм промышленной жизни. Он совершил переворот в земледелии и обострил до крайности антагонизмы, заложенные в капиталистической системе.

Таковы некоторые основные факты и последствия промышленной революции XVIII и XIX века, создавшей и упрочившей капиталистическое господство во всем мире.

На социализм, на социалистическую форму хозяйства, родившуюся в нашей стране в результате осуществления диктатуры пролетариата, возложено в качестве исторической миссии проведение экономической революции, по сравнению с величием которой бледнеют все экономические перевороты, имевшие когда бы то ни было место в истории человечества, в том числе промышленная революция капитализма. Конечно, эта революция должна пройти в формах и методах принципиально иных и с последствиями, качественно противоположными, чем промышленная революция капитализма. Ибо качественно различны исходные пункты и исторические цели обеих этих революций. «Там дело шло об экспроприации народных масс немногими узурпаторами, здесь же дело идет об экспроприации немногих узурпаторов народными массами» [3]). Но ясно, что пролетариат должен провести такую экономическую революцию в самих основах организации народного хозяйства. Первый ее акт ознаменовывается насильственной экспроприацией кучки капиталистов. С него начинается великая экономическая революция.

---

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 264.

[2]) Там же, стр. 264.

[3]) Там же, стр. 552.

Пролетариат, захватывающий власть, «не получает готовыми («социалистических» отношений *Б. Б.*), если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие» [1]).

Здесь дело обстоит совсем не так, как думали когда-то «левые» коммунисты во главе с тов. Бухариным, будто пролетариат получает в наследство от капитализма «такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу». «Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче». «Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности» [2]). Вот почему захватом собственности крупных капиталистов, «командных высот», пролетариат только начинает экономическую революцию.

Первый период своего существования пролетариат не может не опираться в социалистическом строительстве и на огромное мелкое производство, которое сохраняется еще в качестве экономической базы социалистической промышленности так же, как мануфактура, как мы видели, продолжает опираться на ремесло в городе и мелкую домашнюю промышленность в деревне. Дальнейшая задача пролетариата заключается в том, чтобы овладеть всем общественным производством, перестроить его снизу доверху на плановых социалистических началах, создать собственную, действительно прочную техническую и экономическую базу. А «это самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей» [3]).

Может ли пролетариат разрешить эту задачу разом, одним ударом? Конечно, нет. Это дело ряда и ряда лет. И экономическая политика нашей партии в переходный период в том и заключается, чтобы шаг за шагом, неуклонно осуществлять эту задачу.

Однако, по-разному ставится вопрос об осуществлении этой задачи в разные периоды нашей революции. Мы не можем не иметь здесь в разные периоды разную ступень в осуществлении этой задачи.

В первые годы советской власти проблема заключалась, прежде всего, в том, чтобы «освоить» то, что захвачено было в период «экспроприации экспроприаторов», организовать производство социалистической промышленности, установив правильные отношения с мелкобуржуазным сектором. Здесь был центр тяжести работы, направленной на выполнение этой задачи. Ибо «работа по организации под руководством пролетариата всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов». Тогда Ленин говорил, что «нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: «продолжать наступление на капитал». Нет, «в интересах успешности дальнейшего наступления надо «приостановить» сейчас наступление». «До сих пор на первом плане стояли мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первом плане становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах» [4]).

Так стоял вопрос об осуществлении задачи по коренному переустройству народного хозяйства в первые годы советской власти.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 125.

[2] Ленин, т. XVI, стр. 215.

[3] Ленин, т. XV, стр. 196.

[4] Ленин, т. XV, стр. 198, 199, 203.

Конечно, иначе этот вопрос был поставлен, когда в 1922 г. был выброшен лозунг о наступлении на частно-хозяйственный капитал. Совсем по-иному с подходом к осуществлению этой задачи обстояло дело в тот период, когда на XIV с'езде партии в качестве основной директивы в нашей экономической политике был сформулирован курс на индустриализацию нашей страны.

Но только теперь, когда партия взялась за сплошную коллективизацию сельского хозяйства, когда мы вступили «в отличие от пройденных этапов» в «период общего наступления социализма по всему фронту» (Сталин), когда мы поставили перед собой задачу завершения коренной реорганизации всего народного хозяйства в ближайший период, как очередную и основную задачу, становится очевидным значение исторического перелома в нашем экономическом строительстве, который мы переживаем и завершение которого будет означать окончание экономической революции во всем народном хозяйстве, непосредственной целью которой является построение фундамента социалистического общества в кратчайшие исторические сроки. Выполнение поставленного перед нами партией плана развернутого социалистического наступления принесет с собой величайший в истории переворот в способе производства, в производительных силах и производственных отношениях.

* * *

Мы, несомненно, являемся свидетелями начавшегося процесса глубочайших изменений в состоянии, уровне и развитии производительных сил нашей страны. Мы уже подошли вплотную к эпохе технической революции и в промышленности и в сельском хозяйстве. Тот гигантский технический переворот, все элементы для которого созрели в современном капитализме, но который не может реализоваться в условиях загнивающего антагонистического буржуазного строя, будет осуществлен в нашей стране, строящей социализм.

Мы уже имеем сейчас, в результате первых лет реконструктивного периода, огромные сдвиги в производительных силах, совершающиеся с быстротой, совершенно недоступной для капиталистических стран.

Пятилетний план развития народного хозяйства, который обзывался «мечтой», «фантазией» представителями капиталистического мира, претворяется в жизнь, более того, гигантски перевыполняется. Пятилетка в 4 года! Такова директива, данная XVI с'ездом. И нет сомнений в том, что при правильном использовании возможностей, имеющихся в нашем распоряжении, эта директива будет выполнена. План развития тяжелой индустрии, этой ведущей отрасли нашей промышленности, будет выполнен в 3 года. При намеченной по пятилетнему плану цифре продукции тяжелой индустрии к концу пятилетки в 14,5 млрд. руб. уже в будущем году мы достигнем цифры продукции в 16,2 млрд. руб. В области металлургии партия поставила перед собой задачу добиться к концу пятилетки добычи чугуна в размере 17 млн. тонн, вместо первоначальных 10 млн. тонн, цифры, которая «пессимистам» казалась невыполнимой.

Об изменяющейся революционными темпами структуре производительных сил нашей промышленности говорит неуклонный рост удельного веса тяжелой индустрии, который из года в год происходит на наших глазах. Если доля производства средств производства в продукции всей промышленности равнялась в 1927—28 г. 27,2%, то в 1929—30 г. она составляет уже 32,7%.

Мы уже сейчас имеем в области нашей производственной деятельности образцы, отнюдь не уступающие первоклассной американской и европейской технике. Наши тракторные заводы по своей величине и по своему оборудованию стоят на уровне самой передовой техники. Строящийся Магнитогорский завод по своей продукции (2,6 млн. тонн в 1932—33 г.) будет равняться всей продукции чугуна в Люксембурге и не на много будет меньше производства чугуна всей Бельгии. Новая техника все более и более проникает в наши заводы и фабрики.

Но, конечно, начало подлинной технической революции мы уже имеем в *сельском хозяйстве*, в результате внедрения *трактора*. Наш тракторный парк еще не дошел в настоящем году до цифры 100.000. Количество тракторов капиталистической Америки гораздо больше. Но неизмеримо больше эффективность использования трактора в нашей стране, чем в САСШ, этой образцово «рационализированной» стране. Уже в настоящем году — в первом году массового колхозного движения — машинно-тракторными станциями засеяно в зерновой (первой) полосе [1] 11,5% площади яровых посевов колхозов. Ясно, что при величайшей технической отсталости нашего сельского хозяйства, в состоянии которого оно пребывало до сих пор, факт проникновения «стального коня» в таких размерах уже в первый год колхозной сельскохозяйственной кампании, означает настоящий переворот в технике ведения сельского хозяйства.

Изменения структурного порядка происходят с огромной быстротой в главной производительной силе нашей страны — в *рабочем классе*. При невероятно выросшей безработице в капиталистических странах, превратившейся там в своем основном ядре в застойное явление, происходит резкое и быстрое *уменьшение безработицы* у нас. Число безработных за год сократилось на 750 тысяч, или на 42,3%. Достаточно вспомнить о том, какие представления о возможностях рассасывания безработицы существовали у многих еще 2 — 3 года назад, когда не мало людей возлагали главную, если не единственную надежду в этом отношении на быстрый под'ем сельского хозяйства, чтобы понять значение факта ликвидации безработицы, которая, «неожиданно» для этих людей, совершается, прежде всего, благодаря быстрым темпам развития нашей промышленности.

Состав рабочего класса претерпевает глубокие изменения огромной важности, отражающие процессы, происходящие во всей экономике. В рабочем классе образуются *новые кадровые слои*, новые «профессии». Быстро растут новые слои сельскохозяйственного пролетариата, получающие действительную индустриальную выучку (рабочие совхозов, машинно-тракторных станций, трактористы и т. д.). В несколько лет выросла играющая огромную роль в промышленной жизни страны строительная промышленность, впитавшая уже в себя около 1/5 всего пролетариата. Доля строительных рабочих во всем пролетариате равнялась в 1923 — 24 г. 5,8%, а в 1929 — 30 г. она дошла до 18,9%.

Новый этап социалистического строительства, в котором мы находимся в настоящее время, отличается не только огромными сдвигами революционного характера в промышленности и сельском хозяйстве, но и началом коренного изменения *во всей физиономии народно-хозяйственного целого*. Вся карта промышленности и сельского хозяйства перекраивается решительным образом. Отнюдь не случайным поэтому является то, что на с'езде в качестве центральной проблемы нашей экономической политики стояла *проблема правильного размещения промышленности и различных отраслей сельского хозяйства по СССР*. Никогда еще этот вопрос о географическом размещении наших производительных сил не играл такой роли, как сейчас. Совершенно очевидно, что коренная переделка народного хозяйства, которая сейчас совершается, совершенно немыслима без планового, наиболее выгодного с народнохозяйственной точки зрения разрешения этого вопроса.

Проблема размещения играет большую роль и в капиталистических странах. В САСШ за последние годы происходили весьма существенные сдвиги в географическом размещении промышленности. Происходил быстрый промышленный рост Юга и, наоборот, упадок в других частях страны, как Новая Англия и др. Исчезала хозяйственная гегемония прежде руководящих штатов и так далее. Конечно, этот процесс происходил стихийно, как все, что имеет место в хозяйственной жизни капиалистических стран. Но весьма интересен тот факт, что даже капиталистическая Америка обнаружила при этом явственную тенденцию к более равномерному распределению промышленности по различным районам, к перемещению промышленности из города в деревню и к упразднению сосредоточения промышленности только в исторически сложившихся центрах данных производств.

В условиях нашей страны, где перестраивается хозяйственная жизнь на плановых началах, вопрос размещения приобретает еще большее значение. Сосредоточение производств в районах, с наиболее богатыми источниками сырья, с учетом удешевления издержек по транспорту и т. д.— должно решительно изменить картину расположения некоторых основных отраслей промышленности. Далее, революционный строй, конечно, не может терпеть такого положения, когда области, населенные отсталыми национальностями, оказывались экономически совершенно не развитыми, заброшенными, как бы обреченными на деградацию. Что касается сельского хозяйства, то вопрос о специализации и правильном размещении отдельных отраслей его до сих пор сплошь да рядом даже и не ставился по-серьезному, по-настоящему.

Вот почему понятно, что на этой проблеме заостряется внимание на новом этапе нашего строительства. Огромную историческую важность имеют такие решения, как решение о *создании второй угольно-металлургической базы* в лице Урало-Кузнецкого комбината, решение о *специализации* отдельных районов на отдельных культурах сельского хозяйства, о *превращении потребляющих районов в мощные производящие* районы по *животноводству* и пр. При этом с полной четкостью нужно понять, что все эти решения, как и вся проблема, имеют, прежде всего, колоссальное *экономическое* и *политическое значение*, и никак не могут быть сведены к области «организационно-технических» вопросов.

Мы *начали* разрешать *коренные диспропорции*, имевшие место в течение ряда лет в нашем хозяйстве и унаследованные от прошлого.

Диспропорция *между тяжелой и легкой индустрией*, существовавшая до сих пор, не есть «изобретение» большевистского режима. Она есть вынужденный продукт огромной отсталости нашего промышленного развития в прошлом и строительства социализма в капиталистическом окружении. Именно эта обстановка настоятельно требует *развития* в нашей собственной стране мощной *тяжелой индустрии, этого основного ключа к социалистическому переустройству* всего хозяйства. И дальше важнейшей задачей является *продолжение политики высоких темпов* развития тяжелой индустрии, как и всей нашей промышленности. Мы достигли больших успехов на этом пути, с одной стороны. С другой стороны, мы создаем условия для увеличения сырьевых источников для нашей легкой индустрии. Все это позволяет в настоящее время поставить перед собой задачу *более быстрого развития и легкой индустрии*, чего мы не могли делать до настоящего времени.

---

[1] К зерновой (первой) полосе в решении ЦК от 5/I-30 г. относятся основные зерновые районы. К производящей (второй) — остальные зерновые районы. Третья полоса — потребляющая. См. по этому поводу доклад тов. Яковлева на XVI-м с'езде.

Мы начали коренным образом изменять отраслевую структуру нашей промышленности, ликвидируя те «естественные» диспропорции, которые в ней созданы капиталистическим строем. При капитализме промышленность не идет и не может итти по пути быстрого и достаточного развития отраслей промышленности, обслуживающих потребности сельского хозяйства так же, как и потребности широких народных масс. Если бы капитализм «нарушил» это положение, он перестал бы быть капитализмом. Но в наших условиях дело решительно меняется. Мы находимся только в самом начале ликвидации этих диспропорций, созданных капитализмом в структуре промышленности, но уже сейчас мы стали на путь такого обслуживания сельского хозяйства средствами производства, которого не позволила бы себе ни одна капиталистическая страна при нашем абсолютном уровне промышленного производства. Возьмем наше сельскохозяйственное машиностроение. В машиноснабжении сельского хозяйства (вместе с тракторами) мы уже в будущем году не только догоним, но и перегоним САСШ. Мы в будущем году доводим цифру машиноснабжения до 1 миллиарда рублей, в то время как в САСШ машиноснабжение в 1928 г. равнялось сумме в 800 млн. руб. Но мы позорно отстали в развитии таких отраслей, обслуживающих сельское хозяйство, как химическая. Здесь мы должны пойти по пути резкого увеличения темпов развития.

Мы начали разрешать ту диспропорцию, которая исторически образовалась в развитии сельского хозяйства и промышленности. Сделан решающий поворот в деле ликвидации этой диспропорции переходом к сплошной коллективизации, так как именно этот переход дал возможность уже в настоящем году разрешить в основном зерновую проблему, что не удавалось до сих пор сделать нашей революции. Здесь одержана победа огромной исторической важности.

Не менее важно то, что путь, на котором достигнуто разрешение зерновой проблемы, освещает нам дорогу к окончательному разрешению животноводческой проблемы и проблемы технических культур. Средство к окончательному разрешению и этих проблем лежит в продолжении курса на быструю коллективизацию, укрупнение сельского хозяйства и строительство совхозов.

Какое колоссальное значение будет иметь разрешение этих коренных и труднейших проблем показывает то обстоятельство, что благодаря ему мы получим сильнейшее орудие и для окончательной победы планового начала во всем народном хозяйстве и для окончательного и полного разрешения «проблемы распределения». Ибо все основные ресурсы, необходимые для этого, будут находиться в руках государства. «Это значит овладеть всеми теми основными факторами, которые определяют бюджет рабочего и его реальную заработную плату. Это значит, обеспечить дело быстрого роста реальной зарплаты наверняка и окончательно. (Сталин).

Но далее. Совершенно ясно также и то, что разрешение этих диспропорций будет означать такое овладение основными материальными ресурсами (средства производства и средства потребления) со стороны государства, которое даст окончательное торжество плановому началу. Стихия рынка будет бессильна против этого материального могущества пролетарского государства, противостоящего ей.

* * *

Яркий революционный переворот охватывает производственные отношения нашей страны. Социалистические формы хозяйства распространяются вширь и вглубь народного хозяйственного организма. Здесь мы отчетливо можем проследить, как и в истории распространения капитализма, две линии развития — интенсивное и экстенсивное развитие — социалистических форм.

Богатейший по своему содержанию и великолепный по результатам путь развития социалистических отношений проделала наша промышленность. Теперь уже никто из наших врагов не осмелится «доказывать» невозможность развития промышленности на основе «бюрократической», «неспособной к прогрессу», «подавляющей индивидуальную инициативу» и проч. социалистической системы. Обобществленный сектор нашей промышленности достиг несокрушимой мощи. На 1929—30 год его доля в продукции крупной промышленности достигла 99,3%, а доля частно-капиталистического сектора упала до 0,7%. «Ясно, что вопрос «кто-кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм, — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно». (Сталин).

И все же, несмотря на победу социализма в промышленности, процессы революционизирования общественных отношений и внутри нашей промышленности еще не закончены. Неверно было бы думать, что поскольку «последовательно-социалистический тип» предприятий был создан уже в пламени национализации промышленности, постольку структура и характер производственных отношений внутри этой промышленности не подвергаются никаким изменениям в процессе развития переходной экономики. Бурный процесс переделки отношений между людьми во всей стране изменяет решительным образом лицо наших заводов и фабрик. Глубоко правильна мысль тов. Сталина о том, что «в корне изменился облик» наших государственных предприятий (см. «Политотчет ЦК на XVI с'езде»). Растет, развивается действительно коммунистическое отношение к труду. Цифры, характеризующие рост социалистического соревнования и ударничества, прямо поражают уже на первых порах развития этих процессов своей грандиозностью. На 1 марта социалистическим соревнованием было охвачено 2 млн., а ударничеством $1\frac{1}{2}$ млн. промышленных рабочих. Но ясно, что это развитие новых форм труда, ростков подлинного коммунизма, еще все впереди. Творческий энтузиазм масс создаст в будущем гигантское разнообразие форм организации труда, которые до основания переделают оставшиеся издавна и существующие по-старинке традиции, отношения труда в производстве. Наконец, решительный поворот профсоюзов лицом к производству, отражающий и организующий вышеописанный процесс, должен привести все к большему приближению нас к той цели, которая поставлена в отношении профсоюзов и производства нашей партийной программой, к установлению «действительного народного контроля над результатами производства» 1).

Настоящее весеннее половодье революционной ломки социально-экономических отношений переживает деревня. Перестраиваются снизу до верху, рвутся радикально, уступая место новым, установившиеся веками формы и методы ведения сельского хозяйства. Этот социалистический переворот в деревне, сильнейшим рычагом которого выступает советский трактор, по своей мощности может быть сравнен только с машинным переворотом эпохи промышленной революции, с той только разницей, что последствия первого будут неизмеримо больше, глубже.

---

1) Программа РКП(б).

В настоящее время колхозное движение охватило 48,8% крестьянских хозяйств в зерновой (первой) полосе, 25,5% — в производящей (второй), 8,5% — в потребляющей (третьей). Совхозы и колхозы вместе уже в 1930 г. дают более половины всего товарного хлеба и целиком заменили по посевной площади зерновых культур дореволюционного кулака и помещика [1]. Дальнейшее развитие процессов сплошной коллективизации и сопровождающей его ликвидации кулачества на основе все большей тракторизации сельского хозяйства уже в ближайшие годы радикально переделает все сельское хозяйство.

«Мирное», «постепенное» проникновение трактора и комбайна в условиях коллективизации будет означать новые революционные темпы в развитии сельского хозяйства. Сельское хозяйство нашего союза входит в полосу небывалого, совершенно для него до сих пор недоступного увеличения производительности труда и ускорения его прогресса. Рабские темпы развития, к которым «привык» из поколения в поколение крестьянин, должны быть и будут отброшены. В свете этой перспективы исключительное значение приобретает решение XVI с'езда о необходимости коренного пересмотра пятилетнего плана развития сельского хозяйства.

Нет нужды доказывать, что мы стоим накануне революции во всех методах и стадиях сельскохозяйственного производства. Раз начавшийся технический переворот, и по «внутренней» технической логике и под активным воздействием социальной формы производства, будет воспроизводиться на все большей основе и вглубь и вширь, пока не будет переустроен в корне весь технический базис сельского хозяйства. Для этого потребуется, конечно, ряд лет, в течение которых лошадь будет еще «сотрудничать» с трактором, интенсивная тракторизация будет перегонять процессы химизации или электрификации сельского хозяйства, технические сдвиги в области животноводства или другой отрасли сельского хозяйства развиваться непропорционально техническим сдвигам в сфере зерновых культур и т. д. Но «техническое соревнование» и распространение передовой техники будет во всех сферах и во всех фазах сельского хозяйства таким же обязательным законом развития, как и закон распространения коллективистических форм хозяйства.

Какие огромные перспективы развития новой техники и новых коллективистических производственных отношений разворачиваются перед нашим сельским хозяйством в настоящее время, показывают возможности распространения у нас крупного машинизированного хозяйства. Здесь мы имеем такое положение, которое может быть названо как бы «порочным кругом», получающим прекрасное разрешение в условиях диктатуры пролетариата. С одной стороны, условием распространения передовой сельскохозяйственной техники (тракторы, комбайны и т. д.) является, как этому учит опыт, наличие крупных размеров хозяйства. С другой, — условием действительного, прочного и прогрессивного укрупнения сельского хозяйства является, без сомнения, распространение трактора. Этот порочный круг, в условиях капиталистической действительности таких стран, как Америка, разрешается на пути насильственного проникновения тракторной техники, посредством беспощадного разорения мелких и слабых хозяев-фермеров и развивающейся, таким образом, концентрации сельского хозяйства. Однако, условия частной раздробленной собственности не дают возможности действительного и полного разрешения этой проблемы. Но условия, в которых развивается наше сельское хозяйство, полностью и до конца обеспечивают осуществление по этой линии переворота в способе сельскохозяйственного производства.

---

[1] Доклад т. Яковлева на XVI с'езде.

Возьмем факты. Опыт говорит о том, что применение тракторов и комбайнов требует для полного их использования такой величины хозяйства, которая является только в весьма ограниченной степени доступной для капиталистического сельского хозяйства. Так, в САСШ в отношении пшеницы «для достижения максимальной экономии необходимо довести нагрузку комбинированной жатки до максимальной степени. При машине средних размеров это значит, что в течение сезона она должна обслужить около тысячи акров» [1]. В отношении кукурузы «внимательные наблюдатели начинают приходить к выводу, что наилучшим типом фермы, базирующейся на труде членов семьи, является владение в 640 акров и что коммерческие хозяйства высшего типа достигают наилучших результатов, если хозяйственные единицы имеют площадь в 1.000 или даже в 2.500 акров» [2].

В отношении хлопка, «вместо клочка земли в 10 акров, на котором посадка, подрезка и сбор производится ручным способом, согласно исконным традициям старой хлопковой зоны, появляется ферма в 160—320 акров, где работа производится членами семьи» [3].

Ясно, что оптимальная величина хозяйства, диктуемая новыми техническими условиями, в огромном большинстве случаев не является достижимой для капитализма. Совершенно иначе обстоит дело у нас. Мы имеем беспредельные возможности развития крупного механизированного хозяйства. Уже сейчас средняя величина колхоза в первой (зерновой) полосе равна 1.200 га.

Распространение тракторной техники, которое делается возможным благодаря наличию крупного коллективного хозяйства, в свою очередь создает новые предпосылки для еще большей концентрации сельского хозяйства. Трактор и комбайн необычайно увеличивают масштаб, оптимальный размер сельскохозяйственной единицы. Благодаря тракторизации, те относительные пределы, которые были поставлены концентрацией в сельском хозяйстве, гигантски раздвигаются. А что такие относительные пределы существовали в основном вследствие частной собственности на землю, это признавали все марксисты. Это писал Каутский еще тогда, когда он был марксистом, в своей работе «Аграрный вопрос». Это же признавал и Ленин, когда в полемике с Булгаковым говорил, что «превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела» [4]. Так, например, одним из препятствий к распространению крупного капиталистического сельского хозяйства считалось отсутствие достаточного количества рабочих рук. Об этом Ленин писал, передавая мысль Каутского и целиком с ней соглашаясь, следующим образом: «В числе условий, ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих, вследствие ухода населения из деревень, заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землей, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам» [5].

Таким образом, в ряде мест крупное сельское хозяйство развивалось, вследствие этого, не в своем, так сказать, «чистом» виде, без всяких примесей, а в значительно «затемненном» и осложненном виде, в виде огромных хозяйственных тел—единиц, окруженных группами мелких, карликовых крестьянских хозяйств, специально поставлявших рабочую силу.

Так, например, другим обстоятельством, значительно затруднявшим победное шествие крупного сельского хозяйства, являлась его территориальная обширность по сравнению с крупным промышленным предприятием, что не могло не приводить к неудобствам в управлении таким крупным хозяйством и т .д. Существуют ли эти особенности в действии закона концентрации в сельском хозяйстве в настоящее время? Безусловно. Однако, применение трактора, комбайна, механической тяги, автомобилизация и т. д. в сельском хозяйстве, разве все это не отодвигает в огромной степени уже при капитализме пределы концентрации и оптимальной величины сельскохозяйственного предприятия? Разве все это уже для капитализма не ставит сейчас по-иному вопрос о концентрации в сельском хозяйстве, нежели во время споров между Давидом и Каутским? И разве и на этом примере не подтверждается снова блестяще марксова теория концентрации?

---

[1] «Новейшие изменения в экономике САСШ», т. II, стр. 17.

[2] Там же, стр. 186.

[3] Там же, стр. 190.

[4] Ленин, т. IX, стр. 17.

[5] Ленин, т. IX, стр. 30.

Теперь уже не могут даже за эти обстоятельства цепляться ревизионисты и буржуазные экономисты для того, чтобы «доказать» недействительность марксова закона концентрации в отношении сельского хозяйства. Ибо, если раньше развитию машинизированного сельского хозяйства несколько мешала редкость населения в ряде мест, то теперь, «именно это обстоятельство и способствует быстрому введению машин, приводимых в действие механической силой» [1]), и не нуждающихся в большом количестве мускульной энергии рабочего. Вот почему американские экономисты и капиталисты-фермеры с тоской вспоминают теперь о том, что такие страны, как Австралия, Аргентина, с редким населением, именно благодаря трактору и комбайну могут превратиться в страны крупного механизированного сельского хозяйства, обладающие огромной конкурентоспособностью на мировом сельскохозяйственном рынке.

То же самое с территориальной громоздкостью крупного сельскохозяйственного предприятия. Это, казавшееся буржуазным экономистам еще недавно «непреодолимым» препятствие, «разбивающее наголову» марксов закон концентрации, все более преодолевается такими «вещами», как автомобилизация и т. д.

Но исключительно необозримые горизонты в отношении концентрации сельского хозяйства раскрываются в нашем хозяйственном строе обстановкой национализации земли и развивающейся коллективизации. Какие, например, возможности развития крупных сельскохозяйственных гигантов таятся в таких областях и республиках, как Сибирь, Казакстан и другие! То, чего мы сможем добиться в работе по созданию крупного механизированного сельского хозяйства, должно превзойти все то, о чем когда бы то ни было мечтали деятели капиталистического мира.

«Тракторная революция» на базе коллективизации, происходящая в деревне, уже приводит к коренному изменению отношений между сельским хозяйством и промышленностью, с одной стороны, и внутри сельского хозяйства — с другой.

Здесь вполне возможна «аналогия» с действием трактора в условиях капитализма. И в условиях капитализма введение трактора по-иному ставит проблему сбыта, проблему цен, отношений между отдельными хозяйствами и т. д.

Огромное уменьшение себестоимости производства и увеличение производительности хозяйств, в которых вводится трактор, необычайно обостряет проблему сбыта в условиях капитализма. Как обстоит дело в этом отношении у нас? У нас тоже развитие трактора на основе коллективизации ставит по-иному проблему сбыта сельскохозяйственной продукции городу. Но в чем это выражается? Это выражается в том, что сбыт сельскохозяйственных продуктов перерастает рамки индивидуальной товарно-денежной сделки индивидуального мелкого собственника в деревне

---

[1]) «Новейшие изменения в экономике САСШ», т. II, стр. 182.

с городским покупателем. А именно, с такой сделкой мы имели дело в первый период нэпа, когда, как говорил Ленин, «с товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» [1]). Сбыт сельскохозяйственной продукции решительно перестает быть индивидуальной сделкой, «обыкновенной куплей-продажей», становится договорным отношением между коллективным хозяйством города и коллективным хозяйством деревни о взаимном обмене продуктами. Купля-продажа перерождается в организуемый под руководством пролетарского государства социалистический продуктообмен.

При этом следует отметить, что если условия для такого превращения даются процессами обобществления, происходящими в деревне, то незыблемый фундамент под этот процесс закладывается развитием механизации сельского хозяйства, не только позволяющей, но и диктующей в нашем строе переход к социалистическому продуктообмену деревни с городом. Из этого видно, что действительно по-иному и по-новому ставит введение трактора в сельское хозяйство «проблему сбыта» в СССР.

Трактор, обостряет, выражаясь мягко, проблему сбыта в капиталистических условиях. Трактор порождает социалистический продуктообмен деревни с городом в советских условиях.

«По-новому» ставится проблема цен в отношениях внутри сельского хозяйства, благодаря распространению трактора в капиталистических условиях. Увеличение производительности труда, удешевление продукта в одних предприятиях приводит к разорению и гибели ряда других предприятий. Это происходит на основе неумолимого закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия в капиталистическом обществе. «Благодетельное» действие трактора в САСШ за семь послевоенных лет, по официальным данным «Ежегодника сельского хозяйства Соединенных Штатов», выражается в том, что более чем 3 млн. фермеров должны были бежать в города. О полной безвыходности американских фермеров пишут наиболее честные американские экономисты.

У нас тоже радикально меняются отношения внутри сельского хозяйства под воздействием трактора. Но здесь действие это получает выражение в прямо-противоположных результатах. В нашем хозяйственном строе осуществляется то, что говорил Маркс о последствиях введения коллективного хозяйства в земледелии. Выгоды, которые получает отдельное сельскохозяйственное предприятие в условиях коллективного хозяйства, не ведут ни к разорению и гибели других предприятий (если не считать только небольшой кучки кулаков, которые экспроприируются), ни к получению огромной дани с общественного развития, ввиду высоких сельскохозяйственных цен, предприятиями, находящимися в наиболее благоприятных условиях. Наоборот, эти выгоды ведут все больше к общему уменьшению себестоимости сельскохозяйственных продуктов и к общему под'ему сельского хозяйства.

А в отношениях между коллективистическим сектором сельского хозяйства и индивидуальным сектором, который сохранится еще на ряд лет в этой сфере отношений в деревне, развитие крупного механизированного хозяйства приводит к новому интереснейшему и важнейшему явлению в нашей сельскохозяйственной экономике. Взамен бешеной борьбы между крупным тракторизованным хозяйством и мелким хозяйством с разорением и смертью мелкого, как неизбежными последствиями, которая (борьба) имеет место в капитализме,—мы в настоящее время являемся очевидцами начинающегося великого экономического соревнования двух систем в сельском хозяйстве, двух секторов,—обобществленного и индивидуального, соревнования, предполагающего в качестве непременного условия всемерную помощь со стороны коллективистического сектора бедняку и середняку-единоличнику.

---

[1]) Ленин, т XVIII, ч. I, стр. 398.

Наконец, гигантское воздействие должно оказывать развитие крупного механизированного хозяйства в направлении ликвидации основного противоречия всей истории человечества, противоречия между городом и деревней. Здесь мы находимся только в самом начале пути. Но совершенно очевидно, что распространение трактора, комбайна, автомобиля и проч. в сельском хозяйстве означает начало конца «идиотизма крестьянской жизни». Тракторист, рабочий совхоза и т. д. мало чем отличается от рабочего промышленности.

Рушится тысячелетняя грань, которая во всех классовых обществах существовала между городом и деревней. Наша партия должна смело итти навстречу этому процессу, руководя им, используя все имеющиеся рычаги для успехов в этом деле.

Факты из области развития современного сельского хозяйства в нашей стране и в капиталистических государствах являются поистине классическим доказательством того прямо противоположного, общественного эффекта, который имеет техника, в зависимости от того, в каких общественно-экономических условиях она получает свое применение. Ибо «противоречий и антогонизма, нераздельных с капиталистическим приложением машин, не существует, так как они порождаются не самими машинами, а капиталистическим их приложением» [1]). Трактор, создающий величайшие бедствия в капиталистических странах, становится основным орудием социалистического переворота нашего сельского хозяйства.

Только в нашем общественном строе даны условия для такой переделки людьми техники, и переделки новой техникой общественных отношений производства, которая действительно превращает новую технику в величайшую в истории революционную производительную силу, перестраивающую мир на наиболее высоких основах.

Насколько грандиозна перестройка общественных отношений в деревне, показывают революционные изменения классовых взаимоотношений в деревне. С одной стороны, вырываются корни капитализма в деревне. В огне ожесточенной классовой борьбы уничтожается кулачество как класс. С другой,—происходит качественная переделка огромных миллионных масс середнячества, вступающих в колхоз и там изменяющих под руководством пролетариата свою природу, превращающихся в прочную экономическую и политическую опору советской власти в социалистическом строительстве.

В классовой структуре советская деревня проделывает исключительный по масштабу революционный скачок в своем развитии, минуя целый ряд «обычных», с точки зрения существовавших до сих пор для крестьянского хозяйства всех стран «правил», промежуточных ступеней. Трактор и коллективизация осуществляют непосредственный переход от патриархальщины и мелкого и мельчайшего хозяйства к социализму. Так (если взять пример из отсталых окраин), самоеды-кочевники, коллективизирующие на далеком севере свое хозяйство, сразу начинают жить «не по шаману, а по плану». Этим характеризуется глубина изменений, происходящих на настоящем этапе в сельском хозяйстве.

* * *

Нынешний этап особенно убедительно доказывает глубокую правильность мысли классиков марксизма о переходном периоде, как о

периоде революционного преобразования капиталистического общества в общество коммунистическое. Эту мысль забывают оппортунисты всех мастей и оттенков. То, что диктатура пролетариата, экспроприируя экспроприаторов, тем самым открывает целую историческую эпоху революционной переделки старого общества,—никогда не признавалось и не признается оппортунистами. «Диктатура пролетариата предполагает и означает,—говорил Ленин,—«состояние» неприятного для ренегатов революционного насилия одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь» [1]).

Этот характер переходного периода чрезвычайно ярко и обнаруживается на нынешней стадии переходного периода, когда происходит «последний и решительный бой с внутренним капитализмом», когда «рвутся экономические связи капитализма и опрокидываются вверх дном все силы старого мира» (Сталин), когда ликвидируется база капитализма в стране, когда разворачивается решительное наступление социализма на капитализм по всему фронту. Мудрено ли, что нынешний этап переходного периода знаменуется чрезвычайным обострением классовой борьбы, в которой отживающие, умирающие классы яростно защищаются, пядь за пядью, от наступающего социализма? «Историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплоататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплоатируемыми. Никогда—иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского—эксплоататоры не подчиняются решению большинства эксплоатируемых, не испробовав в последней, отчаянной борьбе, в ряде битв своего преимущества. Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации» [2]). Нынешний этап полностью подтверждает эти слова.

Мудрено ли, что именно на этом этапе становится особенно опасным непонимание этих марксистских положений, характерное для всех тех, кто всячески хочет замазать, смягчить этот неумолимый закон революции—закон классовой борьбы? А это непонимание и характерно для правого оппортунизма. В лучшем случае правые оппортунисты признают, что нынешний этап чреват большими техническими сдвигами, ростом производительных сил, производства и т. д. Но, что этот этап есть этап колоссальной революционной ломки старых социально-экономических отношений, наступления социализма на капитализм и, следовательно, чрезвычайного обострения классовой борьбы,—этого представители правого оппортунизма признать не могут. Вот, что вынужден был сказать по этому поводу и т. Томский: «Моя ошибка заключалась в недооценке и в слишком узком понимании этой величайшей политики партии, как, главным образом, реконструкции технической, промышленной реконструкции. Не поняв ее социального смысла, ее величайшего смысла, не поняв того, что это не есть только реконструкция промышленности, хотя бы и социалистической промышленности, на более высокой технической базе, но что это есть в то же время и реконструкция социальная, перестройка всего народного хозяйства, влекущая за собой перестройку всей жизни страны; что индустриализация это не есть только построение фабрик, хотя бы и социалистических фабрик, индустриализация это не только постройка заводов-гигантов, индустриализация это не только пропорциональное изменение в соотношении промышленности и сельского

---

[1]) Маркс. «Капитал», т. I, стр. 309.

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 452.

[2]) Ленин, т. XV, стр. 467.

хозяйства,—социалистическая индустриализация и реконструкция—это есть превращение страны из отсталой, аграрной страны, страны мелкобуржуазной стихии и мелкого сельского хозяйства, в страну индустриально-социалистическую, в страну крупного обобществленного социалистического земледелия» [1].

Понятно, что правые оппортунисты давали в корне неверную оценку новому этапу, сводя его к периоду «мирной», «экономической эволюции» к социализму и целиком выбрасывая из него самое главное, что характеризует его — именно решительное наступление социализма по всему фронту. Все это делалось на том «глубоком» основании, что такое наступление противоречит принципам нэпа. Но такое понимание нэпа решительно порывает с ленинским учением о нэпе.

В политотчете ЦК на XVI с'езде партии тов. Сталин говорит: «Допустимо ли вообще наступление и при том наступление по всему фронту в условиях существования нэпа?

Иные думают, что наступление несовместимо с нэпом, что нэп есть, по сути дела, отступление, что, коль скоро отступление кончено, нэп должен быть отменен. Это, конечно, глупость. Глупость, исходящая либо от троцкистов, которые ничего в ленинизме не поняли и думают «отменить» нэп в «два счета», либо от правых оппортунистов, которые тоже ничего в ленинизме не поняли и болтовней об «угрозе отмены нэпа» думают выторговать себе отказ от наступления».

«На самом деле нэп предполагает не только отступление и допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле нэп предполагает вместе с тем на известной стадии развития наступление социализма на капиталистические элементы, сужение поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное сокращение капитализма, растущий перевес обобществленного сектора над сектором необобществленным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами. Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются,— но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа» [2].

Таким образом, ничего общего с ленинизмом не имеет представление о нэпе и новом этапе, развиваемое правыми уклонистами и троцкистами и сводящееся к тому, что за борт выбрасывается основная задача нынешнего этапа — доведение до конца решительного наступления социализма по всему фронту.

При введении нэпа Ленин задачу построения фундамента социализма выдвигал в качестве центральной задачи нашей экономической политики. «При условиях громадного разорения страны и истощения сил пролетариата рядом усилий, почти сверхчеловеческих, мы боремся, — говорил Ленин, — за самое трудное — фундамент действительно социалистической экономики, за правильный товарообмен (вернее, продуктообмен) промышленности с земледелием» [3].

Говоря о фундаменте социализма, Ленин, прежде всего, имел в виду такое состояние промышленности и сельского хозяйства, которое давало бы полную возможность организации социалистического продуктообмена, «обмена продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства» [1].

---

[1] Стенографический бюллетень XVI партс'езда, № 6, стр. 18.

[2] Сталин, Политотчет ЦК на XVI с'езде.

[3] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 359.

Нашей партии не удалось осуществить этот переход к социалистическому продуктообмену на путях непосредственного товарообмена. Пришлось отступить к торговле, к купле-продаже, для того, чтобы этим путем—окружным и длительным—достигнуть того, что является целью нашей экономической политики в переходный период. Теперь уже ясно, что мы в состоянии в нынешний и последний этап нэпа поставить перед собой в качестве основной непосредственной задачи выполнение этой цели — организации социалистического продуктообмена, построения экономического фундамента социализма, с тем только отличием от постановки этого вопроса в 1921 г., что социалистический продуктообмен, к которому мы идем в настоящее время, есть социалистический продуктообмен с коллективизированным крупным сельским хозяйством, а не с индивидуальным крестьянским хозяйством, как это предполагалось в 1921 г., т.-е. это есть социалистический продуктообмен на более высокой ступени.

Партия сделает все для того, чтобы эту поставленную XVI с'ездом задачу — завершения постройки фундамента социалистического общества— выполнить в кратчайшие исторические сроки.

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 190.

Проблемы индустриализации на XVI с'езде ВКП(б).

Неуклонно, упорно и систематически проводимый партией курс на индустриализацию страны, на превращение нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную дал свои результаты.

Из года в год все нарастающими темпами растет наша социалистическая промышленность. Безнадежно битой оказалась «теория» затухающей кривой темпов нашего индустриального развития. До конца разоблаченными оказались и «ученый» скептицизм буржуазных экономистов и «тараканьи» страхи правых оппортунистов. Промышленность уже достигла таких темпов своего развития, которых не знала ни одна капиталистическая страна, ни в одном из самых блестящих периодов своего развития. Но и эти темпы, как показывает вся практика нашего хозяйствования, еще далеко не являются предельными. И уже следующий 1930/31 год обещает дать такой прирост промышленной продукции, который будет равен всему промышленному производству капиталистической России.

Из года в год все нарастающими темпами растет наша социалистическая индустрия, повышая свой удельный вес в народном хозяйстве, усиливая и укрепляя позиции социализма в нашей стране. Если в довоенное время доля промышленности в валовой продукции страны, составляла немногим более ⅖, то уже в 1929/30 году она составит больше половины (53%) всей совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства.

Что это значит?

«Это значит,—говорит тов. Сталин в своем отчетном докладе,—что удельный вес промышленности начинает уже возобладать над удельным весом сельского хозяйства и мы находимся накануне превращения из страны аграрной в страну индустриальную».

Из года в год все нарастающими темпами растет тяжелая индустрия — эта основа социализма,—повышая свой удельный вес в промышленной продукции. Если еще в 27/28 году тяжелая индустрия составляла немногим больше $^2/_5$ в продукции всей планируемой ВСНХ промышленности, то уже в текущем году она составит немногим менее половины, а в будущем 1930/31 году на ее долю придется уже больше половины всей промышленной продукции.

Что это значит?

«Это значит,—говорит тов. Сталин,—что мы уже подняли и развертываем дальше основу нашей экономической независимости, нашу тяжелую индустрию».

Вот почему XVI партийный с'езд с полным правом мог сказать:

«Рост социалистической промышленности, повысив ее удельный вес, роль и влияние в народном хозяйстве, означал в то же время рост и усиление влияния последовательно-социалистических форм производственных отношений, неизмеримо усилил позиции социализма в нашей

стране, создав технико-экономическую базу для решительного поворота бедняцко-середняцких крестьянских масс к социалистической организации земледелия».

Так рисуются итоги нашего индустриального развития за время с XV по XVI с'езд, за первые два года действия пятилетнего плана. Далеко позади остался довоенный уровень промышленного производства. Превышены проектировки пятилетнего плана. И Советский Союз—страна пролетарской диктатуры—в бешеном беге вперед практически осуществляет лозунг: догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Удельный вес промышленности СССР в общемировом производстве из года в год растет. И только за четыре последних года социалистическая промышленность нашего Союза увеличила свой удельный вес в общемировом производстве в полтора раза по нефти, в 1,6 раза по углю и в два раза по чугуну.

Где корни и причина этого явления? В величайших преимуществах советской системы хозяйства перед капиталистической. То, чего промышленность Советского Союза в своем стремительном беге вперед достигает месяцами, промышленность капиталистических стран требует долгого ряда лет. Вот небольшая таблица, красноречиво иллюстрирующая это положение.

Об'ем промышленного производства стран капитализма.

(В 1913=100)

Годы	Индексы физического об'ема производства					
	САСШ	Германия	Англия	Франция	Бельгия	Италия
1	2	3	4	5	6	7
1913	100	100	100	100	100	100
1921	97	78	68	55	54	69
1922	127	89	81	78	72	81
1923	152	56	89	88	84	91
1924	141	80	90	109	94	103
1925	156	94	87	108	86	130
1926	163	90	67	126	114	127
1927	160	114	96	110	116	114
1928	165	116	93	127	124	—
1929	177	117	100	139	—	—

Таковы «достижения» капитализма!

Шестнадцать лет потребовалось английской промышленности только для того, чтобы в 1929 году достичь... 1913 года. Недурной успех! Шестнадцать лет потребовалось Германии, чтобы на 17% повысить об'ем своего промышленного производства! Промышленность Советского Союза для таких достижений требует не годы, а месяцы.

Разоренная долгими годами империалистической и гражданской войны, упав к 1921 году до 20% своего довоенного уровня производства, **промышленность Советского Союза за девять лет мирного хозяйственного строительства в десять раз увеличила свое производство, превысив в два раза довоенный уровень промышленной продукции.**

Ну как же после этого рыцарям II Интернационала не упрекать большевиков в неумении хозяйствовать! Разве не показывают эти герои ночных колпаков на примере своих стран, как нужно хозяйствовать?

Таковы итоги прошлых лет, таковы первые итоги нашего соревнования с капитализмом.

* * *

Как же выглядят ближайшие перспективы?

На этот вопрос лучший ответ дают те предварительные наметки контрольных цифр на будущий год, которыми мы располагаем.

Планируемая ВСНХ промышленность увеличит, согласно этим проектировкам, свою валовую продукцию на 47%, или до 27 млрд. рублей. При этом, что особенно важно подчеркнуть, тяжелая индустрия должна будет увеличить свою продукцию на 62—63%.

Что это будет означать с точки зрения выполнения пятилетнего плана? Это будет означать, что в целом по промышленности уровень промышленного производства последнего года пятилетки будет достигнут уже в третьем году пятилетки (92%).

Однако, по отдельным отраслям промышленности ход выполнения пятилетнего плана идет неравномерно. И эту неравномерность, прежде всего, можно наблюдать в динамике развития двух основных подразделений промышленности: тяжелой и легкой индустрии.

	Рост за 3 года (1930/31 в %% к 1927/28 г.)		1930/31 г. в %% к 1932/33 г.
	По пятилетке.	По К. Т. на 1930/31.	
Тяжелая индустрия . .	196,3	349,9	111,4
Легкая индустрия . . .	161,9	163,1	72,4

Таким образом, если легкая индустрия идет в целом на уровне пятилетки, тяжелая индустрия увеличит свое производство за три года в три с половиной раза, вместо двух раз, как это предполагалось пятилетним планом. Задание пятилетнего плана тяжелой индустрии будет выполнено (с превышением на 11,4%) в первые же три года пятилетки!

Однако, в самой тяжелой индустрии по отдельным ее отраслям ход выполнения пятилетнего плана осуществляется неравномерно. В то время, как одни отрасли тяжелой индустрии далеко обгоняют проектировки пятилетнего плана для последнего года пятилетки, другие отстают, хотя и идут с превышением заданий пятилетки.

Вот табличка, это иллюстрирующая.

Промышленность	Рост за 3 года 1930/31 г. в % к 1927/28 г		1930/31 г. в % к 1932/33 г.
	По пятилетке	По К. Т. на 1930/31 г.	
Каменноугольная	155	202,5	95,2
Нефтяная	166	266	118,2
Черная металлургия	176,8	207,7	75,3
Общее машиностроение	198,8	482,1	136,5
С.-х. машиностроение	222,8	552,6	188,6
Электротехническая	235,8	590,5	121,0
Основная химическая	272,3	390,0	65,2

Несмотря на существенное превышение проектировок пятилетнего плана для третьего года пятилетки (1930/31 г.) по основной химической промышленности и черной металлургии, задание пятилетнего плана (в целом) в третьем году пятилетки ими выполнено не будет. Каменноугольная промышленность, увеличив свое производство за три года в два раза, вместо полутора раза по пятилетке, будет близка к полному выполнению проектировки пятилетнего плана. Такие же отрасли промышленности, как нефтяная, электротехническая, общее и с.-х. машиностроение, уже в третьем году пятилетки далеко перевыполнят тот уровень производства, который намечался лишь для пятого года пятилетки.

* * *

Уже в сопоставлении этого ряда цифр, характеризующих ход выполнения пятилетнего плана, явственно видно, что наиболее «узкое» место в планах развития нашей промышленности—уголь и металл. Не сделав решительно поворота в сторону форсированного развития этих двух основных отраслей промышленности, мы рискуем поставить под угрозу весь ход нашего дальнейшего промышленного развития. Не обеспечив необходимых темпов развития за этими отраслями промышленности, не пересмотрев в сторону значительного увеличения их перспективных планов, мы рискуем оставить наше машиностроение без металла, а металлургию без угля, мы рискуем ослабить общие темпы нашего индустриального развития. Вот почему величайшую историческую важность и значение приобретает решение XVI с'езда партии, которым он «одобряет решение ЦК ВКП(б) о доведении выплавки чугуна в 1932/33 г. не менее чем до 17 млн. тонн и ставит эту задачу перед всеми партийными, профессиональными и общественными организациями, как важнейшую народнохозяйственную задачу».

Ни на минуту нельзя забывать ни важности этой, в подлинном смысле этого слова, титанической задачи, ни величайшей трудности ее осуществления. Разрешив эту задачу, Советский Союз далеко обгонит целый ряд крупнейших капиталистических стран (Англия, Франция, Германия) и как производитель чугуна выдвинется на второе место после САСШ. К концу пятилетия, больше чем в четыре раза превысив довоенные размеры, наше производство чугуна будет равно современному производству Англии и Франции, вместе взятых. Мы должны всячески форсировать развитие нашей металлургии, ибо иначе при взятых и проводимых темпах развития машиностроения и общем росте потребности в металле мы рискуем создать новую диспропорцию между производством и потребностью в металле.

17 млн. тонн чугуна—это то, что вошло теперь в программу партии на оставшиеся годы пятилетки, и как программное задание партии оно должно быть выполнено.

Трудности же, связанные с выполнением этой программы, заключаются не только в той грандиозной строительной работе, которую мы должны будем проводить в области металлургии. За этот короткий промежуток времени мы должны будем построить пять гигантов металлургии (из которых два войдут в этом пятилетии еще не полностью), мощность которых будет превышать мощность всех 39 работающих ныне заводов. Эта задача сама по себе и грандиозна и исключительно сложна и трудна. Но этим трудности, стоящие перед нами, не ограничиваются. И тов. Куйбышев в своем заключительном слове это прекрасно показал.

> «На вопрос о том, что представляет собой план оставшихся трех лет, можно прямо и коротко ответить: 17 млн. тонн чугуна

> Потому что 17 млн. тонн чугуна сами собой определяют все остальное. Если 17 млн. тонн чугуна — значит такое-то машиностроение, если 17 млн. тонн чугуна — значит такая-то химия, 17 млн. тонн чугуна это значит такое-то развитие угольной и коксовой промышленности, 17 млн. тонн чугуна — значит уже предрешен вопрос о развитии путей сообщения, мощности транспорта и т. д.».

Предварительное уточнение проектировок пятилетнего плана показывает, что к концу пятилетия мы должны будем иметь не менее 130—135 млн. тонн каменного угля[1].

* * *

Но, определяя в значительной мере общий темп нашего промышленного развития, необходимость доведения к концу пятилетия производства чугуна до 17 млн. тонн с еще большей остротой выдвигает проблему *машиностроения как центральную народнохозяйственную проблему*. Широко известно, что, несмотря на исключительно высокие темпы нашего машиностроения, продукция его производства все же отстает от еще более высоких темпов роста потребности в машинах, станках и оборудовании. Лимит, который ставит перед нами ограниченность нашего машиностроения, является *наиболее* серьезным, *наиболее* трудно преодолимым. Именно по этой линии—машины и оборудование—наша зависимость от капиталистических стран особенно нетерпима. Имея свою собственную, поставленную на прочное основание, машиностроительную промышленность мы сумеем разрешить любую народнохозяйственную проблему, разрешить любую задачу, которая будет поставлена перед нами в ходе хозяйственного развития. И именно здесь мы, в первую очередь, и раньше всего должны впитать в себя и перенести на советскую почву самые последние достижения мировой техники. Разрешив эту задачу, мы разрешим задачу задач в деле завоевания хозяйственной независимости.

Мы достигли больших и количественных и, что особенно важно, качественных успехов в деле постановки собственного машиностроения. Достигнув в будущем 1930/31 г. 2,5 млрд. рублей наше машиностроение в 8 раз превысит уровень довоенного машиностроения и до 14% повысит свой удельный вес в мировой машиностроительной промышленности. Одновременно с этими бурными темпами развития машиностроительной промышленности еще более бурно растут новые производства и новые отрасли машиностроительной промышленности.

Продукция новых видов машиностроения, которых никогда ранее не было, росла, таким образом, говорил тов. Куйбышев в своем докладе, что если в 1927/28 году мы имели ее на 41 млн. рублей, то в будущем году проектируется уже на 552 млн. рублей, иначе говоря, за эти три года увеличится больше чем в 10 раз. Удельный вес новых производств в общей продукции машиностроения возрастет с 7 до 21%, т.-е. в три раза.

Еще рельефнее выступят эти успехи, если сопоставить эту цифру новых производств, которую мы проектируем на будущий год, со всем машиностроительным производством в довоенное время. На 552 млн. рублей продукции запроектировано выпустить на будущий год только по новым отраслям машиностроения, между тем вся довоенная промышленность давала лишь немногим больше 300 млн. рублей.

---

[1] Я не затрагиваю, в настоящей статье, во всем об'еме поставленную XVI с'ездом проблему географического размещения промышленности, поскольку этой теме в «Большевике» была посвящена особая статья

Вот тот ряд цифр, которые свидетельствуют как об успехах нашего машиностроения, так и о реальном ходе выполнения директивы об освобождении нашего хозяйства от капиталистической зависимости:

300 млн. рублей — довоенное производство машиностроительной промышленности.

2,5 млрд. рублей — в 1930/31 году, из которых 552 млн. рублей приходится на новое производство.

То же самое нужно сказать и в отношении электротехнической промышленности. Из общей суммы электротехнической промышленности в 492 млн. рублей новые производства дадут уже в текущем году около 105 млн. рублей, т.-е. 21%.

И тем не менее всего этого недостаточно. До сих пор продукция нашей машиностроительной промышленности не удовлетворяет потребности развивающегося народного хозяйства, до сих пор по ряду важнейших отраслей промышленности мы находимся в сильной зависимости от капиталистических стран.

Вот почему в резолюции XVI с'езда «О выполнении пятилетнего плана промышленности» подчеркивается, что,

> «несмотря на высокие темпы развития, продукция машиностроительной промышленности является наиболее узким местом в народном хозяйстве, ограничивая тем самым возможности развития как самой промышленности, так и всего народного хозяйства.
>
> XVI с'езд считает необходимым, чтобы план машиностроения был пересмотрен под углом зрения решительного высвобождения промышленности и народного хозяйства от иностранной зависимости и обеспечения основных потребностей народного хозяйства продукцией собственного машиностроения».

Одновременно с этим машиностроительная промышленность должна всячески *форсировать мобилизацию своих собственных производственных резервов*. А таких резервов, несмотря на всю значительность темпов своего развития, наше машиностроение имеет непочатый край. Достаточно сказать, что до сих пор коэффициент сменности на наших крупных машиностроительных заводах определялся в 1,25. Что это значит? Это значит, что *оборудование наших машиностроительных заводов использовалось, по крайней мере, только на половину своей производственной мощности*. Только за счет увеличения сменности и доведения коэффициента сменности до 2,5 — 2,7 наше машиностроение могло бы *вдвое* увеличить размеры своего производства и дать индустриализирующейся стране те машины и то оборудование, недостаток которых ограничивает «возможности развития как самой промышленности, так и всего народного хозяйства».

Почему этот резерв до сих пор не был мобилизован и не был поставлен на службу делу социалистического строительства?

Кстати сказать, сходное, или во всяком случае близкое к этому положение мы имеем и в нашей каменноугольной промышленности. Мы испытываем недостаток в каменном угле, мы ведем усиленное шахтное строительство, вкладывая в него громадные суммы. Между тем, в малой сменности, в возможности увеличения сменности каменноугольная промышленность имеет несомненные и притом значительные резервы. В Донбассе, как правило, работают в две смены, что означает 10 часов полезной работы под'емного оборудования. Введение же третьей смены и установление смены рабочих на месте работы (хотя бы в наиболее удобных для этого шахтах) совершенно по-иному поставило бы всю нашу топливную проблему.

Но резервы машиностроения далеко не исчерпываются увеличением коэффициента сменности. Нами до сих пор не поставлено как следует быть дело использования нашей местной металлопромышленности. По ряду этих местных заводов металлопромышленности мы имеем такое положение, когда они оказываются *не загруженными полностью даже в одну смену*! Между тем и эти заводы могут взять на свои плечи весьма значительную программу в области машиностроения. О том же, какие в этой области у нас имеются резервы, достаточно красноречиво говорит следующий факт. По заводам украинской местной металлопромышленности была проведена в эти летние месяцы работа по выяснению их производственных возможностей. И результаты оказались исключительно благоприятные. Контрольными точками на 1930/31 год задание для украинской местной металлопромышленности было определено в 235 млн. рублей. После обследования и проверки их производственной возможности, эта цифра была повышена до 400 млн. рублей. И у нас нет никаких оснований думать, что эта цифра нереальна, преувеличена. Скорее,—наоборот, эта цифра минимальна и при дальнейшем уточнении, при дальнейшей работе по определению производственной мощности этих заводов она может быть и должна быть увеличена.

Работа, сходная с той работой, которая проделывалась по украинской местной металлопромышленности, сейчас проделывается и по местной металлопромышленности РСФСР. И можно не сомневаться, что и здесь удастся добиться не меньших успехов.

Что же все это значит? Это значит, что мы до сих пор не научились использовать того, что мы имеем,что мы до сих пор хозяйствуем из рук вон плохо. В самом деле, сколько валюты было бы сохранено, если бы мы вовремя поставили дело использования этой местной металлопромышленности.

То же самое, что мы говорим о местной металлопромышленности, с полным правом может быть отнесено и к кустарной металлопромышленности. Мы имеем гигантскую армию кустарей по металлообработке, определяемую в сотни тысяч человек и используемую в самой незначительной степени. Между тем эти кустари могли бы производить весьма значительную часть из того, что производится нашими крупными машиностроительными заводами, освободив их для более важных ответственных и сложных производственных задач. Наши крупные машиностроительные заводы производят целый ряд таких работ, которые с успехом могут быть переданы кустарям. Сюда относится и производство всякого рода деталей, запасных частей, арматуры, отдельных мелких машин и т. д. К сожалению, однако, наши крупные машиностроительные заводы крепко усвоили презрительно-наплевательское отношение к кустарям, предпочитая быть своеобразным Мюр и Мерилиз, но только не кооперироваться с кустарем, с мелкими заводами металлопромышленности. То, что не считает для себя зазорным делать Форд, обросший целым рядом мелких заводишков и кустарей, считает ниже своего достоинства советский руководитель машиностроительного гиганта. А здесь, в использовании кустарной промышленности, есть несомненный резерв, и этот резерв должен быть нами во что бы то ни стало мобилизован. Рутинерство и консерватизм в этом деле должны быть решительно преодолены.

Итак, наряду с увеличением сменности, наряду с крупнейшими возможностями, таящимися в кооперировании и специализации производства и пр., мы имеем еще целый ряд дополнительных возможностей в деле увеличения производства нашего машиностроения, возможностей, которые должны быть полностью реализованы. *Ни одной неиспользованной возможности увеличения продукции нашего машиностроения*—вот лозунг, который должен стоять боевым лозунгом дня. Ибо здесь, в темпах развития нашего машиностроения, один из важнейших рычагов ускорения темпов нашего индустриального развития.

В полной мере все это относится и к той отрасли машиностроения, которая производит средства производства для сельского хозяйства. Здесь наши успехи за истекшие годы были особенно значительны. Получив совершенно разоренную промышленность сельскохозяйственного машиностроения, мы в кратчайший срок ее восстановили и уже в текущем году довоенный уровень производства будет превзойден в шесть раз. В следующем же, 1930—31 году, когда продукция сельскохозяйственного машиностроения достигнет 860 млн. рублей, довоенный уровень производства, будет превзойден в двенадцать раз и по размерам годового производства мы обгоним не только страны старого капитализма, но и САСШ.

И в значительной степени именно этими успехами нашего сельскохозяйственного машиностроения (включая сюда и тракторостроение) об'ясняется и тот поворот бедняцко-середняцких масс крестьянства, который произошел летом 1929 года, и достигнутые нами успехи в совхозном строительстве. В то же время именно эти успехи совхозно-колхозного строительства пред'явили повышенный спрос на продукцию сельскохозяйственного машиностроения, поставив одновременно со всей остротой проблему изменения марок и типов с.-х. машин, перехода от инвентаря конной тяги на инвентарь механической тяги. Вдвое увеличивая выпуск своей продукции, с.-х. машиностроение должно будет одновременно перестраиваться *на ходу* производства. Соотношение между инвентарем конной и механической тяги за один год должно будет коренным образом измениться: удельный вес инвентаря механической тяги, составлявший в 1929/30 году примерно *одну четверть* всей продукции сельскохозяйственного машиностроения, в 1930/31 году должен будет составить *более трех пятых* всего производства. Проектировка 1930/31 года доводит увеличение тракторных плугов за год с 27 тыс. до 146 тыс. штук (в 1926—27 году их производилось всего 120 штук), тракторных борон—с 30 тыс. до 342 тыс. штук, сокращая в то же время производство борон конной тяги на 26% и конных плугов на 60%.

Эта необходимость резкой ломки ассортимента сельскохозяйственных машин оказалась прямым результатом форсированного развития тракторостроения. Надо сказать, что производство тракторов в первый же год пятилетки (1928—29), превысив задания пятилетнего плана на 8,3%, в текущем 1929/30 году превысит задание пятилетнего плана больше чем вдвое (11 тыс. штук, вместо 5 тыс. шт.). Форсированное же строительство Сталинградского завода, вступающего в работу в 30/31 году, строительство Харьковского тракторного завода, вступающего в эксплоатацию уже в 1931/32 году, и Челябинского завода, строительство которого должно будет закончиться в 1931/32 году, наконец, расширение выпуска тракторов на Путиловском заводе, обеспечивают неуклонное, из года в год повышающееся производство тракторов. Уже в 1930—31 году выпуск тракторов будет доведен до 51,5 тыс. штук (против предполагаемых по пятилетке 6,5 тыс. штук), из которых 30 тыс. штук должен будет дать Сталинградский тракторный завод, 20 тыс. штук — «Красный путиловец» и 1,5 тыс. — Харьковский паровозостроительный завод. К концу же пятилетия этими уже построенными и строящимися заводами будет обеспечено доведение годового производства до 914 тыс. условных (десятисильных) тракторов. Таким образом, по количеству производимых тракторов СССР будет одной из первых стран мира.

Что будет означать эта программа в области тракторостроения? Что существующими и строящимися тракторными заводами обеспечивается полный переход нашего сельского хозяйства с конной тяги на механическую тягу. Но эти темпы тракторизации сельского хозяйства требовали и соответствующих темпов развития сельскохозяйственного машиностроения. Пятилетним планом намечалось довести к концу пятилетия выпуск продукции сельскохозяйственного машиностроения до 610 млн. рублей. Однако, не достаточность этих проектировок была обнаружена весьма скоро. И на 3-й Сессии ЦИК'а было принято решение об увеличении производства с.-х. машин и доведении к концу пятилетия продукции сельскохозяйственного машиностроения до 1.100 млн. рублей. В какой мере это решение было правильно и своевременно, можно судить потому, что уже в 1930—31 году первоначальное задание пятилетнего плана в 610 млн. рублей будет перевыполнено на 40%.

Надо, однако, сказать, что и задание ЦИК'а о доведении производства с.-х. машин до 1.100 млн. рублей в 1932—33 году будет по всем видимостям *перевыполнено*. В частности, уже расчеты Гипромеза это задание несколько повышают.

Что же даст сельскому хозяйству эта программа в области сельскохозяйственного машиностроения? Исходя из расчетов Гипромеза, основанных на обследовании заводов сельскохозяйственного машиностроения, наличие учтенных в плане с.-х. машин в сельском хозяйстве к 1932—33 году вырастет до суммы 2.800 млн. рублей (половина от имевшегося в 1928—29) и 1929—30 году на сумму 600 млн. руб. и выпуск двух следующих лет, без 1932—33 г. на сумму 1.700 млн. кругло (или на 1 га посевной площади рабочих орудий будет по 18 рублей вместо 9 рублей в настоящее время).

«К 1937—38 году капитал в сельскохозяйственном инвентаре, даже при стационарном по ценности размере продукции заводов, может достигнуть цифры в 8 миллиардов рублей, или на 1 га посевов придется 38 рублей, т.-е. увеличится еще вдвое» [1]). Таким образом, проблема тракторизации и механизации сельского хозяйства будет полностью разрешена. Коллективизированное сельское хозяйство будет полностью обеспечено и соответствующей материально-технической базой.

Величайшей ошибкой было бы думать, что эта гигантская задача может быть разрешена самотеком, стихийно. Потребуется величайшее напряжение сил, величайшая организованность, и дисциплинированность в работе для того, чтобы эта задача была полностью и своевременно разрешена. Не следует забывать, что дело разрешения этой задачи—создания соответствующей материально-технической базы под социалистически - реконструирующееся сельское хозяйство—потребует осуществления напряженной строительной программы и не только в области собственно сельскохозяйственного машиностроения и тракторостроения, но и в области автомобильной промышленности, химической промышленности и т. д. Между тем, именно здесь-то мы особенно отстали. Несмотря на имеющиеся успехи, химическая промышленность находится еще на позорно низком уровне.

«Вот почему, говорится в резолюции XVI с'езда, своевременный пуск Сталинградского тракторного завода, расширение производства тракторов на «Красном путиловце» до 25 тыс. штук в 1930 — 31 году, окончание в 1930—31 году Харьковского тракторного завода, форсированное строительство Челябинского тракторного завода,—комбайных заводов в Запорожье, Сибири и Саратове, автомобильных заводов в Москве и Нижнем, химических комбинатов, заводов удобрительных туков и калийного строительства, реорганизация сельскохозяйственных машиностроительных заводов в направлении максимального расширения производства тракторного инвентаря и полное освобождение от его ввоза в кратчайший срок—являются задачами огромного *политического значения*. С'езд предлагает ЦК и соответствующим советским органам иметь неослабное наблюдение за ходом означенных строительств и за окончанием их в установленные сроки».

---

[1]) С. Демков. «Проблема реконструкции с.-х. машиностроения», «Металл», № 5, 1930 г.

⁂

Нет сомнения, что уже в первые три года действия пятилетнего плана, форсированно развертывая нашу тяжелую индустрию, не только выполнив, но и перевыполнив ее пятилетний план развития, мы создадим достаточно прочную базу всего дела социалистического строительства. И именно это обстоятельство позволит нам, не снижая темпов развития нашей тяжелой индустрии, повернуться к легкой индустрии, обеспечить за легкой индустрией более высокие темпы развития, чем это имело место до сих пор.

«До сих пор,—говорил тов. Сталин,—в своем отчетном докладе,—мы экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы восстановить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстановили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем повернуться к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом. Новое в развитии нашей промышленности состоит, между прочим—в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую и легкую индустрию. Перевыполнение плана хлопковых, льняных и свекловичных посевов в этом году, успешное разрешение проблемы кендыря и искусственного шелка,—все это говорит о том, что мы имеем возможность действительно двинуть вперед легкую индустрию».

Этот поворот к легкой индустрии имеет серьезнейшее значение. Это, несомненно, «новое в развитии нашей промышленности». И переоценить его никак нельзя хотя бы по одному тому, что этот поворот имеет своей предпосылкой *восстановление тяжелой индустрии*. Между тем, именно этого то и не понимала правая оппозиция, которая требовала поворота к легкой индустрии тогда, когда налицо еще не было той тяжелой индустрии, которая имеется сейчас и которая является «основой социализма». Величайшая политическая ошибка правых состояла в том, что они не понимали роли и значения тяжелой индустрии, что они именно в легкой индустрии искали «ключ» к союзу рабочего класса с крестьянством. Такую позицию в отношении тяжелой и легкой индустрии могли занять только люди, не понимающие идеи производственной смычки и делающие ставку не на коллективизацию деревни, не на развертывание совхозного строительства, а на утверждение и *закрепление* индивидуального хозяйства. Ибо не мануфактура, сапоги и галоши являются базой коллективизации. Между тем, именно отрасли легкой индустрии правые оппортунисты возводили в «ранг» «смычковых» отраслей промышленности.

Совершенно и принципиально иное дело, когда партия сейчас поворачивается к легкой индустрии. Имея за собой восстановленную тяжелую индустрию, имея окрепшую и развившуюся промышленность сельскохозяйственного машиностроения, поставив на твердую базу расширение проблем тракторостроения и уже добившись в этой области крупнейших успехов, *уже имея налицо поворот бедняцко-середняцких масс деревни к коллективным формам земледелия и именно на основе укрепляющейся и развивающейся производственной смычки*,—партия может повернуться к легкой индустрии, обеспечив за ней более высокие темпы развития. Теперь поворот к легкой индустрии будет означать не курс на закрепление индивидуального хозяйства и против производственной смычки, против коллективизации, а курс на закрепление колхозного движения, курс на более быстрый под'ем материального и культурного уровня жизни рабочего класса и коллективизированных масс бедняцко-середняцкого крестьянства.

Но что означает поворот к легкой индустрии? Это означает, прежде всего, форсирование развития сырьевой базы легкой индустрии и некоторое частичное ослабление той перекачки накопления из легкой индустрии, которая производилась в те годы, когда тяжелая индустрия не была восстановлена до настоящего ее уровня.

Надо сказать, что расширение именно первой задачи является и наиболее сложной и, несомненно, первоочередной. В самом деле, наша легкая индустрия (за исключением немногих ее отраслей) в темпах своего развития зависит целиком и полностью от состояния ее сырьевой базы. По ряду важнейших и наиболее крупных отраслей легкой индустрии (это относится, прежде всего, к хлопчатобумажной промышленности) мы имеем крупнейшие резервы производственной мощности. И здесь дело не столько во вложениях в собственно легкую индустрию, сколько в форсированном развитии ее сырьевой базы. При настоящем своем оборудовании наша хлопчатобумажная промышленность могла бы переработать до 40 млн. пудов хлопка; перерабатывает же она 23—24 млн. пудов хлопка.

Как же должна будет разрешаться эта проблема более форсированного развития легкой индустрии?

«Очевидно, что пути к решению этой проблемы должны итти по тем же линиям,—говорил в своем докладе на XVI с'езде т. Куйбышев,—по каким решалась и зерновая проблема. Нужно, очевидно, развернуть большое строительство колхозов и совхозов в сырьевых районах, конечно, стимулируя одновременно индивидуальное середняцкое и бедняцкое крестьянство. Нет сомнения, что, идя по этой линии, мы сумеем разрешить сырьевую проблему промышленности, ибо даже существующие площади почти под всеми видами технических культур при достаточной урожайности, при достаточно хорошей обработке земли могли бы дать нужное для наших предприятий сырье в размерах, позволяющих загрузить их до конца».

Бесспорно велики трудности, стоящие перед нами в разрешении сырьевой проблемы нашей легкой индустрии. Но, имея за собой столь блестящее разрешение, на основе колхозного и совхозного строительства, зерновой проблемы, мы должны суметь и сумеем в кратчайший срок разрешить и проблемы сельскохозяйственного сырья для промышленности. И разрешение этой задачи облегчается тем, что в укрепившейся тяжелой индустрии, в укрепившихся и из года в год бурно растущих отраслях промышленности, производственно обслуживающих сельское хозяйство, в развертывающемся колхозном и совхозном строительстве мы имеем все необходимое и достаточное для форсированного подтягивания сырьевой базы промышленности. Именно здесь—в сырьевой базе—ключ к осуществлению поворота к легкой индустрии, поворота жизненно необходимого (и, что особенно важно, возможного) для дальнейшего под'ема материального и культурного уровня жизни трудящихся.

* * *

XVI с'езд нашей партии, наметив основные и важнейшие задачи, стоящие перед нами в деле индустриализации страны, указал и условия их выполнения. Таковыми, опять-таки из числа важнейших, являются: борьба за качество, рационализаторская работа, кадры и дальнейшее расширение и углубление творческой активности рабочего класса.

Надо сказать, что если в части количественных показателей своей работы промышленность достигла серьезных успехов, то в части качественных показателей мы имеем далеко не столь благополучную картину. И эти невысокие качественные показатели работы промышленности не только затрудняют реализацию более высоких количественных успехов, но и подчас их прямо снижают.

Промышленность систематически недовыполняет задания по снижению себестоимости продукции, уменьшая размеры своих внутрипромышленных накоплений и снижая возможные темпы нашего индустриального развития.

Между тем, несмотря на всю проделанную работу в области упорядочения промышленного производства, резервы для снижения себестоимости огромны.

В течение истекшего периода мы имели множество случаев убедиться в тех колоссальных резервах, какие существуют у нас в промышленности; использование этих миллиардного порядка резервов дает возможность без сколько-нибудь значительных затрат ускорить ход нашего социалистического развития. Достаточно упомянуть о таких резервах, как непрерывная неделя, при которой вся промышленность отбрасывает 52 праздных дня в году; увеличение сменности, которая в настоящее время достигает по всей промышленности лишь 1,6, т.-е. оставляет возможность значительного увеличения использования всего основного капитала, огромные резервы имеются по линии специализации и кооперирования производства как внутри отдельных отраслей, так и между отраслями промышленности и народного хозяйства и т. д. Обследование машиностроения, произведенное в 1929 г. специальной комиссией ВСНХ, указало на наличие многочисленных резервов, позволивших без особого труда разместить на «перегруженном» машиностроительном производстве дополнительные заказы дефицитных машин на несколько сот миллионов рублей. Известен факт на Путиловском заводе, где первоначальная программа тракторостроения на 1929—30 г. была установлена в 3 тыс. тракторов, а в дальнейшем была без труда «уточнена» до 12 тыс. тракторов, остро необходимых для нового социалистического земледелия.

Это выявление резервов шло рука об руку с широким движением по борьбе с другими многочисленными потерями в промышленности. О величине потерь в промышленности можно судить по следующим примерным данным. Не менее чем на 300 млн. руб. сжигается по всей промышленности топлива,—больше, чем это нужно, если на всех предприятиях применить уже известные рациональные методы сжигания. Вес излишне расходуемого в строительстве металла составляет не менее 200 тыс. тонн; перерасход кирпича здесь же определяется не менее, чем в 1,5 млрд. штук в год. В одном Архангельском районе на свалку идет около 400 тыс. тонн опилок, стружек и т. п. В хлопчатобумажной промышленности НК РКИ установил потери не менее чем 130 млн. руб. Потери в пищевой промышленности составляют не менее чем 200 млн. руб. В смазочном хозяйстве на небрежно расходуемой смазке страна теряет до 40 млн. руб. в год, на нерациональной таре и упаковке—свыше 50 млн. руб., и т. д., и т. п. В общем, по отдельным ориентировочным подсчетам, общая сумма потерь промышленности составляет не менее 2 млрд. руб.

С этими потерями, являющимися прямым результатом нашей технической некультурности, безалаберности и консерватизма, мы должны будем повести систематическую и упорную борьбу. Мы не настолько богаты, чтобы «бросать на ветер» пару миллиардов рублей. И разрешение проблемы уничтожения потерь должно будет встать в центре внимания рабочей общественности и рационализаторской мысли. Здесь мы имеем крупнейший резерв как для увеличения количества продукции, так и для снижения себестоимости и повышения качества продукции. И этот резерв должен быть нами полностью использован.

Еще хуже, чем с достигнутыми результатами в деле снижения себестоимости, обстоит дело с качеством нашей промышленной продукции.

«Фактическое положение с качеством продукции,—говорил тов. Куйбышев,—следует признать крайне неудовлетворительным. В отдельных же случаях приходится констатировать наличие тенденций к дальнейшему ухудшению качества продукции».

В какой мере это так, можно было бы привести множество примеров. По заводам Югостали брак характеризуется следующими цифрами:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
	В процентах		
По чугуну передельн. рекл.	0,28	0,59	0,35
„ литейному	0,25	0,36	0, 8
„ сортовому железу	0,40	0,40	0,50
„ листовому „	0,11	0,11	0,19
„ кровельному „	0,37	0,39	2,90
„ белой жести	—	1,7	2,08

Положение с браком на заводах по ответственным металлоизделиям для транспорта остается угрожающим: в 1 квартале текущего года по сравнению с прошлым годом не только не имеется улучшения, но по ряду заводов произошло резкое ухудшение (по рельсам: на Надеждинском заводе брак возрос с 26,6 до 33,4%, на заводе им. Дзержинского—с 7,4 до 8,6%; по бандажам: на Луганском заводе—с 12,7 до 18,3%, и т. д.).

Вот что пишет директор Римско-Корсаковской машинно-тракторной станции, характеризуя качество сеялок:

«... Сеялки приходят с завода им. Петровского плохого качества; литье никуда не годное, детали имеют трещину, ее закрашивают на заводе и заведомо негодную шлют на место; дыры не подходят, приходится сверлить дрелью новые, что непосильно, а если гнать в Пугачово, то большой накладной расход, и долго не исполняется заказ, так что придется ждать до 1931 г.; запасных частей нет, даже ключей не кладут. Присланные тележки—без ящиков, хоть грызи зубами; брак достигает 50%. Если бы вы видели—ахнули, не иначе—вредительство там. На этих сеялках не сеять, а держать их в музее вредительства».

«Особо нетерпимым,—говорил т. Куйбышев,—является положение с качеством продукции в угольной промышленности, где процент зольности в первом квартале текущего года по ряду крупнейших шахт достигал 14%, по некоторым шахтам—даже 16%, повышаясь из месяца в месяц. Это тем более нетерпимо, что высокий процент зольности дезорганизует производственный процесс и приводит к авариям оборудования в коксовой промышленности. 14% зольности при производственной программе каменноугольной промышленности на будущий год в 72—73 млн. тонн угля означат, что под видом каменого угля будет добыто свыше 10 млн. тонн—свыше 600 млн. пудов никому не нужной и вредной для производства золы, а нашим железным дорогам потребуется для перевозки этой золы больше 6 тыс. составов. Если же к этому прибавить, что каждый лишний процент золы вызывает больше, чем на 1% повышение себестоимости в металлургии, ухудшение коэфициента использования домен и снижает качество получаемого металла, то нетерпимость повышения зольности будет совершенно очевидной. Нужна настоящая большевистская борьба за качество продукции.

Низкое качество лесных материалов приводит к тому, что сельскохозяйственное машиностроение, на протяжении последних лет, имеет до 40—50% отходов и отбросов от потребляемых лесных материалов. Еще хуже обстоит дело с качеством продукции в отраслях промышленности, производящих предметы широкого потребления. Такие отрасли промышленности, как текстильная и кожевенно-обувная, до сих пор надлежащей борьбы за улучшение качества продукции не ведут, в результате чего брак в ряде случаев достигает огромной цифры — 40%».

Такое положение с качеством продукции, естественно, не может быть дальше терпимо. Низкое качество продукции не только снижает количественные результаты работы промышленности, но и удорожает капитальные работы, усиливая и обостряя товарный голод, сокращая срок полезной службы товаров, повышая себестоимость продукции и т. д.

Вот почему XVI с'езд с такой резкостью заострил эту проблему качества промышленной продукции.

«Особо нетерпимым,—говорится в резолюции XVI с'езда,—является положение с качеством промышленной продукции, которое находится на очень низком уровне и в отдельных случаях имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению. С'езд считает, что в отношении качества продукции должна быть установлена не меньшая ответственность хозяйственных органов, чем за недовыполнение количественных заданий, при чем при составлении промфинпланов по основным отраслям, выпускающим массовую продукцию, должны предусматриваться показатели качества данной продукции. С'езд ставит перед хозорганами, профорганами, парторганизациями, комсомолом, печатью и всей рабочей общественностью задачу вовлечения широких масс трудящихся в работу по решительному улучшению качества продукции и широкое использование для этого таких форм организации труда, как социалистическое соревнование и ударничество».

Нет сомнений, весьма существенную роль в этих неблагоприятных показателях качественной работы промышленности: систематическом отставании снижения себестоимости от плановых заданий, высоких потерях в производстве, ухудшении качества продукции и т. д.—играет острый недостаток промышленности в кадрах. Достаточно сказать, что на 1 октября 1929 года в промышленности насчитывалось 24,1 тыс. специалистов с высшим образованием и 27,5 тыс. со средним образованием. В то же время по нормальным штатам предприятий и учреждений промышленности, составленных исходя из интересов технической целесообразности, нужно было бы в 1929—30 г. специалистов с высшим образованием 84.312, специалистов с средним образованием—113.956.

Иначе говоря, для удовлетворения максимальных потребностей промышленности нехватает инженеров 68% и техников—69%.

Рост потребности резко обгоняет рост втузов и техникумов. До ноябрьского пленума потребность в инженерах на пятилетие исчислялась по промышленности, планируемой ВСНХ, в 47.010 инженеров (по всему народному хозяйству без транспорта—73.010, с транспортом—80.740 чел.).

По пятилетке кадров, разработанной в апреле 1930 г., на основе директив ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) с учетом пересмотренных в сторону увеличения производственных планов промышленности, потребность промышленности ВСНХ СССР в инженерных кадрах исчислена в 176 тыс. человек (с экономистами, без транспортников). Вся существующая и вновь запроектированная сеть втузов СССР, по исчислениям ВСНХ, даст не более 70 тыс. инженеров, в том числе для промышленности не более 58 тыс., что покрывает лишь 33% потребности в инженерах.

Потребность в среднем техническом персонале ВСНХ СССР исчислена в 258,9 тыс. человек. Вся существующая и запроектированная школьная сеть техникумов СССР, по исчислениям ВСНХ СССР, дает 98 9 тыс. человек, или 36% потребности в техниках. Система внешкольных способов подготовки (курсы переподготовки практиков, экстернат, подготовка рабочих-выдвиженцев, школы-предприятия, выпуски третьего концентра школ 8-9- и 10-леток, продвижение на средне-технические должности окончивших ФЗУ и т. п.) должна покрыть значительную часть дефицита и дать 92,3 тыс. человек (33,6%). Общий дефицит, остающийся не покрытым—83 тыс. челов. (30,4%).

По инженерам и техникам вместе получается, таким образом, что при общей потребности в 451,3 тыс. специалистов (включая экономистов, работников научно-исследовательских учреждений, лесного хозяйства и строительства) за четырехлетие 1929—30, 1932—33 гг., покрытие по всем каналам подготовки составляет 300,8 тыс., или 66,8%, из них почти половина—143,8 тыс.—падает на долю внешкольной подготовки.

Нечего и говорить, что такое положение вещей не может быть признано хоть сколько-нибудь удовлетворительным. И перед нами во весь свой рост, во всем своем об'еме и во всей своей остроте продолжает стоять проблема кадров. Пути разрешения этой проблемы решениями партии даны. Нашей задачей должно быть всячески форсировать ее скорейшее разрешение.

* * *

Важнейшим условием и важнейшей предпосылкой разрешения всех поставленных XVI с'ездом партии задач в области индустриализации является дальнейший рост активности рабочего класса, вовлечение все больших масс трудящихся в социалистическое соревнование и ударничество.

За последние годы мы являемся свидетелями неслыханного под'ема активности рабочих масс. Творческая мысль начинает буквально бить ключом. И это, пожалуй, особенно наглядно видно в росте рабочего изобретательства.

Свыше 100 тыс. предложений на 500 предприятиях в 1928 — 29 г. и 80% одобренных предложений свидетельствуют о колоссальном сдвиге и активности рабочей массы. Количество предложений при этом ежегодно растет. Так, например, по текстильной промышленности число предложений в 1928—29 г. увеличилось по сравнению с предшествовавшим 1927—28 г. в три с половиной раза, по угольной—в два с половиной раза, по московской промышленности—в три раза, и т. д. Ценность предложений из расчета годовой экономии тоже возросла в два—три раза при крайне незначительных затратах, связанных с осуществлением рабочих предложений.

Наивысшее свое выражение эта активность широчайших рабочих масс трудящихся нашла в социалистическом соревновании и ударничестве. На 1 января 1930 года, по данным, охватившим 1.413 предприятий с 921 тыс. рабочих, в социалистическом соревновании участвовало 63% от общего количества рабочих. Это свидетельствует о том, что подавляющая масса рабочих с полным сознанием становится в ряды активных участников в деле социалистического строительства. И в этом лучшая гарантия, что стоящие перед нами задачи будут разрешены и притом в более короткие сроки, чем это мы сейчас можем предположить.

На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

«XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации». (Сталин). Такова краткая, чеканная, концентрированная формулировка сущности решающих политических установок XVI партс'езда. Это значит, что на основе всей развернутой на предшествующих этапах работы мы вступили в последний период нэпа, когда поставленная Лениным задача превращения «России нэповской» в «Россию социалистическую» решается с невиданной быстротой, когда мы уже вступили в период социализма, в период уничтожения классов.

> «Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко». (Сталин. Заключительное слово на XVI партс'езде).

Это есть последняя стадия нэпа, когда мы вступили в эпоху окончательного разрешения задач, поставленных перед нэпом. А перед нэпом была поставлена задача победить капитализм, построить фундамент социалистического общества. Приведем всем известное классическое определение сущности нэпа, данное в свое время тов. Сталиным (на XIV партс'езде).

> «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».
>
> «Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами», говорил тов. Сталин в докладе на XVI партс'езде, анализируя вопрос о совместимости нэпа с развернутым наступлением по всему фронту. «Переходом в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются,—но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа». (Политотчет ЦК XVI партс'езду).

XVI партс'езд войдет в историю борьбы пролетариата за социализм как один из ярчайших моментов на пути к окончательной победе над капитализмом внутри нашей страны в результате развернутого наступления по всему фронту и к построению в ближайший период фундамента социалистической экономики во всем хозяйстве СССР.

«Перед нами, — говорил Ленин на XI с'езде партии, — стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики».

Что значит разрешить задачу построения фундамента социалистической экономики?

> «Создать экономическую базу социализма—это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктами сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов». (Сталин. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ в 1926 году. См. сборник «Об оппозиции», стр. 453).

Таким образом, создать фундамент социалистической экономики это значит, во-первых, охватить социалистическими производственными отношениями промышленность и обеспечить ей на такой базе быстрый темп роста, во-вторых, реорганизовать сельское хозяйство также на началах социалистических производственных отношений и обеспечить ему на этой основе быстрый рост производительных сил, в-третьих, создать между городом и деревней отношения социалистического продуктообмена и вытеснить соответственно всему этому из производства и обращения капиталистические элементы. Построить фундамент социалистической экономики, таким образом, означает перестроить все народное хозяйство на началах социалистических производственных отношений, переделав общественные отношения, свойственные мелкотоварному укладу, и ликвидируя кулачество как класс, выкорчевывая самые корни капитализма в СССР. Построить фундамент социалистической экономики, это значит—перейти к такому строю, который бы в основном базировался не на различных системах экономических отношений или укладах, а на одной системе, системе социалистического уклада, и на этой основе двинуться по пути к завершению строительства всего здания социализма, к окончательному уничтожению классов, изживанию классовых различий, двинуться вперед к коммунистическому строю.

Фундамент социалистической экономики по линии крупной промышленности—в основном уже построен. Достаточно указать, что в 1929—30 г. удельный вес частнохозяйственного сектора в продукции крупной промышленности составляет 0,7%. «Капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну» (Сталин, отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)). Именно тем обстоятельством, что по линии промышленности мы уже в основном имеем фундамент социалистической экономики, об'ясняются достигнутые невиданно быстрые темпы ее развития, на основе которых создались условия для социалистического преобразования всего хозяйства. «Всемерное развитие индустрии является ключом преобразования всего народного хозяйства на началах социализма». (Сталин). Социалистическая природа нашей промышленности и вытеснение капиталистических элементов есть решающий фактор для достижения исключительно быстрых темпов роста, которые даже передовым капиталистическим странам кажутся фантастическими. Здесь во весь свой рост уже показали себя преимущества социализма над капитализмом. Эти преимущества все больше выявляются по мере роста социалистической индустрии, по мере непрерывного перехода ее на высшую

ступень. Каждая новая ступень выявляет новые возможности для ускорения роста. Эта закономерность непрерывно повышающейся кривой развития социалистической индустрии в полной мере доказана опытом всех последних лет; она целиком обусловлена ростом социалистических производственных отношений и вытеснением капиталистических элементов, т.-е. построением фундамента социалистической экономики по линии промышленности. При таком фундаменте налицо все предпосылки для дальнейшего ускорения темпа развития нашей индустрии, что дает возможность догнать и перегнать в кратчайшие сроки передовые капиталистические страны. При наличии в основном построенного фундамента социалистических производственных отношений задача социалистической реконструкции промышленности сводится к борьбе за быстрые темпы на основе могущественного развития техники, при одновременном окончательном вытеснении остатков капиталистических элементов. Техническая реконструкция имеет здесь в основном уже готовую социально-экономическую базу.

> «В промышленности, — говорил тов. Сталин в докладе на XVI партс'езде,—которая уже об'единена и социализирована, техническая реконструкция имеет уже в основном готовую социально-экономическую основу. Задача реконструкции состоит здесь в том, чтобы усилить процесс вытеснения капиталистических элементов».

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства отличается тем, что она является сложным сочетанием коренной переделки старого деревенского уклада с технической реконструкцией. Здесь сочетаются величайшая перестройка социально-экономических основ хозяйства с революцией в технике с.-х. производства. Здесь «перестройка технической базы невозможна без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без об'единения мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в нашей стране». (Сталин). Социалистическая реконструкция сельского хозяйства связана далее с вытеснением и ликвидацией кулацко-капиталистических элементов, имеющих базу в виде мелкотоварного производства и удельный вес которых «во сто крат» выше, чем в промышленности. Это не может не вести к отчаянному, ожесточеннейшему сопротивлению их социалистическому наступлению, к бешеной борьбе с пролетариатом, при чем трудности борьбы здесь осложняются благодаря свойственным среднему крестьянству колебаниям. Проведение социалистической перестройки сельского хозяйства, построение в нем фундамента социализма, таким образом, связано с преодолением значительно больших трудностей.

Осуществить социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, построить, вместо мелкого и мельчайшего индивидуального хозяйства, крупное социалистическое земледелие — такова программа гигантского размаха, данная в решениях XVI партийного с'езда. «Судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии).

Широчайшее совхозное строительство, развертывание вслед за зерновыми фабриками крупных совхозов в области животноводства, а также и в других важнейших отраслях, быстрый, вслед за важнейшими зерновыми районами, рост колхозов во всех областях, установка на окончание в основном к концу пятилетки коллективизации СССР, установка на сплошную коллективизацию, — такова практическая программа социалистического строительства в сельском хозяйстве.

«К концу пятилетки коллективизация СССР должна быть в основном закончена и посевные площади колхозов к этому сроку должны покрыть 9/10 всей посевной территории СССР, обрабатываемой ныне индивидуальными хозяйствами». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии).

«Впереди пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы, как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создает условия для полной коллективизации всех областей СССР». (Сталин. Там же).

Революционно быстрый темп строительства социалистического земледелия обеспечивает невиданно быстрые темпы роста производительных сил сельского хозяйства, далеко опережающие не только мелкое хозяйство, но и хозяйство крупно-капиталистическое. На опыте текущего года со всей отчетливостью доказаны преимущества социалистических форм сельского хозяйства, на основе которых достигнуты такие темпы расширения посевных площадей, которые исключены в самой передовой капиталистической стране—САСШ, вооруженной всеми новейшими техническими средствами для ведения сельского хозяйства. Развертывание социалистического земледелия ставит как совершенно реальную проблему «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении сельское хозяйство передовых капиталистических стран и тем самым в корне ликвидировать вековую отсталость нашего сельского хозяйства, *в корне ликвидировать возможности для появления затруднений со снабжением с.-х. продуктами населения и промышленности СССР.*

«*На основе коллективизации, развития машинно-тракторных станций и организации совхозов, партия сможет начать осуществлять лозунг «догнать и перегнать» капиталистические страны мира не только в отношении промышленности*, где преимущества крупного хозяйства уже давно вскрылись с огромной силой, но и *в области сельского хозяйства*, темпы развития которого до сих пор определялись подавляющим преобладанием крайне малопроизводительного мелкого и мельчайшего хозяйства, а теперь будут определяться ускоренным развитием колхозов и совхозов, представляющих собой новый тип хозяйства, невиданный в истории человечества и впервые открытый опытом хозяйственного строительства в СССР». (Из резолюции XVI партс'езда по докладу т. Яковлева).

* * *

На XI с'езде партии, в политическом отчете ЦК, который в последний раз делал тов. Ленин, он говорил:

«Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле действительно «последний и решительный бой»,—не с международным капитализмом, *там еще много будет «последних и решительных боев» — нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить*». (Ленин, том VIII, часть II, стр., 31. Разрядка моя. *И. В.*).

Разве эти слова не являются политическим завещанием Ленина в вопросах об отношении к кулачеству?

Сколько бы ни твердил тов. Бухарин о том, что Ленин в своих последних статьях даже не упоминает о кулаках, факт остается фактом. Во-первых, Ленин с исключительной ясностью учитывал, что «мирная» хозяйственная работа, которую мы развернули на рельсах нэп'а, на самом деле есть ожесточенная борьба капитализма с социализмом.

«На нас не наступают, — говорил он в том же докладе на XI с'езде—с оружием в руках и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз *более ожесточенной и опасной*, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг. Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, *это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть, между капитализмом и коммунизмом*. (Ленин, том XVIII, ч. II, стр. 39. Разрядка моя. *И. В.*).

Во-вторых, Ленин тогда же предвидел, что «*в ближайшем будущем» с кулачеством, т.-е. с капитализмом, «который растет из мелкого крестьянского хозяйства», нам предстоит в ближайшем будущем последний и решительный бой*.

В такой бой теперь, в период развернутого наступления по всему фронту, мы и вступили. Мы вступили в период штурма рабочего класса на кулацко-капиталистические элементы.

Кулачество есть основной, решающий отряд капитализма в нашей стране. Капитализм в городе не имеет производственной базы, а в крупной промышленности капитализм уже побежден.

«Капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну. Ясно, что вопрос «кто-кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм,—уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно». (Сталин. Политотчет ЦК на XVI с'езде).

Кулацко-капиталистические элементы в сельском хозяйстве, где они имеют базу в виде мелкотоварного хозяйства, непрерывно рождающего капитализм, где удельный вес их до последнего времени был в огромной степени выше, чем в промышленности, являются последней силой капитализма; они являются, так сказать, *последней опорой буржуазии в ее борьбе с пролетариатом*. Кулак является приводным ремнем международного капитализма в экономике нашей страны; он является последним оплотом капиталистической эксплоатации в СССР. Отсюда вытекает всемирно-историческое значение лозунга ликвидации кулачества как класса.

«С'езд подчеркивает величайшее историческое значение этого лозунга, означающего штурм рабочего калсса на *последний оплот капиталистической эксплоатации в стране*». (Резолюция XVI партс'езда по отчету ЦК).

Лозунг ликвидации кулачества как класса означает, что мы вступили в последний период борьбы капитализма и социализма внутри нашей страны, когда окончательно решается вопрос «кто-кого» внутри СССР. Вопрос «кто-кого» стоит теперь, прежде всего, в области сельского хозяйства, ибо в промышленности он в основном уже решен в пользу социализма. И когда будет закончена сплошная коллективизация СССР, когда кулачество на этой основе будет ликвидировано как класс полностью, капитализм внутри СССР будет окончательно разгромлен. Вопрос «кто-кого» станет в основном проблемой борьбы международного капитализма с социализмом нашей страны.

Обстановка осени 1929 года характеризовалась быстро нарастающей волной коллективизации. Коллективизация с лета этого года перерастала в величайшее массовое движение миллионов бедноты и середняков, знаменуя коренной поворот середняка к коллективизации, к социализму.

Бурный рост коллективизации, великий перелом в развитии деревни происходил на фоне обостренной борьбы кулацко-капиталистических элементов против всей политики пролетарского государства и против быстро растущих колхозов. Кулачество делало судорожные попытки задержать происходящий великий перелом в развитии советской деревни, задержать развертывающийся решительный поворот середняков к коллективизации.

Решающим лозунгом кулачества являлся лозунг «против колхозов». Кулачество переходило к открытой атаке на все мероприятия пролетарского государства по социалистическому переустройству деревни, используя одновременно методы взрыва рождающихся колхозов изнутри путем проникновения в состав самих колхозов.

Классовая борьба в деревне перерастала в решительный бой капитализма с социализмом при повороте на сторону социализма основных масс крестьянства. Позиции пролетариата в сельском хозяйстве в этот период были прочно закреплены, а позиции кулачества ослаблены, во-первых, наличием уже организовавшихся совхозов и колхозов, давших в 1929 г. уже значительную часть товарного хлеба и позволяющих заменить кулацкое производство и, во-вторых, решительной борьбой с кулачеством, правильной политикой союза с середняком и под'емом политической активности бедноты в результате развернутой с беднотой работы.

Широчайшее движение крестьянства в колхозы на этом этапе в целом ряде районов переходило на ступень сплошной коллективизации. Лозунг сплошной коллективизации ряда передовых районов и областей стал совершенно реальным лозунгом, лозунгом дня.

В речи тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов и в историческом постановлении ЦК от 5 января, исключительно своевременно был сформулирован лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Условия для перехода в наступление по всему фронту и провозглашения лозунга ликвидации кулачества как класса подготовлены были всем предшествующим развитием, и партия правильно выбрала момент для перехода в наступление по всему фронту.

> «Партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту. Об этом говорят растущая активность рабочего класса и небывалый рост авторитета партии среди миллионных масс трудящихся. Об этом говорят растущая активность бедняцко-середняцких масс и коренной поворот этих масс в сторону коллективного строительства. Об этом говорят наши достижения как в области развития индустрии, так и в области строительства совхозов и колхозов. Об этом говорит тот факт, что мы имеем теперь возможность не только заменить кулацкое производство, производством совхозов и колхозов, но и перекрыть его в несколько раз. Об этом говорит тот факт, что мы сумели уже разрешить в основном зерновую проблему и накопить известные хлебные резервы, переместить центр тяжести товарной продукции зерна из области индивидуального производства в область колхозно-совхозного производства. Вот где доказательство того, что партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту и провозгласив лозунг ликвидации кулачества как класса». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии).

Условия для перехода в наступление по всему фронту партия создала лишь в результате борьбы с правым и «левым» оппортунизмом. Разгром зиновьевско-троцкистской оппозиции, предлагавшей партии переход в наступление в условиях, когда не было возможностей заменить кулацкое производство совхозно-колхозным производством, означал разгром авантюристов, проведение политики которых привело бы к срыву наступления, к разрыву с середняком, усилению позиций капитализма, к срыву социалистического строительства. Беспощадная борьба с правыми — предлагавшими в момент, когда создались все условия для успешного наступления, отказаться от наступления, свернуть развернутые темпы индустриализации страны, задержать строительство совхозов и колхозов—есть борьба с капитулянтами, срывающими рост социалистической индустрии, срывающими социалистическую перестройку сельского хозяйства и расчищающими дорогу кулачеству.

И в том и другом случае мы имели бы один и тот же результат: срыв социалистического строительства и укрепление позиций капитализма. Борьба на два фронта: с правым уклоном, являющимся главной опасностью на данном этапе, и с «левым» оппортунизмом, с остатками троцкизма, и борьба с примиренчеством к ним — обеспечила достигнутые успехи в социалистическом строительстве и обеспечит победу социализма в нашей стране.

Лозунг ликвидации кулачества как класса коренным образом менял политику по отношению к кулачеству, означая переход от ограничения и вытеснения капиталистических элементов к ликвидации их на основе сплошной коллективизации. Лозунг ликвидации кулачества означает переход наступления на капиталистические элементы на последнюю ступень, завершающую это наступление, завершающую борьбу с капитализмом внутри страны.

> «Наступать на кулачество—это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс,—говорил тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов. Наступать на кулачество—это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, да ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги».

Переход в такое наступление, переход к такой политике по отношению к кулачеству в самый момент происходящего в деревне великого перелома (что являлось характерным для осени и зимы 1929/30 года), означал сокрушительный удар по кулачеству и его попыткам сорвать коллективизацию. Отчаянное и притом нарастающее сопротивление кулацко-капиталистических элементов развертывающейся коллективизации, бешеная борьба против колхозов своим острием была направлена против вхождения середняка в колхозы. Стремясь повернуть середняка против колхозов, кулачество одновременно делало попытки повернуть его против советской власти вообще. Удар по кулачеству означал удар по всему контрреволюционному фронту, означал удар по основным силам классовых врагов, пытающихся перетащить на свою сторону колеблющуюся часть середняков и сорвать дело социалистического строительства.

Первые решительные схватки в последнем бою с кулачеством, который гениально предвидел Ленин, закончились победой коллективизации и сокрушительным разгромом кулачества, несмотря на частичные неудачи и прорывы, которые мы имели весной этого года. Непреложным фактом истекшей весны является блестящий успех коллективного сева, закрепляющий происходящий великий перелом в развитии деревни, укрепивший и консолидировавший опору советской власти в деревне—миллионные массы колхозников.

Частичные неудачи в колхозном строительстве являлись следствием ошибок и извращений правильной линии партии и, прежде всего, линии по отношению к середняку. Эти ошибки особенное распространение имели в национальных областях и в ряде районов потребляющей полосы. XVI с'езд дает следующий анализ этих ошибок:

> «Эти ошибки и извращения выражались в применении мер принуждения и насилия в отношении середняков и бедняков при построении колхозов; в обобществлении у членов артели мелкого скота и коров, имеющих потребительское значение; в перенесении на незерновые районы темпов коллективизации, оправдавших себя на опыте и предусмотренных решениями ЦК только в отношении зерновых районов; в скороспелом создании коммун без соответствующей материальной и организационной подготовки; в создании под видом колхозов-«гигантов» безжизненно бюрократических организаций, построенных на началах командования; в задержке предназначенных правительством для колхозов кредитов и лишений колхозников представленных правительством льгот; в грубом администрировании по отношению к колхозам и колхозникам и замене выборности назначенством, командованием сверху; в затирании середняка и неиспользовании его хозяйственного опыта; в перенесении на середняка мер борьбы, направленных против кулака («раскулачивание», лишение избирательных прав и т. п.)». (Из резолюции XVI с'езда партии по докладу тов. Яковлева).

Основной сущностью этих ошибок и извращений является подмена политики укрепления союза с середняком при опоре на бедноту и беспощадной борьбы с кулачеством политикой командования в отношении середняка.

> «Эти ошибки вызывают в ряде районов не только антиколхозные выступления, но и в отдельных случаях перерастание их под воздействием кулачества в антисоветские выступления». (Из резолюции XVI с'езда партии по докладу тов. Яковлева).

Кулачество получило в ряде мест возможность вновь стать на ноги и усилить свои позиции в борьбе против коллективизации. В таких условиях важнейшим моментом, обеспечивающим успех наступления, являлось восстановление нарушенных в ряде мест правильных отношений с середняком, ликвидация ошибок, основанных на забвении того, что переход к коллективизации должен происходить на базе союза с середняком, направленного против кулачества.

Своевременно принятые Центральным Комитетом партии меры привели к исправлению ошибок и обеспечили успех коллективизации, обеспечили успех наступления на капиталистические элементы. Решительность ЦК в борьбе с извращениями линии партии расценивалась различными оппортунистическими элементами, как отступление, как провал политики коллективизации и ликвидации кулачества. Вся вздорность подобной болтовни была подчеркнута тов. Сталиным в его статье «Ответ товарищам колхозникам». Эта болтовня является непосредственным отражением надежд капиталистических элементов.

Не отступление, а исправление ошибок в ходе самого наступления, не отступление, а закрепление достигнутых успехов, не отступление, а подтягивание резервов, перегруппировка сил в ходе самого наступления, не отступление, а развернутое наступление по всему фронту, не прекращение действия главного ло-

зунга ликвидации кулачества как класса, а неуклонное его осуществление в районах сплошной коллективизации и решительная подготовка остальных районов для перехода к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, — такова действительность. Успех развернутого социалистического наступления по всему фронту партия обеспечит в борьбе на два фронта, в борьбе с «левацкими» извращениями линии партии и с главной опасностью—правым уклоном.

Правые оппортунисты, мечтающие о социализме без наступления на кулацко-капиталистические элементы, без классовой борьбы, мечтающие о мирном врастании кулака в социализм, *мечтающие о развитии социализма в порядке самотека*, — должны быть разгромлены до конца. Позиции правых, ведущие к капитуляции перед кулачеством, перед капитализмом, являются позициями, которые *об'ективно служат делу капиталистической реставрации в СССР*, делу поражения социализма. Правые об'ективно являются подлинной агентурой кулачества внутри партии. Разгром правых есть разгром радетелей кулацких интересов, находящихся внутри партии.

Наступление по всему фронту — такова линия, которую партия осуществляет со всей последовательностью.

Наступление по всему фронту—таков девиз на боевых знаменах большевизма.

Наступление по всему фронту — такова программа и генеральная установка партии на предстоящий период и таково условие для преодоления всех стоящих перед нами трудностей.

⁂

> «Значительная часть *середняцкой массы* в важнейших зерновых районах, вслед за бедняками, поняла преимущества крупного общественного хозяйства, об'единившись добровольно в колхозы и проведя сев на коллективных полях, и *повернула* на социалистический путь. Тем самым не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата *непосредственного перехода* от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству». (Из резолюции XVI с'езда).

Это положение является отражением тех успехов всемирно-исторического значения, которых добилась партия за последнее время. На всем предшествующем этапе в развитии нашего хозяйства мы имели развертывание мероприятий, которые обеспечивали создание условий для происходящего теперь великого перелома. В 1921 г. при переходе к нэпу мы не имели условий, обеспечивающих непосредственный переход мелкого хозяйства к социализму, ибо этим условием является, прежде всего, наличие могущественной социалистической промышленности «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». (Ленин). Именно поэтому тогда стоял вопрос о под'еме мелкого хозяйства с неизбежным *на известный срок* выделением капитализма, как стихийного продукта мелкого хозяйства и обмена.

> «Поскольку *мы еще не в силах* (разрядка моя. *И. В.*) осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена». (Ленин).

Ленин со всей отчетливостью ставил задачу создания предпосылок для непосредственной социалистической переделки мелкого хозяйства.

> «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, сорганизовало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство».

В результате развернутой огромной подготовительной работы (быстрый темп индустрии, массовое кооперирование, развитие МТС и совхозов, решительная борьба с кулачеством на основе союза с середняком и развертывание работы по организации деревенской бедноты, разгром троцкизма и беспощадная борьба с правым оппортунизмом и т. д.), мы обеспечили коренной, решающий поворот середняка к коллективизации, прочно обеспечив переход мелкого производства на рельсы крупного общественного, социалистического хозяйства.

В основных зерновых районах в колхозы и притом такие колхозы, как артели, обобществляющие основные средства производства, вступило 40—50% всего числа крестьянских хозяйств. Вырастает новый уклад вместо старого мелкотоварного, вместо старого мелкого товаропроизводителя выросла новая сила—колхозник. Социальная природа середняка, становящегося колхозником, начинает изменяться коренным образом. Вместо мелкого собственника, колеблющегося между капитализмом и социализмом, середняк становится работником коллективного хозяйства, идущим по пути постепенного изживания своей природы, изживания свойственных ему колебаний. Отсюда вытекает и изменение политических соотношений между пролетариатом и середняком-колхозником, выражающееся в переходе от лозунга союза с таким середняком к лозунгу опоры на него наряду с беднотой, с полупролетарскими элементами, как главному лозунгу в настоящий период. Необходимо особо подчеркнуть, что это изменение лозунгов находится в теснейшей зависимости от того, что середняк-колхозник из колеблющегося—между капитализмом и социализмом—мелкого буржуа, который благодаря установлению с ним союза, поддерживает политику пролетарского государства, превращается постепенно в врага капитализма, во врага кулачества. Это превращение середняка обусловлено социальной природой колхозов как формы социалистического хозяйства, как формы, возникающей в обстановке ожесточенной классовой борьбы, как формы, всем своим острием направленной против капитализма, против кулачества, как формы, ведущей деревню к социализму.

Бедняк или полупролетарий является эксплоатируемым слоем, сохраняющим только остатки мелкого хозяйства; он имеет обостренные классовые противоречия с кулаками, зверскими эксплоататорами, против которых он вел и ведет классовую борьбу. Бедняки являются политически наиболее близким пролетариату слоем, на который пролетариат опирался и будет опираться в борьбе с кулачеством. В такой пролетариату политически более близкий слой превращается и колхозник-середняк, составляющий новую прочную опору в борьбе против капитализма, в борьбе за социалистическое переустройство нашей страны. В результате мы имеем невиданное расширение опоры советской власти в деревне.

> «По-новому ставится теперь вопрос об опоре советской власти в деревне. Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации». (Резолюция XVI парт'с'езда по докладу тов. Яковлева).

Иные думают, что новый лозунг об опоре как главный либо снимает, либо умаляет значение лозунга союза с середняком. Мы имеем тенденции недооценивать все значение союза с середняком, направленного против кулачества и являющегося основой перехода к колхозам.

> «В партии, однако, продолжают существовать примиренческие отношения к троцкизму, что, прежде всего, выражается в недооценке союза рабочего класса с середняцким крестьянством. Партия будет вести самую решительную борьбу с этими настроениями». (Из резолюции XVI с'езда по отчету ЦК).

Союз с середняком, как выражение политических отношений рабочего класса и среднего крестьянства, остается не только для незерновых районов, но и для важнейших зерновых, где сохраняется пока еще значительное число неколлективизированных единоличников. Речь идет не о том, что мы изменяем отношения с неколлективизированным середняком, а речь идет об изменении политических лозунгов и политических отношений с тем середняком, который вхождением в колхозы постепенно изменяет свою классовую природу, перестает постепенно быть середняком, как таковым. Мы меняем, следовательно, лозунг союза по отношению к тем середнякам, которые в определенной степени уже перестают быть середняками. Эти слои середняков превращаются из союзников в опору, становятся вместе со всеми колхозниками действительной и прочной опорой советской власти. Но по отношению к неколлективизированному середняку лозунг союза с ним против кулака остается в полной мере. Именно этот принцип союза с середняком, союза, направленного против кулачества, против капитализма, является основой колхозного движения, основой для перехода неколлективизированных индивидуальных хозяйств на рельсы коллективизации.

«Лозунг союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняком определяет развитие деревни до ворот колхоза». (Яковлев, доклад на XVI партс'езде). Таким образом, лозунг, об опоре на колхозника есть лозунг новой эпохи в развитии советской деревни, когда на основе решающего поворота основных масс крестьянства к социализму, опираясь на новую выросшую силу — колхозников, мы ускоряющимися темпами идем к полному в ближайшие годы переходу от мелкого хозяйства к крупному коллективному и окончательной ликвидации кулачества как класса.

Превращение середняка-колхозника в опору не означает, что между середняком и бедняком внутри колхоза стирается всякая разница и уничтожаются различия. В колхозах мы имеем процесс возникновения новых производственных отношений, которые ведут к уничтожению всякой эксплоатации вообще. В колхозах с обобществленными средствами производства бедняки и середняки начинают (но только начинают) в корне переделывать свою природу. Однако, внутри колхоза еще сохраняются остатки индивидуального хозяйства, остатки частной собственности на некоторые средства производства (в личном хозяйстве колхозников), при чем середняк обладает большим индивидуальным хозяйством, чем бедняк. Между ними существует неравенство, основанное на разных размерах личного хозяйства, которое коренным образом отличается от неравенства, основанного на распределении по количеству и качеству труда. В результате, как совершенно правильно говорил тов. Яковлев в своем докладе на с'езде, «одни (бедняки) будут быстрее изживать мелкособственнические предрассудки, другие (середняки) медленнее, одни (середняки) больше поддаются кулацкому воздействию, другие (бедняки) меньше, одни (середняки) больше тянут в сторону роста личной части хозяйства, другие (бедняки)—меньше».

В колхозах, таким образом, не достигается сразу, в один присест, переработка частнособственнической психологии. «В артели не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству». (Резолюция XVI партс'езда по докладу тов. Яковлева). Только в результате упорной работы над подведением под колхозы материально-технической базы, путем под'ема культурного уровня всех колхозных масс, создания кадров из среды колхозников, только при руководстве колхозным движением со стороны пролетариата и его партии мы достигнем полной переработки вчерашнего мелкого собственника и окончательного изживания мелкособственнических представлений.

Мы имеем решающий перелом в деле коллективизации нашей деревни. Ближайшие годы будут годами упорной работы над обеспечением дальнейшего роста коллективизации всего СССР, над разрешением задачи полного перехода от мелкого хозяйства к крупному социалистическому земледелию, над коренной переработкой в колхозах частнособственнических представлений вчерашних мелких собственников. Этот глубочайший переворот в нашей деревне неизбежно связан с рядом огромных трудностей, связанных с обостренным сопротивлением социалистическому наступлению и с прямой и косвенной поддержкой остатков капитализма внутри СССР со стороны международной буржуазии. Неуклонно осуществляя линию на сплошную коллективизацию, на ликвидацию на этой основе кулачества как класса проводя во всей своей практической работе в деревне лозунг опоры на колхозника, ведя борьбу с оппортунистами всех мастей, партия обеспечит завершение коллективизации в кратчайший срок.

(Окончание в следующем номере).

С. Лейкин.

Раскулаченный кулак и его тактика*).

> *«Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление продвижению коллективизации».*
>
> *(Из резолюции XVI с'езда ВКП(б).*

Ейский район, Донского округа — район сплошной коллективизации, где завершается процесс ликвидации кулачества как класса.

Тот поворот, который проделала партия в политике в деревне после того, как обозначилось историческое движение крестьянских масс в колхозы, в Ейском районе радикально изменил линию развития сельского хозяйства и начал создавать иной тип аграрных отношений. Господствующей и ведущей формой в экономике района стали колхозы. Они об'единяют в своем составе 93% всех крестьянских хозяйств. Такой огромный структурный сдвиг по-новому поставил вопрос о соотношении между обобществленным и единоличным секторами, о классах, о формах смычки.

Вся обстановка в станицах дышит борьбой. В борьбу втянуты все слои крестьянства, вплоть до тех, кто раньше стоял в стороне или вне политики. Рост колхозов — это коренной и притом крутой перелом в жизни масс. Разумеется, не только со времени проведения политики ликвидации кулачества как класса, а и раньше происходила борьба социалистической и капиталистической тенденций в сельском хозяйстве района, и борьба этих тенденций наложила отпечаток на процессы расслоения. В станицах не происходило «вымывания» среднего крестьянства, наоборот, происходил процесс увеличения середняцкого слоя. за счет уменьшения бедноты, при значительном ослаблении позиций капиталистической верхушки.

Несмотря на это крестьянские хозяйства представляли резко-неоднородную массу. Наряду с 28,8% хозяйств, не имевших ни одной лошади, в районе в 1927 г. насчитывалось 8,8% хозяйств, которые располагали 3-мя, 4-мя и более лошадьми.

Выражением пестроты классовых отношений в станицах являются также данные о товарных излишках у кулацких и зажиточных хозяйств.

Выполнение хлебозаготовок кулацкими и зажиточными хозяйствами в 1929/30 году.

По культурам	Количество хозяйств	Наложено	Выполнено	
		В пудах		В %%
	Кулацких			
По зерновым	805	199.079	162.159	81,5
„ масличным	743	80.907	13.108	16,3
	Зажиточных			
По зерновым	1.715	222.925	179.819	80,2
„ масличным	1.772	102.645	26.182	22,3

---

*) По материалам работавшей в Ейском районе, Сев.-Кав. края, научн. экспедиции Аграрн. института Комакадемии.

У кулацких и зажиточных хозяйств было заготовлено в 1929/30 г. 381.268 пудов хлеба из общей массы 2.019.253 пуд. Это—довольно высокая цифра, если учесть то, что в районе 3 года повторялся недород.

Раскулачивание — разительный, сокрушающий удар по кулаку. Раскулачивание лишает его производственных источников существования, сводит на-нет роль кулацких хозяйств, как производителей товарного хлеба. Однако, для того, чтобы завершить процесс их ликвидации, надо без остатка преодолеть влияние кулачества на неустойчивые слои трудящегося населения деревни. Только при этом условии можно завершить успешно дело окончательного выкорчевывания капиталистических элементов в сельском хозяйстве.

«Разгромив, подрезав корни нашего классового врага, экономически его разорив, мы еще опасности не устранили»,—говорил тов. Андреев на Северо-Кавказской краевой партконференции, ибо «враг продолжает вести, ведет, вел и будет вести с нами самую отчаянную борьбу»...[1]).

Не следует думать, что сопротивление кулачества есть лишь акт отчаяния. Пока кулачество ликвидируется лишь в районах сплошной коллективизации, у кулаков неизбежно остается надежда на реставрацию. Некоторые раскулаченные кулаки изображают процесс раскулачивания, как случайный «зигзаг» в политике партии, который может быть еще изменен и пересмотрен...

Они знают великолепно, где ликвидируется кулачество и в каких районах ведется политика ограничения и вытеснения. Кулаки знают, что мы не ликвидируем пока рыночную форму связей между городом и деревней. Они знают, что существуют еще нэпманы в СССР и капиталисты за границей. Они знают про интервенционистские планы империализма и про то, что последний собирается оружием решать исторический спор между социализмом и капитализмом. Кулаки знают, что в рядах нашей партии имеются правые оппортунисты, которые настроены против, или стремятся свести на-нет лозунг ликвидации кулачества как класса...

И, когда кулак подсчитывает все эти обстоятельства, у него надежды вернуть обратно свои позиции превращаются в попытки к восстановлению своих позиций.

Кулаки являются носителями товарно-капиталистической тенденции в сельском хозяйстве, они присваивают чужой прибавочный труд. Но этой общей формулировкой не исчерпывается характеристика кулачества.

Кулак, прежде всего, продукт развития мелкотоварного производства. Кулаки вырастают из крестьянства и множеством нитей связаны с ним.

Вот почему даже раскулаченные кулаки используют все свои связи с деревней, пишут петиции, ходатайствуют, словом бьются за право жить и командовать деревней.

В своей борьбе против сплошной коллективизации, против своей ликвидации кулачество пытается сохранить остатки своих позиций и опереться на наиболее близкие ему социальные слои. Как это ему удается?

Помимо советского паспорта, каждый казак и иногородний крестьянин имеют еще «категорию», т. е. своеобразный экономический паспорт, в котором обозначена принадлежность его к тому или иному экономическому типу хозяйства. От того, в какую категорию зачислен тот или другой крестьянин — от этого зависит его положение в станице и перспективы его хозяйства. И поэтому процесс установления категорий проходил иногда в обстановке классовой борьбы. Хитростями, искусственным разделом двора и т. п. верхушка деревни боролась за то, чтобы получить категорию пониже с тем, чтобы платить меньше налога, пользоваться большими льготами и иметь больший вес в общественных делах.

Самой почетной категорией в деревне считается «вторая». Очутиться на положении батрака охотников мало, зато числиться в бедняках многие не прочь. В период раскулачивания происходила иногда расшифровка этих категорий. Часто оказывалось, что за второй категорией скрывается настоящий эксплоататор. Естественно, что в Ейском районе не все кулаки имели настоящий кулацкий паспорт. Нет никакого сомнения в том, что часть (правда, незначительная) кулаков еще осталась в станицах и продолжает играть в них роль «социально-взрывчатого вещества».

Раскулачивание в районе начато широко, но еще до конца не завершено. Имеется еще 178 хозяйств «второй категории»—раскулаченных, которые ждут выселения. Раскулаченный кулак—самый злобный и непримиримый враг социалистического строительства. Ему терять нечего, он неистовствует, отчаянно борется,—иногда маскируется, старается проникнуть в колхоз, чтобы взорвать его изнутри.

В Екатериновке и других станицах мы были свидетелями таких случаев, когда на основании выполнения зажиточным устава колхоза, зажиточного переводили в категорию середняка...

Что в состав колхозов проникают чуждые, а иногда прямо кулацкие элементы, с этим фактом мы сталкиваемся в местных партийных документах. Например, в конце 1927 г. бюро Ейского райкома ВКП(б) признало: «при организации колхозов местные ячейки недостаточно обращали внимания на социальный состав колхозов, в результате чего мы имеем большой процент колхозов, засоренных кулацкими элементами (3%)».

Сельскохозяйственная артель им. «Первой пятилетки», — по словам ейской радиогазеты, — обнаружила в своем составе трех братьев Свергуновых, Барнета, Бушмана и Лабизного. Все они оказались главами явно кулацких хозяйств.

При обсуждении этого вопроса «некоторые активисты утверждали, — сообщает радиогазета,—что кулаки положительно относятся к колхозному делу»... Тут же на заседании,—продолжает эта газета,—выяснилось, что «хорошее отношение к колхозу со стороны затесавшихся кулаков—одна видимость. Они не меньше других стараются взорвать колхоз изнутри, распуская явно нелепые слухи, а при случае вредительствуют...».

У кулака в качестве союзника в станицах остались известные социальные группы, на которые он пытается опереться в борьбе против колхозов. Сюда, в первую очередь, нужно отнести так называемых «авторитетов». «Авторитет» не ведет, обычно, никакого хозяйства и в кулаках не числится, но по идеологии он — последовательный борец за реставрацию всех старых дореволюционных порядков. Обычно, роль «авторитетов» выполняют бывшие атаманы. «Авторитет»—человек грамотный, бывалый, читает газеты, знает, что делается в столице, за границей, и поэтому он служит источником политической информации, разумеется, недоброкачественной.

В Широчанской станице «авторитет»—бывший член Кубанской краевой рады, устраивал систематически вечера, на которых возрождались традиции разгульного казачьего быта. В момент перехода к сплошной коллективизации «авторитеты» нашли себя: они стали вожаками антиколхозной борьбы.

---

[1]) «Правда», от 16/VI, 1930 г., № 164.

Орудием кулацкого влияния в станицах осталась, попрежнему, религия.

Недавно по Ейскому району совершил инспекторскую поездку архиерей и после этого в поведении церкви появился больший элемент плановости. Попы всюду выступают с проповедями, посвященными общему положению деревни. Термин «колхоз» прямо не употребляется, но проповедь посвящена ему. Проповеди строятся по одной шпаргалке, преподанной, повидимому, сверху. Приводим образец такой проповеди:

«Вы долго заблуждались (намек на то, что поддерживали советскую власть) и теперь пришло вам наказание (намек на колхоз). Вы ослабли, как дети, телом и душой, вы безвольны (намек на то, что колхоз—планируемое хозяйство), вы должны вернуться к старому (намек на выход из колхоза)»..

Нашей экспедиции приходилось встречать небольшие листовки, написанные от руки одним и тем же почерком, в которых «возвещалось о начале конца жизни на земле»... Церковь устраивает в одно и то же время по всему району молебствия о «ниспослании» дождей, о предотвращении якобы наступающего падежа скота и проч. Все это суммируется не случайно и связывается с появлением колхоза. Церковные мотивы звучат часто в рассуждениях антиколхозниц и в выступлениях подкулачников...

Экономически кулачество разгромлено. Наиболее сильные удары кулачеству нанесены в сфере хозяйственной. У него конфисковано 377 жилых построек и отобрано орудий производства и ценностей на сумму, близкую к полумиллиону рублей.

И все же кулачество даже в районе сплошной коллективизации сохраняет кое-какое влияние, кулачество политически еще окончательно не изолировано, ибо осталась в станицах идеологическая база в виде разного рода тайных агентов и явных подкулачников. Вот почему переход к сплошной коллективизации протекает в обстановке самой обостренной классовой борьбы.

Помимо влияния кулака, крупным фактором, который обусловил обостренную классовую борьбу, является так называемый «задержанный отлив». Накануне весенней кампании в Ейском районе, как во всем Северном Кавказе, был известный отлив части крестьянских хозяйств из колхозов. Поступило около 4-х тыс. заявлений о выходе из колхозов, что составляет 18% к общей массе коллективизированных хозяйств района. Местная партийная организация решила отложить разбор этих заявлений до окончания сева, чтобы не осложнять важнейшей кампании.

Задержка отлива сыграла отчасти положительную роль. Колеблющийся крестьянин получил возможность на большом земельном массиве колхоза в слаженном процессе коллективного труда развеять часть своих предрассудков. Удалось перевыполнить посевной план. Организация боролась за каждого колеблющегося колхозника.

Однако, на фоне этих успехов не видеть отрицательных сторон этого маневра значит — проявлять политическую близорукость.

Внутри колхоза, вследствие задержки отлива, остались антиколхозники. Они воспользовались затяжкой разрешения вопроса об отливе для консолидации своих сил. Оставив в своих рядах элементы, упорно не желающие быть в колхозе, твердо решившие пока вести единолично свои хозяйства, организация тем самым сохранила внутри колхозов элементы разложения.

В силу того, что внутрь колхозов проникла известная часть элементов, враждебных социализму, классовая борьба, элементы которой имеют еще место в колхозах, обострилась в колхозах, хотя здесь борьба приняла своеобразные формы.

В колхозах Ейского района антиколхозники и колхозники весною 1930 года находились и боролись внутри одной и той же организации. Это создало исключительно сложный переплет отношений. Нам приходилось встречать таких членов колхоза, которые растаскивали колхозное имущество, не показывались на работе, нарушали трудовой порядок, вели стравленную ненавистью агитацию против социалистических форм хозяйства и... изображали колхозы как новый вид реставрированной «панщины»...

Раскулаченный кулак и его агентура, чтобы сорвать процесс раскулачивания и сплошную коллективизацию, выработали сложную шкалу «скользящих» лозунгов, меняющихся в зависимости от соотношения классовых сил и общей обстановки в районе. Выработана особая кулацкая «стратегия» борьбы за массы, своеобразная система и «методология» подхода к ним.

Кулацкий агитатор идет в массы чаще всего с лозунгом, обнаженным по своей классовой наготе, который вскрывает истинные пружины действительно происходящей классовой борьбы.

Классовая борьба в станицах Ейского района сконцентрировалась вокруг весеннего сева. Сев в текущем году должен был решить судьбу массового колхозного движения. Это понимали все. «Если колхоз посеет, значит он устоит»,—так рассуждал и кулак. И он поставил своей задачей дезорганизовать, взорвать колхозы именно весной, когда проверяется их способность руководить хозяйственными процессами в деревне.

Вокруг сева кулак разбрасывал не только лозунги, он вел активную вредительскую работу. Еще до сева, когда началось с большим под'емом массовое движение бедняков и середняков в колхозы, по станицам гулял призыв разбазаривать скот, ломать инвентарь и сдавать его на слом. Случаев полома инвентаря было зарегистрировано немного, зато было зарегистрировано значительное количество фактов массового разбазаривания скота. По данным переписи скота на 15 марта 1930 г., лошадей уменьшилось, по сравнению с 1929 годом, на 16,5%, свиней на 65,5%.

К началу весеннего сева были обобществлены основные средства производства членов артелей, но не весь обобществленный скот и инвентарь находился в колхозе; часть лошадей и инвентаря еще оставалась в отдельных хозяйствах. По отношению к ним кулацкие агенты выбросили лозунг: «Не давайте артели ничего, она не сумеет ничего посеять, даром пропадет труд». А тех, кто уже отдал в колхоз свой инвентарь, подкулачники начали подталкивать на то, чтобы они пытались самовольно его забрать.

Этот лозунг получил известный отклик у масс. Начали разбирать лошадей, которые стали в центре борьбы. Насколько активные формы приняла борьба за лошадь, показывает пример станицы Капанской, где из 1916 обобществленных лошадей было уведено 538, или 28%.

Мы привели данные по наиболее неблагоприятной станице. Благодаря настойчивым усилиям местных организаций, поддержанных колхозным активом, удалось все же начать сев колосовых. Колхозники начали появляться в поле. Тогда кулак выбросил другой лозунг: «Не выходите на работу, а те, кто выходит—срывайте работу».

В станице Должанской, в 4-х участках, из общего количества в 1310 дворов не выходило на работу в течение всей посевкампании 167 д., или 13%. В станице Щербиновской не выходило 31,2% дворов, из них бедняков 9,2%, середняков 41,3%.

И хотя в ряде колхозов все хозяйства дружно работали, все же нельзя отрицать того факта, что часть колхозников, в особенности подавшие заявления о выходе, бойкотировали полевые работы и мешали их нормальному ходу.

Кулацкие лозунги все время менялись, «трансформировались». Когда удалось закончить посев колосовых, кулацкие агитаторы пытались начать кампанию против посева технических, особенно против посева тех культур, которые вводились в массовом масштабе в этом году впервые—соя, кенаф.

Несомненно, в лозунге бойкота технических культур, помимо непосредственных целей помешать колхозу, просвечивало еще стремление ослабить сырьевую базу социалистической индустрии...

Иногда образовывались на этой почве «прорывы». Колхоз Девяткинских хуторов не смог справиться с посевом пропашных культур, т. к. значительная масса колхозников поддалась нашептываниям кулацкой агентуры. Тогда беднота Екатериновки организовала ударный трудовой полк из 540 человек, вооруженный 1170 лошадьми, несколькими десятками машин и 5 тракторами. Обеспеченный медицинской и ветеринарной помощью, полк ударников походным порядком прошел 60 километров и принял боевое задание посевной пятерки — помочь Девяткинскому колхозу и другим засеять в 8 дней 1.600 га технических культур.

Тактика раскулаченного кулака в течение последних 2-х месяцев была очень гибкой. Он внимательно следил за ходом посевной кампании, за всеми перебоями, связанными с ней — быстро реагировал, дав яркий образец того, как накануне своей гибели опрокидываемый класс мобилизует остатки своих сил и способностей, чтобы отстоять себе базу для существования. Однако сев закончен успешно.

Всего посеяно 94.426 га колосовых, из них колхозами — 91.829, т. е. 97%. Это — значительная победа социалистического земледелия. Организованность передовых колхозников, их трудовое напряжение дали возможность перескочить через барьер кулацких маневров. Это не значит, что борьба кончилась. Она продолжается вокруг основного вопроса: по какому пути должна развиваться деревня: по социалистическому или капиталистическому?

⁂

Кулаки, зная всю силу ненависти трудящихся крестьянских масс к помещичьему хозяйству, буквально танцуют на этом чувстве, пытаясь установить черты внешнего сходства между колхозом и крупно-помещичьим хозяйством. «Там были приказчики, здесь их много. Там все было у хозяина, теперь все в колхозе. Там мы были подневольны — и тут не свободны...» А вывод напрашивается: колхоз—это новая панщина, в лучшем случае, это—новый тип государственного хозяйства, но ни в коем случае не добровольное кооперативное об'единение бедняков и середняков. Вот почему в нашей массовой работе в деревне надо усиленно подчеркивать решение XVI с'езда партии, что «колхоз является добровольным об'единением крестьян, созданным на средства самих крестьян». Понятно, проведение принципа добровольности отнюдь не предполагает ослабления большевистского руководства колхозным движением и борьбы за каждого колеблющегося.

Один подкулачник выступил на массовом собрании актива в станице Екатериновке и заявил: «Революция дала нам землю, волю и хорошую жизнь. Теперь, когда появились колхозы, у нас все это забрали. Земли у нас уже своей нет, она общая. Воли — тоже, — нами командуют колхозные приказчики, и хорошей жизни нет, потому что пошла междоусобица среди крестьян...». Эту мысль, будто восстанавливаются старые, чуть ли не дореволюционные отношения, кулацкие агенты варьируют по-разному. Из факта обобществления основных средств производства они подводят крестьян к выводу, будто бы новый этап социалистического строительства в деревне есть обезземеливание крестьянства и его массовая пролетаризация...

Один подкулачник в сжатой форме сформулировал это положение таким образом: «Благодаря революции мы приобрели себе собственность, а теперь нас от нее освобождают». Наша экспедиция была свидетелем частых и оживленных дискуссий на крестьянских собраниях, посвященных вопросу, чем была по своим социальным устремлениям и по содержанию наша революция: буржуазно-демократической, антифеодальной или социалистической революцией. Таких терминов казаки, правда, не употребляют, но их дискуссии непосредственно примыкают к этой проблеме.

Основные массы деревни процесс образования колхозов связывают с определенным историческим поворотом в развитии СССР. Налицо только разная оценка этого поворота.

Кулак и подкулачник утверждают будто бы новый этап революции направлен против интересов трудящихся деревни.

Мотивы кулацкой агитации сливаются и являются часто органическим продолжением лозунгов право-оппортунистической оппозиции. Кулацкие агенты часто твердят, что основой хозяйственного развития является земледелие: «Без машин прожить можно, а без хлеба нельзя. Население в городе увеличивается, растет число рабочих и служащих. Чтобы их обеспечить, государство создает колхозы с целью наиболее быстрой перекачки хлеба. Нам на шею сажают нахлебников, а нас не обеспечивают»...

Чтобы обосновать утверждения, будто колхозы являются своеобразной формой государственного хозяйства, кулацкие агенты обычно ссылаются на разбухший канцелярский аппарат в колхозах. «Людей насадили, они должны все учесть, за всем уследить, чтобы лучше поставить эксплоатацию (!) крестьянства». Нехватает только термина «военно-феодальная»...

Кулацкий агитатор развертывает иногда законченную программу правых—аграризация страны и отказ от политики быстрого темпа индустриализации.

Все разговоры об избытке внимания к рабочим, которые усиленно ведутся кулацкой агентурой в станицах, имеют один смысл: дискредитировать политику быстрого темпа индустриализации и доказать крестьянину, что в советской системе крестьянство — «эксплоатируемый» класс...

Опыт работы экспедиции Аграрного института Комакадемии показал, что между требованиями правых в партии и лозунгами кулацких элементов существует прямая связь. В несколько видоизмененной словесной оболочке и в законченном виде кулаки повторяют те же лозунги, те же аргументы и те же слова, которыми оперируют правые в борьбе за свою капитулянтскую платформу...

Правые уклонисты в своих дипломатических и маневренных выступлениях на XVI с'езде партии пытались обойти молчанием тот факт, что они являются об'ективно кулацкой агентурой в партии и их линия «ведет к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны». (Из резолюции XVI партс'езда).

Между тем практика лишний раз подтверждает, что кулак в своей ожесточенной и вероломной борьбе за реставрацию капитализма опирается на платформу и оперирует идеологическим оружием правого уклона.

Кулак и подкулачник, прежде всего, восстают против нашей классовой политики, против тенденции крепить колхозы на путях энергичного наступления на кулачество, против проведения в жизнь лозунга сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

На массовом собрании в Екатериновке 24 марта 1930 г. выступало 6 подкулачников. *Центральной идеей в их речах было лицемерное требование «классового мира» и уравнения кулака с бедняком, зажиточного с батраком.* Один начал с протеста против якобы искусственного деления крестьян на категории: «Кто это выдумал среди крестьян разные классы? До каких пор будет классовый принцип?» (так и говорили «принцип»).

Кулак отчаянно и бешено сопротивляется политике социалистического наступления, пускается на самые рискованные и авантюристские методы борьбы, пытается даже террором остановить рост колхозного движения. Вместе с тем, кулак не прочь поддержать «теорию» правых, будто бы партия искусственно разжигает классовую борьбу в деревне... Предс'ездовские вылазки правых, пытавшихся дискредитировать всю работу партии в деле коллективизации и связанные с ней мероприятия по ликвидации кулачества, были встречены с большим сочувствием в кулацких слоях. Кулацкие агитаторы развертывали на крестьянских собраниях требования правых о непрерывных уступках, о сокращении темпов социалистического строительства, проповедывали теорию «самотека» в колхозном движении и требовали отказа от сплошной коллективизации и ликвидации кулачества. Чтобы реализовать свою платформу, являющуюся базой в решающих моментах идеологии правого уклона, кулацкие проповедники ведут агитацию за то, чтобы вся деревня сплотилась в единое «общенародное» об'единение.

Бедняцко-середняцкому колхозу, руководимому нашей партией, противопоставляется призыв действовать «скопом» (как выражаются в станицах)—лозунг *крестьянской* (по существу кулацкой) *политической партии.* На одном из участков в Екатериновке один подкулачник сформулировал задачи кулацкой партии следующим образом: «город из деревни увозит все и по дешевым ценам. Еще до урожая нам надо организоваться в *союз хлеборобов* и организованно разговаривать с советской властью»...

Особенностью Ейского района является то обстоятельство, что здесь колхозы об'единяют десятки крупных производственных участков, охватывают по 20—30, а иногда и по 40 тыс. га земли. Образование таких больших колхозов не есть увлечение «гигантоманией», а результат исторически сложившихся отношений. Колхоз обычно об'единяет один юрт (так называется станица и прилегающие к ней хутора). Станица — это почти город, в ней бывает по 12 и 17 тыс. населения. Дробить одну станицу на несколько артелей нецелесообразно, и поэтому создается единая артель, с десятком производственных участков, с автономным хозяйственным аппаратом, подчиненным правлению артели. Колеблющийся крестьянин знает, что участки являются составными элементами единого общественного хозяйства, и вот он часто спрашивает: управятся ли колхозники, при чем он тем чаще задает эти вопросы, чем больше он встречает фактов неслаженности, неувязок между отдельными элементами единого артельного хозяйства. Раскулаченный кулак спекулирует на этом недоверии к слишком крупному колхозному об'единению, к колхозу-«гиганту».

В большом ходу среди кулаков и так называемая теория «самотека». Они говорят: «*Нас насильно убеждают,* держат до 5 часов на собрании и сбивают с панталыку». «Не надо, говорил один подкулачник, доказывать, что нужно в колхозы вступать. Пусть вывесят вывеску про колхоз». Сектанты подтверждают: «И в писании сказано, что крестьянин должен сам выбирать, какая форма хозяйства для него лучше»...

Здесь *мы имеем дело с кулацким пониманием принципа добровольности, которое должно привести к ликвидации пролетарского и партийного руководства добровольным движением бедняцко-середняцких масс в колхозы.* Кулак великолепно знает, что в выборе хозяйствования известная часть трудящихся масс деревни *колеблется,* и он хочет, чтобы ему, носителю эксплоататорских отношений, было разрешено во-всю играть на собственнических инстинктах, а пролетариат и партия должны лишь лениво созерцать борьбу «двух душ» мелкого товаропроизводителя...

Когда появилась в Ейском районе статья тов. Сталина «Головокружение от успехов», то не все ячейки сумели развернуть достаточно энергичную раз'яснительную работу. Этим воспользовался кулак, взяв на себя роль «истолкователя» генеральной линии партии.

Перегибы в колхозном движении еще и сейчас продолжают служить темой для разговоров и возбуждения страстей. Кулак использует не только отдельные местные случаи искривления линии партии, но демагогически *играет на их косвенном влиянии.* Когда кулацкий проповедник говорит о перегибах, то он использует не только местные случаи, — он рассказывает о перегибах, имевших место в стране, а также о всех *мыслимых* искривлениях, не нашедших применения, *широко при этом пользуясь* нашей газетной информацией. *Кулацкие идеологи в своей борьбе против колхоза прикидываются «сторонниками» генеральной линии партии, демагогически извращают смысл принципа добровольности колхозного движения с тем, чтобы повернуть его против социалистического строительства и сплошной коллективизации деревни.*

Когда мы употребляем термин «кулацкий лозунг», то мы, прежде всего, выясняем *социально-классовый источник лозунгов классовой борьбы,* интересам какого класса они служат. Основная фигура, на которую раскулаченный кулак опирается, — *подкулачники.* Подкулачники вербуются из всех слоев населения, но основное ядро, при помощи которого раскулаченный кулак оперирует для решения своих основных стратегических задач,—это люди, которые имеют солидный «опыт» и «стаж» антисоветской борьбы.

Вот данные о наиболее злостных врагах колхозного движения одной из станиц:

Служили в контрразведке	7	человек.
Выносили смертные приговоры	2	„
Избивали и пороли трудовое население в годы гражданской войны	5	„
Бандиты	3	„
Участвовали в разоружении органов милиции	20	„
Активно срывали хлебозаготовки	6	„
Срывали собрания бедноты	2	„

Такие кадры *с таким* стажем способны отстаивать интересы кулачества и не очень щепетильны в выборе средств...

Кулак пытается опереться на различные социальные звенья, но, разумеется, там, где ему удается, он с особенной охотой пускает вперед *бедняка.* В станицах все знают наизусть знаменитое ленинское положение, что кулак—это враг, середняк—союзник, а бедняк—опора советской власти. И кулак говорит бедняку: «Ты считаешься опорой, ты самая главная сила у советской власти, тебе и по штату положено брать за глотку вожаков колхоза».

Колхоз стал межой в отношении между классами в теперешней казачьей деревне. Колхоз волнует, он служит темой для речей, вопросов и размышлений. Все слои крестьянства прекрасно понимают, что колхоз коренным образом меняет структуру сельского хозяйства, вырабатывает другой тип общественно-производственных отношений. В деревне понимают, что колхоз несет большие и при том революционные изменения в деревенский уклад, что он является величайшим переворотом в жизни масс.

Крестьяне собираются, обсуждают в группах волнующие их вопросы о колхозе. В таких группках не всегда увидишь коммуниста или комсомольца, зато часто присутствует подкулачник. Он уже обязательно постарается внести элемент разложения. Особенно в «ударе» подкулачник, приехавший из города. Он имеет всегда запас всяких политических басен, нелепых и неестественных. Целую неделю подкулачник оперирует с ними в закоулках, пока кто-нибудь не разоблачит его. Подкулачник часто берет на себя роль толкователя советских законов, статей из газет. Одна северо-кавказская газета вышла как-то с такой шапкой: «Задумайся хлебороб, как тебя втянули в колхоз, насильно или добровольно?». Газета была на руках всех подкулачников. Кого они ни встречали, они предлагали «задуматься», и толковали вопрос газеты, как призыв выйти из колхоза (!)...

Когда появляются признаки заметного недовольства среди масс, кулак и подкулачник применяют более активные формы борьбы. Первое место занимают так называемые стихийные собрания. Собираются в определенные часы возле общественных учреждений. На собрании нет председателей, нет докладов, все говорят, все шумят, все чего-то требуют. Присутствует много женщин. Они выступают резче, ведут себя активнее. Накануне посева колосовых, отчасти и перед посевом пропашных, в нескольких станицах происходили подобные собрания, на которых собирались подавшие заявления о выходе из колхоза. Главным требованием этих собраний было: «Распустить артель» или «раздать инвентарь, лошадей, разобобществить землю». Иногда организаторы пытаются придать стихийным собраниям невинный характер. В Екатериновке 10 мая собралось стихийное собрание в количестве 200 человек. Главарь этого собрания, подкулачник Бутенко, предложил присутствующим выбрать делегацию в стансовет и потребовать, чтобы «вышли власти и дали отчет народу». В «дополнение» к советской общественности кулак пытается создать еще «стихийную» общественность...

* * *

Исключительно высокие формы активности кулака есть ответ на нашу политику ликвидации кулачества как класса.

Одной из форм борьбы кулака с колхозом является агитация за выход из колхоза, агитация за то, чтобы «растащить» колхоз, чтобы воспользоваться хорошим урожаем в колхозе для индивидуального обогащения.

Надо различать выходы из колхоза, которые имели место весной и которые возможно будут летом и осенью. Весенние выходы в основном об'яснялись нарушением принципа добровольности вступления в колхоз, это было выявление «мертвых душ».

Выходы осенью могут являться, с одной стороны, результатом плохой организации дела, результатом отсутствия трудовой дисциплины в колхозе. С другой стороны, будут иметь место выходы, подсказанные кулаком. Тов. Яковлев в своем докладе на XVI с'езде дал четкую установку о недопустимости либерального отношения, потворства выходам такого характера.

Он сказал:

> «Есть выходы, подсказанные кулаком. Кулак ведет войну с колхозом. Немало есть и в колхозах подкулачников, готовых унести с собой 10—15 га засеянной общественным трудом земли, да к этому прихватить своего конягу, свой инвентарь да еще получить к тому же гарантию, что к кулакам их не отнесут. Чем лучше прошел посев, тем больше у таких элементов тяги к выходу, к тому, чтобы использовать первый колхозный посев для индивидуального обогащения. Таких подкулачников нельзя рассматривать иначе, как дезертиров. Всякое либеральничанье, доходящее до готовности в любой момент любому такому дезертиру выделить колхозную землю, несмотря на прямое запрещение устава, надо рассматривать как прямое пособничество кулаку.
>
> ...Людей, которые пытаются крестьян принудить к вступлению в артель, мы рассматриваем, как врагов партии и советской власти, как пособников кулаков. Но вместе с тем в отношении тех, кто вошел в артель, мы говорим прямо: не может быть общего хозяйства без установления элементарной дисциплины...
>
> Ты вошел в артель добровольно, но это не значит, что ты в любой момент можешь ее растащить по своему усмотрению. (Доклад тов. Яковлева на XVI с'езде ВКП(б).

Переключение внимания основных масс колхозников на хозяйственно-организационные задачи требует разряжения элементов классовой борьбы внутри колхозов. Эту задачу нельзя разрешить, не изгнав из колхозов проникших в их ряды тайных и явных агентов кулака, активно борющихся против социалистического строительства. В станицах еще остались хозяйства раскулаченных, они являются питательной базой для всех тех маневров, о которых мы говорили выше.

Довести в районах сплошной коллективизации до конца дело ликвидации кулачества как класса является совершенно настоятельной необходимостью, учитывая «величайшее историческое значение этого лозунга, означающего штурм рабочего класса на последний оплот капиталистической эксплоатации в стране». (Из резолюции XVI с'езда партии).

Довести до конца ликвидацию кулачества в районах сплошной коллективизации, это значит—выявить всех до последнего (в том числе и загримированных кулаков), это значит—закончить до конца их раскулачивание, беспощадно подавлять кулацкий саботаж и вредительство. Это, наконец, значит выбрасывать из партии правых оппортунистов, отказывающихся бороться за генеральную линию и работающих об'ективно на кулака.

Ейск—район, где живут донские и кубанские казаки. Диктатура пролетариата упрочилась здесь в результате долгих лет упорной, кровавой войны. Часть местного населения была базой для формирования белогвардейских банд, а в прошлом большинство служило в казачьих полках, игравших роль опоры буржуазно-помещичьего режима. Станицы, имевшие в прошлом значительные вандейские кадры, повернули на социалистический путь развития.

В колхозах Ейского района зимою 1930 года состояло 93% бедняцко-середняцких хозяйств. Колебания мелких собственников на крутом повороте плюс вредительская активность кулака, помноженная на ошибки местных организаций, привели в марте к значительному отливу. 18% крестьянских хозяйств Ейского района заявили о выходе из колхоза. Все же 75 проц. осталось, осталось после отката, после трехмесячной упорной борьбы кулака за колеблющихся. Значение этого факта нельзя недооценивать.

Если в казачьих станицах самые консервативные в прошлом слои вливаются массовым потоком в колхозное движение, то это также лишнее доказательство наличия глубокого перелома в сторону социализма, происшедшего в последнее время среди середняцких масс.

Ленин не раз повторял свое известное положение, что в революционную эпоху дни и месяцы по своему историческому значению бывают равны годам и десятилетиям мирного развития.

Событием большого исторического значения, которое ускорит победоносное строительство социализма, является процесс превращения середняка-казака, связавшего свою судьбу с колхозным движением в важнейших зерновых районах, из союзника в действительную опору советской власти в деревне.

Изменение социальной природы середняка, которое началось, развертывается и охватит собою в ближайшем развитии большие пласты «центральной фигуры земледелия», целиком соответствует коренным задачам социалистической революции. Для победоносного завершения своей революции рабочий класс подводит материально-техническую базу, развивает крупную индустрию, осуществляет социальную реконструкцию сельского хозяйства и этим самым расширяет социальную базу своего господства.

Крупнейшим политическим балансом, с которым наша партия пришла на XVI с'езд, является интенсивный рост социалистического уклада в сельском хозяйстве, в результате чего «меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический в сельском хозяйстве». (Из резолюции XVI с'езда партии).

Но тут же надо рассеять недоуменное состояние многих оппортунистов: не сразу, не «вдруг», не в один день середняк превратился в опору. Только люди, забывшие азбуку ленинизма и платящие дань революционной фразе, могут думать, что бурный рост коллективизации автоматически снимает все противоречия деревни, вызванные классовым расслоением и господством предрассудков, рожденных мелкотоварным производством.

С муками и болью, в драматическом единоборстве «двух душ», преодолевая колебания и сомнения, свойственные мелкому товаропроизводителю, нарождается новый тип середняка-колхозника—опора рабочего класса. Колхоз формирует этого нового середняка. В артелях, вместо частной собственности на средства производства, имеется коллективная собственность на основные средства производства. Частых межей на полях района мы нигде не встречали, всюду созданы единые, общественные земельные массивы. В колхозах начинает складываться (с борьбою и трениями) новый тип трудовых взаимоотношений. Работают не на себя, а на колхоз. Появляются зародыши планового продуктообмена между городом и колхозом.

Начинают складываться новые формы распределения результатов труда. Стойкий середняк одобряет в основном переход на распределение продукции по качеству и количеству затраченного труда, и колхозные единицы учета труда входят в сознание середняка, как прочная форма распределения, хотя у него имеются к ней некоторые поправки.

> «В артели не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству. В колхозах крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной массы». (Из резолюции XVI с'езда партии).

В колхозе заложены все предпосылки для того, чтобы постепенно, в процессе длительного общения середняков с беднотой, в едином коллективном хозяйстве были устранены противоречия, связанные с материальным неравенством и собственническими предрассудками.

Задача партийных организаций использовать целиком и до конца социалистическую природу колхоза, чтобы середняк-колхозник был сознательным и стойким борцом за социалистические отношения деревни. Решив успешно эту задачу, мы с корнем и без остатка вырвем влияние кулачества в деревне.

Опыт ликвидации кулачества как класса на Сев. Кавказе имеет большое значение для всей партии.

Он показал, прежде всего, что осуществление такого исторического мероприятия, как сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества, не может проходить без затруднений, без обострения классовой борьбы и частичных колебаний середняка.

Преодолеть сопротивление кулака, пресечь его попытки отстоять себя и сохранить влияние в деревне можно лишь методами самого решительного наступления на кулачество, сплочением и организацией бедноты, широким вовлечением середняка в колхозы и их руководящие органы и созданием массовой партийной организации в деревне. Особо важное значение приобретает последняя задача.

«Создание сильных партийных ячеек в совхозах и колхозах, превращение совхозов и колхозов в опорные пункты партработы в деревне... становится необходимой предпосылкой успешной работы партии по социалистической реконструкции сельского хозяйства». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б).

Несмотря на большие трудности при осуществлении практических мероприятий по ликвидации кулачества, опыт показывает, что колхозы способны в самый ближайший отрезок времени заменить производство кулацких хозяйств и перекрыть их производительность. В обстановке самой злостной антиколхозной агитации, вредительства и саботажа, план весеннего сева был выполнен, при чем колхозы С. Кавказа в текущем году дали рекордную цифру: они засеяли 74% всей посевплощади ярового клина.

Таким образом, ставка партии на колхозы, как на производителей товарного хлеба, целиком оправдалась и одновременно рассеялась легенда правых, будто бы страна не проживет без кулацкого хлеба...

В ответ на бешеную активность классовых врагов и их оппортунистической агентуры, XVI с'езд партии в докладе тов. Сталина и в резолюции с'езда выдвинул лозунг развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Это значит, что главным лозунгом партии на весь текущий период остается ликвидация кулачества как класса, окончательное выкорчевывание остатков капитализма в сельском хозяйстве. Осуществление этого лозунга «потребует длительной и упорной борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации и должна развертываться в полном соответствии с осуществлением сплошной коллективизации и как ее неразрывная часть». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б)).

Практика показала, что кулак берет на щит идеологию правого уклона, он законно рассматривает правых, как свою политическую агентуру в нашей партии. Практика обследования нашей экспедицией лишний раз подтверждает, что правые выражают политические устремления враждебного пролетарской диктатуре класса, который борется за реставрацию капитализма. Вот почему нельзя ликвидировать кулачество как класс и завершить сплошную коллективизацию без разоблачения правооппортунистической идеологии, без изоляции и окончательного разгрома правого уклона.

К. Таболов.

Против великорусского шовинизма в вопросах национальной культуры.

> *«Партия должна усилить борьбу с обоими уклонами (великодержавным шовинизмом и местным национализмом) в национальном вопросе и с примиренчеством к ним, усилив одновременно внимание к практическому проведению ленинской национальной политики, изживанию элементов национального неравенства и широкому развитию национальных культур народов Советского Союза».*
>
> *(Из резолюции XVI с'езда ВКП(б) по отчету ЦК).*

Эти несколько строк намечают совершенно правильные перспективы в национальной политике партии на новом этапе. Вместе с тем они отражают итоги громадной работы партии по установлению фактического равенства национальностей. При чем эта работа по установлению фактического равенства велась и должна вестись в дальнейшем путем непримиримой борьбы на два фронта в национальном вопросе в целом и в строительстве национальных культур в частности.

Дело в том, что в числе других тяжелых наследий царизма диктатура пролетариата получила громадное политическое, экономическое и культурное неравенство национальностей. Правда, в ходе революции и гражданской войны, а затем в связи с началом восстановительного периода пролетариат успешно решил задачу установления так наз. формального, прежде всего, политического равенства трудящихся различных наций.

Однако, победивший пролетариат не мог ограничиться в национальной политике установлением только формального равенства. Поэтому с переходом к нэпу партия на своих с'ездах во всю ширь поставила задачу достижения фактического равенства национальностей. При этом было ясно, что фактическое равенство национальностей нельзя установить без длительной и серьезной помощи центра — окраинам, быв. метрополии — быв. колониям, ранее угнетавшей нации — ранее угнетенным нациям.

Следовательно, основная задача национальной политики восстановительного периода заключалась в установлении фактического равенства национальностей. Эта идея проходит красной нитью через все решения X и XII с'ездов партии. На X с'езде в своем докладе тов. Сталин сказал:

> «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) национальностей, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [1]).

---

[1]) «Стенограф. отчет X с'езда партии», стр. 101.

Следовательно, основная задача национальной политики партии—«дать возможность» отсталым народам догнать центральные районы в политическом, культурном и хозяйственном отношениях. Суть национального вопроса заключалась, таким образом, в том, чтобы материально помочь отсталым национальным окраинам догнать передовые районы страны.

Эта мысль в еще более резкой и категорической форме сформулирована в резолюции XII с'езда партии. Там сказано:

> «Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих, или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне» [1]).

На основе этих директив за восстановительный период партия проделала огромную работу по оказанию «действительной и длительной помощи» отсталым национальным окраинам.

Во-первых, для окончательного завершения политического равенства национальностей были образованы независимые и автономные республики, национальные области и районы. Во-вторых, для установления экономического равенства были переброшены фабрики и заводы в республики и автономные области, была оказана большая финансовая и прочая помощь трудящимся отсталых национальностей. В-третьих, для установления культурного равенства партия провела большую работу по выработке и развитию национальных культур трудящихся различных национальностей, создавала школы, клубы и проч. на родном языке.

В деле фактического неравенства национальностей огромное значение имеет культурный момент. Если во всей стране советская власть унаследовала от царизма огромную культурную отсталость, то в национальных окраинах бескультурье нередко доходило до ужасающих размеров. Достаточно сказать, что многие национальности в несколько сот тысяч человек не имели даже своей письменности (чеченцы, ингуши и т. д.), народы больше чем в полмиллиона человек насчитывали только десятки грамотных (туркмены и проч.). Словом, огромное большинство мелких угнетенных наций страны, по существу, даже не имело своих нацкультур в полном смысле этого слова.

Следующие отрывочные цифры показывают культурную отсталость различных национальностей при царизме. Если в 1915 г. на территории, ныне занимаемой РСФСР, охват детей школьного возраста составлял 55,2%, то на территории нынешнего Узбекистана—2%, Дагестана—6,6%, Якутии — 10%, Туркмении — 11,4% и т. д. [2]). При этом вряд ли нужно оговаривать, что в некоторых окраинах и этот процент почти исключительно составляли русские дети. Например, в Туркестане в 1912 году в правительственной школьной сети было в среднем 1,2% детей школьного возраста коренных национальностей. Остальная часть учащихся детей угнетенных национальностей обучалась в религиозных школах.

Царизм, преследуя малейшие попытки создания и развития среди «инородцев» родного языка, письменности, искусства и проч., вместе с тем старался всеми силами их насильственно руссифицировать. Все это вместе взятое создавало небывалую культурную отсталость трудящихся нацокраин, загоняло культурный рост масс мелких народов в тупик.

Именно, поэтому, сейчас же после Октябрьской революции, а особенно в связи с переходом к мирному строительству, проблема культурного развития угнетенных ранее национальностей встала во весь рост. Нужно было создавать школы низшие и средние, прежде всего. Надо было развить письменность, прессу. Далее, необходимо было развивать искусство, музыку и т. д. И встал вопрос,—на какой основе? На основе ли русской культуры — тогда неизбежно неравенство языков, неравенство наций и, по существу, продолжение руссификаторской политики царизма. Партия категорически отвергла этот путь культурного под'ема отсталых национальностей.

---

[1]) «РКП(б) в резолюциях ее с'ездов», стр. 363.

[2]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 270.

Ленинская партия твердо пошла по линии создания школ на родном языке каждой национальности, создания и развития их письменности, создавая и развивая тем самым национальную культуру трудящихся различных народов на основе советов. Эта установка наиболее четко выражена в резолюции X с'езда партии. Там сказано:

> «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [1]).

Осуществляя эти решения, наша партия проделала огромную работу по созданию школ, театров, письменности, по развитию музыки, искусства и проч. трудящихся различных национальностей страны. Партия считала культурный фронт в работе национальных окраин одним из наиболее серьезных участков работы в деле установления фактического равенства национальностей. Вот почему соввласть добилась огромных успехов в деле поднятия грамотности среди трудящихся национальных окраин. Так, с 1920 по 1926 год поднялась грамотность вотяков с 3 до 25%, башкир с 9,2 до 24%, черкесов с 5 до 16% и пр. Далее, с 1924 по 1928 г. количество учащихся на 1.000 душ населения в школах всех типов увеличилось по 8 автономным республикам РСФСР с 56,8 до 85 чел.

Вместе с тем в культурном развитии национальных окраин имеются весьма слабые участки. Так, напр., в 1927—1928 году школой I ступени было охвачено детей фактического школьного возраста — по Союзу 70,1%, Украине—80,5%, Туркменистану—31,1%, Узбекистану—27,6%, по 9 республикам РСФСР — 62,03% [2]). Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Чечня и др.—наши слабые участки на фронте культурного строительства. Надо принять решительные меры, чтобы двинуть вперед отстающие в школьном строительстве республики и нацобласти до уровня передовых районов.

Но самый культурный рост национальностей и задачи дальнейшего их развития поставили в порядок дня вопросы о судьбах национальных культур, об увязке их роста с задачей создания интернациональной культуры социализма. При этом очень многие работники не только центра, но и национальных областей и республик, в том числе выходцы из ранее угнетенных наций, понимали дело создания и развития национальных культур, по преимуществу, как агитационный шаг, не принимали или не понимали подлинную политику партии в деле развития национальных культур. Требовалась большая ясность в решении вопроса о взаимоотношении национальной и интернациональной культуры и пр.

Вопросы взаимоотношений национальных культур переходного периода и интернациональной культуры социализма, а также задачи культурного

---

[1]) «Стеногр. отчет X с'езда партии», стр. 324—325.

[2]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 276.

строительства национальных окраин получили четкую формулировку в докладе тов. Сталина на собрании студентов КУТВ'а. Сталин говорил:

> «Если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей... Пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру» [1]).

В этой формулировке соответствующий пункт резолюции X с'езда партии нашел блестящее по своей глубине и ясности—развитие. Вместе с тем формулировка т. Сталина, воплотив опыт культурного строительства национальных окраин, намечает ближайшие задачи и указывает отдаленные судьбы национальных культур переходного периода. Эта четкая формулировка задач развития национальных культур сыграла громадную роль в проведении и укреплении линии партии.

Однако, политика партии в деле развития национальных культур, выраженная наиболее четко в формулировке тов. Сталина, вызвала атаки со стороны троцкистско-зиновьевской оппозиции. Ваганян, теоретический оруженосец троцкизма по национальному вопросу, подверг резкой критике национальную политику пролетариата, обвинив партию в бауэровщине, в национализме. При этом критика Ваганяна носила ярко выраженный великорусско-шовинистический характер. Устами Ваганяна восстало против ленинской линии партии великодержавное колонизаторство. Ваганяновщина до сих пор является знаменем великорусского шовинизма в вопросах развития, вернее, отрицания развития национальных культур.

Прежде всего, Ваганян и троцкисты выступили против самой национальной культуры. Они полностью отождествили национальную культуру и культуру буржуазии. Ваганян писал:

> «Под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии» [2]).

Итак, национальная культура есть даже не просто культура буржуазии, а культура господствующей буржуазии. Но раз троцкисты стали на точку зрения отождествления буржуазной и национальной культуры, то логически они должны были отвергнуть национальную культуру как культуру буржуазии. Корень ошибки Ваганяна, следовательно, заключается в том, что он не понимает классовой сущности национальной культуры. Ясно, что, с точки зрения Ваганяна, надо было не развивать, а всячески ломать национальные культуры как псевдоним культуры буржуазии.

При этом Ваганян не понял расстановки сил в классовой борьбе вокруг вопросов нацкультуры. Он полагает, что буржуазия за всякую национальную культуру. А между тем факт, что против строительства — национальных по форме, пролетарских по содержанию — культур классовый враг ведет отчаянную борьбу. Характерно, что кулаки и муллы выступают против советской национальной культуры, которую троцкисты окрестили буржуазной, и в противовес выдвигают религиозные школы, преподавание корана, арабскую письменность и т. д. Такие требования они выдвигали еще весной этого года в Борчало, Белоканском районе (Закавказье). Разве не ясно, даже из таких фактов, что если бы лозунг развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур был лозунгом буржуазии, последняя не выступала бы против нее? Разве тот факт, что буржуазно-националистические элементы самых различных наций ведут отчаянную борьбу против строительства советских национальных культур, лишний раз не подтверждает правильность линии партии на развитие национальных культур и колонизаторскую сущность Ваганяна и троцкистов?

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 258—259.

[2]) В. Ваганян. «О национальной культуре», стр. 51.

Решительно отвергнув троцкистско-ваганяновские предложения, партия на XV с'езде еще раз подтвердила необходимость всемерной поддержки и развития национальных культур трудящихся. С'езд особо подчеркнул задачу установления фактического экономического и культурного равенства. В резолюции с'езда сказано:

> «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития и их экономики и культуры» [1]).

Потребовав «более быстрый темп развития» национальных областей и республик, XV с'езд дал тем самым новую, более развернутую формулировку задач установления фактического равенства национальностей. Ибо при том бурном росте хозяйства и культуры, который испытывает Советский Союз в реконструктивный период, нельзя достигнуть фактического равенства национальностей, не установив временного неравенства в темпах развития путем форсирования экономического и культурного роста национальных областей и республик.

Наиболее полная и категорическая формулировка задач пролетарской революции в области развития национальных культур имеется в программе Коминтерна. Программа в числе основных задач пролетарской диктатуры выдвигает:

> «Обеспечение и поддержку всеми силами и средствами советского государства национальных культур освободившихся от капитализма наций при последовательной пролетарской линии в деле развития содержания этих культур» [2]).

Следовательно, программа Коминтерна снова ставит задачей пролетарской диктатуры помощь угнетенным национальностям «всеми силами и средствами». Далее, пролетарская диктатура должна оказывать поддержку в развитии не всякой национальной культуры, а в развитии культур наций, освободившихся от капитализма. И, наконец, эта поддержка должна быть обусловлена всемерным развитием пролетарского содержания национальных культур.

Но можно ли в национальной форме развивать пролетарское содержание? Ваганян на это дает отрицательный ответ. О форме и содержании культуры, Ваганян пишет:

> «Форма культуры не ограничивается ее наружностью, она—ее строение, «ее» закон»,—как говорит Гегель. С этой точки зрения только в обыденном разговоре можно говорить о национальной форме культуры, а научный язык—язык марксистской науки такого дикого сочетания не признает, ибо структура культуры, ее строение (т. е. форма культуры) определяется в конечном итоге не языком и нравами, а классовой борьбой» [3]).

Здесь заложена вторая ошибка Ваганяна. Выше Ваганян отождествил буржуазную и национальную культуру и, таким образом, выступил против строительства и развития культур трудящихся различных национальностей. Тут же Ваганян, по существу, связав национальную форму с определенным классовым (буржуазным) содержанием неразрывной связью,—также выступил против линии партии в вопросах национальной культуры. Ваганян полагает, что раз культура национальная, то она тем самым буржуазная, раз форма национальная, то и содержание должно быть обязательно эксплоататорским.

Но это неверно теоретически, и вредно политически. Верно, что содержание культуры состоит из классовых принципов. Верно, что национальная культура при господстве буржуазии по своему содержанию совпадает с культурой господствующего класса. Но также верно, что национальная форма вполне совместима с социалистическим содержанием, не уничтожается пролетарской революцией, а наполняется новым, тоже классовым, но пролетарским содержанием.

Эта установка наиболее четко выражена в формулировке т. Сталина: Он писал:

> «Мы строим пролетарскую культуру. Это верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова та общечеловеческая культура, которая идет в социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот. Национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму» [1]).

Отвергнув путаницу Ваганяна и колонизаторские установки его—об'явить национальную форму только «облачением» буржуазной культуры и тем самым повести борьбу против национальных культур трудящихся различных национальностей — партия повела еще более интенсивную работу по установлению фактического равенства национальностей на фронте культурного строительства. Партия отвергла политически вредную линию противопоставления национальной формы и пролетарского содержания.

Противники развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур переходного периода обычно прикрываются именем Ленина. Но Ленин, всячески третируя национальную культуру при господстве буржуазии, имел ввиду при этом эксплоататорское, буржуазное содержание культуры, но не национальную форму. Ленин предостерегал от борьбы с национальной культурой «вообще», считал это неправильным.

Вот, что писал Ленин о национальной культуре еще до войны:

> «В каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплоатируемые массы, условие жизни которых неизбежно порождает идеологию демократическую и социалистическую... Ставя лозунг «интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [2]).

Таким образом, Ленин не об'являет войну нацкультуре вообще, а указывает, что при господстве буржуазии в каждой национальной культуре, помимо господствующего буржуазного принципа, имеются «элементы» демократические и социалистические, поскольку в каждой нации есть трудящиеся. По существу, Ленин в каждой национальной культуре отмечал две противоположные культуры, национальную культуру буржуазии и национальную культуру пролетариата. Ленин писал:

---

[1]) «Стенографический отчет XV с'езда», стр 1300.

[2]) «Программа и устав Коминтерна», стр 43.

[3]) В. Ваганян. «О национальной культуре», стр 44—45.

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 257—258.

[2]) Ленин. т. XIX, стр. 43.

> «Есть две нации в каждой современной нации,—скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [1].

Следовательно, по мнению Ленина, при господстве капитализма, кроме господствующей культуры буржуазии, черносотенцев и клерикалов, Пуришкевичей и Гучковых, существовала в качестве «элемента» другая национальная культура, — пролетариата, Чернышевских и Плехановых. Именно поэтому Ленин не мог выступать против национальной культуры «вообще», не мог отождествлять национальную культуру в целом с культурой буржуазии.

Само собой понятно, что после свержения господства буржуазии, при диктатуре пролетариата, классовое содержание национальной культуры, коренным образом изменилось. Национальная культура буржуазии и крепостников, Пуришкевичей и Гучковых, низвергнута, уничтожена и превратилась в «элемент», который все больше и больше сходит на-нет. И напротив, национальная культура пролетариата, Плехановых и Чернышевских и, главное, Ленина, превратилась в господствующую, все возрастающую культуру строящегося социализма.

Таким образом, полностью оправдалось следующее положение Ленина:

> «Значение лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира» [2].

Октябрьская революция коренным образом изменила соотношение классовых сил в стране и в том числе в области содержания национальной культуры. Именно только после Октябрьской революции стало возможным и даже необходимым для пролетариата выдвинуть лозунг развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур различных народов Советского Союза. Да иначе и быть не могло, ибо пролетарская революция, уничтожая эксплоататорское классовое содержание культуры, не может ставить своей задачей ломку и уничтожение национальных форм.

Сейчас ясно для каждого — и это полностью подтвердил опыт нашей революции—что в переходный от капитализма к социализму период нации не только не уничтожаются, но и развиваются, даже формируются новые нации. Весь этот процесс происходит в обстановке классовой борьбы и не в обычных, т.-е. буржуазных, условиях. Процесс развития и формирования наций у нас возглавляет не буржуазия, а социалистический пролетариат. Это единственно правильный путь приобщения трудящихся отсталых наций к социалистическому строительству. А пока существуют и даже возникают нации, не может не существовать и не развиваться советская национальная культура.

Все эти основные вопросы национальной политики получили новое подтверждение и развитие в докладе тов. Сталина на XVI с'езде партии.

В своем докладе тов. Сталин сказал:

> «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявить все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 50.
[2] Там же, стр. 44.

> в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре» [1].

Итак, к единой общей и по форме и содержанию социалистической культуре победившего во всем мире пролетариата, через расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата — такова политика партии. При этом партия никогда не ставила самоцелью развитие национальной формы. Основное для нас—всемерное развитие пролетарского, социалистического содержания культуры.

Какое огромное революционное значение имеют мероприятия партии в деле строительства нацкультур, видно на работе по замене арабского алфавита многих восточных народов СССР унифицированным латинским. Старый арабский алфавит был символом религии, на нем, по преимуществу, издавали священные книги. По существу, это—не массовый рабоче-крестьянский, а кастовый алфавит, доступный узкому кругу интеллигенции и духовенству. Поэтому по инициативе трудящихся отсталых, прежде всего, тюркских народов соввласть взяла курс на замену арабского — латинизированным алфавитом. Вот почему это мероприятие встретило огромное сопротивление со стороны реакционного духовенства и националистической интеллигенции. Так, в Татарии группой интеллигенции в начале введения латинизированного алфавита был подан протест «81» в Обком партии и в Москву. Однако, сейчас совершенно ясно, что латинизированный алфавит неимоверно облегчает массам научиться грамоте, дает им возможность использовать плоды национальной культуры и служит фактором, сближающим национальные культуры народов СССР. Таким образом, латинизированный алфавит—крупнейший фактор по пути развития национальных культур народов СССР и в то же время крупнейший шаг по пути к интернациональной культуре.

Только через развитие национальных культур переходного периода лежит путь к торжеству общечеловеческой культуры социализма. А в эпоху диктатуры пролетариата, когда существуют и даже возникают нации, только в национальной форме может происходить рост и всемерное укрепление пролетарского содержания. Неправ поэтому тов. Луппол, когда пишет следующее:

> «Политика рабочего класса, очевидно (?!), пойдет по пути изживания национально-культурных особенностей,, ибо и они своей каплей увеличивают силу капитализма, раз'единяя и разбивая силы трудящихся» [2].

Это ошибочная, по сути, непартийная точка зрения. Ведь жизнь показала, что политика рабочего класса до сих пор шла вовсе не в направлении изжития национальных культур и культурных особенностей, а, наоборот, их развития. Опыт также показал, что в переходный период лозунг создания и развития национальных культур на основе советов не «увеличивает силу капитализма» и не раз'единяет трудящихся, а как-раз, наоборот, ослабляет силу капитализма, укрепляет позиции пролетариата среди трудящихся, прежде всего, крестьян — самых различных отсталых национальностей. Иначе линия партии на развитие и даже создание национальных культур была бы ошибочной. Давно пора изгнать из литературы взгляды, противоречащие политике партии в области национальной культуры.

В своем докладе на XVI с'езде тов. Сталин сказал:

> «Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма, глубоко ошибаются полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как-раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцве-

---

[1] И. Сталин. «Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр. 85.
[2] И. Луппол. «Ленин и философия», изд. 3-е, 1930 г., стр. 257.

> *та национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме.* Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и ускорением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки национальных культур народов СССР» 1).

Ясно, что это место полностью можно отнести не только по адресу Ваганяка, но и отчасти Луппола и других.

То, что национальные культуры могут развернуться еще с новой силой, показывают цифры о национализации школы. Так, по переписи 1926 года, из учтенных 89 народностей только 26 имели из всего количества грамотных свыше 70% грамотных на родном языке (среди них впереди идут русские—99,7% грамотности на родном языке) и 7 народностей, у которых только ниже 15% грамотных на родном языке (среди них хакасы—только 3% из всех грамотных на родном языке, курды—2,3%).

Далее, в 1927—1928 году в школах 1 ступени родным языком были обеспечены русские дети по РСФСР на 99%, вотяки в Вотской обл.—на 2,7% (русские там же—на 71,5%), калмыки в Калмыцк. обл.— на 8,6% (русские там же—на 99,8%) 2). Эти цифры говорят о том, как мало мы еще национализировали даже начальную школу. Затем они же подтверждают мысль тов. Сталина, что по мере перевода этих школ на родной язык многие национальные культуры получат огромный размах и развитие.

Рост национальных культур имеет пока что огромные резервы. Одним из них является дело культурного роста восточницы. Так, к 1926 году грамотных женщин было у калмыков 3,5%, казаков—3,1%, ингушей—1,7%, чеченцев—0,3%, и т. д. И вместе с тем в 1927—1928 г. школами 1 ступени охвачено из девочек школьного возраста: у калмыков — 24%, у казаков—12,2%, ингушей—11,7%, чеченцев—6,5%. Тут нужна упорная работа против отсталого быта и предрассудков, чтобы восточницу сделать грамотной. А это выполнимо только при всемерном развитии сети школ на родном языке, на базе растущей национальной культуры.

То, что политика отрицания роста и развития национальных культур есть идеология великодержавного шовинизма — нагляднее всего можно показать на высказываниях Ваганяна. Ваганян, отождествивший буржуазную и национальную культуру, об'явивший лозунг развития национальных культур национализмом, нагляднее всего показал свое великодержавное колонизаторство.

В своей книге Ваганян пишет:

> «При таких условиях, когда так узок горизонт, так незначителен опыт, так ограничен размах классовой борьбы, как у ранее угнетенных наций, разумеется, *молодая культура неминуемо подпадает под влияние более сильной, более мощной культуры*, этап, который прошел каждый народ перед тем, как выйти на широкую дорогу. *Интернациональный элемент в культуре великороссов* — лучше было бы сказать на великорусском языке — *чрезвычайно мощный, действительно общечеловеческий*» 3).

Дальше Ваганян прямо отождествляет великорусскую культуру с пролетарской—ратуя за господство «интернациональной культуры великороссов». Следовательно, Ваганян отбрасывает не всякую национальную культуру, а только культуры угнетенных ранее наций, и, напротив, выдавая великорусскую национальную культуру за интернациональную, навязывает ее отсталым национальностям. Ваганян не замечает, как, отстаивая гегемонию «интернациональной культуры *великороссов*», он не только узаконяет национальную культуру, но и отстаивает ее господство.

Ваганян, таким образом, сражается за гегемонию великорусской национальной культуры. Для этой цели он и об'являет войну национальным по форме, пролетарским по содержанию культурам отсталых народов СССР. Чтобы показать великодержавный шовинизм Ваганяна, достаточно привести только одно место из резолюции XII с'езда партии. Там сказано:

> «*Разговоры о преимуществах русской культуры над* культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и проч.) *являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности*» 1).

Таким образом, партия в лице XII с'езда даже «разговоры» о преимуществе русской культуры квалифицирует как попытки закрепить господство великорусской нации. А Ваганян не только разговаривает, но и об'являет войну национальным культурам мелких народов, навязывает им великорусскую национальную культуру и пишет на эту тему целые книги. Разве не ясно после этого, что ваганяновщина есть наихудшая форма великодержавного шовинизма и прямая попытка «закрепить господство великорусской национальности»?

Жизнь показывает, что по мере национализации школ и развития нацкультур значение русской культуры вовсе не умаляется. Напротив, русская культура и язык получают еще большее распространение. И вместе с тем, там, где мы отстаем в деле развития различных сторон национальной культуры, получается прорыв идеологического фронта. Так, например, в Азербайджане в средней школе за недостатком советской литературы учащиеся обращались к муссаватской или турецкой религиозной и контрреволюционной литературе. А буржуазные националисты из преподавателей им в этом охотно помогали. В результате наша школа II ступени выпускала иногда людей, зараженных муссаватской националистической идеологией. Этот пример красноречиво говорит о том, куда бы шел культурный рост молодежи и целых наций, если бы партия не взяла курс на развитие национальных по форме, интернациональных по содержанию культур.

Ошибочно, конечно, отвергать огромное значение ценностей пролетарской по содержанию, национальной по форме великорусской культуры для создаваемых и растущих нацкультур трудящихся различных национальностей. При строительстве национальных культур советов мы должны всемерно использовать помощь и достижения культуры великорусского пролетариата, должны теснее связывать культурное строительство нацокраин с передовым отрядом союзного пролетариата — русским рабочим классом. Решительная борьба с великодержавным шовинизмом Ваганяна и др. должна сопровождаться непримиримой борьбой с местным национализмом за неразрывную связь национальных культур различных советских народов, за господство социалистического содержания национальных культур. Между тем у нас в этой области как на практике, так и в теории сплошь и рядом встречаются грубые ошибки и явные уклоны.

Однако, ошибки и уклоны в деле создания и развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур не могут служить оправданием для охаивания строящихся советских национальных культур. В своем

---

1) И. Сталин. «Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр 84, 85.

2) «Национ. политика ВКП(б) в цифрах, стр. 278, 279.

3) В. Ваганян. «О нац. культуре», стр. 125.

---

1) «РКП(б) в резолюциях ее с'ездов», стр. 363.

докладе в Комакадемии, посвященном проблемам национальной культуры и культурному строительству национальных окраин, тов. Диманштейн говорил:

> «В настоящее время в условиях развития национальных культур у нас наблюдаются некоторые противоречия. В вопросе о слиянии культур это противоречие состоит в том, что, с одной стороны, мы сами ведем очень большую интернациональную воспитательную работу в направлении сближения между национальностями, укрепления их братства, но в то же время мы ведем также в некотором смысле большую национальную работу, волей неволей отдаляющую в известном отношении нации друг от друга, отдаляющую культуру одной нации от культуры другой» [1].

По существу, это — огромная уступка великорусскому шовинизму. В самом деле. Если только в области воспитательной работы мы ведем политику по сближению национальностей, а наряду с этим ведем «большую национальную работу», которая отдаляет одну нацию от другой, одну национальную культуру от другой, то не ясно ли, что линия партии в деле развития национальных культур ошибочна? Именно такой вывод вытекает из всей аргументации тов. Диманштейна.

При этом подобная оценка строительства национальных культур в стране для тов. Диманштейна вовсе не случайна. В той же работе т. Диманштейн о национальных культурах пишет следующее:

> «Культура, которая идет в национальные массы автономных областей и республик, является национальной культурой именно потому, что она приспособляется к тем специфическим бытовым, географическим, климатическим и т. п. условиям, в которых живут массы данной нации... Мы потому по существу и называем эту культуру национальной, что она, благодаря нашей советской системе приспособляется к тем специфическим нуждам, которые создались в данном национальном районе, вследствие целого ряда условий, в том числе и бытовых, и национальных» [2].

Таким образом, у тов. Диманштейна получается оригинальная, по существу, ошибочная концепция в вопросах национальной культуры. С одной стороны, происходит развитие национальных культур, и это приводит к отдалению наций друг от друга, ибо национальные массы не в состоянии обеспечить национальную культуру пролетарским содержанием. Это — процесс отрицательный. В этой связи и находятся заявления тов. Диманштейна о том, что «мы не можем переносить на настоящий период то, что было правильно для другого периода», что «у нас не может быть оправдания для правого уклона», т.-е. политика развития национальных культур была правым уклоном и ее надо отвергнуть. С другой стороны, национальные культуры растут на здоровой основе, поскольку эта культура «идет» в национальные массы, «приспособляется» к специфическим национальным условиям. А что это за культура, которая «идет», «приспособляется» к национальным условиям? Такой культурой может быть только великорусская. Следовательно, формулировка т. Диманштейна, по существу, отвергает национальные культуры народов окраин в пользу великорусской культуры.

Ошибка т. Диманштейна заключается в том, что, во-первых, он не понимает, что та работа, которая проводится по созданию национальных по форме и пролетарских по содержанию культур, не раз'единяет наций, а, напротив, сильно сближает их, образуя тем самым необходимый этап к их окончательному слиянию при социализме. Тот процесс, якобы отделения, на котором настаивает тов. Диманштейн, является кажущимся и имеет место только в национальной форме. А по существу, поскольку пролетарское содержание является основным в каждой культуре советской нации, и именно эта часть национальных культур испытывает наибольший рост при широкой поддержке диктатуры пролетариата—происходит громадный процесс сближения наций и национальных культур. Это—факт бесспорный. Иначе неверна была бы политика партии.

Разбираемая ошибка тов. Диманштейна вытекает из неправильной оценки национальных культур народностей СССР. Диманштейн считает национальные культуры по содержанию не пролетарскими, а только «советизирующимися». При этом т. Диманштейн исходит из того ошибочного положения, что носителем и вдохновителем культур малых народов является мелкая буржуазия, крестьянство в целом, что методологически и политически неверно.

Во-вторых, ошибка т. Диманштейна состоит в том, что он выдвигает новую национальную культуру, которая якобы «идет в национальные массы», а не создается ими в ходе классовой борьбы и социалистического строительства. Выходит, по мнению т. Диманштейна, что национальные массы не могут создавать национальную по форме, пролетарскую по содержанию культуру. А здоровый рост национальных культур происходит постольку, поскольку есть культура «приспособляющаяся», «идущая» в массы со стороны. Так отвергаются национальные культуры окраин и вводится великорусская культура.

Ошибочно, конечно, полагать, что все национальные культуры страны в одинаковой мере насыщены пролетарским содержанием, и что в степени этой насыщенности и пролетарского совершенства между ними существует однообразие. Это неверно. Было бы нелепо предполагать, что в современной национальной культуре тюрков и великороссов одинаково сильно пролетарское содержание и слабы элементы прошлых культур. Если даже современную великорусскую культуру нельзя полностью об'являть пролетарской (разумеется, по содержанию), то тем более этого нельзя сказать в отношении культур наций, у которых нет еще даже пролетариата и пр. Мы стремимся к тому, чтобы пролетарское содержание заняло монопольное положение во всех национальных культурах. Но стремление не есть еще действительность.

Ошибка тов. Диманштейна заключается в том, что он, по существу, отвергает советские национальные культуры малых народов СССР, по сути дела, считает их даже в основном непролетарскими по содержанию. И в этом уже есть элементы великодержавного пренебрежения к современным национальным по форме и пролетарским по содержанию культурам народов страны. Когда же наряду с этим т. Диманштейн выдвигает положение о «внесении правильной идеологии извне», выдвигает лозунг «интернационализации наших национальных культур», то становится ясной неправильность всей позиции тов. Диманштейна. Охаивая культуры малых народов, он им проповедует культуру извне, т.-е. по существу великорусскую культуру. Бросается в глаза, таким образом, известное совпадение позиций у Диманштейна с Ваганяном.

В самом деле, Ваганян считает строительство национальных культур национализмом, бауэровщиной. Диманштейн же полагает, что строительство национальных культур отдаляет нации друг от друга. Ваганян прямо навязывает малым нациям великорусскую культуру. Диманштейн же, проповедуя культуру «извне», говорит, по существу, то же. Не случайно выпал из поля зрения тов. Диманштейна великодержавный шовинизм как главная опасность в национальном вопросе.

Вокруг вопросов партийной политики в развитии национальных культур происходит борьба с уклонами внутри партии. В деле создания и развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур народов СССР происходит также классовая борьба. Ибо вопросы культурного строительства имеют огромное политическое значение

---

[1] «Вестник Комакадемии», № 31, стр. 119.

[2] «Вестник Комакадемии», № 31, стр. 117.

Известно, что Ленин придавал громадное значение грамотности, культуре в деле социалистического строительства. Ленин писал:

> «Безграмотный человек стоит вне политики, его надо сначала научить азбуке, без этого не может быть политики; без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [1].

Итак, «безграмотный человек стоит вне политики». А у нас сейчас есть почти целые беграмотные национальности (чеченцы, туркмены и проч.). Это не значит, что почти целые национальности «стоят вне политики!» Но это уже нетерпимо в эпоху бурного роста социализма, опирающегося на сознательный трудовой энтузиазм масс. Характерно, что в национальных окраинах даже значительная часть партийцев стоит «вне политики!» Например, в Хорезмской окружной организации (Узбекистан) 49% азбучно-неграмотных (а по другим данным даже 60%). Ясно, что такое культурное состояние целых наций и партийных организаций терпеть нельзя. А эти задачи также упираются в необходимость развития национальных культур.

Буржуазные элементы разных наций борются за сохранение эксплоататорского содержания национальной культуры. Идее классовой борьбы и социалистического строительства они противопоставляют мнимые общенациональные интересы, религию и пр. Борясь за создание и развитие национальной культуры на буржуазной основе, муссаватисты, дашнаки, джадиды, алаш-ординцы, султан-галиевцы и проч. борются за буржуазное содержание национальной культуры. Эту линию они стремятся провести в школе, театре, музыке и пр. Затем буржуазные националисты, терпящие поражения в борьбе за буржуазное содержание в национальной культуре, стараются возвести в принцип национальную форму, стремясь всячески уродовать и консервировать ее. В хвосте этих буржуазных элементов плетутся уклонисты, в сторону местного национализма, сдающие позиции классовому врагу. Вот почему всемерное развитие национальных культур сопровождается и должно сопровождаться самой беспощадной борьбой с националистическими уклонами от правильной линии партии.

Строительство национальных культур должно сопровождаться непримиримой борьбой за пролетарскую интернациональную идеологию. Однако, здесь у нас имеются слабые участки. Возьмем школу. Известно, что среди учителей национальных окраин огромное количество выходцев из социально-чуждых слоев. Даже в Татарии в 1927—1928 г. среди учителей школ I ступени было свыше 24% из чуждых, в Кукморской волости Мамадышского кантона 40% учителей—выходцы из торговцев, мулл и проч. (среди них многие с низшим образованием). В Нижегородском крае среди татарских учителей также 40% из чуждых. Ясно, что это затрудняет действительное интернациональное воспитание, тормозит борьбу за пролетарскую по содержанию культуру.

Пролетарские элементы ранее угнетенных национальностей при поддержке союзного пролетариата выдвигают на первый план задачу всемерного вытеснения и окончательной ликвидации остатков буржуазного содержания в их национальной культуре и всемерного развития пролетарского содержания. При этом, поддерживая развитие национальной формы, пролетариат не может возводить в принцип это развитие формы и в то же время не должно иметь места противопоставление формы и содержания советских национальных культур. При строительстве национальных культур надо помнить слова т. Сталина:

> «Расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране, в целях подготовки условия *для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы* **социализма во** *всем мире*» [1].

Путь к окончательному торжеству интернациональной культуры социализма лежит через строительство национальных по форме и пролетарских по содержанию культур переходного периода. Успешное выполнение этой задачи—создания национальных культур советских народов — предполагает непримиримую борьбу на два фронта: против великодержавного шовинизма как главной опасности и против местного национализма. В успешном завершении этой борьбы и строительства национальных культур XVI с'езд партии сыграет крупнейшую роль.

---

[1] Ленин, т. XVIII, часть I, стр. 385.

---

[1] И. Сталин, «Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр. 86.

Г. Смолянский.

Кризис и стачечная борьба пролетариата.

Под'ем экономической борьбы пролетариата в 1928 году был одним из главных показателей нового, третьего периода. Уже тогда пришлось выдержать атаку правых, которые считали этот под'ем экономических боев временным под'емом, являющимся отзвуком прежних больших революционных боев. Правые и примиренцы подчеркивали тогда оборонительный характер этих стачек. X пленум ИККИ отметил продолжающийся рост экономических боев. Но вторая половина 1929 года и начало 1930 года показали в ряде капиталистических стран (в том числе в ряде важнейших стран — Германия, САСШ, Чехо-Словакия, Польша, Индия и др.) значительное снижение как количества стачек, так, особенно, числа бастующих и потерянных рабочих дней. Этим воспользовались правые и троцкисты для того, чтобы с новой силой открыть атаку против установки Коминтерна на развертывающийся под'ем рабочего движения. Правые, троцкисты, а за ними и остальные оппортунистические элементы, оставшиеся внутри коммунистических партий, выдвинули аргумент о том, что в периоды промышленных кризисов никогда не бывало и не может быть под'ема стачечной борьбы, а это, мол, есть основной показатель нового под'ема рабочего движения вообще.

Февральский расширенный президиум ИККИ в своей политической резолюции в главе о стачечной борьбе на это ответил:

> «Развертывающееся ныне во всем мире. на основе борьбы за экономические требования пролетариата, стачечное движение характеризуется тем, что оно все больше развивается помимо и против играющих штрейкбрехерскую роль реформистских профсоюзов. при все более активном участии неорганизованных масс, при все шире распространяющейся в процессе борьбы практике создания массами органов руководства стачками.
>
> ... Возникают в подавляюшем большинстве случаи, как экономические движения, связанные с борьбой либо за повышение заработной платы. либо против снижения ее. Эти стачки в ряде случаев приобретают политический характер, превращаясь в стачки солидарности, стачки защиты увольняемых и преследуемых капиталом рабочих, стачки защиты пролетарских революционных организаций ..
>
> ... В странах, вступивших в кризисную полосу при наличии некоторого снижения экономического стачечного движения в отдельных случаях, продолжающий нарастать революционный под'ем находит выражение. кроме обострения форм экономических стачек, и в других боевых формах массовой пролетарской активности ..».

Со времени февральского расширенного президиума ИККИ прошло почти полгода. Дальнейшее развитие экономического кризиса и стачечные бои, особенно последних двух месяцев, целиком подтвердили этот анализ расширенного президиума.

Это констатировал и XVI с'езд ВКП(б) в резолюции по докладу тов. Молотова.

* * *

Первый вопрос, который возник в связи с мировым экономическим кризисом,—это вопрос о влиянии кризиса на стачки. Здесь целиком сошлись позиции правых и Троцкого. Правые в «Геген дем Штром» не только говорят о невозможности, в условиях кризиса, развернуть экономические бои пролетариата, но вытаскивают старую теорию Каутского о границах профессионального движения (которое обречено, по Каутскому, на переход к обороне с развитием монополистического капитала) для того, чтобы доказать невозможность вообще наступательных экономических боев в нашу эпоху. Троцкий в своих тезисах «О третьем периоде ошибок Коминтерна» заявляет:

> «Из перспективы хронического кризиса ни в коем случае не может вытекать перспектива расширяющихся экономических боев.
>
> Если экономический под'ем во Франции продлится еще год—два (!),— что не исключено, то в порядке ближайшего дня будет стоять прежде всего развитие и углубление экономической борьбы...
>
> При падающей кон'юнктуре, при росте безработицы... рост эксплоатации порождает не радикализацию масс, а, наоборот, упадок духа, разброд и разложение... Серьезный промышленный под'ем был бы во всех случаях не минусом, а огромным плюсом для французского коммунизма... Вассар и Ришета дают представителям капитала неоценимые аргументы против экономических уступок рабочим и, что еще важнее, дают решающие аргументы реформистам против экономических стачек».

В стачечной борьбе последнего периода такие же аргументы нередко выдвигались и внутри коммунистических партий. Так, во время забастовки на текстильной фабрике «Джентльмен» в Лодзи, ЦК КПП пришлось вести решительную борьбу с теорией некоторых товарищей, что в период хозяйственного кризиса нельзя организовать стачечной борьбы.

Каково положение в действительности? Что представляют собой экономические бои последнего года?

Прежде всего, нужно отметить, что годы экономической кон'юнктуры и экономического кризиса после войны не обязательно совпадали с соответственным под'емом и падением стачечной волны. Если в период восходящего развития капитализма до войны и расцвета реформизма профсоюзная (тред-юнионистская) тактика стачек требовала для забастовочного движения наличия высокой кон'юнктуры, то послевоенное стачечное движение носит совершенно другой характер, поскольку мы живем в эпоху кризиса капиталистической системы вообще. Послевоенный период знает три полосы экономических кризисов: первый большой послевоенный кризис 1920—1921 гг., кризис 1924—25 гг. после инфляции (Германия, Польша, Австрия и др.), нынешний мировой экономический кризис. Если мы проследим развитие стачек после войны, то мы увидим, что как раз в годы первых двух кризисов в странах, подверженных этим кризисам, имелось наибольшее стачечное движение. И как раз в годы наибольших успехов частичной капиталистической стабилизации и рационализации стачечное движение пало до самой низкой цифры. В 1926 году, например, в Германии количество стачек было самое меньшее за 33 года. В том же году в Австрии было самое низкое стачечное движение за весь послевоенный период. Эти кризисы следовали за годами революционного под'ема. После победы на политическом фронте буржуазия переходила в экономическое наступление, но пролетариат оказывал еще ожесточенное сопротивление («Черная пятница» 1921 г. в Англии, стачки 1924 года в Германии и др.). Сказывался еще запас энергии революционного периода. Но, несмотря на большой размах, эти экономические бои имели тогда больше оборонительных элементов, чем наступательных. Это было уже переломное движение вниз. Иначе развивалось стачечное движение с конца 1927 года. В 1928 г. рабочий класс переходит в контрнаступление. Это — решающий фактор при оценке современных экономических боев. Но это не значит, что в течение всех последних двух с половиной лет стачечное движение безостановочно и равномерно развивалось вверх. Приходится принимать во внимание трудности под'ема. При оценке нынешнего под'ема рабочего движения не приходится исходить только из экономических боев. Чисто экономических боев становится все меньше и меньше. Стачки все больше сочетаются с революционными демонстрациями, все больше перерастают в бои политические. И тем не менее, несмотря на огромную безработицу, которая, конечно, известным образом влияет на готовность рабочих к частым экономическим боям[1], мы видим в ряде важнейших стран — в Англии, Франции, Китае, Австралии — большой под'ем стачечного движения. В Индии после полугодового перерыва начинается новая волна экономических боев (стачка 30.000 джутовых рабочих в Калькутте, проходящая чрезвычайно бурно; стачка на Великой Индийской железной дороге, — 30.000 чел.). Даже в САСШ, при громадном кризисе в этой стране, число потерянных рабочих дней в результате забастовок в 1929 г., правда, уменьшилось, но количество стачек увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, почти на 40%. Это говорит о том, что стачки сейчас более мелкие, распыленные, эти стачки протекали в крайне ожесточенных формах.

Неравномерное развитие стачек в 1929 году (наиболее ярким выражением которого является стачечная борьба в Англии, с одной стороны, и в Германии, с другой) связано также и с неравномерным развитием капиталистической рационализации. В Германии, где капиталистическая рационализация началась почти на два года раньше, чем в Англии, она соответственно раньше себя исчерпала. Здесь капиталисты подготовляют второй тур рационализации уже на основе исключительного наступления на старые завоевания рабочего класса и путем непосредственного снижения зарплаты. Здесь первая волна стихийного протеста против капиталистической рационализации, поднявшаяся с осени 1928 г., уже прошла. Сейчас германский пролетариат переживает, после некоторого затишья зимою 1929—30 г., переломный период к новым крупным боям. В Англии идет сейчас первая волна протеста против позднее начавшейся капиталистической рационализации.

Весьма поразительным является и тот факт, что за последние два года, при сравнении процентного отношения стачек в отдельных отраслях производства ко всему стачечному движению в целом, сказывается огромный рост стачечного движения, как раз в кризисных отраслях производства и падение числа стачек в тех производствах, которые пока менее были затронуты нынешним мировым экономическим кризисом. Вот отдельные показатели:

I. АНГЛИЯ

Производство	Колич. потер. раб. дней.	
	1928 г.	1929 г.
Угольная пром. . . .	3%	8%
Текстильная пром. . .	50%	82%
Металл. пром.	4½%	9%

II. ГЕРМАНИЯ

Производство	Колич. потер. раб. дней.	
	1928 г.	1929 г.
Угольная пром. . . .	4,3%	2%
Текстильная пром. .	5%	56½%

---

[1] Если, с одной стороны, особенностью нынешних экономических боев является то, что они происходят на под'еме и на фоне общего и кон'юнктурного кризиса капитализма, то, с другой стороны, известное сдерживающее влияние, по крайней мере, на определенном этапе оказывает и кон'юнктурный кризис, но центр тяжести при определении характера боев в первом, а не во втором.

III. САСШ

Производство	Количество стачек.	
	1928 г.	1929 г.
Текстильная пром. . .	10%	14½%
Строительная пром.. .	21%	23%
Металл. пром.	5%	6%

IV. ЧЕХО-СЛОВАКИЯ

Производство	Колич. потер. раб. дней.	
	1928 г.	1929 г.
Угольная пром. . . .	40%	21%
Текстильная пром. . .	5½%	22%

Характерным для Германии является тот факт, что число локаутов по отношению к стачкам уменьшилось почти в 2 раза — с 9½% до 4½% (по отношению ко всему количеству экономических боев).

Как известно, наиболее кризисной промышленностью является текстильная: менее (благодаря зимнему сезону и ряду других обстоятельств) была охвачена кризисом угольная промышленность. И как раз в текстильной промышленности процент стачек повсеместно возрос, а в угольной — понизился.

В значительной степени недостаточное развертывание экономических боев и особенно массовой политической стачки за последний год об'ясняется еще и суб'ективным фактором, тем, что компартии не сумели проявить достаточную активность и инициативу. Политическая линия на самостоятельное возглавление классовых боев компартиями усвоена, — в этом большое политическое достижение последних двух лет, но в организациях весьма силен еще практический оппортунизм, неверие в боеспособность масс, установка на оборону, что является серьезнейшим тормозом в деле развертывания экономических боев.

При оценке теперешних экономических боев и массовой политической стачки следует иметь в виду еще один элемент, а именно — организованное штрейкбрехерство социал-демократии, то, чего не было до войны. Если в первый период после войны социал-демократия в стачках не играла еще открытой, организованной штрейкбрехерской роли, то сейчас картина иная. Мы имеем организованное штрейкбрехерство во всех, и особенно в крупных, экономических боях. Это также следует учитывать при анализе развития экономических боев.

И, наконец, последний вопрос, сюда относящийся, — это вопрос о стачках и локаутах. Некоторые товарищи считают, что только стачки представляют собой выражение под'ема рабочего движения, а локауты означают оборону, упадок движения. Такое представление особенно для настоящего периода в корне неправильно. Если мы возьмем начало третьего периода, момент перелома в рабочем классе, перехода рабочего класса от обороны в контрнаступление, то что мы увидим? Первой крупнейшей борьбой в этом периоде была борьба рурских металлистов, рурский локаут. В рурском локауте впервые обнаружилось контрнаступление рабочего класса. И Коминтерн, и Профинтерн в своей оценке рурского локаута были против брандлерианцев и против примиренцев, которые выставляли эту борьбу, как чистую оборону. Брандлерианцы выступали тогда и говорили о том, что тот, кто считает, что в Руре мы вышли с успехом, что в Руре рабочий класс не потерпел поражения, тот ничего не понимает ни в профсоюзной борьбе, ни в профсоюзной тактике. А между тем это был переломный момент от второго к третьему периоду, это был переход рабочего класса от обороны в контрнаступление. Конечно, предприниматели наступают. Но отличительная черта заключается в том, что это наступление предпринимателей наталкивается на контрнаступление рабочего класса.

Возьмем нынешний локаут шерстяников в Англии. Не есть ли это крупнейшее явление перелома в английском рабочем движении со времени поражения всеобщей стачки и разгрома горняков в 1926 году? Не есть ли это первое серьезное, активное выступление рабочего класса Англии за последние годы? В процессе локаута разве мы не видим, как ведется борьба против снижения зарплаты рабочего класса? Как рабочий класс переходит в контрнаступление? Разве мы не видим здесь впервые активную роль Движения Меньшинства и компартии? Впервые со времени антипрофсоюзного закона мы видим сейчас массовое пикетирование революционным путем, которое ломает антипрофсоюзный закон. Это есть типичный переход рабочего класса от обороны в контрнаступление.

Все крупные локауты, которые мы имели в третьем периоде, неизменно сочетались с переходом рабочего класса в контрнаступление. С другой стороны, разве мы не знаем бесконечного количества стачек, которые являются чисто оборонительными боями. Стоит напомнить то, что писал Ленин о локаутах. В своей статье «Локауты и марксистская тактика» Ленин в 1914 г., во время большого локаута 70.000 рабочих в России, в связи с массовыми протестами против отравления рабочих на «Треугольнике», выступил против меньшевиков — в частности против Мартова — которые тогда развивали теорию о том, что призыв большевиков к стачке солидарности, т.-е. к массовой политической стачке, только затуманивает проблему и «дезориентирует» русский пролетариат. Ленин на это отвечал меньшевикам:

> «Локауты предпринимателей вызываются обострением борьбы (вот как Ленин смотрел на локауты! *Г. С.*) и, в свою очередь обостряют борьбу. И пролетариат, сплачиваясь на борьбе, развивая борьбой и свое сознание, и свою организацию, и свой опыт, приходит все шире и все шире к убеждению, все более и более твердому, в необходимости полного экономического переустройства капиталистического общества».. «Марксистская тактика состоит в соединении различных приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут ко все более глубокому и решительному конфликту».
>
> «Для нас не столь важно, как это называется—стачка или локаут, для нас важно, чтобы выбор момента борьбы был выгоден для рабочих, чтобы он дал возможность мобилизовать массы для борьбы».

Но если необходимо дать резкий отпор тем открытым оппортунистам, которые отрицают возможность стачечной борьбы вообще при наличии экономического кризиса, то, с другой стороны, не менее важно разоблачать и тех оппортунистов, которые свою пассивность скрывают под маской «радикальной» фразы, заявляя, что в условиях экономического кризиса невозможны частичные экономические бои, а лишь очень крупные движения или всеобщие стачки. Подобную аргументацию Коминтерну приходилось уже слышать в самом начале третьего периода. На IX пленуме ИККИ пришлось немало бороться с настроениями в отдельных партиях (например, Кирш и Берлиоз во Франции), что в условиях монополистического капитала вообще невозможны успешные частичные бои пролетариата и необходимо готовиться лишь к всеобщей забастовке. Это было простое повторение Каутского. И сейчас те товарищи, которые отрицают возможность частичных экономических боев при наличии кризиса, фактически проделывают тот же самый путь. Это связано с отрицанием возможности развертывания в условиях кризиса экономических боев вообще. Бывает и так, что на начальном этапе развития экономического кризиса,—как мы видели выше,—стачки несколько суживаются, рабочие более сдержанно относятся при первой волне безработицы и массовых увольнениях к экономическим боям. Но когда рабочие убеждаются, что они упираются в тупик, тогда картина меняется. Мы уже имеем опыт для проверки этого положения. Когда летом безработица в Германии не сократилась и кризис все более разрастается, мы присутствуем сейчас при начале новой полосы крупных экономических боев, свидетельством чего являются стачки в Мансфельде и рурских металлистов.

* * *

Анализ цифровых данных о движении стачек за последние два года показывает большое изменение форм забастовочного движения. Мы видим почти повсеместно значительно больший рост количества стачек, чем числа потерянных дней, там, где в 1929 году шел дальнейший рост стачечного движения. В тех странах, где стачечная волна в 1929 году пошла вниз, мы видим меньшее падение количества стачек, чем числа бастующих и, особенно, потерянных дней (Польша, Германия, САСШ и т. д.). Это говорит о том, что во всем мире стачки стали более короткими и распыленными.

Значит ли это, что в 1929 году рабочий класс перешел снова к обороне и стал менее активен? Значит ли это, что в процессе полевения рабочего класса имеется какой-то серьезный прорыв?

Правые, которые и раньше отрицали переход рабочего класса в контрнаступление, сейчас особенно подчеркивают чисто оборонительный характер стачечных боев пролетариата. Троцкий (в названных выше тезисах) почти дословно повторяет правых:

> «Даже по отношению к чисто экономическому фронту нельзя говорить, как это делают Монмуссо и К°, о наступательном характере борьбы. Они основывают это определение на том, что значительный процент стачек ведется во имя повышения заработной платы. Глубокомысленные вожди забывают, что такая форма требований навязывается рабочим, с одной стороны, ростом цен на жизненные продукты, а с другой—повышением физиологической эксплоатации рабочего вследствие новых промышленных методов (рационализация). Рабочий вынужден требовать повышения номинальной заработной платы для того, чтобы защитить свой вчерашний жизненный уровень... С точки зрения синдикальной политики эти стачки носят чисто оборонительный характер...
>
> Нисколько не улучшает дела указание наших вождей на то, что будто стачки становятся «политическими» вследствие... активной роли в них полиции... Расправа над стачечниками сама по себе имеет, конечно, политическое значение. Но отожествлять ее с революционно-политическим наступленеим рабочих масс—могут только крикуны, бессознательно играющие наруку хозяевам и их полиции».

Некоторые наши товарищи приходят к тому же выводу об оборонительном характере нынешних стачек на основании большого количества забастовок против снижения зарплаты. Так, в Англии, например, в 1929 г. из 420 стачек 39 велись за повышение зарплаты, 81 против снижения зарплаты и 104 по вопросам о безработице (147 разных), следовательно, заключают эти товарищи, стачечное движение 1929 года в Англии носило характер оборонительный.

Это утверждение фактически возвращает нас к спорам периода рурского локаута, т.-е переломного периода. Как раз в Англии, где после всеобщей забастовки мы имели в 1927 г. самое низкое количество стачек за 30 лет (с 1897 г.), где только во второй половине 1928 года начинается стачечное оживление, где в 1929 году налицо действительно бурный рост стачечного движения с большой активностью неорганизованных (явление очень редкое в Англии) против тред-юнионистской бюрократии и «промышленного мира», — мы имеем настоящий перелом и переход рабочего класса от пассивной обороны к активной обороне и контрнаступлению.

Если мы рассмотрим важнейшие стачки 1929—30 гг., то мы увидим следующие характерные черты:

1. Стачечное движение последнего года носит подлинно мировой характер. Совершенно новые территории, самые отдаленные страны мира, совершенно новые слои вовлекаются в стачечное движение (неорганизованные, женщины, подростки, негры, сельхозрабочие, самые глухие колонии). В САСШ—впервые в истории этой страны—начинается забасто-

вочное движение на Юге (нью-орлеанская забастовка и другие). Вовлекаются в широкое забастовочное движение негры. В январе 1930 года, в Калифорнии бастует 8.000 сельскохозяйственных рабочих, главным образом, мексиканцев. На Кубе 20 марта 1930 года происходит 24-часовая всеобщая стачка 200.000 рабочих против безработицы и репрессий в отношении революционного профдвижения. Стачка ярко политическая. В стачке участвуют рабочие сахарных заводов и тростниковых полей, большие массы неорганизованных рабочих, членов «независимых» союзов, и даже желтых. Руководство стачкой в руках красной Национальной Рабочей Конфедерации Кубы.

Новым является большой размах и острый характер стачечного движения в Австралии, где количество потерянных рабочих дней в 1929 г. в 3 раза больше, чем в 1928 году.

В феврале 1930 года в Гваделупе (французская колония) бастуют колониальные рабочие за повышение заработной платы, бастующие нападают на жандармский пикет: 3 жандарма ранены, 1 рабочий убит, 3 — ранено.

В Индо-Китае — на сахарной плантации Фуриен в Кохинкине забастовка протеста по случаю смерти от побоев одного рабочего. Арестовано 100 человек, 800 бежали в джунгли, остальные в марте (1930 года) еще бастовали.

В Порто-Рико в конце января 1930 года бастовало 15.000 рабочих на сахарных плантациях. Забастовка стихийна. Бастовали неорганизованные рабочие, которые требовали восьмичасового рабочего дня.

О Китае и Индии говорить много не приходится. Здесь забастовочное движение связано с общим революционным под'емом в этих странах.

2. Знаменательным является в 1929—30 г. большой рост забастовок солидарности, а также относительно успешный результат забастовок, несмотря на мировой экономический кризис. Точная статистика о забастовках солидарности дается только Унитарной Конфедерацией Труда. Здесь, за период сентябрь 1929 г.—март 1930 г. количество стачек солидарности составляло 14% (больше 70% стачек было за повышение зарплаты). Из 619 стачек за полугодие сентябрь—февраль 435 окончились победой рабочих.

Такая же картина наблюдается почти во всех капиталистических странах Европы и почти по всем отраслям промышленности. Единственная промышленность, где борьба ведется, главным образом, против снижения зарплаты (и против рационализации) является текстильная промышленность; при этом настроение текстильных рабочих очень боевое.

В Бельгии из 25 забастовок горняков в 1929 году было 15 забастовок протеста и солидарности и 10 по вопросу зарплаты. У металлистов (Франция, Германия) весьма большое количество забастовок окончилось победой. У сельхозрабочих из 10 забастовок, известных в 1930 году, 7 было за повышение зарплаты и только одна против снижения зарплаты.

Самые крупные стачки в Румынии, Греции и Польше были стачками протеста и солидарности (Леметр и Лупены в Румынии, горняки Лаврио и Стратоник в Греции, забастовка на текстильной фабрике «Джентльмен» в Лодзи).

3. Упорный ожесточенный характер стачечной борьбы в 1929 году обнаруживается в небывалом вмешательстве аппарата буржуазного государства.

Если в Польше в 1928 году полиция вмешивалась 81 раз в экономические забастовки, то в 1929 году, это было повальное явление. В трех случаях (Пабьяницы, Санок, Олькуш) имели место бурные демонстрации и расстрелы.

В Германии — за время забастовки на фабрике «Рецения» в Силезии—бурная демонстрация бастующих, стрельба и 24 жертвы. Борьба на Оппеле. Остро политический характер имела борьба трубопрокладчиков.

Во Франции — во время стачки в Оденкуре у Пэжо — военное положение. В Бельфоре (забастовка 13.000 текстильщиков и металлистов) столкновения с полицией, много раненых. Комитет солдат 3-го саперного полка и солдаты 35-го армейского полка выразили свою солидарность с бастующими.

Во время стачки в Нью-Орлеане (САСШ) все население выступает на защиту бастующих против полиции: 2 убитых, 100 раненых.

Во время трехмесячной стачки тысячи лесорубов в Канаде (началась в ноябре 1929 года) был применен самый жестокий террор по отношению к бастующим. Убито 2 члена стачкома.

В Швейцарии при забастовке металлистов у Афольтека в Базеле было об'явлено исключительное положение (на основании закона об уличном движении).

Это в «культурных» странах капитализма.

Далее следуют расстрелы в Лаврио, Лупенах и самые свирепые репрессии в колониальных странах, которые для этих стран являются «как бы нормальным явлением» (хотя по размерам своим они, несомненно, значительно превышают то, что было в предыдущем году).

4. Несомненно, новым является как все более заостряющийся политический характер всех экономических боев вообще, так и целый ряд чисто политических стачек, не связанных с общеполитическими кампаниями (1 мая, 1 августа, 6 марта), возникших на почве экономической борьбы или увязывавшихся непосредственно с экономическими требованиями.

Из этих стачек особенно были характерны:

Забастовка у Оппеля (Германия) — против увольнения коммуниста. Забастовка в Берлине на текстильной фабрике в Вайсензи против увольнения члена делегации в СССР.

Забастовка на заводе в Гонтуа, в Сан-Лие (Франция) в середине февраля — против увольнения коммуниста. Забастовка протеста 24.000 парижских цементщиков против ареста руководителей унитарного союза.

Четыре политических забастовки в Австрии — в одном случае против введения «закона против террора», в трех других случаях против принятия на завод фашистов.

Забастовка в Лаврио и Стратониках (Греция) против террора. Горняки Греции впервые за последнее время вступают в борьбу.

Забастовка на Кубе — в защиту революционных профсоюзов.

Весьма интересна первая и, насколько можно судить, единственная пока забастовка копенгагенских печатников с требованием семичасового рабочего дня. В этом именно политическое значение забастовки. Здесь также фактически не было забастовки с 1908 года.

5. Но, пожалуй, самым показательным для определения боеспособности рабочих масс являются вынужденные маневры социал-демократов и профсоюзных бюрократов, которые пытаются даже в некоторых случаях, взять руководство нарастающей активностью масс в свои руки. Надо иметь в виду, что в экономических боях социал-демократам труднее маневрировать, чем в чисто политической области. Здесь они должны немедленно что-то конкретное показать. И, если даже самые реакционные профсоюзные бюрокраначинают разглагольствовать о стачечной борьбе, значит давление масс

действительно велико (при этом нельзя забывать, что возможность маневров социал-демократии определяется и слабостью компартии и революционного профдвижения).

Наиболее симптоматичны в этом отношении маневры германской и английской профбюрократии.

В Германии председатель союза строителей Тарнов — одна из самых влиятельных и реакционных фигур АДГБ—выступает в рейхстаге с заявлением: «Мы нисколько не сомневаемся в том, что германский пролетариат, в особенности профессиональные союзы, не замедлят в силу сложившихся обстоятельств возобновить борьбу за заработную плату». «В Геверкшафтсцейтунг» появляется в последнее время новая рубрика «Экономические бои рабочего класса». Это делает центральный орган АДГБ, который забыл даже самое слово—«стачечная борьба».

В Англии бюрократия союза шерстяников пытается возглавить большую стачку рабочих - шерстяников. Профбюрократы пытались даже в отдельных местах создавать комитеты борьбы, подобные созданным нами. Но именно дальнейшее чудовищное предательство профбюрократов показало, для чего нужны были эти маневры. К сожалению, компартия и Движение Меньшинства не сумели и не смогли противопоставить этому предательству свою собственную организацию борьбы, несмотря на то, что в стачке участвовало 50% неорганизованных.

Весьма характерным с этой точки зрения является появление на сцене Кука и Фиммена. На Стокгольмском конгрессе Амстердамского Интернационала Кук выступил с критикой его руководства, а Фиммен после нескольких лет молчания и деятельного «врастания» в социал-фашизм неожиданно разразился громовой статьей против «левых» голландских с.-д.... конечно, «слева». Это не помешало, впрочем, тому же Фиммену в самое последнее время совершить путешествие в фашистскую Польшу и под любезной защитой самых от'явленных польских социал-фашистов с присущим ему «темпераментом» выступить на митинге в Гдыне—этой главной морской базе польского империализма в будущей интервенции против СССР.

Социал-демократия пытается возглавить нарастающую активность масс для того, чтобы ее обезглавить. Но в то же время это является ярким свидетельством действительного полевения масс. Характерны в этом отношении два факта из опыта 6 марта и последнего 1 мая.

⁂

Как же обстоит с нашим руководством экономическими боями? Здесь надо прямо сказать: если тактика «класс против класса», провозглашенная IX пленумом ИККИ, IV конгрессом Профинтерна и VI конгрессом Коминтерна, более или менее удовлетворительно осуществлена в парламентских выборах, если она в значительной степени (хотя далеко неудовлетворительно) продвинулась вперед при перевыборах фабзавкомов (самостоятельные списки), то в руководстве стачечными боями почти все партии за весьма немногими исключениями, очень мало еще ушли вперед. Здесь именно лежит ключ к об'яснению чрезвычайно слабого темпа продвижения наших позиций на заводах и особенно на крупных предприятиях. Это же является, вне всякого сомнения, основной причиной потери нами целого ряда важнейших позиций на крупных предприятиях во время последних перевыборов фабзавкомов в Германии, поскольку красные фабзавкомы, получившие в прошлом году доверие масс, не оправдали этого доверия, не сумели взять на себя инициативу развертывания, организации и возглавления экономических боев.

Напомним главнейшие этапы за последние два года.

Когда обозначился перелом от второго к третьему периоду, компартии и революционное профдвижение были захвачены врасплох. Во время IX пленума ИККИ и IV конгресса Профинтерна раздавались голоса о невозможности частичных экономических боев при монополистическом капитализме. Во французской УВКТ были даже случаи срыва стачечной борьбы (Унитарный союз горнорабочих) на том основании, что при монополистическом капитале речь может итти, мол, только лишь о всеобщей стачке, и что всякая частичная стачечная борьба сейчас заранее обречена на неудачу. Отсюда возникли грубо-оппортунистические теории,—правда, получившие быстрый отпор со стороны КПФ и УВКТ,—о так называемом «активном реформизме» и «активной обороне». В Германии брандлерианцы выбросили другой лозунг—«Толкайте профсоюзных бюрократов». IX пленум ИККИ и, особенно, IV конгресс Профинтерна взяли решительную линию на самостоятельное возглавление коммунистами и революционным профдвижением экономических боев пролетариата.

Но конкретное содержание в лозунг самостоятельного руководства стачечными боями было вложено после IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна. Непосредственно после VI конгресса Коминтерна, осенью 1928 года, начинается полоса крупных экономических конфликтов в ряде стран (Рур, Лодзь, всеобщая забастовка текстильщиков на севере Франции, забастовка текстильщиков в Мюнхен-Гладбахе и т. д.). Эти бои носят стихийный характер. Организованность слабая. Но борьба уже носит характер встречных боев. Основные проблемы самостоятельного руководства уже ставятся конкретно. В основном они сводятся к трем вопросам:

1. О профсоюзном легализме.
2. О комитетах борьбы (выбираемых всей массой стачкома).
3. О неорганизованных.

В этот период идет ожесточенная идеологическая борьба с правыми и примиренцами. Правые открыто превращаются в штрейкбрехеров, агентов реформистской профбюрократии. Именно на вопросе о новой стачечной тактике происходят измена Гайса и раскол чешских красных профсоюзов.

Затем начинается медленная реализация новой тактики. И если при перевыборах фабзавкомов самостоятельные списки до сих пор встречают еще сопротивление со стороны нашего профсоюзного актива, то здесь практическое осуществление новой тактики встретило наибольшее сопротивление. Здесь оппортунизм на практике оказался наиболее сильным. И это не удивительно, ибо тут непосредственно угрожают материальные лишения, безработица, увольнения и другие репрессии.

Возьмем теперь ряд конкретных примеров руководства экономическими боями компартий крупнейших капиталистических стран Европы.

В наиболее яркой форме нарисованную нами картину развития стачечного движения за последние два года мы находим в Германии. Вначале, в 1928 г., мы имели переход в контрнаступление рабочего класса (рурский локаут, Мюнхен - Гладбах и др.). В этот период произошел открытый переход брандлерианцев к штрейкбрехерской политике. Уже в силу переломного характера, какой носили эти бои для германского рабочего движения, они неизбежно должны были приобрести остро-выраженное политическое содержание.

С весны 1929 года эта первая полоса крупных экономических боев проходит. Стачечные бои сокращаются и, в общем, число потерянных рабочих дней в 1929 г. в четыре почти раза меньше, чем в 1928 г. Стачки этого периода распыленные, мелкие и очень ожесточенные. Экономические бои встречают не только жестокое сопротивление, но и организованное штрейкбрехерство со стороны реформистского профаппарата. В этом отношении наиболее показательным было движение трубопрокладчиков в конце августа 1929 года. Это была первая стачка, которая целиком была подготовлена и руководилась коммунистами. Реформистский союз об'явил стачку «незаконной» и стал поставлять штрейкбрехеров. Из 1.100 штрейкбрехеров было 850 членов реформистского союза и 250 доставленных из провинций. Огромное значение этой забастовки заключалось в том, что она вскрыла ярко-фашистский характер реформистского профаппарата и разрушила много реформистских иллюзий.

Но если в борьбе трубопрокладчиков наше руководство стояло на высоте, то в других стачках этого периода очень сильно давал себя знать оппортунизм на практике. Это было не мало связано с «левыми» сектантскими загибами, свившими себе наибольшее гнездо как-раз в рядах профотдела ЦК КПГ (во главе с т. Меркером).

Наибольшего своего выражения эти сектантские загибы нашли в пренебрежении единым фронтом снизу, в отрыве от членской массы реформистских профсоюзов и от социал-демократических рабочих. На этой почве развились пораженческие теории о пассивности рабочих масс, которая об'ективно, мол, не позволяет развертывать экономические бои. Так было, например, у металлистов, где товарищи не готовились к кампании пересмотра тарифных договоров для многих сотен тысяч рабочих в июне этого года, считая, что профоппозиция недостаточно для этого сильна и подготовлена. Сейчас, с нарастанием сопротивления капиталистическому наступлению на уровень зарплаты в Мансфельде и Руре, эта вредная оборонительная установка уже очевидна для всех. Но уже весною этого года можно было ясно ощущать диспропорцию между об'ективным боевым настроением масс и суб'ективной неподготовленностью значительной части наших профсоюзных функционеров. Это сказалось особенно во время стачки 10.000 швейников, которая охватила 114 городов и продолжалась 14 дней. Здесь часть наших функционеров допустила совершенно неоправдываемую пассивность и давно уже небывалое в КПГ оппортунистическое отношение к реформистскому профаппарату. Наши товарищи допустили, чтобы стачкой руководил реформистский профсоюз. Это был типичный маневр реформистов, который они сейчас применяют по отношению к мелким, распыленным предприятиям и производствам, тем более решительно продолжая тактику фашистского удушения стачечной борьбы в крупном производстве и в крупном предприятии. Для оценки поведения части наших функционеров достаточно указать на то, что писал Штеттинский коммунистический «Фольксвахт» (от 16/IV, 1930 г.):

> «Наступление союза предпринимателей отбито (!)... Для того, чтобы обеспечить сплоченность всего фронта внутри и во вне, штеттинские коллегии решаются... стачку прекратить»..

В том же самом направлении шло развитие стачечного движения за эти два года и во Франции. Франция является единственной крупной капиталистической страной на континенте Европы, где стачечное движение безостановочно нарастало, достигая своего наибольшего размаха в январе 1930 г. Но и здесь первая половина 1929 г. прошла под знаком относительно мелких боев. Затем картина меняется, все большие и большие массы вовлекаются в борьбу, которая охватывает территории раньше никогда не бывшие в бою (Бельфор, бассейн Бриэ, Нанси). Знаменательным является огромный процент участия в стачечном движении металлистов, которые стоят на первом месте по забастовкам (в январе 1930 г. на 159 стачек и 79.581 бастующего приходилось для металлистов—37 стачек и 23.400 бастующих), а также вовлечение в движение государственных служащих (почтовики, служащие таможень). Здесь, несомненно, компартией и унитарными профсоюзами были сделаны значительные успехи в смысле руководства стачками. Старая традиционная распыленность движения понемногу исчезает. Преодолевается и государственный легализм. Наконец, в последнее время—Бельфор (текстильщики и металлисты), Гизе (металлисты)—сделан для Франции значительный и весьма знаменательный шаг вперед в смысле непосредственного вовлечения компартий в активное участие и руководство забастовочным движением и, главное, в смысле признания этого рабочими массами.

Но, вместе с тем, и здесь мы имеем ту же основную слабость—оппортунизм на практике, установку на оборону, а не на наступление, неумение реализовать единый фронт снизу, при одновременно-недостаточном разоблачении социал-фашизма. Сказываются еще синдикалистские традиции, например, неумение и даже нежелание использовать в интересах забастовки парламентскую трибуну (Бельфор). Типичной французской традицией, оставшейся в наследие от синдикалистского периода и очень трудно преодолеваемой, является отсутствие серьезной подготовки к стачке.

Об этих слабостях руководства стачечным движением во Франции мы слышим и заявления самих французских товарищей, начиная от VI конгресса Коминтерна и до сегодняшнего дня: заявление, например, тов. Монмуссо, еще в конце 1928 г., что «движение перекатило через наши головы»; заявление в марте 1923 г. в Политсекретариате ИККИ по докладу французской компартии, что «мы до сих пор еще идем в хвосте экономических боев». И, наконец, в самое недавнее время, Политбюро КПФ в своем письме в Областной Комитет Севера буквально повторяет то, что говорилось еще два года тому назад, что «стачки вспыхивают больше всего вне нашего контроля, что наши унитарные союзы всегда появляются уже потом, захватываемые врасплох, что они пытаются расширить движение, но это чаще всего им не удается».

То же самое — в Чехо-Словакии. Несмотря на экономический кризис, боевое настроение рабочих, несомненно, имеется налицо (хотя количественно стачечное движение и сократилось). Большим достижением в Чехо-Словакии является то, что компартия и революционное профдвижение уже оправились от измены Гайса и других правых ренегатов и взяли решительный курс на самостоятельное руководство экономическими боями. Но на партию и на красные профсоюзы все еще давит гнилое наследство Гайса, традиции которого свили себе прочное гнездо в рядах старых функционеров красных профсоюзов. Так, например, на конференции МКП горняков, в декабре прошлого года, чешский представитель прямо заявил, что около трех четвертей функционеров красного союза горняков фактически против новой тактики. Характерными для Чехо-Словакии явились в последний период сектантские перегибы, которые исходили из глубокой оппортунистической пассивности. В этом отношении буквально классическим явился пример забастовки почти 2½ тысяч стекольщиков в январе этого года в Геплицком районе.

Здесь наше влияние было очень сильно. Забастовка была об'явлена на двух заводах—в Унтер-Рейхенау и Блейштедте—на почве увольнения 400 рабочих. С 1922 года здесь не велось ни одной стачки. Ни местное руководство, ни Центральный Комитет союза стекольщиков к стачке совершенно не готовились. Завком вел оппортунистическую линию, в частности, когда были намечены увольнения, он предлагал уволить неорганизованных и фашистов. Настроение было боевое, но местное руководство, очевидно, не надеялось на готовность рабочих к забастовке и во главе с коммунистическим депутатом парламента Гайбликом пустило в ход средство нажима. Идя по линии наименьшего сопротивления, они в первый же день потушили ванны, благодаря чему должен был остановиться весь завод на 2—3 месяца, что было выгодно предпринимателю. В итоге: забастовка окончилась большим поражением, а красный профсоюз потерял всех своих членов.

Выводы из всего сказанного выше напрашиваются сами собой. В основном они сводятся к следующему:

Под'ем рабочего движения, несомненно, налицо. Компартии и революционное профдвижение, несомненно, сделали значительные успехи в усвоении политических лозунгов новой тактики (комитеты борьбы, отношение к неорганизованным и т. д.).

Но практическое осуществление новой тактики здесь еще больше отстает, чем во всех других отраслях массовой работы компартии и революционного профдвижения. Оппортунизм на практике здесь более силен, чем где бы то ни было. И, поэтому, здесь существует серьезнейшая угроза—при общем абсолютном продвижении вперед—относительно еще большего раздвижения ножниц между об'ективным и суб'ективным фактором, между ростом политического влияния компартии и революционного профдвижения и его организационным охватом. Эта болезнь есть общая болезнь компартии и революционного профдвижения. Мы видим ее не только в описанных нами странах, но и в Польше, и в Англии, и в Соединенных Штатах, и в Китае. Даже в Китае мы шли на местах почти неизменно в хвосте по отношению к «левому» Гоминдану, и только в процессе самой стачечной борьбы линия выправлялась ЦК КПК.

Основная опасность на нынешнем этапе—это установка значительной части наших профсоюзных функционеров на оборону, а не на наступление. Вот почему в области стачечной борьбы более, чем где бы то ни было в другой области, сказывается необходимость беспощадной борьбы на два фронта. Нигде так не видно, что главной опасностью является открытое капитулянтство правых и что «левые» перегибы ведут к отрыву от широких рабочих масс, к сектантству, к той же пассивности и хвостизму.

В. Мицкевич-Капсукас.

Экономический кризис, Польша и лимитрофы.

Экономический кризис в Польше.

В момент временного кон'юнктурного улучшения положения в хозяйстве Польши, после фашистского переворота, с легкой руки тов. Бранда была создана теория, согласно которой молодые государства имеют значительные преимущества перед старыми (как Германия, Англия) тем, что они якобы имеют возможность гораздо успешнее развиваться за счет развития средств призводства, постройки новых железных дорог, новых отраслей промышленности и проч. Действительность полностью опровергла эту теорию. На почве чрезвычайного об'единения трудящихся масс и сужения внутреннего рынка еще в конце 1928 г. Польша вступила в полосу экономического кризиса, который особенно сильно обострился в конце 1929 г., благодаря начавшемуся мировому экономическому кризису и, в особенности, мировому аграрному кризису.

Особенно острый кризис переживает сейчас в Польше сельское хозяйство. Он вызван, прежде всего, мировым аграрным кризисом, выражающимся, в первую очередь, в резком падении цен на продукты сельского хозяйства. После некоторого под'ема цен на зерно в конце марта и начале апреля, явившегося результатом чрезвычайных мер фашистского правительства и потребовавших значительных затрат польской казны, идет дальнейшее распространение с.-х. кризиса и происходит новое падение цен на продукты животноводства и на технические культуры. При этом большое значение имеет тот факт, что Польша вывозит, главным образом, рожь, цены на которую на мировом рынке особенно упали. Так, в 1927/28 г. цена доппельцентнера ржи в Варшаве доходила до 43,77 злотых, в конце марта 1930 г.—20,75 зл., в начале мая — 18,19 зл., а в начале июня — 15,5 зл. В провинции цена доходит до 10 зл. Приблизительно такое же падение цен на овес, картофель. Буржуазные экономисты утверждают, что эти цены ниже себестоимости, отсюда бешеная атака помещиков и кулаков на зарплату с.-х. рабочих. Несколько повышенные цены остались только на пшеницу, запасы которой в Польше уже иссякли. По подсчетам журнала Исследовательского института хозяйственной кон'юнктуры и цен «Хозяйственная кон'юнктура», польское сельское хозяйство вследствие падения цен только по зерновым культурам потеряло за прошлый хозяйственный год 400 млн. злотых. Надежды на переход от зернового хозяйства к животноводству также померкли, так как для этого перехода требуются крупные капиталы, которых нет; кроме того, на мировом рынке началось падение цен и на продукты животноводства.

Это создает катастрофическое положение в сельском хозяйстве Польши, переход к более экстенсивному хозяйству, к его деградации. Вот что пишет о положении крестьянского хозяйства Польши орган пилсудчиков «Бюллетень научного кооперативного института»:

> «О покупке искусственных удобрений к весеннему севу наш крестьянин уже совсем и не думает... Результатом будет общий переход к экстенсивному хозяйству и уменьшение посевной площади под зерновыми культурами. Крестьяне уменьшают продукцию зерновых культур и картофеля до границ собственного потребления... Дальнейшим неизбежным последствием будет уменьшение уже в будущем году зерновой продукции страны и упадок производительности наших хозяйств».

И польские буржуазные экономисты из лагеря Пилсудского заговорили о неслыханной и все растущей пауперизации польской деревни, о том, что сельское хозяйство Польши идет к сельскохозяйственным отношениям, господствующим в Индии или Китае (Курнатовский и др.).

Согласно данным варшавской с.-х. кооперации, в 1929 г. к весеннему сезону было продано 14.411 тонн искусственных удобрений, а в 1930 г. только 5.747 тонн. Сильно уменьшилась также продажа с.-х. машин.

Никаких перспектив на улучшение в ближайшее время положения в сельском хозяйстве даже польские буржуазные экономисты не видят. Большее огорчение доставляет им факт, что урожай хлебов в этом году обещает быть довольно хорошим. В связи с хорошим урожаем осенью ожидается еще большее падение цен и еще большее обострение аграрного кризиса.

> «Новый хозяйственный год,—сказал в начале июня директор департамента земледелия Розе,—начинается для сельского хозяйства в исключительно тяжелых условиях. Задеты все отрасли с.-х. производства, а также все категории сельских хозяйств».

Розе не верит в возможность перехода польского сельского хозяйства от зернового хозяйства к животноводству. Единственную возможность выхода из кризиса он видит в представлении сельскому хозяйству (т.-е. помещикам и кулакам) долгосрочных кредитов и в введении вывозных премий на продукты сельского хозяйства, т.-е. в прямом переложении тяжестей кризиса на плечи широких трудящихся масс, из которых должны быть выколочены эти премии. Для этого потребовались бы миллионы и миллионы злотых. Весьма сомнительно, удастся ли при данном положении в Польше фашистскому правительству выжать эти миллионы из крайне обнищавщих трудящихся масс. Во всяком случае, кризис сельского хозяйства этими мерами не может быть изжит.

Острый аграрный кризис, вызвавший крайнее сужение внутреннего рынка, и начинающийся мировой экономический кризис чрезвычайно обострили кризис и в промышленности. Обеднение широких масс и сужение внутреннего рынка привело, прежде всего, к острому кризису в отраслях промышленности, работающих для широкого потребления, т.-е. в легкой промышленности — текстильной, кожевенной, деревообделочной и т. д. Текстильная промышленность, в которой занято 30% всех рабочих обрабатывающей промышленности Польши, переживает прямо-таки катастрофическое положение. Ее продукция сократилась за 13 месяцев (до февраля 1930 г.) на 41%. В феврале и марте шло дальнейшее сокращение. В апреле начался некоторый поворот к увеличению продукции, однако, это увеличение имело лишь временный, сезонный характер. Отказ в обещанных правительственных заказах привел в июне месяце к новому сокращению количества рабочих, работающих в текстильной промышленности (за 1—7 июня в Лодзи, по официальным данным, число безработных вновь возросло на 4.107). В других отраслях легкой промышленности, по данным кон'юнктурного отчета государственного «Хозяйственного банка», положение не улучшилось и в апреле.

Строительный сезон протекает весьма слабо, раза в два слабее, чем в прошлом году. Правительственные обещания больших вложений в строительство оказались неосуществимыми. 50 миллионов, отпущенных для строительства, не хватит даже для окончания начатых построек.

В конце прошлого года начался кризис и в тяжелой промышленности. Вследствие накопления больших запасов и сокращения заказов начала сокращаться добыча железной руды и угля. До декабря месяца шло повышение добычи угля благодаря, главным образом, спросу на внешнем рынке. В декабре экспорт угля сократился на 21%; одновременно началось сильное сокращение потребления угля на внутреннем рынке. Запасы угля сильно возросли и началось сокращение производства. С конца 1929 г. по апрель 1930 г. добыча угля сократилась с 4.100 тыс. тонн до 2.600 тыс. тонн в месяц, т.-е. на 63%. В марте 1930 г. добыча сократилась по сравнению с мартом 1929 г. на 27%, в апреле продолжалось сокращение — на 6,5%, хотя вывоз угля за апрель месяц увеличился на 41 тыс. тонн, т.-е. почти на 5%.

Несколько лучше положение в металлургии, однако, и там продолжается падение выплавки чугуна и стали: за первые 4 месяца 1930 г. выплавка чугуна уменьшилась с 50.707 тонн до 37.713 тонн, по сравнению с теми же месяцами 1929 г.— уменьшение на 24,3%; выплавка стали уменьшилась с января по апрель с 105.896 тонн до 91.438 тонн, по сравнению с 1929 г.— на 21%; прокатная продукция сократилась с 76.402 тонн в январе до 69.984 тонн в апреле. Общая сумма заказов с января по апрель уменьшилась на 28% по сравнению с прошлым годом. Сравнительно небольшое уменьшение прокатной продукции об'ясняется большими заказами СССР, которые в первые два месяца с. г. поглощали 95 — 98% всего польского вывоза прокатных изделий, а в марте — апреле — 78 — 73%.

Майский номер «Хозяйственной кон'юнктуры» пишет, что в марте 1930 г. продукция всей польской промышленности сократилась более, чем на 25% по сравнению с мартом 1929 г.; после марта в дальнейшем продолжалось сокращение, хотя и более медленным темпом; в некоторых отраслях промышленности замечалось даже некоторое частичное повышение продукции. Запасы в легкой промышленности значительно уменьшились; в тяжелой промышленности имеются еще большие запасы. При сильном сужении внутреннего рынка и слабой способности Польши конкурировать на внешнем рынке, нельзя ожидать в ближайшее время улучшения положения. Майский номер «Хозяйственной кон'юнктуры» пишет, что сомнительным является, наступит ли в течение ближайших месяцев улучшение. «Нет еще признаков приближения оздоровления и даже более значительного улучшения». По существу, то же самое пишет и июньский номер «Хозяйственной кон'юнктуры».

Одним из основных опорных пунктов относительной стабилизации Пилсудского было ускорение картелирования польской промышленности. Результатом картелирования было повышение цен на внутреннем рынке и этим самым его сокращение и поощрение демпингового вывоза на внешний рынок, консервирование технической отсталости производства и пр. В результате этого в Польше укрепился монополистический капитал в наиболее паразитических формах. И сейчас одним из основных требований тяжелой индустрии является требование повышения цен на ее продукты, что еще более затруднит развитие легкой промышленности.

Количество зарегистрированных безработных, по официальным данным, в апреле начало уменьшаться: 29 марта оно достигло 295 тыс., а 3 мая упало до 273 тыс., 24 мая — 240 тыс., 7 июня — 227 тыс. Однако, эти данные, несомненно, неполны, ибо они не охватывают многих безработных из мелкой промышленности; во-вторых, по истечении 17 недель многие безработные механически исключаются из регистрации безработных. Все-таки и при большой тенденции бирж труда к сознательному уменьшению числа зарегистрированных безработных количество зарегистрированных безработных и теперь еще на 120 тыс. больше, чем в прошлом году. Если к полным безработным прибавить работающих по 2—4 дня в неделю, количество которых составляет около 30% всех работающих, то в общей сложности получим, что не менее 60% всех рабочих являются безработными и полубезработными. Некоторое сокращение количества безработных произошло за последние месяцы, главным образом, за счет сокращения безработных строителей; некоторое уменьшение произошло также в текстильной промышленности, но там уже начинается обратная волна; сокращение рабочих в тяжелой промышленности и на железных дорогах продолжается.

Все это свидетельствует об огромном росте противоречий в польской промышленности и о несомненном процессе развала капиталистической стабилизации в Польше.

Положение на денежном рынке тоже является весьма тяжелым. Количество опротестованных векселей продолжает расти. Приблизительный процент их достиг в мае 18,8 против 15,5% в апреле. Обороты сокращаются. Банкротства растут. Торговля потеряла кредитоспособность. Денежные излишки в польском банке сокращаются. Все чаще начинают говорить о приближающемся кризисе польской валюты.

Поиски долгосрочного внешнего займа покамест не увенчались успехом. Курс польских займов на нью-йоркской бирже за первую четверть 1930 г. упал в среднем до 83,86 против 92,06 в ноябре 1927 г. Он сейчас ниже даже курса греческого займа и лишь на два пункта выше болгарского займа. Падение курса, несомненно, находится в связи с неустойчивым внутренним положением Польши. Поэтому ей так трудно получить долгосрочный внешний заем, который мог бы временно несколько улучшить ее положение.

Подводя итог сказанному, необходимо констатировать, что Польша переживает глубокий экономический кризис, без перспектив на улучшение в ближайшее время, напротив, с перспективой на дальнейшее углубление кризиса и деградацию сельского хозяйства, не исключающей некоторых колебаний и некоторого ослабления темпа нарастания кризиса. Процесс загнивания капиталистической стабилизации и роста классовых противоречий зашел в Польше дальше, чем в других европейских странах. Те мероприятия, которые предпринимаются для ослабления остроты кризиса фашистским правительством, представляющим интересы крупного капитала и помещиков, при все большем сужении внутреннего рынка и нарастании мирового экономического кризиса, не дали и не могут дать более или менее существенных результатов. Польско-германский торговый договор, до сих пор еще не ратифицированный, тоже не обещает ничего хорошего для Польши. При введении в Германии высоких таможенных пошлин на продукты сел. хозяйства ничего существенного не может выиграть от него даже сельское хозяйство Польши. Между тем, он открывает дверь в Польшу для германской промышленности и ставит под серьезную угрозу польскую легкую промышленность.

Всю тяжесть последствий кризиса буржуазия стремится переложить на плечи трудящихся масс. Идет новая волна капиталистической рационализации производства, сокращение заработной платы, удлинение рабочего дня, введение фашистской регламентации труда, штрафов и проч., налоговые экзекуции в деревне, продажа с молотка имущества крестьян за неуплату процентов по долгам (задолженность крестьян сильнейшим образом возросла не только в банках, но еще более у частных ростовщиков). Еще более усиливается фашистский террор против трудящихся масс и угнетенных национальностей. До крайности обостряются классовые противоречия.

В результате этого растет сильнейшее недовольство в городе и деревне, усиливается революционный под'ем и влияние компартии, растут революционные выступления рабочего класса под руководством компартии. Особенную активность и упорство в борьбе проявили безработные в провинции, где они еще менее обеспечены, чем в центре. Несмотря на экономический кризис, поднимается волна забастовок. Среди крестьян, доведенных до полного разорения, развивается стихийное антиналоговое движение, которое в некоторых местах приняло широкие размеры. Даже министр финансов Матушевский заговорил об «антиналоговом психозе» крестьян. Недовольство все более проникает и в среду городской мелкой и даже средней буржуазии. На этой почве мы имели во многих местах митинги-протесты купцов против тяжести налогов и кое-где даже своеобразные их забастовки, выразившиеся в закрытии лавок.

При этом идет, несомненно, сужение базы польского правящего фашизма и медленное, но неуклонное расшатывание его мощи (по сравнению с первыми годами фашистской диктатуры в Польше). Он, несомненно, все более лишается поддержки не только среди рабочих масс, но среди основной крестьянской массы и даже среди городской мелкой и средней буржуазии, которая раньше почти полностью его поддерживала. Об этом сужении базы пилсудчиков говорят и имевшие место выборы в разных местах Польши. В конце концов, чтобы не дискредитировать себя, т. н. «Беспартийный блок» пилсудчиков вовсе отказался от выставления на выборах своих списков. Напротив, среди городской мелкой и средней буржуазии сильно увеличивается влияние эндеков, являющихся не меньшими фашистами, чем пилсудчики, но играющими в резкую оппозицию к диктатуре Пилсудского. В деревне сильно растет влияние тех народно-фашистских партий, которые особенно сильно прибегают к «левой», радикальной фразе (крестьянская партия, украинская радикальная партия и друг.). Об этом свидетельствуют особенно ярко последние выборы в Сандомире, Зап. Украине, Зап. Белоруссии. Однако, крупный капитал и помещики до сих пор видят в правящей фашистской группе лучшего выразителя и защитника своих интересов и полностью ее поддерживают. Диктатуру Пилсудского поддерживает также армия; в его руках госаппарат. Мировой империализм, видя в этой группе лучшее орудие для борьбы против СССР, также поддерживает ее. Это еще дает возможность фашистской диктатуре пилсудчиков править, несмотря на сужение их социальной базы, сильные трения в лагере польского фашизма, несмотря даже на трения в самом лагере пилсудчиков и отход от них некоторых групп (отход группы радикала Стапинского, консерватора Дьячковского, народника Курельского, отход бывш. министра Чеховича, острые выступления пилсудчиковской газеты «Пржелома» о разложении правительственного обоза и пр.), несмотря, наконец, на проявление некоторых признаков разложения в армии, госаппарате, «Стрельце». Словом, в Польше все более нарастают элементы общеполитического кризиса.

Экономический кризис в лимитрофах.

Лимитрофы (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия) переживают не менее острый экономический кризис, чем Польша. Он охватил их сельское хозяйство, промышленность, торговлю и кредит. Экономический кризис этих стран тем отличается от кризиса ряда других стран, что наряду с общими причинами (чрезвычайное обнищание трудящихся масс и связанное с ним сужение внутреннего рынка и мировой экономический кризис) здесь очень сильно влияет послевоенная раздробленность лимитрофов и отсутствие широких российских рынков сбыта для их промышленности, а также усиление экономической мощи СССР и сильнейшая экономическая зависимость этих стран от капиталистических стран Запада.

Кризис в промышленности.

Крупная промышленность Латвии и Эстонии развилась в свое время благодаря наличию широких российских рынков сбыта, благоприятному географическому положению, наличию портов, обслуживавших огромные области царской России (35% внешней торговли царской России шло через эти порты) и пр. Лишившись этой базы, промышленность их катастрофически пала.

Крупнейшие заводы Эстонии и Латвии или вовсе исчезли, или же сократились во много раз.

Попытки восстановить промышленность натолкнулись на огромные препятствия (недостаток капитала, узость внутреннего рынка, крайняя ограниченность для промышленности лимитрофов внешних рынков, наконец, сопротивление латвийской и эстонской аграрной буржуазии развитию промышленности, так как она создает кадры революционного пролетариата и пр.). Все же за 10 с лишним лет самостоятельного существования Латвии, Эстонии и Литвы мы видим некоторый рост промышленности, особенно в Латвии, где раньше была наиболее сильная промышленность. В Латвии количество предприятий с числом рабочих более 9, имевших в общем 24 тысячи рабочих, увеличилось с 406 в 1921 году до 827 предприятий с 43 тыс. рабочих в 1925 году и до 60 тыс. рабочих к началу 1930 года (до войны было 120 тыс. рабочих). По главным отраслям промышленности они были распределены в 1927 г. таким образом: в деревообделочной промышленности — 20,2%, пищевой — 17,2%, металлообрабатывающей — 16,9%, текстильной — 12%, химической — 6,9%, бумажной — 4,8%. Сейчас это процентное отношение незначительно изменилось. За последние годы несколько увеличилась химическая промышленность, работающая почти исключительно на экспорт, и текстильная промышленность, тоже работающая в значительной степени на экспорт.

В промышленности Эстонии (на предприятиях с количеством рабочих более 4 чел.) сейчас насчитывается 35 тыс. рабочих (до войны было 75 тыс.). В Литве промышленность никогда не была сильно развита. В ней насчитывается 7.730 предприятий с 31 тыс. рабочих, в том числе на предприятиях с количеством рабочих более 9 чел. — 9 тыс. (до войны было всего около 7 тыс., однако, та небольшая крупная промышленность, которая тогда была в Литве—металлообрабатывающая и кожевенная—сейчас почти вовсе исчезла особенно металлообрабатывающая промышленность).

В настоящий момент латвийская промышленность переживает тяжелый кризис на почве сужения внутреннего рынка (особенно в связи с аграрным кризисом, обострившимся на почве мирового аграрного кризиса) и на почве сокращения внешнего рынка. «Во всех отраслях производства чувствуется перепроизводство», — пишет «Яунакас Зиняс» от 5 февраля: «Нынешнее сужение рынка является только началом возможного более глубокого кризиса». Наиболее острый кризис разразился в лесной и деревообделочной промышленности. Лесопильные заводы стояли всю зиму; весной начали работать, но не полную неделю. Начались большие сокращения в резиновой и текстильной промышленности; за один только февраль месяц сокращено в резиновой промышленности более 2 тыс. рабочих, в текстильной — более тысячи. Сокращается число рабочих и в обувной промышленности. Вводится неполная неделя. Количество безработных, зарегистрированных на бирже труда на 1 декабря 1929 г. составляло 8,124, а на 15 февраля 1930 г. — 14.524.

Несколько спасают положение заказы СССР. Надо сказать, что в деле латвийского промышленного экспорта большую роль играет экспорт в СССР—он составляет 42% всего промышленного экспорта Латвии, в том числе текстиля — 74%, металлических изделий—80%. Это показывает, что и сейчас промышленность Латвии в значительной степени зависит от советских рынков. Несомненно, благоприятно сказывается на развитии хозяйственной жизни Латвии торговый договор, заключенный ею в 1927 г. с СССР. Около 7 тыс. рабочих Латвии работает на советский экспорт и на советском транзите. Советский транзит по жел. дорогам Латвии составлял в 1928 г. более 65% всего ее транзита и дал ей 7—8 млн. латов.

Эстония, которая только недавно заключила торговый договор с СССР, находится в менее благоприятном положении. Ее экспорт в СССР относительно падает: по официальным данным, в среднем Эстония вывозила в СССР за 1923—1927 гг. — 22,7% всего своего годового промышленного экспорта, в 1927 г. — 18,8%, а в 1928 г. — только 13,7%. На первом месте стоит экспорт бумаги, продукция которой благодаря этому быстро растет: в 1923 г. она дала 26 тыс. тонн, а в 1926 г. — 40 тыс. тонн, из которых 30 тыс. было экспортировано в СССР. Самая крупная отрасль эстонской промышленности—текстильная, работающая, главным образом, на экспорт в капиталистические страны. В ней работает до 9 тыс. чел. Она, как и почти все другие отрасли эстонской промышленности, все время переживает тяжелую депрессию. В настоящий момент она переживает тяжелый кризис. В декабре 1929 г. обанкротилась фабрика «Текстиль» в Ревеле. Из-за перепроизводства прекратила работу текстильная фабрика «Хито Кяров». Сокращает число рабочих «Балтийская мануфактура» и Кренгольмская мануфактура. Последняя работает 4 дня в неделю. Кризис разразился и в других отраслях промышленности: деревообделочной, металлообрабатывающей и пр. В Эстонии на 1 декабря 1929 г. было зарегистрировано на бирже труда 5.288 безработных; а в январе 1930 г. количество это выросло до 20 тыс. Хорошо работает, благодаря заказам СССР, только бумажная промышленность.

Промышленность Литвы еще более находится в состоянии загнивания, чем промышленность Эстонии, и переживает тяжелый кризис. Некоторые советские заказы имеет кожевенная и металлообрабатывающая промышленность Литвы. Количество промышленных безработных в Литве, включая и рабочих из мелких мастерских, по данным буржуазных газет, достигало зимой около 10 тысяч.

Данные о безработных во всех лимитрофах далеко не охватывают всех безработных; они вовсе не охватывают с.-хоз. и лесных рабочих, которые здесь составляют огромное количество (в Литве, по переписи конца 1923 г.,—231 тыс., в Латвии — 290 тыс., в Эстонии — 200 тыс., в Финляндии—380 т.) и рабочих, работающих неполную неделю.

В Финляндии мы замечаем иной путь развития промышленности. Финляндское хозяйство и до войны не было так тесно связано с Россией, как хозяйство Эстонии, Латвии и Литвы. Вследствис ограждения Финляндии от России таможенной границей в нее не устремлялись такие большие иностранные капиталы с целью использования обширных российских рынков, как в Латвию и Эстонию. Внутренний же рынок Финляндии был довольно узок и не мог особенно привлекать иностранные капиталы.

Промышленность Финляндии относительно быстро развивалась. В 1920—1927 гг. ее валовая стоимость продукции возросла с 6,1 млрд. финских марок до 12,4 млрд. м. Средний годовой прирост ее продукции составлял около 12%. Она значительно превзошла довоенный уровень. В последние годы валовая стоимость промышленной продукции Финляндии превзошла валовую стоимость сел.-хоз. продукции. Однако, уже в 1928 г. начали обнаруживаться в ней признаки кризиса, который вскоре разразился, как кризис кредитный, промышленный и торговый. Особенного напряжения он достиг в 1929 г.

Говоря об экономическом кризисе лимитрофов, особо надо подчеркнуть роль усиления экономической мощи СССР. С одной стороны, как мы видели выше, заказы СССР несколько ослабляют остроту промышленного кризиса в лимитрофах, с другой—рост экспорта СССР усиливает в них кризис. Особенно ярко обнаружилось влияние роста экспорта СССР в Финляндии. Главными отраслями финской промышленности являются лесная и бумажная. В финском экспорте лес и древесные полуфабрикаты составляют 57% всего экспорта, бумага—около 30%. Из 160 тыс. промышленных рабочих в 1927 г. — 57 тыс. работали в древообделочной промышленности и 18 тыс. в бумажной. За 1920—1927 гг. продукция лесопильных заводов Финляндии возросла с 700 тыс. стандартов до 1.400 тыс., т.-е. удвоилась. Это оказалось возможным в виду того, что сначала вовсе отсутствовал, а потом не мог выйти в возможных размерах на мировой рынок советский лес. Вывоз лесных товаров из Финляндии составил в 1927 г. 1.250 тыс. стандартов. Финляндия заняла первое место среди лесоимпортеров Англии. Но вот укрепился на мировом рынке лес СССР. Несмотря на все препятствия, которые ему чинились, он отвоевал в Англии первое место. В результате этого начал сокращаться вывоз финского леса. В 1928 г. он сократился приблизительно на 100 тыс. стандартов; в 1929 г. вывоз равнялся почти прошлогоднему. В 1930 г. к концу марта было продано пиленого лесного товара 490 тыс. стандартов против 600 тыс. стандартов за то же время в 1929 г. В результате этого около 30 лесопильных заводов Финляндии уже приостановлено, в том числе два крупнейших завода; некоторые были сожжены, чтобы получить страховые премии. Финские капиталисты пытаются спасти положение, вкладывая большие капиталы в целлюлозную и бумажную промышленность. Строится ряд новых фабрик, другие расширяются, ставятся новые машины. Однако, цены на бумагу понижаются.

Кризис в лесной промышленности Финляндии тяжело сказался и на всех других отраслях финской промышленности, прежде всего, на строительной промышленности, металлической, транспорте, а особенно на текстильной промышленности, торговле и т. д. Текстильные фабрики работают 4 дня в неделю; производство трикотажных фабрик сократилось на 24%, а количество рабочих — на 22%. Количество рабочих в металлообрабатывающей промышленности сократилось на 11%. То же самое в других отраслях промышленности. Застой в строительной промышленности. Не достраиваются даже многие дома, начатые строиться. Сократилась торговля. Значительно возросло количество опротестованных векселей (за 11 мес. 1929 г.—14.663 векселя на сумму 89,3 млн. финских марок против 6.308 и 36,3 млн. марок в 1928 г.), увеличилось количество банкротств. За первый квартал текущего года обанкротилась 501 фирма.

К концу февраля на биржах труда крупнейших центров Финляндии было зарегистрировано свыше 12 тыс. безработных. По данным рынка труда в промышленности было 37 тыс. безработных (всего промышленных рабочих насчитывается 160 тыс.).

Экспорт леса и древесных полуфабрикатов занимает первое место не только в Финляндии, но и в Латвии и Литве. Весьма значительный процент всего вывоза составляет лес также в Эстонии и Польше (в последней 23% всего экспорта). Во всех этих странах советский лес, в связи с ростом экономической мощи СССР, наносит сильнейший удар капиталистическим лесопромышленникам, которые становятся ярыми врагами СССР. Печать лимитрофов посвящает этому вопросу очень много внимания.

Сильно сказывается на лимитрофах и конкуренция советского льна. В Литве, Латвии и Эстонии вывоз льна занимает, после леса и продуктов животноводства, первое место. Но на мировых рынках все большую роль начинает играть советский лен. В результате этого вывоз льна из лимитрофов начинает сокращаться. Так в 1924 г. из Литвы было вывезено льна 14 тыс. тонн, из Латвии — 20,5 тыс. т. (26% всего экспорта), из Эстонии — 10,4 тыс. тонн, в 1926 г. соответственно — 16,7 т. т., 25,3 т. т. и 10,3 т. т., а в

1928 г. — только 9,5 т. т., 12 т. т. (9,8% всего экспорта Латвии) и 5,6 т. т., в 1929 г. еще меньше.

Аграрный кризис.

Однако, было бы совершенно неправильно экономический кризис в лимитрофах сводить к конкуренции СССР. Советский лес и лен, несомненно, играют в нем большую роль и вызывают чрезвычайное озлобление против СССР лимитрофной буржуазии. Однако, кризис в лимитрофах, в первую очередь, связан с чрезвычайным понижением покупательной способности до крайности эксплоатируемых аграриями и буржуазией широких рабочих и крестьянских масс, обостренным неурожаем 1928 г., а в 1929 г. еще и усиленным мировым аграрным кризисом, выразившимся в резком падении цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства.

Сельское хозяйство занимает первое место в экономической жизни не только Литвы, но и Латвии и Эстонии, которые еще до империалистической войны быстро перерастали в индустриально-аграрные страны с быстро растущим классом промышленных и сел.-хоз. рабочих, а теперь превратились в аграрный придаток к развитым капиталистическим странам.

Между тем сельское хозяйство этих стран уже в связи с неурожаем 1928 г., охватившим целые области лимитрофов, начало переживать весьма тяжелое положение. В северо-восточной части Литвы, в Латгалии, в некоторых местах Эстонии и в Северной Финляндии беднейшие крестьяне вследствие недорода вынуждены были продать последнюю корову; во многих местах они буквально голодали. В результате этого чрезвычайно усилилось закабаление их кулакам и банкам. Заработная плата сел.-хоз. рабочих была сокращена до минимума; в голодающих местах они вынуждены были работать лишь за одни харчи; многие вовсе были выброшены на улицу. В 1929 г. урожай был лучше, в некоторых местах даже хороший, однако, падение цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства на мировом рынке сказалось и в лимитрофах и крайне обострило аграрный кризис. В Литве цены на рожь, по сравнению с ценами неурожайного 1928 г., упали в 3 раза, между тем налоги нисколько не уменьшились. Правительство Литвы для того, чтобы удержать цены на зерно на определенном уровне, отпустило несколько миллионов литов и начало скупать зерно у кулаков и помещиков по более высоким ценам. Однако, в условиях беспрерывного падения цен на мировом рынке при вывозе зерна за границу пришлось ему столько приплачивать (по 4—5—6—8 литов на каждый экспортируемый центнер), что эта затея скоро совершенно лопнула. Министр земледелия Литвы Алекса в своей речи в конце марта прямо сказал, что при теперешних катастрофически низких ценах на мировом рынке не оплачивается даже транспорт зерна из более отдаленных от германской границы местностей Литвы в близко лежащий Кенигсберг. Между тем на поднятие цен на мировом рынке на зерно литовские фашисты не видят никаких перспектив; единственный выход из кризиса они видят в развитии животноводства и молочного хозяйства, на которое лимитрофы обращают особое внимание.

В Латвии, Эстонии и Финляндии уже давно начали переходить от зернового хозяйства к скотоводству. Латвия, Эстония и Финляндия не экспортируют зерна, напротив, в большом количестве его импортируют и экспортируют масло, свиней, бэкон, мясо и т. п. В Литве до сих пор в молочных кооперативах состоит только 10% всех сельских хозяев (главным образом кулаков и помещиков), однако, вывоз масла и там очень быстро растет. По отдельным странам этот рост вывоза масла показывают следующие данные (в тоннах):

Годы	Из Литвы	Из Латвии	Из Эстонии	Из Финляндии
1924	524	3.666	3.187	—
1926	1.749	10.135	8.691	19.888 1)
1929	4.084	14.795	12.359	23.359

Эти данные показывают огромный рост вывоза масла. Однако, вследствие большого роста предложения масла на мировом рынке и падения покупательной способности широких масс, цены на масло в Англии, а потом и в Германии, главных стран импорта масла, тоже начали падать. Еще раньше начали падать цены на свиней, бэкон и мясо, и вследствие этого сократился их вывоз. В Эстонии вывоз свиней сократился с 55 тыс. в 1927 г. до 23,6 тыс. в 1929 г., вывоз скота — с 5,7 тыс. до 3,0 тыс. В Латвии на этой почве катастрофически сократился вывоз бэкона в Англию: в 1927 г. было вывезено 4.076 тонн, в 1929 г. только 922 т. В Литве, благодаря заключению в начале 1929 г. торгового договора с Германией, вывоз свиней и скота значительно увеличился; однако, это увеличение имело лишь временный характер. В марте т. г. в связи с поднятием таможенных пошлин вывезено из Литвы свиней в Германию уже в 3 раза меньше, чем в январе; еще больше сократился вывоз скота. В связи с введением новых таможенных ставок в Германии неизбежно еще более падут цены в лимитрофах и на масло и сократится его вывоз. Словом, аграрный кризис не может ограничиться только зерновым хозяйством. Он уже и сейчас начинает чувствоваться и в скотоводческом, в частности, в молочном хозяйстве. Обострение кризиса в этой отрасли сельского хозяйства, которое до сих пор считалось якорем спасения для аграрной буржуазии лимитрофов, угрожает катастрофическим падением всего хозяйства.

Тщетны попытки господствующих классов преодолеть аграрный кризис путем повышения таможенных импортных пошлин и введения повышенных цен на зерно путем хлебной монополии, премий на вывоз мяса, бэкона, масла и пр. Государственная приплата к низким рыночным ценам на зерно и премии на вывоз уже практиковались в Литве, Латвии и других странах. По приблизительным подсчетам, в Латвии эти приплаты помещикам и кулакам доходили бы до 30 млн. латов; при дальнейшем падении цен на продукты скотоводства приплата должна была бы быть еще выше. По существу это означало бы не что иное, как переложение последствий кризиса на плечи широких трудящихся масс и еще большее их закабаление. Однако, трудящиеся массы уже находятся в таком тяжелом положении, что едва ли удастся еще выкачать от них прибавки и премии для кулаков и помещиков. Мечты мировой буржуазии создать внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства путем развития своей промышленности, конечно, останутся лишь благими пожеланиями.

Итак, *сельское хозяйство лимитрофов очутилось в таком же тупике, как и промышленность. Острый аграрный и промышленный кризис без перспектив на улучшение в ближайшем будущем, напротив, с перспективой на еще большее углубление его, может привести эти страны к катастрофическому положению. Частичная стабилизация капитализма в них все больше расшатывается и загнивает, как и в фашистской Польше.* Экономическое положение лимитрофов и сейчас уже весьма тяжелое. Баланс внешней торговли Эстонии и Латвии пассивный (в Латвии пассив составлял в 1927 г.—28,7 млн. латов, в 1928 г.—47,4 млн. латов, в 1929 г.—90,8 млн. латов; в Эстонии в 1927 г. — актив в 9,4 млн. крон, в 1928 г. — пассив 4,3 млн. крон., в 1929 г. за 11 мес. пассив—6,4 млн. крон; в Финляндии в 1927 г. — пассив в 61 млн. марок, в 1928 г. — 1.768 млн. м., в 1929 г. — 569 млн. м. Только в Литве мы имеем за последний год активный баланс, достигнутый усиленным вывозом леса и временным увеличением вывоза рогатого скота и свиней в Германию.

---

1) Данные экспорта 1928 года.

Даже буржуазные экономисты и буржуазные политики вынуждены признать, что лимитрофы переживают тяжелый кризис. И. о. управляющего Литовского банка Пакнис на общем собрании акционеров от 15 февраля сказал, что «хозяйственная депрессия» Зап. Европы и Америки «проникает во все щели экономических отношений и в Литву».

> «К концу года все больше и больше начали проявляться признаки ухудшения. Две вещи здесь имели решающее значение и испортили наши хорошие осенние перспективы: это — катастрофическое падение цен на зерно и отсутствие рынка для нашего льна... Положение сельских хозяев влияет на торговлю и промышленность. Особенно нелегким и неясным является положение экспорта».

Депутат парламента, докладчик по государственному бюджету Аннус дал такую оценку экономического положения Латвии:

> «В связи с сокращением экспорта льна и масла и особенно в связи с неблагоприятными условиями последнего года, положение сельского хозяйства становится прямо-таки катастрофическим» («Риж. Вестник» от 27 марта).

Сам глава эстонского правительства Штрандман еще в августе прошлого года сказал: «Нельзя отрицать, что наше экономическое положение в настоящий момент имеет сходство с положением 1924 г.», а в 1924 г. Эстония переживала самый острый кризис, приведший к восстанию 1 декабря 1924 г. Известный эстонский государственный деятель Теннисон, входящий в теперешнюю правительственную коалицию, писал в статье, напечатанной в начале марта в газете «Постимес», о хозяйственном кризисе, который в последнее время все больше и больше приходится чувствовать каждому гражданину. Теннисон считает положение весьма серьезным, ибо кризис охватил всю страну.

В Латвии тоже лопаются крупные фирмы лесопромышленников и фирмы, связанные с сельским хозяйством. В связи с сельскохозяйственным кризисом обанкротилось большое акционерное общество «Латс» и крупный «Унион-Банк», тесно связанный с правительственным Крестьянским (кулацким) союзом и пользовавшийся большими субсидиями государственного банка. Обанкротилось также старейшее латвийское «Экономическое общество». Буржуазные газеты отмечают чрезвычайную бурность общих собраний членов разных экономических обществ, недоверие к их правлениям, взаимное дискредитирование и пр.

В Литве тоже прокатилась волна банкротств. Между прочим обанкротились, лишившись государственного пирога, когда-то могущественные экономические организации христианских демократов (Центральный банк сельских хозяев, Молочный союз). Очевидно, спасаясь от банкротства, кооперативный банк превращается в акционерный банк, часть акций которого приобретает фашистское правительство; во избежание банкротства Союз кооперативных обществ об'единяется с капиталистическим помещичьим обществом «Литовское хозяйство», щедро субсидируемое фашистским правительством.

Усиление зависимости от империалистических держав.

Все это свидетельствует о том, что лимитрофы действительно переживают острый экономический кризис. При этом, задыхаясь в границах мелких государств, огражденных таможенными барьерами (все попытки в течение ряда лет создать таможенную унию между Эстонией и Латвией ни к чему не привели; они разбились о существующие между ними противоречия), лишенные рынков сбыта, вынужденные делать огромные непроизводительные расходы на милитаризм и содержание самостоятельного государственного аппарата — они зашли в тупик и попали в полную зависимость к иностранному капиталу.

Эту зависимость особенно наглядно показывает экспорт и импорт лимитрофов. В процентном отношении ко всему вывозу экспорт распределялся по основным группам товаров следующим образом:

Годы	Сырье			Готовые фабрикаты			Продукты питания		
	Эстония	Латвия	Литва	Эстония	Латвия	Литва	Эстония	Латв.	Литва
1926	30,2	54,1	60,3	37,8	19,7	3,7	30,8	22,4	19,8
1927	28,9	57,9	66,1	33,3	18,2	2,1	33,3	23,7	17,4
1928	31,3	55,8	61,8	30,7	21,0	2,7	36,8	22,8	21,9

К сырью относится, как мы уже видели выше, главным образом, лес и лен, к продуктам питания — масло, мясо, яйца; сюда же надо было бы причислить экспорт животных. Экспорт готовых фабрикатов, как видим, падает, за исключением Латвии (благодаря большим советским заказам); в Литве процент экспорта готовых фабрикатов упал с 1925 по 1929 г. с 7,0% до 2,1%.

Вывоз Литвы на 59,4% идет в Германию, на 17,4% — в Англию, на 9,2%—в Латвию. Продукты скотоводства идут почти исключительно в Германию (в 1929 г. 81% всего экспортируемого масла, 98% экспортируемых свиней, 87% мяса и пр.); из всего экспортируемого дерева и его продуктов на 55,3 млн. литов в Германию идет на 38,8 млн. лит. Только лен идет преимущественно в другие страны. Импорт из Германии составляет 49% всего импорта Литвы (в 1925 г. он составлял 56,6%), импорт из Англии—8,5%, Латвии—3,6%; значительно больше импорт из Польши (через Данциг и Латвию). Советский экспорт и импорт в Литву незначительный. Это указывает на полную экономическую зависимость Литвы от Германии. Если к этому прибавить, что преобладающее большинство иностранных капиталов в Литве тоже принадлежит немцам, то картина получится совершенно ясная.

В Латвии и Эстонии несколько иное положение. Экспорт Латвии, главным образом, шел в следующие страны (в процентах):

	1925 г.	1928 г.
Германия	22,6	26,4
Англия	34,6	27,0
Бельгия	16,5	10,9
СССР	4,2	9,1

В Германию вывозятся, главным образом, продукты питания (около 70% всего экспортируемого масла и пр.), в Англию — дерево, масло, лен и пр., в Бельгию — лен.

Импорт Латвии:

	1925 г.	1928 г.
Германия	41,5	41,2
Англия	13,8	9,5
СССР	—	5

Экспорт Эстонии:

	1925 г.	1926 г,	1927 г.	1928 г.
Германия	31,2	23,1	29,8	25,9
Англия	25,0	25,0	31,4	34,8
СССР	10,7	12,9	6,3	4,3

В Германию ввозятся, главным образом, продукты питания (около 66% всего экспортируемого масла и пр.), в Англию — лес, лен и пр. В 1928 г. значительно упал вывоз текстиля и сел.-хоз. машин в СССР.

Импорт в Эстонию:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Германия	29,5	29,1	26,4	30,3
Англия	12,2	12,1	14,3	17,9
СССР	4,4	7,5	9,1	3,8

В Латвии мы видим усиливающуюся зависимость от Германии, в Эстонии—усиливающуюся зависимость от Англии и ослабевающую экономическую связь с СССР. Это происходит не без влияния английского капитала. В результате этого транзит СССР, игравший в Эстонии в первые годы ее независимости большую роль, потом направился, главным образом, через Латвию. Только сейчас, под давлением острого кризиса, эстонские хозяйственные круги опять начинают искать возможность установления более прочных экономических связей с СССР, результатом чего явился приезд эстонской хозяйственной делегации в СССР.

Из Финляндии в 1928 г. 35,3% всего экспорта шло в Англию (в 1927 г. —40,2%), в Германию—15,8%, в СССР—4,3% (в 1925 г.—7,7%). Импорт идет, главным образом, из Германии—37% всего импорта, из Англии—12,4%, Соед. Штатов—14,7%, Швеции—8,2%.

В первые годы независимости лимитрофов иностранный капитал проникал в лимитрофы, главным образом, в форме спекулятивного капитала—в торговлю и краткосрочный кредит. В дальнейшем начал проникать и в более серьезные производственные предприятия. В Латвии мы сейчас имеем в банках около 63% иностранного капитала, в промышленности—54%, в том числе в химической—85%, текстильной—76%, в транспорте—65%. Уже в 1926 г. на 66,5 млн. латов акционерного капитала Латвии 74,1 млн. было иностранного, некоторые банки почти полностью находятся в руках иностранного капитала. На первом месте стоит германский капитал, потом идет английский, капитал старой России, французский, американский и т. д. Германский капитал держит в своих руках, главным образом, банки и химическую промышленность, английский—текстиль. Сейчас начинает проникать и шведский капитал, который развивает в Прибалтике большую активность.

В Эстонии преобладает английский капитал. Во всей эстонской промышленности не менее 50% иностранного капитала, в том числе в текстильной промышленности—35%, бумажной—45%, лесной—65% («Finish Trade», № 8 за 1929 г.). В эстонских банках тоже преобладают английские капиталы. В Англии, главным образом, реализуются заграничные займы Эстонии. В последнее время усиленно стараются проникнуть к эстонскую промышленность германские капиталы, а также шведские. Против германских капиталов английские и французские капиталы ведут довольно открытую борьбу.

В Финляндии более 8 млрд. марок иностранного капитала, в том числе более 3 млрд. марок государственного долга. Преобладают английские, германские, американские и шведские капиталы. Шведский спичечный трест проникает в лесную промышленность Финляндии. Французский капитал впервые вложил в сел.-хоз. банк Финляндии 300 млн. франц. франков.

В связи с обострением кризиса зависимость лимитрофов от иностранного капитала, несомненно, еще более увеличивается. Они вынуждены будут все больше распродавать свои богатства иностранному капиталу, как это сделала Эстония, Латвия и Литва со своей спичечной промышленностью—за полученный заем в несколько миллионов долларов они продали всю спичечную промышленность в монополию шведскому тресту. Весь этот иностранный капитал, направляющийся в лимитрофы, заботится только об одном,—чтобы выжать из них больше прибылей, держать их на положении своих полуколоний и иметь в них прочную базу для борьбы против СССР.

Активизация Польши и лимитрофов против СССР.

При таком обострении кризиса Польша и лимитрофы все более становятся на ту точку зрения, что лучшим средством к выходу из тяжелого экономического кризиса и назревающего общеполитического кризиса является война против СССР. К ней бешено готовится «полковничье» правительство Польши со Славеком во главе. Об этом свидетельствует не только бешеная травля против СССР и подготовка провокационного покушения на полпредство СССР, не только тот факт, что, несмотря на глубокий экономический кризис в польской промышленности, фабрики, работающие на войну, спешно реорганизуются и продолжают работать с полной нагрузкой и что идет усиленный привоз в Польшу из Франции танков, аэропланов, химических средств и пр., но и разоблаченные в последнее время польско-петлюровские и польско-ундовские соглашения (УНДО—Украинское национально-демократическое об'единение), а также активнейшая работа польской дипломатии и генерального штаба по созданию единого антисоветского фронта от Ледовитого океана до Черного моря. Опровержения польских официозов относительно польско-украинского соглашения никого не убедили. Последующие факты, напротив, подтверждают это. Захват советской Украины и создание якобы самостоятельной Украинской республики, находящейся в «интегральной связи» с Польшей, фактически в полуколониальной зависимости от нее, должны открыть широкий рынок для польской промышленности, неспособной выдержать конкуренции на Западе. Представители крупного капитала Польши вроде Вержбицкого, произносящие пацифистские речи, не должны вводить никого в заблуждение. Трения в лагере польского фашизма по вопросу о войне против СССР, нашедшие себе наиболее яркое выражение в выступлениях Дмовского, вовсе не означают, что та или другая группа его является действительным противником войны; между ними идет спор, главным образом, об условиях и сроках войны, увязывающийся, прежде всего, с наличием глубоких противоречий в империалистическом лагере.

Этим об'ясняется тот факт, что Дмовский ополчается, главным образом, против германского империализма, заключения Пилсудским соглашения с Германией насчет Польши и пр., но вовсе не говорит о французском империализме, не говорит о Румынии, Прибалтике, т.-е. о реальных факторах подготовки войны против СССР. Характерно, когда мининдел Залевский заявил, что Польша не хочет войны против СССР, Дмовский принял это заявление, как чистую монету.

Эндеки, являющиеся по существу партией буржуазии (хотя в лагере последней после фашистского переворота произошла серьезная перегруппировка: основная часть крупной буржуазии перешла от эндеков в лагерь Пилсудского) и защищающие ее интересы, являются не меньшими фашистами и империалистами, чем пилсудчики. Они не имеют своей отдельной программы, отличной от программы крупной буржуазии. Отрицательное отношение их к «федералистической» политике Пилсудского и к расчленению старой России (они за старую, нерасчлененную Россию, с некоторыми только коррективами) по существу не меняет дела. По их мнению, старая, нерасчлененная Россия должна дать возможности польской промышленной экспансии. Но они, защищая свои групповые интересы, опираются, главным образом, на среднюю и мелкую буржуазию и демагогически используют ее недовольство в борьбе с диктатурой пилсудчиков. Этим в значительной степени и об'ясняются выступления Дмовского против войны с СССР, усиленная подготовка к которой вызывает сейчас, в момент острого экономического кризиса, отрицательное отношение этих слоев буржуазии.

«Пацифизм» же польских представителей крупного капитала идет не дальше «пацифизма» английских, французских и других империалистов. Это становится тем более ясным, если принять во внимание огромную зависимость польского крупного капитала от заграничного. По далеко неполным данным, удельный вес различных групп в польской промышленности представляется следующим образом: в угольной — 43% принадлежит германскому капиталу; 38% французскому и только 18% польскому; в металлургии в Верхней Силезии в 1928 г.— 48% принадлежало германскому капиталу, 20% французскому и бельгийскому, 20% — австрийскому и чехо-словацкому и только 12%—польскому; в нефтяной промышленности в 1926 г. французскому капиталу принадлежало 33%, швейцарскому—15%, австрийскому—13%, американскому—7%, английскому—4,4%, польскому—6%. В общем, в руках иностранного капитала находится 88% металлургии, более 80% угольной промышленности и 94% нефтяной. Под влиянием французско-германского стального картеля в 1927 г. находилось около 46% всей польской железной промышленности. Некоторые банки также находятся в руках иностранного капитала. Так, например, Гарриман купил торговый банк, французскому капиталу принадлежит промышленный банк и т. д. В последнее время увеличились вложения американского капитала. В Польше постоянно находится американский «советник».

Вот этим в значительной степени об'ясняется роль Польши в качестве коммивояжера западного империализма в борьбе против СССР, о которой так красноречиво писал Дмовский. Поэтому вместе с активизацией мирового империализма против СССР неизбежно должна была усилиться подготовка к войне и в Польше и во всех прибалтийских странах, переживающих не менее острый кризис, чем Польша, и не менее зависящих от иностранного капитала.

Кто имеет экономические высоты, тот фактически и политически господствует. Иностранный капитал и в лимитрофах в значительной степени обладает этими высотами и диктует им свою волю. Этим об'ясняется, прежде всего, их отношение к СССР. Совершенно очевидно, что лимитрофы немало выигрывают от экономических связей с СССР. При более тесных связях они могли бы гораздо больше выиграть. Однако, мировым империалистам невыгодна эта связь и поэтому они всячески мешают ее укреплению. Всем еще памятно, какую огромную кампанию повели, в первую очередь, английские империалисты против заключения Латвией торгового договора с СССР в 1927 г. При помощи английских империалистов был совершен в Литве в конце 1926 г. фашистский переворот, одной из важнейших задач которого было ускорение создания единого фронта против СССР и аннулирование пакта о ненападении, заключенного в 1926 г. народнико-социал-демократическим правительством Литвы с СССР.

При активизации агрессивной политики английских, французских и пр. империалистов против СССР всегда усиливался поход против него и в зависимых от них лимитрофах. В связи с агрессивностью английских твердолобых против СССР в 1927 г. особенно ярко проявилась политика вражды к нему со стороны Эстонии, где все буржуазные партии, включая и социал-фашистов, находятся под влиянием английского капитала. Как бы ни сменялись там правительства, фактическими правителями Эстонии являются явные фашисты-банкиры: генерал Лайдонер (быв. главнокомандующий) и Пятс, явные агенты английского империализма и ярые враги СССР. Этим об'ясняется и тесная дружба Эстонии с Польшей. Советская печать много раз отмечала влияние, которое английская и польская политика имеет в Эстонии, и ту услужливость, с которой Эстония выполняет в Прибалтике ряд английских и польских заданий. Так было по отношению к польско-литовскому вопросу, также было и по отношению к вопросу о советско-латвийском торговом договоре, который все же не удалось сорвать об'единенными усилиями Англии, Польши и Эстонии; так это и по отношению к созданию прибалтийского союза под гегемонией Польши, явно направленного против СССР и т. д. Недаром Эстония пользуется особым покровительством Лиги Наций, которая в тягчайшие годы ее существования дала ей заем в 1.350 тыс. фунтов стерлингов, реализованный в Англии. В последний год, когда агрессивность мирового империализма особенно усилилась, опять усилилась и активность Эстонии, направленная против СССР. Выражением этой активности была и состоявшаяся в начале этого года поездка председателя министров Эстонии Штрандмана в Польшу, имевшая, несомненно, политический характер. Генерал Лайдонер, давая комментарии этой поездке, прямо сказал, что «будущее Восточной Европы неизвестно» и что поэтому «необходимо сотрудничество Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши».

> «Поездка Штрандмана — сказал Лайдонер — не новая ориентация, а лишь продолжение прежней эстонской ориентации. Польша -- самое большое и сильное из лимитрофных государств, и с ней надо искать сотрудничества, ибо сотрудничество с Польшей во время войны будет возможно лишь в том случае, если оно существует и в мирное время».

Это откровенное признание Лайдонера явно свидетельствует об агрессивном характере польско-эстонского сотрудничества, направленного против СССР, хотя тогда же эстонский министр иностранных дел Латик признал, что никакой опасности со стороны СССР нет. Немногочисленные голоса эстонской буржуазии, направленные против вовлечения прибалтийских стран в фарватер политики империалистических государств и польских военных авантюр, тонут в общем потоке враждебных СССР голосов. Внесет ли какое-либо существенное изменение в этом отношении эстонская хозяйственная делегация, возвратившись из СССР, приходится весьма сомневаться.

Финляндия в последние годы также пользуется большим вниманием воинствующих империалистов и Лиги Наций. Она тоже все более активизирует свою антисоветскую политику. О военных приготовлениях ее говорит, между прочим, известный проект, внесенный представителем Финляндии в Лигу Наций, относительно предоставления финансовой помощи «государствам, подвергшимся нападению», а также постройка стратегических железных и шоссейных дорог, заводов военной промышленности, подводных лодок, активизация карельского вопроса и т. п. Учащающиеся поездки финских офицеров в Польшу, Латвию и Эстонию и, наконец, поездка в Варшаву начальника финского генерального штаба Валлениуса и торжественный его прием там преследуют, конечно, определенные военные антисоветские цели. В конце прошлого года в Швеции состоялась при активном участии Финляндии финско-скандинавская антисоветская конференция. При этом необходимо отметить весьма усилившуюся за последний год активность в Прибалтике молодого шведского империализма. Он ставит перед собой «скромную» задачу — «оборону» Балтийского моря и «защиту» соседних с СССР маленьких государств, «имеющих много общих со Швецией интересов». В крупнейших финских и шведских газетах появились статьи о проблеме «обороны» Балтийского моря. В этих статьях выражается надежда, что государства, заинтересованные в поддержании существующего положения у «русской границы, об'единятся в этом важном для скандинавских и балтийских государств вопросе». Финский министр Вестман стоит за то, чтобы Финляндия, скандинавские и балтийские государства «сообща решили проблему обороны и пришли бы к соглашению насчет ясной формулировки санкций, предусмотренных уставом Лиги Наций». В то же время приблизительно в «Чикагской трибуне» появилась статья под названием «Прибалтийские государства и Советская Россия», где, на основании «манчжурского опыта», рекомендуется прибалтийским государствам, создавшимся на территории бывшей России, создать союз с привлечением Швеции и Польши.

Относительно латвийского генерального штаба известно, что он полностью находится под руководством французских и польских офицеров. Французские офицеры проводят реорганизацию латвийской армии. Эта реорганизация должна привести к увеличению технических кадров и воздушных сил. 3-е отделение латвийского генерального штаба, которое ведет информационную работу, представляет собой подотдел французского генерального штаба и отчасти польского. По сообщению «Крейц Цейтунг», между Польшей и Латвией существует тайный договор, заключенный по настоянию Франции и Англии, согласно которому поляки занимают в самом начале военных действий против СССР железнодорожный узел Двинск и всю Латгалию, которую польские штабные офицеры в настоящее время усердно изучают. Это разоблачение косвенно подтверждает и заявление начальника латвийского ген. штаба Калейса, который сказал, что в случае войны Польши и «возможно также Эстонии» против СССР «Латвия не может не реагировать на этот факт»; еще яснее было заявление бывш. начальника ген. штаба известного фашиста генерала Радзиньша, который в своем интервью прямо сказал, что в случае польско-советской войны Латвия должна выступить на стороне Польши. Правда, правительство Латвии постаралось «раз'яснить» и замять сообщение Радзиньша. Однако, не может подлежать сомнению, что Радзиньш разоблачил только то, о чем знает в Латвии каждый генерал. И, хотя некоторые слои латвийской буржуазии заинтересованы в поддержании мирных отношений с СССР, все же неправильно было бы сказать, что только кучка латвийских белогвардейских генералов, служивших раньше в армиях Колчака, Деникина и пр., являются сторонниками военной авантюры против СССР. Нельзя согласиться с тем, что якобы генеральские штабы в прибалтийских государствах представляют собой государство в государстве и якобы латвийская, эстонская и финская военщина ведет самостоятельную политику, направленную против СССР. Не подлежит сомнению, что эстонский и латвийский генеральные штабы не могли без санкции своих правительств заключить с польским генштабом военое соглашение против СССР. А о факте такого соглашения в последнее время говорится совершенно открыто. Не подлежит сомнению, что за плечами этих генштабов и генералов стоят настоящие вершители судеб капиталистического мира—империалисты великих держав и классовые враги СССР в самих лимитрофах.

Исключение из общего правила, как-будто, представляет Литва, которая до сих пор еще не пошла на соглашение с Польшей и не хочет присоединиться к прибалтийскому блоку под гегемонией Польши. Противоречия между Литвой и Польшей продолжают существовать. Империалисты толкают и Литву на соглашение с Польшей и создание единого фронта против СССР. Смена, осенью прошлого года, Вольдемараса была связана, прежде всего, с давлением империалистов в сторону сближения Литвы с Польшей. В Литве в последнее время мы тоже имеем несомненное усиление травли и клеветы против СССР и новые попытки договориться с Польшей. Однако, литовское фашистское правительство все еще удерживается от окончательной капитуляции перед Польшей.

Тема нашей статьи не обнимает Румынии. Однако, говоря об активизации Польши и лимитрофов против СССР, нельзя обойти молчанием Румынию, которая играет весьма большую роль в антисоветском блоке. Всем известна польско-румынская военная конвенция, заключенная в мае 1926 г. и направленная своим острием против СССР. Поездки французских генералов в Польшу и Румынию, а также взаимные визиты польских и румынских генералов происходят у всех на виду. Приход к власти в Румынии, также переживающей острый экономический кризис, нового короля (по инициативе Франции) и полная фашизация ее означают, прежде всего усиление подготовки войны против СССР.

Несомненно, под давлением воинствующих империалистов Запада усиленным темпом идет создание единого антисоветского фронта от Ледовитого океана до Черного моря под гегемонией Польши.

Обострение классовых противоречий и рост активности масс.

Усиление антисоветских тенденций в лимитрофах, как и в Польше, об'ясняется не только давлением на них империалистов, но и классовыми интересами самой буржуазии лимитрофов.

Буржуазия лимитрофов лихорадочно ищет выхода из все обостряющегося кризиса; но в конечном счете она находит его только в еще большем усилении эксплоатации трудящихся масс и понижении их жизненного уровня, в лишении всех прежних завоеваний рабочего класса и беднейшего крестьянства, в увеличении налогового гнета, в свирепой реакции и фашизме, в подавлении всякого революционного движения, наконец, в еще большем закабалении иностранному капиталу. Рабочий класс лимитрофов уже и раньше находился в чрезвычайно тяжелом положении. В Латвии до 1926 г. мы видим некоторое повышение реальной заработной платы промышленных рабочих, но никогда она не достигала довоенного уровня—в лучшее время она достигла 69% довоенного уровня. С 1927 г. она начинает понижаться и достигла в среднем 65% довоенной реальной зарплаты, а сейчас—только 50%. Еще хуже положение сел.-хоз. рабочих. По официальным данным, зарплата батрака в год равнялась в 1926 г.—569 латам, в 1927 г.—563 л., 1928 г.—542 л., 1929 г.—498 л. В этом году в связи с аграрным кризисом зарплата их еще больше понижена. Латвийские аграрии утверждают, что продукция 1 клгр. масла в Дании стоит 16 сантимов, а в Латвии—60 сант., значит, для того, чтобы латвийское масло могло конкурировать на мировом рынке обязательно нужно сократить издержки производства и, в первую очередь, зарплату рабочих. И, действительно, везде предприниматели стараются сократить зарплату, удлинить рабочий день, ухудшить страхование рабочих на случай болезни, разгромить революционные профсоюзы и пр.

Еще ниже, чем в Латвии, зарплата в Эстонии и Литве. Относительно положения ревельского рабочего даже Бюро Труда при Лиге Наций говорит, что он является самым бедным в Европе.

Чрезвычайно ухудшилось также положение беднейших крестьян. Вот какие жалобы раздавались в марте. с. г. в Литве даже на заседании фашистской сельскохозяйственной палаты из уст представителей с мест: везде огромная задолженность крестьян, продажа с молотка их имущества, банкротства, растущие в то же время хлебные излишки, недостаток в рынках сбыта, недостаток в деньгах и т. п. Газеты все чаще пишут о несчастии от хорошего урожая, а рабочие и деревенская беднота голодают. Крестьяне не в состоянии уплачивать налоги. Задолженность чрезвычайно растет. Ростовщики берут у крестьян грабительские проценты (до 72%) за мелкие ссуды и т. д. Массы крестьянства разоряются. Идет несомненная пауперизация деревни. Вследствие слабости местной промышленности некуда деться излишним рабочим рукам. Получается большое перенаселение деревни, усиливается эмиграция (из Литвы в 1929 г. эмигрировало 16 тыс. чел.).

В Латвии, Эстонии и Финляндии положение крестьянской бедноты и середняков не лучше, особенно в местностях, которые были постигнуты неурожаем 1928 г.

Все это приводит к чрезвычайному обострению классовых противоречий, вызывает все больший рост недовольства в рабочих и трудящихся крестьянских массах. Растет, хотя и неравномерно, их активность, идет полевение масс. Особенно большое полевение масс и рост активности мы имеем в Финляндии и Латвии. Рабочие там, как и в Польше, начали переходить в контрнаступление. Еще в 1928 г. состоялась в Финляндии забастовка портовых рабочих, продолжавшаяся 9 месяцев; произошел и ряд других боевых забастовок. Но особенно важно отметить революционные выступления финских рабочих под руководством компартии 1 августа, 7 ноября, политическую забастовку 16 ноября 1929 г. в связи с голодовкой политзаключенных (несмотря на наличие боевого настроения у рабочих, из-за слабой организационной подготовки забастовки, она не удалась), наконец, 6 марта и 1 мая. Рабочие бастуют и демонстрируют вопреки запрещению властей. Растет активность левых профсоюзов, идет решительная борьба с социал-фашистами и проч.

В Латвии уже в 1928 г. мы имеем большое оживление, выразившееся в широких экономических стачках, переросших в политические забастовки и массовые демонстрации 22 августа 1928 г. и 18 октября 1929 г., в большой активности масс при выборах в сейм и проч. Несомненный рост влияния компартии, хотя везде сильно отстает организационное закрепление этого влияния. Даже в Эстонии и фашистской Литве, при ее незначительном пролетариате, за последние два года мы замечаем рост активности рабочего класса, увеличение числа забастовок, демонстраций и пр. Никакие преследования не могут искоренить компартии.

На этой почве—на почве глубокого экономического кризиса в лимитрофах и мощного социалистического роста СССР, на почве чрезвычайного обострения в лимитрофах классовых противоречий, полевения и роста активности трудящихся масс и роста влияния компартий усиливается политическая неустойчивость лимитрофов, идет чрезвычайный рост в них фашистских тенденций и бешеное озлобление буржуазии по отношению к СССР. Особенный рост фашистских элементов мы видим в последнее время в Финляндии и Латвии 1). В Эстонии они окрепли еще после декабрьского восстания 1924 г. В Литве сменен председатель правительства, но фашистский режим и террор остались в полной силе.

Буржуазия лимитрофов, несмотря на свою частичную заинтересованность в советских рынках, присоединила и свой голос к общему хору лжи, клеветы и травли СССР.

Война против СССР — вот лозунг, который все больше выдвигает буржуазия лимитрофов, как «радикальное» средство для выхода из кризиса и для предотвращения назревающей пролетарской революции.

Несомненно, существуют как внутренние, так и внешние противоречия, мешающие империалистам создать единый фронт против СССР. Эти противоречия до сих пор не преодолены. В связи с углублением мирового экономического кризиса и все большим загниванием капиталистической стабилизации они еще более усиливаются. Это мешает всему капиталистическому миру выступить единым фронтом против СССР. В отдельных странах, в том числе и в лимитрофах, также имеются внутренние противоречия; часть буржуазии предпочитает на данной стадии не воевать против СССР, а торговать с ним. Вооруженное выступление лимитрофов против СССР подвергает серьезной

---

1) Уже была набрана статья, когда фашистский переворот в Финляндии оказался совершившимся фактом. Он произошел по австрийскому образцу—«мирным», «законным» путем при поддержке всех буржуазных партий и фактическом содействии социал-фашистов, под гегемонией партии крупного капитала, т. н. коалиционной партии. Компартия Финляндии, несмотря на свое большое влияние в рабочих массах, не сумела развить достаточной активности в борьбе против фашизма. Установление фашистской диктатуры в Финляндии, проведенное, несомненно, при активном участии английских империалистов, имеет одной из основных задач завершение создания единого фашистского фронта против СССР. По примеру Финляндии сейчас уже и в Латвии готовится фашистский «крестьянский поход» на Ригу.

угрозе самое их существование. Сознание этого не может не вносить разноголосиц и в лимитрофах. Однако, антисоветские тенденции буржуазии во всех них все более проявляются и активизируются.

С другой стороны, в широких трудящихся массах Польши и лимитрофов, несмотря на всю клевету буржуазных и социал-фашистских газет, растут симпатии к СССР, который, несмотря на все трудности, гигантскими шагами строит социализм, успешно проводит индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Широкие трудящиеся массы все больше начинают понимать, что только свержение существующего строя может дать им выход из ужасной нужды и нищеты, экономического и политического рабства и национального угнетения.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„На плановом фронте“ к XVI с'езду ВКП(б).

В своем известном выступлении на конференции аграрников-марксистов и в других выступлениях тов. Сталин наметил целый ряд важнейших экономических проблем социалистического строительства, требующих скорейшей теоретической разработки. От экономических журналов, приуроченных к XVI с'езду ВКП(б), необходимо, поэтому, потребовать солидную теоретическую продукцию в этой области. С этой точки зрения мы и хотим разобрать с'ездовские номера журнала «На плановом фронте» [1]).

Положительной стороной этих номеров является то обстоятельство, что в них приведено довольно много цифрового материала и фактов, показывающих ход выполнения пятилетки, подтверждающих правильность генеральной линии партии и бьющих как по правому, так и по «левому» оппортунизму. Ценным также является наличие обзора экономического состояния ряда республик и районов к XVI с'езду партии. Однако, наряду с этими положительными моментами есть ряд недостатков.

При разработке экономических проблем наблюдаются две неправильных установки, или две крайности: первая состоит в абстрактно-схематическом рассмотрении проблемы, оторванном от конкретного материала и живой действительности и вырождающемся в схоластические словопрения (примеры экономической дискуссии в ИКП и дискуссии «О новом этапе» в Комакадемии).

Другая же неправильная установка или крайность противоположного свойства состоит в следующем: хотя изучение проблемы и строится на конкретном материале, но оно носит сугубо эмпирический характер, без какой бы то ни было попытки углубленного теоретического анализа. При подобном изучении делаются лишь небольшие обобщения, непосредственно вытекающие из приводимых данных: это наиболее легкий путь, ибо здесь берется то, что лежит на поверхности. Не приходится преодолевать большой работы по сопоставлению и обработке данных и их исследованию. Но это есть путь наименее желательный, ибо в этом случае ряд важнейших проблем советской экономики остается без теоретической разработки, а частные проблемы не рассматриваются на базе общих узловых проблем; между тем только на этой основе, как известно, и может быть дана правильная перспектива и правильно решена любая проблема.

В журнале «На плановом фронте» мы имеем дело с крайностью второго рода. Даже в его с'ездовских номерах чрезвычайно мало внимания уделено углубленной теоретической разработке проблем нового этапа социалистического строительства. Почти единственным исключением является статья тов. Маймина «Город и деревня на путях к социализму», где делается серьезная попытка анализа проблемы «ножниц» на новом этапе. Подавляющее же большинство статей носит на себе отпечаток узко-эмпирического подхода к проблемам. Правда, «На плановом фронте» не является специально-теоретическим журналом и к нему нельзя пред'являть в деле теоретического анализа советской экономики таких требований, какие можно пред'явить к теоретическому органу. Но, с другой стороны, надо решительно покончить с вредным предрассудком, будто журнал с целевой установкой на освещение очередных практических задач хозяйственного строительства может ограничиться голой эмпирикой и изгнать со своих страниц углубленный теоретический анализ этих практических задач. К примеру скажем, что та же самая статья С. Кузнецова: «О реконструкции транспорта», преподнесенная в сугубо-практическом виде, много выиграла бы в смысле глубины, если бы задача реконструкции транспорта была теоретически увязана с узловыми проблемами советской экономики: проблемой ножниц (как реконструкция транспорта влияет на «ножницы»), проблемой темпов индустриализации страны и т. д.

---

[1]) № 9—10 и 11 за 1930 г

Таким образом, общий недостаток журнала состоит в недооценке теории и чрезмерном увлечении эмпирикой. Этот недостаток особенно остро ощущается в с'ездовских номерах, которые, к сожалению, мало отличаются от обычных номеров журнала.

Журнал известил своих читателей, что он «будет широко освещать основные текущие проблемы планирования и социалистического строительства СССР, ведя решительную борьбу с мелкобуржуазными течениями и оппортунистическими в области планирования и социально-экономической мысли..., будет разрабатывать актуальные вопросы генерального плана, будет освещать коренные вопросы социалистической реконструкции народного хозяйства» и т. д. Однако, в с'ездовских номерах журнала, наряду с наличием статей непервостепенного значения, не нашлось вовсе места для ряда центральных проблем. Проблема генерального плана; проблема того нового, что мы имеем в планировании на данном этапе; проблема реорганизации промышленности; кредитная реформа; проблема технической реконструкции хозяйства; характеристика буржуазного и мелкобуржуазного фронта в области экономики; развернутая характеристика экономической платформы как правого, так и «левого» оппортунизма и т. д. Все эти вопросы не только не освещены в самостоятельных статьях, но даже не «вкраплены» в другие статьи. Существенным недостатком, например, статьи В. Левина: «За выполнение пятилетки в 4 года» — статьи в целом обстоятельной по приведенному материалу, — является отсутствие анализа новых моментов, характеризующих планирование на данном этапе социалистического строительства. А эти новые моменты состоят в громадном возрастании силы планирования на базе роста обобществленного сектора и сужения поля деятельности стихии; новое в планировании заключается в доведении плана до каждого предприятия, цеха, низовой единицы. Это придает планированию большую крепость, реальность, мобилизует вокруг плана активность широких масс и является добавочной силой в борьбе за осуществление пятилетки в четыре года. Факт установления большей реальности плана начинает стирать грани между плановой и оперативной работой. Наконец, жизнь требует составления генерального плана, ибо гигантские об'екты строительства не укладываются уже в рамки пятилетки.

Другим недостатком статьи является игнорирование проблемы реорганизации управления промышленностью; между тем, последняя должна сыграть немаловажную роль в деле выполнения пятилетки в 4 года. В восстановительный период мы имели в промышленности разделение плановых и оперативных функций и, с другой стороны, слабую децентрализацию хозяйственных функций. В 1926/27 г. и особенно в 1928/29 г. была проведена некоторая реформа в смысле расширения самостоятельности предприятий и проложения новых путей (трест, синдикат, кооперация), но над промышленностью продолжали еще по инерции сильно тяготеть традиции восстановительного периода. Данный этап социалистического строительства, базирующийся на технической реконструкции, резко выпятил задачу технического руководства. Реорганизация управления промышленностью, состоящая в слиянии системы главков ВСНХ и системы синдикатов в единые об'единения, которые должны заниматься планированием производства и товарооборота, руководством финансовой и коммерческой деятельностью и, наконец, техническим руководством; состоящая, далее, в создании из ВСНХ штаба технического и планово-экономического руководства, — эта реорганизация целиком соответствует нуждам социалистического строительства на данном этапе и является одним из добавочных рычагов в деле форсирования последнего. Вот почему игнорирование нового в планировании, игнорирование реорганизации управления промышленностью не может дать полной картины резервов, обеспечивающих осуществление пятилетки в 4 года.

Ряд крупных пробелов имеется и в других статьях.

В статье тов. Маймина нет анализа того нового, что мы имеем в проблеме диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и что знаменует начало решительного смягчения двухсторонней диспропорции. Наконец, нет анализа трансформации рыночных отношений на данном этапе, в частности, совершенно выпала контрактация, изучение которой может дать ряд важнейших теоретических обобщений.

В статье С. Губермана: «Хозяйственный план в действии» выпала проблема электрификации, между тем, она должна быть становым хребтом общехозяйственного плана. Э. Бронштейн в статье «Изживание безработицы и проблема труда в СССР» ухитряется совершенно обойти вопрос о влиянии 7-часового рабочего дня и непрерывки на изживание безработицы. Недочетом статьи М. Голендо: «Первые шаги весеннего сева» является отсутствие анализа классовой топографии сева; кроме того, в статье не подчеркнута опасность слабого участия индивидуальных хозяйств в севе и необходимость ликвидировать этот прорыв. В статье О. Шмидта о плане подготовки кадров специалистов совершенно отсутствует анализ результатов реформы высшей школы. Эта статья замалчивает факт громадного запоздания пятилетки научных кадров, которое тормозит дело социалистического строительства.

В статье Л. Сабсовича: «Социалистические резервы и плановый реализм» автор отмечает ряд резервов, открывающих широкие возможности для бурного развития советского хозяйства, и справедливо подвергает критике тот «уклон» в планировании, который под флагом «реализма» проявляет консерватизм и переносит отношения прошлых лет на будущее, тормозя наше развитие и, следовательно, играя в руку врагам. Однако, тов. Сабсович должен был бы упомянуть еще об одном «уклоне» планирования, когда люди пытаются создать генеральный план путем лишь одной голой экстраполяции, путем статистических и математических упражнений, без какой бы то ни было живой конкретизации плана. Несмотря на то, что первый «уклон», исходя из прошлого, проектирует черепашьи темпы нашего развития, а второй «уклон», исходя из бурных темпов последнего времени, проектирует гигантские темпы развития — оба эти уклона близки друг к другу, ибо имеют одну и ту же неправильную методологическую основу: метод экстраполяции, приводящий нередко просто к цифровым эскизам, без учета качественных моментов в планировании, без строгого и глубокого анализа основных линий нашего развития. О втором «уклоне» тов. Сабсовичу следовало бы упомянуть, тем более, что он сам в своих работах «грешит» по части этого уклона.

Наконец, в журнале имеются и отдельные неправильные и сомнительные формулировки. Так, например, в статье Маймина сказано:

> «Для примера укажем, что в тех пунктах, где в результате свободного товарооборота и стихийной игры крестьянин—частный производитель или скупщик—выручает на высоких ценах (в 2 и больше раза превышающих обычно плановые цены) излишние денежные ресурсы, вовсе не обязательно оставлять промышленные цены на уровне средних отпускных цен. В этой части рынка вполне целесообразно начать осуществлять в плановом порядке политику повышенных цен на промтовары и только ,разумеется, в тех пределах, в которых общим планом намечено товарное снабжение отдельных слоев крестьянства. Точно так же не исключена возможность диференцированной политики сельскохозяйственных цен в районах сплошной коллективизации по мере действительных успехов колхозов в области снижения себестоимости продукции. Следовательно, на нынешнем этапе проблема «ножниц» перерастает, с одной стороны, в политику классовых цен на тех участках рынка, где еще продолжает развиваться свободный товарооборот, а с другой,—в проблему плановой себестоимости для тех с.-х. районов, которые развиваются на путях сплошной коллективизации» (стр. 26).

Прежде всего, никакого свободного оборота и стихийной игры цен, что характеризует буржуазные страны, у нас нет. Из факта, что на частном рынке цены бывают иной раз гораздо выше кооперативных (или плановых), нельзя еще делать вывода, что мы тут имеем стихийную игру цен, как при капитализме. Ибо выступление на рынке государственных и кооперативных организаций, сосредоточивающих в своих руках подавляющую часть товарооборота; государственное регулирование рынка, налоговый нажим на частника и т. д., — все эти факторы решительно ограничивают «стихийную игру цен».

Последняя фраза из цитированного отрывка дает повод относить всю часть деревни, где нет еще сплошной коллективизации, к сфере свободного товарооборота.

Правильно утверждение автора о необходимости учесть классовый момент в политике цен, о необходимости известной диференциации цен в зависимости от конкретных условий и т. д. Однако, в приведенной цитате есть неясное место, допускающее такое толкование, что любому крестьянину, не сдающему свою продукцию по плановым ценам, мы должны отпускать промышленные товары по повышенным ценам. В этом случае был бы нанесен удар по середняку, что привело бы к отрицательным экономическим и политическим последствиям.

* * *

В общем, несмотря на наличие отдельных интересных статей, с'ездовские номера «На плановом фронте» свидетельствуют, что журналу следует больше насыщать теоретическим содержанием освещение основных практических проблем социалистического строительства. Ибо без этого нельзя дать отчетливой перспективы плановикам и хозяйственникам, которых, в первую очередь, должен воспитывать журнал и поднимать эти кадры к самостоятельной творческой работе в деле построения и осуществления плана.

М. РЫЛЬСКИЙ.

ПОПРАВКИ.

По техническому недосмотру в статье тов. Борилина «Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа», помещенной в № 10 «Большевика», допущены следующие ошибки:

На стр. 146 указано, что приведенные цитаты из Ленина по вопросу о коллективизации взяты из брошюры «Государство и революция». Означенные цитаты взяты в действительности из брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

На стр. 148 примечание 3-е начинается с ковычек, между тем, ковычки здесь должны отсутствовать.

На стр. 154 сказано: «При этом нельзя думать, что то, что сделано промышленностью в отношении сельского хозяйства настолько достаточно, что дальше все пойдет своим чередом, «самолетом».

Вместо слова «самолетом» нужно читать «самотеком».

На стр. 159 сказано: это «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности колхозного сектора, должны быть нормированы и вмешательством государства». Нужно читать: «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности. При этом отношения товарности колхозного сектора должны быть нормированы и вмешательством государства».

РЕДАКЦИЯ.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54849. Москва. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Bolshevik

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

July

№ 14 31 ИЮЛЯ № 14

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Прежде всего, никакого свободного оборота и стихийной игры цен, что характеризует буржуазные страны, у нас нет. Из факта, что на частном рынке цены бывают иной раз гораздо выше кооперативных (или плановых), нельзя еще делать вывода, что мы тут имеем стихийную игру цен, как при капитализме. Ибо выступление на рынке государственных и кооперативных организаций, сосредоточивающих в своих руках подавляющую часть товарооборота; государственное регулирование рынка, налоговый нажим на частника и т. д., — все эти факторы решительно ограничивают «стихийную игру цен».

Последняя фраза из цитированного отрывка дает повод относить всю часть деревни, где нет еще сплошной коллективизации, к сфере свободного товарооборота.

Правильно утверждение автора о необходимости учесть классовый момент в политике цен, о необходимости известной диференциации цен в зависимости от конкретных условий и т. д. Однако, в приведенной цитате есть неясное место, допускающее такое толкование, что любому крестьянину, не сдающему свою продукцию по плановым ценам, мы должны отпускать промышленные товары по повышенным ценам. В этом случае был бы нанесен удар по середняку, что привело бы к отрицательным экономическим и политическим последствиям.

* * *

В общем, несмотря на наличие отдельных интересных статей, с'ездовские номера «На плановом фронте» свидетельствуют, что журналу следует больше насыщать теоретическим содержанием освещение основных практических проблем социалистического строительства. Ибо без этого нельзя дать отчетливой перспективы плановикам и хозяйственникам, которых, в первую очередь, должен воспитывать журнал и поднимать эти кадры к самостоятельной творческой работе в деле построения и осуществления плана.

М. РЫЛЬСКИЙ.

ПОПРАВКИ.

По техническому недосмотру в статье тов. Борилина «Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа», помещенной в № 10 «Большевика», допущены следующие ошибки:

На стр. 146 указано, что приведенные цитаты из Ленина по вопросу о коллективизации взяты из брошюры «Государство и революция». Означенные цитаты взяты в действительности из брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

На стр. 148 примечание 3-е начинается с ковычек, между тем, ковычки здесь должны отсутствовать.

На стр. 154 сказано: «При этом нельзя думать, что то, что сделано промышленностью в отношении сельского хозяйства настолько достаточно, что дальше все пойдет своим чередом, «самолетом».

Вместо слова «самолетом» нужно читать «самотеком».

На стр. 159 сказано: это «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности колхозного сектора, должны быть нормированы и вмешательством государства». Нужно читать: «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности. При этом отношения товарности колхозного сектора должны быть нормированы и вмешательством государства».

РЕДАКЦИЯ.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № А—54849. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Bolshevik

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

July

№ 14 31 ИЮЛЯ № 14

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

В СЕНТЯБРЕ 1930 ГОДА

НАЧИНАЕТ ВЫХОДИТЬ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ПАРТИЙНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

„ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА"

ОРГАН КУЛЬТПРОПОТДЕЛА ЛЕНИНГРАДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

«ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА» является в помощь пропагандисту, организатору пропаганды на предприятии и активу школ и кружков сети партийного просвещения, обслуживая их нужды по вопросам методики, организации и руководства партийным просвещением и общественно-практической работы учащихся школ и кружков.

«ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА» освещает опыт мест и организует развернутую самокритику работы сети партийного просвещения.

В «ЛЕНИНСКОЙ УЧЕБЕ» имеются следующие отделы: 1) Общеполитический, 2) Организационные вопросы партучебы, 3) вопросы методики, 4) самокритика, ударничество, социалистическое соревнование в сети партпросвещения (опыт мест), 5) хроника учебы, 6) официальный отдел, 7) библиография.

При журнале «ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА» издаются методические пособия трех типов.

1. Для—1) начальных партийных школ (городской и деревенской), 2) комсомольского кружка новичков, 3) кружка по женскому движению, и 4) делегатских собраний выпускаются методические разработки, рассчитанные на руководителя, с приложением хрестоматийного материала.

2. Для кружков текущей политики и тематических (коллективизация сельского хозяйства и др.) выпускаются отдельные тематические книжки материалов, необходимых для работы учащихся, с приложением методических указаний для руководителей.

3. Для предметных кружков—1) политэкономии, 2) экономполитики, 3) истории ВКП(б), 4) истории классовой борьбы на Западе и в России, 5) Ленинизма и 6) Истмат—выпускаются методические задания для слушателей кружков с приложением хрестоматийного материала и небольших методических указаний для руководителя.

Учебно-методические пособия выпускаются периодически, отдельными сборниками в [illegible]-3 печатных листа.

Подписной год начинается с 1-го СЕНТЯБРЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На ЖУРНАЛ—на год—2 руб., на полгода—1 р., на 3 мес.—[illegible] к.

НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ:

Начальная партшкола городская—1 рубль
Начальная партшкола деревенская—75 коп.
Текущая политика . . . 3 руб.
Комсомольский кружок новичков—50 коп.
Делегатское собрание работниц—1 руб.
Делегатские собрания крестьянок—75 коп.
Пособия для предметных кружков каждое по 1 руб. 20 коп.

Подписку направлять: в Ленинградское Отделение Государственного Издательства, Ленинград, пр. 25 Октября, 28, «ДОМ КНИГИ», во все филиалы, магазины, уполномоченным и в киоски Госиздата на предприятиях, а также почтово-телеграфные конторы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 1-33-23, кремл. 1-11.

№ 14 — 31 июля — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая. Международное рабочее движение и V конгресс Профинтерна. . 1
Чернов, М. Основные задачи хлебозаготовительной кампании. 13
Дятлов, В. К вопросу о распределении урожая в колхозах. . . 22
Верменичев, И. На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. (Окончание). 30
Докукин, Влад.. Социалистическая реконструкция транспорта СССР и транспорт САСШ. . . 47
Сегизбаев, Султан. За ленинское понимание характера Октября в средней Азии. . . 64

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Ральцевич, В. Философский «подарок» XVI с'езду ВКП(б). (О № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма»). 83

Международное рабочее движение и V конгресс Профинтерна.

Амстердам и Москва — два международных об'единения профессиональных союзов, два принципа, две установки. Одна установка — на классовый мир, на восстановление и стабилизацию капиталистического хозяйства, на «хозяйственную демократию», на «содействие капиталообразованию», на самоограничение рабочих в интересах сохранности и целости капиталистического общества. Другая установка — на классовую борьбу, на защиту интересов рабочего класса, на низвержение капитализма, на мобилизацию всех сил рабочего класса для революционной борьбы за социализм. Один принцип — сотрудничество классов, реформизм, ароматная голландская сигара для квалифицированных рабочих, другой — классовая борьба, большевизм, диктатура пролетариата. Это — два мира, две политики. Одна политика — политика превращения профдвижения в составную часть государственного аппарата буржуазии для подавления революционного движения рабочих масс, другая политика — политика превращения профдвижения в орудие классовой борьбы для низвержения капиталистического общества.

И также различны конгрессы этих двух профсоюзных интернационалов.

Всего несколько недель назад в мещанском тихом Стокгольме состоялся международный конгресс Амстердамского Интернационала профессиональных союзов, перед которым, по сути говоря, не стояло никаких других проблем, как помочь буржуазии переложить издержки теперешнего кризиса мирового хозяйства на рабочий класс. Перед собравшимся в большевистской рабочей Москве V конгрессом Профинтерна, по сути говоря, будет стоять также только одна проблема — как собирать силы, как организовать классовую борьбу, как отразить наступление капитала на жизненный уровень рабочих и перейти в контрнаступление, как использовать теперешний кризис для усиления позиций пролетариата и ослабления позиций буржуазии.

В этом — вся разница между стокгольмским и московским конгрессами. В этом — диаметральная противоположность их целей и задач. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что к V конгрессу Профинтерна будет привлечено в десятки раз больше внимания мирового пролетариата, чем к стокгольмскому конгрессу амстердамцев, хотя организационно за стокгольмским конгрессом и больше рабочих, чем за московским.

IV конгресс Профинтерна состоялся в первой половине 1928 года, в то время, когда впервые начали выявляться основные признаки третьего периода. Начинающееся обострение противоречий капиталистической стабилизации, обнаруживающей все большую гнилость свою, начинающаяся радикализация масс пролетариата, нежелающего не только отступить перед капиталом, но и жить дальше в старых условиях труда, возвещало новый под'ем рабочего движения, новую волну классовых битв. Этим обусловливался поворот в тактике коммунистов в экономических боях.

В чем состояла суть этого тактического поворота?

Социал-демократия показала уже, что она превращается в партию социал-фашизма, что она уже настолько срослась с буржуазным государством, что в интересах «общего целого», руководимый его аппарат профдвижения не только не будет возглавлять крупных классовых столкновений, но не будет руководить и самыми элементарными экономическими забастовками в интересах рабочих. Стало ясно, что в предстоящий период больших революционных возможностей компартия одна должна будет возглавлять и отдельные экономические стачки. Стало необходимым немедленно приступить к организации самостоятельного руководства стачками, чтобы быть подготовленными к самостоятельному руководству теми большими классовыми боями, которые неизбежно, в недалеком будущем, вытекают из вырисовывающейся перспективы кризиса. Стало необходимым усилить работу по оформлению революционной профоппозиции в странах с единым, нерасколотым, профдвижением и по очистке от социал-демократических пережитков красных профсоюзов в странах с расколотым профдвижением. Стало необходимым организационно укрепить революционную профоппозицию для самостоятельного руководства экономическими боями.

Этим обусловливалась необходимость поворота, это создало суть, содержание этого тактического поворота.

Оправдал ли себя этот тактический поворот?

Истекший период дает возможность со всей определенностью заявить, что перспектива мирового развития, перспектива кризиса, перспектива предстоящего развала стабилизации, перспектива дальнейшей

радикализации масс и приближения новой волны классовых битв,—все это легло в основу тактического поворота,—оправдала себя целиком. Буржуазное хозяйство корчится в судорогах кризиса. Мы пережили ряд чрезвычайно острых классовых битв; а гораздо больше таковых еще впереди. Все это доказывает крупнейшее решающее значение поворота, совершенного IV конгрессом Профинтерна,—не сделай мы это, мы, не могли бы выполнить наши обязательства передового отряда классовой борьбы.

Но еще более ясным станет ответ на этот вопрос, если вспомнить тактику капиталистов и реформистов за этот период.

В чем заключалась тактика нашего классового врага в рабочем вопросе?

Во-первых, в еще более усиленной рационализации, чем в предыдущий период, но в рационализации с уменьшающимся количеством технических нововведений, с уменьшающимся вложением капиталов, с перенесением все большей тяжести на организацию труда, на «рациональное использование» рабочей силы, на сокращение количества работающих и уменьшение суммы зарплаты, чтобы сохранить сумму прибыли. Во-вторых, в попытках установления «гражданского мира» на предприятиях (мондизм). В-третьих, в попытках отнять завоеванное рабочим классом социальное обеспечение, уменьшить пособия по безработице, увеличить фактический рабочий день и т. д. В-четвертых,— в переходе к непосредственному, неприкрытому снижению зарплаты. При этом, если эти четыре метода уменьшения суммы расходов на рабочих и увеличения суммы прибыли применялись капиталистами в исторической последовательности, то в отдельных, наиболее рано пораженных кризисом, отраслях промышленности, снижение зарплаты стало применяться уже в 1928 году (текстильщики, рурские горняки и т. д.). Одним словом, вся политика капиталистов была политикой наступления на рабочий класс.

В чем заключалась тактика реформистов?

Реформисты исходили и должны были исходить из своей совместной с капиталистами ответственности за целость и непоколебимость капиталистического строя. Капиталистическая хозяйственная система в глазах реформистов-социал-демократов потеряла характер капиталистической системы эксплоатации, превратилась в «хозяйственную общность народа», в «народную индустрию» (Гильфердинг, Нафтали, Реннер, Аустерлиц). Эксплоатируемые и эксплоататоры превратились в «индустриальное общество», в «индустриальный народ», в «граждан хозяйства». Теоретическую основу этой «науки» дали Гильфердинг на кильском партейтаге германской социал-демократии и Нафтали на гамбурском конгрессе германских профсоюзов (1928г.), на котором была выдвинута теория «хозяйственной демократии» и «конституционной фабрики». На этой основе стоял Гильфердинг, когда он прокламировал поворот от вопросов «непосредственной классовой борьбы» к новым задачам, в которых профсоюзы должны участвовать путем хозяйственной демократии. На этой же основе стоял Лейпарт, когда он писал, что «рабочие должны быть не только равноправными гражданами государства, но и равноправными гражданами хозяйства». И на этой основе стоит сегодня весь международный реформизм. Из этой «теории» вытекала позиция социал-демократии в вопросах классовой борьбы. *Во-первых*, реформисты стремились не допустить до забастовок, до борьбы, ибо согласно их новейшей теории, классовая борьба не является единственным и лучшим орудием в руках пролетариата. *Во-вторых*, они стремились устранить от решения вопросов о тарифах, зарплате и т. д. не только неорганизованных, т.-е. неподчиняющихся их директивам рабочих, а по мере роста сопротивления среди организованных и массу организованных в профсоюзах рабочих. *В-третьих*,— новую начавшуюся забастовку закончить принудительным арбитражем, т.-е. не развертывая борьбу, пойти на уступки капиталистам, выставляя в качестве нейтрального арбитра классовое капиталистическое государство. *В-четвертых*, — сломать всякую забастовку, идущую дальше признанных ими требований и решений арбитража. *В-пятых*, — не сопротивляться частичному, постепенному снижению пособий по социальному страхованию и безработице и т. д. В итоге, это — тактика срыва и борьбы против всякой забастовки, тактика отказа от пред'явления всяких требований, на которые капитал добровольно не дает своего согласия. *Это — тактика постоянного отступления и полной капитуляции перед капиталом*, тактика единого фронта с капиталом против рабочего класса.

Реформисты свою тактику отступления, капитуляции и срыва экономических классовых боев превратили в теорию, что в периоды хозяйственной депрессии нельзя вести экономических забастовок,—на самом деле, в теорию для оправдания своей штрейкбрехерской деятельности. Этой их теории и практике коммунисты должны были противопоставить свою стачечную стратегию и тактику, свою установку на развертывание борьбы в условиях кризиса, тактику контрнаступления пролетариата. Но они не сумели еще мобилизовать достаточно широких масс, чтобы прорвать единый наступающий фронт капитала, капиталистического государства и штрейкбрехеров-реформистов в важнейших его участках. Они не сумели еще оторвать достаточно широкие массы от реформистов и сделать их тактику невозможной.

В этом заключается задача дня.

VI конгресс Коминтерна (июль — август 1928 г.) констатировал, что мы вступаем в «третий период», одной из черт которого является радикализация масс и развертывание великих классовых битв. Под'ем стачечной волны в Европе осенью того же 1928 года был одним из главных показателей правильности этого анализа. Этот под'ем стачечной волны происходил в условиях выявляющихся признаков депрессии, открывающей полосу кризиса. В мировом масштабе этот кризис, прежде всего, поразил текстильную и угольную промышленность, в которых депрессия началась еще тогда, когда в остальной промышленности еще существовала высокая кон'юнктура. Это привело к забастовкам текстильщиков в Польше (Лодзь), Германии (Мюнхен-Гладбах) и во Франции (Север) и к забастовке горняков и металлистов на Руре.

В связи с этими забастовками перед нашими товарищами встал целый ряд важнейших политических и тактических вопросов, сыгравших громадную роль в выработке линии. *Во-первых*,—об историческом месте этих забастовок. Правые, еще не исключенные тогда из Коминтерна и Профинтерна, подчеркивали *оборонительный* характер этих забастовок и доказывали, что они происходят на нисходящей волне, что они, следовательно, являются не *предвестниками* новой стачечной волны, а *отзвуком* прежних больших классовых битв. *Во-вторых*,—в вопросе об организованных и неорганизованных рабочих. Во время этих забастовок Коминтерном впервые был во весь рост поставлен вопрос о вовлечении в борьбу и организацию неорганизованных, которые поднялись к активной революционной классовой борьбе, которые показали в этих забастовках себя зачастую более революционными, чем организованные в профсоюзах рабочие. Непонимание этой революционной роли неорганизованных, с одной стороны, выявляло настроение своего рода профсоюзного аристократизма и непонимания условий и причин, благодаря которым широкие массы — большинство — рабочих остаются вне профсоюзов, с другой стороны, означало непонимание того, что мы входим в период, одной из черт которого является радикализация рабочих масс и что эта радикализация, прежде всего, сказывается в выступлениях наиболее угнетенных эксплоатируемых групп рабочих. *В-третьих*, — о роли и значении самостоятельной тактики коммунистов в забастовках. Во время этих забастовок коммунисты впервые ломали в больших боях профсоюзную легальность, создавая забастовочные комитеты (Лодзь, Рур) с вовлечением в них неорганизованных. *В-четвертых*, — в вопросах о перерастании экономической стачки в политическую борьбу. Лодзинская текстильная забастовка превратилась во *всеобщую*, явно политическую забастовку. Рурская забастовка явно обнаружила, что необходимо бороться против тройственного союза капиталистов, государства и реформистов, что нужно итти на прорыв этого единого фронта, чтобы получить успех.

1929 год дает общее уменьшение количества забастовок и бастующих в ряде важнейших стран (Германия, Польша, Чехо-Словакия, Бельгия, Индия, Австралия и др.) при колеблющемся положении в САСШ и значительном росте стачечного движения во Франции и Англии. Это дало повод правым и левым ренегатам вновь открыть атаку по нашей линии, доказывая, что радикализации масс нет, что стачечное движение есть основной показатель революционизирования масс, оно же, мол, показывает не под'ем, а упадок. Больше того, что надвигающийся кризис означает депрессию, а не радикализацию в рабочем классе, что на этой нисходящей, на депрессии *стачка невозможна*, что разговоры о великой волне классовых битв являются пустой болтовней.

Что нового показала стачечная волна 1929 года?

Она доказала, что в настоящий период стачка все больше должна развиваться помимо и против реформистских профсоюзов, которые не хотят и не будут вести стачек, а будут всемерно противодействовать их развитию и срывать их по их возникновении. Разве всеобщая забастовка горняков в Англии в 1926 году не означает поворот в английском профдвижении? Было бы сверхоппортунизмом видеть в этой забастовке только поражение. В ней выявлялся уже тогда рост революционности масс, желающих развернуть борьбу вопреки профсоюзным лидерам. Гораздо больше в ней выявлялся рост активности самых угнетенных и отсталых масс, направляющих свой удар против капиталистического режима в целом. Именно поэтому английские реформисты в итоге этой забастовки пошли в открытый блок с буржуазией и сами легли барьером, чтобы не допустить рабочих к органдизации новых забастовок. Без этого никакой застой в английской промышленности не мог бы привести к падению количества забастовок вдвое. Разве Венское восстание 1927 года, возникшее помимо и против австро-марксистского руководства не положило конец «левизне» австро-марксизма? Такое же значение для германской социал-демократии, уже в гораздо большей мере сросшейся с государственным аппаратом, имела Рурская забастовка 1928 года. После этих и им подобных движений становится ясно, что теперь реформисты начинают постепенно терять свою руководящую роль в рабочем классе, что борьба все более развертывается — при активном участии неорганизованных масс, при все шире распространяющейся практике создания массами своих органов руководства забастовками, при все большем перехлестывании движения через голову профсоюзов и превращения всякого крупного движения за повышение зарплаты или против ее снижния в политическую забастовку, сопровождающуюся столкновениями с аппаратом государственной власти — и развертывается массовое революционное движение.

Чем более приближается кризис, чем острее депрессия, тем более явной становится штрейкбрехерская роль социал-демократии, тем более социал-демократия стремится не допустить до стачки, сорвать само движение за зарплату. Особенно это становится явным в Германии, где социал-демократия находилась у власти. Принудительный государственный арбитраж — вот то оружие, которое выставляется против рабочих масс в этих условиях. Поэтому большинство движений за зарплату заканчивается, не доходя до стачки. Рабочие не видят организованного руководства и помощи в забастовке, видят колоссальные трудности забастовок, проводимых против профсоюзов и все чаще хватаются за другие методы борьбы, все большее значение получают другие формы пролетарской революционной активности.

1929 г. есть, прежде всего, год революционных демонстраций во всех странах, уже находящихся в кризисе или вступающих в него. Форма уличных выступлений, в которых руководство компартии гораздо сильнее, кажется рабочим массам наиболее выгодным и прямым путем выступления против существующего режима. Неорганизованные—они наталкиваются в предприятии на организованную силу реформистско-предпринимательского блока. Реформисты подходят к рабочим с заявлениями, что в условиях кризиса экономическая борьба невозможна. Открытое наступление капитала идет еще главным образом на отдельные группы рабочих. Основной формой этого наступления является уменьшение пособий безработным, ухудшение социального страхования, введение новых налогов, рост дороговизны, т.-е. наступление на жизненный уровень рабочих протекает в формах, которые определяются вне предприятий. Внутри предприятий это наступление еще не является наступлением всем фронтом, а протекает в формах увольнений, которые требуют выступлений солидарности, а не затрагивают еще непосредственно всех рабочих.

Развертывание кризиса в 1930 г. характеризуется в основных капиталистических странах Европы и в ряде внеевропейских стран уже наступлением капитала по всему фронту, т.-е. развернутым наступлением и на уровень зарплаты. Поэтому последние месяцы характеризуются новым поворотом в стачечном движении с переносом главного центра борьбы опять на предприятия, при чем эта фронтовая атака на жизненный уровень рабочих в странах кризиса сопровождается частичным наступлением на зарплату в странах, только что входящих в депрессию. Самыми важнейшими из забастовок этого периода являются забастовка английских шерстянников, Мансфельдская забастовка в Германии, Рурская забастовка — там же, забастовка на Севере Франции и т. д., сопровождающиеся рядом меньших по размерам забастовок во всех странах. Для истории классовой борьбы эти забастовки безусловно имеют не меньшее значение, чем забастовки осени 1928 года. Они показывают высшую стадию развертывания борьбы, рост революционных настроений, частичное высвобождение из-под влияния социал-фашистов и возросшую организованность и спаянность рабочих масс.

Английская забастовка шерстянников своим острием была прямо направлена против правительства Макдональда, именующего себя рабочим правительством, и против английского реформизма в целом. Она втянула новые слои английского пролетариата, его самые угнетенные и эксплоатируемые слои. Она показала колоссальное брожение в рабочем классе Англии и готовность английского пролетариата бороться под руководством компартии. Ее непосредственный неуспех ни в коем случае не означает нашего политического поражения, она означает, что в системе английского капитализма уже образовались глубокие трещины, которые показывают всю его гнилость и неустойчивость. Мансфельдская забастовка показала уже значительную зрелость забастовочного руководства германской профоппозиции, ее умение мобилизовать массы, вести их за собою против реформистов, бороться против предательства и т. д. Но ни одна из этих забастовок еще не закончилась победой революционной профоппозиции, что, однако, не уменьшает их значения.

Эти забастовки показали широким рабочим массам, что возможна борьба и против воли реформистских профсоюзов под руководством профоппозиции. Эти забастовки показали, что происходит глубоко идущий процесс радикализации масс, что в революционный фронт втянуты новые, широкие пласты рабочих. Эти забастовки показали, что капиталистам и при соглашении с реформистами не удается без боя отбросить назад рабочих и возложить на них все издержки кризиса. Эти забастовки показали, что чем быстрее срастается реформистский профаппарат с капиталистическим государством, тем более рабочие массы освобождаются из под его влияния.

Но вместе с тем все эти забастовки показали и ряд слабостей революционного фронта. Важнейшим недостатком этих забастовок была исключительно оборонительная установка их. Они не подготавливались в течение продолжительного времени революционными профорганизациями. Наоборот, наше руководство приходило на готовое, на стихийно выросшие настроения масс к борьбе, не участвовав во всех предыдущих стадиях подготовки ее. Мы в ряде случаев среди бастующих рабочих не имели никаких постоянных организаций (английские шерстянники), а там, где они были, они проявляли себя в недостаточной мере, не стали базой и опорой для развертывания борьбы. Мы не умели достаточно хорошо ухватиться за то, что больше всего болит у рабочих, и от этих болячек не смогли поднять их до политической борьбы. Мы не сумели организовать широкого сочувствия бастующим вне районов забастовок.

Наш успех, главным образом, политический.

Мы добились того, что рабочие уже не боятся боя. Добились, что мы признаны как руководство, добились того, что мы единственное руководство в даных условиях. Мы доказали, что экономическая стачка вполне возможна в условиях кризиса и имеет значительные шансы на успех, если удастся освободиться из-под реформистского руководства. Не сдаваться перед кризисом, не капитулировать перед наступлением капитала, а развертывать борьбу — таков будет вывод, который из этих стачек сделают рабочие.

Революционное профдвижение за время после IV конгресса в общем масштабе продвинулось весьма значительно вперед в смысле самостоятельного руководства боями, но значительно менее в смысле организационного усиления и закрепления.

В классовых битвах за нами идут такие массы рабочих, к которым мы до этих битв почти что не обращались, которых мы до этих битв не организовывали.

Это об'ясняется тем, что мы еще не сумели обыденной каждодневной работой оторвать широкие массы от реформистов, не смогли их привлечь на сторону наших организаций вне битвы, но только во время битвы мы стали на виду масс.

Мы в «военное» время сильнее, чем в мирное, т.-е. во время стачки сильнее, чем вне стачек. Но, однако, и во время стачек мы организационно еще слабы.

Наши слабости во всех странах вытекают из одного корня — из неумения отвоевать массы на предприятии от социал-фашизма и прочно об'единить под наше руководство, что, в свою очередь, является следствием правого и «левого» оппортунизма в наших организациях.

В чем основное конкретное выражение правого уклона на предприятии, в профсоюзе, в нашей массовой работе?

Прежде всего, в том, что стирается грань между правооппортунистами и реформистами в глазах масс. Прежде всего, в том, что правооппортунисты скатываются к политическим, и следовательно, тактическим позициям социал-демократии. Если правооппортунист так же, как реформист говорит, что во время кризиса борьба невозможна и нужно капитулировать перед предпринимателем, если правооппортунисты в фабзавкомах голосуют за сокращение рабочих по предложению предпринимателя, то как рабочему отличить, где амстердамовец, где сторонник красного Профинтерна. Но больше того, рабочие идут к нам потому, что мы единственные защитники масс против капитала, эксплоатации, — а зачем же рабочим нужны красные фабзавкомщики, которые голосуют за сокращения рабочих, не могут, не хотят повести на борьбу за повышение зарплаты. Правооппортунисты отталкивают массы от нас.

В чем основное конкретное выражение «левого» уклона на предприятии, в профсоюзе, в нашей массовой работе?

Прежде всего, в том, что под радикальными фразами «левых» скрывается то же реформистское ничегонеделание для рабочих масс. Прежде всего, в том, что «левые», записавши всех организованных в реформистских профсоюзах в рабочую аристократию, отказываются фактически от упорной и тяжелой борьбы за организованных в реформистских профсоюзах рабочих. Прежде всего, в том, что переоценивая силы социал-фашизма на предприятии, «лево»-уклонист также приходит к выводу о невозможности экономической борьбы, он не видит в экономической забастовке возможности выдержать до конца, не видит возможности выигрыша. Он поэтому не придает большого значения реальным требованиям рабочих.

«Левый» уклонист также отпугивает от нас рабочих, усиливает реформистские профсоюзы.

Борьба за укрепление революционного профдвижения это, прежде всего,—борьба как против правооппортунистов, так и «лево»-уклонистов, ибо рабочий должен видеть, что революционные профсоюзы, организаторы оппозиции, действительно, на деле отличаются от реформистов.

Конечно, было бы глупо думать, что в настоящую эпоху, в эпоху дьявольски острой классовой борьбы, создать и укрепить красные профсоюзы дело легкое. Против красного профсоюза стоит тот же тройственный союз капиталистов, государства и социал-фашистов, как и против всей рабочей массы во время забастовки. Целый ряд организаций красных профсоюзов закрыты полицией, нередко арестовываются работники красных профсоюзов, конфискуется имущество. Почти во всех странах при всех увольнениях сторонников Профинтерна выгоняют в первую очередь с предприятий. Но все это ни в малейшей мере не может об'яснить и оправдать организационной слабости и, даже, уменьшения членов красных профсоюзов, например, во Франции и Чехо-Словакии.

Однако, главными причинами слабости наших красных профсоюзов являются отнюдь не террор и преследования, а то обстоятельство, что они не сумели стать действительными представителями рабочих в их борьбе за повседневные мелкие экономические требования рабочих масс, в борьбе против наступления капитала на зарплату, условия труда и быта рабочих, что красные профсоюзы до сих пор зачастую больше похожи на партию, чем на профсоюз.

Сознавая эту причину нашей организационной слабости, V конгресс Профинтерна должен сосредоточить максимум внимания на этих вопросах защиты жизненного уровня и бытовых условий рабочего. Вместе с тем, Профинтерн должен иметь такие лозунги, которые могли бы помочь рабочим массам от этих вопросов перейти к более широким политическим задачам. Революционный красный профсоюз — организация, мобилизующая рабочие массы для классовой борьбы,—это сочетание конкретных бытовых и общеполитических задач должен использовать для того, чтобы стать действительно широкой, действительно массовой организацией.

Наши задачи в странах, где имеются красные профсоюзы, более или менее отчетливы. Здесь все усилия прилагаются к укреплению революционных профсоюзов, вовлекая в них массу, строя их на основе предприятий, создавая для них опорные пункты в фабрично-заводских комитетах и т. д., но в то же время не бросая работы в реформистских профсоюзах по отвоеванию находящихся еще там широких рабочих масс для перевода их в красный профсоюз.

Мы ни в одной стране не можем отказаться от работы в реформистских профсоюзах. Мы должны в них вести упорную работу как там, где мы имеем красные профсоюзы, так и, в особенности, там, где мы красных профсоюзов не имеем. Это не означает, что не нужно работать в христианских и даже в фашистских профсоюзах. Но совершенно неправильно ставить на одну доску реформистские, христианские и фашистские профсоюзы. Не потому, что одни вожди — лучше других, а потому что методы вовлечения и удержания рабочих в реформистских профсоюзах другие, чем в фашистских и христианских, что методы влияния на массу здесь другие. Конечно, рабочий, идущий в фашистский союз, обманут, несознателен, нужно его просветить, но он, вступив в фашистскую организацию, вошел в боевую организацию буржуазии для борьбы против организаций, ведущих классовую борьбу. Это заставляет по отношению к нему применять особые методы работы. Это удерживает мало-мальски сознательных, мыслящих рабочих от какого-либо соприкосновения с этими союзами. Другое дело — реформистские профсоюзы. В целом ряде стран они еще называются классовыми. Сюда рабочий приходил, искренно думая, что идет в организацию для классовой борьбы и видел в этих организациях свою действительную защиту. Да и теперь он в мелких текущих вопросах кое-в чем находит защиту в союзе, ибо было бы глупо представить, что реформисты с утра до вечера только и делают, что открыто предают рабочих. Предавая оптом и в розницу, они «ходатайствуют» за грошевые подачки. Поэтому в этих союзах есть—широкие рабочие массы, здесь есть широкое поле для нашей деятельности, поэтому в ряде стран не может быть речи о создании серьезных красных профсоюзов, не отвоевав основной части рабочих у реформистов. Те, которые говорят, что нет различия между фашистскими и реформистскими профсоюзами, во-первых, этим самым фактически выступают против работы по отвоеванию и переубеждению находящихся там рабочих, во-вторых, они приводят к тому, что в работе в реформистских профсоюзах применяются те же методы «убеждения», как и в фашистских.

Такая тактика, проводимая в жизнь, была бы самой пагубной, сектантской тактикой.

Мы должны вести упорную работу в реформистских профсоюзах для завоевания масс для революционной профоппозиции. Но наши товарищи не всегда это делают. Мы можем сказать смело, что внутри реформистских профсоюзов за последний год наше влияние повсюду уменьшилось. В этих условиях сплошного издевательства реформистской бюрократии над членской массой профсоюзов, не только многие активные коммунисты были исключены, но гораздо большее количество ушли сами. После штрейкбрехерства на отдельной фабрике нередко группа сознательных рабочих, иногда целое профсоюзное отделение, вместо того, чтобы бороться за влияние в союзе, постановляет прекратить платеж членских взносов, и уходит из профсоюзов. К сожалению, не везде наши организации в достаточной мере противодействовали этим тенденциям, а без этого основной массы организованных в реформистских профсоюзах рабочих нам не завоевать. В Германии и в Англии мы потеряли некоторые позиции внутри профсоюзов, но если в Германии мы одновременно построили мощную профоппозицию, то в Англии мы и движение меньшинства потеряли как организованную силу.

Отказ от работы в реформистских профсоюзах есть отказ от борьбы за широкие массы рабочих, который требует самого решительного осуждения. В этом наиболее остро проявляются сектантские настроения наших профработников.

Отказ этот обосновывается стремлением к созданию красных профсоюзов в странах, где мы еще имеем не расколотое реформистами профдвижение. В этих условиях чудовищных предательств реформистов вряд ли можно найти коммуниста, который ориентировался бы на то, что нам долго удастся сидеть в реформистских профсоюзах, тем более трудно найти такого коммуниста, который был бы против создания красных союзов вообще.

Дело в методах и темпах.

Нам нужны не карликовые профсоюзы, нам нужны мощные профсоюзы, могущие руководить борьбой рабочего класса, говорить от его имени, представлять рабочий класс и его классовые интересы. Нам не нужны, мелкие, никчемные осколки профсоюзов, профсоюзные секты, вроде бельгийских рыцарей труда и т. п. Такие организации, как бы революционными они себя ни называли, на деле будут тормозить создание сильных и мощных красных профсоюзов. Неправильно при этом было бы ориентироваться повсюду на неорганизованных, в первую очередь. Есть ряд стран, в которых профсоюзы — клика бюрократов, социал-фашистская банда, — понятное дело, что там строительство новых профсоюзов должно опираться на неорганизованных. Но в таких странах, как, например, Германия было бы глупостью создавать красные профсоюзы, не имея возможности увести из реформистских профсоюзов значительной массы рабочих. Поэтому наши германские товарищи всячески сопротивляются провокации реформистов — заставить нас уйти, пока широкие массы в реформистских профсоюзах еще не пришли в движение, и тем изолировать от масс, сделать невозможным, чтобы при предстоящем политическом кризисе в реформистских союзах мы стали бы во главе недовольных.

Мы идем к тому, что нам придется повсюду создавать красные профсоюзы, но мы ни в коем случае не должны торопиться, не должны поддаваться на провокацию реформистов, ибо для них, чем раньше нас отколоть, тем лучше.

Тем временем мы должны всеми силами укреплять политически и организационно революционную профоппозицию, понимая, что это есть зародыш новой крепкой организации, которая может появиться на свет, когда жизнеспособность ее обеспечена.

Но нам нужны не организации на бумаге, а организованные массы.

Поэтому лучше слабое организационное оформление больших масс, пока мы подойдем к крепкой организации, руководящей и представляющей массы.

Основное — политическое завоевание масс.

Организационные задачи только на основе этого завоевания масс могут быть решены.

V конгресс Профинтерна своими работами и решениями обеспечит организацию революционного контрнаступления пролетариата.

М. Чернов.

Основные задачи хлебозаготовительной кампании.

В хлебозаготовительную кампанию 1930—31 г. мы вступили, имея богатейший опыт из практики трех предшествующих лет ожесточенной борьбы с капиталистическими элементами и, прежде всего, с кулачеством на хлебном фронте. Приобретенный опыт и достигнутые в борьбе результаты должны лечь в основу построения новой хлебозаготовительной кампании.

Хлебозаготовительный фронт состоял и состоит из двух тесно увязанных между собой участков борьбы. Первый участок—борьба рабочего государства за поступление в его распоряжение наибольшего количества товарных излишков хлеба от существующего на данном этапе производства зерна. Второй участок—борьба за расширение зернового производства на базе крупного обобществленного хозяйства. Оба участка были тесно переплетены друг с другом. Каждый успех на одном из них продвигал нас вперед на другом участке и наоборот. В результате мы одерживали победу за победой на всем фронте борьбы за хлеб. В этом отношении особенно показателен опыт предыдущей хлебозаготовительной кампании. Партией с самого ее начала были мобилизованы вокруг хлебозаготовок широкие бедняцко-середняцкие массы деревни и через них было организовано решительное наступление на кулацкие элементы. В результате государственный план хлебозаготовок был выполнен в размере 109 проц. по всем зерновым хлебам и в размере 102% по продовольственным культурам. В порядке твердых планов сдачи хлеба государству от кулацких и зажиточных хозяйств, благодаря нажиму со стороны бедняцко-середняцкой общественности, было из'ято 3,5 млн. тонн, или 23% всех заготовок. Кулаки были вынуждены сдать государству не только излишки хлеба производства текущего года, но и старые запасы; последние у кулаков были одним из средств эксплоатации бедноты. В результате хлебозаготовок эти запасы хлеба поступили в распоряжение государства.

Успешное завершение хлебозаготовительной кампании в свою очередь содействовало успешному развертыванию колхозного движения. Богатый опыт борьбы бедняцко-середняцкой массы деревни против кулачества во время хлебозаготовок был одним из стимулов, развивавших колхозное движение и закреплявших колхозы. Развитие обобществленного сектора сельского хозяйства, в свою очередь, содействовало успеху хлебозаготовок. Уже в прошлую кампанию от совхозов и колхозов было получено 2 млн. тонн зерна, или 12% общих заготовок. Хлеб обобществленного сектора был особенно ценен тем, что он поступал наиболее быстро и тем позволял перейти от одного сельскохозяйственного года к другому без перебоев в снабжении страны хлебом. Возможность таких перебоев, благодаря ничтожным размерам переходящих запасов, была налицо. Эта возможность была предотвращена только благодаря быстрой мобилизации совхозов и колхозов в первые же недели кампании.

К новой хлебозаготовительной кампании партия подошла с крупными достижениями по всему фронту борьбы за хлеб. Величайший переворот в развитии сельского хозяйства произвел огромные сдвиги в его структуре и резко изменил лицо деревни. Сдвиги в сторону социалистического преобразования деревни ярко выступают в следующей таблице, где дано сопоставление товарных излишков хлеба за прошлые годы и фактических заготовок в 1929—30 году с планом на новую кампанию по отдельным секторам и источникам поступления хлеба (в процентах)

	Довоен. время	1926/27 г	1929/30 г.	1930/31 г.
Помещики	21.6	—	—	—
Кулаки	50	20	23	3
Бедняки и середняки .	28.4	74	65	44
Совхозы и колхозы . . .	—	6	12	53
Итого:	100	100	100	100

Обобществленный сектор сельского хозяйства в государственном плане хлебозаготовок занимает уже больше половины и превышает удельный вес кулацких хозяйств в прошлую кампанию в 2,5 раза. Роль кулацких хозяйств в товарных излишках хлебов понизилась с 23% в прошлом году до 3% в новую кампанию. Удельный вес колхозов составляет теперь 45%, что почти покрывает роль кулацких хозяйств в довоенное время. Повышение удельного веса обобществленного сектора сельского хозяйства достигнуто за счет увеличения посевных площадей, повышения урожайности по сравнению с единоличными хозяйствами и высокой товарности хлебов. Посевная площадь под зерновыми хлебами в совхозах и колхозах достигла 32,4 млн. га, вместо 4,6 млн. га в прошлом году. Отдельно: в совхозах 2,8 млн. га, вместо 1,2 млн. га и в колхозах 29,6 млн. га вместо 3,4 млн. га.

Урожайность в среднем по Союзу на гектар определяется: в совхозах 9,87 центнеров, в колхозах 9,16 цент. и в единоличных хозяйствах 8,35 центнеров. Уже в прошлом году товарность хлебов по отдельным секторам составляла: в совхозах—56%, в колхозах — 37% и у единоличников — 18%. Развертывание совхозов и мощный рост колхозов уже сами по себе, помимо общего роста посевных площадей и климатических условий, должны были дать значительно повышенную, по сравнению с прошлым годом, товарную массу хлеба. Между тем, и общие условия оказались достаточно благоприятными для новой хлебозаготовительной кампании. Посевная площадь озимых и яровых хлебов выше прошлогодней на 9%. Урожайность выше средней и оценивается по отношению к прошлогодней в 112%.

Все условия таковы, что мы могли построить план хлебозаготовок на новую кампанию значительно шире по сравнению с прошлым годом. Это дает возможность утверждать, что новая хлебозаготовительная кампания позволит нам изжить те затруднения с хлебом, которые мы переживали. Дальнейшее развертывание совхозов, развитие строительства колхозов, которое будет осуществлено в новом хозяйственном году, поведет уже к полному удовлетворению всех потребностей страны в хлебе. Новая хлебозаготовительная кампания важна именно тем, что она является поверкой на практике результатов социалистического строительства в деревне и должна дать в распоряжение государства такое количество хлеба, которое было бы достаточно для удовлетворения всех насущных потребностей государства.

Каждый год хлебозаготовительная кампания требовала напряжения сил партии, мобилизации рабочих и бедняцко-середняцких масс на борьбу за дело хлебозаготовок. Такие же требования пред'являются и новой хлебозаготовительной кампанией. Чтобы разрешить те задачи, которые перед ней стоят, потребуется громадное напряжение всех сил. Внешние условия вполне обеспечивают возможность выполнения установленного широкого плана хлебозаготовок. Однако, это отнюдь не означает, что мы сумеем разрешить задачи новой хлебозаготовительной кампании в порядке самотека. Нужна будет максимальная организованность и умение мобилизовать рабочие и бедняцко-середняцкие массы на борьбу за хлеб. Самое опасное для хлебозаготовок — недооценка трудностей, увлечение благоприятными внешними условиями и надежда на самотек. Первое, чего нужно достигнуть, — уничтожение всякого «самотечного» настроения. Первые недели новой хлебозаготовительной кампании показывают, что такого рода настроения на местах имеются. Рассуждают иногда так: «У нас сплошная коллективизация, мы укажем каждому колхозу, сколько он должен сдать хлеба государству и по часам выполним план хлебозаготовок»; или: «Урожай большой, хлеба крестьянами собрано много, затруднений в хлбозаготовках не будет»; или «Опасности, какую мы имели в прошлом году, нет. Кулаки ликвидированы, остались лишь захудалые кулаки где-то там по заколхозным полям и поэтому план хлебозаготовок может быть выполнен легко».

С такого рода настроениями приходится встречаться в настоящее время, и они составляют прямую угрозу успешному проведению кампании. Не подлежит никакому сомнению, что мощное развитие обобществленного сектора сельского хозяйства в значительной мере облегчает проведение новой хлебозаготовительной кампании и, прежде всего, позволяет придать ей максимальную организованность. Однако, это не устраняет трудностей. В новой кампании мы встречаемся с ожесточенной борьбой со стороны кулацких элементов деревни. Кулаки потеряли свою прежнюю силу, основанную на производстве хлебов. Тогда, сосредоточивая в своих руках значительное количество товарных излишков хлеба, они через них воздействовали на остальные слои деревни: сами упорно сопротивлялись продаже своего хлеба государству и подбивали к этому другие группы крестьян. Теперь кулаки будут действовать по другим линиям. Они будут всячески пытаться воздействовать на крестьян-середняков, в том числе и на неустойчивую часть колхозников, играя на их индивидуалистической психологии и агитируя за задержку продажи хлеба государству. С этой стороны они будут использовать резкую разницу между государственными заготовительными ценами и спекулятивными ценами; этой разницей они будут прельщать отдельные группы крестьян в своей агитации за отказ продажи хлеба государству. Кроме того, кулаки особенно будут вредить делу хлебозаготовок путем спекуляции хлебом. Кулак потерял возможность наживы и обогащения на основе производства, но само стремление к наживе и обогащению у него сохранилось. Он будет пытаться и уже пытается, как показали первые недели кампании, развернуть спекуляцию хлебом, чтобы таким путем осуществить свои стремления. Атаки кулака против хлебозаготовок должны быть отбиты с самого начала кампании, его попыткам развернуть вредительскую агитацию и спекулятивную работу необходимо противопоставить организованную силу самой бедняцко-середняцкой массы села. Поэтому, самое главное в новой хлебозаготовительной кампании — это умелый и гибкий подход в деле хлебозаготовок к отдельным хлебосдатчикам и на этой основе мобилизация их сил вокруг хлебозаготовок.

В настоящее время мы имеем большое разнообразие среди крестьянских хозяйств: колхозы с обобществленной продукцией зернового хозяйства; колхозы, где сохранены в индивидуальном распоряжении озимые посевы; единоличные хозяйства, контрактующие свои посевы; единоличные хозяйства, не контрактующие своих посевов; кулацкие хозяйства. Это разнообразие требует гибких методов работы для того, чтобы обеспечить поступление товарных излишков хлеба в распоряжение государства и мобилизацию вокруг хлебозаготовок бедняцко-середняцких масс в деревне. Колхозы дают государству хлеб в размерах, установленных для них норм сдачи. Наркомторгом СССР установлены средне-областные и республиканские нормы сдачи хлеба колхозами в следующих размерах: Украина — 35%, Крым — 25%, Сев. Кавказ — 33%, Нижняя Волга — 30%, Средняя Волга — 28%, ЦЧО — 25%, Башкирия — 28%, Урал — 25%, Татария — 15%, Сибирь — 29%, Казакстан — 30%, Дальне-Восточный край — 25%, Киргизия — 25% и для районов потребляющей полосы установлена норма от 3 до 13% от валового сбора хлебов. На основе средне-областных норм с учетом структуры хозяйства в отдельных районах установлена примерная сдача хлеба колхозами. Количество хлеба, сдаваемого в порядке выполнения норм колхозами определяется установленными для районов нормами и размерами валового сбора хлебов в каждом колхозе. Поэтому, важнейшее требовние сводится к тому, чтобы был правильно определен валовой сбор хлебов в колхозах. В прошлую кампанию при установлении сельских планов хлебозаготовок в ряде мест наблюдались ошибки. Одним селам давались планы преувеличенные и они выполнялись с большим трудом, при хорошей организационной работе, а то и совсем не выполнялись; другим селам давались планы преуменьшенные, которые легко выполнялись при плохой организационной работе.

Ошибки, наблюдавшиеся в распределении планов по селам, уже были большим злом, но еще большим злом будет неправильное распределение количества сдачи хлеба колхозами. Колхозы, получившие преувеличенные задания, будут испытывать потом большие затруднения в развитии своей хозяйственной деятельности, что безусловно осложнит развитие данных колхозов. Поэтому особенно необходимо с наибольшей ответственностью подойти к определению валового сбора хлебов в колхозах и к установлению примерных норм сдачи ими хлеба. Средний процент сдачи хлеба колхозами по СССР определяется в размере 33. Между тем, уже в прошлом году колхозами было сдано до 37% валового сбора хлебов в колхозах. В этом году товарность в колхозах, в связи с повышением урожайности, и больший посев обеспеченности на каждое хозяйство, вошедшее в колхоз, значительно выше. Поэтому сверх установленной нормы сдачи хлеба в колхозах будут дополнительные товарные излишки хлеба. Колхоз в праве ими распоряжаться по своему усмотрению: он может их употребить на улучшение питания своих членов, на развитие животноводства и может пустить в продажу.

Не может быть сомнения, что кулак разовьет бешеную агитацию за продажу этих излишков по спекулятивным ценам на частный рынок. При этом кулак будет играть на мелкособственнических инстинктах наиболее отсталой части колхозников—вчерашних единоличников. Каждому сознательному колхознику должен быть ясен тот вред, который был бы нанесен пролетарскому государству и делу колхозного движения подобным выступлением колхозника на поприще хлебной спекуляции. Вступая на этот путь, колхозник противопоставляет себя пролетарскому государству и оказывает помощь его злейшим врагам, хлебным спекулянтам-кулакам.

В каждом районе должна быть проведена по этому вопросу большая раз'яснительная работа среди колхозников. Опираясь на колхозную массу, организуя социалистическое соревнование, мобилизуя бедняцко-середняцкую общественность, нужно добиться, чтобы отпор кулацкой агитации и максимальная сдача хлебных излишков сверх установленной нормы государству стало делом чести для широких масс колхозников. Добиться этого является важнейшей задачей партийных и советских организаций в районе. В то же время необходимо жестко пресекать всякие попытки кулака выступить в роли хлебного спекулянта.

Продажа колхозами государству всех товарных излишков хлеба должна быть обеспечена нашей политической и раз'яснительной работой, а равно и премированием колхозов, сдающих государству хлеб сверх установленной нормы, путем преимущественного снабжения дефицитными промтоварами, тракторами и др. с.-х. машинами. В порядке соглашения между хлебозаготовительными организациями и колхозами должна быть организована заготовка тех излишков, которые остаются у колхоза сверх установленных норм сдачи. Путем развернутой массовой работы и рядом экономических мероприятий надо добиться того, чтобы не только колхозники, но и единоличники продавали государству все свои излишки. Государство для этой цели организует специальный премиальный фонд промтоваров. Колхозы и единоличные хозяйства, сдавшие хлеб сверх установленных норм, будут получать повышенное снабжение промтоварами. За сдачу в пределах установленных норм, за каждые 16 килограммов сданного хлеба, крестьяне получат дефицитных товаров: колхозы на 35 коп., единоличники на 30 коп., а за сдачу сверх установленных норм за каждые 16 килограммов колхозы и единоличные хозяйства, контрактовавшие свои посевы, получают на 40 коп. особо недостаточных товаров.

С единоличными хозяйствами, контрактовавшими свои посевы, взаимоотношения хлебозаготовителей нормированы заключенными с ними договорами. По этим договорам единоличники-контрактанты сдают государству хлеб в определенном количестве с каждого гектара засеянной площади. Норма установлена повсюду из расчета среднего урожая. Поэтому в отношении единоличников-контрактантов основная задача заключается в установлении действительного количества засеянной площади и урожайности. В числе единоличных крестьянских хозяйств имеется очень значительное количество таких, которые совсем не контрактовали своих посевов; их число составляет около половины всех единоличных хозяйств. Взаимоотношения государства по заготовке хлеба с этими хозяйствами никакими договорами не нормированы. Между тем, количество хлеба, которое должно поступить от этих хозяйств, занимает в государственном плане хлебозаготовок около 20%. Таким образом, недозаготовка хлеба от этих хозяйств могла бы нам сорвать выполнение самого плана хлебозаготовок. Та роль, которую эти хозяйства еще играют в плане хлебозаготовок, требует того, чтобы все товарные излишки хлеба от этих хозяйств поступили в распоряжение государства. Средствами для этого должно стать широкое развертывание массовой работы и применение практики самообязательств перед сельской общественностью на сдачу этими хозяйствами определенных количеств хлеба соответствующих их товарным излишкам.

Что касается кулацких хозяйств, то в отношении их действует правительственное постановление, по которому они обязаны сдать хлеб государству в размере твердого задания, которое дается им сельсоветами. Сельсоветы должны обеспечить поступление хлеба от кулацких хозяйств тотчас после уборки хлебов. Упорствующие из кулаков подвергаются прямому административному воздействию в порядке 107 статьи уголовного кодекса.

Таково разнообразие категорий хлебосдатчиков. Для того, чтобы действительно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы деревни вокруг хлебозаготовок нужен умелый и гибкий подход на селе в хлебозаготовках. Одним из организующих средств, как показал опыт прошлых хлебозаготовок, является доведение плана до села. План, доведенный до села, ставя конкретные задачи перед сельской бедняцко-середняцкой общественностью, помогает мобилизовать ее силы. Кроме того, этот сельский план хлебозаготовок устанавливает ясные взаимоотношения между городом и селом, давая возможность крестьянам наглядно видеть то, что они дают городу и что они от города в виде промтоваров, кредитов и проч. получают. Вот почему уже в прошлую кампанию метод доведения плана до села был встречен сочувственно бедняцко-середняцкой массой деревни. Этот метод сохраняется и на новую кампанию. *Значение сельского плана, как средства мобилизации бедняцко-середняцкой деревни вокруг хлебозаготовок требует того, чтобы планы были доведены до села в самом начале кампании без всяких задержек.* В прошлом году это так и было сделано. В новую кампанию была дана такая же директива, но, однако, приходится констатировать из опыта первых недель кампании, что не повсюду значение сельских планов в должной мере учтено. Несмотря на то, что областные планы хлебозаготовок в этом году утверждены почти на месяц раньше, чем в прошлом году, планы хлебозаготовок до села в большинстве областей и республик (Нижняя Волга, Средняя Волга, ЦЧО, Украина) еще не доведены. Июльский план хлебозаготовок выполнен лишь в размере 40 проц.; месячное задание на август за первую десятидневку выполнено всего лишь на 12,9 проц. Одной из причин недовыполнения плана хлебозаготовок является именно запоздание в установлении поселенных планов хлебозаготовок. Каждое село и каждое крестьянское хозяйство, не зная того количества хлеба, которое оно должно продать государству, естественно задержало продажу хлеба.

Помимо своевременного доведения плана хлебозаготовок до села, к сельскому плану относится и то, что сказано в отношении необходимости правильного распределения заданий между колхозами. После ряда проведенных хлебозаготовительных кампаний, когда десятки тысяч людей из городов работали в деревне, мы имеем уже гораздо лучшее знание села, чем это было в прошлые годы. Это знание должно быть использовано с тем, чтобы с максимальной правильностью установить сельские планы хлебозаготовок. На этом должно быть заострено внимание всех местных организаций в настоящий период кампании. Выполнение сельского плана хлебозаготовок проводится в том порядке, как это изложено выше, об отношениях к отдельным группам хлебосдатчиков.

Необходимо лишь предостеречь от одной опасности, которая с достаточной ясностью уже выявилась особенно в районах сплошной коллективизации. Местные работники недооценивают значения индивидуальных крестьянских хозяйств в выполнении государственного плана хлебозаготовок. *Необходимо с самого начала кампании добиваться аккуратного выполнения единоличниками своих обязательств по контрактации и тех самообязательств, которые на них ложатся перед сельской общественностью по сдаче хлеба государству.* Сельский план хлебозаготовок обязательно обсуждается и принимается на общем бедняцко-середняцком собрании села; этим же собранием избираются сельские комиссии содействия хлебозаготовкам. Последние становятся тем штабом, вокруг которого мобилизуются силы сельской общественности для выполнения плана хлебозаготовок. То колоссальное значение, которое сельские комиссии содействия хлебозаготовкам имеют, требует особенно внимательного отношения при подборе их состава. Надо добиваться, чтобы в этом году в состав комиссий вошли действительно проверенные на практической работе активисты-колхозники, батраки, бедняки и наилучшие из активистов-середняков. Только путем подбора такого состава комиссий содействия хлебозаготовкам мы сможем обеспечить успешное выполнение сельских планов, действительно активную работу вокруг хлебозаготовок без проявлений правого оппортунизма и без перегибов в отношении к середняку. *Наш упор в хлебозаготовках — колхозы и неколлективизированная беднота.* Колхозы в хлебозаготовительной кампании должны будут играть такую же ведущую роль в отношении крестьянской массы, какую они играли во время весеннего сева. Увлечь же крестьянскую массу за собой можно лишь примером; поэтому, первоначальная сдача колхозных излишков хлеба государству имеет не только чисто количественное значение, но и как пример для вовлечения единоличных бедняцко-середняцких хозяйств в сдачу их товарных излишков хлеба государству. Отсюда — организация сдачи колхозами хлеба государству в первую очередь составляет важнейшую задачу для успеха хлебной кампании. Здесь также следует предостеречь от опасности переоценки колхозов и надежд на то, что весь колхозный хлеб поступит исключительно самотеком. Не следует забывать, что члены колхозов только вчера вели единоличное хозяйство, обобществленный труд с обобществленными орудиями и средствами производства еще был непродолжителен и он за краткостью времени еще не мог оказать такого воздействия на крестьян, чтобы уже все колхозники изжили свою индивидуалистическую психологию. Душа товаропроизводителя у ряда крестьян, состоящих членами колхоза, пока еще сохранилась. Она будет тянуть таких колхозников к тому, чтобы задержать ту или иную часть товарных излишков хлеба, не продавать их государству, а пустить на частный рынок, чтобы выручить спекулятивные цены. Колхозники являются действительной и прочной опорой советской власти в деревне, — это положение исключительно правильное. Однако, из этого положения отнюдь не следует, что надо идеализировать колхозников и представлять себе каждого из них 100-процентным коллективистом, у которого общественные интересы полностью преобладают над индивидуалистическими. Мы должны развернуть массовую агитационную и организационную работу среди колхозников, чтобы через них самих дать *решительный отпор* отдельным членам колхоза, которые захотят тянуть колхозный хлеб на рынок. В этом деле надо опираться в первую очередь на ту часть колхозников, которые сумели уже в наибольшей степени изжить индивидуалистическую психологию. Эти колхозники должны стать в хлебозаготовках нашими организаторами и пропагандистами—как среди неустойчивых членов колхозов, так и среди остальной крестьянской массы — за сдачу всех излишков хлеба государству. Над этим делом придется много поработать, но таким только путем мы можем добиться поступления всех хлебных излишков государству. Организовав аккуратную сдачу хлеба колхозами государству, мы сможем обеспечить поступление на государственную и кооперативную ссыпку хлеба единоличных бедняцко-середняцких хозяйств.

Нашими первыми организаторами заготовок хлеба в колхозах и среди единоличных хозяйств будут те рабочие, которые в качестве 25-тысячников были мобилизованы партией для укрепления колхозов.

Они в дополнение к своему организационному опыту, который приобрели на фабриках и заводах, уже получили большой опыт работы в деревне. В каждую хлебозаготовительную кампанию город оказывал крупнейшую помощь деревне, посылая десятки тысяч пролетариев на время проведения кампании. В прошлую хлебозаготовительную кампанию работали мобилизованные для этой цели около 50 тыс. человек; в весеннюю посевную кампанию работало свыше 80 тыс. человек; в новую кампанию снова десятки тысяч рабочих-коммунистов и беспартийных брошены в деревню и своим организационным опытом они помогут выполнению хлебозаготовительного плана.

Однако, только этим помощь города деревне не может ограничиться. Хлебозаготовки являются делом всего рабочего класса. *Рабочий класс и прежде всего его организация — профсоюзы — должны оказать громадную помощь хлебозаготовкам.* При правооппортунистическом руководстве ВЦСПС профсоюзами в прошлом, последние проходили мимо хлебозаготовок и не оказывали им почти никакой организованной помощи. В прошлую кампанию эта помощь профсоюзами была уже оказана, хотя и с большим опозданием. Этот недостаток в новом году должен быть полностью изжит. Профсоюзы должны взять на себя непосредственное руководство всеми формами связи рабочих с деревней, чтобы использовать их для содействия хлебозаготовкам. Массовая раз'яснительная работа среди рабочих, подчинение работы шефских обществ на ближайшее время интересам хлебозаготовок, использование постоянных связей рабочих с деревней (землячества, сезонники, отпускники и проч.) должны быть широко развернуты профсоюзами.

Помимо помощи деревне своими организационными навыками, рабочие массы должны оказать помощь хлебозаготовкам и с другой стороны. В новую хлебозаготовительную кампанию поступит хлеба значительно больше, чем в прошлом году. Сроки для окончания кампании установлены те же, что были и в кампанию прошлого года. Это означает, что в целом по Союзу мы должны закончить выполнение годового плана хлебозаготовок в основном к 1 января. Фактически для каждой отдельной области срок хлебозаготовительной кампании укладывается в период 3 — 4 месяца. *Расширенный план хлебозаготовок и короткие сроки его выполнения пред'являют колоссальные требования к технической базе.* Склад, тара, транспорт имеют решающее значение для успешного развертывания хлебозаготовок. Мы унаследовали от старого капиталистического строя захудалую технику хлебной торговли. Во время революции уже многое сделано для того, чтобы техническую базу поднять. Однако, темп развертывания хлебозаготовок за последние два года далеко опередил темп развития технической базы. В результате мы встречаемся с очень значительными техническими затруднениями; они были уже в крупных размерах и в прошлой кампании. Тогда партия не остановилась перед этими затруднениями и провела заготовки в срок, даже значительно более короткий, чем это было установлено по плану, и силами советской общественности технические затруднения были преодолены. Технические затруднения теперь нас также не могут остановить перед расширением плана заготовок и укорочением срока окончания кампании. Все силы советской общественности будут мобилизованы для того, чтобы эти затруднения преодолеть и со стороны технической не создать препятствий к успешному развертыванию хлебозаготовок.

Профсоюзы в этом деле будут играть решающую роль. Союзы текстильщиков и металлистов через рабочих, работающих на заводах, изготовляющих тару, предметы оборудования и проч. для складов и элеваторов, должны поторопить и максимально усилить производство необходимых для хлебозаготовок предметов. Союз транспортных рабочих путем установления бдительного контроля над работой железных дорог должен помочь изжитию затруднений на транспорте (быстрая разгрузка и погрузка вагонов, недопущение переброссок, расширение пропускной способности узлов и проч.). Каждый из других профсоюзов может многое сделать для содействия хлебозаготовкам, если он сосредоточит внимание своих членов на этом деле.

Опыт весеннего сева показал, что крестьянская масса охотно втягивается в соцсоревнование. Соцсоревнование в хлебозаготовках должно будет развернуться с еще невиданной силой. Совхозы, колхозы, села, отдельные хозяйства должны быть охвачены соцсоревнованием за скорейшее и лучшее выполнние плана хлебозаготовок. Особенно необходимо соцсоревнование в деревне связать с соцсоревнованием на фабриках и заводах путем соревнования колхоза или села на лучшее выполнение плана хлебозаготовок и завода или фабрики на лучшее выполнение промфинплана. При развертывании соцсоревнования нужно лишь избежать одного отрицательного явления, которое наблюдалось в отдельных случаях в прошлой кампании. Надо добиться действительного соревнования масс и решительно бороться с подменой соревнования масс соревнованием администраторов. В прошлую кампанию, а равно и в момент массового колхозного движения, мы были свидетелями такого административного соревнования, когда соревновались не массы, а администраторы. Такое соревнование, конечно, ничего социалистического не имеет и приносит лишь вред. Только путем вовлечения масс (а только массовое соревнование является социалистическим) мы действительно сможем обеспечить выполнение установленного широкого плана хлебозаготовок в установленные партией сроки.

Хлебозаготовительная кампания 1930—31 года является важнейшим звеном общего социалистического наступления по всему фронту. От выполнения плана хлебозаготовок зависит успешное выполнение всего народнохозяйственного плана, осуществление пятилетки в 4 года, дальнейшее развитие коллективизации сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса. Успешным проведением хлебозаготовительной кампании будет завершено разрешение зерновой проблемы и подготовка необходимых условий для разрешения проблемы животноводства и технических культур. Для обеспечения стоящих перед нами задач социалистического строительства мы должны добиться успеха хлебозаготовительной кампании. Решающим условием для этого является непосредственное руководство хлебозаготовками со стороны партийной организации. Это требует огромной активности каждого коммуниста, решительной борьбы с проявлениями всякой инертности, расхлябанности и с правым оппортунизмом на практике. *Каждая партийная организация должна взять в свои руки руководство хлебозаготовками и, осуществляя постоянный контроль и наблюдение за ходом хлебозаготовок, направить хлебозаготовительную кампанию у себя в районе по большевистскому руслу.* Новая хлебозаготовительная кампания будет являться поверкой того, как каждая партийная организация на практике осуществляет решения XVI с'езда партии.

В. Дятлов.

К вопросу о распределении урожая в колхозах.

Многие колхозы произвели ориентировочные подсчеты своих доходов и наметили порядок их распределения. Некоторые колхозы произвели уже фактическое распределение собранного урожая. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют подвести в общих чертах первые итоги практики колхозов в разрешении этой задачи. Особый интерес представляет практика распределения доходов в артели, поскольку, во-первых, артель является основной формой колхозного движения на нынешнем его этапе и поскольку, во-вторых, здесь «начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству». (Из резолюции XVI партс'езда).

В условиях развития массового колхозного движения, в условиях борьбы за сплошную коллективизацию и ликвидацию на этой основе кулачества как класса, распределение доходов в колхозах перестает быть делом только внутриколхозным,—или, вернее, в такой степени внутриколхозным, в какой оно было, скажем, два года тому назад. Взор еще колеблющегося единоличника прикован сейчас к деятельности колхоза. Единоличник, «пока еще не желающий войти в колхоз», внимательно следит, выверяет, сличает разницу между единоличным и коллективным хозяйствованием. Кулак, с ясной классовой целеустремленностью, не брезгуя никакими способами, прилагает все силы для того, чтобы удержать этого единоличника от вступления в колхоз. При этом кулак идет дальше: он пытается натравить единоличника на колхоз, провоцируя одновременно колхозников на ссору с единоличниками, чтобы таким путем взять единоличника под свое руководство и повести уже открытое наступление против колхоза

В этой обстановке распределение урожая превращается в громадной важности политический акт, знаменующий борьбу между колхозом и кулаком за колеблющегося единоличника.

Однако этим еще не исчерпывается политическое значение распределения доходов в колхозе.

Не требует особых пояснений то положение, что распределение дохода неизбежно сопровождается некоторым обострением элементов классовой борьбы в колхозе. В основном, это обострение сказывается по следующим линиям: у некоторой части колхозников, имеющих более или менее значительное добавочное индивидуальное хозяйство в результате причитающегося им довольно высокого дохода, появляются колебания назад, в сторону единоличного хозяйствования. Здесь имеет значение то обстоятельство, что самый факт нахождения в артели накладывает на члена ее известные общественно-ограничительные рамки в части личного обогащения. В условиях существующего разрыва между рыночными и государственно-кооперативно-конвенционными ценами возможны отдельные попытки прорвать эти общественно-ограничительные рамки внутри колхоза и тем развязать стихию личного обогащения.

С другой стороны, идут уравнительные тенденции и потребительско-иждивенческие настроения. Формы проявления этих тенденций и настроений разнообразны: предложения установить единый для всех хозяйств паек; предложения оставить доход колхозника в распоряжении артели и выдавать его ему «в меру надобности»; полностью обеспечить всех нетрудоспособных членов семейств колхозников; не выделять или урезать 5-ти процентный фонд для начисления по обобществленному имуществу; сравнить разницу в размерах индивидуальной части хозяйств колхозников путем снабжения беднейшей части колхозников на средства артели коровами, мелким скотом и т. д.

Было бы совершенно непростительно, если бы мы не пригляделись повнимательней к источникам уравнительных и потребительских тенденций в артели. Было бы большой ошибкой при оценке расстановки сил внутри артели исходить только из прежних представлений, не замечая того нового, что дает переход к коллективному хозяйству в смысле социальных сдвигов внутри колхоза. «Дело в том,—говорил т. Яковлев на XVI партийном с'езде,—что преимущества крупного хозяйства дают возможность уже в первую весну подогнать в колхозах доход бедняка к середняцкому уровню и одновременно поднять уровень дохода середняка». Наличная практика распределения дохода в артелях полностью и с необычайной яркостью подтверждает этот тезис тов. Яковлева. Например, в Одесском округе накануне уборки урожая было проведено бюджетное обследование по двум районам 500 колхозов и 100 единоличных хозяйств (50 бедняцких и 50 середняцких). Это обследование показало, что доход, падающий на один трудо-день в единоличном середняцком хозяйстве составляет лишь 68%, а в бедняцком хозяйстве только 47% дохода, приходящегося на трудо-день колхозника. Общий же доход единоличного середняцкого хозяйства составляет 49% в сравнении с доходом того же хозяйства в колхозе, а доход бедняцкого единоличного хозяйства—всего 22 проц. по отношению к доходу такой же бедняцкой семьи в колхозе. Далеко не исключением является и такие случаи, когда бедняцкое хояйство в артели, если оно обладает значительным количеством работников, получает доход больший, чем середняк, не только единоличник, но и чем середняк-колхозник. Таков, например, в артели им. 12-летия Октября (с. Москалевка, Волчанский район), доход бедняцкой семьи с четырьмя и большим количеством трудоспособных. В постановлении этой артели о распределении урожая приводится такой факт, что семье бедняка тов. Мурзина, состоящей из 6 работников и 5 нетрудоспособных, причитается получить только зерновых и крупяных культур 66,5 центнеров (406 пудов). Это доход едва ли не самый высокий в этой артели.

В силу этих обстоятельств основная часть колхозной бедноты делается заинтересованной также, как и основная часть середняков в колхозе, в распределении дохода по труду. На этой почве, на почве борьбы за трудовую дисциплину и высшую производительность труда в артели между основной массой бедноты и между основной массой середняков устанавливается единый фронт, общность интересов. На этой почве рождается и крепнет та новая социальная категория, которая отныне является «действительной и прочной опорой советской власти».

Этой основной массе колхозников из бедноты и середняков противостоит в вопросе распределения доходов некоторая, сравнительно небольшая часть колхозников, которая в силу тех или иных причин и соображений не являлась активным борцом за укрепление колхоза и отлынивала, держалась в стороне, не была заинтересована в коллективной работе. Неверно было бы всю эту часть колхозников огульно окрестить лодырями или подкулачниками, врагами колхоза. Эти отдельные элементы имеются, конечно, в этой группе колхозников, кулацкое влияние на этой группе сказалось и сказывается теперь в ее подходе к распределению дохода наиболее сильно; однако, здесь, надо уметь различать элементы колебаний, раздумья, недоверчивости, свойственные еще достаточно широкому слою вчерашних мелких собственников.

Надо иметь в виду, что отдельные многосемейные и, вместе с тем, имеющие мало трудоспособных членов семьи бедняки также будут склонны поддерживать уравнительно-потребительские тенденции. Ведя усиленную раз'яснительную работу с этими колхозниками за преодоление таких тенденций, вместе с тем необходимо добиваться, чтобы из фонда обеспечения нетрудоспособных была удовлетворена в первую очередь эта группа.

Распределение дохода по затраченному труду не устраивает эту группу колхозников, так как количество вложенного ею труда в коллективное хозяйство в общем ничтожно. Отсюда и растут иждивенческие настроения, здесь и кроется сейчас *основной источник* уравнительно-потребительских тенденций в колхозе.

Кулак, искусно маневрируя в борьбе против колхозов, соединяет попытки подчинить своему руководству единоличника с попытками использовать обострение элементов классовой борьбы в колхозе для разложения колхоза изнутри.

Сорвать систему распределения дохода по затраченному колхозником труду в коллективном хозяйстве — вот куда в первую очередь направляет кулак свои старания. С этой целью он поддерживает, организует и формулирует уравнительно-потребительские настроения колхозников. Широко применяя изуитскую игру на тонких струнах неравенства в колхозе («Раз в колхозе, значит все надо делить поровну», «сначала надо обеспечить семьи колхозников, а остаток дохода уже можно делить по труду»), он таким путем подходит к своей основной цели: «Государству, конечно, продать хлеб нужно, но сперва надо обеспечить себя». Насколько эта тактика кулака опасна, особенно, если говорить о молодых колхозах, где нет еще достаточно прочной консолидации основной массы колхозников, можно видеть на опыте Средней Волги. В своем специальном воззвании к колхозникам по поводу распределения урожая Крайком ВКП(б) и Крайисполком Средней Волги пишут:

> «Кулак прекрасно понимает огромное значение правильного распределения урожая для укрепления и дальнейшего роста колхозного движения. Он стремится поэтому извратить решения партии и колхозных органов. Кулак пытается навязать колхозу свою арифметику, свой кулацкий счет, направить волю и решения колхозника против интересов колхоза в целом, пытается толкнуть колхозника на путь спекуляций хлебом.
>
> В некоторых местах Средней Волги замечаются случаи, когда колхозы, не отказываясь прямо от выполнения своих обязательств перед государством, на деле распределяют урожай между отдельными колхозниками по таким непомерно высоким нормам, что для сдачи государству почти ничего у колхоза не остается. А отдельные колхозники при таком положении будут продавать излишки по спекулятивным ценам...
>
> Вот, например, колхоз «Новый путь». Этот колхоз собрал урожай 1.200 центнеров, т.-е. около 50 центнеров на каждое хозяйство,— урожай, который собирают в этом районе лишь зажиточные середняцкие хозяйства. Как можно отнестись к такому колхозу, когда после этого урожая он насчитывает для государства только 13 центнеров хлебных излишков?».

Разжигая жажду частно-хозяйственного накопления у колхозников, кулак одновременно пускает в ход и ту часть своей арифметики, которая

доказывает колхознику, имеющему наиболее высокий доход и наиболее значительную индивидуальную часть хозяйства, что в условиях разрыва между рыночными и заготовительными ценами есть прямая выгода выйти из колхоза со всем своим доходом, который, мол, в колхозе никак с личной пользой реализовать не удастся.

В этой борьбе вокруг распределения урожая, развивающейся в оригинальном переплете новых отношений, сложившихся и складывающихся под влиянием происшедших за последние годы экономических и социальных сдвигов в деревне, с необычайной яркостью вскрывается не только политическое, но и сугубо-практическое значение главного лозунга партии об опоре на колхозника в деревне. Распределение урожая проливает яркий свет на тот путь, которым идет процесс переделки в колхозе разных социальных категорий в одну, новую категорию «колхозника». Этот путь преодоления неравенства между беднотой и средним крестьянством в колхозе, их ассимиляция проходит, именно через распределение результатов совместного хозяйствования по принципу трудовых затрат. В экономическом смысле применение этого принципа дает сразу же, как показывают итоги этого года, значительное смягчение разрыва в имущественном положении бедняка и середняка в колхозе сравнительно с условиями их единоличного хозяйствования. В социально-политическом же отношении применение этого принципа постепенно все больше и больше связывает и переключает личный интерес мелкого собственника на интерес общественный, на интерес коллектива в целом.

Практическое значение главного лозунга партии об опоре в деревне применительно к задаче распределения урожая в том и состоит, что он мобилизует творческую активность коллективизировавшегося крестьянства на борьбу за трудовую дисциплину в колхозе, за максимальное повышение производительности коллективного труда, за дальнейшее укрепление и расширение хозяйственной мощи коллективного хозяйства. А это и есть наиболее верный путь преодоления как частно-собственнических индивидуалистических устремлений, так и уравнительно-потребительских тенденций среди отдельных групп и членов колхоза. Само собой разумеется, что это вместе с тем одно из важнейших условий завоевания единоличника на сторону колхоза и окончательного разгрома попыток кулачества развалить колхоз.

Итоги первого подхода колхозов к задаче распределения доходов замечательны тем, что *подавляющая часть колхозов вводит у себя распределение по затраченному каждым колхозником количеству и качеству труда в коллективном хозяйстве*. Это явление нужно по достоинству оценить. В переводе на политический язык оно означает, что *в решающем числе колхозов налицо исключительно прочная консолидация сил и устремлений основных масс бедноты и середняков*,— консолидация на почве борьбы за колхоз, за его укрепление и развитие.

Вот несколько выдержек из постановлений артелей по вопросам распределения урожая, выдержек, которые наглядно подтверждают этот процесс консолидации.

> «Если у нас действительно будет у каждого большой доход, то мы, конечно, не потащим его на частный рынок и прятать у себя не собираемся. Мы все будем добиваться того, чтобы каждый из нас всю ту часть хлеба, которая, по его мнению, для него лишняя, сразу бы оставлял в колхозе и получал за нее деньгами.
>
> Мы все будем бороться против спекуляции хлебом, против того, чтобы он лежал мертвым капиталом, когда в нем большая потребность у нашего государства». (Из постановления общего собрания Москалевской артели им. 12-тилетия Октября).

> «Устанавливая такой (по труду. *Б. Д.)* порядок распределения мы преследуем следующие цели: 1) поднять трудовую дисциплину и производительность труда, 2) укрепить и развить хозяйство колхоза и 3) показать единоличнику-бедняку и середняку, что его место в артели и действительно вовлечь всех оставшихся единоличников в артель. Ясно, что этим самым мы окончательно добьем кулака». (Из постановления актива Бело-Колодезной артели «Червоный Селянин»).
>
> «Мы сюда (в общее распределение, *В. Д.)* не включили распределение дохода от подсолнуха, занимающего у нас 1.600 га. Мы считаем недопустимым, чтобы в момент острейшей нужды нашей промышленности в маслосырье, товарные излишки этой культуры без толку оседали в деревне и потом сбывались по мелочам... Весь товарный излишек в размере 13.600 центнеров мы рассчитываем сдать полностью государству, превратив этот излишек в денежный доход артели». (Из постановления актива Новомарковской артели «Червоный прогресс»).

Так рождается «действительная и прочная опора советской власти в деревне».

Этот основной положительный итог, не должен, однако заслонять собою обозначившиеся на фоне распределения доходов уклоны от партийной линии в этом вопросе. Пройти мимо них означало бы предоставить известную свободу оппортунистам в важнейшем вопросе колхозного строительства.

Если внимательно проанализировать борьбу вокруг практических вопросов распределения дохода в артели, то окажется, что все уклоны от партийной линии в этой области базируются на оппортунистическом извращении или просто отрицании главного лозунга партии об опоре в деревне, на оппортунистическом понимании тех путей, которыми должно идти преодоление неравенства среди членов артели. С этой точки зрения становится ясным смысл различных практических предложений насчет установления порядка распределения доходов. Наиболее спорным при этом бывает вопрос о выделении и порядке начисления 5-ти процентного фонда, вопрос об обеспечении нетрудоспособных и вопрос распределения *натуральной* части дохода.

Два крайних течения наблюдаются при обсуждении этих практических вопросов. В общих чертах они сводятся к следующему.

Одно течение — 5-ти процентный фонд или совсем не выделять, или максимально урезать, всем нетрудоспособным полностью обеспечить прожиточный минимум, натуральную часть дохода или вовсе на руки члену артели не выдавать, а отпускать за деньги в установленном размере со склада артели, или выдать установленный собранием паек на семью и на *определенную* часть скота находящегося в индивидуальном пользовании члена артели.

Другое течение—5-ти процентный фонд при *всяких условиях* распределять *только* по обобществленному членами артели имуществу, нетрудоспособных совсем из распределения исключить, натуральную часть дохода полностью выдавать на руки и не вмешиваться в распоряжение ею члена артели.

Если *первое* течение естественно имеет в виду значительно повышенные, по сравнению с рекомендованными Колхозцентром, размеры отчислений в неделимые и общественные фонды артели. то *второе* течение стоит за минимальные отчисления в эти фонды.

На практике эти оба течения имеют многочисленные ответвления, которые принципиально положения не меняют, и которые, в лучшем случае, означают поиски *компромисса* с партийной линией в вопросах распределения.

Нетрудно заметить, что первое течение по своему существу является отражением уравнительно-потребительских настроений в артели, а теоретической базой его является такое противопоставление бедняка середняку в артели, которое исходит из механического перенесения на колхоз законов классовой борьбы вне колхоза. Это течение не делает разницы между элементами классовой борьбы в колхозе и классовой борьбой вне колхоза

Отсюда практическая опасность, которую несет с собой это течение очевидна: по существу, она являет собою рецидив «левых», антисередняцких загибов, допустить который значило бы ослабить, поколебать, а то и вовсе разрушить союз и консолидацию сил бедноты и середняка в колхозе.

Второе течение, отражая напор частно-собственнических устремлений части колхозников с высоким доходом и значительным добавочным индивидуальным хозяйством, теоретически покоится на том, абсолютно неверном положении, что с переходом к артели механически отмирают все и всякие противоречия между бедняком и середняком. Игнорируя элементы классовой борьбы в артели, базирующиеся в основном на разнице в имущественном положении, на разных размерах добавочного индивидуального хозяйства середняка и бедняка в артели,—это второе течение ведет к развязыванию стихии частнособственнического накопления, ведет не к укреплению колхоза, а к развалу его.

По существу, это течение воскрешает и модернизирует применительно к колхозному движению бухаринский лозунг «обогащайтесь!».

В противовес этим течениям партийная линия в вопросах распределения дохода в артели направлена на завоевание единоличника на сторону колхоза *на основе укрепления колхоза, на основе действительного, последовательного преодоления неравенства между членами колхоза.*

Партия, отдавая себе ясный отчет в тех политических, социальных и экономических сдвигах, которые произошли и происходят в связи с коллективизацией, в связи с поворотом основных масс крестьянства на социалистический путь, исходит при этом из следующих положений, зафиксированных в решениях XVI партийного с'езда:

> «Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно отказались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от возможности вести добавочное к общественному личное хозяйство (корова, овцы, птица, приусадебный огород), от возможности использования для себя заработков на стороне и т. п.—значит забывать азбуку марксизма-ленинизма».
>
> «*В артели не завершается, а лишь начинается* дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству.
>
> В колхозах крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной массы».
>
> Тактика партии заключается в том, чтобы
>
> «с помощью бедняков и батраков — членов колхоза развить работу по всемерному расширению обобществленной части дохода, что будет неизбежно сокращать во всяком случае *долю* индивидуальной части дохода во всем доходе и все более сводить неравенство между членами артели в основном к неравенству, вытекающему из разного количества и качества труда, не торопясь при этом зря, не нервничая, проводя эту

работу в соответствии с ростом обобществленной части хозяйства». (Яковлев. Доклад на XVI партс'езде).

Из этих совершенно четких положений и следует исходить при решении конкретных вопросов распределения дохода в артелях.

В чем должно заключаться искусство организатора распределения? Искусство будет заключаться в том, чтобы, учитывая конкретную обстановку в данной артели и вокруг нее, правильно сочетать личный интерес колхозника с интересами артели в целом. Связать частный интерес колхозника с задачей укрепления и расширения общественного хозяйства — в этом вся задача. Что представляют собою с этой точки зрения партийные и правительственные решения насчет примерного устава с.-х. артели, предоставления льгот колхозникам, выделения 5-ти проц. фонда из валового дохода для начисления на обобществленное имущество, насчет размеров отчислений в неделимые и общественные фонды и проч.? Не трудно видеть, что все эти решения направлены к установлению наилучшего сочетания личного интереса колхозника с интересом общественным. Эти решения дают в руки организаторов мощное оружие для ориентировки в различных конкретных вопросах, возникающих при распределении дохода в артели.

Возьмем для примера вопрос о 5-ти процентном фонде. Практическое значение этого мероприятия заключается в том, что таким путем, во-первых, предотвращается разбазаривание единоличником имущества перед вступлением в колхоз и, во-вторых, компенсируется та часть дохода крестьянина, которую он получал, будучи единоличником, от сдачи в наем своих средств производства. Налицо совершенно отчетливое сочетание личного интереса колхозника с общим интересом артели.

Правильно ли поступают те артели, которые не выделяют 5-процентного фонда вовсе, или выделяют его, но в таком размере, что он далеко не в состоянии компенсировать прежний средний доход середняка от сдачи в наем, находящихся теперь в колхозе средств производства? Безусловно, неправильно.

Или взять вопрос об обеспечении нетрудоспособных. Полный отказ артели от обеспечения нетрудоспособных поставил бы в артели множество бедняцких семейств, обладающих малым количеством рабочих рук и обремененных большим количеством едоков, в положение худшее по сравнению с условиями единоличного хозяйствования. Ибо такие бедняцкие семьи жили с дохода или от сдачи в аренду своего земельного пайка, или от сдачи урожая на испол, с трети и проч. С другой стороны, полное обеспечение нетрудоспособных артелью, или непомерно высокое обеспечение в сравнении с вкладываемым семейством колхозника трудом в коллективное хозяйство, привело бы к снижению заинтересованности в артельном труде семейств с достаточным количеством рабочих рук и с небольшим числом нетрудоспособных, к развитию иждивенческих настроений и снижению производительности артельного труда.

Поэтому, правильно поступают те артели, которые вопрос об обеспечении нетрудоспособных связывают с вопросом о количестве и качестве труда, вложенного в артельное хозяйство работоспособными членами семьи колхозника.

Или, наконец, вопрос о распределении натуральной части дохода. Колхозник должен полностью получить и натуральную и денежную часть дохода. Но значит ли это, что артель может допустить и спокойно отнестись к спекуляции члена артели своей натуральной частью дохода? Ни в какой мере. Однако, пойти здесь по линии администрирования и не выдавать дохода. пойти по линии установления пайка для членов артели, по линии сокращения индивидуальной части хозяйства колхозника и т. п. — значило бы подорвать интерес колхозника к артели, к артельному труду.

Поэтому, правильно поступают те артели, которые, «не торопясь зря, не нервничая», и опираясь на бедняка и батрака, укрепляют в артели общественную дисциплину, развивают массовую работу по организации добровольного предоставления колхозником его товарных излишков в распоряжение артели по заготовительным ценам, развивают работу по возможному расширению на средства колхозников (дополнительно к артельным средствам) общественных хозяйственных и культурных мероприятий.

Имеющиеся на сегодня данные о ходе распределения урожая в колхозах позволяют сделать вывод, что подавляющая часть артелей, приступивших к распределению, овладевает задачей распределения дохода в духе принципов нашей партии, в полном соответствии с ее политикой. Блестящим подтверждением этого положения являются идущие из разных мест сведения о новой волне прилива в колхозы, об укреплении связей колхозов с единоличниками, об укреплении влияния колхозов в деревне. Ставка классового врага—кулака на развал колхозов в связи с распределением дохода оказывается битой.

Битыми оказываются и правые и «левые» оппортунисты. Их попытки извратить политику партии в отношении распределения доходов в колхозах отвергаются самой массой колхозников.

Подтверждаются слова т. Сталина: «Такое здоровое движение, каким, несомненно, является колхозное движение, все равно добьется своего, несмотря ни на что, несмотря на отдельные препятствия и трудности».

И. Верменичев.

На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса*).

Программу величайшего переворота в сельском хозяйстве можно осуществить лишь на путях применения марксистско-ленинских принципов колхозного движения. XVI с'езд ВКП(б) в резолюции по докладу тов. Яковлева сформулировал основные пункты коренных принципов колхозного движения, «отступление от которых является тягчайшим преступлением против диктатуры пролетариата». В виду важности этих принципов повторим полностью соответствующую часть резолюции с'езда.

«1) Колхозы могут быть построены только на основе добровольности. Всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении бедняцко-середняцких масс в целях их присоединения к коллективам является грубым нарушением линии партии и злоупотреблением властью.

2) Основной формой колхоза на данной стадии является сельскохозяйственная артель. Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно отказались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от возможности вести добавочное к общественному личное хозяйство (корова, овцы, птица, приусадебный огород), от возможности использования для себя заработков на стороне и т. д.—значит забывать азбуку марксизма-ленинизма.

3) Форма колхоза должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отрасли хозяйства. Наряду с артелью в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока, может получить на первое время массовое распространение товариществ по общественной обработке земли, как переходная форма к артели.

4) Колхозное движение может подниматься к высшей форме к коммуне — в соответствии с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников при непременном условии признания самими крестьянами соответствующих изменений в уставе и их осуществления снизу.

5) Необходимое для достижения высшей производительности труда создание в колхозах новой общественной дисциплины может быть достигнуто лишь на основе подлинной самодеятельности и активного участия колхозников и колхозниц в управлении хозяйством коллектива.

6) Переход к коллективному земледелию может быть осуществлен, как это неоднократно указывал Ленин, лишь при условии оказания колхозам широкой организационной, материальной и финансовой помощи со стороны советского государства.

> «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. (Ленин. «О кооперации», т. XVIII, ч. II, стр. 141).

---

*) Окончание. Начало статьи см. № 13 „Большевика“.

7) Антиленинской является всякая попытка перенесения на колхозы организационной системы управления совхозами, ибо в отличие от совхоза, являющегося государственным предприятием, созданным на средства государства, колхоз является добровольным общественным об'единением крестьян, созданным на средства самих крестьян, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

8) Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному, может осуществиться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняков к колхозному руководству».

Последовательно проводя эти принципы, ведя непримиримую борьбу с правым и «левым» извращением этих принципов, партия обеспечит осуществление задачи окончания коллективизации в основном к концу пятилетки. В наших условиях наибольшую опасность представляет правый уклон. Опаснейшей особенностью правого оппортунизма является теория и практика самотека в колхозном движении, каждый раз принимающая новую своеобразную форму и проявляющаяся на каждом данном этапе развития в новых вопросах. Остановимся в данной связи на важнейшем принципе колхозного движения — принципе добровольности.

Вопрос о добровольности в колхозном движении находится в прямой связи со всей политикой пролетарского государства по отношению к мелкому производству, перестройка которого, переход к социалистическим формам хозяйства осуществляется не насилием, не путем администрирования и не путем экспроприации, а путем добровольного перехода мелких хозяев к товарищескому коллективному производству, на основе убеждения их в преимуществах крупного общественного хозяйства. При этом рабочий класс идет на уступки мелкому производителю в вопросах способов перехода к социалистическому производству. Однако, все это не означает, что пролетариат в какой бы то ни было степени отказывается от организующей роли, от руководства движением крестьянских масс, от стимулирования процессов коллективизации, от воздействия на мелкое хозяйство системой политических и экономических мероприятий. Отказ от этого означает отказ от руководящей роли пролетариата в отношениях с крестьянством и ведет к оппортунистической теории самотека. В основе этой теории лежит бухаринский принцип автоматического развития крестьянских хозяйств к социализму по формуле: раз власть в руках пролетариата, раз у него социалистическая индустрия, ведущая все народное хозяйство, — сельское хозяйство само собой стихийно, в порядке самотека придет к социализму.

В основе бухаринского кооперативного плана, как известно, не лежит задача стимулирования деревни к переходу к крупному коллективному производству; наоборот, основой этого плана является сохранение мелкособственнического производства при овладевании кооперацией только сферы обращения. Деревня, развиваясь на путях под'ема индивидуального хозяйства, охватываясь кооперацией в области товарооборота, сама собой пойдет за социалистическим городом, крестьянство само собой, в порядке самотека будет переходить в отдаленном будущем к социалистическому производству; крестьянство само собой, в порядке самотека автоматически и вместе с кулаками в одно прекрасное время очутится в лоне социализма. С этой теорией органически связана и теория мирного врастания кулака в социализм, логически вытекающая из бухаринского кооперативного плана. Из ленинского же кооперативного плана, включающего в себя переход кооперации на высшую ступень, на ступень колхозной кооперации, вытекает не мирное врастание капитализма в социализм, а жесточайшая («кто — кого») борьба капитализма с социализмом, победа над капитализмом, ликвидация капитализма и всякой эксплоатации вообще. Ликвидация деревенского капитализма в корне не может быть осуществима при господстве мелкотоварного производства, рождающего капитализм непрерывно и в массовом масштабе. И именно потому эта ликвидация возможна, реальна и неизбежна при завершении ленинского кооперативного плана переходом к сплошной коллективизации, что сплошная коллективизация ведет к выкорчеванию самих корней капитализма, уходящих вглубь мелкотоварного уклада. Правооппортунистическая установка, оставляя мелкособственническое хозяйство, а не переделывая его в корне, сохраняет в неприкосновенности и его товарно-капиталистическую тенденцию, оставляет, следовательно, мелкое производство на капиталистическом пути развития. Теория правых, таким образом, исходит из невозможности непосредственного перехода от мелкого производства к крупному социалистическому и для перевода его на рельсы социализма. Правые предлагают в конечном счете капиталистический путь развития, т.-е. смыкаются с постановкой вопроса меньшевиками. Они, таким образом, об'ективно стоят на позициях неверия в возможность построения социализма в СССР, признавая эту возможность только на словах, формально. Отличаясь, от троцкистов формальным признанием возможности построения социализма в СССР, они не отличаются от них по существу своей программы. «Правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране» (Сталин). В соответствии с этим, у правых, союз с середняком не включает в себя линии на преодоление товарно-капиталистических тенденций середняка, линии на уничтожение классов, линии на коллективизацию и переход от частной собственности к общественной. Союз с середняком в таком случае не направлен против капитализма, за социализм. Отсюда,—теория непрерывных уступок товарно-капиталистической тенденции середняка, сводящаяся на деле к отказу от преодоления этой тенденции и подчиняющая задачи союза с середняком товарно-капиталистической тенденции мелкого буржуа, а не социалистической тенденции пролетариата. Оппортунистическое толкование принципа добровольности, сводящееся к отказу или ослаблению руководящей, организующей, стимулирующей коллективизацию роли пролетариата является прямым проявлением теории самотека.

Совершенно ясно, что принцип добровольности вступления в колхоз не означает таким образом, что мы должны предоставить деревню самой себе и отказаться или ослабить развертывание широчайшей работы по вовлечению крестьянских хозяйств в колхозы. Мы будем убеждать единоличника в преимуществах коллективного хозяйства, показывая на практике эти преимущества, организуя активность передовых слоев крестьян, вступающих на путь коллективизации, руководя процессом коллективизации, развертывая массовую работу по подготовке к переходу на рельсы коллективизации и оказывая всемерную организационную, материальную и финансовую поддержку колхозному движению. Вне этого деревенская работа есть все что угодно, только не большевистская борьба за социализм. Замена этой работы голым администрированием, командованием, насильственными мерами может только оттолкнуть крестьянство от колхозов и даже советской власти, дискредитировать идею коллективизации, и вести к созданию безжизненно-бюрократических об'единений.

Весной мы имели массовый выход из колхозов в тех районах, где имели место ошибки и извращения партийной линии в практике проведения коллективизации. Эти выходы есть выходы записанных в порядке административного нажима: «Записанные подневольно, разошлись из колхозов, когда оказалось, что никакой неволи нет». (Яковлев). Своевременные мероприятия ЦК партии по исправлению извращений партийной линии, разоблачавшие применение насилия по отношению к середняку, восстановившие нарушенную в ряде мест правильную линию партии, — укрепили колхозное движение, обеспечили успех большевистского сева. Выходы, имевшие место весной этого года, необходимо отличать от тех выходов, которые возможны в настоящее время и в ближайший период колхозного движения. На данном этапе, основными причинами выходов могут являться, во-первых, плохая организация коллективного хозяйства, отсутствие дисциплины коллективного труда, неумение правильно организовать труд, распределить урожай внутри колхоза, неумение организовать борьбу за колеблющиеся элементы колхоза и, во-вторых, влияние кулака, ведущего бешеную борьбу с колхозами. В данных условиях было бы доподлинным оппортунизмом, если бы мы не организовали борьбы за колеблющиеся элементы колхозников, не вызвали бы величайшую активность колхозных масс, направленную на укрепление колхозов, на правильную организацию труда, доказывая на деле преимущества коллективного хозяйства и устраняя все недостатки в организации колхозов на основе развертывания широчайшей самодеятельности всех масс колхозников.

Самым доподлинным правым оппортунизмом было бы предоставление возможности в любой момент развалить колхоз колеблющимся элементам, попадающим под влияние кулака:

> «Артель не проходной двор. Не для того в результате этой весны выделились миллионы колхозников, засеяли 33 млн. га, чтобы позволить любому подкулачнику ломать колхоз. Колхоз не проходной двор, — это должен знать каждый крестьянин, еще до того, как он вступает в колхоз. Добровольность вступления ни в коем случае не означает произвола раздела». (Из доклада т. Яковлева на XVI партс'езде).

Борьба за устойчивость колхозов и укрепление их — таковы важнейшие задачи, на разрешение которых должна быть мобилизована активность рабочего класса и колхозников. «Решающее значение для работы партии в данный момент получает задача дальнейшего вовлечения в колхозы бедняцких и середняцких хозяйств на добровольных началах, проблема организации труда в колхозах, распределение урожая внутри колхоза, проблема подготовки колхозных кадров, под'ема культурного уровня колхозных масс, преодоления мелкобуржуазных колебаний внутри колхозов, всемерного укрепления колхозов, как опорных пунктов социалистического строительства в деревне». (Из резолюции по докладу ЦК на XVI партс'езде).

Разрешить эти задачи возможно только преодолев теорию и практику самотека, развернув во всю ширь организующую социалистическое строительство энергию и активность рабочего класса, прочно опирающегося на выросшую массу колхозников, выдвинувшую тысячи организаторов и десятки тысяч агитаторов за коллективизацию из среды самих крестьян.

Колхозное движение стоит перед новым под'емом. Всемерно укрепляя колхозы, развертывая широчайшие мероприятия по вовлечению в колхозы сегодняшних единоличников, но завтрашних колхозников, развертывая огромную подготовительную работу во всех областях СССР к переходу на рельсы коллективизации, устанавливая правильные отношения с единоличным бедняцко-середняцким крестьянством, укрепляя самостоятельные организации бедноты в советах, кооперации и в первичных формах колхозов, организуя сокрушительный отпор кулаку и ликвидируя его как класс на основе сплошной коллективизации, проводя во всей своей практической работе лозунг опоры на колхозника,—партия обеспечит успех наступления по всему фронту, добьется завершения дела коллективизации в ближайший период.

* * *

За время с XV по XVI с'езд мы имели непрерывный рост сельского хозяйства, при чем основной особенностью является медленность роста, чрезвычайное отставание сельского хозяйства в темпах роста от промышленности. Это отставание с особой силой сказывается в период после 1927 г., когда сельское хозяйство вступает в реконструктивный период.

Валовая продукция по сравнению с довоенным уровнем.

	Все сельское хозяйство	Вся промышленность
1926/27 г.	+ 6,6%	+ 2,5%
1927/28 г.	+ 7,2%	+ 22,5%
1928/29 г.	+ 9,1%	+ 42,5%
1929/30 г.	+ 14,0%	+ 80%

Реконструктивный период для сельского хозяйства есть период, когда во весь рост встают задачи социалистического переустройства, ибо гвоздем этой реконструкции, обеспечивающей быстрый под'ем производительных сил является процесс создания крупного сельскохозяйственного производства. Вне крупного производства не разрешимы задачи реконструкции. Развернутая между XV и XVI с'ездами работа по организации колхозов, МТС и совхозов в 1929/30 году дала крупнейший эффект, именно благодаря этому строительству мы имеем ускорение в под'еме зернового хозяйства, мы имеем в основном разрешение зерновой проблемы. Движение посевных площадей и зерновых культур в сравнении с 1913 годом представляется в следующем виде:

1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
100%	96,9%	94,79%	98,2%	105,1%

Впервые в 1929/30 г. мы по посевным площадям превышаем довоенный уровень. Валовая продукция зерновых культур по тем же годам в сравнении с 1913 г. изменяется следующим образом:

1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
100%	91,9%	90,8%	94,4%	110% [1]

В 1929/30 г. мы впервые за все время достигаем превышения довоенного уровня валовой продукции зерновых культур.

Основным и решающим фактором подобного под'ема является создание крупного социалистического земледелия: развертывание совхозов Зернотреста, укрепление старых совхозов, организация МТС и мощный рост коллективизации. Все это ведет к созданию высоко-товарного хозяйства. Природа затруднений в зерновом хозяйстве, которые переживала страна, кроется в характере мелкого и мельчайшего хозяйства, разобщенного, раздробленного, с рутинной техникой, отличающегося исключительно низким уровнем производства товарной продукции.

Несмотря на то, что об'ем производства зерновых культур за рассматриваемый период превышал 90% от довоенного уровня, товарность зернового хозяйства была вдвое ниже довоенного периода.

---

[1] Падение посевных площадей по зерновым в 1927/28 г. об'ясняется гибелью до 8 млн. га озимых.

Товарная часть зерновой продукции в сравнении с довоенным периодом.

1913 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г
100%	37%	36,8%	58%	73%

В 1930 г. мы уже будем иметь ¾ довоенного производства товарной зерновой продукции. Это даст возможность полностью удовлетворить потребности СССР в зерновых продуктах, создать необходимые резервы и даже определенную часть экспортировать. Зерновая проблема в основном решается, что не означает, что она решается полностью, ибо полное разрешение ее связано с созданием значительных фондов для экспорта, с быстрым расширением производства товарной пшеницы и под'емом потребления этой культуры и т. д., что целиком обеспечивается на рельсах крупного социалистического земледелия.

Колхозное движение за время с XV по XVI с'езд развивалось следующим образом:

Процент коллективизации крестьянских хозяйств по СССР.

1927 г.	1928 г.	1929 г. (1/VI)	1929 г. (1/X)	1930 г. (V)
0,80	1,67	3,94	7,55	24,1

Посевная площадь колхозов.

1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
0,8 млн. га	1,4 млн. га	4,3 млн. га	не менее 36 млн. га

При этом в важнейших зерновых районах удельный вес колхозов в посевной площади 1930 г. доходит до половины и больше всех посевных площадей.

Удельный вес колхозов в посевной площади.

Сев. Кавказ	УССР	Нижняя Волга	Средняя Волга
61,1%	41,6%	50,1%	28,0%

Данные за 1930 г. свидетельствуют о происшедшем величайшем переломе в развитии деревни. Этот поворот подготовлялся всей системой экономических и политических мероприятий партии: развитием индустрии и производством средств производства для сельского хозяйства; политикой решительной борьбы с кулачеством в союзе с середняком и при опоре на бедноту; развертыванием сельскохозяйственной кооперации; строительством колхозов и МТС, на практике показывающих преимущества коллективного труда перед единоличным; организацией совхозов, показавших все преимущества крупного производства и применения новой техники. Этот поворот подготовлен проведением правильной политики партии; разгромом контрреволюционного троцкизма; решительной борьбой со всеми остатками троцкистской идеологии; беспощадной борьбой с правым оппортунизмом, боровшимся за капиталистический, кулацкий путь развития сельского хозяйства и представляющим главную опасность.

Результаты колхозного строительства таковы, что программа пятилетки по колхозам перевыполнена в течение первых двух лет, более чем в полтора раза (вместо 20,6 млн. га коллективных посевов к концу пятилетки, в 1930 г. мы имеем 36 млн. га).

Колхозы в 1930 г. дадут свыше полутора миллиардов пудов валовой продукции зерновых культур и не менее полмиллиарда товарной зерновой продукции. Таков бесспорный факт, знаменующий собою величайший переворот, который начался в сельском хозяйстве СССР.

Ближайшие годы в развитии коллективизации будут годами полного перехода от мелкого хозяйства к крупному коллективному. Это значит, что, организуя совхозы, МТС, осуществляя лозунг сплошной коллективизации, мы обеспечим в основном уже в ближайший период полный переход сельского хозяйства на рельсы крупного социалистического земледелия.

Правые вели борьбу против быстрого развертывания крупного социалистического земледелия. Пытаясь задержать быстрый поступательный ход коллективизации, программа правых вела к задержке строительства совхозов. И на этом участке они потерпели сокрушительное поражение. Вот реальная программа совхозного строительства в области зернового хозяйства

Выполнение программы совхозного строительства

(Посевные площади в тыс. га)

	Зернотрест	Совхозцентр	Укрсовхозы	Союзсахар
1928/29 г.	150	430	170	780
1929/30 г.	1.060	860	280	820
1930/31 г.	4.500	1.800	500	830
1931/32 г.	9.000	2 000	720	9[illegible]9
1932/33 г.	14.000	2.500	—	990

В текущем году посевные площади всех совхозов составляют 3,8 млн. га, в будущем—8 млн. га. Пятилетняя программа совхозного строительства (5 млн. га) будет перевыполнена в 3 года. В 1929/30 году валовая продукция совхозов составит 28,2 млн. центнеров, из которых 18 млн. цент. составит товарная продукция, а в 1930/31 году валовая продукция составит 71,7 млн. цент. и товарная—61 млн. цент.

Такова программа совхозного строительства, которая вместе с развитием МТС и мощным под'емом колхозного движения обеспечивает полное разрешение зерновой проблемы. В результате бурного роста обобществленного сектора в сельском хозяйстве, мы можем констатировать, что в текущем году колхозы и совхозы дают основную часть зерновой товарной продукции и далеко перекрывают производство кулака в зерновом хозяйстве, превысив в несколько раз посевную площадь кулацких хозяйств, которую последние имели в 1927 году (составлявшую тогда до 10 млн. га), превысив их и по размерам товарной продукции (кулак давал около 20%, совхозы и колхозы в этом году дадут больше 50%). Кулак в зерновом хозяйстве замещен окончательно и бесповоротно. Зерновая проблема в основном решена.

* * *

Зерновое хозяйство являлось наиболее отсталым и вместе с тем решающим участком сельского хозяйства. Именно поэтому усилия партии, прежде всего, были сосредоточены на задаче под'ема зернового хозяйства. Вместе с этим разрешение зерновой проблемы создает в определенной степени условия и для под'ема остальных отраслей сельского хозяйства. Никакой устойчивый и быстрый под'ем технических культур немыслим без снабжения соответствующих районов продуктами зернового хозяйства и никакой прочный под'ем животноводства невозможен без обеспечения животноводческих районов и животноводческих хозяйств достаточным количеством зерновых продуктов и кормов. Разрешение зерновой проблемы, таким образом, создает предпосылки для разрешения проблемы животноводства и технических культур. Каковы пути разрешения этих проблем?

Коренной причиной отсталости зернового хозяйства являлись мелкие и мельчайшие размеры крестьянских хозяйств. Зерновую проблему и ликвидацию затруднений в снабжении зерновыми продуктами мы решаем на путях быстрого развертывания крупного обобществленного хозяйства, вместо мелкого, и вытеснения кулацко-капиталистического производства. Единственно радикальным способом обеспечить быстрый под'ем животноводства и технических культур является путь ускоренного строительства крупного социалистического хозяйства.

Состояние животноводства в данный момент показывает, что здесь мы имеем признаки явного сокращения количества голов, соответственно сокращению валовой и товарной продукции.

Возьмем показатели товарной продукции мяса и сала в процентах к валовой продукции.

1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г
33,4%	32,9%	30,4%	29,2%

«Вслед за зерновой проблемой, которую мы уже разрешаем в основном с успехом, встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь, и которая ждет своего разрешения» (Сталин).

Состояние технических культур характеризуется несомненным повышением показателей. Однако, по ряду культур мы имеем проявления неустойчивости (лен, масличные). Колебание и неустойчивость в развитии технических культур является основной отличительной особенностью современного производства их в мелком хозяйстве. В 1926 году мы имели падение посевных площадей по техническим культурам, в дальнейшем под'ем их. Проявление неустойчивости и колебаний при преобладании мелкого хозяйства совершенно несомненны. Причины подобного противоречивого развития животноводства и технических культур кроются в самом существе мелкотоварного хозяйства с его стихийным развитием, с его диспропорциями, с его подчиненностью стихийным природным условием, с его зависимостью от рынка и рыночной цены и т. д. Глупейшей, реакционной болтовней мелкобуржуазных профессоров типа Чаянова, Челинцева и других является теория о том, что мелкое производство приобретает устойчивость и получает даже преимущество перед крупным при развитии в нем «товарно-интенсивных» отраслей. Последний профессор договорился даже до того, что по его словам, развитие «товарно-интенсивных» отраслей (животноводства и технических культур) не-только создает устойчивость мелкому хозяйству, но и ведет к предотвращению капиталистического пути развития, ведет к предотвращению классового расслоения крестьянства.

Никакого устойчивого под'ема животноводства и технических культур при преобладании мелкого производства обеспечить невозможно. Коренной выход заключается в создании крупного хозяйства, в создании совхозов и колхозов. В разрешении проблемы технических культур и проблемы животноводства мы должны итти тем же путем, которым идем к полному разрешению зерновой проблемы.

Решениями XVI с'езда заложены основы для коренного разрешения задач быстрого и устойчивого под'ема животноводства и технических культур.

> «Коренным образом пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства, исходя из темпов коллективизации, предусмотренных решением Центрального Комитета от 5 января и полностью подтвержденных на опыте, с тем, чтобы на этой основе обеспечить наряду с ускоренным развитием зерновых и технических культур поднятие и усиленное развитие животноводства, путем, прежде всего, организации специальных животноводческих совхозов аналогично зерно-

совхозам, массового создания высокотоварных колхозных ферм и быстрого расширения кормовой базы». (Резолюция XVI с'езда по докладу тов. Яковлева).

Крупнейшее значение для разрешения проблемы животноводства имеет создание животноводческих совхозов (мясных фабрик). С'езд утвердил следующую программу развертывания свиноводческих и скотоводческих совхозов:

Товарный выход свиней по линии треста „Свиновод".

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
не менее 400 тыс. г.	3 млн. г.	7 млн. г.

Число голов стада треста „Скотовод".

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
3,2 млн.	5,5 млн.	9—10 млн.

Такова грандиозная программа строительства животноводческих совхозов, которая наряду с ростом колхозного животноводства характеризует план величайшего переворота в области производства животноводческих продуктов. Развертывание совхозов «Свиновода», «Скотовода», «Овцевода», «Молочно-масляного треста», строительство совхозов и по другим отраслям животноводства (напр., птицеводство) все это наряду *с развитием животноводства в колхозах* (на базе, прежде всего, создания крупного высоко-товарного хозяйства) создает предпосылки для разрешения животноводческой проблемы в основном в ближайшие три года, смягчив затруднения со снабжением мясными продуктами уже в будущем году.

Ближайшие годы будут годами быстрого развертывания строительства крупного производства и в области технических культур.

Строительство совхозов, МТС, колхозов во всех областях СССР на основе специализации районов в производстве главнейших продуктов сельского хозяйства, внедрение новой техники во все важнейшие отрасли ведет нашу страну к невиданным, могущественным темпам развития. *Наступление крупного социалистического земледелия по всему фронту с.-х. производства,* перестройка мелкотоварного хозяйства в крупное коллективное, вытеснение и ликвидация капиталистических элементов,—такова программа великих работ в области сельского хозяйства, которые непроходимой пропастью отделят нас от старого строя общественных отношений и которые заложат новый фундамент в сельском хозяйстве—фундамент социалистической экономики.

* * *

Коллективное хозяйство, уже в данный момент ставшее основной формой сельскохозяйственного производства, является хозяйством крупным, хотя и мануфактурного типа, в большинстве своем основанное на простом сложении старых крестьянских средств производства. Об'единяясь в коллективы, бедняцкое и середняцкое крестьянство под руководством пролетариата переделывает мелкое и мельчайшее производство с его неимоверной отсталостью, рутинностью, величайшей разобщенностью, по самой своей природе исключающего возможности расширенного воспроизводства.

Для того, чтобы со всей яркостью подчеркнуть гигантский, величественный переворот, который теперь происходит в деревне, остановимся на некоторых характеристиках сельского хозяйства до перехода к колхозам.

Величайшая раздробленность сельского хозяйства,—свыше двух с половиной десятков миллионов мелких хозяев, работающих на крохотных, обособленных участках земли, расточающих труд и средства производства и не имеющих при таком положении возможностей обеспечить сколько-нибудь серьезный под'ем материального и культурного уровня,—является основной чертой мелкотоварного уклада. При этом, мелкому хозяйству свойственно дальнейшее раздробление производства и, как показывает опыт нашей деревни, этот процесс раздробления происходил довольно интенсивно. С 1925 года по 1927 год число крестьянских хозяйств выросло с 23.961,8 тыс. до 25.015,9 тыс., т.-е. ежегодно прибавлялись сотни тысяч новых мелких хозяйств. В рамках мелкого и мельчайшего хозяйства этот процесс дробления ликвидировать невозможно, его можно с большим или меньшим успехом только в некоторой степени задержать. Излечить эту «болезнь» мелкого производства возможно только на путях концентрации земли и средств производства в крупных хозяйствах. В наших условиях капиталистический путь концентрации исключен самим фактом существования системы советских общественных отношений, самим фактом существования пролетарского государства. Коренным образом этот вопрос решает только коллективизация. Махровые буржуазные экономисты типа Кондратьева, Макарова и т. п. в свое время вели ожесточенную борьбу за фермерско-капиталистический путь преодоления раздробленности сельского хозяйства, пугая страну всеми «ужасами» перспективы продолжающегося дробления, предрекая распад производительных сил сельского хозяйства и издеваясь над политикой «фантастического» социалистического укрупнения мелких хозяйств через организацию колхозов. Теперь и теоретически и практически совершенно ясно одно: *проблема дробимости мощным разворотом колхозного движения снимается полностью и без остатка.* Все навороченные буржуазными экономистами «ужасы» измельчания сельского хозяйства, рисовавшаяся ими грядущая перспектива «китайского земледелия» и т. д. разлетаются, как дым. Эта болтовня являлась только дымовой завесой, которая служила прикрытием их ставки на победу капитализма в сельском хозяйстве и на капиталистическую реставрацию в СССР; «исчисления» одной из комиссий Госплана (приводившиеся в докладе тов. Яковлева на XVI партс'езде) о том, что в 1940 году число крестьянских хозяйств должно было вырасти до 31 миллиона, только были на руку реакционной профессуре.

С исключительной яркостью грандиозное значение коллективизации вырисовывается, когда мы рассматриваем вопросы обеспеченности сельского хозяйства средствами производства, вопросы их использования, распределения и т. п. 24,6% *всех имеющих посевы крестьянских хозяйств, по данным 1927 года, вовсе не имело своей тяговой силы*[1]), при чем, из этого числа ¾ приходилось на пролетарские и полупролетарские хозяйства деревни (бедноту), которые не имели или имели в ничтожном количестве элементарные средства производства для обработки своих наделов. В силу этого, значительная часть бедноты не могла обработать свои наделы и сдавала землю в аренду: по данным динамической переписи 1927 года, пролетарская группа сдавала в аренду 34,5% своей надельной пашни, полупролетарская—16%. Огромное большинство бедноты для обработки своих наделов прибегало к найму средств производства: по тем же данным 61,3% пролетарской группы и 54,7% полупролетарской—прибегали к найму рабочего скота, машин и орудий; в основных зерновых районах этот процент значительно повышался. 20—30% всего рабочего вре-

---

[1]) Приводимые в этой главе цифровые данные взяты из сборника Госплана „Социал. переустройство сельского хозяйства между XV и XVI с'ездами ВКП (б)." См. статью Немчинова „Советская деревня накануне развернутого социалистического наступления". Я в данной статье не останавливался на ряде ошибочных положений этой статьи, предполагая вернуться к этому в другом месте.

мени бедноты приходилось на работы в порядке найма в качестве батраков и поденщиков, 40—50% рабочей силы—вовсе не использовалось, остальная часть использовалась в своем хозяйстве и то в значительной степени при помощи, как мы видели, чужих средств производства. Несомненный под'ем бедняцкого индивидуального хозяйства, который происходил за все предшествующие годы, благодаря поддержке пролетарского государства не разрешал и не мог разрешить проблемы бедноты. Проблема бедноты неразрывно связана со строем мелких товаропроизводителей. Строю мелких товаропроизводителей, с его частной собственностью на средства производства и зависимостью от рынка, свойственны противоречия в распределении средств производства, свойственна экономическая диференциация, на основе которой растут классовые противоречия, происходит классовое расслоение крестьянства. Мелкое хозяйство является базой для капитализма, капитализм оно выделяет непрерывно.

> «Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую, и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, — базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. (Ленин).

Коллективизация, перерабатывая самую природу мелкого производства, означая переход от частной собственности на средства производства к общественной, ведет к переработке товарно-капиталистической тенденции мелкого хозяйства в социалистическую тенденцию, ведет к переделке старых производственных отношений в социалистические производственные отношения. Измышления и болтовня господина Троцкого о том, что коллективизация не перерабатывает товарно-капиталистической тенденции крестьянства, что в колхозах диференциация «пойдет еще быстрей» (??), что колхозы являются лишь прикрытием для кулака и роста кулацкой эксплоатации, являются до такой степени вздорными и клеветническими, находятся в таком непримиримом противоречии с азбучными основами марксизма и ленинизма, что не нуждаются в опровержениях. Факт совершенно бесспорный—колхозы есть одна из форм социалистического хозяйства, поворачивающая деревню на путь социалистического развития. Через сплошную коллективизацию пролетариат выкорчевывает самые корни капитализма и ликвидирует деревенский капитализм коренным образом. Сплошная коллективизация есть путь, способ, ведущий страну к уничтожению в конечном счете классов, классовых противоречий и классовой борьбы. Таким образом, коллективизация решает проблему классового расслоения советской деревни; сплошная коллективизация и ликвидация на этой основе кулачества как класса передаст эту проблему в архив истории. Диктатура пролетариата выступает, как величайшая сила, освобождающая крестьянство от капитализма, от капиталистических эксплоатаций.

На основе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса мы стоим перед перспективой разрешения проблемы бедноты в основном в ближайшие годы. В условиях господства мелкого и мельчайшего хозяйства и в условиях капиталистического пути его развития проблема бедноты неразрешима. В условиях мелкого хозяйства никакие рецепты, в роде пресловутого предложения Зиновьева: дать каждому бедняку по лошадке, неспособны ни в какой мере разрешить проблему бедноты. Хозяйственная помощь, которую оказывала советская власть бедноте, не разрешая проблемы бедноты, имела огромнейшее значение, ибо она поддерживала бедноту в ее борьбе с кулацкой эксплоатацией, сохраняла ее рабочую силу от кулацкого расхищения, позволяла бедноте продержаться и в определенной степени поднимать хозяйство. Она являлась одним из способов борьбы с ростом деревенского капитализма и подготовки к решающему переходу на рельсы коллективизации. Не даром идеологи кулачества типа Кондратьева выступали тогда против «расточительства» по линии помощи бедноте. Кондратьевы предлагали проблему бедноты решать на путях капиталистического развития сельского хозяйства. Спрашивается, как это могло происходить? Капитализм,—отвечал Кондратьев в 1927 году, в одном из своих докладов в Научно-Исследовательском Институте с.-х. экономики,—быстро поднимает производительные силы, на основе этого общего под'ема благосостояния будет расти и благосостояние бедноты. Это, во-первых, а во-вторых, капитализму якобы свойственен под'ем из групп слабых в группы сильные, состоятельные, зажиточные (Кондратьев приводил пример Америки, где якобы существует развернутая циркуляция из одних групп в другие). Буржуазные экономисты, идеологи капиталистической реставрации в СССР, не гнушались самой отвратительной лжи насчет положения при капитализме, пытаясь начисто скрыть процесс беспощадного разорения и закабаления мелких хозяйств в условиях капиталистического хозяйства.

Коллективизация, переход к которой был подготовлен всей системой экономических и политических мероприятий пролетарского государства (в том числе и помощью бедноте), решает проблему бедноты в корне. Беднота, вступающая в колхоз, сразу освобождается от кулацкой эксплоатации, сразу выходит из положения эксплоатируемого и экономически зависимого слоя, быстро поднимает материальный уровень и в кратчайший срок перестает быть беднотой.

Колхозы имеют огромные преимущества при использовании и старых средств производства, здесь налицо крупнейший эффект от простого сложения крестьянского инвентаря, о котором и «не мечтали наши практики» (Сталин).

В мелком крестьянском хозяйстве не только не применима новая техника, не только невозможно применение научных методов земледелия, но использование применяемых на клочках земли средств производства и рабочей силы отличается крайне низкой производительностью, отличается величайшей расточительностью. Приведем несколько примеров.

Процент неиспользованной у середняков тяговой силы рабочего скота

(по данным бюджетного исследования 1926/27 г.).

Украина	Сев. Кавказ	Нижн. Волга	Ср. Волга	Сибирь	ЦЧО	Урал
69,7	71,8	71,8	67,0	72,4	70,3	66,8

Только на 1/3 использует середняк энергию живой тяговой силы! Это ли не величайшая расточительность, которая сразу же при организации коллективного хозяйства в значительной степени ликвидируется?! Исползование тяговой силы рабочего скота в колхозах достигает большого эффекта, благодаря крупным размерам хозяйства и возможности сразу увеличить нагрузку рабочего скота. Вот где одно из условий, определяющих эффективность колхозов и на базе простого сложения крестьянского инвентаря!

Подобное же положение и с использованием машин и орудий, которые в значительной части являются мертвыми, в смысле производительности, силами в хозяйстве мелкого товаропроизводителя. Общую отсталость мелкого производства к 1927 году в смысле вооруженности средствами производства с особой яркостью иллюстрируют следующие цифры:

Процент хозяйств, пользующихся машинами в СССР.

	Зерноочистители и триеры	Сеялки	Жнейки	Молотилки
Собственными . . .	11,6	3,7	6,2	4,3
Наемными	6,6	1,8	4,3	20,3
Итого . .	18,2	5,5	10,5	24,6

Из 93,9 проц. хозяйств, имеющих посевы, только небольшая, как видим, часть применяла машины (в числе которых значительная часть кулаков); остальная же часть пользовалась примитивнейшими средствами производства. Коллективное земледелие ведет к быстрому внедрению новейшей техники, к применению в массовых масштабах усовершенствованных машин и орудий. Через колхозы к новой технике, к трактору, к комбайну приобщается вся масса бывших мелких хозяев, а теперь колхозников. Разве и одном только этом факте не выступает всемирно-историческое значение коллективизации и разве одним только этим фактом не подчеркивается перед мелкими хозяевами всего мира гигантское значение советского строя и диктатуры пролетариата, выводящих крестьянство на путь освобождения от ужасов и бедствий капиталистического строя?

Несмотря на примитивность техники мелкого производства, ограниченность применяемых средств производства, мы имеем глубочайшее противоречие, выражающееся в том, что стоимость середняцких средств производства (мы берем середняка, как основную фигуру мелкого хозяйства) по расчету на один га неимоверно высока.

Процент площади активных средств производства в рублях на 1 га.

	Яровая пшеница		Озимая рожь	Озимая пшеница
	Ср. Волга	Сибирь	ЦЧО	Сев. Кавказ
Середняки	36.0	28,7	56,3	40,2
Артели	14,2	—	34.0	15,8
Коммуны	15,6	13,7	36,3	18,3

Значительная часть и тех примитивных средств производства, которыми располагает середняк, растрачивается бесцельно, благодаря мелкому производству и свойственному ему нерациональному способу хозяйствования. В мелком хозяйстве непроизводительно растрачивается *рабочая сила*, значительная часть которой не используется вовсе. Процент неиспользованного рабочего времени у середняка составляет до половины всего запаса рабочего времени. Примененный труд, слабо вооруженный средствами производства (материальные затраты на 1 день труда у середняка в 5 и более раз ниже, чем в колхозах и совхозах) дает низкую производительность, низкую урожайность, низкую продуктивность скота и т. д.

Организация крупного коллективного хозяйства, даже мануфактурного типа, даже на базе простого сложения инвентаря мелкого производства, дает сразу же ощутительный под'ем производительности. Проблема повышения производительности сельскохозяйственного труда, проблема урожайности, проблема продуктивности скота, над разрешением которых при сохранении мелкого хозяйства можно биться сотни лет,— быстро решается переходом к крупному коллективному производству.

Уже опыт колхозов, возникших во все предшествующие годы, показывает, что здесь мы достигаем значительного роста производительности не только по сравнению с середняцким хозяйством, но и по сравнению с кулацким. Опыт же нынешней весны показывает на примере уже миллионов вошедших в колхозы крестьян, что колхозы сразу раскрывают свои преимущества с огромной силой. Достаточно указать, что нынешней весной колхозы при простом сложении крестьянских средств производства и при незначительном внедрении новейшей техники, при небольшом числе тракторов, но зато используемых с высокой нагрузкой — дали расширение посевных площадей на 12 млн. га по сравнению с той, которую они обрабатывали, когда были единоличниками. Дальнейший, непрерывный под'ем производительности есть краеугольный камень колхозного движения, ибо без этого условия, коллективное хозяйство окончательно победить не сможет. Коренным образом решает этот вопрос новая могущественная техника, переводящая колхозы на высшую ступень, на ступень машинного производства на новой энергетической базе. Над дальнейшим непрерывным и быстрым под'емом производительности труда должны упорно работать колхозники. Предпосылки для разрешения этого вопроса созданы организацией колхозов и мощным развитием социалистической индустрии, перевооружающей сельское хозяйство на базе новейшей техники. Эти предпосылки должны быть и будут полностью реализованы. За это должны драться колхозные массы. Этим капитализм будет окончательно и бесповоротно побит.

* * *

Положение мелкого хозяйства при капитализме Ленин характеризовал следующим образом:

> «Мелкое производство в земледелии осуждено на гибель и невероятно придавленное, угнетенное положение при капитализме,— говорят марксисты. Будучи зависимым от крупного капитала, будучи отсталым по сравнению с крупным производством в земледелии, мелкое производство держится только отчаянным понижением потребностей и каторжным, двужильным трудом. Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот что несет капитализм везде и повсюду крестьянину». (Ленин, собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 168).

Опытом всех стран доказано и передоказано, что в условиях капитализма у мелкого хозяйства нет других перспектив, кроме разорения подавляющей массы мелких хозяев. В современных условиях, когда капитализм создает новую могущественнейшую технику, переворачивающую вверх дном старые способы сельскохозяйственного производства, *вытеснение и разорение мелкого производства невиданно ускоряется*. Иногда наиболее откровенные буржуазные экономисты ярко рисуют картину исключительно быстрого беспощадного разорения мелких хозяйств, которое несет за собой развитие крупного капиталистического сельского хозяйства, основанного на новой технике. По свидетельству американского предпринимателя Хикмена Прайса, для сельского хозяйства капиталистической Америки, переживающего глубокий кризис, никаких выходов из кризиса нет, помимо немедленного убыстрения процесса вытеснения мелких и средних фермеров крупным и сверхкрупным капиталистическим производством, помимо их жесточайшего разорения. «*Каким бы ужасным не представлялся такой процесс*,— пишет он,— он, по сути дела, аналогичен процессам, происходящим повседневно в торговле, в промышленности»[1]).

Рост производства сельскохозяйственной продукции, благодаря развитию крупного хозяйства вызывает перепроизводство и падение цен. Это падение цен, говорит Прайс «установит бесконечные трудности для малоподвижных фермеров. *Их доход на время совершенно исчезнет*»... «*Кризис, через который ныне проходит сельское хозяйство, в дальнейшем примет еще более интенсивный характер*». В этом жесточайшем кризисе *погибнут* мелкие фермы. Это будет, по мнению Прайса, только для «*блага нации*», ибо после этого, якобы наступит полный расцвет крупнейшего механизированного высоко-производительного хозяйства, цены придут в соответствие с

---

[1]) См. доклад Прайса, совладельца крупнейшей зерновой фермы САСШ „Соц. Зем.“, № 134 за 1930 г.

«улучшенными методами производства...», капиталисты будут иметь полное довольство, получая прибыль, и кризис будет изжит.

Так мечтает американская буржуазия выйти из аграрного кризиса, сочетающегося с общим кризисом, раздирающим всю систему капиталистического хозяйства. Буржуазия мечтает выйти из сельскохозяйственного кризиса неслыханным ускорением процесса разорения мелких и средних хозяйств, развертывает программу разрешения кризиса на костях миллиона фермеров, выбрасываемых вон из производства. Но никакие силы не в состоянии вывести капитализм из состояния кризисов. Дело здесь заключается не во внедрении новой могущественной техники и не в крупном и сверхкрупном капиталистическом земледелии. Дело заключается в самой системе капиталистических отношений с ее величайшими противоречиями между развитием производительных сил и производственными отношениями, с ее противоречием между общественным характером производства и системой капиталистического присвоения результатов производства. Несмотря на внедрение новой техники, сельское хозяйство Америки не имело быстрого под'ема, переживает кризис, упадок. Несмотря на массовое разорение мелких фермеров, на разорении которых капиталисты пытались выезжать, несмотря на известный рост крупного производства,— сельское хозяйство не вышло и не выйдет никогда из кризисов, из глубочайших противоречий, заложенных в природе самого капитализма и устранимых вместе с разрушением капиталистического общества пролетарской революцией.

Основой капиталистического сельского хозяйства является частная собственность на землю и средства производства, экспроприация земли и средств производства у непосредственных производителей. В результате этого, при капитализме, при всем его техническом прогрессе, при всем развитии крупного и сверхкрупного сельскохозяйственного производства, развитие производительных сил имеет определенные границы. Маркс в «Капитале» дал превосходный сравнительный анализ условий воспроизводства в мелком хозяйстве и крупном капиталистическом земледелии.

> Мелкое парцелярное хозяйство, говорит он, «по своей природе исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки... Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Колоссальное расточение человеческой силы». (Капитал, том III, ч. II, стр. 280) .
>
> «При мелкой культуре цена земли, форма и результат частной собственности на землю, выступает как граница самого производства» (там же, стр. 284).
>
> При мелком хозяйстве «исключается возможность богатства и развития воспроизводства». (Там же).

Анализируя условия воспроизводства при крупном капиталистическом земледелии, Маркс приходит к выводу о том, что и здесь частная собственность кладет предел в развитии производительных сил сельского хозяйства.

> «При земледелии в крупных размерах и при крупной земельной собственности, покоящейся на капиталистическом способе ведения хозяйства, собственность тоже выступает, как граница». (Там же).

И далее:

> «При обеих формах (и мелком хозяйстве и капиталистическом крупном. *И.В.*) на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся поколений, выступает эксплоатация и расточение сил земли... При мелкой собственности это происходит при недостатке средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности—вследствие эксплоатации этих средств—для быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в этом и в другом случае—вследствие зависимости от рыночной цены». (Там же, разрядка моя. *И. В.*).

Условия рационального хозяйства, основанного на новейшей технике и применении всех научных достижений, расширенное воспроизводство несовместимы с самой природой мелкого хозяйства. Но в условиях капитализма развитие крупного производства не может вывести сельское хозяйство на путь действительного прогресса, не может обеспечить рационального высокопроизводительного использования земли и средств производства. Внедрение новой могущественной техники здесь не сопровождается соответствующим ростом производительности. Побивая и разоряя мелкое производство, крупное капиталистическое земледелие попадает в тупик непреодолимых противоречий капиталистической системы общественных отношений. В результате создаваемая новая техника не используется в полной мере, земля и средства производства расхищаются, растрачиваются, истощается рабочая сила и разрушаются производительные силы ради обогащения кучки магнатов капитализма.

Блестящим подтверждением этого является пример САСШ, которые за последнее десятилетие увеличили количество тракторов с 80 тысяч в 1919 г. до миллиона в настоящее время. В огромной степени выросло и использование комбайнов и грузовиков. Это знаменует собой глубочайший технический переворот, в основе которого лежит переход на новую энергетическую базу. Вот данные об энергетической базе сельского хозяйства Америки за 1928 г. [1] (в миллионах лошадиных сило-часов).

Рабочий скот	8.400
Тракторы	5.100
Грузовики	1.400
Электроэнергия (сельские и районные станции)	1.400
Итого	16.300

Таким образом, % механической энергии (без учета стационарных двигателей), потребленной в сельском хозяйстве Америки составлял в 1928 г. 48,5%. На половину сельское хозяйство САСШ уже два года назад перешло на новую энергетическую базу.

Каковы же результаты этого глубокого технического перевооружения сельского хозяйства Америки, происходящего в условиях разорения, закабаления и вытеснения широчайших масс фермеров?

В своем докладе на XVI партс'езде тов. Яковлев дал анализ этих результатов. Внедрение миллиона тракторов дало ничтожное расширение посевных площадей в то время, как при использовании тракторов со всей эффективностью возможно было иметь удвоение посевных площадей. Если учесть, несомненно, преувеличенные исчисления американских буржуазных экономистов о росте всей продукции в результате реконструкции сельского хозяйства, то исчисленный экономистом Беккером рост на 13,5% за послевоенное пятилетие свидетельствуют об исключительно медленном под'еме сельского хозяйства капиталистической Америки в сравнении с той новой, могущественной техникой, которую оно получило.

---

[1] См. статью Немчинова в цитированном выше сборнике Госплана.

Данные о потреблении свидетельствуют, что потребление мяса упало за 25 лет данного столетия на 1%, потребление пшеницы уменьшилось на 20%, потребление картофеля стабильно и т. д. (см. доклад т. Яковлева на XVI партс'езде).

Все это показывает, что новая техника в условиях капиталистического сельского хозяйства не может быть использована со всей производительностью, со всей эффективностью, она не служит делу быстрого под'ема хозяйства в интересах всего общества, а является орудием обогащения кучки капиталистов и разорения массы фермеров. Взнузданная капиталистической прибылью новая техника, системой капиталистических отношений лишенная всех тех возможностей для прогресса, которые она имеет, ограничиваясь в своем производительном использовании,—она являет ярчайший образец того, как загнивающий капитализм ставит границы для быстрого прогресса и величайшим образом расхищает, расстрачивает и губит производительные силы. Разрешение проблемы рационального высокопроизводительного земледелия возможно только после пролетарской революции, в условиях социалистического строя и создания крупного социалистического земледелия.

Влад. Докукин.

Социалистическая реконструкция транспорта СССР и транспорт САСШ.

Осуществляя социалистическую реконструкцию нашего транспорта, мы можем и должны использовать все новейшие достижения западно-европейского и американского технического прогресса в области транспортной индустрии с тем, чтобы в кратчайший срок «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны на этом участке нашего строительства. Американские железные дороги, их техническая база и организация оперативной работы дают богатейший ценный материал для применения его на нашем советском транспорте в процессе осуществления реконструктивных мероприятий.

Нигде, как в САСШ на примере транспортного хозяйства, не проявляются в такой степени внутренние противоречия капиталистической системы хозяйства, тормозящие рациональное и эффективное использование мощного в техническом отношении и гигантского по величине транспортного аппарата.

В условиях нашей социалистической системы хозяйства не имеют места те неизбежные внутренние пороки, которые сводят на-нет результаты технического прогресса в любой капиталистической стране. Поэтому, опираясь на высокий уровень иностранной техники и используя огромные преимущества советской системы планового хозяйства, мы будем в состоянии осуществлять реконструкцию нашего транспорта в темпах, которые не снились рационализаторам американских железных дорог.

I. Рост грузооборота и реконструкция транспортного хозяйства СССР.

Высокие темпы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства предопределяют те огромные требования в перевозочной работе, которые будут пред'явлены транспорту в ближайшие годы. Размеры продукции главнейших отраслей промышленности и сельского хозяйства на 1930/31 и 1932/33 г., согласно последним наметкам Госплана вырастают от 75,5% до 3220% по различным ее видам: по хлебу на 75,5%, по каменному углю — 225%, по нефти—192%, по руде—318%, по металлургии—312%, по строительным материалам—636%, по землеудобрительным тукам—3220%. Сравнивая с исходным 1928/29 г., мы видим к концу пятилетки утроение—учетверение размеров производства, по минеральным строительным материалам продукция повышается в 5—6 раз, а по тукам — в 30 раз. Такие массовые продукты, как каменный уголь и нефть, имеющие особенно важное значение в грузовых потоках, дают к концу пятилетия утроенные размеры добычи. Развитие народного хозяйства в текущем пятилетии совершается по кривой, возрастающей к концу его, т.-е. что темп развития народного хозяйства усиливается к концу этой пятилетки. Так, продукция чугуна в 1932/33 году по сравнению с настоящим годом увеличивается в 2 раза (с 6 млн. тонн до 17 млн. тонн), добыча угля—в 2,5 раза (с 52 до 130 млн. тонн), добыча нефти—также в 2,5 раза (с 16 до 40 млн. т.). То же наблюдается в области машиностроительной промышленности. Этот нарастающий к концу первой пятилетки темп развития народного хозяйства дает основание придти к выводу, что в следующей пятилетке темп будет, в общем, выше, чем в текущей. Труды и материалы дискуссий по генплану намечают на второе пятилетие более высокие темпы развития народного хозяйства. К такому же заключению приводят и ориентировочные предположения как по отдельным районам, так и по отдельным отраслям промышленности. Справедливость такого предположения подтверждается тем, что развитие основных ведущих отраслей промышленности к концу текущего пятилетия подводит базу для полной реконструкции народного хозяйства, обусловливает значительный рост ряда отраслей промышленности, преимущественно легкой индустрии и развитие совершенно новых производств для обслуживания нужд реконструируемого и развивающегося народного хозяйства.

Реконструкция народного хозяйства вызывает кроме того необходимость разрешения многих задач, которые требуют громадного усиления темпов развития. К числу этих задач относится, прежде всего, жилищное и дорожное строительство. Первое в настоящее время развивается еще недостаточно интенсивно и оставляет неудовлетворенной в значительной степени жилищную потребность. В следующем пятилетии этого, конечно, не будет и жилищное строительство будет идти ускоренным темпом. Строительство новых жел. дорог и грунтовых путей в следующем пятилетии должно идти также повышенным темпом, так как намеченное громадное развитие основных отраслей промышленности невозможно без соответствующего развития транспорта. Наконец, намечавшееся и принятое XVI с'ездом партии промышленное развитие Востока с устройством там совершенно новых и при том колоссальных по своей мощности промышленных предприятий (Магнитогорский, Н.-Тагильский и др. заводы), постановка урало-кузнецкой проблемы должно также повести к большему увеличению темпов промышленного развития в следующей пятилетке. Необходимые валютные ресурсы даст намечающееся, в связи с осуществлением к 1932/33 г. сплошной коллективизации, громадное увеличение экспортных возможностей не только по хлебу, экспорт которого к концу текущей пятилетки даст 11 млн. тонн, но и по другим статьям вывоза.

Предстоящая нагрузка транспорта и темпы роста грузооборота должны быть определены как в соответствии с темпами роста продукции, так и с учетом главнейших реконструктивных и рационализаторских мероприятий, намеченных к осуществлению в текущую пятилетку. Программа реконструкции транспорта, изменения в географическом размещении производительных сил, в технической структуре промышленности и сельского хозяйства, изменения в условиях снабжения и распределения продуктов, а также в области распределения грузооборота между железнодорожным, водным и другими видами транспорта, разумеется, внесут соответствующий корректив в общий показатель предстоящих перевозок. Тем не менее даже при этом коррективе рост грузооборота показывает быстрые темпы, по сравнению с 1928/29 г. к концу пятилетия он увеличивается в 3½ раза, по сравнению с текущим 1929/30 г.—в 2½ раза. Если в 1928/29 г. грузооборот выражался в 175,9 млн. тн., а общий пробег в 97,6 млн. т./клм, то для 1929/30 г. соответствующие цифры будут 236 и 140,1, для 1930/31 г.—325 и 190, для 1932/33 г.—572 и 355. Такой бурный рост грузооборота сопровождается повышением средней дальности пробега тонны груза с 585 до 620 клм., т.-е. почти на 6%.

Этот новый план работы транспорта совершенно опрокидывает прошлогодние наметки на 1932/33 г.: в отношении количества он превышает в 2½ раза, а в отношении работы железных дорог почти в 3 раза прошлогоднюю проектировку работы транспорта.

Насколько при этих условиях увеличивается нагрузка транспорта, показывают следующие расчеты. Железнодорожная сеть, составляющая в настоящее время 77 тыс. километров, к 1932/33 г. должна увеличиться до 100 тыс. километров, т.-е. на 25—30%, в то время как грузооборот утраивается.

Густота движения, составляющая в настоящее время 1,8 млн. тонно-километров на 1 клм, т.-е. достигающая нормы американских железных дорог, к концу пятилетия составит 3,5 млн. т/клм. на 1 клм. пути, т.-е. удваивается.

Густота движения по отдельным дорогам, особенно по вновь вошедшим в эксплоатацию, будет неравномерно распределена в течение ближайших трех лет пятилетки, что даст для наиболее загруженных и основных направлений такую густоту движения, которая в 3 раза будет превышать существующие нормы. Пассажирские перевозки к концу пятилетия достигают 82 млрд. пассажиро-километров, т.-е. увеличиваются почти в 3 раза по сравнению с исходным 1928/29 г.

Приведенные данные с достаточной полнотой рисуют те огромные масштабы, по которым должна равняться транспортная работа в ближайшие годы.

Какова же техническая вооруженность транспорта, с которой он выступает в направлении осуществления намеченной программы грузооборота?

Техническо-экономический уровень нашего транспорта, его производственно-техническая вооруженность, значительно ниже тех показателей, которые намечались на конец пятилетия. Поэтому опасность превращения транспорта в «узкое место» всего народного хозяйства, в тормоз, могущий задержать процесс индустриализации и социалистической реконструкции Советского Союза, становится совершенно осязательной.

Это обстоятельство подчеркнуто с исчерпывающей ясностью в докладе т. Сталина на XVI партийном с'езде.

> «... Несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства (подчеркнуто нами. *В. Д.*) все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед. Не пора ли положить конец такому положению?» (Сталин. Политич. отчет ЦК XVI с'езду).

Нужно совершенно прямо заявить, что к осуществлению той реконструктивной программы, которая была намечена транспортной пятилеткой, НКПС до последнего времени не приступал по причине отсутствия конкретной разработки основных элементов технической реконструкции транспортного хозяйства.

Только в июне месяце текущего года появилась первая наметка реконструктивной программы, разработанная ЦПТЭУ НКПС под руководством тов. Полюдова и план реконструкции железнодорожного транспорта, построенный на основе материалов специальной комиссии НКПС во главе с т. Сулимовым, изучавшей в течение нескольких месяцев постановку работы железных дорог САСШ.

Необходимость срочного рассмотрения и реализации ряда реконструктивных мероприятий, составляющих содержание этой программы социалистической реконструкции транспорта СССР должна быть подчеркнута со всей настоятельностью.

> «Выдвигая как первоочередную и неотложную задачу составления в кратчайший срок перспективного плана реконструкции всего транспортного хозяйства: железнодорожного, водного и автодорожного, полностью увязанного с нуждами и перспективами развития других отраслей хозяйства СССР, необходимо немедленно заострить внимание на самое широкое введение новой техники, новых методов работы и новых более совершенных форм организации транспортного хозяйства».

Приведенный пункт является основным в недавно опубликованном в «Правде» приказе т. Рухимовича, имеющем исключительное политическое значение и ставящем в упор все решающие вопросы работы транспорта.

У всех еще на памяти те трудности и перебои, с которыми была сопряжена работа транспорта по осенним перевозкам прошлого года. Для проведения предстоящих осенних перевозок и перевозок 1930/31 г. транспорт должен будет мобилизовать внутренние ресурсы с чрезвычайным напряжением. Это и понятно, так как внутренние ресурсы ограничены, и каждый измеритель эксплоатации имеет предел своего увеличения.

1931/32 г. ставит перед транспортом такие задачи, с которыми без решительных мероприятий, изменяющих его техническую структуру, транспорт справиться не в состоянии.

Мобилизация ресурсов внутри самого транспорта, решительные мероприятия по рациональному использованию транспорта хозяйственными организациями есть преобладающая задача текущего года, поскольку осуществление реконструктивной программы и перелом в технической конструкции транспорта не могут дать заметного эффекта в текущем году.

К этой огромной работе транспорт только что приступает. Но когда речь идет о превращении транспорта из «узкого места» народного хозяйства в могучий фактор, стимулирующий развитие его в высоких темпах — нельзя сводить проблему повышения эффективности работы транспорта к задачам только текущего года.

Поэтому, *линия на самое срочное осуществление реконструктивной программы*, изменяющей коренным образом техническую базу транспорта, *является основной и решающей для данного периода времени. Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта ни в коей мере не снимает необходимости всемерной мобилизации транспортных средств для выполнения текущих заданий и возможности повышения эффективности работы при старых технических средствах транспорта.*

Можно ли противопоставлять коренную реконструкцию транспортного хозяйства задачам его рационализации и мобилизации его внутренних ресурсов? Разумеется, нельзя. Мобилизация внутренних ресурсов и рационализация транспорта есть часть той большой реконструктивной программы, которая будет осуществлена в ближайшее пятилетие.

В процессе осуществления реконструктивных мероприятий вопросы рационализации не только не отпадут, но, напротив, приобретут еще большее значение, так как оборудованный по последнему слову техники, советский транспорт потребует применения более совершенных методов рационализации транспортного процесса. То обстоятельство, что текущий год будет являться годом напряженнейшей работы по линии повышения эффективности транспортных средств, главным образом, за счет рационализации и мобилизации

внутренних ресурсов ни в коей мере не противоречит основной установке транспорта на коренную реконструкцию. Коренной перелом в деле реконструкции транспортного хозяйства и максимального развертывания рационализаторских работ характеризуется ростом капиталовложений в транспорт. Если общая сумма капитальных вложений в транспорт на 1929/30 г. выражалась в размере 1.448 млн. руб., то на 1930/31 г. капиталовложения во все виды транспорта достигают 3.369 млн. руб. т.-е. увеличиваются почти на 130%. Дальнейшее развитие металло-промышленности и машиностроения в СССР, являющейся базой осуществления реконструкции на транспорте, позволит перейти в ближайшие годы к более повышенным темпам капитальных вложений в транспорт и к более решительной его реконструкции.

Вот почему *основная задача заключается не только в том, чтобы выполнить бурно-растущие перевозки теми главным образом техническими средствами*, какие имеются у транспорта в настоящее время, а *в том, чтобы в возможно короткий срок реализовать ряд реконструктивных мероприятий, повышающих технический уровень транспортных средств.*

> «Задача состоит в том, чтобы взяться наконец по-большевистски за дело транспорта и двинуть его вперед» (Сталин.—Полит. отчет ЦК XVI с'езду).

Программа реконструктивных мероприятий, намеченная НКПС, сводится в основном к следующему:

1) увеличение мощности паровозов и под'емной силы вагонов;
2) введение автоматической сцепки для всего подвижного состава;
3) оборудование подвижного состава автотормазами;
4) установка автоматической блокировки;
5) электрификация и теплофикация железных дорог;
6) механизация погрузочно-разгрузочных работ;
7) реконструкция пути.

Ведущим звеном программы является введение более мощного поездного двигателя. Тяжелый локомотив потребует усиления верхнего строения пути на основных направлениях и давая более тяжелый вес поезда ведет к необходимости реконструкции сцепного прибора и тормоза. Большой вес поезда ведет к необходимости укорочения его длины, т.-е. к проведению мероприятий по укрупнению подвижного состава.

Реконструкция паровозной способности (локомотив, вагон, сцепка, тормоз) неотложно выдвигает проблему реконструкции пропускной способности станций и перегонов при помощи автоблокировки и механизации погрузочно-разгрузочных работ.

Таким образом, намеченная программа реконструкции состоит из тесно связанных между собой элементов и является программой реконструкции всего транспортного процесса в целом. Выдергивать из этой программы отдельные элементы и относить их «на еще очень долгое время» в будущее значит совершенно не понимать внутренней связанности и единства этой программы социалистической реконструкции транспорта.

Как же практически должен стоять вопрос о проведении в жизнь намеченного большого плана реконструкции транспортного хозяйства?

Для того, чтобы добиться наименьшей затраты технического оборудования и материалов, наиболее экономного расхода металла и полной увязки развития промышленности с потребностями реконструкции транспорта, что предлагается решением XVI партс'езда, требуется четко разработанный план осуществления отдельных реконструктивных мероприятий как в отношении сроков их проведения, так и создания производственно-материальных предпосылок, необходимых для их осуществления.

Промышленность должна выделить заводы, обеспеченные соответствующими техническими средствами, для производства отдельных элементов реконструируемого транспорта, как-то: автосцепки, автотормозов, большегрузных вагонов. Чтобы выпуск продукции для технической реконструкции был начат промышленностью не позднее 1930/31 г., НКПС должен в самом форсированном порядке провести опыты по определению наиболее выгодных типов подвижного состава, новых типов конструкции и оборудования его и представить правительству планы снабжения транспорта более технически совершенными техническими средствами со стороны промышленности.

Это требование относится ко всем ведущим звеньям транспортной реконструкции: автосцепке, автотормозам, мощным паровозам, большегрузным вагонам, усилению верхнего строения пути и автоблокировке и должно быть выполнено НКПС и ВСНХ в текущем году. Транспорт в кратчайший срок должен перестроить свои отношения с промышленностью, указать промышленности на те об'екты новой техники, применение которой является неот'емлемой частью его реконструкции. В свою очередь, промышленность должна организовать ряд новых производств, связанных с реконструкцией транспорта. Транспорт должен ориентировать промышленность на форсированное развитие резко отстающих отраслей транспортного хозяйства: морское и речное судостроение и специальное водоснабжение как в области реконструкции, так и оперативной работы; транспорт должен добиваться более внимательного и бережного отношения к себе со стороны всех секторов народного хозяйства.

Нам хотелось бы подчеркнуть значение электрификации железных дорог в общем плане реконструкции транспорта. Электрификация должна быть поставлена на первое место как важнейшее реконструктивное мероприятие, способствующее разрешению не только транспортной, но и энергетической проблемы. При условии электрификации на один и тот же измеритель работы сжигается топлива на электроцентралях в 4 раза меньше, чем на паровозах, увеличивается пропускная способность железных дорог в 3 — 4 раза по сравнению с существующей, достигается колоссальная экономия подвижного состава и возможность выполнения перевозочной работы без значительных затрат на усиление существующего верхнего строения пути.

План реконструкции железнодорожного транспорта путем электрификации должен быть расширен и включить в себя:

1) все дороги «Большого Урала» в связи с созданием второй угольно-металлургической базы на Урале, в той последовательности, в которой будут возрастать грузопотоки;

2) вновь строящиеся железные дороги с гористым профилем (Магнитогорск, Уфа);

3) дороги, требующие большого усиления выхода из районов горнодобывающей промышленности и требующие усиления пропускной способности с помощью прокладки дополнительных путей;

4) дороги внутренних густо-развитых путей промышленных районов— Урала, Кузбасса, Донбасса, — по направлениям, соединяющим топливо и руду;

5) головные участки железных дорог крупных узлов (Москва, Ленинград) с огромным пригородным движением.

Правильное построение плана реконструкции и, в особенности, электрификации железных дорог требует ясности в вопросе размещения производительных сил в стране. Большие капитальные вложения, которые будут сделаны по этой линии, должны иметь правильное направление.

Совершенно не случайна постановка этой проблемы тов. Сталиным, как первостепенной по значению:

> «прежде всего проблема правильного размещения промышленности по СССР. Как бы мы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность, как ведущую отрасль народного хозяйства» (Сталин. Полит. отчет ЦК XVI с'езду).

Для осуществления программы реконструкции на транспорте, и, прежде всего, программы электрификации проблема правильного размещения промышленности и основных отраслей сельского хозяйства по СССР имеет огромное значение. Следует подчеркнуть, что перед транспортом стоит задача не только полного удовлетворения текущих и перспективных нужд народного хозяйства в области перевозок, но и активного участия в создании новых производственных центров в их выборе, всестороннем освещении и правильной оценке проблем наиболее рационального их географического размещения для того, чтобы оградить страну от излишних потерь на перевозках.

Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта будет зависеть и от того, в какой степени внимание партии и рабочих масс, в первую очередь, профессиональных организаций на транспорте будет приковано к выполнению этой задачи.

Должна быть проделана большая работа по мобилизации творческой энергии и революционного энтузиазма рабочих масс на транспорте, опираясь на которые можно действительно по-большевистски двинуть наш транспорт вперед.

Мы приступаем далее к освещению тех сторон постановки технической и эксплоатационной работы американских железных дорог, ознакомление с которыми поможет нам осветить возможный итог того или другого реконструктивного или рационализаторского мероприятия на транспорте СССР. Использование практики технически передового транспорта, каким является американский, безусловно важно и необходимо для нас, так как оно может сберечь значительные ресурсы в результате рационализации капиталовложений в отдельные отрасли транспортного хозяйства [1]).

II Технико-экономическая характеристика американских железных дорог.

Американский железнодорожный транспорт играет исключительно важную роль в современном хозяйстве САСШ. Колоссальные инвестиции. в железнодорожное строительство, цифра которых по исчислениям Междуштатной Комиссии достигает 24 млрд. долларов, дали мощный толчок транспортной индустрии и техническому ее прогрессу. Процесс индустриализации САСШ, вовлечение новых районов в интенсивную промышленную жизнь—способствовали развитию транспортной сети и увеличению эффективности ее работы. Настоящий период является переломным этапом в развитии американского железнодорожного транспорта. Эра усиленного железнодорожного строительства осталась позади, и технико-экономическая система американского транспортного хозяйства потрясается развертывающимся промышленным кризисом.

По мнению большинства американских экономистов, последний кризис в САСШ, начавшийся известным финансовым крахом на нью-йоркской бирже, носит исключительно финансовый характер, и основная причина его лежит в чрезмерном росте спекуляции на различных биржевых капитальных фондах. Последующие месяцы показали, что такой прогноз является совершенно неотвечающим действительности, финансовый и биржевой кризис перерос в общехозяйственный кризис. Явления депрессии перекинулись на промышленность и транспорт, и к началу 1930 года стало очевидно, что в основе американского кризиса лежат более глубокие причины, сводящиеся в основном к неразрешимым противоречиям самой капиталистической системы хозяйства.

---

[1]) Выводы второй части нашей статьи основаны на непосредственном ознакомлении с опытом жел. дорог САСШ во время пребывания в Америке в составе комиссии НКПС.

Общее протяжение сети САСШ (эксплоатационная длина) составляло на январь 1930 года—249.309 миль железных дорог, принадлежащих 1.566 различным компаниям. Из них: компаний 1-го класса, т.-е. тех, которые имеют годовой доход более 1 млрд. долларов, было 169, владеющих 90% всей длины сети. Из этих цифр видим высокий уровень концентрации американского железнодорожного капитала.

Новое железнодорожное строительство остановилось в САСШ еще в 1916 году, а за период 1916—1929 г. эксплоатационная длина сети уменьшилась с 255 тыс. миль до 249 тыс. миль. Этот факт иллюстрирует то положение, что развертывание железнодорожного строительства в САСШ закончено, и в настоящее время рационализаторские и реконструктивные работы идут по линии улучшения железнодорожных конструкций и методов эксплоатации. Период, переживаемый в настоящее время, период кризиса, ставит на очередь дальнейшее сокращение наличной эксплоатационной сети и сокращение капитальных вложений в транспорт.

Картина размещения американской индустрии не может быть сведена к географической специализации районов. Налицо имеется более сложный комплекс факторов, действующий в направлении локализации определенной отрасли промышленности в том или ином пункте.

Важнейшие из этих факторов: 1) наличие сырья, 2) наличие силовых ресурсов, 3) близость рынка сбыта, 4) транспортные возможности, 5) наличие дешевой рабочей силы, 6) возможность привлечения капитала со стороны, и 7) климатические условия.

Относительное значение каждого из этих факторов различно в каждом индивидуальном случае. Например, железная и стальная индустрия локализовались, как правило, на месте залежей угля, как, например, Питтсбург. Текстильная индустрия размещена, главным образом, в Нью-Инглэнд, где имеются хорошие условия снабжения капиталом, сырьем и рабочей силой, при самых благодарных климатических данных.

Необходимо подчеркнуть значение процесса постепенного перемещения индустриальных центров в САСШ. Питтсбург, как стальной центр, за последние десять лет постепенно теряет свое значение. Ряд экономистов и инженеров заявляет, что в ближайшие 15 лет стальная индустрия передвинется в Бирмингам, где имеются в большом количестве залежи железной руды и угля. Если промышленное развитие страны, вовлечение в индустриализацию новых районов, увеличение снабжения городов и промышленных центров продовольствием и товарной продукцией, а фабрик и заводов сырьем и топливом, повысили нагрузку американского транспорта за последние годы,—то процесс нового размещения производительных сил, осложненный кризисными явлениями во всей экономике страны, ставит американский транспорт в очень тяжелое положение. Например, перевозка только руды и каменного угля для многих железных дорог представляет важнейшие элементы их деятельности. Процесс перемещения индустрии в новые районы ставит эти дороги перед задачей поиска новых источников перевозки, ухудшает их финансовое положение, поскольку значительно сокращается перевозимая ныне продукция горной промышленности. То же в отношении текстильной промышленности, передвигающейся к хлопковым районам, и соответствующих железных дорог этих направлений.

Изменения, происходящие в сельском хозяйстве САСШ, как, например, усиление пшеничных культур на Севере и Северо-Востоке и специализация районов, быстрое развитие новых сельскохозяйственных районов береговой полосы между Флоридой и Виргинией, пред'являют к железнодорожному транспорту новые требования в смысле изменения направления грузовых потоков и тем самым еще более увеличивают бесплановость и пестроту его работы. Если к этому прибавить наличие обостренной конкуренции, погоню за грузоотправителем путем снижения тарифа, то серьезность указанных вопросов для американского транспорта становится очевидной

1 Характеристика пути.

Реконструктивные мероприятия, которые мы будем проводить на нашем советском транспорте в области путевого хозяйства, должны включить в себя достижения в этой области американской железнодорожной техники. Хорошие качества железнодорожного полотна уменьшают расходы по его содержанию и улучшают положение дороги в смысле ее пропускной способности. Качество пути зависит от трех факторов: рельс, шпал и баласта. Рельсы обыкновенно определяются весом на 1 ярд. Главный путь у большинства железнодорожных линий имеет рельсы весом от 85 до 100 фунтов (1 ф.—0,454 кг.). Рельсы весом менее 70 фунтов обыкновенно считаются негодными для главной линии. Есть дороги, где главный путь имеет рельсы в 136 фунтов, как, напр., Лихай Валлей ж. д.

Нивелировка профиля дорог выдвигается, как большой важности задача, для достижения в дальнейшем финансовых эффектов в смысле снижения себестоимости. По утверждению американских инженеров, «дороги работают на таком профиле, который мог бы рассматриваться только 50—60 лет тому назад экономным». Железная дорога Лэйк—Ири, затратившая на эти цели определенную сумму, имела увеличение веса среднего пропускаемого поезда на 18% с уменьшением оперативной стоимости в тонно-милях с 1590 до 1448.

Аналогичная работа совершается в области смягчения кривых. На цели физической реконструкции дорогами тратятся крупнейшие суммы из бюджета железных дорог: Чиспик—Огайо истратило на эти цели около 23 млн. долл., Лэйк—Ири—32 млн. долларов.

Тип рельс, уложенных на американских дорогах, колеблется от 70 до 136 фунтов, при чем основные магистрали уложены рельсами от 110 до 136 фунтов. Смена рельс дает из года в год повышение среднего веса укладываемых рельс. В отношении шпал за последние годы на американских дорогах поставлена опытно-исследовательская работа в этой области.

Продолжительность срока годности деревянной шпалы в среднем равна 10 годам. Постановка химической пропитки шпал значительно увеличивает срок их годности. Существуют самые различные методы, из которых наиболее эффективным признан «креозотизация» шпал, пропитка их особым маслянистым составом из угольной смолы и паровая прессовка. Этот метод, по заявлению специального комитета Американской ж.-д. Ассоциации Инженеров, увеличивает срок годности шпалы до 20 лет и дает большую экономию для всех железных дорог на потреблении дерева.

Опыты с применением стальных шпал производятся, но американские дороги не применяют их в сколько-нибудь значительной степени. Процентное отношение смененных шпал за последние 6 лет к общему количеству колеблется от 60 до 90% по различным дорогам. Баласт на главных путях применяется тяжелый: гравий, мелкораздробленные камни, шлак и песок.

Крупные американские железные дороги имеют двойной путь, тройной и более. Пенсильвания Нью-Йорк Централ имеют четырехколейный путь между своими конечными точками. Большинство дорог имеет одну колею. В процентном отношении они распределяются так: 83,7% всего протяжения сети — одноколейные дороги, 15% — двухколейные, 1,3% — трех и более колейные. На всех дорогах САСШ имеется автоматическая сигнализация и блокировка: по данным Междуштатной Комиссии ими оборудовано 25% железнодорожной сети.

Железнодорожное полотно на *наших* путях является очень отсталым и в ряде остальных элементов железнодорожного хозяйства это наиболее «узкое» место. Огромные расходы по поддержанию пути в состоянии необходимом для безопасности движения, расшатывание и изнашивание подвижного состава, уменьшение скоростей,—все это результаты отсталости пути в техническом отношении.

Реконструкция пути предполагает плановость и организованность путевых работ, усиление рельс, шпал и баласта, равномерную техническую загрузку их, использование машин (трактора) для путевых работ, заменяя ими медленные и неэффективные ручные работы. Пример отдельных элементов реконструкции пути дан нами выше из опыта американских железных дорог.

Реконструкция пути должна проводиться в соответствии и плановой увязке с реконструкцией подвижного состава: вступление в работу тяжелых составов поездов с большими скоростями предполагает готовым прочный путь с минимальными эксплоатационными расходами.

2. Электрификация железных дорог в САСШ.

Несмотря на огромные технические ресурсы электрификация железнодорожного транспорта в Америке осуществляется очень медленно. САСШ, имеющие на своей территории 33% всей мировой железнодорожной сети, электрифицировали только около 2.000 миль. Причина затруднений, которые встречает электрификация, заключается в наличии частной собственности на железные дороги, при которой в большинстве случаев невозможно осуществление таких мероприятий, которые выходят за пределы железнодорожного полотна, как электрификация, которая связана с постройкой собственных силовых станций, удорожающих электрификацию до непосильных железным дорогам размеров.

В первую очередь электрифицируются участки с большим движением и тяжелым профилем пути, как, например, участок Нью-Йорк Централ—Нью-Йорк Гавань; Нью-Йорк—Филадельфия. Расходы, связанные с электрификацией, очень высоки как в общих цифрах, так и в отношении на 1 милю пути. Чикаго—Мильвоке ж. д. затратила 16 млн. долларов на электрификацию Роки—Района, при чем на одну милю пути стоимость электрификации выразилась в 32.786 долларов. Эта же компания исчислила, что экономия, полученная на участке Черлстон—Аверн, расстоянием 438 миль в результате электрификации за 9 лет эксплоатации, достигла 12 млн. долларов. Установлено, что стоимость перевозки на паровой ж. д. 1.000 тонн-миль равна 1,54 доллара, тогда как после проведения электрификации эта стоимость падает до 0,40 доллара.

Кампания за осуществление максимальной электрификационной программы в САСШ развернута на страницах транспортной литературы и периодической прессы. Указывают, что вложенный в электрификацию железных дорог капитал возвращается ежегодно в размере от 7 до 12%. Если первые проекты электрификации железных дорог включали постройку силовых станций железными дорогами, то позднейшие проекты значительно снижают размер инвестиций со стороны самих железных дорог, потому что предусматривают снабжение электроэнергией со стороны на основе долгосрочных контрактов. В этих целях между Комитетом по электрификации железных дорог и Национальной электрической Ассоциацией заключено соглашение о снабжении железных дорог электроэнергией.

Реконструируя советский транспорт, мы должны более решительно ставить вопрос об электрификации наших железных дорог. Наша пятилетка по электрификации транспорта является безусловно минимальной, хотя по размерам немногим отличается от пятилетнего проекта электрификации американских железных дорог, намеченных Междуштатной Комиссией САСШ.

Мы можем и должны использовать те колоссальные преимущества нашего планового хозяйства, которые дают возможность проводить электрификацию на железных дорогах с гораздо меньшими затратами капитала, чем это имеет место в Америке. На этом участке мы, несомненно, выдвинемся вперед в течение текущей пятилетки, если более энергично и рационально будем осуществлять програму электрификации в повышенных темпах.

В плане реконструкции транспорта СССР электрификация занимает первое место. Важнейшие технико-экономические преимущества электрификации делают ее важнейшим реконструктивным мероприятием.

Так как электрификация связана с крупным капитальным вложением, то точное установление ряда новых центров тяжелой индустрии и прикрепление районов производства к районам потребления является необходимым условием для рационального размещения капитальных вложений на электрификацию по районам.

3. Реконструкция подвижного состава.

Американские дороги снабжены мощным, в количественном и качественном отношении, подвижным составом: количество паровозов 62.342 с тяговой силой в 43.838 англ. фунтов каждый, вагонов 2.297.000 с емкостью каждый в 42 тонны в среднем.

Средний вес американских локомотивов типа «Консолидейшен» около 145.000 англ. фунтов, новые мощные типы локомотивов достигают веса 726.000 фунтов.

Дальнейшее развитие тяговой силы локомотивов идет по двум направлениям:

1. Развития и увеличения мощности паровой единицы путем конструкции, например, тройных котлов, использованных на Лихай ж. д. Но развитие большей силы тяги локомотивов в этом направлении дает и больший вес.
2. Снабжение локомотивов нефтеэлектрическим двигателем и дизелями. Двигатель Дизеля, как проверено по стоимости расходуемого топлива, только на 20% превышает паровые локомотивы и на 40% электровозы. Применение газолиновых двигателей на многих жел. дор. Америки распространено довольно широко.

Техническая реконструкция нашего подвижного состава может итти по той же линии, которая намечена опытом американских железных дорог, а именно по линии увеличения тяговой силы паровозов и под'емной силы вагонов. Техническая модернизация подвижного состава доведена в Америке до высокого уровня: для паровозов—до 6 спаренных осей, бустера, стокера, сочлененные паровозы «Маллет» и пр.; для вагонов—сверхбольшегрузность —до 120 тонн, приспособления для автоматической выгрузки, автосцепки и автотормаза. Использование такого мощного подвижного состава в Америке *совершенно не удовлетворительно*, имеются постоянно огромные резервы неиспользованного подвижного состава, что увеличивает оперативные расходы железных дорог. Но этот дефект неизбежен в условиях частной собственности на железные дороги, когда увеличение перевозок на параллельно проходящей конкурирующей дороге высвобождает от производительного использования массы подвижного состава на более слабой дороге.

Увеличение тяговой силы паровозов и под'емной силы вагонов ведет к уменьшению числа единиц паровозного и вагонного парка и к более эффективной их эксплоатации.

Комиссией НКПС за время пребывания в Амрике избран для испытания и постройки на советских заводах тяжелый тип паровоза, могущий везти составы свыше 3.000 тонн. Он должен стать основным элементом реконструкции подвижного состава железных дорог СССР. Этой же Комиссией избран тип товарного полувагона для массовых грузов, проверенный опытом работы американских железных дорог. Принят тип автоматической сцепки для всего подвижного состава советских железных дорог по образцу испытанной в течение десятка лет американской автосцепки.

Эти три реконструкции подвижного состава являются ведущими звеньями той большой работы, которая должна охватить в текущую пятилетку остальные элементы советского железнодорожного хозяйства.

4. Организация движения.

Организация движения поездов на американских железных дорогах может лечь в основу нашей рационализаторской работы в этой области.

Обычная тяга поездов на американских железных дорогах паровая. Электрифицированы все подходы к нью-йоркскому узлу, 73 мили каскадного перевала с тоннелями и подходами на Б.-Сев. ж. д., и ведутся работы по электрификации на 5 жел. дор. Паровая тяга используется в условиях организации тяговых участков с некоторыми изменениями в виде обезличения основных и оборотных депо, но следует отметить все большее и большее увеличение длины тягового участка, проходимого без смены паровоза. Так, данные дороги Саутерн—Пасифик показывают длину тягового участка на одной линии от Рино до Огдена в 540 миль, с тремя сменами паровозной бригады. Дорога Юнион—Пасифик произвела коренную интенсификацию своих паровозных пробегов, изменив с 1917 года 3 раза длину своих тяговых участков и все время удлиняя их. Ныне эта дорога имеет тяговые участки, доходящие до 303, 324 и 338 миль. При столь длинных бессменных пробегах на ремонт и экипировку паровоза тратится очень мало времени, благодаря особой организации снабжения (набора топлива, песку, воды), и осмотра.

Веса поездов, увеличиваясь из года в год, достигли поразительных величин. Почти на любой дороге веса в 4.000—5.000—6.000 англотонн являются обычными. На Б.-Северной дороге функционируют поезда в 14.000 тонн, составленные из рудных полувагонов (рудные маршруты между Хиббингом и Сюпириором (на участке в 124 мили). При ведении тяжелых составов постоянно используется двойная тяга и подталкивание. Вторые паровозы ставятся часто внутри состава ближе к последней трети или четверти состава. Применяется и многократная тяга с постановкой 2 паровозов в голове и 2—внутри состава.

При наличии столь тяжелых составов скорость на под'еме не падает ниже 15 миль в час, что позволяет давать хорошие скорости движения тяжелых поездов на участке.

При наличии описанной организации необходимо для реализации всех преимуществ, даваемых тяжелыми и достаточно быстро передвигаемыми на перегонах составами, иметь хорошо разработанную схему специализации товарных поездов, позволяющую пропускать товарные поезда через несколько участков без пересоставления. Такая специализация имеется на всех дорогах, с которыми мы имели дело. Помимо так называемых «preferance traius», т.-е. поездов большой скорости, перевозящих скот, фрукты и пр. и идущих со скоростью до 400 миль в сутки, имеется система специализированных поездов, изложенная в особых для каждой дороги книжках. Интересно отметить, что на некоторых дорогах веса поездов не уменьшаются для увеличения их скорости. Следует считать, что 1—2 сборных поезда удовлетворяют все местные нужды, а остальные поезда имеют прямое следование.

Несмотря на непрерывное и сильное падение из года в год пассажирских перевозок, внимание северо-американских дорог к пассажирскому движению не уменьшается, а еще больше усиливается. Трудность положения дорог в этом отношении усиливается не только наличием сильнейшей конкуренции других дорог, но и фактом большого распространения автобусного движения—и в пригородном и в дальнем сообщениях.

Из фактов взаимной конкуренции дорог можно привести пассажирское сообщение между Чикаго и С. Полем—Миннеаполисом, где курсирует ежедневно 19 пар дальних пассажирских поездов 7 различных дорог, с населенностью поезда в 40—45 человек. Сильнейшее влияние автобусного движения можно уяснить из самого факта существования таких сообщений, как Нью-Йорк — Чикаго, Чикаго — Денвер — Лос-Анжелос и др., перерезывающих всю страну. Пассажирские станции северо-американских железных дорог имеют огромные размеры. Вокзальные помещения больших пассажирских станций поражают своей обширностью и рассчитаны, несомненно, на многократно большее количество пассажиров, чем то, с которым они имеют дело сейчас. Они богато оборудованы механическими устройствами для передвижения почты, багажа и экспрессных грузов, грузовыми и пассажирскими тоннелями и всеми видами информации и удобств для пассажиров, вплоть до магазинов и ресторанов всех видов.

На технические устройства больших пассажирских станций затрачены многомиллионные средства; станции введены в центральные городские районы путем длинных тоннелей; стрелки централизованы силовыми централизациями и с сосредоточением управления в центральных постах; только что отстроенная ст. Буффало имеет два таких поста, каждый из которых управляет свыше чем 500 стрелок.

Мощные пассажирские паровозы дают возможность реализации значительных скоростей движения. Так, лучшие американские поезда проходят расстояние в 1.600 клм. между Нью-Йорком и Чикаго в 20 час. Для улучшения работы паровозов и здесь, как в товарном движении, организованы длинные бессменные пробеги, доходящие на ж. д. Юнион—Пасифик до 877 миль, взятие воды находу из особых желобов.

Огромные затраты на пассажирские станции и оборудование пассажирских поездов продиктованы исключительно условиями капиталистической конкуренции. Эти затраты нельзя считать рациональными и необходимыми, но некоторые усовершенствования, связанные с увеличением скорости и удобством пассажирского движения, могут быть применены и у нас.

Характеристика пропускной способности перегонов на американских дорогах сводится к следующему: 1) применение на всех главных линиях, независимо от числа путей, автоблокировки как средства поездных сношений; 2) малое расстояние между блок-постами; 3) разрешение в'езда поезда на занятый перегон и следование затем с осторожностью; 4) недостаточное использование пропускной способности железных дорог в продолжении более, чем половины года; 5) пачечный способ движения поездов (движение секциями), при котором в случае необходимости за поездом постоянного расписания посылается ряд секций в расстоянии десяти миль одна за другой.

5. Оценка грузооборота и эксплоатационная работа.

Общий индекс эффективности работы американских железных дорог медленно возрастал с 1923 до 1929 года с 103 до 121. В течение 1929 года и начала 1930 г. наблюдается резкое снижение этого индекса, об'ясняемое общехозяйственной депрессией. Бюро железнодорожной экономики в Вашингтоне, давая удовлетворительную оценку современному состоянию железнодорожного транспорта в Америке, тем не менее вынуждено констатировать переломный момент в развитии транспортного хозяйства и тенденции к понижению его работы.

Официальные отчеты железных дорог 1-го класса показывают рост чистого оперативного дохода в течение последних 6 лет с 962 млн. долларов до 1313 млн. долл. Увеличение дохода не дает оснований для выводов об удовлетворительном уровне оперативной работы железных дорог в настоящее время, так как он складывается не только от доходов эксплоатации железных дорог, но и от тех биржевых операций, которые ведутся железнодорожными компаниями и банками совместно.

В отношении грузооборота и использования наличной сети имеет место чрезвычайная пестрота показателей по отдельным районам. Запад и Юго-Запад показывают относительно меньшие цифры. Около 75% грузооборота приходится на Северо-Восток с территорией 1.500 миль с Востока на Запад и 500 миль с Севера на Юг. Кризис, который начинает все сильнее ударять по Северо-Восточным промышленным районам, в основном по металлургической промышленности, тем самым бьет по работе транспорта, который обслуживает в этих районах перевозки тяжелой индустрии. Показатели эффективности работы железных дорог Америки по сравнению с 1913 годом дают на 1930 г. следующую картину: стоимость тонно-мили повысилась с 0,719 до 1,081, количество тонн на один поезд увеличилось с 1343 до 1837; скорость поезда в час увеличилась с 10,3 миль до 12,9 миль, количество тонно-миль на поездо-час увеличилось с 7000 до 10000. Мы отметили выше, что эти показатели отражают результаты таких капитальных вложений в транспорт, которые могли бы дать больший эффект при условии иной социальной формы хозяйства.

Повышение общего индекса эффективности работы железнодорожного транспорта опиралось на следующие мероприятия: 1) оборудование новейших технических конструкций (станции, путь, мастерские); 2) внимательное наблюдение, путем ежедневных отчето-сводок, за операциями железных дорог; 3) централизация в установлении плана и расписания поездов; 4) специализация и типизация технических служб; 5) об'единение железнодорожных мастерских и классификация их по отдельным функциям; 6) сокращение надземного строительства на железнодорожных путях; 7) установление строгой и персональной ответственности за определенные операции.

Анализ состава грузооборота американских железных дорог дает яркую картину отсутствия плановости в перевозочной работе и тенденции к снижению размеров перевозок.

Средняя дальность пробега одной тонны груза возрастает незначительно, равно как и средняя дальность поездки в пассажирском движении. В годовом грузообороте САСШ массовые грузы составляют в среднем около 37%, мелочные грузы — около 25%, продукты промышленности и проч. повагонные грузы составляют 38%, т.-е. наибольшую часть грузооборота.

Перевозочная работа железных дорог САСШ резко отличается от характера перевозок на железных дорогах Советского Союза. Если у нас имеется непрерывный и быстро растущий грузооборот, который находится под регулирующим воздействием плановых органов, то в условиях Америки превалирует иной фактор — наличие конкуренции и стремление добиться более высокого дохода. Теперешняя обстановка в области промышленности и сельского хозяйства, когда ряд районов фактически выпадает из массового грузооборота, еще более усложнит картину работы железных дорог и снизит общую нагрузку транспорта.

6. Проблема рационального использования железнодорожного капитала.

Мероприятия, проводимые железными дорогами Америки в области технических улучшений и рационализации, дают очень медленный рост показателей эффективности работы транспорта несмотря на значительный размер вкладываемых сумм. Средняя нагрузка поезда за 10 лет дает увеличение лишь на 7%. Эта цифра не характерна для большинства дорог и можно наблюдать, что слабые дороги, как, например, Денвер Рио Гранде не могут достичь этой средней цифры, тогда как наиболее сильные в финансовом и техническом отношении дороги в отдельных случаях превышают этот уровень. Как на интересный пример нужно указать на Чикаго—Бурлингтон ж. д., исправившую профиль пути на расстоянии 625 миль от 1,2% до 0,3% увеличило среднюю нагрузку поезда с 800 до 3800 тонн, т.-е. на 375%. Применение локомотивов большей мощности и электровозов позволяет крупным дорогам улучшить оперативную деятельность в значительно большем масштабе, чем мелким, что ставит последние перед опасностью краха.

Средняя цифра нагрузки вагона выражается от 8,3 тонны на вагон (автомобили) до 54,62 тонны на вагон (железная руда). Имеется известный процент потери при следовании порожняка в обратном направлении на тех дорогах, где имеется ярко выраженный поток грузов в одном направлении.

Для того, чтобы характеризовать степень и характер использования имеющейся в САСШ жел.-дор. сети, мы приводим два следующих важнейших факта.

1. Для страны в целом 50% всего ее грузового тоннажа принадлежит только 10% общего протяжения железных дорог в милях. Эти 10% включают в себя несколько крупнейших линий, побеждающих в конкурентной борьбе своих соперников. Эти данные бросают яркий свет на причину неиспользования имеющегося железнодорожного капитала, кроющуюся в характере капиталистической системы хозяйства. Это же в известной степени об'ясняет причину остановки нового железнодорожного строительства в САСШ.

2. Использование грузопод'емности вагонов далеко не достигает средних лимитов: если средняя величина грузопод'емной силы вагона была в 1929 году—45 тонн, то средняя нагрузка товарного вагона едва достигала 25 тонн. Такой серьезный разрыв заставил Американскую ассоциацию железных дорог предложить в новой программе увеличение средней нагрузки вагона до 30 тонн. Средняя нагрузка поезда на американских железных дорогах возросла с 1920 года до 1929 г. с 708 до 793 тонн. Этот эксплоатационный показатель, который определяет себестоимость тонно-мили, не может быть признан удовлетворительным. Последние месяцы показывают дальнейшее снижение этого показателя.

Сравнение дорог по средней скорости поезда очень затруднительно, так как нужно учитывать индивидуальные особенности каждой дороги. Среднее количество поездо-миль в час равнялось 11,9 с колебаниями по отдельным дорогам от 10 миль до 16 миль; среднее количество вагоно-миль в день равнялось 30,4 показывая колебания по отдельным дорогам от 14 до 67 м. в день.

Интересным и важным вопросом является вопрос о потерях, связанных с наличием весо-теряющих грузов, пробегами порожних вагонов и локомотивов. Распространено мнение, что САСШ характеризуются благоприятным территориальным размещением производительных сил и в соответствии с ними транспортной индустрии. Это мнение совершенно не верно: частная собственность на железные дороги и промышленные предприятия не могла обусловить рациональное размещение производительных сил и железнодорожной сети по территории страны. Отсюда, несмотря на огромное протяжение сети, использование лишь незначительного ее процента (50% перевозок на 10% сети), остановка железнодорожного строительства и актуальная проблема борьбы с потерями движения.

На большинстве дорог % пробега порожняка достигает значительных размеров (от 40 до 60%), он еще больше на дорогах с одной колеей. Дороги, имеющие угольные и рудные перевозки, вынуждены гнать вагоны и локомотивы в обратный конец без нагрузки, почти на 90%.

Междуштатная Комиссия, рассматривавшая специальный вопрос о потерях движения в связи с весотеряющими грузами, установила, что отношение пробега порожняка к пробегу груженых вагонов возрастает за последние пять лет из года в год; вместе с ростом общего количества вагоно-миль груженого пробега растет пропорция пробега порожняка и груженых вагонов. В 1929 году из всего общего пробега вагонов в вагоно-милях груженых вагоно-миль было только 60%, остальные 40% относились к бесполезным пробегам порожняка. Каковы же причины столь высокого процента бесполезных пробегов? Официальное об'яснение, которое было нам дано из нескольких источников, таково:

1. Желание большинства дорог ускорить операции по перевозкам пред'являемого груза часто заставляет гнать значительное количество порожняка к тем пунктам, где имеется в нем нужда. Не разрешается держать порожняк на конечных станциях, когда в нем есть потребность на линии.

2. Спецификация груза и снабжение, требующее определенного типа подвижного состава.

Проблема весо-теряющих грузов стоит перед железными дорогами Америки вплотную. Она не может быть разрешена лишь транспортными мероприятиями, техническими эксплоатационными улучшениями и рационализацией управления. Эта проблема не может быть разрешена в рамках существующей системы отношений производства, ибо требует кардинальных плановых мероприятий, невозможных при господстве частной собственности на транспорт.

Бесполезные пробеги локомотивов безгруженного состава особенно на конечных и сортировочных станциях, маневровая работа увеличивают потерю эффективности движения. По данным Американской железнодорожной ассоциации, каждый локомотив двигается в среднем 26 миль без состава на каждые 100 миль движения поезда. В области использования труда имеется рост производительности, сопровождаемой сокращением кадра рабочих и служащих и уменьшением общих размеров фонда заработной платы. По плану консолидации американских жел. дор. предполагается сокращение 250.000 рабочих и служащих железнодорожного транспорта САСШ.

* *
*

В заключение, необходимо отметить резкое обострение конкуренции между отдельными железными дорогами в САСШ так же, как между железными дорогами и автотранспортом. Восточная часть САСШ пресыщена железнодорожными линиями, принадлежащими различным компаниям. Достаточно указать на существование между Нью-Йорком и Чикаго 15 железнодорожных линий, принадлежащих крупнейшим жел.-дор. системам. На линии между Чикаго и Сан-Франциско конкурируют более 9 компаний. Имеются факты об'единения промышленных компаний с железнодорожными в целях конкуренции.

В самом начале кризиса железнодорожные компании были призваны Гувером к спасению хозяйственной кон'юнктуры страны путем увеличения инвестиций в новое железнодорожное строительство. Известные гуверские конференции, на которых участвовали президенты всех железнодорожных компаний, наметили строительную программу свыше 3 млрд. долларов. По мысли инициаторов, эти конференции и последующие соглашения между железнодорожными компаниями и заинтересованными банками должны были улучшить экономическую обстановку, смягчить депрессию и нагрузить тяжелую промышленность САСШ заказами железных дорог. В известном смысле это была попытка «планового» воздействия на разбушевавшуюся капиталистическую стихию со стороны крупных капиталистических об'единений.

Уже теперь ясен крах этой намеченной программы, поскольку резкое падение перевозок и работы транспорта ставит перед последним проблему поиска новых источников перевозок и использования наличного подвижного состава, не думая об его увеличении. Промышленные компании не получают обещанных заказов и такие гиганты машиностроительной промышленности, как «Американ Локомотив Компани», Балдвин — «Локомотив» поражают зияющей пустотой своих цехов и отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной производственной нагрузки.

Наш советский транспорт, начавший осуществление большого плана реконструкции, должен взять из технического опыта американских железных дорог все те элементы, которые повышают работу транспорта и дают возможность справиться с теми повышенными темпами в росте грузооборота, которые пред'являются нашему транспорту со стороны быстро растущей промышленности и сельского хозяйства.

Вместе с этим мы не можем медлить с осуществлением тех реконструктивных мероприятий, которые должны вывести наш транспорт на линию технически передового и высоко организованного социалистического транспорта.

Султан Сегизбаев.

За ленинское понимание характера Октября в Средней Азии.

На втором конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

> «...Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». (Ленин, т. XIX, стр. 246, разрядка моя. — *С. С.)*

В деятельности Коминтерна этот ленинский тезис занимает одно из основных мест. Не может быть двух мнений и о том, что на данной стадии развития мирового революционного рабочего движения наиболее благоприятным об'ектом, в смысле теоретического осмысливания указанного положения Ленина, является опыт социалистического строительства на нашем Советском Востоке.

Однако, несмотря на это, если не говорить о партийных документах, мы до сих пор еще не имеем ни одной серьезной, научной теоретической работы, освещающей опыт социалистического строительства на Советском Востоке, с точки зрения вышеприведенной ленинской постановки вопроса.

Работа т. Зелькиной, Е., «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии», с которой предстоит нам ниже ознакомиться и которая не лишена ряда положительных моментов, является, по мнению автора, одной из таких работ, в которой применительно к Советской Средней Азии, сделана попытка поднять постановку вопроса до этой высоты.

Первый основной тезис, ради которого, видимо, всерьез и воздвигнуто «небольшое» здание в 127 страниц, гласит так:

> «Экономика средне-азиатской деревни сохранила на 8 году революции свое старое лицо».
>
> «Основное эксплоататорское отношение в кишлаке к 1925 г. осталось неизменным».
>
> «В средне-азиатской деревне в 1925 году не только не была произведена социалистическая революция, но даже не была произведена буржуазно-демократическая, не была произведена решительная борьба с остатками феодализма». (Очерки... 78, 80, 82 стр., разрядка моя. — *С. С.)*

Итак, на 13-м году существования пролетарской диктатуры выставлен тезис: до 1925 года в средне-азиатской деревне не только не было социалистической революции, но, что там даже не была произведена буржуазно-демократическая революция [1]). Перед нами совершенно «новая» концепция по

вопросу о характере Октябрьской революции 1917 года в Ср. Азии. Дана концепция. Есть необходимость разобраться.

I.

Маркс в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года, по поводу статьи последнего в одном американском журнале, писал:

> «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы». (Маркс-Энгельс. Письма, стр. 54).

В «Государстве и революции» Ленин, приведя эту выдержку, продолжает:

> «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно... Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики... Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытать действительное понимание и признание марксизма». (Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 323. Разрядка Ленина).

Признание не просто классовой борьбы, а признание борьбы классов, распространяемое до признания диктатуры пролетариата — вот критерий, по мнению основоположников марксизма, для испытания ортодоксальности любого коммуниста их учению. В полном соответствии с этим находятся слова Ленина о том, что «самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти... Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции в ее внешней и внутренней политике» (т. XIV, ч. II, стр. 102—103. Разрядка Ленина). Нет нужды говорить о том, что для пролетариата власть не самоцель, а лишь орудие для революционной перестройки классового общества в общество бесклассовое.

Таким образом, главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. Если вопрос о власти ни отодвинуть, ни обойти, то, видимо, сама проблема власти, в конце-концов, упирается в вопрос о «зрелости» той или иной страны для революции, а в данной связи для революции социалистической.

Точка зрения международной социал-демократии на этот вопрос, в частности касательно России, общеизвестна. Известно, что Каутский, Бауэр и прочие столпы зарубежного плюс отечественного меньшевизма, исходя из своего понимания проблемы зрелости мирового капитализма для социалистической революции, делали и продолжают делать вывод о буржуазном характере Октябрьской революции. Широко известно партии, в связи с вопросом о строительстве социализма в одной стране, и мнение троцкистской оппозиции.

Точка же зрения международного большевизма на эту проблему, изложена в ленинской теории империализма и ленинской теории неравномерности развития капитализма. В частности, в статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) по интересующему нас вопросу—вопросу о зрелости—всем мелкобуржуазным педантам и героям II Интернационала, твердившим: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», Ленин, исходя из признания

---

[1]) Ради восстановления истины, надо указать, что к 1925 году сов. власть насчитывала в Ср. Азии, в пределах бывшей Туркестанской Сов. Соц. Республики, ровно восемь лет своего существования.

Попутно отметим, что в работе т. Зелькиной, строго говоря, в основном речь идет о бывшем Туркестане, позже Турк. Автономн. Сов. Соц. Республике, а не о всей Ср. Азии. Наши дальнейшие рассуждения своим об'ектом имеют Ср. Азию, но в основном, тоже в пределах бывшей Турк. Автономн. Сов. Соц. Республики.

социалистического характера Октябрьской революции, поставил такой вопрос:

> «Для создания социализма,—говорите вы,—требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» (т. XVIII, ч. II, стр. 119—120).

А видоизменение, по Ленину, заключалось в том, что «мы ввязались сначала в Октябре 1917 года в серьезный бой» (там же, стр. 120), т.-е. совершили социалистическую революцию, захватили власть, установили диктатуру пролетариата, а потом, как говорит Ленин, увидали такие детали в развитии нашей социалистической революции, как брестский мир, нэп и т. д.

Итак, марксист не может останавливаться на признании классовой борьбы, а должен доводить ее до признания диктатуры пролетариата, марксист должен помнить, что основной вопрос всякой, в том числе и пролетарской, революции—есть вопрос о власти. Ленинизм учит, что бывают такие исторические ситуации, когда эксплоатируемые могут начать дело с другого конца. Само собою разумеется, что у Ленина нет необходимости в отрицании уровня производительных сил. Он только требует в анализе уровня производительных сил не сухой арифметики, а жизненной диалектики.

Точно также, когда Ленин говорит о начале с другого конца, то это надо понимать в смысле противопоставления меньшевистской цивилизации. Ленин говорит, что мы начнем с установления предпосылок этой цивилизации и в этом смысле с другого конца.

Теперь позволительно будет вернуться к рассуждениям т. Зелькиной.

До Октября 1917 г. Средняя Азия была колонией царской России [1]). Как и всякая колония, стонущая под железной пятой империализма метрополии, усугубленной для трудящихся колоний еще гнетом туземной феодальной знати и национальной буржуазии под флагом защиты «общенациональных» интересов, Средняя Азия-колония тоже имела некоторое свое революционное, разумеется, главным образом, с точки зрения ущемления интересов империализма, прошлое. Уже конец XIX в. знаменуется вспышками национально-освободительного движения (восстание Дукчи-Ишана в Фергане). Революция 1905 года, сыгравшая немаловажную роль для турецкой, персидской и китайской революций, не могла не вызвать революционного брожения среди трудящихся Ср. Азии. И действительно, 1916 г. уже характеризуется мощным национально-освободительным движением, направленым в первую очередь против царизма, против российского империализма.

Как и всякое национально-освободительное движение в угнетенных странах, национально-освободительное движение в Ср. Азии тоже не могло не быть одновременно и движением буржуазно-демократическим. На II конгрессе Коминтерна по затрагиваемому нами вопросу Ленин говорил:

> «Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-демократических отношений» (т. XIX, стр. 243, разрядка моя.—С. С.).

Но своеобразие революции 1916 года в Средней Азии заключалось в том, что, во-первых, она, будучи, по существу, буржуазно-демократической (против феодальных пережитков), была национально-освободительной (против колониального гнета), с заострением удара по царизму, российскому империализму (Джизак, Фергана, Ташкентский уезд, Джетысу). Во-вторых, ее своеобразие заключалось в том, что при наличии еще довольно сильных феодальных пережитков, относительно слаба была национальная буржуазия. В частности, ее идеологи, джадиды, не имели в узбекских районах Ср. Азии никакого влияния на узбекскую деревню и на трудовые слои города. Поэтому руководство революцией со стороны пролетариата,—а к 1914 году Средняя Азия, в пределах бывшего Туркестанского края, насчитывала до 21 тысячи рабочих—в последующий период несравненно облегчалось. В-третьих, после незначительного «затишья», в конце 1916 года, перерастание национально-освободительной и буржуазно-демократической революций в Октябре 1917 года в социалистическую происходило, прежде всего, под влиянием социалистической революции в самой Центральной России, затем, под руководством и при помощи социалистического пролетариата Центральной России и, наконец, почти одновременно социалистической революции в Центральной России.

А такое благоприятное сочетание означало:

а) исключение возможности остановки революции на кемалистском пути (Сталин: «Об оппозиции», стр. 573);

б) обеспечение наиболее полного, радикального разрешения задач национально-освободительной, буржуазно-демократической революции;

в) гарантию благоприятного исхода самой социалистической революции в тогдашней колонии, как составной, неразрывной части общероссийской социалистической революции.

Октябрь в Средней Азии тем и характерен, что он, в отличие от Октября в Центральной России, и наряду со своей основной задачей, попутно, «мимоходом», «походя» (Ленин) одновременно разрешил задачи буржуазно-демократической и национально-освободительной революции. Октябрь освободил Среднюю Азию-колонию от ига российского империализма (как известно, период керенщины колониального существа Средней Азии не изменил). Иначе говоря, здесь мы имеем конкретное осуществление положения Ленина о том, что истинное освобождение трудящимися всех национальностей мира, спасение от вымирания, эксплоатации и рабства угнетенным народам колоний и полуколоний может дать и принести только победоносная пролетарская революция. Здесь, правда, в несколько иной обстановке (Ср. Азия была колонией, а не полуколонией) произошло то, что говорил т. Сталин относительно Китая:

> «Если первый этап отличался тем, что острие революции направлялось, главным образом, против иностранного империализма, то характерной чертой второго этапа является тот факт, что революция направляет свое острие, главным образом, против внутренних врагов и, прежде всего, против феодалов, против феодального режима».

Не будет ничего удивительного, говорит далее т. Сталин, если второй этап не разрешит даже и своих непосредственных задач и

> «если второй этап революции, раскачав миллионные массы крестьянства и подняв их против феодальных пережитков, передаст завершение этого дела следующему этапу революции, этапу советскому» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 656—657).

И это будет плюсом, продолжает т. Сталин, ибо этот социалистический этап революции безжалостно сметет остатки средневековья, завершит дело буржуазно-демократических преобразований страны гораздо чище, чем бывшая когда-либо буржуазная революция.

В условиях Средней Азии и произошла подобная увязка задач национально-освободительной и буржуазно-демократической революций. Вся тяжесть была взвалена на плечи Октября. Октябрь же их разрешил попутно со своими основными задачами.

---

[1]) Кажущаяся самостоятельность бывших бухарского эмирства и хивинского ханства в период буржуазной революции, февраль—октябрь 1917 г., существа дела не меняли и не изменили.

Сказанное об особенностях Октября в Средней Азии было бы неполно, если бы мы упустили из виду еще один, крайне существенный для понимания социалистической революции в бывшей колонии, момент. Последний заключается в том, что «иностранный империализм, насильно привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие» (*Ленин*, т. XIX, стр. 272). А результатом этого, как показывает опыт социалистического строительства на Сов. Востоке, является то, что здесь процесс окончательного завершения задач буржуазно-демократической революции должен носить и неизбежно носит более затяжной характер. Опыт Советской Ср. Азии показывает, что окончательное завершение, а не решение, задач буржуазно-демократической революции, в силу целого ряда причин (наследие диктатуры крепостников: экономическая, политическая, культурная отсталость), действительно носило и носит более затяжной характер, чем в самой Центральной России. Чрезвычайно ярким доказательством этого служит тот факт, что ЦК нашей партии на 13 году существования пролетарской диктатуры в своем решении об организации бедноты приходится констатировать:

> «Несмотря на наличие ряда успехов в работе среди бедноты... и теперь еще встречаются в частности, в отсталых национальных областях, районы, с хищнической эксплоатацией бедноты со стороны фактически господствующих здесь кулаков и байско-манапских (полуфеодальных) элементов».

Кто не понял этих особенностей в Октябре в Средней Азии, тому, само собой очевидно, простительно ведение летоисчисления Октября не с октября 1917 года, а с 1925 года.

Чтобы не быть голословным, пропустим эти наши утверждения сквозь призму фактов.

Факт 1-ый: момент национально-освободительный, момент колониальный. Прежде всего, пала монархия, пала диктатура крепостников. В октябре, точнее 1 ноября 1917 года, освобождение Средней Азии от ига российского империализма стало совершившимся фактом.

Средняя Азия из царской колонии и владений бухарского и хивинского мракобесов усилиями рабочих и основных масс крестьян Средней Азии, при руководстве и активной помощи союзного пролетариата, превращена и в поныне незыблемо существующие братские союзные сов. соц. республики. Средняя Азия из колонии стала Страной Советов, страной диктатуры пролетариата. Это — факт, и его никакими разговорами за чайником кок-чая в чайханэ, или за жирным пловом в мехман-ханэ не замажешь. (Мирза Ахмедов, Садыков [1]), касымовщина).

Факт 2-й: момент буржуазно-демократической революции. По Ленину, буржуазно-демократическая революция означает уничтожение остатков средневековья, очищение той или иной страны от этого варварства, позора, тормоза всякого прогресса. Каковы же были «главнейшие проявления, пережитки, остатки» средневековья применительно к России? — спрашивает Ленин. И отвечает: «Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей» (т. XVIII, ч. 1-я, стр. 364, разрядка моя.—*С. С.*).

Хорошо. Ну, а что мы сделали с этими проявлениями, пережитками, остатками крепостничества?

---

[1] См. журн. «За партию» 1928 г., № 7, орган Ср.-Аз. бюро ЦК ВКП(б), статья т. Зеленского. См. также № 9—10 этого журнала за 1929 год.

Ленин отвечает:

> «...Мы их вычистили начисто. За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 года до разгона учредилки (5 января 1918 г.) мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)».

Было ли что-либо подобное сделано Октябрем в Средней Азии-колонии? Прежде всего, как уже упоминалось выше, пала монархия.

Рухнули сословные перегородки. Перестало существовать деление на белую и черную кость. Все эти представители белой кости в лице ишанов, тюря, ханов, мирза, беков, хаджей, сеидов и т. д., и т. п., лишились своего былого величия и своих сословных преимуществ (вопросы водопользования, вопросы бракосочетания, вопросы мюридства и т. д.). Внимательный наблюдатель еще до сих пор может «ощупать» этот процесс. Он продолжается и сейчас.

Коренным образом изменилось положение женщины. Законодательство Октябрьской революции не потерпело такой низости, подлости, и гнусности, как неполноправие или, вернее, действительное бесправие женщины на Востоке. Законодательством Октябрьской революции это бесправие в принципе уничтожено.

Октябрь положил начало действительной реальной борьбе с религией. Борьба средне-азиатской партийной организации с религией едва ли нуждается в документации.

Октябрь уничтожил принципы угнетения национальностей и заменил его принципом равноправия национальностей. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на политическую карту современной Сов. Ср. Азии. Аргументация и здесь излишня.

Наконец, землевладение и землепользование. Ленин, осью буржуазно-демократической революции считал аграрную революцию, что корни сословности уходят именно в землевладение, что аграрная революция «есть основа и содержание буржуазно-демократической революции» (Сталин). Как известно, Октябрь в Средней Азии и по этой линии в основном сделал свое дело. Разве не диктатура пролетариата издала декрет о земле? Разве не она организовывала коммуны и артели на байских землях? Разве не она раздавала земли виднейших ишанов, хаджей, беков, ханов, тюря, баев, царских казиев, волостных управителей их чайрикерам, каралам, научам, карандам, безземельным и малоземельным дехканам? Отрицать все это значит впадать в противоречие с действительностью.

Таковы факты, которые совершил Октябрь в Средней Азии по линии буржуазно-демократической революции. А, как известно, все перечисленное, по Ленину, есть содержание (о содержании социалистической революции речь будет впереди) буржуазно-демократической революции (см. т. XVIII, ч. 1-я, стр. 364—365).

Но надо заметить следующее. То, что рухнули сословные грани, еще не исключает возможности того, что иногда, особенно на селе, при выборах в советы, при распределении кредитов, при решении вопросов налогового порядка, при административно-судебной практике, при водопользовании, при разрешении земельного вопроса и земельных споров и т. д., и т. п., отрыжки сословности и родовой замкнутости не давали, и не дают о себе знать. Не исключены случаи, когда пережитки сословности, родовой замкнутости на той или иной стадии многогранной практической работы, заслоняли и заслоняют собой моменты классовые. (Это не означает отрицания, что сословие в определенные периоды исторического развития совпадало с классом). Далее, коренное изменение положения женщины в Средней Азии еще не значит, конечно, что там уже нет калыма, что там еще нет «коммунистов», отрицающих проблему раскрепощения женщины. Наши успехи по линии борьбы с религией еще не исключают того, что иногда партиец ходит в мечеть, что ответственный «коммунист» под флагом «красного тоя» — свадьба — втихомолку устраивает обрезание своим сыновьям, или на смертном одре «отрекается» от большевизма и исповедуется у муллы, или, что иногда «прозевывают», как под боком выстроили мечеть или церковь. Точно также провозглашение и фактическое воплощение в жизнь принципов равноправия национальностей еще не означает, что махровый узбекский шовинизм не делал и не делает своего дела по отношению к более мелким национальностям, или, что великодержавный шовинизм на страницах нашей же печати (см. журн. «Медицинская мысль Узбекистана»)[1] перестал болтать об умственных способностях европейских детей и природной неодаренности детей трудящихся коренного населения. Наконец, все, что сделал Октябрь по линии землевладения и землепользования еще не значит, что там аграрная революция уже была завершена до конца, и что последующему периоду существования советской власти по этой линии ничего не оставалось доделать. (Вспомним земельноводную и скотоводческую реформы в Ср. Азии).

Все это будет понятно, если помнить ленинское учение о необходимости различать угнетенные и угнетающие народы, если помнить, что империализм тормозил общественное и хозяйственное развитие этих угнетенных народов. Кто позабудет этот момент, для того, разумеется, колониальные революции останутся непонятными. Марксизм-ленинизм учит нас находить в каждом явлении, наряду с общим, также и свойственное только лишь этому явлению. Своеобразием, особенностью ленинского тезиса «мимоходом», «походя» для Средней Азии - колонии, в отличие от Центральной России, по линии завершения Октябрем в Ср. Азии задач буржуазно-демократической революции и являются эти моменты. Вызваны они к жизни всем предшествующим развитием Ср. Азии - колонии, и их завершение, по известным причинам (наследие диктатуры российских крепостников: экономическая, политическая и культурная отсталость) должно носить и носит затяжной характер. Потому нет надобности доказывать, что задача партии наряду, попутно со своей основной, центральной, всеопределяющей задачей — задачей строительства социализма, завершить завоевания буржуазно-демократической революции. Это тем более так, что их закрепление, т.-е. закрепление завоеваний буржуазно-демократической революции (Ленин), обеспечено, ибо «мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше», т.-е. строим социализм.

Теперь встает вопрос: дает ли основание наличие неизбежности длительного, затяжного характера завершения задач буржузно-демократической революции отрицать социалистический характер Октябрьской революции 1917 года в Ср. Азии, и выставлять тезис, что

> «в средне-азиатской деревне в 1925 году не только не была произведена социалистическая революция, но даже не была произведена буржуазно-демократическая революция». («Очерки по аграрному вопросу в Ср. Азии», стр. 82).

Думается, что нет.

Это тем более так, что отдельные этапы завершения задач буржуазно-демократической революции могли и могут иметь место как в 1921 году, так и в 1925 году, и 1930 году (напр., проблема паранджи). Тот, кто подобно т. Зелькиной, цепляется за эти незавершенные моменты задач буржуазно-демократической революции и разглагольствует о пришествии буржуазно-демократической и социалистической революции в средне-азиатское село только в 1925 году, тот, выражаясь мягко, проворонил существо революции. А существо революции, коренной вопрос революции, по учению Маркса - Ленина, — это проблема власти, — которая нам нужна не как самоцель, а как орудие для экспроприации буржуазии и революционной перестройки классового общества в общество коммунистическое.

Совершила ли Октябрьская революция в Ср. Азии какие-либо классовые сдвиги по этой линии?

Да. Она передала власть в руки нового класса: 1 ноября 1917 года диктатура буржуазии в Ср. Азии при руководстве и помощи пролетариата Центральной России была опрокинута, и установлена диктатура пролетариата. В этом, подобно Центр. России, смысл Октября в Ср. Азии. Раз это так, а это именно так, то можно ли сомневаться в том, что социалистическая революция в Ср. Азии, как составная, неразрывная часть общероссийского Октября, произошла в октябре 1917 года, что летоисчисление Октября Ср. Азии надо вести не с 1925 года, а с октября 1917 года.

Тот, кто подобно т. Зелькиной, позыбав, что вопрос о характере революции решается социально-классовыми отношениями более широкого целого, что он определяется в решающих центрах революции, выставляет вышеприведенный тезис, тот, во-первых, об'ективно занимается, как повторением, так и пропагандой троцкистских задов; во-вторых, ревизией марксизма-ленинизма в самой основе, в учении о власти, в учении о диктатуре пролетариата; в-третьих, настаивая на свом тезисе, т.-е. продолжая заявлять партии, в частности, ее средне-азиатским организациям, что никакого Октября в 1917 году, мол, у вас не было, — может окончательно увязнуть в болоте социал-демократизма.

Мало того. Ведь, как помнит читатель, т. Зелькина выставила тезис, что до 1925 года в Средней Азии не было ни только социалистической революции, но, что там даже не произошла буржуазно-демократическая революция (см. «Очерки», стр. 82). Встает вопрос: что же там было? Тов. Зелькина отвечает: в Средней Азии до 1925 года не было ни социалистической, ни даже буржуазно-демократической революции, и, что Ср. Азия за этот период влачила свое существование «на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя»... («Очерки», стр. 73). И эта мешанина выдается за марксизм - ленинизм!

* * *

Выставление т. Зелькиной такого тезиса целиком связано с ее неверным пониманием основных лозунгов нашей партии по крестьянскому вопросу. Известна ленинская постановка, когда мы шли на буржуазно-демократическую революцию, — вместе со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации кадетской буржуазии. Также известно, что, когда мы шли на Октябрь, партия руководствовалась ленинским лозунгом— союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, в том числе и деревенского, при нейтрализации середняка. Затем, общеизвестен и ленинский лозунг прочного союза пролетариата и бедноты с середняком, лозунг «уметь достигать соглашения с средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» (т. XV, стр. 524).

Наконец, решение XVI с'езда партии о том, что «отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основных части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозни-

---

Более подробно смотри ст. т. Зеленского в журн. «За партию», № 7, 1928 г ков, из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации» («Правда», № 192, от 14 июля 1930 г.).

Таковы основные лозунги партии по крестьянскому вопросу.

Тов. Зелькина своему тезису предпослала несколько цитат из Ленина. Видимо эти цитаты из Ленина и легли в основу ее умозаключения на счет пришествия социалистической и буржуазно-демократической революции в средне-азиатское село в 1925 году и на счет сохранения там до этого власти бая, ишана... Эти цитаты гласят:

> «Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.
>
> Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел об'единить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.-е осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции.
>
> Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил против него». (Ленин, том XV, стр. 475).

Дополним все это еще одним указанием Ленина в «пользу» т. Зелькиной, взятой из той же работы, а по имеющемуся под руками изданию, из той же страницы:

> «Все, знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 г переживает сама «Октябрьскую (т.-е. пролетарскую) революцию» (т. XV, стр. 475).

Все это у Ленина есть.

Но у того, кто претендует на роль истолкователя учения Ленина, мы вправе требовать изложения проблемы в целом. Учение Ленина, составной частью которого является разбираемый вопрос, гласит, что:

> «мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной (разрядка Ленина), социалистической работы», ибо мы шли на Октябрь вместе с деревенской беднотою против всех буржуа, в том числе и деревенского, при нейтрализации середняка (т. XVIII, ч. I, стр. 365).

Поэтому, когда т. Зелькина, на основе приведенных выше из Ленина цитат, выставляет тезис о непришествии в 1925 г. в Ср. Азии не только социалистической, но даже и буржуазно-демократической революции, то она, говоря мягко, безбожно путает две вещи. Тов. Зелькина путает вопрос об основном стратегическом лозунге партии перед захватом власти с вопросом о завершении задач буржуазно-демократической революции после захвата власти пролетариатом.

Отвечая т. Янскому, который в своем письме т. Сталину по тому же вопросу, но в несколько иной постановке, приводил те же места из книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский» плюс две цитаты из речи Ленина на 1-м всерссийском с'езда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, т. Сталин писал:

> «На протяжении того или иного этапа революции могут иметь место поражения и отступления, неудачи и отдельные тактические ошибки, но это еще не значит, что основной стратегический лозунг неверен... Может случиться, что в ходе революции основной лозунг партии привел уже к свержению власти старых классов или старого класса, но ряд существенных требований революции, вытекающих из этого лозунга, не получил осуществления, или осуществление их растянулось на целый период времени, или для их осуществления требуется новая революция, но это еще не значит, что основной лозунг неправилен. Так, например, февральская революция 1917 года свергла царизм и помещиков, но не привела к осуществлению конфискации помещичьих земель и т. д., но это еще не значит, что наш основной лозунг на первом этапе революции был неправилен. Или еще: Октябрьская революция осуществила свержение буржуазии и переход власти в руки пролетариата, но не привела сразу: а) к доведению до конца буржуазной революции вообще, и б) к изоляции кулачества в деревне, в частности, растянув это дело на известный период времени. Но это еще не значит, что наш основной лозунг на втором (разрядка т. Сталина) этапе революции был неверен (Сталин, «Два письма», 33, 34 стр. Подчеркнуто нами. С. С.).

Член партии, претендующий на теоретический анализ характера нашей революции, разумеется, не может и не мог пройти мимо этих раз'яснений тов. Сталина. Но тов. Зелькиной не до этих раз'яснений. На основе того, что в Средней Азии в 1925—26 г. пролетарская диктатура занималась доведением до конца «буржуазной революции» (Сталин), т. Зелькина спешит выставить тезис, что

> «земельная реформа и Ср. Азия в 1925 г. с запозданием на целых 8 лет была и буржуазно-демократической и социалистической революцией одновременно». («Очерки...», стр. 88).

Нет слов, и в этом не может быть у большевика ни малейшего сомнения, что земельная реформа в Средней Азии, проведенная под руководством нашей партии, была величайшим актом, направившим, в основном, свое острие на окончательное сметение оставшихся пережитков феодальной эпохи, наряду с еще дальнейшей подготовкой необходимых предпосылок для поворота от политики ограничения и вытеснения кулака к политике ликвидации кулачества как класса. Она, земельная реформа, была предметным уроком для тех, кто еще таил в себе самом семена сомнения насчет социалистического, а не кемалистского, пути развития Сов. Средней Азии [1]).

Несмотря на все это, допустимо ли утверждать, что революция в Октябре 1917 года в Средней Азии, являющаяся неразрывной, составной частью общероссийского Октября, не была социалистической революцией, мимоходом, походя, попутно разрешившей (речь не идет о завершении, о доведении до конца) и задачи буржуазно-демократической революции в виде, например, свержения монархии, уничтожения сословности, уравнения в правах женщины, отделения церкви от государства и борьбы с религией, большевистского разрешения национального вопроса, коренной ломки самих аграрных отношений, являющихся, по Ленину, содержанием буржуазно-демократической революции.

---

[1]) Классовый смысл выступления «18» — хидыр-алиевщина (Узбекистан) и классовая подоплека садвокасовщины (Казакстан), с одной стороны, классовая сущность кичившейся «левизной» иногамовщины (Узбекистан), получившей кстати похвальный лист от Чокаева и К° и классовое содержание мнимо-«левой» тумаиловщины (Туркменистан), с другой, вне зависимости от словесной шелухи, в которую облекали свои мысли эти открыто правые и мнимо-«левые» страдальцы за «народ» и «партию», в конце-концов, один. Они («18» и садвокасовщина), независимо от их суб'ективных желаний, об'ективно были глашатаями узбекского кулака, частично остатков бывшей туземной администрации (мингбаши, казии, аксакалы, переводчики и т. д.), и казакского аткаминера. Иногамовщина и тумаиловщина, быть может, помимо суб'ективных намерений, об'ективно под «левой» фразеологией отражали, с одной стороны, чаяния узбекского джадидизма, а, с другой,—национализма туркменского.

Так утверждать нельзя. Нельзя потому, что по словам т. Сталина, «доведение до конца буржуазной революции не есть единичный акт» (Сталин. Два письма, 40 стр.). Может случиться так, что доведение до конца буржуазной революции растянется на целый период. Как на конкретные примеры тов. Сталин в том же письме ссылается на Поволжье и Урал (1919 г.), на Украину (1919—1920 г.). Но ссылаясь на эти факты, тов. Сталин чрезвычайно далек от мысли, что отсюда сделать заключение, будто-то из-за этого растяжения на целый период, революция в Октябре 1917 года в России была не социалистической. В силу сочетания ряда об'ективных обстоятельств, вполне мыслимы случаи растяжения завершения задач буржуазно-демократической революции на целые периоды. Поволжье, Урал, Украина, Средняя Азия — примеры этому. Но это растяжение ничуть не изменяло и не изменяет сущности Октябрьской революции 1917 г., как революции социалистической.

Тов. Зелькина, в согласии со своей концепцией Октября в Средней Азии, только тогда решается признать Октябрьскую революцию в Средней Азии социалистической, когда она уже окончательно, до основания разрешит все задачи буржуазно-демократической революции. По ее концепции получается, что социалистическая революция ставит перед собой, как основную, центральную задачу, не захват власти пролетариатом, а доведение до конца буржуазной революции. Иной вывод немыслим. Поэтому мы вправе повторить тов. Зелькиной вопрос тов. Сталина, поставленный им перед тов. Янским:

> «...Кто вам сказал, что Октябрьский переворот и Октябрьская революция исчерпывались или ставили своей основной задачей доведение до конца буржуазной революции. Откуда это вы взяли? Разве свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата можно уместить в рамках буржуазной революции? Разве завоевание диктатуры пролетариата не есть выход из рамок буржуазной революции... Как можно утверждать, что основным в Октябре являются не эти (в тексте речь идет о диктатуре пролетариата, декрете о земле, о декрете об экспроприации фабрик, заводов, железных дорог, банков.—С. С.) и подобные им акты, не свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, а доведение до конца буржуазной революции». («Два письма», стр. 37, 38, разряка т. Сталина.—С. С.).

Не отказавшись от своей механистической методологии, тов. Зелькина едва ли сможет дать вразумительный ответ на этот вопрос. Разберем тот же тезис тов. Зелькиной с другого конца.

Тов. Зелькина основным вопросом социалистической революции считает вопрос о завершении задач буржуазно-демократической революции. Это видно, хотя бы из того, что летоисчисление социалистической революции сознательно ведется ею с 1925 года. Нет ничего предосудительного, если после этого будет поставлен вопрос, что же является, по мнению автора, основным главным в ленинизме? До сих пор на основе учения Маркса-Ленина, партия была убеждена в том, что основное, главное в ленинизме—это диктатура пролетариата. Ленин писал, что «основной вопрос, затрагиваемой Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революциии именно о диктатуре пролетариата... можно сказать без преувеличения, что это — самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы» (т. XV, стр. 415, разр. моя—С. С.). Также понимали вопрос, на основе учения Ленина, и его ближайшие ученики. Например, тов. Сталин в «Об основах ленинизма» пишет:

> «Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельного веса. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата». («Вопросы ленинизма», стр. 115, разрядка моя.—С. С.).

Между тем. тов. Зелькина, связывая начало социалистической революции Средней Азии только с завершением задач буржуазно-демократической революции, тем самым считает основным вопросом в ленинизме крестьянский вопрос. В противном случае нечего было бы выставлять самый тезис. Но поскольку тов. Зелькина выставила такой тезис, постольку она тащит партию назад, постольку она задним числом, во вред партии, возвращается к давно вскрытым партией ошибкам тов. Зиновьева, который также утверждал, что «вопрос о роли крестьянства является основным вопросом большевизма, ленинизма». Там же, стр. 12, курсив автора).

Итак, и здесь непонимание коренного содержания пролетарской революции, непонимание основного, главного в ленинизме, скатывание в болото бывшей «новой оппозиции». Отсюда выбор:

> «Либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм непригоден, необязателен для стран капиталистически-развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами».
>
> «Либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариата всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе для капиталистически-развитых» (Там же, стр. 13, разрядка автора).

Ошибочность концепции тов. Зелькиной по вопросу о характере Октября в Средней Азии еще при разборе первого тезиса ее работы заставила нас указать на то, что автор со своим неправильным пониманием вопроса стоит на грани скатывания в лагерь ревизионизма. Сейчас же мы видим уже прямые искажения учения Ленина о социалистической революции. Искажения, ибо, по автору, основное в ленинизме—не диктатура пролетариата, а крестьянский вопрос. Мало этого. Разбор концепции автора в свете основных лозунгов партии по крестьянскому вопросу показывает, что речь идет не просто о непонимании, но и о системе антиленинских взглядов.

Но поскольку тов. Зелькина выставила такую концепцию, постольку приходится просто констатировать, что она, быть может, сама того не сознавая, повторяет зады бывшей «новой оппозиции». Не только: тов. Зелькина повторяет меньшевистские зады. Разве не то же говорят меньшевики, когда они пишут, что «та революция, которая переживает Россия... с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией, так как «интересы крестьянства решали судьбу всей политики. Разве не из такой установки исходят Каутский и Гильфердинг, когда они с иронией говорят о «социализме в Туркестане», о «социализме бухарских мулл».

II.

Перейдем к другому тезису тов. Зелькиной.

> «Весь восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа и родового вождя, на оскове феодального закабаления бедноты». «Очерки...», стр. 73, разрядка моя.—С. С.).

Отсюда логический вывод: если восстановительный процесс проходил на основе сохранения власти бая..., то, очевидно, и предшествующий ему период ожесточенной гражданской войны тоже проходил *на основе* сохранения *власти* того же класса, т.-е. бая. Но, ведь, это нелепо. Спор о том, *кто*, *какой класс*, *в каких* целях будет заниматься восстановительным процессом, был решен вооруженной борьбой, гражданской войной, а не литературными упражнениями отдельных публицистов. Спор этот еще в Октябре, еще в период вооруженной борьбы за сохранение завоеваний Октября был решен в нашу пользу. Именно в Октябре был решен спор о том, что не феодалы и не буржуазия, а рабочий класс России, спасший страну от гибели, займется восстановлением и социалистической реконструкцией народного хозяйства в целом.

Однако, тов. Зелькина все-таки утверждает, что «восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя». Отсюда само собой следует, что и предшествующий восстановительному процессу период в Ср. Азии проходил на основе сохранения власти того же класса, т.-е. баев, манапов, ишанов и т. д. Противное невозможно: восстановлением, очевидно, ради сохранения и укрепления своей диктатуры занимается тот, кто победил. Если восстановительный процесс в Средней Азии проходил на основе сохранения власти баев, то это могло произойти или в результате его победы в предшествующий период, или в результате *термидора*, термидорианского перерождения диктатуры пролетариата в Советской Средней Азии. Тов. Зелькина склоняется как раз к последнему положению. Она пишет:

> «Примерно, в 1920 году появляется сильное течение за необходимость восстановления частной собственности на землю, за необходимость возвращения к аграрным отношениям, освященным шариатом.
>
> Частная собственность на землю восстановлена не была, но особым декретом за № 241, от 4 марта 1920 года конфискованные в порядке социализации земли были переданы прежним владельцам. Этим декретом *даже формально к 1920 году были восстановлены дореволюционные аграрные отношения, фактически была восстановлена и частная собственность на землю*, участились случаи покупки и продажи земель».

И далее, подведя итоги мероприятиям советской власти в бывш. Туркестане, тов. Зелькина добавляет:

> «Результаты всех этих попыток (речь идет о наделении землею бедноты.—С. С.) передачи земли в оседлых узбекских районах *уже* к 1925 г. были сведены к нулю». («Очерки...», стр. 71, 73. Разрядка моя.—С. С.).

Действительно, если это прохождение восстановительного процесса на основе сохранения власти бая, манапа, ишана, а, следовательно, их победа в предшествующий восстановительному процессу период не нелепость и не сознательное извращение фактов, если термидорианское перерождение диктатуры пролетариата в Советской Средней Азии не клевета, то *как* об'яснить такие, быть может, для кое-кого незначительные «мелочи», имевшие место еще до 1925 года:

факт свержения в Средней Азии, в частности, в пределах бывш. Туркестанского края, диктатуры буржуазии 1 ноября 1917 года и установление диктатуры пролетариата;

факт свержения 29—30 января 1918 года Кокандского автономного правительства с его автономией, столь торжественно об'явленной 27 ноября 1917 года;

факт подавления Осиповской авантюры в январе 1919 г. Если бы все оставалось на старой основе, то, видимо, нечего было бы восставать. А наши классовые враги восстали и расстреляли почти весь состав Совнаркома Туркестанской Сов. Соц. Республики потому, что там была диктатура пролетариата.

Можно было бы еще сослаться на факт ликвидации закаспийского белогвардейского фронта, на факт прорыва оренбургской «пробки» со стороны Туркестана, на факт подавления кулацкого восстания в Джетысу, в Фергане (Монстров), на факт ликвидации басмачества (Фергана, Ташуезд, Самарканд, Восточная Бухара), на земреформу в Джетысу и частично в Фергане (1921 год), на факт создания комитетов бедноты в Тур. респ., на факт организации союзов «кошчи» с батрацкими секциями, на факт национального размежевания и создания поныне незыблемо существующих Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик Средней Азии и т. д., и т. п.

Поскольку речь идет только о констатации почти общеизвестных фактов, можно было бы сослаться и на факт пребывания у руководства в Советской Средней Азии ряда представителей старой ленинской гвардии, начиная с Турккомиссий ВЦИК и кончая Ср.-Аз. Бюро ЦК ВКП(б).

Если верен тезис тов. Зелькиной, что там до 1925 года все происходило на старой основе, то мыслимо ли, чтобы баи, манапы, ишаны занимались... восстаниями против своей же классовой диктатуры, занимались игрою в революцию? Мыслимо ли, чтобы власть феодалов занималась выкорчевыванием своих же основ? Мыслимо ли, чтобы она отказалась от принципа угнетения национальностей и практически, т.-е. не на словах, а на деле, осуществила бы этот принцип? Наконец, мыслимо ли, чтобы диктатурой феодалов в Средней Азии руководила партия в лице представителей ленинской гвардии?

Если последне мыслимо, то одно из двух: *или* партия наша еще тогда переродилась, *или* партия никогда не перерождалась, и это троцкистская клевета по адресу партии.

Другое «рациональное» зерно положения тов. Зелькиной заключается в утверждении, что весь восстановительный процесс в сел.-хоз. Средней Азии проходит «*на основе феодального закабаления бедноты*».

Само собой очевидно, что если бы у тов. Зелькиной речь шла о том, что даже при диктатуре пролетариата и в восстановительный период и в период социалистической реконструкции нашего народного хозяйства в целом встречались и «встречаются, в частности, в отсталых национальных областях районы с хищнической эксплоатацией бедноты со стороны фактически господствующих здесь кулаков и байско-манапских (полуфеодальных) элементов» (решение ЦК ВКП(б) о бедноте), — то, разумеется, было бы нелепостью возражать против этого.

Но, к сожалению, у тов. Зелькиной речь идет именно о политике партии. Это видно и из самого контекста: «Земельная реформа в 1921/22 г. не вызвала серьезных социальных сдвигов внутри кишлака и аула. Первые годы нэпа были неблагоприятными для проведения земреформы. После 1921/22 гг., мы имели лишь несколько резолюций о необходимости проведения реформы и *никаких* практических попыток осуществления этих резолюций. Полоса проведения земельных реформ началась в 1925 г. Весь восстановительный процесс в сел.-хоз. Средней Азии проходил...: и т. д. («Очерки», стр. 73, курсив мой *С. С.*). Никаких попыток осуществления принятых резолюций и отсюда, ставка на прохождение всего восстановительного процесса в сел.-хоз. Средней Азии «на основе феодального закабаления бедноты». Становится очевидным, что и сей тезис тов. Зелькиной представляет из себя перепев, но только задним числом, троцкистской теории о колонии и термидоре, и, следовательно, ничего общего не имеет с ленинским пониманием характера Октября и природы Советской власти.

Далее тов. Зелькина на 73 стр. своей книги пишет:

> «Как процесс деградации в годы военного коммунизма, так и восстановительный процесс в годы нэпа проходил на старой дореволюционной основе». (Разрядка моя.—*С. С.)*.

Нет надобности останавливаться на внутренней противоречивости этого положения тов. Зелькиной с точки зрения вопроса, при диктатуре какого класса все эти процессы происходили. Достаточно напомнить, что точки зрения здесь диаметрально-противоположны: у тов. Зелькиной—«на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя, на основе феодального закабаления бедноты» («Очерки...», стр. 73), у нас—на основе диктатуры пролетариата. Точно также нельзя в данной связи не пройти мимо и «теории деградации» тов. Зелькиной, тем более, что эта «теория» достойна специального разбора в другой связи. Потому ограничимся разбором понимания автором социального существа восстановительного процесса.

По мнению тов. Зелькиной, весь восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя, на основе феодального закабаления бедноты, — короче, «на старой дореволюционной основе». Это значит, что весь восстановительный процесс сельского хозяйства Средней Азии проходил под зна'ком восстановления капитализма, частично даже феодализма. Таково существо восстановительного периода, по тов. Зелькиной.

Такое понимание существа восстановительного периода показывает, что автор не понимал и не понимает влияния пролетарских командных высот на ход развития хозяйства простых товаропроизводителей. Этим самым автор умалчивает об имеющихся социалистических достижениях по под'ему экономики и культуры рабочих и основных масс крестьянства Советской Средней Азии. Этим совершенно смазывается помощь СССР Советской Средней Азии по линии бюджета, кредита, специальных ассигнований на борьбу с культурно-бытовой отсталостью, ирригации, хлопководству, кооперированию, коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств, совхозного строительства и т. д. Нужно констатировать, что тов. Зелькина своим отрицанием роли командных высот пролетарского государства на ход развития хозяйства простых товаропроизводителей, быть может, помимо своего желания, повторяет зады бывшей троцкистской оппозиции. В своих контртезисах троцкистская оппозиция тоже говорила о сплошном капитализме, об абсолютном и относительном росте капитализма в деревне.

Нет слов, что партия иного мнения о существе восстановительного периода. Указывая, что «диктатура пролетариата в СССР меняет коренным образом условия, а, следовательно, и ход развития сельского хозяйства, создавая принципиально иной тип развития аграрных отношений, иной тип классовых перегруппировок в деревне и иное направление в развитии хозяйственных форм», XV с'езд партии дал такую оценку существа восстановительного периода:

> «На пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую роль и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля обнимает собою подавляющую часть общего товарооборота страны, обобществленный сектор народного хозяйства определяет собою вообще направление развития, вытесняя частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей-крестьян». (Стенографический отчет XV с'езда, 1304, 1921, разрядка моя.—С. С.).

После этого остается одно из двух: либо восстановительный процесс в Средней Азии проходил действительно «на старой дореволюционной основе», т.-е. под знаком восстановления капитализма, и тогда решения XV с'езда, распространяющиеся и на Сов. Среднюю Азию, не соответствуют действительности, либо XV с'езд прав, тогда это утверждение тов. Зелькиной, подправленное острокислой мнимо «левой» троцкистской миной, в корне неверно.

С другой стороны, если весь восстановительный период сельском хозяйстве Средней Азии проходил «на старой дореволюционной основе», под знаком восстановления и развития капитализма, то мы, видимо, согласно концепции тов. Зелькиной, стояли перед все большим и большим ростом двоякого рода противоречий.

Первое: если в Средней Азии весь восстановительный процесс проходил на старой дореволюционной основе, то, очевидно, не могло не существовать противоречия между пролетарским центром и, якобы, капиталистической Средней Азией. Тезис автора свидетельствует о том, что эти противоречия не только были, но, поскольку и, по автору, шел восстановительный процесс в Средней Азии, они росли.

Второе: в условиях самой Сов. Средней Азии по той же причине были, и, следовательно, не могли не расти противоречия между пролетарским городом и якобы капиталистическом кишлаком-аулом.

Это означает, что все больше и больше росли и обострялись противоречия между пролетариатом Союза и основными массами крестьянства Средней Азии, с одной стороны, и рабочим классом и основными массами крестьянства самой Средней Азии, — с другой. Идейное родство концепции тов. Зелькиной с известным тезисом Троцкого налицо.

XV с'езд партии констатировал: «экономическая смычка между городом и деревней значительно укрепилась», что «несмотря на всю противоречивость процесса развития, несмотря на рост буржуазии города и деревни (кулак, нэпман), удельный вес рабочего класса «повысился, его связь с основной массой крестьянства возросла, диктатура укрепилась» (Стен. отчет XV с'езда, стр. 192. Курсив мой. С. С.).

А XVI с'езд партии, говоря об изменениях в соотношении классов внутри страны, указал:

> «Эти изменения характеризуются, прежде всего, наряду с быстрым ростом численности рабочего класса, усилением его руководящей роли по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству. Экономическая смычка между рабочим классом и основными массами крестьянства приобрела по преимуществу производственный характер. Политика партии и ее ЦК обеспечила успешный переход отсталых и распыленных мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического земледелия, развертывание сплошной коллективизации и переход к практическому осуществлению лозунга ликвидации кулачества как класса. За отчетный период резко упала роль частного капитала и происходит дальнейшее его вытеснение. Решительно усиливается планово-регулирующая роль советского государства во всем народном хозяйстве страны, охватывая все более и более не только промышленность, но и сельское хозяйство. Осуществляется поставленная Лениным задача превращения «России нэповской» в «Россию социалистическую». («Правда», № 181 от 3/VII-30 г. Резолюция по отчету ЦК ВКП(б).

К этому можно было добавить еще и самую практику социалистического строительства в союзных и автономных советских социалистических республиках Средней Азии, свидетельствующую далеко далеко не о «враждебном столкновении» города и деревни, города и кишлака-аула. Разве последнее решение ЦК нашей партии по вопросу о развитии хлопководства и то, что сделано и делается в осуществление этого решения рабочими и бедняцко-середняцкими крестьянскими массами Средней Азии под руководством союзного пролетариата, не яркий пример этому?

Наконец, подводя итоги разбору аграрного вопроса в годы революции и земельной реформе, тов. Зелькина пишет:

> «Основным результатом земельной реформы в области экономической, были появления национализации земли, почти полное уничтожение феодально-родовых пережитков, решительный удар по капиталистическим элементам деревни». (Очерки, 103 стр. Разрядка моя.—*С. С.*).

Не останавливаясь на фактически неверных утверждениях («появление национализации» только в 1925 году), ограничимся одним замечанием по существу одного из выводов автора. Тов. Зелькина пишет, что основным результатом земельной реформы в области экономической был «...решительный удар по капиталистическим элементам деревни». Верен ли вывод автора в этой («решительный удар...») части?

Тов. Молотов, исходя из того, что «единой деревни нет» и, что

> «есть деревня, которая имеет массу своеобразных черт — социальных, районно-экономических, национальных», в своем докладе, на XV с'езде, дал такую оценку итогам проведенной земреформы: «стоит припомнить, что совсем недавно, только два года назад, проведена земельноводная реформа в ряде районов Средней Азии, чтобы понять, что нам еще теперь приходится выкорчевывать остатки феодализма, остатки патриархально-родового уклада», и что «нужно сказать, что эти остатки в той же Средней Азии и в Казакстане далеко еще не уничтожены, и это дело не такое быстрое». (Стен. отчет XV с'езда, 1047 стр. разряда моя.—С. С.).

Точно так понимали смысл реформы и руководители средне-азиатских партийных организаций. Так, например, тов. Зеленский писал:

> «Земельная реформа разрушила остатки родовых и феодальных отношений в земле-водопользовании тех районов, где они еще оставались и являлись камнями, тянущими назад сельское хозяйство». (Итоги зем. реформы и перспективы ее заключения. II стр. Узб. ГИЗ. 1926 г.).

Так понимал смысл реформы и 2-й курултай КП(б) Уз:

> «Земельная реформа, имеющая целью смести остатки феодальных отношений в кишлаке и дать возможность дальнейшего роста и развития дехканского хозяйства, должна привлечь внимание всей партии». (Там же стр. 39).

Итак, ясно одно: острие земельной реформы в основном было направлено на выкорчевывание остатков феодализма, остатков патриархально-родового уклада, и с этой точки зрения тезис т. Зелькиной о «решительном ударе..» не отражает действительного хода вещей. Но сей тезис тов. Зелькиной не отражает существа политики партии в тот и последующий периоды и с другой стороны.

До политики ликвидации кулака как класса партия вела политику ограничения и вытеснения. В полном согласии с этой политикой работали и средне-азиатские парторганизации.

Говоря о переходе от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса, т. Сталин на с'езде аграрников-марксистов заявил, что «мы не могли и не должны были предпринять тогда наступление на кулачество, вопреки авантюристическим декламациям зиновьевско-троцкистской оппозиции», ибо «наступать на кулачество—это значит сломать кулачество и ликвидировать его как класс», и что «вне этих целей наступление есть декламация, царапанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление». Там же тов. Сталин говорил, что «теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов»

Так ставит и поставила вопрос партия. А тов. Зелькина?

По ее мнению, уже тогда был нанесен «решительный удар капиталистическим элементам деревни». По ее тезису выходит, что средне-азиатские партийные организации уже тогда вели политику не ограничения и вытеснения, а политику ликвидации кулачества как класса.

Возникает еще один вопрос:

Если капиталистическим элементам деревни Советской Средней Азии уже тогда был нанесен «решительный удар», то как же быть с политикой ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации Советской Средней Азии теперь? Как примирить теорию «решительного удара» тов. Зелькиной еще в 1925 году с той гигантской работой по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, которую при активнейшей поддержке батрацко-бедняцких и середняцких масс села, проводят и должны проводить партийные организации Средней Азии во главе с Ср.-Азиатск. Бюро ВКП(б)?

После такого «открытия» тов. Зелькиной нельзя не признать правоту тов. Сталина, когда говорил: «Левый уклон есть тень правого уклона. Ленин говорил, имея в виду отзовистов, что «левые» — те же меньшевики, только наизнанку. Люди, уклоняющиеся к троцкизму—это, по сути дела, те же правые, только наизнанку, правые, прикрывающиеся «левой» фразой».

⁂

Отрицание социалистического характера Октябрьской революции 1917 года в Средней Азии, игнорирование особенностей Октября в Средней Азии, искажение ленинских лозунгов по отношению к крестьянству, отрицание основного в ленинизме, ревизия решений XV с'езда об оценке социального существа восстановительного периода, мнимо-«левая», а на деле правая оценка земельной реформы—таковы основные моменты «Очерков по аграрному вопросу в Средней Азии».

Мало констатировать извращение марксизма-ленинизма. Надо искать корни этого извращения. Спрашивается, где же корни ошибок тов. Зелькиной?

В основном, они в замене марксистско-ленинского метода—методологией троцкизма [1]). Вот почему у т. Зелькиной, вместо обоснования ленинского тезиса о некапиталистической эволюции стран, перешедших, при помощи пролетариата более передовой страны, к советскому строю, получилось отрицание социалистического характера самой Октябрьской революции в этой стране (Сов. Ср. Азия).

---

[1]) Желающих ознакомиться, более подробно с «первоисточником» применяемой тов. Зельковой методологии, отсылаем к интересной статье тов. К. Сомса «Теория аграрной революции» по тов. Крицману», в «Большевике» № 10 за 1930 г.

Кстати скажем, что неправильное понимание тов. Зелькиной характера Октября в Средней Азии, наряду с ошибками ряда руководителей Аграрного института Комакадемии, было отмечено особым решением коммунистической фракции I с'езда аграрников-марксистов в декабре 1929 г.

Это будет случаться с каждым, кто диалектический метод марксизма-ленинизма будет подменять методологией троцкизма. Тов. Сталин на I с'езде аграрников-марксистов говорил: «Я не буду здесь распространяться о значении теории. Вам оно достаточно известно. Известно, что теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Следовательно, задача заключается в том, чтобы овладеть единственно научной в мире, действительной, т.-е. марксистско-ленинской теорией. Но нет теории без метода и метода без теории. Применяющие враждебную ленинизму методологию троцкизма, тем самым марксистко-ленинской теории предпочитают эклектику контрреволюционного троцкизма. Вот почему и работа тов. Зелькиной с ее в основе троцкистской методологией имеет далеко не средне-азиатское значение, как это может показаться на первый взгляд. Наоборот. Работа тов. Зелькиной связана с более широким целым. Потому вскрытие всей ложности концепции тов. Зелькиной имеет и общепартийное значение. Это тем более так, что она в этом отношении не одинока. Ее ошибки тесно смыкаются с чреватой в своей основе троцкистской установкой концепцией одного из видных работников аграрного фронта—тов. Крицмана, с его теорией о мелкобуржуазном характере комбедовского периода пролетарской революции на селе [1]).

---

[1] См «Правда», № 196 от 17/VII-30 и № 198 от 20/VII-30 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Философский „подарок“ XVI с'езду партии.

(Журнал «Под Знаменем Марксизма», № 5, 1930 г.).

Рецензируемый номер журнала, на обложке которого стоит: «Май. К XVI с'езду ВКП(б)», вышел лишь в первой декаде июля, перед самым окончанием работ с'езда. Этот факт, несомненно, не только не уменьшает требований к данному, посвященному XVI с'езду ВКП(б), номеру важнейшего «философского и общественно-экономического журнала» в нашей стране, но, наоборот, значительно увеличивает эти требования. Ведь редакция журнала имела полную возможность использовать тезисы докладов к с'езду, напечатанные уже в середине мая и отчасти доклады и прения на самом с'езде. Следует также отметить, что ко времени выхода журнала в дискуссионном отделе «Правды» был напечатан ряд статей, освещающих важнейшие моменты вопросов с'езда. Естественно было ожидать, что журнал «ПЗМ» так или иначе откликнется на эти статьи. И, наконец, № 5 журнала возбуждал особенный интерес в виду того, что от него естественно было ожидать соответственного реагирования на указания центрального органа партии—«Правды» (мы имеем в виду согласие «Правды» с основными положениями статьи «О новых задачах марксистско-ленинской философии», «Правда» от 7 июня).

Однако, № 5 журнала «ПЗМ» совершенно, не удовлетворяет этим законным требованиям.

Журнал производит такое впечатление, будто он вышел не в июле, а самое большое — в начале мая, т.-е. до появления тезисов тт. Яковлева, Куйбышева и Шверника.

Посвященный XVI с'езду № 5 журнала «ПЗМ» не отражает борьбы за линию партии оружием марксистко-ленинской философии, показывает определенное политическое отставание «основных философских кадров».

Что касается третьего пункта — вопросов поворота на философском фронте — необходимо отметить довольно большую несогласованность по этому поводу статей, касающихся оценки итогов философского движения и его новых задач, а также общую тенденцию журнала смазать некоторые отрицательные итоги этого движения и сгладить необходимую резкость и решительность поворота.

И, наконец, последний пункт — вопрос о «соответственном реагировании» философского руководства в нашей стране на статью в «Правде», с которой в основном была согласна редакция «Правды», этот вопрос является центральным пунктом, по которому философское руководство до конца разоблачает свое непонимание задач поворота, отрицательное отношение к самокритике и т. д. (статья А. Деборина и др. «О борьбе на два фронта в философии»).

Весьма слабая по своему теоретическому и политическому уровню передовая № 5 «ПЗМ» грешит грубейшими ошибками и, вместе с тем, наглядно иллюстрирует резкое отставание, отрыв некоторых наших «теоретиков» от политической, партийной жизни. В передовой дается следующая характеристика троцкизма:

«Исходя из неизбежности крушения диктатуры пролетариата в условиях отсталой аграрно-промышленной страны, троцкизм тол-

> кал партию на путь такого «сверхиндустриализма», который неизбежно вызвал бы обострение классовых противоречий между середняком и рабочим классом»... «Троцкизм подвергает сомнению социалистический характер нашей революции, троцкизм не верит в возможность успешного построения социализма в стране с отсталой техникой, в стране, где преобладающей формой хозяйства является мелкотоварное сельскохозяйственное производство».

Здесь дана явно неполная, а потому и неверная, путанная характеристика троцкизма. Троцкизм утверждал и утверждает, что построение социализма невозможно в какой бы-то ни было отдельно взятой стране (хотя бы и с передовой техникой), а не только в стране «с отсталой техникой».

> Еще в 1915 году, полемизируя с Лениным, Троцкий утверждал: «Безнадежно думать, что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире». (Том III, соч. Троцкого, ч. 1, стр. 89—90).

В «Критике проекта программы «КИ» и в других документах Троцкий утверждает то же, говоря, например, что в технически передовой Англии, в случае установления диктатуры пролетариата также невозможно построить социализм.

Эта социал-меньшевистская, контрреволюционная установка Троцкого, неразрывно связана с отрицанием им ленинского закона неравномерного развития капитализма, делающего возможным прорыв империалистического фронта и победу социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране.

Как известно, Троцкий и Зиновьев на XV конференции бешено боролись против ленинской теории возможности победы социализма в отдельной стране, именно исходя из отрицания закона неравномерного развития капитализма, особого его значения в эпоху империализма.

Величайшая заслуга тов. Сталина в том, что он на XV конференции и на VII пленуме ИККИ с особой силой развернул ленинское понимание закона неравномерного развития капитализма, разоблачил всю теоретическую несостоятельность Троцкого и Зиновьева.

Грубейшей теоретической и политической ошибкой редакции «ПЗМ» является игнорирование ленинской теории империализма, непонимание значения закона неравномерного развития капитализма, из чего вытекает и приведенная выше неправильная характеристика троцкизма. Надо сказать, что эта ошибка повторяется и в других статьях № 5 «ПЗМ» (тт. Карева и Новикова) и заставляет сильно усомниться в способности журнала «ПЗМ» дать развернутую, выдержанную теоретически и политически критику троцкизма.

Как видно из приведенной нами формулировки передовая изображает троцкистов, как «сверхиндустриалистов» и этим ограничивается. Передовая забывает о капитулянтской теории «потухающей кривой» развития промышленности, нашедшей поддержку со стороны троцкизма, замалчивает злобные выпады троцкистов против быстрых темпов индустриализации в период реконструкции, замалчивает смычку троцкистов с правыми в вопросах о темпах индустриализации, о коллективизации и ликвидации кулачества как класса и др.

> «О троцкистах существует мнение, как о сверхиндустриалистах. Но это мнение правильно лишь отчасти Оно правильно лишь постольку, поскольку речь идет о конце восстановительного периода, когда троцкисты действительно развивали сверхиндустриалистические фантазии. Что касается реконструктивного периода, то троцкисты с точки зрения темпов являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами», — говорил т. Сталин на XVI с'езде.

Следует отметить, что передовая почему-то избегает характеристики контрреволюционной антисоветской сущности троцкизма, ограничивается крайне либеральными формулировками, вроде того, что троцкизм вырос в «самостоятельную партию с программой и тактикой глубоко отличающейся от программы и тактики нашей партии».

Впрочем, было бы несправедливо обвинять передовую (а вместе с тем и редакцию «ПЗМ») в либеральном отношении только к троцкизму. Не менее либеральные, беззубые, политически болотные формулировки даются по отношению к правому уклону.

Вот, например, совершенно исключительная по своей «об'ективности» формулировка:

«Перед XVI партконференцией лидеры правых выступили с декларативными заявлениями, формулировавшими их позицию по ряду спорных вопросов (разрядка наша. *В. Р.*) и обвинявшими ЦК в неправильном руководстве». У читателя невольно возникает вопрос: для кого спорными были те вопросы, по которым велась правыми уклонистами бешеная, злобная атака на линию партии, на партийное руководство? Для партии эти вопросы были бесспорными; они являлись «спорными» лишь для болотно-настроенных партийных обывателей и для некоторых вчерашних участников троцкистско-зиновьевской оппозиции, мечтавших о беспринципном блоке с правыми.

Совершенно смазана классовая сущность правого уклона. Передовая ограничивается следующей туманной, расплывчатой формулировкой:

> «Вся борьба против лидеров правого уклона, как и против отдельных товарищей с «левыми» заскоками, велась партией так решительно и последовательно потому, что те и другие отражали настроения определенных социальных группировок».

«Настроения» каких «социальных группировок» отражает правый уклон— почему правый уклон является главной опасностью — об этом ничего не говорится. Ни слова нет о том, что правый уклон отражает бешное сопротивление гибнущих капиталистических классов, что правый уклон является не чем иным, как кулацкой агентурой.

Сведение всей борьбы против правого уклона (в теории и на практике) к борьбе против лидеров правого уклона, одновременно с явным смазыванием классовой природы правого уклона — эта «установка» передовой, по сути дела, сбивается на обывательско-оппортунистическое об'яснение беспощадной борьбы партии с правым уклоном.

Новые атаки на партию со стороны правых уклонистов, имевшие место накануне XVI с'езда, попытки правых использовать трудности колхозного строительства, скатывание отдельных элементов правых к явно контрреволюционным замыслам, — все это не нашло ни малейшего отражения в передовой, хотя перед с'ездом наша партийная печать уделяла этому большое внимание.

Проникнутая духом политической болотности передовая № 5 «ПЗМ» (посвященного XVI с'езду!) — дает лучшее об'яснение, почему современное философское руководство, которое несет ответственность за эту передовую, так нервничает, когда поднимается вопрос о партийности в философии, когда наиболее чуткие партийцы- философы, требуют увязки теоретической работы с актуальными проблемами социалистического строительства.

Передовая выражает надежду, что XVI с'езд «поведет партию и рабочий класс по пути новых побед, на захват новых подступов к социализму» (стр. 3). Мы можем констатировать весьма «скромный» характер этой надежды.

Тт. из «ПЗМ» не понимают того, что партией во весь рост поставлена задача построения в ближайшие сроки фундамента социалистической экономики, задача развернутого наступления социализма по всему фронту, не понимают, что захват новых «подступов» к социализму как предпосылка этого наступления является содержанием пройденных этапов социалистического строительства.

А между тем, об этом сказано в одобренных Политбюро ЦК тезисах тов. Яковлева, напечатанных в середине мая, т.-е. почти за два месяца до выхода в свет № 5 журнала «ПЗМ».

Переходя к философской части «передовой», читатель наталкивается на цитату из т. Сталина о фактическом — в некоторых областях нашей борьбы — «некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли» (стр. 4). Можно далее прочесть, что «прокатившиеся со времени XV с'езда теоретические дискуссии в политической экономии, у историков, в области литературоведения, в педагогике и в области философии, подтвердили правоту слов т. Сталина» (стр. 4. Разрядка наша *В. Р.)* Наконец-то философским руководством признана «правота слов т. Сталина» и по отношению к самой философии. Но это лишь словесное, чисто формальное признание. Дальше идут лишь благие общие пожелания о необходимости «борьбы на два фронта» в теории и на практике.

Ни слова о «некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической (в особенности, философской. *В. Р.)* мысли». Ни слова даже об отставании или хотя бы о некотором отставании в развитии философской мысли от задач практической борьбы. Так «применяются» правильные слова тов. Сталина! Так клянутся люди правотой чужих слов, чтобы оставить в покое неправоту собственных дел!

Такова «самокритика» «ПЗМ!».

Следующий вопрос — о задачах борьбы на два фронта. Поражает не только в «передовой», но и во всем рецензируемом номере полнейшее непонимание или запутывание этого вопроса. Соответственно задачам борьбы на два фронта в партии встает в настоящее время задача борьбы на два фронта в философии марксизма. Речь идет о механистической опасности, как главной опасности, и о взглядах ряда коммунистов, об опасности формалистического, по существу своему ведущему к идеализму, извращения диалектики, об опасности, усиливающей, в свою очередь, главную механистическую опасность (нельзя забывать, что и во взглядах механистов имеются существенные элементы идеализма).

И вот «передовая» ПЗМ, вместо того, чтобы честно, прямо, по-большевистски заявить, что вторая опасность находится в лагере тт., боровшихся против механистов, в частности, в среде некоторых тт. из философского руководства, вместо того, чтобы хотя бы в общей форме указать на источник, характер и значение этого рода опасности, вместо всего этого вещает: «Особое значение приобретает в наших условиях борьба диалектиков-материалистов против механистов, с одной стороны, и различных идеалистических шатаний, с другой» (стр. 4).

Конечно, все и всякие идеалистические шатания марксисты обязаны брать в штыки. Однако, такая общая формулировка задачи совершенно неудовлетворительна, коль скоро речь идет о выяснении конкретных задач в деле борьбы за чистоту философии марксизма в данных условиях по отношению к определенным носителям зла. В руках тт. из «ПЗМ» такая общая формулировка служит делу замазывания своеобразия обстановки в лагере философов-марксистов, делу замазывания опасности идеалистических извращений диалектического материализма со стороны ряда философов-коммунистов, со стороны части философского руководства. Именно об этом идет речь и это не надо прятать в тогу общих формул о борьбе с «различными идеалистическими шатаниями».

А между тем, передовая журнала «Под Знаменем Марксизма» совершенно запутывает ясный вопрос, когда раскрывает скобки «различных идеалистических шатаний»: «Лукач, «марксисты», смыкающиеся с фрейдистами, формалистическое понимание диалектики и т. д.» (стр. 4). В этой фразе нет ни прямоты, ни последовательности, ни принципиальной большевистской самокритики, которые, как правильно декларирует под конец «передовая», «являются условиями дальнейших успехов и достижений на философском фронте». Какая здесь прямота и последовательность, когда за одну скобку берутся механисты (это о них опять идет здесь речь), смыкающиеся с фрейдистами» и Лукач, — не марксист, а скорее всего диалектик-идеалист? Какая здесь прямота, последовательность и принципиальная большевистская самокритика, когда рядом с этими «шатаниями» ставится такое «шатание», как «формалистическое понимание диалектики»... неизвестно кем, то ли Лукачом, то ли Лосевым, то ли Гоникманом, то ли Дмитриевым, то ли еще кем-нибудь? Что это за особый вид идеалистических шатаний: «и т. д.»?

⁂

Переходя к статье т. А. Деборина «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте», необходимо, прежде всего, указать, что читатель не найдет в ней ни достаточно полного освещения действительных, конкретных задач строительства социализма в данную полосу развития, ни действительных конкретных наших задач на теоретическом фронте. В этой последней статье тов. Деборин допускает ряд нечетких и неточных формулировок. Приведем, например, такую формулировку: «Процесс превращения капиталистического производства в социалистическое совершается путем уничтожения, прежде всего, капиталистического товарного производства. Простое товарное производство остается на некоторое время существовать. Но до тех пор, пока остается простое товарное производство, сохраняется «глубочайшая основа» капитализма, которая является главным препятствием для перехода к социализму. После экспроприации капиталистов и помещиков, перед пролетариатом встает задача ликвидации капиталистических элементов деревни, задача ликвидации кулачества как класса, которая может быть осуществлена только посредством социалистической переделки простого товарного хозяйства, посредством перевода на социалистические рельсы середняцких и бедняцких хозяйств путем обобществления средств производства и человеческого труда» (стр. 6—7).

Эта схематичная формулировка содержит, по меньшей мере две неточности. Во-первых, неправильно отрывать уничтожение капиталистического производства от переделки простого товарного хозяйства, как это делается в первой части формулировки, противоречащей последней части. Во-вторых, неправильно утверждать, что «задача ликвидации кулачества, как класса... может быть осуществлена только посредством социалистической переделки простого товарного хозяйства». Партия говорит в своих решениях, что ликвидация кулачества как класса совершается на основе сплошной коллективизации. В этой формулировке тов. Деборина (и во всей его статье) момент прямой экспроприации кулачества, его средств производства, использование этих средств для нужд колхозов — совершенно выпадает.

В качестве примера можно еще привести следующую, весьма неудачную, путанную формулировку т. Деборина: «Несомненно, что мы стоим перед новыми классовыми боями поскольку сопротивление со стороны кулачества и капиталистических элементов вообще будет увеличиваться в связи с процессом упрочения и развития социализма». (Разрядка наша.

Недостаточно и потому неправильно говорить, что мы только стоим перед новыми классовыми боями, как будто эти бои только еще предстоят. (См. также стр. 10). Мы уже находимся в полосе «последнего и решительного боя» с русским капитализмом. Период между XV и XVI с'ездом является периодом обострения классовой борьбы в связи с развернутым наступлением побеждающего социализма.

Неправильно также утверждать, что сопротивление кулачества и капиталистических элементов «вообще будет увеличиваться в связи с процессом упрочения и развития социализма».

Поскольку кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению коллективизации, — ликвидация кулачества, как класса потребует, как сказал XVI с'езд партии — «длительной упорной борьбы с кулаком». Но это не значит, что сопротивление кулачества будет все время «увеличиваться в связи с процессом упрочения и развития социализма». Когда мы добьем кулака, вооружим машинной техникой колхозы — возможности для сопротивления кулачества значительно уменьшатся, а не будут увеличиваться.

Отвлеченный характер статьи тов. Деборина можно показать на следующем примере. Правильно указывая, что взаимоотношение классов на каждом новом этапе диктатуры пролетариата принимает своеобразные формы» — т. Деборин совершенно забывает сказать в статье о новом лозунге партии — лозунге опоры на колхозника (в чем выражается важнейшее изменение взаимоотношения классов на новом этапе), об изменении в соотношении различных экономических укладов в хозяйстве СССР.

А теперь одно замечание о «наших задачах на теоретическом фронте». Тов. Деборин говорит в одном месте: «Изучение форм и особенностей классовой борьбы, в связи с данным этапом революции, изучение закономерностей всего переходного периода составляет первейшую задачу в целях осмысливания путей развития социалистического строительства в целом» (стр. 8). Это единственное место, где говорится об изучении классовой борьбы в связи с данным этапом революции, как о первейшей теоретической задаче. Но тут же, буквально в следующей строчке т. Деборин отодвигается от «данного этапа революции» ко «всему переходному периоду», в «целом».

⁂

Переходим к третьей руководящей статье в № 5 «ПЗМ», ст. т. Ник. Карева,— «Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма». Но прежде — два слова о самокритике в рецензируемом номере.

Мы видели, что в передовой замечание т. Сталина о положении на теоретическом фронте не получило никакого применения, если не считать применением заметание следов И это несмотря на то, что «передовая» в следующих словах обнадежила читателей журнала, ожидающих со стороны руководящих работников философского фронта «прямой, последовательной, принципиальной большевистской самокритики»:

«Приветствуя XVI партийный с'езд, собирающийся в год великого перелома, редакция журнала «Под Знаменем Марксизма» помещает ряд статей, подводящих итоги проделанной на философском фронте работе, отмечающих имевшие место в ней успехи, недостатки и ошибки» (стр. 5. Разрядка, конечно, наша. *В Р.)*

Как мы видели выше, статья тов. А. Деборина «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте», никаких ошибок и недостатков не касается. Можно было еще надеяться, что самокритика — этот основной метод работы на философском фронте, — как утверждает журнал (чем мы хуже других!), — будет развита именно в ст. тов. Ник. Карева, так как именно она трактует об «итогах работы». К сожалению, несмотря на многословие тов. Ник. Карева или благодаря многословию, «основной метод работы» не успел найти в его статье сколько-нибудь серьезного применения. Нельзя, правда, сказать, чтобы т. Карев не говорил о недостатках и ошибках... например, у историков, у экономистов. Что же касается недостатков и ошибок в философской работе, то о первых сказано так, как будто они ни в какой связи не стоят со вторыми, а о вторых — будто их и вовсе не было, или они не имеют ровно никакого актуального значения.

Тов. Карев утверждает, что из пяти задач, стоящих перед марксистско-ленинской мыслью в области исторического материализма, в области третьей — «пропаганда основных положений его в самых широких массах» и четвертой — «неустанная борьба с врагами всех толков и направлений», достигнуты наибольшие успехи» (стр. 29—30. Разрядка наша. *В. Р.)* У тов. Карева тут безусловно большое преувеличение. Конечно, на лицо большие успехи в деле пропаганды марксизма-ленинизма вообще, в частности, исторического материализма. Однако, есть очень много недостатков в этой работе, и о них то нужно было сказать подробно. Пусть судит читатель хотя бы потому, что институт Философии КА только в нынешнем году начал просматривать программы по диалектическому материализму в вузах, что у нас совсем отсутствуют (а не просто «нехватает», как скромно выражается т. Карев) «капитальные работы по истмату и отдельным вопросам его», что изучение истмата вынуждено опираться на хрестоматии, что «нет ни одного общепризнанного учебника ни для одного рода школ», что «удовлетворение теоретических запросов масс явно (не «явно», т. Карев, а безобразно *В. Р.)* отстает от их роста» (стр. 30), что подготовка поступающих на философское отделение ИКП по истмату, по сравнению—с знанием общих положений диалектики, из рук вон плоха.

Можно ли с таким самоупоением говорить о «наибольших успехах», когда ни одной статьи в «ПЗМ» нельзя рекомендовать для проработки по истмату без оговорок, когда ни одной статьи или главы из писаний наших философов по истмату также нельзя рекомендовать без оговорок, если восемь лет подряд, несмотря на все философские дискуссии, наиболее популярной истматовской книжкой была «марксистская социология» Бухарина, если студенты вопят от эклектизма «Курса исторического материализма» Разумовского! Лучше бы нам быть поскромнее насчет достижений марксистско-ленинской теоретической мысли в области пропаганды основ исторического материализма.

Отсюда следует, между прочим, что почти никакой «разработки истмата — «на основе опыта революции и применения его для осмысливания опыта революции» и «обогащения» его содержания на основе данных всей совокупности современного знания на философском фронте не было. Вся эта «разработка» и «обогащение» прекрасно (и наивно-бессознательно) характеризуется следующими словами самого тов. Ник. Карева: «в области разработки отдельных проблем исторического материализма за истекшие годы необходимо отметить следующее: «В «Вестнике Комм. Академии» прошла дискуссия о понятии производительных сил и производственных отношений, главным образом в плоскости истолкования определений, данных классиками марксизма» (стр. 33. Разрядка наша. *В. Р.)*

«Истолкование определений»—таков итог «наибольших достижений» философского фронта в области «разработки» и «обогащения» исторического материализма за пять лет!

Таковы «успехи» и «недостатки»!

А как насчет ошибок? Насчет ошибок тов. Ник. Карев «забыл» сказать. О философской борьбе с троцкизмом не сказано ни слова (в самом деле, зачем говорить, когда ее не было). Насчет позиции философов в области литературоведения, права, истории и педагогики сказаны буквально следующие изумительные вещи: «В области литературоведения, в дискуссии, имевшей там место, философы в лице журнала «Под Знаменем Марксизма», занимали правильную позицию. Однако, основные философские кадры сами в ней в печати не участвовали. Аналогичное положение мы имеем в области права, истории и педагогики» (стр. 32). Мы, журнал, редакция журнала «ПЗМ», «основные философские кадры», занимали правильную позицию, но.. в печати не участвовали. Забавная «правильная позиция» «философского и общественно-экономического журнала», о которой известно лишь близким родственникам уважаемых редакторов журнала. И люди не стыдятся с подобного рода курьезными заявлениями об «итогах работы» посвящать журнал XVI большевистскому с'езду.

Но вот, наконец, просвет: т. Ник. Карев говорит об ошибках — слушайте. Партийные философские кадры перегружены. Они защищали в области политической экономии ряд теоретически правильных и существенных положений. А ошибки? Подождите... «Правильно было то, что...». А неправильно? «Неправильно было недостаточно резкое отмежевание от взглядов Рубина, недостаточная критика его, то, что его статья без примечания была напечатана в «Под Знаменем Марксизма», то, что вопросы экономической дискуссии рассматривались изолированно от общих задач социалистического строительства и осмысливания закономерностей развития переходного периода» (стр. 32).

Таково признание — единственное во всей руководящей статье т. Ник. Карева — ошибок на философском фронте!

Можно ли удовлетвориться таким «признанием»? Ни в коем случае! Разве было на деле «отмежевание от взглядов Рубина»? Не было этого, Была «недостаточная критика» Рубина. Да, критика была недостаточна. Но кроме того, была даже, в известном смысле защита «взглядов» Рубина. Критика же касалась лишь отдельных положений, лишь возможности извращений Рубиным марксизма. Были такие заявления (уже осенью прошлого года—на заседании правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков—Карев): «Рубин ближе к марксизму, чем Переверзев». Ошибка, видите ли в том, что одна статья Рубина была напечатана в «ПЗМ» без примечаний. Разве это не... наивно? Ряд лет печатаются без примечаний антимарксистские статьи Рубина, печатаются без примечаний статьи в защиту рубинщины, а теперь после примечания в «Большевике», после выступления т. Сталина, после признания экономистами своих ошибок, после неоднократных требований всей массы слушателей ИКП и института Философии КА честно заявить о допущенных ошибках, после философской дискуссии в КА и в ИКП, после, наконец, статьи «трех» в «Правде», с основными положениями которой (а там вновь было подчеркнуто требование по-большевистски признать свои ошибки), редакция «Правды» солидаризировалась,—после всего этого тов. Карев заявляет: «Неправильно было... то, что его (Рубина—*Р. В.*) статья без примечаний была напечатана в «Под Знаменем Марксизма»!

В заключение, не мешает отметить еще один случай «применения» редакцией «ПЗМ» «основного метода работы»—самокритики. Одной из «важнейших отличительных черт меньшевистского, социал-демократического «марксизма» в области теории истмата т. Карев правильно считает «механическое понимание соотношения между производительными силами и производственными отношениями, антидиалектическую точку зрения, согласно которой производственные отношения являются пассивным отражением данного уровня развития производительных сил... »(стр. 26). Эта ошибка, как ошибка т. Гоникмана, была, между прочим, отмечена и в статье «трех» в «Правде». Очень хорошо, что тов. Карев использовал это указание «Правды». Но очень плохо, что он забыл при этом сказать, что это основное меньшевистское положение было совсем недавно напечатано в «ПЗМ» опять-таки без всяких примечаний в статье ответственного ленинградского работника на фронте диалектического материализма.

Таковы «итоги»: три страницы вообще, семь страниц о достижениях, семь строчек об ошибке. Совершенно понятно, что если бы даже о «задачах в области исторического материализма» было написано т. Каревым не полторы страницы, а десять страниц, то и тогда никакого поворота, ничего нового читатель не заметил бы. Невозможно правильно наметить перспективы, правильно поставить новые задачи, выделить основное и главное в этих задачах, если извратить картину предшествующего развития, если так подвести «итоги работ», как это сделал тов. Карев, а вместе с ним журнал «ПЗМ» и все его руководство.

* * *

Статья т. Гр. Баммеля «Об идеалистической философии после Октября» является прекрасным доказательством того положения, что в борьбе с основным философским врагом, идеализмом, в особенности в его русской форме, фронт диалектического материализма сделал чрезвычайно мало, и что задачи, стоящие в этой области, громадны, особенно в виду несомненной связи этого идеализма с религиозной пропагандой в нашей стране.

Надо горячо приветствовать тот факт, что редакция набралась наконец мужества и пустила без примечаний следующее положение статьи «На антирелигиозном фронте» т. Ф. Олещука: «В руководящих теоретических марксистских журналах, как, например, в журнале «Под Знаменем Марксизма» вопросы антирелигиозной пропаганды, вопреки требованию В. И. Ленина, почти совершенно не обсуждались» (стр. 60. Разрядка наша. *В. Р.)* Следовало бы журналу дать отчет с'езду о своей собственной антирелигиозной работе, а не требовать — по особому случаю — отчета о положении на антирелигиозном фронте у постоянного работника той самой организации, которая — в лице ее руководителя т. Ярославского — неоднократно и безрезультатно требовала выполнения журналом «ПЗМ» завещания Ленина в антирелигиозном отношении.

В статье т. И. Разумовского «Борьба с международным ревизионизмом на философском фронте» содержится ряд ошибок, сводящихся, в конечном счете, к защите Плеханова от ленинских оценок в IX и XII Ленинских Сборниках. Неверно, что с неокантиантством «пришлось вступить в борьбу» прежде всего Г. В. Плеханову. В книге И. К. Луппола «Ленин и философия» черным по белому (хоть и в чрезмерно «деликатных» формулировках доказывается, что первым против неокантианства (именно в его струвистской форме) выступил не Плеханов, а Ленин.

«Беглая», по выражению ее автора, «заметка» тов. С. Новикова «Политическая методология троцкизма» является прекрасной иллюстрацией нервничания и чрезмерной торопливости, которые обнаруживают «основные философские кадры» на повороте. Посвященная постановке вопроса о «политической методологии троцкизма» статья С. Новикова, ни слова не говорит о своеобразии империалистической стадии капитализма и о законе неравномерности капиталистического развития, без понимания чего невозможна действительная критика отрицания троцкизмом, возможности победы социализма в одной, отдельно взятой капиталистической стране. А ведь вопросу о победе социализма в одной стране посвящена половина статьи С. Новикова — восемь страниц из 18. Ни слова не говорит С. Новиков также и о понимании Троцким классов, существа и форм классовой борьбы в СССР. Ни слова не упоминает он о троцкистской теории государства и понимании Троцким природы советского государства. Совершенно очевидно, что если эта «беглая» заметка кладет начало, как утверждает С. Новиков, «систематической критике идеологии контрреволюционного троцкизма», то можно чрезвычайно усомниться в способности журнала «ПЗМ» выполнить хотя бы задним числом столь ответственную задачу.

К сожалению, опасность в этом отношении представляет и та недооценка теоретических корней троцкизма, которая имеется в статье С. Новикова, идущей без единого примечания со стороны редакции. Вся эта квалификация Троцкого, как в теоретическом отношении «quantite negligeable [1] (стр. 70) все эти утверждения, что в отличие от т Бухарина автор так называемой «теории перманентной революции» не может быть принят всерьез, как теоретический противник и т. д. и т. д., что у Троцкого не столько теоретические построения, сколько поверхностная публицистика и т. д., — все эти оценки теоретически направлены к оправданию пассивности (по меньшей мере) «основных философских кадров» в деле борьбы с троцкизмом, а политически ведут к ослаблению бдительности партии к троцкистской опасности, как якобы лишь «все же некоторой опасности» (стр. 71). «В отличие от тов. Бухарина, Троцкий не написал ни популярного, ни непопулярного учебника троцкистской социологии» (стр. 71). Это повторение С. Новиковым доводов представителей «основных философских кадров» лишний раз свидетельствует о том, что под теорией журнал «ПЗМ» понимает лишь изложенную в одной книге философскую систему. В противоположность недооценке вреднейшего «теоретического и политического значения троцкизма» С. Новиков «рекомендует т. Бухарина как «интересного в философском и вообще в теоретическом отношении противника» (стр. 70).

---

[1] Quantite negligeable — ничтожная величина; нечто, нестоящее внимания.

Наконец, весьма сомнительной является и следующая оценка философской борьбы с Бухариным: так как у Бухарина система политических ошибок «фундирована» «системой философско-социологического ревизионизма», то «поэтому совершенно естественно, что политическая критика правого уклона была завершена разоблачением его теоретических корней» (стр. 70). В действительности «разоблачением теоретических корней» правого уклона не только «не была завершена» его политическая критика, но к этому разоблачению философский фронт еще по настоящему и не приступил. Да и чему здесь удивляться, если не далее, как в апреле с. г. «ПЗМ» писал: «В борьбе партии с правым уклоном критика методологических корней правого оппортунизма явилась прямым продолжением борьбы с механистами» (№ 4, стр. 6).

По поводу статьи т И Агола «Задачи марксистов-ленинцев в биологии «необходимо отметить, что посвященная вопросам «самокритики, как основного метода работы» ее третья глава (стр. 107—110) ни одним словом не упоминает об ошибках философского руководства. Вся критика сводится к положению: не уделяли достаточного внимания.

На фоне такой критики весьма мало значительным является признание тов. Аголом (с. 109), что он «допускал (когда, где, в чем, какое это имеет значение? *В. Р.*) примиренческое отношение к вульгарно-механическому ламаркизму».

Относительно статей тт. С. Новикова и И. Разумовского против т Фурщика прежде всего отметим, что вторая статья отличается большей самостоятельностью мысли, большей содержательностью и более партийным характером критики, между тем как первая статья сверх меры переполнена цитатным материалом, не содержит ни одной правильной самостоятельной мысли и, кроме того, отличается не только непартийным, но и прямо непристойным характером полемики.

Необходимо отметить, что т. И. Разумовский, в исправление допущенной им на заседании фракции ОВМД в КА грубой ошибки, совершенно правильно несколько раз подчеркивает, что понятие «социальный инстинкт», если имеется ввиду обычное биологическое понимание инстинкта, нелепое понятие, не выходит из круга воззрений «социального дарвинизма». Этого как раз не понимает тов. Новиков, помимо того доходящий до защиты чуть ли не всех положений теории нравственности Каутского, доходящий до признания актуальности «категорического императива» Канта при коммунизме

Тов. Разумовский должен был бы отметить, что в статьях т. Деборина против Аксельрод имеется некритическое пользование терминами «социальные инстинкты», «социальные чувства». Понятие инстинкта в применении к обществу примерно того же типа, что и наше понимание стихийности. Это вовсе не бессознательное вообще, т.-е. не бессознательное животного мира, также не фрейдистское бессознательное. Пролетарский инстинкт, пролетарская стихийность это сознание рабочих, как оно складывается в повседневной жизни, в производстве, на основе тех классовых противоречий, которые рядовыми рабочими осознаются непосредственно, несмотря на разлагающее влияние буржуазной идеологии и независимо от прямого воздействия партии. Само собой разумеется, что и социальные инстинкты, социальная стихийность развивается диалектически и произошла, в конечном счете, из сознания животного мира.

Такого понимания общественной «стихийности» и подавно не было у Плеханова, которого тов. Новиков безоговорочно берет под защиту в вопросах этики. Вообще следует заметить, что ст. С. Новикова об этике — весьма путанная статья, в ряде мест извращающая Маркса, Энгельса и Ленина и потому требующая особой подробной критики. Но в высшей степени характерным для «анти»-эклектической позиции журнала «ПЗМ» является то, что в целом ряде важнейших пунктов статьи тт Разумовского и Новикова прямо противоположны и совершенно непримиримы.

Например, Новиков некритически долбит: социальные истинкты, социальные инстинкты... животных. Разумовский же в противоположность ему заявляет: «Социальные инстинкты — отнюдь не (разрядка наша. *В. Р.*) биологическая, но уже социальная категория». Социальные инстинкты представляют собой «суб'ективное отображение» низших форм человеческого общения. «Социальные стремления или инстинкты в понимании Маркса и Энгельса (и Ленина, но не Каутского, не Плеханова.—*В Р.*) таким образом не содержат в себе ровно ничего биологического...». (Там же, та же стр. *В Р.*) «Марксизм ничего общего не имеет (разрядка наша. *В. Р.*) с мистическим «единством» людей, с этим биологическим и фрейдистским пониманием социальных чувств и инстинктов». (Стр. 211). «Сочетание понятия «социальный» с инстинктом в биологическом (рязрядка автора. *В. Р.* смысле.. было бы, конечно, величайшей безграмотностью — и это обстоятельство в свое время отмечал Ленин» (Разрядка наша, стр. 216. *В. Р.*) и т. д.

Все эти совершенно правильные замечания тов. Разумовского идут по линии критики отдельных формулировок тов. А. Деборина, высказанных в его статьях против Аксельрод. Эти замечания ничего общего не имеют с соответствующими заявлениями Новикова. Само собой разумеется, что тов. Разумовский непоследователен. Тем не менее его статья есть в общем плане «ПЗМ» отступление редакции, отступление «ПЗМ» перед рядом правильных замечаний тов. Фурщика, допускающего, однако, некоторые ошибочные положения, что требует еще особой критики. Тов. Деборин действительно допустил ряд «неудачных» формулировок, критикуя этические взгляды Аксельрод. Но надо приветствовать, что тов. Деборин и редакция «ПЗМ» не возражают против статьи тов. Разумовского. Еще лучше было бы, если бы тов. Деборин прямо признал, что в ряде мест (таких-то именно) он сам допустил эклектизм, дал нечеткие, двусмысленные и прямо неверные формулировки.

В заключение, еще раз об «основном методе работы». Тов. Новиков правильно критикует тов Фурщика за отрицание последним свободы воли вообще Он выступает также против Аксельрод. Именно поэтому тов. Новиков должен был бы сказать о фурщиковских и аксельродовских ошибках виднейшего представителя философского фронта тов. Карева в этом вопросе Вот безапелляционное и совершенно механистическое положение Карева: «Поэтому признание об'ективного существования случайности ни в какой мере не исключает того, что все причинно обусловлено, — что никакой свободы воли нет». (Карев «За диалектику», изд. 1, стр. 287—288, разрядка наша. *В. Р.*). А вот другое положение: «Т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма». (Там же, та же стр. *В. Р.*).

Оба эти положения ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, с диалектическим материализмом.

Нам остается дать рецензию на коллективную статью «О борьбе на два фронта в философии» Эта статья является попыткой противопоставить философской линии «Правды» философскую линию «ПЗМ» и нынешнего философского руководства.

Авторы статьи «О борьбе на два фронта», отступая в некоторых случаях от положений, защищавшихся ими в первых проектах резолюции о новых задачах в области философии и на заседании фракции ОВМД в КА (например, по вопросу о борьбе с эклектизмом), вместе с тем, не приводят ни одной цитаты из статьи в «Правде» в обоснование своего выступления против статьи «трех».

Статья «десяти» отличается крайне спесивым, барско-пренебрежительным тоном по отношению к тт., посмевшим выступить на повороте с самостоятельной позицией в вопросах философии. Этот тон находится в обратно-пропорциональном отношении к положительному содержанию статьи. Если выжать все «положительное содержание» этой статьи, то оно сведется к весьма уже тощей для наших дней истине, «что нужно разрабатывать теорию материалистической диалектики». Теперь требуется это конкретно делать, и делать на конкретном материале и естествознании и, особенно, на богатейшем социально-экономическим материале нашей эпохи. А об этом то как раз в статье меньше всего. Статья «О борьбе на два фронта в философии» совершенно обходит выдвинутый в «Правде» вопрос о значении Ленина в развитии философии марксизма, о соотношении Ленин-Плеханов, как философов-марксистов, о партийности философии и т. д. Авторы этой статьи, обвиняя авторов статьи в «Правде» в путанице, эклектизме, в списывании и т. д., ни единой документальной ссылкой не подкрепляют столь тяжких обвинений. В действительности же все основные положения статьи «трех» остаются в силе. Философское руководство журнала «ПЗМ» не понимает всей необходимости, всего политического значения, требуемого на философском фронте поворота. Лучшим доказательством этого положения в «Правде» является № 5 журнала «ПЗМ». Журнал «ПЗМ» не понимает содержания и значения борьбы на два фронта в философии марксизма. Философское руководство отчаяно сопротивляется развертыванию самокритики в философском движении, чему ярчайшей иллюстрацией является и передовая, и статьи тт. Карева, Агола, С. Новикова, статьи А. Деборина и др. «Основные философские кадры» статьей С. Новикова заранее ослабляют необходимую силу теоретического удара по методологическим корням троцкизма, и т. д., и т. п.

Таким образом, итог нашей рецензии на № 5 журнала «ПЗМ» заставляет бить тревогу о положении на философском фронте. Редакция «ПЗМ» и ее «основные кадры» должны понять, что вместо путанных, беспринципных, фальшивых «ответов» «Правде» они должны сказать правду о себе, о положении на философском фронте. Они должны понять, что одной борьбой с механистами, сколь бы важной она ни была, на новом этапе ограничиться нельзя, должны понять, что нельзя допускать дальше такой дискредитации журнала «ПЗМ», как его рецензируемый № 5. Чем скорее они поймут эти элементарные вещи, тем скорее выйдет философское движение в нашей стране из той некоторой кризисной полосы, в которой оно находится. А оно, несомненно, выйдет.

В. РАЛЬЦЕВИЧ.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА ЖУРНАЛ
ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Орган ЦК ВКП(б)

РАССЧИТАН на весь руководящий и низовой актив партии, начиная как от основных работников ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов и райкомов, так и товарищей, привлеченных к партийному аппарату в порядке партнагрузки, и кончая секретарями парт'ячеек, руководителями отдельных участков ячейковой работы.

ДАЕТ УСТАНОВКУ по наиболее важным и злободневным вопросам политической и хозяйственной жизни страны с точки зрения участия в их разрешении партийных организаций и осуществления партийного руководства.

ВЕДЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ РАЗРАБОТКУ очередных проблем партийного строительства, изучение, анализ и критику опыта, форм, методов и системы работы местных парторганизаций.

СТАВИТ НА ОБСУЖДЕНИЕ новые вопросы практики партийного строительства и партруководства.

ОСВЕЩАЕТ ПРАКТИКУ партийного строительства местных, особенно низовых организаций и выявляет образцовые мероприятия местных партийных комитетов.

ИНФОРМИРУЕТ О РАБОТЕ ЦК ВКП(Б) и местных парткомов.

ВЕДЕТ КРИТИКУ И БИБЛИОГРАФИЮ литературы, посвященной вопросам партстроительства.

СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМЫМ в повседневной работе партийных организаций является «Партийное строительство» — руководящий журнал по вопросам партийного строительства — как для парткомов и ячеек, так и для отдельных членов партии.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 год—5 р., на 6 месяцев—2 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 25 к. Цена отдельного номера—25 к. Выходит журнал 2 раза в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Старая площадь, 4, здание ЦК ВКП(б), 6-й этаж. Телефон 4-93-55 или ЦК доб. 3-77 и 186.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в главной конторе издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48, во всех местных отделениях „Правды“, в почтовых конторах, письмоносцами, во всех киосках „Союзпечати“ и уполномоченными „Гудка“ на транспорте.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ на журнал ЦК ВКП (б)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ В ОБЛАСТИ КУЛЬТПРОПРАБОТЫ ПАРТИИ И ПЕЧАТИ

—— ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ ——

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ обслуживание политических и теоретических вопросов широких масс партийного актива и СПЕЦИАЛЬНОЕ обслуживание кадров культпропработы (культпропорганизаторов, пропагандистов, культпропработников парткомитетов, работников периодической печати).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СОДЕРЖИТ:

а) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных отраслях социалистического строительства, по вопросам международным, а также внутрипартийной жизни;

б) специальные материалы в области программного и организационно-методического руководства в культпропработе (программы, планы, методические разработки с'ездов, конференций, пленумов Центрального комитета и пленумов ИККИ, а также методические указания по программам различных видов партийной учебы; инструктивные письма культпроорганизаторам и пропагандистам, постановления ЦК с'ездов совещаний по вопросам культпропработы и партийного просвещения; консультации, планы и методуказания для работы пропколлективов; библиографические указатели и т. д.;

в) материалы по подготовке и переподготовке партийного актива.

Кроме того, журналом ведется переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 3 мес.—1 р. 95 к.; на 6 м.—3 р. 90 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 35 КОП.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 2-Е ПОЛУГОДИЕ 1930 Г. на ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Основные задачи, стоящие перед марксистской философией нашего времени, были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма». В этой статье, ставшей для журнала программной, В. И. Ленин подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет непримиримую борьбу за ортодоксальный диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина против различных механистических, позитивистических, суб'ективистических и идеалистических течений и направлений. В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м.—1 р. 50 к., на 3 м.—4 р. 25 к., на 6 м.—8 р. на 12 м.—15 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), во всех местных отделениях «Правды», в почтовых конторах, письмоносцами и во всех киосках «Союзпечати».

Главлит № А—66574. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“ ,Тверская, 48.

216

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 15—16 31 АВГУСТА № 15—16

1 9 3 0

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 13.
Тел. 1-33-28, кремл. 1-11.

№ 15—16 31 АВГУСТА 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Обращение ЦК ВКП(б) от 3/IX. Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям 1

Передовая. — На пороге третьего года пятилетки 10

Капустин, А. — За встречный промфинплан! 16

Лурье, Д. — К новому под'ему колхозного движения 26

Рапопорт, Х. — Строительство гигантов тяжелой индустрии . . . 38

Дубнер, П. — Мобилизация внутренних резервов промышленности СССР 49

Сафаров, Г. — На фронте колониальной революции 63

Борисов, И. — К вопросам революционного под'ема в Индии . . 86

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Фролов, И. — Шеститомник Ленина—в массы! 106

Ральцевич, В. — Письмо в редакцию 117

Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям.

Через месяц начинается новый хозяйственный год — третий год пятилетки. Этот наступающий год выдвигает ряд сложнейших и ответственнейших хозяйственных и политических задач. Он имеет решающее значение для выполнения пятилетки в 4 года и должен обеспечить переход не менее чем половины крестьянских хозяйств на социалистический путь, на путь коллективизации.

Третий год пятилетки означает новый гигантский шаг в деле индустриализации СССР. Один лишь прирост продукции за 1930/31 г. будет равен всему довоенному промышленному производству. В третьем году пятилетки наряду с законченными и вступающими уже в эксплоатацию Сталинградским тракторным заводом, Ростовским заводом сельхозмашиностроения и другими новыми заводами надо обеспечить развертывание на полный ход строительства таких гигантов, как Магнитострой, на сооружение которого должно быть затрачено за 1 год более 200 млн. рублей, Кузнецкстрой, Нижегородский автозавод, Харьковский и Челябинский тракторные, Уральский гигант тяжелого машиностроения, первая очередь крупнейших химических комбинатов Березниковского и Бобриковского, Саратовский комбайный и т. д. Подавляющее большинство этих заводов, по мощности своей превосходящих все, что страна имела до сих пор в области металлургии, химии и машиностроения, должны быть пущены в ход в течение 3-го года пятилетки, одни полностью, другие на первую очередь.

Кроме того, в предстоящем году начинается строительство таких новых заводов, как Нижнетагильский и Мариупольский металлургические и Днепрокомбинат в составе целого ряда крупнейших новых заводов. В 1930/31 г. мы должны добиться первых крупных результатов в осуществлении директивы XVI с'езда о создании новой угольной металлургической базы в СССР—Урало-Кузнецкого комбината.

Программу будущего года определяют следующие решающие цифры: 7,5 млн. тонн чугуна, 74,5 млн. тонн угля, на 2,5 млрд. руб. новых машин, кроме того, на 845 млн. рублей сельскохозяйственных машин и 745 тыс. лошадиных сил новых тракторов.

Успехи в развитии тяжелой индустрии и рост сельскохозяйственной сырьевой базы (расширение посевных площадей, повышенный урожай хлопка, свеклы и ряда других технических культур) обеспечивают значительно более высокий, чем в предыдущие годы темп роста легкой промышленности. Наряду с проведением других мер, это создает предпосылки для улучшения снабжения предметами широкого потребления и для смягчения товарного голода.

Осуществление этой производственной программы потребует решительного улучшения качества всей хозяйственной работы. Все качественные показатели работы промышленности, и в первую очередь показатели себестоимости и производительности труда, должны быть значительно повышены и в течение года должны выполняться с безусловной точностью. Без этого не могут быть обеспечены то развертывание производства и тот огромный план капитальных работ, которые намечены для 1930/31 г.

Эта программа развития промышленности неразрывно связана с новыми огромными заданиями для транспорта (железнодорожного и водного), пред'являя к нему такие высокие требования, которые невыполнимы без коренного и скорейшего улучшения всей организации транспорта и без активного участия в этом деле всей массы железнодорожников и водников—рабочих и технического персонала.

В будущем 1930/31 г. мы должны обеспечить также большевистские темпы развития социалистического, совхозного и колхозного сектора в сельском хозяйстве, выполнение огромных производственных программ таких организаций, как Зернотрест, Скотовод, Свиновод и др., обеспечив развертывающееся социалистическое строительство в деревне полным осуществлением заданий по производству сельскохозяйственных машин, тракторов и химических удобрений.

Выполнение всей этой гигантской хозяйственной программы возможно лишь при самой активной и притом немедленной мобилизации всех сил рабочего класса, всех партийных организаций, всех профсоюзов, всего комсомола и всех без исключения хозяйственных органов. Непонимание этого есть забвение основной большевистской обязанности в деле обеспечения успехов строительства социализма и

является прямым преступлением перед партией со стороны прежде всего руководителей этих организаций. Признание на словах генеральной линии партии и непринятие на деле самых решительных и своевременных мер по мобилизации всего рабочего класса для выполнения этой хозяйственной программы—недостойно большевиков и представляет собой худший вид правого оппортунизма на практике.

Только немедленным развертыванием работы по подготовке выполнения производственной программы промышленности будущего года можно обеспечить осуществление большевистских темпов развития индустрии, принятых XVI с'ездом партии.

Важнейшим условием выполнения промфинплана будущего года является выполнение промфинплана 1929/30 года. *Большевистская подготовка к выполнению гигантской производственной программы третьего года пятилетки заключается в безусловном выполнении промфинплана текущего года.*

Второй год пятилетки—год крупнейших достижений социалистической индустрии. Крупная социалистическая промышленность за 10 месяцев увеличила свою валовую продукцию на 27 проц., показав рекордные темпы роста за весь реконструктивный период. Тяжелая индустрия, эта основа социализма, за тот же период увеличила размеры своего производства на 39,5 проц. Об'ем капитального строительства за 10 месяцев определяется в 2,4—2,5 млрд. рублей. Но за этими успехами и достижениями мы не должны проглядеть того серьезного прорыва, который обнаружился в ходе выполнения промышленностью установленного плана.

Прирост промышленной продукции за 10 месяцев на 27% свидетельствует о резком отставании от установленного планом прироста в 32%. Не выполняется план не только по легкой индустрии, что обусловливалось в текущем году в известной мере недостатком сырья, но, что особенно важно, значительно не выполняется также производственная программа по тяжелой индустрии. Явное ослабление работы промышленности за последние месяцы создало прямую угрозу срыва принятой партией и советской властью годовой производственной программы. Вместо большевистских темпов по ряду отраслей промышленности наблюдается в последнее время позорное снижение темпов, оппортунистическая ставка на самотек.

Явно неудовлетворителен также ход капитального строительства. План капитального строительства за первые 3 квартала выполнен менее чем наполовину. Особенно позорно отставание капитального строительства по Стройоб'единению, Всехимпрому, Коксогазохиму, Новостали, Машинооб'единению, Союзсельмашу. Эти недопустимые явления в капитальном строительстве создают угрозу принятым темпам промышленного развития, угрозу выполнению пятилетки в 4 года.

Важнейшей причиной невыполнения производственных заданий промышленности и особенно в основных ее отраслях является отсутствие должной энергии и инициативы в деле мобилизации внутренних ресурсов: недостаточное использование наличного оборудования, низкий коэффициент сменности, отсутствие энергии в преодолении «узких мест» предприятия, частые простои оборудования из-за неналаженности и неорганизованности материально-технического снабжения, многочисленные аварии из-за преступной небрежности и плохого технического контроля, отсутствие систематической рационализаторской работы и крайняя неудовлетворительность внутризаводского планирования. Вместо большевистской борьбы с консерватизмом в технико-производственном руководстве предприятиями, вместо революционной бдительности в отношении вредителей и мобилизации активности передовых рабочих для содействия развертыванию работы предприятий нередко хозяйственники плетутся в хвосте косной части специалистов, а и иногда прямо вредителей, не оказывают должной поддержки более передовой части инженеров и техников, отрываются от рабочего актива, т. е. на практике ограничиваются бюрократическими методами работы.

Наиболее отрицательно последствия всего этого сказались в машиностроении общем и сельскохозяйственном, а также в черной металлургии и каменноугольной промышленности. Так, выяснившаяся возможность увеличения в будущем году программы по машиностроению вдвое показывает, насколько велики неиспользованные резервы мощности наших предприятий. Успешное выполнение повышенных заданий, например, такими предприятиями, как Электрозавод, Южнорудная промышленность (Кривой Рог), старые бумажные фабрики, является результатом борьбы за использование внутренних ресурсов предприятия. Однако, таких примеров еще слишком мало, примеры же косности и бюрократизма в использовании внутренних ресурсов промышленности встречаются на каждом шагу.

Многочисленные факты явно раздутых требований на импортное оборудование, без попыток использовать внутренние ресурсы промышленности, являются одним из самых ярких примеров бюрократического отношения хозяйственных руководителей к своим обязанностям и зачастую отражают оппортунистическое неверие в возможности социалистической индустрии. Между тем, нередки явно несостоятельные попытки оправдать невыполнение промышленных заданий недостаточностью импорта. Если бы наши партийные, профессиональные и хозяйственные организации по примеру некоторых заводов, как ленинградский металлическай завод им Сталина (расширение турбостроения), проявили действительную инициативу в деле использования производственных ресурсов наших заводов, то промышленность получила бы дополнительные возможности не только для выполнения, но и значительного перевыполнения плана.

В ряде случаев, как-то: в нефтяной промышленности, рудной промышленности Урала и цветной металлургии, невыполнение производственного плана вызывается в первую очередь явной неудовлетворительностью хода подготовительных работ — разведок, бурения, проходки шахт, что создает угрозу дальнейшему развитию соответствующих отраслей индустрии. Такое положение особенно недопустимо в виду исключительной важности этих отраслей промышленности.

Особое значение для выполнения промышленного плана в этом году имели происшедшие изменения в хозяйственной обстановке, сказавшиеся особенно сильно в вопросе о рабочей силе и прежде всего в вопросе о ее текучести. Громадный размах социалистической индустриализации, вовлечение в связи с этим в производство всех старых кадров рабочих и огромного слоя новых рабочих особенно из деревни и одновременно с этим развернувшееся колхозное и совхозное строительство, при наличии к тому же повышенного урожая,—внесли крупнейшие изменения по сравнению с тем периодом, когда кадры безработных в городах были сравнительно еще значительны, а в мелких индивидуальных крестьянских хозяйствах особенно остро сказывался избыток свободных рабочих рук.

Эти изменения в обстановке не были учтены хозяйственными органами и профсоюзами. Между тем, в связи с ними стоит, с одной стороны, прилив в промышленные предприятия новых рабочих, не прошедших школы крупного производства и нередко пропитанных мелкособственническими, рваческими настроениями, и, с другой стороны, отлив известной части этих рабочих в деревню, особенно в период уборочных работ и распределения урожая. Вместо действительного учета создавшейся обстановки и принятия необходимых мер (по линии развития пролетарской общественности, соответствующего приспособления организации снабжения рабочих, премирования лучших производственников и т. д.) для закрепления рабочего состава на предприятиях и решительной борьбы с рваческими, случайными для предприятия элементами (летунами и т. п.), хозяйственные органы и профсоюзы, а также партийные организации проявили совершенно недопустимую пассивность в этом деле и тем самым допустили значительное развитие текучести рабочей силы.

Особо следует указать на бюрократическое отношение к хозяйственным задачам со стороны органов Наркомтруда, а также некоторых профсоюзов. Достаточно сказать, что при явно выраженном недостатке рабочих на фабриках и заводах, в шахтах и на строительствах во всех промышленных районах органы Наркомтруда до последнего времени ограничивались печатанием бюрократических «данных» о сотнях тысяч безработных и выплачивали десятки миллионов рублей пособий «по безработице», не ведя борьбы с рваческими элементами, летунами, отказывающимися от работы и т. д.

Не меньший бюрократизм и неспособность к разрешению новых задач обнаружила потребительская кооперация, не сумевшая провести необходимую перестройку своей работы в соответствии с задачей закрепления рабочего состава на производстве, мобилизовать свои производственные возможности для действительного улучшения снабжения рабочих, развернуть массовый контроль со стороны рабочих и работниц над работой всех органов кооперации. Ответственность за это лежит в известной мере и на органах Наркомторга.

Наиболее ярким проявлением растерянности хозяйственных органов и профсоюзов и непринятия ими своевременных мер для борьбы с текучестью, подрывающей трудовую дисциплину и вносящей дезорганизацию в производство, следует признать создавшееся, в связи с новой хозяйственной обстановкой положение с рабочей силой на предприятиях «Союзугля», Урала, на ряде строительств и даже на отдельных предприятиях Москвы и Ленинграда, приведшее к крупнейшим прорывам в производственных программах.

Главным и решающим недостатком в хозяйственной работе остается неумение *организовать и стать во главе бурно растущей активности рабочего класса*. Несмотря на гигантский размах социалистического соревнования и ударничества на фабриках и заводах, наши хозяйственные, профессиональные, комсомольские и партийные организации нередко отстают в этом деле, а порой оппортунистически плетутся в хвосте пролетарского актива (пример—Сормово и др.).

Развитию социалистического соревнования и ударничества немало способствует доведение заданий производственной программы до цеха, до бригады, до отдельного станка. С другой стороны, на основе развития пролетарской активности, использования производственных достижений ударников, их рационализаторской инициативы, а также действительного учета на практике рабочих предложений в деле использования резервов производственной мощности, социалистическое соревнование и ударничество переходит на более высокую ступень. Это находит себе выражение в выработке рабочими фабрик и заводов *встречного промфинплана*, значение которого заключается в большей экономии ресурсов предприятия при осуществлении производственной программы, в повышении качества продукции и особенно в дальнейшем ускорении большевистских темпов промышленного строительства. Встречный промфинплан приобретает особое значение как метод действительного вовлечения всех рабочих в дело социалистического строительства и как важнейшее средство борьбы с контрреволюционным вредительством.

Однако, на деле во многих случаях со стороны партийных и др. заводских организаций не только нет должной поддержки рабочей инициативы в выработке встречного промфинплана, но и отсутствует надлежащая организация социалистического соревнования в его различных и все новых формах (сквозные ударные бригады, общественный буксир и др.), а без этого нельзя обеспечить большевистских темпов развертывающейся социалистической индустрии. Все еще многочисленны случаи лжеударничества в промышленности и на транспорте, все еще немало формально-бюрократического отношения к соревнованию. Все еще немалая часть членов партии не понимает роли и обязанностей коммунистов на предприятии, как застрельщиков в борьбе за выполнение промфинплана.

Со стороны хозяйственников, стоящих на действительно передовых постах социалистической стройки, нередко еще нет сознания исключительной ответственности за свое дело и нет понимания безусловной обязательности твердое проведение единоначалия в предприятии соединить с умением опереться во всей своей работе на партийные, профсоюзные и комсомольские организации, на весь коммунистический и беспартийный актив рабочих и работниц.

Крупнейшие недостатки социалистического соревнования и ударничества нашли свое отражение в обнаружившихся производственных прорывах и в образовавшейся серьезнейшей угрозе срыва промфинплана этого года.

Создавшееся в промышленности положение требует решительных и немедленных мер по мобилизации сил всей партии и всего рабочего класса для выполнения принятого партией промышленного плана текущего года. Это тем более необходимо и тем более неотложно, что ликвидация вскрывшегося прорыва в промфинплане является основным условием для обеспечения выполнения производственной программы третьего года пятилетки.

Из этого вытекают следующие основные *задачи* партии и всего рабочего класса:

1) Все силы партийных и комсомольских организаций, профсоюзов и хозорганов—на развитие дела *социалистического соревнования и ударничества*, на поддержку инициативы рабочих в этом деле во всех ее формах (сквозные ударные бригады, общественный буксир и др.), все силы—на развертывание *встречного промфинплана* на фабриках и заводах, в шахтах и на строительствах, на железнодорожном и водном транспорте.

ЦК целиком и полностью поддерживает инициативу ВЦСПС по организации в течение сентября развернутой кампании профсоюзов за встречный промфинплан, за организацию *1-го октября всесоюзного «дня ударника»*. ЦК указывает на то, что только при немедленном и притом не на словах, а на деле вовлечении в эту кампанию всех профсоюзных организаций она станет действительным средством ликвидации прорывов в промышленном плане и обеспечит выполнение производственной программы.

2) Немедленно провести мероприятия, обеспечивающие решительное укрепление *трудовой дисциплины* и действительную борьбу с расхлябанностью, прогулами. Эти мероприятия должны обеспечить скорейший перелом в деле поднятия производительности труда и осуществления на деле единоначалия в хозяйственном руководстве, без чего невозможно преодоление создавшихся затруднений в промышленности.

3) Обеспечить развитие производственно-технической инициативы *инженеров и техников* и всемерно форсировать выра-

ботку новых кадров из рабочего класса, смелее и настойчивее выдвигая передовиков-рабочих и особенно рабочих — организаторов соревнования на хозяйственные посты, преодолевая при этом косность, бюрократизм и оппортунистическое неверие в силы рабочего класса.

4) В целях борьбы с текучестью на предприятиях провести систему мероприятий, обеспечивающих закрепление рабочих на производстве путем соответствующего развития пролетарской общественности, проведения самообязательств рабочих перед пролетарской общественностью о работе на данном предприятии не менее определенного срока и применения всех мер общественного воздействия вплоть до бойкота злостных дезертиров с производства, а также установления системы различных форм премирования и снабжения, стимулирующих длительные сроки пребывания рабочего на заводе.

В виду несоответствия ряда законодательных норм и, в частности, положения о биржах труда в теперешней хозяйственной обстановке, срочно произвести пересмотр этих норм под углом зрения отмены их в той их части, которая затрудняет борьбу с летунами, дезертирами с производства и т. п., и вместе с тем обеспечить усиленное вовлечение в производство рабочей молодежи, а также жен рабочих и других трудящихся.

5) Организация дела снабжения рабочих имеет важнейшее значение в деле выполнения промфинплана. В целях улучшения организации распределения, кооперации необходимо развернуть оправдавшие себя такие его формы, которые в наибольшей мере обеспечивают интересы производственных рабочих (закрытые распределители, прикрепление рабочих пайщиков к магазинам, беспощадная борьба с воровством в кооперативном аппарате, усиленные репрессии за злоупотребления карточками, талонами и т. п.), и форсировать в промышленных районах организацию пригородных хозяйств (огородных, молочных, животноводческих). Партийные, профессиональные, комсомольские и хозяйственные организации должны оказать всяческую помощь развитию самодеятельности рабочих в этом деле, укрепить кооперацию и всемерно усилить развитие массового контроля рабочих и работниц над работой коопаппарата.

6) Печать провела на основе развертывания самокритики большую работу в деле мобилизации рабочих масс для выполнения промфинплана. Вместе с тем во многих случаях, ограничиваясь поверхностной кампанейской агитацией, печать не добилась заострения борьбы против решающих конкретных недостатков хозяйственной работы и не справлялась с задачей своевременной организации масс вокруг новых вопросов, выдвигавшихся изменениями в хозяйственной обстановке.

7) Решительная борьба с ослаблением темпа работы в связи с летними отпусками, принявшим в ряде хозорганов безобразную форму оставления учреждений без руководства и представляющим

одно из серьезных препятствий для выполнения текущего промфинплана и подготовки к третьему году пятилетки. Без немедленного и решительного искоренения демобилизационных настроений этого рода, являющихся одним из явных проявлений оппортунизма на практике, мобилизация партийных сил и рабочих для ликвидации прорыва и выполнения производственных заданий останется лишь словами.

Таковы важнейшие задачи сегодняшнего дня.

Производственная программа текущего года и хозяйственный план третьего года пятилетки означают практическую программу социалистического строительства и развернутое наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Несмотря на выяснившиеся крупнейшие недостатки в осуществлении производственных заданий, строительство социализма победоносно продвигается вперед, беспощадно сокрушая на своем пути всякие попытки сопротивления классового врага (кулаков, контрреволюционных вредителей, буржуазных реставраторов, в том числе и типа Громана, Кондратьева, Суханова). Правые паникеры, эти подголоски кулачества, и троцкистские элементы, превратившиеся на деле из вчерашних «левых» в фактических подпевал правых оппортунистов, а также всякого рода примиренцы к правым и троцкистам, являются выразителями буржуазного влияния на пролетариат, и потому проникновение в партийную среду всякого рода оппортунистических настроений, подрывающих боеспособность пролетариата в его развернутом наступлении на капиталистические элементы, должно встречать решительный большевистский отпор. Это является основным условием победносного продвижения социализма вперед и, обеспечивая большевистские темпы социалистического строительства, тем самым является предпосылкой преодоления трудностей, стоящих на пути этого строительства.

Преодоление стоящих перед нами трудностей прежде всего зависит от нашей работы, от нашего умения вести последовательную и непримиримую борьбу с расхлябанностью, разгильдяйством и бюрократизмом в наших органах, и особенно от нашей способности мобилизовать рабочий класс, являющийся источником быстро растущей и прямо неисчерпаемой революционной энергии, для дела борьбы за коммунизм.

Промфинплан стоит под ударом. Этим ставится под удар программа третьего года пятилетки. Сделаем из этого большевистский вывод:

Все силы партии, все силы рабочего класса на выполнение промфинплана, на обеспечение программы третьего года пятилетки!

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии Большевиков.

На пороге третьего года пятилетки.

Второй год пятилетки — год великого перелома и величайших достижений на фронте социалистического строительства близок к окончанию. Народное хозяйство нашего Союза стоит на пороге нового хозяйственного года, выдвигающего ряд новых сложнейших и ответственнейших хозяйственных и политических задач. Можно без преувеличений сказать, что наступающий год будет решающим годом пятилетки.

Надо окончательно закрепить происшедший поворот середняка к коллективным формам хозяйства, надо добиться нового мощного прилива бедняцко-середняцких крестьянских масс в колхозы, надо добиться коренного перелома в развитии нашего транспорта, надо, наконец, обеспечить такое гигантское продвижение вперед нашей социалистической промышленности, при котором один лишь прирост продукции за 1930—31 гг. должен быть равен всему довоенному промышленному производству.

Чугуна должно быть выплавлено в 1930—31 г. не менее 7,5 млн. тонн. Машиностроительная промышленность должна увеличить продукцию своего производства не менее, чем до 2,5 млрд. рублей. Выпуск с.-х. машин должен быть доведен до 845 млн. руб., производство тракторов должно составить не менее 745 тыс. лош. сил и т. д.

Соответственно этим темпам развития металлургии и машиностроения надо будет не менее, чем до 74,5 млн. тонн расширить добычу угля, недостаток которого уже сдерживает производство кокса для металлургии и грозит превратиться в узкое место всего народного хозяйства и, в частности, транспорта, перед которым 1930/31 г. выдвигает труднейшие задачи по перевозкам.

Наконец, уже в 1930/31 гг. должно быть обеспечено ускорение темпов роста легкой промышленности: успехи в развитии тяжелой индустрии и рост сельскохозяйственной сырьевой базы легкой промышленности позволяет проектировать такой рост производства промтоваров широкого потребления, который наряду с проведением других мер должен будет смягчить товарный голод.

Наряду с этими количественными показателями, промышленностью должно быть достигнуто и значительное улучшение всех качественных показателей ее работы (рост производительности труда, снижение себестоимости).

Без этого не может быть обеспечено то развертывание производства и тот огромный план капитальных работ, которые намечены для 1930/31 года.

Наконец, и это должно быть особо подчеркнуто, решение всех тех задач, которые выдвигает перед нами 1930/31 год, требует, чтобы промышленность выполнила тот план производства и тот план строительства, которые были намечены для текущего хозяйственного года.

В области сельского хозяйства необходимо добиться дальнейшего и значительного расширения обобществленного сектора. Строительство колхозов должно продолжаться с таким расчетом, чтобы охватить к концу года не менее половины крестьянских хозяйств.

Посевная площадь должна быть расширена не менее, чем на 15 млн. гектаров. Особенно большие задачи стоят перед зерновыми совхозами, площадь которых должна быть утроена. Большой шаг вперед за этот год необходимо сделать и в области животноводства, при чем решение этой проблемы должно проводиться в основном методами крупного общественного хозяйства, методами, которые дали уже реальные результаты в деле решения зерновой проблемы.

Второй год пятилетки ознаменовался серьезнейшими достижениями социалистической индустрии. Крупная социалистическая промышленность за 10 месяцев увеличила свою валовую продукцию на 27%, показав рекордные темпы роста за весь реконструктивный период. Тяжелая индустрия — эта основа социализма — за тот же период увеличила размеры своего производства на 39,5%. Об'ем капитального строительства определяется за 10 месяцев в 2,4—2,5 млрд. рублей. В эксплоатацию вступил ряд новых фабрик и заводов: дали свою первую продукцию Мариупольский новотрубный гигант и Ростовский Сельмаш; потекла нефть по трубопроводу Баку—Батум; дал свои опытные трактора Сталинградский тракторный завод, первые советские комбайны, участники уборочной кампании, тысячи тонн угля и металла уже дали стране вступившие в текущем году домны, мартены и новые крупные шахты.

Наши успехи и достижения, таким образом, несомненны. «Но за этими успехами мы не должны проглядеть того серьезного прорыва, который обнаружился в ходе выполнения промышленностью установленного плана» и который создает прямую угрозу намечаемым проектировкам промышленного развития на третий год пятилетки—1930/31 г.

Значительно превышая проектировки пятилетнего плана, развитие промышленного производства и ход капитального строительства тем не менее все же отстают от планового задания, установленного на 1930/31 год. Центральными звеньями и текущего и будущего года являются уголь и металл. Между тем, именно по углю и металлу в текущем году обнаружился наиболее значительный прорыв в развертывании производства. Промышленность не додала стране сотни тысяч тонн угля и металла, создав тем самым трудно преодолимую диспропорцию между их производством и требованиями, пред'являемыми к этим важнейшим отраслям тяжелой промышленности. На десятки миллионов рублей не додала промышленность сельскому хозяйству сел.-хоз. машин и орудий. Недовыполненным оказался план снабжения сельского хозяйства минеральными удобрениями. Недовыполненным оказался и план производства строительных материалов.

Явное недовыполнение плана наблюдается и в ходе капитального строительства. Перевыполняя проектировки пятилетнего плана, промышленность в темпах развертывания капитального строительства все же существенно отстает от заданий, установленных на 1929/30 г. Это создает угрозу нарастающим темпам промышленного развития в последующие годы, в особенности для наступающего 1930/31 г.

Только немедленный перелом в работе промышленности и особенно в важнейших ее отраслях, мобилизация на борьбу за выполнение плана текущего года всех сил и всей активности рабочего класса, обеспечат выполнение намечаемых для будущего года огромных заданий по производству и строительству.

«Важнейшим условием выполнения промфинплана будущего года,—говорится в обращении ЦК,—является выполнение промфинплана 1929/30 года. *Большевистская подготовка к выполнению гигантской производственной программы третьего года пятилетки заключается в безусловном выполнении промфинплана текущего года*».

А для этого необходима самая решительная и беспощадная борьба со всеми проявлениями паникерства и неверия в творческие силы рабочего класса, со всеми проявлениями правооппортунистического, чиновно-бюрократического отношения к делу выполнения этого задания, прежде всего, со стороны отдельных звеньев хозяйственного аппарата.

Некоторые хозяйственники забывают, что они стоят на ответственнейшем хозяйственно-политическом посту и что от качества их работы, умения выявить все скрытые резервы производственной мощности предприятия, умения вовлечь широкие массы рабочих и инженерно-технического персонала в активную борьбу за план, умения при наименьших требованиях к народному хозяйству дать максимальный производственный эффект — в значительной степени зависит успешность дела социалистической индустриализации, а следовательно, и все дело социалистического строительства.

Каждый хозяйственник-коммунист должен помнить, что он поставлен партией на самый боевой участок фронта социалистического строительства, и, как в бою, он должен со всей энергией, решительностью и упорством бороться за каждое продвижение вперед к социализму.

С другой стороны, некоторые парт- и профорганизации до сих пор рассматривают имеющиеся прорывы в плане развития промышленности, как явление, к которому они не имеют прямого отношения. Это — худшее проявление правого оппортунизма на практике. За прорывы как в производственных, так и строительных планах, отвечают, конечно, в первую очередь хозяйственные организации. Но это не снимает ответственности за ход выполнения плана ни с местных партийных, ни с местных профессиональных организаций.

Особенно большая ответственность ложится на партийные и профессиональные организации таких основных промышленных районов, как Донбасс, Урал.

Именно на парт- и профорганизациях лежит задача мобилизации рабочих масс и рабочей общественности вокруг обнаружившихся прорывов в планах. И именно они должны являться руководителями широких рабочих масс в борьбе с прорывами как в производстве, так и в строительстве, в борьбе за подготовку к третьему году пятилетки.

Борьба за выполнение плана не ведется с тем упорством и с той настойчивостью, с какими она должна была бы вестись. Ссылка на об'ективные причины, ведущие к невыполнению плана, в ряде случаев лишь фиговый листок, прикрывающий правооппортунистическую теорию равнения на узкие места.

Не менее вредным нужно считать разговоры о трудностях («трудностях вообще») без одновременного понимания и указания на *перспективы преодоления* этих трудностей, раскрывающихся перед нами благодаря достижениям истекшего периода. Так разговоры о трудностях, связанных с диспропорцией между тяжелой и легкой индустрией, являются чистейшим оппортунизмом, если одновременно не указывается на то, что успехи в развитии тяжелой индустрии, расширение посевных площадей, хороший урожай хлопка и свеклы дают все основания для более быстрого развития легкой индустрии уже в ближайшее время.

Сложность и напряженность заданий, которые ставятся перед промышленностью в 1930—31 году, требуют, прежде всего, мобилизации самых широких масс рабочего класса на борьбу за их выполнение. В связи с этим особенно вырастает роль коммуниста на производстве. Именно коммунист-производственник должен являться застрельщиком борьбы за выполнение плана, за ликвидацию прорывов, за поднятие трудовой дисциплины.

Отсюда громадная роль, которая выпадает в настоящих условиях на партийную *ячейку*, выступающую в качестве важнейшего конкретного организатора масс в деле борьбы за промфинплан.

Коммунист на производстве, на заводе, шахте, промысле, строительстве — боец передового участка фронта социалистического наступления,— и он должен являться подлинным вожаком масс, действующим в первую очередь показом и примером подлинно - социалистического отношения к труду.

Социалистическое соревнование и ударничество, развитие которых привело к ускорению темпов пятилетки, дополняются новыми формами рабочей активности, переходят на новую более высокую ступень, и это полностью должно быть использовано в борьбе за третий год пятилетки. От станков и агрегатов двигается волна встречного промфинплана. На основе социалистического соревнования и ударничества, используя производственные достижения ударников и их рационализаторскую инициативу, учитывая сотни и тысячи рабочих предложений, рабочий класс вскрывает все новые и новые резервы неиспользованной производственной мощности, выдвигая повышенные плановые задания как в отношении количества производимой продукции, так и ее качества и снижения себестоимости.

Эти скрытые резервы надо суметь использовать немедленно.

Именно на базе встречного промфинплана необходимо добиться решительного перелома в ходе промышленного производства и особенно в таких отраслях как уголь, металлургия, химия и машиностроение, для того, чтобы перекрыть прорывы прошлых месяцев и подготовить условия для выполнения плана третьего года пятилетки. Мы имеем мощную силу в лице соревнующихся миллионных масс пролетариев, мы имеем значительнейшие резервы, выявляемые встречным промфинпланом, и все эти силы, все эти резервы должны быть брошены на ликвидацию прорывов, на борьбу за план.

Важнейшей задачей, на которой хозяйственные, профсоюзные, партийные, советские и кооперативные организации должны сосредоточить свое внимание, является борьба с принявшей угрожающие размеры текучестью рабочей силы. Имеющая в основе своей резкий недостаток рабочей силы, вызванный громадным размахом социалистического строительства в городе и деревне, текучесть рабочей силы обострилась вследствие явно бюрократического отношения к этой проблеме со стороны хозяйственников и профсоюзов.

Именно этим отношением в значительной степени об'ясняется то угрожающее усиление текучести рабочей силы, которое имело место в Донбассе, на заводах южной металлургии и в особенности на предприятиях Минералруда, где за первое полугодие текущего года текучесть достигла 167%. Особенно нетерпимым является усиление текучести на наших машиностроительных заводах. Например, на заводе Сормово за три квартала ушло свыше 10.000 рабочих и более 14.000 принято вновь. Вопиющие примеры текучести дают и многие ленинградские заводы. Прозевав это усиление текучести рабочей силы, не забив своевременно тревогу по этому поводу, органы Наркомтруда, хозяйственные и профсоюзные организации не организовали противодействия этим тенденциям, столь обострившимся в последние месяцы.

Необходимо развернуть целую систему мероприятий, направленных против текучести рабочей силы. Вплотную должны взяться за борьбу с текучестью рабочей силы органы НКТруда, проявившие недопустимую беспечность и пассивность в этом вопросе. Решительно должны быть изжиты совершенно нетерпимые безобразия в работе кооперации. Самым настойчивым образом должна вестись борьба с рваческими, мелкособственническими элементами среди рабочего класса, «летунами», дезорганизующими производство.

Система снабжения и зарплата должны быть построены таким образом, чтобы стимулировать продолжительность сроков пребывания на предприятии; должна быть введена контрактация обученных рабочих; широко должна быть развернута организация соревнования на продолжительность сроков пребывания на предприятии и т. д.

Нужно принять срочные и действительные меры для решительного улучшения организации снабжения рабочих. Система закрытых распределителей, установление подлинного контроля масс над работой кооперации, беспощадная борьба с воровством и мародерством в кооперативном аппарате, установление ответственности за дело рабочего снабжения руководителей предприятий и пр.,—все это должно быть немедленно пущено в ход.

Перекрыть прорывы прошлых месяцев — вот тот лозунг, который должен быть брошен в массы и этими массами превращен в сотни тысяч тонн, пока недоданных стране, угля и металла—в с.-х. машины, минеральные удобрения, строительные материалы и т. д.

Каждый хозяйственник, каждый рабочий, каждый член партии должен со всей ясностью понимать, что от успехов борьбы за план текущего года зависят не только итоги этого, но и в значительной степени план следующего 1930—31 года, с его величайшими задачами и величайшим значением в борьбе за социалистическое строительство.

Выполнение стоящих перед партией задач возможно только при решительном отпоре всем кулацким, капиталистическим, контрреволюционным элементам в стране, которые не сложили своего оружия, которые бешено сопротивляются победоносному всеобщему наступлению на капитализм по всему фронту, проводимому партией. Об этом лишний раз свидетельствуют раскрытые контрреволюционные организации Кондратьева, Громана и К°.

Это требует удесятерения внимания к борьбе и против всяческого проникновения буржуазно-кулацких влияний в нашу партию.

Оппортунисты, отражающие эти влияния, снова и снова пытаются использовать трудности в борьбе против линии партии. Под предлогом борьбы с этими трудностями они пытаются и теперь подсовывать меры, которые ведут к подрыву генеральной линии, к снижению темпов индустриализации. Этим попыткам должен быть дан решительный отпор.

Хороший урожай, являющийся результатом первой колхозной весны, и под'ем промышленного производства создают благоприятные условия для третьего решающего года пятилетки. Мы должны до конца использовать эти благоприятные условия.

«Все силы партии, все силы рабочего класса на выполнение промфинплана, на обеспечение программы третьего года пятилетки» (Обращение ЦК).

А. Капустин.

За встречный промфинплан!

В своем обращении ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям, опубликованном 3 сентября, Центральный Комитет нашей партии мобилизует внимание этих организаций и широчайших рабочих масс на борьбу с прорывом промфинплана 2-го года пятилетки. Отмечая огромные достижения нашей промышленности за текущий год, Центральный Комитет со всею большевистской решительностью и четкостью ставит вопрос о создавшейся угрозе выполнению промфинплана на важнейших участках нашей промышленности. Отставание ряда важных отраслей промышленности ставит под удар выполнение общегосударственного хозяйственного плана, чего партия ни в коем случае допустить не может и не допустит.

XVI всесоюзный с'езд нашей партии заложил новые вехи социалистического строительства, взял решительный курс на максимальные темпы развития народного хозяйства, в первую очередь, через форсированное развитие черной металлургии, машиностроения и тракторостроения. Эта решающая установка обеспечивает выполнение гигантских хозяйственных задач в области социалистической переделки сельского хозяйства на базе строительства совхозов и сплошной коллективизации и позволяет форсировать строительство легкой индустрии.

В политическом отчете ЦК тов. Сталин сказал, что «к концу пятилетки коллективизация в СССР должна быть в основном закончена». Целиком и полностью одобрив эту боевую важнейшую формулировку, обеспечивающую ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, XVI с'езд наметил развернутую широчайшую социалистическую программу боевых действий на ближайшие 2 года. Успешное осуществление этой программы, в первую очередь, будет зависеть от того, как широко мы сумеем выявить и использовать внутренние резервы и на этой основе обеспечить выполнение контрольных цифр третьего года пятилетки.

Поэтому мобилизовать все скрытые внутренние резервы предприятий, еще шире развернуть социалистическое соревнование и ударничество, втянуть в него поголовно всех специалистов, повернуть профсоюзы лицом к производству, добиться максимального количества производственных предложений и изобретений и быстро реализовать все ценные из них, широко развернуть социалистическую реконструкцию — является сейчас боевой и самой неотложной задачей всех партийных, профессиональных и хозяйственных организаций для ликвидации создавшегося прорыва в текущем году и для обеспечения наступающего третьего года пятилетки.

Вокруг этих задач должно быть сосредоточено все внимание заводской общественности и самих рабочих масс и в первую очередь партийных организаций. Борьба за снижение себестоимости, за увеличение выработки продукции, и особенно за улучшение ее качества—остается решающей в деле осуществления быстрых темпов индустриализации. Эти задачи подчеркнул XVI с'езд в своих исторических решениях.

Широчайшие перспективы строительства, намеченные XVI сездом, вызвали новый, бурный под'ем активности, новый взлет энтузиазма и творчества в передовых слоях рабочего класса. По всем передовым предприятиям сейчас развертывается всесоюзный поход по выявлению скрытых внутренних резервов, которые обеспечат нам осуществление новых производственных программ третьего года пятилетки.

Осуществляя особый лозунг партии и широких масс — выполнить пятилетку в четыре года, рабочие-ударники не только выполняют, но и перевыполняют свой промфинплан. Мы имеем сотни, если не тысячи, таких предприятий, которые идут в передовых шеренгах нашей социалистической промышленности за осуществление этого боевого лозунга. Широко развернув борьбу за ускорение темпов развития нашего народного хозяйства и, в первую очередь, промышленности, рабочие-ударники выдвигают новые формы мобилизации масс на эту борьбу.

Общественный «буксир» артемовских горняков, «сквозные» бригады рабочих Сельмашстроя, планировочные бригады краснопутиловцев, кампания по борьбе с потерями, начатая на предприятиях по почину московского Электрозавода, давшая значительный приток ценных рабочих предложений и изобретений, предложение днепропетровских рабочих завода им. Дзержинского организовать всесоюзный сбор рабочих предложений и изобретений и, наконец, встречный промфинплан ленинградских металлистов завода им. Карла Маркса—являются величайшим выражением творческого энтузиазма масс, участвующих в социалистическом соревновании. Внося эти предложения и встречный план, как новый ценнейший вклад в социалистическую пятилетку, рабочие массы этим самым демонстрируют свою непреклонную волю бороться за генеральную линию нашей партии, против правых оппортунистов, не верящих в творческие силы рабочего класса. Этот новый взлет активности — яркое доказательство того, что никакая сила уже не в состоянии свернуть рабочий класс в сторону от тех боевых задач, которые поставлены решениями XVI с'езда партии. Встречный промфинплан—это новый могучий удар по правому оппортунизму, все еще пытающемуся задержать темпы социалистического строительства, противопоставить свои черепашьи темпы боевым революционным темпам нашей партии, ее ЦК и передовых масс рабочего класса.

К концу августа должна быть закончена работа планирующих органов по составлению контрольных цифр. В сентябре эти контрольные наметки должны спуститься до трестов и предприятий и встретиться здесь с производственными наметками, выдвигаемыми от станка, бригады и цехов. Таким образом, контрольные цифры Госплана, трестов и заводоуправлений, спущенные вниз, должны быть выверены рабочими на основе своей практики, а затем пойти в обратный путь—от станка к заводоуправлению, к тресту, к Госплану с новыми максимальными хозяйственными наметками. Таков путь встречного промфинплана.

Встречный промфинплан явится, таким образом, решающим фактором для нашей промышленности, для всего народного хозяйства. Он знаменует собою новую веху в области коренной перестройки методов хозяйственного руководства на данном этапе развития, могучим средством в борьбе партии и самих масс за высокие темпы строительства, тем самым он определит систему планирования в пролетарском государстве в реконструктивный период.

В этом и состоит его огромное хозяйственно-политическое значение. Рабочая общественность спешит на помощь хозяйственным организациям в третьем решающем году пятилетки.

Как показывает практика, вопреки неоднократным директивам нашей партии и ЦК, на большинстве предприятий широкие рабочие массы не всегда привлекались планирующими хозяйственными организациями к составлению предварительных хозяйственных наметок. Наоборот, на отдельных предприятиях, рабочая инициатива всячески игнорировалась, на пути ее ставились всевозможные препятствия и тормозы. Большинство промфинпланов как правило составлялось кабинетным путем, а затем эти планы штемпелевались наспех, на общих собраниях.

Хозяйственные предположения не всегда проверялись внизу, к этой проверке не всегда привлекались рабочие-ударники и широкие массы. Критика и самокритика не получила еще достаточного размаха для того, чтобы способствовать выявлению всех скрытых ресурсов, могущих обеспечить правильное составление промфинпланов с учетом всех возможностей. Все это приводило неизбежно к тому, что многие хозяйственные организации были не в силах кабинетным путем выявить и учесть эти скрытые резервы и возможности предприятий, и поэтому составляемые промфинпланы далеко не отражали в себе действительных хозяйственных возможностей.

Вместо того, чтобы при составлении хозяйственных программ исходить из высокой выработки ударных бригад и передовых цехов, некоторые хозяйственно-планирующие организации оппортунистически равнялись и еще равняются на «узкие места», на рабочих со средней выработкой. Такая оппортунистическая практика неизбежно приводила к преуменьшению цеховых и общезаводских возможностей, к недодаче продукции, к срыву высоких темпов строительства. Эта практика среди отдельных хозяйственников вызывалась стремлением «застраховаться» от срывов, позволяла работать без должного напряжения.

В своем последнем обращении ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям, в связи с позорным отставанием отдельных отраслей нашей промышленности, Центральный Комитет правильно указывает, что важнейшей причиной невыполнения производственных заданий является

> «отсутствие должной энергии и инициативы в деле мобилизации внутренних ресурсов: недостаточное использование наличного оборудования, низкий коэффициент сменности, отсутствие энергии в преодолении «узких мест» предприятия, частые простои оборудования из-за неналаженности и неорганизованности материально-технического снабжения, многочисленные аварии из-за преступной небрежности и плохого технического контроля, отсутствие систематической рационализаторской работы и крайняя неудовлетворительность внутризаводского планирования».

ЦК совершенно правильно считает, что эти серьезные недостатки, ведущие к срыву промфинпланов, происходят вследствие слабой борьбы с консерватизмом технико-производственного руководства, вследствие недостаточной мобилизации активности передовых рабочих для содействия развертыванию работы предприятия. Некоторые хозяйственники нередко плетутся в хвосте косной части специалистов, не оказывают должной поддержки передовым инженерам и техникам, отрываются от рабочего актива и т. п.

На помощь исправлению этих недостатков идут сами рабочие-ударники Ударники и лучшие специалисты берут на себя почин в борьбе за преодоление этих «узких мест», в борьбе с технико-производственным консерватизмом некоторых хозяйственников и косных спецов, активно участвуя в работе планирующих фабрично-заводских организаций. В период развертывания работ по составлению встречного промфинплана на заводе им. К. Маркса рабочие выявили много возможностей для увеличения программы третьего хозяйственного года пятилетки.

«Три месяца назад,—писал ударник Ожогин в ВКК,—я выпускал 50 рифленых цилиндров, теперь выпускаю их около 100 в день. Себестоимость моей операции была раньше 13 коп. за один цилиндр, теперь снизилась до 8 коп. В порядке встречного промфинплана обязуюсь увеличить производство еще на 40—50 цилиндров и снизить себестоимость на 30 проц. Учтите это при составлении нового промфинплана».

На том же заводе бригада 4-ой механической мастерской показала, что вполне возможно использовать для других работ 42 незагруженных станка. Ударники чугунолитейной выдвинули предложение увеличить задание мастерской от 11 тыс. до 15 тыс. тонн литья. С цифрами и выкладками в руках инструментальщики доказали, что их мастерская может дать вдвое больше инструментов.

Выявление и учет этих скрытых резервов, наиболее полное использование старого и нового оборудования помогли заводу им. К. Маркса запроектировать новую хозяйственную программу на 140 процентов больше, нежели в прошлом году, на заводе «АМО» и «Электростали» — на 275 проц. и т. д.

Было бы абсолютно неправильным суживать возможности встречного промфинплана, исходить при составлении максимальных программ из возможностей увеличения одной производительности труда. У нас на каждом предприятии имеются широчайшие возможности поднять выработку продукции и улучшить ее качество путем осуществления рационализаторских мероприятий, сокращения излишних технологических процессов в работе, путем стандартизации изделий, сокращения номенклатур вырабатываемой продукции и специализации заводов. Эти задачи не ускользнули от внимания самих рабочих и передовых советских специалистов.

На заводе им. т. Сталина на отдельных станках производится до 30 различных операций в месяц, такая же примерно картина, указывающая на слабое применение рационализации, наблюдается и на Путиловском заводе. Например, вагонно-механическая мастерская этого завода изготовляет до 16 тысяч различных частей, а в мартеновском цехе выплавляется до 56 сортов разной стали.

При таких условиях работы неизбежны колоссальные потери времени на подготовку и приспособление станков к новым сложным операциям, что в конечном счете ведет к удорожанию вырабатываемой продукции и ухудшению ее качества.

Поэтому, выдвигая встречный промфинплан, рабочие и специалисты не только учитывали новые нормы выработки установленные ударниками, но, главным образом, слагали встречный промфинплан из эффективности применения широких рационализаторских мероприятий.

Так, например, встречный промфинплан рабочих завода им. Сталина, повышающий производственную программу с 567 тыс. киловатт до 800 тыс., предусматривает перевод завода с мелкого турбостроения на выработку крупных серийных турбин. Рабочие и специалисты доказали, что от производства мелких турбин завод много теряет. Это производство требует слишком большого количества процессов на выработку мелких частей, что имеющееся оборудование—при правильном его использовании и сокращении излишних процессов производства—позволит заводу взять на себя лишнюю нагрузку. На заводе им. Карла Маркса рациональное использование рабочей силы и оборудования даст возможность увеличить выпуск ватерных машин со 150 до 200 в год.

— Наш завод,—пишут в «Правду» рабочие Московского инструментального завода в ответ на вызов рабочих завода им. Карла Маркса,—производит инструменты, которые вырабатываются одновременно Сестрорецким, Тульским и Златоустовским заводами. При этом каждый из этих заводов, в том числе и наш, производит все размеры сверл, начиная от 3 м/м и кончая 50 м/м в диаметре, т.-е. около 68 различных размеров. Таким образом, на каждом инструментальном заводе производится огромный ассортимент инструментов, доходящий на нашем заводе до 270 изделий и размеров. Между тем имеется полная возможность этот ассортимент для каждого завода сократи таким образом, чтобы каждый завод производил не все размеры инструментов, а только определенную часть их, другой завод следующую часть и т. д.

Инструментальщики этого завода считают, что такая специализация изделий позволит ввести в цехах поточную систему, наиболее технически совершенную и тем самым поднять эффективность предприятий в максимальной степени. Соответствующим трестам и планирующим органам ВСНХ, в порядке осуществления новых производственных программ, составленных на основе встречных промфинпланов, необходимо с своей стороны серьезно и по-боевому заняться этими вопросами, без чего нельзя будет полностью осуществить широко рационализаторские мероприятия, дающие значительный производственный эффект в приросте продукции и улучшение ее качества.

Отсюда и вытекает огромное значение встречного промфинплана, являющегося решающим планом нашей реконструктивной эпохи, подводящим под нашу промышленность и сельское хозяйство основательный технический фундамент руками миллионов рабочих и передовых советских специалистов. Это оперативное вмешательство рабочей общественности в процессы планирования открывает широчайшие проблемы ускорения социалистического строительства во всех областях народного хозяйства.

Чего не могла ранее предусмотреть в полной мере кабинетная практика, как показывают эти факты, то успешно выявила и разрешает широкая рабочая общественность.

Встречный промфинплан, как мы видим, не возник сам по себе. Этот процесс начался тогда, когда хозяйственники довели свои контрольные цифры до станка, цеха и агрегата.

Чтобы вызвать активное участие в обсуждении промфинплана самих рабочих, фабрично-заводских организаций завода им. Карла Маркса с помощью плановых отделов и планировочных бригад разделили все станки и машины по операциям, закрепили за ними определенные детали. А чтобы понятнее были рабочим эти будущие хозяйственные наметки, администрация разработала специальные карточки на станки, с указанием, какое количество данный станок или машина должна будет дать в наступающем хозяйственном году. Кроме этого «паспорта» на каждый станок рабочие получили брошюру под заглавием «Промфинплан — рабочему в карман», в которой была намечена общая работа завода и производственная программа на будущий хозяйственный год.

Это и помогло разбудить рабочую активность, вызвать массовое обсуждение возможностей и повышения этих программ. Получив эти материалы, рабочие взялись за проверку хозяйственных наметок непосредственно у станков и машин. Ударники стали сопоставлять эти наметки со своими возможностями, сверяли предположительные цифры с действительной выработкой своих станков и машин. В каждой цеховой проверочной бригаде ударников, работавшей над проверкой ориентировочного промфинплана, представленного хозяйственниками, был прикреплен инженер, к общезаводской бригаде — тоже. Кроме того, была создана добровольная общезаводская консультационная бригада, в которую вошли наполовину инженеры и ударники. Благодаря этой бригаде каждая цеховая бригада получала нужную методическую установку с учетом специфических особенностей работы отдельных

мастерских и цехов. Такова в общем механика встречного промфинплана на заводе им. Карла Маркса. Правильное распределение функций, вовлечение в проверку ударников помогло выявить разницу между предположительными наметками и возможностями действительной выработки, довести эти наметки до максимальных размеров, что в конце концов и явилось встречным промфинпланом, позволившим увеличить производственную программу на будущий год.

Из этой новой практики мы видим, что промфинплан, составленный заводоуправлением, встретился с рабочими предложениями не на общем собрании, не в порядке обсуждения доклада директора, а эта встреча произошла непосредственно у станков и машин с тем, чтобы после тщательной проработки в цехах пройти затем через общее собрание. В этом и заключается то новое и ценное, что гигантски отличает эту новую практику от прошлых лет. В этом и заключается новое содержание встречного промфинплана, помогающее поднимать практику промфинплана на более высокую ступень, позволяющее пересмотреть на будущее время практику нашего хозяйственного планирования.

Возможность увеличения производственной программы на заводе им. Карла Маркса вытекла не только из максимального поднятия производительности станков и машин, но и также из ряда рационализаторских мероприятий. За июнь и начало августа от рабочих поступило свыше 400 предложений и изобретений, давших в общей сложности свыше 1 млн. рублей экономии.

В результате длительной и углубленной работы фабрично-заводских организаций, рабочих и передовых специалистов, встречный промфинплан карло-марксовцев выработан, об'единен с планом заводоуправления. Широкая общезаводская конференция обсудила и утвердила этот план, после чего заводоуправление выступит уже с новым промфинпланом перед трестом, чтобы увязать с намеченной новой программой сырьевые возможности.

Таким образом, доведение плана до станка и широкая помощь всех заводских организаций и явились тем самым возбудителем рабочей активности, который дал могучий толчок массам, помог вызвать их на серьезное обсуждение контрольных цифр, использовать опыт передовых рабочих и найти ближайшие пути к более высоким контрольным наметкам.

На этом заводе, как нельзя лучше, претворено в жизнь следующее указание тов. Ленина, сделанное им на VIII с'езде советов:

> «Следя за опытом науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план поднялся скорее, чем он назначен для того, чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте, в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области — изучать хозяйство и тогда мы срок сократим» (том XVII, стр. 424).

Вместо того, чтобы, следуя этому важнейшему указанию Ленина, всячески поддерживать и развивать инициативу передовых рабочих и, изучая их опыт, вскрывать все внутренние возможности, ускоряющие социалистическое строительство, на отдельных предприятиях некоторые бюрократы и оппортунисты проявляют возмутительное отношение к вовлечению масс в подготовку планов и использованию их опыта. Они не только игнорируют рабочую общественность, а нередко оказывают ей упорное сопротивление. Противниками встречного промфинплана нередко выступают некоторые старые реакционные специалисты, противодействующие инициативе лучших ударников и передовых специалистов, которые активно борются за высокие темпы строительства.

Очень характерно выступление некоего инженера Штейна на заводе «Серп и Молот» (Украина). «Привлекать рабочих к обсуждению контрольных цифр не нужно, они внесут большую путаницу», заявил этот инженер.

На Макеевском металлургическом заводе инж. Лазарев открыто выступил в заводской газете «Домна» со статьей с явно оппортунистической демагогией, направленной против увеличения программы будущего года. Заводская печатная газета «Домна» на глазах ячейки и профорганизации напечатала эту недопустимую заметку на своих страницах и кроме того дала ряд других правооппортунистических корреспонденций.

Наряду с мелкими атаками против встречного промфинплана, застрельщиками которых выступают некоторые старые специалисты, в целом ряде случаев стремление увеличить хозяйственные наметки вызывает недопустимые конфликты, развертывающиеся между коммунистами-хозяйственниками, с одной стороны, и партийными и профсоюзными организациями и передовыми рабочими-ударниками— с другой.

На заводе телефонных сооружений «Кр. Заря» (Ленинград) рабочим во главе с парт'ячейкой и завкомом пришлось много воевать с заводоуправлением за увеличение производственной программы. Заводоуправление отказалось освободить работников для работы в ВКК для проработки встречного промфинплана. Чтобы расчистить дорогу встречному промфинплану, потребовалось вмешательство партийной организации.

За последнее время в «Правде», «Комс. Правде», «Труде» и др. органах печати отмечен ряд тревожных сообщений о сопротивлении встречному промфинплану.

На Рябиновском з-де (Зап. обл.) Машинооб'единение дало задание выработать 1.000 локомобилей в 57.000 лош. сил. Заводоуправление пыталось преуменьшить эти цифры до 700 локомобилей в 43.000 лош. сил. Рабочий актив во главе с завкомом и ячейкой отстаивал программу Машинооб'единения; только после того, когда на завод приехала специальная комиссия, с помощью рабочей общественности было установлено, что завод может дать 1.100 локомобилей в 91.000 л. сил.

На примере з-да «Электросталь» (Подмосковный р-н) мы являемся свидетелями длительного упорного сопротивления встречному промфинплану, составленному ячейкой, завкомом и ударниками со стороны заводоуправления, подпавшего под влияние старых специалистов. Еще при составлении промфинплана текущего хозяйственного года администрация запроектировала оборудование на выпуск 12.500 тонн стали. Проверка заводского коллектива установила, что при том же оборудовании, без особого напряжения можно выпустить до 20.000 тонн продукции. Заводоуправление запроектировало снижение себестоимости за 5 лет по основной марке «Молния» 12,7 проц., в то время как за один 1926—27 г. среднее снижение равнялось 11,7 проц., а за 1928—29 г.—12,3 проц. Рабочая общественность отстаивала свои контрольные цифры с боем. Дело дошло до ЦКК—РКИ. Обследовавшая авторитетная комиссия НК РКИ целиком согласилась с рабочими организациями и предложила заводоуправлению в месячный срок пересмотреть контрольные цифры, исходя из того, что завод должен дать к концу пятилетки 45.000 тонн готовой продукции. В своих выводах ЦКК пришлось констатировать, что заводоуправление преуменьшило производственные возможности сталелитейных цехов. Достаточно будет сказать, что за 10 мес. текущего хозяйственного года даже повышенный уже план выполнен на 106 проц.

Вместо того, чтобы сделать для себя соответствующий урок из прошлогодней практики при составлении хозяйственной программы на третий год пятилетки, заводоуправление «Электростали» вновь составило преуменьшенный промфинплан, запроектировав выплавку стали в 6.000 тонн. Рабочие организации, совместно с ударниками, после тщательной проверки этих цифр непосредственно у станка, выявили, что выплавка стали может быть повышена до 7.500 тонн. По сталелитейному цеху заводоуправление предложило 15.000 тонн, рабочие увеличили до 16.500 тонн.

Особенно значительная разница между проектировкой заводоуправления и фабрично-заводскими организациями получилась в штамповальном цехе. Первоначальные цифры были доведены до 8.550 тонн. Когда директор вышел на широкую рабочую конференцию, на которой обсуждался промфинплан третьего года пятилетки, ему пришлось согласиться полностью с цифрами встречного промфинплана.

На выше приведенных примерах мы можем уже проследить и убедиться, что некоторые хозяйственные организации, вместо того, чтобы всячески поддерживать и развивать это новое активное движение в рабочих массах, стремящихся овладеть рычагами управления производством, оказывают упорное сопротивление этому здоровому явлению и этим самым льют воду на мельницу врагов социализма, правых оппортунистов и вредителей. Те хозяйственники и профработники, которые недооценивают и недопонимают политического значения этого важнейшего движения рабочих масс, тем самым рискуют скатиться к правому уклону на практике. Это сопротивление высоким темпам приведет таких хозяйственников и профработников к потере общего языка с передовыми заводскими коллективами, к потере авторитета среди передовых рабочих и актива, чего ни в коем случае нельзя допустить.

Эту опасность нужно предупредить партийным организациям, решительно взявшись за помощь массам в деле развертывания встречного промфинплана.

В процессе развертывания волны за встречный промфинплан нащупывается и другое не менее опасное явление. Замаскировавшиеся правые начинают показывать свой нос, пытаются делать вылазки против высоких запроектировок, идущих снизу. Суть этих антипартийных вылазок заключается в том, что правые подбираются к встречному плану не прямым, а обходным путем. Правые стараются обвинить ударников и передовых производственников в том, что они берут высокие и невыполнимые цифры встречных программ и что эти стремления являются «максималистскими заскоками». Цель таких вылазок ясна — ударить по активности масс и парализовать бурно развертывающееся движение в самый ответственный момент, когда эта активность начинает бить в совершенно новых формах. Некоторые недальновидные товарищи попадаются на эту удочку. Вместе с правыми оппортунистами они выступают против передовых рабочих-ударников и тем самым помогают правым заносить свою руку над встречным промфинпланом.

Нечего и говорить о том, что и по этой новой оппортунистической механике, как и по всякому нездоровому проявлению со стороны отдельных работников, ставящих тормозы встречному промфинплану или открыто берущих его в штыки, необходимо ударить со всей большевистской прямолинейностью и решительностью.

Партийные, профсоюзные и хозяйственные организации сверху донизу обязаны сделать все возможное для того, чтобы превратить это новое мощное движение рабочего класса в действительно массовый поход миллионов, активно поддерживающих решения XVI с'езда нашей партии, горящих стремлением помочь партии и ее ЦК ускорить ход социалистического строительства. Поэтому сейчас, когда массы еще решительнее берутся за рычаги хозяйственного строительства при помощи встречного промфинплана, боевая политическая задача этих организаций — подхватить и развернуть это движение, превратить его в поход поднимающихся миллионов на борьбу за высокие темпы хозяйственного строительства. На всех предприятиях черной металлургии, на рудниках, шахтах, на транспорте, нефтяных помыслах, на машиностроительных заводах и предприятиях легкой индустрии должна быть поднята встречная волна творческой активности на обсуждение и составление промфинплана, в основу которых нужно положить задачу решительной борьбы за количественные и качественные показатели. Важный опыт передовых предприятий должен быть без промедления перенесен во все звенья нашего хозяйства, в том числе в колхозы и совхозы, где это движение уже начинает подниматься.

Для этого нужно мобилизовать все силы фабрично-заводской общественности. Работа низовых планирующих организаций, ВКК, производственных совещаний, инженерно-технических секций, кружков изобретателей, фабрично-заводских лабораторий должна быть сейчас направлена и подчинена организации встречного плана и его выполнению. Всячески борясь за стопроцентное осуществление промфинплана второго года пятилетки, решительно добиваясь ликвидации прорывов, фабрично-заводские ячейки, фабзавместкомы и хозяйственные организации, опираясь на ударников и советских специалистов, в первую очередь, должны будут поднимать остальные массы. Эти организации обязаны проявить максимум политической и хозяйственной чуткости к рабочим предложениям и изобретениям, быстро, по-большевистски подхватывать здоровые начинания, исходящие от масс, и в то же время давать сокрушительный отпор всяким попыткам умалить гигантское хозяйственное и политическое значение встречного промфинплана.

> «ЦК считает, что перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает широкие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна». (Из Политотчета ЦК на XVI с'езде).

Это важнейшее указание т. Сталина должно лечь в основу этих решающих боев и служить могучим оружием в руках партии пролетариата в борьбе с правым оппортунизмом, с вредительскими элементами, со старыми консервативными специалистами, сопротивляющимися встречному промфинплану.

Низовая печать, легкая кавалерия комсомола, широчайшие массы ударников и, в первую очередь, коммунисты и комсомольцы, ударные бригады рационализаторов, общественный буксир, сквозные бригады и т. п.,— должны стать застрельщиками борьбы с прорывами, выполнения промфинпланов второго года и подготовки организации встречных промфинпланов, стать в авангарде развивающихся на производстве решительных боев за высокие темпы строительства.

Встречный промфинплан открывает новую страницу во всем деле нашего планирования. Социалистический план только теперь начинает действительно выковываться руками широких масс рабочего класса и выверяться у станка, печи, агрегата и т. п. Если сегодня встречный промфинплан подпирают десятки тысяч рабочих рук, то завтра его должно подкрепить участие сотен тысяч и миллионов. Встречный промфинплан отмечает новую, еще более высокую ступень в борьбе рабочих масс за пятилетку, на которую мы поднимаемся уже после XVI с'езда. *Задача заключается в том, чтобы встречным промфинпланом были проверены задания на 1930—31 год решительно всех предприятий.* Без проверки у станка, в цехе нельзя выискать и вести в действие все те большие резервы, которые еще не использованы. Встречный план одно из основных условий обеспечения прироста на 47—48 % промпродукции и выполнения высоких качественных показателей в наступающем хозяйственном году.

Факты упорного сопротивления встречному промфинплану показывают нам, что оппортунизм еще далеко не изжит в практической работе

и что его нужно с помощью мобилизации всей фабрично-заводской общественности быстро сломить как опасный политический тормоз, сдерживающий «широкие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна». Чем крепче и решительнее мы ударим по этим оппортунистическим тормозам и самим оппортунистам, тем быстрее пойдет на под'ем наше народное хозяйство, тем яснее будут для трудящихся перспективы величайшего строительства, намеченные XVI с'ездом нашей партии.

Рабочий класс, в ответ на призыв Центрального Комитета — преодолеть прорывы второго года пятилетки, под руководством партии и ее ЦК, еще теснее сплотится вокруг лозунгов нашей партии, еще шире развернет социалистическое наступление по всему хозяйственному фронту против правых оппортунистов, косных и бюрократических элементов, стремящихся задержать быстрые темпы строительства. Это наступление должны возглавить партийные организации.

Сентябрь должен стать месяцем упорной напряженной борьбы за преодоление прорывов второго хозяйственного года, месяцем подготовки промфинпланов третьего года пятилетки.

Д. Лурье.

К новому под'ему колхозного движения.

XVI с'езд партии охарактеризовал перелом, происшедший в развитии сельского хозяйства СССР за последние годы, как перелом, имеющий всемирно-историческое значение. Под влиянием растущей индустриальной мощи пролетарской диктатуры укрепилась и усилилась руководящая роль пролетариата по отношению к мелким и мельчайшим крестьянским хозяйствам. Закрепился союз пролетариата и бедноты с середняком и в результате — основная масса бедняцко-середняцкого населения деревни повернула на социалистический путь развития через колхозы. Изменилось соотношение экономических укладов в стране. В деревне пролетариат получил новую действительную и прочную опору в лице колхозника.

Ближайшие годы должны пройти под знаком сплошной коллективизации советской деревни, ликвидации кулачества как класса, окончательного выкорчевывания глубочайших корней капитализма, заложенных в стихийно развивающемся мелкотоварном хозяйстве. На основе дальнейших успехов коллективизации в ближайшие годы должно быть полностью преодолено чрезмерное отставание темпов развития сельского хозяйства от темпов индустрии, которое наиболее резко сказалось в первые годы реконструктивного периода и которое было отмечено еще XV с'ездом партии. Социалистическая форма производства уже стала основной формой развития производительных сил в сельском хозяйстве, и задача предстоящего периода заключается в выявлении тех, еще скрытых и неясных для многих практических работников сельского хозяйства и еще неиспользованных на практике возможностей, которые заключены в новой социалистической форме производства, при новых отношениях между городом и деревней, свойственных советскому хозяйству.

Истекшие годы реконструктивного периода были годами обострения классовой борьбы как в городе, так и в деревне. В деревне классовая борьба была наиболее острой потому, что именно аграрный капитализм имеет особенно глубокие корни, которые предстоит еще окончательно выкорчевать. Предстоящие годы наступления социализма по всему фронту и коренной реконструкции сельского хозяйства также будут годами обостренной классовой борьбы, о затухании и смягчении которой еще рано в настоящее время говорить. Вопрос «кто—кого», окончательно решенный в отношении промышленности, еще не снят в отношении земледелия. Наоборот, здесь в связи с всеобщим социалистическим наступлением пролетариата, предстоят в ближайшие годы острые классовые бои.

Социалистическая индустрия вливает в сельское хозяйство огромную массу новых средств производства. Способ сельскохозяйственного производства на наших глазах претерпевает коренное изменение. Достаточно сказать, что даже по старой сельскохозяйственной пятилетке, которая в настоящее время подвергается коренному пересмотру в соответствии с задачей сплошной коллективизации, стоимость мертвого инвентаря в сельском хозяйстве должна была вырасти к концу пятилетки в два раза. По новой сельскохозяйственной

пятилетке этот рост будет гораздо более значительным. Миллионы механических тракторных сил, десятки тысяч комбайнов как импортных, так и построенных на советских заводах, многие миллионы тонн химических удобрений, капитальные хозяйственные постройки, индустриальные предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства, электростанции, — все это должно коренным образом изменить способ производства в сельском хозяйстве. Органический состав «капитала» в сельском хозяйстве, который в капиталистическом обществе неизбежно стоит ниже, нежели состав капитала промышленности, — в нашем хозяйственном строе в лице своего авангарда — новых зерносовхозоз — начинает подтягиваться к нормам состава капитала в крупных промышленных предприятиях. В нашей печати уже приводились данные о том, что состав «капитала» в совхозе «Гигант»— примерно аналогичен составу «капитала» на «Красном Путиловце». В ближайший период развития основная часть сельского хозяйства Союза все более будет приближаться по своему уровню к нынешним передовым сельскохозяйственным предприятиям Союза, являющимися единственными в мире образцами крупного сельскохозяйственного производства.

В чьи руки попадают огромные массы новых средств производства, которые социалистическая индустрия вольет в сельское хозяйство нашего Союза.

История до сих пор знала только один путь укрупнения и технического совершенствования сельского хозяйства на основе машинной техники — путь капиталистический. Средства производства в виде усовершенствованных машин и химических удобрений вливались из городской индустрии в крупные помещичьи и фермерские хозяйства. Аграрный капитализм был единственной известной в истории социальной формой развития крупного машинного производства в земледелии. В нашей же стране класс аграрных капиталистов не только не получит этих новых средств производства, но, наоборот, на основе под'ема социалистической формы производства, класс аграрных капиталистов — кулаков должен быть целиком и полностью ликвидирован. В СССР пробил час последних остатков капиталистической частной собственности. Происходит экспроприация последних экспроприаторов. Идет борьба за ликвидацию самого прочного, имеющего наиболее глубокие корни в экономике страны отряда капиталистического класса. Было бы маниловской иллюзией думать, что этот великий переворот может произойти без самой ожесточенной классовой борьбы, без бешеного сопротивления умирающего класса, без известных временных нарушений самого хода процесса воспроизводства.

Отсюда видно, насколько не случайным было оживление правооппортунистического уклона именно в начале реконструктивного периода. В восстановительный период, когда партия проводила политику ограничения и вытеснения кулачества, выделение капиталистических элементов и рост кулачества все же происходил, но он происходил на старой технической базе. В реконструктивный период, в период технического перевооружения сельского хозяйства, дальнейшее допущение роста кулачества было бы гораздо опаснее, было бы не чем иным, как ставкой на развитие аграрного капитализма в сельском хозяйстве на новой технической базе, создаваемой социалистической индустрией. Этим самым тип развития советского хозяйства был бы предопределен вперед на десятилетия, ибо «реконструированный» кулак, кулак ведущий рациональное (поскольку это возможно, конечно, при относительно мелких размерах) механизированное сельское хозяйство оказался бы в деревне гораздо большей хозяйственной и политической силой, нежели прежний «восстановительный» кулак. И удельный вес во всем народном хозяйстве аграрного капитализма, развивающегося на основе процесса технической реконструкции, был бы значительно больше, нежели роль и значение кулака в восстановительный период.

Ставка на рост капиталистических элементов в деревне в реконструктивный период означала бы поворот социалистической индустрии на рельсы обслуживания аграрного капитализма, превращение командных высот пролетарской диктатуры из орудия социалистического строительства в орудие под'ема и укрепления класса, непримиримо враждебного пролетариату и социализму. Этим были бы созданы предпосылки разрыва города и деревни, предпосылки капиталистической реставрации. Момент перехода к реконструкции для аграрного капитализма был критическим моментом. От того направления, которое приняла политика партии в этот момент, зависела судьба аграрного капитализма, зависело направление развития всего хозяйства в СССР на целый исторический период. Не случайно поэтому, что идеология капиталистической реставрации именно в это время получила наиболее сильное, наиболее яркое выражение. Сопротивление кулачества приняло особенно острый характер, и кулацкая агентура в рядах партии в лице правых оппортунистов выступила особенно активно. Не случайно поэтому, что именно в этот момент партия должна была дать и дала решительный отпор малейшим попыткам свернуть с ленинской линии и твердо наметила пути коренной социалистической реконструкции советской деревни. В беспощадной борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, партия добилась гигантских успехов. Произошел решительный поворот к социализму середняцких масс. Но глубочайшие корни капитализма еще не выкорчеваны полностью. Бои за сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса еще не окончены.

В настоящее время колхозное движение стоит перед новым мощным под'емом. Успешное проведение весеннего сева, выявление на практике перед глазами миллионов крестьянских хозяйств неоспоримых преимуществ крупного коллективного производства, рост доходности коллективизированных хозяйств по сравнению с единоличными, — все это создает благоприятные условия для новой волны прилива в колхозы. Прилив этот уже начинается. Контрольные цифры 1930—31 года намечают охват колхозами к концу года более половины всех крестьянских хозяйств.

Борьба за новый под'ем колхозного движения есть самая острая борьба с кулачеством. Сопротивление кулачества на данном этапе принимает новые формы так же, как в новом костюме выступают и оппортунистические элементы внутри партии в повседневной практике и в области идеологии.

Успех нового под'ема колхозной волны зависит в первую очередь от укрепления и под'ема на высшую ступень самого коллективного хозяйства. Поэтому усилия кулачества и его агентуры в первую очередь направлены на то, чтобы помешать закреплению колхозов, как социалистической формы производства. Помимо обычных, уже известных приемов кулацкой борьбы, начиная от агитации, играющей на мелкособственнических чувствах крестьянина-середняка, и кончая террором и вредительством, кулачество применяет и новые методы, вытекающие из своеобразия хозяйственной обстановки. Кулак пытается внушить середняку, что высокий доход, полученный этим последним в колхозе, можно с пользой для себя реализовать лишь на частном, спекулятивном рынке; играя на разрыве между государственными и «вольными» спекулятивными ценами, кулачество хочет оттащить середняка назад, соблазнить его легкой спекулятивной наживой; этим способом кулачество хочет добиться противопоставления колхозов пролетарскому государству и их развала; оно надеется превратить первую колхозную весну и лето в мимолетный эпизод, который окончится тем, что выгоды коллективного производства середняк использует для личного обогащения и снова, на расширенной базе начнет развивать индивидуальное хозяйство.

Не может быть сомнения, что эта новая ставка кулачества будет бита так же, как и прежние. Непосредственные факты жизни прочно убеждают середняка, что дальнейшее укрепление коллективного производства для него выгоднее, лучше обеспечивает его будущее, нежели растаскивание колхозов и спекуляция хлебом. Пролетариат, опираясь на бедноту и на многомиллионные массы сознательных колхозников, сумеет и на данном этапе еще крепче сплотить деревню против кулачества и повести бедняцко-середняцкие массы по пути сплошной коллективизации.

Но для этого нужен решительный отпор всяким видам правого и «левого» оппортунизма и примиренчества к нему, в том числе всяким настроениям «самотека», всякому ослаблению внимания к вопросам внутриколхозного строительства, всяким попыткам отодвинуть на задний план борьбу за укрепление колхоза, как социалистической формы производства, всякой недооценке работы по организации новой волны прилива в колхозы.

Надо помнить, что борьба за середняка остается и сейчас первоочередной задачей, несмотря на величайший поворот основной массы крестьянства в сторону социализма.

* * *

Главное, что определяет новое соотношение классовых сил в деревне, это — решительный поворот середняцких масс к социализму. Значительные массы середняков, войдя в колхозы, превратились в активных участников социалистического преобразования земледелия, стали наряду с беднотой прочной и действительной опорой советской власти в деревне.

В этом расширении и упрочении опоры пролетарского государства заключается основная и важнейшая характеристика классового сдвига в советской деревне в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Не видеть этого, не учитывать огромных новых людских резервов, на которые пролетариат и его партия в состоянии прочно опереться в построении социалистического производства, в борьбе с остатками капиталистического класса — значило бы ничего не понять в своеобразии нового этапа и недооценить свойственные ему масштабы и темпы в борьбе за выкорчевывание корней капитализма.

Тезис о колхозниках, как о действительной и прочной опоре советской власти в деревне, имеет огромное революционное значение. Только на основе этого нового лозунга партия сумеет развернуть на новом этапе борьбу за наступление социализма по всему фронту. Недооценка значения этого лозунга есть, в сущности, недооценка ведущей роли пролетарской диктатуры по отношению к деревне в тех формах, в каких эта ведущая роль проявляется на новом этапе. Эта недооценка есть теоретическая база для правооппортунистических искривлений линии партии.

Огромное значение лозунга об опоре на колхозника, на колхозника-середняка, не дает права, как думают некоторые товарищи, высказывавшиеся в пред'сездовской дискуссии, «снимать» старый ленинский лозунг прочного союза пролетариата и бедноты с середняком или даже считать его «второстепенным», побочным. В тезисах по докладу т. Яковлева, принятых XVI партс'ездом, отнюдь не случайно наряду с лозунгом об опоре на колхозника говорится, что союз с середняком представляет основу колхозного движения в данный момент.

В том же п. 5, где провозглашен лозунг об опоре на колхозника, говорится, что партии удалось достигнуть перелома в развитии сельского хозяйства СССР «на базе союза с середняком, представляющего основу колхозного строительства в данный момент» (подчеркнуто нами. *Д. Л.*).

В другом месте говорится:

> «Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному может осуществиться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняка к колхозному руководству».

Таким образом, тезис о новой опоре советской власти на колхозников в решениях с'езда органически сочетается с задачей укрепления союза с середняком.

До тех пор, покуда значительные массы середняков еще не вошли в колхозы, лозунг укрепления союза с середняком остается отнюдь не второстепенным, а важнейшим лозунгом, основой колхозного движения. Не понимать этого — значит недооценивать задачи вовлечения середняка в колхозы, создавать теоретическую базу для неправильных отношений к единоличнику-середняку и между колхозниками и единоличниками.

Укрепляя союз с середняком, мы тем самым создаем прочную основу дальнейшего развертывания массового колхозного движения — сплошной коллективизации.

«Лозунг союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняком определяет развитие деревни до ворот колхоза». Этими словами т. Яковлев в своем докладе на XVI парт-с'езде дал совершенно точное определение роли этого леникского лозунга в период сплошной коллективизации. Разумеется, тогда, когда за ворота колхоза перейдут все середняки, — этот лозунг союза с середняком окажется исторически-изжитым. Но до тех пор, покуда задача вовлечения основных середняцких масс в колхоз стоит перед нами, как важнейшая задача сплошной коллективизации, — всякое сведение этого лозунга на второстепенное место является ошибочным и вредным, способствуя недооценке значения работы с единоличником и организованного вовлечения его в колхозы.

Те середняки, которые уже прочно вошли в колхоз и проявили себя в деле организации социалистического хозяйства, являются, наряду с беднотой, действительной и прочной опорой советской власти. Они являются опорой, прежде всего, в том смысле, что, опираясь на них, советская власть должна завершить дело сплошной коллективизации, должна вовлечь в колхозы широкие массы «пока еще неколхозников. Опираясь на колхозников, пролетариат должен добиться дальнейшего укрепления союза с середняком, вовлекая его в колхоз, доводя середняка — на основе этого союза — «до ворот колхоза». Поэтому непонимание органического сочетания лозунга опоры на колхозника с лозунгом союза с середняком есть не что иное, как оппортунистическая недооценка задач борьбы за середняка, за осуществление сплошной коллективизации. Из этого же лозунга вытекает необходимость борьбы против оппортунистической недооценки вовлечения оставшихся масс бедняков и середняков в колхозы.

* * *

Вопрос об установлении правильных отношений с середняком имеет, как мы видим, теснейшую связь с другим важнейшим вопросом практики колхозного строительства — с вопросом о взаимоотношениях колхозников и единоличников.

Весной 1930 г. имела место довольно сильная волна отлива из колхозов. Эта волна была вызвана, в основном, «левыми» искривлениями линии партии, насильственным администрированием в области коллективизации, забвением со стороны ряда местных организаций лозунга прочного союза с середняком. Эта волна отлива породила в кругах колхозников, оставшихся в колхозах, недоброжелательное отношение к выходцам и к единоличникам вообще. В целом ряде районов обострение отношений между колхозниками и единоличниками приняло довольно серьезные формы. В этом явлении известную роль, несомненно, сыграл тот факт, что выходцы своим поведением нанесли ущерб развитию хозяйства коллективов и значительно затруднили колхозам дело организации сева.

Из этого кое-где колхозники делают дальнейшие выводы. В отдельных районах, например в ЦЧО, в Харьковщине и др., судя по последним сведениям, некоторые колхозы ставят рогатки новой волне прилива единоличников в колхоз. Вместо того, чтобы организовать эту новую волну и ее возглавить, вместо того, чтобы помочь единоличнику и вовлечь его в колхоз, как это рекомендует XVI с'езд партии, делают обратное: устанавливают, например, кандидатский стаж для единоличников, вступающих в колхозы, устанавливают для них особые требования, затрудняющие вступление в хозяйство, всячески оттягивают прием в колхоз новой волны единоличников, а то и просто закрывают этот прием на время. Наблюдается явная недооценка задачи организации нового прилива в колхозы и со стороны местных колхозно-кооперативных, советских, иногда и партийных организаций. Хотят отложить новую колхозную волну «до окончания сева», «до окончания хлебозаготовок», ссылаются на трудности одновременной работы по нескольким боевым осенним кампаниям одновременно. Разумеется, эти факты имеются не повсюду, но и те сведения, которые поступают из отдельных районов, вполне достаточны для того, чтобы обратить на них самое серьезное внимание. Ограничивать приток в колхозы есть самая худшая разновидность правого оппортунизма на практике в колхозном строительстве.

Каковы классовые корни подобных настроений?

Как и всякое проявление оппортунизма на практике, как и всякая капитуляция перед трудностями, эти настроения не случайны. В них иногда явно, а иногда и независимо от сознания самих «носителей зла», проявляется влияние кулачества, проявляется тенденция чуждая и глубоко враждебная линии партии на сплошную коллективизацию. Логическое развитие этой тенденции, если бы она не получила должного отпора, ведет к замыканию колхоза, к его противопоставлению окружающему бедняцко-середняцкому населению. А замкнутые колхозы легко могут превратиться в лжеколхозы. Сама по себе тенденция к замыканию колхозов есть частнохозяйственная тенденция, вырастающая на почве стремления ни с кем не делиться теми выгодами, которые приносит ведение хозяйства в крупном масштабе. Эта тенденция глубоко враждебна линии партии на сплошную коллективизацию и представляет собой извращение колхозной формы, как социалистической формы производства. Несомненно, что кулачество постарается использовать в борьбе против колхозов и этого рода извращения.

Поэтому, только безнадежный правый оппортунист, не желающий бороться с капиталистическими тенденциями в советской деревне, а потому и не желающий их видеть, может стать на путь ограничения притока бедняцко-середняцких масс в колхозы. Это значило бы не видеть, что капиталистические элементы в деревне, борьба с которыми еще не закончена, безусловно используют это в своей борьбе против колхозов. Это значило бы не понимать, что социалистическое развитие колхозов возможно лишь в борьбе за сплошную коллективизацию, проведение которой является главной задачей партии в деревне на ближайший отрезок времени.

Против подобных явлений должна быть об'явлена решительная борьба как в колхозных рядах, так и в рядах партийных организаций.

Не случайно т. Сталин охарактеризовал XVI партийный с'езд, как «с'езд развернутого наступления социализма *по всему фронту*, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации».

Нынешние единоличники, как это подчеркивал тов. Яковлев в своем докладе на с'езде, должны рассматриваться как завтрашние колхозники. В известном тезисе о новой постановке вопроса об опоре советской власти в деревне не даром подчеркнуто деление деревни, с одной стороны, на колхозников, а с другой стороны,—на «неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, *но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации*» (подчеркнуто нами. *Д. Л.*).

Подобное отношение к единоличнику целиком связано с лозунгом *сплошной коллективизации*. Только на этом пути колхозное движение в состоянии сохранить свой социалистический характер и выполнить свою историческую роль — перевода всего сельского хозяйства СССР на новый, социалистический путь. «Метод сплошной коллективизации является тем необходимым методом, без которого невозможно выполнение пятилетнего плана коллективизации всех областей СССР. Как можно от него отказываться, не предавая коммунизм, не предавая интересов рабочего класса и крестьянства?» (Сталин). *Задача организации нового* прилива в колхозы приобретает *для ближайшего периода первостепенное значение*. Продолжая беспощадно борьбу с нарушителями принципа добровольности, с практикой административного принуждения, которую партия разоблачила, как линию, насквозь враждебную ленинизму, нужно крепко ударить по всякой *недооценке значения организации новых приливов, как по проявлению на практике оппортунистической теории самотека*. Широкая массовая работа, организованная помощь единоличникам с вовлечением их в коллективную обработку земли, организованный показ единоличникам всех достижений колхоза — таковы пути, которые уже и сейчас с успехом применяются передовыми колхозниками. Эти методы организации нового прилива должны получить всеобщее распространение.

* * *

Основной формой колхоза для настоящего периода, как показывает весь практический опыт, является с.-х. артель. В артели обобществляются все основные средства производства и организуются на коллективных началах все главнейшие товарные отрасли хозяйства. Поэтому артель способна осуществить на практике крупное социалистическое производство и реализовать все его преимущества. В то же время артель не требует от крестьянина полного отказа от индивидуального хозяйства, оставляя в единоличном пользовании корову и ее приплод, мелкий скот, огород и т. д. Артельная форма на практике наиболее способна дать такое сочетание коллективного и индивидуального хозяйства, которое обеспечивает решительный перевес первого над вторым, но в то же время не отпугивает мелкого производителя полным обобществлением всей его собственности. Артельная форма поэтому способна стать массовой формой колхоза в период сплошной коллективизации, обеспечить условия для дальнейшего перерастания в коммуну и для быстрого развития производительности и товарности.

Значение артели, как основной формы колхоза, нисколько не умаляет значения *простейших* форм производственных кооперативных об'единений, а также первичной формы колхоза — ТОЗ, являющейся переходной к артели.

Вопрос о *формах* вовлечения бедняцко-середняцких масс в коллективные об'единения на данном этапе есть вопрос огромной политической важности. Начиная с простого кооперирования крестьянства на почве все более укрепляющейся непосредственной смычки между социалистической промышленностью и сельским хозяйством и кончая артелью и коммуной, мы разворачиваем фронт социалистического переустройства деревни.

В период «перегибов» в отношении простейших производственных об'единений были совершены грубейшие ошибки «левого» характера.

Почти повсюду прекратилась всякая работа по кооперированию. Были уничтожены поселковые товарищества. Процент кооперированных крестьянских хозяйств понизился. Сельскохозяйственная кооперация, прекратив, таким образом, всякую работу с единоличниками, в то же время не переключилась на производственное и сбытовое обслуживание самих колхозов. Кооперация не нашла в этот период своего места в процессе социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Это же игнорирование простейших переходных форм получило свое отражение в малом развитии простейшей формы колхоза — товариществ по общественной обработке земли...

Решение XVI с'езда о ТОЗ гласит:

> «Наряду с артелью, в некоторых районах *незернового* характера, а также в национальных районах Востока, может получить на первое время *массовое* распространение *товарищество по общественной обработке земли* как переходная форма к артели».

Как раз в незерновых и национальных районах процент ТОЗ к общему числу колхозов весной этого года являлся крайне незначительным. Нет сомнения в том, что и здесь сказалась недооценка значения переходных форм, посредством которых можно вовлечь в колхозное движение самые широкие массы бедноты и середняков. Это находит свое подтверждение в чрезвычайно обширной практике всякого рода внеуставных колхозных форм. Из целого ряда районов имеются сведения о том, что весной и осенью единоличники в процессе сева и уборки создавали те или иные об'единения, конечно, весьма далекие от с.-х. артели, но по существу приближающиеся к ТОЗ, создавали их «нелегально», не желая формально связывать себя каким бы то ни было уставом. Существует даже целый ряд специфических терминов, которыми в различных местах называют таких «нелегальных» колхозников: супряжники, однобороздники, массивщики и т. п.

Колхозные и кооперативные органы «потребляющих» районов и национальных окраин в своей практической деятельности недооценивали значения ТОЗ, как первичной формы колхоза, которая способна охватить широкую массу хозяйства, тянущихся к коллективной обработке земли, но ныне еще не желающих войти в артель. Для этого устав ТОЗ должен быть переработан таким образом, чтобы служить первичной формой колхоза, переходной к артели. На основе устава ТОЗ должна быть организована и введена в колхозное русло значительная волна колеблющихся, еще стоящих у ворот колхоза единоличников.

Первичной и простейшей форме об'единений, в том числе и ТОЗ, нужно уделить соответствующее внимание. Нужно развить процессы простейшего производственного кооперирования. Нужно охватить ТОЗ все значительные массы единоличников, которые еще на сегодняшний день не готовы для вступления в с.-х. артель. Но одновременно нужно *бороться против попыток замазать значение с.-х. артели*, как основной формы колхоза и подменить задачу строительства артелей задачей развития таких простейших об'единений.

Колхозы являются социалистической формой производства. Но колхозы в форме артели и даже коммуны—не есть еще предприятия последовательно-социалистического типа. Не повторяя здесь обоснования этого положения, которое уже давалось на страницах «Большевика», остановимся лишь на некоторых моментах, связанных с определением социальной сущности колхоза. Собственником средств производства артели являются сами крестьяне, добровольно об'единившиеся для коллективного производства. Таким образом, мы имеем здесь дело пока еще с групповой собственностью, а не с собственностью всего общества на средства производства. Лишь при условии дальнейшего развития коллективного производства, на основе сплошной коллективизации, усиления ведущей роли пролетарской диктатуры и дальнейшего укрепления планового начала в сельском хозяйстве — эта групповая крестьянская собственность практически превратится в социалистическую форму собственности, в собственность трудящихся в целом.

В колхозах имеются еще остатки индивидуального хозяйства. Колхозник-середняк, имеющий свою корову, свой огород, свой мелкий скот и т. д., экономически не равен колхознику-бедняку, у которого индивидуальная часть хозяйства или совершенно отсутствует или играет совершенно ничтожную роль.

Таким образом, отношения между колхозниками предполагают еще на данной стадии имущественное неравенство. Наряду с этим в самом колхозном хозяйстве при распределении доходов по затраченному труду имеет место неравенство другого рода, неравенство в оплате труда. Это последнее неравенство имеется и на социалистической фабрике. На первой фазе коммунистического общества, на фазе социализма этого рода неравенство неизбежно сохраняется, представляя собой остаток буржуазного права. Дальнейшее развитие колхоза отнюдь не повлечет за собой отмирание неравенства этого последнего рода. Различная оплата труда, в зависимости от количества и качества проделанной работы, сохранится еще долгое время в социалистическом хозяйстве. Задача полной ликвидации неравенства подобного рода есть задача перехода от социализма к фазе развернутого коммунистического общества. Она предполагает гораздо большее развитие производительных сил, чем то, которое мыслится в период социализма, предполагает иной человеческий материал, воспитанный уже в обстановке развернутого социалистического хозяйства.

Задача уничтожения имущественного неравенства в колхозах стоит, как одна из задач ближайшего периода развития. Эта задача не может быть решена иначе, как путем полного обобществления всех средств производства, полной ликвидации или сведения до чисто потребительского минимума неколлективизированной части хозяйства колхозника. Таким образом, изживание имущественного неравенства полностью совпадает с задачей перерастания колхозов из низших форм в высшие, перерастания артелей в коммуны. Коллективизация животноводства, являющегося главным элементом индивидуального хозяйства колхозников, — и есть тот путь, посредством которого будет уничтожаться имущественное неравенство среди колхозов, и колхозы тем самым будут приближаться к предприятиям последовательно-социалистического типа. Это есть задача ближайшего периода, решать которую нужно со всей осмотрительностью, с строгим соблюдением ленинского принципа добровольности.

Относительно перерастания артели в коммуну XVI партс'езд дал следующую директиву:

> «Колхозное движение может подниматься к высшим формам, как коммуна, в соответствии с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников, при непременном условии признания самими крестьянами соответствующих изменений в уставе и их осуществления снизу».

Таким образом, лишь постепенно, по мере качественного роста колхозного движения может происходить это массовое перерастание с.-х. артели в с.-х. коммуну.

Что касается коммуны, то следует подчеркнуть, что не всякая коммуна является действительно социалистическим предприятием. Известны такие факты, когда отдельная небольшая коммуна, имеющая не только обобществленные средства производства, но и в значительной мере обобществленный быт, тем не менее вовсе не является предприятием социалистического типа. Это происходит потому, что в некоторых старых коммунах довольно сильны тенденции к отгораживанию от окружающего крестьянского населения, к замыканию. Если бы коммуны развивались по этому пути, то они вовсе не были бы ведущими элементами социализма в нашем сельском хозяйстве.

Чем определяется последовательно-социалистический характер нашей фабрики? Во-первых, теми отношениями, которые складываются внутри фабрики, где не существует эксплоатации, классового деления, имущественного неравенства. Во-вторых, тем, что социалистическая фабрика находится в руках пролетарского государства, что она является одной из его командных высот, руководится и направляется по плану, вырабатываемому пролетарским государством. На практике социалистический характер нашей промышленности проявляется в том, что пролетарское государство строит всю ее работу в том направлении, которое диктуется интересами построения социализма. В частности, в настоящее время силы социалистической индустрии направлены на техническое перевооружение социалистического сектора сельского хозяйства, которое необходимо для его окончательной победы над кулачеством. Фабрика, которая, хотя и не принадлежала бы капиталистам, но была бы «самостоятельна», «автономна» и не подчинялась бы плановому руководству пролетарской диктатуры, не была бы орудием в его руках, разумеется, не была бы элементом социализма в нашем хозяйстве. Точно также и замкнутая в себе коммуна, если она не развивает необходимых государству товарных отраслей сельского хозяйства, если она не является опорой в деле сплошной коллективизации данного района, если она противопоставляет себя окружающему бедняцко-середняцкому населению, вовсе не будет элементом социализма, как бы ни был организован в этой коммуне быт. Вот почему очередная задача строительства коммун заключается не в том, чтобы в отдельных коммунах достигнуть полного осуществления коммунистических идеалов в смысле обобществления потребления и быта, а в том, чтобы добиться полного обобществления всех средств производства, рационального построения крупного социалистического производства, дающего максимум товарной продукции государству в соответствии с его планами, показательного развертывания обобществленного животноводства, широкой помощи, показа, организованного вовлечения в колхозные ряды окружающего бедняцко-середняцкого населения.

Таковы основные задачи наших коммун. Это не значит, конечно, что вопросы обобществления и рационализации быта должны быть отложены. Напротив, такие вопросы, как организация общественного питания, детских учреждений, культурного обслуживания — имеют первостепенное значение, и не только для коммуны, но и для широкой массы артелей. Нужно только, чтобы на данной стадии эти вопросы были подчинены центральной задаче рациональной организации труда и производства в целом, а не ставились, как самоцель, оттесняющая на задний план коренные интересы социалистического производства.

* *

До сих пор мы останавливались на некоторых проблемах колхозной политики, постановка которых вытекает из задач сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Но совершенно ясно, что решающей предпосылкой успехов коллективизации является правильная организация колхозного производства. Колхозы должны показать максимальный рост производительных сил. Колхозная форма должна помочь стране преодолеть то историческое отставание сельскохозяйственного производства, которое является тормозом для быстрого развития индустриализации.

Колхозы, несомненно, в состоянии это сделать, ибо сама новая социалистическая форма производства таит в себе огромные резервы, еще нами не изученные. Простое сложение крестьянских средств производства уже дает огромный производственный эффект. Этот эффект становится еще во много раз больше, если мы сочетаем правильное использование мелкого крестьянского инвентаря, имеющегося в колхозах, с элементами новой технической базы.

В этом отношении особое значение приобретает опыт машинно-тракторных станций, в районах которых и происходит в громадном масштабе подобный опыт сочетания новой и старой технической базы. От хозяйственных результатов деятельности колхозов зависят, в конечном счете, как прочность самих колхозов, так и быстрота темпа индустриализации в нашей стране. Вот почему вопросы организации и планирования колхозного хозяйства и являются, по сути дела, решающими. В этой области приходится, прежде всего, отметить крайнюю беспомощность наших агрономических сил и плановых органов. При проработке сельскохозяйственных планов наши плановые органы не имеют еще твердой базы для учета возможностей роста производства в колхозах. Агрономическая наука еще не знает исходных величин, которые позволили бы рассчитывать и организовывать рост колхозного производства.

В самом деле. Возьмем даже самые простейшие вопросы. Каковы пределы нагрузки трактора в наших МТС? Каковы пределы нагрузки лошади в наших колхозах? Каковы пределы рационального использования сельскохозяйственного инвентаря в условиях крупного коллективного производства? На эти вопросы в настоящее время еще никто не в состоянии ответить. Американский и западно-европейский опыт ничего не может нам дать в этом отношении. Цифры, приведенные на XVI с'езде т. Яковлевым, с полной наглядностью показывают, насколько беспомощно американское сельское хозяйство, вооруженное лучшей в мире техникой, там, где дело идет о расширении посевных площадей и о рациональном использовании технической базы. Американский трактор используется значительно хуже, чем уже в настоящее время используется трактор в наших совхозах, в МТС. В условиях сравнительно мелкого сельского хозяйства капиталистических стран нам не найти образцов рационального использования средств производства. Это ведет к тому, что наши планы часто преуменьшают возможности производственного роста колхозов. Мы не имеем пока никаких опорных данных, чтобы дать их нашему сельскому хозяйству, данных, действительно учитывающих все возможности, заложенные в социалистической форме плановые задания, которые имели бы для широких масс колхозников организующее и мобилизующее их силы—значение. Выход из этого может быть только один, использовать массовый опыт самих колхозников. Необходимо перенести не только в совхозы, но и в лучшие МТС и колхозы идею *встречного плана*. Если в промышленности на передовых предприятиях опыт составления встречного промфинплана привел к чрезвычайно благоприятным результатам, то не менее, а, может быть, еще более важный результат применения этого метода планирования получился бы в отношении совхозов, МТС и лучших колхозов.

Если на заводе, в цехе рабочий, непосредственно привлеченный к делу планирования своего производства, в состоянии более полно учесть возможные резервы и предложить практические методы их использования, то для МТС и колхозов подобного рода привлечение масс к планированию является

тем более важным путем выявления возможностей роста производства, имеющихся на местах. Ведь, ни у кого не имеется большего опыта развертывания крупного коллективного производства, чем у самих колхозников.

В каждой области, в каждом крае, в ряде МТС и в лучших колхозах должна быть поставлена работа по составлению перспективного плана развертывания хозяйства. Эта работа должна быть поставлена не так, как до сих пор разрабатывались организационные планы крупных колхозов и районов сплошной коллективизации. До сих пор это делалось кабинетным путем. Этим занимались местные агрономические силы или же научно-исследовательские институты. Не имея опыта в развертывании коллективного производства, а такого опыта никто еще в нашей стране не имеет, кроме самих колхозников, — эти составители планов принуждены были опираться на обычные нормы агрономической науки, и планы, ими составленные, неизбежно приобретали более или менее шаблонный характер. В составлении тех планов, о которых мы здесь говорим, должны принять участие сами колхозники. Вполне возможно в крупном колхозе, в хорошей МТС поставить перед самими колхозниками вопрос о перспективах развития их хозяйства, на общих собраниях, на производственных совещаниях силами самих колхозников с участием лучших агрономических и научных сил—проработать вопрос о возможном использовании тягловой силы, о возможном расширении посевных площадей, о путях развития животноводства, о рациональных формах строительства, о мелиоративных работах, о расширении кормовой базы и т. д.

Встречный план явится и здесь гигантским рычагом мощного под'ема и качественного укрепления колхозов.

Сочетание научно-исследовательской и плановой мысли с непосредственным живым опытом масс должны помочь составить для этих районов настоящий живой план, который выявит все скрытые резервы роста производства.

В процессе этой работы неизбежно выдвинется целый ряд организационно-хозяйственных проблем, имеющих значение для всех колхозов данной области, которые другим способом невозможно правильно понять и поставить. В процессе этой работы могут быть созданы новые исходные данные, которыми будут руководствоваться плановые и земельные органы при проектировке мероприятий в области развития колхозного хозяйства.

Такие встречные планы снизу в области колхозного строительства будут, по сути дела, единственной основой для составления настоящего перспективного плана развития коллективного хозяйства данной области или края.

Таков метод, который должны провести в жизнь колхозные, кооперативные и земельные органы в области планирования и организации коллективного хозяйства. На этой основе можно будет правильно решить целый ряд практических организационно-хозяйственных вопросов колхозного строительства.

Х. Рапопорт.

Строительство гигантов тяжелой индустрии.

> *«Победа наша велика хотя бы потому, что один лишь Сельмаш по развернутой программе должен производить с.-х. машин на 115 млн. рублей ежегодно, тогда как все имевшиеся в довоенное время 900 заводов по с.-х. машиностроению производили с.-х. машин ежегодно всего лишь на 70 млн. рублей» (Сталин).*

Вопрос о типе промышленных предприятий СССР имеет решающее значение в осуществлении задачи догнать и перегнать.

Проблема строительства гигантов-предприятий имеет большое значение для решения той основной задачи, которая была поставлена категорическими решениями XVI партс'езда.

> «Базой для развития машиностроительной, электротехнической, автотракторной промышленности, а также с.-х. машиностроения является черная и цветная металлургия. Больше того: развитие черной и цветной металлургии предопределяет и темпы капитального строительства, и темпы развития всех остальных отраслей народного хозяйства (транспорт, коммунальное хозяйство, оборона и т. д.). С'езд одобряет решения ЦК ВКП(б) о доведении выплавки чугуна в 1932—33 гг. не менее чем до 17 млн. тонн, поставив эту задачу перед всеми партийными, профессиональными и общественными организациями, как общественно-народно-хозяйственную задачу».
>
> «Эту задачу мы должны выполнить,—указывал в своем докладе тов. Сталин,—во что бы то ни стало, если мы хотим по-настоящему развернуть дело индустриализации нашей страны. Большевики должны показать, что они сумеют справиться с этой задачей».

Выполнение такой грандиозной задачи требует, с одной стороны, максимального использования технической мощности существующих заводов, их максимальной рационализации и концентрации больших реконструктивных работ на наиболее эффективных участках. Эти грандиозные задачи индустриализации могут быть разрешены строительством крупнейших электростанций, металлургических, шахтных, химических и др. предприятий-гигантов.

То, что при капитализме достигается в результате длительных и болезненных процессов его развития, в результате концентрации и централизации, у нас, благодаря преимуществам социалистической системы хозяйства, уже с самого начала реконструкции промышленности возможно путем строительства предприятий-гигантов, стоящих на уровне новейшей мировой техники.

Практика всего нашего капитального строительства тяжелой индустрии в прошлом показывает, что еще год назад среди наших крупнейших специалистов господствовала недооценка качественных показателей нашего строительства, пренебрежение, а нередко и прямое незнакомство с структурой наиболее мощных предприятий за границей.

Эта недооценка была всячески использована вредителями.

Характерно отношение бывшего председателя Металлической Секции Госплана СССР инженера Гартвана (оказавшегося вредителем) к вопросу о мощности предприятий. В составленном им генплане по металлопромышленности Гартван проектирует автомобильный завод на 10 тыс. автомобилей, в то время как мы сейчас строим автомобильный завод на 140 тыс. машин с ближайшей перспективой его расширения до 300 тысяч. Гартван учитывает Сталинградский завод мощностью в 10 тыс. тракторов (и это в генплане), в то время как сейчас производство этого завода намечено в 50 тыс. тракторов, при чем строятся два других, из которых Челябинский тракторный (на производство 40 тысяч 60-ти сильных тракторов),—Харьковский тракторный, в действии—Путиловский завод, производство которого будет доведено до 30—35 тыс. тракторов. По черной металлургии, Гартван проектирует: Синарский металлургический завод на 200 тысяч тонн, Алапаевский на 450 тысяч тонн и на рудах гор Благодати и Высокой—200 тыс. тонн. В настоящее же время мы строим Магнитогорский завод, вступающий в 1932/33 г. с мощностью 2,6 млн. тонн, в дальнейшем путем увеличения использования коэффициентов дойдет до мощности 4 млн. тонн. Что касается реконструкции заводов Югостали, то их размер в 2—3—4 раза больше, чем это намечал Гартван в генплане, а между тем Гартван, характеризуя размеры заводов, пишет:

> «Помещая перепись заводов с возможной для них мощностью по выплавке чугуна, мы должны оговориться, что делаем это на основании наиболее компетентных источников по вопросам южной металлургии, хотя сами намечаемые пределы для некоторых старых заводов считаем преувеличенными».

Насколько здесь действительно имелось преувеличение, видно из того, что завод им. Дзержинского, по «преувеличенной» наметке бывш. председателя Металлической Секции Гартвана, намечен в 650 тыс. тонн,—проектом же Гипромеза реконструкция завода доводится до 1.800 тыс. тонн. По Гартвану, завод им. Томского—350 тыс. тонн, а по Гипромезу—1.370 тыс. тонн. Завод им. Ворошилова по Гартвану—450 тыс. тонн, по Гипромезу—1 млн. тонн; Сталинский—470 тыс. тонн по Гартвану и 1.060 тыс. тонн по Гипромезу. Такая же картина и по остальным заводам.

Мы не останавливаемся на размерах заводов по цветной металлургии, машиностроению, так как в генплане они намечены в совершенно ничтожных масштабах.

Известный проф. Грум-Гржимайло, имевший огромное влияние среди технических кругов, в тезисах об организации проектирования новых заводов на Урале указывал на «преждевременность проектирования новых крупных заводов на Урале».

> «Отсрочка в постройке завода-гиганта, — пишет проф. Грум-Гржимайло, — даст возможность употребить имеющиеся деньги на постройку ряда маленьких заводов, специализировав по прилагаемому списку» (приводится список почти на сотню предприятий доменно-чугунно-литейных и других мелких и мельчайших предприятий).
>
> «Отсрочивая постройку гиганта на минеральном горючем,—пишет он,—надо использовать имеющиеся средства на удешевление и упорядочение, т.-е. специализацию средней и мелкой железной промышленности».

Борьба шла и вокруг таких крупных строительств, как Сталинградский тракторный завод. Начальник строительства этого завода тов. Иванов пишет:

> «Настаивали на том, чтобы завод строить по самому последнему слову американской техники. А профессора из Гипромеза, не веря в наши творческие возможности, считали возможным перейти к американской технике только через промежуточную ступень европейской техники».

Сказанное показывает, с какой глубиной и остротой развертывалась классовая борьба вокруг вопроса о масштабах предприятий. Можно привести десятки таких примеров по всем отраслям народного хозяйства. Достаточно вспомнить хотя бы топливную промышленность, где вредители пустили глубокие корни. Еще на Шахтинском процессе обнаружилось, что одним из методов вредительства был курс на средние и мелкие предприятия, при чем литературные и устные выступления ряда топливников по вопросам, о масштабах предприятий до последнего года обнаруживают еще более яркие, чем в металлургии, черты вредительства и косности по вопросу о размерах предприятий.

Одним из крупных недостатков в нашем капитальном строительстве следует считать рассыпной фронт строительства по ряду отраслей. Опасность такого строительства отмечалась уже на XV партс'езде. Эта болезнь нашего строительства отмечена в постановлениях ЦК партии по Югостали, Северохимтресту, Ленинградскому Судостроительному и Машиностроительному трестам, Юрту, Гомзы и др.

ЦК ВКП(б) по работе Югостали и Уралмета в своих постановлениях с полной отчетливостью указывает на эти недостатки нашего планирования и хозяйствования.

> «Главным образом существенным дефектом пятилетки Югостали является отсутствие отбора наиболее эффективных заводов для концентрации на них в первую очередь средств, в целях их форсированного строительства» (постановление ЦК о Югостали).

> «Намечалась и частично осуществлялась экономически нецелесообразная коренная реконструкция старых уральских заводов, производящих чугун на минеральном топливе, с вложением в эти заводы крупных средств; капитальные затраты распылялись, средства распределялись по заводам уравнительно (постановление ЦК об Уралмете).

Социалистическое строительство перешагнуло через головы вредителей и сломало их планы срыва строительства мощных предприятий.

Новые высокие темпы в упор заострили внимание на этом вопросе. Мы сейчас, как типичное явление, имеем строительство гигантов-предприятий, часто не имеющих равных себе в мире, строительство грандиозных комбинатов, охватывающих целые области, колоссальных электростанций; создаются новые крупнейшие индустриальные центры.

Мощность современного крупного предприятия определяется размерами основных видов оборудования, обычно максимально укрупненного стандартного типа. Необходимость иметь предприятия-гиганты побуждает нас на специальные работы для еще большего усиления аггрегатов. Высшие достижения научно-технической мысли, мировой науки и техники, обобщаются для выработки типов таких аггрегатов. Так, например, средняя производительность основного вида оборудования металлургического завода, современного обжимного стана (блюминга), составляет 850 тыс. тонн слитков в год, что, в свою очередь, определяет соответствующий размер остальных устройств прокатного цеха и экономически рентабельный масштаб мартеновского производства. В 1927 г. после широкой реконструкции металлургических заводов

в Европе и значительного нового строительства в САСШ за границей производительность работы доменной печи составляла в среднем в Англии — 115 тонн, во Франции—173, в Бельгии—185, Германии—307, Соединенных Штатах—506, у нас же стандарт новых печей—960, а по Магнитогорскому еще выше — 1.200 т. и проектом предусматривается дальнейшее расширение производительности до 1.500 т., что в три раза больше того максимума доменной печи, который был запроектирован на том же Магнитогорском заводе год тому назад (таких домен в 1.200 тонн в Америке есть всего шесть). Если год тому назад мы в стандарте доменной печи ориентировались на 500—600 тонн суточной производительности, что соответствовало размерам крупных доменных печей Америки и отдельных заводов Европы в довоенное время, то сейчас мы строим крупнейшие в мире домны.

В 1913 г. при выплавке чугуна в 4.205 тыс. тонн мы имели работающих домен—156. Теперь, чтобы иметь такое же количество чугуна — 4 млн. тонн,—достаточно 8 домен мощностью в 1.500 тонн суточной производительности, какие ставятся на Магнитогорском заводе. Восемь домен вместо 156—таковы масштабы изменения мощности доменных печей.

С огромной силой проявляется процесс укрупнения и в производстве стали — в мощности мартеновских печей. Так, в 1927/28 г. по Югостали, на ее технически сравнительно высоко стоящих предприятиях, средний тоннаж печи составлял лишь 39,5 тонн, при чем из 71 печи 50 были с тоннажем до 50 тонн, 16 печей с ручной завалкой. Теперь же нами строятся стандартные новые мартеновские печи в 125 тонн, при чем для Магнитогорского завода запроектирован мартеновский цех в составе 14 печей по 150 тонн, с тем, чтобы в дальнейшем они могли бы быть доведены до 250—300 тонн, при чем 2 печи строятся сразу на мощность 250 тонн. И это — вместо стандартов в 100 тонн по пятилетке и среднего тоннажа новых мартеновских печей по пятилетке в 81,5 тонн. Как видим, на протяжении года огромный сдвиг, при чем решен вопрос о переходе на мартеновские качающиеся печи со стандартом 250 тонн на заводах, работающих на фосфористых рудах. По проекту Гипромеза, для того, чтобы получить с Мариупольского завода 4 млн. тонн стали, нужно было бы поставить 40 мартеновских печей, между тем, как такое же количество стали в довоенное время давали 204 мартеновских печи.

Появляются мощные воздуходувные средства на смену старых крайне нерентабельных.

Усиление воздуходувных устройств имеет огромное значение для поднятия производительности домен и снижения себестоимости чугуна. Сопоставление стоимости дутья паровыми машинами и воздуходувками дает разницу в сумме 5 р. 50 к. (при расходе дутья 5 тыс. куб. метр. на тонну чугуна). При условии введения новых воздуходувных машин эта разница еще более увеличивается. «До войны наибольшая машина газовая, — докладывал проф. Павлов на конференции черной металлургии в 1929 году, — в Америке давала 1.500 куб. метр. в минуту, но теперь уже в Америке построены машины в 1.800 куб. метр. в минуту. Что касается турбовоздуходувок, то в Америке последняя турбовоздуходувка построена на 2.250 куб. метр.».

Здесь, как и в доменном производстве, мы год назад ориентировались на довоенный масштаб, а теперь строим стандартные воздуходувки в 1.800 к. м., а турбовоздуходувки 2.200—2400 (вместо 1.500 намеченных в пятилетке).

Совершенно ясно, что новые предприятия, новые домны несут с собою гораздо более высокую производительность труда. Чтоб выплавить 4.200 т. тонн в дореволюционной России было занято в 1912 г. ¼ млн. рабочих (244.620 чел.), а теперь, чтобы получить такое количество чугуна, при мощности домны Магнитогорского завода в 1.500 тонн, достаточно иметь 30 тыс. рабочих, т.-е. в 8 раз меньше. Вместо 300 рабочих, обслуживающих одну доменную печь старой конструкции, на Магнитогорском заводе будет работать только 12 рабочих. Доменная печь на Керченском заводе будет обслуживаться всего лишь десятью рабочими.

Годовая производительность одного рабочего на Урале—12—15 тонн, а на Кузнецком заводе — 155 тонн.

На Урале в 1912 г. работало 116 тыс. рабочих, а теперь для того, чтобы выплавить такое же количество металла, нужно построить лишь 3 домны на Бакальском заводе, при чем вместо 116 тыс. рабочих (по прежней производительности) достаточно иметь около 9 тыс. рабочих.

Крайне важно, что мы сами будем производить новое оборудование для металлургических заводов, а ведь совсем недавно у нас были «авторитеты», говорившие, что мы не сумеем дать большой разгон металлургии из-за того, что во всем мире есть лишь два завода, могущих производить по одному блюмингу в год, а нам нужно значительно больше. К тому же нужно иметь массу оборудования для доменных и мартеновских цехов. Но оказывается, что не так страшен чорт, как его хотели нам представить и, хотя это производство — дело далеко не легкое, но по сравнению с налаживанием других производств, более тонких, выполнимое, — здесь это был своего рода испуг перед «тараканом».

В настоящее время в программу Уралмашстроя уже включено производство крупнейших поковок и блюмингов. В числе других заданий Уралмашстрой должен поставить оборудование для Магнитогорского и Березняковского химического комбината. Уже в течение ближайшего года один блюминг должен будет дать Краматорский машиностроительный завод.

> «Выполнение плана реконструкции существующих заводов черной и цветной металлургии, форсированная постройка Магнитогорского, Кузнецкого и Запорожского заводов, современный приступ к строительству Нижне-Тагильского и Бакальского заводов на Урале, строительство заводов цветной металлургии на Урале, в Казакстане и Сибири, — являются задачами первостепенной важности и должны сосредоточить на себе все внимание соответствующих партийных, советских, хозяйственных и профессиональных организаций». (Из резолюции XVI партс'езда).

Чтобы выполнить решение с'езда по пятилетке, должны быть построены следующие металлургические заводы:

1. Магнитогорский металлургический комбинат, производительностью в 2.500 тыс. тонн, при чем первые две домны должны дать чугун уже с 1 октября 1931 г.

Завод, как известно, расположен у подножия Магнитной горы, где запасы руд только на разведанных площадях достигают огромной цифры — в 275 млн. тонн. Руда прекрасного качества, с содержанием железа 62—65%, находится на поверхности. Магнитогорский завод включает: электростанцию на твердом топливе 100 тыс. квт. (два Волховстроя), мощные рудники на 6 млн. тонн в год, агломерационные фабрики, коксохимический комбинат и, связанный с металлургическим комбинатом, химический комбинат. Стоимость металлургического комбината ¾ млрд. рублей, а вместе с химическим комбинатом и другими строительствами доходит до 900 млн. рублей. Магнитогорский завод даст весьма дешевый чугун — 30 руб. вместо теперешних 49 руб. за тонну, этот завод явится форпостом и проложит большевистский путь для мощной и быстрой индустриализации Урала и Востока. Проект предусматривает расширение Магнитогорского завода до 4 млн. тонн, при том же количестве в 8 домен, т.-е. до масштаба первого в мире. В настоящее время основная работа идет по постройке плотины, широко развернулись работы по жилстроительству, по постройке вспомогательных предприятий и цехов, горные работы в части исследовательской и отчасти в области подготовки рудников, по выравниванию площадки, идет исследование грунта для

постройки электростанции, а также заканчивается рытье котлован с тем, чтобы возвести фундаменты для двух домен. К концу 1930/31 года должны быть построены две домны, пущены 7 мартеновских печей, произведена одна треть всех горных работ и построена значительная часть поселка. Однако, работы все еще требуют значительного усиления темпов.

2. Кузнецкий завод — первый гигант индустриализации Сибири строится в центре богатейшего в мире каменноугольного бассейна. Завод строится на 1,1 млн. тонн (т.-е. размерами производства будет равен современным крупнейшим металлургическим заводам Европы и САСШ) в составе 3 или 4 домен и 15 мартеновских печей. Стоимость строительства 300 млн. рублей. Завод имеет огромное значение как для Сибири, так и для Средней Азии и Казакстана, закладывает основу третьего металлургического центра страны после Донбасса и Урала. Имея дешевый уголь, Кузнецкий завод должен в значительной части пользоваться уральской рудой. Но комбинация Кузнецкого и Магнитогорского заводов, благодаря чему руда возится в вагонах, которые доставляют уголь на Урал, не отражается сильно на себестоимости чугуна. Кузнецкий завод, как и Магнитогорский, будет давать весьма дешевый чугун—на 19 руб. дешевле в сравнении с современными ценами. Оба крыла Урало-Кузнецкого комбината, Кузнецкий и Магнитогорский заводы вместе с комбинируемыми с ними производствами, будут стоить более 1½ млрд. рублей.

В настоящее время по Кузнецкому заводу проведены широкие подготовительные работы, жилстроительство, вырыты котлованы и начата кладка фундамента двух доменных печей, приступлено к оборудованию мартеновского цеха и к строительству электрической станции и т. д. В общем, строительство Кузнецкого завода идет по плану. Центральная станция подведена под крышу, транспортные пути наведены, ведется оборудование ряда вспомогательных цехов. План капитальных работ по заводу для текущего года — 37 млн. р.—будет выполнен не менее, чем на 34 млн. рублей.

3. Запорожский металлургический комбинат является центром грандиозного промышленного комбината, возникающего на основе дешевой энергии самой мощной в Европе гидроэлектроцентрали — Днепростроя. Металлургическую часть комбината составляет завод с производством высококачественного металла, всех сортов стали вплоть до высших, завод Днепросталь с производством 160 тыс. тонн специальных конструкционных и инструментальных электросталей, завод ферросплавов с производством ферро-марганца, ферро-силиция, ферро-вольфрама и ряда других ценных сплавов, аллюминиевый завод, потребляющий значительную часть энергии Днепростроя на производительность 15 тыс. тонн. В комбинат же входит мощный механический завод стоимостью в 20 млн. рублей. Для использования шлаков металлургического производства, строится большой цементный завод на 2 млн. бочек. С металлургическим производством связано строительство Химкомбината. Стоимость Днепровского промышленного комбината составляет 600 млн. рублей, а вместе с электростанцией 800 млн. рублей. Запорожский металлургический гигант в первую очередь на 1.050 тыс. тонн чугуна строится в составе 4 домен огромной мощности на 960 кубометр.

Запорожский завод имеет блестящие перспективы для дальнейшего роста, будучи расположен у колоссальнейшей электроцентрали, у многоводного Днепра, между богатейшими сырьевыми источниками — Криворожской рудой и Донбассовским углем, при сильно возрастающей потребности страны в высокосортном металле для автотракторного производства и ответственного машиностроения. Проект Запорожского комбината предвидит увеличение металлургического завода до 2,5 млн. тонн, т.-е. до степени одного из крупнейших в мире. Завод начат строительством и первый чугун должен дать к 1 мая 1932 г., как раз к этому моменту приурочен и пуск Днепровской электростанции.

Кроме того, согласно решения ЦК, начинаются строительством заводы, Нижне-Тагильский и Бакальский на Урале, Мариупольский на юге Украины и в конце пятилетия — Липецкий в ЦЧО.

4. Нижне-Тагильский завод будет работать на основе руд гор Благодати, Высокой и Лебяжьей, проектируется на 1.100 тыс. тонн, при чем Гипромез считает, что по наличию запасов руд Нижне-Тагильский завод мог бы быть в дальнейшем развернут и на 2,5 млн. тонн, если только не окажется экономически целесообразным возить руду для балансирования доставки угля из Кизела. Завод начинается строительством 1930/31 г. с тем, чтобы первый чугун дать в 1932/33 г.

5. Бакальский завод проектируется Гипромезом на 2,5 млн. тонн и в первую очередь на 900—1.200 тыс. тонн. Бакальский завод будет построен на богатом месторождении с лучшими бесфосфористыми рудами в мире, из которых вместе с Кузнецким коксом, содержащим лишь 0,8% серы и 9% золы, будет производиться исключительный по своему качеству металл, имеющий огромное значение для строящихся автотракторных заводов, заводов общего и с.-х. машиностроения, судостроения, для обороны. На коксовом заводе при Бакальском комбинате будет производиться отбор газа, смолы, бензола, аммиака и возможно будет построен большой трубный завод. Стоимость завода первой очереди — 300 млн. рублей, и на полную мощность—более 600 млн. р.

6. Липецкий завод, согласно решениям ЦК, начнется строительством в этом пятилетии в 1,1 млн. тонн, на 1-ю очередь, с доведением в дальнейшем, в зависимости от результатов геологических разведок, — до 2,5 млн. тонн. При Липецком комбинате будет построен большой коксо-химический завод с производством аммиака и томас-шлака, при чем комбинат обрастет целым рядом металлообрабатывающих предприятий. Липецкий завод явится решающим фактором для индустриализации Центральной Черноземной области, снабжая ее металлом и минеральными удобрениями.

7. Мариупольский завод, как часть большого строительства металлургии в Мариуполе на керченских рудах, должен уже в 1932/33 г. дать 900 тыс. тонн.

Из других новых металлургических заводов мы имеем уже пущенным в действие Керченский металлургический комбинат, который к концу пятилетия доведет производительность до 500 т. тонн.

Однако, говоря о новых заводах, необходимо отметить и три реконструируемые завода Югостали—им. Дзержинского, им. Томского и им. Ворошилова, которые в 1932/33 г. должны дать 3,5 млн. тонн, т.-е. количество равное всей продукции, с какой мы вступили в пятилетие. Реконструируемые заводы Югостали становятся в ряд с крупнейшими новыми заводами — Кузнецким, Запорожским, Мариупольским. Предвидится возможность путем увеличения коэффициента использования печей несколько уменьшить новое строительство на этих заводах.

Огромные реконструктивные работы превратят в гиганты такие заводы, как «Серп и Молот» (Москва), значительно увеличат мощность заводов быв. ГОМЗ'ы, ряда Ленинградских металлических заводов. Так, например, производительность машиностроительных заводов, дающих свыше 100 млн. рублей продукции в год, в конце пятилетия будет доведена до следующих размеров: «Красное Сормово» — 170 млн. рубл., Коломенский — 230 млн. р., «Красный Профинтерн» — 365 млн. руб., Луганский — 125 млн. руб., Харьковский — 275 млн. р., Ижорский—121 млн. р., «Электросталь»—102 млн. р., Краматорский старый—110 млн. р., Тверской вагоностроительный—120 млн. р., Подольский механический—135 млн. р. Такой количественный рост продукции в недостаточной степени отражает те огромные сдвиги, которые произойдут в самой структуре производства этих крупнейших гигантов металлопромышленности.

Тов. Куйбышев в своем докладе на XVI с'езде ВКП(б) указал, что мы должны держать в перспективе и следующее пятилетие. В следующем пятилетии развернется строительство следующих заводов: на Нижней Волге, на хоперских рудах. Завод этот был намечен в этой пятилетке, но, вследствие недостаточных геологических данных и большей первоочередности других строительств, был отложен. На Средней Волге намечается завод на Орских месторождениях. Металлургическую базу для Московской области составит завод на притульских рудах в комбинации с использованием электроэнергии подмосковного комбината и на основе коксования подмосковного угля. В Закавказьи на богатейших по качеству рудах Дашкесана, по чистоте которым нет равных в мире, на коксе ткварчельских месторождений (есть некоторая вероятность, что путем электролиза) будет осуществлен завод, намеченный еще в этой пятилетке, но отложенный из-за необходимости концентрации капитальных вложений.

На неисчерпаемых по своим запасам Керченских месторождениях, запасы руд которых измеряются в 2 млрд. тонн, Гипромезом запроектирован ряд заводов: Мариупольский — на 3,5 млн. тонн, еще большей мощности проектируется Таганрогский завод, в 4—6 млн. т.,—а также балансирующие им заводы на углях Донбасса в Рутченкове и Енакиево—в 2,5 и 3,5 млн. тонн, при чем эти заводы будут строиться отдельными секциями. Только эти заводы дадут выплавку чугуна, равную почти всей английской и французской выплавке, взятым вместе.

Огромно значение металлургических заводов для индустриализации районов. Вместе с ними собственно и начинается «по-серьезному» переход аграрных областей в индустриально-аграрные. Таково напр. значение Керчи для Крыма, Кузнецкого завода — для Сибири, Липецкого — для ЦЧО, гигантов цветной металлургии — для Казакстана и в следующем пятилетии Хоперского завода — для Нижней Волги и завода на орских рудах — для Средней Волги.

Производство 17 млн. тонн чугуна означает вместе с тем грандиозное задание и для соответствующих отраслей — по топливу и руде в первую очередь.

⁂

Как и в черной металлургии, помимо рационализации и реконструкции старого основного капитала, на что должно быть обращено исключительное внимание, задача увеличения добычи топлива не может быть решена без широкого нового шахтного строительства.

> «Учитывая крайнее отставание нового шахтного строительства от требований, пред'являемых к каменноугольной промышленности, с'езд считает нужным форсировать крупное шахтное строительство, обратив особое внимание на ускорение темпов проходки, доведя их до уровня передовых индустриальных стран» (Из резолюции XVI партс'езда).

Естественно, что наряду со строительством и укрупнением размеров металлургических предприятий должно значительно укрупниться строительство каменноугольной и рудной промышленности при полном перевороте в методах работы, при решительном переходе к полной механизации работ.

От строительства коксовых печей в 415 тыс. тонн, как это намечалось еще совсем недавно (при чем по размерам такие печи являются величайшими в Европе), мы переходим к крупнейшим в мире, неслыханным по масштабам стройкам. Так, например, строится при Магнитогорском заводе коксовый комбинат на 2,5 млн. тонн, при Запорожском—на 1,3 млн. тонн, при заводе им. Ворошилова — на 1,35 млн. тонн, при Днепропетровском, Бакалском, Кузнецком, им. Дзержинского — по 1 млн. тонн, Мариупольском — на 1.260 т. тонн, на заводе им. Томского на — 1.400 тыс. тонн.

Строительство крупных железных рудников таково: в Донбассе Сухая и Дубовая балка—по 550 тыс. тонн, Артемовский рудник—850 тыс тонн, им. Ленина—1.100 тыс. тонн, Пролетарский—1.500 тыс. тонн, рудники на Магнитогорском заводе 6 млн. тонн, огромной мощности рудники на Бакалских месторождениях. Все это при средней мощности рудника в 1926/27 г. 129 тыс. тонн и 45 тыс. тонн в довоенное время.

По каменноугольной промышленности в проходке находятся 31 новая шахта, каждая свыше 500 тыс. тонн с общей мощностью на 17.980 тыс. тонн, свыше 750 тыс. тонн до 1 млн. тонн — 9 шахт на общую мощность 7.300 тыс. тонн. В Донбассе строится ряд крупнейших шахт свыше 1 млн. тонн, ряд по 1½ млн. тонн, с общей мощностью 8—9 млн. тонн. Запроектировано в Донбассе шахта Гигант-Ленин в 2,5 млн. тонн и коксовая шахта в Кузбассе также на 2,5 млн. тонн. Разрабатывается проект невиданной в мире шахты в 8—9 млн. тонн. Об этих грандиозных масштабах можно судить хотя бы по тому, что крупнейшая шахта в Германии, в Руре дает 2,5 млн. тонн добычи в год. Строятся миллионные шахты в Донбассе и на Урале, в Подмоск. бассейне и Черемховском бассейне—и все это на фоне того, что средняя шахта в 1928/29 г. составляла около 100 тыс. тонн, вместо 35 тыс. тонн в довоенное время.

Однако, размер шахт в массе все еще не соответствует размеру металлургических заводов и их потребности в каменном угле. Ближайшие годы должны значительно сдвинуть вперед вопрос о размерах шахт. Безусловный сдвиг в направлении значительного укрупнения шахт даст Кузбасс с его новой программой в 25 млн. тонн, который к концу пятилетия должен в пять лет проделать путь, пройденный Донбассом в 70 лет. Решить эту задачу можно лишь закладкой шахт-гигантов, тем более, что имеются благоприятные природные условия.

Шахта в Кузбассе в 8—9 миллионов тонн, Магнитогорский завод в 2,5—4 млн. тонн, рудники на 6 млн. тонн, Днепрострой и ряд электростанций в различных районах, равных каждая 5—6 Волховстроям — вот яркий показатель творческих возможностей и путей строительства в стране, где у власти стоит пролетариат — при твердом руководстве ЦК ленинской партии.

⁂

Грандиозная наша стройка требует огромных масс стройматериалов. Так, для Магнитогорского завода необходимо 550 тыс. куб. метров бетона. На завод, город при нем, заводы вокруг Магнитостроя до конца пятилетия потребуется более 250 млн. штук кирпича и огромные массы других стройматериалов. На реконструируемые заводы Югостали, где в значительной мере использовывается старый основной капитал, при меньшем сравнительно жилстроительстве уйдет 1.600 тыс. бочек цемента, более 300 тонн железа и т. д.

Новые индустриальные центры, колоссы-комбинаты потребуют соответствующего масштаба производства стройматериалов. Задачу мы можем решить значительным укрупнением и строительством гигантов в этой отрасли тяжелой индустрии. От довоенных кустарных стекольных заводов мы перешли к крупнейшим в Европе, каковыми являются выстроенные заводы — Константиновский, Белый Бычок, Гусь-Хрустальный. Можно еще назвать вновь строящиеся заводы в Хопрах, Гомеле, Нижнем-Новгороде, а также исключительный по своим размерам Лисичанский стекольный завод на 88 тыс. тонн. Только на указанных немногих заводах укладывается продукция стекла, равная довоенной при имевшихся тогда 215 заводах.

Цементные заводы, для которых 900 тыс.—1 млн. боч. цемента еще год назад составляли стандарт, теперь стандартом имеют завод на 3 млн. бочек цемента, как, например, на Урале—Челябинский цементный завод, Губахинский, Сухой Лог № 2, в Московской обл.—Обидинский зав. и др. при чем намечены заводы по 6 млн. бочек цемента, как Ново-Амвросьевский на Украине, «Гигант» в Московской области.

В районах сконцентрированного и постоянного спроса — огромной мощности достигают кирпичные заводы, как, например, в Люберцах — на 150 млн. штук. в ряде мест заводы по 80 млн. штук силикатного кирпича, заводы красного кирпича по 30—50 млн. штук.

Мелкий тип предприятий с весьма отсталой техникой в нашей лесной промышленности заменяют новые лесопильные заводы 8—10—12-рамные полностью механизированные, при чем такие заводы как Архангельский целлюлозный являются крупнейшими в мире с самой дешевой продукцией.

Развитие черной и цветной металлургии создает предпосылки для развития химической промышленности, как-то: производство в огромных массах азотистых удобрений, томас-шлака, серной кислоты, длинного ряда химических продуктов, а также высокоценных удобрений.

В химической промышленности, как и в металлургии, мы имеем развертывание этой отрасли на основе строительства гигантов-предприятий.

Минеральные удобрения дадут заводы на керченских рудах (Мариупольский, Керченский) и в следующем пятилетии — кроме Липецкого завода — Хоперский, Подмосковный, Таганрогский.

По размерам капитальных вложений мы имеем в химической промышленности огромное число предприятий с суммой вложений свыше 50 и даже 100 млн. рублей. В химической промышленности среди колоссов-комбинатов, с суммой затрат свыше 50 млн. руб. мы имеем: строительство Акчинстрой в Ср. Азии, Магнитогорск на Урале, Кузнецкий туковый в Сибири, Химический на Днепрострое, Славсода, Енакиевский химический в Донбассе, Хибины.

Среди предприятий свыше 100 млн. рублей мы имеем: Березняковский комбинат, Кемеровский комбинат, Актюбинский комбинат, Московский Химический комбинат, Химический комбинат в подмосковном бассейне, Запорожский комбинат, Ярославский резиновый. От успешности и своевременности строительства этих гигантов в огромной степени зависит успешность выполнения программы химической промышленности.

К XI с'езду партии из крупных строительств был лишь Волховстрой, с суммой затрат 100 млн. р. В стройке были крупные электростанции, но не было ни одного предприятия или электростанции свыше 50 млн. руб.

Теперь по размерам капитальных вложений на предприятия свыше 50 млн. руб. мы имеем 100 Волховстроев или 50 Днепростроев — 10,2 млрд. рублей.

Из списка об'ектов капитального строительства, напечатанного к XV с'езду, видно, что к десятилетней годовщине Октябрьской революции выстроено было в промышленности новых предприятий на общую стоимость 210,3 млн р. и в строительстве до 1927/28 г. было предприятий общей стоимостью в 932 млн. р., при чем имело место, главным образом, строительство средних и мелких предприятий в 1—2 млн. рублей.

Между тем, сейчас, в процессе выполнения пятилетки, уже воздвигаются десятки заводов стоимостью: свыше 50 млн. р. (Сибирский комбайнстрой, Луганстрой, Уралмедстрой, Риддерский свинцово-цинковый комбинат в Казакстане и т. д.); свыше 100 млн. руб. — 7 новых металлургических заводов, 4 реконструируемых завода Югостали; по цветной металлургии — центральный Казакстанский медеплавильный комбинат; тракторные заводы в Челябинске и Сталинграде, автомобильный завод, электрозавод; по электростанциям — Днепрострой, Нижнесвирская, Дубровская, Южская и т. д.

От сотен тысяч, миллиона рублей на строительство отдельных предприятий до сотен миллионов — таков путь строительства гигантов тяжелой индустрии! При чем мы имеем уже миллиардные стройки, как Магнитогорский завод, Днепровский комбинат с электростанцией—800 млн. р., Подмосковный комбинат—½ млрд. руб. *По ряду гигантов-предприятий будет тратиться по миллиону рублей в день на строительные работы.* Важно, что словом гигант характеризуются не вообще только крупные предприятия, а лишь крупнейшие в Европе или в мире, которые по масштабам — уникумы в мировом хозяйстве. *На 27 крупнейших стройках в период наибольшей работы будет занято более 600 тыс. строительных рабочих.*

Ясно, что гиганты тяжелой индустрии дадут и огромные массы продукции.

В суммарном выражении мы имеем 63 *крупнейших* предприятия и электростанций, строящихся или намеченных строительством по пятилетнему плану, с общей стоимостью — 10,2 млрд. руб. Это означает, что сравнительно с основным капиталом царской России, исчислявшимся в 3,5 млрд. рублей с ее 25-ю тыс. фабрик и заводов за *немногие годы мы как бы создаем заново три довоенных промышленных России*; но создаем их с более высокой техникой предприятий *социалистического типа* и *невиданных* масштабов.

Великие строительные работы требуют преодоления огромных трудностей, которые, как их характеризовал тов. Сталин на XVI партс'езде, «есть трудности *роста, трудности продвижения вперед*».

Между задачами по овладению новыми масштабами предприятий, необходимостью ускорения темпов их строительства и состоянием ряда хозяйственных участков есть еще несоответствие. Такими участками в первую очередь являются *руда* и *кокс*.

Так, например, Урал, имеющий сравнительно с предстоящими задачами небольшую программу по руде, вот уж три года не выполняет ее, при чем вскрышные работы отстают еще в большей степени, чем сама добыча.

Там же, на Урале Бакал не справляется со своей программой и постоянно грозит перерывом в работе из-за недостатка руды Златоустовскому заводу, питающемуся его рудой. А ведь на рудах Бакала будет построен металлургический гигант, по проекту Гипромеза, на 2,5 млн. тонн, равному которому есть лишь два металлургических завода во всем мире.

Достаточно известны вопиющие факты бесплановости капитального строительства, плохое выполнение качественных показателей уральской рудной промышленности. Известна безобразная волокита вокруг кизеловского кокса, а между тем на его использовании Урал расчитывает постройку нового металлургического завода.

Уже ряд лет мы говорим о керченских рудах, об их достоинствах и недостатках, но достоинства не могут быть реализованы без преодоления недостатков. Мы на пути их преодоления, но еще не у цели. А между тем, Керченский завод выстроен, а Мариупольский на 1 млн. тонн должен дать чугун через короткое время.

Все страны мира переходят к использованию более бедных руд, *обогащению* их, что имеет решающее значение и для нашей металлургии (Керчь, Криворожье, Урал), в основных наших рудных районах. Но нет, кажется, печальнее фактов строительства обогатительных фабрик на Урале и в Керчи.

Характерно, что агломерация, т.-е. обогащение руд (промывка, отбор, спекание рудной мелочи, установление качества руд и т. д.), влечет огромные неисчерпаемые резервы для черной металлургии, при чем как указывает Гипромез, установлено, что работа на 100% агломератах в домне (что уже проектируется на ряде иностранных заводов) увеличивает производительность домны на 100%, даже без применения какой-либо

рационализации, и снижает расход кокса на тонну чугуна до 0,7 тонн (за границей 1,1—1,2, а у нас в Союзе — 1,5 тонн кокса на тонну чугуна).

Решения ЦК по Южнорудному тресту обязывают ВСНХ не позднее 1 января 1931 г. разработать генеральный план разведочных работ Криворожского района, обеспечить в 1930/31 году сооружение и пуск опытной фабрики по обогащению кварцитов в Кривом Роге, где всего лишь на глубине 250 метров и в отвалах находится 9 млрд. тонн при содержании 37% железа. Решение этой проблемы имеет огромное значение в дальнейшем и для Курской аномалии.

Без всяких промедлений нужно провести в жизнь специальное задание, данное ЦК партии, по форсированному исследованию руд и на Урале, по их обогащению и осуществить и решение XVI партс'езда по геолого-разведочным работам, «которые должны значительно опередить темпы развития промышленности с целью заблаговременной подготовки минерального сырья» (резолюция XVI с'езда).

⁂

Грандиозность масштабов строительства делает исключительно важной концентрацию внимания на мобилизации всех необходимых ресурсов *по ускоренному строительству наших гигантов*. То, что в других странах строили десятками лет, где расширение шло часто в виде пристроек, то у нас должно быть сразу построено в течение короткого времени и в гораздо больших размерах. Чтобы действительно форсированно вести работы по тяжелой индустрии, необходимо прежде всего покончить с теми недочетами, которые мы имеем по ряду строительств. Так, до последнего времени мы имели много неблагополучного на строительстве наших гигантов. Слабо обстояло с подготовкой к строительству, то же — со снабжением строительными материалами, имеется огромная нехватка квалифицированной силы и технического персонала, большая текучесть рабочих. До сих пор еще слабо налажено питание и снабжение рабочих кооперативными организациями. Есть ряд недостатков по транспорту, связи и т. д. Таким образом, по ряду участков работ имеется несоответствие между важностью строительства, форсированными сроками его выполнения и обеспечением его.

ЦК партии принял ряд решительных мер по содействию крупным строительствам и устранению ряда недочетов, особенно на таких строительствах, как Магнитострой и Кузнецкострой (посылка квалифицированной рабочей и технической силы, централизованное снабжение с уравнением норм с Москвой, удовлетворение культурно-бытовых нужд, снабжение строительными материалами полностью в количестве и ассортименте, необходимом для беспрерывной работы и т. д.).

Кроме того, геологическое управление должно ускоренно произвести работы по исследованию качества сырья. Строительства должны быть снабжены оборудованием для механизации работ, необходимым автомобильным и железнодорожным транспортом.

Однако, не все решения партии продвигаются в жизнь с необходимой быстротой,—и мы видим, как на Магнитогорском и Кузнецком заводах тревожно обстоит с коксовым строительством, в то время, когда к 1 октября 1931 г. будут пущены по две домны на каждом из этих заводов, и к этому времени должны быть готовы, естественно, и коксовые печи.

Быстрая ликвидация прорывов, прежде всего, *зависит от работы партийных организаций*, которые на местах строек должны быть в первых рядах бойцов за большевистские темпы.

Исключительное значение приобретает повседневная работа *профессиональных* организаций. Между тем первый период строек—как, например, на Магнитогорском и на Кузнецком заводах—показал значительное неблагополучие на этом фронте. Потребовалось вмешательство ЦК партии и местных организаций, чтобы покончить с правооппортунистической практикой. Так за правый оппортунизм и хвостизм в работе распущены бюро Магнитогорского райкома и рабочкома строителей. ЦК КП(б)У признал неудовлетворительной массовую работу на Харьковском тракторострое, констатировав, что партийные, профессиональные и комсомольские организации, несмотря на прямые директивы ЦК от 18 мая 1930 г., до сего времени не уделили достаточного внимания массовой работе на строительстве. Соцсоревнование и ударничество на Тракторострое не развернуто, труддисциплины нет, текучесть рабсилы доходит до 50—60%. ЦК КП(б)У «особенно отмечает недопустимо халатное отношение к Тракторострою со стороны фракций и украинских комитетов строителей и металлистов».

В постановлениях ЦК ВКП(б) по реконструкции заводов Уралмета, Автостроя и др. крупных строительств, в специальном постановлении ЦК по руководству предприятиями металлической промышленности—работе парторганизаций этих предприятий уделено очень много внимания и указана вся важность работы по вовлечению масс на борьбу за боевые темпы. На эту работу мобилизуются партработники и комсомольские активисты, а также работники профсоюзных организаций.

В вопросах о стройке гигантов тяжелой индустрии и о реализации темпов тяжелой индустрии мы встречаемся с правооппортунистической практикой ряда работников и отдельных ячеек. Не смея, например, открыто выступать против решения XVI с'езда о необходимости доведения выплавки чугуна до 17 млн. тонн чугуна в 1932/33 г., против форсированного строительства гигантов, правые стремятся делать это скрыто, влияя на практику строек, прикрывая свой оппортунизм на практике ссылками на «об'ективные причины», на «невозможную» краткость сроков строительств, на отсутствие стройматериалов и т. п.

Перед партийными, профессиональными организациями стоит ряд важных задач по линии обеспечения новых организационных методов работы, которые должны соответствовать масштабам наших великих строек. Сюда относятся: перестройка сверху донизу хозяйственных аппаратов, умение организованно охватить и внести четкость и ясность в порядок организации работ, сроков строительства заводов в целом, его частей, организовать правильное снабжение как промышленное, так и снабжение рабочих, организовать труд и дать правильное руководство, укрепить единоначалие и всемерно развить соцсоревнование и ударничество.

П. Дубнер.

Мобилизация внутренних резервов промышленности СССР.

(Непрерывное производство и многосменность в промышленности).

> *«Важнейшим резервом в деле дальнейшего движения вперед и ускорения социалистического развития является максимальное использование действующего оборудования промышленности, используемого теперь совершенно недостаточно».*
>
> *(Из резолюции XVI с'езда партии).*

Задачи реконструкции социалистической промышленности в свете последних решений XVI партийного с'езда выдвигают важнейший вопрос о рациональном усилении нагрузки действующего оборудования. Все возрастающие размеры капитальных вложений в промышленность в текущем году достигают почти 4.750 млн. рублей, составляя почти половину стоимости всех промышленных фондов. В соответствии с решением XVI с'езда суммы капитальных вложений в будущем году еще более возрастут. В то же время в самых капитальных вложениях резко возрастает удельный вес нового строительства. С 15% в 1926/27 г. он в 1929/30 г. поднялся уже до 43%, а в будущем году составит уже более половины всех ассигнований на капитальное строительство. Рост капитальных вложений в таких размерах требует наиболее тщательного подхода в целесообразном направлении этих затрат, в определении об'ектов как нового строительства, так и капитальной реконструкции.

Вместе с тем развернутое социалистическое наступление по всему фронту, коренная переделка сельского хозяйства на основе его сплошной коллективизации пред'являют большие требования нашей промышленности. Вот почему, при абсолютно громадных величинах наших вложений, относительно мы далеко не в силах покрыть все потребности растущего социалистического хозяйства. Ибо такие задачи, как обеспечение сельскохозяйственного сектора, развертывание сырьевой и энергетической базы промышленности, освобождение от иностранной зависимости, форсированное развертывание восточных районов, укрепление обороноспособности СССР, рост потребностей рабочих и крестьянских масс и многое другое, — усиливают спрос на продукты нашей промышленности. Необходимейшей предпосылкой правильного определения направления капитальных вложений является точное знание и учет резервов, заключенных в существующих ресурсах. Вместе с тем, именно в этом отношении — в отношении использования ресурсов существующих заводов и фабрик, существующего оборудования— у нас самое недопустимое, преступное пренебрежение

В своих решениях партия не раз подчеркивала всю политическую важность этой проблемы. В постановлении ЦК партии по докладу Югостали, особо подчеркнута недопустимость пренебрежительного отношения к использованию народно-хозяйственных средств:

> «Хозяйственники-коммунисты должны усвоить ту мысль, что погоня исключительно за новым и пренебрежение к должному использованию старого оборудования, в то время, как старое может еще известное число лет сослужить свою службу, наносит вред делу индустриализации страны и срывает темп перехода промышленности на новую, более высокую техническую базу». (Декабрь 1929 г.).

Однако, далеко не всегда постановлениями партийных организаций удается своевременно пресечь попытки нецелесообразных или несвоевременных затрат, к направлению которых, используя строительный зуд многих хозяйственников, зачастую прикладывают руки прямые вредители (как это имело место хотя бы в текстиле). Обследование ЦКК—РКИ СССР хлопчатобумажной промышленности показало образец неправильного использования производственных возможностей существующих фабрик и оборудования. Например, за пять лет с 1925/26 г. по 1929/30 г. вложено нами в хлопчатобумажную промышленность 462 млн. рублей, в том числе 85 млн. рублей на строительство новых предприятий, при этом

> «не было предварительно изучено, каким количеством сырья мы можем располагать, какое количество может быть переработано при наличной мощности существующих фабрик. При использовании того прядильного оборудования, которым мы располагали в 1925/26 г., можно было не только совершенно спокойно переработать то количество сырья, которым мы располагали в этом году, но еще остались бы неиспользованными 30—40% мощности прядильного оборудования. При полной загрузке наличного оборудования существующих и строящихся фабрик мы можем переработать примерно 40 млн. пудов волокна, вместо нынешних 21 млн. Казалось бы, прежде, чем строить новые фабрики, надо было серьезно изучить, сколько можно переработать хлопка на имеющихся фабриках, как их надо для этого рационализировать... Работники РКИ подсчитали, что затраты хлопчатобумажной промышленности, не вызываемые действительной потребностью сегодняшнего дня, равняются приблизительно 150 млн. руб.». (Доклад тов. Орджоникидзе на XVI с'езде).

Это недопустимое местническое отношение к новому строительству и использованию мощности существующей производственной базы текстиля было осуждено и постановлением президиума ВСНХ СССР. И, действительно, при недостаче сырья, строя новые и капитально реконструируя (иногда весьма неудачно) старые фабрики, руководство текстильной промышленностью все еще не имеет плана постепенного вывода и замены мюльного оборудования ватерным, производительность которого выше на 20—25%. Высоко-производительное ватерное оборудование систематически простаивает, возможности же концентрации работы, если и используются, то лишь в минимальной степени.

Примеров недостаточно серьезного отношения к затрате многомиллионных средств, невнимания к мобилизации производственных возможностей и связанных с этим потерь можно было бы привести немало и едва ли не по всем отраслям промышленности... Главной причиной этих потерь является чрезвычайно слабое знание—и проистекающее отсюда невнимание и отсутствие борьбы с производственной рутиной—крупнейших неиспользованных возможностей, таящихся в недрах производства.

В сентябрьском обращении «Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям» ЦК ВКПб) подчеркнул, что:

> «Важнейшей причиной невыполнения производственных заданий промышленности и особенно в основных ее отраслях является отсутствие должной энергии и инициативы в деле мобилизации внутренних ресурсов: недостаточное использование наличного оборудования, низкий коэффициент сменности, отсутствие энергии в преодолении «узких мест» предприятия, частые простои оборудования из-за неналаженности, неорганизованности материально-технического снабжения, многочисленные аварии из-за преступной небрежности и плохого технического контроля, отсутствие систематической рационализаторской работы и крайняя неудовлетворительность внутризаводского планирования».

Крупнейшими потерями в работе основных фондов промышленности нужно считать: 1) всякого рода потери во времени на протяжении рабочих часов (авария, простои, подготовка инструментов, загруженность рабочего подсобными работами, неправильная организация процесса и т. д.); 2) недостаточное использование непрерывности производства (остановка в праздничные либо воскресные дни, остановка производства на пятый день, летние остановки предприятий и пр.), и, наконец, 3) систематический простой оборудования в силу низкой сменности.

Чрезвычайно показательно, что именно по этим линиям развивается та массовая борьба с потерями, которая в результате социалистического соревнования охватила рабочие массы Достаточно упомянуть хотя бы борьбу за введение непрерывного производства, которую провели самые широкие массы против косности рутинеров, и теперь еще продолжающих оказывать самое ожесточенное и, иногда — увы — достаточно успешное сопротивление последовательному введению непрерывного производства. По той же линии повышения использования оборудования направляется и работа ударных бригад (все более становящихся ударно-рационализаторскими бригадами), производственных коллективов-«коммун» и т. д. Об этой же необходимости улучшения использования фабрично-заводского оборудования говорит и XVI с'езд ВКП(б) в принятом по докладу тов. Куйбышева постановлении о всемерном расширении работы по увеличению сменности на предприятиях.

Перед всеми профессиональными и хозяйственными организациями встает исключительно боевая задача — выполнение директив партии в этой области.

Попробуем разобраться в размерах этих потерь, в возможностях их устранения и в том, что сулит борьба с ними в смысле дальнейшего укрепления позиций социализма.

1. Использование оборудования в рабочие часы.

Борьба с недостаточным использованием оборудования во время обычных рабочих часов как-будто ведется постоянно и систематически. Тем не менее и здесь потери (в смысле неиспользования ресурсов) чрезвычайно велики. Насколько велики эти потери, дают представление хотя бы данные использования загрузки оборудования Луганского завода. Так, всего потерь в день вследствие неудачной организации работы и простоев токарный цех имеет 17%, штамповальный—33%, механический—23%, паровозо-механический—18% и т. д.

Если сбросить неустранимые или регламентированные простои, выражающиеся в сравнительно ничтожных величинах, то в этом случае простои оборудования колеблются по различным цехам от 15% до 37%[1]. По докладу комиссии ВСНХ СССР, на Коломенском заводе «17% времени рабочий расходует на исправление и хождение за инструментом; 14% на разговоры и 13% на несвоевременное начало и окончание работы».

---

[1] Данные заимствованы из статьи тов. Кваша в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК».

Пролетарии, об'единенные в ударные рабочие коллективы, лучше организуя труд, изживают эти простои и добиваются, таким образом, поразительного роста производительности труда, тем самым открывая широкие возможности и увеличения производства путем использования имеющихся резервов. Так, например, коллектив «Искра» инструментального цеха Златоустовского завода в первый же месяц увеличил производительность на 20%. Кузница того же цеха, перешедшая на коллективную работу, дала месячную выработку топоров в октябре—20.709 штук, в ноябре—24.866 шт. Неорганизованные рабочие в то же время давали около 17.700 шт. Штамповка лопат поднялась с 3.800 до 5.600 штук, прессовка вил—с 1.500 до 2.000 и т. д. «С организацией коллективов производительность поднялась в косном цехе на 100%, в центрально-инструментальном—50—60%, в оружейной фабрике от 30 до 60%; выросла и заработная плата по отдельным коллективам, она выросла от 2 руб. 41 коп. до 4 руб. 01 коп.». (Из письма рабочей бригады этого завода) На Люберецком заводе бригада формовщиков повысила выработку на 12%. На з-де «Радиосталь» до организации коммуны выработка поднялась на 100%.

Новые формы организации социалистического труда, основанные на трудовом под'еме и энтузиазме рабочих масс, дают нам еще более разительные примеры трудовых сбережений. Вот один из многочисленных примеров связи производительности труда с лучшей организаций рабочего времени на целом ряде фактов.

Приводим еще одну выдержку из письма рабочей бригады (Златоустовского завода):

> «Особенности в трудовом процессе легко подметить, если сравнить систему работы коллектива им. Ленина с индивидуальным порядком работы в том же точильном отделении кузнечного цеха. В последнем случае рабочий выполненную на своем обороте работу сдает в кладовую. Рабочий, задолженный на следующем обороте, из той же кладовой получает полуфабрикат, сданный первым для дальнейшей точки. По окончании операции он тоже сдает работу в кладовую. Рабочий последнего оборота в свою очередь проделывает приемку из кладовой полуфабриката и сдачу туда же продукта—топора. Как ни пытались рационализировать порядок сдачи и приема полуфабриката, при индивидуальной основе работы, попытки терпели неудачу. Добавочное время оказывалось очень большим, так как у окна кладовой получались очень большие очереди рабочих сдатчиков и приемщиков. Пропадали непроизводительно часы дорогого времени. С построением работы по принципу коллективизма, все эти затруднения разом исчезли. Место многих одиноких рабочих занял один коллектив, поглотивший их. Он обслуживает 3 оборота по точке топоров, несет за них ответственность. Минуя промежуточный оборот, расчет делают после последнего оборота по готовому топору на имя всего коллектива имени Ленина.

Характерное об'яснение со слов токаря тов. Клюквина приводит тов. Рахман: «Норма выработки благодаря коллективной работе повысилась с 125 топоров на рабочего до 250. Ковка топоров поднялась с 400 шт. в смену на человека до 500. Коммунар делает 285 сверл, а работающий в одиночку—219. Токарь Клюквин об'ясняет «секрет» такой высокой производительности следующим образом: «Раньше, до коллектива было так—стал на работу, заправил свой резец, наставил бабку к центру. В общем эта настройка занимала у меня час времени. Кончается смена, за полчаса до гудка снимаю резец. Пришел мой товарищ, который заступает меня, и ему нужно проделывать такую же настройку станка. И он теряет на это час времени. А вот теперь совсем другое: мы, все токари, которые работаем на одних и тех же станках, сорганизовались в коллективы, работаем в котел. Приходит смена и я сдаю товарищу станок на полном ходу. Вот теперь и посчитайте: «три смены в сутки». Резец и станок перестали быть «своими», а стали «нашими» — вот то новое, что несет с собой производственная коммуна».

А вот результаты инструктажа одного из цехов заводов им. Ленина и им. Петровского (привожу по еще неопубликованной, к сожалению, работе инженера Примака), где простои после инструктажа в механическом цехе «А» завода им. Ленина и им. Петровского, благодаря организации работ, уменьшились с 26,4% до 2,6%.

Выявление потерь путем технического нормирования, вытекающие отсюда рационализаторские мероприятия являются наилучшей помощью и находят живой отклик в ударных коллективах рабочих.

Резкий рост производительности, связанный с улучшением использования станков, вызвал соответственное понижение себестоимости. Так, в результате инструктажа станков механического цеха завода им. Петровского, средний процент повышения производительности составил около 72,5%, а процент снижения себестоимости—26,2%. Более чем вдвое вырос после инструктажа вес снятой стружки (с 9,5 кгр. до 21).

Тщательное изучение потерь позволило в трубном цехе повысить производительность труда: для нарезки муфт вертикальными шпинделями на 61%, горизонтальные муфтонарезные станки — на 113%, для нарезки муфт резцами—на 89%, а в среднем—на 87%. (Характерно, что перевод на большие скорости зачистки резьбы тормозился тем, что приемщик Грознефти отказывался принять резьбу с матовым оттенком. Дело в том, что при больших скоростях резца резьба получает матовый оттенок, а при зачистке на малых скоростях—блестящий. Качество резьбы в обоих случаях одинаково и отвечает всем техническим требованиям. Скорость же резьбы подымается с 5—13 мтр. в секунду до 70).

Не менее положительные результаты инструктаж дал на заводе им. Карла Либкнехта. Так, выпуск на человека возрос в костыльном цехе на 40%, в болторезном — на 15%, в гвоздильном — на 78%, в штамповальном — на 7% и т. д.

Все эти примеры говорят о громадных возможностях, заключающихся в лучшем использовании рабочих часов оборудования. Для их реализации основным условием является то, чтобы трудовому энтузиазму социалистического соревнования и его высших форм — ударничества, общественного буксира, коллективной работы и т. п. — сопутствовала наиболее четкая работа всего административно-технического руководства и, в первую очередь, совместная работа органов экономики труда и технического нормирования, с одной стороны, и органов рационализации и инструктажа, — с другой. Отсюда и большевистский вывод о необходимости «обеспечить развитие производственно-технической инициативы инженеров и техников и всемерно форсировать выработку новых кадров из рабочего класса, смелее и настойчивее выдвигая передовиков-рабочих и особенно рабочих—организаторов соревнования на хозяйственные посты, преодолевая при этом косность, бюрократизм и оппортунистическое неверие в силы рабочего класса». (Из сентябрьского обращения ЦК).

2. Использование оборудования и непрерывка.

В непрерывной работе мы имеем совершенно новые громадного значения мероприятия, выдвинутые волей поднятых на борьбу за социализм масс. На 1 июля т. г. процент рабочих, переведенных на непрерывку, составлял около 70% против планового задания в 67%. Перевод на непрерывную неделю количественно соответствует постановлению декабрьского пленума о переводе на непрерывную неделю—«не менее ⅔ общего числа рабочих»—и по отраслям представляется в следующем виде.

Переход промышленности на непрерывную неделю *).

Отрасли промышленности	Процент рабочих, перешедших на непрерывную неделю		
	К концу октября	К концу марта	К концу июня
Вся промышленность	24,1	62,0	69,2
В том числе:			
I гр. „А“	85,4	73,9	80
1. Каменноугольная	48,2	90,0	97
2. Нефтяная	100,0	100,0	100
3. Рудная	26,6	86,3	89,7
4. Силикатная	98,5	99,6	99,7
5. Металлическая	22,7	62,6	66,5
6. Электротехническая	18,4	77,9	80,4
7. Химическая	20,4	85,7	86.9
8. Деревообрабатывающая	7,9	68,1	55,7
II. По гр. „Б“	12,1	46,3	52,6
1. Соляная	7,8	77,3	78,7
2. Текстильная: вся	8,1	39,0	45,0
а) хлопчатобумажн.	0,2	39,5	37,5
б) шерстяная	10,5	44,0	41,9
в) льняная	24,9	74,5	78,7
г) пеньковая	8,6	51,5	55,5
3. Произ-во одежды и туалета	16,7	64,3	58,3
4. Кожевенная	1,4	46,6	63,8
5. Резиновая	1,2	23,3	24,7
6. Спичечная	—	37,4	42,1
7. Жировая	24,1	81,5	86.4
8. Пищевая (непрерывн. производства)	—	54,4	58,8
9. Пищевая (отрасли с сезонным перерывом)	5,8	19,5	46,9
10. Полиграфическая	5,0	68,7	67,8
11. Бумажная	100,0	100,0	100

В борьбе за непрерывную производственную неделю был обеспечен громадный сдвиг мобилизацией внимания всей рабочей общественности на этой проблеме. Тем не менее и здесь мы наблюдаем целый ряд недочетов, из которых крупнейшим является фиктивное проведение непрерывки в ряде отраслей промышленности, в том числе и в ее ведущих отраслях—в машиностроении и металлообработке. Достаточно сказать, что большая часть ленинградской промышленности работает — либо на прерывной пятидневке, либо на суррогатах непрерывки, по существу являющихся той же прерывкой. Как образец таких суррогатов, можно указать на непрерывную работу заводов, в то время как отдельные цехи прерывают работу в один из дней пятидневки, либо на непрерывную работу цеха при регулярном простое станка во время выходного дня рабочего. На прерывной пятидневке работают даже такие высокоценные и мощные цехи, как новые литейные и кузнечные на «Красном Путиловце». Простои же станков во время выходного дня рабочего наблюдаются на подавляющем большинстве заводов Ленинграда.

Лопаточный цех зав. им. Сталина, представляющий узкое место завода, выполняющий стандартную работу, на однотипном оборудовании, не требующий высокой квалификации, фактически не проводит непрерывку[1]). Каждый пятый станок простаивает, ожидая возвращения «выходного» и общая трансмиссия на 40% работает вхолостую. (На этом заводе, как, впрочем, и на очень многих других, не умеют при двух или трехсменной работе организовать скольжение на 2 станках, что, конечно, гораздо легче, чем последовательная работа на 4 станках). К этому нужно добавить, что цех работает только в 2 смены.

Можно ли при этих условиях говорить об узком месте, о необходимости расширения площадей, добавления станков, особенно принимая во внимание, что общий показатель сменности по всему заводу составляет 1,09.

Отчетные данные статистики в части выполнения плана перевода на непрерывную неделю преуменьшают наличные производственные резервы. Так, напр., на Харьковском электромеханическом заводе при формальном охвате станочных работ непрерывной неделей в об'еме 75% рабочих фактически непрерывка проведена не более чем на 10—12% станков; по данным Машзавода на фактической непрерывке работают 94 станка, а по данным аппаратного цеха — 106 (15,18%). При проверке оказалось, что часть даже этих станков не работают непрерывно из-за отсутствия подсмены. При освещении отдельных цехов поражает количество свободных станков и тисков. На вопрос о причине неиспользования станков рабочие имеют обычный ответ—выходной. Только немногим лучше на другом гиганте электротехнической промышленности — Электрозаводе. Эти данные относятся к декабрю, январю, т.-е. периоду, когда на непрерывку в электротехнической промышленности перешло уже 65—70%.

На Коломенском машиностроительном заводе в марте месяце переведено фактически 30—40%. То же на Харьковском паровозостроительном заводе, где из 7 с лишним тысяч только около 4 имеют подсмену. В Сормове в полускатном цехе 6 станков работают на непрерывке, а остальные на прерывной пятидневке. Основные цехи — дизельный, паровозостроительный, механический, прокатный, колесопрокатный и арматурный работают в условиях прерывной пятидневки.

Приблизительно такое же положение и в металлургии черных металлов. В ряде заводов переход на непрерывку сопровождался сокращением числа рабочих в ночных сменах и коэффициент использования оборудования, таким образом, не повышался.

Мы видим, таким образом, что даже в отношении простоев в рабочее время и непрерывки наша промышленность не умеет полностью использовать наличные возможности. Прекрасным показателем недостаточно последовательного проведения непрерывки является все еще продолжающееся резкое снижение нагрузки и выгрузки на жел.-дор. транспорте в воскресные дни.

---

*) Таблица перевода на НПН на 1 июля 1930 г., по данным ЦОС ВСНХ.

[1]) По личным наблюдениям автора в марте текущего года.

3. Использование оборудования и сменность.

В отношении многосменности, которая до последнего времени не только не встречала общего признания, но находила ряд ожесточеннейших противников, в числе которых достаточно назвать большую часть московских областных организаций (МОСПС, московский Отдел Труда и т. д.) дело обстоит еще более неблагополучно. Поэтому сменность в промышленности росла чрезвычайно медленно.

В результате низкой сменности имеет место то, к сожалению, еще недостаточно широко известное обстоятельство, что суточное число работы оборудования по ряду отраслей ниже довоенного:

Суточная работа оборудования в часах:

	1913 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Каменноугольная	18,2	14,66	14,88
Машиностроение	11,3	8,73	8,92
Спичечная	12,2	12,40	14,02
Деревообрабатывающая	13	10,07	10,48
Хлопчатобумажная	14,6	14,07	14.11
Шерстяная	11,9	12,65	12.76
Льняная	12,4	12,8	12,86

Причиной этого снижения рабочего времени было сокращение рабочего дня, явившееся прямым результатом Октябрьских завоеваний, но не сопровождавшееся соответствующим увеличением сменности работы. Так, рабочий день сократился по отраслям промышленности в среднем на 25%, в то время как сменность сравнительно с 1913 г. выросла от 5 до 15% (не считая текстиля, где рост сменности составляет по хлопку 16,5, по льну—4 1 и по шерсти—50%), и в металле, и в угле, и в деревообработке и т. д., и т. д. использование оборудования по временам ниже довоенного. В среднем суточная работа оборудования по всей промышленности немногим превышает 12 часов. Вместе с тем, громадное значение времени использования постоянного капитала (как основного, так и оборотного) очевидно:

> «Размер основной части постоянного капитала, — говорит, Маркс,—фабричные здания, машины и т. п. — остается неизменным, работают ли при помощи его 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту, на более дорого стоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится, благодаря этому, в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно, сокращается время, на которое она должна быть авансирована, чтобы получилась определенная прибыль, и — в известных границах — даже в том случае, если она оплачивается выше нормальных рабочих часов. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому главным стимулом, побуждавшим алчных до прибыли капиталистов удлинять рабочий день». (Капитал, т. I).

Логика капиталистического хозяйства побуждала к удлинению рабочего дня, к жертве жизнью рабочих во имя «основного капитала». Но рациональное хозяйство социалистического государства ставит обратные задачи, задачи сокращения трудового дня рабочего.

Рабочего, но не машин!

Человек может и должен отдыхать, машина обязана работать — этот лозунг непрерывки остается в полной силе и при любом сокращении рабочего дня.

Противоречие между необходимостью сокращения трудового дня рабочего и увеличением «трудового дня» машины снимается ростом сменности работ.

> «Доведение коэффициента сменности хотя бы до двух, — говорил тов. Куйбышев на XVI с'езда, — даст нам возможность загрузить оборудование уже на 15 часов, что будет являться, без сомнения, огромным шагом вперед. Этот резерв должен быть в частности учтен при определении направления капитальных вложений в смысле расширения тех узких мест предприятия, которые нередко задерживают переход его на увеличение числа смен работы. Таким образом, сменность наряду с дальнейшим форсированием перехода на непрерывное производство является одним из важнейших рычагов, с помощью которых мы можем мобилизовать скрытые резервы и добиться новых источников для повышения темпов нашего развития».

Однако от выполнения задачи всемерного увеличения сменности мы еще очень далеки в основных отраслях промышленности.

Так, по Ленмаштресту мы видим не только чрезвычайно низкие показатели сменности (1,21 в 1928/29 г.), но и почти полное отсутствие их роста на протяжении 1-го полугодия 1929/30 г. Немногим лучше положение по ГОМЗ'ы и Южмаштресту, где показатель сменности составляет в 1928/29 г. 1,3—1,4. На этом уровне (1,3—1,4) осталась сменность в украинском машиностроении и в первом полугодии в 1929/30 г. Таким образом, при среднем коэффициенте сменность в машиностроении в 1,25, мы имеем заводы, где показатель сменности падает еще ниже. При этом в ночные смены в цехах работают десятки рабочих, иногда единицы. Совершенно ясно, что эта работа крайне непроизводительна и дорога в связи с растратой энергии на освещение, отопление и т. д.

При проработке этого вопроса выявились чрезвычайно интересные данные о потерях в энергетическом хозяйстве, вытекающих из-за недостаточно уплотненной работы вторых и третьих смен.

Вот результат обследования Инструментального завода (Москва) СРТ (сектором рационализации и труда) ВСНХ СССР. Количество рабочих в отдельных сменах: первая смена—329 чел., вторая—97 чел., третья—4 чел. Завод обеспечен сырьем «Электростали» почти на полгода, выпуская на 2 млн. остро-дефицитного режущего инструмента. Завод не работает непрерывно, останавливается каждый пятый день. Расширение площадей завода невозможно из-за существующего запрещения МКХ. Увеличение производства возможно за счет введения полной многосменной работы: по первым подсчетам при введении многосменной работы возможно увеличение выпуска продукции с 2 млн. руб. текущего года до 7—8 млн. руб. будущего года. Препятствия к введению многосменной работы заключаются, главным образом, в наличии узких мест в оборудовании: наряду с обилием обдирочных станков, представляющих излишне широкое место в производстве, имеется недостаток в винтонарезных и плоскошлифовальных станках, что препятствует расширению второй и третьей смены. Необходимо удалить часть обдирочных станков, на их же место поставить недостающие (в общем не более 35 станков, стоимостью 90 тыс. руб. и частично изготовляемых в СССР).

Наиболее интересным является громадная эффективность затрат на расширение узких мест при введении многосменной работы. Мы видим на примере Инструментального завода, что на 1 рубль затрат мы имеем возможность получить рост продукции в 50 рублей в год.

На Электрозаводе, где работа производилась в три смены, количество рабочих в каждой смене таково: в первой смене—3.349, во второй смене—879 и в третьей смене—95. Ряд цехов, как, например, инструментальный и механический, выпускающие специальные инструменты и штампы, представляющие узкое место в производстве, не имеют совсем второй смены. Основным препятствием к переводу завода на многосменную работу является недостаток обученных кадров рабочих; однако, в виду того, что средняя квалификация рабочих по заводу не высока и подготовка совершенно неподготовленного рабочего для основных специальностей (например, обмотчики) производится в два—три месяца, не представляет большого труда подготовить при помощи специальных вечерних и ночных смен необходимое количество рабочих для многосменной работы. По заявлению Бюро рационализации завода, с введением многосменной работы программа Электрозавода на будущий год может быть установлена в 200 млн. руб., вместо намеченной в 120 млн. руб., по мнению же обследователей—до 225 млн. руб., если только заводом будут приняты все меры к подготовке рабочей силы.

Подобные примеры можно привести по целому ряду заводов: «Красный пролетарий», завод им. К. Маркса и др.

Выгодами и преимуществами, связанными с переходом на многосменную работу, являются: 1) увеличение использования основных капиталов промышленности; 2) в случаях недостатка сырья или рабочей силы многосменность позволяет концентрировать производство на лучших предприятиях, либо на лучшем оборудовании; 3) усиленное использование оборудования приближает моральный износ к износу физическому; 4) расширение об'ема производства, точно так же, как и концентрация производства на лучшем оборудовании связываются с значительным снижением себестоимости. (Так, расчет, произведенный Научным Институтом кожевенной промышленности по фабрикам им. Микояна и «Пролетарская победа», показывает, что, даже принимая за неизбежное существующие неполадки плохо организованных 2 и 3 смен, экономия на одном только основном капитале значительно превышает все добавочные расходы); 5) огромное значение многосменного и непрерывного производства будет иметь в смысле сокращения производственного цикла. Учитывая развертывание нашей промышленности в будущем году, громадное сокращение производственного цикла в связи с многосменным непрерывным производством должно сократить оборотные средства промышленности на многие сотни миллионов рублей; 6) введение многосменной работы в строительстве как в промышленном, так и жилищном, позволяет ускорить сроки выполнения строительных работ; 7) возможность лучшего использования основных фондов позволяет перераспределить капитальные вложения в сторону расширения узких мест народного хозяйства, а также на усиление сырьевой базы промышленности.

Однако, для реализации всех преимуществ, представляемых многосменным непрерывным производством, необходимо *преодолеть немало трудностей*, которые мы попробуем вкратце перечислить, намечая одновременно и пути их преодоления.

Одной из крупнейших является *недостаток сырья*. Лучше обстоит дело в отношении добывающей промышленности (горнорудная и топливная промышленность, добыча и производство ряда стройматериалов, добыча минеральных удобрений и т. д.). Сырьевые лимиты обрабатывающей промышленности должны в основном преодолеваться путем **концентрации** производства (впредь до расширения сырьевой базы).

Переход на многосменное непрерывное производство чрезвычайно обостряет и вопрос *электроснабжения*. Хотя выравнивание дневной и ночной нагрузки электростанций освободит большие резервы, однако, для последовательного проведения МНП этого будет недостаточно. Необходима, с одной стороны, своевременная организация двойного питания сети, что обеспечит возможность бесперебойных ремонтов, и, с другой — дальнейшее ускорение темпов электрификации.

Серьезнейшей проблемой является *необходимость расширения узких мест* как народного хозяйства в целом, так и узких мест переходящих на многосменность предприятий. Эта трудность находит разрешение в перераспределении капиталовложений, в направлении их на расширение заготовительных цехов, цехов, и прежде действовавших непрерывно, а также расширение прочих узких мест производства. Такое направление капитальных вложений в наибольшей степени рентабельно и целесообразно.

Рост потребности в кадрах, необходимость подготовки квалифицированной *рабочей силы* требует, с одной стороны, широкого развития краткосрочных форм производственной подготовки и, с другой,—надо более широко и решительно проводить разделение и упрощение операции вместе с введением специализации и кооперирования, массового производства, непрерывного потока и стандартизации.

Трудности по организации ремонта должны изживаться обязательным введением планового календарного ремонта, т.-е. ремонта, не дожидаясь аварий. Опыт заводов Краматорского, им. Карла Либкнехта и др. показывает резкое сокращение простоев и аварийности в результате проведения планового ремонта.

Вместе с тем необходимо переходящие на многосменность заводы обеспечить *непрерывным культурно-бытовым обслуживанием*: питание, пригородное и городское сообщение, лечебная помощь, снабжение продуктами и, наконец, жилищные условия.

В то же время переход на многосменность требует коренной перестройки *массовой работы*. Если на односменных предприятиях у 80% рабочих (20% выходные) свободное время наступает одновременно (т.-е. с 3-х, 4-х час. дня), то для трех смен распределение будет гораздо сложнее. Вторая смена, кончающая в одиннадцать или двенадцать часов ночи, может быть охвачена кружками, учебой и т. д., лишь до начала работы, т.-е. от 12 до 3 час. дня.

При перечислении трудностей нельзя обойти и трудность в налаживании самих *ночных смен*. Опыт существующих ночных смен показывает их чрезвычайную неорганизованность. Как правило, отсутствует технический надзор. Дисциплина в вечерних и ночных сменах слаба до-нельзя. Начало и конец работ смен производится несвоевременно. Планирование и обслуживание ночных смен не только в культурно-бытовом, но и в производственном отношении из рук вон плохо. Освещение, внимание к которому при проведении многосменного производства, должно быть особенно велико, ниже не только американских норм, но не соблюдаются даже и наши нормы, в два раза отстающие от американских. Ночное освещение в 20—30 люкс обычно для многих заводов. Организация труда и сменооборот точно так же не на высоте. Подавляющему большинству заводов неизвестны графики многосменной и непрерывной работы, обеспечивающие рабочим наиболее полный отдых и наиболее регулярную работу в смысле «скольжения» по станкам и аггрегатам и т. д. В рациональную организацию ночных смен упирается и доведение производительности труда этих смен до данных норм.

Эффективность работы по увеличению сменности неразрывно связана с проведением таких мероприятий, как *специализация и кооперирование, концентрация производства, введение непрерывного потока и т. д.* Прежде, чем ставить вопрос о расширении узких мест путем капитальных вложений, эти *узкие места должны быть с наибольшей тщательностью проверены* под углом возможности расширения за счет рационализаторских мероприятий. Прекрасным примером является работа литейных, представляющих узкое место в ряде производств и тем не менее совершающих лишь один цикл в сутки. Применение уплотненных графиков работы (сектора рационализации и труда ВСНХ СССР, Института экономич. исследований и др.) позволяет провести 2 цикла в сутки и таким образом на тех же площадях удвоить выпуск литья.

Преодоление трудностей при введении многосменной работы окупается громадными выгодами, которые она несет народному хозяйству. Тем не менее, признать достаточной раскачку наших организаций в направлении увеличения сменности нельзя

Все вопросы введения сменности в 1930/31 году далеко еще не проработаны большинством руководящих хозорганизаций. А ведь постановление XVI с'езда партии ставит всемерное увеличение сменности одним из необходимых условий выполнения пятилетнего плана.

> «Учитывая, что введение непрерывной недели и увеличение количества работающих смен значительно поднимают возможность использования фабрично-заводского оборудования, повышают загрузку предприятий, способствуют ускорению оборачиваемости капитала, увеличению валовой продукции и снижению себестоимости и что итоги непрерывной недели за истекший период показали, что последняя явилась существенным фактором выполнения промфинплана в 1929/30 г.,— с'езд предлагает в предстоящем году обеспечить перевод всех основных отраслей промышленности на непрерывную неделю, одновременно всемерно расширяя работу по увеличению сменности на предприятиях». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б). Разрядка наша.—*П. Д.*).

Еще более беспокойства, нежели сравнительно медленная раскачка хозорганизаций, вызывает отсутствие подготовительной массовой работы. Если успехи непрерывки в значительной степени об'ясняются наибольшей мобилизацией масс на преодоление этого рубежа, то в отношении сменности, вносящей глубочайшие изменения в организацию труда и быта, участие широчайших масс является еще более необходимым.

Необходимо учесть, что увеличение сменности явится одним из главнейших средств по исполнению напряженных заданий будущего года. Чтобы видеть это, достаточно проследить значение увеличения сменности по основным отраслям промышленности.

Выполнение производственных заданий на 1930/31 год совершенно невозможно без значительного увеличения сменности. Однако, надо заметить, что вопрос об увеличении сменности на отдельных предприятиях совершенно почти не проработан. Напр., ориентировочно Машоб'единение считает возможным и необходимым для выполнения намеченной программы довести коэффициент примерно до 1,8, т.-е. за счет сменности обеспечить рост программы на 30% против текущего года. Очевидно, что дальнейшее увеличение сменности (хотя бы до 2) обеспечит перевыполнение заданий будущего года примерно на 10%.

Введение непрерывки и многосменности обеспечивает рост программы, даже по наметкам самих об'единений промышленности на 1930/31 год от 50 до 60%, а при дальнейшем повышении коэффициента сменности, мы получим дополнительное перевыполнение программы порядка 8—10%.

В силу этого реализация резервов, заключенных в повышении использования оборудования, становится одной из решающих задач в работе промышленности в наступающем году. И решена она может быть только при тщательнейшем плановом руководстве, при максимальном напряжении сил и внимания всей партии и рабочих масс СССР, совместными усилиями всех партийных, советских, хозяйственных и профессиональных организаций, при самом энергичном постоянном руководстве со стороны партии.

На пороге третьего года пятилетки рабочий класс должен победоносно завершить программу истекающего 2-го года. Величайшим рычагом в деле выполнения промфинплана и обеспечения программы третьего года является революционное вскрытие больших источников, заложенных в неиспользованных резервах народного хозяйства.

Все силы партии, все силы рабочего класса и на этот фронт!

Г. Сафаров.

На фронте колониальной революции.

I. Революционный „эквивалент“ экономического кризиса.

«Важнейшим экономическим фактом за последние 12 месяцев является быстрое и неудержимое распространение экономической депрессии, которая как рак захватила почти всю обитаемую поверхность земного шара. Год тому назад экономисты, промышленники и политики ломали себе голову над замиранием и застоем британской промышленности, в то самое время, когда в Соединенных Штатах и Франции царило процветание, а ряд других стран, не находясь в цветущем состоянии, жил все же интенсивно. Имея такой контраст перед глазами, они, не без основания, были склонны сосредоточиться на специфических национальных затруднениях и недостатках, которые бы могли об'яснить наши особые трудности; охотники до рецептов, даже консервативного образца, старались открыть особые временные стимулы, которые бы могли заставить двигаться застопорившиеся колеса английской промышленности вровень или более ускоренно—в соответствии с развитием мировой торговли. Сейчас исключена такая постановка национальных проблем. Великобританию уже нельзя рассматривать как больной член здоровой семьи. Все семейство наций экономически охвачено болезнью, и Британия, больше всех зависящая от мировой торговли, конечно, наиболее ярко демонстрирует на себе симптомы общей заразной эпидемии».

Таково мнение солиднейшего «Вестминстер Банк Ревю»[1]). Весь мировой капитализм трясет и лихорадит от мирового экономического кризиса, который одновременно сопровождается мировым аграрным кризисом, кризисом колониального сырья и невиданным обесценением серебра. Это—мировой кризис эпохи империализма. Именно поэтому он, начавшись на вершине мирового капитализма, на вершине пирамиды буржуазного общества, в царстве доллара, затем покатился стремительной лавиной по всем странам земного шара, ударив, прежде всего, по колониям и полуколониям—подневольным поставщикам сырья. Можно выстроить нескончаемые шеренги цифр, которые в один голос покажут, что кофе и хлопок, каучук и свинец, бананы и южно-африканские кожи, чай и шелк постигла одна и та же судьба. Империализм проявил свою организованность, использовав для разорения Китая, Индии и Индо-Китая перепроизводство серебра, валюты колониальных париев. Кроме всего этого, кроме оглушительных биржевых крахов, более двух десятков миллионов безработных, история вывела еще на сцену мировой сельскохозяйственный кризис. Трактор и комбайн вызвали перепроизводство хлеба, ставшего продуктом машинной обработки земли, а наряду с этим в Китай, где обрабатывают землю только мотыгой, вторгся голод, скосив за несколько месяцев миллионы жизней.

Международный капитал в величайшем затруднении. Самые солиднейшие его представители не могут скрыть боязни перед завтрашним днем, от которого они открещиваются воздыханиями об интервенции против СССР и восстающих народов колониального мира. «Положение в России и крайне неустойчивое состояние всего Дальнего Востока»,— заявляет, например, отчетный доклад южно-африканского «Стандард Банка», — «несомненно одна из причин всемирной депрессии, но одновременно, очевидно, что мир страдает также от перепроизводства, возможность которого никогда не учитывалась экономистами сотни лет назад, но которое обусловлено влиянием науки, особенно машинной техники и химии» [1]).

---

[1]) Июль 1930 г.

Не наука и техника породили мировой кризис. Кризис — порождение капитализма. Но что больше всего страшит буржуазию, так это то, что кризис является фазой распада капиталистической стабилизации, началом ее конца, что он происходит в прямой и неразрывной связи с победами социалистического строительства в СССР, с кризисом империалистического господства в Индии, Китае, Египте, Палестине и на черном континенте. Интервенция становится орудием борьбы за стабилизацию. Недаром взятие Чанша китайскими красными войсками было встречено огнем японской, американской и английской артиллерии. Кризис и развал китайской буржуазно-помещичьей контрреволюции, уже разбивший ее на смертельно-враждующие клики, положил начало переходу революционного брожения масс в прямой приступ к крестьянской войне под советским знаменем. «Сохранение положения, при котором рынки Китая закрыты для промышленных наций мира и которое обостряет нынешнюю проблему безработицы, помогает только делу мировой революции. Китай уже наводнен коммунистическими бандами и армиями, использующими слабость правительства и консолидирующимися благодаря захвату целых провинций и округов, откуда их можно изгнать лишь дав им решающее сражение» [2]). От этого не уйти. В этом—гвоздь запутавшегося международного положения, которое не поддается анализу отдельно от мирового кризиса.

Мировой экономический кризис превратился в кризис мировой системы империалистического господства, или, вернее, он оказался началом этого превращения. События в Индии и Китае уже сами по себе могут служить неопровержимым доказательством этого. Там втягиваются в борьбу не на жизнь, а на смерть такие человеческие резервы, которые не могут не оказать совершенно исключительного воздействия на весь ход всемирной истории. Но, ведь, с начала промышленного кризиса дали знать о себе не только Индия и Китай. Как в ленте кинематографа, одно за другим прошли восстания в Гаити, Палестине, Нигерии, Индо-Китае, волнения в Гамбии, Южной Африке и других частях черного континента. Торгашеские переговоры Вафда с макдональдовским правительством нашли свое неожиданное продолжение в массовых столкновениях на улицах Каира, Александрии, Порт-Саида и других городов Египта. Интернациональный размах этого революционного прибоя указывает, что мировой экономический кризис вытолкнул на улицу противоречия, вскормленные в колониальном мире временной и частичной стабилизацией капитализма. Стабилизация капитализма в колониальной половине земного шара была чрезвычайно условной и ограниченной. Исторические события китайской революции 1925—27 гг. и восстание в Индонезии в 1926 г. выпали на период этой стабилизации. Однако в мировом масштабе капитализм все же обеспечил себе известную относительную устойчивость. Теперь дело выглядит совсем иначе. Колониальный Восток переходит в наступление. Вокруг этого уже поднялась довольно большая идеологическая и организационная возня во Втором Интернационале и среди его присных. Международный социал-фашизм с тревогой смотрит на неудачи макдональдовского правительства во всех концах колониального мира. Эмиль Вандервельде, неподражаемый министр бельгийского короля и вояжер, отправляется в половине августа в Китай. Кук поспешно сует в карманы Джоши и Чаманлала, разбитых вожаков англофильского тред-юнионизма в Индии, фунты, украденные у безработных английских горняков. Независимский «Нью-Лидер», жидкий и безвкусный как традиционный порридж за мещанским завтраком, рекламирует Ганди изо всех сил, стараясь выступить посредником между Национальным Конгрессом и Макдональдом. Макдональд на недавней сессии междупарламентского союза предостерегал «отсталые нации», чтобы они не стали причиной мировой войны благодаря своей «привязанности» к устарелым условиям жизни, препятствующим общему прогрессу.—Известно, что этот суб'ект всегда выражается с той долей водянистой загадочности, которая абсолютно подстать интервенционистским зубрам. Посылая английские дредноуты в Египет, Макдональд сумел сопроводить это жестом искренне-«демократического» возмущения королем Фуадом. Беспокойный и роковой дух революции волнует империалистскую буржуазию социал-фашизм и пацифизм. Сладчайший Норман Энджелл, доказывающий с 1914 г., что империализм «невыгоден капиталистам», явно трясется, декларируя, что «буря, долго собиравшаяся в Индии, разразилась вооруженной революцией» [1]). Его испугали Читтагон и Шолапур, «красные рубашки» и бомбейские ткачи. «Саут Чайна Морнинг Пост» жалобно причитает, что «коммунизм несет Китаю не только физическое отчаяние, но он и духовно опустошает народ... Обыкновеннные школы заменяются ленинскими школами» [2]).

Это — хороший признак, когда канальи колониального разбоя начинают изливать свои чувства в жалобах, плохо скрывающих бессилие!

Характерно, что на Египет и Индо-Китай жалуются почти так же, как на Китай и на Индию. «Если характер египетского народа в целом таков, как он проявился в Мансуре и Александрии, то единственная надежда страны — ее вожди» [3]). Так пишет «Нир Ист», сожалея, что еще совсем недавно он выдал удостоверение в верноподанной благонадежности буржуазно-помещичьим вождям Вафда. Английский колониальный курьер особенно обозлен тем, что взрыв массового движения в Египте произошел, несмотря на открыто-контрреволюционную позицию Вафда, хотя вожаки Вафда и оказались на поверхности стихийного прибоя.

Империализм пред'являет сейчас экстренный спрос на умеренность, спрос на умеренно-буржуазные и помещичьи элементы колоний и полуколоний. К этому его принуждает растущая острота положения, несомненное революционизирование всей обстановки. Экономический кризис треплет ветхую политическую и идеологическую надстройку. Американские либеральные буржуа с большой неловкостью признают, что в Китае, в частности в Чже-Цзяни, сейчас «самые порядочные, трудолюбивые элементы, бывшие всегда миролюбивыми, восстают и нападают на богатых» [4]).

В Индии, как констатирует лакей империализма Сринivasa Састри в лейбористском «Лэйбор Магазин», умеренность — все более испаряющаяся добродетель: «Умеренное общественное мнение не живет своим собственным отдельным мирком, оно должно развиваться в более или менее непосредственном соперничестве с другим мнением. Что могло бы удовлетворить вчера, завтра станет неудовлетворительным [5]).

---

[1]) «Экономист», 26/VII.

[2]) «Фар Истерн Ревью», июль.

---

[1]) «Форейн Аффэрс», май 1930.

[2]) 26 мая.

[3]) 24 июня

[4]) «Чайна Уикли Ревью».

[5]) Июнь

Колониальный режим империализма мешает утвердиться буржуазной умеренности, лакействующей перед империализмом. В Южной Африке, в Ворчестере, акт полицейского произвола вызвал взрыв, столкновения с полицией, в результате которых оказались жертвы. Посмотрите как откликается на это белый буржуа: «Приходится признать, что если не-европеец стремится к социальным и экономическим улучшениям, не говоря уже о политике — он попадает под угрозу нарушения закона. Трудно представить себе как в этих условиях могут пробиться или притти на помощь порядку и закону умеренные и положительные не-европейские элементы [1]).

Настоящая тоска по колониальной умеренности гложет империалистическую буржуазию и, в то же время, она сознает, что ее господство способно питать только крайние элементы, способно содействовать только революционизированию масс. И отсюда — град бешеных репрессий и интервенционистских попыток.

Экономический кризис подводит колониальных и полуколониальных рабочих, крестьян, ремесленников, студентов и всю народную массу вообще к революционной борьбе.

Высказывая свои безграничные симпатии к гандизму, представители «левого» социал-фашизма, как наиболее чуткий сигнальный аппарат фашистско-империалистической диктатуры, естественно попадают в тон своим хозяевам, которые ведут с Ганди лишь кажущуюся «борьбу», направляя все удары против подлинных народных масс. С этой точки зрения показательна также позиция британского либерализма. На его взгляд, «силы, склоняющиеся к насилию, сейчас в Азии имеют явный перевес. Помимо России и Китая, найдется немного места духовному фактору пассивного сопротивления. Над Ганди открыто смеются как над мечтателем. И все же может быть, что этот мечтатель открыл моральный эквивалент войны [2]).

Никто не заподозрит английских либералов в отчужденности от колониально-империалистических интересов. Хлопковые плантации в Судане, сыгравшие свою роль в том, что в Мансуре и Александрии заговорили камни с мостовой и винтовки, составляют собственность либеральной фирмы Асквитов и К°. Если английские либералы, наряду с изучением причин падения мирового господства Ланкашира, — изучением столь же нудным, как и практически безнадежным, — занимаются также поисками «морального эквивалента войны», то можно быть уверенным, что они интересуются не проблемой вечного мира в захолустно-мещанско-кантовском смысле, они интересуются моральным эквивалентом... революционной войны против империализма: в самом деле, нет ли каких средств обратить колониальную антиимпериалистическую революцию в гандистскую пустышку, в пустоцвет морализирующей жестикуляции, поповско-толстовской словесности и пассивного ничегонеделанья, нет ли средств обратить готовящийся революционный взрыв в хлопушку-шутиху с хитрым контрреволюционным секретом?!

Почему английские буржуа и лейбористы больше других поглощены этой проблемой? Потому, что Англия — владелец колониальной империи огромных размеров, и потому, что она, «больше всех зависящая от мировой торговли, наиболее ярко демонстрирует на себе симптомы общей заразной эпидемии»!..

— Мы таким образом, благополучно вернулись к исходному пункту, к мировому экономическому кризису, который раскрывает глаза на гнилость империализма самым отсталым народам.

---

[1]) 19 мая 1930 г., газета «Стар».

[2]) «Нэшьон», 30 июля.

Левый „социал-фашизм“ в „чисто-классовой“ позе.

«Что же делает исполком II Интернационала? Требует ли он от британской партии проведения брюссельского постановления? [1]). Призывает ли он другие партии к борьбе против политики лейбористов? Ничего подобного. На своей сессии в Берлине 14 мая он лишь «напомнил» о колониальной резолюции и заявил: «Исполком убежден, что на основе переговоров между английским рабочим правительством и представителями всех слоев населения Индии это право (право на самоопределение Индии) будет реализовано при наилучших гарантиях. Он приглашает представителей рабочего правительства возможно скорее организовать эти переговоры и облегчить их проведение, учесть необходимость скорейшей амнистии политических заключенных и довести переговоры до конца таким образом, чтобы обеспечить скорейший путь к созданию ответственного и автономного правительства». В тот самый момент, когда лейбористское правительство выступает за одно с английским империализмом, исполком II Интернационала выражает ему свое доверие! Он признается, что у него нехватает мужества выступить против британского социал-империализма! Таким образом, он засвидетельствовал, что его будущее внушает величайшие опасения. Как может осуществляться интернациональная политика в рамках Социалистического Рабочего Интернационала, когда руководство СРИ ставит национальные парламентские интересы одной партии выше своих международных обязанностей?» [2]).

Так стараются невзрачные и трусливые левиты [3]) принять позу классических якобинцев, громящих бесхарактерную и предательскую Жиронду. Вся эта театральная постановка представляет собою интернациональное предприятие. Независимцы сравнивают правительство Макдональда с русским царем, «безрассудно бросавшим людей в тюрьмы». Правда, они не думают уходить из партии английского царизма. Наоборот, они выполняют определенную функцию в партийном разделении труда. Даже голландские меньшевики «принципиально» высказались за независимость Индонезии, при условии, что она не откажется и в дальнейшем от услуг голландских ростовщиков. Представители германского «левого» социал-фашизма говорят о недопустимом предпочтении исполкома II Интернационала, когда он ставит «национальные парламентские интересы одной партии выше своих международных обязанностей! Они «левеют» с расчетом, даже в порыве «негодования», скрывая долевое участие социал-фашизма и социал-империализма в грабеже и угнетении колоний. Все об'ясняется парламентской близорукостью: «ох, слепота—большой порок»...

«Левые» диверсии левитов, мэкстонитов и прочих преследуют определенную цель: помешать сближению революционизирующегося рабочего движения империалистических стран с рабочими и крестьянскими массами колоний, с антиимпериалистической революцией в колониальном мире. Мы сугубо подчеркиваем старания «левого» социал-фашизма обезвредить и парализовать влияние антиимпериалистической колониальной революции на рабочих Европы, Америки и Японии. Мировой кризис естественно наталкивает рабочую массу на мысль о неразрывной связи повседневной пролетарской борьбы с борьбой за ниспровержение империализма. Капитализм разоблачает себя как капитализм, гниющий и умирающий, и кризис его колониального господства наиболее выпукло и неопровержимо вскрывает эти его упаднические черты. «Левый» социал-фашизм стремится замаскировать именно эту сторону, он стремится под видом «чисто-классовой точки зрения» противопоставить проповедь экономизма поддержке колониальной революции. Ведь даже и господа Куки, сподвижники Монда по организации «промышленного мира», обеспокоенные упадком Ланкашира на колониальных рынках, кризисом британского угля и судостроения, бьют тревогу по случаю конкуренции китайского кули, индийского и японского рабочего. Это — также следствие нынешнего кризисного состояния капитализма. Буржуазия уже не может обойтись без втягивания рабочих масс в вопросы колониальной политики; с другой стороны, откровенный социал-империализм не может быть притягательной силой для массы рабочих, выкинутых на мостовую или с трудом удерживающих свое место у станка. Отсюда — попытки ограничить сочувствие европейских рабочих колониальным рабам рамками — более безопасной для империализма — борьбы колониальных рабочих за улучшение условий труда. Английский капитал не прочь по-зубатовски, до известной степени, поощрить борьбу индийских рабочих против местных капиталистов, поскольку необходимо— по условиям времени и места — припугнуть индийских капиталистов, сделать их более сговорчивыми по отношению к нему. Социал-демократический экономизм в переводе на язык колониальной политики есть хитро сбалансированный империалистический экономизм. Социал-демократия самого «левого» оттенка не желает признавать никакой национально-освободительной борьбы в колониях, она стоит только за «чисто-классовую борьбу»... в рамках дозволенного империализмом, в пределах своего социал-фашистского сотрудничества с отечественной буржуазией, вплоть до поддержки интервенции против колоний.

---

[1]) Брюссельский конгресс 2-го Интернационала «признал» в 1928 г. право Индии на самоопределение, признал, конечно, по социал-фашистски.

[2]) «Классенкампф», 15 июня 1930 г.

[3]) Наследники ренегата Пауля Леви, основавшего «Классенкампф».

Знаменательная вещь! Многие доводы сторонников того «империалистического экономизма», с которым воевал Ленин в рядах большевиков, сейчас облекаются в плоть и кровь практической борьбы с.-д. против союза пролетариата с угнетенными массами колоний. Доктринерская наивность получила свое возмездие в уроках исторического развития.

Послушайте, что пишет тот же Хельмут Вагнер в статье «Индия и международное рабочее движение: «Связь индийского рабочего класса с интересами европейского пролетариата имеет большее значение, чем единый политический фронт с индийской буржуазией. Это должно быть положено в основу политики пролетарской поддержки индийской революции» [1]).

Не знаешь чему удивляться: бесцеремонности ли обращения с марксизмом в интересах империализма или повествовательно-хладнокровной позе при этих плутнях. Корреспондент «Форвертса», Эгон Вертгеймер, выпустивший книжку «Лицо Рабочей Партии», недавно высказал сожаление по поводу того, что английские лэйбористы, благодаря своему невежеству по части марксизма, не могут «как следует» использовать его в интересах капиталистической рационализации и наступления на рабочий класс. Германский социал-фашизм, несомненно, идет впереди в этом отношении. Под предлогом истинно-социалистического пренебрежения к мнимому «единому политическому фронту» индийского пролетариата с индийской буржуазией, «левый» социал-фашизм старается похоронить борьбу с империализмом. «Политика

---

[1]) «Классенкампф», 15 июля.

пролетарской поддержки индийской революции «сводится к зубатовской» поддежке» экономической борьбы рабочих. Впрочем и эта неуловимая «поддержка» легко обнаруживает свой истинный характер в поддержке прямой агентуры английского империализма в профсоюзах, в лице Джоши и Чаманлала [1]). У «левого» социал-фашизма старая методология российского экономизма или, что то же, традиционного тред-юнионизма: буржуазии — политическая борьба, рабочим — экономическая борьба. Само собою разумеется, что эта методология приспособлена к условиям нашей эпохи и к текущему моменту. Свою задачу «левый» социал-фашизм видит, с одной стороны, в посредничестве по отношению к колониальной и полуколониальной буржуазии. Он «примиряет» ее с империализмом, хотя она и не борется с ним, а лишь надувает массы в интересах полюбовного с ним соглашения. С другой стороны, «левый» социал-фашизм из кожи лезет вон, чтобы помешать пролетариату колоний и полуколоний выступить гегемоном в антиимпериалистической революции под предлогом защиты его собственных цеховых интересов. Второй Интернационал и амстердамцы пока лишь пробуют ногой раскаленную колониальную почву и, поэтому, центр тяжести своей проповеди переносят на то, чтобы разбить волну пролетарской солидарности антиимпериалистической колониальной революции. Если раньше империализму удавалось втягивать в свой колониальный разбой верхушку рабочего класса и таким путем подчинять себе пролетарскую массу, то теперь, в условиях распадающейся стабилизации и мирового экономического кризиса, экономика формирует политическое настроение рабочих масс по-иному. Повседневная классовая борьба, ход развития повседневно-осязаемых текущих классовых противоречий настраивают рабочую массу по-революционному, вынуждают ее искать все более тесного и практического сближения с трудящимися колоний для общей борьбы против империализма. Правые оппортунисты и ренегаты Коминтерна, Брандлеры и Рои, плавают целиком в фарватере «левого» социал-фашизма. Они ищут сочувствия Индийскому Национальному Конгрессу у Второго Интернационала, стараясь заполучить себе сочувствие Неру и К° против Коминтерна. Наряду с этим, они заявляют о своей «чистоклассовой позиции» в противовес пролетарской борьбе за гегемонию. Их идейное раболепство перед с.-д. делает излишними всякие сомнения относительно их политического паспорта.

3. Новая полоса революционного под'ема на Востоке.

Колониальный Восток вступил в новую полосу революционного под'ема по-иному, чем он вступил в период первого революционного прилива 1919--1922 гг., по-иному, чем вступал Китай в революцию 1925—1927 годов. При этом, неравномерность революционного развития по отдельным странам обусловливает большую пестроту. Рабочий класс и крестьянство Китая имеют за плечами опыт 1925—1927 гг., опыт Кантонской Коммуны, партизанских красных отрядов и самых разнообразных форм борьбы с империализмом и буржуазно-помещичьей контрреволюцией. Китайские трудящиеся массы, можно сказать, выстрадали советскую форму диктатуры рабочего класса и крестьянства. Характер антиимпериалистического фронта менялся вместе с изменением в соотношении классовых сил. Захватывая все глубже самые широкие народные массы, антиимпериалистическая революция все больше и определеннее оборачивалась своим острием также и против помещиков, феодально-милитаристических клик, ростовщиков и компрадорской буржуазии. Национально-революционная война в форме северного похода, развернувшись на первоначальных стадиях — от Кантона до Хачькоу — под флагом единого антиимпериалистического фронта, включавшего и значительные слои национальной буржуазии и верхушку мелкой буржуазии, разожгла борьбу классов на почве осуществления задач колониальной революции и вырыла непроходимую пропасть между рабоче-крестьянским лагерем и буржуазно-помещичьей контрреволюцией. Итог 1925—1927 гг. был подведен противопоставлением Кантонской Коммуны диктатуре контрреволюционного Гоминдана. Новый революционный под'ем в Китае вырос из развала буржуазно-помещичьей контрреволюции, доказавшей своим банкротством, что в современном Китае невозможно разрешение задач национального об'единения и освобождения по прусско-бисмарковскому образцу, под гегемонией буржуазно-помещичьего блока, да вдобавок еще и под контролем империализма. Первая вспышка аграрно-крестьянской революции была результатом наступления на империализм в 1925—1927 гг. Буржуазно-помещичья контрреволюция бросила Китай под ноги империализма. Новый революционный под'ем начался с нарестания новой волны аграрно-крестьянской революции под советским знаменем.

---

[1]) Кстати стоит вспомнить, что «Лейпцигер Фолькcцайтунг» оплакивала поражение Джоши на всеиндийском конгрессе тред-юнионов в 1929 г.

Революционное развитие Индии отстало, по сравнению с Китаем. Разумеется, не может быть никаких сомнений в том, что Индия далеко ушла вперед от 1919—22 гг., когда Ганди был своего рода «общенациональным символом», «ненасилие» было своеобразной формой самопожертвования масс, не вкусивших еще от древа познания, а цели борьбы и классовая диференциация были заслонены обрывками патриархальных иллюзий и предрассудков. Даже подлейшее предательство крестьян Национальным Конгрессом в Бардоли не зарубцевалось в сознании широких масс как определенный этап классового расслоения единого национального фронта. Господа Рои, заметая свои ренегатские следы, могут сейчас сколько угодно махать руками и рекламировать свою былую ультра-«левизну». Рабочий класс Индии мог начаться складываться в самостоятельную, а значит и революционную классовую силу только в процессе антиимпериалистической борьбы, все больше наталкиваясь на своих внутренних классовых врагов по мере расширения и углубления настоящей массовой борьбы. Героическая борьба бомбейских ткачей 1928—1929 годов обусловила новый прилив массового антиимпериалистического движения и, в то же время, резко противопоставила друг другу индийскую буржуазию и индийский пролетариат. Стихийное, почти молниеносное расширение антиимпериалистической борьбы, втянувшее в нее новые сотни тысяч и миллионы, в первой половине 1930 года привело к попыткам частичного реванша со стороны гандизма, который, оседлав неорганизованность масс, впервые подхваченных борьбой, использовав их неумение последовательно и ясно выражать свои мысли и волю, попытался оттеснить на задний план пролетарский авангард, больше всего грозивший разоблачением предательской природы гандизма. Правда, в Бомбее, в Калькутте и почти во всех других промышленных городах Индии десятки и десятки тысяч рабочих своими стачками и демонстрациями под собственными лозунгами (в конце апреля и начале мая) сумели выявить свою политическую самостоятельность. Гандизму, поставившему своей задачей подчинение масс буржуазии и помещикам во имя контрреволюционной сделки с английским империализмом, не удалось растратить запасов массовой революционной энергии. Ему не удалось предотвратить события в Читтагоне, Шолапуре, Пешавере и т. д. Ему не удалось комедиантским «ненасилием» сорвать стихийные пооявления непреклонной воли масс к свержению английского ига в Индии. Ганди, Неру-отец и сын, вместе со всем Национальным Конгрессом, могли видеть на улицах городов и в деревнях лицо революционизирующейся Индии. Это уже не первое пробуждение с перевесом пассивно-созерцательного отрицания над волей к борьбе. Однако, Ганди и К-о временно удалось обогатить руководство в смысле воздействия на массы, заслонить его на политической авансцене. Этим об'ясняется, почему при широком распространении антиимпериалистических настроений в крестьянских массах—силы аграрно-крестьянской революции все еще находятся в полудремлющем состоянии.

Индия делает лишь первые шаги по лестнице революционного под'ема. но она широко и быстро шагает, и, в этом — гарантия будущего. Хныканью маловеров тут не может быть места.

Египет может быть охарактеризован как страна, проходящая лишь начатки антиимпериалистического обучения Английский империализм и египетская буржуазия, по преимуществу связанная с землевладением и поставкой хлопка на рынок, смогли использовать формально-полуколониальное положение страны [1]), слабость ее промышленного развития (даже по сравнению с Китаем и Индией) и чудовищную забитость феллахской крестьянской массы—для того, чтобы обставить откровенно-империалистический колониальный режим рядом конституционно-парламентских ширм, облегчающих обман масс. Партия египетской буржуазии, Вафд, смогла благодаря этому сохранить свое более или менее бесспорное монопольное положечие в качестве «вождя нации». Но «Нир Ист», в связи с последними событиями, с большим беспокойством отмечает «новое появление студентов и черни (!) в качестве политических факторов» [2]). Он предупреждает египетскую буржуазию, чтобы она не обольщалась привычным отсутствием серьезных политических соперников. Революционные вспышки и толчки способны вызвать резкое классовое размежевание в самой отсталой среде. А к тому же, в колониях и полуколониях все классовые противоречия в нашу эпоху обладают способностью крайне быстро созревать и разрешаться в бурных столкновениях. Это вгоняет империализм в глубокую меланхолию. «Одна из причин, почему конституционные правительства недолговечны на Востоке» — печалится все тот же «Нир Ист»— «та, что политические партии регулируют свои взаимоотношения с помощью гражданской войны вместо того, чтобы понять, что истинная основа политических успехов в готовности к взаимным уступкам» [3]). Английские контрразведчики рассуждают прямо по Каутскому. При этом их, конечно, заботит не страсть к ученому проституированию марксизма, их больше интересуют практические удобства, доставляемые возможностью постоянной интервенции в виду «внутренних смут». Тем не менее, они сейчас готовы забыть и об этих удобствах, поскольку они смущены обилием революционных взрывов и недостаточностью своего арсенала.

При недавнем восстании арабов в Палестине, вызванном, в первую очередь, грабежом арабских земель, блок арабских помещиков, спекулянтов и мулл сыграл роль плотины, которая помогла английскому империализму и сионистской буржуазии отбить первый стихийный удар низов, а затем временно подавить движение. Своими подачками этой арабской верхушке, после подавления восстания, английский империализм усердно содействует ее разоблачению.

---

[1]) Существенным признаком полуколонии является наличие (и возможность) соперничества нескольких империализмов между собою.

[2]) 17 июля. Нужно отметить, что египетская компартия проявила явную оппортунистическую слабость в этот период.

[3]) 3 июля.

Индонезия все еще не в силах оправиться от кровавой расправы после восстания 1926 года, но поворот буржуазно-националистических верхов к «срабатыванию» с голландским империализмом наметился там с полной определенностью.

Индо-Китай в этом перечне колониальных стран, где уже загорелись сигнальные огни революционного под'ема, до известной степени составляет исключение. Недавнее восстание прошло при руководящем участии аннамского Гоминдана, который не следует смешивать с китайским Гоминданом. Французский колониальный режим в Индо-Китае обращает почти поголовно все население в бесправных рабов. Даже буржуазия и буржуазно-интеллигентская верхушка не может еще найти пути к примирению с этим режимом. Прохвосты Тардье пытаются свалить всю «вину» за восстание на «московскую пропаганду». Они выполняют эту миссию с большим рвением, так как французский империализм не смог приручить даже местную буржуазию, несмотря на то, что по соседству в Китае и в Индии, классовый раскол зашел уже достаточно далеко. Он произошел и в самом Индо-Китае, где имеется самостоятельное пролетарское и коммунистическое движение, знающее свое место в антиимпериалистической борьбе.

Пробуждение черной Африки составляет особую главу. Здесь раскачка особенно тесно и близко связана с последствиями господства хищнического монокультурного хозяйства, с широчайшей экспроприацией негритянских земель и созданием исключительного рабского режима для негров. Нынешний мировой кризис с особой силой обрушился на районы монокультуры, получающей все более значительное распространение вследствие стремления империализма к монополизации растительного тропического сырья. Органически-выросшее патриархальное общество почти буквально вырывается с корнями из родной земли. У него отнимают землю, людей обращают в данников, под угрозой репрессий, обязанных поставлять известное количество экспортной продукции, негров загоняют в особые «резервы» или земельные отводы, а в городах создают для них нечто более худшее, чем средневековое гетто. Этот исключительный гнет и сравнительная слабость привилегированной и подкупленной верхушки придают движению огромную взрывчатую силу.

Новый революционный под'ем в колониальном мире характеризуется следующими важнейшими чертами:

1) экономически и политически он связан с началом конца капиталистической стабилизации и усилением революционизирующего влияния СССР, как страны строительства социализма; 2) в антиимпериалистическую революцию втягиваются помимо таких решающих стран, как Китай и Индия, и самые отсталые народы (негры), 3) империализму становится все труднее управиться с революционным массовым движением без помощи местной буржуазии и феодалов; последние под влиянием растущего размежевания классовых сил и обострения классовой борьбы ищут выхода в контрреволюционной сделке с империализмом, стремясь включиться в систему империалистического господства, в то же время, не будучи в состоянии провести свою сделку перед лицом революционизирующихся масс, буржуазия должна прибегать к попыткам подмены борьбы надувательскими суррогатами «ненасилия» и т. п.; 4) всюду обозначился кризис буржуазного руководства движением масс против империализма и происходит обособление пролетарско-крестьянского лагеря, добивающегося плебейской расправы и с империализмом и с феодализмом; 5) антиимпериалистическая борьба неразрывно переплелась с аграрно-крестьянской революцией, с ее элементами и зачатками (в более отсталых странах); 6) в Китае мы имеем прямой переход к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и

крестьянства в советской форме; борьба за гегемонию между пролетариатом и буржуазией стихийно началась почти во всем колониальном мире; 7) на первых ступенях революционного под'ема сказывается перевес политической организованности буржуазии. Иначе обстоит дело в Китае, где правящие классы успели основательно израсходовать свой политический авторитет.

4 Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в колониальной революции, троцкизм и правый оппортунизм.

Смешна попытка зайца перебежать дорогу ленинизму на Востоке. Но Троцкий взялся за нее всерьез, одиночки троцкисты в Китае рука об руку с ликвидаторами типа Чень Ду-сю пытаются подкапываться под работу китайской коммунистической партии. Троцкий—подобно человеку, раздающему на улице прохожим рекламные призывы какой-нибудь подозрительной фирмы — сует всем в руки свою теорию перманентной революции. Именно всем, то-есть, прежде всего, социал-демократическим врагам пролетариата! Троцкий подновляет интерес к своему старому меньшевистскому детищу хлестаковскими «сенсациями», вроде «показания» Иоффе, что Ленин в 1919 году «признал» правоту Троцкого, что, полемизируя с теорией перманентной революции добрых пару десятков лет, он «никогда не читал» основного изложения этой теории (в книге «Наша революция» 1906 г.) и т. д. По раз заведенной манере, у Троцкого Ленин и здесь выглядит тугосоображающим учеником. На такие гнусности достаточно лишь указать пальцем. Книжка Троцкого «Перманентная революция» представляет интерес с точки зрения анализа проблем колониальной революции, потому что она срывает всякую маску с социал-демократического лица перманентщины и показывает ее вертлявую беспринципность именно на колониальной почве.

Проблема революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в колониальной революции сейчас приобрела выдающееся злободневное значение. В боях с гоминданом, чендусюизмом и троцкизмом разрешает ее славная киткомпартия. В борьбе за массы с гандизмом и, особенно, с «левым» гандизмом пробивает себе путь к решению ее пролетарский авангард Индии. Всякое, хотя бы мимолетное и стихийное проявление борьбы за пролетарскую гегемонию в отсталой стране, со слабым пролетарским меньшинством, ставит эту проблему. Признание необходимости борьбы за пролетарскую гегемонию—пустышка, если оно не облекается в четкие формы борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства: В Китае троцкисты — из недоделанных гоминдановцев — нападают на нашу партию за «самоограничение», за ее «боязнь» шагнуть сразу к диктатуре пролетариата. А Троцкий в это же время декларирует с чванливо-суверенным видом: «Провозгласив лозунг демократической диктатуры, VI конгресс [1]) об'явил в то же время недопустимым лозунги демократии (учредительное собрание, всеобщее избирательное право, свобода слова и печати и пр. и пр.), и тем самым совершенно разоружил китайскую компартию перед диктатурой военной олигархии. Вокруг лозунгов демократии русские большевики в течение долгого ряда лет мобилизовали рабочих и крестьян. Лозунги демократии играли огромную роль в течение 1917 г.» [2]). На большевиков Троцкий валит как на мертвых. Он забыл, как большевики боролись с ликвидаторами и их блоком, во главе которого стоял он сам, из-за лозунгов петиционной кампании, свободы коалиций и т. д., когда ликвидаторы, отрицавшие возможность и необходимость второй революции против царизма, стремились подсунуть рабочим требования реформ вместо борьбы за революцию. Троцкий не может вымолвить слова, чтобы не выдать с головой свою двойную бухгалтерию: для борьбы с большевизмом — «перманентная революция», немедленная и повсеместная социалистическая диктатура; для борьбы с буржуазией, помещиками и империализмом — куцые меньшевистские «требования», предназначенные для урезки и калечения классовой борьбы! Троцкий и китайские троцкисты не случайно нашли дорогу к Чень Ду-сю — точно так же, как Троцкий дореволюционных лет нашел себе приют в августовском ликвидаторском блоке 1912 г. Именно в эпоху жесточайшей гоминдановской контрреволюции на плечи компартии выпала тяжелая задача сохранить неурезанными требования революции, не допустить ни одного ложного шага, который бы был на руку Тан Пинь-сянам, организовавшим свою «рабочую партию» под гоминдановской крышей. Партизанские корпуса вынесли советские знамена на Янцзы в 1930 г. Они не могли бы сохраниться и сохранить завоеванное и записанное в 1925—27 г., если бы переняли ликвидаторские лозунги и, вместо подготовки второго революционного взрыва, стали готовить почву для Гоминдана № 2, для реорганизационистов, с их лживыми и провокационными призывами реформы Гоминдана и гоминдановского господства.

---

[1]) Коминтерна.

[2]) «Перманентная революция». Берлин. Изд. «Гранит», 1930 г., стр. 26.

Троцкий пренебрежительно заявляет: «Киткомпартия оказалась не только разоружена, но и полностью раздета до-гола. Зато, в виде утешения, ей разрешили, наконец, в период неограниченного господства контрреволюции лозунг советов...» 1).

— Вы, любезный, находите этот довод неотразимым!? Но в этом-то и горе ваше, что, горя перманентной жаждой перманентной революции, вы умеете при любом реакционном ненастье заменять революционный светильник ночным горшком меньшевистского крохоборства. Вы ужасно непримиримы по отношению к ленинизму, но чрезвычайно легко примиряетесь с политической слякотью контрреволюции!..

Но последуем дальше за этим непризнанным неистовым Орландом в его теоретических набегах. Он не перевертывает страницы, чтобы не поклясться союзом рабочего класса и крестьянства. Ведь, по этому месту его и оппозицию достаточно и заслуженно били. Тем не менее, хочет он того или нет, но повторение им ликвидаторской установки в период китайской контрреволюции лучше всего вскрывает его пренебрежение к живой революционной борьбе и, вместе с тем, к крестьянской революции, временно уходившей в подполье и в горы, но несломленной врагами. Не случайно новый революционный под'ем в Китае начался вспышками антипомещичьих и антимилитаристических крестьянских восстаний, выходом партизан к городам и организацией советских районов. Партизанское движение не могло бы пережить полосы контрреволюционного разгула, не имея твердой крестьянской поддержки, не опираясь на убеждение масс, что придет вторая революция.

Стесненный тем, что факты против него, Троцкий просто игнорирует новый революционный прибой в Китае. Зато с большой охотой он прячется за «принципиальные» доводы, обращенные против революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. «Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, в качестве режима, отличного по своему классовому содержанию от диктатуры пролетариата, была бы осуществима лишь в том случае, если бы осуществима была самостоятельная революционная партия, выражающая интересы крестьянской и вообще мелкобуржуазной демократии, — партия, способная при том или ином содействии пролетариата, овладеть властью и определять ее революционную программу. Как свидетельствует опыт всей новой истории, и особенно опыт России за последнюю четверть века, непреодолимым препятствием на пути создания крестьянской партии является экономическая и политическая несамостоятельность мелкой буржуазии и ее глубокая внутренняя диференциация, в силу которой верхние слои мелкой буржуазии (крестьянства), во всех решительных случаях, особенно в войне и революции, идут с крупной буржуазией, а низы с пролетариатом, вынуждая тем самым промежуточный слой делать выбор между крайними полюсами. Между керенщиной и диктатурой пролетариата — нет и не может быть ничего промежуточного, т.-е. никакой демократической диктатуры рабочих и крестьян» 1). Так гласит одно из «основных положений», посвященных ответу на вопрос: «что же такое перманентная революция?»

Вряд ли для кого-либо может быть новостью, что крестьянство и вообще мелкая буржуазия при господстве капитализма занимают промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. Но только меньшевики и только в борьбе с большевизмом выставляли это в качестве довода против диктатуры рабочего класса и крестьянства. Делали они это потому, что не признавали возможности борьбы между пролетариатом и буржуазией на почве буржуазно-демократической революции, за руководство крестьянскими массами; потому что не выделяли крестьянства из всей массы мелкой буржуазии в качестве революционной силы в борьбе со всеми устоями феодализма и предательской половинчатостью буржуазии. Понимание диалектики взаимодействия между экономикой и политикой им было чуждо, они не понимали как углубление классовых противоречий, вместе с размахом классовой борьбы, может создать революционные формы власти, совершенно неприемлемые для «нормального» буржуазного общества. Троцкий считает своей исключительной привилегией критику Гоминдана, так как он всегда был «за уход» из него. Однако, методология у него получается гоминдановская: никакой размах антиимпериалистической и аграрно-крестьянской революции не в силах выделить крестьянство из мелкобуржуазного болота, колеблющегося подобно студню, вместе с Ван Цзин-веями и К-о. Для него просто не существует колониальной и аграрно-крестьянской революции, как таковой. При всех исторических обстоятельствах крестьянство годно лишь для того, чтобы его тащить на буксире. Ликвидаторство по отношению к крестьянской и национально-колониальной революции он ставит себе в заслугу. На одной доске оказывается Индия и Соединенные Штаты 2)! Спрашивается: как возможна такая эквилибристика? Ответ может быть только один: она возможна лишь при полном опустошении исторического и классового содержания массовой борьбы в Соединенных Штатах и в Индии. Владимир Ильич еще в 1909 г. критиковал попытку Троцкого «подменять во-

---

1) «Перманентная революция», стр. 26.

---

1) «Перманентная революция», стр. 165—166.

2) «Перманентная революция», стр. 139. «Формы и методы господства буржуазии в разных странах чрезвычайно разнообразны. На одном полюсе господство ее имеет обнаженный и абсолютный характер: Соединенные Штаты. На другом полюсе финансовый капитал приспособляется к пережившим себя учреждениям азиатского средневековья, подчиняя их себе и навязывая им свои методы: Индия. Но и там, и здесь господствует буржуазия».

прос о диктатуре классов вопросом о составе того или другого правительства» [1]). От младых ногтей Троцкий усвоил тот парламентски-легковесный, комбинаторски-социал-демократический подход к вопросу о власти, который на Западе был выработан долгой оппортунистической привычкой к мелким кулуарным плутням, а также явился результатом полного угасания конкретных представлений о настоящей революционной политике, ведущей *счет миллионами*.

«Если исходная точка — интересы масс, то гвоздь русской революции аграрный (земельный) вопрос. О поражении или победе революции надо заключать не на основании насилий правительства и проявления «реакции» (которая всецело заполняет внимание многих кадетообразных с.-д.), а на основании *учета положения массы в борьбе за землю»* [2]).

Так учил Ленин. И добавлял для сугубо-тупых меньшевиков: «Если мы поддерживаем борьбу крестьянства за конфискацию земель, значит мы признаем победу возможной, экономически и политически выгодной для рабочего класса и для всего народа. А победа крестьянства, руководимого пролетариатом в борьбе за конфискацию помещичьих земель, и *есть* революционная диктатура пролетариата и крестьянства [3]).

Ленин брал за отправную точку общественно-экономическое содержание революции, соотношение классовых сил и движение классов. Для Троцкого все дело сводится к *«политическим и организационным формам* сотрудничества пролетариата и крестьянства» Если крестьянство не выдвигает своей отдельной партии, значит семафор открыт... для перманентной революции. Впрочем, не совсем так. Относительно Китая Троцкий высказывается так: «*В Китае монархии нет уже с 1911 года, нет самостоятельного класса помещиков, у власти стоит национально-буржуазный Гоминдан, а крепостнические отношения можно сказать химически слились с буржуазной эксплоатацией*» [4]). Это—непревзойденный «сертификат цинизма» (если употребить любимое выражение Троцкого) для Чан Кай-ши. Все, что можно сделать в пределах буржуазного развития, Чан Кай-ши сделал. Это утверждение вполне совпадает с мнением Чень Ду-сю об исчезновении остатков феодализма в Китае. Но тогда откуда же взялся кризис и развал китайской контрреволюции, партизанские победы, волна крестьянских восстаний и советские территории? Есть еще одна оригинальная черта нынешнего революционного под'ема: революционный размах рабочего движения в городах, отчасти и вследствие экономического кризиса *отстает* на первых порах этого кризиса от приливающего шквала аграрно-крестьянской революции. Если бы китайские передовые пролетарии в угоду троцкизму, хотя бы на минуту упустили из виду, что стихийный размах крестьянского движения сейчас до известной степени, *подталкивает* рабочее движение и требует от него более высоких боевых темпов, то это могло бы повлечь за собой ослабление пролетарской гегемонии, зигзаги и поражения в ходе революционной борьбы, искажение классового содержания советской революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но Троцкого это совсем не беспокоит, наоборот: он целиком отдался «высоко-идейной» миссии «теоретического» вредительства. «Примирения неравномерных процессов экономики и политики — заявляет он с привычным апломбом,— можно достигнуть только в мировом масштабе. Это значит, в частности, что нельзя вопрос о диктатуре пролетариата в Китае рассматривать в рам-

---

[1]) Т. XIV, стр. 41, изд. Института Ленина.

[2]) Т. VIII, стр. 53. 1-ое издание.

[3]) Т. XV, стр. 13. Изд. Ин-та Ленина.

[4]) Троцкий «Перманентная революция», стр. 132—133.

ках только китайской экономики и политики. Здесь-то мы и подходим вплотную к двум взаимно-исключающим друг друга точкам зрения: интернационально-революционной теории перманентной революции и национально-реформистской теории социализма в одной стране. Не только отсталый Китай, но и вообще ни одна из стран мира не могла бы построить социализм в своих национальных рамках: высоко-развитые производительные силы, переросшие национальные границы противятся этому так же, как и недостаточно развитые для национализации. Диктатура пролетариата в Англии, например, натолкнулась бы на противоречия и трудности, другие по характеру, но может быть не меньшие, чем те, какие предстали бы перед диктатурой пролетариата в Китае. Преодоление противоречий в обоих случаях мыслимо только на путях международной революции. Такая постановка вопроса снимает самый вопрос о том, «созрел» или «не созрел» Китай для социалистического преобразования. Бесспорным остается при этом, что отсталость Китая чрезвычайно затруднит задачи пролетарской диктатуры. Значит ли это, по крайней мере, что каждая, даже и отсталая колониальная страна уже созрела если не для социализма, то для диктатуры пролетариата? Нет, не значит. Как же быть тогда с демократической революцией вообще, в колониях — в особенности? *А где же написано*, отвечаю я вопросом на вопрос, *что каждая колониальная страна созрела для немедленного и полного разрешения своих национально-демократических задач*? Вопрос надо повернуть другим концом В условиях империалистической эпохи национально-демократическая революция может быть доведена до победы только в том случае, если социальные и политические отношения созрели для того, чтобы поднять пролетариат к власти как руководителя народных масс. А если этого еще нет? Тогда борьба за национальное раскрепощение будет давать очень *половинчатые результаты, целиком направленные против трудящихся масс*» [1]).

Читая эти строки, какой-нибудь Криспин будет вправе воскликнуть: какая прекрасная вещь эта перманентная революция! Ведь она доказывает преждевременность и незрелость революций в Индии и в Китае, в Африке и во всех колониях мирового империализма. Она убеждает, что сделка Макдональда и индийской буржуазии абсолютно неизбежно должна похоронить индийскую революцию на долгий ряд лет. Она окрыляет надеждой Гоминданы № 1 и № 2, а ведь на службе у Чан Кай-ши немецкие генералы и капитаны,—к судьбе их не могут быть равнодушны Криспины! [2]).

Какой-нибудь ультра-«левый» троцкист может задать смущенный вопрос: ведь Ленин, на которого все же приходится ссылаться при обмане рабочих, писал, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах, и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [3]).

Троцкий безапелляционно отведет эту ссылку. Теория перманентной революции—теория ваньки-встаньки. Все историческое развитие классовой борьбы, накопление революционного опыта массами, усвоение более высоких форм борьбы и организации — лишь эпизодическое предвкушение скрытой тайны перманентной революции, которая может победить лишь на условиях, давным давно установленных меньшевизмом: *при одновременной, гладкой и ровной победе во всех странах.*

---

[1]) «Перманентная революция», стр. 141—142.

[2]) Криспин перед 1 мая 1930 г. немало распространялся в «Форвертсе» на тему о том, что с.-д. интернациональна, «так как» она не признает строительства социализма в одной стране.

[3]) Т. XIX, стр. 221.

В книжке «Перманентная революция» Троцкий доказал и удостоверил, что он — опустошенный ренегат, мстящий большевизму за временное пребывание в его рядах. Сколько бы он не открещивался от социал-фашизма, он пришел к компании цитированных нами Хелмутов, Вагнеров, Криспиных и К-°. Он пришел к ним задом наперед, все более расширяя поле обстрела большевистских идей. Оставшись одиночкой, он должен был закопаться в свое меньшевистское прошлое, чтобы найти необходимое снаряжение для войны с ленинизмом.

Однако, в виде хвостика аргумента в пользу перманентщины остается тезис о том, что крестьянство не может создать своей самостоятельной партии наряду с партией пролетариата для совместного участия во власти? Увы! И тут троцкизм бьет себя. К проблемам революции он подошел сверху, с точки зрения «состава правительства», а не с той точки зрения, что революции — локомотивы истории, что их главная сила в том, что они вручают решение исторических задач миллионным массам. *При правильном революционном руководстве* со стороны пролетарского авангарда Советы могут и должны *сделать излишним и невозможным формирование самостоятельной крестьянской партии*, но именно для этого они должны быть подлинной формой *революционно-демократической* диктатуры пролетариата и крестьянства, они должны быть формой диктатуры, завоевываемой раскачкой и борьбой миллионов рабочих и крестьян, их строительством революционной власти *снизу*. Прячась за ошибки Чень Ду-сю и ченьдусюитов, в 1925—27 г., Троцкий не хотел видеть возможности перехода от Гоминдана к Советам, так как для него не существовало реального исторического расстояния между антиимпериалистическим фронтом и аграрно-крестьянской революцией. Это установлено его нынешними показаниями в «Перманентной революции». Но таким образом, он не понял и роли Советов в Китае. Советы в Китае—эпизодическая авантюра с точки зрения «интернационально-революционной теории перманентной революции», с другой стороны, в них нет никакой нужды, если принять рекомендованную Троцким тактику борьбы за реформы.

Опустошенный ренегат разделывается с последними обрывками воспоминаний о пребывании в большевистских рядах. *Теория перманентной революции на практике приводит к тому же ликвидаторству.* Она не допускает «активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый план лозунги, *исключающие* непоследовательность буржуазной демократии [1]. Она подменяет их... борьбой за учредилку и свободу печати в царстве Чан Кай-ши или Янь Си-шаня. В то же время, она делает бессмысленным союз пролетариата передовых стран с колониальной революцией, поскольку сама колониальная революция оказывается лишь историческим недоразумением или мертворожденным выкидышем.

Мы с такой подробностью остановились на критике перманентщины не потому, что троцкизм и полутроцкистский ультра-«левый» уклон—главная опасность нынешнего этапа. Мы это сделали потому, что новый под'ем в Китае подводит итог троцкизму в смысле установления факта его окончательного—и теоретического и практического банкротства. Правый оппортунизм и его старший брат—правое ликвидаторство—более реальны, менее претенциозны теоретически.

---

[1] Ленин. «Две тактики», т. VIII, стр. 53.

Но *правая опасность* в компартиях колониального Востока, естественно, представляет *наибольшую* опасность. Рабочему классу на Востоке приходится складываться и оформляться в самостоятельную классовую силу в ходе «общенациональной» борьбы с империализмом. На первых стадиях этой борьбы руководство ею находится в руках буржуазии и буржуазной интеллигенции. Буржуазная верхушка всеми силами противится выделению пролетариата в самостоятельную классовую силу из состава единого национального фронта. Выделение пролетариата из «единого национального фронта», руководимого буржуазией, неизбежно означает начало борьбы за политическую гегемонию между пролетариатом и буржуазией. Одновременно это означает развертывание классовой борьбы между трудом и капиталом на местной почве, перенесение классовой борьбы в деревню, общее революционизирование борьбы с империализмом. Поскольку Китай за последние годы проделал чрезвычайно быструю политическую революцию в смысле размежовки классовых сил, пример Китая можно считать типичным в смысле разоблачения истинной природы правого оппортунизма на колониальном Востоке. Ченьдусюизм сложился в борьбе против проведения большевистской тактики, в борьбе против линии Коминтерна. Он начал свою карьеру с выступлений против «излишеств рабочего и крестьянского движения», с торможения антиимпериалистической и аграрно-крестьянской революции, с попыток сохранения единого фронта с Ван Цзин-веями в обстановке стихийно разлившейся забастовочной и крестьянской волны. Подыскивая себе оправдания перед лицом победившей контрреволюции, он сполз к историческому оправданию контрреволюции на том основании, что в Китае уже устранены все пережитки феодализма. В потемках гоминдановского разгула, он стал намечать свой путь в ближайшем соседстве с реорганизационистами. Он старался *найти место китайскому рабочему движению в рамках «конституционного развития» гоминдановщины*. Ведь, и господин Троцкий, подкапываясь под ленинизм с другого конца, рекомендовал бороться... за китайское учредительное собрание.

Под покровом контрреволюционной гоминдановщины ченьдусюизм созрел как открыто контрреволюционное ликвидаторство. Было бы, однако, непростительной слепотой, если бы мы предположили, что и сейчас нет остатков ченьдусюизма в среде киткомпартии. Правый оппортунизм в киткомпартии и есть сейчас не что иное как ченьдусюизм, т.-е. контрреволюционный гоминдановский национал-реформизм, стремящийся использовать самые широкие симпатии к коммунизму... для сближения с буржуазией и помещиками. Разве и сейчас еще в красных профсоюзах не прорываются—у отдельных руководителей—попытки приспособить всю работу применительно к гоминдановской легальности? Разве у этих, по недоразумению, коммунистов нет тенденций замкнуть всю борьбу рамками «чистого» экономизма? Разве нет, далее, попыток уклониться от борьбы с империализмом? Разве даже в советских районах не наблюдается среди отдельных групп коммунистов тенденций к свертыванию аграрно-крестьянской революции?

Отчет Хубейского партийного комитета конца февраля 1930 года почти с неподражаемым спокойствием констатировал, что «в партийной организации в Хубее преобладает правая опасность. Причины заключаются в пережитках оппортунистических и путчистских тенденций при наличии пораженческих настроений, а также в том, что правильная линия VI с'езда (киткомпартии) не была доведена до низовых организаций, многие из которых вообще не видели резолюций с'езда. *Дальнейшая (!) причина заключается в том, что партийная организация опирается на зажиточных крестьян (!!) и помещиков (!!!), так что партия превратилась в партию крестьян (?), и даже* в партию среднего (??) крестьянства—зажиточных крестьян и помещиков».

Засоренность партийных организаций отдельных отрядов Красной армии и Советов стоит в прямой связи со сдерживанием борьбы против помещика, джентри и помогающего им кулака со стороны отдельных коммунистов. Само собой разумеется, что отрыжкой правого уклона, граничащего с изменой партии, является и местами проявляемая беззаботность относительно организации батрачества и бедноты.

До каких геркулесовых столбов доходит оппортунизм, можно видеть из следующего сопоставления. Недавно на английском языке в Лондоне вышла гоминдановская история китайской революции. Автор признается в ней, что Гоминдан не разрешил аграрной проблемы. «Чтобы разрешить аграрную проблему, наиболее острую в Китае,—заявляет Тан Лиан-Ли,—нужно, прежде всего, по всему Китаю снизить арендную плату на 25%. Земли, принадлежащие землевладельцам, т.-е. все владения свыше 30 или 50 му [1]), в зависимости от местных условий, должны быть принудительно приобретены государством по существующим рыночным ценам, и оплачены правительственными бонами. Национализированная (!) земля должна, затем, быть продана или сдана в аренду крестьянам по дешевой цене» [2]).

Мы привели гоминдановский рецепт спасения от революции не для того, чтобы воспользоваться показаниями гоминдановца в целях разоблачения правого оппортунизма в Китае. Даже гоминдановец признает, что владения свыше 30—50 му в условиях крайне интенсивного парцельного землевладения, как правило, носят эксплоататорский характер. Между тем, известны случаи, когда в советских районах конфисковывались земли только землевладельцев, имеющих более 50 му, а беднота даже обязывалась к возвращению всех долгов, взятых у владеющих менее, чем 50 му. Уравнительный передел всей земли вовсе не производился. Представители левого фразерства в Китае сейчас охотно бросаются заявлениями, что в Китае нет почвы для социал-реформизма, так как нет рабочей аристократии. Эти «левые» фразы суть не что иное, как прикрытие оппортунизма, того правого оппортунизма, распространение которого может стоить головы рождающейся китайской революции, поскольку во всей повседневной практике не будет дан ему самый беспощадный отпор.

Проявления правого уклона на Востоке многочисленны и многообразны. Египетская компартия, например, в связи с последними событиями выпустила воззвание, где попыталась изобразить столкновение с английским империализмом и камарильей короля Фуада — пусть под лицемерной фирмой предательского Вафда! — как дело, не касающееся рабочих. Рабочим, мол, нечего жертвовать собой. Вместо того, чтобы поставить задачу массовой борьбы в связь с вопросом о руководящей роли рабочего класса в борьбе с империализмом, египетские коммунисты сделали вид, что они отходят в сторону, так как не хотят жертвовать собой в столкновениях, возглавляемых Вафдом. Вместо разоблачения национал-реформизма получилось примиренческое отношение к... империализму и Фуаду!

Другой пример правого уклона доставила палестинская компартия. Она пережила известный кризис в связи с арабским восстанием, так как ее руководство в первый момент растерялось и полукапитулировало перед погромным сионизмом. После суровой критики и самокритики партия начала успешно выправлять линию. Но остатки прошлых колебаний в руководстве еще остались, — в первую очередь, в форме боязни арабизации партии. Лозунгу «арабизация партии» был противопоставлен дипломатический лозунг—«арабизация плюс большевизация». «Большевизация» партии была противопоставлена правильному большевистскому решению вопроса о завоевании арабского большинства пролетариата Палестины. «Большевизация» оказалась национальной монополией тех, кто не сумел во-время противостоять по-большевистски натиску сионизма, являющегося в Палестине лишь перевоплощением британского империализма.

В борьбе против империализма и национал-реформизма, все более скатывающегося к империализму, приходится молодому коммунистическому движению Востока прокладывать себе дорогу. Правый оппортунизм вырастает из недооценки этой абсолютно-решающей борьбы, и забвения классовой динамики антиимпериалистической и антифеодальной революции, из смазывания революционной самостоятельности рабочего класса. Конечно, правый уклон неминуемо ведет к отрицанию советской диктатуры пролетариата и крестьянства в колониальной революции. Он отвергает «точное классовое определение революции», с помощью этой диктатуры, ибо он стоит за национальный блок всех классов, либо за урезку борьбы с империализмом, либо за то и другое вместе.

На отрицании революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства на Востоке, на принципиальном отрицании ее и на отказе от ее практической подготовки сходятся и правое ликвидаторство и ультра-«левый» троцкизм. Этим они разоблачают свою одинаковую контрреволюционную сущность.

5. Проблемы современного этапа колониальной революции (Китай и Индия).

Во всех колониальных и полуколониальных странах размежевание классовых сил на почве борьбы с империализмом, за национальную независимость, ведет к столкновению либерально-буржуазных и плебейско-революционных методов борьбы. Во всех этих странах национально-освободительное движение, начавшись со студенческих выступлений, буржуазных петиций и банкетов и бойкота иностранных товаров, затем захватывает рабочие массы, заставляет их «находить себя» и, вслед за этим, втягивает тяжелые крестьянские резервы. Каждый новый шаг движения вперед сталкивает сегодняшний день со вчерашним и делает неизбежной борьбу завтрашнего дня с сегодняшним.

В Китае борьба против империализма вчера велась под флагом Гоминдана, сегодня Гоминдан, — разбившись к тому же на два Гоминдана — вместе с империализмом, борется против Советов. Советы еще не стали выразителем общекитайской революционной ситуации, хотя и на пути к этому. Они еще не вполне сформировали пролетарско-бедняцко-середняцкий союз под гегемонией рабочего класса. Без этого у них может быть вышиблена земля из под ног, ибо кулак, крепко спаянный с полуфеодальным ростовщичеством и связанный с джентри и помещиком, восстает против уравнительного раздела земли, то-есть против подлинно-плебейской, последовательно-революционной чистки земли от феодализма.

Что же? Может быть прав Троцкий, об'явивший, что в Китае «крепостнические отношения, можно сказать, химически слились с буржуазной эксплоатацией»? Может быть прав Чен Ду-сю, утверждающий, что феодализм в Китае уже давно ликвидирован?

---

[1]) 1/16. 1/10 десятины в зависимости от местного счета.

[2]) T'ang Leang Li. The Inner History of the Chinese Revolution. London. 1930. Стр 333.

Совершенно очевидно, что нет. Лозунг крестьянской раволюции—уравнительный передел земли. Этот лозунг не выходит за пределы мелкого товарного хозяйства, не исключая сам по себе свободы выбора между капиталистической и некапиталистической, социалистической эволюцией. «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю» — учил т. Ленин, — «является идея равенства,— и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков» [1]). Кулак в Китае восстает против уравнительного передела земли потому, что сам он только отчасти продукт капиталистического развития, отчасти сам он—порождение феодализма и ростовщичества, видоизменяющих характер и формы капиталистической эволюции. Лозунг уравнительного передела не есть чисто-бедняцкий лозунг, это — лозунг бедняцко-середняцкий. Он выражает лишь стремление к обновлению мелкого товарного хозяйства, отнюдь не поворот к социализму. Малейшая недооценка этого классового содержания аграрно-крестьянского движения означала бы отказ от собирания и сплочения крестьянских масс под пролетарским руководством. Троцкизм потому и реакционен, что он не замечает всего огромного революционного значения крестьянской чистки земли, значения ее для победы и закрепления плебейской расправы со всеми остатками феодализма и их защитниками. Кое-где в советских районах у отдельных работников проявилась тенденция откладывать передел земли «до улучшения военной обстановки». Эта тенденция — прямая отрыжка ченьдусюизма, откладывавшего и тушившего аграрно-крестьянскую революцию под предлогом военной борьбы. Поднять советское движение на уровень общенациональной революции возможно лишь при самой смелой и решительной ставке на бедняцко-середняцкий уравнительный передел земли. В то же время, этим определяются и рамки экономической политики советской власти: экономическая политика должна быть подчинена основной задаче распространения крестьянской войны на всю страну. Было бы смешно, если бы преследования мелкой торговли и ремесла, не могущие ничего дать с точки зрения создания экономических предпосылок для первых шагов к социализму, поссорили китайских коммунистов с крестьянскими массами. Китайские коммунисты не могут и не смеют мириться с средневековыми купеческими и ростовщическими гильдиями, они должны распустить их. Они должны сразу же аннулировать все ростовщические сделки, раздать все заложенные вещи бедняков. Они не могут мириться и с ремесленными цехами, об'единяющими труд и капитал под покровом феодально-патриархальных отношений. Их задача — мобилизовать ремесленных подмастерьев для роспуска этих цехов. Предприятия иностранного капитала подлежат национализации. Борьба же с китайским капиталом не должна априорно принимать форму конфискации предприятий. Конфискации будут подлежать, прежде всего, предприятия контрреволюционеров. Что касается остальных капиталистов, то они должны будут признать 8-часовой рабочий день, определенный минимум социального законодательства и зарплаты и существование выборных фабзавкомов.

Вот, примерно, те рамки экономической политики, которые диктуются интересами борьбы за революционно-демократическую диктатуру. Они определяются союзом рабочего класса и крестьянства для борьбы с империализмом и феодализмом. Пусть не существует самостоятельной крестьянской партии,— советская организация чем дальше, тем больше будет растворять в себе всякого рода крестьянские союзы и тому подобные организации. Пределы экономических преобразований будут зависеть от общей обстановки борьбы и от степени сплочения основных масс крестьянства и городской бедноты вокруг пролетариата. Китайские коммунисты не дадут себя запугать фразерам. Они понимают, что передел земли в Цзянси или Хунани, закрепление там советской территориальной базы во стократ важнее конфискации пары — другой полусредневековых мастерских. По-настоящему, в общенациональном масштабе, вопрос об отношении к промышленной собственности и крупной торговле встанет только с овладением решающими промышленными центрами и тогда ход борьбы покажет надлежащее решение.

Советы в Китае вырастают в процессе борьбы. Опыт их организации уже показал, какая глухая, но чрезвычайно горячая борьба разыгрывается вокруг них. Их стремится окружить кольцо примазывающихся элементов из кулачества, перекрасившихся джентри и гоминдановцев. Классовый враг старается изолировать их от масс, широко используя для этой цели административные перегибы и методы командования отдельных партизанских отрядов, нецементированных коммунистическим руководством. Можно без всякого преувеличения сказать, что судьба нового революционного под'ема в Китае будет зависеть от четырех основных предпосылок: 1) мобилизации масс для отпора империалистической интервенции, 2) уравнительного передела земли, 3) организации батрачества и кули в свои отдельные союзы, организации групп бедноты и об'единения крестьянства вокруг этого костяка в рамках советской организации, 4) создания правильно-организованной и партийно-контролируемой опоры Советов в лице регулярной Красной армии.

Киткомпартии даже в своих рядах приходится бороться против забвения и недооценки борьбы с империализмом. Этот вид правого уклона, порожденный пассивностью и подчинением гоминдановским влияним, заслуживает самого беспощадного отпора. Он так же, как и недооценка крестьянской революции—имеет свой вчерашний день, представленный колебаниями Чень Ду-сю и его единомышленников, с одной стороны, троцкистскими шатаниями,—с другой.

Ультра-«левый», вспышкопускательский уклон не в меньшей мере заслуживает отпора. Если бы он возобладал, враги революции получили бы легкую возможность торжествовать. Велики и многообразны проблемы новой китайской революции, готовой выйти на свет. Она таит в себе большие задатки в смысле перерастания через ряд промежуточных, связующих звеньев—в революцию социалистическую. Это обусловлено тем, что 1) на все историческое подготовление ее оказало огромное влияние существование СССР; 2) она возрождается в непримиримой борьбе с империализмом и контрреволюционным блоком китайской буржуазии и помещиков; 3) она вырастает из зачатков революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в советской форме; 4) политическим стержнем этой диктатуры является китайская коммунистическая партия; 5) революция возрождается в обстановке такого глубокого экономического и политического развала, когда только самые крайние меры способны обеспечить независимость и возрождение страны. Это уже не китайский 1905 г., но это еще и не Октябрь 1917 г.

Назревающая в Индии революция только сейчас по-серьезному начинает ту размежовку классов, их политики, их организации, которую китайская революция уже завершила в 1925—27 г.г. Здесь оружие критики по преимуществу в порядке стихийных прорывов уступает место критике оружия. Революционные профсоюзы в огне героической борьбы создают свое влияние в массах. Массы не только не имеют зародышей своей боевой и государственной организации, подобно красным корпусам и советам в Китае, у них вообще еще нет своего организационно-политического центра, который бы мог не эпизодически, а постоянно противостоять Национальному Конгрессу. Коммунистический авангард—лишь в стадии формирования Антиимпериалистическая борьба еще не проложила прочных мостков к аграрно-крестьянской революции. И несмотря на это, враги пролетариата с нескрываемой злобой отмечают быстрое выдвижение пролетариата и пролетарских методов борьбы на политическую авансцену.

---

[1]) Ленин, т. XI, стр. 188.

«Сэр Багадур Сапру уже указал,—пишет ультра-умеренный «Бенгали» (29 мая),—что истинная опасность гражданского неповиновения заключается в том, что оно осуществляется путем странной комбинации людей, искренно верящих в ненасилие, с людьми, не верящими в него, оно осуществляется путем странной комбинации капиталистов и коммунистов, националистов и коммунистов. Наличие коммунистов, отмечаемое сэром Багадуром Сапру, красные рубашки на границе, появление серпа и молота в демонстрациях в северо-западных провинциях, все это является предостережением для землевладельческих классов.».

Размежевание классовых сил в Индии не зашло так далеко, как в Китае. Поэтому многое еще дремлет под спудом. Крестьянство все еще скрывается в тени. Его начинающееся пробуждение сигнализируют студенческая молодежь, учительство, отдельные мелкобуржуазные прослойки городского населения. Лозунги крестьянской революции пока слышатся лишь из уст рабочего класса и революционной молодежи. Пролетарский авангард, уже обнаруживший умение концентрировать борьбу классов вокруг его собственной борьбы (так было со стачками текстильщиков 1928—29 г. и, отчасти, со стачкой на Большой Полуостровной железной дороге весной 1930 г.), еще не сумел настолько сблизиться с общенародным движением, чтобы вывести его из блужданий в потемках гандизма. Организация пролетариата в самостоятельную политическую силу, накладывающую свой отпечаток на всякое массовое выступление, есть, поэтому, важнейшая задача момента. Нельзя обойти закономерности революционного развития уже зафиксированной ходом событий: только стачечная борьба индийских текстильщиков подняла все революционное антиимпериалистическое движение на более высокую историческую ступень, вскрыв его классовые пружины;только суверенное вмешательство пролетариата, во главе революционных масс, способно вытолкнуть пробку, закупоривающую дальнейший революционный под'ем. Ote toi pour que je m'y mette! («Уйди прочь, чтобы я занял твое место!»). В этом—узел всей политической ситуации в Индии, которая характеризуется крайне неустойчивым «равновесием» между «Конференцией Круглого стола» и... первыми разрозненными зачаточными, стихийными попытками вооруженного восстания. В нашем утверждении нет никакого преувеличения. Представители 14 купеческих организаций Индии без всяких обиняков заявили англо-индийскому правительству: «Наше собрание предупреждает правительство, что серия актов, достигших своего апогея в экстраординарном аресте и заключении Махатмы, поколебала убеждение индийского торгового мира в рассудительности британского правительства. Наше собрание,—несмотря на всяческие клеветы и инсинуации, вплоть до правительственного сообщения—убеждено, что правительство не только уничтожило важнейшую национальную гарантию ненасильственного развития политической борьбы, но одновременно устранило и важнейшую

плотину, сдерживающую стремления к революции, которые уже угрожающе дают знать о себе в стране» [1]).

Всюду, где гандизм вынужден давать открытый бой пролетарскому авангарду, он выставляет свое левое крыло, господина Неру младшего и К°. Неру—кандидат в индийские Керенские—надувательски сочетает туманную социалистическую фразеологию с откровенной защитой помещиков, ростовщиков и «национальной» буржуазии.

Организация борьбы за пролетарскую гегемонию в колониальной революции, организация пролетарско-крестьянского революционного фронта снизу, не только в Индии, но и в других странах Востока составляет обязательное условие дальнейшего революционизирования масс, условие ликвидации буржуазно-либеральной пробки, закупоривающей революционную энергию. Надо вооружить рабочих, — а вслед за ними — и крестьянские массы искусством организации, тем оружием, которое еще дает либеральной буржуазии перевес, несмотря на революционизирование всей окружающей обстановки. Центральным звеном при решении этой задачи, естественно, должна быть организация коммунистической партии в каждой стране Востока. В этом смысле высказался и XVI с'езд партии в связи с отчетом делегации ВКП(б) в Коминтерне.

---

[1]) «Бомбей Кроникль». 7 мая.

И. Борисов.

К вопросам революционного под'ема в Индии*).

Экономическое положение.

Для понимания индийских событий необходимо ясно представить себе экономическое положение в стране. На фоне наличия огромных феодальных пережитков, размер которых иногда у нас преуменьшают, на фоне экономической отсталости и экономической политики англичан, направленной на сохранение Индии в виде отсталого аграрного придатка Великобритании,—в Индии в течение последних 2—3 лет можно было наблюдать быстрое нарастание экономического кризиса. Этот кризис ударил по всем слоям населения.

В хлопчатобумажной промышленности ряд фабрик закрылся, сокращено производство и в феврале в одном Бомбее было примерно 25—30 тысяч безработных текстильщиков. В данное время число безработных в Бомбее увеличилось примерно в два раза. В джутовой промышленности, в первый раз за все время ее существования, в этом году наблюдается такая серьезная по глубине депрессия, связанная с мировым кризисом. В металлургической промышленности, в виду урезки жел.-дор. строительства, рост депрессии с перспективой на дальнейшее ухудшение, в остальных, более мелких отраслях промышленности—положение такое же: ряд предприятий закрывается, остальные работают с убытком или малой прибылью.

Падение цен на серебро в Индии с ее внутригосударственной серебряной валютой и огромными сбережениями в форме серебряных слитков и украшений серьезно ударило по покупательной способности индийского населения. Падение цен на хлопок, джут, кофе и другие предметы торгового земледелия серьезно ударило по крестьянству и отразилось на внешней торговле.

Общее положение в сельском хозяйстве, несмотря на неплохие урожаи последних лет, свидетельствует о растущей деградации. Интересным и показательным признаком является факт импорта в течение последних четырех лет пшеницы и риса.

Туземный капитал даже в своих слабых попытках вылезть из кризиса всюду наталкивается на монопольное положение английского капитала (морской, речной транспорт, банки, кредит и т. п.), не имея возможности даже ограниченного использавания государственного аппарата. Раздражение индийской буржуазии достигло высшего предела, когда английское правительство отказалось пойти на уступки в области каботажного судоходства, оттянуло

поддержку хлопчатобумажной промышленности, помогло падению курса серебра, не приняв мер по защите ее (индийской буржуазии) интересов, решительно отказалось снизить официальный высокий курс рупий и помогло падению государственных бумаг, главная доля коих находится в руках индийской буржуазии.

Растущий экономический кризис и проводимая капиталистами рационализация вызвали большой рост безработицы среди рабочих и среди служилой интеллигенции. Рост кадров безработных интеллигентов, выброшенных с работы и кончающих школы без всякой надежды на заработок и без перспективы на расширение участия индусов в государственном аппарате, повел за собой взрыв в этих кругах возмущения и ненависти к английскому владычеству. Мировой кризис сильно обострил кризис в Индии. Основные продукты индийского экспорта джут, хлопок, чай не находят сейчас сбыта на мировом рынке и, кроме некоторой части хлопка, не имеют перспектив на внутреннем рынке. Покупательная емкость индийского рынка сильно сужена, и даже возможно удовлетворительный урожай не улучшит положения вследствие растущей деградации сельского хозяйства и падения цен на хлопок и джут. Можно ожидать некоторого улучшения дел в хлопчатобумажной промышленности, но это одно не будет в состоянии ликвидировать экономический кризис. Нищенство и вымирание народных масс дошло до крайней степени. В перспективе рост и углубление экономического кризиса в Индии.

Общая картина положения в стране.

Прежде всего следует констатировать тот факт, что в происходящем ныне революционном под'еме участвуют миллионы населения. Во всех харталах [1]), которые имели место в Индии, буквально, все население городов принимало участие. Харталы устраивались зачастую по краткому извещению. Иногда даже трудно было сказать, кто их устраивал. Стихийность и массовый отклик весьма характерны для всех выступлений.

Доминирующий тон и содержание всех выступлений—это ненависть к английскому владычеству; антибританский характер их резко бросается в глаза. Народные массы винят во всем английское господство и это является одной из главнейших причин того, почему национальной реформистской буржуазии пока еще удается сохранить «руководство» в своих руках. Несмотря на свою предательскую политику национальной буржуазии пока удается еще одурачивать массы, используя их глубочайшую ненависть к английскому господству.

В крупных городах наиболее активную роль играет учащаяся молодежь и рабочие. Во всех городах горячую поддержку оказывают мелкие торговцы и ремесленники.

Общий призыв к сопротивлению против английского господства дошел до крестьян и если сегодня мы имеем только отдельные случаи политического выступления крестьян против англичан, то вопрос о земле, долгах и крупных поместьях, т.-е. вопрос аграрной революции, будет становиться все более злободневным. Политическое пробуждение крестьянства идет довольно быстро.

Аппарат английского господства (суд, полиция, армия и пр. учреждения) в данное время функционирует в общем еще без перебоев. Англичане используют разветвленную сеть железных дорог, построенную с учетом возможной борьбы с восстаниями индийского народа. Неодновременность выступлений дает англичанам возможность перебрасывать войска и полицию на угрожаемые участки. Индийская полиция, состоящая в большинстве своем из крестьян-бедняков, является ненадежной силой для английских империалистов. Полиция вооружена бамбуковыми палками, ибо англичане не доверяют им оружия. В ряде случаев при серьезном выступлении народных масс (Шолапур, Пешавер) полиция быстро деморализовалась, частью разбегалась, частью переходила на сторону народа. Даже во время текстильных забастовок в Бомбее многие полицейские относились дружественно к бастующим, братались и только под давлением и угрозой английских сержантов разгоняли рабочие демонстрации. Что касается индийских войск, навербованных в значительной мере из среды бедняков-крестьян, то они примерно так же настроены, хотя следует учесть то, что англичане делают все возможное, чтобы изолировать войска от народа. При подавлении беспорядков в каком-либо месте англичане используют солдат других провинций, не знающих местный язык, другой религии и т д. Несмотря на это, влияние народного под'ема находит отклик среди индийских солдат. В настоящее время англичане подтягивают белые войска, военный флот и мобилизуют английских граждан в самой Индии.

---

*) Вопросы революционной борьбы индийского народа против английского империализма чрезвычайно интересуют передовых рабочих всех стран мира.

К сожалению, жестокая цензура и аппарат английской охранки лишают нас возможности детально изучить и разобраться в том, что происходит в стране. На основании английской и буржуазной индийской прессы, а также отдельных революционных печатных изданий, мы даем эту статью, отнюдь не претендуя на полное освещение всей обстановки и полноту нашей информации.

[1]) Хартал — это нечто в роде своеобразной политической «забастовки» учащихся, торговцев, ремесленников и т. д., иногда включающей рабочие массы. По призыву Национального Конгресса закрываются магазины, лавки, учреждения, мастерские, школы и т п., народ остается по домам, иногда по особому призыву выходит на демонстрации.

Несмотря на бешеные усилия английских империалистов к тому, чтобы разжечь индо-мусульманскую рознь, кроме погромов индусских торговцев в отдельных местах, им не удалось организовать и вызвать крупных конфликтов между индусами и мусульманами. Широкие народные массы в момент под'ема не идут на эту удочку, как англичане ни пытаются использовать для этого все религиозные, экономические, социальные, языковые различия индийского народа. В движении против английского империализма в Индии выступают широкие массы всех угнетенных классов.

Национальный Конгресс.

Народный под'ем, происходящий сейчас в Индии, находится пока еще в общем и целом под контролем и «руководством» Национального Конгресса [1]). Вернее будет сказать, что это руководство выражается в самых энергичных усилиях со стороны Национального Конгресса ограничить размах движения и свести его к ограниченному мирному давлению народных масс на британский империализм. Национальный Конгресс по характеру его политики и руководства является буржуазной организацией, защищающей интересы туземного капитала и крупного землевладения. Организации Национального Конгресса по социальному составу являются в основном мелкобуржуазными и это частично об'ясняет словесный радикализм вождей Конгресса и отдельные случаи инициативы и своеволия со стороны ряда местных организаций Конгресса.

Индийская буржуазия систематически и последовательно проводит свою политику компромисса с английским империализмом. Даже до 1919 года буржуазия занимала реформистские позиции и теперь, умудренная опытом «большой» политики в ублюдочном парламенте и борьбой против рабочего класса, стремится добиться мирного компромисса. Ганди является одним из умнейших практических политиков индийской буржуазии, и уменье, с коим он разыгрывает святого и в то же время руководит массовым движением, дает популярные лозунги и борется внутри Конгресса за руководство Национальным Конгрессом, поистине замечательны.

Индийская буржуазия создала умную руководящую верхушку, накопившую огромный опыт по одурачиванию масс и пытающуюся вести «большую» политику, верхушку, которая не прочь вступить в сношения и связь с империалистическими государствами, играть большую мировую политику и которая разбирается в международных делах.

Роль Национального Конгресса в деле свертывания движения можно проследить на ряде примеров.

В день ареста Ганди Национальный Конгресс обратился с призывом к народным массам ответить на арест харталом. В Шолапуре (один из промышленных центров) рабочие на призыв местного комитета Н. К. не откликнулись. Тогда местный профсоюз, руководимый национал-реформистами, выпустил краткую листовку, в ответ на которую рабочие присоединились к харталу. Хартал был об'явлен двухдневный. К концу первого дня местные вожди Конгресса и профсоюза договорились с английскими властями об отмене второго дня хартала. Когда предатели заявили об этом на митинге, один из участников митинга выступил и рассказал об этих переговорах за спиной народа. Митинг решил продолжать хартал, вопреки директивам Национального Конгресса. Второй день хартала привел к столкновениям рабочих с полицией, разгрому судебных учреждений и фактическому устранению английской власти. Полиция разбежалась и ее функции взяли на себя добровольцы-националисты.

Впоследствии англичане ввели в Шолапур войска, об'явили здесь осадное положение и разгромили все организации. В Калькутте местный комитет Национального Конгресса издал следующие инструкции для проведения хартала: 1) оставайтесь дома и не выходите на улицу; 2) дома молитесь богу и просите его помощи; 3) не оскорбляйте полиции, не стройте ей гримас, не ругайтесь; 4) не трогайте ни одного иностранца; 5) не вынуждайте никого примкнуть к харталу, соблюдайте ненасилье. Когда вопреки директивам Конгресса студенты и рабочие попытались остановить трамвайное движение, сожгли пару вагонов и вступили в драку с полицией,—то газета Конгресса на следующий день обозвала их хулиганами и всячески пыталась отмежеваться. То же самое и в остальных местах.

Аппарат Национального Конгресса всякий раз пытался уменьшить размах движения и повести его под мелкими реформистскими лозунгами. Все выступления и столкновения, имевшие место в Индии (Шолапур, Калькутта, Мадрас, Карачи и др.), были стихийными, по инициативе студенческих и рабочих масс. Во всех этих выступлениях Национальный Конгресс играл сдерживающую, тормозящую роль, хотя и умудрялся при этом нажитый капитал, авторитет присваивать себе. Национальный Конгресс принял и пропагандировал гандистские лозунги. Он даже не развернул вопроса о независимости и власти. Ганди вплоть до июня, даже после ареста, предлагал англичанам компромисс, во всех своих последующих документах выставляя все меньше и меньше предварительных условий для сговора.

---

[1]) Национальный Конгресс является политической организацией индийской буржуазии. Он состоит из ряда низовых комитетов, которые об'единяются в городском и затем провинциальном масштабе. Раз в год созывается конференция Национального Конгресса на которую прибывает несколько тысяч делегатов. На конференции избирается Всеиндийский Комитет Конгресса, последний в свою очередь избирает «Работающий Комитет», который по существу является вожаком и держит всю власть в своих руках. Любой гражданин, внесший определенный взнос, считается членом Национального Конгресса и может участвовать в выборах местного комитета Национальный Конгресс не имеет массового членства и регулярно действующей массовой организации. Всю работу проводят комитеты, которые ни перед кем не отчитываются. В последние годы Ганди и другие вожаки Конгресса пытались изменить конституцию Конгресса Они пытаются уменьшить число делегатов на конференцию Национального Конгресса и затем уменьшить число членов Всеиндийского Комитета Конгресса Они пытаются превратить Конгресс и Комитет Конгресса в организованную, дисциплинированную легко, контролируемую организацию и с более последовательной реформистской программой. Они говорят о том, что необходимо превратить Конгресс в подобие парламента Индийская буржуазия пытается превратить Национальный Конгресс в организованную политическую партию, которая не давала бы возможности проявлению каких бы то ни было «левых» сюрпризов и обеспечила руководство в руках нынешней верхушки. Впервые за всю долголетнюю историю Национального Конгресса, был исключен Американский Комитет Национального Конгресса за то, что он проповедывал насилье.

Ганди в своих статьях развил целую программу буржуазных взглядов. Ганди стоит за сговор с англичанами, но при этом считает, что история Англии говорит о том, что английский капитал никогда не давал и не даст сколько-нибудь серьезных уступок без давления. Ганди пришел к выводу, что массовые движения и есть тот козырь, пользуясь которым можно добиться уступок. Гарантией того, что массовое движение не приведет к революции, должна служить, по его мнению, пропаганда ненасилья. Ганди считает, что у безоружной и дезорганизованной Индии нет другого выхода, кроме как в организации массового движения, оставаясь при этом на почве британской конституции и законов; вооруженное восстание, по его мнению, является утопией. В последнее время его проповедь о том, что теория ненасилия является лучшим противодействием против революции и восстания трудящихся масс, заняла главенствующее место. Свою пропаганду ненасилия Ганди прикрывает проповедью «люби ближнего» и тем, что традиции индуизма учат о ненасилии, что мировая роль Индии, это—проповедь ненасилья, проповедь любви.

Интересно вкратце описать принципы гандизма, его так называемой философии сатиаграха. Первый—это принцип эволюции, он является основой его учения. Второй в области политики, это — «исправление плохих законов» через гражданское неповиковение. Третий — гражданское неповиновение должно выполняться ограниченным кругом лиц, специально подготовленных к этому. (А «подготовка» заключается в том, что добровольцы должны беспрекословно выполнять и подчиняться арестам и террору полиции). Четвертый—вера в ненасилие и смирение, как основа и главное условие какого бы то ни было движения. Пятый—для успеха борьбы за свободу необходимо предварительно выполнить конструктивную программу, заключающуюся в следующем: не пить спиртных напитков, не ругаться, научиться ткать и носить домотканный холст (хотя Ганди не борется против индийских текстильных фабрик), бойкотировать иностранные текстильные товары, установить индо-мусульманскую дружбу и отменить ряд кастовых ограничений. Ганди проповедует, что социальное неравенство никогда не исчезнет, что капиталисты это верхний слой общества, что вся задача заключается в том, чтобы установить мирные, дружественные отношения между эксплоататорами и эксплоатируемыми, что кастовая система в основном хороша. Все эти принципы гандизма легли в основу практической политики Национального Конгресса.

Начиная соляную кампанию, Ганди выставил ряд конкретных требований (одиннадцать пунктов), которые являются программой-минимум индийской буржуазии и которые (пункты) неоднократно буржуазией выставлялись на с'ездах торговых и промышленных палат.

Индийская буржуазия в течение последних лет добивалась ряда экономических уступок со стороны Англии. Английский капитал в ответ назначал всякие комиссии по изучению, т.-е. фактически сдавал все требования в архив. Терпение индийской буржуазии достигло высшего напряжения, когда кризис в хлопчатобумажной промышленности сильно обострился в начале этого года, когда полетела вниз цена серебра и обозначилось резкое ухудшение во всей хозяйственной жизни страны. Несмотря на свое прямое нежелание, индийская буржуазия пришла к мысли, что единственный выход из положения это—некоторый нажим на англичан в виде массового движения. Индийская буржуазия учитывала также факт огромного роста народного недовольства, в том числе и городской мелкой буржуазии.

Индийская буржуазия пытается ныне убить двух зайцев: удержать и усилить свое поколебавшееся руководство народными массами и произвести давление на английский капитал.

Индийская буржуазия маневрирует; для этого она имеет ряд политических группировок: либералов и Национальный Конгресс, состоящий из двух группировок—группы Ганди и группы молодого Неру, которые представляют ее интересы.

В период работы комиссии Саймона все группировки об'единились, включая либералов, и пытались единым фронтом оказать давление на Англию. Они единогласно представили проект конституции, подписанный всеми, начиная от либерала Сапре и кончая псевдорадикалом Бозе. Но эта попытка окончилась провалом. Тогда национальная буржуазия ответила резолюцией Национального Конгресса о независимости.

Буржуазия вновь произвела распределение работ: либералы занялись переговорами и конституционной оппозицией по отношению к английской власти, а Национальный Конгресс—организацией умеренного давления снизу. Они сообща ведут наступление, пытаясь ко времени переговоров, т.-е. «Конференции Круглого Стола» произвести достаточное давление на англичан и обеспечить более выгодные условия компромисса. Индийская буржуазия идет на некоторый риск, ибо она прекрасно понимает, что под'ем народных масс может привести к революции, которую не остановят мелкие уступки со стороны англичан. Но она надеется, что английская армия и дезорганизаторская работа Национального Конгресса окажутся достаточными, чтобы подавить народное восстание. Индийская буржуазия усвоила урок 1919—21 г., она теперь более хладнокровна и не так быстро приходит в панику, как в 1921 — 22 г. Она учитывает и то, что движение пока еще целиком направлено против английского капитала и не затронуло еще английских союзников в Индии (крупных помещиков и др.).

Национальная буржуазия стремится свести все массовое движение к бойкоту иностранных товаров и в этой области достигла больших успехов.

Проведение намеченной кампании индийская буржуазия поручила Ганди и опытному Мотила Неру. Она стремится сохранить авторитет молодого Неру в глазах мелкой буржуазии, так как Ганди не пользуется им среди радикальной мелкой буржуазии, особенно молодежи. Последняя помнит предательство Ганди в 1921—22 г. и не верит в его проповедь ненасилия. Авторитет молодого Неру, Бозе—гораздо выше. Многие студенты, сторонники Неру, прямо заявляли: мы не верим Ганди. Пусть он начнет движение, а мы потом с молодым Неру пойдем дальше, использовав движение.

Вначале проведение кампании буржуазия вручила Ганди и Мотилал Неру. В последнее время руководство кампанией перешло к наиболее умеренным элементам Национального Конгресса и группировкам, стоявшим вне Конгресса — Пандит Малавиа, Панел и др.

Оценивая нынешний под'ем национального движения, необходимо ясно представить себе роль индийской буржуазии. Она увидела растущий под'ем движения и неизбежность массовых выступлений трудящихся масс. Она, предвидя это, попыталась взять инициативу в свои руки и овладеть руководством движения, и покуда в целом ряде случаев в деле одурачивания масс достигла значительных временных успехов. Соляная кампания и явилась результатом этой политики буржуазии. Ганди прямо писал: «Если выступим немного позже, то будет поздно, силы революции возьмут верх».

Ганди с самого начала пытался сузить движение и провести его согласно принципам сатиаграха. Его цель была такова: в одном из изолированных уголков страны—Гужерат нарушить закон о соляной монополии, организовав в то же время в остальных частях страны небольшие группы добровольцев для той же цели. По его мнению, эти избранные группы должны были демонстрировать гражданское неповиновение, а массы сохранять спокойствие, выдержку и мирную атмосферу.

Это Ганди не удалось провести, начались стихийные выступления трудящихся масс, вопреки и зачастую против директив Конгресса, а в ряде случаев и выступления, организованные коммунистами. Так, например, в Калькутте движение началось в связи с расстрелом грузчиков («карт драйверы»—портовые грузчики). По инициативе революционеров профсоюзы провели собрания протеста, выпустили листовки и двинули массы [1]). Таким образом, движение в Калькутте началось до соляной кампании. Местные лидеры Национального Конгресса все время плелись в хвосте. Инициаторами стали студенты и революционные рабочие. То же самое можно было наблюдать и в других частях страны. Но поскольку на поверхности, кроме Национального Конгресса, не было другой организованной силы, последнему в первые месяцы движения в глазах масс удалось временно изобразить себя в виде руководителя борьбы против английской эксплоатации.

Национальная буржуазия пока сохранила во всеиндийском масштабе руководство движением в своих руках вследствие того, что она искусно использовала ненависть народных масс к английскому империализму и пока частично отвела их внимание от вопроса о его туземных союзниках (крупные помещики, туземные царьки и т. д.), сконцентрировав все внимание на Англии. Это ей удалось вследствие огромной слабости коммунистической партии и близких к ней массовых организаций. Национальный Конгресс проявил большую ловкость в деле обмана масс (аресты националистов, демонстрации, соляная кампания, радикальная фразеология). Кроме того, Национальный Конгресс использовал легальные возможности, легальную арену, прессу и улицу, что весьма важно в момент под'ема. Отсталые слои трудящегося населения, которые втягиваются в политическую борьбу, видят на поверхности только Национальный Конгресс с его демонстрациями, отсюда всякие иллюзии, вера в то, что Конгресс действительно борется. **Эти иллюзии являются наиболее опасными для развертывания революционного движения.**

Отмечая влияние Национального Конгресса, необходимо иметь в виду, во-первых, что в последнее время усилился процесс диференциации и кристаллизации антиконгрессовых групп среди радикальной мелкой буржуазии, во-вторых, происходит освобождение значительных слоев рабочего класса в крупных центрах от влияния Национального Конгресса, о чем речь будет дальше.

Для характеристики первого явления можно указать на следующие факты: а) рост террористического движения. Помимо налета на Читтагон в Индии, имел ряд случаев бомбометания, подрыва ж.-д. путей, порчи телеграфных проводов; б) поддержка частью мелкой буржуазии Калькутты первомайской забастовки; в) устная пропаганда, листовки к полицейским и солдатам с призывом покинуть службу английскому империализму, т.-е. частичный переход к революционной, правда, путанной, пропаганде; г) переход Нагпурского союза молодежи на сторону революционного марксизма; д) оформление оппозиционной группы в Бомбейском союзе молодежи; е) выступления «Союза Молодых Товарищей» в Калькутте и «Наужаван Сабха» в Пенджабе; ж) попытки в ряде случаев местных организаций молодежи прорвать рамки легальности, устройство демонстраций и собраний, вопреки запрещениям полиции, выпуск полулегальных стеклографических газет.

---

[1]) «Адванс», Калькутта, апрель

Рабочий класс.

Материальное положение индийских рабочих продолжает ухудшаться и по сие время. Зарплата текстильных рабочих Бомбея понизилась за последние 5 месяцев примерно на 10—15%. Снижение было произведено в процессе рационализации и на этом еще не закончилось. В результате ее был ряд кратких забастовок на отдельных предприятиях. В Ахмедабаде зарплата была прямо снижена по решению третейского суда примерно на 10 процентов. В джутовой промышленности зарплата была фактически вновь понижена в связи с обратным переходом на 54-часовую неделю, при чем многие рабочие получают не больше 12—15 рупий в месяц [1]). На транспорте проводится рационализация в ж.-д. мастерских, ведущая к понижению жизненного уровня рабочих. В последнее время на ж. д. были приняты новые «правила», согласно которым рабочим, вместо недельной выплаты заработка, платят раз в месяц и т. п. В связи с кризисом и рационализацией растет число постоянных безработных. Интересно отметить, что имеется слой безработных, осевший в городах и не возвращающийся в деревню.

В последнее время наблюдается огромный рост активности и политической сознательности рабочих масс. Среди них бомбейский пролетариат является передовым отрядом.

Основные две группы бомбейских рабочих—текстильщики и железнодорожники—имеют в своем активе всеобщие забастовки. На вторую всеобщую забастовку текстильщики вышли по краткой листовке союза. Забастовка началась очень организованно. Рабочие бросили работу в 12 ч. дня, в обеденный перерыв и не вернулись на фабрики. Фабриканты вначале даже не разобрались в том, что началась забастовка.

Активность рабочих выражается в ряде местных стихийных забастовок. Число политических забастовок и выступлений достигло большой цифры. В прошлые годы, помимо экономической борьбы, рабочие редко выходили на политические демонстрации. В 1930 году число политических выступлений беспрерывно растет и, что важно отметить, захватывает новые районы и новые слои рабочих. Против рабочих немедленно высылаются войска и полиция. Часто происходят расстрелы бастующих (Лилуа, Калькутта, Колар и др.). Во многих случаях краткие забастовки возникают по какому-либо поводу, затем прекращаются и вновь через некоторое время возникают (ж.-д. мастерские Кхарагпур, Лилуа и др.). Рабочие принимают активное участие во всех демонстрациях, всюду, где демонстрации доходили до столкновения с полицией (Карачи, Мадрас, Калькутта, Шолапур и т. д.), рабочие были застрельщиками.

В ряде случаев в ответ на расстрел местных демонстраций рабочие отвечали короткой политической забастовкой (портовые рабочие Карачи, Бомбея, Калькутты). Отдельные крупные поражения забастовок не вызвали апатии в рабочем классе. Поражение текстильной забастовки в Бомбее вызвало временную дезорганизацию среди рабочих, главным образом, потому, что весь актив и наиболее сознательные рабочие были выброшены с фабрик и благодаря большому увеличению безработицы. Рабочие ж.-д. мастерских в Бомбее через несколько дней по окончании стачки выходили несколько раз на однодневные политические забастовки протеста против английского террора.

На фоне общего под'ема и усиления активности рабочих в течение последних 2 лет шел процесс роста классового самосознания и оформления рабочего актива. Помимо текстильной забастовки, проходившей против индийской буржуазии, был ряд политических крупных самостоятельных выступлений рабочих; например, демонстрация рабочих 26 января, приведшая к столкновению с Национальным Конгрессом, ряд политических демонстраций, первомайская забастовка и т. д. Кроме этого зарождается рабочая печать, растет рабочий революционный актив. Борьба с национал-реформистами все больше проходит под самостоятельными лозунгами коммунистов.

---

[1]) Рупия = 67 коп.

Вопрос о влиянии национал-реформизма в рабочем классе очень важен. Социал-реформизм вообще не имеет сколько-нибудь солидных социальных корней в индийском рабочем классе. Его сила заключается в том, что он использует дезорганизованность рабочих, неграмотность, наличие многоязычности, кастовые пережитки, поддержку английского правительства и индийских капиталистов. Проблема борьбы против реформизма в Индии есть проблема организации рабочего класса и выдвижения рабочего актива. Создание фабзавкомов, массовых профсоюзов с функционирующими органами из рядовиков-рабочих—таков кратчайший путь, обеспечивающий революционным элементам полное искоренение реформистов типа Джоши. Ясно, что это может происходить только в процессе борьбы, стачек и активной агитации коммунистов.

Борьба с национал-реформизмом в рабочем движении гораздо труднее, чем с открытыми реформистами типа Джоши. Как правило национал-реформисты говорят радикальным языком, часто не прочь на время организовать и руководить забастовкой (Тин Плэйт в Джанщедпуре), поддерживать иногда частичные политические лозунги (бойкот комиссии Уитли, призыв к харталам и пр. [1]). Национал-реформисты играют предательскую роль в отношении рабочего движения, забастовки предают, проповедуют арбитраж, мешают созданию массовых профсоюзов и используют свои позиции в профдвижении в интересах буржуазного национализма. Наиболее ярко национал-реформисты проявили себя в Ахмедабаде, где им удалось под прикрытием разговоров о национальном единстве и, главным образом, практической повседневной работой по организации рабочей взаимопомощи (они фактически превратили профсоюз в кассу взаимопомощи) завоевать влияние среди текстильных рабочих и приковать их к индийским капиталистам. Национал-реформисты имеют серьезное влияние в Ахмедабаде, им удалось не только выводить рабочих на харталы, но и удержать на работе во время бомбейской забастовки, т.-е. использовать как штрейкбрехеров. В других городах влияние национал-реформистов гораздо меньше, но и сейчас они имеют в своих руках ряд профсоюзов. Борьба против национал-реформистов требует больших усилий, это можно было проследить на примере бомбейской ж.-д. забастовки ВИП (Всеиндийская Полуостровная).

Рабочий актив.

Бомбей в данное время является передовым рабочим центром. В Бомбее есть рабочий актив, выросший во время забастовок; это члены фабкомов, стачечных комитетов, руководители отрядов добровольцев-пикетчиков. По профессии они почти все текстильщики. Большая часть из них в последнее время были безработные, что отразилось на их связи с рабочими массами. Этот актив является костяком всех пролетарских выступлений и демонстраций. Когда вспыхнула ж.-д. забастовка, то многие из активных рабочих текстильщиков взяли на себя пикетирование и в ряде мест даже руководство забастовкой. Рабочие пошли помогать, главным образом, потому, что они сумели подняться выше цеховых настроений. Некоторые железнодорожники, по сообщению рабочей печати, жаловались на текстильщиков, говоря,

---

[1] «Бомбей Кроникль».

что они нарушают все полицейские правила, идут и даже провоцируют столкновения с полицией и вообще держатся независимо и слишком воинственно.

Среди мусульманских рабочих-текстильщиков организовалась группа активных рабочих вокруг рабочей газеты. Она принимала участие во всех выступлениях и проводила своими силами, зачастую без всякого руководства, борьбу против национал-реформистов среди трудящихся мусульман. В одном из номеров «Рабочего Еженедельника» было перепечатано открытое письмо к Шаукат-Али, написанное по инициативе группы мусульманских рабочих, составленное и подписанное 60 рабочими. Это письмо было отпечатано в мусульманской рабочей газете. Это — замечательный документ.

О росте актиза говорят и другие примеры. Так, с начала года редактором туземной революционной рабочей газеты является рабочий, фактически выполнявший эту работу. В газете начал формироваться кадр рабочих корреспондентов. Правление профсоюза текстильщиков «Красный Флаг» (ГКЮ—«Гирни Камгар Юнион») состоит из рабочих, то же самое—в местных отделах профсоюза. Новый, действительно революционный актив растет и пробивает себе дорогу, несмотря на противодействие со стороны иногда даже революционных интеллигентов в профсоюзном аппарате.

Профсоюзы и стачечная борьба.

О положении в профсоюзе ГКЮ следует сказать особо. После поражения забастовки 1929 года организационное положение ГКЮ сильно ухудшилось, порой доходило до кризиса. В настоящее время положение улучшается. Организационный кризис ГКЮ можно об'яснить следующими причинами: поражение забастовки, больно ударившее по рабочим; исключение сознательных рабочих с фабрик, в первую очередь, членов фабкомов, стачкомов и т. д.; рост безработицы, больше всего ударивший по активу, и, наконец, арест части вождей профсоюва.

Профсоюз имеет правление и ряд районных отделений. Задача заключается теперь в том, чтобы создать фабкомы, используя нынешний под'ем, ввести порядок в дела союза, особенно денежные, наладить регулярную работу, собрания, митинги, повседневную защиту интересов и т. д. Особой задачей профсоюза является организация безработных.

ГКЮ, несмотря на свое временное организационное ослабление, пользуется влиянием и доверием рабочих. Одним из характерных примеров является следующий факт. В одном из предместий Бомбея—Курле был текстильный профсоюз. Во время больших забастовок этот профсоюз оставался в стороне. Руководство находилось в руках реформистов. Примерно в марте или в начале апреля этого года профсоюз неожиданно для всех принял решение о присоединении к ГКЮ...—это в период потери ряда организационных позиций союза.

Руководство ГКЮ находится в руках пролетарских революционеров Рабочий актив знает и доверяет ему. Одно время профсоюз даже превратился в подобие политической партии—проводил политические демонстрации, занялся пропагандой общих лозунгов, главным образом, политического характера и совершенно пренебрег повседневной работой. Пренебрежение повседневной работой сильно ослабило организационную связь профсоюзов с рабочими массами. В последнее время профсоюз начал это выпрямлять, стал учиться связывать общие лозунги с частичными. Умение связывать повседневную борьбу с пропагандой общих политических лозунгов пока еще нелегко дается индийским революционерам. Перед ГКЮ стоит задача не только организовать рабочих в Бомбее, но создать также местные отделы профсоюза в Шолапуре и Ахмедабаде, в последнем необходимо отвоевать текстильный профсоюз, находящийся в руках гандистов.

Железнодорожная забастовка на ВИП — яркий пример предательства «левых» национал-реформистов и первая попытка борьбы революционеров против «левых» национал-реформистов за руководство массами. Профсоюз ВИП является большим массовым профсоюзом, создан он был фактически Рабоче-Крестьянской Партией. После ареста в 1929 г. всего актива (Мирутский процесс) и впоследствии одного из революционных вождей союза—руководство захватили национал-реформисты. В феврале этого года под давлением рабочих масс профсоюз об'явил забастовку. Рабочие вначале доверяли руководству, которое с самого начала повело линию на поражение, выступило за арбитраж, послало телеграмму Макдональду с просьбой вмешаться и добиться назначения третейского суда, высказалось против массового пикетирования, саботировало распространение забастовки и т. д.

Пролетарские революционные элементы в ответ выпустили ряд листовок против арбитража, против реформистского руководства, выдвинули требования о выборе нового массового стачечного комитета из рабочих, организации комитетов по сбору средств и помощи забастовщикам, организации массовых пикетов, за расширение забастовки и превращение ее во всеиндийскую ж.-д. забастовку, за посылку делегаций на остальные железные дороги, за поддержку борьбы за независимость, за рабоче-крестьянскую республику, об'ясняя связь забастовки с борьбой за независимость. В них заострена агитация против Национального Конгресса и особенно молодого Неру, которые предложили рабочим обратиться к правительству с просьбой назначить третейский суд.

Был выпущен ряд листовок, из которых листовка против молодого Неру и против арбитража имела огромное влияние. Примерно недели через 3—4 после начала забастовки положение в отношении влияния реформистов изменилось. В результате революционной пропаганды и накопленного опыта рабочие ж.-д. мастерских пошли против национал-реформистов, хотя в начале забастовки не пускали революционеров выступать на митингах, не слушали их. Несколько демонстраций железнодорожников численностью каждая, примерно, 5.000—6.000 рабочих шли под пролетарскими лозунгами [1]). Национал-реформистское руководство потеряло свое влияние. Была заложена идейная основа для КП среди бомбейских железнодорожников. Рабочие усвоили необходимость создания революционной рабочей партии, поняли связь между экономической и политической борьбой и предательскую роль «левого» национал-реформистского руководства. Лозунг «за всеобщую забастовку» стал популярным, равно как и необходимость выдвижения рабочего актива и создания комитетов в мастерских. Серьезная задача, которую предстоит разрешить революционерам—это организовать этот актив и повести борьбу за руководство железнодорожниками и профсоюзом.

Национал-реформисты, опираясь на служащих пути, в условиях правительственного террора, путем организации массового штрейкбрехерства сорвали забастовку. Боевое настроение рабочих сломить все же не удалось, как об этом свидетельствует ряд однодневных политических забастовок, имевших место в ж.-д. мастерских в апреле—мае этого года после поражения забастовки. Борьба против «левых» национал-реформистов на ВИП имеет огромное значение. Это была первая проба сил, первая попытка пролетарских революционеров выступить перед рабочими массами против «левых» национал-реформистов (Неру, Рюрка, Жинвала и др.), т.-е. наиболее

---

[1]) «Бомбей Кроникль», март

опасных врагов в рабочем движении. Это означает дальнейший политический рост пролетарского авангарда.

Революционный авангард взял курс на превращение забастовки на ВИП во всеобщую железнодорожную забастовку. Это была вполне достижимая задача. В стране в это время происходили частичные забастовки на отдельных дорогах. На севере готовились к железнодорожной забастовке. Важнейшим делом было организовать забастовку на ББЦИ (Бомбей, Борода Центральная Индия) дороге. Революционеры повели усиленную кампанию и в результате ее железнодорожники ББЦИ дороги приняли решение выйти на забастовку. Благодаря ряду суб'ективных причин, забастовка не осуществилась. Положительным результатом можно считать то, что рабочие ББЦИ железной дороги поняли необходимость совместных выступлений и революционного руководства. Вывести обе дороги на стачку, это значит почти наверняка обеспечить переход ее во всеиндийскую железнодорожную забастовку.

ГКЮ и профсоюзы ВИП являются массовыми организациями. Однако профсоюзы в стране в громадном большинстве остаются пока верхушечными организациями. Руководство в ряде случаев остается в руках интеллигентов национал-реформистского или откровенно реформистского типа. Организация массовых профсоюзов — задача осуществимая вполне, она сводится в значительной мере к вопросу о создании компартии, хотя бы численно и не очень большой.

Несмотря на большую организационную слабость пролетарских революционеров на последнем с'езде профсоюзов им удалось, используя национал-реформистов, вышибить из Всеиндийского Совпрофа реформистов, типа прямых правительственных агентов. При этом следует сказать, что никакого блока с национал-реформистами пролетарские революционеры не заключали, вели и ведут против них борьбу. Примером может служить борьба против молодого Неру, против руководства профсоюзов железнодорожников в Бомбее, против руководства профсоюзов джутовых рабочих в Калькутте (последний случай отличается рядом специфических черт).

В самом Совете профсоюзов революционные элементы овладели рядом организационных позиций, дающих им возможность усилить свои связи в стране, усилить борьбу против национал-реформистов, ускорить создание массовых профсоюзов и использовать в будущем Совет профсоюзов для развертывания самостоятельных выступлений рабочего класса. В данное время в связи с арестом ряда революционеров, положение временно ухудшилось, и национал-реформисты заправляют аппаратом Совета профсоюзов.

Новый этап развития рабочего движения.

1930 год принес с собой переход индийского рабочего движения на более высокую ступень. В то же время он обнаружил ряд слабых черт, явившихся результатом запоздания строительства коммунистической партии.

Новое в первой половине 1930 года заключается в том, что пролетарский авангард впервые сознательно выступил, как самостоятельная сила со своей особой классовой программой, как сила, противопоставляющая себя Национальному Конгрессу. До 1930 года пролетарские революционеры находились в рядах Конгресса, выступали и действовали, как его крайнее крыло, оставаясь фактически связанными в своих формах борьбы, организации и политике с Национальным Конгрессом. В 1930 г. пролетарские революционеры выступили самостоятельно против Конгресса, против национал-реформистов. Это особенно проявилось в крайне ожесточенной борьбе против «левых» национал-реформистов. Одним из ярких примеров этого может служить железнодорожная забастовка и кампания против молодого Неру. Новое заключается в том, что впервые в истории рабочего движения начала строиться пролетарская партия, создаваться нелегальная и легальная марксистская печать и, наконец, это чрезвычайно важно, началась сознательная борьба за освобождение масс из-под влияния реформизма. 1930 в истории рабочего движения явился шагом вперед, рабочие массы шли впереди. Рабочий класс наложил свой отпечаток на все народные выступления (демонстрации, вооруженные столкновения, пикетирование и т. п.).

Новое заключается в том, что по всей стране прошел ряд политических стачек и выступлений рабочего класса. Экономические стачки прошлого периода являются уже недостаточными, рабочий класс стремится принять участие в политической борьбе.

В борьбу втягиваются новые районы, новые слои рабочего класса, часть которых не изжила иллюзий в отношении руководства и программы Нац. Конгресса, часть идет за Конгрессом потому, что не видит на поверхности иной политической организации, которая организовала бы демонстрации, борьбу, указала бы, как уничтожить английское господство. Национальный Конгресс со своей стороны делает все возможное, чтобы сохранить и усилить свое влияние. Рабочие массы стихийно вырываются из-под влияния Конгресса. *Центральная задача перед коммунистами заключается в том, чтобы помочь рабочему классу разобраться и понять предательскую сущность национал-реформизма, организовать рабочий класс, создать компартию и возглавить революционную борьбу трудящихся масс.* И хотя революционный авангард покуда не справился с новыми задачами развития, рабочее движение, безусловно, пошло вперед, поднялось на высшую ступень. Разговоры о деградации рабочего движения, об оттеснении его на задний план по сравнению с прошлым— являются неправильными и не соответствующими действительности.

Приведем несколько примеров.

Участие рабочих в демонстрации «дня независимости» в конце января. В этот день рабочие под руководством коммунистов приняли участие в общей демонстрации, выйдя отдельной колонной со своими самостоятельными лозунгами. Дело дошло даже до столкновения между рабочими и вождями Конгресса из-за того, что рабочие подняли красный флаг на трибуну. Это столкновение вызвало большой отклик среди рабочих. Другой пример, в связи с расстрелом грузчиков в Калькутте. По инициативе партийного комитета был устроен многотысячный митинг, выпущена листовка, в которой, помимо призыва к борьбе против англичан, обрисовывалась предательская роль вождей Конгресса, был выдвинут ряд лозунгов, в том числе лозунг всеобщей политической забастовки. В результате этого выступления был организован ряд собраний. Был дан толчок последовавшим затем активным выступлениям и широкому народному движению в Калькутте. Выступление грузчиков, устроивших уличные баррикады, само по себе является крупным завоеванием калькуттского пролетариата. В Бомбее был проведен ряд выступлений, одно из них в связи с расстрелом железнодорожников, на которое откликнулось до 40—50 тыс. рабочих, другие в связи с международным днем безработицы и религиозной кампании против СССР, некоторые против английского террора и т. д.

Наиболее крупные выступления рабочих масс в национальном масштабе были 1 мая. В Калькутте были выпущены листовки и летучки Одна от имени компартии, другие — от имени профсоюзов. Первого мая ряд фабрик и заводов вышел на забастовку (металлургический завод Барнса—Айрон Стил Уоркс, около 10.000 рабочих, Гарден Рич верфи, — также примерно 8—10 тыс. рабочих, часть рабочих железнодорожных мастерских, грузчики — свыше 20.000 человек, шофера автобусов и такси, часть джутовых

фабрик и т. д. Первого мая город выглядел, как осажденная крепость. Все лавки и мастерские были закрыты. Городская мелкая буржуазия присоединилась к движению: часть сознательно в знак поддержки забастовки, направленной против англичан, другие с перепугу, а иные просто, быть может, не разобравшись. Во всяком случае это свидетельствует также о том, что организованная коммунистическая партия была бы уже теперь в состоянии выводить на борьбу против английского господства и часть городской мелкой буржуазии. В Бомбее 1 мая часть фабрик примкнула к забастовке и была организована демонстрация. Первомайская забастовка была проведена в нескольких городах, по инициативе местных революционеров, главным образом, из молодежных организаций.

Одной из крупнейших предпосылок высвобождения рабочих из-под влияния национал-реформистов является идеологическая борьба и ясная, отчетливая революционно-марксистская программа, изложенная понятно и популярно для широких трудящихся масс. Эту задачу начала выполнять марксистская печать, созданная в Индии. Особенно следует отметить еженедельную газету «Рабочий Еженедельник», первый номер которой вышел в январе месяце. Эта газета была первой попыткой марксистской пропаганды. Газета расходилась по всей стране, доходя на севере до Лагора и на юго-востоке до Мадраса. В короткое время «Рабочий Еженедельник» оброс связями и помог оформлению ряда молодежных групп, которые, в свою очередь, довольно широко разнесли идеи пролетарского революционного крыла. Печать (на английском и туземных языках), листовки свидетельствуют о новой, высшей ступени развития индийского рабочего класса. Отсутствие какой бы то ни было пропаганды революционного марксизма в широких массах в прошлом является, пожалуй, основным фактором, задержавшим появление и оформление массовой компартии Индии. Несомненно, что, преодолев трудности первоначального периода развития и накопления опыта, коммунистическое движение ускорит в недалеком будущем темп своего роста и развернет свою борьбу за руководство трудящимися массами Индии. *Наиболее характерным и опасным в настоящее время является факт отставания строительства компартии от общего революционного пробуждения индийского пролетариата.* В этом одна из главных причин того, что рабочий класс не завоевал еще гегемонии в революционной борьбе трудящихся масс.

Несколько замечаний о крестьянском движении.

Пробуждение крестьянства безусловно идет. Призыв к борьбе против английского господства дошел до глухих деревень. Было много крестьянских выступлений, направленных против англичан, но выступлений против крупных помещиков в первую половину 1930 года было чрезвычайно мало. Необходимо помнить, что Национальный Конгресс делает все возможное, чтобы отвлечь внимание крестьянства от крупных помещиков и ростовщиков, от долгов и земли. В руководстве Национального Конгресса, особенно, в аграрных провинциях, находится большое число крупных помещиков. Национальный Конгресс стремится обеспечить интересы крупных помещиков и препятствует организации выступлений в провинциях с крупным землевладением. Национальный Конгресс обращается только к зажиточному крестьянству. Отсюда концентрация его организаций в Гужрате и отдельных районах Пенджаба. Раскачка широчайших масс крестьянства должна преодолеть не только противодействие английского империализма, но и Национального Конгресса.

Усиление аграрного движения возможно ожидать к концу осени и началу зимы этого года. Разочарование предательством Нац. Конгресса усилит политическое пробуждение крестьянства и развязывание аграрного движения. Вопрос о земле и долгах будет становиться все чаще и резче.

Растет связь рабочего авангарда с крестьянством. Можно сказать, что в этом году лозунги захвата земли, безвозмездной отмены долгов и ликвидации помещичье-феодального землевладения — впервые стали проникать в деревню организованно через революционную агитацию, листовки и через отдельные союзы молодежи. Во всех листовках, обращенных к рабочим, ставятся вопросы аграрной революции. Эту агитацию и лозунги рабочие Бомбея и Калькутты, безусловно, заносили в деревню. Недаром, запрещая революционные листовки, англичане каждый раз упоминают, помимо обвинения в государственной измене — распространение ненависти между классами населения. При вынесении приговора секретарю рабоче-крестьянской партии в Бенгалии за листовку о расстреле грузчиков судья заявил, что вся листовка и призыв к крестьянству полны «московским духом»[1]. Англичане больше всего боятся проникновения лозунга аграрной революции в индийскую деревню.

В последнее время имело место первое серьезное аграрное выступление индийского крестьянства, выступление, направленное против помещиков и ростовщиков. В Хишоренганже (Бенгалия), крестьяне начали жечь и уничтожать усадьбы помещиков и ростовщиков. Дело дошло до столкновения с полицией и войсками[2]. Аграрные беспорядки, по сообщению индийских газет, перебрасываются на соседние деревни и охватили территорию с площадью до 400 кв. километров. Англичане вначале пытались изобразить это аграрное движение в виде индо-мусульманской розни. Но это не удалось ввиду крупных размеров выступления и ввиду того, что крестьяне бьют одинаково как индусских, так и мусульманских ростовщиков. Положение бенгальских крестьян весьма тяжелое. В настоящее время оно ухудшилось вследствие падения цен на джут.

Национальный Конгресс, несмотря на все свои усилия, не сумеет предотвратить развитие аграрного движения. Его рост неизбежен, и хотя до последнего времени аграрное движение отстает, все данные говорят за то, что под'ем неизбежен.

Молодежь.

Еще в декабре месяце 1929 г. была проведена в Лагоре конференция Пенджабской организации молодежи — Наужаван Сахба. К концу прошлого года Наужаван Сахба имела разношерстный состав с большим количеством реформистски-настроенной молодежи. Декабрьская конференция была проведена под пролетарскими лозунгами и с тех пор начался процесс диференциации. В данное время состав Наужаван Сахба, хотя значительно уменьшился, но стал более однороден. В ней имеются два течения: одно террористическое, другое, называющее себя марксистским.

В Калькутте имеется «Союз Молодых Товарищей». На конференции этого союза, в апреле революционные элементы провели свою резолюцию и от имени конференции издали манифест-брошюру, являющуюся первой попыткой марксистского разоблачения гандизма и политики Национального Конгресса.

Манифест и резолюции конференции были об'явлены незаконными, ряд членов был арестован.

В Бомбее в последнее время сорганизовался союз рабочей молодежи, состоящий из рабочей и студенческой молодежи. Нет никакого сомнения в том, что он быстро разрастется. Судя по последним газетным сведениям, были организованы самостоятельные открытые выступления среди бомбейских рабочих, отдельные демонстрации руководимые СРМ насчитывали до 5—6 тысяч рабочих[1].

В Нагпуре союз молодежи выступил против Национального Конгресса, считая его буржуазной организацией, охраняющей интересы крупных помещиков. Союз распространяет пролетарские листовки среди крестьян.

Все эти союзы молодежи связаны с крестьянством и весьма полезны в деле распространения пролетарских лозунгов в деревне.

В последнее время в ряде союзов молодежи наметился процесс диференциации, рост недовольства Национальным Конгрессом. Широкая агитация, пропаганда и практическая деятельность со стороны коммунистов дадут большие результаты в короткое время. Политическое оформление революционных элементов в организациях молодежи шло вокруг марксистской газеты «Рабочий Еженедельник».

Молодежь в Индии играет крупнейшую роль во всех массовых выступлениях и в общем пробуждении трудящихся масс.

Процесс диференциации среди революционной молодежи имеет первостепенное значение, важно отметить, что растет влияние коммунистической партии. Создание индийского комсомола уже поставлено в порядок дня революционной учащейся и рабочей молодежью. Комсомол Индии будет крупнейшим фактором в деле распространения коммунистических идей, завоевании масс и установления гегемонии индийского пролетариата в революционном движении.

О лозунгах.

Задача формулировки центральных лозунгов в ясной и популярной форме, понятной народным массам, должна быть еще разрешена. Коммунисты Индии в своей агитации выставили следующие лозунги: всеобщая забастовка, захват земли, отмена долгов, рабоче-крестьянское правительство, рабоче-крестьянская республика, полная независимость, уничтожение туземных княжеств, национализация всех британских предприятий, восьмичасовой рабочий день, вооруженное восстание и—в пропагандистской форме—советы.

Лозунг всеобщей забастовки стал весьма популярен и распространен. Даже национал-реформисты принуждены были на словах высказать ему свое сочувствие. Коммунисты выдвинули перед рабочим классом задачу подготовки и организации всеобщей забастовки. Всеобщая забастовка будет началом перелома в установлении гегемонии рабочего класса.

Коммунисты Индии правильно поступают, усиленно пропагандируя неизбежность вооруженного восстания. Необходимо разбить гандистские иллюзии и обман не только путем критики его философии и практики, но и противопоставлением положительного ответа на вопрос, как уничтожить рабство. Обоснование и раз'яснение необходимости осуществления лозунга вооруженного восстания — единственно положительный ответ. В своей агитации за вооруженное восстание коммунисты Индии подчеркивали вопрос о работе среди солдат и полиции.

Лозунг рабоче-крестьянской республики стал весьма популярен. Индийская буржуазия пока не ставит вопроса о власти, она довольствуется мечтой о законодательном собрании, созванном под крылышком английской армии. Вопрос о власти поставили только коммунисты. В одной из нелегальных листовок был поставлен вопрос о советах. Вопрос о том как использовать и подтянуть революционные слои городской мелкой буржуазии на борьбу за свободу под пролетарским руководством поставлен недостаточно.

---

[1] «Стайтсмен», Калькутта, май.

[2] «Либерти», Калькутта, июль.

---

[1] «Бомбей Кроникль», июль, август.

Перечисленные выше лозунги связывались с рядом экономических требований — государственный минимум зарплаты — 40 рупий, 35 рупий месячного пособия безработным и т. д. Индийским товарищам следует научиться умело связывать конкретные требования с общими лозунгами, научиться от конкретных вопросов приводить к общим политическим требованиям.

В данное время в Индии выдвинуты следующие организационные формы для мобилизации масс и подготовки борьбы:

фабрично-заводские комитеты и профсоюзы;
комитеты действия;
революционно-крестьянские комитеты.

В сложной индийской обстановке чрезвычайно важно научиться умело использовать и создавать всевозможные легальные, полулегальные, временные и постоянные формы для развертывания массовой революционной борьбы, воспитания масс, — форм, способствующих росту и укреплению нелегальной коммунистической партии Индии, как вождя трудящихся масс Индии.

Некоторые выводы.

В Индии в настоящее время мы имеем высокий революционный под'ем, кривая роста которого только началась. Экономический кризис, захвативший все отрасли народного хозяйства, продолжает обостряться. Даже в том случае, если осуществятся надежды англичан на хороший урожай, экономический кризис в Индии, связанный с мировым кризисом, имеет слабые перспективы на изживание в ближайшем будущем. Экономический кризис в Индии связан не только с кон'юнктурными обстоятельствами, — он является кризисом феодально-империалистической системы эксплоатации Индии.

Исходя из этой предпосылки и следует рассматривать дальнейшее развитие революционного движения в Индии.

Революционное движение в Индии будет расти. В конце осени и зимой следует ожидать дальнейшего серьезного обострения борьбы. Аграрно-крестьянское движение безусловно также усилится — не только потому, что процесс политического раскачивания крестьянства (несмотря на противодействие конгрессовых вождей) идет все время, но и потому, что время платежа всяких налогов и поборов совпадает с осенними и зимними месяцами. Крестьянство будет иметь конкретные поводы для выступлений. К этому следует добавить падение цен на джут, хлопок и ряд других продуктов.

Национальная буржуазия пытается столковаться с английским империализмом. Этот сговор вряд ли будет окончательным, т.-е. национальная буржуазия сохранит за собой возможность дальнейшего нажима. Настоящий контрреволюционный союз индийской буржуазии с английским империализмом получится только после самостоятельного революционного выступления трудящихся масс в крупном масштабе.

Исходя из этого, наиболее вероятно то, что в переговорах с английским империализмом Национальный Конгресс прямого участия не примет — он будет разыгрывать роль оппозиции, возможно с очень радикальной по форме, но пустой по содержанию фразеологией. Это, безусловно, усилит разброд. Процесс диференциации начался и идет теперь усиленным темпом. Отказ Нац. Конгресса организовать «неплатеж налогов» и его фактический компромисс с английским империализмом под маской лойяльной оппозиции только будет способствовать усилению диференциации. Отсюда возможно формирование внутри или рядом с Нац. Конгрессом новой псевдорадикальной партии для уловления разочарованных и недовольных слоев мелкой буржуазии, рабочих и крестьян. Национальная буржуазия, видя угрозу трещины между Нац. Конгрессом и мелкой буржуазией, возможно попытается повторить свой трюк с прошлогодней Лигой Независимости. Можно ожидать со стороны Бозе или других вожаков Нац. Конгресса попытку формирования новой псевдорадикальной организации.

Нынешняя обстановка совершенно отлична от обстановки 1921—22 гг. Теперь явный отход и предательство Нац. Конгресса совершается в начале кризиса, тогда как в 1920—22 г.—в конце экономического кризиса. Ныне сознательность, организованность и опыт масс несравненно выше. И что важнее всего, КП Индии впервые выходит на сцену. Сейчас впервые в истории революционного движения в Индии пролетарский авангард сознательно выступил со своей линией, программой против Нац. Конгресса. Борьба за гегемонию пролетариата и руководства трудящимися массами перешла на высшую стадию. Самостоятельное политическое выступление пролетарского авангарда на всем фронте борьбы—это важнейшая предпосылка осуществления пролетарской гегемонии в индийской революции.

Инициатива следующего широкого выступления трудящихся масс будет принадлежать рабочему классу. Ближайшее звено развития революционной борьбы трудящихся масс Индии, это — всеобщая забастовка. Всеобщая забастовка явится переломным моментом, водоразделом в развитии индийской революции; она будет означать полный переход английской буржуазии к открытой контрреволюции, с одной стороны, и выступление индийского пролетариата, как гегемона борьбы и мобилизации трудящихся масс под его лозунгами, — с другой стороны.

В настоящее время, в период переговоров индийская буржуазия будет еще пытаться использовать массовое движение, она будет закрывать фабрики, быть может, устраивать демонстрации и т. п., но ее инициатива ограничивается лишь тем, чтобы регулировать и сужать размах народного движения.

Индийская буржуазия даже не имеет реформистской программы разрешения основных вопросов индийской революции. Она стоит за сохранение крупного землевладения, туземных княжеств и т. д. и т. п. Только в последнее время молодой Неру заговорил о передаче земли крестьянам с выкупом, о ликвидации долгов с частичной компенсацией, о минимуме зарплаты для рабочих. Под угрозой революции Нац. Конгресс может итти на уступки; но индийская буржуазия, связанная с крупным землевладением и хищнической эксплоатацией трудящихся масс, не имеет программы коренного разрешения индийского кризиса, т.-е. она будет затягивать народный кризис. Это безусловно, поведет к тому, что рост руководства рабочего класса народным движением будет итти чрезвычайно быстрым темпом, особенно в процессе самой массовой борьбы.

Инициативу должен взять рабочий класс.

Стратегическая задача на ближайший период заключается в том, чтобы путем усиленной организационной и агитационной работы подготовить всеобщую забастовку и поставить во всю ширь лозунги компартии. Первый из этих лозунгов, это—политический и экономический разгром британского империализма в Индии и полная независимость страны. Антианглийское направление движения об'ясняется не только национальными мотивами, но прямо связанными с ними экономическими. Агличане владеют всем: железными дорогами, фабриками, землей, банками и пр. Это наглядно выставляет их как врагов перед рабочими и крестьянами и вообще перед всем населением страны; монополия государственной власти и аппарата вызывает огромную ненависть со стороны безработной служилой интеллигенции; управление землей, лесами, налоги — вызывают ненависть со стороны крестьянства и т. д. и т. п. Короче говоря, надо развернуть борьбу против экономического и политического господства англичан, используя ненависть всех слоев, мобилизуя громадное большинство народа. В этой связи следует сказать, что необходимо яснее, конкретнее об'яснить народным массам связь помещиков, туземных принцев, ростовщиков и капиталистов с английским империализмом, с национальным рабством. Этим путем удастся мобилизовать антианглийскую ненависть также против помещиков, принцев и пр., т.-е. удастся об'яснить народным массам, что освободительная борьба означает также разгром союзников империализма в стране, удастся раз'яснить лживость буржуазного лозунга о едином национальном фронте, т.-е. удастся подойти к разгрому феодальных пережитков также и со стороны национального момента. Лозунг независимости связан с требованием беспощадного уничтожения деспотической власти и уничтожения туземных княжеств — этой составной части британской системы господства.

Второй лозунг, который следует развить, это — национализация земли, конфискация, захват земли крестьянами и полная отмена всяческих долгов ростовщикам и государству. Аграрно-крестьянский вопрос в Индии имеет много особенностей, меняющихся в зависимости от условий в разных районах страны. Огромное значение для роста коммунизма в Индии будет иметь толковое об'яснение того, как Советский Союз разрешил и разрешает аграрно-крестьянский вопрос.

Третий лозунг — это лозунг вооруженного восстания, выставленный индийскими коммунистами. Коммунисты Индии заявляют, что агитация и практическая подготовка вооруженного восстания является совершенно необходимой. Трудно, конечно, говорить о вооруженном восстании практически сегодня или завтра. Необходимость его широкой пропагандистской постановки в данное время, по мнению индийских товарищей особенно вызывается разлагающей пропагандой гандизма. Вообще в стране, которая держится в повиновении 70-ю тыс. солдат, плюс, правда, - туземные союзники—переход к вооруженному восстанию может быть чрезвычайно быстр. Не исключена, по мнению индийских товарищей, перспектива того, что всеобщая забастовка может быстро перерасти в вооруженное восстание и гражданскую войну или затяжную цепь вооруженных восстаний.

Основное препятствие в данное время, это—отсутствие массовой компартии и кристаллизации больших кадров актива в рабочем классе и крестьянстве. Препятствием являются также иллюзии и вера в Национальный Конгресс, облегчающие его дезорганизаторскую работу. Но следует помнить, что в момент больших классовых боев, как всеобщая стачка, процессы политического роста будут итти чрезвычайно быстро.

Четвертый лозунг — это вопрос о власти. Предательская роль Конгресса яснее всего видна в его отношении к вопросу о власти. Он его не ставит. Правда, в прошлом году на совещании всех партий Национальный Конгресс принял проект конституции Неру, который на основе всеобщего избирательного права, высказался за созыв законодательного собрания под крылышком английской армии. В своей резолюции о независимости и дальнейших кампаниях Нац. Конгресс боялся как огня затронуть вопрос о власти. Вопрос о власти ставят только коммунисты. Надо поставить его еще яснее и острее. Надо широко поставить пропаганду Советов. Советы в Индии могут, например, возникнуть в результате всеобщей забастовки и только как органы восстания и власти. Вопрос о создании Советов надо решать в процессе борьбы, сейчас необходимо развить пропаганду за Советы. Лозунг — Советы и Индийская федеративная советская рабоче-крестьянская республика—правильный лозунг. Необходимо только разработать вопрос относительно связи с городской мелкой буржуазией, в частности со студенчеством. В городах имеются революционные слои мелкой буржуазии, которые следует вовлечь в движение под руководством пролетариата.

В настоящий момент практическими переходными формами мобилизации и руководства массами следует считать профсоюзы, нелегальные или полулегальные фабрично-заводские комитеты, комитеты действия широкого состава (иногда включающие представителей революционного студенчества), революционные крестьянские комитеты и крестьянские союзы.

Мобилизация масс на борьбу, подготовка всеобщей забастовки должны быть связаны с выставлением ряда конкретных экономических лозунгов (8-часовой рабочий день, зарплата, безработица и т. д.) и использованием всех вопросов, способствующих революционному пробуждению и организации трудящихся масс. Отсюда огромное значение приобретает организация масс в процессе повседневной борьбы, использования частичных требований.

В случае первых успешных боев рабочего класса и крестьянства по разгрому британского господства индийская буржуазия, возможно, при благоприятной международной обстановке, попытается организовать нечто вроде учредилки и добиться установления «двоевластия» для того, чтобы не допустить установления революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Индийская буржуазия доказала большую умелость в деле надувательства трудящихся масс, следует быть готовым и к новым проявлениям ее искусства в этой области.

Характер революции в Индии буржуазно-демократический, но период перерастания в социалистическую может быть сравнительно не длинен.

В Индии рабочий класс более силен, чем в Китае, и расположение его стратегически более выгодно. Помимо Юга, всюду имеются пролетарские центры. Крупная жел.-дорожная связь, несмотря на то, что она также выгодна английской армии, является плюсом для индийской революции.

В Индии трудящиеся массы имеют перед собой единый английский империализм, хорошо организованный не только в военно-техническом смысле, но и в отношении подготовки ряда туземных союзников, при наличии опытной, предательской буржуазии. Первые бои трудящихся масс будут происходить в тяжелых условиях. Начало будет трудно, но после первых серьезных побед развитие индийской революции пойдет более быстрым темпом.

При оценке нынешней обстановки следует также помнить то, что национально-революционное движение началось в Индии не сегодня. Первая крупная волна прошла в 1907 году. В настоящий период пробуждение масс очень велико. И тот факт, что мы не имеем массовой компартии, никак нельзя об'яснить об'ективными причинами и отнести за счет революционной отсталости рабочих масс. Все данные говорят за то, что появление массовой компартии это вопрос ближайшего будущего. Наиболее труден первый организационный период. Создание более или менее устойчивого руководящего ядра — залог создания массовой компартии в кратчайший срок. Есть еще другое условие массового роста коммунизма и компартии,—это массовая революционно-марксистская пропаганда. Международная обстановка для развития индийской революции складывается благоприятно. Противоречия в империалистическом мире, в частности также из-за Индии, увеличиваются. Создание массовой компартии решит вопрос о том, как длинен будет первый этап боев против английского империализма.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Шеститомник Ленина — в массы!

ЛЕНИН. «Избранные произведения в шести томах».

Под общей редакцией: В. В. Адоратского, А. И. Криницкого, М. Н. Покровского, К. А. Попова, Н. Н. Попова, М. А. Савельева и Е. Ярославского. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). ГИЗ. 1930 г. I и II тома.

Всемирная история поставила перед рабочим классом задачу: переделать мир, мир рабства и угнетения, мир нищеты и эксплоатации, мир варварства и произвола в мир коммунизма, т.-е. в мир, в котором будут уничтожены классы и государство, где будет каждый трудиться по способностям и получать по своим потребностям.

Вместе с тем, ни один класс и ни одна политическая партия, из существовавших в мировой истории и боровшихся за свое освобождение, не имели в своем идейном арсенале такого проверенного и отточенного оружия, какими обладает в виде учения Ленина пролетариат и его мировая коммунистическая партия.

В учении Ленина сосредоточен весь многовековый опыт предшествующей истории человечества, подведен итог великим классовым битвам, имевшим место на разных этапах исторического процесса и, на основе этого, намечены перспективы дальнейшего развития революционной борьбы.

Ленин не только целиком и полностью воспринял учение своего гениального учителя—Маркса, не только очистил его учение от оппортунистических пошлостей героев второго Интернационала, но и продолжил его разработку и обогатил его на основе опыта трех российских революций и борьбы мирового пролетариата в эпоху империализма на основе опыта первого в мире пролетарского государства.

Именно поэтому ленинизм это есть «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций». (Сталин).

Вот почему в учении Ленина каждый пролетарский революционер найдет четкие ответы на все основные вопросы, связанные с теорией и практикой борьбы пролетариата за социализм.

Только овладев ленинизмом—этим острым оружием борьбы, только пользуясь этим выверенным инструментом переделки мира, можно быть активным и сознательным участником всемирно-исторических событий, разыгрывающихся с невиданной быстротой на мировой арене классовой борьбы.

Вся практика великого строительства социализма в СССР должна быть освещена революционной ленинской теорией. «Без революционной теории не может быть и революционного движения»—не раз повторял Ленин. Практика без теоретического освещения, без теоретического анализа и обобщения — слепа и превращается в узколобое делячество. Но и теория, оторванная от революционной практики, не обогащенная опытом революционной

борьбы, не проверенная результатами созидательной деятельности, превращается в пустые слова, в голое теоретизирование, в бесплодное пустословие.

Ленинизм требует единства практики и теории и повседневного их сочетания. Усвоение ленинских идей, дающих руководство к действию на хозяйственном, на политическом и на идеологическом фронтах, должно лежать в основе всей нашей работы в период развернутого социалистического наступления.

Усвоение учения Ленина всей партией, всем активом рабочего класса и пропаганда учения Ленина в широчайших массах трудящихся города и деревни становится неотложной и особо важной задачей, выполнение которой обеспечит руководство партии великим под'емом трудового энтузиазма и творческой энергии рабочего класса, колхозным движением. С этой точки зрения пропаганда ленинизма, в особенности через сеть партийного просвещения, приобретает огромное политическое значение в решающий период развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Основной недостаток всей постановки пропаганды ленинизма и—в частности — сети партийного просвещения состоял до сих пор в том, что ленинизм «преподносился» чаще всего не по подлинным произведениям самого Ленина.

Всякие «руководства по ленинизму», «хрестоматии», «азбуки»—заменяли, и довольно часто неудачно, подлинные произведения Ленина.

Теперь Институт Ленина, по специальному поручению Центрального Комитета ВКП(б), приступил к выпуску шести томов избранных произведений Ленина, которые внесут во все дело пропаганды ленинизма большие изменения. Шеститомник покончит со всеми этими «хрестоматиями», «руководствами», иногда состряпанными руками невежд и халтурщиков.

Первый тираж шеститомника в виду бумажного голода и тяжелого состояния полиграфической промышленности ГИЗ выпускает пока только в количестве 200 тыс. экз., а один только комсомол на своей всесоюзной конференции в июне 1929 года постановил распространить среди трудящейся молодежи миллион экземпляров. Центриздат уже предпринимает меры к изданию шеститомника на 8 языках по 20—30 тыс. экз. В перспективе намечено издать его на нескольких десятках языков в СССР и на всех главнейших языках мира.

Через несколько лет шеститомник избранных сочинений Ленина станет достоянием трудящихся масс всех частей света.

Без всякого преувеличения можно сказать, что ленинский шеститомник в скором времени будет самым распространенным изданием в мире.

Следовательно, шесть томов избранных произведений Ленина общей сложностью не менее 4 тысяч страниц, прекрасно и по доступной цене изданных, явятся не только одним из лучших и могучих рычагов дальнейшего вовлечения масс в строительство социализма в СССР, но и могучим проводником идей Коминтерна не только в СССР, а и во всем мире, могучим орудием мобилизации масс на революционную борьбу.

* * *

Шеститомник рассчитан на широкий круг партийного, комсомольского и беспартийного рабочего и крестьянского (в частности колхозного и совхозного) актива и имеет целью помочь активу овладеть ленинским учением по основным работам самого Ленина.

Редакция шеститомника стремилась при отборе из всего огромного ленинского литературного наследства дать читателю этого издания «те наиболее важные и вместе с тем доступные работы Ленина, в которых наиболее точно освещены вопросы каждого исторического периода революционной борьбы пролетариата в нашей стране, истории нашей партии и Коминтерна и наиболее полно развиты основные идеи ленинизма».

Материал сгруппирован в шеститомнике таким образом, что он, по заявлению редакции, дает возможность читателю:

«1) проследить развитие основных ленинских идей в связи с историей нашей партии и Коминтерна; 2) проследить борьбу Ленина и нашей партии с «врагами внутри рабочего движения»,—с правым и «левым» оппортунизмом вне партии и такого же рода уклонами и группировками и примиренчеством к ним внутри партии на протяжении ее развития; 3) усвоить себе основные положения ленинского учения о программе, стратегии, тактике и организации пролетариата в борьбе за его диктатуру и за осуществление ее задач, и 4) на примере самого Ленина научиться применять это учение и марксоленинский диалектический метод к современным вопросам классовой борьбы и социалистического строительства в СССР и международного революционного движения».

Как правило, весь материал в первых пяти томах расположен исторически, по главным периодам борьбы русского и международного пролетариата, ВКП(б) и Коминтерна, но с выделением в каждом периоде основных вопросов этой борьбы.

Некоторые отступления от исторического принципа расположения материала в пределах некоторых разделов допущены редакцией в целях лучшего усвоения читателем основных вопросов каждого данного периода.

VI том, посвященный теоретическим основам марксизма-ленинизма, построен вне рамок отдельных исторических периодов.

Весь ленинский материал, вошедший в шеститомник, распределен по отдельным его томам по следующему плану:

Том I. 1894—1904 гг. 1) Социально-экономические предпосылки первой русской революции. 2) Борьба за гегемонию пролетариата (1890-е годы). 3) Борьба за партию-авангард (период старой «Искры», вопросы тактики и организации партии и вопросы программы в этот период). 4) Второй с'езд и раскол.

Том II. 1905—1914 гг. 1) Революция 1905—1907 гг. (характер, движущие силы и перспективы революции, аграрно-крестьянский вопрос, от 22(9) января к вооруженному восстанию; борьба с конституционными иллюзиями). 2) Годы реакции и нового под'ема (годы реакции; годы под'ема; аграрно-крестьянский вопрос в годы реакции и под'ема; национальный вопрос в те же годы; вопросы международного движения в тот же период).

Том III. 1914—1917 гг. 1) Империализм и империалистическая война (империализм; война, революционный кризис и тактика партии; крах II Интернационала и борьба за III Интернационал; империализм и право наций на самоопределение). 2) От революции буржуазной к революции пролетарской (Февральская революция и ее перспективы; пролетариат и партия на путях к Октябрю; партия и крестьянство на путях к Октябрю; Октябрьская революция и ее значение).

Том IV. 1918—1920 гг. 1) Учение о диктатуре пролетариата 2) Основные задачи партии после захвата власти пролетариатом. 3) Военный коммунизм (основные задачи периода военного коммунизма, политика партии в деревне, организация и управление народным хозяйством в этот период). 4) Пересмотр партийной программы.

Том V, часть I, 1921—1923 гг. 1) Переход от военного коммунизма к нэпу (дискуссия о профсоюзах). 2) Нэп и социалистическое строительство. 3) Из писем о борьбе с бюрократизмом. 4) Социалистическое строительство и культура.

Том V, часть II. Коммунистический Интернационал. 1) Крах Циммервальда и основание Коммунистического Интернационала. 2) Основные принципы Коммунистического Интернационала и его II конгресс. 3) Третий и четвертый конгрессы Коммунистического Интернационала.

Том VI, часть I. Теоретические основы марксизма 1) Общая характеристика марксизма. 2) Диалектический материализм. 3) Вопросы материалистического понимания истории. 4) Борьба марксизма с ревизионизмом и оппортунизмом.

Том VI, часть II. Теория аграрного вопроса (капитализм в сельском хозяйстве).

Шеститомнику предпослана краткая, но содержательная биография Ленина, написанная т. В. Г. Сориным.

В основном, произведения, вошедшие в шеститомник, включались полностью, за исключением некоторых капитальных работ, которые могли за недостатком места войти только отдельными своими частями. К таким работам относятся: «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Итоги дискуссии о самоопределении» и некоторые другие.

Особо следует отметить то большое значение, какое придала редакция научной аппаратуре шеститомника. Все шесть томов будут снабжены довольно подробными примечаниями раз'яснительного и справочного характера. Судя по вышедшим в свет I и II томам, примечания в основном, за исключением единичных случаев [1]), составлены тщательно, серьезно и принесут огромную пользу читателю. Характерная особенность примечаний справочного и раз'яснительного характера состоит в том, что они в высшей степени актуализированы, связаны с современностью, составлены таким образом, чтобы читатель понял, что история «давно минувших дней» может повторяться и сегодня, а сегодняшняя политическая позиция уходит своими корнями в историю «давно минувших дней». Позиция Троцкого и других — яркий тому пример.

Задача примечаний—облегчить массовому читателю чтение и понимание ленинского текста. Примечания подразделяются на вводные к каждой работе Ленина или к небольшой группе смежных работ и примечания к отдельным местам этих работ.

В виде особого приложения редакция обещает дать к шеститомнику словарь имен, терминов и важнейших исторических событий, а также предметный указатель, который послужит путеводителем к шеститомнику.

* * *

Первый том шеститомника охватывает первое десятилетие литературной деятельности Ленина (1894—1904 гг.), занимающие во 2 и 3 изд. сочинений Ленина целых шесть томов.

---

[1]) К таким исключениям относится, например, примечание 7 в томе II, стр. 594 о крепостном праве, где причины отмены крепостного права сводятся только к сильному давлению «долгой и упорной борьбы крестьян за свое освобождение». Слов нет, огромные крестьянские волнения, готовые перерасти в мощную крестьянскую революцию, сыграли огромную роль в отмене крепостного права. Но этого мало. Нужно было подчеркнуть те глубокие изменения в социально-экономической жизни страны, какие наметились в России, под влиянием роста товарно-капиталистических тенденций во всех секторах русской экономики (в помещичьем хозяйстве, в крестьянском хозяйстве, в промышленности), в результате обострения борьбы элементов капитализма со старым крепостническим укладом, под влиянием роста внутреннего рынка и все более усиливающегося включения помещичьего хозяйства в систему мирового рынка и т. д.

Произведения, вошедшие в настоящий том, посвящены теоретическому обоснованию революционного марксизма применительно к русской действительности, глубокому анализу хозяйственного развития России накануне первой русской революции, выяснению характера, своеобразия и движущих сил этой революции. С полной ясностью и четкостью сформулированы в этот период и программно-стратегические и организационно-тактические воззрения революционного крыла русской соц.-демократии.

Первые два раздела тома, посвященные социально-экономическим предпосылкам первой русской революции и борьбе за гегемонию в ней пролетариата, включают в себе работы Ленина до-искровского периода.

К таким работам относится ряд глав и отдельных извлечений из «Развития капитализма в России», «Что такое друзья народа», «Экономическое содержание народничества», «Проект и об'яснения программы социал-демократической партии», «Задачи русских социал-демократов», «Протест российских социал-демократов» и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»; последняя работа хотя и написана в 1908 году, но дается, как введение к первому тому, поскольку в ней дана «общая характеристика аграрных отношений в России к концу XIX в.» (Ленин).

Ленин во всех этих работах с особой резкостью и революционной страстностью выступил против народнической схемы о некапиталистическом характере развития пореформенной деревни, об искусственности русского капитализма, якобы насаждавшегося сверху, о возможности и желательности еще свернуть хозяйственную эволюцию России с буржуазного пути на путь так называемого «народного производства», в основе которого будто бы лежит патриархальная крестьянская община и кустарное производство. Ленин разоблачает затушевывание народниками крепостнических и капиталистических форм эксплоатации, господствовавших и переплетавшихся в деревне, разоблачает искажение и извращение ими классового характера и задач грядущей революции.

На разборе огромного фактического материала пореформенной экономики и критическом рассмотрении теоретических работ выдающихся представителей либерального народничества, Ленин вскрывает классовые корни народнической идеологии как идеологии *мелкобуржуазной*, показывает теоретическую несостоятельность и утопическую сущность социально-экономических взглядов народничества.

Вместе с тем, ленинская критика народничества резко отличалась от критики легальных марксистов, критиковавших идеологов мелкого буржуа с точки зрения интересов *либеральной буржуазии*, и также от критики Плеханова, который в народничестве видел одну лищь реакционную сторону.

Ленин противопоставляет народнической и либерально-буржуазной схемам исторического развития свою марксистскую схему, в основе которой было утверждение, что Россия окончательно и бесповоротно вступила на рельсы *капиталистического* развития, что капитализм охватил своими щупальцами все народное хозяйство, который в своем дальнейшем развитии уперся в огромные остатки крепостничества, прежде всего, в виде помещичьего землевладения.

Вот почему Ленин считает аграрный вопрос *центральной* проблемой второй половины XIX века, *гвоздем* пореформенных общественных отношений, *общенациональным* вопросом, который «поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит,—каким образом будет решена эта задача». («Избр. произведения», т. I, стр. 59).

Ленин мыслит «решение» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России двумя способами, получившими свое оформление в его учении о двух путях капиталистического развития в сельском хозяйстве («прусский» и «американский»), которые, по мнению В. И., «вполне обрисовались в России после 1861 года».

Оба пути *капиталистические*, по сравнению с барщинной системой хозяйства, прогрессивные, являющиеся двумя формами *буржуазного* развития, в конечном счете ведущие к более ускоренному развитию производительных сил. Но один путь — «прусский» в результате своей *победы* повел бы страну по пути капитализма более медленно, более болезненным путем, ибо он («прусский» тип капитализма) характерен сохранением крупного помещичьего землевладения, в котором хотя и происходит внутренняя трансформация в сторону капитализма, но, однако, еще надолго сохраняются полуфеодальные черты. Средневековые отношения между помещиком и крестьянином не ликвидируются сразу, а именно *приспосабливаются к* капиталистическому развитию. Идеал «прусской формы» капитализма — во что бы то ни стало сохранить помещичьи имения, уничтожить общину путем ограбления ее кулаками, укрепить институт частной собственности на землю, расслоить деревню и вытолкнуть из земледелия крестьянскую бедноту. В политической области—укрепление помещичьей власти в государстве, монархическая форма этой власти, и вместо демократии «обшитый парламентскими формами военный деспотизм».

«Американский» путь капитализма харатеризуется решительным уничтожением помещичьих латифундий, ведет к уничтожению класса феодалов-крепостников с его опорой экономической (латифундии) и политической (абсолютизм).

Крестьянин становится свободным фермером на свободной земле, *национализированной* и находящейся в руках народного революционного государства. Создается наибольшее равенство среди населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма, как самая благоприятная почва для борьбы классов, и, прежде всего, для борьбы пролетариата против капиталистов за *социалистический* строй.

По мнению Ленина, пролетариат не может остаться равнодушным к тому, *как* будет завершено буржуазное развитие России, *кем* и в каких формах будет произведена чистка земель. Пролетариат должен поддерживать «американский» путь капиталистического развития, ведущий к буржуазно-демократической *крестьянской* революции, носителем и одной из главных движущих сил которой (буржуазно-демократической революции) должна быть не либеральная буржуазия, а *вся* крестьянская масса, которую должен возглавить пролетариат и в качестве вождя повести все крестьянство в бой против помещиков и самодержавия, нейтрализуя при этом буржуазию, тесно связанную со старым строем.

Проблема гегемонии пролетариата в грядущей буржуазно-демократической революции была *решающим* вопросом в ленинской схеме исторического процесса, которая выдвигалась Лениным еще в самых ранних его работах в полемике не только с народниками, но и с легальным марксизмом, а в последствии—с экономизмом и меньшевизмом.

Показать *исключительную* роль рабочего класса в экономической и социально-политической истории пореформенной России, наметить пути его дальнейшего развития, освободить рабочее движение из-под влияния народников и либералов всех толков, дать решительный и беспощадный отпор всем попыткам русского бернштейнианства извратить учение Маркса, выхолостив из него революционную сущность — вот основное содержание полемики Ленина и против Михайловского, и против Струве, и против Кусковой, и против Мартынова.

Суть этих разногласий, предопределивших всю последующую историю борьбы I четверти XIX века, лучше всего выражена Лениным в одном примечании в «Что такое друзья народа?».

> «К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом, — писал В. И., — можно притти двумя путями: либо смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. Либо обращаться к нему, как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма». («Избр. произведения», т. I, стр. 233).

В этой своей первой работе, написанной в возрасте 24 лет, Ленин выдвинул идею гегемонии пролетариата не только в общедемократическом движении и в революции против царизма и помещиков. Уже тогда Ленин поставил во весь рост ту задачу, за которую способен бороться только один рабочий класс—уничтожение капитализма.

> «Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». («Избр. произвед.», т. I, стр. 238).

Для Ленина борьба против царизма, гегемония пролетариата в общедемократическом движении были всегда лишь ступенью, неизбежным этапом перехода к подготовке и развертыванию борьбы за коммунистическую революцию.

Мысль о гегемонии пролетариата в решении общедемократических задач Ленин особенно развил в его замечательной брошюре «Задачи русских социал-демократов», где он с особой настойчивостью подчеркивал что,

> «только один пролетариат должен быть и по своему классовому положению не может не быть последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть передовым борцом за политическую свободу за демократические учреждения». («Избр. произведения», т. I, стр. 273).

Ленин предвидел появление на общественной арене таких общественных групп, которые будут пытаться свернуть рабочее движение с рельс самостоятельных классовых целей, которые будут бороться против гегемонии пролетариата в общедемократическом движении, которые будут ратовать за компромиссы и блоки пролетариата с буржуазией под руководством последней.

Вот почему на всякие еще только зарождавшиеся попытки Ленин отвечал:

> «...слияние демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп ослабило бы силу демократического движения, ослабило бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, выделение рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, усилит демократическое движение, усилит борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет подталкивать все остальные демократические и политически оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и сознательным строем современного общества». («Избр. произведения», т. I, стр. 274).

В связи с этим, Ленин с исключительной настойчивостью и необыкновенной тщательностью и последовательностью разрабатывает программно-стратегические и тактические вопросы рабочего движения, намечает и конкретизирует организационные планы восстановления и укрепления партии, уточняет и оформляет ближайшие задачи русских с.-д. после того идейного разброда, который пришлось пережить социал-демократии в третий период (с 1898 г.), в период разброда, распадения, «шатаний» и который В. И. призывал в брошюре «Что делать?» скорее и быстрее ликвидировать.

Вопросами, особенно занимавшими Ленина в этот период, был вопрос о выработке единой боевой программы партии и создание общерусской газеты—органа, формирующего идеологию, программу и тактику пролетарского авангарда.

Эти две мысли Ленина особенно развиты в «Проекте программы нашей партии» и в «Что делать?», помещенных в III разделе I тома.

Брошюра Ленина «Что делать?» — одно из самых выдающихся произведений в политической литературе нашего века. Хотя Ленин в 1907 г. и писал, что это произведение нельзя вырывать «из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь уже давно миновавшего периода в развитии нашей партии», все же это произведение и теперь, 28 лет спустя после его написания, в условиях нашей эпохи, во многом не потеряло своей ценности и злободневности. Этот в высшей степени ценный теоретический и политический документ может быть во многом полезен ряду коммунистических партий Запада и Востока, перед которыми стоят задачи в известной степени сходные с задачами русской с.-д. того периода, которые (задачи) были поставлены и разрешены в «Что делать?», где «речь шла об определении самых общих основ и коренных задач всякой социал-демократической политики вообще» (Ленин).

Проблема создания централизованной партийной организации, создание особой организации профессионалов-революционеров, «целиком и полностью посвящающих себя подпольной работе», непримиримая идейная борьба за революционную теорию, играющую исключительную роль в превращении стихийного рабочего движения в сознательное социалистическое, создание общерусской газеты, поставленной на службу «пролетарской партийности», помогающей бороться за создание и укрепление партии рабочего класса, вооруженной революционной теорией, имеющей ясную перспективу и конкретную цель, — вот главнейшие вопросы, которые со всей отчетливостью освещает Ленин.

Известно, что «Искра» и сыграла ту роль, какую возлагал Ленин на общерусский печатный орган. II с'езд партии, подготовленный, созванный и проведенный руководством «Искры», покончил с идейным и организационным разбродом «третьего» периода, изгнал кружковщину и кустарничество из практики местных организаций, собрал в одно целое все силы с.-д. организаций и этим заложил основу единой революционной партии, утвердил программу и устав партии и создал руководящие органы партии, правда, скоро не ставшие выражать мнение большинства с'езда и большинства местных парторганизаций.

Борьбе на с'езде и после с'езда, разыгравшейся между мартовско-меньшевистской и ленинско-большевистской группами, посвящены произведения, помещенные в последнем разделе первого тома («Второй с'езд и раскол РСДРП»). Этот раздел подводит итоги II с'езда, рисует картину борьбы и раскола и линию, которую проводил Ленин на с'езде в борьбе с меньшинством за единство и сплоченность партии, за жесткую пролетарскую дисциплину и боевой централизм, за строгий классовый отбор в партию, против проникновения в ряды пролетарской партии мелкобуржуазных элементов, против анархического индивидуализма, против кружковщины, дрязг и сплетен, против нарождающегося оппортунизма в части бывшего искровского руководства. Правда, этот оппортунизм был в новой форме и на новой основе, но все же имел много общего с тем оппортунизмом, против которого сложилось, выросло и окрепло старое руководство «Искры».

Борьба с меньшевиками и примиренцами привела Ленина к открытой борьбе за III с'езд, против всех руководящих органов партии, оказавшихся в руках меньшевиков и грубо нарушавших решения с'езда.

Борьба началась «всерьез и навсегда». Стали рельефно вырисовываться два различных мировоззрения, две различных партии, с различными программными, тактическими и организационными взглядами. Обе партии вскоре на арене открытой классовой борьбы, имевшей мировое значение, показали каждая свое классовое существо.

Ленинское крыло показало себя подлинно революционной партией, несущей на своем знамени лозунг борьбы за свержение до основания буржуазного мира во имя нового, социалистического строя.

Другое крыло в ходе великих событий показало себя соглашательским, предающим классовые интересы пролетариата, показало себя как агентура буржуазии в рядах рабочего класса.

Брошюра Ленина «Земская кампания и план «Искры» давала каждому партийцу и рядовому читателю отчетливую картину тактики обеих фракций накануне и в начале боев пролетариата. Этим боям и роли в них большевиков и меньшевиков посвящен II том.

* * *

Второй том шеститомника охватывает второе десятилетие (1905—1914 гг.) политической и литературной деятельности Ленина, десятилетия, занимающего в сочинениях II изд. целых одиннадцать томов.

Произведения, вошедшие в этот том, соответствуют трем периодам этого десятилетия в истории нашей партии и революционного движения в России: период первой русской революции (1905—1907 гг.), период реакции (1908—1911 гг.) и период нового революционного под'ема (1912—1914 гг.).

Том начинается произведениями, в которых дается ленинский анализ характера движущих сил и перспектив революции 1905 г. В них подтвержден в основном, углублен и концентрирован, на основе новых экономических и социально-политических данных, тот анализ, который давал Ленин в своих ранних работах.

В произведениях второго тома особенно рельефно выделяется проблема революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Здесь формулируется основной лозунг Ленина в революции 1905 года.

Эта формула находится в органической связи с ленинской концепцией о своеобразии пореформенного хозяйственного развития и с его теорией о двух путях капитализма в земледелии. Меньшевики смазывали революционную роль крестьянства в условиях господства крепостников-помещиков, отводя либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции роль гегемона. Об'ективно они были в лагере сторонников победы «прусского» пути.

Большевики были за поддержку «американского» пути, победа которого в русских условиях означала наступательный союз пролетариата и всего крестьянства, под руководством пролетариата, против полуфеодальных пережитков, вплоть до свержения самодержавия, конфискации помещичьих земель и установления буржуазно-демократической республики. Победа последней открывает благоприятные условия для борьбы рабочего класса против капитализма и ставит перед пролетариатом в качестве очередной и первостепенной задачи — продвинуть революцию дальше, перевести ее с этапа демократического на этап социалистический.

Ленинская формула «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и является выражением и воплощением этой ленинской концепции исторического процесса и вытекающего из него стратегического плана. Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства очень глубокая, многогранная и разносторонняя формула, включающая в себя и определенное соотношение классовых сил (союз пролетариата и крестьянства) и совокупность наиболее общих об'ективных и суб'ективных условий победы буржуазно-демократической революции. Эта формула включает также сочетание различных форм и методов борьбы (всеобщая стачка, вооруженное восстание, крестьянская аграрная революция) и форму новой революционной власти (советы).

Формула «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» выражала также совокупность наиболее общих условий возможного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Пролетариат вместе с крестьянством совершает буржуазную революцию и партия пролетариата, не останавливаясь на достигнутых успехах, будет стремиться продвинуть ее дальше, перейти к социалистической революции.

В ряде статей и в специальных разделах обоих томов, посвященных аграрно-крестьянскому вопросу накануне революции и особенно во время и после революции 1905 года, проводится та мысль, что против помещиков и самодержавия выступает все крестьянство. Однако, пролетариат ведет в то же время линию на сплочение и организацию бедноты для борьбы против деревенской буржуазии. Но эта борьба будет уже со стороны пролетариата борьбой социалистической, борьбой за осуществление своих конечных целей.

Этой ленинской концепции исторического своеобразия пореформенного периода русской буржуазно-крестьянской революции и роли в ней пролетариата как гегемона не понимали меньшевики, в том числе и меньшевики типа Троцкого, который теперь в брошюре «Перманентная революция», вышедшей в 1930 году в Берлине, задним числом силится доказать, что его теория «перманентной революции» с самого начала, с 1905 г., «во всех решительно обстоятельствах совпадала с ленинской». Троцкий «позабыл», как видно, те десятки статей Ленина в течение целых 15 лет, в которых В. И. беспощадно борется против «перманентки» Троцкого, ведущей к перепрыгиванию через буржуазно-демократический этап революции. Троцкому всегда было чуждо понимание буржуазно-демократической революции, как революции крестьянской, совершаемой под руководством пролетариата. Вот почему Ленин очень часто подчеркивал, что основная ошибка Троцкого «игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической».

За период 1905—1914 гг. большевистское крыло с.-д. окончательно превратилось в самостоятельную, единственно революционную партию пролетариата, с железной дисциплиной, огромной волей, громадным опытом суровой школы царского подполья,—партию, вооруженную марксистской теорией. Большевистская партия была спаяна внутренним единством подлинно-марксистского мировоззрения, она все больше проникала в гущу рабочих масс и завоевывала их на свою сторону.

Партия большевиков сделалась единственным и самым популярным вождем рабочих России, неразрывно с ними связанная, не покидавшая его не только в годы «бурь и натиска», но и в годы конституционных иллюзий, и в мрачные годы реакции.

Партия выросла и закалилась в борьбе не только с самодержавием, либерализмом, эсерством, но и в борьбе на два фронта с «врагами внутри рабочего движения», с правым оппортунизмом (меньшевиками) и — «левыми» революционными фразерами (отзовисты). В эти же годы Ленин уже открыто и резко выступил на борьбу с оппортунистическими тенденциями в международной социал-демократии, поддерживавшими русских меньшевиков. Эта «проба сил» была предвестником грядущего разрыва с II Интернационалом в годы империалистической войны.

Богатство мыслей и количество проблем, содержащихся во II томе, настолько огромно, что исчерпать даже небольшую часть их в журнальной статье не представляется возможным. Мы, например, совсем не касались произведений, вошедших в раздел по аграрно-крестьянскому вопросу (на различных этапах рассматриваемого десятилетия), национального вопроса, вопросов международного революционного движения, периода конституционных иллюзий и ряда других важных разделов.

* * *

В заключение необходимо пожелать, чтобы первые два тома шеститомника были возможно скорее распространены и явились уже с настоящей осени орудием массовой пропаганды ленинизма и чтобы остальные четыре тома поскорее увидели свет.

Ив. Фролов.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «БОЛЬШЕВИКА».

Уважаемые товарищи!

Прошу в ближайшем номере поместить мое письмо.

В рецензии на № 5 «ПЗМ», помещенной в № 14 «Большевика», на стр. 93, имеется следующее место:

> «Вот безапелляционное и совершенно механистическое положение Карева: «Поэтому признание об'ективного существования случайности ни в коей мере не исключает того, что все причинно обусловлено,—что никакой свободы воли нет» (Карев, «За материалистическую диалектику», стр. 287—288, разрядка наша.—*В. Р.*)». «А вот другое положение: «т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма». (Там же, та же стр. *В. Р.*). Оба эти положения ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, с диалектическим материализмом».

Так как автор рецензии, подвергая критике определенные положения тов. Карева, не ставил своей задачей развернутое изложение этой проблемы, то у ряда читателей может получиться неполное, а отсюда и возможно неправильное, понимание того, что хотел сказать автор в рецензии по данному вопросу

Поэтому, после фразы рецензии «Оба эти положения» и т. д., необходимо добавить, заметив, что в первой цитате до слов «что никакой свободы воли нет»—положение правильно:

«Говорить, что «никакой свободы воли нет», это значит становиться на точку зрения фатализма, механического и вульгарного материализма. Попы, философы-идеалисты и всякого рода суб'ективисты воображают, что человек независим от законов природы и общества и эту воображаемую независимость они считают свободой воли.

Марксизм-ленинизм решительно выступает и непримиримо борется против идеалистов, попов и всякого рода суб'ективистов, понимающих свободу воли как независимость от законов природы и общества, от причинной обусловленности явлений, от естественной необходимости.

Но он в то же время решительно выступает и против вульгаризаторов диалектического материализма, заявляющих, что «никакой свободы воли нет», или еще более нелепых утверждений, что «диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма».

Вот что говорит по этому вопросу Энгельс:

> «Свобода, — говорит он, — заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей... Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения с знанием дела». (Фр. Энгельс «Анти-Дюринг», ГИЗ, 1928 г., стр. 103).

И далее:

«...свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости: значит она является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же не свободны, как сами животные; но каждый шаг вперед по пути культуры был шагом свободы», стр. 104).

Таким образом, Энгельс (то же Ленин см. «Материализм и эмпириокритицизм», гл. III, § 6, «Свобода и необходимость»), жестоко воюя с идеалистическим и поповским пониманием свободы воли, не отмахивается от этой проблемы простым, вульгарно-механическим ее отрицанием, но дает ей диалектическо-материалистическое сдержание и понимание».

В. Ральцевич.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОСПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
на 4-й КВАРТАЛ 1930 ГОДА
НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ (ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕС.)

«Коммунистический Интернационал»—боевой орган Исполкома Коммунистического Интернационала, отражающий идеологическую и тактическую линию Исполкома и весь опыт международного коммунизма.

Являясь мощным оружием большевизации Коминтерна, оружием борьбы против всякого рода шатаний, скептицизма и пессимизма в большевистских рядах, журнал ведет в первую очередь непримиримую борьбу с оппортунизмом в рядах рабочего класса и беспощадно разоблачает империализм и его социал-демократических агентов.

Собирая весь опыт мирового пролетарского движения и пятидесяти секций Коминтерна, журнал привлекает к активному участию все лучшие силы международного коммунизма.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес.—90 к., на 3 м.—2 р. 70 к., на 6 мес.—5 р. 40 к., на 12 м.—10 р. 80 к.
Цена отдельного номера—35 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе издательства ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ (Москва, 9, Тверская 48), во всех местных отделен. „ПРАВДЫ“, в почтовых конторах, письмоносцами, во всех киосках Союзпечати и уполномоченными „ГУДКА“ на транспорте.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА ЖУРНАЛ

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Орган ЦК ВКП(б)

РАССЧИТАН на весь руководящий и низовой актив партии, начиная как от основных работников ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов и райкомов, так и товарищей привлеченных к партийному аппарату в порядке партнагрузки, и кончая секретарями парт'ячеек, руководителями отдельных участков ячейковой работы.

ДАЕТ УСТАНОВКУ по наиболее важным и злободневным вопросам политической и хозяйственной жизни страны с точки зрения участия в их разрешении партийных организаций и осуществления партийного руководства.

ВЕДЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ РАЗРАБОТКУ очередных проблем партийного строительства, изучение, анализ и критику опыта, форм, методов и системы работы местных парторганизаций.

СТАВИТ НА ОБСУЖДЕНИЕ новые вопросы практики партийного строительства и партруководства.

ОСВЕЩАЕТ ПРАКТИКУ партийного строительства местных, особенно низовых организаций и выявляет образцовые мероприятия местных партийных комитетов.

ИНФОРМИРУЕТ О РАБОТЕ ЦК ВКП(Б) и местных парткомов.

ВЕДЕТ КРИТИКУ И БИБЛИОГРАФИЮ литературы, посвященной вопросам партстроительства.

СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМЫМ в повседневной работе партийных организаций является «Партийное строительство» — руководящий журнал по вопросам партийного строительства — как для парткомов и ячеек, так и для отдельных членов партии.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 год—5 р., на 6 месяцев—2 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 25 к. Цена отдельного номера—25 к. Выходит журнал 2 раза в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Старая площадь, 4, здание ЦК ВКП(б), 6-й этаж. Телефон 4-93-55 или ЦК доб. 3-77 и 186.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в главной конторе издательства ЦК ВКП(б) «Правда» Москва, 9, Тверская 48, во всех местных отделениях „Правды“, в почтовых конторах, письмоносцами, во всех киосках „Союзпечати“ и уполномоченными „Гудка“ на транспорте.

Главлит № А—66584. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

OCT 27 '30

216

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

Sept.

№ 17 15 СЕНТЯБРЯ № 17

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл.

№ 17 — 15 СЕНТЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.
Передовая.—К новому под'ему . . . 1
Тельман, Э.—КПГ после выборов в рейхстаг. 10
Березин, Н.—К решающим боям за пятилетку в четыре года. . 22
Голендо, М.—Задачи нового сельскохозяйственного года. . 32
Павлов, А—Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда. 44
Рубинштейн, Модест.—Как «гниег заживо» современный капитализм. 63
Альфред, Л.—Социал-фашистская подготовка войны. . . . 79

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Васильев, Т.—Против великодержавного шовинизма в краеведческой литературе. . . . 86

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
527600 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1931 L

К новому под'ему.

Страна строящегося социализма стоит перед новым крутым под'емом. Все шире развертывается победоносное социалистическое наступление рабочего класса по всему фронту.

За второй год пятилетки пущен в ход ряд новых фабрик и заводов, построены новые железные дороги. Начали работать такие гиганты, как Ростовский Сельмаш, Сталинградский тракторный завод; открыт имеющий исключительное значение для народного хозяйства Турксиб. Развертывается строительство новых гигантских металлургических и химических комбинатов. Проводится на основе новейшей техники коренная реконструкция многих крупнейших старых заводов.

Предварительные итоги второго года пятилетки показывают по тяжелой индустрии прирост продукции почти на 40%. Еще более грандиозный рост даст тяжелая индустрия в предстоящем году. Мы выполняем и выполним великую программу, намеченную XVI с'ездом партии,—добиться выпуска 17 млн. тонн чугуна, стать первой страной в Европе и второй в мире по выпуску металла.

Одновременно с мощным развертыванием тяжелой индустрии, являющейся ключом к развитию всего народного хозяйства, мы имеем уже возможности резко увеличить продукцию легкой индустрии, что предрешает значительное улучшение в снабжении трудящихся масс.

Прочно и уверенно развертывается социалистическое наступление на фронте сельского хозяйства, где социалистический сектор достигнет в предстоящем году еще более значительных успехов. Важнейшие зерновые районы в 1931 году будут в основном охвачены сплошной коллективизацией, а по всей стране не менее половины бедняцких и середняцких хозяйств будут об'единены в колхозы против одной четверти в 1929/30 году.

Вслед за разрешением в основном зерновой проблемы мы теми же путями,—созданием крупного высокопроизводительного обобществленного хозяйства,—разрешим и труднейшую животноводческую проблему. В предстоящем году обобществленное стадо должно увеличиться до 15 млн. голов. Сводка НКЗ о первых результатах выполнения животноводческой программы по обобществленному сектору говорит о реальности и выполнимости этого задания. Действительно ход строительства животноводческих совхозов за последние месяцы показывает, что планы наших животноводческих трестов могут быть с успехом выполнены.

Партия вступает в новый хозяйственный квартал—октябрь—декабрь 1930 г., имеющий свои особые важные задачи. В течение этого квартала по всем отраслям народного хозяйства не только должны быть ликвидированы все прорывы прошлого года, но и должны быть выполнены задания, соответствующие высоким темпам предстоящего 1931 года,—решающего года пятилетки.

Таковы основные моменты программы социалистического хозяйственного строительства на предстоящий 1931 год.

Какова политическая обстановка в стране на этом новом под'еме?

Основной факт, определяющий соотношение классов в настоящее время—это все усиливающийся *рост активности рабочего класса*. Опыт ликвидации прорыва на различных участках промышленности показал, насколько велик трудовой под'ем в рабочем классе, какой величайший энтузиазм проявляют рабочие многих десятков и сотен заводов в ответ на призыв, на обращение ЦК. 1 октября 1930 года прошло на подавляющей части фабрик и заводов, шахт и железных дорог, как действительный день смотра и проверки рядов пролетариата, ведущего борьбу за пятилетку в четыре года, организующего социалистические формы труда, опрокидывающего активным участием в социалистическом строительстве всякие пессимистические предсказания оппортунистов.

Социалистическое соревнование и ударничество стало важнейшей формой активности рабочих, их участия в социалистическом строительстве. Только опираясь и дальше на ударников, передовых бойцов за пятилетку в четыре года, партия преодолеет все трудности и обеспечит высокие темпы на новом под'еме.

Именно эта возрастающая активность рабочего класса, его беззаветный героизм в борьбе за пятилетку, рост его классового сознания и все большая консолидация всех его сил вокруг партии, укрепление организации бедноты и колхозов, как опоры пролетариата в деревне,—это является решающим фактором для успехов развернутого социалистического наступления, для дальнейших побед в борьбе за

вовлечение на социалистический путь развития все новых миллионов бедняков и середняков—единоличников.

Сопротивление классового врага и классовая борьба во всех ее проявлениях заостряется и принимает новые формы в связи с успешным переходом к более сложным задачам социалистической реконструкции, проведения политики ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Разгром многих отрядов классового врага вовсе еще не означает ослабления классовой борьбы, наоборот, рост его сопротивления является неизбежным на данном этапе. Кулак проявляет огромную активность, пытается срывать хлебные и мясные заготовки, по-спекулянтски вздувает цены, пытается срывать рабочее снабжение. В колхозах кулачество через своих подголосков развертывает подрывную работу, спекулируя на отдельных неудачах, внутренних неполадках, используя затруднения в товарном снабжении, цепляясь за разрыв твердых заготовительных и спекулятивных цен.

Существует теснейшая связь между активностью еще не добитого кулачества и работой контрреволюционных вредительских групп, формирующихся, главным образом, из связанных с иностранными капиталистами остатков городской буржуазии, быв. помещиков и царских чиновников и остатков меньшевистских и эсеровских элементов. За последние месяцы после вредительских групп в промышленности раскрыта вредительская организация в аппарате снабжения (мясо, рыба, обощи), пытавшаяся бороться против советской власти и против социалистического строительства методом срыва рабочего снабжения, прямого отравления трудящихся.

Работа различных вредительских групп в значительной степени об'единялась и направлялась контрреволюционной организацией Кондратьева—Макарова и Громана—Суханова. Эта организация уже оформляет идеологию, программу действий и тактику реставрации капитализма.

Переход страны к быстрым темпам социалистической реконструкции, полный крах надежд буржуазных групп, враждебных строительству социализма, на перерождение диктатуры рабочего класса, ускорили переход этих групп к прямой борьбе против рабочего класса, против советской власти—методами вредительства, преступными контрреволюционными планами создания в стране голода.

Эти контрреволюционные вредительские группы и организации применяли «метод обволакивания» отдельных коммунистов своим влиянием, пытались захватить под свое влияние части хозяйственного, государственного и кооперативного аппарата, проводить через них свою политику поддержки капиталистических элементов и вредительства в отношении обобществленного сектора хозяйства СССР. Эти факты требуют к себе исключительного внимания каждой партийной организации. Эти факты еще раз напоминают каждому коммунисту, как необходимо в сложных условиях классовой борьбы не верить на слово, тщательно проверять и контролировать работу аппарата. Эти факты требуют повышения сознания ответственности в каждом члене партии за дело, порученное ему.

Перед новым под'емом социалистического строительства в обстановке обостренной классовой борьбы особенно ярко проявляется роль правых оппортунистов, как агентуры классового врага в партии. В теперешней обстановке перед рабочим классом и каждым коммунистом со всей остротой в новом значении стоит задача мобилизовать классовую бдительность и революционное чутье во всей работе хозяйственных, профессиональных и партийных организаций, во всей борьбе за промфинплан, за планы коллективизации, за выращивание и правильное распределение кадров.

В свете последних фактов вредительства работа классового врага оказывается в самой непосредственной связи с идеологией и всей практикой оппортунизма во всех его видах. Действительно, полностью обнаруживается, что идеология правого оппортунизма сложилась под прямым влиянием буржуазных кондратьевско-громановских идей. Подтвердилась на фактах связь правой идеологии с кулацкой кондратьевско-громановской программой. Подтвердилось еще раз, что капитулянтская установка правых оппортунистов ведет к реставрации капитализма. Факты из деятельности организации Кондратьева—Громана, а также вредительских организаций в хозорганах, свидетельствуют о том, что отдельные коммунисты оказались в прямом идейном плену у буржуазных экономистов.

Эти же факты последних месяцев с необычайной яркостью подчеркивают, что оппортунистические уклоны в ВКП в свою очередь усиливали активизацию контрреволюционных элементов, что оппортунизм членов партии расчищал почву для влияния вредителей в отдельных звеньях хозяйственных аппаратов, что классовый враг в своих расчетах опирается на правых оппортунистов (так же как и на троцкистов) и даже иногда использует их при проведении своих вредительских планов.

XVI с'езд признал несовместимым с принадлежностью к ВКП(б) взгляды правого оппортунизма, идейно разоблаченного, отвергнутого с подавляющим единодушием и партией и рабочим классом. Однако, правый оппортунизм не вытравлен еще до конца в работе хозяйственных, профессиональных, советских и партийных организаций и проявляется теперь в более разнообразных и замаскированных формах.

XVI с'езд обратил внимание всей партии на новый маневр оппортунистов всех мастей, особенно правых, «выражающийся в формальном признании своих ошибок и в *формальном согласии с линией партии, не подтверждая свое признание работой и борьбой за генеральную линию*, что на деле означает только переход от открытой борьбы против партии к *скрытой или выжидание более благоприятного момента для возобновления атаки на партию*». (Резолюция с'езда по отчету ЦК).

Прикрываясь формальным согласием с генеральной линией партии, такие оппортунисты перед лицом новых задач и трудностей в важнейших вопросах практики социалистического строительства остаются, по сути, на оппортунистических позициях. Так, например, они отрицают, что наши трудности —трудности роста, коренящиеся в нашей экономической, технической и культурной отсталости, что они являются трудностями классовой борьбы, осложняются отчаянным сопротивлением отживающих классов. Все причины затруднений они сводят к «просчетам», к тому, что якобы партия не умеет предвидеть хозяйственные процессы. В связи с временными хозяйственными затруднениями оппортунисты, капитулянты и паникеры возвращаются к предложениям сократить темпы социалистического строительства. Выдвигаются извлеченные правыми оппортунистами из старого троцкистского идейного багажа предложения о повышении цен на промтовары с целью «сбалансировать спрос и предложение». Сюда же относятся тенденции вернуться к «нормальным рыночным отношениям», в чем сказывается непонимание того, что происходит коренная ломка и перестройка всех экономических отношений, что мы идем к плановому регулированию товарного обращения и плановому распределению. Все эти оппортунистические положения связаны с непониманием того, что нельзя экономические отношения и политику первого периода нэпа переносить на настоящую обстановку «последней стадии нэпа», когда «мы уже вступили в период социализма». Характернейшей чертой оппортунизма на данном этапе являются попытки раздувать трудности, его упадочные настроения, потеря правильной революционной перспективы, попытки пересмотреть оценку, данную всей партией на XVI с'езде хозяйственному и политическому положению страны.

Во всех этих проявлениях правого оппортунизма мы видим полное подтверждение того положения XVI с'езда, что правые и «левые» оппортунисты сходятся в борьбе против линии партии на одном: одинаково борются за ослабление темпов социалистического строительства, пытаются срывать дело борьбы за пятилетку в четыре года, сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса.

Вместо мобилизации всех сил партии и рабочего класса на практическое осуществление решений XVI с'езда и тем самым — на преодоление трудностей, на ликвидацию прорывов, на изыскание новых резервов,— оппортунист пытается потянуть партию к пересмотру проверенной на опыте политической линии, готов клеветать на партию, обвиняя ее в падении творческой мысли, в «пришивании уклонов», в том, что необоснованно выдумываются обвинения во вредительстве и т. д. Оппортунист тянет к демобилизации партийных рядов.

Все важнейшие хозяйственные и политические кампании последнего времени ясно обнаруживают лицо правого оппортунизма на практике. Это — пассивность и сопротивление в борьбе за промфинплан, неумение преодолеть отсталые настроения среди новых рабочих, бюрократизм и косность в советском аппарате. Это — непонимание боевой, руководящей роли коммунистов на производстве, пассивность в выполнении решения XVI с'езда о поголовном вступлении коммунистов и комсомольцев в ряды ударников. Это — пассивность в разрешении таких крупнейших хозяйственных задач партии, требующих большого упорства, как борьба с текучестью рабочей силы и др. Это—непонимание задач подготовки нового под'ема колхозного движения, пассивность в проведении хлебных и мясных заготовок и т. д.

Борьба за ликвидацию прорыва промфинплана 1929/30 года ярко говорит о том, как тормозится выполнение хозяйственных заданий непониманием некоторой частью партийных кадров новых задач, встающих в связи с развертывающимся социалистическим наступлением по всему фронту. Главный урок борьбы за ликвидацию прорыва—это необходимость перестройки рядов всех партийных, хозяйственных и других организаций рабочего класса для достижения необходимых темпов социалистического строительства; эта — необходимость *энергичного разоблачения и преодоления всех проявлений правого и «левого» оппортунизма, в первую очередь—правого.*

Обеспечение высоких темпов социалистического строительства, обнаружение и мобилизация богатейших еще в большей мере скрытых внутренних ресурсов, разрешение огромных, по-новому встающих перед нами таких проблем, как проблема рабочей силы, борьбы с ее текучестью, подготовки многих сотен тысяч новых рабочих, их классового воспитания и т. д.—все эти задачи требуют еще большей мобилизации масс, более широкого вовлечения рабочих во всю практическую борьбу за пятилетку.

Опыт ликвидации прорыва говорит, что в рабочих массах находится неисчерпаемый источник трудового героизма и под'ема, несокрушимая уверенность в правоте генеральной линии партии. Этот опыт говорит о том, что твердая воля рабочих к выполнению принятых хозяйственных планов преодолевает и может преодолеть косность хозяйственного аппарата, вредительские попытки части специалистов, ставку оппортунистов на самотек.

Только безнадежные нытики и маловеры могут проявлять слепоту и не видеть всей этой растущей активности рабочего класса. И, действительно, являлось и является главной задачей каждой партийной организации, как говорит обращение ЦК ВКП(б), *«суметь организовать и стать во главе бурно растущей активности рабочего класса».*

Широкое развертывание социалистического наступления по всему фронту требует «мобилизации классовой бдительности и революционной активности масс против капиталистических элементов нашей страны» (Сталин), против кулачества, против вредителей и помогающих им на деле бюрократов и оппортунистов.

Большевистское наступление требует решительной перестройки рядов партийных, советских, профсоюзных и кооперативных организаций, прежде всего, под тем углом зрения, чтобы эти организации сумели ликвидировать вопиющее в ряде случаев расхождение между активностью масс и косностью хозяйственного, профсоюзного и даже отдельных звеньев партийного аппарата.

Тов. Сталин на XVI с'езде в своей характеристике существа большевистского наступления подчеркнул все значение перестройки нашей работы. «Существо большевистского наступления состоит... в том, чтобы организовать перестройку всей практической работы профсоюзных, кооперативных, советских и всяких иных массовых организаций, применительно к потребностям реконструктивного периода; создать в них ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические тред-юнионистские, бюрократические элементы; изгнать вон из них чуждые и переродившиеся элементы и выдвинуть новых работников снизу...

Существо большевистского наступления состоит, наконец, в том, чтобы мобилизовать самую партию для организации всего дела наступления; укрепить и отточить партийные организации, изгнав оттуда элементы бюрократизма и перерождения; изолировать и оттеснить выразителей правого и «левого» уклонов от ленинской партии, выдвинув на первый план настоящих ленинцев» (Сталин, Политотчет ЦК).

Развернутое социалистическое наступление рабочего класса определяет большой круг боевых задач хозяйственного и культурного строительства, стоящих сейчас в центре работы всей партии. Важнейшие из них—это обеспечение выполнения плана на особый квартал. Это — борьба за «новый механизированный, подлинно-социалистический Донбасс» (Молотов), против прорыва по углю, угрожающего и по другим отраслям промышленности. Это—хлебозаготовки, посевкампания, организация притока в колхозы. Это—усиление борьбы с кулачеством. Это—укрепление сельсоветов, перестройка их лицом к колхозу, перестройка работы и укрепление районных центров, укрепление всех органов совласти в связи с их перевыборами. Это — борьба за выполнение планов по всеобщему обучению.

Все эти задачи требуют подбора кадров, обеспечивающих руководство хозяйственным строительством при все повышающихся темпах, при меняющейся коренным образом хозяйственной обстановке. На опыте борьбы за промфинплан и ликвидацию прорыва происходит самая суровая проверка кадров. На заводе, в колхозе и совхозе нужен теперь такой руководитель, который умеет глядеть вперед, преодолевать трудности и выправлять узкие места, неизбежно возникающие при быстром движении вперед.

Нужны кадры, умеющие преодолевать бюрократизм и направлять на практическую работу огромную, бьющую ключом творческую мысль масс, инициативу рабочих, организовать их активность, обеспечить успех в борьбе за вскрытие и мобилизацию огромных внутренних резервов.

Именно в этой связи задачи выдвижения и подготовки орабочения аппарата приобретают огромное значение. «Решающее значение имеет поставленная ЦК во весь рост проблема руководящих хозяйственных и технических кадров, становящаяся центральной проблемой нашего социалистического строительства. Только при дальнейшей мобилизации сил всей партии и рабочего класса вокруг задачи подготовки кадров из людей рабочего класса, только при решительном сдвиге в этой области может быть обеспечено дальнейшее проведение большевистских темпов социалистической индустриализации страны». Такую директиву дал XVI с'езд ВКП(б). Только путем выполнения этой директивы и возможно укрепление и создание аппарата, обеспечивающего успешное осуществление политики партии.

Задачи нового под'ема требуют также конкретизации партийного руководства и действительного поворота партийных организаций лицом к производству, в деревне—лицом к колхозам, требуют проникновения партийного руководства во все «мелкие», «будничные», решающиеся сейчас вопросы практики строительства социализма. Такой, например, «мелкий» вопрос, как уничтожение очередей в заводской столовой, приобретает большое политическое и производственное значение. Таких вопросов много на каждом шагу хозяйственного строительства.

Вся эта перестройка и дальнейшая мобилизация партийных рядов для развернутого социалистического наступления возможна только на основе широко развернутой рабочей самокритики. Недооценка значения самокритики или прямой зажим ее создает благоприятную почву для правого оппортунизма, для прорывов, ослабляет наши силы в классовой борьбе.

Наша страна идет быстрыми шагами к построению социализма. При всех трудностях роста наш советский строй таит в себе возможности и достаточные силы для полного их преодоления. Со всей силой развертываются теперь преимущества социалистической системы хозяйства, которые дают нам возможности преодолевать трудности путем высоких темпов социалистического строительства.

Теперь, как никогда, в основе всей перестройки нашей работы и наших рядов, в основе подбора кадров должно лежать указание Ленина: «Все дело в том, чтоб не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а итти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой вообще прогресс невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве» [1].

Бурный под'ем в развитии производительных сил СССР, героическая борьба рабочего класса СССР за построение социализма развертываются одновременно с мировым экономическим кризисом и нарастающим революционным под'емом в большинстве капиталистических стран и в колониях. Именно этот яркий контраст роста и укрепления СССР—с одной стороны, загнивания и кризиса капитализма—с другой,—подогревает бешено развертывающуюся антисоветскую кампанию в капиталистических странах.

Непреклонно выполняя ленинские решения XVI с'езда партии, под лозунгами развернутого социалистического наступления, ведя непримиримую борьбу на два фронта—и против правого оппортунизма, прежде всего,— подходим мы к новому крутому под'ему,— к последнему кварталу 30 года и — затем — к 1931 решающему году пятилетки, который будет важнейшим этапом борьбы за победы социализма в СССР.

---

[1] Ленин, XXIII т., нов. изд., стр. 295.

Эрнст Тельман.

КПГ после выборов в рейхстаг.

Выборы в германский рейхстаг, имевшие место 14 сентября 1930 г., прошли под знаком углубляющегося кризиса капиталистического строя. 3 млн. безработных, 2 млн. работающих неполную неделю, голодное наступление капиталистического правительства на все слои пролетариата и трудящихся—от безработных, через рабочих, занятых на производстве, служащих, чиновников, нуждающихся слоев мелкой буржуазии и до трудового населения деревни; отчаянные попытки буржуазии еще раз фашистскими методами добиться «капиталистического разрешения» кризиса за счет трудящихся масс,— все это придало избирательной борьбе как и самим выборам и их результатам особый характер.

При рассмотрении нынешней ситуации в Германии мы получаем полное и разительное подтверждение перспективы развития, выработанной КПГ на Веддингском партс'езде и подтвержденной и расширенной, особенно, X пленумом ИККИ. Перерастание экономического кризиса в политический кризис, капиталистического строя происходит в Германии крайне быстрым темпом. Миллионные массы трудового населения, которые еще лишь несколько месяцев тому назад нимало не сомневались в том, что буржуазно-капиталистический общественный строй является строем, «богом данным», теперь давно уже сомневаются в капиталистической системе и—хотя еще в туманных и неясных формах — бунтуют против существующего строя. Миллионы, еще стоящие в стороне от коммунистического движения, все же ищут уже выхода из массовой нужды и из катастрофы капиталистической современности. Это—социальный базис, на котором разыгрались выборы 14 сентября, более того, базис всей прошлой избирательной борьбы в Германии.

Эти предпосылки и привели к тем результатам выборов, которые мы имеем налицо. Анализ этих результатов показывает, прежде всего, основной факт: могучую победу КПГ! Эта избирательная победа, которая ни в коей мере не ослабляется и не снижается одновременным необычайным приростом голосов национал-социалистов, лишь в меньшей степени зависит от благоприятной об'ективной ситуации. Решающее и определяющее значение имеет скорее тот факт, что правильная политика Коминтерна и КПГ, большевистский курс на массы, которого потребовал от германской партии Веддингский партс'езд и который партия взяла под руководством Центрального Комитета,— вот что создало предпосылки для завоевания пролетарского большинства коммунистической партией.

* * *

Каковы же решающие факторы для оценки исхода выборов? В чем огромное политическое значение как-раз этих выборов, далеко

выходящих за рамки обычных выборов в парламент? Первым и важным моментом является интернациональное значение этих выборов в германский рейхстаг и победы на них КПГ. Исход германских выборов лихорадочно обсуждается в буржуазной прессе всех капиталистических стран. Удовлетворение выражает только итальянская фашистская пресса, все же другие газеты об'яты величайшим смятением. Результат выборов дружно приписывается тяжелому кризису капиталистической Германии, массовой нищете и всеобщему недовольству широких народных слоев политикой правительства. Далее, единодушно, с нескрываемым испугом констатируется, что исход выборов в некоторой мере равносилен вотуму народа против плана Юнга и Версальского договора. Даже либеральная пресса за границей рассматривает результаты выборов в Германии, как симптом банкротства парламентаризма, как симптом тяжкого кризиса буржуазной демократии.

Что касается международного влияния германских выборов, то наибольшее волнение проявляют французская и польская пресса. Во Франции уже видят призрак реванша и требуют новой ориентировки французской внешней политики в смысле ее большей агрессивности. В Польше пресса пилсудчиков использует избирательную победу германских национал-социалистов в качестве одного из главных козырей для польской избирательной борьбы. Ссылки на грядущую агрессивность германской восточной политики служат оправданием для организации разнузданной шовинистски-фашистской травли в Польше.

С другой стороны, буржуазная заграничная пресса расценивает победу германских коммунистов на выборах, как «признак борьбы и тревоги». Это относится, в первую очередь, к американской прессе. Так, например, «Вашингтон Стар» пишет:

> «Это было для Германии Черным воскресеньем. Фашисты и коммунисты будут впредь злым недугом в организме каждого германского правительства... Германская республика еще живет, но не подлежит сомнению, что ее существование находится под серьезной угрозой».

Другая буржуазная американская газета — «Вашингтон Пост» заявляет:

> «Германские выборы показывают, что дух беспокойства, проявившийся в Южной Америке, пустил корни также и в Европе... Тяжелое экономическое положение, безработица и высокие налоги вселили тревогу в германский народ».

Американская газета «Уорлд» пишет:

> «Исходом выборов миллионы людей в Германии выразили свое недовольство бременем налогов и безработицей».

И, наконец, «Геральд Трибюн» говорит о «вспышке чувства отчаянного недовольства безнадежным экономическим положением» и о «стихийном жесте протеста против Версальского договора и плана Юнга».

О возбуждении, царящем во всей французской прессе, мы уже бегло упоминали. Так, внешне-политический обозреватель газеты «Матэн» пишет:

> «Полная анархия в Германии была бы роковой для всей Европы, для всего буржуазного мира».

«Журналь» тоже с паническим страхом рисует перспективы развития Германии. Газета пишет:

> «Каким путем пойдет Германия? Что принесет с собой зима? Будем ли мы свидетелями кровавых столкновений, насильственного подавления демократии, авантюристской политики, экономического кризиса, роспуска рейхстага, кризиса режима, анархии и государственного поворота? — все это тайна будущего».

Английская пресса тоже опасается, в первую очередь, внутреннеполитического влияния германских выборов. Так, «Дейли Телеграф» пишет, что германские выборы нанесли республиканской системе в Германии самый тяжкий удар, какой получала в наше время какая-либо государственная система. По словам «Дейли Экспресс», результат выборов выявляет «политический хаос нации, являвшейся некогда сильнейшим оплотом порядка в Европе». «Морнинг Пост» тоже усматривает в исходе выборов сугубую опасность для капиталистического строя в Германии.

Итальянская пресса захлебывается от восторга по поводу прироста голосов национал-социалистов. Почти все газеты помещают портреты Гитлера. С другой стороны, по словам «Мессаджеро», нельзя забывать, что каждая сильно увеличивающаяся партия берет на себя также и большую ответственность и неминуемо вынуждена «изменять и умерять, если не свою программу, то методы ее применения». «Корриеро делла Сера» пишет о ходе избирательной борьбы:

> «Коммунисты проявляли лихорадочную деятельность. Красный цвет господствовал на улицах. Прежде всего, бросались в глаза коммунистки в пламенно-красных кофточках — своего рода московские женские батальоны».

Чехо-словацкая «Прагер Прессе» свою передовую о германских выборах поместила под знаменательным заголовком: «Революционная Германия». Венская «Арбейтерцейтунг» — орган австрийской социал-демократии — правда, судорожно старается затушевать поражение германской социал-демократии, но все же должна сказать:

> «Что больше всего заставляет призадуматься в связи с исходом вчерашних выборов, это то, что германская молодежь выбирала большей частью фашистов и коммунистов».

Но значительно дальше заходит в своих признаниях венский социал-демократический «Абенд». Эта газета пишет:

> «Победа коммунистов — об этом тоже не следует умалчивать — в значительной степени об'ясняется тяжкими ошибками социал-демократов... Партия — в этом надо когда-нибудь сознаться — в своем стремлении быть государственно-консервативной, пошла дальше, чем следовало. Теперь она расплачивается за ценные услуги, которые она два года оказывала буржуазии в качестве руководящей партии коалиции».

Мы намеренно так пространно цитировали отзывы прессы всех капиталистических стран о германских выборах, чтобы проиллюстрировать международное значение избирательной победы КПГ. Фактически КПГ своей победой на этих выборах нанесла тяжелый удар не только германской социал-демократии, но и всему II Интернационалу. Например, отнюдь не случайно польская реакция опасается, как бы избирательная победа КПГ не дала прироста коммунистических голосов, также и на предстоящих выборах в Польше. Выборы 14-го сентября явились колоссальным массовым вотумом миллионов трудящихся за Коммунистический Интернационал и Советский Союз.

Каковы же цифровые результаты выборов? Во время выборов в рейхстаг в 1928 году, коммунистическая партия получила 10,6% всех поданных голосов. В 1924 г. во время майских выборов, вследствие инфляции и обострения революционной ситуации в 1923 г., КПГ собрала 12,6% голосов. Однако, на сей раз оказался превзойденным и этот, считавшийся до сих пор сенсационным, результат выборов 1924 г. Коммунисты получили 13,12% всех поданных голосов. Разумеется, эта процентная доля неодинакова в разных округах и городах. Первое место занимает Берлин, где КПГ получила 33% всех голосов. Далее следует избирательный округ Дюссельдорф-Ост, принадлежащий частью к Рурской области, частью к Нижне-Рейнскому округу, затем Галле-Мерзебург и т. д. и, наконец, на последнем месте стоит баварская Франкония, где КПГ получила только 4,8% всех поданных голосов. Таким образом, оказывается, что коммунистическая партия сделала громадный шаг вперед не только в абсолютных цифрах, благодаря увеличению числа голосов с 3,2 млн. до 4,6 млн., но, невзирая на более активное вообще участие в выборах, смогла увеличить и свою относительную долю в общем числе голосов.

Эта победа партии приобретает совершенно особое значение благодаря тому, факту что как-раз в важнейших цидателях промышленности налицо особенно блестящий успех коммунизма. В Берлине, как в столице Германии и правительственном центре буржуазии, в городе тяжелой индустрии — Дюссельдорфе, в важном центре химической промышленности — Галле-Мерзебурге и во многих других промышленных городах, коммунистическая партия побила не только социал-демократию, но и фашистов и все буржуазные партии и стала сильнейшей из всех партий. Особенно в Берлине, где партия впервые опередила СПГ и завоевала большинство в ряде рабочих районов, в которых СПГ была еще сильнее во время коммунальных выборов, КПГ одержала сокрушительную победу за счет реформизма.

Само собою разумеется, удельный вес избирательной победы КПГ вообще решительно увеличивается благодаря тому факту, что эту победу партия одержала за счет социал-демократии. Таким образом, достигнут великий поворот, положено начало историческому перелому в соотношении сил в рядах германского рабочего движения в пользу коммунистической партии. При этом потери СПГ выражаются не только в абсолютном сокращении числа поданных за нее голосов, но, в первую очередь, в ее относительной потере в связи с более активным всеобщим участием в выборах. Если учесть этот фактор, то СПГ потеряла не 13, а соответственно прежнему числу своих голосов, даже 38 мандатов. Раньше социал-демократия составляла 31% в рейхстаге, т.-е. почти треть, теперь же только 25%, следовательно одну четверть. 600.000 голосов, которых СПГ непосредственно лишилась, были почти без исключения завоеваны коммунистической партией. С другой стороны, ясно, что помимо этих 600 тыс., КПГ завоевала еще сотни тысяч голосов социал-демократических рабочих и безработных, которые были в некоторой степени скомпенсированы для СПГ голосами из мелкобуржуазных слоев, голосами прежних приверженцев демократической партии и т. д. Тем самым, конечно, изменилась и социальная структура обеих партий: у КПГ в смысле расширения ее пролетарской базы, у СПГ по линии прогрессирующегося обуржуазивания.

Попытки СПГ замазать свое поражение на выборах, предпринимавшиеся особенно центральным органом социал-демократии, рупором Центрального Комитета СПГ, «Форвертсом», потерпели фиаско. Даже бреславльская социал-демократическая «Фольксвахт» по этому поводу писала:

> «При таком положении... совершенно необоснованное приукрашивание ситуации, практикуемое «Форвертсом», представляется все же черезчур смелым. Вместо того, чтобы завоевать новые голоса, мы потерпели немалый урон и к тому же при такой ситуации, когда этот урон является особенно серьезным».

Руководящий орган так наз. «левой» СПГ — «Лейпцигер Фольксцейтунг», высказывается в таком же духе:

> «Социал-демократическая партия ничего не выиграла от повышения активности избирателей, а утратила круглым числом 600.000 голосов. Это серьезный удар для социал-демократической партии. Коммунисты выиграли 22 мандата и выиграли их за счет социал-демократии. Но, мало того, они вторглись даже в лагерь обычно пассивных при выборах элементов».

Особенно знаменательно, что это поражение СПГ имело место, несмотря на то, что социал-демократия еще полгода тому назад, была вышвырнута пинком буржуазии из правительственных кресел и, таким образом, могла вести избирательную борьбу в несколько более выгодном положении партии, не несущей непосредственной ответственности за политику правительства Брюнинга. Таким образом, даже показная оппозиция СПГ не смогла помешать вторжению коммунистической партии в ряды реформизма и завоеванию социал-демократических рабочих масс на сторону революции. Это важный и поучительный факт.

* * *

Но успех партии не ограничивался ее победоносной борьбой против социал-демократии, хотя в этом—как в победе над главным врагом в лагере рабочего класса—можно усматривать главнейшее значение выборов. Наряду с этим, партия смогла также достичь больших успехов на арене борьбы за завоевание или нейтрализацию средних слоев. Еще на собраниях во время избирательной борьбы обнаружилось, что партия начинает проникать в слои нуждающейся мелкой буржуазии города и трудового крестьянства деревни.

Во время этой избирательной борьбы партия впервые — хотя и в совершенно недостаточной мере — вела более серьезную борьбу против центра. В процессе последних политических событий в Германии центр, оттеснив германскую народную партию, стал руководящей и репрезентирующей партией германской крупной буржуазии. Религиозная дисциплина и влияние церкви на католических приверженцев центра приводят к тому, что эта партия гораздо медленнее подвергается действию всеобщего процесса разложения и брожения, поражающего все старые традиционные партии буржуазии. Но хотя при нынешних выборах центр даже несколько увеличил свое абсолютное число голосов, он все же не вышел из них без относительного урона, принимая во внимание повышенную активность избирателей.

Коммунистическая партия одержала также значительные победы и над центром; например, в главном городе Рурской области Эссене. Здесь центр является сильнейшей партией, и КПГ раньше собирала только 67.000 голосов против 95.000 голосов центра, но на сей раз она его почти догнала. Во время выборов 14 сентября 1930 г. центр получил лишь 98.000 голосов, т.-е. число его избирателей едва увеличилось, невзирая на всеобщий рост активности на выборах, а КПГ собрала уже 89 тыс. голосов, тогда как СПГ потеряла 10 тыс. (прежде 60, теперь 50).

Разумеется, даже чисто количественный анализ исхода выборов показывает ряд серьезных недочетов. Правда, избирательная победа КПГ в 1930 году принципиально отличается от исхода выборов 1928 года именно тем, что тогда наряду с огромными успехами в Берлине и т. д. были и значительные неудачи в некоторых округах, в первую очередь аграрных — в Южной Германии и т. д., между тем, как на этот раз налицо имеется всеобщий успех КПГ во всех округах Германии. Но эта разномерность успехов не исключает того, что успех партии в отдельных округах неудовлетворителен. Это относится, в первую очередь, к Восточной Пруссии и Силезии. Правда, в Восточной Пруссии за коммунистов, вместо 95.000, подано было 125.000 голосов, но, так как в то же время СПГ потеряла 46.000 голосов, то, оказывается, что мы поглотили не все голоса, утраченные социал-демократией, не говоря уже о том, что мы не получили голосов молодых избирателей и тех, кто раньше голосовал за буржуазные партии, явно, как и часть социал-демократических голосов, которые достались фашистам. Также обстоит и в Силезии. Эти дефекты, очевидно, являются результатом некоторых колебаний сектантского характера, проявившихся в этих округах во всей партийной практике и особенно в связи с делом Меркера.

* * *

Перейдем теперь к значению большого прироста голосов национал-социалистов. Можно ли приравнить этот необыкновенно большой в числовом значении прирост голосов к избирательной победе КПГ? Как-раз наоборот. Ведь фактически успех национал-социалистов есть лишь некоторого рода перегруппировка сил в буржуазном лагере. Национал-социалисты получили много голосов германских националистов, германской народной партии, большую часть голосов тех, кто раньше не участвовал в выборах, и т. д. Их нынешняя роль в парламентском отношении сходна с прежней ролью германских националистов: они стали сильнейшей буржуазной партией.

В обстановке кризиса, разложения буржуазного общества, массовой нищеты и юнговского рабства все более и более широкие слои трудящихся попадают в противоречие с капиталистическим строем и тем самым со всеми теми партиями, явно-капиталистический характер которых этими трудящимися уже осознан. Этим об'ясняется и их отход от лагеря старых буржуазных партий. Чтобы не допустить перехода этих масс в лагерь коммунизма, в лагерь пролетарской революции, буржуазия выбрасывает свою последнюю карту: национал-социалистическую партию с ее бессовестной национальной и социальной демагогией. Ей поручается еще раз перехватить массы на пути и снова впрячь их в колесницу капитализма. Такова функция гитлеровской партии на службе у капитала. И выборы 14 сентября показали, что национал-социалистическая партия изо всех сил старается разрешить эту задачу.

С другой стороны, ясно, что эта последняя карта буржуазии — вместе с тем и опасная карта. Полный противоречий социальный состав НСГРП и ее последователей, пестрый конгломерат разнообразнейших элементов среднего сословия и сельского населения, учащихся и служащих, к которым присоединяются и некоторые отсталые рабочие слои,— все это с самого начала вносит зародыш разложения в эту партию. Разумеется, такие симптомы разложения, которые часто и ярко проявлялись в партии Гитлера и на ее периферии еще до выборов, после них будут вновь выявляться с значительно большей силой по мере того, как приближение НСГРП к министерским портфелям будет — как это указывает цитированный нами орган итальянских фашистов «Мессаджеро» — заставлять ее умерять свою агитацию. Разумеется, при этом все будет зависеть от активности и боеспособности коммунистической партии в борьбе против фашизма.

Какие имеются налицо возможности для политической, идеологической и вооруженной массовой борьбы КПГ против национал-социалистов, показывает результат выборов в Берлине. Здесь национал-социалисты получили сравнительно менее благоприятные результаты, чем в остальной Германии. Причина этого ясна. В Берлине, где находится Центральный Комитет партии, важные решения Политбюро о борьбе против фашизма, подтвержденные в дальнейшим пленумом Центрального Комитета, скорее претворялись в жизнь партией и скорее доводились до низовых организаций, нежели в других округах. Само собой разумеется, что при аналогичном проведении решений Политбюро во всей Германии,— при их своевременном проведении, без потери темпа, можно было бы значительно умерить прирост фашистских голосов и в других округах. Во всяком случае, берлинский пример показывает, какие возможности открывает перед партией ее правильная политика.

Пред лицом избирательного успеха национал-социалистов, какой теперь имеется налицо, КПГ должна бороться в массах — а, где нужно, и в своих собственных рядах — с двумя тенденциями: во-первых, с возможностью возникновения панических настроений, переоценки успеха фашистов, наблюдаемой особенно у социал-демократических рабочих, и, во-вторых, с недооценкой фашистской опасности, могущей вызвать недостаточную боевую установку по отношению к фашизму. Здесь тоже СПГ пытается пробудить у рабочих чрезвычайно опасные настроения, выдвигая такую перспективу: пусть-де национал-социалисты похозяйничают, изживут себя и СПГ снова придет к власти. Против такой усыпляющей пропаганды социал-демократических приспешников фашизма КПГ ведет самую решительную борьбу.

Однако, избирательная победа национал-социалистов опровергает и некоторые настроения, наблюдавшиеся в партии у единичных товарищей, по мнению которых партия слишком сильно заострила свою борьбу против национал-социалистов, благодаря чему была ослаблена наша борьба против СПГ. Верно как-раз обратное. Именно показав, что нашим главным врагом является капитализм и буржуазия, и именно нашей борьбою против фашизма, мы вскрыли перед массами тот факт, что коммунистическая партия есть единственная антикапиталистическая и антифашистская партия, под руководством которой они должны влиться в боевой фронт против капитала и фашизма. Антифашистская борьба коммунистов одновременно является решающим рычагом для установления пролетарского единого фронта с социал-демократическими рабочими и для их высвобождения из-под влияния социал-фашизма. Наша борьба против социал-фашизма не заключается и не должна заключаться только в обилии агитационных атак на социал-демократию, а, в первую очередь, в совокупности нашей революционной антикапиталистической и антифашистской политики.

* * *

Важным и даже наиболее острым оружием в нашей борьбе против фашистов была освободительная программа КПГ. Как-раз решающий политический успех, которого партия достигла этой «программной декларацией Центрального Комитета о национальной и социальной освободительной борьбе германского народа», еще раз подчеркивает тот факт, который был уже зафиксирован на последних пленарных заседаниях ЦК КПГ, а именно, что потеря темпа, понесенная партией в борьбе против плана Юнга в прошлом, излишне замедлила развитие коммунизма в Германии. Не будь этой потери темпа, партия сейчас гораздо легче разоблачила бы демагогию национал-социалистов.

Однако, освободительная программа КПГ имела решающее значение для победы коммунистов на выборах не только в нашей борьбе против национал-социалистов, но и во всех отношениях. Тут партия в сжатой популярной форме показала массам выход из угрожающей катастрофы, связанной с банкротством капитализма. Она доказала, что только коммунизм может принести спасение от массовой нищеты и юнговского рабства. Она убедительно внедрила в сознание миллионных трудящихся масс необходимость пролетарской диктатуры. Освободительная программа показала путь борьбы за Советскую Германию!

Сосредоточив всю свою избирательную борьбу на освободительной программе и ее популяризации, партия, вместе с тем, более чем при каких бы то ни было прежних выборах в парламент, подняла избирательную агитацию и пропаганду на уровень четкого и принципиального показа нашего революционного пути без малейших уступок парламентским иллюзиям.

Это принципиальное проведение избирательной борьбы с ясным выпячиванием конечных целей коммунистической партии, пролетарской диктатуры, всецело соответствовало требованиям той исторической обстановки, в которой партия вступила в избирательную борьбу Экономический и политический кризис капиталистической системы, колоссальное идейно-политическое разложение общества, полевение масс, не ограничивающееся рамками одного только рабочего класса, а заходящее глубоко в гущу мелкобуржуазных слоев, серьезное обострение классовых противоречий,—вся эта ситуация требовала революционного усиления нашей агитации и пропаганды, с отважным наступательным духом и бурным под'емом.

Освободительная программа КПГ, как центр всей агитации и пропаганды, соответствовала этой необходимости. Ясно, что такая программа национального и социального освобождения пред лицом глубокого ожесточения широчайших масс по поводу двойной кабалы— у грабительских империалистических держав и у германской буржуазии—после 14 сентября должна особенно сделаться знаменем, мобилизующим всех трудящихся на революционную классовую борьбу!

Исход выборов в Германии недвусмысленно подкрепил тот прогноз относительно исторического развития, который был сделан КПГ и Коминтерном в момент баррикадных боев в мае в 1929 г. Баррикадные бои в Веддинге и Нейкельне действительно сигнализировали исторический поворотный момент под знаком приближающегося революционного под'ема. Сейчас благодаря развитию событий в Германии совершенно разбиты все те, кто сомневался в правильности перспектив Коминтерна и разводнял их. 4,6 млн. коммунистических голосов, победа КПГ над реформизмом в борьбе за пролетарское большинство — таково отчетливое отражение революционного под'ема. С другой стороны, распад старых буржуазных партий и их поглощение национал-социалистами тоже свидетельствует только о кризисе капиталистического строя. Во-первых, те массы, которые в отчаянии и ожесточении дали гитлеровской партии увлечь себя лживыми фразами, уже находятся в состоянии такого брожения и возмущения против капиталистического строя, что рано или поздно они осознают также и лицемерную роль национал-социализма. С другой стороны,—если силы борющихся классов все отчетливее и недвусмысленнее концентрируются на обеих сторонах фронта: здесь, в лагере рабочего класса—на почве освободительной программы коммунистической партии, там, в лагере буржуазии—под руководством откровенного фашизма, крайней контрреволюции,—то и это опять-таки лишь соответствует общему обострению классовых противоречий.

Сама обанкротившаяся буржуазия, которой уже не помогают ее прежние методы господства—буржуазная демократия и парламентаризм—фашизацией государственного аппарата и ее прогрессирующим сближением с нац.-социалистами и германскими националистами все яснее, все недвусмысленнее ставит великий решающий вопрос: фашизм или коммунизм!

Фронт 4,6 млн., высказавшийся в пользу коммунизма, теперь, после избирательной победы 14 сентября должен будет мобилизовать и мобилизует вне парламента новые сотни тысяч и миллионы бойцов против фашизма, против капиталистического строя, против юнговского грабежа. 4,6 млн. голосов в пользу КПГ—это означает новую, бо́льшую, более серьезную ответственность, бо́льшие обязанности партии по отношению к массам. Защищая жизненные интересы миллионов трудящихся города и деревни, германская партия должна как-раз в силу своей блестящей победы на выборах с удесятеренным напряжением всех своих сил делать решительные шаги к развязыванию революционной массовой борьбы.

* * *

Справится ли КПГ с требованиями, пред'являемыми к ней ростом реакции, ростом фашизма, на какую бы правительственную комбинацию ни пошла буржуазия? Одна из первых задач, которую партия должна поставить себе при анализе уроков избирательной борьбы, всей нашей революционной массовой работы—это осуществление подлинной большевистской самокритики. Партия со всей резкостью критикует дефекты и недочеты, проявившиеся в этой избирательной борьбе. Сюда особенно относится запоздалое развертывание массовой агитации и революционной избирательной работы на предприятиях.

Только так, только при помощи откровенной самокритики можно будет развязать в партии и в массах те творческие силы, которые так необходимы для заполнения всех брешей, для обновления пролетарских кадров и для повышения боеспособности партии.

В отличие от социал-демократов и фашистов мы не располагали миллионными суммами из карманов предпринимателей и из профсоюзных касс для этой избирательной борьбы. В отличие от других партий мы не имели в своем распоряжении радио, самолетов и тысяч газет. Мы нищими пошли в избирательную борьбу и свою агитацию финансировали за счет добровольных пожертвований рабочих, за счет рабочих грошей. Наши красные помощники в избирательной кампании, наши красные фронтовики, комсомольцы, красные спортсмены и все революционные массовые организации помогли нам одержать победу.

Однако, как-раз победа на выборах показывает партии огромную диспропорцию между ее выросшим политическим влиянием, распространившимся в огромных размерах и продолжающим с каждым днем все больше распространяться, и недостаточным организационным закреплением этого влияния. Тут нужно как можно скорее притти на помощь. Партия должна везде и во всех областях принять те меры, которые дадут ей возможность превратить ее политическое влияние, избирательную победу 4,6 миллионов, во внепарламентские боевые выступления. Строительство производственных ячеек и увеличение их численности, усиление товарищеского и коллективного духа в производственных ячейках,—это один из первых и важнейших шагов.

Одной из наших центральных задач является теперь также расширение революционной профсоюзной оппозиции и повышение ее политического уровня при помощи новых методов, соответственно назревающей новой ситуации. В профсоюзном вопросе партия готовится предпринять решающий поворот. Мы должны политически и организационно теснее сомкнуть ряды революционной профсоюзной оппозиции. В соответствии с решениями V конгресса Профинтерна, для лучшего охвата организованных и неорганизованных в рядах профсоюзной революционной оппозиции будут выпущены членские книжки.

С практическим проведением тарифных и экономических боев пролетариата мы должны сочетать пропаганду, подготовку и развязывание политической массовой стачки против фашистских нападений и государственно-капиталистической реакции. Третий шаг—это вербовка членов в партию и подписчиков на нашу прессу и выработка таких методов во внутренней жизни партии, при помощи которых можно будет закрепить завербованных рабочих и преодолеть текучесть в партии.

Усиление работы среди безработных, в рядах мелкой буржуазии города и деревни, среди многочисленных служащих, среди работниц и жен рабочих и особенно в рядах пролетарской молодежи,—это четвертая проблема германской компартии.

Пятая задача—это еще более энергичное, еще более широкое и решительное применение тактики пролетарского единого фронта снизу для завоевания социал-демократических и христианских рабочих. В полном сознании победы нашей партии мы ни на минуту не забываем, что социал-демократия, невзирая на свое поражение, все же получила миллионы рабочих голосов. Эти массы ни в коем случае нельзя отдавать предательскому социал-фашизму. Мы должны внушить этим рабочим массам, ищущим действительного руководства борьбой против фашизма, твердую уверенность, что коммунистическая партия является единственной антифашистской силой, победоносным организатором борьбы против фашистских убийц и угрожающей фашистской диктатуры. Тысячи красных помощников на выборах должны стать основным ядром широкой беспартийной пролетарской массовой организации, боевого союза против фашизма, широко открывающего двери всем беспартийным, социал-демократическим и христианским рабочим, готовым вместе с нами разгромить фашизм.

С этими проблемами связана и шестая наша задача—безусловная необходимость с удесятеренной энергией популяризировать и закрепить в трудящихся массах нашу освободительную программу в ее отдельных пунктах.

Таковы, в общих чертах, важнейшие задачи, вытекающие для партии из уроков победы 14 сентября. Если КПГ справится с этими задачами и, таким образом, изживет все слабые места в своей революционной массовой работе, она сможет выполнить свой великий исторический долг, как вождя пролетариата и всех трудящихся в грядущих тяжких боях.

Острее, чем когда-либо, стоят боевые вопросы перед трудящимися Германии. Грабительский план Юнга с каждым месяцем, с каждой неделей все тяжелее и невыносимее тяготеет над германскими трудящимися. Будет ли буржуазия править при помощи национал-социализма, привлечет ли она временно еще раз социал-демократию к открытому сотрудничеству в правительстве, поставит ли она у власти реакционное правительство меньшинства, вроде того, которое возглавляет Брюнинг при все большем отстранении парламента, так или иначе, ее политику будут определять усугубление реакции, усугубление посягательства на жизнь и экономический уровень трудящихся, все большее ограбление и порабощение масс.

Только революционной массовой борьбой, экономической борьбой за зарплату и хлеб, повышаемой до уровня политических массовых стачек против фашистских диктаторских мероприятий финансового капитала и его лакеев, рабочий класс Германии может достойно ответить на атаки капиталистических угнетателей. Германские коммунисты будут стараться всеми силами и во всех областях развязывать и обострять эту революционную массовую борьбу. Мы развертываем штурмовое знамя коммунизма и несем его перед массами. Мы вколачиваем в сознание германских рабочих, как воодушевляющий и увлекающий пример, уроки, которые преподает всему мировому пролетариату героическое дело социалистического строительства в Советском Союзе. Мы разжигаем огонь революционного энтузиазма, освещающий единственный выход из нужды, нищеты и рабства: за Советскую Германию!

Таков наш путь. Братски спаянная коммунистическая партия Германии под руководством Коммунистического Интернационала пойдет во главе масс и выкует боевой фронт, который опрокинет капиталистический строй, уничтожит фашизм, ликвидирует социал-демократию и обеспечит победу пролетарской революции, победу освободительной борьбы.

Н. Березин.

К решающим боям за пятилетку в 4 года.

Заканчивается второй год пятилетки, год упорной борьбы за темпы индустриализации, год напряженной работы по социалистической переделке сельского хозяйства. Каковы общие итоги этого года? Полных данных, оценивающих рост промышленной продукции, сейчас привести нельзя, ибо нет еще итогов сентября, в котором промышленная кривая после летних провалов вновь пошла вверх. За 11 месяцев промышленная продукция возросла свыше, чем на 25%. Это ниже плановых директив, но является рекордным темпом развития промышленности. В особенности быстро развивалась тяжелая индустрия, дав за год около 40% роста. Это первое и основное, что необходимо отметить, когда мы говорим об итогах второго года пятилетки. Несмотря на значительное недовыполнение плана 1929—30 г., мы все же имеем значительное перевыполнение темпа развертывания промышленности по сравнению с тем, что намечалось оптимальным вариантом пятилетнего плана. Это перевыполнение достигнуто за счет ускоренного развития решающей части промышленности — тяжелой индустрии. То же самое мы имеем и в области капитального строительства, несмотря на значительное недовыполнение планового задания текущего года, оптимальный вариант пятилетки превышен примерно на 15% (в ценах соотв. года), а по группе «А» свыше чем на 20%. Эти цифры дают преуменьшенную картину перевыполнения плана строительства. Они характеризуют только чисто количественное перевыполнение и не отражают того обстоятельства, что мы строим иные, более крупные об'екты, чем это предусматривалось пятилетним планом, эффективность которых несравненно более высокая. И, наконец, нужно отметить, что обновление основных фондов нашей промышленности в текущем году достигло свыше 50%.

Таковы основные цифры, характеризующие развитие производительных сил основной, ведущей части нашего хозяйства — социалистической промышленности. К этому нужно добавить те громадные технические сдвиги, которые принес с собой истекший год. Новые крупнейшие в мире заводы, производство новых машин, подготовка к постановке производства еще более мощных машин в будущем году, — все это является конкретным проявлением начала подлинной технической революции промышленности нашего Союза.

Вместе с тем колоссально возрастает значение социалистической промышленности, как ведущего начала во всей экономике СССР. Это, прежде всего, находит выражение в том, что в области промышленного производства вопрос «кто-кого» снят. Это находит свое выражение и в изменении удельного веса промышленности в народном хозяйстве страны как по продукции, так и по основным фондам. Проиллюстрируем это некоторыми цифрами. В 1927—28 г. доля цензовой промышлености в общем доходе страны равнялась 27,5%, а в 1929—30 г. по плану—32,4%, в то время как доля сельского хозяйства упала с 35,1% до 27,2%. Доля планируемой промышленности в основных фондах возросла с 10,4% до 15,4%.

Возрастание значения ведущей роли промышленности находит свое выражение также в гигантском развитии сельскохозяйственного машиностроения и тракторостроения, что определяет силу непосредственного воздействия промышленности на развитие сельского хозяйства, закрепляет победу социалистической тенденции в нем. В тесной связи с гигантским ростом социалистической промышленности находится перевыполнение плановых наметок пятилетки в части коллективизации и совхозного строительства. Пятилетний план рассчитывал, что мы будем иметь в результате второго года 11,7 проц. коллективизированных хозяйств. В настоящее время этот процент еще до осени текущего года, когда начался новый под'ем, составлял свыше 22. Пятилетка намечала долю обобществленного сектора в с.-х. продукции для 1932—33 г. в 25,3%, а в настоящее время уже около 40% так называемой товарной продукции полеводства сосредоточено в руках колхозов и совхозов.

Другими словами: *на решающих участках нашей экономики социалистический сектор занимает господствующие позиции.* Этим и определяется экономическая характеристика переживаемого периода. «Мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту, — говорит Сталин в заключительном слове по отчету ЦК на XVI партийном с'езде, — ясно, что мы вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Характеристика переживаемого этапа имеет громадное значение для определения предстоящих хозяйственных задач, а следовательно, и темпов нашего дальнейшего развития. Для ответа на эти вопросы явно недостаточно одной характеристики уровня развития производительных сил. Сравнивая темпы нашего развития с развитием капиталистических стран, мы всегда указывали, что здесь проявляются преимущества нашей формы хозяйства, преимущества планового начала и обобществления командных высот. Сейчас с ростом обобществленного сектора, гигантским увеличением его роли во всей экономике страны эти преимущества также колоссально возрастают.

Эти преимущества выражаются, прежде всего, в увеличении роли планового начала, при чем дело идет не только о количественных изменениях (большая сфера непосредственного планового воздействия), но и качественных. Само расширение сферы непосредственного планового воздействия приводит к громадным качественным сдвигам. Прежде, когда удельный вес обобществленного сектора в сельскохозяйственном производстве был ничтожен, это ограничивающе действовало на всю систему плана. А теперь, когда мы получили возможность определять в основном как размеры с.-х. производства, так и размеры заготовок, положение радикально меняется. Это-то и позволило нам перенести начало хозяйственного года, как того требуют условия реконструктивного периода, позволило строить годовой план применительно к основе реконструкции—строительству.

Одновременно идет укрепление планового начала путем доведения плановых заданий до цехов, до рабочего места, что означает втягивание в непосредственную плановую работу широких рабочих масс. В результате — выдвинутая инициативой рабочих ряда заводов новая форма активности рабочего класса — встречный промфинплан.

> «Встречный промфинплан приобретает особое значение, как метод действительного вовлечения рабочих в дело социалистического строительства и как важнейшее средство борьбы с контрреволюционным вредительством» (Обращение ЦК от 3 сентября).

Усиление планового начала, благодаря увеличению удельного веса обобществленного сектора и изменению его роли во всей экономике страны, в то же время означает дальнейшее развитие самого обобществленного сектора, как сектора социалистического. За прошлый год мы должны отметить два важнейших момента, характеризующих изменения в отношениях внутри самого социалистического сектора. Мы говорим о реорганизации системы управления промышленности, когда вместо разделения так называемых коммерческих и планово-регулирующих функций—что соответствовало восстановительному периоду—мы производим об'единение этих частей работы (упразднение главков, из'ятие коммерческих функций у трестов, создание об'единений на базе синдикатов). Это стало возможным, во-первых, потому, что т. наз. коммерческая деятельность внутри обобществленного сектора все более превращается в прямое распределение. Во-вторых,—кредитная реформа, приведшая к упразднению коммерческого кредита и превращению кредитной системы (системы Госбанка) в средство социалистического учета. Этот процесс мог быть отмечен и в целом ряде других моментов (полная ликвидация товарных бирж, реформа налоговой системы и таможенных сборов).

Следовательно, вывод, который мы должны сделать, это то, что колоссально возросло значение социалистического сектора, а следовательно, гигантски возросли и преимущества планового хозяйства. Но, бесспорно, преимущества нашей системы не могут реализоваться стихийно, «самотеком». Отсюда задача — в максимальной степени активно использовать эти преимущества, в максимальной степени овладеть этими положительными изменениями хозяйственой обстановки, использовать их для дальнейшего ускорения социалистического строительства, отсюда все значение организации борьбы за высокие темпы хозяйственного развития.

Значение организации борьбы за наиболее полное использование преимуществ нашей хозяйственной системы особенно велико, вследствие того обострения классовой борьбы, которым неизбежно сопровождается строительство социализма на данном этапе. Было бы наивным и вредным изображать дело так, что раз растет и укрепляется социалистический сектор, падает значение частнохозяйственного сектора и суживается база, питающая капиталистические тенденции развития, то тем самым смягчается классовая борьба. Сейчас развитие социалистического сектора означает обострение классовой борьбы на всех ее участках. Классовая борьба в современных условиях не только не затухает, но принимает новые формы, приводя к созданию политических антисоветских организаций. Строительство социализма вызывает отчаянное сопротивление кулачества, которое, конечно, не хочет ни «самоликвидироваться», т.-е. врастать в социализм, и не хочет быть ликвидированным. Сбитый с одних позиций, кулак пытается дать бой на других, пытается затормозить социалистическую переделку деревни, разложить новые колхозы. Социалистическое наступление означает и усиление классовой борьбы в городе, наиболее яркой формой которой является вредительство Именно вредительство является той силой, которая, помимо непосредственно вредительских актов, препятствует всестороннему использованию преимуществ обобществленного производства и, наоборот, использует всемерно слабость наших хозяйственных кадров. Ведь не секрет, что отдельные хозяйственники шли на поводу у вредителей.

Наряду с этим нужно иметь в виду сплочение антисоветских сил, происходящее за последнее время, как ответ классового врага на развитие социалистического наступления. Мы видим не только разработку программных и тактических вопросов и оформление платформы капиталистической реставраций, но и попытки развернуть работу по вербовке кадров, их сплочению. Обострение классовой борьбы, активность классового врага и является силой, увеличивающей наши хозяйственные затруднения. Всякие оппортунистические теории о смягчении классовой борьбы только играют на руку классовому врагу, мешают развертывать социалистическое наступление; они отражают собой влияние классового врага на наименее устойчивые элементы внутри самой нашей партии. Наиболее ярко проявилось это в позиции правого уклона. Оценка хозяйственного положения правыми оппортунистами во многом совпадала с оценкой, даваемой группой Кондратьева. Вспомним статью кондратьевца Вайнштейна в «Вестнике кон'юнктурного института» и «Заметки экономиста» тов. Н. И. Бухарина. Последние материалы об антисоветских группах еще более ярко рисуют тот идеологический плен, в котором оказываются отдельные партийные товарищи.

Отсюда наша задача лучше, еще решительнее организовать борьбу за максимальное использование преимуществ нашего строя, за высокие темпы социалистического строительства. Необходимо окончательное преодоление влияния классового врага внутри партии, необходима решительная борьба со всеми видами оппортунизма.

Значение борьбы с оппортунизмом на данном этапе характеризуется тем, что наступает решающий год пятилетки, год, в котором предстоят главные бои за ее выполнение в четыре года, в котором мы должны достигнуть решающих успехов в деле преодоления хозяйственных трудностей.

Как известно, основой трудностей является наша хозяйственная отсталость, которую нам приходится преодолевать колоссальным напряжением всех сил страны. Как говорил XVI партийный с'езд,

> «эти трудности вытекают из того, что нам нужно коренным образом перестроить промышленность и сельское хозяйство, изменив их техническую базу и вооружив современной техникой».

Эти трудности обостряются в силу классовой борьбы. Единственным методом их преодоления является дальнейшее развитие социалистического наступления и, в первую очередь, мобилизация всех производственных возможностей для скорейшей индустриализации страны, ибо только на базе развертывания индустриализации мы можем преодолеть нашу отсталость. Вспомним, что говорит по этому поводу XVI с'езд партии в резолюции по политотчету Центрального Комитета:

> «Основными условиями успешного и скорейшего преодоления этих трудностей является ускорение темпов социалистического строительства и развернутое наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Всякое ослабление этих темпов в угоду капиталистически-кулацким элементам и ослабление наступления против них означало бы на деле не смягчение трудностей, а их усугубление, усиление позиций классовых врагов пролетарской диктатуры».

Об этом особо необходимо вспомнить сейчас, когда недовыполнение плана за второй год пятилетки в важнейших отраслях промышленности создало нам добавочные затруднения. Как уже сейчас вырисовывается, по черной металлургии, недостает около 500 тыс. тонн чугуна; примерно на 10% (возможно, в связи с сентябрьским под'емом, несколько меньше) не будет выполнена производственная программа угольной промышленности. Из-за недостатка сырья резко недовыполнили план ряд отраслей легкой индустрии (хлопчатобумажная, табачная и др.), в силу чего обострились вопросы снабжения. К этому нужно добавить увеличивающуюся текучесть рабочей силы, вызванную, главным образом, тем, что в промышленность из деревни были вовлечены новые тысячи новых рабочих, подверженные мелкобуржуазным шатаниям. Прекрасный урожай вызвал большой отлив рабочих в деревню, в результате чего резко обострилось положение с рабочей силой в ряде отраслей промышленности (в особенности в Донбассе).

Эти трудности в основном явились следствием неумения наших хозяйственных и партийных организаций возглавить великий трудовой под'ем основного костяка рабочих, неумения быстро перестроиться в соответствии с изменившимися хозяйственными условиями, в частности — в связи с такими величайшей важности моментами, как полное исчерпание безработицы, хороший урожай (отвлекший в деревню большую часть рабочих) и др.

Преодоление этих новых затруднений возможно только тем же путем, путем мобилизации всех сил партии и рабочего класса на дальнейшее развертывание индустриализации и на ее базе совхозного и колхозного строительства, максимально форсированное развитие «расшивки» так называемых «узких мест» нашего хозяйства.

Сейчас перед новым высоким под'емом нужна максимальная мобилизация сил партии для того, чтобы сделать новые крупные шаги в деле социалистического строительства, необходима еще более бдительная и активная борьба против оппортунистических колебаний, особенно против правого оппортунизма.

Правда, сейчас редко кто-либо решается открыто требовать снижения темпов. Но зато нередко выдвигаются рецепты, которые по своему существу привели бы к замедлению темпов нашего хозяйственного развития. К числу таких рецептов относится требование повышения цен для сбалансирования соотношения спроса и предложения по продуктам и предметам широкого потребления. Эти предложения вытекают из перенесения законов стихийного товарного хозяйства на наше переходное хозяйство. Здесь налицо переоценка значения рынка в наших условиях. Подобная позиция свойственна идеологам капиталистической реставрации, которые не хотят и не могут понять, что экономические законы, действующие в условиях стихийного товарного хозяйства, решительно видоизменяются в условиях планового хозяйства.

Складывающиеся на рынке соотношения непосредственно влияют на ход товарного производства, ибо оно является стихийным. Развитие производства в наших условиях подчинено плановому началу. Поэтому при разрешении вопроса о преодолении стоящих на пути затруднений мы должны, в первую очередь, развернуть борьбу и принимать ряд мер непосредственно по линии производства. Проведение предложения о повышении цен означало бы срыв всей предшествующей политики партии в этой области. Оно неизбежно повлекло бы за собой повышение цен на с.-х. продукты, чрезвычайно отразилось бы на реальной заработной плате, крайне осложнило бы борьбу за низкую себестоимость и повело бы к расстройству денежной системы.

Мы должны стремиться не к внешнему «сбалансированию спроса и предложения» путем повышения цен, а к максимально возможному развертыванию производства.

Вместе с тем нужно признать вредным противоположное течение, изображающее дело таким образом, что в наших условиях вопрос о необходимости устойчивой денежной системы сдан в архив. По существу, это перепевы старых троцкистских песен о широком использовании эмиссии, как средства накопления, также неизбежно приводящие к повышению цен. Здесь налицо непонимание того, что у нас не закончился еще процесс переделки деревни, недооценка того положения, что еще значительная часть крестьянства осталась в качестве мелких и мельчайших товаропроизводителей. Бесспорно, что нарушение устойчивости денежной системы создало бы нам громадные трудности, усилило бы позиции кулака, грозило бы срывом всей системы плана.

Задачи, стоящие перед нами в последние два года четырехлетия, в которое должна быть выполнена пятилетка, огромны.

В первые два года только еще приводились в движение новые резервы. Повышенные темпы этих двух лет, успехи в области индустриализации страны и социалистической переделки сельского хозяйства доказали реальность задачи выполнения пятилетнего плана в четыре года.

Анализируя выполнение планов пятилетки за истекший период, мы можем отметить особые пункты, на которых теперь нужно сосредоточить все силы Здесь, в первую очередь, встает проблема металла, как основы индустриализации. Нужно прямо сказать: металлургия в своем развитии отстает от машиностроения, от тех требований, которые ей пред'являет транспорт, реконструкция которого сейчас является одним из боевых вопросов порядка дня. Отсюда задача — добиться производства 17 млн. тонн чугуна к концу пятилетки. Рядом с металлургией идет уголь. Нужно признаться, что вредителям удалось кое-что сделать по части торможения развития угольной промышлености. Наши хозяйственные организации не сумели парализовать полностью вредительской работы, не сумели по-настоящему организовать борьбу за высокие производственные задания. В результате — невыполнение производственной программы второго года, что чрезвычайно обострило положение с топливным балансом страны. Топливный участок сейчас один из наиболее угрожаемых участков. Поэтому сейчас мы обязаны сконцентрировать на нем внимание всей советской общественности и, в первую очередь, на работе основного угольного бассейна — Донецкого. Проходкой новых шахт страна должна интересоваться в той же мере, как и строительством металлургических гигантов. Наряду с тем нужно добиться максимального увеличения производительности существующих шахт путем форсирования механизации добычи и максимального использования механизмов. Донбасс должен быть механизирован.

Вместе с тем достигнутые успехи в области развития тяжелой индустрии позволяют нам поставить во всю ширь задачу форсирования развития легкой промышленности. Это сейчас тем более необходимо, что гигантский рост строительства, бурное развитие промышленности означают вовлечение новых миллионов в производство, что растут потребности как рабочих, так и коллективизирующейся деревни. Поэтому партия и ставит сейчас задачу добиться максимального развертывания легкой индустрии с тем, чтобы покрыть отставание, имевшее место в первые два года пятилетки. Но было бы ошибочным представлять, что центр тяжести переносится на легкую промышленность. Легкую промышленность мы можем и будем развивать на основе дальнейшего форсирования развития тяжелой промышленности.

Все эти задачи по линии промышленности в значительной степени нужно решать уже на третьем году пятилетки. Сейчас начало нового хозяйственного года перенесено на 1 января. Мы уже говорили, что это обусловлено потребностями реконструктивного периода. Но это отнюдь не означает удлинения ни истекшего, ни будущего года пятилетки. Квартал октябрь—декабрь 1930 года будет иметь свои самостоятельные задачи. Он должен дать не ниже как те темпы развития, которые ранее намечались на октябрь 1930 г. — октябрь 1931 хозяйственного года, т.-е. должен значительно превысить план предыдущего квартала июль—сентябрь 1930 года. К тому же предприятия, не выполнивщие производственных заданий во втором году пятилетки, должны в этот квартал покрыть свой долг. Таким образом, высокие темпы квартала октябрь—-декабрь 1930 г. должны обеспечить успешный переход к еще более крутому под'ему в 1931 г. Третий год — 1931— должен дать еще более высокие темпы, чем это намечалось для 1930—31 хозяйственного года.

Намеченные темпы роста промышленности огромны. Но они диктуются всей международной и внутренней обстановкой. Только на основе их выполнения сможем мы парализовать попытки экономической блокады, которую пытается вести и в известной мере ведет лагерь империалистов.

Эти темпы необходимы для завершения дела сплошной коллективизации деревни и ликвидации на этой основе кулачества как класса.

Только на основе индустриализации сумеем мы разрешить и затруднения в области снабжения. Ведь решение животноводческой проблемы и проблемы технических культур, как показал опыт борьбы за хлеб, возможно только путем форсирования совхозного и колхозного строительства, основной базой которого является быстро растущая индустрия.

Есть ли у нас возможности для освоения этих высоких темпов? На этот вопрос отвечает, прежде всего, то, что мы говорили о колоссальном возрастании преимущества планового хозяйства; нужно только суметь в максимальной степени использовать их. Равным образом и в части материальных возможностей мы имели исключительно благоприятную обстановку (несмотря на крупные срывы в ряде отраслей промышленности во втором году пятилетки). Предшествующие успехи в области строительства и организации новых производств позволяют нам поставить в будущем году задачи гигантского развития машиностроения, при чем мы будем строить новые, ранее непроизводившиеся у нас машины, освобождаясь тем самым от ограничений, возникающих в силу недостаточности импорта, вызванной той полублокадой, которую применяют в отношении Советского Союза капиталистические государства.

Как известно, развитие нашей легкой промышленности сдерживалось узостью сырьевой базы. В истекшем году нам удалось не только разрешить зерновую проблему, но также и сделать значительные шаги в области развития сырьевых культур. Об этом говорят следующие цифры. Сбор хлопка возрастает примерно на 52%, сбор сахарной свеклы почти в 2½ раза больше прошлогоднего. Разрешение в основном зерновой проблемы позволяет рассчитывать, что и на остальных участках сельского хозяйства мы в ближайшем будущем достигнем еще более крупных успехов, ибо, конечно, хлебный кризис чрезвычайно тяжело отражался на всем сельском хозяйстве.

При решении вопросов о посильности намечаемых темпов нельзя забывать о том под'еме творческой инициативы, которую мы наблюдаем сейчас у широких слоев рабочего класса. Ударное движение растет и ширится, принимая все новые и новые формы. Встречный промфинплан—это новое доказательство того, что рабочий класс еще раз со всей решительностью голосует за выполнение пятилетки в четыре года. И, наконец, нельзя забывать о тех радикальных изменениях, которые произошли в деревне. Коллективизация деревни не только обеспечивает развитие сырьевой базы промышленности, но по-новому ставит вопрос об участии крестьянства в хозяйственном строительстве. Пример Криворожья, когда колхозники организованно пришли на помощь шахтам в момент нехватки рабочей силы,—наглядный пример того, как колхозник становится действительно прочной опорой советской власти. Эти изменения дают все основания к тому, что мы с успехом разрешим задачу вовлечения в строительство, транспорт и промышленность новых 1½ миллиона рабочих. Нужно только перестроить работу наших органов, занимающихся вопросами обеспечения народного хозяйства рабочей силой, в соответствии с изменившейся обстановкой.

Но, конечно, намечаемые темпы потребуют громадного напряжения всех сил партии и рабочего класса. Мы обязаны максимально использовать все наличные производственные возможности, ибо без этого поставленных задач не выполнишь. Поэтому мобилизация внутренних ресурсов, мобилизация скрытых производственных возможностей является сейчас важнейшим вопросом хозяйственной работы. Нужно помнить, что сам лозунг «Пятилетка

в четыре года» базируется именно на мобилизации новых резервов. О том, что эти скрытые ресурсы колоссальны, свидетельствуют ежедневно многочисленные факты. Мы до сего времени имеем еще чрезвычайно низкий коэффициент сменности, в результате чего немногим более чем наполовину используется наличное оборудование металлообрабатывающей промышленности. Оборудование нашей металлургии, в ряде случаев не уступающее западно-европейскому, далеко отстает от Западной Европы в части технических показателей. До сего времени крайне плохо используются механизмы в угольной промышленности. Здесь скрываются громадные резервы, которые даже теперь могли бы покрыть текучесть рабочей силы. Нами еще очень мало сделано в области рационализации использования сырья и топлива, что приобретает особое значение в связи с колоссальным ростом потребностей в металле, топливе, хлопке и т. д. Необходимо со всей остротой поставить вопрос о максимальной экономии в производстве. Эта задача идет наравне с задачей форсирования производства. Достаточно сказать, что, развернув в должной мере работу по экономии металла, мы смогли бы получить добавочно около миллиона тонн.

Борьба за план в будущем квартале и в будущем 1931 году будет не менее, если не более, напряженной по сравнению со вторым годом пятилетки. Самым слабым участком выполнения плана второго года являлись качественные показатели. Невыполнение плана в этой области (6 — 7 %, вместо 11, по промышленности и 3—5%, вместо 12, по строительству), означает, что для дела индустриализации теряется около миллиарда рублей. При дальнейшем возрастании промышленного производства и строительства значение снижения себестоимости еще больше возрастет. Без выполнения качественных показателей не может быть выполнения плана. Поэтому нам необходимо немедленно всю борьбу за план производства и строительства повернуть лицом к качественным показателям, вести на основе борьбы за качественные показатели. Борясь за выполнение заданий по поднятию производительности труда и снижению себестоимости, мы добьемся и точного выполнения заданий по количеству продукции. Базируя борьбу за план на вопросах качественных показателей, мы тем самым подымем эту борьбу на более высокую ступень, заставим хозяйственные организации перестраивать работу, ибо в качественных показателях находят свое отражение все достоинства и недостатки нашей хозяйственной работы. Нужно теперь же поднять настоящий поход масс за снижение себестоимости, за повышение качества продукции.

Напряженные темпы требуют, чтобы мы как можно скорее ликвидировали те детские болезни, которыми страдает сейчас наш хозяйственный аппарат. Мы провели прошлой зимой большую реорганизацию системы управления промышленностью, но мы в еще очень малой степени умеем использовать преимущества новой системы, а в целом ряде случаев имеем даже ухудшение управления предприятиями в силу чрезвычайно медленного темпа реорганизации. То же относится и к банковской системе. Мы несем очень большие издержки по проведению кредитной реформы. Эти издержки вызваны тем, что банковская система плохо справилась с возложенными на нее задачами, что со стороны промышленности и центральных хозяйственных организаций и предприятий не было сделано необходимых шагов для помощи банковской сети. Эти недостатки должны быть устранены в самом недалеком будущем. Аппарат управления промышленностью должен занять действительно руководящее место в борьбе за план.

Недостатки нашей хозяйственной работы снова заставляют нас со всей остротой ставить вопросы кадров. Здесь дело не только в вузовской, школьной подготовке. Время не ждет. Мы обязаны уже сейчас решать задачу укрепления аппарата управления производством, уже сейчас нужно решительно выметать тех, кто не может руководить борьбой за высокие темпы, тех, кто является тормозом растущей активности рабочего класса. История борьбы за промфинплан богата примерами того, как приходится рабочей массе, партийным организациям преодолевать сопротивление хозяйственного аппарата, как нередко технический персонал препятствует повышению заданий. Все это требует решительного перелома в деле выдвижения рабочих. Центральный Комитет неоднократно указывал на необходимость широкого выдвижения рабочих активистов на ответственные хозяйственные посты. Но большого сдвига на местах в этой области еще нет. Нет должной большевистской смелости. Организации нередко забывают ту простую истину, что люди растут на работе. Между тем, все более ясно, что только широким вовлечением свежих сил, не боящихся трудностей, умеющих бороться за темпы, можем мы обеспечить должное руководство производством.

Приходится снова повторять, что решающим моментом для успешности борьбы за высокие темпы является то, насколько мы сумеем мобилизовать силы рабочего класса и руководить все растущей волной рабочей активности. Поэтому вопросы руководства социалистическим соревнованием играют громаднейшую роль во всей организации борьбы за план. Они должны явиться стержнем работы партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций. Всей предшествующей практикой доказано, что социалистическое соревнование является важнейшим звеном для решения всей цепи вопросов, связанных с выполнением пятилетки в четыре года. Между тем, до сих пор еще хозяйственники нередко рассматривают социалистическое соревнование, как нечто подсобное, чем должны заниматься общественные организации. Это отношение особо проявилось в связи со встречным промфинпланом. Здесь особо проявилась старая болезнь — стремление застраховать себя, не брать высоких заданий. Особо нужно отметить, что наши плановые органы до сих пор не поворачиваются лицом к встречному промфинплану — этому мощному средству по выявлению скрытых производственных ресурсов. Подобное отношение понижает активность масс, вместо того, чтобы ее мобилизовать. Здесь налицо самое неприглядное проявление аппаратного бюрократизма, который нужно сломить в кратчайший срок.

Попытки борьбы со встречным промфинпланом являются характерным проявлением правого оппортунизма на практике.

Перед партийными, профессиональными и советскими организациями, когда страна вступает в особый хозяйственный квартал, а дальше — и в новый хозяйственный год, — исключительно боевой задачей является обеспечение взятых темпов социалистического строительства. Правые оппортунисты пытаются и по-сейчас посеять неверие в возможность выполнения темпов и срывать их на практике.

Поэтому самая энергичная борьба со всякого рода проявлениями оппортунизма, в особенности правого оппортунизма, встречающимися в самых разных формах в работе партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, борьба за генеральную линию партии, борьба с пассивностью в деле практического осуществления политики партии, в этом гвоздь работы каждой партийной организации. Недостаточно голосовать за генеральную линию партии и вместе с тем не драться с присущим большевику упорством за промфинплан. Недостаточно голосовать за высокие темпы индустриализации, за большие производственные задания для данного предприятия, данной отрасли промышленности и в то же время стоять спиной к социалистическому соревнованию и ударничеству, срывать решение партии о поголовном участии коммунистов и комсомольцев в ударничестве. Это есть худшее пособничество правому оппортунизму на практике. Должно быть решительно изжито такое примиренчество к проявлениям правого уклона на практике в

момент острой классовой борьбы, принимающей в высших своих звеньях на стороне классового врага характер попыток организованного контрреволюционного подрыва диктатуры пролетариата.

Только решительное преодоление оппортунизма во всех его проявлениях обеспечит нам выполнение высоких темпов социалистического строительства, обеспечит активное и сознательное участие все новых миллионов трудящихся, все более широких масс рабочих, твердо гарантирует от прорывов промфинплана, а тем самым и дает возможность выполнить грандиозные задачи предстоящего решающего года в борьбе за пятилетку.

М. Голендо.

Задачи нового сельскохозяйственного года.

Только что кончился 1929/30 хозяйственный год. До сих пор хозяйственный год совпадал с сельскохозяйственным годом. Поэтому, подводя итоги хозяйственного года, мы в то же время подводили и итоги сельскохозяйственного года. Теперь начало хозяйственного года перенесено с 1 октября на 1 января. Остающиеся три месяца до нового хозяйственного года, начинающегося с 1 января, будут итти в качестве самостоятельного квартального отрезка со своим хозяйственным и финансовым планом.

Перенесение хозяйственного года для планирования всего народного хозяйства и в особенности сельского хозяйства имеет громадное значение. В каждом наступающем хозяйственном году, совпадающем с календарным годом, мы будем жить результатами урожая двух сельскохозяйственных годов. И уже в настоящее время планирующие органы составляют хозяйственный план с января 1931 года по январь 1932 года. В этот план будет включена весенняя посевная кампания 31 года, являющаяся частью 1930/31 с.-х. года, и осенняя кампания 31 года, составляющая часть 1931/32 с.-х. года.

Для сельского хозяйства контрольные цифры народного хозяйства, составленные с октября 1930 года по октябрь 31 года, разумеется, не теряют своего значения. Они целиком охватывают сельскохозяйственный год, т.-е. связывают одним планом осеннюю кампанию 30 года и весеннюю кампанию 1931 года.

Все партийные организации должны энергично готовиться к выполнению огромных задач, стоящих перед нами в осеннюю и весеннюю сельскохозяйственную кампанию. Прежде чем перейти к изложению задач и программы 1930/31 с.-х. года, необходимо дать оценку итогам 1929/30 г., поскольку они сейчас выявились с совершенной ясностью.

Результаты 1929/30 с.-х. года в части сельского хозяйства представляют собой интерес, потому что этими результатами народное хозяйство будет жить в наступающем году. В 1928/29 г.—первом году пятилетки — мы не выполнили полностью задач, поставленных пятилетним планом перед сельским хозяйством. Посевные площади были несколько ниже запроектированных пятилетним планом; ниже оказался и прирост скота. Вот почему, в 1929/30 году—втором году пятилетки—контрольными цифрами была запроектирована такая программа развертывания производства, которая бы перекрыла недопроизводство первого года пятилетки и дала бы для второго года темпы, идущие в уровень с потребностями всего народного хозяйства. Контрольные цифры 1929/30 г. предусматривали расширение посевных площадей на 8,5%, доведение общей площади посева до 130,5 млн. га; увеличение поголовья стада крупного рогатого скота на 4,5%, лошадей на 2%.

Этот рост производства должен был опираться на программу значительного технического вооружения сельского хозяйства: увеличение мощности тракторов с 350 до 800 тыс. лош. сил, снабжение с.-х. машинами больше чем на 400 млн. рублей. Производственную программу по с. х. контрольные цифры намечали осуществить одновременно и на основе широкой социалистической реконструкции сельского хозяйства, — развертывания совхозов и развития колхозного движения. Социалистический сектор сельского хозяйства должен был, по контрольным цифрам, занять 13—14% в общем размере посевных площадей.

Подводя итоги выполнения задач, поставленных контрольными цифрами в 1929/30 г., мы можем констатироват, что эти задачи в основном выполнены, что именно в 1929/30 г. в развитии деревни СССР произошел великий исторический перелом к быстрому развитию социалистических элементов хозяйства. Это об'ясняется той гигантской работой, которая была проделана в деревне партией и рабочим классом на основе политики прочной опоры на бедноту и колхозников, союза с середняком и беспощадной борьбы с кулачеством.

В деле создания соц. земледелия мы шагнули гораздо дальше, чем это было предположено контрольными цифрами. Посевные площади под совхозами и колхозами составляют 42 млн. га против 18 млн. га, проектировавшихся контрольными цифрами. В области полеводства социалистический сектор занял очень значительное место и с избытком перекрыл товарную продукцию кулачества. На основе социалистической реконструкции в основном разрешена зерновая проблема. Если мы не имеем еще таких же успехов в области животноводства, то только потому, что к развертыванию крупной программы животноводства в социалистическом секторе мы только еще приступаем. Очевиден тот вывод, что под'ем в той или иной отрасли сельского хозяйства прямо пропорционален успехам в этой области социалистического сектора сельского хозяйства.

Общий размер посевных площадей в 1929—30 г. достиг 130,5 млн. га, т.-е. размеров, какие намечены были контрольными цифрами. Это значит, что мы имеем абсолютный размер расширения посевных площадей в 1930 г. по сравнению с 1929 больше, чем на 9 млн. га. А если учесть, что в 1930 г. мы имели значительно меньше гибели посевов, чем в 1929 г., то сбор урожая мы будем производить с площади на 12,5 млн. га больше, чем мы имели в 1929 г.

Наибольший успех достигнут в расширении посевных площадей под техническими культурами. На этом участке программа выполнена со значительным превышением: по хлопку — 1.525 т. га, против 1.370 т. га, запроектированных контрольными цифрами; по сахарной свекле — 1.141 т. га, против 962 т. га по контрольным цифрам. Почти полностью выполнен план по льну — 2.200 т. га против 2.245 т. га по контрольным цифрам. Помимо этих основных культур, в текущем году широко распространены новые культуры,—такие, как соя, площадь которой достигла 320 т. га, против 60 т. га прошлого года, кендырь и т. п. Это расширение площадей под важнейшими техническими культурами будет иметь огромное значение для роста снабжения промышленными товарами — хлопчатобумажными тканями, сахаром, льняными тканями и т. д.

Несколько недовыполнен намеченный план расширения посевных площадей под зерновыми культурами. Но так как в этом году почти не было гибели озимых зерновых культур, то увеличение площади, с которой будет собран урожай в текущем году, составляет 7 млн. га, по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, мы имеем значительный прирост урожая по сравнению с предыдущим годом,—благодаря не только хорошим метеорологическим условиям ,но и той системе мероприятий, которая была проведена в текущем году. Поэтому общий прирост валовой продукции зерновых в текущем году составит 25—26%, по сравнению с предыдущим годом. Если взять всю продукцию полеводства, то прирост ее в ценностном выражении, по отношению к предыдущему году, составит 19%.

Если мы задачу, поставленную контрольными цифрами в области полеводства, выполнили и перевыполнили, то в области животноводства мы имеем значительное недовыполнение программы. Вместо намеченного в контрольных цифрах прироста рабочего и продуктивного скота, все поголовье стада сократилось на 15—18%. Вследствие этого валовая продукция животноводства в наступающем году будет составлять лишь 82%, по сравнению с валовой продукцией 1929 года.

Основная причина лежит здесь в том, что до сих пор в области животноводства мы имеем преобладание мелкого распыленного индивидуального хозяйства. Классовый враг в лице кулачества, бешено сопротивляющийся нашему наступлению, больше всего был в состоянии навредить нам в области животноводства.

Общий прирост продукции сельского хозяйства в 1929/30 году составит 10—11%, против 2—3% прироста 1929 года, по сравнению с 1928 г.

Количественные успехи, достигнутые нами в области роста сельскохозяйственного производства, пока не сочетаются еще с высокими качественными показателями: высокий коэфициент, достигнутый в использовании тракторов и с.-х. машин в социалистическом секторе сельского хозяйства, покупается ценой слишком частой порчи этих машин. Производительность труда продолжает оставаться низкой не только в колхозах, но и в совхозах. Вопросы организации труда, трудовой дисциплины далеко еще не разрешены в социалистическом секторе сельского хозяйства. Это особенно сказалось на уборке урожая в 1930 г., когда она повсеместно затянулась, вследствие чего мы можем иметь некоторый недобор продукции или понижения ее качества от поздней уборки. Не выполнены полностью задачи, поставленные в области агрикультурных мероприятий. Зерноочистка выполнена на 60—70%, вместо 95—100%, рядовой посев—на 25—30%, вместо — 45—50% по плану, протравливание — на 50—60%, вместо—100% плана. Тем не менее и эти проценты выполнения плана являются огромным достижением, по сравнению с предыдущими годами. И если мы имеем в текущем году урожай выше среднего, то на его повышение, помимо хорошей погоды, безусловно большое воздействие оказали наши агрикультурные мероприятия, особенно в социалистическом секторе сельского хозяйства, где они были полностью проведены.

* * *

Новый сельскохозяйственный год—третий год пятилетки—решающий год на пути осуществления сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Сельскохозяйственная программа третьего года пятилетки, рассчитанная на огромное усиление социалистического сектора и дальнейшее наступлением на кулачество, будет осуществляться в условиях обостренной классовой борьбы. Мощное развертывание строительства совхозов, МТС и втягивание новых миллионов в колхозы не может не встретить ожесточенного сопротивления кулачества.

В истекающем году особенные успехи нами были достигнуты в развертывании крупного государственного хозяйства, при чем работа по строительству совхозов начата и в области технических культур и животноводства. Наступающий год должен стать годом громадного размаха строительства государственных хозяйств по всем отраслям сельского хозяйства, в частности по животноводству и техническим культурам. В наступающем году общий размер программы посева в государственных хозяйствах намечен в размере 9—10 млн. га с подготовкой почвы для посева 1932 г. в 14—15 млн. га. Крупнейшую роль в этой программе будет занимать Зернотрест, посевы которого в наступающем году намечены в размере 4,5 млн. га с подготовкой пашни для следующего года в 9 млн. га. Впервые развертывается крупное строительство хлопковых хозяйств, которые должны охватить площадь посева около 240 т. га, льняные хозяйства с охватом площади около 90—100 т. га, а также специальные рисовые, кенафные, кендырные и т. д. совхозы. Крупные животноводческие хозяйства будут располагать стадом свыше полутора десятков млн. голов, из коих 3.200.000 голов Скотовода, около 4.500.000 голов в совхозах Овцевода и около 1.100.000 в совхозах Свиновода.

Колхозное движение охватило в 1929/30 г. четверть крестьянских хозяйств. Колхозы уже показали свои огромные преимущества в весеннюю посевную кампанию 1930 года. Средний размер посева в коллективном хозяйстве превосходил размер посева в индивидуальном хозяйстве на одного работника в 1½—2 раза, а если учесть, что урожай на колхозных полях был на 15—20% выше, то отсюда ясна более повышенная доходность коллективного хозяйства. Этот повышенный размер доходности является лучшей агитацией за вовлечение в колхозы новых миллионов бедноты и середняков. Контрольные цифры на осень 1930 и весну 1931 года предусматривают охват колхозным движением около половины всех крестьянских хозяйств с диференциацией размера этого охвата по отдельным районам. По основным зерновым районам, куда входят Сев. Кавказ, Н.-Волга, левый берег Средней Волги, Степь Украины, Юго-Западная Сибирь, север Казакстана, охват намечен около 75—80%, по остальным зерновым районам — около 45—50%, по незерновым районам, а также более отсталым национальным республикам—около 20—25%. Этот количественный размах колхозного движения должен сопровождаться повышением всех качественных показателей и укреплением всей работы колхозов. Уже в 1929/30 г. средний размер колхозов по зерновым районам достигал 1.300 га на одно хозяйство, в 1930/31 г. он должен увеличиться до 3—5 т. га.

Основным стержнем колхозного движения будут являться машинно-тракторные станции, программа которых на 1930/31 г. намечена около 900 станций с общим охватом посевной площади около 20 млн. га. Машинно-тракторные станции, организовывавшиеся до сих пор преимущественно в районах зернового хозяйства, в наступающем году передвигаются в районы технических культур,—в районах хлопка строится новых 120 станций, льна—около 85 станций и сахарной свеклы—около 70 станций.

Для того, чтобы добиться осуществления этой программы развертывания социалистического сектора в сельском хозяйстве, должна быть развита огромная организационная и массовая работа, рассчитанная на мобилизацию активности и трудового под'ема самых широких бедняцко-середняцких масс. Контрольные цифры по коллективизации не могут быть проведены в жизнь без самого решительного наступления на кулачество, которое в настоящее время вновь поднимает голову и усиливает сопротивление социалистической реконструкции, не гнушаясь никакими методами; без решительного преодоления оппортунистических шатаний, которые имеют место в практике наших организаций.

В настоящее время далеко недостаточно развернута работа по массовому вовлечению в колхозы новых миллионов крестьянских хозяйств и по созданию новых колхозов. Местные организации в этом деле часто полагаются на самотек, надеются, что колхозное движение двинется дальше само собой, а иногда проявляются и прямые тенденции тормозить и откладывать новый приток в колхозы. Нет ничего вреднее этих тенденций и им должна быть об'явлена борьба, как проявлению в худшей форме оппортунизма на практике. Надо использовать оставшийся период осеннего сева, а также подготовку и проведение весеннего сева 1931 г., хлебозаготовительную работу, распределение урожая и т. д. для широкой массовой работы по вовлечению единоличников в колхозы. Надо по-настоящему взяться за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за налаживание трудовой дисциплины, за развитие методов соцсоревнования и ударничества. План коллективизации есть органическая составная часть всего годового плана контрольных цифр по сельскому хозяйству, от выполнения этого плана зависят все показатели роста производства и товарности в сельском хозяйстве.

* * *

Размах социалистической реконструкции сельского хозяйства определяет собой и необходимый размах его технического вооружения. В 1929/30 г. мощность тракторов больше, чем удвоилась, достигнув 1 миллиона лошадиных сил. В 1930/31 с.-х. году поступает в сельское хозяйство новых около 1.300 тыс. лош. сил. Таким образом, весь тракторный парк в конце 1930/31 г. с учетом аммортизации будет составлять около 2.150 тыс. лош. сил.

Количество тракторов, ежегодно почти удваивающееся, пред'являет иные требования к нашему с.-х. машиностроению, не только количественное, но и качественное. Программа с.-х. машиностроения на 1930/31 г. намечает поступление машин в сельское хозяйство на 750 млн. руб., против 400—410 млн. рублей в текущем году, т.-е. почти удвоенное. Еще более резкие сдвиги происходят в качестве с.-х. машин. Если в 1929/30 г. удельный вес их с с.-х. машинами механической тяги составлял 22%, то в 1930/31 г. он повышается до 65%, а если учесть и те машины конной тяги, которые могут быть использованы, как прицепные к тракторам, то процент машин, могущих быть использованными для механической тяги, повышается до 83. При таком росте тракторов и машиноснабжения площадь земли, обрабатываемая механической тяговой силой, увеличивается с 9 до 18½—19%. В совхозах почти вся посевная площадь (94%), будет обрабатываться механической тяговой силой, а в колхозах около 19%.

Несмотря на такое резкое возрастание плана тракторо- и машиноснабжения, удельный вес механически обрабатываемой посевплощади в колхозах, повышается с 17% в текущем году лишь до 19% в наступающем. Контрольные цифры рассчитаны на огромный рост колхозного движения не только на основе механизации, но и за счет простого сложения крестьянских средств производства. Подавляющая часть всех тракторов идет в районы зернового хозяйства, отчего удельный вес площадей, обрабатываемых механической тяговой силой, поднимается по этим районам: по Крыму—до 32%, Сев. Кавказу—31%, Н.-Волге—до 29%, Ср. Волге—до 25%, ДВК—до 23%. Сравнительно высокий процент механически обрабатываемой площади и по Ср. Азии—17%, и Закавказью—10% об'ясняется строительством машинно-тракторных станций и совхозов в районах хлопка.

Крупное социалистическое хозяйство механизируется не только по линии полевого хозяйства, но и по линии внутрихозяйственного транспорта. Опыт текущего года по совхозам Зернотреста показал, что без механизации транспорта невозможно справиться с уборкой урожая. Механизированный транспорт особенно необходим. Там, где трактор вытесняет лошадь из полевого хозяйства, лошадь вытесняется и из транспорта, и там требуется автомобиль. Вот почему в 1930/31 с.-х. году сельское хозяйство пред'являет требование на автотранспорт в размере около 20 тыс. грузовых машин и около 6 тыс. легковых машин. Кроме автотранспорта крупному хозяйству необходима телефонная и телеграфная связь. Программа 1930/31 г. намечает установку около 615 телефонных станций с общим протяжением проводов около 60 тыс. километров.

Если программа машино- и тракгороснабжения в 1930 году была нами в общем выполнена и перевыполнена [1]), то в программе снабжения минеральными удобрениями мы имеем значительное отставание. Это отставание наблюдается из года в год, и мы идем по производству минеральных удобрений на уровне ниже пятилетнего плана. В 1930/31 с.-х. году сельское хозяйство пред'явит к промышленности требования в 2,5 млн. тонн, против примерно 1 млн. тонн минеральных удобрений текущего года. Для того, чтобы эта программа была выполнена, должны быть мобилизованы все силы промышленности и налажен бдительный контроль со стороны партии и рабочих масс за выполнением промфинплана по химической промышленности.

При осуществлении программы совхозного строительства и коллективизации (и одновременно технического вооружения) сельского хозяйства оно может дать и темпы роста производства большие, чем в предыдущем году. Контрольные цифры на осень 1930 г.—весну 1931 г. намечают расширение посевных площадей со 130 до 145 млн. га, т.-е. на 15 млн. га более (при 8½—9 млн. га прироста в текущем году).

Такой темп расширения посевных площадей сельского хозяйства даже за годы восстановительного периода не имел места. Эта программа расширения посевных площадей вполне осуществима с точки зрения нагрузки тяговой силы, так как сельское хозяйство к имеющейся живой тяговой силе получит добавочной тракторной тяги 1.300 тыс. сил (в условных единицах), что в переводе на живую тяговую силу заменит около 4½—5 млн. лошадей. Коллективизация 50% крестьянских хозяйств создает условия для лучшего использования имеющихся средств производства, увеличит нагрузку лошади на 50—100%, — что это вполне реально, показал опыт весны текущего года.

Наибольшее расширение посевных площадей приходится на районы востока: Сибирь—28%, Казакстан—29%, Киргизия—24%, Башкирия—22% Кроме того, значительное задание по расширению посевных площадей получат и районы потребляющей полосы—в среднем на 5—7%. Эта программа должна будет быть выполнена частью за счет распашки новых земель, а особенно за счет вытеснения паровой площади, уплотнения севооборота. Из общей площади посева в 145 млн. га 9—10 млн. га или 6,5% будет находится под совхозами, 72,5 млн. га или 50%—под колхозами и остальные 53 млн. га или 43% — в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Таким образом, подавляющая часть посевной площади будет находиться в руках социалистического сектора сельского хозяйства.

Контрольные цифры намечают в 1930/31 г. расширение посевных площадей под зерновыми культурами на 5,4%, при чем под культурами наиболее ценными: под пшеницей—на 22%, кукурузой—30%, соей—280% и бобовыми—20%. Сокращение посевных площадей должно произойти по менее ценным культурам: по овсу—на 4,5%, ячменю—8% и просу—28%.

Количество сортовых семян, собранных нами из урожая 1929/30 г., даст возможность занять сортовым посевом в наступающем году около 50% всего засева, а количество машин, поступающих в сельское хозяйство, безусловно, обеспечит стопроцентную очистку семян и 65—70-процентный рядовой посев. Это даст прирост урожайности на 9—10% против среднего урожая за последние 4 года и 6½—7% против фактической урожайности 1930 г., которая процента на 3—4 выше средней урожайности за последние годы. Прирост валовой продукции зерна в 31 году будет на 10—11% по сравнению с валовой продукцией 1930 года. Социалистический сектор должен при этом повысить удельный вес до 67% в валовом сборе (против 24% 1929/30 г.) и до 85% в товарной продукции (против 56% в 1929/30 г.). Подавляющая часть товарного зерна 1931 г. поступит от социалистического сектора сельского хозяйства.

Еще большие темпы прироста запроектированы по техническим культурам: соя—172%, хлопок—28%, сахарная свекла—24%, желтые табаки—82% и махорка—96%. Опыт весенней посевной кампании текущего года показал, что в наших руках имеются такие рычаги, которые позволят нам осуществить огромные темпы прироста посевных площадей. Сильнейшим из рычагов являются тесная связь промышленности с сельским хозяйством по таким техническим культурам, как хлопок, сахарная свекла, по которым мы добились наибольших успехов. Это обязывает нас в наступающем году еще теснее связать эти культуры и итти таким же путем по отношению других культур, особенно льна. В текущем году организовался по типу Главного Хлопкового К-та Главный Льняной Комитет, в руках у которого будет находиться все руководство льноводством, а также промышленность по переработке льна.

---

[1]) Со значительными прорывами по линии запасных частей и прицепного инвентаря.

Социалистический сектор сельского хозяйства уже в текущем году занимал 36% в технических культурах. Удельный вес его в наступающем году повысится до 65%.

* * *

Самой трудной проблемой в области сельского хозяйства в программе 1930/31 с.-х. года будет являться проблема животноводства. Значительное сокращение стада в текущем году требует максимального сохранения этого стада для последующего роста. Программа контрольных цифр предусматривает расширение стада крупного рогатого скота на 13%, свиней—на 70% и овец—на 10%. Эту программу мы должны осуществить при условии, чтобы не была сокращена норма потребления мяса в рабочих промышленных центрах.

Отсюда видно, насколько трудна проблема животноводства в условиях текущего года. Намеченная программа осуществима при огромном напряжении сил, при мобилизации внимания всей партии к этой задаче.

Запроектированные темпы прироста скота мы можем осуществить только через огромную программу развертывания животноводства в социалистическом секторе сельского хозяйства, удельный вес которого должен возрасти по крупному рогатому скоту до 16% (против 7% текущего года); по свиньям—до 17% (против 4½% текущего года) и по овцам до 9—10% (против 6% тек. года). Для того, чтобы выполнить эту программу, разворачивается строительство крупных государственных скотоводческих хозяйств, об'единяемых Скотоводом, программа которого намечается до 3.200 тыс. голов мясного скота и программу молочных хозяйств около 500—600 тысяч голов. Почти удваивается и программа Свиновода—с 2½ до 4½ млн. голов. Намечается обширная программа мероприятий по созданию товарных животноводческих ферм в колхозах.

Осуществление нашей программы в области животноводства встречает наибольшее противодействие классовых врагов деревни. Сокращение скота за 1929/30 г. произошло преимущественно за счет убоя в кулацких и зажиточных хозяйствах деревни. Эту политику дальнейшего сокращения животноводства кулацкие зажиточные слои деревни будут продолжать и в 1930/31 г. Для того, чтобы предотвратить хищнический убой скота, сохранить стадо на последующие годы, необходимо неослабно продолжать политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, необходимо принять решительные меры против дальнейшего убоя, не останавливаясь перед прямым государственным запрещением убивать скот без разрешения органов государственной власти в деревне.

Проводя меры против убоя скота, значительно повысить продукцию животноводства мы сможем путем качественного улучшения убиваемого скота, прежде всего, повышением его убойного веса. Точно так же мы в состоянии значительно повысить удойность коров. Но это повышение качественных показателей, так же как и количественный рост животноводства, упирается в вопрос о расширении кормовой базы.

Это есть один из важнейших вопросов сельскохозяйственной программы наступающего года.

Поэтому контрольные цифры осени 30—весны 31 года предусматривают значительную программу роста посевов кормовых культур, в частности, кукурузы, корнеплодов, сеяных трав, программу силосования, которая обеспечит наше животноводство кормовой базой.

Благоприятный урожай зерновых культур в 1930 г. позволяет нам повысить норму потребления скота по сильным кормам почти на 35% и по нормам потребления грубых кормов на 8—10%.

* * *

Опыт проведения весенней и осенней сельскохозяйственных кампаний 1930 года показывает, что мы систематически опаздывали с организационными мероприятиями по подготовке к проведению этих кампаний.

Для того, чтобы осуществить программу 30/31 года, особенно программу весенней посевной кампании 1931 г., необходимо провести заранее подготовительную работу.

Прежде всего, хозяйственный план 30/31 с.-х. года должен быть доведен непосредственно до хозяйствующей единицы—до совхоза, колхоза, земельного общества и индивидуального крестьянского хозяйства. Опыт доведения плана непосредственно до низовой хозяйствующей ячейки за предыдущие посевные кампании показал, что эта работа выполняется в значительный мере формально. Задание высших органов власти спускается в порядке циркуляров, бюрократических распоряжений, без проведения широкой хозяйственно-политической кампании вокруг этой программы.

Вокруг задач социалистической реконструкции сельского хозяйства в решающий год пятилетки должно мобилизовать миллионы рабочих, бедноты и середняков, сделав их активными участниками в выполнении этих задач. Мы достигли огромных успехов в строительстве крупных социалистических хозяйств, зерновых совхозов. Но до сих пор мы плохо переносили опыт хозяйств, у которых имеются достижения, на отстающие хозяйства. Мы до сих пор мало популяризировали и пропагандировали достижения крупных государственных социалистических хозяйств среди колхозов. В наступающем году нам нужно десятки и сотни тысяч людей послать в крупные государственные хозяйства, имеющие наибольшие достижения, и в крупные колхозы с тем, чтобы отстающие колхозы и индивидуальные крестьянские хозяйства строили свою работу на опыте преимуществ и достижений крупного социалистического хозяйства.

Нам необходимо немедленно же при проведении осенней посевной кампании развернуть широкую работу по вовлечению новых миллионов крестьянских дворов в колхозы. Итоги урожая 1930 года в колхозах, давших более повышенную доходность, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах, должны быть использованы как могущественное орудие агитации за коллективное хозяйство.

Если в огромной стеепни увеличились наши возможности организовать новую волну роста коллективизации, то, с другой стороны, усиливается и сопротивление классового врага. Необходимо помнить, что все мероприятия по расширению посевных площадей, по проведению зяблевой вспашки, по новому росту колхозов требуют, как своей предпосылки, усиления наступления на кулака, подавления его возросшей активности и сплочения рядов батрачества, бедноты, колхозников и середняков. Деляческий подход к сельскохозяйственным кампаниям в нынешних условиях неизбежно превращается в оппортунизм. Так, например, оппортунистическим является отрыв работы по севу и зяблевой вспашке от задачи одновременно добиться роста коллективизации. Оппортунизм на местах часто проявляется так же в форме узкого делячества, неумения связать производственные, технические, агрономические мероприятия с проведением широкой массовой политической работы.

Опыт посевной кампании текущего года показал, какие огромные производственные возможности таятся в колхозах по части лучшего использования средств производства, лучшего использования рабочей силы. Там, где работа была хорошо поставлена, колхозы сумели расширить посевную площадь на 100—200% при тех же самых средствах производства, которые имелись у индивидуального крестьянского хозяйства. Отсюда задача организации встречного плана. Если контрольные цифры, намеченные нами, будут доведены до села и колхоза, обсуждены на собраниях, если будут выяснены в каждом совхозе и колхозе все те возможности, которые имеются по расширению посевных площадей, повышению урожайности и улучшению качества работы, то мы сможем при тех же самых затратах достигнуть гораздо больших результатов.

В промышленности широко развернулось социалистическое соревнование, ударничество, организация батальонов пятилетки, словом, все новые формы новой общественной организации труда. В сельском хозяйстве они лишь только начинают развертываться. За осень 30 г.—весну 31 г. методы социалистического соревнования должны получить в сельском хозяйстве самое широкое развитие; в деревню в массовом масштабе должен быть перенесен опыт рабочего класса на лучших промышленных предприятиях.

Подготовка к осуществлению задач, поставленных в 1930/31 с.-х. году, должна быть начата партийными организациями немедленно. Необходимо обеспечить, чтобы все земельные и все советские органы довели план весенней посевной кампании 1931 года до своей области или района, не уменьшая заданий, определенных союзным планом. Опыт весенней и осенней посевных кампаний текущего года показывает, что сплошь и рядом под видом всевозможных «уточнений»—эти задания уменьшаются. Планы союзного правительства, принятые местными органами власти, должны быть в действительности доведены до широчайших масс рабочих совхозов, колхозов и индивидуальных крестьянских хозяйств.

Перед обсуждением плана на 1931 год должны быть самым широким образом обсуждены итоги урожая 1929/30 года. Эти итоги уже имеются по всему Советскому Союзу, а также и по каждому селу и колхозу. Центральный Комитет партии связывал обсуждение итогов урожая 1929/30 г., особенно в колхозах, с задачами организации новой волны колхозного движения. В текущем году, особенно в весеннюю посевную кампанию, размеры посева, приходящегося на одно хозяйство в колхозе, в 1½—2 раза превышали размеры посева, приходящегося на одно хозяйство вне колхоза.

Так как колхозы имеют еще больший урожай, то размеры дохода, получаемого на одно хозяйство, находящееся в колхозе, значительно выше размера того же дохода в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Это повышение размера дохода может выявиться лишь только в результате распределения урожая. К началу осенней посевной кампании 1930 года распределение урожая почти повсеместно не проведено. Колхозники, успешно закончившие 1929/30 с.-х. год, не знали, какие доходы они получат в результате этого хозяйственного года. Неизвестность хозяйственных результатов для каждого колхозника в отдельности, конечно, уменьшала его энергию в работе по осенней посевной кампании, что — самое главное — не дало возможности использовать результаты урожая 1930 года в качестве могущественного орудия для агитации за привлечение новых сотен тысяч и миллионов крестьянских хозяйств в колхозы.

В значительной мере по этой причине при проведении осенней посевной кампании мы не имели заметной волны прилива колхозного движения. Запоздание с распределением урожая к осенней посевной кампании мы должны отнести исключительно к недооценке местными партийными организациями того огромного значения, которое имеет распределение урожая для привлечения новых колхозников. Эти ошибки должны быть целиком учтены при подготовительной работе к весенней посевной кампании 1931 года. Во всех колхозах результаты распределения урожая должны быть закончены, и результаты этого распределения должны быть самым широким образом обсуждены на всех собраниях индивидуальных крестьянских хозяйств. Мы должны показать крестьянину, еще не вошедшему в колхоз, огромное экономическое преимущество колхозов

На собраниях колхозников, где будет производиться распределение урожая, должны быть избраны вербовочные комиссии, которые должны начать массовую вербовку единоличников, а на собраниях единоличников, где будут обсуждаться результаты колхозного урожая, должны быть избраны также или вербовочные комиссии, или же инициативные группы по организации новых колхозов.

Слабо заметный прилив колхозного движения в осеннюю посевную кампанию в ряде случаев об'ясняется тем, что местные партийные организации мало делали в области организации колхозного движения, рассчитывая на самотек, на то, что крестьянин сам придет, заявит, «запишется в колхоз».

Большая доходность, полученная колхозами в результате урожая 1930 года, очевидность преимущества колхоза перед индивидуальным хозяйством вместе с новым приливом колхозного движения вызовут и новую волну кулацкого сопротивления. Уже летом текущего года, во время уборки мы имели много сведений, что кулак пытался поджечь убранный на полях хлеб, кулак пускал ложные слухи, что весь собранный хлеб у колхозников будет отнят государством, что колхозники ничего не получат хлеба для своего личного потребления. Эти слухи в еще большей мере будут распространяться при развертывании хлебозаготовительной кампании с октября по декабрь, когда именно будет вестись работа по подготовке к весенней посевной кампании по организации новой волны колхозного прилива. Распределение урожая имеет исключительное значение еще и потому, что каждое хозяйство, находящееся в колхозе, должно знать, что́ оно получает в действительности из того хлеба, который ему причитается после сдачи государству. Это парализует ту агитацию, которая поднимается кулаком вокруг вопросов хлебозаготовок. Партийные организации должны противопоставить кулацкой агитации широкую массовую раз'яснительную работу, разоблачающую кулацкую клевету. Необходимо с особой тщательностью просмотреть правления колхозов, их работу как в период хлебозаготовок, так и в особенности в период проведения подготовительных мероприятий к осенней посевной кампании наступающего года. Каждого руководителя в колхозе мы должны оценивать по тому, как колхоз выполняет задачи, поставленные партией, при выполнении плана хлебозаготовок и при выполнении производственного плана для наступающего года.

В предыдущем году в момент хлебозаготовок и в момент организации весенней посевной кампании в ряде организаций имели место бездеятельность, оппортунизм низовых работников. Эта бездеятельность, недооценка сопротивления классового врага, прямое сопротивление мероприятиям, проводимым по социалистическому переустройству деревни, еще в большей мере может выявиться в текущем году, когда масштабы нашей работы значительно превосходят все то, что мы имели за предыдущие годы. Борьба с правым оппортунизмом, борьба со всеми колебаниями в рядах нашей партии при проведении генеральной линии партии по социалистическому переустройству сельского хозяйства должна составлять главнейшую задачу наших партийных организаций.

Наряду с правооппортунистической — главной — опасностью при проведении генеральной линии партии перед нами стоит и опасность повторения «левых загибов» весны текущего года. Это повторение неизбежно будет в тех организациях, которые не проведут большой массовой политической работы, связанной с осуществлением задач коллективизации, а примутся осуществлять эти задачи административным путем.

Помимо того, что партийные органы должны стать во главе организации новой волны колхозного движения в текущем году, они должны взять под бдительное внимание организацию государственных крупных социалистических хозяйств, особенно животноводческих. Мы развертываем впервые сотни хозяйств с общим поголовьем стада свыше полутора десятка миллионов. Необходимо просмотреть, чтобы все подготовительные мероприятия по поставке этого стада, по его обслуживанию были проведены с особой тщательностью и мы не имели бы прорывов на этом участке работы. Особенно это относится к животноводческим совхозам, где каждое упущение может повлечь за собой гибель скота.

Каждый факт нашей неряшливости будет использован враждебными нам элементами в агитации против совхозов, против социалистического хозяйства.

Как ни огромны наши успехи в области социалистического переустройства деревни, все же даже при полном осуществлении задач в новом году мы будем иметь лишь около половины крестьянских хозяйств, вовлеченных в колхозы; остальная половина деревни будет состоять из единоличных крестьянских хозяйств. У них будет находиться около 40—45% посевной площади; они будут поставлять на рынок значительную часть продукции полеводства и еще большую часть продукции животноводства. Поэтому задача нашей хозяйственной помощи индивидуальному бедняцкому и середняцкому хозяйству, задача его простейшего кооперирования и подготовки к коллективизации в ближайшие годы отнюдь не снимается с порядка дня. Перед нами стоит задача и большой политической работы, которую необходимо проводить среди единоличных хозяйств, особенно среди бедноты.

При всем крутом переломе в характере нашего с.-х. машиностроения около 35% всех произведенных с.-х. машин составят машины конной тяги, которые и пойдут в значительной части в единоличное хозяйство .Мы эти машины должны прокредитовать и направить в бедняцко-середняцкие хозяйства и колхозы. Выполнение агрикультурных мероприятий, как-то: очистка семян, протравливание, рядовой посев, зяблевая вспашка—все эти мероприятия должны проводиться в индивидуальном секторе наряду с социалистическим. При этом социалистический сектор хозяйства должен оказывать максимальную помощь единоличнику. Это особенно относится к таким мероприятиям, как зерноочистка, протравливание, сортовой посев. Здесь колхоз может и должен организовать зерноочистительные и протравительные обозы, которые в окружающих его селах должны обменять свои излишние сортовые семена на рядовые единоличников. Колхоз должен приглашать единоличников на свои собрания, вести среди них массовую политическую работу. Партийные организации должны усилить свою работу среди групп бедноты, принимая все меры, чтоб из них создать ячейки колхозов. Мы должны на деле провести лозунг XVI с'езда партии «не травить единоличника, а оказывать ему помощь», памятуя, что сегодняшний единоличник, это — завтрашний колхозник. Чем бо́льшую помощь будем оказывать ему, чем большую политическую работу будем вести, тем скорее он станет колхозником.

Простейшие формы кооперирования в связи с этим далеко не утрачивают своего значения. Сельскохозяйственные кооперативные товарищества должны сыграть роль подготовительной, переходной к артели формы в тех районах, где основная масса бедноты и середняков еще не готова к вступлению в артель. Но нужно бороться с вредной тенденцией подменить артель, как основную форму колхоза, простейшим кооперативным товариществом. Эта тенденция есть не что иное, как лазейка для кулацкой борьбы против колхозов.

Правильная политика в отношении единоличника предполагает усиленное наступление на кулака. В тех районах (незерновых, национальных окраинах), где коллективизация в предстоящем году еще не примет характера сплошной, где поэтому еще не будет осуществляться лозунг ликвидации кулачества как класса, эта ликвидация должна подготовляться дальнейшим усилением наступления на кулака на основе его ограничения и вытеснения.

Работа по организации социалистического хозяйства в деревне в текущем году будет происходить в более трудных условиях, при большем обострении классовой борьбы, чем в прошлом году. Во-первых, перед нами более широкий размах самой работы, более широкое социалистическое наступление в деревне, во-вторых, возрастает бешенство и сопротивление кулака, который будет использовать затруднения предстоящего года, в частности, по линии товарного снабжения для агитации против политики партии. Партия и правительство приняли меры лучшего снабжения промтоварами колхозников при сдаче ими товарной продукции государству. Этот факт повышенного снабжения колхозников должен также всячески использоваться партийными организациями в качестве агитационного средства за колхозное движение.

Задачи, поставленные перед нами в настоящем с.-х. году, огромны. Они превосходят по своему размаху все наметки в наших планах за предыдущие годы. Они могут и должны быть выполнены и они будут выполнены, если при проведении их партийные организации вплотную возьмутся за осуществление практических задач под'ема и социалистической реконструкции сельского хозяйства, если мы не допустим политических ошибок правого и «левого» оппортунизма, если вовлечем в это дело массы трудящихся.

А. Павлов.

Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда.

Вопрос о коммунистическом труде — «это важнейший вопрос строительства социализма» (Ленин). Социалистическое «соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой» — так заявила XVI партийная конференция в своем обращении ко всем трудящимся нашей страны по поводу социалистического соревнования. Первые два года выполнения пятилетки, выдвижение широкой рабочей массой, вступившей в социалистическое соревнование, лозунга — «выполнение пятилетки в четыре года», практически подтвердили неразрывную связь между выполнением пятилетки и развертыванием социалистического соревнования. Эта неразрывная связь между выполнением пятилетки и социалистическим соревнованием особо резко подчеркивается в обращении ЦК нашей партии от 3/IX с. г. по поводу выполнения промфинплана второго года пятилетки и подготовки условий для выполнения промфинплана наступающего третьего года пятилетки, который «имеет решающее значение для выполнения пятилетки в четыре года и должен обеспечить переход не менее чем половины крестьянских хозяйств на социалистический путь, на путь коллективизации» (из обращения ЦК от 3/IX с. г.).

Исключительно высокие темпы развития нашего народного хозяйства обусловлены преимуществами социалистической его организации, захватывающей в настоящее время не только командные высоты — промышленность, транспорт и т. д., но уже значительную часть сельского хозяйства. Важнейшим из этих преимуществ социалистической организации народного хозяйства является участие в хозяйственном строительстве многомиллионных масс рабочих и трудящихся, которое впервые стало возможным лишь после свержения господства капитала, по своей эксплоататорской природе исключающего какое бы то ни было участие рабочих и широких трудящихся масс в организации народного хозяйства.

Для капитализма рабочие массы — лишь об'ект эксплоатации, лишь источник прибыли и личного обогащения капиталиста. Лишь свергнув господство буржуазии и установив диктатуру пролетариата, рабочие и широкие трудящиеся массы нашей страны впервые в истории получили возможность непосредственно и в собственных интересах организовывать народное хозяйство, сразу показав при этом исключительную свою силу и мощь, невиданные темпы развития народного хозяйства.

Второй, уже заканчивающийся год пятилетки, является годом крупнейших достижений в социалистическом секторе нашего хозяйства. За 10 мес. текущего хозяйственного года крупная социалистическая промышленность увеличила свою валовую продукцию на 27 проц., в том числе — тяжелая индустрия на 39,5 проц. В сельском хозяйстве к настоящему времени создан значительный социалистический сектор из совхозов и колхозов, охвативших до ¼ крестьянских хозяйств. Но наряду с этими крупными достижениями имеется прорыв в выполнении промфинплана текущего года, так как, хотя социалистическая промышленность дала рекордные темпы развития за текущий хозяйственный год, но она все же еще не выполнила полностью своего промфинплана. Решающим средством преодоления этого прорыва является активная и немедленная мобилизация всех сил рабочего класса, всех его организаций. В этой мобилизации сил рабочего класса—на борьбу с прорывом в промфинплане текущего года и на борьбу за выполнение грандиозного хозяйственного плана наступающего третьего года пятилетки—решающее значение имеет дальнейшее развитие социалистического соревнования, ударничества, поднятие его на более высокую ступень. Ударник на производстве в данный момент является тем основным звеном, при посредстве которого должна быть мобилизована вся широкая рабочая масса на преодоление прорывов текущего хозяйственного года и на выполнение хозяйственного плана наступающего хозяйственного года.

Но несмотря на решающее значение в деле социалистического строительства мобилизации всех сил рабочего класса, социалистического серевнования и ударничества, до сих пор со стороны отдельных работников и отдельных организаций, в особенности хозяйственных и профсоюзных, наблюдается недооценка социалистического соревнования и ударничества, отставание организаций от этого движения масс, а в некоторых случаях прямой правооппортунистический хвостизм, прямое правооппортунистическое непонимание и торможение борьбы широких рабочих масс за социалистическую организацию труда.

ЦК партии в своем обращении от 3/IX указал, что «главным и решающим недостатком (разрядка моя. *А. П.)* в хозяйственной работе остается неумение организовать и стать во главе бурно растущей активности рабочего класса». (Курсив обращения ЦК). Такое неумение целый ряд организаций, в особенности профсоюзных, проявили и при проведении в жизнь обращения.

Так, президиум ВЦСПС в половине сентября провел массовую проверку на московских предприятиях хода реализации обращения ЦК и своего решения от 3 сентября и признал, что наряду с новым под'емом активности рабочих масс в связи с обращением ЦК многие профсоюзные организации «все еще продолжают прикрывать словесной шумихой и резолюциями отсутствие необходимых темпов работы... все еще продолжающееся отставание ряда союзных организаций от растущей активности рабочих масс». (Из постановлений президиума ВЦСПС, «Правда» от 20/IX, разрядка второй части моя. *А. П.)*.

Это прикрытие «словесной шумихой и резолюциями отсутствия необходимых темпов работы» и отставание от растущей активности рабочих масс со стороны отдельных организаций, в особенности профсоюзов, является не чем иным, как новым маневром оппортунистов, в первую очередь правых, которые кое-где еще сохранились в нашем аппарате. Этот маневр оппортунистов вскрыт был уже XVI с'ездом партии, который обратил «внимание всей партии на то, что оппортунисты всех мастей, особенно правые, применяют новый маневр, выражающийся в формальном признании своих ошибок и в формальном согласии с генеральной линией партии, не подтверждая свое признание работой и борьбой за генеральную линию, что на деле означает только переход от открытой борьбы против партии к скрытой или выжиданию более благоприятного момента для возобновления атаки на партию». (Из резолюции с'езда по докладу ЦК, разрядка моя. *А. П.)*. Этот маневр правых оппортунистов должен встретить самый решительный отпор. Каждая организация должна на деле, изо дня в день вести борьбу за фактическое проведение в жизнь генеральной линии партии, беспощадно изгоняя правых оппортунистов, продолжающих тормозить развернутое социалистическое наступление.

Все наши организации, партийные и комсомольские, хозяйственные и профсоюзные должны на деле возглавить борьбу масс за социалистический труд, социалистическое соревнование и ударничество, направив все свои силы, как указывает ЦК в своем обращении от 3/IX, — на развитие дела *социалистического соревнования и ударничества*, на поддержку инициативы рабочих в этом деле во всех формах (сквозные ударные бригады, общественный буксир и др.), все силы на развертывание встречного промфинплана на фабриках и заводах, в шахтах и на строительстве, на железнодорожном и водном транспорте».

I. Социалистическое соревнование и классовая борьба.

Наша пятилетка является развернутым социалистическим наступлением против буржуазно-капиталистических элементов в нашем народном хозяйстве, которое в данный момент не только их ограничивает, но и выкорчевывает, проводя на основе социалистической переделки сельского хозяйства, на основе сплошной коллективизации крестьянских хозяйств ликвидацию кулачества как класса, представляющего наиболее крупную силу капитализма в нашей стране. Поэтому выполнение нашей пятилетки протекает в условиях самой ожесточенной классовой борьбы, в условиях резкого ее обострения в данный период В этой классовой борьбе сплачиваются ряды рабочего класса, растет его классовое сознание. Решающим в этой борьбе на данном этапе развития нашей социалистической революции является быстрое развитие социалистического сектора нашего хозяйства. Осознание этого все большей массой рабочих и является показателем роста классового сознания нашего рабочего класса. Практическим выражением этого роста классового сознания рабочих масс является резкое изменение их отношения к производству, к труду на государственных социалистических предприятиях.

Это изменение выразилось в бурном росте социалистического соревнования и ударничества, имеющего самые различные и многообразные организационные формы и охватившего не менее двух миллионов рабочих. Соцсоревнование и ударничество, ставшее в настоящее время массовым движением рабочих, «производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, как он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести и геройства*» (Сталин, доклад на XVI с'езде партии, курсив автора). Превращение труда из зазорного и тяжелого бремени, чем он является при капитализме и что обусловливается рабским, подневольным его характером при капитализме— в «дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести и геройства*», в социалистический труд, является следствием социалистической природы наших государственных предприятий.

Это превращение труда из «зазорного и тяжелого бремени» в свободный социалистический труд проходит в ожесточенной классовой борьбе, в борьбе со старыми взглядами на труд, сохранившимися у части отсталых рабочих и привносимыми еще и в настоящее время из мелкобуржуазной среды, которая еще имеется в нашей стране. За последнее время, в связи с развернутым социалистическим наступлением эта борьба крайне обострилась. Это обострение классовой борьбы в данной области проявляется в том, что в то время, когда у подавляющей массы рабочих наблюдается бурный рост социалистического отношения к труду в форме социалистического соревнования и ударничества, повышения трудовой дисциплины и производительности труда, — в это время у части рабочих — падает дисциплина труда, усиливаются рваческие настроения, т. н. «текучесть» рабочей силы, наблюдаются случаи прямого дезертирства с фабрик и заводов.

За последние годы, в связи с колоссальным размахом социалистической индустриализации нашей страны, произошло громадное увеличение количества рабочих и служащих. Лишь за два первых года пятилетки количество работающих по найму увеличилось на 1.673 тыс. человек—с 11,456 тыс. в 1927—28 г. до 13.129 тыс. в 1929—30 г. В крупной фабрично-заводской промышленности количество работающих (без служащих) за эти два года увеличилось почти на 500 тыс. чел. (на 497 тыс.) с 2.632 тыс. в 1927—28 г. до 3.029 тыс. в 1929—30 г. Это колоссальное увеличение работающих по найму произошло не только за счет полного вовлечения в производство старых кадров рабочих, но и за счет лиц, не работавших раньше по найму, за счет лиц, вообще неимевших раньше отношения к промышленному производству. Значительная часть из вновь вовлеченных в промышленное производство рабочих состоит из крестьян (по данным о составе безработных, учитываемых биржами труда, среди безработных не менее ⅓ насчитывается крестьян).

Столь колоссальное увеличение количества рабочих обусловило значительный прилив на наши фабрики и заводы, в наши учреждения и предприятия рабочей силы из мелкобуржуазной среды со свойственной ей недисциплинированностью, мелкобуржуазным анархизмом и мелкособственническими инстинктами, с настроениями рвачества. Наряду с этим и у некоторой части старых рабочих, политически отсталых, захваченных тред-юнионистскими, цеховыми, т.-е., по сути дела, теми же мелкобуржуазными настроениями, в связи с трудностями социалистического строительства, с обострением классовой борьбы усилились мелкобуржуазные настроения и колебания.

Сочетание в условиях общего обострения классовой борьбы мелкобуржуазных настроений, принесенных частью новых рабочих, с рецидивами мелкобуржуазных настроений тред-юнионистских элементов, имеющихся еще и среди части старых рабочих, усилило мелкобуржуазные настроения и колебания у части работающих на наших фабриках и заводах, в предприятиях и учреждениях. «Текучесть», летуны, рвачество, дезертирство с трудового фронта — все это проявления мелкобуржуазных настроений и колебаний у части отсталых рабочих, проявления их мелкобуржуазной анархичности, недисциплинированности. *Вместо преодоления трудностей*, возникающих в борьбе за социализм, преодоления *по-пролетарски*, сплочением своих сил, их организацией и дисциплинированием, часть рабочих, еще не изжившая своих мелкобуржуазных настроений, пытается решать эти трудности по-мелкобуржуазному, наивно стремясь убежать от них или преодолеть лишь лично для себя. Отсюда перелет с завода на завод, уход в деревню, рвачество, настроения у части отсталых рабочих «урвать кусок побольше и удрать» (Ленин).

Нарастание у части рабочих, при чем, бесспорно, лишь у небольшой части, этих мелкобуржуазных настроений не встретило своевременного и решительного отпора со стороны хозяйственных, профессиональных и партийных организаций. Даже более того, ряд профессиональных и хозяйственных организаций в своей практической работе относились к этим настроениям или примиренчески или прямо находились под их влиянием.

Так, например, на текучесть рабочей силы, наряду с жилищными и культурно-бытовыми условиями и условиями рабочего снабжения, оказывает исключительно большое влияние разрыв в зарплате между отдельными отраслями промышленности. Как это видно из нижеследующих таблиц, степень этого разрыва в зарплате настолько значительна, что об'яснить его только особыми историческими и технико-экономическими условиями каждой отрасли промышленности (бесспорно имеющими очень большое влияние на уровень зарплаты отдельных групп рабочих) совершенно невозможно.

Заработная плата (среднедневная) рабочих крупной промышленности

(по предприятиям с числом работающих 250 и выше) за 1926/27—1929/30 г. по отраслям в %% к средней по промышленности [1]).

Отрасли промышленности	Годы			1-е полугод. 1929/30
	1926/27	1927/28	1928/29	
По всей промышленности	100	100	100	100
Печатники	130,76	130,6	125	127,2
Кожевники	129,2	127,6	121,2	116,5
Металлисты	116,8	119,3	121,1	123,1
Швейники	115,4	117,1	118,1	113,7
Пищевики	114,5	118,3	118,3	122,6
Химики	100,3	100,7	96,7	100,6
Горняки	96,9	94,4	92,4	88
Деревообделочники	92,8	93,3	94,3	—
Писчебумажники	89,8	90,56	94,7	95,9
Текстильщики	85,1	83,6	82,8	82,3

Дневная зарплата по отдельным профессиям и отраслям промышленности за март 1929 г. [2])

Профес.	Кузнец высшей квалиф.		Профес.	Слесари 7 разр.		Профес.	Токаря средн. квалиф.		Профес.	Чернораб. мужчин.	
отрасли промышл.	ч. руб.	%%	отрасли промышл.	ч. руб	%%	отрасли промышл.	ч. руб.	%%	отрасли промышл.	ч. руб.	%%
Электро-технич.	8,04	100	Электро-технич.	8,66	100	Электро-технич.	7,10	100	Резиновая	3,80	100
Уралуголь	3,56	44,27	Спичечн.	3,73	43	Ж.-д. мастерская	3,64	51,5	Спичечн.	1,85	48,6

Само собою разумеется, что значение той или иной отрасли для всего народного хозяйства имеет и должно иметь большое влияние на уровень зарплаты по отдельным отраслям. Но данные, приведенные в вышеуказанных таблицах, не показывают прямой связи в разрыве зарплаты по отраслям в соответствии с их значением во всем народном хозяйстве. Наоборот, эти данные свидетельствуют об исключительном разнобое в регулировании зарплаты. В этом, столь значительном разрыве зарплаты между отдельными отраслями производства повинно, в первую очередь, старое правооппортунистическое тред-юнионистское руководство ВЦСПС и отдельных профсоюзов, которое в области регулирования зарплаты, по сути дела, проводило правооппортунистическую теорию «самотека», поддерживая и культивируя тем самым тред-юнионистские мелкобуржуазные тенденции отдельных отсталых групп рабочих. Наряду с этим за последнее время в практике ряда хозяйственных организаций наблюдаются случаи переманивания рабочих путем произвольного повышения зарплаты для отдельных рабочих, при чем в этих случаях повышение зарплаты является прямой правооппортунистической уступкой рвачам и летунам. Такого рода «уступки» еще в большей степени усиливают текучесть рабочих и вносят разложение в основную массу рабочих, затрудняя ей борьбу с рвачами и летунами. Наличие таких «уступок» в зарплате со стороны отдельных хозяйственников свидетельствует лишь об их правооппортунистической близорукости и правооппортунистической практике в области политики зарплаты.

---

[1]) Таблица составлена по справочнику „Вопросы труда в цифрах“ за 1927—30

[2]) Таблица составлена по материалам сб. „Профсоюзы на новом этапе“ издание ВЦСПС, сопоставлены предельные разрывы в зарплате по профессиям.

Развернутое социалистическое наступление, громадный размах социалистической индустриализации, сплошная коллективизация сельского хозяйства совершенно по-иному ставят вопрос о распределении рабочей силы, ее организации в нашем хозяйстве. Это не было понято своевременно соответствующими организациями, поэтому, «вместо действительного учета создавшейся обстановки и принятия необходимых мер (по линии развития пролетарской общественности, соответствующего приспособления организации снабжения рабочих, премирования лучших производственников и т. д.) для закрепления рабочего состава на предприятиях и решительной борьбы с рваческими, случайными для предприятия элементами (летунами и т. д.), хозяйственные органы и профсоюзы, а также партийные организации проявили совершенно недопустимую пассивность в этом деле, и тем самым допустили значительное развитие текучести рабочей силы» (обращение ЦК от 3/IX с. г.).

Особую неповоротливость, бюрократизм, хвостизм, и правую практику проявил в этом деле Наркомтруд и его органы. При старом углановском руководстве НКТ и его органы проявляли правооппортунистическое непонимание новой обстановки в нашем хозяйстве, целиком полагаясь на «самотек» в снабжении рабочей силой наших предприятий. Лишь со сменой углановского руководства, НКТ приступил к активному подбору и снабжению рабочей силой наших предприятий, в частности путем перераспределения между отдельными предприятиями.

Особо резкий перелом намечается в этой области в настоящий момент в связи с обращением ЦК нашей партии. Уже в первые дни после опубликования обращения ЦК на ряде крупнейших заводов широко развертывается «самоконтрактация» рабочих и инженерно-технического персонала за заводами и фабриками до конца пятилетки, организуются товарищеские суды над «летунами» (завод «Авиоприбор» (Москва) и др.). Это движение широких рабочих масс, подкрепленное четкой работой хозяйственных, кооперативных, профессиональных и партийных организаций по снабжению рабочих, культурно-бытовому их обслуживанию, по твердому планированию зарплаты должно в самый кратчайший срок создать решительный перелом в т. н. «текучести» рабочей силы. Мелкобуржуазная стихия в этой области, как и во всех других, получит сокрушительный удар со стороны пролетарской организованности и дисциплинированности.

II. Социалистический труд и социалистическое соревнование.

В данный момент, «в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту» (Сталин) рабочий класс под руководством нашей партии развертывает решительную борьбу за социалистическую дисциплину труда, решительную борьбу с мелкобуржуазными анархическими пережитками в отношении к труду. Наша страна вступила уже в период социализма, и рабочий класс, а под его руководством и широкие трудящиеся массы, создают социалистическую дисциплину труда. В этот период, т.-е. «до тех пор пока наступит высшая фаза коммунизма, — говорит Ленин, — социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления» (т. XXI, стр. 436, 3 изд., курсив автора). В настоящее время и развертывается массовая борьба со стороны пролетарской общественности и пролетарского государства под руководством нашей коммунистической партии за строжайший контроль над мерой труда и над мерой потребления.

Создающиеся в нашем социалистическом хозяйстве социалистическая организация и социалистическая дисциплина труда являются большим нашим продвижением в направлении к коммунистическому труду, который, по определению Ленина, «есть бесплатный» труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, — труд как потребность здорового организма» (т. XXV, стр. 151, 3 изд.).

В первый период коммунизма, в период социализма, в который мы уже вступили, труд не является еще бесплатным и добровольным трудом на пользу общества, а трудом обязательным для получения права на известные и в определенном количестве продукты, следовательно, трудом по «заранее установленным и узаконенным нормам». В условиях социализма мера труда есть мера потребления и основным социалистическим принципом является — «кто не работает, тот не должен есть».

В этот период, поскольку мерой потребления является мера труда, достигается еще лишь формальное, а не фактическое равенство между отдельными работниками социалистического хозяйства, так как тут равенство устанавливается односторонне, только по труду. «По самой природе своей право, — говорит Маркс, — есть лишь применение одинакового масштаба. Но не равные индивидуумы (а они не были бы различными индивидуумами, если бы не были неравными) измеримы одинаковым масштабом, лишь поскольку их всех рассматривают с одной точки зрения, берут с одной определенной стороны — в данном случае, поскольку их рассматривают только как работников, не видя в них ничего другого и отвлекаясь от всего остального. Помимо этого, один работник женат, другой нет. У одного больше детей, у другого меньше и пр. При равном труде, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д.». («Критика Готской программы», стр. 18).

Это неравенство, возникающее из различия в трудоспособности отдельных работников социалистического хозяйства и их бытового положения, неизбежно для периода социализма и уничтожится лишь в период коммунизма, когда будет возможность перейти вследствие полного перевоспитания человека и высокого уровня производительных сил в работе «каждого по способностям», в потреблении «каждому по потребностям». Для этого перехода требуется полное уничтожение противоположности между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, полное высвобождение женщины от домашнего труда путем превращения частного домашнего хозяйства в общественное хозяйство.

В данный момент быстрым темпом начато изживание противоположности между физическим и умственным трудом. На наших социалистических предприятиях рабочий—уже не просто исполнитель определенных узких операций в производстве, не только источник определенного количества рабочей силы, но все в большей степени становится непосредственным организатором производства. Изо дня в день расширяется и усиливается участие широких рабочих масс в организации и управлении производством. На основе развертывания массового социалистического соревнования возникают и развиваются самые многообразные формы этого участия широких рабочих масс в организации и управлении социалистическим производством

В самые последние дни, в борьбе за выполнение промфинплана текущего года, в борьбе за ликвидацию прорывов в нем, по инициативе самих рабочих на заводах им. Петровского и им. Ленина (Днепропетровск) возникла новая форма активного участия рабочих в организации производства — ежедневные, после работы, краткие технические совещания и ежедневные краткие 10—20 мин. послесменные оперативные производственные совещания рабочих, которые созываются по цехам, аггрегатам или ударным бригадам. («Правда» от 11/IX с. г.). Этот опыт заслуживает особого внимания и поддержки, ибо при посредстве такого рода технических и производственных совещаний рабочие получают возможность участия уже в оперативной организации производства, — и, следовательно, своевременно мобилизовать все свои силы на выполнение определенных конкретных производственных заданий и на устранение всех неполадок, препятствующих выполнению этих заданий.

Особое значение в деле превращения рабочего в активного организатора производства, в деле уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом имеет массовое движение за встречный промфинплан. Разрабатывая и составляя встречный промфинплан, широкая рабочая масса осознает и овладевает организацией процесса производства того или иного предприятия, становится сознательным его участником, а не только исполнителем чужих производственных планов, как это имеет место в капиталистическом предприятии. При разработке встречного промфинплана рабочий в своей массе сочетает организаторские и исполнительские функции в производстве и вследствие этого выявляет максимальные свои производственные возможности. Поэтому не случайно, что встречные промфинпланы на будущий год, как правило, значительно превышают производственные задания, намеченные хозяйственными организациями (зав. «АМО», «Электросталь» и др.). («Правда» от 21/VIII, от 10/IX).

Исключительное значение для изжития противоположности между физическим и умственным трудом имеет развертывание культурной революции, развитие политехнического образования рабочих, рост технической грамотности рабочих, реорганизация производства на более высокой машинной технике. Технически грамотный и развитый рабочий при высокой машинной технике производства в условиях социалистической организации производства становится все в большей степени не только простой рабочей силой, но и сознательным организатором социалистического производства.

Широко развернутая в настоящее время социалистическая переделка сельского хозяйства, строительство совхозов и проведение сплошной коллективизации бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств, открыли путь практического уничтожения противоположности между городом и деревней. Совхозы и колхозы, как социалистическая форма организации сельского хозяйства, открывают новую эпоху в развитии и организации земледельческого и промышленного труда, в которую будут созданы условия для об'единения промышленного и земледельческого труда на основе его социалистической организации и высокого уровня развития производительных сил. Уже в настоящее время ставится практически вопрос о создании индустриально-аграрных и аграрно-индустриальных городов, в которых в том или ином соотношении, в той или иной форме промышленный труд будет сочетаться с земледельческим трудом.

Социалистическая организация труда — этап к коммунистическому труду—требует превращения женщины из рабыни домашнего хозяйства, домашнего «очага» в производительного работника социалистического общества. За истекшие годы нашей социалистической революции мы в этом направлении значительно продвинулись вперед. В нашем хозяйстве уже в настоящее время женщина-работница заняла значительное место. За последнее время вовлечение женщины в производительный труд все усиливается. Женщина-работница проникает во все новые и новые для нее отрасли труда. Форсирование выполнения пятилетки еще в большей мере ускоряет этот процесс.

Но условием полного превращения женщины в производительного работника социалистического хозяйства является уничтожение частного домашнего хозяйства и замена его общественным хозяйством. В этом направлении достижения все еще крайне незначительны. Общественное питание, общественное воспитание детей, общественные прачечные и т. д., все еще слабо и плохо развиты. Подавляющая масса труда по питанию, по воспитанию детей и т. д. выполняется все еще женщиной в порядке частного домашнего хозяйства, следовательно, в порядке самого варварского расхищения труда. Домашним хозяйством в нашей стране занято 25 млн. человек. При уничтожении хищнического частного домашнего хозяйства и замене его общественным хозяйством по питанию, воспитанию детей и т. д. потребуется всего лишь 5 млн. человек, т.-е. 20 млн. человек может быть высвобождено для непосредственного производительного труда (см. сборник статей «На новом этапе социалистического строительства», ст. Струмилина «Проблема социалистических городов», изд. Планхозгиз, 1930 г.)

Высвобождение этих колоссальных масс труда, чрезвычайно непроизводительно поглощаемых частным домашним хозяйством, становится уже в настоящее время, когда в связи с бурным социалистическим развитием нашего хозяйства все резче ощущается недостаток в рабочих руках, актуальной задачей. Условием этого высвобождения является форсированная замена домашнего хозяйства общественным хозяйством, форсированное развитие общественного питания, столовых, общественного воспитания детей, детских яслей, детских садов и т. д. В настоящий момент общественное питание, общественное воспитание детей является также важнейшим условием поднятия производительности труда рабочих, их дисциплины, важнейшим условием выполнения промфинплана, форсированного выполнения пятилетки. Поэтому общественное питание, общественное воспитание детей и т. д. в настоящее время должны развиваться форсированным темпом.

Развернутое социалистическое наступление против капитализма по всему фронту, форсированное строительство социализма в нашей стране, вытесняя и уничтожая один ряд хозяйственных укладов, товарно-капиталистический, переделывая другой ряд — простое товарное, мелкобуржуазное хозяйство, делает господствующими социалистические производственные отношения, социалистический уклад хозяйства. В связи с этим в настоящее время вопрос о социалистическом методе труда и о социалистических формах организации труда стал особо актуальным. В то же время его решение, в силу широкого развития социалистических форм хозяйства, охвата ими подавляющей части нашего хозяйства, может быть успешно проведено лишь в большом масштабе, в масштабе всего нашего народного хозяйства.

Методом социалистического труда является метод социалистического соревнования и ударничества. Массовое развертывание за последние два года социалистического соревнования и ударничества, превращение социалистического соревнования и ударничества в соревнование и ударничество многомиллионных масс рабочих и колхозников на практике доказало и подтвердило правильность ленинского положения, что социалистическая организация производства, что

> «социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» (Ленин, т. XXII, стр. 158, 3 изд., курсив автора).

Буржуа и их идеологи-апологеты считали и считают, что соревнование и предприимчивость—лишь особое свойство и качество товарно-капиталистического хозяйства, присущее только капитализму, его частнохозяйственной организации, с ее основным принципом — конкуренцией, конкурентной борьбой. Поэтому всякое посягательство на капиталистическую организацию хозяйства, на капиталистическую конкуренцию они об'являют как уничтожение соревнования в хозяйственной деятельности, в связи с чем всякая хозяйственная деятельность, по их мнению, обрекается на застой и регресс.

Буржуа и их апологеты не способны отделить соревнование в хозяйственной деятельности от капиталистической формы его проявления — конкуренции. Вследствие этого они продолжают кричать о конкуренции как о двигателе развития хозяйства даже тогда, когда капитализм перешел в современную, монополистическо-империалистическую стадию своего развития, когда уже

> «конкуренция при таком капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, девяносто девять сотых трудящихся означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, преступничеством наверху социальной лестницы» (Ленин, т. XXII, стр. 158, 3 изд., курсив автора).

Пролетарская революция, уничтожение капитализма и организация социалистического хозяйства создают вновь после капитализма, после фактического уничтожения им соревнования в хозяйственной деятельности условия для возникновения и развития этого соревнования, при чем уже как соревнования широких рабочих и трудящихся масс и резко отличного от капиталистической конкуренции не только по форме, но и по существу, по своему содержанию. «Принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отставшим со стороны передовых, с тем чтобы добиться общего под'ема». (Сталин, курсив автора). Социалистическая организация производства не уничтожает соревнования, а изменяет лишь его форму и содержание, создает условия для организации соревнования «в его не зверских, а в человеческих формах» (Ленин, т. XXII, стр. 415, курсив автора).

Социалистическая организация производства не уничтожает соревнования, а лишь изменяет его форму и содержание. Поэтому Ленин еще в 1918 г. непосредственно после Октябрьской революции выдвигает задачу организации соревнования на социалистических началах как «одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества» (т. XXII, стр. 415, курсив автора).

В период военного коммунизма, когда все силы рабочего класса были сосредоточены на решении военных задач пролетарского государства, организация соревнования на социалистических началах вполне естественно не могла получить широкого развития. Но первые шаги в этом направлении, первый почин, к тому же в массовом масштабе, был уже сделан и тогда. Несмотря на исключительные трудности того периода, на исключительные разрушения народного хозяйства империалистической и гражданской войной, передовая часть нашего рабочего класса проявляла сознательное социалистическое отношение к труду, к производству. Только благодаря этому новому, по сути дела, уже социалистическому отношению к труду передовой части рабочего класса, сохранена была наша промышленность от полного развала и гибели. Уже в тот период складывались социалистический метод и социалистические формы организации труда. «Субботники, трудовые армии, трудовая повинность,—говорит Ленин,—вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда» (т. XXV, стр. 151).

Коммунистические субботники в 1919 — 20 г. Ленин считал великим почином и именно почином в деле развития социалистического отношения к труду, в деле социалистического преобразования. Коммунистические субботники, трудовые армии, трудовая повинность на том этапе развития нашей социалистической революции были, как говорит Ленин,—практическим осуществлением «в разных формах социалистического и коммунистического труда».

С переходом к новой экономической политике наша социалистическая промышленность резко изменила свои организационные формы, восстановлен был рынок, государственные предприятия были переведены на хозрасчет. В связи с этим были ликвидированы трудовые армии, трудовая повинность, прекратилась практика коммунистических субботников. Но это отнюдь не означает, что с переходом к нэпу в социалистическом секторе нашего хозяйства было уничтожено социалистическое отношение к труду. Ведь теперь не только теоретически, но и практически доказано, что переход к нэпу не изменил социалистической природы наших государственных предприятий: изменилась лишь форма их организации, их хозяйствования, и в связи с этим изменилась форма организации труда по сравнению с периодом военного коммунизма. Но изменение организации этих форм труда на наших госпредприятиях и в первый, в восстановительный период нэпа не было восстановлением—ни со стороны хозяйственных органов, ни со стороны широких рабочих масс —старого капиталистического отношения к труду. И в этот восстановительный период нэпа широкая рабочая масса на сотнях и тысячах примеров показывала новое, социалистическое отношение к труду.

Посредством различных организационных форм, через профсоюзы, через производственные совещания, через различного рода производственные конкурсы на лучшего производственника, на лучший завод, фабрику и т. д., через государственный аппарат, через органы РКИ широкая рабочая масса принимала активное участие в организации социалистического производства, и тем самым среди широкой массы воспитывалось и развивалось социалистическое отношение к труду. Но в этот период, вследствие еще недостаточной развитости социалистического сектора нашего хозяйства, и формы социалистической организации труда были еще не развиты, примитивны.

С переходом к реконструктивному периоду нэпа, к выполнению пятилетки, с переходом к развернутому социалистическому наступлению, в основе которого находится укрепление и развитие социалистического сектора нашего хозяйства, перед рабочим классом нашей страны встали громадные задачи социалистического строительства, которые можно решить лишь социалистическими методами труда и социалистической организацией труда. Уже первые месяцы 1928/29 г., первого года пятилетки, наглядно показали, что старыми методами труда нельзя решить грандиозных социалистических задач хозяйственного строительства. Эти задачи со всей остротой поставили проблему *массового* перехода к высшим, социалистическим формам труда.

В практическом разрешении этой проблемы инициатором выступает ленинский комсомол, который во всю широту, следуя завету Ленина, ставит проблему организации соревнования на социалистических началах. Инициатива комсомола получает поддержку широких рабочих масс, и *социалистическое отношение к труду поднимается на более высокую ступень, социалистическое соревнование становится соревнованием широких рабочих масс, методом социалистического труда*. На этой основе преодолеваются прорывы в хозяйственном плане первого года пятилетки и создаются условия для еще более высоких темпов социалистического развития для второго года пятилетки.

Так как внешним толчком для развития социалистического соревнования послужили хозяйственные затруднения первого года пятилетки, то кое-кто, в особенности правые оппортунисты, пытаются сделать вывод, что социалистическое соревнование есть лишь очередная кампания, направленная на преодоление определенных хозяйственных трудностей, следовательно, имеет временный, преходящий характер. В этом обнаруживается *правооппортунистическая недооценка* социалистического соревнования и ударничества, непонимание, что социалистическое соревнование и ударничество являются новым, социалистическим методом и социалистической организацией труда.

В этой связи следует отметить существенную ошибку, допущенную в сборнике Госплана «Социалистическое соревнование в промышленности СССР», в котором собраны материалы, и очень интересные, первой попытки научного исследования социалистического соревнования, в статье С. Хейнмана (того же названия, что и сборник). По мнению С. Хейнмана, социалистическое соревнование является одним «из важнейших этапов на пути перерастания производственных отношений переходного периода в социалистические производственные отношения» (стр. 9). Рассмотрим это положение Хейнмана более внимательно, ибо в нем ряд грубых теоретических и политических ошибок.

Во-первых, общеизвестно, что хозяйство переходного от капитализма к социализму периода состоит из ряда хозяйственных укладов, следовательно, из ряда отличных производственных отношений. Поэтому нельзя говорить о производственных отношениях переходного периода, как о чем-то едином, как это получается у Хейнмана, когда он говорит о производственных отношениях переходного периода да еще о «перерастании» их в социалистические производственные отношения», не указывая конкретно, какие это производственные отношения, что и куда «перерастает».

Во-вторых, поскольку хозяйство переходного периода состоит из различных хозяйственных укладов, то часть этих укладов не только отлична между собой, но и враждебна и взаимно друг друга исключают. Такими враждебными в нашем переходном хозяйстве являются социалистический и капиталистический сектор. В этом случае уже никак нельзя говорить о «перерастании» производственных отношений переходного периода в социалистические производственные отношения, если только не разделяешь социал-демократическую теорию о «врастании капитализма в социализм» или модифицированную ее форму, правооппортунистическую теорию «врастания кулака в социализм».

Вообще неверно, политически ошибочно говорить о социалистических производственных отношениях как о результате «перерастания», ибо социалистические производственные отношения создаются не путем «перерастания» в них каких-либо других производственных отношений, хотя бы и переходного периода, а путем революционного уничтожения одних хозяйственных укладов, а именно капиталистического, и—путем революционной переделки других, а именно мелкотоварного крестьянского хозяйства. Теория «перерастания» одних производственных укладов в социалистические производственные отношения является, по сути дела, теорией «самотека», правооппортунистическая сущность которой теперь уже достаточно разоблачена.

В-третьих, если согласиться с Хейнманом, что социалистическое соревнование является, хотя и важнейшим, но все же только «этапом» к социалистическим производственным отношениям, то позволительно спросить, какие же производственные отношения существуют на наших государственных предприятиях, в результате и на основе каких производственных отношений возникло социалистическое соревнование.

Не связывая непосредственно социалистическое соревнование с социалистическими производственными отношениями, Хейнман искажает природу социалистического соревнования, которое является результатом социалистических производственных отношений.

В-четвертых, если рассматривать социалистическое соревнование как этап при «перерастании» в социалистические производственные отношения, то следует признать его временный характер и то, что социализму не присуще соревнование. Но такого рода утверждение исключает ленинское положение, что «социализм... впервые создает возможность применить его (соревнование. — *А. П.)* действительно широко, действительно в массовом размере».

Социалистическое соревнование—не этап к социалистическим производственным отношениям, а метод социалистического труда. Поэтому социалистическое соревнование—не очередная хозяйственно-политическая кампания, не временное явление, а постоянный метод социалистического труда.

Социалистическое соревнование имеет исключительное значение для ускоренного построения социализма в нашей стране. Оно развивается в ожесточенной классовой борьбе против мелкобуржуазного анархизма и стихии, в борьбе с ее кулацкой агентурой—правыми оппортунистами. В этих условиях требуется четкая политическая и теоретическая постановка о характере социалистического соревнования, как соревнования, возникающего из социалистической организации труда и ускоряющего развитие социалистического труда. Поэтому сведение социалистического соревнования, как это делает С. Хейнман, к этапу «на пути перерастания производственных отношений переходного периода в социалистические производственные отношения» является теоретическим вооружением правых уклонистов для торможения ими социалистического соревнования, ибо в хейнманской постановке вопроса искажается его социальная природа, с одной стороны, с другой —теоретически обосновывается взгляд на социалистическое соревнование как на «временную кампанию». Этим, по сути дела, правооппортунистическим искажениям должен быть дан самый решительный отпор.

III. Организационные формы социалистической организации труда и социалистического соревнования

а) *ударные бригады, производственные коллективы и коммуны.*

В соответствии с развитием нового, социалистического метода труда, социалистического соревнования, по инициативе самих широких рабочих масс возникают новые формы организации труда, более соответствующие социалистическим производственным отношениям и социалистическому методу труда. Основной и главной организационной формой социалистического труда является в настоящий момент ударная бригада. Среди ударных бригад можно и должно различить целый ряд особых их видов, как, например, ударная бригада—коммуна, ударная бригада—коллектив, сквозные ударные бригады, рационализаторские ударные бригады и т. д. Эти различия можно в основном свести к двум видам: а) различие по формам распределения зарплаты, как это имеет место в отношении, с одной стороны, простых ударных бригад, с другой, ударных бригад-коллективов и коммун; б) различие по целевой установке, как, например, сквозные, рационализаторские бригады и т. д. Более подробно рассмотрим их ниже, сейчас же остановимся на некоторых общих вопросах.

Ударные бригады возникли с первых же дней социалистического соревнования, но в начале они не были основной и господствующей формой социалистического соревнования. Наряду с ними широко практиковалось индивидуальное социалистическое соревнование. Но с развитием и укреплением социалистического соревнования, соревнование в ударных бригадах и посредством их вытесняет и суживает внебригадное индивидуальное соревнование. По данным обследования социалистического соревнования Госпланом (в период с 20/IV по 20/V с. г.) ударными бригадами охвачено 65,2% соревнующихся.

Бригадная форма организации рабочих, получившая широкое распространение на наших фабриках и заводах с момента развития социалистического соревнования, имеет исключительное производственно-экономическое и общественно-политическое значение. Посредством бригадной формы организации рабочих достигается: 1) лучшая общественно-политическая организованность рабочей массы; 2) дальнейшее развитие кооперации труда, в результате чего повышается производительность труда.

Наша социалистическая промышленность состоит из очень крупных предприятий, охватывающих многие сотни и даже многие тысячи рабочих и служащих. В таком большом, состоящем из многих сотен и тысяч рабочих, коллективе отдельный его участник может проявить себя активно лишь в том случае, если внутри этого большого коллектива он будет об'единен в какой-либо маленький коллектив. Если же не будет такого низового организационного звена, то вся организация коллектива в целом становится, по сути дела, формальной и недееспособной и аппарат такой организации будет оторван от широких рабочих масс, будет в большой степени кружиться на холостом ходу.

Побригадная организация рабочих в процессе производства создает базу для создания низовых звеньев партийных, профессиональных и др. организаций в таком виде, что достигается лучшая связь организации с массой и вследствие этого каждый член организации получает возможность для фактического активного участия в работе той или иной организации. В тех предприятиях, где уже партийные и профессиональные организации перестроили свою работу на этой основе, как правило, лучше поставлена политическая и хозяйственная массовая работа, как правило, лучше выполняется промфинплан и, наоборот, где еще не перестроена партийная и профессиональная организация на этой основе, как правило, прорывы в выполнении промфинплана.

Яркой иллюстрацией этого является корреспонденция газ. «Труд» от 12/IX о причинах срыва промфинплана на заводе «Красный Пролетарий» (Москва). «Прорыв на «Красном Пролетарии» (выполнение плана за август всего на 52%),—говорится в этой корреспонденции,—вызван не столько плохим техническим руководством, не столько простоями, прогулами и т. д., сколько неумением заводских организаций даже сейчас, в месячник штурма, сделать свое руководство гибким, оперативным, сливающимся с творческой инициативой самих рабочих». «В бригадах нет еще постоянных парторгов, нет организаторов производственных совещаний, нет низовых бригадных, групповых и посменных треугольников».

Ударные бригады как правило составляются из группы рабочих, более или менее непосредственно связанных между собой в процессе производства. Заключением договора о социалистическом соревновании ударная бригада берет на себя определенные обязательства по трудовой дисциплине—изжитие прогулов, по производительности труда—выполнение определенной нормы изделий, по качеству изделий и т. д. За выполнение этих обязательств отвечает каждый участник бригады и бригада в целом, вследствие этого внутри бригады устанавливается обычно товарищеская производственная взаимопомощь и внутренний товарищеский общественный контроль над работой каждого участника бригады. *В связи с этим расширяется и усиливается кооперативность труда, вследствие которой повышается производительность труда.* Целый ряд обследований заводов единодушно устанавливает значительное повышение производительности труда (иногда доходящее до нескольких десятков процентов), повышение дисциплины труда, почти полное изжитие в бригадах прогулов и т. д.

Ударные бригады, повышая кооперативность труда на наших предприятиях, не изменяют существующую систему зарплаты. В ударной бригаде сохраняется система индивидуальной зарплаты, сдельной или повременной. В этом основное отличие ударной бригады, как таковой, от других видов коллективов, в которых устанавливается коллективная зарплата на всю бригаду, которая уже внутри бригады-коллектива делится по той или иной определенной системе между участниками коллектива. Для такого типа коллективов в настоящее время наиболее характерными способами распределения зарплаты являются следующие: 1) поровну между участниками коллектива за фактически отработанное ими рабочее время, 2) в соответствии с квалификацией, т-.е. по разрядам, 3) делится поровну только приработок сверх тарифной ставки, которая сохраняется по разрядам, т.-е., иначе говоря, тарифная ставка сохраняется как индивидуальная ставка для каждого участника коллектива в соответствии с его квалификацией. Общим для коллектива является приработок сверх тарифной ставки.

За коллективами, в которых зарплата распределяется поровну, широко установилось название—*ударных бригад-коммун.* При распределении зарплаты по разрядам или поровну только приработка ударная бригада обычно наз. *коллективом.* Такое различие между коммуной и коллективом в значительной степени является основным на внешних отличиях, на внешних признаках. Обычно считается, что коммуна отличается от коллектива тем, что в ней уравнительная зарплата, а в коллективе нет. Но это неверно, ибо и в коллективе, поскольку зарплата получается на коллектив в целом, есть уже некоторая уравнительность, при чем в коллективе с разными разрядами, в котором сохраняется тарифная ставка по разрядам, а приработок делится поровну, уравнительность будет большая, нежели даже в коммуне, состоящей из одноразрядников. Следовательно, не в этом направлении различие между коллективом и коммуной. Различие имеется, но оно заключается в различной организации труда внутри коллектива и коммуны, а не в том, уравнительная или неуравнительная зарплата, ибо распределение зарплаты поровну является само следствием определенной организации труда и только в этом случае становится вполне устойчивым и нормальным явлением.

Коллективы и коммуны обычно возникают из ударных бригад, а в некоторых предприятиях, как, например, на Электрозаводе (Москва), иногда даже внутри ударных бригад, когда эти ударные бригады охватывают более или менее значительное количество рабочих. Ударная бригада подготовляет условия и не только общественно-политические, но и производственно-экономические для образования производственных коллективов и коммун. Как уже отмечалось, ударная бригада повышает кооперативность труда и вследствие этого его продуктивность и производительность. Увидев это, рабочий пытается еще больше развить кооперацию своего труда с трудом своих сотоварищей. Но тут он встречается со значительным препятствием—индивидуальной зарплатой, которая в известной степени раз'единяет одного рабочего с другим. Так, например, рабочий Иванов выполняет свою операцию по определенному изделию после рабочего Петрова, при чем от качества работы последнего очень во многом зависит успех рабочего Иванова, при сдельной работе, следовательно, и его заработок. Но размер заработка Иванова не касается лично Петрова, вследствие этого он прямо не заинтересован в том, чтобы так подготовить для Иванова работу, чтобы последний успешней работал.

Рабочие сами, по своей инициативе, нашли путь к преодолению этого затруднения—*коллективная работа в бригаде — коллективная зарплата.* В этом случае *зарплата из фактора сдерживающего развитие кооперации труда превращается в фактор, ему содействующий.* Поэтому, как правило, производственные коллективы и коммуны возникают на *основе полной перестройки производственного процесса и в соответствии с этим полной перестройки организации труда.* В качестве примера можно указать Златоустовский механический завод им. Ленина на Урале, где впервые и в массовом масштабе образовались коллективы и производственные коммуны и их организация происходила на основе создания самими рабочими поточной системы работы (см. материалы обследования Госплана в указанном выше сборнике).

Точно так же в сварочном цехе Электрозавода (Москва) коммуны возникли на основе новой организации труда. До организации коммуны сварщики сваривали трансформаторный кожух в целом. С организацией коммуны (имени XVI партс'езда) рабочие по своей инициативе разбили процесс сварки трансформаторного кожуха на ряд операций (примерно в количестве 17), последовательно выполняемых участниками коммуны. Получилась в своеобразной форме поточная система работы, которая у нас, к сожалению, многим представляется обязательно в виде сложной организации с особыми механическими устройствами и обязательно движущейся лентой—конвейером. На самом деле поточную систему работы возможно организовать более просто, без особых почти затрат, расставив соответствующим образом рабочих в процессе производства.

В связи с реорганизацией процесса труда в значительной степени меняется старое значение и место квалификации отдельных рабочих. С разбивкой работы на операции, с одной стороны, упрощается выполнение этих операций, с другой,—рабочий в сравнительно короткий период времени достигает соответствующей квалификации. В этом же направлении вообще развивается в настоящее время организация производства на наших предприятиях в связи с их технической реконструкцией.

При сдельной работе расценок устанавливается на то или иное изделие вне зависимости от определенного рабочего, поэтому одну и ту же работу могут выполнять и обычно выполняют рабочие различной квалификации. Очень часто случается так, что рабочий, тарифицируемый по более низкому разряду, зарабатывает больше, чем рабочий более высокого разряда. При сдельщине, в особенности при стандартном, серийном производстве, значение разряда для величины заработка в большой степени ослабляется.

Кроме этого существенное значение для организации коллективов, в особенности коммун, имеет то обстоятельство, что в них, при правильном распределении работы среди их участников, с учетом личных способностей каждого, что вполне можно сделать в небольшом количестве, создается более благоприятная обстановка для полного, предельного использования способностей и сил каждого рабочего в соответствии с его квалификацией. Таким образом, в коллективе или коммуне более квалифицированный рабочий получает для себя такую обстановку (которую он не может иметь при индивидуальной работе), когда он может самым выгодным образом использовать, применить свою рабочую силу и свою квалификацию, и вследствие этого весь коллектив даст повышенную производительность труда и получит повышенную зарплату.

Наряду с лучшей организацией труда в коллективах и коммунах повсюду наблюдается лучшее, более полное использование оборудования. При коллективной работе простой не по вине рабочего оплачивается в счет общей кассы коллектива, что понижает общий заработок коллектива. Во избежание этого коллектив принимает все меры, чтобы не допустить простоя оборудования, ибо он при любых условиях им невыгоден. При индивидуальной сдельной работе бывают случаи, когда рабочий находит «выгодней» со своей личной точки зрения иметь несколько часов простоя, нежели получить работу. При коллективной работе такая «выгодность» исключается, поэтому лучше, полней используется оборудование, производительность труда увеличивается.

Некоторым кажется, что в коммунах, где зарплата распределяется поровну, отпадает стимул к поднятию квалификации рабочих. Такое представление не совсем верно. *Производственные коммуны* в своей подавляющей массе, как это показывают и материалы обследования соцсоревнования Госпланом, *содействуют повышению квалификации своих участников*. Более квалифицированные рабочие оказывают постоянную товарищескую помощь менее квалифицированным, в производственной коммуне исчезает «секретничество», которое еще сохранилось среди части рабочих,—все это содействует росту квалификации всех участников производственной коммуны.

Лучшая организация труда, лучшее использование оборудования и инструментов, товарищеская производственная взаимопомощь—все это вместе взятое создает целый ряд преимуществ для работы в производственных коллективах и коммунах. В них повышается производительность труда и в связи с этим зарплата. В ряде случаев повышение производительности труда и зарплаты достигает такого уровня, что создаются вполне нормальные условия для распределения заработной платы поровну, т.-е. условия для образования т. н. производственной коммуны, когда разница в разрядах с избытком перекрывается общим повышением зарплаты членов коммуны. Это тем более достижимо, если принять во внимание, что в производственных коммунах, состоящих из рабочих разных разрядов, обычно нет резкой разницы в разрядах, эта разница для подавляющего количества производственных коммун сводится к 1—2 разрядам, что уже и до коммун, при сдельной работе, не имело большого влияния на уровень заработка рабочего.

Некоторым кажется, что производственные коммуны и коллективы по преимуществу организации молодежи. Это неверно. По материалам обследования Госплана (512 коллективов и коммун с 5.294 чл.) молодежи до 25 лет насчитывается всего лишь 30%, все остальные—старше 25 лет.

Производственные коллективы и коммуны, как правило, возникают и развиваются на вполне здоровой технико-экономической основе. Поэтому, несмотря на краткость времени их существования, они заняли вполне определенное место на наших фабриках и заводах. Среди общего количества ударных бригад, производственных коммун и коллективов насчитывается 19,5%, они охватывают около 100 тыс. рабочих, т.-е. 12.8% всех соревнующихся рабочих (по данным Госплана за май месяц).

Само собой разумеется, в таком большом массовом движении за производственные коллективы и коммуны имеется целый ряд случаев извращений, когда, например, коллективы и коммуны создавались лишь из-за уравнительности в заработной плате, без всякой связи с перестройкой организации труда. В этом случае, как и во всей борьбе за социалистическую организацию труда, проявляются *мелкобуржуазные тенденции части отсталых рабочих*, в особенности неквалифицированных или малоквалифицированных, главным образом, новых рабочих, идущих из деревни. Имеются также случаи *цеховой* замкнутости отдельных коллективов и коммун, использования их для прикрытия рвачества со стороны некоторых групп отсталых рабочих. *Этим мелкобуржуазным настроениям необходимо дать самый решительный пролетарский отпор.*

Сознательные рабочие, составляющие основную массу участников коллективов и коммун, этот отпор дают. Необходимо и в дальнейшем не ослаблять борьбу с мелкобуржуазными настроениями, необходимо тщательно подготовить условия для организации производственных коллективов и коммун, ставить *обязательным условием* их организации *перестройку организации труда*, обеспечивающей поднятие производительности труда. Производственные коллективы и коммуны в том случае по существу, а не по названию, являются социалистической организацией труда, если они дают более высокую производительность труда, нежели при индивидуальной работе и зарплате. При организации производственных коллективов и коммун должен строго соблюдаться принцип *добровольности*.

На данном этапе развития социалистического соревнования наиболее целесообразным является организация производственных коллективов, т.-е. таких коллективов, где коллективная зарплата распределяется по разрядам, ибо в этом случае сохраняется больше непосредственно экономических стимулов для повышения квалификации и имеется необходимая для этого дела постепенность перехода от старых форм зарплаты к новым. Всякая неосторожность или поспешность в этом переходе может вызвать и вызывает дезорганизацию в рядах рабочих, понижение их дисциплины и производительности труда. Но говоря о тщательной подготовке условий для создания производственных коллективов и коммун, о предпочтении коллективов коммунам, было бы большой ошибкой препятствовать организации последних. А такие случаи имеются на некоторых фабриках и заводах. *Недооценке производственного и общественно-политического значения производственных коллективов и коммун должен быть дан самый решительный отпор!*

Организация производственных коллективов и коммун должна допускаться лишь *на сдельных работах*, ибо только при сдельщине имеется непосредственная связь между заработком рабочего и производительностью его труда. Поэтому только в этом случае коллективная зарплата может стимулировать поднятие производительности труда при коллективной работе. *При повременной работе* переход к коллективной зарплате будет простой уравнительщиной в зарплате, не связанной с изменениями в организации труда, поэтому *вредной* для производства.

Производственные коммуны и коллективы имеют ряд технико-экономических и общественно-политических преимуществ перед простыми ударными бригадами. Но *ударные бригады* все же должны считаться *главной и основной формой организации труда* на наших социалистических предприятиях, главной и основной формой проведения социалистического соревнования. Это обусловливается следующими основными причинами: во-первых, простая ударная бригада не связана с коренной ломкой индивидуальной зарплаты, поэтому в ней легче об'единить основную массу работающих. Переход к коллективу или коммуне требует более высокой политической сознательности от рабочих. Во-вторых, простые ударные бригады могут быть организованы и при сдельной и повременной работе, тогда как коллектив или коммуна только при сдельной. Сдельные же работы в настоящее время охватывают почти только производственных рабочих, и то не всех, а лишь 62,5% (по данным за сентябрь 29 г. о количестве времени, проработанном на сдельных работах, см. «Вопросы труда в цифрах» за 1927—30 гг.). В отношении всех же работающих, рабочих и служащих, количество работающих сдельно будет меньше половины. По одному этому развитие производственных коллективов и коммун ограничено.

Таким образом, только ударная бригада может охватить всех работающих и вовлечь их в действительное участие в социалистическом соревновании. Ударная бригада является основной и главной формой социалистического труда, его метода—социалистического соревнования. При этом следует отметить, что производственные коллективы и коммуны также лишь постольку сохраняют свой характер социалистической организации труда, поскольку они являются ударными бригадами, активно участвуют в социалистическом соревновании, дают высокую производительность труда. Иначе они становятся лжесоциалистическими организациями и должны быть реорганизованы.

В настоящее время, когда проводится мобилизация всех сил рабочего класса на ликвидацию прорывов текущего хозяйственного года и на полное выполнение грандиозного хозяйственного плана наступающего 3-го года пятилетки, от которого зависит выполнение пятилетки в 4 года,—особое внимание должно быть обращено на развитие и укрепление ударных бригад, как основной организационной формы социалистического соревнования, как главного условия выполнения хозяйственных наших планов. Какая бы то ни была недооценка ударных бригад в настоящее время представляет очень большую хозяйственно-политическую опасность. Этой недооценке должна быть об'явлена самая решительная борьба. В этой связи следует отметить, как существенный недостаток обследования Госпланом СССР социалистического соревнования, то, что в этом обследовании мало уделено внимания углубленному изучению ударных бригад. Основное внимание сосредоточено в опубликованных материалах (см. вышеназванный сборник) на производственных коллективах во всех их видах. Вследствие этого ударные бригады не получили полного освещения, их работа не показана в полном об'еме, не показано, что ударные бригады являются основной, главной организационной формой социалистического соревнования.

(Окончание следует).

Модест Рубинштейн.

Как „гниет заживо“ современный капитализм.

Развитие мирового экономического кризиса летом 1930 г. по своей стремительности, широте охвата и остроте проявлений превзошло все ожидания. Лопнули, как мыльные пузыри, все «предсказания» буржуазных экономистов о быстром преодолении «досадной заминки» в мировой продукции и торговле. Провалились предсказания правых оппортунистов и прочих певцов «организованного капитализма» о смягчении проявлений кризиса под воздействием картелей и трестов. Поочередно испарялись надежды капиталистов и социал-фашистов каждого из капиталистических государств на исключительность развития «их страны» и возможности для нее избежать грозных потрясений мирового кризиса.

Кризис охватил в настоящее время весь капиталистический мир, от мощных цитаделей современного империализма до самых глухих и отдаленных колоний, охватил все капиталистические страны без всяких из'ятий и исключений. И в «счастливой Франции», долженствовавшей якобы избежать общей судьбы, началось пока еще медленное, но постепенно получающее все большее ускорение снижение продукции и торговли, падение цен и выявление других показателей кризиса. По свидетельству Берлинского кон'юнктурного института, две страны, составлявших до сих пор исключение из общей картины мирового кризиса — Чили и Новая Зеландия, за последние месяцы также показывают перелом к снижению.

Таким образом, как раз в условиях кризиса ярко выявляется взаимозависимость и создается своеобразное «единство» разных частей капиталистического мирового хозяйства. Одно звено тянет вниз другое, усиливая и расширяя явления кризиса, вызванные в основном во всех капиталистических государствах одинаковыми причинами. В то же время это выявление всеобщности и взаимозависимости кризисных явлений сопровождается резким усилением неравномерности капиталистического развития, скачкообразным изменением соотношения сил разных капиталистических государств и резким ростом империалистических противоречий. В этом сказывается диалектическая противоречивость и вместе с тем «единство противоположностей» гигантского кризиса, развертывания мирового экономического кризиса капитализма, кризиса, который в ряде стран продолжается уже около года, но о близости конца которого покамест не приходится и гадать. Кризис все еще в процессе нарастания, развертывания «всерьез и надолго», углубления и обострения.

Маркс как-то писал, что «все противоречия буржуазного производства проявляются во всеобщих мировых кризисах коллективно».

В мировом кризисе 1930 года—самом глубоком и самом всеобщем из всех кризисов во всей истории капитализма,—мы видим «коллективное проявление» как общих противоречий, сопровождающих капитализм на всем пути его развития, так и специфических противоречий современного, т.-е. загнивающего, умирающего капитализма.

Мы остановимся в данной статье лишь на одном из этих основных противоречий, на небывало ярком выявлении во время кризиса того положения, что оболочка капиталистических частнособственнических отношений стала непреодолимым препятствием не только для роста, но даже для сохранения производительных сил.

За последние годы перед кризисом в ряде капиталистических стран происходил бешеный рост техники. Непрестанный поток исследований, изобретений, мелких безымянных усовершенствований производственных процессов приводил к глубочайшему изменению технической основы ряда разнообразнейших производств. С другой стороны, еще до кризиса, а с особенной силой и размахом во время кризиса, выявились еще более бешеные усилия капитализма обуздать этот рост.

С одной стороны, мы видим за эти годы стремительное развитие капиталистической рационализации, пытающейся уплотнить и использовать для эксплоатации каждую не только минуту, но и секунду рабочего времени, а с другой, —еще более ускоряясь, идет небывалый по масштабу рост так наз. «растрат» капитализма, колоссального расточения труда рабочих, их жизни, здоровья, нервов и мышц, а также бессмысленно дикого уничтожения «кристаллизованного труда»—машин и других орудий производства, сырьевых и продовольственных запасов.

Несмотря на то, что капиталистическая (и реформистская) пресса и наука обычно тщательно скрывают и замалчивают соответствующие факты, захлебываясь от славословий прогрессу и «процветанию», мы можем привести тысячу фактов этого рода из всех областей капиталистического хозяйства, фактов, которые кричат о гниении и разложении капитализма громче всяких отвлеченных рассуждений.

Во время кризисов этот процесс гниения получает такое быстрое болезненное распространение, что начинает грозить самому существованию миллионных масс резким снижением жизненного уровня.

Приведем лишь несколько характерных примеров из основных отраслей хозяйства.

В области производства продовольствия и сырья, с которыми связано существование сотен миллионов работников, монополистический капитализм проводит во время кризиса в громадном масштабе сокращение производства и непосредственное уничтожение запасов, пытаясь этим путем помешать падению цен. Возьмем, например, пшеницу и другие зерновые хлеба, т.-е. основу питания всего человечества.

Как-раз в то время, когда Советский Союз проводил первую «большевистскую весну», напрягая все силы для расширения посевной площади и повышения урожайности посредством коллективизации, как-раз тогда, когда десятки миллионов людей в Китае и Индии умирали от голода, правительство и мощные капиталистические организации Соединенных Штатов напрягали все силы для того, чтобы сократить на 10—20% посевы пшеницы. Для этой цели была развернута широчайшая агитационная кампания по всей стране, были затрачены миллионы долларов.

Однако, и здесь попытки планового регулирования якобы «организованного» капитализма дали осечку. Провести сокращение посевной площади весной 1930 года федеральному фермерскому бюро и департаменту сельского хозяйства Соединенных Штатов не удалось по причинам, на которых мы остановимся в другом месте. Не обескуражившись этим провалом, фермерское бюро готовится осенью 1930 года повторить тот же опыт в более широком масштабе (сокращение посевной площади пшеницы на 25%). Но так как весной посевная площадь не была сокращена, а цены, несмотря на неурожай в Канаде и Аргентине, продолжали катиться вниз, кошмаром американского капитализма стал хороший урожай. Еще весной этого года многие американские экономисты заявляли, что сельскому хозяйству Соединенных Штатов грозит катастрофа, если урожай будет хотя бы только нормальным.

Как пишет один английский банковский бюллетень, основной «молитвой в Соединенных Штатах стала молитва о ниспослании плохого урожая». 1)). Сильнейшая засуха сократила почти вдвое урожай кукурузы. Цены на кукурузу выросли настолько, что превысили цены на пшеницу. Тотчас же началось в широчайшем масштабе скармливание пшеницы скоту. Департамент земледелия в своем заявлении от 28 июля с. г. официально рекомендует фермерам заменить кукурузу пшеницей в качестве корма для скота, расписывая ее большую питательность и выгодность для коров, свиней, овец и кур. В то же время сенаторы из аграрных штатов обращаются к Гуверу с предложением закупить за счет правительства партию пшеницы для «помощи голодающим в Китае и Индии». Это обращение остается, однако, без ответа.

Так как засуха получила для значительных масс фермеров в кукурузных районах характер подлинной катастрофы, пришлось еще раз прибегнуть к испытанному средству — обратиться за помощью к боженьке. «Нью-Йорк Таймс» от 20 июля с. г. сообщает, что во всех церквах Канзаса усиленно служатся молебны о ниспослании дождя. При чем эта солиднейшая в Соединенных Штатах газета добавляет, что «если ответ на эти молитвы не последует в самом непродолжительном времени, то многим фермерам угрожает вытеснение из сельского хозяйства». В самом деле, положение мелких фермеров в нынешнем кризисе является весьма своеобразным: как хороший, так и плохой урожай одинаково сулит им разорение.

Член конгресса от Канзаса Айрес летом этого года подвел следующие красноречивые итоги «помощи» правительства Соединенных Штатов сельскому хозяйству: «После 10 лет изучения и обсуждения в конгрессе, после года действия закона—о помощи фермерам, после израсходования большей части ассигнованных для этой цели 500 миллионов долларов, мы имеем в настоящее время два предложения американским фермерам: первое — сократить посевную площадь под пшеницей на 25%, т.-е. сократить сборы на 200.000 бушелей. Это означает во многих районах смертный приговор для большинства пшеничных фермеров, которые должны уйти из сельского хозяйства. Второе лекарство — надеяться на помощь со стороны засухи, наводнений и всевозможных эпидемий и вредителей, вроде саранчи, жучка-долгоносика, червей и т. п., которые помогут сельскому хозяйству выйти из беды». («Journal of Commerce», от 29 июля с. г.).

То же самое происходит в ряде других капиталистических стран 2)).

Так как на саранчу можно рассчитывать не во всех странах, капиталисты пытаются кое-где по мере своих сил ее заменить. Например, в Германии, где министр продовольствия Шиле также твердит о «большой опасности хорошего урожая», в широком масштабе применяется с прошлого года так называемая эозинация ржи, т.-е. отравление зерна краской — эозином, делающей его непригодным для потребления людей. Эозинированная рожь, идущая на корм скоту, официально котируется на хлебных биржах со скидкой против обычных цен. Той же цели достигают посредством т. н. газофикации ржи, т.-е. обработки зерна особым газом.

---

1)) «Westminster Bank Review», № 197.

2)) Мы уже отмечали в №№ 7—8 и 9 «Большевика» сообщение одной южноафриканской газеты о том, как фермеры целого округа ждут, точно манны небесной, прилета саранчи, ждут ее, как единственной надежды на избавление от разорения.

Во Франции под давлением аграриев снят недавно закон, запрещавший скормление пшеницы скоту, принявшее там такие широкие размеры, что благодаря ему удалось вздуть цены.

В Румынии оптовая цена кукурузы упала ниже цены дров и массовое распространение получила топка печей кукурузными початками.

Впрочем в Соединенных Штатах кое-где ухитрились топить печи даже печеным хлебом. По сообщению «Fed. Press», в Филадельфии, где имеются десятки тысяч безработных, American Stores—цепная система продуктовых магазинов, ежедневно загружает свои топки двумя грузовиками непроданного хлеба. Когда же один из кочегаров захватил пару булок для своих детей, заметивший это мастер немедленно уволил его («Labor. News» от 23/VI).

Еще в больших размерах сказываются те же тенденции в области колониальных растительных продуктов. Широкую известность получила вакханалия с бразильским кофе. Вслед за стремительным падением цен и провалом так наз. валоризации бразильские плантаторы выбросили в море свыше 2 миллионов мешков кофе. Старые запасы кофе в элеваторах гниют, и капиталисты не знают, как освободиться от них, чтобы очистить место для нового урожая. Кофейные кусты на плантациях вырываются из земли, сжигаются или площади между ними засаживаются другими растениями.

То же самое происходит и на чайных плантациях. Например, ассоциация плантаторов Индонезии постановила значительно сократить новые посадки и пропустить несколько обычных сборов. Плантаторы Британской Индии также оставили на поле очередной сбор чайных листьев.

В производстве сахара на Кубе капиталисты делают отчаянные попытки сократить плантации и переработку сахарного тростника.

Не лучше обстоит дело и с производством свекловичного сахара в Европе. Немецкий экономический журнал «Der deutsche Volkswirt» отмечает, что германский сахар продается за границей по мировым ценам с громадным убытком. Внутри же страны он, с одной стороны, идет по дешевке на корм скоту, с другой — продается широким массам по невероятно вздутым при помощи высоких пошлин ценам. Этот журнал подробно обсуждает «величайшую опасность дальнейшего расширения посевной площади свеклы в результате давления помещиков, настаивающих на новом повышении цен», и требует принятия решительных мер для предотвращения этой грозной опасности.

В Южной Африке, вследствие падения вдвое цен на картофель, фермеры в некоторых районах решили вовсе не выкапывать его из земли, оставив гнить в поле.

По сообщению из Калифорнии, там летом этого года подписано соглашение, дающее возможность крупному об'единению фруктовых плантаторов закупить и уничтожить 80.000 тонн персиков в долине Сакраменто (что составляет половину мирового сбора персиков соответствующего сорта). Посредством этого массового уничтожения плантаторы надеются удержать цены от падения. Сообщающая об этом решении экономическая газета «Journal of Commerce» замечает, что когда отдельные фермеры оставляют свои фрукты гнить, так как расходы по их транспорту и продаже не покрываются—это, мол, их личное дело. Убытки не позволят им часто повторять подобные опыты. Но когда это организованное уничтожение производится мощной сбытовой организацией, оно получает совершенно другой характер, размах и следствия.

Выходящая на острове Ямайка газета «Jamaica Gleaner», пишет в передовице, что единственным спасением от дальнейшего углубления кризиса мог бы быть лишь опустошительный ураган, который резко сократил бы урожай фруктов.

В связи с отмеченной выше засухой в кукурузных районах Соединенных Штатов и одновременным падением цен на мясо, газеты сообщают о массовом уничтожении скота фермерами, которые опасаются, что цены упадут в дальнейшем еще ниже.

В добыче каучука плантаторы Индонезии, в связи с неуклонным, все более стремительным падением цен, добились соглашения о прекращении на несколько месяцев надсечки каучуковых деревьев. Правительство Индонезии под давлением англо-голландского финансового капитала пытается рядом принудительных мер заставить мелких туземных производителей сократить посадку деревьев и добычу каучука. Плантаторы Малайских штатов постановили в июле 1930 года на конференции в Куала-Люмпур добиваться полного прекращения добычи каучука на 3 года.

Совершенно аналогичные явления можно отметить в производстве текстильного сырья всех видов.

Например, тот же департамент земледелия Соединенных Штатов ведет в настоящее время широчайшую кампанию за сокращение посевов хлопка на 20%. Спекулянты на хлопковых биржах иногда сознательно распространяют уничтожающего хлопковые посевы жучка-долгоносика для того, чтобы создать в соответствующих районах панику и вздуть цены. Значительные количества хлопка сознательно оставляются на полях неубранными. На хлопковых складах все чаще вспыхивают внезапные пожары, позволяющие сразу убить двух зайцев — получить страховку и сократить запасы.

Во второй важнейшей стране, поставляющей хлопок — Египте, правительство настойчиво проводит в жизнь декрет о сокращении (на 3 года) хлопковых посевов на $\frac{1}{3}$, а для того, чтобы обеспечить его выполнение, оно приостанавливает орошение целых районов.

В производстве шерсти, где основным поставщиком мирового рынка является Австралия, австралийское правительство ассигновало несколько месяцев тому назад $3\frac{1}{2}$ млн. фунтов стерлингов, чтобы из'ять с рынка $\frac{1}{3}$ всего сбора шерсти 1930 года и этим путем воздействовать на цены. В западной Австралии летом 1930 года постановлено для достижения той же цели уничтожить миллион овец.

В несколько других формах проявляются растраты производительных сил современным капитализмом в добыче топлива и металлического сырья.

Длительный послевоенный кризис угольной промышленности привел во всех капиталистических странах к крайне слабой загрузке предприятий, работающих большей частью 2—3 дня в неделю. В ряде угольных районов Соединенных Штатов углекоп зачастую приходит в шахту из дальних поселков лишь для того, чтобы узнать, что работы сегодня не будет. Шахтовладельцы откровенно заявляют, что «300.000 углекопов являются лишними в промышленности и должны вымереть для блага дела». С обострением угольного кризиса летом 1930 года в ряде стран навсегда закрываются, в отдельных случаях затопляются шахты, а окружающие их горняцкие поселки, населению которых некуда податься, обрекаются на голод и вымирание. В Южном Уэльсе и Рурской области, в Верхней Силезии и в Домбровском бассейне, в Жилавской долине и в горах Австрии заброшенные шахты и развалившиеся домишки углекопов показывают нарастание кризиса ярче всяких статистических таблиц.

В нефтяной промышленности, несмотря на громадный рост добычи и потребления нефти для всех видов транспорта, несмотря на все яснее вырисовывающиеся перспективы относительно быстрого исчерпания нефтяных ресурсов, растраты современного капитализма получают все более грандиозные размеры. Бешеная конкуренция в добыче нефти (сохраняющаяся, несмотря на сильнейшую концентрацию транспорта, переработки и сбыта) приводит к уходу в воздух громадных количеств газа, что равносильно сжиганию без толку сотен тысяч тонн угля ежедневно. Эта же конкуренция приводит к тому явлению, что там, где для правильной разработки нефтяного пласта достаточна одна буровая скважина на 10—20 акров площади, на 1 акре бурится 10 и более скважин (т.-е. 100—200 вместо 1) и, таким образом, нефть и газ напрасно растрачиваются. Каждый владелец нефтеносного клочка земли спешит заложить возможно больше скважин, чтобы обогнать соседа и отсосать у него нефть. Это приводит, с одной стороны, к излишним затратам по бурению, с другой—к еще большему усилению перепроизводства. Немудрено, что находка новых нефтяных источников приводит капиталистов в содрогание и они настойчиво пытаются (как, например, в Оклагоме) достигнуть соглашения об ограничении бурения, об отказе от усовершенствований в методах добычи и т. д.

Но все эти попытки большею частью ни к чему не приводят, так как для осуществления такого ограничения необходимо об'единение добычи в руках одного треста на 100%, что большей частью оказывается невозможным. 1% меньшинства может опрокинуть все соглашения. Неудивительно, что на одном собрании нефтяников в Соединенных Штатах серьезно обсуждался вопрос о сожжении 500 тысяч барилей уже добытой нефти для поддержания цен.

Сознательное ограничение производства в широчайшем масштабе монополистические об'единения пытаются проводить и в добыче металлов, особенно цветных—меди, цинка, свинца, олова и друг. Например, Ассоциация производителей олова постановила сократить на 20% продукцию в Малайских Штатах, Сиаме, Боливии, Нигерии, Южной и Восточной Африке, а весной 1930 г. она приняла постановление о полном прекращении добычи на несколько месяцев.

В обрабатывающей промышленности громадный рост капиталистических растрат с развитием кризиса проявляется, прежде всего, в резком падении загрузки производственного аппарата. В Соединенных Штатах металлургическая промышленность работает в настоящее время на 50% своей производственной способности, автопромышленность загружена не более, чем на ⅓. В Англии загрузка хлопчатобумажной промышленности составляет менее 50%.

В Германии работают в настоящее время менее половины наличного числа доменных печей. Все основные отрасли металлообрабатывающей промышленности также загружены в среднем лишь на 50%, а некоторые из них (автопромышленность, вагоностроение и др.) значительно меньше. Общая загрузка всей промышленности, по данным Кон'юнктурного института, составляла в июне около 60%, а в июле и августе продолжалось дальнейшее снижение.

Такие же данные можно привести и из ряда других стран.

При этом необходимо помнить, что все эти проценты относятся к полной загрузке в одну рабочую смену, так что действительная степень загрузки и полного использования производственного аппарата в 2—3 раза меньше, чем показывают вышеприведенные цифры.

Вряд ли будет ошибочным утверждение, что средняя загрузка наличного производственного аппарата основных капиталистических стран составляет в настоящее время ¼—⅓ его производственной способности. В результате ряд технических достижений и усовершенствований производственного аппарата экономически идут на смарку, а капиталистическая рационализация, несмотря на несомненное наличие громадных технических сдвигов, сводится в основном к резкому усилению эксплоатации и интенсивности труда.

Небывало-низкая нагрузка производственного аппарата резко снижает эффективность предприятий и среднюю производительность труда, несмотря на значительный рост интенсивности работы каждого отдельного рабочего. Громадные вложения капиталов в переоборудование предприятий, современнейшие машины и аппараты, все улучшения организации производства и усиление напряженности труда оставшихся на работе оказываются при такой недогрузке производственного аппарата совершенно бесцельными и ведут зачастую не к снижению, а к повышению себестоимости продукции, не говоря уже о ценах. Цены под воздействием монополистических об'единений во многих случаях совершенно теряют связь с себестоимостью. Достаточно привести для иллюстрации лишь один яркий пример, вызвавший «бурю в стакане воды» на 2-м международном энергетическом конгрессе в Берлине, где американский посол в Германии заявил в своем выступлении, что цены на электрическую энергию в 15 раз превышают себестоимость.

Вместе с развитием мирового экономического кризиса мы видим в настоящее время явный кризис массового производства, которое явно оказывается не по плечу современному капитализму. Как раз особенности массового производства — этой важнейшей основы современной техники—резко углубляют кризис перепроизводства и затрудняют выход из него. Массовое производство связано с высоким органическим составом капитала и значительным снижением доли зарплаты в стоимости продукции. Между тем, при сокращении продукции и загрузки производственного аппарата, расходы на амортизацию основного капитала почти не снижаются, машины и оборудование морально изнашиваются еще быстрее, чем прежде. Простой этих машин тяжелой гирей висит на стоимости производящихся продуктов.

Как-раз потому, что современная техника дает возможность в громадных количествах производить непрерывным потоком все необходимое человечеству, миллионы рабочих выбрасываются капитализмом на улицу, машины ржавеют и стареют, голод и нищета цепко охватывают предместья городов, глухие рабочие поселки, деревни и фермы.

Мы уже не останавливаемся на многочисленных фактах такого рода, как, например, массовая скупка американскими автотрестами подержанных автомобилей для их уничтожения, выбрасывание в лом громадного количества текстильных станков в Англии, выведение из строя и частичное уничтожение морских судов общей вместимостью в несколько миллионов тонн (в том числе новых моторных судов) и т. д., и т. п. Заведующая отделом промышленности штата Нью-Йорк Перкинс в своем заявлении сенату наивно рекомендует предпринимателям задержать введение новых машин до тех пор, пока не сделано хотя бы попытки обеспечить работу для вытесненных из производства рабочих. Конференция ученых экономистов призывает предпринимателей Соединенных Штатов во что бы то ни стало замедлить «дикий джаз-банд» современной индустрии. А на другой стороне земли — в Китае, по сообщению «Commerce Reports» от 24/III, «недавно ввезенные дорожные машины вновь вытесняются вследствие крайнего удешевления труда кули. Тракторы лежат без дела на складах в то время, как кули тащат тяжелые катки руками».

Такой же кризис переживает в настоящее время и капиталистическая рационализация. Тупик, к которому привели все ее «успехи» последних лет, выявился с такой ясностью, что его не могут отрицать и буржуазные экономисты. Например, газета германской тяжелой промышленности «Deutsche Bergwerks Zeitung» (от 14 мая с. г.) в передовице под заглавием «Нерациональная рационализация» уныло констатирует, что рационализация приводит к все новым остановкам предприятий, к все большей безработице»... Успехи рационализации и концентрации капитала последнего времени являются, по заявлению этой газеты, «не показателями цветущего хозяйства, а скорее судорогами смертельно раненого». Германский же экономический журнал «Magazin der Wirtschaft» в передовице под заглавием «Баланс рационализации» подводит следующие итоги:

«Идея рационализации испытала в Германии тяжелую судьбу. Со всем усердием и пылом, на которые мы только способны, мы бросились после инфляции на рационализацию, изучали ее в Америке, организовывали у нас и прославляли, как всеисцеляющее средство, которое должно найти выход из всех хозяйственных трудностей. Теперь, во время депрессии, весь мир недоволен рационализацией. Предприниматели винят рационализацию в плохой загрузке своих предприятий, так как она повсюду привела к расширению производственной способности... Они указывают, что рационализация сделала предприятия еще более чувствительными к колебаниям кон'юнктуры, чем они были раньше... Рабочие делают рационализацию ответственной за безработицу. Вначале отношение германских рабочих к рационализации было образцово положительным (?). Они признали рационализацию как необходимое средство для повышения производительности и были готовы взять на себя временно тяготы для достижения этой цели. Теперь это отношение изменилось. Недовольны, наконец, и потребители..., заявляющие, что снижение себестоимости рационализацией не отразилось на ценах... Словом, повсюду недовольство. Трезво и холодно смотрим мы теперь на движение, которое пять лет тому назад еще ослепляло большинство».

Автор пуще огня боится расширения производственной способности. Он приводит многочисленные примеры «неудавшегося фордизма» в производстве велосипедов, в автомобильной промышленности Германии и ряде других производств, где работа непрерывным потоком, конвейер и другие методы массового производства быстро натолкнулись на невозможность массового сбыта. Один из старейших заводов германского машиностроения обанкротился в результате попыток перестроиться на массовое производство. В автопромышленности конвейеры незагружены и поэтому не могут быть правильно использованы. Во многих случаях имел место переход от механического к ручному методу работы. Один большой завод автомобилей должен был большую часть года оставлять неиспользованными свои гигантские прессы, приспособленные для серийного производства. В обувной промышленности конвейеры во многих фабриках снова выбросили и заменили старыми деревянными тележками.

Там же, где такие «возвращения назад» не были возможны, недостаточное использование механизированных предприятий выбросило в мусор все калькуляции. Основные расходы при снижающейся степени загрузки могут быть сокращены в незначительном размере. Иногда пытаются помочь тем, что предприятие работает лишь 3 дня в неделю, но с полной нагрузкой. Но и здесь наступает пункт, когда стоимость механизации оказывается выше, чем экономия, которой стремились достичь при ее помощи.

Вообще конвейеры нашли в Германии довольно ограниченное применение (главным образом, именно вследствие преград рынка). Другие формы рационализации—например, специализация, также повысили риск при сбыте. При закрытии отсталых предприятий (посредством соглашений о квотах в картелях или списывания при слиянии) прибыли продолжающих работать предприятий сокращаются и в то же время создается препятствие для снижения цен.

Вывод автора сводится к тому, что надо прекратить «техническую рационализацию», обновление и усовершенствование производственного аппарата и перейти к «коммерческой рационализации», т.-е. «ограничиться мероприятиями, возможными без расширения производственной способности и больших инвестиций». На деле это значит—свести рационализацию целиком и полностью к усилению интенсивности труда, всеми силами тормозя расширение производственного аппарата. Здесь мы ясно видим, как капитализм вызвал к жизни духов, с которыми не может справиться. Одной рукой создавая чудеса современной техники, другой он судорожно пытается помешать их осуществлению, во всяком случае, их широкому применению и использованию.

В этом сказывается одна из сторон гниения современного капитализма, при чем основным проводником загнивания являются и в этом случае монополистические об'единения капитализма—картели и тресты. Старая практика картелей состояла в поддержке годами отсталых и устарелых предприятий для того, чтобы определять по их себестоимости вздутые картельные цены. В настоящее время, особенно в период кризиса, картели и тресты большею частью закрывают нерентабельные предприятия, но при этом предприятия ликвидируются лишь как производственные единицы. Вложенный в них капитал продолжает числиться в бухгалтерии, на него начисляются проценты и амортизация за счет продолжающих работать предприятий с лучшим производственным аппаратом. Большей частью владельцы и акционеры закрытых предприятий продолжают получать свои дивиденды, как ни в чем не бывало, без всяких хлопот. Теряют только лишь рабочие. Ярким примером может служить германская калиевая промышленность. В результате рационализации закрыты сотни калиевых шахт, прежние владельцы которых ежегодно получают десятки миллионов возмещения, хотя бы от их предприятий не осталось и следа. Вот как описывает эту практику буржуазный исследователь калиевой промышленности Паксман: «Зачастую предприятия находятся в таком состоянии, что кажется невероятным тот факт, что они лишь короткое время тому назад сооружались по последнему слову техники и были гордостью их владельцев. Когда во многих районах видишь кучи развалин, напоминающие рекламные остатки разрушений мировой войны в Северной Франции, становится неудивительным, что население не может понять такого рода рационализации и воспринимает ее, как вандализм. Очень часто предприятия попросту, без всяких дальнейших забот, передаются в руки специальных фирм по розрушению (Abwrackunternehmungen—коммерческие фирмы, занимающиеся сбором утильсырья. — *М. Р.*). Эти фирмы, очевидно, из соображений экономии, зачастую оставляют свою работу на половине. Они вывозят наскоро машины и другие быстро поддающиеся продаже части (ведь, самое главное—поскорее получить доллар), а развалины зданий остаются, как непонятные руины среди окружающего прилизанного ландшафта». Зато бывшие владельцы этих бывших предприятий продолжают резать купоны и получать свою долю паразитической прибыли от вздутых картельных цен.

То же проведено в 1930 году в селитренной промышленности Чили. Такая же практика может быть отмечена и в ряде других областей. Те же картели и тресты проводят во все более широком масштабе планомерную скупку всех новых патентов и изобретений в области соответствующего производства для того, чтобы не допустить их применения и, таким образом, избежать обесценения своего оборудования. Они, таким образом, совершенно сознательно тормозят технический прогресс.

Яркими последними примерами этого рода могут служить скупка германских патентов по гидрогенизации угля американским нефтяным трестом Стандарт-Ойл, который положил их под сукно, чтобы не допустить появления нового конкурента, или отчаянные попытки германских сахарозаводчиков не допустить применения на практике нового метода Бергиуса по получению сахара из древесной целлюлозы.

Ярким показателем гниения современного капитализма является стремительный рост непроизводительных расходов и громадная затрата сил на распределение, торговый аппарат, рекламу, смены моды и т. п. Даже в лучшие годы «процветания» Соединенные Штаты затрачивали на рекламу умопомрачительные суммы. Автомобильные заводы для привлечения покупателей ежегодно без всякого другого основания сменяли модели авто. В ряде других производств под давлением тех же причин стандартизация заменялась нарочитым, по существу совершенно ненужным, разнообразием продуктов.

Торговый и рекламный аппарат занимал миллионы людей, при чем число их росло одновременно с сокращением численности рабочего класса в промышленности. То же явление имело место за последнее десятилетие и во всех важнейших капиталистических странах Европы. С нарастанием мирового экономического кризиса рост этих показателей паразитического перерождения капитализма получил новый сильнейший толчок. Как пишет «Анналист», «резкий рост конкуренции за сократившуюся покупательную способность заставляет американских деловых людей сосредоточить все свое внимание не на производстве, а на продаже, на убеждении потребителя купить именно этот, а не конкурирующий товар». При этом конкурировать приходится товарам совершенно различного типа. Как замечает «Анналист», в настоящее время «основное для каждого отдельного фабриканта, это — усилить рекламу».

Мы не останавливаемся в данной статье на диком разгуле биржевой спекуляции, которая стала одной из характернейших особенностей капитализма на настоящей стадии его развития.

Отметим лишь недавно опубликованные интересные данные о характере капиталистических доходов в Соединенных Штатах. По этим данным, (см. «Анналист» от 1 августа с. г.) прибыль от спекуляции и дивидендов в 1928 г. составляла 32% всей индивидуальной прибыли (плательщиков подоходного налога). При этом прибыль от спекуляции выросла с 2% всего дохода в 1921 г. до 16,8% в 1928 г., а прибыль от дивидендов за тот же период поднялась с 10,6% до 15,5%. Прибыль от спекуляции составила в 1928 г. — 4,7 миллиардов долларов, т.-е. в 15 раз больше, чем 10 лет тому назад. Вместе с доходами от дивидендов она составила грандиозную сумму—9,18 млрд. долларов. Эти 9 миллиардов не дают, однако, всей суммы паразитических прибылей, так как значительная часть их получается лицами, не платящими подоходного налога. Так простой «стрижкой купонов», мошенничествами и азартной игрой на биржах кучка капиталистов грабит весь мир.

Пожалуй, самым грандиозным видом растраты производительных сил в условиях современного капитализма является безработица.

Что означает с этой стороны наличие свыше 20 миллионов безработных летом 1930 года, в разгар сезонных строительных и сельскохозяйственных работ? Это выключение из производственного процесса свыше ¼ рабочего класса, резкое сокращение потребления 80—100 миллионов людей означает деквалификацию, нищету, полуголодание, а следовательно, резкое ослабление и, частично, физическое уничтожение основы производительных сил человечества. Это расточение важнейших из производительных сил далеко перевешивает результаты всех технических сдвигов, всех успехов организации производства, которыми так кичится капитализм. Десятки миллионов должны голодать и лишать себя самого необходимого потому, что якобы произведено слишком много продуктов. Притом это состояние из временного, преходящего, частичного, все более становится всеобщим, длительным, для значительной части рабочих постоянным. Так же, как современный капитализм — в отмеченных выше отдельных, хотя и все более частых случаях — сжигает или выбрасывает в море запасы продовольствия, потому что он не может сбыть их с прибылью,—так он в небывалом масштабе «сжигает» рабочую силу уже не в процессе труда и эксплоатации, а вследствие того, что он не может занять и эксплоатировать этих рабочих с прибылью. Американский журналист Чэйз называет это положение «экономикой сумасшедшего дома», но Маркс еще задолго до Чэйза показал, как этот «сумасшедший дом» неизбежно становится основой капиталистической экономики, как он привел бы к гибели и вырождению человечества, если бы не создал класса, который положит конец этому «сумасшедшему дому».

Мы совершенно не останавливаемся в данной статье на самых громадных по масштабу, самых диких растратах современного капитализма, проявляющихся в империалистических войнах [1]. Еще не зажили глубочайшие раны «великой» бойни 1914—1918 гг., как современный капитализм подчинил все производительные силы, все достижения науки и техники задачам подготовки новых империалистических войн, неизбежно и неуклонно вырастающих из противоречий, которые минувшая война не только не устранила, но, наоборот, усилила и заострила во много раз. Этот вопрос, как писал Ленин:

> вопрос жизни и смерти миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма империалистической войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов, убитых в войне 1914—1918 гг. с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и по-сейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 гг. 30 миллионов). И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встанет перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей — грозная правда: нельзя вырваться из империалистической войны, из порождающего ее неизбежно империалистического мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мир» в обоих их значениях) нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией». (Ленин, т. XVIII, стр. 368).

Если принять во внимание сознательное сокращение продукции сырья и продовольствия, недогрузку производственного аппарата (из расчета к одной смене в сутки) на 25% в «хорошие» годы стабилизации и почти на 50% в самом начале развития кризиса, безработицу ¼ — ⅓ пролетариата; если учесть многомиллионные суммы расплаты за прошлую войну, расходов на современные «мелкие» войны и неподдающиеся точному учету затраты на подготовку будущих войн — мы придем к выводу, что современный капитализм не использует огромной части производительных сил и возможностей продукции нынешнего наличного производственного аппарата и рабочей силы. А ведь этот наличный производственный аппарат даже в странах самого мощного капиталистического развития состоит из пестрого смешения современных предприятий с гораздо более обширными остатками устаревших, отсталых производственных единиц, которые искусственно поддерживаются монополистическим капитализмом и в особенно широком масштабе сохраняются в старых капиталистических странах (Англия).

Если учесть искусственное, зачастую насильственное сохранение экономической отсталости колоний, закрепление отсталости и хищнической затраты труда в сельском хозяйстве, гнет репараций, таможенные стены и другие бесчисленные препятствия, преграды развитию производительных сил, то мы увидим, что на деле «коэффициент полезного действия» современной капиталистической машины еще ниже.

---

[1] См. М. Рубинштейн. «Империалистические войны будущего», М., 1929.

Если осуществить при нынешнем уровне технического развития возможность распространения существующих уже на отдельных предприятиях достижений техники на всю промышленность, транспорт и сельское хозяйство, то уже это одно даст расширение производительных сил в несколько десятков раз. Все это, не принимая во внимание того несомненного факта, что дальнейшее развитие техники идет все более ускоряясь. Освобожденное от капиталистических пут и тормозов оно может дать в самые короткие исторические сроки невиданные темпы хозяйственного развития.

Как писал Энгельс:

> «Освобождение средств производства от капиталистических оков является единственным предварительным условием беспрерывного, все ускоряющегося прогрессивного развития производительных сил».

Проверку этого положения мы имеем в настоящее время на практике в великом историческом опыте Советского Союза.

Достаточно принять во внимание отмеченные выше факты и тенденции, чтобы понять один из тех «секретов» нарастающего темпа хозяйственного роста СССР, которые тщетно пытаются открыть капиталистические публицисты. Ликвидация основных «растрат», связанных с самым существом капиталистической системы, социалистический план даже на самых первых этапах своего действия, помноженные на энтузиазм масс трудящихся, впервые строящих свое хозяйство, позволяют развить небывалые в истории человечества, недостижимые для капитализма темпы и размах роста производительных сил.

Уже в период 1925—1929 гг. Советский Союз показал темпы роста промышленности, небывалые для капиталистического мира. Этот факт вынуждены были признать и буржуазные экономисты, так как о нем говорят неумолимые цифры.

Например, «Меморандум о продукции и торговле за 1923—1928/29 гг.», выпущенный недавно экономической и финансовой секцией Лиги Наций, приводит следующую таблицу индексов продукции за последние 4 года [1]):

Индексы промышленной продукции (1925 г. = 100).

	1926	1927	1928	1929
Канада	117	125	135	154
Соединенные Штаты	104	102	107	113
Франция	117	102	118	130
Германия	95	120	120	122
Польша	98	122	138	138
Англия	—	107	106	112
СССР	141	172	208	240 [2])

Таким образом, при максимальном приросте за последние 5 лет в Канаде на 54%, в СССР имел место рост продукции в 2½ раза. Эта скромная табличка, помещенная в меморандуме Лиги Наций, без всяких комментариев говорит о результатах состязания двух систем — капиталистической и социалистической — больше, чем томы ученой болтовни.

---

[1]) «Memorandum sur la production et le commerce 1923—1928/29». Société des Nations, Geneve, Juin 1930, стр. 40.

[2]) Октябрь 1928 г.—август 1929.

Примерно такое же соотношение показывают и таблицы того же меморандума о продукции ряда важнейших отраслей промышленности.

Продукция 1929 г. в % к 1925 г.:

	Чугуна:	Стали:
Канада	182,8	183,3
Соединенные Штаты	115,3	119,3
Япония	187,7	161,5
Бельгия	161,1	162.1
Франция	122,8	129,5
Германия	132,8	134,1
Чехо-Словакия	140,8	145,7
Англия	121,0	130,7
СССР	333,8	270,1
Весь мир	127,6	130,8

При среднем приросте мировой продукции чугуна и стали за эти пять лет на 30%, СССР показывает рост по чугуну в 3,7, а по стали—в 2,7 раза.

Аналогичные данные о потреблении хлопка (1928/29 в % к 1924/25 г.) дают следующие индексы:

Соединенные Штаты	115
Китай	122
Индия	82
Япония	115
Германия	113
Франция	108
Италия	124
Польша	124
Чехо-Словакия	104
Англия	86
СССР	197
Весь мир	112

Таким образом, в этой основной отрасли легкой промышленности мировая продукция выросла на 12%, а продукция СССР почти удвоилась.

Наконец, данные меморандума о росте производства электрической энергии разделяют страны на 6 групп:

1. Румыния, Дания, Южная Африка, Швеция	рост на	11—20%
2. Финляндия, Испания, Англия, Соединенные Штаты, Япония	„	21—30%
3. Франция, Италия, Германия	„	31—40%
4. Австрия, Голландия	„	41—50%
5. Польша, Швейцария, Канада	„	51—60%
6. СССР	„	125%

Все эти данные Лиги Наций охватывают период капиталистической стабилизации, так как экономический кризис, начавшийся в ряде стран во второй половине 1929 г., на годовых итогах продукции 1929 г. еще не отразился в сколько-нибудь существенной степени.

Совершенно другим является положение в 1930 г. В СССР рост продукции промышленности продолжался еще более быстрым темпом, составив за 10 месяцев 1929/30 хозяйственного года 27%.

В то же время в Германии в июне 1930 г. индекс продукции, по данным Кон'юнктурного института, снизился до 85,7 по сравнению с 109,8 в июне 1929 г. (1928 = 100), т.-е. сократился почти на 25%.

В Соединенных Штатах продукция промышленности снизилась за тот же период, по данным департамента торговли, на 23%.

В основных отраслях промышленности имело место снижение продукции (июнь 1930 г., по сравнению с июнем 1929 г. в % (высчитано по данным «Экономиста»).

	Железо:	Сталь:	Уголь:
Англия	15%	28%	17%
Германия	26%	28%	10%
Соединенные Штаты	21%	28%	12%

Если внести соответствующие дополнения в вышеприведенные таблицы Лиги Наций, мы получим для середины 1930 г. индекс промышленной продукции в СССР, втрое превышающий уровень 1925 г., а в капиталистическом мире — возвращение к уровню 1925 г., или даже в ряде крупнейших промышленных стран — снижение ниже этого уровня.

Таков, по данным Лиги Наций и официальных статистических органов капиталистических государств, «итог» пяти лет капиталистической рационализации, глубоких технических сдвигов, бешеного усиления интенсивности труда. Такова в зеркале самих капиталистов динамика развития капитализма и социализма.

В капиталистическом мире — медленный под'ем и стремительное падение под уклон, а в итоге — застой, загнивание производительных сил, недогрузка производственного аппарата почти наполовину, выбрасывание из производства 25 миллионов безработных (¼ — ⅓ рабочего населения).

В СССР—нарастающее в ускоряющейся прогрессии развитие производительных сил, почти полное исчезновение безработицы и начало глубочайшей перестройки сельского хозяйства, перестройки, предвещающей такой размах хозяйственного и культурного роста, который в настоящее время трудно и предвидеть. И все это, — несмотря на громадную техническую отсталость, на обстановку капиталистического окружения, напоминающую полублокаду, на ожесточенное сопротивление классового врага внутри страны!

Вышеприведенные данные капиталистических информационных органов должны зарубить себе на носу явные и скрытые правые оппортунисты, те, кто при каждой новой трудности, при каждом новом обострении классовой борьбы (а трудностей и борьбы предстоит еще не мало) впадают в панику и опускают руки.

С особенной яркостью та же противоположность основных тенденций развития сказывается в области сельского хозяйства. Сельское хозяйство капиталистических стран и колоний в настоящее время гниет, можно сказать «на корню», гниет настолько явно, что самые рьяные апологеты капитализма не могут отрицать этого загнивания. Новая техника сельского хозяйства, с величайшими трудностями пробивающая себе дорогу в экстенсивных зерновых районах заокеанских стран, только усиливает это загнивание, ускоряет разложение капиталистического сельского хозяйства, увеличивает размах кризиса. Миллион мелких крестьян, фермеров и сельскохозяйственных рабочих выталкивается из сельского хозяйства без всякой надежды найти работу в городах. Как предсказывал еще в 90-х годах прошлого века Энгельс, «мелкое производство в сельском хозяйстве безнадежно рушится и гибнет... крупный землевладелец и мелкий крестьянин, оба равно видят перед собою гибель». То, что Энгельс писал тогда об Европе, в такой же степени можно отнести в настоящее время к Соед. Штатам и Канаде, к Аргентине и Австралии, к колониям Азии и Африки. Трактор и комбайн, машины для сбора кукурузы и уборки хлопка в капиталистических условиях ускоряют эту гибель.

Капиталистическому сельскому хозяйству остается... молиться о плохих урожаях, мечтать об ураганах, засухе и саранче, добиваться сокращения посевов или уничтожения урожая.

Таковы перспективы в этой области «у них».

У нас, несмотря на колоссальную отсталость и невероятные трудности, как-раз в области сельского хозяйства совершается в настоящее время, по инициативе и под руководством партии пролетариата, один из величайших переворотов в мировой истории, разрешается задача «организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей» (Ленин). В стране, где 80 проц. населения живет в деревне, сплошная коллективизация с. х. является небывалой по размаху и значению социально-экономической революцией. Разрешение этой задачи коренным образом меняет организацию и перспективы развития всего народного хозяйства, характер потребления, темпы культурного роста и пр. Оно показывает невиданный в истории человечества пример уничтожения раздробленности и вековой отсталости сельского хозяйства, его укрупнения некапиталистическим путем, не путем ограбления и выбрасывания из сельского хозяйства миллионов мелких производителей, а посредством их товарищеского об'единения под руководством и с помощью пролетариата.

Установившиеся веками социальные отношения и методы ведения сельскохозяйственного производства перестраиваются снизу доверху. Коренным образом изменяются отношения между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Закладываются основы, делаются первые важнейшие шаги по пути ликвидации тысячелетнего разделения города и деревни, противоречия, которое капитализмом неизменно воспроизводилось, которое «приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работой» (Энгельс). Эти сдвиги уже в самом начале своего развития дали небывалые в истории капитализма образцы крупного механизированного сельскохозяйственного производства — социалистические фабрики зерна, за которыми в ближайшем же будущем последуют такие же «фабрики» текстильного сырья и животноводческих продуктов. СССР показывает в настоящее время на деле, что только социалистический путь может освободить сельскохозяйственных производителей от неизбежной при капитализме перспективы полного разорения и вырождения, что только на этом пути может быть прекращен застой и загнивание сельского хозяйства и обеспечены основы для невиданных темпов его роста.

Вышеприведенные факты с необычайной наглядностью показывают миллионам рабочих и крестьян, что капитализм (включая и сильно развитый американский капитализм), как писал Ленин в ответ на вопросы американского журналиста: «дозрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню» 1). Миллионы трудящихся убеждаются в этом не из книжек и речей, а из собственного жизненного опыта и пробивающего все преграды лжи и измышлений опыта социалистического строительства СССР.

За всеми этими фактами, за сухими статистическими таблицами с данными о продукции, о внешней торговле, безработице и зарплате, с мелкими заметками, случайно проскальзывающими в буржуазной экономической прессе об уничтожении продовольственных и сырьевых запасов (большею частью мелким шрифтом где-либо в хронике), стоят сотни миллионов живых людей — рабочих, служащих, мелких крестьян. Их судьба, их условия труда и жизни, зачастую самая их жизнь зависят от диких скачков кон'юнктуры, от лихорадочных судорог современного капитализма. Подготовляемые на наших глазах, неизбежно вырастающие из империалистических противоречий новые войны несут за собой массовое уничтожение многих десятков миллио-

---

1) Ленин, т. XVI, стр. 286—287.

нов трудящихся. Но и до начала этой новой полосы империалистических войн «сумасшедший дом» современного капитализма означает для миллионов изнашивание в несколько лет на «рационализированной» работе, когда рабочий в 30—40 лет считается «стариком», непригодным более для эксплоатации, означает беспросветную безработицу, дальнейшее усиление и прежде нестерпимой эксплоатации в колониях. Углекоп пенсильванских долин и рабочий у Форда или Дженераль Моторс чувствуют на своей спине удары мирового кризиса так же, как рабочий в Ланкашире и Уэльсе, в Берлине и Руре, как японская текстильщица или негр в рудниках Южной Африки.

Воздействия кризиса, гангрена гниющего капитализма захватывают самые глухие уголки Центральной Африки, лесов Амазонки, цветущих плантаций Малайского полуострова или австралийских равнин.

⁂

Удары кризиса все с большей ясностью показывают массам, что «частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение,—которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена» [1].

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 174.

Л. Альфред.

Социал-фашистская подготовка войны.

1. Особая роль социал-демократии в подготовке империалистической войны.

Международная обстановка такова, что в настоящее время вопрос о борьбе против империалистической войны должен стать предметом самого пристального внимания рабочего класса всего мира. V конгресс Профинтерна, закончивший свои работы в сентябре 1930 года, в резолюции о мировом кризисе и задачах революционного профдвижения совершенно ясно указал, что «начавшаяся таможенная война, являющаяся преддверием к вооруженной схватке империалистов», особенно характерна для настоящего времени. Совершенно неверно утверждение, встречавшееся в последнее время кое-где на страницах коммунистической печати, что с усилившимся обострением внутренних противоречий внутри капиталистических стран опасность новой империалистической войны отходит на задний план, и что поэтому несвоевременно говорить о войне и о борьбе с нею, а что нужно говорить только о внутренних противоречиях и о пролетарской революции. Это утверждение так же несостоятельно, как пресловутая теория Бухарина об «организованном капитализме», которая признавала только обострение внешних противоречий между странами и связанную с ним угрозу войны, но отрицала обострение классовой борьбы внутри капиталистических стран. Ни та, ни другая из названных теорий не соответствует живой действительности и не соответствует также той правильной оценке переживаемого нами периода, которая была дана VI конгрессом Коминтерна и XVI с'ездом ВКП(б) по докладу тов. Сталина.

XVI с'езд установил факт обострения всех противоречий империалистической системы как внутренних, так и внешних, толкающих империалистов на путь новых разбойничьих военных авантюр за передел земного шара, рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала, а также—факт обострения противоречий между СССР и окружающим капиталистическим миром. Резолюция с'езда по отчету ЦК указывает на усилившуюся подготовку войны против СССР, которая выражается в попытках организации экономической блокады, в борьбе против советского экспорта, в бешеной клеветнической кампании буржуазной и социал-демократической печати.

С'езд отметил также ту особую роль, которую в подготовке империалистической войны и, в частности, в антисоветской травле играет фашизирующаяся социал-демократия, «которая обычно выступает застрельщиком рядом с наиболее реакционными буржуазными группами, при чем в качестве подголосков социал-демократии все более явно подвизаются правые и «левые» ренегаты коммунизма». (Из резолюции по отчету ЦК).

Социал-фашисты разных капиталистических стран сотрудничают со своей буржуазией буквально во всех областях подготовки новых империалистических войн, они проявляют большую предприимчивость и усердие не только в области антисоветской и шовинистической травли и вообще идеологической подготовки войны, но и в области организационной, чисто военной. Уже в прошлую мировую войну вожди социал-демократии, участвуя в правительствах воюющих стран, принимали на себя роль прямых организаторов войны. Сейчас эта организаторская роль социал-демократии в подготовке новых империалистических войн не только продолжается, а постоянно усиливается, проявляется в самых разнообразных, невиданных раньше формах. Войсками «рабочего» правительства Макдональда ведутся непосредственные военные операции, отличающиеся неслыханной жестокостью и зверством, против народных масс Индии. Общеизвестна активная, инициативная роль немецких социал-демократов в строительстве военного флота Германии. Но необходимо отметить, что социал-демократия сегодня выступает в роли непосредственного организатора военного дела независимо от того, представлена ли она в правительстве или нет. Французские социал-фашисты, во главе с Полем Бонкуром, даже не сидя в правительстве, взяли на себя инициативу проведения милитаризации всего населения Франции без различия пола и возраста, о милитаризации фабрично-заводских предприятий и профсоюзов. Они еще хвастаются тем, что ни одно буржуазное правительство не было бы в состоянии провести эти мероприятия. Закон Поля Бонкура о «вооруженной нации» является составной частью той военной программы французского империализма, которая органом французских милитаристов «Франс милитер» была выражена в следующей чрезвычайно четкой формулировке:

> «Новая армия должна быть организована, с одной стороны, имея в виду мировую войну, и, с другой—ежедневную жизнь нации; ежедневную жизнь, которая заключает в себе возможность колониальных войн (в роде Марокко, таких будет все больше и больше) или необходимость подавления восстаний внутри страны. (коммунисты, их будет все больше и больше)».

В таких странах, как Германия и Австрия, где проблема милитаризации широких слоев населений усложняется благодаря Версальскому договору, который воспрещает введение всеобщей воинской повинности, — в этих странах, социал-фашизм проявляет большую предприимчивость и изворотливость для того, чтобы разрешить эту проблему окольным путем. Этой цели служат такие социал-фашистские военные организации, как «Имперский флаг» в Германии, насчитывающий до полумиллиона членов, и «Республиканский союз защиты» в Австрии, насчитывающий около 100.000 членов. Эти широкие массовые военные организации, возглавляемые вождями социал-демократии, должны рассматриваться как резервы к существующим в этих странах армиям. Официально и формально германский «Имперский флаг» и австрийский «Республиканский шуцбунд» являются независимыми и негосударственными организациями, иногда они даже демагогически выставляются социал-демократическими вождями, как организации пролетарской самообороны. Но такая формальная независимость и такая демагогия нисколько не изменяют того факта, что эти организации на деле являются составными частями военной системы буржуазии этих стран. Роль социал-фашизма в том именно и заключается, что он под прикрытием революционных, социалистических фраз, особенно своего «левого» фланга делает контрреволюционное, фашистское дело.

Социал-фашисты разных стран проявляют особую активность в работе по обеспечению усмиренного тыла империалистических армий на случай войны. Эта активность выражается не только в проповеди гражданского мира и в идеологической борьбе против коммунизма, а нагляднее всего в прямом участии социал-фашистов в организационной, военно-технической подготовке гражданской войны против рабочего класса и в непосредственном применении голого насилия, прямых актов гражданской войны социал-фашистскими цергибелями против революционного движения пролетариата. Нельзя, конечно, свести все эти мероприятия, как и вообще участие социал-фашистов в процессе фашизации буржуазного государства, к одной только подготовке империалистической войны. Но было бы недопустимо не видеть той связи, которая существует между этими мероприятиями и подготовкой империалистических войн. В частности, те фашистские перевороты, которые в последнее время стали в порядок дня в сопредельных с СССР странах и которые совершаются при деятельном участии социал-фашистов этих стран, являются очень существенным этапом подготовки империалистической войны против СССР. Политика фашизма и социал-фашизма — не только политика голого насилия против пролетариата внутри капиталистических стран, она в то же время политика войны.

Та особая роль, которая в лагере организаторов империалистической войны отведена вождям социал-демократии, выражается в том, что они не просто выполняют всякие поручения империалистов по части военного дела, а выполняют их под маской «социализма», проводят военную политику империализма среди рабочих масс, одурачивая их революционными фразами и софизмами. Эту маскировочную работу в порядке разделения труда выполняет, прежде всего, «левый» социал-фашизм.

Пару месяцев тому назад, в период подготовки с'езда французских социал-фашистов в Бордо, на страницах французской социал-фашистской прессы велась большая дискуссия на тему: «Национальная оборона и социализм». Эта дискуссия, имевшая место в самой «передовой» стране современного милитаризма, где социал-фашисты очень близко стоят к этому делу, дает наиболее свежий и яркий материал для характеристики особой роли социал-фашизма в подготовке империалистической войны.

2. „Революционная“ защита империалистического отечества.

В чем же заключается суть разногласий по вопросу о национальной обороне в лагере французских социал-фашистов? Ведь по этому вопросу спорили долго, часто очень остроумно, говорили много о пунктах разногласий и единогласий. Может быть, «левые» вожди французской социал-демократии смело и честно стали на путь революционной борьбы против войны, на путь отказа от защиты отечества империалистических разбойников?

Ничего подобного. Основной вопрос, вопрос о защите буржуазного отечества, не относился к пунктам разногласия, а к пунктам единогласия. Главный орган французской социалистической партии «Попюлер» неоднократно подчеркивал с величайшим удовлетворением, что как раз в этом вопросе нет «совершенно никаких существенных разногласий, так как почти все члены партии признают долг национальной обороны в буржуазном режиме» и что в этом пункте «социалисты» всех мастей расходятся только с коммунистами.

Один из вождей французских социал-фашистов Леон Блюм написал по этому вопросу в «Попюлере» от 14 мая:

> «Одним из пунктов конфликта между большинством и меньшинством в Туре, одним из тех мотивов, по которым мы отказались от

> присоединения к Коммунистическому Интернационалу, является как-раз наше твердое убеждение в том, что даже (!) в капиталистическом режиме пролетариат может оказаться перед необходимостью прибегнуть к защите национальной земли».

«Левые», как это и полагается, стараются уклоняться от прямого ответа на вопрос о защите буржуазного отечества, замалчивают этот вопрос. Но когда Жиромскому, одному из виднейших вождей «левых», на Сенской областной конференции социалистов в конце мая ставили ребром вопрос, что же они, «левые», будут делать, если сейчас вспыхнет война между Францией и Италией, «если Муссолини поставит нас перед альтернативой: или оставление без защиты наших товарищей (речь идет о высланных фашистским правительством антифашистах. — *Л. А.*), или война», — то Жиромский под громкие аплодисменты присутствующих дал ответ: «Мы пойдем на войну».

Этим ответом Жиромский признал, что «левые» не прочь призвать рабочие массы к защите империалистического отечества. Но им очень важно, чтобы это делалось под благородным «революционным» предлогом. Теперь таким предлогом служит «борьба против итальянского фашизма». В прошлой империалистической войне французские социал-шовинисты звали рабочих на войну против «прусского милитаризма». Старик Каутский проповедует контрреволюционную войну против СССР под лозунгом «борьбы против диктатуры» и такую же войну против национально-освободительных движений колониальных народов—под предлогом «борьбы с национализмом». Так как в каждом конкретном случае можно найти такой благородный предлог, какой-нибудь зловредный «изм» на стороне противников своих империалистов, то из этого можно заключить, что «левые» социал-фашисты будут всегда оправдывать любую контрреволюционную войну своей империалистической буржуазии, хотя они «ради фасона» стараются делать вид, что они не за безусловную защиту буржуазного отечества, а что они в каждом отдельном случае сами решают, когда пролетариат «может оказаться перед необходимостью» защищать «даже» капиталистическое отечество.

Одним из самых опасных методов подготовки войны социал-демократическими и прочими пацифистскими обманщиками является сознательное притупление и усыпление бдительности трудящихся по отношению к действительно надвигающейся войне. Этого они хотят достигнуть утверждениями, что никакой военной опасности нет, что все разговоры на этот счет являются выдумками большевиков. Пару лет назад вождь II Интернационала Вандервельде утверждал, что «новая мировая война ни в коем случае не может вспыхнуть раньше, чем через 40 лет». Как самое веское «доказательство», он привел тот факт, что от франко-прусской войны до начала мировой войны 1914—1918 гг. прошло даже больше сорока лет! На отрицании подготовки контрреволюционной войны против Советского Союза особо «специализировались» правые и «левые» ренегаты коммунизма, ведущие одновременно самую ядовитую антисоветскую травлю.

Леон Блюм утверждает, что «сегодня не канун войны, а день после войны», поэтому он считает ненужным теперь заниматься вопросом о том, что рабочие должны делать в случае войны. На этот вопрос он дает уклончивый, дипломатический ответ: «Мы не хотим, чтобы международный социализм должен был спросить себя, что он будет делать в случае войны, мы хотим, чтобы больше не было войны».

Тут расчет простой: в мирное время разумнее убаюкивать массы при помощи пацифистских фраз, отвлекать их от революционной борьбы против военной опасности. Империалистам лучше, чтобы рабочие массы были застигнуты войной врасплох. Так легче будет загнать их на войну.

Когда же воздух уж чересчур сильно пахнет порохом, когда уж никак нельзя рассчитывать на успех утверждения, что военной опасности нет, или когда война стала совершившимся фактом,—тогда всегда можно переменить фразеологию, выдумать новые софизмы, доказывать, что виновниками войны не являются капиталисты собственной страны, а что враг стоит в чужой стране или, что во всем виноваты коммунисты.

Французская буржуазия придавала всегда большое значение тому, чтобы при идеологической подготовке ее захватнических войн были полностью использованы традиции национальных, революционных войн эпохи Великой французской революции. Это об'ясняется учетом ею того глубокого влияния, которое эти традиции оказывали на психологию широчайших слоев французского населения на протяжении многих поколений. При умелом использовании влияния этих традиций буржуазии удавалось с успехом мобилизовать трудящиеся массы на свои, чисто захватнические войны под лозунгом революционной войны.

Задачу одурачивания трудящихся масс при помощи лжи о «революционной войне» взяли теперь на себя французские социал-фашисты. Одна из предложенных на сенской областной конференции резолюций гласит: «Социалистическая партия понимает национальную защиту, как действительную революционную оборону».

Интересно, как об'ясняют французские социал-фашисты свою «революционную» защиту империалистического отечества. В статье, носящей заглавие «Капиталистическая подделка защиты отечества», Леон Блюм пишет:

> «Верно то, что в том же смысле, как Маркс и Энгельс написали свое знаменитое положение — «пролетариат не имеет отечества», можно утверждать, что один только пролетариат знает патриотизм в чистом виде, так как только для него одного защита отечества не заключает в себе никакого имущества и никакой привилегии, только ему принадлежащей. Для капиталистов же и для буржуазии забота о защите отечества, даже когда она реальна и искренна, всегда усложняется и извращается классовыми предубеждениями и интересами... Капиталистические и буржуазные мероприятия будут всегда отделены от наших двойной загородкой заинтересованности и рутины».

Оказывается, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс, писавшие в «Коммунистическом Манифесте», что пролетарии не имеют отечества, ничего другого этим не хотели сказать, кроме того, что пролетариат обязан честно и бескорыстно защищать отечество эгоистических капиталистов. За одно только это замечательное «открытие» Леон Блюм заслужил себе, наверное, от французских империалистов памятник и место в Пантеоне..

Кому нужна эта «искренность» и «бескорыстие» Леона Блюма и ему подобных, это противопоставление «капиталистической подделке» защиты отечества «действительно революционной» защите капиталистического отечества? Кому нужно это старательное «социалистическое соревнование» с капиталистами в области защиты буржуазного отечества? Все это нужно только империалистам, все это лишь проявления известного распределения труда в лагере организаторов и поджигателей империалистической войны. Это распределение труда требует, чтобы социал-фашисты, агитируя за защиту буржуазного отечества в империалистической войне, делали вид, что они хотят чего-то совершенно другого, чем капиталисты, чего-то «революционного» и «социалистического».

Далее, мы узнаем от Леона Блюма, что участие рабочих в империалистической войне на стороне своих капиталистов необходимо во имя международной солидарности рабочего класса.

> «Защищая свою страну против нападения, рабочий класс не только служит особым интересам своей страны... он защищает также тот остов международной организации, который является общим достоянием международного пролетариата».

Леон Блюм, конечно, прав в том, что для II Интернационала, который он называет «общим достоянием международного пролетариата», нет спасения в случае свержения капиталистического строя. Для этого вождям социалистов нужно, чтобы массы рабочих защищали этот строй.

3. „Социалистическая“ организация вооруженных сил империализма.

Второй пункт, в котором среди французских социалистов по вопросу о национальной обороне царит полное единодушие, «Попюлер» формулирует следующим образом:

> «Чисто социалистическое понимание подготовки этой обороны в мирное время, а следовательно, и военной системы, которая коренным образом отличается от правительственных и буржуазных методов организации».

Оказывается, что внутри капиталистического строя можно по-социалистически организовать военные силы контрреволюционной буржуазии! Под таким «социалистическим строительством» нужно, в первую голову, понимать известный закон Поля Бонкура о «вооруженной нации».

Французским империалистам нужна милитаризация всего населения, ибо современная империалистическая война, к которой они лихорадочно готовятся, ведется миллионными армиями. При помощи закона Поля Бонкура о «вооруженной нации» французские социал-фашисты поставляют империалистам необходимое для этой войны пушечное мясо.

Французские милитаристы требуют милитаризации всего производства, учитывая другое основное требование ведения современной войны, которая больше чем когда-либо раньше зависит от фабрик и железных дорог, от всей экономики страны. Для этой цели закон Поля Бонкура предусматривает милитаризацию профсоюзов, которая означает приравнение рабочего на производстве к солдату на фронте, жестокого подавления в зародыше малейших проявлений классовой борьбы во время войны при помощи военно-полевых судов.

А «Попюлер» об'являет рабочим, что все это вытекает из «социалистического понимания» организации вооруженных сил, что милитаризация всех рабочих и всего производства означает «пропитывание военной системы пролетарским духом», что оно приведет к «пацификации» военной системы, к разоружению и что это не подготовка войны, а борьба против войны. «Возрастающее пропитывание военной системы пролетарским духом является, без сомнения, одной из форм действия против войны»,— пишет Леон Блюм в своем «Попюлер».

Проводя военную программу французских империалистов, французские социалисты делают вид, что они хотят в этом вопросе «обмануть» своих капиталистов. Марсель Деа выдает в «Попюлер» тайну этого хитрого маневра для «обмана» буржуазии путем сотрудничества с нею в строительстве вооруженных сил:

> «...постоянная борьба во всех областях, постоянные усилия для проникновения всех колесиков, всех организмов, национальных и интернациональных, чтобы переломить внутреннее равновесие буржуазного государства в пользу пролетариата».

Леон Блюм об'ясняет этот план «обмана» буржуазии следующими словами:

> «Мы берем на себя тяжесть национальной обороны,—это ясно; но как компенсацию мы произведем переделку военной системы, которой ни одно буржуазное правительство не в состоянии провести».

Точно так же хотел «обмануть» германских империалистов ренегат Брандлер, который в своей пресловутой «программе действия» выставил требование введения в Германии всеобщей воинской повинности, чтобы получить в «компенсацию» вооружение пролетариата. Вооружения пролетариата Брандлер требовал от германской буржуазии. Требование введения всеобщей воинской повинности—в целях «вооружения пролетариата»—звучит еще громче, чем те социалистические и революционные фразы, которыми французские социал-фашисты теперь прикрывают свое сотрудничество с буржуазией в области подготовки империалистической войны. Но это требование целиком и полностью совпало с военной программой нового германского империализма, точно так же, как «социалистическое понимание» вооруженных сил французского империализма—об'ективно совпадает с интересами французских милитаристов. Это было повторением в новой обстановке пресловутого лозунга «пушки за реформы» германских оппортунистов прошлого столетия, которые требовали от германских капиталистов реформы и обещали как компенсацию голосовать за военные кредиты. А тот же Брандлер, сидя в 1925 году в Саксонском социал-демократическом правительстве, имел возможность на деле вооружить рвущихся на восстание пролетариев. Но так и не вооружил...

Как совершенно правильно устанавливает «Попюлер», и в этом втором пункте, в вопросе о «социалистической» организации вооруженных сил буржуазии, нет абсолютно никаких разногласий между правыми и «левыми». «Левые» от себя только дополняют эту программу еще требованием, чтобы партия поручила своим депутатам в парламенте «создать как можно более тесный контроль над военной индустрией и над промышленностью, могущей быть превращенной в военную».

От такого контроля, если бы он осуществился, никакого вреда империалистам не было бы. Наоборот, они могли бы с полным доверием относиться к своим лакеям, которые в своей резолюции на сенской областной конференции заявили свою готовность «разоблачить неумелость и рутину в военной области и противопоставить им рациональную и демократическую организацию национальной обороны».

«Рациональная организация» вооруженных сил империализма—в этих словах резолюции заключается весь смысл «социалистического понимания» организации военного дела социал-фашистскими агентами милитаризма.

4. „Разногласия“ в лагере „социалистов“.

В чем же, в конце концов, заключались разногласия французских «социалистов» по этому вопросу? О чем же тогда спорили в течение многих недель, если во всех основных, решающих вопросах царит единодушие?

Для исчерпывающего ответа на этот вопрос дадим слово Леону Блюму, приводя несколько выдержек из его разных статей.

> «В какой мере, в какой форме, до какого предела социалистическая партия должна в мирное время участвовать в подготовке национальной обороны и в военном строительстве? Вот это является спорным пунктом... Действительные разногласия относятся, как я сказал, не к принципу, а к форме, к пределу этого участия... Должна ли социалистическая парламентская группа ограничиваться защитой своих тезисов, своих собственных тезисов, или голосовать за тезисы других, когда они содействуют прогрессу... Можно ли и нужно ли итти дальше? Можно ли уполномочивать своих членов вносить от имени комиссий военные законопроекты и бюджеты, заключающие военные кредиты?».

Картина получается ясная. Спор идет, во-первых, о тактике *мирного времени*. Что в военное время нужно принимать участие в империалистической войне *всеми* способами, во *всех* формах, «до победного конца», об этом даже не разговаривают. Спор идет только *о том, должна ли социалистическая партия в мирное время на видном месте участвовать в организационной подготовке войны, или же ограничиваться, главным образом, идеологической подготовкой ее.* Следует ли, вроде Поля Бонкура, связывать со своим именем те или иные военные «реформы» и тем самым подставить себя под опасность быстрой компрометации в глазах рабочих масс, или—не лучше ли придерживаться более осторожной тактики, содействовать проведению военной программы французского империализма *в другой форме*, ограничиваясь защитой и прикрыванием всех требований милитаристов революционными фразами, выдвижение более или менее туманных «тезисов», оставаясь в менее уловимой роли *агитпропа* при империалистических организаторах войны.

«Левые» выдвигают положение, что «социалистическая партия провозглашает свой решительный отказ участвовать в разработке военной системы буржуазии». Один из «левых», *Осмен*, формулирует ту же мысль следующими словами: «Нужно предоставить капиталистической буржуазии всех стран самой организовать свою национальную оборону».

А сам Жиромский пишет:

> «В этом вопросе... важно не устанавливать никакого практического сотрудничества с буржуазными государствами... Поэтому не должно быть больше социалиста, предлагающего бюджеты, которые содержат военные кредиты, не должно быть больше социалиста, вносящего законопроекты о развитии военной системы буржуазии... Социалистическая политика в этой области должна резко отличаться от буржуазной правительственной политики».

Пусть буржуазия в *мирное время* сама *организует* свои вооруженные силы, пусть она сама занимается практическими, *техническими* вопросами подготовки империалистической войны. Задача же «социалистов» должна заключаться лишь в *агитации и пропаганде* в пользу войны. Вот к чему сводится «оппозиционная» точка зрения «левых». Они не против сотрудничества с буржуазией в этой области, они только за такие формы этого сотрудничества, при которых легче делать вид, что «социалистическая» политика в области подготовки империалистической войны *резко отличается* от буржуазной правительственной политики.

Некоторые из «левых» употребляют еще более громкие фразы: «Никакой защиты отечества в капиталистическом режиме! Ни одного гроша и ни одного человека для капиталистической защиты отечества!».

«Попюлер» знает, как нужно оценивать эти громкие фразы «левых», знает, что «левым» хочется только немножко «валять дурака» в мирное время. Такая оценка «левых» довольно остроумно выражена в статье *Эмиля Кана* в «Попюлере» от 21 мая:

> «*Никакой защиты отечества в капиталистическом режиме! Ни одного человека, ни одного гроша!* Но стоит только войне вспыхнуть, и лозунг получает другой оборот: «*Все наши люди и все деньги! Ничего до войны, все во время войны!*».

Но и сам Леон Блюм склоняется к некоторой осторожности в вопросе о *гласном* участии социалистов в разработке чисто организационных вопросов подготовки войны. Он учитывает опыт с законом Поля Бонкура, которого проклинают все рабочие. Он осуждает «некоторых товарищей, которые считают, что в интересах партии поставить себя в этом вопросе на видное место демонстративно».

Но, «с другой стороны», нужно быть готовым на ту возможность, что империалистам угодно будет призвать своих «социалистов» *к участию в правительстве*. Вот это единственное соображение мешает «Попюлеру» подписаться под слишком громкими фразами «левых». *Анри Фронтанье* в «Попюлере» от 25 мая ставит этот вопрос «ребром»:

> «Остается только один спорный пункт. Участвуем ли мы, когда мы не находимся у власти—ибо когда мы находимся, этот вопрос не ставится вовсе—в организации национальной обороны».

И «Социалист» дает на этот вопрос точный и определенный ответ: «Мы не должны выставлять перед миром демагогических формул, которых мы не могли бы выполнить, если бы находились у власти».

Вот, где зарыта собака. Вот, в чем суть «разногласий», о которых делают много шума, но которых, как мы видим, сами «социалисты» не принимают всерьез. А всерьез их можно принимать, только оценивая их как проявления определенного *распределения труда* между разными группировками социал-фашистов по распространению среди рабочих масс разнообразных софизмов в целях привлечения их к империалистической войне.

Это распределение труда в лагере социал-фашистов возлагает на «левых» весьма важную роль. Их специальность в области подготовки империалистической войны заключается в том, чтобы сбить с толку революционно-настроенных рабочих, возмущенных открытым сотрудничеством правых социал-фашистских вождей в организации войны, ищущих правильный путь революционной борьбы против войны. Эта специальность требует, во-первых, чтобы «левые» вожди не проявляли себя на видном месте в разработке организационных, технических вопросов военного дела, и, во-вторых, чтобы их фразы *резко отличались* от фраз правых социал-фашистов.

Фразеология «левых» не одинакова во всех капиталистических странах. В то время, как во *Франции* «левые» признают необходимость защиты буржуазного отечества «в крайнем случае», то в *Германии* они не «признают» никакой войны. Они кричат громко, что «социал-демократия отвергает всякую войну». Проклинать *всякую войну* означает на деле проклинать гражданскую войну пролетариата против буржуазии и революционные освободительные войны угнетенных наций, отказ от борьбы против империалистической войны, поддержку ее.

Такой же смысл имеют распространяемые германскими «левыми» разговоры об об'явлении генеральной забастовки и об отказе от военной службы в случае войны. Эта пропаганда, которая все еще теперь имеет значительный успех среди рабочих, преследует цель успокаивать массы громкими обещаниями, отвлекать их внимание от борьбы против войны.

Можно употреблять самые резкие фразы, можно проклинать всякую войну, можно обещать рабочим массам, что угодно, вплоть до генеральной забастовки в случае об'явления войны, можно даже, в крайнем случае, призывать рабочих к отказу от военной службы,—лишь бы удерживать их под влиянием социал-демократии, лишь бы не допустить распространения среди революционно-настроенных рабочих правильного представления о том, как действительно по-революционному нужно бороться против войны, лишь бы сбить их с пути пролетарской революции и превращения империалистической войны в войну гражданскую против собственной буржуазии.

Этого только и требуют империалисты от своих «левых» лакеев. В этом заключается особая роль «левого» социал-фашизма в подготовке империалистической войны.

Международная обстановка, социал-демократическая подготовка войны, особенно озлобленная подготовка ее со стороны социал-фашизма против СССР, требует усиления борьбы компартий против военной опасности. В этой борьбе, как и во всей работе, надо усилить разоблачение социал-демократии. Выступления 1 августа 1929 и 1930 гг. показали, что в этом вопросе партии сделали шаг вперед. Но этот шаг недостаточен. Надо и в этом вопросе работать посредством мощного революционного орудия — тактики единого фронта снизу. Борьба против военной опасности должна быть борьбой за массы, должна быть связана с повседневными интересами масс. Разоблачение социал-демократии должно быть связано непосредственно с борьбой за с.-д. рабочих. На этом пути компартии сейчас развертывают свою работу и смогут в дальнейшем развернуть еще более активную борьбу. Недооценка как военной опасности, так и проделанной работы на этом участке есть один из самых худших видов оппортунизма. Надо усилить борьбу с этим оппортунизмом. Усиленная борьба против этого оппортунизма есть важнейшее орудие большевизации партий. Усиленная революционная борьба против военной опасности должна быть важнейшим орудием борьбы за массы, борьбы за превращение грядущих войн империализма в войну гражданскую, в войну за победу мирового социализма.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Против великодержавного шовинизма в краеведческой литературе.

Социалистическое строительство и развертывающаяся культурная революция ставят перед краеведением огромные задачи по изучению всех естественно-исторических и социально-экономических условий, в особенности — в национальных районах, отсталых в прошлом. Здесь все более вскрываются новые возможности хозяйственного и социально-культурного развития, которые дают максимальный эффект в смысле ускорения процессов социалистического строительства. Коротко говоря, краеведение может и должно быть активным фактором социалистической реконструкции страны, в первую очередь, в районах, только теперь, в условиях диктатуры пролетариата, вступающих на путь хозяйственного и культурного под'ема на социалистическом пути.

Что же, однако, мы имеем в действительности? Наряду с некоторыми достижениями в области краеведения, здесь имеются крайне опасные явления, требующие немедленной и самой решительной ликвидации. Классовый враг беззастенчиво и нагло протаскивает свою реакционную идеологию в краеведческую литературу, пытается исказить картину исторического процесса и использовать страницы советского издания для пропаганды реакционнейшей идеологии. Наибольшее развитие в краеведческой литературе нашел великодержавный шовинизм.

Начнем с книги «Население Сибирского края», написанной А. Р. Шнейдером и Л. Н. Добровой-Ядринцевой (изд. Сибкрайиздат, 1928 г.). В этой книге описываются особенности отдельных этнографических групп сибирского населения. Вот что читаем мы на странице 47 про сибирских туземцев-енисейцев:

> «У них нет ни энергии, ни стремления к живому труду. Им свойственна та ленивая бездеятельность, которой они предаются летом... Сонная бездеятельность, граничащая с безмятежностью созерцательного покоя, даже гармонирует с общим фоном неподвижного величавого безмолвия пустынных берегов Енисея».

Или, на стр. 51, про тунгусов:

> «Вообще тунгус непостоянен, неуравновешен, неустойчив и легкомыслен. И эти качества, прежде всего, сказываются отрицательно на его хозяйстве. Его оленьи стада уменьшаются с неуклонной быстротой. Помимо причин общего характера здесь имеет значение его небрежное отношение к оленю, его беззаботность, отсутствие системы, плана».

Или, на стр. 84, про татар:

> «По характеру черневые татары, вероятно, в связи с природными условиями, замкнуты, необщительны и не склонны к коллективной жизни».

Все эти писания «о лености, легкомыслии и даже несклонности к коллективной жизни» ранее угнетаемых национальностей являются прямым измышлением классового врага, обнаглевшего до такой степени, что в 1928 г. перепевает

527600 A

ноты расовой теории империализма. Цитируемые сибирские «краеведы» пытаются об'яснить «порочные» качества туземцев «природными условиями». Не безынтересно, поэтому, проследить, подверглись ли тлетворному влиянию сибирской природы русские колонизаторы, попавшие в те же сибирские условия, в каких «туземцы» предавались «созерцательному покою»?

> «Охота в темных дебрях тайги,—читаем мы на стр. 63,—сопряженная с опасностями и лишениями, окружающая суровая природа и борьба с нею, борьба с туземными племенами, внезапно нападавшими на русские поселения, создали характерные черты сибиряка-сторожила: предприимчивость, практичность, большую наблюдательность, находчивость, ловкость, смелость, отважность, неустрашимость и решительность».

Или, на стр. 65:

> «Они (великорусские староверы) отважны, ловки, жизнь ведут трезвую и трудолюбивую. Живут зажиточно».

Оказывается, что охота в дебрях тайги, суровая природа, борьба с нападавшими племенами и т. д., все эти условия влияли по-разному. Одних (туземцев) эти условия превращали в лодырей, а других (русских) в «предприимчивых», «практичных» людей.

В этом поучении Шнейдера и К° выражается самый махровый великодержавный шовинизм. Тоскуют, смертельно тоскуют почтенные «исследователи» Сибирского края о чугунной крышке самодержавия, душившей экономическое и культурное развитие «малых» народностей России, варварски уродовавшей развитие последних.

Обратимся к некоторым особенностям истории, не нашедшим своего освещения в цитируемой книге. Класса помещиков, в буквальном значении этого слова, в Сибири не было. Место помещика было занято сибирским купечеством, выросшим из первых русских колонизаторов. Сибирское кулачество, прозванное в народе «чалдонами», стояло на грани между кулаком и помещиком. Зажиточность чалдонов покоилась на беспощадной эксплоатации туземного «ясачного» населения, а затем и последующих русских переселенцев. Эти-то «великорусские староверы», чьими руками царское правительство вершило свою колонизаторскую политику, и удостоились необычайной похвалы на страницах «советской» краеведческой литературы за их «предприимчивость, практичность, большую наблюдательность, находчивость и т. д.»—в деле порабощения коренных национальностей Сибири.

Мало того, восхваляя дореволюционную Сибирь, как образец демократических порядков, авторы цитируемого очерка утверждают, что Сибирь не испытывала ни помещичьего, ни административного, ни церковного угнетения (стр. 64). Одно лишь неясно, зачем при отсутствии какого бы то ни было угнетения пришлось насаждать в Сибири... многочисленные каторги и тюрьмы, а также не менее многочисленные казармы, станицы и многие другие средства царской «демократии».

Авторы утверждают, что Сибирь не испытывала не только классового, но и национального угнетения:

«Процесс обрусения,—читаем на стр. 84,—прошел у них (туземцев-кумандинцев. *Т. В.*) особенно легко, незаметно и безболезненно».

И несколькими строками ниже:

> «К сожалению, пришлое русское население, вытесняя их (кумандинцев) с земель, находившихся в их исконном пользовании, отнимало у них лучшие угодья и вконец их разоряло».

Получается, что руссификаторская политика самодержавия проходила «особенно легко, незаметно и безболезненно, только... «вконец разоряла» туземцев.

Трудно поверить, что подобный антисоветский бред печатается в «советских» изданиях.

В своем колонизаторском азарте Шнейдер и Доброва-Ядринцева, включая в список населения Сибирского края тана-тувинцев, не заметили того обстоятельства, что советское правительство с момента своего возникновения об'явило так называемый Урянхайский край, являющийся колонией самодержавия, независимым государством, что народы этого края создали свою Тана-Тувинскую республику, ныне поддерживающую с нами самые дружественные отношения.

Однако, не в одной лишь краеведческой литературе Сибири процветает великодержавный шовинизм. Его можно встретить не мало и в других изданиях. Просматривая краеведческий сборник «Средне-Волжский край», изданный в 1930 году (Самара, ГИЗ), мы встретились с такими же примерно явлениями. В очерке «Заселение края» П. А. Преображенский, на стр. 15 и 16 пишет:

> «В то же приблизительно время (1748 г.) часть киргиз-казаков заявила (?) о своем подчинении русской власти и по этому случаю решено было построить город... и назвали его Оренбургом».

Или на стр. 16 и 17:

> «На первых порах русские земледельцы, занимая (у мордвы) участки степи, мордве не мешали; мордва даже охотно (!) припускала к себе переселенцев для обмена с ними продуктами хозяйства... Мордовскому народу стало тесно и он начал двигаться... в Самарские края».

Или на стр. 17:

> «Так же, как и мордва, башкиры сначала охотно припускали к себе переселенцев из других национальностей».

Читая эти откровения, невольно вспоминаешь лакейскую мазню придворных «историков» царской России, этих профессиональных лжецов и обманщиков насчет действительной истории народов б. России.

Характерной чертой и сибирских и средне-волжских «краеведов» является стремление сгладить классовую сущность колонизаторской политики самодержавия. Одни эксплоататора-чалдона окрашивают в «трезвого и трудолюбивого» земледельца, другие стараются окрасить русских помещиков, разделивших между собой завоеванные у туземцев земли, в скромных «русских земледельцев».

Второй общей для великодержавных шовинистов в краеведении чертой является стремление во что бы то ни стало «доказать», что никакого угнетения туземных народов со стороны самодержавия не было. Одни говорят, что процесс обрусения прошел у них «особенно легко, незаметно и безболезненно», другие утверждают, что волжские народы (мордва, башкиры и казаки) сами «заявили о своем подчинении русской власти» или «охотно припускали» на свои земли русских помещиков и потому-де никакого угнетения быть не могло.

Особенно возмутительными и мерзкими являются попытки доказать заботу самодержавия о развитии городской культуры среди «инородцев».

> «В XVII веке, — читаем у профессора П. А. Преображенского на стр. 17, — часть калмыцкого народа поселена была в Заволжьи и для калмыков построен был город Ставрополь. Затем после разнообразных превратностей (?) ставропольские калмыки переселены были к реке Уралу».

Итак были построены два города: Оренбург—для казаков (?) и Ставрополь для калмыков (?). Такую несусветную реакционную чушь несет профессор Преображенский ради того, чтобы задним числом вынести оправдательный приговор колонизаторско-угнетательной политике самодержавия. Не потрудился проф. Преображенский выяснить таких вещей: почему, во-первых, «мордовскому народу стало тесно» и он подался куда-то на восток на худшие и тесные земли; почему, во-вторых, калмыцкий народ отказался от пребывания в пожалованном ему городе — Ставрополе и «подался» куда-то к Уралу; почему, в-третьих, не только в городах, но и в радиусе на десятки километров от городов нельзя было днем с огнем отыскать «инородческих» жителей. Эти вопросы запрещалось задавать в дореволюционное время и проф. Преображенский, придерживаясь дореволюционных обычаев, старательно избегает их постановки в наши дни. Затронув эти вопросы, пришлось бы подробнее рассказать о том, о чем кратко высказался X с'езд ВКП(б) в своей резолюции:

> «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики—неразвитость и политическая отсталость этих народов» (стенографический отчет X с'езда ВКП(б), стр. 324).

Пришлось бы, во-первых, сказать, что «мордовскому народу стало тесно» в силу того, что земли мордовские были распределены между русскими помещиками, что мордовский народ был изгнан с земли и брошен в условия малоземелия на худшие земли. Пришлось бы, — во-вторых, сказать, что калмыцкий народ ушел к Уралу не в силу непривычки к городской культурной оседлости, а в силу грабежа и насилий, чинимых русскими колонизаторами над калмыцким народом. Пришлось бы, в-третьих, сказать, что туземное население убегало прочь от русских городов не потому, что ему чужды были культурные запросы, а потому, что эти города были опорными пунктами руссификаторско-грабительского наступления на туземное население, и что эти города и крепости возводились не «для» туземцев, а для порабощения туземцев.

Обо всем этом (а в этом вся суть дела) почтенный профессор молчит. Кто же может после этого заподозрить профессора Преображенского в измене традициям царской колониальной политики? Он свято хранит эти традиции. Он донес их в сохранности на страницы советской печати.

Вместо того, чтобы правдиво рассказать истинный смысл возведения поволжских городов и крепостей, вместо того, чтобы правдиво поведать об угнетении туземных народов, проф. П. А. Преображенский несет ахинею о том, что:

> «Слухи о просторных землях в Заволжских степях, о баснословных урожаях пшеницы, о дынях и арбузах влекли в Заволжье множество переселенцев» (стр. 18).

Получается так, что, не появись на Руси слухов... «о дынях и арбузах», так никто и не полез бы порабощать волжских народов. Колониальный грабеж опять-таки смазывается глупыми вымыслами о дынях и арбузах.

Другой «краевед», Е. А. Охитович, в том же сборнике касается более современных тем. Установив, что в городах Мордовской автономной области русское население составляет 96,1% (мордвы в городах 2,1%, остальные—татары и друг.), он на стр. 29, констатирует, что: «Доля этой народности (мордвы) в городских насеелниях уже довольно значительна».

Конечно, и эти 2,1% говорят о достижениях, поскольку до революции мордва вовсе не жила в городах, но почему именно эти достижения надо считать непременно «уже довольно значительными»?

Средне-Волжская организация ВКП(б) настойчиво добивается того, чтобы мордву трудящихся вовлекать в промышленность и советский и общественный аппарат, в учебные заведения, короче говоря, — в города, а Охитович в ответ

твердит, что уже довольно и 2,1% мордвы, живущей в городах своей области. Охитович даже свою особую «теорию» создал. Он говорит на стр. 30, что «нацмены нашего края вообще до революции характеризовались неподвижностью и мало передвигались в города».

Выходит, что «нацмены» повинны в том, что «мало передвигались в города». Выходит, что, сколько ни старайся вовлекать представителей ранее угнетаемых национальностей — все равно из этого ничего не выйдет, поскольку они характеризуются «неподвижностью». Высказал свое мнение Охитович и об автономных областях (стр. 28):

> «Факт преобладания русского населения (русских 56%. Т. В.) не помешал образованию Мордовской национальной области, как центра, где сосредоточится изучение и строительство национальной мордовской культуры, имеющей свои особенности».

По Охитовичу, выходит, что назначение автономных областей сводится лишь к «изучению и строительству национальных... культур». Это, видите ли, только по названию автономия, а по существу культурные учреждения и больше ничего. Охитович пытается ограничить компетенцию автономных единиц вопреки решению X партс'езда, признавшего, что автономные советские республики и области наряду с широким развитием культурного строительства должны: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов, б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения» (Стенографический отчет X с'езда ВКП(б), стр. 325).

Эти две основные задачи автономных республик и областей Охитович принял на себя смелость похоронить, оставив пока одну лишь задачу культурного строительства. Забыл Охитович и главнейшую задачу реконструктивного периода в отношении этих районов, заключающуюся в необходимости борьбы с национальным кулачеством, в необходимости решительного социалистического наступления, направленного на ликвидацию остатков экономического неравенства и обеспечивающего под'ем хозяйства и культуры трудящихся масс этих районов на путях социалистического развития.

Краеведческая литература, подобная той, о которой речь шла впереди, свидетельствует о вылазках обнаглевшего классового врага, свидетельствует о неблагополучии и слабости наших позиций на фронте краеведческой работы. Надо не забывать, что выше мы коснулись лишь одного, правда, крайне опасного вида идеологических искажений в краеведческой литературе, далеко не исчерпав и небольшой доли тех случаев и форм, в которых шовинистические мракобесы проникают в краеведческую литературу.

Но и приведенные факты свидетельствуют о наличии в краеведческой литературе идеологии открытых врагов трудящихся, идеологии великодержавных шовинистов, злостно подтасовывающих исторические факты с целью оправдать гнуснейшую национально-угнетательскую политику самодержавия, с целью подорвать и развенчать политику ВКП(б) в национальном вопросе, подорвать дело строительства национальной культуры.

Приведенные факты не говорят, а кричат о необходимости мобилизации партийной, пролетарской, подлинно советской общественности на то, чтобы разоблачить и выбить великодержавников из краеведческих организаций и литературы, на то, чтобы положить предел покровительству великодержавникам со стороны советских органов, печатающих реакционное творчество этих, с позволения сказать, «краеведов». Мы не допускаем мысли, чтобы, например, в Средне-Волжском крайплане, издавшем сборник со статьями Преображенского и Охитовича, сидели простаки и невежды, неспособные расшифровать профессорские «турусы на колесах». Здесь дело не обошлось без «содействия» правых оппортунистов.

XVI партс'езд по отчету ЦК указал, что «главную опасность на данном этапе представляет великодержавный уклон, пытающийся ревизовать основы ленинской национальной политики и, под флагом интернационализма, прикрывающий стремления отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии».

Рассмотренные нами факты в свете этого решения партии приобретают острый политический интерес. Речь идет об одной из боевых классовых задач пролетариата, речь идет о борьбе против великодержавного уклона, о решительной очистке краеведческого поля от уцелевших шовинистов-великодержавников, о решительной борьбе с работниками и учреждениями, покровительствующими великодержавному шовинизму.

Великодержавный шовинизм не исчерпывает, конечно, всех идеологических искажений в краеведческой литературе, уже большой по своему об'ему и запущенной по своему идейному содержанию. Здесь можно встретить также не мало подлежащих немедленному разоблачению других разновидностей явно буржуазных, а также правооппортунистических теорий и теориек. Все это еще и еще раз обязывает партийные организации вплотную взяться за расчистку этого участка научной и культурной работы.

Краеведение в условиях социалистической реконструкции страны призвано выполнять весьма важные задачи. Его роль особенно велика в связи с развитием новых промышленных и высоко-культурных районов, в связи с перемещением промышленного развития на Восток, в связи со специализацией наших областей по сельскохозяйственным культурам. Успех этой гигантской творческой работы в значительной степени зависит от правильного и своевременного учета местных отличий и особенностей экономического уклада и бытовых форм каждого края или области. В этой ответственной задаче большое значение должна сыграть краеведческая работа. Однако, краеведение сможет выполнять эту задачу успешно лишь, если партийные организации обратят на него самое пристальное внимание и беспощадно изгонят из краеведческих организаций кое-где там засевшего классового врага, если краеведение решительно отбросит все и всякие буржуазные и мелкобуржуазные свои традиции, твердо став на службу великой исторической работе по социалистической реконструкции страны. **Т. ВАСИЛЬЕВ.**

ОПЕЧАТКИ

В статье тов. Сафарова, № 15—16 „Большевика“, допущены следующие опечатки:

	Напечатано:	Следует читать:
На стр. 71 5 строка сверху	Ганди и К° временно удалось *обогатить* руководство...	Ганди и К° временно удалось *оттеснить наше* руководство...
На стр. 73 9 строка сверху	Смешна попытка ***зайца*** перебежать дорогу	Смешна попытка ***зайцем*** перебежать дорогу
На стр. 76 22 строка снизу	Это — непревзойденный „сертификат ***цинизма***“	Это — непревзойденный „сертификат ***цивизма***“.
На стр. 80 3 строка сверху	Засоренность партийных организаций отдельных отрядов Красной Армии	Засоренность партийных организаций, отдельных отрядов Красной Армии.
Там же 20 строка сверху	Мы привели гоминдановский рецепт спасения от революции *не* для того...	Мы привели гоминдановский рецепт спасения от революции для того...

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

NOV 13 308

216

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ № 18

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

простаки и невежды, неспособные расшифровать профессорские «турусы на колесах». Здесь дело не обошлось без «содействия» правых оппортунистов.

XVI партс'езд по отчету ЦК указал, что «главную опасность на данном этапе представляет великодержавный уклон, пытающийся ревизовать основы ленинской национальной политики и, под флагом интернационализма, прикрывающий стремления отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии».

Рассмотренные нами факты в свете этого решения партии приобретают острый политический интерес. Речь идет об одной из боевых классовых задач пролетариата, речь идет о борьбе против великодержавного уклона, о решительной очистке краеведческого поля от уцелевших шовинистов-великодержавников, о решительной борьбе с работниками и учреждениями, покровительствующими великодержавному шовинизму.

Великодержавный шовинизм не исчерпывает, конечно, всех идеологических искажений в краеведческой литературе, уже большой по своему об'ему и запущенной по своему идейному содержанию. Здесь можно встретить также не мало подлежащих немедленному разоблачению других разновидностей явно буржуазных, а также правооппортунистических теорий и теориек. Все это еще и еще раз обязывает партийные организации вплотную взяться за расчистку этого участка научной и культурной работы.

Краеведение в условиях социалистической реконструкции страны призвано выполнять весьма важные задачи. Его роль особенно велика в связи с развитием новых промышленных и высоко-культурных районов, в связи с перемещением промышленного развития на Восток, в связи со специализацией наших областей по сельскохозяйственным культурам. Успех этой гигантской творческой работы в значительной степени зависит от правильного и своевременного учета местных отличий и особенностей экономического уклада и бытовых форм каждого края или области. В этой ответственной задаче большое значение должна сыграть краеведческая работа. Однако, краеведение сможет выполнять эту задачу успешно лишь, если партийные организации обратят на него самое пристальное внимание и беспощадно изгонят из краеведческих организаций кое-где там засевшего классового врага, если краеведение решительно отбросит все и всякие буржуазные и мелкобуржуазные свои традиции, твердо став на службу великой исторической работе по социалистической реконструкции страны. **Т. ВАСИЛЬЕВ.**

ОПЕЧАТКИ

В статье тов. Сафарова, № 15—16 „Большевика“, допущены следующие опечатки:

	Напечатано:	Следует читать:
На стр. 71 5 строка сверху	Гранди и К⁰ временно удалось *обогатить* руководство...	Ганди и К⁰ временно удалось *оттеснить наше* руководство...
На стр. 73 9 строка сверху	Смешна попытка ***зайца*** перебежать дорогу	Смешна попытка ***зайцем*** перебежать дорогу
На стр. 76 22 строка снизу	Это — непревзойденный „сертификат ***цинизма***“	Это — непревзойденный „сертификат ***цивизма***“.
На стр. 80 3 строка сверху	Засоренность партийных организаций отдельных отрядов Красной Армии	Засоренность партийных организаций, отдельных отрядов Красной Армии.
Там же 20 строка сверху	Мы привели гоминдановский рецепт спасения от революции *не* для того...	Мы привели гоминдановский рецепт спасения от революции для того...

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

NOV 13 30 B

216

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ № 18

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

И-д-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 3-90.

№ 18 — 30 СЕНТЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Передовая. — Очередные задачи работы в деревне 1
Межлаук, В. — 4,2—7,5—17 . . 12
Енукидзе, А. — За укрепление районных партийных и советских организаций. 20
Чернов, М.—На решающем этапе хлебозаготовок. 28
Верменичев, И. — Буржуазные экономисты, как они есть (кондратьевщина). 38
Павлов, А. — Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда (окончание). . . 56
Мадьяр, Л. — Советы в Китае. 71

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. П. Против правого оппортунизма в вопросах труда 87

Очередные задачи работы в деревне.

«В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества ка класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» (Сталин). Одним из труднейших направлений этого развернутого наступления является социалистическое строительство и вся работа партии в деревне.

Органической частью хозяйственного плана 3-го года пятилетки является быстрое развертывание сельскохозяйственного производства в его социалистических формах. «Мы должны обеспечить большевистские темпы развития социалистического совхозного и колхозного сектора в сельском хозяйстве, выполнение огромных производственных программ таких организаций, как Зернотрест, Скотовод, Свиновод и друг.». Третий год пятилетки «должен обеспечить переход не менее чем половины крестьянских хозяйств на социалистический путь, на путь коллективизации». Так определяет ЦК ВКП(б) задачи сельскохозяйственной программы третьего года пятилетки. Партия переходит к новому под'ему в развитии социалистического сектора сельского хозяйства.

Мощный и крутой под'ем сельскохозяйственного производства в его социалистических формах намеченный на 3-й год пятилетки, коренная перестройка всех основ сельского хозяйства на социалистических началах не будут достигнуты иначе, как в процессе обостренной классовой борьбы. Мы вступили в период развернутого социалистического наступления, в период, когда с ликвидацией кулачества как класса выкорчевываются последние и самые глубокие корни капитализма в нашей стране. Но только безнадежные оппортунисты могут думать, что сплошная коллективизация, ликвидация кулачества как класса есть простая операция, которая может быть пройдена в недели или месяцы без самого ожесточенного, самого бешеного сопротивления со стороны кулачества. Период обострения классовой борьбы не кончился. Работа деревенских организаций партии протекает и в 3-й год пятилетки будет протекать в обстановке острейшего сопротивления кулачества, которое использует все средства для срыва работы по социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Партийные организации в деревне являются теми отрядами коммунистической партии, на которые ложится непосредственное практическое руководство выполнением величайших задач сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Для того, чтобы выполнить их, необходимы четкое и последовательное проведение в жизнь ленинской линии партии, непримиримая борьба против правого оппортунизма, который является главной опасностью в переживаемый период, борьба со всякими попытками повторения прошлогодних «левых» антисередняцких ошибок, борьба против примиренческого отношения к оппортунизму во всех его видах. Самый темп и методы работы деревенских партийных организаций должны быть перестроены по-новому в соответствии с гигантскими задачами, которые им надлежит осуществить.

Важнейшей и основной работой всех деревенских партийных организаций во всех районах нашей страны является работа по дальнейшему развертыванию и укреплению колхозного движения. Именно развертывание сплошной коллективизации — есть тот путь, вне которого немыслимо осуществление лозунга ликвидации кулачества как класса. В районах сплошной коллективизации 3-й год пятилетки должен дать вовлечение в колхозы всего или почти всего основного массива бедняцко-середняцких хозяйств. В первую очередь в этих районах на основе успешного завершения сплошной коллективизации партия доводит до конца ликвидацию кулачества как класса. В районах незернового характера, а также в ряде национальных районов, задачи носят несколько иной характер. Разумеется, в этих районах работа по организации новых колхозов и вовлечению единоличников в старые колхозы также является основной и важнейшей задачей деревенских партийных организаций. Только оппортунисты могут недооценивать в этих районах значение работы по коллективизации. Здесь особенно важно добиться решительного под'ема коллективизации — путем укрепления старых колхозов и показа их достижений единоличникам, широкой пропаганды работы совхозов, МТС, организации новых колхозов и вовлечения новых членов в старые. И здесь, этот процесс должен происходить на основе дальнейшего усиления наступления на кулачество. Однако, в отношении кулачества в этих районах в действии остается прежний лозунг партии, который является в данный период не основным, а подсобным, — лозунг ограничения и вытеснения кулачества, что должно подготовить ликвидацию кулачества как класса. Под этим лозунгом здесь необходимо усилить наступление на кулака при разрешении хозяйственных и политических вопросов деревенской практики, — необходимо полностью провести индивидуальное обложение кулаков, добиться от кулаков выполнения в срок твердых заданий по заготовкам хлеба и других с.-х. продуктов, жестоко пресекать вредительскую деятельность кулака, спекуляцию хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, организовать сокрушительный отпор кулачеству, решительно наступая на него. При этом обязательна полная четкость политической линии и немедленное пресечение малейших попыток перенести методы борьбы с кулаком на середняка, всяких попыток возродить на этой основе прошлогодние антисередняцкие «левые» ошибки.

При проведении политики партии колхозники являются действительной и прочной опорой советской власти в деревне. Понимание этого сдвига классовых отношений в деревне должно найти полное отражение во всей повседневной практике деревенских парторганизаций. Усилить организационно-хозяйственное руководство и помощь колхозам, вызвать, организовать и возглавить трудовой под'ем и энтузиазм колхозников, порвавших со старыми формами ведения хозяйства и вступивших на новый, социалистический путь, развернуть социалистическое соревнование и ударничество, выдвинуть из среды колхозников тысячи новых активистов, агитаторов, организаторов колхозного дела и работников на все участки социалистического строительства, опереться на колхозников при проведении всех очередных хозяйственных и политических кампаний,—такова задача партийных организаций в деревне.

Это не значит, конечно, что допустимо какое-либо игнорирование единоличного хозяйства. XVI-й с'езд дал совершенно определенную директиву. «Проводя во всей своей практической работе в деревне лозунг опоры на колхозника, партия должна решительно бороться со всякими тенденциями игнорирования или недооценки единоличного бедняцко-середняцкого хозяйства, оказывая помощь этому хозяйству, укрепляя самостоятельную организацию бедноты в советах, кооперации и низших звеньях колхозного движения, ведя широкую работу среди единоличников и вовлекая их в колхозы». Таким образом, всякая недооценка работы с единоличниками—бедняками и середняками, составляющими пока большинство деревенского населения, является грубейшей политической ошибкой. Колхозники являются прочной опорой советской власти в деревне. Однако, только оппортунист забывает, что беднота была и является также опорой советской власти в деревне. Работа среди батрачества и бедноты должна быть поднята на большую высоту, она должна в каждом районе учитывать особые условия. Нельзя по одному шаблону эту работу организовать и в колхозах, в районах сплошной коллективизации, и в простейших производственных об'единениях, и в единоличном секторе незерновых и национальных районов. В сельхозартелях работа с беднотой в подавляющем большинстве случаев должна итти по линии общей работы с батрацко-бедняцким активом без создания групп бедноты. В простейших производственных об'единениях работа среди бедноты и вся активность групп бедноты должна быть направлена не только на защиту непосредственных интересов бедноты и батрачества, но и должна содействовать укреплению союза с середняком и обеспечить переход простейших об'единений на высшую ступень коллективизации. В незерновых и центральных районах с невысоким процентом коллективизированных хозяйств беднота и батрачество являются той опорой, той силой, которая обеспечивает дальнейшее вовлечение бедняцко-середняцких масс в колхозы, сплочение сил бедноты и среднего крестьянства для усиления борьбы против кулачества при проведении всей политики партии.

Именно поэтому работа с беднотой и батрачеством, организация их для борьбы с кулаком и вовлечение в колхозы должна быть всемерно усилена. Всякие попытки ослабить организации бедноты, ликвидировать их есть не что иное, как проявление на практике кулацкого влияния на деревенские партийные организации.

«Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному может осуществиться только на основе *союза рабочего класса и бедноты с середняком*», — эта директива XVI с'езда партии имеет исключительно важное значение на практике в связи с задачей партийных организаций возглавить новый под'ем коллективизации, в частности, при организации практического руководства колхозным строительством, формировании кадров колхозного движения, а также при проведении всей работы среди батрачества и бедноты. Забыть о единоличнике-середняке, допустить игнорирование единоличного хозяйства — это значило бы вернуться к худшим образцам «левых» загибов 1929—30 года.

С вопросом об отношении к единоличнику тесно связан вопрос о задачах в области *кооперации*. Широкое кооперирование единоличников, развитие простейших производственных об'единений — это важнейшая подготовительная работа для развертывания коллективизации. В тех районах,—незерновых и многих из национальных, где еще нет условий для немедленного вовлечения огромного большинства единоличников в с.-х. артели,—там производственные об'единения и товарищества по общественной обработке земли есть переходная к артели форма, получающая массовое распространение. Но эти простейшие производственные об'единения должны рассматриваться *именно как переходные* к сельскохозяйственной артели. Разумеется, и в этих районах основной формой колхозного движения является с.-х. артель и необходима активная работа по развитию с.-х. артелей. Партия требует решительного отпора антиколхозным оппортунистическим попыткам противопоставить простейшие производственные об'единения артелям и ослаблять борьбу за организацию с.-х. артели как основной формы колхозного движения.

Решающая задача партийных организаций в деревне заключается теперь в том, чтобы на основе ленинской линии партии добиться *решительного сдвига в организации нового мощного под'ема колхозного движения*. Между тем, практика работы деревенских партийных организаций за последние месяцы показывает в ряде мест ослабление работы по коллективизации и, вместо усиления наступления на кулака, ослабление борьбы с ним. Отдельные районные организации, сельские и колхозные ячейки подпали под влияние оппортунистической надежды на *самотек*. Некоторые коммунисты на практике решили отказаться от какой бы то ни было работы по организации нового прилива в колхозы, часто ссылаясь на прошлые перегибы. Партийные организации еще явно недостаточно работают над укреплением колхозных ячеек, плохо руководят районными звеньями колхозной и кооперативной системы, организацией инициативных групп по созданию новых колхозов. Явно отстает руководство этими группами и систематическая помощь им в создании новых крепких колхозов, слаба мобилизация партийного, колхозного и бедняцко-середняцкого актива для вовлечения в колхозы единоличников и т. д. Некоторые районные парторганизации оказываются не в состоянии сочетать текущие хозяйственно-политические кампании на селе — хлебозаготовки, осенний сев, зяблевая вспышка, сбор сельхозналога и т. д.—с широким развертыванием массовой работы по новому приливу в колхозы. Иногда бывает, что коллективизацией в районе занимается *только колхозный аппарат и колхозный актив, но не партийные организации*. Эта неправильная практика вытекает из явно оппортунистической недооценки задач коллективизации и борьбы с кулачеством. Есть случаи, и довольно многочисленные, когда коммунисты и комсомольцы в деревне все еще *сами* отказываются входить в колхозы. Например, из Аркадакского района (Нижне-Волжский край) сообщают, что там в колхозах состоят лишь 45% коммунистов, занимающихся сельским хозяйством. Из 700 членов комсомола в колхозах состоит лишь 180, или 26%. Есть случаи, когда работу по коллективизации районные партийные организации хотят «отложить на более свободный от работы зимний период». Есть примеры, когда задачу дальнейшего роста коллективизации партийные организации считают несвоевременной и безнадежной для данной осени, фальшиво ссылаясь при этом на вред, причиненный перегибами, допущенными прошлой зимой.

Решающая задача парторганизаций деревни—решительно покончив с оппортунистической недооценкой работы по коллективизации, организовать новый мощный прилив батрачества, бедноты и середняков в колхозы, поставить это дело во главу угла своей практической работы, мобилизовав все силы партии, комсомола, колхозного и бедняцко-середняцкого актива.

Борьба за укрепление и развитие социалистического сектора в деревне теперь охватывает и все возрастающую область строительства *совхозов*. Их значение в социалистической реконструкции сельского хозяйства огромно. Тов. Сталин на XVI с'езде говорил: «Впереди пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни, за ними потянутся многочисленные колхозы, как опорные пункты нового движения вперед. Соединенная работа этих двух систем создаст условия для полной коллективизации всех областей СССР».

Мощное развертывание совхозов как зерновых, так и животноводческих, хлопковых, льноводных и др. ставит перед партийными организациями деревни ряд новых для их практики вопросов. До сих пор работа по строительству совхозов занимала очень небольшое место в деятельности парторганизации в деревне. Сейчас тут нужен крутой перелом. Мощные зерновые и животноводческие совхозы по плану 3-го года пятилетки организуются в очень многих районах нашей страны. Старые совхозы реорганизуются и укрепляются. Очень немногие районы не будут в ближайшие годы иметь у себя одного или нескольких совхозов.

Укрепление партийных ячеек при совхозах, пролетарское воспитание новых растущих кадров сельхозрабочих, подготовка больших кадров трактористов, квалифицированных рабочих в области полеводства, животноводства и др., отвод земли совхозам, развертывание строительства, — вся эта практическая новая работа, имеющая огромное политическое и хозяйственное значение, не будет поднята земельными и совхозными органами без действительного руководства и помощи всеми силами со стороны деревенских организаций партии.

И в области совхозного строительства уже наметились проявления правого оппортунизма и «левые» загибы антисередняцкого характера. Правый оппортунизм здесь сказывается в недооценке наших возможностей в деле развертывания совхозов, в слабой мобилизации партийных сил на это дело, в неумении и нежелании поставить боевыми темпами подготовку кадров, строительство в совхозах, их землеустройство и т. д. «Левый» оппортунизм здесь получает свое выражение в бесшабашном отношении к нуждам бедняцко-середняцкого населения в деревне, например, при выделении земли под совхозы. Партия требует—всеми силами обеспечить действительно большевистские темпы развития совхозов.

Особо следует подчеркнуть роль и задачи партийных организаций в деревне в разрешении проблемы животноводства.

Основные вопросы, в которые упирается большая программа по животноводству—это проведение громадных строительных работ в совхозах на предстоящий год, по постройке скотных дворов, свинарников и других необходимых сооружений. Это строительство пока выполняется чрезвычайно слабыми темпами. Далее, должна быть проделана гигантская работа в совхозах по комплектованию стада, по налаживанию ветеринарного обслуживания и наблюдения и, наконец, по обеспечению всего этого дела необходимыми кадрами, которые еще не созданы.

Помимо помощи и бдительного контроля за делом организации животноводческих совхозов стоят трудные задачи в области коллективизации животноводства и развития в колхозах товарных животноводческих ферм. Партия требует решительного преодоления «наплевательского» отношения и практики самотека в организации животноводства в колхозах, партия требует чрезвычайно осторожного подхода к этому делу, без повторения перегибов в обобществлении скота.

⁂

В настоящее время, особенно в решающий месяц — октябрь, исключительное значение приобретает хлебозаготовительная кампания. Пока ход хлебозаготовок, несмотря на успехи по сравнению с прошлыми годами, все еще недостаточен. Между тем, хлебозаготовки имеют важнейшее значение не только для народного хозяйства,—они, по существу, являются важнейшей частью всей работы партии по сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Ряд фактов показывает, что некоторые партийные работники находятся в плену демобилизационных, правооппортунистических настроений, рассчитывают на самотек, не организуют бедноты, середняков и колхозников, ослабили свою бдительность по отношению к классовому врагу; эти товарищи по-деляческi понимают хлебозаготовки и поворачиваются спиной к этой работе, имеющей огромное политическое значение. Нельзя забывать, что хлебозаготовительная кампания мобилизует силы бедноты и батрачества против кулачества за пятилетку в четыре года, готовит предпосылки под'ема коллективизации, является важнейшей частью социалистического наступления в деревне.

Практика хлебозаготовок дает еще много примеров правооппортунистических искривлений партийной линии и ослабления наступления на кулачество. Ограничимся здесь одним примером. В Довлекановском районе, одном из самых хлебных районов Башкирии, кулаки на

1 октября выполнили всего 4% твердого задания. «Несмотря на это,—пишут из Башкирии,—под суд отдан только один кулак». Подобные факты, к сожалению, далеко не единичны.

Правый оппортунизм на практике здесь проявляется в том, что план хлебозаготовок некоторые работники стремятся выполнить исключительно за счет колхозного сектора, допуская одновременно всяческие поблажки середняку-единоличнику и особенно кулаку. Они тем самым, вольно или невольно, превращают хлебозаготовительную кампанию в средство агитации против колхозов.

Необходимо обеспечить выполнение директивы о доведении норм сдачи хлеба единоличниками из расчета на га не ниже как до норм, установленных для колхозов. Эта директива пока еще не всюду осуществляется. По данным начала октября, колхозы сдали хлеба в счет плана в среднем 1,15 центнера с га, в то время как единоличники на то же число сдали лишь 0,65 центнеров с га. Правые оппортунисты из хлебозаготовительного аппарата развивают теорию о том, что колхозники должны сдать больше хлеба, нежели единоличники, потому что посевная площадь и урожайность у них выше. Подобная теория есть теория льгот единоличному хозяйству за счет колхоза, есть теория, ничего общего не имеющая с ленинской линией партии, рассчитанной на поддержку колхозного сектора. Этой теории и подобной практике должен быть дан самый резкий большевистский отпор. Директива партии и правительства о единой норме для колхозников и единоличников должна быть осуществлена.

Пытаясь сорвать выполнение хлебозаготовительных планов, кулаки сами ведут спекуляцию хлебом и другими с.-х. продуктами и толкают на этот путь середняков и даже колхозников. Известны случаи, когда отдельные колхозы поддавались кулацкой агитации и выбрасывали хлеб по вздутым ценам на спекулятивный рынок. Это является прямым выражением кулацкого влияния на колхозников. Эти факты опять напоминают о задачах упорной длительной работы партии внутри колхозов. «В артели не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству» (резолюция XVI с'езда).

Колхозники обязаны по закону сдавать государству определенную долю произведенного хлеба, которая в среднем составляет около ⅓. Остальным хлебом колхозники вправе распоряжаться по своему усмотрению. Крупнейшей ошибкой переадминистрирования являются попытки устанавливать в колхозе нормы потребления, а весь хлеб колхозников, сверх установленных норм, из'ять в обязательном порядке. Но также большую ошибку допускают те организации, которые спокойно смотрят на выбрасывание колхозного хлеба на спекулятивный рынок, не принимая никаких мер. Широкая массовая раз'яснительная работа, мобилизация всех сил партийцев, комсомольцев и широких масс самих колхозников должна обеспечить осуществление на практике лозунга: «Ни одного центнера хлеба колхозников на частный рынок для спекуляции». Широкой массовой работой, опираясь на самих колхозников, партийные организации деревни должны организовать заготовки хлеба колхозников и сверх плана, продажу колхозниками этого хлеба государству.

В современной хозяйственно-политической обстановке особенное значение имеет выполнение в срок как колхозами, так и единоличниками всех обязательств как с.-х. налог, страховые платежи, проведение самообложения, а также своевременный возврат ссуд, внесение паев в кооперацию и т. д. Все эти платежи не представляют сколько-нибудь серьезной тяжести для колхозов и бедняцко-середняцкого населения в деревне. Между тем, темп выполнения этих платежей не везде достаточен. Вокруг этого дела до последних недель почти нигде не развернута массовая работа. Надежда на самотек в самой худшей форме господствовала в этой области работы, как ни в какой другой. Несвоевременное поступление платежей может повести к перенапряжению бюджета, что в свою очередь отразится на своевременном финансировании всех мероприятий по строительству совхозов, укреплению колхозов, культурному строительству и подготовке кадров. Задача парторганизаций на местах—решительно усилить работу в области мобилизации денежных ресурсов населения, отбросить оппортунистическую ставку на самотек, сплотить силы колхозников, бедняцко-середняцких масс против кулачества и развить в этой области массовую работу и социалистическое соревнование. Всю эту работу и другие хозяйственные кампании (завершение осеннего и подготовка весеннего сева, зяблевая вспашка) необходимо—так же как хлебозаготовки—сочетать с делом мобилизации масс вокруг задач социалистической реконструкции сельского хозяйства, дальнейшей коллективизации.

В хозяйственной обстановке настоящего года новое значение приобретает организация отхода рабочей силы на шахты, фабрики, заводы и строительства. Индустриализация идет возрастающими темпами. Безработица сменилась к настоящему моменту острым недостатком рабочей силы на многих участках хозяйственного фронта. Количество рабочих, которых индустриализация и строительство должны получить из деревни, колоссально возрастает. Между тем, в деревне излишки рабочей силы безусловно имеются налицо. Организация «отхода» рабочей силы из колхозов и единоличного сектора деревни представляет в настоящее время обязательную задачу каждой деревенской партийной организации, «долю» ее участия в борьбе за промфинплан промышленности.

Основной опасностью в годы развернутого социалистического наступления, ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации была и есть правая опасность. В деревне правый оппортунизм, особенно на практике, принимает самые разные замаскированные формы, а, по существу, сводится к срыву коллективизации, защите капитализма. Деятельность правых оппортунистов внутри партии является прямым отражением усилившегося сопротивления капиталистических элементов против социалистического наступления. Вредительская деятельность «кондратьевцев» является ярчайшим показателем того, как активизируется сопротивление кулачества и буржуазии и какие новые методы борьбы ими применяются. Правые оппортунисты, отражая давление этих капиталистических элементов, оживляют свою антипартийную работу. Обычно они не выступают открыто, а лицемерно прикрывают свою практику формальным согласием с генеральной линией партии. Ярким образцом такой замаскированной борьбы против партии, двурушничества является поведение исключенного из партии Рютина. Тем с большей непримиримостью партийные организации, особенно в деревне, должны мобилизовать свои ряды против практики правого оппортунизма и примиренчества к нему.

«Левый» оппортунизм, антисередняцкие перегибы есть тоже в конечном счете не что иное, как пособничество кулачеству. Кое-где имеются рецидивы прошлогодних «левых» загибов. Например, некоторые организации опять пытаются проводить коллективизацию голыми административными методами, снова «играть в цифирки» и т. п. Например, Петровский райком партии (Сев. Кавказ) наметил контрольные цифры коллективизации крестьянских хозяйств по кварталам и предложил ячейкам и фракции Колхозсоюза разбить их по десятидневкам и во что бы то ни стало выполнить в намеченные сроки. (Это решение райкома было затем отменено крайкомом ВКП(б).

Широкое развитие большевистской самокритики, направленной на своевременное разоблачение, невзирая на лица, всякого отступления от ленинской линии партии в теории и на практике—необходимое условие успешной борьбы на два фронта в работе каждой партийной организации.

* * *

Развертывание социалистического наступления в деревне выдвигает ряд неотложных организационно-политических задач. Первая из них заключается в укреплении сельсоветов. Если нередко партийные организации деревни стояли в стороне от колхозной работы, то еще чаще это относится к сельским советам. Совершенно недопустимо, когда сельсоветы стоят в стороне от всей массовой работы, связанной с новым приливом в колхозы. Сельсоветы под руководством партии должны поставить эту работу в центре своего внимания, органически связывая ее со всей другой хозяйственной работой. Конечно, не о бюрократическом руководстве—через протоколы и т. п.—идет речь: сельские советы должны, мобилизовав вокруг себя бедняцко-середняцкий и колхозный актив, стать на деле центром всей огромной практической хозяйственной работы по коллективизации.

Предстоящие отчетная и перевыборная кампании советов должны быть использованы для укрепления сельсоветов, очищения их от классово-чуждых элементов, привлечения новых сотен тысяч активистов-колхозников, бедняков и середняков в работу, для перестройки работы сельсоветов на деле лицом к колхозам.

Наряду с работой сельсоветов стоит задача по улучшению работы кооперативной и колхозной системы. Организационно-хозяйственное руководство колхозами до сих пор поставлено в районах плохо. Недавно организованные райколхозсоюзы еще слабы, не получили еще необходимого кадра руководящих сил и специалистов. Райколхозсоюзы еще не научились действительно осуществлять руководство колхозами в области организации труда и средств производства, порядка распределения урожая, постановки учета и отчетности. В работе райколхозсоюзов, райзу и др. советских органов иногда царит удивительная безответственность, граничащая с преступлением.

Между тем, укрепление организационно-хозяйственного и агрономического руководства колхозами есть важнейшая практическая задача районов. Сюда должен быть направлен максимум внимания районных партийных организаций, сюда должны быть брошены лучшие силы за счет ликвидации окружных аппаратов.

Не в лучшем положении, чем районные колхозные союзы, находятся и районные кооперативные организации. Плохая работа кооперации является одним из существеннейших тормозов во всем деле сплошной коллективизации села.

Вся социалистическая перестройка сельского хозяйства и большие задачи парторганизаций деревни выдвигают актуальнейшую и боевую задачу—под'ема культурного уровня колхозного и всего бедняцко-середняцкого актива, а также партийцев и комсомольцев. Именно поэтому предстоящая зима 1930/31 г. должна пройти под знаком широчайшего развертывания культурной революции в деревне. Недооценка культурного фронта в деревне не может быть расценена иначе, как своего рода деляческий, а следовательно, оппортунистический подход к важнейшим политическим задачам. На очереди стоит борьба за поголовную грамотность, за организацию новых десятков тысяч школ, за всеобщее начальное обучение, за подготовку и переподготовку сотен тысяч деревенских активистов. Вся культурная работа должна приобрести большой размах на основе широкой мобилизации внутренних ресурсов данного района.

В своей работе сами организации партии в деревне также должны переходить на большевистские темпы в работе, добиться укрепления своих связей с массами. Где крепки эти связи и по-большевистски идет работа по коллективизации,—там намечается и рост партийных организаций за счет, в первую очередь, лучших, передовых, преданных элементов колхозного актива. Вот примеры. Ячейка колхоза «Путь к социализму» (Ср.-Волжский край) провела большую работу по налаживанию соцсоревнования и ударничества и по вовлечению единоличников в колхоз, ячейка с марта по сентябрь выросла с 44 до 94 человек; за один август в ячейку вступило 20 человек, главным образом, из ударных бригад. Ячейка артели им. Сталина (Ферганский округ) действительно руководит производством артели, не отгораживается, не чуждается хотя бы и мелких практических вопросов; эта ячейка состояла весной из 4—5 человек, в августе—сентябре в нее вступило 30 колхозников и кроме того имеется новых заявлений 12—15.

Такие примеры показывают, что в лице колхозников — новой действительной и прочной опорой советской власти в деревне—мы имеем неиссякаемые резервы для пополнения рядов комсомола и партии. Нужно мобилизовать эти резервы. Для этого нужно поднять работу колхозной ячейки, как этого требует решение ЦК. Количественное расширение деревенских организаций обязательно должно итти неразрывно рука об руку с качественным улучшением их работы, с повышением политического и теоретического уровня основного партийного ядра всех коммунистов.

Колхозное движение — в полосе нового мощного под'ема. Проверенное опытом миллионных масс крестьянства, колхозное движение сломит сопротивление кулака, двинет новые миллионы крестьян вперед к социализму. Одним из коренных условий, которое решит успех дальнейшего наступления по фронту коллективизации, является мобилизация масс колхозников, батраков, бедняков и середняков против кулачества, за коллективизацию. Должны быть приведены в действие такие рычаги мобилизации масс, как социалистическое соревнование, ударничество, встречный план в деревне.

Огромный опыт колхозного движения за последний год показал гигантские экономические преимущества хозяйства коллективного перед индивидуальным. Лучшие образцы работы колхозов и совхозов должны быть широко показаны, использованы в агитации и для организации движения масс крестьян — бедняков и середняков в колхозы. Организуя крестьянские массы под руководством пролетариата, мобилизуя их вокруг линии партии, ведя со всей решимостью и беспощадностью борьбу против всех и всяческих оппортунистических шатаний, деревенские организации должны и смогут возглавить новый под'ем колхозного движения.

В. Межлаук.

4,2—7,5—17.*)

Довоенная металлургия СССР достигла своего наибольшего развития в 1913 году, когда выплавка чугуна в границах нынешней территории СССР составила 256.000.000 пудов, или 4.200.000 тонн. Потребовалось 30 лет (1884 — 1913), чтобы достичь этого уровня, начав развитие металлургии с 460.000 тонн в 1884 году. Развитие металлургии носило на себе ясно выраженный отпечаток полупомещичьей, полукапиталистической системы экономики царской России.

Старейшей металлургией была уральская; еще в 1718 году она давала ежегодно около 100.000 тонн чугуна. Построенная на жесточайшей крепостнической эксплоатации крестьянского труда, она претерпела большие испытания после крестьянской реформы 1861 г. Несмотря на сохранение царским правительством всех основ крепостного права в так называемом «посессионном праве», только в 1893 г. прекратилась на Урале фактическая крепостная зависимость работавших на металлургических заводах крестьян от владельцев заводов. Технический уровень громадного большинства уральских заводов определялся до Октябрьской революции наличием даровой, а затем чрезвычайно дешевой, рабочей силы. Руки и ноги уральских рабочих заменяли собою механизм и транспортные средства везде, где это представлялось возможным, лошади полукрестьян-полурабочих дополняли убогие, главным образом, гидравлические силовые установки заводов.

Развитие южной металлургии началось значительно позднее и совершалось почти целиком за счет иностранного капитала. Первый завод в Донбассе (теперь зав. им. Сталина) построен английским капиталистом Юзом в 1869 г., в 1886—87 г. были начаты строительством заводы Днепропетровской группы. Превосходство западно-европейской техники и приток иностранных капиталов обеспечили более быстрое развитие южных заводов, удельный вес которых в общей выплавке чугуна за время с 1880 г. по 1913 г. вырос с 5% до 74%. На этих заводах вводилась новая, более современная техника, основные агрегаты постепенно сменялись новыми, более усовершенствованными. Однако, и на юге средний уровень заработной платы был ниже даже нищенской зарплаты бельгийского и английского рабочего: поэтому уровень механизации был весьма невысок. В целях извлечения максимальной прибыли, на юге применялся тот же испытанный метод, которым работают и сейчас капиталисты в колониальных странах, блестящим образцом чего может служить завод «Тата—Уоркс» в Индии, построенный по последнему слову американской техники, где, однако, механизация транспорта в большой мере заменена применением особо дешевого, хотя и невероятно тяжелого, женского труда.

Сравнительно ничтожный внутренний рынок металла, вследствие весьма незначительного развития машиностроения и крайней отсталости земледелия, заставлял заводы в процессе конкуренции улавливать даже незначительные изменения в рыночной кон'юнктуре путем приспособления к ним своего производства. Этим обусловлено совершенно беcплановое развитие заводов, с беспорядочным нагромождением отдельных цехов и весьма несовершенной системой транспорта, при отсутствии даже минимально необходимой специализации.

Таково было наследство, полученное пролетарской металлургической промышленностью от капитализма и, вдобавок, сильно расшатанное империалистической войной: выплавка чугуна в 1917 году составила всего 71,8% от выплавки 1913 года. Гражданская война, во время которой лучшие кадры рабочих-металлистов сражались на фронтах, а заводы и на Юге, и на Урале стали ареной жесточайшей борьбы, резко отразилась на выпуске металла. Белогвардейцам и иностранным интервентам удалось создать такую разруху, что в руках победившего пролетариата оказались заводы, требовавшие громадных затрат для своего восстановления. Выплавка чугуна по всему СССР составила в 1920 году всего 115.000 тонн, в 1921 г. — 116.400 тонн, упав до уровня, существовавшего 200 лет тому назад.

От этой низшей точки начал рабочий класс СССР свою работу по воссозданию металлургии, по оживлению замерзших и разрушенных заводов, по собиранию рассеявшихся по всем фронтам гражданской войны кадров рабочих-металлистов. Несмотря на исключительные трудности восстановления тяжелой промышленности в условиях разрухи всего народного хозяйства, — промышленности, транспорта и сельского хозяйства, — впервые взявшись за организацию тяжелой промышленности, большевики-металлисты закончили в течение восьми лет восстановление разрушенных заводов и довели их производство в целом до довоенного уровня, и значительно выше довоенного по отдельным заводам. Неопытность и отсутствие технических знаний у кадров черной металлургии затрудняли дело восстановления, так как иностранная интервенция, закончившись поражением на фронтах, приняла иные формы и через бывших участников акционерных обществ и некоторых старых инженеров, оставшихся в Советском Союзе, продолжала ожесточенную борьбу против рабочего класса на угольных шахтах и металлургических заводах. Усилия вредителей дезорганизовать работу стальной промышленности не увенчались успехом в целом, но привели к значительному замедлению ее развития и к потере и выводу на время из строя отдельных заводов. На юге был разрушен совершенно Дружковский завод, вывезено все оборудование с Сулинского завода, делались попытки в плановом порядке совершенно закрыть завод «Серп и Молот» в Москве. Распределивши свои силы во всех звеньях советского аппарата, представители иностранного капитала составляли преуменьшенные планы, в которых директивы старых владельцев находили отражение наряду с звериной ненавистью вредителей к рабочему классу.

7 августа 1923 года Госпланом был утвержден пятилетний план развития металлургии, по которому выплавка чугуна должна была составить:

в 1923/24 году	25.000.000 пудов.
„ 1924/25 „	35.000.000 „
„ 1925/26 „	45.000.000 „
„ 1926/27 „	60.000.000 „
„ 1927/28 „	75.000.000 „

Этот план, однако, был опрокинут жизнью, как совершенно недостаточный. Рабочие и выдвинутые ими кадры, преодолевая сопротивление вредительской организации, выполнили:

в 1923/24 году	39.900.000 пудов.
„ 1924/25 „	56.900.000 „
„ 1925/26 „	110.000.000 „
„ 1926/27 „	135.000.000 „
„ 1927/28 „	197.000.000 „

---

*) Отсутствие окончательных подсчетов не позволяет еще, к сожалению, назвать—наряду с утвержденными партией цифрами на 1930/31 г. и 1932/33 — цифры на 1931 и 1933 календарный год, которые будут значительно выше заданий на указанные выше хозяйственные годы.

Не только активная работа капиталистических элементов внутри страны, поддержанная и вдохновленная заграничным капиталом, но и наследие старого, капиталистического порядка—тяжелые условия труда, вытекающие из чудовищной эксплоатации рабочих на заводах в довоенное время, бесплановость, путаница и анархия в расположении заводов — стояли на пути рабочего класса, взявшегося за восстановление и реконструкцию черной металлургии.

Твердое руководство партии, большевистская настойчивость ее кадров в черной металлургии, творческий энтузиазм рабочих масс—позволили преодолеть все эти препятствия и перейти через довоенный уровень к новым, невиданно быстрым темпам ее развития.

* * *

Пятилетний план, утвержденный С'ездом Советов, установил выплавку чугуна на второй год пятилетия в размере 4.980.000 тонн. Годовая программа на 1929/30 год, исходя из новых возможностей, которые открыла перед рабочим классом новая система организации труда, основанная на социалистическом соревновании и организации ударных бригад, дала основание установить план в 5.500.000 тонн чугуна. Выполнение плана не достигло, однако, намеченного уровня, и выполнение за 1929/30 год составило около 5.000.000 тонн, лишь на ничтожное количество превысив наметки утвержденного пятилетнего плана. Это, однако, не остановило воли нашей партии к ускорению развития отсталой металлургической базы, и Центральный Комитет дал директиву о выполнении в 1930/31 году плана в 7.500.000 тонн чугуна, против наметки пятилетки в 6.118 тыс. тонн для этого года и 7.770 тыс. тонн для 1931—32. Прирост выплавки за один год должен составить 60% всего производства металлургических заводов в рекордный 1913 год.

Основные кадры работников черной металлургии и рабочие заводов ответили на эту программу новым напряжением своих усилий. Проведенная по всем заводам проработка встречных промфинпланов показала реальность и осуществимость этой цифры, но в то же время оппортунистические элементы, не решаясь, за исключением немногих отдельных случаев, выступать открыто, начали кампанию против плана, считая его невыполнимым и злорадствуя по поводу невыполнения годового плана 1929/30 года. К ним примыкают и сомневающиеся всегда и во всем неустойчивые элементы нашей партии, которые, видя напряженность плана и трудности, заранее отступают перед ними.

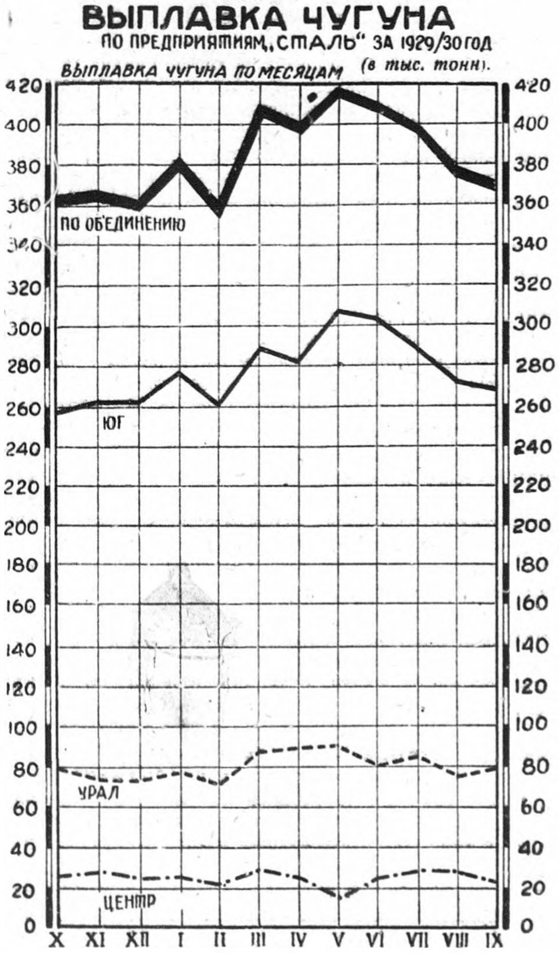
Работа предприятий стальной промышленности, дружные, согласованные и напряженнейшие усилия хозяйственных, партийных и профессиональных организаций в деле организации выполнения промфинплана, — должны явиться ответом на эту скрытую борьбу против плана, оружием которой является демобилизация рабочих масс.

Был ли план 1929/30 года слишком напряженным и невыполнимым? Подводя итоги законченного хозяйственного года, мы можем с уверенностью сказать, что план был выполним при достаточно напряженной и отчетливой работе всех организаций и, в первую очередь, хозяйственных. Первой причиной прорыва, результатом которого явилась недодача около 400.000 тонн [1]) чугуна, было отсутствие постоянного и упорного напряжения, чередование моментов под'ема и упадка, вызывавшееся тем, что после усилий нескольких месяцев все организации успокаивались и предоставляли производству итти некоторое время самотеком.

---

[1]) Необходимость увеличить производство литейного чугуна, в котором обнаружился резкий дефицит, вызвала перевод ряда доменных печей на это производство, вследствие чего в натуральных (весовых) единицах утвержденному плану в 5.500.000 тонн соответствует выплавка в 5.387.000 тонн.

Кривая выплавки чугуна по месяцам (см. нижеследующий график) представляет собою изломанную линию, по предприятиям «Стали» колебавшуюся от 350 до 420 тыс. тонн в месяц. Только вмешательство Центрального Комитета партии, посылка центральных работников на места, давала каждый раз резкое повышение кривой, начинавшей затем — через месяц-два скатываться вниз.



Об'езд южных заводов правлением «Стали» поднял производство по югу с 260.000 тонн чугуна в декабре до 280.000 тонн в январе. Февраль дал снова падение до 260.000 тонн. Выпущенное Центральным Комитетом обращение и посылка членов ЦК и ЦКК на места, мобилизация всех организаций, — привели к увеличению выплавки в марте уже до 290.000 тонн и в мае (в особенности, в связи с приближением партийного с'езда) — до 310.000 тонн. Наступившее после этого успокоение, наряду с начавшимся некоторым отливом рабочих, который можно было своевременно принятыми мерами предупредить, привело к понижению выплавки, упавшей в июле до 290.000 тонн и в августе — до 270.000 тонн.

Выпущенное 3 сентября обращение Центрального Комитета партии дало снова под'ем, который отразился на значительном увеличении выплавки стали и проката, но не мог уже отразиться на выплавке чугуна, вследствие одновременного прорыва в угольной промышленности. Независимо от многочисленных иных факторов, эта динамика производства показывает, какое решающее значение имеет в условиях напряженного плана постоянная мобилизация всех организаций и рабочих масс для его выполнения.

Организационный период и недостаточно удовлетворительная работа об'единения «Сталь», отсутствие нужных темпов в работе всех заводских организаций и их неумение организационно закрепить под'ем рабочих масс,— явились в общем одной из главных причин прорыва. Социалистическое соревнование рабочих и его закрепление, как основного и решающего метода организации труда на той ступени социалистического строительства, которой мы уже достигли в нашей стране,—является условием для выполнения промфинплана 1930/31 г., так же как оно должно было явиться этим условием в 1929/30 году. Основанное на доведении промфинплана до каждого аггрегата и каждой бригады, социалистическое соревнование—основная предпосылка для проведения единоначалия на производстве. Соревнующиеся рабочие, ударники, ударные бригады требуют отчетливой работы всех звеньев предприятия и немедленного устранения всяких препятствий, мешающих соревнованию. На долю хозяйственных организаций в связи с этим выпадает новая организация всего производства, громадное ускорение темпов рационализации. Отсюда вырастает подлинное единоначалие отдельных организаторов коллективной работы рабочих, основанное не на начальственном окрике с примесью нередко доли самодурства, а на коллективной поддержке всех участников производственного процесса, требующих быстрого и точного руководства как своей работой, так и работой стоящих рядом с ними производственных групп. Между тем, эта работа была проведена в 1929/30 году неудовлетворительно. Несмотря на неоднократные директивы партии, социалистическое соревнование рассматривалось по существу, как кампания, и колебания в производстве отражали собою взлеты и падение, присущие единовременно проводимым кампаниям. Доски социалистического соревнования то заполнялись аккуратно, то месяцами висели рядом с плакатами уже отошедших кампаний. Хозяйственные организации считали на ряде заводов организацию социалистического соревнования делом профессиональных и партийных организаций, между тем как необходима постоянная, ежедневная и напряженнейшая работа всего заводского треугольника для того, чтобы построить на основе социалистического соревнования настоящую новую систему организации труда.

Отдельные заводы выполнили план полностью, несмотря на то, что их задания были напряженными. К ним относятся: завод им. Дзержинского в Днепропетровской группе, Сталинский завод—в Донбасской группе, Мариупольский им. Ильича и Таганрогский—в Азовской группе. Даже завод им. Томского, ставший одним из главных виновников прорыва, в отдельные месяцы — в январе и в феврале — перевыполнил заданную ему программу. Это показывает, что план был выполним при условии правильной организации работы завода.

Другой основной причиной невыполнения плана была несогласованная работа отдельных отраслей промышленности между собой, вследствие того, что описанные выше явления имели место в целом ряде смежных отраслей. Прорыв в Донбассе на угольных предприятиях повел за собою падение выжига кокса с 230.000 тонн в июле до 190.000 тонн в сентябре, при резком

ухудшении его качества, и помешал своевременному выправлению работы доменных печей южной металлургии.

Отлив рабочих отнюдь не имел того решающего значения на предприятиях металлургии, которое пытаются иногда ему приписать, так как, несмотря на значительное усиление текучести, даже завод им. Томского имел превышение общей массы рабочих против планового задания. Рабочее снабжение также не играло решающей роли, так как сентябрьская работа заводов, давшая улучшенные показатели, протекала при одинаковых условиях снабжения, обеспечения жильем и другой бытовой и культурной обстановкой.

Программа в 7,5 млн. тонн чугуна с соответствующим переделом его в сталь и прокатные изделия является вполне реальной и выполнимой при условии напряженной и согласованной работы как всех организаций черной металлургии, так и связанных с ней отраслей промышленности. Основная работа должна быть проведена самими металлургическими предприятиями и об'единениями, так как в основу программы положено резкое улучшение всех качественных показателей, полное использование существующих аггрегатов, уменьшение простоев из-за неувязки между собой отдельных цехов, уменьшение сроков ремонта и постройки новых аггрегатов, которые должны быть введены в действие на протяжении третьего года пятилетки.

Использование доменных печей по западной части СССР, которое характеризуется коэффициентом 1,55, фактически выполненным за 1929/30 год, намечено улучшить настолько, чтобы достичь коэффициента 1,26, а с учетом восстанавливаемых старых печей — 1,28 (коэффициент этот показывает использование об'ема доменных печей, указывая количество кубических метров об'ема печи, приходящееся на 1 тонну суточной выплавки). По Уралу запроектировано планом также значительное улучшение коэффициентов использования доменных печей, которое должно составить 1,36, против плана 1.76 в 1929/30 году и фактического—1,93 в первом, прорывном, полугодии 1929/30 года. Такое улучшение работы доменных печей основано как на улучшении работы доменных цехов, так и на улучшении качества кокса. Взамен 14—15% золы и от 2 до 2,7% серы, южный кокс должен содержать не больше 11% золы и 1,7% серы. Лучший в мире кузнецкий уголь должен превращаться в кокс с содержанием золы не больше 9% и серы—0,5%.

Работа мартеновских печей запроектирована с таким же напряжением с тем, что с'ем стали с квадратного метра пода печи должен составлять около 4 тонн. В сравнении с американской техникой, показатели доменных и мартеновских печей явтся уже достаточно приближенными. Коэффициент использования современных американских доменных печей—1,1 — 1,15; с'ем стали мартеновских печей соответствует запроектированному нами. Работа прокатных станов учитывает переход большинства станов на 3-сменную работу и непрерывную рабочую неделю, с резким уменьшением времени простоя для смены валков, настройки станов и капитального ремонта.

Главным условием для выполнения этой программы завода является напряженная и строго согласованная работа отдельных цехов между собой. Опоздание в вводе ремонтируемой доменной печи, неподача во-время болванки прокатному цеху, неисправность траспортных цехов, — все это будет прямо уменьшать программу. Работа порывами, с взлетами и понижениями производства делается в этих условиях совершенно недопустимой. Нужна подлинная большевистская, настойчивая изо дня в день работа для того, чтобы с первых же дней нового года добиться 100-процентного выполнения программы и не ослаблять своей работы ни на один час на протяжении всего года.

Перенос начала хозяйственного года на 1 января 1931 года, который позволит довести в календарном 1931 году выплавку чугуна значительно выше 8.000.000 тонн, дает возможность в особом квартале развернуть подготовительную работу, превратить его в ударный квартал, увеличивая производство изо дня в день с тем, чтобы приступить с достаточной подготовкой к выполнению программы 1931 года. Наряду с этим должен быть преодолен ряд трудностей и узких мест, связанных с выполнением расширенной программы.

Мероприятия Центрального Комитета в Донбассе и восточных угольных районах, закрепленные хозяйственными организациями на местах, позволят выполнить программу по топливу, обеспечивающую весьма напряженный топливный баланс черной металлургии. Энергетика, являющаяся одним из самых узких мест металлургической программы, — может быть приведена в соответствие с ней путем значительного усиления темпов работы машиностроительной и электротехнической промышленности и строительства электростанций. Металлургические заводы должны быть разгружены от снабжения энергией множества мелких потребителей, прилепившихся к их электростанциям, чтобы освободившуюся энергию передать прокатным станам.

Особо важную роль в выполнении программы металлургии в 1930/31 г. играет работа тяжелого машиностроения. Мощные краны в 150—250 тонн, аппараты для автоматической загрузки доменных печей, завалочные машины мартеновских печей должны будут заменить собою физический тяжелый труд рабочих в этих цехах. Новое, полностью механизированное прокатное оборудование громадной производительности — блюминги, непрерывные станы, мощные ножницы,—должно будет устанавливаться на заводах СССР уже в 1931 г., чтобы обеспечить потребность страны в металле в 1932 году, когда наличные резервы мощности будут полностью использованы.

До сих пор все это оборудование ввозилось из-за границы; партия поставила перед нашими машиностроительными заводами и механическими цехами металлургических заводов задачу—производить это оборудование внутри страны. Металлургия и машиностроение должны так увязать свое производство, чтобы оборудование поступало точно в необходимые сроки, так как его будут ожидать новые домны и мартены, производство которых уже составляет часть программы 1930/31 года.

Принятые правительством решения об улучшении снабжения продовольствием и промтоварами заводов черной металлургии создают необходимые условия для дальнейшего повышения производства, позволяя ввести систему натурального премирования. В процессе классовой борьбы, которую успешно ведет рабочий класс под руководством своей партии, устранены в основном те вредительские элементы, которые вели на предприятиях ожесточенную борьбу против развития металлургии, пытались задержать ее развертывание в течение истекших лет. Новые кадры, вооруженные несравненно большим техническим опытом, знакомые с новейшей заграничной техникой, кадры директоров предприятий и молодые советские инженеры, наряду с проверенными старыми специалистами, обеспечивают достижение темпов, необходимых для выполнения плана в 7,5 млн. тонн в период с октября 1930 г. по октябрь 1931 г., и более 8 млн. тонн—в 1931 г.

В то же время самый процесс выполнения программы позволит выковать новые кадры с новой культурой труда из молодых инженеров, вступивших сейчас в работу заводов, и тем самым в течение одного-двух лет подготовить руководителей для строящихся гигантов металлургии.

* * *

Капитальное строительство, подготовляющее выполнение данной XVI с'ездом директивы о доведении годовой выплавки чугуна в конце пятилетки до 17 млн. тонн, вместо 10 млн. тонн пятилетнего плана, на базе создания нового района мощной металлургии на Востоке, при одновременном всемерном развитии металлургии других районов, — является второй важнейшей

задачей, стоящей перед стальной промышленностью СССР. 1929/30 год был первым годом выполнения этой программы. Громадные трудности в деле организации проектирования и составления рабочих чертежей для строящихся и реконструируемых гигантов черной металлургии, трудности освоения новой американской техники, воспитания кадров строителей этих предприятий, по размеру единовременного строительства превышающих все заводы, когда бы то ни было создававшиеся в мире, подготовки кадров рабочих-строителей для механизированных работ, нахождения организационных форм для увязки строительства со всем остальным народным хозяйством,—привели к тому, что в истекшем году программа капитального строительства не была выполнена полностью.

Основные трудности организационного периода по строительствам в главном выявлены, преодолеваются и будут преодолены. После первых неурядиц подготовка кадров рабочих для производства будущих заводов поставлена на рельсы. Недочеты организации и плана строительств выявлены Центральным Комитетом и по намеченным им путям исправляются. Решения правительства о концентрации всего внимания не только самих строителей, но и высших хозяйственных и планирующих органов и партийных и профессиональных организаций на задаче осуществления в намеченные сроки начатого капитального строительства, при применении на стройках тех же методов организации труда, путем социалистического соревнования, как и на производстве, — могут и должны обеспечить выполнение строительной программы полностью в ударном квартале и 1931 году. Ее выполнение будет обозначать, наряду с выполнением плана производства в 1930 и 1931 гг., возможность достижения производства в четвертом году пятилетки в 11,5—12 млн. тонн, соответствуя не только выполнению, но и перевыполнению программы пятилетки в четыре года. Пятый год пятилетки должен дать более 17.000.000 тонн чугуна, из которых свыше 5.000.000 тонн — на новой металлургической базе. Таким образом, один только восточный район даст на 20—25% больше, чем все довоенное производство полуколониальной царской России.

Неполное выполнение программы во втором году пятилетки, позволившее только осуществить пятилетний план, утвержденный с'ездом Советов, но не перевыполнить его, служит хорошим уроком для всех работников металлургической промышленности. На неудачах этого года они учатся преодолевать трудности наступающих лет, организовать растущий энтузиазм рабочих масс для выполнения и перевыполнения плана, для коренной перестройки технически отсталой полупомещичьей, полукапиталистической металлургической базы старой России и закладывать прочный фундамент для построения новой металлургической базы индустриализации СССР, которая будет являться надежной опорой для осуществления планов невиданного размаха, выполняемых освобожденным от капиталистических цепей пролетариатом.

А. Енукидзе.

За укрепление районных партийных и советских организаций.

В настоящее время по всему Советскому Союзу заканчивается практическая работа по ликвидации округов. За исключением 3—4 округов Таджикской Советской Социалистической Республики, ликвидация округов в Союзе ССР уже закончена точно к указанному в директивах ЦК ВКП(б) и постановлениях советского правительства—сроку, т.-е. к 1 октября текущего года. Все предварительные данные с мест и материалы бригад и инструкторских обследований, имеющиеся в центре, говорят за то, что ликвидация округов будет проведена в основном именно такими способами и на тех основаниях, которые даны в решениях партии и правительства. Мы говорим «в основном» потому, что уже сейчас в ряде краевых организаций отмечается, во-первых, недостаточно четкое, а иногда очень плохое выполнение директивы о переброске 90% бывших окружных ответственных работников в районы, во-вторых, в большинстве организаций не в полной мере соблюдены указания о том, чтобы административно-управленческие расходы в связи с реформой не превышали расходов 1929—30 года; в некоторых превышение административно-управленческих расходов чрезвычайно велико. И, в-третьих, краевые и центральные органы, ликвидируя округа, иногда запаздывают перестроить свои аппараты в соответствии с новыми условиями и, применяя старые методы руководства районами (циркуляры, инструкции и пр.), вместо действительной помощи и руководства районами—перегружают их.

Однако, тот факт, что мы в указанные сроки заканчиваем ликвидацию окружного звена, вовсе не означает того, что мы этим самым целиком разрешаем задачу укрепления районов. Это далеко не так. Десятки тысяч работников, перебрасываемых из ликвидируемых округов, конечно, являются огромным подкреплением для районов. Но как по партийной, так и по советской линии эта переброска кадров вовсе не снимает задачи дальнейшего укрепления районов. Пожалуй, правильнее будет сказать, что перестройка аппаратов и работы районных организаций и проводящаяся ныне переброска окружных работников в районы проблему о подготовке новых кадров для работы на селе делает еще более настойчивой и жгучей. Почему это так? Потому, во-первых, что те кадры, которые районы получают из округов далеко не покрывают всех потребностей и, во-вторых, новые задачи, встающие перед районом, пред'явят и уже пред'являют куда большие требования к работникам, чем это было ранее. Несмотря на очень короткие сроки опыта работы некоторых районов, в особенности в бывших опытно-показательных округах, это становится совершенно очевидным.

В самом деле, достаточно даже простого сравнения программ и планов работы районов, имевшихся до и после ликвидации округов, чтобы видеть все огромное значение реформы, понять и правильно политически оценить задачу укрепления районов кадрами.

Районы после ликвидации округов, как правило, совершенно заново пересматривают почти все свои программы работы. И то, что ранее казалось им невозможным, с укреплением их кадрами становится реальным, выполнимым.

До ликвидации округов редкие районы выдвигали—с такой настойчивостью и с таким реальным обоснованием, как это делают они же в настоящее время—например, такие вопросы, как связь, дорожное строительство, благоустройство населенных пунктов, организация бюджетов сельсоветов и т. п. При чем, и это надо подчеркнуть, все эти планы работ намечаются с учетом местных ресурсов.

Районные организации, оставлявшие ранее в тени или мало занимавшиеся вопросами действительного руководства сельскими общественными организациями, в настоящее время берутся за эту работу вплотную.

Нечего и говорить, что основная и первоочередная задача района — переустройство сельского хозяйства, и все вытекающие из этого вопросы разрешаются также иными темпами.

После проведения ликвидации округов, район в настоящее время, являясь центром, штабом социалистической перестройки хозяйства, несомненно, будет теснее связываться со своей периферией—селом. А для того, чтобы действительно руководить всеми процессами политической, культурно-хозяйственной жизни села, районные организации не могут, разумеется, оставлять в тени или в таком же положении, как ранее, вопрос о кадрах сельских работников. Без крепких организаций на селе—ячеек и сельсоветов—даже крепкий район не смог бы на своих только плечах поднять те задачи, которые стоят перед ним. Сельская ячейка ВКП(б), сельские советы являются и должны являться теми опорными пунктами в работе районных организаций, через которые район лучше всего сумеет охватить все многообразие работы по социалистическому строительству. А слабость кадров этих опорных пунктов в настоящее время общеизвестна. Районы, получив теперь мощное подкрепление работниками из окружного звена, должны будут также укрепить силами эти свои опорные пункты — сельские ячейки и сельсовет. Вот почему мы считаем, что даже в том случае, если директивы партии и советского правительства о перемещении до 90% ответственных работников округов в районы были бы выполнены всеми организациями на 100%,—все же это не снимало бы задачи и в дальнейшем укреплять кадры районных работников.

Надо также иметь в виду, что работа в районе для части бывших окружных работников и партийных и беспартийных явится в некотором роде очень строгим экзаменом, который не всякий выдержит. У нас общепринято думать, что работник высшего звена уже всенепременно способен выполнять работу в низшем звене. Глубокое заблуждение! Не всякий руководитель или работник отдела в округе осилит работу в районе. Закалка значительной части районных работников, их умение вести массовую работу, руководить колхозным движением и разрешать все многообразнейшие и сложнейшие вопросы и задачи, выдвигаемые деревней, должны еще быть приобретены некоторыми окружными работниками.

Неизбежны, таким образом, некоторые потери в кадрах из окружных работников и при непосредственной проверке их на практической работе в районе. Это обстоятельство точно так же говорит за то, чтобы мы задачу укрепления районов кадрами не забывали и после окончания ликвидации округов.

ЦК ВКП(б), имея в виду именно эту задачу укрепления районов кадрами и в дальнейшем, совершенно правильно указал краевым и республиканским организациям на необходимость развернуть зимой 1930/31 г. систематическую работу как по переподготовке имеющихся кадров, так и по подготовке новых.

Это должно предупредить и прекратить всякие попытки отмахнуться от работы по укреплению района кадрами после того, как формально будет завершена ликвидация округов. А нечего греха таить, такие попытки уже имеются. Ряд организаций, как это отмечалось уже в печати, успокоились на том, что формально закончили ликвидацию округов.

Но, когда мы говорим о недостатке кадров для районов и советов и о способах укрепления кадров, мы поступали бы совершенно неправильно, если бы рассчитывали заполнять эти недостатки только из тех ресурсов, которые даются различными учебными заведениями, курсами или мобилизацией из городов. Только этими средствами укрепление районов кадрами не может быть достигнуто. Есть еще одно и, пожалуй, самое важнейшее средство и заключается оно в том, что мы должны еще шире, чем это делалось до сих пор, черпать силы из того актива, который растет на селе из батраков, бедноты и колхозников, активно участвующих в социалистической перестройке деревни.

Весь тот порыв, с которым практические работники деревни ведут работу по переустройству сельского хозяйства, по борьбе с кулачеством, выковывает ценнейших руководителей и вожаков движения. Они должны быть вовлечены в работу и советских и партийных организаций. А эти кадры у нас уже есть, и они растут с каждым днем и все ускоряющимся темпом.

> «Одно из самых замечательных завоеваний колхозного движения, — говорил т. Сталин на XVI с'езде, — состоит в том, что оно уже успело выдвинуть тысячи организаторов и десятки тысяч агитаторов колхозного дела из самих крестьян».

Вот вовлечь эту новую армию кадров в центры и штабы социалистического строительства и управления—в районные организации—одна из самых важнейших задач руководства. Эти кадры, выдвинутые прямо с фронта социалистической стройки и классовой борьбы, плюс те кадры, что есть уже в настоящее время в районе и, наконец, те, что передвигаются из округа в район—сумеют, в этом нет никакого сомнения, дать социалистическому строительству в деревне такой широкий размах, которого мы еще не имели до сих пор.

Наши успехи в области коллективизации и перестройки хозяйства уже в настоящее время огромны; они будут неизмеримо бóльшими, если мы укрепим штабы нашего строительства—районы—и приведем в движение и вовлечем в социалистическое строительство все многомиллионное крестьянство.

Тов. Сталин тысячу раз прав, когда говорит, что

> «теперь уже не мы одни, квалифицированные большевики, а сами крестьяне из колхозов, десятки тысяч крестьян-организаторов и агитаторов колхозного дела будут нести вперед знамя коллективизации»

и далее, что

> «крестьяне-агитаторы являются замечательными агитаторами колхозного движения, ибо они найдут такие аргументы в пользу колхозов, понятные и приемлемые для остальной массы крестьян, о которых мы, квалифицированные большевики, не можем даже мечтать».

Широкое вовлечение этих новых кадров в органы пролетарской диктатуры и, в первую очередь, в советы и районные органы будет служить новым стимулом для дальнейшего ускорения колхозного движения. Это, во-первых. А, во-вторых, это вовлечение новых кадров снизу поможет скорее,

чем что-либо другое, изжить все те недостатки государственного, а отчасти и партийного аппарата, которые мешают ускоренной социалистической стройке.

* * *

Все перестройки и реорганизации партийного, государственного и кооперативно-хозяйственного аппаратов, которые проводились до сих пор, имели в виду одну и ту же цель—приблизить их к населению, добиться того, чтобы эти аппараты имели большую возможность своевременно разрешать все актуальнейшие вопросы социалистического строительства.

Районирование Советского Союза, законченное в основном в 1928—29 г., дало нам очень много преимуществ по сравнению со старой системой управления и руководства.

> «Мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели районирования».

Этими словами т. Сталина дана достаточно полная и исчерпывающая оценка районирования. Слабая волость и еще более слабые сельсоветы, слабость партийных организаций, строящихся по этим же организационным вехам,—неизбежные спутники старой системы. Опираться на них для разрешения такой гигантской задачи, какой является перестройка сельского хозяйства, было бы совершенно невозможно. Уездные и губернские центры руководства не могли проникать в достаточной мере глубоко во все процессы работы, так как были чрезвычайно отдаленными от своей периферии. Районирование явилось первым шагом приближения партийного и советского аппарата к селу. Как бы ни был слаб район до решения о ликвидации округов, он все же был неизмеримо сильнее старой волости, это—с одной стороны, а с другой,—район, получивший в связи с районированием, права (в основном) уезда, стал неизмеримо ближе к населению, нежели уезд. Уже одно это целиком и полностью оправдывало все те расходы и заботы, которые возникали в связи с районированием. Но плюсы и преимущества районирования заключались не только в том, разумеется, что районные партийно-советские организации стали ближе к селу,—они, и это главное, стали значительно крепче, чем старая волость.

Районирование, кроме того, приблизило также руководство центральных органов партии и советской власти к району. А это также имеет огромное значение. Известно, что республиканские и краевые организации во всех важнейших кампаниях, а в особенности в такой работе, как переустройство сельского хозяйства, часто минуя округ, связывались непосредственно с районами и руководили его работой. Этого не могло бы быть при старой системе. А если бы и было—волость не могла бы, вследствие своей слабости, реагировать на это так, как это мог и реагировал район.

Правда, районирование сохраняло еще одно звено между действительно руководящими организациями — краевыми, республиканскими — и районами,—окружное звено. Но быстрый темп освоения, с одной стороны, краями—руководства, а с другой, — районами — работы, неизбежно превращал окружное звено в звено действительно излишнее, делал его средостением и помехой в практической работе и района и края.

Ликвидация окружного звена, таким образом, и является завершением районирования и важнейшим актом на пути приближения органов власти и руководства к населению.

* * *

Роль и значение районных организаций после ликвидации округов в огромной степени повышается. И не только потому, что права и обязанности, имевшиеся у округов передаются районам, хотя и это имеет огромное значение. Дело в том еще, что районные организации, находясь в большем территориальном отдалении от руководящих органов, нежели бывшие округа, при том уровне и возможностях систематического руководства и связи со стороны краевых и республиканских организаций, которые мы имеем,—становятся самым ответственным политическим звеном в нашей системе, приобретают большую самостоятельность, чем даже округ. Ведь решения и различные мероприятия районных организаций по всем важнейшим вопросам немедленно становятся достоянием широких масс. И не всегда географически отдаленные от районов руководящие краевые, областные центры в состоянии своевременно корректировать эти решения районов.

Особенно в том случае, если они, эти руководящие центры, не приведут свою работу в соответствие с новыми условиями, а будут осуществлять руководство старыми методами и средствами, среди которых, как известно, преобладали формы письменной связи, циркуляр и пр. Поэтому *правильная расстановка сил партийных и советских работников в районах, систематическая работа по укреплению районов проверенными и опытными кадрами является задачей первостепенной важности*. Столь же необходима немедленная перестройка аппаратов и методов работы организаций, руководящих районами.

Мы уже говорили выше, что в основном практическая работа по ликвидации округов подходит к концу. Завершается также и перестройка аппаратов, форм и методов работы районных организаций.

На каких началах производится перестройка аппаратов районных организаций, например, районных исполкомов?

Первое, что положено в основу перестройки аппаратов, — это решительное сужение технически-вспомогательных (канцелярских) функций районных аппаратов и численное усиление кадров оперативных работников.

Во-вторых, — такая структура аппарата районов, которая являлась бы наивозможно простой и гибкой. С учетом этих условий разработана ориентировочная структура аппаратов районов.

Не везде, однако, краевые органы полностью выполняют эти условия, идя часто по линии наименьшего сопротивления. Некоторые пытались так перестраивать районные аппараты, что они являлись прямой копией, сколком бывших окружных аппаратов. При этом условии мы имели бы большие расходы на канцелярски-вспомогательные аппараты, но не имели бы самого главного — оперативных работников, тех организаторов, которые, опираясь на массы, сумели бы разрешать стоящие перед районом вопросы. Нечего и говорить, что и в дальнейшем необходимо не допускать чрезмерного обрастания районов вспомогательными аппаратами.

Какие трудности обнаружились на практике при перестройке аппаратов? Обнаружился огромный недостаток кадров. Даже в том случае, если бы директива партии и правительства о переброске 90% бывших окружных работников была выполнена полностью, работников для районов все равно бы нехватило. Этот недостаток обостряется тем, что бывшие окружные ответственные работники далеко не все переведены в район. Мы имеем десятки примеров того, что аппараты районных исполкомов, особенно в части оперативных работников, укомплектованы всего лишь наполовину.

Больше того, не мало районов, где из 35—39 работников, которые должны бы быть в районе, на самом деле есть только 10—12 человек.

И это в таких краевых организациях, где вопрос о кадрах районных работников не столь еще труден, как во многих других. Приведем здесь для примера заявки на работников некоторых районов Средней Волги: в Похвистневском районе нехватает 25 человек, в Боклинском—23, Иссинском—22,

Краснолрском—26 и т. д. Эти примеры не единичны по очень многим краевым организациям.

При таком положении вещей район будет с очень большим напряжением выполнять даже текущие задачи, не говоря уже о коренных.

Именно поэтому все партийные директивы об укреплении районов за счет бывших окружных центров должны быть со всей твердостью выполнены.

Не дожидаясь полного завершения перестройки необходимо, чтобы каждый район наметил все те новые задачи, которые по-новому встают перед ним в связи с ликвидацией округов. Если ранее руководство округа часто за район намечало эти конкретные задачи важнейших работ, ныне районные организации должны сами, под общим руководством краевых и центральных организаций, наметить эти конкретные задачи. Той *общей линией, на основе которой должны быть намечаемы конкретные практические задачи каждого района — являются решения XVI с'езда партии*. Из них, из этих решений, надо исходить каждому району.

Что является главной задачей, основной основой основ в этих решениях по вопросам перестройки сельского хозяйства? Основной и первоочередной задачей является задача дальнейшего развертывания колхозного и совхозного строительства. Районные организации, исходя из этой общей, генеральной установки, должны наметить такую конкретную программу работы в районе, которая полностью обеспечила бы темпы перестройки сельского хозяйства на социалистических основах, указанных партией и правительством.

XVI с'езд партии указал на необходимость

> «коренным образом пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства, исходя из темпов коллективизации, предусмотренных решением Центрального Комитета от 5-го января и полностью подтвержденных на опыте...».

Планы работы районов в области коллективизации и должны являться теми встречными планами в отношении общих планов и сроков коллективизации, которые, учитывая более подробно все местные ресурсы и возможности, — давали бы еще большее ускорение темпов социалистической перестройки сельского хозяйства.

Широкая инициатива рабочих, батрацко-бедняцких масс в области перестройки сельского хозяйства должна быть возглавлена районными организациями. Руководство района этим движением должно дать еще более мощный толчок и ускорение темпов.

В настоящее время в нашем Союзе ССР есть десятки районов сплошной коллективизации. Конечно, в этих районах задачи районных организаций отличаются от задач тех районов, где эта сплошная коллективизация должна быть еще подготовлена. Но есть одно общее для всех районов, и что должно быть поставлено во главу угла всей работы—это вопросы колхозного движения.

Задача районных организаций в районах сплошной коллективизации заключается в том, как это указал XVI с'езд партии, чтобы всеми способами помочь крестьянству

> «окончательно изжить мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколения мелких частных собственников».

А эта задача не менее ответственна и важна, чем задача районов, занятых подготовкой сплошной коллективизации.

С'езд указал, что крестьяне изживут мелкособственническую психологию

«лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной массы».

Районные организации, таким образом, должны всей своей повседневной деятельностью ускорять этот процесс изживания мелкособственнических тенденций, укреплять колхозы: с.-х. артель, как основную форму колхозного движения, и ТОЗ, как переходную форму к артели в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока.

Требования, которые пред'являют колхозы к партийным и советским органам, многообразнейшие. Эти районные организации должны всей своей работой не только закрепить достигнутые успехи коллективизации, но, как это указал XVI с'езд партии, и завершить дело коллективизации в основном к концу пятилетки, достигнув уже в 1931 г. 50% коллективизации.

По-иному ставится задача перед районами, которые еще должны добиться сплошной коллективизации. Однако и здесь, как и в районах сплошной коллективизации, вопросы колхозного движения должны быть на первом плане. Эти районы должны развернуть широкую подготовительную работу к массовому колхозному движению. Эта подготовительная работа состоит в том, чтобы шире развертывать сеть и работу первичных кооперативных организаций и через них и посредством их приводить широкие массы крестьянства к сплошной коллективизации. Жесточайшее сопротивление кулачества должно встретить решительный отпор. Районные организации должны в максимальной степени использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для «усиленного наступления на кулака в смысле дальнейшего ограничения его эксплоататорских тенденций и его роста» с тем, чтобы, подготовить широкие массы крестьянства к переходу на сплошную коллективизацию и на этой основе ликвидировать кулачество как класс.

Однако, развертывая энергичную работу дальнейшей коллективизации сельского хозяйства, эти районы должны учитывать в своей работе наличие индивидуальных хозяйств. Игнорировать единоличное хозяйство потому, что оно еще не вошло в колхозы, значит совершать крупнейшую политическую ошибку. Безразличное отношение к крестьянину-единоличнику—это и есть разновидность того «левого» загиба, который партия своевременно осудила. Поэтому наши организации, в особенности в незерновых районах, задачу обслуживания единоличника должны разрешать под таким углом, чтобы он, единоличник, на примерах хорошей работы колхозов, на примерах внимательного отношения к его нуждам со стороны наших организаций убеждался в том, что единственно правильный путь—путь перестройки хозяйства на колхозных началах.

Нечего и говорить, что всякие извращения и попытки насильно загнать в колхоз, только отдаляют единоличника от колхоза. Совершенно бесспорно, что такой «метод» коллективизации на руку правым оппортунистам. «Не травить единоличников, а оказывать им помощь и всячески привлекать их к колхозу», так сказал XVI с'езд партии. Новый район, район с более крепкими кадрами, задачу установления нормальных взаимоотношений колхозов с единоличниками должен разрешить и, несомненно, разрешит таким образом, что создаст еще более благоприятные условия для развертывания коллективизации.

* * *

Мы сказали выше, что задача коллективизации является основой основ работы всех районных организаций. Под углом выполнения этой важнейшей

задачи районы должны разрешать и все другие вопросы текущей работы — хлебозаготовки, посевная кампания, займы, самообложение, введение всеобщего обучения и т. д., и т. п. Все эти вопросы новый район может и должен разрешить более четко и своевременно, чем ранее, и под таким углом зрения, чтобы разрешение их способствовало дальнейшему ускорению коллективизации.

Предстоящая кампания выборов в советы будет, по существу, первым серьезным экзаменом районных организаций. Районы должны уже сейчас приступить к подготовительным работам проведения ее, проверить работу всех звеньев аппарата, и не только наметить те вопросы, по которым надо отчитаться перед миллионами избирателей-трудящихся, а главное—наметить конкретную программу работ, на выполнение которой необходимо мобилизовать силы и средства трудящихся. Новый этап в развитии районных организаций и заключается в том, чтобы они общие задачи—индустриализация Союза ССР, социалистическая перестройка сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации—превратили бы в конкретные, практические задачи, в свою повседневную работу и мобилизовали бы на разрешение и выполнение этих задач широчайшие массы трудящихся.

М. Чернов.

На решающем этапе хлебозаготовок.

Истек первый квартал хлебозаготовительной кампании. Прошедшие три месяца — срок достаточный для того, чтобы подвести итоги, выявить наши достижения и, особенно, ошибки и недостатки, наблюдавшиеся на первом этапе кампании. Анализ хлебозаготовок со стороны выявления их недостатков особенно необходим и потому, чтобы на основе учета опыта южных районов, раньше вступающих в кампанию, можно предотвратить повторение допущенных ошибок в работе восточных районов. Время созревания и уборки хлебов в наших условиях, а следовательно, и начало развития хлебозаготовок растягиваются от южных к восточным районам на протяжении более чем 2-х месяцев. В то время, когда южные районы уже находятся в разгаре заготовок, восточные лишь только приступают к уборке и обмолоту хлебов. Поэтому, изучение опыта работ районов, ранее вступивших в заготовку, дает весьма богатый материал для построения организационной работы в восточных районах. Отсюда изучение опыта первых трех месяцев кампании имеет не только теоретический интерес, а сугубо практическое значение.

Мы вступили в хлебозаготовительную кампанию осени 1930 — весны 1931 года при достаточно благоприятных об'ективных условиях. Рост посевных площадей и увеличение урожайности обеспечили значительное увеличение общего валового сбора хлебов. Наличие развернувшегося совхозного строительства и бурный рост развития колхозов резко повышают общую товарность зерновых культур. Если в прошлом году товарность хлебов исчислялась лишь в размере 20,8%, то в этом году она достигает уже 27,6%.

Товарность хлеба в совхозах и колхозах уже и в прошлые годы отличалась своей высотой. Так, в 1929/30 году товарность совхозного хлеба уже составляла около 52%, а в колхозах — 37%. В прошлые годы высокая товарность совхозного и колхозного хлеба не могла еще сыграть решающей роли в повышении общей товарности хлеба, поскольку совхозы и колхозы занимали тогда незначительное место в зерновом производстве. В этом году под совхозами и колхозами уже имеется 38,4% общей посевной площади зерновых культур против 6,3% в прошлом году, поэтому высокая товарность совхозного и колхозного хлеба оказала решающее влияние на повышение общей товарности зерновых культур. В основе высокой товарности колхозного хлеба лежит бо́льшая обеспеченность посевами его членов и лучшая урожайность.

Следующие таблицы дают этому явлению цифровое выражение. Приходится на одно хозяйство (кроме необобществленных посевов у членов колхозов):

	Посева (гектар):		Валового сбора (центнеров)	
	в колхозах.	у единоличников.	в колхозах.	у единоличников.
СССР	5,04	4,56	42,6	28,9
Украина	4,45	3,74	52,8	43,4
Сев. Кавказ	6,19	4,79	76,5	34,0
Сибирь	6,65	3,84	62,3	3[illegible],6
ЦЧО	—	—	34,2	31,2

Приходится на одного человека:

	Посева (гектар):		Валового сбора (центнеров)	
	в колхозах.	у единоличников.	в колхозах.	у единоличников.
СССР	1,11	0,65	10,9	5,4
Украина	0,99	0,72	11,8	8,3
Сев. Кавказ	1,38	0,82	17,3	6,2
Сибирь	1,55	0,64	14,5	6,7
ЦЧО	—	—	6,9	5,7

Об'ективные условия позволяют не только выполнить, но и перевыполнить установленный на эту кампанию годовой план хлебозаготовок. Общее поступление хлеба по заготовке за первый квартал является подтверждением на практике результатов социалистического преобразования деревни. Заготовлено хлеба (с гарнцем) за квартал на много больше, чем за тот же период прошлого года. Столь значительным повышением заготовок мы обязаны бурному развитию социалистического сектора сельского хозяйства на протяжении предшествующего года.

Крупный сдвиг в совхозном строительстве уже в этом году позволил государству лишь на протяжении первого квартала заготовить от совхозов количество хлеба равное 187,0% поступления совхозного хлеба за весь прошлый год. Колхозы дали 210,0% заготовок прошлого года. Цифровые результаты заготовок хлеба по первому кварталу от социалистического сектора сельского хозяйства дают наглядное подтверждение правильности линии партии на социалистическое переустройство деревни и наносит еще раз удар по идеологам правого оппортунизма, выражавшим неверие в возможность на протяжении короткого периода получить от колхозов и совхозов нужное нам количество хлеба.

Отрицать наличие достижений в хлебозаготовках от социалистического преобразования деревни никто не сможет. Однако, результаты квартальных заготовок нас самих не только не могут успокаивать, а наоборот, они должны быть признаны неудовлетворительными. Мы не можем ограничиваться сравнением достигнутых результатов с итогами прошлого года — планы и темпы строительства в каждом новом году оставляют далеко позади себя то, что было сделано в предшествующем году. Поэтому единственно правильной оценкой результатов нашей работы может быть сравнение с установленными планами и сроками их выполнения.

На протяжении всего первого квартала кампании мы имели из месяца в месяц значительное недовыполнение планов. Так, план заготовок за июль был выполнен в размере 39,1%, за август — 72,4%, за сентябрь — 77,9%. Общий план заготовок за квартал выполнен лишь в размере — 73,5% (без гарнца).

Темп развертывания хлебозаготовок на протяжении всего первого квартала кампании, в том числе и в решающем для этого квартала месяце, — сентябре, оказался недопустимо низким, так что некоторое увеличение заготовок в конце сентября уже не могло покрыть того недобора, который образовался за июль и август. Больше того, темп заготовок по сравнению с годовым планом хлебозаготовок в начале этой кампании оказался даже ниже, чем в прошлом году. Так, план хлебозаготовок в 1929/30 году в первом квартале кампании был выполнен в размере 41%, а в этом году за тот же период (!) в размере — 35,7% (без гарнцевого сбора) и 33,7% (с гарнцевым сбором)

Кампания развивается неудовлетворительно почти по всем районам. Так, по отдельным областям квартальный план выполнен лишь в размере:

Южные районы.	
Украина	66,6%
Северный Кавказ	83,7%
Дагестан	113.4%
Крым	57,4%
Закавказье	69.6%
Средняя Азия	41,7%
Центральные районы:	
Центр.-Черн. область	10,4%
Татреспублика	121,8%
Башреспублика	61,1%
Ср.-Волжский край	68,8%
Нижне-Волжский край	83,7%
Восточные районы:	
Урал	79,1%
Западная Сибирь. Восточная Сибирь.	52.6%
Казакстан	74,2%
Северные районы:	
Дальне-Восточный край	134%
Нижегородский край	79%
Московская область	86,6%
Западная область	90,1%
Сев.-Западная область	61,4%
Ленинградская область	62,0%
Ивановская область	63,8%
Северный край	41,1%

Из всех районов только Дагестан, ЦЧО, Татария, ДВК и БССР выполнили свой квартальный план хлебозаготовок.

Анализ причин, приведших к невыполнению квартального плана хлебозаготовок, со всей убедительностью показывает, что в основе их лежат недостатки организационной работы и ряд ошибок, допущенных на местах в ходе хлебозаготовительной кампании. В начале первого квартала, когда медленным темпом развертывались заготовки в южных районах, местные организации пытались об'яснить неудовлетворительный ход хлебозаготовок внешними об'ективными условиями (дождями). Однако, итоги квартальных заготовок подтверждают, что дело заключается не в об'ективных условиях, а в отсутствии нужного руководства и твердой воли в преодолении затруднений, встречающихся на пути кампании. На протяжении продолжительного времени не было дождей, а темп хлебозаготовок остался на уровне, не соответствующем плановым заданиям. Главная причина слабого развертывания хлебозаготовок заключается в недооценке трудностей, которые стоят на пути кампании. Об этих трудностях ЦК партии предупреждал еще в своем июльском постановлении (1930 г.) «Об организационных мероприятиях и мобилизации масс вокруг хлебозаготовок».

Особенностью кампании этого года является то, что мы имеем небывалый за все предыдущие годы урожай и что основная часть этого урожая сосредоточена в социалистическом секторе сельского хозяйства: в совхозах и колхозах. Мы еще не смогли за прошедший короткий

промежуток времени подвести достаточно мощную техническую базу под колхозы и совхозы в виде обеспечения их необходимым количеством тракторов, сложных молотилок, механизированного транспорта. Низкая техническая база при громадном урожае уже создавала ряд крупных трудностей в деле организации уборки хлебов, которые, естественно, не могли не отразиться и на хлебозаготовках. Наличие этих трудностей требовало со стороны всех организаций максимальных усилий и умения сочетать интересы уборочной и хлебозаготовительной кампании. Между тем это обстоятельство не везде было оценено в должной степени, в результате чего уборка хлебов проходила первоначально в порядке самотека, без надлежащей мобилизации всех наличных ресурсов для быстрейшей свозки, обмолота и сдачи хлеба государству. Самотек в уборке хлебов сопровождается и ожиданием самотека в хлебозаготовках. От размеров урожая у многих работников «кружилась голова», и они, ожидая, что хлеб поступит без всяких затруднений, не приняли сразу нужных мер к организации хлебозаготовительной кампании. Еще больше ошибок было допущено в связи с недооценкой значения кулака и тех новых форм борьбы, которую кулак ведет за срыв хлебозаготовок. В результате борьбы партии, рабочего класса и бедняцко-середняцких масс деревни за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, кулак подошел к новому сельскохозяйственному году с большими потерями своих старых возможностей эксплоатировать бедноту на базе сельскохозяйственного производства. Кулацкое производство хлебов резко сократилось: вместо 20% с лишним, которые кулацкие хозяйства имели в общих товарных излишках хлеба в стране, сейчас их удельный вес определяется в размере примерно 3%. Уменьшение удельного веса кулака в производстве хлеба отнюдь не означало того, что в эту кампанию кулак уже не будет играть роли в деле хлебозаготовок. Изменились формы борьбы кулачества против хлебозаготовительной кампании, а сопротивление его попрежнему оставалось ожесточенным. В том же июльском постановлении ЦК подчеркивал, что:

> «несмотря на значительное ослабление кулачества, в результате успехов коллективизации и политики ликвидации кулачества как класса, кулак все еще сохранил значительные силы в ряде районов, в особенности с низким процентом коллективизации. ЦК предлагает партийным организациям подготовиться и организовать решительный отпор кулачеству, мобилизуя широкие массы бедняков и середняков для успешного проведения хлебозаготовок. По отношению к кулацким хозяйствам сельсоветы должны установить твердые задания по сдаче в кратчайший срок всех товарных излишков государству».

Это предостережение в ряде районов не было в нужной мере оценено. Кулачество оказывает ожесточенное сопротивление хлебозаготовкам.

С изменением своей роли в производстве хлебов, кулак изменил и самые формы борьбы против хлебозаготовок. Не ограничиваясь саботажем хлебозаготовок, что составляло основную форму борьбы кулака в прошлом году, кулачество перешло на иные позиции. Кулаки с самого начала хлебозаготовительной кампании развивают злостную антисоветскую агитацию, пытаясь воздействовать на единоличников, а местами и на неустойчивых членов колхозов с целью побудить их к задержке продажи хлеба государству. Кроме этого кулаки, лишенные возможности наживаться путем эксплоатации деревенской бедноты на основе производства хлебов, свою жажду наживы хотят удовлетворить путем спекуляции хлебом, пытаясь этими средствами наверстать то что ими потеряно в результате борьбы за ликвидацию кулачества как класса.

Попыткам кулака сорвать хлебозаготовки не был противопоставлен нужный отпор — через организацию колхозников, деревенской бедноты в союзе с середняком. Вместо того, чтобы дать отпор кулаку и беспощадно расправляться с контрреволюционными вылазками кулачества, на протяжении первого периода хлебозаготовительной кампании мы имели на местах ослабление борьбы с кулаком. Больше того, была позабыта оценка значения хлебозаготовок, как одного из важнейших средств в деле коллективизации деревни, данная на ХУI с'езде партии в речи тов. Сталина.

> «Поворот крестьянства в сторону коллективизации, — говорит тов. Сталин, — подготовлялся всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего, развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 г., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс» (Подчеркнуто мною, *М. Ч.*).

С новой хлебозаготовительной кампанией борьба за ликвидацию кулачества как класса должна была развернуться еще с большей силой, чем это было в прошлом году. Вместо этого хлебозаготовки в большинстве районов не были увязаны с интересами колхозного строительства и с борьбой за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Больше того, в ряде случаев мы имеем даже ослабление борьбы с кулаком. Твердые задания кулацким зажиточным хозяйствам по сдаче излишков хлеба государству давались с недопустимым запозданием. В ряде мест «не находили» кулацких хозяйств, которым надо было дать эти задания. В других местах твердыми заданиями охватывался совершенно ничтожный процент хозяйств — меньше 1%. Там, где твердые задания были даны, не было поставлено контроля за их выполнением, в результате чего кулацко-зажиточные хозяйства при уклонении от выполнения возложенных на них заданий оставались безнаказанными. Как ни может казаться странным, но это бесспорный факт, — от кулацко-зажиточных хозяйств поступило хлеба 18—20% от размеров данных заданий, в то время, когда при всем неудовлетворительном ходе кампании, общий годовой план хлебозаготовок выполнен за квартал на 35,7% (без гарнца и на 33,7% — с гарнцем). Подобное отношение к кулакам лишний раз подтверждает всю необходимость решительной борьбы против правого оппортунизма и примиренчества к нему. Если мы разгромили правый оппортунизм в идеологии, то он еще жив в практической работе.

Недооценка трудностей хлебозаготовительной кампании сказалась и в отношении ряда организаций к заготовкам хлеба в единоличном секторе сельского хозяйства. Единоличное хозяйство занимает еще в годовом плане заготовок крупное место — около половины. Уже это одно требовало особо внимательного отношения со стороны всех районов к делу организации заготовок хлеба от единоличных хозяйств. Кроме общей массы хлеба, которая должна поступить от единоличников, правильная организация заготовок среди них имеет крупнейшее значение со стороны взаимоотношений в хлебозаготовках с колхозами. Для колхозов в этом году установлены определенные нормы сдачи хлеба государству, выраженные в процентах от валового сбора хлебов. Колхозы несут определенную обязанность сдачи хлеба по установленным нормам. Поступление хлеба от единоличных хозяйств должно быть организовано таким образом, чтобы единоличники сдали государству хлеб в размерах, не ниже установленных для колхозов норм. Эта директива имеет весьма большое значение для дальнейшего ускоренного развертывания колхозного движения.

Поэтому необходимо было в самом начале кампании развернуть широкую организационно-раз'яснительную работу среди бедняцко-середняцких масс деревни за быстрейшую сдачу хлеба государству в размерах, во всяком случае, не ниже норм, установленных для колхозов. Вместо этого, местами мы имели прямо пренебрежительное отношение к организации заготовки у единоличников. Эти организации считают слишком мелким для себя делом заниматься такой работой при сплошной коллективизации. Результаты такого отношения к единоличному сектору сельского хозяйства весьма плачевны, что видно из следующих сопоставлений поступления хлеба от колхозов и единоличников по расчету на гектар посевной площади тех и других.

Заготовлено в начале кампании по 25 сентября (в центнерах на га).

	В колхозах.	У единоличников.
СССР.	0,91	0,47
УССР.	1,13	0,99
Северный Кавказ . . .	1,54	1,02
Центр.-Черн. область. .	0,94	0,69
Средняя Волга.	0.94	0,53
Нижняя Волга, ...	1,04	0,60

Поступление хлеба от единоличных хозяйств особенно резко отстает от плановых заданий в силу медленного развертывания работы среди них. Недостаточное внимание единоличному сектору сельского хозяйства, там, где оно проявлялось, приводило к тому, что вся тяжесть выполнения плана хлебозаготовок перекладывалась на плечи колхозов.

Наряду с изложенными основными ошибками и недостатками в ходе кампании повсюду проявляется слабость практического руководства хлебозаготовками со стороны заготовительного аппарата. Экономические рычаги, содействующие хлебозаготовкам, — промтовары и мобилизация денежных средств в деревне не использованы в должной мере. Отгрузка промтоваров в хлебозаготовительные районы проведена промышленными и кооперативными организациями с большим опозданием. Весь план на 1-й квартал кампании надо было выполнить отгрузкой не позднее, чем к 1 сентября, между тем на это число было отгружено только 85% плана.

Не везде проведена в жизнь директива о преимущественном премировании промтоварами колхозников по сдаче хлеба государству. В отдельных районах самая система премирования «регулировалась» распределением промтоваров по потребительским нормам. Аппарат кооперации не проявил нужной гибкости в маневрировании промтоварными фондами, в результате чего в селах оказывался товар, не отвечающий спросу крестьянского населения. Слабость работы по мобилизации свободных денежных средств в деревне характеризуется цифровыми итогами. По отношению к плановым заданиям выполнение на 1 октября составляет:

по единому с.-х. налогу . . .	49,0%
„ страховым платежам	49,4%
„ самообязательствам	8,2%
„ распространению на селе займа „пятилетка в четыре года“	34,1%

Все основные недостатки кампании отразились наиболее ярко в практике работы южных районов, таких, которые имеют решающее значение в кампании, как Украина и Сев. Кавказ. Эти два района занимают почти половину во всем годовом плане хлебозаготовок.

Громадный урожай хлеба в этих районах дал им высокий процент участия в плане заготовок: Украина на 32,5%, Сев. Кавказ — 12,7%. Размеры урожая создавали особенно благоприятную обстановку для быстрого развития заготовок в этих районах. Между тем, и по абсолютным размерам и по темпу нарастания заготовки и на Украине и на Северном Кавказе идут особенно неудовлетворительно. Выполнение планов заготовок (без гарнца) в этих районах по отдельным месяцам составляет (в процентах):

	Июль	Август	Сентябрь
Украина.	19,4	72.8	68,2
Северный Кавказ. . . .	67,2	93,4	79,8

При плане, в два раза превышавшем план прошлого года, Украина за квартал заготовила лишь на 22,3% больше, чем за тот же период прошлого года. В отдельные пятидневки сентября заготовки были даже ниже соответствующих пятидневок прошлого года.

Заготовлялось в сентябре за пятидневку в процентах к соответствующим пятидневкам 1929/30 года.

	Пятидневки:					
	I	II	III	IV	V	VI
1929/30	100	100	100	100	100	100
1930/31	99,6	114,0	104,0	91,5	101,5	106,0

На Северном Кавказе, начиная с августа месяца, заготовки стабилизировались на низком уровне, а в течение сентября дали даже резкое снижение заготовок. Если заготовки по Северному Кавказу за вторую пятидневку августа принять за 100, то в отношении к ней заготовки по пятидневкам составляют:

	Август	Сентябрь
	(в процентах)	
1 пятидневка	—	85.5
2 „	—	92,0
3 „	104.0	103.0
4 „	104,0	87,9
5 „	112.5	76,6
6 „	190,0	122,0

На Украине не сумели сочетать интересы уборочной кампании с интересами хлебозаготовок. Первоначально там сосредоточили все внимание на уборке хлебов, оставив без должного организационного внимания хлебные заготовки. В результате был потерян большой промежуток времени, в течение которого поступление хлеба по Украине давало совершенно ничтожные результаты. Когда эта ошибка была замечена и внимание местных организаций было переключено как на уборку урожая, так и на хлебозаготовки, в распоряжении организации осталось уже слишком короткое время, чтобы наверстать упущенное в начале кампании. Поэтому из месяца в месяц мы имеем недовыполнение плана хлебозаготовок по Украине. *Перед украинскими организациями стоит величайшая задача так мобилизовать свои силы, чтобы на протяжении ближайших дней покрыть все то, что было упущено за предшествующее время.*

Более серьезные ошибки мы имеем по Северному Кавказу, главным образом, в организации хлебозаготовок. Партией и регулирующими органами в самом начале кампании были даны необходимые указания о порядке организации хлебозаготовок. Суть их сводилась к следующим моментам: организовать аккуратную сдачу колхозами хлеба по установленным для них нормам, развернуть организационную и раз'яснительную работу среди единоличников, таким образом, чтобы они продали хлеб государству в размерах, по которым сдают хлеб со своей посевной площади колхозники; в самом начале кампании дать твердое задание кулацко-зажиточной верхушке деревни и потребовать от нее немедленного после уборки хлебов выполнения этого задания; свезти из совхозов товарные излишки хлебов быстрейшим образом с тем, чтобы совхозы — наши пролетарские базы в сельском хозяйстве — были действительными передовиками в деле хлебозаготовок.

Несмотря на ясность и четкость этих указаний, в ряде районов Сев. Кавказа мы имеем совершенно иной подход к заготовкам колхозного хлеба. Вместо аккуратной сдачи хлеба колхозами по установленным Колхозцентром нормам, к колхозам пред'являлось требование сдать все товарные излишки. Такое требование неправильно по существу и организационно вредно для хлебозаготовок. Организация сдачи хлеба колхозами по методу определения товарных излишков, естественно, приводила к составлению хлебофуражных балансов, а следовательно, и норм потребления в колхозах. В установлении размеров потребительских норм много *субъективного*, так как каждый определяет эти нормы по своему усмотрению. Поэтому простая и ясная форма сдачи хлеба колхозами государству была подменена митингованием вокруг хлебо-фуражных балансов и норм потребления хлеба. Мы имеем на том же Северном Кавказе большее, чем в других районах, наличие рвачества в колхозах — они оставляли на потребление от 3 до 5 центнеров на каждого едока, в том числе и на ребенка.

Другой ошибкой является то, что, вместо классово-диференцированного подхода к отдельным группам крестьян из единоличников, в ряде районов Сев. Кавказа было допущено унифицированное доведение плана хлебозаготовок до каждого единоличного двора. И этому доведению хлебозаготовок до каждого двора не предшествовала массовая раз'яснительная работа о порядке организации хлебозаготовок в единоличных хозяйствах. В результате не была социально выделена кулацко-зажиточная верхушка деревни, которой должны были быть даны твердые задания по сдаче хлеба государству и по отношению к ней не были применены необходимые репрессивные меры воздействия. Отсутствие же массовой раз'яснительной работы, подмененной административным заданием бедняцко-середняцким хозяйствам, дало возможность кулаку кое-где настраивать колхозников и единоличников — бедняков и середняков — против хлебозаготовок.

Уроки южных районов должны были быть использованы в районах, позднее вступающих в кампанию. Между тем, результаты заготовок за сентябрь месяц по ряду важнейших восточных районов дали ничтожный процент выполнения: Урал — 84,3%, Западная Сибирь — 57,9%, Казакстан — 77,8%.

Возросшие народнохозяйственные потребности страны и необходимость быстрее освободить силы организаций, занятых на хлебозаготовках, для других важнейших работ и особенно подготовки к севу, обязывает нас в кратчайший срок закончить выполнение годового плана заготовок. *К 1 декабря план хлебозаготовок в основных зерновых районах должен быть выполнен.* Октябрь месяц должен дать свыше одной трети всего годового плана хлебозаготовок.

Мы находимся на решающем этапе хлебозаготовок, который определяет исход всей хлебозаготовительной кампании.

Все силы партийных, советских, кооперативных и профессиональных организаций должны быть мобилизованы на то, чтобы добиться быстрейшего перелома в ходе хлебозаготовок и обеспечить выполнение годового плана к установленному партией сроку.

Первое и обязательное условие для этого — повести решительную борьбу против правого оппортунизма в хлебозаготовках и примиренческого отношения к оппортунизму в практической работе. «Самотечники» — работники, размагниченные и неспособные поднять колхозников, бедноту в союзе с середняками на выполнение хлебозаготовок и борьбу за ликвидацию кулачества как класса — должны получить беспощадное осуждение со стороны партийной организации.

Необходимо установить строгий контроль над выполнением в кратчайший срок кулацко-зажиточными хозяйствами заданий по сдаче ими хлеба государству. К тем хозяйствам, в которых уклоняются и затягивают сдачу, должен быть применен закон ЦИК Союза (пятикратный штраф и судебная репрессия).

Для ускорения поступления хлеба от единоличных хозяйств надо развернуть работу в двух направлениях: по линии получения хлеба по контрактации и установления тщательного контроля заготовительными организациями через комиссии содействия хлебозаготовкам, за выполнением единоличными хозяйствами взятых на себя самообязательств перед сельской общественностью. Для контрактантов установлен регулирующими органами и правительством ряд льгот (доплата к цене, большее премирование промтоварами), но все эти льготы действуют только по хлебу, сданному к установленному договором сроку. Те хозяйства, которые не сдадут хлеб к сроку, лишаются права получения льгот по контрактационным договорам.

Необходимо по всем районам добиться быстрейшей сдачи хлеба колхозами по установленным нормам. Вместе с тем, должна быть развернута массовая работа среди колхозников на основе особого премирования промтоварами за сдачу излишков хлеба сверх установленных норм теми колхозами, где такие излишки имеются. Особенно необходимо развернуть среди колхозников массовую раз'яснительную работу под лозунгом: «ни одного пуда колхозного хлеба на частный рынок!»

Мы имеем уже целый ряд колхозов, не только выполнивших, но и перевыполнивших свой годовой план хлебозаготовок. Имеется директива партии, постановление регулирующих органов о премировании колхозов, показавших образцы социалистического энтузиазма в деле сдачи своих излишков хлеба государству. Эти директивы на деле в большинстве не выполнены. С этим позорным явлением должно быть решительно покончено, а такие колхозы должны получить заслуженное «поощрение». К колхозам, задерживающим выполнение своих годовых планов сдачи хлеба государству по установленным нормам, должны быть приняты соответствующие меры воздействия путем закрытия кредитов, прекращения отпуска с.-х. машин, и особых мер воздействия против негодных руководителей колхозов, срывающих план хлебозаготовок.

Все требования, пред'являемые хлебозаготовительной кампанией, к быстрейшему поступлению хлеба с особой силой относятся к совхозам. Совхозы — наша пролетарская база в сельском хозяйстве. Только при образцовой сдаче всех своих товарных излишков хлеба государству в кратчайший срок совхозы станут действительными передовиками и могут за собой повести крестьянские хозяйства. Это значение совхозов в хлебозаготовках не всегда на местах учитывается и не организуется быстрейшей свозки хлеба совхозами по мотивам, что этот хлеб к нам все равно поступит. Задержка сдачи хлеба совхозами оказывает отрицательное влияние на крестьянскую массу. Поэтому совхозы должны выполнить данные им планы заготовок в кратчайший срок не позднее чем к 15 октября в южных и центральных районах и к 1 ноября, — во всех остальных.

На протяжении двух месяцев (октябрь—ноябрь) должно поступить государству две трети всего годового плана заготовок. Это налагает на весь заготовительный аппарат особую ответственность за готовность технической базы. Склады, мешки, брезенты должны быть повсюду подготовлены с тем,

чтобы с этой стороны не встретилось тормозов в развитии хлебозаготовок. Транспорт и транспортные работники обязаны мобилизовать все свои силы и средства для оказания помощи хлебозаготовкам быстрейшей перевозкой хлеба из производящих в потребляющие районы.

Перед трудящимися массами Советского Союза поставлена величайшая задача выполнить пятилетку в четыре года. Успешное выполнение годового плана заготовок хлеба является обязательным условием разрешения этой задачи. Успех кампании будет обеспечен только при условии правильной расстановки сил, четкой классовой линии в деле борьбы за хлеб, организации колхозных и бедняцко-середняцких масс для решительной борьбы за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Каждая партийная организация должна взять под свое непосредственное руководство хлебозаготовительной кампанией.

На умении обеспечить выполнение плана заготовок в кратчайший срок будет проверяться выполнение каждой партийной организацией директивы XVI с'езда партии о развернутом социалистическом наступлении по всему фронту.

И. Верменичев.

Буржуазные экономисты, как они есть (кондратьевщина).

Группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чаянова, Челинцева и др., с которыми блокировались Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономии. Это—«последние» могикане буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса.

В настоящее время вся эта группа *разоблачена, как руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти и восстановление буржуазно-помещичьего строя*.

По показаниям проф. Каратыгина, участника контрреволюционной организации вредителей рабочего снабжения (см. «Правда» от 22/IX), задачи контрреволюционной организации, возглавляющейся Кондратьевым—Громаном (группа вредителей рабочего снабжения была ответвлением организации Кондратьева—Громана), сводились в основном к следующему:

> «*Характерным для нас являлось неверие в восстановление хозяйства страны советской властью, критика взятых темпов в смысле неосуществимости их, отрицание целесообразности коллективизации сельского хозяйства, установка на индивидуальное хозяйство и главным образом—кулацкое и зажиточное середняцкое, необходимость сохранения частнокапиталистических отношений в стране и отрицание производственной смычки с крестьянством*».
>
> «Задачами и целью вредительской организации в сельском хозяйстве являлись: 1) *всемерное замедление социалистической реконструкции сельского хозяйства, что в свою очередь должно было вызвать замедление темпов индустриализации страны*, 2) *содействие развитию и укреплению капиталистических элементов в деревне*. В первом случае осложнялось разрешение зерновой проблемы, проблемы технических культур, а также и таких проблем, как животноводство и т. п Затруднения в разрешении этих проблем должны были повлечь за собой замедление темпов индустриализации страны. Во втором случае создавалась прочная капиталистическая база в стране из кулацких и зажиточных середняцких хозяйств, на которую можно было бы всегда опереться. Поставив, таким образом, советскую власть перед вышеуказанными трудностями и имея в союзе капиталистические элементы страны, вредительская организация в сельском хозяйстве конечной своей целью преследовала изменение советской властью ее политики в духе буржуазно-демократических республик».

Организация эта была группкой контрреволюционеров из «ученого» мира, которая не имела абсолютно никаких связей с массой и не могла их иметь. Она со своей программой реставрации буржуазно-помещичьего строя боялась пойти в массы бедняцко-середняцкого крестьянства и рассчитывала на тот фантастический случай, когда массы сами пойдут к ним и упросят их выступить против злокозненных большевиков. *Организационно* эта группа ученых контрреволюционеров представляла собой небольшую часть интеллигенции, мечтавшую о возвращении «золотого» времени господства буржуазии, помещиков и кулаков. *Идеологически* она непосредственно отражала классовые интересы остатков буржуазии и—в особенности—кулачества, этой классовой базы, питающей буржуазно-реставраторскую идеологию в среде определенных реакционных кругов нашей интеллигенции.

Борьба кондратьевцев с диктатурой пролетариата имела три фазы: от Октября до нэпа, восстановительный этап нэпа и следующий—реконструктивный этап, когда партия перешла в развернутое наступление на капитализм. Первая фаза—после Октябрьской революции до перехода к новой экономической политике. В этот период кондратьевцы, вкупе с Чаяновыми, Громанами и т. д., ставили своей задачей обеспечить победу Деникина, Колчака, Юденича и т. д., они разрабатывали планы поддержки и помощи генеральской контрреволюции, если находились на территории, занятой Красной армией, сотрудничали с генералами, если находились на занятой последними территории. Вторая фаза—переход к «сотрудничеству» с советской властью после нэпа. Рассчитывая на «мирное» перерождение советской власти в результате развития капитализма, кондратьевцы полагали, что реставрация капитализма придет неизбежно (своеобразная ставка на «самотек» в развитии капитализма). В этот период они ставили своей задачей всячески ускорить развитие капитализма и, в частности, кулачества. Работая в качестве специалистов в наших учреждениях, они прилагали все усилия, чтобы ослабить и затруднить советской власти *ограничение и вытеснение капиталистических элементов, способствовать максимально возможному обслуживанию кулаков* по линии кооперации, кредита, агрономических мероприятий, способствовать проникновению кулаков в органы управления, кооперации; они ставили своей задачей всеми средствами затруднять руководство пролетариата деревней. Шла борьба за подчинение крестьянства буржуазии, *за буржуазное руководство крестьянством*. Кондратьевцы в этот период разрабатывали программу капиталистического развития советского хозяйства в рамках СССР, по мере сил и возможностей осуществляли ее практически, опираясь при этом на правооппортунистические элементы партии, ведя работу по идеологическому подчинению себе коммунистов и созданию внутри партии своих союзников. Господа профессора нередко открыто говорили о своих надеждах на восстановление в результате нэпа кулацко-капиталистического хозяйства [1].

Однако, господа профессора скоро убедились, что просчитались: *нэп был введен для победы социализма над капитализмом*. Расчеты на «мирное» капиталистическое перерождение оказались простой *иллюзией, самообманом*. Быстро шел процесс восстановления социалистической индустрии, партия переходила к развернутым темпам индустриализации страны, закладывая фундамент экономической независимости СССР. В области товарооборота развитием кооперации и госторговли мы добились крупнейших успехов, вытесняя капиталистические элементы. Партия на основе достигнутых успехов подходила вплотную к коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства.

---

[1] «Капиталистически-трудовое хозяйство,—писал в 1925 году проф. Макаров в журн. «Пути сельского хозяйства»,—особенно сильно пострадало от революции и в процессе гражданской войны, и в процессе тех сознательных движений, которые пронеслись над деревней СССР. Комитеты бедноты, борьба с кулаками и т. п. в этих районах превращались в активную борьбу с верхами деревни, бывшими фактическими организаторами с.-х. производства... В последующей эволюции хозяйства засушливых областей мы снова увидим большое значение более крупных крестьянских хозяйств. *Деревенский нэп развяжет им руки, он откроет им путь к своему развитию и утверждению*. Производственные условия этого требуют... Задача государства—содействовать укрупнению таких хозяйств... Для всего этого государство развертывает такую *социальную* политику, которая позволяла бы соответствующей группе крепнуть».

Господа профессора начинают беспокоиться. Как же так? Они рассчитывали, что капитализм будет победно шествовать во всем хозяйстве и в сельском хозяйстве в особенности (Кондратьев в начале нэпа радостно восклицал: «Нам надо приветствовать русский капитализм!»), а, вместо этого, укрепляется социалистическая индустрия, капиталистические элементы в промышленности идут ко дну и партия переходит к выкорчевыванию самих корней капитализма в СССР.

Они рассчитывали на быстрый рост кулачества (Макаров со строгой уверенностью заявлял, что нэп «развяжет руки» кулакам и «откроет им путь к своему развитию и утверждению») и прилагали все усилия к тому, чтобы этот рост обеспечить, а партия перешла на путь строительства колхозов и совхозов, развертывая наступление против капиталистических элементов по всему фронту.

Они рассчитывали, что пролетариат будет поставлен на колени выросшей и укрепившейся в советской стране буржуазией, а, вместо этого, развернувший наступление по всему фронту пролетариат перешел на базе сплошной коллективизации к штурму на последний оплот капитализма в стране советов. Они рассчитывали на победу троцкизма и правого уклона, а партия, разгромив троцкизм и правый уклон, неизменно вела и ведет ленинскую политику в беспощадной борьбе на два фронта.

Буржуазные иллюзии о капиталистическом перерождении пролетарского государства рассеиваются и разлетаются прахом. И тогда, выражая прямо и непосредственно бешеное сопротивление идущих ко дну капиталистических элементов, ученые мужи завозились над консолидацией антисоветской интеллигенции для непосредственной борьбы за реставрацию капитализма. Громан, этот «лойяльный» меньшевик, идет к махровому, играющему всеми цветами буржуазно-помещичьей реакции, кулацкому идеологу Кондратьеву. Кондратьев идет к «воспринимающим» социализм Суханову, Базарову, и все вкупе идут к Пальчинскому, идут к гнуснейшим агентам мировой буржуазии—вредителям. Прохвосты из ученой братии буржуазных и мелкобуржуазных аграрников-экономистов об'единяются с прохвостами из лагеря «наших» «советских» и «левых» меньшевиков, а все вместе блокируются с от'явленными вредителями из среды определенной части инженеров и других специалистов.

Лакеи мировой буржуазии, отрепья русской интеллигенции, почуяв смертный час капитализма внутри нашей страны, подняли свой картонный меч в защиту сметаемых великим социалистическим наступлением остатков буржуазии и ее головного отряда—кулачества. В то время как огромные массы специалистов, в частности специалистов сельского хозяйства, работают вместе с партией и рабочим классом, шаг за шагом прокладывающими путь победного социалистического строительства,—эти жалкие буржуазные последыши попытались создать контрреволюционную организацию и поднять борьбу против воздвигаемого усилиями миллионов могущественного социалистического строя.

Ведя борьбу с партией и пролетарским государством, кондратьевцы солидаризировались и с троцкизмом и с правым уклоном, делая ставку на победу оппозиций и прекрасно понимая, что и победа «левого» троцкизма и победа правого уклона привела бы к торжеству их идей капиталистической реставрации в СССР.

Борьба троцкизма с партией, с диктатурой пролетариата прямо и непосредственно лила воду на мельницу буржуазных реставраторов, вдохновляя их на активную, развернутую борьбу за капитализм. Троцкисты, не верившие в возможности построения социализма без победы пролетарских революций на Западе, а соответственно считавшие гибель диктатуры пролетариата неизбежной без поддержки мировой революции, находили своих верных союзников в среде кондратьевцев, для которых такая постановка вопроса была логически связана с осуществлением их идеалов. Если троцкизм под треском «революционных» фраз скрывал, затушевывал истинные последствия осуществления своей программы, которые об'ективно не могли быть иными, кроме как капиталистической реставрацией, если троцкисты скрывали, что их деятельность была направлена на то, чтобы ускорить «неизбежный», с их точки зрения, крах диктатуры пролетариата,—то буржуазные экономисты это видели совершенно отчетливо и торжествовали по поводу каждого шага троцкистской оппозиции. После разгрома троцкизма, кондратьевцы все свои надежды возложили на правых уклонистов, прямо связывая свою судьбу с судьбой оппозиции. Кондратьевцы прекрасно понимали, что победа правой оппозиции приведет в конечном счете к реставрации капитализма, приведет к их победе.

Наличие общих экономических установок у правых и кондратьевцев бесспорно,—и в вопросах о темпах индустриализации страны и в вопросах социалистической реконструкции сельского хозяйства. Правый уклон есть склонность, хотя и неоформленная и неосознанная еще, «к отходу от генеральной линии нашей партии в сторону буржуазной идеологии». (Сталин), т.-е. в сторону кондратьевщины. Кондратьевщина является тем идеологическим источником, из которого правые черпали свою политическую и экономическую «мудрость». Воздействие на правых оппортунистов со стороны классового врага выражалось и в виде влияния кондратьевцев, являющихся идеологами буржуазной реставрации. Идеологически правый оппортунизм есть агентура кондратьевщины внутри нашей партии, так как осуществление программы правых в конечном счете вело бы к реставрации капитализма. «Победа правого уклона в нашей партии означала бы громадное усиление капиталистических элементов в нашей стране... Победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для восстановления капитализма в нашей стране». (Сталин). Наличие целого ряда общих установок в экономической политике неизбежно связывает представителей правого уклона и кондратьевцев в практической работе. Факты совершенно бесспорные, что представители правых в своей работе нередко прямо опирались на кондратьевцев, нередко солидаризировались с их экономическими программами, нередко санкционировали действия кондратьевцев, тем самым—об'ективно—предоставляя последним возможность непосредственного вредительства и затрудняя борьбу партии с буржуазной идеологией.

Партия вела и ведет под руководством ЦК непрерывную беспощадную борьбу со всеми буржуазными и мелкобуржуазными идеологиями, вскрывая их подлинный классовый смысл, как бы он ни затушевывался и ни маскировался. Отстаивая чистоту марксизма и ленинизма, партия всегда давала суровый отпор всяким попыткам право- и «лево»-оппортунистического извращения ленинских принципов со стороны различных элементов внутри партии. Беспощадность, непримиримость ко всякого рода извращениям революционного марксизма и ленинизма, непрерывный огонь против всех и всяких буржуазных и мелкобуржуазных партий, «теориек», борьба за подлинную пролетарскую классовую идеологию—таков фон всей работы большевистской партии за все время. Буржуазная и мелкобуржуазная идеология Кондратьевых, Громанов, Чаяновых, Сухановых и т. д. давно разоблачена партией, но еще не выкорчеваны с корнем все последние остатки этих идеологий, являющиеся питательным источником оппортунизма внутри партии и правого оппортунизма, как главной опасности на данном этапе.

В данный момент,—когда развернутым социалистическим наступлением по всему фронту партия перешла к выкорчевыванию самих корней капитализма в СССР, когда мы вступили в период социализма, вступили в ожесточенной классовой борьбе в период уничтожения классов,—рушатся последние устои буржуазии и мелкобуржуазной идеологии, рушится последняя классовая база этих идеологий. Но так же, как остатки буржуазии и ее передового отряда—кулачества—оказывают бешеное сопротивление социалистическому наступлению, и остатки идеологии умирающих классов пытаются цепляться за живое.

Классовая борьба на идеологическом фронте вступает в тот этап, когда все буржуазные и мелкобуржуазные теории и предрассудки разоблачаются до конца, выкорчевываются с корнем.

В кондратьевщине об'единились для общей борьбы с пролетарской диктатурой и трезвые теоретики кулацко-капиталистического развития советской деревни и мелкобуржуазные утописты типа Чаянова, Челинцева, Огановского и друг.

И откровенные защитники интересов кулака типа Кондратьева, Макарова, Юровского и т. д., и прикрывавшиеся народнической болтовней защитники кулака типа Чаянова, Челинцева и др. имеют одну общую классовую опору—кулачество. Однако, кулачество нельзя рассматривать изолированно от всей буржуазии, оно является внутри СССР только опорой для восстановления буржуазно-помещичьего строя. «Кулаки,—писал Ленин,—самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплоататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов». Опираясь на кулачество, буржуазия стремится восстановить буржуазно-помещичий строй и установить неприкрытую диктатуру буржуазии. Кондратьевщина, таким образом, выступает носителем идей буржуазно-помещичьей реставрации в СССР, она отражает классовые интересы мировой буржуазии и помещиков, опирающихся внутри СССР на недобитое еще кулачество. Такова классовая сущность кондратьевщины, в том числе и новонародников, об'единившихся с Кондратьевым.

В своих подлинных классовых симпатиях кондратьевцы иногда, особенно непосредственно после революции, проговаривались совершенно откровенно. Один из руководителей современной кондратьевщины Л. Н. Литошенко, например, открыто заявлял в 1918 году в своей статье «Социализация земли»:

> «оставим в стороне вопрос о судьбе помещичьего хозяйства, теоретически в его защиту можно было бы сказать многое, но—практически его уже почти не существует и тот вред, который нанесен народному хозяйству его насильственным уничтожением, все равно уже невозвратим...» (Вот они, истинные симпатии кондратьевцев! *В И.*). «Тем более,—пишет дальше Литошенко,—своевременно поднять голос в защиту так называемого полутрудового или крупно-крестьянского хозяйства... Раздробление крупно-крестьянского хозяйств (т.-е. кулаков. — *И В.*) явилось бы непростительной растратой производительных сил страны... Покушение на крупно-крестьянское хозяйство будет актом величайшей несправедливости.

Литошенко выступает против иллюзий новонародников об устойчивости и преимуществах мелкого хозяйства.

Литошенко считает ненужным маскироваться разговорами об особенностях мелкотоварного хозяйства и предлагает прямо бороться за кулака и кулацко-капиталистический путь развития [1]).

К такой борьбе за кулака, к защите классовых интересов кулацко-капиталистических элементов и свелась роль всех кондратьевцев и, прежде всего, их лидера—Кондратьева. Кондратьев—в прошлом эсер, он выступал после Февральской революции с той же народнической болтовней о преимуществах мелкого производства, о самостоятельном, некапиталистическом пути развития мелкого хозяйства и даже (слушайте, слушайте!) предлагал экспроприировать кулаков [2]), исходя из теоретической предпосылки об отсутствии у них преимуществ в смысле под'ема производительных сил и о меньшей их прогрессивности по сравнению с мелким «трудовым» хозяйством и проч. В последующем Кондратьев (а также Макаров и др.) превращается в играющего всеми цветами буржуазной реакции певца преимуществ капитализма. Эта эволюция показывает истинное лицо всех эсеров, народников, новонародников и т. д., показывает с математической точностью правильность марксистско-ленинской критики мелкобуржуазных концепций, как реакционных, за которыми скрывается защита классовых интересов буржуазии.

Прослеживая за выступлениями кондратьевцев, мы видим, что главными линиями борьбы были борьба против коллективизации, против социалистического переустройства сельского хозяйства и борьба за кулака, за капиталистический путь развития. Всячески дискредитировать идею коллективизации, не останавливаясь ни перед чем, бороться против наступления на кулака, всячески, не брезгуя никакой ложью, доказывать, что без капиталистического пути, без развития кулацкого хозяйства стране грозят гибель, разрушение производительных сил и все ужасы голода,—таковы задачи, которые они ставили перед собой.

Приведем четкую, исключительно яркую формулировку программы кондратьевщины в вопросах коллективизации.

> Идее социалистического земледелия,—говорил Кондратьев в одном из своих докладов в 1927 году,—«я всемерно сочувствую, но будьте реалистами и, пожалуйста, не подменивайте реальной действительности своими пожеланиями, а смотрите на процессы реально, как они есть в действительности... А как скоро вы втянете крестьян в процесс общественного производства, как скоро преодолеете дефекты распыленного мелкого хозяйства?»,

спрашивал он и, цинично издеваясь над политикой коллективизации, продолжал:

> «я лично очень желал бы, но я думаю, что эта проблема десятилетий—скольких, я не знаю: будет ли это 600 лет, но во всяком случае—это проблема длительного решения... Я не против кооперирования, я не шел против коллективизации, но я против утопизма, против того, чтобы вы пошли по этому пути».

Прошло только три года после того, как сказаны были эти слова, три года социалистического наступления. «Реальный» политик, «видевший» действительность, смотревший в «корень вещей», беспардонно пророчествовавший о 600 годах для осуществления коллективизации, проф. Кондратьев может теперь определить степень реальности своих предсказаний и степень своей умственной ограниченности или, вернее, степень своего кулацкого бешенства по поводу успехов коллективизации. Три года—и 35 миллионов га коллективных посевов, миллионы колхозников, прочной и действительной опоры советской власти, решающий поворот середняка к коллективизации, переход к сплошной коллективизации всего Советского Союза. Три года—и ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, кулак выбит из зернового производства и мы имеем мощный разворот социалистического земледелия во всех отраслях сельского хозяйства. Так разбила действительность кондратьевские прогнозы, подсказанные бешеной ненавистью классового врага к социалистическому строительству. Так разбила она родственные кондратьевщине правоуклонистские установки о нереальности коллективизации.

---

[1]) См. его брошюру «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», Москва 1923 г.

[2]) См. «Труды комиссии по подготовке земельной реформы», вып. III, изд. Глав. Зем. Ком. при Врем. Прав-ве. Доклад Кондратьева.

Дискредитацию идеи коллективизации кондратьевцы вели по разным направлениям. Утверждая (точь в точь, как и правые оппортунисты), что колхозы не могут быстро развиваться, не могут служить фактором быстрого под'ема производительных сил, об'являя идею коллективизации утопичной, фантастичной,—кондратьевцы в то же время, видя рост колхозного движения, доказывали, что это движение временное, что распад колхозов неизбежен.

> «Колхозы,—утверждал проф. Макаров,—есть прежде всего восстановительное движение. Это обнищавшие маломощные слои приходят к этой форме обобществления, пользуется ею, чтобы поднять свой элементарно-нищенский уровень жизни... Нет ничего отрицательного в том, что в конце пятилетки эти бедняцкие хозяйства разойдутся в виде середняцких индивидуальных хозяйств. Это есть фаза восстановительного процесса».

Здесь интересны три момента: во-первых, утверждение, что коллективизация не есть процесс коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства, а всего лишь «фаза» восстановительного процесса; во-вторых, старая болтовня, о том, что колхозное движение есть движение бедноты, и связанная с этим теория о невозможности коллективизации середняка,—в-третьих.

Мы привели рассуждения проф. Макарова только для того, чтобы лишний раз проиллюстрировать тот факт, что идеологи капиталистической реставрации сознательно вели линию на дискредитацию колхозного движения. Ибо разве не знает «глубокомысленный» Макаров, что колхозное движение, создавая крупное производство, реконструирует основы сельскохозяйственного производства на новой материально-технической базе, разве он не знает, что в колхозы наряду с беднотой шел и середняк, а теперь решительно в своей массе повернул в сторону коллективизации? Знал это ученый муж и сознательно пытался создавать неверие в коллективизацию. Все это необходимо было для того, чтобы подчеркнуть, что спасение только в капитализме.

Генеральная линия кондратьевщины—линия на создание крупного капиталистического производства на базе беспощадного разорения и закабаления миллионов бедняков и середняков. Прикрываясь разговорами о под'еме производительных сил вообще, кондратьевцы отождествляли развитие производительных сил с развитием капитализма. «Вождь» кондратьевщины—проф. Кондратьев являлся застрельщиком в изображении гигантских преимуществ капитализма в развитии производительных сил сельского хозяйства.

Кондратьев — это циничнейший певец капитализма, ему свойств нен такой пафос в изображении всех преимуществ капитализма, которому может позавидовать любой крупный банкир, заводчик, фабрикант. Слуга капитализма не жалел красок для восхваления своих хозяев. Вот, не угодно ли? Посмеявшись вдоволь над «фантастическими» затеями большевиков в области создания крупного социалистического земледелия, профессор Кондратьев, бывший сатрап Временного правительства, орудовавший со своими приспешниками на дороге великого социалистического строительства, развернул «блестящие» перспективы, которые сулит кулацко-капиталистический путь развития сельского хозяйства. Констатировав, что кулаки отличаются высокой производительностью и товарностью своего хозяйства, Кондратьев рисует следующую картину как результат кулацкого развития (цитирую по стенограмме одного из его выступлений):

> «Я делаю такие подсчеты и берусь доказать, что если бы в каком-нибудь уральском районе работающее в сельском хозяйстве население уменьшилось в четыре раза, а все остальное ничего не делало, просто гуляло бы и собирало бабочек по лесам, а четвертая часть работала, то эта четвертая часть населения могла бы удержать все население на том экономическом уровне, на котором существует сейчас».

Самая разнузданная демагогия, самая бесшабашная ложь в изображении «прелестей» капитализма,—вот сущность кондратьевской агитации за кулака. Кондратьеву надо отдать справедливость: он был нередко более откровенен. Этим он отличался от кулацких радетелей типа Суханова, Громана, Чаянова, Челинцева и других. Те прикрывались болтовней либо о социализме, либо о защите «трудового» крестьянского хозяйства, о некапиталистической эволюции мелкого индивидуального хозяйства, разговорами о положении бедноты и т. д. Кондратьев и его последователи, составлявшие откровенную буржуазную экономическую школу в СССР, без всяких особых разговоров выворачивали свое кулацкое нутро, хотя в печати и в официальных выступлениях они и старались причесывать свои позиции «академическим» стилем, старались надеть на них маску об'ективизма, надклассовости и т. д.

Буржуазная экономическая мысль обычно пытается как-нибудь затушевать, замазать беспощадную капиталистическую эксплоатацию рабочих, разорение и закабаление капиталом крестьянских масс. Она пытается скрыть классовые противоречия, классовую борьбу. Кондратьев же был иногда откровеннее.

> «Если вы хотите, — говорил он, — чтобы был более сильный темп накопления в народном хозяйстве, если вы хотите, чтобы этот более сильный темп вел к более быстрому росту производительных сил в стране, то должна быть эксплоатация более сильными группами в деревне, и этот процесс эксплоатации является экономически положительным... Этот процесс был связан и с социальной точки зрения с усилением момента эксплоатации одним человеком других».

Таковы перспективы, которые рисует проф. Кондратьев. Однако, проф. Кондратьев не дурак, чтобы пропагандировать голый процесс беспощадного разорения и закабаления миллионных масс бедноты и середняков. Он, как заботливый хозяин, обещает, что капитализм для трудящихся не будет уж таким страшным:

> «Наряду с увеличением нити социальной эксплоатации на почве диференциации одновременно имеем процесс повышения благосостояния в стране... Этот процесс диференциации, если он ускорял рост производительных сил в стране, то он был и фактором повышения благосостояния в стране, в том числе и низших групп». (Цитирую как и выше, по стенограмме кондратьевского доклада о диференциации на пленуме Научно-исследовательского института с.-х. экономии в 1927 г.).

Кондратьев обещает от имени кулаков, что они не будут особенно зверски эксплоатировать, что они поднимут благосостояние батраков и бедняков! От такой неприкрытой лжи даже наиболее последовательному кондратьевцу—проф. Макарову стало неловко, не по себе, и, выступая по докладу Кондратьева, он разоблачает последнего:

> «Быть может, когда-то при длительном развитии (процесса) он (т.-е. Кондратьев.—*И. В.*) окажется правым, но я думаю, что сейчас бедноте от этого процесса диференциации лучше не станет. Это есть процесс экономического снижения (читай: беспощадного разорения и закабаления миллионов бедноты и середняков.—*И. В.*), и *расценивать его так оптимистически в этой части я не считаю возможным*. Но другое дело — вопрос о социальных верхах...».

На этом можно поставить точку. Маленькая ссора среди этих ученых реакционеров избавляет нас от необходимости тратить время на разоблачение гнуснейшей кондратьевской лжи о под'еме экономического благосостояния бедноты при господстве капитализма. Ввергнуть миллионы бедноты и середняков в пасть озверелых помещиков и кулаков — такова программа кондратьевщины. Остановимся теперь на других соратниках Кондратьева— на мелкобуржуазных экономистах типа Чаянова.

* * *

Одним из самых старейших предрассудков мелкобуржуазной теории в аграрном вопросе является *теория устойчивости мелкого производства*.

Болтовня о преимуществах мелкого хозяйства перед крупным, о том, что мелкотоварное производство является самостоятельной экономической формацией и может при капитализме даже составлять особую, параллельную народнохозяйственную систему, о том, что «трудовое» мелкое хозяйство сохраняет и сохранит свои устойчивые позиции при капитализме и имеет перспективы для прогрессивного развития и т. д.,—эта «теоретическая» болтовня беспощадно разоблачалась марксизмом и ленинизмом.

Об'ективный смысл этой «теории» сводился к защите — под треском фраз различных степеней радикализма — классового господства буржуазии и классовых ее интересов. Мелкобуржуазная теория выступала и выступает в качестве одного из тех средств обмана и одурачивания масс, к *которым прибегает буржуазия для упрочения капиталистической системы*.

Разбитая марксизмом и ленинизмом теория устойчивости мелкого хозяйства была реставрирована в наших советских условиях экономистами из лагеря новонародников. Выступают профессора Чаянов, Челинцев и другие и пытаются вновь доказать, что мелкое хозяйство является особой народнохозяйственной системой, не имеющей ничего общего с капитализмом, что мелкое производство отличается своими специфическими, свойственными только ему, законами развития (так называемая «семейно-трудовая теория крестьянского хозяйства»).

«Непонимание» марксистами этой особой природы мелкого хозяйства, признание в мелкособственническом хозяйстве *товарно-капиталистических тенденций*, анализ деревни с точки зрения классового расслоения, роста классовых противоречий и классовой борьбы,— все это Чаянов рассматривает, как вреднейшее свойство марксистско-ленинской теории, чреватое, по его выражению, «*тяжелыми последствиями*» для судеб крестьянского хозяйства [1]). Во всех трудах этого идеолога капиталистической реставрации красной нитью проходит подчеркивание «особой» природы крестьянского хозяйства, позволяющей ему развиваться «самостоятельно», независимо от господствующей системы общественных отношений: капиталистической — в условиях капитализма, и социалистической — в условиях пролетарского государства.. Чаяновская концепция всем своим острием направлена против основных ленинских положений о природе и путях развития мелкотоварного производства. «Система мелкого хозяйства,— писал Ленин,— при товарном производстве не в состоянии избавить человечество от нищеты масс и их угнетения».

«Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое» (Ленин). Что в таком случае означает сладенькое вранье насчет «особого» пути развития мелкого хозяйства и сохранения его мелкотоварной природы? Только замазывание, только затушевывание, в интересах буржуазии и кулачества, тяжелейшего положения крестьянства при капитализме, замазывание факта роста элементов капитализма в наших условиях при развитии мелкособственнического индивидуального хозяйства, и сеяние иллюзий, что без коренной социалистической переделки мелкое хозяйство может прогрессивно развиваться.

Эта концепция логически приводит к борьбе против пролетарского руководства деревней. Коль скоро само мелкое хозяйство может самостоятельно двигаться по пути прогресса и не нуждается в социалистической переделке, Чаянов, естественно, борется против руководства пролетариата, против «навязывания» социалистических идей крестьянству. Поскольку тем не менее пролетариат ведет борьбу за свое руководство деревней, за социалистическую перестройку мелкого хозяйства, Чаянов *логически приходит к прямой борьбе за свержение диктатуры пролетариата*.

Эта установка Чаяновым сформулирована в книжке: «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», изданной в 1922 г. под псевдонимом Ивана Кремнева.

Здесь он рисует картину осуществления своих идеалов: свержение диктатуры пролетариата, установление господства мелкого производства, установление диктатуры «крестьянства», а на самом деле — диктатуры буржуазии и помещиков. Ненавистные Чаянову рабочие сметаются с лица земли вместе с разрушением до тла городов и превращением их в деревни.

«Крестьянин,— говорил Ленин,— своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочими, либо за буржуазией. Середины нет». Чаяновы, ведущие борьбу против того, чтобы крестьянин шел за пролетариатом, шел к социализму, выступали и, *выступают прямыми агентами буржуазии и вели работу для подчинения крестьянских масс капиталистам*, для направления развития сельского хозяйства по капиталистическому пути. *Диктатура буржуазии* — вот что в конечном счете скрывалось под слащавыми теориями устойчивости и самостоятельности пути развития мелкого производства.

«Диктатура пролетариата,— писал Ленин,— если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (Собр. соч., том XVI, стр. 248).

Только в том случае, если крестьянство идет за пролетариатом, оно может выйти из нищеты и угнетения; только социализм разрешает эти задачи, осуществление которых возможно лишь при руководящей роли пролетариата, лишь в условиях пролетарского государства, свергающего капитализм и ведущего непримиримую классовую борьбу с буржуазией [1]).

---

[1]) Недооценка правыми оппортунистами товарно-капиталистических тенденций мелкого производства поразительно сближает их с героями мелкобуржуазной теории, с новонародниками типа Чаянова, Челинцева и др.

По Чаянову, важнейшим моментом устойчивого развития мелкого производства является сельскохозяйственная кооперация. В своей работе: «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (Москва, 1919 г.) проф. Чаянов писал:

> «В настоящее время вдумчивый наблюдатель может отметить нарастание и другой организующей силы в виде развивающейся и крепнущей сельской кооперации, опирающейся на трудовое семейное производство и с народнохозяйственной точки зрения являющейся неот'емлемой частью крестьянского хозяйства. Наблюдая развитие крестьянской кооперации за последнее десятилетие, мы должны признать, что ей удалось заметно оттеснить капиталистические формы хозяйства со многих народнохозяйственных позиций, что она постепенно становится одной из крупнейших основ современной народнохозяйственной жизни, и, по нашему глубочайшему убеждению, постепенно создает в параллель капитализму народнохозяйственную систему трудового кооперированного хозяйства, неумещающуюся в рамки законов и явлений капиталистического строя и сосуществующую ему».

Выходит, что мелкое производство может не только самостоятельно развиваться, не только противостоять капитализму, но и оттеснять капитализм с занимаемых им позиций. Центральной идеей чаяновской теории кооперации является то, что она придает мелкому производству наибольшую устойчивость. Это значение кооперации вытекает из того обстоятельства, что она, не разрушая коренных основ мелкособственнического производства, позволяет мелкому хозяйству использовывать в целом ряде отраслей хозяйственной деятельности крестьянина преимущества крупного производства.

> «Кооперация крестьянства, по нашему мнению,—пишет Чаянов,—представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому трудовому хозяйству, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями на степень крупной формы производства, часто используя наемный труд».

Кооперирование Чаяновым мыслится, как процесс овладевания кооперацией рыночными отношениями, создания кооперативных предприятий по переработке с.-х. продукции и т. д., ни в коей мере не задевая основ мелкособственнического «трудового семейного» хозяйства крестьянина [2]). В таком случае мелкое производство «оттесняет» капитализм и утверждается господство «семейного трудового» хозяйства. Впрочем, не столько капитализм оттесняется, сколько мелкое хозяйство мирно с ним сосуществует:

> «вникая в существо проблемы, должны признать, что между капиталистическим и трудовым земледелием в сущности никакой активной борьбы не ведется».

Кулацкая сущность чаяновской кооперации выглядывает из всех щелей. Обосновывая самостоятельный, некапиталистический, но не социалистический путь развития мелкого хозяйства, Чаянов выступает в роли приводного ремня буржуазии и кулачества к широким массам крестьянства.

В действительности при капитализме крестьянство имеет только один путь — путь капиталистического развития, и с.-х. кооперация неизбежно подчинена капитализму. «Либо разорение под ударами капитализма, либо несбыточные мечтания мелкобуржуазных экономистов о сохранении его мелкотоварной природы» (Энгельс). Чаяновская сладенькая сантиментальная болтовня о самостоятельной роли при капитализме «трудовой» крестьянской с.-х. кооперации есть удобное для буржуазии средство затушевать истинное положение вещей.

«Марксисты издавна считали своей задачей в борьбе с народничеством разрушать маниловщину, слащавые фразы, сантиментальную надклассовую точку зрения, пошлый «народный» социализм... Народнический социализм — гнилая и смердящая мертвечина» (Ленин).

Впрочем, Чаянов далек от того, чтобы заниматься разговорами о социализме. Согласно его теории, мелкое «трудовое» хозяйство, развиваясь самостоятельно и организуя через кооперацию самостоятельную народнохозяйственную систему, имеет особый, отличный и от капитализма и от социализма, путь развития. Чаянов свою теорию полностью переносит в наши условия, в условия пролетарского государства.

По его теории, кооперация не ведет и не должна вести к полному обобществлению крестьянского хозяйства, к коллективизации хозяйства в целом. Наоборот, она, «коллективизируя» отдельные отрасли хозяйства, придает «крестьянскому семейному хозяйству большую устойчивость».

> «Однако, — пишет Чаянов далее, — целый ряд авторов и общественных деятелей, подходящих к кооперации не столько с точки зрения организации земледелия (??), сколько с точки зрения осуществления на земле различных социальных идеалов (читай, социализма и коммунизма. — *И, В.)*, отрицают указанную предельность кооперативной коллективизации (т.-е. отрицают необходимость увековечить мелкое индивидуальное хозяйство) земледелия и считают возможным кооперативное обобществление всего крестьянского хозяйства в целом... Мы не можем стать на эту точку зрения, так как, по нашему мнению, сила кооперативного семейного производства заключается именно в том, что она значительную часть производства и наилучше удающуюся в формах производства мелкого оставляет в этих последних».

Смотрите, с какой кулацкой развязностью издевается над ленинизмом господин Чаянов! Он, видите ли, против того, чтобы осуществлять через кооперацию «различные социальные идеалы»! Он, видите ли, против того, чтобы пролетариат через кооперацию и коллективизацию вел деревню к социализму! Но он тщательно скрывает, замазывает, что всю эту ахинею он развел для того, чтобы прикрыть осуществление через кооперацию «социальных идеалов» кулацко-капиталистических элементов! Вопрос стоит с непререкаемой ясностью. Если кооперация не ведет к социализму, если ею не руководит пролетариат, ведущий деревню к построению крупного социалистического земледелия взамен мелкого индивидуального, то она является кооперацией капиталистически развивающегося мелкого хозяйства, находится в подчинении капиталистических элементов, находится под руководством кулака. Или капитализм — или социализм, или пролетариат — или буржуазия и кулачество. Середины нет и быть не может.

---

[1]) Указанное выше ленинское положение о руководящей роли пролетариата в отношениях с крестьянством, целиком вытекающее из экономического положения мелких хозяйств, является центральным моментом ленинизма в аграрном вопросе. Правые оппортунисты в угоду Чаяновым, Кондратьевым и т. д. скатились к ревизии этого положения ленинизма. Некоторые из них пытались даже самому Ленину приписать отказ при переходе к новой экономической политике от этого положения. Так, Теодорович в своей статье: «8 лет крестьянской политики», анализируя развитие ленинских идей при переходе к нэпу, спрашивает: «В какие взаимоотношения к крестьянскому хозяйству должны были, по Ленину, стать промышленность и руководящий ею рабочий класс», и отвечает, что Лениным в этот период «ясно формулирована идея равноправия города и деревни» (см. «Пути сельского хозяйства», № 5 за 1925 г., стр. 9. Подчеркнуто мною. — *И. В.*). Это фальсификация ленинских положений о том, что «Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи (переходной, так же, как и капиталистической. — *И. В.*). Город неизбежно ведет за собой деревню». (Ленин, собр. соч., том XVI, стр. 442).

[2]) В этом отношении бухаринская теория кооперации не отличается от чаяновской. Тов. Бухарин просто взял чаяновскую кооперированную (в области рынка) деревню и пустил ее катиться («как на санях») к социализму, забыв основы марксизма и ленинизма о том, что без создания крупного общественного производства (совхозов и колхозов) и без обостренной классовой борьбы, никакого социализма не построишь.

Чаяновы вертлявы, Чаяновы заметают следы. Чаяновы напускают туман, Чаяновы укрываются болтовней о возможности независимого от капитализма существования и развития мелкотоварного хозяйства, Чаяновы замазывают классовое деление деревни, классовые противоречия и классовую борьбу. Гораздо последовательнее менее вертлявые идеологи буржуазии. По вопросу о значении кооперации для мелкого хозяйства А. А. Мануйлов, тоже подвизавшийся на советской арене, тоже выпускавший «труды», пишет более откровенно. По его мнению, развитие мелкого хозяйства в условиях рыночных отношений не может быть самостоятельным, оно неизбежно подчиняется капиталу. «В таких условиях самостоятельность отдельных индивидуумов является не чем иным, как простой фикцией»[1]).

> Развитие кооперации ведет к «медленному накоплению и концентрации капитала, начиная таким образом об'единять их в крупные хозяйства и принуждая к определенным организационным формам, превращающим отдельные хозяйства в часть более крупного»...
>
> «Рост сельскохозяйственной кооперации влечет за собой гибель мелкого сельского хозяйства и максимальное повышение продуктивности сельскохозяйственного труда»[2]).
>
> «При этом иллюзия самостоятельности, имеющая такое большое значение в хозяйственной жизни, сохраняется в значительно большей степени (чем без кооперации.—*И. В.*, так как кооператив—организация, в которой воля отдельного хозяина имеет бо́льшее значение, чем при непосредственной зависимости от торгового капитала. В кооперативе каждый хозяин **считает** (разрядка Мануйлова) себя свободным, а это одно уже служит достаточным основанием для проявления инициативы и хозяйственной воли. Именно там, где нет этой иллюзии, хозяйство гибнет, как это мы видим на примере сельскохозяйственных артелей и коммун[3]).

Переводя этот язык на классовый язык, мы видим, что Мануйлов ведет речь о подчинении кооперации буржуазии, кулачеству, о том, что кооперация приводит к гибели мелкое хозяйство, способствует образованию вместо него крупного капиталистического производства и пожиранию мелкого хозяйства растущими кулаками. Какое же значение в таком случае имеет кооперация с точки зрения мелкого производства? О! Она, по Мануйлову, имеет большое значение! Если она, вопреки Чаянову, не ведет к упрочению позиций мелкого хозяйства, не придает ему устойчивости, то она создает иллюзию самостоятельности.

Мануйлов знает, что в условиях развития рыночных отношений «самостоятельность» мелкого хозяина есть фикция, иллюзия, но он также знает, что для одурачивания масс и упрочения капитализма эту иллюзию надо закреплять. Кооперация такую роль, по его мнению, играет; он за кооперацию, но он против того, чтобы кооперация перерастала в колхозы, ибо тогда теряется «иллюзия» (читай, теряется возможность использования кулаком кооперации для подчинения себе мелких производителей), тогда хозяйство «распадается». Прогноз «ученого» теоретика о неизбежном распаде колхозов, как видим, блестяще «оправдался»: свыше пяти миллионов крестьянских хозяйств в колхозах,

---

[1]) А. Мануйлов «К теории с.-х. эволюции», Москва, 1925 г., стр. 118.

[2]) Там же, стр 118—119.

[3]) А. Мануйлов «К теории с.-х. эволюции», Москва, 1925 г., стр. 118.

об'единившихся в артели и даже на базе простого сложения крестьянского инвентаря, давшие крупнейший эффект, свидетельствуют о степени дальновидности глубокомысленного профессора.

Одним из упорных защитников теории устойчивости мелкого производства является проф. Челинцев. Этот последний не отличался особой оригинальностью, однако, вредность и реакционность его позиций заставляет нас остановиться на некоторых его установках. Центральным положением Челинцева, как Чаянова и др. мелкобуржуазных экономистов был тезис о том, что мелкое хозяйство в условиях развития рыночных отношений может не только укрепить свои позиции, но и успешно бороться с капиталистическим развитием, успешно противостоять крупному кулацкому хозяйству. Это достигается путем развития товарных интенсивных отраслей сельского хозяйства

> «Особенное значение для мелкого хозяйства до 2-х дес. (а также 2—4 дес.) имеют интенсивные отрасли животноводства... Для мелких хозяйств более интенсивная структура является средством повышения их стойкости и основной причиной, об'ясняющей выживаемость таких хозяйств в борьбе с более крупными и мощными»[1]).
>
> «Только товарное направление в незерновых отраслях сельского хозяйства позволяет расширить доход от него в более мелких группах хозяйств и, вместе с тем, выживать в своей борьбе за существование»[2]).

Челинцев выступает борцом за процветание мелкого хозяйства. Признав «правоту» марксистской критики народнических иллюзий о том, что мелкое хозяйство в условиях роста рыночных отношений неизбежно расслаивается, выделяет капиталистические элементы, проф. Челинцев спешит изыскать способы предотвращения этого процесса. И находит их в развитии животноводства и интенсивных культур. Здесь уж капитализм не подкопается под мелкое хозяйство, здесь «трудовое» хозяйство побьет кулака!

> «Если,—пишет Челинцев,—мы имеем в с.-х. производстве упрочившиеся элементы интенсивных отраслей, то положение мелких хозяйств более устойчиво, и при наличии возможности некоторой прибавки земли... происходит резкое изменение в сторону улучшения этих бедняцкого и середняцкого слоев, одновременно происходит уменьшение или задержка предпринимательства, в сельском хозяйстве происходит уменьшение отхода и всех элементов, которые характеризуют проявление зависимости» (подчеркнуто мной.—*И В*).

Мелкое хозяйство, развивая посевы льна, картофеля, разводя свиней, коров и т. д., избавляется от эксплоатации, избавляется от капитализма и... побивает его! Никакой коллективизации, разводи только картошку и будь спокоен насчет капитализма: он умрет, и будут процветать хозяйства на клочках земли, живя и наслаждаясь во веки веков семейным производством в рамках мельчайшего хозяйства! Но для этого пролетарское государство должно построить соответствующую политику, направленную на широкое внедрение интенсивных отраслей в мелкое крестьянское хозяйство и, главное—вести благоприятную политику... цен.

> «Рационализированная политика по с.-х. производству и по с.-х. рынку в более интенсивных районах, являясь делом рук человеческих, поддерживает, прежде всего, середняка, подтягивает к нему бедняка, особенно нормализация ценовой политики послужит укреплению с.-х. отраслей, коими живут и должны жить более мелкие группы крестьян[3]).

---

[1]) Челинцев, «К вопросу о диференциации крестьянского хозяйства», журн. «Пути сельского хозяйства», № 4 за 1927 г., стр. 124—125.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

Кулацкие уши за слащавыми фразами о поддержке бедноты и середняка выглядывают со всей отчетливостью. Формула о развитии свободного рынка и требование высоких цен при сохранении мелкособственнического хозяйства есть формула кулацко-капиталистического развития сельского хозяйства. Никакая картошка, никакая корова, коза или свинья без создания крупного коллективного хозяйства не спасает мелкое производство от капиталистического пути развития, не выводит его из состояния нищеты.

Болтовня проф. Челинцева о том, что развитие товарно-интенсивных отраслей предотвращает рост капитализма, есть реакционное стремление затушевать, замазать классовое расслоение крестьянства, неизбежно происходящее при сохранении мелкотоварного производства; это есть борьба против создания крупного хозяйства в области животноводства и технических культур.

Разговоры Челинцева о том, что он против кулака, о том, что он боится кулака, что при осуществлении его политики развитие капитализма исключено, — есть разговоры идеолога мелкой буржуазии, дальше своего носа ничего не видящего. А о том, что его позиция не ведет к капитализму, больше того, предотвращает капитализм, Челинцев доказывал со всей страстностью и, отвечая на вопрос о перспективах развития капитализма в сельском хозяйстве СССР, утверждал:

> «Освоение и упрочение результатов социальной революции предполагает развитие общественно-товарного охвата крестьянства и сельского хозяйства в рамках товарных отраслей сельского хозяйства, свойственных господствующей массе крестьянских хозяйств по районам. Ход народнохозяйственной эволюции и системы мероприятий экономической политики, укрепляя эти отрасли, предотвратит развитие социальной диференциации русского дореволюционного и западно-европейского характера. Этого требуют интересы развития производительности в сельском хозяйстве на той стадии, которую переживает сейчас Союз. Это совпадает и с курсом социальной политики соввласти»[1]).

Челинцев понял нэп, как политику, направленную на увековечивание мелкого производства! Челинцев и его последователи систему мероприятий советской власти в восстановительный период нэпа расценивали не как переходный период к развернутому социалистическому переустройству сельского хозяйства и построению крупного социалистического земледелия, а как политику отказа от задач перевода мелкого хозяйства на социалистический путь, как политику признания незыблемости основ мелкособственнического хозяйства и отказа от того, что мелкое производство есть база для капитализма. Политика ограничения и вытеснения отдельных отрядов кулачества этими «защитниками» мелкого «трудового» крестьянского хозяйства расценивалась, как составная часть мероприятий по укреплению мелкособственнического хозяйства и как политика предотвращения развития капитализма без социалистического преобразования деревни. Именно поэтому они перешли к прямой борьбе против политики пролетарского государства, когда выяснили, что в основе ее лежит задача социалистической реконструкции сельского хозяйства, задача ликвидации деревенского капитализма, а не сохранение, не консервирование мелкого производства. Тот же Челинцев выступает теперь против коллективизации, против развития совхозов, об'единяется с Кондратьевым для совместной контрреволюционной борьбы с советской властью, для защиты классовых интересов кулачества. Это есть логический конец мелкобуржуазного теоретика, ибо, коль скоро он не стал на позиции социализма, он с неизбежностью стоит на позициях капитализма.

---

[1]) Челинцев. «К вопросу о диференциации крестьянского хозяйства», подчеркнуто мной.—*И. В.*

Переход к борьбе против коллективизации у мелкобуржуазных ученых типа Челинцева и Чаянова отмечается своеобразием. Они, прежде всего, не против коллективизации. Но они против того, чтобы пролетарское государство вело активную борьбу за коллективизацию. Развитие колхозов должно происходить при одинаковых условиях экономической политики как по отношению к колхозам, так и по отношению к индивидуальным хозяйствам.

> «Колхозное движение может быть упрочено и может расширяться в надлежащем темпе при сохранении требования большей производительности и товарности, чем индивидуальное крестьянское хозяйство, но при тех же экономических условиях и основных мероприятиях всей экономической политики, которые осуществляются в интересах основной массы крестьянских хозяйств. Колхозы должны разрешать все эти задачи при тех же возможностях в отношении землеобеспеченности, мероприятий экономической политики, ценовых предпосылок и др., какие даны и даются массовым крестьянским хозяйствам». [1]).

Вот она, теория самотека! Вот квинтэссенция чаяновско-челинцевской борьбы против коллективизации, находящаяся в полном соответствии с установками правого оппортунизма внутри партии. Никаких льгот колхозам, не форсировать коллективизацию, не бороться за колхозы, не оказывать им материальной, организационной и финансовой помощи, не руководить колхозами, предоставить дело коллективизации самотеку, — вот кулацкие лозунги Челинцева, прикрытые болтовней об интересах «основной массы» крестьянских хозяйств, об интересах бедняцко-середняцкого крестьянства. Налоговая политика, кредитная, снабжение машинами, строительство индустриальных установок в с. х., контрактации и т. д.—не должны выделять колхозов и создавать для них преимущества перед индивидуальным хозяйством. Челинцевы направляли все усилия к тому, чтобы выбить из рук пролетарского государства его могущественное оружие для социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Решающее условие победоносного социалистического переустройства—руководство пролетариатом, его материальную, организационную и финансовую поддержку новому общественному строю — вот что хотела свергнуть компания Кондратьевых, Чаяновых, Челинцевых, подогреваемая и оплодотворяемая (взаимно) правым уклоном!

Выступая против особой поддержки колхозов и руководства ими со стороны государства, Челинцев на тот случай, если государство, тем не менее, не послушается их и будет особо благоприятствовать колхозам, заготовили после XV с'езда впрок новую теорию.

Эта теория обосновывает политику насаждения колхозов простейшего типа, обосновывает борьбу против углубления процессов обобществления, борьбу против с.-х. артелей, как основной формы колхозного движения на данном этапе.

> «Процесс коллективизации должен мыслиться как процесс эволюционный[2]), выражающийся лишь в постепенном переходе простейших форм товариществ в земледельческие артели, земледельческих артелей в коммуны, а широкое колхозное строительство ближайших лет должно представляться в большей части в виде простейших коллективов и в меньшей степени земледельческих артелей и в особенности коммун. Эту перспективную уста-

---

[1]) А. Челинцев «О принципах строительства и производственных темпах колхозов», журнал «Пути сельского хозяйства» № 11, за 1928 г.

[2]) Ср. с бухаринским, тоже «эволюционным», врастанием крестьянских хозяйств вместе с кулаками в социализм. «Развитие к социализму идет эволюционным путем и не может итти иначе». (Бухарин)

> новку мы считаем необходимым подчеркнуть с особой силой тем более, что производственное и, как выше показано, профессиональное содержание коллективов (читай: не доказано, что колхозы жизненны; выше Челинцев говорит, что надо еще произвести «проверку самой идеи коллективизации сельского хозяйства и ее осуществимость»), а также пропорция земледельческого и внеземледельческого труда теорией еще не установлены» [1]).

Челинцев, если уж на то пошло, идет на уступки, с болью в сердце соглашается на коллективизацию, но он против того, чтобы сразу строить артели, он с особой силой против обобществления основных средств производства, он хочет повернуть на простейшие типы колхоза, задержаться на них. При этом он хочет, видите ли, «сэкономить» государственные средства: «в видах экономии средств государства, запроектированных на колхозное строительство... допущение более дешевых для государства видов колхозов простейшего типа, т.-е. с меньшей степенью обобществления».

Вот она, стратегия и тактика идеологов наиболее отсталых, наиболее консервативных слоев мелкой буржуазии, цепляющихся за мелкую собственность, пытающихся во что бы то ни стало задержать победный путь коллективизации, во что бы то ни стало повернуть в сторону от столбовой дороги социализма, задержать развитие на пройденных этапах, упорно сопротивляющихся «всякой новизне».

«За социалистическую революцию всерьез идет только пролетариат, а мелкая буржуазия идет к ней, колеблясь» (Ленин).

Челинцевщина в определенной степени, выражая это свойство мелкой буржуазии, отражает идеологию наиболее консервативных ее слоев, находящихся под прямым воздействием кулака и кулацкой идеологии, она отражает только собственническую, торговую часть души крестьянина. Челинцевы, мечтавшие об устойчивом развитии мелкого и мельчайшего хозяйства, сеявшие иллюзии о возможности сохранить мелкую собственность и противостоять капитализму, занимавшиеся в интересах буржуазии очковтирательством о том, что мелкое индивидуальное хозяйство может иметь «третий», не капиталистический и не социалистический путь развития, являются приводным ремнем буржуазии к массам крестьянства. Решающий поворот середняка к социализму разрушает мостик, связывающий идеологию мелкого буржуа с идеологией буржуазии, по которому ходили Чаяновы и Челинцевы от буржуазии к крестьянству и обратно и который они хотели использовать для подчинения крестьянства руководству буржуазии.

Если коллективизацию Чаяновы и Челинцевы на словах не отвергали, в то же время, ведя борьбу с пролетарским руководством коллективизацией, т.-е. с превращением ее в действительный путь крестьянства к социализму (ибо без руководства пролетариата коллективизация не сможет вести деревню к социализму, не может быть, следовательно, действительной коллективизацией), то строительство совхозов они отвергали начисто. Тот же Челинцев, например, приходил в ярость при установлении быстрых темпов развития совхозов и непримиримо боролся против ассигновок на организацию совхозов. В совхозах вся плеяда контрреволюционных аграрников, об'единившись под руководством Кондратьева, правильно усматривала ведущее звено социалистической реконструкции. В своей практической работе они занимались прямым вредительством, ведя линию на свертывание совхозов, всемерно задерживая отвод земель под совхозы и отпуск средств, стремясь к предоставлению совхозам худших земель и т. д. В своей «теоретической» работе эта публика стремилась представить совхозы как капиталистические предприятия, противостоящие «трудовому» крестьянству, они навязывали совхозам свойства, понятия, категории капиталистического производства; в то же время неонародники, как мы видели, вытравливали начисто товарно-капиталистические тенденции мелкого производства. Образчиком такой «теории» являются разговоры одного из профессоров, подобного всей этой плеяде антимарксистских аграрников-экономистов, — В. И. Рыкова. Разбив все с.-х. предприятия «по роду хозяйственного суб'екта» на две группы: «предпринимательские» и «трудовые», отнеся к разряду предпринимательских (или капиталистических) и помещичьи хозяйства, проф. В. И. Рыков в эту же группу заносит и совхозы:

---

[1]) А. Челинцев. «О принципах строительства и производственных темпах колхозов», журн. «Пути сельского хозяйства, № 11 за 1928 г.

> «Предпринимательских целей не чужды и советские хозяйства, поскольку они ведутся в условиях рынка на хозяйственном расчете, иначе говоря руководятся хозяйственным мотивом. Осложнение (!) их задач культурно-показательными мероприятиями не лишает их предпринимательских задач, вытекающих из общего строя хозяйства, связанного с применением наемного труда».
>
> «Поскольку они руководятся хозяйственным мотивом, пользуются наемной рабочей силой, они должны иметь те же цели получения чистого дохода как предпринимательские хозяйства. В издержках производства они должны оплатить расходы на вложенные капиталы и наемный труд, а в чистом доходе дать соответственную ренту и предпринимательскую прибыль» [1]).

Итак, наши совхозы и предпринимательские хозяйства, «широко распространенные на Западе», а также «частновладельческие хозяйства дореволюционной России» составляют один вид хозяйства! Эта реакционная дребедень, эта клевета на последовательно-социалистические предприятия в с. х. под разными соусами втолковывались учащейся молодежи с занимавшихся «учеными» реакционерами кафедр наших вузов, проникала в печатаемые и издаваемые (нередко под редакцией коммунистов!) труды и учебники, вбивалась в головы при разработке практических вопросов организации совхозов и т. д.

* * *

Мы переживаем период, когда развернутое социалистическое наступление по всему фронту ломает и опрокидывает все остатки буржуазных и мелкобуржуазных теорий.

Под ураганным огнем марксизма и ленинизма все последние остатки враждебной пролетариату идеологии будут выкорчеваны с корнем.

---

[1]) В. И. Рыков «Организация сельского хозяйства», стр. 12. (Подчеркнуто мной *И. В.*).

А. Павлов.

Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда *).

III. Организационные формы социалистического труда и социалистического соревнования.

б) Сквозные и рационализаторские бригады, плановые группы, общественный буксир.

За последнее время возник ряд новых видов ударных бригад, поднимающих социалистическое соревнование на более высокую ступень, как-то: сквозные бригады, общественный буксир, рационализаторские бригады, плановые группы. Все эти виды бригад возникают из ударных бригад, производственных коллективов и коммун, как из своей основы. Поэтому эти виды бригад в большинстве случаев являются не чем иным, как результатом развития и диференциации многосторонней работы ударных бригад. Но несмотря на это, каждый из указанных видов ударных бригад представляет большое самостоятельное значение, ибо они переходят к особым задачам, восходящим в известной степени за пределы простой ударной бригады.

Всем достаточно известна большая внутренняя неорганизованность наших предприятий, неслаженность работы отдельных их цехов. Созданием сквозной ударной бригады, охватывающей весь процесс производства того или иного изделия в целом, преодолевается, устраняется эта неорганизованность, неслаженность отдельных цехов.

Опыт сквозной ударной бригады на Ростовском Сельмашстрое и на ряде других заводов вполне себя оправдал. Эту форму следует развивать, особенно на крупных заводах с большим количеством разнообразных цехов. Но в основе таких сквозных бригад должны быть ударные бригады, которые об'единяются для выполнения определенного производственного задания.

«Общественный буксир» заслуживает особого внимания, как практическая форма товарищеской помощи «отставшим со стороны передовых с тем, чтобы добиться общего под'ема». (Сталин, разрядка моя. *А. П.).* Общественный буксир в настоящее время все больше распространяется и применяется не только между отдельными предприятиями, но и внутри предприятий—между отдельными бригадами. Посредством общественного буксира наиболее непосредственно достигается осуществление ленинского положения об обеспечении в соцсоревновании возможности «практического повторения опыта, проделанного в одной общине—другими общинами,—обеспечить возможность обмена теми материальными силами,—и человеческими силами,—которые проявили себя с наилучшей стороны в соответственной области народного хозяйства или государственного управления» (т. XXII, стр. 417).

---

*) Окончание. Начало см. в предыдущем номере „Большевика“.

Яркий пример помощи передовых отставшим, обмена лучшими человеческими силами был дан работниками шахты «Артем», взявшими на общественный буксир отставшую шахту имени Октябрьской революции (Донбасс). Лучшие ударники-артемовцы, рабочие и инженерно-технические работники были направлены на шахту им. Октябрьской революции, где они личной работой показали, как надо работать по-ударному, мобилизовали этим рабочих шахты им. Октябрьской революции, завоевали у них доверие и на этой основе добились в данной шахте перелома в сторону лучшей работы.

Общественный буксир как высшая форма социалистического соревнования имеет исключительное значение для товарищеской помощи отставшим со стороны передовых, чтобы достигнуть общего под'ема в социалистическом производстве. Непонимание этого значения общественного буксира является свидетельством непонимания самой сущности социалистического соревнования, правооппортунистическим его извращением, которому должен быть дан самый решительный отпор. Уже при самом возникновении общественного буксира на шахте им. Октябрьской революции наблюдалось вначале среди отдельных товарищей, преимущественно из работников местных организаций, враждебное отношение к товарищеской помощи—этой основе социалистического соревнования.

В дальнейшем, несмотря на то, что общественный буксир на ряде предприятий показал все свое исключительное значение, все же встречаются случаи противодействия развитию этой формы. Яркий пример такого противодействия показал Московский Тормозной завод, который был взят на общественный буксир по вызову газеты «Рабочая Москва» заводом «Амо» по разработке встречного промфинплана. На совместном совещании с амовцами предзавкома Тормозного завода тов. Кожин заявил, что «Тормозной завод носит звание ударно-коммунистического завода, что такого позора (!), как буксир, завод не допустит, что буксир заводу не нужен, и что если уж амовцы хотят взять его на буксир, то пусть берут по всем линиям и по всей работе! («Правда» от 4/IX—с. г.).

Приведенная тирада из кожинского выступления является образцом бюрократического раздражения, махровым комчванством, образцом словесного признания социалистического соревнования и оппортунистического торможения его на практике. Это особо ярко обнаруживается, если сопоставить это выступление с конечным результатом общественного буксира амовцев, который все же Тормозной завод принял. При помощи общественного буксира на Тормозном заводе произошел перелом по разработке встречного промфинплана, последний выявил повышение производственных возможностей завода, «все об'ективные причины пошли на смарку, все трудности оказались победимы и побеждены». («Правда»).

С развитием социалистического соревнования и ударничества возникли и новые формы участия широких рабочих масс в рационализации нашей промышленности, которые рационализаторскую работу рабочих масс поднимают на более высокую ступень. На Московском Электрозаводе весной текущего года, по инициативе рабочих-ударников, возникли рационализаторские бригады, преимущественно из ударных бригад, коллективов и коммун. Эти рационализаторские бригады создались в трех видах: 1) по изучению производства; 2) «рабочей смекалки»; 3) «целевых заданий». К каждой рационализаторской бригаде прикреплен инженер, под руководством которого бригада ведет свою работу.

Рационализаторская бригада по изучению производства занимается изучением производства, исходя из конкретных запросов и потребностей своей производственной работы. Это изучение поднимает техническую грамотность рабочих-бригадников. Самое ценное здесь заключается в том, что рабочий-бригадник получает знания непосредственно о том участке производства, где он работает. Таким образом, устанавливается непосредственная заинтересованность рабочего в повышении своей технической грамотности, ибо она непосредственно содействует повышению производительности труда и тем самым повышению заработной платы.

Бригады по «рабочей смекалке» занимаются учетом, изучением и разработкой производственного опыта рабочих в целях практического его использования для повышения производительности труда в бригаде. Тут опять-таки непосредственная связь рационализаторской работы с повседневными производственными потребностями самой бригады и каждого отдельного ее участника, вследствие чего получается заинтересованность в ней рабочих. Особое значение бригады по «рабочей смекалке» имеют для развития инициативы рабочих в области производственных предложений и изобретений и—в особенности—их практического осуществления.

Общеизвестно, как недостаточно используются рабочие предложения и рабочее изобретательство на наших фабриках и заводах. Так, на том же Электрозаводе по трансформаторскому цеху за 1-е полугодие 1929/30 г. поступило 685 рабочих предложений, из них отклонено 280 (41%). Главные причины отклонения—это низкая техническая грамотность рабочих—авторов предложений, и косность администрации, ее неверие в силы рабочих и боязнь ответственности за введение новшеств. Но и принятые уже администрацией предложения плохо выполняются. Так, на этом же заводе из принятых 378 предложений выполнено лишь 125 (33%), поэтому, вместо подсчитанной экономии от рабочих предложений в сумме 68.559 рублей, фактически получено 19.658 рублей (29%).

Бригада по «рабочей смекалке» в деле развития рабочих предложений имеет двоякое значение. Первое—она повышает техническую грамотность рабочих, чем ограничивается возможность отклонения рабочих предложений из-за «технической неграмотности», которой очень часто прикрывается косность администрации, и рабочие предложения получают авторитетную поддержку целого коллектива, проверяются на его опыте и поэтому являются технически более обоснованными. А во-вторых—за осуществление рабочих предложений ведет борьбу не только отдельный их автор, но целый действенный коллектив, который может легче разбить бюрократизм и косность. В пределах же своего коллектива рабочее предложение может быть проведено в жизнь и непосредственно.

Бригада по «целевым заданиям» имеет ту особенность, что она получает или сама устанавливает определенные целевые производственные задания, их изучает и разрабатывает, намечает практические пути выполнения этих заданий в производстве. Таким образом, здесь внимание бригады концентрируется на определенном производственном задании.

Решающее значение для успешного развертывания работы рационализаторских бригад имеет активная помощь им и руководство со стороны инженерно-технического персонала. Последний в лице рационализаторских бригад получает особо целесообразную форму для своего активного участия в социалистическом соревновании. Посредством рационализаторских бригад достигается фактическое об'единение большей производственной практики рабочих и научных знаний инженерно-технического персонала, достигается фактический наиболее тесный союз науки и труда, их взаимное обогащение.

Рационализаторская бригада заслуживает особого внимания и с точки зрения правильной организации технико-производственной пропаганды, которую не удалось до сих пор более или менее хорошо поставить, главным образом, вследствие ее сугубой абстрактности, оторванности от практических производственных запросов рабочих. В лице рационализаторских бригад технико-производственная пропаганда может получить прочную организационную базу, в которой повышение технических знаний непосредственно сочетается с повседневными практическими производственными запросами рабочих.

Общеизвестна неналаженность производственного планирования на многих наших фабриках и заводах. Эта неналаженность производственного планирования особо резко обнаружилась с развитием социалистического соревнования, с переходом широких рабочих масс к социалистическому методу труда. Для устранения этой неналаженности на некоторых заводах и фабриках возникли планово-оперативные группы рабочих, которые через существующие на заводе планирующие организации, активным участием в них добиваются улучшения в планировании производства.

Такой опыт по инициативе комсомольцев был проделан на «Красном Путиловце», и этот опыт дал вполне положительные результаты.

Этот опыт работы планово-оперативных групп заслуживает особого внимания в связи с развитием массового движения за встречный промфинплан. При помощи встречного промфинплана самая широкая рабочая масса активно участвует в выработке производственного плана своего завода. Но, само собой разумеется, успешное выполнение производственного плана, основанного на встречном промфинплане, который исходит из максимальных производственных возможностей, возможно лишь при четком оперативном планировании производства. Поэтому рабочие, создавшие встречный промфинплан, должны иметь постоянное наблюдение за оперативным планированием производства. Планово-оперативные группы могут здесь сыграть очень большую роль. Их развитию и работе необходимо уделить большее внимание.

С развитием работы сквозных бригад, планово-оперативных и рационализаторских бригад возникает необходимость увязки работы всех этих трех видов ударных бригад, так как работа каждого этого вида бригад тесно соприкасается между собой. Практическая форма такой связи была установлена на Московском Электрозаводе при проработке встречного промфинплана, в виде создания «комбината» из всех трех видов этих бригад. В результате такого «комбинирования» трех видов бригад было достигнуто сочетание вовлечения масс в планирование, в выявление узких мест производства и в борьбу за их преодоление путем рационализаторских мероприятий на основе прозводственных рабочих предложений и установления связи по производственной линии между цехами. Этот опыт должен быть изучен и в той или иной форме применен другими заводами.

В деле развития социалистического соревнования и ударничества, в деле создания крепкого и гибкого руководства им, в увязке работы отдельных видов ударных бригад особо велика и ответственна роль производственных совещаний, которые, по новому положению ВЦСПС (см. «Труд», от 1 VI—с. г.), должны быть организаторами и боевыми руководящими штабами социалистического соревнования. Основной, первичной ячейкой производственных совещаний на деле должны быть ударные бригады. В этом направлении необходимо ускорить перестройку производственных совещаний, которые только тогда справятся со своими новыми задачами, когда они на деле организуют постоянное руководство ударными брагадами, установят связь между различными их видами, организуют постоянную помощь одного вида ударных бригад другим.

Социалистическое соревнование пробудило широкую творческую инициативу рабочих масс. Возникают все новые и новые организационные формы, посредством которых рабочие массы осуществляют свое активное участие в социалистическом строительстве. В этом разнообразии организационных форм одно из условий успешного развития социалистического соревнования, его действенности. Бояться этого разнообразия может лишь бюрократ и правый уклонист. «Чем больше будет такого разнообразия—конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, — говорит Ленин, — тем вернее и тем быстрее будет обеспечено... осуществление социалистического хозяйства». (т. XXII, стр. 416, разрядка моя. *А. П.*).

Развитие многообразных форм социалистического соревнования в настоящее время идет по пути замены индивидуального соревнования коллективными формами соревнования. Признавая это направление развития организационных форм социалистического соревнования вполне прогрессивным, поднимающим социалистическое соревнование на более высокую ступень, — в то же время было бы крупнейшей политической ошибкой допускать игнорирование и забвение индивидуального соревнования. Еще очень значительная масса членов профсоюзов, рабочих и служащих вообще не втянута в социалистическое соревнование. Для втягивания в социалистическое соревнование этой части рабочих и служащих индивидуальное соревнование, как наиболее простая и доступная форма, имеет большое значение и должно быть развито в первую очередь.

Индивидуальное соревнование нельзя недооценивать еще и потому, что оно должно сохраняться и в высших коллективных формах социалистического соревнования, ибо коллективное соревнование не только не исключает, но, наоборот, требует индивидуального соревнования. Соревнование различного рода ударных бригад только тогда будет успешно, если внутри самих бригад хорошо поставлено индивидуальное соревнование. Точно так же социалистическое соревнование между цехами внутри предприятия, между отдельными предприятиями, об'явления отдельных цехов и целых предприятий ударными могут быть успешными лишь при условии охвата ударными бригадами основной массы рабочих внутри предприятий и хорошо поставленного внутри ударных бригад индивидуального соревнования. Кроме этого, индивидуальное соревнование сохраняет свое значение еще и потому, что часть рабочих и служащих, хотя и очень небольшая, по условиям и характеру своей работы не может быть охвачена коллективными формами соревнования.

IV. Борьба за социалистический труд и профсоюзы.

Борьба за социалистический труд, за социалистическую организацию труда является составной частью развернутого социалистического наступления по всему фронту, проводимого в настоящее время рабочим классом нашей страны под руководством коммунистической партии. На этом участке развернутого социалистического наступления особо важна и ответственна роль профсоюзов. «На профсоюзы, как на самые широкие массовые пролетарские организации в первую очередь ложится задача мобилизовать и организовать массы вокруг задач строительства социалистического общества, которое может быть создано и упрочено лишь усилиями миллионов трудящихся» (из резолюции о профсоюзах XVI с'езда партии, разрядка моя. *А. П.).*

Этой коренной задачи не понимало старое, правооппортунистическое руководство профсоюзов, которое с переходом к развернутой борьбе рабочих масс за социалистический труд пыталось затормозить и сорвать эту борьбу. Под руководством партии рабочие массы, вступив в борьбу за социалистический труд, изгнали правооппортунистическое руководство профсоюзов, как кулацко-капиталистическую агентуру, восставшую против развернутого социалистического наступления. Новое руководство профсоюзов, в первую очередь ВЦСПС, решительно встало на путь возглавления движения широких рабочих масс за социалистическую организацию труда и полную перестройку всей профсоюзной работы в соответствии с задачами этого движения.

XVI с'езд партии указал, что «основной базой перестройки профсоюзов является ударное движение». В этом направлении под руководством ВЦСПС перестраивают свою работу профсоюзные организации. Но эта перестройка далеко еще не закончена и проводится все еще недостаточными темпами. Особо недостаточно, и во многих случаях совсем отсутствует со стороны многих профсоюзных организаций, повседневное руководство различного рода ударными бригадами, особенно производственными коллективами и коммунами. Почти совершенно не налажен в профсоюзах учет социалистического соревнования и ударничества, его изучение, не поставлена, как следует, помощь ударникам, различного рода ударным бригадам.

Проводимая в настоящее время под руководством ЦК партии и ВЦСПС мобилизация широкой рабочей массы на ликвидацию хозяйственных прорывов истекшего года и подготовку выполнения хозяйственного плана 3-го года пятилетки обнаружила отставание, хвостизм многих профсоюзных организаций. Даже профсоюзы красной столицы, Москвы, проявили недопустимую неповоротливость и во многих случаях прямой оппортунизм и оппортунистическую растерянность, как это было установлено при массовой проверке ВЦСПС хода реализации обращения ЦК от 3/IX—с. г. на московских предприятиях (см. коллективный доклад президиума ВЦСПС, «Труд» от 18/IX, и постановление президиума ВЦСПС, «Правда» от 20/IX).

Эта неповоротливость, отставание от масс не случайны: профсоюзы еще не перестроились в полной мере, еще не имеют постоянного, изо дня в день руководства социалистическим соревнованием и ударничеством, борьбой передовой части рабочих за социалистический труд.

Социалистическая индустриализация и сплошная коллективизация сельского хозяйства по-новому ставят вопрос об организации труда как внутри предприятия, так и во всем народном хозяйстве. Социалистическое соревнование, ударничество,—это борьба широких рабочих масс за новую, социалистическую организацию труда. Профсоюзы должны быть во главе этой борьбы масс, руководя ими и мобилизуя их. Отставание, хвостизм, непонимание отдельными профсоюзами нового этапа борьбы за социалистический труд представляет худший вид правого оппортунизма.

Профсоюзы в данный момент должны добиться фактического руководства социалистическим соревнованием, ударничеством, на деле установить повседневную помощь ударникам, различного рода ударным бригадам, руководя и помогая им. Должен быть налажен учет и изучение всех новых социалистических форм организации труда, отбор из них лучших и перенесение этих лучших форм новой организации труда с одного предприятия на другое. Профсоюзы должны быть организаторами обмена опытом «обмена теми материальными силами,—и человеческими силами, которые проявили себя с наилучшей стороны в соответственной области народного хозяйства и государственного управления» (Ленин, т. XXII, стр. 417, разрядка моя. *А. П.).*

Профсоюзы должны быть во главе борьбы за новое, плановое распределение рабочей силы между отдельными предприятиями и отраслями хозяйства, беспощадно борясь с анархизмом, самотеком в этой области. Регулирование зарплаты является мощным рычагом планового распределения рабочей силы, поэтому ее политика должна быть увязана с новыми задачами распределения рабочей силы. Теория «самотека», правооппортунистическая теория, должна быть изгнана из практики союзов по регулированию зарплаты.

Подавляющая сознательная часть рабочих, рабочие-ударники, проявляют высокую социалистическую дисциплину труда, повышают производительность труда, изживают прогулы, борются за плановое распределение рабочей силы путем добровольного закрепления себя за определенными предприятием до конца пятилетки. Опираясь на ударника, на передовика-рабочего, профсоюзы должны открыть поход против рвачей и летунов, всех мелкобуржуазных элементов, имеющихся среди рабочих и срывающих пролетарскую социалистическую дисциплину труда.

В борьбе с ними, наряду с убеждением, должно применяться и принуждение сознательного большинства над несознательным меньшинством, ибо борьбу с мелкобуржуазными элементами, с мелкобуржуазной стихией «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением» (Ленин, т. XXII, стр. 460, разрядка моя. *А. П.*).

В частности, в борьбе с мелкобуржуазной анархичностью должны сыграть крупную роль производственно-товарищеские суды, которые составляются из ударников и имеют своей главной целью борьбу с теми, кто срывает социалистическую дисциплину труда. (См. «Положение о судах»—ВЦСПС. «Труд», 9/IX—30 г.). Работа этих судов должна быть широко развернута, в этом одна из важных задач профсоюзов, которые должны сами осознать и внедрить это сознание среди широких рабочих масс, что в руках рабочего класса—«суд есть орудие воспитания к дисциплине» (Ленин, т. XXII, стр. 460, разрядка автора).

V. Социалистическая организация труда и хозорганы.

Наряду с профсоюзами, хозяйственники и хозорганы должны стоять в первых рядах в борьбе рабочих масс за социалистический труд, ибо они являются непосредственными организаторами труда и производства. Между тем как-раз наибольший разрыв имеется между хозяйственными органами, административно-техническим аппаратом и новым социалистическим методом и социалистической организацией труда. До сих пор все еще очень многие из хозяйственников и из административно-технического персонала не поняли и не понимают, что социалистическое соревнование, ударничество, разного рода ударные бригады представляют развитие социалистического труда, борьбу за него широких рабочих масс. Поэтому до сих пор не на всех предприятиях и не в достаточной мере социалистическое соревнование и ударничество положено в основу постоянного административно-технического управления.

Даже более того, со стороны некоторых хозяйственников и техников-администраторов нередко можно услышать такую постановку вопроса: «соцсоревнованием и ударничеством не занимаемся потому, что все силы отдаем выполнению промфинплана, ликвидации прорывов в нем». Такая постановка вопроса свидетельствует как о полном непонимании сущности социалистического соревнования и ударничества как социалистического метода труда, так и о правооппортунистическом отрыве и противопоставлении наших хозяйственных планов социалистического строительства социалистическим методам их выполнения. В этом обнаруживается правооппортунистическое делячество, по сути дела, срывающее социалистическое строительство. Ведь теперь достаточно ясно доказано и показано на многих тысячах примеров, что социалистические хозяйственные планы с их высокими темпами могут быть разрешены лишь только социалистическими методами и социалистической организацией труда.

Неумение некоторых хозяйственников и техников-администраторов включить социалистическое соревнование и ударничество в систему административно-технического управления предприятия, соответственно перестроить последнюю, очень часто приводят к тому, что планирование производства и снабжения предприятия отрывается от темпов работы соревнующихся рабочих. Вследствие этого «неожиданно» исчерпываются запасы материалов, необходимые для производства, создаются якобы «об'ективные» препятствия, из-за которых срывается выполнение промфинплана.

Что социалистическое соревнование, ударничество все еще не включено в систему административно-технического управления предприятием подтверждается тем, что промфинплан не доведен еще до большинства ударных бригад, тем, что до сих пор не поставлен, как следует, учет их работ. Недоведение промфинплана до ударных бригад, отсутствие учета их работы является наиболее ярким показателем того, как велик в настоящее время разрыв между административно-техническим аппаратом фабрик и заводов и новыми социалистическими методами и организацией труда, показателем того, что оперативно-производственное управление предприятиями еще не перестроилось в соответствии с новой организацией труда.

По данным госплановского обследования (с 20/IV по 20/V), охватившего почти 27.000 бригад, промфинплан доведен лишь до 11.303 бригад, т.-е. 42%; конкретные производственные задания от заводоуправления имеют еще меньшее количество бригад—10.474, т.-е. 39%. Учет работы поставлен еще в меньшем количестве бригад. Так, показатели по выработке, по заданиям заводоуправления имеются у 27% бригад, по обязательствам, принятым бригадами по договорам, в еще меньшем количестве бригад—у 22%. У металлистов: особенно небольшое количество бригад имеет учет: 15%—по заданиям заводоуправлений, 8%—по договорным обязательствам.

Без учета работы не может быть сравнения работы одного с работой другого, а без такого сравнения не может быть действительного соревнования. Ленин, говоря об организации соревнования, считал обязательным его условием «сравнимость результатов движения к социализму в одной и другой коммуне государства» (т. XXII, стр. 417). Там, где нет учета, соревнование превращается в пустышку, в игру в соревнование. Там, где нет учета, срывается, не используется трудовой под'ем широких рабочих масс, он не закрепляется и не направляется на разрешение задач социалистического строительства. В этой области и по сей день еще нет решительного перелома, но он должен быть сделан во что бы то ни стало и в кратчайший срок.

Массовое социалистическое соревнование, переход широких рабочих масс к социалистическому методу труда, выявило чрезвычайно много недостатков в организации наших фабрик и заводов. С особой резкостью социалистическое соревнование обнаружило то, что у нас до сих пор нет учета труда на предприятиях. Именно поэтому до сих пор не поставлен учет соцсоревнования, учет работы ударных бригад. На подавляющей массе наших фабрик и заводов учет ведется по количеству выпускаемой продукции в ее ценностном выражении. При чем этот учет ведется по-месячно и по-годно по предприятию в целом, но не по отдельному рабочему, даже не по цехам. Показателями выработки на отдельного рабочего, или рабочий день, который обычно принимается за показатель производительности труда, являются показателями статистически-исчисленными, а не фактическим учетом труда отдельного рабочего. Даже при сдельных работах на многих фабриках нет учета фактической выработки рабочего.

Существующая система учета труда—вернее ее отсутствие—должна быть резко изменена. Учет производительности труда в ценностном выражении, по отзыву многих заводских работников, почти совершенно не пригоден для оперативных действий по производству, ибо он не достигает отдельного рабочего. Предприятия ведут его, главным образом, для «потребностей» вне завода, для всякого рода отчетов перед многими центральными организациями, для их «сводных отчетов». Ценностный метод учета производительности труда может быть еще достаточно эффективен для капиталистического предприятия, так как в нем производительность труда в конечном счете определяется той прибылью, которую получает капиталист. В нашей промышленности, вследствие изменения ее социальной природы, прибыль уже не является и не может являться критерием производительности труда. Метод учета в нашей промышленности должен быть разработан в соответствии с ее социалистической природой. Вероятнее всего, у нас наиболее правильным будет учет труда в единицах времени. Этот вопрос требует самого быстрого разрешения, ибо от него во многом зависит эффективность социалистического соревнования.

Массовый переход к социалистическим методам и формам организации труда в значительной степени по-новому ставит вопрос об административно-техническом аппарате наших предприятий, в особенности о его низовых цеховых звеньях. Особо остро поставлен этот вопрос там, где широко развилась бригадная организация рабочих, как первичная ячейка организации труда в предприятии.

Обычно бригада выделяет из своей среды, по согласованию и утверждению соответствующими организациями, бригадира для постоянного производственно-технического руководства. Он обычно распределяет среди бригады работу, следит за ее выполнением, сдает ее, заботится о снабжении бригады материалами и инструментами. Таким образом, все связи администрации с рабочими бригады осуществляются через бригадира, который является фактически первичным администратором.

Поскольку бригадир становится первичным администратором в цеху, в бригаде, то возникает вопрос о роли старого цехового мастера—с одной стороны; с другой—как практически сочетать при такой организации административного аппарата принцип единоначалия? Ведь бригадир ударной бригады является ее членом, участником и, как таковой, в большей степени зависит от бригады. В ряде уставов производственных ударных коммун «высшим органом ударной бригады-коммуны» считается «общее собрание членов бригады-коммуны» (из устава бригады-коммуны имени XVI с'езда, на Московском Электрозаводе).

Решение этого вопроса нужно искать в воспитании нового типа низового администратора-общественника, соответствующего социалистической организации труда на наших фабриках и заводах, такого администратора, который бы сочетал в своем лице политическую грамотность, умение руководить массой с необходимыми техническими знаниями. Сама ударная бригада создает такой тип людей. Обычно на роль бригадира в ударной бригаде выдвигается такой рабочий, который политически развит, умеет руководить рабочей общественностью и в то же время—хороший производственник, технически грамотен. Этот кадр людей и должен явиться тем кадром, из которого, в первую очередь, должен укомплектовываться наш низовой административно-технический аппарат.

При соответствующем подборе низового административно-технического персонала легче будет решаться задача твердого, четкого и последовательного проведения принципа единоначалия, который еще до сих пор полностью не осуществлен.

Значительная часть низовых администраторов, воспитанная в старых капиталистических предприятиях, в которых администратор, в первую очередь, является уполномоченным капиталиста, как эксплоататора, до сих пор не может подняться до уровня задач организатора социалистического труда, а в некоторых случаях является прямым тормозом, срывающим борьбу за него рабочих масс. Поэтому, проведение единоначалия на наших предприятиях часто тормозится нежеланием, а в некоторых случаях и вредительским сопротивлением части старых администраторов, которые не хотят нести личную ответственность за социалистическое производство, за его управление.

Социалистическая организация труда, основанная на широкой самодеятельности и творчестве масс, не только не исключает, но, наоборот, на данном этапе нашего развития предполагает единоначалие, как обязательное условие ее успешного развития. ЦК нашей партии и XVI с'езд четко установили, «что разрешение поставленных перед промышленностью проблем требует скорейшего окончания реорганизации системы управления промышленностью... обеспечения системы единоначалия во всех звеньях промышленности». (Из резолюции XVI с'езда).

Только при последовательном проведении единоначалия будет возможно полностью использовать творческий трудовой под'ем рабочих масс для социалистичесокго хозяйства. Ленин неоднократно развивал ту мысль, что наша революция «и именно в интересах социализма требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса», ...«требует согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, во время работы». (т. XXII, стр. 462, 463. Разрядка автора).

ЦК партии в своем обращении от 3/IX указывает, что «главным и решающим недостатком в хозяйственной работе остается неумение организовать и стать во главе бурно растущей активности рабочего класса». Только при системе единоначалия, сочетающей единое руководство с активностью широких рабочих масс, социалистическое соревнование, трудовой под'ем рабочих масс даст наибольшие результаты в социалистическом строительстве.

VI. Социалистическое соревнование и коммунисты.

Ударные бригады и ударники, как это указал XVI с'езд партии, являются передовыми шеренгами борцов за строительство социализма. Среди них первыми должны быть коммунисты и комсомольцы. ЦК партии еще в апреле месяце дал директиву—«прежде всего обеспечить поголовное участие коммунистов и комсомольцев в ударных бригадах» (постановление от 29/IV—30 г.). Эта директива партии все еще не выполнена. Коммунисты и комсомольцы не только еще не участвуют поголовно, но еще не заняли руководящего положения в ударных бригадах. По этому вопросу цифровые данные имеются только за май, но едва ли они особо резко изменились в последующий период. По данным госпланового обследования в мае, охватившем 898.161 рабочих, в том числе 130.899 коммунистов (членов и кандидатов) и 98.251 комсомольцев, в ударных бригадах участвуют из этого общего количества коммунистов—50,4%, из комсомольцев—43,1%, из беспартийных—48%.

Таким образом, коммунисты не все, не поголовно, а лишь наполовину (а комсомольцы меньше чем наполовину) участвуют в ударных бригадах. Для более полной иллюстрации интересно сопоставить прослойку коммунистов и комсомольцев среди всех рабочих и среди бригадников. Среди всех рабочих по обследованным предприятиям насчитывается 14,5% коммунистов, среди ударных бригад—15,35%. Комсомольцев соответственно—10,5% и 9,8%, т.-е. удельный вес (количественный) комсомольцев среди ударников-бригадников меньше, чем среди всех рабочих. Удельный вес (количественный) коммунистов среди ударников-бригадников очень не намного, всего на 0,8% больше, чем среди всех рабочих.

ЦК партии в своем обращении от 3/IX резко подчеркнул, что партийные и комсомольские организации, как и хозяйственные и профессиональные, «несмотря на гигантский размах социалистического соревнования и ударничества... нередко отстают в этом деле, а порой оппортунистически плетутся в хвосте пролетарского актива (например, Сормово и др.)», и призвал «направить все силы партийных, комсомольских организаций, профсоюзов и хозорганов на развитие дела социалистического соревнования и ударничества».

На основе обращения ЦК в настоящее время происходит мобилизация всех сил рабочего класса для выполнения высоких производственных заданий особого квартала и подготовка соответствующих условий для выполнения гигантской хозяйственной программы 3-го года пятилетки. В этот момент, когда широкая рабочая масса по призыву ЦК сплоченными рядами начала штурм за выполнение хозяйственного плана, долг и обязанность всех коммунистов и комсомольцев выполнить директиву ЦК — стать поголовно в ряды ударных бригад, в эти передовые шеренги на хозяйственном фронте социализма.

Наша партия возглавляет и руководит развернутым социалистическим наступлением, борьбой широких рабочих масс за социалистический труд. Обязанность каждого коммуниста и комсомольца на каждом предприятии и учреждении—не на словах, а на деле, осуществлять это руководство каждодневно, находясь в рядах ударников, ударных бригад. Социалистическая организация труда является сейчас решающим фактором в деле социалистического строительства. Тот коммунист и комсомолец, который не участвует в социалистическом соревновании и ударничестве, фактически не участвует в борьбе партии и рабочего класса за высокие темпы выполнения гигантской хозяйственной программы социалистического строительства, поэтому является худшим видом правого оппортуниста. «Признание на словах генеральной линии партии и непринятие на деле самых решительных и своевременных мер по мобилизации рабочего класса для выполнения этой хозяйственной программы недостойно большевика и представляет собой худший вид правого оппортунизма на практике» (обращение ЦК от 3/IX. Разрядка моя. *А. П.*). Этот «худший вид» правого оппортунизма на практике должен встретить сокрушительный удар со стороны партийных организаций, которые должны добиться фактического поголовного участия коммунистов и комсомольцев в ударничестве, в ударных бригадах.

VII. Борьба за социалистическую организацию труда и материальное положение рабочего класса.

Массовое развертывание социалистического соревнования, развитие и укрепление социалистического метода и социалистической организации труда неразрывно связаны, даже более того,—являются непременным условием улучшения материального положения рабочих масс. В нашей социалистической промышленности улучшение материального положения рабочих непосредственно связано с поднятием производительности труда. Социалистическое соревнование и ударничество во всех его видах и формах является могучим средством поднятия производительности труда, следовательно, оно является главным средством улучшения материального положения рабочих.

Эту связь между социалистическим соревнованием и ударничеством, с одной стороны, и улучшением материального положения рабочих—с другой, необходимо так осуществить, чтобы она была понятна и видна каждому рабочему каждый день и час. В данный момент для осуществления этой связи решающее значение имеет организация рабочего снабжения, тесная увязка его с производственными достижениями рабочего. В организации рабочего снабжения, во всей работе потребительской кооперации должно быть практически осуществлено положение Ленина о связи ударности в производстве с ударностью в потреблении.

Этого не понимают еще многие наши снабженческие организации, в особенности потребительская кооперация. В этой связи крайне необходимо напомнить высказывание Ленина по данному вопросу. Герой «левой» фразы, перекочевавший в настоящее время в лагерь контрреволюции, Троцкий, во время дискуссии о профсоюзах выставил положение, что «в области потребления, т.-е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности, в области производства принцип ударности еще надолго останется для нас решающим». На это Ленин ответил: «Неверно. И в потреблении ударность и в производстве». (Ленинский сборник, VI, стр. 347, подчеркнуто автором).

Это указание Ленина о связи ударности и в производстве и в потреблении особо необходимо провести в жизнь в настоящее время, когда мы имеем, с одной стороны, гигантский размах социалистического строительства на основе социалистического соревнования и ударничества широких рабочих масс, с другой,—временные продовольственные затруднения.

В данный момент более, чем когда-либо, необходимо развернуть работу профсоюзов по организации рабочего снабжения, по активному участию в работе кооперации, добиваясь тем самым на деле сохранения и повышения уровня реальной зарплаты. В деле снабжения рабочих, увязки его с производственной работой рабочих особо важное значение имеют закрытые распределители. Посредством их можно практически сочетать ударность в производстве с ударностью в потреблении. На некоторых заводах Урала такой опыт проделан, лучшие ударники через закрытые распределители получают право на усиленное снабжение.

Сейчас развертывается кампания по перезаключению коллективных договоров, которая является и на деле должна явиться составной частью общей борьбы за выполнение 3-го года пятилетки. В новые коллективные договоры намечается включить пункт о рабочем снабжении, о столовых и т. п. Это предложение должно быть проведено в жизнь, и снабжение рабочих должно быть связано с их производственной работой. Этим самым еще в большей степени будет достигнута двухсторонность коллективных договоров. Лучшая работа предприятия должна подкрепляться лучшим снабжением рабочих.

Существенное значение на данном этапе в деле развития борьбы за социалистический труд имеют всякого рода поощрительные системы зарплаты, всякого рода поощрительные премии. Между тем, несмотря на категорические директивы партии и правительства, до сих пор все еще очень плохо поставлено премирование лучших ударников, лучших ударных заводов, рабочих предложений и рабочего изобретательства. Отпускаемые для этого дела средства во многх случаях не полностью, к тому же иногда и плохо используются. В деле премирования должен быть достигнут решительный перелом и не только в денежном, но и в развитии натурального премирования, премирования посылкой в дома отдыха, на курорты, санатории, в различного рода производственные командировки как внутренние, так и заграничные и т. п. Материальные и культурные ресурсы пролетарского государства должны быть, в первую очередь, использованы для борьбы за социалистическую производительность, организацию и дисциплину труда.

Борьба за социалистический труд является особым, очень важным участком общего фронта развернутого социалистического наступления. С выкорчевыванием корней капитализма в нашей стране полностью уничтожается старый капиталистический источник трудовой дисциплины, основанный для рабочего на миражах частного накопления и вполне реального капиталистического голода, на так называемом экономическом принуждении. С форсированным, быстрым ростом социалистического сектора хозяйства все острее и актуальней становится проблема создания нового источника дисциплины труда, более высокой, чем при капитализме, обеспечивающей более высокую производительность труда, чем при капитализме.

Борьба за новый источник трудовой дисциплины, за социалистический труд, является одной из форм острой классовой борьбы, в которой, с одной стороны, ожесточается сопротивление гибнущих капиталистических элементов, с другой — и это имеет решающее значение — растут силы рабочего класса, его сплоченность, мощь и активность. Не видеть или отрицать это может только правый оппортунист, порывающий с ленинизмом, не понимающий того закона победоносной пролетарской революции, что «сила революции, сила натиска, энергия, решимость, и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии» (Ленин, т. XXV, стр. 99. Разрядка моя. *А. П.)*.

Победа нашей революции гигантская, «мы уже вступили в период социализма» (Сталин), хотя классовая борьба еще не прекращается, поскольку нет еще завершенного построения социализма в нашей стране. Напротив, в данный момент именно потому, что наша революция имеет гигантские победы, именно потому, что в настоящее время происходит прямое и развернутое социалистическое наступление, — классовая борьба ожесточается. Выйти победителем из этой борьбы рабочий класс может лишь путем дальнейшего развертывания и усиления социалистического наступления. Это понимают основные массы рабочего класса, которые под руководством нашей партии усиливают свою борьбу за социалистический труд, более высокий по дисциплине и производительности, чем рабский капиталистический труд.

Важнейшей задачей хозорганов, профсоюзов и в особенности Наркомтруда, который при правооппортунистическом углановском руководстве плелся в хвосте новых задач, является — возглавить это движение широких рабочих масс за социалистический труд. Но, чтобы возглавить это движение, хозорганы, профсоюзы и НКТ должны отдать себе ясный отчет в том, что в данный момент совершенно по-новому поставлена проблема организации труда как внутри предприятия, так и во всем нашем народном хозяйстве. Главное в этой новой постановке проблемы организации труда состоит в том, что в связи с ростом социалистического сектора хозяйства, с быстрой социалистической переделкой сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации, все в большей степени сокращается и уничтожается рыночная, стихийная форма подготовки и распределения рабочей силы. Социалистическая, плановая организация производства, которая в настоящее время захватывает уже значительную часть и сельского хозяйства, требует плановой подготовки и планового распределения рабочей силы.

В связи с новой постановкой вопроса об организации труда необходимо избежать той неразберихи, которая у нас была очень широко распространена в вопросе о безработных, когда профсоюзы и НКТ насчитывали сотнями тысяч безработных и в то же время не могли удовлетворить требования на рабочую силу. Эта неразбериха в вопросе безработицы, в первую очередь, порождалась неправильным пониманием самой сущности безработицы, когда ее выводили из так называемого аграрного перенаселения и даже из высокого естественного роста населения, а не из способа производства, скатываясь тем самым на позиции мальтузианства в этом вопросе.

Последние годы практически доказали всю несостоятельность такого рода «определения» нашей безработицы, которая у нас сохранялась лишь как пережиток капитализма и лишь в меру сохранения его элементов и почвы, питающей его. С укреплением социалистической организации производства в нашем хозяйстве, с форсированным развитием социалистической индустриализации и социалистической переделки сельского хозяйства, с ликвидацией на этой основе кулачества как класса, следовательно с ликвидацией наибольшей части хозяйств капиталистического типа безработица начала быстро изживаться и в настоящее время фактически ликвидирована.

Но было бы еще более вредной «неразберихой», если бы из факта ликвидации безработицы стали строиться «теории» об абсолютном недостатке рабочей силы в нашем хозяйстве .Такая теория была бы не чем иным, как правооппортунистической теорией «об'ективных причин», политический смысл которой только один—тормозить развитие социалистического хозяйства. Изжитие безработицы является крупнейшим нашим достижением на фронте социалистического строительства, и ни в коем случае не может быть «аргументом» в доказательство абсолютной нехватки рабочей силы для дальнейшего развертывания и расширения об'ема нашего социалистического производства. Изжитие безработицы требует лишь одного — решительного и в массовом масштабе перехода к плановой подготовке и к плановому распределению рабочей силы.

Наша страна наряду с колоссальными природными богатствами обладает исключительно большими массами живого труда. Вся задача заключается лишь в том, чтобы эту массу труда рационально организовать, правильно распределить между отраслями хозяйства. Задача планирования в этой области приобретает сейчас исключительное значение. Каждой экономической общественной формации присущи свои пропорции в распределении труда между отраслями хозяйства, но в конечном счете это распределение обусловлено тем или иным уровнем производительных сил.

В настоящее время у нас происходит бурный рост производительных сил, под'ем их уровня. В особенности резко меняется уровень производительных сил в нашей стране в связи с ее превращением из страны аграрной в страну индустриальную и с коллективизацией сельского хозяйства, на основе которой в сельском хозяйстве достигается более высокий уровень производительных сил, чем даже в наиболее развитом капиталистическом сельском хозяйстве.

Изменение уровня производительных сил нашего хозяйства на основе его социалистического развития требует иного распределения труда между отраслями нашего хозяйства. При капитализме такое перераспределение труда происходит стихийно, путем перелива капитала из отрасли в отрасль в погоне за получением каждым капиталистом равной прибыли с другим капиталистом. У нас, при социалистической организации производства, это может произойти лишь путем планирования всей массы труда нашей страны.

В это планирование, в первую очередь, должны быть включены колхозы, которые имеют колоссальные резервы рабочей силы, которые (резервы) не только не будут уменьшаться в ближайшее время, но будут даже увеличиваться в связи с изменением техники сельскохозяйственного производства, поднятием ее на более высокую ступень. Общеизвестно, что в нашей стране до 80% трудящихся заняты сельским хозяйством, и такая масса населения занята сельским хозяйством только благодаря его отсталой, первобытной технике. С переводом сельского хозяйства на высшую технику, а этот перевод сейчас в связи с коллективизацией происходит самым быстрым темпом, многие миллионы рабочих рук будут высвобождены из сельского хозяйства и вся задача заключается лишь в том, чтобы подготовить их, обучить их для других видов труда и правильно распределить между другими отраслями производства.

Наряду с колоссальной массой труда, которая может быть высвобождена и будет высвобождена из сельского хозяйства, исключительно большие массы труда, как мы писали выше, могут быть высвобождены из домашнего хозяйства по мере его превращения из частного хозяйства в общественное. Кроме того и имеющаяся уже в нашем промышленном производстве рабочая сила далеко еще не в полной мере использована. Каждое предприятие и учреждение и по рабочей силе имеет колоссальные внутренние резервы, которые должны быть, в первую очередь, выявлены и рационально использованы.

В нашей стране рабочая сила не может быть непреодолимым «узким местом», если только хозяйственные и профсоюзные организации, НКТ и плановые учреждения решительно перейдут к социалистической организации труда в каждом отдельном предприятии и учреждении и во всем народном хозяйстве. Мощное движение рабочих масс за социалистический труд обеспечивает успешное разрешение этой задачи.

Последнее обращение ЦК—о ликвидации хозяйственных прорывов истекшего года и подготовке 3-го года пятилетки—встретило мощный отклик и поддержку миллионных масс рабочих. Уже поднимаются все новые и новые массы рабочих на активную борьбу за высокие темпы социалистического строительства. Этот под'ем масс должен быть использован для проверки социалистического соревнования, для изжития лжеударничества, для дальнейшего развития, укрепления и поднятия социалистического соревнования и социалистической организации труда на высшую ступень. Все партийные и комсомольские организации, профсоюзы и хозорганы должны на деле полностью овладеть руководством социалистическим соревнованием и ударничеством, на деле обеспечить им помощь и поддержку. Большевистское руководство и мощный трудовой под'ем широких рабочих масс—вот залог полной победы социалистического труда.

Л. Мадьяр.

Советы в Китае.

«Нашей цивилизации угрожает величайшая опасность. На юге Китая восстали миллионы крестьян. Крестьянские восстания уже имели место не раз в истории Китая. Однако, в настоящее время восставшие крестьяне возглавляются большевиками. В этом грозящая нашей цивилизации величайшая опасность».—Так оценивает положение в Китае видный английский публицист Бердт на страницах весьма респектабельного консервативного журнала «Эшиэтик Ревью». Крестьяне не раз уже восставали в Китае против помещика, ростовщика, джентри, жадного купца, против налогов, голода, против нужды и нищеты. Крестьянские восстания уничтожили господство династий Хан, Тан, Сун, Мин. Иностранные войска уже потопили в крови восставших ряд крестьянских восстаний. Только интервенция победила восстание тайпингов, только империалисты могли подавить восстание боксеров, только с помощью империалистов Гоминдан мог задушить крестьянскую революцию в Хунани, Хубее, Гуандуне в 1925—27 гг. Но теперь крестьянство возглавляется большевиками. Английский консерватор потому считает, что «цивилизация» в опасности. И на самом деле, поскольку эта «цивилизация» представлена империалистическим гнетом, колониальным грабежом, помещиком, ростовщиком, милитаристом, собирателем податей, джентри, поскольку эта цивилизация обозначает вымирание миллионов, разорение, рабские условия труда, генеральские войны, голодную смерть, — то она, эта «цивилизация», в опасности.

«На юге Китая возникли новые бандитские армии. Они уничтожают помещиков, а имущество богачей передают беднякам. Они конфискуют землю и передают ее крестьянам. Бороться против этих бандитских армий чрезвычайно трудно, ибо им помогают крестьяне. И, когда армии Нанкина превосходными силами наступают, солдаты этих армий часто превращаются в мирных крестьян и, спрятав оружие, выжидают, когда подымется снова красное знамя. Нельзя сказать, что народ считает этих бандитов своими врагами. Помещики и богачи боятся их, но беднота их поддерживает. Эти бандитские армии выросли в грозную силу»,—так рассуждает японский «либеральный» деятель Вашио.

В английской палате общин один из лидеров либералов, знаменитый председатель Королевской Комиссии по угольному вопросу, бывший губернатор Палестины, Герберт Сэмюэль поставил уже вопрос об интервенции.

«Я сказал уже в начале своей речи, что наши затруднения возникли в значительной мере вследствие дезорганизации далеких рынков. Я имею в виду Индию, Китай и Россию. Индийский рынок закрыт отчасти вследствие повышения пошлин, отчасти вследствие бойкота наших товаров. Вот главные причины печального положения текстильной промышленности в Ланкашире. Что же касается Китая, я полагаю, что наше министерство иностранных дел должно что-нибудь предпринять в интересах британской и, пожалуй, в интересах мировой торговли на Дальнем Востоке и в Китае. Надо положить конец беспорядкам, войнам, почти полной анархии, которые господствуют в этой стране уже в течение нескольких лет. Может ли весь мир спокойно смотреть, как прозябает в судорогах гибели столь значительная часть человечества? Я не предлагаю интервенцию вообще. Я предлагаю интервенцию только по приглашению китайского правительства, и я имею основание утверждать, что китайское правительство обсуждает этот вопрос. Если китайское правительство пригласило бы Лигу Наций и Соединенные Штаты притти на помощь, то правительства, представленные в Лиге Наций, охотно пошли бы навстречу подобному предложению». Достопочтенный сэр Сэмюэль не желает интервенции насильственной, интервенции непрошенной. Но если китайское правительство, т.-е. Нанкин или Бэйпын или другая клика китайских милитаристов пожелает, то надо организовать интервенцию по просьбе «китайского правительства». Само собою разумеется, что бесстыдно-откровенное выступление за вооруженную интервенцию, за подавление революции, за дальнейшее закабаление страны прикрывается ханжеским вздыханием о страданиях китайского народа.

Надо отдать справедливость американским империалистам в том, что они откровенно высказывают то, о чем другие империалисты только думают. В Виллиэмстоуне, в Институте Политики, в этом просвещенном очаге американской буржуазной общественной мысли, выступил бывший торговый представитель САСШ в Китае, бывший начальник дальневосточного отдела министерства торговли, Чарль Башельдер со следующим цинично откровенным заявлением:

«Иностранная интервенция может стать в ближайшее же время необходимой в Китае. Все более усиливается убеждение, что необходимо интервенировать по соображениям гуманности. 200.000 иностранных войск с помощью хороших туземных китайских войск могли бы восстановить порядок во всей стране. Я полагаю, что расходы по подобному предприятию не превысили бы 500.000.000 американских долларов. А эту сумму можно было бы достать в виде займа под обеспечение доходов таможни и соляной монополии».

Интервенция и здесь предлагается по соображениям гуманности, но зато прилагается сейчас же бухгалтерский расчет. 200.000 иностранных войск, хорошие туземные войска, 500 млн. американских долларов под обеспечение Морской Таможни и соляных доходов—все высчитано с точностью, достойной американского бизнесмэна. Другой американский публицист Рандольф Джильберт уже раньше подсчитал, сколько жизней стоила бы такая интервенция.

«Подавление тайпингского восстания стоило жизни двадцати миллионов китайцев. Подавление боксерского восстания стоило жизни одного миллиона китайцев. А подавление теперешней революции будет стоить жизни пятнадцати миллионов китайцев».

Расчет получается сверхестественно простой. 500 млн. американских долларов, 200.000 иностранных войск, 15 млн. убитых китайских рабочих и крестьян, но зато для стабилизации капитализма будет отвоеван крупнейший потенциальный рынок, богатые источники сырья, прекрасные возможности для приложения капиталов с колониальной сверхприбылью. Расчет настолько прост и вразумителен, что международный финансовый капитал принимает всяческие меры к его реализации. Германия отправляет делегацию из виднейших промышленников для изучения китайского рынка. Сенат САСШ назначил специальную комиссию во главе с Питманном для изучения возможности восстановления и расширения китайского рынка. «Рабочее» правительство его величества короля Великобритании и доминионов за морем отправляет специальную комиссию для изучения китайского вопроса, член «рабочей» партии, министр торговли Грахам меланхолически констатирует, что в Китае, Индии, СССР проживает 900 млн. человек и если можно было бы заполучить эти рынки, то не было бы ни кризиса, ни безработицы. Путь для этих комиссий уже пытаются расчистить. Под Чаньшой, при Ханькоу, в долине Ян-Цзы-Цзяна и Сяна иностранные военные суда уже обстреливают части китайской рабоче-крестьянской Красной армии. Американские, английские, японские, французские, итальянские крейсеры и канонерки уже начали войну против китайских советов. Японские сухопутные войска уже сражались с Красной армией китайских советов при Иочжоу и отбили от нее два раза промышленный город Да-Е. Французские войска и аэропланы уже боролись против советов на юге Гуаньси и отвоевали временно Лунчжоу. Когда Красная армия заняла Чаньшу, она натолкнулась на американские штыки. А после взятия Чаньши международный империализм сконцентрировал в Ханькоу морские и сухопутные силы, равноценные десяти европейским дивизиям. В сердцевине пролетарского Китая, в Шанхае сконцентрировано больше 50 военных судов и тысячи и тысячи войск и полицейских.

Крушение надежд империалистов на стабилизацию в Китае отнюдь не сняло вопроса о попытках империализма еще более подчинить себе Китай. Империализм вовсе не отказался от борьбы за китайскую колонию. Наоборот.

Империалисты готовят расправу над рабоче-крестьянской революцией в Китае. Ибо после поражения в 1927 г. китайская революция не умерла и победоносно развевает красное знамя советов. И рабоче-крестьянская революция в Китае разбивает самые точные, бухгалтерские, расчеты империалистов.

Кризис и новый революционный под‘ем.

Китайскую революцию хоронил после ее поражения в 1927 г. буржуазно-помещичий Гоминдан. Китайскую революцию хоронили империалисты. Китайскую революцию хоронил Троцкий, предсказавший длительную стабилизацию гоминдановской власти. Китайскую революцию хоронил Чен Дю-сю и вместе с ним правые ренегаты коммунизма. И после всех этих предсказаний мы видим новый под'ем китайской революции, ибо империализм и китайская контрреволюция не могли по-своему, по-контрреволюционному разрешить проблемы, вызвавшие революцию.

Революция поставила вопрос о свержении империализма. Контрреволюционный Гоминдан противопоставлял этой программе свою: капитуляция перед империализмом, на почве совместного подавления революции новое соглашение с империализмом, привлечение иностранного капитала, ускорение промышленного развития ценой дальнейшего закабаления страны иностранному капиталу. Эти планы рухнули. Империализм предоставлял контрреволюционному Гоминдану лишь крошечную мзду. Иностранный капитал не осмеливался устремиться в Китай.

Революция поставила задачей революционное разрешение аграрного вопроса. Контрреволюционный Гоминдан не мог разрешить аграрного вопроса. Национальная буржуазия сращивалась с помещичьим землевладением, с ростовщичеством, с системой откупа налогов настолько, что она не способна на борьбу с докапиталистическими способами эксплоатации даже путем сколько-нибудь серьезного ускорения «прусского пути» развития к более современным капиталистическим способам эксплоатации, как, напр., пытается делать кемалистская буржуазия в Турции. Когда волна крестьянских восстаний уже разлилась на юге Китая, Гоминдан решил издать новый аграрный закон для борьбы с аграрной революцией. Принятый Законодательным советом 14 июня 1930 г. аграрный закон предусматривает снижение арендной платы на 25%. Испольщик-арендатор должен платить лишь 37,5% своего урожая помещику, вместо прежних 50—70%. Испольщик получает право на вечную аренду, пока он платит арендную плату. Помещик имеет право согнать с земли арендатора лишь в том случае, если он, помещик, сам собирается вести хозяйство или же если недоимки по арендной плате превышают сумму арендной платы за два года. Отменяется система задатка, при которой арендатор был обязан заранее внести известную сумму помещику. Помещик не имеет права продать с молотка за недоимки живой и мертвый инвентарь арендатора. Если помещик не проживает в деревне или же если арендатор уже обрабатывает землю в течение десяти лет, то последний имеет право выкупить помещичью землю. Закон предусматривает проведение нового кадастра и в связи с этим упорядочение земельного обложения. При этом налог является обратно прогрессивным: за лучшую землю платят меньше налога, чем за худшую. Закон предусматривает обложение увеличившейся стоимости земли. При купле и продаже земли землевладелец известный процент увеличившейся стоимости земли обязан внести в виде налога государству. Закон предусматривает в порядке ускорения колонизации обложение пустующих частновладельческих земель, освобождение новых колонистов от земельного налога в течение пяти лет. Арендная плата или налог с вновь обрабатываемых земель не должны превышать 15% урожая. Вот это приблизительно все, что зажатая в тисках кризиса контрреволюция обещает крестьянству. При этом закон вводится не сразу и не повсюду, а лишь в отдельных частях страны, и там также лишь особым приказом. Гоминдан даже перед лицом крестьянской войны не мог пойти на дальнейшие уступки крестьянству. Гоминдан даже не попытался осуществить хотя бы столыпинщину. Ибо *гоминдановский закон не является даже карикатурой на столыпинщину*. Эта реформа, как побочный продукт аграрной революции, взята из арсенала английской аграрной политики в колониях, но она не сможет удовлетворить даже кулака.

Революция поставила вопрос об *об'единении страны*. В 1928 г., когда небольшой под'ем мировой хозяйственной кон'юнктуры взял на буксир даже китайскую экономику, Нанкин об'единил—хотя и формально, хотя и условно—восемь провинций под своей властью. Впоследствии разразился тур генеральских войн,—и феодальная раздробленность страны еще больше усилилась.

Новый под'ем революции наступил на фоне мирового экономического кризиса, обостренного в условиях китайской экономики специальными китайскими причинами. Нигде, ни в одной стране экономический кризис не является настолько всесторонним, всеоб'емлющим, глубоким, как в Китае.

Китай имел свой *биржевой крах* в декабре прошлого года. Китай имеет свой *валютный кризис*. Обесценение серебра, вызвавшее обесценение всех видов бумажных денег, превращалось для Китая в хозяйственную катастрофу. В течение одного года основная валюта и сокровище страны, серебро, обесценилось на 40%,—и тем самым государственный долг империалистам почти удвоился. *Промышленный кризис* охватывает все отрасли производства. Сокращается добыча железной руды даже на японских рудниках, не говоря уже о китайских, выплавка чугуна уменьшается даже на японских домнах, добыча угля снижается даже на английских и японских шахтах. Текстильная промышленность переживает хронический кризис во всех странах, а в Китае страдает, кроме всего прочего, еще и вследствие разрыва торговых путей, усиления конкуренции японской и английской, повышения пошлин в Индии. Шелковая промышленность сократила на 60—70% производство. Мукомольная промышленность была парализована вследствие трех последовавших друг за другом катастрофических недородов. Табачная промышленность разорена конкуренцией со стороны Британско-Американской Табачной Ко, а спичечную промышленность разорила до тла бросовая конкуренция Шведского Спичечного Треста

Кризис сильнее всего ударил по мелким и средним ремесленным и мануфактурным предприятиям: они закрываются тысячами и десятками тысяч. *Внешняя торговля* сократилась катастрофически: импорт уменьшился на 37%, а экспорт на 10%. Недопроизводство, хронический *аграрный кризис*, приведший к голодовкам небывалого масштаба (1927 г.—9 млн., 1928 г.—37 млн., 1929 г.—56 млн. голодающих), дополняется мировым кризисом перепроизводства важнейших торговых и технических культур Китая. Падают цены на соевые бобы, шелк, чай, хлопок, масляничные семена,—и тем самым обесценивается китайский экспорт. Разразилось *массовое банкротство* даже крупных и крупнейших фирм, при чем лопнул уже ряд иностранных предприятий. *Переход китайских предприятий в руки иностранного капитала* стал обычным явлением. Биржевой, валютный, торговый, промышленный и аграрный кризисы обрушились одновременно и сразу на китайскую полуколонию империализма.

Экономический кризис перерастает в политический кризис. Этот кризис выражается в развале господствующих классов. Лагерь контрреволюции раскололся.

На севере Китая уже в течение нескольких месяцев бушует генеральская война. Блок 57 северных генералов во главе с Ян Си-шаном и Фын Юй-сяном выступает против Нанкина. Чан Кай-ши концентрирует 550.000 войск, северный блок—650.000 войск на фронте. У северного блока больше войск, у Нанкина лучшие войска и лучшая военная техника. Силы на фронте уравновешены. Мукден держит себя в течение нескольких месяцев нейтрально. Нанкин и Бэйпын пытаются привлечь на свою сторону мукденскую группировку, которая играет в этой борьбе роль «Zünglein an der Wiege», роль стрелка на весу. Одновременно с этим на юге происходит война генеральских групп. Остатки гуаньсийской группы блокировались с Чан Фа-гуй, опираясь на свой военно-территориальный базис в провинции Гуаньси, и ведут войну против Нанкина. А Нанкин со своей стороны сколачивает блок из милитаристических групп в Гуандуне, Юннани и Гуйчоу против союза гуаньсийцев и Чан Фа-гуя.

В чем социальные, политические корни этой генеральской войны? Ведь программа Нанкина не отличается существенно от программы Бэйпына. Когда северный блок выступает против диктатуры Чан Кай-ши, то он ведет борьбу не против диктатуры вообще, а против диктатуры Чан Кай-ши и за диктатуру Фын Юй-сяна, Ян Си-шана и прочих генералов. Когда Бэйпын указывает на коррупцию, продажность, вырождение, разложение Нанкина, то все это совершенно верно, но точно так же верно, когда Нанкин клеймит бэйпынскую группировку коррупцией, продажностью, разложением, вырождением. Когда Бэйпын выступает во имя демократии против Нанкина, то это—даже китайским курам на смех, точно так же, как выступление Нанкина против Бэйпына во имя заветов Сун Ят-сена. Нанкин не имеет других ответов на проблемы китайской революции, как Бэйпын, а Бэйпын имеет в основном те же ответы, как Нанкин. *Неравномерность экономического развития страны, феодальная раздробленность страны, влияние различных империалистических держав в различных частях страны являются главными причинами милитаристических войн в Китае*. Несомненно, что Нанкин опирается на наиболее развитые экономически провинции—Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, Хубей—и тем самым на крупную буржуазию, в том числе и компрадорскую буржуазию и крупных помещиков этих же провинций. В то же время, несомненно, что Фын Юй-сян и Ян Си-шан опираются на буржуазию и помещиков в пров. Шаньси, Шеньси, Гансу и т. д. Они опираются на крупную буржуазию и помещиков этих провинций, но крупная буржуазия в этих провинциях является скорее торгово-ростовщической, чем промышленной, в сравнении с провинциями Нанкина. А Ван Цин-вей и его группировка отражают интересы средней буржуазии и средних помещиков. Но основное и решающее различие между двумя враждующими лагерями господствующих классов заключается во внешне-политической ориентации этих групп.

Война между Нанкином и Бэйпыном на севере является войной между САСШ и Японией.

За спиной Нанкина стоит американский империализм, за спиной Бэйпына—японский империализм. Война между Нанкином и северным блоком, война между Гуандуном и Гуаньси отражает обострение борьбы между империалистами. Штыками китайских генералов, наемными войсками милитаристов ведут войну американский, японский и английский капитал за китайскую полуколонию. САСШ снабжают Нанкин оружием, аммуницией, боеприпасами, деньгами. Подготовка последней оффензивы Чан Кай-ши в Шаньдуне стоила американскому капиталу 27 млн. долларов, но зато американский капитал забрал в свои руки концессию на воздушное сообщение в Китае. Очевидно, не без ведома и указки САСШ германский империализм снабжает Чан Кай-ши не только боеприпасами, но также и военными специалистами. Под руководством известных фашистов—генералов Веделя и Криббеля, больше 70 германских генштабистов работают в армиях Чан Кай-ши. В то же время японский империализм снабжает бэйпынскую группировку оружием, аммуницией, аэропланами и военными советниками. Если японское фашистское правительство Танака в свое время пыталось захватить Шаньдун для японского капитала прямой военной интервенцией, то в настоящее время «либеральное» правительство Гамацуки-Шидехара пытается захватить Шаньдун более «тонкими» методами — через китайских генералов. На Севере Англия заигрывает с обеими группами и основное стремление английского капитала, олицетворяемого «рабочим» правительством, заключается в том, чтобы ослабить, подорвать позиции САСШ в Нанкине. На юге за спиной гаундунской группировки, опирающейся на Нанкин, стоит английский капитал. Гаундунская группировка является агентурой гонконгского доллара на юге Китая.

В Китае сражаются не только две группировки китайской контрреволюции, но и различные империалистические группировки.

В этой генеральской войне завершился и оформился раскол господствующей партии китайской буржуазно-помещичьей контрреволюции, раскол Гоминдана.

В Бэйпыне образовался новый Гоминдан, с новым Центральным Комитетом, с новым пленумом ЦК и с новым правительством. Этот новый Гоминдан состоит из двух основных групп: из «реорганизационалистов» во главе с Ван Цин-веем, Чен Гун-бо и прочими лидерами «левого» крыла Гоминдана и из так называемой сышаньской группы. Сышаньская группа является наиболее правым крылом Гоминдана, представляющим интересы компрадорской буржуазии. Она была исключена из Гоминдана еще при жизни Сун Ят-сена как компрадорская, контрреволюционная группа. Если Ван Цин-вей и реорганизационалисты прикрывают в этом блоке штыки Фын Юй-сяна и подводят под штыками Фына идеологический базис, то сышаньская группа прикрывает политически штыки Ян Си-шана. Во всяком случае этот беспринципный блок с компрадорами разоблачал до конца Ван Цин-вея перед мелкой буржуазией города, перед студенчеством.

Если блок с Фын Юй-сяном, Ен Си-шаном и прочими генералами подорвал политически оставшийся еще перед мелкобуржуазными и интеллигентскими слоями авторитет «левого» Гоминдана, то раболепство перед мукденской группой, поклоны перед достойным своего отца сыном, Чжан Сюэ-ляном, завершили этот процесс.

Разложение, раскол господствующих классов и их партии, Гоминдана, оказались полными. Их полное и окончательное банкротство не наступило лишь потому, что за спиной различных группировок стояли различные империалистические державы. Только поддержка со стороны империалистов придавала воюющим между собою группам силу и сопротивляемость перед надвигающейся революционной грозой.

Всеобщий экономический кризис, общенациональный политический кризис, гражданская война в лагере самых господствующих классов, едва прикрытая война между империалистами в Китае за китайскую полуколонию, отход обманутых и разочаровавшихся в своих надеждах значительных слоев мелкой буржуазии от буржуазно-помещичьего Гоминдана, полное политическое банкротство гоминдановской контрреволюции — вот почва, на которой вырос новый под'ем революции.

Под'ем рабочего движения.

Временная победа контрреволюции в 1927 г., экономический и политический кризис обозначали с точки зрения рабочего класса — отнятие всех завоеваний революции, снижение реальной и часто даже номинальной заработной платы, беспощадное наступление капитала в смысле удлинения и уплотнения рабочего времени, загон в глубочайшее подполье всех классовых рабочих организаций, совершенно небывалую безработицу, обостренную наплывом сотен тысяч разорившихся крестьян и ремесленников на рынок рабочей силы, вздорожание жизни, гоминдановскую зубатовщину в профдвижении, физическое истребление актива революционного рабочего движения, полное политическое бесправие, диктатуру военно-полицейской дубинки на улицах и диктатуру дубинки надсмотрщика на заводах, фабриках, шахтах и т. п. Тем не менее Гоминдан не мог выполнить одного из важнейших заданий империалистов и буржуазии: он не мог задушить рабочего движения.

В 1928 г. в стачках участвовалю около 400.000 рабочих. В 1929 г. в забастовках участвовало около 750.000 рабочих. Стачечная борьба распространялась в ширь и в глубь по всей стране. В отдаленном Сычуане забастовали рабочие-солевары на старейших соляных разработках. В старейшем промышленном центре мира, в Цзын Дэ Чжэне забастовали рабочие старейших фарфоровых мануфактур. В Таньшане горняки, в Цзиндао текстильщики, на Пекин-Мукденской ж. д. железнодорожники, в Гонконге моряки, докеры и строители показали прекрасные боевые качества китайского пролетариата. А в Шанхае и Ханькоу вплоть до лета 1930 г. последовательно нарастала стачечная волна. Она ослабела лишь за последние недели. В Шанхае, Ханькоу, Цзиндао, Кантоне в массовых демонстрациях, уличных боях показал пролетариат, что он уже оправился от кровавых ударов контрреволюции и продолжает свою борьбу как класс-гегемон.

Мучительно медленно, в тяжелых боях восстанавливаются красные профсоюзы и начинают проникать на крупные и крупнейшие предприятия, в важнейшие отрасли производства. Красные союзы еще не являются массовыми, они охватывают лишь 60—70 тыс. рабочих. Они далеко не успели и не сумели организационно закреплять быстро растущего идейно-политического влияния революционного крыла на пролетариат. Но работа уже началась. В желтых гоминдановских союзах далеко не везде, далеко не во всех крупнейших центрах, не во всех важнейших отраслях, не на всех крупнейших предприятиях созданы организации революционного крыла. Но работа успешно начата и в этой области, и первые победы уже одержаны. Красные профсоюзы не всегда и не везде умели возглавлять стихийно вспыхивающие стачки, организовать, подготовлять экономически бои, руководить ими. В митингах, политических демонстрациях пока в основном участвует лишь авангард. Зато почти каждая экономическая стачка носит в себе элементы грядущей гражданской войны, превращается в борьбу с Гоминданом, с военно-полицейскими силами контрреволюции и империалистов. Степень организованности, уровень сознательности рабочей борьбы в разных частях страны различны, классовая борьба пролетариата развивается чрезвычайно неравномерно.

Но рабочее движение в Китае идет на под'ем. Тот факт, что классовая борьба пролетариата как-раз в крупных и крупнейших пролетарских центрах развивается неравномерно, преодолевая огромные трудности, в тяжелейших условиях и относительно медленным темпом, об'ясняется тем, что крупные и крупнейшие промышленные центры находятся часто на иностранных концессиях под непосредственным военно-политическим контролем империалистов или же под прямой и непосредственной угрозой империалистической интервенции. Кроме того, гоминдановская контрреволюция концентрирует также свои основные силы в крупных пролетарских центрах.

Империалисты и Гоминдан превратил Шанхай, Ухан, Нанкин, Тяньцин, Таньшан, Да-е в военный лагерь. Классовая борьба пролетариата происходит под дулом пушек империалистов.

Крестьянская война под знаменем советов.

Наиболее замечательным, наиболее характерным для нынешней полосы китайской революции является под'ем крестьянского движения, все разрастающаяся крестьянская война.

Гоминдановская контрреволюция даже с поддержкой империализма не могла задушить крестьянского движения после поражения революции в 1927 г. Деревня бурлила все время. Голодные бунты, рост и выступление стихийных крестьянских организаций типа Союза Красных Пик, Больших Ножей и т. д., крестьянская борьба против грабежей, реквизиции милитаристов, резня ростовщиков, выступление против налогов — происходили все время. В 1928 г. в провинции Ганьсу разразилось огромное крестьянское восстание. В этом восстании главной силой выступило мусульманское крестьянство Ганьсу и в особенности дунганы. Национальный момент под религиозной оболочкой не мог затушевать классового характера этого крупного движения. Мусульманский крестьянин-дунган восстал против китайского милитариста, против китайского помещика, ростовщика и собирателей налога, китайское крестьянство Ганьсу примкнуло к этому движению, а мусульманские генералы и помещики помогали Фын Юй-сяну подавлять движение. Водораздел шел по линии классовой, а национально-религиозный момент играл лишь побочную роль. Мусульманское восстание вспыхнуло снова летом 1929 г.

Вокруг крупных промышленных центров и в особенности вокруг Шанхая, Ханькоу также часто вспыхивали крестьянские восстания. Уволенные революционные рабочие, вернувшиеся в деревню, были зачинщиками и руководителями этих движений.

На юге, на стыке трех провинций — Гуандун, Фуцзянь и Цзянси — под руководством коммунистов Мао Цзе-ду и Чу-дэ небольшие отряды нарождающейся Красной армии держали знамя советов. В отдельных уездах на небольших территориях возникали отдельные советские очаги и удержались в море гоминдановской контрреволюции. Советское движение перекинулось на юг Цзянси и разрослось там. На юге Хунани отряды Холуна боролись под флагом советов против помещика. Отсюда движение перекинулось на юг Хубея, а впоследствии и на запад Хубея. Летом 1929 г. все отряды Красной армии, вместе взятые, насчитывали 10.000 штыков, а советские очаги распространялись на несколько уездов. Но советское движение взбудоражило деревню, разбудило ее и вызвало к жизни партизанское движение огромных крестьянских масс. В марте 1930 г. Красная армия уже насчитывала 60.000 войск, а власть советов распространялась на 127 уездов из 760 уездов южного Китая, партизанская война охватила 170 уездов, а в партизанских отрядах участвовали сотни и сотни тысяч крестьян.

В настоящее время советская власть установилась уже в 200 уездах Южного и Центрального Китая. Советское движение перекинулось в провинцию Чжецзянь, в отсталый и отдаленный Сычуань, на север Хубея, начинает охватывать юг Хэнани и Анхуэй. На северных берегах Ян-Цзы-цзяна также развевается уже красное знамя советов. Рабоче-крестьянская Красная армия китайских советов состоит в настоящее время из 22 корпусов и насчитывает в своих рядах около 300.000 войск. В партизанском движении участвует нето 3, нето 4 млн. крестьян.

В Южном и Центральном Китае выросла на самом деле революционная сила, угрожающая буржуазно-помещичьей «цивилизации» и империалистическому колониальному режиму. Только на волнах величайшего массового крестьянского движения могла вырасти такая сила. Крестьянин восстал против помещика, ростовщика, джентри, тухао, собирателей податей и волна крестьянского восстания сметает буржуазно-помещичью власть. Крестьянские массы на деле превращают генеральские войны в войну против генералов, против помещиков, против Гоминдана.

«Левый» ренегат Троцкий еще в 1928 г. предсказал стабилизацию власти Чан Кай-ши на долгие годы. Правый ренегат Чен Дю-сю предсказал длительный период консолидации Гоминдана, ставшего, по мнению Чен Дю-сю, буржуазной властью. Китайский крестьянин разбил эти концепции. В то же время китайский крестьянин разрешил спор о главном лозунге нынешнего этапа революции. «Левые» и правые ренегаты с пеной у рта отстаивали лозунг учредительного собрания. Коминтерн и ККП выдвигали лозунг советов. Десятки миллионов китайских крестьян решили этот вопрос голосованием за советскую власть. Они голосовали винтовками, пиками, алебардами, вилами, дубинкой и вообще, чем попало, за советы. А если массы голосуют оружием, то это есть наиболее действенное, наиболее неотразимое голосование. Китайский крестьянин теперь в великих классовых битвах претворяет в жизнь гениальное предсказание Ленина о том, что советы могут и должны стать органами восстания и власти даже в отсталых крестьянских странах. Китайский крестьянин теперь голосует за ленинские тезисы II конгресса Коминтерна.

О характере китайской революции.

Китайский рабочий и крестьянин, самый ход революции на советских территориях разрешили вопрос о социально-экономическом содержании революции.

Что же происходит на советских территориях? Конфискуется помещичья земля и передается крестьянам, что не обойдется без плебейской расправы над помещиками, джентри и прочими классовыми врагами крестьянства. Отменяются старые налоги, введенные милитаристами. Отменяются все и всякие кабальные договора, сделки, уничтожается ростовщический долг. Конфискуется имущество, дома, мертвый и живой инвентарь помещиков и ростовщиков и распределяется между рабочими, крестьянами и красноармейцами. Создаются красные гвардии. Строится Красная армия. Вводится восьмичасовой рабочий день и известный минимум социального законодательства для защиты интересов рабочих и в особенности женщин-работниц и рабочей молодежи.

Вот главные мероприятия советской власти. В то же время советы борются за полную национальную независимость страны, за отмену всех неравных договоров, и, не отказываясь от переговоров с империалистами, отстаивают полную независимость Советского Китая. Советская власть ведет борьбу за об'единение страны под властью советов. А все это, вместе взятое, означает, что на советских территориях в Китае происходит антиимпериалистическая и аграрная революция, т.-е. по своему социально-экономическому содержанию буржуазно-демократическая революция. Социализма на советских территориях Китая еще нет. Революция там еще не пролетарская. В отдельных советских районах отдельные чрезмерно усердные коммунисты попытались проводить социалистические меры. В западном Фуцзяне отдельные товарищи мечтали о плановом хозяйстве. Были попытки регулирования рыночных отношений. Были попытки национализировать отдельные отрасли производства. Были попытки к созданию совхозов на землях деревенских кумирен, монастырей, к превращению более крупных хозяйств в совхозы. Были попытки к организации колхозов. Более того, на первой конференции китайских советов отдельные коммунисты пытались провести временный закон, предусматривающий превращение крупных хозяйств в совхозы и об'единение вновь наделенных землей батраков в колхозы. Все эти попытки окончились неудачей. Революция еще не поднялась до разрешения коренных задач пролетарской революции. Советская власть регулирует цены там и тогда, где и когда блокада, контрреволюционный саботаж, контрреволюционная спекуляция взвинчивает цены и пытается обречь революцию на голод. Интересы ведения войны и интересы аграрной революции часто требуют реквизиции, а иногда и конфискации отдельных предприятий, необходимых для ведения войны. Местами вновь наделенные землею батраки и бедняки, лишенные всяких средств производства, собирают нескольких конфискованных от помещика буйволов или волов, несколько плугов, создают из них нечто вроде обобществленных буйволоплужных станций и распахивают отвоеванную от помещика землю обобществленным скотом и плугом. В бедняцких массах имеется стихийное устремление к этим самым первичным формам коллективного хозяйства. Но все это не меняет основного социально-экономического содержания революции. Она является буржуазно-демократической, антиимпериалистической, аграрной революцией.

Теории, концепции проверяются быстро в огне революции. Л. Д. Троцкий уже в течение трех лет пытался теоретически доказать, что в колониальных странах, в Китае, в Индии и т. д., революция может быть лишь пролетарской. Троцкий выбивается из сил, чтобы доказать правильность своей, троцкистской теории о перманентной революции. Он об'явил ленинскую концепцию буржуазно-демократической революции «рабочей гипотезой». Он предложил рабочим Китая и Индии прогнать к черту коммунистов, признающих буржуазно-демократический этап в развитии революции. А что же осталось от троцкистской концепции китайской революции в свете фактов, в свете хода самой революции? Ничего не осталось. А победа китайских советов является победой ленинской концепции колониальных, антиимпериалистических, антифеодальных революций.

Значит ли это, что революция расчищает путь для быстрого, идеально-быстрого развития капитализма? Значит ли это, что аграрная революция открывает лишь «американский путь» развития в сельском хозяйстве? Значит ли это, что на очищенной от всех и всяких феодальных пут земле будет развиваться капитализм? Отнюдь нет! Пока на советских территориях товарно-рыночные отношения развиваются больше и лучше, чем в гоминдановском Китае. Но для перерастания китайской буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, социалистическую, имеется во внутреннем и внешнем положении Китая больше предпосылок, чем, может быть, было для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в России в 1905 году.

Движущей силой революции в Китае является рабочий класс и основные массы крестьянства под руководством пролетариата. Не все крестьянство, а лишь основные массы крестьянства—беднота и середняк—выступают за аграрную революцию. Китайский кулак, применяющий скорей кабально-докапиталистические, чем современно-капиталистические способы эксплоатации, является врагом революции. Китайский кулак скорей сдает землю в аренду и получает кабальную ренту, чем приарендует землю. Китайский кулак является и ростовщиком. Он боится не только классовой борьбы жестоко эксплоатируемого батрака, но также размаха антифеодальной революции, которая ударяет по кулаку, как сдатчику земли в аренду и как ростовщику. Кулак борется против уравнительного передела земли, против этого основного лозунга аграрной революции. За пролетариатом в деревне идут лишь бедняки и середняки. А такая расстановка классовых сил обеспечивает ускоренный переход к социалистическим мерам.

Глубина кризиса, напряженность борьбы против империалистов и контрреволюции обусловливают, что основные крестьянские массы могут согласиться на ряд далеко идущих социалистических мероприятий пролетариата.

Крупные и крупнейшие предприятия, банки, железные дороги, рудники, домны находятся в Китае в руках империалистов. Китайские советы ставят себе целью национализацию иностранных предприятий. Конфискации и национализации подвергаются и предприятия китайских капиталистов, активно поддерживающих контрреволюцию или саботирующих производство.

Национализация земли, которая в данный момент еще не вводится, но за которую советы уже должны вести агитацию, в условиях советской власти будет сильным рычагом к перестройке сельского хозяйства. Национализация оросительных систем и источников водоснабжения, которая вводится уже сейчас, станет рычагом к переводу сельского хозяйства на социалистический путь развития.

Советское правительство в Китае в своем большинстве состоит из коммунистов. Революцией руководит партия пролетариата. А это означает, что государственная власть, как повивальная бабка нового общественного строя, будет сознательно и планомерно использована для ускорения перехода к социализму.

Существует уже СССР, страна пролетарской диктатуры, страна быстро строящегося социализма. Империалистическая мировая система переживает всеобщий кризис. Поднимается волна колониальных революций. Поднимается волна классовой борьбы пролетариата на Западе. Существует Коминтерн.

Вот предпосылки и рычаги к перерастанию в Китае буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую.

Классовая борьба на советских территориях.

На советских территориях после победы революции, после конфискации помещичьей земли идет классовая борьба между пролетариатом и буржуазией в городах и между разными социальными группами—в деревне.

Банкир, крупный купец, мануфактурщик, ремесленник, эксплоатирующий наемный труд, — ведут борьбу против революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства в новых формах, приспособляясь к новой обстановке. Революция не уничтожает капиталистической частной собственности, но китайская буржуазия, связанная с помещичьей собственностью и ростовщичеством, не мирится с уничтожением феодальной собственности, с отменой ростовщических долгов. Введение восьмичасового рабочего дня, социальные законы, улучшение положения рабочего класса, утеря политической власти буржуазно-помещичьим блоком,—не могут не наталкиваться на жесточайшее сопротивление буржуазии.

В деревне борьба идет вокруг вопроса о том, кто должен пожинать плоды аграрной революции. Если кулак не мог остановить аграрную революцию, то он сам хочет присвоить себе ее плоды. Кулак проповедует лозунг гражданского мира в деревне. Кулак пытается привлечь на свою сторону середняка лозунгом о распределении земли по средствам производства. Кулак пытается помешать переделу земли и остановить аграрную революцию на ступени конфискации помещичьей земли. Кулак, смыкаясь с мелким помещиком, проповедует лозунг конфискации помещичьей земли только больше 50 му. Кулак, смыкаясь с ростовщиком, борется против уничтожения ростовщических долгов. Кулак агитирует против рабочих стачек в городе, ссылаясь на то, что рабочая стачка и повышение зарплаты повышает цены на промышленные изделия, создает ножницы между ценами на с.-х. продукты и промышленные изделия и тем самым вызывает угрозу смычке между рабочим классом и крестьянством. Кулак ведет ожесточенную борьбу против уравнительного передела земли.

А беднота, кули, батраки, ведут борьбу за уравнительный передел, за доведение до конца аграрной революции. Беднота, кули, батраки, часто облекая уравнительность в крестьянокий социализм, ведут борьбу за самую последовательную, самую радикальную, самую идеальную «чистку» земли от всех докапиталистических пережитков и остатков, за самую демократическую аграрную революцию. Мы знаем, что на очищенной от китайского средневековья земле в условиях товарного хозяйства не может не рождаться на первых порах ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе капитализм. Мы знаем, что товарное хозяйство радикально не выведет основные крестьянские массы из нужды и нищеты. Мы знаем, что запрещение купли и продажи земли, запрещение заклада и аренды земли в условиях буржуазно-демократической революции, как это предлагают отдельные китайские товарищи, неправильно. Положительные мероприятия советской власти — расширение посевной площади, улучшение существующих оросительных систем, создание новых оросительных систем, облесение, государственная организация и поддержка переселения государственная организация и поддержка кооперативного движения, школьное строительство и т. д.—не могут в корне изменить при данных условиях сущность производственных отношений.

ККП тем не менее обязана поддерживать стремление бедноты, кули и батраков к уравнительному переделу земли, как к наиболее последовательному решению задач аграрной революции. При этом задача ККП заключается в высвобождении середняка из-под влияния кулака, в завоевании середняка на сторону советов в качестве крепкого союзника пролетариата. Правильная налоговая политика является одной из главных предпосылок для

этого. Освобождение части бедноты или всей бедноты от налога, максимально-умеренное обложение середняка, переложение главных тяжестей налогов на богачей, кулаков, капиталистов должно стать стержнем налоговой системы советов. Правильная экономическая политика, сочетающая интересы ведения войны, улучшение положения рабочего класса с интересами крестьянского хозяйства должна сплачивать бедняцко-середняцкий блок против кулака и крепить союз рабочего класса с основными крестьянскими массами, правильная же экономическая политика должна учесть, что на советских территориях господствует мелкое, среднее и кулацкое товарное производство в деревне и ремесленное и мануфактурное товарное производство в городе. Это положение может измениться и наверняка изменится по мере захвата крупных и крупнейших городов, по мере перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую.

Это отнюдь не исключает конфискации предприятий активных контрреволюционных капиталистов, саботирующих производство и мероприятия советской власти. Это отнюдь не исключает, что советская власть уже сейчас национализирует отдельные предприятия, необходимые для ведения революционной войны или же создает, организует таковые. Это отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает рабочий контроль над производством. Однако, на данном этапе революции советы без повелительной необходимости не вмешиваются в процесс производства.

Довести аграрную революцию до конца, побороть кулака и контрреволюционную буржуазию, строить новое, советское государство, строить настоящую рабоче-крестьянскую Красную армию, победить в революционной войне против Гоминдана и империалистической интервенции — возможно лишь в том случае, если массы будут организованы. Перед ККП на советских территориях в этом отношении стоят величайшие задачи. Первая и основная задача: организовать пролетариат, в том числе и ремесленный пролетариат, в профсоюзах; организовать кули и батраков в профсоюзах. В этом отношении ККП лишь приступила к выполнению своих задач. Необходимо в то же время организовать сплачивать бедноту, создавая группы бедноты, группы красных партизан. Только опираясь на профсоюзы и на группы бедноты можно сплачивать середняка вокруг советов, вышибать кулака из советов, построить настоящую Красную армию, организовать, смело выдвигая рабочих и бедных и средних крестьян, новый государственный аппарат. А это тем более необходимо потому, что в советских районах на многих местах уселся в советах кулак, джентри, в новый аппарат власти пролез кулак, мелкий помещик и джентри, в отдельные части Красной армии, в отдельные партизанские отряды пролез кулак, мелкий помещик и джентри.

Героические подвиги Красной армии вызывают восхищение пролетариата и трудящихся колониальных стран. Но разве можно закрывать глаза на слабости и недостатки Красной армии китайских советов. Эти недостатки заключаются отнюдь не только в военно-технической слабости красных частей. Гораздо важнее, что отдельные части Красной армии на 50% состоят из солдат бывших милитаристских армий, что в отдельных частях значительный процент составляют кулаки, что командный и комиссарский состав недостаточно пролетарский, что партийный костяк слаб, что политическая работа в Красной армии слаба, что руководство недостаточно подчинено партии.

Все эти слабости и недостатки советского движения использует классовый враг. Все эти слабости и недостатки можно преодолеть лишь в ходе классовой борьбы организацией масс.

Своеобразие момента и задачи коммунистов.

Основное своеобразие, главная особенность данного момента заключается в неравномерности развития революционного движения в Китае. Степень организованности, уровень сознательности, революционная выучка пролетариата в разных частях страны различны. Чрезвычайно неравномерно развивается и крестьянское движение. В то время, как в ряде провинций Южного и Центрального Китая развевается уже знамя советов (Цзян-си, Хунань, Хубей, Фуцзян), в ряде других провинций начинается советское движение (север Гуандуна, Чжэцзянь, Цзянсу, Сычуань, Аньхуэй), в северном Китае под'ем крестьянского движения выражается только в оживлении стихийных крестьянских организаций и даже в отдельных южных провинциях пока нет признаков крупных массовых выступлений крестьянства (Гуйчжоу, Юннань), а в Манчжурии относительно спокойно в деревне. Крестьянское движение перегоняет по своему темпу рабочее движение.

Причины этого явления кроются в неравномерности экономического развития разных частей страны, в феодальной раздробленности страны, в исторических предпосылках самого революционного движения. Революция 1925—27 гг. глубоко распахала почву на Юге и в Центральном Китае, а относительно меньше затронула Север и оставила Манчжурию черным буфером реакции. Различия в аграрном строе между Севером, где помещичье землевладение играет меньшую роль, и между Югом, где преобладает помещичье землевладение, также влияет на развитие крестьянской борьбы. В отставании рабочего движения крупных и крупнейших центров решающую роль играет империализм. Вся политика империализма, империалистическая интервенция направлена к тому, чтобы помешать смычке крестьянской войны с пролетарским восстанием, чтобы лишить пролетарского дирижера крестьянский хор, чтобы помешать сочетанию пролетарской борьбы с крестьянским восстанием.

Китайская контрреволюция также напрягает все свои силы, чтобы отстоять крупные города, чтобы воздвигнуть плотину между разлившейся крестьянской войной и пролетарским движением. Чан Кай-ши уже к концу августа перебросил три дивизии в район Ухана, чтобы спасти Чаньшу и Ухан, подкрепил Нанчань новыми контрреволюционными войсками. Выступление Чжан Сюэ-ляна, вмешательство мукденской группы в генеральскую войну, перемена военной обстановки на Севере сделают для Нанкина возможным перебросить новые силы против Красной армии, против советских районов. Правда, переброска милитаристских войск на фронт революционной классовой войны ускоряет процесс разложения этих войск. В 1929 г. в войсках Чан Кай-ши было отмечено 36 крупных военных бунтов. В первой половине 1930 г. было отмечено уже 300 военных бунтов крупного масштаба. Аграрная революция разлагает наемное войско милитаристов. Случаи перехода воинских частей милитаристских армий на сторону Красной армии учащаются. Помещики и буржуазия лихорадочно организуют добровольческие отряды, пытаются создавать зеленые отряды из кулаков, мобилизовать с помощью кулака стихийные крестьянские организации, вроде Союза Красных Пик, против Красной армии и восставших крестьян.

Несомненно, что временное затишье генеральской войны на Севере сделает возможным усиление контрреволюционной интервенции против советских районов. Точно также несомненно, что вмешательство мукденской группы на Севере не создает равновесия, возможности об'единения, а, наоборот, открывает дверь для нового тура генеральских войн.

Революция уже одержала величайшие победы, но впереди еще крупнейшие битвы между революцией и контрреволюцией. Эта обстановка возлагает на китайский отряд большевизма ответственнейшие задачи.

Главные задачи китайских коммунистов заключаются в следующем:

Необходимо создать крепкую Красную армию с рабоче-крестьянским красноармейским составом, с пролетарским комсоставом, с железной дисциплиной, с сильным коммунистическим составом, с единым коммунистическим руководством. Красная армия должна иметь твердый территориальный базис, крепкий материальный базис. Этот базис будет и территориальным базисом революции.

Одновременно с этим необходимо создать на территориальном базисе советское правительство, как организатора и руководителя революции. Советское правительство, опираясь на Красную армию, должно организовать советские районы, проводить программу аграрной и антиимпериалистической революции, сплотить вокруг себя рабочие и крестьянские массы и показать своими делами, что советская власть есть власть рабочих и крестьян.

Необходимо организовать и мобилизовать пролетарские и основные крестьянские массы на советских и несоветских территориях для борьбы за победу революции, ибо главная слабость революционного движения заключается в недостаточной организованности масс.

В этом заключается триединая задача коммунистов. Для организации и мобилизации масс компартия очевидно должна исходить из повседневных интересов и нужд масс, увязывая их с общеклассовыми задачами пролетариата и основных масс крестьянства, с завоеванием власти, с установлением советской власти во всекитайском масштабе. Развертывание экономической борьбы рабочих вокруг вопросов зарплаты, рабочего времени, условий труда, социального законодательства, за рис, за пособия безработным, за человеческое обращение на заводах и предприятиях, против системы подряда и надсмотрщиков—является самой непосредственной помощью советам. Развертывание крестьянской борьбы против ренты, ростовщичества, налогов, реквизиции, принудительных повинностей есть прямая и непосредственная поддержка для Красной армии. Развертывание политической борьбы рабочих и крестьян против Гоминдана, против империалистической интервенции, против переброски войск, массовая политическая стачка рабочих, партизанская война крестьян должны сплачивать, просвещать массы, поднять классовую борьбу на более высокую ступень и подвести пролетариат крупных и крупнейших городов к позициям борьбы за власть, окружить эти города кольцом крестьянских восстаний, вовлечь в борьбу не только миллионы, но десятки и десятки миллионов, чтобы силой, лавиной масс раздавить и в крупных и крупнейших центрах империализм и китайскую контрреволюцию. В этом смысле решающие бои еще впереди. Только мобилизацией и организацией гигантских масс, только сочетанием пролетарского восстания, крестьянской войны и похода Красной армии Китая, только упорной, большевистской массовой работой над осуществлением эпох задач можно отвоевать новые победы.

А для этого компартия должна беспощадно побороть главную, правую опасность, выразившуюся в усталости от тягчайших условий подполья, в ликвидаторско-легалистских тенденциях, в кулацком уклоне по вопросам аграрной политики, в оппортунизме, в строительстве советов, в мелкобуржуазных колебаниях. Но в то же время компартия должна дать беспощадный отпор авантюристической игре с лозунгами восстания и всеобщей стачки, нелепым оппортунистическим теориям о невозможности частичных боев, отрыву от масс, попыткам перескочить через массовое движение, жестам отчаяния и авантюризма, пренебрежению к повседневным нуждам рабочих и крестьян. Оба уклона питаются из одного и того же источника: из мелкобуржуазного влияния на пролетариат. Оба уклона отвлекают пролетариат и крестьянство от осуществления реальных задач революции.

Международное значение китайской революции огромно. Советы на юге Китая показывают путь для Индии, Индо-Китая, Кореи и т. д., для пролетариата и крестьянства колониальных и полуколониальных стран. Там, на юге Китая разгорелся луч красного, ленинского маяка. Тяжелые крестьянские резервы мировой революции вступают в бой.

Империалистической мировой системе, срастающейся в колониях с помещиком и ростовщиком, нанесены тягчайшие удары.

7 ноября открывается 1 с'езд китайских советов. На этом с'езде будут представлены 200 уездов Южного и Центрального Китая, находящихся под властью советов, 300.000 бойцов Красной армии Китая, миллионные массы восставших крестьян, об'единенных в партизанских отрядах, революционные профсоюзы, революционные рабочие и крестьянские организации гоминдановского Китая. В день годовщины Октября собирается с'езд Китайских советов.

Ленин на II конгрессе Коминтерна говорил: «Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю. И одна из важнейших наших задач теперь — подумать над тем, как положить первый камень организации советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими советами или советами трудящихся.

Потребуется много работы, будут неизбежны ошибки, много трудностей встретится на этом пути. Основная задача II конгресса — выработать или наметить практические начала, чтобы работа, которая до сих пор шла среди сотен миллионов людей неорганизованно, пошла бы организованно, сплоченно, систематично.

Началу советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов».

Советы в Китае есть величайшая победа ленинизма.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Против правого оппортунизма в вопросах труда.

(По поводу наркомтрудовских изданий:

1. «ТРУД В СССР» сб. статей под ред. Угланова, Н. А.
2. «ВОПРОСЫ ТРУДА В ЦИФРАХ» — статистический справочник за 1927 — 30 гг. со вступительной статьей Н. А. Угланова.
3. К. ШАРАПОВ.—«7-часовой рабочий день» — со вступительной статьей Н. А. Угланова [1]).
4. И. Т. ПАТРУНОВ. «Непрерывка и безработица», изд. Гострудиздат, 1930 г.
5. Я. ГИНДИН «Регулирование рынка труда и борьба с безработицей» изд. «Вопросы Труда» — 1928 г.).

На данном этапе развития социализма в нашей стране, когда «мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства» (Сталин), социалистическая организация труда, более высокого по дисциплине и производительности, чем труд капиталистически организованный, становится решающим фактором успешного построения социализма в нашей стране.

Вся правооппортунистическая теория равнения по «узким местам», теория «об'ективных причин» в конечном счете не понимает решающего значения социалистической организации труда, значения мобилизации всех сил рабочего класса на выполнение хозяйственных планов социалистического строительства.

Непонимание и недооценка решающего значения социалистической организации труда все еще широко распространены в ряде наших хозяйственных и профсоюзных организаций, в особенности в органах Наркомтруда. «Особо следует указать,—говорит ЦК в своем обращении от 3/IX,—на бюрократическое отношение к хозяйственным задачам со стороны органов Наркомтруда, а также некоторых профсоюзов. Достаточно сказать, что при явно выраженном недостатке рабочих на фабриках и заводах, в шахтах и на строительстве во всех промышленных районах органы Наркомтруда до последнего времени ограничивались печатанием бюрократических «данных» о сотнях тысяч безработных и выкачиванием десятков миллионов рублей пособий по «безработице», не ведя борьбы с рваческими элементами, летунами, отказывающимися от работы и т. п. (Курсив мой. *А. П.*).

Ярким подтверждением правильности такой оценки отношения органов Наркомтруда к хозяйственным задачам, как бюрократического отношения, являются рецензируемые издания Наркомтруда. Здесь правооппортунистическая «теория» в вопросах труда использована в целях обоснования и оправдания этого бюрократического отношения.

Сборник «Труд в СССР» начинается статьей тов. Угланова «Рабочий класс от XV к XVI с'езду ВКП(б)», в которой автор пытается дать общую характеристику положения рабочего класса за данный период. И в этой, как бы программной, установочной для всего сборника статье тов. Угланов не дал развернутой критики правой опасности, как главной опасности в партии в период социалистической реконструкции, не показал ее социальной природы и конкретных форм ее проявления в работе органов НКТ. Он ограничился констатированием общеизвестного для настоящего времени факта, что «наибольшей и главной опасностью на путях партии является правый уклон и примиренческое к нему отношение» (4 стр.).

---

[1] Все три книжки вышли к XVI с'езду ВКП(б).

В своем введении к справочнику «Вопросы труда в цифрах» тов. Угланов совсем обошел вопрос о правой опасности, как главной опасности в настоящий момент, поставив борьбу с правой опасностью в один ряд с борьбой с контрреволюционным троцкизмом и «левыми» (стр. 3).

Во вступительной статье к книжке К. Шарапова Н. Угланов совсем обошел вопрос о правой опасности, о борьбе правых оппортунистов с развернутым социалистическим наступлением, на основе которого лишь и стал возможен переход к 7-часовому рабочему дню. Угланов вместе с тем замазал тот факт, что переход к 7-час. рабочему дню является составной неот'емлемой частью развернутого социалистического наступления. В этой статье Н. Угланов политическую оценку 7-час. рабочего дня подменил технической оценкой, сосредоточив все свое внимание на задачах научной организации труда, возникающих в связи с переходом к сокращенному рабочему дню. Научная организация труда сама по себе очень важная задача, но подменять ею политическую суть перехода к семичасовому рабочему дню может только правый оппортунист, трусливо избегающий четких политических постановок вопросов.

Все указанные статьи Н. Угланова, с которыми он выступил накануне XVI с'езда партии, едины по содержанию и целиком совпадают с его правооппортунистическим выступлением на самом с'езде. Политическая суть их одна — не разоружение, а упорная защита правооппортунистических установок, замаскированная формальным согласием с линией партии. В самом деле, разве Н. Угланову, бывшему Наркомтруду, не известны установки органов НКТ на длительное сохранение и прирост безработицы, недооценка ими задач подготовки кадров, правооппортунистическое противопоставление фабзавучу цитовской подготовки рабочей силы, извращение классовой линии в социальном страховании Все эти вопросы Н. Угланов обошел, он не дал развернутой критики правого оппортунизма в практике работы органов труда, поэтому его заявление о правых уклонистах как о главной опасности осталось пустой, чисто словесной декларацией.

Последующие статьи сборника, за которые, в первую очередь, отвечает тов. Угланов, как редактор, особенно учитывая при этом то, что все эти статьи помещены без указания их авторов, имеют один общий недостаток: богатый фактический материал о положении рабочего класса в нашей стране дается без достаточного политического анализа, без политической четкой его оценки.

Сборник, по сути дела, является бюрократическим, ведомственным отчетом, а не боевой политической брошюрой, какой он должен быть, особенно при условии, что он приурочен к XVI с'езду партии.

Авторам сборника чужд основной метод всей нашей работы — метод самокритики. В сборнике не развернута самокритика, не выявлены и не взяты под обстрел большевистской самокритики основные недостатки в работе НКТ. В сборнике витает дух казенно-бюрократического благополучия.

Так, например, по поводу невыполнения на 14% плана по рабочей силе в лесозаготовках, имеющих исключительное хозяйственно-политическое значение, авторы сборника заявляют, что это невыполнение плана по рабочей силе «в основном не повлияло на ход выполнения производственной программы лесозаготовок» (стр. 40).

И это заявляется тогда, когда общеизвестны факты, как органы Наркомтруда очень часто не справлялись с задачей вербовки рабочей силы для лесозаготовок, когда в некоторых районах из-за недостатка в рабочей силе срывались лесозаготовки.

Так как и статьи сборника не имеют четкой политической установки, так как в них не применен последовательно метод самокритики, то вполне естественно, что в них не показано, как и в каких формах общее обострение классовой борьбы в стране проявилось на участке работы НКТ, как и в каких формах органами НКТ осуществлялось на этом участке развернутое социалистическое наступление.

В сборнике не поставлен в развернутом виде вопрос о новых задачах НКТ в условиях развернутого социалистического наступления, в условиях социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Все новое в задачах НКТ авторы сборника сводят почти что к одному — к подготовке новой рабочей силы (см. стр. 8, 30 и 36). Авторы сборника не понимают, что развернутое социалистическое наступление, бурный рост социалистического сектора как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, на основе проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, решительно меняя соотношение классов и экономических секторов в нашем хозяйстве, создает совершенно новую обстановку для работы НКТ. Рост социалистического сектора решительно ограничивает рыночное, стихийное распределение рабочей силы, а следовательно, и общественного труда между отдельными отраслями народного хозяйства. В связи с этим, по-новому ставится вопрос о роли НКТ в планировании рабочей силы, ее распределении между отдельными отраслями народного хозяйства.

В сборнике и справочнике приводятся статистические данные о резком сокращении безработицы, до 725 тыс. чел. на 1/VII—1930 г., т.-е. на 50% по сравнению с 1/VIII—1929 г., при чем, начиная с 1927/28 гг., спрос на рабочую силу фактически превышает ее предложение. Так, уже в 1927/28 г. на 100 предложений труда приходилось 125,2 места на постоянную и временную работу, а в первом полугодии 1929/30 г.— уже 174,7 (справочник, стр. 49).

Несмотря на то, что уже перед началом пятилетки, в 1927/28 г. спрос на труд на 25,2% превышал его предложение, Наркомтруд бюрократически продолжал исчислять сотнями тысяч безработных, выплачивая десятки миллионов рублей по безработице. Так, на 1/IV — 1927/28 г. органы Наркомтруда определяли безработицу в 1.576,4 тыс. чел. на 1/IV—1928/29 г. в 1.741,1 тыс., и это тогда, когда уже на 100 предложений труда приходилось 171,3 предложений мест! На 1/IV — 1929/30 г. количество безработных исчислялось в 1.079,1 тыс. в то же время как на 100 предложений труда приходилось уже 174,7 предложений мест! Поистине в вопросах безработицы у Наркомтруда исключительная неразбериха. С одной стороны, насчитывают сотни тысяч безработных, с другой,—сами же свидетельствуют об очень большом превышении спроса на труд по сравнению с его предложением.

Эта неразбериха в вопросе безработицы у органов Наркомтруда не случайна. Она вызвана непониманием сущности безработицы как определенного общественного явления. Среди работников органов Наркомтруда широко распространены буржуазные, правоуклонистские теории безработицы. Так, например, наркомтрудовский «теоретик», долголетний работник по нашим биржам труда, тов. Я. Гиндин считает, что «безработица в капиталистических государствах является следствием кризиса (упадка), переживаемого промышленностью или хозяйством в целом» («Регулирование рынка труда и борьба с безработицей», стр. 26, разрядка автора) Сей «теоретик» умудрился в своей книжке «умолчать» о марксовой теории безработицы, ни словом не обмолвился о ней.

Вместо марксовой теории безработицы, устанавливающей, что безработица есть «следствие и условие «существования капиталистического способа производства». (Капитал, т. I, стр. 623). Я. Гиндин. по сути дела, отрицает наличие постоянной безработицы, постоянной резервной армии при капиталистическом способе производства. Для Я. Гиндина безработица при капитализме—временное явление, следствие «кризиса (упадка)» капиталистического хозяйства. Я. Гиндин не понимает, что капиталистические кризисы лишь обостряют безработицу, а не порождают ее. Она порождается самим капиталистическим способом производства, свойственна его природе и существует постоянно, а не только во время кризисов.

Отказавшись от марксистского определения безработицы при капитализме, Я. Гиндин закрыл себе путь к пониманию безработицы в нашем, переходном от капитализма к социализму хозяйстве. По мнению Я. Гиндина, «причин нашей безработицы несколько. Основная — это, конечно, недостаточное развитие нашего народного хозяйства» (Стр. 25, разрядка моя, *А. П.*) Кроме этой «основной причины», Я. Гиндин отмечает ряд других: а) аграрное перенаселение, при чем он понимает его по-буржуазному, не связывая его с определенным, а именно капиталистическим способом производства, б) бурный, естественный прирост населения (скатывается тут прямо в болото мальтузианства, см. стр. 23 и 25).

Подобную же теорию о нашей безработице развивает И. Т. Патрунов в своей книжке «Непрерывка и безработица». И по его мнению, в наших условиях безработица об'ясняется в основном двумя причинами: «аграрным перенаселением и естественным приростом населения» (стр. 10, разрядка моя, *А. П.)* Точно так же, т.-е. по-буржуазному, а не по-марксистски-ленински, трактуется аграрное перенаселение, которое, по мнению Патрунова, выводится только как следствие низкого уровня крестьянского хозяйства, материального неравенства города и деревни (стр. 10). Это вульгарное, по сути дела, буржуазное понимание аграрного перенаселения ничего общего не имеет со взглядами Маркса и Ленина, которые рассматривали аграрное перенаселение всегда в связи с общей резервной армией капитализма, как особый скрытый вид капиталистической безработицы. (См. Капитал, т. I, стр. 534).

В условиях нашего переходного хозяйства, т.-е. хозяйства, состоящего из различных экономических укладов, безработица сохраняется лишь постольку, поскольку в нем еще продолжает существовать хозяйство капиталистического типа и его база—мелкотоварное хозяйство, раздробленное и отсталое в технико-экономическом отношении, и порождающее «капитализм» и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин).

В меру вытеснения, а затем и ликвидации капиталистического уклада на основе развития социалистического сектора хозяйства, социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства, т.-е. в меру построения социалистического хозяйства будет ограничиваться, а затем и полностью ликвидироваться безработица.

Что именно таков характер и таков путь ликвидации безработицы в нашей стране, наглядно подтверждено в настоящее время, когда проводится прямое и развернутое социалистическое наступление и когда на основе индустриализации и социалистической переделки сельского хозяйства безработица у нас уже фактически изжита. Авторы сборника «Труд в СССР», приводя данные о резком сокращении безработицы, констатируют сами начало ликвидации безработицы в нашей стране (стр. 30), но не понимают причин этой ликвидации, не ставят ее в непосредственную связь с развернутым социалистическим наступлением, с бурным ростом социалистического сектора. И понять этого они не могут, раз они исходят из неверного, по сути дела, буржуазного понимания безработицы. Отсюда вся неразбериха наркомтрудовских органов в вопросах безработицы. Отсюда неспособность увязать свои же собственные статистические данные, которые, с одной стороны, показывают уже в течение трех лет превышение спроса на труд по сравнению с его предложением, с другой—сотни тысяч безработных.

Превышение спроса на труд над его предложением, которое обнаружилось уже в 1927/28 году, при наличии в этом же году 1,5 млн. безработных, было ясным сигналом к новой постановке проблемы распределения рабочей силы в нашей стране, сигналом крупных изменений на рынке труда, созданных бурным ростом социалистического сектора нашего хозяйства. Этот сигнал не был правильно и своевременно понят и воспринят органами Наркомтруда, которые, будучи под сильным влиянием правооппортунистических элементов и их теорий, под влиянием правооппортунистического руководства Н. Угланова до самого последнего времени, проявляли «бюрократическое отношение к хозяйственным задачам». Поэтому органы Наркомтруда, не поняв, как это ярко подтверждается и рецензируемыми книжками, новой постановки вопроса о рынке труда, запоздали с переходом к новой плановой организации и распределению труда в нашей стране.

Это запоздание является следствием правооппортунистических установок в вопросах труда. Целый ряд наркомтрудовских работников до самого последнего времени исходил из положения о неизбежности роста безработицы в нашей стране, ибо они связывали ее ликвидацию не с социалистической переделкой нашего хозяйства, ведущей к бурному его под'ему, а с развитием «народного хозяйства» вообще, безотносительно к его экономическим укладам. «Основным путем ликвидации безработицы»,—говорит Патрунов,—«является, конечно, развитие народного хозяйства и рост промышленности, в первую очередь» (стр. 10). Патрунову «невдомек», что не всякое развитие хозяйства ведет к ликвидации безработицы. Например, капиталистическое развитие хозяйства не ликвидирует, а увеличивает безработицу. Это верно и в отношении нашего хозяйства, когда в первый период нэп'а, хотя в ограниченном размере, но все же сохранялись капиталистические хозяйства, а главное сохранялась питательная база капитализма в виде отсталого распыленного индивидуального крестьянского хозяйства.

Итак, связывая ликвидацию безработицы с «развитием хозяйства» вообще, но совершенно упуская из виду, что это за развитие по своему социальному содержанию, создавалась «теория» роста безработицы в нашей стране. Для авторов этой теории исключено социалистическое строительство такими темпами, которые были бы способны ликвидировать безработицу. Этим они обнаружили свое правооппортунистическое неверие в высокие темпы развития нашего социалистического хозяйства. «Будет ли она (безработица. *А. П.)* расти?—спрашивает Я Гиндин и смело отвечает: «Да, будет—ибо народное хозяйство, как бы оно ни расширялось, не в состоянии будет поглотить эти непропорционально (?! уж не скучает ли автор по мальтузианским пропорциям размножения населения и роста средств существования? *А. П.*) растущие слои, ищущие труда» (стр. 153. Разрядка моя. *А. П.*). Далее Я. Гиндин несколько смягчается и «обещает», что «мы в лучшем случае получим только стабилизацию нынешнего положения в течение «ближайших пяти лет». (Стр. 154. Разрядка моя. *А. П.*). Это значит, что в 1932/33 г. сохранится полтора миллиона безработных. Хороша «стабилизация!» Хороша «перспектива!».

Полное непонимание новой постановки вопроса об организации и распределении труда в нашем хозяйстве обнаруживается и в вопросе о текучести рабочей силы. Вот ее об'яснение Н. Углановым: «Недостаток в квалифицированных кадрах, недостаточная организация труда, недостаточное выдвижение и продвижение рабочих на более квалифицированные работы и другие причины усилили текучесть рабочей силы» («Труд в СССР», стр. 7). Это об'яснение Н. Углановым текучести рабочей силы почти целиком воспроизводит то об'яснение, которое давал ей Я. Гиндин еще в 1928 г., сводя в основном ее к неорганизованности труда внутри наших предприятий и к различиям материально-бытовых условий (см. стр. 48—54 указанной книжки Гиндина). Само собой разумеется, что неорганизованность труда внутри предприятия и различия в материально-бытовом положении рабочих различных отраслей и районов имеют существенное влияние на текучесть рабочей силы, но это не дает ответа на вопрос, почему именно сейчас эта текучесть рабочей силы, дезорганизующая производство, приняла такие большие размеры, в чем особенность этой текучести в данный момент?

Усиление текучести рабочей силы в данный момент обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, в этом сказывается обострение классовой борьбы. Социально-политическая суть текучести рабочей силы заключается в том, что с усилением социалистического наступления, с усилением борьбы рабочего класса за социалистический труд, за высокую социалистическую дисциплину и производительность труда, обострились мелкобуржуазные колебания среди отдельных, наиболее отсталых прослоек рабочих. Эти мелкобуржуазные колебания части отсталых рабочих были обострены массовым приливом на наши фабрики, заводы, новой рабочей силы в значительной своей части из мелкобуржуазной среды, в частности, из крестьянства, никогда в промышленном производстве раньше не работавших, поэтому зараженных в сильной степени мелкобуржуазной недисциплинированностью, расхлябанностью, мелкобуржуазным анархизмом и рвачеством.

Во-вторых, вследствие бесплановости в зарплате,—в которой, в первую очередь, повинно старое, правооппортунистическое руководство ВЦСПС, проводившее правооппортунистическую теорию и практику «самотека» в области регулирования зарплаты. За последний период принимаются все более решительные меры к большей плановости в регулировании зарплаты, в частности путем так наз. подтягивания зарплаты в отдельных отставших отраслях хозяйства. Но эта задача, по признанию самих авторов сборника, «не была полностью выполнена» (стр. 46).

Эти основные особенности текучести в данный момент рабочей силы Н. Угланов не замечает, поэтому он не намечает развернутой борьбы с ней, ограничившись беглым замечанием о необходимости (только о необходимости, а не о том, что уже сделали органы Наркомтруда для борьбы с ней) «принять ряд мер по обеспечению некоторых преимуществ работающим продолжительное время в одном и том же предприятии, лучшей организации труда на производстве, лучшей организации рынка труда и проведения раз'яснительных кампаний по линии общественных организаций» (стр. 7).

Вопрос о борьбе с текучестью рабочей силы по-большевистски поставил ЦК в своем обращении от 3/IX, призвав широкие рабочие массы к решительной борьбе с мелкобуржуазными летунами, рвачами и дезертирами и предложив усилить борьбу с ними по линии государственного аппарата. Рабочие массы откликнулись на это обращение и повели решительную борьбу с летунами и рвачами путем самозакрепления на заводах и фабриках, путем применения принуждения в отношении той части, которая срывает пролетарскую дисциплину, организуя товарищеские производственные суды и другие способы воздействия. Совнарком РСФСР принял постановление (см. «Известия» от 8/IX), в котором в развернутом виде намечены новые задачи НКТ по организации и распределению рабочей силы в условиях развернутого социалистического строительства и по борьбе с текучестью рабочей силы, с летунами и рвачами.

Трудности в рабочем снабжении, обусловленные обостренной классовой борьбой и напряжением всех сил и средств по развернутому социалистическому наступлению послужили поводом для демагогических выступлений правых оппортунистов с утверждениями о понижении реальной зарплаты. Материалы наркомтрудовских сборника и справочника достаточно наглядно разоблачают клеветнический характер этих правооппортунистических выступлений. Но несмотря на это, Н. Угланов в своей статье, приводя статистические данные о росте зарплаты, «умолчал» о росте реальной зарплаты. Это замалчивание роста реальной зарплаты со стороны тов. Угланова, бывшего активного участника правой оппозиции, которая всячески старается, спекулируя на трудностях продовольственного снабжения рабочих, доказать падение реальной зарплаты, является не чем иным, как прямой поддержкой правых в этом вопросе. В то же время тов. Угланов проявляет тут известное правооппортунистическое двурушничество, так как в специальной статье сборника «Материальное обеспечение рабочего класса», за которую тов. Угланов ответственен, как редактор сборника, приводит достаточно данных о росте реальной зарплаты. В этой статье отмечается, что, «несмотря на частичное повышение цен и рост бюджетного индекса, реальная зарплата за период 1928/29 г.—1929/30 г. продолжала расти, превысив в первом полугодии довоенный уровень на 39%, а с учетом социализированной зарплаты—на 67%» (стр. 54, подчеркнуто мною, *А. П.*).

Для уровня реальной зарплаты большое значение имеет более быстрый рост бюджета рабочей семьи, по сравнению с заработком на одного рабочего. Так, в первом полугодии 1929/30 г., по сравнению с первым полугодием 1928/29 гг., заработок одного рабочего, по бюджетным данным, увеличился на 8,7 проц., а общий размер бюджета рабочей семьи увеличился на 14 проц. (54 стр.). В этом более быстром росте общего размера бюджета рабочей семьи находит, в частности, свое выражение улучшение положения рабочего класса вследствие сокращения безработицы.

В этой связи следует также отметить в качестве существенного недостатка статистического справочника НКТ «Вопросы труда в цифрах» то, что в нем нет данных о реальной зарплате и рабочих бюджетах. Помещение в справочнике данных о зарплате в червонных рублях явно недостаточно для характеристики уровня зарплаты.

Для характеристики динамики зарплаты чрезвычайно важным являются данные сборника, показывающие перевыполнение плановых предположений по росту зарплаты. Так, например, в 1928/29 году рост зарплаты промышленных рабочих по плану намечался в 8,4%, фактически рост ее—10%. В 1929/30 г. по плану увеличение намечалось в 7%, фактический рост за первое полугодие—9%. Таким образом, перевыполнение производственных планов сопровождается непосредственным перевыполнением плановых наметок по росту зарплаты. Этим лишний раз подтверждается непосредственная связь улучшения материального положения рабочего класса в нашей стране с развитием народного хозяйства, с социалистической его реконструкцией, подтверждается единство задач по социалистической переделке нашего хозяйства и улучшению материального положения рабочего класса.

В статье сборника «Организация труда в производстве» дается материал о развитии соцсоревнования, ударничества, об об'еме этого массового движения рабочих за новые социалистические формы организации труда. Автор статьи правильно отмечает «связь реконструкции организации труда с реконструктивным процессом, происходящим в настоящий момент в производстве» (стр. 89), но он не отметил самого главного — «связи этой реконструкции организации труда» с развернутым социалистическим наступлением, с ростом социалистического сектора. В этой «реконструкции организации труда» находят свои организационные формы социалистические производственные отношения наших государственных последовательно-социалистического типа предприятий.

Это массовое движение рабочих за социалистический метод труда, за социалистические формы организации труда, мало изучается, плохо учитывается и слабо руководится соответствующими организациями, как это отмечается в сборнике (стр 93). Но, к сожалению, в сборнике совершенно не указано, что же сделал НКТ для изучения, для учета и руководства соцсоревнованием и ударничеством.

В жизненном уровне рабочих масс нашей страны большое значение имеет социальное страхование. Основным недостатком в этой области, как это было указано постановлением ЦК от 28/IX—1929 г. и, как это определяется в статье сборника «Социальное страхование», было искажение классовой линии. Политическая суть этого искажения — правый оппортунизм в области социального страхования. Этой политической оценки извращений в области социального страхования не дается в сборнике. Это, конечно, большая ошибка, так как без четкой политической оценки всех недостатков и извращений нельзя организовать успешную борьбу за их преодоление, за их уничтожение.

За последние годы в связи с общим ростом нашего народного хозяйства быстро возрастает бюджет социального страхования: с 722,3 млн. руб. в 1925/26 гг. до 1,4 млрд. руб. в 1929/30 г.— увеличение почти на 94%.

При этом следует отметить, что органы социального страхования все еще очень медленно перестраиваются. До сих пор в основном они являются сборщиками страховых взносов и почти что пассивными их распределителями среди застрахованных. Наиболее крупной статьей их расхода является выплата пособий по временной нетрудоспособности; в 1929/30 г. предполагалось израсходовать 345 млн. рублей для оплаты 117 млн. дней прогулов по временной нетрудоспособности, т.-е. годовую работу почти что 500 тыс. человек. И в этой области все еще не ведется достаточной борьбы за устранение самих причин, приводящих к столь большому разбазариванию не только денежных средств, но и самой рабочей силы.

Что в этой области имеются большие возможности для экономии денежных средств и сохранения работоспособности рабочей силы доказывается следующим примером, приводимым в сборнике. На заводе им. Петровского в Днепропетровске были изучены причины травматизма и приняты соответствующие меры для их предупреждения. В результате прогулы по нетрудоспособности из-за травматизма понизились с 44,9 дней на 100 застрахованных (декабрь 1929 г.) до 23,2 дней (апрель 1930 г.), т.-е. почти вдвое, а общая заболеваемость в это время понизилась с 136,8 дней до 85 дней на 100 застрахованных, т.-е. на 37,6% (стр. 70). Следовательно, путем устранения причин, вызывающих временную нетрудоспособность, можно добиться сохранения миллионов рабочих дней для производства и сотни миллионов денежных средств. Из статьи не видно, чтобы страховые организации вели массовую работу с этим видом потерь рабочей силы и денежных средств. Тут необходим решительный перелом.

В заключение несколько замечаний о справочнике «Вопросы труда в цифрах». Справочник имеет два существенных недостатка.

Во-первых, в нем нет общего синтетического показателя жизненного уровня рабочих масс нашей страны, который бы учитывал всю совокупность условий, определяющих жизненный уровень в условиях пролетарского государства, в условиях строительства социализма. Без такого синтетического показателя отдельные показатели о численности рабочих, о социальном страховании и т. д., которые даются в справочнике, очень важные сами по себе, не могут дать правильного представления о жизненном уровне рабочего класса. На положении рабочего класса пытаются играть враги рабочего класса и уклонисты в партии, которые, выхватывая какой-либо один из показателей о положении рабочего класса, пытаются строить целые теории об ухудшении положения рабочего класса в нашей стране. Статистика в руках рабочего класса должна быть не только регистратором отдельных явлений, но и орудием их обобщения и активной борьбы с врагами рабочего класса и их агентами, вольными или невольными, среди рабочего класса и партии.

Во-вторых, в справочнике почти совсем не отражены те новые процессы в рабочем классе, которые возникли на основе развернутого социалистического наступления. Нет данных о соцсоревновании, ударничестве и т. п. В справочнике не учтены те особенности, которые характерны для периода социалистической реконструкции. В этом обнаруживается неподвижность нашей статистики труда, ее отставание от вопросов жизни.

Из отдельных вопросов, освещенных в справочнике, следует отметить следующие: 1) рост численности работающих в промышленных предприятиях сопровождается уменьшением удельного веса служащих и младшего обслуживающего персонала с 14,3% на 1/II—1927 г. до 13,5% 1/I—1930 г. (стр. 16); 2) данные

справочника показывают широкое распространение в нашей промышленности сдельной формы зарплаты, постепенный рост ее распространения. По всей крупной промышленности по группе рабочих приходилось сдельно в %% из общего количества проработанного времени на IX-1927 г.—61,0, IX—1928 г.—60,6, IX-1929 г. —62.5.

На наших госпредприятиях, являющихся последовательно-социалистическими по своему типу, совершенно иная социальная сущность зарплаты, нежели на капиталистических предприятиях, поэтому сдельная форма зарплаты, как непосредственно связывающая зарплату с производительностью труда, является наиболее желательной. По технологическим же условиям производства сдельная форма зарплаты, по группе рабочих, может охватить все или почти все работы. Поэтому, 60—62,5% охвата сдельной работой рабочего времени является явно недостаточным. Необходимо добиться большего роста об'ема сдельных работ, ибо сдельные работы являются одним из важных источников под'ема производительности труда. В этом направлении имеется еще значительный источник для увеличения роста продукции наших предприятий.

Все рецензируемые наркомтрудовские издания имеют один общий политический дефект — непонимание нового этапа развития нашего хозяйства и тех новых задач в области труда, которые возникают в связи с развернутым социалистическим наступлением. Этот дефект не случаен, он является показателем широкого распространения в органах труда правооппортунистических элементов, их взглядов и «теорий», с одной стороны, с другой—показателем того, что наркомтрудовские органы до смены руководства после XVI с'езда ВКП(б) совсем не начали перестраиваться в соответствии с новыми задачами социалистического строительства.

Как велик был отрыв органов труда от задач нового периода, ясно обнаруживается в том факте, что в сборнике «Труд в СССР», выпущенном к XVI с'езду, ничего не сказано о роли Наркомтруда в социалистическом секторе сельского хозяйства, в колхозах и совхозах. Общеизвестно, что в социалистическом секторе сельского хозяйства, в особенности в колхозах, организация труда имеет решающее значение. Не понимать этого значит быть бюрократом или правым оппортунистом худшего вида, лишь формально голосующим за колхозы.

Вместе с этим, быстрый рост социалистического сектора в сельском хозяйстве имеет решающее значение для радикального изменения всей проблемы рынка труда. Колхозы, переделывая мелкотоварное крестьянское хозяйство в социалистическое хозяйство, ограничивают «самотек» рабочей силы из деревни в город. Поэтому сейчас во весь рост поставлена проблема плановой подготовки и планового распределения рабочей силы.

Роль органов Наркомтруда в этой области исключительно велика и ответственна. Обязательным условием успешного разрешения новых задач является непримиримое разоблачение правооппортунистических взглядов и «теорий» в области труда, четкое проведение в этой области марксистско-ленинской теории и политики и изгнание из органов труда всех элементов, мешающих перестройке их работы в соответствии с новыми задачами социалистического строительства.

А. П.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ на журнал ЦК ВКП (б)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ В ОБЛАСТИ КУЛЬТПРОПРАБОТЫ ПАРТИИ И ПЕЧАТИ

—— ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ ——

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ обслуживание политических и теоретических вопросов широких масс партийного актива и СПЕЦИАЛЬНОЕ обслуживание кадров культпропработы (культпропорганизаторов, пропагандистов, культпропработников парткомитетов, работников периодической печати).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СОДЕРЖИТ:

а) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных отраслях социалистического строительства, по вопросам международным, а также внутрипартийной жизни;

б) специальные материалы в области программного и организационно-методического руководства в культпропработе (программы, планы, методические разработки с'ездов, конференций, пленумов Центрального комитета и пленумов ИККИ, а также методические указания по программам различных видов партийной учебы; инструктивные письма культпропорганизаторам и пропагандистам, постановления ЦК с'ездов совещаний по вопросам культпропработы и партийного просвещения; консультации, планы и методукования для работы пропколлективов; библиографические указатели и т. д.;

в) материалы по подготовке и переподготовке партийного актива.

Кроме того, журналом ведется переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 3 мес.—1 р. 95 к.; на 6 м.—3 р. 90 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 35 КОП.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 2-Е ПОЛУГОДИЕ 1930 г. на ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Основные задачи, стоящие перед марксистской философией нашего времени, были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма». В этой статье, ставшей для журнала программной, В. И. Ленин подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет непримиримую борьбу за ортодоксальный диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина против различных механистических, позитивистических, суб'ективистических и идеалистических течений и направлений. В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м.—1 р. 50 к., на 3 м.—4 р. 25 к., на 6 м.—8 р., на 12 м.—15 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), во всех местных отделениях «Правды», в почтовых конторах, письмоносцами и во всех киосках «Союзпечати».

Главлит № А—77006. Тираж 175000 экз.

Типография газеты „ПРАВДА“, Москва, Тверская, 48.

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 31 ОКТЯБРЯ № 19—20

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на журнал
ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
ОРГАН ЦК ВКП(б)
Выходит 2 раза в месяц.

ДАЕТ установку по наиболее важным и злободневным вопросам политической и хозяйственной жизни страны с точки зрения участия в их разрешении партийных организаций и осуществления партийного руководства.

ВЕДЕТ теоретическую разработку очередных проблем партийного строительства, изучение, анализ и критику опыта, форм, методов и способов работы местных парторганизаций.

СТАВИТ на обсуждение новые вопросы практики партийного строительства и партруководства.

ОСВЕЩАЕТ практику партийного строительства местных, особенно низовых организаций и выявляет образцовые мероприятия местных партийных комитетов.

ИНФОРМИРУЕТ партию о работе ЦК ВКП(б) и местных парткомов.

ВЕДЕТ критику и библиографию литературы, посвященной вопросам партстроительства.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО является органом, совершенно необходимым в повседневной работе партийных организаций, руководящим журналом по вопросам партстроительства как для партколлективов и ячеек, так и для отдельных членов партии.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 6 мес.—2 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 25 к.

ПОДПИШИТЕСЬ
на журнал ЦК ВКП(б)
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ В ОБЛАСТИ
КУЛЬТПРОПРАБОТЫ ПАРТИИ и ПЕЧАТИ
Выходит 2 раза в месяц

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ обслуживание политических и теоретических запросов широких масс партийного актива и СПЕЦИАЛЬНОЕ обслуживание кадров культпропработы (культпропорганизаторов, пропагандистов, культпропработников, парткомитетов, рабочей периодической печати).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СОДЕРЖИТ:

а) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных отраслях социалистического строительства, по вопросам международным, а также внутрипартийной жизни;

б) специальные материалы в области программного и организационно-методического руководства в культпропработе, программы, планы, методические разработки с'ездов, конференций, пленумов Центрального Комитета и пленумов [illegible], а также методические указания по программам различных видов партийной учебы; инструктивные письма культпропорганизаторам и пропагандистам, постановления ЦК, с'ездов, совещаний по вопросам культпропработы и партийного просвещения, консультации, планы и методуказания для работы пропколлективов; библиографические указатели и т. д.;

в) материалы по подготовке и переподготовке партийного актива.

Кроме того, журналом ведется переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 1 мес.—30 к.; на 3 мес.—90 к.; на 6 мес.—1 р. 80 к.;
на 12 мес.—3 р. 60 к.
Цена отдельного номера—20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)
Год издания VII
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 1-21-16, кремл. 1-90.

№ 19—20 — 31 ОКТЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.
Передовая.—Мировой экономический кризис и наш под'ем . 1
Розенталь, К.—Боевые задачи промышленности на особый квартал 10
Геккерт, Ф.—Германские выборы и КПГ 23
Сафаров, Г.—Октябрь и колониальная революция 39
Вайсберг, Р.—Фронт планирования и вредительство 55
Гатовский, Л.—Реконструкция хозяйства и вопросы снабжения. 70
Гайдуль, И.—Опыт борьбы за промфинплан (з-д «Серп и Молот», Москва). 84

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

Ленин.—Письмо т. Курскому по вопросу о терроре 92
Черняк, И.—О письме Ленина т. Курскому по вопросу о терроре. 94

К вопросу о положении на философском фронте. (Резолюция бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е.) 100

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Кин, Д.—Об основных моментах развития ВКП(б). (О статье А. С. Бубнова «ВКП(б)» в БСЭ, т. XI). 111
Незнамов, Ф.—Разоблачим правый оппортунизм в теории и практике на аграрном фронте! (О книге Г. Гордеева «Основные проблемы сельскохозяйственной экономии»). 118
Рабинович, С.—Против оппортунистической клеветы на партию. (По поводу книги П. Суслова «Политическое обеспечение советско-польской кампании 1930 года»). 123

Мировой экономический кризис и наш под'ем.

Антисоветские силы за границей проявляют снова повышенную активность. После провала крестового похода в ход пущена басня о так называемом «советском демпинге». «Умышленным понижением цен на свои экспортные товары советское правительство хочет углубить мировой экономический кризис» — таково последнее самоновейшее «открытие» реакционных политиков буржуазии.

Вся наглая ложь о «бросовом советском экспорте» вскрывается при первом же сопоставлении с фактами. Французские банкиры, Детердинги, трестовики Англии и Америки, польские и финские спекулянты, румынские королевские фашисты, экономисты Лиги Наций, — все они прекрасно знают, что советского демпинга не существует в природе, что советский экспорт, составляя весьма незначительную долю мирового вывоза — около 1,5%, не может ни вызвать, ни углубить мирового экономического кризиса. Больше того, Советский Союз в последние годы стал растущим рынком для ввоза оборудования и сырья из основных капиталистических стран в целях удовлетворения гигантских нужд индустриализации страны. В ряде капиталистических стран наш Союз покупает больше, чем продает.

Задача советского экспорта — не завоевание новых рынков для эксплоатации, а исключительно создание возможностей для импорта, являющегося одним из необходимых условий нашей социалистической реконструкции.

Советский экономический строй, как противоположность буржуазного экономического строя, свободен также от одного из коренных противоречий капиталистического хозяйства — противоречия между растущим производством и низким уровнем потребления народных масс. Систематическое повышение благосостояния трудящихся масс СССР с ростом индустриализации страны создает для советской промышленности и сельского хозяйства совершенно неограниченный рынок. Ускоренные темпы социалистической реконструкции делают необходимым ввоз из-за границы оборудования, машин, недостающего сырья. Создать возможность этого импорта и есть основная задача советского экспорта.

Совершенно очевидно отсюда, что крики о так называемом «советском демпинге» являются организованной кампанией, преследующей цель отвлечь внимание широчайших масс капиталистических стран от истинных причин их растущей нищеты, бедствий трудящихся, организовать экономическую блокаду СССР, словом — организовать борьбу против социалистического наступления в СССР и сколотить общий империалистический фронт для военной интервенции против Советского Союза.

Когда руководители антисоветской кампании связывают ее с мировым экономическим кризисом, то они выдают себя с головой.

XVI партийный с'езд дал анализ происшедшему перелому в международном развитии. «Перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического под'ема, для капиталистических стран поворот означал поворот к экономическому упадку» (Сталин).

Капитализм терпит банкротство. С экономическим кризисом «стабилизации капитализма приходит конец». Буржуазия рассчитывала через «промышленный мир», при помощи социал-демократии, применяя фашистский террор, подавить классовую борьбу пролетариата. Получилось так, что рабочий класс начал все больше отбрасывать руководство социал-фашистов, все больше итти за руководством коммунистических партий, очищающихся от оппортунистической гнили. В ответ на капиталистическую рационализацию нарастает

новый революционный под'ем. Буржуазия рассчитывала подавить национально-революционное движение. Получилось так, что рабоче-крестьянские массы, выковывая в жесточайшей борьбе свою коммунистическую партию, держат высоко знамя революции в колониях и полуколониях. Буржуазия рассчитывала на крах СССР. Получилось совсем наоборот: СССР растет и крепнет, социализм наступает по всему фронту, выкорчевываются корни капитализма в стране, растет и ширится опора советской власти — советская власть стала самой прочной властью в мире. В СССР происходит невиданный под'ем.

Таковы основные факты.

Под'ем в СССР на фоне небывалого мирового экономического кризиса подводит первый исторический итог состязания двух систем — социалистической и капиталистической. В этом мировом состязании мы одержали победу как общественная система, более высокая, чем капитализм.

Конечно, это не значит, что мы уже догнали и перегнали передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. «Это не значит..., что мы уже догнали их в смысле размеров производства, что наша промышленность уже достигла уровня развития промышленности передовых капиталистических стран. Нет, далеко еще не значит. Темп развития промышленности и уровень развития промышленности нельзя смешивать друг с другом» (Сталин).

Но преимущества социалистической системы доказаны сейчас неопровержимо на всемирно-историческом опыте.

Борьба со стороны капиталистического мира идет за то, чтобы, прежде всего, замедлить наше движение, сорвать высокие темпы нашего развития, не дать нам выполнить задачу «догнать и перегнать» и потом военным путем разгромить нас, т.-е. попытаться сделать то, что не удалось буржуазии в 1918—1920 гг. в более благоприятных для капитализма условиях. Борьба со стороны социалистической системы,—с нашей стороны, идет за то, чтобы в кратчайший срок догнать и затем перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении, чтобы во всеоружии встретить интервенционистские атаки, со всей бдительностью и революционной энергией пресекая внутри страны все попытки классового врага: тормозить социалистическое строительство и оказывать помощь империалистам в подготовке интервенции; чтобы развертывать победоносную борьбу за полное торжество социализма в нашей стране и во всем мире.

У нас есть все данные и возможности выиграть и в этом состязании. Факты и цифры—вещь упрямая. Вот, что указывают цифры самой Лиги Наций: индексы промышленной продукции, принимая 1925 г. за 100, равнялись в 1929 г. в стране «процветания»—в САСШ—113, а в СССР—240; по чугуну: весь мир—127, а СССР—334,7; по стали: весь мир — 130,8, а СССР — 270,1.

Эти цифры говорят о том, что Советский Союз быстро догонял капиталистические страны даже и в период их «процветания».

С экономическим кризисом «процветание» на капиталистическом полюсе потерпело банкротство как-раз тогда, когда СССР начал брать еще более высокие темпы в борьбе «догнать и перегнать». Июнь 1930 года в капиталистическом мире дал огромное снижение продукции в основных отраслях, по сравнению с июнем 1929 года. Снижение по железу: Англия — 15%, Германия — 26%, САСШ — 21%; по стали: Англия — 28%, Германия — 28%, САСШ — 28%; по углю: Англия — 17%, Германия — 10%, САСШ — 12%. В общем снижение продукции за год — на 25%, а в СССР за такой же примерно период мы имеем рост тяжелой промышленности на 40%.

В области тяжелой промышленности СССР быстро догоняет капиталистический мир.

Таков ход борьбы за выполнение нашего лозунга — «догнать и перегнать». Факты говорят ясно о том, каков будет ближайший исход этой борьбы. «Догнать и перегнать» — стало программой, которую можно выразить в цифрах, в сроках.

Победа СССР в этом состязании явится всемирной победой социализма над империализмом.

Это состязание, эта борьба происходит сейчас в новой международной обстановке.

Кризис привел к огромному обострению всех противоречий капитализма. Капитализм заживо гниет. В ряде важнейших стран (Германия, Польша и др.) кризис экономический перерос в кризис политический, в других — и почти всюду — это перерастание происходит, назревает.

Буржуазия, чтобы смягчить кризис, ведет бешеное наступление на рабочий класс. «Теория высокой зарплаты» провалилась. Вся буржуазная печать вопит о «необходимости жертв» со стороны рабочего класса. По официальным данным, только за 6 месяцев 1930 г. реальный доход рабочего класса Германии снизился более чем на 12%. В Англии, в угольной промышленности зарплата за второй квартал 1929 года снизилась на 19%. В САСШ сумма зарплаты рабочих с августа 1929 г. к августу 1930 г. сократилась на 27%. Помимо этого растут лавиной миллионные армии безработных.

На последних фактах международной обстановки целиком подтверждается и оправдывается оценка тов. Сталиным значения мирового экономического кризиса, перерастающего в политический.

«Это значит, — говорит т. Сталин, —...что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию..., что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции».

А пролетариат, «борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции».

Действительно контрнаступление пролетариата, крестьянства и колониальных народов все более подымается в ответ на бешеные попытки буржуазии выйти из кризиса и разгромить силы нарастающего революционного под'ема. Развертывается острейший кризис социал-демократии. Нельзя сейчас аргументировать благами «промышленного мира», рационализации и т. д. Разрушаются социал-демократические иллюзии в рабочих массах. После фашистских деяний социал-демократии злой насмешкой звучат в ушах рабочих лживые обещания насчет «хозяйственной демократии», «промышленного мира» и т. д.

Буржуазия может лишь цинично аргументировать интересами самосохранения, сохранения своего кошелька, своего господства. «Классовый характер буржуазной власти выступает теперь во все более обнаженной форме» (Молотов).

Фашистская диктатура или диктатура пролетариата—этот вопрос ставится вплотную перед борющимися классами.

Под этим знаком прошли выборы в Германии, под этим знаком проходят они в Польше. И миллионы голосуют за пролетарскую диктатуру, за пролетарскую революцию. Более $4\frac{1}{2}$ миллионов пролетариев Германии голосовали за компартию. О возрастающей революционной активности германского пролетариата говорит стачечная борьба металлистов. Зимой в Германии будет 5—6 млн. безработных.

Могучий революционный под'ем происходит в Польше. Быстро назревают здесь элементы революционной ситуации.

Массовые политические стачки прокатились на промышленном севере Франции.

Небольшая компартия в Англии развертывает широкое массовое движение за «рабочую хартию» против лжерабочего правительства.

В САСШ кризис обостряется с каждым днем. Безработица, по признанию самых официальных источников, достигла 7 — 8 млн. чел.

Советское знамя укрепляется в Китае.

Индийская революция организует силы для нового контрнаступления против английского империализма.

Широчайшие народные массы всюду приходят в движение.

На почве бушующего экономического кризиса с особой силой обнажаются и обостряются все противоречия версальской системы послевоенного империализма—противоречия между нациями господствующими и угнетенными, между победителями и побежденными, внутри самих победителей. Не случайно германские выборы концентрировались на борьбе вокруг плана Юнга. Не случайно в центре польских выборов стали народные движения в угнетенных окраинах Польши, данных ей на порабощение версальской системой.

Коренной факт состоит в том, что массы начинают видеть, что в рамках капитализма невозможно разрешение противоречий Версаля. На германских выборах миллионы пролетариев голосовали за разрешение противоречий Версаля через пролетарскую революцию. Все более ясно выступает перед массами тот факт, что противоречия версальской системы есть противоречия всей капиталистической системы вообще. Обнажение этих противоречий перед массами происходит тем быстрее, что единственная страна, свободная от пут Версальского договора,— СССР — победоносно идет вперед, растет, развертывает свободный труд, организуя его на совершенно недоступных капитализму, на социалистических основах,—преодолевая большие трудности, учась на опыте, осуществляет — и не плохо — боевой лозунг: «пятилетка в четыре года».

За последние месяцы, после XVI с'езда, произошло дальнейшее развитие мирового экономического кризиса, дальнейшее развертывание обостряемых им противоречий. Усилились тенденции капиталистического мира—попытаться за счет СССР как-нибудь смягчить или разрешить раздирающие его противоречия,—прежде всего, обостряющиеся противоречия между буржуазией и пролетариатом. На рост социалистического строительства в СССР, увеличение революционизирующей роли наших успехов среди трудящихся масс мира—империализм отвечает активным поиском путей и мобилизацией всех сил для того, чтобы раздавить Советский Союз стремительным наступлением, разгромить революционный под'ем в рабочем движении.

Кампания против «советского демпинга» является важнейшей частью развертывающегося наступления капитала на рабочий класс. Буржуазия хочет сказать народным массам: вы страдаете от кризиса — это верно, мы тоже страдаем. Но кто общий враг? Это — СССР, это—«демпинг» Советского Союза обостряет кризис, и от него все несчастья кризиса. Поэтому — общим фронтом против СССР.

Таков тактический маневр буржуазии.

Нечего сомневаться, что оголтелая реакция потерпит банкротство в своих расчетах, как она потерпела банкротство в предыдущих антисоветских кампаниях. Достаточно уже прочен авторитет СССР в трудящихся массах капиталистических стран. Немногие поддадутся махинации темных реакционных сил. Передовым рабочим нетрудно будет доказать истинный смысл и бессмыслицу реакционной демагогии.

Все данные говорят за то, что новый взрыв антисоветской кампании, борьбы против советского экспорта связан с широкой и решительной подготовкой войны против Советского Союза. На это указывает хотя бы один тот факт, что вопрос о «советском демпинге» вдруг стал мировым вопросом, что идейная гегемония в этой кампании принадлежит Франции, которая уже поспешила принять запретительные законы против советского экспорта, что этим вопросом занялась Лига Наций, а для борьбы против «советского демпинга» лучшим средством оказалась организация антисоветских блоков и конференций в сопредельных с СССР странах под руководством Франции. На это же указывают «аграрные» конференции прибалтийских и балканских стран, бряцание оружием в Польше, бесцеремонная антисоветская кампания польской буржуазной печати, усиленная фашизация пограничных с СССР стран (Румыния, Финляндия, Латвия). Речь идет конкретно о создании фашистского плацдарма на западных границах СССР для империалистической интервенции против Советского Союза.

Советский Союз должен быть на-чеку!

Мы знаем, что в империалистическом лагере борются противоречивые интересы. Мы знаем, что в каждой стране, как Франция, Польша, Англия, САСШ — одна часть буржуазии ведет бешеную кампанию против советского экспорта, а другая, более заинтересованная в экономических отношениях с СССР, даже разоблачает эту антисоветскую кампанию. Эта (последняя) часть буржуазии делает практические выводы из того факта, что советский экспорт есть основа советского импорта. А последний, при современном обострении для капиталистических стран проблемы рынков сбыта, не так-то легко сбросить со счетов. Мы знаем, что и между империалистическими странами противоречия не только не смягчаются, но сильно обостряются. Империалисты бряцают оружием. Ведется лихорадочная подготовка для второй всемирной империалистической бойни. Мы знаем далее, что буржуазия понимает опасность для себя при подготовке и мобилизации сил для нападения на СССР,—опасность со стороны революционизирующихся масс как вследствие растущей неустойчивости своего тыла, так и вследствие растущей мощи СССР. Но буржуазия также знает, что время работает за нас, что СССР растет и крепнет. Международная обстановка делается все более неустойчивой. Возможность крутых перемен в ситуации теперь значительно выше.

Военно-политические штабы империализма активно работают над подготовкой интервенции против СССР. Белогвардейщина за границей оживилась. Классовый враг внутри СССР пытается мобилизовать свои силы, чтобы, опираясь на международный империализм, оказать последнее сопротивление наступающему социализму. Дело контрреволюционных вредительских групп говорит достаточно красноречиво о том, как империалисты пытаются опереться внутри СССР на эти группы для подготовки интервенции.

В этой ситуации задача усиления бдительности масс в отношении военных планов империализма, задача мобилизации масс против империалистической войны и особенно в защиту международного отечества трудящихся — Советского Союза, в защиту социалистического строительства в СССР, разоблачение истинного характера кампании против советского экспорта,—требуют мобилизации сил коммунистических партий и всех революционных рабочих. Выполнение этих задач является в настоящий момент важнейшей частью организации революционного контрнаступления пролетариата против атак буржуазии, фашизма и социал-фашизма за торжество пролетарской революции.

Капитализм готов итти на самую отчаянную авантюру, чтобы спасти свое господство.

Но ничто не задержит социалистического наступления в СССР. Оно в руках миллионов масс трудящихся в городах, заводах и деревнях. На его стороне борьба и симпатии миллионов трудящихся в капиталистических странах. Оно под охраной сплоченной с рабоче-крестьянскими массами Красной армии. Оно идет под руководством ВКП(б).

Борьба социализма и капитализма в мировом масштабе сейчас вступила в новый этап. Политика и задачи СССР, политика и задачи партии ясны: дальнейшее развертывание большевистского наступления по всему фронту внутри страны, продолжение твердой большевистской политики мира вне ее.

Наша политика мира есть политика обеспечения социалистического наступления внутри страны. Мы готовы итти на всякие разумные переговоры, соглашения. Мы будем использовывать максимально преимущества нашей системы внешней торговли. Но мы дадим, как на КВЖД, беспощадный отпор всякой попытке перейти в наступление против нас, всякой панике перед такими попытками, в какой бы форме — правой или «левой» — она ни выражалась. Постановление советского правительства об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с СССР, говорит о том, что в распоряжении Советского Союза есть и достаточные экономические возможности для принятия контр-мер против слишком зарвавшихся в своем усердии вдохновителей борьбы с советским экспортом.

«Догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении — важнейшая историческая задача, стоящая перед нами в непримиримой борьбе между социалистической и капиталистической системами. В этой борьбе партия не упустит ни одной возможности усиливать социалистическое наступление и даст сокрушительный отпор всяким оппортунистическим попыткам помешать этому. Люди, болтающие о снижении темпов развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами стоящих по ту сторону фронта, агентами руководителей кампании против советского экспорта.

Наше развернутое социалистическое наступление по всему фронту, выполнение высоких темпов строительства социализма — на

основе мобилизации масс и перестройки работы всех организаций рабочего класса,— это самое верное, неотразимое орудие пролетариата в защите СССР от опасности войны и интервенции.

Правые и «левые» оппортунисты, примиренцы и двурушники все более обнаруживают себя не только как об'ективных агентов кулака, но и как людей, об'ективно ослабляющих силы СССР в борьбе за «пятилетку в четыре года», в международной борьбе СССР.

Партия преодолевает все трудности социалистического наступления и идет вперед в мировом состязании социализма и капитализма под ленинским руководством своего ЦК, на основе большевистских решений XVI с'езда, на основе решительной борьбы на два фронта со всеми искажениями ленинской политики.

К. Розенталь.

Боевые задачи промышленности на особый квартал.

Второй год пятилетки — 1929/30 хозяйственный год — окончен. Народное хозяйство нашего Союза и промышленность, как его ведущая отрасль, вступили в тот особый, боевой, ударный квартал, который отделяет этот истекший хозяйственный год от того нового хозяйственного года, который согласно решению партии и правительства, начнется с 1-го января 1931 г.

Каковы задачи этого особого квартала? Что должен он будет дать народному хозяйству? И, в частности, что требует народное хозяйство в этом особом квартале от промышленности?

Ответ на все эти вопросы в значительной степени связан с анализом тех итогов, которые промышленность подводит, закончив истекший хозяйственный год.

* * *

Первый год пятилетки — 1928/29 г. — был закончен промышленностью, как известно, более или менее удовлетворительно. Несмотря на некоторое недовыполнение качественных показателей работы промышленности, рост промышленной продукции превысил проектировки пятилетнего плана. Но в этом не было ничего удивительного. В своем поступательном ходе развития, революция открывала все новые и новые факторы, ускоряющие темпы социалистического строительства. И с этой точки зрения особое значение в ходе развития нашей революции имеет первый год пятилетки, справедливо названный т. Сталиным, годом «великого перелома». Именно этот год — год, выдвинувший социалистическое соревнование и ударничество, как основные формы социалистической организации труда, именно этот год — год начавшегося перехода к непрерывной производственной неделе, открывшей новые величайшие резервы в деле ускорения темпов социалистического строительства и взрывающей, так сказать, «на корню» старый быт; именно этот год с его новым гигантским под'емом творческой активности миллионных масс рабочего класса позволил еще и еще раз пересмотреть наши проектировки темпов социалистической индустриализации в сторону их дальнейшего повышения. Несколько превысив в части роста промышленной продукции проектировки пятилетнего плана в первом году пятилетки, второй год пятилетки мы, исходя из этих новых условий, новой обстановки и выявившихся новых дополнительных резервов,—могли запроектировать уже с значительным превышением проектировок пятилетнего плана по всем показателям нашего индустриального развития.

Прирост промышленной продукции — так, как он проектировался контрольными цифрами на 1929/30 год, — значительно превышал не только все прежние проектировки, но и проектировки пятилетнего плана. В какой мере это было именно так, лучше всего иллюстрирует приводимая ниже таблица:

Темпы прироста продукции за 1929/30 г.

(в неизменной оценке).

„Пятилетка“ ОСВОК'а	13,0	%
Материалы комиссии Струмилина	9,	„
„ „ Гинзбурга	13,7	„
„ „ Межлаука	17,6	„
Перспективный проект Госплана 1927 года	10,6	„
ВСНХ декабрь 1928 г.	20,2	„
Госплан а) отправной вариант	18,6	„
Госплан б) оптимальный вариант	21,4	„
Контрольные цифры на 1929/30 г.	32,3	„

Таким образом, второй год пятилетки должен был дать в полтора раза большие темпы роста промышленной продукции, чем это намечалось пятилетним планом, утвержденным с'ездом Советов.

Сходное положение мы имеем и по всем остальным показателям развития промышленности: капитальные работы должны были составить 3.960 млн. руб. против 2.331 млн. руб. по пятилетнему плану, снижение себестоимости должно было составить 11% против 7% по пятилетке и т. д.

Каковы же предварительные итоги выполнения этого плана, столь значительно превышающего проектировки пятилетки?

Ориентировочные данные, которыми мы располагаем, говорят о том, что в 1929—30 г. мы имели прирост промышленной продукции примерно на 25% против 21,4% по пятилетнему плану. Те самые проектировки пятилетнего плана, которые своей грандиозностью пугали наших правых оппортунистов, не веривших и не верящих в величайшие творческие силы рабочего класса, не умевших и не умеющих видеть все те преимущества, которыми обладает наша система хозяйства, — оказались далеко превзойденными. Особенно значительным было превышение проектировок пятилетнего плана по отраслям тяжелой индустрии — основной базы социализма, где в истекшем хозяйственном году прирост продукции составил 38%, вместо 26% по пятилетнему плану. Темпы роста тяжелой индустрии в полтора раза превысили темпы, намеченные пятилетним планом.

Эти крупнейшие успехи нашей социалистической промышленности приобретают особое значение в свете того жесточайшего кризиса, который переживает капитализм. Там — снижение производства, там — предприятия вынуждены останавливаться из-за отсутствия сбыта, выбрасывая на улицу все новые и новые сотни тысяч и миллионы рабочих. Здесь — в стране Советов, в стране строящегося социализма — новый крутой под'ем, новое и притом значительнейшее продвижение нашей промышленности вперед, оставляя далеко позади проектировки пятилетнего плана. На наших глазах претворяется в жизнь наш реально осязаемый боевой лозунг, наша боевая директива: догнать и перегнать в кратчайший исторический срок передовые капиталистические страны.

И, тем не менее, несмотря на всю значительность тех успехов, которые одержала промышленность в истекшем хозяйственном году, то плановое задание, которое было дано не пятилеткой, это задание выполнено и перевыполнено), а К. Ц. на 1929—30 г., значительно повысившими задания пятилетнего плана для этого года, — оказалось невыполненным.

Где причины этого невыполнения промышленностью планового задания на 1929/30 год?

Частичное об'яснение этому явлению в области производства промышленной продукции дает анализ выполнения плана по двум основным подразделениям промышленности: производству средств производства и производству средств потребления.

Рост промышленного производства (к 1928/29 г.)

(по кругу ЦОС'а.)

	План	Фактически выполнено	Процент выполнения плана
„А"	13[illegible],7%	137,7%	98,5%
„Б"	123,8%	111,1%	89,7%
По всей промышленности. . .	130,8%	124,2%	94,9%

При общем недовыполнении плана промышленного производства по всей промышленности на 5,1%, по отраслям легкой индустрии план недовыполнен на 10,3%, а по отраслям тяжелой индустрии — на 1,5%.

Таким образом, столь значительное недовыполнение плана промышленного производства идет в основном за счет легкой индустрии. А это, в свою очередь, об'ясняется, прежде всего, недостатком сырья, перерабатываемого этими отраслями промышленности. В частности, хлопчатобумажная промышленность, которая играет решающую роль в определении динамики развития всей легкой индустрии, находилась в исключительно напряженных условиях — в смысле обеспеченности сырьем.

Если, однако, в отраслях легкой индустрии (хотя и не во всех) недовыполнение плана может быть об'яснено недостатком сырья, то в отраслях тяжелой индустрии (особенно в таких ее отраслях, как топливная, металлургическая и химическая) недовыполнение плана явилось прямым результатом неиспользования тех производственных резервов, которыми эти отрасли промышленности обладают, неумением поднять и возглавить ту активность рабочих масс, которая является решающим условием выполнения планов социалистического строительства.

На первый взгляд как-будто незначительное (1,5%) невыполнение плана производства по тяжелой индустрии тем не менее значительно дезорганизовало работу промышленности. И здесь сыграло свою роль не только само по себе недовыполнение плана, но и распределение этого недовыполнения плана по кварталам.

Внутригодичная динамика производства

(в процентах к предыдущему кварталу).

		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
Группа „А"	1928/29 . . .	106,8	106,0	105,5	111,2
	1929/30 . . .	106,0	11[illegible],4	105,0	104,2
„ „Б"	1928/29 . . .	122,3	105,2	100,1	101,6
	1929/30 . . .	114,9	105,8	87,3	89,2
Вся промышленность	1928/29 . . .	115,2	105,6	102,4	105,8
	1929/30 . . .	110,8	110,4	95,7	96,8

Как в целом по промышленности и особенно по легкой индустрии (гр. «Б»), так и по отраслям тяжелой индустрии, последние кварталы истекшего хозяйственного года были кварталами снижающихся темпов прироста промышленной продукции. Если, повторяем, в отраслях легкой индустрии это явилось результатом недостатка сырья, то в отраслях тяжелой индустрии эта снижающаяся кривая темпов прироста промышленной продукции явилась результатом неумения использовать те производственные ресурсы, которыми они обладают, ухудшением использования механизмов и агрегатов, неумением преодолеть возросшую текучесть рабочей силы, ослаблением рационализаторской работы и общего технического руководства, и т. д.

С особенной наглядностью это положение может быть проиллюстрировано на работе Донбасса. Дав в марте месяце рекордную добычу — 3.600 тыс. тонн, Донбасс начинает из месяца в месяц уменьшать свою добычу, показывая по месяцам последнего квартала 1929/30 года такую динамику:

июль	2.600 тыс. тонн
август	2.400 „ „
сентябрь	2.300 „ „

Иначе говоря, в результате полугодовой работы Донбасс свел месячную добычу до ⅔ своей мартовской добычи! Каменноугольная промышленность, дав в 1929—30 г. свыше 46,6 млн. тонн и увеличив добычу за год на 17,6%, все же недодала стране свыше трех миллионов тонн угля. Ежегодное снижение добычи угля в эти летние месяцы в истекшем хозяйственном году носило недопустимо резкий характер, захватив даже сентябрь, когда кривая добычи давала, как правило, резкий перелом в сторону роста добычи.

Где корни и причины этого безобразного положения вещей в угольной промышленности?

> «Производственный прорыв в Донбассе вскрыл, — говорится в постановлении ЦК КП(б)У по докладам т.т. Молотова и Лобова, — что в хозяйственном руководстве угольной промышленностью было сделано серьезнейшее упущение, выразившееся в недооценке значения механизации Донбасса, как решающего фактора в развитии угольной промышленности в данный период.
>
> Вместо того, чтобы в соответствии с директивами партии сосредоточить главное внимание хозяйственного и технического руководства на максимальном использовании внутренних, прежде всего, технических ресурсов угольной промышленности;
>
> вместо того, чтобы на деле поставить на службу пролетарскому государству все имеющееся механическое оборудование и обеспечить его полное и действительно рациональное использование;
>
> вместо того, чтобы обеспечить проведение этой задачи соответствующими кадрами рабочих и техников;
>
> вместо того, чтобы на основе максимального использования имеющегося уже механического оборудования восполнить создавшийся в летние месяцы недостаток в рабочей силе и чтобы благодаря всем этим мероприятиям теперь же значительно ускорить развертывание добычи угля в Донбассе и сделать новый важнейший шаг по пути облегчения труда шахтерской массы, — хозяйственно-техническое руководство упустило время для перестройки своей работы в соответствии с необходимостью решительного поворота лицом к механизации Донбасса».

Результаты мартовской добычи угля со всей неопровержимостью свидетельствуют о тех величайших резервах, которыми обладает наша каменноугольная промышленность и которые могут и должны быть использованы в деле ускорения темпов нашего хозяйственного строительства.

Это особенно необходимо и особенно важно, поскольку каменноугольная промышленность только выполнила в 1929—30 г. задания пятилетнего плана, в то время как вся промышленность в целом, как мы это видели, далеко превысила проектировки пятилетнего плана. Каменноугольная промышленность уже в 1929—30 г. являлась узким местом нашего хозяйственного развития, и ей необходимо решительно перестроиться для того, чтобы обеспечить намечаемые на ближайшие годы темпы развития как самой промышленности, так и транспорта и всего народного хозяйства.

Весьма значительным оказалось недовыполнение плана и по черной металлургии, хотя и здесь проектировки пятилетнего плана оказались превышенными,

	1929/30 год	
	Пятилетка	Фактически выполнено
Чугун в млн. тонн . . .	5,0	4,98
Сталь „ „ . . .	5,2	5,55
Прокат „ „ . . .	4,0	4,44

Что означают эти достижения нашей металлургии, будет наглядно видно из сравнения с теми процессами, которые происходят в мировой металлургической промышленности.

	Чугун (в тыс. тонн)			Сталь (в тыс. тонн)		
	1929 г. август	1930 г. август	В %%	1929 г. август	1930 г. август	В %%
САСШ	3.755	2.523	67,2	4.939	3,095	62,7
Англия	684	416	60,8	753	451	59,9
Германия	1.168	739	63,2	1.402	897	63,9

Таким образом, в то время как металлургия крупнейших стран капитализма сократила свое производство до ⅔ своего производства 1929 г., наша металлургия дала прирост за 1929—30 г. в 24% по чугуну, 17,6%—по стали и 14,5% — по прокату. Надо при этом отметить, что довоенный уровень производства черной металлургии в истекшем хозяйственном году был значительно превышен. Довоенный уровень производства был превзойден по чугуну на 18,2%, по стали — на 30,7% и по прокату — на 26,5%. И, тем не менее, несмотря на превышение проектировок пятилетнего плана, свое повышенное, по сравнению с пятилеткой, задание на 1929—30 г. черная металлургия сводит в условиях недодачи народному хозяйству полумиллиона тонн металла!

Плановое задание недовыполнено:

по чугуну на . . . 8,0%
„ стали „ . . . 10,0%
„ прокату „ . . . 11,0%

Этот прорыв по черной металлургии не мог не отразиться самым болезненным образом на всем народном хозяйстве, усилив и обострив тот дефицит металла, который намечался даже в условиях полного выполнения плана по черной металлургии.

В известной степени результатом этого невыполнения плана производства металлургической промышленности явилось недовыполнение плана и по некоторым отраслям машиностроения. В частности промышленность сельскохозяйственного машиностроения, несмотря на то, что она в 1929/30 году довоенный уровень производства превзошла в 4,5 раза, — все же не выполнила годовой план.

Особенно значительно недовыполненным оказался план химической промышленности, которая заняла одно из последних мест по выполнению плана. Несмотря на продолжающийся рост производства продукции основной химии, несмотря на то, что темпы возрастания в 1929—30 г. относительно довольно высоки, — требования, поставленные химии промфинпланом и еще раз подкрепленные постановлением XVI партс'езда о форсировании производства химпромышленности, остались невыполненными.

Производственный прорыв в основной химической промышленности охватил не только IV квартал (что характерно для ряда других отраслей тяжелой промышленности), но также и III квартал. Между тем здесь прорыв тем меньше оправдываем, что в данной отрасли за отчетный год пущено много новых установок и произведены расширение и реконструкция старых заводов.

Недовыполненным, наконец, остался план и промышленности строительных материалов.

Из числа отраслей тяжелой индустрии, выполнивших или близких к выполнению планового задания на 1929/30 год, надо отметить нефтяную промышленность 99,8%, кокс (выжиг) — 99%, электротехническую — 100%, тяжелое машиностроение — 107%, и т. д. В результате, как это уже указывалось выше, отраслями тяжелой индустрии в целом план производства на 1929/30 г. был выполнен на 98,5%.

Что же, однако, означает это недовыполнение плана промышленного производства с точки зрения заданий пятилетки и соотношения с довоенным уровнем производства? Несмотря на невыполнение повышенного плана на 1929—30 г., мы идем с значительным превышением проектировок пятилетнего плана. Но мы можем поставить под угрозу выполнение лозунга — «пятилетка в четыре года», если не добьемся дальнейшего ускорения темпов нашего индустриального развития, если величайшим напряжением сил, мобилизацией всех творческих сил рабочего класса не ликвидируем тех прорывов, которые имели место в истекшем хозяйственном году. Отсюда — прямо вытекает одна из тех серьезнейших задач, которая должна быть поставлена перед особым кварталом, который отделяет истекший хозяйственный год от нового 1931 хозяйственного года.

Что же касается сравнений с довоенным уровнем промышленного производства, то нужно прямо сказать, что эта «довоенная мерка» может для нас играть роль некоей «статистической» мерки. Довоенный уровень промышленного производства, превзойденный уже в 1926/27 году, в истекшем хозяйственном году был превзойден почти в два раза.

Недовыполненным, как мы уже указывали выше, оказался и план капитального строительства, хотя проектировки пятилетнего плана и здесь остались далеко позади. Определяемый, по данным ЦОС'а, в 3.267 млн. руб. фактический об'ем капитального строительства на 700 млн. рублей меньше годового планового задания на 1929/30 г., на 936 млн. руб. выше проектировок пятилетнего плана и в два раза превышает об'ем капитальных работ 1928—29 года.

Где причины столь незначительного, — по сравнению с заданиями ЦК на 1929—30 г., — недовыполнения плана капитальных работ? Они лежат в первую очередь в недостаточной подготовленности строительных организаций к осуществлению этой большой программы капитальных работ, задержке в проектировании, недостаточных темпах развертывания работ, рвачестве и хищническом отношении строителей к делу распределения строительных материалов (в результате чего при общем напряженном балансе стройматериалов на ряде строительств при избытке одних строительных материалов испытывалась острая нужда в других строительных материалах), неумение поднять и использовать растущую активность масс, бороться с той волной текучести рабочей силы, которая имела место, и т. д.

Наконец, серьезнейшей и важнейшей причиной невыполнения этих количественных показателей (рост производства и об'ем капитальных работ) работы промышленности является серьезное недовыполнение планового задания по качественным показателям работы промышленности, — снижении себестоимости промышленной продукции, снижении строительного индекса и росту производительности труда.

Контрольные цифры на 1929/30 г. снижение себестоимости определяли (без пищевкусовой промышленности) в 11,8%, что должно было дать увеличение внутрипромышленных накоплений примерно в полтора миллиарда рублей. Предварительные и притом сугубо ориентировочные данные за 11 месяцев истекшего года говорят, однако, о том, что это плановое задание будет выполнено лишь на 60%, — и общее снижение себестоимости составит 7,1%.

Из отдельных отраслей план по себестоимости выполнен только нефтяной, пеньковой и полиграфической промышленностью. Цветная металлургия, машиностроение, автотракторостроение, электротехническая, лакокрасочная, анилокрасочная и химико-фармацевтическая отрасли промышленности план по себестоимости выполнили в размере 80—90%.

Все же остальные отрасли выполнили план снижения себестоимости менее чем на три четверти, а по ряду отраслей (каменноугольной, черной металлургии, лесохимической, льняной, спичечной и фото-химической) план выполнен всего лишь в размере около одной трети.

Что означает это невыполнение плана снижения себестоимости? Уменьшение внутрипромышленных накоплений, против плановых предположений на 450—500 млн. рублей.

В этом недовыполнении плановых проектировок в части снижения себестоимости наряду с такими факторами, как невыполнение производственной программы и останов фабрик в отраслях, работающих на с.-х. сырье (текстиль и др.), сыграли свою роль слабая подготовленность фабрик и заводов к реализации намеченных планов снижения себестоимости на 1929—30 г.; запоздалое доведение плана по себестоимости до фабрик, заводов, цехов; текучесть рабсилы; низкий уровень использования основных средств производства; частые аварии и простои оборудования; недовыполнение производственной программы; низкий коэфициент использования топлива, сырья, полуфабрикатов; большой размер брака, пониженный уровень качества продукции и проч.

Наконец, весьма существенную роль в этом недовыполнении плана снижения себестоимости сыграло недовыполнение плана в части роста производительности труда.

По данным (ориетировочным) за 11 месяцев, производительность труда, как средняя из 11 месяцев 1929—30 г., по сравнению со средней годовой предшествующего года возросла в пределах 12—13%. Планом же было предположено увеличение выработки на одного рабочего на 25%.

В результате мы имели значительно превышающий плановые предположения рост общей численности рабочих, занятых в промышленности. Вновь вовлеченными в промышленное производство оказалось свыше 384 тыс. рабочих, вместо 194 тыс., намеченных по плану. Иначе говоря, общий рост числа рабочих составит 13,4%, вместо 4,7% по плану. Надо, однако, сказать, что вызванный, с одной стороны, невыполнением плана роста производительности труда этот, превышающий плановые проектировки, общий рост численности занятых в промышленности рабочих явился, с другой стороны, результатом стремления некоторых хозяйственников «перестраховать» себя от текучести рабочей силы и иметь некоторый «резерв» излишней рабочей силы. Такая «политика» некоторых хозяйственных организаций, по сути дела, означает не борьбу с текучестью, а приспособление к текучести и требует самой решительной и упорной борьбы, ибо вызывает дальнейшее напряжение с рабочей силой и еще большее обострение того недостатка в рабочей силе, который мы имеем.

Таковы те, вкратце, итоги, с которыми промышленность закончила второй год пятилетки. Задания пятилетнего плана выполнены и перевыполнены. Но промышленность не справилась с теми повышенными заданиями, которые на нее были возложены контрольными цифрами на 1929/30 год. Необходимо величайшее напряжение сил для того, чтобы нагнать упущенное, наверстать потерянное. И с этой точки зрения подлинно боевым и ударным должен быть тот особый квартал, который отделяет истекший хозяйственный год от нового хозяйственного года. Именно на его долю ложится труднейшая и ответственнейшая, но и благодарнейшая задача (наряду с разрешением тех задач, которые были на него возложены как на первый квартал 1930—31 года) — покрыть и перекрыть те прорывы, которые нам оставил в плане промышленного развития 1929—30 хозяйственный год.

Итоги истекшего хозяйственного года, наряду с необходимостью осуществления задачи «пятилетка в четыре года», в основном предопределили и материальное содержание плана промышленности, планируемой ВСНХ на особый квартал — октябрь — декабрь 1930 г. Выполнить задания, возложенные на особый квартал, как первый квартал ранее спроектированного 1930—1931 г., и перекрыть прорывы, которые оставил истекший 1929—30 хозяйственный год, — такие гигантские задачи поставлены перед особым кварталом, и они должны быть во что бы то ни стало разрешены.

Исходя из этих предпосылок промышленность запроектировала свой план на особый квартал октябрь — декабрь 1930 года. Выше мы уже указывали, как неблагоприятно складывалась динамика поквартального роста промышленного производства в 1929—30 г., — начиная со второй половины года, мы имели из квартала в квартал снижение темпов промышленного производства, особенно резкое по отраслям легкой индустрии, но захватившее и отрасли тяжелой индустрии. План промышленного производства на особый квартал исходит из резкого перелома этой кривой темпов промышленного развития и крутого под'ема промышленного производства.

В целом по промышленности, планируемой ВСНХ, и по основным ее подразделениям (тяжелой и легкой индустрии) этот рост промышленного производства в особом квартале по сравнению с IV кварталом истекшего хозяйственного года представляется в таком виде:

Валовая продукция в млн. рублей по неизменным ценам.

	Ожидаемое выполнение в IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал.	
		Абс.	В процентах к IV кв. 1929/30 г.
Гр. „А“	2.424	3.312	136,6
„ „Б“	1.411	1.855	131,5
Вся промышленность . .	3.835	5.167	134,7

Таким образом, особый квартал в процентах к предыдущему IV кварталу 1929/30 года должен будет дать прирост промышленной продукции свыше 36,6%, а в абсолютном своем выражении должен будет дать примерно треть всей промышленной продукции 1929—30 года.

Уже из этих нескольких цифр можно видеть, какой смысл имеет право- и «лево»-оппортунистическая болтовня, что особый квартал тем только и «особенен», что является выражением признания нереальности лозунга «пятилетка в четыре года». В истории великой и героической борьбы миллионных масс пролетариата за осуществление ими же брошенного лозунга «пятилетка в четыре года», особый квартал войдет как квартал большевистского штурма трудностей, стоящих на пути осуществления этого лозунга. И пусть эти кулацкие подголоски, «молочные» братья Кондратьевых и Громанов, злобно и издевательски хихикают в кулак. Они будут сметены штурмом миллионных масс пролетариев, не останавливающихся ни перед какими трудностями в борьбе за социализм.

Необходимость, — наряду с разрешением тех задач, которые стояли перед кварталом октябрь—декабрь 1930 года, как первым кварталом третьего года пятилетки, — покрытия прорывов второго года пятилетки потребовала особо напряженных заданий, прежде всего, по таким отраслям промышленности, как каменноугольная, металлургическая; невыполнение плановых заданий именно по этим отраслям во втором году пятилетки было особенно болезненно для всего народного хозяйства. По этим отраслям промышленности на особый квартал возложены такие задания;

	IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал. Абс.	В процен. к IV кв.
Каменный уголь в млн. тонн .	9,7	21,2	218,5
Чугун в тыс. тонн	1.228	1.545	125 8
Сталь „ „	1.319	1.802	136,6
Прокат „ „	947	1.529	161,4

Какого решительного перелома в работе этих отраслей промышленности требует план на особый квартал, особо наглядно будет видно, если рассмотреть помесячную динамику добычи угля по Донбассу:

Добыча угля в тыс. тонн.

IV квартал.		Особый квартал.	
Июль	2.600	Октябрь	4.800
Август	2.400	Ноябрь	5.300
Сентябрь	2.300	Декабрь	6,170

Иначе говоря, уже октябрь месяц по сравнению с сентябрем месяцем должен будет дать увеличение добычи больше чем в два раза. Декабрь же месяц должен будет дать в 2,7 раза больше чем сентябрь. Снижающейся из месяца в месяц кривой добычи каменного угля по Донбассу в IV квартале 1929—30 года противостоит энергичная решительная большевистская кривая неуклонного под'ема из месяца в месяц добычи каменного угля в ударном боевом особом квартале.

Нет сомнения, что такого рода задание по каменноугольной промышленности потребует исключительного напряжения, подлинно большевистской работы всех звеньев этой промышленности, каждого ее работника, боевых ударных темпов работы, величайшей активности рабочих масс и всего инженерно-технического и административно-хозяйственного персонала, но оно во что бы то ни стало должно быть выполнено, ибо этого требуют насущные интересы всего народного хозяйства и самой промышленности.

Велики и напряженны задания на особый квартал и по всей группе машиностроительных отраслей промышленности.

	IV кварт. млн. руб.	Особый квартал млн. руб.	в %% IV кв.
Тяжелое машиностроение .	63,3	79,5	124,2
Среднее „ .	56,0	69,0	123,3
Паровозо-вагоно-дизельное .	89,0	124,0	134,8
Котлотурбина	44.5	54,5	122,5
С.-х. машиностроение . . .	90,0	133,7	148,5
Автотракторное	23,7	42,7	180,0
Станкоинструмент.	19,6	24,5	125,0

Из числа отраслей машиностроительной промышленности особое внимание обращает на себя с.-х. машиностроение, дающее прирост на 48,5%, и автотракторная промышленность, увеличивающая свою продукцию в особом квартале на 80% по сравнению с IV кварталом истекшего хозяйственного года.

Надо при этом заметить, что эти проектировки в области машиностроения, несмотря на всю свою значительность, не являются все же, так сказать, «предельными». По целому ряду отраслей машиностроительной промышленности можно было бы взять более повышенные темпы развития, чем это проектируется на особый квартал. Лимитом здесь является не производственная мощность предприятий машиностроительной промышленности (здесь мы имеем еще весьма значительные неиспользованные ресурсы), а ограниченность сырьевой базы этих отраслей промышленности — недостаток металла. И это еще и еще раз подчеркивает, в какой степени безусловно обязательна программа, данная металлургии и каменноугольной промышленности. Срыв здесь неизбежно отразится на программе машиностроительной промышленности в сторону снижения. На металлургии лежит величайшая ответственность не только за выполнение своего плана, но и в значительной степени — плана машиностроительной промышленности, а следовательно, и плана всей промышленности и всего народного хозяйства.

Сказанное о машиностроительной промышленности в полной мере приложимо и к электротехнической промышленности, где также наличные производственные возможности предприятий еще далеко не исчерпаны, но где лимитом является ограниченность сырьевой базы.

Надо, впрочем, сказать, и это относится ко всей машиностроительной и электротехнической промышленности, что отношение этих отраслей промышленности к использованию металла — исключительно безобразное. Металл расходуется нерационально, запросы и требования на металл искусственно вздуваются, предприятия сплошь да рядом имеют значительные запасы металла, которые им не нужны и о которых они подчас даже сами не знают, а зная — скрывают «про запас» и т. д. Мы много говорим (хотя еще и очень мало делаем) об экономии топлива, но мы мало говорим (и еще меньше делаем) в отношении экономии металла. Борьбу за экономное расходование металла, за мобилизацию всех наличных запасов металла мы должны начать немедленно и развить здесь подлинно большевистскую энергию. Необходимо, чтобы за это дело со всей энергией взялась вся наша партийная, профессиональная и комсомольская общественность. Самая непримиримая борьба должна быть об'явлена растратчикам'и укрывателям металла. Надо помнить, что каждая тонна металла это — еще одна из машин, которых так жаждет народное хозяйство, и недостаток которых она так болезненно ощущает. Здесь, в деле экономии металла, еще непочатый край работы. Между тем, каждое достижение здесь — новый резерв в деле ускорения темпов социалистического строительства.

Весьма значительные темпы развития на особый квартал намечаются и по химической промышленности.

	IV квартал	Особый квартал млн. руб.	в %%
Химическая промышл. . . .	154,3	198,8	128,5
В том числе:			
Основная химическая . . .	51,0	72,4	141,6
Лакокрасочная	26,5	44,1	170,4
Анилокрасочная	20,5	25,5	124,5

Промышленность строительных материалов увеличивает свое производство в особом квартале всего лишь на 9,6% по сравнению с IV кварталом 1929/30 года. Но это об'ясняется тем, что ряд отраслей этой промышленности имеют сезонный характер и в особом квартале сокращают свое производство (заготовка сырца в кирпичной промышленности и т. д.).

Особо значителен в особом квартале рост валовой продукции лесной и деревообделочной промышленности, где валовая продукция составит 769 млн. рублей против 469 млн. рублей в IV квартале 1929/30 года.

В отраслях легкой индустрии особое внимание обращает текстильная промышленность, продукция производства которой составит в особом квартале 864,3 млн. рублей против 487,5 млн. рублей в IV квартале 1929—30 г., что означает прирост производства на 77,3%. Надо, однако, сказать, что этот головокружительный процент прироста продукции текстильной промышленности об'ясняется тем, что IV квартал 1929/30 года был кварталом, когда текстильная промышленность испытывала особо острую нужду в сырье и работала не полностью и на значительно более низком уровне, чем первые три квартала 1929/30 года. Это будет наглядно видно, если сказать, что, давая увеличение по сравнению с IV кварталом 1929—30 года на 77,3%, продукция производства текстильной промышленности в особом квартале составит всего лишь 26,2% среднегодовой 1929—30 года.

Плановые производственные задания на особый квартал по наиболее характерным отраслям промышленности — задания, несомненно, напряженные и трудные, но безусловно осуществимые. Задания эти могут быть выполнены и должны быть выполнены.

Столь значительное развертывание промышленного производства позволило запроектировать и весьма значительные задания по линии качественных показателей работы промышленности. В то время как за 11 месяцев 1929/30 года промышленность снизила себестоимость на 7,1%, на особый квартал запроектировано снижение себестоимости на 7%. Это снижение себестоимости обеспечивается как той совокупностью рационализаторских мероприятий, которые намечены проведением в жизнь, и запроектированным ростом производительности труда, так и общим ростом промышленного производства. В этом отношении проектировки в части снижения себестоимости безусловно реальны. Но это еще далеко не значит, и это было бы выражением правооппортунистических расчетов на самотек, что запроектированное снижение себестоимости может быть достигнуто «само по себе». Как в целом план на особый квартал, так и в частности, и в особенности по снижению себестоимости может быть достигнут только при напряженной, боевой и ударной работе всех звеньев промышленности, каждого ее работника и, прежде всего, при условии полного выполнения проектировок в области труда.

Выполнение этих проектировок по труду как в области повышения производительности труда, — так и роста зарплаты должно быть, несмотря на всю свою напряженность, выполнено во что бы то ни стало, ибо без этого весь план на особый квартал будет поставлен под угрозу срыва. Эти проектировки налагают и крупнейшие обязательства как на хозяйственников, так и на профсоюзные организации. Намеченное по каждому об'единению, по каждому предприятию и цеху увеличение производительности труда только тогда будет действительно обеспечено, когда промфинплан будет доведен до рабочего места, агрегата, забоя, когда каждый рабочий будет знать, какие совершенно конкретные обязательства возлагаются на него для выполнения одного общего задания в области повышения производительности труда. Намеченное повышение производительности труда, наряду с улучшением всего дела рабочего снабжения, является важнейшим условием для действительного выполнения намеченного планом роста как номинальной, так и реальной заработной платы.

Только при выполнении заданий по производительности труда социалистическое соревнование и ударничество дадут максимум того, что они могут дать в деле выполнения и перевыполнения плана особого квартала, в деле ускорения темпов индустриализации страны и социалистического строительства.

Наконец, особое место в плане на квартал октябрь — декабрь 1930 г. занимает капитальное строительство. В этой важной области промышленного плана, играющей решающую роль при определении перспектив и темпов нашего индустриального развития, особый квартал в первую очередь и раньше всего должен быть кварталом полной ликвидации тех недоделов, которые мы имели в истекшем 1929/30 году и форсированного строительства того жестко-ограниченного круга об'ектов, которые имеют особо важное значение для всего народного хозяйства.

Исходя из этого финансируемый об'ем капитального строительства промышленности, планируемый ВСНХ, определен в 970 млн. рублей. Таким образом намеченный физический об'ем капитальных работ будет выполнен только при условии снижения стоимости строительства на 8%. Как минимум на 120 млн. рублей строительные материалы и оборудование, оплаченные в истекшем году, должны быть израсходованы на строительные работы в этом особом квартале.

В истекшем хозяйственном году мы имели ряд недопустимых дефектов в области капитального строительства. Намеченное снижение стоимости строительства достигнуто не было. Не была в достаточной степени проведена концентрация финансового и материального снабжения, технических кадров и рабочей силы на основных и важнейших об'ектах строительства и т. д. Эти дефекты должны быть решительно устранены в особом квартале. Мы должны добиться такого положения вещей в области капитального строительства, при котором было бы обеспечено финансовое и материальное снабжение прежде всего в полной мере крупнейших строительств, имеющих первостепенное народно-хозяйственное значение, и тех строительств, которые могут быть в кратчайший срок закончены и введены в действие. Безусловно должно быть выполнено задание по снижению стоимости строительства на 8%.

Подавляющая часть (95%) капитальных работ приходится на долю тяжелой индустрии, которая в особом квартале по первоочередным, важнейшим об'ектам должна будет развернуть особо-интенсивное строительство.

* * *

Такова в основных своих чертах характеристика плана промышленности на особый квартал. План, несомненно, напряжен и сложен. Но план безусловно реален и выполним. И он должен быть выполнен. Ибо, только выполнив этот план, мы создадим необходимые условия, обстановку и предпосылки для выполнения того гигантского плана, который намечается на 1931 год и который по ряду важнейших отраслей промышленности будет означать завершение пятилетки.

Шире должно быть развернуто социалистическое соревнование и ударничество. Каждый рабочий, каждый инженер и техник должен знать, что от степени напряжения его сил и качества его работы зависит выполнение пятилетки в четыре года. В борьбе за план боевого ударного квартала по-боевому, по-ударному должна вестись работа и всех партийных и профессиональных организаций, и всех хозяйственных организаций.

Надо твердо помнить, что только подлинно большевистскими методами работы и величайшим напряжением сил, безжалостно сметая всю право- и «лево»-оппортунистическую гниль, мешающую и срывающую эту работу, мы сумеем добиться полной реализации и претворения этого плана в жизнь. Надо ударить по тем «левым» оппортунистам, которые свой оппортунизм и неумение понять и настойчиво бороться с трудностями прикрывают «левыми» фразами и одними криками о высоких темпах. И надо с еще большей решительностью разоблачать тех правых оппортунистов и тех примиренцев и двурушников правооппортунистического толка, которые, на словах признавая генеральную линию партии, на деле ведут свою грязную работу кулацких агентов, тормозя и срывая дело развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Ф. Геккерт.

Германские выборы и КПГ.

Происходившие 14 сентября выборы в рейхстаг имеют значение не только для Германии, они имеют и международное значение. Об'ясняется это не только поразительным результатом выборов, но и всей той ситуацией, в которой они происходили.

В выборах приняло участие более 82% всех лиц, пользующихся избирательными правами. По сравнению с результатами предыдущих парламентских выборов (1918 г.), когда также наблюдалась сравнительно высокая избирательная активность,—количество участвовавших в выборах лиц, пользующихся избирательными правами, возросло более чем на 13%. В некоторых избирательных округах процент участия в выборах превысил даже 90. В особенности он был высок в промышленных районах, сильно страдающих от безработицы. Это значит, что массы хотели как-либо выразить свой гнев, свое разочарование по поводу политики правительства. В других условиях массы прибегли бы к другим средствам для того, чтобы выразить свой гнев и изменить свое тяжелое положение. Но массы еще недостаточно классово-организованы, не достаточно уяснили себе свою цель и недостаточно ясно видят, где находятся их подлинные вожди для того, чтобы они могли прибегнуть к более решительным мерам в борьбе с существующим строем.

Учитывая эти обстоятельства и надеясь на то, что массы не примут активного участия в выборах, рейхсканцлер Брюнинг распустил в конце июня рейхстаг для того, чтобы завоевать те 15 мандатов, которых нехватало правительственным партиям, чтобы иметь в старом рейхстаге большинство. Вышло, однако, совсем не так, как представлял себе Брюнинг. До большинства ему теперь нехватает не 15, а целых 150 мандатов.

Католические попы, составляющие влиятельный штаб функционеров партии центра, сообщили руководству партии, что в настоящий момент нет никаких оснований бояться потери голосов и мандатов на выборах. Выборы подтвердили правильность этого прогноза. Брюнинг решился начать предвыборную кампанию, и вся его ошибка заключалась в том, что он судил о настроении масс, отдавших свои голоса другим правительственным партиям, по настроению избирателей центра. Число голосов, поданных за партию центра, поднялось с 3.711 тысяч до 4.129 тыс., число мандатов—с 62 до 68.

> «Только партия центра может еще держаться,—писал берлинский «Тагеблатт» назавтра после выборов,—но что представляет собой эта амфибия, принимающая то республиканский характер, то реакционый и выдвигающая из своей среды то Вирта, то Брюнинга?»

Как обстоит дело с другими правительственными партиями? Германская государственная партия—этот конгломерат из демократов, членов антисемитского младо-германского ордена (Юнгдо), возглавляемого фашистом Марауном, получила всего лишь 1.302 тыс. голосов или 20 мандатов, против 25 мандатов и 1.505 тыс. голосов, которые на предыдущих выборах получила одна лишь демократическая партия. Если бы государственная партия состояла только из одних бывших демократов, то она должна была бы получить 29 мандатов. Еще больше потеряла другая либеральная партия—народная. Получив под руководством Штреземана в 1928 году 2.678 тыс. голосов и 45 мандатов, она на этот раз, под руководством Шольца, получила лишь 1.657 тыс. голосов и 30 мандатов. Это означает потерю 33% своих мандатов. Хозяйственная партия потеряла всего лишь 20 тыс. голосов, и поэтому она сохранила число своих мандатов, хотя она должна была получить на 250 тыс. голосов, т.-е. на 4 мандата больше.

Хуже всего оказались результаты выборов для тех групп правительственной коалиции, которые вышли из лагеря немецких националистов с тем, чтобы расширить коалицию вправо. Тревиранус и Шилле потерпели катастрофическое поражение.

Выборы оказались, таким образом, подлинной катастрофой для правительственных партий.

Больше всего потеряла германская национальная партия, возглавляемая Гугенбергом. Уже в мае 1928 года она получила лишь 4.350 тыс. голосов, против 6.206 тыс. голосов в декабре 1924 года. Теперь националисты получили всего лишь 2.458 тысяч голосов, и число их мандатов снизилось с 73 до 41, в то время как они должны были получить 85 мандатов. Они потеряли 52% своих мандатов. Колоссальные потери понесли и социал-демократы. Число полученных ими голосов снизилось с 9.151 тыс. до 8.572 тыс., что означает потерю почти в 600 тыс. голосов, между тем как партия должна была выиграть 1.190 тысяч голосов, принимая во внимание большую активность избирательных масс. Потери социал-демократии равняются 20%.

Выиграли на этих выборах лишь коммунисты и национал-социалисты (фашисты). Число голосов, полученных коммунистами, поднялось приблизительно на 1.300 тыс., по сравнению с прошлыми выборами, и равняется почти 4.600 тыс. Число мандатов увеличилось с 54 до 77. Еще значительнее выигрыш национал-социалистов. Число полученных ими голосов поднялось с 810 тыс. до 6.400 тыс. Число полученных ими мандатов поднялось с 12 до 107.

История парламентаризма не знает подобных сдвигов, если не говорить о балканских выборах, где правительство имеет более широкие возможности пускать в ход всякие жульнические приемы для того, чтобы добиться желанных успехов на выборах. Эти сдвиги об'ясняются лишь тем, что массы глубоко взбудоражены, категорически требуют изменения положения и намерены добиваться этого изменения. Подобные выборы возможны лишь тогда, если наряду с глубоким экономическим кризисом имеется и государственный кризис, подтачивающий основы старых партий, место которых занимают новые группировки. То, что в Германии имеется подобное положение, видно в особенности из голосования молодых избирателей, почти целиком отдавших свои голоса или коммунистам или национал-социалистам, т.-е. тем двум партиям, которые ясно показали в предвыборной кампании, что, вместо старой Германии, они хотят иметь новую.

Старые буржуазные партии в этих условиях потерпели катастрофическое поражение. Если партия центра и до известной степени и социал-демократы меньше пострадали, то это об'ясняется особыми условиями. Партия центра является партией со вполне определенным мировоззрением. Она имеет огромное влияние, особенно на женщин и мелкобуржуазных и крестьянских избирателей сельских областей, и поэтому она более, чем другие партии, способна бороться с быстро развивающимися сдвигами среди масс избирателей.

Социал-демократы же занимались ловлей голосов, демогогически используя для прикрытия своего предательства дела рабочего класса, своего

услужничества буржуазии — знамя марксизма и социалистические традиции в рабочем классе.

Демагогия пышно расцвела в предвыборной агитации. Буржуазные партии и социал-демократы не жалели лживых обещаний для своих избирателей. Однако, положение правительственных партий было далеко не такое, чтобы они могли надеяться на свою предвыборную демагогию. Нужен был колоссальный оптимизм для того, чтобы рассчитывать, по примеру Брюнинга, на то, что новые выборы дадут правительственным партиям большинство. Что мог Брюнинг обещать избирателям? Он принужден был заявить, что кроме программы правительства, т.-е. чрезвычайных указов, проведенных на основании 48 параграфа конституции, нет никакой возможности спасти германское хозяйство и страну. Указы эти заключаются в следующем: «негритянский» налог, согласно которому все граждане, независимо от своего материального положения, должны платить ежегодно 6 марок, налог на холостяков, снижение жалованья служащим и чиновникам на 4%—так называемая чрезвычайная жертва, особый налог на кушанья и напитки в ресторанах, ухудшение страхования от безработицы, налог в 1 марку на всех больных, обращающихся в страхкассу, и наряду с этими «подарками» нуждающимся массам щедрый подарок в 1 миллиард марок крупным землевладельцам Восточной Германии.

Надо было быть большим оптимистом, чтобы не ожидать поражения и даже надеяться на нечто большее при подобной программе в условиях тяжелого экономического кризиса в стране, где пролетариат составляет ¾ всего населения. К этому следует добавить, что руководители германского хозяйства, в особенности крупные промышленники,—угольные магнаты и металлопромышленники — категорически заявили, что зарплата рабочих должна быть снижена по меньшей мере на 15%, так как в противном случае нельзя надеяться на поднятие хозяйственной жизни. В связи с этим, они в самый разгар предвыборной кампании расторгли тарифные договоры.

Подобные действия руководящих капиталистических групп Германии способствовали поражению правительства.

В это поражение должны были быть неизбежно втянуты и социал-демократы. Правда, социал-демократия находилась в сравнительно благоприятном с тактической точки зрения положении. Правительство Германа Мюллера было свергнуто в марте Брюнингом из-за незначительной суммы в 75 млн. марок. Дело шло о сокращении государственных ассигновок в фонд поддержки безработных, при чем, соглашаясь на это сокращение, социал-демократы не сошлись с буржуазией лишь в этой сумме. Социал-демократия отомстила за устранение социал-демократов из правительства, отклонив чрезвычайную программу правительства Брюнинга. Социал-демократы могли, таким образом, говорить: и нас вытеснили из правитеьства за то, что мы не могли позволить снизить страхование от безработицы так, как этого хотела буржуазия, и мы свергли Брюнинга потому, что мы не хотели обманывать народ чрезвычайными указами, издаваемыми на основании 48 параграфа.

Однако, председатель партии центра, прелат Каас заставил социал-демократов оставить эту выгодную позицию, якобы, оппозиционной партии, борющейся за интересы народа. Каас заявил, во-первых, что социал-демократия несет полную ответственность за теперешнюю политику правительства, ибо все чрезвычайные меры правительства и его налоговая политика основываются на проектах, выработанных уже кабинетом Мюллера и, во-вторых, что если социал-демократы немедленно не откажутся от своей демагогической политики, заключающейся в том, что они сваливают свою вину на других, то партия центра взорвет прусскую коалицию.

Это заявление партии центра ударило социал-демократию по ее самому больному месту. Быть выкинутыми из общегерманского кабинета и к тому еще потерять свою позицию в Пруссии, — эта перспектива—оказалась слишком тяжелой и невыгодной для социал-демократов, удобно устроившихся у государственного пирога. В виду этого, они ослабили свою оппозицию против буржуазии и с тем большей яростью выступили против коммунистов. До самого дня выборов социал-демократы не переставали хвастливо болтать о том, как они победят, как большевистская волна и национал-социалистическая демагогия разобьются о социал-демократическую плотину. При этом они открыто предлагали свои услуги буржуазии для борьбы с радикальными рабочими на тот случай, если коммунисты все же добьются успехов.

Всякому, кто внимательно следил за событиями в Германии, было ясно, что правительство не получит большинства и что результат выборов, по всей вероятности, поставит под вопрос образование большой коалиции. Укажем, как на курьез, что биржа, не имевшая других дел в виду плохой кон'юнктуры, занималась заключением пари по поводу возможных результатов выборов. За несколько дней до выборов на бирже считали, что коммунисты получат 65 мандатов, а национал-социалисты—50. Правда, выборы, состоявшиеся в июле в Саксонии, уже показали, что старые буржуазные партии потерпят тяжелое поражение, а фашисты сделают крупный шаг вперед. Однако, биржа утешала себя тем, что, мол, Пруссия, это — не Саксония.

Результат выборов можно понять, лишь внимательно присмотревшись к экономическому положению Германии. В 1927 году германская буржуазия торжествовала, что благодаря рационализации производства и стабилизации валюты можно надеяться на грандиозный экономический под'ем. Буржуазия уже видела себя во главе ново-германского империализма, она видела себя победительницей всех конкурентов на мировом рынке. 1928 год, однако, показал, что, несмотря на все усилия, не удалось снизить числа безработных, и это число, напротив, все время растет. В 1929 году мы видим рост продукции в первые 9 месяцев, а вместе с тем и быстрое нарастание безработицы. В четвертом квартале 1929 года число безработных быстро дошло до 2 миллионов, а в производстве начал чувствоваться застой. Буржуазия все еще отрицает наличие кризиса, но, несмотря на это, она уже теперь хочет принять известные предохранительные меры. На с'езде промышленников в декабре 1929 г., была выдвинута программа, которая должна поднять конкурентную способность германских предпринимателей. Были выдвинуты требования об отмене налога на капитал, об увеличении налогов на предметы массового потребления, о снижении зарплаты, поднятии производительности труда, сокращении расходов на социальные нужды. Предприниматели пустили в ход все средства для проведения этой программы в жизнь. Председатель Государственного банка Шахт лишил города и государство всякой возможности заключать займы за границей. Стремясь остаться у власти, Гильфердинг поспешил от имени правительства Германа Мюллера выступить с программой финансовой реформы.

Налог на капитал был снижен на 1.750 млн. марок, но зато были введены новые налоги на предметы массового потребления и пошлины на общую сумму 1.700 млн. марок. Уже в начале октября социал-демократ Виссель приступил к сокращению поддержки безработных, и социал-демократический министр труда Шмидт заявил о своей готовности сократить расходы на социальные нужды. Несмотря на это, в первый квартал 1930 года число безработных поднялось до 3.250 тыс. человек, а число частичных безработных—до 1.500 тыс. чел. Были введены новые налоги и пошлины для покрытия дефицита в государственном бюджете. Запретили муниципалитетам ассигновывать какие-либо суммы для поддержки безработных. Вычет из зарплаты рабочих в фонд страхования от безработицы был поднят на 1%. Накануне падения кабинета Мюллера рейхстаг одобрил, по предложению правительства Мюллера и с одобрения всех социал-демократических депутатов, введение новых налогов на предметы массового потребления на общую сумму 1.300 млн. марок. Одновременно с этим обсуждается и вносится в рейхстаг новый репарационный план. Социал-демократы заявляют: план Юнга является величайшим благодеянием для трудящихся масс. Только враги государства и народа могут выступать против плана Юнга.

Во втором квартале 1930 года мы видим снижение безработицы, но это снижение оказалось лишь сезонным колебанием, обычно наблюдающимся в с. х. и строительной промышленности. Еще в середине января почти половина строительных рабочих была без работы, в горной, текстильной, химической и металлопромышленности число безработных непрерывно росло. Правительство занималось новой налоговой программой (т.-е. выше перечисленными чрезвычайными указами) и тем, как бы помочь крупным помещикам Восточной Германии, затронутым аграрным кризисом (восточная программа Шилле). В третьем квартале число безработных вновь начинает возрастать. В первую половину августа армия официально зарегистрированных безработных увеличивается на 85 тыс. чел., во вторую половину августа — на 91 тыс. и в первую половину сентября — на 103 тыс. Число безработных вновь доходит до трех миллионов, и министры принуждены признать, что предстоящей зимой число безработных может дойти до 4 —5 миллионов.

В то время, как нужда рабочего класса быстро увеличивается благодаря росту безработицы и положение мелких ремесленников, торговцев и крестьян также становится все более бедственным вследствие падения покупательной способности пролетариата, начинается наступление предпринимателей на зарплату. Сдельные ставки снижаются. Существующие тарифные ставки снижают путем непосредственного уменьшения или путем соглашения с профсоюзами, а также при помощи арбитражных решений. Выбрасывают на улицу мансфельдских горняков, хотят снизить их зарплату на 15%, и лишь после 9-недельной борьбы предприниматели заключают соглашение с профбюрократами, в результате чего зарплата горняков снижается на 12%. Эйнгаузенское арбитражное решение снижает зарплату рабочих на Рейнско-Вестфальских сталелитейных и железоделательных предприятиях. Буржуазия заявляет, что все угольные районы, вся металлопромышленность Германии должны последовать примеру Эйнгаузена. Социал-демократы и профбюрократия предают рабочих в борьбе и расчищают путь для нового наступления буржуазии. Только этим предательством об'ясняется цинизм буржуазии, заявившей в разгар предвыборной кампании о расторжении тарифных договоров горняков и металлистов.

Нужда служащих и чиновников растет в связи с массовыми увольнениями и сокращением жалования. Новые налоги на предметы массового потребления, поднятие квартирной платы, прекращение ассигновок на новое строительство увеличивают нужду мелкой буржуазии и крестьянства до крайних пределов. Правительственные круги и с.-д. партия знают, что подобная политика должна вызвать возмущение масс. Для того, чтобы можно было легче подавлять радикальные течения, социал-демократический министр внутренних дел Зеверинг создает закон о защите республики и социал-демократические министры запрещают пролетарские организации. Классовая юстиция обрушивается на коммунистическую печать, на предприятиях терроризуют революционных рабочих, выбрасывая их на улицу и исключая их из профсоюза. Бастующие рабочие, борющиеся со снижением зарплаты, рассматриваются, как рабочие, добровольно оставившие свою работу, в результате чего они лишаются пособия по безработице. Все это—мероприятия, явно направленные против рабочего класса; однако, для того, чтобы сохранить видимость беспристрастия,—принимаются некоторые полицейские меры и против национал-социалистов, как, например, запрещение носить форму, а также запрещение для чиновников вступать в ряды национал-социалистической партии. Но мероприятия против национал-социалистов остаются лишь на бумаге, в то время как меры, направленные против коммунистов, действительно проводятся в жизнь. Буржуазия хочет под флагом национал-социалистической партии укрепить антимарксистский фронт, с большей силой ударить по коммунистическим и революционно настроенным социал-демократическим рабочим. Если эти расчеты буржуазии до сих пор не оправдались, то это случилось не по вине социал-демократов.

Большой успех национал-социалистов является в значительной мере результатом стремления нуждающихся мелкобуржуазных масс и части введенных в заблуждение пролетариев — к радикальному изменению всего общественного строя. Национал-социалисты не имеют никакой программы, в которой было бы изложено, как вожди партии представляют себе изменение теперешнего строя. Они ограничились несколькими демагогическими лозунгами и туманными обещаниями. Единственным конкретным обещанием в их предвыборной платформе является обещание отменить план Юнга и создать «третью империю». Каждый может это понимать по-своему. Их заявление о том, что план Юнга должен быть устранен для того,—чтобы Германия могла стать свободной страной, дает им возможность заниматься самой необузданной социальной демагогией.

Они заявляют, что социальные проблемы могут быть разрешены лишь после падения плача Юнга. Таким образом они избавляют себя от необходимости начать немедленно борьбу за выполнение своих обещаний.

Так как буржуазия знает, что в настоящий момент и в условиях капитализма невозможно устранить план Юнга, то социальная демагогия национал-социалистов не считается особенно опасной. На запрос нью-йоркских финансовых кругов, обращенный к представителям Рейнско-Вестфальского банковского мира, о том, как там расценивают победу национал-социалистов, одна бохумская банковская фирма ответила: «Мы не боимся национал-социалистов, единственной опасностью является большевистская волна, проявившаяся в победе коммунистов». Именно то обстоятельство, что национал-социалисты не выступили с ясной программой, позволило им давать различным слоям населения в соответствии с их потребностями разные обещания, которые друг другу противоречат. Однако, в виду своей политической отсталости, национал-социалистические массы не видят этих противоречий.

Безработным национал-социалисты обещают работу или более щедрую поддержку, занятым рабочим они обещают более высокую зарплату и лучшие условия труда, мелким торговцам и ремесленникам—снижение налогов, мелкому крестьянству — финансовое облегчение и субсидии, фабрикантам — уничтожение профсоюзов и марксистского влияния на рабочих, людям, пострадавшим от инфляции, — финансовое возмещение, чиновникам — обеспечение их положения и отмену «чрезвычайной жертвы», безработным торговым и техническим служащим — работу и привилегированное положение, прежним офицерам — новую армию, покрытую славой. Таким образом, национал-социалисты собрали вокруг себя все недовольные элементы, которые, не задумываясь над проблемой осуществления своих желаний, хотели как-нибудь выразить свое недовольство существующим порядком вещей и свое стремление к «третьей империи». Эта туманность желаний и целей национал-социалистических избирателей, равно как и социальный состав партии, говорит о том, что сила национал-социалистов далеко не так велика, как это можно думать, если судить об этом только по числу полученных ими голосов. Качество этих голосов нельзя сравнить с их количеством. Актив партии сравнительно не велик. Если размеры партии оказывают притягательную силу и создают по внешности впечатление мощи, то, с другой стороны, разнородность сил партии создает для нее угрозу развала.

Социал-демократия потеряла 600 тыс. голосов, эта потеря об'ясняется, в первую очередь, той политикой предательства дела рабочего класса, которую социал-демократия ведет. Если бы социал-демократия не находилась в этой предвыборной кампании в оппозиции и если бы ее аппарат и ее сотни тысяч должностных лиц не сделали столь крупных усилий по демагогическому уловлению голосов, то потери социал-демократов были бы еще более значительными.

Широкие рабочие массы не забыли, что социал-демократы, вопреки своим предвыборным обещаниям, данным в 1928 году, отменили бесплатное питание детей и построили броненосец. Они знают, что Гильфердинг, Виссель, Мюллер и Зеверинг участвовали во всех гнусных мероприятиях.

Особенно хорошо рабочие помнят об арбитражных решениях Висселя, ухудшавших условия труда, о снижении им поддержки безработных, о законе Зеверинга о защите республики, о кровавых подвигах социал-демократических полицей-президентов Цергибеля (1 мая 1929 г.), Шенфельдера—в Гамбурге, Флейснера—в Лейпциге (1930 г.), о запрещении Союза красных фронтовиков и антифашистских отрядов молодежи, о скандальных аферах Бролата, Скларека и других, о штрейкбрехерской работе и раскольнической деятельности амстердамских профбюрократов, в особенности во время мансфельдского конфликта и конфликта в Рейнско-Вестфальской тяжелой промышленности, о конкордате с папой, подарившем католической церкви сотни миллионов, о шовинистических речах Герзинга, направленных против СССР, о том факте, что социал-демократические вожди заставили членов союза республиканского флага поддержать патриотическую шумиху и гинденбурговскую политику, направленную против рабочего класса, о том, что они заставили этот союз защищать собрания партии центра и государственной партии от оппозиционных рабочих, и целом ряде других гнусных действий, направленных против рабочего класса.

Рабочие отлично знают, что социал-демократы прилагают все старания к тому, чтобы, проявив еще большее лакейство, попасть в буржуазное коалиционное правительство и, таким образом, получить возможность продолжать антирабочую политику цепных собак своих империалистических хозяев. В этих условиях социал-демократам мало помоглю то, что к их услугам был весь профсоюзный аппарат и что им было выдано из профсоюзных касс 2½ млн. марок для предвыборной кампании. Поражение этой партии было заложено уже в самой ее политике.

По тем же причинам, по которым социал-демократы должны были ожидать большого поражения, коммунисты могли с уверенностью ожидать победы. Сознательные слои пролетариата, разочаровавшиеся в социал-демократической политике и возмущенные политикой германской буржуазии, должны были сплотиться вокруг компартии. Компартия везде показала, что она является наиболее боевым представителем рабочего класса, что она с энтузиазмом борется во главе рабочего класса. Никакие преследования и террор не смогли удержать коммунистов от выполнения этого пролетарского долга. Если оппортунистические и слабые элементы в рядах партии недостаточно энергично защищали интересы рабочего класса, партия путем строгой самокритики разоблачала эти недостатки и удаляла эти элементы из своих рядов. Коммунистическая партия совершенно открыто заявляет рабочему классу, что в настоящем положении единственным выходом для пролетариата является свержение капитализма и *борьба за Советскую Германию*.

Партия внедряла в сознание масс необходимость ведения борьбы на основе лозунга «класс против класса».

Германская компартия развила перед рабочими массами и всем народом свою программу национального и социального освобождения. В этой программе партия показала, что только компартия и большевистская революция способны разорвать план Юнга и империалистические версальские договоры, свергнуть и обезоружить свой и иностранные классы эксплоататоров.

Социал-демократы кричали об ужасах большевизма. Буржуазные газетные рептилии пытались изо дня в день запугать массы большевистскими призраками. Это им не удалось.

Результат выборов показал, что ошибались оппортунисты, считавшие что подобная ничем не прикрытая постановка вопроса неблагоприятно отразится на отношении масс к коммунистам.

Приходят времена, когда рождение нового мира уже не является одной лишь экономической необходимостью, осознаваемой лишь авангардом революционного пролетариата, когда сами массы уже горячо стремятся к новому общественному строю. Это особенно ясно видно потому, как голосовала молодежь. В то время как еще несколько лет назад широкие массы молодежи держались в стороне от политической жизни, сейчас мы наблюдаем совершенно другую картину. Молодежь выступает на политическую арену в качестве активнейшей силы. Мы уже говорили, что молодежь за немногими исключениями отдала все свои голоса коммунистам и национал-социалистам, т.-е. тем партиям, которые хотят изменить общественный строй. Молодежь в наиболее промышленных областях Германии, поскольку она принадлежит к пролетарскому классу, отдала свои голоса компартии. Национал-социалисты собрали голоса мелкобуржуазной молодежи и тех молодых пролетариев, которые мало охвачены коммунистическим движением, как, например, торговые и технические служащие, а также молодежь в мелких сельских городах и батрацкая молодежь.

Наибольший успех компартия имела в крупнейших промышленных центрах; в Берлине, в рурских и рейнских городах и Верхней Силезии. Здесь находятся те три избирательных округа, где компартия является сильнейшей партией, а именно: Берлин, Дюссельдорф-Ост и Верхняя Силезия, а также округа, где компартия сильнее социал-демократии, как Кельн—Аахен, Дюссельдорф—Вест и Галле—Мерзебург. Меньший успех имела партия в сельскохозяйственных округах, например, в Восточной Пруссии, Ганновере, Силезии и Баварии. Но было бы неправильно из этого сделать вывод, что компартия может рассчитывать на значительный успех лишь в районах с сильно развитой промышленностью. При более внимательном рассмотрении результатов выборов видно, что успехи, достигнутые на выборах, связаны не только с промышленным развитием отдельных областей, но они в весьма значительной мере зависят от активности партии и ее способности развязывать и руководить боями рабочего класса. Так, например, результаты выборов в сельскохозяйственном районе Торгау—Либенверда, в Средней Германии и в области Дитмаршен в Шлезвиг-Гольштинии, где партия руководила боями горняков, свидетельствуют о колоссальном росте голосов, поданных за компартию. Партия имела крупный успех и во всех тех местах, где имеются союзы мелких крестьян, находящиеся под коммунистическим влиянием.

Там, где партия развивала энергичную деятельность на предприятиях, она добивалась особенно больших успехов. Лучшим примером является Аугсбург в Баварии. Здесь работают коммунистические ячейки на всех крупных предприятиях. Компартия получила в Аугсбурге 11.012 голосов, против 4.816 в 1928 году; социал-демократы получили 25.673, против 31.272; национал-социалисты—11.800, против 5.926; баварская народная партия — 30.750, против 24.993. Этот результат является совершенно исключительным в Баварии. Успех коммунистов здесь наиболее крупный в процентном отношении, так же как и потери социал-демократов.

Особенное значение, однако, имеет то обстоятельство, что нац.-социалисты здесь выиграли весьма незначительное число голосов, в то время как в других местах они получили в 5 и даже 10 раз больше голосов, чем в прошлый раз. В Вормсе партия вела весной этого года крупную кампанию среди безработных; при чем полиция стреляла из пулеметов и убила многих рабочих. Здесь коммунисты получили 5.355 голосов, против 1.524, а социал-демократы 5.740, против 6.888. Можно привести и еще целый ряд подобных примеров.

Из районов, где успехи коммунистов были весьма незначительны, следует отметить исключительно интересную картину в Мансфельдской области. Есть места, где коммунисты даже потеряли голоса. Брандлеровцы пытаются доказать, что плохие результаты в Мансфельде об'ясняются тем, что мы вели там неправильную профсоюзную политику.

На самом деле, истинную причину мансфельдских результатов можно понять, лишь присмотревшись к внутрипартийному положению в коммунистической организации этого округа. Дело в том, что в округе Галле—Мерзебург правые и примиренческие элементы удерживали свои позиции дольше, чем в других местах, и даже сейчас там имеется целый ряд оппортунистов, занимающих ту или иную должность в партийном аппарате. Везде, где имеются оппортунисты, партия не имела успеха на выборах, там же, где оппортунисты были во-время удалены, компартия имела крупный успех. Так, например, во время забастовки в Гельбра были исключены из партии 40 сторонников Брандлера, и на выборах коммунисты получили в этой местности почти вдвое больше голосов, чем в прошлый раз. В Гетштете, где брандлеровские элементы уже давно исключены из партии, выигрыш компартии составляет 30%. В соответствии с этим уменьшилось число голосов, полученных социал-демократами. Зато в Эйслебене число наших голосов осталось неизменным, социал-демократы потеряли немного голосов, а национал-социалисты имели огромный успех. Здесь необходима чистка нашей партийной организации.

В какой мере рост партии зависит от того, насколько она очищена от оппортунистических элементов, видно по результатам выборов в трех городах, прилегающих к мансфельдскому району. В Вайсенфельде мы этой весной устранили брандлеровские элементы из состава руководства местной организации профсоюза обувников. Число полученных нами голосов поднялось с 4.915 до 7.024; число голосов, полученных социал-демократами, упало с 5.384 до 4.945. В Деличе выступили из нашей партии все железнодорожники, находившиеся под влиянием Брандлера. Число полученных нами голосов поднялось здесь с 2.129 до 2.878, а число голосов, поданных за социал-демократов, упало с 1.572 до 1.408. В Эйленбурге также ушли из наших рядов многочисленные брандлеровские элементы. Здесь число полученных нами голосов поднялось с 2.543 до 3.518. Число голосов, отданных социал-демократической партии, упало с 2.946 до 2.514.

Следует еще отметить, что в городе Ганау, где брандлеровцы, отколовшись от партии, смогли увлечь за собой большую часть членов партии, и где они имеют господствующее влияние в местных профсоюзах, число голосов, полученных компартией, уменьшилось на 8 тыс., несмотря на лицемерный призыв брандлеровцев отдавать свои голоса компартии, а социал-демократы получили на 6 тысяч голосов больше, чем в прошлый раз.

Там же, где компартия вытравила оппортунистический яд из своих рядов, она добилась крупных успехов.

В общем, рост коммунистических голосов является довольно равномерным во всей стране. В то время, как в 1928 году компартия имела крупные успехи лишь в Берлине и Рурской области, она теперь добилась везде значительных успехов. Только в очень немногих местах она сохранила прежнее количество голосов или немного потеряла. При этом общем движении вперед по всему фронту партия в одних округах имела более крупный успех, в других менее крупный. В Берлине число полученных нами голосов поднялось лишь на 15%, а в избирательном округе Нижней Баварии — Пфальц — на 125%. Эта огромная разница об'ясняется тем, что партия не могла, конечно, так же сильно вырасти там, где она уже раньше занимала крепкую позицию, как в тех местах, где она до сих пор была слаба.

Результаты выборов говорят о наличии тенденции к сглаживанию различий между отношением коммунистических голосов к общему количеству голосов во всех избирательных округах Германии. Конечно, промышленные избирательные округа попрежнему идут значительно впереди сельскохозяйственных. Относительное отставание наблюдается лишь в избирательных округах Силезии и Восточной Пруссии. Это об'ясняется недооценкой фашистской деятельности среди рабочих и в особенности батраков. Если бы компартия во-время оценила фашистскую опасность в Восточной Пруссии и Силезии, она добилась бы гораздо более крупных успехов в этих двух аграрных провинциях.

Подробный анализ результатов выборов и организационной активности нашей партии на предприятиях среди безработных и батраков покажет, в каких местах партия должна развить большую активность, где она должна усилить свою организационную деятельность и как она должна развить свою работу на предприятиях. Такие факты, как, например, то, что в Липштадте (Вестфалия) беспартийные рабочие сами созвали собрание, выступили с докладом, в котором агитировали за компартию и образовали местную группу в составе 18 коммунистов-батраков, или то, что в далеко лежащих друг от друга Ганноверской и Вюртенбергской областях социал-демократические рабочие организовали коммунистические собрания и создали коммунистические местные группы, говорят о том, что в рядах рабочих замечается стремление установить более тесную связь с компартией.

Можно привести тысячи примеров того, как рабочие даже сельских местностей и таких районов, где до сих пор компартия никогда не выступала, приветливо встречали коммунистов. В маленьком городке Варбург (Гессен), где имеется железнодорожная мастерская и где партия центра имеет господствующее влияние, почти случайно состоялось коммунистическое собрание. На этом собрании железнодорожники заявили коммунистическому оратору: «Хорошо, что ты к нам явился; наши старые связи мы теперь порвали. Национал-социалисты у нас были два раза, и они нас совсем запутали. Теперь мы знаем, что наше место в компартии». Это собрание состоялось за два дня до выборов. Была образована местная группа из 28 членов партии. Треть голосов в данной местности была отдана коммунистам. Эти примеры говорят о подлинном настроении рабочих масс Германии.

Серьезные буржуазные критики как в Германии, так и за границей, придают большее значение победе компартии, чем победе национал-социалистов. Они указывают на то, что национал-социалистическая партия является собранием всевозможных недовольных элементов, что национал-социалистические голоса завоеваны не на основе ясной программы, что партия не имеет такого социального состава, который позволил бы ей вести ясную, твердую политику. Что касается компартии, то ее сила выражается не только в полученных ею 4,6 млн. голосов, но и в ее социальной сплоченности и в том факте, что коммунисты получили свои голоса на основе четкой и ясной революционной программы. Они далее указывают на то, что коммунистические

голоса являются голосами мужчин и молодежи в гораздо более значительной мере, чем в других партиях, что особенно поднимает ценность этих голосов.

Коммунистическая партия получила большинство в десяти рабочих кварталах Берлина, в то время как социал-демократы и фашисты имели успех в мелкобуржуазной западной части Берлина. За коммунистов голосовали в Берлине 392 тыс. мужчин и 346 тыс. женщин. За национал-социалистов—191 тыс. мужчин и 204 тыс. женщин; за социал-демократов—338 тыс. мужчин и 399 тыс. женщин; за германских националистов—136 тыс. мужчин и 214 тысяч женщин; за партию центра — 35 тысяч мужчин и 62 тысячи женщин; за христианско-социальную партию (так называемую «Фольксдинст») — 8 тыс. мужчин и 19 тыс. женщин. В Магдебурге, Кельне, Дюссельдорфе, Мюнхене мы наблюдаем ту же картину.

Отклик, который был вызван результатами выборов, оказался совершенно неожиданным для социал-демократов. Центральный орган христианских профсоюзов «Дер Дейче», выходящий под редакцией министра Штегервальда, заявил, что почти все голоса, потерянные социал-демократами, достались коммунистам и что коммунисты не только выиграли 600 тыс. социал-демократических голосов, но и голоса пролетарской молодежи. «Дер Дейче» рассматривает это как «начало конца социал-демократии».

Вождь германского профсоюзного об'единения Грассман пытался изобразить неудачу социал-демократов, как «удовлетворительный результат». Орган французской социалистической партии «Ле Пепль» даже заявил, что германские социал-демократы победили и II Интернационал вполне удовлетворен этой «победой». Рядовым членам социал-демократической партии, однако, надоела эта болтовня о победе. Они ясно выражают свое недовольство в резолюциях, в которых они категорически требуют созыва чрезвычайного с'езда для того, чтобы можно было рассчитаться с политикой социал-демократической партии и ее вождями, они просто уходят из с.-д. партии, и наиболее честные десятками переходят в ряды компартии. Раздаются голоса о необходимости исключения Германа Мюллера, Гильфердинга и Вельса из партии. Широкие социал-демократические массы считают теперешний кризис партии гораздо более серьезным, чем кризис, вызванный постройкой броненосца. Они говорят, что коммунисты не совсем неправы, называя социал-демократическую партию социал-фашистской.

«Левые» социал-демократы вновь выступают на собраниях с радикальными фразами. Они заявляют, что они никогда не были согласны с политикой партийного руководства, что им приходилось подчиняться партийной дисциплине и что необходимо себя гарантировать от продолжения этой губительной политики. Одновременно с этим они, однако, разоблачают себя как «левых» обманщиков; так, например, они не поддерживают предложений о запрещении коалиции с буржуазией и даже голосуют за отклонение подобных предложений. Они не хотят связывать свою партию. Они хорошо знают вождей партии, которым никакие решения партийных масс не помешают признать коалицию единственным выходом из положения. «Левые» поэтому заявляют, что не следует отказываться от коалиции и что нужно лишь поставить соответствующие условия.

Однако, недоверие социал-демократических рабочих уже настолько велико, что они заявляют: «Каждый раз, когда дела партии плохи, выставляют тех товарищей, которые умеют лучше всего приспособляться к настроению масс. Мы, однако, не дадим себя обманывать больше «левыми» фразами».

Результат выборов сильно осложнил вопрос об образовании правительства. Имеются лишь следующие возможности.

Одна возможность: коалиция всех партий от социал-демократов до группы Тревирануса, при чем в оппозиции окажутся национал-социалисты и коммунисты. Для устойчивости правительства необходимо, чтобы социал-демократы подали руку реакционнейшей хозяйственной партии. Социал-демократ Гильфердинг готов пойти на этот эксперимент. Он пишет:

> «Поддержка правительства, состоящего из срединных партий, сдвинувшихся так далеко вправо, является для социал-демократов задачей, требующей больших жертв. Эта поддержка становится понятной, если принять во внимание, что она необходима для защиты демократии в парламенте, где большинство враждебно относится к парламенту, при чем хозяйственный кризис поднял не только предпринимателей, но и широкие массы против него... Если парламент удастся сохранить и рейхстаг будет поставлен перед неотложными конкретными задачами, то в силу необходимости, может быть скорее, чем это кажется теперь, возникнет коалиция людей со здравым смыслом, будет выиграно время, и прекращение экономического кризиса поможет преодолеть кризис государства. Если же эта попытка не удастся, то мы окажемся на пороге боев, исход которых неизвестен, при чем общее благосостояние безусловно пострадает»

Социал-демократические лидеры продают себя и свою партию всем желающим, как настоящая проститутка. Хозяйственная партия, однако, не желает брать эту проститутку. Она заявила, что не может активно поддерживать и даже терпеть правительство, которое, в свою очередь, опиралось бы на социал-демократию. Народная партия присоединилась к этому заявлению германской хозяйственной партии. Таким образом, исключается возможность какой бы то ни было коалиции с социал-демократией, явной или тайной. Это не мешает, однако, «Форвертсу» и социал-демократическому руководству попрежнему предлагать свои услуги буржуазии. Под давлением возмущенных социал-демократических рабочих масс Зигфрид Ауфгейзер принужден был поэтому заявить на собрании берлинских социал-демократических партработников: «Рабочим непонятно поведение «Форвертса». Буржуазии предлагают показывать чары социал-демократии по примеру какой-либо кокетки вместо того, чтобы показать кулак». Эта кокетка, однако, уже не может показывать кулак буржуазии и в состоянии лишь предлагать свои сильно поблекшие чары.

Другая возможность заключается в союзе между партией центра и национал-социалистами. Для этого, однако, необходимо, чтобы правительство изменило свою внешнюю политику или же чтобы национал-социалисты и германские националисты отказались от своего враждебного отношения к плану Юнга. Оба маневра наталкиваются на такие трудности, что они являются неосуществимыми.

Брюнинг тем временем заявил, что нет основания для беспокойства за границей и что в Германии не будет такого правительства, которое прекратило бы платежи по плану Юнга или чинило бы затруднения при его выполнении. Германия нуждается в заграничных займах для того, чтобы поднять свою хозяйственную жизнь. Брюнинг принужден был сделать это заявление, так как уже в первую неделю после выборов из касс Государственного банка ушло 240 млн. золотых марок за границу, и иностранные кредиторы, опасаясь изменения германской внешней политики, начинают закрывать свои кредиты. Гитлер также заявил перед всем миром, что национал-социалисты вовсе не являются такими опасными людьми. Они, мол, желают легальным путем, при помощи избирательных бюллетеней завоевать большинство, и для этого должны будут состояться еще 2—3 раза парламентские выборы. Гитлер хочет выиграть время для того, чтобы свои массы, завоеванные им на основе борьбы с планом Юнга, примирить с лойяльной политикой выполнения этого плана.

Таким образом, то обстоятельство, что сейчас невозможна ни коалиция с социал-демократами, ни коалиция с Гитлером, укрепило позицию Брюнинга, несмотря на его поражение на выборах. Брюнинг заявляет, что правительство и не думает уходить, что оно не будет вести никаких серьезных переговоров о коалиции, пока не соберется рейхстаг, и предложит на обсуждение рейхстага свою большую программу реформ. Он вступит в коалицию лишь с теми, кто одобрит его правительственную программу. Если правительство останется в меньшинстве, оно также не уйдет и использует тогда авторитет Гинденбурга. Другими словами, правительство возвещает установление фашистской диктатуры, опирающейся на полицию и армию. Народная партия выражает эту мысль следующим образом:

> «Выходом могло бы явиться образование кабинета из беспартийных специалистов и лиц, которым в случае необходимости могли бы быть даны полномочия (Гинденбургом) проводить широкие реформы при помощи параграфа 48 конституции».

«Дейче Альгемейне Цейтунг» комментирует эту идею следующим образом:

> «Брюнинг не сможет избежать реорганизации кабинета в случае, если он будет свергнут большинством рейхстага. В этом случае будет только один выход и придется сделать дальнейший шаг на том пути, на который вступил президент республики с первым министерством Брюнинга. Придется образовать совершенно независимый от партии кабинет оздоровления, который должен будет ставить перед готовыми фактами рейхстаг, который придется, по возможности, поменьше затруднять... Так или иначе, надо будет использовать все исключительные постановления конституции и вторичное устранение парламента, как это уже было при оздоровлении положения в Германии в 1924 году».

Тогда это произошло под руководством Эберта, а теперь это должно быть сделано под руководством Гинденбурга. Хранители германской демократии, таким образом, хотят немного поиграть с германским рейхстагом, превратив его в подобие польского сейма. Очевидно, положение очень тяжелое, если в пролетарской Германии хотят испробовать рецепт Пилсудского. Германские рабочие, таким образом, знают, что сентябрьские выборы в рейхстаг приносят им в подарок фашистскую диктатуру, с Гитлером или без него, и скоро они также узнают, какую роль здесь будет играть социал-демократическая кокетка, предлагающая буржуазии свои прелести.

Компартия внесла в рейхстаг два предложения, которые должны разоблачить демагогию социал-фашистов и национал-социалистов. Оба предложения построены на разоблачении тех демагогических основных лозунгов, под которыми эти обе партии вели предвыборную кампанию.

Одно предложение призывает рейхстаг немедленно отменить чрезвычайные распоряжения правительства, сделанные на основе 48 параграфа. Здесь и социал-демократы и национал-социалисты должны показать, насколько серьезно они относятся к борьбе с этими реакционными мероприятиями и правительством Брюнинга. Если социал-демократы и фашисты будут голосовать за это предложение компартии, то чрезвычайные указы правительства будут отменены и вместе с тем отпадет возможность вступления в коалицию для социал-демократической партии. Практически социал-демократия не может делать никаких предложений, которые отличались бы от тех, которые осуществлены Брюнингом в его чрезвычайных указах.

В другом своем предложении компартия требует немедленного прекращения платежей по плану Юнга. И это предложение должно получить большинство, так как, кроме коммунистов и национал-социалистов, избраны в парламент 41 националист и 23 члена хозяйственной партии исключительно благодаря обещанию бороться всеми средствами с планом Юнга.

Совершенно очевидно, что национал-социалисты окажутся здесь в затруднительнейшем положении. Они должны изменить своему основному лозунгу или же потерять какую бы то ни было возможность вступить сейчас в коалицию. Брюнинг сразу увидел и использовал это затруднительное положение социал-демократов и национал-социалистов в парламенте для того, чтобы заставить тех или других поддержать его политику. Брюнинг уже не спорит о своих чрезвычайных указах и вносит большую «программу реформ», являющуюся венцом всех реакционных мероприятий против трудящихся масс, какие когда-либо проводились в жизнь с момента окончания войны [1]).

Согласно этой программе, жалование всех чиновников и служащих в государстве, в отдельных германских республиках и в коммунах, в железнодорожном и почтовом ведомстве—будет снижено, по меньшей мере, на 6%. Таким образом, будет расчищен путь для систематического снижения зарплаты рабочих. Государственные ассигновки коммунам (в Германии взимаются почти исключительно общегосударственные налоги) должны быть снижены на 100 млн. марок. Также будут уменьшены или вовсе прекращены общегосударственные ассигновки в фонд страхования от безработицы и по случаю кризиса. Взносы рабочих в фонд страхования от безработицы будут подняты с 4½ до 6½ проц. Кроме того будут уменьшены все расходы на социальные и культурные нужды. Налог на табак будет поднят на 177 млн. марок. Законодательная защита квартиронанимателей будет почти полностью ликвидирована, и квартирная плата будет поднята почти на 20 проц. Дефицит в государственной кассе хотят покрыть путем введения новых и повышения старых пошлин.

При помощи всех этих мероприятий хотят с'экономить 5 млрд. марок исключительно за счет трудящихся масс. Руководящие органы буржуазии превозносят эту программу, рассматривая ее, как средство «спасения в последний момент». Они только недовольны повышением взносов в фонд страхования от безработицы, так как это является, по их мнению, до известной степени бременем для предпринимателей.

Президент республики Гинденбург уже одобрил эту программу. Брюнинг может, таким образом, опираясь на авторитет Гинденбурга, на образец Эберта в 1924 году и, в особенности, на армию и полицию, приступить к проведению программы при содействии рейхстага или без такового. Социал-демократия и здесь должна, таким образом, окончательно решиться, так как теперь уже не время для демократических жестов и уловок. Социал-демократы должны или бороться, как этого хотят социал-демократические рабочие массы, или же принести жертвы, как этого требует Гильфердинг для спасения парламента. Нет сомнения, что вся бюрократическая верхушка в этой предательской партии одобрит путь, указанный Гильфердингом. Вопрос лишь в том, позволят ли рабочие массы еще раз обманывать себя «левыми» фразами Кюнстлеров и Ауфгейзеров, или они порвут с системой социал-демократического предательства и станут на сторону германской компартии в боевом классовом фронте.

Проводя соответствующую политику единого фронта снизу, германская компартия укажет путь к революционному классовому фронту рабочим массам, идущим еще за социал-демократией или введенным в заблуждение социал-демагогическими фразами фашистов. Развив предвыборную кампанию на основе программы национального и социального освобождения трудящихся путем создания советской Германии, компартия развивает теперь перед массами свою программу защиты трудящихся от всех нападений буржуазии и фашистов. Компартия призывает к борьбе за все повседневные требования угнетенных и эксплоатируемых масс, указывая вместе с тем, что эти требования можно осуществить лишь в беспощадной борьбе, что массовая забастовка должна стать средством борьбы рабочих и что только Советская Германия может освободить трудящиеся массы от их цепей и растущей угрозы реакции.

Этой зимой в Германии разыграются бои, имеющие решающее значение. Меры правительства Брюнинга или другого фашистского правительства и наступление предпринимателей не способны успокоить массы и укрепить их веру в новый под'ем капиталистической Германии. Все меры, предусмотренные «программой спасения», не смогут уменьшить растущий дефицит в государственных кассах. Если уменьшить государственные ассигновки коммунам, то последние тем скорее обанкротятся.

По оценке даже буржуазных экономистов, число безработных, вероятно, поднимется до 5—6 млн. Безработные, для которых эта программа правительства является величайшей угрозой, и фабричные рабочие, зарплату которых хотят снизить на 20%,—проявят еще меньшее желание защищать существующий строй, чем низшие чиновники, с которыми государство так плохо обращается. Они не проявят никакой охоты его защищать и в том случае, если в правительство вступят социал-демократы или национал-социалисты.

Германская буржуазия не может рассчитывать даже на помощь других стран, сколько бы она ни пугала иностранных кредиторов под'емом большевистской волны в Германии. После выборов утекло заграницу больше 300 млн. золотых марок. О перспективах получения заграничных займов в настоящих условиях можно судить по следующему заявлению «Финеншел Ньюс»:

> «В одном отношении результат выборов должен оказать благотворное влияние на положение юнговского займа, так как в настоящих условиях вряд ли сделают попытку выпустить в будущем году вторую часть этого займа».

Это и неудивительно. Курс юнговского займа в апреле равнялся уже 72,5, вместо 96 или 100.

В этих условиях напрашивается сравнение с 1923 годом. В этот год инфляции буржуазия, бывшая уже на краю гибели, могла еще спастись потому что компартия не поставила своевременно и правильно вопрос о власти, и в рядах социал-демократии и даже в рядах компартии царили иллюзии о пользе демократической промежуточной стадии между капиталистической диктатурой и диктатурой рабочего класса.

Сейчас все партии и классы ставят эти проблемы яснее чем в 1923 году. Буржуазия теперь совершенно открыто идет к диктатуре, так как, по ее собственным заявлениям, у нее нет другого выхода. Брандлеризм и правый оппортунизм уже не затуманивают умы в рядах компартии. Члены компартии и широкие массы сочувствующих рабочих вылечились от этих иллюзий и совершенно иначе относятся к вопросам решающего значения.

Однако, несмотря на эти благоприятные обстоятельства, не следует слишком легко относиться к создавшемуся положению. Социал-фашисты все еще являются силой в рабочем движении, а национал-фашистов уже во всяком случае не следует рассматривать как слабое оружие в руках наших врагов.

Партия должна поставить в центре организацию экономических боев пролетариата, беспощадно разоблачая всякий оппортунизм и пораженчество (которое есть в партии) в отношении возможности широкого стачечного движения пролетариата в период кризиса. Стачки берлинских металлистов разоблачают этот оппортунизм без остатка. Революционизирование экономических боев (решение V конгресса Профинтерна) является важнейшей тактической директивой для партии в руководстве экономическими боями. Только на этой основе партия сможет и должна со всей большевистской энергией и мужеством мобилизовать массы, смело развязывать и организовать их активность (советы безработных, фабзавкомы, создание самостоятельных революционных профсоюзов), поднимая массы до общеклассовых боев и массовых политических стачек и подводя к решающим боям с буржуазией, фашизмом и социал-фашизмом.

---

[1]) Статья писалась до заседания рейхстага. Последующие события целиком подтвердили анализ перспектив, данный в статье. При полной поддержке социал-демократов правительство Брюнинга провело грабительские законы против трудящихся масс, и заседания рейхстага отложены до декабря месяца. Национал-социалисты (фашисты), как в рот воды набрали, когда компартия внесла предложение прекратить платежи по плану Юнга.

Руководство германской компартии поэтому требует от членов партии усиленной идеологической массовой работы, энергичной работы по увеличению партии и улучшению партийных кадров, быстрого установления глубокой организационной связи с предприятиями, создания широкого революционного профсоюзного аппарата самостоятельного сверху донизу, и создания массовых организаций обороны занятых и безработных пролетариев на основе революционного единого фронта.

В теперешних условиях германский пролетариат и, в первую очередь, германская компартия должны проявить отвагу, смелость и мужество. Нужно ясно разбираться в положении, проявить организованность и способность к быстрым действиям.

Не только выборы имеют международное значение, но и вся практическая деятельность германской компартии в ближайшее время приобретает громадное международное значение.

Партия стоит перед ответственнейшими историческими задачами. Звание второй большевистской партии в КИ обязывает. Германская компартия с честью вынесет большевистское знамя из предстоящих классовых боев.

Г. Сафаров.

Октябрь и колониальная революция.

1. Октябрь и антиимпериалистическая революция.

«Великое мировое значение Октябрьского переворота, — писал тов. Сталин, в ноябре 1918 года,—в том, главным образом, и состоит, что он:

1) Расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом в общий вопрос об освобождении угнетенных народов колоний и полуколоний от империализма;

2) открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом;

3) перебросил, тем самым, мост между социалистическим Западом и порабощенным Востоком, построив новый фронт революций от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока против мирового империализма» [1]).

Большевики положили в основу своей революционной стратегии создание единого антиимпериалистического фронта рабочего класса и угнетенных колониальных народов.

В известном документе «Несколько тезисов», напечатанном 13 октября 1915 г., тов. Ленин подчеркивал, что большевики, став у власти, «систематически стали бы поднимать на восстание все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.)».

Тезисы II конгресса Коминтерна указывали, что советская власть «должна группировать вокруг себя неминуемо... все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей».

Наконец, в статье «Лучше меньше, да лучше» тов. Ленин прямо говорил, что «исход борьбы, в конечном счете, зависит от того, что Россия, Индия и Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

На протяжении 15-ти лет стратегическая линия большевизма развивалась твердо и без колебаний в одном направлении. Смычка социалистической революции пролетариата с антиимпериалистической революцией в колониальном мире была и осталась основной установкой большевиков, вытекавшей из большевистско-ленинской оценки современной эпохи.

Меньшевики всех сортов, оттенков и призывов никогда не упускали случая, чтобы выразить свое пренебрежение к «туркестанскому социализму», к большевистской «азиатчине» и т. д.

---

[1]) И. В. Сталин. Октябрьский переворот и национальный вопрос.

Чем больше они разрывали с рабочим классом и обрушивались на него кровавыми репрессиями в развитых капиталистических странах, тем больше они щеголяли, «неприемлемостью» для них союза с «какими-то муллами из Хивы». Это было особенно популярным козырем против большевизма десяток лет тому назад, когда II Интернационал пытался провести обходное движение против Коминтерна, всунув в его ряды своих сторонников, вроде Криспина и Ко.

С тех пор прошло целое десятилетие. Теперь уже никого не обмануть анекдотами о большевистском варварстве, никого не обмануть россказнями о том, что «большевики ради удержания власти готовы примириться с любым средневековьем». Социалистическая индустриализация Советского Союза и огромный прогресс колхозного движения, а также строительство совхозов, воочию доказывают рабочим всего мира, что ленинский пролетарский авангард искал и ищет смычки с отсталыми и угнетенными народами Востока не для того, чтобы топтаться в условиях средневековой отсталости, но для того, чтобы вести их вперед на путь некапиталистического развития. Теперь уже II Интернационалу не приходится презрительно отзываться об отсталости колониального Востока. Он вынужден спешно подавлять резолюцию, которая рвется из подполья — в Китае и в Индии, в Палестине и в Египте. Вандервельде стремительно несется в Китай заключать предсмертный блок с Гоминданом. Макдональд ассигнует полновесные десятки миллионов фунтов на войну с народами Индии, одновременно договариваясь за «Круглым столом» с индийскими раджами и англо-индийскими охранниками о наиболее «экономных» способах подавления революционного возмущения масс.

II Интернационал и его «левые» подручные безуспешно пытались представить большевистскую политику единого антиимпериалистического фронта, как беспринципную погоню за случайными попутчиками.

И это было не случайно. Их отношение к империализму и к борьбе с ним требовало этого. Прикрываясь лживыми фразами о «чисто рабочем» характере революционной борьбы с буржуазией, Криспины, Леви, и К° искали прикрытия наиболее уязвимых сторон империалистического господства. Еще в довоенное время центризм — прежде всего, в лице австро-марксизма, — достаточно полно и четко определил свое отношение к колониальной революции. Господин Отто Иенсен в своей недавней статье в «Гезельшафт» [1]) весьма кстати напомнил об этом, указав на старую статью Отто Бауэра. Она заслуживает того, чтобы о ней вспомнить, именно, в связи с вопросом о роли пролетарского Октября в деле развертывания колониальной революции.

Господин Отто Бауэр писал в те далекие дни: «Оба движения, вызванные соприкосновением европейского капитализма с Востоком, суть национально-оборонительные движения: либеральную образованную верхушку и реакционную народную массу об'единяет одна цель сохранения свободы своей страны против чужеземного господства, поскольку она находится под угрозой; их об'единяет общая цель восстановления этой свободы там, где она уже потеряна. Несмотря на это, эти двоякого рода движения разделяет между собой глубокая пропасть: народная масса стремится сохранить еще старый социальный строй своей страны в полной неприкосновенности от европейских влияний; интеллигенция же стремится европеизировать страну, чтобы бить Европу ее собственным оружием. Это раздвоение парализует национально-оборонительное движение» [2]). Однако, в конце концов, по мнению Отто Бауэра, происходит соединение этих двух, первоначально раздельных, потоков: национально-буржуазная интеллигенция и просвещенная буржуазия воспринимают традиции прошлого, стремясь вложить в них новое содержание, народная, по преимуществу, крестьянская масса принимает руководство имущей и образованной верхушки.

Таким образом, европейский центризм [1]) уже в довоенные годы подходил к колониальной революции с той точки зрения, что в основе своей она представляет собою реакционное сопротивление отсталых масс, восстающих против завоеваний «цивилизации». Только имущая и образованная верхушка может до известной степени локализовать, а отчасти и парализовать, реакционный характер массового движения. Чем меньше и тоньше этот верхушечный слой, чем больше движение принимает характер массового крестьянского возмущения против империализма, тем более опасным становится оно с точки зрения судеб исторического прогресса. Российские меньшевики исповедывали примерно такие же взгляды относительно крестьянства. Не они ли доказывали в период 1905—1907 годов и раньше, что пролетариат должен искать союза с либеральной буржуазией, которая знает и понимает, что такое демократическая республика, тогда как крестьянская масса, несмотря на свое стихийное недовольство господством помещичьего землевладения, все еще продолжает верить в царя, все еще не в состоянии понять преимуществ конституционного правового государства? Вне всякого сомнения, австро-марксизм, а вместе с ним и весь международный центризм, поворачиваясь «лицом к Востоку», еще в довоенное время заимствовал свою основную установку у российского меньшевизма, хотя и опирался при этом также на австрийский опыт.

На почве буржуазной демократии вообще, нельзя ни понять революционное движение в колониальном мире, ни, — тем более, — проложить путь к союзу с ним. Ибо на этой загнившей и разложившейся почве нет и не может быть борьбы с империализмом. Во всех развитых капиталистических странах история поставила в порядок дня борьбу за диктатуру пролетариата и, как-раз по этой причине, вся борьба рабочего класса в каждой отдельной империалистической стране поднялась на более высокую ступень, перед рабочим классом каждой империалистической страны встала задача проведения смычки с восточным крестьянством, угнетаемым империализмом. Чтобы понять своеобразие и движущие силы колониальной революции, нужно понять ее конкретную историческую связь с борьбой за пролетарскую диктатуру, нужно уяснить себе неизбежность ее в эпоху империализма, империалистических войн и пролетарских революций. Только тогда своеобразие и специфические особенности колониальной революции, ее исторический смысл и значение станут ясными и понятными.

Меньшевизм не мог найти правильного подхода к аграрно-крестьянской революции в России потому, что он не мог понять революционного своеобразия крестьянского движения, которое на первых своих этапах еще не могло вполне избавиться от патриархальной оболочки, несмотря на то, что об'ективно-историческое содержание этого движения, его основа была революционной. Точно так же международный меньшевизм в довоенные годы проглядел революционную сущность борьбы против империализма в колониях, «заглядевшись» на буржуазную демократию. Ему не стоило большого труда проделать дальнейшую эволюцию — сначала к откровенному социал-империализму и социал-пацифизму, а затем — к социал-фашизму и прямой поддержке интервенции против революционных движений в колониях и против СССР как об'единяющего центра этих движений. Начав идейный обстрел колониальной революции с помощью меньшевистских доводов в довоенные годы, Отто Бауэр и К° затем без труда стали якобы «рабочими» представителями

---

[1]) Сентябрь, 1930 г.

[2]) «Кампф». 5-й год изд., № 3.

[1]) Нынешний «левый» социал-фашизм.

вителями *воинствующего* империализма. Как для идеологов рабочей аристократии и рабочей бюрократии, для них была неизбежна ставка на поддержку империализма и на борьбу с рабочим и крестьянским движением колоний и полуколоний *при помощи туземной контрреволюционной буржуазии.*

Октябрь, поставив под вопрос господство капитализма во всем мире, нанес решающий удар господству империализма в колониях.

Наряду с международной системой империалистических государств образовался Союз Социалистических Советских Республик, на территории которого была полностью, *по-пролетарски*, разрешена национальная и национально-колониальная проблема.

Тов. Ленин, никогда не уставал подчеркивать, что *существование международной системы империалистических государств делает совершенно неизбежными национальные восстания и национально-революционные войны.* Осуществление диктатуры пролетариата на территории бывшей царской империи уже само по себе должно было вызвать кризис международной системы империалистических государств. Революционная ликвидация разбойничьего Севрского договора о разделе Турции и создание национально-независимого турецкого государства, развертывание революций в Китае и в Индии, образование народно-революционной республики в Монголии, пробуждение черной Африки и развитие борьбы арабских народов за свою независимость,— все это стало возможным и неизбежным, главным образом, потому, что на территории бывшей царской России было не на словах, а на деле, уничтожено «разделение наций, угнетенных, зависимых и неравноправных, от наций, угнетающих, эксплоататорских, полноправных» [1]). *Международная система империалистических государств была прорвана. Создался советский противовес этой системе.* Чем больше развивалось строительство советской власти, тем больше Советский Союз становился одним из важнейших факторов развязывания колониальной революции.

Империалистическая война вызвала ряд попыток использования противоречий между воюющими державами со стороны угнетенных наций — для завоевания государственной самостоятельности, примером чего может служить ирландское восстание 1916 года. Однако эти попытки, когда они были связаны с верхушечными комбинациями, с тем или иным империализмом, влекли затем угнетенные нации на путь империалистического перерождения, *поскольку* им удавалось добиться государственной самостоятельности. Характерным с этой точки зрения было самоопределение чехов в союзе с Антантой и в ходе прямой интервенции против советской власти.

Октябрьская революция не смогла сразу выдвинуть повсеместно в качестве руководящей силы национально-освободительной борьбы отсталых народов, — рабочий класс и крестьянство. Но даже и там, где во главе восстания против империализма оказались буржуазные и даже феодально-буржуазные элементы, эта национально-освободительная борьба приняла четкие и определенные формы революционной войны против империализма. Примером могут служить Турция, Марокко, Китай.

На это указывал тов. Ленин еще в 1919 году, — выступая на II Всероссийском с'езде коммунистических организаций народов Востока, он говорил: «Я думаю, что то, что проделала Красная армия, ее борьба и история ее победы будут иметь для всех народов Востока гигантское значение. *Ее борьба покажет народам Востока, что, как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее, революционная война, которую ведут угнетенные народы, если она сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплоатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, Сибири, опыта, который проделан Советской Республикой, подвергшейся нашествию всех могущественных стран империализма»* [1]).

Если до Октябрьской революции национально-революционные войны на Востоке были более или менее исключением из правила, то с победой Октября они стали неизбежным следствием огромной революционной раскачки масс в масштабе миллионов и десятков миллионов. *Октябрьская революция* подняла антиимпериалистическую борьбу на более высокую историческую ступень, — она *открыла новую эпоху национально-революционных войн.*

В колониальных и полуколониальных странах, где национальная раздробленность и отсталость поддерживаются господством феодально-помещичьего строя и империализма, революционное развитие совершается с крайней *неравномерностью* в разных частях страны. Колониальная революция, как показал опыт Китая, переходя в решающую фазу борьбы с империализмом, завоюет себе определенную *территориальную базу*, чтобы, опираясь на нее, вести свое дальнейшее наступление. Северный поход в 1926—27 году был бы невозможен, если бы китайская антиимпериалистическая революция не отвоевала себе с оружием в руках территориальную базу в Кантоне и Гуандунской провинции. Новый революционный под'ем в Китае уже привел к *созданию компактных советских районов, существование и укрепление которых обеспечивает дальнейшее развертывание революционного под'ема.* Условия колониального режима, с одной стороны, вызывают стихийное возмущение масс в форме вооруженных выступлений, с другой стороны, обусловливают неравномерность созревания революции в общенациональном масштабе. Открыв новую эпоху революционных войн в колониях, Октябрьская революция указала восстающим народам пути победоносной борьбы. Отношение к национально-революционным войнам, в период империалистической войны, вызвавшее резкие расхождения между ленинизмом и представителями «левого» сектантства, в послеоктябрьский период стало одним из коренных вопросов борьбы между ленинизмом и оппортунизмом как «левого», так и правого толка.

2. Борьба двух путей на колониальной почве.

Англичанину, отправившемуся в Индию, чтобы хорошенько разузнать настроение масс, пришлось слышать от одного мусульманина, рядового участника национальной борьбы — в период первого революционного под'ема в Индии в послевоенные годы,— следующие любопытные заявления: «Вопрос о халифате, религиозный вопрос, вызывает наше возмущение. Нечего добиваться нашей лойяльности, когда мы смотрим на вас, как на врагов наших

---

[1]) Резолюция II конгресса К. И.

[1]) Т. XVI, 1-ое изд., стр. 383

религии. В руках халифа должна снова оказаться охрана святых мест. Англия должна убрать свои войска из Месопотамии и оставить Аравию. Тогда арабы с турками справятся со своими взаимными спорами. Шесть месяцев тому назад мы были готовы броситься на пулеметы, если бы только наши вожди дали знак». Англичанин-наблюдатель к этому иронически добавляет: «Интересно, как одна и та же вещь может выглядеть по-разному: индус-лавочник в соседней деревне сказал мне,— шесть месяцев тому назад они были готовы разгромить все наши лавки, если бы их вожди не удержали их от этого»[1]. Этот отрывок рисует перед нами *самую первоначальную* стадию революционной борьбы, когда под маской религиозного возмущения складывается и растет первое антиимпериалистическое движение. Уже на этой первоначальной стадии оно таит в себе *классовые противоречия*. Вопрос о халифате оказывается одновременно и вопросом о борьбе против индусского ростовщика, который стоит за прилавком, чтобы было легче вытягивать ростовщические проценты из забитой крестьянской массы.

Антиимпериалистическая борьба требует огромнейшего напряжения сил, политической мобилизации *многомиллионных* масс, лишь впервые втягивающихся в политику. Пусть первоначальными носителями антиимпериалистической борьбы будут представители национальной, торговой и промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции или даже либеральные представители феодально-помещичьего землевладения. На начальной стадии они могут быть застрельщиками борьбы — не потому, что они хотят этой борьбы больше, чем рабочие или крестьяне, а потому, что рабочая и крестьянская масса еще не оторвалась от этой имущей и образованной верхушки, потому, что она не может еще *самостоятельно* выражать свои интересы. *Под давлением общенационального революционного под'ема* буржуазная и буржуазно-помещичья верхушка должна выступать против империализма. Исключительная обстановка и исключительный размах общенародной борьбы могут даже заставить ее взять в свои руки руководство революционной войной против империализма, как это было в Турции и в Китае в 1925—27 гг. Присоединяясь сверху к общенациональному антиимпериалистическому возмущению, национально-буржуазная верхушка может на время ослабить даже свою внешнюю связь с помещичьим землевладением и феодально-помещичьим укладом. Бывают положения, когда история заставляет ставить ставку на антиимпериалистическую борьбу, так как без этой ставки буржуазия рискует потерять всякую возможность воздействия на массы. Однако дальнейшее вовлечение масс в борьбу неминуемо ведет к классовому расколу единого антиимпериалистического фронта. Если в период первого послевоенного революционного под'ема на Востоке основное влияние Октябрьской революции шло *по руслу раскачки антиимпериалистической борьбы в общенациональном масштабе*, то на последующих ступенях развития, и особенно в условиях нынешнего революционного под'ема, это влияние выливается *в форму прямого использования восстающими массами опыта большевистской борьбы*. Развитие движения приводит к тому, что с реального классового содержания борьбы спадает ветошь патриархальных и патриальхально-феодальных форм, что рушится «классовый мир», подпиравшийся отсталостью масс. Октябрь не только открыл эпоху национально-революционных войн против империализма на Востоке. Он также *перенес на колониальный Восток борьбу двух основных исторических методов решения задач буржуазно-демократической революции*.

---

[1] J. T. Gwynn. Indian Politics. p.p. 91—92.

Еще и сейчас на фронте марксистского востоковедения подвизаются нередко правые оппортунисты, которые, решительно восстают против известного положения Маркса о том, что «революции — локомотивы истории». Эти представители мелкобуржуазного либерализма склонны измерять революционные возможности в той или иной стране лишь в зависимости от силы, организованности и просвещенности *буржуазии*. Экономическая и культурная отсталость Востока им до сих пор кажется «пределом, его же не прейдеши». Они не могут и не хотят понять значения Октябрьской революции для колониального Востока, не могут понять значения классовых противоречий, как движущей силы антиимпериалистической колониальной революции. Если троцкизм выступил на Востоке с меньшевистской попыткой изолировать рабочий класс от антиимпериалистической борьбы, то правый оппортунизм — и в теоретической области, и на практике, — нашел свое выражение, прежде всего, в отрицании или недооценке аграрно-крестьянской основы антиимпериалистической революции. В этом смысле он также нашел общий язык со II Интернационалом. Что характерно для него, так это то, что он не ищет *черт сходства* между колониальной революцией и Октябрем, но, наоборот, стремится выставить колониальную отсталость как китайскую стену между ними. А между тем, весь опыт большевистской борьбы за гегемонию пролетариата в крестьянской революции устанавливает неразрывную историческую преемственность между Октябрем и колониальной революцией. Октябрь мог быть подготовлен только длительной борьбой между пролетарскими и буржуазно-помещичьими тенденциями еще *в условиях созревания* буржуазно-демократической революции. Ни Маркс и Энгельс, ни Ленин никогда не разрывали единого комплекса исторического процесса и не пытались превращать в либеральное пугало экономическую и культурную отсталость народов. Напротив того, — они устанавливали прямую и непосредственную преемственность между крестьянскими войнами, 1793-м годом во Франции и позднейшими революциями с активным участием пролетариата.

В своей замечательной статье «К оценке русской революции» тов. Ленин, подчеркивая выдающуюся революционную роль крестьянства, отмечал[1]: «Указанный нами *особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль*. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье: «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма из утопии в науку»... «Оригинальное явление, — говорит Энгельс, — во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века) «боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно, вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоманри (yomanry — крестьянство), почти совершенно исчезло. А, между тем, исключительно благодаря вмешательству этого йоманри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. *Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их*,— *для этого было* необходимо довести революцию значительно дальше такой цели. Совершенно то же самое было в 1793 году во Франции, в 1848 году в Германии. Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества». И в другом месте той же статьи Энгельс указывает, что французская революция была «первой революцией, в которой борьба была доведена до полного уничтожения одного из комбатантов (одной воюющей стороны), именно аристократии, и до полной победы другого, именно буржуазии». Оба исторические наблюдения или обобщения Энгельса замечательно подтвердились ходом русской революции. Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата,— «плебейского элемента городов»,— способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX в. безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести значительно дальше ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания».

---

[1] Т. XII. Изд. Ин-та Ленина. Стр. 210—211.

Чтобы победить царизм, еще в довоенных условиях приходилось ставить вопрос об условности и относительности буржуазно-демократических рамок. Что же следует сказать о колониальной революции, которой сразу же приходится вступать в прямой и смертный бой со всей мировой системой империализма?

Недавно в «Preussiche Jahrbücher» немецкий империалист, скрывшийся под псевдонимом «Азиатикус», вполне правильно заметил, что «без преувеличения можно сказать, что Британская Индия после самой Англии составляет важнейшее звено Британской Империи,— потеря Индии означала бы конец Британской Империи. Так как сохранение Индии в пределах Британской Империи есть для последней вопрос жизни и смерти, то не может быть никакого сомнения в том, что Англия будет защищать свои позиции в Индии с такой же непреклонностью и упорством, с какой она боролась в мировой войне за победу над центральными державами. Нужно учесть, что владение Гибралтаром, Мальтой, Суэцким каналом и Аденом, как и вся политика Англии на переднем Востоке, в конечном счете, преследует лишь одну цель — обеспечение связи с Индией, что Англия для достижения этой цели не побоялась прибегнуть к мировой войне, к проведению раздела Турции и к тому, чтобы после мировой войны посеять бесконечные раздоры на Арабском полуострове. Английские попытки прибрать к рукам Южную Персию и Афганистан преследуют эту же цель». Азиатикус совершенно прав. Англия готова перевернуть вверх дном весь мир, лишь бы сохранить Индию, и, уж конечно, не гомеопатические средства «пассивного сопротивления» заставят ее убраться оттуда. Но английское господство в Индии не только — важнейшее звено существования Британской Империи, оно является также важнейшим элементом международной системы империалистических государств. Господин Азиатикус сам обнаруживает это, заявляя, что «Германия, несмотря на все человеческие (!) симпатии в борьбе за независимость индийского народа, искренне желает, чтобы Англии удалось сговориться с Индией.. Ибо хаос в Индии означал бы катастрофу для народного хозяйства всей Западной Европы, а также создал бы благоприятнейшую почву для большевизации Азии»[1]).

---

[1]) Октябрь, 1930 г.

Победоносная борьба с империализмом требует такого напряжения сил и такой мобилизации масс, которые под силу только революционным классам, которые можно осуществить только при соединении антиимпериалистической и антифеодальной революции. Вопрос о борьбе между буржуазно-помещичьим национал-реформизмом, который под давлением классовых противоречий быстро перерастает в буржуазно-помещичью контрреволюцию, с одной стороны, и рабоче-крестьянским лагерем, с другой,—на современном Востоке приобрел решающее значение. Это — вопрос о коммунистических партиях на Востоке. Еще на II конгрессе Коминтерна тов. Ленин говорил: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах»[1]).

Опыт китайской революции блестяще доказал правильность этого взгляда, вопреки троцкизму и ченьдусюизму. Троцкизм пытался оторвать борьбу за землю от борьбы с империализмом, противопоставить одно другому, изолировав тем самым рабочий класс. Ченьдусюизм пытался «принести» аграрно-крестьянскую революцию «в жертву» антиимпериалистической борьбе. На деле, он пришел к капитуляции перед Гоминданом. Коммунистические партии на Востоке могут найти себе опору в массах постольку, поскольку они способны выступить в качестве пролетарского авангарда, сознательного проводника антиимпериалистической и антифеодальной революции. Их борьба неотделима от борьбы двух основных исторических тенденций, неотделима от борьбы между буржуазно-помещичьим национал-реформизмом и борьбой пролетариата за свою гегемонию в крестьянской, антиимпериалистической и антифеодальной революции.

В Китае в антиимпериалистической борьбе, принявшей форму национально-революционной войны, на определенной ступени стало неизбежным решительное столкновение между буржуазией и рабоче-крестьянским лагерем из-за отношения к аграрно-крестьянской революции. Новый революционный под'ем в Китае начался не случайно с массовых восстаний крестьян против помещиков. Не случайно эти восстания на первых же шагах привели к столкновению с империализмом. Нынешний революционный под'ем в Китае продолжает восходящую линию развития китайской революции, оборвавшуюся благодаря поражению рабочих и крестьян в 1927 году.

А в Индии? В Индии национал-реформистская буржуазия ищет контрреволюционного компромисса с английским империализмом в целях спасения помещичьего землевладения, ростовщичества и колониальных «норм» эксплоатации рабочей и крестьянской массы. Она проповедует «пассивное сопротивление», потому что переход антиимпериалистической борьбы в высшую стадию неизбежно покончит бесповоротно с ее влиянием на массы, с ее политической гегемонией.

---

[1]) Т. XXV, стр. 352.

Десяток лет назад рабочий класс колониального Востока еще представлял слишком слабую силу, чтобы можно было с полной определенностью говорить о непосредственном проведении пролетарской гегемонии в национальной революции каждой отдельной отсталой страны. А сейчас опытом классовых битв доказано, что для стран колониального Востока, во главе с Китаем и Индией — пролетарская гегемония является обязательным условием действительно победоносного развития антиимпериалистической революции. Индийский пролетариат, уже вписавший славные страницы в историю революционной борьбы за освобождение Индии, еще слишком отстал по сравнению с китайским пролетариатом, прошедшим хорошую боевую школу, начиная с расстрелов У Пей-фу в 1923 году и кончая нашими днями, боями за советы на Ян-Цзы.

Однако, даже буржуазные ученые с величайшей опаской оглядываются на индийских рабочих, усматривая у них подозрительные черты сходства с российскими пролетариями.— «Крупные предприятия с более чем 50 рабочими составляли 70% в 1911 году и 55% в 1921 году, если брать только современные предприятия; но они занимают — соответственно — 95% — 94% рабочих. Самые крупные предприятия с более чем 400 рабочих составляли 17,4% всех предприятий в 1911 году и 12,8% — в 1921 году, ими было занято 74% и 72% всех рабочих. Индия, таким образом, находится в условиях, довольно сходных с обстановкой довоенной России: с одной стороны, распыленные мелкие ремесленные предприятия, а, на другом полюсе,— крупная промышленность с более чем 400 рабочих на предприятии по большей части под управлением иностранцев, использующая ¾ всех рабочих. В отличие от европейской промышленности, которая переходила постепенно от мелких предприятий к средним, а затем к крупной промышленности, в Индии современная промышленность с самого начала родилась во всеоружии усовершенствованного технического оборудования и при наличии достаточных капиталов» [1]).

Само собой разумеется, что развитие крупной промышленности в Индии—незначительная величина по сравнению с размерами страны и об'емом ее потребностей. Тщетно сторонники социал-демократической теории деколонизации старались бы найти зацепку для оправдания своих взглядов. Однако структура индийской промышленности такова, что она выдвигает рабочий класс в качестве решающей революционной силы, несмотря на общую промышленную отсталость страны в целом. Рабочий класс колоний и полуколоний является, так сказать, собирательным выразителем всех общественных противоречий в общенациональном масштабе и благодаря своему месту, своей роли в крупном промышленном производстве, и благодаря своей неразрывной связи с крестьянством, и благодаря господству патриархально-феодальных и ростовщических форм эксплоатации даже на самой фабрике. Это позволяет ему выступать в качестве организатора крестьянских масс, это выдвигает его в качестве собирателя и организатора крестьянской армии.

За 13 лет, протекших с начала Октябрьской революции, рабочий класс колониального Востока вырос в самостоятельную революционную силу. Благодаря этому в гораздо большей степени, чем раньше, определились и классовые условия и предпосылки победы колониальной революции в борьбе с империализмом. Тов. Ленин требовал «точного классового определения революции» и полагал, что только революционная диктатура, только диктатура революционных классов способна четко и точно определить конкретно-историческое классовое содержание революции. Действуя на огромном историческом расстоянии, Октябрь помог рабочим и крестьянским массам Востока найти свое место в колониальной революции. Лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в советской форме облекся в плоть и в кровь в наши дни — благодаря революционному развитию в Китае, в Индии, в Индонезии, в Индо-Китае, в Египте, в Палестине, в Южной Африке и т. д. Мы имеем налицо целый ряд исторических переходов и оттенков, с особой группировкой классовых сил по отдельным странам. Некоторые движения напоминают крестьянские войны позднего средневековья, другие, как, например, движение за советы в Китае, уже позволяют заглянуть в завтрашний день и установить прямую и непосредственную связь их с великим Октябрем. Однако, все эти движения проникнуты и пронизаны единой исторической тенденцией: Октябрьская революция положила начало революционной крестьянской войне против империализма и против феодализма под руководством пролетариата и на отсталом колониальном Востоке.

В самых разнообразных антиимпериалистических движениях проявилась тенденция крестьянских масс перевести борьбу за национальное освобождение на рельсы одновременной борьбы и против империализма, и против феодально-помещичьего землевладения и ростовщичества. В непосредственной связи с этим выросла и историческая тенденция к соединению борьбы рабочего класса с борьбой крестьянских масс. Антиимпериалистическая революция неотделима от антифеодальной, аграрно-крестьянской революции. В Китае это стало уже неот'емлемым завоеванием массовой борьбы, и там лозунг революционной диктатуры пролетариата и крестьянства в советской форме является лозунгом борьбы сегодняшнего дня в буквальном смысле. В Индии дело только еще идет к этому, но не даром же английские империалисты отмечали с величайшей тревогой уроки Шолапура.— «Чернь установила там своего рода собственную администрацию, и определенные вожаки присвоили себе роль управляющих органов»,— горевал «Индиэн Стейтсмен» (15/V). И наставительно добавлял: «Город стал фокусом опасности для всей страны».

Тот факт, что в настоящее время вожди Нац. конгресса вынуждены обещать массам уже сейчас создавать государственный аппарат, в противовес аппарату британского господства, показывает, что идеи революционной диктатуры выражают исторически-назревшую потребность массового движения; от них не уйти даже контрреволюционной буржуазии, которая создает картонные мечи, стараясь забежать впереди масс, чтобы помешать им строить свою революционную диктатуру. Классовый раскол углубляется, углубление его даст надлежащую классовую основу революционной диктатуре.

Советы пробили себе путь на колониальный Восток. Они стали в Китае живым воплощением пролетарско-крестьянской революции против империализма и феодализма. В Индии они — завтрашний день, уже дающий знать о себе сегодня.

Октябрь наложил свой пролетарский отпечаток на колониальную революцию в самой непосредственной форме, в форме развития борьбы за советскую диктатуру пролетариата и крестьянства.

3. Лицом к некапиталистическому пути развития.

Выступая против ультралевого нигилизма в национальном и национально-колониальном вопросе в дни войны, т. Ленин — с исключительной способ-

---

[1]) André Philip L'Inde Moderne. 1930, p. 113.

ностью исторического предвидения — указывал завтрашний день. «Именно свобода отделения, которую польские социал-демократы» «дают» колониям, и привлечет к союзу с большими социалистическими государствами малые, но культурные и политически-требовательные, угнетенные нации Европы, ибо крупное государство при социализме будет значить: на столько-то часов работы в день меньше, на столько-то заработка в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями ради этой «культурноной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долгоугнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство. При капитализме этот опыт означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм привилегированных мелких наций (Голландия, Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим, вышеуказанным мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода государства, опыт государственного строительства—все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, — основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций» [1]).

Право на отделение закреплено в Конституции СССР. В школе гражданской войны, укрепления завоеваний Октября и социалистического строительства ранее угнетенные царизмом нации научились ценить советское решение национального вопроса, научились ценить завоевания Октября в деле уничтожения фактического национального неравенства, в области пролетарской демократии, хозяйственного и культурного строительства. Социалистическая индустриализация и социалистическая реконструкция сельского хозяйства подвели несокрушимый фундамент под Советский Союз. Дюжинные буржуа не могут уйти от признания этого: «Это об'единение различных народов, резко отличавшихся друг от друга не только в расовом и религиозном отношениях, но также и по их хозяйственному укладу, об'единение в Союзе Социалистических Советских Республик», — констатировал Ганс Кон, — «стало возможным только благодаря двум обстоятельствам, таящим в себе зародыш будущих отношений между народами. В противоположность другим государствам, построенным по союзному принципу, СССР безоговорочно признал право на национальное самоопределение, вплоть до признания права выхода из Союза за каждой стороной. Этот выход может быть произведен в любое время и без всякой формальности. Налицо союз, не сдерживаемый насилием... Другим средством создания единства между народами союза было об'единение хозяйственной организации, социализация естественных богатств всех частей Союза и превращение их в общее достояние населения всего Союза... Связь нации с хозяйственной территорией была уничтожена, и таким образом при сохранении полной культурной независимости и при общем расширении возможностей развития для каждого народа была устранена наиболее острая причина национальных противоречий и трений, — борьба из-за естественных богатств, гаваней, путей, таможенных пошлин. Вопрос о границах сделался второстепенным» [2]).

Буржуа не может не перепутать даже при неподдельном желании понять социалистическую революцию. Поэтому Кон — вместо того, чтобы просто констатировать, что там, где частная собственность и капитализм раз'единяют, социализм об'единяет, — пытается изобразить нацию советского типа «чуть-чуть» в духе гнилого австро-марксизма. По Кону, выходит,

---

[1]) Т. XIX. Изд. Ин-та Ленина, стр. 256.

[2]) Hans Kohn, Geschichte der nationalen Bewegung im Orient, 1928, s. 121.

что нации советского типа не грызутся между собой потому, что политика и культура... отделены от хозяйства. Ему как-то невдомек, что хозяйственное сближение и об'единение наций Советского Союза происходит на основе переделки самими трудящимися массами этих наций всех устоев их хозяйственного, политического и культурного существования. Отсталый уклад перерабатывается в процессе социалистического строительства. Буржуазно-либеральный австро-марксизм не может отделить существования наций от господства буржуазии и помещиков. А это господство неразрывно связано с национальной грызней и империалистическим насилием. Отсюда—попытки, вернее бессильные потуги, австро-марксизма прикрыть это путем превращения нации в «надклассовую», культурно-психологическую надстройку, свести вопрос о свободном самостоятельном развитии наций к пресловутой ублюдочной культурно-национальной автономии. Однако в том-то и горе буржуазно-либеральных кропателей, что советский способ разрешения национального вопроса не только не является формой приспособления наций к условиям международной грызни на австрийский манер, но представляет собою прямое отрицание и опровержение австрийского горе-опыта. Нации пробуждаются, складываются, развиваются, консолидируются — в экономическом, политическом и культурном отношениях — в процессе классовой борьбы. Советский тип наций формируется в борьбе против всех пережитков национального неравенства, в борьбе против мирового империализма и всех элементов капитализма и феодальных остатков в среде ранее угнетенных наций.

Исторически-назревшая необходимость этой борьбы меняет лицо наций.

Заостряя вопрос о борьбе с уклоном к великодержавному шовинизму в условиях социалистической реконструкции, тов. Сталин на XVI с'езде со всей четкостью и определенностью показал, как бесконечно далека большевистская постановка национального вопроса от социал-шовинистской фальсификации марксизма Каутским и К°. Эти господа ставят вопрос о поглощении и ассимиляции отсталых национальностей более передовыми. Каутский писал о возможности растворения чехов в немецкой нации, если бы в середине XIX века в Германии победила пролетарская революция. «Если прав Каутский»,— говорил т. Сталин,— «чем об'яснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые нации, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились как самостоятельные нации? Чем об'яснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации?»

Тов. Сталин дал ясную ленинскую формулировку нашего советского отношения к национальной культуре: «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране *для* слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре».

Партия отбила ваганяновско-троцкистские попытки отрицания национальной культуры якобы во имя интернационализма, а — на деле — во имя поглощения «сильной» нацией всех слабых и отсталых наций. Она не могла бы добиться огромных социалистических успехов в области национального строительства, если б она — хотя бы на минуту — примирилась с великодержавным уклоном, если бы она благодаря этому «примирению» дала торжествовать местному национализму. Язык, национальная литература, все развитие национальных культур в СССР стали величайшим средством социалистической реконструкции наций, средством их социалистической перестройки. Нельзя было добиться широкого развертывания колхозного строительства и социалистической индустриализации в национальных республиках и автономных областях без того, чтобы сделать понятными, родными и доступными самой широкой массе трудящихся все завоевания Октября. Партия разгромила султан-галиевщину, вскрыв ее кулацко-буржуазное контрреволюционное нутро. Делами советской власти она доказала, что великодержавный шовинизм ратует за «интернационализм» в духе Каутских и Отто Бауэров, чтобы протащить и отстоять великодержавно-реставраторские тенденции. Делами своими она разоблачила местный буржуазный национализм, показав, что он заботится не о развитии национальной культуры отсталых народов, а о монополизировании права на свободное развитие кулаком, баем, торговцем, буржуазным интеллигентом, об использовании ими национальной культуры в реставраторских, контрреволюционных целях.

«Вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос внутригосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе». Тов. Сталину принадлежит крупнейшая заслуга в раз'яснении и уточнении этого интернационального смысла пролетарского Октября. Именно благодаря большевистской твердости и последовательности в проведении национальной политики, СССР стал всемирно-историческим фундаментом подлинно-интернациональной борьбы против империализма, за социализм в мировом масштабе.

Огромные человеческие массы, спавшие до сих пор историческим сном, пробуждаются к революционному творчеству, по-советски строят новый общественный уклад, который нельзя создать с помощью «самой свободной» буржуазной парламентарной республики, который можно построить лишь в самой ожесточенной борьбе с мировым империализмом, в классовой борьбе под руководством пролетариата. Растущие элементы советской диктатуры пролетариата и крестьянства в колониальных революциях зарубежного Востока образуют мост к переходу колониальных наций на путь некапиталистического развития. Советский строй стал формой перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Рождающаяся в тяжелых родовых муках, новая китайская революция по своему историческому типу превосходит наш 1905 год. Она должна по-советски раскачать десятки миллионов кули, батраков, бедняков и середняков, чтобы вымести империалистов из Китая, сокрушить и полностью ликвидировать все прогнившие традиционные устои феодализма и ростовщичества. Аграрно-крестьянскую революцию приходится делать в этой стране под руководством пролетариата города и деревни, опираясь на организованную бедноту, в союзе с середняком, против кулака, который противится проведению мужицкого, буржуазно-демократического равенства по отношению к земле. Руководителем революции выступает коммунистическая партия.

«Опираясь на наиболее обеспеченные районы действия Красной армии, советы в Китае могут связаться с крупными промышленными центрами и под руководством компартии создать советское правительство рабочих и крестьян, единственно способное вывести Китай на новую дорогу — на путь освобождения от обнищания и вымирания миллионных масс, от хозяйственного развала, от гнета буржуазно-помещичьих клик и империалистических сил. В ходе революционного под'ема в Китае наша молодая коммунистическая партия крепнет и превращается в подлинного вождя революционно-освободительного движения рабочих и крестьянских масс. Китай может итти и придет к своему освобождению только под знаменем Советов и под руководством коммунистической партии» [1]).

Великий советский пример поднимает массы на борьбу. Все это — новое, невиданное. Но все это с железной необходимостью вытекает из логики революционной борьбы, из развития международных и внутренних противоречий.

Во всемирно-историческом масштабе Октябрь стал непреоборимой силой. Какими жалкими и ничтожными оказываются попытки правых ренегатов и троцкистов, — попытки свергнуть движение сотен миллионов с октябрьского пути.

Какой-нибудь Рой рукоплещет тому, что пролетарский авангард Индии еще не настолько оформился и окреп, чтобы отбросить одним махом предательский Национальный конгресс от руководства массами. Ренегат Троцкий злобно фыркает на революционный под'ем в Китае, предрекая ему поражение. И правые, и «левые» вредители толкуют о незрелости колониальной революции потому, что они — изменники и враги Октября.

Пятилетка — осуществление заветов Ильича. — «Крупное государство при социализме будет значить: на столько-то часов работы в день меньше, на столько-то заработка в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи».

Будущее время стало уже настоящим. Они «потянулись».

В Шанхае, под пятой кровавого Чан Кай-ши, фабриканты нанимают беженцев голодных районов на свои фабрики, давая им лишь чашку гнилого риса, без всякой заработной платы. В Индии высококвалифицированный паровозный машинист-индус получает около 3 фунтов стерлингов в месяц за ту работу, за которую англичанин рядом с ним получает 15 фунтов. Во всех колониях и полуколониях крестьянство находится в полукрепостном состоянии. Но это — не старое крепостное состояние, крепостничество служит орудием господства мирового капитализма. — Падают цены на хлопок, джут или кокосовые орехи — и «свободный товаропроизводитель», которому некуда деться, обречен на голодную смерть.

В Шолапуре, где в этом году было восстание и «чернь» сумела создать свои органы революционной диктатуры, из 1.000 детей 397 умирают.

А в СССР — 7-часовой рабочий день, неуклонно идет вперед гигантская перестройка, рабочий на социалистической фабрике и крестьянин в колхозе твердо знают, что они строят социализм. В СССР нет безработицы.

Недаром международный капитализм и социал-фашисты надрываются от криков о «советском демпинге», о том, что СССР разрушает «благополучие» империализма!

Как можно примириться с колхозной пшеницей на мировом рынке, если известно, что эта пшеница — продукт социалистического труда, который освобождает от рабства и более производителен? Как можно примириться с советским вывозом, когда это — апелляция к трудящимся всех стран извлечь революционные уроки из нынешнего кризиса гниющего капитализма?

---

[1]) Доклад т. Молотова на XVI с'езде.

Колониальная революция, в своем современном виде, — тоже детище Октября!

Октябрь открыл новую эпоху национально-революционных восстаний и войн. В то же время дальнейшее усиление его влияния, в связи с успехами СССР, в связи с ростом влияния Коминтерна на колониальном Востоке, поставило перед колониальными народами задачу завоевания советской диктатуры пролетариата и крестьянства, преобразив весь ход развития колониальных революций.

Октябрь поворачивает колониальные трудящиеся массы лицом к некапиталистическому пути развития, и пятилетке в этом деле принадлежит решающая роль.

Фронт колониальных революций уже сомкнулся с социалистическим строительством СССР, и в этом величайший залог окончательной победы социализма. В этом залог того, что лихорадочно готовящаяся интервенция против СССР встретит такой международный отпор, который будет стоить головы мировому капитализму.

Р. Вайсберг.

Фронт планирования и вредительство.

Цена научной совести.

Вокруг планирования, как вокруг всего нашего хозяйственного строительства, идет ожесточенная классовая борьба. Ошибочно и глубоко оппортунистично представление о планировании, как о каком-то безмятежном рисовании схем, диаграмм, предначертании планов, которые осуществляются в мирном бесклассовом обществе. Кто так представляет дело планирования, тот или сам ничего не понимает или сознательно старается отвлечь внимание партии и рабочего класса, усыпить их бдительность на всем фронте социалистического строительства, укрепляя позиции наших врагов.

Теперь, после раскрытия ряда вредительских шаек, особенно после обнаружения вредительства в планировании, даже слепые должны понять, что *планирование является ареной классовой борьбы*. Вредителям, из которых многие в порядке очковтирательства толковали и толкуют о том, что никакой классовой борьбы будто не существует, не приходится об'яснять эту простую истину. В своих классовых интересах они захватили ряд научно-теоретических позиций, тщетно пытаясь протянуть кое-где руки и к политической власти. Огромную роль играла при этом их *спекуляция наукой*. Классическим примером является Громан.

Года три тому назад на одном чрезвычайно бурном заседании малого президиума Госплана, где стоял вопрос об организации работ по контрольным цифрам и где особенно был заострен вопрос об организации работ по методологии планирования, вредитель Громан заявил, что если не будут приняты его предложения об организационной работе, то его «*научная совесть*» не позволит ему отвечать за достаточно правильную работу.

И в других вопросах он неизменно ссылался на свою «*научную совесть*», которая, мол, ведет его всегда к определенным «совершенно об'ективным» и абсолютно непреложным теоретическим и организационным выводам, против которых могут выступать только безнадежные профаны. Окруженный в Госплане и в ЦСУ камарильей своих статистиков, занимавших самые различные положения по вредительской и по советской лестнице, Громан пытался производить на окружающих такое впечатление, будто из арифмометров и линеек, которые находятся у него в руках и в руках его друзей, всегда рождается та истина и та руководящая экономико-политическая идея, которые необходимы для пролетариата и для советской власти на данный отрезок времени, при данном состоянии кон'юнктуры. Из тех же арифмометров и статистических таблиц с железной необходимостью должны, по его мнению, вытекать и те директивы, те целевые установки, которые должны быть приняты в народно-хозяйственном плане.

Словом, нет бога, кроме арифмометра, и Громан — пророк его.

Спекуляция «об'ективной наукой» была характерна не только для Громана: в нем этот вид вредительской деятельности получил только наиболее концентрированное выражение. Такого рода «деятельностью» занимались все, или почти все, вредители. Они делали вид, будто их совершенно не интересуют политические вопросы, что они якобы являются глашатаями сверхклассовой истины, обладателями которой они выступают в силу своих специальных, коммунистам недоступных знаний.

Вредители установили грандиозную торговлю оптом и в розницу своей так называемой «наукой». Часть вредителей, не ограничиваясь высокими окладами в советских учреждениях, получала за свою «науку», вернее, за умелое пользование ею, вознаграждение от белоэмигрантов и от заграничных капиталистов ии империалистов (см. недавно опубликованные в газетах показания вредителей рабочего снабжения).

Из госплановских вредителей вызывают особый интерес, если их можно так назвать вредители-синтетики, т.-е. те, которые работали над наиболее общими синтетическими политико-экономическими вопросами: над кон'юнктурой, контрольными цифрами, пятилетним и генеральным планом. Мы имеем в виду громановско-базаровскую группу.

В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу на поводу у кондратьевской контрреволюционной организации. Кондратьевская группа ориентировалась непосредственно на крепнущего кулака в деревне и прокладывала пути к власти капиталистов и помещиков. Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют.

Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима» диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что не мешает прибегнуть к помощи интервенции. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по вопросам экономической политики.

В то время, когда коммунистическая партия и рабочий класс борются за политику индустриализации, они ставят себе целью направить страну по совершенно противоположному пути, по пути аграрно-индустриального развития. Это — ставка на аграризацию страны, на ее, как выразился т. Сталин еще на XIV с'езде партии, «дауэсизацию» и на превращение СССР в колониальный придаток какой-нибудь одной или нескольких капиталистических стран. Обе группировки, громановская и кондратьевская, контактировали свои политические действия со своей теоретической и практической работой. Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготовляющий капиталистическое развитие. Они должны были доказывать неизбежность желательной им политики. Этой цели должны были служить так называемые бесстрастные факты об'ективной действительности, неумолимые цифры громановско-кондратьевской кон'юнктуры.

Кон'юнктура на службе у политики.

Больше всего вредители закрепились в области кон'юнктурных наблюдений.

Кон'юнктура! Это не обычная советская работа, это своего рода греческая пифия, которая каждый месяц, каждый квартал «слепо» изрекает свои слова в отдельных учреждениях, в отдельных ведомствах, по отдельным отраслям народного хозяйства, а потом восходит в Госплан и в Совнарком и устами Громана рисует, якобы научно-об'ективно и беспристрастно действительность. Так они «делали» кон'юнктуру в течение ряда лет.

На словах и без слов, в кон'юнктурных обобщениях и без них вредители говорили советской власти: «вот затруднения, вот растущие узкие места, вот безвыходное положение, которое становится все более угрожающим, все ухудшающимся. Выход один—спуститься на тормозах и без тормозов, развивать экономическую стихию, ослабить экономические рычаги пролетарской диктатуры». Они говорили об ослаблении экономических рычагов пролетарской диктатуры, понимая, что за ними неизбежно должны последовать и рычаги политические.

Совершенно бесспорно, что по линии кон'юнктурной работы громановская школа имела в той или иной форме своих ставленников, своих доверенных и проверенных лиц во многих местах. Нужды нет, если не во все периоды вредительской деятельности они имели оформленные, нелегальные организации. Достаточно было иметь проверенных по старым меньшевистским, эсеровским и кадетским связям людей в советском аппарате для того, чтобы они творили кон'юнктурные обзоры по образу и подобию своему, в духе их собственных социально-политических установок и устремлений.

Притекавшие в Госплан кон'юнктурные материалы, особенно по сельскому хозяйству и по финансам были уже до того в достаточной степени пронизаны громановско-кондратьевским духом, и здесь только ждали своего окончательного оформления в кон'юнктурном совете, возглавлявшемся Громаном.

Так работал вредитель Громан, который с первого дня Октябрьской революции был и оставался непримиримым врагом советской власти.

Само собой разумеется, что никакой марксистской методологии громановцы в кон'юнктурных работах не признавали. Англо-американская школа властвовала безраздельно над умами «советских» кон'юнктурщиков.

В качестве примера укажем на то, как В. Г. Громан построил свой доклад «о декабрьской и квартальной кон'юнктуре» на заседании кон'юнктурного совета 27 января 1928 года.

В этом докладе нет ни слова о промышленности, об энергетике, об индустриализации, о развитии социалистических форм, о капитальном строительстве, если не считать его указания на то, что главным бедствием для народного хозяйства является — мол, то, что «капитальные работы... бурно переливаются сверх программы» и что «вливались миллиарды на строительство». Весь же доклад построен под углом зрения пресловутого рыночного равновесия и базируется на огульном обобщении наиболее отрицательных фактов.

Совершенно недвусмысленно Громан выступает в этом докладе против режима экочомии, проводимого партией, и за интересы кулака — «крепкого мужика». «Если, — говорит он, — будут применяться репрессивные меры, вроде досрочного изыскания налогов и ряда других очень тяжелых процессов — это и заставит крепкого крестьянина пойти на такое хозяйство, от которого уже не будут этого требовать».

Громановцы и кондратьевцы напрасно пытались запугивать партию тем, что кулацкие хозяйства будут на основе нашей политики ограничения кулачества сокращать посевы.

Партия не только пошла на политику ограничения кулачества, но перешла к ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации.

Слушая громановские обзоры кон'юнктуры, слушая его оруженосца, крайне недалекого, но весьма покорного и услужливого профессора Первушина, слушая кон'юктурные доклады Кондратьева, Кафенгауза, выступления Альберта Вайнштейна, Юровского и других из этой компании, у многих должна была возникнуть мысль: «и как это еще советская власть держится».

Монополизировав одно время работу по кон'юнктуре, овладев статистическими работами как в Центральном статистическом управлении, так и в Госплане СССР, громановцы использовывали этот аппарат для того, чтобы рисовать советскую действительность в совершенно превратном свете для того, чтобы представлять в темных красках и этим доказывать безуспешность социалистического строительства, провал коммунистических идеалов, близость краха советской власти; толкая на уступки классовым врагам, пытаясь подсказывать необходимость открыть клапаны капиталистического развития.

Через кон'юнктурные наблюдения, через якобы сами собою напрашивающиеся выводы громановцы и кондратьевцы стучались в двери партии со своими предложениями, со своими буржуазными идеями. Но партия, даже тогда, когда она еще не считала их вредителями, всегда и неизменно отбрасывала их буржуазные идеи прочь. Они могли влиять на отдельных неустойчивых коммунистов, на отдельные части советского аппарата, но *никакого успеха не имели их попытки изменить политику партии*. Здесь они всегда и неизменно наталкивались на большевистскую решимость, на ленинскую непреклонность, на стальную волю партии, строящей социализм и беспощадно отбрасывающей в сторону всех тех, кто тормозит дело революции, кто ему сопротивляется.

Спекуляции „регулятивными“ идеями.

Единый фронт вредителей, работавший довольно единодушно в области кон'юнктуры, пытался использовать свои позиции в советских учреждениях также и в составлении планов. Им было на руку то обстоятельство, что коммунистическая прослойка в плановых ячейках ведомств была в прошлые годы крайне незначительной и не могла уследить за всеми сторонами плановых проектировок. Как на один из таких примеров, можно указать «Материалы к пятилетнему плану на 1926/27 и 1930/31 гг.», в которых пятилетний план промышленности составлял проф. Калинников, сельского хозяйства — Вишневский, и т. д. Беда заключалась в том, что работавшая тогда под председательством т. Струмилина комиссия была столь слаба по своему составу, что она не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в представляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью. «Материалы» эти были опубликованы в разгар борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции против партии. Оппозиция не преминула спекульнуть на этих «материалах», пытаясь обвинить партию в хвостизме и прочих смертных грехах. Оппозиция, превратившаяся тогда в явно контрреволюционное течение, и на сей раз села в глубокую политическую лужу, так как партия не только не приняла этих «материалов», но на своем XV с'езде дала совершенно иные директивы по составлению пятилетнего плана, директивы, послужившие началом для развернутой социалистической реконструкции.

Уже приобрела довольно печальную известность также не принятая ни Госпланом, ни партией работа по генеральному плану проф. Огановского, который исходил из того, что тенденция стихийного развития мелкого крестьянского хозяйства и сохранения индивидуальных форм хозяйствования в деревне является тенденцией извечной и что даже через 15 лет количество крестьянских хозяйств будет расти и достигнет 35 миллионов. Историей планирования не выяснено, добавлял ли мракобес Огановский к 35 миллионам еще какие-нибудь десятые, сотые и тысячные доли, но во всяком случае эта цифра, как и все другие, преподносилась с серьезным видом людей, которые огромным и упорным трудом добывают из тайн науки священный огонь для нашей многострадальной земли.

При помощи тайной магии своей «об'ективной науки» вредители устанавливали так называемые «регулятивные идеи» (в одной из работ Базарова имеется специальный раздел под таким названием), которые все менее прикрыто и все более оголенно ставили политико-экономические вопросы. Все это входило в круг невинных беспартийных занятий методологии планирования.

Под видом методологии вредители рисовали дело планирования в «аполитическом» свете, внедряя ту мысль, что мол, планирование это дело узкоспециальное и что безразлично, кто им занимается: коммунист или беспартийный. Один коммунист под гипнозом излишнего доверия к беспартийным плановикам развивал на одном партийном собрании мысль о том, что планирование, в первую очередь, дело специальное и что для него нужны специалисты, так же, как для лечения больных детей нужны врачи. Получалось так, что, мол, важно только то, чтобы «врач», или госплановский специалист, был бы хорошим знатоком дела, безразлично является ли он коммунистом или беспартийным, стоит ли он на точке зрения тех или иных политических или научных взглядов.

Если обратиться к существу тех вопросов, которые скрыто или открыто проходили под видом методологии планирования, то станет ясным, что здесь речь идет, в первую очередь, о вопросах сугубо политических и вопросах, в которых кровно *заинтересованы классы*, и вокруг которых развертывается социально-политическая борьба, борьба острая, непримиримая. Эти социально-политические вопросы ставятся и под видом разрешения чисто методологических вопросов, или под видом разрешения абстрактно-теоретических и организационных проблем. Под видом запутанных статических и динамических коэффициентов, под видом никем не проверенных экспертных оценок, под видом эмпирических закономерностей и сопоставления с довоенными данными, под видом подобной об'ективной «надклассовой» методологии по существу преподносились вредительские идеи [1].

Под видом беспартийной методологии планирования и под видом организационных вопросов вредители давали свой буржуазно-классовый ответ на все кардинальные проблемы нашего развития.

Они отвечали даже на такой «аполитичный» вопрос, как наше международное положение. На заседании, на котором никто от Громана ответа на этот вопрос не требовал, на заседании, на котором обсуждались организационные вопросы построения плановой системы и проблемы районирования, вредитель Громан дал по этому вопросу совершенно ясный ответ. Он заявил следующее:

> «Когда мы теперь ставим вопрос о районировании, нам надо подходить к этому вопросу не с точки зрения, что у нас плох транспорт и распались районы. Вопрос надо ставить так, чтобы определить, *как надо управлять, чтобы хозяйственная жизнь России шла вперед и чтобы она представляла максимум цельности*. Все доводы защитников районов — очень интересны, и Иван Гаврилович Александров и К. Д. Егоров,—защищая районирование, подчеркивают целостность районов, забывая в это время про целостность целого — про целостность

---

[1] Метод статических и динамических коэффициентов и тесно связанный с ним метод экстраполяции использовывался Громаном и его школой для того, чтобы «доказать», что наше народное хозяйство не может развиваться быстрыми темпами. Особенно вредную роль сыграла квазинаучная теория Громана об «эмпирических закономерностях», в силу которой СССР должен жить и развиваться по тем же законам, по которым развивалось хозяйство довоенной России, сохраняя те же пропорции и те же отношения. См. В. Г. Громан: «О некоторых эмпирических закономерностях» и т. д.; «Плановое Хозяйство» за 1925 г. № 1, и критику этой статьи—Р. Вайсберг: «Буржуазные извращения в области планирования», «Плановое Хозяйство» за 1930 г. № 1.

> РСФСР. Я считаю, что каждый район в чрезвычайной мере зависим от центра, и если, например, ослабить связь Донбасса или Азнефти с центром, то это плохо отразится, прежде всего, на Донбассе и Азнефти. Я согласен с тем, что сейчас нет особого русского народного хозяйства, а есть чисто мировое хозяйство и что, только ориентируясь на мировое хозяйство, и можно жить. И. Г. Александров упомянул, что каждый район имеет свой баланс и имеет связь с другими районами и с мировым хозяйством. Каким образом районы могут иметь непосредственную связь с мировым хозяйством, не проходя через горнило центрального хозяйства, это я себе не представляю. Ясно, что части и центр всего народного хозяйства всегда стоят в противоречии друг с другом и то, что выгодно центру, то невыгодно районам». (Выписка из протокола № 58 заседания президиума Госплана 20 апреля 1922 г.).

Мы нарочно привели эту длинную цитату без всяких сокращений, так как на ней, как на ряде других, можно проиллюстрировать специфические методы тех «советских» вредителей, которые больше всего приспосабливались к нашей обстановке. Они высказывают не только неправильные, но и правильные мысли. Напр., в данном случае, Громан выступает поборником единого хозяйства в противовес сепаратистским тенденциям отдельных районов страны. Вообще, было бы наивно думать, что вредитель только тем и занимается, что развивает вредительские идеи. Это столь же примитивно, как рисовать себе социал-фашиста обязательно с фашистским знаком на лбу, стоящим на коленях перед капиталистом. Вредитель, и особенно вредитель от планирования, воспринимает в порядке социальной «мимикрии» также и советские идеи и иногда с показным пафосом развивает их. Эта сторона дела некоторых ослепляет и подкупает, не давая им возможности сразу разглядеть буржуазно-вредительской сущности. Вместе с тем они разрешают вопросы извращенно и в корне неправильно. В приведенной выше цитате Громан с высокого дерева плюет на такие очередные хозяйственные вопросы, как восстановление разрушенного гражданской и империалистической войной транспорта, как хозяйственное строительство районов и т. д. Он защищает единое народное хозяйство, но не с точки зрения социалистического строительства и даже не с точки зрения простого «буржуазного» восстановления разрушенных производительных сил, а только под углом зрения мирового капиталистического хозяйства. Громан не знает и знать не хочет особых, ни одной стране в мире не свойственных, интересов нашей страны, страны пролетарской диктатуры, строящей социализм в империалистическом окружении, идущей своим социалистическим путем. Ему тесно в социалистическом государстве, его влечет к себе «нормальный» капиталистический строй, он заявляет, что «только ориентируясь на мировое хозяйство, и можно жить».

Может быть, это случайность? Но, оказывается, что соратник Громана, Базаров, никак не может разрешить «надклассовых» вопросов методологии планирования, также не касаясь этого вопроса даже в 1928 году. В докладе, посвященном методологии планирования, который был составлен Базаровым для президиума Госплана, и который был встречен в штыки рядом коммунистов и не был принят Госпланом,—в этом докладе Базаров пишет следующее:

> «Идея международного разделения труда, идея рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принцип рационального планирования СССР» [1]).

В дальнейшем Базаров подчеркивает, что эта точка зрения обязательна для всякого социалиста (а не коммуниста, так как коммунистическая идеология для него не существует). Под видом якобы последовательного интернационализма, под маской «сверхинтернационализма», Базаров предлагает нам ориентироваться на международное разделение труда, игнорируя различие политических форм, различие политического строя у нас и в капиталистических странах. Здесь, в этих вопросах международной политики, сказывается, между прочим, и отвлечение материально-производительных сил от их социальной и политической оболочки, которое столь характерно для всей громановско-базаровской концепции. Базаров не считается с особыми интересами Советского Союза именно, как страны диктатуры пролетариата. Он милостиво только разрешает нам считаться с интересами обороны и продолжает:

> «Исключение (например, при обсуждении вопроса о направлении некоторых ж.-д. линий) может быть сделано только в виду совершенно очевидных нужд самообороны Союза» [1]).

Но и несоветское, империалистическое государство, не имеющее тех специфических особенностей, которые имеет СССР, и не ставящее перед собой специальных задач построения социализма на занимаемой им территории, также учитывает и, как всем известно, основательно учитывает интересы не только самообороны, но империалистического наступления. Базаров не видит или не хочет видеть специфических отличий СССР как страны, строящей социализм.

Исходя из разделения труда в мировом масштабе, придавая этому разделению труда и в экономическом и в политическом отношении такое же значение, как разделению труда внутри страны, на территории отдельных республик и районов,—Базаров базируется на довольно любопытной, но не отличающейся особенной глубиной концепции. Он считает, что, в силу наличия передовых капиталистических стран, которые имеют у себя достаточно мощную индустрию, которые располагают рядом отраслей, отсутствующих в СССР, в которых ряд других отраслей шагнул гораздо дальше, чем у нас,—нет никакой надобности развивать у нас, в СССР, соответствующие отрасли. Базаров поэтому полагает, что мы должны заниматься только производством таких товаров, которые имеют достаточно широкий массовый спрос, в первую очередь, предметов широкого потребления, а все остальное следует ввозить из-за границы или сдавать в концессии.

Что же это—индустриализация страны с ситцевого конца, как нам предлагали некоторые коммунисты во время XIV с'езда партии? С внешней стороны—нет. Базаров выступал в такое время, когда эта концепция была уже довольно основательно раскритикована и отвергнута партией. Здесь ему нужна маскировка. Ее найти очень легко. Базаров предлагает в данном случае, как весьма модную, идею рационализации. Он выдвигает во главу угла принцип рационализации и подчиняет этому принципу всю нашу строительную политику. Базаров заявляет, что мы должны развивать только такие отрасли промышленности, которые поддаются основательной рационализации, а рационализация возможна только там, где имеется массовое производство, а массовое производство возможно там, где имеется массовый спрос. Базаров пишет буквально следующее:

> «Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь, должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам».

---

[1]) См. статью Базарова в «Планов. хоз.», № 7, стр. 15.

---

[1]) Базаров. «Плановое хоз.», № 7, стр. 15.

[2]) Базаров, «Планов. хоз.», 1928 г., № 2, стр. 48.

Подчинив таким образом основную идею, основной лозунг партии—лозунг индустриализации страны — второстепенной идее рационализации, он приходит к выводу о необходимости широкой импортной и концессионной политики.

Такова «внеклассовая» методология олимпийско-спокойного, якобы, аполитичного Базарова, а группа кондратьевских вредителей, которая у себя ставила вопрос гораздо более решительно и открыто, совершенно недвусмысленно высказалась за широкую политику концессий. Концессия и подчинение страны иностранному капиталу—это прямой вывод, это один из боевых лозунгов кондратьевщины. А Базаров, который, гордо называя себя марксистом и социалистом, кивая временами на свое большевистское прошлое, и, якобы, с презрением относясь к кондратьевским «мужикам», обосновывает в методологии ту же кондратьевско-вредительскую политику.

Коммунистическая партия с успехом борется за освобождение от иностранной экономической зависимости. Громаны, Базаровы и Кондратьевы развивают идеи о необходимости усиления этой зависимости, а их единомышленники, орудовавшие в оперативных органах, всячески срывали наши строительные начинания, практически подкрепляя базаровско-кондратьевскую контрреволюционную идеологию. Излишне говорить, что ни в какой форме эти громановско-базаровские концепции на политику партии не повлияли и повлиять не могли.

Примат стихии над планом.

Вредительскую философию планирования обосновывали не только Громан и Базаров, но также и такие буржуазные профессора, как, напр., Кондратьев и Юровский, которые также занимались проблемами планирования, также претендуя на роль так называемых «синтетиков» в вопросах планирования.

Центральным методологическим вопросом, на котором пробовали свое умение Кондратьев, Громан, Базаров и ряд мелких приспешников буржуазной профессуры,— это вопрос о плане и стихии.

Вредители, отвечая на политические вопросы, по-своему пригоняли к своим ответам и своим установкам так называемую «чистую» методологию по вопросу о плане и предвидении.

Основное положение Маркса, по которому капиталистическое общество в своем развитии создает условия гибели капитализма и построения социализма, ни для Громана, ни для Кондратьева не существует. Они игнорируют также и то обстоятельство, что при диктатуре пролетариата в СССР, в период, переходный от капитализма к социализму, имеются об'ективные тенденции, которые ведут по направлению к социализму. Вместе с тем они совершенно превратно понимают активную роль рабочего класса и коммунистической партии. Игнорируя те об'ективные силы, тот об'ективный ход истории, который ведет нашу страну по направлению к социализму, они закрывают глаза и на ту обостренную классовую борьбу, с которой связано социалистическое строительство, игнорируя бешеное сопротивление тех самых остатков капитализма, идеологами которых и являются они-же — Громаны, Юровские, Базаровы, Кондратьевы и другие. У них получается наоборот. Все то, что обе'ктивно, все то, что существует в действительности, должно итти против социализма и против пролетарской диктатуры. Социалистическое строительство они рассматривают исключительно, как продукт злой суб'ективной воли советского государства, воли пролетариата, идущей вразрез с об'ективной действительностью, с ходом исторического развития. Отсюда—на одной стороне находится экономическая стихия, рыночные отношения, капиталистические тенденции, а на другой стороне—социалистические элементы страны. Первое—это «действительность», второе—«суб'ективизм» и коммунистическая воля. Здесь механистическая методология Богданова и т. Бухарина служит незаменимым орудием в руках вредителей от планирования.

Из противостоящих друг другу элементов Кондратьев, а вместе с ним и Громан, конечно, переносят центр тяжести на об'ективный ход вещей. Выходит так, что Громан и Кондратьев якобы выступают в научных вопросах за об'ективный процесс истории, за неумолимые законы общественного развития, которые отметают на своем пути всякую индивидуальную волю, и с которыми не считаться, конечно, нельзя. Это положение они проводили не столько в отдельных теоретических формулировках (кстати сказать, их научный багаж и не столь уж богат), сколько в многочисленных выступлениях по практическим вопросам, на конкретном материале, на конкретных примерах. Исключая заранее все силы социализма из ряда об'ективных элементов, они пытались повернуть планирование лицом к одной только стихии. Кондратьев заявляет так:

> «Мы должны определить, в каком направлении пойдет развитие, к каким результатам оно может привести само по себе стихийно, вне нашего сознательного воздействия на него» [1]).

И далее Кондратьев заявляет с бесцеремонностью, не знающей никаких границ:

> «Выдвигая те, а не иные перспективы, мы тем самым даем, или точнее, принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий». [2]).

Задача планирования, по Кондратьеву, заключается, таким образом, в том, чтобы уловить об'ективную тенденцию развития, предвидеть ход стихии и исключительно по этому ходу равняться. Планирование заключается в предвидении динамики стихии. Это — центр тяжести всего. Этим планирование в основном исчерпывается. Все остальное — это мелочи, которые сами собой прилагаются к планированию. Раз предусмотренная тенденция развития стихийно на данный отрезок времени, скажем на год, охватываемый новыми контрольными цифрами, предопределяет собою все планирование и диктует те мероприятия, которые должны быть обязательно приняты правительством в качестве политико-экономической директивы.

Итак, «вначале бе»—об'ективная тенденция, сиречь, экономическая стихия. А она от щедрот своих наделяет нас плановым предвидением и предопределяет всю нашу экономическую политику. Расшифруйте кондратьевскую экономическую стихию, подставьте под нее знаменитого крепкого мужика и кулака — и политический смысл всей об'ективной методологии станет более чем ясен. Стихия в образе кулака должна диктовать мероприятия пролетарскому государству.

То же самое кулацкое рыло, только чуточку подкрашенное на европейский капиталистический манер, выступает из-под громановской научной методологии о «генетике» и «телеологии». Громан, следуя по стопам Кондратьева, относит к генетике об'ективные стихийные капиталистические тенденции развития, все то, что имеется в нашем народном хозяйстве от прошлого, а к «телеологии»—целевые ставки пролетариата, об'являет примат первого над вторым, подчиняя планирование своим «генетическим» и кон'юнктурным выводам. По Громану, кон'юнктура, т.-е. одни только кон'юнктурные затруднения, должна была определять собою все планирование, в частности и в особенности контрольные цифры, работа над которыми одно время была тесно связана с кон'юнктурными работами, фактически доминировавшими над контрольными цифрами.

---

[1]) Журнал «Пути сельского хозяйства», № 2, 1927 г.

[2]) Там же.

В 1925—27 гг., когда громановская группа особенно активно работала над контрольными цифрами, она и пыталась, исходя из кон'юнктурных затруднений, ориентировать планирование на так называемые «лимиты» по отдельным отраслям народного хозяйства, т.-е. на ограниченные возможности, вместо того, чтобы в духе коммунистической партии ставить вопрос о преодолении и расширении «лимитов», вместо того, чтобы ориентировать планирование на боевые темпы, на смелые проектировки и большие строительные задачи.

Пытаясь всячески отвергнуть целевые ставки пролетариата в планировании, пытаясь подчинить контрольные цифры кон'юнктурным затруднениям, громановская школа своими «лимитами» в свое время дала фактически тот самый лозунг равнения на узкие места, который впоследствии приобрел столь печальную известность и послужил коньком для правых внутри партии. Громановское крохоборчество многих ослепляло в силу целого ряда обстоятельств, между прочим, и потому, что наряду с ним тогда, в 1924—26 гг., стояла кондратьевская группа, которая отстаивала еще более медленные темпы и еще более робкие шаги. Им удавалось брать на удочку ряд беспартийных и настроенных правооппортунистически коммунистов. Надо прямо сказать, что в контрольные цифры первых лет Громану и Базарову удалось в завуалированном виде включить некоторые свои идеи. Это одна из тех причин, по которым контрольные цифры оказывались тогда такими, что партия не могла принять их, как план действия. Не зная о вредительских действиях в планировании, ленинская партия всегда обладала тем здоровым большевистским чутьем, которое диктовало ей необходимость отвергнуть контрольные цифры, как обладающие шуйцей и десницей, как несоответствующие полностью задачам пролетариата на данной стадии его борьбы за социализм. Только примерно с 1928 г. партия начинает утверждать контрольные цифры, и то внося в них существенные поправки в сторону увеличения. У вредителя Громана, однако, всегда и неизменно хватало, мягко выражаясь, смелости для того, чтобы упорно навязывать свои практические предложения, свои директивы и мероприятия. Случалось неоднократно, что при обсуждении в середине контрольного года того или иного затруднения, того или иного срыва в планировании Громан заявлял, что виной всему является, мол, то, что правительство не проводит тех мероприятий, которые он, Громан, предлагал Госплану при составлении контрольных цифр. Он говорил при этом, что контрольные цифры могут быть осуществлены только при проведении определенных, им предлагающихся мероприятий. Но, поскольку эти мероприятия не принимались, поскольку они в большинстве случаев отвергались, Громан пытался валить с больной головы на здоровую, стремясь всячески реализовать свою практическую программу, свои экономические указания.

Вся «наука» вредителей планирования имела целью укрепление капиталистических элементов настолько, чтобы направить экономику и политику страны на путь буржуазной реставрации. Профессор Юровский, например, мирился, и то с крайней натяжкой, с теми формами нэпа, которые сложились до 1926 г. А проф. Громан сочинил теорию «об эмпирических закономерностях», которая должна была доказать, что над нашей экономикой всегда и неизменно довлели, довлеют и будут довлеть довоенные экономические отношения.

„Святая троица“ Базарова.

Из других вопросов «беспартийной методологии» интересно остановиться на вопросе о преимуществах советской и капиталистической системы. Горе-теоретиком по этому вопросу выступал Базаров. Не долго думая, он решает вопрос в пользу капитализма с буквально ребяческой мотивировкой. Признавая на словах преимущества советской системы, Базаров считает, однако, что плановые организации советской страны обходятся значительно дороже, нежели содержание капиталистических паразитов в буржуазных странах [1].

С этим теснейшим образом увязывается его совершенно бездоказательная теория о потухающей кривой, в силу которой наши темпы развития должны все время двигаться по убывающей линии.

Правда, все данные о фактическом ходе выполнения наших промышленных планов говорят об обратном. Но Базарову до этого мало дела. Он выводит свою теорию из запутанных математических формул, когда ему надо обосновывать положение о потухающей кривой, и не дает себе никакого труда для доказательства чего бы то ни было, когда он говорит о преимуществах капиталистической системы хозяйствования перед социалистической. Философские корни базаровского планирования уходят в богдановщину, сторонником которой Базаров всегда открыто признавал себя. Базаров и Громан пытаются навязать планированию «регулятивную» идею механистического равновесия, в силу которого наши задачи должны сводиться только к сохранению тех соотношений, тех пропорций, которые даны в народном хозяйстве, ни малейшим образом не нарушая их. «Равновесие»,—говорит Громан,—есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований» [2].

Так писал Громан в 1925 г. Однако, по мере роста марксистско-ленинского влияния коммунистов в области планирования, по мере разоблачения всего убожества теории равновесия, Громан и Базаров начинают ее замалчивать, выдвигая вместо нее другое общее положение. Мы имеем в виду приобревшую некоторую известность *триединую формулу Базарова, которая заключается в том, что планирование должно исходить из принципа оптимального сочетания развития производительных сил, роста потребления трудящихся масс и развития социалистических форм, или роста обобществления.*

Эта формула выявляет, с одной стороны, вынужденную установку на обобществление, на социалистическое строительство, а с другой стороны, она использует остающиеся щели в плановой работе для того, чтобы протащить реакционные вредительские установки. В этой формуле обращает на себя внимание то, что на последнем месте стоит вопрос о развитии социализма, о росте социалистических форм, а на первом месте поставлены интересы развития производительных сил. Базаров, как и все его единомышленники, исходя из той неправильной предпосылки, что в советских условиях имеется постоянный антагонизм между производительными силами и интересами потребления и социалистическими формами развития, должен ответить на вопрос о том, кому из них принадлежит ведущая роль, и он этот ответ дает. «Развитие производительных сил,—говорит он,—есть ведущее звено» [3]. Кровная общность Базарова и правых бросается здесь в глаза. Однако, если правые стараются замолчать классовые вопросы, то Базаров в своей формуле прямо ставит вопрос и о производительных силах, и о социалистических отношениях, и о потреблении трудящихся и отвечает, что ведущая роль должна принадлежать производительным силам. Триединая формула Базарова, как и другие формулировки Громана и Базарова, неоднократно проникала в некоторые документы по планированию, конечно, не без борьбы, происходившей в Госплане. Так, например, в комиссии по контрольным цифрам примерно в 1927 г. или при обсуждении методологии составления контрольных цифр коммунисты, возражали против триединой формулы Базарова, предлагая исключить ее или сильно изменить базаровскую формулировку. Однако, комиссии не стоило большого труда «побить» этих «спецеедов», не какими-либо доводами, а попросту голосами сидевших в комиссии вредителей—Громана, Базарова, Зейлингера, Гухмана, Шуба и др. и голосами некоторых коммунистов, которые не шибко разбирались в политической вредности базаровской тройцы.

---

[1] См. статью Базарова в «Эк. обозрении» за 1928 г., стр. 58—59.

[2] См. упомянутую выше статью Громана в «План. хоз.», стр. 98.

[3] «Плановое хозяйство», 1928 г., № 8, стр. 43.

Вместо заключения.

Не останавливаясь на ряде других моментов, характеризующих вредительскую идеологию буржуазных плановиков, поскольку нет возможности исчерпать этот вопрос в одной журнальной статье, следует только подчеркнуть, что вредительские теории находили свою опору в вредительской практике. Излюбленным положением Базарова, которое не постеснялся позаимствовать у него кое-кто из правых, являлось то, что в наших, советских, условиях спрос широких трудящихся масс, их потребительские интересы растут столь быстро, что никакое предложение за ними угнаться не может. Так вещал теоретик Базаров. А вредители-практики, как бы стремясь застраховать теорию Базарова в области снабжения текстильной промышленности, сельского хозяйства и т. д., старались сократить в максимальной степени наши потребительские ресурсы для того, чтобы действительно сделать невозможным удовлетворение спроса трудящихся масс. Базаров и Громан теоретически показывали невозможность высоких темпов для нас, а вредители-практики срывали наше строительство в химической, топливной, металлургической промышленности и т. д. Конечно, они действовали так не из-за прекрасных глаз Базарова и не из любви к его теории. Допускаем, что те вредители, которые портили консервы, семена и т. д., могли не иметь никакого представления о базаровском учении. Это, однако, об'ективно ни в коем случае не уменьшает значения, которое имеет общность практических и теоретических выступлений вредителей, находящихся на различных полюсах и боровшихся против нас тем орудием, которое каждый из них имел в своих руках.

Вредители в разное время по-разному ставили вопросы планирования. Сопротивление вредителей стало особенно сильно с переходом к реконструктивному периоду. Классовые враги, почуяв, что наступает период их окончательной ликвидации, стали мобилизовывать все свои силы для защиты своих классовых интересов и для подрыва советской власти. В этот период они особенно выступают против чрезвычайных мер, против якобы воскрешения методов военного коммунизма, против усиления плановости. Было, однако, время, когда кое-кто из них выступал за усиление плановости, за централизацию, за плановый «порядок». Но это было тогда, когда они противопоставляли «порядок» и «план» революции. Это было как-раз тогда, когда коммунистическая партия ставила в центре своего внимания не плановую работу над народным хозяйством, а штурм капитализма и борьбу за захват власти в стране. Тот же Базаров, который в 1928 году развивает по существу антиплановую теорию, становится в позу горячего защитника плановости летом 1917 г. Он выдвигал тогда этот вопрос в связи с вопросами о государственном аппарате. Именно тогда, когда государственный аппарат был в руках буржуазии и ее агентов, когда пролетариат боролся за овладение этим аппаратом, ставя себе целью его разрушение для построения государственного аппарата пролетарской диктатуры и для ведения планового хозяйства, именно в это время Базаров выступал в защиту тоже «бесклассовой», «аполитичной» плановости. С точки зрения «плановости» Базаров возражал против замены буржуазно-государственного аппарата пролетарским и высказывался за

реформирование его. На этот счет у Ленина имеются замечательные строки; отметив, что к вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, «поднятый особенно энергично и особенно неудачно» Базаровым в № 138 «Новой Жизни» от 27 сентября (статья: «Большевики и проблема власти»),—Ленин писал:

> «... Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт, де, доказал, «десятки и сотни документальных данных, имеющихся в экономическом отделе Петербургск. исполнит. Комитета», подтвердили, что советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти, но не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный общегосударственному центру». «Дело идет»—изволите видеть—«не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики не издевались над людьми с планом»...
>
> Все эти рассуждения Базарова прямо поразительно беспомощны, как сколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения» [1].

Тов. Ленину приходилось тогда терпеливо раз'яснять, что никакой полнотой власти советы в России не располагали и не располагают и что грубейшая ошибка Базарова заключается в том, что он трактует государство и плановость, как понятия внеклассовые. Таков был Базаров в 1917 году; тогда он выступал «за план», а при советской власти он, будучи призван на помощь плановому хозяйству, оказался в ряду тех, которые защищают капиталистическую стихию от социалистического плана, против социалистической организации производительных сил.

Когда Базаров в 1917 г. выступал, якобы, борцом за план против большевиков, Ленин отвечал ему:

> «Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над реформизмом. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «Не замена аппарата, а реформирование», значит быть реформистом, значит становиться не революционером, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а не свержение его, уступки его при сохранении власти за ним».

В той же статье 1917 г. тов. Ленин констатирует, что «добрый Базаров об'ективно играет роль подголоска капиталистов».

Прошло 13 лет, и революция за эти годы многих многому научила. Но господа Базаровы и Громаны ничему не научились, но пошли вспять, все больше и больше скатываясь в сторону буржуазии, интересы которой они защищали и до революции. Многие из этой компании сделались не только об'ективно подголосками, но и вполне сознательными агентами ее, тесно смыкая себя, свою науку и свою научную совесть с теми, которые работают на благо мирового капитала не только за страх, но и за деньги.

Пользуясь крайним недостатком квалифицированных сил для строительства социализма, пользуясь условиями первого периода революции, когда пролетариат вынужден обращаться к буржуазным специалистам за помощью, меньшевики, эсеры, кадеты и просто черносотенцы с дипломами и без таковых, ученые, полуученые и лжеученые пытались эксплоатировать советскую власть в интересах буржуазии. Они пошли на всякие меры: от прямых форм разрушения производительных сил и материальных ценностей вплоть до создания особых теорий, которые могли бы сыграть роль своего рода *квазинаучного опиума для советской общественности.*

---

[1] Ленин. «Удержат ли большевики государственную власть».

Одним из условий, которое облегчало работу вредителей на всех фронтах, является та *атмосфера нейтральности,* которая существовала среди специалистов. Давно сказано и доказано, что золотой середины в политических вопросах и в классовой борьбе не бывает и быть не может. Нейтрализм среди ряда специалистов оказался на руку вредительской деятельности и вредительским организациям. Та же корпоративность, та же семейственность, то же кумовство, тот же принцип — «рука руку моет», который наблюдается во многих случаях среди специалистов-техников, нашел себе место и среди экономистов-плановиков. Огромные возможности, которые были в их руках, как у ответственных работников советского аппарата, они без зазрения совести использовывали для формирования своих кадров, для разработки своих вредительских теорий, для контрреволюционных действий. Вредители пытались широко развернуть свою работу, но никакой опоры ни среди рабочих, ни среди крестьян они не нашли и найти не могут. Они остаются ничтожной изолированной кучкой буржуазных интеллигентов, охвостьем капиталистического строя, которые тщетно пытались воскресить то, что обречено историей на окончательную гибель.

Внутрипартийные разногласия использовывались вредителями во всю. Они старались пролезть во всякую политическую пробоину, кем бы она ни создавалась—правыми или «левыми».

Вредители слишком ничтожны и беспомощны, чтобы повернуть колесо истории, приостановить победоносное шествие пролетариата к социализму. Но они были достаточно сильны для того, чтобы на отдельных участках советского строительства наносить нам существенный вред.

Следует с сожалением констатировать, что планирование является у нас одним из самых запущенных участков. До сих пор оно еще не вполне вышло из стадии кустарщины и не стало наукой, между тем, нам необходимо дозарезу *научное* планирование, вооруженное марксистско-ленинским пониманием общественных явлений и использующее все новейшие достижения науки и техники.

Планирование—это дело партийное, в первую очередь. Оно будет поставлено на должную высоту только на основе глубокопартийного понимания и изучения вопросов планирования.

Партия дала решительный отпор буржуазно-вредительским элементам в области планирования и их правооппортунистическим отголоскам внутри партии.

Партия производит и тот перелом во всей плановой работе, который поставит всю эту работу на уровень. соответствующий задачам нашей великой эпохи.

Из того вреда, который принесли советской власти вредители, коммунисты должны в первую очередь сделать все необходимые выводы для своей собственной работы. Точно так же, как коммунист не в праве относиться с презрением к буржуазным специалистам, считая, что он все знает и все может сам сделать, нельзя относиться и с излишним доверием к работе представителей чужого класса, которые находятся в наших учреждениях. Строить социализм чужими руками—это дело чрезвычайно сложное, чреватое многими опасностями, требующее исключительной гибкости и умения вникать в дело. Используя буржуазных специалистов, коммунисты должны вместе с тем у них учиться, овладевать их знаниями и руководить ими. Контроль не формальный, но по существу, вникающий во все стороны вопроса, является абсолютно обязательным для практической работы коммунистов.

«Здоровое коммунистическое недоверие» по отношению к буржуазным специалистам, умение проверять их работу, тщательный контроль над ними, является абсолютно обязательным условием для руководства коммунистов хозяйственным и культурным строительством. Широкое развертывание самокритики, вовлечение самих рабочих масс в дело строительства социализма, направление их внимания на те звенья работы, с которыми они непосредственно сталкиваются—это первостепенная задача в деле преодоления вредительства, в деле создания таких условий, которые делают его невозможным. Такая новая форма мобилизации масс на социалистическое строительство, как встречный промфинплан, сразу ставит под общественный массовый контроль работу всех хозяйственников, всех плановиков.

Расправляясь самым беспощадным образом с вредителями, советская власть вместе с тем создает наиболее благоприятные условия для работы честных специалистов, для тех, которые действительно хотят строить социализм и которые всерьез становятся по нашу сторону баррикады и готовы вместе с пролетариатом, засучив рукава, двигать вперед историю человечества. Этим специалистам, ряды которых все больше и больше растут, тем, которые в своей повседневной работе перемалываются, перевариваются в пролетарском соку и готовы слиться в единую семью с рабочим классом,— этим специалистам, ликвидирующим позорную нейтральность, становящимся в ряды бойцов за коммунистическое общество, советская власть и коммунистическая партия будут оказывать всемерное содействие в их работе.

Наряду с этим, мы должны форсированным темпом готовить кадры красных специалистов. Задача эта может считаться осознанной в смысле подготовки кадров техников и инженеров из рабочих и коммунистов. Исключительно важной, однако, является и подготовка экономистов, подготовка плановых работников, владеющих марксистско-ленинским методом, умеющих ставить и разрешать вопросы так, как того требует социалистическое строительство, как того требует партия. Планирование является делом совершенно новым. Здесь все от начала до конца должно быть создано нашими собственными силами. Старых специалистов в этой области вовсе нет. Пролетариату не у кого учиться в вопросах планирования.

По мере роста планового хозяйства, по мере все большего и большего приближения нашего хозяйства к социализму, потребность в экономистах и плановиках-ленинцах становится особенно настоятельной. Новые молодые кадры должны будут выполнить огромную работу и по оперативному планированию и особенно важную работу по поднятию планирования на высшую ступень, по выведению его из стадии кустарничества, по созданию действительно марксистско-ленинской науки планирования.

Л. Гатовский.

Реконструкция хозяйства и вопросы снабжения.

Мы вступили в новый этап переходного периода, в «последнюю стадию нэпа». Процесс социалистической индустриализации, социалистической реконструкции сельского хозяйства, выкорчевывания корней капитализма, развернувшийся на новом этапе, приводит к величайшим сдвигам в классовых отношениях, он меняет характер меновых отношений, экономические связи, он приводит к усилению регулирующей роли пролетарского государства во всей народнохозяйственной жизни страны.

На основе роста социалистического сектора нашего хозяйства, *ставшего не только ведущим, но и преобладающим*, широко развернулась, прочно прививаясь, система *организованного целевого снабжения и производственной контрактации* — этих мощных орудий социалистического преобразования деревни, *вместо* тех форм рыночных связей, которые были характерны для первого этапа нэпа. Таким образом, на базе роста социалистической индустриализации и обобществления товарооборота уже значительно выросли элементы *социалистического продуктообмена*.

Вся система планово-социалистических рычагов значительно окрепла. Планирование сельского хозяйства опирается уже в значительной мере на социалистический сектор. На наших глазах «решительно усиливается планово-регулирующая роль советского государства во всем народном хозяйстве страны, охватывая все более и более не только промышленность, но и сельское хозяйство» (резолюция XVI с'езда по отчету ЦК).

Все эти социальные сдвиги, проходящие на основе быстрого роста технической базы хозяйства, знаменующие огромные успехи в строительстве социализма, проходят в условиях еще не изжитых хозяйственных затруднений. Еще не изжито полностью отставание сельского хозяйства, находящее свое отражение в виде затруднений в снабжении предметами личного потребления.

Развернутое социалистическое наступление по всему фронту вызывает бешеное сопротивление вытесняемых и ликвидируемых капиталистических элементов. В сфере рынка резко проявляется эта борьба: капиталистические элементы, используя хозяйственные трудности, развивают спекуляцию, ажиотаж, направленные к срыву наших планов. Пролетарское государство на базе развернутого социалистического наступления по всему фронту, опираясь на свою возросшую мощь, осуществляет систему мер, направленных к сокрушению сопротивления классового врага, к обеспечению планов индустриализации и коллективизации, к ослаблению, а затем к ликвидации хозяйственных затруднений.

Оппортунисты, продолжая свою борьбу против партии (часто в скрытых формах), добиваясь снижения темпов индустриализации, свертывания социалистического наступления, пытаются сейчас спекулировать на трудностях, отрицая, что это — трудности роста, преувеличивая и раздувая их, они твердят о «кризисе» народного хозяйства. Пытаются активизироваться сейчас представители правого уклона — этой главной опасности в условиях социалистического наступления по всему фронту.

Наши трудности обусловлены тем, что гигантская социально-техническая перестройка нашего хозяйства, идущая в быстрых темпах, протекает в условиях классовой борьбы, трудности технической и культурной отсталости нашей страны, протекает при наличии отсталых способов труда, при остром недостатке кадров, при еще значительном удельном весе мелкого, отсталого, раздробленного индивидуального хозяйства, при наличии элементов обломовщины, бюрократизма. Вместе с тем развернутое социалистическое наступление затрудняется бешеным сопротивлением капиталистических элементов города и деревни и их агентуры (вредитель, саботажник), при наличии мирового капиталистического окружения, блокирующего в той или иной форме наше хозяйство и смыкающегося с капиталистами и вредителями в пределах СССР.

Все эти моменты, взаимно переплетаясь и усиливая друг друга, создают трудности в осуществлении необходимых нам быстрых темпов. Однако, система нашего хозяйства, ее ресурсы, возможности таковы, что эти трудности и противоречия преодолимы, намеченные быстрые темпы индустриализации реальны и осуществимы. *Исключительно на основе этих быстрых темпов* трудности и могут быть преодолены, а в дальнейшем и ликвидированы до конца.

«Основными условиями успешного и скорейшего преодоления этих трудностей являются ускорение темпов социалистического строительства и развернутое наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Всякое ослабление этих темпов в угоду капиталистическо-кулацким элементам и ослабление наступления против них означало бы на деле не смягчение трудностей, а их усугубление, усиление позиций классовых врагов пролетарской диктатуры.

Капитулянтская установка правых оппортунистов на снижение темпов индустриализации продиктована по существу интересами кулацко-капиталистических групп, ведет к реставрации капитализма.

Партия и рабочий класс давали и будут давать самый беспощадный отпор оппортунистическому капитулянтству правых, означающему на деле *предательство интересов* рабочего *класса*» (Резолюция XVI с'езда по отчету ЦК).

* * *

Наши хозяйственные планы построены в расчете на *напряженный* темп в работе по их осуществлению, на мобилизацию активности трудящихся, на осуществление рационализации. Наши планы исходят из того, что «узкие места» в процессе выполнения планов возникают и изживаются путем огромного напряжения, преодолением сопротивления враждебных классов, преодолением оппортунизма в наших рядах и т. д. Поэтому наши задачи именно и требуют *каждый раз определенного напряжения в их разрешении*. *Таков замысел* наших планов реконструкции нашего хозяйства. Правые уклонисты взамен этого тянули партию в сторону равнения на узкие места, затушевывания классовой борьбы, отказа от мобилизации масс.

Наши хозяйственные затруднения — не результат неправильной политики, как это утверждают оппортунисты. Быстрые темпы индустриализации и коллективизации об'ективно выполнимы благодаря особенностям экономики СССР, преимуществам социалистической системы. Неверие в выполнимость наших темпов роста коренится в буржуазно-меньшевистской оценке экономики СССР.

Высокие темпы роста обеспечиваются системой планового руководства всем народным хозяйством, растущей активностью пролетарских масс, развитием социалистических форм организации труда и т. д. Эта реальность, об'ективная возможность высоких темпов развития социалистической индустрии и социалистического земледелия доказывается итогами истекшего 1929—30 хозяйственного года и опытом ликвидации прорывов.

Характер трудностей и способы их преодоления по линии производства средств производства несколько отличается от трудностей по линии производства предметов потребления.

По линии производства средств производства и, прежде всего, оборудования — этой ведущей отрасли народного хозяйства — мы в подавляющей массе имеем крупное социалистическое хозяйство. Этого нельзя пока сказать в основном о производстве средств потребления, поскольку такая существенная отрасль, как сельское хозяйство, дающее продовольствие для населения и сырье для легкой индустрии, в большей степени еще не обобществлено, оставаясь тем самым мелким, раздробленным, отсталым. Немалое значение имеет и то обстоятельство, что в промышленности, производящей предметы потребления, еще заметную роль играют частные мелкие предприятия. Таким образом, здесь, в производстве предметов потребления, еще в очень большой мере техническая перестройка должна сопровождаться перестройкой старого социально-экономического уклада, коллективизацией и выкорчевыванием капитализма в сельском хозяйстве. Без социальной перестройки здесь немыслима и техническая реконструкция.

В области производства средств производства мы имеем весьма высокие темпы роста.

Первоначальные наметки пятилетки, как известно, в этой области значительно перевыполнены. Имеющиеся здесь серьезные прорывы в отдельных отраслях (уголь) и на отдельных предприятиях об'ясняются слабой работой партийных, хозяйственных, профессиональных организаций, неумением возглавить активность масс, недостаточным вниманием к вопросам снабжения. Вот что тормозит здесь выполнение плана. Мобилизация внутренних резервов, улучшение работы всех организаций, мобилизация активности масс позволяет выполнить намеченные высокие темпы роста

В области же производства предметов потребления и, прежде всего, по линии сельского хозяйства, мы еще имеем и иные задачи. Здесь, помимо организационных недочетов в работе соответствующих организаций, мы пока имеем такой существенный тормоз, как мелкотоварная форма производства, которой присуща крайне низкая производительность труда, отсюда и особое отставание в области предметов потребления. Затруднения в области потребления этим-то и отличались от затруднений с металлом и углем. Эти различия здесь отпадут лишь тогда, когда условия производства хлеба, хлопка, масла сравняются с условиями воспроизводства станка, т. е. при «сквозном» обобществлении всех стадий производства.

Это значит, что лишь обобществление сельского хозяйства переводит его на рельсы таких высоких темпов, которые полностью вытекают из преимуществ плановой системы, лишь оно разрешает проблему быстрого развития легкой индустрии, проблему потребления.

Решительный сдвиг в обобществлении сельского хозяйства в 1929—30 г на основании быстрых темпов роста средств производства привел к блестящему подтверждению на ряде примеров этого положения (об этом ниже). Лишь это обобществление сельского хозяйства действительно и прочно ликвидирует «чрезмерное отставание сельского хозяйства», — ту временную диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, которая вытекает из самого процесса социалистической индустриализации в относительно отсталой, аграрно-индустриальной стране в условиях капиталистического окружения.

Между тем, к концу пятилетки сельское хозяйство в основном становится по валовой продукции обобществленным, а по товарной массе—в основном еще раньше.

Быстрый рост сельского хозяйства на основе его социалистической реконструкции знаменует собой и возможность дальнейшего ускорения темпов роста промышленности и, прежде всего, легкой индустрии и тем самым ускорение темпа роста потребления. Быстрый рост личного потребления является источником дальнейшего роста производительности труда, роста культуры, реконструкции быта, он имеет величайшее революционизирующее политическое значение.

Дело подведения технического фундамента под социальную реконструкцию сельского хозяйства будет в ближайшие годы закончено. Этот процесс тем самым и решает окончательно проблему личного потребления и наносит решающий удар рыночной стихии, играющей еще известную роль именно в сфере производства и реализации предметов потребления.

Жизнь подтвердила правильность генеральной линии партии, она подтвердила, что лишь социально-техническая реконструкция, коллективизация и выкорчевывание капитализма полностью может разрешить проблему потребления. Установка же правых на развитие индивидуального хозяйства, как на генеральный путь развития сельского хозяйства, и на черепашьи темпы загоняла проблему потребления в тупик.

Задача экономической политики заключается в том, чтобы максимально ускорить процесс реконструкции производства средств потребления и вместе с тем так распределять имеющиеся ресурсы потребления, чтобы обеспечить намеченное выполнение планов индустриализации и коллективизации, обеспечивать рост потребления рабочих колхозников, а также и бедняцко-середняцких масс единоличников. Жесткое классовое регулирование потребления вопреки всем оппортунистическим попыткам должно неуклонно осуществляться.

Ресурсы личного потребления в настоящий момент таковы, что намеченная программа индустриализации и коллективизации может быть выполнена и тем самым создана база для решительного преодоления в ближайшем будущем отставания в росте потребления.

Обратимся к данным о реконструкции сельского хозяйства и ее влияния на состояние рынка и снабжение средствами потребления.

* * *

1930 год характерен тем, что при общем значительном росте всего производства мы имеем такое перемещение роли социальных секторов, при которых гигантскому росту обобществленного сектора противостоит абсолютное уменьшение индивидуального. Речь идет о суженном воспроизводстве не только капиталистических хозяйств, но и всей массы частных хозяйств. (Сокращение кулацкого производства и коллективизация мелкотоварного).

В проектировочных расчетах на 1930—31 год намечалось значительное ускорение темпов роста тяжелой и легкой индустрии и сельского хозяйства при значительном продвижении вперед в его обобществлении. Все это выражается в высокой цифре прироста народного дохода и в гигантском росте технической базы, при чем тяжелая индустрия должна особо значительно увеличить свою продукцию. Быстро растет техническая база обобществления сельского хозяйства.

Успешные итоги выполнения программы по тяжелой индустрии в 1929—30 г. (прирост почти на 40%) привели к тому, что смычка с деревней приобретает еще более производственный характер. Капитальные вложения в основные производственные фонды сельского хозяйства увеличиваются в 2½ раза в 1930—31 г. В 1929—30 г. сельское хозяйство получило сельскохозяйственных машин на огромную сумму в 400 млн. рублей. В 1930—31 г. эта сумма должна быть удвоена, достигнув 750 млн. руб. Мощность тракторного парка на полях СССР за истекший год удвоилась, достигнув почти 900 тысяч лошадиных сил, что реально заменяет около 3 млн лошадей.

Летом 1931 г. мощность тракторного парка СССР с учетом износа будет превышать 2 млн. лошадиных сил. В связи с гораздо большим коэффициентом его использования, чем в Соед. Штатах, его эффективность (мощность, помноженная на количество рабочих дней) будет равна американской эффективности в 1928 г. Если в 1929—30 г. 9% посевной площади уже обрабатывалось механическим путем, то в 1930—31 г. этот % повышается до 19, при чем по совхозам он достигает 94%. Снабжение химудобрениями утраивается, достигая 2,5 млн. тонн.

100% тракторов и 85—90% с.-х. машин поступают в обобществленный сектор. Дальнейший прирост коллективизации, таким образом, располагает мощной технической базой. В 1930—31 г. разворачивается около 900 машинно-тракторных станций.

Вполне реальным становятся такие гигантские задачи великого переворота в способах сельскохозяйственного производства, выдвинутые XVI с'ездом, как запашка тракторами под пшеницу новых 20 млн. га на востоке СССР, как превращение так называемой «потребляющей» полосы в высоко производительные животноводческие, огородные, льняные районы.

1930 год является годом решительного перелома в сельском хозяйстве не только по линии его социальной структуры (сплошная коллективизация, ликвидация кулачества как класса, гигантский рост совхозов). На базе социалистической реконструкции происходит значительный рост сельского производства и с.-х. продукции, отчуждаемой в город.

1930 год показал, что сельское хозяйство на базе социалистического укрупнения включилось в высокие темпы роста, свойственные и социалистической промышленности СССР.

Приведем табличку, иллюстрирующую этот факт:

Прирост валовой продукции и внедеревенского отчуждения в 1930 г.

(в процентах к предыдущему году).

	Зерно	Хлопок-сырец	Лен-волокно	Сахарн. свекла	Масло-семена
Валовая продукция	+ 22,2	+ 2,8	+ 18,2	+ 153,3	+ 22,5
Внедеревенское отчуждение	+ 35,8	+ 59,0	+ 38,3	+ 161,5	+ 57,8

Все растениеводство в целом дает рост по продукции на 19%, по внедеревенскому отчуждению — на 57,3%.

Все внедеревенское отчуждение (включая и животноводство) дает рост на 28%.

Это означает начало исторического поворота в темпах роста легкой индустрии.

До сих пор легкая индустрия должна была развиваться при отставании в темпах от тяжелой, до такой степени значительном, что мы имели заметное ослабление роста личного потребления. Это отставание было об'ективно обусловленным. Рост легкой индустрии ограничивался отсутствием достаточной собственной технической базы и отставанием по линии с.-х. сырья. Сейчас наступил перелом. «Тяжелую индустрию мы уже восстановили. Теперь мы можем двинуть вперед и развитие легкой индустрии. Мы имеем теперь возможность развернуть сырьевую базу легкой промышленности и двинуть вперед производство городских товаров массового потребления» (Сталин, политотчет ЦК).

Рост легкой индустрии определяется ростом тяжелой не только через оборудование и топливо, но и через с.-х. сырье и снабжение рабочих (без индустриализации нет прочной коллективизации).

Проблема ситца, хлеба, мяса — это вместе с тем и проблема чугуна, машин, химии. Если правые, борясь за «ситцевую индустриализацию», стремились к срыву индустриализации, то партия осуществляет сейчас под'ем легкой индустрии на основе ведущего развития тяжелой индустрии, на основе быстрых темпов индустриализации и коллективизации. Подведение прочной технической базы и развертывание сырьевой базы позволяет значительно двинуть сейчас вперед развертывание легкой индустрии.

Так, если в 1929—30 году легкая индустрия давала всего 12% прироста продукции при абсолютном сокращении некоторых отраслей, как, например, сахарной, производства растительного масла и др., то на 1930—1931 г. намечалось примерно 30% роста, особенно по пищевкусовой — в среднем на 1/3. (Приводимые в статье расчеты на 1930/31 год являются предварительными и служат для иллюстрации основных тенденций, выявляемых в статье).

«Всемирно-историческое значение» перелома в сельскохозяйственном производстве проявляется в том, что мы вплотную подходим к историческому перелому в отношении роста потребления трудящихся. Коллективизация приводит не просто к сближению культурно-бытового уровня работников промышленности и сельского хозяйства, но и к тому, что это сближение произойдет на основе быстро растущего уровня.

В 1931 г. уже налицо условия для того, чтобы рост легкой индустрии и сельского хозяйства превысил наметки пятилетнего плана на 1930—31 г. В самом деле: на 1930—31 г. намечался рост легкой индустрии на 39%, в то время как по пятилетке намечалось на этот год 18½%, по с.-х. продукции — на 17% против наметки пятилетки в 10,7%. По линии растениеводства прирост 1929/30 г. уже превысил наметки пятилетки на этот год.

Перейдем к итогам коллективизации сельского хозяйства.

Истекшая весна дала около 23% коллективизации к числу всех крестьянских хозяйств (по зерновым районам процент значительно выше). За год (к весне 1931 г.) средний процент должен подняться до 50. Если в настоящее время обобществленный сектор (совхозы и колхозы) располагает 1/3 всех посевов зерна (против 4% в 1929 г.), то к будущей весне 57% посевов зерна по плану должно принадлежать обобществленному сектору. Если в 1929 г. только 5% производства зерна приходилось на обобществленный сектор, то 1930 г. дает нам уже 34% (по пшенице, ячменю, кукурузе около половины), а будущий год, очевидно, должен дать уже по плану около 2/3.

Однако, размеры валовой продукции еще недостаточно показательны. Необходимо знать, каковы размеры сдаваемой деревней товарной продукции. И здесь, как известно, успехи обобществленного сектора по линии зерна особенно велики (как по линии совхозов, так и колхозов). Коллективизация уже даже на нынешней стадии (организационный период, слабая механизация) привела к значительному росту производительности труда. Колхозники увеличили свои посевы на 50% в основном при помощи немеханизированной тяги. Там, где работа была хорошо поставлена, колхозы при тех же средствах производства, что и единоличники, увеличили посевы на 100 и более процентов. В колхозах нагрузка лошади возросла на 50 и более процентов. Урожай на колхозных полях был на 15—20% выше, чем у единоличников, а размер посева (на одного работника) выше на 50—70%.

Более высокая производительность колхозного труда означает прочную победу колхоза, это наилучший аргумент за колхоз.

Доход середняка-колхозника, не говоря уже о росте дохода бедняка-колхозника, в среднем выше дохода середняка-единоличника, примерно в 1½ раза; колхозники, вступившие в колхоз в 1929/30 г., повысили свой доход в 1½ раза — таков один из важнейших итогов коллективизации. При этом доходность колхозника и рост его личного потребления с.-х. товаров сочетается с ростом товарности. Процент отчуждения у колхозников выше, чем у единоличника. Отсюда (учитывая при этом и значительно большую густоту колхозов и совхозов в основных товарных зерновых районах) и следует факт, что более половины зерна поступит в нынешнем году от обобществленного сектора, а в 1931 г. — до 85% при 50% коллективизации на весну 1931 г. Таково положение с зерновыми хлебами, говорящее, что мы вступаем в период гигантского под'ема зернового хозяйства, иллюстрацией которого является и план роста посевов зерна на 15 млн. га в 1931 г. (при росте в 7 млн. га в 1929—30 г., — с учетом меньшей гибели посевов в 1929—30 г., по сравнению с 1928—29 годом.

В 1930—31 г. намечено около половины посевов зерна засеять сортовым зерном, все семена очистить и на ⅔ осуществить рядовой посев. Это должно дать 10% повышения урожая (против среднего урожая за 4 последних года).

Перейдем к техническому сырью. Чрезвычайно распространенным было представление о том, что если в области зернового хозяйства дело коллективизации пойдет относительно быстро, то в отношении технических культур оно потребует *значительно* более длительных сроков. Между тем, данные 1930 г. говорят о чрезвычайно быстром темпе коллективизации и здесь.

Социально-техническая реконструкция производства сельскохозяйственного сырья означает подведение прочной сырьевой базы под легкую индустрию, одно из важнейших условий под'ема качества продукции легкой индустрии, снижения себестоимости в ней. Единоличное хозяйство с его раздробленностью, низкой урожайностью, слабой товарностью высоким процентом оседания сырья в крестьянском хозяйстве, плохим качеством сырья, перебоями в его отчуждениях вызывало простои в легкой индустрии, затрудняло осуществление производственных планов, тормозило снижение себестоимости и т. д. Между тем, доля обобществленного сектора (к лету 1930 г.) в посевах технических культур равна 46% (против 8% в 1929 г.), в том числе: по хлопку — 44% против 7% в 1929 г.; по льну — 22% против 32%, по масляничным — 61% против 7%; по сахарной свекле — 62% против 32.

В результате обобществленный сектор в 1930 г. должен дать 42% товарного хлопка, 17% — льна, 62% — подсолнуха, 89% — сои, 65% — сах. свеклы. В 1930—31 сельхозгоду обобществленный сектор по плану должен дать около ⅔ продукции технических культур.

Огромные успехи достигнуты по части обобществления огородных и бахчевых культур. В 1930 г. *удельный вес обобществленного сектора удесятерился* (достиг 25%), при общем росте посева этих культур.

В итоге 24% товарной массы картофеля, около 35% огородных культур и около 60% бахчевых уже сейчас (на основе урожая 1930 г.) должно поступить от обобществленного сектора. Подводится прочная база под овощное снабжение городов. 1930 и 1931 гг. должны дать дальнейший прирост в этом направлении. Гигантски должны возрасти пригородные овощные хозяйства потребительской кооперации. Разумеется для выполнения плана 300 тыс. га овощных пригородных хозяйств требуется огромный нажим по преодолению оппортунизма и косности в аппарате потребительской кооперации.

Переходим к проблеме животноводства.

К весне 1930 г., как известно, выявилось значительное общее уменьшение стада как рабочего, так, и в особенности, продуктивного скота. При этом произошел резкий сдвиг в сторону перемещения стада из индивидуального в обобществленный сектор. Так, удельный вес обобществленного сектора в рабочих лошадях повысился с 1,7 до 21,3%, в овцах — с 1,4 до 7,6%, в свиньях — с 0,9 до 5%, значительно повысился в крупном рогатом скоте.

Это перемещение не могло не вызвать соответствующих сдвигов в распределении товарной массы животноводческих продуктов. В 1930 году около 39% мяса и сала и около 45% молока поступает от совхозов и колхозов против 8% и 14% в 1929 г.), около 2½% яиц, около 12% крупных и мелких кож (против 1½ и 3½% в 1929 г.) и около 18% шерсти (против 7%).

Предстоящий год должен дать заметный рост стада: к лету 1931 г. лошадей — на 4%, крупного рогатого скота — на 14%, овец — на 10%, свиней — на 70% с дальнейшим резким сдвигом в сторону обобществления. Все это неизбежно влечет за собой следующую динамику *валовой* продукции животноводства в 1930—31 г.: по линии мяса, сала, кож неизбежно сокращение, вызванное необходимостью форсирования роста стада, по линии молочных продуктов некоторый рост. Но *на следующем этапе*, примерно со следующего года, рост стада повлечет за собой и *рост мясной продукции* и продукции кож. Пока же имевшее место сокращение стада не может еще быть перекрыто ростом стада и его улучшением (увеличение доли скороспелого скота, роста веса скота и т. д.). Отсюда особое значение приобретает форсирование добычи *рыбы*. Однако, хотя валовая продукция животноводства дает снижение, все же с поступлением *товарной* продукции мы будем иметь значительно более благоприятную картину, и в этом сказывается возрастание доли обобществленного сектора, рост планового воздействия на единоличника, усиление контрактации. (Если в *валовой* продукции животноводства совхозы и колхозы в 1930 г. занимают 13%, то *в товарной* массе — 30%).

Разумеется, для этого, требуется решительное преодоление оппортунизма на практике, самотека, энергичнейшая работа плановых заготовителей, неослабная борьба с кулаком, спекулянтом. В результате, процент сдаваемой массы животноводческих продуктов к валовой продукции должен заметно повыситься. Обобществленный сектор значительно увеличивает свою товарную массу по сравнению с прошлым годом в 4½ раза по мясу, в 5 раз — по молоку, в 2½ — по яйцам, в 2 раза — по кожам и в 2½ раза — по шерсти.

По некоторым товарам уже в этом году общественный сектор перекрывает или нейтрализует сокращения по индивидуальному сектору (молоко, шерсть, мясо и сало). Так, товарная масса отчуждаемого мяса должна лишь незначительно понизиться, молока возрасти — на 28%, яиц — на 48%.

К лету 1931 года намечается огромный дальнейший рост стада в колхозах и совхозах, так, число коров вырастет в совхозах в 6 раз, в колхозах — более 2 раз, свиней — в 4½ раза в совхозах и в 9 раз — в колхозах. В предстоящем году обобществленное стадо должно вырасти до 15 миллионов голов. Первые сводки говорят о реальности этого плана. Совхозы и колхозы имеют уже 26% валовой и 44% товарной продукции сельского хозяйства. *Общий вывод таков, что уже на 3-м году пятилетки реализуется тот перелом, который вызван реконструкцией сельского хозяйства.* Процесс обобществления сельского хозяйства дал огромный толчок росту сельскохозяйственного производства. Чрезмерное отставание сел. хоз. по зерну и техническим культурам уже изживается или изжито. Партия в основном разрешила зерновую проблему и разрешает проблему технических культур и овощного хозяйства. Это скажется уже на третьем году пятилетки в виде заметного роста потребления ряда существенных продуктов широкого потребления. Партия приступает к разрешению животноводческой проблемы. Через год это скажется на росте потребления всех продуктов животноводства (в том числе и мяса). Перемещение стада в обобществленный сектор, связанное с радикальным улучшением кормовой базы (мы имеем возможность уже значительно улучшить корм скота), с сокращением неизбежного в мелкотоварном хозяйстве убоя молодняка (усилившегося благодаря известной кулацкой тактике и имевшим место перегибам), значительно ускорит темпы развития животноводства. Рациональное ведение скотоводства, переход на лучшие сорта скота, на скороспелый скот означает решительный перелом в снабжении трудящихся мясом и молочными продуктами. Все это может быть обеспечено лишь при осуществлении четкой классовой линии, рассчитанной на рост обобществленного стада, в борьбе как с правооппортунистическими «самотечными» настроениями, так и с «левыми» рецидивами, выражающимися в административных перегибах,—при условии решительной борьбы со спекуляцией.

* * *

В результате вышеозначенных процессов около 40% с.-х. продуктов питания, поступающих в город, уже в 1930 году производится в обобществленном секторе. Большая часть остальных заготовок получается путем контрактации. Охват единоличника плановыми заготовителями растет. В 1931 г. уже значительно более половины с.-х. продуктов городского питания будет произведено в обобществленном секторе.

Обобществление оборота продуктами питания выражается в дальнейшем росте доли обобществленного сектора в заготовках. Процент его в заготовках основных хлебов в 1929—30 г. равен 90—92%, в 1930—31 г.— 95—96%, по большинству технических культур приближается в 1930—31 г. к 100%, по мясу — 70% в 1929—30 г. и доходит до 90% в 1930—31 г.; по кожам—с 80—90% до 97%, по маслу коровьему в 1930—31 г.—около 75%, по яйцам—70%, по картофелю—85%.

Доля частного рынка в снабжении рабочего в 1930 г. падала и в натуральном и в ценностном (несмотря на огромный рост цен частника) вплоть до апреля 1930 г., с которой доля частника (до июля) в ценностном выражении начала расти, достигнув 29% по всем товарам в июле, против 21% июле 1929 г. Сейчас снова наступил перелом в сторону снижения доли частника и в ценностном выражении. Учитывая более чем удвоение цен частника, следует подчеркнуть, что в натуральном выражении доля частного рынка даже в июле 1930 г. значительно меньше июля 1929 г. Всего за 10 месяцев 1929—30 г. (ориентировочно) удельный вес частного рынка в потреблении рабочих равен 18% (в ценностном выражении) против 20% за тот же период 1928—29 г. В натуральном же выражении доля частного рынка упала примерно вдвое. По сельхозпредметам питания это падение несколько меньше. Некоторый рост летом 1930 г. сменится уже в ближайшее время дальнейшим его падением.

Плановое распределение предметов широкого потребления обеспечит на ближайший год заметный рост зарплаты. Увеличится сумма потребляемых в среднем на одну душу рабочей семьи продуктов питания. Число калорий в пище значительно возрастет. Заметно возрастет потребление хлеба (с крупой и макаронами), овощей, картофеля, рыбы, молока, яиц, сахара, кондитерских изделий, растительного масла. Несколько уменьшится потребление мяса и коровьего масла, при этом еще могут быть использованы дополнительные резервы. Снабжение мясом рабочих в промышленных районах, очевидно, будет сохранено в нынешних нормах. Значительно возрастают по плану душевые нормы потребления рабочими одежды и обуви. Снабжение рабочих промтоварами (ориентировочно) должно, по имеющимся расчетам, возрасти примерно на 20—22% (в том числе по промтоварам — предметам питания — примерно на ¼, по прочим—на ⅕), по с.-х. продуктам питания— примерно на 7% (а в промышленных центрах — около 10%).

Эти результаты могут быть достигнуты лишь при жесткой системе нормированного снабжения по классовому принципу с диференциацией снабжения рабочих (в зависимости от города, характера предприятия, цеха), ставящей снабжение в зависимость от роли того или иного предприятия. Система закрытого распределения должна еще больше диференцировать снабжение. Организованным снабжением рабочих предположено охватить полностью или почти полностью по хлебным овощам, мясу, сахару, рыбе и кондитерским изделиям, маслу растительному; по яйцам, маслу коровьему — от ⅔ до ¾ и лишь по молоку почти на половину.

Так возрастает доля обобществленного сектора в снабжении. Около ¾ всех покупаемых рабочими предметов потребления (в натуральном выражении) приходится уже на организованное снабжение.

Особое значение сейчас приобретает решительный переход к системе закрытых распределителей, что обеспечивает возможность более четкого проведения классового принципа снабжения и большей диференциации и гибкости в снабжении, в зависимости от состояния и роли того или иного мероприятия. Этой системой обеспечивается доведение норм до рабочего, улучшается обслуживание рабочих (приближение к рабочему потребителю, изжитие очередей и т. п.), улучшается дело рабочего контроля над потребкооперацией и, наконец, что имеет сейчас весьма актуальное значение — уменьшается спекуляция и злоупотребление заборными книжками.

Заметно должны возрасти душевые нормы потребления деревней в 1930/31 году промтовары (особенно по одежде, сахару, макаронам, мылу, керосину). Чрезвычайно характерным является тот факт, что по подавляющему большинству промтоваров более ¾ их количества отпускается в порядке целевого снабжения и в виде премии за сдачу с.-х. продуктов по заготовкам.

Таким образом, в настоящее время подавляющая масса продуктов, приобретаемых рабочими и основными массами деревни, отпускается им в порядке организованного снабжения.

Хищническая роль частника (цены на продукты питания на частном рынке превышают цены обобществленной розницы в 5—6 раз, а довоенный уровень — в 10—11 раз. За год они возросли по продуктам питания вдвое, а по некоторым и втрое), его бешеные усилия урвать за счет вздутия цен часть народного дохода выступают сейчас особенно четко. Развертывание социалистического наступления по всему фронту, вытеснение частника на базе замены его обобществленным сектором должны дать значительный эффект в сторону улучшения материального уровня трудящихся.

Сейчас яснее ясного, к чему бы привели правооппортунистические элементы, предлагавшие ослабить наступление на частника, «нормализовать» товарооборот, создав условия для развертывания рыночной стихии. Этот либерализм, взятый на прокат у контрреволюционеров Громана и Кондратьева, означал бы срыв всей плановой системы цен, плановой системы снабжения, срыв плановых заготовок, срыв зарплаты, гигантское обогащение капиталистических элементов, огромную перекачку средств в ущерб социалистической индустриализации и коллективизации, сильное укрепление позиции кулака и нэпмана.

Партия отбросила правооппортунистические проекты и, в решительной борьбе с правым уклоном — главной опасностью на данном этапе — твердо осуществляя наступление по линии рыночных отношений, обеспечила и с этого фланга успешный ход индустриализации и коллективизации.

Разумеется, партия отвергает как выражение «левого» загиба, перенесение сейчас также на частную торговлю лозунга «ликвидации капитализма в деревне на основе сплошной коллективизации». Партия отвергает как «левый» загиб такие перегибы, как административное закрытие частного рынка. Административное запрещение крестьянину продавать продукты на частном рынке является антисередняцким загибом. Вытеснение частника и частного рынка происходит на основе базы расширения обобществленного сектора и полного охвата им трудящихся. Разумеется, что при этом необходимо решительно бороться с оппортунистической установкой на самотек в плановых заготовках, необходима беспощадная борьба с кулацкой агитацией, необходимо не ослаблять внимания к борьбе со спекуляцией и ажиотажем, не останавливаясь перед применением в известных случаях самых решительных мер революционной кары.

Напряженная обстановка обостренной классовой борьбы, резко выявляющейся и на рынке, настоятельно требует коренного поворота в борьбе с правым оппортунизмом на практике в работе обобществленной торговли. Достаточно привести два примера: медлительность кооперации в деле развертывания собственной пригородной овощной базы в 300 тыс. га и медлительность в развертывании системы закрытых распределителей. Отставание в работе в этих случаях носит политический характер. Оно является пособничеством классовому врагу. Правый оппортунизм в практике потребительской кооперации — серьезнейший тормоз в борьбе за снабжение, за реальную зарплату, против кулака и нэпмана.

Напряженное состояние ресурсов предметов потребления, особенно продовольственных, в условиях сильного напора рыночной стихии, бешеного сопротивления классового врага на рынке — требует решительного осуществления в борьбе с оппортунизмом в теории и на практике системы организованного снабжения.

* * *

На рынке мы имеем сейчас развернутое контрнаступление враждебных социалистическому плану элементов — кулак и нэпман, вздувая цены, пытаются сорвать плановые заготовки. Кулак, частник, спекулянт, вредитель единым фронтом пытаются сорвать нашу плановую систему организованного снабжения, являющуюся мощным рычагом осуществления плана социалистической индустриализации на нынешнем этапе и мощным орудием в борьбе с попытками капиталистических элементов «перекачать» в свою пользу часть дохода трудящихся. Прежде чем перейти к оценке системы снабжения, остановимся на одном моменте.

На нынешнем этапе, когда налицо лишь переходная к развернутому социалистическому распределению система снабжения, действующая при наличии частного рынка, обостренного дефицита продуктов, спекуляции, наличии капиталистических элементов, пытающихся перераспределить доход в свою пользу, повышать свое потребление за счет трудящихся и т. д.,— естественно, что сейчас нормировка отдельных продуктов абсолютно необходима, как средство классовой системы распределения. Отмечая переходный характер нынешней системы распределения, следует решительно подчеркнуть, что она отнюдь не может быть рассматриваема лишь как продукт хозяйственных трудностей. В ней налицо ряд существенных моментов, относящихся к росту планового социалистического начала, вытесняющего элементы «свободы торговли».

Наличие нынешней нормированной системы снабжения в условиях быстрого роста мощного, уже не только ведущего, но и преобладающего в народном хозяйстве обобществленного сектора, означает, что отмирает система той формы относительно свободного приобретения товаров, которая имела место в первый период нэпа и которой соответствовал иной удельный

вес частного сектора, иной вес частного рынка, частной торговли, когда отсутствовало то выкорчевывание корней капитализма, которое развернулось сейчас. Разумеется, полной неограниченной свободы торговли, предполагающей не диктатуру пролетариата, а капиталистическое общество, при нэпе не было никогда. Но различный вес элементов «свободы торговли» в «начальной стадии нэпа» и сейчас, в его «последней стадии», необходимо подчеркнуть.

Поэтому, с изживанием напряженности по линии предметов широкого потребления, с выкорчевыванием элементов капитализма, с отмиранием спекуляции, частного рынка—путь от нынешней системы нормированного снабжения, естественно, лежит не назад в направлении к стихийной купле-продаже,—не назад, в направлении усиления «власти денег», стихийно размещающихся среди населения, не к власти индивидуального богатства. Дальнейший рост социализма и выкорчевывание корней капитализма закроет каналы частно-капиталистического накопления и рыночной стихии, и нынешняя система снабжения преобразуется в развернутую социалистическую систему распределения, в соответствии с затратами труда, где свобода выбора отдельных продуктов будет обеспечена потребителю предприятиями обобществленного сектора. В виду этого исчезнет возможность стихийного роста цен. Исчезнут элементы рынка; цена превратится исключительно в счетное наименование продуктов. Деньги превратятся в «расчетные знаки», или в «трудовые талоны». Достигнуто ли такое положение уже сейчас? Разумеется, нет (при этом нужно решительно отвергнуть оппортунистические взгляды на наши деньги, как, по существу, на те же деньги, что и в капиталистическом хозяйстве).

Правда, в настоящее время в обобществленном секторе мы имеем уже, безусловно, преобладающую роль организованного снабжения. Правда, распределение продуктов личного потребления обобществленным сектором в основном уже определяется не только количеством денег, которым обладает потребитель, но и местом, занимаемым потребителем в процессе производства, его классовой принадлежностью. Факт обладания деньгами тем самым в огромной степени уже является лишь одним, но не единственным условием для получения продуктов в обобществленном секторе. Однако, нужно подчеркнуть, что этот процесс организованного снабжения не охватывает еще всего бюджета рабочего, служащего, трудящегося деревни. Во-первых, потому, что и в самом обобществленном секторе продукты частично отпускаются всякому владельцу денег и, во-вторых, потому, что помимо обобществленной торговли имеется, еще играющий заметную роль, частный рынок, который не может быть сразу, административным путем ликвидирован (как это полагали «левые» загибщики), а должен быть замещен обобществленным сектором.

Крестьяне и кустари еще реализуют часть своей продукции на базаре, непосредственному потребителю, частному посреднику и покупают в свою очередь друг у друга и у частного посредника. Рабочий и служащий покупают еще заметную (особенно по продовольствию заметную) долю продуктов на частном рынке. Частник, получая разными способами товары, еще развивает свою спекулятивную деятельность.

Наличие еще неорганизованного товарооборота означает, что за рыночной оболочкой, за ценой еще скрывается борьба классов, борьба преобладающего социалистического плана с враждебной ему стихией. Мы переживаем процесс организации социалистического продуктообмена, уже далеко шагнувший вперед, но этот процесс еще не закончен. Думать иначе, значит игнорировать ту ожесточенную классовую борьбу, которая сейчас происходит на рынке, роль частного рынка в повышении цен, роль хозяйственных затруднений и т. д. Это по форме—«ультралевая» и по существу оппортунистическая установка, замазывающая проблему «кто — кого» там, где она еще не разрешена. Поскольку деньги и цена еще не сыграли своей роли, необходимо осознать важность проблем укрепления денежного обращения. Партия резко подчеркивает важность устойчивости единицы учета рубля, важность роста его покупательной силы для трудящихся.

Не следует смешивать задачи укрепления денежной системы с возвратом к стихийно-денежному механизму «нормального» товарного хозяйства. Те, кто это делает, не понимают диалектику развития денег в наших условиях, под деньгами понимают лишь «нормальные» деньги чисто-товарного хозяйства со свободной торговлей. Между тем, как все дело заключается в том, на какой основе укрепляется наша денежная система, на основе ли задержки темпов индустриализации, на основе ли укрепления свободной торговли, «нормализации рынка и т. д., как это предлагали правые оппортунисты, или на основе роста индустриализации, укрепления системы организованного снабжения, отмирания частного рынка, усиления борьбы со спекуляцией, форсирования денежных из'ятий у капиталистических элементов (пытавшихся нажиться на товарном голоде), как это проводит партия. Укрепляясь, наша денежная система отнюдь не перестает трансформироваться в систему развернутого социалистического распределения. Крайне опасным практически являлось бы возрождение теории, что отмирание денег должно происходить на основе их безудержной эмиссии, на основе обесценения ден-знаков. Эта троцкистская позиция ничего общего не имеет с генеральной линией партии. Оздоровление денежного обращения, приведение в большее соответствие количества денег и количества продуктов, ослабление товарного голода, ажиотажа, спекуляции не только не означает задержку процесса перехода к социалистическому распределению, но является условием, ускоряющим этот переход (об этом было сказано выше при характеристике нашей системы нормированного снабжения).

Нужно подчеркнуть, что излишнее скопление денег далеко не безразлично для нашего народного хозяйства. В настоящее время бесспорно в руках у населения, особенно в деревне, скопилась изрядная сумма денег, которой не противостоят продукты. Иными словами, мы имеем обострение товарного голода, усиление расхождения между покупательным спросом и предложением. Рост этих денежных излишков может оказать отрицательное действие на ход хозяйственного строительства. Он, в конце концов, может привести к еще большему росту ажиотажа, спекуляции, к такому вздутию цен частного рынка, что в дальнейшем может вызвать затруднения в области плановых заготовок, в области осуществления контрактации, может вызвать усиление позиции кулака в его сопротивлении коллективизации, наконец, может привести к удару по реальной зарплате, к усилению текучести рабочей силы, к угрозе выполнению производственных программ.

Следует помнить, что чрезмерное накопление денежных излишков в деревне ослабляет стимулы к реализации продуктов сельскохозяйственного производства, а затем и к производству их. Задачей экономической политики является — усилить покупательное значение денег путем ослабления недостатка товаров, путем финансовых из'ятий.

Уже хозяйственный план наступившего «ударного квартала социалистического наступления» рассчитан на значительное продвижение вперед в этом отношении, благодаря огромному росту выпуска предметов массового потребления при одновременном из'ятии значительных денежных сумм, при твердой кредитной дисциплине и решительной борьбе за снижение себестоимости.

Некоторые мыслят себе разрешение задачи уменьшения денежных излишков весьма упрощенным путем — путем повышения цен обобществленным сектором.

Партия решительно отвергает эту вредную оппортунистическую установку, повторяющую троцкистские рецепты, бьющую по смычке, по покупательной силе рубля, ломающую нашу систему цен. Система цен не должна итти за рыночной кон'юнктурой, а противостоять ей, сохраняя свой плановый характер. Для уменьшения денежных излишков нужно использовать бюджетно-кредитные рычаги, с диференцированным классовым подходом, усилив нажим на капиталистические элементы, усилив обобществленное производительное использование через кредит крестьянского накопления.

Развернутое же повышение цен обобществленным сектором даже вне нормированного снабжения серьезно затронет интересы всех трудящихся.

Партия со всей решительностью требует от всей системы обобществленной торговли максимального сокращения издержек и выполнения директив по снижению цен. Современная напряженная кон'юнктура рынка пока не позволяет проводить курса на значительное снижение розничных цен, но вместе с тем всяким попыткам протащить сейчас троцкистские установки на повышение уровня цен будет нанесен решительный удар.

Итак, решительное развертывание системы нормированного снабжения отнюдь не противоречит задаче укрепления денежной системы. Наоборот, укрепление позиции обобществленного сектора и вытеснение частника и ведет к укреплению денежной системы и покупательной силы рубля.

⁂

Процесс социалистической реконструкции сельского хозяйства на наших глазах создает прочную базу для преодоления дефицита предметов личного потребления. Предстоящий год будет еще безусловно напряженным в отношении наличия средств потребления, но уже ярко выявляет тенденцию к решительному перелому в этой области. Партия решительно отвергла предложения оппортунистов, перепевавших Громана, о ввозе предметов широкого потребления в ущерб ввозу оборудования, как попытку сорвать взятые темпы индустриализации. Мы ввозим лишь самый необходимый минимум оборудования. Сокращение этого минимума означает значительный ущерб делу индустриализации. Вместо этого, партия нажимает все рычаги по линии ускорения индустриализации, коллективизации, а в сфере обращения усиливает борьбу со спекуляцией, борется за дальнейший рост обобществленной торговли, за классовое распределение и правильное использование наличных ресурсов.

Задача политики распределения в твердом осуществлении организованного снабжения — вопреки всяким оппортунистическим попыткам — в максимальном обеспечении роста потребления рабочего и колхозника в улучшении снабжения бедняцко-середняцкой деревни, в подчинении снабжения деревни интересам выполнения плановых заготовок с соблюдением при этом классовой диференциации.

Система организованного снабжения является мощным рычагом роста товарного отчуждения сельхозпродукции. Нужно максимум промтоваров твердо и неуклонно проводить через эту систему

Необходимо твердо помнить, что процент товарности в деревне в этом году должен быть заметно повышен — этого требуют все наши планы снабжения. Необходимо шире развернуть роль общественности как по линии колхозов, так и по линии единоличников в деле борьбы с продажей на частный рынок, в деле точного выполнения обязательств по сдаче продукции обобществленному сектору. Необходима решительная борьба с невыполнением контрактации. Надо вести борьбу с имеющимися фактами продажи колхозами продукции на частный рынок путем общественного осуждения этих фактов и путем лишения этих колхозов тех или иных льгот.

Необходимо величайшее внимание к радикальной перестройке работы снабженческих организаций, прежде всего, на основе неуклонного роста пролетарского контроля.

И. Гайдуль.

Опыт борьбы за промфинплан*)

Первые два месяца 1929/30 хозяйственного года на заводе «Серп и Молот» дали прорыв. Программа в октябре была выполнена только на 83,1%, в ноябре — на 89,0%. Таков размах прорыва. А 25 сентября 1930 года рабочие завода «Серп и Молот» в принятом ими рапорте писали:

> **ЦК и МК ВКП(б), МОСПС, „ПРАВДЕ“ и „РАБОЧЕЙ МОСКВЕ“**
>
> **РАПОРТ.**
>
> 8 с половиною тысяч металлистов з-да «Серп и Молот» в ответ на обращение ЦК рапортуют:
>
> Боевое задание партии и правительства—программу второго года пятилетки—выполнили 25 сентября. Завод должен был дать стране металла, в частности стали, на 34.557 тысяч рублей. Мы уже дали на 34.645 тыс. рублей.
>
> Остающиеся пять дней будем работать на перевыполнение программы. Таков наш ответ правым и «левым» оппортунистам, нытикам и маловерам.
>
> В 1931 году серпомолотовцы увеличат программу на 50 проц., т.-е. дадут стране металла на 52.500 тыс. рублей.
>
> Строим при заводе школу-комбинат с пропускной способностью 1.300 чел. в смену для подготовки квалифицированных рабочих, техников и инженеров по металлургии. Примерно 50 проц. рабочих завода охватим учебой.
>
> В ответ на обращение ЦК количество ударников возросло на 450 человек. Самозакреплением на заводе до конца пятилетки охвачено 2.500 человек. Поступило 400 рабочих предложений, поступило в партию 70 ударников, в комсомол—100.
>
> Этих результатов мы добились на основе генеральной линии партии, благодаря развертыванию самокритики, социалистического соревнования, ударничества и поворота организаций лицом к производству.
>
> У нас, конечно, еще много трудностей и недостатков в работе. Мы металлисты, трудностей не боимся, преодолевали их и будем преодолевать
>
> Серпомолотовцы — за генеральную линию партии.
> За выполнение пятилетки в четыре года!
> Против правых и «левых» оппортунистов!
> Против нытиков, маловеров, рвачей и «летунов»!
> СССР должен быть и будет металлическим!
>
> Да здравствует организатор и вождь рабочего класса и социалистического строительства — Всесоюзная Коммунистическая Партия и ее большевистский Центральный Комитет».

Как же нам удалось добиться перелома выполнения программы и ее перевыполнения? Этот перелом был обеспечен, прежде всего, на основе развертывания самокритики и борьбы с оппортунизмом. В противовес представителям правого уклона на практике, занявшимся болтовней о непосильных темпах роста заводской производственной программы, парторганизация завода на основе жесточайшей большевистской критики, невзирая на лица, вскрыла действительные причины хозяйственного прорыва, забила тревогу, мобилизовалась на его ликвидацию сама и мобилизовала весь заводской коллектив, ударила по оппортунистам и левым фразерам, заострила классовую бдительность и ответственность рабочих за выполнение промфинплана, повернула все организации на деле лицом к производству, и тем самым обеспечила перелом. Уже декабрь дал 107,7% выполнения программы, вместо 83 и 89% в октябре и ноябре.

Практически это было проделано так: постановление заводского парткомитета через печать и собрания довели до каждого рабочего. В декабре провели экстренные пленумы ячеек ВКП(б), групповые, цеховые и сменные рабочие собрания, общезаводскую конференцию рабочих и отдельно конференцию рабочей молодежи и инженерно-технического персонала с обсуждением вопроса о хозяйственном прорыве и путях его преодоления. На этих собраниях рабочие проявили небывалую активность и энтузиазм, решение парткомитета всюду было одобрено и в дополнение к нему были внесены десятки и сотни ценных предложений о ликвидации прорыва. Правооппортунистические кривотолки о невыполнимости программы на всех рабочих собраниях нашли единодушный отпор. Ряд сомневающихся и неверящих в выполнение программы не посмели членораздельно отстаивать перед рабочими свою пораженческую точку зрения.

В агитационной и пропагандистской работе в качестве примера, показа, образца того, как надо работать, мы широко популяризировали работу Краснознаменного листопрокатного (450 раб.) и сталелитейного (700 раб.) цехов, которые за октябрь выполнили программу на 100% и 106,6% и за ноябрь — на 100,2% и 103,7%. Эти цеха, особенно сталелитейный, увеличивший свою программу по сравнению с 1928/29 годом на 50%, были ярким, живым показателем того, что и в целом по заводу программу можно выполнить и перевыполнить. Рабочие сталелитейного и листопрокатного цехов через заводскую газету «Мартеновка» и собрания обратились ко всем рабочим завода с призывом смыть позорное пятно с завода, и не только ликвидировать прорыв, но и перевыполнить программу. Из отстающих по выполнению программы цехов были организованы экскурсии рабочих в сталелитейный и листопрокатный цеха для ознакомления с работой этих цехов, с работой их ударных бригад, с их постановкой учета работы ударных бригад и т. д. Благодаря всему этому сталелитейный и листопрокатный цеха сумели передать свой положительный опыт работы другим цехам и сыграли роль буксира, который товарищески помогал отстающим и воодушевлял на борьбу за перевыполнение программы.

Во всей агитационной и пропагандистской работе, а также и организационной практике мы с особой резкостью подчеркивали, что общим разговорам об индустриализации страны и выполнении пятилетки в четыре года— грош цена, если не принимается никаких практических, конкретных мер к обеспечению выполнения и перевыполнения программы. Тот не большевик, а фразер и оппортунист, кто ограничивается лишь разговорами о быстрых темпах индустриализации. Мы говорили: мало, бия себя в грудь кулаком, клятвенно уверять: «я за генеральную линию партии», надо практически, на деле, в условиях завода, цеха, аггрегата доказать и показать умение проводить в жизнь боевые задания партии — промфинплан. От партийных ячеек, профорганизаций и коммунистов-хозяйственников мы требовали не рассуждений о пятилетке вообще,—а систематической, настойчивой, четкой работы по организации рабочих масс и выполнению данных заводу, цеху, аггрегату заданий и по преодолению трудностей, стоящих на этом пути. Эта, несомненно, правильная постановка вопроса многих встряхнула, повысила чувство ответственности и тем самым способствовала ликвидации прорыва.

---

*) Помещая статью тов. Гайдуля о борьбе за промфинплан на з-де «Серп и Молот» (Москва), редакция «Большевика» предполагает в ближайших номерах осветить опыт мобилизации масс и перестройки работы в борьбе за промфинплан на крупнейших предприятиях СССР — в частности по материалам бригад ЦК ВКП(б) по реализации обращения ЦК от 3 сентября.

Редакция приглашает товарищей, работающих в бригадах ЦК, партийных комитетах, крупных предприятиях, присылать в «Большевик» материалы, рисующие и анализирующие их практический опыт.

Но одной агитации и пропаганды мало для ликвидации прорыва и выполнения программы. Гвоздь вопроса в организации, в умении нащупать наиболее слабые места, в умении подобрать людей, расставить их и каждому под его персональную ответственность точно определить, что он должен сделать. Исходя из этой установки, мы пересмотрели во всех цехах права и обязанности работающих, а где их не было — выработали. На всех прокатных станах назначили начальников станов вместо прежних мастеров, которые конкретно не руководили и не отвечали за работу того или иного стана. На мартеновских и нагревательных печах назначили старших, которые бы руководили и отвечали за состояние и работу аггрегата. Почти во всех цехах выдвинули передовых рабочих-ударников на должности помощников заведующих цехами. Создали специальные сквозные бригады из рабочих и представителей ИТС, партийных и профсоюзных организаций по вопросам: капитального строительства, деталям и инструментам, по использованию внутрипромышленных ресурсов и планированию. Эти бригады оказали существенную помощь.

Путем составления пятидневных сводок-таблиц о ходе выполнения программы по каждому цеху в отдельности и заводу в целом установили открытый контроль за ходом выполнения программы. В этих сводках указывается задание на 5 дней в тоннах и ценностном выражении, его выполнение в абсолютных цифрах и процентах. Эти оперативные сводки, а также ежедневные и пятидневные сводки о прогулах, дают возможность контролировать выполнение программы по цехам и оказывать на ходу помощь отстающим. В цехах, на мартеновских печах, прокатных и листопрокатных станах, сталепроволочных станах ввели доски ежедневного учета работы аггрегатов, благодаря чему, например, в мартеновском цеху в любое время можно было точно установить, сколько часов ушло на завал печи, сколько часов на плавку, сколько на разлив плавки и т. д. Если оказывается, что одна плавка сидела в печи 8 часов, а другая 11, то, видимо, слабо было давление воздуха или плохой доламит и т. д. Точный учет работы дает возможность оперативно, на ходу устранять тормозы и узкие места. Должен оговориться, что основные производственные цеха и заводы (сталелитейный, фасонно-литейный, прокатный, листопрокатный, сталепроволочный, прессовой, канатный и строительно-мостовой) имеют цеховые промфинпланы, а промзадание в них доведено до аггрегата. Но раньше квартальные, месячные и пятидневные задания доводились до рабочего с запозданием, теперь мы этот недостаток через заводскую газету «Мартеновка» устранили, а посредством досок-заданий рабочие заранее информируются, что и сколько должен выработать их аггрегат.

Правда, это крайне важное дело—учет, еще до самого последнего времени хромало.

Партийную и профсоюзную организации мы перестроили в соответствии с лозунгом — «лицом к производству». Эта перестройка в основном выразилась в том, что от комиссионной и заседательской работы мы перешли к функционально-секторной работе и персональной ответственности. В основу перестройки положили производственный принцип. В ячейке (при бюро) создали сектора: партийно-организационный, роста партии, агитации и массовых кампаний, учебы, по работе среди новых кадров рабочих, связанных с деревней, создали и сектор проверки выполнения решений.

На каждом производственном участке и аггрегате избрали парторганизаторов. В цехах, где твердый состав смен, например, сталелитейном и прокатном, создали самостоятельные ячейки по сменам.

Примерно таким же образом перестроили и профорганизацию, создав, вместо цехпрофбюро, цеховые комитеты, по сменам — профуполномоченных и по производственным участкам и аггрегатам — группоргов.

Опыт работы полностью оправдал основные принципы этой перестройки. Особенно важно и ценно то, что в каждом производственном участке и на каждом крупном аггрегате есть треугольник в лице парторганизатора, профгруппорга и мастера или бригадира. Создается новый актив, гарантируется своевременная сигнализация производственных неполадок, а следовательно, и их быстрейшее устранение.

Конечно, в этой системе еще много недочетов, зачастую парторги и профгруппорги слабы, зачастую они плохо инструктируются, но это нисколько не умаляет того, что в принципе система верна. Доведение промфинплана или хотя бы промзадания до аггрегата создает благоприятную базу для улучшения социалистического соревнования и для работы низового треугольника.

Мы перестроили также работу производственных комиссий и совещаний, вместо общецеховых стали проводить групповые — по производственным участкам и аггрегатам, — это повысило интерес к ним, улучшило посещаемость и качество их работы.

Этот опыт говорит о том, что перестройка парторганизаций на деле способствовала повороту их лицом к производству и к выполнению промфинплана. Повестки дня пленумов парткомитетов и ячеек насыщены хозяйственными вопросами. На партийных и общих рабочих собраниях сейчас и члены бюро цеховых ячеек ВКП(б), рядовые члены партии и беспартийные рабочие, особенно ударники, говорят о работе завода и цехов с фактами, цифрами и конкретными предложениями. Выражением поворота парт- и профорганизаций лицом к производству может служить и то, что через каждые три месяца мы проводили массовую проверку выполнения промфинплана. Для этой цели создавались общезаводская и цеховые временные контрольные комиссии с привлечением к работе сотен рабочих-ударников. Эти самопроверки способствовали выявлению узких мест, их преодолению, а тем самым и выполнению промфинплана. Результаты самопроверок, как правило, обсуждались на конференциях ударников, рабочих собраниях, парторганизациях. Перестройка работы парторганизаций завода явилась важнейшим рычагом выполнения промфинплана.

Однако, и перестройка работы и ряд других мероприятий повисли бы в воздухе. если бы мы не имели гигантского под'ема творческой активности и производственного энтузиазма рабочих.

Рост ударных бригад по нашему заводу выражается в следующих цифрах:

Время	Количество ударных бригад	Количество ударников	% % охвата рабочих ударными бригадами
На 1/I-1929 г.	43	370	6%
„ 1/I-1930 г.	83	900	14%
„ 1/IV 1930 г.	245	3450	45%
„ 1/VIII 1930 г.	321	4200	52%
„ 20/IX 1930 г.	401	5000	62%

В производственных цехах мы имеем до 90% рабочих, охваченных ударными бригадами. В подсобных цехах этот процент снижается до 15—20.

В производственных цехах почти 100% коммунистов являются ударниками, а в подсобных цехах показатель снижается до 30%.

За последние 4—5 месяцев организуются сквозные бригады, бригады-буксиры, бригады образцового качества продукции. Десятки бригад показывают образцы действительно коммунистического отношения к труду. Бригады Романова, Савельева, Подрубаева, Арушановой, Новикова и других вырабатывают 120—145% задания. Благодаря развертыванию соревнования и самоотверженной работе ударников наш передовой Краснознаменный листопрокатный цех закончил выполнение годовой программы 10 сентября, сталепроволочный, канатный и прессовой—10—15 сентября. Благодаря работе ряда ударных бригад сердце завода—мартеновский (сталелитейный) цех, начиная с октября 1929 года, из месяца в месяц весьма напряженную программу перевыполняет. До революции, при Гужоне, бывшем владельце завода, мартеновский цех давал максимально 77 тыс. тонн металла, а в 1929/30 году он при том же количестве мартеновских печей дал СССР—145 тысяч тонн металла. Это один из показателей блестящей работы ударников, действительно пролетарского, социалистического отношения к труду. Заводская практика подтверждает тот факт, что для ударников—цифры, показатели работы являются вопросом чести.

Говоря о социалистическом соревновании и ударничестве, необходимо особенно подчеркнуть новое в соревновании—создание бригад образцовой продукции. Вскоре после XVI с'езда ВКП(б) в завком завода «Серп и Молот» поступило такое заявление:

> «XVI с'езд партии в числе других задач поставил перед всем рабочим классом задачу всемерно улучшить качество продукции, которое за последнее время значительно ухудшается во всех отраслях промышленности.
>
> Считая, что выполнение решений XVI с'езда партии на деле является непременным и обязательным долгом каждого сознательного пролетария, и в особенности ударника, мы, ударники бригады формовщика Подрубаева в количестве шести человек, ставим себе задачей давать стране только высококачественные изделия и об'являем себя бригадой «образцовой продукции».
>
> Мы ставим перед собой следующие задачи:
>
> 1. Добиться повышения выхода I сорта с 94,85% до 96,22%.
> 2. Уменьшить количество брака по нашей вине с 1,37% в месяц до 0%.
> 3. Добиться изжития брака по вине завода с 3,78 до 2%.
> 4. Выявлять своевременно все причины, ухудшающие качество продукции и немедленно принять конкретные мероприятия к их устранению.
> 5. О недоброкачественности поступающего сырья, полуфабриката, инструмента и т. п. всякий раз ставить в известность через заводские организации рабочих тех заводов, от которых поступили недоброкачественные материалы, изделия и т. п.
>
> Мы вызываем бригады формовщиков тов. Семенова и бригады Куяченко об'явить себя бригадами образцовой продукции, а также и ИТР цеха об'явить себя мобилизованными на выработку высококачественной образцовой продукции.
>
> Подписи: 1. Подрубаев, 2. Самков, 3. Макаров, 4. Новиков, 5. Батибин, 6. Червяков.

Этот прекрасный почин бригады тов. Подрубаева мы всячески поддержали. Организовано уже шесть бригад образцовой продукции. Первые месяцы их работы дали блестящие результаты. Бригадники свои обязательства выполняют. Этот положительный опыт мы считаем необходимым всячески расширять, памятуя, что «качество продукции должно стать обязательным элементом социалистического соревнования и ударничества—без этого ничего не выйдет». (Куйбышев, из доклада на XVI с'езде ВКП(б).

В связи с обращением ЦК от 3/IX на заводе развертывается широкое движение за качество продукции. Уже больше 500 рабочих на 20/IX были охвачены договорами энтузиастов. Вот один из таких договоров:

ДОГОВОР ЭНТУЗИАСТОВ.

Я, рабочий Н. Сирота прокатного цеха, № 135518, вступая в третий, решающий год пятилетки, заключил настоящий договор с рабочим Воронковым, № 803, по которому мы обязуемся перед общественными организациями завода:

1. С 10 сентября с. г. повысить свою выработку на 54 тонны с тем, чтобы успешно завершить программу второго года пятилетки и в полной боевой готовности вступить в решающий предпоследний год пятилетки.
2. Добиться повышения выхода первого сорта до 100%, уменьшив количество брака до 0. Всемерно улучшать качество продукции, осуществляя решения XVI с'езда ВКП(б), ставя своей задачей выпускать высококачественную продукцию.
3. В целях успешного выполнения пятилетки в четыре года и выполнения и перевыполнения промфинплана завода, обязуюсь: до конца пятилетки работать на заводе.
4. Вести решительную борьбу за рационализацию и улучшение своего рабочего места.
5. Ликвидировать прогулы до 0% и мерами общественного воздействия бороться со всякими проявлениями рвачества и разгильдяйства на производстве.
6. Вести решительную борьбу за улучшение и рационализацию своего рабочего места. Следить за чистотой станка, печи, аггрегата. Бережно относиться к производственному инструменту. Взять на учет каждый лишний килограмм материала, топлива и отбросов производства.
7. Давать рабочие предложения по улучшению производства, активно участвовать в производственных совещаниях. Довести посещаемость производственных собраний до 100%.
8. Взять под контроль загрузку оборудования.

   Ликвидировать простои, зависящие от рабочих, до 0.

   Добиваться максимального использования машины. В случае простоя из-за отсутствия материала, инструмента и т. п. всякий раз ставить в известность через цеховые организации рабочих того цеха или бригады, в которые материал должен поступить.
9. Систематически повышать свой производственно-технический уровень. Один час в пятидневку на учебу—на ликвидацию технической неграмотности.

Означенный договор вступает в силу с 10 сентября 1930 года до 1 октября 1932 года.

Подписи: Сирота и Воронков.

Социалистическое соревнование, борьба за качество продукции после XVI с'езда ВКП(б) идут на под'ем. Это — лучший показатель того, что рабочий класс одобряет решения с'езда о развернутом социалистическом наступлении по всему фронту.

Наконец, говоря о мероприятиях по ликвидации прорыва и обеспечению перевыполнения плана, нельзя не остановиться на организации питания рабочих на заводе. В этом деле завод имеет несомненные достижения. Они выражаются в том, что недавно еще рабочий тратил на обед примерно один час, а теперь, тратит 10—15 минут; раньше рабочий минут по 50 торчал в очереди и подчас не получал обеда, сейчас же без очереди получает обед. Невольно возникает вопрос, как это сделано? Отвечаю. Мы организовали закрытые столовые и буфеты непосредственно в цехах, куда пища доставляется в термосах.

Для контроля за работой столовых в каждом цеху выделена ударная бригада по улучшению питания. Комсомол шефствует над столовыми, буфетами и свинарником (последний организован в последнее время). В столовую и буфет для работы выдвинули рабочих завода из ударников. За последнее время при заводе организуем закрытый распределитель и доставку горячей пищи в ночные смены. К задаче улучшения питания рабочих заводские организации подошли как к одному из важных участков борьбы за выполнение промфинплана. Опыт показал, что этот подход был правилен.

Таковы важнейшие мероприятия, обеспечившие ликвидацию прорыва и перевыполнение промфинплана по заводу «Серп и Молот». Было бы несправедливо при этом умолчать о роли заводской газеты «Мартеновка» и цеховых стенгазет. Надо прямо сказать, что роль заводской газеты в деле борьбы за промфинплан гигантски велика. Год тому назад наша заводская газета «Мартеновка» выходила один раз в десять дней, в сентябре 1930 года она выходит через день. Ее тираж—7.500 экз. Газету «Мартеновку» читают все. В условиях завода она один из могучих проводников идей партии в самую гущу рабочих, один из важнейших рычагов в деле коммунистического воспитания рабочих и в деле борьбы за промфинплан.

В заключение, хотя бы кратко необходимо остановиться на встречном промфинплане, во-первых, потому, что он на данном этапе есть высшая форма социалистического соревнования, во-вторых, потому, что он наиболее яркий показатель борьбы широких рабочих масс за мобилизацию внутренних ресурсов, за действительные большевистские темпы социалистического строительства. Завод «Серп и Молот» представлен Пролетарским РК ВКП(б) к премированию за примерную проработку встречного промфинплана. Поэтому осветить наш опыт в деле борьбы за встречный промфинплан будет далеко небезынтересно.

В прошлом на заводе «Серп и Молот», как и на большинстве предприятий, плановые наметки треста и заводоуправления обсуждались завкомом, ячейками, производственными совещаниями, смежными и цеховыми рабочими собраниями и заводской конференцией. Но не было самого важного—плановые наметки администрации не проверялись внизу—в аггрегате (стан, печь и т. д.), бригаде, производственном участке и поэтому обсуждение планов администрации приводило, в большинстве случаев, к их штемпелеванию.

По-иному завод «Серп и Молот» составил контрольные цифры на 1930/31 г. Партийные и профсоюзные организации (партком, завком, цехкомитеты и бюро ячеек ВКП(б), вместо штемпелевания плана, составленного администрацией, передали его на обсуждение и проверку в аггрегаты, бригады и производственные участки. Рабочие и, прежде всего, рабочие-ударники с карандашом в руках и на основе своей практики проверили, насколько реальны планы администрации; учтены ли полностью производственные возможности станов, печей, станков, кранов, моторов бригад; не рассчитан ли план администрации на равнение по узким местам, не противоречит ли он курсу партии и рабочего класса на быстрые темпы социалистического строительства.

Для руководства проработкой встречного промфинплана были созданы общезаводская и цеховые временные контрольные комиссии (ВКК) и плановые бригады из лучших ударников по производственным участкам.

Например, фасонно-литейный цех был разбит на следующие производственные участки: формовка, стержневая, слесарная, кузница, обрубка токарная, обжигательная, электросварка, гидропроба, наждачная, закалочные печи, обдувка и друг. Всего в фасонно-литейном цеху было создано 20 плановых бригад с количеством участников в них—120 чел. Всего по заводу в плановых бригадах участвовало 680 рабочих-ударников. В обсуждении их выводов приняли участие 6.500 чел. К некоторым плановым бригадам и ВКК были прикреплены инженеры, техники, экономисты и студенты-практиканты для консультационной и счетной работы.

Плановые бригады, совместно с рабочими данного аггрегата и производственного участка, учтя производственные возможности аггрегатов, опыт работы ударных бригад, наметили ряд рационализаторских мероприятий и на этой основе внесли изменения, дополнения и поправки в план заводоуправления. Результаты работ плановых бригад рассматривались цеховой ВКК и администрацией, а затем утверждались на цеховых сменных рабочих собраниях и конференциях. Результаты работ цеховых ВКК и их разногласия с цеховой администрацией рассматривались общезаводской ВКК и дирекцией завода, а затем общезаводской встречный промфинплан был утвержден заводской конференцией рабочих и служащих.

В ходе проработки встречного промфинплана рабочие внесли около 500 предложений по рационализации производства и поднятию производительности труда.

В результате массовой проработки промфинплана, рабочие выявили скрытые резервы и производственные возможности цехов и завода, которые не были и не могли быть учтены в процессе кабинетной проработки контрольных цифр. В результате этого контрольные цифры заводоуправления на 1930/31 год рабочими по встречному промфинплану значительно увеличены. Например, по сталелитейному цеху администрация намечала выработать 156.000 тонн металла, а по встречному промфинплану утверждено 166.000 тонн; по фасонно-литейному вместо 5.600 тонн фасонного стального литья, утверждено 6.000 тонн; по прокатному, вместо 214.000 тонн—по встречному, утверждено 224.000 тонн; по сталепроволочному, вместо 20 500 тонн по встречному промфинплану, утверждено 23.500 тонн; по канатному цеху, вместо 2.500 тонн, встречный план дал 2.870 тонн.

В целом по заводу намечалось увеличение производственной программы по выпуску готовой продукции в ценностном выражении на 39,6%, а рабочие по встречному промфинплану наметили рост выпуска продукции 49,7%, т.-е. на 10,1% больше чем заводоуправление. По плану заводоуправления в 1930/31 году завод «Серп и Молот» должен был дать стране 154.000 тонн металлоизделий на 48.000 тыс. рублей, а по встречному плану завод даст 164.800 тонн металлоизделий на 52.500.000 рублей, т.-е. по встречному промфинплану намечено выпустить крайне нужной стране металлопродукции на 4.300.000 руб. больше. Неудивительно, что на заводе «Серп и Молот» стал в почете лозунг: «Даешь встречный промфинплан!»

Неправильно было бы полагать, что проработка встречного промфинплана прошла без сучка и задоринки. Наоборот, мы имели противодействие и сопротивление высоким темпам, выдвигаемым рабочими в ходе проработки встречного промфинплана. Отдельные хозяйственники пытались свести роль рабочей общественности только к обсуждению задания—плана заводоуправления и «наиболее выгодному и целесообразному развертыванию его (задания на 1931 год) по цехам, станам и аггрегатам». Ряд хозяйственников проявили боязнь высоких темпов и всеми правдами и неправдами пытались доказывать невыполнимость заданий встречного промфинплана. Подобные же правооппортунистические вылазки мы имели и со стороны отдельных рабочих, в том числе и коммунистов. Правооппортунистическая боязнь высоких темпов социалистического строительства прикрывалась «учеными» разговорами, пословицами — «тише едешь дальше будешь» и т. п. Парторганизации завода квалифицировали эти настроения, как правый оппортунизм на практике. Встречный промфинплан завода «Серп и Молот» завоеван в борьбе с правым оппортунизмом, в борьбе с рвачеством и хвостизмом. Встречный промфинплан можно будет выполнить только при условии дальнейшей решительной борьбы с оппортунизмом и примиренчеством к нему и, прежде всего, с правым уклоном, как главной опасностью в партии.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

С согласия Института Ленина печатается здесь письмо Ленина т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре. Это мало известное письмо впервые было опубликовано в 1924 г. в предисловии т. Д. И. Курского к книге: «V Всероссийский с'езд деятелей советской юстиции» (изд. НКЮста РСФСР). Письмо печатается в выходящем в ближайшее время XXVII томе соч. Ленина (II изд.).

РЕДАКЦИЯ.

Ленин.

Письмо т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре.

17. V, 1922.

Тов. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного Кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всякой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом Ленин.

Вариант 1: Пропаганда или агитация или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности, и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и т. п. средствами,

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2: а) Пропаганда или агитация, об'ективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).

Вариант 2 б: содействующие или способные содействовать.

Примечание редакции XXVII тома (II издание) к письму Ленина тов. Курскому:

«Письмо Д. И. Курскому по вопросу о терроре написано Лениным в связи с разработкой первого Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. Написанию письма предшествовала беседа с Д. И. Курским (бывшим в то время наркомом юстиции), во время которой Ленин сам предложил набросать проект статьи, определяющей понятие контрреволюционного действия. Этот проект и лег в основу статьи 57-й Уголовного Кодекса, которая гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции Р. С. Ф. С. Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия *в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами»* (Опубликовано 15 июня 1922 г. в «Собрании Узак. и Распоряжений Раб. и Кр. правительства» № 15; подчеркнутое — взято из проекта Ленина)».

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

С согласия Института Ленина печатается здесь письмо Ленина т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре. Это мало известное письмо впервые было опубликовано в 1924 г. в предисловии т. Д. И. Курского к книге: «V Всероссийский с'езд деятелей советской юстиции» (изд. НКЮста РСФСР). Письмо печатается в выходящем в ближайшее время XXVII томе соч. Ленина (II изд.).

РЕДАКЦИЯ.

Ленин.

Письмо т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре.

17. V, 1922.

Тов. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного Кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всякой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом Ленин.

Вариант 1: Пропаганда или агитация или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности, и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и т. п. средствами,

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2: а) Пропаганда или агитация, об'ективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).

Вариант 2 б: содействующие или способные содействовать.

Примечание редакции XXVII тома (II издание) к письму Ленина тов. Курскому:

«Письмо Д. И. Курскому по вопросу о терроре написано Лениным в связи с разработкой первого Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. Написанию письма предшествовала беседа с Д. И. Курским (бывшим в то время наркомом юстиции), во время которой Ленин сам предложил набросать проект статьи, определяющей понятие контрреволюционного действия. Этот проект и лег в основу статьи 57-й Уголовного Кодекса, которая гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции Р. С. Ф. С. Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия *в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами*» (Опубликовано 15 июня 1922 г. в «Собрании Узак. и Распоряжений Раб. и Кр. правительства» № 15; подчеркнутое— взято из проекта Ленина)».

О письме Ленина т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре.

Публикуемое здесь письмо Ленина к т. Курскому по вопросу о терроре представляет собой, как и всякий новый документ Ленина, огромный интерес. Вместе с тем этот документ имеет теперь особенно актуальное значение

Развернутое социалистическое наступление по всему фронту и прежде всего ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации вызывает бешеное сопротивление обреченных на гибель классовых врагов пролетариата в нашей стране и сопровождается резким обострением классовой борьбы, принимающей самые разнообразные формы, особенно формы вредительства.

Наиболее яркими иллюстрациями этому могут служить факты, вскрытые за последнее время, как контрреволюционная организация Кондратьева—Громана, огромная по своему размаху и значению вредительская организация в области рабочего снабжения и т. п.

Естественно, что в своей последовательной борьбе за уничтожение классов пролетариат, подрывающий социалистической индустриализацией страны и сплошной коллективизацией сельского хозяйства самые основы существования эксплоататорских классов, не может останавливаться перед беспощадным подавлением сопротивления классовых врагов всеми имеющимися у него средствами. Одним из таких средств и является террор (напр., расстрел 48 активных вредителей в области рабочего снабжения). При этом пролетариат, использующий свое государство и все его атрибуты (армию, ГПУ, суд, милицию и т. д.) как орудие или как «особую дубинку» (Ленин) своей классовой борьбы, когда этого требуют интересы революции, особенно в моменты резкого обострения классовой борьбы, — не связывает себя никакими формальными условностями и юридическими процедурами. Но и сами законы и суд пролетариат также использует в интересах защиты революции, обосновывая и узаконяя все необходимые средства подавления сопротивления классовых врагов до террора включительно. «*Суд, — говорит Ленин, — должен не устранить террор,... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас*».

Конечно, эту роль пролетарского суда в деле узаконения террора не понимает (или не хочет понять) тот, кто пытается изобразить суд, как воплощение абстрактной «справедливости», кто не понимает задач и условий классовой борьбы, и, наконец, тот, кто вольно или «невольно» предает пролетариат и поддерживает буржуазию.

Известно, например, какой неистовый вой поднимает международный социал-фашизм каждый раз, когда пролетариат применяет по отношению к своим классовым врагам острое оружие террора. Известно также, каким злобным шипением отвечают на эти четкие, разящие удары пролетариата трусливые обыватели, мещане и кликуши.

Но к такой точке зрения на террор пролетарского государства близка по существу и позиция правых оппортунистов. Не понимая классовых взаимоотношений в переходный период, не понимая характера нашего развития и условий строительства социализма в обстановке ожесточенной классовой борьбы, правые оппортунисты склонны рассматривать обострение классовой борьбы в настоящий период, как результат неправильной политики партии, а применение методов насилия и террора по отношению к классовым врагам как аномалию в деле осуществления пролетарской диктатуры. Ленин еще в 1916 г., в речи на с'езде швейцарской с.-д. партии, касаясь вопроса о терроре, отмечал эту склонность оппортунизма «отвергать всякое применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей» и тут же добавлял: «Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой» [1]).

Свое принципиальное отношение к террору как составной части и одному из средств классовой борьбы пролетариата против буржуазии Маркс и Ленин выявляли много раз. Приведем лишь несколько примеров.

Одну из своих статей в «Новой Рейнской газете», посвященную падению Вены после восстания 1848 г., Маркс, описывая расправу буржуазии над венским пролетариатом, заканчивает следующими словами: «Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, надоевшие гекатомбы после февраля и марта, каннибализм контрреволюции убедят народы в том, что существует только одно средство для того, чтобы сократить, упростить и локализовать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный террор» [2]).

Каутский — патриарх международного социал-фашизма — об'явил эти взгляды на террор «заблуждениями молодого Маркса».

В брошюре «Терроризм и коммунизм», изданной в 1919 г., Каутский выступил против красного террора. Самым бесстыдным образом извращая взгляды Маркса — Энгельса на революцию, на диктатуру пролетариата и на революционный террор, Каутский тоном обывателя и ренегата жаловался на то, что «революция приносит нам кровавый терроризм, проводимый социалистическими правительствами. Большевики в России вступили первые на этот путь и суровейшим образом осуждались поэтому всеми социалистами, не стоявшими на большевистской точке зрения». (Стр. 9).

Ленин всегда ставил вопрос о терроре в связь с общей борьбой пролетариата по завоеванию власти и по укреплению им своей диктатуры.

Еще в начале своей деятельности по организации большевистской партии Ленин, борясь и полемизируя против взгляда на террор, как на главное и даже единственное средство революционной борьбы, заявлял: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях...» [3]).

После Октябрьской революции, при осуществлении пролетарской диктатуры Ленин особенно часто возвращается к вопросу о терроре, рассматривая его как составную часть диктатуры пролетариата.

В «Тезисах ответа «независимым» на предложение переговоров» Ленин в сжатой форме развивает свое учение о диктатуре пролетариата и касается, в частности, вопроса о терроре.

«Диктатура пролетариата, — пишет он, — означает сознание необходимости подавить насилием сопротивление эксплоататоров, готовность, уменье, решимость сделать это. А так как буржуазия, даже самая республиканская и демократическая (например, в Германии, в Швейцарии, в Америке), систематически прибегает к погромам, к линчеванию, к убийству, к военному насилию, к террору против коммунистов и на деле против всяких революционных шагов пролетариата, то при этих условиях отрекаться от насилия, от террора — значит превращаться в плаксивого мелкого буржуа, значит сеять реакционные мещанские иллюзии о социальном мире, значит — говоря конкретно — трусить рубаки-офицера.

---

[1]) Ленин, т. XIII, изд. 1924 г., стр. 397.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, т. VI, стр. 497.

[3]) Ленин, т. IV, стр. 34, изд. 1924 г.

Ибо преступнейшая и реакционнейшая империалистическая война 1914—1918 гг. воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках, именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата.

Поэтому — то отношение к террору, которое проявляют на деле в парламентских речах, в газетных статьях, во всей агитации и пропаганде немецкие независимцы и французские лонгетисты, есть фактическое полное отречение от сущности диктатуры пролетариата, есть фактический переход на позицию мелкобуржуазной демократии, есть развращение революционного сознания рабочих» [1]).

Наконец, необходимо привести еще одно высказывание Ленина по вопросу о терроре.

В брошюре «О продналоге» Ленин, касаясь вопроса о бюрократизме в учреждениях, и особенно о «злоупотреблениях примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством», говорит, что «тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно». И дальше Ленин пишет:

«Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают: «хвалю тебя, господи, за то, что я не похож на «них», что я не признавал и не признаю террора». Эти дурачки «не признают террора», ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачивания рабочих и крестьян. Эсеры и меньшевики «не признают террора», ибо они исполняют свою роль подведения масс под флагом «социализма» под белогвардейский террор. Это доказала керенщина и корниловщина в России, колчаковщина в Сибири, меньшевизм в Грузии; это доказали герои II Интернационала и Интернационала «два с половиной» в Финляндии, Венгрии, Австрии, Германии, Италии, Англии и т. д. Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистической войны 1914—1918 гг. — таковы все страны мира — без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный пролетарский террор. Средины нет, «третьего» нет и быть не может» [2]).

Таким образом, признание необходимости красного пролетарского террора является составной частью марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и неразрывно связано с необходимостью применять насилие по отношению к буржуазии и другим класовым врагам пролетариата.

Понятно, грубейшим извращением марксизма-ленинизма была бы всякая попытка ограничить понятие диктатуры пролетариата исключительно применением насилия и его составной части — террора. Тов. Сталин дает следующее определение диктатуры пролетариата:

---

[1]) Ленин, соч., т. XX, стр. 392, ГИЗ, 1926 г.

[2]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 226—227, ГИЗ, 1924 г.

«Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата» [1])

Сохраняя все эти стороны своей диктатуры во все время ее существования, пролетариат особенно выпячивает ту или иную сторону в зависимости от особенностей переживаемого периода.

В настоящий период, являющийся последним периодом нэпа, когда пролетариат перешел в развернутое социалистическое наступление по всему фронту и когда непосредственно решается задача окончательного уничтожения классов в нашей стране путем неуклонного вытеснения капиталистических элементов города, социалистической переделки с. х., превращения бедняков и середняков в колхозников и путем ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, — классовая борьба в стране, естественно, резко обостряется. А это обязывает пролетариат, наряду с усилением руководства крестьянством и строительством социализма, значительно усилить и ту сторону своей диктатуры, которая выражается в применении неограниченного законом насилия, включая и применение в необходимых случаях террора по отношению к классовым врагам.

Диалектика классовой борьбы именно такова, что уничтожение классов происходит через усиление классовой борьбы и через ее резкое обострение в такие, например, периоды, как нынешний. Признание этого, а также вытекающих отсюда задач пролетарской диктатуры, и означает «доведение до конца идеи классовой борьбы» [2]).

Только от'явленные оппортунисты, подменяющие марксистско-ленинскую диалектику механистической метафизикой могут толковать о затухании классовой борьбы в период диктатуры пролетариата и о «мирно-спокойно-свободно-веселом врастании старого свинства в новое общество» (выражение Энгельса), а в понимании т. Бухарина о мирном врастании кулака в социализм. Ленин много раз подчеркивал, что уничтожение классов может итти только через обострение классовой борьбы. Достаточно напомнить хотя бы известное место из его письма к венгерским рабочим:

«Уничтожение классов, — писал Ленин, — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [3]).

Ленинское понимание процесса уничтожения классов в нашей стране включает в себя и понимание пределов обострения классовой борьбы, а следовательно, и использования той стороны диктатуры пролетариата, которая выражается в применении насилия, и, в частности, террора в отношении классовых врагов. Полный подрыв их экономической базы, следовательно, — полное вытеснение капиталистических элементов социалистической промышленностью, госторговлей и кооперацией, доведение до конца ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации сельского хозяйства и широкое развертывание совхозов; окончательный подрыв влияния классовых врагов в госаппарате и во всех областях культуры путем замены классово-чуждых элементов рабочими и колхозниками и путем мощного развития социалистической культуры — все это приведет к значительному ослаблению, а затем и к затуханию классовой борьбы в нашей стране. Тем самым постепенно будет отмирать и насилие в отношении классовых врагов, как одна из сторон диктатуры пролетарита, будет отмирать само государство как орудие классового господства и насилия.

---

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 303, ГИЗ, 1928 г.

[2]) См. Ленин, «О диктатуре пролетариата», Ленинский сборник, т. III, стр. 503.

[3]) Ленин, т. XVI, стр. 227.

Само собой разумеется, что в отношении классовой борьбы как в современный период, так и в ближайшем будущем (до победы пролетарской революции в важнейших капиталистических странах), необходимо всегда иметь в виду роль международной буржуазии в классовой борьбе в нашей стране. Ее роль, ее связь с классовыми врагами пролетариата в нашей стране Ленин специально подчеркивает в публикуемом здесь письме к т. Курскому. О беспощадном подавлении попыток к реставрации капитализма в нашей стране, исходящих от международной буржуазии, Ленин специально говорил в докладе на IX с'езде советов, когда касался вопроса о реформе ВЧК в ГПУ.

«У них, у капиталистов и помещиков, — говорил Ленин, — остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было.

Если попытки контрреволюции будут таковы, как они были до сих пор, — а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований — то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное» [1].

Таким образом, вопрос о классовой борьбе, о необходимости подавления насилием (в том числе и террором) сопротивления классовых врагов в нашей стране Ленин теснейшим образом связывал с классовой борьбой в международном масштабе, с сопротивлением, оказываемым побеждающей социалистической революции международной буржуазией.

Этот вопрос приобретает особо важное значение в настоящее время, когда на основе растущего кризиса мирового капитализма резко обостряются все классовые противоречия в буржуазных странах и когда империалисты усиленно готовятся к вооруженному нападению на страну строящегося социализма. Своей борьбой против растущего революционного движения, своей поддержкой сопротивления классовых врагов в нашей стране, своей подготовкой к военной интервенции в СССР мировая буржуазия вынуждает пролетариат прибегать к террору, как к одному из средств самозащиты и как к одному из орудий насильственного подавления сопротивления врагов пролетарской революции. Поэтому совершенно естественно, если пролетариат прибегал и прибегает к террору сейчас, если он вынужден будет прибегнуть к нему и в грядущих классовых боях, например, при военном нападении империалистов на СССР, то лишь потому, что без террора нельзя уничтожить классов, что необходимость применения террора навязывается ему бешеным сопротивлением и террором самой буржуазии.

Ленин неоднократно подчеркивал, что красный террор имеет вынужденный характер, что он является для пролетариата нобходимым средством самозащиты и орудием подавления сопротивления классовых врагов.

...«Настоящие виновники террора, — писал Ленин в письме к английским рабочим, — империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии, в Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского, Врангеля. Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплоататоров, есть подавление сопротивления эксплоататоров» [1].

Как видно из приведенных высказываний Ленина, условием, при котором пролетариат вынужден прибегать к применению насилия и, в частности, террора по отношению к классовым врагам, является их активная борьба против пролетарской диктатуры, их сопротивление победоносному социалистическому строительству, их стремление всеми средствами добиться реставрации буржуазно-помещичьего строя.

Вот почему в настоящее время, когда классовые враги заговорами, вредительством, убийствами, поджогами и т. п. средствами пытаются сорвать наше развернутое социалистическое наступление по всему фронту, пролетарское государство должно сломить это бешеное сопротивление контрреволюции усилением насилия, применением всех видов репрессий, в том числе и террора. «Ответственность за это падает на сопротивляющихся» (Ленин) [2].

Применяя революционное насилие, революционный террор пролетариат делает это открыто, без грана того лицемерия, которое присуще буржуазии. Действуя в необходимых случаях и внесудебными методами, пролетарское государство в своем законодательстве «открыто выставляет, — как говорит Ленин в помещаемом письме, — принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы» (см., например, статью 58 действующего уголовного кодекса, специальное постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. о лицах, предающих рабочий класс и переходящих на службу буржуазии и др.).

Совершенно иначе поступает буржуазия.

Ее лакеи — социал-фашисты, попы, ученые, юристы и им подобные, поднимают неистовый вой по поводу «ужасов большевистского режима», «насилий, творимых ГПУ», «преследований священнослужителей» и т. п. (вспомним, например, печально-знаменитое выступление папы римского). А в это время буржуазия применяет чудовищный террор, сажая на электрический стул, расстреливая, вешая, бросая в тюрьмы и на каторгу десятки и сотни тысяч рабочих, крестьян, коммунистов. Применяя несравненно больший по об'ему и невиданный по жестокости террор для защиты интересов ничтожной кучки грабителей-эксплоататоров, буржуазия осмеливается осуждать террор, применяемый для защиты от ее покушений интересов трудящихся, борющихся за коммунизм, за лучшее будущее человечества.

Вот почему пролетариат на вой буржуазии по поводу применяемых им насильственных мер подавления ее сопротивления может ответить следующими словами Ленина:

«...Не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплоататоров. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплоататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет расти по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии» [3].

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 450—51, ГИЗ, 1924 г.

---

[1] Ленин, т. XVII, стр. 210.

[2] Т. XV, стр 42.

[3] Т. XV, стр. 411.

К вопросу о положении на философском фронте*)

(Резолюция Бюро ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры Философии и Естествознания, принятая 14 октября 1930 г.).

С переходом в развернутое наступление социализма на капиталистические элементы по всему фронту значительно обострилась классовая борьба. Колоссальные успехи в создании прочной индустриальной базы социалистического общества, на основе ленинской политики ВКП, успехи в деле индустриализации СССР и укрепления союза рабочего класса и бедноты с средним крестьянством против кулачества,—создали почву и обеспечили действительный и окончательный поворот основных масс крестьянства в сторону социализма.

Сплошная коллективизация и на этой основе ликвидация кулачества как класса практически ставит вопрос об окончательном уничтожении корней капитализма. Тем самым решается величайший вопрос во всей истории человечества, провозглашенный учителями рабочего класса Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» — уничтожение всякого разделения на классы, уничтожение всякой эксплоатации человека человеком.

Обострение классовой борьбы в стране проявляется и не может не проявиться и в области идеологии. Рубинщина в политэкономии, переверзевщина в литературоведении, кондратьевщина — сухановщина и т. д., — выражают собой упорное сопротивление капиталистических элементов. Влияние классового врага в области идеологии проявляется также в отвлечении теоретической мысли от практики, в отходе от решения коренных злободневных вопросов социалистического строительства.

Это и обусловило столь резкую постановку со стороны партии вопроса о необходимости решительного поворота теоретического фронта к актуальным задачам социалистического строительства, необходимость ликвидации недопустимого для революционного марксизма отрыва теории от практики.

Непонимание необходимости и существа поворота политически ничего иного не означает, как проявление оппортунизма в этих вопросах.

Бюро ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры Философии и Естествознания считает, что так наз. философское руководство до сих пор не понимает ни необходимости, ни существа поворота в области философии.

I. Период, протекший со времени философской дискуссии в ИКП и принятия бюро парт'ячейки ИКП резолюции по докладу партбюро философского отделения (см. «Правда» от 2/VIII с. г.), характеризуется дальнейшим обострением и углублением наметившихся ранее разногласий в среде философов-диалектиков. В этом отношении с исчерпывающей полнотой позиции философского руководства обнаруживает № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма». Ни по одному из основных вопросов разногласия философское руководство не проявило ни малейшего желания признать крупнейшие ошибки, допущенные ранее, не пожелало прислушаться к многочисленным голосам партийцев-философов, выступивших с самокритикой на философском фронте. Напротив, философское руководство, монопольно используя страницы журнала «Под Знаменем Марксизма», всей силой своего авторитета обрушивается на всякого товарища, осмеливающегося на страницах партийной печати поднять голос в защиту самокритики в области философии. Беспринципный метод личной дискредитации критикующих, всякое увиливание от прямой постановки и обсуждения принципиального существа разногласий, настаивание на своих явно ошибочных позициях, нагромождение новых ошибок как общефилософского, так и политического (групповая защита троцкистских положений Карева) характера—все это сочетается с дальнейшим отрывом теоретической работы ряда философов от политики, от актуальных политических задач.

Дискуссия с рубинщиной показала весь социально-классовый смысл ухода от теоретической разработки проблем переходного периода и международного кризиса империализма. Она показала, что отставание теории от практики социалистического строительства в условиях выкорчевывания корней капитализма, наполняется враждебным классовым содержанием, приобретает определенный политический смысл, об'ективно направленный, в конечном счете, против диктатуры пролетариата.

При этих условиях дальнейшее отставание философского фронта от политики, непонимание необходимости и задач поворота, наоборот, упорное ему сопротивление и противодействие в новом свете характеризует нынешнюю линию философского руководства и грубейшие ошибки, допущенные ранее. Каждый шаг вперед в социалистическом строительстве, каждый шаг развернутого наступления социализма на капиталистические элементы по всему фронту — является лучшим испытанием для революционной теории и особенно ярко вскрывает все недостатки, все гнилое, все неленинское, что было на прошлом этапе философского развития.

II. Без правильной оценки предыдущего этапа не может быть правильного понимания перспектив развития философской мысли.

Нельзя дать верную оценку прошлого этапа развития, если предварительно не освободиться от ошибочного взгляда, который имеет место в работах тт. из так наз. философского руководства и состоит в том, что эти тт. отожествляют развитие философской коммунистической мысли с работами определенной группы философов (Деборин, Карев, Стэн и др.). Развитие философской коммунистической мысли за последний период, прежде всего, характеризуется такими вновь опубликованными работами, как «Диалектика природы» Энгельса, работы Маркса, философские работы Ленина и—в первую очередь—мастерским применением материалистической диалектики нашей партией, ее Центральным Комитетом. Величайшее теоретическое значение, с точки зрения марксистско-ленинской диалектики, имеют решения XVI партс'езда о новом соотношении классов в стране, о превращении середняка, вступившего в колхоз, из союзника пролетариата в опору диктатуры пролетариата, о сплошной коллективизации и—на ее основе—ликвидации кулачества как класса. Особенно большое значение в разработке ленинского теоретического наследства имеют работы Сталина. К числу актуальных проблем материалистической диалектики, разработанных тов. Сталиным, относится дальнейшее развитие ленинского учения о звене (проблема соотношения особенного и всеобщего), о единстве противоположностей, о возможности и действительности, о соотношении теории и практики и т. д.

На этих образцах действительного применения материалистической диалектики необходимо воспитывать новые теоретические кадры. Решения партии необходимо брать за образец того, как надо сочетать революционную теорию с революционной практикой.

Этого не понимали и до сих пор не понимают тт. из так наз. философского руководства. Если они недооценили всего значения Ленина как теоретика (Дебо-

---

*) Редакция «Большевика» признает правильными основные положения резолюции бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е. от 14 октября 1930 г. «К вопросу о положении на философском фронте».

рин), то роли ЦК партии, как теоретического центра, они не поняли. Высшим критерием марксистской ортодоксальности они считают свои собственные писания.

III. Основные задачи философской коммунистической мысли и пути их разрешения были указаны Лениным еще в начале 1922 года в его письме в редакцию «П. З. М.» «О значении воинствующего материализма». Центральной задачей Ленин ставил разработку материалистической диалектики, изучение и материалистическую переработку Гегеля, на примерах империалистической войны и революции Только на основе разработки материалистической диалектики Ленин считал возможной успешную борьбу с различными видами идеализма, вульгарного материализма, преодоление буржуазного мировоззрения. Здесь же Ленин выдвигает задачи борьбы с различными буржуазными, мелкобуржуазными социально-политическими взглядами, а также со всякого рода поповщиной. Ленин требует от марксистов-философов применения материалистической диалектики в естествознании и подчинения его методологическому руководству марксизма. При разработке материалистической диалектики Ленин особенно настаивает на необходимости критического, в духе работ Маркса и Энгельса, овладения гегелевским наследством.

Непосредственно философская работа в нашей стране за прошлый период в ряде областей велась, в общем, в направлении, указанном Лениным. Для понимания степени действительной близости линии философского руководства к установкам Ленина, для понимания достижений на прошлом этапе, а вместе с тем и существенных недостатков и ошибок, необходимо понимание тех традиций, с которыми приходили к ленинизму нынешние руководители этого движения. Уже ранние работы т. Деборина, представлявшего собой в дореволюционный период видного ученика Плеханова-философа, носят на себе печать аполитичности и формализма (см. его «Введение в философию диалектического материализма»). Проявляя самостоятельный интерес к методологическим вопросам марксизма, т. Деборин обнаружил после Октября и, особенно, за время борьбы с механистами, способности роста и движения вперед в сторону ленинизма. Вместе с тем т. Деборин унаследовал от Плеханова ряд ошибочных положений и традиций, выражающих как-раз те стороны Плеханова как философа-марксиста, которые подверглись особой критике Ленина (напр., переоценка философского значения и роли Фейербаха для марксизма, недостаточное понимание соотношения теории и практики, созерцательность, разрыв между общими писаниями о диалектике и ее применением и т. п.). Все эти обстоятельства не могли не отразиться на ряде философских работ т. Деборина на прошлом этапе.

Было бы нелепо, однако, отрицать большие достижения философской мысли за прошлый период. Об'ектом и общим содержанием философской работы в это время стали уяснение, защита, разработка и пропаганда материалистической диалектики в ее наиболее общей форме. Работа философов-диалектиков велась за прошлый период по следующим четырем направлениям: 1) пропаганда диалектического материализма, как всеобщей методологии общественных и естественных наук; 2) преимущественно пропаганда, а также первые шаги в деле применения диалектического материализма как методологии естествознания; 3) разработка вопросов генезиса диамата и широкое в связи с этим изучение диалектики Гегеля, а также разработка истории материализма и 4) преодоление механистического материализма, механистической ревизии марксизма в наших рядах.

Во всех этих областях на прошлом этапе развития линия философского руководства в основном была правильной. Особенно важное значение имела борьба с механистами, отражающими в своих выступлениях упорное и длительное сопротивление значительной части буржуазных естественно-научных кругов проникновению в естествознание марксистско-ленинской методологии. Нет никакого сомнения, что борьба с механистами содействовала широкой популяризации основ диалектического материализма, нанесла значительный удар по деляческим ползуче-эмпирическим настроениям в известных прослойках партии.

Отрицание этого, как это имеет место, напр., у тов. Дмитриева, утверждающего, что линия философского развития на прошлом этапе была вообще неправильной, без сомнения, угрожало бы опасностью значительного усиления механистов, подорвало бы решения второй конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, квалифицировавшей механистическое течение, как течение ревизионистское.

IV. Однако, заслуги в прошлом ни в какой мере не должны заслонять факта, что значительная часть философского завещания Ленина не была выполнена, не должны заслонять существенных недостатков и ошибок прошлого движения, тем более, что эти ошибки и недостатки являются в настоящее время значительным препятствием в деле окончательного преодоления механистов и развертывания положительной философской работы. Эти ошибки и недостатки сводятся в общем к следующему:

а) Коренным пороком философского руководства является недооценка значения Ленина в развитии диалектического материализма, непонимание того, что ленинская философия представляет собою новую и высшую ступень в этом развитии Философские работы Ленина представляют собой наиболее последовательное и ортодоксальное развитие взглядов Маркса и Энгельса. В связи с этим философское руководство неправильно ставит вопрос о соотношении между Лениным и Плехановым как философами-марксистами, и систематически затушевывает недостатки и ошибки Плеханова в области философии, стоявшего на позициях диалектического материализма, но допускавшего ряд ошибок и делавшего уступки вульгарному материализму.

Больше того, со стороны т. Деборина мы имеем прямую защиту Плеханова от критики Ленина в вопросах иероглифической теории познания (см. Деборин, «Ленин как мыслитель») и в корне неверную, не партийную оценку Ленина как практика в отличие от Плеханова как теоретика. Попытка представить совокупность философских работ Плеханова только и просто как об'ективное отражение определенной фазы в интернациональном социалистическом движении (Деборин), замалчивание того факта, что эти работы Плеханова не стоят изолированно от его общеполитических меньшевистских взглядов,—все эти попытки имеют единственной целью оправдание пороков философской деятельности Плеханова, якобы об'ективной незрелостью рабочего класса соответствующего периода. Простым опровержением этих рассуждений является философия Маркса и Энгельса. Ошибочной также является попытка представить различие между Лениным и Плехановым только как различие в глубине понимания марксизма (Карев). Глубина понимания марксизма есть не только продукт личной талантливости вождей рабочего класса, но и продукт определенных исторических и социально-классовых условий. Нельзя забывать высоких оценок, которые давал Плеханову, как диалектическому материалисту, Ленин, но вместе с тем для правильного понимания соотношения между Лениным и Плехановым как теоретиками незыблемым остается следующее, впервые высказанное еще в начале 1924 г. тов. Сталиным, положение: «Может быть наиболее ярким выражением того значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорит, «что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решался даже серьезно приступить к выполнению такой задачи.

б) В этой связи стоят и ошибки, допущенные философским руководством в своей работе над гегелевским наследством. Признавая большие успехи, достигнутые на прошлом этапе в деле изучения Гегеля, в деле популяризации диалектики Гегеля и ее значения в подготовке марксизма—нельзя вместе с тем пройти мимо существенных ошибок, которые были допущены в этом вопросе. Сущность этих ошибок состоит в том, что гегелевская идеалистическая диалектика отождествлялась с материалистической диалектикой (Карев), в том, что признавалось, будто Гегель дает «всеисчерпывающую, реальную картину всех форм движения» (Деборин), в том, что совершенно недостаточно критиковался гегелевский идеализм, гегелевская система Ошибочным являлось также утверждение, неоднократно подчеркиваемое, что в разработке материалистической диалектики, несмотря на наличие трудов Маркса, Энгельса, Ленина—даже и в настоящее время—исходным пунктом является все же гегелевская логика (Деборин). Ошибочным явилось то, что наряду с совершенно правильным определением диалектики, давались такие характеристики, из которых следовало, что ее категории не есть просто отражение законов развития об'ективного мира, а, наоборот, они — вносят связь и закономерности в об'ективный, материальный мир (Деборин). Ошибочным надо считать также и то, что целый ряд моментов гегелевского построения логики воспринимались совершенно некритически. Тот факт, что Гегель представил в абстрактной, идеалистической, мистифицированной форме общую картину диалектического движения, ни в какой мере не дает права некритического отношения к гегелевскому наследству. Крупнейшая ошибка руководящих товарищей заключается в том, что положения Гегеля часто брались ими непосредственно, без переработки, с формальной оговоркой, что, мол, это надо понимать материалистически. Основное завещание Ленина в этом отношении: «Логику Гегеля нельзя применять в данном ее виде, нельзя брать, как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей. Это еще большая работа» (Ленинский сборник XII, стр. 205) — часто игнорировалось. В результате во многих произведениях философских руководителей явственно стала обозначаться формалистическая струя, разработка материалистической диалектики приобретала характер оперирования категориями, не связанными ни с каким конкретным содержанием.

в) В этой связи, и отчасти как результат неизжитого влияния ошибок Плеханова, стоит факт переоценки тов. Дебориным Фейербаха, прикрашивание Фейербаха под диалектического и исторического материалиста, стоят утверждения вроде: «время Фейербаха еще придет», что «марксизм—продолжение фейербахианизма», утверждение, что вопрос о практике Фейербахом решен в духе Маркса и т. п. Элементы фейербахианства, достаточно ярко проявившиеся в работе т. Деборина «Людвиг Фейербах», находятся в тесной связи с его недостаточным пониманием роли и значения «революционной практически-критической деятельности».

Нет сомнения, что в настоящее время борьба вокруг оценки философии Фейербаха означает и должна означать, в первую очередь, подлинное понимание «революционной практически-критической деятельности», ее роли и общей теории марксизма-ленинизма.

г) Значительные элементы формализма и схоластики, имеющие место в разработке материалистической диалектики тт. Дебориным, Каревым, Гоникманом, Тымянским, Дмитриевым и др., элементы фейербахианства (Деборин), несомненно, нашли отражение, прежде всего, в факте почти полного игнорирования ими работы над проблемами исторического материализма. Попытку тов. Карева выяснить соотношение диалектического материализма, истории и исторического материализма, необходимо признать совершенно неудачной, проведенной в духе выхолащивания конкретного содержания категорий исторического материализма, в духе схоластически-кантианского отрыва формы от содержания.

д) В теснейшей связи со всем этим стоит тот факт, что философское движение в нашей стране прошло мимо долго и горячо обсуждавшихся в партии вопросов классовой борьбы, социалистического строительства, смычки пролетариата и крестьянства, возможности победы социализма в одной стране и т. д. Оно не только не оказало ни малейшей помощи партии в деле борьбы с троцкизмом, не только защищало взгляды рубинщины, проповедуя их со страниц «П. З. М.», но и ничем не реагировало на протаскивание в нашей печати явно контрреволюционных буржуазных теорий Базарова, Кондратьева, Макарова, Суханова и др. Критика методологии этих контрреволюционеров, критика их махистско-идеалистических, механистических, вульгарно-эмпирических, позитивистских взглядов явилась и является теперь первейшей обязанностью диалектических материалистов.

е) Мало того. Отсутствие борьбы со стороны философских руководителей с внутрипартийными оппортунистическими течениями и откровенно буржуазными политическими и экономическими теориями в стране, отсутствие активного участия в разрешении партией практических вопросов классовой борьбы и социалистического строительства, дополнялись чрезвычайно активной и длительной антипартийной борьбой отдельных руководителей (напр., Карева), в части своих философских работ, обосновывавших взгляды оппозиционных течений — троцкизма, каменевско-зиновьевской и об'единенной оппозиции.

Нет никакого сомнения в том, что формалистическая тенденция в понимании общей методологии—со стороны философского руководства давала обоснования его практической аполитичности и, обратно,—аполитизм усиливал формалистическую тенденцию и толкал философскую мысль в схоластические тупики.

V. Нельзя никоим образом отрицать успехов, которые мы имеем на прошлом этапе в деле пропаганды диалектического материализма среди естественников, успехов, связанных с признанием руководящей роли марксистской методологии в конкретных областях естествознания. Нельзя недооценивать первых попыток применения диалектики в этих областях. Однако, и тут допущены крупнейшие ошибки: а) некритическое отношение к идеалистам-естественникам, выступавшим с критикой механистического материализма, б) прямые идеалистические шатания среди марксистов-естественников (Гессен и др.). Особенно следует отметить нагромождение ошибок, допущенных в последнее время уже в момент поворота на философском фронте и в процессе разворачивающейся дискуссии. Руководящие статьи в журн. «П. З. М.» № 5 по вопросам биологии и медицины (Агол, Левит) грешат тем, что не ставят достаточно остро вопрос о необходимости изучения наследства Маркса, Энгельса, Ленина в целях применения диалектического материализма в естествознании. Более того, Энгельса безоговорочно зачисляют в лагерь механистов-ламаркистов (Левит), а проф. Серебровский дополняет эту установку утверждением, что «весь процесс эволюции человека Энгельс представляет здесь себе как чисто физиологический процесс» («Естествознание и марксизм»).

Энгельс ставится проф. Серебровским в один ряд с Ламарком и идеалистом Бергом, о которых Серебровский тут же пишет, что они также «должны быть квалифицированы, как представители физиологизма».

Протаскивается вульгарное, механическое отожествление достижений естествознания с марксизмом и социалистическим строительством: «за или против марксизма, за или против интересов социалистического строительства, за или против новейших завоеваний теоретической биологии» (Левит); совершенно недостаточно критикуется реакционная теория проф. Серебровского, советующего выполнить пятилетку с помощью использования генфонда.

Далее, дарвинизм подменяется полностью генетикой, генетика берется, как общая методология биологии, ее содержание не детализируется с точки зрения материалистической диалектики. Имеется скатывание к идеалистической концепции автогенеза, который берется под защиту.

Общей нитью проходит проведение чуждых установок в естествознании при формальном признании материалистической диалектики. Философское руководство, вместо жестокой критики указанных извращений, их покрывает и, солидаризируясь с ними, несет за них ответственность.

VI. Недооценка и недопонимание ленинской диалектики, накопление элементов формального усвоения диалектики, не вполне изжитые традиции тех недостатков и ошибок Плеханова-философа, которые критиковались Лениным, естественно, дополнялись у философского руководства предпочтением книжного материала, формул и цитат—живой жизни, деятельности миллионов, дополнялись отрывом от широкой повседневной общественно-политической работы в рядах партии. Все это в результате неизбежно вело к замыканию теоретической философской работы в тесных рамках ограниченного круга работников, к недопущению самокритики в философских рядах; сильно задерживало широкую и массовую подготовку и выдвижение философских кадров. В результате к настоящему времени мы имеем налицо беспринципную группу покрывающих ошибки друг друга «чистых теоретиков», имеем все элементы замкнутой философской «школки», все более отрывающейся от политической жизни, борьбы партии, рабочего класса и многомиллионных трудящихся масс.

VII. Положительный факт присоединения к борьбе с механистами известной прослойки беспартийных философов, в виду всех этих условий, обнаружил к настоящему времени все свои отрицательные стороны. Небольшая группка руководящих философов-диалектиков оказалась обросшей элементами, частью вообще ничего общего не имеющими с интересами партии, частью далеко не выдержанными и неустойчивыми партийцами. В результате—формализм, имеющийся в произведениях философов-руководителей, оказался дополненным довольно значительной ревизионистской, формалистической, схоластической литературой (Асмус и др.).

VIII. В условиях нового этапа социалистического строительства и обострения классовой борьбы, в свете новых философских работ Маркса, Энгельса и Ленина—все отдельные существенные ошибки философского движения на прошлом этапе, усугубляемые их беспринципной защитой со стороны философского руководства, нагромождением новых ошибок, идущих в том же направлении, непониманием необходимости и существа поворота на теоретическом фронте, упорным сопротивлением повороту, зажимом самокритики, антипартийностью поведения ряда философов-руководителей,—об'ективно увязываются в систему ошибок. *Это свидетельствует о том, что в философских рядах на данном этапе развития, кроме механистической ревизии материалистической далектики, сложился формалистический, с большой примесью эклектики, уклон, представляющий, по своему внутреннему существу, процесс отхода ряда философов-диалектиков от позиций диалектического материализма и ведущий в конечном счете к идеалистической ревизии марксизма.* Этот уклон, представляющий собой форму проявления мелкобуржуазного влияния на отдельные, недостаточно устойчивые, слои научных работников-коммунистов, становится существенным препятствием как в деле борьбы с идеализмом, так и в деле преодоления механистического течения, являющегося в настоящее время теоретической базой откровенного оппортунизма, так и в дальнейшей положительной философской работе. Формалистический уклон усиливает механистов, развязывает им руки, способствует попыткам их реабилитации, а вместе с тем питает экстремистские, по существу, эклектические и примиренческие к механицизму тенденции части философов (Дмитриев и др.), стремящихся огульно дискредитировать достижения прошлой философской работы. Формалистический уклон и примиренчество к нему, выражающееся в отрицании принципиального характера нынешних философских разногласий, в сведении этих разногласий к организационным вопросам и т. д.,—ослабляет позиции диалектических материалистов в борьбе с теоретическими (эклектическими, механистическими) основами откровенного оппортунизма, являющегося в настоящее время главной опасностью.

IX. Исходя из всего этого, задачами философского движения на ближайший период являются:

1. Действительное изучение, разработка и пропаганда философского наследства Ленина, особенно его работ по диалектике в связи с изучением как всех произведений Маркса, Энгельса и Ленина, так и новых явлений мирового кризиса капитализма, победоносного строительства социализма и развернутого социалистического наступления по всему фронту в нашей стране. Совершенно несостоятельным, абстрактным, не отражающим условий и потребностей нового этапа в развитии революции надо признать выдвигаемое ныне философским руководством требование разработки материалистической диалектики вообще, без учета конкретного содержания этой работы, ее решающего направления, ее первейших насущных задач и целей, связанных с непосредственной практикой социалистического строительства.

2. Разработка теории материалистической диалектики остается главной задачей в настоящее время. Кто этого не понимает, подобно механистам и примиренцам к ним, тот не понимает важнейшей стороны ленинского философского завещания.

Материалистическая диалектика представляет собой могучее теоретическое оружие для познания и практического изменения «старого мира», перестройки всей общественной структуры, оружие правильной и научно-построенной тактики и политики. Диалектика—это теоретическое оружие, при помощи которого партия пролетариата получает возможность правильного понимания действительности и революционного ее изменения.

Задача разработки теории материалистической диалектики приобретает как-раз *особую актуальность* на данном этапе пролетарской революции. Это связано с тем, что именно теперь мы имеем особенно быстрый рост социализма, громадные классовые сдвиги, которые ведут к окончательной победе социализма.

Особую актуальность имеет разработка теории материалистической диалектики также и потому, что мы стоим перед задачей марксистской переделки всей науки, естествознания, техники, переработки ее с точки зрения материалистической диалектики.

Общая постановка задачи разработки материалистической диалектики, в свое время совершенно правильно заостренная против огульного отрицания диалектики механистами, в настоящее время должна быть дополнена требованиями такой ее разработки, которая исключала бы возможность как механистической дискредитации этой работы, так и формалистических ее извращений, и обеспечивала бы максимально тесную связь работы над материалистической диалектикой, как «философской наукой» (Ленин), с повседневной практикой социалистического строительства и классовой борьбы.

При разработке теории материалистической диалектики нужно исходить из ленинских указаний по этому вопросу. Ленин указывает, что диалектика, как «философская наука», должна быть создана на основе всей совокупности человеческого знания. «История отдельных наук, история умственного развития ребенка, животных, история языка, психология, физиология органов чувств—кратко, история познания вообще, вся область знания—вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (Ленин).

Философское руководство, правильно подчеркивая эти положения, забывает другие указания Ленина, которые не только не противоречат указанным положениям, а, наоборот, их развивают и конкретизируют.

«Опираясь на то, *как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля*, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений

Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя, образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много» (Ленин).

Нужно повести борьбу с опасностью сузить базу материалистической диалектики, сведя ее только к задачам изучения текущего момента. Такого рода ползучему эмпиризму необходимо давать решительный отпор, так как он ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Однако, не менее решительный отпор должен быть дан тем, кто подобно философскому руководству, общими разговорами «о всей совокупности человеческого знания» пытается отделаться от актуальных проблем переходного периода, от конкретных вопросов и практики социалистического строительства.

3. Разработка проблемы: Ленин и Плеханов, как философы-марксисты. Необходимо подвергнуть специальному исследованию связь и взаимодействие философских и политических работ Плеханова с точки зрения ленинского решения вопроса о соотношении теории и практики. Особенное внимание при этом необходимо обратить на тенденцию, с одной стороны, недооценки Ленина как высшей, по сравнению со всем предшествующим периодом, ступенью в развитии диалектического материализма и, с другой стороны, попыткой огульного метафизического отрицания исторических заслуг Плеханова—диалектика-материалиста, высоко оцененных Лениным, недооценки положительного содержания многих его философских работ на том основании, что он якобы «буржуазный демократ», и т. д. С таким неисторическим, софистическим, глубоко вредным подходом необходимо вести решительную борьбу.

4. Одной из важнейших задач при разработке материалистической диалектики является изучение богатейших успехов современного естествознания, проникновение диалектического материализма во все области естественных наук. Необходимо повести борьбу с получившим широкое распространение среди естественников—явлением: формальным признанием диалектики, механическим склеиванием «диалектических формул» и конкретного материала естествознания. Этому глубоко вредному явлению, дискредитирующему позиции диалектического материализма в области естествознания, необходимо противопоставить такую работу, когда диалектика становится действительным орудием и методом научного познания.

Проникновение диалектического материализма в естествознание возможно только на основе усиленной борьбы с реакционными, идеалистическими, поповскими взглядами, протаскиваемыми буржуазными учеными в науку.

5. Борьба с извечным и коренным врагом марксизма—идеализмом должна быть решительной и беспощадной. Необходимо постоянно помнить, что все формы отклонения и ревизии марксизма в конечном счете суть проявление влияния коренного врага марксизма—идеализма. Поэтому, ведя решительную борьбу с механистической ревизией, как главной опасностью, и борясь с формалистическим искажением материалистической диалектики в собственных рядах, вместе с тем основной удар во всей нашей работе мы должны направить против идеализма во всех его формах и проявлениях.

6. Одной из важнейших задач перед теоретическим фронтом стоит оказание реальной помощи в теоретической работе нашим братским компартиям. Особо важной задачей в этой области является борьба с социал-демократической ревизией марксизма, в частности, критика последних работ Каутского, подменяющего марксизм вульгарным позитивизмом. Теоретический фронт СССР должен оказать непосредственную помощь братским компартиям в овладении ими огромным теоретическим наследством Ленина.

7. Бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е. решительно подчеркивает, что механистическая опасность является в настоящее время главной, так как механицизм, прежде всего, является методологией правого оппортунизма. Поэтому борьба с механистами ни в коей мере не должна прекращаться. Наоборот, необходимо ее всемерно усилить и ни на одну минуту не прекращать разоблачение механистов, под каким бы видом и в какой бы форме они ни выступали.

Необходимо отметить, что оживление механистов, имевшееся за последнее время их выступления в «Безбожнике», «Антирелигиознике» и др., не получившие никакого отпора со стороны философского руководства, об'ективно являются не чем иным, как одной из форм оживления правооппортунистических идей.

На настоящем этапе социалистического строительства критика механистов, борьба с ними должна носить более глубокий, чем до сих пор, характер. Эта критика наряду с общими вопросами теории марксизма, наряду с критикой механистов в общих вопросах естествознания должна опираться на богатый конкретный материал как естественных наук, так и опыта социалистического строительства.

Бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е. важнейшей политической задачей считает систематическую и глубокую критику работ Бухарина. В частности, надо специальной задачей поставить всестороннюю критику «Теории исторического материализма» Бухарина. Наряду с этим должна быть начата работа по созданию выдержанного учебника по диалектическому материализму.

8. Крайне настоятельной является работа над проблемами исторического материализма. В первую очередь, здесь необходимо сосредоточить внимание на изучении основных категорий исторического материализма, как они проявляются в условиях диктатуры пролетариата и, в частности, в реконструктивный период (проблема классов, производительные силы и производственные отношения и т. д.).

9. Необходимым моментом в философской работе должна стать борьба за генеральную линию партии, борьба со всякого рода уклонами от этой линии—в первую очередь с откровенно оппортунистическим уклоном, смыкающимся с контрреволюционной, реставраторской идеологией Кондратьева—Суханова, а также всестороннее разоблачение методологических корней троцкизма и «левых» загибов и примиренчества к ним.

10. Необходимо совершенно по-новому, в противоположность оппортунистической, деляческой постановке проблемы кадров (ставка на работоспособность вообще, см. передовую «П. З. М.» № 2—3 1930 г.), поставить проблему подготовки философских кадров в соответствии с требованиями реконструктивного периода. Одним из важнейших условий этого является реализация поворота во всей работе ИКП Ф. и Е.

11. И, наконец, популяризация и пропаганда марксистско-ленинской философии должны приобрести неизмеримо больший по сравнению с прошлым размах как по об'ему охватываемых ею масс, так и по количеству пропагандистов-философов и по об'ему и качеству выпускаемой литературной продукции, многочисленности и регулярности постановки философских докладов, командировок в провинцию и т. д. Необходимо оживить и усилить работу организаций ОВМД, пересмотреть повестку дня философской конференции и обеспечить созыв ее не позже весны 1931 года. Необходимо обеспечить работу групп содействия соответствующими планами работ, литературой, руководящими кадрами, докладами и т. д. и т. п. Надо ускорить перестройку программ и постановки учебной работы по диалектическому материализму в основных научно-исследовательских учреждениях и вузах, подготовляющих философские кадры. Необходимо добиться, чтобы журнал «Революция и Культура» действительно стал массовым, популярным, общетеоретическим, боевым, гибким, максимально подвижным пропагандистом ленинской диалектики, условием чего является регулярное интенсивное участие в его работе широких философских кадров.

Необходимо добиться перестройки работы журнала «Под Знаменем Марксизма» переименовав его в журнал «Под Знаменем Марксизма-Ленинизма», создания вокруг него широкого актива философов-марксистов, оживления его работы и его политической актуализации.

12 Широкое развертывание самокритики на философском фронте, как основной метод дальнейшей работы, как форма наиболее быстрого роста философских кадров, как гарантия против опасности групповщины, «школок» и т. п., вместе с тем, как условие сплочения всей массы теоретических работников и плодотворной коллективной их работы.

Лозунг партийности философии должен во всей работе на философском фронте стать руководящим Необходимо в ближайшее время особо заняться специальным изучением этого вопроса, как его ставил Ленин.

Спор о необходимости поворота на философском фронте должен быть окончен Вся энергия, все силы должны быть приложены к тому, чтобы на основе ясной принципиальной позиции поворот реализовать на деле.

Бюро константирует, что наличие новых учебных планов и программ в работе ИКП Ф и Е., постановка вопроса о производственной практике в основном создают условия для планирования научной работы в соответствии с задачами поворота.

Бюро ячейки считает необходимым в ближайшее время в ИКП Ф. и Е. поставить ряд докладов для партактива и научных работников по важнейшим проблемам, особенно связанным с изучением и разработкой ленинского философского наследства; поставить также ряд открытых заседаний семинаров, на которых разрабатываются актуальные проблемы переходного периода

В ближайшее время при ИКП необходимо организовать вечерний рабочий антирелигиозный университет, обслужив его силами ИКП Ф. и Е.

Бюро ячейки осуждает полное игнорирование данного заседания бюро со стороны преподавателей ИКП Ф. и Е. из так называемого философского руководства.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Об основных моментах развития ВКП (б).

(О статье А. С. Бубнова «ВКП (б)» в БСЭ, т. XI).

Статья тов. Бубнова «ВКП(б)» наряду с недавно вышедшей стенограммой совещания по преподаванию ленинизма, истории партии и Коминтерна послужит толчком к развернутому обсуждению основных вопросов истории партии и в частности вопросов методологии истории партии. В этом плане и следует рассматривать работу тов. Бубнова. Одной из важнейших проблем, подлежащих разработке, несомненно, является проблема закономерности в развитии партии и вопрос о периодизации истории ВКП(б). По существу, это один вопрос, ибо дать законченную периодизацию исторического развития ВКП нельзя без того, чтобы не проследить «последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей» (Энгельс).

Вся сложность и трудность периодизации истории ВКП проистекает оттого, что в одном плане-схеме нужно охватить все богатство изумительной по своему всемирно-историческому размаху многогранной деятельности партии, ее программы, тактики и организации в изменяющейся международной и внутренней экономической и политической обстановке. Познать закономерности истории развития партии и установить на основе определенного принципа соответствующую периодизацию, которая отразила бы диалектику исторической действительности, такова задача исследователя.

Для тов. Бубнова «история нашей партии есть история грандиознейшей маневренной войны». История партии не может быть сведена к изложению фактов, к описанию развития партии, она должна явиться анализом этого развития, обнаружением его закономерностей, она требует, чтобы давалась «философия истории» [1]).

В связи со сдвигами в экономике и политике внутри страны и в области международной, в связи с ходом классовой борьбы изменяется тактика и организационное строительство партии. Можно ли, однако, сделать отсюда вывод, что никакой особой периодизации истории партии, которая не покрывалась бы периодизацией истории классовой борьбы и революционного движения, не может быть. Это возможно было бы лишь в том случае, если бы партия являлась простым регистратором исторических событий, мягким воском, из которого стихия истории лепит все, что угодно. Но дело обстоит не так. Партия делает историю, и сила ее воздействия на исторический процесс, об'ективный ход которого определяет победу пролетариата, зависит от правильности ее политики, революционной энергии и инициативы, силы и глубины связи с массами не только пролетариата, но и всех трудящихся. История партии глубоко своеобразна, не растворима в общеисторическом процессе. Партия, будучи сознательной выразительницей бессознательного процесса революционного развития, представляет могущественный самостоятельный фактор исторического действия.

---

[1]) А. Бубнов. «Основные вопросы истории РКП». 1925, стр. 46.

Нужно, однако, отбросить теории, изображающие партию как надисторический, сверхисторический фактор, точно так же как и хвостистские теории, растворяющие партию в общеисторическом процессе. По этому пути и идет тов. Бубнов. Тов. Бубнов делит историю партии на следующие основные периоды: 1) партия в эпоху царизма до начала буржуазно-демократической революции (70 годы—от народничества к марксизму,—группа «Освобождение Труда»—1883 г.), 2) партия в эпоху буржуазно-демократической революции (1903—1917); 3) партия в эпоху пролетарской революции (1917 до XV с'езда партии). Не получается ли здесь сведение периодизации истории партии к периодизации истории русской революции? Отнюдь нет. Ибо на этих трех этапах развития русской революции глубоко изменялась стратего-тактическая установка партии, ее политическая и организационная деятельность, развивались ее программно-теоретические воззрения. Деление тов. Бубнова дает не только внешнюю картину развития партии, но и внутреннюю. Статья тов. Бубнова по своему содержанию дает картину маневренной войны партии против ее классовых врагов, но вместе с тем и мобилизации собственных сил авангарда, сил самого рабочего класса и его резервов в этой войне, дает изображение внутреннего ее развития, не стирая специфических черт этих этапов, тактических поворотов в развитии партии в течение каждого такого основного стратегического отрезка генеральной ленинской линии партийного развития.

Очень важно определить историческое значение каждого такого основного отрезка в развитии партии, представляющей процесс слияния революционного марксизма-ленинизма с движением пролетариата.

Как подчеркивал Ленин в статье «Исторические судьбы учения К. Маркса», в развитии марксизма—в соответствии с диалектикой исторического развития—выпячивается то одна, то другая сторона его. Ленинизм не явился на свет готовым, он глубоко чужд всякой метафизике. В развитии ленинизма как теории и тактики пролетарской революции наблюдаются крупнейшие повороты и «скачки», но, как правильно подчеркивает тов. Бубнов,—это есть внутренне-единый процесс,—каждый предыдущий период подготовляет последующий.

Каково же содержание деятельности и борьбы партии? Первый период—эпоха «возникновения и организации социал-демократии до буржуазной революции, программно-теоретическое и организационное формирование партии в период подготовки революции, подготовки к решению ближайшей исторической задачи—задачи не только российского, но и международного значения—свержения помещичьего самодержавия. Второй период—реализация первой части генерального стратегического плана—свержение царизма, борьба за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, оформление большевизма как особой революционной партии пролетариата, массовой рабочей партии, которая в третий период выступает как партия, осуществляющая диктатуру пролетариата и строящая социализм, как партия, закладывающая основу бесклассового общества и тем самым ведущая к «отмене» самой себя в этом обществе. Диалектика требует того, чтобы в каждом данном этапе установить связь с прошлым и тенденции будущего. Тов. Бубнов и дает такую монистическую, диалектическую картину развития партии. Устанавливаемые им три периода соответствуют в области экономической переходу от крепостничества к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Нередко делаются возражения, что такое деление на три периода ничего не дает, ибо оно слишком обще. С этим, однако, нельзя согласиться. Каждый из этих трех периодов связан с этапами борьбы за революционную диктатуру: сначала—демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а затем—социалистическую диктатуру пролетариата.

Каждому из крупных отрезков истории соответствуют основные лозунги, значимые для целой эпохи в развитии рабочего движения. Забыть это значит не уметь подняться до широкого исторического обобщения, за деревьями отдельных, правда, крупных тактических поворотов не видеть борьбы за реализацию основного стратегического плана партии, направленного к борьбе за диктатуру пролетариата и коммунизм.

Наряду с основной периодизацией тов. Бубнов дает более детальную, в основу которой он кладет специфические организационно-тактические моменты в деятельности партии, являющиеся составной частью реализации большого стратегического плана.

1884—1894 гг.—«возникновение и упрочение теории и программы социал-демократии» (Ленин). 1894—1898 гг.—социал-демократия выступает как политическая партия, имеющая всероссийское значение. 1898—1903 гг.—борьба с кустарничеством и конструирование партии на основе организационных принципов старой «Искры». 1902—1905 годы «подготовки революции». 1905—1907 гг.—борьба за гегемонию в революции, развертывание основных тактических принципов большевизма. 1908—1910 гг.—борьба за партию против ликвидаторства справа и «слева». 1911—1914 гг.—выход большевизма, как вполне оформившейся партии пролетариата, на арену широкого массового революционного движения. 1914—17 гг.—сплочение вокруг ленинизма передовых элементов не только российского, но и международного пролетариата, закладывание фундамента будущего Коммунистического Интернационала. Партийное развитие в период диктатуры пролетариата т. Бубнов характеризует следующими задачами: 1) завоевание власти, 2) выход из империалистической войны, 3) организация управления страной, 4) организация военного отпора вооруженным силам буржуазно-помещичьей контрреволюции и 5) социалистическая организация народного хозяйства—восстановительный и реконструктивный периоды нэпа.

Эта периодизация, данная тов. Бубновым, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке и уточнении, особенно в отношении советского периода, но, в общем, т. Бубнов стоит на правильном пути.

Глубоко правилен вывод, который делает тов. Бубнов из анализа развития большевизма в борьбе с врагами внутри рабочего движения: «на протяжении почти всей эпохи буржуазно-демократической революции в России большевизм существовал как самостоятельная и организационно-оформленная революционно-пролетарская партия». (БСЭ, т. XI, стр. 471).

Большая работа должна быть проделана исследователями для того, чтобы показать, как исторически подготовлялся большевизм, ленинизм, как складывались элементы партии, унаследовавшей лучшие традиции революционной социал-демократии (здесь вполне правильно и уместно говорить об элементах будущей ленинской партии до раскола в рядах РСДРП).

ском процессе. Партия, будучи сознательной выразительницей бессознательного процесса революционного развития, представляет могущественный самостоятельный фактор исторического действия.

Нужно, однако, отбросить теории, изображающие партию как надисторический, сверхисторический фактор, точно так же как и хвостистские теории, растворяющие партию в общеисторическом процессе. По этому пути и идет тов. Бубнов. Тов. Бубнов делит историю партии на следующие основные периоды: 1) партия в эпоху царизма до начала буржуазно-демократической революции (70 годы—от народничества к марксизму,—группа «Освобождение Труда»—1883 г.), 2) партия в эпоху буржуазно-демократической революции (1903—1917); 3) партия в эпоху пролетарской революции (1917 до XV с'езда партии). Не получается ли здесь сведение периодизации истории партии к периодизации истории русской революции? Отнюдь нет. Ибо на этих трех этапах развития русской революции глубоко изменялась стратего-тактическая установка партии, ее политическая и организационная деятельность, развивались ее программно-теоретические воззрения. Деление тов. Бубнова дает не только внешнюю картину развития партии, но и внутреннюю. Статья тов. Бубнова по своему содержанию дает картину маневренной войны партии против ее классовых врагов, но вместе с тем и мобилизации собственных сил авангарда, сил самого рабочего класса и его резервов в этой войне, дает изображение внутреннего ее развития, не стирая специфических черт этих этапов, тактических поворотов в развитии партии в течение каждого такого основного стратегического отрезка генеральной ленинской линии партийного развития.

Очень важно определить историческое значение каждого такого основного отрезка в развитии партии, представляющей процесс слияния революционного марксизма-ленинизма с движением пролетариата.

Как подчеркивал Ленин в статье «Исторические судьбы учения К. Маркса», в развитии марксизма—в соответствии с диалектикой исторического развития—выпячивается то одна, то другая сторона его. Ленинизм не явился на свет готовым, он глубоко чужд всякой метафизике. В развитии ленинизма как теории и тактики пролетарской революции наблюдаются крупнейшие повороты и «скачки», но, как правильно подчеркивает тов. Бубнов,—это есть внутренне-единый процесс,—каждый предыдущий период подготовляет последующий.

Каково же содержание деятельности и борьбы партии? Первый период—эпоха «возникновения и организации социал-демократии до буржуазной революции, программно-теоретическое и организационное формирование партии в период подготовки революции, подготовки к решению ближайшей исторической задачи—задачи не только российского, но и международного значения—свержения помещичьего самодержавия. Второй период—реализация первой части генерального стратегического плана—свержение царизма, борьба за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, оформление большевизма как особой революционной партии пролетариата, массовой рабочей партии, которая в третий период выступает как партия, осуществляющая диктатуру пролетариата и строящая социализм, как партия, закладывающая основу бесклассового общества и тем самым ведущая к «отмене» самой себя в этом обществе. Диалектика требует того, чтобы в каждом данном этапе установить связь с прошлым и тенденции будущего. Тов. Бубнов и дает такую монистическую, диалектическую картину развития партии. Устанавливаемые им три периода соответствуют в области экономической переходу от крепостничества к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Нередко делаются возражения, что такое деление на три периода ничего не дает, ибо оно слишком обще. С этим, однако, нельзя согласиться. Каждый из этих трех периодов связан с этапами борьбы за революционную диктатуру: сначала—демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а затем—социалистическую диктатуру пролетариата.

Каждому из крупных отрезков истории соответствуют основные лозунги, значимые для целой эпохи в развитии рабочего движения. Забыть это значит не уметь подняться до широкого исторического обобщения, за деревьями отдельных, правда, крупных тактических поворотов не видеть борьбы за реализацию основного стратегического плана партии, направленного к борьбе за диктатуру пролетариата и коммунизм.

Наряду с основной периодизацией тов. Бубнов дает более детальную, в основу которой он кладет специфические организационно-тактические моменты в деятельности партии, являющиеся составной частью реализации большого стратегического плана.

1884—1894 гг.—«возникновение и упрочение теории и программы социал-демократии» (Ленин). 1894—1898 гг.—социал-демократия выступает как политическая партия, имеющая всероссийское значение. 1898—1903 гг.—борьба с кустарничеством и конструирование партии на основе организационных принципов старой «Искры». 1902—1905 годы «подготовки революции». 1905—1907 гг.—борьба за гегемонию в революции, развертывание основных тактических принципов большевизма. 1908—1910 гг.—борьба за партию против ликвидаторства справа и «слева». 1911—1914 гг.—выход большевизма, как вполне оформившейся партии пролетариата, на арену широкого массового революционного движения. 1914—17 гг.—сплочение вокруг ленинизма передовых элементов не только российского, но и международного пролетариата, закладывание фундамента будущего Коммунистического Интернационала. Партийное развитие в период диктатуры пролетариата т. Бубнов характеризует следующими задачами: 1) завоевание власти, 2) выход из империалистической войны, 3) организация управления страной, 4) организация военного отпора вооруженным силам буржуазно-помещичьей контрреволюции и 5) социалистическая организация народного хозяйства—восстановительный и реконструктивный периоды нэпа.

Эта периодизация, данная тов. Бубновым, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке и уточнении, особенно в отношении советского периода, но, в общем, т. Бубнов стоит на правильном пути.

Глубоко правилен вывод, который делает тов. Бубнов из анализа развития большевизма в борьбе с врагами внутри рабочего движения: «на протяжении почти всей эпохи буржуазно-демократической революции в России большевизм существовал как самостоятельная и организационно-оформленная революционно-пролетарская партия». (БСЭ, т. XI, стр. 471).

Большая работа должна быть проделана исследователями для того, чтобы показать, как исторически подготовлялся большевизм, ленинизм, как складывались элементы партии, унаследовавшей лучшие традиции революционной социал-демократии (здесь вполне правильно и уместно говорить об элементах будущей ленинской партии до раскола в рядах РСДРП).

Основная установка в истории партии и периодизация, данные тов. Бубновым, имеют плодотворное значение для научной разработки ленинской истории партии. Это большевистская установка. Но нужно все же полностью отрешиться от той установки, которая была в старых статьях тов. Бубнова и которая оставляет лазейку для теории мало связанных периодов истории партии, если хотите,—трех партий... «В неустанной борьбе с меньшевиками, ликвидаторами и социал-шовинизмом,—говорит тов. Бубнов,—возникает, складывается и оформляется большевистская партия, которая продолжает революционное дело социал-демократической партии и закладывает фундамент коммунистической партии» [1]).

Не затушевывается ли при этом невольно монистичность и монолитность истории большевизма с момента выступления Ленина на арене рабочего движения до нынешних дней? Нет ли здесь увлечения терминологической стороной вопроса?

Тов. Бубнов дает правильную в основном и главном периодизацию единого процесса, однако, нельзя согласиться с точкой зрения тов. Бубнова, развиваемой в последней статье—о том, что весь предоктябрьский период являлся «не чем иным, как подготовлением элементов (!) такой пролетарской партии, которая на деле смогла бы непосредственно руководить классовой борьбой пролетариата в эпоху переходную от капитализма к социализму» (БСЭ, т. XI, стр. 17).

Правильно делает тов. Бубнов, когда подчеркивает огромнейшее принципиальное значение прихода партии к власти в период диктатуры пролетариата, знаменующий высший момент развития пролетариата как класса «для себя», но все же не следует недооценивать значения дооктябрьского периода. К октябрю 1917 года партия в идейном, организационном и тактическом отношении была вполне подготовлена к осуществлению диктатуры пролетариата и строительству социализма. Мало сказать, что были подготовлены лишь элементы такой партии.

Дело, однако, не только в этом, а и в том, что зарождение большевизма, образование элементов его тов. Бубнов ставит в прямую связь и зависимость именно от того, что «конец 90-х и начало 900-х годов были годами зарождения элементов монополистического капитализма», тем, что «Россия, только что поднявшаяся до промышленного капитализма, начала поворачивать в сторону финансового капитализма» (стр. 25, 27).

Появлению и развитию элементов финансового капитала в России соответствует, по тов. Бубнову, одновременное формирование элементов будущей коммунистической партии. Тов. Бубнов дает довольно полную картину обстановки, в которой вырос и развивался большевизм, но это ему не мешает несколько механистически связывать отдельные шаги большевизма, ленинизма с развитием элементов финансового капитала. Принципиально правильно связывать этапы развития большевизма с этапами развития империализма во всем мире и в России, беря вопрос в целом на крупных исторических отрезках. В этом отношении исследователям предстоит большая работа, но нет ли здесь со стороны т. Бубнова некоторого упрощения вопроса?

Развитие промышленного и монополистического капитализма при господстве крепостничества в России, тесно связанных и сильно зависимых от финансового капитала, уже сложившегося в Западной Европе, обусловливало развитие классовой борьбы и рабочего движения в России. Марксизм Ленина обогащался опытом революционной борьбы в России, на империалистическом Западе и колониальном Востоке. Марксизм-ленинизм с первых шагов своего развития был глубоко интернациональным учением, усваивавшим, в первую очередь, опыт борьбы революционнейшего в мире русского пролетариата. В своем развитии он в борьбе преодолевал враждебные идеологии и системы взглядов. Без всего этого нельзя понять условий развития ленинской теории. Таким образом, формирование финансового капитала в царской России сказывалось на развитии ленинского учения очень сложными опосредствованными путями национального и интернационального базисного и надстроечного порядка. Вот почему «теорию элементов» в концепции тов. Бубнова нужно признать неправильной. Как неверно связывать зарождение большевизма с одновременным зарождением элементов финансового капитала в России, так неверно считать, что до периода, когда Россия окончательно вошла в стадию монополистического капитализма, были созданы лишь элементы коммунистической партии. Эту механистику нужно отбросить.

---

[1]) «Основные вопросы истории РКП, стр. 21. Разрядка наша. *Д. К.*

Вообще же говоря, точка зрения тов. Бубнова по вопросу о русском финансовом капитале не вполне отчетлива. Он, с одной стороны, приводит известную цитату Ленина от августа 1915 года о том, что «в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм». С другой стороны, тов. Бубнов тут же утверждает: «Громадное значение промышленного под'ема 1910—14 гг. заключается в том, что, пройдя через него, Россия окончательно вступила в стадию монополистического капитализма» [1]).

Эти рядом приводимые положения не вяжутся одно с другим. Для указанного периода есть довольно четкая характеристика, данная тов. Лениным и, к сожалению, еще не приводившаяся в литературе. В статье, написанной в марте 1914 года, «Еще одно уничтожение социализма» Ленин писал: «Россия быстро европеизируется. Буржуазия у нас почти совсем созрела и даже кое в чем перезрела» [2]).

Совершенно ясно, о каком перезревании, загнивании буржуазии идет здесь речь, и это не совпадает с мнением тов. Бубнова об окончательном вступлении России в стадию монополистического капитализма.

Этот процесс очень сильно двинулся вперед в годы под'ема, затем в особенности в период империалистической войны, необычайно ускорившей процесс монополизации капитала, и закончился во время февральской революции, когда империалистическая буржуазия пришла к власти.

Одной из важнейших закономерностей, подлежащих изучению историка партии, является закономерность развития мелкобуржуазных уклонов в ВКП, особенно в период диктатуры пролетариата, их развитие от уклона, находящегося еще в пределах коммунизма, до антипартийной и далее антисоветской, контрреволюционной группировки, если уклон не исправляется, а углубляется. Тов. Бубнов формулирует чрезвычайно остроумно и правильно подмеченный факт возрастающей антипартийности выступлений оппозиции и прогрессивно убывающей силы и растущей беспочвенности ее, встречающей при каждой атаке все более и более сплоченный и единодушный отпор. Сформулированный тов. Сталиным закон развития и укрепления партии путем преодоления внутрипартийных противоречий проиллюстрирован достаточно полно в работе тов. Бубнова.

---

[1]) БСЭ, т. XI, стр. 28. Разрядка наша. *Д. К.*

[2]) Ленин, т. XVII, 2 изд., стр. 278.

Если роль и значение троцкизма иногда несколько переоценивается в статье «ВКП(б)» в отношении до-октябрьского периода, то в отношении после-октябрьского периода оценка троцкизма в основном дана правильно, хотя и нуждается в известном уточнении (напр., спорной является характеристика роли троцкизма в профсоюзной дискуссии). Троцкизм в рядах ВКП в период после-октябрьский в известном смысле играл такую же роль, какую меньшевизм в целом играл в рядах РСДРП, поскольку, вообще говоря, возможна такая аналогия. Известное различие обусловливается монопольным положением нашей партии при диктатуре пролетариата. Троцкизм был осколком меньшевизма, чужеродным, враждебным телом в ВКП, он докатился до создания особой партии, и его контрреволюционность в определенный момент обнаружилась так же, как контрреволюционность меньшевизма—с той разницей, что в отношении меньшевизма это стало вполне ясно уже в 1917 году. Напрасно утверждает Троцкий в «Моей жизни», что троцкизм до 1917 года был всегда наиболее близким и родственным течением для большевизма. Период пролетарской диктатуры не менее, чем до-октябрьский, говорит о совершенно обратном. Тов. Бубнов далее разрабатывает ленинское положение о том, что открытый оппортунизм был основным и главным врагом партии и рабочего движения, и показывает, в чем главная опасность нынешней правой оппозиции в ВКП, хотя нужно отметить недостаточную полноту использованного автором материала.

Вторая часть статьи, написанная в основном сотрудниками тов. Бубнова, дает довольно подробную прагматическую историю партии. Особенно удачными являются главы 6, 14 и 15, основанные на серьезном знании фактического материала. Тов. Бубновым, как редактором этой части статьи, проделана серьезная работа над оформлением коллективной работы сотрудников. Однако, всех шероховатостей сгладить не удалось. Встречается ряд мест, отличающихся неточностью формулировок, недостаточно исчерпывающей полнотой изложения.

В главе VI о революции 1905 года, в разделе «II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП», автор делает следующее утверждение: «Изо всего II Интернационала, кроме Розы Люксембург, Ленин и большевики имели на своей стороне лишь частично К. Каутского. Важно также подчеркнуть, что уже тогда Ленин видел тенденцию развития II Интернационала и занимал в отношении него соответствующую этой тенденции позицию» (стр. 323). Здесь автором делается ряд ошибок. Уж в главе о расколе в РСДРП вряд ли приходится говорить о том, что большевики имели на своей стороне Р. Люксембург. Сам же автор приводит факты, противоречащие его заявлению. Ведь еще в 1913 году Р. Люксембург называла Ленина разжигателем раскола в РСДРП и фракции IV Государственной Думы. Организационный вопрос был одним из главных вопросов, хотя и далеко не единственным, отделявшим Р. Люксембург от II Интернационала. Как же можно без всяких оговорок утверждать, что Роза была в тот период на стороне большевиков. Это противоречит тому, что говорится в разделе «II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП» (*БСЭ*, т. XI, 285—291). Далее не верно, что уже в 1905 году Ленин видел тенденцию развития II Интернационала. Для Ленина были ясны очень сильные тенденции ревизионизма и оппортунизма в рядах II Интернационала, но он считал, что II Интернационал сумеет еще изгнать реформистов из своих рядов. Если бы он видел в то время, к чему идет II Интернационал в целом, то его тактика была бы в значительной мере иная,—тогда вопрос о III Интернационале был бы поставлен еще в период первой революции. Между тем этого не было. Ленин до войны еще весьма тревожно смотрел на положение дел во II Интернационале. Он выступал не только против ревизионизма, но и, вопреки утверждению Коршей, против господствовавшего в Интернационале центризма в ряде важнейших вопросов. Так было в период первой революции, в 1907, в 1913, в 1914 гг. В 1910 году Ленин созвал совещание ряда представителей левого течения II Интернационала, но отсюда еще далеко до утверждения автора. Такая постановка вопроса неисторична.

В очень недурной XV главе, на стр. 491 мы встречаем, например, следующую формулировку: «он (троцкизм) игнорирует тот факт, что в условиях диктатуры пролетариата взаимодействие[1]) крупного социалистического производства и мелкого крестьянского хозяйства, при условии правильной политики господствующего пролетариата, обеспечивает возможность социалистической переделки крестьянского хозяйства». Вряд ли правильно здесь говорить о взаимодействии крупного социалистического производства и мелкого индивидуального крестьянского хозяйства. Здесь точнее было бы сказать о руководящей роли, о мощном экономическом и политическом воздействии и активной переделке мелкого индивидуального хозяйства.

В главе XVI дается характеристика роли и решений XIV партконференции. И здесь, к сожалению, недостаточно четко сказано о том, что решения XIV партконференции в основном и главном были ставкой на середняка как центральную фигуру земледелия в деревне. Об этом говорится достаточно ясно в части, написанной тов. Бубновым. Именно это значение решений подчеркивал тов. Сталин на XIV с'езде. «Вот эта идея и послужила основой тех решений и тех уступок крестьянству, которые были приняты нами на XIV апрельской конференции нашей партии», говорил тов. Сталин. Об этом нужно было обязательно сказать и здесь, не связывая целиком освещения этого момента только с изложением решений XIV партс'езда. Вряд ли поэтому можно считать вполне удачной такую формулировку задач конференции, что она, будучи шагом на пути к реконструктивному периоду (что целиком правильно), вела к тому, чтобы «путем форсированного развития товарооборота в стране, расширения возможностей для еще большего развития индивидуального крестьянского хозяйства и накопления в деревне, т.-е. создания таким путем (вот это-то не раз'яснено автором. *Д. К.*) предпосылок для максимального ускорения темпа социалистического накопления и индустриализации страны» (стр. 305, разрядка наша. *Д. К.* .Говорить об «еще большем развитии индивидуального крестьянского хозяйства и накоплении в деревне» (накоплении вообще? *Д. К.*) в такой общей форме, не подчеркивая основного смысла решений XIV партконференции,—это значит дать возможность неправильного истолкования решений, как это, например, делали троцкисты, изображавшие решения XIV партконференции, как уступку кулаку.

Так или иначе тов. Бубновым и его сотрудниками проделана огромная, положительная работа. Концепция истории партии, данная тов. Бубновым, является большевистской концепцией, хотя ряд положений можно считать спорными.

Статья тов. Бубнова, несомненно, двигает вперед дело научной разработки истории партии. В этом неоспоримая ценность работы.

Д. Кин.

---

[1]) Разрядка наша *Д. К.*

Разоблачим правый оппортунизм в теории и практике на аграрном фронте.

(О книге Г. С. ГОРДЕЕВА — «Основные проблемы сельскохозяйственной экономчи», изд. «Новый агроном», 1930 г. Второе исправленное издание, страниц 390. Ц. 2 р. 50 к.).

Ряд правооппортунистических ошибок в трактовке вопросов экономической политики партии и вульгарно-механистических—в теории, допущенных т. Гордеевым в первом издании «Основных проблем», получил, в свое время, частичное освещение в ряде рецензий.

Во втором издании, вышедшем в 1930 году, внесенные автором поправки, не исправляют, а усиливают вредные стороны первого издания книги.

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета книга снова рекомендуется в качестве учебного пособия для вузов. Это усиливает необходимость вскрыть со всей решительностью все немаркистское правооппортунистическое в этой книге.

Попытаемся это сделать, насколько позволяют размеры рецензии.

Диалектический метод, являющийся «душой» марксизма и ленинизма, есть, как известно, «сознательное и научное применение лежащей в природе бытия и мышления закономерности».

Его исключительное значение, его строгая научность заключается в том, что в нем отображается содержание, изменение и развитие об'ективной действительности. Попытки тов. Бухарина ограничить метод Маркса познавательной ценностью, Ленин осудил, как стыдливый агностицизм. Мы знаем, что против соответствующих слов Бухарина в его книге «Экономика переходного периода», сводящих значение метода Маркса только к познавательной ценности, Лениным написано: «Только «познавательная ценность»?, а необ'ятный мир отражающая?? «стыдливый «агностицизм!»

Несмотря на эти, обязательные для каждого марксиста, положения Ленина, Гордеев в «Основных проблемах» продолжает раз'яснять метод, как средство для «экономии мышления», как «вспомогательное средство для построения (?!) научной системы». По мнению автора, метод выполняет такую же техническую вспомогательную роль, как компас для мореплавателя, по его изложению, метод имеет ту познавательную ценность, что через него достигается «усовершенствование познания».

Само собой разумеется, что в таком определении метода автору не может служить опорой ни марксизм, ни ленинизм, и он находит ее для себя у ... кантианца Солнцева.

> «Снова обращаемся к Солнцеву,—пишет наш автор на странице 36,—совершенно правильно полагавшему, что «научный метод в каждой научной дисциплине так же необходим и важен, как компас для мореплавателя».

«Метод,—пишет дальше сам автор,—не важен сам по себе, он не имеет самодовлеющего значения. Компас важен, как вспомогательное средство для мореплавателя, но важность компаса заключается в том, что мореплаватель легче и правильнее достигает с его помощью поставленной цели».

В согласии с таким формалистическим толкованием метода, автор дает определение предмета политической, а отсюда и сельскохозяйственной экономии.

> «Политическая экономия,—пишет он,—не описывает все случаи пестрой действительности. Политическая экономия создает известные схемы (?!), конструкции (?!) более или менее абстрактные, в которых и укладываются (?!) экономические явления» (стр. 13).

После такого «определения» (подчеркнутого нами. *Ф. Н.*) предмета и метода политэкономии никакие ссылки на Маркса, к которым прибегает автор, не могут прикрыть ревизионистского характера отстаиваемых им в книге положений.

Марксистская политическая экономия, конечно, не описывает все случаи пестрой действительности, но она не занимается тем, чем занимались философы прошлых столетий, и куда ее пытается тащить теперь тов. Гордеев, т.-е. она не занимается «созданием» схем и конструкций.

Марксистская политическая экономия «изучает общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения, как форму развития производительных сил данной общественной формации. Тем самым она познает об'ективную закономерность возникновения, развития и упадка данных отношений, т.-е. экономический закон движения общества.

> «Исследование производственных отношений данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке—таково содержание экономического учения Маркса» (Ленин).

Вместо этого автор «Основных проблем» тащит читателя в прошлые столетия, к схоластике, к агностицизму. Мы должны со всей решительностью отвергнуть эти попытки, как ничего общего с марксизмом не имеющие.

В книге во многих местах отождествляется техника с производительными силами. (См. стр. 10 и 27). Отсюда, как следствие, у автора не развитие производительных сил, а развитие техники определяет изменение производственных отношений. Тот жесточайший отпор, который в партии получило это механистическое положение, не явился уроком нашему автору.

Вообще в области определения категорий политэкономии: производительных сил, производственных отношений, средств производства, капитала и друг. у автора царит невероятная путаница. Вот как, например, он определяет средства производства:

> «Средства производства,—пишет он,—состоят в капиталистическом обществе из земли, капитала постоянного и переменного» (стр. 23).

Если, по Марксу, производительные силы состоят из предмета труда, орудий труда и рабочей силы, то автор берет только орудия труда (технику) и, не стесняясь, выбрасывает предмет труда и даже «наиболее производительную силу», сам революционный рабочий класс.

Если, по Марксу, средства производства, являясь составной частью производительных сил, включают в себя только предмет труда и орудия труда, то автор «Основных проблем» почему-то дополняет их «переменным капиталом», смешивает в одну кучу вещи с общественными категориями — землю с капиталом, и т. д. Автор здесь отразил обыденное для буржуазного общества представление, для которого рабочий действительно есть не что иное, как «говорящее орудие».

Таким образом «Основные проблемы» искажают правильное понимание самых элементарных и в то же время важнейших категорий политической экономии. Вместо четких марксистских определений, автор преподносит эклектику от буржуазных учений, плохо прикрытую марксистской фразеологией.

В книге неправильно освещаются категории необходимости и случайности. На стр. 13 случайность, как об'ективная категория, отрицается. Автором не дается диалектическое проникновение этих двух категорий.

Для нас ясно, что ошибки в теории в современных условиях, быстро перерастают в ошибки в политике. Не мог избежать этого и автор «Основных проблем».

Как ни много путаницы и эклектики у автора, в основном его теоретические ошибки являются вульгарно-механистическими, служащими теоретическими корнями правого уклона, который представляет главную опасность в партии в данный период строительства социализма. Отсюда становятся ясными те извращения генеральной линии партии, которые допускает автор в рецензируемой книге и о которых речь будет впереди.

Открыто-буржуазным является положение автора о кооперации двух классов—капиталистов и рабочих—в капиталистическом обществе (стр. 76). Также открыто-буржуазным является его утверждение, что классовая борьба «принижает развитие народного хозяйства» так же, как войны и кризисы разрушают производительные силы (стр. 68 и 69). Автор может сослаться на другие места книги, где правильно характеризуется значение классовой борьбы. Но этим дело не исправляется, в том и состоит характерная особенность эклектики, что она состоит из «кусочков». «Кусочек» от марксизма у автора сопровождается «глыбой» от буржуазных теорий.

Открытой туган-барановщиной является изложение автора вопроса о распределении ценности, производимой в капиталистическом обществе, между классами по удельному весу в процессе производства и по силе классов. Послушаем автора:

> «Каждый индивидуум, поставленный на одной веточке огромного дерева общественного производства, получает известную долю своего совокупного товара. Величина его доли будет соответствовать удельному весу в процессе производства и силе того класса, к которому он принадлежит». «Путем цен рынок отмеряет долю, приходящуюся той или другой коллективной единице» (стр. 27).

И эта возмутительная буржуазная болтовня, вместо марксизма, теория «равноправия» капиталистов и рабочего класса в вопросах распределения, вместо марксистской теории прибавочной стоимости, являющейся фундаментом понимания классовой борьбы в капиталистическом обществе,—переиздается советским издательством в 1930 году, несмотря на предупреждения печати!!

Наконец, открыто буржуазным, струвистским является «учение» автора о богатеющей деревне при капитализме (стр. 62). Вместо того, чтобы показать, как капитал разрушает мелкое производство и какие формы при этом принимают классовые противоречия, как дальнейшее развитие ведет к тому, что торговый капитал перерастает в промышленный, обостряя еще больше классовую противоположность; вместо того, чтобы развернуть перед читателем действительный путь развития капитала через ухудшение благосостояния и вымирание многих миллионов крестьян и нарастающую пропасть между городом и деревней, автор «Проблем» этот путь капитала изображает, как самый заурядный апологет капитализма.

Оказывается, происходило только выгодное для деревни разделение труда.

> «Низкие цены,—пишет автор,—произвели настоящую революцию в деревне. Деревня увидела не только то, что она сама производила, но и многое такое, чего совсем в деревне не производилось. Деревня бросила ткацкие станки, женщины перестали просиживать ночи за прялкой (вот кто, оказывается, раскрепостил женщину! А мы, грешным делом, до сих пор думали, что это сделала и делает дальше только советская власть. *(Ф. Н.)*.
>
> Выгоднее стало купить плуг в городе (много ли их беднота покупала? *Ф. Н.*), *чем* делать соху дома. Постепенно от деревни отходили одна за другой отрасли домашней промышленности. (Вот как оказывается развивалось противоречие между городом и деревней!—*Ф. Н.)* Земледелец вынужден был заниматься только сельским хозяйством. Такое взаимодействие облегчило (?!) рост сельского хозяйства, так как из города в деревню попадали новые машины, знания и опыт» (подчеркнуто нами.—*Ф. Н.)*.

И в этой связи у автора найдутся места в книге, где кой-чего сказано и о расслоении в деревне. Но ведь без этого нельзя, в этом характерная особенность эклектики.

Правооппортунистическая установка автора в вопросах коллективизации во втором издании еще больше углубляется.

В 1930 году, после указания автору на ряд его ошибок в первом издании, во втором издании, наряду с неясным, путаным и отрывочным изложением сущности кооперативного плана Ленина, сохранены разговоры о том, что у нас

> «кооперировалась наиболее маломощная беспомощная часть крестьянства», что «колхозы обнаруживают большую прогрессивность по сравнению со СРЕДНИМ крестьянским хозяйством района» (см. стр. 388—389).

Не очевидно ли, что автор смазывает успехи коллективизации, продолжает отрицать, что середняк пошел в колхозы и в основных зерновых районах стал действительной и прочной опорой советской власти в деревне. Автор принижает огромное значение колхозов в отношении развития производительных сил. Он позволил себе замазать экономические преимущества колхоза перед всеми без из'ятия формами индивидуального хозяйства, в том числе и перед кулацким хозяйством, которое до сих пор, для автора, остается экономически непревзойденным типом хозяйства в деревне. Во втором издании сохранено оппортунистическое утверждение автора, что

> «лучшие организации коллективных хозяйств не означает еще, что форма колхоза идеальна, что на данной стадии найдена удовлетворяющая всем условиям форма обобществленного хозяйства». (стр. 389—90, подчеркнуто нами. — *Ф. Н.)*.

Оказывается, что совхоз, этот становой хребет переделки старого уклада деревни, и артель, как основная форма коллективизации в данный период, не являются, по мнению тов. Гордеева, удовлетворяющей формой обобществления хозяйства; оказывается, что такую удовлетворяющую форму надо еще найти. При этом, автор, естественно, не может говорить о сплошной коллективизации, как необходимом методе партии в деле выполнения пятилетнего плана, предусматривающего завершение в основном коллективизации всех областей СССР.

Он его подменяет лозунгом массовой коллективизации: «За последнее время коллективизация вступила в новую полосу—массовой коллективизации и укрупнения колхозов» (стр. 390, подчеркнуто нами. — *Ф. Н)*.

Отрицая преимущества колхоза перед капиталистическими формами сельского хозяйства, отрицая наличие поворота миллионных масс беднейшего и среднего крестьянства на путь коллективизации, отказываясь признать за совхозами и колхозами основную, опытом миллионов проверенную форму социалистического переустройства деревни, отказываясь признать, наконец, сплошную коллективизацию как основной метод социалистической реконструкции деревни,—автор тем самым вольно или невольно смыкается с врагами коммунизма.

Автор, как мы видели выше, продолжает оставаться в области теории на вульгарно-механистической точке зрения.

В главах III, IV, V и VI автор разбирает вопросы ренты. Автор не дает ясной и четкой постановки о двух монополиях при капитализме—монополии, вытекающей из ограниченности земли и монополии земельной собственности. Поэтому у него не выступает четко основание диференциальной ренты, не выявляется, почему последняя остается и при уничтожении частной собственности на землю. Последнее у автора констатировано, но необосновано. При изложении ренты, как и в других главах, допущены ошибки. Так, напр., на стр. 77 он пишет, что теория ценности не может быть понята без правильного представления о ренте. Почему автор ставит на голову связь между категорией стоимости и категорией ренты—неизвестно. Если это не простая оговорка, то остается один вывод, а именно; что стоимость слагается из прибыли, заработной платы и ренты. Но, как мы знаем, Маркс давно опрокинул это представление вульгарной политической экономии.

Не развернуто автором в должной мере и значение национализации земли, особенно для дела переделки мелкособственнической сущности крестьян и развертывания коллективизации.

В главе IX автор излагает теорию мелкого и крупного хозяйства. Здесь автор в основном остается на позиции Чаянова. И от этого его не спасает попытка дать критику теории Чаянова об оптимальных размерах хозяйства, теории, которая, как мы теперь знаем, выдвигалась ее авторами со специальной вредительской целью. Гордеев доказывает Чаянову, что оптимальный размер или наиболее эффективная величина предприятия не есть что-то, раз навсегда установленное. Дальше он продолжает, что «оптимум подвержен постоянному изменению в зависимости от развития техники (стр. 372). Исходя из этого, основной недостаток чаяновской теории Гордеев усматривает в недоучете им развития техники и распределения издержек в связи с территорией.

Итог таков: «проблема оптимальности существует», «существует диференциальный или разностный оптимум», но «определение» точки оптимума должно производиться, однако, на основе анализа издержек по эксплоатации машин, а не на основе внутрихозяйственного транспорта» (стр. 373).

В основном у Гордеева с Чаяновым полное единство, а различие заключается только в способе определения оптимума, при чем это различие не существенно, так как у обоих способ определения базируется на технических моментах, благодаря чему у Чаянова целесообразные размеры хозяйства получаются «слишком мелкими» для наших дней, а у Гордеева—покрупнее.

Если последовать за Чаяновым и Гордеевым, пользуясь их общим методом, мы должны были бы притти к выводу, что в капиталистической Америке, где машинизация поставлена пока еще несравненно лучше, чем в СССР, оптимальные границы хозяйства шире, чем в Советском Союзе.

Отсюда, организация гигантов-совхозов и крупных колхозов у нас лишилась бы научной обоснованности и политика партии на этом участке выглядела бы как «эксперимент», обреченный на провал. В действительности же мы видим обратное (смотри очень показательные цифры в докладе тов. Яковлева на XVI с'езде партии) Практика отбрасывает, как ненужный хлам, буржуазную постановку вопроса об оптимумах. Целиком и полностью подтверждается марксизм и ленинизм также и в этой области теории и практики, а именно: каждая общественная формация имеет свои законы развития, в том числе и в области организации крупного производства в сельском хозяйстве.

При этом по отношению к капитализму, например, мало сказать, что там невозможны гигантские сельскохозяйственные предприятия, подобные развивающимся в СССР.

> **Там «крупная земельная собственность,—как говорит Маркс,—идет гигантскими шагами навстречу раздроблению, доказывая неопровержимым образом, что, пока существует вообще буржуазный строй, земледелие должно постоянно вращаться в этом круге из концентрации и раздробления»[1]).**

Таким образом, дело не только в технике, но и в качестве производственных отношений, оказывающих обратное активное воздействие на производительные силы, лежащие в основе общественного развития. Распространяться здесь на эту тему нет никакой необходимости после знаменитых выступлений т. Сталина по этим вопросам в 1929 и 1930 годах.

В СССР, не в пример капиталистическим странам, развернулись и развертываются крупнейшие совхозы и колхозы, потому что у нас, в противоположность капиталистическим странам, господствующим классом является пролетариат, ведущий строительство социализма, потому что советская система хозяйства освобождена от противоречий, свойственных капитализму. В противоположность капитализму, у нас нет частной собственности на землю, со всеми вытекающими отсюда последствиями, наши гиганты-совхозы не нуждаются для своего развития в средней прибыли, наконец, у нас проводится система льготных кредитов, льготных налогов и др. мероприятия, содействующие развитию совхозов и колхозов.

Значит, дело в качестве наших социалистических производственных отношений. Здесь лежат различные возможности для капитализма и социализма в деле создания крупного хозяйства. Огромнейший вред всяких «теорий», подменяющих исследование производственных отношений анализом технических факторов и на этой основе выводящих «законы», якобы действительные для всех экономических структур—очевиден. В этом отношении гордеевская теория не лучше чаяновской. Нужно именно теперь, больше чем когда-либо, решительно отбросить эти, ничего общего с марксизмом не имеющие и политически вредные теории.

Таким образом и в этой части книги Гордеев верен себе. И здесь налицо эклектика. Новые проблемы строительства социализма не освещаются. Больше того, отрезывается всякий путь к их разрешению теоретическому, преподносится в утонченном виде чаяновщина.

После всего изложенного не трудно сделать вывод о книге в целом. Путаница, эклектика, собрание буржуазных идей, механистические взгляды и правооппортунистические установки—эти характерные признаки книги исключают возможность пользования ею в качестве учебника по с.-х. экономии. Необходимо выкорчевать остатки буржуазных теорий в аграрном вопросе. Необходимо беспощадно ударить по попыткам извращения марксизма-ленинизма в теории аграрного вопроса и по контрреволюционным правооппортунистическим установкам автора в экономической политике партии в деревне.

Ф. Незнамов.

---

[1]) Маркс. Сочинения, т. VIII, стр. 316.

Против оппортунистической клеветы на партию.

(По поводу книги П. Суслова «Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года»).

Война 1920 г. была начата буржуазно-шляхетской Польшей. Советские республики, руководимые партией во главе с Лениным, шли на серьезнейшие уступки, лишь бы избавить трудящихся от тягот войны и получить возможность приступить к мирному строительству. Это — факт совершенно бесспорный. Война была начата Польшей не без давления и воздействия Антанты, стремившейся уничтожить советскую власть. Но польские капиталисты и помещики преследовали и свои цели в этой войне захватить Украину, распространиться на восток до границ 1772 г.— таковы были мечты польской буржуазии. Известно, что вожделения Антанты не осуществились. Не суждено было сбыться и мечтам панской Польши. Больше того: в результате войны — Польша принуждена была заключить с советской страной мир на условиях, гораздо менее для нее выгодных, чем предлагавшиеся ей советским правительством до начала войны.

Достаточно сказать, что до войны Минск, значительная часть Белоруссии находились под властью Польши. В результате войны ей пришлось от них отказаться.

Нет сомнения, что празднование «чуда на Висле» установлено не столько в честь прошлого, сколько ради будущего. Это празднование — одна из форм подготовки к новой войне.

Советские республики добились разрешения тех задач, которые они выдвигали еще до войны. Именно поэтому мы можем утверждать, что в конечном счете победителями в советско-польской войне 1920 г., несмотря на понесенное Красной армией под Варшавой тяжелое поражение, оказались советские республики. «Война кончилась в нашу пользу», «советская республика оказалась победительницей», — эту мысль Ленин подчеркивал неоднократно (см. т. XXV, стр. 414, 420, 482 и др.). И сейчас, спустя 10 лет после окончания войны, когда в стане нашего противника на все лады отмечают и празднуют «чудо на Висле», — мы должны еще и еще раз подчеркнуть этот, в свое время отмеченный Лениным, общий итог войны.

Это тем более необходимо сделать, что в наших собственных рядах, среди исследователей-коммунистов находились и находятся отдельные товарищи, которые оценивают войну 1920 г. — как проигранную нами. И эта совершенно вздорная, явно антиленинская мысль проникает даже в печатные произведения. На одном из таких произведений — книге т. Суслова — мы считаем необходимым остановить внимание самых широких слоев нашей партии. Необходимо это и потому еще, что, по сути дела, независимо от того — стремился к этому автор или нет — он под свою концепцию о проигрыше нами войны подводит целую теорию, центральным местом которой является положение, будто партия, грубо говоря, проморгала военную опасность со стороны Польши, дезориентировала всю страну, переключив ее внимание с фронта военного на фронт хозяйственный. Таким образом, по сути дела, автор ревизует тактику партии на значительном отрезке времени.

В заключительной главе автор формулирует основные итоги. Он пишет: «И сам итог войны Ленин не считал «голым проигрышем», так как война показала, что «Польша победить нас не может, мы же не далеки от победы и были и есть» (стр. 157). Взятые автором в кавычки слова принадлежат Ленину. Но цитирует он Ленина более, чем своеобразно. Если взять эти слова Ленина в контексте, то довольно ясно, что скорее всего вся фраза в целом — «создавшееся в результате этого безусловно тяжелое впечатление отнюдь не является для нас голым проигрышем» (т. XXV, стр. 377) была направлена т. Лениным как-раз против одного из пессимистически настроенных товарищей, оценивших положение, как «голый проигрыш». А Ленин опроверг его. Но основное даже не в этом. Вся соль в том, что Ленин эти слова говорил на сентябрьской партконференции, до окончания войны, до заключения перемирия и выработки условий мира. И поэтому его оценка положения относилась не к итогу войны, как считает т. Суслов, а к обстановке на фронте после августовско-сентябрьского отступления. А это далеко не одно и то же. Итак, маскируясь Лениным, при помощи отдельных цитат, взятых вне всей ленинской концепции, вне связи с многочисленными его высказываниями, автор констатирует, что фактически мы войну проиграли. Правда, проигрыш не абсолютный, не голый, но все-таки проигрыш Победителями мы не вышли, но зато мы были недалеко от победы, а главное — пусть будет нам утешением, что и Польша нас победить не смогла. Так оценивает итог войны автор, так ревизует он Ленина, пытаясь прикрыться Лениным.

Где же, по мнению т. Суслова, причины этого «проигрыша» («правда, не голого»), причина того, что мы не победили («хотя и были недалеко от победы»).

«Для нас бесспорно, что в кампании были допущены политические и специально военные (оперативные) ошибки», — пишет автор (стр. 157). Остановимся здесь только на одной — решающей, по мнению автора, ошибке, допущенной в политической подготовке войны.

Этому вопросу уделена специальная глава. Как же рисуется эта политическая подготовка автору?

Тов. Суслов признает, что Ленин и после разгрома Колчака и Деникина не забывал о военной опасности, в частности, со стороны Польши. Но, не забывая о польской опасности и настаивая на сохранении известной военной готовности, Ленин, а за ним и вся партия, однако считал, что «серьезно враг нам угрожать не может», и поэтому достаточно решительно и последовательно брал курс на переход к разрешению задач и неотложнейших нужд трудового хозяйственного фронта» (стр. 25, 26). С этими установками Ленин пришел и на IX с'езд партии. «Крайне тяжелое хозяйственное положение страны, — пишет т. Суслов, — заставило IX с'езд опасность новой войны и в связи с этим военные задачи в известной степени отставить на второй план. Правда, ближайшие события показали, что столь решительная ставка с'езда на мирное строительство не полностью оправдалась. Но с'езд партии давал директивы правительству и всей стране. Поэтому его генеральная установка на «хозяйственный фронт» и некоторая недооценка белопольской опасности привели к тому, что вся страна, все общественные организации и Красная армия оказались ориентированными на внутрихозяйственные задачи и в известной степени «демобилизованными» в отношении продолжавшего еще существовать польского фронта» (стр. 27, 28). Таковы основные положения главы о политической подготовке войны. От них автор не отказывается до конца. Подводя в заключении итоги, он снова пишет, «что ставка с'езда на длительную и прочную передышку не полностью оправдалась».

Расчет на «передышку», ставка на «трудовой фронт» обосновывались будто бы известными мирными иллюзиями, частичной демобилизацией внимания к вопросам военной подготовки. Ленин говорил, что «основой нашей агитации и пропаганды» должно быть «наряду с шагами к миру» постоянное и настойчивое «напряжение военной готовности». Однако, параллельная мобилизация усилий на сохранение боеготовности вооруженного фронта революции и вновь выдвигающийся трудовой фронт оказались (кому? — *С. Р.*) не под силу» (стр. 150).

Автор, таким образом, пытается доказать, что Ленин, хотя и говорил об опасности со стороны Польши, но считал, что этот враг нам серьезно угрожать не может; Ленин предсказывал длительную и прочную передышку, на деле же Польша очень скоро выступила. Следовательно, ленинский анализ и выводы были неверны. Это привело к тому, что высший орган партии—IX с'езд, тоже сделал ставку на мирное строительство, отодвинув на второй план военные задачи. Это будто бы дезориентировало не только партию, но за ней и всю страну, рабочий класс и Красную армию. Уделять же внимание и хозяйственному строительству и военному строительству — партии было не под силу. Итак, Ленин, предупреждая об угрозе со стороны Польши — говорил на ветер, ибо сам этому не верил. И Ленин, и ЦК и с'езд допустили якобы непростительную ошибку, последствия которой столь тяжело отразились как на всем ходе войны, так и на ее результатах. Таковы великие «откровения» тов. Суслова!

Не приходится особенно доказывать, что вся концепция автора ничего общего не имеет с действительностью, насквозь ошибочна, сугубо оппортунистична.

В самом деле. Многочисленные напоминания Ленина о военной опасности с Запада, которые вынужден отметить и автор, не делались же им впустую. Смешно думать, что партия и ее руководство во главе с Лениным не могли разобраться и оценить сложившейся политической обстановки. Ленин говорил, что «серьезно враг нам угрожать не может» не в том смысле, что угроза войны вообще очень далека, а лишь в том, что—в отличие от 1918—19 г., эта война существованию советских республик в такой же мере, как тогда, угрожать уже не может. Но даже, несмотря на этот совершенно бесспорный факт, Ленин заблаговременно и задолго до IX с'езда партии вполне определенно предупреждал партию о неизбежности войны и о необходимости принять нужные меры. Так, напр., 11 марта он телеграфирует т. Орджоникидзе (в РВС Кавказского фронта) «Поляки, видимо, сделают войну с нами неизбежной, главная задача сейчас — не забота о Кавтрудармии, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Западный фронт; на этой задаче сосредоточьте все усилия» (см. «Гражданская война», т. III, стр. 317). Тогда же Ленин предупреждает т. Уншлихта (РВС Запфронта): «Поляки, видимо, воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны...» (там же, стр. 308, вкладной лист). «Мы все возможное делаем для усиления обороны», — подчеркивает Ленин, а грозный Суслов обвиняет: «допустили ошибку, отодвинули на второй план нужды обороны». Вот уже действительно попал пальцем в небо!

Ленин и IX с'езд так много внимания уделяли хозяйственным вопросам именно потому, что для партии было и остается бесспорной истиной, что отрывать хозяйственное строительство от дела обороны невозможно, что обороноспособность страны в сильнейшей степени зависит от хозяйственной ее мощи. И этой простой вещи автор не мог усвоить. А между тем к началу 1920 г. вопросы хозяйственные встали перед партией и советской властью с особенной остротой. Без некоторого сдвига в этой области ни о каких возможностях оборонять советские республики нельзя было говорить. И если в советско-польскую войну и были одержаны значительные успехи и в конечном счете мы вышли победителями, то именно благодаря некоторым (хотя, конечно, совершенно недостаточным) достижениям на хозяйственном фронте. Любопытно, что сам т. Суслов приводит иллюстрации, полностью подтверждающие нашу мысль. Он, например, указывает, что благодаря энергичным мероприятиям в области транспорта количество здоровых паровозов возросло с 4.140 (в 1919 г.) до 7½ тыс. к июлю 1920 г. (стр. 8). И даже при этих условиях в решительную минуту—во время наступления на Варшаву — как отмечает автор — «советский транспорт не мог удовлетворить настойчивых просьб командования Запфронта о поддержке несколькими десятками паровозов» (стр. 89) для перевозки пополнений. Легко представить положение Красной армии, если бы не удалось добиться хотя бы некоторых успехов на трудовом фронте. А автор никак не может понять, что именно наличие серьезной угрозы войны на фоне совершенно разрушенного хозяйства требовало особенного внимания к последнему. Нужно было во что бы то ни стало добиться перелома именно на этом участке. А этого как-раз и добивался Ленин.

И когда в первую половину 1920 г. партия начала кампанию за восстановление народного хозяйства, то это было не забвение партией и ее руководством военной опасности (это, конечно, не значит, что таких настроений в партии вовсе не было), а мобилизация внимания к важнейшему участку — хозяйственному, без которого нельзя было серьезно укрепить военную мощь советской страны. И даже привлечение частей Красной армии к трудовому строительству было (разумеется, до известных пределов и в зависимости от конкретной обстановки) неизбежным и правильным, ибо оно требовалось об'ективными условиями. Совершенно вздорным является положение автора, что партия не смогла одновременно уделять внимание и хозяйственному фронту и нуждам обороны страны.

Наконец, последнее: почему партия не вела изо дня в день кампании за подготовку к войне с Польшей и не прав ли автор хотя бы в этом отношении? Автор не только не прав, но показывает полное непонимание внешней политики партии и соввласти в обстановке того времени. Партия хочет во что бы то ни стало добиться мира, идет для этого на ряд серьезнейших уступок, а автор обвиняет ее в том, что она недостаточно кричала о военной опасности и о подготовке к войне с Польшей. Автор обвиняет ЦО партии «Правду» в том, что ею «возможность польского наступления все же не принималась всерьез» и что она «занималась, главным образом, пропагандой нашего миролюбия и нашего стремления заключить мир» (стр. 28). Бесспорно, что у печати были ошибки, и часть их автор правильно отмечает. Но то, в чем он обвиняет «Правду» — ни на чем не основано, ибо «Правда» проводила совершенно правильную партийную линию. А перестроиться на военный лад, когда понадобилось—«Правда» сумела быстро и хорошо.

Таким образом, мы видим, что от всей концепции автора о якобы ошибочной политической установке Ленина и партии в вопросе о возможности войны с Польшей ничего не осталось. Вся его концепция — клевета на партию.

Ошибки автора в общеполитических вопросах этим не ограничиваются. Мы еще не выяснили, почему он (и некоторые другие исследователи) считает советско-польскую войну нами проигранной, что именно мы проиграли и почему; наоборот, Ленин и вся партия считают, что из войны 1920 года мы вышли победителями.

Тут дело в прямо противоположной оценке политических целей войны и степени их реализации.

Ленин неоднократно подчеркивал, что нашей целью было добиться мира, принудить Польшу этот мир заключить, получить возможность по-настоящему развернуть хозяйственное строительство. А укрепление советских республик, развернутое строительство социализма в них — лучшая помощь делу мировой революции, укрепление ее базы и плацдарма. Этой основной политической цели партия в конце концов добилась. Именно это и позволило Ленину говорить о нашей победе.

Существует другая точка зрения, считающая, что основной политической целью войны с нашей стороны было добиться революции на Западе (в Польше, Германии и др. странах), разрушить Версальский мир. Эта цель формулируется по-разному: принесение революции извне, уничтожение барьера между советскими республиками и европейским революционным движением и т. п. Как известно, революции на Западе мы не добились, следовательно, войну мы проиграли. Эта точка зрения, явно неправильная, отражает взгляды «левого» мелкобуржуазного радикализма. Эти взгляды в конечном счете своими корнями уходят в теорию невозможности построения социализма в нашей стране, а стало быть — в троцкизм. С этой же теорией, в сущности, связана недооценка значения хозяйственного строительства в советской стране.

Ошибка командования советских войск при наступлении на Варшаву в 1920 г., состоявшая в том, что были, если взять только военную сторону дела, нарушены основные законы наступления: — «закрепить захваченные позиции, перегруппировать свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, подтянуть тылы, подвести резервы» (см Сталин «Ответ товарищам колхозникам») — не была случайной, а в большой мере вытекала из общеполитической, явно антиленинской концепции некоторых руководящих работников Красной армии (Троцкий)

К второй точке зрения приближается и автор разбираемой книги. Он пишет: «Война с помещичье-капиталистической Польшей... неизбежно должна была перерасти и переросла в непосредственную войну с международным империализмом, с Версальским миром, в войну за расширение плацдарма пролетарской революции» (стр. 24). В другом месте он также указывает, что война, «весь ход событий вел нас от самозащиты в пределах России и Украины к столкновению с Версальским миром под стенами Варшавы» (стр. 157).

У т. Суслова, таким образом, получается как бы два этапа в войне 1920 г., которым отвечали две политических цели. На первом этапе — война с Польшей, цель — самозащита; на втором — непосредственная война с международным империализмом (в лице Польши), — цель — расширение плацдарма революции, уничтожение Версальского договора. Вот этой-то основной политической цели мы не добились. Потому автор и склоняется к мнению, что война нами была проиграна.

Рассуждения автора явно противоречат тому, что говорил неоднократно Ленин.

Во-первых, абсолютно неверно положение о том, что война с Польшей лишь в процессе своего развития «переросла» в непосредственную войну с международным империализмом. Таковой она была с самого начала. Больше того — гражданская война с белыми генералами также была войной с Антантой. Разница лишь в том, что «война с Польшей оказалась более непосредственной войной против Антанты, чем предыдущие войны» — и что последние, в отличие от советско-польской войны, «не могли превратиться в войны, которые поколебали бы Версальский мир» (Ленин, т. XXV, стр. 401—402).

Во-вторых, из сказанного выше вытекает, что с самого начала войны «разрушая польскую армию, мы разрушали Версальский мир» (там же).

Но, — и это, в-третьих, — Ленин нигде никогда не говорил, что на каком-нибудь этапе советско-польской войны основной политической целью стало именно разрушение Версальского мира или расширение плацдарма революции. Ленин неоднократно говорил, что мы были недалеко от этого, что мы стремились к этому, но никогда не забывали действительно основной цели — отстоять советскую страну и получить возможность строить социализм, что и являлось действительным укреплением плацдарма мировой революции. По Ленину, наступление на Запад — было лишь прощупыванием, своего рода разведкой революционной готовности европейского пролетариата, а у Суслова получается, что целью наступления была самое революция. Отсюда все его ошибочные анализ и выводы.

Не имея возможности — за недостатком места — остановиться на той части книги, где говорится о политической работе в Красной армии, укажем только, что на основе ряда случайных документов и недостаточного изучения имеющихся материалов автор нарисовал, в основном, исключительно отрицательную картину. Вероятно, не один из участников войны 1920 года с недоумением, если не с гневом, разведет руками, прочтя эту книгу. Ошибки в политической работе были, и очень, как известно, существенные. Их нужно вскрывать и изучать, но измышлять и выдумывать их — нечего.

⁂

Подведем итоги. К 10-летию советско-польской войны т. Суслов дал «труд», извращающий все основные вопросы, с нею связанные, клевещущий на партию и ее вождя, защищающий явно оппортунистические положения. Читая книгу, невольно вспоминаешь ряд обвинений, выдвигаемых оппортунистами всех мастей против партии и ее руководства: там то не рассчитали, там то не предусмотрели, в теории все хорошо, а на деле — ошибки, и т. д.

Сейчас оппортунисты получают своего рода подкрепление «из прошлого». Но вряд ли таким «подкреплением» можно воспользоваться — уж больно скверного оно качества.

С. Рабинович.

ПОПРАВКА

В № 18 „Большевика“ на стр. 36 в статье т. Чернова „На решающем этапе хлебозаготовок“

напечатано:	следует читать:
„развернуть среди колхозников массовую раз'яснительную работу под лозунгом „ни одного пуда колхозного хлеба на частный рынок!“	„развернуть среди колхозников массовую раз'яснительную работу под лозунгом „ни одного пуда хлеба *колхозников* на частный рынок!“

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

ВНИМАНИЮ

ВСЕХ партийных, профессиональных и общественных организаций, предприятий, учреждений и подписчиков

В связи с передачей распространения „БОЛЬШЕВИКА“ НАРКОМПОЧТЕЛЮ, просим сдавать подписку на „БОЛЬШЕВИК“ и на все издания „ПРАВДЫ“ только через почтово-телеграфные конторы и денежные передводы Издательству не посылать.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ (ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ).

«Коммунистический Интернационал — боевой орган Исполкома Коммунистического Интернационала, отражающий идеологическую и тактическую линию Исполкома и весь опыт международного коммунизма.

Являясь мощным оружием большевизации Коминтерна, оружием борьбы против всякого рода шатаний, скептицизма и пессимизма в большевистских рядах, журнал ведет в первую очередь непримиримую борьбу с оппортунизмом в рядах рабочего класса и беспощадно разоблачает империализм и его социал-демократических агентов.

Собирая весь опыт мирового пролетарского движения и пятидесяти секций Коминтерна, журнал привлекает к активному участию все лучшие силы международного коммунизма.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 90 коп., на 3 мес. — 2 р. 70 к., на 6 мес. — 5 р. 40 к., на 12 мес. — 10 р. 80 к.

Цена отдельного номера—35 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: всюду на почте и письмоносцами.

Главлит №—77019. Тип. газеты „Правда“, Тверская, 48. Тираж 175.000.

[illegible]

БОЛЬШЕВИК

Nov

№ 21 15 НОЯБРЯ № 21

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

БОЛЬШЕВИК

(ВЫХОДИТ 24 НОМЕРА В ГОД)

Под редакцией: Баумана К., Бухарина Н., Криницкого А., Молотова В., Попова Н., Розенталя Х., Стецкого А. и Ярославского Ем.

„БОЛЬШЕВИК" разрабатывает на основе марксизма-ленинизма все основные теоретические проблемы, связанные с социалистическим строительством СССР.

ЖУРНАЛ освещает основные вопросы международной и внутренней политики ВКП(б) и твердо борется за генеральную линию партии, против всяких уклонов.

„БОЛЬШЕВИК" способствует повышению теоретического и политического кругозора самых широких слоев партийного актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес. . . . . . 40 коп. | на 6 мес. . . . 2 р. 40 коп.
на 3 мес. . . . 1 р. 20 коп. | на 12 мес. . . . 4 р. 80 коп.

Цена отдельного номера—25 коп.

Подписку на 1931 год сдавайте не позднее 25-го декабря т. г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и уполномоченными по партпечати при партячейках.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел 1-21-16, Коммут. 1-10.

№ 21 — 15 НОЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Передовая. — Большевистское наступление и новая вылазка оппортунизма . . . 1
Ярославский, Ем. — 13 лет пролетарской диктатуры. . . 10
Таль, Б.—Право-«левый» блок в борьбе против партии. . . 22
Кнорин, В. — Углубление мирового экономического кризиса и развитие революционного движения. 48
Павлов, А. — Вопросы труда на новом этапе 62
Рабинович, С. — Военные вопросы в Ленинских сборниках. 70

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Лаптев, И. — «На аграрном фронте», № 1—8 за 1930 г. . . 80
Бутаев, К. — «На новом этапе социалистического строительства». (По поводу сборника ИЭИГосплана, т. I и II. 86
Положение непр. компл. заочников ЭИКП 95

Большевистское наступление и новая вылазка оппортунизма.

Партия вскрыла и быстро разгромила попытки антипартийной работы со стороны фракционных группировок Сырцова и Ломинадзе. Эти группировки,—как ни жалки были их силы, их «кадры»,—заключили блок для фракционной борьбы против партии. Обе группировки об'единились против ленинской политики партии, против ее руководства на общей политической платформе, которая во всем основном является платформой правого оппортунизма. Значение этого блока, конечно, не определяется составом обеих группировок и их связями с организациями партии,—и этот состав, и эти связи—достаточно ничтожные величины. Вся «идеология» и «история» право-«левого» блока напоминают еще раз о задаче энергичнейшей борьбы партии на два фронта, особенно против главной опасности—правого уклона, возглавляемого до сих пор тт. Бухариным, Рыковым, Томским, несмотря на словесные заявления их на XVI с'езде партии.

Свою линию, свою политическую платформу право-«левый» блок противопоставил политике партии во всех основных вопросах социалистического строительства.

Вся платформа блока Сырцова—Ломинадзе сложилась под влиянием паники перед трудностями текущего периода социалистического наступления пролетариата, основана на капитулянтстве перед классовым врагом, выражает желание блока спекулировать на трудностях. В основе платформы блока лежит разрыв с партийным пониманием текущего этапа пролетарской революции, соотношения классов в стране и характера наших трудностей.

Истекший период пятилетки имеет величайшие достижения, особенно ярко выделяющиеся на фоне мирового экономического кризиса и общего кризиса всей капиталистической системы. Наша страна достигла высоких темпов хозяйственного развития, небывалых в истории человечества. За период после XV с'езда произошел великий исторический перелом в массах крестьянства в сторону социализма. Партия осуществляет политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Достоянием опыта миллионов рабочих и крестьян стало — полностью подтвержденное жизнью — положение партии о том, что построение социализма в нашей стране возможно. «Мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко». (Сталин).

Социалистическое наступление пролетариата развертывается, но оно не идет гладко, без трудностей, без сильнейшей борьбы. Классовая борьба теперь достигает большого напряжения. Наши трудности и являются неизбежными трудностями классовой борьбы, трудностями роста и нашего победоносного наступления. Платформа Сырцова—Ломинадзе основана на полном непонимании такого характера наших трудностей. Поэтому блок и приходит к панической и капитулянтской оценке теперешнего хозяйственного положения. Эта паника и мрачный пессимизм свойственны право-«левому» блоку так же, как это было всегда с каждой оппортунистической группой в партии. Так начинала каждая оппозиция, чтобы обосновать свое нападение на партию и свою борьбу за изменение «неверной» линии партии. «Мы самотеком и довольно слепо и неорганизованно в'ехали в область таких экономических явлений, которые сейчас являются предметом тревожного обсуждения всей страны и в частности довольно интенсивно, хотя и неправильно, обсуждаются в очередях», — вещает тов. Сырцов, повторяя здесь зады всех оппозиций и вскрывая подлинную основу своей паники и своего «анализа». Право-«левый» блок в темных красках изображает и перспективы. Оказывается, предстоящий год будет не решающим годом пятилетки, не годом нового под'ема, роста и победоносного развернутого социалистического наступления, под знаменем которого борется вся партия, весь рабочий класс: этот год будет «годом решительного исправления допущенных ошибок». Здесь выражается клеветническая оценка хозяйственных итогов и партийного руководства на прошлом этапе, полное непонимание достижений предыдущего этапа, растерянность, бессилие и утеря социалистических перспектив. Жалкая горсточка капитулянтов пытается противопоставить эту свою клевету неопровержимым успехам борьбы партии во главе миллионов трудящихся за пятилетку в четыре года.

Партия со всем напряжением воли преодолевает все трудности дальнейшего наступления, с большевистской энергией ломает все препятствия потому, что наши «силы растут в процессе борьбы, с ростом революции» (Ленин), потому, что наши трудности «сами содержат в себе возможность их преодоления» (Сталин). А оппортунисты теперь, как было не раз, на всех крутых под'емах революции, тянут назад, меняя энергию большевика на хныканье обывателя и колебания мелкой буржуазии.

В оппортунистической оценке особенностей текущего периода отражается отрицание Сырцовым — Ломинадзе того, что страна вступила в период социализма. Это отрицание является коренным расхождением оппортунизма с партией. Такое

отрицание партийной оценки текущего периода основано на непонимании решающего значения социализма в соотношении укладов нашей теперешней экономики. Преувеличивая до сих пор значение частного, «неорганизованного сектора» (Сырцов), оппортунисты не видят быстрого роста социалистического сектора, не видят того, что, несмотря на трудности роста, «социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства». Определяющее значение социалистического сектора в теперешней нашей экономике выражается в быстром росте индустрии, в усилении ее решающего влияния на всю экономику страны, в мощном росте колхозов и совхозов, в усилении планового начала во всей экономике СССР. Огромное значение имеет тот факт, что «вопрос «кто-кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм, — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности» (Сталин). Оппортунисты не понимают теперешнего соотношения классовых сил в стране. Они считают, что «партия переоценивает силы рабочего класса» (Сырцов). Они не видят исторического перелома в переходе к политике ликвидации кулачества как класса, основанном на повороте основных масс крестьянства к социализму, и превращения середняка в колхозе в новую опору пролетариата в деревне. За обостренной классовой борьбой и бешеным сопротивлением классового врага оппортунисты не хотят видеть происходящих огромных классовых сдвигов в СССР в направлении полного уничтожения классов. Современному этапу пролетарской революции соответствует также широкое развитие новых форм социалистического труда, все большее вовлечение масс в работу государственного аппарата, повышение культурного уровня масс и выработка новых пластов кадров руководителей социалистического строительства из рабочих и крестьян. Оппортунисты совершенно не понимают и этих массовых сдвигов.

Таким образом, Сырцов—Ломинадзе, как и полагается оппортунистам, приходят к пересмотру одного из основных программных положений нашей партии — о возможности построения социализма в нашей стране. Так, правые и «левые» оппортунисты пытаются демобилизовать пролетариат, «топя в интеллигентском скептицизме социалистические перспективы нашего строительства». (Сталин).

Из этой общей оценки текущего этапа развития революции вытекают все другие положения платформы блока Сырцова—Ломинадзе по основным вопросам социалистического строительства. При этом решающим пунктом платформы право-«левого» блока является, по сути, отказ от высоких темпов социалистического строительства, т.-е. разрыв с партийной линией в главнейшем вопросе социалистического наступления. Именно для правых оппортунистов характерно, что они «не понимают наших большевистских темпов, не верят в эти темпы и вообще не приемлют ничего такого, что выходит за рамки постепенного развития из рамок самотека» (Сталин). Оппортунистическая платформа Сырцова—Ломинадзе в этом вопросе сводится к требованию: снизить темпы, «сузить фронт капитального строительства» (Ломинадзе).

Новый блок, по сути, переходит на позиции правого уклона в вопросах социалистической переделки сельского хозяйства. Опять повторяются известные обвинения партии в администраторском, «механическом подходе к задачам коллективизации». Фальшивыми предупреждениями партии против рецидивов «левых» загибов оппортунисты прикрывают отказ от использования возрастающих возможностей мощного прилива в колхозы в текущем году, отказ от борьбы за лозунг партии — закончить сплошную коллективизацию страны к концу пятилетки. При такой скептической оценке положения коллективизации и перспектив нового прилива в колхозы, предстоящий 1931 год рассматривается еще только как год «проверки колхозного движения» (Сырцов). В вопросах животноводства оппортунисты отказываются, по существу, от взятых партией темпов развития социалистического сектора по животноводству, от борьбы за развитие животноводческих совхозов, повторяя здесь старые разговоры правых в период хлебного кризиса и их пророчества в разрешении зерновой проблемы. Предсказания новых «пророков» так же лопнут, как это было в отношении зерна.

Находясь в состоянии растерянности, в поисках другой отличной от партии линии—руководители блока доходят до предложений политики повышения цен. В связи с этим предложением особенно выпукло сказывается вся лживость и фальшь в постановке право-«левым» блоком вопроса о заработной плате.

Как всегда случалось с оппозицией, и жалкие банкроты из нового блока пытаются выступить в роли «защитников» рабочего класса, борцов за повышение реальной зарплаты и улучшение рабочего снабжения. Конечно, при этом они замалчивают всю борьбу партии за повышение материального и культурного уровня рабочих, сознательно искажают действительную картину роста общего жизненного уровня рабочих и трудящихся масс на основе мощного развития промышленности, коллективизации и революционной переделки сельского хозяйства, укрепления базы быстрого роста продовольственных ресурсов страны. Полная ликвидация безработицы, этот ярчайший показатель того, что благосостояние рабочего класса растет — проходит мимо «защитников» рабочего класса из нового блока.

Чтобы оправдать свое нападение на партию, право-«левый» блок прибегает к чисто-меньшевистским оценкам положения внутри партии, к грубой клевете на руководство партии, а также — на рабочее государство. Сегодняшние фракционеры опять говорят об «основном небалансе в стране — небалансе партийных отношений», повторяя старые речи Троцкого. Они действительно потеряли способность видеть мощь партии, уменье ее ЦК руководить социалистическим наступлением пролетариата, преодолевать величайшие трудности, подымать все новые миллионы трудящихся на борьбу за социализм. «Закрепощение полезной энергии рабочих масс», «фальсификация критики наших недостатков», «отсутствие правильной своевременной ориентировки основных кадров рабочих районов связывает и парализует творческую инициативу рабочих масс» и т. д., — такая меньшевистская, беспримерно лживая характеристика в выступлениях блока дается двухмиллионной партии большевиков, во главе рабочего класса героически выполняющей лозунг — «пятилетка—в четыре года».

Оппортунисты клевещут на рабочий класс, заявляя, будто значительная часть его переходит «на путь мелкобуржуазной спекуляции». В соцсоревновании они видят «широко распространенное лжеударничество», «фальсификацию встречного промфинплана» и т. д.

Отражая давление самых отсталых колеблющихся элементов рабочего класса,—оппортунисты их деклассированность и пассивность переносят на весь пролетариат, в рядах которого они начинают себя чувствовать чужаками.

Именно отрыв от своего класса и своей партии, неверие в силы рабочего класса толкнуло блок Сырцова-Ломинадзе к таким оценкам советского аппарата, которые совпадают с троцкистской контрреволюционной клеветой. Вместо большевистской борьбы против бюрократизма, которую ведет партия, — нелепые оценки, повторяющие троцкистскую клевету о перерождении государственного аппарата и т. д. Отсюда исходят и заявления об «упадке энергии, о прострации, отсутствии творческой инициативы, казенном благополучии и обезволенности» в советских органах (Сырцов), о том, что «барско-феодальное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян царит во многих советских учреждениях» (Ломинадзе).

Все характерные черты фракционного блока Сырцова—Ломинадзе, все особенности нового нападения на политику партии — обусловлены и тесно связаны со всем своеобразием современного этапа нашей революции.

Пролетариат развертывает успешное социалистическое наступление — по линии развития высоких темпов промышленности, по линии развития совхозов и колхозов, по линии выкорчевывания самих основ капитализма и ликвидации классовых различий в нашей стране. Выработанный на основе итогов второго года пятилетки план особого квартала, а также наметки на 1931 год, представляют план развернутого наступления социализма по всему фронту. Предстоящий 1931 год явится решающим годом борьбы за пятилетку. Еще более мощное укрепление социалистического фундамента нашей экономики будет достигнуто в итоге этого года. Ликвидация кулачества как класса будет развернута дальше в новых районах сплошной коллективизации.

Неисчерпаемые резервы сил пробуждаются теперь на борьбу за построение социализма в городе и деревне. Новые формы социалистического труда охватывают все новые пласты рабочих и колхозников. Новые миллионы бедняков и середняков переходят в ожесточенной борьбе с кулачеством на путь социалистического развития деревни, путь строительства колхозов. Партия упорно работает над перестройкой всей практической работы профессиональных и хозяйственных организаций, над действительным укреплением их кадров так, чтобы укрепить в них «ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические, тред-юнионистские, бюрократические элементы» (Сталин).

Перед лицом новых задач перестраиваются и организации нашей партии. Неустанная практическая работа в городе и деревне по социалистической переделке страны, развернутая борьба на два фронта за ленинскую политику,—все это еще более закаляет двухмиллионную партию пролетариата, еще больше укрепляет ее авторитет в массах, заостряет ее бдительность против всяких посягательств на единство партии и против попыток пересмотра ее линии. Наша партия, ее руководство опираются на могучую поддержку миллионов пролетариев, колхозников, трудящихся деревни, сочувствие и поддержку пролетариев всего мира.

Обстановка нашего социалистического роста, нашего успешного наступления **на современном этапе и факт величайшей** сплоченности и единства партии наложили свой отпечаток на все последние выступления правых и «левых» оппортунистов: они не решаются теперь защищать открыто свою линию и откровенно бороться против партии. Отсюда — переход оппортунистов, в первую очередь — правых, к скрытым формам борьбы, замаскированным словесным согласием с политикой партии. Отсюда — молчание тт. Рыкова, Бухарина, Томского по вопросам внутрипартийного положения при уклонении их от активной борьбы на деле за генеральную линию. Отсюда — переход оппортунистов к тактике двурушничества и прямого обмана партии. Отсюда — переход к нелегальщине в работе фракционных групп Сырцова и Ломинадзе. Даже правый оппортунизм вынужден сейчас прибегать к «левой» фразеологии, как «революционной маскировке», «как приманке, которая хотя бы внешним образом привлечет внимание рабочих и вселит в них доверие к оппозиции» (Сталин).

Именно сознание несокрушимой силы партии толкнуло правых и «левых» оппортунистов к блоку. Пусть вчера правые «боролись» против «левых», клеветнически обвиняя всю партию и ЦК в пережитках троцкизма. Пусть вчера «левые» «боролись» против правых оппортунистов, также нагло обвиняя ЦК в центризме, в примиренчестве к правым. Сегодня и правые и «левые» об'единяются на общей политической платформе, чтобы драться против партии,— хотя, разумеется, и не стираются особенности правого и «левого» оппортунизма в партии, обуславливающие необходимость борьбы на два фронта. Но в партии «вожди» оппортунизма не находят лучших «кадров», кроме таких людей, как Рютины, Нусиновы, Каврайские и т. п., этих не переварившихся в рядах партии интеллигентов, которые в иных условиях представляли бы собой элементы иной, непролетарской, враждебной большевизму партии.

Так, мощный рост и укрепление партии, ее большевистская монолитность обусловили укрывательство правых и «левых» оппортунистов под защиту тактики двурушничества, обмана, маскировки оппортунистического дела словами согласия с партией, переход их на рельсы беспринципного блока, превращение их в притягательный центр явно антипартийных элементов.

Против развернутого социалистического наступления по всему фронту бешено сопротивляются все силы капитализма в нашей стране. Капитализм «не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти» (Ленин). На современном этапе борьбы социализма и капитализма более, чем когда-либо, применимы слова Ленина: «диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства». (Ленин, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»). Именно на эту «беспощадную войну» пролетариата за социализм, за выкорчевывание самих корней капитализма буржуазные интеллигенты (Промышленная партия, Трудовая крестьянская партия, все другие вредители) отвечают контрреволюционной, вредительской борьбой, кулаки—попытками срыва политики и работы партии в деревне и прямой борьбой против советской власти; бюрократические элементы в советском аппарате саботажем.

Это сопротивление отживающих классов нашей страны находит деятельную поддержку извне, со стороны всех сил мирового капитализма. Борьба мирового империализма против социализма, против СССР на текущем этапе усиливается. Мировой экономический кризис, внутренние противоречия капитализма, нарастание революционного под'ема, на что влияют успехи социалистической пятилетки в СССР, — все это вновь поставило на очередь усиленное применение таких средств борьбы мирового капитала против СССР как террористические вылазки, диверсионная работа, помощь контрреволюционерам и вредителям, экономическая блокада, подготовка интервенции. Действительно, в меру нашего роста на фоне мирового экономического кризиса и упадка, все более выдвигается международное значение нашей борьбы за социализм. Именно в этой связи снова развертывается антисоветская кампания за границей. Не нужно при этом забывать, разумеется, что на ряду с этой активизацией мирового капитализма против СССР растет активная защита и поддержка СССР со стороны мирового пролетариата.

Сопротивление классового врага внутри СССР усиливает колебания мелкой буржуазии и наименее устойчивых элементов пролетариата. Это давление не может не передаваться и в партию. Сила правого оппортунизма в нашей партии, как и других уклонов, «состоит в силе мелкобуржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества—в особенности» (Сталин). Все это относится, разумеется, и к «левому» оппортунизму, лишний раз доказавшему в «истории» блока полную общность глубоко-оппортунистического существа своих основных положений—с правыми своими соратниками при всей своей «левизне», при всех характерных чертах мелкобуржуазного радикализма.

Глубоко ошибочно было бы оценивать двурушнический новый блок только как пустячную группировку, поскольку она малочисленна, состояла из людей либо уже выброшенных из партии, либо утерявших всякое доверие партии. Как ни жалки все неудавшиеся фракционные замыслы этой кучки интеллигентов против партии, — эти замыслы говорят об опасности правого оппортунизма, пытающегося тормозить и срывать большевистское наступление. Разве не очевидна самая неразрывная связь этого блока с правым уклоном в партии, возглавляемым тт. Бухариным, Рыковым, Томским? Эта связь очевидна для всей партии. Разве право-«левый» блок не вырос на «корнях» правого и «левого» уклонов в обстановке ожесточенной классовой борьбы? Разве право-«левый» блок в партии не находит себе еще тайных союзников? Его союзники — это примиренчество к правому уклону, — это «левые» загибщики и примиренцы к ним. Его соратники — это оппортунисты на практике, аллилуйщиной прикрывающие и даже не всегда сознающие всю гниль своей линии, своей оппортунистической работы, об'ективно также двурушничающие против партии. Его боевые союзники—двурушники разоблачены и в некоторых местных организациях. Достаточно привести пример ячейки «Москва I—товарная», пример беспринципнейшей связанной с тов. Сырцовым группы Клименко, Кузнецова и других в Зап.-Сибирской организации. Богатейший революционный опыт партии и пролетариата, ее непримиримость и бдительность—являются действительной гарантией разоблачения и очистки из рядов партии всех оппортунистических элементов, в том числе «неопределенных», «расплывчатых», способных «уклоняться всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, виться ужом» (Ленин).

Таким образом, оппортунистическая сущность право-«левого» блока и его значение определяется его классовой базой, степенью бешеного сопротивления классового врага социалистическому наступлению. Также и политическое значение и роль блока определяется тем, что его антипартийная фракционная работа об'ективно ведет к подрыву диктатуры пролетариата, об'ективно смыкается с борьбой классового врага против диктатуры пролетариата. Действительно, своей двурушнической борьбой против ленинской политики партии, своей организационной «деятельностью» блок об'ективно льет воду на мельницу классового врага. Резолюция Ленинградского обкома ВКП(б) прямо говорит большевисткую правду о классовой сущности блока: «Двурушничество служит в настоящее время основным прикрытием оппортунистического нападения на партию и требует от партии самой решительной и беспощадной борьбы. Вылазки правооппортунистической оппозиции и нового право-«левого» блока выполняют один и тот же заказ классового врага... Правые и «левые» оппортунисты становятся центром притяжения антисоветских сил, ведущих борьбу за свержение пролетарской диктатуры. В обстановке решающего боя больше чем когда-либо партии необходимы железная сплоченность и боевое единство ее рядов на основе ленинской политики. Больше чем когда-либо оправдываются слова Владимира Ильича: «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время ее диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата». Этого урока до сих пор не усвоили правые и «левые» оппортунисты, вновь пытающиеся атаковать генеральную линию партии и ее ленинское руководство».

Вся партия сейчас требует самых суровых мер против двурушничества, как наиболее предательского, совершенно нетерпимого в рядах партии метода фракционной борьбы. Как не видят оппортунисты-фракционеры, что их тактика обмана партии, лжи перед партией в обстановке классовой борьбы не на жизнь, а на смерть между двумя мирами—социализма и капитализма—заводит их по ту сторону фронта, хотят они того или не хотят, об'ективно ставит их в положение врагов в двухмиллионной партии?

СССР имеет все необходимые условия, чтобы и дальше итти вперед, победить в социалистическом наступлении и в соревновании социалистической и капиталистической систем. Но, чтобы итти победоносно вперед, для этого существует важнейшее условие—«изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе» (Сталин). Наша партия из «истории» блока Сырцова—Ломинадзе делает твердый вывод: полностью «изолировать» правые и «левые» оппортунистические элементы в партии, выгнать из партии людей, не порывающих на деле с оппортунистическими взглядами, в первую очередь правых уклонистов. Наша задача еще активнее поднять борьбу на два фронта, особенно против правого оппортунизма как главной опасности на текущем этапе. Партия с особой силой заостряет свою борьбу против всяких скрытых форм оппортунизма, против оппортунистов на практике, аллилуйщиков, беспощадно расправляясь со всякими двурушниками.

Все решения организаций партии являются демонстрацией большевистской бдительности партии, ее несокрушимого единства, ее непреклонности в борьбе за генеральную линию, ее твердой воли положить конец нетерпимому поведению лидеров правого уклона тт. Бухарина, Рыкова и Томского. Не случайно партийные организации требуют теперь же ответа и прямых большевистских доказательств своей верности линии партии от тт. Бухарина, Рыкова, Томского. Лидеры правого уклона не выполнили решений XVI с'езда; активной борьбой за генеральную линию партии в теории, в политике и на практике они не доказали искренность своих признаний. Дальше эти лидеры правого уклона не смогут уже отмалчиваться: либо — на деле на борьбу за генеральную линию партии, либо — партия применит к ним самые суровые меры на основе решений XVI с'езда.

Московский Комитет ВКП(б) в своей резолюции признает «дольше нетерпимым поведение бывших лидеров правой оппозиции (Бухарина, Рыкова, Томского), не выполнивших решений XVI с'езда об активной борьбе за генеральную линию партии. Бюро МК считает, что такое поведение членов ЦК—Бухарина, Рыкова, Томского—должно стать предметом специального обсуждения ЦК и ЦКК.

МК ВКП(б) призывает всех большевиков московской областной партийной организации еще больше сплотиться вокруг ленинского ЦК, проявить еще большую бдительность, идейную и организационную непримиримость в борьбе с правыми и «левыми» оппортунистами, двурушниками и примиренцами к ним».

Ленинградский комитет ВКП(б) «требует от лидеров бывшей правой оппозиции большевистских доказательств готовности вести борьбу против оппортунизма и, прежде всего, против главной—правооппортунистической опасности и ее конкретных носителей, против двурушников и предателей партии».

Западно-Сибирская организация партии также «расценивает поведение Бухарина, как скрытую его борьбу против партии, как громкий призыв к своим единомышленникам учащать двурушнические, фракционные нападения на партию. Собрание партактива расценивает позицию Бухарина, Рыкова и Томского по отношению к новым двурушническим оппортунистическим вылазкам, как солидаризацию с ними.

Перед центральными органами партии собрание партактива выдвигает требование категорически положить конец фракционным правооппортунистическим действиям лидеров правой оппозиции».

Таковы решения и других партийных организаций. Такова твердая большевистская воля партии.

Эта непреклонная воля нашей партии и ленинское руководство ЦК, большевистская непримиримость в борьбе партии на два фронта, особенно против правого уклона, против двурушничества, всякого скрытого и примиренческого оппортунизма, — мощь нашей партии, сила авангарда пролетариата обеспечивает победоносное развитие в СССР социалистического наступления по всему фронту.

Ем. Ярославский.

13 лет пролетарской диктатуры.

25 лет тому назад, в связи с событиями Кровавого воскресенья 1905 года, Ленин в статье «Революционные дни» писал:

«В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов»[1]).

Когда оглядываешься на пройденный за 13 лет существования пролетарского государства путь борьбы, и особенно на ожесточенные классовые бои в период развернутого социалистического наступления по всему фронту, эти слова Ленина приобретают особенно яркий смысл. Каждая строчка, каждое слово наполняются особо глубоким жизненным содержанием, ибо борьба за социализм за все эти 13 лет не только вскрыла «десятилетиями и веками зреющие» противоречия, но и разрешила революционным путем значительную часть этих противоречий.

В перспективе 13-ти лет пролетарской диктатуры становится особенно очевидным и историческое значение решений XVI партс'езда, завершающего эти 13 лет. «Если конфискация земли у помещиков была первым шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является вторым и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР». (Из решений XVI партс'езда).

Никогда жизнь масс не была так богата событиями, как за эти 13 лет. Рабочие, трудящиеся массы Советского Союза прошли единственную в истории человечества школу политической борьбы, которая подготовила эти массы к тому, чтобы они взяли на свои плечи выполнение гигантских задач по социалистическому переустройству 1/6 части земного шара. На этой 1/6 части земного шара история нагромоздила необычайно большое разнообразие социальных укладов с различными оттенками, переходами, экономическими, социальными и национальными особенностями. И в этой-то обстановке, после разрушительной империалистической и гражданской войн, когда страна истекала кровью, когда были разрушены жизненные фабрично-заводские центры, распылен фабрично-заводской пролетариат, разрушены железные дороги, — страна под руководством пролетариата, под руководством ленинской партии совершила поистине гигантскую работу восстановления этого разрушенного хозяйства и перешла в чрезвычайно сложной международной и внутренней обстановке к решительному социалистическому наступлению по всему фронту на капиталистические элементы, к выкорчевыванию корней капитализма в стране.

Особенности современного этапа социалистического строительства характеризовал т. Сталин на XVI с'езде ВКП(б): «Основная установка партии в данный момент состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XIV с'езд был, по преимуществу, с'ездом индустриализации. XV с'езд был, по преимуществу, с'ездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации»[1]).

За эти годы масса действительно училась на практике «у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов».

Конечно, в этой учебе были неизбежны ошибки. Пробные шаги не всегда были удачны. Приходилось зачастую и «ощупывать путь» (Ленин) и многое не раз переделывать, ибо ни одна революция не дала еще нам опыта социалистического строительства. Мы впервые завоевываем этот опыт. И если Ленин в свое время говорил, что теория марксизма выстрадана буквально нашей партией, пролетариатом нашей страны, то и этот практический опыт построения социализма также выстрадан массами.

В 1905 году Ленин писал, что «эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач». Октябрь 1917 года был таким именно революционным взлетом, взрывом, бурей, когда пролетариат поднялся на высоту поставленных перед ним историей гигантских мировых задач, когда он смело пошел с оружием в руках на твердыни нового буржуазного государства, складывавшегося на обломках царской империи. Да, за эти годы были величайшие отдельные поражения. Мы пережили «позорный» Брестский мир. Нам пришлось не раз отступать. Иных не раз ошеломляли и пугали потоки крови и тысячи жертв. Но вся история этой исключительной по своим размахам, яркости и богатству опыта борьбы доказала, что: «ничто никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы».

По отношению к пройденному пути можно применить слова Ленина, сказанные им в отношении диалектики развития Маркса и Энгельса, диалектики, имеющей применение как к отдельным явлениям жизни, природы, так и по отношению к социальным процессам. Это — «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — «развитие скачкообразное... революционное»[2]).

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. VI, стр. 63.

---

[1]) Сталин и Каганович. Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б), стр. 69.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. XX, ч. 1, «Карл Маркс», стр. 475.

Но именно это развитие «скачкообразное», «революционное», — а не гладкое шествие по Невскому проспекту — и представляет вся наша борьба. Эта борьба есть борьба классов, которая временами, в моменты нашего наступления, неизбежно обостряется. Кое-кого это не раз пугало на протяжении 13-ти лет в наших собственных рядах. В такие моменты оппортунисты выдвигали теории, претендовавшие на то, чтобы избежать этого обострения классовой борьбы. Такова бухаринская оппортунистическая теория мирного, эволюционного врастания в социализм при диктатуре пролетариата, в тот период, когда страна перешла к невиданному ускорению движения вперед, в период революционной переделки мелкотоварного хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Эта теория ярко обнаружила всю свою непримиримую враждебность ленинизму.

Каждый шаг нашего движения вперед учитывает пройденный опыт, поднимает нас на новую ступень. Если проследить 13 лет пролетарской диктатуры, 13 Октябрей, пережитых нами, то это будут именно такие ступени — по спирали, поднимающие пролетариат, а за ним и многомиллионные трудящиеся массы крестьянства на все новые и новые высоты социалистического развития.

Те количественные изменения, которые происходят в стране (расширение энергетической базы социалистического хозяйства, рост добычи металла, угля, расширение посевных площадей, развитие машиностроения, химической промышленности, рост транспортной сети и т. п.), приводят пролетариат к тому, что он все более и более усиливает свои возможности по разрешению задач, качественно изменяющих все лицо, все существо нашего народного хозяйства в сторону целостного, полного развития социализма.

* * *

Пролетарии всех стран и трудящиеся всего мира с каждым годом убеждаются в том, насколько правильно избран был путь борьбы в октябре 1917 года, какие громадные преимущества дает советская форма государства. Это — форма пролетарского государства, пролетарской демократии, которая по словам Ленина, была найдена пролетариатом нашей эпохи.

«Если бы, — говорил Ленин накануне октябрьского переворота в своей статье «Удержат ли большевики государственную власть», — народное творчество революционных классов не создало советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» [1]).

Эта советская форма государства, конечно, не была дана сразу, в готовом виде. Опыт советов 1905 года в значительной степени облегчил нам организацию советской власти в 1917 и последующих годах. Но надо было сломать старую машину, в недрах которой, в важнейших звеньях, сплошь и рядом засели классовые враги. Эти классовые враги пытались взять нас в первые годы революции прямо лобовой атакой — белогвардейской, генеральско-помещичьей контрреволюцией, добровольческими армиями Деникиных, Врангелей, Шкуро, Юденичей, Колчаков и т. п. агентов империализма. Весь капиталистический мир пытался тогда взять нас лобовой атакой. Эта лобовая атака была отбита вооруженным пролетариатом, поведшим за собой значительные массы крестьянской бедноты и крестьян-середняков.

Иностранная интервенция была отбита, военная и экономическая блокада была прорвана. Стиснув зубы, капиталистический мир вступил в экономические отношения со Страной Советов, с «варварами-большевиками». Но международный капитал и выгнанные из страны помещики и капиталисты не оставили мечты о возвращении к власти, о разгроме пролетарской диктатуры. Всевозможными путями капиталистические организации пытались сколотить политические центры для руководства антисоветским движением в Стране Советов и вне страны, создать вредительские диверсионные группы. Они взяли к себе на службу антисоветских, буржуазных специалистов, бывших собственников, которые притаились в недрах хозяйственного и государственного аппарата, на транспорте, в нефтяной, металлургической, химической, текстильной и военной промышленности, в цветной металлургии, в снабженческих организациях, — во всех важнейших звеньях нашего хозяйственного аппарата пытались эти вредители разрушить наши планы и навязать нам свои, вредительские, задержать неизбежный и неотвратимый ход социалистического наступления. Нет никакого сомнения, что эти попытки принесли нам величайший вред, затруднили нам, задержали наши успехи, тем более, что нам не всегда удавалось своевременно раскрыть эти организации. Они имели возможность годами вести свою разрушительную работу, пользуясь известным доверием советской власти.

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 229—230.

В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал:

> «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом» [1]).

Раскрытые нами в этом году вредительские организации, — организация «промышленной партии», «союза вызволения Украины», аналогичные организации в Белоруссии и в других районах, раскрытая нами организация Кондратьевых, Громанов и Сухановых и др., — все это показывает, что умирающий «капитализм» мечтает еще о возврате капитализма, о реставрации буржуазного государства, о буржуазной диктатуре.

Но разве не является гигантским подтверждением сил революции, величайшим доказательством сил пролетарского государства то, что, несмотря на это вредительство, вопреки всем и всяческим заговорам, вопреки тому, что весь капиталистический мир сплотился против Страны Советов, — страна с каждым годом, с каждым Октябрем всходит все выше и выше по ступени социализма?! Революция черпает силы внутри себя. Страна без займов, страна, окруженная врагами, страна, живущая из года в год в обстановке непрекращающихся попыток создать антисоветский блок, окружить ее вновь блокадой интервентов, экономической, финансовой, военной блокадой, — эта страна дает такие темпы развития, такой гигантский прирост национального дохода, какого не дает ни одна самая богатая капиталистическая страна.

Можем ли мы сказать, что мы осуществили уже полностью поставленную Лениным задачу «во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля» [2])? — Конечно нет. Но вместе с тем только слепой не видит, насколько усилилась планирующая роль нашего государственного аппарата, насколько, в связи с осуществлением пятилетнего плана социалистического переустройства, усилилась эта регулирующая и контролирующая роль пролетарского государства.

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 347.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр 230.

* * *

За эти годы рабочий класс сумел об'единить под своим руководством всю промышленность, всю крупную, среднюю и значительную часть мелкой промышленности. Довоенный уровень промышленности давно оставлен позади. В предстоящем третьем году пятилетки один лишь прирост продукции промышленности будет равен всей продукции довоенной промышленности. Проводится твердая линия на развитие тяжелой промышленности, на производство средств производства в первую очередь. Страна из аграрной превращается в индустриально-аграрную. Благодаря огромнейшему росту социалистической индустриализации страны, вопрос «кто кого»—в области промышленности уже решен. А между тем еще несколько лет тому назад это была проблема труднейшая, сложнейшая. Тогда значительная доля национального государственного дохода уплывала в руки частника, который еще и в области промышленности, не говоря уже об области товарооборота, играл известную роль.

Пролетарское государство в своих руках сосредоточило не только промышленность, но и торговлю. Кооперативный план Ленина за эти годы получил гигантское развитие. Он охватывает почти все отрасли хозяйственной деятельности. Задача поголовного кооперирования населения есть уже не дело отдаленное, это — дело ближайших 2 — 3 лет.

Развернута широким фронтом высшая форма кооперативного плана Ленина, кооперирование с.-х. производства — коллективизация сельского хозяйства. Поистине гигантское значение имеют те величайшие изменения, которые произошли в области сельского хозяйства. На 13 году пролетарской диктатуры около ¼ всех крестьянских хозяйств являются хозяйствами коллективизированными. В колхозах, артелях и коммунах находится более ¼ части крестьянского населения страны, и около 40% всей земельной площади обрабатывается коллективным трудом.

Развернута сеть целиком машинизированных гигантских зерносовхозов, которые перегнали уже все крупные с.-х. предприятия мира, являясь величайшими по своим размерам. «В результате массового развития колхозов и совхозов и начавшейся ликвидации кулачества меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический в сельском хозяйстве СССР, вытесняющий капиталистический уклад» (из решений XVI партс'езда). Мы пережили «год великого перелома» (Сталин). Поворот основных масс крестьянства к коллективизации подготовлялся постепенно.

«Подготовлялся он,— говорит т. Сталин,— всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего — развитием индустрии, поставляющей машины и трактора для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники».

Партия целиком и полностью исходила из указаний Ленина о последовательном подведении трудящихся масс крестьянства к коллективизации. Партия жестоко карала и карает за перегибы, за нарушение основных ленинских принципов колхозного движения.

* * *

Партия и рабочий класс ведут экономические бои с остатками капитализма в стране. В центре этих боев стоит вопрос о том, пойдет ли мелкокрестьянское хозяйство по пути капиталистического или социалистического укрупнения. Ленин эти бои предвидел заранее. Он говорил:

«Почти нигде в мире не было еще систематических, беззаветных и самоотверженных попыток об'единить тех, кто по деревням, в мелком земледельческом производстве, в глуши и темноте отуплен всеми условиями жизни. Тут стоит перед нами задача, которая сливает в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь глубокий и важный строй социализма. Здесь перед нами такой бой, на который стоит отдать все силы и поставить все на карту, потому что это — бой за социализм, потому что это — бой за последний строй трудящихся и эксплоатируемых. Будем смотреть на них, как на своих сторонников на этом пути. На нем нас ждут прочные завоевания, и не только прочные, но и неот'емлемые»... [1]

Подводя итоги 13 годам пролетарской диктатуры, нельзя пройти мимо тех завоеваний, которые сделаны именно в этой области. Но именно в этой области пролетариат и должен продолжать этот бой за крестьянство, за трудовые его элементы, ибо «здесь перед нами такой бой, на который стоит отдать все силы и поставить все на карту, потому что это — бой за социализм, потому что это — бой за последний строй трудящихся и эксплоатируемых». Конечно, этот переход миллионов и миллионов крестьянских хозяйств к коллективным формам хозяйства стал возможен на основе наших гигантских успехов индустриализации, электрификации, машиностроения, тракторостроения, строительства комбайнов и других сложных машин. Конечно, этот успех стал возможен, потому что пролетариат сам рос гигантскими шагами, численно увеличился, качественно изменился, выковывая новые кадры активных строителей социализма, потому что пролетариат невиданно закрепил строй пролетарской диктатуры. Ибо без пролетарской диктатуры невозможен, как это показал весь наш опыт, переход к социализму, ибо без пролетарской диктатуры всякие разговоры о социализме есть пошлая, лицемерная болтовня агентов капитала. Речь о социализме через тысячу лет есть средство для обмана масс, есть средство, усыпляющее революционную энергию, гасящее революционный гнев эксплоатируемых рабочих масс.

Успехи, достигаемые нами в деле строительства социализма, являются не только прочными, но и неот'емлемыми. В колхозах пролетариат приобрел новую опору, принципиально отличную от той опоры, которую он имел в распыленных индивидуальных крестьянских хозяйствах бедняков и середняков. Союз с середняком закрепился настолько, что уже середняк-колхозник превратился в прочную опору совласти. Конечно, это еще не весь социализм, но это как раз те шаги, которые необходимы для того, чтобы мы могли уничтожить полностью классы и полностью уничтожить разницу между городом и деревней, разницу между работниками земли и работниками фабрик и заводов. «Социализм есть уничтожение классов» — писал Ленин. Мы свергли помещиков и капиталистов в 1917 г. и в последующей борьбе, в период гражданской войны, но это была только первая часть задачи. «Чтобы уничтожить классы, — писал далее Ленин, — надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками» [1]).

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 323 (из речи на соединенном заседании ВЦИК 4/VI-1918 г.—«Борьба за хлеб»).

Вот к этой задаче мы приступили вплотную именно на 13-м году пролетарской диктатуры. Решение партии о ликвидации кулачества, как класса есть новый исторический этап на пути организации социалистического общества. Оппортунисты всех видов и толков, начиная от правых и «левых», блокируются для того, чтобы бороться против этого решительного наступления, забывая, что «пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, — крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта. В этом разграничении вся суть социализма» [2]).

Тов. Сталин дал четкую боевую формулу сущности этого наступления.

«Существо большевистского наступления состоит, прежде всего, в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов нашей страны; мобилизовать творческую инициативу и самодеятельность масс против бюрократизма наших учреждений и организаций, держащего под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя и не дающего их использовать; организовать соревнование и трудовой под'ем масс за поднятие производительности труда, за развертывание социалистического строительства.

Существо большевистского наступления состоит, во-вторых, в том, чтобы организовать перестройку всей практической работы профсоюзных, кооперативных, советских и всяких иных массовых организаций применительно к потребностям реконструктивного периода: создать в них ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические, трэд-юнионистские, бюрократические элементы; изгнать вон из них чуждые и переродившиеся элементы и выдвинуть новых работников снизу.

Существо большевистского наступления состоит, далее, в том, чтобы мобилизовать максимум средств на дело финансирования нашей индустрии, на дело финансирования наших совхозов и колхозов и направить на развертывание всего этого дела лучших людей нашей партии.

Существо большевистского наступления состоит, наконец, в том, чтобы мобилизовать самую партию для организации всего дела наступления; укрепить и отточить партийные организации, изгнав оттуда элементы бюрократизма и перерождения; изолировать и оттеснить выразителей правого и «левого» уклонов от ленинской линии, выдвинув на первый план настоящих, стойких ленинцев.

Таковы основы большевистского наступления в данный момент».

Под знаменем этого большевистского наступления рабочий класс сплоченными колоннами празднует свой 13-й праздник пролетарской диктатуры.

Каждый рабочий, который участвует в ударных бригадах, каждый рабочий, который работает над улучшением коллективного труда, над усовершенствованием, упорядочением нашей государственной машины, каждый колхозник, который вербует примером лучших работ новых сторонников колхозного движения,— делает величайшее мировое дело.

* * *

Конечно, мы не уничтожили еще полностью капиталистических классов. Остатки их отчаянно сопротивляются, ведут бешеную зверскую борьбу про-

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 352.

тив нового строя. Трудности нашей борьбы заключаются именно в том, что мы живем в переходное время, когда сохраняются еще остатки капитализма.

Через все наши трудности выглядывает классовая борьба. Классовый враг использует все щели. Но наши трудности — не трудности распадающейся системы, как это имеет место в капиталистических странах, а трудности роста, трудности, которые «сами содержат в себе возможности их преодоления» (Сталин). Рабочий класс мобилизует все новые и новые силы для преодоления этих трудностей, развертывая еще шире свое социалистическое наступление.

То, что дает толчок их социалистическому соревнованию, то, что рождает каждодневно все новые и новые формы социалистического соревнования, ударничества,— это является уже результатом тех успехов социалистического строительства, которые наглядно, лучше, чем всякая книжка, брошюра, газета, учат каждого, как строить социализм, как достигать невиданных успехов, как преодолевать величайшие трудности этого развития невиданных темпов строительства.

Само социалистическое строительство есть именно этот величайший источник революционного творчества, революционной энергии.

В 1917 г. часть наших товарищей боялась, что:

«Власть большевиков, то-есть власть пролетариата, которому обеспечена беззаветная поддержка беднейшего крестьянства, «сметут» господа капиталисты! Какая близорукость, какая позорная боязнь народа, какое лицемерие»! [1]).

Теперь и слепому ясно, что мы стали неизмеримо сильнее, что господам капиталистам не удастся смести нас. Больше того, на 13-м году пролетарской диктатуры они начинают побаиваться того, как бы их не смела волна пролетарских революций, которая поднимается и в других странах, волна пролетарских революций и волна восстаний колониальных народов, которая поднимается во всех концах мира. Ибо, если за 13 лет пролетарской диктатуры мы имеем исключительный по своим размахам гигантский рост народного благосостояния, рост строительства, то во всем капиталистическом мире на 13-м году пролетарской диктатуры мы имеем жесточайший экономический кризис, знаменующий собой начало развала, распада империалистического государства. С этим кризисом самое крепкое капиталистическое государство не в силах справиться теми мерами, которыми до сих пор они преодолевали периодические кризисы капиталистического хозяйства. Смешно и трагически выглядит попытка американской буржуазии молебнами и похоронами чучел, изображающих пессимизм, разрешить этот потрясший весь капиталистический мир кризис, все углубляющийся, все нарастающий.

«У них, у капиталистов,—говорил т. Сталин на XVI с'езде, сравнивая эти два мира,—экономический кризис и упадок производства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

У нас, в СССР, экономический под'ем и рост производства во всех отраслях народного хозяйства.

У них, у капиталистов, ухудшение материального положения трудящихся, снижение заработной платы рабочих и рост безработицы.

У нас, в СССР, под'ем материального положения трудящихся, повышение заработной платы рабочих и сокращение безработицы.

У них, у капиталистов, рост забастовок и демонстраций, ведущий к потере миллионов рабочих дней.

У нас, в СССР, отсутствие забастовок и рост трудового под'ема рабочих и крестьян, дающий нашему строю миллионы добавочных рабочих дней.

---

[1]) Ленин. Собр. соч, т. XIV, ч. II, стр. 250.

У них, у капиталистов, обострение внутреннего положения и нарастание революционного движения рабочего класса против капиталистического режима.

У нас, в СССР, укрепление внутреннего положения и сплочение миллионных масс рабочего класса вокруг советской власти.

У них, у капиталистов, обострение национального вопроса и рост национально-освободительного движения в Индии, Индо-Китае, в Индонезии, на Филиппинских островах и т. д., переходящий в национальную войну.

У нас, в СССР, укрепление основ национального братства, обеспеченный национальный мир и сплочение миллионных масс народов СССР вокруг советской власти.

У них, у капиталистов, растерянность и перспектива дальнейшего ухудшения положения.

У нас, в СССР, вера в свои силы и перспектива дальнейшего улучшения положения».

В начале Октябрьской революции в речи в Петербургском Совете Р. и С. Д. 26 октября 1917 г. Ленин говорил:

«Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья, русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» 1).

Пророческие слова Ленина теперь начинают осуществляться не только для нашей страны. Победу социализма в нашей стране видит и слепой. Сквозь тысячи препятствий, сквозь тысячи лишений ведет рабочий класс под знаменем партии Ленина миллионные массы к этой победе. Завоевания социализма в нашей стране гигантские. Мы вступили уже в фазу коренной переделки миллионов и миллионов мелких крестьянских хозяйств. Мы вступили в полосу ликвидации классов, мы приступили к ликвидации последнего капиталистического класса — кулачества. Мы вступили уже в фазу социализма.

Еще одно завоевание не следует забывать накануне 14-й годовщины Октября.

Ленин говорил:

«Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» 2).

Мы подошли вплотную к этой культурной революции. Она имеет уже свои величайшие завоевания: ликвидация неграмотности, задача всеобщего обучения, невиданное, хотя все же недостаточное, развертывание подготовки кадров социалистического строительства, — все это завоевания последних лет, все это элементы, которые нас поднимают также на принципиально иную, качественно иную, новую ступень.

Во всей этой грандиозной борьбе руководящую роль играла наша партия. Она сплотила в своих рядах около 2 млн. членов и около 3 миллионов молодых рабочих и крестьян в ВЛКСМ, из них подавляющая масса — рабочие крупнейших социалистических предприятий, фабрик и заводов. Она руководила все эти годы борьбой пролетариата и трудовых масс крестьянства за социализм. Она после смерти Ленина целиком и полностью исходила из его

---

1) Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 11.

2) Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 145.

ния, беспощадно разоблачая попытки его извращения. Она вынесла на их плечах яростную ненависть капиталистических классов всех стран. Она огла миллионам передовых пролетариев во всех странах организовать шевистскую коммунистическую партию. Она весь свой революционный т отдает на службу мировой пролетарской революции. Ей приходится ерживать сложнейшие маневры в этой борьбе за социализм — в обстановкапиталистического окружения.

* * *

Нет ничего удивительного, что в ее рядах под влиянием трудностей возали и возникают группы, отражающие колебания мелкобуржуазной ы.

Ленин в своем замечательном произведении «Детская болезнь «левизны» ммунизме» указывал на то, что каждый обязан знать, изучить, «в борьбе акими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился шевизм». «Во-первых, и, главным образом, — писал Ленин, — в борьбе тив оппортунизма», против правого оппортунизма, отражающего в нашей ановке, главным образом, колебания мелкобуржуазной части крестства.

Именно в обстановке решительного наступления на капиталистические енты в деревне правые оппортунисты обнаружили наибольшие колебания. тия беспощадно разгромила и будет громить всякие попытки правого ртунизма влиять на нашу партию, вести и проповедывать свои антипарные взгляды. Точно так же как партия не забывает, что «большевизм ос, сложился и закалился в длительной борьбе против мелкобуразной революционности» 1).

Мы видели, как «неустойчивость такой революционности, бесплодность свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в шеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением...» 2) ернулось на наших глазах.

Наша партия дала сокрушительный, беспощадный отпор всяким троцским и полутроцкистским, «левацким» настроениям и попыткам этих ставителей мелкобуржуазной революционности влиять на нашу партию.

На наших глазах эти группировки, начинавшие под флагом якобы ленима бороться против генеральной линии партии, скатились к прямой революционности. Теперь, после разоблачения Кондратьевых, Громанов , после разоблачения так называемой «промышленной партии», всякому , что капитализм в своей борьбе за реставрацию рассчитывает именно ти чужеродные элементы в рядах коммунистической партии, рассчитына то, что правые оппортунисты и мелкобуржуазные «революционеры» ют разбить ряды нашей партии, внести деморализацию в ее ряды, испуг трудностями, панику перед препятствиями, растерянность и неверие в рабочего класса, героически преодолевающего стоящие перед страной ности.

К 13-й годовщине Октября с особой яркостью подтвердился прогноз, ый XVI партс'ездом внутрипартийному положению. «С'езд обращает вние всей партии на то, что оппортунисты всех мастей, особенно правые, еняют новый маневр, выражающийся в формальном признании своих ок и в формальном согласии с генеральной линией партии, не подтвер- свое признание работой и борьбой за генеральную линию, что на деле

---

1) Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 124.

2) Там же, стр. 125.

означает только переход от открытой борьбы против партии к скры
или выжидание более благоприятного момента для возобновления атаки
партию». Вскрытое лишь недавно двурушничество группы Сырцова—Ло
надзе, Нусиновых, Кавравских, Гальпериных говорит с полной очевидност
что правые своего оружия не сложили и продолжают в новых условиях об
ченными на поражение двурушническими методами атаковать партий
руководство. Особенность настоящего этапа заключает
в том, что не только продемонстрировано идейн
сродство правых и «левых» оппортунистов, но и уст
новлен их прямой блок, по типу предыдущих гнилы
беспринципных блоков с взаимной амнистией. Вновь
являются на арену «левацкие» лозунги Ломинадзе, Стэна, Шацкина и
по сути дела прикрывающие правую позицию, вновь в новом ухудшен
издании появляются речи, подобные бухаринским паническим «Замет
экономиста», со стороны людей, лишь совсем недавно пропагандировав
лозунг «накоплять в добрый час». Предлагается повышение товарных
третий год пятилетки об'является не годом, решающим для успеха пятилет
не годом стремительного натиска вперед по всему фронту против капи
лизма, ...а годом «исправления допущенных ошибок». Эти новоявлен
паникеры органически не в состоянии видеть величайший героизм рабоч
класса, выражающийся в развитии все новых и новых форм социалисти
ского соревнования, ударничества, встречного промфинплана и пр. Пар
во исполнение решений своих с'ездов беспощадно выбрасывает и будет
брасывать из своих рядов правых паникеров и троцкиствующих «лев
невзирая на лица.

Она требует прямоты, ясности, четкости. Молчание или отмалчива
по вопросу о борьбе с правыми вождей оппозиции партия расценивает,
скрытую поддержку новых атак на генеральную линию партии. Партия
рется за единство, она требует единства безусловного, безо
рочного, полного, нелицемерного,— единства на основе защиты генер
ной линии партии и борьбы со всеми видами оппортунизма.

* . *

Мы знаем, что нам предстоят еще величайшие испытания. «
ты угнетен, эксплоатируем и думаешь о том, чтобы скинуть вл
эксплоататоров, если ты решил довести дело свержения до конца,
должен знать, что тебе придется выдержать натиск эксплоататоров в
мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жер
чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае
раздавят» [1]).

Так говорил Ленин об успехах и трудностях советской власти на
тинге в Петербурге 13 марта 1919 г.

13 лет тому назад рабочий класс нашей страны повел за собой м
миллионные массы крестьянства для того, чтобы скинуть власть экспл
торов, для того, чтобы «довести дело свержения до конца». Да, он знал,
ему придется «выдержать натиск эксплоататоров всего мира». Да, он док
за все эти 13 лет, что он «готов этому натиску дать отпор и пойти на н
жертвы, чтобы устоять в борьбе».

Пролетариат нашей страны и многомиллионные массы крестьянств
казали невиданный пример революционности, героического самопожерт
ния. СССР не раздавит никакая сила, если он будет так же твердо и неук

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 70.

следовать по ленинскому пути, по которому ведет его коммунистическая партия большевиков.

Мы переживаем время, когда угнетенные империалистами колониальные и полуколониальные страны подняли уже знамя восстания. Вслед за Китаем, где на громадных территориях организовались уже советы, где подготовляется уже первый с'езд китайских советов, ведущих борьбу в исключительно тяжелых условиях,— поднимаются многомиллионные массы Индии, всего Востока, всех колониальных и полуколониальных стран.

Ко всем глубочайшим источникам революционных восстаний этих масс прибавляется и тот невыносимый национальный гнет, который переживают миллионные массы. Единственная страна, в которой десятки национальностей, населяющих одну шестую часть земного шара, свободно развиваются в братском союзе,—это СССР.

Под знаменем Коминтерна ведется борьба за то, чтобы во всем мире под знаменем советов рабочие и трудящиеся могли бы строить жизнь освобожденного труда, освобожденного от эксплоатации, от всех видов угнетения одного класса другим, одного человека другим.

Мы вступаем в 14 год пролетарской диктатуры с величайшими завоеваниями в этой области. Мы уверенно смотрим в будущее. Новая, молодая, полная жизненных соков весна народов развертывается на территории СССР.

Под знаменем Ленина она развернется в ближайшие годы во всем мире. Для этого стоит жить, работать, бороться.

Б. Таль.

Право-„левый“ блок в борьбе против партии.

Со всей решительностью партия развертывает большевистское наступление по всему фронту социалистического строительства, прочно закладывая фундамент социалистической экономики. Твердо проводя выдержанную ленинскую линию, в беспощадной борьбе с уклонами от нее, успешно преодолевая огромные трудности строительства социализма в стране, тесно окруженной капиталистическими хищниками,—партия осуществляет задачу превращения России нэповской в Россию социалистическую.

На основе развернутого социалистического наступления Советская страна вступила в последний этап нэпа, в новую фазу переходного периода. «Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» (Сталин).

Последний этап нэпа характеризуется резким обострением классовой борьбы. Неизбежность этого обострения в ответ на социалистическое наступление ясна: выкорчевывание корней капитализма и ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации вызывает бешеное, отчаянное сопротивление отживающих классов в СССР, встречающее активную поддержку со стороны международной буржуазии. Международная буржуазия, подготовляющая военную интервенцию против Советской страны, через вредителей, через партии контрреволюции одновременно осуществляет экономическую интервенцию в области нашего хозяйственного строительства, со всех сторон пытаясь подорвать его изнутри. Только оппортунистические сладкопевцы мирного врастания кулака в социализм и нововявленные апостолы классовой гармонии могут думать, что строительство социализма—мирный процесс плавного затухания классовой борьбы. Подобных либералов имел в виду Энгельс, когда писал (в связи с разработкой Эрфуртской программы) о своем горячем желании «разделать миролюбивый оппортунизм и мирно-спокойно-свободно-веселое врастание старого свинства в социалистическое общество» [1].

Эти слова написаны как-будто специально по поводу откровений Бухарина и его славной «школы молодых».

Путь к уничтожению классов идет через обострение классовой борьбы на определенных этапах, вызывая бешеное сопротивление отживающих классов. Последний этап нэпа—это последний и решительный бой с капиталистическими элементами в СССР.

---

[1] См. письмо Энгельса Каутскому от 29 июня 1891 года.

О неизбежности этого боя Ленин говорил еще на XI с'езде партии, арте 1922 года, подводя первые итоги новой экономической политики и ечая перспективы наступления на ее рельсах: «Последний и решительный » не с международным капитализмом,—там еще много будет «последних ешительных боев»,—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который тет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддержи- тся. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя еделить» [1]. Этот срок пришел. Жестокие классовые бои развертываются фронте сплошной коллективизации при проведении ликвидации кулаче- а как класса, на фронте социалистической индустриализации Советской аны, на фронте культурной революции.

Обострение классовой борьбы, растущее сопротивление отживающих ссов вызывает колебания в отдельных прослойках рабочего класса и от- ьных звеньях авангарда пролетариата—коммунистической партии. Мелко- жуазная стихия захлестывает отдельные, наименее устойчивые отряды ей партии, превращая их фактически в агентуру отживающих классов.

Эти отряды, сползающие с ленинской линии партии, об'ективно пере- ят от защиты интересов пролетариата к защите интересов враждебных классов. Такова неумолимая диалектика классовой борьбы.

Своеобразие обстановки на каждом этапе строительства социализма, кретные особенности и условия накладывают соответствующий отпечаток характер борьбы против партии со стороны оппортунистических тече- . Являясь агентурой классового врага, они начинают борьбу против партии самым основным, коренным, решающим на данном этапе вопросам и— роцессе борьбы—противопоставляют линии партии свою оппортунистиче- линию по всему фронту.

Большевизм окреп и закалился в беспощадной борьбе с уклонами, с вра- внутри рабочего движения. С ленинской твердокаменностью, с принци- льной большевистской непримиримостью, на основе железной больше- ской дисциплины наша партия всегда боролась на два фронта—против ого и «левого» уклонов от генеральной линии. Партия сумела разгромить кизм—мелкобуржуазный радикализм, отражающий, по меткой характе- тике тов. Сталина, «двойственное положение разоряющейся городской кой буржуазии, не терпящей «режима» диктатуры пролетариата и стараю- ся либо перескочить «сразу» в социализм, чтобы избавиться от разоре- (отсюда авантюризм и истерика в политике), либо, если это невозможно, на любые уступки капитализму (отсюда капитулянтство в политике)» [2].

Троцкизм разгромлен, разоблачен, выродился в контрреволюционную пку, обслуживающую в меру сил и уменья интересы международной бур- ии, готовящей при активнейшем участии социал-фашизма военное на- ние на страну пролетарской диктатуры.

Однако социальная база, питавшая троцкизм, еще не уничтожена. По- у нашей партии снова и снова приходится иметь дело с рецидивами кизма, с полутроцкистскими загибами, с «левацким» уклоном, сочетаю- троцкистскую истерику с капитулянтством. Беспощадная борьба с этим ом остается боевой задачей партии.

Партия нанесла сокрушительный удар правооппортунистическому ну, возглавленному тт. Бухариным, Рыковым и Томским, представляю- мелкобуржуазный либерализм, сила которого заключается в «силе буржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталисти- х элементов вообще, со стороны кулачества в особенности» [3].

---

[1] Ленин т. XVIII, ч. 2, стр. 33—44.

[2] И. Сталин Доклад на XVI с'езде ВКП(б), стр. 102.

[3] Там же, стр. 105.

Социальная база правого уклона далеко еще не устранена—наобор сопротивление кулачества растет, и отражающий его правооппортунисти ский уклон, ведущий к реставрации капитализма, остается главной опа стью на данном этапе развернутого социалистического наступления по вс фронту.

Было бы величайшей и опасной наивностью полагать, что разгром тр кизма и решительное разоблачение правого оппортунизма (который не на XVI с'езде партии даже всерьез выступить, если не считать путан покаянных речей тт. Томского, Рыкова и Угланова) позволяют партии о бить борьбу с уклонами. Наоборот, в обстановке нового под'ема социали ческого строительства, в условиях обострения классовой борьбы в Совет стране и усиления натиска международной буржуазии на СССР резко о ляются правые и «левые» оппортунистические уклоны в ВКП(б), усиливаю свои атаки на партию.

Законы классовой борьбы делают свое дело. В новой обстановке, на вом этапе переходного периода, новая оппортунистическая группа раз чивает борьбу с партией по всему фронту, стремясь изменить партий линию и партийное руководство.

Своеобразие этой новой вылазки оппортунизма в нашей партии зак чается в двух моментах: 1) на сцену выступил беспринципный право-« вый блок с правооппортунистической платформой, расшитой рами «левацкой» истерики и с густым меньшевистским душком; 2) возг ляемый Сырцовым и Ломинадзе блок с первых шагов проявил в борьбе с тией совершенно беспримерное, отвратительное двурушничеств трусливую лживость.

Как у всякого беспринципного оппортунистического блока, платф новых спасителей революции представляет собой лоскутное сооружение, менты которого надерганы у различных «предшественников» по бессла борьбе с ленинской линией партии. От пестроты этой платформы ряб глазах. И троцкисты и правые оппортунисты могут не без чувства нек рого отеческого удовлетворения прочитать кровные свои идеи в творе своих эпигонов, заимствовавших свои тезисы без всякого стеснения из испытанных оппортунистических источников. Что за варево, переливак всеми цветами оппортунистической радуги, получилось в результате смелой и оригинальной деятельности!

Боевая ленинская бдительность партии, стремительные темпы на развития, резко обостренные и обнаженные классовые противоречия с ис чительной быстротой привели к разоблачению нового «блока». Он не у обогатить «партийную литературу» большим количеством глубоких про дений Однако, и то немногое, что создал блок, достаточно красноречи с исчерпывающей ясностью выявляет его природу.

Попробуем разобрать сущность платформы, право-«левого» блока скольку она выявлена в документах «легальных», в статьях, речах.

Итоги хозяйственного года и мрачный пессимизм право-„ле блока.

Прежде всего— какова общая оценка хозяйственно-политическог ложения и итогов прошедшего года? Здесь новый блок не отстает от предшественников по оппозициям разного рода.

Общим свойством, своеобразным законом всех оппозиций являет мый мрачный пессимизм в оценке хозяйственно-политического полож Сколько раз трагически вещал Троцкий, что «кукушка уже прокуко сколько раз самые различные документы «46», «81», «15»—и т. д. предр советской власти неизбежную гибель, сколько раз Бухарин предска

х, катастрофу, народно-хозяйственный кризис и т. д. Новый блок при- диняет свой голос к этому вещему хору пророков. В этом смысле харак- на речь Сырцова о контрольных цифрах на 1930/31 г. По его мнению, и прорывы и провалы являются «отправными моментами» для всей даль- шей работы. Куда же можно прийти, если «отправляться» от провалов? до сих пор полагали, что «отправными моментами» для дальнейшего оительства должны служить вся совокупность достигнутого, ито- прошедшего года в целом, включая и достижения и завоевания, учи- ая имевшиеся прорывы, анализируя на этой основе трудности и т. д. цов почему-то выбирает одни прорывы и «провалы». Сырцов твердит провалах 3-го и 4-го квартала», которые «чрезвычайно затрудняют ешное развертывание нашего народного хозяйства в будущем году».

При всех трудностях и недостатках, имеющихся у нас, налицо исклю- ельный под'ем трудового энтузиазма в рабочих массах, бьющая ключом ивность пролетариата, героически борющегося за выполнение пятилетки етыре года. Этот факт отмечают даже отнюдь нас не обожающие ино- онные специалисты и корреспонденты. А по Сырцову, у нас—«наблю- тся какой-то упадок энергии, почти что прострация, отсутствует творче- я инициатива». Откуда сие? Может быть автор этих слов собственное со- яние обобщает на всю Советскую страну? После этого не приходится уди- ться, что появляются какие-то таинственные «некоторые», которые лонны делать неправильный вывод, что, очевидно, должна пойти речь ереальности темпов, проводимых партией, и, значит, о какой-то ревизии овых установок в этой области». Но, оказывается, что этот вывод не та- уже «неправильный»: Сырцов углубляет анализ, и получается, что «це- ряд тревожных симптомов в нашем хозяйстве, резкое обострение отдель- диспропорций, как-будто, на первый взгляд, делают законными и сомнения».

Ленин еще на заре большевизма дал исключительно четкую, меткую и ую характеристику оппортунизма:

«Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забы- характерные черты всего современного оппортунизма во всех и всяче- х областях, его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппор- ист по самой своей природе уклоняется всегда от определенной и беспо- отной постановки вопроса, вьется ужом, отыскивает равнодействующую ду исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть соглас- » и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, лагим и невинным пожеланиям и т. п.» [1]).

Новый вождь нового оппортунистического блока снова и снова под- ждает глубочайшую верность этой характеристики. «Словечка в про- е не скажет, все с ужимкой»—«как-будто», «на первый взгляд», «оче- но» и т. д. и т. д.—ужом вьется новый герой оговорочек,—но смысл фи- фии сей достаточно все же ясен. Недаром же тов. Сырцов так упорно дит о «провалах» и мрачных перспективах.

Он применяет своеобразный маскировочный прием, позаимствованный, будто у Мейерхольда, который в «Ревизоре» для вящего раскрытия глу- ной сущности действующих лиц и явлений вводит добавочный персонаж де заезжего капитана. У тов. Сырцова в его программной речи точно же появляется приезжий «иностранный инженер», в уста которому вкла- ются очень поучительные рассуждения о том, что, мол, «вы, советские , очень странные, вы говорите о темпах и представляете себе, что темпы чают всякую необходимость обдумывать мероприятия, которые вы про- те». Собственно говоря, люди, которые не думают, называются не странными людьми, а гораздо хуже,—но, видимо, вежливый инженер пре ставляет нам самим догадываться и выбирать между легкомыслием, сла умием и просто глупостью. Как же иначе,—если мы не думаем, делаем «о бочные дорогостоящие шаги» и вдобавок компрометируем свои мероприя «их суетливым, легкомысленным выполнением»? Последняя характеристи впрочем, принадлежит не заезжему иностранцу, а самому автору. Он вооб не скупится на красочные характеристики нашей работы,—работаем «рывками», «толчками» по принципу «эй, дубинушка, ухнем», на нача «бестолковщины» и т. д. Неудивительно, что получается у нас мало хорош всюду провалы, «перспективы окрашиваются темноватыми красками» и т

---

[1] Ленин, собр. соч., т. V, стр. 473.

Правильна ли эта мрачная оценка итогов хозяйственного года и спектив нашего развития? Факты, которые, как говорят, вещь упрямая, суют совершенно иное. Не имея возможности в рамках данной статьи дробно останавливаться на анализе итогов хозяйственного года, прив лишь вкратце самые основные данные.

Прирост продукции всей планируемой ВСНХ промышленности—2 в том числе по производству средств производства—40%. Эта цифра зн тельно превышает оптимальные наметки пятилетнего плана (21,5%), отстает (главным образом за счет легкой индустрии) от намеченных трольных цифр. Капитальные вложения в промышленность выросли на 8 за один год. За два года пятилетки капитальные вложения в промышленно составили 5 млрд. рублей—вместо 3.870, намеченных пятилетним планом

За все последние годы реконструкции прирост промышленной про ции неуклонно идет вверх по *возрастающей* большевистской кри

	Фактически выполнено	Намечалось пятилетним планом	
		Отправной вариант	Оптимальный вариант
1926/27	прирост 19,5%	—	—
1927/28	„ 23,3%	—	—
1928/29	„ 24%	21,4%	21,4%
1929/30	„ 25%	18,8%	21,5%

Похоронена пресловутая затухающая кривая, которую упорно о ивали и «левые» троцкисты, и правые оппортунисты, и... «Промышле партия», и контрреволюционная организация Кондратьева—Чаянова, и м шевистская группа Громана—Суханова.

Огромных успехов добились мы и в области под'ема и социалист ской перестройки сельского хозяйства. За истекший год посевная пло по СССР выросла на 7,4 млн. га, валовой урожай—на 22%. Это прямо зультат подготовленного политикой партии решительного поворота бедня середняцких масс крестьянства на путь коллективизации. Социалистиче сектор сельского хозяйства решительно окреп: совхозы — становой хр социалистического переустройства сельского хозяйства — засеяли 3,8 м и подготовили к будущему году более 8 млн. га, вместо 5 млн. га, намече к концу пятилетки. Посевные площади колхозов достигли 36 млн. га, в 20,6 млн. га, проектированных к концу пятилетки; в основных зерновых онах они охватывают свыше 40% всех хозяйств и ⅔ всего ярового ного клина. В результате—60% товарного хлеба в этом году дают сов и колхозы. На базе в основном разрешенной на путях развернутого с листического наступления зерновой проблемы партия добилась первых ных успехов в области животноводства и технических культур.

Прирост сбора хлопка составил за истекший год 60%, сах свеклы—150%.

В области животноводства успешно осуществляется намеченная нием XVI с'езда огромная программа. Задание тресту Скотовод—разве

к 1 января 1931 года 100 мясосовхозов с площадью 13 млн. га и сформировать стадо в 1.100 тыс. голов крупного рогатого скота—к XIII годовщине Октября выполнено: развернуто 128 мясосовхозов; освоена площадь земель в 15,7 млн. га; сформировано стадо в 1.004 тыс. голов скота.

Трест Свиновод, получивший задание развернуть к 1 октября 1930 г. 240 совхозов с 135 тыс. свиней, развернул 275 совхозов с 147 тыс. свиней.

Между прочим, по вопросу выполнения программы по животноводству тов. Сырцов указывает, что обстоятельства «вызывают большое сомнение насчет того, удастся ли нам эту программу осуществить». Вниманию сомневающихся рекомендуются факты.

На основе мощного развертывания промышленности и совхозно-колхозного строительства мы ликвидировали безработицу, что является величайшим историческим завоеванием рабочего класса.

Важнейшим условием, обеспечивающим все эти успехи социалистического строительства, является мощный под'ем творческой активности пролетариата. Волна трудового энтузиазма охватила миллионные массы рабочих: соцсоревнование, ударничество дали бесчисленные примеры подлинного героизма на фронте социалистического строительства.

В процессе социалистического наступления партии приходится преодолевать огромные трудности, коренящиеся в технической, экономической и культурной отсталости, неразрывно связанные с бешеным сопротивлением классовых врагов и капиталистическим окружением СССР.

При общем быстром движении вперед мы имеем ряд прорывов (недовыполнение общей наметки контрольных цифр по промышленности, прорывы по углю, металлу, химии, сильное отставание транспорта и т. д.), недовыполнение качественных показателей (важнейшее из них—снижение себестоимости на 7—8% против 11%, намеченных планом), трудности в области снабжения, в области денежного обращения, в области кадров квалифицированной рабочей силы.

Однако эти трудности являются *трудностями роста*, таящими в себе силы для их преодоления. Проводя быстрым темпом социалистическую индустриализацию Советской страны и социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, мы ликвидируем враждебные классы, выкорчевывая самые глубокие корни капитализма, решительно подымая технический уровень хозяйства и производительность общественного труда. Социалистическое планирование, включающее в себя встречный промфинплан фабрично-заводских, совхозных и колхозных коллективов, все шире и глубже охватывает все народное хозяйство, обеспечивая дальнейшее ускорение социалистического развития, преодолевающего затруднения и устраняющего их основы.

Характер трудностей Советского союза с полной отчетливостью выступает при сопоставлении хозяйственного развития СССР и капиталистического мира.

Так, за истекший год Советская страна — при всех затруднениях и прорывах — *дала прирост промышленной продукции на* 25%, в то время как самые мощные капиталистические страны под ударами растущего и углубляющегося кризиса мирового капиталистического хозяйства резко *снизили* свою промышленную продукцию. САСШ—благословенная страна буржуазного процветания и обетованная земля социал-фашистов — на 26%, Германия — на 20% и т. д.

В СССР — при всех трудностях и прорывах — безработица начисто ликвидирована, а в капиталистических странах безработица непрерывно, катастрофически растет, охватывая (по данным Профинтерна) около 25 миллионов (Соединен. Штаты Сев. Америки — 9 млн. безработных, Германия — до 4,5 млн., Англия — до 4 млн. и т. д.).

Эти итоги — быстрый под'ем, крупные успехи при наличии отдельных прорывов и ряда хозяйственных затруднений — позволили наметить еще более быстрые темпы развития на ударный квартал октябрь — декабрь 1930 г. Прирост валовой продукции промышленности намечен в 38,5% (тяжелая — 43,3%, легкая — 33,4%), капитальные вложения в промышленность — 970 млн., в электростроительство — 175 млн. руб., капитальные вложения в социалистический сектор сельского хозяйства — 730 млн. Бюджет намечен по доходной части — 5.107 млн. руб., по расходной — 4.496 млн. руб., что дает возможность создать резерв в 503 млн. руб.

Право-„левая“ клевета на госаппарат и „рабочелюбие“ нового блока.

Все это достаточно показательно. Но никакие факты не в силах рассеять мрачных сомнений тов. Сырцова. Этот лидер нового блока не верит в возможность дальнейшего успешного наступления и повышения темпов. И немудрено: он не верит в силы рабочего класса, строящего социализм. По его мнению у нас «происходит значительная неэкономная, неумелая растрата части энергии и сил рабочего класса». Мало того, у нас — жесточайший бюрократизм, «ограничивающий и суживающий размах творческих сил рабочего класса». Оказывается, мы сможем двигаться вперед только «освободив инициативу и энергию рабочего класса и дав возможность более свободно, более гибко и с надеждой на успех выдвигать творческие идеи». Сейчас, очевидно, рабочие не свободны и выдвигают творческие идеи без надежды на успех!

Ленин со всей силой постоянно подчеркивал, что основной отличительной особенностью советской системы является ее теснейшая связь с рабочими массами. Железная пролетарская диктатура — беспощадная в подавлении классовых врагов — является высшей и единственной формой подлинной демократии для трудящихся. С каждым годом мы имеем все больше достижений в деле вовлечения и массового выдвижения рабочих в управление государством и хозяйством. Достаточно вспомнить хотя бы приведенный на этот счет богатейший материал в докладах т. Кагановича и т. Орджоникидзе на XVI с'езде партии. За все время революции никогда еще не подымалась так высоко активность рабочих масс в деле хозяйственного строительства — бьет ключом рабочая инициатива, тысячами поступают рабочие предложения, непрерывно выдвигаются все новые и новые формы соцсоревнования и ударничества. В этом мощном непрерывно растущем движении заключаются источники ускорения темпов нашего развития. А по Сырцову выходит, что рабочие не свободны, их инициатива душится и т. д. Но ведь это старые давно-давно знакомые рассуждения, ведь это меньшевики все время твердят о советской власти, что она закрепощает рабочих, что это не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом. Тов. Сырцов еще усугубляет свои рассуждения на этот счет, при чем речь идет у него отнюдь не об отдельных фактах, не о бюрократических извращениях и т. д. — которых у нас еще достаточно много. На борьбу с этими извращениями партия мобилизует миллионные массы рабочих, батраков, опору рабочего класса в деревне — бедноту и колхозников, союзника пролетариата — середняцкие массы крестьянства, пользуясь мощным рычагом самокритики, в развертывании которой партия со времени июньского обращения 1928 года добилась крупных успехов.

Нет, у тов. Сырцова речь идет именно о самой системе советской власти. Как иначе понять следующие его рассуждения: «чуть ли не каждая положительная творческая идея рабочего класса обязательно через некоторое время получает в порядке какого-то автоматизма извращение»? Рассуждения об «автоматизме» отнюдь не слу-
ны — наш автор «замешивает» их еще гуще: «бюрократизация, прини-
щая за последнее время чрезвычайно широкие размеры, автомати-
ски связывает инициативу ценных групп рабочих и хозяйственников».
ть «автоматически». Что это значит? Очевидно, т. Сырцов находит, что
оветской системе имманентно заложены силы и свойства, авто-
ически давящие инициативу рабочего класса, душащие его и т. д. и т. п.
ведь это чисто меньшевистская клевета на советскую власть, которую
слышим из-за границы вот уже 13 лет — с первых дней советской власти.
мнению меньшевиков, советская власть — разогнавшая учредилку, ли-
щая права голоса эксплоататоров и тунеядцев, сажающая даже мень-
иков и эсеров в тюрьмы за малейшее «политическое оказательство»
нич), расстреливающая вредителей и совершающая еще несчетное мно-
тво «смертных грехов» против священных принципов буржуазной демо-
тии — является системой насилия, автоматически удушающей активность
, даже рабочего класса.

Каутский, впадающий в старческий маразм, но продолжающий еще
одически изрыгать отравленные слюной бешеной собаки антисоветские
ности, считает даже, что советская система хуже царизма.

Известно, что отвечал Ленин на эти рассуждения. Он считал вопрос
отношении к пролетарской революции и пролетарской диктатуре, кон-
тной формой которой является советская система, решающим для каж-
марксиста. Всякого, не разделяющего в этом вопросе точки зрения
шевизма, Ленин без всякой пощады зачислял в ренегаты. Этот вопрос
ется азбукой коммунизма. А теперь вдруг является новый вождь нового
партийного блока и открывает, что в советской системе заложены ка-
то таинственные силы, «автоматически» подавляющие рабочий
с. Неужели Сырцов не понимает, что эти рассуждения грозят завести
слишком далеко — по ту сторону баррикады?

Однако тезисом об «автоматизме» не исчерпывается теория право-
вого» блока о советском государстве. Развитие бюрократизма в его гла-
достигает каких-то геркулесовых столбов. Бюрократизм все давит. Как
быть? Надо бороться с бюрократизмом, улучшать советский аппарат,
игать в него рабочих, организовать шефство рабочих над учреждениями,
всей пролетарской решительностью проводить суровые чистки. Да нет,
это напрасно — уныло и безнадежно отвечает Сырцов. Дело в том, что
нас сама борьба с бюрократизмом превращается в добавочный фактор
ократизма» (!). Но ведь тогда же дело совершенно безнадежно! И если
с еще нет термидорианского перерождения, то оно неизбежно придет,
даже бороться с бюрократизмом нельзя, ибо сама борьба добавочно
ждает бюрократизм. Куда же деваться? До чего все это дойдет? Нет
та. Тупик. Но где-то мы слышали уже такие же самые рассуждения:
нешняя официальная борьба с бюрократизмом... не дает и не может да-
существенных результатов, а во многих случаях даже содействует уси-
ю бюрократизма». Откуда это? Из той же речи Сырцова? Нет, у него
добавочно написано нечто иное, хотя очень похожее: «Сплошь и рядом
вищные ведомственные перегибы у нас растут прямо пропорционально
иям по борьбе с ними». Откуда же приведенное выше рассуждение? Это...
тезисы троцкистской оппозиции о работе в деревне, опубликованные
скуссии перед XV с'ездом 1)). Напрасно Сырцов прямо не указал источник
мудрости. Было бы не так страшно за советское государство и совет-
систему. Ведь со времени XV с'езда, когда троцкизм делал такие потря-
ие предсказания, погибла не советская власть, а троцкистская оппо-
я.

---

1) См. сборник дискуссионных материалов: «Партия и оппозиция накануне
'езда», вып. 3, стр. 53.

Троцкизм сомкнулся с меньшевизмом. С кем же смыкается пра
«левый» блок?

Эта подозрительная «смычка» еще углубляется рассуждениями пра
«левого» блока по «рабочему вопросу».

Не было еще в нашей партии оппозиции, которая не афишировала
свое особое «рабочелюбие». Да и меньшевики выставляют себя истинн
друзьями и защитниками рабочих против «насильников»-большевиков. Пра
рабочий класс Советского союза давно уже очень громко и вразумител
ответил на эти меньшевистские притязания: «избавьте меня от таких «
зей», а с врагами я сам как-нибудь справлюсь».

Правда, еще с времен борьбы с экономизмом известно, что сознат
ного рабочего не проведешь на демагогии фальшивого рабочелюбия,
рабочий класс, особенно после богатейшего опыта 13 лет пролетарской
татуры умеет различать врага в любой личине. Однако попытка спекул
на «рабочем вопросе» слишком соблазнительна, и перед этим искушение
устоял и новый блок. Для начала Сырцов заявляет, что у нас, коне
«иногда» «норовят отделаться лишь одним добавочным напряжением р
чих». Дальше он завертывает погуще: «прибегают иногда к механическ
нажиму на рабочих». Оба эти утверждения тесно связаны с общими оп
тунистическими рассуждениями о мертвящей бюрократизации советск
государства и т. д.

Ясное дело, если стоять на почве теории об имманентном «автом
ческом», внутренне-присущем советской власти и системе неисчерпае
мертвящем бюрократизме, — тогда «нажим на рабочих» есть естествен
продукт этой системы и тогда — если быть последовательным — надо
на борьбу с самой советской властью.

В вопросе о реальной заработной плате ничтоже сумняшеся, без
кого анализа, право-«левый» блок исходит из того, что в «этой обл
имеется большое неблагополучие, главное, нараст
щее». Характерно, что этот, весьма серьезный, вывод делается на глаз,
какого бы то ни было анализа, не приводя буквально ни одной цифры.

Здесь у нового блока получается несомненный просчет. Рабочий к
СССР, организованный в государственную власть и в течение 13 лет б
щийся и строящий социализм, видел достаточно «рабочелюбцев», пытав
ся играть на заработной плате: и меньшевики, и рабочая оппозиция, и д
кратический централизм, и троцкизм, и правый оппортунизм — все тут
вили ставку — и все были биты. Пролетариат СССР достаточно ясно п
мает, что дешевая, ничем не подкрепленная демаго
о реальной заработной плате, ни в какой мере не оз
чает действительной заботы и работы по неуклонн
дальнейшему улучшению культурного, материаль
бытового положения рабочего класса и уровня
реальной зарплаты.

Рабочий класс отчетливо осознает, что непрерывное улучшение
культурного и материального положения является неразрывной соста
частью развернутого социалистического наступления по всему фронту. З
ботная плата в советском хозяйстве не является ценой рабочей силы, так
рабочая сила у нас — не товар. И буржуазные или меньшевистские ме
подсчета заработной платы к советскому хозяйству применены быть н
гут. Подлинно марксистско-ленинский анализ этого вопроса дал т. С
на XVI с'езде партии.

Реальная зарплата рабочего СССР складывается из ряда элеме
В нее входит, помимо зарплаты в тесном смысле слова, еще и соцстр
отчисления на улучшение быта рабочих, и рабочее жилстроительство
С учетом всех этих факторов реальная зарплата рабочих ССС

1928/29 год составила 167% в сравнении с довоенной [1]). Один лишь бюджет соцстрахования вырос за последние 3 года с 980 млн. руб. в 1927/28 г. до 1.400 млн. руб. в 1929/30 г.

На рабочее жилстроительство ушло за последние три года — 1.880 млн. руб., на охрану материнства и младенчества — 492 млн. руб., на детсады, площадки и т. п. — 204 млн. руб. К этому надо прибавить ряд добавочных факторов, как расширение общественного питания, удешевление жилищ для рабочих, огромное количество стипендий для рабочих и их детей. Следует еще учесть, что более 830 тыс. индустриальных рабочих (33,5%) переведены на 7-часовой день, 1,5 млн. (83,4%) переведены на пятидневную неделю, что через сеть домов отдыха и курортов пропущено за последние 3 года более 1.700 тыс. рабочих. Все это показывает, как идет действительный рост реальной зарплаты (с учетом всех ее факторов) рабочих СССР. Наконец, громадную роль играет ликвидация безработицы, что повысило обеспеченность рабочей семьи, увеличив количество работающих.

Советское хозяйство непрерывно растет. Социалистический его сектор быстро увеличивается, капиталистические элементы вытесняются и ликвидируются. В этих условиях было бы совершенно необ'яснимо, куда девается растущий народный доход, если бы реальная зарплата, общее материально-бытовое и культурное положение рабочего класса ухудшалось.

Распределение народного дохода СССР представляет прямую противоположность его распределению в капиталистических странах.

В Германии доля рабочих и прочих трудящихся города и деревни, не эксплоатирующих чужого труда, в 1929 году составляла 55% всего народного дохода, а доля капиталистов — 45%; в Англии — доля трудящихся — 45% народного дохода, доля капиталистов — 55%; в Соед. Штатах — доля рабочих — 54%, доля капиталистов — 46%. А в СССР в 1929/3[illegible] г. — доля рабочих и трудящихся крестьян составила 77,1% всего народного дохода; доля кулаков и городских капиталистов — 1,8%; доля кустарей — 4,4%; доля государственного сектора (доходы которого являются доходами рабочего класса и всех трудящихся) — 15,2%; наконец, доля прочих (пенсионеры и т. п.) — 1,5%.

В капиталистических странах доля эксплоататорских классов составляет около 50% всего народного дохода, а в СССР доля эксплоататорских классов — менее 2%.

Все это, конечно, ни в какой мере не означает, что не следует неустанно добиваться постоянного дальнейшего повышения реальной зарплаты, что все тут обстоит благополучно. Ничего подобного, — к этой проблеме требуется самое пристальное внимание партии и рабочего класса, тут необходима неустанная работа.

Но реальная зарплата не может увеличиться от демагогических посулов. Здесь нужна упорная кропотливая работа. Дело в том, что вопросы материально-бытового положения рабочего класса и повышения его реальной зарплаты в настоящее время тесно переплетаются с вопросами снабжения. А эти вопросы в настоящих условиях требуют коренного и решительного улучшения работы кооперации. Ведь обобществленный сектор охватывает по опту 99% всей внутренней торговли, а по рознице — 89%. Коренное и решительное улучшение работы кооперации, таким образом, является существеннейшим условием улучшения материально-бытового положения рабочего класса. Между тем, в работе кооперации имеется множество крупнейших недостатков, важнейшим из которых является тот, что она до сих пор частенько больше заботится о прибылях, чем о снабжении рабочего дефицитными продуктами и лучшей организации общественного питания. Тов. Сталин совершенно справедливо и резко обрушился на XVI с'езде на эти недостатки кооперации, отметив, в частности, что кооперация, не снижающая розничных цен, «действует в данном случае не как социалистический сектор, а как своеобразный сектор, зараженный нэпманским духом» [1]).

---

[1]) См. доклад т. Сталина на XVI с'езде ВКП(б).

Таким образом, дело реального дальнейшего улучшения материально-бытового положения рабочего, — а это действительно важнейший вопрос, стоящий в центре нашего внимания, — требует решительной борьбы с этими болезнями кооперации.

А что по этому поводу говорит «рабочелюбец» Сырцов? Он также имеет свою «кооперативную программу», при чем характер этой программы весьма своеобразен. Он находит, что кооперация торгует... по слишком низким ценам. Ему кажется, что наша кооперация «отвыкает даже от принципа хозрасчетности». В качестве основной директивы он со всей резкостью подчеркивает: «нам нужно жестко проводить принцип учета себестоимости и *обеспечения рентабельности*». Но, позвольте, ведь *рентабельность* это не учет себестоимости и даже не хозрасчетность. Принцип рентабельности, ничем не ограниченный — означает извлечение максимальной прибыли, погоню за прибылью, что проще всего достигается *повышением цен*.

Сырцов этот вывод пытается обосновать со всех сторон. Он говорит, что при низких ценах «частник слизывает разницу между государственной и своей ценой». И еще «страшнее»: «нельзя допускать стихийного перераспределения, которое немного будет походить на «самораскулачивание» (?!) рабочей кооперации и госорганов и переход по сравнительно невысоким ценам части реальных фондов в руки мелкобуржуазных групп населения».

Мало того: «*значительная часть* (!) трудящихся, *рабочего класса* этим несоответствием таскается на путь мелкобуржуазной спекуляции, а это может привести к *чрезвычайно большой деморализации*». Это последнее рассуждение, между прочим, чрезвычайно ярко иллюстрирует неверие право-«левацкого» блока в рабочий класс и его силы. Какие уже тут силы, если *значительная* часть рабочего класса подвержена *чрезвычайно большой деморализации*. Это уже не строители социализма, а деклассирующиеся спекулянты какие-то! Вдобавок, пугает Сырцов, — «при громадном разрыве цен спекулянтские группы могут начать восстанавливаться очень быстро».

Что же предлагается в качестве всеспасительной панацеи от всех этих бед? — *Повышение цен*.

Но, позвольте, ведь это тоже как-будто не ново, как-будто знакомо. Конечно, ведь это было одним из основных пунктов программы троцкизма. Например, в № 6 «Большевика» за 1926 г. [2]). Преображенский в статье «Экономические заметки» развивает точь в точь ту же аргументацию: «...Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели, во-первых: увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно и, во-вторых — увеличение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал. Как бы ни была нежелательна эта последняя операция, она остается единственным выходом из положения, если мы хотим ограничить накопление частного капитала, приостановить утечку ценностей из государственного хозяйства в частное».

---

[1]) Сталин. Доклад на XVI партс'езде, стр. 54.

[2]) «Большевик» № 6, 1926 г., стр. 63.

Оказывается, что из всей концепции у Сырцова оригинальным оказалось только слово «слизывает» (Преображенский написал об «утечке»), все же остальное — дело давно знакомое и проанализированное.

Что может дать повышение цен госторговлей и кооперацией: 1) понижение реальной заработной платы (браво, рабочелюбцы!); 2) приведет неизбежно к необходимости повышения заготовительных цен на важнейшие сельскохозяйственные продукты; 3) в итоге — крайне болезненно отразится на денежной системе.

Итог эффектный! В то время как партия в интересах улучшения материально-бытового положения рабочих дает решительную установку и развертывает работу по коренному улучшению рабочего снабжения (создание фондов рабочего снабжения, закрытые распределители и т. д.), работы кооперации по радикальному изживанию в ней «торгашеского» («нэпманского») духа, — право-«левый» блок поступает как раз наоборот: выдвигает повышение цен и принцип рентабельности в качестве высшего критерия истины.

Тут происходит поразительное саморазоблачение «рабочелюбца». Демагогические слова о реальной заработной плате, а на деле — кооперативная программа, долженствующая привести к *снижению* реальной зарплаты.

Невеселое зрелище!

Не первая это оппортунистическая вылазка против партии и не первое это саморазоблачение. Всегда подобное «рабочелюбие» с меньшевистским душком кончается так же плачевно. А рабочий класс на этом закаляет свое классовое сознание и обогащает свой опыт по борьбе с агентурой враждебных классов, надевающей на себя сугубо пролетарскую личину.

Право-„левый“ блок о коллективизации и равнении на узкие места.

Не лучше обстоит у Сырцова с вопросами сельского хозяйства. Как известно, в этой области мы имеем величайшие сдвиги. Встают крупнейшие новые проблемы в связи с сплошной коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса, в связи с организацией труда и проблемой распределения урожая в колхозах, в связи с разрешением проблем животноводства и технических культур, в связи с районированием сельского хозяйства и т. д. К сожалению, Сырцов почему-то прошел мимо этих вопросов в той же своей речи о контрольных цифрах. Трудно представить, как можно говорить об итогах и перспективах хозяйственного развития, не проанализировав со всей тщательностью этих проблем. Однако автор счел возможным уделить вопросам сельского хозяйства ровно 20 строк. Но и в 20 строках он ухитрился высказать ряд положений, отнюдь не согласующихся с линией партии. В настоящее время мы идем навстречу новой волне прилива в колхозы, новому под'ему колхозного движения. Этот новый прилив организует партия, одновременно разрешая ряд важнейших проблем колхозного строительства, на первом месте среди которых стоит проблема организации труда в колхозах, требующая для своего решения максимального учета конкретных производственно-экономических особенностей каждого района. А Сырцов отделывается крайне смутной фразой о том, что «процент колхозов имеет для нас значение в том случае, если за ним стоят производительные силы, организованные на новых началах». Он, очевидно, не считает новый прилив в колхозы очередной задачей, он подчеркивает в качестве важнейшей очередной задачи необходимость «создать стимулы, которыми реальный крестьянский человеческий материал (бесподобная терминология! — *Б. Т.*) будет закрепляться в коллективизации». Что за стимулы имеются в виду — остается тайной автора. А о «стимулах вообще» не прочь поговорить и кулак, и зажиточный, и подкулачник, — почему бы не попытаться вложить в такую широкую и удобную формулу в качестве «стимула», скажем, принцип проведения всякого рода повышенных норм распределения и т. д. И нам приходится на практике решительно бороться с подобными настроениями.

Но совершенно исключительным является другое откровение лидера блока, касающееся колхозного строительства — в качестве важнейшей задачи выдвигается «стандартизация организационных форм и производственных приемов», — не больше и не меньше! Это для всего СССР со всем его колоссальным многообразием — «стандартизация»? Вот уж поистине сверхбюрократическая выдумка. В то время как боевой задачей партии является точнейший всесторонний учет особенностей каждого района, развертывание работы применительно к конкретным местным условиям, когда вообще на первый план выдвигается принцип конкретного оперативного руководства, учитывающего на деле своеобразие обстановки, помогающего на ходу, — выдвигается, как нельзя более «кстати», «великий» лозунг — «стандартизация производственных приемов». Эта «стандартизация», очевидно, призвана сыграть роль философского камня, одним ударом разрешающего весь многосложный переплет колхозных проблем. Такое «стандартное» руководство «вообще» является одним из худших видов бездушного бюрократизма и совершенно нетерпимо в условиях социалистической реконструкции и развернутого наступления по всему фронту. В этом замечательном предложении выглянули длинные уши квалифицированного бюрократа.

Но как же это? Ведь автор так много пыла и чернил потратил на «борьбу» с бюрократизмом, а теперь вдруг сам оказывается грешным. Дело это об'ясняется довольно просто: ведь последовательность для оппозиций — представляющих вдобавок беспринципный блок — совершенно не обязательна. Даже наоборот. Есть на сей счет и «исторические» примеры: Троцкий, кажется, больше всех шумел о бюрократизме в Советском государстве, договорился до термидора; и в то же время со времени Цектрана и профсоюзной дискуссии тот же Троцкий побил все рекорды бюрократизма. Сырцову, очевидно, не дают спать лавры Троцкого.

Эта «стандартизация» исчерпывает «деревенскую программу» т. Сырцова. О совхозах, об МТС, о технических культурах и др. важнейших проблемах социалистического переустройства сельского хозяйства у автора не сказано ни слова. По вопросу о животноводстве указывается (опять-таки без всякого обоснования) на непосильность программы. И все.

Общий итог, к которому зигзагообразно, сквозь сеть маскирующих оговорочек, с упорством, достойным лучшего применения, ведет право-«левый» блок — отказ от взятых темпов индустриализации СССР и совхозно-колхозного строительства. Правая сущность этой платформы совершенно ясна, хотя ее неприглядная правооппортунистическая нагота прикрыта кое-где «лево»-троцкистскими лохмотьями.

Правооппортунистические установки нового блока роднят его платформу с знаменитыми «Заметками экономиста» Бухарина. Это внутреннее родство выступает еще более отчетливо, когда новый блок сбивается на прославленную теорию равнения на узкие места. В этом вопросе делается шаг вперед — речь идет уже не о кирпичах (бухаринские «кирпичи будущего» были вдребезги разбиты), а о кадрах. Вопрос о кадрах является решающим вопросом текущего момента. Поэтому именно сюда бьют оппортунисты, провозглашая великую истину о том, что нельзя развертывать социалистическое строительство «в расчете на идеальные кадры» (Сырцов). Эти «идеальные кадры» играют роль бухаринско-фрумкинских «кирпичей будущего».

Правый оппортунизм не понимал и не понимает всего значения проблемы кадров в реконструктивный период. Не видя неизбежности обострения классовой борьбы в процессе социалистического наступления, правый оппортунизм упорно отказывался делать должные выводы из фактов вредительства и не понимал всего решающего значения подготовки новых кадров специалистов из людей рабочего класса. Это со всей отчетливостью определилось еще на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 году, обсуждавшем уроки Шахтинского дела. Правые оппортунисты (в первую очередь т. Рыков) ставили вопрос по мудрому принципу человека в футляре — «как бы чего не вышло», рекомендуя не торопиться, возражая против передачи втузов в хозяйственные органы и т. д.

Всю огромную работу по решению проблемы подготовки кадров партии приходилось развертывать при сильнейшем сопротивлении правых оппортунистов, резко переоценивающих возможности использования старых специалистов и не только не понимавших классового смысла и размаха вредительства, как особой формы интервенции международной буржуазии, смыкающейся с капиталистическими элементами внутри СССР в бешеной борьбе против советской власти, — но фактически смыкавшихся с вредителями, ставившими ставку на победу правого уклона.

Новый блок, верный правооппортунистической концепции, во всех своих документах и выступлениях лидеров ни слова не говорит о проблеме кадров, о задачах и путях разрешения этой решающей — по словам т. Сталина — проблемы. И получается так, что вся огромнейшая работа партии в этой области проходит мимо (и помимо) Сырцова, не жалеющего самых мрачных красок для характеристики наших кадров. Наши кадры никуда не годятся, они не умеют предвидеть, не умеют сигнализировать, не умеют считать, бестолково суетятся и т. д. А строить в «расчете на идеальные кадры» нельзя. Что же отсюда следует, т. Сырцов? Ясно — надо сократиться, двигаться потише, убавить темпы, равняться по узкому месту кадров «в сырцовском изображении». Вывод — вполне достойный общей концепции правого оппортунизма.

Буквально повторяя Бухарина, Сырцов очень недоволен нашим планированием, называя его «игрой в цифры и декретированием процентов». Слов нет — в нашей плановой работе имется очень много недостатков, и партии предстоит (и уже проводится) огромная работа в деле улучшения нашего планирования, роль которого на новом этапе переходного периода колоссально возрастает. Между прочим, одним из важнейших условий этого улучшения является самое решительное выкорчевывание остатков работы вредителей, довольно глубоко внедрившихся в наши плановые органы и проводивших в течение ряда лет под флагом «об'ективной науки» свое гнусное контрреволюционное дело.

„Бесклассовая“ теория „правильной арифметики“.

Но какие же пути улучшения системы планирования предлагают новые оппозиционеры? Они выдвигают довольно любопытный принцип «необходимости обеспечивать правильную арифметику». «Конечно, — пишет Сырцов, — бывает арифметика и правая и левая. А нам нужна правильная». Правилен ли этот глубокий принцип, выдвигаемый не в качестве задачи всеобщего начального обучения, а как центральная идея планирования? Чтобы получить исчерпывающий ответ достаточно поставить один вопрос: верен ли лозунг «Пятилетка в 4 года» с точки зрения «правильной арифметики»? Не является ли он вопиющим нарушением правильной арифметики? Из арифметики известно, что 5 равно 5 — иначе быть не может, все иное — от лукавого. Выполнение 5-летки в 4 года явно и грубо нарушает правила арифметики.

Высшая математика классовой борьбы никак не укладывается в рамки обыденной «правильной арифметики». В обстановке обостренной классовой борьбы не бывает бесклассовой арифметики. За каждой колонкой цифр в наших планах, за каждым процентом стоят классы.

Мы можем выполнить и выполняем пятилетку в 4 года (безусловно нарушая простые правила арифметики), потому что опираемся на огромную непрерывно растущую творческую активность рабочего класса, осуществляющего при опоре на бедноту и колхозника в тесном союзе с середняком сплошную коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию на ее основе кулачества как класса. В нашем строительстве мы можем применять только классовую арифметику. Всякий, кто хоть на минуту об этом забывает, скатывается в об'ятия классового врага.

Партия видела достаточно примеров применения «правильной», «бесклассовой» арифметики. Взять хотя бы знаменитые рассуждения Фрумкина о том, что нам нужен хлеб вообще, и не важно кулацкий ли пуд хлеба это будет или середняцкий. С точки зрения «правильной арифметики», очевидно, миллион пудов хлеба равен миллиону пудов хлеба. Но равен ли миллион пудов кулацкого хлеба миллиону пудов совхозного или колхозного? Вот вам и «правильная арифметика»! К области «правильной» арифметики относятся, скажем, и расчеты проф. Оганоовского, который высчитывал, что, так как у нас все растет, растет и число крестьянских хозяйств, то к концу десятилетия в деревне будет 33 миллиона крестьянских хозяйств, вместо 24 млн.

Подобным же образом вредители рассуждали, например, о безработице. Базаров в 1928 году развивал следующую, безупречную с точки зрения «правильной арифметики» и «об'ективной статистики», картину:

> «В самом деле,—мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот, поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее, уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 млн. на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгаре реконструкции, когда масса дешевой продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотни миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис—не кризис хозяйственной «кон'юнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства» ¹).

Все это окутанное туманом высокой «об'ективной науки» рассуждение может вызвать сейчас только гомерический хохот—нам нехватило в истекшем квартале только для крупных строительств от 300 до 500 тысяч рабочих. А Базаров на основе глубочайших изысканий — по всем правилам точной арифметики пророчил... крах от реконструкции и избытка рабочих рук. Вот так правильная арифметика и чудесная статистика, скрывающие в своем мистическом тумане основы высшей истины!..

Характерно, что не в первый раз выдвигается теория холодного бесстрастия бесклассовой «правильной арифметики». Ее выдвигал... сам Л. Троцкий. В ответ на обвинение партией троцкистской оппозиции в капитулянтстве, в пессимистическом неверии в силы рабочего класса и пролетарской диктатуры Троцкий «аргументировал»:

«Арифметика не знает ни оптимизма, ни пессимизма; экономическая статистика не знает ни оптимизма, ни пессимизма, ни маловерия, ни капитуляции. Цифры суть цифры»¹).

А где же классы? Голый метафизический схематизм Троцкого выступает во весь рост. Неужели можно строить социализм—бесклассовое общество—при помощи простой арифметики? Мы на этот счет имеем огромный и поучительный опыт. Вспомним хотя бы пресловутый хлебофуражный баланс, который очень далеко завел т. Каменева от партии. Вспомним троцкистские «цифры суть цифры» о расслоении деревни, из которых «получалось», что центральной фигурой советской деревни является, собственно, не середняк, а кулак, уже овладевающий государственной властью. Вспомним, наконец, бесчисленные таблицы, сводки и обзоры, тщательно разрабатывавшиеся вредителями из «трудовой крестьянской партии» и группы Громана—Суханова в целях доказательства неправильности политики советской власти, несовместимости развития производительных сил с социалистическим развитием СССР и т. д., и т. п.

Мы прекрасно помним, что Ленин всякую «статистику», комбинирующую цифры без учета экономических процессов и классовой борьбы, презрительно называл «игрой в цифирки». Эта «игра в цифирки», «правильная бесклассовая арифметика» является орудием классового врага в борьбе с социалистическим строительством.

«Об'ективная наука» вредителей, их «правильная арифметика» тоже, конечно, отнюдь не является бесклассовой. Если у рабочего класса своя пролетарская классовая арифметика, то у вредителей своя—тоже классовая, буржуазная.

Тов. Сырцов за «правильную арифметику»—без классов. Не трудно видеть теперь, куда он зашел с этим лозунгом.

В свете этого лозунга очень подозрительно выглядят общие рассуждения Сырцова о том, что у нас нет правильной и своевременной сигнализации, о необходимости «сигнальной службы» и т. п. Монополию на «сигнализацию» до последнего времени присваивали себе жрецы «правильной арифметики», «беспартийной статистики» и «об'ективной науки», вознагражденные пролетариатом за свои высокие заслуги бесплатным помещением и довольствием в местах, не столь отдаленных от площади Дзержинского. Кондратьевы, Громаны, Чаяновы, Макаровы и т. д. заседали в кон'юнктурных институтах, кон'юнктурных советах и т. д.—и с этих вышек «сигнализировали» о необходимости изменения политики партии, снижения темпа индустриализации, ставки на индивидуальное хозяйство, «крепкого мужика» и т. д. Партия при активной помощи ОГПУ разрушила этот аппарат сигнализации классового врага. Не подобных ли представителей «правильной арифметики» защищает и имеет в виду Сырцов в своих сетованиях об отсутствии «сигнальной службы»?

Наша партия теснейшим образом, тысячами нитей связана с миллионами рабочих, колхозников, с миллионными массами бедняцко-середняцкого крестьянства. Эти миллионные массы самым активным образом повседневно участвуют в деле социалистического строительства, увеличивая его темпы встречным промфинпланом, соцсоревнованием, ударничеством, решительно вскрывая недочеты нашей работы, помогая борьбе с недостатками, разоблачая вредительство и правый и «левый» оппортунизм. Эти массы ежедневно,

---

¹) «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 48.

¹) См. Стенографический отчет XV конференции ВКП(б), стр. 505, речь Троцкого.

ежечасно сигнализируют нам из всех уголков и закоулков нашей огромной социалистической стройки. Эта сигнализация—мощное оружие нашего строительства, источник ускорения его темпов, основа преодоления правого и «левого» оппортунизма и вредительства.

Но лидера фракционной антипартийной группировки, очевидно, эта сигнализация почему-то не удовлетворяет. Сырцов больше ценит другую сигнализацию — в очередях. Связи с заводами, с передовыми рабочими массами он предпочитает... хвосты. Он вообще считает нашу политику слепой: «Мы самотеком и довольно слепо и неорганизованно в'ехали в область таких экономических явлений, которые сейчас являются предметом тревожного обсуждения всей страны и, в частности, достаточно интенсивно, хотя и неправильно, обсуждаются в очередях».

Клевета на партию и тоска по свободе уклонов.

Это утверждение весьма сходно с подобными же рассуждениями автора «Заметок экономиста». Тов. Бухарин также писал о том, что новая фаза не была ими достаточно предвидена и заранее взята на теоретический и практический учет, что мы «в'ехали в нее через ворота чрезвычайных мер», что мы «систематически запаздывали» и т. д. Эти рассуждения (подробный анализ которых мы дадим ниже—вместе с разбором аналогичных взглядов «леваков») довольно прямо и недвусмысленно говорят о том, что партия и партийное руководство не на высоте, не видят перспективы, действуют вслепую.

Туда же бьют и постоянно повторяемые Сырцовым рассуждения о неумении предвидеть и т. п.

Наконец, он пишет: «Мы все на одну—две головы ниже задач, выдвигаемых жизнью». Кто это «мы все»? Хотя автор трусливо прячется за полуслова, намеки и т. п., но здесь достаточно ясно, куда он бьет. «Мы все»—т.-е. партия, т.-е. партийное руководство. При этом следует отметить, что себя т. Сырцов—из похвальной скромности—выделяет: ведь он-то сознает всю величайшую опасность положения, всю величину сделанных ошибок,—тем самым он поднимается на голову выше других, продолжающих вслепую итти по неверному пути. Отсюда понятно, почему т. Сырцов занялся конспиративной фракционной работой в целях изменения партийной линии и партийного руководства. На этой основе—борьбы с партийным руководством и партийной линией—и сложился беспринципный право-«левый» блок.

Выступив против линии партии и начав борьбу с партийным руководством, все руководители блока жалуются на «режим». Жалуются на «тюканье и легкомысленные обвинения и заподозривания в уклонах, вредительстве, «недооценке», «переоценке», «неусвоении» и т. д. с соответствующими наклейками, порой ставящими «обвиненных» вне закона элементарной общественности».

В этом вопросе опять-таки имеется очень определенная закономерность: все оппозиции, которые были в партии, всегда и почти в одинаковых тонах жалуются на то, что им «шьют уклоны», их «прорабатывают». Все оппозиции выступают с проповедью «права на сомнения», против «заподозриваний» и т. д. Видно, что те, кто сам впадает в уклоны от генеральной линии партии, сейчас же начинает особенно болезненно ощущать решительную борьбу партии с уклонами. Непреклонную большевистскую принципиальность, завещанную Лениным борьбу за каждую большевистскую запятую, беспощадную борьбу партии за железное боевое единство партии против всяких уклонов от ее генеральной линии — все оппозиции всегда изображали, как бюрократизм, зажим, пришивание уклонов и т. п.

Не оказались исключением из этого правила и лидеры нового антипартийного право-«левого» блока.

Сырцов говорит о «законах элементарной общественности». Что это за общественность вообще? В стране пролетарской диктатуры бьет ключом пролетарская, советская общественность на основе бурно растущей активности рабочих, колхозников, бедняцко-середняцких масс крестьянства. Но «надклассовой» общественности у нас нет и не будет,—советская общественность направлена против кулака, нэпмана, вредителя, бюрократа, советская общественность в руках пролетариата—сильное оружие борьбы с классовыми врагами и их агентурой.

Под своей «элементарной общественностью» Сырцов, очевидно, разумеет именно эту свободу уклонов и сомнений в генеральной линии партии.

Подводя общий итог своим рассуждениям и откровениям, Сырцов пишет: «Если мы предстоящий год сделаем годом решительного исправления допущенных ошибок, то»... и т. д.

Партия считает, что предстоящий год должен быть годом решительного развернутого наступления по всему фронту социалистического строительства, дальнейшего повышения темпов и т. д., а лозунг блока—«решительное исправление допущенных ошибок». Значит, по его мнению, линия партии представляет собой систему ошибок, иначе говоря, была не верна. Но почему же лидеры блока голосовали за нее, распинались в том, что они за линию партии и т. д.? Здесь нашло свое выражение то идейное двурушничество, которое вместе с организационным двурушничеством составляет одну из «приятных» особенностей право-«левацкого» блока.

Общий характер всех высказываний Сырцова достаточно ясен: при всех визгливых «левых» выкриках о бюрократизме и т. д.—это платформа правого капитулянтства с отказом от темпов индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства, с ревизией линии партии на развернутое социалистическое наступление по всему фронту. Паническое преувеличение трудностей, непонимание их действительной природы и путей преодоления, неверие в силы рабочего класса заставляют Сырцова шарахаться назад. Тем самым его платформа превращается в орудие отживающих классов, бешено сопротивляющихся социалистическому наступлению пролетариата.

На этой платформе Сырцов повел борьбу против партии, создав подпольную фракционную группу.

На этой же правооппортунистической платформе создался блок Сырцова с «левацкой» группой Ломинадзе Шацкина и др. Этот блок на первый взгляд может показаться противоестественным. Однако история нашей партии знает достаточно много примеров неожиданных блоков, казалось бы, взаимноисключающих оппортунистических групп. В недавнем прошлом мы видели блок неистовых троцкоедов, Каменева и Зиновьева, с Троцким (троцкоеды превратились в троцкоидов), потом переговоры Бухарина с Каменевым с целью сколотить блок. Эти примеры недавнего прошлого показывают достаточно наглядно, что в борьбе против партии и партийного руководства различные оппортунистические течения легко об'единяются. Для того, чтобы убедиться в том, на какой платформе произошло об'единение «леваков» с правой группой Сырцова, достаточно проанализировать последний «легальный» документ Ломинадзе, вложившего в самой осторожной форме ряд своих идей в «обращение Закрайкома ВКП(б)», в основном отражающее линию партии и представляющее собой тонкий образчик использования двурушниками легальных возможностей.

„Левацкий“ вклад в платформу блока.

Ряд положений Ломинадзе почти совпадает с соответствующими тезисами платформы Сырцова.

Так, им дается та же, что и у Сырцова, формулировка по вопросу о реальной заработной плате, говорится о «срыве планов», как об одном из наиболее серьезных прорывов и т. д. При этом не дается конкретного анализа реальной заработной платы советского рабочего с учетом всех элементов, из которых она складывается.

В тесной связи с этим тезисом—так же, как у Сырцова, находится утверждение о зажиме рабочего класса. Говоря о развертывании мобилизации рабочих масс вокруг встречного промфинплана, Ломинадзе в особо подчеркнутой форме говорит о необходимости «всемерно охранять эту новую форму активности масс от опошления, от штампа, от безответственной игры в цифры».

Совпадение этой формулировки с формулировками Сырцова поразительное и весьма подозрительное.

Здесь предусмотрительно не указывается, от кого следует охранять рабочий класс. Но это легко понять, ознакомившись с характеристикой в «обращении» советского госаппарата. Здесь стиль т. Ломинадзе достигает, если можно так выразиться, «вершин сырцовщины»: «вопиющий бюрократизм, безответственность, отрыв от масс, барско-феодальное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян, игнорирование и извращение директив партии и махровый оппортунизм»—недурная характеристика госаппарата! Ведь если госаппарат действительно таков, то, очевидно, термидор сделал крупные успехи. «Барско-феодальная» характеристика встретит, несомненно, горячую поддержку Троцкого, да и правые оппортунисты—авторы теории о «военно-феодальной эксплоатации крестьянства»—с удовольствием прочтут родственные им словечки, вышедшие из-под пера неистовых «леваков». В этой мрачной характеристике госаппарата количество переходит в качество. Если госаппарат действительно таков, как его, не жалея темных красок, размалевывает т. Ломинадзе, то перед рабочими, колхозниками, бедняцко-середняцкими массами крестьянства встанет вопрос: стоит ли исправлять, улучшать госаппарат с барско-феодальными и т. д. качествами; не вернее ли сломать его совсем?

Теперь понятно, в какой связи и почему т. Ломинадзе говорил о необходимости защиты рабочих и т. д. При такой оценке госаппарата, который в сущности и на советский мало похож, можно написать и кое-что похуже. Намеки на это худшее имеются у Сырцова, который говорит и пишет откровеннее. Говоря о чрезвычайной бюрократизации, которая «автоматически» связывает инициативу ценных групп рабочих—он пишет: «*Наиболее сознательным элементам рабочего класса* придется мобилизовать *добавочные усилия* для преодоления «автоматически» связывающей инициативу пролетариата системы».

В соответствии с учением Маркса—Ленина о партии мы полагаем, что «наиболее сознательные элементы» рабочего класса входят в его авангард—в коммунистическую партию. Но Сырцов, *не говоря ни слова о партии*—апеллирует к каким-то, очевидно, другим «сознательным» элементам. Здесь он очень рискует прямым образом сомкнуться с меньшевиками, которые, *по своему* понимают сознательность—с точки зрения борьбы с советской властью.

В своей оценке советского госаппарата и Сырцов и Ломинадзе переходят грань и скатываются в троцкистско-меньшевистские об'ятия.

Ломинадзе дает специальную характеристику советского аппарата в деревне: «районы и сельсоветы находились в состоянии заброшенности сплошь и рядом существуя фактически в виде милицейско-налоговых пунктов». После этого не приходится удивляться следующему крайне серьезному общему выводу о том, что партия в деревне (речь идет о закавказской организации) «не сумела еще сплотить и организовать наши классовые силы и на этой основе укрепить союз с середняком для беспощадной борьбы с кулачеством». Но если партия не сумела организовать наши классовые силы в деревне и даже укрепить союз с середняком, то ведь наше положение следует признать крайне опасным. На чем же мы держимся, проводя политику развернутого социалистического наступления? Тут уж, как говорится, не до жиру, быть бы живу

С другого несколько конца т. Ломинадзе приходит к тому же мрачному выводу, что и т. Сырцов: рабочий класс зажимается; в деревне мы не организовали наши классовые силы и даже союз с середняком не укрепили.

Где же при таких условиях ликвидировать кулачество как класс? Впору опасаться, как бы нас не ликвидировали. Отсюда, естественно, следует неизбежный вывод—ревизуй политику партии.

Все итоги и факты нашего строительства, успехи социалистического наступления, несмотря на трудности идущего неуклонно возрастающими темпами вперед,—достаточно решительно и убедительно опровергают мрачно-пессимистические прогнозы и оценки право-«левого» блока. Отражая сопротивление отживающих классов, гибнущих под напором большевистского наступления по всему фронту, право-«левый» блок мрачные перспективы этих классов переносит на социалистическое строительство.

В концепции «левых» оппортунистов характерна их оценка взаимоотношений пролетариата с середняком. Эта оценка целиком вытекает из троцкистско-меньшевистского понимания путей развития середняка в советской стране.

Так один путаник из «леваков» т. С. Крылов в одной статье писал: «Необходимо ясно видеть различие между единоличниками, которые в силу частно-собственнической основы своего хозяйства *не могут развиваться иначе, как капиталистическим путем*, и колхозниками, перед которыми... открывается социалистический путь развития» [1]).

Здесь, по существу, утверждается, что в советских условиях мелкотоварное середняцкое крестьянское хозяйство развивается так же, как и при капитализме. Это—троцкистская концепция, ничего общего не имеющая с ленинской теорией о двух путях развития мелко-товарного крестьянского хозяйства в условиях пролетарской диктатуры. Эта концепция неизбежно ведет к отрицанию союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняцкими массами крестьянства, руководящая роль в котором принадлежит пролетариату и целью которого является построение социализма, т.-е. уничтожение классов.

Если середняк в условиях пролетарской диктатуры, под руководством рабочего класса и под мощным воздействием хозяйственных рычагов пролетарского государства «не может развиваться иначе, как капиталистическим путем», то в колхоз его, очевидно, можно только «пересадить» административными методами.

Все эти «левые» загибщики, герои административных методов коллективизации, и примиренцы к «левым» загибщикам причинили нам весной прошлого года серьезные затруднения. Партия решительно ударила их по рукам, подчеркнув со всей силой, что коллективизация ни в каком случае не может и не должна ставить под удар союз пролетариата и деревенской бедноты с середняком, становящимся в колхозе опорой пролетариата.

---

[1]) «Правда», 1930 г., № 154, «Диск. листок» № 8. Цитируем по статьям тов. Мальцева.

С непониманием ленинской линии во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, заключающейся в прочном союзе опирающегося на бедноту рабочего класса с середняком против кулака,—связано троцкистское предложение «левых» оппортунистов о создании особых союзов деревенской бедноты.

Но больше всего в борьбе с партией группа «леваков» развивала темы о внутрипартийном положении, скатываясь к троцкистским выводам и оценкам.

Тут предлагалось каждому комсомольцу «на своем опыте прорабатывать серьезно все вопросы и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии партии» (Стэн). В качестве априорной предпосылки бралось, очевидно, сомнение в правильности линии партии. Говорилось об «ожирении» и о «поглупении» теоретической мысли партии. Делались весьма прозрачные намеки на «ползучий эмпиризм» партийного руководства, что вполне шло по троцкистскому пути дискредитации партийного руководства. Уклоны от партийной линии и всяческие сомнения в ней об'являлись добродетелью, а твердая борьба за линию партии—чуть ли ни своеобразной разновидностью «партийной обывательщины» (Шацкин). В «партийные обыватели» зачислялся и такой член партии, который «не за страх, а за совесть предан революции, рабочему классу, партии», который «целиком отдается общественной работе» и даже имеет «за спиной подпольный стаж, каторгу и фронты» [1]. И эти члены партии, очевидно, за отсутствием у них уклонов, об'являлись обывателями, болотом, против них предлагали «открыть фронт».

Вся эта шумиха имела общей целью обосновать «право» на «сомнение во всем». А такое право, как хорошо известно на многолетнем опыте внутрипартийной борьбы, требуется тем, кто сомневается в генеральной линии партии, имеет особую линию и хочет добиться побольше «свободы» для собирания сил вокруг своей линии—против партии.

«Лево»-оппортунистический уклон представляет собой не что иное, как рецидив троцкизма. «Леваки»—эпигоны троцкизма, повторяющие его положения в смягченной, более приспособленной к обстоятельствам форме.

«Левацкая» группа всей своей борьбой с партией подготовила свой блок с правооппортунистической группой Сырцова. Здесь полностью оправдался прогноз, данный т. Сталиным на XVI с'езде партии.

Цело в том, что «левизна» группы Ломинадзе, Шацкина, Стэна и др.—от мелкобуржуазного радикализма троцкистов. Ленин не раз характеризовал эту «левизну» как продукт «разочарованности в партии», «разочарованности в способности масс к непосредственной революционной борьбе». «Это,—писал Ильич,—логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной борьбе, неуменье применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам» [2].

Платформа блока—капитулянтская платформа правого оппортунизма, оправленная в «лево»-оппортунистическую философию по внутрипартийным вопросам.

Сильный меньшевистский дух витает над этим двуединым право-«левым» блоком.

Недаром «Социалистический вестник», обладающий замечательным нюхом по части всякой гнили, поторопился взять под свою высокую руку и правый, и «левый» уклоны. По мнению меньшевиков, дела у нас плохи (собственно, по их мнению, у нас и дел-то никаких не должно было бы быть, так как нам, в соответствии с их пророчествами, надлежало уже несколько раз

---

[1] См. статью Шацкина «Долой партийного обывателя», «Комсомольская Правда» от 18 июня 1928 г.

[2] Ленин. Собр. сочин., т. XI, ч. 1, стр. 93.

погибнуть), и тут «оппозиции разных мастей должны сыграть роль громоотвода» [1]. Меньшевики с пафосом громят нашу линию и грудью защищают уклоны: «Не они, авторы пятилетки в четыре года, трубадуры сверхтемпов, напроломщики интегрального коммунизма, зарвались, насилуя законы экономики и социальную природу основного класса России—крестьянства. Нет. То—правые оппортунисты и левые загибщики вставляют палки в колеса, срывают темпы и планы, вредительствуют втихомолку, «потворствуют кулаку», делают ставку на «самотек», подкапываются под генеральную линию» [2]. Какая зоологическая ненависть к темпам социалистического строительства, ко всей нашей работе и какая трогательная заботливость и о правом и о «левом» уклонах (кстати,—«левый» у меньшевиков без кавычек, у Сырцова почему-то тоже, «леваки» также не любят этих кавычек, что за странное совпадение!).

В конечном счете наиболее глубокой идейной основой блока правых и «левых» оппортунистов является отрицание «лево»-троцкистскими элементами возможности построения социализма в СССР и отрицание правыми развернутого социалистического наступления — единственного пути, ведущего к превращению этой возможности в действительность.

Вопрос о возможности победы социализма в СССР неразрывно связан с вопросом о характере Октябрьской революции и оценкой ее движущих сил. Упорная борьба партии с троцкистской оппозицией со всей отчетливостью показала, что отрицание возможности построения социализма в СССР неразрывно связано с отрицанием социалистического характера нашей революции, с социал-демократической оценкой Октября. Недаром Троцкий так быстро растерял свой революционаризм и скатился в родное ему меньшевистское болото.

В последних писаниях он сбросил последние остатки мишуры революционной фразеологии, откровенно отрицая социалистический характер Октябрьской революции. Так к 12-й годовщине Октября Троцкий писал в своем «Бюллетене»: «Мы входили в Октябрьскую революцию с глубоким убеждением в том, что переворот в России не может иметь самостоятельного и законченного характера. Успехи социалистического строительства растут вместе с его противоречиями, и успехи были бы неизбежно поглощены противоречиями, если бы Советская республика не была поддержана в дальнейшем успехами международной революции» [3]. Это на редкость откровенное заявление героя перманентной революции.

Троцкий шел к Октябрю «с глубоким убеждением» в том, что наша революция «не может иметь самостоятельного и законченного характера», а партия под руководством Ленина вела рабочий класс в бой за пролетарскую диктатуру, за построение социалистического общества в советской России, являющейся оплотом и передовым постом международной революции.

Троцкий не верил в силы пролетариата, отрицал союз пролетариата с трудящимся крестьянством, отрицал социалистический характер Октябрьской революции. Естественно, что когда после окончания гражданской войны развернулось социалистическое строительство и наступление на рельсах нэпа,—этот взбесившийся мелкий буржуа—попутчик Октябрьской революции—отошел в лагерь контрреволюции.

Партия в беспощадной борьбе с троцкизмом четко определила перспективы и пути социалистического строительства. Этот вопрос был решающим:

---

[1] См. «Соц. вестник», 1930 г., № 16, статья П. Гарви «На арбузной корке».

[2] Там же.

[3] «Бюллетень троцкистской оппозиции» № 7, статья «К 12-й годовщине Октября».

нельзя было итти в наступление без перспективы. Партия исчерпывающим образом разрешила этот вопрос еще на XIV партконференции. Тов. Сталин со всей глубиной и четкостью разработал ленинскую теорию революции, проблему строительства социализма в СССР и пути этого строительства.

Троцкизм упорно обвинял ленинское руководство партии в том, что оно движется «слепо и стихийно», ведет к гибели. Однако, сейчас ясно каждому, кто был слеп и шел (и пришел) к гибели—партия или троцкизм.

Троцкий обвинял партию в слепоте, но на самом деле слепым был он сам, не видя социалистической перспективы нашего развития и капитулянтски отрицая возможность победы социализма в СССР.

Наступление на рельсах нэпа партия развертывала, опираясь на ленинское положение о том, что у нас «вполне достаточно экономических и политических средств для постройки фундамента социалистического общества» [1].

Но наступление с самого начала уже означало непрерывное расширение и укрепление социалистического сектора советского хозяйства, ограничение и вытеснение капиталистических элементов и социалистическую перестройку докапиталистических форм (мелко-товарное и патриархальное крестьянское хозяйство).

Это неразрывно было связано с обострением классовой борьбы на почве роста сопротивления эксплоататорских классов, которое резко выявилось с переходом от восстановительного периода к периоду социалистической реконструкции.

«Наш строй дает колоссальные возможности полной победы социализма. Но возможность не есть еще действительность» (Сталин). Утверждение, что в нашей стране мы имеем все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества, не значит, что социализм придет сам собой, самотеком. Чтобы построить социализм, надо его строить. Социализм есть уничтожение классов, и его строительство на определенных этапах связано с обострением классовой борьбы.

Этого не понимает правый оппортунизм, отражающий сопротивление враждебных классов.

Признавая на словах формально возможность победы социализма в СССР, правый оппортунизм на деле борется против единственного пути, который может обеспечить эту победу.

Партия наметила четкий путь социалистического наступления, которое на основе индустриализации советской страны и коллективизации сельского хозяйства на определенной ступени обеспечивало поворот к сплошной коллективизации и ликвидации на ее базе кулачества как класса. План социалистического наступления проводился партией со всей большевистской выдержкой и решимостью, преодолевая трудности, последовательно и уверенно переходя от одного его этапа к другому.

Тов. Сталин с исчерпывающей ясностью осветил этот путь на XVI с'езде: «XIV с'езд был, по преимуществу, с'ездом индустриализации. XV с'езд был, по преимуществу, с'ездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» [2].

---

[1] Ленинский сборник, XIII, стр. 12, «План политотчета ЦК на XI с'езде РКП(б)».

[2] И. Сталин. Политотчет ЦК ВКП(б) XVI с'езду, стр. 90.

Этой перспективы не видели те «миролюбивые оппортунисты», которые рассчитывали «врасти» в социализм «мирно», без потрясений, без классовой борьбы.

Правые оппортунисты забыли, что: «диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства» [1].

Правые оппортунисты забыли, что «победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть,—войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли» [2].

Правые оппортунисты выступили по всему фронту против линии партии: против индустриализации, против коллективизации, за ослабление нажима на кулака и т. д.

Лидеры правого уклона — Рыков, Бухарин и Томский, панически раздувая трудности социалистического строительства, всячески клевеща на партию («политика военно-феодальной эксплоатации» и т. п. прелести), всеми силами стремились сорвать социалистическое наступление.

Их выступления против партии отражали давление отживающих классов, их бешеное сопротивление социалистическому наступлению.

Правые оппортунисты не видели действительного пути к социализму, они были слепы.

Тот этап, в который мы сейчас вступили, последний этап нэпа, мы характеризуем, как «период социализма»—так как в итоге нашего наступления мы добились решительного поворота, и социалистический сектор держит теперь в руках хозяйственные рычаги всего народного хозяйства.

И правые и «левые» отрицают этот факт. Они не способны понять его, так как не понимают проблемы построения социализма в СССР и путей социалистического наступления. В этом они сходятся. Недаром говорится: «пойдешь «налево»—придешь направо». Сырцов заявляет, что мы «слепо и стихийно» в'ехали в область новых экономических отношений. На самом деле он сам стихийно превратился в слепую игрушку враждебных классовых сил. Свою слепоту, свое оппортунистическое непонимание действительного пути развития СССР к социализму, свое капитулянтство он хочет приписать партии. Но это блоку не удастся. Партия твердо и уверенно идет по ленинскому пути и сумеет сбросить с этого пути все препятствия, существенное место среди которых занимают правые и «левые» оппортунисты и их блок.

Беспощадная борьба на два фронта—за генеральную линию партии.

Несмотря на об'единение правооппортунистической группы Сырцова и «левой» группы Ломинадзе в антипартийный блок, не следует смешивать оба уклона и валить их в одну кучу. Не следует ни на минуту забывать, что: «задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу на два фронта как с «левыми», представляющими мелкобуржуазный радикализм, так и с правыми, представляющими мелкобуржуазный либерализм», при чем «правый уклон есть основная опасность нашего времени в партии» [3]. Сами правые и «левые» оппортунисты упорно стремятся закрасить все уклоны одной сплошной краской. «Левые» видят только один—правый оппортунизм, как единственное проявление враждебных классовых влияний на пролетариат. Таким путем они пытаются спрятаться и снять задачу борьбы на два фронта, сводя ее только к борьбе с правым оппортунизмом. Правые уклонисты в свою очередь сводят все виды оппортунизма к «левому»-троцкистскому, стремясь тем самым отвести от себя сокрушительные удары партии, направив весь огонь в одну сторону—«налево».

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XVII, стр. 117—118.

[2] Там же, стр. 118.

[3] Сталин. Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б), стр. 108.

Партия без труда разоблачает этот маневр. Она ясно видит своеобразие обоих уклонов от генеральной линии партии, специфические социальные корни правого и «левого» оппортунизма. Партия, ведя борьбу на два фронта, отлично понимает, на какой основе может сложиться блок между этими двумя уклонами от ее генеральной линии. Авантюризм и истерика взбесившихся мелких буржуа прикрывают у троцкизма его капитулянтскую сущность, отрицающую возможность победы социализма в СССР. Поэтому троцкизм идет на блок с правым оппортунизмом на его платформе панического отступления перед трудностями развернутого социалистического наступления, капитуляции перед кулаком, реставрации капитализма. Правые оппортунисты, на словах борясь против троцкизма, «скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране..., отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма» (Сталин). Тем с большей легкостью правые оппортунисты, вступая в блок с «левыми», воспринимают организационную беспринципность троцкизма—свобода «мнений» в партии, свобода фракций и группировок, отрицание железной большевистской дисциплины, борьбы с партруководством. Со всей решительностью и большевистской беспощадностью разоблачая право-«левый» блок, партия усилит свою борьбу на два фронта—против правого оппортунизма, как главной опасности на данном этапе, и против «левого» оппортунизма, прикрывающего капитулянтство «левыми» одеждами.

Вместе с тем партия со всей силой будет продолжать борьбу с примиренчеством к правому и «левому» оппортунизму, являющимся в сущности «начальной стадией» уклонов от генеральной линии партии. Право-«левый» блок разоблачен и разбит партией чрезвычайно быстро. Группа Сырцова вообще представляет собой на редкость неприглядное зрелище: Каврайский, Нусинов, Курс, Гальперин—это кучка людей, не связанных с партией, оторванных от рабочих масс—вот с кем собрался новый вождь в поход на партию! Немудрено, что эта группка быстро отсырела, несмотря на все усилия самого Сырцова.

Но было бы величайшей ошибкой недооценивать ее значение. Сила правого оппортунизма и право-«левого» блока заключается вовсе не в неприглядных фигурах его «вождей» и участников. За спиной этой группы стоят связанные с ней старые признанные лидеры правого уклона: тт. Бухарин, Рыков, Томский с их «армией»—Рютиных, Слепковых, Марецких и т. п. Они продолжают борьбу против партии, грубо, двурушнически нарушая свои собственные обязательства, систематически проваливая порученную им партией практическую работу, продолжая прежнюю свою линию. За ними—«резервы» правого уклона — немалая армия узколобых деляг, примиренцев, оппортунистов в практической работе. Наконец — главное — сила правого оппортунизма «в силе мелкобуржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества — в особенности». (Сталин). Поэтому нельзя недооценивать значения нового выступившего против партии право-«левого» блока, хотя сам по себе он представляет довольно жалкую группку оторвавшихся от партии и рабочего класса, растерявшихся интеллигентов.

В своей борьбе против партии право«левый» блок на ряду с заимствованными из арсенала прежних оппозиций приемами (клевета на партию и ее руководство, фракционная подпольная работа и т. п.) проявил беспримерное в истории партии отвратительное двурушничество и лживость, пытаясь грубо обманывать партию. Этот новый маневр партия разоблачила целиком и полностью. Еще XVI с'езд подчеркнул со всей силой, что «партия должна об'явить самую беспощадную войну такого рода двурушничеству и обману». Двурушникам право-«левого» блока оппортунистов нет места в партии Ленина. Взгляды правого оппортунизма несовместимы с пребыванием в партии. Проявление двурушничества обязывает каждого члена партии удесятерить свою большевистскую бдительность, быть постоянно на страже, чтобы уметь под любой маской вскрывать подлинное лицо оппортуниста и бить его без пощады.

Наша партия—авангард пролетариата—умеет охранять железное большевистское единство своих рядов, тесно сплоченных вокруг ленинского руководства.

Партия железной рукой вырвет из своих рядов агентуру классового врага, сбросит со своего пути все препятствия и, сломив бешеное сопротивление отживающих классов, приведет к полной победе социализма в СССР—оплоте мировой революции.

В. Кнорин.

Углубление мирового экономического кризиса и развитие революционного движения.

Капиталистический мир потрясен все расширяющимся и углубляющимся экономическим кризисом. Если еще пару лет тому назад, после VI конгресса КИ, Коминтерну приходилось бороться против правых оппортунистов для того, чтобы доказать начало нового, третьего периода послевоенного кризиса капитализма, чтобы доказать, что из самой стабилизации и роста производства и техники вырастает новый кризис, если еще год тому назад, ко времени X пленума ИККИ, приходилось бороться против проникновения в Коминтерн теорий «организованного капитализма», «бескризисного развития» и «вечного просперити», то теперь не только эти «споры» решены развитием событий, согласно данному Коминтерном анализу, но и Гильфердинги и Бауэры, Гуверы и Брюнинги, Муссолини и Макдональды, каждый на свой лад говорят о всеобщем, глубоком и длительном экономическом кризисе. При этом, в то время, когда Муссолини говорит, что кризис продлится три года, социал-демократы берут на себя самую подлую и лакейскую роль доказать на основе остатков своего знакомства с марксизмом, что этот кризис перепроизводства в промышленных странах ничем не отличается от прежних кризисов перепроизводства, что он идет к концу, что рабочие должны «согласиться» на снижение зарплаты, потерпеть, выждать конца кризиса и улучшения кон'юнктуры.

Но кризис, несмотря на «марксистские» заклинания социал-демократов, не только не идет к концу, но все углубляется и разрастается. Он становится все более всеобщим, втягивая в свою орбиту страны, которые еще несколько месяцев тому назад переживали только депрессию (Англия), или в которых еще недавно держалась хорошая кон'юнктура (Франция, Скандинавские страны). Ни в одной стране еще, несмотря на всю свою остроту, экономический кризис перепроизводства не дошел до самой глубокой своей точки, нигде еще нет признаков улучшения или даже стабилизации кон'юнктуры, повсюду мы стоим перед перспективой дальнейшего сокращения продукции, падения курсов ценностей, падения внешней торговли, перед перспективой дальнейшего роста безработицы, ибо об'ем продукции далеко еще не поравнялся с емкостью рынка, с покупательной способностью масс и экспортными возможностями. Покупательная способность масс в капиталистических странах с развитием кризиса падает все ниже, и колониальные и заграничные рынки суживаются. Неравномерность капиталистического развития и влияние обостряющих кризис условий сказываются в неравномерности развития кризиса и в превращении в некоторых странах экономического кризиса в политический кризис господствующих классов, в то время как в других странах экономический кризис только еще начинается.

Основное отличие этого кризиса от прежних кризисов перепроизводства заключается в том, что он происходит в условиях послевоенного всеобщего кризиса капитализма, в период быстрого роста социалистического строительства в СССР, в период резкого обострения всех противоречий капиталистической системы в целом. На углубление и обострение этого экономического кризиса перепроизводства в промышленных странах действуют: во-первых, то, что он переплетается с экономическим и политическим кризисом в колониях и полуколониальных странах; во-вторых, то, что он переплетается в самих капиталистических странах с аграрным кризисом сельскохозяйственного перепроизводства, превратившимся в структурный кризис крестьянского хозяйства и мелкого землевладения вообще (прежде всего, в Польше, на Балканах, а также в САСШ, Германии, отчасти в Канаде и Австралии и т. д.); в-третьих, тем, что он встретился с системой, созданной Версальским, Сен-Жерменским, Трианонским «мирными» договорами, связывающими хозяйственную деятельность ряда стран капиталистического мира и возлагающими на них такие экономические тяготы (план Юнга) и политические санкции, которые искусственно уменьшают покупательную способность масс и ускоряют их обнищание (Австрия, Германия, Венгрия, Болгария); в-четвертых, последствиями недавней капиталистической рационализации, произведенной исключительно за счет рабочих, приведшей к росту продукции при постепенно сокращающемся количестве занятых рабочих в ряде отраслей и целых стран (САСШ), быстром росте безработицы уже до кризиса и снижении жизненного уровня и покупательной способности рабочих масс в целом.

Благодаря всем этим обстоятельствам вопрос о рынках для всех капиталистических стран приобрел чрезвычайную остроту. Если СССР выпал из капиталистической системы мирового хозяйства 13 лет тому назад, то теперь он поднял свою покупательную способность. Но он размещает свои заказы по своему плану, и благодаря монополии внешней торговли стал наилучше организованным экспортером и импортером. Советский рынок нельзя открыть ни конкуренцией, ни банковскими махинациями, но только силой — это уже ясно. Тем временем, вследствие генеральских войн и кровавого подавления народных движений совместными силами китайских и иностранных капиталистов, покупательная способность Китая на иностранные товары быстро приближается к нулю, сильно сократилась и все дальше сокращается покупательная способность Индии сократился ввоз в колонии вообще, а в зависимую от империалистов Бразилию ввоз пал от 308 млн. мильрейсов в 1928 г. до 193 млн. мильрейсов в июне 1930 года, в Аргентину — с 75,1 млн. зол. песо в июле 1928 г. до 46,8 млн. зол. песо в апреле 1930 г., в капиталистическую Польшу—с 226,5 млн. злотых в августе 1929 г. до 188,5 млн. злотых в августе 1930 г., в Болгарию—с 775,8 млн. лев в июле 1929 г. до 355,5 млн. лев в июле 1930 г. и т. д. и т. д. Даже в крупные капиталистические страны с сравнительно высокой кон'юнктурой ввоз иностранных товаров уменьшился: во Францию было ввезено в июле 1929 г. на 5.165 млн. франков, а в июле 1930 года—только на 4.120 млн. франков. Только в одну страну увеличился ввоз—от 57,8 млн. зол. рубл. в месяц в 1928 году до 72,7 млн. червон. рубл. в июле 1930 года—это в СССР. Таким образом, об'ем мировой внешней торговли, вследствие падения покупательной способности масс в капиталистических странах, при увеличении, но в абсолютных цифрах еще в совершенно незначительном об'еме внешней торговли, единственной страны—СССР, сильно сократился и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению, что, в свою очередь, гонит вниз также и продукцию. Увеличение ножниц между ценами продуктов сельского хозяйства и промышленности, вследствие более быстрого и резкого падения цен на сельскохозяйственные продукты, быстрый рост безработицы и падение покупательной способности рабочих, — все это суживает также внутренний рынок. Все мероприятия борьбы с кризисом приводят не к улучшению, а к ухудшению кон'юнктуры. Перспективы выхода из кризиса на капиталистических путях развития вне решительного подавления рабочего класса нет, есть только перспектива углубления экономического кризиса, перспектива перерастания его в политический кризис.

В итоге длительного и глубокого экономического кризиса в ряде колоний и полуколониальных стран политический кризис перерастает в революционную ситуацию. Китайская революция переживает новый под'ем, выливаясь, прежде всего, в формы аграрной революции в ряде провинций. Она, несомненно, идет к общенациональному под'ему. Восстания рабочих и крестьян в колониях и полуколониях развиваются все шире, превращаясь в грандиозные национально-освободительные движения против империалистов и в аграрные революции (Китай, Индия, Индо-Китай, Латинская Америка, Индонезия, Палестина и друг.). Во все большем числе колониальных и полуколониальных стран экономический кризис перерастает в политический кризис колониального господства империалистов. В Китае революции удалось закрепиться на значительных аграрных территориях, на которых она проводит пролетарскую аграрную программу, создает советы и Красную армию—угрозу для господства китайских капиталистов и феодалов и иностранных империалистов во всем Китае. В Индии растет массовое рабочее и крестьянское движение против английского колониального господства, принимающее местами форму восстаний, а в крупных городах формы массовых забастовок рабочих.

В Латинской Америке, в Аргентине, Перу и Бразилии, несмотря на генерально-авантюристский характер ряда «движений» и «переворотов», революционные восстания масс расширяются, вызывая в определенных случаях смену правительств.

В Европе, в одном из самых слабых ее участков, в экономически и политически отсталой Испании, глубокий экономический и политический кризис превращается в революционную ситуацию. В Испании массовые политические и экономические забастовки распространяются по всей стране, расширяются изо дня в день, уличные демонстрации и митинги сопровождаются кровавыми столкновениями с полицией.

В большинстве капиталистических стран шесть месяцев тому назад мы стояли еще в начале экономического кризиса. Но уже тогда расширенный Президиум ИККИ мог констатировать нарастание политического кризиса в одной из европейских стран—в Польше. С тех пор положение капитализма в Европе резко изменилось в сторону ухудшения. В настоящее время уже две крупнейшие капиталистические страны Европы—Польша и Германия—охвачены политическим кризисом, при чем в Польше все быстрее начинают расти признаки приближающейся революционной ситуации. Экономический кризис в Польше перебросился в тяжелую индустрию, дав снижение с 132 в феврале до 112,8 пунктов в августе 1930 года по всей продукции тяжелой индустрии, с устранением при расчетах сезонных колебаний. В легкой индустрии Польши август с. г. показывает некоторое улучшение по сравнению с летними месяцами (июль — 96,8, август — 100,3), вызванное, однако, только полным истощением запасов текстильной промышленности и возможностью пуска на осеннее время некоторых текстильных фабрик. Торговый баланс в августе стал активным, но это произошло за счет уменьшения ввоза при весьма незначительном увеличении вывоза. Как ввоз, так и вывоз остаются значительно меньше августа прошлого года (ввоз—226,5 и 188,5, вывоз—280,7 и 201,5) Зато Польша начинает осень с более чем удвоенным количеством безработных против прошлого года (август 1929 г.—77.455, август 1930 г.—170.665), составляющим,—по правительственным данным, и не включая работающих сокращенную рабочую неделю, — 20,5% всех рабочих, охваченных польской статистикой. В этих условиях политический кризис в Польше, несомненно, должен углубляться и расширяться. Растущий политический кризис, в свою очередь, дезорганизует народное хозяйство. Начался и быстрым темпом подвигается вперед развал правящих классов, обостряются противоречия в лагере фашистов и усиливается борьба по вопросу о путях и методах спасения Польши от грядущей катастрофы. Появляются отдельные признаки перебоев в государственном аппарате, появляются признаки начала распада социал-демократии, и растет влияние компартии. Происходящая ныне избирательная кампания в сейм является ярким показателем остроты политического кризиса и приближающейся непосредственной революционной ситуации. Пилсудский, являясь открытым противником парламентаризма, вынужден был распустить сейм, назначить новые выборы. Фашизм вынужден был поставить Пилсудского во главе правительства, чтобы голосование производить за или против него, чтобы использовать последние остатки его авторитета. В связи с угрожающими размерами распада в господствующих классах, правительство Пилсудского вынуждено было встать на путь ареста и заточения оппозиции «центро-левого» блока. Подготовляя выборы путем арестов и репрессий, путем простой подтасовки и фальсификации, проводя под угрозой порки и расстрелов резолюции—«во время выборов голосовать за список, который будет указан правительством, или оставаться дома, если кто-либо не хочет отдать свой голос за правительственный список», фашизм хочет добиться фашистского большинства сейма, сейма карательных экспедиций и войны против польских рабочих и СССР. Весьма вероятно, что это ему удастся. Но движение рабочих и крестьянских масс ищет уже других, более действенных путей. Если весной в ряде мелких местечек (Олькуш, Завертье и др.) движение безработных выливалось в открытые столкновения с полицией, то сентябрь уже дал гораздо более широкое стихийное революционное выступление западно-украинских крестьян. «Красный петух» стал гулять по крышам помещичьих имений и полицейских застенков Западной Украины. Это — явный признак приближающейся крестьянской войны и аграрной революции. Будучи изолированным от широкого движения польского пролетариата, выступление западно-украинских крестьян подавлено в крови. При этом подавлении фашизм ставил своей целью наказать крестьян не только за совершенные ими «преступления», но и вырвать корни возможности новых выступлений в будущем и очистить тыл для наступления на Киев. Можно уже сказать, что это ему не удалось. Движение перебрасывается в другие районы Польши. Явные признаки приближающихся крестьянских выступлений уже налицо в Западной Белоруссии. Не заставит, очевидно, долго ждать и крестьянство коренной Польши, ее отсталые и бедные крестьянские районы. Приближающаяся зима будет связана с широким движением безработных, ростом забастовок, принимающих все более политический характер и далеко превосходящих размеры движения предыдущего года. Правящие классы не имеют в своих руках никаких других средств, кроме террора, для удержания масс от революционной раскачки, для противодействия нарастанию революционного кризиса. Однако это средство уже не влияет. Каторжные приговоры уже не оставляют впечатления. Все чаще раздаются заявления: «Вы, панове, распоряжаетесь не своим временем».

В Германии, связанной планом Юнга и Версальским договором, экономический кризис особенно быстро перерастает в кризис политический. Выражениями приближающегося политического кризиса были распад и перегруппировка старых буржуазных партий, их растущее недовольство всей политической системой теперешней Германии, быстрый рост влияния коммунистической партии. Компартии Германии удалось в сентябрьских выборах в рейхстаг отвоевать у социал-демократов значительные массы рабочих. Но самым важным признаком нарастающего политического кризиса в Германии является то, что в этих выборах в рейхстаг выиграли только те партии, которые выступали в одном случае — как компартия, действительно, в другом— как национал-фашисты — ради социальной демагогии — как партии антикапиталистические, антиюнговские; что значительно выросло количество молодых избирателей, принимавших впервые участие в выборах; что все они отдали свои голоса коммунистам и национал-социалистам; что коммунисты стали сильнейшей партией в основных промышленных районах и приближаются в этих районах (Рейнско-Вестфальские провинции, Берлин, Верхняя Силезия, Средняя Германия) к завоеванию большинства рабочего класса.

Возросли силы революции, ставящие своей задачей низвержение капитализма и установление пролетарской диктатуры в Германии, но одновременно организуются боевые силы буржуазии, силы контрреволюции, обращающиеся к массам с призывом заменить существующий строй каким-то мифическим «третьим царством». Если Советская Германия стала лозунгом всех классово-сознательных пролетариев, то мифическое «третье царство» стало лозунгом недовольных мелкобуржуазных масс и тех несознательных, отсталых групп пролетариев, которые еще не подошли к лозунгу Советской Германии.

Это показывает, что Веймарская демократия обанкротилась и что миллионные массы не хотят уже жить по-старому. Прирост голосов национал-социалистов (фашистов) произошел на основе общего недовольства масс старыми партиями и на основе антикапиталистической и антиюнговской демагогии национал-фашистов в избирательной кампании.

В этом была сила фашистов в пролетарской Германии. Но именно в такой пролетарской стране, как Германия, даже фашистам нельзя безнаказанно пользоваться демагогией. Они должны смягчать свою антикапиталистическую фразу, должны «срабатываться» со всем капиталом и с фашистами других стран. Это есть предпосылка для того, чтобы они начали терять свое влияние. Но они потеряют это влияние только в итоге серьезной работы, революционной борьбы КПГ. Нельзя забывать, что фашизм — не обычная партия, а массовая организация буржуазии для борьбы с революцией. В этом его сила, отсюда его устойчивость. Но отсюда, при наличии разоблачительной работы и революционной борьбы со стороны КПГ, должна проистекать и его слабость. Фашистская диктатура или пролетарская диктатура,— так стоит теперь вопрос в Германии. А это зависит от того, какие силы будут расти быстрей: силы революции или противопоставляемые им боевые силы контрреволюции, силы Советской Германии или «третьего царства». Поэтому КПГ должна спешить, — она имеет много данных для того, чтобы опередить фашистов. Нет сомнений, что основной процесс, который развивается в Германии, есть процесс революционизирования масс. Силы революции будут расти быстро, положение ухудшается быстро. Экономический кризис Германии углубляется с каждым днем. Сб’ем продукции падает с месяца на месяц. Например, производство стали в июле 1929 года равнялось 1.466 млн. тонн, а в июле 1930 года — 906 млн. тонн, в авг. 1929 года — 1.402 млн. тонн, в авг. 1930 года — 896 млн. тонн, в сент. — 814 млн. тонн; чугуна соответственно — 1.204 — 771, 1.169 — 739, а в сент. — 1.110 — 653. Быстро сокращается, несмотря на напряжение экспорта, внешняя торговля: вывоз в августе 1929 года — на 1.124 млн. марок, а в августе 1930 года — на 919 млн. марок. Падает ценность банковских бумаг (курс Данатбанка: в 1928 году — 301; 24 сентября 1930 г. — 169; 1 октября 1930 года — 164; 7 октября—158,5; Дейтчебанк—1928 г.—176; 24 сентября 1930 года—118; 1 октября—117,5; 7 октября—116). Буржуазия охвачена паникой, в страхе перед грядущими революционными событиями она переводит свои капиталы за границу. Уже обнаружился вывоз больших масс капитала. Мелкая буржуазия хватается за заграничные бумаги. В то же время испуганная итогами выборов и революционной перспективой французская буржуазия оттягивает свои капиталы из Германии. Рейхсбанк вынужден переводить большие массы золота за границу, чтобы удержать стабилизацию марки. Политический кризис, вызванный обострением экономического кризиса и обострением всех противоречий германского капитализма, ударяет по экономике и, в свою очередь, обостряет экономический кризис. Призрак инфляции уже витает над германским хозяйством. Все это должно привести к дальнейшему обесцениванию бумаг, к банкротствам, к дальнейшему сокращению производства и росту безработицы. Рабочий класс усиливает борьбу против капитала (забастовка металлистов). Он не сдаст своих позиций, не согласится на снижение зарплаты и на дальнейшую урезку пособий по безработице, что является единственным выходом для германской буржуазии, дающим перспективу на преодоление кризиса. В итоге всего этого Германия стоит перед крупными экономическими боями, революционными выступлениями безработных и политическими забастовками. Забастовки мансфельдских и берлинских металлистов были только первой пробой их сил. В других европейских странах кризис также быстро углубляется.

В Австрии еще год тому назад чрезвычайно острый и глубокий структурный кризис всего хозяйства привел к победе фашизма, но фашизм не мог ничем помочь разрушенному австрийскому хозяйству. Слияния предприятий, рационализации их, сокращения количества рабочих, снижения зарплаты оказалось недостаточно, чтобы помочь разваливающемуся австрийскому хозяйству. Первое фашистское правительство Шобера должно было уйти, чтобы дать место правительству другого фашиста, генерала Вагуэна, углубляющего и обостряющего фашистский режим, что означает острую тревогу господствующих классов за свое будущее, неуверенность в способности социал-демократии мобилизовать массы для поддержки существующего капиталистического строя. В Италии кризис также достиг большой глубины. Муссолини должен был признать наличие глубокого экономического потрясения страны, длительность кризиса и отсутствие перспективы на улучшение в течение ряда лет. Он должен был признать, что потребуется не менее трех лет, чтобы выкарабкаться из кризиса. Развивающееся массовое рабочее и крестьянское движение в Италии крепнет и пробивает уже первые бреши в фашистском режиме. От него зависит, какими путями Италия выйдет и выйдет ли из кризиса. В Венгрии кризис принял не менее тяжелые формы, выразителем чего явилась мощная демонстрация в Будапеште 1 сентября, напомнившая Хорти и Бетлену о Советской Венгрии. В Финляндии и Румынии, на фоне развития экономического кризиса, летом этого года произошли фашистские перевороты, означающие большую концентрацию государственной власти, усиление реакции внутри этих стран и военной опасности против СССР.

В странах, которые до весны текущего года не были поражены кризисом, теперь, несомненно, кризис уже налицо. К этим странам можно отнести Англию, Францию, Скандинавские страны и, частично, Бельгию. Небольшая таблица лучше всего покажет, что промышленная продукция этих стран уже начинает катиться вниз (см. табл. на стр. 54).

Политические последствия наступающего кризиса нигде не замедляют сказываться. Это—растущий боевой характер забастовок, радикализация масс, рост безработицы, все обостряющиеся столкновения масс с органами государственной власти. Если развитие кризиса в САСШ привело к углублению и обострению кризиса во всех странах мира, если развитие кризиса в Германии оказало сильнейшее давление на рынок Чехо-Словакии и втолкнуло

		Англия			Франция			Бельгия		
Месяцы	Годы	уголь	железо	сталь	уголь	железо	сталь	уголь	железо	сталь
	1913	250	855	639	3.338	434	391	1.903	207	200
	1926	108	203	297	4.467	786	703	2.110	283	274
	1927	201	608	758	4.404	777	692	2.298	313	300
	1928	199	551	711	4.280	841	783	2.295	325	318
	1929	216	632	805	4.577	871	805	2.245	341	334
Июнь	1929	199	658	831	4.525	865	795	2.200	342	339
Июль	1929	211	672	805	4.875	875	815	2.231	347	345
Август	1929	205	682	753	4.662	893	827	2.220	348	355
Сентябь	1929	—	—	—	—	—	—	2.132	347	337
Апрель	1930	—	—	—	—	—	—	2.258	313	303
Май	1930	213	615	693	4.622	901	855	2.290	300	285
Июнь	1930	170	563	600	4.212	841	753	2.054	265	244
Июль	1930	180	486	621	4.592	861	789	2.212	260	256
Август	1930	—	—	—	4.441	845	775	2.228	247	237

(Для Англии уголь в миллионах тонн, остальное в тысячах тонн).

эту страну в кризис, то начинающийся во Франции кризис должен будет оказать сильнейшее влияние на дальнейшее углубление кризиса как в Германии, так и во всех других странах, политически и экономически связанных с Францией. Внешняя торговля Франции уже значительно уменьшилась (ввоз — 4.627 млн. франков в июле 1929 года, 4.120 млн. франков в июле 1930 года, вывоз соответственно — 4.269 и 3.352 млн. франков) и достигла минимальной после 1926 года цифры. Это сказывается на капиталовложениях как внутри страны, так и за границей, на ценах, на уменьшении грузооборота (с 44 018 млн. франков до 38.549 млн. франков), на всем денежном хозяйстве страны. Это угрожает влиянию Франции на континенте. Этим об'ясняется прожектерство Бриана («Пан-Европа»), обострение франко-итальянских отношений, франко-английских отношений, усиление кампании против СССР, как страны пролетарской и единственной—в которой нет кризиса и внешняя торговля которой растет.

Но на развитие кризиса во всем мире давит в еще большей мере дальнейшее развитие кризиса в Соединенных Штатах, в этой сильнейшей капиталистической стране мира. Самым важным при этом является то, что кризис в Соединенных Штатах не только не смягчается, но развертывается, обостряется усиливающимся темпом, что внешняя торговля не растет, а сокращается, что инвестиция капиталов вне Америки катастрофически сокращается. Капитализм Соединенных Штатов имеет более широкие возможности маневрирования, наиболее действенные средства восстановления своего могущества. Он, пожалуй, имеет наилучшие шансы к новой стабилизации, хотя бы и на суженной основе, хотя бы и ценой потери некоторой части своих рынков. Но и он не имеет сейчас никаких ходов; речи Гувера и тон капиталистической печати становятся с каждым днем все пессимистичней. Вместе с тем движение рабочих масс и влияние компартии растет, и утонченные методы американской коррупции оказываются мало влиятельными.

Таким образом, *нет* ни одной промышленной страны в мире, в которой бы не сокращалось производство, не увеличивалось бы количество безработных, не уменьшались бы размеры и стоимость внешней торговли и не падала бы ценность банковских бумаг. *Есть* только одна страна, в которой колоссальными темпами растет промышленная продукция, строятся новые фабрики, в которой нет безработицы, внешняя торговля которой растет—это СССР. Но размер и глубина кризиса не определяются только промышленным кризисом перепроизводства. К этому нужно еще прибавить сельскохозяйственный кризис в метрополиях и сельскохозяйственный и кризис сбыта сырья в колониях. Индия, Индонезия, Полинезийские острова переживают кризис сбыта пшеницы и колониальных товаров и резкое падение их цен, приводящее к голоду трудящиеся массы. В Канаде цена ржи пала с 103 до 68 цент. за бушель и продолжает падать. В САСШ колоссальнейший излишек пшеницы, и цены пали с 105 до 81 центов за бушель в мае и быстро катятся вниз. В Австралии ее экспортные продукты — шерсть, мясо и хлеб — не находят сбыта, и экспорт катастрофически падает (до 40% по шерсти), разрушая заграничный кредит Австралии и втягивая в пропасть всю остальную индустрию страны. В Бразилии цены в июле 1930 года на кофе пали более чем наполовину, и вывоз сократился на 45%. А так как кофе составляет 80% экспорта Бразилии, то это означает катастрофу для всего народного хозяйства страны. На этой основе и возникло восстание против бразильского правительства, приведшее к дальнейшему падению бразильских ценностей на нью-йоркской бирже (в ряде случаев на 150 пунктов). Если обратиться к Европе, то катастрофическое положение сельского хозяйства ясно во всех аграрных странах. Жизненный уровень крестьянских масс далеко ниже довоенного и падает с месяца на месяц. Этот аграрный кризис в настоящее время проявляет себя со всей ясностью, как *структурный кризис крестьянского хозяйства и мелкого землевладения вообще*. Для капитализма нет уже путей поднятия мелкого крестьянского хозяйства. Оно должно погибать. Самые ярые сторонники мелкой крестьянской собственности, идеализирующие крестьянский труд, начинают говорить открыто о необходимости спустить ко дну значительную часть беднейших и средних крестьянских хозяйств, чтобы найти выход из кризиса (проф. Стецкий в Польше). Но только СССР имеет путь перехода от мелкого крестьянского хозяйства к крупному социалистическому коллективному хозяйству в интересах самих крестьянских масс. В капиталистических странах переход к крупному сельскому хозяйству означает колоссальное *разорение и обнищание* широких крестьянских масс, насильственное *лишение их средств производства*, при *бешеном сопротивлении самих крестьян*.

Таким образом, кризис сказывается на всем трудящемся населении капиталистического мира. Право на нищенское существование поставлено под угрозу в одинаковой мере для берлинского и нью-йоркского металлиста, западно-украинского крестьянина и для индийского крестьянина, африканского и южно-американского плантационного раба. *В этих условиях тяжелого кризиса, нищеты и нужды массы быстро учатся революционным методам*, они переходят от одного метода борьбы к другому, от одной формы борьбы к другой, сочетая и умножая методы борьбы. Голодающих безработных, голодающих и нищенствующих крестьян, полуживых кули и выброшенных за ненадобностью колониальных рабов плантаций голод заставляет итти на улицу для политических демонстраций или в партизанский и повстанческий отряд. Голод заставляет вышибать стекла в редакции предательского «Форвертса» и пускать «красного петуха» в фольварк западно-украинского помещика. Рабочий класс, страдающий от снижения жизненного уровня, стоящий под угрозой завтра стать безработным, с редкой настойчивостью ведет стачечную борьбу против сокращения зарплаты, за пособия безработным. Но вместе с тем он быстро усваивает ту простую истину, что капитализм должен быть уничтожен, что *единственным выходом из кризиса, голода, нужды и нищеты является завоевание государственной власти рабочим классом*. Задачей коммунистических партий является организовать выступление голода и нищеты против власти капитала и помещиков, за завоевание государственной власти пролетариатом.

В этих условиях перед Коминтерном стоят важнейшие и труднейшие задачи. Важнейшей задачей всего Коминтерна остается бороться за большевистскую стратегическую линию против правых оппортунистов, против законопослушности, за самостоятельность компартии, за самостоятельное руководство забастовками, против капитуляции перед профсоюзными чиновниками от реформизма, за ориентацию на решающие бои впереди, за большевистское понимание третьего периода, как периода заострения всех внешних и внутренних противоречий капитализма и нарастающих великих классовых битв. Борьба против правых не только не может быть ослаблена, но должна быть особо заострена, ибо именно теперь оппортунизм сильнее всего мешает мобилизации масс для революционной борьбы.

Но если недавно еще достаточно было общего анализа экономического кризиса, то теперь этого далеко недостаточно. Теперь необходимо конкретно для каждого участка борьбы, для каждой страны и группы стран дать анализ той ступени, которой в этой стране достигло развитие мирового кризиса и, связывая эту оценку с социально-экономическим развитием данной страны, дать для нее конкретные тактические указания для мобилизации масс на экономическую и политическую борьбу, на борьбу за завоевание государственной власти пролетариатом.

Кризис создает только об'ективную обстановку для больших массовых движений пролетариата, крестьянства и угнетенных колониальных народов. Он доводит до крайности все внутренние и внешние противоречия. Он ослепительно остро ставит вопрос о преимуществах строя социалистического, который обеспечивает действительное бескризисное развитие, действительное процветание, перед строем капиталистическим, приведшим именно на основе прогресса техники и роста продукции к кризису, нищете и нужде масс. Он заостряет до высшего предела противоречия между СССР и капиталистическим миром, при чем рабочие массы капиталистических стран осознают более чем когда-либо преимущества строя СССР.

Но будут ли использованы пролетариатом условия, созданные кризисом для развертывания борьбы за диктатуру пролетариата, это зависит от правильной большевистской линии, от силы и боеспособности, от степени большевизации и способности коммунистических партий стать во главе массового движения. Ибо без крепкой, сплоченной большевистской партии не может быть не только взята пролетариатом власть, но не может быть проведена ни одна революционная забастовка, несмотря на желание рабочих итти в бой, несмотря на наличие широких массовых движений.

В трех странах, с наиболее глубоким развитием кризиса, где мы имеем партии, стоящие действительно во главе широкого массового движения, на компартии в настоящее время возложены наиболее трудные и ответственные задачи по организации масс для революционной борьбы.

Эти страны — Китай, Польша и Германия.

Китайская революция 1927 года была разбита, но она не умерла. Новый революционный под'ем в Китае налицо. Китайская компартия вновь стала во главе обездоленных и эксплоатируемых масс Китая, чтобы бороться за победу китайской революции, за советский рабоче-крестьянский Китай. Китайским трудящимся удалось в ряде провинций захватить власть в свои руки и образовать довольно обширную и компактную советскую территорию. Их задачей в настоящее время является превратить эту территорию в базу и опору борьбы за советскую власть во всем Китае, в орудие действительной коммунистической пропаганды для некапиталистического—социалистического, пути развития Китая. Но в то же время их задачей является организовать и воспитать для борьбы за власть пролетариата рабочие массы несоветского Китая, его большей части, его больших промышленных и торговых центров (Шанхая, Кантона, Ханькоу, Пекина и многих других), находящихся во власти империалистов и китайской контрреволюционной буржуазии. Использовать все свои силы, чтобы сделать понятными и близкими широким массам лозунги советского Китая, организовать власть, осуществить на советских территориях аграрную революцию, создать крепкую, сплоченную и сознательную Красную армию для борьбы с войсками генералов, организовать экономическую борьбу пролетариата на несоветских территориях, поднимая ее на все большую политическую высоту, — таковы сложные, разнообразные и трудные задачи китайской компартии, над которыми она работает, борясь одновременно против контрреволюционных троцкистов, чендусюистов и ультралевых в своих собственных рядах.

Значительно отличными, но еще более ответственными являются задачи коммунистических партий Польши и Германии, которые теперь вновь становятся очагом революционного под'ема на Западе. Тяжелый и глубокий экономический кризис, нищета и нужда масс, безвыходность и отчаяние, которое охватывает отдельные слои пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии в Германии, кроме того, положение Германии как страны, побежденной в мировой войне, обобранной, разодранной на клочки, вынужденной платить в течение трех поколений платежи по плану Юнга, в пользу капиталистов стран-победительниц, — все это вместе выдвинуло перед КПГ необходимость поставить в центре всей ее агитации и пропаганды, всей работы, программу освобождения трудящихся масс, программу Советской Германии. За нею по этому же пути последовала компартия Польши. Для Германии — это программа национального и социального освобождения, программа освобождения от кабалы своему и иностранному капиталу не путем реванша, мыслью о котором играют фашисты, а путем совместной революционной борьбы пролетариата Германии с пролетариатом Франции, Англии, Италии, Бельгии, Польши и других стран. Для Польши — это программа освобождения трудящихся масс от капиталистов современной «независимой» фашистской Польши, крепостной вотчины Пилсудского, агентуры французского капитала, — это программа освобождения закабаленных современной Польшей трудящихся — белоруссов, украинцев, немцев и евреев.

Но вместе с тем отправной задачей обеих этих партий является развертывание экономической борьбы пролетариата, без чего не может быть успешной мобилизации масс на решающие бои.

Польша — страна средне развитого, слабо организованного капитализма. Несмотря на отчаянное положение рабочих, капиталисты умудряются ставить вопрос о дальнейшем снижении зарплаты рабочим. Отбить атаки капиталистов, повести рабочих в контрнаступление за повышение зарплаты, организовать революционные профсоюзы, организовать безработных, об'единить их борьбу с борьбой работающих, повести их на улицу, на борьбу за хлеб и свободу, за советскую власть, поддержать все революционные требования крестьян и угнетенных национальностей, поддержать и развивать все формы борьбы против фашистского режима помещиков и капиталистов, поднимая каждое выступление рабочих и крестьян на политическую высоту, направляя его в общее русло революционной борьбы трудящихся за пролетарскую революцию и советскую власть в Польше,—вот задачи, которые поставила перед собой КПП. Само собой понятно, что эти задачи она может выполнить только в неуклонной борьбе против ППС, против польского социал-фашизма, как главного врага польской пролетарской революции, против «левых» маневров ППС, против иллюзий, которые возникают и могут возникать в связи с принимающими теперь особо острые формы, частичными разногласиями между

ППС и Пилсудским по поводу методов и средств «спасения» Польши от пролетарской революции. Руководство КПП, выдержавшее серьезную борьбу с правооппортунистической группой Варского-Костржевы именно на этом вопросе, свободно здесь от иллюзий. Но в массах эти иллюзии могут иметься. Вся партия должна помнить, что, как бы ни была остра видимость борьбы между социал-демократией и фашизмом, «социал-демократия есть об'ективно-умеренное крыло фашизма. Нет оснований предположить, что боевая организация буржуазии (фашизм) может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией. Буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока» (И. Сталин «К международному положению», брошюра).

КПГ, являясь самой крупной и большевистской после ВКП(б) партией в Коммунистическом Интернационале, работает в условиях значительно более благоприятных, чем КПП. Перед КПГ стоит та же самая задача: *использовать кризис для мобилизации масс под знаменем Коминтерна для решающих боев за власть в одной из крупнейших и решающих стран капиталистического мира.* Большой политический опыт германского пролетариата, закаленность в боях основных кадров германского пролетариата облегчают мобилизацию масс, но в то же время требуют больших знаний, опыта и энергии от руководства партии. Решающая и важнейшая задача, которую КПГ в этих условиях поставила себе: подготовка, развертывание и успешное руководство экономическими боями пролетариата против снижения зарплаты, против увольнений, за общее повышение зарплаты и 7-часовой рабочий день, с сохранением полного заработка. Эта экономическая борьба работающих, об'единенная и координированная с борьбой безработных, является важнейшей составной частью всей политической борьбы против тройственного союза — капитала, государства и социал-демократии. Она мобилизует массы против фашизма и социал-демократии, открывающей двери фашизму, создающей предпосылки для установления фашистской диктатуры, в которой она *хочет и будет* играть не менее важную роль, чем в так называемой «демократической» Германии. Германский пролетариат является тем, кто дает в настоящее время наиболее решительный отпор покушениям капиталистов на зарплату (забастовка металлистов, Мансфельд), этим он разрушает базу социал-демократии. Но если отход масс от социал-демократии уже начался, то, однако, нужно отметить, что только *часть социал-демократических рабочих прямо переходит под руководство компартии.* Часть из них переходит к фашистам, поддаваясь их националистической и социальной демагогии. В лице их фашисты получают базу среди рабочих для своей реакционной политики. Поэтому, на ряду с борьбой против социал-демократии, КПГ должна развернуть столь же энергичную борьбу против национал-социалистов (фашистов). Одновременно она мобилизует массы в организации революционной профоппозиции и революционных профсоюзов для борьбы под руководством партии.

Сочетание агитации за революционный выход из кризиса с организацией экономической борьбы широких рабочих масс против наступления капитала, подготовка политических массовых забастовок, мобилизация и воспитание масс для грядущих великих революционных битв, путем руководства всеми текущими боями пролетариата, борьба за душу каждого рабочего, еще

идущего за социал-демократическими, буржуазными и буржуазно-фашистскими партиями, организация революционных профсоюзов и профоппозиций, мобилизация союзников пролетариата в революционной борьбе и нейтрализация беднейшей части мелкобуржуазных элементов и среднего крестьянства,— таковы задачи, которые поставили перед собой эти крупнейшие секции Коминтерна. *Эти* задачи общи всем компартиям в капиталистических странах, но особо остро они стоят перед КПГ и КПП.

Но вместе с тем в Польше и Германии вопрос о массовой политической забастовке переходит в новую стадию. Если все партии пропагандируют массовую политическую забастовку, ориентируются на нее, как на более высокую и концентрированную форму классовой борьбы, то Германия и Польша вошли уже в такую стадию развития, когда вопрос о массовой политической забастовке приходится ставить конкретнее и реальнее, когда нужно уже вступать на путь подготовки и организации массовых политических забастовок и агитации за них. Массовая политическая забастовка ставит открыто проблему соотношения классовых сил, она имеет колоссальные мобилизационные способности, она ставит перед крестьянством и мелкой буржуазией вопрос,— с кем итти, кого поддержать или остаться нейтральным в борьбе. Чем шире развертываются массовые политические забастовки, тем большие слои ранее пассивных сил поднимаются к борьбе.

Германия и Польша уже вплотную подошли к этой проблеме.

Но другие секции, несмотря на быстро растущий кризис, пока еще значительно слабее.

В Германии и Польше мы идем в самое близкое время к большим политическим боям. Но и в других странах, при более отдаленной перспективе крупных политических боев, партии теперь должны поставить на карту весь свой авторитет и все свои силы для пропаганды того положения, что только завоевание власти пролетариатом даст выход из кризиса; для того, чтобы развернуть и возглавить выступления рабочих масс против понижения зарплаты. В таких странах, как Чехо-Словакия и Франция, наши партии в последние годы организационно мало двинулись вперед, не сумели найти должного языка для завоевания рабочих масс. Выполняя важнейшую свою задачу, борясь против оппортунизма, они потеряли часть кадров. Борясь против оппортунистических урезанных лозунгов и требований, нередко, — например, в Чехо-Словакии, — *соскальзывали* к голому пропагандизму. Если в период упадка движения конкретные требования являлись прикрытием спуска от ясной и отчетливой революционной линии Коминтерна к политике «мелких дел», к пониманию эпохи, как эпохи «мелких дел» — то теперь положение коренным образом изменилось.

Теперь, в условиях растущего кризиса, растущей волны великих классовых боев, конкретные требования служат не средством спуска к «мелким делам» и, следовательно, к реформизму, а средством под'ема широких рабочих масс к экономическим и политическим битвам, к боям за советскую власть, пропаганда которой становится все более насущной задачей дня. Для этого эти требования должны отражать действительные и насущные интересы рабочих масс и вытекать из общих политических задач рабочего класса в целом. Постановка конкретных требований важна для всех, но особенно важна для тех партий, которые в период кризиса должны стать действительно массовыми партиями, в значительной части еще не являясь таковыми. Поэтому перед французской, чехо-словацкой, английской, бельгийской и американской партиями стала важнейшая задача: *развернуть и возглавить борьбу масс за социальное страхование, против увольнения и снижения зарплаты, за помощь безработным.*

В различных странах наши партии по-разному подходят к вопросу организации этой борьбы. В Чехо-Словакии это — массовая кампания, связанная с борьбой против Гентской системы, в Англии это — борьба за рабочую хартию, содержащую ряд конкретных требований рабочих. Во Франции вместе с тем развертывается борьба против растущей дороговизны. Выставленная рядом партий программа конкретных частичных требований, вытекающих из данной обстановки, однако, повсюду должна дать один результат — она должна показать, что коммунистическая партия есть единственная действительная защитница как общих классовых интересов и задач пролетариата, так и повседневных частичных его требований, единственная защитница против безработицы, нищеты и нужды, единственная, которая показывает выход и ведет на борьбу. Это должно усилить влияние компартий в массах и поднять их авторитет как руководителя экономическими и политическими боями. Мы нигде и никогда не выставляем конкретные требования как самоцель. Мы исходим из перспективы нарастающих классовых битв, мы выставляем конкретные требования для того, *чтобы поднять массы к этим битвам*, к решению основного вопроса, вопроса о власти.

Третья группа партий — самых малых и младших партий малых европейских стран и особенно партий Латинской Америки. Не играя еще руководящей роли в происходящих ныне событиях, каждая из этих партий, однако, ставит своей целью выступать в них со своей самостоятельной линией и со своими самостоятельными революционными лозунгами, чтобы, защищая по мере своих сил интересы пролетариата, мобилизовать силы, создать действительно большевистские партии в этих странах. Как бы мала ни была коммунистическая партия, но она всегда выступает как единственная представительница классовых интересов рабочих. Как бы мала она ни была, она борется за гегемонию пролетариата против всех сил буржуазного мира. В такой обстановке, как настоящая, политические партии растут быстро, если они ухватились за основное звено и стали действительно во главе масс.

Какова бы ни была конкретная политическая задача каждой отдельной коммунистической партии, для всех действует одно правило: *в массы, на предприятия*. Научиться по-настоящему работать на предприятии, ухватиться за действительные интересы, нужды и болячки рабочих, создать на каждом предприятии свои опорные пункты — вот задача, которую теперь решает каждая компартия.

Фашизм наступает. Отразить наступление фашизма. Не дать буржуазии выхода из кризиса, не допуская снижения зарплаты и уничтожения социального страхования, увеличивать свои требования — вот общая задача пролетариата в данную полосу. Капитализм обречен, но в данный момент он еще может выйти из кризиса, если ему не будет противостоять такая сила, которая ему этого не дает. Капитализм может выйти из кризиса только за счет пролетариата, тем более мы должны противопоставлять капиталистическому пути выхода из кризиса наш, революционный, путь — путь низвержения капиталистической системы.

Каковы бы ни были конкретные политические задачи каждой компартии, но для нее существует одно правило, *главный враг — это социал-демократия*, держащая еще в своих руках крупнейшие организации рабочего класса, об'единяющая все еще миллионы рабочих, использующая тем самым эту классовую силу пролетариата для укрепления классового господства буржуазии. Социал-демократия теперь — главный оплот фашизма, ибо без полной поддержки социал-демократии никакая боевая организация буржуазии не может получить решающего успеха как в борьбе, так и в управлении страной. Но сила социал-демократии только в идущих за ней рабочих, поэтому необходима упорная борьба за каждого социал-демократического рабочего, *ибо он может быть* и должен быть завоеван для коммунистической партии. В условиях углубляющегося кризиса социал-демократия, поддерживая и укрепляя капиталистический строй, будет в то же время делать штрейкбрехерские маневры, чтобы удержать за собой революционизирующиеся массы. Поддаться на одну минуту и принять эти маневры за чистую монету, не обострить против них борьбы, означало бы сдать свои классовые позиции, отказаться от борьбы за диктатуру пролетариата. Поэтому больше, чем когда-либо, именно теперь штрейкбрехерские маневры социал-демократии представляют большую опасность для коммунизма и, вместе с тем, питают правый уклон в компартиях. Развал социал-демократии не далек, но он придет только в решительной борьбе компартии против всей социал-демократии и особенно против «левого» социал-фашизма. Поэтому компартии должны быть также застрахованы против ультралевых загибов, мешающих развернуть эту работу.

Мировое положение заостряется. Заостряются все противоречия капитализма. Классовые противоречия в каждой отдельной стране принимают максимально оголенные, острые формы. Классовая борьба обостряется, угрожая местами принять формы гражданской войны. Заостряются противоречия между империалистическими государствами. На ряду с основными противоречиями (англо-американскими) возникают все новые. Страна на страну, конкурент на конкурента смотрят волк волком. Но противоречия между капитализмом и СССР несравненно острее. Однако, организовать единый фронт капиталистов против СССР становится не легче.

«Прорывы» становятся все чаще, но вместе с тем для организации единого фронта, для ликвидации «прорывов» прилагается все больше усилий. Коммунизм побеждает в СССР, пятилетка перевалила во вторую половину — вот основная притягательная сила для рабочих, вот основной враг для капиталистов. Нарастание политического кризиса в ряде стран не уменьшает и может увеличить опасность интервенции против СССР. Разлезающийся по всем швам капиталистический мир будет пытаться об'единиться в борьбе против СССР. Господствующие клики, в целях об'единения вокруг себя «нации», будут пытаться поднять «общенациональный» флаг борьбы против коммунизма, против «руки Москвы», якобы направляющей революционное движение, вырастающие на дрожжах кризиса. Они будут возлагать на СССР ответственность за дезорганизацию мирового рынка, попытки чего налицо в виде кампании против так называемого советского «демпинга». Но будет также все больше желающих воспользоваться «синицей» советских заказов, вместо того, чтобы ожидать «журавля» «освобожденной» России. Выгода от торговли с СССР и боязнь большевизма — эти две души будут бороться в каждом капиталисте, до поры до времени удерживая его от принятия «окончательного решения». Будут использовываться любые поводы и любая ложь, чтобы «убедить» колеблющихся, не желающих рискнуть на войну.

«Прорывы» в капиталистическом едином фронте будут все чаще, и организаторам его нужны будут десятки конференций для их «ликвидации». Международное положение стало напряженным. Штабы буржуазии, особенно империалистической Франции, готовят силы для интервенции против СССР. Компартии видят эту основную опасность текущего момента и раз'ясняют ее массам. Мобилизация масс на борьбу под руководством партии, на путь противодействия антисоветской работе буржуазии — есть путь подготовки масс к защите социалистического отечества. Коминтерн готовится и организует массы к решающим боям, чтобы компартии были на высоте большевистских задач.

А. Павлов.

Вопросы труда на новом этапе.

Окончательное решение в основном вопроса «кто кого» в области промышленности в пользу социалистических форм промышленности, переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства и к ликвидации на этой базе кулачества как класса характеризуют современный этап нашего развития, как такой этап, когда мы уже «вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко». (Сталин, разрядка моя. — *А. П.*). В этом новом периоде нашего развития мы уже изжили безработицу.

Бурный рост элементов социализма в нашей стране резко изменил всю хозяйственную обстановку и со всей остротой поставил проблему новой, социалистической организации и планирования труда в народном хозяйстве. Организация труда в новых социалистических формах становится в настоящее время узловой проблемой выполнения наших грандиозных социалистических хозяйственных планов. Надо прямо сказать, что новая, более высокая организация труда, является теперь главным звеном, при посредстве которого можно двигать вперед наше социалистическое строительство, ускорять его темпы.

Но, несмотря на это, многие хозяйственные и профсоюзные организации, — в особенности органы труда, — не учли новой хозяйственной обстановки и потому отстали в разрешении новых задач в организации труда. Наибольшее отставание проявилось в вопросах снабжения предприятий рабочей силой. В этом повинны, в первую очередь, органы Наркомтруда и некоторые профсоюзы. «Особо следует указать, — говорит ЦК в своем обращении от 3/IX с. г., — на бюрократическое отношение к хозяйственным задачам со стороны органов Наркомтруда, а также некоторых профсоюзов. Достаточно сказать, что при явно выраженном недостатке рабочих на фабриках и заводах, в шахтах и на строительстве, во всех промышленных районах органы Наркомтруда до последнего времени ограничивались печатанием бюрократических «данных» о сотнях тысяч безработных и выплачивали десятки миллионов рублей пособий «по безработице», не ведя борьбы с рваческими элементами, летунами, отказывающимися от работы и т. д.».

Это отставание в очень большой степени обусловлено широким распространением буржуазных, кондратьевско-громановских и смыкающихся с ними правооппортунистических «теорий» в области экономики труда, в особенности в вопросе безработицы.

Кондратьевцы выдвигали открыто капиталистически-кулацкие средства борьбы с нашей безработицей и с так наз. «аграрным перенаселением». «Борьба с безработицей,—говорит Громан,—должна привести к развитию частной промышленности (концессиональной и др.), играющей пока

ничтожную роль, при чем должны быть созданы определенные условия ее функционирования» [1]).

Громановская ставка на развитие капитализма в промышленности, как на «средство» борьбы с безработицей, дополняется ставкой Литошенко на капитализм, на кулака в сельском хозяйстве, как на средство изжития аграрной перенаселенности. «Развитие потребностей и ставка на сельское хозяйство — таковы основные черты политики, рассчитанной на разрежение крестьянства у нас. Иначе,—угрожает Литошенко,—нас ждет судьба Китая» [2]). Идеологи капитализма проповедывали ставку на капитализм, как на средство борьбы с безработицей и аграрным перенаселением. Нет никакой нужды доказывать, что безработица и аграрное перенаселение порождается капитализмом, что в современную, империалистическую стадию капитализма безработица во всех капиталистических странах достигла колоссальных, небывалых размеров, возросших вследствие общего кризиса капитализма.

Быстрая и фактически сейчас уже полная ликвидация у нас безработицы, достигнутая на путях развернутого социалистического наступления и ускоренной социалистической переделки сельского хозяйства, убедительно и на практике показывает истинную сущность нашей безработицы, как капиталистического пережитка, сохраняющегося в переходный период лишь постольку, поскольку сохраняется в переходном хозяйстве капитализм и его питательная база — мелкое товарное хозяйство, стихийно и в массовом масштабе порождающее капитализм. В то же время изжитие безработицы в нашей стране, где социалистическая организация производства является уже господствующей, и небывалый рост безработицы в странах, где господствует капитал, ясно показывают, что нет иного пути ликвидации безработицы, как путь свержения господства капитала и развернутого социалистического строительства.

Новый этап нашего социалистического строительства характеризуется гигантскими темпами развития народного хозяйства и в связи с этим колоссальным увеличением количества работающих по найму. Так, уже в первые два года пятилетки общее количество работающих по найму увеличилось почти на 1.700 тыс. человек. В третьем году пятилетки в связи с дальнейшим ускорением темпов развития социалистического хозяйства намечается еще более быстрое увеличение количества рабочих. По контрольным цифрам на 1931 год намечается увеличение постоянно работающих около 2 млн., такое же примерно увеличение сезонных рабочих, следовательно, всего увеличение около 4 млн. человек.

Столь быстрый рост количества работающих по найму, приведший к полной ликвидации безработицы, со всей остротой поставил проблему перехода к плановому регулированию распределения рабочей силы между предприятиями и отраслями нашего хозяйства. Одним из условий успешного перехода к плановому регулированию распределения рабочей силы является решительное выкорчевывание кондратьевско-громановских и смыкающихся с ними правооппортунистических теорий в области безработицы и аграрного перенаселения. В области труда кондратьевцы оставили значительное вредительское наследство, поскольку, с одной стороны, отдельные из них, как, например, Л. Минц, занимали ответственные посты (зав. статистикой труда НКТ СССР), с другой, — наблюдалось обволакивание отдельных коммунистов, которые попадали в идеологический плен к кондратьевцам и скатывались в болото правооппортунистических теорий. Высвобождение из идеологического плена кондратьевщины является важнейшей задачей и непременным условием преодоления правооппортунистических теорий и правого оппортунизма на практике в области труда.

---

[1]) В. Громан. «Хозяйственное положение СССР», изд. 1924 г., стр. 43, разрядка моя. А. П.

[2]) Л. Н. Литошенко. «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», изд. 1923 г., разрядка моя. А. П.

I. Кондратьевщина, как неомальтузианство в вопросах безработицы и аграрного перенаселения; правые оппортунисты в плену у кондратьевщины.

Кондратьевщина в вопросах труда, по сути, повторяет «теории» Мальтуса. Этот мальтузианский характер кондратьевщины наиболее полное свое выражение нашел в специальной работе кондратьевца Л. Минца «Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР», в которой аграрное перенаселение об'ясняется медленным темпом развития промышленности и сельского хозяйства и рассматривается как результат, как функция того или иного уровня производительных сил.

> «Медленный темп развития,— говорит Л. Минц,— с одной стороны, сельского хозяйства, с другой — индустрии, которая не в состоянии была поглотить уходящую в города крестьянскую массу, на ряду с необеспеченностью землей и низкой доходностью крестьянского хозяйства и создали так называемую «аграрную перенаселенность».

И далее автор заключает,

> «что аграрное перенаселение есть скорее качественное выражение определенного уровня производительных сил».

Исходя из этого, он считает, что «нищенское существование» и «бедственное положение крестьянского населения

> «является следствием медленного темпа развития сельского хозяйства и промышленности, т.-е. такого их уровня, который порождает «десятки миллионов» «избыточной рабочей силы» [1]).

Такого рода «теории» «избыточности рабочей силы» и якобы вследствие этого происходящей нищеты и «бедственного положения» крестьянства, как и вообще трудящихся, в том числе и рабочего класса, являются типичными буржуазными теориями, основной смысл которых — замазать и скрыть социальную природу «нищеты и бедственного положения» и капиталистический характер происхождения «избыточности рабочей силы». Вместо того, чтобы проанализировать и показать, как и при каких производственных отношениях возникают «избыточная рабочая сила» и ее нищета и «бедственное положение», кондратьевцы занимаются бессодержательными рассуждениями об уровне производительных сил и темпе их развития.

«Избыточная рабочая сила» и ее нищета имеют место и в странах с самым высоким уровнем производительных сил, например, в Америке, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Следовательно, уровень производительных сил и темп его развития сами по себе ровно ничего не об'ясняют в вопросе об «избыточной рабочей силе», и ее нищете.

«Избыточная рабочая сила» в деревне, или так называемое аграрное перенаселение, возникает вместе с возникновением и развитием капитализма, следствием и условием существования которого является образование резервной рабочей армии. Относительное избыточное перенаселение — это свойственный капиталистическому способу производства закон населения» [1]).

---

[1]) Л. Минц. «Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР», стр. 3 и 4. Разрядка моя.—**А. П.**

«Избыточное население» в деревне, или так называемая аграрная перенаселенность, является не чем иным, как конкретным проявлением этого капиталистического закона населения. Аграрное перенаселение — составная часть капиталистического перенаселения вообще, лишь его особая форма существования и проявления. Маркс различает три вида или формы капиталистической резервной армии — текучую, скрытую и застойную. Хотя эти три формы между собой непосредственно связаны, взаимно проникают, взаимно переходят одна в другую, но аграрная перенаселенность является скрытой безработицей или перенаселенностью, возникающей в деревне с развитием товарно-денежного хозяйства в ней и с проникновением в деревню на этой основе капитала в самых различных формах, начиная с наиболее низких — торгово-ростовщических, и кончая наиболее высокими — промышленно-земледельческими. «Когда капиталистическое производство, — говорит Маркс, — овладевает земледелием, или в той мере, в какой оно овладевает земледелием, спрос на сельское рабочее население параллельно накоплению функционирующего здесь капитала абсолютно уменьшается; отталкивание рабочего населения не дополняется здесь большим притяжением, как это наблюдается в не-земледельческой промышленности. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в ряды городского или мануфактурного пролетариата и выжидает условий, благоприятных для этого превращения. (Под мануфактурой здесь подразумевается вся не земледельческая промышленность). Следовательно, этот источник относительного перенаселения течет непрерывно. Но непрерывность его течения к городам предполагает, что и в самой деревне постоянно имеется скрытое перенаселение, размеры которого становятся заметными, едва лишь открываются исключительно широкие отводные каналы» [2]). Это указание Маркса не оставляет никаких сомнений в том, что так называемая аграрная перенаселенность является не чем иным, как особой формой капиталистической резервной армии, формой скрытого перенаселения.

Так называемая аграрная перенаселенность русской дореволюционной деревни возникла из капиталистического развития народного хозяйства, из вытекающего отсюда капиталистического расслоения крестьянства. «Необеспеченность землей», «низкая доходность» и «избыточная рабочая сила» характеризуют лишь часть, хотя и самую большую, крестьянских хозяйств, но не все крестьянские хозяйства.

Аграрная перенаселенность лишь как особый вид капиталистической перенаселенности вообще, возникает вместе с диференциацией, с распадением крестьянства на капиталистические классы, буржуазию и пролетариат (и полупролетариат), поэтому «перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение» [3]).

Для характеристики аграрной перенаселенности в дореволюционной России недостаточно ее общего определения, как скрытой формы капиталистического перенаселения, так как это общее определение не улавливает специфических особенностей дореволюционного народного хозяйства России, которое необходимо особо и дополнительно рассмотреть. Этими специфическими особенностями русского капиталистического хозяйства, в первую очередь, как известно, являлись многочисленные крепостнические пережитки в нем и его аграрный характер. Эти два обстоятельства имели исключительное значение для определения формы капиталистического перенаселения, а именно скрытого, так называемого аграрного, перенаселения, и его об'ема в этой форме.

---

[1]) К Маркс, Капитал, т. I, стр. 623. Разрядка моя.—**А. П.**

[2]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 634, 1923, подчеркнуто мною.—**А. П.**

[3]) Ленин, т. ,I стр. 47, 2-е изд.

Значительные крепостнические пережитки царской России задерживали развитие капитализма.

Крепостнические пережитки задерживали в интересах помещиков-крепостников диференциацию крестьянства, отделение непосредственных производителей крестьян от средств производства.

Рабочий, «не освобожденный» еще или пока только «полуосвобожденный от средств производства, в том числе и от земли (что является в данном случае особенно важным), включен в капиталистические производственные отношения и в их закон относительного перенаселения. Для такого рабочего основной формой безработицы будет скрытая безработица, ибо, будучи вытолкнутым из армии работающих в армию безработных, такой рабочий возвращается в свое хозяйство, ожидая вновь перехода в капиталистическую армию работающих. Но «втолкнутый» в свое хозяйство он представляет в нем «избыточную» силу. В этом случае капиталистическая сущность аграрного перенаселения вне сомнения.

Далее, в силу крепостнических пережитков «надел» землей подавляющей части крестьянства определяется не соображениями полного использования рабочих рук крестьянства и полного обеспечения их средствами к жизни, а тем, чтобы помещичье хозяйство было обеспечено рабочими руками и определенной массой прибавочного труда. Поэтому основной заботой помещика при реформе 1861 года и было создание им «малоземельного» крестьянина, т.-е. крестьянина в той или иной форме обязанного на него работать. Мы имеем в данном случае скрытую застойную форму резервной армии, появление которой обусловлено развитием капитализма в сельском хозяйстве в условиях сложного переплетения с обильными крепостническими пережитками.

Октябрьская революция, уничтожив помещичье землевладение, расширила на десятки миллионов га крестьянское землепользование у бедняцко-середняцкой группы хозяйств, т.-е. той группы, которая своими «избыточными» руками обрабатывала эту землю, но вне своего хозяйства. Теперь, после революционного овладения этой группой крестьянских хозяйств помещичьей землей, ранее бывшая для них «избыточной» рабочая сила стала «необходимой» в их собственном хозяйстве. Вследствие этого должно значительно сократиться соответственно число «мнимо-избыточных» рабочих рук, так называемая «аграрная перенаселенность» нашей деревни.

Сокращение аграрной перенаселенности после Октябрьской революции подтверждается резким сокращением бедняцких хозяйств. Так, в 1917 г. по 22 губерниям среди всех крестьянских хозяйств беспосевных хозяйств насчитывалось 10,6 проц., после Октябрьской революции, в 1920 г.—4,7 проц., т.-е. больше чем вдвое меньше [1]. Этот процесс уменьшения скрытой безработицы значительно ускорился в связи с быстрым развитием социалистической промышленности. Так, по подсчетам Ю. Ларина, фактическое население в бедняцко-середняцких хозяйствах в 1926/27 г. было на 7 млн. меньше, чем его должно быть при естественном приросте населения в этой группе хозяйств [2]. Следовательно, значительная масса бедняцко-середняцкого крестьянского населения была вовлечена в другие отрасли народного хозяйства и вследствие этого значительно сократилась скрытая безработица.

---

[1] Сб. «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». Материалы НК РКИ, ГИЗ. 1928 г.

[2] Ю. Ларин. «Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения». ГИЗ, 1928, стр. 19 и 25.

Поэтому глубоко враждебными являются утверждения кондратьевцев, что

> «сейчас мы стоим перед картиной еще большей (по сравнению с дореволюционным временем.— А. П.) пересыщенности сельского хозяйства населением и трудом и недосыщенности его капиталом» [1].

и что

> «относительные размеры перенаселенного слоя крестьянских хозяйств первого периода революции не сократились» [2].

Такого рода утверждения кондратьевцев имеют один лишь смысл — обосновать свою контрреволюционную теорию о «деградации» сельского хозяйства в послереволюционный период, и свою ставку на кулацко-капиталистическое хозяйство, якобы единственно могущее обеспечить под'ем сельского хозяйства, следовательно, и изжитие аграрной перенаселенности.

Из всего сказанного выше о природе «аграрной перенаселенности» в капиталистической России достаточно ясно видна ее капиталистическая сущность. Наличие в капиталистической России пережитков крепостнических отношений вносило в аграрную перенаселенность свои особенности. Поэтому в ней («аграрной перенаселенности»), «кроме основных капиталистических черт есть, след., еще крепостнические» [3]. Но наличие этих крепостнических черт ни в коем случае не меняет основную капиталистическую сущность аграрной перенаселенности.

Этого не понимают кондратьевцы, которые пытаются об'яснить аграрную перенаселенность «особыми» законами развития крестьянского хозяйства. Этого не понимают и те современные буржуазные экономисты, открытые апологеты капитализма, которые пытаются об'яснить ее «крепостническими отношениями и общим строем русской деревни», потребительским, натуральным характером крестьянского хозяйства. Основателем подобного рода «теорий» является П. Струве, который доказывал исключительно крепостнический характер аграрного перенаселения, видел его источник в «самопотребительском», натуральном типе крестьянского хозяйства и считал капитализм средством если не полного изжития аграрного перенаселения, то во всяком случае средством его резкого сокращения. Буржуазно-мальтузианская сущность струвианства в этом вопросе была в свое время блестяще вскрыта Лениным [4].

Так как рецидивы струвианства в вопросах аграрного перенаселения, представленные в частности Л. Литошенко и Пав. Масловым, укрепляют, по сути дела, позиции открытых кондратьевцев, смыкаются с ними, поэтому борьба с кондратьевщиной требует решительного отпора и этим рецидивам. При этом следует иметь в виду, что современные рецидивы струвизма, как и сам струвизм, очень часто маскируются марксистской терминологией, что делает особо опасным эти рецидивы. В полемике с неонародниками Л. Литошенко, целиком солидаризуясь с их положением, что в «трудово-потребительном» крестьянском хозяйстве «размножение происходит быстрее, чем прирост культурной площади», обвиняет их лишь в том, что они не понимают того, «что трудовое хозяйство есть не только средство от перенаселения, но и причина его», и считает, что наша страна стала аграрно-перенаселенной в «результате общинных порядков» в деревне [5].

---

[1] Н. Кондратьев. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Вып. I. Труды Земплана НКЗ РСФСР, изд. 1924 г., стр. 16.

[2] Пав. Маслов. «Перенаселение русской деревни». 1930 г., стр. 77.

[3] Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 330, изд. 2-е.

[4] См. Ленин. Собр. соч., т. I, 2-е изд., стр. 318—341—«Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве».

[5] Литошенко. «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», стр. 39 и 45.

Более четко это положение развивает Пав. Маслов, который прямо заявляет, что:

> «явление аграрного перенаселения лежит далеко за пределами капитализма в деревне, корни его лежат в глубинах крепостнических отношений и общинного строя [1]).

Пав. Маслов видит источник аграрной перенаселенности для части хозяйств в том, что они, имея землю, не имеют средств производства или имеют их в недостаточном количестве. Если это так, то возникает вопрос, почему эти хозяйства лишены или полулишены средств производства. Автору совершенно чуждо элементарное понимание того, что для капитализма «разоружение» рабочей силы от средств производства является условием его существования.

Итак, основной признак — «разоружение рабочей силы» в определенной группе крестьянских хозяйств,— долженствующий, по мнению автора, доказать некапиталистический характер аграрного перенаселения, доказывает как раз обратное — капиталистический его характер, как особой формы капиталистического перенаселения. В связи с этим прямой апологетикой капитализма является утверждение автора, что при «всесторонне развитых товарно-капиталистических отношениях в деревне, об аграрном перенаселении не может быть и речи» (стр. 120), ибо «всестороннее развитие товарно-капиталистических отношений в деревне» сопровождается все большим и большим «разоружением» рабочей силы» и вследствие этого все большим и большим увеличением относительного перенаселения.

Правые оппортунисты, теоретическая и политическая установка которых, как и кондратьевцев, ведет к реставрации капитализма в нашей стране, в вопросах безработицы и аграрного перенаселения, повторяли и воспроизводили кондратьевско-громановские взгляды и теории. Наиболее «точно» воспроизвел кондратьевско-громановские взгляды на безработицу и аграрное перенаселение известный правый оппортунист А. Айхенвальд:

> «Наше хозяйство,— говорит А. Айхенвальд,— еще не может полностью втянуть в производство все свободные рабочие руки Проблема безработицы стоит в наших условиях очень остро. Деревня, благодаря отсталому, не требующему больших затрат рабочей силы способу ведения хозяйства, не может дать работу всей массе ежегодно увеличивающегося трудоспособного населения. В поисках заработка излишние рабочие руки идут в города, частью находят там работу, частью остаются без нее, но все же в городах задерживаются. Промышленность не может поглощать всех «выделяемых» деревней, ищущих работу людей, ибо их масса по некоторым исчислениям, доходит чуть ли не до 2 млн ежегодно. Разрешение этой проблемы нельзя найти в пределах одной промышленности. Это разрешение, по сути дела, совпадает не с чем иным, как реконструкцией всего нашего народного хозяйства. Конкретно говоря, интенсификация сельского хозяйства, развитие кустарной промышленности, увеличение роли крупной промышленности в народном хозяйстве,— вот каковы способы разрешения этой большой проблемы нашей действительности» [2]).

Приведенное положение представляет собою образец буржуазно-либерального об'яснения нашей безработицы. Буржуазно-либеральный характер айхенвальдовской постановки вопроса о нашей безработице обнаруживается, прежде всего, в том, что в ней не дается классовой характеристики ее сущности, вместе с этим, в ней нет классовой постановки вопроса о путях изжития и полной ликвидации безработицы. В самом деле, по Айхенвальду, деревня выделяет рабочую силу «благодаря отсталому, не требующему больших затрат рабочей силы, способу ведения хозяйства», а не вследствие тех процессов классового расслоения, которые возникают и развиваются из мелкобуржуазной природы крестьянского хозяйства. Далее, А. Айхенвальд перечисляет ряд мероприятий по изжитию «избыточного населения» деревни и «забывает» сказать о главном, о социалистической переделке крестьянского хозяйства, которая является непременным условием изжития аграрной перенаселенности, ибо только при социалистической организации промышленности и сельского хозяйства под'ем уровня производительных сил является средством полного использования всей наличной рабочей силы.

Айхенвальдовское об'яснение аграрной перенаселенности отсталостью «способа ведения хозяйства» в деревне иными словами повторяет положение кондратьевца Л. Минца о том, что аграрное перенаселение есть «функция уровня производительных сил». Точно так же и предлагаемые им мероприятия полностью совпадают с предложениями кондратьевцев, ибо и они видят путь ликвидации аграрной перенаселенности в под'еме уровня производительных сил «вообще», не ставя ликвидацию в прямую зависимость от развертывания социалистического строительства, от под'ема производительных сил при условии социалистической формы их организации [1]).

(Окончание следует).

---

[1] Маслов. «Перенаселение русской деревни», стр. 117. Разрядка моя.—А. П.

[2] А Айхенвальд. «Советская экономика», с предисловием Н. Бухарина, стр. 97, ГИЗ, 1928. Разрядка моя.—А. П.

---

[1] Подобного рода правооппортунистические взгляды на безработицу и аграрное перенаселение были широко распространены среди практических работников органов труда. См. Я. Гиндин «Регулирование рынка труда и борьба с безработицей». Г. Патрунов. «Непрерывка и безработица». В этих работах нет классового анализа сущности безработицы и аграрного перенаселения. нет правильной постановки вопроса об изжитии этих явлений в условиях социалистического строительства.

С. Рабинович.

Военные вопросы в ленинских сборниках *).

Ленинские сборники уже давно имеют важнейшее значение в теоретической и практической работе нашей партии. Значение их не только в том, что они дают новые материалы и высказывания Ленина, которые по тем или иным причинам и соображениям раньше не могли быть опубликованы. Не меньшее значение сборников в том, что они раскрывают перед нами лабораторию ленинской мысли, показывают процесс оформления того или иного положения. Если бесспорно ценны черновики, наброски, планы варианты как устных, так и письменных выступлений Владимира Ильича, то не менее интересны и ценны его выписки и замечания на труды других авторов. Эти выписки и замечания не только показывают, чем Ленин интересовался в тот или иной период, но и в каком направлении работала его мысль.

Все высказывания В. И. не что иное, как отдельные частные случаи блестящего применения материалистической диалектики. Не может быть двух мнений о том, что материалы Ленинских сборников имеют огромное значение и должны быть широко использованы и в военной области, в области обороны, тем более, что как раз недостаточное применение материалистической диалектики, этой всеобщей методологии, является слабым местом военно-научной мысли в СССР.

«В любом предложении можно (и должно), как в «ячейке», («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»,— подчеркивает Ленин в своей записи «К вопросу о диалектике» (Ленинский сборник XII, стр. 325[1]). Это положение целиком и полностью должно быть распространено и применено и в области военных наук. Но этот вопрос требует специального исследования.

В данной статье основное внимание заостряем на тех материалах и высказываниях Ленина, которые имеют непосредственное отношение к вопросам войны, к проблемам военного дела. К такого рода материалам принадлежат: в сборнике XI — документы, об'единенные общим заголовком «Борьба за мир» и «Из истории внутрипартийной борьбы с «левыми» коммунистами» (конец 1917, первая половина 1918 года), затем отдельные замечания Ленина на «Экономику переходного периода» Бухарина (май 1920 г.); в XII — выписки Ленина из книги Клаузевица «О войне» (середина или даже первая половина 1915 г.); в XIII — «Введение в пункт программы в области военной» (начало 1919 г.); в XIV — заметки и выписки в первые месяцы империалистической войны (сентябрь — ноябрь 1914 г.) и значительная группа материалов, об'единенных общим заголовком «Марксизм о государстве» (январь — февраль 1917 г.). Все эти материалы можно разбить на две группы: одна — рассматривающая проблемы войны, другая — вопросы об армии. Ленинское учение о войне и армии, вытекающее из его теории империализма и пролетарской революции, из его учения о государстве и стратегии и тактике классовой борьбы, стало в основных своих частях достоянием рабочего класса и его авангарда—коммунистической партии. В таких классических работах, как «Социализм и война», «Государство и революция», в ряде статей периода империалистической войны и обеих революций 1917 г. находим многочисленные высказывания В. И. по вопросу о связи войны с политикой, о типах и характере войн, о классовой природе армии и т. п. Но материал, заключенный в Ленинских сборниках, дополняет, уточняет, в ряде случаев заостряет внимание на отдельных моментах, которые в той или иной форме, в большей или меньшей степени были затронуты или развиты в опубликованных уже произведениях Ленина. На некоторых, но только на нескольких из многих, помещенных в сборниках, ценнейших положениях остановимся подробнее.

В предисловии к XII сборнику, в котором помещены выписки и замечания Ленина на книгу Клаузевица, подчеркивается, что, читая и изучая его, «Ленин интересовался двумя темами и собрал с исчерпывающей полнотой относящиеся сюда места. Одна из этих тем была: «О применении диалектики к вопросу о войне», другая же тема — «Вопрос о связи между политикой и войной» (стр. 17). Ленин тогда же, в 1915 г., использовал Клаузевица в ряде своих работ, в частности, в работах «Социализм и война» и «Крах II Интернационала» (собрание сочинений, т. XVIII). Исторические типы войн, характер войн, вопрос об обороне и наступлении и т. д. — все это Владимир Ильич разрабатывает на основе материалистической диалектики, используя некоторые положения Клаузевица.

«Война есть инструмент политики» — так озаглавлена 6-я глава книги Клаузевица. Выписки из нее Ленин снабдил заметкой на полях: «Самая важная глава» (XII. 431). Некоторые мысли из этой главы вошли сейчас в плоть и кровь каждого сознательного рабочего, каждого партийца, военного работника. «Война = часть целого, это целое = политика» (XII, 433). «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики другими средствами». Это положение Клаузевица, неоднократно цитированное Лениным, в свою очередь используется и цитируется другими авторами бесконечное количество раз в литературных работах. Но можно утверждать, что это положение, огромное методологическое значение которого Ленин неоднократно подчеркивал, именно с этой точки зрения используется далеко недостаточно и подчас в высшей степени неумело. В самом деле. Казалось бы, что принятие этого положения (а его принимают сейчас почти что все) обязывало бы каждого, кто пытается по-серьезному вдуматься и понять природу той или иной войны или отдельного ее этапа, прежде всего, начать с выявления и установления той политики, продолжением которой данная война является. Между тем, мы видим, что даже при подходе к изучению нашей гражданской войны это основное, важнейшее методологическое требование не соблюдается. Только этим можно об'яснить, что до сих пор по ряду важнейших вопросов, в том числе связанных с советско-польской войной, десятилетие которой сейчас как раз отмечается, существует значительный разнобой в понимании и оценке их даже в рядах коммунистов.

Одной из важнейших заслуг В. И. было то, что он установил те типы войн, которые возможны в эпоху империализма и пролетарской революции. Империалистические, гражданские (или революционно-классовые) и национально-освободительные — таковы три основные типа войн нашего времени. Заслуга Ленина еще и в том, что он показал истинное соотношение между этими типами войн, в частности между войной империалистической и национально-освободительной или между революционно-классовой (гражданской) и национально-освободительной. Но, несмотря на то, что эти положения уже давно вошли в железный инвентарь ленинского учения о войне, ошибки в том или ином вопросе имеют место до сих пор. Приведем несколько примеров: гражданская война — это война или не война? Такой вопрос даже как-то дико звучит в настоящее время. А между тем, даже в среде нашей партии имеются товарищи, оспаривающие за гражданской войной 1917—1920 гг. право называться войной. В свое время в «Экономике переходного периода» т. Бухарин выдвинул следующее положение: «Социалистическая война есть классовая война, которую нужно отличать от просто гражданской войны. Последняя не есть война в собственном смысле слова, ибо она не есть война двух государственных организаций...» (XI, 355, разрядка Бухарина.—*С. Р.*). Сказано довольно ясно. Этот отрывок Ленин снабжает весьма недвусмысленными восклицаниями: «Уф! Ох! Караул!!», а также написанным по-немецки замечанием: «Полная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора упражняться в игре понятиями, выдавая это за «социологию»» (XI, 355). К вопросу о гражданской и классовой войнах Бухарин дальше снова возвращается, указывая что «при развертывании революционного процесса в мировой революционный процесс, гражданская война трансформируется в классовую войну...» (XI, 375). И этот отрывок Ленин снабжает замечанием следующего содержания: «Уродливая и неверная терминология, смазывающая завоевание государственной власти классом» (там же). Сказано достаточно сильно и ясно. Между тем, по сей день со стороны т. Бухарина отказа от этой концепции не последовало, хотя вред этой ошибочной, оппортунистической концепции, достаточно резко заклейменной Лениным, чувствуется и сейчас. Еще в настоящее время в некоторых кругах распространена теория, что «гражданская война — не есть война в собственном смысле слова». А раз так, то не может быть никакого разговора о стратегии, тактике гражданской войны, никакого значения не имеет изучение истории, учет и использование опыта ее и т. п. Не так давно небезызвестный проф. Свечин выступил с тезисом, что «гражданская война 1918 — 1921 гг. отошла уже в прошлое» [1]). Почему? Очевидно потому, что эта война и войной в собственном смысле не была и уж, конечно, не была такой войной, опыт которой должен быть особенно тщательно и активно учтен и изучен. Разве, по сути дела, этот тезис Свечина не смыкается с тезисом т. Бухарина? А между тем Свечин со своими воззрениями не одинок. Таковы последствия неправильной, оппортунистической установки т. Бухарина в вопросе о гражданской войне.

---

*) XI, XII, XIII, XIV Ленинские сборники.

[1] В дальнейшем будем обозначать в скобках: римскими цифрами—сборник, арабскими — страницы сборника.

В чем сущность ошибки Бухарина? Ответ на это находим в последнем замечании Ленина. Она состоит в том, что Бухарин гражданскую войну не считает войной в собственном смысле слова якобы потому, что налицо нет двух оформившихся государственных организаций. Вот это, совершенно неправильное положение вызвало протест Ленина, ибо, по концепции и при терминологии Бухарина, момент завоевания рабочим классом государственной власти и закрепления ее (к чему сводится основная задача гражданской войны) смазывается. Далее, по терминологии Бухарина, получается, что гражданская война не есть классовая война; в последнюю она только должна еще при известных условиях трансформироваться. Это—явно неправильная концепция, смазывающая классовое содержание гражданской войны, этой высшей, по Ленину, формы классовой борьбы. Ошибка Бухарина заключается еще в том, что он противопоставляет войну пролетариата с буржуазией внутри данной страны войне его против мировой буржуазии.

---

[1]) См. его «Искусство вождения полка», ГИЗ, 1930 ,стр. 7.

Также совершенно неверна концепция, к сожалению, еще довольно распространенная, по смыслу которой война красных армий с белыми генералами (гражданская война) отличается по самому своему существу от такой, например, войны, как с панской Польшей (революционно-классовая война). Исходя из этой неправильной установки, в некоторые работы по гражданской войне не включена война с Польшей 1920 г., ибо—и по Бухарину это тоже так получается—это была война совершенно другого типа. Например, Н. Какурин оставляет вне рамок своего труда «Как сражалась революция» советско-польскую войну, ибо она, по его мнению, в отличие от других войн, была «классовой войной, впервые веденной в международном масштабе» [1]). Вряд ли надо много доказывать, что на деле никакой принципиальной разницы в этих войнах нет. Разница только в том, где (территориально) они велись, и в возможных результатах этих войн. Ленин подчеркивал, говоря о войне с Польшей, что «предыдущие войны, когда против нас выступали Колчак, Деникин и Юденич, велись также при помощи офицеров и сотен миллиардов, которые давали союзники, при помощи их пушек и танков. Предыдущие войны были тоже войнами против Антанты, но эти войны шли на русской территории против белогвардейских русских офицеров и мобилизованных ими крестьян, и эти войны не могли превратиться в войны, которые бы поколебали Версальский мир. Вот в чем их отличие от войны с Польшей. Война против Юденича, Колчака и Деникина была тоже войной против Антанты и была войной России рабочей против всей буржуазной России» [2]). Мысль о сочетании гражданской войны внутри отдельных стран с революционными войнами между пролетарскими странами и буржуазными имеет исключительно большое значение.

В конспекте брошюры «Европейская война и европейский социализм» (XIV, 15) имеется следующий тезис: «Побочный характер национальной войны (Сербия) в современной войне» (там же). Эту мысль Ленин развивал тогда же, в 1915 г., в ряде своих выступлений. Так, в отчете о конференции заграничных секций РСДРП Ленин отмечает, что «национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны» [3]). Мысль о побочном характере, о подчиненном значении национальной войны в методологической своей части применима и к войнам, которые велись советскими республиками в 1918 — 1921 гг. Между тем, в частности по поводу советско-польской войны можно встретить мнение, что это была война национальная. Так, в свое время тов. Радек писал, что «социальная война пролетариата, которому угрожает иностранный капитал, является не менее национальной войной, чем являлась борьба против чужестранного угнетения» [4]).

В нашей литературе можно встретить утверждение, что советско-польская война по своему типу была одновременно революционно-классовой и национально-освободительной войной, включая в себя элементы и той и другой, как в равной мере основные. Это — бесспорная ошибка. Указание Ленина о побочном характере национальных войн в нашу эпоху помогает эту ошибку вскрыть. (Здесь — по аналогии — нельзя не вспомнить ленинской оценки Октября, как революции социалистической, но разрешившей «мимоходом», как побочную, и задачу буржуазно-демократической революции).

Не менее важный вопрос, с которым часто приходится сталкиваться, это вопрос о характере войны, о том, является ли данная война оборонительной или наступательной. И опять, несмотря на то, что этот вопрос Лениным в свое время с исчерпывающей полнотой освещен (в частности в «Социализме и войне» имеются достаточно четкие указания Ленина на эту тему), все же, как только дело доходит до практического применения ленинских указаний, то сразу же начинаются разногласия. Кому не известно, сколько копий было поломано в дискуссии о том, какого характера была советско-польская война. Была ли это война оборонительная или наступательная, конечно, не в стратегическом, а в политическом и историческом смысле слова? Вот что об этой войне писал, например, т. Зиновьев: «Начавшаяся как война в стратегическом отношении для Советской России оборонительная, она затем превратилась в войну со стратегической точки зрения наступательную, все время оставаясь в более глубоком, историческом смысле слова оборонительной войной российского пролетариата против польской и всемирной буржуазии» [1]).

---

[1]) См. «Как сражалась революция», т. I, ГИЗ, 1925, стр. 7. Кстати, нам кажется, что уже пора подвергнуть развернутой критике какуринскую концепцию гражданской войны. — **С. Р.**

[2]) Ленин. Собр. соч., второе издание, т. XXV, стр. 401—2.

[3]) Там же, т. XVIII, стр. 125.

[4]) См. «Правда» № 100—1920 г.

Но в партийной литературе существует и другая оценка характера войны, по которой она «не только в стратегическом отношении превратилась из оборонительной в наступательную, но и в политическом отношении она из войны против польского лакея империализма превратилась в наступательную войну против империалистических держав и их главного устоя — Версальского мира» [2]). Две совершенно противоположные установки. И при этом, конечно, каждая подкрепляется ссылками на Ленина. Что же на эту тему говорил Ленин и какая из этих двух точек зрения соответствует ленинским взглядам? На этот вопрос отвечает сам Ленин в своем «Введении в пункт программы в области военной»: «... Как сопротивление эксплоататоров, растущее по мере роста натиска со стороны пролетариата, и особенно усиливаемое победой пролетариата в отдельных странах, так и международная солидарность и международная организованность буржуазии,— все это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных стран с революционными войнами между пролетарскими странами и отстаивающими господство капитала буржуазными. В виду классового характера таких войн, различие между оборонительными и наступательными войнами теряет окончательно всякий смысл» (XIII, 59 — 60, разрядка наша. — *С. Р.*). Таков ответ Ленина. Нет никакого сомнения, что он может быть целиком распространен и на войну 1920 г. Мы видим, таким образом, что ленинская концепция направлена против обеих приведенных выше точек зрения. Но — могут нам возразить — Ленин сам употреблял часто термин «оборонительная» война. Да, но в каком смысле? «Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «справедливую» войну» [3]), — писал Ленин. Другими словами, термин «оборонительная» у Ленина заменял термин «справедливая», «прогрессивная» и т. п. война, при чем характерно, что сам Ленин берет этот термин в кавычки, подчеркивая этим условный смысл его.

Ленинское указание о том, что теряет окончательно всякий смысл различать оборонительные и наступательные войны, может кое-кого привести к выводу, что оно находится в противоречии с политикой мира нашей партии. На самом деле, конечно, никакого противоречия здесь нет. «Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами... Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли, не отдадим никому». Эти слова Сталина на XVI с'езде полностью распространяются на всю нашу внешнюю политику с первых дней

---

[1]) См «Коммунистический Интернационал», № 18, 1921, стр. 44—68.

[2]) Шмидт, К. «Ленин о войне и о защите пролетарской диктатуры». 1928, стр. 206

[3]) Ленин. Собр. соч., 2-е изд., т. XVIII, стр. 194.

Октябрьской революции. Мы воевать не хотим, но это не означает, что мы отказываемся от борьбы с мировым капитализмом, от поддержки мировой революции. Борьба двух систем — социалистической и капиталистической — не только ни на один день не прекращается, но и всемерно обостряется. Но только «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все смотрят на Советскую российскую республику, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения, без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно». Эти слова Ленина, приведенные тов. Сталиным в его докладе на XVI с'езде партии, определяют нашу внешнюю политику. Из этой установки вытекает и военная политика партии по отношению к капиталистическим государствам. Но и в условиях навязанной нам войны, как вытекает из ленинских указаний, опять-таки неправильно будет во что бы то ни стало пытаться охарактеризовать ее одним из упомянутых выше двух терминов. Бесспорно, что это будет по своему типу война революционно-классовая, война не на живот, а на смерть, а по своему характеру — война справедливая, прогрессивная. Это — с нашей стороны. Со стороны наших противников, кто бы они ни были и под какими бы лозунгами они ни выступали, это будет война империалистическая, реакционная.

Могут сказать, что цитированный «проект введения...» не был включен в принятую VIII с'ездом программу партии, что сам Ленин в последующей редакции этот абзац вычеркнул (XIII, 59). Не означает ли это, что он от него отказался и что другое его замечание по поводу одного отрывка из Клаузевица о том, что «исчезает различие между обороной и наступлением» (XII, 417),— также отпадает? Нет, ни в каком случае. Что это так, видно хотя бы из того, что и в дальнейшем, но уже по другому поводу, Ленин снова отмечает, что «различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное» [1]). Не может быть сомнения, что этот тезис, относящийся уже к политической борьбе рабочего класса, распространяется и на область военную. Ленин не отказывался от этого своего положения по той простой причине, что в нем целиком и полностью нашел свое отражение наиболее полно выражающий существо материалистической диалектики тезис — «единства противоположностей».

«Характер политической цели» имеет решающее влияние на ведение войны...» — записывает Ленин рядом с одной из своих выписок (XII, 429). Решающее влияние! Казалось бы, что при наличии такого указания каждый,— а тем более исследователь,— кто только хотел бы понять ход войны, причины тех или других действий и т. п., должен был начинать с выяснения характера политической цели. Соблюдение этого требования в значительной степени облегчило бы и понимание ряда моментов, относящихся сейчас к области прошлого.

Возьмем такую проблему, как ход советско-польской войны. Разве «характер политической цели», вполне правильно поставленной партией (отстоять советскую республику как базу мировой революции), не должен был оказать самого положительного решающего влияния на ведение ее, и разве не ясно теперь, что «огульное» наступление на Запфронте проводилось при совершенно очевидном нарушении основных ленинских законов наступления (см. Сталин «Ответ товарищам колхозникам» и доклад на XVI с'езде)? В самом деле, как можно было забыть, что «не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без укрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, т.-е. без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления. Об этом говорит богатый опыт нашей гражданской войны» (Сталин, доклад на XVI с'езде)? Ответ один: это могло иметь место только потому, что «характер политической цели» войны понимался некоторыми военно-политическими руководителями этого наступления (Троцкий) иначе, чем понимала его партия. А из этого «своего» понимания характера политической цели войны вытекал и соответствующий план действий.

---

[1]) Ленин. Собр. соч., 2-е изд., т. XXV, стр. 291.

Еще одно место в Ленинских сборниках заслуживает серьезного внимания. Это — библиографическая заметка о военных книгах, которые прочел или наметил себе для прочтения Ленин. Перечислим их: Гюнтер — «Военное дело и ведение войны в наше время», Клаузевиц — «О войне», Фридрих Великий — «Основные принципы войны», Блюмме — «Стратегия», Гогечлоэ — «Военные письма», Богуславский — «Статьи о военном деле и управлении войск», Шеллендорф — «Служба генерального штаба», Виддерн — «Передвижение войск и маневры» и др. (XIV, 109, 111). Ленин, как видно из этой заметки, интересовался не только политическими вопросами войны, но и чисто военными, техническими моментами. Этот факт чрезвычайно показателен для Ленина. Как подлинный пролетарский революционер, он, подобно Марксу и Энгельсу, всегда тщательно изучал военно-технические вопросы. И не только для того, чтобы понять некоторые факты, связанные с войной, но и потому, что он знал и верил, что вооруженное выступление пролетариата неизбежно, что неизбежна гражданская война, что и восстание, и гражданская война — это искусство. Еще в период первой революции Ленин дал ряд ярких высказываний и документов, подчеркивающих его отношение к военно-техническим проблемам. «Письмо в боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете», своего рода инструкция «Задачи отрядов революционной армии», относящиеся к октябрю 1905 г. (собр. соч., т. VIII), «Уроки московского восстания», написанные в 1906 г. (собр. соч., т. X), известные ленинские документы предоктябрьского периода: «Советы постороннего», «Марксизм и восстание» и др.,— позволяют утверждать, что Ленин с исключительной тщательностью изучал военно-технические вопросы. Этот факт, кроме всего прочего, — весьма поучительное напоминание тем, кто этой стороной пренебрегает в военно-научной работе.

Только в самых общих чертах коснемся материалов, относящихся к периоду борьбы Ленина с «левыми» коммунистами и Троцким по вопросу заключения мира. Этот этап в партийной истории сравнительно хорошо известен широким слоям членов партии. В собрании сочинений опубликованы все основные документы и выступления В. И. И все же не ошибемся, если скажем, что без использования материалов XI сборника никакое серьезное изучение проблемы революционной войны невозможно. Яркие образцы блестящего применения Лениным материалистической диалектики в практической политической деятельности имеют исключительное значение.

Умение выделить самое основное, существенное; рассмотрение вопроса в определенных исторических рамках и т. д.— все это при соблюдении важнейшего условия: всегда и во всем исходить из интересов социалистической революции,— вот что особенно характерно в этих материалах Ленина. В этом отношении план тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира (XI, 37 — 38), послесловие к тезисам по этому же вопросу (XI, 46—47), статья «В чем ошибка?» (XI, 52—54) и ряд других — чрезвычайно интересны. «...Большинство партийных работников, исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дает увлечь себя ярким лозунгом, не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий, требующего быстрого, крутого изменения тактики. И весь мой спор... приходится сосредоточить на выяснении того, что марксизм требует учета об'ективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям...» (XI, 47). «При рассмотрении этих («левых» коммунистов. — *С. Р.*) доводов, сразу бросается в глаза основная ошибка авторов. Они ни звука не говорят о конкретных условиях революционной войны в данный момент. То, что для сторонников мира является главным и основным соображением, именно невозможность воевать для нас сейчас, это как раз и обходится...» и дальше: «Всякое общее историческое соображение, применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой» (XI, 52—53). Эти указания имеют огромное методологическое значение как для изучения прошлого, так и с точки зрения будущего.

Если все приведенные выписки и замечания связаны с проблемами войны, с диалектикой войны, с проблемами связи политики и войны, с проблемами тактики коммунистической партии в определенные моменты, то другая группа материалов по своему содержанию отличается несколько от вышеуказанных. Правда, рассматриваемые в них вопросы дополняют предыдущие, составляя вместе с ними неразрывное целое в равной мере и так же, как неотделимо ленинское учение о государстве от его теории пролетарской революции. Эти материалы говорят о вооруженной организации пролетариата, о его армии. Основное, что вытекает из помещенных в сборниках материалов, это — невозможность, недопустимость рассматривания вопроса об армии изолированно от вопроса о государстве. Эта мысль развита в ряде работ Ленина, особенно в его работе «Государство и революция». Но все же некоторые выписки и замечания Ленина,— в частности на тему об отношении победившего пролетариата к старому государственному аппарату, в том числе и к армии низвергнутого класса,— представляют значительный интерес. По ним можно проследить, какое исключительно большое значение придавал Ленин тому положению, что революция не может победить, не разбив бюрократически-военную машину. Тщательнейшим образом прослеживает он все высказывания Маркса и Энгельса на эту тему, отмечая все нюансы в применяемых ими формулировках: «упразднить, уничтожить, устранить» (XIV, 307), «ломать, разрушить, сломать» (XIV, 223), добиваясь абсолютно точного понимания отстаиваемой им мысли: бюрократически-военную машину необходимо именно «сломать». Но Ленин подчеркивает, что «сломать» государственную машину — это только часть дела. «Революция должна разбить ее, эту готовую машину, и заменить новой» (XIV, 213, разрядка Ленина. — *С. Р.*).

Оба эти требования взаимно дополняют друг друга. Следует подчеркнуть, что они имеют не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Достаточно напомнить, что и после Октябрьской революции были попытки «оздоровить» и использовать старую армию, вместо того, чтобы сломав ее, решительно взяться за создание новой. В литературе нередко можно встретить мысль о том, что старая армия умерла естественной смертью, а не была сломана, разбита пролетариатом; или что РККА выросла из лучшей части старой армии и т. п. В свете приведенных выше ленинских указаний, имеющих огромное методологическое значение, совершенно очевидна ошибочность этих мнений об РККА.

Следует отметить важнейшее указание Ленина, позволяющее понять природу вооруженной организации победившего пролетариата. Существует мнение, что наша Красная армия отличается от буржуазных только по своему классовому характеру и по некоторым особенностям организационного порядка. Некоторыми отмечаются и другие моменты: интернациональная сущность армии, роль партийных организаций и т. д. Все это правильно, но далеко не достаточно. Основное, что необходимо понять, это то, что наша армия — это уже не армия в собственном смысле слова, так же как и пролетарское государство не есть уже государство в собственном смысле слова. Ленинские указания о том, что отличает коммунистов в вопросе о государстве и армии от анархистов и оппортунистов (показательно, что Ленин и здесь ведет борьбу на два фронта), имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемой теме (XIV, 251 — 257). Почему Красная армия не есть армия в собственном смысле? На это находим ответ в «Государстве и революции» Ленина и в некоторых материалах сборника (XIV, 329, 331). Красная армия — это уже не «особые отряды вооруженных людей», стоящие над населением, а, скорее, «самодействующая вооруженная организация населения»,— вооруженный народ.

«Задача пролетарской революции: разбить, сломать эту (бюрократически-военную) машину, заменить ее полнейшим самоуправлением внизу, на местах, и прямой властью вооруженного пролетариата, его диктатурой наверху» (Ленинский сборник, XIV, 239) — осуществлена. У нас — государство вооруженных рабочих. Красная армия по своему классовому характеру — это организация вооруженного пролетариата.

Каковы перспективы ее развития, особенно в связи с усилением и укреплением советского государства? Это — вопрос очень серьезный. Существуют самые различные, подчас совершенно неправильные точки зрения по этому вопросу. У Ленина на эту тему имеется одно замечание, имеющее огромное принципиальное значение. Как известно, тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» писал: «Как скоро выяснется решающая мировая победа пролетариата, кривая роста пролетарской государственности круто начнет падать вниз. Ибо главная основная задача государственной власти, как таковой, задача подавления буржуазии, будет закончена. Внешние принудительные нормировки начнут отпадать: сперва отомрет армия и флот, как орудие наиболее острого внешнего принуждения; потом система карательных и репрессивных органов; далее — принудительный характер труда и проч...» (XIV, 400). Ленин подчеркнул слова: «сперва», «потом», «далее» и приписал на полях: «Не наоборот ли: сначала «далее», затем «потом» и, наконец, «сперва» (там же). Это было написано в 1920 году, но уже опыт последующих 10 лет существования советских республик показывает правильность ленинского прогноза. Действительно, в то время, когда проблема отмирания армии и флота даже теоретически никем еще не ставится, а, наоборот, партия мобилизует внимание всей страны на укрепление обороноспособности СССР и боевой мощи Красной армии (см. резолюцию XVI с'езда по отчету ЦК), в это время то, что — по Бухарину — должно было произойти в третью очередь, а именно, постепенное отмирание принудительного характера труда — это происходит сейчас на наших глазах. Уже сейчас, в 1930 г., «соревнование... производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, дело славы, в дело доблести и геройства» (Сталин, политотчет ЦК на XVI с'езде).

Это указание Ленина имеет исключительно важное значение еще и потому, что подчеркивает его глубокую уверенность в возможности построения социализма в одной стране. Действительно, для чего Ленин считает необходимым сохранение армии и флота, да еще тогда, когда отмирают принудительный характер труда, система карательных и репрессивных органов и т. д., другими словами, когда отпадут характерные черты государства, когда происходит уничтожение классов и т. п., т.-е. фактически, когда мы вступим в социализм? Очевидно, только и исключительно потому, что угроза войны, опасность интервенции в этот период еще вполне реальны. И в самом деле: «мы уже вступили в СССР в период социализма» (Сталин), а угроза интервенции сейчас велика, как никогда, о чем, между прочим, ярко свидетельствуют в своих показаниях Рамзин и проч. контрреволюционеры.

Предвидение Ленина сбывается. Его указание об отмирании армии и флота только в «третью» очередь является вместе с тем напоминанием о том, что сейчас внимание укреплению Красной армии, делу повышения обороноспособности СССР должно быть уделено в максимальной степени. И политика нашей партии целиком и полностью соответствует этому указанию Ленина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„На аграрном фронте“.

Орган Комакадемии № 1—8 за 1930 г.

Рецензируемые номера журнала «На аграрном фронте» вышли в период осуществления высоких темпов индустриализации страны, массового колхозного под'ема и на основе развертывания сплошной коллективизации, ликвидации кулачества как класса. Быстрое развитие всех этих грандиозных процессов требовало своевременного их освещения на страницах нашей печати. В свете задач, которые были сформулированы т. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов, на журнал «На аграрном фронте» возлагалась теоретическая и практическая разработка злободневных проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства, освещение опыта социалистического строительства и разработка научно-обоснованных выводов о перспективах нашего движения к социализму.

Тов. Сталин выдвинул ряд конкретных теоретических проблем, которые необходимо было немедленно начать разрабатывать, мобилизуя на это все имеющиеся силы аграрников-марксистов. Достаточно напомнить некоторые из этих проблем. В период таких социальных сдвигов в нашей стране, как сейчас, когда происходит движение миллионов основных масс крестьянства, переходящих от мелкого раздробленного хозяйства на путь социалистического развития, когда на основе проведения сплошной коллективизации осуществляется ликвидация кулака как класса, когда миллионами новых рабочих пополняются ряды рабочего класса при исчезновении безработицы и т. д.,—по-новому встал вопрос о соотношении экономических укладов классов в нашей стране, встала проблема осмысливания последней стадии нэпа, новых форм взаимоотношений промышленности и сельского хозяйства, пролетариата и основных масс крестьянства, новых форм руководства пролетариата основными массами крестьянства и т. д. В связи с обострением классовой борьбы на переживаемом этапе социалистического строительства, когда социализм наступает по всему фронту, встает особенно остро задача борьбы с буржуазными теориями в аграрном вопросе, которые просочились в ряды аграрников-марксистов (не говоря уже о том, что эти теории беспрепятственно проповедывались буржуазными профессорами в ряде фундаментальных работ и журналов, не встречая должного отпора со стороны марксистов). В то же время теоретическое наследство Маркса, Энгельса, Ленина в значительной части остается под спудом, совершенно недостаточно разрабатывается по линии научной работы. С обострением классовой борьбы усиливается атака оппортунистов всех мастей на генеральную линию партии. Особенно опасный в данное время правый оппортунизм, смыкающийся идеологически (а значит и политически) с контрреволюционным троцкизмом и кондратьевщиной,—оформился в цельную теоретическую концепцию «Теория равновесия» Н. Бухарина, позаимствованная из арсенала буржуазной методологии, теория «самотека» в колхозном движении, теория «врастания кулака в социализм», и т. д.—должны были встретить решительный отпор и со стороны аграрников марксистов. Вместе с этим необходимо было развернуть борьбу с «лево» оппортунистическими извращениями политики партии, являющимися рецидивами троцкизма и смыкающимися с теорией и практикой правого оппортунизма; необходимо было развернуть борьбу с методологией троцкизма во всех областях, в том числе в области коллективизации.

Вот далеко неполный перечень тех проблем, которые выдвинуты были в выступлениях т. Сталина и вытекают из решений XVI с'езда. Эти проблемы должны бы быть освещены и разработаны в журнале «На аграрном фронте». Выполнил ли журнал указанные задачи?

Приходится констатировать, что этих задач журнал удовлетворительно выполнить не сумел. То, что имеется по части освещения некоторых из указанных проблем, далеко недостаточно, хотя в каждом номере журнала имеется несколько статей, освещающих ту или другую проблему социалистического переустройства сельского хозяйства. Из наиболее интересных и содержательных статей следует отметить следующие.

Тов. Никулихин в статье «Проблема агроиндустриальных комбинатов» (№№ 1, 3) дает теоретическое обоснование и ряд практических указаний относительно организации агроиндустриальных комбинатов, получивших в системе социалистической реконструкции сельского хозяйства уже некоторое распространение.

Имеется ряд статей, посвященных вопросу организации труда и распространению доходов в колхозах. Следует ожидать, что в дальнейших номерах журнала будет дана более обстоятельная разработка этих вопросов на основе опыта колхозного строительства.

В статьях Каравлева (№ 5) и Цилько (№ 6) освещаются вопросы организационного переустройства кооперативной системы. Коллективизации деревни и проблеме аграрного перенаселения посвящена содержательная, хотя и в ряде моментов спорная статья А. Либкинда (№ 4).

Проблему электрификации сельского хозяйства разбирает в своей статье И. Дубинский (№ 7—8). Н. Ежов в статье «Сельскохозяйственные кадры» (№ 2) на основе богатого материала дает картину состояния наличных с.-х. кадров; надо лишь пожалеть, что не последовало предполагаемого продолжения статьи о подготовке кадров по социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Большой интерес представляют материалы экспедиций Аграрного института, организованных перед XVI с'ездом ВКП(б). В этих материалах собраны интересные фактические данные и имеется много практического материала к вопросу об изживании недостатков в колхозном движении отдельных районов. Следует отметить наличие богатых данных о колхозном движении в отделе «Обзор и материалы», где отчасти освещается также положение сельского хозяйства в капиталистических странах.

Все же в журнале имеется больше недостатков, чем достижений.

Значительным минусом для журнала надо признать недостаточную разработку проблем колхозного строительства на основе данных массовых обследований (напр., материалов обследования колхозов, произведенного к XVI с'езду партии), охватывающих весь Советский Союз, а также то, что не разработаны на основе этих данных общие проблемы колхозного движения. В журнале не было помещено ни одной статьи специально по вопросу о ликвидации кулачества как класса. Этот вопрос затрагивался в статьях лишь попутно.

Правооппортунистические и «лево»-оппортунистические извращения политики нашей партии в основных вопросах коллективизации нашли свое отражение в ряде статей журнала «На аграрном фронте». Конечно, ответственность за эти статьи несут их авторы. Странным, однако, является отсутствие к некоторым из таких статей не только критических замечаний со стороны редакции, но и хотя бы одного примечания «в порядке обсуждения».

На некоторых таких статьях необходимо остановиться.

В № 2 журнала напечатана передовая статья М. Вольфа «К весенней посевной кампании». Эта статья, как это видно по ее заглавию, посвящена боевой теме. По этому вопросу необходима прежде всего, полная четкость в освещении основных положений политики партии. Но т. М. Вольф предпочитает итти «самостоятельным» путем... В отношении проведения весенней посевной кампании он дает такой «рецепт»:

> «...мы должны быть готовы и к тому, что и зажиточная прослойка крестьянских хозяйств может этой весной пытаться сокращать посевы. Ведь мы видим сейчас, как под влиянием кулацкой агитации часть середнячества, готовясь вступать в колхозы, разбазаривает свои семена».

Заметим попутно, что у М. Вольфа речь идет о части середняков, о чем заявил сам т. Вольф, в отношении же середняка политика партии всегда основывалась на осуждении применения насилия, командования, отождествления его с кулаком.

Архи неверным является утверждение, что на ряду с кулаками мы можем выдвигать требования раскулачивания зажиточного середняка. Иного мнения на счет этого М. Вольф.

> «Против таких возможных настроений в зажиточной верхушке (середняков.— *И. Л.*),— продолжает Вольф,— надо повести решительную борьбу, надо потребовать от этой верхушки (середняков— *И. Л.*), если она не хочет разделить судьбу кулачества, полностью выполнить посевной план» (стр. 5)

М. Вольф в статье попросту в такой формулировке предложил «раскулачить» часть середняков, допустив, несомненно, крупную политическую ошибку. Тов. Вольф не понял, что одно дело—методы, применяемые партией в отношении середняка хотя бы в той же посевной кампании, и другое дело—методы в отношении кулака, когда последний отказывается выполнять государственное задание.

И если верно, что в отношении того или другого середняка, который под влиянием кулацкой агитации отказывается сеять, срывая посевную кампанию, или режет скот, вопреки запрещению со стороны государства, применяется революционная законность, то это еще не дает никакого повода заявлять о ликвидации части середняков под видом зажиточного.

Во всяком случае ясно, что мы не можем подходить к середняку с лозунгом «сей, иначе тебя ликвидируем как кулака». А ведь именно так и получилось у т. Вольфа.

В статье М. Голендо «Организация машинно-тракторных хозяйств», помещенной там же без всяких примечаний редакции, развивается теоретически неверный, не марксистский принцип относительно рабочей силы в сельском хозяйстве По мнению т. Голендо, высвобождающаяся рабочая сила в сельском хозяйстве вся будет поглощаться внутри этой сферы производства.

> «Высвобождающаяся рабочая сила из одних отраслей,—пишет он,—поглощается новыми вновь возникающими отраслями, сокращается рабочее время работающих людей... Высвобождающийся труд из полеводства пойдет в животноводство и огородничество, в хозяйственное и дорожное строительство, в жилищное строительство. В нашей деревне столько бедности, убогости, и для того, чтобы их изжить, подняться хотя бы на несколько ступенек выше, нам нужны многие и многие годы упорного труда всего населения. Работы хватит всем, работы — непочатый край» (№ 2, стр. 18).

Более того, т. Голендо считает, что при организации машинно-тракторных хозяйств в земледелии «нам нехватит рабочих рук» (стр. 19). Насколько такие рассуждения противоречат марксистской позиции в данном вопросе, показывает следующее замечание Ф. Энгельса:

> «При соединении мелких клочков земли и общей обработке всей их поверхности часть занятых рабочих будет излишней, и в этом-то сбережении труда состоят главные преимущества крупного производства».

Это замечание Ф. Энгельса подтверждается повседневным опытом развития сельского хозяйства в СССР. Тов. Голендо может легко убедиться, что его «теория» относительно перекачки излишней рабочей силы из одной отрасли производства в другую внутри земледелия является по крайней мере плодом недоразумения. Политически же положения т. Голендо прямо ведут к правооппортунистическому тезису о том, что, якобы, при коллективизации невозможна индустриализация.

Относительно распределения дохода в колхозах мы имели в № 3 статью т. И. Варейкиса, которая должна быть особо отмечена, так как в ней развиты явно неприемлемые установки. Т. Варейкис настаивает на том, чтобы доходы в колхозах распределялись по «душевому признаку, по хозяйствам» (стр. 33), т.-е., по сути дела, он кладет в основу распределения доходов «едоцкий», потребительский принцип. Хотя к этому принципу он делает дополнения, что при этом необходимо сделать вычет «в случае неполного участия в полевых работах» и надбавку «для тех хозяйств, у которых в хозяйстве работало в колхозе больше работников», но основная установка «на душевой признак» остается у т. Варейкиса в силе. Установка т. Варейкиса опровергнута жизнью. Практика колхозного строительства показала, что самым верным принципом распределения доходов является количество и качество фактически затраченного труда. Только такой путь дает возможность повысить производительность труда и закрепить колхоз. «Едоцкий» же, потребительский признак распределения доходов является лозунгом не нашей партии, а кулаков, требующих распределить доход «по душам и по потребностям» и после того уже отдавать оставшиеся излишки государству. Против позиции т. Варейкиса в № 7—8 журнала помещена статья т. Мартынова.

В журнале начата дискуссия о характере Октябрьской революции в городе и в деревне в связи с работами т. Крицмана.

Ошибочность взглядов т. Крицмана по этому вопросу совершенно очевидна. И чрезвычайно странно, что журнал до настоящего времени не занял по этому позиции, осуждающей концепцию т. Крицмана. Молчание редакции по этому вопросу, в то время как развернулась критика работ т. Крицмана в «Большевике» и «Правде», совершенно недопустимо.

Ошибочность взглядов т. Крицмана на характер Октябрьской революции выражается в схоластическом противопоставлении революции в городе и в деревне. Второй этап революции в деревне (организация комбедов, экспроприация кулака) т. Крицман, в противовес Ленину, считает не пролетарской революцией в деревне, а революцией мелкобуржуазной, т.-е. буржуазно-демократической. Нам нет необходимости особо останавливаться на этом вопросе, тем более, что ошибки т. Крицмана указаны в статье т. Сомса («Большевик» № 10). В статье т. Ливянта (№ 5 «На аграрном фронте») хотя и указаны некоторые ошибки т. Крицмана, но в положительных формулировках т. Ливянт сам становится на ошибочную позицию в ряде вопросов. Критикуя Крицмана за антиленинское противопоставление революции в городе и деревне, т. Ливянт сам попадает в об'ятия крицмановской методологии, говоря, например, о «двух потоках» революции: одного—в городе, другого—в деревне.

Здесь необходимо более подробно остановиться на новых статьях т. Крицмана в журнале «На А. Ф.»: «Решающий этап коллективизации» (№ 5) и «О некоторых процессах, подготовивших решающий этап коллективизации» (№ 6). Эти статьи представляют интерес в том отношении, что в них в свете современного этапа социалистической революции нашла свое выражение общая антиленинская концепция т. Крицмана о путях Октябрьской революции.

Сравнивая два этапа Октябрьской революции: 1917 и 1930 годы, т. Крицман видит их различие в том, что в 1917 г. задача состояла в ликвидации «основного массива капитализма», а в 1930 г. задача состит в ликвидации «непрерывно порождающего капитализм мелкого товарного производства» (№ 5, стр. 3). Соответственно этому он подходит к характеристике методов осуществления указанных задач.

> «Роль революционного насилия,—пишет он,—в ликвидации капитализма и роль добровольности в ликвидации мелкого производства показывают, как велико различие между ликвидацией капитализма и ликвидацией мелкого производства. В этом различии сказывается, насколько далеко продвинулись мы в рамках переходного периода по направлению к социализму» (стр. 4) 1).

Итак, от революционного насилия в 1917 г. к добровольности в 1930 г.— таков путь нашего движения «по направлению (?) к социализму». В этой «философии» т. Крицмана нагромождено столько ошибок, что мы можем здесь заняться только перечислением основных из них.

Следует решительно подчеркнуть первую основную ошибку т. Крицмана явно троцкистского характера, выраженную в понимании социалистической переделки мелкого товарного производства, как ликвидации этого мелкого производства. Если мы считаем, что кулачество как класс должно быть ликвидировано на основе проведения сплошной коллективизации, то мы не можем говорить о «ликвидации» мелкого простого товаропроизводителя, не искажая ленинизма в вопросе о коллективизации основных масс крестьянства. Тов. Крицман допустил такую формулировку потому, что он вслед за троцкистами предпочитает чаще всего говорить о частном хозяйстве вообще.

Как уже заметил читатель, т. Крицман в приведенном тезисе, кроме того, упустил из виду, что социалистическая переделка «непрерывно порождающего капитализм мелкого товарного производства» на основе «принципа добровольности, немыслима без ликвидации кулака как класса, на основе сплошной коллективизации, проводя эту борьбу, не иначе как мобилизуя бедняцко-середняцкие массы на борьбу против кулачества, проводя в этой борьбе методы революционного насилия в отношении кулачества.

Совершенно неправильно, кроме того, изображать особенность нашего движения «по направлению к социализму», как переход от методов революционного насилия к методу добровольности. В этом отнюдь не заключается показатель, «насколько далеко мы продвинулись в переходном периоде», как это думает т Крицман. Утверждать это, значит абстрагироваться от факта обострения классовой борьбы в нашем продвижении к социализму Теоретические измышления т Крицмана в этом вопросе есть лишь перепев бухаринской теории «мирного врастания кулака в социализм».

Тов. Крицман не понимает, что и в 1917 и в 1930 г. наша партия решительно стояла на принципе революционного насилия в отношении эксплоататорских классов, что наша партия, проводя борьбу с буржуазией, видоизменяла формой этой борьбы, что и в 1917 и в 1930 гг. наша партия осуществляла союз-

---

1) Последняя разрядка наша.— И. Л.

пролетариата и крестьянства, изменяя формы и содержание этого союза в зависимости от нашего продвижения к социализму.

Тов. Крицман не понимает, что принцип добровольности в коллективизации есть не порождение обстановки 1930 г., а принцип большевизма в крестьянском вопросе, сформулированный еще основоположниками марксизма. Противопоставление принципа насилия 1917 г. и принципа добровольности 1930 г., кроме отмеченных политически чуждых ленинизму установок, веет также формализмом и «литературщиной», о которой говорил еще В. И. Ленин, характеризуя работы т. Крицмана.

Одним словом, т. Крицману чуждо диалектическое понимание развития нашей революции, так как он придерживается формалистического метода.

Неправильно представляет себе т. Крицман и вопрос о путях коллективизации.

> «Попытка строить колхозы, — пишет он, — исключительно или преимущественно на базе предоставляемой государством (в кредит) тракторной и вообще усовершенствованной машинной техники и прочих государственных ресурсов, совершенно недостаточных для быстрой переделки сельского хозяйства всей основной массы крестьянства в коллективное хозяйство, отказ от строительства колхозов на базе прежней техники — означает не что иное, как фактическое отрицание коллективизации» (стр. 9).

Тов. Крицман здесь совершенно правильно критикует правооппортунистическую теорию. Здесь т. Крицман прав на 100%. Так в чем же дело? А дело в том, что после подчеркнутых нами слов т. Крицман делает следующую сноску, в которой прячет свою ошибочную концепцию.

> «С этой недостаточностью (т.-е. недостаточностью государственных ресурсов в смысле возможности снабжения сельского хозяйства тракторами и вообще усовершенствованными машинами. — **И Л.**) и связан тот факт, что процесс обобществления мелкокрестьянского хозяйства пошел в основном не непосредственно через создание совхозов, а через создание колхозов» (стр. 9).

Иначе говоря, по мнению т. Крицмана, мы начали коллективизацию через создание колхозов, потому что «государственные ресурсы» в вышеизложенном смысле у нас «совершенно недостаточны». Если бы эти ресурсы были «совершенно достаточны», мы «в основном» проводили бы коллективизацию «через создание совхозов». Такова концепция т. Крицмана в ее документальном изложении.

Впрочем мы должны исправить только что допущенную неточность Изложенная концепция «коллективизации» при наличии совершенно достаточных государственных ресурсов не является изобретением т. Крицмана: она была уже изложена в теоретическом кредо троцкизма — в «Новой экономике» Преображенского.

Утверждение, что если бы мы имели совершенно достаточные государственные ресурсы для технического перевооружения сельского хозяйства, то мы бы не начинали с колхозов, а сразу начали бы об'единять основные массы крестьянства в совхозы, это утверждение равнозначно отрицанию кооперативного плана Ленина. С разных концов, но «левые» и правые в этом вопросе, как и в других вопросах, приходят к ревизии ленинизма.

Тов. Крицман может упрекнуть нас в непоследовательности. То мы показываем его в идейном содружестве с Бухариным, то — с «Новой экономикой» Преображенского. На самом деле вина здесь самого т. Крицмана. Критикуя «левых», он попадает в об'ятия правых, критикуя правых, он говорит устами «левых». И такие «казусы» с ним случаются неоднократно.

Опять-таки странно, что статья т. Крицмана «Решающий этап коллективизации» помещена передовицей без всяких примечаний редакции.

Вторая статья т. Крицмана «О некоторых процессах, подготовивших коллективизацию» также содержит в себе ряд положений, требующих сугубо критического отношения Анализируя ряд процессов, «подготовивших коллективизацию», т. Крицман ограничивается сопоставлением фактических данных о росте государственных и кооперативных сельскохозяйственных предприятий с ростом частного хозяйства вообще. Методологически такое противопоставление приводило т. Крицмана только к констатированию противоречий между социалистическим и частным хозяйством в целом (стр. 8). В силу этого обстоятельства у т. Крицмана выпал анализ фактических данных, касающихся сопоставления социалистических и капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Борьба социалистических и капиталистических элементов, пролетариата с буржуазией за овладение основными массами крестьянства, за социалистический путь развития с. х. у него не получила освещения в анализе процессов, подготовивших коллективизацию. Между тем это является основным, решающим для понимания предпосылок коллективизации. Тов Крицман не включил этого в круг своего исследования, потому что он отрицает социалистический характер революции в деревне до начала массового колхозного под'ема До этого времени, по т. Крицману, там проходит «мелкобуржуазная» революция. Именно поэтому в указанной статье он и стремится сопоставлять только рост государственного и кооперативного хозяйства с частным хозяйством вообще. Не иначе как для затушевывания факта развития социалистической революции в деревне он стремится обосновать

> «ту специфическую особенность нашего сельского хозяйства, что вплоть до последнего времени в нем — в противоположность нашей промышленности — государственное и кооперативное хозяйство не только не росло быстрее частного, но вообще едва росло, а иногда и падало» (стр. 13).

Если же т. Крицман стоял бы на правильной позиции, на признании того, что с 1918 г., с начала второго этапа революции в деревне, мы имеем там развитие социалистической революции, на признании того, что развертывание сплошной коллективизации и на ее основе ликвидация кулачества как класса есть второй этап социалистической революции в деревне (см. резолюцию XVI с'езда ВКП(б) по докладу т. Яковлева) — тогда т. Крицман обязан был бы, при анализе предпосылок коллективизации, в число предпосылок включить борьбу социалистических и капиталистических элементов во всем хозяйстве и в деревне. Тогда тов. Крицману пришлось бы говорить не о слабом росте или падении социалистического сектора в деревне по сравнению с частным хозяйством вообще; тогда пришлось бы (если не искажать фактов) показать, что развитие индустриализации, ограничение и вытеснение кулака, стимулирование развития совхозов и колхозов выразились в росте социалистических элементов и во все усиливающемся вытеснении элементов капиталистических.

Тов. Крицман этого не сделал и не мог сделать, так как при анализе предпосылок коллективизации он учитывает только «некоторые процессы», которые он увязал со своим пониманием развития революции в нашей стране... Основное — борьбу социалистических и капиталистических элементов — он упустил из виду, тогда как это есть одна из основных сторон социалистической революции, а т Крицману надобно было обосновать, что до конца 1929 и начала 1930 гг., до массового колхозного под'ема в деревне была только «мелкобуржуазная» революция. В вопросах коллективизации т. Крицман, таким образом, воспроизводит свою ошибочную концепцию о характере революции в нашей стране.

На этом мы заканчиваем обзор статей.

⁂

Перед журналом «На аграрном фронте» стоит задача выправить отмеченные недостатки, своевременно и четко освещать современные проблемы политики партии в области социалистической реконструкции сельского хозяйства, активно разоблачать и отражать все попытки ревизии марксистско-ленинской теории и генеральной линии партии.

Ряд важнейших вопросов марксистско-ленинской теории в аграрном вопросе, указанные в выступлении т. Сталина на конференции аграрников-марксистов, должны получить на страницах журнала широкое освещение. Научная разработка ряда хозяйственных проблем, связанных с пятилеткою, с разработкой генерального плана развития сельского хозяйства СССР, своевременный анализ причин и характера наших затруднений в ходе социалистического переустройства сельского хозяйства и наметка мероприятий по устранению этих затруднений, критика недостатков работы наших хозяйственных организаций и оказание научной помощи в их практической работе, решительная борьба за дальнейшее разоблачение правого уклона, как главной опасности на данном этапе, «левых» полутроцкистских загибов и контрреволюционного троцкизма, окончательное идеологическое разоблачение кондратьевщины и т. д., — все это должно быть осуществлено в дальнейшей работе журнала.

Журнал должен стать одним из передовых, боевых органов на фронте борьбы за социалистическое переустройство деревни

И. ЛАПТЕВ.

„На новом этапе социалистического строительства“

(Сборник статей в 2 томах. Введение тов. Кржижановского. Издание Института экономических исследований Госплана. Планхозгиз, 1930 г. Том I, стр. XV + 526 и т. II, стр. 675).

Лицо переходной экономики СССР на новом этапе нэпа коренным образом изменяется, по сравнению с тем, что мы имели в предыдущие годы. На наших глазах огромные количественные нарастания элементов социализма в нашей стране переходят и все более интенсивно в совершенно новое качество, — качество, все более соответствующее природе социалистических отношений и по линии технико-экономических показателей производства, и по линии энергетического баланса страны, и по линии форм и качества труда и культуры, и по линии темпов движения вперед.

Новый этап требует своего теоретического осмысливания, чтобы увереннее браться за разрешение встающих на новом этапе проблем.

Сборник Госплана «На новом этапе социалистического строительства» в целом имеет установку — покрыть, хотя бы частично, имеющееся у нас отставание теории от практики на проблемах нового этапа социалистического строительства. Сборник охватывает широкий круг проблем. Тут поставлены развернутым полотном проблемы коллективизации — и в городе и в деревне — в статьях тт. Струмилина, Краева, Калистратова и др. (т. I). Тут дано освещение и некоторых проблем социалистической индустриализации. Мы говорим «некоторых» именно потому, что проблемы индустриализации в сборнике не нашли своего надлежащего места, несмотря на то, что в нем поставлены: проблема энергетики (однако лишь по линии электрификации) в статьях тт. Ханьковского и Фельдмана (т. I); проблемы резервов индустриализации (эта часть вопросов индустриализации разработана лучше и полнее других в статьях тт. Кваша, Галояна, Максимова, Осипьяна и Кристина,—т. I), а также проблемы накопления и воспроизводства (в статьях тт Рагольского, Розентула и др.,—т. II). Поставлены также проблемы «догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении» (в статьях тт. Эвентова, Мендельсона, Фреймана и Маркова,—т. II). Последние проблемы относятся к разделу «СССР на новом этапе и мировой капитализм».

Раздел статей, посвященных проблемам индустриализации, не включает ряда животрепещущих вопросов промышленного строительства, хотя бы по линии металлургии, машиностроения, энергетики, в целом технической революции и т. д., которые особенно остро встали на новом этапе ускоренных темпов индустриализации. Конечно, нельзя требовать от сборника того, чтобы он охватывал буквально все вопросы хозяйственной практики сегодняшнего дня. Но тот факт, что проблемам индустриализации отведено второе место в сборнике и их освещение и разработка не коснулись ряда основных узловых вопросов — этот факт безусловно снижает качество и полновесность сборника. На ряду с указанными разделами сборник посвящает большое количество страниц проблеме себестоимости как в промышленности, так и в сельском хозяйстве (статьи тт. Турецкого, Бунимовича, А. Брюханова и Ниринского. — т. II) и проблеме финансов на новом этапе (в статьях тт. Шахновской и Быкова,—т II). Особо поставлена в сборнике проблема «меновых связей» на новом этапе в большой статье т. Гатовского и система цен и издержек обращения сельскохозяйственных товаров (в статьях тт. Любимова и Сухаребского,—т II). Как видим, круг проблем, поставленных в сборнике и получивших в нем ту или иную разработку,—весьма широк. Это обстоятельство делает сборник весьма ценным, ибо в нем развернут обширный цифровой и конкретный материал, страдающий, однако, в ряде статей весьма малой разработанностью и недостаточной продуманностью.

Основным недостатком рецензируемого сборника является неслаженность отдельных его частей друг с другом, невыдержанность плана и отсутствие основной целеустремленности рабочей гипотезы, подводящей к основным особенностям переживаемого нами этапа в их неразрывной связи и взаимозависимости.

⁂

Сборник задуман с целью дать посильную, необходимую для нас на данном этапе теоретическую разработку «столь сложных и важных проблем советской экономики» (т. Струмилин, т. I, стр. XV). Однако, эта задача в сборнике не получила своего должного разрешения. Сборник ценен, больше всего и прежде всего, как труд с более или менее систематизированным описанием происшедших и происходящих процессов и сдвигов в нашей советской экономике. В нем развернут богатый конкретный материал нашего социалистического строительства. Однако сборник больше описывает процессы, чем анализирует их теоретически. Этот вывод касается сборника в целом, хотя некоторые статьи в этом отношении составляют исключение. К последним, безусловно, должны быть отнесены статьи тт Гатовского, Рагольского, Мендельсона (т. II) и отчасти статьи тт Струмилина, Краева (т. I), Шахновской (т. II)

Этот вывод о сборнике в целом особенно рельефно подтверждается на вопросе об общей оценке нового этапа социалистического строительства. Об’емистый двухтомный сборник, посвященный проблемам этого этапа, казалось бы, должен дать—широко и глубоко продуманную теоретически и подтвержденную анализом конкретного материала — общую оценку наступившего нового этапа после года великого перелома. Однако, этого в сборнике нет. Мало этого. Мы встречаем в сборнике неверную, ошибочную трактовку нэпа и его нового этапа в отдельных высказываниях некоторых участников сборника. Обратимся к редактору сборника т. Струмилину. Ему представляется, «пожалуй, даже дерзостью попытка молодых исследовательских сил Института Экономических Исследований Госплана и аспирантуры пробовать свои силы на столь сложных и важных проблемах советской экономики, как большинство проблем еще отнюдь не оформившегося и не определившегося «нового этапа» (стр. XIV)[1]. С этим положением т. Струмилина ни в коем случае нельзя согласиться. Год великого перелома уже с достаточной ясностью выявил «лицо» нового этапа, оформил и определил его социально-экономические особенности, его содержание как в области экономических сдвигов, так и социально-политических отношений. Социально-экономические сдвиги переживаемого этапа переходного периода, резко отличного от предыдущего этапа его, с большой точностью и ясностью подытожены XVI с’ездом партии. Новый этап определен там, как этап развернутого социалистического наступления по всему фронту, как этап вступления в период социализма. Задачи наши — и в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области меновых связей и финансов, и в области уничтожения классов—для осуществления этого социалистического наступления—четко выявлены Даны директивы, как осуществлять развернутое социалистическое наступление по всему фронту. Нет поэтому никаких оснований считать наш теперешний этап социалистического строительства «не оформившимся, не определившимся». Он может представляться таковым только тем товарищам, которые продолжают еще рассуждать о нашей экономике в рамках старых отношений, имевших место до года великого перелома. В этом отношении мы действительно имеем еще не «оформившееся и не определившееся» положение в головах большинства наших теоретиков. Это сказалось и на характере сборника, обошедшего животрепещущие теоретические проблемы нэпа в период нового этапа. Ни в какой мере нельзя считать достаточным для сборника загнанное в примечание неверное положение т. Гатовского о том, что с моментом ликвидации «частного оборота» ликвидируется и нэп. Он пишет, что

> «элементы «свободной торговли» не могут, конечно, совершенно исчезнуть при нэпе. Завершение плановой организации оборота, означающее ликвидацию частного оборота, элементов «свободной торговли», а по существу и ликвидацию самой сферы обращения, что означает полное обобществление производства, т.-е. уже отсутствие нэпа»[2].

---

[1] Разрядка везде наша, где не оговорено обратное.—К. Б.

[2] Т. II, стр. 3—4 примечание.

Тут налицо несколько ошибок. Первая: нэп отожествляется с «частным оборотом», с «свободной торговлей». Тем самым «плановая организация оборота» выносится за рамки нэпа, игнорируется вторая сторона нэпа, следовательно,—его двойственная природа. Нэп не исчерпывается только наличием элементов «свободной торговли». «Новые формы товарооборота между городом и деревней, между государством и крестьянством» (Сталин), т.-е. «плановая организация оборота», являются неот'емлемым содержанием нэпа.

Если нэп характеризуется только наличием «частного оборота», элементами «свободной торговли», то как можно совместить с нэпом социалистическое наступление? «Иные думают, что наступление несовместимо с нэпом, что нэп есть, по сути дела, отступление, что, коль скоро отступление кончено, нэп должен быть отменен. Это, конечно, глупость... Переходя к наступлению по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются, но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа» [1]). Тов. Гатовский видит в «организации планового оборота—оборота с денежным хозяйством уже отмену нэпа, его «отсутствие». Тем самым он повторяет ту же ошибку в еще более усугубленной форме, которую совершили в недавней дискуссии некоторые товарищи с легкой руки т. Розенталя. Вторая ошибка тов. Гатовского заключается в том, что он в «плановом обороте», т. е. в планируемом, обобществленном товарообороте видит уже «ликвидацию самой сферы обращения». Это значит, что он в плановом товарообороте с денежным хозяйством видит уже полный социалистический продуктообмен без денежного хозяйства. Ибо нельзя же полагать наличие денежного хозяйства там, где нет уже «сферы обращения» как таковой. А так как при плановом товарообороте деньги еще неизбежно остаются, то уже даже по этому одному, само собой разумеется, что сфера обращения еще не ликвидируется и т. Гатовский слишком поспешно его уже ликвидировал вместе с ликвидацией элементов «частной» свободной торговли. Это не мешает ему в другой связи говорить, что «суть цены» у нас «в наличии сферы обращения, в наличии «всеобщего покупательного средства... Без выражения меновых пропорций в этом «всеобщем покупательном средстве» (а деньги у нас еще таковыми являются) не может быть в СССР категории цены и рынка—исчезает сфера обращения» (т. II, стр. 11). Плановый оборот, как товарооборот, не исключает еще денег и категорию цены—цены планируемой и сознательно конструируемой. Следовательно, не исчезает сфера обращения при этом. Тов. Гатовский в одном случае «оставляет»—и делает правильно—сферу обращения, в другом (см. т. II, стр. 11)—ее уже ликвидирует, что является безусловно ошибкой. Третья ошибка его заключается в том, что он вместе с «завершением организации планового оборота» получает «полное обобществление производства».

В наших условиях полная плановая организация товарооборота еще вовсе не означает полного обобществления производства. Пример: контрактация. Даже организации социалистического продуктообмена в том смысле, в каком его подразумевал Ленин, когда говорил, что «продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма»... к правильному социалистическому продуктообмену» (т. XVIII, ч. I, стр. 214) между городом и деревней—даже этого рода социалистический продуктообмен, также еще не предполагает «полное обобществление производства».

Исходя из совершенно правильного положения, что «новый способ производства меняет способ обмена» и социалистическое преобразование способа обмена в переходный период есть одна из предпосылок социалистического преобразования мелкотоварного способа производства, тов. Гатовский ставит проблему превращения («трансформации» [2])—как он выражается) сферы обращения на новом этапе в связи со сплошной коллективизацией в систему социалистического продуктообмена. Основной вывод его статьи сводится к тому, что «на новом этапе совершенно отчетливо выявляется процесс сближения сферы обращения» со сферой производства, поглощения сферы обращения сферой производства» (т. II, стр. 27). По т. Гатовскому, это означает, с одной стороны, что «обращение трансформируется в систему организованного распределения» (т. II, стр. 39); с другой стороны—это «процесс упрощения (подчеркнуто автором.—**К. Б.**) сферы обращения, устранения «фетишистских» оболочек, процесс постепенной замены сферы обращения плановым распределением»!! (т. II, стр. 47); с третьей же стороны, это означает «установление социалистического продуктообмена между городом и деревней». При чем «в своем полном развитии социалистический продуктообмен является уже не чем иным, как системой социалистического распределения» (т. II, стр. 38). Однако о

> «господстве социалистического продуктообмена может итти речь и до 100 процентного обобществления производства при наличии решающей роли обобществленного сектора в товарной продукции и при прочном охвате ее производственной двусторонней контрактацией еще не обобществленного производства» (т. II, стр. 38).

Выходит, что «господство социалистического продуктообмена возможно при прочном охвате товарной продукции необобществленного сектора. С другой стороны, социалистический продуктообмен, являющийся, по тов. Гатовскому, не чем иным, как социалистическим распределением, немыслим без полного обобществления хозяйства, так как «завершение процесса перехода к социалистическому продуктообмену немыслимо без окончательного преодоления стихийных тенденций, т.-е. окончательного уничтожения корней капитализма» (т. II, стр. 22), которые покоятся, по Ленину, в мелкотоварном производстве.

Как видим, налицо значительные противоречия в основных выводах статьи тов. Гатовского, или во всяком случае большая неясность в постановке разбираемых им проблем. Получается, что и «сближение сферы обращения со сферой производства», и «упрощение сферы обращения», и социалистический продуктообмен, и социалистическое распределение — одно и то же, идентичные понятия. Эти противоречия в выводах статьи тов. Гатовского, имеющей в общем правильную установку, вытекают из неправильного понимания взаимосвязи процессов, приводящих к социалистическому распределению и смешению понятий обобществленного товарооборота, товарообмена, продуктообмена, социалистического продуктообмена и социалистического распределения.

Товарообмен, в одном направлении, может перерасти в обычную торговлю с свободным денежным обращением. Но может, в другом направлении, перерасти и в продуктообмен при определенных к тому условиях. Товарообмен и продуктообмен не одно и то же, как не одно и то же товар и продукт. Обобществленный, плановый товарооборот—еще не социалистический продуктообмен, ибо при этом денежное хозяйство и товар с тем или другим значением сохраняются. Обращение, как таковое, исчезает там, где начинается социалистический продуктообмен, т.-е. где обобществленный, плановый товарообмен превращается в социалистический продуктообмен. Область обращения не есть только передвижка продуктов от производителя к потребителю без движения товаров или денег с тем или иным значением. В обобществленном товарообмене мы имеем поэтому «упрощенное обращение», но еще не «социалистический продуктообмен». Социалистический же продуктообмен не является еще социалистическим распределением, ибо первое превращается в последнее на известном этапе социалистического строительства. Период нэпа кончается социалистическим продуктообменом, когда ликвидируются не только элементы частной, «свободной торговли», но и товарооборот вообще, хотя и плановый. Поэтому тов. Гатовский неправ, говоря о полном завершении нэпа вместе с ликвидацией элементов «свободной торговли», ибо этим самым он процесс нарастания элементов социалистического продуктообмена на новом этапе выключает из рамок нэпа, не считая его содержанием нэпа.

Мы взяли эти два примера—отдельные мысли т. Струмилина и статью т. Гатовского—потому, что они представляют все, что сказано в сборнике о новом этапе нэпа по линии общей оценки последнего. И мы видим, что в вопросах общей теоретической оценки «нового этапа социалистического строительства» сборник либо прячется в кусты, либо дает во многом неверное толкование его актуальных общих проблем.

* * *

Весь первый том посвящен двум основным проблемам нашего социалистического строительства: коллективизации и индустриализации. Правильнее было бы наоборот—индустриализации и коллективизации.

Проблема коллективизации поставлена в сборнике широко.

На базе широко развернутой и разворачивающейся еще более интенсивно индустриализации сплошная коллективизация деревни СССР будет завершена в основном в пределах текущего пятилетия. Вместе с этим практически встают во весь рост проблемы социалистического переустройства всей общественной и частной жизни трудящихся. Это с одной стороны. С другой стороны, развиваются новые, социалистические формы труда на наших фабриках и заводах. Новый этап переходного периода несет с собой в потоке массового соцсоревнования и ударнического новые, коллективные, коммунистические формы труда. Производственные коллективы и коммуны существуют уже на основе коллективной, а не индивидуальной сдельщины. Отсюда и коллективность в оплате труда. Вслед за этим должен итти и следующий за ним этап организации коллективного потребления и коллективизация быта. Проблема социалистических городов вырастает, таким образом, из новых, коммунистических форм труда. Далее, мы строим огромные гиганты на пустырях—Магнитогорский завод, Кузнецкий, Днепрострой, тракторные заводы и т. д. Они обрастают целыми городами. Как строить эти города? Неужели нужно повторять в строительстве жилищ рабочих — социалистических работников — старое «свинство» с коптилками, мелкими кухнями, примусами и т. д.? Нет, не нужно. Новый этап в строительстве жилищ для рабочих и колхозников должен быть этапом строительства социалистических городов с наивозможно полным обобществлением домашнего хозяйства и освобождением колоссального количества рабочей силы от непроизводительного домашнего труда. Конечно, это надо делать без «головотяпства», без «левацких» перескоков т. Сабсовича, с учетом того уровня развития производительных сил, какой мы будем иметь в предстоящий период, с учетом местных и конкретных особенностей и обстоятельств в каждом отдельном случае.

---

[1]) И. Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии, стр. 44—45.

[2]) Термин считаем неудачным (см. заметки Ленина на «Экономику переходного периода» Бухарина, Ленинский сборник, XI, стр. 348).

Прав поэтому тов. Струмилин, когда говорит, что:

> «назрело время поставить проблему социалистических городов на самое широкое обсуждение, как плановую проблему первостепенного значения», ибо «не продуманы до конца в своем творческом замысле эти, вырастающие на наших глазах, первые участки зреющего социализма» (т. I, стр. 60).

Но неправ тов. Струмилин в другом отношении. Он допускает серьезную ошибку в вопросе об оптимальных размерах социалистического предприятия вообще и социалистического города в частности.

> «Крупное предприятие как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, вообще говоря, много эффективнее мелкого, однако, лишь в известных пределах, за которыми при данном уровне техники дальнейшее укрупнение уже не повышает, а понижает его эффективность... Совхоз или колхоз с площадью до 60.000 га или завод на 10 000 рабочих не выходит еще за пределы рационального укрупнения» (т. I, стр. 15).

А если мы строим совхозы на 100.000 и даже на 200.000 га («Гигант»), или завод на 30 тыс. или даже на 50 тыс. рабочих (Магнитострой — в будущем), то этим уже выходим «за пределы рационального укрупнения»? Предел оптимального размера социалистического предприятия, установленный тов. Струмилиным, как видим, противоречит нашей практике социалистического строительства, ибо противоречит марксизму. Социалистическая практика в СССР чуть ли не ежедневно доказывает необоснованность и вредность тезиса т. Струмилина, кстати сказать, не нового в буржуазной теоретической мысли и разоблаченного давным-давно марксистской теорией, а теперь убитого окончательно практикой социалистического строительства.

* * *

Проблемы коллективизации настоятельно требуют своей основательной теоретической разработки. Но помещенная в сборнике статья т. Краева «О проблемах коллективизации деревни» не может быть отнесена к кругу статей, выясняющих актуальные проблемы коллективизации, ибо заключает ряд серьезных ошибочных положений.

> «В условиях пролетарской диктатуры, — говорит т. Краев, — когда в сельском хозяйстве основным является мелкотоварное производство, коллективизация является законом развития. При развивающемся социализме для мелкого товаропроизводителя путь коллективизации совершенно обязателен» (стр. 62).

И далее:

> «Социально-экономическая природа мелкотоварного крестьянского хозяйства, низкий уровень его техники и существования создает внутри крестьянского производства противоречия и моменты тяготения к социалистической системе, стремление найти выход не капиталистическим, а социалистическим, коллективным путем. Без этого условия социалистическая перестройка в колхозной форме была бы невозможна» (стр. 64—65).

Тов. Краев, таким образом, в самой природе мелкотоварного крестьянского хозяйства находит «социалистическую тенденцию крестьянства» (т. I, стр. 66), условия, «создающие... моменты тяготения к социалистической системе», которые в обстановке пролетарской диктатуры превращаются в закон развития мелкокрестьянского товарного хозяйства, в «закон коллективизации». Что эти «социалистические тенденции», по т. Краеву, свойственны именно природе мелкотоварного крестьянского хозяйства и что они, по т. Краеву, не возникают только в условиях пролетарской диктатуры благодаря огромной активной борьбе всей системы этой диктатуры за социалистический путь развития мелкотоварного производства, — об этом свидетельствует сам же т. Краев, говоря, что «тенденция мелкого крестьянства кооперировать производство имеется и при капитализме» (т. I, стр. 65). Но тут эти тенденции не превращаются в обязательный закон развития, ибо «этот закон вытекает из отношений двух сил: социалистической индустрии и крестьянского хозяйства» (т. I, стр. 62). Выходит, таким образом, что «закон коллективизации» заложен в самой природе мелкотоварного крестьянского хозяйства, имеет базу в «социалистической тенденции крестьянства», как имманентного его особого качества. Выходит, далее, что т. Краев основу коллективизации переносит на внутренние противоречия самого мелкотоварного крестьянского хозяйства, определяющие движение последнего по социалистическому пути. Условия же пролетарской диктатуры дают лишь путь реализации этому имманентному внутреннему закону мелкотоварного крестьянского хозяйства. Такова «теория» т. Краева. Она не нова для нас. Она просто воспроизводит теорию правых уклонистов об автоматическом «врастании» мелкотоварного крестьянского хозяйства в социализм в условиях пролетарской диктатуры.

Сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство развивается в условиях пролетарской диктатуры по «закону коллективизации» — это означает отрицать необходимость борьбы за коллективизацию, необходимость ее подготовки, необходимость преодоления в классовой борьбе капиталистических тенденций мелкокрестьянского хозяйства. Это значит отрицать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство даже в условиях пролетарской диктатуры ежечасно, ежедневно рождает капитализм» (Ленин).

«Нет сомнения, — говорит т. Сталин, — что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни велика и неоценима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла за городом в деле социалистического строительства? Нет недостаточно... Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина «Экономика переходного периода» о «товарно-капиталистической тенденции крестьянства» в противоположность «социалистической тенденции пролетариата»... Чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом необходимо еще, кроме всего прочего, насаждать (подчеркнуто т. Сталиным) в деревне крупные социалистические хозяйства, могущие повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства»[1]).

«Социалистическая тенденция крестьянства» надумана т. Краевым и ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет. Вместе с тем надуман и об'ективный «закон коллективизации», обязательный для мелкотоварного крестьянства. Хотя т. Краев критикует эту «самотечную» теорию, но между его критикой теории самотека и его «законом коллективизации» нет связи и одно другому противоречит. Это не значит, однако, что возможность к некапиталистическому развитию мелкого производства не заложена в условиях переходного хозяйства, в совокупности условий пролетарской диктатуры и противоречий мелкого товарного производства в переходный период. Но между этой возможностью и «социалистической тенденцией мелкого товарного производства» т. Краева—дистанция огромного размера. Поэтому надо еще и еще много работать над теоретическими проблемами коллективизации, чтобы рассеять путаницу многих теоретиков.

---

[1]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР».

* * *

Вопросам индустриализации сборник посвящает ряд статей. Ключ к решению всех противоречий и «узких мест» в советском хозяйстве — это в ускорении темпов индустриализации. Анализ темпов индустриализации на новом этапе на конкретном материале роста промышленности дал бы много поучительного о полной реальности взятых партией высоких темпов. Новый этап — это этап гораздо более высоких темпов индустриализации, чем мы имели до сих пор. И этот момент совершенно недостаточно освещен и разработан в статьях об индустриализации.

Сборник дает хороший материал о резервах индустриализации, которыми располагает наше народное хозяйство и сама промышленность. Особо выделяется по содержанию, разработанности и правильности положений статья т. Кваша «Нагрузка промышленных предприятий» (т. I).

> «Рост производительности труда повышает в условиях нашего хозяйства жизненный уровень трудящихся и одновременно увеличивает массу добавочного продукта, обращаемого на цели расширенного воспроизводства»[1].

Вот это положение мы считаем совершенно неоспоримым. И поэтому рост производительности труда, обеспеченный новыми формами труда, с одной стороны, и новой техникой производства, с другой,—является той базой, на которой темпы индустриализации, безусловно, возрастут на новом этапе. А это значит ускорение темпов расширенного воспроизводства и социалистической индустриализации. Ускоренные темпы индустриализации на новом этапе немыслимы без разрешения крупных проблем технического перевооружения промышленности и всего народного хозяйства. Отсюда встают во весь рост на новом этапе проблемы металлургии и своего собственного машиностроения. Эти актуальные проблемы, к сожалению, в сборнике обойдены.

С неменьшей силой встает проблема энергетики. «Энергетическое хозяйство, энергетическая линия в хозяйстве—это не только ведущие звенья, это—всепроникающее начало» (т. Кржижановский, стр. IX). Фиксирование внимания нашей общественности на этом решающем звене и на тех прорывах, которые мы теперь имеем в области электроснабжения—положительная сторона сборника. Надо раз и навсегда покончить с теми попытками ревизовать здесь ленинизм, которые кое у кого имели место в нашей литературе и в нашей практике под влиянием вредителей. Генеральная линия технической реконструкции нашего хозяйства не может проходить без электрификации. «Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны» (Ленин).

Электроснабжение выдвигалось у нас всегда на первый план. Особенно выдвигается оно теперь, на новом этапе. Это тем более, что мы имели уже «узкое место» в области электроснабжения в связи с отставанием выполнения плана ГОЭЛРО. Но не только потому, что мы имеем здесь дефицит, но и потому, что революционизирование технологических процессов и коренную техническую революцию невозможно осуществлять без электрификации. Если иметь в виду, что по пятилетнему плану в 1932/33 г. удельный вес сельского хозяйства в электрическом балансе страны составит только 1%, то станет совершенно ясной та грандиозная проблема, которая стоит перед нами по линии необходимого огромного перевыполнения на новом этапе ленинского плана электрификации. Поэтому совершенно правильно делает сборник, что ставит эту проблему во весь рост.

* * *

Мы не имеем возможности останавливаться на всех статьях обоих томов сборника, в особенности на теоретически интересных и в основном правильных статьях тт. Шахновской и Рагольского, а также и т. Быкова. Ряд дискутабельных мест и положений статьи т. Рагольского не может быть здесь разобран, ибо это требует специального анализа. Несмотря, однако, на них, статья тов. Рагольского заслуживает положительной оценки. В ней впервые (и это мы подчеркиваем) проблема воспроизводства в СССР разбирается на конкретном цифровом материале, подработанном специально для статьи. Вместо схоластических рассуждений о проблеме вообще, тов. Рагольский сразу ставит ее на почве нашей действительности. И в этом заслуга статьи.

* * *

Статьи последнего раздела сборника посвящены проблемам борьбы двух антагонистических систем: социалистической и капиталистической. Не касаясь довольно обширного конкретного материала этих статей, показывающих степень нашего отставания в технико-экономическом отношении, наши преимущества в возможности догнать и перегнать капиталистические страны в этом отношении, остановимся только на некоторых принципиальных вопросах, затронутых или поставленных в этих статьях, в особенности в статьях тт. Эвентова и Мендельсона. Статьи эти в основном построены на тезисе «единого процесса движения социалистической революции и развертывания всеобщего капиталистического кризиса» (т. II, стр. 537). Этот тезис—сам по себе правильный—получает в статьях разные вариации, многие из которых нельзя считать правильными. Тов. Эвентов, полагая, что «главным и наиболее чувствительным каналом взаимодействия СССР и мирового капитализма является канал классовой борьбы» (т. II, стр 448—49) (как-будто есть еще какой-то другой канал вне классовой борьбы в этих взаимодействиях), берет в основу своего анализа следующее положение:

> «Диалектика действительности учит, что мировое хозяйство представляет собою единство противоположностей, в котором антагонистическими элементами являются СССР и капитализм» (т. II, стр. 448)[1].

Исходя из этого положения, тов. Эвентов находит, что «ошибочно полагать, что мы имеем два самостоятельных, совершенно независимых процесса: с одной стороны, развитие капитализма, с другой стороны, строительство социализма... Если бы мировой капитализм находился в настоящее время на восходящей линии своего исторического развития, строительство социализма в СССР было бы обречено на неудачу» (там же). Расшифровывая «диалектику» тов. Эвентова, мы получим: единое мировое хозяйство, состоящее из «единства противоположностей»—СССР и капитализма. Они—антагонисты, следовательно, призваны пожрать друг друга. Что одному здорово, то другому—смерть. Отсюда вывод: если капитализм идет вниз, то это обязательно означает рост социализма в СССР, если же наоборот, то социализм в СССР обречен на неудачу. Получается стройная теория голого взаимоисключения. Это—в корне ошибочное и вредное положение. Диалектика действительности говорит против этих схем, а неравномерность капиталистического развития, его внутренние противоречия, противоречия его с СССР и противоречия внутри СССР, покоясь в одной плоскости—плоскости классовых отношений и классовой борьбы,—в каждый отдельный исторический момент даются в особых сочетаниях и на разных ступенях развития и обострения. Их совокупность поэтому дает возможность строительства социализма в одной стране даже и тогда, когда капитализм находится в полосе под'ема, в полосе своего развития, а не только в полосе своего кризиса.

Тов. Мендельсон тоже стоит на точке зрения «единого процесса движения социалистической революции и развертывания всеобщего кризиса капитализма» (т. II, стр. 537). Но он не доводит этот «единый процесс» до степени «диалектики» тов. Эвентова. Ибо т. Мендельсон вовсе не игнорирует различия и имманентные законы и логику движения разных участков этой борьбы, «этого движения», этой схватки социализма и капитализма. Борьба эта «глубочайшим образом монистична», определена «взаимосвязь процессов борьбы социализма и капитализма, в какой бы плоскости и форме они ни развертывались». Но тем не менее на каждом участке и внутри СССР и вне его

> «борьба находится на своей особой ступени развития, имеет свои качественно различные формы, происходит при принципиально ином соотношении классовых сил, подчиняется в своей динамике, прежде всего, своим внутренним законам движения» (т. II, стр. 537).

---

[1] Ст. т. Кристина, т. I, стр. 517.

---

[1] «Единство противоположностей» и отношение «антагонистов»—не одно и то же. Тут т. Эвентов дает неверное сопоставление, разобрать которое здесь не представляется возможным.

Было бы, однако, неправильным и недиалектичным подчеркивание исключительности роли внутренних законов движения каждого отдельного участка борьбы. И автор делает правильно, что не становится на точку зрения этой исключительности. Ибо это, в конечном счете, вело бы, с одной стороны, к отрицанию диаметральной противоположности, сугубой антагонистичности и непримиримого взаимного исключения социализма и капитализма в рамках единого мирового хозяйства, и с другой—к теории «Социального плюрализма» Зомбарта, или к теории о «мирном сосуществовании» капитализма и социализма.

Но т. Мендельсон устанавливает синхроничную закономерность развертывания классовой борьбы как внутри СССР, так и вне его—в капиталистическом окружении. Он берет схематически три периода: «Первый период всеобщего кризиса—период непосредственно революционной ситуации». Это—период гражданской войны в СССР, революционных движений и вспышек гражданских войн в ряде капиталистических стран, последними раскатами которых были «революционные выступления в Болгарии и Германии 1923 г.». Единство борьбы социализма и капитализма на данном отрезке исторического этапа внутри стран капитализма, внутри СССР и—СССР с капиталистическими—«единство не случайное, а закономерное» (т. II, стр. 545), по тов. Мендельсону, определялось логикой движения нашей революции, революции в СССР. Ибо в «основном смена этапов нашей революции, как и смена фаз всеобщего кризиса, определялась ее (нашей революции.—**К. Б.**) внутренней (подчеркнуто автором,—**К. Б.**) логикой движения» (т. II, стр. 544). «Второй период всеобщего кризиса—период относительной стабилизации», период отхода вооруженной борьбы на задний план, период «передышки» от социалистической революции для буржуазии, перехода к нэпу в СССР, смены форм борьбы, «улучшения самочувствия империализма», ослабления его страха перед «идущей из СССР красной опасности», надежд на «врастание социализма в капитализм» в СССР». Таким образом, и здесь в основном смена фаз всеобщего кризиса «определялась ее (т.-е. нашей революции.—**К. Б.**) внутренней логикой движения».

Третий период всеобщего кризиса—это «расшатывание капиталистической стабилизации и нарастание нового революционного под'ема», опять-таки закономерно совпадает с наступлением социализма в СССР на капиталистические элементы, с выкорчевыванием корней капитализма, с обострением классовой борьбы внутри СССР. Хотя автор оговаривает, что эта схема имеет «условную значимость», но тем не менее, по его же свидетельству, она «законна, но и необходима, ибо позволяет фиксировать прочно повторяющееся в явлении, закон этого явления» (т. II, стр. 547). А закон этого явления заключается в том, что «острота борьбы классов изменяется на всех этапах в одном и том же направлении независимо от конкретных участков и форм этой борьбы, несмотря на различие соотношений сил классов» (т. II, стр. 547). При чем начальный момент изменения остроты борьбы классов в мировом масштабе—находится в СССР «во внутренней логике движения» нашей революции. Вот в этом-то именно положении автора мы находим гнилой узел нити всей его концепции.

Было бы непростительной глупостью отрицать революционную роль СССР как страны пролетарской диктатуры. Но было бы, вместе с тем, абсолютно неверным считать, что начало развертывания, ослабления и возрастания остроты классовой борьбы в сфере капиталистического окружения, а также всеобщего кризиса капитализма находится исключительно и только в СССР, и «внутренняя логика движения нашей революции целиком определяет смену фаз всеобщего кризиса капитализма». Это означало бы уклон в сторону отрицания внутренних противоречий самого капитализма, игнорирование ее внутренней логики движения. СССР фактом своего существования и развития в социалистическом направлении обостряет всеобщий капиталистический кризис и остроту классовых отношений в капиталистическом окружении. Факт, что основные противоречия мирового капитализма пролегают по линии классовых противоречий, в том числе и по линии противоречий СССР с капитализмом. Но полагать, что эти противоречия определяются исключительно по линии классовых отношений внутри СССР и изменения последней неизбежно вызывают соответствующее изменение в капиталистическом отношении—это значит смазывать внутренние имманентные противоречия каждого отдельного участка капиталистического окружения, отдельных стран, а на основе их и противоречия между империалистическими странами и группами их. Ведь недаром же тов. Мендельсон почти ничего не говорит о противоречиях между капиталистическими странами и империалистическими группами. Это значит, наконец, скатываться к умалению значения закона неравномерного развития капитализма в эпоху его империалистической стадии и к точке зрения исключительности значения противоречий между буржуазией и пролетариатом только в мировом масштабе. И притом с той только разницей от троцкистской установки, что здесь определяющим началом являются классовые отношения и классовая борьба внутри СССР, «внутренняя логика движения» которых дает начало изменениям классовой борьбы и классовых соотношений в мировом масштабе.

Таковы те мысли, которые неизбежно возникают при чтении безусловно содержательной статьи тов. Мендельсона, большинство выводов которой на основе хорошо подобранного конкретного материала нельзя не признать правильными. Статья более наглядно, чем статья т. Эвентова, выявляет вместе со статьей тов. Фреймана—«Производительность труда в капиталистических странах и в СССР» (т. II)—наше отставание от капиталистических стран по качественным показателям производства, она в то же время показывает наше движение в социалистическом направлении, характеризующееся формулой «догоняем, перегоняя».

Говоря о соотношениях групп А и Б по промышленности и промышленности и сельского хозяйства и совершенно правильно указывая на уничтожение противоположности между нами в перспективе нашего социалистического строительства, тов. Мендельсон, однако, допускает грубейшую ошибку. Он уже на данном этапе говорит о «ножницах» темпов развития промышленности и сельского хозяйства следующее: «В общем «ножницы» темпов сельского хозяйства и промышленности начинают определяться исключительно техническими факторами, изменяясь вместе с изменением уровня производительных сил» (т. II, стр. 601—602). А куда девалась в таком случае различная социальная форма производства и там и здесь? Почему т. Мендельсон игнорирует рост темпов развития сельского хозяйства на стадии колхозов на базе простого сложения существующих средств производства.

В данный момент на «ножницы» темпов развития сельского хозяйства и промышленности решающее влияние оказывает именно социальная форма производства, но не только и не исключительно технические факторы производства.

⁂

Не касаясь других статей сборника, хотя и в них имеется немало ошибочных мест, нужно надеяться, что ИЭИ Госплана в следующий раз выступит с более обоснованным теоретически, боевым трудом по проблемам нашего социалистического строительства.

К. БУТАЕВ.

Положение непрерывного комплектования заочников Экономического института красной профессуры.

1. Опыт работы заочников по экономическому отделению ИКП в прошлом году подтверждает целесообразность заочной системы подготовки кадров экономистов-теоретиков высокой квалификации через заочно-консультационное отделение.

2. Данные по набору в прошлом году говорят, что значительный кадр руководителей партийных органов, советских, плановых, хозяйственных учреждений, преподавателей вузов, комвузов и научных учреждений достаточно подготовлен к научно-исследовательской работе, но не может оставить свою работу и пойти непосредственно на учебу в ЭИКП, вследствие чего идет на заочное отделение Института.

3. Период социалистической реконструкции требует усиления темпа в подготовке теоретических кадров партии и высококвалифицированных экономистов для хозяйственных и планирующих органов и научно-исследовательских учреждений. Это с особой силой еще раз подчеркивает XVI с'езд партии. Кондратьевско-Громановская контрреволюционная организация лишний раз показала нам, насколько слабо насыщены руководящие хозяйственно-планирующие органы и другие высококвалифицированными экономистами-коммунистами. Большая потребность в этих кадрах, которую не сможет восполнить состав действительных слушателей ЭИКП, настоятельно требует усиления темпов в деле заочного ЭИКП.

4. В целях обеспечения поступления на заочный ЭИКП более широких кадров руководителей партийных, профессиональных, хозяйственных учреждений, преподавателей вузов и комвузов, дирекция института отказалась от требований вступительной работы. Последнее ни в коем случае не означает снижения требований от поступающих в отношении их теоретической подготовки.

5. Комплектование заочников проводится непрерывно. Заочник не связан в своей учебе академическим годом и может распределять ее на весь астрономи-

ческий год. Непрерывное комплектование дает возможность каждому товарищу решить вопрос о своей учебе как заочника в любое наиболее для него удобное время года, не связывая его определенным сроком.

6. Товарищ, допущенный к заочной проработке ЭИКП, может проработать программу всех трех курсов данного отделения.

В отмену прежнего положения о непереводе заочника в число действительных слушателей ЭИКП, каждый заочник, проявивший себя с партийной и академической стороны достаточно ценным может быть переведен в число действительных слушателей по ходатайству дирекции ЭИКП перед Мандатной комиссией ЦК ВКП(б)

7. Учитывая особенности заочного отделения (совместительство с работой), ЭИКП допускает продление прохождения каждого курса до 2 лет (за исключением 3-го).

8. Заочники, допущенные на 3-й курс, освобождаются от практической работы и зачисляются в число действительных слушателей ЭИКП по постановлению Мандатной комиссии ЦК ВКП(б).

9. Заочники пользуются в обязательном порядке дополнительными днями отдыха (2—3 дня в месяц) для выполнения теоретических работ и дополнительным отпуском в размере 1—1½ мес. для участия на курсах конференции, созываемых ЗКО, и для научных командировок.

10 В число заочников зачисляются товарищи, которые отвечают обычным условиям приема в ЭИКП, но по условиям своей работы не могут быть направлены в ЭИКП (см. условия приема в ЭИКП, опубликованные в «Правде» от 28 IX-30 г.).

11 Товарищи, желающие работать по программе одного из отделений ЭИКП в качестве заочников, должны представить рекомендацию Секретариата ЦК ВКП(б), ЦК нацреспублики или обкомов (облбюро), партхарактеристику, утвержденную парткомом не ниже райкома, автобиографию и заявление.

Никакой разверстки для командировки заочников не устанавливается.

12. Все командировки, с приложением автобиографии и партхарактеристики поступающих будут представлены на решение Мандатной комиссии ЭИКП

13. Товарищи, допущенные Мандатной комиссией ЭИКП, должны не позднее чем через 6 мес. со дня решения Мандатной комиссии выполнить следующие работы: 2 работы тезисного характера (страниц 12—15) по политэкономии и философии или ленинизму, 2 устных выступления по актуальным проблемам политэкономии на семинар установочной конференции, и в порядке консультации. Окончательное зачисление в число заочников ЭИКП происходит после представления письменных работ и работы на установочной конференции. В течение года он должен выполнить по программе ЭИКП один доклад и 3 письменных работы тезисного характера и тезисы по одной теме дополнительного семинара.

14. Темы тезисов указываются ЗКО

15. Все командировки, заявления и остальная корреспонденция, связанная с вопросами о заочном обучении, направляются по адресу: Москва Волхонка, Б. Знаменский пер., д. № 2, Заочно-консультационное отделение ЭИКП

Зам. директора **БОРИЛИН.**

ПОПРАВКА

В № 19—20 „БОЛЬШЕВИКА“ на стр. 123 (10-я строка снизу), в цитате из Ленина.

напечатано:	должно быть:
„создавшееся в результате этого безусловно тяжелое впечатление отнюдь не является для нас голым проигрышем“.	„создавшееся в результате этого безусловно тяжелое *положение, однако*, отнюдь не является для нас голым проигрышем“.

Редколлегия

Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
опов. Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № 78634. Тираж 175.000.

Типография газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 22 30 НОЯБРЯ № 22

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ческий год. Непрерывное комплектование дает возможность каждому товарищу решить вопрос о своей учебе как заочника в любое наиболее для него удобное время года, не связывая его определенным сроком.

6. Товарищ, допущенный к заочной проработке ЭИКП, может проработать программу всех трех курсов данного отделения.

В отмену прежнего положения о непереводе заочника в число действительных слушателей ЭИКП, каждый заочник, проявивший себя с партийной и академической стороны достаточно ценным может быть переведен в число действительных слушателей по ходатайству дирекции ЭИКП перед Мандатной комиссией ЦК ВКП(б)

7. Учитывая особенности заочного отделения (совместительство с работой), ЭИКП допускает продление прохождения каждого курса до 2 лет (за исключением 3-го).

8. Заочники, допущенные на 3-й курс, освобождаются от практической работы и зачисляются в число действительных слушателей ЭИКП по постановлению Мандатной комиссии ЦК ВКП(б).

9. Заочники пользуются в обязательном порядке дополнительными днями отдыха (2—3 дня в месяц) для выполнения теоретических работ и дополнительным отпуском в размере 1—1½ мес. для участия на курсах конференции, созываемых ЗКО, и для научных командировок.

10 В число заочников зачисляются товарищи, которые отвечают обычным условиям приема в ЭИКП, но по условиям своей работы не могут быть направлены в ЭИКП (см. условия приема в ЭИКП, опубликованные в «Правде» от 28 IX-30 г.).

11 Товарищи, желающие работать по программе одного из отделений ЭИКП в качестве заочников, должны представить рекомендацию Секретариата ЦК ВКП(б), ЦК нацреспублики или обкомов (облбюро), партхарактеристику, утвержденную парткомом не ниже райкома, автобиографию и заявление.

Никакой разверстки для командировки заочников не устанавливается.

12. Все командировки, с приложением автобиографии и партхарактеристики поступающих будут представлены на решение Мандатной комиссии ЭИКП

13. Товарищи, допущенные Мандатной комиссией ЭИКП, должны не позднее чем через 6 мес. со дня решения Мандатной комиссии выполнить следующие работы: 2 работы тезисного характера (страниц 12—15) по политэкономии и философии или ленинизму, 2 устных выступления по актуальным проблемам политэкономии на семинар установочной конференции, и в порядке консультации. Окончательное зачисление в число заочников ЭИКП происходит после представления письменных работ и работы на установочной конференции. В течение года он должен выполнить по программе ЭИКП один доклад и 3 письменных работы тезисного характера и тезисы по одной теме дополнительного семинара.

14. Темы тезисов указываются ЗКО

15. Все командировки, заявления и остальная корреспонденция, связанная с вопросами о заочном обучении, направляются по адресу: Москва, Волхонка, Б. Знаменский пер., д. № 2, Заочно-консультационное отделение ЭИКП

Зам. директора **БОРИЛИН.**

ПОПРАВКА

В № 19—20 „БОЛЬШЕВИКА“ на стр. 123 (10-я строка снизу), в цитате из Ленина.

напечатано:	должно быть:
„создавшееся в результате этого безусловно тяжелое впечатление отнюдь не является для нас голым проигрышем“.	„создавшееся в результате этого безусловно тяжелое *положение, однако*, отнюдь не является для нас голым проигрышем“.

Редколлегия
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
опов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е.

Главлит № 78634. Тираж 175.000.
Типография газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 22 30 НОЯБРЯ № 22

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 год

НА ЖУРНАЛ

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Орган ЦК ВКП(б)

Выходит 2 раза в месяц

„ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО"

РАССЧИТАН *на руководящий и низовой актив партии, начиная как от основных работников парткомов, так и привлеченных к партаппарату в порядке партнагрузки, и кончая секретарями партячеек, руководителями отдельных участков ячейковой работы.*

ДАЕТ *установку по наиболее важным и злободневным вопросам политической и хозяйственной жизни страны, с точки зрения участия в их разрешении партийных организаций и осуществления партийного руководства.*

ВЕДЕТ *теоретическую разработку очередных проблем партийного строительства, изучение, анализ и критику опыта, форм, методов и системы работы местных парторганизаций.*

СТАВИТ *на обсуждение новые вопросы практики партийного строительства и партруководства.*

ОСВЕЩАЕТ *практику партийного строительства местных, особенно низовых организаций и выявляет образцовые мероприятия местных партийных комитетов.*

ИНФОРМИРУЕТ *партию о работе ЦК ВКП(б) и местных парткомов.*

ВЕДЕТ *критику и библиографию литературы, посвященной вопросам партстроительства.*

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО *является органом, совершенно необходимым в повседневной работе партийных организаций, руководящим журналом по вопросам партстроительства как для парткомов и ячеек, так и для отдельных членов партии.*

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Старая площадь, 4, здание ЦК ВКП(б), 6-й этаж. Телефон 4-93-55 или ЦК доб. 3-77 и 186.

Подписная цена на 1931 год: на 1 мес.—30 к. | на 6 мес.—1 р. 80 к. | Цена отдельн.
на 3 мес.—90 к. | на 12 мес.—3 р. 60 к. | номера—20 к.

Подписка принимается: всюду на почте и уполномоч. по партпечати при ячейках ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел 1-21-16, Кремль 1-18.

№ 22 — 30 НОЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Передовая.—Процесс русской и международной контрреволюции. 1
Берман, Я. — Основные задачи перевыборов советов 8
Никулихин, Я. — Колхозное движение на новом под'еме. 16
Марков, И. — Мировой аграрный кризис и социалистическая реконструкция с. х. в СССР. 31
Кузнецов, И.—Буржуазно-реставраторская сущность сухановщины. 49
Докукин, Вл. — Транспорт на пороге третьего года пятилетки. 63
Павлов, А.—Вопросы труда на новом этапе (окончание). 78

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Енгибарян, М. Против «новейшей» ревизии марксизма-ленинизма. 86

Процесс русской и международной контрреволюции.

Ни раскрытие меньшевистской организации Громана — Суханова, кулацко-помещичьей группы Кондратьева, октябристско-кадетской «Промышленной партии» Рамзина и К°, об'единившихся в общей цели для свержения диктатуры пролетариата и реставрации капитализма путем интервенции, ни программы действия, для проведения которых они возникали, не представляют для ВКП(б) никакой неожиданности. На пороге нэпа, на X с'езде партии, продумывая необходимость нэпа для создания условий социалистического строительства, продумывая все возможные последствия нэпа, Ленин говорил: «Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров. Это химический закон, тут ничего не поделаешь... Меньшевики и эсеры—это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать». (Речь о «натуральном налоге»; 15 марта 1921 г., т. XVIII, ч. I, стр. 142, 1-е изд.). В заключительном слове Ленин расширил еще эти свои замечания. «Если она (кооперация —*ред.*) политически, как я уже указывал, служит местом организации, централизации, об'единения элементов, политически враждебных нам, проводящих по сути дела колчаковскую и деникинскую политику, — то, конечно, кооперация, по сравнению с мелкими хозяйствами, с мелкой торговлей изменяет только форму дела. Разумеется, что всякое выделение кулачества и развитие мелкобуржуазных

отношений порождает соответствующие политические партии, которые в России слагались десятилетиями и которые нам хорошо известны. Здесь надо выбирать не между тем,—давать ли ход этим партиям,— они неизбежно порождаются мелкобуржуазными экономическими отношениями,—а нам надо выбирать, и то лишь в известной степени, только лишь между формами концентрации, об'единения и действий этих партий. Никак нельзя доказать, чтобы кооперация в этом отношении была хуже». (Т. XVIII, ч. 1-я, стр. 148).

Эта ленинская характеристика кооперации относится лишь к самой начальной стадии нэпа. Мы знаем, что уже в статье «О кооперации» Лениным дается совершенно иная характеристика кооперации. Однако эти высказывания Ленина имеют значение для установления правильной перспективы по отношению к вопросу о политическом значении вскрытых контрреволюционных организаций. Указывая на «химический закон», в силу которого **всякое** развитие мелкобуржуазных отношений и тем более **выделение кулачества** порождает партии, стремящиеся к восстановлению капитализма, Ленин вперед предостерег от всяких преувеличений в оценке возникновения таких организаций. Его точка зрения является ответом на вопли, вроде «как можно было допустить» и т. д. Нэп на первой своей стадии был отступлением для подготовки социалистического наступления. Но уже на XI с'езде партии Ленин дал лозунг «Отступление кончено», дал лозунг о подготовке сил для социалистического наступления. И партия постепенно развернула социалистическое наступление, на рельсах нэпа, как политики, «рассчитанной на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанной на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» (Сталин).

ВКП(б) давала себе, понятно, с самого начала полный отчет в политических возможностях, таящихся в новой экономической политике. Допуская свободу торговли, хотя и под контролем государства, пролетариат должен был временно допустить выделение кулачества, создание в городе новой буржуазии, которые, со своей стороны, не могли не являться питательным бульоном для восстановления в той или другой форме мелкобуржуазных и буржуазных партий, стремящихся к тому, чтобы стратегический маневр советской власти «расширить и углубить» своим нажимом Никакие вредительства, с другой стороны, не могут обесценить утверждения Ленина, что нельзя строить социализм только руками коммунистов. Так же, как мы учились военному делу у военспецов, мы не могли не использовать буржуазных спецов при проведении денежной реформы, не могли не учиться агрономии у агрономов, технике — у техников. Вредители представляют собою только меньшинство специалистов, кроме того, до известного пункта развития наших хозяйственных отношений эти контрреволюционные элементы, по крайней мере большинство из них, не становились на путь вредительства. На том участке исторического развития, на котором советская власть должна была для накопления сил для нового прыжка допустить развитие зажиточных слоев деревни, довольствуясь ограничением их эксплоататорских тенденций, господа Юровские, Кондратьевы, Громаны оказывали нам некоторую помощь. При этом, конечно, они лелеяли надежду, что служат делу возрождения капитализма, ибо по их мнению, советская власть, сказав «а», должна будет сказать и «б». В этом они жестоко ошиблись.

Но, указывая на неизбежность выделения контрреволюционных партий при развитии мелкобуржуазных отношений, Ленин, хотя и говорил о «химических законах», не становился ни на один момент на позицию наблюдателя «естественных процессов» и тем самым на позицию подчинения этим «законам природы». Он, наоборот, заявлял, что именно с этим законом мы должны воевать, и добавил: «**Коли воевать, так по-военному**». Эта точка зрения Ленина дает критерий для оценки факта, что известные круги коммунистов, смыкающиеся на работе с буржуазными элементами, забыли о «химическом законе», по которому эти элементы должны были рождать контрреволюционные тенденции, и о политическом долге—**быть начеку**.

Развитие мелкобуржуазных отношений, допущенное сознательно партией на известном этапе, начало выделять не только среди буржуазной интеллигенции элементы контрреволюционных организаций, но и в ваших рядах—троцкистские и правооппортунистические элементы, ставшие проводником контрреволюционных вредительских программ. ВКП(б) — боевая партия советского пролетариата, учитель молодых компартий в капиталистических странах, не из такого сделана историей материала, чтобы могла подвергнуться перерождению. Партия, борясь на два фронта за ленинскую линию, разгромила как контрреволюционный троцкизм, так и кулацкую агентуру — правый уклон, главную опасность в условиях реконструктивного периода.

С момента начала реконструктивного периода, с начала нашего социалистического наступления наиболее сознательные буржуазные и мелкобуржуазные элементы в нашем государственном и хозяйственном аппарате должны были прийти к убеждению в крахе их надежд на капиталистическое перерождение советской власти и перешли к прямому вредительству и подготовке интервенции. Все попытки громанцев и кондратьевцев доказать нам «научно» необходимость затухающей кривой нашего хозяйственного развития, невозможность скорых темпов индустриализации были партией теоретически разбиты, практически отброшены.

Труднее обстояло дело в области техники; ибо, если рабочий класс в области политической экономии, опираясь на учение Маркса и Ленина, с легкостью выводит из строя заржавевшие пушки буржуазной экономики и поэтому легко мог отличить, где кончается «ученость» Громанов, Базаровых и Кондратьевых,—то в области технических вопросов рабочий класс не завоевал себе еще перевеса над буржуазными учеными, и поэтому они могли нанести ему несколько ударов на ряде участков фронта. Но так же, как в войне не решают частичные прорывы, если общий стратегический план правилен, так же точно правильность генеральной линии партии предопределила невозможность достижения контрреволюционерами целей, которые они себе ставили. Основная страгетическая цель основной контрреволюционной организации—«Промышленной партии»—состояла в том, чтобы вызвать экономический кризис, как условие для интервенции. Экономический кризис должен был быть вызван сознательным увеличением всех диспропорций нашего хозяйства. Такая цель не могла быть достигнута только чисто техническим саботажем. Она могла быть достигнута навязыванием нам на разных участках чересчур малых темпов развития или чересчур быстрых, для которых нехватило бы нам сил. Партия отбросила минималистические установки и во-время раскусила вредительство безбрежных планов и головокружения, представлявших большой соблазн для «левых» оппортунистов. Вредительские планы разбивались активностью рабочего класса, перевыполнением программы пятилетки. Вредителям не удалось провести ставку на «омертвление основного капитала», на искусственную затяжку строительства. Эта ставка разбивалась и разбивается большевистскими темпами.

Победа, состоящая в том, что партия Ленина, верная его учению, сумела разузнать классового врага независимо от его маскировок,—дала возможность органам советской власти вскрыть конкретную организацию врага и ее разветвления. Как ни смешно это будет звучать в ушах Шерлоков Холмсов мировой контрреволюции, блестящая ликвидация контрреволюционных организаций, при помощи органов ОГПУ, стала возможной благодаря правильной марксистско-ленинской оценке опасностей ВКП(б), благодаря именно знакомству с ленинским «химическим законом» контрреволюции. Сообщая это, мы не боимся выдать «тайну» ОГПУ нашим классовым врагам, ибо, к счастью для пролетариата, они не умеют пользоваться этим нашим орудием.

В самой оценке опасности выделения контрреволюционных элементов на почве нэпа Ленин характеризовал эти элементы, как продолжение старых, хорошо нам знакомых, буржуазных партий. Политику этих партий он охарактеризовал, как «по сути дела колчаковскую и деникинскую». Господа Громаны, Базаровы, Сухановы, а также Кондратьевы наверно с негодованием отклоняют такую характеристику. Во всяком случае, меньшевик Абрамович проявил по поводу такой характеристики его политических друзей, попавших за решетку, высшее негодование, на которое способен этот раньше «единственный» «представитель» еврейского, а теперь (каковы судьбы истории!!) всего советского пролетариата.

Но возмущение мелких буржуа доказывает только их законное желание казаться лучше, чем они есть на деле. Громаны и Сухановы считали «только» невозможным проведение пятилетки, т.-е. невозможным такое усиление социалистической индустрии, чтобы она могла взяться за социалистическую перестройку сельского хозяйства. Но если «только» это невозможно, то последствием такой невозможности явилось бы «только», что сельское хозяйство пошло бы по пути капиталистического развития, что усилило бы буржуазные слои деревни, подчинило бы им экономически и политически остальную деревню, противопоставило бы капиталистическую деревню социалистическому городу. При невозможности такого усиления социалистической промышленности, которое позволило бы ей социалистически переделать деревню, неизбежна была бы реставрация капитализма. Господа Громаны это великолепно понимали и ставили ставку на кулака.

Ставка на кулака есть сердцевина всякой реставрации капитализма в СССР. А раз господа меньшевики, приютившиеся в наших хозяйственных аппаратах, ставили ставку на кулака, то нет ничего более понятного, что на этой почве у них немедленно восстановился старый блок с эсерами. Кондратьевы же без всякого стеснения поставили программную точку на «i» и назвали вещи по имени, а именно, что дело идет о восстановлении капитализма, что надо присмотреться, какие «живые силы» стремятся к той же «высокой

цели». Эти «живые силы» сколачивались вокруг Пальчинского,—старого знакомого эсеров и меньшевиков с 1917 года, когда этот герой старого русского капитализма пытался снять голову с плеч революции, «освобождая» Петроград от петроградского пролетариата. Вокруг Пальчинских, Рабиновичей, Рамзиных и Калинниковых собирались главные приказчики Рябушинских, Коноваловых, Денисовых, Манташевых, Нобелей, которые в восстановительный период занимались скромной задачей—хранением господского добра, повышением его стоимости при помощи направления советского золотого дождя на национализирование фабрики своих хозяев, но которые теперь поняли, что надо поставить задачу пошире.

Наступление социализма, успех индустриализации подсказали Пальчинским, что пришел решительный бой. Если пятилетка возьмет, то рамзинским хозяевам не увидеть больше своих фабрик. Господа приказчики капитализма — деловые люди. Продумав обстановку, они сказали себе: меньшевизм не может теперь представлять никакой серьезной силы. Кулацкая партия—вещь хорошая, если бы ей удалось поднять кулака. На всякий случай Кондратьевы нужны уже теперь, ибо кое-что они могут сделать для усиления сопротивления кулачества, а во всяком случае будут нужны для прикрытия господства крупного капитала. Даже без кулацкого восстания Пальчинские и Рамзины готовы были допустить Чаяновых при раздаче министерских портфелей на пост министра земледелия. Уничтожение национализации земли, т.-е. свобода торговли землей, предоставление выкупа помещикам,—это ведь ключ к восстановлению помещиков. Но зная решительность большевиков, зная, какие великие пласты крестьянства советская власть подняла к новой жизни, Пальчинские видели в кулацких восстаниях только элемент ослабления советской власти, а не решающий фактор победы: победу могут принести только империалисты на штыках чужестранных войск. Насчет допустимости прибегнуть к иностранным штыкам господа приказчики Разуваевых не могли иметь ни малейших сомнений. Они—люди деловые, а расчет тут простой. Рабочие и крестьяне отняли у помещиков и капиталистов 100% всего их награбленного достояния, если уплатить иностранным правительствам за интервенцию 30—40% его и получить за это обратно свою собственность, то это—цена не чересчур высокая, тем более, что, имея в руках власть, можно переложить все тяжести на народные массы.

Пальчинские и Рамзины повели переговоры с французскими военными кругами об интервенции. Как отнеслись к этому меньшевистско-эсеровские «вожди»? Понятно, интервенция, как нить к власти, вещь разорительная, но и восстание—вещь разорительная; а, во-вторых, нас же ведь не спрашивают, хотим ли мы интервенцию, проведут ее иностранные капиталисты и в собственных интересах. А как же такие реальные политики, как Кондратьевы и Макаровы, могут игнорировать факты! Поэтому, в конце концов, какие бы ни были отклики среди них насчет интервенции, они ее приняли, — сообщает скромно господин Макаров. И, таким образом, Сухановы и Кондратьевы оказались в «контактной комиссии» с господами Рамзиными, которые интервенцию не только принимали, но и подготовляли по точным заданиям, работая в ближайшем контакте с агентами французского шпионажа. Картина этих самоизбранных русских премьеров, министров с разными портфелями, бегающих вечерком на почту для передачи французским шпионам необходимых сообщений, как она ни позорна, она точно отражает то положение, в котором находилась бы русская контрреволюция в случае своей победы. Она была бы на побегушках у французского империализма, став простым орудием интервенции.

Факт невозможности победы русской контрреволюции без помощи иностранного империализма имеет громаднейшее значение. Видя крах своих надежд на «перерождение» пролетарской диктатуры, видя рост побеждающего социализма, все более растущий авторитет советской власти, которая получила в лице миллионов колхозников новую прочную опору, — вредители с особым остервенением стали готовить кровавый пожар интервенции. С другой стороны нажимали на вредителей их «хозяева», в первую очередь, застрельщик интервенции—французский империализм.

Подсудимые на процессе разоблачили в своих показаниях, что если в первый период представителям «Торгпрома» и «Промпартии» приходилось обивать пороги империалистических воротил, то по мере роста экономической мощи Советского союза положение резко изменилось. Инициатива перешла в руки империалистов, последние сами стали принимать депутации, устраивать специальные свидания и т. д. Разрушить все более крепнущую базу мировой пролетарской революции — СССР, такова была основная цель интервентов. Одновременно французский империалистический паук, разбухший от немецкой репарационной крови, мечтал устроить себе новое переливание живительных соков, создать вторую репарационную проблему за счет уплаты старых царских долгов.

Тяжелая рука пролетарской диктатуры опустилась на плечи контрреволюционных организаций, подготовляющих удар в спину пролетарской революции в момент, когда должны были двинуться против нее штыки империалистических врагов. В этом предупреждении удара выражается факт боевой готовности ВКП(б). Мировой капитализм долго надеялся, что перерождение советской власти облегчит ему победу. Когда эти надежды развеялись под влиянием исторического развития — принятия советским правительством пятилетки и начала ее осуществления, империалисты надеялись, что по меньшей мере удастся усыпить бдительность ВКП(б) и подготовить соответствующие условия для интервенции, вредительской и диверсионной деятельности. Но и эти надежды оказались разбитыми. Приняв программу великих классовых боев, партия выдвинула лозунг самокритики, чистки аппарата, обратилась к классовой бдительности пролетарских масс, ибо она помнила слова учителя, что революция, организуя свои силы, даст толчок и организации контрреволюции. Идя в бой за социализм, партия знала, что это вызовет растущий отпор сил контрреволюции. И органы советской власти бодрствовали. Еще раз приходится контрреволюции убедиться, что большевиков не берут голыми руками. Удар, обрушившийся на головы русской контрреволюции, ударил и по мировой контрреволюции и по французскому ее застрельщику. Публичные признания подсудимых, выдающих с головой своих хозяев, вызвали известное замешательство в лагере империализма. Та дымовая завеса, непревзойденная еще по наглости кампания самой чудовищной лжи и клеветы на Советский союз, которая предпринята буржуазной печатью — все же не сможет скрыть фактов, которые дойдут до сознания самых широких трудящихся масс за границей. Процесс главарей «Промышленной партии» даст еще возможность подробно разобрать механизм и движущие силы подготовки интервенции. Но надо прямо сказать: обвинительный акт советской прокуратуры с содержащимися в нем признаниями подсудимых стоит выигранной битвы. Он является выигранной битвой в нашей борьбе за мир. Об этом говорит тот факт, что в то время, когда наша пресса перепечатала полностью подлинные статьи г. Пуанкаре, французская империалистическая пресса не посмела перепечатать показания Рамзина и К°. Она их только голословно отрицает, не смея войти ни в какие детали. Мы раскрыли карты врага.

Но это есть только начало борьбы за мир. Враг начнет иначе мешать колоду своих карт, и предстоит великая борьба за дальнейшее разоблачение его планов, за мобилизацию рабочих масс против опасности войн. Эта борьба должна получить от процесса главарей русской контрреволюции сильный импульс, зарядку ненависти к интервентам, еще большую зоркость взгляда и меткость удара по классовому врагу.

Я. Берман.

Основные задачи перевыборов советов.

Со времени последних перевыборов прошло два года. За этот период наша страна сделала гигантский шаг вперед по пути социалистического строительства. Под руководством партии и в союзе с бедняцко-середняцкими массами крестьянства рабочий класс одержал новые победы. Окончательно вытеснены частнокапиталистические элементы из основной отрасли народного хозяйства — промышленности. К концу второго года пятилетки доля частного капитала в этом секторе составляет уже 0,7%. Этим, как заявил т. Сталин на XVI с'езде, можно считать решенной проблему «кто кого» на этом участке народного хозяйства. Равное положение мы имеем и на участке оптовой торговли, где частнокапиталистический сектор уже занимает также меньше одного процента. Громадный сдвиг в деле коллективизации сельского хозяйства, превысивший все планы как пятилетки, так и контрольных цифр, давший 40% коллективизированных крестьянских хозяйств в основных зерновых районах и до 25% во всем Союзе, — обеспечил вместе с развитием совхозов командное положение коллективизированного и совхозного хозяйства в товарной продукции сельского хозяйства. Значимость этих успехов рабочего класса особенно должна быть подчеркнута, так как они были достигнуты на основе растущей продукции (также в основном давшей превышение планов пятилетки), нового распределения народного дохода, увеличения реальной заработной платы, ликвидации безработицы, повышения потребностей. Все эти успехи уже качественно изменили роль, значение и характеристику данного этапа переходного периода, в отличие от предыдущих. Они, как определил т. Сталин на XVI с'езде, уже указывают на то, что мы вступили

> «в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту»..., «что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Ясно, что такой переход к новому этапу переходного периода связан и с новой расстановкой классовых сил в стране. Ясно, что достигнутые успехи знаменуют решительный и коренной подрыв еще остающейся в условиях пролетарской диктатуры экономической базы для питания капиталистических элементов. Капиталистические элементы в условиях пролетарской диктатуры, лишенные основной своей экономической основы — собственности на средства производства в крупно-промышленных предприятиях, — главным образом питаются мелким, частным хозяйством, по словам Ленина, «ежечасно рождающим капитализм». Быстрым темпом развития коллективизации в сельском хозяйстве с этой стороны наносится удар по основным, питающим капиталистические элементы источникам; создается возможность «замены кулацкого производства хлеба производством совхозов и колхозов». Вместе с тем — и в этом основное значение коллективизации сельского

хозяйства — коллективизация, охватившая миллионы крестьянских хозяйств, создала «новое соотношение классовых сил в стране, превращая середняка, вступающего в колхоз, в опору советской власти» (из резолюции XVI с'езда). Именно это и позволило «партии от лозунга ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» (из резолюции XVI с'езда партии).

Поворот миллионных масс крестьянства от индивидуальных к коллективным формам хозяйства непосредственно связан и с усилением руководящей роли рабочего класса по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству. Это усиление влияния рабочего класса выражается уже в новых формах производственной смычки между городом и деревней, в машинизации сельского хозяйства, в пополнении деревни новыми рабочими кадрами (рабочие совхозов, МТС, предприятий по обработке продуктов сельского хозяйства и т. д.).

Все это характеризует укрепление пролетарской диктатуры, укрепление ее классовых сил, укрепление рабочего класса в его классовой борьбе с капиталистическими и кулацкими элементам. И только правильное понимание этих изменений в соотношении классовых сил в стране, как вытекающих из успехов, достигнутых в социалистическом строительстве всего народного хозяйства, дает правильный ключ к пониманию особенностей классовой борьбы на данном этапе.

В чем основная особенность классовой борьбы на данном этапе? Особенность, по сравнению с прошлым этапом, — в обострении, усилении классовой борьбы. Это—факт, который не могут отрицать и правые. Но типичным для правых является то, что они признают лишь факт обострения классовой борьбы. Для данного этапа характерным является, однако, не только самый факт обострения классовой борьбы, а то, что обострение классовой борьбы об'ясняется усилением нашего наступления на капиталистические элементы по всему фронту на базе все растущего и укрепляющегося социалистического сектора нашего хозяйства.

Без этого одно лишь признание факта обострения классовой борьбы служит обоснованием типично оппортунистических теорий о том, что усиление классовой борьбы является показателем ослабления пролетарской диктатуры и неправильной политики партии. Известно, что такая установка неоднократно лежала в основе оппозиционных выступлений против партии. Она характерна для всех правых выступлений, доказывающих, что «проявление классовой борьбы в самой острой форме» встречается «обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым» (Бухарин — «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»), что усиление нашего наступления возможно только, «если против нас кулак будет поднимать восстания». (Бухарин. «Три речи»). Такая установка непосредственно вытекает из их (оппозиций) общей оппортунистической теории, в основе своей отрицающей классовую борьбу, проповедующей классовое примирение и «затухание» классовой борьбы. Все они давно уже разбиты опытом борьбы и разоблачены партийными решениями, равно как и троцкистская теория о «растущей кривой» классовой борьбы, вытекающая из отрицания возможности строительства социализма в одной стране и признания непримиримости противоречий между рабочим классом и крестьянством.

Обострение классовой борьбы на данном этапе еще раз всемерно подтвердило правильность ленинской постановки вопроса о классовой борьбе.

> «Сопротивление эксплоататоров начинается до их свержения и обостряется после с 2-х сторон. Борьба до конца или «отболтаться» (как мелкая буржуазия, «социалисты») 1).

«Борьба до конца» остается обязательной для всех этапов пролетарской диктатуры. Она остается обязательной, несмотря на успехи пролетарской диктатуры. Более того, развитие пролетарской диктатуры, ее укрепление, вызывает усиление наступления на капиталистические элементы, имея в виду основную задачу — их полное вытеснение, полную ликвидацию. Всякая иная постановка вопроса будет исходить из антиленинской, антибольшевистской установки — примирения классов, взятой из арсенала социал-демократических учений. Это тем более важно иметь в виду, что с усилением наступления на капиталистические элементы последние неизбежно усиливают свое сопротивление. Поэтому в этих условиях всякие теории о «затухании борьбы», об ослаблении диктатуры по отношению к эсплоататорским классам, являются не чем иным, как только уступками кулаку, уступками буржуазии, в конечном счете ослабляющими диктатуру пролетариата. Поэтому это — теории, поддерживающие реставрационные попытки всяких контрреволюционных течений (кондратьевщины, громанщины, «Промышленной партии».

Оживление правых теорий находится в связи с усилением сопротивления классово-враждебных элементов. Во-первых, как известно, основные установки экономической программы правых (в вопросах индустриализации, сельского хозяйства, коллективизации) не на много разнились от ближайшей программы действий в этих вопросах кондратьевцев. Во-вторых, общее и у тех и у других — в одинаковой оценке ослабления пролетарской диктатуры, непреодолимости возникающих трудностей, на основе генеральной линии партии, усиления позиций кулацко-капиталистических элементов. Это совпадение — не случайность. Это подтверждает наличие одних социально-классовых истоков влияния, — роль правых, как кулацкой агентуры, как рупора кондратьевцев в партии.

На той же основе выращивается и право-«левый» блок Сырцова—Ломинадзе. И, действительно, чем разнятся от пророчеств правых о гибели пролетарской диктатуры рассуждения Сырцова о том, что «казалось бы, складывая плюсы, мы должны получить плюсы. Складывая достижения, мы должны иметь достижения, а у нас получаются минусы»? 2).

Поэтому начавшееся оживление как правых, так и «левых» и оппортунистического право-«левого» блока необходимо рассматривать как одну из форм, отражающих общее усиление сопротивления классово-враждебных элементов, ищущих (и, к сожалению, находящих) агентов своего влияния и в партийных рядах. Своими воплями об ослаблении диктатуры, об усилении классово-враждебных элементов — они только играют роль не плохих союзников контрреволюционеров всех мастей.

Но навряд ли надо особенно доказывать, что кулак усиливает свое сопротивление в связи с проведением лозунга ликвидации кулачества не потому, что он почувствовал себя сильнее и крепче, чем раньше, а наоборот, потому, что перед ним реально стала угроза ликвидации. Навряд ли также следует доказывать что организация промышленной партии, кондратьевщины вызвана не тем, что капиталистические элементы почувствовали под собой более крепкую почву, чем раньше. Навряд ли требует доказательств и то, что общее обострение классовой борьбы является следствием не ослабления пролетарской диктатуры и усиления классово-враждебных элементов. Несомненно обратное: укрепление пролетарской диктатуры и ослабление позиций классово-враждебных элементов, угроза ликвидации, — вот что их заставляет усиливать свое сопротивление. Этого не понимают или не хотят понять как правые, так и «левые», так и двурушнический право-«левый» блок. А в этом особенность классовой борьбы на данном этапе развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту.

---

1) Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр 6.

2) Сырцов. «О наших успехах, недостатках и задачах».

Но правые также не понимают и того, что исключительное значение в связи с обострением классовой борьбы приобретает государственная организация пролетарской диктатуры, ее госаппарат. Ведь этим характерна вся бухаринская теория государства. Именно исходя из такого понимания государства, Бухарин в 1928 году (в «Заметках экономиста») выдвинул тезис, что «мы слишком все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны»; тезис, в котором Бухарин исказил ленинское понимание государства-коммуны, противопоставив его советскому государству; тезис, в котором выявилась махрово-оппортунистическая мечта о «чистой демократии», отказ от функций подавления, насилия, принуждения к классово-враждебным элементам.

Вся эта концепция направлена против марксо-ленинского понимания государства, как орудия классовой борьбы. Основной политический смысл этого определения заключается в том, что на каждом этапе задачи государства определяются задачами классовой борьбы. И поэтому — развернутое наступление на капиталистические элементы по всему фронту, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации не только не умаляют значения государства пролетарской диктатуры, ее государственной организации, а наоборот, настойчиво выдвигают проблему ее укрепления, усиления. «Пролетарское государство, — говорил Ленин, — неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)» 1). С усилением регулирующей роли государства, проводящего социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства, на ряду с методами вовлечения рабочих и трудящихся масс в управление («по-новому демократическим») — должна оставаться задача принуждения, насилия по отношению к буржуазии («по-новому диктаторским»). Эта задача должна оставаться, остаться до конца, до конца классовой борьбы, до полной ликвидации классов. Ленин, как известно, отмечает даже сохранение остатков этой функции при социализме, на первой фазе коммунистического общества.

И если кто-нибудь попытается рассматривать ленинскую теорию отмирания государства как перспективу ослабления пролетарского государства, то ему, безусловно, придется глубоко разочароваться. К отмиранию государства мы идем не через ослабление роли пролетарского государства, не путем ослабления борьбы с классовым врагом, а наоборот, путем усиления роли пролетарского государства, путем еще более решительной борьбы с классовым врагом.

Поэтому успехи нашей социалистической стройки, вызывающие обострение классовой борьбы, не только не умаляют, а наоборот, усиливают роль и значение государственной организации пролетарского государства и в первую очередь его основных органов — советов.

> «Советы, — говорит т. Сталин, — есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация не партийная. Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через советы приходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству со-

---

1) Ленин. Собр. соч., т. XXI, стр. 393.

> циализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата» ¹).

Это определение с чрезвычайной четкостью определяет сущность, задачи и роль советов в эпоху диктатуры пролетариата. Советы — государственная организация господствующего пролетариата. И поэтому значимость их определяется значимостью государственной организации для господствующего пролетариата, строящего в ожесточенной классовой борьбе социалистическое общество.

Это не всегда все понимают. Достаточно указать на появившуюся в связи с развитием коллективизации теорию о необходимости ликвидации сельсоветов в районах сплошной коллективизации. Оппортунистическая сущность этой теории и заключалась в том, что она особенно ярко выявила непонимание значения для господствующего пролетариата его государственной организации, обязательной для него в период его диктатуры, обеспечивающей ему успехи в борьбе за строительство социализма.

Всем этим, в первую очередь, определяется значение перевыборов советов как органов, являющихся «прямым выражением диктатуры пролетариата», как органов руководства всем делом социалистического строительства и классовой борьбы.

Это значение перевыборов советов в настоящую перевыборную кампанию увеличивается только что законченной ликвидацией округов. Основной смысл ликвидации округов состоит в усилении и укреплении низовых органов советской власти: риков, как опорных пунктов, городских и сельских советов. С ликвидацией округов на эти низовые органы советской власти падает уже значительно бóльшая ответственность за четкое проведение политики партии. Рики получают бóльшую самостоятельность в своей работе. Каждый из них в своем районе становится основным руководящим центром почти всей оперативной работы. Всемерно вырастает их значение, как органов руководства пролетариата в отношении крестьянства. И исключительную роль приобретают они, как органы об'единения миллионных масс трудящихся с авангардом пролетариата.

Настоящая перевыборная кампания — первая после ликвидации округов. Многие наши городские и сельские советы еще до ликвидации округов, в старых условиях работы, не оказались на высоте поставленных перед ними задач. Ряд сельских советов не сумел возглавить мощное колхозное движение. Ряд сельских советов недостаточно твердо проводил классовую линию в борьбе с кулаком. Ряд горсоветов не сумел переключить всю свою работу на новые задачи по выполнению промфинплана, по ликвидации прорывов на производстве, по организации массовой активности рабочего класса, по борьбе с бюрократизмом в госаппарате. В этом отставании ряда советов самым существенным являлось то, что они отставали в руководстве производственными задачами и в организации массовой активности, т.-е. именно в том, что является основной задачей советов. Это тем более повышает значение перевыборной кампании, ставя перед ней, в первую очередь, задачу такого укрепления советов, при котором они могли бы стать действительными руководящими центрами всего социалистического строительства в своем районе.

Выполнение этой основной задачи, в первую очередь, требует мобилизации активности всего рабочего класса и всей массы трудящихся во время перевыборов. Несомненно, что во время перевыборов классовый враг будет пытаться использовать перевыборы для своих целей, играя на трудностях, будет пытаться подорвать доверие к советской власти, пробраться на выборы, протащить своих кандидатов в советы, влиять на ход выборов через подкулачников и т. п. Мобилизация активности всего рабочего класса и всей массы трудящихся является основным условием для успешного преодоления всех этих классово-враждебных попыток. Но для этого особенно важно учитывать новое соотношение классовых сил, особенно в деревне. Необходимо обеспечить дальнейшее усиление руководящей роли рабочего класса в деревне, а также усиление политического влияния колхозников, батрачества и бедноты. Особенно необходимо развернуть широкую работу по вовлечению в перевыборную кампанию рабочих совхозов, крестьян—членов колхозов, усиливая их влияние в советах, в избирательной кампании как в политическом, так и в хозяйственном отношении. С этой целью особенно важно провести ряд мероприятий по организации бедноты и батрачества (в частности широкие собрания и конференции с предварительной проработкой основных вопросов перевыборной кампании, обсуждения кандидатур). Вся перевыборная кампания должна быть поставлена таким образом, чтобы беднота и батрачество явились организованной опорой всей кампании на ряду с организованными колхозниками.

Но опора на бедноту, батрачество, колхозников, однако, ни в какой мере не должна служить основанием для отстранения середняка. Середняк должен быть всемерно втянут в избирательную кампанию. Забвение середняка будет и в эту перевыборную кампанию не меньшей ошибкой, чем в прошлую. Середняк должен явиться союзником бедняцко-батрацких колхозных масс при проведении правильной классовой политики в деревне.

В городе, мобилизуя вокруг советов всех рабочих и всех трудящихся, в первую очередь необходимо обеспечить активное участие в перевыборной кампании рабочего класса. Его участием должен быть обеспечен необходимый темп работы советов.

Перевыборная кампания — это широкая политическая, массовая кампания. Ее значение не ограничивается только одной конечной задачей — укреплением советов, выбором их нового состава. Перевыборная кампания — это, кроме того, широкая политическая кампания по проведению массового контроля над работой советов. Это — кампания смотра советов, их работы, их достижений и их недостатков. Только при успешном сочетании этих двух задач — действительного массового контроля и укрепления советов — можно считать правильной проведенную перевыборную кампанию.

Этапом перевыборной кампании, проводящим смотр работы советов, и является отчетная кампания советов, предшествующая перевыборам. Поэтому особое внимание должно быть уделено отчетной кампании. Необходимо, чтобы она, на основе широко развернутой самокритики, была проведена в форме массового контроля, массовой проверки всей работы советов. Надо иметь в виду, что ход отчетной кампании в значительной степени предопределяет успех всей перевыборной кампании. Отчетная кампания предопределяет активность широких масс в перевыборной кампании, отчасти предопределяет и содержание наказов советам и список кандидатур в члены советов.

В отчетной кампании широкие массы рабочих и трудящихся должны быть мобилизованы на выполнение основных политических и хозяйственных задач, стоящих перед партией. В этом смысле предстоящая перевыборная кампания имеет особенное значение. Она будет происходить в период окончания особого квартала и в начале третьего, решающего года пятилетки. Этот год — решающий для выполнения пятилетки в четыре года. **Этот год должен**

---

¹) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 23. Разрядка моя. — **Я. Б.**

дать 50% коллективизированных хозяйств. Этот год должен дать усиленные, в сравнении с прошлым годом, темпы развития промышленности. Этот год должен обеспечить проведение всеобщего начального обучения. Этот год еще шире должен развернуть все формы активности рабочей массы. Истекший, второй год пятилетки показал, какое исключительное значение для выполнения и перевыполнения планов социалистического строительства имеет под'ем активности рабочего класса. Он показал, как рабочий класс, непосредственно, вплотную, в форме ударничества, соцсоревнования, встречного промфинплана участвующий в деле социалистического строительства, доказывает реальность исключительных, боевых темпов социалистической стройки. Эта мощная волна высокой политической активности рабочего класса должна быть подхвачена и в перевыборную кампанию, должна быть закреплена и усилена под основными лозунгами партии: выполнение пятилетки в четыре года, 50% коллективизированных хозяйств, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, развертывание соцсоревнования, встречного промфинплана. Под углом зрения этих лозунгов, в первую очередь, должна быть проверена вся работа советов и намечены задачи для вновь избранных.

Укрепление пролетарской диктатуры, дальнейший успех социалистического строительства — непосредственно связаны с дальнейшим наступлением на капиталистические элементы по всему фронту, с дальнейшим усилением классовой борьбы вплоть до полного уничтожения классов. Советы, как система государственной организации господствующего пролетариата,—одно из орудий этой классовой борьбы и орудий важнейших. Поэтому и классовая четкость работы советов является одним из важнейших условий успеха социалистического строительства. Это особенно необходимо иметь в виду при предстоящих перевыборах. Оживление классово-враждебных элементов, попытки организации буржуазной реставрации (кондратьевщина, громанщина, «Промышленная партия»), вредительство, попытки подготовки интервенции со стороны промышленной партии и французского империализма, усиление сопротивления со стороны кулачества, антисоветская кампания в капиталистических странах, — все это факты, указывающие на то, что дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры будет связано с самым решительным подавлением классово-враждебных вылазок и всемерным укреплением обороноспособности страны. Советы должны стоять во главе этой борьбы. А это значит, что советы должны состоять из классово-выдержанных, твердых, активных проводников линии партии и советского правительства, обеспечивающих пролетарское руководство во всей работе советов. Это значит, что при выборах в советы надо обеспечить выборы членов, уже проверенных на активной работе по проведению линии партии: активных рабочих, бедняков, батраков, колхозников, активистов-середняков, проверенных на активной работе служащих, — при всемерном обеспечении пролетарского и партийного руководства в советах.

Таковы основные задачи перевыборной кампании. Мобилизацией широких масс вокруг основных лозунгов партии, сплочением их в борьбе с классово-враждебными элементами, проведением действительного, на основе развернутой самокритики, массового контроля работы советов, их участия в социалистической стройке, избранием классово-выдержанных новых членов советов мы в результате перевыборов обеспечим выполнение поставленных перед советами задач. Но для работы советов, так же как и для всех организаций пролетарской диктатуры, равно обязательным является проведение указанного т. Сталиным на XVI с'езде условия дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры:

> «чтобы подавлять сопротивление классовых врагов и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать наступление на капиталистические элементы по всему фронту и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе».

Перевыборы советов будут происходить в условиях, когда под влиянием трудностей, и не без связи с усилением сопротивления классово-враждебных элементов, в партии началось оживление оппортунистических элементов. Оживляются правые, пытаясь сыграть на трудностях и протащить свои гнилые оппортунистические установки. Оживляются «левые» отрыжки троцкизма. И на общей для них всех основе — борьбы против партии — оформилась беспринципная, антипартийная право-«левацкая» группировка Сырцова—Ломинадзе и др. Клевеща на партию, на ее руководство, радея за кулака и капиталистические элементы, все они мешают партии и по существу ведут подрывную работу.

Успех перевыборной кампании советов зависит от проведения надлежащего правильного руководства партийных организаций. Правильное же партийное руководство будет проведено только при условии самой решительной борьбы с правыми, как главной опасностью на данном этапе, «левыми» отрыжками троцкизма, двурушническим право-«левым» блоком и со всеми оттенками какого бы то ни было примиренчества ко всем этим отступлениям от генеральной линии партии Вот почему задача решительной борьбы за генеральную линию партии стоит в непосредственной связи с задачей проведения перевыборов советов.

Я. Никулихин.

Колхозное движение на новом под'еме.

К XVI с'езду партии в колхозы вошло и закрепилось около четверти крестьянских хозяйств Учитывая коренной поворот, который произошел в бедняцко середняцких массах в сторону социализма, учитывая новые гигантские возможности для темпов индустриализации и социалистического строительства в нашей стране—XVI с'езд вынес решение о завершении сплошной коллективизации СССР в основном к концу пятилетки Выполнение этого, громадной исторической важности решения должно составить одну из основных задач партии на ближайший период

Какие перспективы на ближайший год возможны в деле осуществления этого решения? За какие рычаги надо ухватиться, какие препятствия надо преодолеть, чтобы обеспечить высокие темпы коллективизации, которые нам даны всей сложившейся обстановкой социалистического строительства в СССР, всей обстановкой международного положения СССР?

Новый прилив и условия дальнейшего роста коллективизации.

Колхозным институтом и Колхозцентром в октябре с. г. произведено обследование ряда важнейших с.-х. районов. Материалы этого обследования, также—Аграрного Института КА, Харьковского Института экономики по УССР и данные НКЗ СССР по коллективизации говорят, во-первых, о том, что с начала уборочной кампании в значительной части районов, а с сентября по большинству районов мы имеем новый прилив в колхозы. Только в очень небольшой части районов еще продолжается отлив, сведенный в октябре к незначительному размеру. Во-вторых, все факты говорят, что мы имеем нарастание темпов прилива. Это можно иллюстрировать данными по ряду областей и краев. Например, по Северному Кавказу — за последнюю декаду сентября принято 4 тыс. хозяйств, в первую декаду октября— 9,4 тыс., во вторую декаду октября—10,6 тыс. хозяйств. По Нижней Волге соответственно: 10 тыс., 14,5 тыс., 22 тыс. В ЦЧО вторая декада сентября—3 тыс и дальше в последующие декады—7 тыс., 13 тыс., 14 тыс. Аналогичная картина в большинстве и других областей и краев.

В-третьих, выяснилось, что в ряде колхозов в районах сплошной коллективизации благодаря новому приливу число членов дошло до максимального уровня весны 1930 г., установившегося до весеннего отлива из колхозов. Максимальное количество в колхозе «Буденовец» на Нижней Волге было — 1.246 (в марте 1930 г.), на 5 октября с. г. — 1.259 хозяйств. Артель им. Демьяна Бедного—весной было 696, теперь — 694. Мы имеем ряд артелей, где число хозяйств уже перешагнуло предельный уровень, бывший весной 1930 г., так, артель им. Сталина в Калмыке (Борисоглебский район) удвоила число своих членов.

В-четвертых,—вступают в колхоз поселками, сотнями. Наряду с беднотой пошел массой и середняк, пошел свободно, по добровольному желанию. Такое положение мы имеем на Северном Кавказе, на Нижней и Средней Волге, в ряде районов ЦЧО и УССР. Середняк опять пошел уже значительной массой, правда, пока еще недостаточной массой.

В-пятых, данные говорят о начавшемся приливе в колхозы, темп его нарастает даже при чрезвычайно слабом еще организационном охвате, при слабой еще массовой организаторской работе на селе; в значительной степени прилив еще идет самотеком. Мы сейчас стоим только в самом начале, у истоков бурного под'ема колхозного движения, который развернется в самое ближайшее время.

Обратимся к количественным показателям в этом отношении. За месяц и 10 дней (с 10 IX по 20/X) на Северном Кавказе вступило в колхозы 51 тыс. хозяйств, на Нижней Волге за сентябрь и октябрь — 73,5 тыс. хоз., ЦЧО — за тот же срок — 50,5 тыс., Крым — 6,3 тыс., Казакстан -- 10,5 тыс., Западная Сибирь — 9,6 тыс., Узбекистан — 11,4 тыс. В Средней Волге за срок более короткий (с 25/IX по 9/X) вступило в колхозы 17 тыс хозяйств. На Урале по 14 районам за 20 дней октября вступило 7 тыс. новых хозяйств.

Наиболее отстают пока районы нечерноземной полосы. Московская область за 2 месяца (IX, X) дала прирост на 6,2 тыс., Ивановская — 1,4 тыс., Нижегородская — 1,5 тыс., Западная — 3,8 тыс. вновь коллективизированных хозяйств. Из районов нечерноземной полосы впереди идет БССР, давшая за 2 мес. 20,7 тыс. прироста.

Прилив в колхозы идет пока главным образом за счет основных производящих зерновых районов. Если взять весь СССР, то за сентябрь и октябрь в колхозы вновь вступило около полмиллиона крестьянских хозяйств.

В некоторых районах в связи с новыми приливами намного возрос процент коллективизации. Так, например, в Новоузенском р-не (Нижняя Волга) за последние два месяца (с 15/VIII по 15/X) процент коллективизации увеличился на 20%, — с 30% вырос до 50%. В Ново-Анненском районе охват хозяйств колхозами за тот же период повысился на 23%. На Украине с 15/VIII по 15/X процент коллективизации возрос: в Цербыковском районе на 18%, Коминтерновском — 13%, Кизеяровском — 13%, Кривоозерском на 8%. На Северном Кавказе есть районы, где процент коллективизации поднялся на 10 и выше. В ЦЧО по ряду районов б. Россошанского округа прилив за осенний период поднял процент коллективизации на 4,9 — 5,0 — 7,2 проц.

Несмотря на значительные недостатки в организации колхозного хозяйства, в особенности в организации труда, замечавшиеся в первый год жизни большинства колхозов, несмотря на запоздалую уборку хлебов по части колхозов, — преимущества колхозного производства уже в этот год по подавляющей массе колхозов были настолько внушительны, что беднота и середняки-единоличники потянулись к колхозам.

Ставка буржуазных экономистов, контрреволюционных вредителей, ставка кулачества на невыгодность колхозного производства решительно бита жизнью. Колхозы намного расширили свои посевные площади. Урожайность в колхозах повсюду много выше, чем у единоличников. Нагрузка на лошадь чаще всего доходит до 12 — 15 га посева. И, как правило, она намного или в несколько раз больше по сравнению с мелкими индивидуальными хозяйствами.

Примеров на этот счет можно привести очень много. Они ежедневно публикуются в наших газетах. Из материалов обследовательских бригад я ограничусь данными по двум районам.

Урожайность в центнерах [1]

	в колхозах	в индивидуальных хоз.
Бориспольский район (УССР)	12—13,5	8,5—10
Кирсановский район (ЦЧО)	15	10

Урожай картофеля в Кирсановском районе по колхозам даже вдвое выше, чем у единоличника. Обычно же урожайность в колхозах была выше на 25 — 30% и очень часто на 50%, чем в единоличных хозяйствах. Нагрузка на лошадь по Бориспольскому району в колхозах составляла 11,2 га посева, в индивидуальных хозяйствах — 6,3 га; нагрузка на плуг соответственно 15,6 и 5,5 га, или на лошадь вдвое, на плуг — втрое больше нагрузка у колхозов, чем у единоличников. В районах же многоземелья, в основных зерновых районах нагрузка на лошадь и плуг значительно выше (даже в Борисоглебском районе ЦЧО в ряде колхозов она достигает 14 — 15 га).

В результате — производительность труда в колхозе намного выше, чем у единоличников. Валовая и чистая доходность колхозников по абсолютному большинству колхозов поднялась в два, а часто в три и больше раз по сравнению с тем, когда они вели индивидуально свое хозяйство. Всюду доходность в колхозе много выше, чем у единоличников. К примеру, в артели им. Демьяна Бедного (Нижняя Волга) на каждое хозяйство в колхозе пришлось доходов после производства всех платежей 588 р. 73 к., или в два раза больше, чем на единоличника в соседних хуторах. В артели «Красная Ростань» (ЦЧО) чистого дохода на каждое хозяйство пришлось 600 р., а в то время, когда они были единоличниками, получали 200—300 руб. И подобных примеров можно привести тысячи. Колхозы выдержали экзамен, несмотря на бешеное сопротивление кулачества, несмотря на разлагающую работу, которую проводили правые оппортунисты и «левые» загибщики. И прямой клеветой на колхозное движение, прямым извращением действительности является новое утверждение правых оппортунистов о том, что только 1931 год «в отношении коллективизации будет проверочным годом». *Не 1931 г. должен еще доказать, а 1930 год уже доказал глубокую жизненность колхозного движения*, всю прогрессивность *сплошной коллективизации* и с точки зрения развития производительных сил народного хозяйства.

Выгоды колхозного производства теперь стали настолько очевидны в деревне, что их видит большинство бедняков и середняков. Отсюда *резкая перемена настроений единоличников по сравнению с весной*. Если весной в период отлива многие колхозы были в известном враждебном окружении единоличников, то теперь абсолютное большинство колхозов находится в хороших взаимоотношениях с единоличниками. Даже в селах с низким процентом коллективизации мы имеем такое положение, что колхозник пользуется авторитетом на селе. «Раньше никто не смотрел на меня, а теперь все за ручку и с приветом на меня».

Этот резкий перелом в отношении единоличника к колхозу, его стремление вступить в колхоз, можно было бы иллюстрировать многочисленными фактами. На Северном Кавказе из каждых 10 единоличников, с которыми беседовали бригады Колхозного института, всегда 9 отвечали, что они желают вступить в колхоз, и вопрос только во времени. На Нижней Волге единоличники говорили: «Не сойдет еще снег, как мы в колхозе будем». В Борисоглебском районе во многих селах единоличники заявляют колхозникам: «Считайте нас кандидатами в колхоз». В Башкирии единоличники заявляли: «Мы все одной ногой в колхозе стоим, все работали летом группами по пять — шесть хозяйств. Вот сейчас нам надо бы землю делить, но мы раздумали: не погодить ли, может быть, все к весне в колхозе будем».

Наши бригады проверяли настроения единоличников в разговоре групп на мельницах, на элеваторах, на общих собраниях и в сельсоветах. Все эти проверки убедили бригады в том, что единоличники — бедняк и середняк — делятся по своим отношениям к колхозам на три группы. *Первая* группа — это определенно решившая вступить в колхоз; они носят уже заявления в кармане, но выжидают случай, выбирают срок, когда вступить. *Вторая* группа — сомневающихся и обсуждающих еще целый ряд недоуменных вопросов, которые для них не ясны. *Третья* группа — это те, которые пока враждебно настроены к колхозам, твердо пока не желают вступить, хотя последних теперь небольшое меньшинство; при чем это, главным образом, — крепкие, зажиточные середняки. С сомневающимися ведут работу за колхоз не только наши колхозники, но и те единоличники, которые решили вступить в колхоз.

Основная масса единоличников в основных производящих районах желает итти в колхоз уже сегодня, и многие вступают в колхоз теперь же. Наши организации на местах часто отстают в деле организационного оформления этих выявившихся среди единоличников настроений за колхоз.

Создание в предстоящем году свыше 1000 новых МТС, осуществление гигантской программы совхозного строительства, развертывание работы по коллективизации через мощный аппарат МТС и совхозов, *усиление* производственной помощи коллективному хозяйству, *на основе развития высоких темпов в индустрии* — вызовет еще больший перелом среди единоличников в сторону коллективизации, закрепит его и ускорит процесс оформления новых колхозов. У нас есть все необходимые условия для того, чтобы выйти к весеннему севу с удвоенным количеством коллективизированных хозяйств. У нас есть все условия для того, чтобы в 3-й год пятилетки «обеспечить переход не менее чем половины крестьянских хозяйств — на социалистический путь, на путь коллективизации» (из обращения ЦК от 3/IX). И партийные организации обязаны *возглавить новый под'ем колхозного движения, организационно его лучше охватить и использовать все возможные формы для мобилизации активности масс в деле дальнейшего поступательного развертывания сплошной коллективизации.*

Преодоление сопротивления кулачества и борьба с кулацкой агентурой внутри партии.

Одной из главных причин, задерживающих прилив в колхозы, является кулацкое сопротивление и недостаточная во многих местах борьба с кулаком. За последний период кулаки сильно потрепаны. Особенно тяжелые удары мы нанесли кулачеству за последний год. Кулак не имеет уже больше той силы, которую он имел в прошлые годы. В районах сплошной коллективизации кулак не является уже больше хозяйственным авторитетом на селе. Абсолютно неправы «левые» загибщики, которые в преувеличенном свете видят теперь силы кулачества, говорят о таком же его росте, как и в восстановительный период, ударяются в панику перед кулаком. Но все же кулак, как правильно сказал XVI с'езд партии, «еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление продвижению коллективизации». Только правые оппортунисты не видят кулака в деревне, утверждают, что кулака уже нет, что с кулаком покончено. В действительности кулак в деревне есть и продолжает зверски бороться против коллективизации, против колхозов.

---

[1] По основным зерновым культурам.

Во-первых, много раскулаченных оставлено на месте. Во-вторых, подросла новая прослойка кулаков из зажиточных, ибо мелкое производство в истекшем году сохранялось еще для ¾ всех крестьянских хозяйств, а оно, по выражению Ленина, рождает капитализм ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе. В-третьих, часть кулаков избежала раскулачивания, укрывшись — даже в колхозах.

Кулак в данном этапе всеми силами стремится задержать развертывание социалистического наступления в деревне. Как он это пытается сделать? Прежде всего, путем срыва хлебозаготовок и других проводимых в деревне хозяйственно-политических кампаний. Организация отпора кулачеству в этом деле, успешное окончание хлебозаготовок есть одновременно борьба за успешное развертывание коллективизации.

В борьбе против коллективизации кулак стремится сколотить постоянный антиколхозный актив на селе, при чем упор в этом активе он делает на женщин и на часть бедноты. Кулак отлично отдает себе отчет в том, какой активной политической силой является сейчас беднота на селе. Беднота политически действенная сила, которая тянет за собой середняка. Кулак пытается ослабить, разложить эту силу, заставить часть ее работать на себя. Он пытается это сделать прямым подкупом, установлением родственных связей и т. п. Хотя кулаку удается привлечь на свою сторону незначительную часть бедноты, но все же мы и эту часть должны отвоевать у кулака, усилив нашу работу с беднотой.

Центр тяжести борьбы против коллективизации перенесен кулаком теперь на разложение существующих колхозов, на запугивание колхозников и единоличников, на овладение низовыми учреждениями, на пленение части местных работников, на попыткч пробраться в колхозы.

Какие же методы применяет кулак в борьбе за разложение колхозов, за ослабление хозяйственной мощи колхозов? Это — 1) вредительство всякого рода (взрыв двигателей, поджог хозяйственных построек и хлеба даже на полях); 2) подкупы руководителей, спаивание их; 3) подрыв трудовой дисциплины (в колхозах кулак выступает радетелем за поедоцкий принцип распределения, подогревает рваческие настроения); 4) спекуляция на трудностях коллективного хозяйствования первого года; 5) создание групповой борьбы внутри колхоза (между беднотой и середняками, между бывшими красными партизанами и зелеными); 6) восстановление массы колхозников против колхозного руководства.

В борьбе против колхозов кулак выступает с провокацией на счет форм колхозного движения. Кулак, как правило, выступает против основной формы — против артели. С двух концов он выступает против артели. Прежде всего он ратует за переход от артелей к тозам. Он говорит, что артель сложна, что в ней управляться труднее, что лучше тоз. Кулак отлично понимает, что переход от артели к тозу есть развал крупного хозяйства, что это — создание менее устойчивого хозяйства. Кулаку легче после этого бросить лозунг: «Колхозники, расходитесь по домам». С другого конца кулак наступает на артель, когда предлагает: «Или единоличное хозяйство — или сразу коммуна». Получается, что кулак выступает за коммуну. Был даже целый ряд таких случаев на Сев. Кавказе, когда бывшие кадровики белых армий, противники советской власти, говорили: «Никакой коллективизации не нужно, а уж если коллективизация, то прямо нужна коммуна». Здесь расчет совершенно безошибочный. Кулак отлично понимает, что основная масса крестьянства в коммуну теперь еще не пойдет, при настаивании на коммунах будет невозможна сплошная коллективизация.

Поскольку ставка кулака на невыгодность колхозного производства решительно бита жизнью, постольку кулак доказательства о невыгодности колхозного хозяйства вообще переносит в плоскость доказательств невыгодности реализации колхозной продукции. Он говорит колхозникам: «Посеяли вы много, доход у вас большой, но все равно все возьмут. Мы, единоличники, меньше посеяли, но по вольным ценам продадим часть хлеба, богаче вас будем». Игра на спекулятивные цены, на разницу между госзаготовительными и рыночными ценами — вот ставка кулака. Он действует часто и прямым запугиванием. Он распространяет провокационные слухи, что «в колхозах будет вторая хлебозаготовка», «у колхозников все до фунта заберут» (эти кулацкие вымыслы гуляют решительно по всему СССР). Кулак говорит, что XVI с'езд партии снял вопрос о коллективизации. К сожалению, решения XVI с'езда партии в большинстве районов были не проработаны ни в колхозах, ни даже на собраниях сельских ячеек. Кулак же по-своему прорабатывает решения XVI с'езда. «Письма с неба», предсказания монашек, странствующих проповедников, антиколхозные частушки и т. п. — все пускает кулак в ход для борьбы с коллективизацией.

Задача партийных организаций — разоблачать тактику кулака, которую он изменяет в зависимости от момента и обстоятельств, организовать батрацко-бедняцкие массы и в союзе с середняком повести их и дальше на борьбу с кулачеством, на решительное преодоление сопротивления кулачества коллективизации.

На ряду с борьбой против колхозов извне, кулак борется и изнутри. Замечаются теперь многие попытки кулаков и раскулаченных пролезть в колхозы с целью их разложения, с целью укрыться от твердых заданий, от раскулачивания, с целью получить возможность, под флагом колхозника, продвигать своих детей в учебные заведения. Для этой цели кулак пускает такие «лозунги»: «Всем миром в колхоз», «все поле сразу вспахать для всех». При чем значительная часть колхозов еще раньше оказалась засорена кулацкими и чуждыми элементами, а в ряде случаев кулакам удавалось пролезть к руководству колхозами. Они вошли в колхозы, предварительно распродав лошадей, порезав скот, спустив ценный инвентарь. Мы не будем приводить всех многочисленных фактов на этот счет, о них теперь часто пишется в наших газетах. Отметим только, что засоренными оказалась меньшая часть колхозов, но в некоторых районах все же довольно значительная часть. Например, в 8 из 20 колхозов, обследованных бригадами Колхозного института в Борисоглебском и Песковском районах ЦЧО, — обнаружены были кулацкие элементы. На Северном Кавказе в Бекешевском колхозе им. Калинина, в Суворском колхозе им. Сталина обнаружены у руководства бывшие кулаки и кадровик из отряда ген. Шкуро. Кулаки обнаружены в части колхозов УССР, Нижней Волги, Ивановской области и др. районов. Кулакам удалось пробраться в колхозы, во-первых, потому, что оказавшиеся в ряде мест у руководства правые оппортунисты, восприняв теорию Бухарина о мирном врастании кулака в социализм, на деле проводили ее в жизнь. Во-вторых, потому, что некоторые из таких кулаков работали раньше в сельсоветах, в волисполкомах секретарями или техническими работниками, служили в кредитках; а на местах кое-где принято думать, что если они служили там, значит они наши, советские люди. На самом же деле это — настоящие классовые враги. Во многих случаях кулаки пролезали в колхозы под флагом специалистов (мастерами у двигателей, на мельницах, маслобойках и т. п.).

Во всех случаях: *наличие кулака в колхозе есть крупная преграда для роста коллективизации*; чаще всего потому, что кулак стремится развалить колхозы изнутри. В тех колхозах, где оказались кулаки, дольше всех затянулась уборка хлебов, часть хлеба погибла на полях. Больше всего здесь было прорывов в организации труда, сильнее проявлялись рваческие настроения среди колхозников. Кулаки, укрывшись в колхоз, стремятся дезорганизовать все хозяйство колхоза, мешают реализации всех преимуществ коллективного хозяйства; при чем, чаще всего «колхозные» кулаки бывают в заговоре с кулаками вне колхоза [1]. Во всех случаях наличие кулаков в колхозах загораживало путь для вступления всей бедноты, всех маломощных середняков. На собраниях бедноты, в разговорах с отдельными бедняками в ряде сел, хуторов, бедняки отвечали: «В колхозе у власти кулаки. Они раньше ездили на нас, понукали нами, будут понукать нами опять», «раньше кулаки у нас были головкой на селе, теперь они головкой в колхозе»; «уберите кулаков — мы войдем в колхоз».

На районной конференции в Песках беднота, все выступавшие в прениях бедняки в один голос заявляли: «Кулак не добит, — уберите наших кулаков», «вышлите из района кулаков». «Борьба с кулаком во многих местах за последний период заметно ослабла. По-настоящему мы с кулаком еще не боремся». (Таково заявление ряда секретарей и других работников райкомов). И оно более чем верно отражает фактическое положение на местах.

В целях поступательного развертывания коллективизации, необходимо усилить борьбу с кулачеством, разоблачая тактику кулачества, мобилизуя массы против кулака, *необходимо: очистить засоренные колхозы от кулаков и чуждых элементов; продолжать выселение раскулаченных* из районов, где они раньше вели эксплоататорские хозяйства; и дальше *со всей решительностью и последовательностью проводить политику ликвидации кулачества как класса* на основе сплошной коллективизации.

Но *осуществить эти задачи можно только в решительной борьбе на два фронта и, в первую очередь, против правой, главной опасности в партии, против «левых» загибщиков, в решительной борьбе с двурушниками, на словах ратующими за сплошную коллективизацию, а на деле попустительствующими кулаку.*

Правый уклон на данном этапе — есть главная опасность в партии, «потому что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент развернутого наступления, выкорчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране» (Сталин). Из двух возможных путей развития сельского хозяйства правые ратуют за капиталистический путь. Они отводят удар от кулака во время хлебозаготовок, помогают кулаку в работе по срыву коллективизации. Осуществлением своих теорий о мирном врастании кулака в социализм правые оппортунисты прикрывают кулака, содействуют кулаку в его борьбе против колхозов. Правые усыпляют классовую бдительность пролетарских и полупролетарских сил деревни разговорами о том, что «кулака нет, что с кулаком уже покончено». Они опорачивают политику партии в деревне, берут под прямую защиту кулаков, заявляя, что «раскулаченные—самые лучшие трудовики». Отказываясь от борьбы за высокие темпы коллективизации, ставя темпы коллективизации в прямую зависимость от темпов механизации, бросая лозунг: «не количество—а качество», деляческих подходя к проведению хозяйственно-политических кампаний на селе, отрывая их от осуществления задач социалистической реконструкции сел.-хоз., — правые на деле отказываются от борьбы за сплошную коллективизацию. Считая основной формой производственного кооперирования только низшие формы (тозы, поселковые товарищества и т. п.), отказываясь от борьбы за перерастание низших форм в высшие, правые фактически поддерживают кулацкую тенденцию на развал артели, выступают союзниками кулака в его борьбе против сплошной коллективизации. Проповедуя самотек, правые отказываются от организаторской роли рабочего класса в деле социалистической переделки крестьянства, на деле отказываются от борьбы за коллективизацию в духе решений XVI с'езда.

В работе многих наших советских и хозяйственных учреждений на местах вкупе с вредительскими элементами, на поводу последователей Кондратьева, Макарова и т. п., правые часто оказывают прямую помощь кулаку, ставят серьезнейшие препятствия для роста коллективизации. Если присмотреться к искривлениям в работе части нашего советского, хозяйственного и кооперативного аппарата на местах, то эти искривления носят, главным образом, правооппортунистический характер. Мы назовем только некоторые из этих искривлений в проведении линии партии и советской власти. Обнаружены райторги, которые для ряда селений нормы сдачи по хлебозаготовкам для колхозов определили в несколько раз или на много выше, чем для единоличников, несмотря на то, что в колхозах была преимущественно бедняцкая и маломощно-середняцкая часть деревни. К примеру: в Борисоглебском районе (ЦЧО), в селе Поляна для единоличников эти нормы даны в 112 кг.; а для колхозов в 272 кг. с га. В селе Чигора соответственно — 112 кг. и 192 кг. с га. Разве пойдет единоличник в колхоз, когда такой практикой хлебозаготовок колхозники поставлены в худшее положение по сравнению с единоличниками?

В связи с хлебозаготовками были такие безобразия, когда колхозники за сданный хлеб ни копейки не получали на руки, а причитающуюся для них сумму всю целиком автоматически списывали в погашение задолженности колхоза. Делалось это так: конторы Союзхлеба суммы, причитающиеся колхозам за хлеб, сданный на элеваторы, переводили в отделения Сельбанка. Чиновники последнего, смотря в текущие счета колхозов, целиком перечисляют эти суммы в погашение задолженности по кредитам. Правления колхоза даже не спрашивают, сколько по кредиту он может уплатить, какие платежи ему предстоит еще вносить. Колхоз должен первым показать пример также в уплате с.-х. налога, страховки. Его лишают этой возможности, не говоря уже о полной невозможности произвести расплату по трудодням. Руководители данных организаций — правые оппортунисты, молчаливо благословляли этот прямой удар по колхозам. (В Борисоглебском районе такая практика продолжалась несколько недель и только решительное вмешательство райкома изменило положение. Подобная же практика была в некоторых районах Северного Кавказа).

Мы имеем еще многочисленные случаи, когда оппортунисты и вредители из потребительских обществ отпускали колхозникам промтоваров меньше, и в последнюю очередь.

Мы имеем еще частые оппортунистические искривления в работе земорганов. Они находят себе выражение в частности в том, что при землеустройстве земля колхоза отгораживается «китайской стеной» от земли единоличников (между ними отрезают землю стансовета или другого вида земли госфонда).

---

[1] Яркий пример тому был в селе Красненьком, Новохоперского района, ЦЧО. Там в большом, преимущественно батрацко-бедняцком колхозе в правлении оказались два кулака, при чем один из них—полеводом (раньше он был управляющим имением). Кулаки села заплатили полеводу колхоза—кулаку единовременно 800 руб. и, кроме того, положили регулярно месячное жалованье за то, чтобы он довел дело до развала колхоза.

Обследования установили, что некоторые хозяйственные организации (жел. дороги, совхозы Зернотреста, филиалы Птицепродукта) используют раскулаченных в том же районе в качестве своей рабочей силы. Вместо того, чтобы договариваться с колхозами по поставке им в организованном порядке излишней рабочей силы, которая имеется в колхозах, они предпочитают брать на работу раскулаченных. Раскулаченные же получали из советских учреждений и предприятий жалованье и часто иногда даже выше, чем зарабатывают колхозники, т.-е. откармливались, поддерживаясь на советских хлебах, ведут подрывную работу против колхозов, издеваются над колхозниками. На колхозников эти безобразные факты действуют угнетающе. *Эту правооппортунистическую практику надо срочно устранить.* Кулаков надо использовать на работе по линии советских предприятий, но не в тех районах, где они вели свои эксплоататорские хозяйства. Для этого есть у нас лесозаготовки, сплав, работы по строительству на севере и в других отдаленных районах.

Мы не будем приводить других фактов правооппортунистических искривлений в работе советских, хозяйственных и кооперативных организаций. Решительное преодоление их есть одно из условий борьбы за высокие темпы коллективизации.

Если правые оппортунисты являются прямыми агентами кулака, то «левые» загибщики своей антисередняцкой практикой фактически только с другого конца работают на кулака. Пытаясь меры, направленные против кулачества, распространить на среднее крестьянство, они на деле ослабляют удар по кулачеству и выводят кулака из состояния изоляции. Ставя преграды на пути вступления в колхозы середняка, пытаясь создавать преимущественно бедняцкие колхозы, «левые» загибщики суживают резервы коллективизации, на деле делают невозможным завершение сплошной коллективизации. Они выступают союзниками кулака в срыве сплошной коллективизации и своим перепрыгиванием через основную форму на данном этапе — артель прямо к коммуне. Ими опять возрождаются троцкистские теории пролетаризации крестьянства в противовес ленинской постановке вопроса о борьбе за социалистическую переделку крестьянства. Эти теории облекаются новыми мотивировками о невозможности перебороть мелкособственническую натуру крестьянина, как только путем перехода прямо к коммунам или к совхозам. Недостатки собственного руководства, прорывы в организации труда «леваки» пытаются об'яснить мелкособственнической натурой колхозника. «Мужик плох, у него мелкособственническая натура и с ней ничего не сделаешь кроме одного — опролетаризировать его и сделать его не только членом коммуны, а просто наемным рабочим на заработной плате». Так выступали «левые» загибщики на собраниях некоторых сельячеек на Сев. Кавказе. «Лево»-загибистская теория приливов и отливов, теория о неизбежных колебаниях середняка, об усилении мелкособственнической стихии в связи с крутым поворотом крестьянства в сторону социализма имеет прямую связь с троцкистским отрицанием успешности социалистического строительства в нашей стране вместе с основными массами крестьянства. Это целиком антиленинская теория.

На собрании партактива одной из станиц коммунист, бывший председатель правления колхоза, выступил с такой речью: «В колхозе середняк экономически не заинтересован, бедняк в колхозе мало заинтересован, отсюда низкая производительность труда, слабый выход на работу и т. п.; выход — нужно переходить в коммуну». Это ярко иллюстрирует срастание

«левой» фразы с правой практикой, скатывание «леваков» в конечном счете к лозунгу классового врага. Это контрреволюционный проф. Макаров и проч. вредители весной 1930 г. выдвинули тезис о «национализации мелкой собственности». «Левые» загибщики в данном вопросе, как и в ряде других, целиком в плену троцкистских идей. *Попытки перепрыгнуть сразу через артель к коммуне, попытки начать массовые насаждения коммун теперь же означали бы срыв начавшегося нового под'ема колхозного движения.* Известно, что в тех районах, где преобладающей формой является коммуна (Юргомышский район Урала и т. д.), прилива в старые колхозы почти нет или очень слабый.

Со стороны «левых» загибщиков мы имеем также попытки простого декретирования коллективизации без развертывания широчайшей массовой организаторской работы на селе, декретирования узких сроков коллективизации. Вот выступление одного из секретарей райкомов: «В октябре и ноябре мы должны провести эту работу по коллективизации с тем, чтобы к декабрю иметь 50 — 70% коллективизации» (а сейчас пока всего 11%). Значит, предполагается увеличить в шесть раз процент коллективизации за два месяца. И мотивируется эта необходимость тем, что в декабре «надо будет составлять организационно-производственные планы и тогда коллективизацией будет заниматься поздно». Надо сказать, что такие настроения сильно распространены среди части агрономического персонала, и они передаются некоторым нашим партийным кадрам. Агрономы так аргументируют это дело:

«Выгодна или 100-процентная коллективизация, которая даст возможность проведения землеустройства без разделения клина на единоличников и колхозников или же, чтобы не было частого увеличения размеров колхоза, иначе нарушится стройность землеустройства».

Вы думаете, чьи это идейки? Это идеи проф. Макарова и всех вредителей — кондратьевцев. Макаров в начале 1930 г. говорил: «нужна 100-процентная коллективизация теперь же» и мотивировал это тем, что иначе не будет эффекта обобществленного хозяйства. На эту удочку попадают теперь наши «леваки». *«Леваки» попадают в данном случае на провокацию некоторых местных представителей кондратьевской агентуры.* «Леваки» задерживают рост коллективизации своим отказом от использования низших форм коллективизации, простейших форм производственного кооперирования, несмотря на ясные решения XVI с'езда партии о необходимости широкого использования этих форм в районах нечерноземной полосы и национальных республиках и областях.

Кое-где возрождаются ухарские настроения: «Мы все можем», «нам все нипочем». По этим настроениям надо со всей решительностью ударить. Мы не можем допустить даже десятой доли прошлогодних перегибов.

Примиренческое отношение к правому и «левому» оппортунизму, которое замечается со стороны многих работников деревни, несвоевременное вскрытие отклонений от ленинской линии, недостаточно последовательная борьба с ними, болотные настроения среди части работников, — облегчают работу оппортунистов по срыву коллективизации, мешают четкому, повсеместному проведению генеральной линии партии. Примиренчество к этим уклонам является крупнейшим препятствием на пути своевременно большевистского исправления ошибок в колхозной практике, крупнейшим препятствием для развертывания коллективизации. При чем примиренчество часто является стыдливой формой маскировки оппортунистических взглядов. Двурушничество является просто обманом партии, отвратительной формой маскировки враждебных взглядов в партии. *Борьба с примиренчест-*

вом к правому и «левому» оппортунизму, борьба с двурушничеством является одним из крупнейших условий успешной борьбы за коллективизацию.

Только при решительной, последовательной борьбе на два фронта, против правых и «левых» оппортунистов и примиренцев к ним, можно обеспечить дальнейшее проведение политики ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, только на основе ленинских методов коллективизации можно поднять и закрепить новый прилив в колхозы.

Роль бедноты в коллективизации.

Надо помнить ту исключительную роль бедноты в под'еме колхозного движения конца 1929 г. и начала 1930 г., которую она, в условиях союза пролетариата и бедноты с середняком, сыграла в борьбе с кулачеством, в ликвидации кулачества как класса. Беднота повалила гигантской массой в колхозы, поведя за собой и огромные массы середняка. Беднота в неизмеримо большей степени удержалась в колхозе в период весеннего отлива, закрепляя этим и значительную часть середняка.

В новом приливе роль бедноты будет огромна. Беднота должна явиться организующим, сплачивающим костяком среди новых колхозников. Беднота должна играть роль вожака для середняка. Ее роль особенно велика в районах с низким процентом коллективизации. Она—наша прочная опора в деревне.

А как поставлена работа с беднотой? С весны 1930 г. она в ряде партийных организаций чрезвычайно ослабла, несмотря на кулацкую активность. Летом и в начале осени группы бедноты и собрания бедноты во многих районах не действовали. Бедняки на собрании теперь заявляют: «Нас начали собирать, когда стали проводить хлебозаготовку», или они задают один и тот же вопрос: «Почему нас до сего времени не собирали?» В некоторых районах хотя и были собрания бедноты, но содержание работы с беднотой оставляет желать много лучшего. Вопросы, которые обсуждались на бедняцких собраниях и группах бедноты, например, следующие: 1) Международный день кооперации, 2) седьмая годовщина конституции, 3) текущие дела (Краснодарский район). Это, конечно, важные вопросы, но зачем их обсуждать именно на группах и собраниях бедноты? Их можно с большим успехом обсуждать на общих собраниях колхозников и единоличников. А вот боевые хозяйственно-политические вопросы села в большинстве случаев на группах бедноты, на собраниях бедноты не ставились, или часто обсуждались уже после того, как состоялось соответствующее решение сельсовета, и беднота собиралась для помощи сельсовету в проведении того или иного его решения. В предварительной же проработке вопроса беднота не участвовала. Работа по выращиванию и сплачиванию актива бедноты в ряде мест отсутствует. Поэтому собрания бедноты во многих местах проходят формально. Предложения предварительно не подготовляются активом. Они поступают уже самотеком на самом собрании. И теперь, — когда кулаки продолжают развивать большую активность, когда нужно сопротивление кулачества социалистическому наступлению решительно преодолеть, когда надо подтянуть в колхозы еще большую массу колеблющегося середняка, необходимо во главу угла поставить работу с беднотой.

Надо со всей силой ударить по ликвидаторским настроениям к работе с беднотой со стороны многих местных работников. Что правые оппортунисты отказываются от работы с беднотой — это понятно. Но есть целый ряд работников, которые «стоят за генеральную линию», но—на практике—полагают, что работа с

беднотой на данном этапе уже излишня. Вот их аргументация: «С сознательной частью бедноты нечего вести работу, потому что она и без того наша. С несознательной частью — с подкулачниками, работа будет бесполезна». Это теория пассивности в отношении бедноты чрезвычайно вредна, особенно в данный момент обостренной классовой борьбы в деревне. Мы должны активизировать то громадное большинство бедноты, которое целиком с нами, расставить так силы бедноты, чтобы дать сокрушительный отпор кулачеству, чтобы лучше преодолеть колебания середняка, повести его бесповоротно за собою. Несознательную часть бедноты, временных «подкулачников» мы должны отвоевать в кратчайший срок от кулака. И мы можем ее отвоевать только в результате развернутой повседневной, систематической работы с беднотой. Обследования показали, что там, где велась даже небольшая, но систематическая работа с беднотой, там кулак в большей изоляции, колхозы крепче, хлебозаготовки проходили лучше, там прилив в колхозы начался раньше и темп его выше. Там, где не было никакой работы с беднотой, там кулачество вело за собой значительную часть середняка, пробралось в некоторых колхозах к руководству, избегало твердых заданий по хлебозаготовкам, ему удавалось прятать и сплавлять на вольный рынок свой хлеб, там сельсоветы оказывались на поводу у кулака. Яркий пример — громадное село Богана, в Борисоглебском районе. Там кулаки, зажиточные, духовные и т. п., помимо всего прочего разложили колхоз и даже сами зачислили себя в бедняки, пользуясь льготами, какие даются советской властью для бедноты. При проверке в начале октября бедноты в этом селе оказалось до 70 чел. таких замаскированных «бедняков». Только после того, как нажали по-настоящему на кулака, почистили колхоз от кулаков, стали собирать настоящую бедноту, — общественная работа в данном селе начала налаживаться, сдвинулась с мертвой точки коллективизация.

Необходимо во исполнение решений XVI с'езда немедленно создать группы бедноты при каждом сельсовете, потребительском кооперативе, во всех простейших формах производственных об'единений, в тозах, где их еще нет. Необходимо обеспечить систематическое руководство работой этих групп со стороны партийных организаций. Важнейшей задачей в работе этих групп должен быть рост коллективизации, работа по перерастании простейших форм, кооперирования, тозов, в основную форму коллективизации на данном этапе — в артель, преодоление сопротивления кулачества, преодоление мелкособственнических и потребительских тенденций среди колхозников. В артелях группы бедноты, как правило, создавать не следует. Но там, где социальный переплет этого требует (сильная кулацкая прослойка и т. д.), необходимо будет в отдельных случаях создавать группы бедноты. Во всех случаях, даже во всех артелях, как показывает опыт, необходима особая работа с беднотой по линии подготовки кадров из бедноты, выдвижение бедняков на руководящую работу в колхозах и по линии колхозной системы.

Особая работа с беднотой по линии колхозов должна преследовать теперь и еще одну чрезвычайно актуальную задачу — это воспитание и выдвижение производственников-активистов из бедноты в колхозе. Бедняк поведет крепко за собой середняка, вовлечет скорее в колхозы всю середняцкую массу, если он сам станет ударником колхозного производства. Мы знаем, что из рядов колхозной бедноты уже много вышло настоящих ударников коллективного труда, подросли и подрастают золотые кадры руководителей коллективного хозяйства. Разбивается вдребезги клевета кондратьевцев и правых оппортунистов о «бедняке-лодыре». Мы присутствуем при большом производственном под'еме колхозной бедноты. Мне приходилось слышать очень много от колхозников-бедняков такие заявления: «До колхоза мы, бедняки, в хозяйственном смысле были нуль, а теперь, смотрите, сколько мы дали излишков государству и сами себя хлебом обеспечили». В очень многих колхозах на каждое бедняцкое и батрацкое хозяйство падало в этом году до 1,5—2 тонн и больше сданного хлеба, в то же время, как прежде не сдавалось и килограмма.

Но есть известная часть бедноты, производственная активность которой еще низка, что отталкивает некоторую часть середняков. Работой с беднотой в колхозе, приближением всей массы бедноты к вопросам управления коллективным производством, вовлечения ее в производственные совещания, в ударные бригады мы должны сделать всех бедняков-колхозников производственниками-активистами, энтузиастами нового коллективного труда.

И мы эту задачу выполним скорее и лучше, если крепче возьмемся за работу с беднотой. При чем, так как середняк-колхозник стал новой опорой советской власти в деревне, то будет целесообразным перейти на организацию при сельсоветах и потребительских кооперативах—колхозно-бедняцких групп, что явится одной из форм реализации решения XVI с'езда исходить во всей практической работе в деревне из опоры на колхозника.

Работа с беднотой — есть наш основной рычаг в борьбе с кулаком, в борьбе за руководство середняком, в борьбе за высокие темпы коллективизации, за сплошную коллективизацию.

О мерах, стимулирующих вовлечение в колхозы середняка.

В одном из документов, с ошибками «левацкого» порядка, дается такая оценка положения в деревне: «Главный недостаток, основная беда нашей партийной организации в деревне заключается в том, что мы не сумели еще сплотить, организовать наши классовые силы и на этой основе укрепить союз с середняком для беспощадной борьбы с кулачеством». Между тем, известно, если бы не был закреплен союз с середняком, мы не имели того массового притока в колхозы, который был весной. Мы знаем, что середняк не только массой пошел в колхоз, но и массой остался в колхозе, особенно в районах сплошной коллективизации. Если бы мы не укрепили союза с середняком, мы не имели начала того нового могучего движения в колхозы и середняцких масс, который имеем теперь. Мы несомненно укрепили союз с середняком. Середняк-колхозник стал новой опорой советской власти в деревне.

Но когда мы ставим вопрос о вовлечении середняка в колхозы, мы должны позаботиться о создании благоприятной обстановки для этого вступления, позаботиться об устранении тех причин, которые, не нарушая союза с середняком, все же задерживают коллективизацию середняка, должны найти рычаги, способствующие ускоренной коллективизации широчайших середняцких масс.

Известно, что в районах сплошной коллективизации основным резервом для роста колхозов являются середняки. Большинство бедноты здесь уже вовлечено в колхозы. Но большим препятствием для вступления всей середняцкой массы в колхозы является то, что несмотря на превращение середняка-колхозника из союзника в нашу новую опору в деревне — в действительности середняк в отношениях к нему, как показывают материалы наших бригад, во многих местах еще мало чувствует или местами почти не чувствует этой перемены.

Важные хозяйственно-политические вопросы редко обсуждаются на совместных собраниях колхозников. При распределении дефицитных промтоваров чаще всего господствует принцип распределения по нуждаемости. В первый, второй и третий раз получаемые колхозами промышленные товары очень часто распределяются только по нуждаемости, середняк обходится. Однако, в интересах дальнейшего роста коллективизации, в интересах роста производительности колхозного труда необходимо в распределении промтоваров придерживаться, как правилу, принципа распределения по трудодням.

При выдвижении на курсы и в школы середняки обходятся или посылаются в самую последнюю очередь На середняков во многих местах в колхозах смотрят, как на отщепенцев, подозрительно к ним относятся. Хозяйственный опыт середняка в колхозах в большинстве случаев используется явно недостаточно. Правда, есть отдельные районы, где хозяйственный опыт середняка в колхозах используется довольно широко, большинство полеводов — середняки, значительная часть бригадиров — середняки. Но такие районы пока в небольшом меньшинстве. Даже наша печать чрезвычайно слабо пропагандирует лозунг, что середняк-колхозник является теперь нашей новой опорой. Последовательное проведение этого лозунга, установление взаимоотношений с середняком-колхозником как с нашей новой опорой в деревне — есть не только могучий стимул для поголовной коллективизации бедняцко-середняцких масс уже в данных районах сплошной коллективизации, но и большой стимул для коллективизации середняка в районах, которые нынешней зимой станут районами сплошной коллективизации.

Второе, на что мы должны теперь обратить сугубое внимание, это — необходимость преодоления частых попыток местных работников помешать вступлению середняка в колхозы. Во многих местах сильны настроения бедноты против середняка. Так, например, на Нижней Волге т. Плукс передает, что в Ново-Анненском районе есть тенденция закрыть середнякам доступ в колхозы. «У бедноты в некоторых колхозах существует такая тенденция, что середняка надо бить. У некоторой части бедняков есть такая тенденция потому, что середняк, мол, был в колхозе, но вышел весной, что он колебался, что он был в числе противников колхоза во время сева, а теперь, мол, опять идет в колхоз, может быть, опять колебнется». У части бедноты проскальзывают такие узко-групповые настроения, которые передаются и некоторым местным работникам. Эти настроения надо преодолевать.

Весенний отлив из колхозов 1930 г. об'яснялся тем, что многие партийные организации отступили от ленинских методов коллективизации, нарушили принцип добровольности, пробовали перескочить через основную форму коллективизации на данном этапе — артель, прямо к коммуне, допустили широкую практику антисередняцких перегибов. Теперь середняк идет в колхозы добровольно, сознательно, убежденный на практике теми крупными достижениями, которые колхозы имели уже в первый год сплошной коллективизации.

И если мы повсюду будем твердо придерживаться ленинских методов вовлечения в колхозы середняка, если мы повсюду установим правильные взаимоотношения с середняком-колхозником, будем относиться к нему как к нашей новой опоре в деревне, — то мы всю середняцкую массу, вновь влившуюся в колхозы закрепим и не только значительно, но даже сколько-нибудь заметного отлива, избежим.

Надо не только препятствовать вступлению в колхозы середняка, но, наоборот, развивать широчайшую массовую организаторскую работу в деревне, для того, чтобы стимулировать движение в колхозы гигантских пластов середняка.

Вовлечение в колхозы середняка мы должны сочетать с самой решительной борьбой с кулачеством. Случаи же прямого преграждения доступа середняку в колхоз мы имеем часто там, где одновременно с этим на селе не ведется настоящей борьбы с кулаком. Таким отношением к середняку мы там еще больше усиливаем позиции кулака.

Надо решительно бить по возрождающимся кое-где таким настроениям «левых» загибов.

(Окончание следует).

И. Марков.

Мировой аграрный кризис и социалистическая реконструкция с. х в СССР.

I.

Мировой экономический кризис, начавшийся свыше года назад, продолжает все более углубляться и расширяться. Ныне не существует больше ни одной страны в капиталистическом мире, так же как не существует больше ни одной отрасли производства, которые не были бы вовлечены в водоворот кризиса. Характерной чертой современного кризиса является именно его мировой охват, его всеобщность. На XVI с'езде партии тов. Сталин со всей четкостью и определенностью подчеркнул, что

> «нынешний кризис является первым после войны мировым экономическим кризисом. Он является мировым кризисом не только в том смысле, что охватывает все или почти все промышленные страны мира... Он является мировым кризисом еще в том смысле, что кризис промышленный совпал по времени с кризисом сельскохозяйственным, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия в основных аграрных странах мира».

В данной статье мы имеем в виду остановиться лишь на вопросах мирового аграрного кризиса, который протекает одновременно с невиданной в мире по темпам и неслыханной до сих пор по масштабам социалистической реконструкцией с. х. в СССР. Последние два года являются в этом отношении переломным периодом.

> «Он (этот период.—**И. М.**) был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического под'ема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас, в СССР растущий под'ем социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, растущий кризис экономики и в промышленности и в сельском хозяйстве». (Сталин).

Такое противоречие и антагонистическое движение и развитие двух различных систем не могло также не отразиться на мировом сельском хозяйстве. Борьба капиталистической и социалистической систем, характерная для всего послеоктябрьского периода, сильно обострилась также и в сельском хозяйстве. Эта борьба является неразрывной частью общего состязания капитализма и социализма.

1930 год впервые наглядно подвел итоги параллельному развитию враждебных друг другу систем в сельском хозяйстве. Капиталистическое с. х., не вылезающее во все послевоенное время из трясины то усиливающегося, то ослабевающего аграрного кризиса, характеризовалось в последние годы огромным перепроизводством с.-х. продуктов, непрерывным ростом запасов, бешеным падением цен, усилением задолженности с. х., закабалением и разорением огромнейшего количества бедноты и середнячества из фермеров и крестьян. С особой тяжестью аграрный кризис обрушился на сельское хозяйство колониальных и полуколониальных стран.

В то же время в СССР, с его социалистической системой хозяйства, имели место: рост производства с.-х. продукции, рост совхозов и крупного коллективного земледелия, настойчивое проведение социальной и технической реконструкции, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и выкорчевывание корней капитализма в с. х., улучшение положения и поднятие жизненного уровня крестьянских масс и форсированное внедрение новейших достижений техники и агрономии в советское сельское хозяйство.

Чтобы ясно представить себе разницу в развитии капиталистического с. х. и советского, достаточно сопоставить те общие условия, в которые поставлены обе сельскохозяйственные системы. Капиталистичекое с. х. ныне развертывается в условиях жесточайшего мирового экономического кризиса при общем усилении элементов загнивания капитализма и нарастающем всеобщем кризисе системы, составной частью которой является аграрный кризис, подтачивающий корни капиталистического сельского хозяйства.

В СССР сельское хозяйство развивается на иной экономической и политической базе, на основе непрерывного нарастания высоких темпов индустриализации страны, при наличии расчищенных путей для победоносного продвижения «нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию» (Сталин), благодаря уничтожению победившим пролетариатом всех пут, обычно препятствующих развитию с.-х. в капиталистических странах, как-то: частной собственности на землю, ренты, аренды и т. д. Быстрое продвижение вперед и под'ем сельского хозяйства в СССР и было возможно только на основе победы социалистического пути развития деревни, несмотря и вопреки «предвидению» и «планам» правых оппортунистов, «левых» троцкистских фразеров, которых партия отмела со своего генерального пути.

Разумеется, современное сельское хозяйство СССР не представляет еще вполне законченной социалистической системы. Однако, по темпам развертывания процесса реконструкции, по той роли, которую советские и коллективные хозяйства уже теперь играют в общем балансе производства, после того исторического перелома, когда основные массы крестьянства повернули к социализму, — сельское хозяйство встало твердо на социалистический путь развития и по этому пути пойдет до конца. Дальнейшее освещение вопроса целиком подтвердит, что даже при современном развитии совхозов и колхозов, когда колхозы охватывают, примерно, около одной четверти крестьянских хозяйств, социалистический сектор сельского хозяйства уже имеет решающее значение и играет руководящую роль в сельском хозяйстве СССР.

И если социалистическое сельское хозяйство могло и может в своем поступательном движении опираться на быстрое развитие индустрии, на непрерывный рост спроса со стороны промышленности и на гигантское возрастание потребления многомиллионных масс трудящихся, то для послевоенного капиталистического сельского хозяйства возможности значительного возрастания спроса на с.-х. продукты совершенно исключены, в виду сильного обнищания масс, большой безработицы и тяжелого положения крестьянства. Капиталистическая и социалистическая системы в области с. х. движутся в совершенно противоположных направлениях: первая — вниз, вторая — вверх; первая — к закату, вторая — к победе; первая — к исчезновению, вторая — к всемирному распространению. Таково об'ективное положение соревнующихся двух систем сельского хозяйства всех стран мира.

Общее состояние капиталистического и советского с. х. за последние годы характеризуется следующими данными.

Показатели мирового сельского хозяйства (1913=100).

Культуры	Посевные площад.			Валовой сбор		
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1928 г.	1929 г	1930 г.
Пшеница						
Все страны (без СССР)	121	121	118	127	109	126
Европа (без СССР)	98	96	97	103	104	95
СССР	110	109	113	107	92	143
Рожь						
Все страны[1]	96	100	98	94	93	93
Европа[1]	89	94	91	91	91	90
СССР	108	109	116	105	108	126
Ячмень						
Все страны	115	121	117	121	120	113
Европа	102	107	99	105	115	95
СССР	70	77	71	63	80	78
Овес						
Все страны	103	102	104	110	103	104
Европа	90	91	85	97	105	85
СССР	103	113	107	122	117	117
Кукуруза						
Все страны	103	102	98	101	105	79
Европа	108	114	108	64	119	70
СССР	340	268	297	246	225	340
Хлопок						
Все страны	127	126	123	114	114	112,3
СССР	145	161	246	130	141	215
Лен						
Все страны	113	106	96	94	102	95
СССР	104	125	139	63	68	80
Сахарная свекла						
Все страны	128	126	133	120	114	118
Европа	126	122	127	111	107	106
СССР	125	125	168	102	63	160

Из таблицы видно, что в капиталистических странах имеет место замедленный рост с.-х. производства по всем культурам и, наоборот, СССР проявляет тенденции огромного роста во всех отраслях сельского хозяйства. Затруднения имеются только в отношении животноводства, но развернутая борьба за развитие животноводческих совхозов и колхозов должна будет в ближайшие два года привести к полному изжитию этих затруднений и энергичному под'ему животноводства вверх. К этому надо добавить, что в 1931 году намечено расширение посевных площадей в СССР на 15 млн. га, что посевные площади под хлопок будут превышать в 3 раза довоенный уровень, а сахарной свеклы в 2 раза и т. д. На ряду со всем этим в капиталистических странах под ударами аграрного кризиса неизбежно последует известное сокращение посевных площадей. Отсюда ясно, насколько различны пути, противоположны перспективы развития капиталистической и социалистической систем сельского хозяйства.

---

[1] В дальнейших пунктах «все страны» и «Европа» данные приводятся также без СССР

II.

Мировой аграрный кризис в последние два года дает особенно резкое обострение, с одной стороны, под влиянием возросших внутренних противоречий сельского хозяйства, с другой же стороны, под давлением разразившегося мирового экономического кризиса. Современный кризис в сельском хозяйстве, как и в промышленности, является всеобщим, несмотря на неравномерность его развития в отдельных странах и отдельных отраслях сельскохозяйственного производства.

Аграрный кризис по-разному в отношении формы проявления и неравномерно в смысле глубины проникновения протекает в различных странах капиталистического мира. В странах производящих, главным образом заокеанских — Канада, САСШ, Аргентина и Австралия — аграрный кризис проявляется в огромном перепроизводстве с.-х. продукции, бешеном падении цен и разорении маломощного фермерства, вытесняемого более крупным и технически более развитым производством. В потребляющих странах Европы — Англии, Франции, Италии, отчасти — Германии, Бельгии, Чехо-Словакии и др. — аграрный кризис принимает несколько иную форму. В этих странах, являющихся главными потребителями мирового рынка с.-х. продуктов, и собственное производство которых является недостаточным для удовлетворения спроса промышленного населения, — аграрный кризис является отраженным явлением, благодаря падению цен в странах вывозящих. Высокая земельная рента, большая задолженность с. х., непрерывный рост налогов, раздробленность землевладения и преобладание мелкого производства обуславливают наличие более высоких издержек производства неспособных выдержать конкуренцию заокеанских стран с более передовым и технически более развитым сельским хозяйством.

Особенно остро аграрный кризис проявляется в капиталистически отсталых странах Европы, в сельском хозяйстве которых преобладают еще значительные остатки феодализма: в Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Польше, лимитрофах и др.

Положение этих стран тем более осложняется, что они не являются самостоятельными и независимыми в своей хозяйственной политике, а лишь аграрным придатком крупнейших промышленных стран Европы, и в первую очередь Франции. Будучи привязаны железной цепью задолженности к финансовому капиталу стран-кредиторов, волю которого они должны беспрекословно исполнять, они вместе с тем выполняют также особую служебную роль — служить защитой для западной «цивилизации» от «вредного» влияния большевизма, что лишь углубляет аграрный кризис в этих странах. Поскольку они являются технически отсталыми и на мировом рынке совершенно не конкурентоспособными, они не могут ни расширять внутренний спрос в виду слабого промышленного развития, ни увеличивать сбыт на внешних рынках, так как их побивают более конкурентоспособные заокеанские страны.

В колониях и полуколониях: Индия, Китай, Персия и др., где гнет империализма особенно силен, а пережитки феодализма особенно велики, аграрный кризис принимает форму прямой деградации сельского хозяйства. Несмотря на то, что в Индии и Китае, в буквальном смысле слова, голодают десятки миллионов людей, сельское хозяйство этих стран не проявляет никаких признаков развития или даже простого роста продукции. Аграрный кризис в этих странах выражается в застое, регрессе и деградации с. х.

И, наконец, в странах монокультуры: Египет, Бразилия, Куба и др., специализировавшихся на поставках определенных видов сырья или предметов потребления: хлопок, кофе, сахар, и являющихся лишь «хинтерландом», аграрным придатком для промышленных стран, аграрный кризис принял форму колоссального перепроизводства продукции, катастрофического падения цен и безжалостного разорения мелких производителей. В этих странах влияние общего экономического кризиса особенно тесно переплелось с аграрным кризисом и поэтому получило такую резкую форму проявления, что производители, в целях стабилизации цен, вынуждены прибегнуть к прямому физическому уничтожению огромных запасов продукции.

Несмотря на различия в формах проявления аграрного кризиса в различных странах, можно все же отметить и ряд общих черт. В первую очередь это выразилось в росте запасов и падении цен. Так, например, запасы возросли за первую половину 1930 г. в сравнении с 1929 г.:

Пшеница (в САСШ и Канаде) . . . . на	10%
Хлопок (мировые видимые запасы) . . . . „	83 „
Шелк-сырец (Япония) . . . . „	262 „
Каучук (САСШ, Великобритания, Сингапур, Малакка,— плавающие запасы) . . . . „	52 „
Сахар (мировые видимые запасы) . . . . „	14 „
Кофе (Бразилия, САСШ и Европа) . . . . „	99 „

Что касается уровня мировых цен на с.-х. товары, то падение их уже давно наметилось во всех странах и на всех рынках, но только в последнее время, благодаря углублению мирового кризиса, падение цен особенно резко усилилось. Падение цен в некоторых случаях носило прямо катастрофический характер, в особенности в странах монокультуры и специализированных районах, например, падение цен на пшеницу, рожь, хлопок, кофе и др., и ничего удивительного нет в том, что в настоящее время уровень цен по основным предметам сельскохозяйственного производства даже значительно ниже довоенного.

Падение цен на главные сельскохозяйственные продукты.

Продукты	Конец 1913 г.	Конец 1925 г.	Начало августа 1930 г.
Пшеница, Чикаго (в центах за бушель)	88,75	186,50	91,63
Сахар, Нью-Йорк (в центах за англ. фунт)	3,20	2,37	1,15
Хлопок, „ „	12,60	20,70	12,85
Кофе, Гамбург (в пфеннигах за 1 кг)	100	182	71,5
Каучук, Лондон (в пенсах за англ. фунт)	37,5	45,5	5,06

Но самый факт снижения цен еще не говорит о действительном ухудшении положения с. х., ибо если снижение цен проявляется равномерно во всех отраслях производства, то меняется лишь номинальное выражение цен, но не их реальная величина, т.-е. покупательная способность «крестьянского рубля» (или, как в Америке говорят, «фермерского доллара») может не меняться. Но в том-то все и дело, что внедрение финансового капитала в с. х. не только обостряет действие аграрного кризиса, но содействует также переложению его тяжести с промышленности на сельское хозяйство, а в самом с. х. — с тяжелых и крепких плеч крупных аграриев на слабые и шаткие спины маломощных крестьянских и фермерских хозяйств. Это обусловило в первую очередь существование товарных ножниц. Так, например, в САСШ и Германии имеет место такое соотношение цен на с.-х. и промтовары.

Соотношение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

(VIII/1909 г.—VII/1914 г. = 100) в САСШ и Германии (1913 г = 100).

Дата	I индекс цен на отчуждение с.-х. продуктов	II индекс цен на приобретение ферм рских товаров	Отношение I индекса ко II-му	III индекс цен на с.-х.	IV индекс цен на готовые пром товары	Отношение III индекса к IV-му
1920 г.	205	206	99	—	—	—
1925 г.	147	159	92	133,0	156,7	84,9
1929 г.	138	155	89	130,2	157,4	84,7
1930 г.						
Январь	134	153	88	121,8	156,0	78,1
Июль	123	151	81	Среднее за 8 мес. 1930 г.—74,4		

Эти «ножницы» теперь существуют уже везде, и ныне в Австралии индекс промышленных и с.-х. цен составлял (при чем в 1917—1930 гг. они еще больше раздвигаются):

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Промышленный индекс .	178,8	184,9	188,1	190,4	192,1
Сел.-хоз. индекс	138,2	148,1	131,0	148,6	164,9

«Ножницы» сильно раздвинулись также и в Канаде в 1930 г., например, промышленный индекс равнялся 85,9, а с.-х. индекс — 76,0. Особенно резкий раздвиг дают «ножницы» в странах с отсталым с. х. Так, например, **«ножницы» в Польше составляли:**

	1927 г.	1929 г. (сент.)	1930 г. (сент.)
Промышленные товары .	112,2	115,4	103,1
Сел.-хоз. товары	130,5	107,0	85,1

Но «ножницы» означают не только уменьшение доходности фермера, а в свою очередь обусловливают расхождение между издержками производства и выручкой фермера. С одной стороны, фермер должен покупать машины, орудия производства, строительные материалы и др., по более высоким ценам, а с другой — цены на с.-х. продукты не на много выше довоенных, к тому же война и связанная с ней инфляция привели к разводнению капитала, к росту налогов, процентов на капитал и т. д. И, например, в САСШ в 1928/29 г., при превышении цен с.-х. продуктов на 28% против довоенного, рост цен по всем товарам, приобретаемым фермером, повысился на 65%. В результате себестоимость бушеля пшеницы в САСШ в 1929 г. составляла 124 цента, а в 1930 г. лучшие сорта пшеницы в Чикаго в сентябре продавались по 72 — 75 центов за бушель. То же и в Австралии: при падении местной цены до 78 центов за бушель издержки производства в Новом Южном Уэльсе составляют 107 центов.

Такая же картина сильного расхождения между издержками производства и выручкой от с.-х. продукции выявилась почти во всех других странах и в первую очередь в Германии. Член рейхстага Альберт-Штольберг-Вернигродэ указывает, что основа разорения сельского хозяйства — это расхождение между издержками производства и выручаемыми ценами.

Индекс составлял:

Годы	Издержки производства	Вырученные цены по с.-х. продукции
1924/25	136	121
1925/26	143	114
1926/27	146	132
1928/29	152	132

В издержках производства налоги и долги играют исключительно важную роль. Все это увеличилось за послевоенные годы в Германии и это обусловило тот факт, что цены на с.-х. продукты стояли ниже промышленных, а раствор «ножниц» все раздвигался. Сильно возросли также транспортные расходы, накладные расходы обращения и др. Только индекс минерального удобрения (благодаря огромным успехам химии в получении фиксированного азота) стоит ниже индекса с.-х. цен.

Аналогичную картину представляет также Франция. В то время как зерновой индекс во Франции в 1929 г., по сравнению с 1913 г., повысился до 533, т.-е. немногим больше, чем в 5 раз, общий оптовый индекс в это время составлял 612. В то же время сильно повысились издержки производства в с. х.: средние издержки по обработке 1 гектара пшеницы увеличились за этот период с 614 до 4.200 франков, т.-е. увеличились больше чем в 7 раз, а транспортные — с 13,25 фр. за перевозку 1 тонны зерна (на расстоянии в 500 километров) — до 133 франков, т.-е. в 10 раз.

«Ножницы» и падение цен приводят к росту задолженности с. х. и к увеличению арендаторства.

Задолженность фермерства САСШ исчислялась Уорреном для 1927 г. в 12 — 15 миллиардов долларов и теперь выражается не меньше чем в 13 — 18 млрд. долларов. В Германии задолженность с. х. также сильно повысилась и составляла (в миллионах марок):

Виды кредитов	1925—XII	1929—VI
Ипотечная задолженность .	1.011,3	3.890,8
Кредиты на средн. сроки .	25,8	319,6
Краткосрочные кредиты . .	2.186.1	3.143,5
	3.223,2	**7.353,9**

В странах Юго-восточной Европы, где аграрный кризис является еще более разорительным, задолженность особенно быстро растет. В Румынии средняя задолженность на 1 га крестьянской земли равна 4.500 лей, когда продажная цена 1 га земли определяется максимум в 6 тыс. лей и, например, в Буковине и Бессарабии задолженность на 1 га доходит до 27 — 30 тыс. лей, т.-е. в 4-5 раз превышает цену самой земли. Задолженность хорватского крестьянства в Югославии равна трем пятым стоимости всего его имущества и значительно превышает рыночную цену земли.

Аграрный кризис не одинаково отражается на различных слоях крестьянства. Крестьянство (а также и фермерство) социально не однородно: на ряду с беднотой и середняками существуют кулацкие и капиталистические с.-х. предприятия. И в то время как крупное производство, благодаря введению новой техники, может добиться известного сокращения издержек производства и тем самым легче приспособиться к падающим ценам, — мелкое и среднее крестьянство лишены этих возможностей и поэтому им, главным образом, и приходится выносить на своих плечах всю тяжесть аграрного кризиса. Так, например, в Канаде стоимость 1 бушеля пшеницы в крупном механизированном хозяйстве стоит 50 центов, а в мелком — 1 доллар (100 центов), цена же на мировом рынке теперь не превышает 75 центов.

В конце концов для маломощного фермера становится совершенно невозможным дальнейшее продолжение процесса производства, и его ферма продается с торгов или он ее бросает и бежит, «куда глаза глядят». Рост банкротств в САСШ с 1911 по 1926 г. увеличился в 10 раз. До войны на каждые 1.000 ферм приходилось около 3 банкротств, а после войны — 23. То же имеет место в Германии.

Продажа с торгов земельных участков (в Германии)

	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Число хозяйств .	5	84	336	868	1,059	1.373	2.452
Их площадь (в тысячах га) . . .	0,009	1,52	6,44	29,69	31,97	43,54	103,85

С другой стороны, это проявляется также в уменьшении с.-х. населения. Так, например, за 10 лет аграрного кризиса сельскохозяйственное население САСШ уменьшилось почти на 5 млн. человек, в Германии с 1910 по 1925 гг. с.-х. население абсолютно уменьшилось на 0,5 млн. человек, в то время как городское население выросло за это время на 2,5 млн. чел. Но это же имеет место в других странах. Так, например, в Канаде, где, по уверению буржуазных «теоретиков», нет аграрного кризиса, — с.-х. население, составлявшее в 1891 г. 68% всего населения, в 1925 г. составляло около 50%. Чаще всего бывает, что разоренным и обнищавшим крестьянам податься некуда, и они вынуждены «оставаться» в деревне (например, в Польше, где промышленность замерла, в деревне насчитывается около 3 млн. «лишних» рук).

Банкротство, разорения крестьян, уход в города, переход на арендаторство — эти явления развертываются везде, где существует капиталистическое сельское хозяйство. Эти факты можно в изобилии также найти в современной Франции, Италии, Англии и др. странах.

Если сопоставить с этой картиной кризиса и разорения с. х. во всех странах капиталистического мира развитие с. х. в СССР и разрешение проблемы превращения мелкого и мельчайшего с. х. в крупное и коллективное — то перед нами вырисовывается совершенно другая картина. Политика нашей партии все время была направлена на поддержку бедняцкого и середняцкого хозяйства, на оказание им необходимой кредитной, семенной и технической помощи, а не на разорение и уничтожение мелких производителей, как это имеет место в капиталистических странах. В этом отношении партия и советская власть лишь действовали в духе Маркса и Ленина и делали

> «все возможное, чтобы ему (крестьянину.—И. М.) было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится» (Энгельс, «Крестьянский вопрос»).

И только благодаря такой 13-летней работе в деревне и осуществлению правильной ленинской линии партии удалось, с одной стороны, оказать необходимую поддержку бедноте и середнякам по укреплению их хозяйств, с другой — подготовить переход к коллективным формам сельского хозяйства через производственную смычку формы насаждения новой техники и т. д.

> «Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в новой технике, она правильно учла безысходность положения крестьянства при старых формах обработки земли и, учтя все это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов». (Сталин, «Год великого перелома», стр. 17).

Вместо обнищания, разорения и закабаления крестьянства при капитализме, сплошная коллективизация в СССР при ликвидации кулачества как класса выбывает самую основу из-под ног капитализма в сельском хозяйстве. Мы видим, таким образом, что только социалистический путь развития способен освободить с.-х. производителей от гнета капитализма и обеспечить сельскому хозяйству более высокие (коллективные) формы дальнейшего развития.

И если опять-таки сопоставить с ужасающей картиной беспросветной нужды, нищеты, пауперизации и разорения, в которое ввержено аграрным кризисом сельское хозяйство капиталистических стран и в особенности маломощное крестьянское и фермерское хозяйство, рост с.-х. продукции в СССР на новой социальной и технической базе, его освобождение от тяжелых цепей финансового капитала, — то разве самый факт под'ема и успешного развития по социалистическому пути сельского хозяйства в СССР не способен завоевать на сторону социализма симпатии и сочувствие со стороны многомиллионных масс бедняцкого и середняцкого крестьянства? Бессилие врагов советской власти, неспособных ничем предотвратить растущие симпатии крестьянских масс к Советскому союзу и к социалистической системе в с. х., выражается в их бешеной злобе против Советского союза и в измышлениях о якобы «новых методах агитации» Советского союза. Приходится только удивляться тем глупейшим измышлениям газет, которыми ныне питают своих читателей не только какие-нибудь рижские корреспонденты, но такие влиятельные газеты, как лондонский «Таймс», когда в передовой от 7 октября он пишет:

> «Г. Маджару (румынский министр торговли) не сомневается, что русский демпинг рассчитан на то, чтобы подкрепить кампанию пропаганды, которая ведется особенно усиленно в сопредельных с Россией странах. Советское правительство, контролирующее свой экспорт и импорт, не упускает ни одного случая, чтобы поддержать аграрные волнения. Оно выбирает момент, когда тот или иной местный рынок особенно уязвим, и выбрасывает туда большие количества дешевого зерна, произведенного принудительным трудом».

Разумеется, дело вовсе не в пропаганде «демпингом», как измышляют про СССР враги советской власти, а в жизненности и преимуществах советской системы, которая сама за себя прекрасно агитирует. Простое сопоставление современного ада для крестьянства в капиталистических странах с советской системой с. х., которая по самой своей сущности никак и никогда не может привести к явлениям аграрного кризиса, лучше всего убеждает трудовое крестьянство в том, на чьей стороне преимущество. Советской системе не нужно за себя пропагандировать — самым фактом своего существования, роста и успешного развития она говорит за себя убедительнее всяких доводов. И, пожалуй, если уже говорить о пропаганде, то самым красноречивым и самым опасным для капитализма агитатором против капиталистической системы сельского хозяйства теперь является... мировой аграрный кризис, еще резче оттеняющий социалистический под'ем с. х. в СССР.

III.

Анализ аграрного кризиса в капиталистических странах в сопоставлении с социалистической реконструкцией сельского хозяйства в СССР показывает, как глубоко противоположны пути развития соревнующихся с.-х. систем.

Характерным для послевоенного развития капиталистического с. х. является существование аграрного кризиса, его непрерывное развертывание и углубление со всеми вытекающими из него противоречиями. На ряду с этим мы наблюдаем непрерывный рост, под'ем и развитие с. х. в СССР на основе его социальной и технической реконструкции.

Невольно при этом встает вопрос: что же аграрный кризис — переходящее для капитализма явление или длительное и затяжное? И, наоборот, в отношении Советского союза, который дает непрерывный рост количественных и качественных показателей, совершенно законно возникает другой вопрос—является ли этот рост временным и случайным, или это необходимое следствие укрепления и роста социалистического сектора в с. х., следствие—которое будет в дальнейшем все время нарастать еще больше, еще быстрее, по мере внедрения и осуществления социализма в земледелии. Нечего и говорить, что оба эти вопроса тесно между собою переплетаются и ответ на них должен осветить перспективы дальнейшей борьбы антагонистических систем в сельском хозяйстве.

Анализ послевоенного развития мирового с. х. показывает: 1) современный аграрный кризис не похож на кризис 1876—96 гг., когда капитализму рядом принятых мер удалось его преодолеть; 2) во всех своих мероприятиях по борьбе с современным аграрным кризисом капитализм неизменно терпит банкротство; 3) послевоенный аграрный кризис—явление хроническое и длительное, и он является неот'емлемой частью капиталистической системы хозяйства, как 4) непрерывный рост производства, повышение количественных и качественных показателей для социалистической системы хозяйства СССР.

Во-первых, послевоенный аграрный кризис отличается от кризиса 80 — 90 гг. тем, что он является *всеобщим*, в то время, как тот был лишь *европейским* и, главным образом, *зерновым*. Современный аграрный кризис охватил все решающие отрасли с.-х. производства: зерновых, технических, животноводческих и колониальных культур, а также — и все страны мира. Хотя аграрный кризис распространяется неравномерно в различных странах капиталистического мира, точно так же, как глубина и острота его проявляются в разных странах в не одинаковой степени, однако, *ныне не существует больше ни одной страны в капиталистическом мире, которая не была бы охвачена аграрным кризисом.*

Во-вторых, аграрный кризис конца XIX века развивался тогда, когда капитализм еще был на под'еме и когда он сумел, благодаря некоторому улучшению техники, интенсификации с. х. сократить издержки производства, когда благодаря введению аграрных пошлин удалось отдельным странам на время забаррикадироваться от иностранного ввоза. Главное же, что, благодаря возраставшей части переменного капитала в общем росте промышленного производства, капитализму удалось расширить спрос, а соответственно и сбыт, с.-х. продукции, что вместе с тем и содействовало преодолению аграрного кризиса 1876—96 гг. Современный же аграрный кризис развертывается в условиях всеобщего кризиса капиталистической системы, когда все перечисленные мероприятия, будучи проведены на практике, лишь углубляют противоречия, а не преодолевают и не разрешают их.

В-третьих, тогда промышленный капитал был «занят», главным образом, непосредственно в промышленности и на с. х. еще обращал очень мало внимания. В послевоенный же период финансовый капитал успел уже «стать твердой ногой» в с. х. и внедриться во все его поры. Значительная доля прибылей послевоенного финансового капитала (в особенности банкового капитала) составляется именно от грабежа крестьянства и фермерства. Через систему банкового кредита, через сеть элеваторов и зернохранилищ, через биржу, тресты и железнодорожные кампании финансовый капитал безжалостно грабит, обирает и разоряет мелкого производителя. И поскольку большим препятствием для проникновения банкового капитала в широких размерах в сельское хозяйство является именно мелкое, распыленное и раздробленное с.-х. производство, затрудняющее контроль и ограничивающее размеры вложений, финансовый капитал выживает мелкого производителя и путем замещения его крупно-капиталистическим производством старается уничтожить самую мелко-индивидуалистическую систему крестьянского хозяйства, что еще больше обостряет аграрный кризис.

И, наконец, *в-четвертых*, и это самое решающее отличие: тогда мировая хозяйственная система была еще капиталистически однородна, и на этой основе капиталисты сумели мобилизовать достаточно внутренних сил для преодоления аграрного кризиса. Теперь мировое хозяйство, в том числе и мировое с. х., расколото на две непримиримые и враждебные системы. Усиление, социалистической системы с. х. в СССР, которая по своим социальным отношениям, темпу и формам развития является живым отрицанием дальнейшей жизнеспособности капиталистического с. х., самым фактом своего существования усиливает противоречие аграрного кризиса. Выход же социалистического с. х. со своей продукцией на мировой рынок и усиление его потенциальных возможностей превращает аграрный кризис в зияющую рану капитализма.

Было бы не верно думать, что капитализм недостаточно энергично борется с аграрным кризисом, хотя все принятые им до сих пор меры не увенчались и по об'ективным условиям развития послевоенного капитализма не могут увенчаться успехом. Из принятых до сих пор мер по борьбе с аграрным кризисом известны: а) меры по снижению издержек производства для облегчения сбыта, б) меры борьбы с падающими ценами путем организации пулов, монополистических организаций по сбыту, контингентирование сбыта и т. д., в) усиление аграрного протекционизма: повышение пошлин, премиальное поощрение экспорта, установление твердых процентов помола местного зерна и т. д. и г) меры для сокращения количества выпускаемой продукции: различные схемы рестрикции, искусственное ограничение производства, физическое уничтожение запасов и т. д.

Снижение издержек производства является делом, безусловно, возможным, и на первых порах оно проводилось с достаточной активностью. Этим об'ясняется рост механизации (применение тракторов, комбайнов), стандартизации и рационализации производства в достаточно широких размерах в с. х. заокеанских стран и в несколько более ограниченных размерах в европейских странах. Поскольку, с другой стороны, это обусловило рост продукции, то — при ограниченном развитии мировых рынков после войны, при судорожном движении сжатия и расширения промышленности, при непрерывном возрастании безработицы, при незначительных темпах роста и при разорении маломощных крестьянских хозяйств — это означало лишь дальнейшее углубление аграрного кризиса. Вот почему в последнее время введение новой техники в ряде стран замедлилось, что является наиболее ярким доказательством «загнивания» капиталистического сельского хозяйства. Так, например, продажа с.-х. орудий и машин в Западной Канаде сократилась в 1930 году на 40% по сравнению с 1929 годом, а в таких странах с деградирующим с. х., как Польша, импорт с.-х. машин сократился даже на 72%. Разумеется, сокращение применения машин в с. х. вызвано в данное время углублением кризиса, но этот факт чрезвычайно симптоматичный.

В ряде мер по борьбе за повышение цен являются централизация сбыта и организация об'единений типа канадского пшеничного пула. Но эти организации на практике совершенно бессильны бороться с последствиями аграрного кризиса. Канадский пул не только не в состоянии регулировать цены, но благодаря углублению мирового кризиса и росту запасов он сам стоит под угрозой финансового банкротства. О его положении можно судить по следующим данным: рост видимых запасов пшеницы в Канаде, где пшеничный пул контролирует до 80% экспорта, по приблизительным расчетам составлял (к началу хлебных кампаний за период 1925/26—1930/31 гг. в млн. бушелей):

1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
26	36	51	78	104	112

Вследствие скопления больших запасов и катастрофического падения цен, канадский пул вынужден был снизить авансы фермерам под пшеницу урожая 1930 г. до 50 центов за бушель, что является самым низким размером авансов за все время существования пула.

Если канадский пшеничный пул оказался бессильным расширить сбыт и стабилизовать цены, то еще меньше шансов на успех имели австралийский пул и организация по сбыту в САСШ. (О беспомощности более мелких кооперативных и корпоративных организаций по сбыту с.-х. продукции не приходится даже говорить).

В САСШ организация помощи фермерам в деле борьбы с влиянием аграрного кризиса пошла по другому пути — по линии скупки хлеба на внутреннем рынке, искусственного сокращения предложения и соответственного взвинчивания цен. Однако, эти мероприятия на практике привели к полному провалу. Федеральное фермерское бюро (Ф. Ф. Б.) за время с июля 1929 г. по июль 1930 г. скупило у фермеров 70 млн. бушелей пшеницы по 1.15 — 1.25 центов за бушель, когда цены в настоящее время не превышают 70 — 80 центов. Это привело: 1) к росту запасов, которые составляли в 1925 г. 135 млн. бушелей, в 1927 г. — 137, в 1929 г. — 264 и в 1930г.—290 млн. бушелей и 2) к катастрофическому падению цен. Когда накопленные на складах Ф. Ф. Б. запасы были выброшены на рынок, в виду большого затоваривания и израсходования отпущенных правительством средств, то благодаря большому предложению сразу большой партии пшеницы рынок был еще больше дезорганизован, и цены начали падать еще быстрее обычного. Такая же картина получилась и в американском хлопководстве. Ф. Ф. Б. потерпело полнейшее банкротство во всех своих мероприятиях по борьбе с последствиями аграрного кризиса.

Аграрный протекционизм также является одной из важнейших мер капиталистов по борьбе с кризисом. Исторически аграрный протекционизм и возник, как результат борьбы с аграрным кризисом 1876—96 гг. Так, например, впервые пошлина на пшеницу была введена в Германии в 1879 г. после весьма продолжительного перерыва, и во Франции — в 1885 г. Но раз введенные аграрные пошлины не только не были в дальнейшем снижены, а непрерывно возрастали вплоть до мировой войны.

Послевоенные аграрные пошлины также являются результатом аграрного кризиса, но отличаются от довоенных тем, что, во-первых, они носят с самого начала их введения ярко выраженный запретительный характер и, во-вторых, они являются выражением резко усилившегося движения европейских стран к хозяйственной автаркии, к самоснабжению сельхозпродуктами. Однако, введение аграрных пошлин даже в таких неслыханных размерах, как это практикует Германия, когда пошлина на тонну пшеницы выр[illegible]кается в 250 марок при мировой цене в 175—185 марок, не только не о[illegible]табляет аграрного кризиса, но еще больше его обостряет. Ибо повышение п[illegible]шлин, помимо ограбления широких масс населения, вынужденных переплачива[illegible], на с'естные продукты, приводит к тому, что спрос огромных трудящихся [illegible]асс неизбежно должен сокращаться.

Наконец, последние мероприятия по предотвращению кризиса — э[illegible]о стремление к сокращению производства. Вот почему председатель Фарм[illegible] Борд (Ф. Ф. Б.) в САСШ не нашел ничего другого для облегчения положения фермеров, как посоветовать им сократить площадь под пшеницу в 1930 г. на 20%, вместо прежде рекомендованных им 10%, и под хлопком — на 10—15%. На деле посевплощадь была сокращена лишь на 2—3% и то сельхозпродукция (за исключением кукурузы, пострадавшей от неурожая) в виду непрерывной интенсификации производства не сократилась против прошлогодних размеров. Да и как добиться в капиталистическом обществе «сознательного» сокращения посевных площадей при наличии 6,3 млн. разрозненных хозяйств в САСШ или около 5 млн. в Германии, когда каждый стремится выиграть за счет другого и когда сами правительства своими мероприятиями по оказанию помощи фермерам и аграриям лишь провоцируют последних на дальнейшее расширение производства.

Из анализа несостоятельности всех мероприятий по борьбе с аграрным кризисом ясно одно, что капитализм бессилен его преодолеть. Но в том же направлении действуют и все другие противоречия послевоенного капитализма: непрерывный рост безработицы, слабые темпы развития промышленности, тяжелое положение угнетенных масс, колоний, разорение крестьянства и т. д., которые делают его хроническим и неизлечимым.

В современных условиях развития капитализма, когда до 80—85% населения мира поставлено в такие узкие рамки потребления, что они не в состоянии в какой-либо заметной степени быстро увеличить свою покупательную способность, между тем как условия капиталистической конкуренции толкают фермеров и крестьян на частичное улучшение и расширение производства, — аграрный кризис неизбежно становится затяжным и длительным. Вот почему перепроизводство и кризис в послевоенном капиталистическом сельском хозяйстве являются не преходящим явлением, а непреодолимым противоречием капиталистической системы. Послевоенный аграрный кризис является таким же хроническим явлением, как и хроническая депрессия в «старых» отраслях производства (угольной, судостроительной, текстильной и др.), или в странах «старого» капитализма (Англия). Пока мир находится под железной пятой империализма, аграрный кризис не может быть и не будет изжит.

IV.

Точно так же, как аграрный кризис является неот'емлемой частью послевоенного капиталистического сельского хозяйства, непрерывный рост с.-х. производства страны и нарастание темпов его развития на основе социалистической индустриализации являются характерной особенностью развития сельского хозяйства в СССР, ибо последнее располагает рядом таких преимуществ, которых лишена капиталистическая система с. х. Сюда должны быть у нас отнесены: а) преимущества, связанные с уничтожением частной собственности на землю, б) преимущества, связанные с ростом коллективизации и крупных советских хозяйств и в) преимущества, связанные с плановостью хозяйства и плановой организацией производства. При чем все эти преимущества покоятся на невиданных темпах роста промышленности и в особенности тяжелой, которые обеспечивают советскому с. х. необходимую техническую помощь и возможность снабжения тракторами, машинами, удобрениями и т. д. Внешним же выражением всех этих преимуществ являются сокращающиеся издержки производства, которых добивается и может добиться в исключительно больших размерах только СССР с его социалистической системой с. х., как никакая другая страна в мире.

Хотя нет еще достаточно точных расчетов народнохозяйственного эффекта от уничтожения частной собственности на землю и связанного с этим сокращения платежей по ренте и аренде, но по ряду косвенных показателей можно считать, что отсутствие земельной ренты сокращает издержки производства в СССР по меньшей мере на 20 — 25%. Если сопоставить издержки производства в САСШ, в Канаде и в СССР (только в коллективных хозяйствах), то получается, что рента в САСШ составляет в отношении других издержек производства на 1 гектар пшеницы около 30%, в Канаде — около 15%, а в СССР, разумеется, 0. Из этих весьма условных и весьма приближенных данных все же с достаточной убедительностью явствует, что рента в царской России, по меньшей мере, составляла около 25% издержек производства, в особенности если учесть большую земельную тесноту и высокие арендные ставки, ныне совершенно уничтоженные в СССР.

Преимущества, связанные с уничтожением частной собственности на землю, однако, не исчерпываются только фактом уничтожения ренты, но выражаются также и в том, что земля перестала быть предметом купли и продажи и, следовательно, процент затрачиваемых на покупку земли капиталов не фигурирует в издержках производства советского с. х. Точно так же совершенно исчезла прибыль арендатора из себестоимости продукции, поскольку аренда как социально-экономический фактор в СССР не существует.

Не менее важное значение имеет также рост советских и коллективных хозяйств. Удельный вес советских и коллективных хозяйств в зерновом производстве 1931 года составит около 50%. Это способствует: а) огромному сокращению непроизводительных издержек производства, поскольку это связано с уничтожением межей, чересполосицы и разбросанности земель, б) создает колоссальные возможности эффективного использования техники, рационализации труда и использования рабочей силы в условиях гигантских по размерам и мощности коллективных и советских хозяйств и в) впервые делает доступным использование достижений агрономии и передовой техники в широких масштабах и на огромных пространствах.

Дело в том, что современная техника: электрификация, механизация (трактор, комбайн), машинизация, полевой транспорт и др. по самой своей сущности несовместимы с мелким производством и частной собственностью на землю. В САСШ, в стране с самым механизированным сельским хозяйством среди других капиталистических стран мира, трактор в среднем используется лишь 25 дней в году и пользуются им не более $^1/_8$ всех фермерских хозяйств, в то время как для сплошной механической обработки всей современной площади в САСШ вполне достаточно наличного количества тракторов.

То же самое имеет место и в отношении использования тракторов и комбайна вообще. Минимум пахотной площади, необходимой для экономического использования самого мелкого трактора (по данным проф. Студенского) исчисляется в Америке в 50—75 га, что вместе с пастбищами и лугами составляет около 150—250 га всей земли. Между тем, в среднем на одну ферму приходится всей земли в САСШ около 60 га, а в Канаде — около 80 га, т.-е. в 2—3 раза меньше.

Что касается комбайна, то экономически более выгодным является использование комбайнов с максимальной широтой охвата. 16—20-футовый комбайн может быть наиболее эффективно использован лишь в фермах с размером площади всей земли от 1.200 до 2.000 га, между тем, как средняя площадь всей земли на ферму в районах САСШ, где особенно распространены комбайны, составляла в штатах: Канзас (1927 г.—12.782 комбайна)—106 га, Вашингтон (3.100 комбайна)—70 га, Небраска—(3.000 комбайнов)—132 га и т. д. Таким образом, для более эффективного использования комбайна в САСШ надо иметь площадь в 10 раз большую по сравнению с современной типичной фермой.

Нечего и говорить, что в Германии, где 75% всех хозяйств владеет лишь 17,6% всей годной земли и где около 3 млн. хозяйств владеет участками ниже 5 га, на которых вообще немыслимо никакое самостоятельное ведение хозяйства, что там поставлены самые узкие пределы для возможного распространения тракторов и комбайнов. Вот почему во всей Германии до самого последнего времени насчитывалось не больше 17.000 тракторов в сельском хозяйстве [1].

Что касается вопроса об использовании электричества в с. х., то — за исключением ограниченного его применения для целей переработки молочных продуктов, для огородничества и домашних услуг — оно вообще не доступно капиталистическому сельскому хозяйству в широких размерах полевого производства, в виду наличия таких препятствий, как частная собственность на землю, мелкое производство и т. д.

В СССР уже в 1930 г. нагрузка трактора в 3 — 4 раза превышала нагрузку трактора в САСШ, а комбайн — и того больше. Теперь в СССР ставятся широкие опыты по применению электричества в земледелии в широких размерах (электропахота) по использованию более мощных (Бобриковский комбинат) тракторов, по увеличению широты охвата комбайнов и т. д., что, несомненно, уже на данной, даже первоначальной еще стадии развития способствует значительному сокращению издержек производства.

На 1931 г. намечено к увеличению машинно-тракторных станций от 300 до 1.400, к введению в с. х. новых тракторов мощностью в 1.300.000 лошадиных сил, новых машин на 750 млн. рублей и минеральных удобрений около 2.500 тыс. тонн. Нечего и говорить, что гигантские масштабы производства в совхозах и колхозах СССР впервые в истории человечества открывают огромные перспективы для подлинной рационализации производства, для использования достижений науки в земледелии, для поднятия производительной силы труда в с. х. до таких размеров, о которых капитализм никогда и мечтать не смел. Достаточно, например, привести, что в 1913 г. намечено поднятие 8 млн. га новой земли под хлеба и что для этой цели будет брошено туда тракторов мощностью в 2 млн. лошадиных сил. Это даст возможность совхозам и колхозам через каких нибудь 2 — 3 года производить хлеб по таким низким ценам (т.-е. таким огромным сокращением издержек производства), с которыми не в состоянии будет сравниться ни одна страна и ни одно хозяйство капиталистического мира.

Кроме того, существование коллективных и советских хозяйств позволяет легче наладить производство определенного стандарта продукции, применять селекцию и отбор в самых широких размерах, выращивать ряд новых культур, и это обеспечивает СССР не только количественное превосходство, но и качественное.

Огромную роль в деле сокращения издержек производства и усиления преимуществ СССР играет непрерывное укрепление плана в с. х. До недавнего времени, пока в с. х. еще господствовала стихия мелкотоварного производства, плановое начало лишь частично охватывало с. х. СССР. Но ныне, по мере роста удельного веса коллективных и советских хозяйств в общем с. х. производстве страны, план начинает так же полно и всесторонне охватывать с. х., как и промышленность. Это облегчает провести грандиозный план специализации производства по районам и культурам, добиться самого эффективного и оптимального размещения с.-х. культур. План в с. х. также облегчает организованно проводить заготовку, уничтожить все ненужные звенья заготовительного аппарата, которые в виде различных торговых и комиссионных агентов в капиталистических странах на ⅓ «слизывают» доход фермера и крестьянина. Плановость производства и заготовок сопровождается также плановостью экспорта, что делает возможным заблаговременное выделение определенных районов для производства экспортной продукции и сокращение транспортных издержек в виду возможного планового размещения экспортных районов ближе к портам для вывоза за границу. Даже на данной ступени СССР может вывозить свой хлеб с меньшими транспортными издержками, чем САСШ и Аргентина.

---

[1] Нам уже на данной ступени приходится часто учиться у САСШ и Германии не только их опыту в использовании тех или иных технических усовершенствований в с. х., но главным образом, применению тех научных технических достижений которые по причинам существования капитализма там вообще не могут быть использованы как, напр., электропахота, автоплуг и др.

Все перечисленные преимущества социалистической системы с. х. показывают, что они не временного порядка, а длительного, и что по мере роста коллективизации, улучшения техники, внедрения планового начала в сельское хозяйство — будут возрастать еще больше и даже еще более ускоренными темпами.

V.

Сельское хозяйство СССР на социалистических путях развертывается в условиях капиталистического окружения и при обострении вражды капиталистических стран к СССР. Поскольку СССР вынужден поддерживать внешне-торговые связи с капиталистическими странами, поскольку СССР для выполнения намеченной программы социалистической индустриализации страны (пятилетка в четыре года) должен еще импортировать часть машинного оборудования из других стран и оплачивать этот ввоз своим экспортом, значительная часть которого состоит из с.-х. продуктов, — кампания против советского экспорта приобретает особенно важное значение.

Из сказанного выше ясно, что аграрный кризис вполне закономерно и неизбежно должен был разразиться в послевоенном с. х. и что он никакими мерами не мог быть предотвращен, как и сейчас не может быть преодолен. С другой стороны, также ясно, что с. х. в СССР должно неизбежно (и так же закономерно) развиваться и расти. Чем больше будет развиваться социалистическая система с. х., тем резче и отчетливее должны будут выступить преимущества сельского хозяйства СССР против капиталистического.

Успехи социалистического строительства в СССР будут поэтому иметь (и не могут не иметь) своим результатом как усиление впечатления и влияния на умы крестьянства капиталистических стран, где господствует аграрный кризис, так и обострение противоречий между СССР и капиталистическими странами по линии с.-х. производства. В этом факте, как в фокусе, отражаются все те антагонизмы, которые развертываются в мировом хозяйстве в целом, как результат непримиримой борьбы двух систем. Противоречия будут неизбежно возрастать и в дальнейшем, покуда не закончатся победой более передовой и прогрессивной системы — социалистической.

На фоне углубляющегося аграрного кризиса, роста запасов, падения цен и бессилия капиталистов преодолеть или приостановить действие стихийных сил капитализма, прорвавшихся теперь с особенной резкостью, — рост с. х. в СССР не может не вызвать бешеной злобы со стороны врагов советской власти. Вот чем об'ясняется новый взрыв бешенства, выразившийся в организации похода против советского экспорта («демпинговая кампания»), и в частности — против с.-х. экспорта. Совершенно очевидно, что дальнейшее заострение борьбы против нашего с.-х. экспорта не только не исключено, но несомненно будет иметь место также в будущем. И если даже нынешняя кампания против советского с.-х. экспорта будет разоблачена перед широкими массами, если даже она будет прекращена в виду ее явной несостоятельности и беспочвенности, общая борьба против советского экспорта не может совсем прекратиться и будет вестись: открыто или скрыто, нагло или завуалировано, в отдельных странах или в группе стран, но будет безусловно вестись упорно, непрерывно и систематически до тех пор, пока будет иметь место сосуществование двух враждебных друг другу систем.

В этом отношении чрезвычайно симптоматичными являются современные методы борьбы против советской системы вообще и в особенности против советского с.-х. экспорта. Во-первых, имеет место прямое государственное вмешательство, которое в последние годы стало обычным явлением на капиталистических рынках и это в особенности теперь используется против СССР. Недавние мероприятия французского правительства против советского с.-х. импорта, об'езд министром торговли Франции — Фланденом всех вассальных юго-восточных государств Европы для сколачивания экономического блока против СССР, мероприятия, принятые против советского с.-х. импорта в Венгрии, Румынии и Бельгии — свидетельствуют о том, что мировой империализм намерен бороться против советского экспорта не методами рыночной конкуренции, а более острыми: экономической блокадой, дипломатическим давлением и даже войной. Наши контрмероприятия подействовали отрезвляюще на многие страны, и пока авантюристские мероприятия запретительного характера в отношении советского экспорта локализованы в перечисленных странах. Италия, Голландия, Англия и многие другие страны не пошли по пути Франции, что обрекает на неизбежный провал французскую кампанию борьбы против советского экспорта, если не считать закулисной возни, которая имеет целью сколотить военный блок для интервенции в СССР.

Другим оружием борьбы против советского экспорта, в значительной части также не экономического характера, является организация различных союзов, конвенций и соглашений против советского экспорта, как например, Варшавская, Бухарестская и другие аграрные конференции. На данной ступени участникам этих конференций не удалось провести свои мероприятия через Лигу Наций (предложения Варшавской конференции о предпочтении были провалены в экономической комиссии Лиги Наций). Кроме того, не может существовать также полного единства и в рядах самих участников этих аграрных конференций, что об'ясняется внутренней борьбой за экспорт. Можно не сомневаться, что если бы за их спиной не стоял бронированный кулак французского империализма, то этот искусственный «аграрный блок» давно распался бы. К тому же все участники этого блока представляют собою технически отсталые аграрные страны, которые в процессе развертывания аграрного кризиса будут раздавлены более сильными конкурентами мирового с.-х. экспорта, как САСШ, Канада и другие страны.

Третьей формой борьбы является аграрный протекционизм во всех капиталистических странах. Почти во всех странах Европы аграрные пошлины подняты в очень значительных размерах, при чем острие их всегда направлено против СССР. В Великобритании, где официально не существует аграрного протекционизма, рабочим правительством была сделана попытка к контингентированию ввоза пшеницы из Канады и Аргентины. Если это пока сорвалось, то только потому, что ни Канада, ни Аргентина не могут согласиться на значительный импорт промышленных изделий из Англии. В ближайшем году трудно ожидать какого-либо смягчения в аграрном протекционизме, тем более, что, раз вставши на этот путь, капиталистические страны силой об'ективных обстоятельств вынуждены автоматически его усиливать. Мы видим, таким образом, какими сложнейшими мероприятиями капитализм борется против советского хозяйства.

Несмотря, однако, на все ухищрения капиталистических стран воспрепятствовать нашему экспорту и тем самым задержать наше хозяйственное строительство — это им не удастся. Империалисты, чрезвычайно обеспокоенные усилением аграрного кризиса, нарастанием недовольства крестьянских масс и ростом революционных настроений среди трудящихся, пытаются свалить ответственность за аграрный кризис на СССР. Путем обмана и ложной информации они стараются натравить недовольные мелкобуржуазные элементы города и деревни, тяжело страдающие от современного кризиса, на Страну советов и подготовить общественное мнение к организации экономической блокады (а в перспективе и интервенции) против нас.

Но двойная игра империалистов против СССР не сможет долго удержаться. Трудящееся крестьянство очень скоро разберется в действительных причинах кризиса и легко поймет, что причиной кризиса является не экспорт из СССР, а противоречия системы капитализма. Полное банкротство всех капиталистических мероприятий по борьбе с аграрным кризисом воочию убеждает трудовое крестьянство, что СССР не только не виновен в современном аграрном кризисе, но что лишь советская власть — единственная в мире власть, способная разрешить «аграрный вопрос» и освободить с.-х. производство из под железной пяты финансового капитала.

Не удастся империалистам также скрыть от трудящихся всего мира преимущества социалистической системы в с. х. СССР. По мере роста нашего с. х. факты сами за себя будут убеждать, и никому этого не удастся замолчать. Трудящийся-потребитель наглядно убедится, что только социалистическая система с. х., которая ныне развертывается в СССР, благодаря своим преимуществам способна дать более дешевый продукт, чем любая капиталистическая страна в мире. Рабочие поймут, почему капитализм, который обрекает их на безработицу, нищету и голод, только из-за классовых побуждений лишает их возможности получать более дешевый хлеб из Страны советов и путем искусственных мер заставляет их переплачивать на продуктах потребления, чтобы обеспечить высокие доходы кулакам и аграриям.

Мировой аграрный кризис вовлекает в борьбу с капитализмом миллионы крестьянства капиталистических стран, он подымает на бой находящиеся под двойным гнетом массы крестьянства колоний и сплачивает массы города и деревни к совместным революционным выступлениям, благодаря переплетению экономического и аграрного кризисов. Нельзя непрерывно обманывать стомиллионные массы фальшивыми обвинениями и клеветой на СССР. На общем фоне мирового экономического и мирового аграрного кризисов достижения советского хозяйства выделяются еще резче, еще рельефнее. Непрерывный рост производства, высокий под'ем и успешная социалистическая реконструкция сельского хозяйства не могут не убедить мировое трудовое крестьянство в том, что его спасение только в борьбе против капитализма, в победе социализма.

И. Кузнецов.

Буржуазно-реставраторская сущность сухановщины.

Современный этап социалистического строительства есть этап развернутого социалистического наступления по всему фронту, этап выкорчевывания корней капитализма. Мы имеем решающие успехи в области развития социалистической промышленности, где вопрос «кто кого» уже решен. Мы имеем колоссальные успехи социалистического строительства в деревне, обеспечившие на основе сплошной коллективизации переход от политики ограничения кулака к политике ликвидации кулачества как класса.

Характеризуя современный этап, т. Сталин на XVI партс'езде указывал: «Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Эти решающие успехи социалистического строительства вызывают бешеное сопротивление классового врага как внутри нашей страны, так и на международной арене. Пуанкаре, Рамзин, Кондратьев, Чаянов, Суханов, Громан и прочие враги социализма представляют собой об'единение сил мировой контрреволюции с контрреволюцией внутри нашей страны, представляют собой попытки об'единения мирового банкира-нефтяника, свергнутых помещиков и капиталистов с кулачеством и его контрреволюционными идеологами—Кондратьевым, Чаяновым, Сухановым и др. Показательно следующее утверждение Рамзина и пр. участников ЦК «Промпартии» о том, что они «получить массы рассчитывали от группы Кондратьева—Чаянова, что и было аргументом за тесный блок с ними».

Ясно, что этой массой должно было быть контрреволюционное кулачество, бешено сопротивляющееся успехам социализма.

Одновременное выступление международной и внутренней контрреволюции, установление ими контакта — вещь абсолютно неслучайная, ибо успехи социалистического строительства не только выкорчевывают корни капитализма внутри нашей страны, но и наносят решительные удары по мировой буржуазии, расшатывают капитализм, ускоряя его гибель.

Сухановщина есть прямая, неразрывная часть этой контрреволюции, стремящаяся к реставрации капитализма. Суханов, Кондратьев, Чаянов—это кулацкие идеологи, контрреволюционные поборники кулака и капитализма. Они пользуются лишь различной фразеологией для одной и той же цели — борьбы открытой и скрытой за капиталистическую реставрацию.

Ленин о Суханове.

Суханов в своем прошлом довольно «известная» фигура. В начале народник, затем меньшевик — Суханов представлял особую разновидность ревизионизма и оппортунизма. Для него характерно в области теории, как указывал Ленин, — «помесь народничества с марксизмом» — эклектизм. Свой эклектизм Суханов возводит в особую «теорию», долженствующую поставить его над марксизмом и народничеством. Так, в свое время он писал следующее:

> «Старые группировки во всяком случае уже ликвидированы. Уже нельзя установить, где кончается марксизм и начинается народничество. И на той и на другой стороне... и народничество и марксизм... Да и могло ли и может ли быть иначе? Может ли в XX в. каждый коллективист не мыслить по-марксистски? И может ли каждый социалист в России не быть народником?».

Едва ли надо говорить о том, что сухановская «помесь» марксизма и народничества — противоестественна. Едва ли следует говорить о том, что только марксизм, — но марксизм не сухановский, а ортодоксальный, является единственно революционной теорией и никакого разжижения и разбавления народничеством он никогда не требовал и не требует. Своему эклектическому существу Суханов не думал изменять также и в период социалистической революции. Переиздавая в 1924 году свою книгу «К вопросу об эволюции сельского хозяйства», Суханов твердил открыто, что

> «Взгляды автора по вопросам, трактуемым в книге, не претерпели решительно никаких изменений. Основные тезисы книги,—говорит он,—попрежнему направлены, с одной стороны, против (?!) ревизионистско-народнических заблуждений, а с другой—против априорных схем и шаблонов, культивируемых марксистскими писателями—будто бы в славу марксизма и пролетарского движения» [1]).

Что касается утверждения, будто бы Суханов против ревизионистско-народнических взглядов, то это есть не что иное как пыль, пускаемая в глаза. Нельзя быть против ревизионизма и народничества, когда представляешь собой «помесь» марксизма с народничеством. Верно здесь лишь одно, а именно, что Суханов был и оставался противником революционного марксизма. Он хотел выдать за подлинный марксизм свою противоестественную смесь народничества с марксистской фразеологией.

Основным пунктом, где проявилась сухановская «помесь» народничества и марксизма, является утверждение Суханова о некапиталистической эволюции сельского хозяйства. Это утверждение будет в свое время разобрано. Здесь же укажем на то, что В. И. Ленин давно-предавно вскрыл буржуазно-демократическое существо Суханова и его теории некапиталистической эволюции России.

> «Гиммер [2]), — писал Ленин, — не первый встречный, не случайный автор случайной журнальной статейки, а один из самых видных экономистов, представляющих наиболее демократическое, крайне-левое буржуазное направление русской и европейской общественной мысли...
>
> ...Это не его личные взгляды, не его индивидуальные ошибки, а лишь особенно демократизированное, особенно подкрашенное якобы социалистической фразеологией [3]) выражение общебуржуазных взглядов, к которым легче всего приходит в обстановке капиталистического общества и казенный профессор, идущий по проторенной дорожке, и мелкий земледелец, выделяющийся своею сознательностью из миллионов себе подобных.
>
> Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая гр. Гиммером, есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов в рабочем движении всего мира, т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов» [4]).

---

[1]) «К вопросу о сельскохозяйственной эволюции России», изд. Наркомзема «Нов. Деревня». М. 1923 г., стр. IX.

[2]) Гиммер — настоящая фамилия Суханова.

[3]) Подчеркнуто нами. — И. К.

[4]) Ленин, т. XVII, стр. 576, 2 изд.

Как видим из оценки Ленина, Суханов в своем прошлом — буржуазный демократ, идеолог ревизионизма и оппортунизма. Оценка Лениным роли Суханова и его идеологии дана здесь с исчерпывающей полнотой.

Суханов в период социалистического строительства остается тем же буржуазным демократом, сторонником капитализма. В. И. Ленин, возвращаясь к Суханову в 1923 г., писал в статье «О нашей революции», «О мелкобуржуазных демократах» типа Суханова и, в первую голову, о нем, что

> «во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством» [1]).

Эти строки Ленина находят сейчас особенно яркое подтверждение своей правильности в факте разоблачения сухановщины, как контрреволюционной организации, связанной с Кондратьевым и др. Не только сам по себе факт контрреволюционности, но также и переход Суханова вместе с буржуазными демократами народнического направления (Кондратьев, Чаянов и пр.) к контрреволюционно-вредительским действиям именно в период успехов социалистического строительства, показывает абсолютное оправдание указаний Ленина о том, что буржуазные демократы типа Суханова оказались не в состоянии порвать с буржуазией, с кулачеством. Вне всякого сомнения, что Суханов и «все иже с ним» ни на одну минуту не порывали со своей буржуазной демократической идеологией, и они, несмотря на всю свою фразеологию, были сторонниками капитализма.

Проблема дифференциации деревни или сухановская защита интересов кулака в прошлом.

Осуществление социалистического наступления не происходит тихо, мирно, без сопротивления врага, без обострения классовой борьбы. Наоборот. Как уже указывалось выше, успешное наступление социализма сопровождается ожесточенной классовой борьбой. Сходящие с исторической сцены классы (кулачество) оказывают бешеное сопротивление в самой разнообразной форме: от поджогов отдельных колхозов и совхозов, от убийства отдельных коммунистов и колхозников до создания контрреволюционно-вредительских групп и партий, до охвата вредительскими группами и промышленности, и сельского хозяйства. Развертывая социалистическое наступление, надо твердо и отчетливо видеть, что оно невозможно без мобилизации всех сил против классового врага, против капиталистических элементов, ожесточенно сопротивляющихся социализму.

> «Существо большевистского наступления, — указывает тов. Сталин в докладе на XVI партс'езде, — состоит прежде всего в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов страны».

Отсюда все, что способствует мобилизации сил против классового врага, служит целям социализма, и все, что демобилизует эти силы, служит орудием капитализма, орудием реставраторов и сторонников капитализма. Суханов это прекрасно понимает и в своей «тонкой» защите капитализма, прежде всего, направляет усилия на ослабление классовой бдительности пролетариата.

Это выражается, прежде всего, в том, что сухановская постановка вопросов эволюции сельского хозяйства стремится во что бы то ни стало скрыть кулачество, снять проблему классовой борьбы в деревне. Совершенно очевидно, и это не требует доказательств, что, пытаясь снять классовую борьбу в деревне, Суханов целиком и полностью (как это мы увидим позже) служит интересам кулацко-капиталистических слоев. В этом смысле между сухановщиной и правыми уклонистами происходит стык не только в области требований политического порядка (темпы индустрии, ставка на индивидуальное хозяйство и проч.), но и в области теории, ибо правые своей теорией мирного врастания кулака в социализм также снимают классовую борьбу, развертывающуюся в нашей деревне.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 118.

Но если правые в своей оппортунистической теории мирного врастания кулака в социализм рассматривают кулака—классового врага—как мирную овцу, то Суханов с помощью механистической теории своего издания вообще стремится доказать, что в деревне нет и не может быть капиталистической верхушки, а только так называемое «трудовое» крестьянство, скрывая под флагом «трудового» эксплоататорское, кулацкое хозяйство.

Разберем существо сухановской постановки вопроса сначала на взглядах, развиваемых им по отношению эволюции земледелия при капитализме.

Мы уже говорили, что в области развития земледелия при капитализме Суханов доказывает его некапиталистическую эволюцию.

Этот квази-марксист писал следующее:

> «Крупно-капиталистическое сельское хозяйство разрушается и теряет свои позиции с той же неуклонностью и правильностью с какой отвоевывает их индустриальный капитализм. В земледельческом производстве страны все более расширяет поле своего господства мелкое трудовое хозяйство, вытесняя крупное. Процесс этот медленный, но это не меняет дела. Для нас важно считаться с тем фактом, что не происходит обратного процесса и что «мужик» остается незыблемым в буржуазном строе» [1].

Это утверждение характерно для всех мелкобуржуазных идеологов народнического толка. Истинный смысл таких теорий, которые все крестьянство подводят под один ранг «трудового» давно был разоблачен Лениным. Ленин писал, что

> «все, кто воспевает успехи «трудового» земледелия при капитализме... суть буржуа, обманывающие рабочих! Обман состоит, во-первых в прикрашивании буржуазии. Эксплоататор наемного труда называется «трудовым» хозяином. Обман состоит, во-вторых, в затушевывании пропасти между громадной массой пролетарских и ничтожным меньшинством капиталистических хозяйств» [2].

Но, изображая все крестьянство «трудовым», Суханов все же не мог полностью отрицать в среде крестьянства известного расслоения. Однако для него это расслоение не носило социального характера, не являлось показателем распада крестьянства на противоположные полюсы, а было простым имущественным неравенством.

> «Прежде всего,—писал он,—перед нами с полной очевидностью обнаруживается тот факт, что наше крестьянское хозяйство не представляет из себя количественно однородной массы Вывод этот совершенно не нов и указанный факт есть в полном смысле слова факт общепризнанный констатированный, как это мы видели исследователями различных и противоположных направлений; массы приведенных цифр только лишний раз подтверждают вполне установленную количественную неоднородность крестьянского хозяйства» [3].

Итак, для Суханова в период капитализма (а позже увидим, что и в период социализма) расслоение деревни есть факт простого имущественного неравенства, за которым не стоят различные социальные группы. Для него в деревне при капитализме — нет кулака-эксплоататора, нет эксплоатируемой бедноты, батрачества.

---

[1] Суханов, «Очерки с.-х. экономии», стр. 214.
[2] Ленин, т. XII, ч 2. стр 238.
[3] Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 335.

Для него в прошлом нашей деревни не существовало классовой дифференциации.

Но так ли это было на самом деле? Бесспорно нет. Деревня была расслоена, распадалась на противоположные группы. Одна пятая часть деревни, как доказал это Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России», прибрала к своим рукам преобладающую часть земли, скота, инвентаря и пр. Она хозяйничала в деревне, эксплоатируя всю остальную бедняцкую и середняцкую часть деревни. Двойной гнет помещика-крепостника и кулака лежал на плечах бедноты и середняка, сдавливая последних со всех сторон.

До каких «геркулесовых столбов» доходил Суханов в своем стремлении подвести все расслоение деревни лишь под один факт имущественного расслоения ярко свидетельствуют следующие его утверждения.

> «Пусть на ряду с карликовыми посевами мы наблюдаем большое количество дворов с 54 и более десятин посева, на ряду с однолошадными и безлошадными хозяевами и 20 и более рабочими лошадьми; пусть эта имущественная количественная дифференцизация идет насколько ей угодно дальше, пусть она прогрессирует—это не перейдет в качественную, она не нарушает цельности земледельческого крестьянства как класса, если зажиточные хозяева остаются трудовыми хозяевами, если они не эксплоатируют наемного труда» [1])

Но это еще цветики, а ягодки, как говорят, впереди, ибо страницей ниже «марксист» Суханов повествует вещи еще более разительные, лишь бы доказать, что капиталистической верхушки нет в деревне и ее, вообще говоря, быть не может.

> «Пусть,—писал он,—деревенские богатеи, сельские хозяева окончательно задавят бедноту Пусть сконцентрируют в своих руках всю землю и все земледельческое производство, обратив бедноту в пролетариат и изгнав целиком из деревни; это означало бы победу более приспособленных и более совершенных крупных хозяйств над захудалыми хозяйствами маломощных пауперов; но земледельческого капитализма здесь нет и быть не может, (?!)—если (?!) существующие крупные хозяйства не эксплоатируют наемного труда. Такая количественная дифференциация земледельческого крестьянства, та количественная неоднородность крестьянских земледельческих хозяйств и даже (допустим не существующее) (?!) процесс роста одной дифференциации сами по себе нисколько не предрешают вопроса о земледельческом капитализме».

Здесь кулацкое, капиталистическое лицо Суханова сквозит уже более открыто. Он прямо за эксплоатацию кулаком бедноты, батрака, середняка, он допускает разорение бедноты, «изгнав ее целиком из деревни». Но, отдавая бедноту и середняка власти кулака — он никак не желает признать это за капиталистическую эксплоатацию. Почему? Потому, что это означало бы признание классов и классовой борьбы в деревне. Это означало бы признать на последующих этапах развития социалистическую революцию, направленную против эксплоататоров, в том числе и кулака. Ну а это уже никак не по нутру «буржуа, обманывающему рабочих», идеологу капитализма, скрывавшему свою суть под мелкобуржуазной фразой. Однако прикрытие это есть не больше и не меньше, как фиговый листок.

На чем стремится играть здесь сверхортодоксальный «марксист»—Суханов? Единственно на голом и абстрактном утверждении о том, что в крупных хозяйствах нет наемного труда. Это простая болтовня, голое извращение фактов. Разве возможно без наемного труда вести хозяйство при 20 лошадях и 100 десятинах? Разве не нелепо было бы утверждать, что крупные кулацкие хозяйства окончательно задавливают бедняцкие—однако, они, по Суханову, являются просто напросто «трудовыми». Это было бы просто нелепостью, если бы здесь в наиболее тонкой, «марксизированной» форме не была выражена идеология буржуа, обманывающего рабочих затушевыванием классовых противоречий. Об этом, прежде всего, заботится каждый буржуазный демократ и к этому стремился Суханов. Достигается это отрицанием классового расслоения в деревне, сведением всего процесса расслоения крестьянства к одному имущественному неравенству.

---

[1] Ник. Суханов, «К вопросу об эволюции с. х.» стр. 140.

Ленин давно разоблачил в борьбе с народничеством эту попытку, указывая, что

> «большинство авторов (речь идет о народниках.—И. К.), касавшихся данного вопроса, смотрит на разложение крестьянства, как на простое возникновение имущественных неравенств, как на простую «дифференциацию», но это, как указывает Ленин дальше, абсолютно ложно, ибо «возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса» [1]).

Методологически теория имущественного неравенства характерна именно своей механистичностью. Она исключает скачки, переходы количества в качество. Политически она служила целям капиталистической верхушки деревни, ибо снимает вопрос о классовых антагонизмах в деревне.

Но Суханов не ограничивается только теорией имущественного неравенства. Это для него ненадежно, ибо ведь можно встретиться с фактом применения наемного труда и на основе только одного показателя (если он хорошо выявлен, а не скрыт) найти капиталистическую верхушку в среде крестьянства, — и тогда уже нельзя будет болтать о некапиталистической эволюции земледелия.

Поэтому и к этому наиболее прямому показателю капитализма в земледелии Суханов спешит внести поправки, заранее сводящие капитализм в сельском хозяйстве на-нет. Здесь тенью, за которой Суханов хочет скрыть капиталистическую верхушку, — об'явить эксплоататора «трудовым» земледельцем, — являются «промыслы». Оказывается, для Суханова достаточно одного факта «соединения земледелия с промыслами», чтобы об'явить любое хозяйство некапиталистическим. Вот образчик его «теоретических» построений:

> «Как бы то ни было экономически сильно и обширно... такое смешанное хозяйство, в какой бы степени ни носило оно вообще торговый характер, будучи организовано в своей земледельческой части на основе наемного труда,—мы не можем смотреть на такое хозяйство, как на проявление капитализма в земледелии, до тех пор, пока не будет выяснено, что именно в земледелии лежит центр экономии всего предприятия» [2]).

И, дальше поясняет:

> «Лавочник, например, торгующий между прочим хлебом, если он имеет землю и пр., может выгодно вести земледельческое хозяйство при помощи батраков и выносить свой хлеб на рынок; но обязаны ли мы смотреть на этого лавочника как на представителя производственного сельскохозяйственного капитала. Ведь прибыль он сможет получить в качестве представителя торгового капитала, а собственное земледелие может быть для него только суррогатом» (стр. 153).

За этим утверждением кроется буржуазная идеология Суханова, отрицающая ради своих классовых интересов действительное положение вещей. Ведь общеизвестно, что, почти как правило, в российской деревне соединялась у кулака торговля, сел.-хоз. предприятие (мельница и пр.) с обработкой земли. По Суханову, мы такого кулака-эксплоататора не «смеем» числить в рядах кулачества — в рядах представителей капиталистической верхушки деревни.

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 130.

[2]) Суханов, «К вопросу об эволюц. с. х.», стр. 151 (подчеркнуто нами.—И. К.).

Таким образом, мы видим, что еще в прошлом Суханов всячески стремился изобразить эксплоататора в качестве «трудового» земледельца, изыскивая для этого все пути и способы, чтобы извратить марксизм, и пр.

Но и этих «методологических» установок, этих извращений действительности также оказалось Суханову мало для того, чтобы обосновать некапиталистическую эволюцию деревни, скрыть классовое расслоение ее в прошлом. Выдвигается еще один пункт теории, а именно критика утверждений Ленина насчет того, что пролетаризация крестьянства есть показатель расслоения.

> По Суханову, «это говорит об эволюции—если угодно—разложении «старого крестьянства», крестьянского сословия как земледельческого класса, но это ровно ничего не говорит о том, какая эволюция совершается в земледельческом производстве» (стр. 133).

Словом, вопрос о том, откуда и почему происходила пролетаризация—это не касается Суханова, и это не случайно. Признав пролетаризацию, как показатель расслоения, Суханову надо было бы признать также и наличие капиталистической верхушки и пр.—признать, что тот, кого он изображает «трудовым» земледельцем, есть эксплоататор. Такое признание не по силам буржуазному демократу народнического толка, ибо хотя он всецело за капитализм, за кулака, за эксплоатацию, но пытается эту эксплоатацию прикрыть словесной оболочкой.

Подводя итог разобранным выше установкам Суханова в анализе проблемы дифференциации при капитализме, мы должны указать:

1) Что, несмотря на марксистскую фразеологию, методология Суханова по своей сути была глубоко антимарксистской, не содержала в себе ни грана марксизма.

2) Сухановская манера защиты капитализма, прикрытия кулака, основана на механистических взглядах на процесс эволюции деревни, на том, что во главу угла кладется весьма скудоумное утверждение о том, что факт расслоения есть простое имущественное неравенство, исключающее переход количественных изменений в качественные. Существо этого дела сводилось к тому, чтобы под флагом «трудового» хозяйства скрыть кулацкое хозяйство, благословив и навсегда утвердив капиталистическую эксплоатацию деревни.

3) Сухановщина содержит массу старых народнических предрассудков, наиболее ярким из которых было изображение кулака только в качестве торгово-ростовщической фигуры, соединенного с полным «непониманием» того, что кулак одновременно, и чем дальше, тем больше, являлся капиталистическим производителем в земледелии.

Все это показывает классово-буржуазные позиции сухановщины в прошлом. Они сводились к тому, что этот контрреволюционный вредитель-реставратор капитализма, прикрываясь фразами о некапиталистической эволюции земледелия, фразой о «трудовом» хозяйстве, отдавал целиком и полностью миллионные массы бедноты и середняка в лапы кулачества, укрывая и благословляя капитализм в земледелии.

Обоснование Сухановым капиталистического пути развития в настоящем.

Существо сухановского маневра в период социалистического строительства заключалось в том, чтобы доказать, что будто бы у нас нет капиталистической верхушки деревни; попытаться вселить убеждение в том, что ее не только нет, но и вообще не может быть. Суханову и «иже с ним» это нужно, чтобы, прикрывшись пустой фразой о «трудовом» земледелии, требовать свободы для развития кулака, вести борьбу против социалистического строительства в деревне, против ликвидации кулачества как класса, а в конечном счете, укрепив позиции капитализма в деревне, подготовить его полную реставрацию.

Именно исходя из такого маневра, Суханов в первую голову стремился посеять иллюзию о том, что у нас нет кулака.

Таким усыплением бдительности пролетириата пытался заниматься и Суханов, когда он стремился доказать во что бы то ни стало, что классового расслоения у нас в деревне нет, или если оно имело место, то в весьма малой степени, которая в счет не идет. Для доказательства этих своих положений Суханов переносит свою прежнюю методологию (целиком и полностью) на эпоху социалистического строительства.

Он лишь для видимости употребляет фразу о том, что социальная дифференциация связана с наймом рабочей силы, чтобы под прикрытием этой фразы «заверить» в невозможности кулачества в деревне, заявить, что нечего беспокоиться насчет роста сильного, крупного и мощного хозяйства, так как последние никогда не станут капиталистическими.

Так, при обсуждении проблемы дифференциации в Научно-исследовательском институте сел. хоз. (в 1927 г.) Суханов заявляет:

> «Совершенно необходимым признаком, — говорит он, — этой социальной дифференциации является отношение найма и продажи рабочей силы. Никогда сильный, крупный, мощный хозяин не станет капиталистом, никогда не перейдет в другой общественный класс, если он не выжимает прибавочной стоимости из наемного рабочего, не эксплоатирует чужого труда».

Здесь полностью повторена старая попытка изобразить кулака-эксплоататора в виде «трудового» крестьянина, якобы, не эксплоатирующего наемного труда.

Политически для нашей деревни, где кулачество под видом родственников и др. путями скрывало факт применения наемного труда, теория Суханова служила целям маневренного прикрытия капиталистической верхушки (что ярко выявляется как самым фактом его контрреволюционной борьбы за капитализм, так и дальнейшими разглагольствованиями Суханова на эту тему).

Характерно, помимо указанного, и то, что Суханов стремится снять как показатель кулацко-капиталистического лица хозяйства факт эксплоатации кулаком беднейшего и среднего крестьянства через сдачу на прокат инвентаря, ростовщичество, ссуды натурой и проч.

> «Классовые отношения на почве сдачи — найма инвентаря, — говорит Суханов, — если не возникли, то распространились на почве разрухи и гражданской войны, на почве всеобщего оскудения деревни. Достаточно деревне справиться и разбогатеть, достаточно мелким хозяйчикам, обладающим половиной средств производства, итти по своей естественной линии — превращения в мелкобуржуазное хозяйство — для того, чтобы эти отношения были изжиты.
>
> Если этого недостаточно, пойдем дальше. Достаточно всей стране поднять уровень производительных сил, достаточно нашему государству организовать правильное снабжение деревни с.-х. инвентарем для того, чтобы эта форма капиталистических отношений была ликвидирована и исчезла, как дым. Это — не опасная форма капитализма, изживаемая автоматически, ровно ничего не меняющая в экономической политике и не требующая никаких особых мер» [1]).

---

[1]) Журн. «Пути с. х.», стр. 140.

Как видим, классовый враг—контрреволюционный вредитель—Суханов всячески стремился доказать, что кулак вещь не опасная, ибо он сам себя изживает; нечего якобы вести борьбу с кулаком, надо только стремиться к развитию производительных сил. Не требуется много останавливаться на этом утверждении Суханова для того, чтобы вскрыть истинный смысл такого утверждения. Мы знаем, что все представители кулацкой контрреволюции (Кондратьев, Чаянов и др.) весьма усиленно говорили о развитии производительных сил. И это неслучайно.

Есть два пути развития производительных сил. Один путь капиталистический—путь под'ема производительных сил через индивидуальное кулацкое хозяйство. Кондратьевско-сухановская группа стремилась к этому пути развития производительных сил. Именно об этом пути развития производительных сил и говорит Суханов в приведенных выше словах.

Ясно, что такое развитие производительных сил ни капли не ослабляет, а, наоборот, укрепляет кулацко-капиталистический слой.

Характерным здесь является то, что для всей этой контрреволюционно-вредительской группы развитие производительных сил являлось псевдонимом развития капитализма.

Эта контрреволюционная группа ввела в области пропаганды капитализма известное разделение труда. Кондратьев мотивирует развитие производительных сил, т.-е. развитие капитализма, решением зерновых и пр. проблем. Суханов мотивирует свое развитие производительных сил, т.-е. развитие капитализма, более «благовидными» вещами—уничтожением кулачества.

Его ссылка на то, что помощь инвентарем и пр., оказываемая индивидуальному хозяйству, решает вопрос насчет уничтожения кулака—есть весьма слабо замаскированный прием.

Всякие сухановские разговоры о том, что «достаточно наладить снабжение деревни с.-х. инвентарем», как там автоматически исчезает кабала и эксплоатация,—есть пустая фраза, прикрывающая истинную суть дела, то-есть требование свободы для капиталистического развития.

Необходимо указать на сродство здесь теорий сухановщины и правых элементов внутри ВКП(б).

Правые элементы, являющиеся об'ективно агентурой кулачества в рядах партии, отразили на себе идеологическое давление сухановщины.

Правый оппортунист на практике в деревне, не видящий кулака, заявляющий, что кулачества у них нет, и в связи с этим свертывающий борьбу против кулака—выполняет социальный заказ сухановщины, которая прикрывает кулацко-капиталистические элементы, давая им свободу развития.

Утверждение правых о необходимости ставки на индивидуальное (сиречь кулацкое) хозяйство, их изображение кулака как фигуры, мирно врастающей в социализм, следовательно, не опасной, как это пытался доказать Суханов,—вскрывает всю классовую сущность правого оппортунизма, целиком и полностью подтверждает решения XVI партс'езда о том, что «линия правых ведет к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны».

Единственным путем уничтожения кабалы и эксплоатации в деревне является социалистический путь развития. По этому пути ведет партия страну, разбивая контрреволюционные попытки кондратьевско-сухановской контрреволюции, ведя самую решительную борьбу с агентурой кулачества внутри партии — правыми. Партия дала самый решительный отпор всем теориям мирного врастания кулака в социализм, партия борется с правым оппортунизмом на практике, об'ективно скатывающимся к сухановщине; партия мобилизовала рабочий класс на развитие социалистического наступления.

Успешное строительство социалистических форм земледелия вызывает ожесточенную борьбу кулачества против социалистического строительства. Доказательств правильности понимания партией пути социалистической перестройки деревни не требуется, ибо сама контрреволюционная сухановщина есть один из наиболее ярких фактов, показателей того, как «мирно» врастает кулак и его контрреволюционные идеологи—типа Кондратьева, Чаянова, Суханова и пр.—в социализм.

Главный маневр сухановщины.

Мы показали, как Суханов маскировал элементы капитализма в деревне путем отрицания капиталистического характера эксплоатации кулаком бедноты и середняка через сдачу инвентаря, ростовщичество и прочее. Но этого мало для раскрытия сухановской защиты кулака и капиталистического пути развития. Суханов, после того, как «отвел» капиталистическую эксплоатацию кулаком через сдачу на прокат инвентаря и пр., пытался дальше замазать также и наличие в деревне капиталистической верхушки, применяющей наемный труд.

Его основная установка остается здесь прежней: он стремится отрицать классовую борьбу в деревне с помощью все той же теории «автоматизма», но уже в ином ее издании, с тем, чтобы развернуть под ее прикрытием требование свободы развития для кулака.

Здесь свою «теорию автоматизма»—о якобы происходящей «автоматической» ликвидации кулацко-капиталистической верхушки деревни, Суханов связывает с фактором развития индустрии, безразлично, капиталистической или социалистической.

Для разоблачения кулацко-капиталистической сущности этой теории нам сначала придется остановиться на применении ее Сухановым в отношении развития сельского хозяйства *при капитализме*, а затем уже — в *эпоху социалистического строительства*.

Мы знаем, что в условиях капитализма крестьянство распадается на противоположные полюсы, при чем особенно существенно подчеркнуть то, что чем шире и глубже развитие промышленного капитализма (а следовательно и вообще капиталистических отношений), тем больше и глубже расслоение крестьянства. Для Суханова дело обстоит наоборот. Суханов утверждал, что только *на заре капитализма* в деревне может быть капиталистическая верхушка.

> «Капиталистические отношения, — поучал Суханов, — свойственны земледелию, но именно в период зарождения капиталистических отношений вообще, именно на утренней заре капитализма; именно тогда, очевидно, были налицо условия, необходимые для организации земледелия на капиталистических основаниях, и именно тогда не было для этого непреодолимых препятствий» [1].

В чем же Суханов увидел непреодолимое препятствие развитию капитализма в сельском хозяйстве в дооктябрьский период? Оказывается — в капиталистической промышленности, в росте «промыслов», как он выражается.

> «По мере развития промысловой деятельности производящего населения в какой-либо из местностей, значение в ней крупных земледельческих хозяйств и земледельческого капитализма понижается» [2].

Для обоснования этого утверждения Суханов выставляет один единственный довод — то, что развитие «промыслов» (читай индустрии) отвлекает рабочую силу из деревни и делает невозможным там капитализм.

---

[1] Суханов, «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 371.

[2] Суханов, «К вопросу о с.-х. эволюции России», стр. 345.

> «Как только для рабочего с развитием производительных сил и с ростом индустрии открывается малейшая возможность обратиться от батрачества и поденщины к другим занятиям, как только рабочий сумеет отыскать иные сферы приложения труда, так немедленно земледельческому капитализму наносится решительный удар и немедленно у него вырывается почва» [1].

Причина гибели капитализма в земледелии выражается в том, что:

> «рабочих оказывается слишком мало и немедленно у него вырывается почва» [2].

Нечего говорить, что эти утверждения абсолютно неверны, ибо: 1) при капитализме налицо громадная резервная армия труда, которая обслуживает собой не только промышленность и земледелие. 2) Давно известен особый тип сельскохозяйственного рабочего-батрака с наделом, который «привязан» к земле и тем самым является рабочей силой капиталистических предпринимателей в земледелии. 3) Процесс дифференциации и экспроприации крестьянства, происходящий при капитализме, выделяет все новые и новые слои, не могущие прожить вокруг собственного хозяйства, поставляющие кадры батрачества и промышленных рабочих.

Наконец, стоит обратиться к любой капиталистической стране, чтобы признать неверным положение Суханова, что капитализма в земледелии не было так, как нет сельскохозяйственных рабочих. Попытки же Суханова доказать свой вывод на основе конкретных данных различных районов абсолютно неверны, и останавливаться мы на них не будем, ибо они являются сплошным подтасовыванием данных земской статистики.

Нам неважно останавливаться подробнее на том, как развивал это свое утверждение Суханов по отношению к прошлым временам, ибо версия некапиталистической эволюции земледелия при капитализме давно разоблачена с исчерпывающей полнотой Лениным.

Нам важно посмотреть, как Суханов свои прошлые утверждения ставит на службу своей контрреволюционно-кулацкой сущности в период социалистического строительства. И здесь дело обстоит весьма просто. Стараясь прикрыть кулака под тем предлогом, что его не может быть, так как он сам собой уничтожается, он переходит к требованиям свободы развития капитализма в деревне—свободы применения наемного труда, арендных отношений и пр.,—заявляя прямо о том, что кулак должен стать «главой прогресса сельского хозяйства». Для обоснования существа своего маневра Суханов переносит свою схему прямой зависимости от развития индустрии судьбы капиталистических слоев деревни на период социалистического строительства. И здесь он обосновывает свою теорию «автоматизма» следующим образом:

> «... Степень экономической дифференциации, степень развития мощных экономических групп, как среди сельскохозяйственного капитализма сокращается по мере индустриализации и общего экономического развития района.
>
> Оказывается, — говорит он дальше, — что ... расположение губерний по степени количественной и качественной дифференциации образует почти правильный ряд и по возрастающему проценту промышленников, т.-е. по профессиональной дифференциации, т.-е. по индустриализации, т.-е. по степени его общеэкономической зрелости. Развитие кулацкого хозяйства оказывается не прямо, а обратно пропорционально ходу экономического развития» [3].

На первый взгляд неискушенному в сухановских маневрах человеку может показаться, что здесь как-будто бы ничего такого особого нет! Ведь общеизвестно, что развитие социалистической индустрии есть необходимейшее условие и важнейший рычаг социалистической перестройки деревни. Партия потому боролась и борется столь решительно против правых установок о снижении темпов индустрии, что эти установки ослабляют нашу социалистическую базу перестройки всего народного хозяйства по пути социализма.

---

[1] Суханов, «К вопросу о с.-х. эволюции России», стр. 379.

[2] То же, стр. 378.

[3] Суханов, «Пути развития с. х.» № 6—7 за 1927 г., стр. 145.

Развивая тяжелую индустрию и в частности с.-х. машиностроение, мы создаем предпосылки социалистической перестройки деревни, мы революционизируем в техническом смысле нашу деревню, подводим техническую базу под колхозы и т. д. и забиваем осиновый кол в спину кулака.

Но все это будет верно лишь в том случае, если мы развитие индустрии соединяем с развертыванием коллективизации, проводим на базе сплошной коллективизации ликвидацию кулачества как класса. Только и только в этой связи можно вести речь о том, что индустриализация страны подрывает мощь кулацких слоев деревни.

Не то, совсем не то у Суханова. У него ни о какой коллективизации, а тем более ликвидации кулачества как класса, речь не идет и не может итти. Он хочет изобразить дело так: не надо заниматься коллективизацией, нечего беспокоиться о кулаке, бороться с ним, все само собой («автоматически») устроится, если развивается промышленность. Смысл всего этого дела в том, что Суханов подводит базу под свое требование свободы развития кулаку.

Подлинное кулацко-капиталистическое лицо сухановщины.

Весьма отчетливо это требование свободного развития кулацко-капиталистической верхушки — защита кулацко-капиталистического пути развития Сухановым высказана в этой же самой речи, где столь усиленно он доказывал, что кулак «автоматически» ликвидируется.

В этом своем выступлении Суханов, коснувшись речи своего «соратника» по контрреволюции Кондратьева, выразившего недовольство тем, что «у нас существует некоторое гонение на мощное крестьянство», провозглашает кулацкие требования свободы развития, тем самым показывая свое подлинное лицо.

> «Я думаю, — заявляет Суханов, — что по существу дела такой политики гонения экономически сильного крестьянина не существует. Действительно, было время, когда у нас были отменены законы экономии и когда наша деревня должна была развиваться на совершенно особых основах. Это было в эпоху военного коммунизма.
>
> Во время этих посевкомов, крестьянин, как таковой, был отменен: он превращался в государственного (?!) земледельца на государственной земле. И тогда ему развиваться, богатеть, превращаться из слабого в сильного, конечно, не полагалось. Но сейчас положение другое: мужика, мелкого товаропроизводителя разрешили, легализовали, его хозяйство развивается по своим законам, стремясь из мелкого путем накопления сделаться большим, из слабого — сильным. И, конечно, если бы мы вступили на путь такого рода экономической политики, то мы должны были легализовать этот процесс. И наша экономическая политика это сделала. Никаких ограничений росту благосостояния деревни и отдельных групп ее она больше не ставит. Ныне может и должен подниматься вверх средний экономический уровень крестьянства; наш нищий (?!) земледелец может и должен в среднем подниматься до уровня американского фермера. И высшие группы деревни могут развиваться беспрепятственно»[1]. (Подчеркнуто нами.—И. К.).

Комментариев много к этому не требуется. Кулацкое существо сухановщины здесь выражено с абсолютной ясностью. Вся мишурная теория автоматического изживания кулачества служила лишь одним целям—пытаться на старой сухановской методологической основе обосновать капиталистический путь развития. Ссылка на индустриализацию в данном случае

---

[1] Журн. «Пути развития с. х.» № 6—7 за 1927 г., стр. 188.

нужна была также для усыпления бдительности, для снятия проблемы классов и классовой борьбы, для того, чтобы, добившись свободы развития капиталистических элементов, подготовить реставрацию капитализма. Здесь опять-таки необходимо остановиться на сравнении позиции правых и сухановщины, на том, что сухановские декларации насчет того, что высшие (кулацкие) группы могут развиваться беспрепятственно, целиком повторяется и проповедуется правыми. Стоит только сравнить этот лозунг Суханова с лозунгом Бухарина «обогащайтесь» или с лозунгом Сырцова «накопляйте, в добрый час», как станет ясно полное повторение правыми перепевов Суханова.

И это не случайно. Правые ставят ставку на индивидуальное кулацкое хозяйство, тем самым содействуя развитию капитализма в деревне. Партия вела и ведет самую решительную и беспощадную борьбу с правыми, ибо:

> «осуществление линии правых уклонистов, являющихся, — как указывает XVI партс'езд в резолюции по отчету ЦК, — об'ективно агентурой кулачества, означало бы срыв строительства социализма и восстановление капитализма в нашей стране».

Вот почему:

> «в период развернутого по всему фронту наступления на капиталистические элементы правый уклон был и остается главной опасностью в партии».

Вот почему партия наносит самые решительные удары по беспринципному блоку правых и «левых», пытающихся вновь поднять борьбу с генеральной линией партии.

Но вернемся снова к Суханову.

Суханов не только декларирует и требует свободы развития кулацких элементов, но и повествует о том, что кулаки должны итти во главе прогресса. В своей речи при обсуждении «Основных начал землепользования и землеустройства», где, как мы говорили выше, Суханов «защищал» проведение линии партии в земельном законодательстве, он особенно много напирает на необходимость сохранения общины. Употребляя социалистические фразы о коллективизации, этот маскирующийся поборник кулака заявлял:

> «Для нас, — пишет Суханов, — ничто прогресс индивидуумов, для нас все прогресс массы. Советское государство призвано именно поднимать слабых и просвещать отсталых.
>
> Затем — разве из инициативности верхушки может ныне вытекать, что эту верхушку надлежит отделить, отвязать от массы по желанию верхушки. До революции было последовательно освободить передовой элемент (?!) деревни от общества ради свободы его индивидуального процветания. Теперь как-будто бы последовательно иное: если индивидуальный прогресс в общине невозможен иначе, как со всем обществом, то надо и не вырывать инициатора из общества, а сделать его силою вещей. передовым борцом, пропагандистом, агитатором за прогресс хозяйства всего общества. Пусть инициативное меньшинство, не покладая рук, добывает себе сторонников и старается стать большинством. При учете темп прогресса удесятерится именно от наличия общины. Казалось бы, именно такой должна быть «линия» «советской политики»[1]).

Итак, кулак, по Суханову,—глава прогресса. Большего для выявления кулацко-капиталистического лица сухановщины не требуется, как бы сухановщина всячески не маскировалась, здесь полностью выявлена ее кулацко-реставраторская сущность.

Следует обратить внимание на то, что это писалось и говорилось Сухановым в 1927 году, когда партия на основе решений XV партс'езда перешло к наступлению на кулачество, когда партия встала на путь развития социалистических форм хозяйства в земледелии.

---

[1] «Основные начала землепользования и землеустройства», стр. 99.

> «XV с'езд, — указывает Сталин, — был по преимуществу с'ездом коллективизации».

Видя окончательный провал надежд на «естественную» победу капитализма в связи с нашими успехами в области социалистического строительства, сухановщина переходит к активной контрреволюции и вредительской борьбе, к созданию контрреволюционной партии, стремящейся к свержению диктатуры пролетариата, к реставрации капитализма.

Сухановщина, несмотря на всю свою особую словесную фразеологию, есть прямая, составная и неразрывная часть всех тех сил контрреволюции и капитализма, которые в свой последний исторический момент, видя свою собственную гибель, ведут бешеную борьбу всеми доступными им способами против социализма.

В. Докукин.

Транспорт на пороге третьего года пятилетки.

(Итоги и очередные задачи).

I.

Третий год пятилетки станет годом решительного перелома, который должен быть осуществлен на транспорте в направлении подтягивания темпов его реконструкции к уровню большевистских темпов индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Отстающий до сих пор от общего фронта социалистического наступления транспорт, как одна из решающих командных высот пролетарской диктатуры, в соответствии с общим развитием народного хозяйства должен сам стать мощным фактором, активно воздействующим на другие отрасли народного хозяйства в сторону усиления темпов социалистического строительства.

Совершенно очевидна решающая роль транспортной проблемы для дальнейшего развития социалистической реконструкции нашего хозяйства.

> «Несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед? Не пора ли положить конец такому положению?» (Сталин).

Отставание транспорта от темпов развития промышленности и сельского хозяйства, запоздание в осуществлении реконструктивных мероприятий обусловили ту напряженность, с которой транспорт работал за минувший год.

Грузооборот обогнал все предположения, которые были положены в основу пятилетнего плана транспорта, и транспортная пятилетка фактически осуществлена в 2½ года.

Если в отношении количественных показателей выполнение транспортом перевозок шло выше намеченного плана, то по качественным измерителям имеется определенный прорыв. Использование подвижного состава дает очень незначительное улучшение по сравнению с 1928/29 г. Среднесуточный пробег товарного вагона повысился всего лишь на 6%, пробег товарного паровоза — на 5%, а коммерческая скорость понизилась по сравнению с прошлогодним уровнем.

Такое положение совершенно ясно указывает на недостаточный перелом в транспортной работе в сторону всемерной мобилизации транспортных средств, в сторону выполнения требований, которые народное хозяйство поставило перед транспортом. Общая средне-суточная погрузка за 1929/30 г. превысила уровень 1928/29 г. на 24,8%.

Как общий итог — транспортный план по перевозкам на 1929/30 г. был выполнен с превышением.

Мы указывали выше, что работа транспорта шла с большим напряжением, особенно, в период осенне-зимних перевозок, когда имели место значительные затруднения. Были случаи исчерпания пропускной способности отдельных участков и невыполнения норм погрузок по вине железных дорог, вследствие неподачи ими вагонов.

Безотлагательное осуществление реконструктивных мероприятий и усиление рационализаторской работы диктуется современным положением транспорта СССР с чрезвычайной настоятельностью. В отношении подвижного состава мы имеем явную напряженность, которая может быть смягчена лишь форсированием работ по строительству нового подвижного состава, реконструированного по последнему слову американской техники. Строительство более мощных паровозов, большегрузных вагонов будет способствовать разрешению проблемы увеличения провозной способности железных дорог.

Недовыполнение капитального строительства на транспорте явилось одной из причин затруднений с осенне-зимними перевозками, также и обусловит затруднения по ряду направлений в предстоящем 1931 году.

Средний % выполнения плана по ж.-д. строительству явно неудовлетворителен, он равняется 65% лишь по наиболее ответственным об'ектам, достигая по вторым путям — 70%.

Если взять новое ж.-д. строительство, то из общего об'ема работ, намеченного в масштабе более 250 млн. р., выполнено лишь 65%.

Недовыполнение промышленностью заявок на материалы, в особенности, по металлоизделиям, и недостаток рабочей силы затрудняли капитальное строительство.

Однако следует подчеркнуть полную неудовлетворительность руководства капитальными работами со стороны НКПС, в результате чего к началу строительного сезона подготовлено машино-механизмов около 30% потребности, неудовлетворительно обеспечено строительство бытовых устройств (жилье, столовые и продовольственные ларьки).

Вся система производства строительных работ на транспорте должна быть в корне изменена, чтобы обеспечить выполнение намеченных на 1931 г. программ капитального строительства.

Также неудовлетворительно обстоит дело с выполнением строительной программы по речному, морскому и местному транспорту.

Прорывы в осуществлении плана капитальных работ должны быть ликвидированы с большевистской настойчивостью и в кратчайший срок. Установление специального контроля над ходом капитального строительства по крупным об'ектам является существенным мероприятием в области упорядочения и форсирования капитального строительства.

Задания по качественным измерителям работ транспортом выполнены далеко не полностью. Так, средне-суточный пробег товарного вагона составил 95,3 клм., против 100 клм. — по контрольным цифрам, средне-суточный пробег паровоза в товарном движении составил за 1929/30 г.—156,3 клм., — против 165 клм., коммерческая скорость составила 12,9 клм. при задании — в 14,7 клм.

Программа грузооборота на *особый* квартал в 83,1 м. т. и в 360 м. т. на 1931 г. требует решительного перелома в транспортной работе и достижения измерителей, указанных в постановлении ЦК ВКП(б) от 10/IX с. г.

По водному транспорту план перевозок выполнен всего на 57% к сентябрю. Наиболее угрожающим участком является лесосплав, где работы по выгрузке закончены только наполовину. Эксплоатационная работа водного транспорта ухудшилась: увеличились простои, уменьшились качественные измерители по использованию буксиров. Увеличилось число аварий, вследствие расхлябанности персонала и падения трудовой дисциплины.

По морскому транспорту работа характеризуется следующими данными:

	Выполнение плана в %
I. Перевозки (за 8 мес.) 7,9 млн. т	57,9
II. Грузооборот портов Советского союза 29,3 млн. т.	62,1

Директива XVI партс'езда о подтягивании отставших видов транспорта, в первую очередь водного, к большевистским темпам социалистической реконструкции народного хозяйства — пока еще не выполнена. В третьем году пятилетки транспорт должен будет добиться решительного перелома в развитии водного транспорта, поднять водный транспорт на тот уровень, который он должен занимать в системе народного хозяйства СССР, не останавливаясь перед запрещением перевозок по железным дорогам в тех случаях, когда представляется возможность доставить этот груз водным путем.

II.

Каков же политический смысл приведенных выше итогов транспортной работы? Какие политические выводы необходимо сделать по итогам второго года пятилетки на транспорте?

1) Партийные организации на транспорте недостаточно активно мобилизовали и возглавили рабочие массы в борьбе за решительную перестройку всей работы, в соответствии с директивами XVI партс'езда и постановлениями ЦК ВКП(б) от 3/IX и 10/IX—1930 года.

Недопустимо вяло проходил перевод работы всех коммунистов на действительно большевистские ударные темпы, на боевое выполнение производственных задач, на осуществление систематического контроля в вопросах коренной реконструкции транспорта и максимальной мобилизации его внутренних ресурсов.

Проверка директив партии административно-хозяйственному аппарату транспорта *не осуществлялась* со стороны партийных и профорганизаций на важнейших участках работы транспорта — капитальному строительству, рационализаторским мероприятиям, использованию импортного оборудования, борьбе с происшествиями на транспорте.

2) *Не мобилизованы внимание и активность всех коммунистов на транспорте на борьбу с правым и «левым» оппортунизмом и примиренчеством к ним, с конкретными проявлениями двурушничества, шатаниями и колебаниями.* Настроения пассивности и аполитичности среди отдельных коммунистов, правооппортунистические вылазки против коренной реконструкции транспорта и большевистских темпов работы не нашли в отдельных случаях решительного отпора со стороны парторганизаций транспорта.

Не развернулась действительная самокритика, борьба за разоблачение подхалимства, борьба против круговой поруки, бюрократических извращений, борьба с искривлениями генеральной линии партии и попытками зажима самокритики.

3) *Профсоюзная работа все еще не переведена на боевые, ударные темпы, вопросы промфинплана и выполнения производственных заданий все еще не стоят в центре внимания.* Нет заметного перелома в организации и воз-

главлении профорганами широко развертывающихся соцсоревнования, ударничества и борьбы за встречный промфинплан. Не перестроена в соответствии с решениями XVI партс'езда и боевыми задачами транспорта — массовая политическая работа среди отдельных групп транспортников (специалисты, выдвиженцы). Необходимо более решительное искоренение буржуазных настроений среди части специалистов, неверия в темпы социалистического строительства. Надо поднять политическую бдительность и боеспособность каждого коммуниста и своевременно сигнализировать о конкретных фактах вредительства.

Все указанные выше прорывы в состоянии политической работы на транспорте нашли свое отражение в материалах по обследованию бригадами Бауманского райкома ВКП(б) и «Правды» ячейки ВКП(б) НКПС.

Обследование полностью подтвердило своевременность сигнализации «Правды» и ряда партийцев о неблагополучии в ячейке НКПС. Примиренческое отношение бюро ячейки к правому уклону, декларативный и формальный характер борьбы на два фронта при отмалчивании об оценке двурушничества правых и «левых» оппортунистов, отсутствие мобилизации ячейки вокруг задач реконструкции транспорта и перестройки всей практической работы в соответствии с решениями XVI партс'езда, — вот основные проявления оппортунистической практики и установки в вопросах транспорта.

Решение Бауманского райкома — об'явить выговор и переизбрать бюро ячейки НКПС — предупреждает транспортные парторганизации от опасности оппортунистического самотека, забвения политической и классовой борьбы на транспорте и сползания на хвостистские позиции. В период обостренной классовой борьбы и развернутого наступления социалистического строительства, когда прямая контрреволюционная вредительская работа и подрывная двурушническая деятельность правых и «лево»-троцкистских элементов составляют части единого фронта против партии и пролетариата СССР, строящих социализм, — необходима беспощадная, непримиримая большевистская борьба против указанных оппортунистических настроений, за генеральную линию партии, за большевистские темпы социалистического строительства на транспорте.

В своем постановлении от 10 сентября ЦК ВКП(б) отметил, что слабая работа транспорта, ставящая под угрозу осенне-зимние перевозки

> «в первую очередь является следствием совершенно неудовлетворительной работы профсоюзов и хозяйственных органов на транспорте (железнодорожники и в особенности водники и местран), расхлябанности хозяйственного аппарата, особенно в его средних и низовых звеньях, недопустимо медленного внедрения на транспорте единоначалия и слабой работы партийных и комсомольских организаций».

Эта оценка ЦК, данная в сентябре, остается в силе и в настоящее время. Итоги работы транспорта за октябрь месяц особого квартала показывают недовыполнение транспортного плана почти на 27%. *Выполнение и перевыполнение транспортного плана особого квартала является непременным условием выполнения транспортного плана 3-го года пятилетки.* Этого нужно добиться путем действительного большевистского перелома на транспортном фронте, путем решительной мобилизации транспортных парторганизаций на овладение боевыми темпами работы и возглавление активности рабочих масс.

Образцы большевистской борьбы за перевыполнение промфинплана, образцы организации рабочего энтузиазма и внесения инициативы при выполнении решений партии есть и они растут с каждым днем. Рабочие Ярославского депо выпустили паровоз из обточки в 16 ч., вместо 72-х; рабочие Муромского завода выпустили паровоз из капитального ремонта в 41 час; рабочие Полтавского завода, депо Подмосковная показали блестящие примеры трудового героизма, большевистской борьбы за пятилетку в четыре года. Там, где по-большевистски борются за проведение решений ЦК ВКП(б), там, где действительно развернута борьба за встречный промфинплан, за ударничество, за социалистическое соревнование, за выполнение генеральной линии партии, — там «об'ективные причины» отпадают и рабочие добиваются огромных производственных побед.

Попытки двурушников из право-«левого» блока оклеветать трудовой под'ем пролетариата разбиваются о факты мощного под'ема все новых и новых масс на борьбу за большевистские темпы выполнения промфинплана. Классовый враг пытается оказать нашему социалистическому наступлению жесточайшее сопротивление. В этой обстановке требуется исключительная бдительность партии и рабочего класса. *Только в решительной борьбе на два фронта: с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе, с право-«левым» двурушничеством и примиренчеством к уклонам от генеральной линии партии, мы сможем преодолеть стоящие перед нами трудности и обеспечить выполнение промфинплана на транспорте как особого квартала, так и третьего года пятилетки.*

III.

Задача коренной социалистической реконструкции транспорта, намеченная XVI партс'ездом, является решающей транспортной проблемой для третьего года пятилетки.

Что транспорт к XVI с'езду партии подошел с определенным запозданием реконструктивных мероприятий почти по всем своим отраслям при колоссальном росте совершаемой им работы — это совершенно очевидно.

Достаточно взглянуть на предстоящую нагрузку транспорта и темп роста грузооборота, чтобы убедиться в полной необходимости развертывания работы по осуществлению той реконструктивной программы, которая разработана НКПС. Грузооборот показывает быстрые темпы по сравнению с 1928/29 г., к концу пятилетия он увеличивается в 3½ раза, по сравнению с текущим 1929/30 г. — в 2½ раза. Если в 1928/29 году грузооборот выражался почти в 176 млн. тонн, а общий пробег—в 106 млрд. тонно-километров, то для 1929/30 г. соответствующие цифры будут 240 и 138, для особого квартала — 83 млн. т., для 1931 г. — 360 млн. т. На конец пятилетки, по сугубо ориентировочным подсчетам, намечается грузооборот в размере 620—650 млн. тонн.

Наметка плана перевозки на 1931 г. по всем видам транспорта такова:

Виды транспорта	Перевозки (млн тонн)	Пробеги (млрд. т.-клм.)
Железные дороги	360	205,2
Речной флот	116,1	67,0
Морской флот	22,5	18,3
Местный транспорт	1.000,0	15,2

Рост в % к предшествовавшему 1930 г. выразится по жел-дор. транспорту 35,3%, по речному — 82%, морскому — 64%, портам — 46,5%, местному транспорту — 26%. В этих цифрах видно осуществление директив партии о подтягивании отставших видов транспорта [1]).

---

[1]) Все приведенные выше цифры, как и последующие, являются ориентировочными наметками НКПС.

Таковы те масштабы, по которым должна равняться транспортная работа в ближайшие годы.

Сравнение данных о фактическом выполнении плана с наметкой на конец пятилетия с достаточной полнотой характеризует качество ранее составленной пятилетки, как явно преуменьшенной.

Составители плана совершенно не учли реальных возможностей развития народного хозяйства и тех темпов, которые возможны при диктатуре пролетариата. План развития транспорта оказался не отвечающим общему росту народного хозяйства.

Оптимальный вариант старой пятилетки, намечавший 281 млн. тонн грузооборота по жел.-дор. транспорту на 1932/33 г., проектировал такие незначительные темпы, ориентировка на которые не вывела бы транспорт из положения «узкого места» народного хозяйства.

Самая же первая пятилетка, разработанная в НКПС при участии вредителей (Шухов, Мекк и др.), по которой намечался грузооборот на 1933 г., в размере 186 млн. тонн, совершенно правильно квалифицирована как вредительская пятилетка.

Вредительская организация в НКПС вела свою контрреволюционную подрывную работу, сознательно преуменьшая возможность развития нашего транспорта, добиваясь форсирования огромных затрат одновременно во все отрасли транспортного хозяйства с целью парализовать непрерывный процесс работы и дезорганизовать движение, и осуществляла вредительство в плановой работе.

> «По перспективному плану, — говорит вредитель Шухов, — составленному в 1926 году, средняя нагрузка на ось товарного вагона была намечена на 1930/31 г. в 4,4 тонны, в то же время, как нагрузка в 4,4 тонны была достигнута уже по отчетным данным за 1925/26 г. Средне-суточный пробег рабочего паровоза был намечен на 1930/31 г. в 122 клм. А в 1926/27 г. уже был достигнут в 130,9 клм. в сутки. *К периоду 1925/26 г. нужно отнести вредительскую работу по составлению, вернее, искажению пятилетних перспективных планов развития транспорта*».

Тов. Сталин был совершенно прав, когда дал исчерпывающую характеристику вредительству, как форме проявления классовой борьбы со стороны небольшой кучки буржуазных специалистов, этой агентуры международной буржуазии.

Международный капитализм перешел к новым формам антисоветской борьбы, перешел к

> «невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготовляя всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью, и ни о каких случайностях не может быть и речи» (Сталин).

Отсюда делался ясный и категорический вывод о том, что нам надо взяться за подготовку своих красных специалистов из детей рабочих и что нынешним директорам заводов и фабрик необходимо, если они хотят стать действительно хозяевами положения, овладеть техникой.

В третьем году пятилетки транспорт СССР должен сделать значительный шаг вперед по линии коренной реконструкции, по линии повышения своей технической базы, которая крайне отстала не только по сравнению с западно-европейским и американским транспортом, но и с другими отраслями народного хозяйства СССР.

За минувший ряд лет ни один из основных элементов транспорта (путь, тяга, подвижной состав, связь) не подвинулся сколько-нибудь значительно вперед в своей технической реконструкции. Длина эксплоатационной сети возрастала крайне медленно: с 1925/26 года по 1929/30 г. — средний прирост эксплоатационной сети повышался всего на 1%.

Вагонный парк на 90% состоит из устаревших, маломощных двухосных вагонов, цистерн и платформ. Чрезвычайно высокий процент (74%) крытых вагонов не давал возможности механизировать погрузочно-разгрузочные работы в первую очередь по таким массовым грузам, как каменный уголь, руда, стройматериалы и т. д. Острый недостаток открытых вагонов становится уже препятствием к крупному шахтному строительству. Паровозный парк также в значительной части устарел как физически, так и морально. Он также требует коренной реконструкции и обновления.

Не лучше обстоит дело и с верхним строением и искусственными сооружениями. Значительное их количество является или вовсе устаревшим или настолько маломощным, что становится тормозом к введению мощных паровозов.

На ряду с этим мы имеем весьма бурный рост грузонапряженности сети, который охарактеризован ранее.

Такой резкий разрыв между ростом грузонапряженности и темпом технической реконструкции транспорта характеризует, с одной стороны, его явное отставание от других отраслей промышленности и, с другой — неизбежно превращает его в «узкое место» в развитии народного хозяйства.

До сих пор транспорт если и овладевал бурно растущим грузооборотом, то исключительно благодаря использованию резервов, ранее произведенных капитальных вложений и напряжению внутренних технических ресурсов.

Дальнейшее отставание транспорта, несомненно, повлечет за собой значительные затруднения в осуществлении индустриализации страны.

Динамика основных фондов отдельных отраслей показывает отставание транспорта от промышленности и относительное падение удельного веса транспорта во всем народном хозяйстве.

Темп роста капитальных вложений за истекшее пятилетие составляет:

	В % к предыдущему году			
	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
По промышленности	132	126	135	230
По транспорту	131	135	127	152,7
По народному хозяйству в целом	122	112	110,6	153,4

Таким образом, если в 1926/27 г. рост капитальных вложений по транспорту находился примерно *на одном уровне с промышленностью, то уже в 1929/30 г. транспорт не только резко отстает от промышленности, но начинает отставать от роста капитальных вложений во всем народном хозяйстве в целом.* Недостаточный темп технического прогресса на транспорте можно характеризовать следующими данными:

Так, за пятилетие с 1925/26 г. по 1929/30 г. капиталовооруженность транспорта возросла только на 15%.

В 1926/27 г. на одного рабочего основных транспортных фондов приходится на 9,9 тыс. руб., в 1927/28 г. — 10,3 т. р., в 1928/29 г. — 10,8 т. р., и 1929/30 г. — 11,5 т. р.

Одновременно в промышленности идет бурный рост технической вооруженности рабочих. За пятилетие рост этот составляет свыше 60%. В 1925/26 г. на одного рабочего в промышленности приходится основных фондов 2,4 т. р., в 1926/27 г. — 2,6 т. р., 1927/28 г. — 2,8 т. р., 1928/29 г. — 3,1 т. р. и в 1929/30 г. — 4,0 т. р.

Медленное повышение технической базы транспорта об'ясняется не только недостаточными капитальными вложениями в прошлом, но также недостаточным проведением в жизнь рационализаторских мероприятий и эффективного использования внутренних ресурсов.

IV.

Развитие транспортного хозяйства невозможно без всемерного развертывания промышленности и, прежде всего, без тяжелой промышленности: металлургии и машиностроения. Противопоставление транспорта промышленности явно несостоятельно и должно быть решительно и раз навсегда отброшено. Ведущая роль в народном хозяйстве промышленности, а в промышленности—тяжелой металлургии, лишь облегчает реконструкцию транспорта. Так же должно быть отброшено оппортунистическое противопоставление реконструкции транспорта задачам индустриализации СССР.

Что же дают контрольные цифры 1931 г. в области под'ема технической базы транспорта и ее реконструкции? Крупный сдвиг в этом направлении характеризуется размерами и пропорциями капиталовложений в транспорт.

Во-первых, решительно повышается цифра капиталовложений по линии реконструкции транспорта, перестройки транспорта на более высокой технической основе.

В соответствии с этим повышается удельный вес капитальных вложений по отдельным элементам реконструкции, которые должны войти в действие в текущий и следующий годы. Правооппортунистическое, механистическое понимание реконструкции, противопоставляющее задачи реконструкции задачам рационализации транспорта, решительно осуждено партией. В основе плана реконструкции и распределения капиталовложений должна быть диалектическая установка, рассматривающая реконструкцию и рационализацию транспорта, как единый процесс социалистической переделки транспортного хозяйства СССР.

Контрольные цифры на 1931 г. разрешают проблему распределения капиталовложений под углом зрения максимального удовлетворения реконструктивных задач. Они обеспечивают выполнение реконструктивной программы по линии ж.-д., водного и автотранспорта. добиваясь установления правильных соотношений между отдельными видами транспорта.

Основная установка на реконструкцию транспорта находит свое отражение в том, что в 1931 г. об'ем затрат на реконструкцию и рационализацию ориентировочно намечается около 1.115 млн. руб., против 780 млн. руб. в контрольных цифрах на 1930/31 г. и против 149,3 млн. руб. на 1929/30 г.

Таким образом, открывается путь широкой реконструкции транспорта. На ряду с реконструктивными работами и внедрением мощного паровоза заказывается на советских заводах первая партия автотормозов и автоблокировочных приборов. Автотормоза внедряются в количестве до 100.000 комплектов, автоблокировка вводится на 2.000 клм. путей. До самого последнего времени предполагалось ввести автоблокировку всего на 40 клм., и то применяя на 50 — 60% импортное оборудование. В этом случае расходы на импортное оборудование составили бы в 1931 г. 10 млн. руб. зол., а в 1932 г. — 50 млн. руб. золотом. Как известно, в настоящее время промышленность разместила все заказы по деталям автоблокировки и автотормозам внутри страны.

Это — только первые элементы реконструкции. Перед промышленностью стоит задача обеспечить реконструкцию целым рядом других элементов, как, например, мощным подвижным составом, автосцепками, разгрузочными и погрузочными механизмами. Особо остро стоит вопрос о производстве продукции, до сих пор не выпускавшейся нашей машиностроительной промышленностью, а также—о производстве запасных частей. Не менее остро стоит вопрос о снабжении других, кроме ж.-д., видов транспорта. Вне реконструкции пришлось бы не только увеличивать пропорционально росту перевозок и рост подвижного состава, но расходовать громадное количество металла, материалов и денежных средств на вспомогательные линии, новые пути, смягчение уклонов.

Путь реконструкции транспорта, коренное изменение технической базы, транспорта являются единственно правильным путем, отвечающим задачам социалистического строительства в целом и поднимающим наш транспорт на более высокую ступень его развития. Должна быть выполнена с большевистской настойчивостью директива XVI с'езда—проводить,

> «развитие и реконструкцию транспорта, в особенности железнодорожного и водного, становящегося одним из наиболее узких мест социалистического хозяйства».

Оппортунистическая, а порой прямо буржуазная, трактовка политического значения и содержания проблемы реконструкции транспорта нередко встречается в транспортной печати. В журнале «Реконструкция транспорта» (№ 1, октябрь 1930 г.), призванном стать «специальным боевым органом печати» для «сплочения всей массы транспортников вокруг стоящих перед транспортом ответственнейших задач», даются следующие перлы в передовой статье:

> «Множить наши богатства и весьма усиленно — это обязанность нашей руководящей коммунистической партии, обязанность всех советских организаций и каждого советского гражданина»... «Чтобы умножить наши богатства, чтобы сделать труд более производительным, мы строим нашу промышленность на базе организации крупнейших предприятий с высокоразвитой техникой».

Так как «умножение богатства» без транспорта затруднительно, то автор приходит к выводу, что поэтому «одним из главнейших пунктов программы социалистического строительства является реконструкция транспорта».

Напрасно вы будете искать в этой передовице с громким заглавием «Транспорт в экономике и политике советского хозяйства» хоть каких-нибудь намеков на большевистскую постановку вопроса о коренной реконструкции транспорта, на задачи, стоящие перед транспортом СССР в условиях развернутого наступления социализма и обостренной классовой борьбы. Основная задача, заключает автор передовицы,—

> «сознать что улучшения на транспорте дают большую экономию во всем народном хозяйстве, увеличивают возможности обслуживания транспортом других отраслей хозяйства и тем самым создают условия для увеличения богатства нашей страны, а следовательно, создают благополучие всех трудящихся».

Нужно решительно ударить по этим буржуазным перепевам и гнилым, оппортунистическим извращениям в постановке вопроса о социалистической реконструкции транспорта, по попыткам оторвать реконструкцию транспорта от строительства социалистического хозяйства в целом.

Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта ни в какой мере не снимает необходимости всемерной мобилизации транспортных средств для выполнения текущих заданий и возможности *повышения эффективности работы при старых технических средствах транспорта.*

Основные линии, по которым должна пойти перестройка транспортного хозяйства, это: реконструкция транспорта в техническом отношении, поднятие его на уровень, достигнутый передовыми капиталистическими странами; широкое применение механизации, развитие автомобилизации и улучшение безрельсовых дорог; максимальное использование водных путей; мобилизация и рациональное использование внутренних ресурсов транспорта путем рационализации, повышения производительности труда и экономии в расходовании материалов (металлы).

Все эти работы на транспорте невозможны без широкой подготовки квалифицированных кадров работников транспорта, без развертывания научно-исследовательской работы и без развертывания социалистических методов работы (ударничество, социалистическое соревнование, общественный буксир и т. д.).

V.

Ни в какой мере нельзя ослаблять разрешение *рационализаторских задач*, которые должны быть выполнены с максимальной настойчивостью в предстоящем году. Проведение реконструкции ставит с особой остротой вопрос о необходимости и неотложности всесторонней рационализации работ транспорта.

В основном рационализация по всем видам транспорта заключается в том, чтобы достигнуть возможно более значительного повышения измерителей использования транспортных средств; повышения производительности труда; снижения норм расходования топлива и материалов на единицу работы; снижение себестоимости; улучшение организации труда.

Намеченный план рационализации дает возможность внести значительные улучшения по всем основным показателям работы транспорта.

Контрольными цифрами поставлена задача достигнуть в 1931 году: повышения измерителей в среднем на 15%, повышения производительности труда на 17%, снижения себестоимости перевозок на 23,0%, снижения норм расходования металла на 16,0%.

Насколько действительно велика и неразрывна связь между отдельными частями плана рационализации и реконструкции транспорта, видно из следующих сопоставлений. Достижение намеченной нагрузки работника транспорта зависит: от густоты движения на 27%, от улучшения измерителей — на 14%, от роста производительности труда — на 55%.

В процессе осуществления реконструктивных мероприятий вопросы рационализации не только не отпадут, но, напротив, приобретут еще большее значение, так как оборудованный по последнему слову техники советский транспорт потребует применения более совершенных методов рационализации транспортных процессов. То обстоятельство, что текущий год являлся годом напряженной работы по линии повышения эффективности транспортных средств, главным образом, за счет рационализации и мобилизации внутренних ресурсов, — ни в коей мере не противоречит основной установке транспорта на коренную реконструкцию. Коренной перелом в деле реконструкции транспортного хозяйства и максимального развертывания рационализаторских работ характеризуется значительным ростом капиталовложений в транспорт. Дальнейшее развитие металлопромышленности и машиностроения в СССР, являющееся базой осуществления реконструкции на транспорте, позволит перейти в ближайшие годы к более повышенным темпам капитальных вложений в транспорт и к более решительной его реконструкции.

Вот почему основная задача намечается не только в том, чтобы *выполнить бурно растущие перевозки в основном теми техническими средствами, какие имеются у транспорта в настоящее время*, а и в том, чтобы *в возможно короткий срок реализовать ряд реконструктивных мероприятий, повышающих технический уровень транспортных средств*.

Программа *реконструктивных мероприятий*, намеченная НКПС, сводится в основном к следующему: увеличению мощности паровозов и под'емной силы вагонов; введению автоматической сцепки для всего подвижного состава; оборудованию подвижного состава автотормозами; установке автоматической блокировки; электрификации и теплофикации жел. дорог; механизации погрузочно-разгрузочных работ; реконструкции пути.

Ведущим звеном программы является введение более мощного поездного двигателя. Тяжелый локомотив потребует усиления верхнего строения пути на основных направлениях и, давая более тяжелый вес поезда, ведет к необходимости реконструкции сцепного прибора и тормоза. Большой вес поезда ведет к необходимости укорачивания его длины, т. е. к проведению мероприятий по укрупнению подвижного состава.

Техническая вооруженность транспорта измеряется тяжеловесностью и скоростью движения поездов. Отсюда основной задачей реконструкции является — введение тяжеловесных поездов, увеличение их скорости путем применения более мощного двигателя и большегрузного подвижного состава, оборудованного автосцепкой и автотормозами.

Реконструкция *провозной* способности (локомотив, вагон, сцепка, тормоз) неотложно выдвигает проблемы реконструкции *пропускной* способности станций и перегонов при помощи автоблокировки и механизации погрузочно-разгрузочных работ.

Таким образом, намеченная программа реконструкции состоит из тесно связанных между собою элементов и является программой реконструкции всего транспортного процесса в целом. Реконструкция транспорта, есть совокупность мероприятий, повышающих его техническую базу, изменяющих конструкции его оборудования и методы эксплоатации в направлении лучшего технико-экономического эффекта и снижения себестоимости перевозок. Поэтому выдергивать из этой программы отдельные элементы и относить их «на еще долгое время», в будущее — значит совершенно не понимать внутренней связанности и единства этой программы социалистической реконструкции транспорта.

Социалистическая реконструкция транспорта означает не только техническую реконструкцию, но и реконструкцию планово-организационную, полный переворот в тех навыках и способах работы, которые унаследованы от капиталистического транспорта.

Как же практически должен стоять вопрос о проведении в жизнь намеченного большого плана реконструкции транспортного хозяйства? План осуществления отдельных реконструктивных мероприятий как в отношении сроков их проведения, так и создания необходимых производственно-материальных предпосылок, разработан НКПС и будет представлен на утверждение правительства в текущем году.

Промышленность должна выделить заводы, обеспеченные соответствующими техническими средствами для производства отдельных элементов реконструируемого транспорта, как-то: электровозов, автоблокировок, автосцепки, автотормозов, большегрузных вагонов. Чтобы выпуск продукции для технической реконструкции был начат промышленностью не позднее 1931 года, НКПС со своей стороны должен в самом форсированном порядке провести опыты по определению наиболее выгодных типов подвижного состава, новых типов конструкции и оборудования его и представить правительству планы снабжения транспорта со стороны промышленности более технически совершенными техническими средствами.

Это требование относится ко всем ведущим звеньям транспортной реконструкции: автосцепке, автотормозам, мощным паровозам, большегрузным вагонам, усилению верхнего строения пути и автоблокировке, и должно быть выполнено в текущем году. *Транспорт в кратчайший срок должен выдвинуть перед промышленностью те об'екты новой техники, применение которых является неот'емлемой частью его реконструкции.* В свою очередь, *промышленность должна своевременно организовать ряд новых производств, связанных с реконструкцией транспорта*; она должна действительно повернуться лицом к реконструкции транспорта. Особенно необходимо при этом учесть задачи форсированного развития *резко отстающих* отраслей транспортного хозяйства — морского и речного судостроения.

Только на этом пути — гораздо более тесной связи промышленности и транспорта — найдет свое правильное осуществление директива XVI с'езда партии о том, что

> «общий рост грузооборота в стране, значительно превосходя задания пятилетнего плана, требует от промышленности такого развития производств, обслуживающих потребности всех видов *транспорта*, в частности водного транспорта, в виду его крайней отсталости, при котором было бы обеспечено развитие транспорта, в соответствии с темпами развития народного хозяйства».

VI.

Значение электрификации железных дорог в общем плане реконструкции транспорта огромно. Электрификация здесь должна быть поставлена на первое место, как важнейшее реконструктивное мероприятие, способствующее разрешению не только транспортной, но и энергетической проблемы. При условии электрификации — на один и тот же измеритель работы сжигается топлива на электроцентралях в 4 раза меньше, чем на паровозах, увеличивается пропускная способность ж. д в 3—4 раза по сравнению с существующей, достигается колоссальная экономия подвижного состава и возможность выполнения перевозочной работы без значительных затрат на усиление существующего верхнего строения пути.

План реконструкции ж.-д. транспорта путем электрификации должен быть расширен и включить в себя все дороги «Большого Урала», в связи с созданием второй угольно-металлургической базы на Урале, в той последовательности, в которой будут возрастать грузопотоки; вновь строящиеся ж. д. с гористым профилем (Магнитогорск, Уфа); дороги, требующие большого усиления выходов из районов горнодобывающей промышленности и требующие усиления пропускной способности с помощью прокладки дополнительных путей; дороги внутренних густо-развитых путей промышленных районов Урала, Кузбасса, Донбасса и по направлениям, соединяющим топливо и руду; головные участки железных дорог крупных узлов (Москва, Ленинград) с огромным пригородным движением

Намеченная НКПС'ом программа по электрификации, отражая в себе значительный перелом в этой области, разумеется, далеко выходит за пределы текущей пятилетки.

Предположено закончить к концу следующего пятилетия электрификацию 10.000 клм. однопутной и 3.000 клм. двухпутной сети ж. д., из которых 3.000 километров будет электрифицировано в текущую пятилетку.

Мощность тяговых подстанций будет выражаться в 1.800 тыс. киловатт. Стоимость работ по электрификации достигнет 650 млн. р., стоимость подвижного состава — до 850 млн. руб. Эта значительная программа по электрификации потребует развертывания машиностроительной промышленности, производства электровозов на сумму не менее 1 млрд. руб. Электростроительство должно быть увязано с развитием паровозостроения с тем, чтобы проводилась постепенная замена паровой тяги — электрической. Осуществление этих мероприятий даст экономию топлива и черных металлов в размере 60%, по сравнению с количествами, потребными при условии сохранения паровой тяги.

Необходимо решительно поставить вопрос о большевистских темпах реконструкции транспорта и *перед промышленностью*. Нужно и должно повернуть промышленность лицом к реконструкции транспорта. Пока этот поворот совершается в недопустимо вялых темпах со стороны отраслей промышленности, работающих на транспорт, что *ставит под угрозу* успешное развертывание программы социалистической реконструкции транспорта.

Правильное построение плана реконструкции, в особенности электрификации железных дорог, требует ясности в вопросе размещения производительных сил в стране — большие капитальные вложения, которые будут сделаны по этой линии, должны иметь правильное направление.

Тов. Сталин на XVI с'езде говорил:

> «Прежде всего, проблема *правильного размещения промышленности по СССР*. Как бы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства»

Для овладения грузооборотом, для осуществления программы социалистической реконструкции транспорта и, прежде всего, программы электрификации, — проблема правильного размещения промышленности и сельского хозяйства по СССР имеет огромное значение. *Следует подчеркнуть, что перед транспортом стоит задача не только полного удовлетворения текущих и перспективных нужд народного хозяйства в области перевозок, но и активного участия в создании новых производственных центров.*

Капитальные вложения в транспорт по районам должны быть произведены с учетом значения каждого из них в развертывании дальнейшей социалистической индустриализации СССР и привлечения окраинных национальных республик к общехозяйственному строительству и укреплению обобществленного сектора в экономике СССР.

В третьем году пятилетки транспортный план должен гарантировать осуществление хозяйственных планов по развертыванию индустриализации и укреплению транспорта в решающих в хозяйственном отношении районах и важнейших национальных республиках.

VII.

Если сравнить темпы и динамику роста транспорта СССР с транспортом крупнейших капиталистических стран Европы и Америки, то итог говорит за несомненные преимущества советской хозяйственной системы и за полную возможность «догнать и перегнать» технико-экономический уровень капиталистического транспорта в минимальный исторический срок.

В самом деле, все капиталистические страны (не исключая и дорог Японии) характеризуются либо стабилизацией, либо крайне замедленным темпом роста грузооборота.

Грузооборот увеличился за три года:

В САСШ	на 8%	(с 1926 г. по 1929 г.)
„ Канаде	„ 7%	(„ „ „ „ „ „)
„ Германии	„ 9,5%	(„ „ „ „ „ „)
„ Японии	„ 7%	(с 1924/25 г. по 1927/28 г.).
„ СССР	„ 77%	(„ 1926/27 „ „ 1929/30 г.).

Железные дороги СССР достигли довоенных размеров грузооборота в 1926/27 году, т.-е. в срок более короткий (если учесть период гражданской войны), чем многие из западно-европейских стран. К 1929/30 г. грузооборот достиг 182% от довоенного, при увеличении длины сети на 38%. Прирост грузооборота за последние три года (с 1926/27 по 1929/30 г.) составил 77%.

Столь бурного темпа развития перевозок на коротком отрезке времени не знала ни одна страна мира не только за послевоенное время, но и ранее, в периоды сильного под'ема ж.-д. строительства.

В следующие годы пятилетки грузооборот жел. дорог СССР по своей абсолютной величине уже превысит все страны мира, за исключением САСШ. В 1930/31 году по абсолютной величине грузооборота жел. дороги СССР будут находиться на четвертом месте после САСШ, Германии и Великобритании; в 1931/32 г. ж. д. СССР должны выйти на второе место после САСШ.

В связи с этим напряженность грузовой работы жел. дорог, измеряемая количеством тонно-километров груза на 1 км. длины, уже в 1929/30 году приближается к напряженности работы к жел. дорогам САСШ, имеющим максимальную напряженность среди всех стран мира.

В отношении пассажирских перевозок на жел. дорогах САСШ и Канады наблюдается неуклонное падение. В САСШ с 1923 по 1929 г. общий итог перевозок пасажиров уменьшился до 50 млрд. пассажиро-километров, или на 12%. В странах Западной Европы наблюдается также аналогичное снижение либо стабильность.

В СССР перевозки пассажиров в настоящее время (1929/30 г.) составляют уже 265% к довоенному, в 1931 г. этот процент возрастет до 350%.

По напряженности пассажирского движения (пассажиро-километров на 1 км. сети) ж.-д. сети СССР уже в настоящее время находятся примерно на 5-м месте, а в 1931 году ж.-д. СССР должны выйти на 3-е место.

По степени обеспеченности перевозок подвижным составом СССР пока находится в недостаточно благоприятном положении. Помимо отставания нашей сети в отношении количественного обеспечения подвижным составом, имеет место качественная отсталость нашего технического оборудования (наличие на заграничных дорогах автоторможения, автосцепки — в Японии и САСШ, автоблокировки).

Однако в условиях планового социалистического хозяйства основные фонды и подвижной состав нашего транспорта могут быть использованы со значительно большей эффективностью, чем в условиях стихийного капиталистического хозяйства.

Это обстоятельство с достаточной наглядностью подтверждается следующим фактом — несмотря на слабую, сравнительно с другими странами, обеспеченность нашей сети подвижным составом, мы находим еще внутренние резервы для дальнейшего повышения производительности транспортных средств.

Насколько велик кризис в капиталистическом транспорте, видно хотя бы из того, что в данное время на железных дорогах САСШ 7.735 паровозов и 465.898 вагонов стоят абсолютно неиспользованными. Таков результат кризиса в транспортном хозяйстве САСШ («Railway Journal», № 8, август 1930 г., Чикаго).

Основные проблемы, которые стоят сейчас перед транспортом СССР— проблема реконструкции транспорта, осуществление плана третьего года пятилетки на транспорте, уточнение транспортной пятилетки. Все эти проблемы требуют углубленной проработки и большевистского разрешения.

Каждый транспортник должен связывать текущие вопросы транспортно-оперативной работы с общими задачами социалистической реконструкции транспорта.

Только борясь с правым уклоном, как главной опасностью, а также с «левым» оппортунизмом и примиренчеством к ним, строя производственную работу в соответствии с общими политическими задачами, — транспортные парторганизации смогут действительно мобилизовать массы на борьбу за большевистские темпы социалистического строительства по линии транспорта, за выполнение и перевыполнение транфинплана.

Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта зависит от неослабного внимания всей партии и профсоюзных организаций к этой важнейшей проблеме. Должна быть проделана большая работа по мобилизации творческой энергии и революционного энтузиазма рабочих масс транспорта. Только опираясь на рабочие массы, можно действительно по-большевистски двинуть наш транспорт вперед.

Вопросы труда на новом этапе.

(Окончание, см. № 21).

II. О характере безработицы и аграрном перенаселении в переходном хозяйстве.

Наше хозяйство является переходным от капитализма к социализму. Как переходное хозяйство, оно состоит из различных экономических укладов, при чем, поскольку оно является переходным от капитализма к социализму, основным законом его развития является социалистическое развитие. Это развитие идет не «самотеком», как думают правые оппортунисты, а в ожесточенной классовой борьбе, путем ограничения, вытеснения и ликвидации хозяйств капиталистического типа, путем переделки, именно переделки, а не «врастания» в социализм мелкотоварного и полутоварного хозяйства, главным образом крестьянского, на основе быстрого развития социалистической организации народного хозяйства.

Кондратьевцы и смыкающиеся с ними правые оппортунисты не понимают специфических особенностей нашего переходного хозяйства и путей его социалистического развития, поэтому они не способны дать правильное определение безработицы и аграрного перенаселения в нашем переходном хозяйстве и наметить правильные пути их изживания.

Наше переходное хозяйство, как целое, состоит из различных укладов и секторов. Одним из них свойственно явление аграрной перенаселенности, другим — нет. Поэтому в нашем переходном хозяйстве, как состоящем из разнородных секторов, среди которых имеется и капиталистический, которому свойственно образование относительной перенаселенности, сохраняется аграрная перенаселенность, как сохраняется и явление безработицы.

Наше переходное хозяйство является переходным от капитализма к социализму. Следовательно, оно становится все менее переходным, все более социалистическим, и его состояние, как переходного хозяйства, заканчивается с построением в нашей стране единого социалистического хозяйства. Таким образом, в нашем хозяйстве аграрное перенаселение, как и вообще безработица, будет изживаться и ликвидироваться в меру построения социалистического общества, в меру развертывания социалистического наступления, в меру вытеснения и уничтожения капиталистических элементов и переделки самого мелко-крестьянского товарного хозяйства, т.-е. уничтожения глубочайшей основы развития капитализма. Этим самым будет уничтожено и действие капиталистического закона народонаселения, одной из основных форм проявления которого является аграрное перенаселение. Следовательно, темп и время изжития и ликвидации безработицы и аграрного перенаселения целиком и полностью определяются темпом социалистического строительства и социалистического наступления.

Этой непосредственной зависимости изжития и ликвидации безработицы и аграрного перенаселения от развития социалистического строительства, от темпов этого развития еще не понимают или не хотят понять кондратьевцы и правые оппортунисты. Последние, говоря о путях изжития аграрной перенаселенности, на первый план выдвигают поднятие уровня производительных сил сельского хозяйства «вообще», совершенно не понимая, что поднятие уровня производительных сил не само по себе, а лишь при социалистической форме организации производства действительно является средством изжития и ликвидации аграрного перенаселения и безработицы в целом. Проникновение капитализма в сельское хояйство сопровождается также под'емом уровня производительных сил в нем, но в связи с этим не только не устраняется относительное перенаселение, в том числе и скрытое, так называемое аграрное, но наоборот, оно беспрерывно и резко увеличивается.

В этой связи следует отметить, что кондратьевцы, отрицая капиталистическую сущность аграрного перенаселения, отождествляя машину, как средство производства, с ее ролью, как капитала, как носителя общественного отношения капиталистического хозяйства, противопоставляют «капиталоинтенсификацию» сельского хозяйства, т.-е. внедрение в него машин, «трудоинтенсификации» его, т.-е. развитию в нем трудоемких культур, при чем «трудоинтенсификация» об'является главным «средством» изжития аграрной перенаселенности. Поэтому машинизацию и механизацию сельского хозяйства кондратьевцы считают выгодными лишь постольку, поскольку они, с их точки зрения, не ведут к уменьшению использования живой рабочей силы. Так, например, кондратьевец Н. Макаров заявляет, что

> «введение более сильных упряжек так же, как и введение машин в трудовом хозяйстве выгодно в том случае, если хозяйство сможет сэкономив на рабочих человеческих силах, использовать эти «сэкономленные силы в той или другой области хозяйства», иначе «экономической выгоды может и не быть» 1)

Это положение кондратьевцев является прямым теоретическим отражением реакционных настроений мелкого буржуа, в первую очередь кулака, который видит в распространении машин в нашем сельском хозяйстве величайшую опасность для своего существования, так как в условиях диктатуры пролетариата машина является технической базой для социалистической переделки сельского хозяйства. Поэтому борьба кондратьевцев против внедрения машин в сельское хозяйство, «теоретическое» доказательство «невыгодности» машин в наших условиях является не чем иным, как формой проявления борьбы кулака против коллективизации сельского хозяйства.

Победа социалистического пути развития сельского хозяйства над капиталистическим, создание социалистического сельского хозяйства имеет решающее значение для ликвидации аграрной перенаселенности. И лишь при социалистической организации сельского хозяйства поднятие уровня производительности труда путем механизации и интенсификации земледелия становится фактором изживания и ликвидации аграрной перенаселенности.

Крупное коллективизированное сельское хозяйство открывает исключительные возможности для наиболее полного использования наличной рабочей силы, такие возможности, каких не имеет мелко-крестьянское хозяйство.

В частности, коллективизация открывает исключительные возможности для преодоления так называемой сезонности в сельскохозяйственных работах, которую капитализм в земледелии только уменьшает, но не уничтожает, и в связи с которой относительная перенаселенность получает резкие колебания. При этом следует отметить, что эти резкие сезонные колебания

---

1) Н. Макаров. «Организация сельского хозяйства», стр 440—441. Это же положение автор развивает в своей специальной работе—«Условия и пределы применения трактора в сельском хозяйстве», в которой он, по сути дела, выступает против внедрения трактора в наше сельское хозяйство.

в земледелии ни в коем случае нельзя рассматривать, во-первых, как доказательство, будто бы аграрное перенаселение определяется естественными особенностями земледелия, а не капиталистическими производственными отношениями. Еще в полемике с народниками Ленин указывал, что «совершенно неправильно ставить вопрос об освобождении зимнего времени земледельца, независимо от общего вопроса о капиталистическом перенаселении. Образование резервной армии безработных свойственно капитализму вообще, и особенности земледелия обусловливают лишь особые формы этого явления» [1]).

Во-вторых, сезонные колебания в использовании земледельческого труда не являются «природой данными» колебаниями, которые невозможно преодолеть. Эти колебания, их размер в решающей мере зависят от уровня производительных сил, от уровня техники земледельческого производства, с одной стороны, с другой — от общественной формы организации народного хозяйства: наибольшего размера сезонные колебания в использовании земледельческого хозяйства достигают в мелком, раздробленном крестьянском хозяйстве с его примитивной техникой. Размер этих колебаний, при всей условности всякого рода исчислений аграрного перенаселения (вследствие ошибочной методологии этих исчислений, обусловленной, в первую очередь, ошибочным определением его социальной сущности), можно иллюстрировать следующими данными: при среднегодовой «избыточности» рабочей силы в сельском хозяйстве в 15,8% от всех работников в рабочем возрасте по месяцам она колеблется между минимумом в 3,6% (август) и максимумом в 27% (февраль).

На преодоление сезонных колебаний в использовании труда в социалистическом сельском хозяйстве должно быть обращено особое внимание. Должен быть дан самый решительный отпор мнению, что «по самой природе сельского хозяйства добиться совершенно равномерного распределения работ за год невозможно» [2]). Необходимо на основе практики и теории найти такую форму организации производственного процесса как собственно самих сельскохозяйственных предприятий, так и перерабатывающих и подсобных (сельхозиндустрия), которые обеспечивали бы максимальное и в то же время равномерное использование всей наличной рабочей силы в течение всего года. Мелкое раздробленное хозяйство по своей природе обречено было на такие примитивные технологические формы процесса производства, которые сами по себе исключали оптимальное, наиболее рациональное использование наличной рабочей силы. Крупное хозяйство открывает почти неограниченные возможности для таких высоких технологических форм производственного процесса, которые дадут наиболее эффективное использование в нем на протяжении года наличной рабочей силы. Проблема преодоления сезонности входит составной частью в общую проблему организации труда в колхозах.

III. Вопросы планирования труда—важнейшая задача социалистического строительства.

Все большее повышение уровня производительных сил на основе быстрого роста социалистической промышленности и сплошной коллективизации сельского хозяйства вызывает иное распределение общественного труда между отдельными отраслями народного хозяйства. Особо значительные изменения предстоят в распределении общественного труда между сельским хозяйством и промышленностью.

Вследствие аграрного характера нашего народного хозяйства и общей его технико-экономической отсталости, сельским хозяйством у нас до сих

---

[1]) Ленин. Собр. соч, том III, 1-е изд., стр. 256.

[2]) Н. Макаров. «Организация сельского хозяйства», стр. 452.

пор заняты подавляющие массы населения, около 80%. На основе социалистического преобразования народного хозяйства наша страна все более становится индустриально-аграрной страной. Это должно дать резкую передвижку соотношения между сельскохозяйственным и промышленным населением. Наш боевой лозунг — «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». Наиболее передовой страной в этом отношении является Северная Америка, которая, будучи страной индустриально-аграрной, насчитывает 52% городского населения. Чтобы достичь такого распределения труда, которое является обязательным при высоком общем уровне производительных сил, нам необходимо несколько десятков миллионов сельскохозяйственного населения перевести из сельского хозяйства в промышленность. Только при таком перераспределении общественного труда между сельским хозяйством и промышленностью мы сможем догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню производительных сил.

Это не значит, конечно, что мы пойдем по пути углубления пропасти между городом и деревней. Наоборот, социалистический характер нашего развития, индустриализация сельского хозяйства ведут к устранению этого разрыва. Но все это не только не противоречит, но предполагает резкое увеличение доли общественного труда, занятого в промышленности.

В товарно-капиталистическом хозяйстве перераспределение общественного труда в связи с изменением и ростом уровня производительных сил происходит стихийно, при посредстве действия механизма цен. С развитием нашего социалистического хозяйства действие этого механизма цен все больше ограничивается, все больше вытесняется и заменяется действием социалистического плана.

Роль социалистического плана особо возросла и далее будет возрастать в связи с развертыванием сплошной коллективизации и ликвидацией кулачества как класса, с развитием социалистического сектора в сельском хозяйстве. Рост социализма в нашей стране вносит коренные изменения в формы распределения и перераспределения общественного труда. Рыночные формы этого распределения и перераспределения все более ограничиваются и поэтому должны все более заменяться плановыми формами.

Что рыночные формы распределения и перераспределения общественного труда уже утеряли свое прежнее значение, видно, в частности, из следующего: с момента развернутого социалистического наступления спрос на труд все более и более превышает его предложение. Так, в 1927/28 г. в среднем в год на 100 предложений труда по всем профессиям приходилось 125,2 мест, в 1928/29 — 171,3 места, за 1 полугодие 1929/30 г. — 174,7 мест [1]).

Сопоставление данных показателей о спросе и предложении труда достаточно убедительно свидетельствует, во-порвых, об изжитии безработицы в нашей стране на основе развернутого социалистического наступления.

Во-вторых, о начале «отмирания» на основе построения социалистического хозяйства, рыночных форм распределения и перераспределения рабочей силы. Поэтому «существующая организация рабочей силы как внутри производства, так и на рынке труда в настоящее время резко отстает от требований, пред'являемых народному хозяйству» [2]).

Это несоответствие особенно резко выявляется с момента мощного развития сплошной коллективизации сельского хозяйства. Общеизвестно, что среди наших безработных большое место, примерно около ⅓, занимали лица, приходящие из деревень, из сельских местностей. В этом обычно очень многие видят доказательство «аграрной перенаселенности» нашей страны, не понимая, что прилив рабочей силы из деревни, из крестьянства в промышленность не всегда и не только имеет своим источником так называемую «аграрную перенаселенность» нашей страны. Значительная часть этого прилива рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность являлась неорганизованным перераспределением рабочей силы между отраслями народного хозяйства, возникающим вследствие изменения уровня производительных сил. И в нашем переходном хозяйстве, поскольку в нем сохранялось и еще сохраняется мелко-крестьянское хозяйство и в соответствии с этим общая товарная форма хозяйства, это перераспределение рабочей силы в значительной степени совершалось стихийно, в виде потока рабочей силы из деревни. Но этот поток не сводился просто к так наз. «аграрной перенаселенности».

---

[1]) Справочник «Вопросы труда в цифрах», стр. 49, изд. 1930 г.

[2]) Постановление ЦК партии «О росте кадров рабочего класса, о состоянии безработицы и о мероприятиях к ее ослаблению». «Правда», 9/XII—1929 г. Разрядка моя.—**А. П.**

Что это так, резко обнаружилось при начале развития сплошной коллективизации, которая, создавая новые производственные отношения в деревне, ограничила рыночную стихийную форму прилива рабочей силы в промышленность. Общеизвестно, как весной текущего года многие отрасли народного хозяйства начали испытывать затруднения в рабочей силе, хотя в нашей стране запасы рабочей силы исключительно большие. Причины этого — не только в отдельных ошибках ряда местных организаций и в стремлении отдельных колхозов задержать у себя рабочего, что, конечно, имело существенное значение, но все же не решающее.

Главное заключается в том, что складывающиеся новые социалистические производственные отношения в деревне сокращают и вытесняют действие старых рыночных форм распределения рабочей силы. И в этой области «самотек», свойственный анархическому хозяйству, теряет свое значение и должен быть целиком заменен социалистическим планом. Это не было своевременно учтено многими нашими хозяйственными и профессиональными организациями, в особенности органами Наркомтруда, вследствие чего произошло отставание в переходе к социалистическому, плановому регулированию распределения рабочей силы в нашей стране [1].

Выкорчевывание кондратьевско-громановских и правооппортунистических взглядов на безработицу и аграрное перенаселение является важнейшим условием быстрого и успешного перехода к новым методам снабжения наших социалистических предприятий рабочей силой, к новым, социалистическим методам ее подготовки и распределения. Гигантские задачи развернутого социалистического строительства требуют быстрейшего и решительного преодоления правого оппортунизма в деле снабжения рабочей силой наших предприятий, решительной борьбы с установкой на «самотек» в этой области. Необходимо покончить с растерянностью в этой области, которая, в первую очередь, создалась среди тех, которые целиком и полностью полагались на «самотек» в снабжении рабочей силой, среди тех, которые в этом «самотеке» видели неисчерпаемый источник снабжения рабочей силой.

В настоящее время, в связи с недостатком рабочих рук для отдельных предприятий и районов, кое-где начинают вестись разговоры о «безработице», вместо безработицы, в нашей стране. В особенности широкое распространение имеют разговоры о том, что если до коллективизации сельского хозяйства мы

---

[1] См. постановление ЦК ВКП(б) от 20/X—1930 г.: «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью». «Правда» 22/X 1930 г.

имели «избыточное» сельское население, то теперь, в связи с коллективизацией, мы имеем «недостаток» его. Даже в наших газетах попадаются такого рода сообщения, что, мол, в колхозе «работа идет очень дружно, все работают энергично. Один недостаток — это нехватка рабочей силы» [1].

Разговоры о нехватке рабочих рук в колхозах являются не чем иным, как прикрытием, с одной стороны, неумения организовать рабочую силу в колхозе так, чтобы своевременно и полностью выполнить все работы; с другой стороны, они прикрывают неумение организовать снабжение предприятий рабочей силой новыми методами, не «самотеком», а активной вербовкой. Поэтому все эти разговоры, как пытающиеся «об'ективными» причинами, дескать, во всей стране «безработье», оправдать прорывы в колхозах и в рабочей силе в предприятиях, являются крайне вредными в политическом и хозяйственном отношениях.

Они дают неправильную хозяйственно-политическую ориентировку, они прикрывают правооппортунистическую установку на «самотек» в области труда — поэтому они должны встретить самый решительный отпор.

Все эти разговоры не имеют никаких производственно-экономических оснований, ибо в настоящее время на практике на тысячах примеров показано и доказано, что даже в колхозе, основанном на простом сложении существующих крестьянских средств производства вследствие их кооперирования и кооперирования труда, следовательно,—наличный запас рабочих сил может выполнить в несколько раз большую по об'ему массу работы. Все дело заключается в умении достичь действительного кооперирования труда, в умении практически использовать его преимущества по сравнению с распыленным трудом индивидуального хозяйства. При этом условии колхоз не только не будет испытывать недостатка в рабочей силе, но сможет выделить большее количество рабочей силы для социалистической промышленности, нежели выделяло индивидуальное хозяйство. Что это так, подтверждается обследованием колхозов накануне XVI с'езда партии, которое установило, что во многих колхозах используется всего лишь примерно половина наличной рабочей силы.

Коллективизация сельского хозяйства сопровождается и развивается на основе машинизации сельского хозяйства. Внедрение машин и трактора в сельское хозяйство в связи с коллективизацией происходит гигантскими темпами. Это резко повышает уровень техники сельского хозяйства и, следовательно, производительность земледельческого труда. Это обстоятельство уже на сегодняшний день должно дать и дает резкое уменьшение необходимых трудовых затрат в сельском хозяйстве. Вся задача заключается лишь в том, чтобы практически уловить это уменьшение вследствие роста уровня техники трудовых затрат, не допустить непроизводительного распыления высвободившихся рабочих сил.

В этом направлении особое значение имеет порядок распределения колхозных доходов среди колхозников, так как при распределении дохода по труду в понятной для каждого колхозника форме будет выявляться избыточность рабочей силы в колхозе. В то же время каждый колхозник будет материально заинтересован и в выявлении этой избыточности рабочих рук, ибо ее наличие будет снижать трудовые затраты каждого отдельного колхозника, следовательно, будет снижать уровень дохода каждого колхозника. Поэтому он будет заинтересован в отпуске рабочей силы из колхоза.

Эту зависимость уровня дохода каждого отдельного колхозника от избыточности рабочих рук необходимо показать в каждом колхозе, каждому колхознику и тем самым добиться резкого перелома отношения колхозников к отпуску рабочей силы из колхоза. В настоящее время, когда испытывается недостаток в рабочих руках для многих важнейших отраслей хозяйства, это особенно необходимо сделать, последовательно проводя распределение доходов по труду. Распределение колхозных доходов должно быть связано не только со стимулированием под'ема производительности труда, но и со стимулированием выделения излишнего труда внутри колхоза, так необходимого для других отраслей хозяйства.

---

[1] «Голос текстилей», 16/X—1930 г.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, переводящая все народное хозяйство на новый, более высокий, технический уровень, требует иной,более высокой по качеству рабочей силы. Потребность в новой по качеству рабочей силе велика в настоящее время не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в связи с его социалистической переделкой. Для социалистического сельского хозяйства, как крупного хозяйства, требуется иная по качеству рабочая сила, нежели в мелком, раздробленном крестьянском хозяйстве.

Социалистический метод распределения и перераспределения рабочей силы необходимо предполагает плановую ее подготовку в соответствии с теми потребностями, которые пред'являются нашим социалистически развивающимся хозяйством. Рассчитывать и здесь на «самотек» значит тянуть наше хозяйство назад, ставить наш социалистический сектор хозяйства в зависимость от частного сектора, в особенности от мелко-крестьянского. ЦК партии еще в своем постановлении от 5/XII—1929 г. дал развернутую программу по подготовке рабочей силы, возложив ее выполнение на соответствующие организации, а также указал на необходимость «принять реальные меры к улучшению планирования рабочей силы» [1]).

Право-«левый» блок, клеветнически обвиняя партию в забвении интересов рабочего класса, в ухудшении материального благосостояния трудящихся, умышленно замалчивает факт изживания у нас безработицы. Как и всегда это бывало, оппортунистические «защитники» рабочего класса от партии не замечают решающего факта ликвидации безработицы, который резким образом поднимает уровень жизни рабочего, его семьи и т. д.

В настоящее время, в связи с фактической ликвидацией безработицы и с переходом к социалистическому планированию рабочей силы, начата перестройка бирж труда в управление кадров. В задачи управления кадров, кроме подготовки рабочей силы и планового ее распределения, входит наблюдение за рациональным использованием труда в производстве, за продвижением рабочих на более квалифицированную работу, борьба с прогулами и простоями рабочей силы.

Необходимо добиться на деле, чтобы органы труда, в особенности вновь создаваемое управление кадров, начали активно участвовать в организации труда не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в колхозах и совхозах. Подготовка рабочей силы, требующейся для социалистического земледелия, является сейчас важнейшей задачей. В то же время борьба за лучшую организацию труда в колхозах является обязательным условием к выделению из них рабочей силы для других отраслей хозяйства. Необходимо на деле добиться организованного выделения колхозами рабочей силы для промышленности и, связывая это с лучшей организацией труда в колхозах, показать прямую заинтересованность в этом самих колхозников.

Переход к социалистическому планированию и подготовке рабочей силы будет иметь свои трудности. Этот переход будет происходить в условиях обостренной классовой борьбы. Мелкобуржуазная стихия будет бешено сопротивляться социалистическому планированию и подготовке рабочей силы, всячески будет ее срывать. Летуны, рвачи, как конкретные носители этой

---

[1]) «Правда», 9/XII—1929 г.

мелкобуржуазной стихии, как выразители мелкобуржуазных настроений, всячески поддерживаемых и разжигаемых кулацко-капиталистическими элементами, будут бороться с новыми методами организации труда. Их союзником будет являться и бюрократ, который попытается внести элементы бюрократизма в социалистическое планирование и подготовку рабочей силы, восстанавливая тем самым рабочих против новых методов организации труда. Их союзником будет и правый оппортунист, который будет или уклоняться от последовательного проведения новых методов организации труда, или прямо их срывать.

Борьба за социалистическое планирование и подготовку рабочей силы является одной из форм классовой борьбы, в которой можно победить лишь при условии решительного наступления на мелкобуржуазную стихию, при условии решительного отпора летунам и рвачам и их союзникам, правым оппортунистам и бюрократам. Подавляющая масса рабочих начала и ведет борьбу за социалистическую организацию труда. Переход к социалистическому планированию и подготовке рабочей силы поднимает эту борьбу на новую, более высокую ступень. Рабочая масса поддержит этот переход. Необходимо лишь четкое большевистское руководство в борьбе за новые, социалистические формы труда.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Против „новейшей“ ревизии марксизма-ленинизма.

Фриц Штернберг *„Империализм и кризисы“ (Доклад и прения в Институте мирового хозяйства и мировой политики, изд. Комакадемии, 19 0 г.)*

Изданный отдельной книгой доклад Ф. Штернберга и дискуссия, имевшая место в И. М. Х. в 1929 году, посвящены проблемам империализма, заработной платы, резервной армии и кризисам.

Марксистско-ленинская разработка этих более чем актуальных проблем, увязанная с изучением конкретных явлений периода общего кризиса капитализма, несомненно, является задачей громадной важности.

Рецензируемая книга, однако, вызывает интерес не положительной трактовкой этих проблем. Напротив, с докладом интересно познакомиться, как с одной из современных, «новейших» попыток ревизии основных положений теории Маркса-Ленина,—попыток, беспощадная критика и разоблачение которых является необходимым условием положительной разработки затрагиваемых проблем.

Фриц Штернберг как в основных своих работах [1]), так и в этом докладе пытается обосновать «свою теорию» империализма и кризисов, зарплаты и резервной армии. В предисловии к книге Штернберг, по большому недоразумению, оценивается редакцией, как экономист, который «далеко не является последовательным марксистом»,—по большому недоразумению, так как Штернберг вообще марксистом не является. Более того, все основные положения его «теории» направлены против марксовой теории воспроизводства и насквозь враждебны ленинизму. Штенберг сам, однако, считает себя марксистом. Свою главную работу он в предисловии называет «марксистской книгой» и даже... «продолжением «Капитала», а главные «принципы Маркса также ее принципами»

Не имея возможности разобрать здесь хоть сколько-нибудь подробно всю систему взглядов Штернберга, посмотрим все же, как он «развивает» главные принципы Маркса и как он «продолжает «Капитал» в некоторых решающих и основных вопросах.

Одним из главных методологических принципов Маркса является исследование основных внутренних противоречий буржуазного способа производства, абстрагируясь при этом от внешних осложняющих условий, т.-е. от докапиталистических укладов, от так называемых «третьих лиц» и т. д. Эту абстракцию Маркс применяет и при исследовании проблемы воспроизводства общественного капитала

Штернберг не согласен с этим. Он считает, что у Маркса, при изучении проблемы воспроизводства, «абстракция, изучающая капитализм, как чистый капитализм, идет слишком далеко» [2]). Он считает, повидимому, что без «третьих лиц» невозможен анализ воспроизводства.

Спрашивается, для чего Штернбергу понадобилось сделать это «скромное» замечание по поводу одного из важнейших методологических принципов Маркса? Причина, как увидим, достаточно серьезна. Штернбергу нужно доказать, что без некапиталистической среды немыслим процесс расширенного воспроизводства, невозможна реализация продукта и неизбежен «перманентный» кризис перепроизводства. На этом он строит свою теорию империализма.

Как же обосновывает Штернберг свое далеко не новое в экономической науке утверждение о теоретической немыслимости реализации при «чистом капитализме»?

Он рассуждает довольно просто. Маркс, как известно, для облегчения анализа при построении схем воспроизводства абстрагируется от ряда условий, в том числе и от изменений органического состава капитала, нормы эксплоатации и т. д.

---

[1]) Главной его работой является изданная в 1926 году в Берлине толстая книга «Der Imperialismus», основные мысли которой он повторяет в ответе критикам «Der Imperialismus und seine Kritiker»

[2]) F. Sternberg. Der Imperialismus und siene Kritiker, S. 64—65.

Штернберг здесь-то и «хватает быка за рога»!

Ведь «накопление капитала зависит от конкуренции (!),—говорит он,—а конкуренция увеличивает долю мертвого инвентаря и уменьшает долю живой рабочей силы» (стр. 19), а это, как известно, ведет к повышению органического состава капитала. Если иметь в виду повышение органического состава капитала, то по мнению Штернберга, мы неизбежно придем к перманентному кризису при «чистом капитализме» и тем самым мы вынуждены будем принять целиком его теорию империализма.

Штернберг даже не пытается при этом выяснить, почему же Маркс, открывший органический состав капитала и закон его повышения, абстрагируется от этого в схемах. Он считает, вероятно, это простым «упущением», дающим возможность Штернбергу «поправить» Маркса законом, который открыт не кем иным, как Марксом. Он не видит, что основные закономерности и противоречия капитализма Маркс мог показать и показал наглядно на схемах, даже отвлекаясь в целях упрощения анализа от изменений органического состава капитала, норм накопления, норм эксплоатации, уровня зарплаты и т. д. Как же доказывает Штернберг неизбежность «перманентного кризиса» при чистом капитализме, при допущении повышения органического состава капитала в схемах расширенного воспроизводства?

Известно, что в марксовых схемах воспроизводства, как простого, так и расширенного, совокупное общественное производство и его продукт делятся на два основных подразделения:

I — отрасль производства средств производства,

II — отрасль производства предметов потребления,

Капитал каждого из этих подразделений должен быть воспроизведен как по стоимости, так и в натуральном виде, т.-е. должны быть вновь созданы орудия и средства производства и средства существования для рабочих. Кроме того, ежегодно должны быть произведены предметы личного потребления (и роскоши) для класса капиталистов обоих подразделений.

Но капитал I подразделения воспроизводится в товарах, представляющих исключительно средства производства, а II—в предметах личного потребления. Но так как I подразделению, кроме средств производства, нужны предметы потребления, которых он не производит, а II—средства производства, также не производимые им, то между этими подразделениями существует взаимный обмен.

I подразделение получает для личного потребления рабочих и капиталистов товары из II подразделения, последнее, в свою очередь, получает в обмен за это нужные ему для возмещения и увеличения постоянного капитала средства производства.

Но чтобы иметь такой «нормальный» ход расширенного воспроизводства, чтобы не оказалось лишних и не находящих сбыта товаров, необходима известная пропорция в росте обоих подразделений.

Постоянный капитал II подразделения может возрастать лишь в размере, равном по стоимости тому количеству предметов потребления, которое требуется I подразделению т.-е. должны равняться возросшему переменному капиталу I и той части прибавочной стоимости, которая потребляется капиталистами I подразделения в качестве дохода.

В схемах расширенного воспроизводства Маркс и показывает эту связь и зависимость между двумя подразделениями. Но здесь-то Штернберг и «возвышает голос», опираясь на «открытие» о росте органического состава капитала.

Что означает повышение органического состава капитала в I подразделении? — Увеличение постоянного за счет переменного капитала. Значит, утверждает он, уже меньше нужно будет там средств потребления и больше средств производства. Следовательно, I подразделение меньше будет брать предметов потребления и, в свою очередь, все меньше давать в обмен на них I подразделению средств производства.

В каком положении очутятся капиталисты II подразделения?—Они поневоле должны понизить свое накопление, так как, во-первых, будут меньше получать средств производства для постоянного капитала, во-вторых, меньше могут реализовать предметов потребления.

«Получается, таким образом, полнейшая нелепость. Для того, чтобы при повышающемся органическом составе капитала был возможен обмен между обоими подразделениями, капиталисты подразделения II в соответствии с тенденцией ко все более высокому органическому составу капитала должны меньше накоплять» [1]).

Эта выводимая Штернбергом «полнейшая нелепость» является, по собственчому его заявлению, «центральным пунктом» его рассуждений.

---

[1]) F. Sternberg. Der Imperialismus, S. 97.

Необходимо отметить, что у Штернберга существуют два варианта и сей нелепости. При первом варианте он просто повышает органический состав капитала в I подразделении, сохраняя одинаковые нормы накопления для обоих подразделений, и таким путем выводит неизбежность «принципиально нереализуемого остатка» во II подразделении. При втором варианте он «соглашается» с фактом неравномерности норм накопления, но все же утверждает, что достаточно органическому составу капитала I подразделения подняться, как неизбежно понизится норма накопления во II подразделении.

Что касается первого варианта, то секрет его довольно простой.

Что значит повысить органический состав общественного капитала и одновременно требовать сохранения одинаковых норм накопления в обоих подразделениях?

Это значит заранее допустить «полнейшую нелепость», чтобы потом «выводить» ее уже из схем. Ибо ясно, что рост органического состава общественного капитала означает также более быстрое расширение рынка реализации для средств производства, чем для предметов потребления, а одинаковая норма накопления или расширенного воспроизводства при прочих равных условиях означает, что продукция обеих отраслей растет одинаково быстро.

Ясно, что если заранее предположить одинаковый рост продукции и различную возможность реализации для обеих отраслей, то не нужно много мудрости для того, чтобы доказать, что во II подразделении, возможность реализации которой отстает от роста продукции, должен образоваться «принципиально нереализуемый остаток». Но все дело в том, что неравномерность накопления в различных отраслях не только возможна, но и неизбежна.

Не лучше обстоит у Штернберга дело и со вторым вариантом «полнейшей нелепости». Здесь он готов «согласиться» с фактом неравномерности норм накопления в различных подразделениях, но не отказывается от основного своего тезиса и продолжает утверждать, что

> «при повышении органического состава I подразделения должна была бы понизиться норма накопления во II подразделении, потребление в нем должно было бы увеличиваться, чтобы опять стал возможным стопроцентный обмен» (стр. 163, подч. мной. — **М. Е.**).

Но, спрашивается, почему в результате роста органического состава капитала в I подразделении обязательно «должна была бы» понизиться норма накопления во II?

Правильно, что постоянный капитал II подразделения может возрасти, а норма накопления повыситься, если I подразделение будет нуждаться в возросшем (в известной пропорции) количестве продуктов потребления по сравнению с прошлым годом

Но разве рост органического состава капитала в I подразделении делает это абсолютно невозможным?

Во-первых, переменный капитал I подразделения, уменьшаясь относительно, по сравнению с постоянным капиталом, тем не менее может возрасти и возрастает в своих абсолютных размерах, благодаря вовлечению в процесс производства новых рабочих, что уже дает II подразделению возможность реализовать возросшую продукцию предметов потребления и увеличить свой постоянный капитал. Выводить из роста органического состава капитала абсолютное уменьшение переменного капитала можно только, извращая теорию абсолютного обнищания и отдавая дань туган-барановщине.

Во-вторых, Штернберг, «развивая принципы Маркса», забыл, что рост органического состава капитала ведет к повышению нормы эксплоатации, что дает возможность капиталистам подразделения, даже при росте нормы накопления, повысить (в известных пределах) абсолютные размеры личного потребления, а это, как известно, также повышает спрос на предметы потребления и роскоши из II подразделения, создавая дополнительные возможности реализации и накопления в нем.

Таким образом, норма накопления во II подразделении, при повышении органического состава капитала в I подразделении, не только не обязательно должна снизиться, но может также расти, правда, значительно отставая от соответствующих темпов роста в I подразделении. При этом, разумеется, и рост органического состава капитала, и рост эксплоатации будет не одинаков в обеих отраслях. Но это обстоятельство не только не является «полнейшей нелепостью», но нелепостью было бы как раз обратное,—если производство средств производства (I подразделение) не обгоняло бы, а отставало от производства предметов потребления (II подразделение).

Для того, чтобы в связи с повышением органического состава капитала оправдался вывод Штернберга, остается одна «возможность». Но эта возможность уменьшения нормы накопления во II подразделении, однако, может быть достигнута, если «повысить» органический состав капитала, оставив неизменной величину самого капитала, если при этом вдобавок «забыть», что повышение органического состава капитала связано с ростом эксплоатации.

Тогда, действительно, мы будем иметь не только относительное, но и абсолютное уменьшение суммы доходов I подразделения, и сбудутся все пророчества Штернберга на счет II подразделения.

Однако такое «повышение» органического состава капитала, оторванное от роста материального производства и реального накопления, может произойти только в формуле, притом только в формуле, родившейся в голове, «полной чистого разума» и непроветренной еще от наследства Оппенгеймера.

Но так как реальный рост органического состава капитала в действительности не имеет ничего общего с формалистическим и метафизическим представлением Штернберга, так как капиталисты повышают органический состав капитала не ради формулы Штернберга, а для повышения нормы эксплоатации, так как, наконец, капиталисты все же не намерены абсолютно уменьшать свое личное потребление, то выводы Штернберга во втором его варианте оказываются также основанными на произвольных предположениях. Таким образом, «полнейшая нелепость», выводимая Штернбергом, есть результат целого ряда «полнейших нелепостей», которые он сам предварительно допускает.

Это не означает, разумеется, что повышение органического состава общественного капитала может происходить гладко и не обостряет значительно противоречий, неизбежно приводящих к кризису.

Это означает лишь, что кризис при «чистом капитализме», как и при конкретном—даже при повышающемся органическом составе капитала, происходит не «перманентно», как думает Штернберг, а периодически разражается, как стихийное и насильственное проявление нарастающих противоречий.

Штернберг, рассуждая о кризисах, не понимает сущности кризисов и сущности основного противоречия капитализма. Его рассуждения совпадают с рассуждениями П. Нежданова, о котором Ленин писал:

> «г. П. Нежданов думает, что «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением—это противоречие должно систематически давать избыточный продукт». Это совершенно произвольное и, по-моему, совершенно неправильное толкование».
>
> «Мы вполне можем представить себе,—пишет далее Ленин (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе)—реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, но мы не можем представить себе капитализма без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления»[1]).

Теоретическая возможность полной реализации продукта при повышающемся органическом составе капитала нисколько не означает возможности бескризисного развития капитализма. Напротив, именно потому, что эта реализация возможна только при условии различной быстроты роста органического состава капитала, более быстрого развития производства средств производства, и еще большего отставания производства предметов потребления—при различных нормах эксплоатации и накопления и различных темпах роста этих норм—растет основное противоречие капитализма, делающее неизбежным периодическое (а не перманентное, как думает Штернберг) бурное и разрушительное проявление этого противоречия, т.-е. кризисы.

Здесь, однако, необходимо со всей ясностью подчеркнуть, что когда это противоречие уже получило свое проявление, когда кризис уже наступил, выражением чего является перепроизводство не только во II, но и в I подразделении было бы, разумеется, грубейшей ошибкой рассуждать о возможности безболезненной реализации продукта путем «переливания капиталов», «образования товарных запасов» или одновременного использования известного рода товаров в обоих подразделениях марксовых схем.

Эта аргументация, выдвинутая Бауэром против Розы Люксембург, в корне неверна и по существу представляет апологетическую проповедь возможности бескризисного развития капитализма. Такая «защита» Маркса, хотя и направленная против скептиков, должна быть отброшена, как худшая ревизия марксизма.

---

[1]) Ленин, т. II, изд. 2-е, стр. 442.

Приходится удивляться, что некоторые из критиков Штернберга иногда с теми или иными оговорками считают для себя возможным повторять бауэровскую аргументацию [1]. Они придумывают различные аргументы для того, чтобы доказать «больше» того, чем хотел доказать сам Маркс,—хотят доказать возможность безболезненного рассасывания общего перепроизводства уже после того, как это перепроизводство обнаружилось, т.-е. при кризисах.

Вернемся, однако, к Штернбергу и подведем некоторые итоги.

Штернберг, делая исходным пунктом своего об'яснения кризисов реализацию продукта, сведя проблему кризисов к «принципиально нереализуемому остатку» предметов потребления, не видя основное внутреннее противоречие капиталистического производства,—лишен возможности понять диалектику нарастания кризисов и их периодичность, понять капиталистический цикл, как имманентное возникновение и развитие противоречий, и выпужден искать причину во внешнем толчке, во взаимодействии капитализма со «средой», как источник этой периодичности.

В проблеме воспроизводства Штернберг ревизует все основные положения марксовой теории воспроизводства, проявляет непонимание существа противоречий капитализма, игнорирует примат производства. Рассуждая о росте органического состава капитала, он отрывает этот рост от содержания материального производства и реального накопления, давая образцы полнейшего игнорирования основных положений материалистической диалектики.

* * *

Методологически ошибочный антимарксистский исходный пункт штернберговской теории империализма неизбежно приводит его к ошибочной ревизионистской системе взглядов при трактовке проблем империализма и общего кризиса капитализма.

Для всякого претендующего на близость к марксизму и рассуждающего об империализме обязателен прямой ответ на отношение к ленинской теории империализма. Хотя теория Штернберга во всех узловых пунктах противоречит взглядам Ленина, он пытается, однако, в предисловии к своему «продолжению «Капитала» увильнуть от прямого ответа.

> «По отношению к человеку такого калибра, как Ленин,—говорит он,—можно занять позицию только после ознакомления со всеми его сочинениями, а не на основании одной брошюры».

Под «брошюрой» Штернберг подразумевает не что иное, как «Империализм» Ленина!

Не правда ли, очень «скромно» ведет себя Штернберг «по отношению к человеку такого калибра, как Ленин», не рискуя «занимать позицию», не ознакомившись со всеми его сочинениями? Не трудно, однако, видеть всю лицемерность этих слов, ибо Штернберг просто не хочет сказать прямо, что занятая и упорно отстаиваемая им «позиция» во всех основных пунктах расходится и противоречит взглядам Ленина, изложенным в его классической работе, той самой, которую Штернберг развязно называет «брошюрой». Более того, он даже пытается в вопросе об определении самой сущности империализма противопоставить Ленину... Маркса. Цитируя то место из Маркса, где говорится о зависимости нормы прибыли от степени капиталистического развития страны, он продолжает:

> «Если на место неразвитой страны поставить некапиталистические территории, т.-е. страны, которые еще нужно втянуть в орбиту капитализма, то тогда из марксовых предпосылок получится вывод об империализме. Империализм означает вторжение в некапиталистические страны» [2].

Странно, очень странно «продолжает» «Капитал» Фриц Штернберг!

Помимо грубо ошибочного допущения нормы прибыли в некапиталистических территориях, Штернберг здесь, по существу, пытается доказать, что определение империализма, как «вторжения» или как политики, т.-е. определения Штернберга и Каутского, направленные против ленинского, «вытекает из марксовых предпосылок».

Правда, в ответе критикам Штернберг «соглашается» назвать империализм не политикой, а этапом капитализма, но от этого он ни на шаг не приближается к Ленину, ибо этим «этапом» он считает вообще период, «когда капитализируются некапиталистические территории» [1*], специально оговаривая в дальнейшем, что «само собой разумеется исторический империализм не вполне совпадает с монополистическим капитализмом» [2*].

Поистине замечательно это «не вполне совпадение», когда «капитализация некапиталистических территорий» в штернберговском понимании началась задолго до периода монополистического капитализма.

Ленин монополии считал «самой глубокой основой империализма». Штернберг прямо отрицает это в своих работах. Для него монополии лишь внешним образом, и то не «вполне», могут совпасть исторически с империализмом.

Вопрос о природе финансового капитала, проблема сращивания промышленного капитала с банковским также не находят места в «теории» Штернберга. У него «империализм» по существу без финансового капитала.

Как обстоит дело с другой характерной чертой империализма—экспортом капитала?

Для Штернберга экспорт капитала, по существу, совпадает с экспортом товаров, он сводится к простой реализации «принципиально нереализуемого» остатка предметов потребления, с той разницей, что «некапиталистические территории (!?) получают возможность за товары из подразделения II вовсе не платить товарами, либо платить ими в незначительной мере» (стр. 23).

Надо ли говорить, что такое понимание прямо противоречит ленинскому, во-первых, потому, что для экспорта капиталов необходима известная ступень развития капитализма, а не «некапиталистические территории», во-вторых, потому, что здесь вообще «дыбом» изображается самое существо экспорта капитала...

Непонимание природы экспорта капитала, неверное понимание сущности империализма приводят Штернберга, по существу, к отрицанию паразитизма и загнивания, как одной из характерных черт империализма, как выражение обострения всех противоречий капитализма на его последнем этапе. Более того, его понимание империализма неизбежно должно было привести и приводит его к убеждению о смягчении противоречий капитализма при империализме. Специальной схемой (которые так любит применять Штернберг), доказывается, что в империалистических странах все рабочие, а не только рабочая аристократия, получают часть прибавочной стоимости. Для этого специально ревизуется марксова теория прибавочной стоимости, и между необходимым и прибавочным трудом с легкостью, обычной для Штернберга, втискивается отрезок времени, так называемое «защищенное время» (Schonzeit).

За ограниченностью места мы лишены возможности остановиться здесь на множестве других грубейших извращений марксизма Штернбергом в проблеме зарплаты, резервной армии, в теории обнищания и т. д., требующих специального разбора. В частности, упорное подчеркивание улучшения общего благосостояния всего рабочего класса в странах, имеющих колонии, заслуживает специальной критики под углом зрения того об'ективного политического смысла, который имеет пропаганда этой теории в странах побежденных. Иначе как к ослаблению революционного под'ема рабочих этих стран, иначе как к попытке связать интересы пролетариата с империалистическим «напором» (Vorstoss),—тем самым об'ективно прививать рабочим реваншистские идеи буржуазии побежденных стран,—ни к чему иному эта пропаганда привести не может

С такой антимарксистской общей концепцией империализма Штернберг пытается подойти к проблеме кризисов при империализме и рассуждать о периоде общего кризиса капитализма. Разумеется, при таких исходных положениях наивно было бы ожидать от Штернберга правильных и ясных выводов об этих важнейших проблемах современного капитализма.

Штернберг констатирует факт изменения характера и обострение кризисов в послевоенном периоде империализма. Это бесспорно. Но как об'ясняет он этот бесспорный факт и какие делает отсюда выводы?

Верный своему антидиалектическому методу Штернберг об'ясняет это обострение кризисов не из внутренних структурных изменений послевоенного капитализма, а только из затруднений реализации товаров в «некапиталистических территориях». Общий кризис капитализма представляется ему при этом той гранью, дальше которой некуда будет реализовать «остатков» и нечего будет

---

[1] Образцом такого перепевания бауэровской аргументации является статья Гольденберга «Против путаницы в теории империализма» («Большевик» 1927 г., № 3—4), содержащая, кроме того, насквозь механистическое, в духе бухаринской теории равновесия, понимание сущности кризисов. Подобные рассуждения имеются и в книге Герценштейна «Теория капиталистического рынка»

[2] F. Sternberg. Der Imperialismus, S. 71 (подчеркнуто мной.—**М. Е.**).

[1*] F. Sternberg. Der Imperialismus und seine Kritiker, S. 37.

[2*] F. Sternberg. Там же, стр. 186—187.

«капитализировать». Но ведь это означает, что общий кризис в штернберговском понимании в сущности еще не наступил, ибо ведь есть еще не вполне «капитализированные» уголки и территории на земном шаре. Такое понимание, проглядывающее у Штернберга иногда за очень «левыми» фразами, тем не менее неизбежно вытекает из его теории. Важнейшей чертой общего кризиса послевоенного капитализма является то, что:

> «капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что на ряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы» (Сталин, Политотчет ЦК к XVI с'езду ВКП(б).

Штернберг, выпустивший свои книги на 9-м году существования пролетарской диктатуры в СССР, не видит этого показателя общего кризиса капитализма. Он не видит его также на 13-м году нашей революции, делая доклад в самой столице страны строящегося социализма.

Можно ли что-либо понять в периоде общего кризиса капитализма без учета, без серьезнейшего изучения этого факта? Разумеется нет. Штернберг и не может понять этого. И это его непонимание также не случайно и вытекает из его понимания империализма.

Штернберговская концепция империализма несовместима с ленинским законом неравномерного развития при империализме, а игнорирование этого закона неизбежно приводит как к игнорированию значения социалистической системы при анализе общего кризиса капитализма, так и к прямому отрицанию возможности построения социализма в одной стране. В своем главном труде Штернберг прямо отрицает эту возможность, при чем его рассуждения не только в исходном пункте (игнорирование закона неравномерного развития), но и в оценке движущих сил революции, вполне совпадает с троцкистско-меньшевистской концепцией этого вопроса. Он видит лишь противоречия и борьбу между пролетариатом и крестьянством, не различает кулака от середняка и бедняка, он не хочет видеть прочного союза между двумя основными классами в нашем государстве, руководящей роли пролетариата.

Он рассуждает постоянно о «борьбе за власть» между городом и деревней и вслед за Троцким и Отто Бауэром считает, что вопрос решится лишь на арене мировой революции. Мировую же революцию пролетариата Штернберг связывает исключительно с империалистической войной, что, конечно, также ничего общего не имеет с марксизмом и ленинизмом.

Невозможно остановиться здесь на ряде других ошибочных антимарксистских положений, развиваемых Штернбергом в связи с проблемой общего кризиса капитализма. Но сказанного уже достаточно, чтобы убедиться в том, что Штернберга нельзя считать марксистом, а его взгляды—марксистскими.

Через всю концепцию Штернберга как в «центральном пункте», о реализации, так и во всей его «теории» империализма красной нитью проходит антидиалектический и формалистический неокантианского порядка метод исследования важнейших узловых проблем.

Во всех узловых пунктах затрагиваемых им вопросов он занимает ошибочные антимарксистские, антиленинские позиции. Из его концепции могут вытекать лишь ошибочные, оппортунистические, политически вредные выводы.

Книги Штернберга могут быть рекомендованы, как образец путаницы и грубого извращения марксизма, как новая попытка ревизии и противопоставления этой ревизионистской путаницы основным положениям ленинской теории империализма.

Отказывается ли Штернберг от своей антимарксистской системы взглядов в настоящем докладе? Делает ли он действительные шаги приближения к марксизму?

По существу — нет!

Изменяя кое-где словесные формулировки, вводя кое-где поправочки, отказавшись от кое-каких явно несуразных и нелепых положений,—Штернберг, по существу, не отказался от основных своих позиций, направленных против марксистско-ленинской теории воспроизводства, кризисов и империализма. Поэтому надо считать неправильным и слишком поспешным и другое утверждение предисловия, что у Штернберга, хотя бы даже под ударами критики, «совершается» путь преодоления враждебных марксизму учений», что он «от Оппенгеймера лишь постепенно через Розу Люксембург подвигается к Марксу». Не говоря о том, что не правильно изображать движение Штернберга через Розу Люксембург к Марксу, надо сказать, что заключительное слово Штернберга пока-что не дает оснований для такого вывода.

* * *

Общей слабостью имевшей место по докладу Штернберга дискуссии является недостаточная развернутость и углубленность критики. Однако, большинство выступавших в основном правильно указывали антимарксистскую сущность различных сторон концепции Штернберга. Подробный разбор имевших место выступлений не представляется возможным. Ограничимся поэтому несколькими краткими замечаниями.

Выступивший первым т. Герценштейн характеризует идейные корни концепции Штернберга и устанавливает связь его с Розой Люксембург, Сисмонди и др. Однако, когда он пытается дать положительное разрешение проблемы цикла и кризисов, то здесь у него дело обстоит менее благополучно. Он постоянно говорит о противоречии между производством и потреблением, которое «вызревает в производственно-потребительскую диспропорцию», забывая при этом, что у Маркса и Ленина, именно в противовес Сисмонди и др., постоянно подчеркивается противоречие не просто между производством и потреблением, а противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Довольно странно представляет себе тов. Герценштейн и отношение между диалектическим противоречием и развитием. Так, например, он говорит:

> «Противоречие не исключает развития, но, вызревая периодически в массовую производственно-потребительскую диспропорцию, делает это развитие кризисообразным, а не плавным и гармоничным. Ведь противоречивое развитие также (?) есть развитие» (стр. 60, подчеркнуто мной. — **М. Е.**).

Выходит, что есть «также» и непротиворечивое развитие. К положительным моментам выступления т. Герценштейна надо отнести критику попыток доказать возможность бескризисного изживания уже обнаружившегося перепроизводства. В частности положительным является признание им своей собственной ошибки в книге «Теория капиталистического рынка», где он сам также развивал подобную аргументацию.

Критику неверных взглядов Штернберга в проблеме зарплаты и резервной армии дает в прениях тов. Ф. Кюн, правильно вскрывший оппортунистическую сущность и вредность штернберговской теории «защищенного времени» и политически четко поставивший вопрос об абсолютном обнищании.

Ошибочность и антиленинская сущность общей концепции империализма у Штернберга вскрывается т. Мадьяром, который совершенно правильно показывает всю пропасть, которая отделяет штернберговское понимание империализма от ленинского.

Тов. Гольдштейн, затрагивая проблему монополии, загнивания и паразитизма при империализме, правильно вскрывает всю несостоятельность штернберговского понимания этих важнейших черт империализма.

Тов. Рудаш дает критику методологических корней концепции Штернберга.

Тов. Рагольский правильно в целом критикует взгляды Штернберга, однако, ошибается, считая возможным частично применить аргументацию Бауэра против Розы Люксембург, хотя и указывает на неприемлемость его рассуждений в целом.

В выступлении Е. Горфинкеля необходимо отметить, помимо общей запутанности его рассуждений, явно ошибочное положение. Он считает, что Штернберг «сделал один шаг вперед в деле понимания марксовых схем воспроизводства по сравнению с Люксембург» (стр. 129). Это—ошибочное и вредное прикрашивание теории Штернберга, напротив, как правильно подчеркивали другие, Штернберг в проблемах реализации является именно эпигоном люксембургианства, а о сравнении его взглядов в целом с взглядами великой революционерки, разумеется, не может быть и речи.

Тов. Найман совершенно правильно и политически четко критикует штернберговское понимание общего кризиса капитализма.

Несколько выделяется краткое, но достаточно путанное и ошибочное выступление тов. Никсдорфа, который хотя и считает критику «вполне заслуженной» Штернбергом, однако, пытается сгладить, по его мнению, слишком «односторонне заостренный» характер выступлений. Самое большое, что он считает возможным сказать, это то, что по его мнению:

> «то решение, которое дает Штернберг в поставленной им проблеме империализма, резервной армии, заработной платы и кризиса страдает многими недостатками» (стр. 131).

Чем же вызвана такая мягкая, чтобы не сказать большего, оценка? Оказывается, что

> «в немецкой марксистской литературе мы имеем в последние годы, во-первых, книгу Штернберга, во-вторых, книгу Гроссмана» (!),—заявляет тов. Никсдорф (стр. 130, подчеркнуто мною — **М. Е.**).

Итак, с легкой руки тов. Никсдорфа, не только Штернберг, но и Гроссман со своими теориями попадет в марксистскую литературу.

Тов. Никсдорф далее упрекает Штернберга в том,

> «что он не подкрепляет свою теорию империализма достаточно убедительными конкретными данными численности резервной армии и высоты заработной платы. Будем надеяться,—продолжает он,—что в русском издании он восполнит этот пробел (стр. 132, подчеркнуто мной.—М. Е.).

Надежды тов. Никсдорфа, что Штернберг восполнит «этот пробел»—предоставим его оптимизму. Заметим только, что вся эта путанная, политически и теоретически нечеткая речь его не выдерживает никакой критики.

Как было указано, общим недостатком дискуссии надо считать недостаточную развернутость и углубленность критики. Взгляды Штернберга безусловно должны быть подвергнуты более систематической, развернутой и углубленной критике. Будем надеяться, что с выходом в свет русского издания книги Штернберга этот пробел будет восполнен.

М. ЕНГИБАРЯН.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Ярославский, Е

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

БОЛЬШЕВИК

(ВЫХОДИТ 24 НОМЕРА В ГОД)

Под редакцией: Баумана К., Бухарина Н., Криницкого А., Молотова В., Попова Н., Розенталя Х., Стецкого А. и Ярославского Ем.

„БОЛЬШЕВИК" разрабатывает на основе марксизма-ленинизма злободневные теоретические проблемы, связанные с социалистическим строительством СССР.

ЖУРНАЛ освещает основные вопросы международной и внутренней политики ВКП(б) и твердо борется за генеральную линию партии, против всяких уклонов.

„БОЛЬШЕВИК" способствует повышению теоретического и политического кругозора самых широких слоев партийного актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 1 мес. . . . . . 40 коп.
на 3 мес. . . . 1 р. 20 коп.
на 6 мес. . . . 2 р. 40 коп.
на 12 мес. . . . 4 р. 80 коп.

Цена отдельного номера—25 коп.

Подписку на 1931 год сдавайте не позднее 25-го декабря т. г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и уполномоченными по партпечати при партячейках.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1931** ГОД

НА ЖУРНАЛ ЦК ВКП (б)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ В ОБЛАСТИ КУЛЬТПРОПРАБОТЫ ПАРТИИ И ПЕЧАТИ

= Выходит 2 раза в месяц =

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ обслуживание политических и теоретических вопросов широких масс партийного актива и СПЕЦИАЛЬНОЕ обслуживание кадров культпропработы (культпроорганизаторов, пропагандистов культпропработников, парткомитетов, работников периодической печати).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ СОДЕРЖИТ:

а) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных отраслях социалистического строительства, по вопросам международным, а также внутрипартийной жизни;

б) специальные материалы в области программного и организационно-методического руководства в культпропработе (программы, планы, методические разработки с'ездов, конференций, пленумов Центрального Комитета и пленумов ИККИ, а также методические указания по программам различных видов партийной учебы: инструктивные письма культпроорганизаторам и пропагандистам, постановления ЦК, с'ездов, совещаний по вопросам культпропработы и партийного просвещения, консультации, планы и методуказания для работы пропколлективов; библиографические указатели и т. д.;

в) материалы по подготовке и переподготовке партийного актива.

Кроме того, журналом ведется переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 50 к.; на 3 мес. — 1 р. 50 к.; на 6 мес.—3 р.; на 12 мес.—6 р

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и уполномоченными по партпечати при ячейках ВКП(б).

Главлит № А—78.653. Типография газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48. Тираж 175.000

БОЛЬШЕВИК

Дс

№ 23—24 30 ДЕКАБРЯ № 23—24

1930
МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКА.

Уважаемый товарищ!

31-го декабря 1930 г. истекает срок Вашей подписки на политико-экономический журнал „БОЛЬШЕВИК“.

Во избежание перебоев в доставке журнала, просьба заблаговременно возобновить подписку на 1931 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1931 год: на 1 мес.—40 к.; на 3 мес.—1 р. 20 к.; на 6 мес.—2 р. 40 к.; на 12 мес. —4 р. 80 к.

Подписку сдавайте на почту, письмоносцам и уполномоченным по партпечати при парт'ячейках.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 г.

НА ЛУЧШИЙ В СССР ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕНН. И САТИРИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОЖЕКТОР

Выходит под редакц. **Н. БУХАРИНА, Л. ШМИДТА.**

9-й год издания. Выходит 36 номеров в год.

«ПРОЖЕКТОР» отражает на своих страницах в литературно-художественной форме все важнейшие события, происходящие в СССР и в международной жизни.

Особенное внимание «ПРОЖЕКТОР» уделяет социалистическому строительству в нашей стране, социалистическому соревнованию, ударничеству, строительству колхозов и совхозов и производственной жизни.

«ПРОЖЕКТОР» имеет собственных корреспондентов в крупных пунктах Западной Европы и Америки.

«ПРОЖЕКТОР» освещает жизнь искусства, театра, кино и др. вопросы культурной жизни СССР и заграницы.

В журнале участвуют лучшие писатели, поэты, журналисты и художники.

Каждый номер «ПРОЖЕКТОРА» содержит не менее 32 страниц большого формата.

Подписная цена: на 1 месяц — 75 к. на 6 мес.—4 р. 50 к.
на 3 мес.—1 р. 25 к. на 12 мес.—9 р. — к.

Цена отдельного номера—25 к.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными „Гудка“ на транспорте.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)
Год издания VII
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 1-21-16, Кремль 3-90.

№ 23—24 30 ДЕКАБРЯ 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Передовая. — Строительство социализма и планы интервентов 1
Бела-Кун.—Усилить международную борьбу против интервенции 9
Кржижановский, Г. М.—К десятилетию плана ГОЭЛРО 17
Варга, Е.—Развитие и перспективы мирового экономического кризиса 36
Рубинштейн, Модест. — Ликвидация безработицы и проблемы механизации . . . 59
Черняк, Л., Дынкин, А.—В борьбе за советскую турбину. (Опыт Ленинградского завода—втуза им. Сталина). 74
Никулихин, Я.— Основные вопросы колхозного движения (окончание) 79
Врачев, И. — Социалистическая реконструкция животноводства 86
Смолянский, Г.—Стачка металлистов и революционное движение в Германии 102

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Татаров, И.—И. А. Теодорович. «Историческое значение партии «Народной Воли», 1930 г. 110
Таргульян, О.—Разоблачить кондратьевщину! (О книге Соколова «Советская хозяйственная кон'юнктура») . . . 120
Указатель статей, помещенных в «Большевике» в 1930 году. 124
ОТ ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ. 128

Строительство социализма и планы интервентов.

Факты подготовки новой военной интервенции против СССР, вскрытые процессом «Промышленной партии», полностью подтверждают правильность указаний XVI с'езда нашей партии о нарастании угрозы контрреволюционной войны международной буржуазии против Советского союза. «Ненависть международной буржуазии к единственному в мире государству пролетарской диктатуры и его революционизирующему влиянию,— говорится в резолюции с'езда,— выражается в попытках организации экономической блокады, в борьбе против советского экспорта, в кампании церковников, в бешеной клеветнической кампании буржуазной и социал-демократической печати, в усилившейся подготовке войны против СССР».

После неудачи первой военной интервенции, где мировой буржуазии не удалось совместно с русской контрреволюцией задушить народившееся первое в мире пролетарское государство, и после ликвидации нами основных фронтов гражданской войны—международная буржуазия отнюдь и ни на минуту не переставала вести борьбу против государства пролетарской диктатуры.

Международная буржуазия не только использует для этого фашистские лимитрофные страны, но и «морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае путем военной интервенции», поддерживала и будет поддерживать обреченные и отживающие классы внутри нашей страны.

Гигантские успехи социалистического строительства в СССР, бурный размах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства нанесли сокрушительный удар надеждам международной буржуазии на крах советской власти и на реставрацию капитализма в СССР. Выбитая социалистическим наступлением из ряда важнейших позиций, буржуазия при активном участии и поддержке мирового капитализма поставила в порядок дня контрреволюционное вредительство, как одну из наиболее острых форм экономической контрреволюции, расчищающей и подготовляющей — для организации военной интервенции против СССР—почву путем подрыва социалистического строительства и организации экономических кризисов. В своем докладе на собрании актива московской организации ВКП(б) об итогах апрельского об'единенного пленума ЦК и ЦКК от 13 апреля 1928 г. тов. Сталин, останавливаясь на уроках Шахтинского дела, указызал на это изменение методов борьбы буржуазии против советской власти, на всю неслучайность этого явления, его связь с задачами подготовки военной интервенции международного империализма против СССР:

«Международный капитал... не может смотреть спокойно на развитие страны строящегося социализма. Раньше он, международный капитал, думал опрокинуть советскую власть в порядке прямой военной интервенции. Попытка не удалась. Теперь он старается, и будет стараться впредь, ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготавливая всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью и ни о каких случайностях не может быть речи» (подчеркнуто *Ред.*).

Процесс «Промышленной партии» конкретно разоблачил основные направления, по которым шла и идет борьба международной буржуазии против страны строящегося социализма. Если Шахтинское дело вскрыло, как международная буржуазия осуществляла экономическую интервенцию силами и средствами отдельных антисоветских капиталистических организаций, буржуазных спецов и бывших шахтовладельцев, организуя вредительство и срыв хозяйственного строительства,—то процесс «Промышленной партии» показал, что контрреволюционная вредительская работа была увязана с враждебной СССР деятельностью сил международного капитализма и всецело стала орудием борьбы этих сил против социалистического наступления, орудием подготовки империалистической интервенции и войны против СССР.

Раздираемый глубочайшими противоречиями всеобщего кризиса, международный капитализм пытается разрешить их за счет СССР. В своих антисоветских планах он использует в качестве орудия борьбы за свержение советской власти и реставрации капитализма в СССР эмигрировавшие и выкинутые победоносной пролетарской революцией остатки бывших помещиков, дворян, бывшую российскую торгово-промышленную буржуазию, остатки всякой белогвардейской военщины. В качестве непосредственного орудия для достижения своей цели — свержения советской власти — мировой капитал использует бывшую российскую буржуазную инженерно-техническую интеллигенцию внутри СССР.

Международный капитал оставляет за собой фактическое право после завершения интервенции с точки зрения своих интересов реализовать разбойничьи планы (колониальная эксплоатация и раздробление страны, захват отдельных областей, нефтяных разработок и пр.). Международный капитализм делал ставку на контрреволюционное вредительство, как на средство для осуществления интервенции. Вредительство, таким образом, стало формой острейшей классовой борьбы международного капитализма против Советской власти. На это указывал тов. Сталин еще на апрельском (1929 г.), пленуме ЦК. «Нельзя считать случайностью так называемое Шахтинское дело. «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружия, что они накопляют силы для новых выступлений против советской власти».

Каковы главнейшие формы сопротивления капиталистических элементов развернутому наступлению социализма? Это — контрреволюционное вредительство верхушки буржуазной инженерно-технической интеллигенции во всех отраслях промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР, попытки подрыва обороноспособности страны и боевой готовности ее вооруженных сил; это — бешеная борьба кулачества против колхозного строительства и против всей политики советской власти; это — саботаж и оживление враждебной советской власти и нашей партии деятельности бюрократических элементов государственного и кооперативного аппарата.

В развернувшемся состязании, в борьбе двух систем—социалистической и капиталистической—мировой империализм пытается активизировать, поддержать, поднять эти все враждебные пролетариату силы в СССР. Борьба этих сил против социалистического строительства, эта подготовка интервенции вредителями и контрреволюционерами внутри СССР—является частью всей подготовительной кампании мирового империализма к войне против СССР, к интервенции против СССР. Мирозой империализм в капиталистических странах против СССР мобилизует все орудия и средства провокации, обмана, организации антисоветских сил.

Для организации антисоветской войны международный капитализм прибегает к оголтелой, провокационной кампании. Эта клеветническая кампания должна обмануть миллионные массы трудящихся, скрыть от них разбойничьи планы подготовки новой мировой войны и контрреволюционной войны против СССР, выставив наш Союз виновником настоящего жестокого экономического кризиса в странах капитала и даже грядущих военных провокаций. Отсюда—кутеповщина; бешеные вопли против пятилетки; поход против монополии внешней торговли; попытки организации экономической и финансовой блокады (борьба против советской нефти, спичек и пр., свистопляска под флагом борьбы против мнимого «советского демпинга»); провокационная, клеветническая кампания против СССР всех сил мировой реакции — римский папа, Детердинг, Пуанкаре, Черчилль, Фиш, Каутский — от «литераторов» среди промышленников до социал-фашистов; консолидация всех зарубежных белоэмигрантских антисоветских сил и группировок от меньшевиков до монархистов.

Основная причина ожесточенного похода международного капитализма и всех его агентов во вне и внутри СССР, лежит в возрастающем революционизирующем значении социалистического строительства в СССР, в тех успехах, которые превращают Советскую страну в несокрушимую крепость социализма, убеждают многомиллионные пролетарские и трудящиеся массы всего мира в преимуществах советской системы хозяйства перед капиталистической, призывают к социалистической революции.

Тов. Сталин указывал на XVI с'езде партии, что «каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом.

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данный момент является нынешняя буржуазная Франция — родина любвеобильной «Пан-Европы», «колыбель» пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира».

Показания контрреволюционеров-вредителей из «Промышленной партии» — Рамзина, Ларичева и др. — целиком и полностью подтвердили на процессе все данные обвинительного заключения о руководящей и организующей роли именно французских империалистов во главе с Пуанкаре-Война в подготовке новой антисоветской войны.

Процесс «Промпартии» неопровержимо доказал наличие тесной непосредственной связи между оперативными планами антисоветской войны французского генштаба и предательской работой вредителей внутри СССР. Понятно, что французскому генштабу при этом принадлежала руководящая роль, а вредители постепенно стали просто оплачиваемыми шпионами на побегушках у «Торгпрома» и французского генштаба.

Французский империализм не только направлял преступную деятельность вредителей внутри СССР, но он подготовлял также кадры для вооруженного свержения советской власти, восстановления капитализма. Империалистическая Франция — отечество и пристанище всех белоэмигрантских антисоветских группировок. Остатки белогвардейских частей, особенно руководящий состав последних, содержатся под крылышком французского генерального штаба. Матерые вояки, белогвардейские генералы — Лукомский, Драгомиров, Миллер и др. — являются ближайшими сотрудниками французского генштаба. В Париже существует, под руководством генерала Головина, специальная белогвардейская военная академия. В Париже, наконец, существует и пользуется полным покровительством и содействием правящих кругов империалистической Франции организация бывших собственников царской России, эмигрировавших после Октябрьской революции или бежавших после разгрома белогвардейских банд, — так называемый «Торгпром».

Процесс «Промпартии» выявил активную роль в антисоветских комбинациях французского империализма бандитов из «Торгпрома». Роли между французским империализмом и «Торгпромом» были распределены. Французский империализм давал задания «Торгпрому» подготовлять внутри СССР почву для интервенции, а «Торгпром» передавал эти задания для выполнения вредителям из «Промпартии», снабжая их деньгами на осуществление вредительских планов. В своих показаниях вредители указывали, что, в свою очередь, между «Торгпромом» и «Промпартией» роли также были разграничены. «Торгпром» вел всю внешнюю подготовку интервенции, а именно: все переговоры с иностранными правительствами, проводил за границей агитацию и пропаганду интервенции, изыскивал средства для ее финансирования, а также взял на себя организацию военной ее части при помощи иностранных держав, «Промпартия» же проводила внутреннюю подготовку в СССР путем искусственного, вредительского создания и углубления экономических кризисов и всевозможной помощи интервенции внутри. С этой целью, по указанию «Торгпрома» и по собственной инициативе, ЦК «Промпартии» вступил в связь с французским генштабом в лице его представителя генерала Жанен (б. военный советник Франции при Колчаке), и полковников — Жуанвиль и Ришар — видных контрразведчиков.

В показаниях вредителей на процессе полностью выявилась широкая картина подготовки французским империализмом западных, соседних с СССР, государств для участия в интервенции против Советского союза. Французский империализм подготовлял интервенцию, но «пушечное мясо» для последней должны были поставить, главным образом, его союзники, вассалы и агенты.

В этой связи становятся вполне понятными усиленные военные приготовления западных соседей СССР, проводимые под непосредственным руководством французского империализма. Французский генштаб постоянно инспектирует армии Польши, Румынии, поручая это дело своим виднейшим специалистам — генералам Франше, д'Эспере, Вейгану, Гуро, Лерону и другим. Кроме того, по военно-политическим соглашениям, заключенным между Францией и ее союзниками и вассалами — в случае военного конфликта последних с Советским союзом — французский империализм обязался: снабжать их армии военным имуществом, обеспечить действиями своего флота морские коммуникации между ними и Францией для доставки вооружения и военного снабжения, назначить в армии советников и, в случае необходимости, инструкторов. По этим соглашениям Франция еще в мирное время обязана снабжать вассальные государства вооружением на льготных условиях с предоставлением займов, командировать в их армии военных советников и инструкторов и принимать в свои военные школы их офицерский состав для усовершенствования.

Сообщение органа германских фашистов-гитлеровцев «Фелькешер Беобахтер» от 10 мая 1930 г. с документальной точностью полностью подтверждает показания вредителей «Промпартии» о руководящей и организующей роли французского империализма в подготовке интервенции.

Сроки интервенции были намечены, роли распределены. Французский генштаб ждал только донесения от «Торгпрома» и «Промпартии», что подготовка почвы для интервенции внутри СССР закончена. Однако поджигатели войны просчитались в своих расчетах. Революционный трудовой энтузиазм пролетарских и трудящихся масс опрокинул планы Пуанкаре-Война и его своры. Красная армия на советско-китайской границе дала наглядный урок боевой готовности советской страны дать решительный отпор империалистам и их китайско-белобандитским агентам, пытавшимся силой оружия прощупать государство пролетарской диктатуры. В то же время организаторам интервенции пришлось считаться с обострением противоречий в лагере самих империалистических держав. Создать единый фронт против СССР им не удалось. Антисоветская война была отсрочена. Отсрочена, но, понятно, не была снята с порядка дня. Наоборот, как раз в связи с этим французский генштаб особенно усилил нажим на вредителей с целью форсировать темпы вредительства, обострить его формы, чтобы ускорением его создавать обстановку для интервенции. Поэтому процесс «Промпартии» и все разоблачения на процессе оказались весьма чувствительным ударом по планам интервентов. Понятно отсюда, почему опубликование обвинительного заключения по делу «Промпартии» было встречено в штыки всей буржуазной реакционной печатью.

Пуанкаре-Война, пойманный с поличным показаниями своих агентов, выступил с «опровержением», пытаясь замести следы своей причастности к подготовке антисоветской интервенции. Вслед за Пуанкаре-Война с «опровержениями» выступили антисоветские бандиты из «Торгпрома». Все эти Денисовы, Лианозовы, Манташевы и Нобели один за другим начали «опровергать» данные обвинительного заключения и дискредитировать предстоящий процесс по делу «Промпартии». Пойманные с поличным поджигатели войны, выливая грязные помои на показания вредителей—собственных же агентов,—пытаются замести следы своих преступных интервенционистских планов, чтобы тем лучше продолжать осуществление их дальше.

Однако материалы, в том числе и вещественные доказательства, процесса по делу «Промпартии» полностью разоблачили все действительные мотивы и маневры поджигателей войны. Поучительна в этом отношении статья одного из руководителей «Торгпрома» Владимира Рябушинского, опубликованная 7 июля 1930 г. на страницах белоэмигрантского листка «Возрождение». В ней этот продажный агент международного и, прежде всего, французского империализма цинично заявляет, что «интервенция сулит империалистическим участникам небывалые барыши до 500%, что операция освобождения России в настоящее время осуществима с меньшими силами и в более короткий срок, чем 5 лет тому назад. Вероятно, 500 тыс. человек и 3 — 4 месяцев будет достаточно для окончания работ вчерне. Доколачивание отдельных коммунистических банд, конечно, займет еще некоторое время, но оно явится скорее полицейской, чем военной операцией».

Процесс «Промпартии» выявил роль всех белоэмигрантских антисоветских группировок в подготовке новой интервенции. Кадеты, эсэры и меньшевики—Милюков, Абрамович, Далин и другие—в едином фронте с «Торгпромом» и Пуанкаре-Война принимали участие в подготовке антисоветской войны. Под руководством французского империализма все эти группировки об'единились, чтобы с помощью штыков иностранных интервентов свергнуть

советскую власть и отдать страну на разграбление международным капиталистам.

Бурная волна протестов, которой трудящиеся массы Советского союза отозвались на новую вылазку обреченных и отживающих классов нашей страны и враждебных СССР империалистических сил,—явилась выражением несокрушимого стремления и стальной воли пролетариата еще более высокими темпами строить социализм, крепить индустриализацию и коллективизацию СССР — еще больше сплотить свои ряды вокруг Ленинской партии, ее Центрального комитета. Об этом говорят также многие тысячи лучших рабочих-ударников своим вступлением в ряды партии. Тов. Сталин указывал на XVI с'езде партии, что «для преодоления трудностей необходимо прежде всего отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и расчистить, таким образом, дорогу для быстрого продвижения вперед». Пролетариат и трудящиеся массы СССР в ответ на вылазки классовых врагов—иностранных интервентов, белоэмигрантов, вредителей и кулаков—беспощадно расправляются с агентами международного капитализма и еще более решительно развертывают наступление социализма по всему фронту.

Вредители из «Промпартии» своими показаниями на пролетарском суде содействовали разоблачению захватнических планов французского империализма и «Торгпрома». Государство пролетарской диктатуры в отношении раскаявшихся, обезвреженных и сознавшихся преступников не руководствуется чувством мести. Приговор Специального присутствия Верховного суда о высшей мере социальной защиты против агентов французского империализма и «Торгпрома» — грозное предостережение поджигателям антисоветской войны. Решение Президиума ЦИК Союза ССР, смягчившее заслуженную вредителями меру социальной защиты, соответственно тягчайшим преступлениям их,—доказательство несокрушимой мощи и силы советской власти. Верховный суд в своем приговоре и Президиум ЦИК Союза ССР в своем решении, которое абсолютно не расходится по существу дела с приговором, подчеркнули, что главными руководителями и вдохновителями интервенции и вредительства были французские империалисты и белоэмигранты—заводчики, шахтовладельцы и нефтепромышленники из «Торгпрома». Решение Президиума ЦИК Союза ССР мобилизует пролетариат и трудящиеся массы СССР против интервентов, против бешено сопротивляющихся классовых врагов в СССР, еще окончательно не уничтоженных, — мобилизует против новой опасности вооруженного нападения империалистов на Советский союз.

Угроза непосредственной военной интервенции против СССР поставлена международным капитализмом в порядок дня. Лига Наций, II Интернационал социал-фашистов всех мастей стараются скрыть подготовку интервенции лицемерными пацифистскими разговорами о «разоружении». В то же время женевские «миротворцы», отвергая все предложения делегации СССР по вопросу о разоружении, открыто подчеркивают необходимость усиления военной мощи западных соседей СССР, которые якобы «призваны защищать европейскую цивилизацию от большевистской угрозы».

Нельзя забывать, что планы интервентов процессом «Промпартии» разоблачены, но опасность интервенции, угроза войны империалистов против СССР отнюдь не снята, именно потому, что борьба социалистической и капиталистической систем засоряется — в силу мирового экономического кризиса капитализма, в силу успехов и побед социализма в СССР. Наша страна вступила в период социализма. Ближайший год, 1931 год, — решающий год пятилетки. Это — год завершения построения фундамента социалистической экономики СССР. Все выше подымающиеся темпы социалистического строительства в СССР—осуществимы, дальнейшие победы социализма в нашей стране—вполне возможны. Наша задача—мобилизовать всю творческую энергию пролетариата и масс трудящихся, их революционную бдительность. Наша задача — как никогда бдительно бороться и биться за генеральную линию партии, против главной—правой опасности и против «левого» оппортунизма, против всяких колебаний и двурушничества. Достигнутые успехи социализма в СССР были и будут возможны только на основе полного торжества генеральной линии партии в борьбе против «левого» и—особенно—правого оппортунизма, в борьбе против «лево»-правого блока двурушников.

Стальное единство на основе генеральной линии нашей партии, возглавляющей развернутое социалистическое наступление миллионных масс, это — решающее условие дальнейших побед социализма, условие крушения последних надежд классовых врагов внутри СССР—и планов интервентов.

Миллионы пролетариев всего мира, следивших за процессом, еще больше сплотят свои ряды в защиту СССР — своего социалистического отечества. Они сумеют добиться окончательного разоблачения поджигателей антисоветской войны. Об этом говорят многочисленные протесты, которыми откликнулся, по призыву братских коммунистических партий, мировой пролетариат и трудящиеся в связи с процессом «Промпартии». Международный пролетариат и трудящиеся знают, что угроза СССР — это прямая угроза международной пролетарской революции и рабочему классу вообще. Международная солидарность пролетариата является фактом, с которым, вопреки контрреволюционным стараниям II Интернационала социал-фашистов всех мастей, вынуждены считаться поджигатели антисоветской войны.

Мировое коммунистическое движение, мобилизуя многомиллионные пролетарские силы в защиту СССР, будет еще более решительно вести борьбу за свержение капиталистического строя — единственного виновника угрозы новых войн и, в первую очередь, угрозы контрреволюционной войны против Советского союза. Все секции Коминтерна, изолируя и выкидывая из своих рядов оппортунистические элементы, мешающее революционному пролетарскому наступлению, вносящие в ряды революционного пролетариата неуверенность в победе, сумеют добиться победы пролетариата во всем мире.

Инициаторам и вдохновителям интервенции против СССР не избежать сокрушительных ударов грядущей мировой пролетарской революции!

Бела-Кун.

Усилить международную борьбу против интервенции.

I.

Процесс «Промпартии» — партии вредительства, шпионажа и предательства—закончился. Голоса «кающихся» представителей самой гнилой части буржуазной интеллигенции, продолжавших в СССР преступную деятельность в качестве агентов быв. господствующих классов царской России уже потонули в звуках победного труда масс, строящих социализм. Крах вредителей лишний раз подтверждает торжество генеральной линии партии, победу осуществления пятилетнего плана в четыре года. Все это только лишнее доказательство того, что констатировал тов. Сталин в своей речи на XVI партс'езде:

> «Ясно, что вопрос «кто-кого» — вопрос, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно».

Вредители выступили, как агентура международного империализма, во главе с наиболее агрессивным империалистическим разбойником — Францией, руководящие круги которой снова хотят с оружием в руках выступить против строящегося социализма.

В только что закончившемся процессе вожаков вредительской и шпионской «Промпартии» выявились три главные «движущие силы», об'единившиеся в борьбе за реставрацию капитализма, за военную диктатуру и империалистическую интервенцию, результатом которой было бы, прежде всего, истребление авангарда пролетариата не только в Советском союзе, но и в международном масштабе. Этими силами являются:

1. Отдельные прослойки буржуазной интеллигенции, городской мелкой буржуазии и кулачество, ликвидируемое как класс на основе сплошной коллективизации, представляемые «Промпартией» и родственной ей организацией Кондратьева-Чаянова с ее меньшевистскими союзниками (группа Громана, Суханова и др.).

2. Остатки бывших русских господствующих классов (помещиков и капиталистов) в эмиграции, возглавляемые «Торгпромом» и различными монархическими военными организациями, в хвосте которых плетутся республиканско-демократический центр (Милюков) и «секции» II Интернационала, обломки эсеров (Керенский, Чернов) и меньшевиков (Абрамович, Дан).

3. Французский империализм, как гегемон империализма на европейском континенте, политический и военный организатор военного блока: Польши, Румынии и других государствах Малой Антанты, При-

балтийских государств, с прикрывающим весь этот блок социал-фашистским II Интернационалом.

Последняя по порядку из этих трех движущих сил контрреволюции занимает по своему весу первое место.

Первая группа движущих сил контрреволюции, а тем более вторая, на 14-м году Октябрьской революции уже, по существу, не представляет самостоятельного фактора. Сила обеих этих групп стала, главным образом, производной, отраженной силой. Источником силы обеих групп является международный, в первую очередь французский империализм; обе зависят от него. Кулачество, как класс, ликвидируется и изолируется все больше. Оказывая бешеное сопротивление социалистическому наступлению, оно, при правильной политике партии, не способно на решительное контрнаступление без широкой и активной помощи международного империализма. Те «фактические привилегии», которые русская буржуазия смогла сохранить еще некоторое время после революции — «деньги», некоторый «наличный капитал» и т. д., в процессе революции уже большей частью ускользнули у нее из рук. Внутреннее сцепление в лагере русской буржуазии подверглось в процессе революции почти совершенной дезорганизации. Вскоре в результате политики партии по подготовке новых кадров рушились и те привилегии, которые дотоле были обеспечены буржуазии, благодаря ее былой монополии в области образования, когда она, как «образованный и имущий» класс, владела «всеми тайнами науки управления». Из признаний всех вождей «Промышленной партии» отчетливо явствует, что эта контрреволюционная организация попала на путь подготовки интервенции, на путь шпионажа и измены именно в силу своей социальной беспочвенности в самом СССР. Не рост ее «влияния» на массы, а, наоборот, растущая изоляция даже от более широких масс инженеров привела к тому, что «Союз инженерных организаций» по директиве своих империалистских патронов был наименован «политической партией», «Промышленной партией».

Вторая группа движущих сил контрреволюции — остатки бывших господствующих классов, выброшенных в эмиграцию, и их меньшевистские и эсеровские попутчики — еще в меньшей степени опираются на живые социальные силы, еще в меньшей степени представляют самостоятельный социальный фактор.

Сила первой и второй групп движущих факторов интервенции сводится сейчас, в первую очередь, к тому, к чему, по словам Ленина, сводится, в первую очередь, сила всякой свергнутой в каждой стране буржуазии: «...В силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии».

Победоносному строительству социалистического Советского союза (в этом один из важнейших уроков процесса) серьезно и непосредственно угрожает одна основная контрреволюционная сила: вооруженная сила международного империализма, который в настоящее время, под руководством империалистов Франции, организует силы для военной интервенции против СССР, сколачивая антисоветский блок государств от Финского залива до устья Дуная.

II.

Процесс «Промпартии» заставил Пуанкаре, после голого отрицания, прибегнуть к более сложным приемам лжи, когда открытое судебное разбирательство выявило факты, указывающие на прямую его роль в подготовке интервенции. Пуанкаре, агрессивнейший представитель воинствующего империализма, силою фактов, выяснившихся из признаний обвиняемых и свидетелей, был вынужден защищаться. В свое оправдание он указал, что еще в 1920 г. он извлек урок из участи, постигшей Колчака и Деникина и поддерживавшей их англо-французской интервенции. Он, оказывается, еще в 1920 году, в качестве «частного лица», был против того, чтобы французское правительство признало Врангеля и поддерживало его в противовес советской власти.

Однако факты и их взаимную связь так же мало можно свести на-нет методами простого отрицания, как и более сложными методами хитросплетенной лжи, которые Пуанкаре стал применять для своего оправдания.

Наиболее яркие из этих фактов таковы:

По единодушному признанию всех обвиняемых, первым сроком интервенции намечался во Франции 1928 г., затем, вторым сроком — 1930 г. и, наконец, интервенция была отложена до 1931 г.

В 1928 г. имела место во время пребывания Пуанкаре у власти поездка Думерга в Лондон. В то время Пуанкаре был занят стабилизацией французской валюты и обеспечением континентальной гегемонии Франции. Эта поездка Думерга (май 1927 г.) дала сильный толчок англо-французскому сближению, устранила целый ряд противоречий между обоими руководящими империалистическими государствами, и в 1928 г., т.-е. в том году, на который Пуанкаре намечал интервенцию, возродилась англо-французская Антанта. Острие этой империалистической Антанты было направлено, разумеется, против Советского союза.

Возрождению англо-французской Антанты сопутствовало заключение ряда сухопутных и морских военных конвенций, и, таким образом, по инициативе Пуанкаре Франция стала руководителем подготовки интервенции против Советского союза.

1928 г. не стал годом интервенции против СССР. Но подготовка интервенции получила в этом году новый сильный импульс. Начиная с зимы 1928 года, подготовка интервенции ведется наиболее систематически. Как раз англо-французское соглашение развязало Франции руки в деле обеспечения ее военного влияния в пограничных с СССР государствах, при сохранении за Англией влияния на море.

1928 год был годом организации против СССР военно-политического блока от Балтийского до Черного моря. В этом году влияние Франции во всех западных граничащих с СССР государствах было расширено и была закреплена польско-румынская военная конвенция. В этом году Пилсудский посетил Румынию, офицеры румынского генерального штаба сделали визит в Варшаву. В этом году укрепилось также военное сотрудничество Польши с Прибалтийскими государствами. В этом году снова начались поездки генерала Лерона в Варшаву и Бухарест и генерала Шарни в Прибалтийские государства. В этом году французский военный атташе посетил Латвию и Эстонию и в том же году вызвал сенсацию визит начальника польского генерального штаба во Францию. Из признаний руководителей «Промпартии» также отчетливо вытекает, что в этом году «Союз инженерных организаций» был всецело взят в свое ведение комиссией Жанена при французском генеральном штабе и ее московскими представителями гг. К. и Р. В том же году «Промпартия», а вместе с ней группа Кондратьева-Чаянова и меньшевистская группа во главе с Громаном начинают ориентировать свою деятельность всецело в сторону подготовки интервенции.

В 1929 году, вскоре после стабилизации французской валюты, французский капитал, осторожно и лишь на короткий срок предоставлявший кредиты в Европе и в Америке, предоставил Румынии заем в сумме 72 млн. долларов на усиление военных вооружений.

В 1929 году, под руководством Франции, была предпринята пробная провокация на КВЖД, окончившаяся победой мирной политики Советского союза и жалким банкротством международного империализма.

В 1929 году не только Коммунистический Интернационал, но даже наиболее дальновидные политики буржуазии (в том числе Пуанкаре) предвидели новое обострение послевоенного кризиса капитализма, углубление противоречий стабилизации. Правда, интервенция была отсрочена вследствие роста мощи СССР и успешного хода выполнения пятилетки, но, с другой стороны, обострение кризиса капитализма и первые победы пятилетнего плана социалистической реконструкции СССР вызвали форсирование подготовки интервенции. 1929 год был годом резкого усиления конкретных военных приготовлений со стороны «Промышленной партии» и родственных ей организаций в СССР через французских агентов гг. К. и Р. В то же время генералы Лерон и Франше д'Эспере проводили следующие военно-технические операции на территории западных соседей Советского союза: укрепление польской военно-морской базы в Гдыне; прокладка стратегической железной дороги между Гдыней и Верхней Силезией, с преобладающим финансовым участием крупнейшего французского завода военного снаряжения Шнейдер-Крезо; постройка целого ряда военно-химических фабрик в Польше; увеличение производительности военных фабрик в «треугольнике безопасности» (треугольник крепостей Радом — Перемышль — Тарнов); постройка отделений заводов Скода в Польше и, наконец, реорганизация румынской армии. В области военно-политической важнейшим событием этого года было окончательное укрепление военного влияния Франции в Латвии, Эстонии и Финляндии и установление теснейшей связи между обоими крупными военно-промышленными предприятиями — французскими заводами Шнейдер-Крезо и чехо-словацкими заводами Скода.

Наряду с этим мы наблюдаем и дипломатические выступления Франции в интересах польско-германского сближения для усиления влияния Польши в Прибалтийских государствах, заключение с Данией соглашения о проливах, попытки использования в интересах французского империализма Скандинавского блока, попытки организации опорных точек для французского влияния в Турции.

1930 год, новый срок интервенции, приносит обострение экономического кризиса капитализма, в том числе и кризиса французского капитализма; усиливается подготовка интервенции, переходящая из фазы дипломатических и военных приготовлений в фазу подготовки широкого общественного мнения. Этот год — есть год антисоветской кампании под французским руководством; год крестового похода папы римского, кутеповщины, кампании вокруг «разоблачений» Беседовского и т. п., поездок Лушера для подготовки восхождения короля на румынский престол, организации восточно-европейского аграрного блока в Бухаресте, Варшаве, Будапеште и, наконец, кампании против «советского демпинга».

Рассказанное Рамзиным и К° перед советским судом есть лишь малое отражение того, что правительственные круги и генеральный штаб французского империализма сделали, начиная с 1927 г., в целях подготовки интервенции на 1930 г.

В противовес каждому из опровержений Пуанкаре, к каким бы простым и сложным методам он при этом ни прибегал, цифры биржи в свою очередь говорят весьма убедительно о том, как деловые круги оценивают виды на интервенцию в 1931 году. В то самое время, когда мировой экономический кризис капитализма вызвал падение акций самых надежных капиталистических предприятий на 10 — 15 — 20 пунктов — в период между июлем и октябрем 1930 г., — в это самое время акции трех величайших военно-промышленных предприятий мира последовательно и неуклонно поднимаются. Акции Викерса с 1 июля 1930 г. до 7 октября 1930 г. поднялись с 6,6 до 7,6, акции Гочкиса — с 1.980 до 1.995, акции Шнейдер-Крезо с 1.934 до 1.945. Миллионы и миллионы рабочих становятся безработными вследствие сокращения производства, трещат крепости империалистического капитализма — банки, рушатся банкирские дома, но акции военной промышленности растут. Они растут потому, что продукция военной промышленности лихорадочным темпом растет во славу интервенции. Во французском парламенте крупная буржуазия упрекает Тардье в том, что его заявления о процветании страны — чистейший обман. И эта часть французской буржуазии зовет на выручку призрак Пуанкаре-Война, стабилизовавшего французскую валюту, чтобы еще более активно форсировать подготовку интервенции: Пуанкаре должен, если не в других отраслях, то по крайней мере в области военной индустрии обеспечить высокую рентабельность французского капитала за счет крови пролетариата и масс крестьянства СССР.

В Женеве, где французский империализм уже едва позволяет говорить о разоружении, «пацифист» лорд Роберт Сессиль, делегат английского «рабочего» правительства, высказывается против предложения графа Бернсторфа о созыве новой конференции по разоружению на 1931 год. Он предлагает созвать конференцию по разоружению только в 1932 г.

Повышение акций Викерса, Гочкиса и Шнейдер-Крезо показывает, что признания подсудимых на процессе «Промпартии» о перенесении на 1931 год предполагавшейся в 1930 году интервенции базировались на точной информации. Эта информация шла из первоисточника, из посвященных в дело кругов французского империализма. Пуанкаре и К° решили, что 1931 год будет годом войны.

Система Версальского мира, на которую опирался французский послевоенный капитализм, уже расшатана. Силы, которые держат под огнем систему империалистического мира, можно «успокоить» — так рассчитывает французский империализм — парализовать — по крайней мере на время, если пообещать им новый передел мира в результате интервенции против СССР.

К войне империализм настоятельно готовился в 1928 г., когда к началу третьего периода послевоенного развития капитализма только начал намечаться кризис; эту подготовку он еще более усилил в 1930 г., когда — одновременно с развитием острейшего и глубочайшего кризиса мирового капитализма — СССР еще быстрее двинулся вперед по пути индустриализации и коллективизации, когда на XVI партс'езде прозвучали исторические слова тов. Сталина: «мы уже вступили в период социализма», когда исчезла надежда на возможность срыва строительства социализма без непосредственной военной интервенции, опирающейся на силы контрреволюции внутри советской страны. Еще необходимее для империализма интервенция будет в 1931 г., когда все указанные выше факторы будут действовать с еще большей силой.

То, что на процессе рассказали шпионы и агенты Пуанкаре, стократно подтвердилось всеми последними событиями мировой экономической и политической жизни.

III.

Процесс показал рабочему классу всех стран, как должна применяться в мировой политике тактика — класс против класса. Подготовка интервенции, контрреволюционной классовой войны происходила по правилам этой тактики.

В СССР Пуанкаре и его агенты создали единый фронт остатков городской и сельской буржуазии, реакционных слоев буржуазной интеллигенции — от Пальчинского до Рамзина, от Кондратьева до Громана и Суханова, — с помощью «Торгпрома», Милюкова, Керенского и Дана. В западных пограничных с СССР государствах, от Финляндии и Польши до Румынии, все силы буржуазии пришли в движение, чтобы помочь фашизму добиться победы

В странах, лежащих за лимитрофами, французское влияние скрывалось за всякой фашистской авантюрой, стремясь обеспечить для интервенции более широкий плацдарм и возможность пропуска войск. Классическим примером в этом отношении является попытка франко-германского сближения на фашистском базисе.

Крестовый поход римского папы имел целью обработку клерикальных мелкобуржуазных масс в пользу вооруженного буржуазного классового фронта. «Аграрный» блок и кампания против «советского демпинга» опять-таки имели целью включение кулацкого и середняцкого крестьянства в этот фронт империалистов. Для буржуазии и мелкой буржуазии угнетенных наций приманкой был бриановский лозунг «Соединенных Штатов Европы».

Наконец, последним по счету—но отнюдь не по значению—выступает в интересах создания единого международного империалистического фронта буржуазии в целях обеспечения интервенции против СССР — II Интернационал, социал-фашизм.

Милюков отнюдь не преувеличивал, когда он уверял кондратьевского кандидата в министры — Юровского, что руководство французских социалистов поддержит интервенцию. Воротилам французской социалистической партии нет надобности опираться на «теоретический авторитет» Каутского, чтобы мотивировать поддержку империалистической интервенции. Леон Блюм так же мало нуждается в «теоретических авторитетах», как и Ренодель. Их собственное прошлое — поддержка бонкуровского закона вооружений на суше, на воде и в воздухе — служит для них достаточным оправданием, если они хотят включить и рабочий класс в тот международный классовый фронт буржуазии, который организуется Пуанкаре против международного пролетариата и его отечества — СССР. Если Пуанкаре-Война является для них не совсем подходящей для обмана масс вывеской, то Леон Блюм поет в «Попюлер» хвалебные гимны по поводу пацифизма Бриана, по поводу его «благородной души» и «гуманных целей»».

Социал-демократия остальных стран — английская, германская, польская, румынская, финская и т. д. — стоят под собственными пестрыми национальными знаменами, пуская пыль в глаза пацифистскими фразами, чтобы отвлечь внимание масс от подготовки интервенции. Или же она снова повторяет, что война грозит с Востока, со стороны большевиков. Многие из социал-демократов открыто заявляют, что интервенция против СССР «священнейшее дело человечества».

Подготовка к войне против СССР охватила уже самый широкий фронт, куда входят — международная финансовая олигархия, представители благоговеющего перед Лигой Наций мелкобуржуазного пацифизма и II Интернационал, этот Интернационал социал-фашистов.

IV.

Из разоблачений на процессе и из сопоставления событий мировой и, в особенности, французской политики после 1927 года с этими «разоблачениями» международный пролетариат должен немедленно извлечь следующие *основные уроки*:

1. Внутреннее соотношение классовых сил в СССР, благодаря решительному проведению ленинской генеральной линии партии в беспощадной борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, благодаря развернутому большевистскому наступлению по всему фронту социалистического строительства и крупнейшим хозяйственным успехам, — характеризуется решительным укреплением позиций социализма, успешным ходом ликвидации кулачества как класса и выкорчевыванием самых глубоких корней капитализма. В процессе победоносного социалистического наступления пролетариат ломает бешеное сопротивление классового врага—кулака, нэпмана, вредителя.

2. Основная опасность, угрожающая диктатуре пролетариата и социалистическому строительству — это опасность интервенции со стороны международной буржуазии, опирающейся на контрреволюционные элементы внутри СССР.

Средоточие этой опасности — Франция, ее аванпосты — Польша, Румыния, Балтийские государства и остальные страны Малой Антанты (Чехо-Словакия и Югославия). *Средоточие опасности интервенции находится, таким образом, вне границ СССР*, в империалистических государствах.

3. Конкретное всестороннее разоблачение *подготовки* интервенции против СССР на процессе вредителей отнюдь не уничтожило опасности военного нападения на советскую страну. Углубление кризиса капитализма, превращение экономического кризиса в ряде стран в политический усиливает опасность интервенции, ускоряет ее темп. *Только революционной волей, революционным действием, революционной борьбой международного пролетариата* могут быть опрокинуты планы интервенции, отложенной на 1931 год. Эти планы ходом событий, революционной борьбой пролетариата опрокидывались уже не раз. Но ни на минуту нельзя забывать, что опасность интервенции есть сейчас актуальная и величайшая опасность.

4) Боевой неотложной нашей задачей является *создание международного революционного фронта пролетариата* и вовлечение широчайших масс крестьянства и мелкой буржуазии в борьбу против движущих сил империалистической интервенции — от международной финансовой олигархии до II Интернационала—в первую очередь, в борьбу против организатора этого фронта, французского империализма. *Борясь в каждой капиталистической стране против собственного империализма, мы должны вести борьбу против центра международного империализма — против французского империализма.*

Процесс руководителей «Промпартии» был чувствительным ударом по интервенции, но опасность ее не снята. Пролетариат СССР устами своего вождя и вождя международного пролетариата тов. Сталина уже на XVI партс'езде дал ответ на планы интервенции.

За этими словами—сила 140 млн. трудящихся СССР, решительная революционная пролетарская воля к построению социализма.

Остальное — дело рабочих и бедняцкого крестьянства капиталистических и колониальных стран, дело коммунистических партий всего мира, которые должны по-большевистски мобилизовать все силы международной революции против кровавых планов империалистических интервентов.

В связи с процессом «Промпартии», тесно связанной с мировым империализмом, коммунистические партии развили большую кампанию против попыток интервенции, против опасности новой войны. Эта кампания должна быть только началом международного пролетариата в его борьбе против попыток империалистической интервенции на Советский союз. На основе широкого применения тактики единого фронта в эту борьбу должны быть втянуты социал-демократические рабочие, которые вместе с революционным авангардом должны осуществить лозунг защиты Советского союза.

Г. М. Кржижановский.

К десятилетию плана ГОЭЛРО.

(22 декабря 1920 г. — 22 декабря 1930 г.).

Общие установки плана ГОЭЛРО.

VIII С'езд советов навсегда останется памятной датой в летописи огромных послеоктябрьских событий. Центральным пунктом этого с'езда было столь памятное выступление Владимира Ильича по кардинальным вопросам предстоящего хозяйственного строительства. Это было выступление как раз по плану ГОЭЛРО, связанное с содокладом этой комиссии, составленной по его непосредственному указанию и работавшей под его непосредственным контролем.

ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России. Какое же отношение имела эта, на первый взгляд, специальная комиссия к идеям планового хозяйства? Всякий знакомый с трудами комиссии знает, что это отношение было прямым и непосредственным:

> «Составить проект электрификации России — это означает дать красную руководящую нить для всей созидательной хозяйственной деятельности, построить основные леса для реализации единого государственного плана народного хозяйства», —

так писали мы в нашем введении к трудам ГОЭЛРО, розданном участникам VIII С'езда. Осуществление планового режима хозяйства — не что иное, как осуществление социализма, если это осуществление имеет место при наличности соответствующей социально-технической базы. Социальная база давалась Октябрьским переворотом, пролетарской диктатурой. Базу техническую должна была дать электрификация. Вот почему план электрификации РСФСР — первая наиболее систематизированная попытка проекта конкретных работ по осуществлению социализма на огромном географическом плацдарме в огромном историческом масштабе.

Мы давали себе полный отчет, что такая работа по существу должна была быть творческой. Опыт прошлого здесь явным образом отказывал, ибо предстояло в самой этой работе наметить вехи окончательного выкорчевывания корней этого прошлого. Дело шло не просто об европеизации нашего хозяйства; дело шло о том, чтобы «выравнять фронт нашей экономики с достижениями нашего политического уклада». Дело шло о том, чтобы попытаться дать в первом приближении набросок того, что Владимир Ильич называл «второй программой нашей партии».

Мы собрали вокруг себя все те наличные силы наших ученых и техников, которые были в пределах нашей досягаемости в тогдашних условиях разгорающейся экономической разрухи, сосредоточения главных сил и внимания на фронтах гражданской войны и продолжающегося саботажа интеллигенции. По тогдашним временам коллектив работников ГОЭЛРО в 150—200 человек научных сотрудников был достаточно мощным коллективом, но мы никогда не рискнули бы синтезировать труды этого коллектива и выступать с ними на арене С'езда советов, если бы за нами не стояла мощная, подбадривающая фигура Владимира Ильича, если бы нас не подкрепляла и не направляла его сверлящая, озаряющая и гениальная мысль.

Вот что нам хотелось бы отметить прежде всего в десятилетнюю годовщину ГОЭЛРО.

Пройдет, вероятно, еще немного лет, и всем гражданам нашей страны возможности и выгоды планового хозяйственного режима станут совершенно самоочевидны благодаря гигантским социально-экономическим результатам. Не таково было наше положение в 1920 г., т.-е. в такое время, когда мы были лишь накануне перехода от борьбы с оружием в руках к борьбе на хозяйственном фронте. Мы тогда подчеркивали, что

> «наша работа только начало. Она может послужить лишь материалом для составления такого плана народного хозяйства, который необходим трудящимся, чтобы великие жертвы, понесенные ими на военном фронте, возможно скорее оправдались успехом на фронте экономическом».

Владимир Ильич весьма настаивал на том, чтобы работы ГОЭЛРО стали учебным материалом наших школ и вузов. Нам не удалось осуществить этой его идеи. Таким образом, план и его успехи были еще впереди, а кругом жестокая хозяйственная разруха. Собрать продовольственный фонд в каких-нибудь 3—5 млн. тонн хлеба — вот база, из которой приходилось исходить. И тем не менее VIII С'езд советов был переломным моментом; тем не менее самое наше хозяйственное строительство, самый опыт миллионов трудящихся за эти десять лет, последовавших за VIII С'ездом, были гигантской и решающей школой в стиле тех наметок хозяйственного и политического строительства, которые давались планом ГОЭЛРО. И теперь уже каждый школьник знает, что такое наши контрольные цифры и пятилетки и каков круг задач генерального плана народного хозяйства, первой компановкой которых был план ГОЭЛРО.

Оглядываясь назад и перелистывая страницы плана ГОЭЛРО, мы можем взвесить идеи этого плана уже на исторических весах, ибо десять послеоктябрьских лет — это огромный период времени, это целая историческая эпоха.

Развертывание послеоктябрьского строительства базировалось на командных высотах национализации земли, национализации промышленности и монополии внешней торговли. Но эти решающие факторы могли дать жизнеспособное целое только в условиях последовательного развертывания планового социалистического хозяйства. Владимир Ильич определенно подчеркивал, что новая экономическая политика была лишь специфическим средством осуществления намечаемых нами планов социалистического строительства, оставляя задачи этого строительства по существу теми же самыми, чем они были с самого начала. И непреложный суд времени прежде всего утвердил, что эти основные ставки Красного Октября — не фантастика, а наиболее крупный факт революционной действительности XX века. Таким образом, работы ГОЭЛРО в этом разрезе более чем оправданы действительностью как в количественных показателях, так и в показателях качественных, многие из которых являются исторически рекордными.

Оглядываясь назад, мы можем определенно констатировать, что под'ем из обстоятельств послевоенной разрухи был сделан нами в кратчайшие сроки и что вслед за завершением этого под'ема мы пошли вперед с такими темпами роста в решающих областях производства, равных которым (темпам) не имелось в мировом опыте. Мы можем решительно утверждать, что десятилетнее строительство планового хозяйства Страны советов уже блестяще подтвердило явное превосходство такой системы над «передовыми» капиталистическими странами.

Не случайно вышло так, что при докладе нашей пятилетки на V С'езде советов все изложение пришлось вести в непосредственной связи с основными установками плана ГОЭЛРО. Пятилетний план реконструкции нашего хозяйства неминуемо должен был вернуться к тем основным идеям социальной и технической реконструкции, которые намечались в плане ГОЭЛРО, этом плане, продиктованном всей совокупностью обстоятельств первой боевой фазы социалистического строительства, когда мы приступили к созданию предпосылок социалистического строя при невероятно тяжелой обстановке в отсталой аграрно-крестьянской стране, при бешеном сопротивлении враждебных нам классовых сил

Не трудно показать, как в самых разнообразных направлениях, начиная с 1927 года, мы последовательно расширяем фронт нашего социалистического наступления. При этом мы как бы возвращаемся к целому ряду ставок героического периода 1918—1920 гг. Но тогда многое мы могли только намечать и декретировать, а теперь дело идет о непосредственном социалистическом претворении наших идей в действительность.

Вновь и вновь, примыкая к установкам плана ГОЭЛРО, на ряду с дальнейшим конституированием плановой системы, нам приходится делать новый нажим на энергетический костяк плана, на самую идею электрификации, трактуемую нами неотрывно от основных задач построения социалистической системы хозяйства.

Боевой характер обстановки неотрывно связан с ударничеством. Ударничество в хозяйственной деятельности — это зачастую отрицание прежнего планового режима. Выход из положения только один: поднять самое планирование на такую высоту, чтобы и ударничество поставить на плановые рельсы. Известное «сходство» в этом отношении между современностью и обстановкой 1919—1920 гг. бросается в глаза. Оценивая хозяйственную обстановку 1919 г., мы писали, что она требует:

> «все более и более решительного нажима в том или ином хозяйственном направлении (ударность), все большей и большей напряженности, дисциплинированности и организованности труда.
>
> При таких условиях нам все более и более угрожает опасность при преодолении очередных трудностей сбиться с основного пути и ради временных интересов пожертвовать основным, существенным, необходимым по общему плану нашей хозяйственной работы. Создание такого плана поэтому все более и более является настоятельной надобностью, несмотря на то, что в настоящее время он может быть начертан лишь в самом грубом, приблизительном виде».

Но приходится подчеркивать особую ударность работы наших дней, приобретающую особое значение при стремительном движении вперед. Мы должны продолжать реализовать план ГОЭЛРО с прежней уверенностью, но с учетом громадного исторического опыта этого десятилетия и на основах гораздо большей мощности доступных ныне материальных ресурсов.

Итак, по сути дела перед нами снова те же два ударных, решающих направления: народнохозяйственный план и его мощная энергетическая основа. Отсюда десятки и сотни истоков по всему полю хозяйственного труда, громадный ряд самых разнообразных заданий, социалистический учет и технологический расчет, цифры-показатели, балансовые прикидки, определение ставки на темпы, совершенствование технико-экономического анализа в беспрецедентных условиях воплощения в жизнь развернутой социалистической реконструкции.

Почему в плане ГОЭЛРО решающим началом во всех этих направлениях был выдвинут момент электрификации? Только по той причине, что таким путем мы надеялись осуществить максимум возможностей для новой, социалистической дисциплины труда. Здесь был центральный упор плана — «от него же все качества». Таким образом, сразу делался отрыв от прочих привычных по всему прошлому установок, от категории «капитала» и беззастенчивых экстраполяций из прошлого. В первом, основном тезисе нашего введения к этому плану мы писали:

> «Единственный путь для выхода из хозяйственной разрухи — под'ем в возможно более короткий срок производительности народного труда с расходом минимума трудовых единиц и материальных ресурсов страны.
>
> Такой результат может получиться при одновременной работе в трех направлениях:
>
> а) под'ем напряженности труда (интенсификация);
>
> б) увеличенное участие в трудовом процессе механических двигателей и приспособлений (механизация);
>
> в) общее упорядочение, взаимная согласованность и соответствие с современными требованиями научной техники как самых операций труда, так и использования его продуктов и отбросов производства (рационализация)».

Итак, освобождение труда от социальных пут дано Красным Октябрем. Мы успешно строим социализм. Задачи технологического вооружения труда являются задачами превалирующего порядка. Эти задачи неотделимы, однако, от основных задач социалистической энергетики и реконструкции.

Мы отдаем себе ясный отчет в тех трудностях и в тех суровых боях, которые еще перед нами впереди. Но борьба с экономической разрухой периода 1919—1920 гг. также была нелегкой борьбой. Задачи, которые мы ставили себе в плане ГОЭЛРО, вероятно, большинству наших современников казались чудовищными по своей смелости: ведь недаром план электрификации перекрывали клеветническим и подчеркнуто презрительным термином «электрофикции». Революционные дерзания — это всегда отрыв от привычных оценок, это — всегда разрыв с обывательщиной и филистерством. Наибольшей дерзостью в решениях нашей партии, относящихся к периоду плана ГОЭЛРО, была как раз ставка на возможность осуществления в нашей стране планово-социалистической организации труда. И не потому, что кругом была разруха, а потому, что с самого начала для нас была ясна необходимость особых путей при осуществлении нашей строительной социалистической программы. На I С'езде советов народного хозяйства (26 мая — 4 июня 1918 г.) Владимир Ильич, со свойственной ему ясностью, так обрисовал основное задание, стоящее перед нами:

> «Нужно подняться выше и посмотреть на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель общества — трудящиеся и эксплоатируемые массы — берут на себя, на свой почин, задачу, до сих пор всегда ему навязываемую, которую всецело в крепостной России до 1861 года решала кучка помещиков... Тогда было их делом создание общегосударственной связи и дисциплины. Мы знаем, как крепостники-помещики создавали эту дисциплину. Это был гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа. Припомните весь этот переход от крепостного права к буржуазному хозяйству... Этот переход исторически казался легок, потому что от одного эксплоататора человечество переходило к другому эксплоататору, потому что одно меньшинство грабителей и эксплоататоров народного труда уступало место другому меньшинству тоже грабителей и тоже эксплоататоров народного труда, потому что помещики уступили это место капиталистам, — одно меньшинство другому меньшинству при подавлении широких масс трудящихся и эксплоатируемых классов. И даже эта смена одной эксплоататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий, усилий, стоила годов, если не десятилетий, переходного времени, когда старые помещики-крепостники совершенно искренне считали, что все гибнет, что хозяйничать без крепостного права нельзя, когда новый хозяин-капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство... Одним из вещественных доказательств трудности этого перехода было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей, и во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине» [1].

Мы видим, как отчетливо представлял себе Владимир Ильич трудности борьбы за социалистическую дисциплину труда. Но он не отступал перед этими трудностями, а делал нажим на создание наиболее благоприятной обстановки для решения этого вопроса вопросов. Отсюда — прежде всего — его линия на электрификацию, как на истинную базу новой, социалистической системы «крупной машинной индустрии». Отсюда его знаменитая формула: «Коммунизм — советская власть плюс электрификация всей страны».

Однако план ГОЭЛРО не ограничился формулировкой своего основного тезиса о путях реконструкции народнохозяйственного труда. Он конкретизировал эту задачу и в отраслевом, и в районном разрезе. С самого начала с резкостью был подчеркнут вопрос об ограниченности исторических сроков, предоставленных нам для решения наших судеб, и вопрос о темпах всего социалистического строительства в его целом. В самом деле, уже в введении к плану ГОЭЛРО мы читаем:

> «В любой административной и технической производственной деятельности прежде всего не надо забывать три основных правила успешности, к которым нас неизбежно приводит практика прошлого:
>
> во-первых, прежде всего не надо тратить времени, т.-е. не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, и не терять темпа в ходе самой работы;
>
> во-вторых, не преувеличивать своих сил, для чего прежде всего требуется знание этих сил и правильная оценка трудностей предстоящей работы;

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 307—308.

> в-третьих, начатое доводить до конца, потому что ничто так не дезорганизует работу, как беспомощное метание из стороны в сторону».

Не ограничиваясь этой общей установкой — а в ней дана определенная линия к борьбе на два фронта — план ГОЭЛРО делал определенные количественные и календарные ставки хозяйственного строительства, конкретизировавшие его чрезвычайные темпы.

Прослеживая нашу работу за годы восстановительного процесса, мы можем легко заметить, какой крен давал этот процесс в сторону самотека, толкавшего нас по линии наименьшего сопротивления: на преимущественное развитие легкой промышленности, на предпочтение ремонта и легкой реконструкции — новому строительству и тяжелой реконструкции. По направлению преимущественного развития легкой индустрии пытался толкнуть нас правый оппортунизм, отражавший давление враждебных классов на пролетариат и его партию. По плану ГОЭЛРО намечались резкие сдвиги прежних пропорций и в производственных подразделениях и в соотношениях нового строительства с работами по ремонту и элементарному возобновлению. Вот как была охарактеризирована необходимая установка:

> «Всюду и везде мы наталкиваемся на крайне слабую производительность нашего труда и на непропорционально большую долю такого потребления продуктов этого труда, которая служит не непосредственно производственным надобностям, а лишь на поддержку элементарных форм существования. Переоценка хотя бы в грубых общих чертах с этой точки зрения основных соотношений в главных подразделениях нашей экономики, очевидно, является первоочередной задачей при разработке общегосударственного плана нашего народного хозяйства.
>
> Заранее приходится предвидеть, что намечающиеся здесь сдвиги таковы, что нам не столько приходится думать о ремонте и возобновлении, сколько о *радикальном переустройстве и о новых сооружениях*. Счетная линейка инженера не замедлит доказать при этом, что такой путь окажется для народа как раз наиболее практичным по расходу его трудовой энергии».

С такой же определенностью мы предвидели, что новая структура нашей индустрии теснейшим образом связана с новым экономическим районированием страны. Вот как было сформулировано в том же введении относящееся сюда положение:

> «Переоценка соотношений основных подразделений нашего производства неразрывно связана с географическим перераспределением самых производящих областей. В соответствии с естественными ресурсами этих областей и с новым намечающимся укладом *планомерно обобществленного хозяйства РСФСР должна быть подразделена на новые экономические округа — предвозвестники будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда*».

В соответствии с этим преобладающая часть изложения плана была дана в определенном районном разрезе, для прикидок которого был дан максимальный простор для использования местных материалов. Это районное подразделение страны было увязано с определенной программой использования территориальных энергетических ресурсов.

В плане ГОЭЛРО были, таким образом, заложены подлинные энергетические основы экономического районирования. Мы видим, что по самому замыслу это районирование должно было представлять более или менее длительный исторический процесс, непосредственно связанный с ростом планового хозяйственного уклада.

Присматриваясь к нынешним экономическим областям и районам, мы можем констатировать, что они в значительной степени расходятся с наметками ГОЭЛРО. Однако и это районирование было завершено лишь в самое последнее время. Не трудно показать, что тормозами на путях районирования был целый ряд факторов: здесь и недостаток необходимых кадров, и необеспеченность материальными ресурсами, приводящая к некоторой неизбежной гипертрофии централизма, и поправки на момент национального членения территории. Однако движение в направлении вех районирования, *поставленных* ГОЭЛРО, — налицо и в дальнейшем пойдет, несомненно, ускоренным темпом.

Не трудно показать, что *качественный порядок идей*, заложенных ГОЭЛРО в основу реконструкции промышленности, сельского хозяйства и транспорта, остается в силе и в настоящее время. В наиболее сжатой форме эти идеи были охарактеризованы в моем докладе на VIII С'езде советов. В плане, прежде всего, демонстрировалась непосредственная зависимость топливоснабжения от электрификации. Рационализация топливного баланса, высвобождение от односторонней зависимости наших индустриальных центров от дальнепривозного топлива путем использования таких видов местного топлива, какими являются различные местные угли, торф, сланцы и разнообразные продукты лесных разработок, — все это было непосредственно увязано с ростом районных электрических централей. Все построение промышленности, в свою очередь, связывалось с необходимостью предварительного оздоровления ее топливной базы. Фронт сельского хозяйства давал непосредственную смычку с фронтом энергетики, потому что легко было показать первейшую необходимость энергетического переворота в крестьянском сельскохозяйственном труде. Уже тогда пришлось сделать упор и на тракторы и на электрификацию сельского хозяйства, отмечая одновременно необходимость под'ема в сторону производственного кооперирования крестьянского массива. Наконец, *магистрализация транспорта с одновременной его электрификацией охарактеризовывалась как основная линия транспортной реконструкции*.

Электрификация самой промышленности намечалась *как явно выраженная столбовая дорога прогресса мировой техники*. Для нас и тогда было ясно, насколько специализация производства, правильное технологическое разделение труда, массовая, типизированная и стандартизированная продукция — связаны с дальнейшей электрификацией промышленности.

Оглядываясь на пройденную дорогу, мы можем констатировать, что, в то время как количественные наметки плана ГОЭЛРО в целом ряде решающих разрезов хозяйства превзойдены, этого отнюдь не приходится сказать относительно качественных ставок плана. Наш топливный баланс еще до сих пор недостаточно минерализирован, и пропорция дальнепривозного топлива попрежнему является чрезмерной. Революция сельскохозяйственной энергетики зашагала быстрыми шагами вперед лишь в последние годы, но многообещающее электрическое крыло этой энергетики находится еще в зародыше предварительных стадий. Электрификация транспорта обретается прямо-таки в младенческом состоянии, а самую идею магистрализации транспорта приходится защищать от оппортунистических установок.

Мы можем, таким образом, утверждать, что в общем и целом качественные установки плана ГОЭЛРО были намечены с надлежащим опережением действительности. Гениальное руководство Владимира Ильича оправдано и на этот раз непреложным свидетельством времени

ГОЭЛРО и пятилетка.

В своем докладе на VIII С'езде советов Владимир Ильич, касаясь плана ГОЭЛРО, считал необходимым поставить вопрос о сокращении его оптимального срока ниже десятилетия. В дальнейшем мы увидим, что электрическую часть программы плана ГОЭЛРО мы выполняем в течение одиннадцатого года, истекшего со времени прокламирования этого плана. Не следует упускать из виду, что официальное утверждение план получил лишь в 1921 г., а приступ к его работам должен быть отнесен даже на 1922/23 хозяйственный год. Справка показывает, что, превращая нашу пятилетку в четырехлетку, мы как бы следуем прямым указаниям Владимира Ильича. А если вдуматься в наше положение, то иначе и быть не может. Хозяйственное творчество великих под'емных, революционных периодов неизбежно должно сопровождаться некоторым ускорительным процессом. Не надо забывать, что героями этих периодов являются сами массы трудящихся. В своем выступлении на VIII С'езде Владимир Ильич подчеркнул известное положение Маркса, по которому глубина исторического действования находится в прямой пропорциональности с вовлеченной в его водоворот человеческой массой. Измерить наперед это ускорение не представляется никакой возможности. Удачно составленный план сам является толкачом активности трудящихся, и уже по одному этому количественные и календарные ставки такого плана являются сугубо относительными.

Судьба пятилетки, прокламированной на V С'езде советов, у всех на глазах. Не подлежит никакому сомнению, что ее основные ставки будут выполнены в четырехлетний срок; в значительной же доле мы имеем выполнение в сроки еще более короткие. Но в таком случае без большой погрешности мы можем приурочить конечный срок пятилетки примерно к тем же датам, которые первоначально намечались для плана ГОЭЛРО. Такая установка и взята была нами при докладе пятилетки на V С'езде советов, при этом подчеркивалось, что, в то время как ставки плана ГОЭЛРО опирались по преимуществу на теоретические расчеты, ставки пятилетки могли уже базироваться в значительной степени на гигантском опыте самих трудящихся. И тем не менее мы можем констатировать, что относительное опережение по времени выполнения ставок пятилетки более велико, чем опережение ставок плана ГОЭЛРО. Можно ли отсюда сделать вывод, что план ГОЭЛРО по сравнению с пятилеткой является более совершенным планом? Конечно, нет. Вывод, сам собой напрашивающийся, только один: пятилетка охватывает периоды такого ускорения наших хозяйственных темпов, которое не могло иметь места в течение восстановительного периода, целиком упавшего по времени на первые две трети плана ГОЭЛРО. Судьбы количественных ставок обоих планов, однако, примерно одни и те же: они с самого начала принимались как весьма приближенные величины. Здесь не только несовершенство наших плановых оценок по отдельным рубрикам нашего хозяйства, здесь еще некоторая неизбежная относительность в соблюдении основного костяка обоих планов, относительность самого планового режима нашего хозяйства. Колебля отдельные части системы цифр-показателей, представляющих в своей сумме костяк любого перспективного плана, мы нарушаем всю логику расчетов, имевших место при проектировке. При резких нарушениях в этом направлении получаются отдельные «пики», резко возвышающиеся над прежней кривой показательных величин. И не всегда возможно по высоте этих «пиков» определять ускорение выполнения всего плана в его целом.

Но так или иначе, памятуя несовершенство таких сравнений, без оценки выполнения плана во времени, хотя бы по его отдельным частям, мы обойтись не можем.

К каким же основным выводам приводит нас такая оценка? Вспомним прежде всего наши основные сопоставления плана ГОЭЛРО и наметок пятилетки. Вот что мы утверждали на V С'езде советов:

> «План ГОЭЛРО был планом электрификации. По этому плану намечалось построить 30 районных электростанций общей мощностью в 1.750 тыс. кв. В пятилетке мы идем уже не с 30-ю электрическими станциями, а с 40. Мощность их значительно превосходит мощность, намеченную раньше, — от 2.500 до 3.000 тыс. кв. Что это означает?
>
> Действительность показала, что нажим ГОЭЛРО на электрификацию был правилен, что он не только не был преувеличен, а как раз наоборот. Не рассуждения, а прямые ответы на запросы по электроснабжению мест, важнейших районов, важнейших отраслей народного хозяйства вынуждают нас теперь итти в этом деле далее и решительнее. В общем и целом, однако, мы идем по строительству районных станций как раз в тех местах, которые были намечены по плану ГОЭЛРО. Новые станции пятилетки лишь уточняют этот проект, ограничиваясь в большинстве случаев лишь увеличением первоначально намеченных мощностей.
>
> А вот другая важнейшая строительная хозяйственная линия — металл. Я прямо прочту вам, каким образом мы рассматривали программу черного металла в плане ГОЭЛРО. Вы увидите, как сейчас новая проработка вопроса поразительно близко подвела нас к тем же величинам, какие мы намечали в 1920 г.: «В программу производительности ближайшего десятилетия должно быть поставлено увеличение выплавки Южного района до 5 млн. тонн (300 млн. пуд.). Это увеличение может быть достигнуто полным использованием оборудования существующих заводов, расширением таковых (между прочим, Керченского) и устройством нового крупного завода на 0,65 — 0,75 млн. тонн (40 — 45 млн. пуд.) около Александровска. Урал может дать при добавочном снабжении донецким и кузнецким углем до 2,5 млн. тонн (150 млн. пуд.), Центральный район—до 0,40 млн. тонн (25 млн. пуд.) и Северный—такое же количество. Для обслуживания Сибири следовало бы развить металлургическую промышленность в Кузнецком бассейне. В сумме выплавка чугуна должна быть доведена в ближайшие сроки до 8 млн. тонн (500 млн. пуд.) в год, при чем придется прилагать все усилия для дальнейшего увеличения этой нормы».

Десять миллионов тонн чугуна пятилетки — это 600 млн. пуд. Вы видите полное совпадение ставки нашей пятилетки с планом ГОЭЛРО, ибо в ГОЭЛРО говорилось, что 8 млн. тонн (500 млн. пуд.) чугуна будет мало. По пятилетке Украина должна дать 6 млн. тонн чугуна, — и, сличая разверстку по местам и по характеру строительства в обоих планах, вы увидите полное совпадение.

Посмотрим дальше, что мы говорили о топливном центре — Донецком бассейне. Мы говорили в 1920 г., что надо довести добычу Донбасса с опорой на крупные шахты до 35 — 50 млн. тонн (2 — 3 миллиарда пуд.). Посмотрите, как сейчас намечаем. 54 млн. тонн угледобычи Донбасса по пятилетке — это в переводе на пуды соответствует задаче поднять угледобычу Донецкого бассейна до 3 миллиардов пудов.

По добыче торфа намечалось получить не менее 1 миллиарда пудов (около 17 млн. тонн). Мы делаем в нашей пятилетке ставку на 16 — 18 млн. тонн торфа. Такое же поразительное совпадение и по черной руде — в обоих планах 20 млн. тонн. Уже эти справки показывают, что ставки нашей пятилетки в общем и целом близки к наметкам плана ГОЭЛРО. А их можно было бы значительно продолжить.

По плану ГОЭЛРО предвиделось громаднейшее расширение туковой удобрительной промышленности, фосфоритной муки, фосфоритных и азотистых удобрений. Там говорилось о большом строительстве государственных совхозов, при чем предвиделся длительный путь для выправки их хозяйства. О чем это говорит? Это говорит о том, что мы имеем поразительное совпадение научного анализа, того анализа, который был нашим преимущественным средством в ту пору, когда мы писали план ГОЭЛРО, с данными тех больших и сложных расчетов, которые мы могли пустить в ход при выработке пятилетки [1]).

Мы уже подчеркивали, что на этот раз эти расчеты пятилетки опирались на опыт действительности, и все же действительность нас опередила. Процессы вредителей показывают, какая борьба классовых интересов сопровождает выработку и осуществление наших перспективных планов. Вопреки оппортунистическим установкам социалистическое строительство отнюдь не протекает спокойно и безмятежно, а тем более классовый враг отнюдь не врастает в социализм. Борьба за план — один из ожесточеннейших видов классовой борьбы, и классовый враг не пренебрегает никакими доступными ему видами борьбы в целях приостановки, замедления и извращения пролетарской революционной линии строительства. Не подлежит сомнению, что вредителям удалось в целом ряде разрезов плана исказить оценки доступных нам производственных ресурсов, и именно в сторону их преуменьшения. Не надо забывать, однако, что правильный критерий нашей технологической действительности еще отнюдь не является твердоустановленной величиной именно в силу необычайной структуры этой действительности. Вредители нередко ошибались в своих конечных расчетах. Но ошибались они только в одном — в усилении диспропорций отдельных частей нашего хозяйства. Это на их языке характеризовалось как «метод вредительского насыщения противоречий нашей действительности». А так как борьба с этими противоречиями и сама по себе преисполнена трудностей, то отрицательная роль вредительства является сугубой.

И тем не менее те же вредители должны были всенародно признать тщетность своих усилий и попыток исказить генеральную линию партии в ее хозяйственном разрезе. Шутница-история и здесь оказалась на месте: вредители начали с элементарного вредительства по самому ходу производства, но этот метод оказался и чересчур опасным персонально, и сравнительно мало эффективным. Много конспиративнее можно было работать при плановом вредительстве. Но тут против них стояла на первых стадиях планового вредительства относительная значимость наших перспективных планов. Однако решающую роль сыграло прямое противодействие со стороны защитников генеральной линии партии в хозяйственном строительстве, и прежде всего — поразительная активность широких слоев пролетариата. Со всей резкостью следует отметить, что главнейший ущерб наши плановые наметки несли от оппортунистических установок и оценок нашей хозяйственной ситуации, и в частности особенно не везло в этом отношении нашим энергетическим установкам. Не трудно показать, что особыми скептиками по отношению к плановой электрификации и к смелым приемам крупных реконструктивных хозяйственных начинаний были правые оппортунисты, стремления которых, в сущности, были направлены к созданию явных ножниц между нашим движением вперед по линии индустриализации и движением по линии электрификации.

Это в значительной степени об'ясняется специфическим, реконструктивным по существу, характером электрификации. Пока в преобладающей силе были нужды восстановительного периода, запросам электрификации приходилось в значительной степени сторониться. Людям с деляческой складкой это казалось совершенно естественным порядком, и борьба за полновесное назначение материальных и финансовых ресурсов для нужд электрификации была отнюдь не легкой борьбой. Здесь было налицо подлинное противоречие нашей действительности, и документы вредительства показывают, что это противоречие было в достаточной степени использовано и с прямыми вредительскими целями. Прорывы фронта энергетики с достаточной наглядностью видим из нижеследующей таблицы, рисующей план и его выполнение за первые 2 года пятилетки.

Показатели за первые два года пятилетки.

Показатели.	Единицы измерения.	Абсолют. велич.		В %% за 2 г.
		Пятилетка.	Фактически.	
Капитальн. влож. в планир. пром.	млн. р.	3.990	4.605	115,4
В сельск. хозяйство	„	1.719	2.397	139.4
В транспорт	„	2.504	2.688	107,3
Валов. продукция планир. пром. (цены 1926/27 г.)	„	29.337	30.456	103,8
То же по гр. „А“	„	12.476	13.764	110,3
Продукция электропромышлен.	„	588	781	132,8
Производство тракторов	в тыс. шт.	8,0	14,8	185,0
Выраб. электроэнерг. на район. станц.	в млн. кв.-ч.	6.106	5.548	92,5
Добыча каменн. угля	в млн. т.	87,7	84,2	96,0
Выплавка чугуна	„	9,1	9,0	98,9

Мы видим, что выработка электроэнергии, каменного угля и черного металла — этих первооснов энергетики — находится в явном минимуме, при чем особенно отстает электрификация.

Но наибольший хозяйственный размах строительство приобретает на третьем, решающем году пятилетки, в наступающем 1931 году. Валовая продукция промышленности в ценах 1926/27 г. будет немногим отличаться по своей суммарной стоимости от тех 26 млрд. руб., которые намечались пятилеткой для ее конечного 1932/33 хозяйственного года. При чем по линии тяжелой индустрии по гр. «А» эта продукция должна составить примерно 17 млрд. рублей против 14 млрд. руб. конечного года пятилетки. Валовая продукция каменного угля должна быть близка к 80 млн. тонн против 75 млн. тонн конечного года пятилетки. Нефть должна составить 25 млн. тонн против 22 млн. тонн. Чугун — 8 млн. тонн против 10 млн. тонн. Общее машиностроение — 2,4 млрд. руб. против 2 млрд. руб. и т. д. Такая картина получается при сопоставлении третьего года пятилетки с первоначальной наметкой для конца пятилетия.

А на ряду с этим выработка электроэнергии составит 13—14 млрд. кв.-час. против 22 млрд. кв.-час. конечного года пятилетки. Разрыв, как видим, между индустриализацией и электрификацией на третьем, решающем году пятилетки углубляется. А между тем мы идем с чрезвычайно форсированной программой строительства в 1931 г. По грубой оценке Энергоцентра, прирост мощности районных электростанций и станций фабрично-заводских должен составить в один этот год общую мощность около полутора миллионов киловатт.

Другими словами, по мощности мы в 1931 г. как бы выполняем целый план ГОЭЛРО в один год. Это, конечно, оказывается возможным в силу того, что как раз в этом году заканчивается для целого ряда крупных электроцентралей весь цикл их строительства. Но старая задолженность оказывается еще достаточно великой, и линия электрификации еще не может быть выправлена даже таким американским размахом электростроительства [1]).

---

[1]) См. нашу работу «Пятилетний план народнохозяйственного строительства».

Припомним, что, по наметкам ГОЭЛРО, расходы на электрификацию должны были составить в общей сумме 1.200 млн. руб. золотом. В этом расчете ежегодные ассигнования на нужды электрификации должны были бы составлять не ниже 250 млн. черв. руб.; по справкам Энергоцентра, фактические расходы на нужды электрификации (имеется в виду чистое строительство) составляли из года в год нижеследующие суммы:

Годы.	Млн. руб.	Годы.	Млн. руб.
1919/20	0,7	1925/26	84,8
1920/21	2,7	1926/27	138 8
1921/22	5.8	1927/28	194,3
1922/23	40,0	1928/29	206,6
1923/24	52,7	1929/30	330,6
1924/25	66,7		

Этой шкале расходов примерно соответствуют и рост мощностей, и выработка электроэнергии на наших районных электростанциях. Вот как они располагаются, по данным Энергоцентра, по времени:

Мощность районных электрических станций в тыс. кв.

Годы.		Годы.	
1921	255	1926	398
1922	277	1927	510
1923	287	1928	572
1924	307	1929	710
1925	338	1930	1300 [2])

Выработка районных электрических станций в млн. кв.-ч.

Годы.		Годы.	
1921/22	475	1925/26	1.121
1922/23	630	1926/27	1.429
1923/24	702	1927/28	1.814
1924/25	866	1928/29	2.315
		1929/30	3.414

Наконец на 1930 г. — 4.000.

Во всех этих трех таблицах мы видим, как подравнивается фронт электрификации начиная с 1927 г., т.-е. как раз с первого года развернутых этапов реконструкции.

Итак, соединенные усилия специфической обстановки восстановительного периода, сопровождавшегося на первоначальной стадии гигантской экономической разрухой, оппортунистических уклонов в вопросах электрификации и прямого вредительства нанесли известный урон при проведении плана ГОЭЛРО в жизнь. Не будем, однако, переоценивать значение этого урона. Припомним, как каркали наши враги, когда мы приступали к закладке первичных камней будущего величественного здания электрификации нашей страны. Джентльмен Уэллс разводил руками касательно желания такого умного человека, каким он почитал Владимира Ильича, непременно электрифицировать пустынные пространства тогдашней России. Меньшевики и белогвардейцы план электрификации считали чудовищным блефом. Припомним, как, действительно, мучительны были первые шаги по электрификации в условиях пайкового питания и дьявольской игры хозяйственных кризисов. Чего стоит только эпопея одного Волхова, работникам которого не раз приходилось колебаться между надеждами и отчаянием. Такой незаурядный теоретик «планового» строительства, каким является небезызвестный буржуазный исследователь Атлантикус-Баллод, утверждал, что постройка крупных электростанций масштаба нашего Днепростроя — это неизбежно вторая стадия нашего строительства. Начинать, по его мнению, следовало с создания примерно удвоенной, утроенной продукции по сравнению с довоенным уровнем таких предпосылок электрификации, какими должны были явиться уголь, металл и цемент. Третьей и последней стадией строительства, по его мнению, должно было быть широкое машиностроение.

Мы знаем, что такого трафаретного хода наше хозяйственное строительство за эти годы дать не могло. До самоочевидности ясно, что ход пролетарского социалистического строительства в значительной степени разделяет судьбы пролетарских революций, в свое время прекрасно охарактеризованные К. Марксом. Плановое социалистическое строительство — это жестокая борьба за план, хотя нередко внешние формы этой борьбы не сразу и не всем бросаются в глаза.

Как бы то ни было, ныне наши зарубежные критики уже не смеются ни насчет наших планов электрификации, ни насчет плана строительства всей нашей пятилетки. И один из наиболее пристальных наших работников в области энергетики, инж. Вейц, правильно отмечает:

> «Страна советов включает уже ежегодно не единицы тысяч, а сотни тысяч киловатт новой электрической мощности, сооружаемой на наиболее высокой технической и экономической основе. Не только относительно, но и по абсолютным размерам массива включаемой в народное хозяйство электрической мощности мы идем уже в уровень передовых стран Западной Европы.
>
> Англия, например за 1928 г. включила новую мощность на всех электрических станциях в размере около 450 тыс. кв. (5,4% прироста к действовавшей мощности), из коих около 350 тыс. кв. на станциях общего пользования (6,6% прироста) и около 100 тыс. кв. на промышленных. Германия за этот отрезок времени включила новую мощность на всех станциях общего пользования в размере около 570 тыс. кв. (10% прироста), Италия за 1929 г. включила новую мощность на станциях общего пользования в размере 400 тыс. кв. (12,7% прироста).
>
> При чем, как показывают цифры расширенного воспроизводства электрификации, кривая строительства новой электрической мощности за последние годы идет там (в капиталистических странах) в основном по снижающейся динамике не только в относительных цифрах, но и по абсолютным размерам...
>
> В СССР же кривая расширенного воспроизводства электрификации идет по незатухающей динамике. Если в 1927/28 г. включенная новая мощность только на районных электростанциях составила всего около 65 тыс. кв. (12,7% прироста к действовавшей мощности), то в 1928/29 г. она уже составила цифру порядка 140 тыс. кв. (24,5% прироста), а в 1929/30 г. она достигает около 450 тыс. кв. (65% прироста) ..»

Суммарная же электрическая мощность на районных станциях, которая будет введена в эксплоатацию к концу 1932/33 года, составит 5 млн. кв. плюс 2½ млн. кв., которые начаты постройкой и будут введены в эксплоатацию в течение второго пятилетия. Сюда входят сверхмощные гиганты электрификации, которые Страна советов строит по последнему слову технического прогресса.

---

[1]) Отметим кстати, что присоединенная мощность нового строительства в САСШ составляла для 1918 г.—1.100 тыс. кв., для 1919 г.—1.400 тыс. кв., для 1920 г.—2.130 тыс. кв. и для 1922 г.—1.300 тыс. кв.

[2]) Для 1930 г. мощность взята на конец года, для прочих лет—на 1 октября.

Энергетический эффект одной и той же мощности у нас в несколько раз выше, чем в западных странах. *При разновеликих мощностях даже количественные размеры электробалансов у нас значительно более высокие, чем там.* Если, например, в Англии новый миллион кв. мощности дает стране дополнительный поток энергии в размере всего около 2 млрд кв.-часов, то у нас он составит не менее 5 млрд. кв.-час.

Но и этого еще мало для сравнительной оценки: у нас генеральное направление энергетического перевооружения следует по основному пути, предуказываемому наиболее передовой техникой, по пути включения всех энергетических звеньев народного хозяйства в единую народнохозяйственную систему со всеми теми производственно-техническими и экономическими факторами, которые сопровождают этот процесс.

Владимир Ильич в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что план ГОЭЛРО является планом «в первом приближении». Необходимость дальнейших поправок и улучшений этого плана для него была самоочевидна. Зияющие пробелы этого плана для нас теперь особенно ясны. Совершенно не оправдался наш расчет на концессии и крупные займы; этапы нашего сельскохозяйственного под'ема, в свою очередь, не позволили нам так быстро завоевать наши прежние позиции в хлебной мировой торговле, как это мы рассчитывали в плане ГОЭЛРО. Не мало было и других просчетов. Необходимость создания решающих индустриальных предпосылок выдвигалась на первый план. *И все же свидетельство времени — в пользу плана. Основные вехи плана, его энергетическая устремленность оправданы на все 100%. Именно этот план явился наибольшим толкачом вперед во всем нашем плановом строительстве.* Это он с наибольшей силой помогает нам работать «с лампочкой Ильича» в широком переносном смысле этого термина.

В свое время Владимир Ильич жестоко бичевал невыдержанность позиции многих советских работников по отношению к плану ГОЭЛРО. Вероятно, в наши дни он с неменьшим сарказмом высказался бы по поводу целого ряда враждебных нападок по адресу пятилетки. Судьбы того или другого плана решаются теми положительными, фактическими сдвигами на поле советского труда, которые могут быть отнесены за счет воздействия этих планов. Они решаются под'емным движением актива рабочих и крестьян в той доле, которая может быть отнесена на актив самого плана. *И у нас нет никаких оснований итти в сторону сниженных оценок как того, так и другого плана.* Наоборот, фактические пути нашего хозяйственного строительства таковы, что даже во вражеском лагере нет расхождения мнений относительно их исторической значимости.

Порой так хотелось бы, чтобы эти темпы хозяйственного под'ема, чтобы эту индустриальную перестройку «нищей и разоренной» страны в страну, быстрейшим темпом идущую по пути осуществления задачи «догнать и перегнать» наиболее мощные индустриальные страны Запада, могли видеть глаза Владимира Ильича. Ведь в этом под'еме так много от творческой энергии этого великого вождя пролетарской революции.

Электроэнергетика и социалистическая реконструкция.

В нашем докладе на VIII С'езде советов мы подчеркивали, что электричество отнюдь не является мирным соседом пара. Оно несет с собой гигантский технологический переворот, предопределяющий возможность новых форм общественного бытия. Некоторые из наших критиков склонны были усматривать в такой точке зрения своеобразный, односторонний «техницизм». Так ли это? Критики попросту упускают из виду особенности обстановки переходного времени. Мы еще только куем новый, великий коллектив бесклассового общества. Мы рвем цепи прошлого, но их еще не разорвали. Наше бытие определяет наше сознание. А в этом бытии мы ещё одним крылом влачимся по земле. Не подлежит сомнению, что наш собственный строительный опыт уже наглядно и в мировом масштабе показывает всю возможность построения социалистического общества даже при сравнительно весьма неполном использовании потенций современной техники. Это становится даже понятным и профессорам из Копенгагена. Мы вступили в период социализма. Но дальнейшее мощное развитие производительных сил на социалистической основе является важнейшей нашей задачей. Электроэнергетика здесь должна быть учтена в первую голову. Опыт истекшего десятилетия нагляднейшим образом свидетельствует о правильности такого рода соображения.

В своих замечаниях по поводу тезисов французской компартии по аграрному вопросу Ленин в свое время писал:

> «Крайне важно, по моему мнению, с теоретической и с практически-агитационной точки зрения сказать в тезисах (и вообще побольше в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует *электрификации всей страны и ряда соседних стран по одному плану*; что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство, и в особенности крестьянство; что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной, во-вторых, *не может быть* произведена в *пользу* рабочих и крестьян. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению *гнета крупных банков* над рабочим классом и *над крестьянами*...
>
> Франция обладает великолепными возможностями электрификации. При победе пролетариата во Франции от электрификации, произведенной планомерно и не считаясь с частной собственностью крупных землевладельцев и капиталистов, *гигантски* выигрывает особенно *мелкое крестьянство*. При сохранении власти капиталистов неизбежно, что электрификация не будет планомерной и быстрой, а поскольку она вообще будет, она будет новой кабалой для крестьян, новым рабством крестьян, ограбляемых «финансовой олигархией» [1]).

Эти яркие строчки Владимира Ильича бьют прямо в точку: он как будто бы прямо предвидел доклад «технической помощи» на II Энергетической конференции, прокламировавшей электроэнергетику в ее капиталистическом использовании как величайшее штрейкбрехерское начало. Опыт истекшего десятилетия наглядно показывает, в какой мере необходима увязка парусов индустриализации с баркой нашего сельского хозяйства. Проблемы коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств связаны не только одним размахом работ наших межселенных машинно-тракторных станций. Помимо этих энергетических опорных пунктов Советский союз обладает и еще целым рядом приводов, работающих в том же направлении, но не техницизм, а чистоган элементарного расчета заставляет нас максимально форсировать и работу наших машинно-тракторных станций. Система больших упряжек была в САСШ предтечей торжества трактора с его специфическими прицепными сельскохозяйственными орудиями. Не подлежит сомнению, что вышеприведенные цитаты из Владимира Ильича достаточно ярко свидетельствуют о том, что межселенные машинно-тракторные станции подготовят почву будущей широкой электрификации сельского хозяйства.

---

[1]) *Ленин*, Собр. соч., т. XX (дополн.), ч. II, стр. 480—481

Переходное время знает свои достижения и свои трудности. Говоря о судьбах электроэнергетики нашей страны, как-то невольно вспоминаешь письмо Владимира Ильича VIII Всероссийскому Электротехническому с'езду (1 — 10 октября 1921 г.). Вот эти знаменательные строки:

> «Рабоче-крестьянская Советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты четырехлетней империалистической и трехлетней гражданской войной, — для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее, превратить в свою колонию, как ни мучительно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед. При помощи вашего с'езда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту задачу осилим, мы электрификацию страны создадим».

Прошедший на наших глазах процесс вредителей еще и еще раз свидетельствует о меткости такой характеристики. Вышеприведенные справки о фактическом ходе электрификации, в свою очередь, говорят о тех трудностях, которые стояли и стоят на нашем пути. Однако мы видим, что с 1927 г. в развитии электрификации начался перелом. Мы видим, как на наших глазах реализуется то великое «ускорение» нашего социалистического строительства, на которое рассчитывал Владимир Ильич. Это ускорение — от первооснов нашей социалистической экономики, от новых форм смычки великих, решающих активов рабочих и бедняцко-середняцких масс крестьянства. Вспомните, как подчеркивал Ленин ставку на решающую роль многомиллионного актива мозолистых рук.

> «План электрификации нужен, — говорил он, — для того, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10 — 20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической...
>
> Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10 — 20 лет».

Великое историческое действование требует великой массы вовлеченных в его водоворот трудящихся. Эту мысль Владимир Ильич неустанно подчеркивает. В ней — весь ключ понимания исторической роли электроэнергетики.

Электроэнергетика прежде всего — наше могучее орудие потому, что она является наиболее совершенным орудием развертывания индустрии. Можно безоговорочно утверждать, что электрическая энергия рождена от черного металла и черного угля и что прогресс тяжелой индустрии неотделим от прогресса электрификации. А ведь тяжелая индустрия — это истинная цитадель пролетариата. Десять лет назад, разрабатывая план ГОЭЛРО, мы не могли располагать теми великолепными материалами, всесторонне обосновывающими решающую роль энергетики, которые даются мировыми энергетическими конференциями. Но никаких поправок в наши установки эти конференции не вносят. Наоборот, они только подкрепляют уже высказанные нами основные точки зрения о новых распорядках в борьбе со стихией, вытекающих из приоритета электрической энергии. Нет лучшего орудия для того, чтобы потенциальные запасы природной энергии превратить в энергию кинетическую, служащую для удовлетворения непосредственных нужд трудящихся. Лишь на основе электроэнергетики возможно было царство машин-двигателей довести до такой мощности, что уже каждому килограмму потребленного хлеба примерно соответствует потребление одного киловатт-часа механической или электрической энергии на современных мировых энергетических установках. Лишь на основе электроэнергетики возможен был такой индустриально-энергетический под'ем САСШ, который характеризуется тем обстоятельством, что каждому американцу пришлось бы обзавестись 126 рабами, в том случае, если бы нужно было поддерживать нынешнее американское производство без наличных в нем машин-двигателей.

Но, быть может, в таком случае центр тяжести надо перенести на производство этих машин-двигателей и в самой электрификации видеть только второразрядную величину? Однако, уже для самих работников известной гуверовской комиссии, задавшихся целью исследовать новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов, ясна обратная зависимость. Они вынуждены характеризовать громадный сдвиг, наблюдаемый при переходе от машинной культуры, созданной паровой энергией, к машинной культуре, осуществляемой электрической энергией. В общих чертах контраст здесь характеризуется таким образом:

> «При машинной культуре, созданной путем паровой энергии, рабочий должен итти к источнику двигательной энергии; при машинной культуре, созданной путем электроэнергии, двигательная энергия, наоборот, может быть подведена к рабочему. А это означает «революционный факт» в том смысле, что если говорим о «машинной культуре» в терминах 1950 г., то эта машинная культура может совершенно невообразимо отличаться от той машинной культуры, которая началась в момент, когда Джемс Уатт впервые использовал энергию расширения пара для производственных процессов» [1].

Характеристика довольно глухая, но она вразумительная в том отношении, что приводит сдвиги в самой машинной культуре в прямую зависимость от этапов энергетики.

На последней энергетической конференции в Берлине одним из наиболее сенсационных докладов был доклад инженера Оливена относительно сооружения общеевропейской сети электропередач. Эти сети должны были охватить пространство от Лиссабона до Ростова в широтном направлении и от водопадов Норвегии до юга Далмации и Италии в направлении меридианальном. По расчетам автора, сооружение 10 тыс. километров этих электропередач будет стоить около 2 миллиардов марок и должно быть реализовано на основе вольтажа примерно в 400 тыс. вольт. Автор живописует, каким образом это сооружение явится высокорентабельным и как оно даст возможность Европе сразу поднять свое потребление с нынешних 80 млрд. кв.-час до уровня в 100 млрд., т.-е. до уровня нынешней выработки энергии в САСШ. Этот громадный единый электрический котел, преодолевая национальные границы, об'единяя водную энергию Норвегии и Италии, бурые угли Германии, нефть и уголь Польши, угли Донецкого бассейна и водную энергию Днепра, наряду с энергетическими установками Испании и Португалии, создает целый ряд чрезвычайных преимуществ такого гигантского электрического хозяйства. Но материалы той же энергетической конференции показывают, насколько силам современного капиталистического мира не по плечу осуществление проектов такого стиля. Несмотря на то, что на конференции такие выражения, как «плановая электрификация», «генеральный план электрификации», были довольно ходки, борьба национальных интересов, империалистических противоречий, и зависимость всех и всяческих предположений работников конференции от державной воли финансовых акул демонстрировалась с достаточной выразительностью. Противоречия капиталистического мира выступили здесь со всей силой. Но будущие сверхэлектропередачи Европы, наряду с нынешними сверхмагистралями электроснабжения САСШ, подлинные знамения времени XX века. Это от них пойдут дальнейшие сдвиги, которые нарушат, согласно пророческому предвидению Фридриха Энгельса, прежние грани между городом и деревней и завершат технологическое единство трансформаций всех видов полезных энергий. Это те великие пути электрических рельсов, которые, покончив с массивом промышленности, направляются в массив транспорта и в массив сельского хозяйства, лишая эти великие разделы человеческого труда их специфических аттрибутов и превращая их в одноликие величины некоторых подразделений единой социалистической индустрии. Именно по этим путям пойдет дальнейшее строительство человеческих коллективов в таких условиях, при которых самое противопоставление крестьянина и рабочего явится историческим пережитком. Так и именно так направлены приводы истории, вновь преодолевающей групповые и классовые членения, вновь возвращающейся к коммунизму, но на этот раз не на основах первобытного рода, а на основах новой великой энерговооруженности человека. Эти возможности могут быть и будут реализованы при социализме. Предпосылкой их осуществления является победоносная пролетарская революция. При капитализме проекты «плановой» электрификации стран, а тем более континентов, являются пустопорожней затеей.

---

[1] Доклад на энергетической конференции Среднего Запада, Чикаго, 14—17 февраля 1923 г.

Таковы в общих чертах моменты соприкосновений электроэнергетики и социалистической реконструкции. Переходный период не может являться перворазрядной иллюстрацией такого рода схемы. Здесь — чрезвычайная пестрота житейской действительности. Здесь — поиски своих, временных форм разнообразных и необходимых «больших упряжек». Здесь — неизбежное решение крупнейших задач социальной инженерии сравнительно кустарными методами. И, однако, все же — решение подлинное, историческое решение. Мы не создаем себе никаких иллюзий относительно дефектов в нашей организации сельскохозяйственного труда при той степени механизации его, которая нам доступна в нынешних колхозах. И тем не менее мы утверждаем, что в масштабах, темпах и формах именно этого колхозного движения человечество уже нашло ключ к решению вопроса целых веков аграрного прошлого. Это совершенно подобно тому, как примитив стефенсоновского паровоза не мешал именно этому паровозу быть решающим революционером транспорта. А каково же будет лицо земли, когда для его изменения и совершенствования будут приложены наиболее мощные силы, гигантски мчащиеся вперед, электроэнергетики XX века?

Выше мы видели, как, несмотря на слабость нашего фронта электрификации, нам уже удается установить некоторые свои стандарты, некоторые свои рекорды в области командных высот энергетики. В десятилетнюю годовщину плана ГОЭЛРО мы можем на основе исторической проверки еще раз убедиться в огромной мощи этого плана великих работ, разработанного по указаниям В. И. Ленина. Значение плана ГОЭЛРО с особенной четкостью и яркостью охарактеризовал тов. Сталин в письме Ленину:

> План ГОЭЛРО «... превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения «России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда и неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии)? Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек... Или еще обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погрязшего в рутине»... (И. Сталин. Из письма к Ленину).

И наша мысль вновь и вновь с благодарностью обращается к образу гениального человека, предуказавшего нам здесь и пути и цели победоносного движения вперед. Этого человека, этого нашего вождя, учителя и товарища, в лучшем смысле этого слова, Владимира Ильича Ульянова-Ленина — уже с нами нет. В дни десятилетнего юбилея работ по плану ГОЭЛРО с жуткою болью думаешь об этой невознаградимой утрате. Но мысль об этом человеке всегда несет с собою и отраду. Заканчивая свою речь на VIII С'езде советов, я говорил, что мы переживаем великие времена, что в эти времена люди проходят, как тени, а дела их остаются, как скалы. Прослеживая жизнь Владимира Ильича, вновь и вновь убеждаешься в правильности такого положения.

Республика советов, создание которой насквозь проникнуто творческой мыслью Ленина, как мощная скала высится в океане нынешней бурной современности. Маяк ленинизма, водруженный на этой скале, надежно охраняет пути, ведущие в обетованную землю мирового коммунизма. На трудовом опыте огромной страны еще и еще раз проверяется верность путей ленинизма, обеспечивающих с максимальным энергетическим успехом выкорчевывание корней старого мира. Это именно тот опыт, который делает нашу страну подлинной родиной трудящихся, а в последнем счете он гласит: «Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Е. Варга.

Развитие и перспективы мирового экономического кризиса*).

Уже больше года прошло с тех пор, как разразился экономический кризис (первые признаки его можно было констатировать уже в середине 1929 года). Сейчас можно уже сделать обзор развития кризиса до настоящего момента и в грубых чертах обрисовать его дальнейшие перспективы.

Теперешний хозяйственный кризис является вторым подлинным кризисом (как выражался Маркс) в послевоенное время[1]). Уже этот один факт полностью опровергает ряд неправильных теорий. Легенда о «постоянном процветании» Соединенных Штатов уже теперь рассматривается всеми как бессмыслица. Так же ясно проявилось банкротство отвергнутого Коминтерном тезиса Ловстона об «исключительном положении Америки». Рухнула и теория «организованного капитализма», по которой последний будто бы должен обеспечить капиталистическое производство от каких бы то ни было кризисов. Не сбылись надежды на то, что рационализация приведет к постоянному под'ему капитализма и что она явится средством для разрешения проблемы сбыта. Теперешний экономический кризис является, таким образом, одновременно и банкротством этой теории рационализации. Фактическое развитие мирового экономического кризиса доказывает неправильность всех буржуазных теорий и воззрений, расходящихся с марксизмом, доказывает полную правильность перспектив, установленных Коминтерном для «третьего периода».

Из развития кризиса видно, что его основные моменты сводятся к следующему:

а) Всеобщность экономического кризиса. Все страны света без исключения охвачены кризисом, и это относится как к странам, находящимся на высшей ступени капиталистического развития, так и к странам, неразвитым в экономическом отношении. Отдаленные области Австралии страдают от кризиса так же, как и Германия, Китай—так же, как и Бразилия.

---

*) Помещая статью т. Варга, освещающую ряд актуальных теоретических проблем мирового экономического кризиса, редакция оговаривает наличие в ней отдельных спорных и неправильных положений. В ближайших номерах журнала редакция даст дальнейшее освещение затронутых в статье вопросов. — **Ред.**

[1]) Буржуазные исследователи кон'юнктурных проблем выдвинули мнение, будто в Америке, вместо установленных Марксом приблизительно десятилетних кон'юнктурных циклов, наблюдаются трех-четырехлетние. Эта теория, которую поддерживали и некоторые коммунисты, как, например, тов. Эвентов, также оказалась неправильной. Достаточно сравнить глубину и продолжительность теперешнего хозяйственного кризиса с падением кон'юнктуры в 1923 и 1927 гг. в Америке, чтобы видеть всю неправильность теории трех-четырехлетних циклов.

Всеобщность кризиса является не только географической. Дело в том, что кризисом затронуты все без исключения отрасли производства. Эта всеобщность является результатом переплетения экономического кризиса с общим кризисом капитализма. Существенным проявлением этого общего кризиса капитализма является аграрный кризис, углубляющий экономический кризис и, в свою очередь, обостряющийся благодаря последнему. Отсюда кризис в сельском хозяйстве, во всех отраслях промышленности, в транспорте и т. д.

Всеобщность кризиса не означает, однако, его равномерности. Различные страны в различной мере страдают от кризиса в зависимости от степени влияния общего кризиса капитализма на них и их экономического положения (в зависимости от степени развития противоречия между их производственной и потребительной системой, в зависимости от степени падения цен на товары, выбрасываемые ими на мировой рынок и т. д.).

б) Особая глубина кризиса. Глубина кризиса характеризуется падением размеров продукции. С этой точки зрения теперешний кризис уже превзошел все кризисы довоенного времени. В Америке падение продукции уже превышает соответствующее снижение производства в 1921 году. Для иллюстрации приводим таблицу, составленную Германским кон'юнктурным институтом (индексы высчитаны сравнительно с индексом 1928 года, принятым за 100).

		Германия.	Англия.	Польша.	САСШ.
1929 г.		101,8	107,9	99,8	106,3
	Максимум	109,8	112	103,7	114,4
1930 г.	Январь	94,8	106,9	90,3	93,7
	Февраль	93,0	„	83,9	96,4
	Март	94,2	„	79,6	93,7
	Апрель	95,8	98,4	79,7	95,5
	Май	90,8	„	80,4	93,7
	Июнь	85,7	„	79,5	91,9
Снижение		24,1%	13,6%	26,9%	22,5%

В последующие месяцы произошло дальнейшее падение производства в Америке, Германии и Англии. В Германии и Америке это снижение равняется теперь приблизительно 30%. Эти цифры вместе с тем показывают, что даже в Польше, бывшей одной из первых стран, охваченных кризисом, не достигнута фаза депрессии[1]), как ее понимал Маркс, т.-е. та фаза промышленного цикла, которая лежит между кризисом и новым под'емом и в которой производство остается при незначительных колебаниях приблизительно постоянным. Сразу же после выборов заметно новое углубление кризиса в Польше. В важнейших капиталистических странах, а именно: в Соединенных Штатах, Германии и Англии кризис углубляется, а во Франции и Италии он только начинает развиваться.

---

[1]) Как глубоко проникла буржуазная теория «постоянного процветания и здоровья» американского капитализма даже в наши ряды, видно из того, что официальный бюллетень Госплана констатировал конец кризиса, поддавшись влиянию искусственного оживления в феврале, вызванного чрезвычайными заказами железных дорог и других предприятий, переданными на основе гуверовской «программы преодоления»: «учитывая новейшие показатели о загрузке стальной промышленности, увеличение выпуска автомобилей, рост потребления хлопка, а также денежно-кредитные индексы, мы считаем, что острый кризисный период в Соединенных Штатах закончился, уступив место депрессивной фазе, которая должна продлиться, насколько можно сейчас судить, до осени». Согласно этому предсказанию о том, что после депрессии должен наступить под'ем, мы должны были уже наблюдать в Америке период под'ема. В действительности, однако, кризис в сентябре углубился до крайней степени.

Эта чрезвычайная глубина кризиса об'ясняется влиянием всеобщего кризиса капитализма, и об этом мы ниже подробнее поговорим.

в) *Чрезвычайная продолжительность кризиса.* Кризис продолжается уже больше года, и нет никаких конкретных признаков, которые бы говорили о том, что кризис уже достиг в мировом масштабе наибольшей глубины. Уже сейчас совершенно ясно, что теперешний экономический кризис превзойдет все прежние кризисы капитализма не только по своей глубине, но и по своей продолжительности.

г) *Сильное падение цен во время кризиса.* Теперешний экономический кризис отличается чрезвычайно сильным падением цен. Это падение цен, начавшееся в Соединенных Штатах, втянуло в него все страны света и все отрасли производства. Сильное и постоянное падение цен, само собой разумеется, заставляет всех потребителей как элементов постоянного капитала, так и предметов потребления отложить свои покупки, поскольку это возможно, что еще более обостряет свойственное всякому кризису превышение предложения над спросом, т.-е. *«общее переполнение рынков»*, как выразился Маркс. В течение одного года с июля 1929 года до июля 1930 индексы оптовых цен снизились в важнейших странах следующим образом:

В САСШ	на 14,3	В Италии	на 15,0
В Англии	„ 20,0	В Польше	„ 14,2
В Германии	„ 9,5	В Индии	„ 12,4
Во Франции	„ 9,0	В Канаде	„ 14,3

Цены падают. Неравномерность падения индекса в различных странах об'ясняется отчасти их различным составом, а отчасти различиями в таможенной и налоговой политике отдельных стран и т. д. Сильное повышение пошлин на с.-х. продукты, проведенное в Германии и Франции в течение года, уменьшило падение цен в этих странах. Фактическое среднее падение цен превышает эти цифры, так как индексы основываются на официальных картельных ценах, в то время как почти везде продают по значительно более низким ценам. Если не считать падения цен во время первого послевоенного кризиса, то мы теперешнее падение цен можем сравнить лишь с тем падением, которое наблюдалось в истории капитализма 70 лет тому назад, во время кризиса 1857—1858 гг.

Это падение цен отличается не только своей глубиной, но и значительной неравномерностью. Цены сырых материалов подверглись совершенно катастрофическому падению [1]). Падение цен готовых изделий является гораздо менее значительным, при чем особенно незначительно это падение цен на средства прозводства, продукция которых находится в руках сильных монопольных организаций. Так, например, в Германии цены за год с августа 1929 до августа 1930 г. упали следующим образом: общее падение цен—9,5%, цены сельскохозяйственных продуктов упали на 12,5%, а промышленных средств производства—на 1,5%.

---

[1]) «Экономист» в № от 4 октября дает следующую таблицу процентного снижения цен на английском рынке за время с конца сентября 1929 до конца сентября 1930 года:

Сырье.		Текстильные товары.		Хлеба.		С'естные припасы	
Медь	41	Хлопок	44	Пшеница	44	Мясо англ.	3
Олово	38	Англ. шерсть	25	„ англ.	26	Овечье мясо английское	10
Свинец	27	Шелк	38	Овес	24	Датское сало	35
Железо	12	Лен	39	Маис	32	Сахар	20
Керосин	11	Конопля	39	Рис	24	Датское масло	27
Нефть	31	Джут	43			Чай	11
Каучук	62					Кофе	9
Аммон-.сульфат	24						

Еще больше это несоответствие между падением цен в оптовой и розничной торговле. На это обстоятельство мы указывали с самого начала кризиса [1]).

Коснемся вкратце теоретической основы этого явления [2]). Уровень цен поднялся во время войны в Соединенных Штатах до 226 (принимая уровень цен в 1913 году равным 100), хотя инфляции бумажных денег не было (в течение всего этого периода можно было без всяких затруднений обменивать бумажные деньги на золото). Цены, таким образом, увеличились больше чем вдвое. Теория стоимости Маркса говорит, что изменение цен определяется в конечном счете соответствующим изменением стоимости. Это относится к «нормальным» условиям, когда между предложением и спросом наблюдается известное равновесие. Маркс предусматривает, однако, и возможность революции в области цен совершенно независимо от изменения стоимости. Колоссальное поднятие цен во время войны и в послевоенные годы и является подобной революцией. Спрос на товары постоянно превышал сбыт, и благодаря этому цены поднялись совершенно не в соответствии с их основой—стоимостью [3]). Это означает, что за товары платили большее количество золота, чем нужно было бы в соответствии с их подлинной стоимостью, содержащимся в них рабочим временем. Так как это превышение спроса над предложением распространялось за немногими исключениями на все товары, то издержки производства товаров, благодаря вздорожанию элементов постоянного капитала, все более поднимались при каждом обороте капитала.

Пришлось поднять и зарплату в связи с сильным поднятием цен с'естных припасов (конечно, поднятие зарплаты во время войны не соответствовало вздорожанию жизни, что ясно видно из исследований буржуазных американских ученых). Волна дороговизны поэтому поднималась с каждым оборотом капитала. В Европе, где выдача золота была прекращена в момент начала войны (бо́льшую часть золота надо было перевести в Америку для покупки сырья и военного снаряжения), наступила инфляция как следствие вздорожания цен на мировом рынке, как следствие перевеса спроса над предложением, и создала дальнейшее увеличение цен. Первый послевоенный кризис принес сильное снижение цен. Американский индекс упал с 226 до 147. Однако происшедшая во время войны революция в области цен не была ликвидирована настолько, чтобы цены вполне отвечали стоимости товаров, и меновое отношение между золотом и товаром все еще не соответствовало воплощенному в них общественному рабочему времени. Многие элементы издержек производства, как, например, земельная рента, арендная плата, фрахт, налоги и проч., были зафиксированы государством или долгосрочными договорами. В результате первого послевоенного кризиса установилось новое равновесие между предложением и спросом при ценах, все еще превышающих стоимость товаров. Новый уровень цен, презышающий приблизительно на 40% цены 1913 года, содержал в себе еще сильные элементы «*инфляции* времени войны. Так как производительность труда теперь, без сомнения, поднялась над довоенной, ибо в каждой товарной единице теперь, без сомнения, воплощена меньшая доля общественного рабочего времени, чем до войны, так как в производстве золота не произошло никаких технических революций (улучшению техники производства противостояли большая глубина рудников и ухудшение качества руды) и не произошло такого падения стоимости золота, которое могло бы сильно поднять цены над довоенным уровнем, то можно было легко предсказать, что теперешний кризис вызовет падение цен, далеко превышающее падение цен в кризисах довоенного времени. Для того, чтобы общий уровень цен соответствовал стоимости, как основе, нужно, чтобы они упали ниже уровня 1913 года, как это и случилось во время кризиса со многими товарами. Понятно, что эта особенность ценообразования в послевоенном капитализме определила лишь особо резкий характер падения цен во время теперешнего кризиса.

---

[1]) См. нашу статью «Падение цен и кризис» в «Коммунистическом Интернационале» от 29 января 1930 года.

[2]) Более детально см. об этом нашу статью «Кризис и падение цен», журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», № 10, 1930 г.

[3]) В другой статье мы писали:

«Известное поднятие стоимости происходит постольку, поскольку при максимальном использовании всех производственных возможностей, вновь начинают работать, уже было закрывшиеся, устаревшие фабрики и старые машины, обреченные на «моральный снос», и вовлекаются в процесс производства необученные рабочие, производительность труда которых ниже. Вследствие этого снижаются общественная техника и общественно-признанная производительность труда, определяющие стоимость. Однако влияние этого фактора на образование стоимости и цен является минимальным и равняется лишь нескольким процентам».

Необходимо подчеркнуть, что сильно развитый монопольный характер теперешнего капитализма не смог в общем предотвратить падение цен. Монопольные организации, правда, пытаются удерживать цены на прежнем уровне, и имеются и теперь национальные монополии, удерживающие благодаря большим пошлинам цены на высоком уровне [1]). Это обстоятельство содействует тому, что кризис делается еще более затяжным. Тем не менее большинство монопольных организаций должны были также снизить свои цены. Наиболее характерным является пример Международного Медного картеля, имеющего в своих руках больше 95% мирового производства меди и принужденного снизить свои цены с 24 центов за англ. фунт (максимальная цена) до 9,5. Целый ряд картелей не смог устоять под давлением кризиса. Европейский Стальной картель существует лишь номинально. Германские Азотный и Цементный картели распались и т. д.

Сильное падение цен и его неравномерность сильнейшим образом расшатывают все капиталистическое производство. Цена вновь воспроизводимых товаров оказывается каждый раз значительно ниже фактической стоимости производства. Калькуляция становится почти невозможной, так как цена элементов постоянного капитала все время падает во время процесса производства. Особенно упали цены на сырье, значительно меньше упали цены готовых изделий и еще меньше—розничные цены. Может показаться, что подобное состояние выгодно для капиталистов. Маркс указывал, что «при одинаковых прочих условиях норма прибыли уменьшается и подымается обратно пропорционально ценам на сырье» [2]).

Было бы, однако, совершенно неправильно применить вторую часть этой формулы Маркса к теперешней фазе кризиса, оставляя без внимания ее первую часть—«при прочих равных условиях». Совершенно ясно, что общая прибыль всего капиталистического класса снижается во время кризиса независимо от движения цен. Так как эксплоатации подвергается меньшее количество рабочих и общая сумма присвоенной прибавочной стоимости

---

[1]) Между монопольными германскими товарами и так-называемыми свободными товарами, при продаже которых наблюдается конкуренция, имеется следующее различие (принимая уровень цен в 1926 году за 100):

	Свободные цены.	Монопольные цены.
Июль 1929 г. . . .	96,99	104,9
1930 г. . . .	78,9	103,3

Однако монопольные цены являются большею частью номинальными, и обыкновенно продают по ценам значительно ниже официальных картельных цен.

[2]) Капитал, т. III, ч. I, стр. 82.

понижается, то вместе с тем понижается и общая сумма прибыли [1]), хотя степень эксплоатации может и повыситься. Каков вот внутренний механизм, который приводит к снижению прибыли, несмотря на увеличение во время кризиса дистанции между ценами на сырье и ценами на готовые изделия?

1) Между моментом закупки сырья и продажей потребителю готового изделия лежит период производства и обращения. Этот период различен в зависимости от рода товара. Во всяком случае, готовые изделия, которые сейчас продаются, сделаны из сырья, добытого ранее, и цена которого была тогда выше, чем теперь. Поэтому увеличение разницы в ценах является отчасти призрачным.

2) Если сырье и подешевело, то, с другой стороны, увеличиваются издержки по его переработке вследствие весьма слабого использования производственной мощности. Известно, что недостаточное использование производственной мощности сильно влияет на поднятие издержек производства.

3) Увеличение продолжительности оборота капитала. Для того, чтобы избегнуть поднятия производственных расходов вследствие недостаточного использования производственной мощности, многие предприятия работают в гораздо большем масштабе, чем это нужно было бы в соответствии с теперешним спросом. На многих предприятиях нельзя, по техническим соображениям, сокращать производство за определенные границы: или должно производиться определенное количество товаров, или же предприятие вынуждено совершенно прекратить работу. Благодаря этому мы наблюдаем своеобразное явление: несмотря на сильное падение цен сырья, производство его не уменьшается и, таким образом, запасы меди, олова, каучука и проч. теперь превышают те запасы, которые были в начале экономического кризиса.

Из всего этого следует, что, несмотря на сильно увеличившуюся разницу между ценами сырья и ценами готовых изделий, прибыль обрабатывающей промышленности, равно как и оптовой и розничной торговли, меньше, чем в период хорошей кон'юнктуры при менее значительной разнице в ценах.

Внутренняя диалектика капиталистической системы производства приводит к тому, что норма прибыли падает во время кризиса, несмотря на большую разницу между ценами сырья и готовых изделий, но зато после кризиса эта норма, несмотря на меньшую разницу в этих ценах, поднимется. Хотя как общий закон органический состав капитала после кризисов устанавливается на новой, более высокой основе, но непосредственно после кризиса в тех странах, где капиталистический строй останется, при прочих равных условиях, вследствие падения цен на сырье органический состав капитала будет ниже, чем до кризиса, норма прибавочной стоимости больше и падение нормы прибыли благодаря этому замедлится. Понятно, что это положение может иметь место лишь как явление временного порядка, и органический состав капитала после кризиса поднимется на более высокий уровень, чем до кризиса. Это развитие принесет выгоду лишь тем крупным предприятиям, которые устоят, несмотря на кризис. Как после каждого кризиса, так и после этого, гигантские предприятия, поскольку останется капиталистическая система производства, относительно окрепнут по сравнению с мелкими предприятиями.

Неравномерность падения цен вызывает глубокие сдвиги в международном распределении доходов. Сильнее всего упали цены колониального сырья. Это, в общем, означает уменьшение колониальных сверхприбылей, хотя капитал находит разные пути увеличения грабежей колониального производителя, несмотря на падение цен. От этого в первую очередь пострадает английская буржуазия. Чрезвычайно уменьшилась прибыль английских колониальных предприятий (каучук, хлопок, джут, олово и друг.). Возможность подкупа высших слоев английского рабочего класса путем привлечения их к участию в колониальной сверхприбыли уменьшается. С другой стороны, падение цен ведет к еще более ожесточенной эксплоатации колониальных рабочих и крестьян—производителей колониального сырья. Отсюда обострение классовых противоречий как в Англии, так и в колониях.

---

[1]) По данным «Нешенел Сити Банк» общая сумма прибыли свыше 500 крупнейших американских акционерных обществ за первое полугодие 1930 года на 30% ниже соответствующей суммы за первое полугодие 1929 года.

д) Стоимость жизни почти вовсе не снижена. Особым свойством теперешнего экономического кризиса является то, что, несмотря на сильное падение оптовых цен, стоимость жизни для рабочего класса в некоторых странах не снизилась, даже поднялась. Приводим официальные буржуазные данные об изменениях в стоимости жизни за время с июля 1929 до июля 1930 г. (как известно, эти данные стараются преуменьшить действительную стоимость жизни).

Уменьшение стоимости жизни в процентах:

Польша.	Италия.	Германия.	Англия.	САСШ.
5,9	4,1	3,8	3,7	2,1

Во Франции, Бельгии, Люксембурге и Австрии жизнь за этот период даже вздорожала (Франция—на 3%, Австрия—0,1% и т. д.).

Это значит, что рабочие должны нести все бремя кризиса,—не только в виду колоссальной безработицы, какой не видал ни один прежний кризис, но и вследствие того, что зарплата, и в особенности сдельная зарплата, сокращены, несмотря на то, что стоимость жизни снизилась лишь самым минимальным образом.

Мы видим, таким образом, следующую картину: сотни миллионов крестьян разоряются вследствие необычайно сильного падения цен сельскохозяйственных продуктов; пролетариат несет бремя кризиса вследствие почти вовсе не смягчившейся дороговизны жизни, колоссальной массовой безработицы [1]) и снижения зарплаты,—огромное большинство населения всего мира—крестьянство и пролетариат—страдают в одинаковой мере от кризиса. Это означает чрезвычайную социальную угрозу господству буржуазии. В то время, как прежние экономические кризисы были в первую очередь делом буржуазии и пролетариата, теперешний экономический кризис, вследствие переплетения аграрного кризиса с промышленным, стал бичом трудящихся капиталистических стран всего мира.

е) Особенностью теперешнего экономического кризиса является чрезвычайно сильное падение курсов акций. Это падение началось в Америке, где вследствие большой концентрации предприятий и сильного развития монопольных организаций нет возможности использовать мелкие капиталы непосредственно для производственных целей. Так как ссудный капитал давал очень ничтожный процент, и мелкие вкладчики были совершенно оглушены шумихой, поднятой вокруг «вечного процветания», на рынке биржевых ценностей началась безудержная спекуляция, перебросившаяся и в Европу. Когда начался экономический кризис и стало ясно, что процветанию настал конец и нет надежды на большие барыши, началось сильное падение курсов в САСШ, перебрасывавшееся и в другие страны. После коротких перерывов, отчасти искусственно вызванных покупками финансового капитала, происходили новые падения курсов на всех биржах, и это продолжается до сих пор. Курс акций в среднем упал больше чем наполовину. Отдельные акции (искусственный шелк, бумага) упали даже на $^{9}/_{10}$ по сравнению со своим максимальным курсом.

---

[1]) В странах с высоко развитой промышленностью — САСШ, Англия, Германия — в настоящее время около ¼ пролетариата полностью без работы. Около ¼ работают не всю неделю. Массовая безработица охватила все страны мира, исключая Францию. Даже в колониальных странах наблюдается совершенно небывалая массовая безработица. Общее число безработных в капиталистических странах равняется теперь приблизительно 25—30 млн.

Экономическое значение этих падений курсов сводится к колоссальной централизации капитала в руках финансового капитала и массовой экспроприации «мелкого люда» в интересах крупных акул, которые сохранили свое господство над подлинными ценностями, над производственным капиталом, который, конечно, нисколько не пострадал непосредственно от падения курсов акций. С другой стороны, это падение курсов означает быстрое уменьшение покупательной способности широких масс мелкой буржуазии. Так как одновременно с этим происходит сильное уменьшение покупательной способности крестьянства вследствие падения цен сельскохозяйственных продуктов, а также покупательной способности пролетариата вследствие массовой безработицы и снижения зарплаты при неизменно высоких розничных ценах, то можно предсказать, что кризис будет весьма продолжительным.

ж) Особенности кризиса в области обращения. Теперешний кризис имеет под влиянием сильно развитого монопольного характера капитализма свои особенности в области обращения. В период промышленного капитализма в начале кризиса наблюдался сильный спрос на ссудный капитал, и отсюда высокий учетный процент. Ссудный капитал нужен был в первую очередь, как платежное средство при выполнении срочных обязательств. Одновременно с этим обыкновенно наблюдалось в начале кризиса максимальное количество банкротств. Теперешний экономический кризис, напротив, освободил большое количество денег из обращения, и учетный процент снизился в самом его начале. Параллельно с углублением кризиса в области производства снижался и учетный процент. Это изменение в области обращения об'ясняется, в первую очередь, сильно выраженным монопольным характером капитализма в Америке, где большие запасы ссудного капитала, принадлежащие крупным промышленным предприятиям, и чрезвычайно сильное сплетение банковского капитала с промышленным не допустили наступления кредитного кризиса. Вследствие сокращения товарооборота во время кризиса освободились деньги в области обращения, появившиеся в банках как ссудный капитал, что вызвало освобождение денег на денежном рынке и снижение процентных ставок. В виду того громадного значения, которое американский денежный рынок имеет для Европы, это освобождение денежных сумм распространилось и на нее и не допустило здесь наступления денежного кризиса в начале экономического.

Сейчас мы, однако, в ходе кризиса наблюдаем появление кредитного кризиса, ухудшение положения на денежном рынке, повышение учетного процента и обесценения валюты различных стран, отчасти также вследствие влияния политического кризиса на экономический. Все эти явления совершенно противоречат господствующей буржуазной теории, согласно которой кризис является результатом недостатка капитала, и его можно преодолеть при условии обилия ссудного капитала и установления низкого учетного процента. Мы видим, что, несмотря на наличие крупных свободных капиталов и низкие процентные ставки, кризис тянется целый год и не видать его конца и, с другой стороны, мы наблюдаем по истечении года ухудшение на денежном рынке и поднятие процентных ставок, при чем это вовсе не является результатом улучшения кон'юнктуры. Напротив, ухудшение кон'юнктуры отражается на денежном рынке и вследствие сильного падения цен платежный баланс многих стран, и в особенности колониальных, стал пассивным. Это привело к превышению спроса на иностранную валюту над предложением. Отсюда падение курсов валют, как например, во всех странах Азии с серебряной валютой: Китае, Персии и других, и в большинстве южно-американских стран. Необходимость задержать или, по меньшей мере, замедлить падение валюты заставляет поднять учетный процент и сократить кредит. Из европейских стран особенно пострадала Испания, валюта которой обесценилась на половину, кроме того, находятся под постоянной угрозой польская и германская валюты. Вследствие этого пришлось в этих двух странах поднять в октябре, в самый разгар кризиса, учетный процент и по всей вероятности придется его еще больше поднять и еще больше сократить кредит для того, чтобы сохранить стабильность валюты, которая в Польше пострадала вследствие сильного падения цен аграрных продуктов, а в Германии, в первую очередь, вследствие репарационных тягот. В Германии кроме того играет особую роль политический кризис, нашедший свое отражение в результате выборов. Французские капиталисты забрали свой ссудный капитал из Германии, а часть германских капиталистов перевела крупные капиталы за границу. Рейхсбанк потерял в течение нескольких недель 800 млн. марок золотом и в иностранной валюте, т.-е. около ¼ всего своего запаса. Курс доллара стоял в Берлине в течение нескольких дней на 2—3% выше паритета. Таким образом, мы видим кредитный кризис не в начале общего экономического кризиса, а во время его развития, выросший также как результат превращения хозяйственного кризиса в политический и обратного влияния политического кризиса на хозяйственный.

Аналогичный сдвиг наблюдается и в банкротствах. В довоенное время начинались массовые банкротства в самом начале кризиса, одновременно с началом кредитного кризиса. Сейчас мы видим, что учетный процент поднялся не в начале кризиса, а позже, в результате самого кризиса. Таким образом, банкротства на нью-йоркской бирже, банкротства крупных банковских предприятий в Америке, Италии, Австрии и друг. происходили уже в середине экономического кризиса, хотя ряд так наз. тихих банкротств происходил в продолжение всего кризиса. Все эти факты полностью опровергают буржуазную теорию о решающей роли ссудного капитала во время кризисов.

Экономический кризис и общий кризис капитализма.

В наших рядах полностью признают, что теперешний мировой экономический кризис развивается на основе всеобщего кризиса капитализма и что ход экономического кризиса глубоко изменился благодаря этому кризису капитализма.

Нам кажется, однако, что нет такой же ясности в вопросе об экономической сущности общего кризиса капитализма. Тот факт, что буржуазия больше не господствует над $^{1}/_{6}$ частью земного шара, тот факт, что буржуазия принуждена, вместо демократической республики — этого «лучшего политического покрова капитализма»,— как говорил Ленин,— прибегнуть к фашистскому господству насилия, а также наличие колониальных революций, и постоянная угроза господству буржуазии со стороны революционного движения пролетариата, обострение империалистических противоречий,—все это дает ясную картину кризиса капитализма в политической области.

Какова экономическая сущность кризиса капитализма?

Мы формулировали бы это следующим образом: основа всеобщего кризиса капитализма вообще лежит в крайнем обострении противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения; выражением такого обострения этого основного противоречия капитализма и поэтому решающим в экономике кризиса капитализма является *крайнее обострение противоречия между производственной и потребительной силой капиталистического общества. В прежние периоды капитализма это противоречие проявлялось остро лишь в периодически возвращавшихся экономических кризисах; в период всеобщего кризиса капитализма оно имеет тенденцию к тому, чтобы стать хронически острым.* Покупательная способность капиталистического рынка является даже во время высокой кон'юнктуры недостаточной для того, чтобы можно было полностью использовать производственный аппарат. Большая часть этого аппарата постоянно бездействует.

Другая сторона этого явления: *покупательная способность капиталистического рынка слишком мала для того, чтобы можно было обеспечить весь пролетариат работой.* В то время, как в прежние периоды капитализма резервная армия безработных в фазы высокой кон'юнктуры сводилась к крайнему минимуму, мы теперь имеем хроническую массовую безработицу. Происходит новое «освобождение» непосредственных производителей от средств производства. Дело идет не о лишении их собственности на средства производства (этот процесс уже давно закончен). Они теперь уже не имеют возможности работать над средствами производства, являющимися собственностью капитала, и этим путем зарабатывать себе на жизнь. *Неиспользованные средства производства и неиспользованная рабочая сила в огромном масштабе, «излишек капитала при излишке населения»,— как говорил Маркс,— исключительное обострение монополистического загнивания капитализма,— вот, по нашему мнению, экономическая сущность всеобщего кризиса капитализма.*

Излишек средств производства является лишь другой стороной недостатка возможностей сбыта. Излишек средств производства не следует отделять от перепроизводства товаров. Для всякого ясно, что если бы капиталистический рынок сбыта имел бо́льшую емкость, то капитал мог бы лучше использовать свои производственные предприятия. Неиспользованные производственные предприятия являются результатом недостаточного сбыта и узости рынка. Они являются результатом хронического латентного перепроизводства товаров[1]). А в основе лежит то обстоятельство, что капиталистические отношения сковывают развитие производительных сил, доводят потребление масс до самого крайнего возможного низкого минимума.

Почему капитал не в состоянии приспособить производственную мощность к покупательной способности рынка, хотя это и является одним из основных лозунгов монопольного капитала? Почему мы видим, что, несмотря на то, что значительные части производственного аппарата хронически бездействуют, капитал продолжает расширять этот аппарат?

Капитал накопляет. Капиталистическая система производства неотделима от накопления капитала. Отдельные капиталистические предприятия принуждены накоплять вследствие конкуренции: кто не накопляет и отстает от современной техники, тот гибнет в конкурентной борьбе. Поэтому

---

[1]) Совершенно неправильно, поэтому, следующее заявление тов. Эвентова, свидетельствующее о полном непонимании им марксистского учения: «Современный кризис именно характеризуется не тем, что имеется значительное перепроизводство товаров, а скорее тем, что имеется перепроизводство основного капитала». («Экономический кризис в САСШ», изд. Комакадемии, стр. 23.).

капитал постоянно расширяет и улучшает свой производственный аппарат. Органический состав капитала увеличивается, переменный капитал сравнительно уменьшается (в некоторых странах он в настоящее время и абсолютно уменьшается). Процесс накопления, процесс, сводящийся к тому, что часть прибыли капиталист не потребляет, а использует для расширения производства,—неизбежно приводит к циклическому ходу капиталистического производства, неизбежно вызывает периодически возвращающиеся кризисы перепроизводства. Лишь при простом воспроизводстве можно было бы себе абстрактно, теоретически представить бескризисный ход капиталистического производства, но простое воспроизводство само по себе противоречит самой сущности капиталистической системы производства. Все попытки представить марксову схему расширенного воспроизводства, как схему «постоянного движущегося равновесия» (Отто Бауэр, Гильфердинг, Бухарин), совершенно неправильны. Расширенное воспроизводство неизбежно должно и в монополистической фазе капитализма привести к циклическому ходу и к периодически возвращающимся кризисам.

Монопольный характер теперешнего капитализма не может этого предотвратить, доказательством чего является настоящий тяжелый экономический кризис. В условиях монополистического капитализма конкуренция существует рядом с монополией, находясь в непримиримом противоречии с ней. В этих условиях происходит конкуренция между картелями и прочими предприятиями; конкуренция международных монополий на мировом рынке; конкуренция монополий, вырабатывающих товары, удовлетворяющие одинаковые потребности; конкуренция монополий, старающихся заставить потребителя удовлетворить какую-либо определенную потребность («борьба за доллар потребителя», как выражаются в Америке). Конкурентная борьба заставляет отдельные монопольные предприятия накоплять для того, чтобы при помощи улучшенной техники снизить производственные издержки и победить в борьбе. Рационализация, которая, по мнению реформистов, должна была вызвать под'ем капитализма, является не чем иным, как особо острым концентрированным методом, применяемым в широком размере и призванным снизить издержки производства. При чем наряду с поднятием производительности труда вследствие технических усовершенствований играют большую роль поднятие интенсивности труда и снижение зарплаты ниже стоимости рабочей силы.

Рационализация означает то, что в каждой товарной единице содержится меньшее количество рабочего времени, и в этом уменьшенном рабочем времени содержится меньшая доля оплаченного рабочего времени. Это ведет к тому, что уровень жизни рабочего класса снижается [1] и рабочий класс может покупать все меньшую часть товаров, выбрасываемых капиталом на рынок. Мы можем охарактеризовать этот процесс и следующим образом: каждый отдельный капиталист старается урвать по возможности бо́льшую долю сбыта путем удешевления производственных издержек своего собственного товара. Общим результатом этого стремления всех отдельных капиталистов является то, что рынок сбыта становится относительно все более узким для всего капитала: в этом заключается имманентное, внутренне-присущее противоречие капиталистической системы производства, которая приводит к периодическому или более или менее перманентному, хотя и не всегда острому, перепроизводству. Теперешний экономический кризис не означает конца рационализации—капитал будет продолжать и усиливать рационализацию, но зато потерпели крах теории и иллюзия, будто рационализация является чудотворным средством для разрешения всеобщего кризиса капитализма и улучшения положения рабочего класса.

---

[1] X пленум ИККИ был прав, отвергнув мои неясные и ошибочные формулировки по этому вопросу.

В эпоху промышленного капитализма и довоенного монопольного капитализма наблюдалось лишь периодическое острое перепроизводство. Капиталистический рынок сбыта расширялся в таком размере, что капитал, за исключением периодически наступавшего перепроизводства, в общем имел возможность полностью использовать производственный аппарат и давать работу все большему количеству рабочих. Сейчас это расширение капиталистического рынка сбыта слишком незначительно даже для того, чтобы и в период высокой кон'юнктуры можно было использовать производственный аппарат и предоставить работу все большему числу рабочих. Что же изменилось в динамике расширения капиталистического рынка сбыта?

Дело в следующем: расширение капиталистического рынка сбыта шло до войны в двух направлениях:

1) В направлении роста обращения внутри самого капиталистического сектора.

2) Вовлечения в капиталистическую сферу обращения среды, бывшей ранее вне этой сферы, как и вообще роста обращения капиталистической сферы с средой некапиталистической, но вовлеченной в товарные отношения. Это второе направление имеет два основных подразделения:

а) Расширение внутреннего рынка вследствие превращения крестьян, производивших для собственного потребления, в поставщиков сырья для капиталистической промышленности и покупателей товаров этой промышленности. Этот процесс, который Ленин подробно анализировал в своей книге «Развитие капитализма в России», имел решающее значение для капиталистического рынка сбыта. Превращение крестьянина, производившего в первую очередь для своих собственных нужд, в капиталистического фермера или батрака, вызвало сильное расширение внутреннего рынка для капитала. Этот процесс почти полностью закончился в наиболее высоко развитых капиталистических странах, как САСШ, Англия, Германия. Внутренний рынок в этих странах может теперь расширяться лишь в рамках собственного развития капитализма и среды, вовлеченной в капиталистическое обращение, в связи с увеличением населения, расширением капитальных вложений, экспорта капитала, превращением частного домашнего хозяйства в об'ект капиталистического способа производства и т. д. Поэтому противоречие между расширением производительной силы капитализма и емкостью внутреннего рынка становится здесь все более острым.

б) Расширение капиталистического сбыта на внешнем рынке, происходившее в результате появления на капиталистическом мировом рынке стран, стоящих на более низкой ступени экономического развития. *Этот процесс еще далеко не закончился.* Сотни миллионов людей в Китае, Индии, Африке до сих пор лишь в незначительной степени связаны с капиталистическим мировым рынком. Но их привлечение к мировому капиталистическому рынку, поскольку при капитализме это не может быть ничем иным, как процессом вовлечения их в сферу беспощадного империалистического гнета и эксплоатации, происходит с исключительной медленностью и наталкивается на препятствия: на революционное сопротивление колониальных народов, на феодально-милитаристский гнет и эксплоатацию в аграрных и во всех общественных отношениях, на стремление национальной буржуазии развить свою собственную промышленность при помощи покровительственных пошлин и проч.

Между империалистическими державами в этой области идет ожесточенная борьба, борьба, которая становится тем более острой, чем больше обостряется противоречие между производительной силой и потребительной силой капиталистического общества на внутреннем рынке. Нужно, однако, учесть, что расширение внутреннего рынка имеет в истории капитализма гораздо большее значение, чем внешний рынок. САСШ до сих пор вывозят за границу лишь около 6% своей промышленной продукции. Англия, связанная больше всех других стран с мировым рынком, экспортирует не больше 30% своей продукции.

Сущность кризиса капитализма в экономическом отношении заключается в том, что на основе обострения монополистических тенденций (и тех структурных изменений, которые произошли в мировом хозяйстве в результате этого в связи с мировой войной и Октябрьской революцией) рынок сбыта становится для капитала все более хронически узким, усиливается хроническое скрытое или острое перепроизводство, проявляющееся в постоянном прекращении работы значительной части производственного аппарата и хронической массовой безработице. Расширение производственного аппарата, являющееся результатом накопления капитала, превышает расширение рынка сбыта, последнее оказывается слишком недостаточным для того, чтобы хотя бы даже периодически восстанавливать равновесие между производственными и потребительными силами. Поэтому мы наблюдаем факт, который подчеркнул и тов. Сталин в своем докладе на XVI с'езде и отметил тов. Молотов в отчете делегации ВКП(б) и ИККИ, а именно: наступление теперешнего экономического кризиса в целом ряде стран (Англия, Германия) не после предшествовавшей высокой кон'юнктуры, а после продолжавшегося несколько лет застоя продукции. Связь между общим кризисом капитализма и фазой кризиса ярче всего сказывается в том, что фазы кризиса могут наступать без предшествующего под'ема именно потому, что всегда имеется налицо основное условие кризиса, а именно—противоречие между производственной и потребительной силами.

Это означает, что развитие производительных сил находится в сильнейшем противоречии с производственными отношениями. Капитализм выполнил свою историческую миссию, заключающуюся в развитии производственных сил. Капиталистический строй прямо задерживает теперь дальнейшее развитие производительных сил. Процесс загнивания все больше усиливается. Монополистический капитал привел к тому, что не развитие производства, а его всестороннее сокращение диктуется его интересами получения прибыли. Пророческие слова Маркса о том, что капитализм не может обеспечить существование своих рабов даже в условиях их рабства, становятся конкретной действительностью, принимая во внимание хронически растущую из года в год массовую безработицу. Уже наступило время, когда нужно разорвать цепи капиталистического общественного строя и свергнуть буржуазию во всем мире.

Экономический и аграрный кризисы.

Теперешний экономический кризис обостряется вследствие одновременно наступившей острой фазы аграрного кризиса, ставшего хроническим со времени окончания войны. Аграрный кризис не является частью промышленного цикла, но неразрывно и все теснее связан с ним, и представляет собою одну из важнейших форм всеобщего кризиса капитализма. Само собой разумеется, что промышленный кризис со своей стороны обостряет аграрный кризис, уменьшая спрос на продукты сельского хозяйства и, в особенности, на промышленное сырье.

В аграрном кризисе следует различать три процесса:

1) Дифференциацию крестьянства, превращение крестьян в пролетариев, с одной стороны. Многие крестьяне остаются «самостоятельными» лишь по виду, с другой стороны, появляется в сельском хозяйстве новый капиталистический слой. Этот процесс постоянно наблюдается в условиях капитализма и он развивается параллельно с под'емом сельского хозяйства, т.-е. с поднятием сельскохозяйственного производства.

2) Деградацию сельского хозяйства в Китае, Индии и других странах, вследствие безмерной эксплоатации широких масс трудящихся крестьян, не позволяющей им даже восстановить те минимальные средства производства, которые необходимы для простого воспроизводства.

3) Капиталистический аграрный кризис, который нас здесь и интересует в первую очередь. Его непосредственная экономическая причина заключается в том, что, вследствие хронического превышения предложения над спросом, продажные цены сельскохозяйственных продуктов не покрывают производственных расходов (считая и земельную ренту)[1], значительного большинства сельскохозяйственных производителей, т.-е. крестьянства.

«Ножницы», которые часто считают причиной аграрного кризиса, т.-е. поднятие цен промышленных товаров по сравнению с довоенным временем, представляют собой лишь один элемент аграрного кризиса. «Ножницы» не обязательно должны вызвать аграрный кризис: если производительность труда в сельском хозяйстве в какой-нибудь промежуток времени сильнее поднимется, чем в промышленности, то «ножницы» будут отвечать новым условиям стоимости и сами по себе не приведут к ухудшению положения в сельском хозяйстве и не вызовут аграрного кризиса. С другой стороны, появляется аграрный кризис при падении цен и без «ножниц», ибо высокая земельная рента, зафиксированная договорами в то время, когда цены были высоки (арендная плата, ипотечные долги), превращается в непосильное бремя для арендаторов и задолжавшихся крестьян.

Капиталистический аграрный кризис является кризисом перепроизводства, в особенности в отношении хлеба.

Благодаря новейшим техническим достижениям в сельском хозяйстве—тракторы, комбайны,—можно теперь растить хлеб при чрезвычайно низких производственных расходах и в так называемых полусухих областях[2].

Издержки производства одного бушеля пшеницы не достигают в этих новых пахотных районах на юго-западе САСШ и 50 центов благодаря использованию тракторов и комбайнов[3]. Этим об'ясняется быстрое расширение посевной площади в САСШ, Австралии и Аргентине, даже несмотря на аграрный кризис, ибо в механизированном капиталистическом крупном предприятии можно все же получить среднюю норму прибыли, даже при теперешних весьма низких ценах на хлеб.

---

[1] Земельная рента не является экономической составной частью издержек производства. Однако для индивидуального с.-х. производителя, который должен уплачивать фиксированную ренту в виде арендной платы и процентов по закладным, независимо от того, что он получит за свою продукцию, эта рента является весьма крупным расходом. По расчетам американцев, она составляет 25—30% издержек производства хлеба. Рента, зафиксированная договорами на уровне, сильно превышающем подлинную земельную ренту, приводит, поэтому, к разорению обремененных ею крестьян.

[2] «С помощью этих машин (тракторов, комбайнов) и новых методов обработки земли удалось использовать для хлебных посевов те полусухие области, которые занимают середину больших континентов и на которых до сих пор велось лишь чрезвычайно экстенсивное хозяйство. Теперь имеется уверенность в том, что именно там существуют идеальные условия для полной механизации и моторизации хлебного хозяйства. Ровные поля без камней, сухая погода и очень дешевая земля, на которой можно вести экстенсивное хозяйство и растить пшеницу без использования соломы. Предполагают, что в САСШ можно использовать для возделывания пшеницы новые 16 млн. гектаров земли, что превышает приблизительно в 1½ раза ту пахотную землю, на которой возделывается хлеб в Германии. В Аргентине и Австралии имеются еще большие территории для возделывания хлеба». (Доклад Зеринга на конгрессе об-ва социальной политики в Кенигсберге).

[3] См. «Нью-Иорк Таймс» от 14 сентября 1930 г.

Буржуазные экономисты, старающиеся замазать классовую сторону вопроса, постоянно говорят о кризисе сельского хозяйства вообще, как о каком-то техническом феномене, связанном с естественными особенностями сельскохозяйственного производства, умалчивая о том далее, что этот кризис есть, прежде всего, кризис крестьянского хозяйства и помещичьего хозяйства старого типа, *которое не может устоять перед конкуренцией капиталистического крупного предприятия.* Это крестьянство и, в первую очередь, его беднейшие слои, обремененные долгами, а также крестьяне, работающие на чужой земле и уплачивающие высокую арендную плату, разоряются вследствие сельскохозяйственного перепроизводства.

Буржуазия проповедует сокращение размеров посевной площади в целях предупреждения перепроизводства [1]. Это, однако, невыполнимо в сельском хозяйстве. Крупный капиталистический производитель, зарабатывающий даже при теперешних низких ценах, не имеет никаких оснований сокращать свою продукцию. Но подобная политика была бы бессмыслицей и для крестьянина. Весьма значительная часть издержек производства в сельском хозяйстве — по американским расчетам 70% — не зависит от размеров обрабатываемой земли (арендная плата, проценты, налоги, амортизация постоянного капитала, корм скота и т. д.). При сокращении размеров посевной площади часть рабочей силы семьи осталась бы неиспользованной в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств. Поэтому крестьяне в общем, стоят перед дилеммой: или полностью использовать находящуюся в их распоряжении землю или же отказаться от «самостоятельного» существования, бросить хозяйство и превратиться в батраков. Сотни миллионов мелких сельскохозяйственных предприятий не могут и думать о сокращении производства. Таким образом, производство хлеба растет и тем более приводит к возрастающему перепроизводству, что потребление хлеба в промышленных странах проявляет тенденцию к падению, а нужда в корме для скота уменьшается вследствие вытеснения вьючных животных в городе и деревне автомобилями и тракторами. Перепроизводство и падение цен неизбежно распространяются и на продукты скотоводства, ибо дешевизна кормов приводит к увеличению количества скота. Уже в течение ряда лет наблюдается перепроизводство колониальных продуктов, как сахар и кофе. Промышленный кризис вызвал перепроизводство промышленного сырья (каучук, хлопок, шерсть, джут, шелк и т. д.). *Таким образом, имеется всеобщее перепроизводство во всех отраслях сельского хозяйства*, которое привело к катастрофическому падению цен всех сельскохозяйственных продуктов. Аграрный кризис, таким образом, угрожает самому существованию сотен миллионов крестьян.

Этот факт имеет огромнейшее политическое значение. Он расшатывает основу господства буржуазии, ее гегемонию над крестьянством. Массовое разорение отдельных крестьянских хозяйств подрывает доверие крестьян к хваленой частной собственности вообще. Аграрный кризис, охвативший весь мир, дает коммунистическим партиям возможность глубоко проникнуть в крестьянские ряды и стать вождем широких слоев трудящихся крестьян.

---

[1] Легге, стоящий в Соединенных Штатах во главе федерального департамента по делам фермеров, заявляет: «Если бы все сельскохозяйственные производители превратили 5% своей пахотной земли в леса, перепроизводство в Америке было бы ликвидировано».

Теоретическая путаница, хозяйственно-политическая растерянность.

Буржуазная наука беспомощно стоит перед теперешним кризисом, как и 100 лет тому назад. Исходя из того факта, что всякое производство товаров означает и производство одинакового дохода, она совершенно растерялась перед фактом всеобщего перепроизводства. Тем временем кризис начинает «вгонять диалектику» в буржуазную науку. Германский Кон'юнктурный институт набрался даже духу, чтобы отвергать, по крайней мере для Америки, бессмысленную теорию Касселя и его школы, согласно которой высокая кон'юнктура всегда кончается вследствие недостатка капитала:

> «Мы приходим, таким образом, к тому выводу, что основная причина падения кон'юнктуры в Соединенных Штатах заключается в пресыщении страны капиталом. Решающее значение имеет напротив то, что мы уже выше указывали, а именно: сильная промышленная экспансия привела к преувеличенной производственной мощности, а это имело следствием то, что расширение производства не шло наравне с развитием покупательной силы потребителей. Таким образом, чрезмерная инвестиция привела к перепроизводству» [1].

Признавая, что всеобщее перепроизводство является сущностью кризиса, а не недостаток капитала, институт начинает полемику против «теории путей сбыта», согласно которой всеобщее перепроизводство невозможно, так как можно неограниченно применять капитал и работу для создания дополнительных средств производства. Это, — по существу, — известная неправильная теория Туган-Барановского. Несмотря на то, что кризис заставил прийти к этому выводу, германская буржуазия ведет пропаганду за снижение зарплаты под предлогом необходимости усиленного капиталообразования. Отсюда бесчисленные нападки германской капиталистической печати на Кон'юнктурный институт [2]. Так, например, «Дер Дейтше Фольксвирт» пишет:

> «Если бы это положение было правильно, то усиленное капиталонакопление было бы не только не полезным, но и опасным. Тогда следовало бы во время поднимающейся кон'юнктуры усиливать потребительную силу за счет размеров капитала в хозяйстве для того, чтобы поднятие кон'юнктуры по возможности замедлилось... А при падающей кон'юнктуре был бы, очевидно, к месту тот же рецепт для того, чтобы задержать темп падения и облегчить под'ем. Так как потреблять гораздо приятнее, чем экономить, то было бы большим счастьем, если бы оппоненты были правы. *Господствующее научное (?) воззрение отрицает* теорию покупательной силы, так как оно не может примирить с общей картиной хозяйства представление, будто когда-либо может сразу оказаться избыток всех товаров, если не считать временных периодов хозяйственной разрухи». («Дер Дейтше Фольксвирт» от 12 сентября 1930 г.).

Мы видим всю бесплодность усилий буржуазной науки, вертящейся в кругу и неспособной понять феномен циклического развития капиталистической системы производства и периодические кризисы перепроизводства. Не стоит больше заниматься этим вопросом, мы приведем лишь пример, характеризующий отношение социал-демократии к кризису. В статье, озаглавленной «Мировая война и капитализм», теперешний главный теоретик германской социал-демократии Георг Декер (русский меньшевик Денике) доказывает, что теперешний кризис является типичным капиталистическим кризисом. Он говорит:

> «Теперешний экономический мировой кризис является свидетельством того, что в результате колебаний кон'юнктуры и смены под'емов и кризисов вновь начался нормальный ход капиталистического развития». («Форвертс» от 1 августа 1930 г.).

---

[1] Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. 5 Jahrgang, Heft 2, Teil A, Seite 37.

[2] Так как этот институт, как и все институты по исследованию кон'юнктуры, в значительной мере финансируется капиталистическими предприятиями, то в печати уже поднят вопрос о смене его руководства.

Ни слова о всеобщем кризисе капитализма, но зато подчеркивается «мощь, с которой происходит развитие на пути к организованному капитализму». Социал-демократические «теоретики» видят перспективу капиталистического развития в более розовом свете, чем сами капиталисты.

Теоретическое непонимание сущности капитализма вообще и теперешнего мирового экономического кризиса в частности является одним из факторов, который приводит к *кризису хозяйственной политики капиталистических государств*. В хозяйственно-политической области царит хаос. Экономическая политика отдельного капиталистического государства старается обеспечить свою собственную буржуазию рынком для сбыта ее продуктов. Эта задача, однако, неразрешима в условиях всеобщего кризиса капитализма, характеризующегося недостаточной емкостью рынка для сбыта по сравнению с быстро увеличивающейся производственной мощностью. Экономическая политика старается поэтому в первую очередь обеспечить «национальной» буржуазии внутренний рынок путем возведения все более высоких таможенных барьеров [1]).

Так как внутренний рынок промышленных стран в общем не в состоянии воспринять всю продукцию, то часть ее должна быть брошена на мировой рынок. Для того, чтобы облегчить сбыт, продают за границей гораздо дешевле, чем внутри страны. Высокие покровительственные пошлины и демпинг при монополистическом капитализме неотделимы друг от друга. Ответом на поднятие покровительственных пошлин в одной стране является усиление демпинга других стран, что в свою очередь вызывает новое поднятие покровительственных пошлин — в целях обеспечения внутреннего рынка для нужд национальной промышленности.

Растерянность в области хозяйственной политики лучше всего иллюстрировать на примере Германии: торговые договоры расторгаются немедленно после их заключения. Сначала выдаются экспортные премии на с.-х. продукты, а затем выдача их приостанавливается в виду дефицита в государственном бюджете. В целях недопущения снижения цен часть ржи химическим образом делается непригодной для потребления людьми, превращается в корм для скота и продается по сильно сниженной цене сельским хозяевам. Торговый договор, заключенный Германией с Польшей, сводится на-нет, вследствие последовавшего тем временем сильного поднятия пошлин на сельскохозяйственные продукты, и не ратифицируется и т. д.

Ту же картину всеобщей растерянности мы наблюдаем и в экономической политике Англии. Традиционная система свободной торговли теряет своих сторонников, ведется пропаганда за «свободную торговлю внутри империи». Однако имперская конференция показала, что доминионы не склонны жертвовать своим промышленным развитием в интересах Англии и отказаться от промышленных пошлин. Они со своей стороны предложили ввести пошлины на все товары, включая и с'естные припасы для того, чтобы Англия получила возможность установить для них предпочтительные пошлины. Эта идея была подхвачена консервативной партией, но решительно отклонена рабочей партией. Отсюда, полная безрезультатность имперской конференции в экономической области.

Также запутаны и безнадежны и стремления *восточно-европейских* аграрных стран добиться в Западной Европе преимуществ для своих сельскохозяйственных продуктов по сравнению с продуктами заокеанских стран. Так как заокеанские страны, экспортирующие сельскохозяйственные продукты, а именно Соединенные Штаты, Канада, Аргентина, Австралия, являются более солидными и более надежными покупателями промышленных изделий европейских промышленных стран, чем мелкие восточно-европейские страны; так как САСШ являются с точки зрения мировой политики несравненно более важным фактором, чем все мелкие аграрные страны Восточной Европы, вместе взятые,— то требование Восточно-европейского аграрного блока об установлении предпочтительных пошлин для его продуктов было категорически отклонено Лигой наций. Эти и другие подобные факты говорят о том, что буржуазия так же совершенно беспомощна в своей практической борьбе с экономическим кризисом и всеобщим кризисом капитализма, как она неспособна и теоретически понять законы движения капитализма.

Борьба за рынок сбыта, которая особенно обострилась во время кризиса, привела, конечно, к обострению внутриимпериалистических противоречий. Все откровенней ставится вопрос о переделе мира. Борьба, в первую очередь, идет за огромные области Китая и Южной Америки, которые еще не подпали окончательно под власть какой-либо отдельной империалистической державы. За ширмой генеральской войны в Китае идет в действительности борьба между САСШ, Японией и Англией. Быстро следующие один за другим перевороты в южно-американских государствах также являются этапами борьбы САСШ против позиций Англии в Южной Америке.

При настоящем сужении рынка сбыта выход Советского союза из сферы капиталистического мирового хозяйства является более чем когда-либо невыносимым для капиталистического мира. Отсюда усиленная подготовка к интервенции как в форме образования антисоветских блоков (конференции восточно-европейских аграрных стран, организованные под влиянием Франции), так и в идеологической области (религиозный крестовый поход, клевета о демпинге и т. д.).

Шумиха, поднятая вокруг демпинга, которым Советский союз будто бы занимается, экспортируя свои с.-х. продукты, имеет свой большой политический смысл. Как мы уже говорили, аграрный кризис угрожает гегемонии буржуазии над широкими массами трудящегося крестьянства. *Ведя кампанию против советского «демпинга», буржуазия стремится убедить крестьянство, что аграрный кризис не является порождением капиталистической системы, а в нем повинен исключительно Советский союз.* Поэтому негодование широких крестьянских масс должно быть направлено против Советского союза, а не против буржуазии. Этот подмоченный маневр буржуазии вместе с тем является и идеологической подготовкой широких масс крестьянства к военной интервенции против Советского союза.

Важным моментом в мировом экономическом кризисе является *кризис плана Юнга*. Вследствие падения цен, тяготы, возложенные на Германию планом Юнга, будучи выражены в рабочем времени, уже теперь на 15% выше, чем они были при принятии плана. Германия должна теперь бесплатно отдать своим кредиторам на 15% больше товаров, чем до падения цен, если она хочет выполнить свои обязательства по репарациям. Принимая во внимание общую недостаточную емкость мирового рынка и сокращение внешней торговли во время кризиса, Германия не сможет выполнить свои репарационные обязательства путем товарного экспорта. Недалек момент, когда стабильность германской валюты вновь окажется под угрозой. В недалеком будущем Германии придется просить о предоставлении ей моратория. Германское правительство уже послало в Америку Шахта для того, чтобы создать там настроение, благоприятное для пересмотра плана Юнга, что им не удалось. Не сбылась надежда буржуазии на то, что принятие плана Юнга внесет более длительное успокоение в репарационную проблему [1]).

---

[1]) Так, например, пошлина на пшеницу была быстрым темпом поднята в Германии до 250 марок за тонну. Пошлина поэтому значительно выше внутригерманской цены и вдвое выше цены пшеницы за границей.

Кризис плана Юнга, однако, неизбежно ставит в порядок дня и всю проблему межсоюзнических долгов. Это, в свою очередь, обостряет внутриимпериалистические противоречия, усиливающие со своей стороны экономический кризис.

Перерастание экономического кризиса в политический.

В целом ряде стран мы уже наблюдаем процесс перерастания экономического кризиса в политический. Основными моментами этого процесса являются: сильнейшие разногласия между отдельными слоями господствующего класса, недовольство широких крестьянских масс и рост революционной готовности пролетариата. Кризис и падение цен означают, как мы уже выше указывали, сильное уменьшение общей суммы прибыли господствующего класса. Отсюда сильные трения внутри господствующего класса, между отдельными его слоями в вопросе о распределении уменьшившейся суммы прибыли. Между аграрным и промышленным капиталом идет борьба в области таможенной политики. Высокие аграрные пошлины означают увеличение доли земельной ренты в общей прибыли за счет промышленного капитала или за счет рабочих. С другой стороны, стремление буржуазии снизить зарплату наталкивается на затруднение, заключающееся в искусственном удержании на высоком уровне, ради повышения земельной ренты, цен на с'естные припасы. Мы видим, далее, трения между тяжелой и обрабатывающей промышленностью, между промышленностью и торговлей, между оптовой и розничной торговлей. Каждый из них обвиняет другого в удержании цен на чрезмерно высоком уровне, что неблагоприятно отражается на сбыте.

Особенно остро противоречие между промышленным и ссудным капиталом. Оплата долгосрочных займов ложится все более тяжелым бременем на промышленные предприятия в виду постоянного падения цен. Относительно все более увеличивающаяся часть дохода должна отдаваться для уплаты процентов. Таким образом, все яснее проявляется паразитический характер капитализма и его загнивание.

Наряду с противоречиями в рядах господствующего класса мы наблюдаем сильный ропот крестьянства, страдающего от аграрного кризиса, и возмущение рабочего класса, несущего все бремя кризиса и терпящего нужду в связи с безработицей и снижением зарплаты. Назревающий политический кризис сказывается—в расколе, роспуске и новообразовании политических партий в важнейших капиталистических странах; в расхождении политической линии классовых организаций и политических партий буржуазии; в обострении кризиса парламентаризма, отразившемся наиболее ярко в исходе германских выборов, и событиях в Польше, усиленной фашизации буржуазного государства. Политический кризис в свою очередь обостряет экономический, что яснее всего видно на примере Германии и Польши. Таким образом, в целом ряде стран назревает ситуация, которую Ленин рассматривает как условие для революционной борьбы за власть, ибо господствующие классы все больше не могут жить дальше по-старому, а угнетенные классы все больше — не хотят.

---

[1]) X пленум ИККИ был прав, подвергнув критике мою оценку плана Юнга, как примиряющего (хотя бы и «временно») империалистические противоречия. Сейчас ни у кого не может быть сомнения, насколько грубо ошибочна была моя переоценка значения плана Юнга, как средства для временного примирения («Ueberbrückung»—перебрасывание мостика) противоречий в репарационном вопросе. Развитие событий с очевидностью показывает, что репарационный вопрос может «смягчить», разрешить лишь пролетарская революция.

Вопреки всем оптимистическим предсказаниям Гувера и других буржуазных деятелей, мировой экономический кризис все еще углубляется и никаких конкретных признаков его преодоления пока не видно.

Перспективы дальнейшего развития

Говоря о перспективах дальнейшего развития мирового экономического кризиса, мы укажем на следующее: для преодоления кризиса необходимо, чтобы острое противоречие между производительной и потребительной силой капиталистического общества во время кризиса было временно разрешено. Другими словами: излишние товары должны рассосаться, должно установиться новое равновесие между предложением и спросом. Для этого необходимо уменьшение непроданных товарных запасов.

Пока об этом, однако, не может быть и речи. Уменьшение покупательной силы крестьян вследствие аграрного кризиса, колоссальная безработица и стабильность розничных цен сильно задерживают рассасывание товарных запасов. **Все статистические данные показывают, что товарные запасы в настоящее время превышают запасы, бывшие в начале кризиса.** Так как этот вопрос имеет решающее значение для определения дальнейшей продолжительности кризиса, то мы приведем некоторые цифры.

Превышение запасов товаров в конце июня 1930 г. над прошлогодними запасами в процентах[1])

Каменный уголь (Германия, Саарская обл., Бельгия, Восточная Верхняя Силезия)	340 [2])
Медь (очищенная) (Северная и Южная Америка)	284
Свинец (в конце марта) (САСШ, Мексика)	9
Цинк (САСШ)	197
Олово (явные запасы во всем мире)	76
Хлопок „ „	33
Шелк-сырец (конец апреля) (Япония)	262
Каучук (САСШ, Великобритания, Сингапур, Пенан)	52
Чилийская селитра (явные запасы во всем мире)	39
Сахар (явные запасы во всем мире)	14
Кофе (Бразилия, САСШ и Европа)	99
Какао (явные запасы во всем мире,)	13

О запасах готовых изделий имеются статистические данные лишь в САСШ. Мы видим здесь следующую картину:

Индекс товарных запасов, принимая индекс 1923/25 г. за 100% [3]).

	Средний месячный индекс						Июль	
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1929 г.	1930 г.
Товары вообще	102	104	115	121	123	137	122	130
Промтовары вообще	103	103	107	113	117	120	121	127
Текстильные товары	96	95	115	104	128	122	125	124
Железные и стальные изделия	104	110	114	121	141	143	139	154
Изделия из цветных металлов	115	91	101	117	119	129	122	205
Сырые материалы	101	104	121	127	127	149	123	132

Эти цифры показывают постепенное конкретное назревание перепроизводства из года в год. Мы видим, что в САСШ в период «процветания» запасы увеличивались из года в год. Еще важнее то, что запасы как готовых изделий, так и сырья были в июле 1930 г. больше, чем в июле 1929 г. Запасы не только не рассосались, но даже увеличились в течение кризиса. Ясно, таким образом, что не может быть и речи о быстром преодолении кризиса в САСШ. Необходимым условием для перехода к новому под'ему должно явиться уменьшение запасов готовых изделий, что сделало бы неизбежным увеличение продукции в отделе В, а это, в свою очередь, привело бы к оживлению в отделе А.

---

[1]) Vierteljahrsheft für Konjunkturforschung 5. Jahrg, Heft 2, Teil A, Seite 22.

[2]) В отдельных случаях капиталисты умышленно создают большие запасы с целью облегчить свое положение в борьбе с рабочими: это совершенно очевидно, например, в угольной промышленности Германии!

[3]) Официальные данные министерства торговли и Статистическое бюро: "Survey of Current Business", August 1930, Seite 24.

Можно здесь возразить, что толчок к новому под'ему мог бы исходить и из отдела А. Теоретически это возможно, и в прежних кризисах были случаи, когда капиталисты, надеясь на будущий расширенный сбыт, вкладывали новые капиталы в отдел А (железнодорожное строительство, судостроение, расширение промышленных предприятий), что, вследствие увеличения числа рабочих и размеров переменного капитала, вызывало оживление и в отделе В и общий под'ем всего хозяйства. Сейчас это совершенно невозможно. Еще до кризиса, в фазу высокой кон'юнктуры, наблюдался излишек производственных предприятий, и хроническое неиспользование значительных частей производственного аппарата является, как мы уже говорили, одним из основных моментов всеобщего кризиса капитализма. Теоретически, поэтому, совершенно немыслимо, чтобы толчок к улучшению положения последовал на этот раз из отдела А.

Мы можем в подтверждение этого привести конкретные данные. Если бы имелось налицо движение за расширение производственного аппарата, то это сказалось бы в увеличении заказов отраслей промышленности, относящихся к отделу А. Мы этого, однако, не видим. Индекс заказов в САСШ равняется, принимая индекс 1923/25 гг. за 100:

	Июль 1929 г.	Июль 1930 г.
Всего	70	42
Железо и сталь	84	76
Строевой лес	97	79
Кирпич и стекло	62	49

Эти данные ясно показывают, что пока не может быть и речи в САСШ о расширении деятельности в отделе А, так как это должно было проявиться в росте заказов на железо, сталь, строевой лес, кирпичи и стекло. В других странах мы не имеем соответствующих статистических данных, но так как использование производственной мощности производственного аппарата было наибольшим в САСШ, и тенденция к расширению и реорганизации этого аппарата была наиболее сильной здесь же, то можно предполагать, что в других промышленных странах, на которые кризис позже распространился, следует еще меньше ожидать, чтобы толчок к преодолению кризиса исходил из отдела А, чем в САСШ.

Мы, таким образом, приходим, на основании теоретических рассуждений и конкретных данных к выводу, что кризис будет еще долго продолжаться, что он еще не достиг в мировом масштабе своей наибольшей глубины.

Этот вывод имеет огромное политическое значение. Это значит, что происходящее в настоящее время в различных странах превращение экономического кризиса в политический не будет задержано в ближайшее время новым экономическим под'емом. Это вместе с тем означает, что дальнейшие перспективы в решающей степени зависят от того, в какой мере компартиям удастся: 1) углубить успешным руководством экономических боев рабочего класса экономический и политический кризис, и 2) использовать назревающую революционную ситуацию для боев за завоевание власти, за свержение буржуазии.

Мы, таким образом, приходим к вопросу о дальнейшей перспективе развития всеобщего кризиса

капитализма. Удастся пролетариату под руководством компартии свергнуть господство буржуазии в некоторых важнейших странах,— то ход дальнейшего развития ясен и об этом распространяться не приходится.

Мы, однако, можем учесть и другую перспективу, когда капитализму удастся уцелеть после теперешнего экономического и политического кризисов, и буржуазия сможет сохранить свое господство за пределами Советского союза. Как будет развиваться капитализм в этом случае? Ответ и здесь ясен: всеобщий кризис капитализма будет продолжать расширяться и углубляться. Как мы уже указывали, ничего не изменится во всеобщем кризисе капитализма в случае преодоления экономического кризиса, напротив, подобно всякой фазе кризиса, теперешняя фаза значительно приближает капитализм к его историческому концу. Хроническое противоречие между производственной и потребительной силой капиталистического общества; неспособность капитализма расширить рынок сбыта в соответствии с развитием производственной силы; неспособность капитализма обеспечить пролетариат работой и преодолеть хроническую массовую безработицу,— все это останется и обострится после экономического кризиса. Обострение борьбы за сбыт заставит продолжать рационализацию промышленности, что означает дальнейшее увеличение производственной мощности, роста интенсивности труда, увеличение органического состава капитала и уменьшение доли пролетариата в продукте, изготовляемом капиталистическим обществом. Это означает восстановление противоречия между производственной и потребительной силой капиталистического общества на более широкой основе, т. е. дальнейшее обострение всеобщего кризиса капитализма.

Здесь мы должны поставить вопрос о дальнейшем развитии аграрного кризиса, так как обнищание широких масс трудящегося крестьянства вследствие аграрного кризиса является важным элементом сокращения емкости капиталистического рынка сбыта. Мы должны поставить вопрос о том, есть ли надежда на преодоление в ближайшее время аграрного кризиса в рамках капитализма?

На этот вопрос мы можем со всей решительностью дать отрицательный ответ. Подходя с чисто исторической точки зрения, мы должны сказать, что великий европейский аграрный кризис XIX столетия продолжался 20 лет в период поднимающегося капитализма. Совершенно очевидно, что для преодоления теперешнего аграрного кризиса, если это вообще возможно в условиях всеобщего кризиса капитализма, потребовалось бы еще больше времени — несколько десятилетий. При быстром упадке капитализма и развитии пролетарской революции этот период окажется гораздо дольше того исторического периода времени, который вообще, по нашему мнению, еще остается у капиталистического общества.

Если мы далее конкретно присмотримся к путям и методам, при помощи которых был преодолен аграрный кризис в XIX столетии, то мы увидим, что сейчас они неприменимы. Аграрный кризис XIX столетия был преодолен благодаря улучшению методов обработки земли, снижению издержек производства в сельском хозяйстве, связанному с увеличением урожайности; благодаря переходу к возделыванию более интенсивных культур, производству мяса, молока, яиц, овощей, сахара и технических сырых материалов, в особенности в Западной Европе. Эти методы в настоящее время неприменимы для крестьянского хозяйства. Новая техника обработки земли, позволяющая капиталистическим крупным предприятиям сильно снижать производственные расходы (тракторы, комбайны), не пригодна для крестьянства, так как нет достаточно большой посевной площади для использования этих машин распыленными крестьянскими хозяйствами. Что касается перехода к производству с'естных припасов лучшего качества и технического сырья, то это возможно лишь в период всеобщего под'ема капитализма, когда жизненный уровень широких масс городского населения поднимается, и наблюдается увеличение спроса на с'естные припасы лучшего качества. В теперешний период всеобщего кризиса капитализма с его колоссальной, хронической, массовой безработицей и тенденцией к ухудшению условий жизни рабочего класса, нельзя ожидать разрешения аграрного кризиса от перехода к производству с'естных припасов лучшего качества, как это было в XIX столетии в Западной Европе. Тем менее можно этого ожидать, что конкуренция капиталистических крупных предприятий заокеанских стран начинает все сильнее отражаться на европейском крестьянском хозяйстве и в области продуктов скотоводства. Не может быть поэтому и речи о разрешении аграрного кризиса в условиях господства капитализма. Аграрный кризис может временно смягчаться вследствие неурожая и более сильного спроса на его продукты при лучшей кон'юнктуре, но ни в каком случае он не может быть разрешен. Это, однако, значит, что нельзя ожидать значительного смягчения противоречий между развитием производственной силы капитализма и емкости капиталистического рынка сбыта, благодаря поднятию потребительной силы крестьянства в отношении продуктов капиталистической промышленности.

Дальнейшая перспектива рисуется таким образом в следующем виде:

Всеобщий кризис капитализма будет продолжаться и обостряться, отсюда незначительная высота и глубина поднимающейся волны следующего промышленного цикла, значительная глубина и продолжительность следующих за этим кризиса и депрессии. Не может быть и речи о наступлении такого продолжительного периода процветания, какой уже был в САСШ в послевоенные годы или наступлении под'ема такой интенсивности, как это наблюдалось в Германии в 1924/1927 гг., если считать, что капитализм уцелеет после теперешнего экономического кризиса. Общий тип развития всего капитализма будет напоминать развитие английского капитализма после войны, длительные и глубокие депрессии, короткие и низкие фазы под'ема. Но задача пролетариата в пролетарской революции — найти революционный выход из кризиса. Право, нет никаких оснований, чтобы откладывать это дело дальше!

Модест Рубинштейн.

Ликвидация безработицы и проблемы механизации.

(К задачам технической политики в связи с ликвидацией безработицы).

Одним из важнейших экономических и социальных сдвигов 1930 года в Советском союзе является исчезновение безработицы и выявляющийся с все большей резкостью острый недостаток рабочих кадров во всех отраслях народного хозяйства.

Далеко не всеми еще до сих пор осознано до конца все колоссальнейшее значение этого перелома, все его воздействия и отражения в самых разнообразных областях нашей работы и строительства.

Этот сдвиг имеет прежде всего громадное принципиальное значение для оценки общего характера развития советской экономики в начальный период социализма.

Он уже стал первостепенным международным фактором и с каждым месяцем оказывает все большее воздействие на сознание миллионных масс трудящихся всех капиталистических стран. В то время как 25 миллионов рабочих капиталистического мира выброшены из производства, когда надвигающаяся зима грозит увеличить эту армию «лишних» новыми миллионами, «страна без безработицы» становится магнитом, привлекающим сочувствие трудящихся в самых отдаленных уголках мира, заставляющим их задумываться над причинами своего положения и искать выхода на том же единственном пути решительной революционной борьбы с капиталом.

Наконец, этот перелом на «рынке труда» (если только можно применять этот традиционный, но в наших условиях уже неверный термин) практически самым непосредственным образом отражается на всех без исключения отраслях нашего хозяйственного строительства. Он заставляет ставить по-новому, в иных количественных масштабах и качественных соотношениях, ряд задач нашей экономической и технической политики.

Притом этот перелом не только не служит, как это пытаются представить правые, тормозом нашего хозяйственного роста, но как раз наоборот, дает толчок, является стимулом, своего рода «катализатором» еще большего усиления его размаха и ускорения темпов.

На одной из сторон последнего вопроса мы хотим остановиться в данной статье.

Разумеется, не может быть и речи об исчерпании наших рабочих резервов. Об этом могут говорить только оппортунисты. Прежде всего наличные рабочие кадры могут и должны быть использованы в десятки раз лучше и полнее, чем в настоящее время, даже независимо от безграничных возможностей роста энерговооруженности труда, на которых мы остановимся в дальнейшем. С громадными напрасными растратами у нас рабочей силы и времени мы сталкиваемся на каждом шагу. Плохая организация труда, отсутствие разделения и специализации, все еще чрезмерная громоздкость советских аппаратов, заседательская суетня, очереди и т. д. и т. п. ежегодно с'едают без пользы миллионы человеко-дней. Соцсоревнование и ударничество, встречные промфинпланы, непрерывка—наглядно показывают, какие огромнейшие резервы имеются еще в этой области.

Не менее громадны резервы и возможности вовлечения в производство женского населения, силы которого хищнически растрачиваются в домашней работе с первобытной производительностью.

Наконец, основные резервы рабочей силы все еще скрывает сельское хозяйство.

Достаточно привести следующий, несколько примитивный, отвлекающийся от ряда важнейших моментов, но все же достаточно ярко вскрывающий положение подсчет. В Германии и САСШ, при крайней отсталости сельского хозяйства от промышленности, сельским хозяйством занято в настоящее время менее четверти (около 20%) населения. Этих 20% достаточно, чтобы снабдить сельскохозяйственными продуктами все население, так как ввоз и вывоз с.-х. (вернее, продовольственных) продуктов в этих странах примерно покрывают друг друга. У нас положение является как раз обратным. До сих пор 80% населения занято сельским хозяйством, и все же сельскохозяйственная продукция является совершенно недостаточной, а душевые нормы потребления с.-х. продуктов в 2—3 раза ниже, чем в Германии и САСШ. Этот факт является отражением все еще чрезвычайно низкой производительности труда в нашем сельском хозяйстве.

Он служит показателем того, какие громадные трудовые ресурсы могут быть использованы при резком повышении производительности труда в сельском хозяйстве уже через несколько лет, когда будет осуществлена сплошная коллективизация, когда заработают полным ходом наши тракторные заводы, и механизация сельского хозяйства из отдельных островов станет решающим методом производства основных сельскохозяйственных районов. И тогда это высвобождение рабочей силы из сельского хозяйства ни в коем случае не будет означать нового взлета безработицы, как этим пытались пугать нас Базаров и иже с ним. С одной стороны, одновременно с механизацией будет непрерывно нарастать общий об'ем сельскохозяйственной продукции, пока еще совершенно недостаточный для удовлетворения быстро растущих потребностей. С другой стороны, вместе с социальными и техническими сдвигами сельского хозяйства уже начался и будет нарастать во все ускоряющейся прогрессии под'ем культурного уровня деревни, рост потребностей сельскохозяйственного населения, рост такого размаха, что он потребует глубочайшей перестройки всего облика нашей деревни. Эта перестройка потребует миллионов новых работников. Достаточно, для примера, отметить 2 области—дорожное строительство и культурное обслуживание. Наконец, эти сдвиги будут происходить в условиях еще большего ускорения роста городской промышленности и втягивания в нее новых кадров, несмотря на успехи механизации.

Так или иначе, если от этого *близкого завтра* перейти к *сегодня*, к насущным задачам особого квартала и 1931 хозяйственного года, мы видим, что все наше хозяйственное строительство находится под знаком нарастающей нехватки рабочих кадров, притом не только квалифицированных, но и необученных. Глупейшей оппортунистической болтовней являются «рассуждения» право-«левого» блока Сырцова — Ломинадзе о том, что нехватка рабочей силы вызвана тем, что рабочие стоят в очередях и занимаются спекуляцией. Наряду с проблемой создания квалифицированных кадров, за разрешение которой партия взялась с большевистской настойчивостью и размахом, уже в ближайшее время перед нами будет стоять с такой же остротой проблема массовой неквалифицированной рабочей силы. Отдельных предвестников такого положения мы имеем уже в настоящее время на ряде участков хозяйственного строительства.

Нехватка рабочей силы становится одной из острейших хозяйственных проблем дня, становится, можно сказать, одним из важнейших «узких мест» нашего строительства. И само собой понятно, правые оппортунисты уже делают, на практике и в теории, попытки равняться по этому узкому месту, попытки на этом основании снижать темпы нашего роста. Как они раньше заявляли, что «нельзя строить из кирпичей будущего», так теперь они твердят, что нельзя строить без рабочей силы, или, в другом варианте, «нельзя строить в кумачевых рубахах». Само собой разумеется, что задача партии и рабочего класса—смести все эти жалкие попытки оппортунистов справа и «слева» затормозить развертывание нашего строительства и направить все силы рабочего класса на преодоление этого узкого места, как мы преодолели и преодолеваем десятки других.

Каковы, в самой беглой наметке, основные пути и методы преодоления этого узкого места?

Эти методы должны быть использованы до конца одновременно, так как каждый из них непосредственно связан с другими, усиливает и укрепляет их.

1-й путь — дальнейшее развитие, расширение и углубление *соцсоревнования и ударничества*, под'ем его на высшую ступень, основы которой заложены в движении встречного промфинплана. Этот путь позволяет использовать те неистощимые резервы трудового энтузиазма рабочих масс, которые по существу и раньше являлись важнейшей основой наших невиданных для капиталистического мира темпов хозяйственного развития, но которые теперь получают новый размах и подымаются на новую, высшую ступень. Соцсоревнование и ударничество воплощают в небывалом прежде масштабе тот перелом в отношении работников к труду, начало которого было положено самой Октябрьской революцией, когда труд из проклятия, из ненавистной обузы, каким он является при капитализме, становится «делом *чести*, делом *славы*, делом *доблести* и *геройства*» (Сталин), когда в плоть и кровь каждого работника входит сознание, что он работает на весь трудовой коллектив, на свое рабочее государство.

2-й *путь—выявление* и правильное использование тех громадных *трудовых резервов*, которые мы еще имеем, в первую очередь, в области сельского хозяйства, среди женского населения и т. д. Эта задача, как бы в качестве «побочного продукта» (который, как известно, например в химической промышленности, нередко оказывается важнее и ценнее, чем основной продукт), ставит на очередь разрешение ряда проблем величайшей важности, например, проблему планомерной связи промышленного и сельскохозяйственного труда, т.-е. один из важнейших шагов по пути ликвидации противоречий города и деревни.

3-й *путь — улучшение организации труда*, уничтожение или, по крайней мере, максимальное сокращение тех громадных напрасных потерь, своеобразных «растрат» трудовых усилий, которые мы все еще имеем, которые бросаются в глаза на каждом шагу нашей хозяйственной работы. Сюда входит, с одной стороны, *рационализация* производственных процессов, выявление значительных излишков рабочей силы на предприятиях, с другой, вне производства, борьба за улучшение бытового обслуживания трудящихся, закрытые распределители, организация общественного питания, уничтожение очередей и т. п.

Наконец, 4-й *путь*, на котором мы остановимся подробнее в настоящей статье, это — *упор на механизацию* в десятки раз больший, а главное, более планомерный и систематичный, чем до сих пор.

В первую очередь, это относится к механизации тех многочисленных, так называемых *трудоемких работ*, которые охватывают у нас миллионы рабочих, с производительностью труда, немногим отличающейся от такой же сотни лет тому назад, с варварской, «азиатской» растратой трудовых усилий.

Между тем, мы не можем теперь, при нарастающей нехватке рабочих кадров, примириться с тем фактом, что во всех почти областях хозяйства ряд работ, в особенности же сезонных работ вне заводской обстановки, должны занимать сотни тысяч и миллионы работников с производительностью труда, во много раз уступающей современной западно-европейской и американской.

Основные сельскохозяйственные работы, в особенности уборка урожая, дающая «пик» трудовой нагрузки и большей частью искусственно задерживающая в сельском хозяйстве целые рабочие армии; добыча торфа, угля и руды; строительные работы, в частности земляные работы и дорожное строительство; лесозаготовки; всевозможные погрузочные работы (включая внутризаводской транспорт),—все еще находятся у нас на самой первоначальной ступени механизации. Мало того, многие из них все еще планируются с расчетом на втягивание миллионных масс с минимальной производительностью труда, с величайшим расточением мускульной силы и, как это большей частью неизбежно сопутствует одно другому, с относительно худшими условиями и обстановкой труда.

Основное значение имеет в этом отношении громадная проблема механизации основных сельскохозяйственных работ в производстве зерновых культур в основном в настоящее время разрешаемая трактором и комбайном.

Громадное значение имеет, однако, и другая проблема, все еще остающаяся у нас несколько в тени. Это—задача механизации производства основных технических культур и других отраслей сельского хозяйства (в первую очередь, животноводства), по традиции считающихся особенно «трудоемкими». Эта трудоемкость зачастую возводится в непреложный «природный» закон, что неизбежно ведет к скатыванию в той или иной форме к установкам Кондратьева, Чаянова и других апологетов мелкого интенсивного хозяйства. Достаточно напомнить чаяновский идеал «китайской» обработки каждого отдельного колоса в его книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Ставка на крупное обобществленное хозяйство в области технических культур и животноводства, которая взята партией, неизбежно требует твердого курса на механизацию этих якобы «по природе» трудоемких отраслей.

Так же, как в докладе т. Яковлева, на XVI с'езде ставилась задача искоренить самый термин «потребительские районы», мы должны добиваться того, чтобы представление о неискоренимой «трудоемкости» вышеуказанных отраслей сельского хозяйства исчезло из обихода.

Задачи создания и производства машин для уборки хлопка, освобождающих громадные количества рабочих в районах, особенно резко ощущающих нехватку рабочих кадров, производство машин по первичной обработке льна, конопли и кенафа, кукурузный и соевый комбайны, механизация уборки и сушки сена, использование ряда возможностей механизации животноводческих хозяйств, механизация овощного и огородного хозяйства, фрезерная обработка почвы, мульчирование [1]) и проч.— должны уже в самый ближайший период стать в центре внимания как соответствующих хозяйственных органов, так и широчайших масс рабочих и колхозников. Разрешение этой задачи требует громадной научно-исследовательской работы по

---

[1]) Покрытие междурядий в пропашных культурах непроницаемыми покровами из асфальтового толя, термогена и пр., по американским опытам значительно повышающее урожайность, резко сокращающее потребность в рабочей силе и позволяющее продвинуть далеко на север ряд южных культур.

совершенно новым непроторенным путям использования американского опыта в масштабах, неизвестных и недоступных в самих САСШ, как капиталистической стране, требует постановки производства ряда новых типов сельскохозяйственных машин и орудий.

Но зато это коренным образом меняет весь рабочий баланс социалистического сельского хозяйства, высвобождает громадные трудовые ресурсы от работ с крайне низкой производительностью ручного труда.

Эти задачи и перспективы в области механизации трудоемких отраслей сельского хозяйства мы отмечаем здесь лишь вскользь, так как вернемся к ним в особой статье.

Те же задачи относятся и к добыче топлива, т.-е. основной базе энергетики страны.

Основное значение имеет, прежде всего, уголь, который, несомненно, является и долго еще будет оставаться важнейшей основой энергетических ресурсов. Основная установка вредителей из «Промпартии», захвативших ряд важнейших командных постов на топливном фронте, состояла во всемерном торможении добычи угля и создании таким путем топливных кризисов. Одним из основных орудий для достижения этой цели служило, по их собственному признанию, всемерное торможение механизации добычи угля и создание в результате этого в Донбассе значительных трудностей в области снабжения рабочей силой, обеспечения ее жилищем, продовольствием, водой и т. д. Несмотря на уроки Шахтинского дела, до последнего времени необходимого перелома в этой области не было достигнуто. В связи с отмеченным выше общим сдвигом на рынке труда, все эти трудности получили новое обострение. Без решительного курса на механизацию мы не имели бы возможностей быстрого выхода из всех этих трудностей. И только после непосредственного вмешательства ЦК, после широчайшей мобилизации горняцких масс, после смены руководства Союзугля произведен крутой перелом в области механизации добычи.

Решениями ЦК поставлена задача довести механизацию добычи в Донбассе в 1931 году до 70%, в Кузбассе—до 40%. Через несколько лет обушок и лопата, десятки лет безраздельно господствовавшие в добыче угля, начнут уходить в область воспоминаний, и их заменят целиком врубовые машины, позволяющие нескольким механикам заменять десятки забойщиков, и пневматические орудия, в несколько раз повышающие производительность труда.

Но механизация непосредственной добычи угля—только часть механизации угольного производства в целом, притом часть, органически связанная и в значительной степени зависимая от механизации других частей. Сюда относятся, с одной стороны, механизация подготовительных работ, с другой,—механизация транспорта под землей. Обе эти области механизации находятся у нас еще в зародышевом состоянии. Для того, чтобы механизация добычи могла дать полную эффективность, вместе с обушком и лопатой должны исчезнуть и традиционные шахтные коняги (не говоря уже о саночниках). Они не в состоянии перевезти те громадные количества угля, которые должны быть добыты по плану и добычу которых обеспечивают врубовые машины и отбойные молотки. Задача производства в широком масштабе и внедрения в шахты электровозов, конвейеров, скрэперов и других форм механизированного транспорта становится не менее важной, чем проблема производства врубовых машин.

Наконец, 3-я очень важная область — это механизация погрузки, пока еще находящаяся у нас совершенно в тени. Значение механической погрузки еще не осознано широкими массами, между тем как именно механизация погрузки, с одной стороны, позволяет заменить громадные затраты мускульного труда в самых непроизводительных его формах, с другой,—резко меняет весь тип организации труда в шахтах. Механизация этого звена позволяет и в шахте приблизиться к производству «непрерывным потоком». Место индивидуальной, изолированной работы, с полуремесленным типом квалификации занимает коллективно организованный труд фабричного типа. По определению одного американского исследователя, «горняк впервые становится фабричным рабочим». В САСШ ряд крупных шахт организован по типу современных фабрик, где прежние цеховые деления и профессии разбиты, где вся обстановка и тип труда под воздействием механизации радикально изменились.

Темп роста механической погрузки в САСШ является за последние годы громадным, несмотря на ряд величайших препятствий, создаваемых капиталистическими условиями.

Между тем, мы не только не изучили достаточно тщательно этот опыт САСШ, опыт, который есть все основания применить у нас гораздо более планомерно и последовательно, чем в Америке, но даже отдельные кустарные попытки пойти по тому же пути натыкались зачастую на сильнейшее сопротивление и косность.

Например, на шахте им. Володарского рабочим Флуссовым была изобретена погрузочная машина, позволяющая грузить в час 80—90 вагонов, т.-е. количество, требующее при ручной погрузке 5 работников в день [1]). При этом погрузка 100 вагонов, стоившая вручную около 12 рублей, при погрузке машиной обходится в 2 р. 10 к., даже при использовании машины лишь на ⅛ ее производительности. Несмотря на то, что эти факты были подтверждены Союзизобретуглем, машина была встречена администрацией шахты в штыки, и заведующий шахтой заявил: «Жив не буду, но машине этой на шахте не работать».

Всесторонняя механизация всего процесса производства угля, т.-е. проходки, подготовительных работ, непосредственной добычи, транспорта под землей, под'ема и поверхностных работ (сортировки, очистки, механического облагорожения и т. д.), механизация, в которой одно звено неразрывно связано с другими и обусловливает возможность полного выявления их эффективности,—*стала настоятельнейшей задачей ближайших лет*. Она позволит, несмотря на громадные темпы роста добычи, значительно ограничить потребность в новой рабочей силе, создать постоянные кадры рабочих, во всей широте поставить задачу резкого перелома бытовой обстановки, всего облика труда и жизни этих кадров, добывающих под землей источники света, тепла и двигательной силы для всей страны.

То же относится к добыче *подмосковного угля*, проводившейся до самого последнего времени без всякого намека на механизацию. Между тем германский опыт показывает, что добыча бурых углей может быть механизирована в еще большей степени, с еще большим ростом производительности труда, чем добыча каменного угля (вследствие неглубокого залегания бурых углей и ряда других причин).

Наконец, громадное значение для ряда важнейших областей нашего Союза имеет вопрос о *механизации добычи торфа*.

Как известно, Рамзин и К° вели в течение ряда лет упорную и настойчивую работу против расширения добычи торфа и других местных топлив. Они исходили при этом как из основной своей задачи—усиления топливных трудностей, так и из прямого стратегического задания интервентов, имевших целью установить зависимость всей энергетической базы Центральной промышленной области и Ленинграда от тонкой ниточки железнодорожных путей.

Этому курсу вредителей на ограничение добычи торфа, несмотря на категорические, не оставляющие никаких сомнений указания Ленина, фактически подпевали многие коммунисты.

Еще в большей степени, чем в области угля, максимальное расширение добычи торфа, в особенности после перелома 1930 г. на рынке труда, невозможно без всесторонней механизации этой добычи.

Уже устаревшие, в настоящее время совершенно недостаточные планы роста добычи торфа предусматривали втягивание в торфоразработки армии в 600.000 рабочих. Это втягивание должно было происходить на относительно короткий сезон, притом сезон, совпадающий с «пиком» нагрузки сельскохозяйственных работ. Ясно, какие трудности ставит эта задача в предстоящий период, задача, требующая кроме того громадного масштаба жилищного и прочего вспомогательного строительства с крайне низкой степенью использования. Уже в истекшем 1929/30 году трудности в снабжении рабочей силой были одной из основных причин серьезного прорыва в добыче торфа (недовыполнение плана на 25%), а план на 1931 г. фактически увеличивается вдвое.

Правые оппортунисты на практике делают из этого вывод о необходимости сокращения планов добычи. Между тем, единственный вывод и в этой области должен состоять в решительном упоре на механизацию, в том, чтобы разрешить эту задачу механизации с большевистским размахом и настойчивостью и этим обеспечить не сокращение, а значительное расширение планов. Известно, какое внимание уделял Ильич первым опытам гидроторфа. В настоящее время мы имеем методы еще более совершенные и производительные, чем гидроторф. Сюда относится в первую очередь фрезерный метод, и не случайно, что топливные вредители напрягали все силы, чтобы отвлечь внимание от этого метода. Фрезерный способ дает продукцию на работника в 3—4 раза больше, чем старый элеваторный, и в то же время чрезвычайно облегчает труд работников.

Наметки Госплана в материалах к 5-летнему плану сохраняли к концу пятилетки, т.-е. в 1932/33 г., 50% добычи за элеваторным способом, который требует громадного количества работников и ни в коей мере не разрешает задач массовой механизированной добычи. Гидроторфу отводилось в этих наметках на 1932/33 г. 18,7% добычи, а фрезерному—только 3,7%. Совершенно ясно, что *эти наметки должны быть коренным образом пересмотрены*. Те препятствия, которые имеются на пути использования фрезерного торфа в широких масштабах (трудности хранения, неразработанность методов сжигания и др.), должны и могут быть преодолены, если развернутым фронтом взяться за их преодоление, а не равняться по «узким местам».

Наряду с механизацией непосредственной добычи на торфоразработках имеет первостепенное значение механизация транспортных и погрузочных работ, вытесняющих мускульный труд в самых непроизводительных его формах—совершенно неквалифицированный, грязный, тяжелый труд на болотах. Канатные транспортеры и формующие гусеницы могут заменить тысячи торфяниц и «бегунков», вывозящих на себе груз торфа по болотам, где вязнет лошадь. Планомерная механизация этих работ не только позволяет отказаться от «относительного увеличения числа торфяниц», планировавшегося вредителями, но и осуществить глубочайшие сдвиги в составе и квалификации рабочей силы на торфоразработках. Вместо все более и более трудной вербовки сотен тысяч неквалифицированных рабочих из деревни как раз на период самых напряженных сельскохозяйственных работ, стоит задача подготовки нескольких тысяч подученных рабочих-механиков.

---

[1]) См. «Новая техника» от 28/IX.

Вместе с продлением и уплотнением сезона (особенно при осуществлении механизации сушки, дающей громадное сокращение ее сроков) механизация совершенно переворачивает все формы организации производства, всю обстановку торфоразработок, а вместе с тем обеспечивает сдвиги себестоимости торфа, на которой пытались основываться вредители, исходя не из динамики торфяной техники, а из расчетов при добыче устарелыми машинами, при неправильном соотношении ж.-д. тарифов на перевозку торфа и угля и т. д. Для обеспечения механизации торфоразработок необходимо выделение и специализация нескольких заводов на производство торфяных машин, которые производились до сих пор случайно на неприспособленных предприятиях (а ряд машин и вовсе не производился). Между тем эта насущнейшая задача зачастую натыкалась до сих пор на сильнейшее сопротивление, косность, бюрократические задержки.

Если поставить задачу механизации торфодобычи с таким же напором и решительностью, как в добыче угля, мы в ближайшие же годы получим устойчивую энергетическую основу Ленинградской, Московской, Ивановской областей, Нижегородского края, ряда районов Урала и пр.

Себестоимость торфа в ряде районов сравняется с самыми дешевыми видами топлива. Выработанные торфяные болота не только создадут оздоровление громадных пространств, но и превратят их в ценнейшие сельскохозяйственные (луговые) земли. Наконец, они создадут возможность использования в широком масштабе побочных продуктов торфа (химическая переработка, строительные материалы, торфяной кокс и пр.), встречавшего до сих пор упорное сопротивление вредителей.

В нефтяной промышленности, несмотря на широко проведенную за последние годы механизацию добычи и замену штангового бурения вращательным, впереди еще громадные возможности механизации. Широкое применение турбобура инж. Капелюшникова, автоматического бурильного станка, изобретенного рабочим Скворцовым и пр. могут обеспечить значительное расширение бурения, добычи и разведок с меньшим количеством рабочей силы и значительным изменением типа труда.

Одной из чрезвычайно «трудоемких» отраслей хозяйства являются лесозаготовки. Одни лишь дровозаготовки требуют у нас в настоящее время 226 млн. человеко-дней в год плюс миллион лошадей в сезон вывозки. Пила и топор господствуют на лесозаготовках почти столь же безраздельно, как и сотни лет тому назад. Производительность труда работника здесь в 7 раз ниже, чем на лесозаготовках САСШ и Канады.

В результате, эта очень важная отрасль народного хозяйства зависит целиком от крайне ненадежной рабочей базы, от прилива неорганизованной крестьянской массы.

Попытки создания постоянного кадра лесных рабочих, кадра, требующего сотен тысяч человек, крайне осложняются необходимостью широкого жилищного строительства.

Основной выход и в лесозаготовках — механизация.

Процесс валки дерева и очистки от сучьев, технически наиболее отсталый, требует около 50% всех рабочих на лесозаготовках, между тем, переносные моторные пилы дают возможность заменить около половины пильщиков, в то же время чрезвычайно облегчая труд и ускоряя процесс пиления в 6 раз. Рационализация методов дровозаготовок и простейшая механизация позволяют в несколько раз сократить громадные армии работников.

Транспорт лесоматериалов, поглощающий в настоящее время большую часть остальных 50% рабочей силы, может занять во много раз меньше рабочих при использовании тракторов, ледяных колей, подвесных дорог и т. д.

Между тем, до самого последнего времени машина и трактор пробивали себе дорогу на лесозаготовки лишь случайно, неорганизованно, при значительном сопротивлении части руководства лесных трестов и бывшего руководителя лесной секции Госплана—вредителя Майера.

Планомерно проведенная механизация лесоразработок, технически вовсе несложная, высвобождает громадные трудовые ресурсы.

Громадное поле для механизации все еще представляет строительное производство. Размах нашего строительства уже теперь настолько громаден, что он втягивает в разгар сезона миллионы работников. Минувшим летом со всех строительств шли тревожные сигналы об острой нехватке рабочей силы.

На отдельных строительствах (Днепрострой, Магнитогорск и др.) мы имели уже опыт широкого применения механизмов. В соединении с мощным под'емом ударничества и соцсоревнования это позволило в отдельных случаях превзойти даже американские темпы.

Но, в общем, наше строительство механизировано еще в крайне слабой степени и затрачивает громадные количества неквалифицированной мускульной рабочей силы с крайне низкой производительностью. Средняя производительность труда строителя-сезонника в 2—3 раза ниже западно-европейской.

Строительное производство переживает в настоящее время полосу глубоких технических сдвигов. Изменение строительных материалов; заводский метод организации работ; непосредственное перенесение значительной части работы на заводы, изготовляющие стандартизированные части, собираемые на месте постройки; наконец, всесторонняя механизация при помощи электрической энергии и сжатого воздуха; применение экскаваторов, компрессоров, бетономешалок (а на крупных строительствах специальных бетонных заводов), кранов и переносных конвейеров, камнетесных машин, пневматических «пушек» для штукатурки и окраски и т .д., — весь этот поток разнообразнейших изобретений и усовершенствований совершенно меняет методы организации труда на стройках, ведет к резкому сокращению числа необходимых рабочих, к замене квалифицированных рабочих ремесленного типа и неквалифицированных мускульных подученными работниками «фабричного» типа. Механизация и заводский метод организации работ резко ускоряют темпы строительства. Вместе с новыми методами зимней бетонировки они обеспечивают возможность строительства круглый год, равномерной нагрузки рабочей силы, создания постоянных кадров строительных рабочих. Наконец, целый ряд крупных строительных работ без широкой механизации вообще не мог бы быть осуществлен.

Несмотря на примеры отдельных рекордных достижений, мы должны признать, что в области механизации строительства делаем лишь самые первые шаги.

Мало того. Несмотря на всю грандиозность уже начатых и начинаемых в самом близком будущем строительств, несмотря на то, что наши вложения в капитальное строительство за 1930 г. уже догнали годовые вложения САСШ, мы все еще не поставили во всей широте задачу специализации нескольких крупных предприятий на массовом производстве машин и оборудования для механизации строительства. Мы все еще ввозим из-за границы строительные машины, вовсе не являющиеся особенно сложными, но настолько выгодные, что затраты на них при правильном использовании окупаются в один сезон.

Степень использования имеющихся механизмов все еще крайне низка, значительно уступая германской, тогда как размах и характер нашего строительства дают возможность быстро обгонять в этом отношении все капиталистические страны. Перелом на этом фронте обеспечивает возможность, несмотря на неуклонно нарастающее развертывание об'ема строительства, в несколько раз сократить относительную потребность в рабочей силе и коренным образом изменить тип труда и характер организации строительных работ.

То же относится к дорожному строительству, гигантское значение которого, в особенности для коллективизированной деревни, все еще не осознано у нас широкими массами в достаточной степени. Даже нынешние, совершенно недостаточные планы дорожного строительства на ближайшие годы потребовали бы при господствующих в настоящее время примитивных методах строительства миллионов работников. Быстрое разрешение проблемы дорожного строительства во всем ее грандиозном масштабе невозможно без решительного курса на механизацию. И здесь необходима специализация ряда заводов на производстве дорожных машин, вовсе не сложных и настолько выгодных, что даже теперь километр грунтовых дорог при ручной работе обходится в 4—5 раз дороже, чем при механизированной.

Недостаток места не позволяет нам останавливаться на других отраслях хозяйства. В любом производстве мы натолкнемся на такие же примеры. На каждом нашем заводе, очень часто даже на вновь выстроенных предприятиях, рядом с новейшими машинами мы натыкаемся на чисто мускульные работы, выполняемые так же и с такой же производительностью, как десятки лет тому назад. В особенности это относится ко всем видам внутризаводского транспорта. Эти работы стали «узким местом», мешающим нашему росту как вследствие того, что они не могут обеспечить хотя бы приближения к непрерывному потоку и действительно массового производства, так и потому, что с переломом на «рынке труда» замещение работников на этих работах становится все более затруднительным.

Это «узкое место» мы должны преодолеть и можем преодолеть, даже опираясь на уже достигнутый уровень развития производительных сил. Механизация трудоемких неквалифицированных работ из отвлеченной цели стала экономической необходимостью и, вместе с тем, реальной возможностью.

Необходимо лишь сосредоточить на этой задаче внимание партии и рабочих масс, мобилизовать для ее разрешения неисчерпаемые силы ударничества и соцсоревнования, дать соответствующие ясные задания плановым и хозяйственным органам, научно-техническим институтам и машиностроительным заводам.

Один американский инженер произвел подробные подсчеты стоимости неквалифицированной мускульной работы и работы механизмами в ряде областей хозяйства. Он пришел к выводу, что уже на нынешней стадии технического развития механизация обходится в несколько раз дешевле, и работник в качестве живого двигателя не может выдержать никакой конкуренции с механизмом. Этот инженер выставил лозунг—«мускульный труд—не работа для человека, это—дело машины». Капитализм, однако, не может широко провести в жизнь этот лозунг, несмотря на все успехи техники. Противоречия современного капитализма на каждом шагу воздвигают новые препятствия для его осуществления. Только социализм, выковывая новую технику на основе новых производственных отношений, сможет полностью осуществить эту задачу. Ее разрешение будет зависеть от широчайшего развития электрификации, от технической перестройки коллективизированного сельского хозяйства, от осуществления ряда научно-исследовательских и производственных задач.

Но уже и в настоящее время, когда мы только вступили в период социализма, несмотря на громадные трудности и препятствия, мы можем и должны сделать ряд решительных шагов по этому пути. Этого требует уже самый размах нашего хозяйственного роста, нашего промышленного, транспортного и жилищного строительства.

⁂

Уже в контрольных цифрах 1931 года должен быть дан упор на механизацию во всех основных трудоемких отраслях народного хозяйства. Он должен отразиться не только в цифрах, но и в четком техно-экономическом анализе, во всей установке технической политики. При пересмотре отдельных частей пятилетки, уже опереженных темпами нашего строительства, а особенно при разработке новой пятилетки на 1933—1937 гг. и первых наметок генерального плана, этот упор на механизацию, вплоть до ее высшей ступени—автоматизма, должен получить развернутое воплощение.

Этот упор на механизацию требует решения следующих задач:

1-я — осуществление глубокого сдвига в области энергетики. Энергетика, особенно в ее высшей форме — электрификации, должна стать действительно ведущим звеном нашего социалистического строительства, а не отстающим, тормозящим темпы хозяйственного развития и, в частности, темпы механизации, как это часто бывало до сих пор. Достаточно отметить, что выполнение плана ГОЭЛРО в основной, стержневой его части — электрификации, значительно отставало от общих темпов хозяйственного роста, и в связи с этим электроснабжение всех основных промышленных районов создавало громадные трудности и напряженность их энергетической базы. И хотя по некоторым важнейшим техническим показателям электрификации [1]) (коэффициент электрификации промышленности, удельный расход топлива на квч., степень нагрузки станций и т. д.), мы уже вплотную подошли к уровню передовых капиталистических стран, а частью даже обогнали его; хотя темпы развития нашей электрификации являются беспримерными в истории всех других стран,—все же рост показателей энерго-вооруженности за последние годы отставал от роста продукции промышленности [2]).

Это отставание, каковы бы ни были многочисленные об'ективные причины, свидетельствует о недостаточности нашего внимания к вопросам строительства электростанций; так как мы знаем по опыту, что, если поставить задачу в центре внимания партии, если мобилизовать для ее разрешения рабочие массы,—все об'ективные препятствия и трудности становятся преодолимыми в кратчайшие сроки.

Необходимо отметить, что в этой области особенно настойчиво пытались орудовать вредители. Линия вредителей в области энергетики, пытавшихся ударом по этому важнейшему звену сорвать план социалистического строительства, была проникнута двойной бухгалтерией. Например, проводя, с одной стороны, упорную борьбу против всемерного расширения добычи местных топлив, саботируя указания Ленина о максимальном развитии научно-исследовательских работ в этой области, доказывая статистическими упражнениями, что «везти энергию на колесах дешевле, чем по проводам», они делали ставку на полнейшую зависимость всей энергетики центральных промышленных районов от Донбасса и Баку, надеясь, что в случае интервенции удастся прервать ж.-д. связь с Югом и этим вызвать энергетический кризис. В то же время они другой рукой всячески тормозили развитие Донбасса, пытались создать там электрический, жилищный и продовольственный кризисы, растягивали на много лет постройку электрических станций в Донбассе и т. п.

---

[1]) См. интересные материалы по этому вопросу в очерках т. Вейца «Динамика энергетического перевооружения СССР и капиталистических стран». «Проблемы экономики» №№ 4—5 и 7.

[2]) Расстояние, отделяющее нас от передовых капиталистических стран в области производства электрической энергии, все еще очень велико; например, по данным 1927 г. производство электроэнергии на душу населения составляло: в СССР — 27 квч., в Германии — 326, в Соед. Шт. — 667 квч., в Канаде — 1.200 квч., в Норвегии—2.850 квч.

Этим же путем они пытались создать кризис металлургии и химической промышленности, необходимых для обороны страны, вели линию на сжигание в топках высококачественных сортов донецкого топлива — исходных материалов для кокса и ряда химических продуктов. Точно так же они пытались провести курс на сжигание в топках парафинистой нефти, ценнейшего химического сырья. Как иронически замечал на всесоюзной топливной конференции один из вредителей — Коган-Бернштейн — «химические процессы вредны для здоровья».

Развитие химизации, так же как и механизации, в значительной степени упирается в энергетику.

Здесь не заколдованный круг, как это пытались представить и как этого пытались добиться вредители, а тесная диалектическая связь и взаимозависимость, позволяющая на основе сосредоточения сил рабочего класса на ведущих звеньях добиться планомерного под'ема на новую ступень всего хозяйства.

2-й важнейшей задачей для максимального проведения механизации трудоемких отраслей хозяйства является осуществление намеченного партией перелома в области производства средств производства, в первую очередь — металла и машиностроения. Не останавливаясь на задачах в области металлургии, подробно освещавшихся в «Большевике», отметим, что в области машиностроения необходимо, прежде всего, окончательно ликвидировать положение, когда ряд машиностроительных заводов все еще не имеет точной и ясной установки, когда их программы, проекты переоборудования и рационализации меняются по нескольку раз в год. По существу, у нас до сих пор еще нет плана четкой специализации машиностроительных заводов и ряд типов машин и орудий, имеющих величайшее значение для осуществления механизации, вовсе не имеют еще постоянной производственной базы и производятся от случая к случаю на заводах, не приспособленных к их производству и не предполагающих специализироваться на этих изделиях в дальнейшем. Материалы бригад ЦК, обследовавших наши машиностроительные заводы, дают яркие примеры, иллюстрирующие это положение, при чем особенно показательным является в этом отношении состояние наших машиностроительных гигантов (Сормово, Коломенский завод, «Красный Профинтерн» и др.).

Упор на механизацию требует четкой специализации всех машиностроительных заводов, постройки ряда предприятий для производства новых типов специальных машин, соединения массового производства и стандартизации с напряженной конструкторской работой, позволяющей быстро осваивать последние достижения американской техники и в то же время вести самостоятельную изобретательскую работу, создавать новые типы машин, соответственно нашим, другим чем в Америке, условиям, иному характеру и заданиям нашей механизации.

В связи с этим, третьим необходимым условием для осуществления упора на механизацию является осуществление глубокого сдвига во всей постановке нашей научно-технической работы, ряд важнейших отраслей которой находился до сих пор под значительным воздействием вредителей из «Промпартии» и ускользал от рабочего контроля. Научно-исследовательская работа должна, по социальным заданиям рабочего класса, вести технический прогресс, а не плестись в его хвосте.

Научно-технические институты и лаборатории должны стать подлинными «фабриками изобретений», коллективно разрабатывающими ту или иную назревшую проблему.

Они должны и могут давать изобретения «по заказу» и в то же время изобретать «непрерывным потоком», как это делают уже отдельные исследовательские лаборатории в САСШ и Германии.

У нас есть все основания, чтобы развить эти зародыши изобретательства нового типа во много раз и использовать их неизмеримо полнее и планомернее, чем при капитализме.

В эту работу должны быть втянуты миллионные массы ударников, включены встречные промфинпланы. Мобилизацией рабочих масс вокруг этих вопросов должна быть пресечена самая возможность таких фактов, какие, например, выявил недавний процесс в Свердловске, где руководство Уралмета ухитрилось похоронить тысячи ценнейших рабочих предложений.

Совершенно неиссякаемые резервы рабочего изобретательства, безымянной, коллективной рабочей сметки нами, по существу, еще почти не затронуты. А они должны сыграть громадную роль в осуществлении механизации трудоемких отраслей хозяйства.

Четвертой задачей, встающей в новом свете в связи с изменением положения на рынке труда и упором на механизацию, является проблема кадров.

Помимо общей стороны этой проблемы, широко освещавшейся в нашей печати, упор на механизацию требует также существенной переподготовки наших наличных хозяйственных кадров.

В частности, необходим поворот внимания наших партийных кадров в сторону вопросов технической политики. Дело «Промпартии» ярко показывает, как недостаточно было уделено нашего внимания этим вопросам, как иногда удавалось матерым контрреволюционерам-вредителям запутывать и направлять по ложному пути отдельных коммунистов-хозяйственников в вопросах, имеющих первостепенное значение для успешного развития социалистического строительства и обороноспособности страны.

Основные кадры наших экономистов-марксистов зачастую совершенно невежественны в важнейших вопросах технической политики. У нас есть целый слой экономистов, которые знают на зубок и могут привести в любой момент любую цитату из Маркса, и в то же время, с одной стороны, совершенно не владеют действенной диалектикой марксизма-ленинизма, с другой, — не имеют никаких конкретных знаний — не знают нашей страны, ее природных ресурсов и возможностей, не знают стран, которые мы должны «догнать и перегнать», не имеют самого элементарного представления о важнейших технологических процессах (даже тех, которые окружают их на каждом шагу в современном большом городе, которые с каждым годом будут во все больших масштабах проникать и в деревню), совершенно не знают об основных тенденциях современной техники, формах организации труда и т. д.

Немудрено, что, когда им приходится так или иначе соприкасаться с конкретными вопросами хозяйственного строительства, они нередко, сами того не замечая, штампуют отдельные технические установки и планы вредителей, импонирующих своим действительным или мнимым «научным» авторитетом.

Необходима, если можно так выразиться, «политехнизация» не только школы, но и партийных кадров, и в первую очередь марксистская техническая подготовка наших хозяйственников и экономистов.

Довольно значительный слой наших квалифицированнейших экономистов-марксистов, как известно, годы занимался талмудическими словопрениями и растратой бумаги в пресловутой «рубинской» дискуссии. Мы должны констатировать, что, несмотря на более чем ясные указания ЦК, перелом в этой области еще далеко не завершен. Пережитки этой злосчастной дискуссии, соответствующий круг интересов все еще довлеют над рядом товарищей, силы которых могли бы быть использованы на разработке жгучих злободневных вопросов советской экономики. Одним из мероприятий, необходимых для осуществления перелома, должно быть резкое усиление внимания, интереса и упорного овладения знаниями в пограничных областях экономики и техники. Известно, какое внимание уделяли вопросам технического развития Маркс, Энгельс и Ленин. Ленин еще в 1901 году писал: «Экономист должен всегда смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо, кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может».

Между тем теперь, когда положения Ленина мы на каждом шагу претворяем в жизнь, когда рабочий класс впервые в истории человечества овладел рычагами, направляющими ход производства, лишь очень немногие из наших экономистов серьезно занимаются (вернее, пытаются заниматься, так как большей частью не имеют для этого возможности и времени) вопросами о направлении технического прогресса, о тенденциях технического развития, тенденциях, на которые мы можем теперь непосредственно воздействовать.

Мы считаем, что было бы крайне полезно частями провести наши кадры экономистов через втузы или специальные курсы, организованные при втузах,—дающие хотя бы основную техническую подготовку.

В связи с этим — одно замечание о высшем техническом образовании. Наши технические вузы в этом году завершили переход в хозяйственные об'единения и провели резкую специализацию. Это абсолютно правильное мероприятие, обеспечивающее тот размах подготовки технических специалистов, который мы должны взять, чтобы обеспечить кадрами новые задачи социалистического строительства. Законченная специализация абсолютно необходима для практического овладения новой техникой.

Но, как известно, в современной технике максимальная специализация производственных процессов (совершенно иная чем в мануфактуре, остатки воздействия которой все еще сохраняются в ряде отсталых производств и предприятий) дополняется их интеграцией, об'единением на новой ступени и в новых формах (особенно ярко выраженной в предприятиях с непрерывным потоком). Точно так же и специализация высших технических кадров должна дополняться выработкой хотя бы небольшого кадра инженеров, соединяющих основательные технические знания с более широким охватом разных областей техники, с марксистским пониманием общих тенденций технического развития во всей их диалектической сложности и, зачастую, противоречивости.

Потребность в таких кадрах уже теперь с чрезвычайной остротой ощущается во всех областях практической плановой и хозяйственной работы, а также и в области теоретической разработки проблем советской экономики.

Вопрос о том, как организационно осуществить эту задачу — путем ли создания особой «Технической академии», специального Института красной профессуры, или И-та в системе Комакадемии на основе существующей секции техники — подлежит особому обсуждению, но так или иначе этот шаг должен быть сделан.

Раскрытие широко задуманного вредительства в области технической политики наемников иностранного империализма делает эту задачу особенно насущной.

Ведь мы ни на минуту не должны забывать, что Рамзину и К° удавалось оказывать значительное вредительство в работе отдельных звеньев наших плановых и хозяйственных аппаратов именно вследствие почти полного отсутствия наших кадров соответствующей квалификации.

Ведь нередко наши плановые и хозяйственные органы сами делали из отдельных вредителей «научные авторитеты», которыми те на деле вовсе и не являлись, окружали их атмосферой полнейшего доверия и поддержки, делавшей крайне затруднительными попытки критического разбора вредительских установок в области техники.

С другой стороны, раскрытие заговора «Промпартии», показавшее возможность, несмотря на все планы и действия вредителей, добиться невиданных темпов хозяйственного роста, легко может вызвать у отдельных отсталых прослоек рабочего класса настроения спецеедства, своеобразно преломляющиеся и среди отдельных хозяйственников и инженеров-коммунистов в виде своего рода «зазнайства», против которого так предостерегал Ильич.

Овладевать техническими знаниями, детально и добросовестно их изучая и в то же время соединяя это изучение с всегда живым, действенным, смотрящим вперед методом анализа Маркса и Ленина,—такова громадная задача наших растущих кадров руководителей промышленности и неразрывно связанных с ними масс ударников, с такой самоотверженностью строящих свое производство.

На этом пути мы сможем не только догнать передовые капиталистические страны Запада, но и в самом процессе этого «догона» создать основы новой техники, сделать работника не «роботом» жуткой капиталистической утопии, не придатком машины, а ее господином.

Ленин еще в 1914 году, анализируя следствия перехода средств производства в собственность общества, считал основными из этих следствий—«громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом» [1]). В настоящее время эти положения Ленина претворяются в жизнь в СССР в громадных масштабах.

Американский экономист Стюарт Чэйз заканчивает свою полную безысходной безнадежности книгу «Машины и люди» риторическим вопросом о том, где найдутся смелые юноши, способные обуздать миллиард лошадиных сил механической энергии, сил, которые ему кажутся дикими взбесившимися лошадьми, вырвавшимися из власти капиталистического общества.

Советский союз имеет миллионы юношей и девушек, строящих социализм, сметая все препятствия, преодолевая все трудности,—овладевающих силами природы, чтобы при помощи механизмов сделать человеческий труд разумным, планомерным трудом коллектива.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, 2 изд, стр. 25.

Л. Черняк и А. Дынкин.

В борьбе за советскую турбину*).

Ленинградский Металлический завод-втуз им. Сталина крупного котлотурбостроения—пока еще единственный завод в Советском союзе, строящий паровые турбины, обеспечивающий план электрификации страны своими советскими турбинами. Завод в области паротурбостроения имеет большие качественные и количественные успехи и окончательно сейчас перешел на мощное паротурбостроение. В 1929/30 году завод впервые в Советском союзе выпустил 4 мощных паротурбины по 24.000 кв. каждую, одна из коих в Ленинграде на 2-й ГЭС уже пущена в эксплоатацию, при чем качество наших машин не уступает заграничным, а зачастую и лучше их. Завод строит мощные гидротурбины, выпустив в 1930 году для Рионгэса две мощных гидротурбины в 17.000 лош. сил каждая. Кроме этого, завод производит самые мощные в Союзе котлы в полторы тысячи кв. метров площади нагрева с 35 атм. давления, и приступает к постройке котлов в 2½ тысячи кв. метров площади нагрева, давлением 60—80 и до 100 атмосфер.

Завод из года в год растет и увеличивает выпуск своей продукции. Так, если в 1927/28 году завод выпустил 35 тыс. кв. турбин, в 1928/29 г. 100 тыс. кв. турбин, то на 1929/30 год программа для завода с 185 тыс. кв. была увеличена до 200 тыс. кв.

С величайшим напряжением, мобилизуя активность всех рабочих, завод справился с поставленной перед ним задачей. Промфинплан завод перевыполнил, выпустив валовой продукции на 103,5%, при чем турбин выпустил 210 тыс. кв. и программу по гидротурбостроению перевыполнил на 80%.

Как уже было указано выше, завод с большим напряжением выполнял промфинплан 1929/30 года, имея в течение года три прорыва, грозившие срывом промфинплана. Уже первый квартал 1929/30 года (октябрь—декабрь) имел большой прорыв, выразившийся в выполнении промфинплана квартала только в 81%. Какие причины создали этот прорыв? Первая и основная причина — это имевшееся на заводе, и в частности в турбинном цехе, вредительство. С целью затормозить советское социалистическое турбостроение, вредители в течение целого ряда лет путем составления неверных программ, создания бесплановости в цехе, введением в производство разнотипных и разномощных машин не использовали колоссальной возможности увеличения производства, не использовали резервы хорошо оборудованного завода, тем самым срывая советское турбостроение, отдаляли срок освобождения нашей страны от иностранной зависимости.

Имея такое вредительское техническое руководство, завод начал выполнять промфинплан 1929/30 года при наличии явно вредительской программы в области планирования и снабжения. Программа была распланирована так, что вся тяжесть выполнения промфинплана ложилась на последние месяцы года, при незначительной программе в первых кварталах, при чем и эта незначительная программа не была обеспечена снабжением для выполнения ее в срок. В области снабжения было распланировано так, что приходили детали, требуемые на последние машины, зато не было комплектов деталей для первых машин. Все это, происходившее в обстановке зажима молодых специалистов, недопущения новых молодых специалистов в мастерские, на производство, при беспорядочно, хаотически поставленном внутрицеховом планировании, при наличии вредителей, использовавших свое служебное положение, создавало не только опасность срыва промфинплана 1929/30 года, но и угрозу заторможения советского турбостроения на целый ряд лет.

Вредителей раскрыли. Прорыв I квартала был первым тревожным сигналом на заводе. На долю рабочих и лучшей части инженерно-технического персонала завода пала большая, сложная и ответственнейшая задача, это— не только ликвидировать последствия вредительства, могущие затормозить дальнейшее развитие турбостроения, но и одновременно, в тяжелых условиях, выполнить план в 200 тыс. кв. турбин. Заводским организациям нужно было максимально поднять активность рабочих и инженерно-технического персонала на выполнение промфинплана, и заводские организации решительно и по-большевистски взялись за это дело, поставив себе задачей не только выполнить, но и перевыполнить промфинплан 1929/30 года. Эта работа проходила в обстановке борьбы за генеральную линию партии, против правых оппортунистов и остатков контрреволюционного троцкизма, пытавшихся свернуть высокие темпы социалистической стройки.

Коммунары завода им. Сталина твердо боролись за генеральную линию партии, за ленинский ЦК, давая резкий отпор оппортунистам всех мастей и борясь у себя на заводе против конкретных носителей правого уклона на практике, против людей, боящихся темпов, не верящих в возможность выполнения программы и не умеющих по-большевистски бороться за ее выполнение.

За неспособность и неумение взять большевистские темпы, за неумение мобилизовать массы на выполнение промфинплана были переизбраны заводской комитет, цеховой комитет турбинной мастерской и ряд комитетов других цехов. Были выбраны товарищи, могущие в такой сложной обстановке справиться с стоящими перед заводом задачами.

Вопрос о прорыве на заводе и мероприятия по его изживанию были обсуждены на партийном комитете, пленумах партийных ячеек, производсовещаниях и общецеховых рабочих собраниях. Была развернута широкая массовая, агитационно-раз'яснительная работа, ставящая себе задачей вовлечь в обсуждение мероприятий по ликвидации прорыва, втянуть в ударную работу всех рабочих завода, для чего проводились беседы о положении мастерской в связи с прорывом, о способах изжития прорыва, об усилении рационализаторской работы, о вовлечении в ударные бригады, о вовлечении в партию лучшей части рабочих и т. д. Собирались совещания старых рабочих завода, совещания рабочих на тех участках, где создавались узкие места, совещания изобретателей и рационализаторов и принимался целый ряд других мероприятий.

В результате этого и в ответ на вредительство мы имели на заводе небывалый под'ем активности рабочих, 80% рабочих приняли участие в ударных бригадах, значительно поднялась производительность труда и таким образом был ликвидирован первый прорыв. В результате этого под'ема рабочие дали заводу 1.500 рационализаторских предложений, экономивших

---

*) Помещая вторую статью из опыта борьбы за промфинплан (см. ст т. Гайдуля о заводе «Серп и Молот» в № 19—20 «Большевика»), редакция просит все партийные организации крупных предприятий и строительств поделиться своим опытом реализации обращения ЦК от 3/IX.

3.500.000 руб. Партийная организация, поднявшая на такую высоту активность рабочих, сумела направить ее на ликвидацию прорыва и пополнить свои ряды лучшими кадрами старых рабочих завода. Этот под'ем рабочих по ликвидации прорыва сопровождался небывалым ростом партийной организации на заводе. В эти дни было подано 604 заявления о приеме в партию со стороны лучшей части старых квалифицированных рабочих и, что самое важное, была затронута масса старых рабочих, десятки лет проработавших на Металлическом заводе им. Сталина.

Имевшиеся на заводе еще прорывы по выполнению производственной программы 1929/30 года явились результатом отголосков имевшегося на заводе вредительства и никуда негодного снабжения завода поковками и отливками кооперированных заводов. Сроки доставок этих материалов на завод намного запаздывали, что не давало возможности нормально работать и приводило к тому, что месяцами из-за некомплектного снабжения мастерские работали с малым выпуском и максимально увеличивали выпуск в момент получения снабжения, что проходило в исключительно напряженной обстановке. Положение дела со снабжением каждый день грозило срывом промфинплана. Поэтому особое внимание в работе организаций завода в борьбе за промфинплан уделялось снабжению, для чего принимался целый ряд мероприятий, способствующих более или менее нормальному снабжению завода.

Особую роль в деле снабжения завода играли организованные рабочие бригады, в особенности комсомольские бригады по снабжению. Можно смело сказать, что только благодаря наличию этих бригад завод смог снабжаться и тем самым выполнить программу. Это явилось следствием того, что имеющийся в заводоуправлении отдел снабжения не смог справиться с темпами работы на заводе, не смог ориентироваться в создавшейся обстановке. Между тем, там, где отдел снабжения ничего достать не мог и не знал даже, как подступить к этому, там рабочие бригады в минимальные сроки это проделывали. Авторитет бригад по снабжению возрос настолько, что мы имели факты, когда зав. цехами, потеряв надежду получить материал через заводоуправление, в нарушение нормального порядка, непосредственно обращались за помощью к этим бригадам. Товарищи, работающие в этих бригадах, преданные делу выполнения промфинплана, отдавая для этой работы все свое время и энергию, безусловно смогли сделать больше, чем работники отдела снабжения.

Наследие имевшегося ранее плохого планирования, вредительски составленного плана выпуска турбин по месяцам, с отнесением выпуска основной массы турбин к последним месяцам, и усугубляющее и способствующее этой оттяжке еще плохое снабжение, создали такое положение, что из 200 тысячной программы турбин почти 100 тысяч кв. надо было сделать за два месяца. Поэтому август и сентябрь явились месяцами величайшего напряжения всех рабочих, заводских организаций и заводоуправления—за выполнение во что бы то ни стало промфинплана. Партийным комитетом была проведена форма шефства ответственных партийных работников над выпускаемыми турбинами путем прикрепления этих работников к турбине, находящейся в процессе сборки. Эти работники являлись толкачами быстрейшей сборки турбины и непосредственно в цехе помогали ликвидировать препятствия, тормозящие сборку. При существовавшей бесплановости производства, плохом снабжении, при отсутствии достаточного кадра квалифицированных руководителей—работа этих прикрепленных имела большое значение в деле скорейшего выпуска этих турбин.

Выполнение оставшейся большой программы требовало колоссального под'ема рабочих, трудового энтузиазма их. И этот трудовой энтузиазм охватил рабочих завода. Мастерские за все время своего существования никогда еще не видели таких темпов работы. Рабочие проявляли подлинно трудовой героизм. Многие не жалели ни сил, ни времени для выполнения поставленных задач. Мы имели случаи самоотверженной работы. Пример исключительного героизма показал бригадир на сборке роторов тов. Хинейко: рука его по неосторожности была придавлена между насаживаемыми на вал дисками. Чтобы освободить ее немедленно, в кратчайший срок и при том методом, каким хотели это сделать, приходилось испортить диск. Но, несмотря на адскую боль, на потерю пальцев, он не согласился на этот способ, грозивший порчей диска, и сам при сильном кровотечении руководил освобождением своей руки, что дало возможность ротор оставить невредимым и выпустить своевременно 24-тысячную (киловатт) машину. Мастер Тимофеев, которому горячий пар ошпарил руку и лицо—не ушел со своего поста, несмотря на предложения врачей. Целый ряд ударных бригад на много увеличили производительность труда и трудовую дисциплину.

Особое внимание организации уделили вопросу о трудовой дисциплине, так как прогулы в течение этого года принимали все более угрожающие размеры, доходящие до 2,8—3%. В результате проведения целого ряда мероприятий, как-то: товарищеские суды, печатание списков прогульщиков, собрания прогульщиков, собрания жен прогульщиков, сообщения по радио и т. п.,—завод добился больших успехов, снизив прогулы на сегодняшний день до 0,65%. Вся эта борьба за трудовую дисциплину, борьба с конкретными носителями правого оппортунизма на практике, боящимися большевистских темпов, широкая мобилизация активности рабочих—дала возможность заводу при наличии тяжелых условий, не только выполнить, но и перевыполнить промфинплан. Борьба за промфинплан выдвигала новые формы и методы работы, способствующие под'ему активности рабочих.

Усиление активности рабочих завода послужило не только выполнению промфинплана на заводе, но и явилось стимулом к тому, что из среды рабочих завода им. Сталина вышел целый ряд идей и предложений, способствующих еще более успешному социалистическому строительству. Поднятый рабочими-сталинцами вопрос в осуществление постановления ЦК о кадрах явился большим сдвигом в деле максимальнейшей и быстрейшей подготовки наших кадров. У нас на заводе мы на деле добились больших успехов в этой области. Мы впервые в Советском союзе организовали завод-втуз, во всех ступенях которого сейчас обучается 1.000 чел., и ставим себе задачей в 1931 году охватить учебным комбинатом 50% состава всех рабочих. Если раньше завод переживал острейший кризис в области нехватки квалифицированной силы, что являлось одним из основных моментов, тормозящих выполнение промфинплана, то в данный момент острота этого кризиса отпала. Идея рабочих завода им. Сталина о Всесоюзном конкурсе предприятий послужила лучшим стимулом к еще большему поднятию активности рабочих всех заводов в борьбе за промфинплан особого квартала. На заводе им. Сталина эта активность выражается в росте ударных бригад, в количестве закрепленных за заводом, дошедшем в данный момент до 60%, и в росте партии. За октябрь и 12 дней ноября на заводе в партию вступило 250 рабочих.

Особое выражение активности рабочих-сталинцев вылилось в деле выдвижения и обоснования нашего встречного промфинплана. Рабочие-сталинцы, в противовес промфинплану треста «Котлотурбина» в 567 тыс. кв. и 90 тыс. кв. м. площади нагрева котлов — выдвинули свой максимальный встречный промфинплан в 800 тысяч кв. турбин и 135 тыс. кв. м. площади нагрева котлов. Два с половиной месяца сталинцы дрались за свой встречный. Для обоснования его была проведена большая техническая и массово-политическая работа. Был разработан технологический процесс 24-тысячной (кв.) турбины, что дало возможность, наряду с переписью и проверкой мощности станков турбинной мастерской, проверить возможность пропуска 800 тыс. кв. через ее оборудование. План проработали на широких рабочих собраниях, производственных совещаниях, был об'явлен сбор рабочих предложений в осуществление этого плана, где было собрано 1.200 рабочих предложений. И, несмотря на реальные возможности выпуска 800 тыс. кв., «Котлотурбина» упорно противодействовала и не соглашалась принять этот план. Только президиум ВСНХ—на основе детально проработанных материалов в доказательство встречного—утвердил встречный промфинплан сталинцев, отметив в своем постановлении также исключительную роль, проявленную общественными организациями и рабочими завода в деле выдвижения и обоснования встречного промфинплана. Проработка встречного промфинплана выявила возможность, кроме выполнения 800 тысяч кв., использовать около 500 тысяч резервных станкочасов на средних и мелких станках, могущих быть использованными для другой работы. Это натолкнуло сталинцев на мысль об организации Всесоюзной переписи и паспортизации станков, что даст возможность стране выявить новые тысячи резервных станков, находящихся неиспользованными на фабриках и заводах Советского союза.

Выполнение промфинплана 1929/30 года, происходившее в исключительно тяжелых условиях; бурный рост активности рабочих, выразившийся в перевыполнении промфинплана и выдвижении целого ряда новых мероприятий, способствующих социалистической стройке,—лишний раз говорят о колоссальной силе, творчестве и энергии, таящихся в среде рабочего класса. Это еще лишний раз бьет по правым, «левым» и право-«левым» оппортунистам, не верящим ни в наши большевистские темпы, ни в силы рабочего класса.

Всех этих успехов завод им. Сталина достиг только на основе большевистского проведения генеральной линии партии в своей повседневной работе, только в беспощадной борьбе с оппортунистами всех мастей и оттенков.

Я. Никулихин.

Основные вопросы колхозного движения.

Окончание [1]).

Вопрос о коллективизации середняка в большой степени упирается теперь в проблему работы с выходцами, среди которых преобладают середняки. В тех местах, где работа с выходцами не прекращалась, где колхозы сумели вовлечь выходцев в совместную уборку урожая, где они сумели организовать выходцев и установить с ними хорошие взаимоотношения, — там мы имеем теперь массовое, а в ряде случаев даже повальное, возвращение выходцев в колхозы. Там же, где никакой работы с выходцами не велось, где колхозы отгородились от выходцев «китайской стеной», и кроме того, пытались прижимать их при наделении земли, при возвращении имущества, — там мы имеем еще неизжитые обостренные взаимоотношения с единоличниками и слабый приток в колхозы. Надо провести большую работу с выходцами в зимний период, привлекать их на колхозные собрания, создавать из них инициативные группы, обратить большее внимание на них со стороны вербовочных групп и т. д.

Одной из помех к вступлению в колхозы середняка и части бедноты являются попытки в административном порядке не допускать организации мелких колхозов. Яркий пример такого административного усердия передает т. Плукс:

«Прибегает один товарищ и говорит, что вот крестьяне хотят организовать колхоз, у них уже организовано 23 двора, а будет всего 40 дворов, а районный сельсовет не регистрирует устава. Рядом имеется колхоз в 45 дворов, но они туда не идут, потому что он стоит далеко и ходить на работу неудобно». Председатель сельсовета говорит: «Разрешить нового колхоза не могу, потому что он мелкий колхоз и поэтому, пусть я сам сяду в тюрьму, но до нового колхоза не допущу». (Кармано-Бростянский сельсовет, Ново-Анненского района). Если некоторые председатели сельсоветов готовы сесть в тюрьму, но не допускать мелких колхозов, то можно полагать, насколько в некоторых местах сильна тенденция противодействовать возникновению мелких колхозов.

Верно, что наша основная ставка — на крупные колхозы, ибо только крупные колхозы могут реализовать весь эффект коллективного хозяйства. Но движение к организации крупного коллективного хозяйства не есть прямолинейный процесс организации сразу же только крупных колхозов. Мы идем к массовой организации крупного коллективного хозяйства не только через немедленное возникновение крупных колхозов, но в начальной стадии идем также и через широчайшую организацию мелких колхозов. Там, где условия допускают организацию крупного колхоза, мы должны немедленно приступить к его организации. Там, где осуществление коллективизации крестьянских хозяйств возможно пока в форме мелких колхозов, мы можем и должны итти и на это.

---

[1]) См. «Большевик» № 22.

Мелкий колхоз является мелким предприятием в сравнении с современными размерами крупного индустриального типа предприятия в земледелии. Конечно, он не имеет всех преимуществ последних. Но мелкий колхоз все же является крупным предприятием по сравнению с карликовыми бедняцкими и середняцкими индивидуальными хозяйствами. Он допускает по сравнению с индивидуальным хозяйством значительную степень механизации и машинизации. Он допускает сравнительно широкое применение агротехники. Он подымает на много эффект использования даже примитивных крестьянских средств производства. Он представляет уже такую социальную форму хозяйства, которое позволяет осуществить в ближайшее время переход к подлинно-крупному хозяйству. Строительство мелких колхозов на ряду с крупными ускорит переход многих районов на сплошную коллективизацию. Конечно, при этом мы ни в коем случае не должны допустить организации обособленных чисто середняцких колхозов. Мелкие колхозы можем строить только общие — батрацко-бедняцкие-середняцкие. Конечно, мы не должны допускать колхозов из родственников, не должны поощрять карликовых колхозов, не должны допускать множества колхозов в одном селе. Мы должны подготовлять условия для укрупнения, об'единения колхозов. Конечно, *при строительстве мелких колхозов мы должны сразу же позаботиться об обеспечении их пролетарским руководством.*

Крупнейшая роль в деле осуществления пролетарского руководства всеми колхозами, в том числе и мелкими, выпадает на МТС, число которых в 1931 г. доводится до 1.400. Укомплектование пролетарскими кадрами МТС, правильное географическое размещение МТС, срочное их развертывание должно стать боевой задачей партийных организаций. Громадная задача в связи со строительством новых колхозов ложится на наши совхозы. Крупную роль в деле обеспечения пролетарского руководства новыми колхозами должны сыграть райколхозсоюзы.

Только в правильном сочетании строительства крупных и мелких колхозов мы найдем путь для высоких темпов коллективизации, путь к сплошной коллективизации.

Переобремененность ряда колхозов служащими в аппарате является также крупным препятствием для вступления в колхозы середняка. Очень многие колхозы тратят на аппарат бешеные деньги. Например, колхоз «Коминтерн», в Третьяках, Песковского района, уже после некоторого сокращения аппарата, тратит на него 16% валового дохода. При чем встречаются такие курьезы, когда на стодворку колхоза в 12—20 хозяйств (на Северном Кавказе) дается три начальства. Уполномоченный получает 70 руб., полевод-староста получает 60 руб., табельщик получает 30 руб. в месяц. Три человека получают ежемесячно 160 руб., на 12—20 коллективизированных хозяйств стодворки, — это сногсшибательное безобразие! Это действительно огромное переобременение расходами на аппарат колхозов. Колхозное движение — молодо, но некоторые колхозы успели уже обрасти большим бюрократическим аппаратом. А наличие такого аппарата, кроме того, что снижает доходность колхозников, оно мешает, особенно середняку, вступить в колхоз. Это является материалом для агитации: «Колхозники работают на служащих». В некоторых местах фонд на содержание аппарата равняется фонду оплаты по трудодням. *Борьба за зверское сокращение аппарата колхозов есть борьба за укрепление старых колхозов и организацию новых; она является могучим стимулом для вступления в колхозы единоличников, для вовлечения основной массы крестьянства в колхозное движение.*

Далее, *5% начисления из валового дохода на обобществленное имущество служат мощным рычагом для вовлечения в колхозы середняка.* Там, где эти отчисления уже произведены, мы имеем массовый приток середняков в колхозы. На Украине, в степных районах, как передают товарищи, середняки сначала не верили, что отчисления будут действительно произведены. Когда же они получили отчисления на руки, то во многих селах середняки поголовно со всем скотом и инвентарем сразу же вступили в колхозы. Крупный прилив в связи с 5% отчислениями замечался по ряду сел ЦЧО и других областей. Эти начисления бесспорно являются одним из могучих стимулов вовлечения в колхозы середняка, со всеми его средствами производства. Они предотвращают сброску лошадей и разбазаривание инвентаря середняком, тенденции к чему в ряде мест появляются. Пока МТС не охватили всех хозяйств, пока механизированы не все процессы с.-х. производства, живая конская тяга еще значительное время должна играть крупную, а в ряде случаев решающую, роль в коллективном хозяйстве. Во многих местах этого нет, и потому вопрос о вовлечении середняка вместе с лошадью, вместе с инвентарем, сохраняет всю свою актуальность. Больше того, является вполне целесообразным в пределах того же фонда установить несколько большие начисления на обобществленный скот — для стимулирования создания обобществленного стада в колхозах. В некоторых случаях только придется внести изменения такого порядка, что в тех колхозах, где очень высокий валовой доход и сравнительно небольшая сумма обобществленного имущества, там вместо 5% придется начислять, может быть, 2—3%, потому что иначе получился бы выкуп всего обобществленного имущества в один год.

В целях стимулирования притока середняка в колхозы, надо устранить допущенные ошибки при распределении доходов. Надо, прежде всего, устранить разрыв принципов в распределении урожая и доходов. Во многих местах в этом году урожай делился по едокам, а доход — по трудодням. Дальше необходимо преодолеть тенденции к большой урезке фонда для оплаты трудодней. Во многих колхозах фонд оплаты труда сведен к 25—30% всей доходности. В ЦЧО мы имеем много случаев, когда фонд оплаты труда фактически был меньше фонда на нетрудоспособных. Часты случаи, когда колхозник на своих трудоспособных членов семьи получал много меньше, чем на нетрудоспособных. Это, несомненно, не стимулирует роста производительности труда и является причиной, почему иногда середняк медлит со вступлением в колхоз, раздумывая над непорядками в распределении урожая и доходов. Устранить тенденции к урезке фонда оплаты по трудодням, найти правильное соотношение между фондом на нетрудоспособных и фондом оплаты трудодней, сократить аппарат, — тогда будет создана благоприятная почва для нового мощного прилива в колхозы основных масс крестьянства.

Борьба за непрерывный производственный год в колхозах; работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов есть могучий рычаг вовлечения в колхозы всей бедноты и широчайших середняцких масс. До сего времени было такое положение, что для периода глубокой осени и всей зимы в более выгодном положении в отношении заработка и использования труда находился единоличник, чем колхозник. Мы должны теперь резко изменить положение в обратную сторону. Что для этого необходимо сделать? Для этого надо организовать зимние работы для колхозников (транспортные работы, организация бригад из состава колхозников для работы в наших хозяйственных учреждениях и предприятиях, организация кустарных промыслов, особенно кустарных промыслов для женщин и т. п.). Для этого *необ-*

ходимо на ряду с организацией постоянного отходничества широко организовать и временное отходничество, отходничество на короткий сезон, организовать и зимние работы для колхозников на месте. Организация работ в зимний период укрепит колхозы и даст им новые преимущества в смысле преодоления сезонности с.-х. труда колхозников, создаст производственное настроение среди колхозных масс, производственную обстановку в течение всего года и тем самым лучше обеспечит трудовую дисциплину на время полевых работ. Организацией кустарных промыслов, мелких заводов по производству строительных материалов, мы создадим условия для возведения хозяйственных построек, для развития обобществленного животноводства, птицеводства, мы подымем эффективность всего коллективного хозяйства, что явится могучим стимулом для вовлечения в колхозы середняка. Когда середняк увидит, что колхоз строит свинарники, коровники, птичники и т. п. и строит хорошо, то это наилучшим образом агитирует середняка за колхоз. Поэтому *для всех колхозов сейчас должен быть брошен лозунг: «За организацию отходничества, за непрерывный производственный год».*

Для укрепления существующих колхозов, для роста их, для закрепления вновь возникающих колхозов необходимо уделить *больше внимания вопросам агро-технического обслуживания колхозов*, которое еще чрезвычайно слабо, а также и вопросам организации хозяйства, организации труда в колхозах. Верная политическая линия должна быть в каждом месте, найти себе подкрепление в хорошей, в правильной постановке организации коллективного производства. На ряду с организацией широкой агрономической помощи коллективному хозяйству особенно теперь ставятся в порядок дня вопросы организации труда, постановки учета и счетоводства в колхозах. Надо решительно бороться с наплевательским отношением к счетоводству, с недооценкой громадного политического значения правильной постановки счетоводства в колхозах. Лозунг «лицом к колхозному производству» должен пропитать теперь работу всех организаций, работающих в деревне, всех учреждений, обслуживающих деревню. «Теперь внимание работников должно быть сосредоточено на закреплении колхозов, на организационном оформлении колхозов, на организации деловой работы в колхозах». (Сталин).

Такие вопросы как: о под'еме колхозной общественности, о техническом перевооружении колхозов, о строительстве колхозной с.-х. индустрии, о бюрократических извращениях в нормах накопления для колхозов, об агрономическом обслуживании колхозов, о руководящих кадрах колхозов и так далее, которые имеют также немаловажное значение, а некоторые большое значение, в новом под'еме колхозного движения — все эти перечисленные вопросы, как и ряд других, нуждаются в особом освещении. К всесторонней разработке узловых важнейших вопросов организации нового под'ема колхозного движения надо приковать теперь внимание всей партийной и советской общественности.

Формы мобилизации активности масс и укрепление пролетарского руководства колхозами.

С весны, как правило, в подавляющем числе районов не велось сколько-нибудь значительной массовой организаторской работы. Председатели колхозов и секретари ячеек заявляли, что «они забыли о коллективизации». Отдельные прикрепленные даже не знали, где помещались правления колхозов. Колхозники заявляли: «Мы не ставили перед крестьянами с весны вопрос

о коллективизации, и крестьяне думали, что коллективизацией партия больше не занимается». Решения XVI партийного с'езда, как правило, в колхозах не были проработаны. Многие коммунисты в деревне сторонились массовой работы, боясь как бы не наделать перегибов, или по-оппортунистически подходили к ней. Появились такие правооппортунистические теории, что «теперь центр тяжести не в массовой работе, а в индивидуальных беседах, в индивидуальной обработке единоличников». Это несомненно означает дезертирство от массовой работы, это есть явное непонимание, а часто и нежелание проводить задачи, которые партия поставила в области социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Для обеспечения нового мощного прилива в колхозы, для отпора кулачеству, для организации бедноты и батрачества, для привлечения середняка в колхозы и превращения середняка из союзника в опору в новых районах, идущих к сплошной коллективизации,—необходима настоящая большевистская массовая организаторская работа на селе. В эту работу надо втянуть миллионные массы. Теперь, более чем когда-либо, применимы слова Ленина о том, что нельзя строить социализм руками только одних коммунистов. Это еще более правильно, когда мы подходим к работе в деревне. Наша партийная прослойка на селе чрезвычайно тонка. *Провести эту гигантскую работу по коллективизации мы можем только, привлекая массы, организуя массы, руководя этими массами.*

Каковы же формы мобилизации активности масс?

Одной из наиболее жизненных форм являются *инициативные группы.* Тысячи инициативных групп уже превратились в новые колхозы. Это наиболее привившаяся форма. При организации инициативных групп наделан ряд ошибок (практика выборов, назначений). В отдельных случаях бывает даже так, что инициативная группа собирается в 7 человек и им отводят около деревни землю. Вот тебе и колхоз. Или создаются инициативные группы, но они остаются в большинстве случаев без руководства, им не раз'ясняют, что делать, и они сами не знают, за что приниматься. Между тем, систематическое руководство, постоянная работа с инициативными группами определяет возможность скорейшего оформления их в колхозы, заинтересовывает массы работой этих групп.

На заседаниях групп надо заслушивать отчеты правлений колхозов, обсуждать вопросы организации производства и колхозного труда, разбирать уставы артелей, надо также не затягивать в долгий ящик дело с оформлением колхозов из инициативных групп. Инициативная группа должна явиться как бы краткосрочными курсами для единоличников, которые идут в колхоз, которые хотят вступить на путь коллективизации. На этих группах прорабатываются отдельные, наиболее недоуменные вопросы колхозного строительства, что для многих облегчает дело с окончательным оформлением вступления в колхоз. При чем надо взять за правило, что, когда инициативная группа оформилась в новый колхоз или влилась в старый колхоз, надо немедленно создавать другую инициативную группу, которая повела бы дальнейшую работу по оформлению дальнейшего вступления единоличников в колхозы. Это постоянное и своевременное замещение одной инициативной группы другой еще, к сожалению, очень редко практикуется.

Второй формой мобилизации активности масс являются *вербовочные группы, комиссии содействия и т. п.* В вербовочные группы на ряду со старыми колхозниками следует широко привлекать новых, только что вступивших колхозников, особенно следует побольше привлекать женщин. Если на ряду со старым колхозником придет и новый, который еще летом работал, как единоличник, а теперь поборол сомнения и пошел в колхоз, то это больше будет действовать в агитации за колхоз. *Вербо-*

вочные группы надо иметь теперь в каждой сотне, при каждой колхозной бригаде. Пока эти группы создаются и работают самотеком. Руководство ими чрезвычайно слабое или вовсе отсутствует. Это руководство надо наладить и ввести, как правило, отчетность работы групп не реже одного раза в декаду на правлениях колхоза.

Большое значение имеют сейчас колхозные буксирные бригады из районов сплошной коллективизации того же края в районы несплошной коллективизации или бригады из лучших колхозов в слабые колхозы в одном и том же районе. Это дает прекрасные результаты, стимулирует прилив в колхозы. Бригадники-колхозники — это люди, которые пережили своим нутром все больные вопросы колхозного движения, которые уже разрешили для себя всякого рода недоуменные вопросы. На каждый такой вопрос у них готов ответ.

Экскурсий инициативных групп с обязательным участием в них женщин в лучшие колхозы являются также прекрасной формой мобилизации масс за коллективизацию. В каждом районе имеются такие колхозы для экскурсий. Эти экскурсии производят большой перелом в настроении единоличников.

Привлечение единоличников на отчетные собрания колхозов оказывает большое влияние для установления хороших взаимоотношений между ними и для нарастания прилива. Очень хорошей формой работы, которую начали применять и которую надо широко распространить — являются районные слеты колхозников-ударников, подытоживание соцсоревнования между ударными бригадами колхозников на крупных митингах и собраниях, премирование на них ударников. Такие слеты агитируют в особенности середняка, показывают ему образцы высокой производительности колхозного труда.

В крупных селах, в станицах, в районных центрах надо практиковать доклады нескольких правлений колхозов — одновременно лучших и слабых. Через это показываются массе лучшие образцы коллективного хозяйства и правильно вскрываются перед нею действительные причины хозяйственных недостатков отдельных колхозов.

Необходимо провести повсюду, где это не было сделано до сих пор, проработку решений XVI с'езда на собраниях колхозников и единоличников, что окажет громадное воздействие на рост прилива.

Огромную роль в деле мобилизации активности масс должна сыграть низовая и районная печать. К сожалению, печать еще слабо мобилизует массы. В районных газетах, в колхозных стенгазетах печатаются отдельные заметки о достижениях, больше о недостатках колхозов, при чем материал поступает самотеком, случайный. В них мало или нет материала, мобилизующего активность колхозника, зовущего единоличника в колхоз. Язык стенных и районных газет непонятен местному населению. Таким трудным языком в крупных городах не пишут даже центральные газеты. Сделать язык низовой печати понятным, правильно организовать в ней освещение хозяйственных достижений колхозов, разоблачать тактику кулаков — является очередной задачей этой печати в деле мобилизации активности масс.

Есть ряд и других форм мобилизации активности масс, которые выдвигаются жизнью, которые надо подхватить и наиболее лучшие, жизненные из них повсеместно распространить.

Хозяйственно-политические кампании, проводившиеся в деревне,—хлебозаготовки, сбор с.-х. налога, зяблевая вспашка, до сего времени мало связывались с коллективизацией. Существует у многих такой взгляд, что сначала надо закончить одни кампании, а потом уже взяться за коллективизацию. Появилась «теория очередности» кампаний. И в этой очередности коллективизации отводится место в самом хвосте. Мы должны решительно бороться с теми оппортунистами, которые не увязывают кампаний с осуществлением задач по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Все кампании надо поставить на службу коллективизации.

Развертывание массовой организационной работы на селе стоит в прямой связи с работой партийных и комсомольских организаций. Не правы те товарищи, которые пытаются утверждать, что прилив в колхоз идет помимо руководства партийных организаций. Верно то, что партийные организации не успевают организационно закреплять новый приток в колхозы, многие отстают от размаха движения. Движение в значительной степени идет самотеком. Но там, где партийные организации крепче взялись за организацию прилива в колхозы и по-большевистски начали развертывать массовую работу,-там прилив в колхозы начался раньше, результаты больше, темп прилива все время нарастает.

Роль партийных организаций в новом колхозном под'еме должна быть заострена в связи с укреплением пролетарского руководства колхозным движением. Миллионы новых колхозников должны быть охвачены пролетарским руководством. Мы знаем, какую громадную роль пролетарских руководителей колхозным движением сыграли 25-тысячники. Из них отобрались тысячи подлинных вожаков колхозного движения. Надо их закрепить в колхозах. Надо продолжать посылку в колхозы лучших пролетариев. Необходимо поднять на большую высоту шефскую работу и работу профсоюзов в деревне, которая за последнее время заглохла или чрезвычайно ослабла. Надо крепить пролетарское руководство через МТС, совхозы, предприятия, расположенные в деревне. Но наряду с этим основную роль проводников пролетарского руководства колхозами должны играть партячейки на селе.

Новый колхозный прилив будет развертываться таким темпом, что мы в весенний сев войдем с удвоенным числом коллективизированных хозяйств. Если мы максимально используем все рычаги к борьбе против кулака, к развертыванию массовой организационной работы на селе, к укреплению колхозов, к строительству десятков тысяч новых колхозов и со всей решительностью, с большевистской непримиримостью проведем и дальше борьбу на два фронта: против правой — главной — опасности в партии на данном этапе и борьбу с «левыми» загибщиками, решительную борьбу с двурушничеством, — то на основе ленинских методов коллективизации мы будем иметь в момент весеннего сева и к началу уборочной кампании 1931 г. не менее половины крестьянских хозяйств вовлеченными в колхозы. Мы достигнем в охвате коллективизацией того уровня, который был в полосу наивысшего под'ема весной 1930 г., правда, с некоторой иной районной географией этого уровня.

В решительной борьбе на два фронта, на основе последовательного проведения генеральной линии, под руководством ленинского ЦК — партия сумеет осуществить решение XVI с'езда о завершении сплошной коллективизации СССР в основном к концу пятилетки.

И. Врачев.

Социалистическая реконструкция животноводства.

В то время как в области зернового хозяйства мы за последние годы достигли решающих успехов и в основном разрешили зерновую проблему, животноводство продолжает пока оставаться одной из наиболее отсталых отраслей сельского хозяйства.

Товарная продукция животноводства еще не восстановлена в довоенных размерах, и животноводство при нынешнем его уровне не в состоянии удовлетворять все увеличивающуюся потребность народного хозяйства.

В последнее время животноводство попало в полосу серьезных затруднений, связанных с значительным сокращением стада. Кулацкое сопротивление коллективизации сказалось в области животноводства особенно сильно.

Динамика стада показана в следующих данных о количестве скота в сельском хозяйстве СССР на весну каждого года 1).

Показатели	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
	в миллионах голов					
Лошадей всего	26,0	28,3	31,5	33,5	34,6	31,2
Крупн. рогат. скота	59,6	63,0	68,2	70,7	67,2	52,6
В том числе: коров	27,5	28,9	30,0	30,8	30,3	26,7
Овец и коз	115,8	123,0	139,5	146,4	145,1	89,9 (без коз)
Свиней	20,9	20,9	23,2	26,1	20,5	12,2

Замедление прироста стада стало заметным уже в 1928 году, когда мы имели прирост всего крупного рогатого скота на 3,7% (вместо 6,4% в 1927 г.), коров—на 2,7% и овец—на 5,3% (против 11,2% в 1927 г.). В 1928 году в благополучном положении оказались свиньи, давшие прирост на 12,6% (против 7,3% в 1927 г.). В 1929 г. наблюдалось уже снижение численности стада по всему продуктивному скоту.

В том же году мы имели прирост лишь по лошадям (3,3%). Особенно резко сократилось свиное поголовье—на 21,4%, затем стадо всего крупного рогатого скота—на 4,9% и коров—на 1,4%.

---

1) Данные за 1925 и 1926 гг. взяты из «Стат. справочника» ЦСУ СССР 1928 г., а за остальные годы—из Сборника Госплана СССР, изданного к XVI партс'езду.

В 1930 г. в силу целого ряда причин, на которых мы несколько подробнее остановимся ниже, произошло еще большее снижение поголовья всех сельскохозяйственных животных (в том числе и лошадей).

При всем этом *наибольшее снижение поголовья произошло в важнейших животноводческих районах, поставляющих основную товарную продукцию животноводства.*

Если поголовье всех видов скота в 1916 г. (год всеобщей переписи скота) принять за 100 процентов и сравнить с движением поголовья скота в последние годы, то получим следующую картину:

Годы	Лошади	Крупный рог. скот	Овцы и козы	Свиньи
	в процентах			
1916	100	100	100	100
1927	88,9	114,3	119,3	111,3
1928	94,6	118,5	126,0	126,1
1929	96,9	115,6	127,8	103,0
1930	88,6	89,1	87,1	60,1

При наличии столь значительного сокращения стада совершенно понятны переживаемые нами затруднения в области снабжения городов продовольственными продуктами животноводства и промышленности — животноводческим сырьем.

Тов. Сталин в своем докладе на XVI партс'езде отметил:

> «Еще более неутешительная картина получается с точки зрения *товарного выхода* животноводства, особенно по части мяса и сала. Если принять валовую продукцию мяса и сала по каждому году за 100, то товарный выход мяса и сала соответственно составляет: в 1926 г.—33,4%; в 1927 г.—32,9%; в 1928 г.—30,4%; в 1929 г.—29,2%.
>
> Мы имеем, таким образом, явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству.
>
> Выходит, что вместо превышения по животноводству нормы 1916 г. мы имеем за последний год явные признаки отхода вниз от этой нормы.
>
> Таким образом, вслед за зерновой проблемой, которую мы уже разрешаем в основном с успехом, встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь и которая ждет своего разрешения» 1).

Рассмотрим несколько подробнее, что произошло с животноводством.

За послереволюционные годы основная масса валовой и товарной продукции животноводства переместилась от высших по экономической мощности групп крестьянских хозяйств—к низшим. Десятки отдельных исследований подтверждают это явление. Одновременно произошло дробление и измельчание крестьянского хозяйства (вместо 16 млн. хозяйств довоенного времени, до массовой коллективизации было около 25 млн. мелких и мельчайших хозяйств), естественно увеличившее оседание животноводческих продуктов в хозяйстве производителя.

Кулацкие и близкие к ним группы зажиточных хозяйств в процессе классовой борьбы понизили свою товарную продукцию или абсолютно или относительно (через увеличение собственного потребления). Одно время, особенно в период массового прилива бедняцко-середняцкого крестьянства в колхозы, кулаки хищнически истребляли свой скот. Выпала также продукция помещичьих хозяйств, которые в довоенное время играли весьма значительную роль, например, в деле снабжения промышленных центров—Москвы, Ленинграда, в первую очередь молоком и молочными продуктами.

---

1) И. Сталин. Политический отчет ЦК ВКП(б) XVI партс'езду.

Бедняцкие же и середняцкие хозяйства, дробные и распыленные, обладающие чрезвычайно отсталой техникой производства, не могли удовлетворить пред'являемый спрос на товарные продукты животноводства.

Весьма значительно расширился сейчас круг потребителей животноводческих продуктов, в силу непрерывного улучшения материального положения широких рабочих масс, а также роста потребления средних и беднейших слоев крестьянства. Вообще же производство животноводческих продуктов явно отстало от роста потребительской массы.

С 1925/26 года животноводство, рассматриваемое как отрасль с.-х. производства, начинает отставать от другой отрасли производства — зерновой. Это нашло отражение в приросте посевных площадей при одновременном весьма ощутительном сокращении стада.

Особо следует отметить, что это понижение товарного производства животноводческих продуктов в индивидуальном секторе одновременно не сопровождалось соответствующим повышением товарной продукции обобществленного сектора. Больше того, степень коллективизации товарного животноводства до последнего времени была очень низка. Животноводческая отрасль в наших совхозах была также развита до крайности слабо.

Удельный вес совхозов и колхозов в общей численности скота (по всему СССР) представлен следующей таблицей:

Виды скота	Совхозы			Колхозы		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Весь крупн. рог. скот . . .	0,2	0,3	0,3	0,1	0,2	0,6
В том числе коровы	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,6
Овцы	0,2	0,6	0,9	0,1	0,2	0,5
Свиньи	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	0,6

Хотя продуктивность скота в колхозах и особенно в совхозах значительно выше продуктивности скота в индивидуальных крестьянских хозяйствах, тем не менее удельный вес обобществленного сектора в товарной части животноводческой продукции в силу малочисленности стада был незначителен.

Обобществленный сектор, следовательно, не мог немедленно и полно ликвидировать урон, нанесенный животноводству кулацким сопротивлением социалистической реконструкции сельского хозяйства, а мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства проявили «явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству» [1].

Общая неорганизованность кормовой базы также является одним из факторов, тормозящих развитие животноводства.

Необходимо учесть, что неблагополучие животноводства усугублялось испытывавшимися нами затруднениями в зерновом хозяйстве. Имевшее место в те же годы напряженное положение на хлебном рынке приводило к понижению выгоды от животноводства. Высокие цены на хлеб на частном рынке делали невыгодным скармливание скоту сильных кормов и способствовали продаже скота для покрытия денежных расходов и обязательных платежей крестьянства, особенно его верхних, зажиточно-кулацких слоев.

---

[1] И. Сталин. Политотчет ЦК ВКП(б) XVI с'езду партии.

Кулак подрывал животноводство. Курс кулака на вздувание хлебных цен был одновременно и курсом на сокращение животноводческого хозяйства, так как создавалось крайнее несоответствие между ценами на хлеб и животноводческие продукты. Действие этих факторов сказалось, прежде всего, на товарном свиноводстве, а также—на товарном молочном скотоводстве. Молочная же отрасль крупного рогатого скотоводства вследствие всех указанных выше причин вообще сделалась какой-то «ахиллесовой пятой» сельского хозяйства, ибо здесь под влиянием неблагоприятных кон'юнктурных условий легче всего прекращается связь крестьянского двора с государственным плановым хозяйством (корову можно быстро ликвидировать, молоко потребить в своем хозяйстве, корма скормить свинье и лошади).

Весьма характерно, что правые оппортунисты в своем об'яснении причин неблагополучия животноводства «упускают из виду» влияние указанных выше факторов и относят все к пресловутой «деградации» с. х., совершенно не замечая, что они и здесь попадают в идеологический плен буржуазных реставраторов. Ведь это Кондратьев, ведя борьбу за так называемые «восстановительные цены», разжигал аппетиты кулака хлебной интервенцией. Ведь это Кондратьев и прочие вредители предлагали нам и в области животноводства ставить ставку на кулака, чтобы тем самым укрепить хозяйственные позиции капиталистической верхушки деревни и ослабить наши позиции и в столь важной отрасли сельского хозяйства, какой является животноводство.

Большую роль в усилении затруднений в области животноводства сыграли и троцкистского типа «левые» антисередняцкие перегибы в проведении коллективизации, которые резко извращали партийную линию и помогали правому оппортунизму.

И, наконец, нельзя забывать о чрезвычайной технической отсталости индивидуального животноводческого хозяйства. Молоко, мясо, шерсть, кожи и др. животноводческие продукты производились в мелких и мельчайших крестьянских хозяйствах при весьма высоких издержках производства, при чем количество их было в два, три, пять раз меньше, чем в правильно технически организованном хозяйстве. Удой в одну тонну молока в год является средним для нашей коровы, в то время как за границей 2 — 3 тонны годового удоя стали нормальным явлением, а в специализированных молочных районах средний годовой удой коровы колеблется от 3 до 5 тонн. Убойный вес туши нашего скота в 2—3 раза ниже заграничного. В Аргентине мясной крупно-рогатый скот созревает для убоя в 2½ года, достигая убойного веса в 222 кг., а у нас в Казакстане крупно-рогатый скот оказывается пригодным для убоя лишь в возрасте 4 — 5 лет и дает вес туши в 70 кг., т.-е. в три раза меньше Аргентины.

В Германии средний убойный вес свиньи в 1927 г. был равен 90 кг., а у нас (по всему СССР) он составляет лишь 53 кг. Между тем, форсируя разведение свиней, можно в кратчайший срок ликвидировать затруднения с мясом. Но у нас еще в 1928 г., т.-е. до резкого сокращения свиного поголовья, свиное стадо по отношению к крупному рогатому скоту составляло 37% против 98,5% в САСШ и 110%—в Германии.

Классовый враг, оказывая бешеное противодействие коллективизации с. х., избрал об'ектом своих ударов животноводство, будучи разбит в области зернового хозяйства организацией колхозов и государственного земледелия. Сопротивляясь социалистическому наступлению, кулак уничтожает скот, подбивает на хищническое истребление скота часть колеблющихся середняков, нанося тем самым тяжелый ущерб всему нашему хозяйству.

Важнейшей предпосылкой разрешения животноводческой проблемы являются решительные успехи в разрешении—на путях развернутого социалистического наступления--зерновой проблемы.

Оградить себя от ударов в области животноводства со стороны классового врага, ликвидировать прорыв на животноводческом фронте и разрешить окончательно животноводческую проблему мы сумеем лишь на путях социалистической реконструкции животноводства.

Существуют, как известно, целые «научные» теории о том, будто животноводческие отрасли сельского хозяйства благодаря их слабой механизации и индивидуальным особенностям каждого животного должны основываться на мелком производстве, что переход к крупным формам производства окажется здесь или невозможным или нерентабельным.

И хотя главные носители этих «идей»—господа кондратьевцы—достаточно изобличены в своих контрреволюционных и вредительских попытках, в агрономической среде до сих пор еще имеют влияние эти «теории». В доказательство «преимуществ» мелкого продуктивного животноводства приводятся «личная заинтересованность хозяина», тщательный индивидуализированный уход за животными и т. п. (Кстати, в наших условиях вполне возможно в известной мере индивидуализировать уход за скотом в крупном обобществленном хозяйстве, и многие совхозы, и особенно колхозы, так именно и поступают).

Среди практиков животноводческой отрасли сельского хозяйства, в том числе и среди некоторых коммунистов, встречается порой не мало невольных пособников кондратьевщины. Мы имеем в виду тех работников, которые, подходя делячески к отдельным проблемам строительства крупного обобществленного животноводческого хозяйства, из-за деревьев не видят леса и своими «деловыми» сомнениями («опасно формировать очень большие стада в совхозах», «совхозы не сумеют обеспечить свои стада кормами», «животноводство в совхозах будет нерентабельно» и т. п.) об'ективно льют воду на контрреволюционную мельницу кондратьевщины.

Все эти и подобные им взгляды на строительство крупного обобществленного животноводческого хозяйства являются несомненным проявлением правого оппортунизма на практике и основаны к тому же на полном невежестве разделяющих эти взгляды в отношении заграничного опыта. Дело в том, что заграничный опыт, в частности опыт САСШ, в области животноводства с полной убедительностью показал превосходство во всех отношениях крупного хозяйства перед мелким. Большие города Западной Европы и Америки снабжаются молоком крупными фермами, организованными по последнему слову техники, с полной механизацией производства. Крупный маслодельный завод в Аргентине производит до 2 тысяч тонн масла в год, а в Новой Зеландии и Австралии—даже до 3 тысяч тонн. (У нас такое количество масла производится на 200—300 ручных заводах). В Аргентине имеется крупное товарно-капиталистическое хозяйство с громадным стадом (до 25.000 голов) крупного рогатого скота, при чем около половины стада составляют дойные коровы.

Американские «рэнчи» — крупные скотоводческие хозяйства — также насчитывают тысячи и десятки тысяч голов крупного рогатого скота. Хотя «рэнчи» распространены в районах экстенсивного хозяйства, они носят товарно-капиталистический характер, при чем в эти крупно-капиталистические предприятия инвестируется иностранный капитал.

В Австралии, Новой Зеландии и в Аргентине существуют крупнейшие овцеводческие латифундии, имеющие по нескольку десятков тысяч овец и баранов.

Известно, что в САСШ имеются крупнейшие молочные фермы, организованные по типу настоящих фабрик молока, с полнейшей механизацией всех производственных процессов.

Строительство мощных инкубаториев вызвало целый переворот в птицеводстве. В САСШ хозяйства в 5.000—10.000 голов являются заурядными. Там теперь много крупнейших хозяйств, своеобразных птичьих городов, насчитывающих сотни тысяч поголовья. В Калифорнии, в округе Сонома, имеется хозяйство с крупнейшим инкубаторием на 1,8 млн. яиц единовременной закладки. Инкубаторий этот выпускает в один сезон до 7 млн. цыплят.

Словом, заграничный опыт подтверждает рентабельность крупных хозяйств, доказывая полную возможность положить в основу животноводческого хозяйства научную организацию, широкое применение механизации, специализации труда и стандартизации.

Факт широчайшей механизации переработки продуктов животноводства с созданием ряда крупнейших отраслей промышленности общеизвестен, и на этом можно здесь не останавливаться. Следует только отметить, что и в этих отраслях происходит концентрация капитала с укрупнением производства.

Сколько бы буржуазные и мелкобуржуазные экономисты ни доказывали «преимущества» мелкого хозяйства в области животноводства, какие бы хвалебные гимны они ни пели мелкому производству, мы видим, что и в этой отрасли хозяйства оправдалась теория Маркса.

Накопившийся опыт наших совхозов и колхозов, несмотря на все недостатки первой стадии своего развития в деле организации животноводства, доказывает неоспоримые преимущества крупного хозяйства.

Несмотря на значительное отставание развития животноводства в колхозах, условия организованного труда и ряд других преимуществ коллективного хозяйствования обеспечивают при достаточно внимательном отношении к этой отрасли интенсивный рост животноводства и получение весьма значительной товарной продукции.

Подобно тому, как в полеводстве — вопреки правооппортунистическим и троцкистским мудрствованиям — даже простое об'единение крестьянских средств производства приводит к большим, реально осязаемым результатам, так и в области животноводства самый факт обобществления скота и перевода его в лучшие условия содержания и ухода дает определенный производственный эффект, приводя при этом к большим сдвигам в повышении продукции.

В колхозах с правильно организованным молочным стадом мы имеем ряд положительных явлений, а именно: повышение удоев коров в $1\frac{1}{2}$—2 раза по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, повышение живого веса, повышение процента жира в молоке, значительное увеличение абсолютного количества жира, и особенно масла, а также более выгодную оплату корма жиром и молоком.

Рядом наблюдений и обследований установлено, что удои коров в колхозах с правильно организованным молочным стадом превышают удои коров индивидуального сектора как содержащихся в условиях обычного крестьянского двора, так и находящихся в подконтрольном стаде[1].

---

[1] В этом отношении представляют интерес сравнительные данные по Московской области. По данным б. московского областного «Молокосоюза» за 1928/29 г. удои в трех коммунах б. Московского округа (Горлово, им. Сталина, «Красная Горка») составляли—3.748 кг., 3.423 и 3.137 кг., тогда как средние удои по 45 контрольным товариществам б. Московского округа за тот же период выражались в 2.847 кг. Коммуна «Искра» в б. Серпуховском округе имела средне-годовой удой в 2.756 кг., а находящееся по соседству Топтоновское контрольное товарищество б. Серпуховского округа—в среднем в 2.399 кг.

Факт повышенной молочной продуктивности стада в артелях и коммунах по сравнению с контрольными товариществами является чрезвычайно важным. Нельзя забывать, что контрольные товарищества обслуживали лучший по продуктивности и племенным качествам молочный скот. Скот этот находился в условиях наибольшего благоприятствования (лучшее кормление, лучшее содержание, уход и т. п.) и принадлежал по преимуществу верхним, экономически мощным крестьянским хозяйствам.

В совхозах, где организация дела поставлена лучше и скот содержится в лучших условиях, чем в колхозах, мы имеем еще большие результаты. Средние годовые удои в совхозах РСФСР (по данным б. Совхозцентра) за последние годы таковы (в килограммах):

1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
1.420	1.663	1.810	2.180	2.350	2.410

В этих данных характерен не только высокий уровень средних удоев коров в трестированных совхозах, но и систематический ежегодный рост их.

В отдельных группах совхозов производительность молочного скота еще выше. Так, средний годовой удой по совхозам б. Ленинградского треста по отчетным данным за 1928 г. был равен 2.770 кг., а по б. тресту АСС республики Немцев Поволжья — 2.780 кг. Отдельные совхозы Московской области по отчетным данным за 1928 г. имеют средний годовой удой свыше 3.000 кг. (совхозы «Вяземы», «Гричане», «Демьяново», «Крымское», «Ленино» и др.).

В совхозах и крупных колхозах улучшенные овцы мясошерстных пород дают 3—4 кг. шерсти при 50—65 кг. мяса, в то время как неулучшенная овца в крестьянском хозяйстве дает 1—1½ кг. шерсти при 15—20 кг. мяса.

Крупные птицеводные хозяйства также имеют преимущества перед мелким крестьянским хозяйством (свыше 100 яиц от курицы против 40—45 в крестьянских хозяйствах и удвоенный живой вес птицы).

Приведенные факты достаточно показательны тем, что там, где работа в совхозах и колхозах в области животноводства поставлена сколько-нибудь правильно, она дает даже в первый период своего развития весьма существенный организационно-производственный и хозяйственный эффект.

Отсюда ясно, что основным средством преодоления переживаемых нами затруднений в области животноводства и разрешения всей животноводческой проблемы является создание крупного обобществленного животноводческого хозяйства на новой технической базе.

Мелкие полунатуральные и малотоварные крестьянские хозяйства, даже при условии их полного кооперирования, не в состоянии будут создать правильно организованного с соответствующей технической базой производства и ликвидировать существующую диспропорцию между спросом и предложением на животноводческие продукты, тем более не сумеют удовлетворять все возрастающие потребности в них городов и промышленных центров.

Удовлетворение этих потребностей окажется возможным лишь при условии развития крупного обобществленного животноводческого хозяйства.

«...Через организацию совхозов и колхозов, являющихся опорными пунктами нашей политики, постепенно преобразовывать техническую и экономическую основу нынешнего мелкокрестьянского животноводства» [1]).

---

[1]) **И. Сталин.** Политотчет ЦК XVI партс'езду.

XVI с'езд партии поставил животноводческую проблему как одну из важнейших народнохозяйственных задач.

С'езд, признав необходимым «коренным образом пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства», принял решение, чтобы при этом пересмотре было бы обеспечено «наряду с ускоренным развитием зерновых и технических культур поднятие и усиленное развитие животноводства путем, прежде всего, организации специальных животноводческих совхозов, аналогично зерносовхозам, массового создания высокотоварных колхозных ферм и быстрого расширения кормовой базы».

XVI партс'езд в своих решениях предусмотрел высокие темпы строительства животноводческих созхозов. По постановлению партс'езда строительство свиносовхозов должно быть развернуто с таким расчетом, чтобы «Свиновод» обеспечил «товарный выход свиней в 1930 — 31 г. не менее 400 тыс., в 1931—32 г.—не менее 3 млн. и в 1932—33 г.—не менее 7 млн. голов; «Скотовод», по решению с'езда, должен довести численность своего стада в 1930—31 г. до 3,2 млн. голов, в 1931—32 г.—до 5,5 млн. голов и в 1932—33 г.—до 9—10 млн. голов.

У людей, впавших в панику перед трудностями социалистического строительства и скатившихся в правооппортунистическое болото, возможность осуществления этих темпов «вызывает сомнение». Лидер право-«левого» блока Сырцов, например, считал «ошибкой» включение в резолюцию XVI партс'езда конкретных заданий по строительству животноводческих совхозов и соответствующие цифровые показатели называл «потолочными цифрами».

Посмотрим же, как реализуются эти «потолочные цифры», т.-е. в какой мере проводятся в жизнь решения с'езда.

По данным Наркомзема СССР на 10 ноября с. г., ход строительства животноводческих совхозов представлен в следующем виде. Начнем со строительства самих совхозов.

Тресты	„Скотовод“	„Свиновод“	„Овцевод“	Молочно-масл.	Молочно-овощные тресты	
					РСФСР	УССР
Организовано совхозов. . .	128	308	116	45	216	58
% к плану на 1/X 1930 г. .	128,0	105,0	126,1	151,8	—	100,0

Таким образом, развертывание сети животноводческих совхозов произведено в размерах, превышающих плановые задания. Мы имеем уже около 900 специальных животноводческих совхозов. Совхозы эти располагают колоссальным земельным массивом в количестве 32 млн. гектаров. Землеотвод также произведен в размерах, превышающих плановые задания. Между прочим, и здесь потерпело крушение «пророчество» правых и «левых» оппортунистов о том, будто для реализации программы партии в области созхозного строительства «земли нехватит».

Перейдем к следующим показателям.

Формирование стада явилось наиболее крупной задачей в деле строительства животноводческих совхозов. При реализации этой части животноводческой программы мы столкнулись, как твердили правые оппортунисты, с непреодолимыми препятствиями: резкое сокращение стада после массового хищнического истребления скота, обострение мясного дефицита, недостаток кормов, опасность эпизоотий и пр. И тем не менее и в этой области задания ЦК партии по отдельным решающим животноводческим трестам также перевыполнены. Данные здесь таковы (на 10/XI 1930):

Тресты	Основное стадо в тыс. голов 1)	В % к плану на 1/X 1930 г.	В том числе маточный состав стада в тыс. голов
„Скотовод“ (крупн. рогат. скот) . .	984,6	139,0	272
„Свиновод“ (свиньи)	165,6	122,2	110,3
„Овцевод“ (овцы и бараны) . . .	2.646,2	120,3	—
Молочно-масляный трест	37	79,4	22,3
Молочно-овощные тресты			
РСФСР	81,6	105,4	55,4
УССР	56,4	—	38,9

Приведенные в таблице цифры говорят сами за себя. Ход формирования стада животноводческих совхозов к моменту, когда пишутся эти строки, показывает, что и программа особого квартала в отношении комплектования стада будет полностью реализована 2). Нужно иметь в виду, далее, что потребительская кооперация также интенсивно развертывает строительство своих животноводческих хозяйств (молочные фермы, свинооткормочные пункты) и в настоящее время (по данным на 20/XI-30 г.) располагает стадом крупного рогатого скота в количестве 109 тыс. голов, коров в том числе 83 тыс. голов и свиноматок 37 тыс. голов.

Для обеспечения совхозного стада необходимыми помещениями в 1930 г. (по данным на 20/XI-30 г.) построены скотные дворы, базы, свинарники и овчарни в размерах: на 633 тыс. скотомест для крупного рогатого скота, на 194 тыс. свиномест и на 1,5 млн. голов овец; кроме того, в стадии строительства находятся базы и скотные дворы для крупного рогатого скота на 396 тысяч голов, свинарники—на 148 тыс. голов и овчарни—на 400 тыс. голов.

Несмотря на то, что основные земельные массивы животноводческих совхозов находятся в отдаленных экстенсивных районах, подчас таких, где до сих пор не ступала человеческая нога, тресты, главным образом «Скотовод» и «Овцевод», почти без всякого механического оборудовачия сумели собрать 2,8 млн. тонн сена.

И, наконец, в столь трудном деле, каким является создание кадров специалистов и организаторов, имеются также заметные успехи: удвоено против прошлого года количество обучающихся в животноводческих вузах (с 7 тысяч доведено до 14 тыс. человек); прием в животноводческие техникумы увеличен с 6 тыс., принятых в прошлом году, до 20 тыс., уже принятых в текущем году; созданы курсы на 800 директоров животноводческих совхозов. Кроме того, дополнительно созданы курсы по переподготовке работников высшей и средней квалификации на 7,8 тыс. человек. Одновременно в Красной армии производится подготовка 15 тыс. животноводов низшей квалификации.

---

1) Без рабочего скота.

2) По данным на 20 XI—30 г., «Скотовод» уже располагает основным стадом в 1 046,1 тыс. голов, что составляет 95,1% к плану на 1 I—31 года; «Овцевод» довел свое стадо до 2.678,2 тыс. голов (121,4% плана на 1/I—31 г.) и «Свиновод»—до 177 т. голов всех свиней и в том числе 119 тыс. свиноматок, что к плану на 1/X—30 г. составляет: по всему поголовью 130,7%, и по маточному стаду—108,8%.

Все эти данные показывают, что в труднейшем деле—социалистической реконструкции животноводства—нами уже одержаны *крупнейшие успехи. Ход развертывания государственных животноводческих совхозов в крупное специализированное производство подтверждает абсолютную правильность перенесения методов разрешения зерновой проблемы в область животноводства.* Идя по этому пути, *партия уже достигла крупных успехов*, чем лишний раз опровергла предсказания правых оппортунистов, суливших нам «неизбежный» провал в этом деле и толкавших партию на путь поощрения кулацких животноводческих хозяйств.

Буржуазные экономисты и правые оппортунисты об'ясняли неблагополучие в области животноводства якобы неправильной политикой партии. Правые, вслед за буржуазными экономистами, говорили о деградации сельского хозяйства, в том числе и о деградации животноводства. Действительность опрокидывает все эти мрачные предсказания.

Мы отмечали выше те огромные успехи, которые одержаны партией в деле реконструкции животноводства. Но было бы величайшей близорукостью не видеть трудностей реализации решений партии о форсированном строительстве животноводческих совхозов. Мы имеем ряд отдельных прорывов на основных участках животноводческой стройки. Так, например, недавнее обследование РКИ показало, что работа по *сохранению скота в течение зимнего периода* ведется далеко не удовлетворительно. Несмотря на громадный об'ем строительных работ в животноводческих совхозах, строительство ими скотных дворов, телятников, свинарников и овчарен производится с большим опозданием. По «Скотоводу» план строительства животноводческих совхозов на 15 окт. 1930 г. был выполнен на 25% 1), Молочно-овощному тресту РСФСР—45% и Центросоюзу—40%. Совхозы Молочно-масляного треста, по данным на 20 ноября с. г., обеспечены постройками на 112%; из расчета поголовья на эту же дату при выполнении плана комплектования стада в особом квартале (71.000 голов) обеспеченность понизится на 64%, а с арендой крестьянских дворов—до 80%. Почти всюду плохо обстоит дело с постройками телятников, что сулит нам осложнения весной в период массовых отелов. По отдельным районам дело обстоит еще хуже. Так, в ЦЧО план строительства «Свиновода» на тот же период времени был выполнен всего лишь на 9%, в Московской области по ряду крупных животноводческих совхозов—на 3—5%. Все это в значительной мере об'ясняется медленным выполнением ВСНХ директивы партии по снабжению животноводческих совхозов строительными материалами, а также благодаря медлительности и неповоротливости строительных организаций и недостаточному вниманию к работе животноводческих совхозов со стороны местных советских, профессиональных и партийных организаций.

В некоторых районах наблюдается *прорыв в области кормообеспечения скота.* Так, по Московской области совхозы обеспечены кормами только на 54%, по Западной Сибири—от 20 до 50%, ЦЧО—от 20 до 60%.

Неблагополучно по ряду районов с *водоснабжением.*

Почти всюду нехватает *ветеринарно-зоотехнического персонала.* Ветеринарное обслуживание не поставлено на должную высоту.

---

1) По данным на 20/XI—30 г. план строительства помещений для скота выполнен «Скотоводом» на 66.6%.

Устранение всех этих недостатков, мобилизация сил на ликвидацию имеющихся прорывов на животноводческом фронте являются важнейшей задачей.

Контрольными цифрами Наркомзема СССР 1) предусматривается в 1931 г. следующий размах работы по строительству животноводческих совхозов.

Тресты	Годы	Количество совхозов	Вся земельн. площадь в млн. га
„Скотовод“	1930	150	19,7
	1931	250	35,0
„Свиновод“	1930	294	1,2
	1931	520	2,4
„Овцевод“	1930	116	12,7
	1931	132	15,0
Маслотрест	1930	38	1,0
	1931	55	1,8
По всем трестам	1930	598	34.6
	1931	957	54.2

Кроме того, в 1931 г. будет свыше 200 совхозов в республиканских животноводческих трестах, с земельной площадью в 1,7 млн. га.

Таким образом, одни лишь совхозы всесоюзных животноводческих трестов будут обладать к концу 1931 г. территорией в 54,2 млн. гектаров, или 54,0 тыс. кв. километров, т.-е. значительно больше всей территории Германии или Италии, Австрии и Дании, взятых вместе.

Формирование стада животноводческих колхозов определяется следующими цифрами (в тыс. голов):

Крупно-рог. скот	На 1/1—1931 г.	На 1/1—1932 г.	1930 г. в% к 1931 г.
„Скотовод“	1.100	3.200	291
Мол.-масл. трест	71	170	290
„Свиновод“	32	61	181
Республиканск. тресты	210	420	200
Всего по совхозам	1.413	3.851	373
Свиньи:			
„Свиновод“	310	1.967	634
Овцы:			
„Овцевод“	2.649	4.724	178

Рассматривая эти цифры, мы видим, что рост стада животноводческих совхозов находится в полном соответствии с установками, данными XVI партс'ездом. Наиболее интенсивно растет стадо «Свиновода». При наличии такого стада Свиноводтрест сумеет выполнить данные ему партс'ездом задания в отношении сда.и в 1931 году товарной продукции (не менее 400 тыс. голов) и к началу 1932 г. будет располагать основным маточным стадом в количестве 574 тыс. голов. В «Свиноводе» и др. трестах создается широкий плацдарм для дальнейшего развертывания стада животноводческих совхозов.

---

1) В тот момент, когда пишутся эти строки, контрольные цифры рассматриваются Госпланом СССР и могут быть изменены.

В совхозах будет высокий уровень товарности. Контрольными цифрами в этом отношении предусматриваются следующие показатели.

	Товарность совхозов (в процентах)		
	Мясо	Молоко	Шерсть
„Скотовод“	100	80	—
Масл трест	—	93	—
„Свиновод“	100	50 1)	—
„Овцевод“	100	100	100
Республиканск. тресты	100	93	—

При таком уровне товарности валовая и товарная продукция животноводческих колхозов определяется в следующих размерах (в тыс. тонн):

Всесоюзные тресты.

	Мясо в тыс. тонн				Молоко в тыс. тонн			
	Валов. прод.		Товарн. прод		Валов. прод,		Товарн. прод.	
	1930	1931	1930	1931	1930	1931	1930	1931
„Скотовод“	8,3	92	8,3	92	—	220	—	174
„Свиновод“	1,5	40	1,5	40	10,6	64	—	32,0
„Овцевод“	5,0	12	5,0	12	—	27 2)	—	27
Маслотрест	—	—	—	—	10,0	140	8,0	130

Кроме того, республиканские тресты дадут в 1931 г. валовую и одновременно товарную продукцию в количестве 17 тыс. тонн птичьего мяса, а также 480 тыс. тонн валовой продукции молока при 446 тыс. тонн товарной его продукции.

Удельный вес совхозов в плане мясозаготовок Наркомснаба (871,9 тыс. тонн с 1 X-30 г. по 31 IX-31 г.) будет равен 16,4%. Все эти цифры говорят о том, что первым годом действительно массовой продукции животноводческих совхозов будет 1931 год. Такой вывод, естественно, вытекает из самой сущности разведения животных, которые требуют значительно бóльшего времени, чем вегетация растений.

В деле разрешения животноводческой проблемы важнейшая задача ложится также и на колхозы.

> «Возможные темпы дальнейшего развития зернового хозяйства и преодоление кризиса животноводческого хозяйства определяются теми огромными возможностями развития производительных сил, которые таят в себе колхозы». (Из резолюции XVI партс'езда).

Поэтому, не ослабляя внимания колхозов к зерновому хозяйству, точно соблюдая требования артельного устава, борясь со всякими проявлениями перегибов, не гоняясь за обобществлением мелкого скота и птицы, допуская оставление части молочного скота в единоличном пользовании

---

1) Более низкая товарность молока по «Свиноводу» об'ясняется тем, что большое количество молока в этом тресте идет на выпойку поросят и только в некоторые периоды (между опоросами) часть молока является товарным.

2) Овечье.

колхозников,—надо максимально ускорить *организацию товарных животноводческих ферм в колхозах.*

Контрольные цифры Наркомзема СССР предусматривают следующую динамику обобществленного стада в колхозах.

Виды скота	на 1/1—1931 г. в тыс. гол.	На 1/1—1932 г. в тыс. гол.	1930 г. в % к 1931 г.
Крупно-рог. скот (весь) . . .	3.903	5.529	149
В том числе коровы	1.650	2.716	165
Свиньи	1.270	4.800	379
Овцы	4.259	6.997	164

Особого внимания заслуживают *товарные фермы колхозов*, которые должны обеспечить максимальную товарность и наиболее высокую организацию животноводческого хозяйства. К осени 1930 г. молочные фермы совхозов располагали стадом в 420 тыс. коров. К концу же 1931 г. молочное стадо колхозных ферм должно увеличиться до 1,1 млн. голов. Такой прирост стада произойдет как за счет некоторого обобществления товарного молочного скота, так и, главным образом, за счет покупок колхозами скота для своих молочных ферм. Как и в совхозах наиболее интенсивно растет поголовье свиней (379%); при чем рост свиного стада в колхозах будет происходить исключительно за счет приплода и прикупки свиней (обобществление крестьянских свиней вовсе не принималось во внимание).

Одним из важнейших условий для развертывания товарного животноводства в социалистическом секторе хозяйства является *создание прочной кормовой базы*. «Для того, чтобы разрешить задачу удвоения потребления мяса и молока,—сказал на XVI партс'езде т. Яковлев,—кормовые ресурсы нашей страны нужно увеличить в полтора раза». По решению с'езда, «вся пятилетка хозяйственного развития СССР должна быть пересмотрена таким образом, чтобы было дополнительно обеспечено по меньшей мере 40 млн. га под кормовыми культурами».

Это решение обязывает к очень большой работе. Необходимо в планах каждого животноводческого совхоза и колхоза предусмотреть систему соответствующих мероприятий, обеспечивающих создание прочной кормовой базы в наикратчайший срок.

Важность кормового вопроса для животноводческого хозяйства очевидна. В Северной Америке корма занимают 61% всей посевной площади (без пастбищ и лугов с подсевом трав), а у нас под кормовыми культурами занято только 30% посевной площади.

При организации кормовой базы нужно определить основные звенья, за которые придется ухватиться всей силой организационно-технических и материальных возможностей. Если Дания разрешила у себя кормовую проблему введением концентрированных и сочных кормов, то Америка пошла по пути силосования кормов, создав целую отрасль механизированного силосного хозяйства, а Германия находит наиболее целесообразным и наиболее выгодным способом разрешения кормовой проблемы организацию широкого лугового и пастбищного хозяйства. Мы должны *использовать все эти пути организации кормовой базы*, обратив особое внимание на производство сочных кормов посредством *силосования.*

Громаднейшее значение в деле разрешения кормовой проблемы имеет *кукуруза*, являющаяся наиболее питательным и наиболее дешевым кормовым средством для скота, и особенно для свиней. *Один гектар кукурузы, используемый в виде силосного корма, равен 17 гектарам луга*,—вот цифра, которую должны запомнить организаторы животноводческих колхозов и совхозов. Ко всему этому кукуруза, как известно, является засухоустойчивым растением и убивает сорную растительность.

Где позволяет климат, нужно провести *посевы сои*, этого замечательного растения, разведение которого почти целиком покрывает потребность хозяйства в белковых кормах.

В контрольных цифрах сельского хозяйства на 1931 год одним из самых ответственных участков, несомненно, является вопрос социалистической реконструкции животноводства. Выполнение намеченных контрольными цифрами высоких темпов развертывания обобществленного животноводства обеспечивается в значительной мере тем, что, как это мы отметили выше, в совхозах уже сконцентрировано весьма значительное поголовье животных и сверх плана осуществлен землеотвод. Этот факт, при условии, конечно, дальнейшего развертывания кампании содействия советской общественности строительству животноводческих совхозов, вполне обеспечивает практическое осуществление тех грандиозных планов, которые во исполнение заданий партии намечаются контрольными цифрами Наркомзема СССР. Так, при сравнении поголовья совхозов и колхозов к концу 1931 г. с поголовьем других стран (по данным на 1928 г.) оказывается, что *стадо крупно-рогатого скота совхозов и колхозов будет равно почти 50% всего крупно-рогатого скота Германии, или стаду взятых вместе Швейцарии, Голландии, Дании, Финляндии и Эстонии; овечье стадо совхозов и колхозов будет равно стадам Германии, Польши, Литвы и Венгрии, вместе взятым; свиное поголовье Свиноводтреста и колхозов будет равно свиному стаду Дании и Англии* (без колоний). Насколько грандиозна программа социалистической реконструкции животноводства на базе совхозов и колхозов!

Наличие столь значительного поголовья определяет получение в 1931 г., как выше мы уже отмечали, большой валовой и товарной продукции животноводства. При этом соотношение валовой и товарной продукции в обобществленном секторе резко отличается от того же соотношения в индивидуальном секторе в сторону *значительного повышения товарности в первом.*

Животноводческие тресты—«Скотовод», «Свиновод», «Овцевод», молочные и птицеводные—должны выполнить такую же роль в животноводстве, какую Зернотрест сыграл в зерновом хозяйстве. На примере специальных, крупных животноводческих совхозов мы сумеем доказать бедняцко-середняцким массам преимущество крупного хозяйства и в этой отрасли.

Если зерновые совхозы,—по словам т. Сталина,—«с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации», то и животноводческие совхозы должны способствовать обобществлению колхозами индидуального животноводства. Животноводческие совхозы создадут нам материальную базу для коллективизации животноводства. Крупный государственный инкубаторий в 500—1.000 тыс. яйцемест в короткий срок экономически заменит беспородную малопродуктивную крестьянскую курицу.

Организация молочного хозяйства на основах рационализации, с использованием богатого технического опыта заграницы и с возможной в наших условиях механизацией производственных процессов, с хорошо организованной базой и с правильно поставленным кормоиспользованием, т.-е., в первую очередь, с производством силоса, с рациональным кормлением скота по нормам и т. д.,—несомненно, окажет громадное организующее влияние. Когда крестьянин увидит, что не заморская, а его же обыкновенная корова, поставленная в лучшие условия содержания и ухода, дает *в два-три раза больше молока* (а достигнуть этого можно и притом в короткий сравнительно срок), он поймет всю бессмысленность индивидуальной эксплоатации молочного скота и *добровольно* обобществит своих коров.

Беря решительный курс на создание крупного обобществленного животноводческого хозяйства, мы должны, разумеется, принять меры для под'ема животноводства в индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйствах. В 1931 году в области животноводства должен получить широкое применение метод *контрактации*. Контрактация будет способствовать сохранению скота и увеличению товарной продукции животноводства. Нужно *провести энергичную борьбу с хищническим истреблением скота и особенно молодняка*.

Далее необходимо довести до сведения широчайших масс бедняцко-середняцкого крестьянства директивы партии в связи с проблемой животноводства и правительственные мероприятия по стимулированию животноводства, как-то: новый закон о с.-х. налоге, предоставляющий много льгот колхозам и индивидуальным бедняцко-середняцким хозяйствам в отношении животноводства, раз'яснение «примерного устава сельскохозяйственной артели» о том, что «устав не ограничивает права членов с.-х. артели выращивать молодняк, рогатый скот и свиней», о содействии колхозам и развитию животноводства в индивидуальном пользовании колхозников; о содействии организации кормовой базы, последний декрет ЦИК и СНК СССР о необходимости принять решительные меры против хищнического убоя скота, и т. д.

Само собою разумеется, что трудные задачи строительства животноводческих совхозов не могут быть разрешены одними ведомственными усилиями. Нет никакого сомнения, что без самой активной помощи партийных организаций и всей советской общественности система Зернотреста не сумела бы превратиться в сравнительно короткий срок в такую мощную организацию социалистической реконструкции сельского хозяйства, какую она теперь собой представляет.

Наши животноводческие совхозы должны также работать в атмосфере всеобщего внимания. Июльское постановление ЦК партии об организации животноводческих совхозов обязывает местные парторганизации оказать животноводческим совхозам содействие не меньшее, чем совхозам Зернотреста. Эта директива ЦК должна быть выполнена.

Вокруг строительства животноводческих совхозов необходимо мобилизовать внимание всей пролетарской общественности. В животноводческих совхозах, располагающих уже большой армией с.-х. рабочих, необходимо организовать в широких размерах социалистическое соревнование, ударничество и встречный промфинплан. Вся работа по строительству животноводческих совхозов должна быть взята под бдительный контроль рабочего класса.

Нет сомнений, что партия сумеет по-большевистски преодолеть возникающие на путях строительства животноводческих совхозов трудности.

Это лидеры право-«левого» блока вещают нам провал в деле развития обобществленного животноводства, высказывают неверие в возможность разрешения поставленных перед партией задач. Право-«левый» блок, как известно, в своей платформе (Сырцов) в отношении программы партии в области реконструкции животноводства высказывал «...большие сомнения насчет того, удастся ли нам эту программу осуществить». Жизнь дала ясный ответ на этот вопрос. Решительно преодолевая затруднения на этом пути, вопреки паникерским предсказаниям право-«левых» оппортунистов блока Сырцова—Ломинадзе, партия методами решения зерновой проблемы разрешит и проблему животноводства.

Центральный Комитет в сентябрьском обращении «Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям» указал, что «в будущем, 1930/31 г. мы должны обеспечить также большевистские темпы развития социалистического, совхозного и колхозного, сектора в сельском хозяйстве выполнением огромных производственных программ таких организаций, как Зернотрест, «Скотовод», «Свиновод» и др.».

При проведении всей этой работы нужно помнить, что социалистическая реконструкция животноводства сопровождается крайне резким обострением классовой борьбы. На этом участке разгром кулачества еще далеко не завершен. Влияние кулацкой агентуры в лице *правых оппортунистов* еще сильно дает себя чувствовать при практическом разрешении животноводческой проблемы. Мешают развертыванию работы и «левые» загибы. И вредители в бешеной борьбе против советской власти приложили свою руку к этому делу.

Неустанная классовая бдительность, беспощадное подавление кулачества, самая решительная и непримиримая борьба против оппортунизма во всех его видах составляют *центральную* задачу партийных организаций в деле осуществления решений XVI с'езда и ЦК партии в области животноводства.

Мы должны упорно и настойчиво поработать для создания образцов крупного животноводческого хозяйства, для организации социалистических фабрик мяса, молока, шерсти, тем более, что в силу целого ряда причин социалистическая реконструкция животноводства является делом более трудным, чем реконструкция зернового хозяйства. Но, если наша партия на примере зернового хозяйства смогла показать «возможность при диктатуре пролетариата *непосредственного перехода* от отсталого, малопроизводительного, мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству» (резолюция XVI партс'езда),—она сумеет справиться и с трудным делом коренного переустройства животноводства на новой технической и социальной базе.

Опираясь на творческий энтузиазм рабочего класса и коллективизирующегося крестьянства; сплачивая батрацко-бедняцкие слои деревни и организуя в союзе с ними середняцкие массы для совместной борьбы против кулака, для ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации; ведя ленински-непримиримую борьбу против правого уклона, являющегося главной опасностью на данном этапе, против рецидивов троцкизма, против двурушников, сколачивающих беспринципный право-«левый» блок, наша партия разрешит стоящую перед нами важнейшую проблему социалистического переустройства сельского хозяйства—проблему социалистической реконструкции животноводства.

Г Смолянский.

Стачка металлистов и перспективы революционного профдвижения в Германии.

Стачка 140 тыс. берлинских металлистов стала, несомненно, исторического значения событием в развитии революционной классовой борьбы в Германии. Уже одно то обстоятельство, что огромная стачка вспыхнула и продолжалась две недели — с величайшим упорством обеих борющихся сторон, в разгар экономического кризиса, при наличии 21,5% безработных металлистов в конце сентября и 22,4%, работающих неполную рабочую неделю,— показывает значение (в том числе и международное) этой стачки. Если год назад биржевой крах в Америке и последовавший затем острейший экономический кризис разоблачили реформистско-оппортунистическую легенду об американском «просперити», то сейчас берлинская стачка металлистов с неменьшей ясностью вскрыла и разоблачила другую такую же легенду — о невозможности крупных стачечных боев в условиях экономического кризиса и массовой безработицы. Более того, значение этой стачки еще особо подчеркивается тем обстоятельством, что стачка эта произошла в Берлине, где в течение шести лет—с 1924 г.— не было больших экономических боев. Наконец, это было первое, со времени кризиса, серьезное выступление германского пролетариата против грабительского похода предпринимателей на жизненный уровень немецких рабочих; тем самым эта стачка была направлена против «гвоздя» фашистской экономической программы правительства Брюнинга, активно поддерживаемого социал-фашистами и реформистской профбюрократией. Все это с несомненностью позволяет утверждать, что берлинская стачка металлистов представляет собою крупное звено в новой полосе больших революционных классовых боев, в которую вступил германский пролетариат. В этом именно политическое значение берлинской стачки металлистов, которое ставит ее на более высокую ступень по сравнению с экономическими боями в Мансфельде и на северо-западе Германии.

Экономический кризис в Германии не только не проявляет тенденций к смягчению, но после чуть заметного сезонного колебания принял еще более глубокие и острые формы. За исключением пищевой промышленности, все важнейшие отрасли производства показывают осенью этого года значительное движение назад. Даже Институт кон'юнктурных исследований вынужден официально констатировать продолжающуюся и растущую «депрессию»: продолжает падать продукция, падают биржевые индексы, катастрофически растет кризис государственного бюджета. При этом самым ярким показателем является не только дальнейший процесс развития кризиса вообще, но и нарастание темпа всех показателей кризиса. Это легче всего проследить на примере движения безработицы. За период между сентябрем 1929 года и февралем 1930 года, когда расширенный Президиум ИККИ констатировал

назревание мирового экономического кризиса, число безработных членов профсоюза металлистов выросло с 8,9% до 15,7%, а до начала сентября 1930 г.— до 21,5%. У текстильщиков за этот же период цифры безработицы составляли 11,1%, 12,8%, 17,3%. Эти цифры показывают более быстрый темп роста безработицы между февралем и сентябрем 1930 г., чем между началом экономического кризиса и февральским расширенным Президиумом ИККИ. При этом следует иметь в виду, что период от февральского расширенного Президиума ИККИ приходится на летний сезон, когда безработица обычно смягчается.

Нет никакого сомнения, что экономический кризис в Германии далеко не достиг еще своего наинизшего пункта, и ближайшие зимние месяцы принесут еще большее ускорение темпа развития кризиса.

Наряду с этим идет быстрый процесс перерастания экономического кризиса в политический и крайнее обострение классовых противоречий в стране. Правительство Брюнинга выработало, как известно, программу грабежа германского пролетариата: 520 млн. марок снижения жалованья чиновникам и служащим, 515 млн. снижения расходов по страхованию от безработицы и «если необходимо — законодательное снижение зарплаты». Министр труда Штегервальд, член партии центра, в своем выступлении в Кельне в ноябре этого года, на заседании Союза изучения государственно-правовых наук, цинично заявил, что рабочим придется мириться со снижением своего жизненного уровня на 10—15%. Отдельные предприниматели идут еще дальше. Так, например, Лангиемское об'единение стали на своем с'езде потребовало 20% снижения зарплаты. Как Штегервальд, так и предприниматели рассматривают это снижение лишь как «первый шаг к оздоровлению германского хозяйства». Нужно сказать, что уже и сейчас, в результате массовой безработицы, зарплата снизилась, по сравнению с началом 1930 г., не менее чем на одну шестую. Еще в феврале, во время расширенного Президиума ИККИ, зарплата была почти на том же уровне, что год тому назад. С того времени, по исчислению известного буржуазного статистика Кучинского, недельная зарплата германского рабочего в результате безработицы была в марте 1930 г. ниже прошлогодней на 1,75 м.; апреле — на 4 м.; мае — на 5,35 м., июне — на 5,85 м., июле — на 6,45 м., августе — на 6,9 м.; сентябре — на 7,1 м.

Естественным последствием этого положения явилось ускорение темпа радикализации широких масс германского пролетариата, нашедшее свое выражение уже на парламентских выборах 14 сентября т. г., а затем в героической стачке берлинских металлистов. После большой волны стачечного движения осенью 1928 г. и зимой 1929 года (рурский локаут, стачка текстильщиков Мюнхен-Гладбаха, забастовка гамбургских судостроителей и др.) во второй половине 1929 года и особенно со времени назревания экономического кризиса шло сокращение стачечной борьбы. Если в течение первых шести месяцев 1929 года было 256 стачек с количеством участников 188,9 тыс. и 3.108,8 тыс. потерянных рабочих дней, то за этот же период 1930 г. было 129 стачек с количеством участников 34,6 тыс. и числом потерянных рабочих дней — 319,6 тыс. [1]. Социал-фашисты и оппортунисты всех мастей на этом основании делали вывод о невозможности развития экономической борьбы в условиях кризиса. Историческая заслуга расширенного февральского Президиума ИККИ заключалась в том, что он сумел разглядеть назревание мирового экономического кризиса и неизбежное нарастание (после временного затишья на первой фазе кризиса, благодаря массовой безработице и увольнениям) новой стачечной волны. Эти тенденции нового оживления стачечных боев уже заметны были в Германии с весны 1930 года: забастовка 11 тыс. швейников, упорнейшая стачечная борьба в Мансфельде и на северо-востоке Германии. Это видно и по официальному статистическому движению стачечной борьбы по триместрам. В январе—марте 1930 года была 61 стачка с количеством потерянных рабочих дней 114,9 тыс., в апреле — июне — 71 стачка и 204,6 тыс. потерянных рабочих дней. Уже здесь мы видим тенденцию нарастания как количества самих экономических боев, так, особенно, числа потерянных рабочих дней, что говорит о большем упорстве и ожесточенности этих стачек.

---

[1] Это — статистические данные органа министерства труда «Reichsarbeitsblatt», дающие неполную картину (целый ряд стачек замалчивается), но, несомненно, отражающие тенденцию развития.

На этом фоне берлинская стачка 140 тыс. металлистов, длившаяся около двух недель, т.-е. свыше полутора миллионов рабочих дней, явилась, конечно, поворотным пунктом. Как в 1928 году большие экономические бои начались лишь после VI конгресса Коминтерна и IV конгресса Профинтерна, открывая собою новую страницу в истории стачечной тактики компартий и революционного профдвижения и знаменуя начало осуществления в этой области тактики «класс против класса» (самостоятельное руководство экономическими боями),— так и в 1930 г. мы видим тотчас же после V конгресса Профинтерна вторую волну массовых экономических боев, знаменующую начало осуществления генерального курса V конгресса Профинтерна на самостоятельное революционное профдвижение в Германии.

Каковы основные уроки берлинской стачки металлистов?

Первый, важнейший урок заключается в политическом значении стачки берлинских металлистов, которая не только является выражением чрезвычайного обострения классовых противоречий в стране, но, в свою очередь, представляет собой могучий фактор в дальнейшем процессе революционизирования массовых выступлений. Германский рабочий класс стоит перед серьезнейшими экономическими боями. В течение ближайшего месяца предстоит пересмотр тарифного договора в огромной части металлической промышленности, в частности — Нижне-Рейнской области. Истекает срок договора для 350.000 рурских горняков, где предприниматели уже пред'явили требование 10% снижения зарплаты и где борьба неизбежна. Кончается тарифный договор и в химической промышленности для 300 с лишним тысяч рабочих. В марте 1931 г. предстоит пересмотр тарифного договора во всей строительной промышленности, у транспортников и для значительной части кожевенной и текстильной промышленности. В общей сложности не менее 3.000.000 рабочих стоят перед острейшими экономическими конфликтами с наступающими предпринимателями. И как раз наиболее серьезные экономические бои предстоят в ближайшие недели на основных участках германского народного хозяйства — в металлической и горной промышленности (Нижний Рейн и Рур). Отсюда понятно, какое значение для германской компартии и революционного профдвижения приобретает сейчас проблема своевременной и энергичной политической подготовки предстоящей борьбы.

Иначе говоря, речь идет об опасности отставания суб'ективного фактора от темпа развития классовых противоречий. Нужно сказать, что большинство коммунистических партий в течение прошедшего года экономического кризиса не сумели в достаточной степени использовать этот кризис в целях организации классовой борьбы. Германская компартия в общем, несомненно, освоила политическую перспективу, вытекающую из нынешней фазы развития экономического кризиса. Но берлинская стачка металлистов показала, что далеко не все средние и низовые звенья компартии и революционной профоппозиции подготовлены к практической реализации тактики, вытекающей из этой перспективы. В частности как политическая, так и организационная подготовка стачки была весьма недостаточна. Правда, до 14 сентября партия была целиком поглощена избирательной кампанией, но уже один тот факт, что ко времени стачки налицо было лишь около 30 комитетов подготовки борьбы, при наличии одних только 276 предприятий, входящих в Об'единение берлинских металлопромышленников, говорит о крупных недостатках подготовки борьбы. Здесь сказались не только об'ективные причины перегруженности партийной организации избирательной кампанией и организационные слабости революционной профоппозиции, насчитывавшей к началу забастовки лишь около 1.000 зарегистрированных рабочих-металлистов, но и известная недооценка значения борьбы, а также неверие в боевую готовность берлинского пролетариата, имевшие место в отдельных звеньях компартии и революционной профоппозиции. Сказалось и то, что выборная борьба не была достаточно увязана с подготовкой предстоящих экономических боев.

Характерно, что все оппортунистические элементы, имеющиеся еще в наших рядах, как правые, так и «левые» (не говоря уже о брандлерианцах и троцкистах вне партии, открыто выполнявших во время стачки роль социал-фашистского агитпропа), выступали с пессимистической оценкой перспективы борьбы. Если, с одной стороны, речь шла о прямой боязни борьбы и проявлении профсоюзного легализма, то, с другой стороны, третирование социал-демократических и реформистских рабочих как сплошной штрейкбрехерской массы приводило к той же теории «стачечного самотека» и пассивности на деле.

Берлинская партийная организация повела энергичную борьбу против этой недооценки предстоящей стачки металлистов. Но при этом была допущена ошибка, позволившая социал-демократам легче провести свой позднейший маневр—якобы участия и возглавления реформистским союзом стачки металлистов. Эта ошибка заключалась в том, что за месяц до забастовки она была об'явлена точно на установленный заранее срок— 6 октября. Этим схематическим решением суживалась возможность маневрирования для революционной профоппозиции и, наоборот, была дана передышка реформистской профбюрократии. Эта ошибка была исправлена. Но вслед затем последовала другая ошибка, уже непосредственно вытекавшая из недооценки боевой готовности масс многими функционерами революционной профоппозиции и заключавшаяся в том, что начало забастовки было приурочено к 3 ноября, т.-е. к тому дню, когда непосредственно должно было начаться снижение зарплаты в результате постановления 1-й арбитражной комиссии. Такая потеря темпа уже имела место летом этого года, во время стачки в Мансфельде, где начало забастовки тоже было приурочено ко дню фактического снижения зарплаты, что, учтя нарастающее боевое настроение масс, пришлось исправить на специальной конференции революционной профоппозиции. То же произошло сейчас и в Берлине. Когда референдум, об'явленный реформистским союзом, стал выявлять чрезвычайно боевое настроение масс, революционная профоппозиция в ночь с 11 на 12 октября об'явила забастовку. Насколько это было своевременно, видно из того, что правление реформистского союза сочло себя вынужденным тотчас же вслед за этим об'явить от имени союза забастовку.

Второй урок касается ряда вопросов стачечной тактики. Не следует забывать, что самый факт отсутствия в Берлине большого забастовочного движения в течение целых 6 лет и то, что за весь третий период берлинские организации компартии и революционной профоппозиции не имели еще боевого крещения в крупных экономических боях на основе тактики «класс против класса»,—должен был здесь создать добавочные расходы по сравнению с теми районами, которые за последние два года пережили массовые стачечные движения. И мы видим, действительно, что в процессе стачки приходилось преодолевать последствия этой своеобразной «отсталости» берлинской организации. В целом ряде предприятий коммунисты просто робели перед маневрами социал-фашистов. В других случаях коммунисты проявляли такую же консервативность по отношению к рабочей молодежи и старикам, как и самые отсталые социал-демократические рабочие. Величайшим достижением берлинской стачки было, между прочим, то, что удалось вовлечь в забастовочное движение *около тысячи подростков-учеников*. Дело в том, что правление реформистского союза воспретило старикам и инвалидам войны покидать работу из боязни увольнения этих рабочих и обременения союза еще новой группой безработных. И не мало коммунистов оппортунистически поплелись в этом вопросе в хвосте у реформистов. Не мало было и родителей-коммунистов, которые выступали против участия в забастовке учеников, боясь за дальнейшую работу своих детей.

Не сразу также привилось и *массовое стачечное пикетирование*. Рабочие зачастую значительно *опережали* в этом вопросе функционеров революционной профоппозиции. Так, например, когда на заводе Всеобщей компании электричества—Трептов решался вопрос о стачке, председатель красного завкома предложил собранию на следующее утро делегировать по 2—3 рабочих от каждого цеха в качестве пикетчиков. Но собрание тут же решило, *по инициативе самих рабочих*, отправиться *всем заводом* на стачечное пикетирование.

Но все эти отдельные недостатки и слабости все же в общем и целом отходят на второй план по сравнению с теми *огромными положительными достижениями* революционной профоппозиции, которые показала берлинская стачка металлистов. Если подготовка стачки, особенно в ее первой фазе, была весьма недостаточна, то само руководство борьбой велось с величайшей энергией и уже само по себе является большим политическим достижением компартии и революционной профоппозиции. К концу забастовки в 165 предприятиях были самостоятельные комитеты борьбы революционной профоппозиции. Большим достижением было включение по зову революционной профоппозиции в борьбу нескольких десятков предприятий, не входящих в Об'единение берлинских металлопромышленников, несмотря на прямой запрет реформистского профсоюза этим заводам бастовать. Революционной профоппозиции удалось почти на 30 таких заводах создать широкие комитеты борьбы.

Сама революционная профоппозиция вышла из этой борьбы *с мощным ростом своей массовой базы*. Количество зарегистрированных членов революционной профоппозиции к концу забастовки достигало 14 тыс. человек, т.-е. увеличилось почти в 15 раз. В результате забастовки профоппозиции удалось серьезно проникнуть на заводы-гиганты—Сименса и ВЭК,—где позиции ее раньше были очень слабы. Благодаря вовлечению многих тысяч рабочих в руководство забастовкой через местные комитеты борьбы, удалось создать актив революционной профоппозиции не менее чем в 4 тыс. человек. Большую популярность центральному стачкому создала и та кампания солидарности, которая была им предпринята особенно в Берлине и в его окрестностях. Сборы среди рабочих в пользу бастующих дали около 40 тыс. марок. Еще более показательны сборы продуктов, которые велись среди пригородного крестьянства и берлинских мелких торговцев. Эти сборы были столь значительны, что позволяли в последние дни забастовки высылать в рабочие районы для бастующих 40.000 обедов в день. Этот факт крайне показателен для нынешнего политического положения в Германии и характеризует рост оппозиции среднего и бедного крестьянства и мелкой буржуазии города фашистской политике правительства Брюнинга.

Третий урок относится к *социал-демократии*, в частности — к оценке способностей социал-демократии к *маневрированию*. В нынешних условиях Германии вопрос о процессах, происходящих внутри социал-демократической партии и реформистских профсоюзов, как и вопрос о завоевании нами реформистских рабочих, приобретает *исключительное* значение. Внутри социал-демократической партии растет стихийный бунт пролетарских низов против гнусной роли социал-фашистского руководства. Появилась и растет *безымянная* рабочая оппозиция. Рабочие жаждут *борьбы с фашизмом* и пока еще ищут ее на путях социал-демократии. Это движение получило особенное распространение среди реформистской молодежи, которая создала даже специальные боевые отряды борьбы с фашизмом, распущенные ныне социал-демократическим комитетом. В частности, это движение нашло особый отклик среди рабочей молодежи металлистов. Секретарь организации молодежи берлинского союза металлистов Гельвиг счел себя даже вынужденным занять самые «левые» позиции, чтобы не выпустить из рук политического руководства. В самом союзе металлистов чрезвычайно поколеблена позиция председателя берлинского союза Уриха, одного из самых реакционных—и до сих пор крепко сидевшего на своем месте—профбюрократов. Численность берлинского союза металлистов катастрофически падает. Если верить заявлению Гельвига на публичном собрании в Берлине, союз металлистов потерял почти ⅔ своего состава, снизившись до 28 тыс. чел. Надо думать, что, вопреки традиции профбюрократов, эта цифра на этот раз была преуменьшена для того, чтобы оправдать перед берлинскими рабочими неслыханное предательство, мол, союз был слишком слаб, чтобы продолжать борьбу. Во всяком случае, союз потерял в Берлине десятки тысяч своих членов. И, тем не менее, реформисты были в состоянии сманеврировать и исподволь проводить свою штрейкбрехерскую работу. Революционная профоппозиция после предательства реформистов и постановления о новом арбитраже оказалась не в состоянии самостоятельно продолжать дальнейшую борьбу. *Большая заслуга* берлинских организаций—компартии и революционной профоппозиции заключается именно в том, что они сумели во-время учесть значение штрейкбрехерского прорыва на двух крупнейших предприятиях Берлина—заводе Сименса и Всеобщей компании электричества— и *своевременно* прекратить забастовку. Вопрос *о путях* нашего проникновения в самую гущу социал-демократических рабочих, *о лозунгах*, которые способны на данном этапе перерастания экономического кризиса в политический, на данном этапе кризиса социал-демократии *оторвать* от нее идущие за ней рабочие массы,—становится в центре нашего внимания.

Серьезным *уроком* является также и поведение *фашистов* во время забастовки. Фашисты и до забастовки, и во время нее, и после нее фактически одинаково занимались штрейкбрехерством. Но во время забастовки они стали бросать демагогические лозунги. Когда массовая забастовка стала фактом, национал-социалисты об'явили о своем присоединении к стачке. От имени фашистской организации Гебельс даже распорядился об исключении из организации тех национал-социалистов, которые являются штрейкбрехерами. Конечно, их маневр нетрудно было разоблачить, ибо штрейкбрехерская работа их была налицо. Но все же факт, что десятки тысяч рабочих, ушедших из реформистского союза, покуда политически пребывают неизвестно где, и можно думать, что известная часть их временно перехватывается национал-социалистами.

Наконец, *историческим* событием явилось завершение стачки металлистов образованием *нового* самостоятельного революционного союза. V Конгресс Профинтерна принял знаменательную резолюцию о курсе на самостоятельное революционное профдвижение в Германии, исходя из наличия в этой стране уже сложившейся политической и организационной базы революционной профоппозиции. Создание нового союза, последовавшее после открытой предательской сделки социал-фашистов с предпринимателями, явилось выражением огромного продвижения революционной профоппозиции в Берлине вперед за период забастовочной борьбы и намечает путь дальнейшего развития революционного профдвижения в Германии. Именно в этом смысле создание нового союза является историческим событием *обще-*

германского и даже международного значения. Это—первый серьезный шаг по пути практического выполнения директивы V Конгресса Профинтерна.

Вот почему перед компартией и революционной профоппозицией Германии стоит сейчас ударнейшая задача—наиболее быстрого превращения нового революционного союза в массовую организацию. Предпосылки для этого есть. В учредительной конференции по созданию нового союза приняло участие 817 делегатов от 157 предприятий. Измена профбюрократии и особенно второй арбитражный приговор, утвердивший двумя приемами снижение зарплаты на 8%, вызвали бурю возмущения в рядах берлинских металлистов. Новый революционный союз может и должен быть массовым. Суть решения V Конгресса Профинтерна заключается в том, чтобы не повторить создания сектантских организаций, какие имели место в 1923—1924 гг. Сейчас об'ективные условия совершенно иные, чем тогда. Чем дальше будут обостряться классовые противоречия в стране, тем больше будет отход рабочих от реформистской профбюрократии. И тем важнее своевременно организовать выполнение директивы V Конгресса Профинтерна.

Компартия и здесь освоила политическую задачу настоящего периода. Момент создания нового союза был выбран наиболее подходящий, когда широкие массы могли на деле убедиться в провокаторском характере маневрирования социал-демократии, примазавшейся вначале к забастовке. Нужно сказать, что и здесь партия столкнулась с рядом оппортунистических вылазок. «Массы рабочих за нами не пойдут».—говорили рыцари профсоюзного легализма. Берлинской организации КПГ в одном из районов пришлось даже кое-кого исключить из партии за открытую агитацию против нового союза. С другой стороны, не менее характерными оказались выступления некоторых прошлогодних «леваков», которые тогда требовали немедленного раскола, когда ситуация этого, безусловно, еще не позволяла, а сейчас, в момент боя, в оппортунистическом испуге отступают и разводят теории о возможности самостоятельного революционного профдвижения только после победы пролетарской революции. Так осуществляется право-«левый» блок оппортунистов на международной арене!

Но нельзя сказать, чтобы строительство нового союза металлистов шло без трудностей и ошибок. Многие товарищи поняли создание нового союза как «локальное» явление, проглядев начало нового исторического этапа в развитии революционного профдвижения в Германии. Между тем, центральная задача,—и в этом именно был смысл резолюции V Конгресса Профинтерна,—заключается в том, чтобы использовать берлинскую стачку и создание нового союза металлистов в Берлине как исходный момент для развертывания нового союза в общегерманском масштабе.

Это не значит, конечно, что надо немедленно механически создавать повсеместно новые союзы и союзики металлистов. Но это значит, что разворачивающаяся классовая борьба и массовое брожение внутри социал-демократии и реформистских профсоюзов должны быть самым энергичным образом использованы для строительства самостоятельного революционного профдвижения.

Несомненно, социал-фашистская профбюрократия начнет сейчас свирепо расправляться с коммунистами и членами революционной профоппозиции. Уже сейчас в целом ряде союзов проводится система «реверсов», по которым от коммунистов и членов революционной профоппозиции ультимативно требуется в письменном виде отказ от участия в революционном профдвижении. Уже сейчас начинаются массовые исключения из реформистских профсоюзов. Реформисты сейчас прямо заявляют, что время теперь не то и что при наличии самостоятельного союза металлистов они не допустят одновременного пребывания в рядах реформистского профсоюза и в революционной профоппозиции. Социал-демократическая верхушка вообще готовится произвести серьезную хирургическую операцию для того, чтобы предупредить разложение всего организма. Отто Вельс публично заявил о том, что он предлагает исключить сейчас 3.000 членов социал-демократической партии для того, чтобы не потерять сотни тысяч после раскола.

Все это говорит о том, как быстро и решительно должны действовать компартия и революционная профоппозиция для охвата рабочих масс. Между тем, рост нового союза хотя идет и очень быстрыми шагами (в последние недели на 300—400 чел. в день), но имеет ряд серьезных теневых сторон, указывающих как раз на наиболее слабые звенья нашей работы. В то время, когда из реформистского союза металлистов в Берлине ушли десятки тысяч рабочих, новый союз пока пополняется в подавляющей своей части из неорганизованных рабочих и из членов существовавших до сих пор мелких отдельных революционных организаций металлистов. Несомненно, что в самом процессе строительства нового союза была допущена берлинской профоппозицией известная потеря темпа.

Подведем итоги. Стачка металлистов в Берлине показывает ясно и четко место экономических боев в общей системе классовой борьбы на нынешнем этапе перерастания экономического кризиса в политический. Предстоящие большие экономические бои могут и должны стать исходным моментом развития массовой политической стачки в Германии и больших революционных классовых боев вообще. Берлинская стачка металлистов явилась исторической проверкой решений V Конгресса Профинтерна, подтвердившей правильность важнейших директив конгресса. Предстоящие большие экономические бои явятся исторической проверкой правильности генерального курса на самостоятельное революционное профдвижение в Германии, на создание всегерманского профсоюза металлистов—в первую очередь. Компартия и революционная профоппозиция смогут осуществить эту задачу только в том случае, если будет уничтожена основная слабость революционной профоппозиции, обнаруженная в стачке металлистов,—чрезвычайная недостаточность организационной базы. Состоявшаяся после создания нового союза Всегерманская конференция профоппозиции явилась первым серьезным камнем в новом организационном здании революционной профоппозиции. Новый союз металлистов будет иметь успех только в том случае, если налицо будет крепко организованная профоппозиция и энергичная революционная работа внутри реформистских профсоюзов. Простой механический переход коммунистов и революционной профоппозиции в новый союз, без отрыва самых широких масс реформистского профдвижения, не может служить достаточной базой для массового самостоятельного революционного профдвижения.

Эту задачу конференция революционной профоппозиции поняла.

> «Стачка берлинских металлистов,—говорит резолюция этой конференции,—и создание нового красного союза металлистов как непосредственный результат стачки, есть важнейшее событие рабочего движения в последние месяцы. Красный союз металлистов есть выражение бурного продвижения вперед революционной профоппозиции... Революционная профоппозиция и созданный в результате борьбы красный союз металлистов куют единый фронт рабочих, указывают и организуют революционный выход из голода, нищеты и экономического кризиса».

Эти три события революционного профдвижения Германии после V Конгресса Профинтерна—стачка металлистов, создание нового союза и Всегерманская конференция революционной профоппозиции — являются залогом того, что КПГ и революционная профоппозиция сумеют возглавить предстоящие большие экономические бои и выдержать исторический экзамен.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. А. Теодорович. „Историческое значение партии „Народной Воли“. Москва, 1930 г.

Происходившая зимой 1929/30 года дискуссия о «Народной Воле» формально была связана с пятидесятилетием этой замечательной организации. По существу же дискуссия возникла в связи с оживлением на идеологическом фронте, отразившем обострение классовой борьбы в стране на новом этапе социалистического строительства. Бурный под'ем коллективизации, необычайно широкий, имеющий всемирно-историческое значение поворот бедняцко-середняцких масс крестьянства в сторону социализма, ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, — все это не могло не поставить в порядок дня проблемы отношения к «крестьянскому социализму» в его историческом развитии.

В центре дискуссии довольно долго стояла статья тов. Теодоровича, напечатанная в № 8—9 «Каторги и ссылки» за 1929 г. и перепечатанная в рецензируемой книжке. Да и вся почти книга составлена из выступлений автора в этой дискуссии.

Тезисы Культпропа ЦК о «Народной Воле» дают основную установку в данном вопросе, борясь на два фронта — против неленинских позиций в характеристике народничества вообще и народовольчества в частности, против меньшевистско-троцкистской недооценки роли крестьянства и народничества и против воскрешения народнических, мелкобуржуазных взглядов на крестьянство и на взаимоотношения пролетариата с крестьянством, особенно в период строительства социализма.

Тов. Теодорович собрал все свои статьи вместе, приложил тезисы Культпропа ЦК, его осуждающие, говорящие о нем, как о «крестьянском философе» (удачное выражение т. Сталина), «пересматривающем ленинское понимание революционного наследства, вошедшего в арсенал ВКП(б)».

Мысль т. Теодоровича проста: вот что я говорил, а вот что обо мне написано в тезисах Культпропа ЦК, — судите сами, насколько неправы те, кто меня осуждает.

Итоги дискуссии, — а их уже можно вчерне подвести — говорят о том, что оценка, данная тов. Теодоровичем, оказалась на 100% правильной.

Книга Теодоровича для разработки истории самой «Народной Воли» мало интересна, ибо меньше всего в ней истории. Политики же в ней много.

Была ли дискуссия о «Народной Воле» случайной? Не было ли здесь раздутой придирки к неудачной статье т. Теодоровича?

Дискуссия показала, что споры о «Народной Воле» не ограничиваются рамками рассмотрения сущности этой организации. Речь шла об отношении к революционным движениям крестьянства вообще.

В дискуссии обнаружилось, что без уяснения некоторых общих методологических положений нельзя двинуться вперед в изучении «Народной Воли». И прежде всего, необходимо было выявить точку зрения Ленина на «Народную Волю». Борьба за ленинское понимание «Народной Воли» — вот что лежало в основе этой дискуссии.

Центральным пунктом своего выступления т. Теодорович сделал следующее утверждение, которое он защищал и защищает на протяжении всей книги: социалистическая революция и Октябрь были предвосхищены народовольцами. Социалистическая революция, во-первых, разбила старую государственную машину, во-вторых, создала советскую власть, в-третьих, взращивает, как осторожно пишет Теодорович, — «элементы социалистической экономики», в-четвертых, создает переходный период — нэп.

> «Внимательное изучение народовольческих документов, — пишет Теодорович, — приводит нас к констатированию того факта, что в результате своего богатого политического опыта идеологи мелкого товарного производителя уже нащупывали в одних случаях — более, в других— менее ясно все вышеперечисленные четыре момента» [1]).

Мы не будем останавливаться на аргументации т. Теодоровича — она подробно разобрана в дискуссионной литературе — остановимся только на методологической стороне вопроса, отметим предварительно, что уже в дискуссии было обращено внимание на характеристику т. Теодоровичем нэпа. Оппортунистическая их сущность била в глаза. Когда Теодорович утверждал, что «Народная Воля» в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, идею нэпа, предпосылая ей идею диктатуры, но, конечно, не пролетариата, а «революционного народа» — то под нэпом он понимал следующее: «Наличие банка предполагает наличие денежного обращения, наличие рынка и проч. А это является сутью нэпа».

Именно потому, что это определение выдавало т. Теодоровича с головой, он, перепечатывая книгу, исправил свое определение нэпа так: «А это и является существенной частью нэпа».

Совершенно очевидно, что утверждать так — значит ничего не утверждать или еще хуже запутаться оговорками, что все дело «в свободном рынке».

Упор в эту сторону освещал всю позицию т. Теодоровича и облегчил раскрытие политической сущности его выступления. Мы увидим дальше, что этот политический стержень позиции Теодоровича у него не случаен.

Говоря о «социализме» народовольцев, Теодорович и его немногочисленные единомышленники совершенно игнорируют социально-экономическую основу народнического движения в целом. Между тем, не включая этого, казалось, само собой подразумевающегося вопроса, нельзя понять не только сущности народнического движения, но и того, что разделяет революционных народников и легальных, и что их связывает. Социализм народовольцев доказывается цитатами их программ и статей народовольцев и соответствующими ссылками на взгляды Маркса по вопросу о развитии русской общины.

С точки зрения научной этот прием, взятый у т. Теодоровича в качестве основы анализа (см. его статью в № 8—9 «Каторги и ссылки»), детски наивен и научно несостоятелен. Наделяя народовольчество особенными чертами, т. Теодорович впадает в крайность, подобную той, которую с противоположной стороны совершает Троцкий, считающий народничество «исторической бессмыслицей».

Метод т. Теодоровича — брать революционное народничество вне конкретной обстановки, вне реальной действительности — присущ другой противоположности в вопросах оценки этого движения. И в меньшевистской или носящей следы меньшевизма литературе мы встречаемся с попытками рассматривать народничество, как нечто самобытное, лишенное конкретных черт классовой борьбы в ту или иную историческую эпоху.

Меньшевистское игнорирование революционного значения народничества особенно резко в наше время проявилось в работах В. Ф. Переверзева (см. его работу «Творчество Достоевского») и некоторых его учеников. Под видом марксистской критики протаскиваются старые потресовские идейки о несвязанности народничества с крестьянством.

---

[1]) Рецензируемая книга, стр. 78. Подчеркнуто Теодоровичем.—И. Т.

«Методология» Теодоровича может иметь только один смысл — поставить социализм пролетариата на одну полку с «социализмом» мелкобуржуазным, утопическим и т. д. и искать сходств и различий тогда по формальным признакам, перенеся на историческую почву вульгарное подобие вульгарной эволюционной теории. Такая «историко-генетическая» точка зрения, примененная к истории «идей», опускающая или игнорирующая историю «вещей», возвращает нас, как и весь анализ, весь метод т. Теодоровича, назад к сторонникам «суб'ективного метода». Во всех своих основных выводах т. Теодорович не оригинален: все это давно уже можно было прочесть сперва у духовного отца эсерства — Михайловского, потом у теоретика с.-р. — Чернова, а теперь у «марксиствующего» народника — Суханова, у чистого эсера — Ракитникова¹).

Тов. Теодорович утверждает, что народовольцы предвосхитили пролетарский социализм, научный социализм, да еще в той конкретной форме, какую он принял в стране диктатуры пролетариата — в СССР.

Лидия Лойко прямо признает, что ей для вступления в ВКП(б) не пришлось идейно перевооружаться: все, что было в ортодоксальной революционной народнической программе, все это воплощено в жизнь ВКП(б). Даже общину и ту якобы возродила ВКП(б)²).

По Теодоровичу те, кто отрицают, что народовольцы были предшественниками большевизма и ленинизма, не верят в некапиталистическую эволюцию крестьянства и... в коллективизацию. Итак, в коллективизацию верит тот, кто считает, что народовольцы в «зародыше» проповедывали необходимость принятия устава сельскохозяйственной артели, приложенного к статье т. Сталина «Головокружение от успехов».

В некапиталистическую эволюцию крестьянства (как она записана в программе Коминтерна и формулирована Лениным) при диктатуре пролетариата, в частности в нашей социалистической революции, и в коллективизацию — мы не только верим, но и активно за нее боремся. Но верить в то, что эти мысли, идущие от Маркса, проводимые нашей партией, были предвосхищены народовольцами, — в это мы не верим и верить не можем!

Когда Маркс говорил о том, что община может стать исходным пунктом коммунистического развития, он имел в виду два условия. Первое — если община не будет окончательно подорвана. Это положение, достаточно, казалось бы, раз'ясненное в марксистской литературе, включая и «Что такое друзья народа», — что капитализм сделал достаточно большие успехи в экономическом развитии России того времени и подорвал жизнеспособность русской общины. Состояние исторической науки о второй половине XIX века таково, что спорить по этому вопросу не приходится. Собственно говоря, здесь достаточно одного — «Развития капитализма в России» Ленина.

Другая сторона — как мыслили себе основоположники научного коммунизма самую некапиталистическую эволюцию? Протестуя против превращения марксова генезиса капитализма в теорию, которой будут формально следовать все народы при всех исторических условиях, Маркс и Энгельс считали, имея в виду конкретные условия: 1) что царская Россия того времени стоит перед своим 1789 годом, т. е. перед буржуазной революцией; 2) что политическая ситуация в России позволяет революционной партии опрокинуть гниющее здание самодержавия; 3) что свержение царизма в России сможет развязать силы социалистической революции на Западе; 4) что силами европейской социалистической революции можно будет взять на буксир экономически отсталую Россию и на основе помощи передовых стран миновать капитализм.

---

¹) ...«Основные идеи «Народной Воли» были жизненны и правильны и оправданы в конце концов историей»... Ст. Н. Ракитникова «Народная Воля» в русском революционном движении» в сб. «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 20, 1928 г.

²) См. Лидия Лойко «От Земли и Воли» к ВКП», стр. 240, Гиз. 1929 г.

Энгельс в статье «О социальном развитии России» еще в 1875 г. пишет следующие гениально-пророческие строки:

> «Видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее, несомненно, существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если только она сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия, и если она окажется способной к развитию в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной; при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России в Западной Европе не совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные, в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанные с этим перевороты во всей системе земледелия» (Подчеркнуто нами. — **И. Т.**).

Никогда ничего подобного не утверждали и не могли утверждать идеологи «пауперизированного производителя», как выражается Теодорович.

В 70—80-х годах крестьянство России могло притти к социализму только с помощью социалистической революции пролетариата Зап. Европы, а этого совершенно не понимали народовольцы. Эта революция могла совершиться при условии, если будет свален такой враг, как самодержавие в России. А так как против самодержавия вела наиболее непримиримую борьбу, революционную борьбу партия «Народной Воли», исходя из антагонизма крестьянина к помещику и его государственной власти в определенных конкретных исторических условиях, — то отсюда и заинтересованность Маркса в победе и в успехах «Народной Воли» под углом зрения социалистической революции.

Некапиталистическая эволюция крестьянства у нас в настоящее время возможна только потому, что рабочий класс, совершив социалистическую революцию, строит социализм, ведя за собой крестьянство, руководя им и его переделывая.

Верно, что идеологи «пауперизированного производства» мечтали о социализме. И у нас и в ряде других стран социализм этот зиждился, прежде всего, на «социализации» земли. Ему, «аграрному социализму», сопутствовало стремление мелкого крестьянского хозяйства отбиться от крупного капитала. Все это — азбучные истины.

Народники противопоставляли господству капитала — «народное производство» и «трудовое начало». «Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития» ¹).

Народники поставили впервые вопрос о капитализме в России и были против его проникновения на русскую почву. Но это — антикапиталистическая партия, утверждает Теодорович. О народнике же на самом деле надо сказать то, что сказал Ленин о Сисмонди, что он, «восставая против крупного капитала, т.-е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадает в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство) т.-е. товарное хозяйство в другой только, зачаточной форме» ²).

---

¹) Ленин, т. IX, стр. 444—445.

²) Ленин, Собр. соч., т. II, изд. 2-е, стр. 65—66.

Ошибку противоположного порядка—имевшую своим источником пережитки идей «мелкобуржуазного радикализма»—совершил т. Газганов. Об этой ошибке говорил на дискуссии о «Народной Воле» автор этих строк, заявив, что т. Газганов не отметил, опустил, что народовольцы, как и все революционное народничество, поставили вопрос о капитализме, неверно его решали [1]).

Наконец, утверждает Теодорович, вся программа народовольцев, все их убеждения—социалистические, они стремятся к социализму, к своему социализму, социализму мелкого товаропроизводителя. Оппортунизм и отрыжка II Интернационала думать, что крестьянин не может итти к социализму, и народовольцы, идеологи крестьянства, отражали это стремление к социализму.

Верно, ответим мы т. Теодоровичу, что крестьянин может стремиться к социализму, но... только расставшись со своими мелкобуржуазными иллюзиями, став на точку зрения пролетариата. Пример — коллективизация сельского хозяйства у нас. О примере же т. Теодоровича с народовольцами мы имеем точный ответ у Ленина:

> «Ошибка всех (подчеркнуто нами. — **И. Т.**) народников состоит в том, что, ограничиваясь кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества» [2]).

А т. Теодорович упрямо утверждает, что народовольцы предвосхитили социализм пролетариата.

Во всей концепции Теодоровича нет борьбы крестьянства с крепостничеством, с помещиками, а есть только борьба мелкого производителя с капитализмом. Это — чисто народническое прикрашивание мелкого производителя, нежелание и неумение видеть двойственной его природы, приводящее к затушевыванию капиталистических тенденций мелкого производителя.

Говорить о борьбе «Народной Воли» и «проглотить» проблему борьбы крестьянства с крепостническими остатками, с помещичьим землевладением и помещичьим самодержавием, значит, не понять сущности «Народной Воли». Неудивительно поэтому, что т. Теодорович оставляет в тени главную заслугу народовольцев — политическую борьбу с самодержавием, выпячивая их теории и идеологию, якобы предвосхищающие ленинизм [3]).

Можно ли только считать его «открытие» о предвосхищении народовольцами Октябрьской революции, советов, нэпа, социалистического строительства — только вольным полетом фантазии?

Мы думаем, что все это — не случайно, что тут есть определенная не только методологическая, но и прежде всего политическая ошибка. Напрасно думает Теодорович, что и в этом вопросе он оригинален. Установив «равноправие» пролетарского социализма со всеми видами «социализма», не видя глубочайшей разницы между первым и вторым, смазав классовое различие между пролетарием и мелким производителем, в частности в конкретной обстановке развития капитализма во второй половине XIX в., — Теодорович лишил себя возможности по-марксистски, по-ленински подойти к этому вопросу.

Итак, нэп, строительство социализма, некапиталистическую эволюцию крестьянства, а стало быть и коллективизацию предвосхитили народовольцы. Кто же, по мнению Теодоровича, предвосхитил индустриализацию? И по этому вопросу он имеет свой «оригинальный» взгляд.

---

[1]) См. «Дискуссия о «Народной воле». Изд. Ком. Ак. 1930, стр. 156. Заключит. слово И. Татарова.

[2]) Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. IX, стр. 441.

[3]) Именно эта сторона неправильного понимания т. Теодоровичем народовольчества нашла отпор на страницах нашей печати (см. напр. ст. т. Ем. Ярославского против т. Теодоровича в «Большевике» № 3—4 за 1930 г.).

В 1927 году Теодорович на Урале выступает со следующей, как он говорит, «исторической справкой» (он большой любитель истории!):

> «Центральной идеей в области нашей современной народно-хозяйственной мысли является идея о необходимости курса на индустриализацию страны.
>
> «Как часто бывает, корни этой идеи лежат глубоко в истории. Достаточно отметить хотя бы следующий факт: в 1925 г. наша республика торжественно праздновала столетие со дня восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Можно считать установленным, что основным стимулом, коренным фактором, воодушевлявшим движение декабристов, была мысль о необходимости индустриализации России, необходимости развития в ней промышленности и торговли, или, как тогда выражались, ремесл и коммерции (какое глубокое знание истории и особенно экономической!—**И. Т.**). Если мы теперь говорим, что нам нужно во что бы то ни стало избежать опасности превращения нашей страны в аграрный придаток капиталистического мира, то первым эту идею опасности низведения России на роль придатка промышленных стран высказал Павел Иванович Пестель, самый выдающийся из декабристов» [1]).

Итак, идея индустриализации страны идет от декабристов. Идея советов и нэпа — от Тихомирова и Квятковского, идея коллективизации — от народовольцев. Уже не проще ли об'явить предтечей ленинизма Михайловского, ибо ведь он автор статьи «К. Маркс перед судом г. Жуковского»?

Что Теодорович не понимает пропасти, лежащей между социализмом и капитализмом в период расцвета последнего, показывает его трактовка индустриализации. Индустриализация в руках пролетариата, как и в руках молодой буржуазии, представителем которой, по мнению Теодоровича, был Пестель, должна «бороться с отсталостью собственной страны, с господством в ней натуральных, патриархальных форм экономики» [2]).

В таком понимании индустриализации нет ничего социалистического. Бороться с натуральными отношениями, с отсталостью страны может и капитализм, когда он прогрессивен, когда он развивает и двигает вперед производительные силы страны.

Что же остается в ленинизме от пролетарского социализма, если основное и главное уже предвосхищено народовольцами и декабристами?

Теория Теодоровича о корнях ленинизма имеет вполне «самобытный» характер. Ленинизму, как «интернациональному пролетарскому учению» (Сталин), как «теории и тактике пролетарской революции вообще», как теории и тактики диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин) — противопоставляется доподлинно национально-ограниченная точка зрения, пытающаяся, как мы уж в свое время указали во время дискуссии в обществе историков-марксистов о «Народной Воле», видеть в ленинизме только крестьянские корни и продукт чисто российских условий.

И любопытно, как такая точка зрения смыкается с «левой», с позицией т. Зиновьева в его книге «Ленинизм», который вводит в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер.

Если логически продолжить и договорить до конца точку зрения т. Теодоровича, тут недолго допрыгнуть и до «теории» «национал-большевизма». Стоит только соскочить с ленинских рельсов, как сразу же в условиях классовой борьбы нашего времени особенно быстро и осязательно получается приближение, пусть невольное, — к классовому врагу.

---

[1]) «Вопросы индустриализации и сельское хозяйство», изд. УралЗУ. 1927 г.

[2]) Там же, стр. 4.

Тов. Теодорович за коллективизацию и индустриализацию. Народовольцы— за коллективизацию. Декабристы — за индустриализацию.

Но вот, за коллективизацию стоит также... Устрялов [1]). Не фигурально, а прямо «сочувствующий» коллективизации и пятилетке.

Что это значит? Устрялов за «социализм», за успехи коллективизации, за уничтожение нэпа, за индустриализацию?

Устряловское понимание коллективизации и индустриализации так же мало похоже на наше понимание, как его представление о путях развития обновленной России с ходом строительства социализма в СССР — первой стране пролетарской диктатуры.

В понимании Устрялова то, что мы делаем, — вовсе не интернациональный социализм, приводящий к гибели капитализма во всем мире, — а лишь в национальном масштабе решение задачи о создании новой формы экономических отношений, более высокой, чем современная, более передовой, чем нынешняя. Спрашивается, как же Устрялов может признать строительство социализма? Ведь это же «бред и утопия»? Как можно из полунищей, некультурной страны натурального хозяйства сделать передовую страну социализма?

Но эта «утопия», этот прыжок не может удивить Устрялова. Он обращается к истории «самосознания» русской интеллигенции и находит там ответ, который приближается, обнаруживает идейное родство по своей «методологии» с позицией...

Впрочем — изложим коротенько Устрялова.

Может ли Россия перепрыгнуть через этап буржуазного развития — вот проблема, которую ставило не одно поколение русской интеллигенции. Отвечая на этот вопрос, Устрялов пишет:

> «Ею (этой проблемой.—**И. Т.**) увлекались и славянофилы, и западники, и народники, и даже марксисты, — разумеется, каждое течение по своему».
>
> «Герцен предсказывал, что русский народ от общины перейдет непосредственно к социализму. Эту же мысль защищал Чернышевский. На радость нашим народникам эта проблема была небезызвестна даже Марксу и Энгельсу».
>
> Ленин снова поставил эти вопросы. Отпала, прежде всего, вера в общину, «но осталась и заострилась идея своеобразного развития России, позволяющего ей перешагнуть через период капитализма»...
>
> «Преемники Ленина усвоили его теорию. Но, действуя в обстановке «замедления» международной революции, они ныне принуждены особенно подчеркивать, усиливать, развивать «национал-социалистические» ее моменты»...

Какая знакомая схема! От Герцена, Чернышевского и народников, поддержаных Марксом и Энгельсом, и до Ленина и его преемников, развивающих в социализме — его «национал-социалистические» черты!

Вот о каком «социализме» говорит Устрялов. И вполне понятно, что для него тянется одна прямая линия, ибо он не видит разницы, глубокой принципиальной разницы между утопическим или мелкобуржуазным мечтанием о социализме и строительством социализма в стране диктатуры пролетариата. Он подходит к явлениям нашей экономики с точки зрения развития производительных сил «вообще», с точки зрения выбора путей для «возрождения России» для развития «национал-большевизма».

Или, пишет Устрялов,—скат к «особой, смешанной, гибридной форме «культурного государства» с ярко-выраженными авторитарно-этатистскими или, если угодно, государственно-социалистическими моментами, или — победа большевистского плана «возрождения России» на основе пятилетки, коллективизации и т. д.

Короче, либо капитализм на основе победы мелкобуржуазной стихии, либо социалистическая плановость — вот два пути возрождения России, из которых первый — в прошлом, а второй — в своеобразном понимании Устрялова — в настоящем и ближайшем будущем и признаваемый Устряловым для тактической переориентации сменовеховства.

Никакого социализма в истинном понимании слова Устрялов не признавал и не признает. Его сегодняшняя позиция своеобразного политического «самотека» есть не что иное, как, во-первых, признание наших успехов и победы социалистического строительства, а стало-быть, краха устряловского спуска на тормозах и веры в «перерождение»; во-вторых, — попытка переориентироваться в новых условиях, на этото раз, уже без веры в собственные перспективы.

Установка Устрялова, выводящего прогноз текущих событий из отношения народников, самых ранних и поздних, к социализму, остается такой же буржуазно-сменовеховской и когда он говорит: пусть коллективизация и индустриализация, лишь бы не распад, лишь бы преодолеть отсталость и создать могучую Россию.

И Теодорович совершил исторический экскурс от народничества и до коллективизации. От одного к другому шла у него прямая линия. Видит ли он в нашей политике ту линию пролетарского социализма, которая непроходимой пропастью отделяет нас от мелкобуржуазных, буржуазных и иных «сторонников» социализма?

Под таким пониманием коллективизации и индустриализации, из которого заботливо вынуто все, что говорит о социалистическом их характере, подпишется и буржуазный профессор. Ибо речь идет только о преодолении экономической отсталости и распаде, о развитии производительных сил, «вообще», закрыв глаза на то, какой класс «заведует» этим развитием, какая борьба при этом возникает и что данное развитие есть реальное воплощение путей борьбы за коммунизм.

Мы писали, что прикрашивание мелкого товаропроизводителя, замазывание его двойственной природы, — а оно обнаружило себя в том, что Теодорович «проглотил» антикрепостническую сущность крестьянского движения и народничества, — приводит и к политическим ошибкам. Об этом было сказано и во время дискуссии. В рецензируемой книге Теодорович печатает для посрамления автора этих строк и свою переписку с «Правдой» по следующему поводу.

Речь шла об отзыве Теодоровича, написанном им летом 1929 г. на книгу проф. Кондратьева [1]). «Правда» пишет о неправильности тезиса Теодоровича, что партия выбирала «между распадом производительных сил сельского хозяйства и их ростом хотя бы в капиталистической форме, ориентировалась бы на последнее, т.-е. по существу на рост кулачества в деревне» [2]). Этот тезис, по мнению Теодоровича, «вполне логично» развивает в своей работе Кондратьев.

Теория «восстановления», «возрождения» страны путем капитализма противопоставляется экономическому союзу пролетариата с середняком на основе известного допущения товарооборота для возрождения крупной промышленности и строительства социализма.

---

[1]) См. Сборник «На новом этапе», Харбин, 1930 г., изд. 2-е, стр. 22.

[1]) См. рецензируем. книгу, стр. 133—138.

[2]) Кстати о Кондратьеве. Тов. Теодорович иронизирует: его, де, люди невежественные обвиняют одновременно и в народничестве и в кондратьевщине. А какое же народничество у Кондратьева, ведь тот проповедует буржуазные взгляды.

Тов. Теодорович, как всегда, словчил. Он не хочет понять, в чем его обвиняют. Речь шла о том, что он, как всякий сторонник мелкобуржуазной позиции, пасовал перед открыто-буржуазной точкой зрения. В том-то его беда, как и всякого мелкобуржуазного идеолога, что он попадал в плен, а на определенном этапе и идейно отступал, если не капитулировал, перед Кондратьевым. Тезис Теодоровича, «если приходится выбирать между распадом производительных сил сельского хозяйства и их ростом хотя бы в капиталистической форме, то необходимо выбрать последнее» — означал идейную разоруженность перед Кондратьевым.

Теория «возрождения» страны, — а т. Теодорович, очевидно, считает ее правильной, раз он поместил в рецензируемой книге свою переписку с «Правдой»,— формулируется им в довольно знакомых положениях. В цитированной нами уральской брошюрке он видит путь нашей деревни в том, что необходимо всемерно поддерживать процесс превращения середняков «в крепких, хозяйственно-растущих середняков» (стр. 35). В другом месте: «Мы должны поддерживать всякий рост середняка и зажиточного крестьянина» (стр. 45). И все это делается для того, чтобы... помочь бедноте.

> «Я помогаю росту крепких слоев деревни затем, чтобы в конечном счете (это прекрасно сказано: в конечном счете!—**И. Т.**) помочь бедноте, которая ближе моему сердцу» (стр. 46).

Много псевдонимов знает Теодорович для кулака: «крепкий», «зажиточный», «хозяйственно-растущий крестьянин», «крепкий слой деревни». Все они довольно недвусмысленно показывают, идеологом каких слоев крестьянства является т. Теодорович.

Теодорович неправильно понимает двойственную природу мелкого товаропроизводителя, его положение в социалистической стране, не понимает роли пролетариата и социалистической, а не пестелевской индустриализации в деле переделки крестьянского хозяйства. Теодорович воскрешает народническую теорию самотека в переходе крестьянства на рельсы социализма.

Мы уже отметили, что «Правда» всего лишь за несколько недель до полемики по вопросу о «Народной Воле» указала на ошибку т. Теодоровича именно в этом вопросе. Мы укажем и на источник этой ошибки у т. Теодоровича. Он любит указывать, что на 200% согласен с ЦО нашей партии, с политикой партии. Очень хорошо. Но вот, сравнительно еще недавно, в пылу борьбы с троцкистской оппозицией, а вместе с тем в обстановке, когда партия, разворачивая курс на индустриализацию страны, одновременно вводила чрезвычайные меры и ударила по кулаку, — т. Теодорович выступает с некоторыми политическими заявлениями на том же уральском с'езде.

Тов. Теодоровича спрашивают, чем об'яснить хозяйственные затруднения 1927 года. Вот его ответ:

> «Основная причина наших затруднений заключается в том, что иногда берется курс на сверхиндустриализацию, непосильный стране, за счет крестьянства, которое в свою очередь, на это легко реагирует» [1].

Кто берет курс на сверхиндустриализацию? Кто это проводит политику ограбления крестьянства? Что за странные и очень знакомые намеки. Ведь это же прямые обвинения партии в неправильной политике. И как это хорошо звучит: «крестьянство легко реагирует»! Очевидно надо понимать — скоро реагирует.

Итог: книга т. Теодоровича пытается на историческом материале развернуть правооппортунистическую концепцию. Коллективизация — по-народнически, индустриализация — по-пестелевски, — эти исторические параллели т. Теодоровича имеют определенный современно-политический смысл. Он заключается в пересмотре ленинского понимания исторического подготовления Октябрьской революции, всех ее этапов, включая и нынешний [2].

Борьба против ленинского понимания крестьянства, крестьянского движения на разнообразных этапах исторического развития идет с двух фронтов. Мы можем отметить и некоторую перекличку между правооппортунистическими взглядами на эти вопросы — с троцкистскими.

Не случайно сближение Теодоровича во взглядах с его антиподами—проводниками в исторической литературе взглядов мелко-буржуазного радикализма. Отрыжки троцкистских и полутроцкистских идеек просачиваются в историческую литературу, находя «левых» сторонников. Эти исторические и методологические поиски «увенчиваются, — по выражению т. Сталина, — блоком всех ревизующих ленинизм и справа и «слева». Ленинская историческая наука ведет решительную борьбу с правым оппортунизмом, как с главной опасностью, с остатками троцкизма и «левым» уклоном.

И. Татаров.

---

[1] «Вопросы индустриализации и сельское хозяйство», стр. 41.

[2] Тов. Теодорович сам вынужден был признать правооппортунистический характер своих ошибок, особенно в своей работе в Земплане НКЗ (см. его заявление в «Правде» № 321 от 22/XI.—Ред.).

Разоблачить кондратьевщину.

(О книге М. М. Соколова „Советская хозяйственная кон'юнктура“, изд. Планхозгиз, 1931 г.).

Во всех почти капиталистических странах за последние десятилетия пышно расцвела «теория» кон'юнктуры и выводимые на ее основе «большие циклы» развития капитализма. Эти «теории», огражденные тройными линиями проволочных заграждений из математических формул, рядов и всякого сорта головоломных кривых, имеют задачей отрицание антагонистического характера капиталистического общества с его непримиримыми противоречиями, приводящими к неизбежным периодическим кризисам. Все это делается буржуазными учеными с целью доказать незыблемость капиталистической системы общественных отношений.

Эти попытки подменить вскрытые Марксом действительные законы движения капиталистического общества «теорией» кон'юнктуры и больших циклов имеют место и в Советской стране, где главным проповедником и защитником этой «теории» являлся проф. Кондратьев. В своих работах по кон'юнктуре и большим циклам Кондратьев упорно пытался отрицать наличность глубоких антагонистических противоречий в «капиталистическом народном хозяйстве», сводя кризисы, как проявление этих противоречий, к более или менее нормальным периодическим волнообразно-циклическим колебаниям капиталистической экономики и опираясь на «теорию равновесия».

Еще в 1924 г. в своем докладе «К вопросу о поднятии экономической статики, динамики и кон'юнктуры» Кондратьев определил кон'юнктуру, как «направление и степень изменения совокупности элементов народно-хозяйственной жизни в данный момент по сравнению с предшествующим моментом». А в своей книге «Большие циклы и кон'юнктуры», выпущенной в 1928 г., он делает следующее заключение:

> «Отсюда необходимость для экономики понятия о различных видах равновесия применительно к различным периодам времени (ср. равновесие краткого и длительного периода у Маршалла).
>
> Большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода».

Выводы напрашиваются сами собой. По Кондратьеву, советская система есть некоторое длительное нарушение капиталистического равновесия, которое, однако, неизбежно должно восстановиться. Эта теоретическая установка Кондратьева логически приводила его к контрреволюционной практической деятельности, которая теперь уже раскрыта. Кондратьев, Чаянов и др. всячески стремились как в теории, так и на практике ускорить «восстановление длительного нарушения равновесия капиталистического общества» с их большими циклами развития и волнами кон'юнктуры. Отсюда—голый лозунг развития производительных сил, как высшая задача нашего развития, отсюда—лозунг необходимости расширения рыночных отношений, ставка на кулака и т. д., и т. п.

Боевой задачей партии является беспощадная борьба с контрреволюционной кондратьевщиной во всех ее проявлениях. Этого нужно было ждать и от вышедшей недавно книги «Советская хозяйственная кон'юнктура», автором которой является член партии М. Соколов.

Однако в книге М. Соколова мы отнюдь не найдем непримиримой критики всей вредной кондратьевской концепции. Соколов ни в какой степени не разоблачил контрреволюционную сущность кондратьевщины.

Вместо того, чтобы нанести сокрушительный удар буржуазным теориям кон'юнктуры и циклов, автор сам целиком оказался в плену кондратьевской науки. Он сам стал рассматривать Октябрьскую революцию и переходную экономику с кондратьевской точки зрения кон'юнктуры, ее колебаний и т. п.

Какую задачу ставит перед собой автор этой книжки? Ищем ответа на этот вопрос в предисловии. В предисловии мы находим утверждение о том, что:

> «капиталистическое хозяйство в последнее десятилетие вступило в полосу резких классовых конфликтов, потрясающих всю капиталистическую систему». (Разрядка наша.—**О. Т.**).

Неизвестно, почему это только в последнее десятилетие капиталистическое хозяйство вступило в полосу резких классовых конфликтов. Неужели автор хочет уверить читателя в том, что до мировой войны в капиталистическом хозяйстве не было резких классовых конфликтов?

Далее автор говоря о том, что:

> «Кондратьевцы видели в кон'юнктуре возможность распространения своих контрреволюционных идей, так как эта область находилась долгое время под большим их влиянием (Кондратьев, Первушин)»,

подчеркивает, что

> «разоблачить контрреволюционную сущность этих течений является сейчас важнейшей задачей марксистов-кон'юнктуристов». (Кстати—что это за особая разновидность марксистов «марксисты-кон'юнктуристы» — **О. Т.**).

Однако М. Соколов своей книжкой ни в малой мере не помогает осуществлению этой задачи. Наоборот, его книжка лишь усиливает путаницу и увеличивает число вредных книг по затронутым вопросам.

Возьмем первую главу, которая озаглавлена «Кон'юнктура как наука и ее метод». Здесь автор изрекает ряд глубоких истин о советском хозяйстве:

> «Кон'юнктуру капиталистического хозяйства мы связали с капиталистическим циклом. В условиях переходного периода циклы пропадают, хозяйственное развитие идет в общем плавно (!?). Главная особенность переходного периода заключается в плановом перераспределении накопления с целью направить развитие производительных сил в определенное русло и к сильной модификации механизма ценообразования, делающими невозможным проявление закона стоимости в основных участках народного хозяйства».

Неужели Соколов не знает, что «механизм ценообразования» и его модификация не являются основной особенностью, которая характеризует нашу переходную экономику? Если же согласиться с утверждением Соколова, то неизбежен вывод о том, что хозяйственное развитие в переходную эпоху идет «в общем плавно», т.-е. у нас нет классовой борьбы, нет ее обострения на определенных этапах, нет трудностей, нет формулы «кто—кого». По Соколову, все наше хозяйственное развитие идет «плавно», и вся задача пролетариата заключается в том, чтобы не дать особенно сильно «проявляться» закону стоимости, который действует, по его мнению, у нас и в основных секторах народного хозяйства.

Автор до сих пор, несмотря на огромную борьбу, которую партия вела и ведет против правого уклона, не хочет понять, что одной из основных особенностей переходной экономики является борьба между капиталистическими и социалистическими ее элементами, обостряющаяся на определенных этапах социалистического строительства. Он не хочет признать, что диктатура пролетариата, создавая все возможности перехода миллионов бедняцких и середняцких хозяйств на рельсы социалистического строительства, предпринимает все активнейшие меры к тому, чтобы в классовой борьбе рабочий класс вместе с бедняцко-середняцкой массой победил капиталистические элементы в деревне и в городе. Соколов так же, как и Кондратьев, так же, как и Юровский и другие буржуазные ученые—все это отрицает. Для него в СССР не существует классовой борьбы. Для него переходная экономика есть модифицированное продолжение, развитие товарно-капиталистического общества.

Дальше, на следующей, 14-й, странице Соколов продолжает:

> «Но отрицать цикличность советского хозяйства не значит еще отрицать кон'юнктурные колебания. Причины этих колебаний обусловлены сожительством социалистических элементов народного хозяйства с капиталистическими и простыми товарными. Поэтому, вместо капиталистического цикла, об'ектом кон'юнктурного изучения становится весь процесс воспроизводства в его конкретном виде. Кон'юнктурное изучение заполняется новым содержанием, вместо капиталистического цикла, изучается плавный хозяйственный процесс в виде связанных между собой различных отраслей народного хозяйства».

Что же выходит? Выходит, что в советском хозяйстве имеются колебания, форма которых обуславливается простым сожительством социалистических элементов народного хозяйства с капиталистическими (прежде всего), и— с простыми товарными. Соколов на втором месте после социалистических элементов в переходном периоде ставит капиталистические, а простое товарное хозяйство, которое представляет собою у нас огромную массу мелких товаропроизводителей, им отодвигается назад.

Оппортунистическим душком отдает от этой «расстановки». При этом, по его мнению, у нас социалистические элементы якобы просто «сожительствуют» с капиталистическими элементами, но не вытесняют, не ликвидируют их. Для него не существует решений XV и XVI с'ездов. Обоснование и защита «плавного» хозяйственного процесса и мирного «сожительства» различных секторов и отраслей народного хозяйства —для автора книги важнее, чем борьба между социалистическими элементами и капиталистическими, т.-е. борьба за социалистический или капиталистический путь развития советского хозяйства. Чрезвычайно характерно то, что Соколов изучает не классы, не хозяйственные взаимоотношения между двумя основными классами и борьбу между капиталистическими и социалистическими элементами. Нет, у него в книге, как он выражается:

> «Вместо капиталистического цикла—изучается плавный хозяйственный процесс в виде связанных между собою различных отраслей народного хозяйства». (Разрядка наша.—**О. Т.**).

Это очень похоже на излюбленный прием буржуазных профессоров, замазывающих классовую борьбу ссылкой на важность отраслевых процессов, которые якобы в переходном периоде идут плавно.

По Соколову, проблема кон'юнктуры в советском хозяйстве играет более решающую роль, чем классовая борьба, чем движущие силы планового начала в нашей системе. Для Соколова план и плановое начало не мыслимы без кон'юнктуры, а кон'юнктура, как он нас уверяет, изучает плавно развивающийся хозяйственный процесс с максимальным стремлением — не допустить проявления закона стоимости. После этого нет ничего удивительного в том, что мы читаем в этой книжке следующее положение:

> «Высшим критерием развития всякой общественной формации является, как известно, рост производительных сил. Это справедливо в одинаковой степени и для капиталистического хозяйства, и для СССР» (стр. 14 и 15).

Как видим, Соколов здесь ничего нового не сказал. Он не прибавил ничего к тому, что мы неоднократно читали у Кондратьева, Чаянова, Громана, Базарова и других мудрецов капиталистической реставрации, ставящих высшей задачей планирования советского хозяйства голый лозунг развития производительных сил. В плен этой концепции попали и правые оппортунисты. Как известно, одним из основных положений правого уклона является голый лозунг развития производительных сил вне зависимости от социальных форм этого развития. И вот после того, как партия в течение трех лет упорно разоблачает всю реакционность и недопустимость этого положения, неизбежно приводящего к развитию капиталистических элементов, Соколов после XVI с'езда высокомерно повторяет эти же оппортунистические утверждения.

Логическим продолжением основных положений Соколова является следующее рассуждение этого ученого популяризатора правооппортунистических и кондратьевских взглядов:

> «Производительные силы СССР развиваются беспрерывно. Беспрерывно должны изменяться, приспособляясь к ним, и общественные отношения. Отсюда необходимость пропорционального распределения производительных сил. В обобществленном секторе, где плановое начало окрепло и является основным регулятором, это приспособление происходит с большей легкостью, нежели в тех секторах, где плановое начало пока не играет решающей роли. В капиталистическом секторе и в простом товарном эти отклонения отображают известную систему противоречий, не ликвидированных пока переходной экономикой. Наблюдение и изучение отклонений от этой пропорциональности и является одним из существенных об'ектов кон'юнктурного наблюдения и изучения в СССР». (Стр. 15—16).

По Соколову, вся наша политика социалистической реконструкции сводится к тому, чтобы привести в определенное соответствие различные отрасли и создать соответствующую пропорциональность в распределении производительных сил, независимо от социальных форм этого «распределения». Это—грубая клевета на нашу политику и пятилетку, грубое извращение величайшего процесса социалистического преобразования сельского хозяйства, развернутого социалистического наступления по всему фронту и ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. *Социалистическое наступление никак не укладывается в концепцию Соколова.* Его профессорская мысль занята лишь «изучением отклонений от пропорциональности» (какой?!») в целях достижения равновесия.

После провозглашения правооппортунистического лозунга производительных сил вообще, Соколов последовательно развивает это положение и считает, что этот лозунг развития производительных сил требует обязательно их пропорционального распределения. Собственно говоря, здесь Соколов, только лишь с другого конца, подходит к кондратьевскому положению об абсолютной необходимости усиленного развития рыночных отношений для большей дифференциации производственных районов, для большей дифференциации и уточнения распределения производительных сил по различным районам нашего Союза. Кондратьев даже подсчитывал, что при том условии, если рыночные отношения будут развиваться и производительные силы сельского хозяйства (читай—кулацко-зажиточной верхушки.—**О. Т.**) «беспрепятственно» развиваться, то некоторые районы СССР так вырастут, что их продукции будет достаточно не только для внутреннего потребления, но и для достижения норм довоенного экспорта.

«Теория» пропорционального распределения производительных сил у Соколова оставляет в стороне вопрос о социальных формах развития советского хозяйства и фактически противопоставляется генеральной линии партии—индустриализации Советской страны и социалистической перестройки деревни. Мы никогда и ни в коем случае не можем допустить всякое расширенное воспроизводство, лишь основанное на росте и пропорциональном (с какой точки зрения «пропорциональном»?) распределении производительных сил вне зависимости от социального качества и тех форм, в которые выльется этот процесс. *Нет у Соколова ни одного слова во всей книге о социалистических формах развития производительных сил, о социалистическом расширенном воспроизводстве.* Вместо всего этого, Соколов глубокомысленно вещает:

> «Внутри обобществленного сектора СССР принципиально возможно равновесие, если под этим равновесием понимать пропорциональное распределение производительных сил» (стр. 17).

Формально критикуя концепции тов. Бухарина, нападая на проф. Юровского, М. Соколов на деле попадает в об'ятия правого оппортунизма, так как в основных вопросах он исходит из его концепции. Оговорки и формальное «отмежевание» не могут прикрыть неприглядную правооппортунистическую природу автора.

Характерна общая методология М. Соколова. Он пытается характеризовать метод Маркса в следующих словах:

> «Законченный образ экономических отношений, как он представляется на поверхности нашего наблюдения, в действительности *совершенно отличается от их внутренней сущности*, от часто скрытого настоящего характера. Поэтому совершенно неправильно принять эту внешнюю видимость за данное, за *действительно существующее* из него исходить при выведении следствия. Напротив, задача науки состоит в том, чтобы через внешнюю видимость проникнуть во внутреннюю сущность экономических явлений» (стр. 20, разрядка наша.—**О. Т.**).

Как видим, Соколов предпочел здесь Г. Кунова—Марксу, Энгельсу и Ленину, ошибочно утверждая, что форма не связана с содержанием, что метод не обуславливается предметом, что форма и содержание совершенно различные вещи, что они «в действительности совершенно отличаются» друг от друга и что форму не следует принимать «за действительно существующее». Эта вульгарнейшая «философия» ничего общего не имеет с марксизмом. Соколов, верный своим глубоко оппортунистическим, антимарксистским рассуждениям, выступает здесь как типичный механист буржуазного толка, отрицая марксистское понимание единства предмета и метода, единства явлений и сущности. И эти свои рассуждения он пытается беззастенчиво прикрыть... ссылками на Маркса! Неудивительно, поэтому, что Соколов теорию «статики и динамики», изложенную Кондратьевым в статье «О понятиях экономической статики, динамики и кон'юнктуры», разбирает на 1½ стр., ограничиваясь по отношению к этой чрезвычайно вредной буржуазной теоретической работе самыми несущественными замечаниями.

Не останавливаясь на целом ряде неточных и безграмотных мест, мы не можем обойти молчанием следующее утверждение Соколова. Оказывается, что:

> «В своих построениях о стоимости Туган-Барановский берет верную по существу мысль, что в основе всякой стоимости лежит человеческий труд, этот единственный созидатель стоимости». (Стр. 58).

Всем известно, что профессор Кондратьев относился к Туган-Барановскому с глубочайшим уважением и являлся его учеником. Он Туган-Барановского ставил выше Маркса. Соколов и здесь не хочет отстать от Кондратьева. По Соколову, выходит, что Туган-Барановский «марксист» не хуже Маркса и что разницы между Туган-Барановским и Марксом в основном вопросе политической экономии не существует.

Не останавливаясь далее на целом ряде вредных и ошибочных мест, приведем еще несколько ярко выраженных кондратьевских идей, так добросовестно усвоенных и преподнесенных нам Соколовым.

> «Самым общим видом крестьянских индексов является индекс покупаемых и продаваемых товаров, характеризующий выгодность вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот» (стр. 132).

И еще:

> «Отношение одного индекса к другому характеризует выгодность вовлечения крестьянского хозяйства в рыночный оборот» (стр. 132).

Длинные уши кондратьевца со всей отчетливостью выглядывают в этих строках. Высший критерий — «выгодность вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот», «покупаемых и продаваемых товаров». Эти индексы выдают автора с головой. Особенно странно читать подобные рассуждения в современной обстановке, когда мы вступили в последний этап нэпа, когда мы вступили в период социализма.

Еще в 1927 г. Кондратьев настаивал на расширении рыночных отношений, рекомендуя не бояться процесса дифференциации. Правые тоже требовали нормализации рыночных отношений. И в конце 1930 года, слушая те же утверждения от Соколова, мы вынуждены сделать вывод о том, что автор указанных положений лишь с запозданием повторяет кондратьевские и правооппортунистические тезисы о развитии нашей деревни по пути расширения рыночных отношений. Само собой ясно, что этот путь привел бы к победе товарно-капиталистической тенденции крестьянского хозяйства.

Соколов, продолжая в этом же духе свои рассуждения, на 180 стр. рассматривает социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, как два самостоятельных и независимых процесса: процесс технической реконструкции и процесс социальной реконструкции. Подобная постановка вопроса, само собой разумеется, ничего общего с генеральной линией партии не имеет, ибо социалистическая реконструкция представляет единый процесс социальной и технической реконструкции. Техническая реконструкция *вне* социальной немыслима.

Вся книга насыщена духом примиренчества к буржуазной идеологии. Автор освещает и критикует буржуазных ученых очень сдержанно и, как правило, по существу, сам скатывается к их точке зрения.

Не останавливаясь далее на приводимом в книге мало интересном материале, описывающем различные кон'юнктурные институты всего мира, перейдем к *общей* ее оценке.

Одного того, что в книге под названием «Советская хозяйственная кон'юнктура», изданной в конце 1930 г., уделено всего не больше 20—25 страниц вопросам советской экономики — уже является достаточным для соответствующей оценки книги. К тому же надо указать, что на этих 20—25 стр. Соколов, кроме пропаганды кондратьевских и правооппортунистических точек зрения на советскую экономику и извращения марксизма-ленинизма, ничего «нового» не дает.

Соколов самым недобросовестным образом, вводя в заблуждение наших читателей, преподнес в книге под громким названием «Советская хозяйственная кон'юнктура»—вредное содержание.

Книга вышла более чем через полгода после раскрытия и разгрома кондратьевско-чаяновской организации. И, вместо того, чтобы целиком направить ее на разоблачение вредительства в теории, *книга М. Соколова скорее может сыграть обратную роль.* Остается только выразить удивление, по какой причине издательство Планхозгиз нашло возможным выпустить эту книгу, предусмотрительно поставив на обложке дату выхода ее, как новинки,—1931 год.

Указатель статей, помещенных в „Большевике" за 1930 г.

Ленин и ленинизм.

Адоратский, В. — О занятиях Ленина философией. № 2, стр. 88.

Адоратский, В. — О ленинских выписках к вопросу о государстве. № 10, стр. 127.

Борилин, Б. — О плане доклада Ленина на XI с'езде ВКП(б). № 10, стр. 118.

Ленин. — План политотчета ЦК на XI с'езде ВКП(б). № 10, стр. 115.

Ленин. — Заметки и выписки из произведений Маркса и Энгельса о государстве. № 10, стр. 121.

Ленин. — Письмо тов. Курскому по вопросу о терроре. № 19—20, стр. 92.

По ленинскому пути (передовая). № 1, стр. 3.

Черняк, И. — О письме Ленина тов. Курскому по вопросу о терроре. № 19—20, стр. 94.

Внутрипартийные вопросы.

Большевистское наступление и новая вылазка оппортунизма (передовая). № 21, стр. 1.

К новому под'ему (передовая). № 17, стр. 1.

Мельбард, Н. и **Поспелов, П.** — Борьба на два фронта! (Оппортунизм в ВКП(б) накануне XVI с'езда). № 11—12, стр. 37.

Молотов, В. — На два фронта. № 2, стр. 7.

Молотов, В. — О наших задачах. № 5, стр. 9.

На великом переломе (передовая). № 10, стр. 1.

Навстречу новым пополнениям (передовая). № 3—4, стр. 1.

На два фронта (передовая). № 6, стр. 1.

От XV к XVI с'езду (передовая). № 7—8, стр. 1.

С'езд развернутого социалистического наступления (передовая). № 13, стр. 1.

Таль, Б. — Право-«левый» блок в борьбе против партии № 21, стр. 22.

Ярославский, Ем. — Борьба против оппортунизма в период между XV и XVI с'ездами ВКП(б). № 9, стр. 11.

Вопросы экономики

Березин, Н. — К решающим боям за пятилетку в четыре года. № 17, стр. 22.

Богушевский, В. — Нэп, какого не было, и такой же «новый этап» (дискусс.). № 7—8, стр 76.

Борилин, Б. — Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа (дискусс.). № 10, стр. 146.

Борилин, Б. — Основные вопросы экономполитики на XVI с'езде ВКП(б). № 13, стр. 22.

Бутаев, К. — О новом этапе нэпа (дискусс.), № 7—8, стр. 118 и № 9, стр. 83.

Вайсберг, Р. — Идеология и практика «левых» загибов (дискусс.). № 7—8, стр. 65.

Вайсберг, Р. — Фронт планирования и вредительство. № 19—20, стр. 55.

Верменичев. — Буржуазные экономисты, как они есть (кондратьевщина). № 18, стр. 38.

Винокуров, А.—Что же такое новый этап? (дискусс.) № 9, стр. 99.

Гайдуль, И. — Опыт борьбы за промфинплан (з-д «Серп и Молот», Москва), № 19—20, стр 84.

Гатовский, Л. — Реконструкция хозяйства и вопросы снабжения. № 19—20, стр. 70.

Докукин, Вл. — Социалистическая реконструкция транспорта СССР и транспорт САСШ. № 14, стр. 47.

Докукин, Вл. — Транспорт на пороге третьего года пятилетки. № 22, стр. 63.

Дубнер, П. — Мобилизация внутренних резервов промышленности СССР. № 15—16, стр. 51.

Индустриализация СССР к XVI с'езду ВКП(б) (передовая). № 9, стр. 1.

Капустин, А. — За встречный промфинплан. № 15—16, стр. 16.

Корнюшин, Ф. — Проблема мяса. № 1, стр. 53.

Кржижановский, Г. К. — К десятилетию плана ГОЭЛРО. № 23—24, стр. 17.

Крумин, Г. Новый этап (дискусс.) № 10, стр. 131.

Манюрин, Е.—Новый этап и некоторые его проблемы (дискусс.) № 9, стр. 102.

Межлаук, В. — Догнать и перегнать. (Вопросы технической революции). № 11—12, стр. 8.

Межлаук, В. — 4.2—7.5—17. № 18, стр. 12.

Милютин, В. и **Борилин, Б.** — К разногласиям в политической экономии. № 2, стр. 48.

На пороге третьего года пятилетки (передовая). № 15—16, стр. 10.

Никулихин, Я. — К вопросу о соединении промышленности с сельским хозяйством. № 6, стр. 30.

Обращение ЦК ВКП(б) от 3/IX «Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям». № 15—16, стр. 1.

Островский, М. — Машиностроение СССР. № 10, стр. 10.

Рапопорт, Х. — Строительство гигантов тяжелой индустрии. № 15—16, стр. 38.

Розенталь, К. — На новом этапе (дискусс.). № 5, стр 60.

Розенталь, К.—О барабанном бое и полемическом задоре (дискусс.) № 7—8, стр. 95.

Розенталь, К. — Новые промышленные районы СССР. № 11—12, стр. 16.

Розенталь, К. — Проблемы индустриализации на XVI с'езде ВКП(б). № 13, стр. 38.

Розенталь, К. — Боевые задачи промышленности на особый квартал. № 19—20, стр 10.

Черняк, Л. и **Дынкин, А.** — В борьбе за советскую турбину. (Опыт ленинградского завода-втуза им. Сталина). № 23—24, стр. 74.

Хозяйственная политика в деревне.

Варейкис, И. — Задачи организации и укрепления колхозов. № 10, стр. 36.

Верменичев, И. — О середняке и коллективизации № 9, стр. 31.

Верменичев, И. — На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. № 13, стр. 53 и № 14, стр. 30.

Врачев, И. — Социалистическая реконструкция животноводства. № 23—24, стр. 86.

Голендо, М. — Задачи нового сельскохозяйственного года. № 17, стр. 32.

Гринько, Гр. — Итоги весенней сельскохозяйственной кампании. № 11—12, стр. 30.

Дятлов, В. — К вопросу о распределении урожая в колхозах. № 14, стр. 22.

Каценеленбоген, М. — Новый этап социалистического строительства и работа среди бедноты. № 10, стр. 46.

Кузнецов, И. — Буржуазно-реставраторская сущность сухановщины. № 22, стр. 49.

Лейкин, С. — Раскулаченный кулак и его тактика. № 13, стр. 65.

Лифшиц, М. — Коллективизация и сельхозналог. № 7—8, стр. 23.

Лурье, Д. — К новому под'ему колхозного движения № 15—16, стр. 26.

Микоян, А. — Коллективизация и заготовки. № 9, стр. 25.

Милютин, В. — Основные проблемы сплошной коллективизации. № 6, стр. 7.

Никулихин, Я. — Колхозное движение на новом под'еме № 22, стр. 16, № 23—24, стр 79

О новой политике в деревне (передовая). № 2, стр. 1.

Одинцов, А. — Задачи осенней посевной кампании. № 13, стр. 8.

Очередные задачи работы в деревне (передовая). № 18, стр. 1.

Савчук, П. — Роль МТС в социалистическом переустройстве деревни. № 3—4, стр 48.

Стрельцов, Г. и **Шлихтер, Арт.** — К вопросу об электрификации сельского хозяйства. № 10, стр 61.

Сырцов, С. — Задачи партии в деревне. № 5, стр. 41.

Ужанский, С. — За автомобилизацию сельского хозяйства СССР. № 6, стр. 85.

Ужанский, С. — Тракторизация. (Американские впечатления в свете наших задач по социалистической реконструкции с. х.). № 10, стр. 75. и № 11—12, стр. 79.

Уласевич, В. — Артель — основное звено колхозного движения (дискусс.). № 11—12, стр. 104.

Чернов, М. — Основные задачи хлебозаготовительной кампании. № 14, стр. 13.

Чернов, М. — На решающем этапе хлебозаготовок. № 18, стр. 28.

Шеболдаев, Б. — На фронте социалистического наступления. (Некоторые итоги по Нижне-Волжскому краю к XVI с'езду ВКП(б). № 11—12, стр. 51.

Советское государство.

Ангаров, А.—Сельсовет и ликвидация кулачества как класса. № 6, стр. 18.

Берман, Я. — Основные задачи перевыборов советов. № 22, стр. 8.

Гроссман, В. — Район — область. № 13, стр. 15.

Дзенис, О. — Диктатура пролетариата в районах сплошной коллективизации. № 2, стр. 64.

Енукидзе, А. — За укрепление районных партийных и советских организаций. № 18, стр. 20.

Советский союз и капиталистический мир накануне XVI с'езда ВКП(б) (передовая). № 11—12, стр. 1.

Строительство социализма и планы интервентов (передовая). № 23—24, стр. 1.

Ярославский, Ем. — 13 лет пролетарской диктатуры. № 21, стр. 10.

Вопросы труда и революционного движения.

Мартынов, В. — Организация труда в колхозах (дискусс). № 11—12, стр. 111.
Мехлис, Л. — Вопросы теории зарплаты в СССР. № 3—4, стр. 32.
Нирк, В. — Против правооппортунистической идеологии в профдвижении СССР. № 11—12, стр. 67.
Павлов, А. — Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда. № 17, стр. 44 и № 18, стр. 56.
Павлов, А. — Вопросы труда на новом этапе. № 21, стр. 62 и № 22, стр. 78.
Рафаил, М. — Профсоюзы в эпоху социалистической реконструкции. № 10, стр 20.
Рубинштейн, Модест.—Ликвидация безработицы и проблема механизации. № 23—24, стр. 59.

Международное революционное движение.

Коминтерн и Профинтерн.

В развертывающихся боях (передовая). № 5, стр. 1.
Геккерт, Ф. — Германские выборы и КПГ. № 19—20, стр. 23.
Кнорин, В. — Текущий этап третьего периода и Коминтерн к XVI с'езду ВКП(б). № 11—12, стр 85
Куусинен, О. — Сталин и большевизация компартий. № 1, стр. 27.
Международное рабочее движение и V конгресс Профинтерна (передовая). № 14, стр. 1.
Мингулин, И. — На под'еме мирового революционного движения. № 3—4, стр 15.
Сенченко, А. — Против правооппортунистической ревизии программы Коминтерна. № 3—4, стр 75.
Смолянский, Г. — Стачка металлистов и революционное движение в Германии. № 23—24, стр. 102.
Сталин, И. — О правых фракционерах в американской компартии. № 1, стр. 8.
Тельман, Э. — В борьбе за большинство германского пролетариата. № 5, стр. 26.
Тельман, Э. — КПГ после выборов в рейхстаг. № 17, стр. 10.
Ферра, А. — К проблемам французской компартии. № 6. стр. 97.

Международная политика и экономика.

Альфред, Л. — Как международная буржуазия готовится к гражданской войне. № 11—12, стр 95
Альфред, Л. — Социал-фашистская подготовка войны. № 17, стр. 79.
Бела Кун. — Усилить международную борьбу против интервенции. № 23—24, стр 9.
Борисов, И. — К вопросам революционного под'ема в Индии. № 15—16, стр. 86.
Варга, Е. — Развитие и перспективы мирового экономического кризиса, № 23—24, стр 35.
Кнорин, В. — Углубление мирового экономического кризиса и развитие революционного движения. № 21. стр. 48.
Мадьяр, Л. — Пролетарская победа на Дальнем Востоке. № 2, стр. 76.
Мадьяр, Л. — Советы в Китае. № 18, стр. 71.
Марков, И. — Мировой аграрный кризис и социалистическая реконструкция с. х. в СССР № 22, стр 31.
Мингулин, И. — Экономический кризис и революционный под'ем в Америке. № 9, стр. 43.
Мировой экономический кризис и наш под'ем (передовая). № 19—20. стр. 1.
Миф, П. — Кризис китайской реакции и новый революционный под'ем. № 10, стр. 102
Мицкевич-Капсукас, В. — Экономический кризис, Польша и лимитрофы. № 13, стр. 105.
Рубинштейн, М. — Нарастание мирового экономического кризиса. № 7—8, стр. 48 и № 9, стр 68.
Рубинштейн, М. — Как «гниет заживо» современный капитализм. № 17, стр. 63.
Сафаров, Г. — Кризис «организованного капитализма». № 1, стр. 60.
Сафаров, Г. — Колониальная революция и классовая борьба в Индии. № 5, стр. 85.
Сафаров, Г. — На фронте колониальной революции. № 15—16. стр 63.
Сафаров, Г. — Октябрь и колониальная революция. № 19—20, стр. 39.
Смолянский, Г. — Экономическое положение пролетариата в странах капитализма. № 3—4, стр. 59.
Смолянский, Г. — Кризис и стачечная борьба пролетариата. № 13, стр. 92.
Фрейер, Б. — Новый этап индийской революции. № 9, стр. 62.

Троцкизм.

Ярославский, Ем. — О новейшей эволюции троцкизма. № 7—8, стр. 10.

История.

Горин, П. — О роли пролетариата в революционном движении Украины. № 1, стр. 43.

Философия.

К вопросу о положении на философском фронте (Резолюция бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е.). № 19—20, стр. 100.
Фурщик, М. — О либеральном и марксистском понимании этики. № 6, стр. 47.

Национальная политика.

Сегизбаев, Султан. — За ленинское понимание характера Октября в Средней Азии. № 14, стр. 64.
Таболов, К. — Против великорусского шовинизма в вопросах национальной культуры. № 13, стр. 78.

Критика и библиография.

«Академический» Маркс. Козлов, К. № 3—4, стр. 98.
Денни, Л. — «Америка завоевывает Британию». Кловели, А. № 9, стр. 113.
К вопросу о критике теории империализма тов. Бухарина. Кругликов, С. № 2, стр. 101.
Леонтьев, А. — «Закон трудовых затрат». Розенталь, К. № 1, стр. 74.
Леонтьев, А. — Экономическая теория правого уклона. С. А. № 3—4, стр. 102.
«На аграрном фронте». № 1—8 за 1930 г. Лаптев, И. № 21, стр. 80.
«На новом этапе социалистического строительства» (По поводу сборника ИЭИ Госплана, тт. I и II). Бутаев, К. № 21, стр. 86.
«На плановом фронте» к XVI с'езду ВКП(б). Рыльский, М. № 13, стр. 125.
О литературе по экономическому кризису в САСШ. Ильюхов, Н. № 11—12. стр. 118.
Об одном «опыте автобиографии». Покровский, М. Н. № 7—8, стр 129.
Об основных моментах развития ВКП(б). (О статье А. С. Бубнова «ВКП(б)» в БСЭ, т. XI). Кин, Д. № 19—20, стр. 111.
Переписка Маркса и Энгельса. Козлов, Ф. № 6, стр. 110.
Проблема войн и «диалектические» потуги проф. Свечина. Бухарцев, Дм. № 1, стр. 85.
Против великодержавного шовинизма в краеведческой литературе. Васильев, Т. № 17, стр. 89.
Против правого оппортунизма в вопросах труда. П. А. № 18, стр. 87.
Против оппортунистической клеветы на партию. (По поводу книги П. Суслова «Политическое обеспечение советско-польской кампании 1930 г.»). Рабинович, С. № 19—20. стр. 123.
Против «новейшей» ревизии марксизма-ленинизма. Енгибарян, М. № 22, стр. 86.
Разоблачим правый оппортунизм в теории и практике на аграрном фронте! (О книге Г. Гордеева «Основные проблемы сельскохозяйственной экономии») Незнамов, Ф. № 19—20. стр. 118.
Разоблачить кондратьевщину! (О книге М. Соколова «Советская хозяйственная кон'юнктура») Таргульян, О № 23—24, стр. 119.
Ратнер, Гр. — Социально-экономические основы с.-х. кооперации и коллективного движения. Мельбард, Н. № 5, стр. 121.
Теодорович, Н. — «Историческое значение партии «Народной Воли», 1930. Татаров, И. № 23—24, стр. 110.
Теория аграрной революции по т. Крицману (По поводу книги Л. Крицмана «Пролетарская революция в деревне»). Сомс, К. № 10, стр 167.
Троцкизм под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории (о книге тт. Ташкарова и Эльвова). Мехлис, Л. № 9, стр. 121.
Устрялов, Н. — «На новом этапе». Шапурин, С. № 10, стр. 179.
Философский «подарок» XVI с'езду ВКП(б). (О № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма»). Ральцевич, В. № 14, стр. 83.
Шеститомник Ленина — в массы! Фролов, И. — № 15—16. стр. 106.
Норс Эдвин. — «Сельское хозяйство САСШ». Ужанский, С. № 7—8, стр. 146.

Консультация.

Баевский, Б. — Вошли ли мы в новый этап через «ворота» чрезвычайных мер и кризис зернового хозяйства. № 7—8, стр. 153.
Константинов, Н. — К вопросу о социально-экономической природе колхозов. № 10, стр. 185.
Кюн, Ф. — Германская социал-демократия и пролетарская революция. № 6, стр. 123.

Мельбард, Н. — Еще раз к вопросам теории империализма. № 3—4, стр. 109.

Письма в редакцию.

Лео Лаукки. — Об основном вопросе проблемы войн. № 7—8, стр. 158.
Ральцевич, В. — Письмо в редакцию. № 15—16, стр. 117.
Теодорович, Ив. — Надо рассеять недоразумение. № 3—4. стр. 116.
Ярославский, Ем. — Недоразумение ли? (Ответ т. Теодоровичу). № 3—4, стр. 121.

Разное.

Зиновьев, Г. — Кое-что о связи внутренней политики с внешней. № 5, стр. 101.
Извещения. I Всесоюзная марксистско-ленинская философская конференция. № 3—4, стр. 127.
Карев, Н. — К вопросу о теоретических корнях правого уклона. № 2, стр. 27.
Майзель, Б. — Пресса империализма о пятилетке СССР. № 6, стр. 69.
Минц, И. — Год великого перелома и русская эмиграция № 3—4, стр. 89.
Положение о непрерывном комплектовании заочников ЭИКП. № 21, стр. 95.
Процесс русской и международной контрреволюции (передовая). № 22, стр. 1.
Рабинович, С. — Военные вопросы в Ленинских сборниках. № 21, стр. 70.
Рагольский, М. — Против нового извращения марксовой теории накопления. № 7—8, стр. 36 и № 10, стр. 88.

ОТ ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Начиная с 1-го № «Большевика» (январь 1931 год), в журнале возобновляется Отдел консультации. Редакция оповещает читателей журнала, что ответы на полученные вопросы будут своевременно даваться как на страницах «Большевика», так и почтой.

В № 1 «Большевика» будет помещен ответ тов. Митина на ряд вопросов о классах и классовой борьбе в СССР. В этой же консультации будет дан ответ тов. Лешухову на его вопрос о вступлении СССР в период социализма.

В ближайших №№ журнала будут даны ответы: тов. Морозову «О деньгах в переходный период и о современном финансовом положении СССР», тов. Шапиро «О гнилости стабилизации капитализма и о консолидации фашизма», тов. Костину «О классовой борьбе в Китае».

По почте в ближайшее время посылаются ответы тт.: А. Иванову, Антосенкову, А. Стеценко, М. Тремаскину, Рантала, Небоче, Д. Богданову, Баеву.

Письмо т. А. Попкова переслано в редакцию «Комсомольской Правды», а предложение т. Филиппова — в ОГИЗ.

Редколлегия:
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Поспелов, П.
Розенталь, К.
Стецкий, А.
Таль, Б
Ярославский, Е.

Главлит А 7 676. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.

Цена 50 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 год
НА ЖУРНАЛЫ:

МАССОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СПУТНИК АГИТАТОРА
(ДЛЯ ГОРОДА)

Орган отделов агитации и массовых кампаний ЦК и МК ВКП(б).

СПУТНИК АГИТАТОРА ставит своей основной задачей помочь низовому партийному, комсомольскому и беспартийному активу в их повседневной агитационной политико-воспитательной работе среди масс.

СПУТНИК АГИТАТОРА систематически ориентирует во всех важнейших политических и хозяйственных вопросах и дает исчерпывающий материал по всем очередным политическим кампаниям — в видетезисов, планов, докладов, цифр, библиографических указателей и т. д.

СПУТНИК АГИТАТОРА рассчитан на партийца-активиста, секретаря ячейки, агитпроорганизатора, агитатора, беседчика, политработника, клубного работника, женорганизатора, редактора стенной газеты, комсомольского активиста, члена фабзавместкома и его комиссий и т. д.

36 НОМЕРОВ В ГОД.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—6 р., на 6 мес.—3 р., на 3 мес.—1 р. 50 к.
Отдельный номер — 20 коп.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПРОПАГАНДИСТ

Орган культпропа МК ВКП(б).
На 1930/31 г. РЕОРГАНИЗОВАН.
С 1 ОКТЯБРЯ 1930 г. ЖУРНАЛ ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕН И ВВЕДЕНЫ НОВЫЕ ОТДЕЛЫ.

Журнал регулярно освещает вопросы текущей партийной и хозяйственно-политической жизни.

«ПРОПАГАНДИСТ» осуществляет систематическое руководство работой пропагандистских кадров; обслуживает нужды и запросы руководителей школ и кружков всей системы партпросвещения, а также рецензенто-консультантов.

«ПРОПАГАНДИСТ» дает указания пропагандистам по вопросам содержания партучебы в связи с текущей политикой партии, в плоскости проработки этих вопросов в различных звеньях системы партпросвещения и увязки с существующими программами.

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:
1. Вопросы партпросвещения. 2. Методика партпросвещения. 3. Обмен опытом. 4. Консультация «Пропагандиста». 5. Программы и методразработки. 6. Библиография. 7. Разное.

В 1930/31 г. журнал «ПРОПАГАНДИСТ» выходит в увеличенном формате.
ПОДПИСНОЙ ГОД С 1 ОКТЯБРЯ 1930 ГОДА.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год (24 номера) — 4 р., на 6 мес. — 2 р. 40 к., на 3 мес. — 1 р. 25 к.
Цена отдельного номера — 25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Книгоцентра — Москва, Центр, Ильинке, 3, всеми магазинами и отделениями Книгоцентра ОГИЗ'а, всюду на почте и письмоносцами.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

НА ЖУРНАЛ

„Коммунистический Интернационал“

ОРГАН ИККИ **13-й ГОД ИЗДАНИЯ**

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международн. революц. движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ — «Коммунистический Интернационал» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1931 г. к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического Интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый партиец, активист, пропагандист, активист-мопровец, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, должен читать журнал «Коминтерн».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1931 ГОД:

на 1 мес. . . . . . . 75 к. на 6 мес. . . . . . 4 р. 50 к.
на 3 мес. . . . . . . 2 р. 25 к. на 12 мес. . . . . . 9 р.

Цена отдельного номера 30 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б) на 1931 г.

Коммунистическая Революция

РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ В ОБЛАСТИ КУЛЬТПРОПРАБОТЫ ПАРТИИ И ПЕЧАТИ. *Выходит 2 раза в мес.*

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА.

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ обслуживание политических и теоретических вопросов широких масс партийного актива и СПЕЦИАЛЬНОЕ обслуживание кадров культпропработы (культпропорганизаторов, пропагандистов, культпропработников, парткомитетов, работников периодической печати).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

ЖУРНАЛ СОДЕРЖИТ:

а) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных отраслях социалистического строительства, по вопросам международным, а также внутрипартийной жизни;

б) специальные материалы в области программного и организационно-методического руководства в культпропработе (программы, планы, методические разработки с'ездов, конференций, пленумов Центрального комитета и пленумов ИККИ, а также методические указания по программам различных видов партийной учебы: инструктивные письма культпропорганизаторам и пропагандистам, постановления ЦК, с'ездов, совещаний по вопросам культпропработы и партийного просвещения, консультации, планы и методуказания для работы пропколлективов; библиографические указатели и т. д.);

в) материалы по подготовке и переподготовке партийного актива;

г) обмен опытом мест.

Кроме того, журналом ведется переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1931 ГОД:

на 1 мес. . . . 50 коп. на 6 мес. . . . 3 руб.
на 3 мес. . . . 1 р. 50 к. на 12 мес. . . . 6 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: на почте и уполномоченными по партпечати при ячейках ВКП(б).